

ОБРАЗОВАНІЕ

ІЮЛЬ.

По распоряженію СПБ. Комитета по дѣламъ печати, на іюнскій № наложенъ арестъ. О способахъ возмѣщенія гг. подписчикамъ неполученной книги редакція увѣдомитъ въ непродолжительномъ времени.

Содержапіе № 7.

см. стр.

XVI. 1907

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126
1907.

3 Августа.

СОДЕРЖАНІЕ № 7.

Ясный день.

(Отрывокъ изъ повѣсти „Бабаевъ").

С. Сергѣева-Ценскаго.

I.

Надъ рѣкою пухлыми клочьями проворно ползъ утренній туманъ, насквозь пронизанный солнцемъ и потому желтый, слоистый, почти живой, испуганный внезапно-рожденнымъ свѣтомъ и бѣгущій. Тыкался въ берега, согнувшись, прятался въ липовый молоднякъ, чуть слышно шурша листами, забѣгалъ дальше въ лѣсъ за толстыя дубовыя колоды. Разрываясь, клубясь, сшиваясь снова, уже оторванный отъ рѣки, уже висящій, лохматый, протискивался въ узкую раму лѣса и пропадалъ за поворотомъ.

Рѣка подъ нимъ начинала улыбаться подслѣповато, широко и влажно, какъ дѣти, когда они хотятъ и никакъ не могутъ проснуться. А лѣсъ по обѣимъ сторонамъ пѣлъ,— неувѣренными голосами начинающихъ новый день птицъ, неяснымъ шорохомъ и шумомъ листьевъ, яркими зелеными фонариками, зажженными на верхушкахъ.

Солнце хохотало. Здѣсь этотъ хохотъ былъ беззвученъ, отъ него только дрожало все и лучилось, только разжимало вѣки и хотѣло оглядѣться и вобрать, а тамъ, далеко, надъ полотнами полевыхъ облаковъ... Поручикъ Бабаевъ шелъ и представлялъ, какой хохотъ былъ тамъ, точно ударили тысячи оркестровъ.

Черный Нарцисъ бѣжалъ впереди, останавливался, слушалъ, оглядывался на Бабаева, дѣловито зѣвалъ и нырялъ дальше по невысокимъ кустамъ. Въ кустахъ онъ долго вынюхивалъ чьи-то слѣды и былъ виденъ, какъ приросшій къ темной зелени черный лоскутъ; шумно вдыхалъ, фыркалъ, скребъ лапами; хвостъ у него торчалъ напряженно концомъ кверху.

Трава вдоль тропинки была мокрая, съ деревьевъ капало, небо сыро голубѣло въ просвѣты.

Пахло земными соками. Это былъ смѣшанный и сложный, простой и острый запахъ роста и силы. Бабаеву казалось, что этотъ запахъ имѣлъ и цвѣтъ зеленый, какъ у рѣчной осоки. Входилъ сплошь во всѣ поры тѣла, и тѣло становилось отъ него шире, сочнѣе.

Шагалось легко и точно, и не мѣшала охотничья двустволка за спиной. Кожаная шведская куртка плотно охватила грудь, отчего грудь казалась выпуклѣй и моложе.

Ощущалась какая-то старинная извѣчная связь между тѣломъ и этими зелеными кустами, точно это было одно гибкое, растущее, жадное къ жизни, все равно—стояло оно на мѣстѣ или шло.

Въ тѣлѣ бродило оно, какъ паръ чернозема, въ этихъ зеленыхъ кустахъ ощущалось оно, какъ смутныя, неясныя мысли, понятныя именно потому, что неясныя, что стелились невысоко надъ землей. Тѣло растворялось въ этомъ живомъ свѣжемъ утреннемъ. Покойно было, что все кругомъ росисто.

Всю эту короткую ночь онъ не спалъ. О ней хотѣлось забыть, но она колыхалась гдѣ-то внизу и жалила десятками возбужденныхъ человѣческихъ глазъ. Цѣлую ночь рѣшали, почему такъ плохо и такъ стыдно жить, и какъ нужно жить, чтобы не было стыдно.

Хотѣлось забыть, какія были жадныя потныя лица и то плавныя и пустыя, то подобранныя короткія слова, и какъ кучи этихъ словъ торопливо сбрасывались куда-то подъ откосъ, какъ мусоръ... Мелькнулъ перстень на чьемъ-то вытянутомъ пальцѣ, свалившаяся на бокъ прическа, папироса въ чьихъ-то зубахъ...

А солнце сѣло на верхніе сучья дубовъ и качалось, какъ цирковой акробатъ. Насухо старалось вытереть потную почернѣвшую кору, на иззябшіе листья дуло горячимъ, любопытно протискивалось внизъ на тропинку, закружившуюся между стволами.

Пахло солнцемъ.

Въ густой, влажный запахъ земли врывался запахъ солнца, сухой и легкій, какъ перелетъ стрекозъ надъ болотными купавами.

Купалось въ росистомъ, синевато-зеленомъ золотисто-звонкое, точно натянутыя струны, и изъ тѣла рвалось что-то такое же ему навстрѣчу.

Ноги ставились на землю такъ длинно и крѣпко, будто прижимались, ласкаясь, и не хотѣли оторваться. Вливалось внутрь что-то хмельное.

На рѣкѣ, слышно было, хлопала плесомъ крупная рыба, какъ баба валькомъ. Въ камышахъ сычало что-то. Ихъ такъ было жестко видно изъ-за кустовъ, эти камыши,— сизые, шершавые, съ пухлыми султанами.

Низами мелькали вспугнутые Нарцисомъ черные дрозды и на сучьяхъ вздрергивали хвостами и сердито чокали. А Нарцисъ изумленно слѣдилъ за ними яркими глазами, потомъ поджимался, каменѣлъ и, тихо оглянувшись на Бабаева и весь подавшись впередъ, дѣлалъ стойку.

Что-то кающееся, великопостное тамъ у людей въ эту ночь смѣнилось пасхальнымъ, и предсѣдатель земской управы, говорившій длинную рѣчь, такъ и закончилъ ее словами пасхальной пѣсни: „Другъ друга обымемъ! Рцемъ: братіе! И ненавидящіи ны простимъ...“ Предсѣдатель былъ старый, морщинистый, съ однимъ только, очень замѣтнымъ чернымъ волоскомъ на совершенно лысой головѣ, и Бабаевъ слушалъ его, слѣдилъ за широкими жестами и гибкимъ станомъ и думалъ: „Поздно! Для тебя, стараго, это было-бы уже поздно,—зачѣмъ тебѣ?“

Было странно въ этомъ большомъ залѣ, куда собрались крадучись и гдѣ опасливо смотрѣли на него, Бабаева; было волнисто отъ опасеній, ожиданія, нервнаго потиранія рукъ. Бабаевъ почувствовалъ, вспоминая, какъ подходила издалека легкая головная боль, даже не боль, а усталость, которую онъ чувствовалъ тамъ, гдѣ говорили.

За предсѣдателемъ говорилъ скуластый, подстриженный въ кружокъ рабочій о цѣляхъ труда, о гнетѣ капитала, вставлялъ непонятныя книжныя слова, заикался, путался, звучно стучалъ кулакомъ по ладони.

Говорилъ о войнѣ, еще не оконченной, о неизбывномъ позорѣ и расплатѣ какой-то тонкій, какъ тростинка, студентъ, говорилъ, что нужно жалѣть, нужно бояться... Голосъ у него былъ зыбкій, дрожащій, какъ оконная занавѣска при вѣтрѣ... А за нимъ низенькая, лохматенькая школьная учительница въ темномъ пенснэ убѣждала, что жизнь должна быть прекрасна,— приземистая, угловатая, безмужняя, требовала какой-то красоты въ жизни.

Потомъ выходили еще кто-то,—Бабаевъ не разглядѣлъ, кто,—и звали свободу.

Пахло духами, потомъ, табачнымъ дымомъ. Отъ двухъ лампъ по стѣнамъ крошились желтыя пляшущія пятна, какія-то мелкія, душныя...

Туманъ безжизненно и сине повисъ, какъ дымъ на томъ берегу, зацѣпившись за лѣсныя верхушки, а внизу подъ нимъ что-то растопилось, освѣтлѣло. Солнце прокралось сквозь частоколъ дубовъ, позолотило осоку мимоходомъ,

засверкало на мокрой корягѣ, какую-то веселую чешую натянуло на плѣсень коры вблизи, звучно христосовалось, смѣшливое, съ застѣнчивыми сѣрыми лѣсными колокольчиками, безжалостно находя ихъ у самыхъ корней. Захлестнуло все, продырявило всѣ ограды.

Заяснилась шерсть у Нарциса. Пятно его впереди стало легче, подбористѣй. Бѣжалъ мягкими изгибами, дѣловито выпугивалъ пѣночекъ, варакушей и синицъ, бѣгло смотрѣлъ имъ вслѣдъ и шарилъ дальше.

Гдѣ-то махрово ворковала горлинка,—гдѣ-нибудь на сухомъ сучкѣ. Бабаевъ ясно представилъ этотъ сучокъ на верхушкѣ граба,—острый, пѣгій, съ облупившейся корой, а отъ него откатывалось воркованье, какъ тонкія колесики, окрашенныя въ синій цвѣтъ.

Справа, внизу, густая и буйная вихрасто пыжилась зелень папоротниковъ и лѣсного бурьяна.

По какой-то осязаемой, живой и упругой силѣ шагали ноги, и хотѣлось шагать все глубже и дальше, уже не по землѣ, а въ самой землѣ, гдѣ таинственно сплетались корни и пили земные соки.

Отъ колючихъ, встревоженныхъ такихъ жалкихъ глазъ хотѣлось уйти въ безглазое. И плыло безглазое по сторонамъ, спереди и сзади, зеленое, мягкое, въ золотистомъ переплетѣ солнечныхъ пятенъ, брызгъ и полосъ.

II.

На широкой лѣсной луговинѣ, гдѣ скосили недавно траву, гдѣ пахло клубникой, протопталъ кто-то тропинку къ рѣкѣ. Вдоль ея, какъ толстыя купчихи за прилавкомъ, чинно сидѣли копны.

Высоко стало и просторно, и совсѣмъ не прежнее, свѣжее, нахлынуло и стало вровень.

Хорошо было, что нигдѣ не было людей: отъ этого казалось все вдумчивымъ, бѣлымъ. Тоненькія, нѣжныя вдоль опушки затолпились какія-то частыя молодыя деревья. Нарцисъ кружилъ между копнами размѣреннымъ бѣгомъ, какъ неторопливый сыщикъ.

Яркая кайма сверкнула изгибами на рѣкѣ, ближе къ тому берегу,—теплая какая-то, точно плавили тамъ свинецъ. Туманъ поднялся, но тихенькій сонливый дымокъ все еще пушился надъ водой, точно рѣка дышала.

Бабаевъ подошелъ къ самому берегу, снялъ ружье. Пара чирятъ пролетала гдѣ-то очень далеко. Онъ приложился срыву, безцѣльно выстрѣлилъ въ ихъ сторону въ воздухъ, прислушался къ лѣсному эху. Нарцисъ безпокойно запры-

галъ около, тупо оглянулся кругомъ, удивленно спросилъ его глазами, поднявъ брови; опрометью бросился вдоль берега,—пропалъ въ кустахъ. Гдѣ-то далеко кругло, до боли громко залаялъ.

Тихая рѣка внизу думала о чемъ-то. Берегъ былъ не обрывистый, песчаный. Бабаевъ попробовалъ воду рукою,—точно окунулъ ее въ ворохъ только-что обмолоченной ржи на току на солнцепекѣ. Не спѣша снялъ высокіе сапоги, куртку, рубаху.

Въ мягкой, теплой и густой, какъ парное молоко, водѣ, они купались вдвоемъ съ Нарцисомъ. Бабаевъ плылъ вразмашку, далеко загребая руками, а Нарцисъ часто перебиралъ лапами, фыркалъ, дѣлалъ строгіе глаза, вылѣзающіе изъ орбитъ.

— Гопъ-гопъ-гопъ!—смѣшливо кричалъ ему Бабаевъ, отплывая.

Нарцисъ догонялъ, вытянувъ морду, прижавъ уши, извиваясь, какъ черная змѣя; обнималъ его лапами, царапалъ когтями визжа. Глаза были чуть испуганные, яркіе.

Въ мягкой водѣ чувствовалъ Бабаевъ все свое тѣло, молодое, цѣльное, гибкое. Онъ былъ—одно это тѣло. Не думалъ,—думало оно: посылало впередъ руки,—и руки сами, шутя хватали ладонью по водѣ, прежде чѣмъ прорѣзать ее упруго,—отталкивалось ногами сзади, размѣренно дышало. Въ водѣ отражались и лѣсъ, и небо, и солнце, и онъ былъ въ нихъ, въ серединѣ, весь родной этимъ красочнымъ струящимся пятнамъ, поцѣлуямъ лучей и взмаху неба, весь солнце, вода, лѣсъ, весь недосказанное и смутное и въ то-же время понятное и простое.

Вода была такая любовно-теплая, какъ ласка старенькой матери, плачущей отъ радости свиданья, а лѣсъ съ берега, тоже старый, тихо подмигивалъ лукавый, выгребая изъ неба синеву и солнце и хороня ихъ внизу, въ кустахъ у корней.

Мелькнули на мигъ крикливые люди въ душномъ залѣ, затолпились стукнулись головами, пропали...

— Фрр,—шумно отряхнулся доплывшій до берега Нарцисъ. Мускулистая мокрая спина ярко сверкнула, изогнувшись; отбѣжалъ пять-шесть шаговъ, еще разъ отряхнулся, зѣвнулъ, вопросительно поглядѣвъ на Бабаева, юркнулъ въ кусты.

Бабаевъ сталъ на мелкомъ по-поясъ мѣстѣ, попробовалъ встряхнуться такъ же просто, по-животному, какъ Нарцисъ, и не могъ такъ шумно и ловко. Улыбнулся, подумалъ:— „Должно быть, умѣлъ когда-то, теперь забылъ“.—Показалось вдругъ сразу яснымъ, что когда-то умѣлъ, когда-то

неутомимо бѣгалъ, плавалъ, вдыхалъ лѣсные запахи, понималъ языкъ солнца, теперь усталъ и забылъ.

Тонкія руки съ отчетливыми рѣзкими мышцами сжались—разжались.

Лѣсъ на этомъ берегу былъ гуще, пѣвучѣе. Легъ накипью дрожащихъ зеленыхъ пятенъ то свѣтящихся, то темныхъ.

Въ водѣ, собравшей ночное тепло, и въ воздухѣ, еще свѣжемъ отъ утра, тѣло силилось отыскать что-то потерянное и не могло.

И опять плыли оба,—Нарцисъ и Бабаевъ, раздирали плещущее, живое, смотрѣли другъ на друга одинъ смѣющимися, другой строгими, вылѣзающими изъ орбитъ глазами, оба простые и равные здѣсь, какъ въ одной дѣтской люлькѣ.

Опрокинулся Бабаевъ на спину,—небо дрожало такое полное, нѣжное, страшно-родное, точно придвинулось откуда-то изъ прошлаго, небо того дня, въ который онъ родился.

Коршунъ проплылъ, не шевеля крыльями; верхушка какого-то дерева поползла снизу къ нему на встрѣчу.

Синь ласково, жмуро брезжила, сѣялась, круглилась, мрѣла.

III.

Сжатый холодкомъ чуть мокраго бѣлья, Бабаевъ шелъ вдоль берега и ярко представлялъ, какъ ночью, тамъ въ въ залѣ, въ углу онъ увидалъ дряблаго съ приглаженными волосиками, сутулаго, склизкаго какого-то,—подошелъ къ нему и просилъ:

— А скажите, когда начнется новая жизнь, такихъ, какъ вы, будутъ любить женщины?

Дряблый, некрасивый замигалъ непонимающими глазами, заикнулся было что то отвѣтить, но не отвѣтилъ,—попятился, утонулъ въ толпѣ. Только остался отъ него въ памяти круглый взглядъ, какъ у Нарциса, когда онъ плылъ. Нарцисъ кружился теперь суетливо, безтолково, всѣмъ тѣломъ взбрасываясь на бѣгу. Теперь пятно его стало летучимъ, острымъ.

За копнами влѣво тянулись мочежины съ обстриженными рыжими кочнами, а вправо сѣдѣла мелкая полынь. Грачъ пролетѣлъ,—засеребрѣлъ на солнцѣ крыльями; по полыни мелькнула тѣнь отъ него, юркая, какъ ящерица. На небо протиснулись нѣсколько бѣлыхъ облачковъ, наивно присмотрѣлись къ землѣ и разбѣжались.

На поляну лѣсъ вышелъ косякомъ, и когда Бабаевъ за-

вернулъ за этотъ косякъ, то остановился удивленный: чернымъ крестомъ, поднявъ руки, стоялъ кто-то на колѣняхъ, вотъ наклонился, приникъ къ землѣ и опять поднялъ руки крестомъ. Кто-то молился, стоя спиной къ Бабаеву, и цѣловалъ землю, черный на сѣдой простынѣ полыни.

— Гам!—сказалъ Нарцисъ.—Гам-гам-гам!—вдругъ поднялъ онъ голосъ выше и заводилъ хвостомъ. Сырой лай кругло раскатился по мочежинамъ, по полыннику.

Черный опустилъ руки, полуобернулся, тяжело всталъ. Заботливо отряхнулъ колѣна.

Было странно видѣть Бабаеву, какъ сжался одинъ, распустившійся было, какъ цвѣтокъ, человѣкъ, лишь только увидѣлъ другого.

Вотъ онъ пошелъ, опираясь на палку, волоча задъ. Голову выставилъ впередъ, какъ черепаха. Пошелъ прямо на кусты терна и будняка, чтобы гдѣ-нибудь пропасть на укромной тропинкѣ.

— Не пущу!—упрямо и весело рѣшилъ вдругъ Бабаевъ и зашагалъ на перерѣзъ.

Нарцисъ заскочилъ было впередъ хищными бросками. Бабаевъ свистнулъ, и онъ потянулся рядомъ, нагнувъ голову, то порываясь къ ковыляющему черному, то косясь на Бабаева. Чуть ворчалъ, должно быть, обидѣлся.

Молодо ярила опушка между сѣдиной полыни и голубизной неба, и по ней боязливо двигалось вислозадое черное пятно, такое обидное здѣсь, гдѣ ничто не боялось.

Даже ощутительно было для Бабаева, что отовсюду росли мягкія, мягче воздуха тонкія руки и обнимались, а черное пятно, порывисто двигаясь, грубо разрывало ихъ, какъ угловатый камень, ненужно брошенный въ красивую сѣтку паутины.

Ноги нетвердо ставились въ стороны, бились о полы пальто, спѣшили.

— Да стойте, наконецъ! Все равно, догоню,—чудакъ!—крикнулъ ему Бабаевъ.

Было смѣшно, и овладѣло всѣмъ тѣломъ что-то мирное, полное.

— Гам-гам-гам!—крикнулъ и Нарцисъ.

Цѣловавшій землю и теперь бѣгущій отъ этой земли человѣкъ, безпомощно оглянулся кругомъ и дѣйствительно сталъ. Вынулъ розовый платокъ, вытеръ лицо.

— Въ потъ вогнало?—улыбнулся, подходя, Бабаевъ. Шаговъ за десять онъ уже узналъ его: это былъ тотъ самый дряблый, сутулый, котораго онъ видѣлъ ночью, и у котораго спросилъ о новой жизни.

На немъ было форменное пальто и фуражка съ какимъ-

то значкомъ и кокардой: рѣденькая рыжая бородка, жидкіе длинные волосы, очки въ золотой оправѣ. Изъ-подъ очковъ чуть испуганно, точно мелко дрожали, таращились глаза.

— Да вѣдь мы знакомы даже!.. Знакомы, а вы бѣжите... Нехорошо!

Бабаевъ подошелъ и протянулъ руку.

— Нагнибѣда,—назвалъ свою фамилію тотъ, кашлянулъ и добавилъ:—Не знакомы, а только видѣлись... Я оттуда не пошелъ спать,—прямо сюда...

— И я вѣдь тоже!.. Не спалъ, пошелъ охотиться,—улыбался ему прямо въ лицо Бабаевъ.

Было какое-то странное чувство своей власти вотъ теперь надъ этимъ дряблымъ человѣкомъ. Точно охотиться онъ вышелъ именно за нимъ, долго бродилъ, выслѣживалъ и настигъ.

— Утромъ въ лѣсу очень хорошо,—конфузливо сказалъ Нагнибѣда,—я люблю.

— Утромъ только? Всегда хорошо, а не утромъ,—улыбнулся Бабаевъ.

Онъ внимательно вглядывался въ красноватыя съ бурыми морщинами щеки, кустистые волосы на нихъ, какой-то вдумчивый и совсѣмъ не умный носъ Нагнибѣды съ мягкими ноздрями, и вспоминалъ, что слышалъ гдѣ-то о Нагнибѣдѣ, что онъ учитель гимназіи, а раньше служилъ въ акцизѣ, пишетъ какія-то книги, которыя печатаетъ самъ и которыхъ никто не покупаетъ, а заглавія послѣдней книги— „Суть ли законы эстетики“ даже не понялъ никто, и смѣялись надъ нею, толстой, невинно и лѣниво лежавшей подъ солнцемъ въ окнѣ книжнаго магазина. Обложка у нея сначала была зеленая, потомъ порыжѣла, и почему-то чѣмъ больше смотрѣлъ Бабаевъ на Нагнибѣду, тѣмъ больше онъ казался ему похожимъ на свою книгу.

— Теперь часовъ шесть... или больше?—ненужно спросилъ Нагнибѣда и поднялъ голову къ солнцу.

Бабаевъ медленно, все такъ же глядя на него въ упоръ, досталъ часы.

Зеленое чуялось кругомъ, переливалось, шушукалось. Зеленое было живое, сплошное. Нельзя было его назвать какъ-то мелко—опушкой лѣса. Оно сочилось и отражалось, точно со всѣхъ сторонъ стояли зеркала, и странно было, что въ немъ, безформенномъ, четкой вкраплиной торчалъ человѣкъ въ опредѣленной смѣшно сидящей на немъ формѣ, носилъ какую-то фамилію, глаза у него таращились изъ-подъ очковъ, щеки морщинились бурыми полосками; голосъ былъ свой,—сухой съ трещинами, какъ спѣлая коробочка мака.

— Двадцать минутъ шестого,—сказалъ Бабаевъ,—теперь солнце встаетъ рано,—добавилъ онъ.

Вглядываясь и напрягаясь, онъ страстно хотѣлъ угадать ходъ мыслей его, другого: сейчасъ онъ что-то долженъ сказать,—что?

— Такая длинная ночь была, показалось уже поздно,—повелъ головою въ бокъ Нагнибѣда.

Бабаевъ уперся въ него глазами и ждалъ еще чего-то, чѣмъ полонъ былъ этотъ другой и что долженъ былъ онъ вылить.

— Хорошая ночь была, чистая,—несмѣло глядя поверхъ очковъ, прибавилъ Нагнибѣда.

Это и было то, чего ждалъ Бабаевъ.

— Чѣмъ хорошая? Глупая!—весело сказалъ онъ.

— Нѣтъ! Что вы!... Единственная! Единственная ночь въ моей жизни!...

Нагнибѣда вдругъ покраснѣлъ, всхлипнулъ ноздрями, угловато развелъ правой рукой.

— Жили въ норахъ и вышли! Вѣдь это что? Это—крестный ходъ! Чуда просятъ! Съ плащаницей идутъ!...—Остановился на минуту, поглядѣлъ, пригнувшись, въ глаза Бабаева.—Развѣ это что? Это—глупая ночь по вашему? Это—мистерія! Одно тѣло и одна душа!... Это взрывъ!... Всѣ клапаны вылетѣли, и вотъ... вамъ кажется глупымъ... Экстазъ это,—онъ взмахнулъ рукою,—полетъ въ небо, хирувимская пѣснь! Въ это только вдуматься надо, и станетъ ясно. Какъ собрались? Какъ первые христіане въ катакомбахъ, какъ влюбленные... Въ этомъ поэзіи сколько, дѣтства сколько!.. Развѣ найдешь слова для этого, когда это... ландышами пахнетъ?... Я объ этомъ, всю жизнь мечталъ,—сидѣлъ у себя въ себѣ, подъ своимъ замкомъ и думалъ: вѣдь можно... вѣдь только начать, и выйдутъ!...

У него теперь поднялось, какъ-то вздулось все лицо, точно кислое тѣсто, и это показалось смѣшнымъ Бабаеву; онъ чувствовалъ углы своихъ губъ, представлялъ, какъ они дергались, складывались въ обидную усмѣшку, опускались.

— Все ждали?—не выдержалъ онъ, наконецъ, и засмѣялся.— Все мечтали?

Онъ ясно вообразилъ, какъ ждалъ Нагнибѣда,—стоялъ гдѣ-то въ темнотѣ у запертыхъ дверей, согнувшись, припалъ къ замочной скважинѣ ухомъ и слушалъ. Ротъ у него былъ открытый, глаза округлые, колѣни худыя...

Никуда нельзя было уйти даже мыслью отъ того пѣвучаго, яркаго, что толпилось кругомъ. Зяблики звонили. Какія-то травы пахли. Что-то колыхалось, лучилось, насквозь пронизывало тѣло чѣмъ-то теплымъ... Точно забытыя нѣж-

ныя руки гладили по щекамъ, и глаза, далекіе глаза, мерцали и гасли...

Но сказалъ что-то около человѣкъ, и не слышалъ Бабаевъ.

— О чемъ вы?—съ усиліемъ спросилъ онъ.

— Я говорю, что стыдно! Что вамъ должно быть стыдно!— рѣзко крикнулъ Нагнибѣда и отбросилъ голову. Глаза пробились прямо сквозь середину очковъ и не мигали.

— Мнѣ? Нѣтъ, не стыдно,—просто отвѣтилъ Бабаевъ.— Какъ стыдно?

У него было все то же смѣющееся наблюдающее лицо. Теперь оно уже отрѣшилось отъ себя, оттолкнулось и потонуло въ лицѣ Нагнибѣды. Было остро любопытно осязать проступавшую сквозь кожу, сквозь мелкія морщинки щекъ, сквозь окна зрачковъ какую-то созрѣвшую обиду.

— Вамъ должно быть стыдно!—крикнулъ еще визгливѣе Нагнибѣда:—Должно быть стыдно!

— Почему?—спросилъ Бабаевъ; посмотрѣлъ серьезно на Нагнибѣду и добавилъ: — Стыдно?.. Да вѣдь стыдъ уже умеръ... долженъ умереть.

— Стыдъ—это богъ!—глухо сказалъ Нагнибѣда.—Богъ умеръ.

— Десятки тысячъ лѣтъ жили люди,—вдругъ почему-то вспомнилъ Бабаевъ. Мысль эта явилась неизвѣстно откуда, проскользнула, какъ метеоръ, и почему-то засвѣтилась сквозь лицо Нагнибѣда, точно была ночь, и лицо его было фонарь изъ бумаги, а въ немъ какъ свѣчка эта мысль. Почему-то стало жутко отъ нея, закрытой, и захотѣлось ее вынуть и поставить прямо передъ собой.

— Десятки тысячъ лѣтъ жили люди, — сказалъ онъ вслухъ,—и все-таки есть еще стыдъ? Быть не можетъ!

Онъ сказалъ это тихо и медленно и въ то же время, наблюдая лицо Нагнибѣды, видѣлъ (въ первый разъ увидѣлъ) залѣзшіе въ ротъ жидкіе, обмокшіе желтые усы, отъ этого все лицо его показалось желтымъ, волосатымъ, какъ мохнатая гусеница,

— Я десять лѣтъ изучаю, работаю надъ этимъ,—взмахнулъ рукою Нагнибѣда,—а вы такъ сразу, съ маху...

— Что изучаете?

— Стыдъ!.. и совѣсть. Стыдъ и совѣсть!—отчетливо повторилъ Нагнибѣда.—Это не одно и то же... Это только родственныя понятія...

— Эти люди ночью сошлись, значитъ, потому, что существуетъ еще стыдъ и совѣсть.

— Да!—мотнулъ головою Нагнибѣда.—Потому что не звѣри, что хотятъ чуда,—вотъ почему!.. Зачѣмъ вы смѣетесь?

— Чудесъ не бываетъ,—сказалъ Бабаевъ,—есть необходимость... Говорили о свободѣ... Развѣ можно дать свободу? Свобода внутри. А терпишь—значитъ, хочешь терпѣть.

Нарцисъ лежалъ около, положивъ голову на лапы; то закрывалъ глаза, дремалъ, то открывалъ снова, ежился; вздрагивалъ отъ какихъ-то желтыхъ, кружившихся надъ нимъ мухъ; вдругъ подымалъ голову и такъ гордо и снисходительно смотрѣлъ то на хозяина, то на этого длиннаго чужого человѣка, что Бабаеву становилось обидно, и онъ замахивался на него ногою. Нарцисъ жмурился и покорно пригибалъ голову къ лапамъ.

— Подъемъ—это чудо!—уже кричалъ Нагнибѣда:—Безъ подъема—будни... Подъемъ—праздникъ, чудо! Чтобы всѣмъ сказать, нуженъ подъемъ!

—Чудо—это тонкій расчетъ, просто, не видно, какъ сосчитали, а счетъ готовъ,—скучно сказалъ Бабаевъ.

Нагнибѣда долго глядѣлъ на него, сузивъ глаза подъ матовостью очковъ; глаза дѣлались мельче, острѣе, ближе, совсѣмъ близко и кололи.

— Людей любить надо!—вдругъ укоризненно протянулъ онъ.—Любить, а не такъ!.. Все любить надо!

— А если бы вмѣсто меня передъ вами былъ бродяга-каторжникъ,—опять смѣясь, перебилъ Бабаевъ,—съ ножомъ, еще тамъ съ чѣмъ, и этакъ не то что убилъ бы, а... ну, ранилъ что ли, обобравъ и бросивъ... тогда вы что?

— Бродяга что!—вскрикнулъ Нагнибѣда.—Бродяга можетъ меня и убить даже,—онъ мое тѣло убьетъ, а вотъ вы... вы... вы хуже!.. Вы мою душу убить хотите, душу!.. Только я не дамся, нѣтъ! Я вамъ не дамся!

У него лицо покраснѣло и тряслось, какъ въ ознобѣ, и глаза были страшно переполнены чѣмъ-то: страхомъ, возбужденіемъ, злобой.

— Знаете ли что?—вдругъ сказалъ Бабаевъ.—Это вѣдь такъ, въ самомъ дѣлѣ... Еслибы мы были съ вами вдвоемъ на какомъ-нибудь пустомъ островѣ, и нечего было бы ѣсть, я бы васъ убилъ и съѣлъ... Право! Потомъ жалѣлъ бы, что... мало. А вы могли-бы? Не днемъ,—вы слабый,—ну, хоть ночью, когда бы я спалъ,—могли бы?

— Я васъ боюсь! —отступилъ Нагнибѣда. — Я вамъ искренно говорю: боюсь!—онъ отступилъ еще на шагъ, помолчалъ.—Я лучше пойду къ попу, къ старенькому сельскому попу, и съ нимъ мнѣ будетъ легче, съ нимъ мы сговоримся, поймемъ!.. А вы... Васъ я боюсь! Прощайте!

Онъ взялся за фуражку; рука дрожала. Стало плоское и жалкое лицо у него, какъ раздавленное большимъ кам-

немъ. Распустилось — сжалось. Даже не было уже лица: просто дырявилась какая-то рѣдкая сѣтка.

Бабаеву почему-то вдругъ стало неловко, точно обиженъ былъ онъ самъ, а не этотъ ненужный. Почему-то выбилась откуда-то изъ глубины мягкая, ласковая струя, пролилась внутри, и стало тепло.

— Постойте, куда вы!—взялъ онъ за плечо Нагнибѣду.

— Домой! — по-дѣтски отвернувшись, глухо отвѣтилъ тотъ.

— Меня, значитъ, вы не любите, хотя я тоже человѣкъ?—спросилъ Бабаевъ.

— Вотъ возьму и поцѣлую его сейчасъ,—подумалъ онъ.— Возьму и поцѣлую... Что онъ скажетъ тогда? растрогается? Заплачетъ?

Нагнибѣда обернулся къ нему бокомъ и молчалъ. Теперь, когда онъ стоялъ бокомъ, рѣзала глаза кривая линія его спины, тощей, согнутой шеи, фуражки, сплюснутой сзади.

Странная, ничѣмъ непобѣдимая брезгливость, молодая здоровая, жадная, какъ зеленая послѣ дождя трава, выросла вдругъ въ Бабаевѣ.

Онъ передернулъ плечами, свистнулъ. Нарцисъ вскочилъ. Потрепалъ за шею Нарциса; онъ поднялся на заднія лапы, радостно завизжалъ, тыкался мордой въ плечо. Пріятно было, что жизнь въ немъ такая буйная, темная.

— Ну, прощайте!—кивнулъ онъ Нагнибѣдѣ и пошелъ. Улыбался, уходя, широко и просто, какъ шагалъ привычно и четко ставя ноги. Обернулся было, хотѣлъ что-то сказать Нагнибѣдѣ, подумалъ: „Зачѣмъ? На что онъ мнѣ?“ Только осмотрѣлъ, какъ тотъ провожалъ его глазами, и почему-то еще подбористѣй и прямѣе, какъ на парадѣ, пошелъ дальше.

Уже густо клубились впереди опять, не заслоняемые ничѣмъ, маслянистые сочные комья зеленыхъ и желтыхъ, голубыхъ и сѣрыхъ, чуть розовыхъ; чуть фіолетовыхъ красокъ.

Видно было, какъ проползало надъ ними солнце, сквозило, плавило ихъ, и они дробились, сливались въ дрожащія полосы, подымались, никли, распускались, какъ большіе мягкіе цвѣты, унизанные росами.

Небо стало страшно высокое, тонкое, точно распахнулось вдругъ, и оказалось, что оно все изъ серебряныхъ тугихъ струнъ и всемірно звенитъ далеко гдѣ-то.

Тепло было. Теплота эта лилась кругомъ, неслышная и живая, какъ кровь въ тѣлѣ, въ огромномъ, повсюду разметавшемся тѣлѣ; была она пахучая, нѣжная, заколдовала все кругомъ и струилась одна, безсвязная, лѣниво сытая.

Мухи вились около впередъ идущимъ столбомъ. Низкій

боярышникъ цѣплялся за ноги колючками, потомъ, бойко ершась, качался сзади, потомъ опять засыпалъ.

Шмыгали ящерки то зеленыя, то сѣрыя. Мягкая матовая трава подъ ногами грустила о чемъ-то, слушая землю.

Бабаевъ представилъ на мигъ Нагнибѣду такого испуганнаго, запертаго, лишняго, — сверху до низу провелъ по немъ глазами и забылъ о немъ.

IV.

Песчаная коса вонзалась въ рѣку съ берега. Издали— липкая видна была грязь на ней треугольными полосками, какъ водяныя морщинки, и казалось, что она тоже струилась, тихо кипѣла, какъ вода около, то узилась, то ширилась.

Вода въ рѣкѣ стала зеленовато-прозрачная холодно-свѣжая на видъ. Упругій вѣтеръ тянулъ надъ нею. Это былъ и не вѣтеръ: такъ, просто, куда-то шло по водѣ что-то невнятное, зыбкое; чуялось только, что кругло выпятило грудь. У краснаго лозняка на берегу отдуло въ сторону листья, да такъ и оставило, изрѣдка перебирая, точно считая мимоходомъ.

Нарцисъ красиво искалъ въ сторонѣ, ближе къ лѣсу, гдѣ было столько таинственныхъ живыхъ для него слѣдовъ, каждый кустъ живой и полный. Онъ шуршалъ, фыркалъ, трещалъ сухоломомъ,—черный комокъ безпокойныхъ нервовъ. То спина мелькала, то дыбился хвостъ, то подымалась внимательная, чуткая голова и вбирала далекое.

Вотъ онъ вдругъ окаменѣлъ, насторожился: тройка куликовъ мигала бѣлой подкладкой крыльевъ, спѣшила куда-то, четко видная надъ рѣкой. Одинъ свистнулъ, за нимъ другой, третій, какъ пастушата. Свистъ тонкій, сильный, но не сухой: смоченный рѣчнымъ паромъ.

У Нарциса глаза округлѣли, точно тоже хотѣлъ свистнуть.

Бабаевъ глянулъ на него, на куликовъ, подобрался, присѣлъ за кустъ. Ружье приросло къ рукамъ. Глаза прилипли къ тремъ мигающимъ лоскутамъ, кружились вмѣстѣ съ ними надъ зеленымъ, надъ сѣрымъ, ушли куда-то далеко, чуть видно, вернулись, ударились вдругъ о песчаную косу и забѣгали по морщинкамъ грязи.

Кулики были смѣшные, хлопотливые, длинноногіе; бѣгали по песку какъ-то страшно быстро,—нельзя было услѣдить, взлетывали, дергали хвостами. Пятна ихъ казались синими на бѣлесомъ пескѣ, синими и верткими, все время тыкались внизъ клювами и сжимались, тыкались и сжимались, и присвистывали, какъ пастушата.

Нарцисъ осторожно поползъ къ нимъ за кустами, низко проставляя ноги, какъ кошка.

— Куш-ш!—зашипѣлъ на него Бабаевъ.—Ку-уда!

Нарцисъ оглянулся, вильнулъ хвостомъ и припалъ къ землѣ. Видно было, что не дышалъ: ждалъ выстрѣла.

Кулики были веселые, странные.

Оттого, что въ нихъ было такъ много счастливости, вся коса казалась праздничной. Сѣтка повисла между нею и берегомъ. Эта сѣтка качалась въ мозгу Бабаева, и за нею,— онъ такъ просто это чувствовалъ, — слились въ одно два одинакихъ, жуткихъ: или два Бабаева, или два Нарциса.

А глаза искали мушки и хотѣли, чтобы всѣ три сбѣжались къ ней сразу хоть на моментъ. Мелкая... крупная... Есть два рядомъ... Третій отбѣжалъ... Куда?... Двое тоже распались, какъ ртуть, свистали, подлетывали.

Бабаевъ нетерпѣливо въ одного, ближняго, и выстрѣлилъ.

И тутъ же вскочилъ и покатился черезъ кусты внизъ, какъ кусокъ черной земли, Нарцисъ, и гдѣ-то далеко надъ рѣкой испуганно свистѣла пара куликовъ — ти-ти ти-ти!—а третій мелко хлопалъ на пескѣ крыльями.

Какъ то сразу стало ясно, что онъ уже не встанетъ, не засвиститъ, что Нарцисъ схватилъ его, придушилъ зубами и принесетъ.

Стало скучно, и Бабаевъ отвернулся, но ждалъ Нарциса, слѣпо смотря въ зеленое. И Нарцисъ подбѣжалъ и принесъ,— бросилъ у ногъ, какъ ненужное, и сѣлъ возлѣ.

Куликъ былъ весь въ крови и грязи, дергалъ головою. Изъ длиннаго, какъ ножницы, раскрытаго клюва сочилась красная пѣна.

Нарцисъ, сидя около, смотрѣлъ на него и брезгливо морщилъ носъ, какъ неумѣющія притворяться маленькія дѣти.

Бабаевъ поднялъ кулика, взявъ его за тонкія ноги, осмотрѣлъ,—одинъ глазъ былъ выбитъ дробинкой, другой торчалъ какой-то огромный, надувшійся, красный, и шея скрючилась и вздрагивала.

Бабаевъ непроизвольно-брезгливо передернулъ лицомъ, такъ же, какъ Нарцисъ, ударилъ кулика головою о прикладъ ружья и положилъ въ ягдташъ.

Нарцисъ снисходительно слѣдилъ за всѣми его движеніями круглыми и строгими, яркими и внимательными, всепонимающими и потому страшными глазами.

А земля кругомъ невинно-радостно молилась и горячо цѣловала небо.

——✣——

Ложь.

Заперъ я двери и все отошло—
Улица, женщины, шумъ и огни.
Дьяволъ раздумья, смѣющійся зло,
Дьяволъ раздумья, мы снова одни.

Мысль, какъ умѣлый, отточенный ножъ,
Жизнь эту мертвую весело вскрыть,
Сердце ея—неизбывную ложь,
Весело сердце ея обнажить.

Свѣтлый ребенокъ о Богѣ спросилъ:
„Гдѣ Онъ?"—и я отвѣчалъ: „Въ небесахъ"...
Зная весь ужасъ и холодъ могилъ,
Зная предсмертный мучительный страхъ.

Женщинѣ-сказкѣ, лазурной мечтѣ,
Клялся я вѣчностью, солнцемъ, душой,
Зная, что завтра же,—гадъ въ темнотѣ,—
Ею пресытясь, я буду съ другой.

Съ крикомъ: „Свобода!" въ пылу баррикадъ,
Слѣпо ступая на трупы и въ кровь,
Въ сердцѣ твердилъ я, безпеченъ и радъ:
„Было не разъ и не разъ будетъ вновь".

Ложь многоликая, пестрая ложь
Пляшетъ, хохочетъ, рыдаетъ, клянетъ.
Каждый на вздорную куклу похожъ,
Въ каждомъ—пружина и хитрый заводъ.

Кто-то завелъ и забылъ навсегда:—
Вѣчно, безцѣльно... впередъ и назадъ.
Эти сломались—другимъ череда...
Ловко придумано: жизнь—„автоматъ".

Ложь двухсторонняя, цѣльная ложь,
Маска подъ маской и такъ безъ конца...
Тщетно, безумецъ,—ихъ всѣ не сорвешь,
Если бы сорвалъ, не увидѣлъ лица.

Лгите же смѣло, уставшіе жить,
Каждый солгалъ уже тѣмъ, что живетъ,
Правды не выдумать, лжи не убить,
Рыцарь мой добрый—слѣпой Донъ-Кихотъ.

Александръ Рославлевъ

Нервный.

Разсказъ Марка Криницкаго.

Онъ стоялъ въ плохо-освѣщенной передней и въ смущеніе мялъ большую шапку-папаху, ношеніе которой было воспрещено гимназическимъ начальствомъ.

— Я, собственно, поговорить... хотя я согласенъ, что намъ говорить трудно,—наконецъ, сказалъ онъ и быстро, видимо, съ дрожью пожавъ однимъ плечомъ, тотчасъ поднялъ голову и уставилъ горящій, вызывающій взглядъ въ лицо классному наставнику.

Тотъ нерѣшительно попросилъ юношу раздѣться и зайти.

„Не о чемъ мнѣ съ нимъ говорить", — раздумывалъ онъ въ то же время вяло и утомленно: — „Онъ враждебно настроенъ противъ меня... въ городѣ настроили..."

Въ переднюю раскрылась узкая щель двери, и быстро высунулись двѣ веселыхъ и любопытныхъ дѣтскихъ головки.

— Сколько вамъ разъ говорить? Здѣсь холодно!—крикнулъ учитель.

Головки спрятались, и дверь медленно затворилась.

Юноша почему-то сконфузился и началъ медленно снимать пальто.

У учителя были дѣти, и это было такъ странно. Откуда-то, должно быть, изъ кухни пахло обѣдомъ.

Учитель былъ, какъ ни странно, такой же человѣкъ, какъ всѣ. Но его надо было ненавидѣть.

Медленно и неловко, толкаясь и взаимно извиняясь, они вошли въ какую-то комнату, налѣво изъ передней, должно быть, кабинетъ.

Лежали стопочками синія тетрадки. Это вдругъ и рѣзко напомнило гимназію.

И Костенскій вдругъ вспомнилъ, что онъ пришелъ къ классному наставнику для рѣшительнаго и послѣдняго объясненія.

Наконецъ, они сѣли.

У учителя были старыя, короткія брюки; онъ былъ безъ манишки и неловко застегивалъ поношенный и тѣсный пиджачекъ. Это опять располагало въ его пользу.

Но лицо было знакомое, гимназическое, насторожившееся и равнодушное. И все пропадало. И опять хотѣлось мстить, быть откровеннымъ, дерзкимъ.

— Мнѣ къ вамъ, собственно, и заходить не слѣдовало... Это какъ-то глупо вышло,—началъ Костенскій, тяжело ворочая ногами въ большихъ, казавшихся неуклюжими сапогахъ.

Ногамъ было ужасно неловко. Сидѣлъ онъ низко, почти провалившись въ диванъ, мягкій и противный, съ звенящими и шевелящимися пружинами. Поэтому колѣнки торчали высоко, чуть ли не подъ самый подбородокъ.

Но все равно.

Учитель потиралъ свои узловатыя руки, точно озябъ, и все ждалъ, съ непріятнымъ и жесткимъ выраженіемъ человѣка, имѣющаго опредѣленное общественное положеніе, ученый дипломъ и сознающаго себя выше какого-то мозгляка, умственнаго и нравственнаго ничтожества, осмѣливающагося размышлять и подавать свой голосъ.

Костенскій поднялъ одну бровь, неловко обхватилъ руками правое колѣно и, покачиваясь взадъ и впередъ, началъ говорить.

Лицо у него было угреватое и блѣдное, старообразное отъ морщинъ на лбу и возлѣ угловъ рта; волоса черные, длинные и упрямые, лѣзшіе на лобъ и закрывавшіе уши.

— Я васъ назвалъ при всемъ классѣ бюрократомъ... Собственно...

Онъ сдѣлалъ многозначительную мину, медленно, точно раздумывая надъ чѣмъ-то важнымъ, вытащилъ изъ брюкъ портсигаръ, досталъ папиросу, чуть поморщившись закурилъ, и продолжалъ:

— Я не хотѣлъ этимъ оскорбить лично васъ...

„Ага, пришелъ съ повинной!—подумалъ учитель:—Но какъ же онъ такъ развязно?..“

Не зная, что сказать, онъ нервно повертѣлъ какой то бумажкой, взятой со стола, весь добрался и старался вообще казаться корректнѣе своего посѣтителя.

Костенскій между тѣмъ откинулся на спинку дивана и, вообще казалось, овладѣлъ положеніемъ.

— Вы не подумайте, впрочемъ, что я явился къ вамъ извиняться,—продолжалъ онъ, точно угадывая мысль учителя.

Тонкая, ироничечкая усмѣшка искривила его губы.

Учитель почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Извините,—началъ онъ,—но, такъ сказать, цѣль... Я не совсѣмъ понимаю...

— Цѣль? Я хотѣлъ, чтобы вы не поняли моихъ словъ превратно... хотя я согласенъ, что намъ въ вами трудно столковаться.

Лицо учителя омрачилось.

— Я васъ покорнѣйше прошу сказать яснѣе, что вамъ угодно отъ меня,—сказалъ онъ, безпокойно пошевелившись.

— Ахъ, да... такъ!

Костенскій потушилъ недокуренную папиросу.

— Въ такомъ случаѣ, въ двухъ словахъ... Я, помнится, сказалъ вамъ въ классѣ, что не признаю за вами по отношенію къ моей личности никакихъ такъ называемыхъ правъ педагога. Я предложилъ вамъ ограничиться по отношенію ко мнѣ чисто-чиновнической точкой зрѣнія... Вы оскорбились, хотя, повторяю, я оскорбить васъ не хотѣлъ. Затѣмъ вы поступили со мной, какъ говорится, гуманно: вы придали всему такой видъ, что я былъ нервно разстроенъ... И меня не исключили, а только временно удалили... для поправленія моихъ нервовъ...

Онъ добродушно разсмѣялся.

— Но, виноватъ: я хочу, чтобы вы стали, такъ сказать, на нашу... гимназическую, что ли, точку зрѣнія... Васъ, кажется, коробитъ, что я говорю съ вами... какъ равный съ равнымъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ... Эхъ!

Костенскій досадливо тряхнулъ волосами.

— Папироса васъ смутила? Хотите, я уйду?

Онъ неловко, опираясь одной рукой о спинку дивана, сталъ приподыматься.

— Нѣтъ, постойте... Ужъ останьтесь...

Учитель почувствовалъ себя заинтересованнымъ. Тѣмъ болѣе, въ голосѣ юноши звучали какія-то искреннія, располагающія нотки.

— Слушаю-съ...

Костенскій охотно опустился на прежнее мѣсто. Опять жалобно зазвонили пружины, и онъ провалился чуть не до полу.

— Коли такъ, давайте толковать, — сказалъ онъ возбужденно, и въ голосѣ его послышалась довѣрчивость.

Онъ сдѣлалъ сосредоточенную физіономію, мгновеніе подумалъ и энергично началъ:

— Позвольте издалека... Вопросъ сложный... Идеалы истины, добра и красоты обязательны или нѣтъ?.. Добро, впрочемъ, можно откинуть: добро и красота это одно и то же... Итакъ, обязательны?

— Конечно... Только я не понимаю, къ чему...

— Позвольте...

Костенскій поднялъ на учителя свой упорный, горящій и какъ бы враждебный взглядъ.

— Если они обязательны для всякаго, то обязательны и для гимназиста... Вы учили насъ добру, высокимъ словамъ: красота, истина, правда, и мы захотѣли быть правдивыми и красивыми. Развѣ рабство, лицемѣріе, подличанье красивы?.. Вы насъ учили, мы сдѣлали выводы...

„Какъ онъ говоритъ! Точно и не гимназистъ... Кто ихъ научилъ?"—думалъ учитель.

— ...мы сдѣлали выводы: отъ лжи надо отвернуться, ложь надо преслѣдовать, подлость надо клеймить! И тогда вы намъ говорите: вы не имѣете права этого дѣлать... вы неполноправны. Это невѣрно: кто понимаетъ, что ложь есть ложь,—тотъ полноправенъ. И разъ человѣкъ это понимаетъ, онъ обязанъ... Но вы говорите: оставьте ваши идеалы въ вашихъ книгахъ и тетрадяхъ... пусть они будутъ только на бумагѣ. Это все равно, какъ флотъ и финансы только на бумагѣ. Развѣ же это не бюрократизмъ, когда все только на бумагѣ обстоитъ благополучно: добро-де у насъ заведено, истинна числится, красота за такимъ-то номеромъ...

Учитель съ удивленіемъ смотрѣлъ на Костенскаго. Ему хотѣлось что-нибудь возразить самоувѣренному юношѣ, но онъ не находилъ подходящихъ возраженій.

— Вы неправы, Костенскій,—наконецъ, сказалъ онъ:—да... неправы...

И голосъ у него былъ непріятно-дребезжащій и забавно тонкій.

Такимъ голосомъ онъ обыкновенно диктовалъ диктанты и объяснялъ уроки.

— Молодости свойственна, конечно, горячность... Теперь я понимаю васъ отчасти... Но... разсудимте...

Въ его распоряженіи было нѣсколько старыхъ, банальныхъ фразъ вродѣ: идеалы суть путеводныя звѣзды, къ коимъ надлежитъ только стремиться безъ надежды когданибудь ихъ достигнуть.

Но ему стало совѣстно.

„Надо возразить что-нибудь существенное, хорошее,—думалось ему: — Непремѣнно надо возразить, а то вѣдь иначе онъ... Молодежи надо непремѣнно возражать"...

И вдругъ ему пришла странная мысль: „А, можетъ быть, и не надо?"

И на душѣ у него сразу стало пусто и скучно. Какъ жилъ? На что надѣялся? Жилъ за другими, за чужой спиной... думалъ, что служитъ идеѣ, а въ сущности вѣрно, что служилъ бумагѣ.. И теперь этотъ мальчикъ умнѣе и, главное, честнѣе его...

Смолчать? Ничего ему не сказать или сказать:

— Ты правъ...

Но этого тоже нельзя... да, нельзя... почему-то...

Онъ поднялъ взглядъ на Костенскаго.

На лицѣ того лежала хмурая, озабоченная тѣнь и складочка на лбу между бровей точно жестокая и мстительная, но въ тоже время какая-то дѣтски-открытая, простодушная... И онъ вдругъ ощутилъ болѣзненную и вмѣстѣ нѣжную жалость къ юношѣ.

„Это ненормально, — подумалъ онъ, точно внезапно понялъ то, что давно долженъ былъ понять: — ненормально, чтобы юношамъ приходилось ставить такіе вопросы... Молодость должна быть свѣтлой, играющей“...

Костенскій улыбнулся. И этотъ переходъ отъ строгости въ лицѣ къ улыбкѣ точно освѣтилъ его худощавое личико.

Глаза его затеплились хорошимъ блескомъ. И было въ этомъ блескѣ что-то уже не дѣтски-вдумчивое и серьезное, точно онъ хотѣлъ подѣлиться чѣмъ-то особенно важнымъ и завѣтнымъ, чѣмъ онъ не сталъ бы дѣлиться со всякимъ.

— Дѣло не въ томъ,—началъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась сердечная юношеская откровенность,—не въ томъ, что вы хотите быть педагогомъ вообще, а въ томъ, что вы считаете возможнымъ быть педагогомъ именно въ данное время...

Онъ объяснялъ ему съ дѣловымъ видомъ, точно большой маленькому. Строгая складочка опять появилась между его бровей.

— ...И я тогда не хотѣлъ оскорбить васъ... какъ человѣка... Что такое педагогъ? Педагогъ это, такъ сказать, апостолъ правды. Я такъ понимаю его... Не правда ли?

Учитель нервно улыбнулся.

Костенскій продолжалъ его мѣрить безпокойнымъ, горящимъ взглядомъ. Казалось, онъ понималъ всю серьезность и безвыходность положенія.

— Я васъ спрошу...

Онъ точно призывалъ отвѣтить честно и искренно на вопросъ.

— ...можетъ ли быть педагогъ въ безправной странѣ? Это абсурдъ!

Онъ смотрѣлъ почти просительно, и видно было, что онъ вообще привыкъ думать и самъ долго думалъ надъ этимъ вопросомъ. Думалъ и мучился, оттого что хотѣлъ быть честнымъ, справедливымъ и мыслящимъ.

Сказавъ это, онъ вдругъ всталъ и широкими шагами заходилъ по комнатѣ.

— Но вѣдь образованіе не можетъ же остановиться въ

странѣ?—спросилъ учитель, и ему показалось, что его голосъ звучитъ фальшиво.

— Пусть остановится! Никому не нужно это ложное образованіе... это полуизвращеннное образованіе... образованіе рабовъ, изъ которыхъ приготовляютъ, медленно вытравливая душу, безжизненныхъ бюрократовъ... Я все равно уйду изъ гимназіи... И всѣ ушли бы давно. Вы думаете, кого-нибудь устращаетъ ваша алгебра или тамъ теорія словесности? Мы читаемъ Канта и Маркса въ подлинникѣ... Знаете, что удерживаетъ еще большинство въ гимназіи? Страхъ полиціи... боязнь не получить свидѣтельства о благонадежности, необходимаго для экзамена экстерномъ. Если бы не это, завтра были бы пустые почти всѣ старшіе классы гимназій..

Онъ перевелъ духъ.

— Гимназіи .. собственно, ихъ зданія, стѣны... нужны еще намъ, пожалуй, какъ конспиративное средство... Вы думаете, есть въ настоящее время такая гимназія, гдѣ учатся?

Онъ расхохотался.

Учитель тоже всталъ. Его охватило волненіе. И вдругъ онъ показался себѣ со всѣмъ своимъ мелкимъ самолюбіемъ жалкимъ и гаденькимъ.

„Ты считалъ себя педагогомъ,—говорилъ онъ самъ себѣ съ ироніей,—найди же въ себѣ нравственную силу переубѣдить этого юнца“...

И вдругъ ему пришла на памятъ самоувѣренная фигурка окружного инспектора, который недавно производилъ у нихъ въ гимназіи ревизію. Онъ рубилъ ребромъ ладони по столу и удивительно любилъ всѣхъ поучатъ. У него были руки съ безукоризненными манжетами и тонкіе, блѣдные пальцы, похожіе на щупальцы, которые онъ время отъ времени составлялъ вмѣстѣ у самаго своего носа. Онъ говорилъ нестерпимо громко, точно вѣщалъ: „Дѣти должны быть въ сторонѣ отъ политики: Это—признакъ некультурности... Политика—область взрослыхъ... Позоръ для общества—гдѣ дѣти занимаются политикой“...

„Да, да, позоръ!—думалъ учитель:—Единственно вѣрное, что сказалъ инспекторъ... Позоръ для насъ, молчащихъ, боязливыхъ, за которыхъ говорятъ дѣти... Что же дѣлать? Пойти и записаться въ революціонеры?“..

Онъ вдругъ опомнился и съ мучительнымъ выраженіемъ поднялъ глаза на Костенскаго.

Тотъ стоялъ въ странной позѣ, приложивъ лобъ къ книжному шкафу.

— Костенскій!—окликнулъ его тревожно учитель.

Костенскій всхлипывалъ.

— Костенскій, успокойтесь!—сказалъ учитель, подходя и потрагивая его за плечо:—Я васъ понимаю...

Но тотъ продолжалъ неутѣшно рыдать.

— Я боленъ,—наконецъ, съ усиліемъ выдавилъ онъ изъ себя,—но не думайте, что я сошелъ съ ума... У меня голова крѣпкая... я боленъ отъ всеобщей духоты... Атмосфера спертая...

Онъ внезапно пересталъ плакать, обернулъ лицо и, глядя на учителя мрачнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, продолжалъ:

— Иногда такія мысли приходятъ въ голову... нѣтъ, не думайте... не стрѣляться...

Онъ вдумчиво помолчалъ.

— Нѣтъ, самому итти бороться,—добавилъ онъ глухо.

Учитель поглядѣлъ на его худое, въ морщинахъ, точно состарившееся отъ преждевременныхъ думъ лицо, и ему подумалось совершенно ясно и опредѣленно, что онъ виноватъ передъ этимъ мальчикомъ.

„Ты считалъ себя педагогомъ?—сурово судилъ онъ себя:— Если ты педагогъ, ты долженъ любить дѣтей и щадить дѣтей... А щадишь ли, бережешь ли ты его молодыя, не окрѣпшія силы?... Завтра же, быть можетъ, онъ пойдетъ и...“

Холодный, безпомощный страхъ сжалъ его сердце.

— Костенскій!—сказалъ онъ, протягивая ему руку.

Тотъ жадно схватилъ ее и крѣпко пожалъ.

— Костенскій, дайте мнѣ слово, что вы ничего... такого не предпримете... Дайте же мнѣ слово! Вѣдь вы мальчикъ... вы должны беречь свои силы для будущаго, когда вы крѣпко станете на ноги... Вы сами же сознаете, что вы теперь больны...

Костенскій постепенно высвободилъ свою руку изъ руки учителя. Не то ироническая, не то брезгливая успѣшка искривила его губы.

— Я думалъ услышать отъ васъ другое,—сказалъ онъ мрачно:—Родина гибнетъ... Каждая сила должна быть на счету... Прощайте...

Онъ угловато и вмѣстѣ сухо поклонился и, не протянувъ руки, пошелъ въ переднюю.

— Костенскій!—крикнулъ ему въ догонку учитель:—Остановитесь...

Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ ему что-то сказать, чтобы спасти самого себя въ собственныхъ глазахъ.

Но не могъ же онъ крикнуть ему:

— Костенскій, подождите! Давайте, въ такомъ случаѣ, я за васъ... если ужъ это такъ необходимо...

И вдругъ, впервые за все время, широкая и огромная

мысль, ужасная въ своей простотѣ и отчетливости, точно придавили его къ землѣ:

— Дѣтей забыли... всѣ забыли... и гнетущіе наверху, и рабски молчащіе внизу... Думали, что въ странѣ живутъ только взрослые, грубые и обтерпѣвшіеся, всему поклонившіеся, безвольные и продажные... И забыли, что есть наши судьи и мечтатели, которые еще не утратили чуткости къ мысли и правдѣ... Они есть... вотъ они!

Костенскій уже надѣвалъ калоши.

Учитель вышелъ къ нему въ переднюю.

— Костенскій! У васъ есть родители... мать и отецъ... Помните это всегда...—сказалъ онъ, испытывая отчаяніе передъ мыслью, что вотъ юноша уйдетъ навсегда и больше къ нему не придетъ и, быть можетъ, уже больше никому не раскроетъ своей души... А пойдетъ и... совершитъ... Вѣдь теперь всюду эти подростки... отъ 17-ти лѣтъ...

Юноша, почти мальчикъ, глядѣлъ на него въ упоръ, и лицо у него было сейчасъ такое холодное, каменное, до ужаса непроницаемое; только два маленькихъ пятнышка на острыхъ, чуть выдавшихся отъ худобы скулахъ.

„О чемъ онъ думаетъ и что еще надумаетъ? Что-нибудь опять совершенно неожиданное и умное, непремѣнно умное, но безысходное, что разобьетъ сердце".

— У всѣхъ есть отцы и матери!—сказалъ Костенскій строго:—До свиданія.

Онъ нахлобучилъ шапку и высокій, странно-большой, совсѣмъ непохожій на мальчика, пошелъ къ двери, но вдругъ остановился и полуобернувшись произнесъ:

— Я не осуждаю васъ... Вы отяжелѣли... А мы... Въ нашихъ рукахъ—будущее страны.

Голосъ у него былъ неровный, мѣняющійся, съ перерывами: „переходилъ". Кромѣ этого, онъ всѣмъ былъ похожъ на взрослаго.

Дверь закрылась. Учитель остался одинъ, и въ умѣ его сверлила острая, безпощадная мысль:

— Ты хотѣлъ быть педагогомъ... только педагогомъ, но ты забылъ, что въ понятіе „педагогъ" неизмѣнно входитъ и слово „гражданинъ". Да, ты—бюрократъ, ты—только бюрократъ.

На чердакѣ.

Что на свѣтѣ выше
Свѣтлыхъ чердаковъ?
Вижу трубы, крыши
Дальнихъ кабаковъ...

Путь туда заказанъ,
И на что теперь?
Вотъ я съ ней лишь связанъ...
Вотъ закрыта дверь...

А она не слышитъ—
Слышитъ—не глядитъ,
Тихая—не дышитъ,
Бѣлая—молчитъ.

Ужъ не проситъ кушать...
Вѣтеръ свищетъ въ щель.
Какъ мнѣ любо слушать
Вьюжную свирѣль!

Вѣтеръ, снѣжный сѣверъ!
Давній другъ ты мнѣ!
Подари ты вѣеръ
Молодой женѣ!

Подари ей платье
Бѣлое, какъ ты!
Нанеси въ кровать ей
Снѣжные цвѣты!

Ты дарилъ мнѣ горе,
Тучи да снѣга!
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтобъ была нарядна
И, какъ снѣгъ, бѣла...
Чтобъ смотрѣлъ я жадно
Изъ того угла...

Слаще пой ты, вьюга,
Въ снѣжную трубу,
Чтобъ спала подруга
Въ ледяномъ гробу,

Чтобъ она не встала,
Не скрипи, доска!
Чтобъ не испугала
Милаго дружка!

Александръ Блокъ.

Сергѣй Грядуновъ.

Разсказъ А. Буговскаго.

I.

Сидя вечеромъ у молоденькой курсистки Боровской, студентъ Грядуновъ думалъ о томъ, какъ все это странно: какъ будто ничего и не произошло, какъ будто не онъ часа два тому назадъ такъ горячо и упорно настаивалъ въ комитетѣ на смертномъ приговорѣ, и какъ будто не онъ— теперь спокойный и грустный—вызвался его выполнить.

Низенькая, маленькая комната съ балкой во весь потолокъ, розовый свѣтъ отъ бумажнаго абажура, горы книгъ и бумагъ, наконецъ, сама Анна Ивановна, или, какъ шутя называли ее знакомые,—Монна Ванна, ничего не знавшая о происшедшемъ, со своимъ милымъ дѣвичьимъ лицомъ, голубыми всегда чуть-чуть удивленными и строго-вдумчивыми глазами, и эта тонкая темнорусая коса,—все было такъ старо, знакомо и совсѣмъ обычно.

— Ну-съ, сеньоръ, о чемъ это вы?

— Да такъ...—отвѣтилъ Грядуновъ, и потомъ тихо и задумчиво продолжалъ:—Вотъ думаю, что многое въ жизни странно... какъ-то не видишь во многомъ связности. Впрочемъ, это только на первый взглядъ... Ну, да вѣдь сіе—одна метафизика, а теперь не до нея, не время...—и ужъ совсѣмъ другимъ тономъ прибавилъ:—Будемъ-ка вотъ лучше чай пить.

— Да, это ужасно, что творится теперь, ужасно!—подхватила Анюта, и лицо ея приняло такое выраженіе, какъ у дѣтей, когда они готовы расплакаться.—Что-жъ это только будетъ? Ужасно!

— Мы вотъ, Монна Ванна, и вчера, и недѣлю, и мѣсяцъ назадъ все говорили: „Ужасно, ужасно“! а вѣдь на самомъ дѣлѣ день ото дня творятся вещи болѣе, чѣмъ ужасныя, прямо не подыщешь и выраженія. Да... Подумайте только,—

онъ зашагалъ по комнатѣ и заговорилъ, жестикулируя и отбрасывая со лба непослушные волосы,—каждый, каждый день творятся самые невѣроятные ужасы и мерзости: садятъ невинныхъ людей въ тюрьмы, засѣкаютъ до смерти, ставятъ въ снѣгъ на колѣни, насилуютъ, разстрѣливаютъ... Господи, да что жъ это такое? гдѣ мы живемъ?!. Вотъ, полюбуйтесь,— онъ выхватилъ изъ кармана газету и, ткнувъ въ одно мѣсто пальцемъ, прибавилъ:—А, что? любопытно? Вотъ, до чего дожили: уже особые отдѣлы—для казней. Вчера, вотъ, я читалъ одну книжицу, такъ тамъ говорится, что въ наше время процентъ смертныхъ казней гораздо больше, чѣмъ даже во времена Ивана Грознаго. Что плохо? а?.. А вотъ вамъ еще: почитайте-ка, что въ нашей губерніи дѣлается.— Онъ указалъ Анютѣ на статью, въ которой описывались подвиги одного „усмирителя", звѣрски истязавшаго крестьянъ.

Грядуновъ сѣлъ и, прихлебывая чай, нарочно внимательно слѣдилъ за измѣненіями на лицѣ Анюты, у которой то и дѣло хмурились брови, вздрагивали тонкія плечи и глаза расширялись, точно самъ ужасъ застывалъ въ нихъ.

— Боже мой, Боже мой, вѣдь это... это ужасно! Что же это...

— Вотъ видите, можно ли оставлять такихъ людей безнаказанными?

— Да, конечно,—отвѣтила Анюта,—конечно... Но какъ это тяжело... Вѣдь все-таки... убійство должно быть противно человѣку.

— Положимъ, что такъ... Но вы поймите: необходимо устранить изъ общества жестокаго, озвѣрѣвшаго человѣка, который издѣвается надъ людьми, разстрѣливаетъ ихъ. Запереть, изгнать его мы, къ сожалѣнію, не можемъ, а потому остается одинъ только способъ.

— Жестокій, — тихо добавила Анюта, печально качая головой.

— Что жъ? ничего не подѣлаешь... Вотъ вы, Монна Ванна, знаете, что душа у меня мягкая и чуткая, но все же я говорю: нельзя теперь молчать, нельзя, преступно! Нужно отвѣчать на эти бьющіе въ глаза, разящіе сердце факты, а на факты можно и должно отвѣчать только фактами, а не „охами" да „ахами".

Наступило молчаніе. Анюта задумалась и потомъ вдругъ начала:

— Что еще меня страшитъ, такъ это то, до чего мы дошли. Помните, на-дняхъ это неудачное покушеніе? Такъ вотъ, когда я прочла объ этомъ, мнѣ стало жаль... Господи,— она прижала газету къ груди,—вы вдумайтесь только, Се-

режа: мнѣ стало жаль, что неудачно. И всѣ вотъ такъ говорили, всѣ. Ахъ, до какой кровожадности мы дошли, это прямо...

— Нѣтъ, мы не сами дошли,—угрюмо перебилъ ее Грядуновъ,—а насъ довели и пусть тѣ, которые довели насъ, пусть они почувствуютъ это на себѣ самихъ.

Наступило короткое молчаніе. Грядуновъ, тяжело дыша, отошелъ къ окну и стоялъ тамъ, нервно барабаня по стеклу пальцами и вглядываясь въ темноту улицы. Анюта задумалась и потомъ вдругъ взволнованно-быстро начала:

— Что дѣлается, что только дѣлается. Я не могу вамъ, Сережа, достаточно ясно выразить тотъ ужасъ, который охватываетъ меня, когда я вдумаюсь въ происходящее вокругъ... Наливайте сами, тамъ еще есть,—прервала она и продолжала.—Знаете, Сережа, на-дняхъ какъ-то ночью я совсѣмъ ясно, ну, понимаете—совсѣмъ ясно, вдумалась и ощутила тотъ кошмарный ужасъ, когда некуда дѣться... Когда я подумаю о томъ... о тѣхъ ужасахъ и гнусностяхъ, которымъ подвергаются женщины, меня охватываетъ такая злоба, такая жажда мести...

— Вотъ - вотъ,—радостно подхватилъ Грядуновъ,—какъ это хорошо вы сказали, Анюта, какъ хорошо! Знаете, многіе говорятъ, что эти убійства не рѣшаютъ вопроса, что вмѣсто одного негодяя является другой, третій и т. д... Ахъ, Господи,—досадуя на кого-то, говорилъ Грядуновъ,—но нельзя же оставлять безнаказаннымъ глумленіе надъ человѣкомъ. Подумайте только—вѣдь это жъ такое издѣвательство... Это прямо... Э, да что тамъ...

Должно быть, этотъ разговоръ былъ Грядунову тяжелъ и утомилъ его, потому что послѣднія слова произнесъ онъ уже какъ-то устало и вздохнулъ глубоко.

— Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ,—сказалъ онъ.—Вотъ скоро весна... Хорошо! Вы, Монна Ванна, когда домой на Пасху? Какъ-то тамъ у насъ? должно быть, ужъ настоящая весна...

— А вы развѣ не ѣдете, Сережа?

— Нѣтъ... Я ѣду завтра... только не домой.

— А куда же?

— Да такъ... кой-куда по дѣламъ,—спокойно отвѣтилъ онъ, но въ груди что-то захолонуло.

Анюта знала, что Грядуновъ въ комитетѣ, и что у него часто бываютъ дѣловыя поѣздки, но сама она не была въ партіи и потому не разспрашивала.

— Вы не обижайтесь, голубчикъ, у меня спѣшная работа, въ земствѣ дали, надо къ завтрашнему дню приготовить.

— Эге, такъ вы завтра богатой будете?

— Мг...—улыбнулась Анюта,—а вотъ сегодня авансомъ угощу васъ конфектами. За это извольте занимать меня разговорами, а я буду работать.

— Нѣтъ, Монна Ванна, ужъ лучше я займусь по части конфектъ: на это я способнѣй.

— Ишь вы какой...—улыбнулась Анюта, раскладывая бумаги.

Грядуновъ сидѣлъ противъ Анюты въ стареньномъ мягкомъ креслѣ съ поломанной ручкой, глядѣлъ на нее и думалъ о ней, о любви къ ней, о которой никогда не рѣшался сказать, но о которой (онъ былъ въ этомъ увѣренъ) знала она; и еще о томъ думалъ онъ, что, должно быть, въ послѣдній разъ видитъ онъ ее сегодня; и отъ этого сердце сжалось, и такъ больно стало... И еще больнѣе было отъ мысли, что, вотъ, не можетъ онъ ей сказать о томъ, за чѣмъ уѣдетъ онъ завтра, и что теперь, можетъ быть, никогда... нѣтъ, навѣрное, никогда не сумѣетъ сказать ей о своей любви и не услышитъ ничего отъ нея. Такъ много словъ, такъ много нѣжныхъ словъ толпилось въ его головѣ, и былъ ихъ смыслъ одинъ—любовь... о любви говорили они всѣ, о невысказанной, мучительной и такой милой.

„Надо вглядѣться,—думалъ онъ,—надо запомнить все, все... вѣдь въ послѣдній разъ"!.. И такъ мучительно больно стало, и хотѣлось сейчасъ же, не думая, припасть къ Анютѣ и говорить ей тихо и нѣжно о своей любви и жаловаться на то, что люди такъ исковеркали, такъ жестоко изломали самое драгоцѣнное счастье человѣка—жизнь.

— Такъ-то вы, сеньоръ, занимаете даму,—сказала, улыбнувшись, Анюта,—чего это вы все молчите?—и, отмахнувъ упавшую на плечо косу, взглянула на Грядунова своимъ добрымъ, вдумчивымъ взглядомъ. И такъ дорога, такъ мила показалась она ему въ эти минуты со своимъ умнымъ, строгимъ и немного усталымъ лицомъ, что захотѣлось ему приласкать ее и сказать ей что-либо теплое, нѣжное.

— Та-а-а-акъ-съ,—протянулъ онъ и задушевно-ласково прибавилъ:

— А вы, должно быть, устали, голубушка, а? отдохнули бы... Ну-съ, а я, одначе, пойду.

— Чего? сидите, я еще поработаю.

— Нѣтъ, пора ужъ. Ну-съ, аддь-юсъ,—улыбнулся Грядуновъ, прощаясь,—всѣхъ благъ.

— Вы надолго, Сережа?

— Да, должно быть... — и тихо прибавилъ: — должно быть...

Онъ, забывшись, держалъ ея маленькую блѣдную руку,

а она глядѣла на него не то печально, не то устало и, какъ будто, чего-то ждала.

— Ну-съ, такъ, значитъ, вы ужъ скоро домой...—сказалъ Грядуновъ, чтобы не было неловко,—та-а-а-акъ... Ну, кланяйтесь тамъ моимъ старикамъ.—Онъ пошелъ было къ двери, но потомъ остановился и какъ-то странно, какъ бы щурясь отъ воображаемаго солнца, сказалъ:—Да-а, теперь тамъ, должно быть, ужъ настоящая весна...

— Пріѣзжайте, Сережа. Пріѣдете?

— Постараюсь,—сказалъ онъ и печально улыбнулся.

...На улицѣ было темно и туманно, но тепло по-весеннему, хотя мартъ только начался.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Грядуновъ остановился: ему послышалось, будто Анюта окликнула его. Застучало часто, часто сердце, и колѣни подкосились. Но было тихо; должно быть, это только почудилось. Онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на освѣщенное розовое окно и, грустнѣй, побрелъ, дальше.

Было грязно и сыро, и оттого, что совсѣмъ тихо и тепло было, и какъ-то загадочно свѣтили въ туманѣ заплаканными теклами фонари,—вспомнилось Грядунову давно читанные дѣ-то стихи:

Нынче ночью кто-то одинокій
И родной, казалось, звалъ меня.
Чей-то взоръ изъ сумрака глубокій
Мнѣ мерцалъ, волнуя и маня.

Слѣдующіе строки забылись и вспомнились только двѣ изъ средины

...И глядѣли призрачно и странно
Воспаленнымъ взоромъ фонари...

„Да, — подумалъ онъ,—правда— „воспаленнымъ“.—И, вспомнивъ объ Анютѣ, тихо и грустно повторилъ:

...одинокій
И родной, казалось, звалъ меня.

„Какъ хорошо. Гдѣ это я читалъ?“...

Хлюпалъ подъ ногами мокрый, хлибкій снѣгъ, падали изъ желобовъ и стучали по панели талыя капли и плыли изъ тумана навстрѣчу воспаленные, мутные зрачки.

Не хотѣлось думать ни о чемъ другомъ—только объ Анютѣ и объ этой первой весенней ночи. Грядуновъ вдругъ остановился и произнесъ тихо и нѣжно:

— А-ню-та!..

И такимъ любящимъ и нѣжнымъ, просящимъ и востор-

женнымъ былъ этотъ звукъ, что онъ самъ не узналъ своего голоса. Счастливый, онъ улыбнулся радостно-тихо, какъ будто зналъ что-то такое, чего не знали другіе и, идя дальше, опять мечтательно подумалъ:

И родной, казалось, звалъ меня.

II.

Въ вагонѣ было душно, и нестерпимо, до тошноты пахло овчиной, кожей и потомъ. Грядуновъ вышелъ на площадку. Былъ часъ ночи. Въ городъ, гдѣ Грядунову нужно было остановиться, поѣздъ приходилъ въ пять часовъ на разсвѣтѣ. Тамъ ожидали его товарищи, которые должны были уже узнать, въ какой деревнѣ „усмиритель", и сейчасъ же дать туда подложную отъ генералъ-губернатора телеграмму, чтобы задержать его тамъ.

Спать не хотѣлось, и Грядуновъ стоялъ на площадкѣ, открытой со всѣхъ сторонъ. Вѣтеръ былъ сырой, пронизывающій, а снѣгъ—мокрый и скользкій.

Въ головѣ Грядунова стояла все неотвязная мысль о предстоявшемъ, о томъ, что, вотъ, ѣдетъ онъ теперь убить того, котораго совершенно не знаетъ и его самого, и что съ каждымъ стукомъ, съ каждымъ громыханіемъ колесъ оба они несутся къ безднѣ.

„Вѣдь въ сущности это такъ и есть—бездна...—думалъ Грядуновъ.—Нѣтъ, погоди,—говорилъ онъ себѣ,—надо о чемъ-то другомъ думать, о другомъ... да... такъ о чемъ же?.. Ага, вотъ!.." И то, о чемъ думалъ онъ потомъ, было высшей, самой высшей, дорогой для него правдой.

„Вѣдь я не могу... Вѣдь мнѣ противно убійство... отнять жизнь... жизнь!.. Боже мой! Самое дорогое, самое радостное. И вотъ я, любящій жизнь и понимающій, да, хорошо понимающій всю безконечность... нѣтъ, нѣтъ не несчастія, а больше — этого непостижимаго ужаса: отнятія жизни!.. и вотъ я убью... убью потому, что онъ не человѣкъ. И вотъ поэтому, именно поэтому я, такъ любящій жизнь, убью его... да! И это будетъ... и онъ и я, оба мы, теперь живые, не станемъ и не будетъ насъ ужъ никогда... никогда."

И тутъ, подъ ритмичное громыханіе колесъ и лязгъ крючьевъ, Грядуновъ съ любопытствомъ и безстрашіемъ человѣка, стоящаго надъ бездной, заглянулъ туда внизъ и задумался. И оттого, что такъ ясно, такъ чудовищно-ясно и остро ощутилъ онъ жестокость всего уклада окружавшей жизни, — содрогнулся онъ и захолонуло что-то въ груди, какъ бываетъ во снѣ, когда летишь внизъ съ высоты.

Онъ понялъ, что то, что онъ убьетъ человѣка, совсѣмъ незнакомаго, бездушнаго и страшно жестокаго, что тотъ взмахнетъ при его выстрѣлѣ руками и въ глазахъ его встанетъ самъ ужасъ; то, что тотъ не знаетъ своей роковой минуты, не знаетъ, гдѣ и кѣмъ это можетъ быть сдѣлано, и еще то, что и самъ онъ, Грядуновъ, не будетъ потомъ жить,—все это зналъ онъ, называется простымъ давно знакомымъ и совсѣмъ не звучнымъ словомъ—„жизнью".

Для Грядунова было несомнѣнно и ясно, что онъ долженъ убить и убьетъ, потому что весь онъ загорался ненавистью, когда вспоминалъ объ издѣвательствахъ одного человѣка надъ многими, надъ ихъ личностью, волей, надъ ихъ жизнями...

На какой-то станціи поѣздъ стоялъ 20 минутъ. Грядуновъ зашелъ въ вокзалъ, у дверей котораго стоялъ заспанный солидный швейцаръ съ бѣлыми галунами и бакенбардами. Отъ нечего дѣлать, чтобы не было скучно, Грядуновъ попросилъ кофе. Противъ него сидѣлъ какой-то очень тучный пожилой мужчина въ лисьей шубѣ и шапкѣ,—должно быть, помѣщикъ. И, глядя на его заспанное, одутлое съ мѣшечками подъ глазами лицо, Грядуновъ подумалъ: „Какъ удивился бы послѣ-завтра этотъ добродѣтельный толстякъ, узнавъ, что это я, Грядуновъ, сидящій теперь напротивъ,—убилъ того... Но онъ не знаетъ этого и не можетъ узнать, потому что не дано человѣку видѣть душу другого... да... не дано..."

Вокзалъ былъ почти пустъ, и тихо въ немъ было. И одинъ только официантъ не спалъ и все гремѣлъ безъ толку посудой, — мелкимъ и острымъ стеклянымъ грохоткомъ.

Стало скучно... Грядуновъ прошелся по залѣ разъ, другой, и потомъ зашелъ, самъ не понимая зачѣмъ, въ отдѣльную комнату, пустую, одинокую и неуютную, гдѣ стоялъ большой, кожаный, по краямъ потрескавшійся диванъ и мраморный умывальникъ съ кускомъ сиреневаго мыла. Лампа коптила, и потрескивалъ фитиль. Грядуновъ присѣлъ зачѣмъ-то на диванъ, потомъ всталъ, прошелся по комнатѣ, потрогалъ умывальникъ и странно, про себя улыбаясь, подумалъ: „Какъ все это, вотъ что я вижу теперь,—какъ все это далеко, страшно далеко отъ того, что будетъ завтра... и нѣтъ между этимъ и тѣмъ единости и связности, какъ между „сегодня" и „завтра". Или есть?"

Стоя потомъ на площадкѣ быстро бѣгущаго вагона, Грядуновъ думалъ о томъ, какъ хороша у него на родинѣ южная весна, какъ задумчиво и хлопотливо перешептываются въ саду липы, и какъ красивы отраженія мѣловыхъ

косогоровъ въ большой рѣкѣ. И когда то утопавшая, то всплывавшая,—заколыхалась вдругъ опять своими огромными черными крыльями мысль о предстоявшемъ,—было какъ-то непонятно, даже смѣшно, и не вѣрилось, что такъ будетъ.

„А теперь, ранней весной, въ слегка морозныя утра, лужицы замерзаютъ, стеклянѣютъ,—думалъ онъ,—и когда наступишь на нихъ, онѣ съ веселымъ звономъ трескаются и становятся бѣлыми, бѣлыми... Почему это пришло мнѣ въ голову теперь? Странно..."

Грядуновъ вытянулъ во мракъ голову и замеръ такъ, прислушиваясь къ голосу ночи, а она, такая неколебимая и холодная, неизмѣнно-жестко твердила все одно, все одно:

— ...у-у-жж...жассс... у-у-жж...жассс...

III.

Въ этотъ день „усмиритель"—старшій совѣтникъ N-скаго губернскаго правленія и начальникъ отряда — Тимашевъ, всталъ поздно съ не совсѣмъ здоровой отъ шумной и весело проведенной ночи головой, но съ спокойной и пріятной мыслью—какъ хорошо все идетъ!

Позади,—но это гдѣ-то тамъ, въ далекомъ прошломъ,—въ неуклюжемъ огромномъ зданіи губернской управы, съ узкими, темными и вѣчно-наслѣженными корридорами,—было когда-то жалкое его прозябаніе за канцелярскимъ съ чернильными пятнами столомъ, приниженное положеніе и зависть, огромная зависть ничтожества, и вѣчная рабская угодливость, трусость и лесть.

На минуту пепельно-морщинистое лицо совѣтника какъ-то странно-пріятно улыбнулось отъ далекаго воспоминанія. Въ головѣ его живо и быстро промелькнуло, какъ когда-то однажды вице-губернаторъ удостоилъ его, тогда еще ничтожнаго канцелярскаго писца, своего высокаго вниманія, попросивъ отнести женѣ билетъ въ театръ. Какъ обрадовался онъ тогда! Съ какой торопливостью бросился исполнить „милостивое" порученіе! И какъ давно это было, какъ давно... Особенно далекимъ и смѣшнымъ было это воспоминаніе теперь... теперь, когда онъ достигъ уже завѣтныхъ ступеней!..

Было въ этомъ далекомъ прошломъ много-много мелкихъ униженій и уколовъ молодому, горячему самолюбію... Но вспоминать объ этомъ теперь, останавливаться на этомъ не хотѣлось, да и стоило ли, когда въ концѣ концовъ все вышло такъ хорошо... Его отличили, и онъ оправдаетъ надежды высшаго начальства и выполнитъ свой долгъ, не останавливаясь ни передъ какими строгостями: да и какъ же

иначе? Вѣдь и стыдно, да и не выгодно, не выполнить возложенныхъ задачъ.

И облеченный большой, страшно большой властью, онъ упивался теперь, захлебывался ею, рисовался ею передъ подвластными, ему одному подвластными людьми; рисовался и передъ казаками, рабски послушными и награждалъ ихъ народными, кровными деньгами, забавлялъ народными муками ,и тѣшилъ ихъ народными женами и дочерьми. И не знала удержу его власть...

Тамъ, въ городѣ, ограниченная твердыми управскими стѣнами, эта власть знала свои предѣлы, и не простиралась за сѣрыя, облупленныя колонны подъѣзда. Здѣсь же, на волѣ, въ просторныхъ снѣжныхъ поляхъ съ разбросанными кой-гдѣ деревеньками, — здѣсь терялась у совѣтника мѣра власти и желаній, и онѣ казались ему такими же безпредѣльными, какъ и эти далекіе и смутно-неясные горизонты, что за окномъ.

Сидя за утреннимъ чаемъ, Тимашевъ сладко и довольно улыбнулся отъ пріятнаго воспоминанія. Его обычно-тусклые, оловянные глаза зажглись огонькомъ, и сизо-сѣдыя впалыя щеки расширились отъ улыбки и покрылись рядомъ морщинъ. Онъ съ удовольствіемъ потеръ руки и подумалъ вслухъ: „А хороша, шельма!..“ Ему вспомнилась вчерашняя пьяная ночь и красивая, молодая баба, которую привели къ нему казаки. Тогда же тамъ, за дверью, послышались крики и ругательства, которые, впрочемъ, сейчасъ же, вслѣдъ за казачьими выстрѣлами, смолкли. Уже не первой была эта баба, но такой красивой у него еще не было. И даже когда кричала и билась она, онъ не позволилъ „пристрѣлить“ ее, какъ совѣтовалъ казачій офицеръ.

Утро было теперь такое славное, — сильно-морозное и очень снѣжное. Вкусенъ былъ чай, и радостно было воспоминанье. Пріятно также было думать о своей безграничной власти, о краткости приказаній и о томъ, что казаки такъ быстро понимаютъ ихъ и исполняютъ совсѣмъ играючи и такъ ловко. И еще пріятно было, что во власти его есть нѣчто,—такое большое-большое,—почти божеское: жизнь и смерть!

Было пріятно-радостно глядѣть сквозь запотѣлое отъ самовара окно на бѣлые хрупкие сугробы съ синеватыми отливами въ тѣни, на прямо и одиноко-печально подымавшійся вверхъ дымокъ старшинскаго дома, на красиво опушенныя снѣгомъ деревья... И при видѣ косого солнечно-яркаго столба дрожащихъ и переливающихся морозныхъ искръ, — въ старѣвшее уже, хилое тѣло вливалось что-то бодрое, веселое и строгое, какъ и этотъ морозъ.

Хотѣлось двигаться, волноваться, кричать, приказывать,— и такъ досадно было, что приходится сидѣть „безъ дѣла“, сложа руки и ждать отъ генералъ-губернатора какихъ-то новыхъ инструкцій.

Вошелъ казачій офицеръ съ изсиня-краснымъ изрытымъ оспой носомъ и тоненькими на немъ синими жилками, съ обрюзглымъ и наглымъ лицомъ, мутными, невыспанными глазами и длинными книзу опущенными усами. Поздоровавшись, они заговорили о томъ, что хорошо бы теперь на охоту, хорошо бы вообще поразмяться послѣ весело проведенной ночи, и какъ некстати это странное ожиданіе.

— Что жъ, дѣлать нечего, — сказалъ, досадливо морщась, совѣтникъ. — Пейте чай. Хотите рому? Эй, Зубковъ, достань тамъ изъ ящика бутылку. Да не тамъ... куда ты, дуракъ, лѣзешь—въ канцелярскомъ столѣ въ углу, ну!..

— А я уже признаться того...—говорилъ офицеръ, щелкая себя по шеѣ и закидывая голову. — Х-хо-хо... Сотникъ Долба, какъ говорится, опохмѣлился. Успѣлъ.

— Гдѣ же это?

— Та у батьки. Добрая у него настойка... — И онъ засмѣялся какимъ-то своимъ особымъ мыслямъ, а глаза вспыхнули яркимъ, страстнымъ огнемъ, — хо-хо-хо-хо... да и матушка... попадья тоже того... сдобная, чортъ меня возьми.

— Эге,—сладко-завистливо сказалъ совѣтникъ,—вы, я вижу, времени не теряете.

— Еще бы! Иванъ Долба не зѣваетъ... Ага! Такъ-то, ваше превосходительство,—развязно, подмигивая совѣтнику, отвѣчалъ офицеръ, и потомъ немного погодя тяжело и медленно прибавилъ: — Вотъ оно какъ: кто любитъ попа, а кто—попову дочку... Кажется, это я не то... ну, да чортъ съ нимъ... Скучно, чортъ побери совсѣмъ... Мужики попрятались. Кладбище, а не деревня... Поработали мои молодцы... Да, отлично. Попомнятъ насъ... Будутъ знать... Пускай вотъ теперь *почешутся*... небось, забудутъ про землю и про волю, — насмѣшливо-злобно говорилъ совѣтникъ, — а то... научились, и туда же... Ишь — „граж-да-не!“... „Потому — какъ слобода, знычить“,—передразнивалъ совѣтникъ.—Нѣтъ, подумайте: дать этому народу волю, этимъ дикарямъ... Да вѣдь они истребятъ, уничтожатъ вся и всѣхъ! Нѣтъ, нѣтъ!.. нужна власть и власть, иначе...—и онъ не договорилъ, погрузившись въ облако дыма.

— И чортъ ихъ знаетъ,—вторилъ сотникъ,—чего они?.. Съ жиру бѣсятся, — панами захотѣли сдѣлаться... уравненія въ правахъ, свободы разныя... Ска-а-жите, пожалуйста,— тоже люди!.. Такъ нѣтъ же!—громко воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, такъ что жалобно задребезжала и

застонала посуда,—есть еще на Руси заступники... Не дадимъ жидамъ Россію, постоимъ!.. Вѣрно?..

И совсѣмъ особымъ, вкрадчивымъ голосомъ прибавилъ:

— А вы ужъ, ваше превосходительство, когда будете у генералъ-губернатора, не забудьте о моихъ молодцахъ... да и обо мнѣ кстати... хо-хо-хо... а, что? Сотникъ Долба и себя не забываетъ, — и, хлопая себя по лбу, прибавилъ: — Чортъ возьми, шарики у меня еще работаютъ!

— Непремѣнно, непремѣнно! Доложу, а какъ же...—говорилъ совѣтникъ, дымя сигарой.—А ну—выпьемъ, что ль?

— Отъ це дило!—подхватилъ офицеръ,—якъ говорятъ у насъ у Хохландіи... Знаете Хохландію?—И вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, прибавилъ: — Эхъ, хорошо тамъ... Лѣтомъ—деревья... зелень... пыль, чортъ меня побери... бѣлыя мазанки... акаціи... А хохлушки... этакія коханки съ черными очинятами... Э-эхъ!..—щелкнулъ онъ пальцами, и голосъ его дрогнулъ. И вдругъ, схватившись со стула, прищелкивая каблуками и призванивая шпорами, запѣлъ:

Кину кожухъ на полыцю,
Сама пиду на улыцю.
Кину кожухъ...

но охмѣлѣвшій и усталый отъ вчерашней пьяной ночи, онъ сейчасъ же опустился на стулъ и, уткнувшись подбородкомъ, глядѣлъ куда-то вдаль. Лицо его совершенно преобразилось: оно казалось тихо-грустнымъ, а глаза смотрѣли куда-то печально и задумчиво... Куда?.. Туда, гдѣ такъ широка степь?.. гдѣ мазанки?.. и эти манящія... „чорніи очинята?..“

— Ну-у, это вы ужъ того... совсѣмъ изъ другой оперы, какъ говорится,—опомнившись, сказалъ удивленный совѣтникъ. — А что касается этихъ самыхъ „очинятъ“, то ихъ и здѣсь къ вашимъ услугамъ, сколько...

— Вѣррна! — хриплымъ голосомъ радостно воскликнулъ офицеръ. — Вѣррна, ваше превосходительство! А какую я вчера дѣв-чон-ку пой-ма-алъ...

Онъ началъ описывать свои похожденія. Совѣтникъ поддакивалъ ему. Потомъ оба вдругъ разомъ, словно сговорившись, замолчали, и стало тихо. И слышно было, какъ попыхивалъ и тонко-тонко посвистывалъ потухавшій самоваръ.

— А знаете что?—вдругъ ударяя себя по лбу, сказалъ сотникъ.—Сыграемъ въ карты.

— Вдвоемъ-то?

— Чего—вдвоемъ... Эге! Сотникъ Долба не дуракъ... А мы батьку за бока; на то онъ и попъ, чтобъ въ преферансъ

играть... Ужъ безъ этого не водится... Эге! шарики-то у меня еще, слава Богу, работаютъ.

Онъ выбѣжалъ на крыльцо въ одной тужуркѣ безъ шапки, съ краснымъ, потнымъ лицомъ, и крикнулъ:

— Эй ты, кто тамъ—Ковальчукъ, или ты, Балаба, бѣжи до батьки. Скажи—генералъ проситъ. Да бѣгомъ, чортъ тебя подери!

Черезъ полчаса они уже играли съ батюшкой въ преферансъ и подшучивали и издѣвались надъ нимъ, робкимъ, и, какъ и всѣ въ деревнѣ, напуганнымъ этими необычными для него жестокими и властными людьми...

— Бубны!—кричалъ сотникъ.

— Мои,—виновато и тихо говорилъ батюшка.

— Брось, батя, не торгуйся: противъ начальства не иди. „Нѣсть бо не отъ"... или, какъ ты тамъ, прежде сказалъ? Х-хо-хо... То-то! — И, видя недоумѣлое и растерянное лицо батюшки, говорилъ:—Та я шучу, шучу... ну, твои и бери себѣ на доброе здоровьице...

Стоялъ облакомъ дымъ, кричалъ и громко хохоталъ офицеръ, и слышалось:

— Пики-невелики!—Бабенція, то, бишь, бубенція...

— Мои...

— Червоточина!

За окномъ молчала деревня.

IV.

Совѣтникъ Тимашевъ проснулся послѣ обѣда холодными зимними сумерками весь въ поту отъ тяжелаго, страшнаго сна. Билось у него страшно сердце, и грудь дышала часто-часто. Какой-то нехорошій, кошмарный сонъ видѣлся ему,—страшно запутанный, такъ что ничего въ отдѣльности нельзя было разобрать; но въ общемъ было въ немъ много страшнаго, нелѣпаго и непріятнаго, отъ чего оставался какой-то удручающій, нудный осадокъ.

„Гдѣ это я?—подумалъ совѣтникъ.—Ахъ, да... это волостное правленіе... въ деревнѣ".

Онъ протеръ глаза и повернулъ къ окну голову. Должно быть, на улицѣ стало совсѣмъ тепло, потому что окно оттаяло, и сквозь него совѣтникъ Тимашевъ увидѣлъ что-то фантастически-голубое, а по немъ совсѣмъ темныя и строго очерченныя тѣни, падавшія, должно быть, отъ незатѣйливаго крылечка. Онѣ лежали совсѣмъ черныя и до того неподвижныя, что казались крѣпко-накрѣпко прибитыми, поваленными.

— У-и-и-и...—тонко и жалобно завывалъ на дворѣ отор-

вавшійся желѣзный листъ, и потомъ сразу съ грохотомъ ударялся о крышу. Снова подымалъ его вѣтеръ, и онъ снова взвывалъ...

Все это завываніе, притаившіяся въ углахъ подъ столомъ и стульями потемки и неподвижно-черныя за окномъ тѣни,—все было для совѣтника необычно и какъ-то страшно, и отъ этого дѣлалось на душѣ тяжелѣе и холоднѣе, и сердце замирало, прислушиваясь къ зимне-сумеречной, подстерегающей тишинѣ.

Теперь не было уже у Тимашева того бодраго и безотчетно-радостнаго настроенія: казалось, оно исчезло вмѣстѣ съ солнечно-яркимъ свѣтомъ и пронизывавшимъ морозомъ. И была только усталость, неувѣренность и какая-то неопредѣленная, щемящая и нудная тоска.

— Вотъ еще какіе-то шумы слышатся... Что это? Гдѣ—на дворѣ или здѣсь? Старое сердце колотится часто, часто... Ахъ, да, это вѣдь сопитъ пьяный сотникъ! — обрадовался совѣтникъ.—Ну, да! и Зубковъ... конечно... Фу ты! Ишь какъ разнервничался.. Съ чего бы это?.. Да... сонъ... Что это снилось? Ничего не разберешь... Фу-у, какъ скверно! Тоска...— Онъ зѣвнулъ, потянулся и задумался.—Надоѣло... Скорѣй бы дальше... А то совсѣмъ бы домой, въ городъ. Хорошо тамъ: кабинетъ, тепло, каминъ... Эхъ, служба, надо...

Какой-то яркій и острый лучъ воспоминанья пронзилъ вдругъ его мысли, и онъ совсѣмъ отчетливо и ясно вспомнилъ мелькнувшіе обрывки сна, и подумалъ: „Убьютъ они меня... Да-а... Та-а-акъ... Только вѣдь... — И сейчасъ же, какъ бы въ отвѣтъ на какой-то свой вопросъ, подумалъ:— Да, да, лучше теперь запороть, разстрѣлять 10, 20, чѣмъ потомъ сотни... такъ лучше!"

Онъ серьезно и глубоко вѣрилъ и думалъ, что онъ правъ, и что несправедливо называютъ его извергомъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что правительство возьметъ верхъ, побѣдитъ народъ, потому что... да потому, что это вопросъ его существованія!

„Вѣдь, въ сущности, и мнѣ всѣ эти исторіи,—думалъ онъ,—не въ радость... Вотъ я лежу теперь въ деревнѣ, чортъ знаетъ гдѣ... на твердомъ диванѣ... холодно, скучно, неудобно, одиноко... даже жутко... Зато повышеніе, награды! — вильнула змѣйкой радостная мысль. — Да и какъ же, — надо же не уронить себя... вѣдь изъ всѣхъ отличили... стыдно было бы... Убьютъ? Ну что же, — ничего не попишешь,—и Тимашевъ попробовалъ даже улыбнуться. Но вмѣсто улыбки въ глазахъ былъ холодный, жуткій страхъ.—Ну что жъ,—повторилъ онъ,—я—ихъ, они—меня...

кто сильнѣе, тотъ и... Эхъ-хо-хо...—тихо и сладко зѣвнулъ онъ и подумалъ:—Жизнь хотятъ передѣлать... посмотримъ: плетью обуха... Ну и пусть гибнутъ... и мужики... сами же виноваты..."

Онъ лежалъ и думалъ о своей новой миссіи, которая была и выгодна и, вмѣстѣ, опасна.

„Смерть... умру... Страшно это... Сердце какъ бьется!.. Надо бы крикнуть Зубкова—зажегъ бы огонь: жутко"... Онъ хотѣлъ было выйти позвать сотскаго, но лѣнь было подняться. А мысли все тянулись.

„Въ прошломъ году все спокойно было, дома былъ, а теперь... не разберешь—каша какая-то... Въ деревню попалъ... Чортъ возьми—непонятно... Ишь, какъ визжитъ.. фу, какъ... непріятно... Позвать бы Зубкова"...

Онъ хотѣлъ было уже кликнуть сотскаго, какъ вдругъ послышались глухіе голоса и тупой топотъ въ сѣняхъ: должно быть, отбивали снѣгъ съ сапогъ. Совѣтникъ приподнялся и застылъ въ такомъ положеніи. Въ первую минуту отъ неожиданнаго глухого шума у него захватило дыханіе и непріятный холодъ охватилъ его, но потомъ, сообразивъ, что это, вѣроятно, караульные казаки, совѣтникъ успокоился и даже обрадовался, что онъ не одинъ и сейчась услышитъ людской голосъ.

Дверь съ трудомъ отперлась, и послышался сиплый, простуженный голосъ казака:

— Погоди, стой тутъ!—говорилъ онъ кому-то,—надо соцкаго кликнуть, пущай доложитъ.—Затѣмъ, сильно хлопнувъ дверью, такъ что задрожали стекла, онъ началъ шарить и тихо звать:

— Эй, соцкій, гдѣ ты?.. подь-ка сюды.

„Что это тамъ?" думалъ совѣтникъ, но все еще лѣнился встать.

— Ды экой ты, братецъ, безпонятный,—слышался снова голосъ казака,—говорятъ же тебѣ—отъ генерала-губернатора... инструкцея... Ды слышь ты,—сердито дергалъ онъ разбуженнаго Зубкова за рукавъ:—очхнись, отъ генер...

Обрадованный совѣтникъ уже вскочилъ и быстро, запахивая на ходу полы, прошелъ черезъ канцелярію въ прихожую.

— Здравія желаю, ваше-ство!—гаркнулъ казакъ.

— Здорово, братецъ! Что? отъ генералъ-губернатора? гдѣ?

— Такъ точно, ваше-ство! прикажите позвать?

— Зови, зови!

— Эй, иди сюды,—крикнулъ казакъ, отворивъ дверь, отъ чего комната наполнилась холодомъ и сѣдыми клубами пара,—ды смотри ноги-то пооббей, а то снѣгу натащищь.

Вошелъ весь сѣдой отъ снѣга стражникъ, въ башлыкѣ и валенкахъ, и поздоровался.

— Отъ генералъ-губернатора?—радостно спросилъ совѣтникъ.—Ну, давай, давай скорѣй.

— Сейчасъ!—отвѣтилъ стражникъ.

Онъ чуть замѣтно шевельнулъ рукой, въ которой блеснуло что-то маленькое и черное. И вдругъ страшно громко и сухо прогремѣли выстрѣлы одинъ за другимъ.

Все это было такъ неожиданно и такъ всѣхъ ошарашило, что въ первый моментъ никто не двинулся съ мѣста. И только, когда совѣтникъ, схватившись за животъ, завизжалъ и присѣлъ на корточки, только тогда всѣ—казаки, сотскій и разбуженный, испуганный выстрѣлами офицеръ закричали и набросились на Грядунова, который все продолжалъ стрѣлять, пока казакъ не ошеломилъ его прикладомъ.

V.

За время сидѣнія въ тюрьмѣ, въ тѣ тоскливые, непомѣрно-долгіе дни Грядуновъ уже свыкся съ мыслью о предстоявшей смерти, и когда въ этотъ очень свѣтлый и, по-настоящему, весенній день, стоялъ онъ въ залѣ суда, щурясь отъ яркаго свѣта, и до слуха его донеслось:... „а потому, на основаніи... мѣщанинъ... Сергѣй... къ смертной казни черезъ повѣшеніе“...—это не произвело на него особаго впечатлѣнія, и казалось ему, будто онъ уже слыхалъ это давно. Только на одну секунду при словѣ: „къ смертной“, почувствовалъ онъ гдѣ-то внизу тонкое и острое колотье и показалось ему, будто тамъ оборвалось что-то. Но было это одинъ только мигъ, и уже въ слѣдующій думалъ Грядуновъ о томъ, какъ ярко, до боли ярко искрится и брызжетъ золотыми пылинками пуговица на мундирѣ предсѣдателя-генерала.

И когда вели его потомъ подъ сильнымъ конвоемъ съ голыми, ослѣпительно-блещущими на солнцѣ, шашками, онъ все никакъ не могъ вдуматься и ясно ощутить тотъ глубокій, ужаса полный смыслъ приговора, и думалось, что все только что происшедшее въ судебной залѣ,—неправда, тяжелый, нехорошій сонъ, и что правда прекрасная, свѣтлая правда,—здѣсь, гдѣ такъ глубоко синее небо, и гдѣ весна такъ бурлитъ и манитъ весенними призывами своими! Думалось о веснѣ, о радостной, теплой веснѣ на родинѣ, объ Анютѣ... и трудно было себѣ представить, что уже въ послѣдній разъ идетъ онъ по улицѣ,—до того это не вязалось съ жизнью, шумно и весело рождавшейся вокругъ!

И только теперь вечеромъ, когда сверху, изъ маленькаго рѣшетчатаго окна скользила, все укорачиваясь, свѣтлая полоска уже заходящаго солнца, только теперь почувствовалъ Грядуновъ, что нѣчто страшно-дорогое и важное потеряно, и потеряно навсегда. И такъ больно-больно заныло въ груди; и оттого, что такъ безысходно-больно стало, что-то теплое и солоноватое подступило къ горлу, и Грядуновъ какъ-то сдавлено и странно-тоскливо простоналъ:

— А-а-а...

И махнулъ безнадежно рукой.

Онъ не зналъ, когда его повѣсятъ—черезъ день ли, черезъ два, три... зналъ лишь, что можетъ это случиться и завтра, и потому надо спѣшить, спѣшить... Надо обо всемъ, обо всемъ передумать,—и какъ много думъ пришло теперь сразу въ голову, какъ много! Разомъ взбудораженныя, онѣ закопошились, затолкались другъ о дружку и похожи были на потревоженный рой.

„Надо написать, — думалъ Грядуновъ, — товарищамъ... еще кому? домой? да, домой. А еще... кому еще? Ахъ да— Анютѣ, конечно, Анютѣ! Какъ же это я... конечно, Анютѣ"... — И такъ радостно стало у него на душѣ, такъ тепло...

„Только съ кѣмъ передать ей письмо?—думалъ онъ.—Ну да это какъ-нибудь устроится".

„Писать, писать, писать!.." — радовался онъ, и долго шагалъ по камерѣ, и все думалъ, думалъ, какъ напишетъ ей обо всемъ, обо всемъ, и о томъ, чего ни разу не высказалъ ей въ глаза; и отъ этого сердце его переполнилось бурно-счастливой радостью. Но когда принялся за письмо, досадно было, что тѣ красивыя, ласковыя слова и глубокія, важныя мысли не выходятъ на бумагѣ такими, какими рождались онѣ въ головѣ.

...„Знаете, Анюта,—писалъ онъ,—бываютъ иногда минуты, когда оглянешься назадъ, на прожитые годы, и такъ тяжко становится тогда...

„Вотъ и я сегодня оглянулся назадъ, на прошлое, а тамъ такія дивныя воспоминанья, такія радостно-печальныя... Впрочемъ, можетъ быть, это только кажутся они мнѣ теперь такими, потому что они—отрывокъ прошлаго, былого... Повѣяло на меня поэзіей прошлаго, и грустно стало мнѣ.

„Помните наши частые разговоры о счастьи, о томъ, гдѣ оно, вѣчно-манящее, неуловимое? въ чемъ?.. Теперь я знаю уже, въ чемъ оно. Я счастливъ, и за это плачу теперь, правда, дорого, очень дорого.

„Хочется мнѣ еще сказать вамъ, Анюта, вотъ что.

„Я всегда прислушивался къ вамъ и дорожилъ вашимъ

мнѣніемъ, потому что вы не похожи на другихъ—вы такая тонкая и чуткая. И вотъ, вы помните тотъ послѣдній вечеръ?.. Я нарочно тогда много говорилъ о томъ, что теперь уже сдѣлано. Конечно, для меня лично вопросъ о необходимости предстоявшаго убійства всегда былъ ясенъ, и безповоротно рѣшенъ, но мнѣ хотѣлось, чтобы и вы согласились со мной и поняли бы, что этихъ убійствъ мы и сами не хотимъ, и виноваты не мы—насъ вызываютъ на это, и иныхъ выходовъ нѣтъ... Поймите, дорогая, вѣдь это такъ ясно!..

„Жизнь идетъ впередъ, голубушка, она становится все более и более красивой, и она будетъ, и должна быть прекрасной! Когда—это ужъ другой вопросъ. Но мы знаемъ, что прежней рабской жизни конецъ. Нужны новыя основы, новые принципы, новыя формы, они—въ соціальномъ равенствѣ, въ полной свободѣ и духа, и тѣла. Къ этому мы и стремимся. И отдадимъ, какъ и отдавали другіе прежде, наши жизни, если онѣ потребуются, но не остановимся, и будемъ идти до конца.

„Досадно, вотъ, только и обидно мнѣ—какъ глупо, жестоко и нелѣпо устроена наша теперешняя жизнь, эта тяжелая, нескладная жизнь! И еще обиднѣе было мнѣ сегодня, когда вели меня по шумной весенней улицѣ и когда думалъ я, какой богатой и красивой могла бы она быть!

„Я не буду притворяться, Анюта,—жить хочется, страстно хочется жить, и еще хочется работать, радоваться, бороться... такъ хочется жить, что смерть кажется мнѣ неправдой, невозможной...

„Странно, Анюта: я приговоренъ къ смерти, я пробовалъ уже нѣсколько разъ представить себѣ ужасъ смерти, но представленіе блѣдно, пожалуй, даже и совсѣмъ его нѣтъ. Я не могу себѣ представить, какъ это здоровый, совершенно здоровый человѣкъ, жаждущій жизни и радостей, вдругъ по чужой волѣ становится мертвымъ... мертвымъ!.. нѣтъ, я этого не понимаю!.. Въ сущности, это понятіе—„элементарное", какъ, помните, говаривали вы, и должно быть, поэтому оно и непостижимо, необъятно, да...

„Какъ хотѣлось бы повидать теперь васъ, поговорить съ вами, потолковать. Помните, какъ мы, бывало, спорили съ вами, какъ „обдирали" при этомъ другъ друга? Ахъ, какъ тяжело, какъ тяжело, Анюта, когда такъ молодъ и хочется еще жить, волноваться, бороться!.. Хорошо было когда-то... Да-а!

„Помните, однажды весной,—это было тода три назадъ... Мы долго спорили о чемъ-то... кажется, о литературѣ, и „обдирали" при этомъ другъ друга. А потомъ вы и вашъ

братъ пошли меня провожать. Была совсѣмъ весенняя ночь (должно быть, и теперь же); луна была такая ясная и печально-одинокая. Земля была мягкая, влажная, и тѣни на ней-рѣзкія, отчетливыя. Должно быть, мы всѣ утомились споромъ, потому что молчали и лишь изрѣдка перекидывались незначительными словами и тихо, тихо, точно боялись спугнуть что-то притаившееся... Я шелъ рядомъ съ вами, глядѣлъ на васъ, на непокрытую вашу головку, странно-свѣтлые отъ луны волосы, и думалъ: „Боже мой, какъ она мнѣ мила, какъ дорога"! И такъ тихо-радостно было у меня на душѣ, и хотѣлось лишь одного: сказать вамъ что-либо хорошее, теплое... Давно это было, давно...

„Чувства были тонки и нѣжны...

„А это помните, какъ мы съ вами гуляли какъ-то вечеромъ по полю, читали „Грѣшницу" Толстого? Тогда еще на межѣ попался намъ лошадиный черепъ... и съ деревни издалека доносился чей-то дѣтскій плачъ... Почему всѣ эти подробности вспомнились мнѣ теперь? Не знаю. Знаю только, что уже тогда были вы мнѣ дороги, и я, бывало, утромъ вставалъ съ радостной мыслью о васъ, о томъ, какъ я увижу васъ, ваши вдумчивые глаза, блѣдное, строго-милое лицо, и буду слушать васъ, такую умную и чуткую.

„А помните наше любимое мѣсто изъ стихотворенія Толстого... забылъ заглавіе...

Звуки скрипки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи,
Въ нихъ разсказъ, удивительно-лживый,
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть,
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья.

„Грустно, Анюта, грустно... Лучше бъ не вспоминать!

„Да... Чувства были тонки и нѣжны...

. . . .

„Прощайте, Анюта! Мнѣ больно, что все такъ жестоко сложилось, но мнѣ и легко при мысли, что такъ и должно быть, и въ этомъ я твердо увѣренъ. Философія—одно, а жизнь, эта наша жестокая и несуразная жизнь,—другое, и сильнѣе она.

„Когда человѣчество дойдетъ до высшей правды, когда не надо будетъ ни убивать, ни казнить, когда не будетъ этихъ неумолимыхъ законовъ теперешней жизни,—какое это будетъ счастливое время! . .

„На прощанье хочется мнѣ сказать вамъ Анюта вотъ

что: я счастливъ, но былъ бы еще болѣе счастливъ, если бы зналъ, что и вы пойдете по тому же пути, съ котораго—противъ воли—я долженъ сойти. Вдумайтесь хорошенько, голубушка, въ мои слова и вѣрьте, что жизнь, прекрасная, свѣтлая жизнь за нами, мы побѣдимъ!

„Крѣпко-крѣпко жму вашу добрую, милую руку. Прощайте, Анюта! Вѣрьте и идите!

С. Г.

„P. S. Когда на меня вскинутъ петлю, въ эту послѣднюю мою минуту я буду помнить о васъ, родная моя!“

VI.

Лежитъ онъ въ родномъ саду на травѣ, надъ головой качаются говорливыя липы, скрадывая и развертывая клочекъ свѣтло-голубого, далекаго неба, и живетъ садъ своимъ веселымъ дневнымъ шумомъ. Это—любимое мѣсто Грядунова. Если подняться и спуститься отсюда внизъ по аллеѣ, то можно видѣть рѣку, плотину и мѣловые косогоры, совсѣмъ отчетливо отражающіеся въ тихой водѣ. Грядуновъ встаетъ и идетъ внизъ къ рѣкѣ, но аллея все углубляется и растетъ, растетъ... и ужъ вовсе это не аллея, а безконечно-длинный каменный сѣрый ящикъ, постепенно суживающійся со всѣхъ сторонъ. Тамъ, вдали, знаетъ Грядуновъ, стоитъ и ждетъ его съ протянутыми руками Анюта, чудная и милая Анюта. Откуда-то свистятъ пули. Страшно темно. Часто попадаются солдаты, такіе же сѣрые, какъ и стѣнки ящика. Трещатъ сухіе отрывистые выстрѣлы. Грядуновъ хочетъ скорѣе подойти къ Анютѣ, но тьмѣ и ящику нѣтъ конца. И все солдаты, солдаты... и огоньки безпрерывно мелькаютъ. Онъ хочетъ бѣжать, но ноги подкашиваются и передвигаются страшно-медленно, точно вязнутъ. Онъ падаетъ отъ безсилія и холоднаго страха, и кто-то тормошитъ и тащитъ его.

— Экъ его, какъ спитъ-то!—сквозь сонъ слышитъ Грядуновъ, расталкиваемый тюремщиками.—Будто праздникъ какой... Ну, вставать, вставать!

Грядуновъ думалъ, что все это еще сонъ, и когда очнулся, увидѣлъ и понялъ, что это ужасъ, самъ ужасъ пришелъ за нимъ,—похолодѣлъ онъ, засверлили вдругъ гдѣ-то въ затылкѣ острыя, раскаленныя крупинки и посыпались по спинѣ и рукамъ.

Хотя Грядунову сказали, что его требуютъ въ контору на какой-то новый допросъ, но онъ сразу понялъ, что ведутъ его не туда, а къ узкому загороженному темному про-

стѣнку между сараемъ и конторой, къ тому самому, который видѣлъ онъ во время прогулокъ.

Было еще очень рано, еще не всходило солнце. И холодно было. Стоялъ предъутренній легкій весенній морозецъ. И лужицы на дворѣ были бѣлыя, стекляныя. И глядя и ступая по нимъ, сразу вспомнилъ Грядуновъ вагонъ, ночь... и свои мысли о веснѣ на родинѣ... И какъ-то странно, мечтательно улыбнулся.

* * *

Я дорогой невинной и смѣлою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и дѣлаю,—
Вотъ свобода моя.

Научитесь хотѣнью упорному,
Наберитесь ликующихъ силъ,
Чтобъ зовущій къ пристанищу черному
Васъ косой не скосилъ;

И повѣрьте великимъ вѣщаніямъ,
Что свобода не вѣдаетъ зла,
Что она только яснымъ желаніямъ
Силу жизни дала.

Өедоръ Сологубъ.

Хула солнцу.

Внемли рабу, жестокое, святое,
Далекое словамъ добра и зла:
Жизнь безъ тебя—не жизнь, а смерть и мгла,
Но, свѣтлый царь, но, солнце золотое,
Внемли рабу: тебѣ—его хула.

За то, что ты свѣтло глядишь на трупы,
Что трупами питаешь ты цвѣты,
Что пламя льешь на голые уступы,
А къ намъ, живымъ, въ плѣну у нищеты,
Твои лучи, какъ скряги, злы и скупы,—

За то, что ты—могущество и власть,
За то, что ты, безстрастное отъ вѣка,
Горишь свѣтло убійцамъ человѣка,—
Я, блѣдный рабъ, пигмей, полукалѣка,
Я, человѣкъ,—готовъ тебя проклясть.

Внемли рабу, могучее, святое:
Своей хулы обратно не верну.
Я провожу печальную весну
И въ полдень свой, о, солнце золотое,
О, свѣтлый царь, тебя я прокляну.

А. Рославлевъ.

На табачной фабрикѣ.

Повѣсть **А. Грушецкаго.**

Переводъ съ польскаго А. Брумбергъ.

I.

Какъ всегда по вечерамъ, такъ и въ субботу служанки собрались въ корридорѣ большого трехъэтажнаго дома, дворъ котораго былъ со всѣхъ сторонъ застроенъ флигелями, чтобы поговорить о самыхъ важныхъ дѣлахъ своихъ хозяевъ и сосѣдей.

Сегодня разговоръ былъ особенно оживленный, такъ какъ сапожникъ Янъ Петрушка, живущій въ нижнемъ этажѣ поперечнаго флигеля, поссорившись съ женой, къ немалому удивленію, всѣхъ жильцовъ ударилъ ее потягомъ.

— Вы слышали?—крикнула кухарка изъ второго этажа, обращаясь къ входящей въ ворота работницѣ съ галстучной фабрики,—вы слышали, какіе у насъ ужасы творятся?

— Что случилось? — Она поправляла свой платокъ, который соскользнулъ съ плечъ.

— Ужасы, говорю вамъ... весь дворъ былъ полонъ шума и криковъ, даже у меня въ кухнѣ слышны были удары...

— Что же случилось? Напали на кого-нибудь? убили?

— Вотъ я вамъ сейчасъ все разскажу,—вмѣшалась Маріанна, прислуга изъ праваго флигеля, — только я одна собственными глазами видѣла, какъ все это происходило.

Кухарка возмутилась, что ее перебили, и, вспыливъ, крикнула:

— Могла бы держать языкъ за зубами и оставить сплетни, когда видишь, что другой началъ разсказывать дѣйствительную исторію.

— Смотрите только,—обидѣлась Маріанна,—отъ меня же узнала обо всемъ, а теперь задается своей дѣйствительной исторіей.

— Будетъ вамъ ссориться,—вмѣшалась третья,—ужъ и безъ того достаточно скандалу изъ-за этого мерзкаго сапожника.

— И я говорю то же, — сказала кухарка, — но я какъ разъ начала...

— Значитъ, рѣчь идетъ о сапожникѣ? — прервала галстучница,—тогда я ужъ знаю, вѣрно, ругался...

— Если бъ только это! — воскликнула Маріанна,—онъ избилъ жену... прямо ужасъ!

— Я сама видѣла синяки,—залилась кухарка.

— Ну, ну, удивительно... вѣдь сегодня только суббота,—говорила работница.

— То то что суббота, да еще и вечера нѣтъ, что же будетъ позже? — жаловалась кухарка.—И такой мерзавецъ бьетъ свою жену, мать своихъ дѣтей!..

— Четверо ихъ у него, милая моя,—заявила Маріанна.

— Ужъ я бъ ему задала, еслибъ онъ былъ моимъ мужемъ!—сжимала кулаки кухарка.

Остальныя женщины многозначительно и насмѣшливо переглянулись—кухарка была уже въ лѣтахъ и некрасива.

Начались подробные разсказы обо всемъ, происшедшемъ между супругами, и всѣ такъ увлеклись разговоромъ, что не обратили вниманія на лакея изъ сосѣдняго дома Францишка, который съ гордой усмѣшкой на бритомъ лицѣ вошелъ въ небольшой темный дворъ, изрытый рынштоками и покрытый кучками чахоточныхъ кустовъ, никогда не видавшихъ солнечныхъ лучей.

На этомъ дворѣ, въ который свѣтъ падалъ только изъ незавѣшанныхъ оконъ, собиралось болѣе молодое романтично-настроенное общество, душой котораго была горничная домохозяина съ перваго этажа Марцыся, довольно красивая и очень кокетливая шатенка.

Въ тотъ моментъ, когда во дворъ входилъ лакей Францишекъ, Марцыся обсуждала только-что происшедшее со своей пріятельницей Стасей, работавшей въ бѣлошвейной мастерской.

— О чемъ это барышни разговариваютъ?—съ легкимъ поклономъ спросилъ лакей, приближаясь къ бесѣдующимъ около клумбы.—Держу пари, о кавалерахъ.

— Есть, о комъ говорить! — громко разсмѣялась Марцыся, а она знала, что смѣется красиво. — Я какъ разъ только-что доказывала Стасѣ, что всѣ мужчины—негодяи, злюки, недостойны завязать намъ ботинки.

— Пусть только панна Марцыся позволитъ, и я завяжу не только ботинки, но и подвязки,—разсмѣялся онъ.

— Обойдемся и безъ вашей помощи,—надулась она,—развязывайте этимъ шлюхамъ съ третьяго этажа.

— Извѣстное дѣло, что барышни сердятся, когда мы, мужчины, отгадываемъ ихъ мысли.

— Пойдемъ ужъ, Стася, — взяла она подъ руку свою товарку,—панъ Францишекъ, вѣрно, въ Звѣринцѣ научился такимъ красивымъ комплиментамъ,—язвительно, прибавила она, уходя въ глубь двора.

— Панна Марцыся не понимаетъ шутокъ,—сказалъ онъ съ достоинствомъ, не оставляя дѣвушекъ,—мы это называемъ флиртомъ.

— Вотъ еще новость,—пожала она плечами,—провинились, панъ Францишекъ, такъ ужъ лучше сознайтесь,—говоря это, она стала въ наиболѣе освѣщенной части двора и ласково посмотрѣла на кавалера.

— Могу извиниться, сдѣлайте одолженіе, но это не комплиментъ изъ Звѣринца, а флиртъ.

— Что это за дикое слово? — разсмѣялась Стася.—Въ жизни своей не слыхала.

— Неудивительно,—презрительно улыбнулся онъ,—это самая новая вещь.

— Откуда же панъ Францишекъ знаетъ про такую диковинную новость? — начала насмѣхаться Марцыся, заинтересованная новымъ словомъ.

Лакей вложилъ обѣ руки въ карманы брюкъ, гордо надулъ бритую губу и, цѣдя слова сквозь зубы, отвѣтилъ:

— Третьяго дня у насъ былъ графъ Бруно и сказалъ, что въ салонахъ теперь самая модная вещь—флиртъ.

— Говорите же по-человѣчески, панъ Францишекъ, что жъ это за звѣрь?

— Какъ бы это вамъ объяснить, панны?

— Да просто!—разсмѣялась горничная.

— Это такъ,—началъ онъ съ важностью, — онъ ей говоритъ то, а она ему это... а все это вмѣстѣ какъ бы къ этому, такъ мнѣ объяснялъ мой панъ...

— Да къ чему?—спросила она, стрѣляя глазами.

— Онъ будто ухаживаетъ, а она будто слушаетъ...

— И смѣется надъ тѣмъ и этимъ,—весело разсмѣялась Марцыся.

— Въ томъ-то и дѣло, чтобы не обижаться и не говорить о Звѣринцѣ, какъ панна Марцыся.

— Боже милосердный,—разсмѣялась послѣдняя,—вѣдь люди всегда такъ говорили и не было этого чудовищнаго названія... Говорили одни такъ, другіе этакъ, какъ кому хотѣлось.

— Можетъ, и было нѣчто подобное, но это не то, что теперь въ модѣ.

— Эхъ, что мнѣ тамъ мода! — презрительно отозвалась Стася,—самая лучшая мода—говорить правду безъ всякихъ обмановъ.

— Да, да!—разсмѣялась Марцыся,— до вѣнца всякій и мягокъ и податливъ, а послѣ вѣнца дерется, какъ этотъ вотъ сапожникъ,—и она указала на освѣщенныя окна партера.

— Не смѣшивайте, панна Марцыся, благовоспитанныхъ людей съ этой голытьбой.

— О, позвольте! — воскликнула Стася, покраснѣвъ,— ремесленникъ—такой же человѣкъ, какъ и всякій другой...

— Я не удивляюсь, что вы хвалите ремесленниковъ,— улыбнулся онъ насмѣшливо,—всякаго къ своему тянетъ.

Это былъ намекъ не только на то, что покойный отецъ Стаси былъ рыбакомъ, но и на ея симпатію къ подмастерью столяра, работавшему въ томъ же самомъ флигелѣ.

Свѣтъ какъ разъ падалъ на лицо дѣвушекъ, и видно было, какъ Стася покраснѣла, и въ стальныхъ глазахъ ея блеснулъ огонекъ возмущенія. Помолчавъ немного, она язвительно прибавила:

— Ремесленникъ самъ себѣ хозяинъ, а слуга все-таки слуга.

Слова эти непріятно поразили какъ лакея, такъ и горничную. Францишекъ даже вздрогнулъ и сказалъ строгимъ тономъ:

— Панна Стася понимаетъ въ этомъ столько же, сколько курица въ перцѣ. Еще молоко на губахъ не обсохло, а вы ужъ хотите людей разуму учить.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ молодой шатенъ въ рабочей блузѣ и весело сказалъ:

— Завтра гулянье съ танцами, пойдете, барышни? Весело будетъ, а о погодѣ безпокоиться нечего.

— Гдѣ гулянье? сколько за входъ? — живо спросила горничная.

— Въ Краковскомъ паркѣ, по двадцати геллеровъ съ человѣка.

— Завтра мой выходной день... Я пошла бы въ паркъ,— и она выразительно посмотрѣла на молчавшаго лакея.

— Г-мъ, не знаю,—медленно сказалъ Францишекъ,— надо будетъ узнать, какое тамъ общество.

— Ну, не магнаты, не графы,—насмѣхался молодой ремесленникъ,—но люди веселья и утѣхъ... А вы пойдете?— обратился онъ къ Стасѣ.

— Не знаю... можетъ быть,—и въ голосѣ ея слышалось сильное желаніе пойти.

— Пойдемте,—уговаривалъ молодой человѣкъ,—я покупаю билетъ...

— Я не хочу вашего билета,—отвернулась она, покраснѣвъ,—если пойду, то за собственныя деньги.

— Что за церемоніи, панна Стася!—разсмѣялся онъ.— Вѣдь у васъ лишнихъ нѣтъ, а мы съ вами ужъ пять лѣтъ знакомы...

— О, не пять,—возразила она живо,—всего годъ, какъ говоримъ другъ съ другомъ.

— Да о чемъ же мнѣ было разговаривать съ такой крошкой?—разсмѣялся онъ.—Ну, пойдемте, панна.

— Я спрошу маму,—отвѣтила она уклончиво.

— Ахъ, какъ несетъ клеемъ.

Лакей сморщилъ носъ, презрительно глядя на подмастерье. Тотъ понялъ намекъ, покраснѣлъ, блеснулъ глазами и съ раздраженіемъ сказалъ:

— Лучше свой клей, чѣмъ чужіе духи.

— Это въ мой огородъ?—возмутился лакей.

— Я не зналъ, что вы употребляете чужіе духи,—разсмѣялся онъ.

— Не чужіе, а собственные.

— А вы пойдете на гулянье, панъ Францишекъ?—спросила горничная, желая замять ссору.

— Съ вами, панна Марцыся, хоть на край свѣта,— отвѣтилъ онъ вѣжливо,—такъ какъ я люблю только благовоспитанное общество.

— Ну и прекрасно, такъ пойдемъ, Стася, да?

— Не знаю еще, — и, наклонившись къ уху товарки, она шепнула:—Мнѣ не на что пойти.

— Я тебя ссужу,—а вслухъ она прибавила:—Стася тоже пойдетъ.

— Стася! Стася!—раздался голосъ изъ окна партера.

— Сейчасъ, мама,—отвѣтила она,—спокойной ночи, Марцыся, спокойной ночи, господа.—Она поклонилась.

— До свиданья, — весело отвѣтилъ подмастерье, — въ три часа въ паркѣ.

— Хорошо, хорошо,—бросила она на ходу. По нѣсколькимъ ступенькамъ поднялась на деревянное крылечко, съ котораго полустеклянная дверь вела непосредственно въ комнату, освѣщенную маленькой стѣнной лампочкой. Мать, занятая при маленькой плитѣ въ углу комнаты, обернула къ ней свое поблекшее, измученное лицо:

— Чѣмъ заниматься разговорами, ты бы лучше помогла дома... Полъ еще не мытъ, дѣти голодны...

— Мнѣ немного свѣжимъ воздухомъ подышать хотѣлось,—отвѣтила Стася, снимая съ себя свѣтлую блузку.

— Не говорила бы ты глупостей! Что тамъ за свѣжій воздухъ—отъ ринштоковъ прямо въ носу деретъ,—сказала мать, раздосадованная.

— А я, мама, предпочитаю дворъ нашей комнатѣ,— отозвался шестилѣтній Ясь, сидѣвшій въ углу обтрепаннаго дивана.

— Ты глупенькій, тебя никто не спрашиваетъ.

Между тѣмъ Стася переодѣлась въ поношенную юбку и кофточку и, подходя къ матери, спросила:

— Что мнѣ дѣлать?

Въ полосѣ свѣта, падавшей отъ лампы, вырисовывалось молодое блѣдное лицо, красиво очерченныя губы, бѣлый, гладкій лобъ и темныя брови, изъ-подъ которыхъ блестѣли красивые, выразительные глаза цвѣта стали. Пышные, темно-русые волосы были сколоты на затылкѣ.

— Какъ только вскипитъ вода, ты мнѣ поможешь вымыть полъ — вѣдь завтра воскресенье. Я пока-что приготовлю ложки и тарелки... А что это Юльки не видать... что же это можетъ быть?—безпокоилась она о младшей дочери.

— Она, вѣрно, гдѣ-нибудь заболталась,—отвѣтила Стася равнодушно, вынимая тарелки изъ шкафчика.

Въ это время въ комнату вбѣжала, вся запыхавшись, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, шатенка, худая, чрезмѣрно высокая для своего возраста. Поцѣловавъ руку матери, она сказала:

— Меня заставили убрать мастерскую, — она старательно складывала платокъ, — еле справилась: сору цѣлый возъ.

— Нѣтъ ужъ тамъ постарше тебя, что тебѣ этакую работу дѣлать?—ворчала мать.

— Моя была очередь... Что же дѣлать, я должна быть послушна,—вздохнула она.

— Еслибъ тебѣ хоть платили по-человѣчески,—говорила мать съ горечью, — а то четыре кроны за цѣлый мѣсяцъ работы.

— Хорошо было бы, еслибъ она хоть эти четыре кроны домой приносила, а то она Богъ вѣсть сколько штрафу за порченый матеріалъ переплатитъ, а это потому, что не о работѣ, а о разныхъ глупостяхъ думаетъ, — сказала Стася.

— А ты вначалѣ не портила?—крикнула Юлька раздраженнымъ голосомъ. — А сколько ты переплатила за иголки, за нитки, за матеріалъ?..

— Все таки меньше, чѣмъ ты!

— Тише, не ссорьтесь,—вмѣшалась мать, ставя на столъ дымящійся горшокъ.

— Стася, подай лампу на столъ.

Она разлила всѣмъ супъ, а для себя оставила въ горшкѣ.

Стася заглянула въ горшокъ.

— Мама для себя почти ничего не оставила, какъ же это такъ!

— Я сегодня не голодна, я только страшно устала... у меня что-то такъ руки ломитъ, что я еле стирку закончила.

— Пусть только я стану подмастерьемъ, отдохнетъ тогда мама, — весело отвѣтилъ Ясь, съ аппетитомъ съѣдая свой супъ.

— Стася, а ты почему не кушаешь? Не нравится тебѣ?

— Сало ей зубки колетъ,—разсмѣялась Юлька,—маслица захотѣлось ей!

— Я бы не ѣла, еслибъ онъ даже съ молокомъ былъ... а ты, Юлька, ко мнѣ не приставай, ты знаешь, что я этого не люблю.

— Очень мнѣ это важно,—проворчала она.

— А Яцуся ты не видѣла, Стася?

— Я шла по площадкѣ, а не по Славковской, такъ я его и не встрѣтила.

— Онъ, вѣрно, завтра за бѣльемъ придетъ, — сказала мать, убирая со стола. — Посмотри, Стася, цѣло ли бѣлье, не надо ли пуговицъ пришить, а полъ я ужъ сама вымою.

— Такъ я помогу мамѣ,—воскликнула Юлька.

— Э, слаба ты еще для этакой работы, вотъ вымой посуду да горшка не разбей.

— Я и это сдѣлаю и мамѣ помогу,—сказала она, вставая со стула.

— А я что буду дѣлать?—спросилъ Ясь.

— Я тебѣ сейчасъ постелю, иди спать, не мѣшай.

— Э, успѣю еще, я еще пробѣгусь, — отвѣтилъ онъ, зѣвая.

— Не смѣй,—сказала мать строго,—ужъ и такъ цѣлый день шляешься.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ, — отвѣтилъ онъ спокойно, — лягу ужъ, постелите только.

Стася, придвинувъ къ себѣ лампу, стала поправлять бѣлье Яцуся, десятилѣтняго брата, который былъ въ обученіи у слесаря; Юлька мыла посуду, а мать застилала диванъ для младшаго своего сына Яся.

Небольшая комната безъ окна — стеклянная дверь замѣняла окно — вся была заставлена скромной мебелью. Двѣ кровати, диванъ, сосновый шкафчикъ, столъ, нѣсколько стульевъ, два сундука и плита въ углу заполняли всю комнату, такъ что незанятымъ оставалось лишь небольшое пространство посрединѣ.

Нѣкоторое время всѣ молчали, потомъ Стася сказала:

— Знаете, мама, завтра гулянье въ Краковскомъ паркѣ.

— Какое гулянье?—спросила Юлька оживленно.

— Для рабочихъ! Входъ двадцать геллеровъ, будетъ музыка, представленія, танцы...

— До гуляній ли намъ?—сказала мать.—Былъ бы лишь хлѣбъ, а то я никакъ концовъ съ концами свести не могу.

Она вздохнула.

— Мама всегда жалуется,—сказала Стася, не отрываясь отъ работы, — а вѣдь Юлька и я зарабатываемъ десять кронъ, Яцуся нѣтъ дома, а мама имѣетъ по меньшей мѣрѣ кронъ 25 въ мѣсяцъ.

— Не гнѣвай Господа Бога, Стася, развѣ этого можетъ хватить? За одну комнату десять кронъ въ мѣсяцъ, а столъ, отопленіе, одежда...

— Это все-таки почти крона въ день, — сказала она, насупившись,—а я и Юлька только завтракаемъ и ужинаемъ дома, обѣдъ вѣдь получаемъ въ мастерской, только одинъ Ясь обѣдаетъ дома.

— Говоришь, только зря языкомъ болтаешь, а соображать—не соображаешь. Ты не считаешь ни платья, ни бѣлья, ни обуви, я еще за прошлый мѣсяцъ должна лавочницѣ, а слаба я стала, что еле двигаюсь.

— Я это знаю, мама, но можно жить скромнѣе. Къ чему горячіе ужины? Хлѣбъ, кусокъ сыра или что-нибудь подобное—вотъ и достаточно.

— Откуда же у васъ возьмутся силы работать? Пока возможно, я васъ кормлю, но это ужъ не надолго, — она вздохнула,—мнѣ уже въ двухъ домахъ отказали, такъ какъ у меня силъ недостаточно.

— Это только временно, мама, — утѣшала ее Стася,—я скоро буду получать восемь, а, можетъ быть, и десять кронъ, и тогда будетъ легче.

— И у меня будетъ пять кронъ въ мѣсяцъ, тогда мама отдохнетъ,—прибавила Юлька.

— Разговоры только... вы вѣдь подрастаете, надо вамъ и одѣться по-человѣчески.

— Я не думаю о нарядахъ!—воскликнула младшая.

— Мнѣ еще на годъ хватитъ темносиней юбки, я завтра одѣну ее на гулянье.

Мать, держа въ рукахъ тарелку, которую она собиралась вытереть, удивленно посмотрѣла на нее и воскликнула:

— Ты на гулянье, а на чьи деньги?

— Мнѣ Марцыся ссудитъ.

— Или Стефанъ,—зло улыбнулась Юлька, называя имя столяра-подмастерья.

— Вы слышите, мама, что говоритъ эта дѣвчонка!— воскликнула Стася, покраснѣвъ.

— Тише, Юлька, а ты, Стася, не занимай, не лѣзь въ долги...

— Отдамъ... А почему мнѣ не пойти, всю недѣлю работаю въ этой мерзкой мастерской, душно, темновато, только и слышишь крики да попреки... должна же я хоть разъ въ недѣлю отдохнуть, вздохнуть свободно.

— Я то знаю, что тебѣ тяжело, — вздохнула мать,—но вмѣсто того, чтобъ пойти на гулянье, которое дорого стоитъ, не лучше ли пойти гулять на Вислѣ?

— Эхъ, вѣчно эти скучныя прогулки... Я хочу хоть разъ послушать музыку, потанцовать.

— А ты знаешь, Стася, что на всю недѣлю въ домѣ остались три кроны?

— Чѣмъ же я помогу, если останусь дома,—пожала она плечами,—отъ этого ни гроша не прибудетъ, а я со скуки умирать буду.

— Я завтра хотѣла пойти съ вами къ опекуну... мы ужъ двѣ недѣли тамъ не были...

— Мы пойдемъ вечеромъ. Ужъ пустите меня, мама, на это гулянье, когда же я повеселюсь въ жизни?

— Гм... а входъ сколько стоитъ?

— Двадцать геллеровъ.

— Ну, я еще подумаю... Я скажу тебѣ завтра послѣ обѣдни.

II.

Хотя день былъ воскресный, мать встала чуть свѣтъ; она начала убирать комнату и приготовлять для дѣтей праздничное платье.

Стася заворочалась на своей узкой кровати и повернулась къ стѣнѣ, такъ какъ свѣтъ, падавшій черезъ стеклянную дверь, рѣзалъ ей глаза.

— Ужъ давно день, — ворчала мать, — а ты отлеживаешься, точно барыня.

— Я еще только потянусь,—отвѣтила она соннымъ голосомъ,—сегодня вѣдь праздникъ.

— Ну, поспи ужъ, пока я огонь разведу, — проворчала мать.

Въ полутемной комнатѣ—стеклянная дверь мало пропускала свѣта,—куда никогда не заглядывало солнце, блеснуло красное пламя спички. Старуха положила угли въ плиту, поставила горшокъ для кофе и, усѣвшись въ дверяхъ, съ большой заботливостью стала оглядывать штанишки Яся,

которые отказывались служить уже и рвались на колѣняхъ.

— Боже мой, — думала она огорченная, — два мѣсяца тому назадъ я заплатила старьевщицѣ восемнадцать геллеровъ, и этотъ мальчонка уже разодралъ ихъ... Развѣ онъ остороженъ, развѣ онъ бережетъ, развѣ думаетъ? Летитъ по улицѣ, какъ угорѣлый, трется, гдѣ попало, работаетъ колѣнями... онъ не ломаетъ себѣ голову, гдѣ достать новые...

Она затѣмъ осмотрѣла юбочку Юльки: и та уже поношена, сзади лоснится, а пятна такъ и пестрятъ, хорошо еще, что ихъ прикрываютъ складки.

Тихо вздохнувъ, она положила юбочку на стулъ у кровати, въ которой она спала вмѣстѣ съ Юлькой. Въ это время раздалось шипѣнье воды; она быстро подошла къ плитѣ, подняла крышку, всыпала кофе и цикорій, и, увидѣвъ, что Юлька лежитъ съ открытыми глазами, сказала:

— Встань-ка, живо, побѣжишь за молокомъ!

— А Стаська-то не можетъ,—проворчала Юлька.

— Не спорь, вставай... а кто тебѣ вчера юбку поправилъ?.. ну, живѣй!

— Всегда только я да я, — ворчала она, вставая,—а та отлеживается, точно графиня.

— Молчи, Юлька!—крикнула мать.—Возьми горшочекъ и бѣги за молокомъ... на тебѣ четыре геллера на четверку... смотри, чтобы мѣра была хорошая, а то деревенскія бабы не доливаютъ.

— Хорошо ужъ, хорошо.—Она взяла горшочекъ и, подошедши къ кровати Стаси, крикнула ей:

— Вставай, лѣнтяйка!—И быстро убѣжала.

— Ахъ ты, несносная дѣвчонка!—сказала раздосадованная Стася,—разбудила меня, а у меня былъ такой чудный сонъ!

— Что тебѣ снилось?

— Была я, мама, хозяйкой, да что я говорю, хозяйкой,—разсмѣялась она, — барыней была я и имѣла двѣ хорошо обставленныя комнаты, какъ жена нашего столяра.

— И это возможно, Стася, будь только порядочной и скромной дѣвушкой, тогда найдется порядочный ремесленникъ.

— А знаете, мама, — говорила она, одѣваясь, — этотъ лакей... Францишекъ... насмѣхался вчера надъ ремесленниками...

— Э, такой барскій прихвостень! Кто станетъ обращать на него вниманіе?

— Я его таки кольнула,—улыбнулась она,—я ему сказала, что ремесленникъ самъ себѣ хозяинъ, а онъ только слуга.

— Это не хорошо, Стася, къ чему тебѣ болтать языкомъ и наживать себѣ враговъ?

— А почему онъ говорилъ глупости?

— Развѣ онъ одинъ?..— пожала мать плечами.— Вымой ноги, если собираешься танцовать.

— Эхъ, развѣ кто ноги увидитъ, мама?

— Но онѣ пропотѣютъ, и ты попортишь чулки. Вымой, ужъ, вымой.

Пока Юлька дожидалась бабы съ молокомъ, Стася успѣла одѣться. Позавтракавъ, она вышла на крылечко передъ дверьми, какъ будто оглядывая дворъ и противолежащія окна, но время отъ времени она поглядывала въ сторону квартиры столяра, надѣясь, что выйдетъ поздороваться съ ней молодой подмастерье, Стефанъ Былина. Однако, изъ столярной никто не выходилъ, и оттуда доносились только веселыя пѣсенки и посвистыванье подмастерьевъ и учениковъ. Въ это время жена столяра въ бѣлой кофточкѣ открыла окно, на которомъ стояли горшки герани и фуксій, и выглянула во дворъ. Увидѣвъ ее, Стася вспомнила свой сонъ и съ не малой завистью посмотрѣла на три окна ея квартиры.

— Вотъ счастливая, Боже мой,—вздохнула дѣвушка, — имѣетъ квартиру, точно дворецъ, замужемъ за мастеромъ, всѣ ее почитаютъ, цѣлуютъ ей руки, не ходитъ шить въ мастерскую, сама нанимаетъ портниху, а какія платья, жакеты, шуба, шляпы, не хуже самой домовладѣлицы. Еслибъ этотъ Стефанъ женился на мнѣ и открылъ собственную мастерскую, вотъ бы они зажили... она бы себѣ сшила песочнаго цвѣта костюмъ на темносиней подкладкѣ, какой она вчера видѣла на одной дамѣ, носила бы лакированные сапожки, имѣла бы всегда при себѣ часики на золотой цѣпочкѣ, мать жила бы съ нею вмѣстѣ и отдохнула бы, Юлька могла бы тоже жить у нея, она бы ей кровать дала, но работать Юлька должна была бы сама на себя — вѣдь невозможно, чтобъ Стефанъ кормилъ и одѣвалъ всѣхъ... Ахъ, если бъ у него только была мастерская! Но этого долго ждать придется, онъ только въ этомъ году окончилъ ученіе, не отбылъ еще воинскую повинность и имѣетъ старуху-мать. Старуха ее любитъ, но для сына, вѣрно, хочетъ богатую жену. Если, однако, Стефанъ упрется, она, навѣрное, согласится на ихъ бракъ.

Погруженную въ мечтанія Стасю разбудилъ голосъ Марцыси съ крыльца перваго этажа.

— Погода хорошая, Стася! — засмѣялась она, указывая на кусочекъ неба надъ четырехугольнымъ дворомъ. — Вотъ ужъ повеселимся мы!

— А ты навѣрное пойдешь?—спросила Стася.

— У меня вѣдь сегодня выходной день!

— А ты не забудь, ужъ знаешь, про что!..

— Э, не бойся, я возьму съ собой цѣлую крону. А въ какой ты блузкѣ будешь?

— Въ той, бѣлой, съ полосками. А ты?

— Въ розовой... а вотъ и кавалеръ твой, — она разсмѣялась, исчезая въ дверяхъ.

Стася невольно покраснѣла. Хотя она знала, о комъ говоритъ Марцыся, и даже слышала приближающіеся шаги, но притворилась очень занятой разглядываніемъ противолежащаго окна.

— Здравствуйте, панна,—сказалъ весело подмастерье.

— А, это вы... Здравствуйте.

Онъ остановился передъ дѣвушкой. Его свѣжее, здоровое лицо дышало энергіей отдохнувшаго юноши. Свои маленькіе темные усики онъ закрутилъ вверхъ и, обнажая при улыбкѣ бѣлые зубы, сказалъ:

— Приглашаю васъ на первый танецъ.

— Я еще не знаю, пойду ли я.

— Я въ такомъ случаѣ самъ попрошу вашу маму, чтобъ она васъ довѣрила моей опекѣ,—разсмѣялся онъ.

— Нѣтъ, я вамъ сама скажу, но только послѣ костела.

— Хорошо... а теперь до свиданья, такъ какъ я тороплюсь къ матери.

— До свиданья,—и она провожала его глазами, въ которыхъ свѣтилось удовольствіе.

Ей давно ужъ нравилось его веселое, открытое лицо, а приличный костюмъ свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ умѣетъ беречь грошъ. Довольно частые разговоры сблизили ихъ, но установившіяся между ними отношенія представляли собою скорѣе взаимную привязанность, чѣмъ любовь. Во всякомъ случаѣ они интересовались другъ другомъ, и, возвращаясь вечеромъ изъ мастерской, Стася съ пріятнымъ чувствомъ ждала момента встрѣчи съ Стефаномъ.

— Стася!—крикнула мать, открывая дверь.—Одѣвайся и пойдемъ!

— Еще рано, мама, — сказала она, входя въ уже убранную комнату.

— Я еще зайду къ господамъ, у которыхъ я вчера стирала, можетъ быть, заплатятъ, такъ я тебѣ ужъ дамъ на гулянье. Ну, и на обѣдъ надо кое-что купить, вѣдь Яцусь придетъ.

Послѣ обѣда Стася съ большимъ нетерпѣніемъ ждала, когда, наконецъ, Марцыся окончитъ свою работу и соберется въ паркъ.

Не будучи въ состояніи высидѣть въ комнатѣ, она вышла на крылечко и стала смотрѣть въ открытое окно кухни перваго этажа. Видна была, однако, только суетящаяся кухарка и лишь время отъ времени мелькала фигура Марцыси.

Часы на базарной площади пробили три, и это усилило безпокойство ожидающей. Съ красными пятнами на лицѣ она обратилась къ матери.

— Не пойти ли ужъ мнѣ самой на кухню, можетъ, она забыла про гулянье?

— Гдѣ тамъ,—разсмѣялась мать,—гдѣ тамъ дѣвушкѣ о танцахъ забыть?

— А почему она не выходитъ?

— Научись ты терпѣнію,—насмѣхалась Юлька, завидуя сестрѣ. — Тамъ ужъ, вѣрно, танцуютъ, а ты здѣсь безъ толку ждешь.

Раздраженная Стася сердито поглядѣла на нее и со злостью закричала:

— Не тебѣ говорю, не вмѣшивайся въ разговоръ старшихъ!

— Смотрите только,—разсмѣялась Юлька сухо, — тоже старшая... Одѣла длинную юбку и надувается, точно павлинъ.

— Да замолчишь ли ты, гадина? Почему мама ей ничего не скажетъ?

— Тише, Юлька!.. Ага, Марцыся черезъ окно смотритъ!

Стася выбѣжала на крылечко, крича:

— Марцыся, уже четвертый часъ!

— Сейчасъ, только одѣнусь.

И опять началось выжиданіе, теперь ужъ болѣе спокойное, такъ какъ она была увѣрена, что Марцыся пойдетъ на гулянье. Пользуясь временемъ, мать сказала:

— Стася, можетъ, ты жакетку возьмешь, осенніе вечера холодны.

— Жакетка вся рыжая и старенькая... Я и не думаю брать ее.

— И не забудь, не пей воды послѣ танцевъ.

— Что мама думаетъ, я дитя малое?

— Ужъ взрослая барышня,—захихикала Юлька,—ищетъ себѣ мужа.

— Молчи!—крикнула Стася сердито.

— Ты не имѣешь права приказывать мнѣ, это не твой домъ.

— Ну, и мученіе же съ вами,— вздохнула мать,— молчите ужъ обѣ!

Помолчавъ немного, она прибавила:

— Стася, купи себѣ цвѣтокъ, приколи къ лифу... булавка у тебя есть?

— Есть... идетъ, наконецъ!—крикнула она весело и, поцѣловавъ руку матери, выбѣжала изъ комнаты.

На крылечко вышли мать съ Юлькой, любопытствуя посмотрѣть, какъ принарядилась Марцыся, которая въ этотъ моментъ сходила съ лѣстницы. На ней была свѣтло-сѣрая юбка и черная открытая жакетка, изъ-подъ которой виднѣлась розовая блузка въ бѣлыхъ полоскахъ. Въ рукахъ у нея былъ зонтикъ, а на головѣ—соломенная шляпа, украшенная лентами и цвѣтами.

Нарядъ Стаси былъ болѣе скромный. Мать, хорошо знавшая темную юбку дочери, видѣла, гдѣ она протерта, гдѣ заштопана, гдѣ пятно. Только блузка въ синихъ полоскахъ была свѣжа; темная шляпка очень шла къ блѣдному лицу Стаси.

— Панна Марцыся, — просила мать, — слѣдите за ней, она такой еще ребенокъ.

— Не безпокойтесь, пани Петрова, ужъ мы будемъ осторожны, — разсмѣялась она, и онѣ обѣ быстро вышли со двора въ корридоръ дома.

— Правда, Юлька, Стася красивѣй?

— Еще бы не красивѣй! —улыбнулась она не безъ оттѣнка гордости.—Стася на барышню похожа, а она—на служанку.

Дѣйствительно, Стася, болѣе стройная, съ красивой фигурой, съ граціозными движеніями, производила выгодное впечатлѣніе рядомъ съ немного тяжеловѣсной Марцысей.

Когда онѣ подошли къ Краковскому парку, до нихъ донеслись звуки музыки.

— Ужъ танцы начались,—прошептала раскраснѣвшаяся отъ волненія Стася.

— Э, натанцуемся еще... а когда ты мнѣ за билетъ вернешь?

— Я ужъ не возьму у тебя, мнѣ мама дала.

— Тѣмъ лучше... идемъ.

У входа, за будкой кассира, гостей пропускали распорядители гулянья, украшенные бѣлыми, голубыми и красными бантиками.

Всѣ были молоды и веселы, всѣ улыбались, а по нарядамъ, по рукамъ, по движеніямъ, можно было не только узнать въ нихъ ремесленниковъ, но даже опредѣлить ремесло каждаго. Здѣсь были худые, блѣдные портные съ прищуренными глазами; сутуловатые, но веселые, живые сапожники; столяры, ковыляющіе на правую ногу; здоровенные слесари съ жесткими, тяжелыми руками; куклообразные парикмахеры; серьезные и интеллигентные наборщики и много, много другихъ. Среди нихъ находились также

Францишекъ и столяръ Былина, которые разглядывали приходящую на гулянье публику.

Увидѣвъ входящихъ дѣвушекъ, они почти одновременно подошли къ нимъ, и Францишекъ съ тщательно-выбритымъ лицомъ, съ видомъ героя провинціальныхъ театровъ, произнесъ:

— Жду васъ, какъ извозчикъ ѣздока... а васъ нѣтъ какъ нѣтъ.

— Наконецъ-то, вы пришли, панна Стася, а то я ужъ совсѣмъ сомнѣваться сталъ... я думалъ, что вы напортите, и вся работа къ чорту пойдетъ.

— Мы же пришли, однако, — разсмѣялась Марцыся.— Ну, что? Много народу?

— Тьма, — отвѣтилъ съ презрѣніемъ лакей. — Можно, однако, встрѣтить кое-кого и изъ благовоспитанныхъ.

— А вы, панъ Францишекъ, очень разборчивы,—съ милой улыбкой сказала Марцыся, гордясь тѣмъ, что она его избранница.

Музыка, затихшая было, когда онѣ входили, опять загремѣла.

— У меня прямо ноги скачутъ,—шепнула Стася товаркѣ.

— У меня тоже,—шопотомъ же отвѣтила та,—но надо быть серьезной.

Вслѣдъ за тѣмъ она обратилась къ Францишку:

— Это танецъ играютъ?

Столяръ, предупредивъ его, отвѣтилъ смѣясь:

— Это музыка для пьющихъ! А для танцующихъ дальше—тамъ земля ровная, точно паркетный полъ.

— Куда же мы пойдемъ?—спросила Стася.

— Танцовать, разумѣется,—отвѣтила Марцыся,—ведите насъ, панъ Францишекъ.

Они прошли мимо ресторанныхъ столиковъ, разставленныхъ по правую руку, и военнаго оркестра, игравшаго въ павильонѣ, и очутились у маленькаго пруда съ грязноватой, мутной водой, по которому плыло нѣсколько лодокъ.

— Покатаемся, панна Марцыся,—предложилъ лакей.

— А я боюсь, вдругъ утону!

— Тогда я васъ спасу,—разсмѣялся Стефанъ.

— Вы возьмете Стасю, а меня кто?—и она кокетливо поглядѣла на лакея.

— Не бойтесь, панна, тутъ вода только до колѣнъ, утонуть нельзя,—увѣрялъ лакей.—Ну, идемте, я „фундую“ лодку.

Съ видомъ богатаго барина онъ уплатилъ по два геллера съ брата, и всѣ четверо сѣли въ лодку. Гребли мужчины. Лодка, управляемая непривычной рукой, качалась

изъ стороны въ сторону, что вызывало испуганныя взвизгиванья Марцыси. Стася же, которую отецъ когда-то бралъ съ собою на Вислу, презрительно улыбалась:

— Это стоячая вода, ничего намъ не станется.

Они нѣсколько разъ пересѣкли маленькій прудъ, часто сталкиваясь съ другими лодками, а музыка въ это время такъ заманчиво наигрывала вальсъ, что дѣвушки начали покачиваться въ тактъ. Прогулка, благодаря этому, становилась лишь пріятнѣе. Они бы продолжали кататься, если бъ не владѣлецъ лодки, который сердито крикнулъ имъ:

— Довольно, господа, за четыре цента все море переплыть хотите,—ну-ка, приставайте къ берегу, а то другіе ждутъ! Или заплатите!

— Вотъ хамъ!—проворчалъ лакей, погружая весло въ болото, чтобы пристать къ берегу, такъ какъ ему не хотѣлось вторично платить.

— Спасибо, панъ Францишекъ, за пріятное катанье,—присѣла Марцыся, а вслѣдъ за нею Стася.

— Не стоитъ,—молвилъ онъ съ гордой улыбкой на бритыхъ губахъ.—Это для меня небольшой расходъ.

Это кольнуло Стефана, такъ какъ онъ рѣшилъ, что это намекъ на него, который ничего не „фундовалъ". Но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не разслышалъ, и сталъ приглашать дѣвицъ:

— Идемте танцовать, сейчасъ начнутъ!

Они пошли дальше въ глубину парка и увидѣли небольшую площадку, огороженную веревками, протянутыми между столбами. Только одна сторона была открыта для входа. Пятеро музыкантовъ настраивали инструменты, а впереди ихъ стояли два клоуна, одинъ съ краснымъ, другой съ бѣлымъ лицомъ.

Какъ только замолкла военная музыка передъ ресторономъ, клоуны, руководившіе танцами, подали знакъ, и загремѣла такая веселая полька, что парни и дѣвушки и вся толпа, окружавшая площадку для танцевъ, стали подпрыгивать и подпѣвать. Клоуны въ это время открыли танцы, махали руками и ногами и издавали непонятные крики, что возбуждало въ публикѣ смѣхъ и веселье.

Обѣжавъ нѣсколько разъ площадку, клоуны отскочили другъ отъ друга и, кланяясь, стали зазывать публику:

— Вотъ великолѣпная зала подъ открытымъ небомъ, со скользкимъ паркетомъ, кто поскользнется, тотъ упадетъ! Прошу, попробуйте, прекрасныя панны! Впередъ, къ танцамъ! Ну же, хлопцы!

Это обращеніе клоуновъ вызвало много смѣху, пары

быстро сговорились, и одними изъ первыхъ были Стефанъ со Стасей и Францишекъ съ Марцысей.

Публика танцовала съ увлеченіемъ, кто-то кого-то толкнулъ, какая-то пара упала, кто-то ругался, дѣвушки жаловались, но веселье было въ полномъ разгарѣ. Лишь тогда, когда на площадкѣ набралось столько паръ, что трудно было повернуться, клоуны, слѣдившіе за порядкомъ, рѣзко свистнули, и музыка къ огорченію танцоровъ и танцорокъ замолкла.

— За кругъ!.. За кругъ!—упрашивали клоуны танцующихъ, но ихъ не очень-то слушались, а болѣе запальчивые танцоры стали передъ музыкантами, крича:

— Играйте!.. Еще!.. Польку!.. Вальсъ!.. Кадриль!..

Вдругъ кто-то изъ публики крикнулъ:

— Нашу!

И, точно кто-то бросилъ искру,—тотчасъ же поднялся неописуемый крикъ:

— Нашу! Нашу!!

Музыканты не брались за инструменты, а раздраженная толпа принимала все болѣе угрожающій видъ, пока, наконецъ, одинъ изъ клоуновъ, замѣтившій это, не вскочилъ на эстраду къ музыкантамъ и, махая шутовской шапкой, крикнулъ:

— Господа и сударыни, успокойтесь!

— Тише, тише!—раздалось въ толпѣ.

— Извиняюсь передъ публикой за музыкантовъ, но они оглохли, бѣдняги... Гей!.. Слушайте меня!.. Судари и сударыни, заплатившіе шесть геллеровъ, хотятъ танцовать... заиграйте же что-нибудь веселенькое.

— А что?—притворился удивленнымъ музыкантъ.

— Послушай, я запою:

Краковякъ я тебѣ, въ Краковѣ родился,
Еще въ школу я ходилъ, ужъ дѣвицъ я соблазнялъ.

При первомъ же тактѣ музыки развеселившаяся публика начала притаптывать и напѣвать, губы улыбались, глаза блестѣли, и танцоры съ такой охотой пустились въ плясъ, что взлетали въ воздухъ не только юбки и песокъ съ площадки, но и сами танцорки.

Даже чопорный Францишекъ разошелся и, забывая о своей серьезности, требованіяхъ хорошаго тона, приподнималъ Марцысю, притаптывалъ ногами и издавалъ веселые крики удовольствія.

Лишь тогда, когда громкая военная музыка заглушила мелодію, танцы прекратились.

Кавалеры уводили разгоряченныхъ барышень въ глубину парка.

— Какъ ты себя чувствуешь, Стася?—спросила запыхавшаяся Марцыся.

— Я страшно устала, но веселилась я—такъ ужъ веселилась.

— А, можетъ, панны позволятъ пива?—спросилъ Стефанъ, бросая вызывающій взглядъ на лакея.

— Э, рано еще пить!—отвѣтила Марцыся, вытирая вспотѣвшее лицо.—Развѣ только ты хочешь, Стася?

— Я? Какое тамъ, я и вовсе не пью.

— Ну, такъ идемте къ кинематографу,—посовѣтовалъ Францишекъ,—къ чему тратить время на какія-то прогулки?

Всѣ признали справедливость этого замѣчанія и повернули къ кинематографу. Но въ павильонѣ съ кинематографомъ былъ такой наплывъ любопытныхъ, что они отказались отъ своего намѣренія, тѣмъ болѣе, что Стефанъ предложилъ посмотрѣть звѣринецъ.

Когда они подошли къ входу, у котораго рядомъ съ кассой находился лотокъ, Стефанъ, опередивъ компанію, сказалъ:

— Теперь я „фундую“.

И, подойдя къ кассѣ, спросилъ:

— Сколько за четверыхъ?

— Восемь центовъ или 16 геллеровъ.

— Я буду платить!—сказалъ онъ, вынимая деньги, и обратился къ компаніи:

— Пожалуйста, войдите!

— Къ чему вы такъ много тратите?—упрекнула его Стася.

— Платятъ другіе по два геллера за лодку, могу я платить по четыре за звѣринецъ.

Сначала они увидѣли американскихъ и зеленыхъ попугаевъ, вызвавшихъ удивленіе дѣвушекъ, и имъ захотѣлось остановиться.

— Не стоитъ смотрѣть,—сказалъ презрительно Францишекъ.

Марцыся, услышавъ это замѣчаніе, нѣжно взглянула на него и сказала:

— Я лучшихъ видала.

Они подошли къ клѣткѣ, въ которой сидѣли большія обезьяны. Одна, больная, съ грустными глазами, смотрѣла на публику равнодушно, другая скакала и выдѣлывала всякія штуки.

— Ахъ, какая она потѣшная!—воскликнула Стася.

— Какъ всякая обезьяна,—отвѣтилъ Стефанъ.

— А говорятъ, будто человѣкъ отъ обезьяны происходитъ,—началъ Францишекъ напыщенно,—но это вранье,—панна Марцыся, напримѣръ, совершенно не похожа.

— Не богохульствуйте, панъ Францишекъ, Господь Богъ сотворилъ человѣка въ раю, и всѣ мы происходимъ отъ Адама и Евы, а не отъ обезьянъ.

— И я то же говорю,—подхватилъ лакей,—но есть такіе дураки, которые...

— Эхъ, не морочьте вы голову, идемте!

Они подошли къ клѣткѣ хищныхъ звѣрей, передъ которой столпилась кучка женщинъ, дѣтей и мужчинъ. Звѣри, которыхъ плохо кормили, вертѣлись въ тѣсныхъ клѣткахъ, дожидаясь корма, который забавы ради бросала имъ публика. Тутъ былъ исхудалый медвѣдь съ выбитымъ глазомъ, весь въ рубцахъ, съ облѣзшей мѣстами шерстью. Съ жадностью пожиралъ онъ бросаемые ему куски хлѣба. Но были шутники, которые клали булку такъ, что онъ не могъ достать ее лапой, или бросали въ клѣтку камешки, обернутые бумагой. И толпа пришла въ неимовѣрный восторгъ, когда обманутый, вышедшій изъ терпѣнія медвѣдь грозно зарычалъ и своимъ единственнымъ глазомъ какъ бы съ упрекомъ посмотрѣлъ на публику. Тутъ же рядомъ былъ кабанъ, изголодавшійся, грязный, который съ остервенѣніемъ бросался на каждую крошку корма.

— Какіе они голодные!—сказала Стася.

— Мы ихъ сейчасъ накормимъ!—весело сказалъ подмастерье и быстро побѣжалъ къ лотку, нарочно поставленному у входа, чтобы жалостливые посѣтители кормили звѣрей. Онъ принесъ двѣ булки и отдалъ ихъ дѣвушкамъ. Окружающая публика нѣсколько разступилась, чтобы потѣшиться безплатнымъ зрѣлищемъ. А Марцыся съ чувствомъ своего превосходства расталкивала зрителей, чтобы подойти ближе къ клѣткѣ.

— Чего вы такъ толкаетесь, панна,—запротестовала немолодая женщина,—тутъ каждый имѣетъ право стоять.

— Стоять-то стоять, а я накормлю,—отвѣтила она, съ гордостью показывая булку.

Женщина тутъ же уступила, и дѣвушки, разрывая булки на части, стали бросать ихъ звѣрямъ.

— Оставьте для льва,—сказалъ изъ толпы какой-то человѣкъ, который все время весело болталъ и острилъ.

Въ послѣдней клѣткѣ лежалъ несчастный левъ съ торчащими костьми, съ гноющимися отъ ударовъ ранами. Онъ положилъ голову на полъ клѣтки и стеклянными глазами

обводилъ публику. Марцыся бросила ему кусокъ булки. Онъ поднялъ глаза, но не двинулся съ мѣста. Это подзадорило публику, и послышались голоса:

— Поднимайся, бестія!.. Жри, когда даютъ!.. Гордый, шельма!..

Какой-то смѣлый юноша всунулъ въ клѣтку палку, желая задѣть льва. Другіе начали бросать камешки. У кого то нашлась даже такая длинная палка, что ею можно было достать лежащаго звѣря, который злыми глазами глядѣлъ на толпу.

— А, проснулся! Панъ Игнацъ, толкни-ка его, пусть встанетъ!

Францишекъ, желавшій хвастнуть передъ Марцысей, взялъ у нея зонтикъ и, вытянувъ руку, дотронулся до льва. Въ эту минуту звѣрь подскочилъ и, хотя руки не схватилъ, но лапами своими разломалъ и изорвалъ зонтикъ.

Одни смѣялись, другіе негодовали, но болѣе всѣхъ огорчилась, конечно, горничная. Женщины въ общемъ были возмущены такой дерзостью льва.

Публика начала упорно дразнить льва, бросать въ него камешки и песокъ. Злоба на него росла, и даже самыя добродушныя дѣвушки приходили въ ярость.

Каждый изъ этихъ людей въ отдѣльности не сталъ бы издѣваться надъ плѣннымъ, безсильнымъ звѣремъ, но въ толпѣ личность стремится къ психическому сочувствію другимъ. А такъ какъ звѣрскіе инстинкты, кроющіеся въ каждомъ человѣкѣ, разбудить очень легко, то толпа большей частью бываетъ очень жестока.

Разъяренный левъ старался лапами разломать рѣшетку, вызывая этимъ восторженный смѣхъ публики. А Францишекъ съ остервенѣніемъ билъ его по лапамъ, мстя за причиненный убытокъ. Наконецъ, левъ зарычалъ. Смѣхъ и крики вдругъ замолкли. Въ этомъ ревѣ безсильнаго гнѣва было столько бѣшенства, что публика отскочила отъ клѣтки.

Прибѣжалъ встревоженный владѣлецъ звѣринца, чтобы защитить льва отъ дальнѣйшихъ издѣвательствъ. Публика кучками стала выходить изъ звѣринца, такъ какъ со стороны площадки для танцевъ донеслись звуки упоительнаго вальса.

Марцыся шла злая, нахмуренная, говоря своей товаркѣ:

— Четыре кроны зонтикъ стоилъ, хорошее мнѣ развлеченіе... Очень мнѣ нуженъ этотъ звѣринецъ,—и она сердито взглянула на Стефана Былину.

— Я не дотрогивался до вашего зонтика.

— Не безпокойтесь, панна,—сказалъ Францишекъ, на-

дувая бритую губу,—хватитъ у меня денегъ, чтобы купить не худшій.

— И захотѣлось же пану Францишку,—сказала она съ мягкимъ упрекомъ,—шутить съ такимъ дикимъ звѣремъ... Дѣло не въ томъ, чтобы купить, но гдѣ я такой зонтикъ найду?

— Пойдемъ вмѣстѣ, такъ, можетъ, найдемъ и кое-что получше,—улыбнулся онъ.

— Нѣтъ, не хочу,—крикнула она гнѣвно,—это находятъ не на улицѣ, а по-божески, дома, въ костелѣ...

— Да я же шутилъ, какъ-нибудь да уладимъ все... Вы танцуете вальсъ?

— Изъ деревни я, что ли?—разсмѣялась она высокомѣрно.

— Я этого не говорю, но бываютъ и такія, что не умѣютъ.

— Въ хорошемъ вы бываете обществѣ, панъ Францишекъ,—громко разсмѣялась она,—слышишь, Стася, тѣ вальса не танцуютъ.

— Вотъ смѣшно,—улыбнулась она.

— Онѣ, вѣрно, босыя танцуютъ,—ѣдко прибавилъ подмастерье.

— Это общество для васъ, а не для меня,—сухо отвѣтилъ лакей.

Стефанъ положилъ палецъ на губу и свистнулъ, а потомъ спросилъ:

— Не васъ ли зовутъ, панъ Францишекъ?

Это былъ ядовитый намекъ на службу лакея. Послѣдній понялъ это и съ притворнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ ему колкостью же. Стефанъ покраснѣлъ и чуть было не вспылилъ, но Стася замѣтила:

— Если вы хотите ссориться, то мы васъ знать не хотимъ!

— Пусть не начинаетъ,—ворчалъ подмастерье.

— Пусть не кусается,—отвѣтилъ лакей.

— Можетъ, панъ Францишекъ попробуетъ, умѣю ли я вальсъ танцовать?

— Пожалуйста!

Они пустились въ плясъ. Несмотря на зазыванія клоуновъ, танцующихъ было мало, публикѣ надоѣлъ вальсъ, и поднялись крики:

— Кадриль! кадриль!

Пары заняли мѣста, а клоуны дирижировали танцами.

Оказалось, однако, что несмотря на самыя лучшія намѣренія танцоровъ и танцорокъ, поминутно выходили недо-

разумѣнія. Пары путались, теряли другъ друга, не кончали фигуръ, и недовольство росло.

Ужъ послѣ второй фигуры публика почти единогласно потребовала:

— Галопъ! галопъ!

Такъ и окончилась кадриль.

Издали долетали звуки военной музыки, и измученные танцоры разошлись. Дѣвушки направились къ пруду. Остановившись на минутку, они услышали звукъ выстрѣловъ.

— Что это?—спросила Марцыся.

— Тамъ, вѣрно, тиръ,—сказалъ лакей.

— Пойдемте!—крикнула Стася.

— Вы умѣете стрѣлять, панъ Францишекъ?—Марцыся взглянула на него.

— Въ свое время я всегда въ цѣль попадалъ.

— Ну, а теперь?..

— Попробую, эта стрѣльба—дѣло барское, иной и ружья взять въ руки не можетъ.

Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на Стефана.

— Посмотримъ, кто лучше!—разсмѣялся столяръ.

— Я бы пари держалъ на четыре бутылки!

— Идетъ!—сказалъ Стефанъ.

— Сначала нужно условиться, сколько выстрѣловъ,—поучалъ его лакей.

— Три.

— Г-мъ, хорошо.

— Напередъ благодарю васъ за выпитое пиво.

— Неизвѣстно еще, кто его поставитъ.

Они подошли къ тиру. Тамъ было всего два стрѣлка, такъ какъ удовольствіе было довольно дорогое—по шести геллеровъ выстрѣлъ. Эта цѣна, однако, не устрашила противниковъ, и Францишекъ потребовалъ ружье. Ему подали его. Онъ сталъ на мѣсто и долго прицѣливался къ висѣвшей на шнуркѣ бутылкѣ. Наконецъ, онъ выстрѣлилъ и промахнулся. Три раза стрѣлялъ онъ, но ни разу не попалъ. Злой и пристыженный, онъ заплатилъ и гордо заявилъ:

— Старье какое-то у васъ! Палки, а не ружья!—И, обращаясь къ Марцысѣ, сказалъ:

— Дуло кривое, такъ не попадешь.

— Теперь попробую я!—крикнулъ Стефанъ.

— Я совершенно спокоенъ, — иронически улыбнулся лакей.

Марцыся раздѣляла мнѣніе Францишка, но Стася почувствовала извѣстное безпокойство, что и Стефанъ не попадетъ въ цѣль. Не потому, что ей хотѣлось пива, а потому, что ее раздражало высокомѣріе Францишка.

Долго прицѣливался Стефанъ и, наконецъ, выстрѣлилъ. Бутылка заколыхалась, но осталась висѣть. Онъ опять прицѣлился, и опять мимо. Красный отъ волненія, онъ въ третій разъ взялъ въ руки ружье и въ третій разъ услышалъ за собою:

— Я зналъ, что онъ не попадетъ, потому что даже я не попалъ, а я стрѣлять умѣю.

Онъ долго прицѣливался, бралъ ружье и клалъ его назадъ. Наконецъ, онъ выстрѣлилъ, и бутылка со звономъ упала на землю.

— А что?—крикнулъ онъ торжествующе, съ гордостью глядя на Францишка.—Кто ставитъ пиво?

— Случайность,—съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ лакей, хотя онъ почувствовалъ глубокое огорченіе, котораго не въ состояніи былъ смягчить даже сочувственный взглядъ горничной.—Я ставлю пиво,—не разорюсь на этомъ.

— Дорого обойдется вамъ сегодняшняя прогулка,— кольнулъ его Стефанъ,—входъ, зонтикъ, пиво.

— Свои долги я самъ плачу,—отвѣтилъ онъ гордо.

— А я не плачу, такъ какъ у меня ихъ нѣтъ,— разсмѣялся Стефанъ.

Въ это время оркестръ заигралъ мазурку. Этотъ знакомый, родной мотивъ привлекъ пары со всѣхъ аллей; всѣ торопились принять участіе въ танцахъ. Вся площадка переполнилась, и клоунамъ, дирижировавшимъ танцами, еле удалось разбить танцующихъ на группы.

Веселье было въ полномъ разгарѣ. Танцоры и танцорки могли проявить свои симпатіи, приглашая другъ друга на фигуры, и давали выходъ своей страстности въ замысловатыхъ выкрутасахъ. Время отъ времени не только среди танцоровъ, но и среди зрителей раздавались возгласы:

— Гей га! Ну же га! Гей!

Эти возгласы вызывали у танцоровъ еще большее воодушевленіе, и они думали не столько о тактѣ мазурки и о фигурахъ, сколько о притаптываніи и подскакиваніи.

Мазурка, наконецъ, кончилась. Вспотѣвшіе и усталые танцоры стали расходиться, и Стефанъ, обтирая лобъ, сказалъ:

— Я страшно пить хочу... барышни, вѣрно, тоже.

— Э, не очень-то,—сказала горничная.

Францишекъ понялъ намекъ и, кланяясь, сказалъ:

— Приглашаю на пиво.

Они пошли въ ресторанъ. Хотя ужъ было очень темно, огни изъ экономіи еще не зажигались. Найти свободныя мѣста было не легко. Пока всѣ садились за столъ, Фран-

цишекъ заказалъ четыре бутылки пива. Всѣ начали дѣлиться другъ съ другомъ свѣжими впечатлѣніями. Тотъ упалъ, та опрокинулась, той оборвали шлейфъ, другой—воланъ... и много было шутокъ и остротъ и еще больше громкаго смѣха, такъ что женщина, сидѣвшая рядомъ съ мужемъ и тремя дѣтьми, крикнула возмущенно:

— На Вислу съ такимъ воспитаніемъ!

И бросивъ презрительный взглядъ на компанію, гнѣвно отвернулась.

Вспыльчивый Стефанъ, усматривая въ этихъ словахъ оскорбленіе своихъ товарокъ, точно пѣтухъ, вскочилъ со стула и крикнулъ:

— Кого это вы имѣли въ виду?

Женщина покраснѣла, отвернулась и ѣдко отвѣтила:

— Ударь по столу—и ножницы откликнутся.

— Мнѣ ножницы не сродни, я ими заплатъ не прикраиваю,—зло кольнулъ Стефанъ, намекая, что ея мужъ—заплаточникъ.—а ножницы свои оставьте для другихъ, пани.

— Чего ты молчишь, истуканъ!—крикнула она мужу.—Вѣдь жену твою оскорбляютъ, олухъ ты этакой!

— Гей ты тамъ, хочешь по мордѣ?—спокойно спросилъ мужъ сердитой женщины.

— Мы съ тобой свиней не пасли, свое „ты" оставь, пожалуйста, для своихъ знакомыхъ!—крикнулъ Стефанъ.

Францишекъ, какъ благовоспитанный человѣкъ, не желая довести до драки, всталъ и сказалъ:

— Успокойтесь, господа... пусть каждый останется при своемъ.. мы при нашемъ столикѣ, а вы при вашемъ... и тише... Къ чему намъ шумѣть?..

— Сразу виденъ умный человѣкъ,—похвалилъ портной.

— И мнѣ не до ссоры,—прибавила жена,—сидѣли бы вы только поскромнѣе.

— Вѣдь даже въ мастерской, даже въ тюрьмѣ разрѣшено смѣяться и шутить,—сказалъ подмастерье.

— Я не знаю, каково въ тюрьмѣ, я тамъ не была,—отвѣтила она со злобой.

— И я тамъ не былъ, а такими намеками говорите съ босяками изъ Звѣринца.

— Слышишь, слышишь, что онъ говоритъ?

Послушный мужъ всталъ и тономъ добродушнаго упрека сказалъ:

— Къ чему эти ссоры? Мы вѣдь сосѣди, живемъ мирно.

— И я того же хочу,—прибавилъ Францишекъ.

— Такъ выпьемте по кружкѣ,—посовѣтовалъ портной.

— Пей самъ... надоѣло мнѣ это гулянье и это издѣвательство... Идемте, дѣти!

— Ну, ну, успокойся,—и, обращаясь къ Стефану, сказалъ:—Вы, молодой человѣкъ, должны попросить извиненія у дамы.

-- Извинитесь, извинитесь,—шептали дѣвушки.

Стефанъ немного колебался, наконецъ, подошелъ къ дамѣ и, кланяясь ей, снявъ шляпу, сказалъ:

— Вырвется иной разъ слово, но не по злобѣ, или непріязни, а такъ себѣ. Прошу прощенія, пани,—и онъ поцѣловалъ ея руку.

Этотъ поцѣлуй подкупилъ женщину, она улыбнулась очень мило.

— Сейчасъ видно хорошее воспитаніе, вы умѣете цѣнить женщинъ, такъ я вамъ ужъ прощаю.

Помирившіеся сосѣди сдвинули столики и выпили вмѣстѣ по двѣ кружки пива, терпѣливо слушая разговоры женщинъ о дороговизнѣ и тяжелыхъ временахъ.

— Танцевъ больше не будетъ?—спросила Стася, которой становилось скучно.

— Надо посмотрѣть,—отвѣтилъ Стефанъ.

Всѣ попрощались очень любезно и отправились къ танцевальной площадкѣ.

Всѣ аллеи были освѣщены довольно скупо китайскими фонарями, но эти разноцвѣтные фонари на фонѣ осеннихъ листьевъ, сморщившихся отъ заморозковъ, производили пріятное впечатлѣніе и очень нравились дѣвушкамъ.

На площадкѣ никого ужъ не было, и одинъ изъ распорядителей заявилъ, что позже, можетъ быть, будутъ танцы въ ресторанной залѣ.

Тогда они отправились по освѣщеннымъ аллеямъ въ глубь парка.

Марцыся, поправляя подколотые на затылкѣ волосы, немного отстала вмѣстѣ съ Францишкомъ, а Стася съ Стефаномъ пошли дальше.

Проведенный вмѣстѣ день, танцы, освѣщенный паркъ, играющая въ ресторанѣ музыка настраивали обоихъ мечтательно. Послѣ недолгаго молчанія Стефанъ спросилъ:

— Вы довольны днемъ?

— Очень даже!

— Если бы вы хотѣли, вы бы каждый день могли имѣть такое удовольствіе.

— Вы шутите, панъ Стефанъ.

— Какое тамъ, я правду говорю... не то, что танцы да гулянья, а такъ... просто счастье...

Сердце Стаси забилось отъ безпокойства и какъ бы радости, но она овладѣла собой и весело сказала:

— Я и такъ счастлива, я зарабатываю, имѣю, гдѣ спать, что ѣсть...

— Э, что мнѣ тамъ вилять, скажу прямо... Вотъ, если бы мы съ вами поженились... вы мнѣ ужасно нравитесь, панна, такъ какъ вы трудолюбивая, честная, я бы и о васъ и о матери вашей позаботился... Что вы на это скажете?

Стася, вся горя, остановилась, сердце ея билось, въ глазахъ мутилось, кровь, точно молотомъ, стучала. Помолчавъ, она сказала:

— Развѣ я знаю?.. Я маму спрошу.

— Да развѣ я съ вашей мамой жить буду?—онъ весело разсмѣялся.—Мама своимъ чередомъ, а вы что думаете?

— Хорошо бы это было,—сказала она, совершенно успокоившись,—но чѣмъ мы жить будемъ? Дороговизна страшная.

— Я и не думаю сейчасъ вѣнчаться... но черезъ годъ, черезъ два добьюсь чего-нибудь, тогда и поженимся... но я хочу имѣть ваше слово, чтобъ знать, стоитъ ли копить и работать.

— А ваша мать разрѣшитъ?

— Это ужъ мое дѣло... а почему бы ей не разрѣшить?—онъ пожалъ плечами.

— Вѣдь я не богатая,—прошептала она.

— Ерунда! Этакъ бы бѣдные никогда не женились,—разсмѣялся онъ.

— Это вѣрно,—сказала она, такъ какъ онъ умѣлъ ее убѣждать.

— Значитъ, что будетъ съ нами?—добивался онъ, беря ее за руки.

— Если вы мнѣ будете вѣрны, я ничего не имѣю противъ этого,—прошептала она.

— Вотъ такъ, моя Стаська,—онъ обнялъ ее за талію и прижалъ къ себѣ,—я тебѣ говорю, мы будемъ счастливы.

Неподалеку была свободная скамейка; они усѣлись и начали разсказывать другъ другу о жизни въ бѣлошвейной мастерской, о заботахъ своей жизни и о свѣтломъ будущемъ.

— Только ты, Стаська, не подпускай всякаго къ себѣ и не имѣй дѣла со всякимъ, такъ какъ ты вѣдь будешь женой мастера.

— Я это знаю. А развѣ теперь я имѣю съ кѣмъ-нибудь дѣло?

— Правда, и потому-то я тебя и выбралъ, что ты порядочная, хорошая дѣвушка, я за твоей жизнью слѣдилъ.

Окрики Марцыси и Францишка прервали ихъ мечтанія. Первая откликнулась Стася.

Марцыся, все радостная и раскраснѣвшаяся, подбѣжала къ нимъ съ вопросомъ:

— Куда же вы пропали?

— Это мы васъ ищемъ,—разсмѣялся Стефанъ.

— Знаешь,—шепнула Марцыся Стасѣ,—онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе.

— Это хорошо—отвѣтила та.

— Ужъ скоро семь,—сказалъ лакей, вынимая часы,—намъ пора.

— Пойдемъ вмѣстѣ,—вздохнула Стася, мечтательно глядя на паркъ, фонари и скамейки.

Стефанъ, помолчавъ минутку, сказалъ:

— Я бы могъ остаться, но что мнѣ за удовольствіе безъ панны Стаси?..

III.

Мать Стаси, выслушавъ сообщеніе дочери о предложеніи Стефана, очень обрадовалась, но тутъ же сказала:

— Скажи Стефану, что ты не какая-нибудь, а дочь рыбака, да еще Жагельскаго... Пусть же онъ тебя почитаетъ, пусть поклонится и попроситъ руки твоей, да не одинъ, а съ матерью своей. Тогда я буду знать, что онъ честно думаетъ о женитьбѣ.

— Я его хорошо знаю, мама,—улыбнулась Стася,—и знаю, что онъ не изъ такихъ, чтобы надуть.

— Ты знаешь свое, а я—свое... Жены добиваются не украдкой, какъ воръ, а открыто... Вѣдь ему нечего стыдиться, разъ онъ тебя выбралъ.

— Понятно, нѣтъ... Ужъ я ему скажу.

— Еще одно тебѣ скажу: я не допущу никакихъ амуровъ, пока не будетъ все по-человѣчески, какъ Богъ велѣлъ.

— Хорошо, мама.

И дѣйствительно, при первомъ же свиданіи она передала Стефану о требованіи матери. Онъ нахмурился и съ упрекомъ сказалъ:

— Нужно было тебѣ болтать! Успѣли бы еще съ формальностями...

— Ты бы успѣлъ, потому что ты мужчина, а я не желаю никакихъ сплетенъ и подозрѣній... Вотъ настанетъ зима, гдѣ мы видаться будемъ? какъ ты будешь заходить къ намъ? что будутъ говорить сосѣди и другіе?..

— Ну, можетъ, ты и права... Пойду ужъ въ свободное время къ матери и выложу ей все дѣло.

Они поговорили о томъ, о другомъ и мирно разошлись.

Стефанъ на другой же день побѣжалъ къ своей матери, но вернулся нахмуренный. Мать его была владѣлицей катка, и заведеніе ея было на Долгой улицѣ. Дѣла ея шли хоро-

шо. Къ ней приносили много бѣлья, такъ какъ катокъ былъ хорошій, чистый и новой конструкціи.

Она считала себя зажиточной и независимой женщиной и таковой же слыла среди своихъ знакомыхъ. Одного сына она отдала въ ученіе къ часовщику, а старшій Стефанъ— былъ ужъ подмастерье. Она гордилась своими сыновьями и мечтала о богатой женитьбѣ. Поэтому она не могла согласиться, чтобы ея старшій сынъ, такой еще малокососъ, связался съ бѣдной портнихой, дочерью прачки.

Она выругала сына и заявила ему, что она не согласится на такой мезальянсъ, пока она будетъ жить.

Стефанъ разсказалъ дѣвушкѣ о несогласіи своей матери, но утѣшалъ ее, что все уладится, и что они во что бы то ни стало поженятся. Стася, однако, очень огорчилась и разсказала объ этомъ матери.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ!—крикнула возмущенная мать.— Кто жъ такіе, эти Былины?.. Вѣрно, мужики или рабочіе! А ты вѣдь Жагельская, дочь рыбака... теперь я не соглашусь на этотъ бракъ, не станешь ты просить у нихъ милости...

Несмотря, однако, на эти угрозы, дочери удалось убѣдить мать, что посѣщенія Стефана ни къ чему ихъ не обязываютъ и даже будутъ выгодны для ея репутаціи.

И Стефанъ приходилъ по вечерамъ, особенно, когда на дворѣ бывалъ дождь. И вотъ однажды онъ, радостный, сообщилъ, что мать согласилась на его женитьбу, но только черезъ годъ.

Въ квартирѣ Жагельскихъ воцарилась великая радость, и мать начала ужъ думать о томъ, какъ бы сберечь коекакія деньги, чтобы сдѣлать хоть какое-нибудь приданое.

Настали осенніе дни, насквозь пронизывающіе холодомъ и сыростью. Стася и Юлька послѣ легкаго завтрака убѣгали на работу и возвращались къ вечеру продрогшія, голодныя, радуясь, что онѣ найдутъ вытопленную комнату и горячій ужинъ.

Однажды удивленные сосѣди замѣтили, что Жагельская дома. А когда вечеромъ вернулись дочери, мать имъ печально сообщила, что она была въ нѣсколькихъ домахъ, гдѣ она постоянно стирала, и ей отказали.

— Но почему же, мама?

— Выдумки барскія, Стасенька... жалуются, что плохо стирать стала, что пятна остаются.

— Ничего, мама, найдутся занятія въ другихъ домахъ,— утѣшала Юлька.

Но и въ слѣдующій день онѣ застали дома раздосадованную и опечаленную мать.

— Что случилось, мама?

— У меня такъ болятъ руки и ноги, что выдержать не могу!.. но, можетъ, Богъ дастъ, это пройдетъ.

Но это не прошло, однако, и припадки ревматическихъ болей стали повторяться все чаще. Въ домѣ и такъ не было избытка, но всегда было, что поѣсть. Теперь же все стало трещать по швамъ. Сначала лавочница давала въ долгъ, но когда набралось до трехъ кронъ, она отказала въ дальнѣйшемъ кредитѣ. Все, что было лишняго изъ посуды и одежды, пошло къ старьевщикамъ-евреямъ—лишь бы доставить дѣтямъ кусокъ хлѣба. Она упросила хозяина повременить мѣсяцъ съ квартирной платой. И заглянула къ Жагельскимъ такая нужда, что часто и куска хлѣба не доставало, а маленькая плита въ углу стояла холодная и пустая. Сначала помогалъ Стефанъ, но такъ какъ и онъ зарабатывалъ теперь мало, то его помощь скоро замѣнилась однимъ лишь сочувствіемъ. Онъ продолжалъ увѣрять дѣвушку, что любитъ ее, что онъ на ней женится, но въ холодной и пустой комнатѣ засиживался обыкновенно недолго.

Мать, неспособная ни къ какой работѣ, охая и вздыхая, шаталась по холодной комнатѣ или посѣщала старыхъ знакомыхъ, выпрашивая легкую работу, которую она могла бы выполнить, несмотря на слабость и ревматизмъ.

Однажды вечеромъ Стася застала мать болѣе веселой и оживленной.

— Знаешь, Стася, съ насъ уже за мѣсяцъ слѣдуетъ за квартиру. Если мы не заплатимъ, насъ выбросятъ на улицу.

— Охъ, знаю, мама, знаю,—отвѣтила Стася со вздохомъ, съѣдая кусокъ сухого хлѣба и кутаясь въ старую, вытертую жакетку.—За квартиру мы должны заплатить, я принесу пять кронъ и шестнадцать геллеровъ и...

— А гдѣ-же еще сорокъ геллеровъ?—спросила Юлька.— Ты же получаешь шесть кронъ!

— Меня хозяйка оштрафовала.

— Такъ же, какъ меня,—вздохнула Юлька,—разъ я задремала, разъ опоздала,—вотъ и двадцать геллеровъ.

— Такъ больше жить нельзя, мама,—сказала Стася.— въ комнатѣ холодно, ѣсть нечего; вамъ, мама, нужно тепло и лекарства, а у меня ботинки протекаютъ...

— А мои, думаешь, лучше?—прервала Юлька.—У меня скоро пальцы вылѣзутъ.

— Я ужъ два дня лежу, потому что мнѣ не въ чемъ выйти,—заявилъ Ясь, лежавшій на диванѣ, кутаясь отъ холода.

— Отъ тебя, моя Стася, зависитъ,—начала мать, растирая ноющія колѣни,—чтобъ намъ всѣмъ стало лучше... Мнѣ

сегодня Антонева говорила, что на табачной фабрикѣ нужны работницы.

Она замолкла и испытующе посмотрѣла на дочь. Послѣдняя, помолчавъ минутку, съ горечью воскликнула:

— Мама, неужели мнѣ стать папиросницей?!

— Ахъ, дитя мое, честная дѣвушка всегда остается честной, и никакой трудъ не позоритъ... Подумай только, ты будешь зарабатывать двѣнадцать кронъ въ недѣлю и даже больше. Я бы сама пошла, но меня не примутъ, я слишкомъ стара.

— Я бы сейчасъ пошла!—горячо крикнула Юлька.— Зарабатывать такія деньги... ѣла бы я себѣ колбасу, пирожныя, наряжалась бы. Мнѣ тоже объ этомъ говорили, но я слишкомъ молода.

Стася оглядѣла холодную комнату, замѣтила, что мать подбираетъ для себя крошки хлѣба, вспомнила, что за квартиру не уплачено, вспомнила вытертое платье и продранныя ботинки и тихо прошептала:

— А сколько можно заработать?

— Я жъ тебѣ сказала, что работница получаетъ двѣнадцать кронъ и больше...

— Но я вѣдь все-таки буду папиросницей,—вздохнула она,—и что скажетъ на это Стефанъ?

— Стефанъ?!—сказала мать съ горечью.—Что онъ тебѣ хлѣбъ дастъ или поможетъ? Впрочемъ, онъ пойметъ, что если человѣкъ съ голоду помираетъ, то онъ берется за всякую работу.

— Подумай только, Стаська, сколько ты будешь зарабатывать?!—прибавила Юлька.—И въ комнатѣ будетъ тепло, и будетъ тебѣ, во что одѣться, и мамѣ лекарства купить.

— Знаю ужъ, знаю, ты меня не учи... А, можетъ, мама раньше со Стефаномъ поговоритъ?

— Если хочешь, говори... но я тебѣ должна сказать, что у меня ужъ больше силъ нѣтъ... меня-то въ больницу заберутъ, но что съ вами будетъ?

Въ ея выцвѣтшихъ глазахъ заблестѣли слезы.

— Ну, я ужъ пойду мама... вѣдь онъ не дуракъ, не станетъ онъ на меня изъ-за этого сердиться, вѣдь я иначе не могу...

— А, впрочемъ, дитя мое, на что людямъ знать, куда ты на работу ходишь? Мы сохранимъ тайну,—ни я, ни Юлька ни слова не скажемъ.

— И я тоже не буду говорить, Стаська!—крикнулъ Ясь съ дивана.—А когда ты дашь поправить мои башмаки?

— Дай раньше заработать,—улыбнулась она братишкѣ,— знаете мама, лучше-таки скрыть, куда я хожу на работу...

никому ни слова, а то сейчасъ же начнутся намеки, насмѣшки, сплетни.

— Ужъ я постараюсь,—увѣряла мать,—лишь бы только Стефанъ не проболтался.

— Какое тамъ! Вѣдь онъ самъ въ этомъ заинтересованъ... А когда пойти?

— Антонева говорила мнѣ, что послѣзавтра пріемъ, и надо имѣть метрическое свидѣтельство и аттестаты. Твой школьный аттестатъ у меня въ сундукѣ, а въ мастерской тебѣ, вѣрно, тоже выдадутъ.

— Хорошо, я скажу, что поступаю на должность, къ чему мнѣ болтать?

— Понятно, какое кому дѣло до этого?

Въ это время постучали въ дверь. Вошелъ Стефанъ.

— Добрый вечеръ!

Поцѣловавъ руку Жагельской и поклонившись, онъ спросилъ:

— Что же у васъ слышно?

— Садись!—сказала мать.—У насъ все старая бѣда: я больна, работать не могу.

— Знаю, а докторъ что?

— Была я въ больницѣ, велѣлъ онъ въ кровати лежать и порошки прописалъ... Но на что лекарство купить?

— Плохо, а у меня тоже лишняго нѣтъ... работы мало, радъ бы дать, да нѣту...

— Кто отъ тебя требуетъ?—сказала она.—Слава Богу, что для себя имѣешь.

— А тебѣ, Стаська, не повышаютъ платы въ мастеской?.. Ты весь день работаешь, какъ волъ, должны были бы войти въ положеніе,—сказалъ онъ немного спустя.

— Какое тамъ, они и не думаютъ,—улыбнулась она принужденно.—Вчера отказали двумъ, потому что работы мало... того и гляди—всѣхъ разгонятъ.

— Не дай-то Богъ, что будетъ съ вами?—воскликнулъ Стефанъ съ горечью.—Идетъ зима, нужно топливо, освѣщеніе, лекарство...

— Это мы и безъ тебя знаемъ,—проворчала мать.

— А у меня сапоговъ нѣтъ,—прибавилъ Ясь печально.

— Почему не могу я вамъ помочь?..—воскликнулъ Стефанъ съ искреннимъ горемъ.

— Знаешь, Стефанъ,—отвѣтила Стася, чужими руками хорошо жаръ загребать, а хлѣба ими не добудешь.

— Вѣрно ты говоришь, человѣкъ самъ долженъ зарабатывать свой хлѣбъ.

— Въ томъ-то и дѣло,—продолжала Стася,—у насъ

бѣда: моего и Юлькина заработка не хватаетъ на квартирную плату... Я ужъ искала другую работу...

— И нашла?—съ живостью спросилъ онъ.

— Вотъ мама мнѣ совѣтуетъ поступить на табачную фабрику.

Она замолкла, выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ ея слова на Стефана, но онъ молчалъ и ждалъ дальнѣйшихъ объясненій. Ерзая на стулѣ, она прибавила:

— Заработокъ тамъ хорошій—двѣнадцать кронъ и больше въ недѣлю... Можетъ, и въ правду пойти?

— Заработокъ хорошій, правда, только эти папиросницы...—онъ презрительно улыбнулся,—не на очень хорошемъ счету.

— Кто станетъ обращать вниманіе на это? Есть между ними скверныя, есть и хорошія, какъ всегда бываетъ. Есть между ними порядочныя... замужнія женщины, матери дѣтей.

— Это какъ будто и такъ,—сказалъ онъ медленно,—но кто вступаетъ въ ихъ среду, къ тому всегда что-нибудь да прилипаетъ.

— Я и не думаю оставаться тамъ долго, какъ только мамѣ полегчаетъ, я опять пойду въ свою мастерскую. Но что дѣлать теперь, скажи самъ?

— Это вѣрно, голодъ—не тетка, онъ кричитъ: давай ѣсть,—онъ улыбнулся,—иди ужъ на фабрику, что ли, только не надолго.

— Я и сама такъ думаю,—прибавила Стася,—и, пожалуйста, не разсказывай никому объ этомъ, не хочу я людскихъ пересудовъ и сплетенъ.

— Я-то не скажу, мнѣ выгоднѣе молчать, но останется ли это тайной?

— Никто изъ насъ не скажетъ, такъ тайна и сохранится.

Онъ посидѣлъ еще немного, а когда Стася вышла на крылечко его проводить, онъ ей сказалъ:

— Если ты уже рѣшила, то иди на фабрику.

— Ты вѣдь лучше всѣхъ знаешь, что нужда меня гонитъ.

— Знаю, но смотри, Стаська, чтобы ты не поскользнулась.

— За меня ты не бойся, вѣдь я только тебя одного люблю.

— Будь мнѣ только вѣрна, и мы будемъ счастливы—ты увидишь.

Въ назначенный день Стася, одѣвшись по-праздничному, отправилась на табачную фабрику.

Былъ пасмурный, темный ноябрьскій день. Время отъ времени моросилъ мелкій, холодный дождь. Уже самое зданіе, окруженное высокой стѣной, съ рѣшетчатыми окнами, съ будкой городового, произвело на нее непріятное впечатлѣніе тюрьмы, и она прошептала:

— Охъ, мама, тяжело мнѣ будетъ...

— Эхъ, тамъ масса народа работаетъ, будешь работать и ты.

Мать позвонила у будки. Спустя немного времени заскрипѣлъ ключъ въ замкѣ, и на порогѣ появился высокій швейцаръ съ пышными бакенбардами, одѣтый въ длинную голубую ливрею съ блестящими желтыми пуговицами. Онъ гордо и презрительно посмотрѣлъ на стоявшихъ передъ нимъ женщинъ и спросилъ:

— Что вамъ нужно?

Его важное, высокомѣрное выраженіе лица обезкуражило женщинъ, и мать, низко кланяясь, сказала:

— Мы на фабрику... на работу...

— Ты слишкомъ стара для папиросницы. И толкается ихъ здѣсь столько зря, просто покоя нѣтъ.

— Это не я... а моя дочь,—она указала на Стасю.

— Эта?—онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.—Можетъ, и подойдетъ, сколько ей лѣтъ?

— Семнадцать, у меня ея метрическое свидѣтельство.

— Хорошо, посмотримъ, здоровая ли она... пойдемъ, я тебѣ покажу дорогу.

Онъ отступилъ отъ порога. Стася, немного напуганная, посмотрѣла на мать.

— Можетъ, вы и мнѣ позволите зайти?

— Нельзя!—крикнулъ онъ грозно.—А ты, молодая, идешь или нѣтъ? Нѣтъ у меня времени возиться тутъ съ вами!

Мать слегка толкнула Стасю и шепнула ей:

— Я тебя здѣсь подожду.

— Ты озябнешь, старая,—разсмѣялся онъ зло,—потому что это продолжится нѣсколько часовъ.

— Идите домой, мама,—сказала Стася, входя во дворъ фабрики.

Швейцаръ захлопнулъ калитку, заперъ ее на ключъ и обратился къ Стасѣ:

— Иди за мною! Ты тамъ найдешь компанію такихъ же, какъ ты.

Онъ ввелъ ее въ полутемный корридорчикъ, гдѣ находилось уже семь женщинъ.

— Жди тутъ и не шумѣть—тутъ не корчма, а управленіе!

Онъ ушелъ. Стоявшія въ корридорѣ женщины съ любопытствомъ взглянули на вновь прибывшую и, увидѣвъ на ней жакетку и шляпку, отодвинулись отъ нея. Онѣ знали, что на фабрикѣ нужны четыре работницы, а ихъ было уже восемь. Поэтому онѣ почувствовали злобу къ новой конкурренткѣ, посмотрѣли на нее злобными глазами, а одна изъ нихъ съ измятымъ лицомъ, зло улыбаясь и обнажая при этомъ бѣлые острые зубы, сказала:

— Мало заработковъ на улицѣ, еще у порядочныхъ женщинъ хлѣбъ отбивать станетъ...

— Не дождаться ей!—крикнула одна.

— Иди къ кавалерамъ, а не на фабрику!

Стася, слушая эти слова, блѣднѣла и краснѣла, но зажала губы и молчала. Открылись боковыя двери, и какой-то служащій крикнулъ:

— Идите сюда, становитесь въ рядъ!

Онѣ зашли въ комнату съ однимъ рѣшетчатымъ окномъ и съ голыми бѣлыми стѣнами. Тамъ стояли залитый чернилами столъ и два стула.

Конторщикъ, человѣкъ немолодой, нѣсколько сгорбленный, съ измятымъ лицомъ, одѣтый въ потертую, темную тужурку, погрузился въ свои бумаги на столѣ и, не поднимая головы, приказалъ:

— Приготовьте свои документы!

Потомъ онъ всталъ со стула, подошелъ къ женщинамъ, не говоря ни слова, взялъ у нихъ документы и, опять усѣвшись за столъ, сталъ медленно разглядывать ихъ.

— Стоять тихо! не двигаться и не разговаривать!

Крикнувъ это, онъ исчезъ въ боковыхъ дверяхъ.

Черезъ короткое время онъ съ низкимъ поклономъ открылъ дверь, и въ комнату вошли инспекторъ фабрики вмѣстѣ съ директоромъ Мелинкой, который, не обращая вниманія на поклоны женщинъ, окинулъ ихъ испытующимъ взглядомъ.

Это былъ человѣкъ средняго роста, одѣтый съ извѣстной претензіей на изящество, со спокойнымъ лицомъ, украшеннымъ бакенами и закрученными кверху усами.

Онъ медленно прошелъ мимо женщинъ, пронизывая каждую, оцѣнивая глазомъ, какая изъ явившихся будетъ хорошей работницей.

Онъ подошелъ къ столу и, обращаясь къ покорно выжидавшему конторщику, спросилъ съ сильнымъ чешскимъ акцентомъ:

— Гдѣ документы?

Онъ предложилъ свой вопросъ,—хотя и видѣлъ, что они

лежать на столѣ—такъ какъ формальность требовала, чтобы подчиненный вручилъ начальнику документы работницъ.

— Вотъ они!—торопливо отвѣтилъ конторщикъ.

Онъ взялъ ихъ въ руку и спросилъ первую съ краю женщину съ изможденнымъ лицомъ:

Получивъ отвѣтъ, онъ отложилъ ея метрическое свидѣтельство на столъ и сказалъ:

— Иди налѣво, къ стѣнѣ!

Второй по очереди была Стася. Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, замѣтилъ ея поношенное, вытертое платье, но былъ пораженъ выраженіемъ лица, съ прекрасными, глубокими глазами, въ которыхъ отражались безпокойство и нужда.

Услышавъ ея фамилію, онъ взглянулъ въ ея свидѣтельство объ окончаніи народной школы, еще разъ смѣрилъ глазами ея стройную фигуру и спросилъ:

— Твои родители?

— Отецъ—рыбакъ—умеръ пять лѣтъ тому назадъ,—отвѣтила она, смутившись,—а мать жива.

Онъ кивнулъ головой и, отложивъ отдѣльно бумаги Стаси, спросилъ фамилію ея сосѣдки, которая въ корридорѣ такъ язвительно ругала ее.

Директоръ, осмотрѣвъ ея метрическое свидѣтельство, служебный аттестатъ и ея измятое лицо, сказалъ:

— Иди налѣво, къ стѣнѣ!

— И ты также,—шепнула женщина Стасѣ.

Послѣдняя, ошеломленная новыми впечатлѣніями, машинально послушалась ея и сдѣлала шагъ влѣво. Но, замѣтивъ ея движеніе, директоръ строго крикнулъ:

— Ты стой!

Она стала, какъ вкопанная, вся блѣдная и еле дыша. Директоръ поочередно осмотрѣлъ остальныхъ кандидатокъ и, дошедши до послѣдней, крикнулъ:

— Позовите курьера!

Конторщикъ поспѣшилъ къ дверямъ и позвалъ курьера, который въ выжидательной позѣ остановился на порогѣ. Директоръ, разглаживая выхоленной рукой свои бакенбарды, произнесъ:

— Этихъ,—онъ указалъ на четырехъ, стоявшихъ у стѣны,—къ швейцару и на улицу, а этихъ къ господину доктору.

И, не взглянувъ на работницъ, онъ исчезъ въ дверяхъ, которыя ему услужливо открылъ конторщикъ. Женщины, стоявшія у стѣны, обмѣнялись взглядами съ оставшимися на мѣстахъ. У первыхъ глаза свѣтились злобой и завистью

у вторыхъ—торжествомъ и радостью. Только одна Стася стояла съ опущенными глазами.

— Эй, вы тамъ слѣва, двигайтесь!—крикнулъ курьеръ.— За мной!

Онъ взялъ у конторщика ихъ документы. Послѣдній знялся бумагами на столѣ, а оставшіяся въ комнатѣ женщины стали оглядывать другъ друга. Двое изъ нихъ были жены рабочихъ, третья—дѣвушка, всѣ въ платкахъ, съ измученными, исхудалыми лицами.

Прошло довольно много времени, пока въ комнату не вошелъ курьеръ и строгимъ голосомъ сказалъ:

— Идемте къ доктору!

Онѣ пересѣкли часть двора, вымощеннаго камнями, и, попали въ корридоръ трехъэтажнаго дома. Курьеръ жестомъ велѣлъ имъ остановиться. Самъ же постучался въ дверь и, доложивъ доктору, сказалъ женщинамъ:

— Идите къ господину доктору, а потомъ вернитесь въ контору, гдѣ вы были.

Оставшись однѣ, женщины не рѣшались войти. Наконецъ, самая смѣлая изъ нихъ, жена печника, нажала ручку двери, и всѣ четверо вошли въ кабинетъ врача.

Это была маленькая комната, въ которой находились chaise longue, плетеный стулъ для изслѣдованія женщинъ, стекляный шкафъ, который предназначался для храненія фабричной аптечки, но въ которомъ красовались всего три баночки, и письменный столъ, за которымъ сидѣлъ докторъ Фасолькевичъ, погруженный въ чтеніе газеты.

Услышавъ шаги входящихъ, онъ, не поднимая глазъ съ газеты, грозно крикнулъ:

— Чего лѣзете, какъ свиньи? Вонъ! ждите за дверью, пока васъ не позовутъ!

Женщины торопливо оставили комнату и, кутаясь въ платки, ждали въ холодномъ корридорѣ, въ которомъ сильно сквозило.

Докторъ вынулъ изъ кармана жилетки зубочистку и, ковыряя въ зубахъ, читалъ газету. Окончивъ чтеніе, онъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола зеркальце и сталъ разглядывать свой языкъ. Онъ былъ бѣловатъ. Докторъ сталъ тщательно вспоминать, что онъ вчера ѣлъ: обѣдъ былъ легкій—бульонъ, телятина, овощи, черный кофе и двѣ рюмки вина. Нѣтъ, обѣдъ не могъ ему повредить... Потомъ онъ выпилъ чашку бѣлаго кофе безъ пирожнаго и, наконнцъ, ужинъ.

— Знаю ужъ,—проворчалъ онъ самъ себѣ,—это бифштексъ былъ слишкомъ зажаренный, слишкомъ твердый, онъ мнѣ повредилъ.

Онъ рѣшилъ впредь лучше смотрѣть за зажариваніемъ и качествомъ мяса, опять посмотрѣлъ въ зеркальце и поправилъ маленькіе крашеные усики, медленно провелъ гребешкомъ по крашенымъ волосамъ и, внимательно разглядывая цвѣтъ ихъ, замѣтилъ зеленоватый оттѣнокъ и выругался:

— Мошенникъ этотъ парикмахеръ, обманулъ меня.

Онъ всталъ, вытянулъ руки, осмотрѣлъ свои бѣлые пухлые пальцы, потянулъ жилетку на немного торчавшемъ животѣ и посмотрѣлъ на золотые часы, стрѣлка которыхъ показывала половину одиннадцатаго:

— Подлая служба! Еще цѣлыхъ полчаса!

Онъ всталъ и, лѣниво потягиваясь, пошелъ своими короткими ножками къ двери, отворилъ ее, посмотрѣлъ на работницъ и съ гримасой неудовольствія крикнулъ, указывая на Стасю:

— Оставь въ сѣняхъ свое мокрое тряпье и свою сорную корзину съ головы и потомъ войди ко мнѣ.

Онъ закрылъ дверь. Спустя минуту она вошла въ комнату доктора безъ шляпы и жакетки. Смущенная, раскраснѣвшаяся, она остановилась въ дверяхъ, съ безпокойствомъ глядя на доктора, который, повернувшись къ ней спиной, глядѣлъ въ окно.

— Раздѣвайся!—крикнулъ онъ ей, не оборачиваясь.

Она колебалась, не зная, что дѣлать. А докторъ, слыша, что она не раздѣвается, обернулся и грозно крикнулъ:

— Ты не слышала, обезьяна ты этакая? Сними съ себя это тряпье и покажи груди!

Румянецъ облилъ все лицо дѣвушки, возмущенной обращеніемъ и требованіемъ доктора. Но она вспомнила о голодѣ, о матери, и покорно сняла блузку. Докторъ бросилъ на нее взглядъ и крикнулъ:

— Рубашку до пояса!

Она исполнила приказаніе. Докторъ медленно подошелъ, внимательно осмотрѣлъ маленькія груди, худощавый бюстъ, прикоснулся къ нимъ потными руками, а, когда дѣвушка отшатнулась, насмѣшливо улыбнулся:

— Не разыгрывай невинной овечки, я знаю, чего ты стоишь... Дыши глубоко, кашляй! Чѣмъ ты занималась?

— Шитьемъ!

— А любовниковъ много имѣла?

— Ни одного!—отвѣтила она, смутившись.

— Врешь! Но я этого не хочу изслѣдовать, ты, вѣрно, грязная... Ну, одѣнься въ свое тряпье и смотри, чтобъ у тебя ребенка не было, -этого нельзя, слышишь?

— Слышу, — прошептала она, быстро надѣвая на себя блузку.

— Если съ тобой что-нибудь случится, приди ко мнѣ, я тебѣ посовѣтую... Ну, убирайся!.. Подожди, твоя фамилія?

Онъ подошелъ къ письменному столу, записалъ и крикнулъ:

— За дверь! Теперь другая!

Это поверхностное и грубое осматриваніе работницъ называлось у доктора Фасолькевича изслѣдованіемъ ихъ здоровья и работоспособности, и за это онъ получалъ 200 кронъ въ мѣсяцъ.

Въ кабинетъ вошла вторая по очереди работница, а остальныя разспрашивали Стасю:

— Скажите, пожалуйста, какъ онъ изслѣдуетъ?

— Ужасно, — прошептала она дрожащимъ голосомъ, не будучи въ состояніи побороть испытываемое отвращеніе и негодованіе.

— Но все-таки, о чемъ онъ спрашиваетъ?

— Про кашель и... развѣ я знаю?

Въ эту минуту изъ кабинета вышла жена печника и, надѣвая на себя платокъ, проговорила:

— Живодеръ, а не докторъ, бѣшеная собака!

Докторскій осмотръ продолжался очень недолго, и женщины скоро вернулись въ корридоръ передъ конторой: ихъ такъ принизилъ и обезкуражилъ пріемъ доктора, что онѣ не рѣшались войти внутрь. Оскорбленная Стася чувствовала себя такой униженной и прибитой, что она еле удерживалась отъ слезъ. Она не понимала, что съ момента ея пріема директоромъ она перестала быть личностью, которая страдаетъ, чувствуетъ и испытываетъ стыдъ, и стала для администраціи фабрики лишь номеромъ, который долженъ выполнить порученную работу за установленную свыше плату.

Наконецъ, открылась дверь, и тотъ самый конторщикъ, который принялъ ихъ, сухо сказалъ:

— Завтра ровно въ семь часовъ у воротъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Колыбельная.

Спи, сыночекъ, спи, родной!
Сиротинки мы съ тобой.
Слушай, пѣсенку спою.
Баю, баюшки, баю.

Спи, родимый мой, не плачь.
Ходитъ по двору палачъ.
Во дворѣ бурьянъ растетъ,
А палачъ веревку вьетъ.

Пьянъ отъ солнышка бурьянъ,
А палачъ отъ крови пьянъ.
На рубашкѣ алъ кумачъ,
Кумача краснѣй палачъ.

Птичка пѣсенки поетъ,
А палачъ петлю плететъ.
Въ небѣ ясномъ синева,
А петля, какъ смерть, мертва.

Скоро солнышко зайдетъ,
Отдыхать палачъ пойдетъ.
Утромъ рано крикнетъ грачъ,
Встанетъ до свѣту палачъ.

Онъ съ петлей пойдетъ въ тюрьму,
Денегъ тамъ дадутъ ему.
Не вернется къ намъ отецъ...
Вотъ и пѣсенкѣ конецъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

Изъ Роберта Бёрнса.

Боченокъ пива Биль сварилъ,
И я да Алленъ поскорѣй
Бѣжимъ къ нему, и въ эту ночь
Не сыщешь парней веселѣй.

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ:
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Три развеселыхъ молодца,
Смѣясь, за кружкой кружку пьемъ.
Богъ дастъ здоровья—мы еще
Не разъ такъ время проведемъ.
Рогатый мѣсяцъ ужъ плыветъ
Высоко въ синемъ небѣ. Ишь,
Мигаетъ намъ: пора домой.
Ну, нѣтъ, голубчикъ мой, шалишь!

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ:
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Кислятина, кому на умъ
Взбредетъ идти домой, глупецъ!
У насъ, другъ мой, кто послѣ всѣхъ
Летитъ подъ столъ,—тотъ молодецъ!

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ:
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Л. Андрусонъ.

ДВА МІРА.

Романъ **Корнеліи Гюнгенсъ**.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

(Продолженіе).

Іоганнъ и Алида обвѣнчались и уѣхали въ Италію, и у Меріановъ все снова вошло въ свою обычную колею. Весеннія каникулы подходили къ концу, и Бертольдъ съ Робертомъ должны были въ самомъ скоромъ времени уѣхать обратно въ Дельфтъ. Хотя Меріану и нравился товарищъ его сына, но онъ все-таки радовался его скорому отъѣзду. Внимательно наблюдая Бэби со дня спектакля, онъ замѣтилъ такія явленія, которыя только укрѣпили его первое впечатлѣніе. Съ того вечера дѣвочка стала очень тиха, нервна и задумчива. Ея обычный, здоровый аппетитъ пропалъ, она часто обижалась на всякіе пустяки и ни слова не говорила съ Робертомъ. Для такого ненормальнаго состоянія у Меріана было только *одно* объясненіе. По старой привычкѣ онъ, однако, ничего не говорилъ о своихъ наблюденіяхъ женѣ, да и самъ придавалъ слишкомъ мало значенія всему дѣлу, чтобы останавливать на немъ дольше свое вниманіе. Когда Кантъ уѣдетъ, то вся эта глупость, разумѣется, тотчасъ же будетъ забыта, — въ этомъ онъ ни минуты не сомнѣвался. Однако, въ немъ еще было живо впечатлѣніе того вечера, когда онъ въ первый разъ почувствовалъ, что когда-нибудь должно наступить время, когда и это дитя, — послѣднее, — разстанется съ нимъ и другой будетъ заботиться объ его любимицѣ.

Кто же будетъ этотъ другой? Кому долженъ будетъ онъ рано или поздно передать будущее своей дочери? Что будетъ, если она сдѣлаетъ роковой выборъ, что вполнѣ возможно при ея слишкомъ рано просыпающейся натурѣ? Хотя онъ и считалъ все случившееся простымъ ребячествомъ, но все-таки невольно спрашивалъ себя, можетъ ли онъ когда-

либо довѣрить свою дочь такому человѣку, какъ Робертъ. Онъ слишкомъ мало зналъ нынѣшнихъ молодыхъ людей. Характеръ его старшаго сына, его грубый эгоизмъ и прикрытое изящными манерами чисто-матеріалистическое отношеніе къ жизни настраивали старика нѣсколько недовѣрчиво къ молодому поколѣнію. Царящій въ новой литературѣ духъ тоже казался ему мало утѣшительнымъ; Бертольдъ не былъ для него типомъ, и стоялъ, по его мнѣнію, совершенно отдѣльно. Робертъ же, напротивъ, казался ему до нѣкоторой степени среднимъ типомъ современныхъ молодыхъ людей. Меріанъ приглашалъ иногда по вечерамъ, послѣ семейнаго чаепитія, Роберта къ себѣ въ кабинетъ выкурить сигару, и тогда они всѣ трое спорили довольно долго, причемъ Меріанъ выдвигалъ всевозможные нравственные, политическіе и общественные вопросы. Бертольдъ обыкновенно молча слушалъ ихъ съ книгой въ рукахъ. Вѣрный своему намѣренію не высказывать своихъ новыхъ взглядовъ и мнѣній, пока онъ самъ не выяснитъ ихъ вполнѣ себѣ самому и не опредѣлитъ своего жизненнаго пути, онъ зато съ такимъ интенсивнымъ вниманіемъ прислушивался къ разговорамъ, что иногда даже кровь бросалась ему въ голову, а затѣмъ, когда онъ слышалъ мнѣнія, радикально расходящіяся съ его мыслями послѣдняго времени, блѣднѣлъ, какъ полотно. Ему доставляло прямо физическую боль, когда его собственный отецъ, человѣкъ, подъ руководствомъ котораго проснулась его умственная и духовная жизнь, осуждалъ теперь то, что онъ съ тихимъ благоговѣніемъ строилъ теперь въ своей душѣ. Благодаря тому, что это возникло въ самой глубинѣ его души, онъ могъ теперь спокойно противостоять этому осужденію, этому поруганію; но медленное духовное отчужденіе отъ идола всей его юности было для него истиннымъ мученіемъ. Однако, ему было невозможно думать иначе; онъ не могъ уже обойтись безъ того духовнаго кислорода, который наполнилъ всю его душу новой жизнью.

Дѣло было вечеромъ, наканунѣ ихъ отъѣзда въ Дельфтъ. Послѣ того какъ Робертъ довольно долго занимался музыкой съ дѣвушками и даже убѣдилъ Бэби сыграть съ нимъ въ четыре руки одну пьесу Діабелли, дамы отправились спать, а мужчины пошли посидѣть еще немного вмѣстѣ.

У Меріана получилось такое впечатлѣніе отъ Роберта, что онъ почти во всемъ согласенъ съ нимъ, и спорить имъ было почти не о чемъ. На его долю, вообще, рѣдко выпадала пикантная прелесть спора. Большинство его знакомыхъ, и особенно его сверстники старались избѣгать всякаго болѣе серьезнаго обмѣна мнѣній съ нимъ. Его само-

властная натура и его рѣзкій тонъ ничуть не измѣнились съ годами и придавали, обыкновенно, самый непріятный оборотъ спору. Но флегматическая натура Роберта, съ подлежащимъ уваженіемъ относившагося къ отцу своего друга, не вызывала еще до сихъ поръ у него этого тона. И вообще, Робертъ слишкомъ спокойно спорилъ, чтобы возможно было горячо напасть на него. Его тактика состояла скорѣе въ томъ, чтобы какимъ-нибудь, повидимому, невиннымъ замѣчаніемъ выбить противника изъ его позиціи и затѣмъ напасть на него со всей силой своего политическаго ума.

— Мы, въ сущности, живемъ теперь въ очень тяжелое время,—сказалъ Меріанъ въ этотъ вечеръ на какое-то замѣчаніе своего гостя.—Сила религіи сломлена,—по крайней мѣрѣ третья часть человѣчества лишена этого надежнаго руководителя. Хотя многіе и признаютъ еще ея внѣшнія формы, но самая сущность ея уже рухнула; наука же еще совершенно не въ силахъ замѣнить религію и воспрепятствовать современной деморализаціи и вырожденію. Старые боги свергнуты, и мы тщетно ищемъ новыхъ,—можетъ быть, это эгоистическое чувство, но я, въ сущности, очень радъ, что въ этотъ періодъ упадка, составляющій такой рѣзкій контрастъ съ могучей жизнью моей молодости, я уже старъ и мнѣ не предстоитъ начинать жизни.

— Не кажется вамъ, г. Меріанъ,—возразилъ Робертъ,— что нѣчто подобное чувствуетъ всякое нарождающееся и всякое отживающее поколѣніе? Спросите, напримѣръ, нашихъ молодыхъ энтузіастовъ и реформаторовъ. Что они думаютъ о современномъ періодѣ мірового развитія, и они вамъ, навѣрное, отвѣтятъ, что никогда еще въ мірѣ не жилъ болѣе великій и могучій духъ, какъ въ концѣ девятнадцатаго столѣтія.

— О какихъ энтузіастахъ и реформаторахъ говорите вы?—спросилъ Меріанъ, слегка сдвинувъ брови.

— О всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ больше свѣта и новыхъ элементовъ красоты въ искусствѣ, въ дѣйствительной жизни и во всемъ.

— Ахъ, вы разумѣете нашихъ молодыхъ художниковъ,— сказалъ, улыбаясь, Меріанъ.

— Я разумѣю ихъ и всѣхъ другихъ передовыхъ дѣятелей въ области искусства, науки, государственной жизни, а также и въ области метафизики. Теперь многіе изъ насъ, молодыхъ, принадлежатъ къ мистикамъ и мечтателямъ. Хотя они и абсолютно не являются вѣрующими или религіозными въ старомъ, христіанскомъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе они все-таки признаютъ особенную, отдѣленную отъ

физической жизни и вліяющую на нее жизнь души. Однимъ словомъ, они—дуалисты и даже ссылаются въ этомъ отношеніи на естественныя науки послѣдняго времени.

— Это удовольствіе я отъ всего сердца предоставляю имъ,—сказалъ съ усмѣшкой Меріанъ.—Естественныя науки я оставляю въ покоѣ, потому что я не могу слѣдовать за ихъ постоянными перемѣнами позиціи въ настоящее время. Я вполнѣ понимаю, что художники съ ихъ сильной индивидуальностью могутъ отрицать монистическое міросозерцаніе, которое не въ состояніи удовлетворить ихъ. Я ровно ничего не имѣю противъ того, что они даютъ свободный полетъ своей фантазіи. Но есть еще другой сортъ реформаторовъ, теоріи которыхъ далеко не такъ безвредны и которые осмѣливаются касаться самыхъ священныхъ основъ общества.

— Вы говорите о политическихъ энтузіастахъ, о соціалистахъ...

— Если вы ихъ называете энтузіастами, то я скорѣе назову ихъ... преступниками!—прервалъ Меріанъ.

Робертъ улыбнулся и искоса взглянулъ на Бертольда, перелистывавшаго альбомъ съ иллюстраціями.

Эта улыбка сильно задѣла хозяина.

— Если я ихъ называю преступниками, то это еще слишкомъ мягко,—началъ онъ снова.—По моему, это трусы и подлецы, потому что они осмѣливаются подрывать основы порядка и власти, отравлять честнаго и порядочнаго рабочаго своей возбуждающей ложью и пользоваться имъ, какъ орудіемъ для удовлетворенія своего честолюбія.

— Я могу вполнѣ понять ваши взгляды въ этомъ отношеніи,—сказалъ совершенно спокойно Робертъ.—Сторонники господствующей системы и, вообще, всѣ тѣ, кто хорошо себя чувствуетъ при существующихъ условіяхъ, во всѣ времена называли носителей новыхъ идей подрывателями основъ и бунтовщиками. Недавно мой отецъ далъ мнѣ великолѣпное описаніе настроенія умовъ въ сорокъ восьмомъ году и того, какъ во времена его юности въ консервативныхъ и аристократическихъ кругахъ относились къ либеральному движенію. Они не хотѣли признавать, чтобы либералъ могъ быть „порядочнымъ человѣкомъ". Но вамъ вѣдь это извѣстно все гораздо лучше, чѣмъ мнѣ, такъ какъ вы, какъ и мой отецъ, немало гордились тѣмъ, что за ваши идеалы свободы васъ считали „непорядочными" въ реакціонныхъ кругахъ.

Меріанъ съ возрастающимъ изумленіемъ слушалъ Роберта, и въ голосѣ его послышалось высокомѣріе, когда онъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Я полагаю, г. Кантъ, что, несмотря на ваши своеобразныя параллели между либералами 1848-го года и современными соціалистами и анархистами или, какъ тамъ называется вся эта шушера, вы все-таки не подводите ихъ подъ одинъ уровень.

Робертъ отвѣтилъ не сразу. Старикъ оказался такимъ ужасно ограниченнымъ въ этомъ отношеніи. Что будетъ, если онъ, Робертъ, наконецъ основательно выскажется?—Подъ одинъ уровень я ихъ, разумѣется. не стану подводить,— отвѣтилъ онъ улыбаясь.—Для этого я считаю либераловъ слишкомъ практичными во всѣхъ своихъ стремленіяхъ. Они стояли и продолжаютъ стоять, по возможности, на почвѣ человѣческаго эгоизма, на почвѣ безусловно надежной. Они прежде всего боролись за завоеваніе своихъ собственныхъ привилегій, представляя себѣ родъ человѣческій чудовищемъ корыстолюбія и жадности, они брали основой своего міросозерцанія его самыя низменныя побужденія и такимъ образомъ строили отнюдь не на пескѣ. Совершенно противоположно дѣйствуютъ соціалисты или, по крайней мѣрѣ, ихъ вожди. Хотя они, по крайней мѣрѣ у насъ въ странѣ, почти всѣ принадлежатъ къ привилегированнымъ классамъ, но тѣмъ не менѣе они съ изумительной ревностью работаютъ прежде всего для другихъ и во вредъ себѣ самимъ. Затѣмъ они всѣми силами стараются выяснить тѣмъ общественнымъ классамъ, которымъ верхнія десять тысячъ обязаны своимъ положеніемъ, причины ихъ рабства и такимъ образомъ сами кидаются въ окно. Они мнѣ невольно напоминаютъ акробатовъ при ихъ упражненіяхъ на трапеціи. Если смотрѣть снизу, то эти упражненія являются образчиками необыкновеннаго мужества, но все время опасаешься, что эти бѣдняги разобьются на-смерть.

— И вамъ нравятся подобныя упражненія? Я чувствую отвращеніе къ акробатамъ и никогда не унижусь до того, чтобы пойти въ циркъ.

— А я очень люблю наблюдать этихъ бѣдныхъ идеалистовъ, витающихъ въ облакахъ,—возразилъ Робертъ со своей обычной, пріятной улыбкой.—Но il s'agit de s'entendre... Я, разумѣется, говорю не о динамитчикахъ и бомбистахъ, этихъ несчастныхъ душевно-больныхъ, мѣсто которымъ въ лечебницѣ, но о тѣхъ упорно работающихъ піонерахъ, которые въ большихъ культурныхъ странахъ уже пережили свой періодъ мученичества; въ маленькихъ же странахъ къ нимъ все еще примѣняются репрессивныя мѣры и съ ними обращаются буквально, какъ съ паріями.

— Я очень сожалѣю, что не могу раздѣлять вашего ин-

тереса въ этомъ отношеніи,—ѣдко замѣтилъ Меріанъ.—Мои симпатіи направлены совершенно въ другую сторону.

— Вы, можетъ быть, найдете это очень страннымъ съ моей стороны, но я съ гораздо большимъ интересомъ наблюдаю людей оригинальныхъ, чѣмъ обыкновенную дюжинную породу, которую наизусть знаешь. Когда съ самаго ранняго дѣтства всегда видишь только людей, которые ходятъ на двухъ ногахъ, то можетъ быть, благодаря только оригинальности, интересно иногда поближе приглядѣться къ тѣмъ экземплярамъ, которые стоятъ на головѣ.

— Во мнѣ клоуны вызываютъ только отвращеніе. Кромѣ того, я еще очень сомнѣваюсь, не дѣйствуетъ ли заразительно продолжительное наблюденіе подобныхъ элементовъ, а это было бы очень печально, разумѣется.

— Я не считаю этого вѣроятнымъ, потому что для этого требуется особенное предрасположеніе. Что касается до меня, то мои наблюденія ни на іоту не выведутъ меня изъ моего естественнаго равновѣсія.

— Мой девизъ: кто не за меня, тотъ противъ меня,— сказалъ Меріанъ авторитетнымъ тономъ.—Я придерживаюсь того мнѣнія, что всякій интеллигентный и порядочный человѣкъ долженъ составить себѣ опредѣленныя убѣжденія по важнѣйшимъ вопросамъ времени и, соотвѣтственно этому, мыслить и дѣйствовать. Если, по моему убѣжденію, въ обществѣ существуютъ превратныя теченія, то я обязанъ выступать противъ нихъ и ни въ коемъ случаѣ не имѣю права уклоняться отъ этой обязанности.

Робертъ только что хотѣлъ отвѣтить, какъ вдругъ раздался голосъ до сихъ поръ молчавшаго Бертольда.

— Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе, папа. Нейтральная точка зрѣнія Роберта всегда была для меня загадкой. Мы не должны уклоняться отъ того, что происходитъ кругомъ насъ. Когда человѣкъ достаточно видѣлъ, читалъ и думалъ, чтобы опредѣлить свое отношеніе, то...

— Мой опытъ, напротивъ, говоритъ мнѣ, что я никогда не буду принадлежать къ какому-нибудь опредѣленному направленію,—прервалъ Робертъ.—Это убѣжденіе, на мой взглядъ, имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и всякое другое. Съ моей общественной совѣстью эта точка зрѣнія очень хорошо уживается.

Лицо Меріана просвѣтлѣло при первыхъ словахъ сына. Разговоръ съ Робертомъ подѣйствовалъ на него чрезвычайно угнетающе. Такой назойливый, незрѣлый цинизмъ, какъ онъ назвалъ его въ душѣ, былъ ему чрезвычайно непріятенъ. Онъ даже серьезно опасался его вліянія на Бертольда.

— Меня очень радуетъ, Бортольдъ, встрѣтить въ тебѣ

союзника,—сказалъ онъ рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ, доставившимъ Роберту утонченное, эпикурейское наслажденіе.—Ты еще молодъ, чтобы быть въ состояніи уже составить себѣ опредѣленныя убѣжденія, и ты можешь еще повременить съ этимъ. Но я надѣюсь, что впослѣдствіи ты не оcанешься празднымъ и равнодушнымъ, когда въ обществѣ появятся опасные элементы.

— Подъ этими опасными элементами ты подразумѣваешь соціалистическое движеніе?—спросилъ Бертольдъ.

Отецъ почти съ испугомъ взглянулъ на него.

— Разумѣется!

— Но ты, вѣдь, во всякомъ случаѣ, уважаешь твердыя убѣжденія соціалистическихъ вождей?

— Ни въ коемъ случаѣ! Убѣжденій преступниковъ я не уважаю.

— Ну, теперь мы завертѣлись,—подумалъ про себя Робертъ?—Если бы только у Бертольда хватило благоразумія молчать.

— Что же касается до меня, то я уважаю,—возразилъ Бертольдъ на этотъ разъ не менѣе рѣшительно, чѣмъ его отецъ. Только теперь Робертъ замѣтилъ поразительноесходство обоихъ голосовъ.—Я уважаю убѣжденія соціалистовъ точно такъ же, какъ и всѣхъ другихъ политическихъ партій. Кто сомнѣвается въ честности намѣреній другихъ, тотъ и имъ даетъ также право сомнѣваться въ нашей собственной честности. Я еще мало понимаю въ политикѣ, но настолько-то мнѣ уже стало ясно, что всегда прежде всего начинаютъ заподозрѣвать честность своихъ противниковъ, и такую тактику я считаю абсолютно вредной.

— Въ этомъ ты совершенно правъ, мой милый мальчикъ! Но, вѣдь, ты не назовешь же политической партіей враговъ нашей спокойной, благоустроенной, общественной жизни. Съ такимъ же правомъ слѣдовало бы назвать людьми честнаго образа мыслей и разбойниковъ съ большой дороги, требующихъ у прохожихъ жизнь или кошелекъ.

— Я совершенно не могу согласиться съ твоимъ мнѣніемъ, папа! Соціалистическій принципъ, съ которымъ я нѣсколько ближе познакомился за послѣднее время, отнюдь не является принципомъ разбойниковъ съ большой дороги, но представляетъ собой, напротивъ, выраженіе самаго высшаго представленія о любви къ ближнему. Тотъ способъ, какъ пропагандируется этотъ принципъ, я нахожу чисто-человѣчески несовершеннымъ, но самый принципъ отъ этого нисколько не страдаетъ.

— Но ты скоро поймешь, что эти явленія неизбѣжно компрометтируютъ и самое движеніе!

— Развѣ ты считаешь это необходимымъ слѣдствіемъ? Развѣ мы признаемъ Христа и его ученіе отвѣтственнымъ за всѣ тѣ ужасы, которые на протяженіи всей исторіи совершались во имя его?

Робертъ, сидѣвшій рядомъ съ Меріаномъ, замѣтилъ, какъ онъ поблѣднѣлъ, и вмѣшался въ разговоръ.

— Я радъ, Бертольдъ, что ты ссылаешься на христіанское ученіе, такъ какъ именно оно-то и представляетъ собой самое рѣзкое осужденіе бѣдныхъ, современныхъ идеалистовъ съ точки зрѣнія практической выполнимости. Двадцать столѣтій христіанскаго теоретизированія нисколько не измѣнили первобытной звѣрской натуры человѣка и двадцать столѣтій соціалистическаго теоретизированія окажутся точно также безсильны. Здѣсь рѣзче всего выражается неизбѣжная судьба всякаго идеалистическаго движенія. Ничего не выйдетъ, кромѣ безплодныхъ споровъ о соціальной справедливости и ея придатка,—женскаго равноправія, это въ такой модѣ теперь,—пока мы снова не попадемъ въ періодъ реакціи, какъ это и смѣняется въ теченіе всей міровой исторіи.

Во время этой рѣчи Робертъ выразительно глядѣлъ на своего друга, какъ бы желая сказать ему: „Замолчи же, наконецъ, и пощади его!“ и Бертольдъ, въ самомъ дѣлѣ, замолчалъ. Въ строгихъ чертахъ лица, всегда до сихъ поръ улыбавшихся ему, онъ видѣлъ такое глубокое выраженіе горя, что у него сразу пропало все мужество говорить еще что-нибудь по этому поводу. Онъ чувствовалъ себя точно парализованнымъ возвратнымъ ударомъ своихъ собственныхъ мыслей и былъ совершенно не въ состояніи слѣдить за тѣмъ, какъ добросовѣстно старался Робертъ успокоить елеемъ своего философскаго спокойствія высоко поднявшіяся волны моря.

Роберту теперь было очень непріятно, что онъ безъ всякой необходимости разсердилъ своего почтеннаго хозяина. Вѣдь, это все равно не могло ни къ чему привести. Продуктъ прошлаго періода жизни, застывшій во взглядахъ своей юности, онъ былъ совершенно не въ состояніи непредубѣжденно судить о новомъ времени. И молодой человѣкъ всѣми силами старался снова успокоить вызванную имъ бурю, искусно направляя разговоръ въ другую сторону. И въ данную минуту ему удалось устранить опасность. Тѣмъ не менѣе, Бертольдъ еще очень долго чувствовалъ послѣдствія этого внезапнаго столкновенія. Робертъ могъ это ясно видѣть. Хотя онъ и никогда больше не возвращался къ разговору этого вечера, но ему казалось, что онъ

все-таки достигъ нѣкоторыхъ результатовъ уже тѣмъ, что Бертольдъ могъ дать себѣ ясный отчетъ, что предстояло ему со стороны отца, если онъ будетъ продолжать преклоняться передъ алтаремъ своихъ внутреннихъ душевныхъ потребностей,—передъ алтаремъ, который могъ воздвигнуться только на развалинахъ всего, что до сихъ поръ было для него самымъ священнымъ и дорогимъ.

* * *

Бертольдъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ лучше, чѣмъ раньше, угрожающія тѣни, омрачавшія его путь, тотъ путь, который онъ, не различая его еще ясно и, можетъ быть, даже именно поэтому, рисовалъ божественно-прекраснымъ въ своихъ мечтахъ. Но Робертъ сильно ошибался, полагая, что болѣе правильное представленіе о представляющихся трудностяхъ могло ослабить его иллюзіи и затуманить новый свѣтъ, загорающійся на горизонтѣ его жизни,—тотъ свѣтъ, къ которому онъ рвался душой, подобно сынамъ Израиля во время ихъ странствованія по пустынѣ. Опасности могли только возбудить его надежды и подогрѣть его новую вѣру, которая таинственно, подобно чистому, мистическому цвѣтку, расцвѣла, наконецъ, въ глубинѣ его души и, какъ всѣ горячо вѣрующіе люди, онъ воображалъ, что въ немъ постепенно вырастаетъ непреодолимая, горами двигающая сила убѣжденія, передъ которой должно все преклониться, — та сила, которая, подобно могучему дыханію бури, смететъ все гнилое и отжившее.

И когда онъ заговоритъ, наконецъ, языкомъ вдохновенія, то его отецъ, его лучшій другъ, первый склонится передъ этой красотой и истиной. Онъ былъ благодаренъ Роберту за то, что онъ далъ ему знакъ замолчать. Онъ ясно чувствовалъ, что не имѣлъ еще никакого права говорить о тѣхъ вещахъ, которыя онъ могъ считать своимъ духовнымъ достояніемъ только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы и изученія.

Въ такомъ настроеніи вернулся онъ въ Дельфтъ и снова встрѣтился тамъ съ семействомъ Деннерсовъ, съ которымъ онъ очень сблизился зимой, а также и съ Марталисомъ, общества котораго, какъ говорили студенты, онъ, въ самомъ дѣлѣ, искалъ и который всегда былъ готовъ указать ему правильный путь въ лабиринтѣ знанія, гдѣ онъ легко могъ заблудиться безъ надежнаго руководителя. Въ этомъ отношеніи Марталисъ добросовѣстно выполнялъ свою задачу. Онъ руководилъ его соціологическими и естественно-

историческими занятіями, научилъ его понимать Спенсера и Гексли и всегда готовъ былъ подѣлиться съ нимъ своими знаніями. Но больше онъ ничего не дѣлалъ, и отношенія ихъ сохраняли пока только этотъ характеръ. О болѣе тѣсномъ сближеніи со стороны Марталиса не было и рѣчи; въ этомъ отношеніи привыкшій къ болѣе легкому успѣху у своихъ прежнихъ друзей Бертольдъ ничего не могъ добиться.

Поэтому неясное нѣсколько ожиданіе, что при первомъ выраженіи симпатіи съ его стороны Марталисъ съ такой же готовностью пойдетъ къ нему навстрѣчу, не оправдывалось; даже встрѣчаясь часто у Деннерсовъ, онъ не проявлялъ ни малѣйшаго желанія сколько нибудь болѣе близкихъ отношеній.

Это впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе у Бертольда, что Марталисъ чувствовалъ себя совершенно, какъ дома у Деннерса, бывшаго другомъ его отца. Онъ обращался съ Анной Деннерсъ, какъ съ сестрой, а хозяйка дома относилась къ нему съ истинно материнской заботливостью; къ лицамъ же, съ которыми Марталисъ встрѣчался у нихъ, онъ проявлялъ только безупречную вѣжливость, которая скорѣе отталкивала, чѣмъ привлекала.

Бертольдъ, наконецъ, узналъ тайну, которая скрывалась въ молодыхъ, строгихъ чертахъ лица и въ холодныхъ, сѣрыхъ глазахъ товарища. Когда онъ бывалъ у него одинъ, то среди разговора чисто-научнаго характера по поводу тѣхъ произведеній, которыя рекомендовалъ ему для чтенія, иногда какое-нибудь рѣзкое, ироническое замѣчаніе проявляло его внутреннюю сущность,—всю ту горечь, которой наполняла его полная безчувственность тѣхъ тысячъ, которыя плавали въ безнравственной роскоши и оставались совершенно равнодушными къ одичанію массъ, живущихъ въ нищетѣ, — противъ тѣхъ тысячъ, которыя рѣшаются произносить слово „красота“ въ то время, какъ ужасное общественное гніеніе, страшный процессъ разложенія все идетъ впередъ, доходя почти до самаго порога ихъ дворцовъ.

Но потомъ такъ же внезапно и неожиданно, какъ такое замѣчаніе вырывалось у него, онъ снова возвращался къ своей обычной манерѣ и какъ будто сожалѣлъ, что на минуту измѣнилъ себѣ.

— Почему Марталисъ всегда такой сдержанный и замкнутый даже въ кругу друзей и одиномышленниковъ?— спросилъ однажды Бертольдъ, оставшись послѣ семейнаго обѣда у Деннерсовъ одинъ съ хозяйкой дома и дочерью.

Онъ теперь часто бывалъ у нихъ въ домѣ и былъ искренно благодаренъ за всегда ласковый пріемъ. Тамъ онъ вращался

въ кругу новыхъ идей и вліяній, о дѣйствіи которыхъ онъ еще не могъ дать себѣ вполнѣ сознательнаго отчета, но которые, однако, постепенно измѣняли его прежніе взгляды на всевозможныя вещи и явленія, даже въ отношеніи повседневной жизни, а также совершенно измѣнили и его собственную до сихъ поръ односторонне сосредоточенную въ самомъ себѣ личность. Дѣлалось это, однако, такъ постепенно и съ такими незамѣтными переходами, что никто—и меньше всего онъ самъ—не замѣчали этой перемѣны и его приспособленія къ новому кругу знакомыхъ.

— Почему нашъ другъ Марталисъ большей частью такъ замыкается въ себя?—почти грустно повторила госпожа Деннерсъ въ отвѣтъ на вопросъ Меріана.—Если бы вы знали, что онъ пережилъ въ свой жизни, то вы, навѣрное, не удивлялись бы этому. Въ послѣдніе годы онъ сдѣлался очень подозрителенъ и натура его сильно ожесточилась. Онъ живетъ исключительно ради своего принципа и своимъ дѣломъ. Личныхъ симпатій для него не существуетъ. Люди причинили ему страшно много горя.

— Я вполнѣ понимаю его сдержанность по отношенію къ тѣмъ, кто смотритъ на него съ ненавистью или отвращеніемъ, но къ своимъ единомышленникамъ...

— Неужели вы думаете,—прервала его госпожа Деннерсъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ онъ принимаетъ участіе въ рабочемъ движеніи, самые тяжелые удары были нанесены ему врагами? Нѣтъ, самыя горькія испытанія заставили его пережить какъ разъ тѣ, кому онъ отдалъ всѣ свои силы.

— Вы хотите сказать, что народъ оказался неблагодарнымъ по отношенію къ нему?—спросилъ Бертольдъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Она подняла на юношу свои темные, выразительные глаза. Несмотря на свои 55 лѣтъ, госпожа Деннерсъ была еще стройная, импозантная женщина съ тонкими, благородными чертами лица, въ которыхъ и при полномъ спокойствіи было что-то строгое, хотя строгость эта и смягчалась нѣсколько сѣдыми волосами, мягкими, волнистыми линіями, поднимающимися надъ высокимъ лбомъ.

Съ первой же минуты Бертольдъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ ней, хотя именно ея-то личность и вся ея жизнь перевертывала всѣ составившіяся у него убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, то, что онъ считалъ ими, относительно женщинъ.

— А кто предалъ палачамъ Христа?—спросила она, кинувъ почти сострадательный взглядъ на своего юнаго собесѣдника.—Кто, какъ не тотъ же народъ, который онъ

осыпалъ благодѣяніями и любовью! „Распни! Распни его!“ и теперь еще громче всего кричатъ какъ разъ тѣ, спасеніе которыхъ реформаторъ поставилъ своей цѣлью.

— Но вѣдь за двадцать столѣтій человѣчество далеко ушло впередъ, мама!—сказала Анна, оторвавшись на минуту отъ своей работы.

— Я боюсь, что въ томъ смыслѣ, какъ ты полагаешь, этого не произошло, дитя мое. Въ настоящее время въ обществѣ есть слои, стоящіе гораздо ниже, чѣмъ въ прежнія времена, если, конечно, принять во вниманіе высокое развитіе другихъ классовъ его, и эти жалкіе, одичавшіе люди являются слѣпыми орудіями въ рукахъ тѣхъ, кто умѣетъ пріобрѣсть на нихъ вліяніе.

— Но Бальтіанъ Рустинъ... первый, ставшій вождемъ движенія... его народъ долженъ бы боготворить прямо уже изъ одного чувства благодарности за то, что онъ для него сдѣлалъ.

— Вы говорите о народѣ, Меріанъ... но подъ этимъ вы, вѣроятно, разумѣете, маленькую кучку сторонниковъ, небольшое число единомышленниковъ, которые настолько развиты, чтобы питать сознательное чувство благодарности. Эти немногіе, дѣйствительно, остаются ему вѣрны, потому что они никогда не могутъ забыть, что онъ сдѣлался мученикомъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ ради нихъ, а затѣмъ жилъ въ ихъ средѣ отщепенцемъ общества.

— Какъ прекрасно было съ его стороны стать въ оппозиціи ко всему обществу и все принести въ жертву своему убѣжденію!—сказала Анна съ блестящими отъ волненія глазами.—Что бы о немъ теперь ни говорили, я всегда буду смотрѣть на него, какъ на одного изъ великихъ людей нашей родины.

Бертольдъ съ испугомъ взглянулъ на говорившую. Въ немъ все еще были живы принципы его отца, все еще тлѣлся остатокъ презрѣнія къ такъ ненавидимымъ въ его кругу вождямъ народа. И чувство это не исчезло даже благодаря отношеніямъ къ Марталису, бывшему такимъ горячимъ противникомъ разрушительной тактики старой соціалистической партіи. И вотъ, вдругъ молодая дѣвушка съ такой спокойной увѣренностью говоритъ о подобныхъ вещахъ! У него невольно явилось чувство раздраженія и удивленія къ Аннѣ.

По отношенію къ женщинамъ онъ забывалъ свое собственное свободное воспитаніе и вполнѣ попадалъ во власть традицій своего прежняго круга.

Госпожа Деннерсъ съ снисходительной улыбкой смотрѣла на дочь.

— Да, она всегда восторгалась имъ, почти съ самаго своего школьнаго возраста; не правда ли, дитя мое?

Да я и сама не безъ вины въ этомъ отношеніи,—прибавила она съ лукавой усмѣшкой въ глазахъ, такъ какъ отъ нея не укрылось неодобрительное отношеніе Бертольда.— И теперь еще первый огненный порывъ его идеализма перевѣшиваетъ для меня всѣ его позднѣйшія слабости.

— Слабости...—повторилъ Бертольдъ, начиная волноваться,—вы называете это только слабостями? Но развѣ не стремился онъ всѣми своими силами ставить всюду препятствія, бороться съ истинными друзьями народа и безсовѣстно разрушать все то, что онъ самъ раньше создавалъ... и все это только затѣмъ, чтобы самодержавно руководить движеніемъ.

— Вы этому вѣрите, Меріанъ? Я—нѣтъ. Для меня ясно, что Бальтіанъ Рустинъ дѣйствуетъ на основаніи своихъ твердыхъ убѣжденій. Каждое большое движеніе имѣетъ обыкновенно два направленія, два теченія,—одно болѣе умѣренное и другое—непримиримое. Каждый чувствуетъ влеченіе къ тому или другому направленію, смотря по темпераменту. Но истина обыкновенно—ни налѣво, ни направо, а посрединѣ. Постоянныя же тренія борющихся партій сильно поднимаютъ человѣческую энергію и будятъ тѣ факторы, которые необходимы, чтобы вызвать индивидумовъ къ большему напряженію своихъ силъ. Такимъ образомъ успѣхъ одной партіи очень часто обусловливается тактикой ея противниковъ.

— Однако, Марталисъ недавно увѣрялъ меня, что интернаціональная соціалъ-демократія, стремящаяся усилить свое представительство въ парламентахъ, не имѣетъ болѣе яраго и болѣе опаснаго врага, чѣмъ Рустинъ, хотя недавно онъ и самъ былъ членомъ палаты.

— Не забывайте, что нашъ другъ Марталисъ слишкомъ партійный человѣкъ, чтобы быть въ состояніи вполнѣ объективно отнестись къ поведенію своего противника,—сказала госпожа Деннерсъ.—Въ качествѣ вождя опредѣленнаго направленія онъ даже долженъ быть нѣсколько одностороненъ, такъ какъ въ этомъ отчасти и заключается его сила. Благодаря тому, что онъ съ достойнымъ всякаго удивленія мужествомъ боролся за направленіе движенія на практическій путь парламентаризма, для него рѣшительно невозможно перенестись въ сферу идей такого апостола чувствъ, какъ Рустинъ, который, кромѣ того, находится еще подъ вліяніемъ своего собственнаго тревожнаго прошлаго и, благодаря уваженію своихъ товарищей и поклоненію массъ, превратился изъ идеалиста въ фанатика. Боль-

шой съѣздъ партіи, имѣвшій своимъ слѣдствіемъ окончательный расколъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ, останется незабвеннымъ моментомъ въ движеніи. Послѣ долгихъ споровъ и разногласій между Марталисомъ и Рустиномъ по поводу необходимости единаго дѣйствія сдерживаемая до сихъ поръ рознь, открытая борьба между этими двумя такими рѣзко различными взглядами была, наконецъ, рѣшена и между обоими вождями стояла бѣдная, колеблющаяся и невѣжественная масса, за благо и счастье которой шла эта борьба; она попеременно склонялась то въ ту, то въ другую сторону... пока, наконецъ, вѣсы сразу не перевѣсили, и одинъ могучій порывъ увлекъ ихъ всѣхъ на сторону того, кому они такъ долго вѣрили, на сторону того человѣка, передъ которымъ послѣ его блестящихъ, огненныхъ рѣчей преклонялись, какъ передъ своимъ спасителемъ и мессіей, ихъ жены и дѣти и готовы были цѣловать его руки и край его одежды. Тогда наступила тяжелая минута для Марталиса. Провожаемый насмѣшками и криками „измѣнникъ!" даже со стороны тѣхъ, кто нѣсколько минутъ тому назадъ съ восторгомъ привѣтствовалъ его, онъ долженъ былъ склониться передъ бурей и покинуть залъ. Въ его ушахъ, навѣрное, звучало тогда: „Распни его!", такъ какъ онъ уже въ то время много сдѣлалъ и многимъ пожертвовалъ для тѣхъ, кто въ безсмысленной ярости почти готовъ былъ наложить на него руки.

— Но вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите въ честность намѣреній и поведенія Рустина?

Въ эту минуту Бертольдъ не сознавалъ, что онъ обращался со своимъ вопросамъ къ женщинѣ и притомъ въ такомъ тонѣ, какъ будто ея приговоръ имѣлъ для него рѣшающее значеніе.

— Разумѣется!—отвѣтила та.—Я съ полной увѣренностью могу сказать, что честность его для меня внѣ всякаго сомнѣнія.

— А я не понимаю,—добавила Анна,—какъ можетъ ктонибудь сомнѣваться еще въ этомъ. Въ такомъ случаѣ, можно также задать себѣ вопрсъ, были ли честны первые христіане, которыхъ мучили за ихъ вѣру?

Слова ея звучали скорѣе дѣтски-наивно, чѣмъ рѣзко, и, какъ всегда, когда она волновалась, щеки ея сначала слегка покраснѣли, а затѣмъ снова быстро поблѣднѣли.

— Я отнюдь не высказываю сомнѣній въ честности его соціалистическихъ убѣжденій,—тотчасъ же возразилъ Бертольдъ,—я имѣю въ виду исключительно его настоящую тактику, которая препятствуетъ могучему соціальному движенію.

— Но и этого я не понимаю!—снова возразила Анна.— Нельзя сомнѣваться въ томъ, чья жизнь была вся однимъ сплошнымъ подвигомъ. Какъ только онъ, будучи проповѣдникомъ, пересталъ вѣрить, онъ, не колеблясь ни минуты, отказался отъ всѣхъ привилегій, которыми онъ пользовался на этомъ мѣстѣ. Когда онъ понялъ наше грубое и варварское общество, онъ вышелъ изъ него и сталъ вести жизнь простого рабочаго. И человѣкъ съ такимъ прошлымъ можетъ вдругъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ!

— Теперь ты неправильно смотришь на дѣло, Анна!— замѣтила ей мать.—На свѣтѣ не только все бѣло или черно, но между этими двумя крайностями лежитъ множество оттѣнковъ, и въ этихъ-то оттѣнкахъ большей частью и кроется истина, особенно, когда дѣло идетъ о такой сложной натурѣ, какъ Бальтіанъ Рустинъ. Я постольку вѣрю въ силу его убѣжденія, поскольку онъ сознательно не будетъ неискреннимъ съ самимъ собой или съ другими и намѣренно не поведетъ народъ на ложный путь. Но онъ вполнѣ во власти обстоятельствъ, тогда какъ, еслибы онъ былъ, дѣйствительно, великъ, то онъ самъ бы владѣлъ ими. Нужно гораздо меньше силы воли на то, чтобы въ пылу вдохновенія пожертвовать собой за свой идеалъ, чѣмъ на то, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ среди партійныхъ раздоровъ и разногласій и личныхъ недоразумѣній. Вполнѣ понятно, что Рустинъ, испытавъ на самомъ себѣ парламентскую дѣятельность и почувствовавъ свое полное безсиліе, въ качествѣ единственнаго соціалистическаго депутата, теперь презираетъ эти политическія пререканія и опасается деморализующаго вліянія этой сферы на менѣе добросовѣстныхъ и менѣе развитыхъ депутатовъ, чѣмъ онъ самъ. Но, съ другой стороны, онъ долженъ былъ бы видѣть, что исключительно революціонная агитація не имѣетъ достаточно силы и необходима также и парламентская дѣятельность. Къ несчастью, тутъ играетъ еще значительную роль личная вражда и оскорбленное самолюбіе и, благодаря этому, борьба, которую онъ ведетъ, пріобрѣтаетъ такой, выражаясь мягко, недостойный характеръ. Въ борьбѣ за свои убѣжденія онъ долженъ былъ бы поступать больше, какъ философъ, больше понимать своихъ учениковъ, умѣть уважать чужія мнѣнія и прежде всего употреблять совершенно иное оружіе, чѣмъ то, которымъ онъ до сихъ поръ пользовался, и которое настолько неблагородно, что заставляетъ забывать все его прошлое и роняетъ даже самый его идеалъ. Въ этомъ онъ виноватъ, Анна, отрицать этого нельзя. Когда то онъ былъ великъ, но, къ сожалѣнію, онъ не сумѣлъ имъ остаться.

Анна не сказала больше ни слова, а Бертольдъ слушалъ съ такимъ интенсивнымъ вниманіемъ, что тоже долгое время сидѣлъ молча, погрузившись въ свои мысли.

— Я хотѣлъ бы, чтобы Марталисъ слышалъ ваши слова,—сказалъ онъ, наконецъ.—Онъ такъ страшно раздраженъ противъ него.

— Марталисъ хорошо знаетъ мое мнѣніе о Рустинѣ,—возразила госпожа Деннерсъ, улыбаясь.—Но онъ не въ состояніи смотрѣть на своего яраго, личнаго врага, который затрудняетъ каждый его шагъ и пытается отнять у него довѣріе рабочихъ, глазами старухи, которая много уже испытала, когда онъ сидѣлъ еще на школьной скамьѣ. Кромѣ того, Марталисъ, въ своемъ юношескомъ усердіи, тоже совершилъ грубыя ошибки и часто терялъ оружіе въ борьбѣ съ старой партіей, потому что много разъ онъ совершенно забывалъ должное къ ней уваженіе. Въ тѣхъ непримиримыхъ отношеніяхъ, которыя теперь создались между нимъ, они оба равно виноваты. Но если бы Рустинъ былъ, дѣйствительно, великъ, то дѣло было бы для него выше всего, а все остальное должно было бы имѣть только второстепенное значеніе. Деннерсъ звалъ его прежде своимъ другомъ. Во время своего преслѣдованія онъ могъ считать нашъ домъ своимъ и, будучи молодой женщиной, я смотрѣла на него, умѣвшаго переносить ненависть и презрѣніе всего общества, съ такимъ уваженіемъ, которое само по себѣ уже есть наслажденіе и которое все еще продолжаетъ оставаться въ силѣ.

— Это, я думаю, оттого, что... я очень высоко цѣню, когда не только говорятъ о своихъ убѣжденіяхъ, но и поступаютъ соотвѣтственно имъ и стараются согласовать все свое существованіе съ своимъ образомъ мыслей.

Анна говорила теперь съ нѣкоторой нервностью и низко наклонилась надъ своей работой. Не дождавшись отвѣта, она, какъ будто собравъ все свое мужество, чтобы высказать давно уже назрѣвшую мысль, вдругъ торопливо прибавила:

— Какой, собственно, смыслъ называть себя соціалистомъ, если продолжаешь жить попрежнему и пользуешься всевозможными несправедливыми привилегіями, какъ будто вполнѣ согласенъ съ современными варварскими условіями жизни?

— О, этотъ абсолютизмъ юности!—воскликнула госпожа Деннерсъ, бросивъ нѣжный взглядъ на дочь.—Я, навѣрное, чувствую не меньшее уваженіе, чѣмъ ты, Анна, къ тѣмъ людямъ, которые чувствуютъ въ себѣ потребность добровольно отказаться отъ всѣхъ классовыхъ и имущественныхъ

привилегій. Но не всѣ вѣдь думаютъ и чувствуютъ одинаково, и кромѣ того могутъ быть обстоятельства, когда людямъ представляется иной способъ лучше служить человѣчеству. Такому талантливому агитатору, какъ Рустинъ, путь вполнѣ ясенъ. Агитаторъ ставитъ своей первой задачей освободить страждущее человѣчество отъ чувства тупой, животной покорности, потому что угнетенный классъ можетъ только собственными силами сбросить съ себя цѣпи рабства и благодаря только собственной силѣ духа, развитію и знаніямъ сдѣлаться равнымъ своимъ властямъ. Но могутъ еще и другіе пути служить своимъ убѣжденіямъ. Возьмемъ какое-нибудь другое лицо, которое намъ хорошо извѣстно... возьмемъ, напримѣръ, папу, который знакомитъ молодое поколѣніе съ устройствомъ совершеннаго общества. Если бы онъ сталъ выступать такъ же, какъ это въ свое время дѣлалъ Рустинъ,—что кромѣ всего прочаго, совершенно не соотвѣтствуетъ его характеру и его способностямъ,—то онъ долженъ былъ бы разстаться съ своей университетской кафедрой и такимъ образомъ лишить самого себя возможности научить подростающее поколѣніе понимать и оцѣнивать современную эпоху.

Анна наклонилась еще ниже надъ своей работой, которую она почти не видѣла изъ-за тумана выступавшихъ слезъ. Она почувствовала, что мать совершенно правильно поняла ее и очень хотѣла бы вернуть свои слова обратно. Какъ только сорвались они у нея?

— Молодымъ, горячимъ натурамъ трудно мириться съ терпѣливостью людей науки, не правда ли, дитя мое?—продолжала мать, замѣтившая и эту склоненную головку, и предательскую краску въ лицѣ, и желавшая, по возможности, сгладить дѣло.—Терпѣніе—тоже сила, говорилъ мнѣ твой отецъ, у котораго я вообще научилась всему, что я теперь знаю. Онъ былъ моимъ единственнымъ учителемъ. Но все-таки его терпѣніе обучать нерѣдко причиняло мнѣ не мало огорченій. Больше всего,—прибавила она съ улыбкой,—мнѣ приходилось, впрочемъ, удивляться его терпѣнію, съ какимъ училъ онъ свою слишкомъ склонную къ мечтательности и преувеличенію жену понимать медленный ходъ развитія культуры.

Бертольдъ ни на секунду не отводилъ глазъ отъ своей почтенной собесѣдницы; и когда она съ такимъ глубокимъ уваженіемъ говорила о своемъ супругѣ, въ глазахъ его блеснулъ огонекъ симпатіи:

— Я себѣ уже не разъ ставилъ вопросъ,—сказалъ онъ,—не былъ ли я подготовленъ моимъ посѣщеніемъ лекцій по политической экономіи къ тому, что я услышалъ здѣсь въ

первый вечеръ. Хотя рефератъ Марталиса открылъ мнѣ совершенно новый міръ идей, но у меня все-таки было чувство, не приносилось ли все это передъ моимъ умственнымъ взоромъ уже раньше, хотя и въ совершенно неопредѣленной формѣ.

Госпожа Деннерсъ только-что хотѣла отвѣтить, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ хозяинъ дома. Тотчасъ же послѣ обѣда ему нужно было пойти на собраніе и теперь, возвращаясь къ своимъ занятіямъ, онъ зашелъ выпить чашку чая. Съ удовольствіемъ опустился онъ въ кресло около камина, гдѣ былъ разведенъ небольшой огонь.

— Вотъ вы тутъ сидите уютно за чаемъ, а у меня сейчасъ было прескучное собраніе,—заговорилъ онъ.—Даръ слова, конечно,—прекрасная вещь, но тѣмъ не менѣе, иногда отъ всей души желаешь, чтобы нанизыванье предложеній было болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ для многихъ. Но, впрочемъ... можетъ быть, я потому такой плохой слушатель, что самъ не ораторъ... Это вѣдь обычное дѣло.

Онъ улыбнулся и поискалъ глазами газету, которую обыкновенно просматривалъ въ этотъ часъ дня. На его здоровомъ, спокойномъ, добродушномъ лицѣ не отражалось ни малѣйшаго слѣда борьбы или страсти. У него былъ твердый взглядъ человѣка, пережившаго уже періодъ вопросовъ и исканья. Онъ удивительно походилъ на дочь формой головы и чертами лица, но глаза Анны съ ихъ мечтательнымъ выраженіемъ, серьезные, большіе голубые глаза дѣлали это сходство почти незамѣтнымъ съ перваго взгляда. Въ ея кругломъ, полненькомъ личикѣ съ ямочками на щекахъ было еще очень много дѣтскаго, но ея глаза,—глаза святой Цециліи, какъ все еще называлъ ихъ про себя Бертольдъ,—дѣлали ее старше, а опущенные внизъ углы рта указывали на сильную волю. На мать свою, овальный, строгій профиль которой напоминалъ античную камею, она походила очень мало. Наливая мужу чашку чая, госпожа Деннерсъ съ улыбкой взглянула на своего гостя, какъ бы спрашивая его, не повторитъ ли онъ теперь своего вопроса.

— Мы здѣсь тоже не меньше спорили, Деннерсъ, чѣмъ вы въ своемъ собраніи,—пошутила она,—и представь себѣ, что въ ту минуту, какъ ты входилъ, мы спорили не больше, не меньше, какъ о тебѣ! Меріанъ думаетъ, что твои лекціи по политической экономіи имѣли существенное вліяніе на его настоящій образъ мыслей... Согласенъ ты съ этимъ?

Деннерсъ, повидимому, былъ очень озадаченъ этимъ внезапнымъ вопросомъ. Онъ сначала пожалъ плечами, за-

тѣмъ помѣшалъ ложечкой въ чашкѣ, снова положилъ ее и, наконецъ, отвѣтилъ, улыбаясь:

— Это, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рискованное заключеніе, которое можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія для меня, если мои враги захотятъ воспользоваться имъ противъ меня.—Потомъ онъ прибавилъ серьезнымъ тономъ:—Нѣтъ, Меріанъ, я въ самомъ дѣлѣ не думаю, что бы мои лекціи имѣли на васъ вліяніе въ этомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, я совсѣмъ и не желаю этого, такъ какъ въ задачу науки отнюдь не должна входить пропаганда какого-нибудь опредѣленнаго принципа или какой-нибудь опредѣленной идеи. Поэтому я всегда ограничивался тѣмъ, чтобы по возможности расширять умственный кругозоръ моихъ слушателей и устранять отъ нихъ мертвящее вліяніе традиціонныхъ, унаслѣдованныхъ и заученныхъ взглядовъ и понятій. Я самъ питаю отвращеніе ко всякой догматикѣ, какъ къ либеральной и консервативной, такъ и къ соціалистической и ко всякой другой. Я стремлюсь пока только къ тому, чтобы сдѣлать молодой, гибкій, развивающійся интеллектъ воспріимчивымъ къ правильному историческому взгляду, что всѣ общественныя учрежденія, всѣ обычаи, привычки, законы, всѣ формы собственности, торговли и производства нарождаются, живутъ и исчезаютъ, замѣняясь новыми обычаями, формами и учрежденіями. Процессъ этотъ, однако, совершается всегда такимъ образомъ, что наступающее логически развивается изъ предшествующаго и выростаетъ изъ существующаго уже потому, что организмъ, который мы называемъ человѣческимъ обществомъ, не является сознательнымъ и произвольнымъ продуктомъ человѣческаго духа, но самъ человѣкъ есть продуктъ общественныхъ и экономическихъ вліяній. Поэтому-то старолиберальный догматъ, что человѣкъ отъ природы слишкомъ плохъ, чтобы быть въ состояніи создать новую форму общества, и является такимъ мелочно-ограниченнымъ. Наоборотъ, туманныя общественныя формы и современный экономическій гнетъ и дѣлаютъ человѣка, особенно человѣка средняго, такимъ туманнымъ и себялюбивымъ, какъ онъ есть теперь.

Бертольдъ слушалъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Еще никогда профессоръ Деннерсъ не высказывался такъ опредѣленно въ его присутствіи. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что онъ не любилъ обсуждать серьезные вопросы въ тѣсномъ кругу. Когда студенты бывали у него въ гостяхъ, онъ систематически старался избѣгать подобныхъ разговоровъ. Нѣкоторые невѣрно истолковывали это страхомъ, что его обвинятъ въ правительственныхъ кругахъ въ

томъ, что онъ ведетъ пропаганду и такимъ путемъ для него будетъ рискъ потерять мѣсто. Въ дѣйствительности же, онъ былъ слишкомъ философомъ, что бы быть поборникомъ какого-нибудь одного направленія или стремиться имѣть вліяніе на молодежь.

— Университетскія занятія,—снова заговорилъ онъ,—представляютъ, хотя это и звучитъ, можетъ быть, нѣсколько парадоксально, нѣкоторую опасность для развитія самой науки и эту опасность я пытаюсь, сколько возможно, нейтрализовать. Оффиціальныя государственныя науки, естественно, носятъ консервативный характеръ, потому что они воплощаютъ направленіе уже существующее и потому еще, что оффиціальное университетское образованіе служитъ только имущему классу, который наблюдаетъ за нимъ, поставляетъ ему жрецовъ и допускаетъ, разумѣется, только такихъ, за которыхъ онъ увѣренъ, что они не будутъ вести никакой опасной пропаганды, никакой критики ихъ исключительныхъ привилегій.

И здѣсь, къ сожалѣнію, примѣнима глубоко безнравственная поговорка: „чей хлѣбъ ѣмъ, того и пѣсню пою"!

— Слѣдовательно, и наука не стоитъ въ наше время на такой высотѣ, что бы не быть на службѣ господствующихъ классовъ?—спросила Анна.

— Жрецы ея не склоняются сознательно, подобно простымъ рабамъ, передъ своими работодателями, милое дитя. Но какъ разъ безсознательное-то и играетъ въ этихъ вещахъ огромную роль. Есть множество истинно-добрыхъ и честныхъ людей, которые видятъ, слышатъ и воспринимаютъ только то, что не противорѣчитъ ихъ личнымъ интересамъ. И мы, профессора,—добавилъ онъ, улыбаясь,—тоже дѣти нашего времени, дѣти духа нашего столѣтія и рабы такъ мало еще цивилизованныхъ общественныхъ условій. Итакъ, мы служимъ наукѣ каждый на свой ладъ, въ зависимости отъ нашихъ личныхъ свойствъ. Въ нашемъ дѣлѣ вполнѣ возможно преподавать то, что уже установлено, и вращаться въ этой ограниченной области, избѣгая всякаго умствованія. Люди, консервативные отъ природы, будутъ уже сами по себѣ сторониться новыхъ, смѣлыхъ идей. Напротивъ, болѣе свободомыслящіе будутъ направлять свое преподаваніе на перспективы будущаго и стараться очищать путь къ нему отъ всякихъ интеллектуальныхъ препятствій.

Въ духовной области я чувствую себя приблизительно такъ же, какъ сторожъ на желѣзной дорогѣ... постъ, разумѣется, очень скромный, но тѣмъ не менѣе, необходимый. Положеніе машиниста, твердой рукой направляющаго въ

пространство своего пламеннаго, стального коня, гораздо выше и прекраснѣе, но если путь не будетъ хорошо очищенъ, то произойдутъ столкновенія. Предупреждать ихъ я поставилъ своей задачей. Многимъ можетъ показаться эта цѣль мелочной и жалкой, но мое честолюбіе не идетъ дальше.

Въ тонѣ, которымъ онъ произнесъ эти послѣднія слова, слышенъ былъ оттѣнокъ горечи, какъ будто въ немъ отражалось недавно пережитое непріятное впечатлѣніе. Его жена ласково взглянула на него, а Бертольдъ спросилъ:

— Вы позволите мнѣ передавать другимъ то, что вы сейчасъ говорили?

— Навѣрное, для того, чтобы защитить меня отъ обвиненій въ нравственной трусости? — спросилъ Деннерсъ, хорошо знавшій мнѣніе многихъ, что онъ боится „обжечься холодной водой".

Бертольдъ покраснѣлъ и не могъ найти скоро подходящій отвѣтъ.

— Кто же можетъ обвинять тебя въ трусости? — съ негодованіемъ сказала его жена.

— О, я хорошо знаю, какъ думаютъ обо мнѣ люди. Но мои враги могутъ говорить обо мнѣ, что хотятъ, это, все равно, нисколько не повліяетъ на мою инертную натуру. Нѣтъ, Меріанъ, если вы не имѣете какой-нибудь особенной потребности ломать за меня копья, то мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе, если вы предоставите меня моей судьбѣ. И въ стратегическомъ отношеніи гораздо лучше молчать о своей тактикѣ, чѣмъ высказываться откровенно. Мое любимое занятіе — выметать старый хламъ изъ мозговъ — легко можетъ встрѣтить сопротивленіе, если всѣ будутъ видѣть метлу, которой я работаю. Съ интеллигентными студентами мнѣ нечего бояться откровенности, но, къ сожалѣнію, многимъ противъ ихъ воли приходится очищать мозги.

Съ этими словами Деннерсъ допилъ свою послѣднюю чашку, всталъ и протянулъ Бертольду руку.

— Въ очищеніи вашихъ мозговъ я абсолютно невиновенъ, кромѣ того, процессъ этотъ требуетъ многихъ лѣтъ, при вашемъ темпераментѣ вы нуждаетесь не въ нянькѣ, а скорѣе въ хорошемъ тормазѣ. Если бы вы родились въ средніе вѣка, то вы надѣли бы на себя монашескую рясу. Въ XVI и XVII вѣкахъ вы присоединились бы къ гуманистамъ, а въ наше прекрасное время вы, навѣрное, преклонитесь передъ возвигаемыми теперь всюду алтарями... и вы сдѣлаете хорошо.

Деннерсъ вышелъ изъ комнаты, а Анна, молча сидѣвшая за своей работой, вдругъ встала и пошла за нимъ въ кабинетъ, гдѣ маленькая лампа подъ зеленымъ абажуромъ ярко освѣщала книги и бумаги на столѣ, тогда какъ въ остальной части комнаты было темно. Деннерсъ только-что сѣлъ за свой письменный столъ, какъ вошла Анна и, нерѣшительно сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Папа... Мнѣ нужно тебѣ кое въ чемъ признаться...— сказала она со слезами въ голосѣ.

Въ первую минуту онъ испугался, но затѣмъ въ его головѣ мелькнула одна мысль. Онъ слишкомъ хорошо зналъ ея натуру и тотчасъ же сообразилъ, что ея порывъ долженъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ тому, что онъ говорилъ.

— Признаться?..—переспросилъ онъ, улыбаясь и проводя рукой по ея коротко остриженнымъ волосамъ.—Если тебѣ, можетъ быть, это тяжело, дитя мое, то я готовъ тебѣ помочь,—она съ изумленіемъ взглянула на него.

— Нѣкая мечтательница нерѣдко судила о своемъ отцѣ такъ же, какъ и посторонніе люди; и вотъ теперь ей, можетъ быть, начинаетъ выясняться, что онъ все-таки не такъ дуренъ... какъ...

— Нѣтъ, папа, такъ ты не долженъ говорить!—прервала она его и съ такой пылкостью стала цѣловать его руки, что онъ былъ почти озадаченъ.

— Не слѣдуетъ быть такой экспансивной, Анночка!— сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.—Я хотѣлъ только немножко подразнить тебя, такъ какъ я хорошо замѣтилъ, что ты не очень-то довольна моими поступками, и я, по-твоему мнѣнію, долженъ былъ бы совершить дѣла, вызывающія общее удивленіе, а не продолжать спокойно ту работу, которая свойственна моей натурѣ и моимъ способностямъ.

Анна прислонилась головой къ плечу отца и не шевелилась. А отецъ, которому была чужда всякая сентиментальность и всякая экспансивное проявленіе натуры, въ сотый, можетъ быть, разъ спрашивалъ себя, какъ ему успокоить ея черезъ-чуръ пылкій темпераментъ, который такъ живо напоминалъ ему ея мать, когда та была еще молоденькой дѣвушкой.

— Если ты сегодня вечеромъ убѣдилась, что до сихъ поръ неправильно судила обо мнѣ,—спокойно продолжалъ онъ,—то ты не должна думать, что твои сомнѣнія теперь больше уже не вернутся. Жизнь вѣдь сильнѣе всякихъ наставленій. Хотя ты и моя дочь, но у насъ съ тобой совершенно разные характеры, и это зависитъ не только отъ

твоей женской натуры, такъ какъ и среди мужчинъ есть немало экспансивныхъ людей и апостоловъ чувства, которыхъ всякій внѣшній поводъ тотчасъ же заставляетъ дѣйствовать. Я же обладаю способностью приспособляться къ той сферѣ, куда меня поставила судьба. Я уже много лѣтъ былъ доцентомъ, когда благодаря глубокому изученію прошлаго и настоящаго, во мнѣ мало-по-малу сложилось убѣжденіе, что высшая общественная форма, даже въ совершенномъ человѣчествѣ, не только возможна, но что всякое экономическое и научное и даже всякое бытовое явленіе нашего времени съ абсолютной вѣрностью говоритъ объ ней. И такимъ образомъ сталъ я преподавать ту науку, которая открыла глаза мнѣ самому и спокойное и основательное изученіе которой можетъ устранить столько устарѣлыхъ догматовъ.

— Я теперь все понимаю, папа... Я думаю, что твое сравненіе сразу выяснило мнѣ твою цѣль. Я всегда считала прекраснымъ, когда проповѣдникъ, который не могъ больше вѣрить, отказывался служить въ церкви.

— И ты думала также, что я добровольно служилъ правящей власти, потому что ты не понимаешь еще, что самая возвышенная и самая плодотворная критика есть та, источникомъ которой служитъ глубокое изслѣдованіе тайнъ прошлаго. Только такимъ путемъ познаемъ мы, что все постоянно измѣняется и обновляется, но всегда на фундаментѣ стараго, такъ какъ въ воздухѣ строить нельзя. Поэтому и такъ называемые соціалистическіе опыты такъ безнадежны и такъ абсолютно ненаучны и должны необходимо потерпѣть крушеніе, потому что они представляютъ собой настоящіе воздушные замки. Если новымъ общественнымъ формамъ не служатъ твердой основой старыя и первыя не вырастаютъ экономически необходимо и неизбѣжно изъ послѣднихъ, то онѣ должны рухнуть, какъ карточный домикъ. И одновременно съ этими новыми формами жизни долженъ вырастать также и человѣкъ и приспособляться къ нимъ,—иначе онъ будетъ аномаліей среди нихъ. Представь себѣ только аѳинянина временъ Перикла, перенесеннаго въ современныя условія жизни... Какъ странно чувствовалъ бы онъ себя! Точно также странно и неловко долженъ чувствовать себя современный человѣкъ среди тѣхъ условій, съ которыми онъ не росъ и продуктомъ которыхъ онъ не является.

Анна съ напряженнымъ вниманіемъ слушала каждое слово отца. Послѣ столькихъ мучительныхъ сомнѣній ее охватило счастливое чувство, что она снова можетъ высоко цѣнить и уважать своего любимаго отца за его преданность

тому, что она сама все болѣе и болѣе считала своимъ собственнымъ призваніемъ.

— Такъ ты ни разу еще не говорилъ, папа... Ты вѣдь почти никогда также не говоришь о своей работѣ и о себѣ самомъ.

Деннерсъ громко разсмѣялся.

— Но, Анна, не могу же я ежедневно говорить дома, какъ на каѳедрѣ и ежедневно исповѣдовать свой символъ вѣры по поводу моихъ стремленій и по поводу моей учительской профессіи. И сегодня вечеромъ я заговорилъ объ этомъ отчасти благодаря направленной противъ меня гнусной статьи, принадлежащей, вѣроятно, перу Бальтіана Рустина. Онъ выставляетъ тамъ меня апостоломъ Петромъ, въ минуту опасности отказавшимся отъ своего Спасителя,— ренегатомъ, для котораго личный интересъ дороже всего остального. Меня разсердили приведенныя въ ней несправедливыя обвиненія, а, можетъ быть, еще больше тотъ фактъ, что эта преслѣдующая агитаціонныя цѣли статья могла вывести изъ равновѣсія меня, философа. Но въ концѣ концовъ все это оказалось очень полезнымъ для моей экзальтированной дѣвочки, которой много еще надо работать, и учиться, чтобы понимать себя самое и другихъ.

— Но какъ могъ Рустинъ, такъ давно знающій тебя, написать противъ тебя подобную статью?—съ негодованьемъ сказала Анна.—Вѣдь онъ, навѣрное, давно уже могъ уяснить себѣ твою точку зрѣнія!

— Это случается съ нимъ уже не въ первый разъ. Онъ—слишкомъ пылкій фанатикъ, чтобы умѣть уважать чужое мнѣніе. И если бы даже онъ умѣлъ, то ради своей цѣли, онъ пренебрегъ бы всѣми второстепенными вещами. Его прежній, возвышенный идеализмъ — тоже благодаря обстоятельствамъ — выродился въ зелотизмъ, который не считается ни съ своими друзьями, ни съ единомышленниками. Если я случайно сдѣлался для него наковальней, чтобы онъ могъ сильнѣе поразить общество своими ударами, онъ, разумѣется, не будетъ щадить меня.

— И все-таки когда-то онъ былъ такъ хорошъ,—печально произнесла Анна.—Неужели на землѣ не можетъ существовать постоянной красоты въ человѣкѣ?

— Конечно, можетъ, Анна, поскольку человѣкъ подчиняется особеннымъ склонностямъ своей натуры въ связи съ посторонними вліяніями. Величіе индивидуума всегда относительно, но результатомъ борьбы и взаимодѣйствія тысячи различныхъ элементовъ можетъ явиться прекрасное и великое. Вмѣсто того, чтобы разсуждать о величіи или мелочности какого-нибудь человѣка, мы лучше будемъ дѣлать

то, что намъ приходится. Агитаторы, пытающіеся вооружить овецъ противъ волковъ,—вродѣ, напр., Бальтіана Рустина; холодные, умные пропагандисты, какъ нашъ Марталисъ; терпѣливые и немного вялые философы, какъ твой покорнѣйшій слуга; мечтательницы, среди которыхъ мнѣ приходится жить, и которыя не только мечтаютъ, но могутъ вести и серьезную практическую работу,—всѣ они и еще много другихъ силъ необходимы, чтобы уравнять пути все еще таинственному шествію культуры. Но тѣмъ не менѣе,—прибавилъ онъ, улыбнувшись,—всѣ эти такъ различно одаренные люди рѣдко живутъ въ мирѣ другъ съ другомъ; молодые энтузіасты всегда протестуютъ противъ равнодушія и терпѣливости старшихъ, и наоборотъ. Лилія, высоко и стройно поднимающаяся на своемъ стеблѣ надъ всей грязью земли, никогда не сумѣетъ понять натуры лѣсной фіалки, едва выглядывающей изъ-подъ земли. Точно также и мужественный, закаленный, горный колокольчикъ, вдыхая холодный, свѣжій воздухъ, будетъ презирать тѣ странныя породы цвѣтовъ, которыя произрастаютъ въ теплой, удушливой атмосферѣ оранжерей. А между тѣмъ, одинъ цвѣтокъ не имѣетъ никакого права упрекать другой, неправда ли?

Анна ничего не отвѣтила, но въ ея серьезныхъ, влажныхъ глазахъ свѣтилось обѣщаніе никогда не забывать этихъ рѣчей отца, которыя превращали ее изъ ребенка въ человѣка. Когда она встала, чтобы идти, отецъ на минуту удержалъ ея руку.

— Что ты скажешь, Анна, если я пущу тебя на свои лекціи? Ты достаточно хорошо подготовлена, и знакомство съ экономическими основами нашего общества, въ связи съ историческими и соціологическими дополненіями, которыя я дѣлаю, могло бы быть очень полезно для тебя.

— Какъ это было бы чудесно, папа! Но развѣ это въ самомъ дѣлѣ возможно?

— Разумѣется, ты можешь присутствовать, какъ вольнослушательница. Для натуръ, въ которыхъ сильно преобладаетъ жизнь чувства, я считаю въ высшей степени полезной укрѣпляющее и закаляющее вліяніе научнаго мышленія. Женщинѣ съ ея склонностью къ дедукціи и къ слишкомъ поспѣшнымъ умозаключеніямъ, требуется еще больше, чѣмъ мужчинѣ, строго-научное воспитаніе. Но хватитъ ли у тебя на это времени при твоихъ остальныхъ работахъ?

— О времени я уже позабочусь!—отвѣтила Анна, вся сіяя отъ радости.

— Твои практическія занятія не должны страдать отъ этого. Какъ обстоитъ, кстати, дѣло съ твоимъ изслѣдованіемъ заработной платы у бѣлошвеекъ?

— Къ сожалѣнію, плохо. Я очень медленно двигаюсь впередъ. Какъ тебѣ извѣстно, я начала теперь анкету въ Гаагѣ. Однако, очень трудно пріобрѣсти довѣріе бѣдныхъ женщинъ. Онѣ ничего не понимаютъ. Оказывается, что очень трудно разъяснить имъ, какъ ужасно ихъ собственное положеніе! Живя впроголодь, въ тѣсной каморкѣ, безъ свѣта и воздуха и вырабатывая только 40 центовъ въ день, онѣ рѣшительно не хотятъ понять, что это можно измѣнить. Нѣкоторыя очень озлобляются, другія, напротивъ, склонны прямо смѣяться надо мной, когда я пытаюсь объяснить имъ, что возможно улучшеніе ихъ положенія и что онѣ могутъ завоевать себѣ лучшую заработную плату, если объединятся въ профессіональные союзы. Они никакъ не могутъ понять всей важности объединенія и солидарности съ своими товарками по профессіи. Но всѣ онѣ охвачены какимъ-то дикимъ страхомъ, что кто-то донесетъ на нихъ, что работодатель что-то узнаетъ и прогонитъ ихъ съ работы.

Отецъ утвердительно кивнулъ головой.—Конечно,—проговорилъ онъ,—система выпотѣнія хорошо организована. Паразиты общества, эксплоатирующіе этихъ беззащитныхъ созданій, держатъ ихъ вполнѣ въ своей власти. Но ты все-таки продолжай терпѣливо работать и не теряй мужества! Такимъ же тяжелымъ и медленнымъ путемъ началось и въ другихъ странахъ профессіональное движеніе и борьба за повышеніе заработной платы среди женщинъ. Пролетарская женщина, по своему развитію, все еще на нѣсколько ступеней ниже своего мужа. Поэтому и гораздо труднѣе довести ее до сознательнаго образа дѣйствій.

— Когда должна я начать посѣщать твои лекціи?— спросила Анна.

— Лучше всего съ началомъ новаго курса, въ октябрѣ. А до тѣхъ поръ я дамъ тебѣ нѣсколько подготовительныхъ уроковъ.

Дѣвушка съ чувствомъ искренней благодарности обняла и поцѣловала отца. Получить высшее образованіе всегда было ея любимой мечтой.

* * *

Со времени свадьбы Іоганна Робертъ Кантъ не бывалъ больше въ домѣ Меріена. Не признаваясь даже себѣ самому, онъ рѣшилъ лучше избѣгать теперь встрѣчъ не невѣстой своего друга. Странно волнующій характеръ ея красоты, долгій взоръ ея томныхъ глазъ, ея обращеніе съ нимъ,— все это вмѣстѣ заставляло его думать о ней больше, чѣмъ

это сообразовалось съ его понятіемъ о чести. Кромѣ того, это его очень раздражало. Хотя по отношенію къ женщинамъ онъ и любилъ разыгрывать изъ себя разочарованнаго и, дѣйствительно, настолько умѣлъ разбираться въ самомъ себѣ и въ другихъ, чтобы его неожиданно могла охватить какая-нибудь страсть, но все-таки для него не было никакого сомнѣнія, что ему очень трудно забыть тихую прелесть всего существа Карлы, ея чудные глаза, полные какой-то тайны, и всю ея фигуру, одѣтую въ античный костюмъ, какъ она была въ послѣдній вечеръ. Онъ отнюдь не считалъ этого обстоятельства непосредственной причиной его постоянныхъ отказовъ Бертольду поѣхать съ нимъ въ Амстердамъ; оно казалось ему слишкомъ ничтожнымъ для этого. Для Бертольда у него всегда находился удобный предлогъ. Но въ глубинѣ души онъ говорилъ себѣ, что старый Меріанъ, въ сущности, невозможный доктринеръ, жена его—просто добродушная хозяйка, Бэби—хорошенькая, но совершенно еще не интересная дѣвочка, безъ всякой пикантности, а Карла—невѣста другого и, слѣдовательно, потерянная для него дѣвушка. Зачѣмъ же, собственно, будетъ онъ ѣздить туда? Вѣдь уже было рѣшено, что на большихъ каникулахъ, приблизительно въ августѣ мѣсяцѣ, онъ проведетъ нѣсколько недѣль у нихъ на дачѣ, но до тѣхъ поръ еще далеко и, можетъ быть, тогда у него будетъ на это больше охоты, чѣмъ теперь, когда онъ готовился къ выпускному экзамену. Онъ былъ на пять лѣтъ старше Бертольда и, хотя студенческая жизнь ему очень нравилась, но нужно же было когда-нибудь кончать съ ней.

Что въ это время происходило съ Бэби и какъ былъ доволенъ отецъ, что онъ пока скрылся съ ихъ горизонта, Робертъ ничего не подозрѣвалъ. Вопреки рѣшительному ожиданію Меріана, что нелѣпая фантазія, какъ онъ называлъ, скоро безслѣдно пройдетъ у дѣвочки, его любимица попрежнему оставалась грустна и разсѣяна. Ея цвѣтущее здоровье исчезло и появились всякаго рода недомоганія: мигрени, безсонница, нервные припадки, пока, наконецъ, не пришлось посовѣтоваться съ врачомъ. Врачъ предписалъ побольше гулять, побольше двигаться на воздухѣ, плаванье, гимнастику, игру въ теннисъ и т. п. Эти предписанія строго исполнялись, и во всякую погоду обѣ дѣвушки рано утромъ должны были выходить на воздухъ, обѣ безъ всякой охоты. Карла не знала большей муки, какъ рано вставать и идти на прогулку, а Бэби, зѣвая и всегда жалуясь на усталость, грустно шла рядомъ съ ней. Такъ прошла весна и подошелъ іюнь, когда Меріаны обыкновенно уѣзжали на дачу, чего всѣ ежегодно ожидали съ нетерпѣніемъ.

Робертъ хорошо сдалъ свой экзаменъ на гражданскаго инженера, а Бертольдъ—переходный на технолога. Отнюдь не предполагая, что его новый образъ мыслей и его занятія по соціологіи могли бы ему мѣшать въ его профессіи, юноша никогда еще такъ не работалъ, какъ въ послѣднее время. Онъ открылъ въ себѣ такую жизнерадостность и такую способность напряженно работать умственно, какихъ онъ никогда еще не зналъ до сихъ поръ. До глубокой ночи онъ могъ спокойно работать, нисколько не чувствуя себя утомленнымъ. Насмѣшки его прежнихъ друзей, съ которыми онъ встрѣчался теперь только на лекціяхъ, надъ его „зубрежкой" и надъ его „соціалистическими фантазіями", ничуть его не затрагивали. Ему все болѣе выяснялось могучее, непреодолимое стремленіе, толкавшее его впередъ, и это дѣлало его нечувствительнымъ къ мелкимъ уколамъ. Онъ хорошо зналъ, что ему предстоятъ тяжелыя испытанія, что его ждетъ трудная борьба, которая потребуетъ отъ него напряженія всѣхъ его силъ и въ которой его можетъ поддержать только воспоминаніе о пережитой когда-то высокой минутѣ. Но чѣмъ яснѣе предчувствовалъ онъ эту тяжелую борьбу, тѣмъ больше поднималось его мужество. Какъ только онъ сдалъ всѣ свои экзамены, онъ задумалъ привести въ исполненіе рѣшеніе, созрѣвшее у него въ теченіе зимы. Франкъ Марталисъ, которому онъ сообщилъ свое рѣшеніе, испытующе взглянулъ на него своимъ холоднымъ, стальнымъ взглядомъ.

— Ты хочешь практически посвятить себя нашему движенію?..—проговорилъ онъ, наконецъ.—Согласенъ ли я на это? Разумѣется, если ты этого непремѣнно хочешь. Но на что это нужно?

— На что это нужно!—повторилъ Бертольдъ, удивленно поднимая на него глаза, такъ какъ онъ меньше всего ожидалъ этого вопроса.—Развѣ ты считаешь, что для движенія ничего не значитъ пріобрѣсти, если не силу, то хотя бы, по крайней мѣрѣ, симпатію?

— Будетъ ли она пріобрѣтена, если ты познакомишься со многими отталкивающими, но неотдѣлимыми отъ всякаго революціоннаго движенія явленіями во всей ихъ наготѣ, это еще вопросъ открытый,—спокойно возразилъ онъ.—До сихъ поръ ты въ своихъ четырехъ стѣнахъ познакомился только съ его научными и этическими элементами, и твоя склонная къ идеализму натура увлеклась въ общеніи съ высокими, благородными умами. Но теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы взглянуть въ глаза рѣзкой дѣйствительности, видѣть, какъ нашъ идеалъ топчется въ грязи его же соб-

ственными жрецами, какъ это было во всѣ времена со всѣми гуманистическими теченіями и со всѣми религіями.

— Я готовъ ко всему, и меня уже достаточно предупреждали объ этомъ, — съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ замѣтилъ Бертольдъ, такъ какъ онъ не могъ спокойно помириться съ этимъ отношеніемъ къ его серьезно и основательно обдуманному рѣшенію.—Почему ты хочешь подорвать у меня мужество?

На этотъ разъ Марталисъ улыбнулся, и въ глазахъ у него блеснуло теплое выраженіе, которое вообще рѣдко можно было видѣть у него.

— Въ сущности, мы оба очень похожи другъ на друга,— сказалъ онъ, задумчиво глядя на юношу.—Хочешь, я разскажу тебѣ твои мысли?.. Ты думаешь: этотъ человѣкъ, повидимому, съ ума сошелъ. Я, Меріанъ, по своей доброй волѣ спускаюсь съ своей патриціанской высоты, чтобы принять участіе въ народномъ движеніи, а руководитель этого движенія медлитъ привѣтствовать меня, какъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе! Развѣ онъ упустилъ изъ вида все значеніе моего общественнаго положенія для его партіи?.. Приблизительно таковъ ходъ твоихъ мыслей, не правда ли? Какъ разъ и я думалъ точно также, когда лѣтъ восемь тому назадъ выступилъ на практическую арену борьбы.

Бертольдъ ничего не отвѣтилъ.

— Какъ я былъ тогда еще юнъ и наивенъ! Я въ то время полагалъ такъ же, какъ ты теперь, что ядро нашего движенія—этика, тогда какъ оно, главнымъ образомъ, представляетъ собой классовую борьбу въ связи съ экономическимъ переворотомъ. Принадлежность нѣкоторыхъ изъ насъ къ классу привилегированныхъ только затрудняетъ нашу задачу, потому что очень нелегко пріобрѣсти довѣріе угнетенныхъ. Сила должна возникнуть изъ ихъ собственной среды, мы же можемъ только помогать и развивать. Измѣненіемъ законовъ, введеніемъ реформъ и даже наслѣдственной революціей рабы могутъ перемѣнить себѣ господина, но они никогда не могутъ такимъ путемъ сдѣлаться свободными. Это показала намъ французская революція, которая только передвинула злоупотребленіе властью и, на мѣсто господства дворянства и духовенства, провозгласила господство, третьяго сословія. Только собственными усиліями, только силой сознанія угнетенные могутъ разбить свои цѣпи. Пока три четверти общества подчинены наслѣдственнымъ господамъ и представляютъ собой неорганизованную, инертную и невѣжественную массу, до тѣхъ поръ культура останется на той же ступени. Понятно ли тебѣ теперь, что сознательность одного пролетарія гораздо дороже этическаго

стремленія цѣлой кучи людей нашего класса? Эти послѣдніе могутъ только немного помочь своимъ болѣе глубокимъ историческимъ пониманіемъ вещей и облегчить борьбу тѣхъ, кто, сдѣлавшись сознательнымъ, будемъ строить будущее.

— Но ты самъ?—спросилъ Бертольдъ.—Почему ты можешь быть полезнымъ для движенія, а я—нѣтъ? Положеніе наше, какъ мнѣ кажется, вѣдь одинаковое.

— Я отнюдь не утверждаю, Меріанъ, что, когда ты рѣшишься взглянуть въ глаза всѣмъ дурнымъ сторонамъ политической дѣятельности и отвратительнымъ партійнымъ раздорамъ, то ты не можешь быть полезнымъ для движенія. Но... откровенно говоря, мнѣ кажется, что ты вырѣзанъ не изъ того матеріала, который требуется для вождя партіи.

Онъ остановился, какъ будто колеблясь высказаться окончательно, такъ что Бертольдъ заговорилъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ.

— Однимъ словомъ, ты считаешь меня одной изъ тѣхъ натуръ, которыя любятъ говорить о своихъ чувствахъ и о своей любви къ ближнему, но разъ дѣло коснется того, чтобы перевязать рану, заявляютъ, что они не могутъ видѣть крови. Это было бы похоже на то, какъ если бы врачъ, увидѣвъ злокачественную язву, убѣжалъ бы отъ нея, потому что онъ не можетъ переносить вида ея.

— Твое сравненіе совершенно правильно,—спокойно возразилъ Марталисъ.—Единственная разница между нами состоитъ только въ томъ, что ты, повидимому, плохо отнесешься къ бѣглецу, а я—нѣтъ. По моему мнѣнію, это—только дѣло способностей и темперамента. Такое лицо можетъ такъ же хорошо служить обществу, какъ и всякій другой, только не въ качествѣ хирурга.

— А я придерживаюсь того мнѣнія, что разъ человѣкъ свободно выбралъ себѣ жизненный путь, то онъ долженъ идти по немъ, если не хочетъ быть трусомъ и дезертиромъ.

Марталисъ испытующе взглянулъ на юношу, невольно спрашивая себя, не можетъ ли человѣкъ, говорящій такъ, быть очень пригоднымъ элементомъ въ движеніи.

— Въ твоей твердой волѣ я отнюдь не сомнѣваюсь и не хочу сомнѣваться,—сказалъ онъ, наконецъ.—Въ своей собственной волѣ я тоже никогда не сомнѣвался, и все-таки... въ послѣдніе годы у меня бывали минуты, когда я приходилъ просто въ отчаяніе, въ настоящее дикое отчаяніе передъ жизнью.

Въ глазахъ Бертольда мелькнулъ живой интересъ, но онъ не предложилъ никакого вопроса. Никогда не измѣ-

вяющая себѣ холодность Марталиса заставляла его держаться на-сторожѣ. Его собственная гордость удерживала его отъ всякаго шага на встрѣчу.

— Это такъ глупо и скучно говорить о себѣ самомъ,— снова заговорилъ Марталисъ, проводя рукой по волосамъ,— но все-таки ты долженъ кое что узнать изъ моего личнаго прошлаго, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, что, въ сущности, предстоитъ партійному вождю изъ нашего класса, которому справедливо не довѣряютъ рабочіе. Я совершенно не буду касаться враждебнаго отношенія нашего собственнаго круга, насмѣшекъ и ненависти со стороны тѣхъ, съ которыми привыкъ жить въ одной и той же умственной и нравственной сферѣ, иногда внезапное, иногда же постепенное отчужденіе друзей и родныхъ и даже своихъ собственныхъ родителей,—все это вѣдь знаешь заранѣе и закаляешь себя противъ этого со всей энергіей, какую намъ только даетъ стремленіе къ высшему жизненному идеалу.

Онъ помедлилъ съ минуту. Съ внѣшней стороны въ немъ не было замѣчено ни малѣйшаго слѣда внутренняго волненія. Страданія, о которыхъ онъ упоминалъ, повидимому, сдѣлались для него панцыремъ противъ всякаго обыкновеннаго, человѣческаго волненія. Онъ говорилъ, какъ всегда, спокойнымъ, дѣловымъ тономъ и, повидимому, только обдумывалъ, какъ привести въ порядокъ свои воспоминанія.

— Меня вѣдь не такъ-то легко выбить изъ позиціи,— продолжалъ онъ дальше, немного помолчавъ.—Такъ, напримѣръ, буря, которую поднялъ противъ меня Рустинъ въ своей газетѣ и своимъ личнымъ выступленіемъ могла, можетъ быть, на минуту смутить меня, но отнюдь не сломить. Но приблизительно около того же времени случилось нѣчто другое, что меня страшно потрясло, потому что я, какъ новичекъ, былъ еще совершенно неопытенъ въ тяжелой школѣ жизни.

Какъ тебѣ извѣстно, я только на тридцать второмъ году жизни поступилъ сюда въ политехникумъ. Когда я окончилъ высшую школу въ Миддельбургѣ, гдѣ у моего отца банкирская контора, онъ сначала взялъ меня къ себѣ, а потомъ послалъ на двадцатомъ году въ Амстердамъ, чтобы набраться больше опытности въ этой отрасли у одного изъ его друзей. Я ненавидѣлъ это занятіе, но перспектива вращаться въ широкихъ кругахъ столицы и свободно высказывать то, что во мнѣ тогда бродило, преодолѣла эту ненависть. Благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, я случайно вошелъ въ сношенія съ группой молодыхъ людей, съ блестящими способностями и неутомимой жаждой знанія,

искавшихъ новыхъ элементовъ красоты во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ искусства, науки и общества и съ безпримѣрной смѣлостью прокладывавшихъ себѣ новые пути и разсыпавшихъ въ странѣ богатый запасъ духовныхъ цвѣтовъ. Это былъ крѣпко сплоченный кругъ друзей, которые въ своемъ юношескомъ высокомѣріи были настоящими террористами, каждый въ своей области. И я тоже былъ принятъ въ эту замкнутую для всякаго другого группу и впервые въ своей жизни могъ свободно высказывать каждую свою мысль и каждый дикій полетъ моей фантазіи. Какъ прекрасны, какъ широки были наши мечты, наши иллюзіи! Это были самые счастливые дни моей жизни, когда я, при подъемѣ моей духовной и умственной жизни, не чувствовалъ себя скованнымъ той ненавистной профессіей, въ которой воспиталъ меня отецъ. Но такъ какъ онъ давалъ мнѣ полную свободу въ политическихъ убѣжденіяхъ, то въ дѣловомъ отношеніи я хотѣлъ исполнять его желанія.

Къ числу моихъ обязанностей относилось ежедневное посѣщеніе биржи, не ради спекуляцій, которыя мнѣ были противны, а затѣмъ только, чтобы выполнять заказы нашихъ кліентовъ. Однажды, когда буржуазная пресса дала лживый отчетъ объ одномъ собраніи, гдѣ я будто бы призывалъ народъ къ насилію, меня вытолкали изъ биржи.

— Знаешь ли ты, что это значитъ?

Да, Бертольдъ зналъ это. Онъ вдругъ вспомнилъ, что разъ, много лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ школы, онъ слышалъ, какъ Іоганнъ, потирая руки отъ радости, говорилъ, что изъ биржи вытолкали на улицу „негодяя-соціалиста", и толпа его такъ при этомъ поколотила, что его чуть живымъ снесли въ полицейскій участокъ. Онъ, Бертольдъ, обратился къ отцу, что это значитъ — „вытолкать изъ биржи". И отецъ, который тоже былъ, повидимому, очень доволенъ, объяснилъ ему, что этимъ было наложено клеймо безчестія на „бунтовщика".

Итакъ, это былъ Марталисъ... тотъ, кто сидѣлъ теперь противъ него и кого онъ считалъ честью назвать своимъ другомъ?!

— Знаешь ты, что это значитъ? — еще разъ спросилъ Марталисъ.

— Да, это я знаю.

— Это застало меня совершенно врасплохъ, потому что я не думалъ, чтобы сказалъ наканунѣ что-нибудь такое, за что не могъ вполнѣ отвѣчать даже передъ буржуазными ушами. Меня или не поняли, или намѣренно устроили скандалъ. Но какъ бы тамъ ни было, едва я показался на биржѣ, какъ меня обычнымъ въ такихъ случаяхъ способомъ соеди-

ненными силами выставили за дверь. Послѣ всего, что я уже испыталъ, демонстрація нашихъ биржевыхъ спекулянтовъ не могла вывести меня изъ равновѣсія. Но къ тому, что произошло на площади, куда сбѣжалась толпа народа и, очевидно, ожидала скандала... къ этому я совершенно не былъ подготовленъ. Меня это потрясло до такой степени, какъ я не предполагалъ, что меня что-нибудь могло такъ потрясти, отнюдь не изъ страха, потому что смертельный ударъ былъ бы для меня благодѣяніемъ въ эту минуту, но потому что въ тоже самое время, какъ эти несчастные издѣвались надо мной и бросали въ меня камнями, я любилъ ихъ и потерялъ вѣру, что эти слои будутъ когда-либо затронуты нашей работой и эти жалкія слѣпыя созданія когда-либо могутъ сдѣлаться людьми, чтобы умѣть отличать друзей отъ враговъ.

Когда полиція остановила, наконецъ, волненіе и я могъ вернуться къ себѣ домой, я почувствовалъ себя разбитымъ и уничтоженнымъ и совершенно не былъ въ состояніи какъ продолжать вести дальше начатую мною борьбу, такъ и жить обыкновенной, животной жизнью, которая окружала меня съ дѣтства. Въ этотъ ужасный часъ ко мнѣ совершенно неожиданно пріѣхала моя мать, съ которой у меня такъ много общаго въ натурѣ. Точно какимъ-то чудомъ встрѣтилъ я ее у моей сестры въ Амстердамѣ. Она осталась со мной весь день и всю ночь, пока, наконецъ, буря не унеслась и я успокоился.

И это только одно изъ тѣхъ многихъ испытаній, которымъ подвергаетъ себя человѣкъ, если онъ. дѣйствительно, любитъ своего ближняго, какъ самого себя, и вѣритъ въ высшую культуру и въ болѣе благородныя человѣческія отношенія, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ настоящее время.

— Я вполнѣ понимаю твое отношеніе,—сказалъ Бертольдъ, стараясь скрыть свое волненіе.—Нелѣпо было съ моей стороны полагаться на мою силу духа, которая совсѣмъ еще не было испробована. Но именно поэтому-то мнѣ и хочется испытать ее.

— Я ждалъ, что ты такъ скажешь,—возразилъ Марталисъ,—но я считалъ своей обязанностью нѣсколько отрезвить тебя, такъ какъ до сихъ поръ тебѣ приходилось сталкиваться только съ лучшими элементами нашего движенія. Можетъ быть, ты согласишься сопровождать меня на будущей недѣлѣ въ моей амтаціонной поѣздкѣ на сѣверъ?

— Разумѣется, очень охотно.

— Я ѣду какъ разъ туда, гдѣ особенно много сторонниковъ Рустина, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости парламентской работы и предостеречь отъ такъ называемой

революціонной тактики, которая считаетъ участіе въ политикѣ совершенно безполезнымъ и только разрушаетъ вмѣсто того, чтобы строить и добиваться самыхъ необходимыхъ реформъ, которыя подготовятъ разумное человѣческое существованіе. Это трудная, неблагодарная работа... ты, впрочемъ, это самъ увидишь. Если изъ многихъ сотенъ слушателей мнѣ удастся убѣдить хотя бы одного, я сочту себя счастливымъ.

— Развѣ же они такъ недоступны доводамъ разума?— нетерпѣливо спросилъ Бертольдъ.—Ребенокъ, мнѣ кажется, долженъ понять, что лучше воспользоваться тѣмъ оружіемъ, которое имѣется въ нашемъ распоряженіи, чѣмъ отказаться отъ него. И развѣ страхъ власть имущихъ расширить избирательное право и дать это оружіе въ руки рабочихъ не служитъ лучшимъ доказательствомъ этому?

Марталисъ не сразу отвѣтилъ. Хотя ему и вполнѣ были понятны слова Маріана, но они доказывали такое полное незнаніе практическихъ разногласій и различныхъ ступеней человѣческой натуры, что онъ отказался отъ попытки разъяснить ему дѣйствительное положеніе вещей.

— Если бы они были способны мыслить въ томъ или другомъ направленіи и давали бы себѣ отчетъ во всѣхъ явленіяхъ, то имъ не нужно было бы и руководителя,—печально сказалъ онъ.—Поэтому задача соціалиста и должно, прежде всего, состоять въ томъ, чтобы сдѣлать изъ рабовъ людей самостоятельныхъ и довести ихъ до сознательности, чтобы типъ „народнаго вождя“ навсегда могъ исчезнуть съ лица земли. Въ концѣ концовъ, Меріанъ, я думаю, что ты поступишь совершенно правильно, если на практикѣ изучишь наше движеніе, съ которымъ ты до сихъ поръ былъ знакомъ только теоретически. Итакъ, будь готовъ къ будущему понедѣльнику, а послѣ нашего путешествія мы еще разъ поговоримъ съ тобой.

* * *

На третій день своего путешествія Марталисъ выступалъ ораторомъ въ маленькой фризской коммунѣ, охватывавшей нѣсколько деревень. Продолговатый, узкій и душный залъ, куда Бертольдъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ, больше походилъ на сарай или конюшню, чѣмъ на залъ для собраній. Сквозь удушливый табачный дымъ едва виднѣлась на другомъ концѣ зала небольшая эстрада, гдѣ стоялъ зеленый столъ предсѣдателя и маленькія керосиновыя лампочки на стѣнахъ тускло освѣщали красноватымъ свѣтомъ грубо сколоченныя деревянныя скамейки. Въ этомъ душномъ залѣ, гдѣ

едва можно было дышать, тѣснилась плотная масса людей. Пришедшіе вначалѣ сидѣли на скамейкахъ, но большая часть присутствовавшихъ стояла вдоль стѣнъ, у входа и на ступенькахъ эстрады. Смутный гулъ громкимъ голосомъ наполнялъ залъ, и среди этого гула слышались голоса разносчиковъ, мальчиковъ лѣтъ 12—16, громко выкрикавшихъ: „Равноправіе!“ три цента! „Заря“ пять центовъ! „Послѣднія судороги капитализма“ два цента! И эти крики звонкихъ, дѣтскихъ голосовъ регулярно повторялись, когда входилъ каждый новый посѣтитель, къ которому они подбѣгали съ этими революціонными листками. Когда маленькій мальчикъ подбѣжалъ къ Бертольду и звонкимъ голоскомъ предложилъ ему „Послѣднія судороги капитализма“, Бертольдъ взялъ экземпляръ и вынулъ кошелекъ. Въ умныхъ, оживленныхъ глазкахъ блѣднаго, худенькаго личика было что-то очень привлекательное, и онъ сунулъ въ грязную ручку цѣлыхъ полгульдена. Мальчикъ недовѣрчивымъ взглядомъ окинулъ монету и „богато-одѣтаго господина“.

— Столько я не могу размѣнять...—сердито сказалъ онъ.—Я еще очень мало продалъ сегодня.

— Это и не нужно. Оставь себѣ все, молодой человѣкъ.

Глаза мальчика просіяли.—Тогда вамъ слѣдуетъ двадцать пять штукъ!—И добросовѣстно отсчитавъ, онъ сунулъ Бертольду въ руки цѣлый пакетъ листковъ.

Немного смущенный своей покупкой, Бертольдъ хотѣлъ сказать мальчику:—Оставь у себя и листки, и деньги...— Но потомъ онъ передумалъ. Вѣдь мальчикъ не просилъ милостыни, и онъ не долженъ былъ его такъ унижать. Между тѣмъ, мальчикъ, повидимому, замѣтилъ его нерѣшительность.

— Вы можете ихъ раздать дома!—быстро сказалъ онъ ему.—Тамъ прекрасная передовая статья, вы сами увидите.

И съ этими словами онъ исчезъ среди толпы, и голосъ его уже снова раздавался въ хорѣ другихъ голосовъ, тогда какъ Бертольдъ съ своими двадцатью пятью экземплярами „Послѣднихъ судорогъ капитализма“ въ рукѣ напрасно искалъ глазами себѣ мѣста. Съ трудомъ пробрался онъ впередъ и сталъ у стѣны, вблизи эстрады.

Онъ присутствовалъ теперь уже на третьемъ народномъ собраніи, и былъ поэтому знакомъ съ нѣкоторыми подробностями такихъ собраній. Но здѣсь онъ въ первый разъ попадалъ въ такую бѣдную обстановку. Сегодня вечеромъ въ этомъ убогомъ помѣщеніи не видно было ни одного праздничнаго платья, какъ въ другихъ болѣе состоятельныхъ мѣстностяхъ. Сюда приходили рабочіе прямо отъ станка или отъ чана съ известкой и отъ пылающаго горна, въ де-

ревянныхъ башмакахъ и въ засаленныхъ рабочихъ курткахъ, усталые и отирая пестрыми носовыми платками крупныя капли пота со лба.

Молодыхъ людей, крѣпкихъ и мускулистыхъ фигуръ съ открытой шеей Бертольдъ насчиталъ очень немного; у огромнаго большинства, въ ихъ худыхъ, чахоточныхъ лицахъ и усталыхъ глазахъ видны были слѣды сильнаго истощенія, тяжелой борьбы за существованіе и преждевременной старости.

Наблюдая теперь всѣ эти грязныя, грубо разговаривающія и тупыя существа въ образѣ людей, съ которыми онъ никогда не входилъ въ общеніе, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, и отмѣчая на многихъ лицахъ животное выраженіе и наглый блескъ глазъ подъ темными козырьками фуражекъ, Бертольдъ не чувствовалъ теперь никакого отвращенія, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ видѣлъ амстердамскую чернь во всей ея неприглядной наготѣ. На этотъ разъ онъ чувствовалъ только огорченіе и стыдъ,—стыдъ за то, что онъ самъ, хорошо одѣтый и хорошо упитанный, въ полномъ развитіи своего ума и тѣла, находился теперь среди людей, съ самой ранней юности задавленныхъ тѣлесно и духовно,—стыдъ, потому что въ эту минуту онъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ, что всѣ окружающіе его общественные рабы изъ поколѣнія въ поколѣніе, постоянно гонимые голодомъ, пахали и копали, пилили и кололи, строили и ковали для того, чтобы доставить ему и ему подобнымъ,—привилегированнымъ случайностью рожденія,—то, чѣмъ онъ считалъ себя вправѣ такъ гордиться.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что Марталисъ далъ ему знакъ съ эстрады. Онъ подошелъ къ нему; Марталисъ нагнулся черезъ предсѣдательскій столикъ и шепнулъ ему:

— Тебѣ тамъ такъ жарко и тѣсно... ты, можетъ быть, поднимешься сюда? Ты вполнѣ можешь остаться съ нами.

Бертольдъ отрицательно покачалъ головой и вернулся на свое мѣсто. Онъ, молодой, сильный, здоровый, будетъ удобно сидѣть, тогда какъ бѣдные, измученные люди, отработавшіе шестнадцать часовъ, должны простоять весь вечеръ! Еще этого недоставало! Онъ не хотѣлъ убѣгать отъ спертаго воздуха, давившаго ему грудь, и отъ непосредственнаго соприкосновенія со всей этой нищетой и грубостью. Онъ, жаловавшійся раньше на то, что высшій, тоньше организованный классъ людей долженъ былъ дышать на улицахъ однимъ воздухомъ „съ чернью“, намѣренно хотѣлъ теперь остаться въ ея средѣ, рука объ руку съ ней и смотрѣлъ на это маленькое, физическое самоотреченіе, какъ на нѣкоторый символъ счастливой побѣды надъ сво-

имъ моральнымъ отвращеніемъ, которое могло еще, можетъ быть, вернуться къ нему,—побѣды, которую Марталисъ считалъ не по силамъ ему.

Прошло довольно много времени, пока не началось собраніе. Очевидно, ждали предсѣдателя. Бертольду много было, чего посмотрѣть и понаблюдать, чтобы это ожиданіе успѣло надоѣсть ему. Кромѣ того, Марталисъ уже указалъ ему, что здѣсь, гдѣ огромное большинство было на сторонѣ Рустина, его ждала особенно трудная задача. Поэтому Бертольдъ внимательно прислушивался къ разговорамъ, которые велись кругомъ него и которые поразили его своимъ знаніемъ дѣла въ политической и общественной области, несмотря на всю грубость и неотесанность окружавшей его публики. Нѣкоторое движеніе среди начинавшей терять терпѣніе толпы возвѣстило, наконецъ, прибытіе предсѣдателя. У входа въ залъ показалась коренастая фигура рабочаго; онъ быстрыми шагами прошелъ между раздвинувшимися рядами къ предсѣдательскому столику и подалъ руку Марталису. Повидимому, это былъ каменщикъ, только что оставившій свой чанъ съ известкой. На немъ была изношенная, покрытая бѣлыми пятнами куртка, одѣтая поверхъ рабочей блузы, а отъ первоначальнаго цвѣта его фуражки не осталось и слѣда. Бросивъ ее въ уголъ, онъ сѣлъ къ зеленому столу, и Бертольдъ увидѣлъ передъ собой мужчину, лѣтъ тридцати пяти, съ широкимъ, умнымъ лицомъ, покраснѣвшимъ теперь отъ жара и отъ усталости. Интеллигентнымъ взглядомъ спокойно окинулъ онъ публику и нѣсколькими энергичными ударами молотка заставилъ ее смолкнуть. Затѣмъ въ залѣ раздался его громкій и звучный голосъ:

„Уважаемое собраніе!

Какъ вамъ извѣстно, бюро нашего ферейна пригласило Марталиса изъ Дельфина выступить среди насъ ораторомъ. Онъ сдѣлаетъ докладъ о необходимости политической борьбы. Марталисъ слишкомъ хорошо намъ всѣмъ извѣстенъ, чтобы мы определѣнно не знали, чего намъ ждать отъ него. Я хочу этимъ сказать только то, что онъ—не во всѣхъ, правда, отношеніяхъ—стоитъ на нашей сторонѣ, но своими словами и поступками достаточно доказалъ свое горячее участіе въ жизни партіи.

На этомъ основаніи я приглашаю всѣхъ присутствующихъ, и особенно тѣхъ, кто является принципіальными противниками докладчика, не прерывать его реферата, но сдѣлать свои возраженія во время дебатовъ, когда каждый желающій можетъ получить слово и высказать свое мнѣніе. Во время же его рѣчи не должно быть никакихъ перерывовъ. Я надѣюсь, рабочіе Шотервема, что вы всѣ безъ исключе-

нія достаточно развиты, чтобы уважать право каждаго имѣть свое собственное мнѣніе, и этимъ, по возможности, облегчите мнѣ мою задачу предсѣдателя! Затѣмъ я открываю собраніе и даю слово Марталису".

Марталисъ выступилъ впередъ съ нѣсколькими записками въ рукахъ и началъ въ общихъ и широкихъ чертахъ рисовать соціалистическое движеніе и указалъ на то, что хотя это міровое движеніе уже нѣсколько столѣтій тому назадъ предчувствовалось великими и благородными умами и геніальными мыслителями, но въ своей современной формѣ оно вылилось не изъ абстрактныхъ этическихъ понятій, а изъ самой сущности экономическихъ явленій. Онъ описалъ, какъ прежняя система абсолютной свободы, вслѣдствіе постоянной концентраціи капитала, приняла такую форму, что изъ этого возникла самая ужасная тиранія и самое деспотическое господство немногихъ. Земля, а также и всѣ средства производства, попали, въ концѣ концовъ, въ руки нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ, и, такимъ образомъ, крестьянинъ отдѣлился отъ земли, а рабочій—отъ своихъ средствъ производства. Такимъ путемъ образовалась постоянно все увеличивающаяся армія наемныхъ рабовъ, которыхъ раздавливаютъ колеса капиталистической системы; а это ведетъ ко все большей роскоши и избытку для немногихъ и ко все болѣе невыносимымъ страданіямъ и ко все болѣе жестокой нищетѣ для огромнаго большинства. Затѣмъ онъ разсмотрѣлъ безсовѣстные, ростовщическіе барыши крупныхъ промышленниковъ, биржевыхъ и всякихъ другихъ спекулянтовъ, князей капитала, тогда какъ заработная плата остается попрежнему низкой и даже еще болѣе понижается, благодаря упадку мелкихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, которые въ борьбѣ съ своими могущественными конкуррентами вынуждены возможно дешевле покупать всегда имѣющуюся въ избыткѣ рабочую силу.

Онъ обрисовалъ капиталистическую систему, какъ огромное, ужасное чудовище, которое питается лучшими силами націи: подобно минотавру, пожиравшему, по древнимъ преданіямъ, самыхъ благородныхъ аѳинскихъ юношей. Онъ разсказалъ, какимъ образомъ мелкіе производители, работающіе собственнымъ капиталомъ и сами ведущіе свое предпріятіе, постепенно погибаютъ, потому что они не могутъ бороться съ денежными тузами, господствующими надъ всѣмъ рынкомъ. Такимъ образомъ, свободная, либеральная система, дѣтище одного изъ самыхъ важныхъ періодовъ развитія нашей культуры и составляюшая необходимое звено ея, является въ послѣднемъ счетѣ чистѣйшимъ деспотизмомъ. Поэтому и принципъ свободной конкурренціи со сво-

имъ закономъ спроса и предложенія существуетъ только по имени. По мѣрѣ того, какъ крупные капиталисты расширяютъ свое могущество и своими синдикатами, картелями и трестами все болѣе и болѣе эксплоатируютъ покупателей и потребителей, они дѣлаютъ систему такъ называемой свободной конкурренціи пустой мечтой, потому что, благодаря этимъ договорамъ, распространяющимся иногда на нѣсколько странъ, какой-нибудь своей статьей обязывающихъ производителей не продавать своихъ товаровъ ниже опредѣленно-установленнаго тарифа,—они могутъ произвольно поднимать цѣны. Въ Соединенныхъ Штатахъ эта охранительная система приняла такіе размѣры, что уже всѣ самыя необходимыя средства къ жизни, какъ хлѣбъ, мясо, сахаръ, топливо и т. п. находятся въ распоряженіи трестовъ. А большой керосиновой трестъ, охватившій чуть ли не весь земной шаръ и такъ поднимающій все время цѣны, что владѣльцамъ его текутъ милліарды, могъ бы служить указаніемъ того, какъ пойдетъ и дальше дѣло со всѣми предметами ежедневнаго потребленія.

Онъ съ минуту остановился и на общественномъ явленіи возрастающей роскоши однихъ и возрастающей бѣдности другихъ. Чѣмъ больше исчезаетъ мелкое производство,—совмѣстная работа въ одной мастерской мастера со своими подмастерьями,—и чѣмъ больше расширяется крупное производство съ развивающейся на немъ системой выпотѣнія и понижаетъ заработную плату, тѣмъ большую роскошь могутъ себѣ позволить предприниматели со сравнительно небольшимъ количествомъ денегъ, потому что человѣческая рабочая сила, этотъ единственный источникъ всякой мѣновой стоимости, благодаря вытѣсняющимъ ее машинамъ, имѣется въ такомъ избыткѣ, что очень часто продается прямо за гроши.

Безработица относится къ самымъ отвратительнымъ наростамъ капитализма, потому что машины, съ своей неограниченной производительной силой, вмѣсто того, чтобы быть направленными ко благу всего человѣчества, облегчать трудъ рабочаго народа и дѣлать его существованіе прекраснѣе, благороднѣе и человѣчнѣе, осуждаютъ его только на безработицу, на недостатки и на голодную смерть, потому что машины служатъ только отдѣльнымъ лицамъ и принадлежатъ немногимъ привилегированнымъ, которые обогащаютъ только самихъ себя, тогда какъ назначеніе этихъ желѣзныхъ рабовъ состоитъ въ томъ, чтобы служить всѣмъ, облегчать трудъ человѣческихъ рабовъ прежнихъ временъ, сокращать рабочій день и доставлять обществу избытокъ продуктовъ.

Но этого мы не видимъ. Именно вслѣдствіе неограниченной производительности, три четверти человѣчества терпитъ нужду и исключается изъ пользованія произведенными предметами, потому что цѣль фабрикантовъ состоитъ не въ томъ, чтобы производить, а въ томъ, чтобы создавать рыночныя цѣнности и получать барыши. Слѣдовательно, то, что должно быть цѣлью, сдѣлалось такимъ образомъ средствомъ, и наоборотъ. На этомъ же основаніи могло также случиться и то, что суконныя фабрики должны были сократить свое производство, вслѣдствіе недостатка сбыта продуктовъ, тогда какъ у населенія не хватаетъ необходимой одежды, чтобы защитить себя отъ холода; ни одинъ фабрикантъ не стремится къ тому, чтобы создавать своими машинами полезные для общества товары, но заботится только о томъ, чтобы доставить ихъ столько на рынокъ, сколько принесетъ наибольшую личную прибыль. Слѣдовательно, его личный интересъ требуетъ умѣреннаго производства по высокимъ цѣнамъ, причемъ тѣмъ, кто обладаетъ наименьшей покупательной способностью, приходится, конечно, отказаться отъ товаровъ. Въ этомъ же и лежитъ причина происхожденія картелей, то есть такихъ регулирующихъ производство союзовъ, которые въ свою очередь, просто уничтожаютъ понятіе: свободный трудъ и свободная конкурренція.

Благодаря всѣмъ этимъ чисто-экономическимъ вліяніямъ и явленіямъ, конкурренція начала уже падать, и капиталистическое производство медленно вырастаетъ въ коллективистическую систему, въ которой какъ разъ наоборотъ,— трудъ будетъ господствовать надъ капиталомъ, общій интересъ будетъ совпадать съ интересомъ каждаго отдѣльнаго лица, и машины, наконецъ, тоже станутъ служить человѣческимъ потребностямъ. Большія, центральныя управленія съ безчисленнымъ количествомъ отдѣловъ будутъ тогда регулировать производство по потребностямъ всѣхъ, и каждый будетъ работать для всѣхъ и въ то же время для самого себя. Болѣе логическаго примѣненія поставленнаго либеральнымъ ученіемъ во главу угла человѣческаго эгоизма нельзя, кажется, и придумать.

Къ обычно-приводимымъ противъ коллективистическаго способа производства возраженіямъ относится какъ разъ указаніе на то, что въ случаѣ, если общество возьметъ въ свои руки производство, то нужно опасаться самой безудержанной государственной тираніи и угнетенія со стороны цѣлой арміи должностныхъ лицъ. Это, въ свою очередь, указываетъ на то, какъ трудно обыкновенному, среднему человѣку отдѣлаться отъ мысли о существующемъ современномъ государствѣ, о всемогущемъ исполнителѣ воли

нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ и представить себѣ такое распредѣленіе занятій въ обществѣ, при которомъ каждому такъ называемому „угнетаемому“ не возбранялась бы, въ свою очередь, сдѣлаться „угнетателемъ“, и наоборотъ. Единственную власть, которая тогда будетъ существовать, можно будетъ приблизительно сравнить съ властью предсѣдателя, которому добровольно подчиняется всякое собраніе или всякая политическая организація, потому что такимъ образомъ лучше всего охраняются общіе интересы.

Подобнаго рода, говорящія о духовной бѣдности, возраженія являются соломинками, за которую хватаются теперь привилегированные, потому что само собой разумѣется,— тутъ, наконецъ, онъ приблизился къ самой сущности вопроса,—тѣ, кто пользовались привилегіями современнаго способа производства, всегда старались со всей силой своей алчности защищать его и поэтому всѣ тѣ, кто имѣетъ посредственное или непосредственное вліяніе на ходъ вещей, никогда добровольно не откажутся отъ своихъ привилегій.

Перечисляя существующія привилегіи, онъ вспомнилъ о желѣзнодорожныхъ контрактахъ, вызвавшихъ цѣлую бурю негодованія во всей странѣ, затѣмъ о субсидіяхъ пароходчикамъ, о преміяхъ на сахаръ и тому подобныхъ правительственныхъ предложеніяхъ, которыя давали привилегіи отдѣльнымъ лицамъ за счетъ всей націи, и рѣзко подчеркивали какъ алчность привилегированныхъ, такъ и деморализацію въ современномъ государствѣ. Поэтому, толчокъ къ освобожденію долженъ исходить отъ самаго класса угнетенныхъ, какъ это уже и было въ теченіе всей исторіи. Классовая борьба представляетъ собой явленіе всѣхъ вѣковъ, хотя и въ постоянно измѣняющихся формахъ. Во всѣ времена привилегированные все болѣе злоупотребляли своей властью, пока, наконецъ, мѣра терпѣнія не переполнялась, и жертвы, какъ одинъ человѣкъ, не поднимались противъ своихъ угнетателей. Во всѣхъ этихъ историческихъ явленіяхъ споръ шелъ не о лицахъ, а о сословіяхъ, но, къ сожалѣнію, это очень часто не принималось во вниманіе. Кто умѣетъ наблюдать, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, и давать себѣ во всемъ отчетъ, тотъ придетъ къ убѣжденію, что господствующіе, какъ индивидуумы,—за очень немногими исключеніями,—точно такъ же были безсильны противъ массоваго вліянія эволюціи исторіи, какъ и сами угнетенные.

Но какія же средства слѣдуетъ примѣнить, чтобы ускорить экономическую и соціальную эволюцію, которая такъ ясно указываетъ на уничтоженіе частной собственности и на

приближеніе коллективнаго производства? Какимъ образомъ можно устранить реакціонныя вліянія, служащія евангеліемъ алчности, препятствующія здоровому, нормальному развитію общественнаго организма и вызывающія опасность кроваваго переворота? Кто не ослѣпъ, тотъ не можетъ сомнѣваться въ будущемъ. Дѣло только въ томъ, чтобы содѣйствовать болѣе медленному или быстрому ходу событій и именно затѣмъ, чтобы подробнѣе высказаться по этому поводу, онъ и явился сегодня вечеромъ въ это собраніе.

Затѣмъ Марталисъ помолчалъ минуту и серьезнымъ взоромъ окинулъ сотни окружающихъ его слушателей, которые въ высшей степени внимательно слѣдили за всѣми его доводами, хотя и не разъ уже слышали ихъ отъ другихъ. До сихъ поръ, въ теченіе всего реферата, царило величайшее спокойствіе, но теперь какое-то недовольство овладѣло большею частью присутствующихъ. Всюду слышалось перешептыванье, такъ какъ, повидимому, подошла самая важная часть его реферата.

Во взорахъ многихъ свѣтилось что то враждебное, коекто дѣлалъ другъ другу знаки, и предсѣдателю пришлось ударами молотка и своимъ звучнымъ голосомъ возстановить спокойствіе.

— Намъ всѣмъ извѣстно, — продолжалъ Марталисъ, — такъ какъ исторія давно уже это намъ доказала, — что ни одинъ привилегированный классъ, ни одна категорія лицъ еще никогда сама не освобождала своихъ жертвъ. И причиной этого является не чья-нибудь личная злая воля, но скорѣе законъ природы. Поэтому толчокъ долженъ исходить отъ самихъ угнетенныхъ. „Народъ рабовъ заслуживаетъ правительство тирановъ!“ Это выраженіе Франклина вѣрно какъ для того времени, такъ и теперь, и на всѣ времена. Мы теперь находимся въ самомъ центрѣ классовой борьбы и всѣ глубоко убѣждены въ томъ, что, наряду съ экономическимъ подъемомъ рабочихъ, ихъ духовное и нравственное развитіе тоже должно служить орудіемъ. Только умственная сила и даетъ нѣсколькимъ сотнямъ господство надъ тысячами и десятками тысячъ, потому что, по своей численности, вы должны устанавливать законы На этомъ основаніи и всѣ высшія учебныя заведенія закрыты для васъ, хотя вы сами строите ихъ и оплачиваете ихъ содержаніе. Но, несмотря на это, на всемъ земномъ шарѣ піонеры культуры работаютъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать также и для васъ доступными сокровища науки и всѣ вѣками собранныя богатства духа и интеллекта, чтобы, наконецъ, и на васъ оправдалась древняя истина: „Знаніе есть сила!“

Деньги—это служеніе мамону и его вліяніе на законо-

дательство — *представляетъ собой насиліе*... а насиліе есть проявленіе слабости и можетъ быть всегда побѣждено. Напротивъ же, знаніе есть воплощеніе силы, а сила никѣмъ не можетъ быть побѣждена, потому что она постоянна и вѣчна.

Освободительные лозунги: „Знаніе есть сила" и „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" звучатъ намъ со всѣхъ сторонъ, но этого еще недостаточно. Въ вашемъ распоряженіи имѣется еще и другое оружіе и нужно только использовать его наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ. Какимъ же образомъ должно это произойти? Должны ли мы исключительно отдаться такъ называемой революціонной и разрушительной тактикѣ, или мы должны попытаться постепенно завоевать ту область, въ которой господствующій классъ имѣетъ полную возможность поддерживать современныя, позорныя для человѣка, условія существованія?

Никто не станетъ оспаривать пользы и необходимости экономической борьбы, основанія профессіональныхъ союзовъ, какъ въ Англіи, организаціи съ большими средствами забастовокъ, а также и самыхъ различныхъ формъ кооперативныхъ товариществъ, — они признаются рѣшительно всѣми. Но кромѣ этихъ экономическихъ средствъ, въ нашемъ распоряженіи еще имѣются и политическія средства борьбы, и если бы мы оставили ихъ неиспользованными, то мы дали бы пищу реакціи и были бы повинны въ самыхъ роковыхъ упущеніяхъ".

Нѣсколько свистковъ и шиканье, тотчасъ же остановленные предсѣдателемъ, прервали рѣчь Марталиса. Но такъ какъ тотъ былъ готовъ къ подобнаго рода демонстраціи, то онъ спокойно продолжалъ дальше и широкими штрихами очертилъ всѣ выгоды участія въ выборахъ, а также и присутствія соціалистовъ въ парламентѣ, гдѣ каждое сказанное въ интересахъ партіи слово будетъ услышано всѣмъ народомъ; гдѣ они могли бы содѣйствовать проведенію необходимыхъ реформъ и бороться противъ законопроектовъ, благодаря которымъ государственная казна обогащала только отдѣльныхъ лицъ за счетъ націи. Въ доказательство своихъ словъ онъ опирался на очень большой статистическій матеріалъ и на цѣлый рядъ фактовъ и въ концѣ концовъ указывалъ на то, что постоянное взаимодѣйствіе обоихъ методовъ борьбы сильно увеличитъ эволюціонныя силы и, кромѣ того, парламентская дѣятельность доставитъ рабочимъ делегатамъ случай развиваться много разностороннѣе и гораздо лучше изучить множество вопросовъ соціальной практики, чѣмъ это имъ возможно сдѣлать теперь.

Снова съ различныхъ сторонъ послышались возгласы,

но благодаря энергичному веденію собранія предсѣдателемъ, который хотя и принадлежалъ самъ къ революціонному нанаправленію, но все-таки уважалъ мнѣніе оратора, Марталисъ могъ, хотя и съ большимъ трудомъ, довести до конца свой рефератъ. Огромное большинство становилось все недовольнѣе, и послѣдвія слова оратора совершенно потерялись среди возрастающаго шума и свистковъ.

Бертольдъ облегченно вздохнулъ, когда неровная борьба одного противъ всѣхъ, наконецъ, окончилась. Краска негодованія бросилась ему въ лицо. Какимъ безсмысленнымъ и нелѣпымъ казалось ему это гнѣвное возбужденіе и враждебное отношеніе по отношенію къ тому человѣку, который, по существу, стоялъ все-таки рядомъ съ ними и уже въ теченіе многихъ лѣтъ словами и поступками доказывалъ свое глубокое участіе къ ихъ тяжелому положенію и свою преданность ихъ интересамъ. Его большіе, мечтательные и затуманившіеся теперь отъ этихъ мыслей глаза видѣли предъ собой много лицъ, въ которыхъ ярко выражался животный инстинктъ, составлявшій ихъ единственный жизненный импульсъ. Дѣйствительность, о которой никакое описаніе не можетъ дать даже приблизительно-правильнаго понятія, сильно ударила его по нервамъ, и, незамѣтно для него самого, въ его душу предательски закралось чувство отвращенія и вытѣснило всѣ высокія и чистыя мысли, которыя охватили его сначала. Этотъ стройный, аристократическій силуэтъ тамъ на эстрадѣ, эти черты, свидѣтельствующія о такой духовной и нравственной утонченности, среди окружавшаго ихъ одичанія и грубости были для него прообразомъ самаго высшаго, человѣческаго сравнительно съ первобытными инстинктами нашихъ предковъ. Онъ вдругъ конкретно понялъ весь титаническій трудъ реформатора,— трудъ, который требовалъ цѣлые вѣка самоотверженности и твердой вѣры и который можетъ принести пользу только грядущимъ поколѣніямъ.

Разсѣянно блуждавшіе, подъ вліяніемъ этихъ мыслей и ощущеній, глаза его случайно встрѣтились съ глазами Марталиса, пристально смотрѣвшаго на него, и тутъ онъ вдругъ вспомнилъ объ ихъ разговорѣ... о сомнѣніи, которое высказывалъ Марталисъ насчетъ его стойкости и силы воли и онъ снова почувствовалъ стыдъ, на этотъ разъ за свое малодушіе, и онъ постарался самъ себя утѣшить, нарисовавъ себѣ, какъ могли бы измѣниться присутствующіе здѣсь люди, на протяженіи только одного поколѣнія, при хорошемъ физическомъ уходѣ, при духовной культурѣ и нравственномъ развитіи. Если бы только возможно было попытаться сдѣлать это!

Но что же тамъ теперь дѣлается? что случилось?

Среди присутствующихъ было замѣтное движеніе. Сначала сзади, у входа послышался подавленный ропотъ, который заставилъ многихъ встать и, вытянувъ шеи, оглянуться назадъ, затѣмъ поднялось безконечное ликованіе сотенъ глотокъ и привѣтственное маханіе руками и фуражками.

— Что же тамъ такое случилось?—спросилъ Бертольдъ стараго, слабаго, одѣтаго въ черное кузнеца, который всталъ рядомъ съ нимъ на скамейку.

— Бальтіанъ Рустинъ сейчасъ вошелъ. Тамъ, тамъ вонъ стоитъ онъ, у двери. Онъ нарочно пріѣхалъ сюда изъ Амстердама, чтобы принять участіе въ дебатахъ.—Затѣмъ этотъ довольно старый уже на видъ человѣкъ, съ воспаленными глазами и такой согнутый, что онъ не могъ уже прямо стоять, подошелъ къ группѣ людей, съ которыми и вступилъ въ оживленный разговоръ. И Бертольдъ, который былъ достаточно высокъ, чтобы смотрѣть поверхъ всѣхъ, увидѣлъ прижатую большой толпой къ стѣнѣ сѣдую голову съ изящнымъ профилемъ и тонкими чертами лица; это была настоящая голова апостола или пророка, съ серьезнымъ и печальнымъ выраженіемъ лица, но все-таки съ легкой улыбкой на губахъ по поводу неожиданно-устроенной ему оваціи, которой, казалось, не предвидѣлось и конца.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ предсѣдатель попытался сильными ударами молотка успокоить толпу, но тщетно—возбужденіе не утихало.

Тогда Рустинъ самъ жестомъ пригласилъ присутствующихъ къ повиновенію предсѣдателю, и это произвело желаемое впечатлѣніе. Высоко поднявшіяся волны возбужденія стихли, большинство снова заняло свои мѣста и съ насмѣшливымъ злорадствомъ смотрѣло на Марталиса, который съ наружнымъ спокойствіемъ слѣдилъ за происходившимъ и время отъ времени обмѣнивался съ предсѣдателемъ нѣсколькими словами.

Предсѣдатель стоялъ весь красный и стучалъ своимъ молоткомъ, такъ какъ все еще не было настолько спокойно, чтобы можно было говорить.

— Было бы гораздо лучше, если бы вы поберегли свои легкія для дебатовъ, которые давно должны были бы уже начаться!—крикнулъ онъ, наконецъ, громовымъ голосомъ.—Что всѣ мы очень рады видѣть среди насъ нашего друга Рустина,—разумѣется вѣдь само собой. Точно также нѣтъ никакой необходимости особенно подчеркивать, что мы ему очень благодарны за то, что онъ сегодня пріѣхалъ къ

намъ. И если вы будете орать хоть до разсвѣта, большей благодарности вы ему этимъ все-таки не выскажете,— ну, и кончено! Потомъ, я хотѣлъ еще замѣтить, что свистки, шиканье и оранье—вовсе не аргументы, и для дебатовъ, которые должны быть поучительны для всѣхъ насъ, это вовсе не годится. Поэтому я приглашаю всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ выставить какіе-нибудь аргументы противъ оратора, записаться у меня, чтобы мы могли начать дебаты.

Наступило мертвое молчаніе. Предсѣдатель оглядѣлъ публику и повторилъ свой вопросъ:— Кто же желаетъ принять участіе въ дебатахъ?

— Предсѣдатель, я прошу слово!—раздался тогда мелодичный голосъ изъ глубины залы.

Снова разразился всеобщій взрывъ радости, а затѣмъ снова все смолкло.

— Кто желаетъ еще слово?

Поднялся одинъ рабочій.

— Предсѣдатель, я имѣлъ намѣреніе принять участіе въ дебатахъ, но такъ какъ слово беретъ Рустинъ, то я отказываюсь.

— И я! и я тоже!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Тогда я даю слово Бальтіану Рустину.

Рустинъ быстрыми шагами прошелъ впередъ и съ юношеской легкостью вбѣжалъ по ступенькамъ эстрады.

— Товарищи!

Я счелъ своею обязанностью явиться сегодня на ваше собраніе, гдѣ должна была обсуждаться необходимость политической борьбы, и выступить на защиту моихъ взглядовъ. Правда, я не слыхалъ рѣчи оратора, но такъ какъ я хорошо знакомъ съ ея направленіемъ, то я хочу еще разъ предупредить васъ отъ тѣхъ опасностей, которыя вамъ предстоятъ въ давно уже зягрязненномъ руслѣ политическихъ движеній.

Прежде всего я хочу вамъ указать на самую серьезную опасность,—на то, что вы своимъ участіемъ будете укрѣплять и поддерживать обветшавшіе порядки, которые должны быть сметены. Государство является отраженіемъ существующаго общества. Общество образуетъ государство, а не государство общество, какъ это все еще продолжаютъ думать. Всякое измѣненіе экономическихъ условій отражается на этомъ представляющемъ внѣшнюю сторону жизни организмѣ. Законы не идутъ впереди общественныхъ условій, но только санкціонируютъ ихъ и укрѣпляютъ правительственную власть и господствующую общественную систему.

И вотъ, честные и неиспорченные рабочіе должны безоружными и беззащитными попасть въ колесо государствен-

кой машины, которая раздавитъ ихъ на-смерть, прежде чѣмъ у нихъ будетъ время какъ слѣдуетъ осмотрѣться!

Или даже—и это будетъ еще гораздо хуже—рабочіе примутъ участіе въ парламентской работѣ и въ борьбѣ съ мертвящимъ вліяніемъ интригъ, компромиссовъ и подкуповъ, которые окончательно губятъ самую даже сильную индивидуальность, они будутъ пытаться влить новую свѣжую жизненную струю въ испорченную политическую атмосферу вмѣсто того, чтобы предоставить существующимъ въ ней зародышамъ разложенія спокойно развиваться дальше и тѣмъ ускорить ея гибель. Каждая новая сила, внесенная въ парламентаризмъ, является новымъ средствомъ для его поддержанія, каждое обновленіе крови въ этихъ зараженныхъ больныхъ жилахъ только замедляетъ его смерть и служитъ къ тому, чтобы продолжить полу-угасшую жизнь. Поэтому, кто призываетъ васъ къ тому, тотъ не другъ рабочимъ, но врагъ ихъ.

Громъ апплодисментовъ прервалъ его рѣчь.

— И не только опасно,—продолжалъ онъ дальше,—но— я знаю это по собственному опыту—безнравственно и гибельно для души и характера принадлежать къ такому собранію людей, которые считаютъ три четверти націи, мандатъ которой они имѣютъ, не людьми, не мыслящими, чувствующими и обладающими правомъ на красоту и радость жизни существами, но просто орудіями производства, живыми машинами, — наряду съ машинами изъ желѣза и стали,—созданными только затѣмъ, чтобы строить дворцы для маленькой кучки привилегированныхъ, ткать ихъ одежду, съ постоянной опасностью жизни добывать каменный уголь изъ нѣдръ земли, чтобы согрѣвать ихъ, или служить двигательной силой для машинъ, производящихъ для нихъ, или для поѣздовъ, которые катятся для нихъ и переносятъ ихъ въ самыя прекрасныя мѣстности земного шара, чтобы искать тамъ еще болѣе тонкихъ наслажденій, чѣмъ тѣ, которыя можетъ имъ доставить ихъ собственная страна.

И въ то же время рабочіе, производящіе всю эту роскошь, должны сами мучиться день и ночь и довольствоваться жалкими, душными лачугами. Мало того, что у нихъ едва хватаетъ платья, чтобы одѣться, пищи, чтобы подкрѣпить свое усталое тѣло, и топлива, чтобы обогрѣться,— имъ приходится еще видѣть, какъ томятся на фабрикахъ и въ мастерскихъ ихъ жены и дѣти для того только, чтобы заработать себѣ жалкій кусокъ хлѣба. А тѣ, кого эти рабочіе кормятъ, одѣваютъ, согрѣваютъ и надѣляютъ всей производимой ими роскошью, считаютъ еще рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми „плебсомъ“, чернью“,

„простонародьемъ“, всякое соприкосновеніе съ которымъ должно считаться оскорбленіемъ ихъ величія.

Снова раздался взрывъ аплодисментовъ.

— Безнравственно,—продолжалъ Рустинъ своимъ звучнымъ голосомъ,—принять мандатъ для такого учрежденія, которое, самымъ безсовѣстнымъ образомъ присвоивъ себѣ большую часть національныхъ имуществъ, безъ всякихъ упрековъ совѣсти принимаетъ въ государствнную казну 24 милліона гульденовъ, собранныхъ отъ злоупотребленія спиртными напитками, — милліоны, которые наше хищническое государство употребляетъ на то, чтобы вести такъ называемую колоніальную политику на востокѣ; безнравственно принимать мандатъ для того учрежденія, которое санкціонируетъ закономъ проституцію, тысячами губитъ вашихъ дочерей и этимъ тщательно охраняетъ чистоту женщинъ, родившихся въ другихъ кастахъ.

Я самъ когда-то былъ настолько наивенъ, что вѣрилъ тому, что въ парламентѣ я могу бороться за свои идеалы, что я буду въ состояніи плыть противъ теченія несправедливости, которое отражаетъ общественная система, что въ этой средѣ голосъ честнаго, человѣческаго чувства найдетъ себѣ откликъ хотя бы въ отдѣльныхъ сердцахъ, что я соберу съ терновника смоквы и превращу самое ядро, душу капиталистической, эксплоататорской системы въ благую силу,—однимъ словомъ, что я сдѣлаю возможнымъ невозможное.

Теперь я исцѣлился отъ этого безумія и хочу убѣдить также и васъ, рабочіе, въ опасности моей прежней ошибки. Отдѣльные борцы за красоту, добро и истину, которые хотѣли бы хотя сколько-нибудь остаться вѣрными себѣ въ такомъ учрежденіи, какъ парламентъ, будутъ просто-напросто совершенно одиноки, и это не будетъ несправедливо, потому что они и не принадлежатъ къ той сферѣ, которая представляетъ собой только капиталистическія стремленія. Государство, въ своей современной формѣ, обречено на гибель.

Деморализирующее вліяніе парламентаризма можетъ только отравить рабочихъ депутатовъ, заглушить въ нихъ духъ протеста и заставить въ нихъ смолкнуть внутренній голосъ, взывающій къ вамъ: „Не разсчитывайте на вашихъ депутатовъ! Не разсчитывайте на этихъ фабрикантовъ законовъ! Освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ!“ Въ самомъ дѣлѣ, серьезныхъ реформъ они такъ же мало могутъ провести, какъ это не въ состояніи были выполнить и соціалистическіе депутаты въ Германіи, сколько ихъ тамъ ни было въ рейхстагѣ.

Съ конца начинать нельзя. Съ тѣнью, съ простымъ отраженіемъ существующихъ экономическихъ и соціальныхъ несправедливыхъ отношеній нельзя бороться съ успѣхомъ.

И поэтому, рабочіе, вы не должны довѣрять тѣмъ, кто заманиваетъ васъ на политическую борьбу, чтобы удовлетворить своему собственному честолюбію, чтобы самимъ войти туда, гдѣ имъ хочется быть затѣмъ, чтобы съ хорошимъ доходомъ сидѣть въ законодательной палатѣ страны и, при случаѣ, блеснуть рѣчью для ослѣпленія простодушныхъ, полагающихся на нихъ, избирателей!

Пусть ни одинъ изъ нашихъ единомышленниковъ никогда не будетъ дышать этимъ испорченнымъ воздухомъ, но каждый пусть полагается только на свои собственныя силы! Развивайтесь, объединяйтесь, основывайте могущественные профессіональные союзы, старайтесь спутать планы капиталистовъ своими забастовками и подготовляйте день всеобщей забастовки! Никогда не забывайте, что вы являетесь единственными производителями цѣнностей, что если вы, приводящіе въ движеніе всѣ колеса цѣлой системы, сложите руки, то капиталисты не будутъ больше пользоваться доходами, торговля и промышленность остановятся, роскошь смѣнится голодомъ, и господа задрожатъ отъ страха въ своихъ дворцахъ! На самомъ дѣлѣ господами являетесь вы, хотя вы и позволили унизить себя до положенія рабовъ. Но еще больше, чѣмъ это возможно голоду, хотятъ изъ васъ тѣ, кто старается васъ убѣдить работать вмѣстѣ съ вашими злѣйшими врагами въ законодательной фабрикѣ страны.

Что сказали бы вы, если бы кто-нибудь захотѣлъ запереть въ одномъ сараѣ волковъ и овецъ?

А между тѣмъ, такое требованіе предъявляется овцамъ.

Но не забывайте никогда, что только волки могутъ такъ обманывать васъ и убѣждать васъ, что только у волковъ ваше благо и ваше спасеніе!

За этими послѣдними словами раздался такой громъ аплодисментовъ, какъ будто стѣны готовы были рухнуть. Они разразились, подобно долго сдерживаемому взрыву страсти и, казалось, что имъ не будетъ конца. Рустинъ сошелъ съ эстрады, сталъ среди толпы и устремилъ взоръ своихъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ горѣлъ огонекъ страсти, на своего врага, на человѣка, который произвелъ расколъ въ партіи. Марталисъ прилежно писалъ во время рѣчи Рустина и приготовился теперь возражать.

Когда шумъ, наконецъ, успокоился, предсѣдатель поставилъ обычный вопросъ, не желаетъ ли еще кто-нибудь слова, и такъ какъ всѣ молчали, то онъ далъ знакъ Марталису.

Марталисъ всталъ и вышелъ впередъ; но едва только онъ открылъ ротъ, какъ оглушительный шумъ заставилъ его смолкнуть.

Честное лицо предсѣдателя сдѣлалось темно-краснымъ отъ гнѣва. Напрасно онъ пытался снова возстановить порядокъ своимъ молоткомъ. Хотя въ залѣ и было нѣсколько человѣкъ, очевидно сторонниковъ Марталиса, которые пытались выразительными жестами заставить смолкнуть шумѣвшую публику, но ихъ было слишкомъ незначительное меньшинство, и возбужденіе достигло своего высшаго пункта. Никто не хотѣлъ больше слушать и, какъ только Марталисъ открывалъ ротъ, чтобы говорить, какъ шумъ снова усиливался.

Но вдругъ случилось нѣчто, что сразу заставило смолкнуть всю толпу.

Неизвѣстный юноша съ темными волосами и большими, печальными глазами однимъ прыжкомъ очутился на эстрадѣ рядомъ съ Марталисомъ и задыхающимся и дрожащимъ отъ волненія голосомъ крикнулъ на всю залу:

— Трусы! Да, вы—трусы!—повторилъ онъ еще разъ, тогда какъ всѣ въ безмолвномъ изумленіи смотрѣли на него.—Въ первый разъ въ моей жизни я нахожусь въ собраніи соціалистовъ,—людей, которые, по крайней мѣрѣ, сами называютъ себя этимъ почетнымъ именемъ, и я не могу уйти отсюда, не высказавъ вамъ того, что вы всѣ, собравшіеся здѣсь, не имѣете никакого права бросать камнемъ въ современное общество или клеймить его!

Въ толпѣ все еще стояла мертвая тишина. Никто не шевелился.

— Потому что общество, которое вы презираете, основано на столь глубоко безнравственномъ „правѣ сильнаго", а здѣсь это право примѣняется точно такимъ же позорнымъ образомъ, какъ и всюду. Здѣсь вы даже идете всѣ вмѣстѣ на одного. Я не могу принять участія въ обсужденіи того, о чемъ говорилось сегодня вечеромъ,—громкимъ голосомъ продолжалъ онъ дальше.—Всякая политика еще совершенно чужда мнѣ. Также мало могу я назвать себя соціалистомъ, потому что я во всю мою жизнь не сдѣлалъ ничего такого, что дало бы мнѣ на это право. Я всѣмъ своимъ сердцемъ люблю и уважаю евангеліе гуманности, которое въ нашемъ столѣтіи извѣстно подъ именемъ соціализма. Но сегодня вечеромъ я научился различать само это евангеліе отъ тѣхъ, кто его проповѣдуетъ. И даже еще больше—я научился сегодня вечеромъ сомнѣваться въ будущемъ осуществленіи этого евангелія, потому что никакой

благородной цѣли нельзя достигнуть низменными, неблагородными средствами. Высшему человѣческому идеалу нельзя служить разжиганіемъ самыхъ низменныхъ страстей. Истинными соціалистами нельзя сдѣлать тѣхъ, у кого систематически хоронятъ вѣру въ человѣческую честность и искренность. Я явился сюда ищущимъ, и я надѣялся получить здѣсь впечатлѣніе красоты и душевнаго благородства, которыхъ нѣтъ въ нашемъ темномъ, варварскомъ обществѣ. Я надѣялся дышать здѣсь болѣе чистой и болѣе духовной атмосферой, чѣмъ тамъ, гдѣ говоритъ только философія сильнаго. Но я глубоко ошибся, и моя потребность въ духовной красотѣ осталась неудовлетворенной.

Всю мелочность, безсмысленность, всякую клевету и заподазриваніе думающаго иначе,—однимъ словомъ, все, что я привыкъ презирать и ненавидѣть въ нашемъ обществѣ,— все это я снова нахожу здѣсь. Вы сами, называющіе себя соціалистами, безчестите свой идеалъ!

Съ этими словами говорившій хотѣлъ снова спуститься въ толпу, какъ вдругъ его кто-то взялъ подъ руку и оттащилъ назадъ.

— Останься здѣсь, Меріанъ, потому что тамъ ты не будешь въ безопасности!—шепнулъ ему Марталисъ среди всеобщаго шума.—Они могутъ теперь побить тебя, такъ какъ ты оскорбилъ ихъ идола.

Бертольдъ, слишкомъ возбужденный, чтобы давать себѣ въ чемъ-нибудь отчетъ, не слышалъ, что ему было сказано, но просто механически повиновался физическому принужденію. И въ тоже время взоръ его встрѣтился со взоромъ Рустина, который все еще стоялъ тамъ и какъ будто съ нѣкотораго рода сострадательной ироніей смотрѣлъ на него.

Но его сверкающіе негодованіемъ глаза не опустились передъ его взоромъ. „То, что я только что сказалъ,—можно было прочесть въ нихъ,—говорилось не для этихъ неразвитыхъ рабочихъ, которыхъ я считаю почти неправоспособными, но для человѣка, который своими словами и своей личностью могъ бы сильно вліять на лучшія стороны людей,—для человѣка, который, вмѣсто того, чтобы создавать себѣ сторонниковъ по своему идеалу, злоупотребляетъ своей властью, чтобы вызывать въ нихъ самые дурные инстинкты“.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Атлантическій океанъ.

Ты здѣсь была, и твой корабль качался
Средь тѣхъ же волнъ, гдѣ нынѣ я плыву.
На волны ты смотрѣла, и остался
Въ нихъ образъ твой, подобный божеству.

Въ полночный часъ въ тоскующей пустынѣ
Я видѣлъ два знакомыхъ мнѣ огня—
Горѣлъ въ нихъ свѣтъ, который я донынѣ
Храню въ душѣ, какъ онъ хранилъ меня.

Въ извивахъ струй, въ ихъ блескѣ и движеньѣ
Я узнаю черты твои легко.
Моя печаль хранитъ ихъ отраженье:
Какъ океанъ, свѣтло и глубоко.

И въ пѣньѣ волнъ я слышу милый голосъ,
Я вновь тебя по имени зову,
И все, что въ снахъ съ сомнѣніемъ боролось,
Очищеннымъ я вижу наяву.

А. Өедоровъ.

Счастливая Австралія.

I.

Общій взглядъ на политическій и соціальный строй Австраліи и Новой Зеландіи.

Австралія, которую мы привыкли видѣть столь небольшой на нашихъ картахъ, на самомъ дѣлѣ немного (на $^{1}/_{5}$) меньше всей Европы. Этотъ значительный материкъ имѣетъ между тѣмъ населеніе, не вполнѣ достигающее пяти милліоновъ, да и то, если мы включимъ въ этотъ счетъ и населеніе Н. Зеландіи, которая отстоитъ отъ материка Австраліи почти на 2000 верстъ и въ политическомъ отношеніи—по крайней мѣрѣ формально—обособлена отъ англійскихъ колоній, находящихся на материкѣ.

Извѣстно, что эти колоніи [1]) недавно (1900) организовали по взаимному соглашенію федеральный союзъ, принявъ за образецъ С. Ам. Соединенные Штаты, но придавъ въ то же время своему политическому строю много очень важныхъ и оригинальныхъ особенностей, которыхъ мы не находимъ въ конституціи Американской Республики [2]).

Федеральное государство, образовавшееся въ Австраліи, приняло названіе „The Australian Commonwealth", т. е. Соедин. Штаты Австраліи; отдѣльныя же колоніи, вошедшія въ федерацію, приняли—по примѣру С.-Амер. республики—названіе „states", т. е., согласно точному значенію этого слова, „государствъ" или, какъ принято у нихъ говорить относительно С.-Американской федераціи, „штатовъ". Принявъ такое громкое названіе взамѣнъ прежняго своего названія „колоній", эти послѣднія хотѣли какъ можно рѣзче подчеркнуть, что, несмотря на образованіе федераціи, каждый изъ входящихъ въ ея составъ членовъ сохранилъ за собой весьма значительную самостоятельность, граничащую съ само-

---

[1]) Новый Южный Валлисъ, Викторія, Куинслэндъ, Южн. Австралія, Зап. Австралія, Тасманія.

[2]) См. обширную статью „Соединенные Штаты Австраліи", которой начинаются наши „Соціологическіе этюды". Спб. 1903 г.

стоятельностью отдѣльныхъ, независимыхъ государствъ, съ каковыми можно съ большимъ основаніемъ сравнивать англійскія автономныя колоніи.

Впослѣдствіи намъ придется еще остановиться на выясненіи этой стороны политическаго строя Австраліи, теперь же отмѣтимъ лишь, что Нов. Зеландія не пожелала войти въ Австралійскую Федерацію и продолжаетъ попрежнему свою совершенно самостоятельную жизнь, такъ какъ связь ея съ метрополіей имѣетъ въ значительной мѣрѣ формальный характеръ.

Однако, хотя Н. Зеландія оффиціально, юридически не входитъ въ составъ Австралійской Федераціи, тѣмъ не менѣе, по существу, между штатами этой федераціи и Н. Зеландіей существуетъ значительная матеріальная и духовная связь: какъ на материкѣ Австраліи, такъ и въ Н. Зеландіи, мы находимъ приблизительно одинаковыя политическія и соціальныя учрежденія, причемъ какъ материковые штаты, такъ и Н. Зеландія слѣдятъ съ неослабнымъ вниманіемъ за тѣми любопытными и важными опытами въ области политики и государственнаго хозяйства, которые составляютъ отличительную особенность общественной жизни нашихъ антиподовъ за послѣднюю четверть вѣка [1]).

Поэтому мы въ послѣдующемъ своемъ изложеніи, говоря объ Австраліи вообще, будемъ разумѣть, вообще говоря, и Н. Зеландію, т. е. будемъ поступать такъ, какъ поступаютъ обыкновенно англичане, хотя у нихъ имѣется даже особый географическій терминъ— Австралазія, который они употребляютъ, когда хотятъ указать въ точности, что то или иное утвержденіе относится не только къ материку Австраліи, но и всѣмъ близкимъ и далекимъ островамъ,—включая и Н. Зеландію,—окружающимъ Австралію.

Въ чемъ же заключается эта общность между всѣми штатами Австраліи и Н. Зеландіей? Что составляетъ характерную особенность политическаго и соціальнаго міра нашихъ антиподовъ?

Таковой особенностью несомнѣнно слѣдуетъ считать передовой, въ высшей степени прогрессивный характеръ политическихъ и соціальныхъ учрежденій Австраліи. Въ Австраліи осуществлены многія политическія и соціальныя реформы, которыя въ большинствѣ европейскихъ государствъ, не исключая самой Англіи, составляютъ пока предметъ пожеланій болѣе или менѣе значительныхъ слоевъ населенія. Въ Австраліи, вообще говоря, политическія права предоставлены всему взрослому населенію, т. е. мужчинамъ и женщинамъ, причемъ, вообще говоря, избирательный законъ не вводитъ въ этотъ принципъ сколько-нибудь серьезныхъ ограни-

---

[1]) Что касается матеріальной связи между штатами Австралійской Федераціи и Н. Зеландіей, то связь эта выражается въ извѣстномъ,—правда, не очень значительномъ,—товарообмѣнѣ между ними.

ченій: не требуетъ, напр., продолжительнаго пребыванія избирателей въ избирательномъ участкѣ и т. п.

Во всѣхъ штатахъ Австраліи мы находимъ, далѣе, парламентарный режимъ, причемъ губернаторъ [1]) играетъ тамъ роль строго-конституціоннаго монарха, предоставляющаго фактически всю власть министерству, отвѣтственному передъ народными представителями и въ довѣріи этихъ послѣднихъ почерпающаго весь свой авторитетъ. Однимъ словомъ,—въ политическомъ отношеніи всѣ штаты Австраліи, какъ и самая федерація, представляетъ наиболѣе прогрессивныя, наиболѣе передовыя демократіи современнаго міра, хотя формально онѣ и находятся въ связи съ Великобританскимъ Королевствомъ.

Если мы обратимся теперь къ соціальному укладу Австраліи, то мы увидимъ тамъ въ качествѣ обыкновеннаго явленія восьмичасовой рабочій день, государственное пенсіонированіе всѣхъ стариковъ и старухъ, обязательную передачу разногласій рабочихъ и предпринимателей въ особыя примирительныя комиссіи, гдѣ обѣимъ сторонамъ обезпечено одинаковое представительство. Во всѣхъ штатахъ Австраліи мы найдемъ очень обширное и сложное фабричное законодательство, ограждающее всѣ законные интересы рабочихъ вообще, а женщинъ и дѣтей въ особенности.

Не продолжая далѣе этого перечня, мы полагаемъ, что и приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы признать правильнымъ названіе Австраліи своего рода „соціальной лабораторіей“ [2]), гдѣ производятся любопытные опыты переустройства соціальныхъ и политическихъ отношеній въ согласіи съ наиболѣе прогрессивными вѣяніями нашего времени. Вотъ почему болѣе или менѣе детальное изученіе условій и результатовъ этихъ опытовъ имѣетъ, какъ намъ кажется, серьезное принципіальное значеніе для всего культурнаго человѣчества. Практическое значеніе этихъ опытовъ, конечно, далеко не такъ значительно, такъ какъ обстановка, среди которыхъ они, т. е. опыты, происходятъ, въ Австраліи имѣетъ мало общаго съ условіями жизни въ Европѣ и даже въ Америкѣ.

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ характерѣ настоящаго нашего труда. Ближайшимъ поводомъ для его составленія было желаніе познакомить русское общество съ недавно вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіемъ американскаго ученаго Кларка, который въ 1903 и 1904 гг. объѣхалъ Австралію и Н. Зе-

---

[1]) Въ отдѣльныхъ штатахъ особу англійскаго короля представляетъ губернаторъ, во всей Австралійской Федераціи—генералъ-губернаторъ. Роль и значеніе губернаторовъ автономныхъ колоній Англіи выяснена нами въ книгѣ „Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія „Новая Зеландія“.

[2]) Такое сравненіе можно найти въ цитируемыхъ ниже сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ, бывшихъ въ недавнее время въ Австраліи.

1*

ландію по порученію американскаго правительства или, точнѣе, американскаго федеральнаго министерства торговли и труда. Часть указываемой нами книги появилась уже ранѣе въ одномъ изъ оффиціальныхъ изданій названнаго министерства [1]), и мы уже тогда обратили вниманіе на работу Кларка, замѣчательную по тщательности изложенія фактовъ и осторожности въ формулировкѣ выводовъ. Тѣми же качествами отличается и вышедшая теперь книга Кларка. Впрочемъ, полуоффиціальная роль г. Кларка наложила извѣстный отпечатокъ на его сочиненіе, такъ какъ желаніе быть безпристрастнымъ и освѣтить всѣ стороны вопроса служитъ причиной столь многихъ оговорокъ, что это иногда затрудняетъ установленіе конечныхъ выводовъ автора. Зато, конечно, когда эти выводы очень опредѣленны и ясны, они тѣмъ болѣе цѣнны...

Опираясь довольно часто въ послѣдующемъ своемъ изложеніи на сочиненіе Кларка, мы обыкновенно дополняемъ факты и выводы Кларка тѣми данными, которыя были опубликованы въ послѣдніе годы въ другихъ сочиненіяхъ, описывающихъ учрежденія и жизнь Австраліи. Къ числу этихъ сочиненій относится работа французскаго ученаго Вигуру [2]), ѣздившаго въ Австралію по порученію парижскаго Musée Social, отличная работа А. Метэна [3]), посѣтившаго Австралію по порученію парижскаго университета, подобная же работа другого французскаго публициста Зифрида, весьма основательно изучившаго на мѣстѣ жизнь и учрежденія Н. Зеландіи [4]).

Мы не находимъ нужнымъ продолжать этого списка [5]), ни тѣмъ болѣе приводить длиннаго ряда сочиненій объ Австраліи, написанныхъ ея гражданами или жителями метрополіи, посѣщавшими Австралію и Н. Зеландію въ послѣднія 10—15 лѣтъ,—сочиненій, которыя намъ болѣе или менѣе хорошо извѣстны и которымъ мы пользовались при составленіи настоящей работы. Многія изъ этихъ сочиненій будутъ указаны въ послѣдующемъ изложеніи.

Наконецъ, въ числѣ матеріаловъ, которыми мы пользовались для нашего труда, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя оффиціальныя

---

1) V. Clark. The Labour Movement in Australasia. A study in social democraty. 1907. Washington.

Bulletin of the Department of Labour. 1903. November. 1903.

2) L. Vigouroux. L'Evolution social en Australasie. Paris. 1902.

3) A Métin. Le Sosialisme sans doctrines. La Question agraire et la question ouvrière en Australie et Nouvelle Zélande. Paris. 1901.

4) A. Siegfried. La Démocratie en Nouvelle Zelande. Paris. 1904.

5) См., напр., Pierre Leroy Beaulieu. Les Nouvelles Sociétées Anglo-Saxonnes. Paris. 1901 (Nouv. Edition). Gaston de Ségur. Une saisonen Nouvelle Selande. Paris. 1901. Henri Demoret Lloyd A. Condry without Strikes. New-Iork. 1901.

изданія правительствъ отдѣльныхъ штатовъ Австраліи и колоній Новой Зеландіи, причемъ часть этихъ матеріаловъ была намъ прислана австралійскими властями [1]).

II.

Естественныя условія жизни въ Австраліи.

Австралія, какъ мы уже говорили, по своей поверхности немного меньше Европы, она въ 25 разъ больше Великобританіи и въ 15 разъ больше Франціи. Шесть штатовъ, входящихъ въ Австралійскую Федерацію, весьма сильно различаются по своимъ размѣрамъ: наименьшія—Тасманія и Викторія—имѣютъ: первая 90,000, вторая 30,000 кв. миль, наибольшія—Западная и Южная Австралія,—почти по милліону квадр. миль. Весьма большой, хотя все-таки не столь значительный контрастъ, наблюдается и въ распредѣленіи населенія между отдѣльными штатами [2]).

Рельефъ Австраліи можно сравнить съ перевернутой глубокой тарелкой. По краямъ материка почва, вообще говоря, плодородна, она имѣетъ хорошее естественное орошеніе и покрыта вѣчно зеленымъ эвкалиптомъ. Это наиболѣе характерное дерево Австраліи, не растущее нигдѣ въ остальномъ мірѣ въ дикомъ видѣ. Около трехъ четвертей деревьевъ и кустарниковъ Австраліи принадлежитъ къ разнымъ видамъ эвкалипта, причемъ до настоящаго времени описано уже болѣе 150 видовъ этого растенія, имѣющаго самое разнообразное примѣненіе [3]).

По краямъ австралійскаго материка, благодаря хорошему естественному орошенію, сельское хозяйство или, точнѣе, земледѣліе развивается очень хорошо, здѣсь вполнѣ возможно мелкое крестьянское или хуторское земледѣльческое хозяйство.

Низменная береговая полоса ограничена со стороны материка гребнемъ сравнительно невысокихъ горныхъ цѣпей, гдѣ берутъ свое начало рѣки, которыя пересѣкаютъ низменную береговую линію континента. За горными цѣпями тянутся безконечныя равнины, которыя во время бездождныхъ годовъ имѣютъ характеръ голыхъ пустынь, но зато при сколько-нибудь значительномъ выпаденіи дождей обращаются въ плодороднѣйшіе луга.

Въ общемъ по мѣрѣ удаленія во внутрь материка растительность становится все скуднѣе и скуднѣе; огромныя пространства

[1]) Эти матеріалы будутъ указаны ниже.

[2]) По даннымъ 31 дек. 1903 года въ наиболѣе населенныхъ штатахъ—Нов. Южн. Валлисѣ и Викторіи—было болѣе милліона жителей, въ наименѣе населенномъ штатѣ—Тасманіи—около 180,000.

[3]) См. объ этомъ послѣднее приложеніе въ недавно вышедшей книгѣ Н. Крюкова: „Австралія. Сельское хозяйство въ Австраліи". 1906. Изданіе департамента земледѣлія. Книга представляетъ собой отчетъ о командировкѣ въ Австралію.

покрыты мелкимъ, не боящимся засухъ, кустарникомъ или даже вовсе лишены какой-либо растительности за исключенiемъ немногихъ оазисовъ, гдѣ имѣется по близости какая-нибудь вода. Правда, иногда бываетъ, что земля, непригодная для земледѣлiя или для пастбищъ, содержитъ большiя минеральныя богатства. Богатѣйшiе золотые прiиски на континентѣ Австралiи находятся почти на разстоянiи 600 верстъ отъ такихъ мѣстъ, гдѣ имѣется какое-либо естественное постоянное орошенiе.

Если мы примемъ во вниманiе этотъ контрастъ между береговой Австралiей и внутренней частью материка—контрастъ, заключающiйся въ томъ, что въ первой, т. е. въ приморской Австралiи, имѣется хорошое естественное орошенiе и хотя небольшiя, но судоходныя рѣки, а во второй—огромныя безплодныя равнины, лишенныя естественныхъ водныхъ путей, ведущихъ къ морю; если мы примемъ во вниманiе этотъ контрастъ, мы не удивимся тому, что огромное большинство населенiя Австралiи сосредоточено на береговой полосѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ четырехъ съ лишнимъ миллiоновъ населенiя материка Австралiи около четырехъ пятыхъ живутъ не далѣе, какъ въ полутораста верстахъ отъ берега моря [1]).

На распредѣленiе населенiя по материку Австралiи влiяютъ, впрочемъ, и другiе климатическiе факторы, кромѣ большаго или меньшаго количества осадковъ. Жаркiй и сырой климатъ тропическихъ береговъ Сѣверной Австралiи затрудняетъ пользованiе въ этихъ мѣстахъ трудомъ европейцевъ, по крайней мѣрѣ для производства грубой, физической работы. Занятiе должно быть исключительно выгодно, или оно должно имѣть временный характеръ, чтобы даже въ этихъ странахъ привлекать рабочихъ кавказской расы. Какъ мы увидимъ ниже, указываемыя нами обстоятельства создали особыя затрудненiя при колонизацiи штата Куинслэнда, занимающаго сѣверо-восточную часть Австралiи, затрудненiя, не разрѣшенныя, въ сущности, до настоящаго времени.

Вообще говоря, климатъ Австралiи можно скорѣе всего сравнить съ климатомъ южной Европы. Въ штатѣ Викторiя растутъ апельсиновыя деревья, въ городѣ Аделаидѣ (столица Юж. Австралiи) миндальныя деревья покрыты зеленью въ срединѣ зимы. Снѣгъ представляетъ весьма рѣдкое явленiе въ Австралiи. Тамъ нѣтъ даже горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, хотя гора Костюшко (штатъ Викторiя) достигаетъ высоты болѣе 7000 футъ.

Наиболѣе прiятный для европейца климатъ имѣютъ Тасманiя и Новая Зеландiя, такъ какъ ихъ островной характеръ не допускаетъ значительнаго контраста между средней температурой разныхъ временъ года. Островной характеръ этихъ колонiй ограждаетъ ихъ, далѣе, отъ тѣхъ засухъ, которыми перiодически

---

[1]) E. Buley. Australian life in town and country. London. 1906, p. 5.

страдаетъ южный континентъ. Такимъ образомъ въ отношеніи климата и во многихъ другихъ отношеніяхъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться, Тасманія и Н. Зеландія [1]) представляютъ наиболѣе привлекательныя части Австраліи [2]).

Несмотря на то, что прошло уже болѣе ста лѣтъ со времени начала систематической колонизаціи Австраліи, этотъ отдаленный континентъ, въ сущности, пока еще мало изслѣдованъ. Имѣя въ виду то, что было сказано нами выше относительно характера почвы Австраліи, можно думать, что скотоводство, а не земледѣліе будетъ еще долгое время преобладающей формой сельскаго хозяйства въ Австраліи, хотя никто, конечно, не можетъ предсказать, какъ впослѣдствіи измѣнятся обстоятельства вслѣдствіе ирригаціонныхъ работъ и успѣховъ экспериментальнаго земледѣлія. Равнымъ образозомъ никто не можетъ знать, какъ велики окажутся минеральныя богатства Австраліи, когда повсемѣстно будутъ сдѣланы необходимыя развѣдки. Во всякомъ случаѣ прошлый опытъ и уже сдѣланныя пока изысканія говорятъ въ пользу того предположенія, что Австралія весьма богата минералами и что минеральныхъ богатствъ находится весьма много въ неизвѣданныхъ еще частяхъ этого материка. Пока наиболѣе богатыми являются въ Австраліи золотые и серебряные рудники; однако, тамъ весьма много рудниковъ желѣзныхъ и мѣдныхъ и немало угольныхъ копей.

Какъ видно изъ послѣднихъ статистическихъ данныхъ, на материкѣ Австраліи, который почти равняется Европѣ, живетъ населеніе, не достигающее 4 милліоновъ, между тѣмъ по меньшей мѣрѣ треть этого материка по своимъ естественнымъ условіямъ можетъ съ теченіемъ времени доставить средства къ жизни столь же густому населенію, какое мы находимъ въ странахъ старой Европы. На остальныхъ двухъ третяхъ материка во всякомъ случаѣ имѣется рядъ отдѣльныхъ районовъ, относительно которыхъ можно уже теперь сказать, что они впослѣдствіи станутъ центрами весьма выгодныхъ видовъ промышленности. Для сужденія о будущемъ Австраліи слѣдуетъ, далѣе, имѣть въ виду, что по своему положенію жители этого материка являются естественными хозяевами южной половины Тихаго океана и части океана Индѣйскаго. Не малое значеніе для будущаго Австраліи имѣетъ и то обстоятельство, что она находится по сосѣдству съ густо населенной частью Азіи.

Въ Австраліи имѣется большинство сырыхъ продуктовъ, не-

---

[1]) Подробныя данныя о климатѣ Нов. Зеландіи и другихъ сторонахъ жизни въ этой колоніи можно найти въ нашей книгѣ: «Передовая демократія современнаго міра». 4 изд. 1906.

[2]) Характеристика естественныхъ условій жизни въ Австраліи заимствована нами—частью дословно—изъ цитированнаго сочиненія Клар ка

обходимыхъ для нуждъ новѣйшей цивилизаціи. Новая Зеландія и Тасманія, имѣя всѣ данныя для будущаго широкаго развитія земледѣлія, могутъ обратиться, въ случаѣ нужды, въ житницу для материка Австраліи. Съ другой стороны, богатство материка каменноугольными и другими рудниками гарантируетъ островнымъ частямъ Австраліи возможность полученія (съ материка) дешевыхъ и доброкачественныхъ продуктовъ мануфактурной и добывающей промышленности.

Однимъ словомъ, Австралія можетъ съ теченіемъ времени сдѣлаться столь же мало зависимымъ отъ другихъ странъ промышленнымъ міромъ, какимъ являются, въ сущности, современные С.-Амер. Соединенные Штаты [1]).

III.

Главные моменты колонизаціи Австраліи. Составъ и территоріальное распредѣленіе колонистовъ.

Конецъ XVIII вѣка ознаменовался, какъ извѣстно, между прочими другими фактами огромной важности утратой Англіей большей части ея владѣній въ С. Америкѣ. Въ 1783 г. состоялся Версальскій миръ, въ силу котораго Англія признала независимость ея бывшихъ колоній, принявшихъ съ тѣхъ поръ названіе Соединенныхъ Штатовъ С. Америки.

Желая возмѣстить эту великую утрату, англійское правительство обратило свои взоры на еще болѣе далекій материкъ, лежащій въ южной части Тихаго океана. Этотъ материкъ, носившій тогда названіе „Новой Голландіи“, былъ въ то время весьма мало извѣстенъ европейцамъ; только незадолго передъ тѣмъ нѣкоторая часть его береговъ, а именно берега теперешняго Н. Южн. Валлиса и часть береговъ Н. Зеландіи были впервые сколько-нибудь основательно описаны знаменитымъ мореплавателемъ капитаномъ Кукомъ.

Въ 1787 г., т. е. всего четыре года спустя послѣ подписанія Версальскаго мирнаго договора, англійское правительство отправило къ юго-восточнымъ берегамъ Австраліи нѣсколько судовъ подъ командой капитана Арт. Филипа для основанія поселеній, годныхъ для высылки преступниковъ, причемъ для первыхъ же опытовъ колонизаціи далекаго материка капитану Филипу была дана партія въ 800 преступниковъ, въ числѣ которыхъ было 200 женщинъ.

Капитанъ Филипъ выбралъ для перваго поселенія мѣсто, находящееся недалеко отъ теперешнаго Сиднея, столицы старѣйшей

---

[1]) См. послѣднія главы нашей книги: «Исторія великой американской демократіи». 1906.

австралійской колоніи (нынѣ штата), города, восхищающаго своимъ благоустройствомъ всѣхъ европейцевъ, которымъ случалось бывать въ послѣднее время въ Австраліи.

За этой первой партіей невольныхъ переселенцевъ въ отдаленный (плаваніе въ Австралію требовало въ то время около полугода) невѣдомый материкъ послѣдовали другія партіи, а затѣмъ, черезъ какія-нибудь 5—6 лѣтъ стали,—правда, сначала въ весьма небольшомъ числѣ,—переселяться въ Австралію и свободные колонисты. Впрочемъ, далеко не всѣ преступники, которые были высылаемы для заселенія Австраліи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, дѣйствительно заслуживали такого названія (преступниковъ). Между ними было не мало т. наз. политическихъ преступниковъ, лицъ, замѣшанныхъ въ рабочихъ „безпорядкахъ“ и т. п.: вспомнимъ, что указываемое нами время совпадаетъ въ значительной мѣрѣ съ эпохой послѣдней продолжительной реакціи въ Англіи, причемъ эта реакція становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большую остроту принимали событія Великой французской революціи.

Девятнадцатый вѣкъ (1801) открылся для Австраліи при общемъ числѣ населенія въ 6,500; черезъ десять лѣтъ населеніе Австраліи почти удвоилось (11,500), въ слѣдующее десятилѣтіе (т. е. къ 1821 г.) оно увеличилось въ три раза (около 36,500). Къ половинѣ XIX вѣка (1851) оно уже достигало 430,000, причемъ главная его масса была сосредоточена въ Н. Юж. Валлисѣ и на островѣ Тасманія. Впрочемъ, въ 40-ыхъ годахъ началась уже и систематическая колонизація Н. Зеландіи, европейское населеніе которой къ 1851 достигало почти 27,000 и вошло въ только-что указанный общій итогъ населенія Австраліи или, выражаясь точнѣе, Австралазіи.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ,—да едва ли таковыя существуютъ вообще,—чтобы сказать что-нибудь опредѣленное по поводу того, какая часть тогдашнихъ жителей Австраліи состояла изъ сосланныхъ преступниковъ и ихъ потомства. Во всякомъ случаѣ „невольные“ колонисты составляли сколько-нибудь значительный элементъ населенія только въ Н. Юж. Валлисѣ и въ Тасманіи. Въ Викторіи ихъ было очень мало, въ Юж. Австраліи и Н. Зеландіи ихъ даже не было вовсе, такъ какъ эти колоніи никогда не служили мѣстомъ ссылки.

Трудно сказать, какъ развивалась бы далѣе колонизація Австраліи и какой бы характеръ имѣлъ дальнѣйшій составъ колонистовъ, такъ какъ именно въ серединѣ XIX вѣка совершилось событіе, измѣнившее разомъ перспективы этого отдаленнаго материка. Мы разумѣемъ, конечно, открытіе золота въ колоніи Викторіи въ 1851 г., т. е. какъ разъ въ томъ году, когда занимаемая ею юго-восточная часть Австралія была выдѣлена изъ

Нов. Юж. Валлиса и приняла названіе Викторіи въ честь тогдашней королевы Англіи.

Вѣсть объ открытіи золота привлекла въ Викторію массу пришельцевъ, во-первыхъ, со всѣхъ концовъ самой Австраліи, во-вторыхъ, изъ другихъ странъ и областей англо-саксонскаго міра и въ-третьихъ, изъ всѣхъ другихъ странъ вообще. За десять лѣтъ до открытія золота на территоріи Викторіи жило всего 20,000 поселенцевъ, въ Н. Юж. Валлисѣ 150,000; черезъ десять лѣтъ послѣ открытія золота (1861) число жителей Викторіи доходило до 542,000, тогда какъ въ Н. Юж. Валлисѣ ихъ было 358,000. Съ тѣхъ поръ и до самаго послѣдняго времени Викторія, будучи наименьшей изъ континентальныхъ колоній Австраліи, имѣла, однако, наиболѣе значительное населеніе. Только въ послѣднее десятилѣтіе первое мѣсто въ отношеніи населенности занялъ вновь Н. Юж. Валлисъ, старѣйшая изъ колоній (нынѣ штатовъ).

Открытіе золота сыграло вообще большую роль въ колонизаціи Австралазіи: въ концѣ 50-ыхъ годовъ золотыя розсыпи были открыты въ Н. Зеландіи, благодаря чему въ значительной мѣрѣ населеніе этой отдаленнѣйшей колоніи возросло за шестнадцать лѣтъ между 1858 и 1874 г. съ 60,000 до 300,000 чел., т. е. въ шесть разъ.

Впослѣдствіи золото было найдено въ Куинслэндѣ и, наконецъ, въ Зап. Австраліи, что каждый разъ сопровождалось вторженіемъ въ эти колоніи цѣлаго потока иммигрантовъ.

По послѣднимъ опубликованнымъ даннымъ, относящимся къ 31 дек. 1903 г., въ Австраліи и Н. Зеландіи насчитывается 4,759,495 жителей, изъ которыхъ на долю Н. Зеландіи приходится болѣе одной шестой (832,505).

Изъ штатовъ, которые вошли въ федерацію, наибольшее населеніе имѣетъ Н. Юж. Валлисъ (1,427,000), за нимъ слѣдуетъ Викторія (1,209,000); наименьшее населеніе имѣетъ островной штатъ Тасманія—всего 179,000 чел. [1]).

Какъ мало еще заселена Австралія, видно изъ того, что тамъ на одну квадратную милю приходится 1,6 жителя, тогда какъ въ Европѣ приходится 100, въ Азіи почти 50, въ Африкѣ 15 и въ Америкѣ 9.

Если мы вспомнимъ большую продолжительность путешествія въ Австралію въ наше время (2 мѣсяца) и чрезвычайную его продолжительность (6 мѣсяцевъ) въ періодъ парусныхъ судовъ; если мы вспомнимъ ту притягательную силу, которую имѣла и имѣетъ до сихъ поръ въ глазахъ европейцевъ великая амери-

---

1) Coghlan. A Statistical Account of Australia and New Zealand (послѣдній вышедшій до сихъ поръ выпускъ этого полуоффиціальнаго изданія).

канская демократія, то мы не удивимся, что для привлеченія колонистовъ на отдаленные берега Австраліи приходилось прибѣгать къ частичной или даже полной оплатѣ расходовъ по переѣзду. Такого образа дѣйствій держались въ разное время, въ сущности, всѣ,—конечно, отказываясь отъ него только тогда, когда успѣвшій образоваться въ той или иной колоніи болѣе или менѣе значительный рабочій классъ твердо заявлялъ о своемъ нежеланіи имѣть искусственно-привлекаемыхъ конкуррентовъ, понижавшихъ уровень заработной платы. По приблизительнымъ подсчетамъ всѣхъ такихъ „субсидированныхъ" переселенцевъ въ Австраліи было до сихъ поръ до трехъ четвертей милліона, изъ которыхъ на долю Н. Зеландіи приходится болѣе 100,000 [1]. Такимъ образомъ населеніе Австраліи образовалось изъ трехъ элементовъ: 1) ссыльно-каторжныхъ и ихъ потомковъ, 2) добровольныхъ переселенцевъ, значительная часть которыхъ переселилась въ Австралію, соблазняясь возможностью сравнительно дешеваго или даже безплатнаго переѣзда и перспективой хорошихъ и вѣрныхъ заработковъ, и, наконецъ, 3) лицъ, которыхъ увлекала на отдаленный материкъ вѣсть о богатыхъ золотыхъ розсыпяхъ. Результатомъ такого происхожденія иммиграціонныхъ волнъ оказалось то, что громадное большинство жителей Австраліи состояло и состоитъ изъ англичанъ, такъ какъ первые два элемента могли само собой составиться только изъ жителей Великобританіи, что же касается послѣдней категоріи—искателей золота,—то и здѣсь отдаленность Австраліи и незнакомство съ имѣющимися съ ней сообщеніями послужили причиной того, что и громадное большинство искателей золота оказались также выходцами изъ Великобританіи или другихъ ея колоній.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ статистическимъ даннымъ, то увидимъ, что 95 % теперешнихъ жителей Австраліи родились въ Австраліи или въ другой части Британской имперіи. Такимъ образомъ, какъ справедливо говоритъ извѣстный австралійскій статистикъ Когланъ [2], „населеніе въ Австраліи болѣе однородно (homogeneous), чѣмъ въ большинствѣ странъ Европы". Мало того, во всѣхъ штатахъ Австраліи отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ и даже болѣе значительной части населенія—уроженцы или того самаго штата или какой-либо иной части Австраліи. Въ этомъ отношеніи Австралія весьма сильно отличается отъ С. Штатовъ, гдѣ чужестранцы по рожденію (foreign born) составляютъ почти 14 % населенія, причемъ въ нѣкоторыхъ группахъ штатовъ (North Atlantic States) этотъ процентъ поднимается почти до 23 %. Въ городахъ: Нью-Іоркѣ, Чикаго, Бостонѣ, Санъ-Франциско и нѣко-

---

[1]) Coghlan, цит. изд., стр. 153.
[2]) T. Coghlan. A Statistical Account of Australia and New Zealand. 1904.

торыхъ другихъ треть всѣхъ эмигрирующихъ гражданъ по происхожденію иностранцы [1]).

Между тѣмъ, „однородность населенія“, какъ справедливо говоритъ американецъ Кларкъ, „имѣетъ весьма благопріятные и желательные результаты. Энергія народа не тратится въ значительной мѣрѣ на ассимиляцію иностранцевъ. Въ странѣ устанавливаются одинаковые взгляды на то, чего требуетъ добропорядочная жизнь и поведеніе. Населеніе легко проникается общими чувствами по поводу тѣхъ или иныхъ событій. Вотъ почему въ Австраліи болѣе значительно, чѣмъ въ Америкѣ, сознаніе національнаго родства, общій семейный духъ, поэтому-то общественныя симпатіи болѣе дѣятельны и проявленія соціалистическихъ тенденцій болѣе рѣзки“ [2]).

Въ этомъ же послѣднемъ направленіи—т. е. въ смыслѣ облегченія проявленій соціалистическихъ тенденцій—вліяетъ, по мнѣнію Кларка, и существованіе среди колонистовъ довольно значительнаго числа лицъ, пріѣхавшихъ въ Австралію при значительномъ матеріальномъ содѣйствіи общественныхъ властей Австраліи. „Такой переселенецъ,—говоритъ Кларкъ,—склоненъ былъ думать, что страна, которая настолько нуждается въ людяхъ, что готова содержать ихъ полгода и вести ихъ черезъ огромные океаны, должна имѣть для нихъ сразу же предложенія хорошаго заработка. Если бы такое ожиданіе не оправдалось, если бы переселенецъ по пріѣздѣ въ Австралію оказался бы безъ работы и въ нуждѣ, онъ счелъ бы себя вправѣ выражать неудовольствія и жалобы. Жалобы его были бы обращены не къ кому другому, а именно къ правительству новой страны. Онъ ожидалъ — и имѣлъ, въ сущности, право на такія ожиданія,—что правительство приметъ надлежащія мѣры для устраненія затрудненій и его невзгодъ [3]).

Отмѣчая все это, Кларкъ пытается объяснить такимъ образомъ причины торжества въ государственной жизни Австраліи нѣкоторыхъ принциповъ, относимыхъ обыкновенно къ системѣ т. наз. государственнаго соціализма.

Къ числу дальнѣйшихъ особенностей иммиграціи въ Австралію слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что большинство иммигрантовъ были ранѣе не деревенскими, а городскими жителями, а это, надо думать, не осталось безъ вліянія на поразительное сосредоточеніе населенія штатовъ Австраліи въ городахъ и притомъ преимущественно даже въ столицахъ штатовъ.

„Одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ, которыя поставила передъ человѣчествомъ новѣйшая цивилизація,—это тенденція,

---

[1]) См. превосходную американскую „The New International Encyclopaedia“, vol. IX, статья: Emmigration.

[2]) V. Clark. Labour Movement in Australia, 1907, p. 33—34.

[3]) V. Clark. Цит. сочин., 36.

которую обнаруживаетъ населеніе главныхъ странъ современнаго міра, тенденція къ сосредоточенію въ большихъ городахъ. Это замѣтно не только въ Англіи, Франціи и другихъ странахъ, гдѣ развитіе промышленности совершенно измѣнило характеръ занятій народа и потому, по необходимости, привело къ скопленію рабочаго класса въ промышленные городскіе центры, это наблюдается и въ С. Штатахъ,—странѣ, гдѣ имѣются болѣе благопріятныя, чѣмъ гдѣ-либо, условія для земледѣльческаго труда.

„Увеличеніе населенности главныхъ городовъ Австраліи также весьма значительно и превосходитъ даже все, что видѣлъ въ этомъ отношеніи Старый Свѣтъ. Даже въ Америкѣ увеличеніе городского населенія сопровождалось соотвѣтственнымъ [1]) увеличеніемъ населенія сельскаго, и только въ Австраліи,—вѣроятно, въ первый разъ въ исторіи человѣчества—большіе города увеличивались съ такой феноменальной быстротой, что *треть* населенія всѣхъ штатовъ оказалась живущей въ столицахъ этихъ штатовъ“ [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ данныхъ одной таблицы, которую находимъ въ трудѣ Коглана [3]), уже въ 1851 году жители Сиднея [4]) составляли около четвертой части населенія всего Нов. Юж. Валлиса, въ 1871 г. въ Сиднеѣ жило 27%, въ 1881—30%, въ 1891—34%, въ 1901—36%, т. е. *болѣе трети* населенія всего штата. Если мы возьмемъ данныя за 1903 г., то увидимъ, что въ Пертѣ (столицѣ Зап. Австраліи) и въ Хобартѣ (столицѣ Тасманіи) живетъ пятая часть населенія штатовъ, для которыхъ эти города служатъ столицами. Въ Мельбурнѣ же, столицѣ штата Викторіи, живетъ 42 % (561,080) населенія штата, а въ Аделаидѣ (168,000 жит.) чуть не половина (46 %) населенія всего штата Южной Австраліи! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ничего подобнаго міръ никогда не видѣлъ.

Только Н. Зеландія представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя уклоненія, такъ какъ тамъ городское населенія, будучи въ общемъ весьма значительно (30 %), распредѣляется главнымъ образомъ на четыре городскихъ центра, изъ которыхъ одинъ (Ауклэндъ) имѣетъ около 70,000 жителей и три (Крайсгергъ, Дюнединъ и Веллингтонъ) болѣе 50,000. Это въ колоніи, общее населеніе которой не достигаетъ милліона!

Если мы вспомнимъ, что мы здѣсь говорили лишь о самыхъ большихъ городахъ Австраліи и что помимо этихъ городовъ во всѣхъ штатахъ имѣется рядъ другихъ городовъ, менѣе значительныхъ, если мы это вспомнимъ, то мы должны будемъ при-

[1]) Это не совсѣмъ точно. Городское населеніе увеличивалось и въ Америкѣ быстрѣе, чѣмъ сельское.

[2]) Coghlan. Цит. сочин., стр. 154—155.

[3]) См. также сочиненіе Clark, стр. 33.

[4]) Столица Н. Юж. Валлиса.

знать, что австралійская цивилизація является цивилизаціей городской въ большей мѣрѣ, чѣмъ какая-либо иная на земномъ шарѣ.

Указываемое нами обстоятельство имѣетъ огромную важность: имъ объясняются въ значительной мѣрѣ поразительные успѣхи, которыхъ достигли въ Австраліи рабочіе, успѣхи, которые еще долгое время должны будутъ представляться отдаленнымъ идеаломъ для рабочаго класса не только Стараго Свѣта, но отчасти даже и С.-Амер. Соединенныхъ Штатовъ.

IV.

Политическая эволюція австралійскихъ колоній Англіи.—Полное торжество демократическихъ принциповъ.—Образованіе С. Штатовъ Австраліи.

Капитанъ Филипъ, основавшій первое англійское поселеніе въ Австраліи изъ привезенной имъ большой партіи ссыльно-каторжныхъ, имѣлъ надъ ними право жизни и смерти. Такую же автократическую власть имѣли и ближайшіе слѣдующіе губернаторы Нов. Южнаго Валлиса, первой англійской колоніи въ Австраліи, что объясняется, конечно, указаннымъ составомъ колонистовъ.

Когда въ колоніи образовался нѣкоторый контингентъ лицъ, уже отбывшихъ срокъ принудительныхъ работъ, установленныхъ для всѣхъ ссыльныхъ, и тѣмъ болѣе, когда въ Австралію стали пріѣзжать свободные эмигранты, которые могли предъявлять претензіи на всѣ права и привилегіи англійскихъ гражданъ, дальнѣйшее существованіе единоличнаго и неограниченнаго управленія колоніей губернаторомъ представляло уже—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія англичанъ—нѣчто совершенно нетерпимое. Получая отъ Австраліи множество жалобъ и неудовольствій, правительство метрополіи рѣшило пойти имъ до извѣстной степени на встрѣчу, создавъ въ 1824 г. при губернаторѣ Н. Южнаго Валлиса т. наз. „законодательный совѣтъ", который состоялъ изъ шести членовъ, назначаемыхъ на эту должность министромъ колоніи.

Таковъ былъ первый шагъ къ ограниченію губернаторской власти [1]). Черезъ пять лѣтъ былъ сдѣланъ слѣдующій шагъ—установленіемъ при губернаторѣ „исполнительнаго совѣта", т. е. такого совѣта, члены котораго дѣлили съ губернаторомъ его власть по управленію колоніей. Вмѣстѣ съ этимъ было увеличено число членовъ законодательнаго совѣта. Первая же сессія обновленнаго законодательнаго совѣта ознаменовалась вотированіемъ законовъ, установившихъ въ колоніи судъ присяжныхъ и свободу печати.

---

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи мы широко пользуемся нашимъ сочиненіемъ: «Передовая демократія современнаго міра».

Прошло около 12 лѣтъ и Н. Юж. Валлисъ получилъ (1842) конституцію. Согласно этой конституціи, законодательный совѣтъ колоніи былъ совершенно реорганизованъ, сдѣлавшись, въ сущности, мѣстнымъ парламентомъ; меньшая часть его членовъ (12) были попрежнему назначаемы губернаторомъ, большая же часть (18) выбиралась уже самими колонистами, причемъ въ выборахъ участвовала вся болѣе обезпеченная часть населенія.

Колонисты, однако, не были удовлетворены такой конституціей и желали ея измѣненія въ смыслѣ увеличенія числа избирателей, расширенія правъ законодательнаго собранія и подчиненія послѣднему исполнительной власти, т. е. губернатора и его совѣта или министровъ. Всего этого колонистамъ пришлось ждать не долго. Въ 1850 г. англійскій парламентъ издалъ знаменитый Australian Government Act, согласно которому изъ части Н. Юж. Валлиса была образована отдѣльная колонія Викторія, причемъ этимъ двумъ колоніямъ, равно какъ и успѣвшимъ уже образоваться къ тому времени двумъ другимъ колоніямъ—Тасманіи и Н. Зеландіи—было предоставлено право составить самимъ свою конституцію и затѣмъ переслать ее черезъ губернатора на утвержденіе имперскаго правительства.

Такимъ образомъ съ этого достопамятнаго акта 1850 г. начинается въ политической жизни австралійскихъ колоній новая эра, эра самостоятельнаго политическаго развитія подъ номинальнымъ и благожелательнымъ контролемъ англійской короны.

Какъ сами колонисты, такъ и въ особенности избранныя ими законодательныя собранія употребили массу времени и труда для того, чтобы выработать желательную организацію своихъ (колоніальныхъ) властей и ихъ отношеній къ правительству метрополіи. Только въ 1854 г. всѣ названныя выше колоніи окончили свои работы по составленію конституціонныхъ проектовъ и отослали ихъ на утвержденіе въ Англію, гдѣ эти проекты получили окончательную санкцію въ 1855 г. Впослѣдствіи такимъ же порядкомъ получили конституцію Куинслэндъ, Зап. и Юж. Австралія.

Конституціи отдѣльныхъ колоній съ самаго начала были различны и остались различными до сихъ поръ, почему мы можемъ себѣ позволить здѣсь лишь самую краткую, общую ихъ характеристику.

Во всѣхъ колоніяхъ съ самаго же начала была принята двухпалатная система, причемъ въ Н. Юж. Валлисѣ, Куинслэндѣ и Новой Зеландіи члены верхней палаты назначаются губернаторомъ [1]), который, однако, такъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, слѣдуетъ совѣту своихъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ колоніи. Въ остальныхъ четырехъ колоніяхъ члены

---

1) Въ первыхъ двухъ колоніяхъ—пожизненно, въ Новой Зеландіи (съ 1891 г.)—на семь лѣтъ.

верхнихъ палатъ выбираются населеніемъ, причемъ кандидаты, а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и избиратели должны удовлетворять извѣстному имущественному цензу; въ тѣхъ же трехъ колоніяхъ, гдѣ члены верхнихъ палатъ назначаются губернаторомъ, для членовъ верхнихъ палатъ никакого имущественнаго ценза не установлено. Благодаря этому послѣднему обстоятельству въ Новой Зеландіи въ числѣ „перовъ", т. е. членовъ верхней палаты, оказывается нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу. Ничего подобнаго, насколько намъ извѣстно, нельзя найти ни въ одной другой верхней палатѣ какого-либо изъ современныхъ государствъ.

Нижнія палаты вездѣ выборныя, причемъ первое время для участія въ выборахъ требовался извѣстный имущественный цензъ. Съ теченіемъ времени этотъ цензъ былъ вездѣ уничтоженъ, кромѣ колоніи Куинслэндъ и Зап. Австраліи, гдѣ, впрочемъ, этотъ цензъ имѣетъ скорѣе номинальный характеръ. Въ 1893 г. Н. Зеландія рѣшилась даже распространить политическія права на женщинъ, причемъ опытъ ея оказался настолько удачнымъ, или по крайней мѣрѣ настолько чуждымъ какихъ-либо неудобствъ, что примѣру Н. Зеландіи въ послѣднее время послѣдовали Н. Юж. Валлисъ, Южн. Австралія, Зап. Австралія и Тасманія.

Нижнія палаты во всѣхъ колоніяхъ болѣе многочисленны, чѣмъ нижнія; вездѣ также авторитетъ и вліяніе нижнихъ палатъ болѣе значителенъ, чѣмъ верхнихъ, особенно въ отношеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся расходованія народныхъ денегъ. Вездѣ министры отвѣтственны главнымъ образомъ передъ нижней палатой, оставаясь во власти только до тѣхъ поръ, пока они располагаютъ довѣріемъ большинства членовъ колоніальнаго парламента [1]).

Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, было бы крайне любопытно и поучительно провести параллель между политическимъ строемъ Англіи и ея автономныхъ колоній. Однако, этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ и важенъ, и мы не можемъ на немъ здѣсь останавливаться [2]).

Однимъ изъ наиболѣе острыхъ вопросовъ колоніальнаго управленія было опредѣленіе роли губернатора и его министровъ. Съ первыхъ же дней проведенія въ жизнь своихъ новыхъ конституцій граждане каждой колоніи стремились сдѣлать изъ своего губернатора, который всегда назначается правительствомъ метро-

---

[1]) Однимъ словомъ, въ автономныхъ колоніяхъ Англіи установился понемногу такой самый парламентарный режимъ, который существуетъ въ самой метрополіи, причемъ въ колоніяхъ принципы парламентаризма проведены еще болѣе послѣдовательно.

[2]) См. наши книги: «Передовая демократія современнаго міра» «Парламентаризмъ и представительная форма правленія» и «Законодательныя собранія главныхъ странъ современнаго міра».

поліи, нѣчто вродѣ конституціоннаго короля. Колонисты требовали, чтобы губернаторъ, оставляя фактически власть въ рукахъ пользующагося довѣріемъ обѣихъ палатъ министерства,—притомъ министерства, состоящаго изъ членовъ той или другой изъ палатъ, — самъ довольствовался бы ролью посредника между борющимися въ колоніальномъ парламентѣ партіями, стараясь оставаться выше всякихъ подозрѣній въ покровительствѣ одной партіи передъ другой.

Колонисты, въ общемъ, вполнѣ достигли своей цѣли, хотя, правда, не безъ борьбы, причемъ нельзя не упомянуть столь любопытнаго и важнаго обстоятельства: правительство метрополіи приняло рѣшительно сторону колонистовъ въ ихъ борьбѣ съ губернаторами, не желавшими разстаться со своей прежней властью...

Можно вообще сказать, что политическая исторія австралійскихъ колоній Англіи во второй половинѣ XIX вѣка представляетъ собой непрерывно развивающійся процессъ демократизаціи всѣхъ общественныхъ учрежденій. Право голоса, принадлежавшее прежде только лицамъ, удовлетворявшимъ извѣстному имущественному цензу, было въ одной колоніи за другой распространено на всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, и затѣмъ въ большинствѣ колоній (нынѣ штатовъ) и на совершеннолѣтнихъ женщинъ.

Срокъ полномочій парламента былъ сокращенъ съ 5 до 3 лѣтъ; верхнія палаты стали въ большинствѣ колоній выборными; наконецъ, самая компетенція колоніальныхъ парламентовъ расширялась все время *de jure* и *de facto*, дойдя, наконецъ, до того, что парламенты колоній, державшихся политики протекціонизма, стали облагать почти запретительными пошлинами товары, привозимые изъ Англіи...

Благодаря такому характеру своего развитія, австралійскія колоніи по своимъ политическимъ учрежденіямъ заняли постепенно первенствующее значеніе среди демократіи современнаго міра. „Несмотря на то, что австралійскія колоніи,—говоритъ гражданинъ Французской Республики Пьеръ Леруа Болье,—связаны, хотя и слабо, съ англійской монархіей, нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такого торжества демократіи, нигдѣ соціальныя нововведенія не заходятъ такъ далеко“ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, можно считать не безъ основанія, что въ Австраліи къ концу XIX вѣка эра преобладающаго значенія политическихъ вопросовъ уже закончилась. „Нельзя же ожидать,— замѣчаетъ шутливо по этому поводу бывшій профессоръ мельбурнскаго университета Дженксъ,—чтобы какой-нибудь полити-

---

[1]) Pierre Leroy Beaulieu. Les Nouvelles Societées Anglo-Saxonnes. Paris. 1901.

ческій дѣятель выступилъ съ предложеніемъ распространить избирательныя права на дѣтей" [1]).

Разрѣшивъ многіе политическіе вопросы, надъ которыми долго еще будетъ ломать голову—и отчасти даже и проливать кровь—старая Европа, колонисты Австраліи направили все свое вниманіе на вопросы экономическіе и соціальные. Однако, здѣсь они натолкнулись скоро на рядъ серьезныхъ препятствій, вызываемыхъ существованіемъ въ Австралазіи семи совершенно независимыхъ другъ отъ друга правительствъ, которыхъ объединяла только фактически номинальная связь съ общей для всѣхъ метрополіей. Вотъ происхожденіе великаго движенія, которое въ концѣ XIX вѣка охватило громадное большинство жителей Австраліи и наиболѣе видныхъ ея политическихъ дѣятелей, движеніе, имѣвшее цѣлью организаціи въ Австраліи какого-нибудь общаго, т. е. федеральнаго правительства, которое—въ извѣстныхъ, строго установленныхъ границахъ—могло бы руководить разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, затрагивающихъ жизненные интересы всѣхъ жителей Австраліи вообще.

Мы не имѣемъ возможности описывать здѣсь труды всякаго рода конференцій изъ представителей правительствъ отдѣльныхъ колоній, занятія разнаго рода частныхъ и иныхъ съѣздовъ, обсуждавшихъ вопросъ о желательной формѣ австралійской федераціи. Мы не можемъ останавливаться также на работахъ спеціальныхъ „конвентовъ", состоявшихъ изъ выбранныхъ *ad hoc* делегатовъ населенія отдѣльныхъ колоній, конвентовъ, имѣвшихъ цѣлью выработку формальнаго законопроекта австралійской федераціи [2]).

Можетъ быть, самой интересной особенностью указываемаго нами движенія слѣдуетъ считать тотъ въ высшей степени замѣчательный фактъ, что правительство метрополіи не сдѣлало ни малѣйшей попытки какого-либо вмѣшательства въ эту агитацію, которая въ теченіе рядъ лѣтъ составляла предметъ горячихъ споровъ и нескончаемыхъ дебатовъ во всякаго рода собраніяхъ и во всякаго рода оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, начиная съ самихъ коллегіальныхъ парламентовъ.

Послѣдній конвентъ, разработавшій проектъ федеральной конституціи, состоялъ изъ самыхъ даровитыхъ и опытныхъ дѣятелей Австраліи. Когда этотъ проектъ былъ разработанъ во всѣхъ деталяхъ, онъ поступалъ на голосованіе гражданъ всѣхъ коллегій Австраліи. Только тогда, когда проектъ былъ одобренъ большинствомъ гражданъ во всѣхъ коллегіяхъ, онъ былъ пересланъ въ Лондонъ для окончательной санкціи правительства метрополіи. Вмѣстѣ съ этимъ правительство метрополіи въ первый разъ оффиціально извѣ-

---

[1]) Ed. Ienks. History of Australasian Colonees, 292.

[2]) См. объ этомъ нашу статью: „Соединенные Штаты Австраліи" въ сборникѣ „Соціологическіе этюды".

щалось о желаніи коллегіи Австраліи образовать федеральный союзъ, иначе сказать—правительство метрополіи увѣдомлялось объ этомъ дѣлѣ величайшей важности тогда, когда это дѣло, въ сущности были уже кончено...

Законопроектъ былъ внесенъ въ англійскій парламентъ, можно сказать, буквально въ той самой редакціи, въ какой онъ былъ присланъ изъ Австраліи и былъ почти безъ преній утвержденъ обѣими палатами парламента и подписанъ королевой [1]).

Едва ли можно представить какой-либо разительной примѣръ той неограниченной свободы, которой фактически пользуются автономныя коллегіи Англіи. Едва ли можно найти что-либо подобное въ исторіи коллегіальной политики какого-либо изъ нынѣ существующихъ или когда-либо существовавшихъ государствъ!

Законопроектъ англійскаго парламента объ установленіи Федераціи былъ, какъ мы сказали, переданъ для подписи королевѣ Викторіи; она его подписала 9-го іюля 1900 г., фактическое же открытіе дѣйствій федеральнаго правительства было назначено на 1-ое января 1901 г.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ для характеристики этого государственнаго акта, создавшаго Австралійскую Федерацію.

Строй Австралійской Федераціи напоминаетъ болѣе всего С.-Амер. Соединенные Штаты, въ Австралійской Федераціи, какъ и въ американской, отдѣльнымъ членамъ союза оставлены широкія права, граничащія съ правами отдѣльныхъ государствъ. Вотъ почему англійская колонія, образовавъ Федерацію, нашла даже умѣстнымъ переименовать себя, по примѣру великой американской республики, въ „штаты"—states, что въ переводѣ—значитъ „государства" [2]).

Подобно американской конституціи, австралійская коституція подробно перечисляетъ предметы вѣдомства федеральныхъ властей, причемъ все, что не вошло въ это перечисленіе, считается оставшимся всецѣло въ вѣдѣніи властей отдѣльныхъ штатовъ (бывшихъ колоній) или, вѣрнѣе, населенія этихъ штатовъ, такъ какъ въ Австраліи всякая власть прямо или косвенно происходитъ отъ народа.

Такъ какъ отдѣльные „штаты" Австраліи сохраняли въ неприкосновенности всѣ свои верховныя права, кромѣ тѣхъ, которыя

---

[1]) Всѣ стадіи развитія движенія къ установленіи федеративной связи между коллегіями Австраліи и крайне любопытныя подробности, характеризующія отношенія правительства метрополіи къ выработанному въ Австраліи законопроекту, изложены нами въ цитированной выше статьѣ.

[2]) Говоря „Соединенные *Штаты*", и не Соед. Государство, мы, въ сущности, вмѣсто русскаго слова употребляемъ нѣмецкое (Vereinigte *Staaten*), которое значитъ также „государство".

были ими уступлены въ силу федеральной конституціи союзному правительству, то штаты попрежнему имѣютъ особыхъ губернаторовъ, сносящихся непосредственно съ правительствомъ метрополіи.

Во главѣ Австралійской Федераціи или, иначе, Соед. Штатовъ Австраліи стоитъ генералъ-губернаторъ, назначаемый, какъ и губернаторы, правительствомъ метрополіи и играющій роль строго-конституціоннаго короля, подобно тому, какъ ту же роль выполняютъ въ отдѣльныхъ штатахъ губернаторы. При генералъ-губернаторѣ состоитъ совѣтъ министровъ изъ наиболѣе вліятельныхъ въ данное время членовъ федеральнаго парламента.

Федеральный парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: сената и палаты представителей. Въ сенатѣ всѣ штаты независимо отъ ихъ размѣра и населенности имѣютъ одинаковое число (шесть) представителей; число же представителей отъ штата въ нижней палатѣ пропорціонально числу жителей штата. Иными словами— австралійскій федеральный парламентъ организованъ по примѣру американскаго конгресса, гдѣ приняты тѣ же принципы представительства въ обѣихъ палатахъ конгресса [1]). Если мы вспомнимъ, какъ велика разница между размѣромъ и количествомъ населенія въ отдѣльныхъ штатахъ Австраліи, мы будемъ въ состояніи оцѣнить ту уступчивость, которую проявили наиболѣе многолюдные штаты, согласившись имѣть въ сенатѣ такое же число представителей, какъ и штаты, едва населенные. Это служитъ также хорошимъ показателемъ взаимнаго довѣрія населенія отдѣльныхъ колоній—нынѣ штатовъ Австраліи.

Члены нижней палаты федеральнаго парламента избираются на три года, члены сената—на шесть лѣтъ одинаковымъ составомъ избираталей, а именно—избирателями нижнихъ палатъ въ отдѣльныхъ штатахъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ избирательныя права предоставлены женщинамъ, женщины участвуютъ въ выборѣ членовъ обѣихъ палатъ федеральнаго парламента. Такимъ образомъ Австралійская Федерація въ отношенія демократичности политическаго строя пошла дальше нѣкоторыхъ входящихъ въ ея составъ штатовъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ штатовъ сенатъ не выборный, а состоитъ изъ членовъ, получающихъ это званіе путемъ назначенія губернаторомъ, слѣдующимъ, впрочемъ, (мы считаемъ излишнимъ это прибавить) въ этомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ указаніямъ своихъ министровъ. Австралійскій Федеральный сенатъ представляетъ, далѣе, болѣе демократическое законодательное собраніе, чѣмъ американскій сенатъ, такъ какъ въ Америкѣ сенаторы выбираются не народомъ, а законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ.

---

[1]) См. нашу книгу: „Главныя федераціи современнаго міра“. Спб. 1907.

Наконецъ, демократическія тенденціи нынѣшней Австралійской Федераціи выражаются и въ томъ также, что для лицъ, выступающихъ кандидатами въ члены федеральнаго сената или палаты представителей, не установлено никакихъ особыхъ требованій, кромѣ тѣхъ, которыя существуютъ въ томъ или иномъ штатѣ для права участія въ выборахъ. Такимъ образомъ въ послѣднюю избирательную кампанію выставили свою кандидатуру въ федеральный сенатъ три женщины, не имѣвшія, впрочемъ, успѣха на выборахъ [1]).

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что Н. Зеландія не вошла въ Австрійскую Федерацію [2]), причемъ, насколько намъ удалось выяснить, причиной такого поступка слѣдуетъ считать то обстоятельство, что Н. Зеландіи живется и безъ того такъ хорошо, что ей совершенно нѣтъ никакого основанія производить какіе-либо новые политическіе эксперименты, какъ бы ни казались соблазнительны открывающіяся при этомъ перспективы. Къ тому же, какъ мы позволимъ себѣ повторить вновь, Н. Зеландія, которую мы привыкли видѣть на нашихъ картахъ столь близкой къ материку Австраліи, на самомъ дѣлѣ отстоитъ отъ ней на 1200 миль (1800 верстъ), т. е. на такомъ же разстояніи, которое отдѣляетъ Англію отъ Южной Африки.

П. Мижуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) См. Baley. Australian life in lown und country 1905.

2) Оффиціальное названіе Австралійской Федераціи—„The Australian Commonwealth". По причинамъ, указаннымъ частью въ настоящей главѣ, мы находимъ совершенно правильнымъ называть Австралійскую Федерацію Соединенными Штатами Австраліи, каковое названіе мы часто употребляемъ въ послѣдующемъ изложеніи. Болѣе подробно о томъ же см. цитированную выше нашу статью въ „Образованіи": „Соед. Штаты Австраліи".

Карлъ Марксъ и его время.

Очеркъ пятый.

От „Союза гонимыхъ" къ „Союзу коммунистовъ"; отъ девиза—„всѣ люди братья" къ девизу—„пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь".—Появленіе „Коммун. Манифеста". — Соціально-политическая жизнь передовыхъ европейскихъ странъ сороковыхъ годовъ и ея отраженіе въ Манифестѣ.—Омертвѣвшія и живыя части Манифеста.—Къ вопросу объ его „заимствованіи".—Первое впечатлѣніе, произведенное имъ.

До переселенія изъ Парижа въ Брюссель Марксъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякаго участія въ соціалистическомъ движеніи. Онъ весь ушелъ въ выработку своего соціалистическаго міровоззрѣнія и отстаивалъ его только перомъ въ рукахъ. Въ Брюсселѣ Марксъ, какъ мы видѣли, уже закончилъ черновой набросокъ своей соціалистической теоріи. И это, въ связи съ расширеніемъ и углубленіемъ нѣмецкаго соціалистическаго движенія, побудило его выступить не только въ качествѣ теоретика, но и практическаго дѣйствія соціализма. Живя въ Брюсселѣ, Марксъ поддерживалъ постоянныя сношенія и съ англійскими чартистами, и съ французскими соціалистами, и съ мѣстнымъ брюссельскимъ движеніемъ и, наконецъ, энергичнѣе всего съ нѣмецкимъ движеніемъ. Въ маленькой скромной квартиркѣ Маркса перебывали за два года почти всѣ крупные представители тогдашняго нѣмецкаго соціалистическаго движенія и многіе иностранцы. Не довольствуясь этимъ, Марксъ содѣйствовалъ въ Брюсселѣ основанію нѣмецкаго рабочаго союза, записался членомъ брюссельскаго „Демократическаго Общества" и впослѣдствіи сталъ дѣятельнѣйшимъ членомъ „Союза Коммунистовъ", отъ имени и по порученію котораго онъ выпустилъ свой знаменитый „Коммунистическій Манифестъ".

По мѣрѣ того, какъ разросталось соціальное движеніе въ Германіи и обострялась борьба между правительствомъ и народомъ, все растущій потокъ политическихъ эмигрантовъ устремлялся въ Швейцарію, Францію, Бельгію и Англію. Общественный составъ этихъ эмигрантовъ былъ очень пестръ,—тутъ были

студенты, литераторы, общественные дѣятели, ремесленники и рабочіе. На первыхъ порахъ тонъ задавала интеллигенція, но постепенно ее начинали вытѣснять рабочіе и въ особенности ремесленники. Нѣмецкіе эмигранты устраивали за границей свои безчисленныя общества, преслѣдовавшія цѣли политическаго освобожденія Германіи самыми различными способами и путями. Здѣсь не мѣсто описывать всѣ эти организаціи нѣмецкихъ политическихъ эмигрантовъ. Мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ прямомъ духовномъ родствѣ съ „Союзомъ Коммунистовъ", отъ имени котораго появился „Коммунистическій Манифестъ" и устанавливаютъ, такимъ образомъ, духовную родословную послѣдняго.

Уже въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ (въ 1833 г.) нѣмецкіе эмигранты основали въ Парижѣ „Нѣмецкій союзъ гонимыхъ" („Deutscher Bund der Geachteten"). Общество это, въ виду тогдашнихъ политическихъ условій, было, конечно, тайнымъ. „Цѣлью союза гонимыхъ,—гласилъ статутъ этого общества,—является освобожденіе Германіи отъ ярма позорнаго рабства и установленіе такого строя, который бы, насколько это можно предвидѣть, устранилъ всякую возможность возвращенія къ рабству. Достиженіе этой главной цѣли возможно только при условіи прочнаго установленія соціальнаго и политическаго равенства, свободы, гражданской доблести и единства народовъ, сперва въ предѣлахъ странъ нѣмецкаго языка, а потомъ и среди остальныхъ народовъ Европы".

„Союзъ гонимыхъ" насчитывалъ нѣсколько сотъ членовъ, среди которыхъ преобладали ремесленники; онъ обзавелся своимъ собственнымъ органомъ „Гонимымъ" („Dei Geächtete"), выходившимъ подъ редакціей нѣмецкихъ эмигрантовъ — Венедея, Шустера и Маурера.

Уже съ самаго начала въ „Гонимомъ" обнаружилось два враждебныхъ теченія. Венедей былъ представителемъ политическаго радикализма, отличавшагося чрезвычайной революціонностью фразеологіи и столь же чрезвычайною спутанностью и расплывчатостью соціальнаго міровоззрѣнія. Венедей на первый планъ выдвигалъ политическій вопросъ, считая, что въ свободномъ государствѣ соціальный вопросъ самъ собою разрѣшится.

Совершенно иныхъ воззрѣній придерживался другой редакторъ „Гонимаго"—Теодоръ Шустеръ. Шустеръ среди нѣмецкихъ соціалистовъ былъ однимъ изъ первыхъ, ставшихъ на пролетарски-реалистическую точку зрѣнія. Въ противоположность Венедею, Шустеръ доказывалъ необходимость соціальнаго переворота и недостаточность политическаго равноправія для наступленія соціальнаго равенства. „Мы убѣждаемся,—говоритъ Шустеръ,—что мирное сожительство подъ тѣнью демократической конституціи двухъ классовъ, враждебныхъ другъ другу по своимъ интере-

самъ и по своимъ политическимъ цѣлямъ, совершенно невозможно, и неизбѣжнымъ исходомъ борьбы между ними будетъ или уничтоженіе самой конституціи по формѣ или по духу, или же полнѣйшее уничтоженіе привилегированаго класса путемъ соціальной революціи".

Въ анонимной статьѣ о свободѣ, принадлежащей, очевидно, перу Шустера, „Гонимый" писалъ: „Да! передъ друзьями и врагами мы открыто заявляемъ: мы не хотимъ довольствоваться ролью тѣхъ театральныхъ героевъ, которые на счетъ народа ковали свое счастіе, измѣняя въ новѣйшей исторіи конституціи: наша цѣль лежитъ дальше, и такъ какъ не въ нашемъ характерѣ обманывать кого-либо, въ плохомъ и хорошемъ, то мы открыто называемъ цѣль:—радикально-соціальная и политическая эмансипація трудящихся классовъ".

Въ одной изъ своихъ статей Шустеръ доказываетъ, что только съ помощью революціи можно добиться соціальной справедливости, но, однако, „революція сама по себѣ еще не представляетъ никакого прогресса. Она является прогрессомъ только въ томъ случаѣ, если она предпринята при *всестороннемъ знаніи* (курсивъ Шустера) конечной цѣли, или же если она будетъ все время вестись при наличности подобнаго знанія" [1]).

Въ другомъ сочиненіи Шустеръ подробно и обстоятельно доказываетъ неизбѣжность вытѣсненія мелкаго производства крупнымъ и связаннаго съ этимъ обѣднѣнія растущей массы населенія. „Можно предвидѣть, что рано или поздно громадное большинство рабочихъ или будетъ охвачено революціоннымъ возмущеніемъ, или опустится до печальнаго существованія фабричныхъ рабочихъ, если, впрочемъ, какія-либо радикальнѣйшія реформы не положатъ конца неравенству".

„Короли биржи и фабрики,—говоритъ далѣе Шустеръ,—властвуютъ надъ сотнями тысячъ служащихъ, которые влачатъ въ конторахъ жалкое существованіе—надъ милліонами голодныхъ, изнуренныхъ рабочихъ, которые погибаютъ въ ихъ грязныхъ мастерскихъ". „Съ каждымъ днемъ все больше выясняется противоположность *двухъ классовъ*: класса богатыхъ, которые потребляютъ, но ничего не производятъ, и класса бѣдныхъ, которые создаютъ все и лишены всего [2]). Шустеръ хорошо понялъ классовыя противорѣчія между „богатыми" и „бѣдными", но онъ,

---

1) „Der Geächtete, in Verbindung mehreren Volksfreunden, herausgegeben von Venedey. Paris. 1835. Стр. 208. Полнаго экземпляра „Гонимаго" намъ нигда не удалось найти. Мы могли воспользоваться лишь разрозненными номерами его, имѣющимися въ Парижской національной библіотекѣ.

2) Ср. Ш. Андлеръ. Коммунистическій Манифестъ. Историческое введеніе и комментарій къ нему. Спб. 1906. Изд. г. Львовича. Стр. 69.

какъ всѣ тогдашніе соціалисты, не понялъ значенія въ классовой борьбѣ *политическаго* элемента. Онъ горячо доказывалъ безразличность политическихъ формъ для классовой борьбы трудящихся и этимъ онъ уплачивалъ дань общепринятому тогда у соціалистовъ отрицательному отношенію къ политической борьбѣ. Это утопическое пониманіе взаимоотношеній между политической и классовой борьбой, это непониманіе той истины, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, мѣшали Шустеру понять и истинный характеръ соціальной природы государства и правительства. Шустеръ требовалъ, чтобы государство на свои средства устраивало производительныя рабочія товарищества и надѣялся, что подобныя соціальныя реформы способны предотвратить соціальную революцію и привести къ мирному разрѣшенію соціальнаго вопроса.

„Союзъ Гонимыхъ“ не довольствовался эмигрантской дѣятельностью, онъ дѣлалъ энергичныя, но малоуспѣшныя попытки проникнуть въ самую Германію и черезъ посредство нѣмецкихъ ремесленниковъ, странствовавшихъ изъ города въ городъ, повести коммунистическую пропаганду въ самой Германіи. Но очень скоро наиболѣе сознательные члены „Союза Гонимыхъ“ во главѣ съ Шустеромъ убѣдились въ томъ, что заговорщическая тайная организація не можетъ разсчитывать на массовый успѣхъ и въ 1836 году они покинули „Союзъ Гонимыхъ“, основавъ новое коммунистическое общество уже на болѣе широкихъ демократическихъ началахъ. Новое общество получило названіе „Союза справедливыхъ“. И этотъ союзъ, по условіямъ тогдашняго времени, могъ быть только тайнымъ, но по своей организаціи онъ носилъ значительно болѣе пролетарскій характеръ, чѣмъ „Союзъ Гонимыхъ“. Союзъ насчитывалъ уже до тысячи членовъ, онъ разбивался въ организаціи на небольшія группы, „коммуны“, въ которыя входило десять человѣкъ; десять коммунъ образовывали вмѣстѣ одинъ „округъ“. Округи избирали своихъ представителей, составлявшихъ „палату“. Палата въ свою очередь выбирала „правленіе“ и „исполнительный комитетъ“.

Ставя своею цѣлью соціалистическій переворотъ, „Союзъ справедливыхъ“ въ политической области добивался учрежденія республиканскаго строя. Какимъ путемъ долженъ быть произведенъ соціалистическій переворотъ,—на этотъ счетъ воззрѣнія членовъ „Союза справедливыхъ“ отличались и большою расплывчивостью, и большими разнорѣчіями. Иные члены готовы были довольствоваться демократической республикой, будучи увѣрены, что она сама по себѣ создастъ соціальное равенство, другіе же относились скептически къ формамъ правленія и требовали учрежденія коммунистическаго строя. Свои общіе лозунги и принципы „Союзъ справедливыхъ“ заимствовалъ у французскаго революціоннаго „Общества временъ года“, во главѣ котораго

стояли Барбесъ и знаменитый Бланки. Исходя изъ того соображенія, что „такъ какъ соціальный организмъ зараженъ, то впредь до его исцѣленія и именно для этого исцѣленія народу въ теченіе нѣкотораго времени необходимо обладать революціонной властью“, „Общество временъ года“ ставило своею цѣлью завладѣніе этою властью при первомъ благопріятномъ случаѣ. Въ маѣ 1839 г. „Общество временъ года“ сочло, что такой благопріятный моментъ наступилъ. 12-го мая вспыхнуло въ Парижѣ подъ руководствомъ этого общества возстаніе. Весь кварталъ, примыкающій къ парижской думѣ, былъ покрытъ баррикадами. „Союзъ справедливыхъ“, тѣсно связанный съ французскимъ „Обществомъ временъ года“, былъ втянутъ въ это возстаніе. Возстаніе было быстро подавлено и руководители „Союза справедливыхъ“ должны были бѣжать изъ Парижа.

Вейтлингъ, бывшій ревностнымъ членомъ „Союза справедливыхъ“, послѣ подавленія возстанія бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ основалъ аналогичный новый союзъ. Другая же часть руководителей, во главѣ съ Шапперомъ, Моллемъ и Эккаріусомъ скрылась въ Лондонъ, гдѣ возстановила распавшійся союзъ.

Пораженіе парижскаго возстанія и та совершенно новая соціальная среда, въ которую попали въ Лондонѣ нѣмецкіе коммунисты, придали ихъ союзу новый характеръ. Прежде всего, попавъ въ Лондонъ, нѣмецкіе коммунисты столкнулись здѣсь съ могущественнымъ чартискимъ движеніемъ. Чартиское движеніе имѣло огромное значеніе для воспитанія соціалистической мысли, съ одной стороны, какъ массовое пролетарское движеніе, сбросившее съ себя ту скорлупу заговорщичества и конспираціи, съ которыми не могло разстаться французское движеніе, во-вторыхъ же, здѣсь классовая борьба тѣсно, неотрывно сплелась съ политической борьбой, носила сознательный политическій характеръ. Благодаря этому, англійскій чартизмъ могущественно содѣйствовалъ отрезвленію нѣмецкихъ коммунистовъ отъ увлеченія заговорщическими организаціями, безсиліе которыхъ они, впрочемъ, изучили на своей спинѣ во время упомянутаго возстанія 1839 г.

Дѣятели парижскаго „Союза справедливыхъ“ все болѣе и болѣе эволюціонировали въ сторону реалистическаго соціализма и рука объ руку съ этимъ уменьшалась идейная пропасть, отдѣлявшая ихъ отъ Маркса. Въ 1843 г. былъ арестованъ въ Швейцаріи Вейтлингъ, руководитель швейцарскаго отдѣленія „Союза справедливыхъ“. Швейцарскій союзъ вслѣдствіе этого распался и вся дѣятельность сосредоточилась въ лондонской организаціи.

Марксъ и Энгельсъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдили за развитіемъ нѣмецкаго „Союза справедливыхъ“, но они относились къ нему отрицательно и сторонились его до тѣхъ поръ, пока въ его основѣ не лежало никакой ясной и выдер-

жанной соціалистической теоріи и пока въ своей организаціи онъ носилъ явственный отпечатокъ сектанства и заговорщичества. Съ 1843 года, когда „Союзъ справедливыхъ“ уже сдѣлалъ весьма важные шаги въ сторону пролетарскаго реализма, между лондонскими руководителями этого союза и Марксомъ устанавливаются письменныя сношенія. Союзъ впослѣдствіи приглашалъ Маркса и Энгельса вступить въ свой составъ, но основатели научнаго соціализма отказывались отъ этого, въ виду того, что „Союзъ“ еще не совсѣмъ освободился отъ элементовъ бабувизма и якобинскаго бланкизма. Марксъ, выработавшій тогда въ основныхъ чертахъ свое ученіе, рѣшилъ объявить безжалостную истребительную войну утопизму и якобинству. Онъ считалъ, что теперь настала пора вывести соціалистическое движеніе изъ мрака заговоровъ и конспирацій на широкую дорогу политически-организованной массовой классовой борьбы и въ виду этого Марксъ рѣшительно отказывался вступить въ тѣ организаціи, которыя продолжали идти старой тропинкой заговоровъ, уже отслужившей свою нѣкогда необходимую историческую роль. Впослѣдствіи въ „Новомъ Рейнскомъ Обозрѣніи“ Марксъ съ удивительною ясностью и сжатостью установилъ причину своего тогдашняго отрицательнаго отношенія къ революціонерамъ-заговорщикамъ. „Дѣло заговорщиковъ,—писалъ Марксъ,—заключалось въ томъ, чтобы предвосхитить революціонный процессъ развитія, чтобы искусственно привести его къ кризису, чтобы съимпровизировать революцію при отсутствіи ея предпосылокъ. Единственнымъ условіемъ революціи для нихъ была достаточная организація заговоровъ. Они были алхимиками революціи и раздѣляли ограниченность застывшихъ взглядовъ прежнихъ алхимиковъ. Они изощрялись въ изобрѣтеніяхъ, которыя должны были породить революціонныя чудеса... Занятые подобнымъ прожекторствомъ, они не ставили себѣ другой цѣли, кромѣ ближайшей — низверженіе существующаго правительства, и глубочайшимъ образомъ презирали теоретическое просвѣщеніе рабочихъ на счетъ ихъ классовыхъ интересовъ. Отсюда—ихъ не пролетарская, а плебейская злоба противъ habits noirs“.

Какъ мы уже замѣтили, „Союзъ справедливыхъ“, переселившись въ Лондонъ, все болѣе и болѣе сталъ склоняться къ реализму и благодаря этому обнаруживалъ все большую готовность воспринять ученіе Маркса. Къ 1847 году разногласія между Марксомъ и руководителями „Союза“ настолько уже стерлись, что весною 1847 г. Молль, игравшій видную роль въ „Союзѣ справедливыхъ“, отправился къ Марксу въ Брюссель и къ Энгельсу въ Парижъ для того, чтобы пригласить ихъ войти членами въ „Союзъ“. При этомъ Молль открыто заявилъ, что большинство членовъ „Союза“ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе Маркса и на ближайшемъ конгрессѣ Марксу дана будетъ возможность подробно развить

свои воззрѣнія и реорганизовать „Союзъ“ сообразно со своей теоріей. Марксъ и Энгельсъ, уже давно находившіеся въ письменныхъ сношеніяхъ съ „Союзомъ“ и считавшіе, что въ немъ вполнѣ подготовлена почва для воспріятія ихъ идей, приняли на этотъ разъ предложеніе. Въ Брюсселѣ подъ руководствомъ Маркса было основано отдѣленіе союза. Первый конгрессъ „Союза справедливыхъ“ собрался въ Лондонѣ лѣтомъ 1847 года, на немъ присутствовалъ Энгельсъ, какъ делегатъ отъ парижскаго отдѣленія. Союзъ былъ основательно реорганизованъ и даже измѣнилъ свое названіе — изъ „Союза справедливыхъ“ онъ превратился въ „Союзъ коммунистовъ“. Цѣль этого реорганизованнаго „Союза“, какъ ее опредѣлялъ первый параграфъ устава, была: „низверженіе буржуазіи, господство пролетаріата, уничтоженіе стараго, основаннаго на классовыхъ противорѣчіяхъ буржуазнаго общества и основаніе новаго общества безъ классовъ и безъ частной собственности“. Союзъ былъ реорганизованъ на демократической основѣ—всѣ партійные посты были выборными и подлежащими смѣнѣ.

На второй съѣздъ „Союза коммунистовъ“, происходившій въ ноябрѣ—декабрѣ 1847 г., пріѣхалъ изъ Брюсселя Карлъ Марксъ, который обстоятельно изложилъ свою соціалистическую теорію, склонивъ на свою сторону всѣхъ участниковъ съѣзда. Съѣздъ поручилъ Марксу выработать манифестъ и въ февралѣ 1848 года появился отъ имени „Союза коммунистовъ“ знаменитый „Коммунистическій Манифестъ“.

Марксъ написалъ „Коммунистическій Манифестъ“ въ концѣ 1847 года, т. е. послѣ того, какъ онъ внимательно и глубоко изучилъ философскія ученія Германіи, соціалистическое движеніе и соціалистическія ученія Франціи, экономическую литературу и экономическое развитіе Англіи. „Коммунистическій Манифестъ“ послужилъ геніальнымъ обобщеніемъ тѣхъ результатовъ и итоговъ, къ которымъ пришелъ Марксъ на основаніи изученія современной ему дѣйствительности и идеологіи передовыхъ европейскихъ странъ. Съ классической ясностью и яркостью Марксъ раскрылъ основные элементы и силы историческаго развитія, обнаживъ движущій нервъ общественнаго развитія, указавъ при этомъ на величественныя перспективы, которыя раскрываетъ пролетаріатъ „грядущаго волнуемое море.“ Какъ мы увидимъ ниже, Марксъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ значительно опередилъ свое время и своимъ духовнымъ взоромъ проводилъ въ совершенно развитомъ и сложившемся видѣ тѣ общественныя формы, которыя въ сороковыхъ годахъ едва только были зачаты. Мы увидимъ, что благодаря этому общее значеніе „Коммунистическаго Манифеста“, въ полную противоположность безчисленному множеству соціалистическихъ произведеній того времени, не только не падало, но росло по мѣрѣ дальнѣйшаго

развитія общественныхъ отношеній; съ другой же стороны, Марксъ такъ ясно видѣлъ въ исторической дали, что онъ невольно перенесилъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ многія черты грядущаго уже въ настоящее. Ниже мы остановимся и на удивительномъ дарѣ пророчества, сказавшемся въ Манифестѣ и на только что упомянутомъ „уповаемыхъ извѣщеніи, вещей обличеніи невидимыхъ“, а теперь мы должны въ общихъ чертахъ изучить тѣ обстоятельства времени и мѣста, подъ могущественнымъ воздѣйствіемъ которыхъ создавался „Коммунистическій Манифестъ.“

Какою геніальною историческою дальнозоркостью ни обладалъ Марксъ, какъ далеко ни предвидѣлъ онъ измѣненія, которыя несетъ съ собою „рѣка временъ въ своемъ теченіи“, но, конечно, и онъ былъ подверженъ всѣмъ законамъ историческаго давленія и притаженія и онъ не могъ отрѣшиться отъ вліянія атмосферы и обстановки своего времени. Для пониманія „Коммунистическаго Манифеста“ необходимо, въ виду этого, прежде всего ознакомиться съ общими соціальными условіями передовыхъ европейскихъ государствъ второй половины сороковыхъ годовъ.

Начнемъ съ Англіи. Въ Англіи сороковыхъ годовъ крупное капиталистическое производство уже могущественно развивалось, но оно еще далеко не закончило своей исторической тяжбы съ поземельной аристократіей и вообще еще не успѣло выработать соотвѣтствующей своимъ экономическимъ нуждамъ политической атмосферы и обстановки. Англійскій капиталистъ тогда только такъ сказать выходилъ въ люди и старыя историческія власти еще относились свысока къ его молодымъ силамъ. Дорожа интересами поземельной ренты, англійское дворянство крѣпко держалось за пошлины на ввозимый въ Англію хлѣбъ, что, конечно, повышало на англійскомъ рынкѣ цѣны на хлѣбъ, а отсюда и поземельную ренту. Но эти пошлины на хлѣбъ, въ то же время поднимая цѣны, повышали минимумъ физическаго существованія, необходимый для рабочихъ, т. е. повышали заработную плату и этимъ уменьшили прибыль капиталистовъ. Понятно, что капиталисты вели ожесточенную кампанію за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ и старались втянуть рабочихъ въ борьбу съ ненавистнымъ земельнымъ дворянствомъ.

Борьба со старою властью во имя новыхъ производительныхъ силъ создавала точки политическаго соприкосновенія между англійскою буржуазіей и англійскимъ рабочимъ классомъ сороковыхъ годовъ. Но это, конечно, ни мало не мѣшало существовать ужасающей экономической эксплоатаціи рабочихъ капиталистами. Развитіе капитализма на первыхъ порахъ сопровождалось въ Англіи массовымъ разореніемъ населенія. Капитализмъ выбивалъ населеніе изъ старой, вѣками наѣзженной, экономической колеи, убивалъ старые мелкіе промыслы. Огромныя и голодныя массы народа искали себѣ занятія на фабрикахъ и заводахъ, но ём-

кость тогдашняго капиталистическаго развитія Англіи была невелика и все росла и росла армія „избыточныхъ“ людей, голодныхъ, оборванныхъ и не находившихъ себѣ никакой работы.

„Англія,—говоритъ объ этомъ времени Карлейль,—лежала въ болѣзненномъ недовольствѣ, безсильно корчась въ лихорадкѣ на своемъ одрѣ, мрачная, исполненная глубокаго отчаянія“. Производительныя силы Англіи быстро росли, но растущее разореніе ея населенія сужало ея внутренній рынокъ, а запретительныя таможенныя пошлины иностранныхъ государствъ закрывали для нея внѣшній рынокъ. Вслѣдствіе этого спросъ на англійскіе товары на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ возросталъ крайне медленно и крупная промышленность задыхалась отъ буйнаго прилива производительныхъ силъ. При этихъ условіяхъ капиталистамъ волей-неволей приходилось прибѣгать къ пониженію цѣнъ на всѣ товары, чтобы хотя этимъ путемъ найти имъ сбытъ. Понижая цѣны на товары, капиталисты старались вознаградить себя пониженіемъ размѣра заработной платы, благо, свободныхъ рукъ было болѣе, чѣмъ достаточно и рабочіе были не организованы.

За исключеніемъ совершенно ничтожной по численности группы привилегированныхъ рабочихъ, матеріальное положеніе рабочаго класса Англіи въ сороковыхъ годахъ было ужасающе. „При нормальномъ положеніи торговли,—говоритъ Туккеръ,—около трети населенія погружено въ самую ужасную нищету и находится на краю голодной смерти“. По словамъ Симмондса и Миллера, въ сороковыхъ годахъ большая часть городского населенія въ Глазго не располагала никакими видимыми средствами существованія кромѣ воровства и проституціи. То же самое сообщаетъ о Манчестерѣ д-ръ Кей.

Исключая привилегированной категоріи рабочихъ, ужасающе низкая заработная плата остальныхъ рабочихъ продолжала падать. И въ тоже самое время продукты первой необходимости повышались въ цѣнѣ [1]).

Особенно ужасно было положеніе чернорабочихъ, рабочихъ въ мелкихъ производствахъ и ручныхъ ткачей. Они массами умирали съ голоду. Толпы голодныхъ, оборванныхъ и страшно обезленныхъ людей переполняли всѣ города. Государство увеличило налоги на содержаніе бѣдныхъ, но это была капля въ безбрежномъ морѣ народной нищеты, капля, къ тому же переполнившая чашу терпѣнія... богатыхъ классовъ. Чтобы успокоить волнующіяся массы голоднаго и озлобленнаго люда, правительство бросало ему нищенскія подачки, но оно въ тоже время стремилось обставить эти подачки столь унизительными и тяжкими условіями, чтобы отбить даже у голодныхъ желаніе пользоваться ими. Правитель-

---

[1]) См. подробнѣе М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. 2 изд. Спб. 1900. Стр. 247—249.

ство выступило съ новымъ проектомъ устройства рабочихъ домовъ, который долженъ былъ превратить эти дома въ каторгу для „осужденныхъ“ на бѣдность рабочихъ.

На этой почвѣ возникло могущественное чартиское движеніе. Горючаго матеріалу накопилось достаточно, и это движеніе запылало яркимъ пламенемъ. Какъ мы уже замѣтили, англійскіе капиталисты сороковыхъ годовъ сами еще будировали противъ тогдашняго правительства и они поспѣшили использовать это движеніе въ свою пользу и часть буржуазіи замѣшалась въ движеніе чартистовъ. Движеніе это главнымъ образомъ состояло изъ пролетаріата, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, отсталость тогдашняго англійскаго пролетаріата, а съ другой—общность и распространенность недовольства и неудовлетворенности, охватившихъ тогда самые различные слои англійскаго общества, надо признать вполнѣ естественнымъ, что чартизмъ не носилъ ясно и твердо выдержаннаго классоваго характера. Въ своей идеологіи онъ представлялъ довольно пеструю смѣсь и изъ фронды капиталистовъ противъ правительства и поземельнаго дворянства, и изъ нечленораздѣльнаго недовольства разоряемой мелкой буржуазіи, и изъ классовой вражды и тяжбы пролетаріата. Эта расплывчатость иделогіи шла рука объ руку съ невыдержанной и колеблющейся тактикой и туманностью цѣли. Въ своей первой національной петиціи 1838 г. чартисты писали: „Мы изнемогаемъ подъ бременемъ налоговъ, которые все же признаются недостаточными нашими повелителями. Наши торговцы и промышленники находятся на краю разоренія. Наши рабочіе голодаютъ. Капиталъ не даетъ прибыли, трудъ не вознаграждается Домъ ремесленника опустѣлъ, а складъ ростовщика пополнился. Въ рабочемъ домѣ нѣтъ мѣста, а фабрика стоитъ безъ работы. Мы смотрѣли повсюду и внимательно искали причины нужды, столь тяжелой и столь продолжительной. Мы не можемъ найти этой причины ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи... Мы съ полнымъ почтеніемъ заявляемъ палатѣ общинъ, что нельзя допустить продолженія такого порядка дѣлъ. Мы говоримъ палатѣ, что капиталъ хозяина не долженъ быть лишенъ надлежащей прибыли, что трудъ рабочаго не долженъ быть лишенъ надлежащаго вознагражденія“.

Какъ показываетъ эта петиція, на первыхъ порахъ агитація чартистовъ не носила сколько-нибудь ясно выраженнаго пролетарскаго классоваго характера; мы находимъ въ ней интересы пролетаріата и капиталистовъ еще въ слитой, не распаянной формѣ. И лишь по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и обостренія отношеній чартизмъ принялъ болѣе ясно и рѣзко выраженный классовый и соціалистическій характеръ.

Вторая петиція чартистовъ, составленная въ 1842 г., заговорила несравненно болѣе рѣзкимъ и яснымъ языкомъ проснувшагося

классоваго сознанія, чѣмъ первая: „Тысячи народа умираютъ отъ нужды... Податели петиціи обращаютъ вниманіе парламента на нищенскую заработную плату земледѣльческаго рабочаго и испытываютъ чувство негодованія и ужаса при видѣ ничтожнаго заработка тѣхъ, труды которыхъ изготовляетъ пищу для всего населенія. Податели петиціи глубоко сожалѣютъ о существованіи монополіи всякаго рода въ этой странѣ и, категорически осуждая налоги на предметы необходимости, потребляемые главнымъ образомъ рабочимъ классомъ, они думаютъ въ то же время, что уничтоженіе одной монополіи не подыметъ трудъ изъ его нищенскаго положенія, пока народъ не пріобрѣтетъ власть, при которой всѣ монополіи и формы притѣсненія должны исчезнуть; податели петиціи указываютъ на существущія монополіи избирательнаго права, бумажныя деньги, владѣнія машинами, землей, монополіи прессы, религіозныхъ привилегій, средства сообщеній и множества другихъ, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы ихъ можно было перечислить; всѣ эти монополіи создаются классовымъ законодательствомъ“ [1]).

Какъ бы тамъ ни было, чартизмъ былъ первымъ широкимъ пролетарскимъ движеніемъ, поставившимъ своею цѣлью овладѣніе политическою властью и онъ оказалъ этимъ сильное воздѣйствіе на соціалистическую мысль сороковыхъ годовъ и въ частности на Маркса.

Рожденный экономическимъ разореніемъ и промышленнымъ застоемъ, чартизмъ быстро пошелъ на убыль, какъ только въ Англіи начался сильный экономическій подъемъ. Въ 1842 году заключенъ былъ миръ между Англіей и Китаемъ, что открыло для англійской промышленности огромный китайскій рынокъ. Промышленность сразу ожила. Началась усиленная постройка фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ. Вывозъ англійскихъ фабрикатовъ сильно возросъ, армія безработныхъ сократилась и экономическое положеніе пролетаріата улучшилось. Чартизмъ на время сходитъ со сцены.

Но не долго длилось это благоденствіе. Съ 1846 года вновь появляются симптомы надвигающагося промышленнаго кризиса. Годъ былъ неурожайный, картофель почти совсѣмъ не взошелъ, въ Ирландіи нависъ форменный голодъ. Въ 1847 году положеніе еще болѣе ухудшилось, цѣна пшеницы поднялась на 40%, въ то же самое время насталъ и хлопковый голодъ—цѣна хлопка увеличилась съ 1846 г. по 1847 г. на 65%. Къ концу 1847 года разразился опустошительный кризисъ. Одно банкротство слѣдовало за другимъ, фабрики частью совсѣмъ закрывались, частью сильно сокращали производство. Вновь стали расти огромныя

---

[1]) Ср. М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ Англіи. Спб. 1900. 254—255 стр.

толпы безработнаго и озлобленнаго люда, вновь вспыхнула полоса стачекъ и стычекъ. А кризисъ все углублялся. Въ Виганѣ изъ 20 фабрикъ всего одна работала полное время. Въ Глазго изъ 56 хлопчатобумажныхъ фабрикъ всего четыре работали полное время, а 16 совсѣмъ закрылись. Толпы безработныхъ ходили здѣсь по улицамъ съ кликами: „хлѣба или революціи!"

Даже такой консервативный органъ, какъ „Times" описывалъ самыми мрачными красками положеніе рабочихъ. Священникъ изъ Ноттингама заявлялъ въ этой газетѣ: „Я думаю, что значительная часть населенія города находится въ состояніи почти голоданія... Значительная часть мебели и вещей рабочихъ заложена или продана, и когда я справился, отчего многихъ дѣтей въ школѣ не хватаетъ, то оказалось, что у нихъ нѣтъ одежды, чтобы ходить въ школу". Другой священникъ писалъ: „Я думаю, что въ теченіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ даже у половины рабочихъ не было больше заработка, чѣмъ сколько требуется для того, чтобы не голодать въ буквальномъ смыслѣ слова." „Нѣтъ словъ,—говоритъ третій священникъ,—чтобы выразить лишенія и нищету въ настоящій моментъ. Множество буквально голадаетъ" [1]).

Чартизмъ вспыхнулъ съ новой, гораздо большей силой.

Таково было положеніе Англіи въ эпоху составленія „Коммунистическаго Манифеста". Ниже мы увидимъ, въ чемъ и какъ отразилось это на „Манифестѣ", а теперь обрисуемъ въ общихъ чертахъ соціальное положеніе Франціи и Германіи сороковыхъ годовъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ соціально-политическое положеніе Франціи во многомъ существенно отличалось отъ соотвѣтственнаго положенія Англіи. И во Франціи разореніе народной массы приняло въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ очень широкіе размѣры, но все же въ ней мелкая буржуазія была относительно многочисленнѣе, зажиточнѣе и болѣе живуча, чѣмъ въ Англіи. Но основное различіе заключалось въ характерѣ политической жизни. Въ Англіи, какъ мы видѣли, буржуазія находилась въ политической фрондѣ и старалась использовать и даже инсценировать рабочіе стачки и безпорядки; во Франціи же революція 1830 года возвела крупную, главнымъ образомъ финансовую, буржуазію на тронъ и сдѣлала ее довольной, торжествующей и правящей. Такое положеніе буржуазія заняла благодаря революціи, купленной кровью рабочихъ. Буржуазія, опьяненная побѣдой и вознесенная на головокружительную высоту, на первыхъ порахъ умилилась и обѣщала всяческихъ благъ „героямъ-рабочимъ". „Когда случается,—говорилъ одинъ изъ министровъ Луи Филиппа,—что возникаетъ династія вслѣдствіе героизма рабочихъ, то эта династія обязана сдѣлать что-нибудь для этихъ

1) Ibid., 264.

работниковъ-героевъ". Но фейерверкъ фразъ и словъ потухъ, и настала будничная дѣйствительность, оказавшаяся очень невеселой и голодной для „работниковъ-героевъ". Непосредственно послѣ іюльской революціи 1830 г. начался во Франціи промышленный застой. Безработица росла. Повсюду появлялись толпы безработныхъ и безпокойныхъ людей. Мѣры общественной благотворительности были жалкимъ палліативомъ. Недовольство росло и принимало особенно острыя формы въ рабочемъ классѣ, который такъ много ждалъ и такъ мало получилъ отъ происшедшаго переворота. Быстро накоплявшееся озлобленіе вспыхнуло 21-го ноября 1831 года новымъ возстаніемъ въ Ліонѣ. Послѣ упорной битвы войска вынуждены были отступить, и Ліонъ оказался во власти возставшихъ рабочихъ. Въ теченіе десяти дней Ліонъ былъ въ рукахъ рабочихъ, но 3-го декабря 1831 г. правительственныя войска вновь заняли его.

Ліонское возстаніе было самымъ крупнымъ, но въ болѣе мелкой формѣ „безпорядковъ" рабочія возстанія происходили въ очень многихъ мѣстахъ и подавленныя или сами потухшія въ одномъ мѣстѣ, они внезапно вспыхивали въ другомъ.

Понемногу французская промышленность оправлялась отъ кризиса и начала вновь широко развиваться. При этомъ мы замѣчаемъ здѣсь явленіе, уже отмѣченное нами относительно Англіи,— имѣя дѣло со сравнительно небольшимъ и медленно возраставшимъ рынкомъ, промышленность ради сбыта вынуждена была сильно понизить цѣны на товары. Она сосредоточилась на производствѣ дешевыхъ, низкопробныхъ товаровъ. Рынокъ заваливался всяческими дешевыми поддѣлками подъ другіе товары и мелкое мѣщанство охотно покупало всякую дрянь, поддѣланную подъ шелкъ, кружева, бархатъ, золото и драгоцѣнные камни. И безъ того низкая заработная плата благодаря этому понижалась еще ниже. На тюлевыхъ фабрикахъ рабочіе получали отъ $1^1/_2$—3 франковъ въ день, тогда какъ прежде здѣсь работа вознаграждалась втрое лучше.

Въ Лиллѣ шестая часть всѣхъ рабочихъ была вынуждена прибѣгать къ общественной благотворительности. Смертность среди рабочихъ и въ особенности ихъ дѣтей была ужасающа. У капиталистовъ средняя продолжительность жизни равнялась 28 годамъ, тогда какъ у фабричныхъ рабочихъ—одному году и тремя мѣсяцамъ! Это показываетъ, какъ велика была смертность среди новорожденныхъ дѣтей рабочихъ.

Въ то время, какъ „герои-рабочіе" голодали отъ голода, буржуазія, возведенная ими въ лицѣ Луи-Филиппа на тронъ, предавалась финансовымъ вакханаліямъ. Вся буржуазія была охвачена лихорадочной погоней за наживой. Дутыя промышленныя предпріятія росли, какъ грибы послѣ дождя. Вся изобрѣтательность человѣческаго ума была сосредоточена на искусствѣ быстраго

обогащенія. Продавалось съ публичнаго торга среди крупной буржуазіи рѣшительно всѣ и все—красота, талантъ, убѣжденія; все это жадно пускалось въ оборотъ и разсматривалось, какъ доходная статья. Луи-Филиппъ не только не боролся съ этой вакханаліей вокругъ золотого тельца, но благословлялъ ее обѣими руками и не только благословлялъ ее, не неистовствовалъ усерднѣе всѣхъ, получивъ насмѣшливое прозвище „императора пяти процентовъ, короля трехъ процентовъ, покровителя банкировъ и начальника биржевыхъ агентовъ". Луи-Филиппъ не стѣснялся безъ конца клянчить у парламента прибавки себѣ содержанія, онъ клянчитъ до того назойливо и безстыдно, что даже тогдашняя палата въ концѣ концовъ отказываетъ ему. Онъ жадно занимается спекуляціями на биржѣ, продажею выгодныхъ мѣстъ и синекуръ.

Къ 1847 году этотъ биржевой канканъ достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Правительство открыто призываетъ буржуазію: „Обогащайтесь!" и само первое жадно обѣими руками загребаетъ золото, гдѣ оно плохо лежитъ. Открывается эра колоссальныхъ хищеній и казнокрадствъ. Точно чуя надвигающуюся революцію, буржуазія, обезумѣвъ отъ жадности, старалась набить трясущимися руками полные карманы и урвать деньги, пока еще возможно. Въ своихъ лекціяхъ въ „College de France" въ 1847 г. Мишле справедливо говорилъ, что Франція переживаетъ „нравственное Ватерлоо".

Въ 1847 году и во Франціи, подобно Англіи, наступилъ промышленный кризисъ, который сразу сильно увеличилъ и безъ того густые ряды безработнаго и озлобленнаго люда.

Германія сороковыхъ годовъ и по политическому, и по экономическому положенію была крайне отсталой страной по сравненію съ Англіей и Франціей. Капитализмъ въ ней только начиналъ развиваться и носилъ хищническій характеръ. Онъ воздвигалъ свое царство, безжалостно вытягивая всѣ жилы и соки у отупѣвшихъ отъ голодухи деревенскихъ ткачей и ихъ женъ и дочерей, у малютокъ, едва научившихся держаться на ногахъ.

Нищета среди нѣмецкихъ ткачей сороковыхъ годовъ достигала ужасающихъ размѣровъ. Въ 1845 году пасторъ Генхе, полицейскій надзиратель Кобельтъ и судебный протоколистъ Обстъ, подали докладную записку о положеніи ткачей.

„Какъ бы иногда ни казалось,—читаемъ мы въ этой запискѣ,—легко то физическое напряженіе, котораго требуетъ ткацкій станокъ, но все-таки, если даже сидѣть до глубокой ночи, то раньше, чѣмъ въ 6 дней, невозможно окончить ткань въ 140 локтей длиною, а за такую ткань фабрикантъ уплачиваетъ нищенское вознагражденіе въ 14 зильбергрошей (т. е. приблизительно 65 коп. *П. Б.*). Положеніе какого-нибудь арестанта или солдата въ исправительной ротѣ является несравненно болѣе привлекательнымъ по отсутствію заботъ, по царящему тамъ порядку и

человѣчности, чѣмъ жизнь ткача. Съ неотразимой силой проникаетъ нужда во всѣ избы, несмотря на то, что отцы семейства отдаютъ всѣ свои силы, силы всѣхъ своихъ дѣтей, чтобы поддержать свое хозяйство, чтобы избѣжать голода и нищеты, чтобы устранить ужасъ постепеннаго обнищанія" [1]).

Въ Германіи образованъ былъ „Комитетъ помощи нуждающимся ткачамъ", по порученію котораго нѣкій Александръ Шееръ изучилъ лично положеніе силезскихъ ткачей. Въ своемъ отчетѣ онъ писалъ: „Объ ужасающей нищетѣ, царящей среди ткачей, выдѣлывающихъ наиболѣе грубые сорта пряжи, самая живая фантазія не можетъ составить себѣ никакого представленія... Для сотенъ, для тысячъ семействъ этихъ несчастныхъ ткачей ежедневный заработокъ колеблется между 9 пфеннигами (т. е. 4-мя коп.) и однимъ зильбергрошеномъ и 3 пф. (т. е. 11 коп.). И на эту сумму сплошь и рядомъ должна жить семья изъ шести членовъ".

Даже по отзывамъ мѣстной полиціи ужасающая нищета только потому не толкнула ткачей на путь преступленія, „что долгое господство нищеты настолько подорвало ихъ физическую и *моральную* энергію (körperlich und *moralisch* deprimirt hat), что у нихъ не хватаетъ мужества, необходимаго для того, чтобы рѣшиться на преступленіе" [2]).

Такимъ образомъ, даже полиція недоумѣвала, какимъ образомъ люди, находящіеся въ такомъ положеніи, могутъ не прибѣгать къ воровству и объясняла это только моральною подавленностью ихъ!

Въ довершеніе всего, въ 1846 г. разразился среди ткачей обостренный голодъ, а за нимъ слѣдомъ явился его обычный спутникъ—голодный тифъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вымерла двѣнадцатая часть всего населенія.

Нищета и безработица свирѣпствовали повсюду. Газеты и журналы того времени переполнены извѣстіями о голодѣ и нищетѣ.

Положеніе рабочихъ на фабрикахъ было нѣсколько лучше, но фабрикъ было тогда еще очень немного и попавшіе на нихъ считались счастливцами, ибо они имѣли возможность меньше голодать и мерзнуть, чѣмъ ткачи и безработные.

Въ 1847 году и въ Германіи, подобно тому, какъ въ Англіи и Франціи разразился промышленный кризисъ, обостривпій и безъ того острую народную нужду и создавшій новые ряды недовольныхъ и безработныхъ людей. На протяженіи всего 1847 г., подавляясь въ одномъ, вспыхивали въ другомъ мѣстѣ безпорядки и стачки. Народное разореніе, а съ нимъ вмѣстѣ общее недовольство и броженіе охватывало всю страну.

---

[1]) Ср. Wolff. Das Elend und der Aufruhr in Schlesien. „Deutsches Burgerbuch für 1845". Herausg. von H. Püttmann. Darmstadt. 1845. Стр. 185.

[2]) Ibid., стр. 45.,

Мы обрисовывали въ общихъ чертахъ соціально-экономическое положеніе передовыхъ европейскихъ государствъ эпохи появленія „Коммунистическаго Манифеста"; мы видѣли, что по степени своего развитія и въ особенности по характеру окружавшей его политической атмосферы англійскій капитализмъ сороковыхъ годовъ сильно отличался отъ французскаго и оба они еще сильнѣе отличались отъ нѣмецкаго. Германія переживала еще муки родовъ крупнаго капитализма, мучительный процессъ прорѣзыванія новыхъ формъ экономической жизни; при этомъ нѣмецкое правительство отнюдь не играло роли акушера нарождающагося капитализма. Оно тѣсно слило свои кровные интересы съ интересами феодальныхъ классовъ и медленной, скрипучей работой бюрократической машины на каждомъ шагу тормазило живое развитіе производительныхъ силъ.

Въ Англіи, какъ мы видѣли, абсолютизмъ, въ противоположность Германіи, былъ уже свергнутъ, буржуазія уже сдѣлала крупныя политическія завоеванія, но, однако, и здѣсь она еще не заняла господствующаго политическаго положенія и здѣсь ея экономическая сила значительно превышала ея политическую власть и здѣсь еще ей приходилось бороться и съ земельнымъ дворянствомъ, и съ правительствомъ.

Наибольшаго политическаго господства къ сороковымъ годамъ достигла французская буржуазія; извѣстная часть ея, финансовая буржуазія, какъ мы видѣли, съ полнымъ основаніемъ могла сказать: „Государство—это я". Но и здѣсь буржуазія, за исключеніемъ финансистовъ и спекулянтовъ, фрондировала противъ правительства и не считала еще законченнымъ свой періодъ натиска на старый порядокъ.

Въ довершеніе всего, какъ мы видѣли, 1847 годъ, годъ составленія „Коммунистическаго Манифеста", принесъ всѣмъ странамъ опустошительный промышленный кризисъ.

Если мы теперь такъ сказать вынесемъ за скобки всѣ индивидуальныя и мѣстныя отличія въ соціально-политическомъ положеніи передовыхъ европейскихъ странъ, то въ качествѣ общихъ, типическихъ чертъ мы установимъ: растущее обнищеніе народной массы, быстро возроставшія производительныя силы, задыхавшіяся въ тѣсныхъ рамкахъ узкаго тогда и медленно расширявшагося рынка; революціонное „настроеніе", охватившее всѣ классы населенія, не исключая и извѣстныхъ слоевъ крупной буржуазіи. Капитализмъ сороковыхъ годовъ быстро разлагалъ докапиталистическія формы производства, лишая собственности и заработка широкія слои населенія и самъ еще располагалъ и скверной организаціей, и тѣснымъ рынкомъ. Быстро нищавшее населеніе представляло, конечно, скверный внутренній рынокъ для расширившагося капиталистическаго производства.

Этотъ рынокъ постепенно создавался и расширялся, но въ

сороковыхъ годахъ процессъ разложенія старыхъ формъ хозяйства носилъ особенно скоротечный, болѣзненный характеръ, тогда какъ процессъ созданія новыхъ условій массоваго потребленія, массоваго капиталистическаго производства шелъ медленно и съ перерывами. Находясь въ такомъ положеніи, капитализмъ былъ лишенъ объективной возможности уменьшить бѣдствіе, хотя бы тѣхъ лицъ, которыя были непосредственно втянуты въ его водоворотъ, онъ долженъ былъ „экономить“ на всемъ, вынужденъ былъ низводить заработную плату до голоднаго минимума и наводнять рынки дешевыми и гнилыми товарами.

Если бы тѣ черты, которыя присущи были капитализму сороковыхъ годовъ, составляли бы дѣйствительно, какъ думали многіе тогдашніе писатели, неустранимую, внутреннюю его сущность, то Европа уже тогда находилась бы въ послѣднихъ градусахъ капитализма и крахъ послѣдняго былъ бы неминуемъ. Тогдашній капитализмъ съ чрезвычайною быстротою и широтою разрушалъ старыя формы хозяйства и выгонялъ на рынокъ труда пеструю массу людей, рѣдко находившую тамъ занятіе и кусокъ хлѣба. Все растущая масса этихъ людей оставалась не поглощенной ростомъ крупнаго производства и вливалась въ густые ряды безработныхъ и озлобленныхъ людей.

Если бы развитіе капитализма и дальше шло бы такимъ же темпомъ и влекло бы за собою такія же послѣдствія, то неминуемо настала бы страшная катастрофа. Но на самомъ-то дѣлѣ всѣ перечисленныя явленія, сопутствовавшія развитію капитализма въ сороковыхъ годахъ, знаменовали собою не наступавшую уже дряхлость капиталистическаго производства, а, наоборотъ, болѣзнь его роста, болѣзнь дѣтства.

Могли ли эти преходящія явленія капитализма сороковыхъ годовъ не наложить историческаго отпечатка на „Коммунистическомъ Манифестѣ“? Конечно, не могли. „Коммун. Ман.“ ясно говорилъ: „Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ или принципахъ, придуманныхъ или открытыхъ какимъ-нибудь изобрѣтателемъ міроваго обновленія.

Они являются только общимъ выраженіемъ реальныхъ условій происходящей въ дѣйствительности классовой борьбы, совершающагося передъ нашими глазами историческаго движенія“ [1]).

Понятно, что „Коммунист. Ман.“ не могъ не отразить тѣхъ „реальныхъ условій происходящей въ дѣйствительности классовой борьбы“ и капиталистическаго развитія, среди которыхъ онъ создавался. Мы видѣли, въ чемъ заключались основныя черты

---

[1]) Ср. „Коммунистическій Манифестъ“. Съ комментаріями и историческимъ введеніемъ Ш. Андлера. Спб. 1906. Стр. 37.

капитализма сороковыхъ годовъ, теперь остановимся на ихъ отраженіи въ „Коммун. Маниф.“.

Наблюдая быстрый ростъ капиталистическаго производства въ передовыхъ европейскихъ странахъ, его разрушительное вліяніе на мелкія формы предпринимательства, его побѣдное шествіе по трупамъ самостоятельнаго производителя, соціалисты сороковыхъ годовъ, и въ ихъ числѣ и Марксъ, склонны были сильно преувеличивать темпъ развитія капиталистическихъ отношеній и темпъ гибели всѣхъ мелкихъ формъ производства. Казалось, что крупному производству стоитъ сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ— и всѣ промежуточныя ступени соціальной лѣстницы, ведущей отъ пролетарія къ крупному капиталисту, рухнутъ и подъ своими обломками погребутъ всѣ мелкія формы самостоятельнаго хозяйства, и тогда на полѣ соціальной битвы грудь съ грудью встрѣтятся капиталисты съ огромной арміей пролетаріевъ.

Въ борьбѣ съ мелкими формами производства, по воззрѣнію Маркса сороковыхъ годовъ, крупное хозяйство должно было уже въ самомъ ближайшемъ будущемъ выйти полнымъ побѣдителемъ, но помимо борьбы съ пролетаріатомъ, буржуазія не могла чувствовать себя торжествующей побѣдительницей, ибо создаваемая ею народная нищета должна была въ концѣ концовъ придушить ее подъ своею тяжестью. Положеніе рабочаго класса, говоритъ „Комм. Маниф.“, не только не улучшается съ развитіемъ промышленности, а, напротивъ, оно все болѣе ухудшается и рабочій опускается ниже обычнаго уровня существованія своего собственнаго класса. Рабочій превращается въ нищаго, а нищета растетъ еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство. Изъ этого ясно, что буржуазія неспособна дольше играть роль господствующаго класса въ современномъ обществѣ и не можетъ навязывать ему въ качествѣ принципа, регулирующаго всѣ общественныя отношенія, условія существованія своего класса. Она неспособна господствовать, потому что она не въ состояніи обезпечить своему рабу возможность влачить хоть какую-нибудь жизнь даже въ то время, когда этотъ рабъ служитъ ей, потому что буржуазія вынуждена допустить пролетарія до такого положенія, при которомъ ей приходится поддерживать его существованіе вмѣсто того, чтобы самой существовать на его счетъ. Общество не можетъ дольше жить подъ ея владычествомъ, то есть существованіе буржуазіи уже несовмѣстимо съ условіями развитія общества“ [1]).

Какъ показываютъ эти слова, „Комм. Ман.“ ждалъ, что капиталистическій строй рухнетъ подъ страшно и быстро растущею тяжестью рождаемой имъ нищеты, причемъ капитализмъ *не въ состояніи* избавить отъ самой ужасной нищеты даже своихъ ра-

---

[1]) Ibid., стр. 35—36.

бочихъ, не говоря уже о голодающей арміи безработныхъ. Въ „Коммун. Маниф.“, вполнѣ отражая особенности тогдашняго капиталистическаго развитія, Марксъ ждалъ гибели капитализма отъ растущей бѣдности широкой народной массы, что, по его мнѣнію, закончится тѣмъ, что буржуазіи придется „поддерживать его (пролетаріата) существованіе вмѣсто того, чтобы самой существовать на его счетъ!“

Капитализмъ сороковыхъ годовъ быстро разрушалъ мелкія формы производства и Марксъ склоненъ былъ думать, что мелкая буржуазія исчезнетъ въ самомъ близкомъ будущемъ и между пролетаріатомъ и буржуазіей разверзнется глубокая пропасть. Соотвѣтственно съ этимъ взглядомъ „Ком. Ман.“ совершенно сбросилъ съ политическихъ счетовъ мелкую буржуазію,—это одна изъ характернѣйшихъ чертъ „Ком. Ман.“.

Считая, что въ ближайшемъ будущемъ мелкая буржуазія должна погибнуть, находя необходимымъ опирать интересы пролетаріата на широкое развитіе капиталистическаго хозяйства, Марксъ въ эпоху „Коммун. Ман.“, очевидно, склоненъ былъ приписывать мелкой буржуазіи только реакціонную роль. Крупная буржуазія, еще боровшаяся съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, своимъ развитіемъ создавшая экономическія и политическія предпосылки для соціалистической революціи, играла въ сороковыхъ годахъ крупную революціонную роль и Марксъ находилъ для партіи пролетаріата необходимымъ поддерживать эту буржуазію постольку, поскольку она была революціонна. Иное дѣло—мелкая буржуазія. Марксъ въ „Ком. Ман.“, очевидно, не считаетъ ее способной играть революціонную роль даже въ абсолютической Германіи.

„Въ Германіи коммунистическая партія,—говоритъ онъ,—борется вмѣстѣ съ буржуазіей, поскольку сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности *и мелкаго мѣщанства*“ [1]). (Курсивъ нашъ).

Въ сороковыхъ годахъ мелкая буржуазія повсюду играла еще крупную политическую роль и очень часто выступала съ очень радикальными требованіями. Въ Англіи мелкобуржуазный элементъ былъ въ очень сильной дозѣ примѣшанъ къ чартискому движенію, въ особенности въ первой стадіи его развитія; во Франціи мелкая буржуазія была чрезвычайно многочисленна и играла крупную политическую роль, часть ея шла въ первыхъ рядахъ революціоннаго движенія. Такимъ образомъ, „Коммунист. Манифестъ“ лишь мелькомъ останавливался на мелкой буржуазіи не потому, что она не играла тогда радикальной политической роли—именно тогда она выступала на радикальныхъ роляхъ,—а

---

[1]) Ibid., стр. 58.

потому, что Марксъ считалъ ее въ ближайшемъ будущемъ обреченной на полную гибель, считалъ, что не сегодня—завтра она будетъ сброшена въ ряды пролетаріата. Во Франціи мелкая буржуазія была особенно многочисленна и живуча, но вотъ что писалъ о ней „Коммун. Ман.“: „Члены ея постоянно сбрасываются конкурренціей въ ряды пролетаріата и сами замѣчаютъ уже приближеніе, благодаря развитію крупной промышленности, такого момента, когда прекратится ихъ существованіе, какъ самостоятельной части современнаго общества, и когда они будутъ замѣнены въ торговлѣ, промышленности и земледѣліи надсмотрщиками и слугами“.

Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, исходъ революціоннаго движенія 1848 года заставилъ Маркса измѣнить свой взглядъ на соотношеніе общественныхъ силъ или, точнѣе говоря, на оцѣнку ихъ долговѣчности, но какъ бы тамъ ни было, „Коммун. Ман.“ приписывалъ революціонную роль пролетаріату и крупной буржуазіи. Крупная буржуазія сороковыхъ годовъ еще не закончила свою историческую тяжбу со старымъ феодальнымъ порядкомъ и еще не была глубоко проникнута боязнью пролетарскаго движенія. У передовой части крупной буржуазіи сороковыхъ годовъ еще не облетѣли всѣ цвѣты и не догорѣли всѣ огни увлеченія „общенародными“ идеалами. Марксъ, конечно, не ждалъ отъ этой буржуазіи, что она осчастливитъ пролетаріатъ, но онъ былъ увѣренъ, что она до конца доведетъ свою борьбу съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, что она снесетъ всѣ пережитки средневѣковья, что она разрушитъ всѣ обломки и пережитки стараго порядка. И въ этой ея революціонной роли Марксъ призывалъ пролетаріатъ поддержать буржуазію. „Коммун. Ман.“ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что революціонная буржуазія въ самомъ ближайшемъ будущемъ нанесетъ послѣдній смертельный ударъ патріархально-феодальному строю, что втянутый въ эту общую революціонную борьбу противъ стараго порядка пролетаріатъ быстро политически созрѣетъ, обособитъ и закалитъ свое классовое сознаніе и тогда революціонный союзъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, сдѣлавъ свое дѣло, убивъ и устранивъ общаго имъ врага, распадется самъ на два воюющихъ лагеря. Устраненіе феодально-сословныхъ и мелкобуржуазныхъ элементовъ чрезвычайно упроститъ классовую борьбу между пролетаріатомъ и буржуазіей, она разорветъ всѣ завѣсы и разсѣитъ всѣ туманы, скрывавшіе отъ пролетаріата его непримиримаго врага.

И „Коммун. Ман.“ былъ увѣренъ, что предстоящая Германіи „буржуазная революція можетъ быть только непосредственной прелюдіей пролетарской революціи“ [1]).

---

[1]) «Коммун. Ман.», стр. 59.

Но, однако, „Коммун. Ман." нигдѣ не придавалъ своимъ тактическимъ положеніямъ того или иного абсолютнаго, на всѣ времена и для всякой обстановки, предустановленнаго значенія. Онъ не говорилъ просто пролетаріату: „надо поддерживать буржуазію", а точно опредѣлилъ тѣ условія времени и мѣста, когда и въ какомъ смыслѣ буржуазія должна быть поддержана пролетаріатомъ. Взаимоотношеніе между различными классами и отсюда вытекающую для пролетаріата тактику „Коммун. Ман." формулировалъ не дидактически, а діалектически, ставилъ ее въ зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ исторической обстановки. „Коммун. Ман." мастерски, классически-ясными чертами рисуетъ діалектическій процессъ временнаго сплетенія политическихъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи, ведущаго впослѣдствіи не къ ихъ примиренію, а, наоборотъ, къ болѣе ожесточенной взаимной борьбѣ.

На первыхъ порахъ, говоритъ „Коммун. Ман.", „массовыя выступленія ихъ (рабочихъ) являются не результатомъ ихъ собственнаго единства, а слѣдствіемъ объединенныхъ дѣйствій буржуазіи, которая для достиженія своихъ политическихъ цѣлей должна, и пока еще въ состояніи, приводить въ движеніе весь классъ пролетаріевъ. На этой ступени рабочіе борются, поэтому, не со своими врагами, а съ врагами своихъ враговъ,—съ пережитками абсолютной монархіи, съ земельными собственниками, съ непромышленной буржуазіей, съ мелкимъ мѣщанствомъ. Такимъ образомъ, всѣ нити историческаго движенія концентрируются въ рукахъ буржуазіи; каждая одержанная при такихъ условіяхъ побѣда оказывается побѣдой буржуазіи" [1]).

„Существованіе буржуазіи,—говоритъ далѣе „Коммун. Ман.", проходитъ въ непрерывной борьбѣ: сперва съ аристократіей, затѣмъ съ той частью самой буржуазіи, интересы которой находятся въ противорѣчіи съ развитіемъ промышленности,—всегда съ буржуазіей всѣхъ другихъ странъ. Во всѣ моменты этой борьбы буржуазія оказывается вынужденной аппелировать къ пролетаріату, обращаться къ нему за помощью и, такимъ образомъ, вовлекать его въ водоворотъ политическихъ движеній. Слѣдовательно, она сама передаетъ пролетаріату элементы собственнаго политическаго и соціальнаго воспитанія, т. е. даетъ ему оружіе противъ самой себя".

Формулируя въ заключительныхъ словахъ „положеніе, занимаемое коммунистами по отношенію къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ", „Коммун. Ман." [2]) говоритъ о необходимости для коммунистовъ поддерживать буржуазію, но не буржуазію внѣ времени и пространства, а буржуазію Германіи сороковыхъ годовъ лишь *по-*

---

[1]) Ibid., стр. 31.

[2]) Манифестъ. Стр. 33.

столько, „*поскольку* сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности и мелкаго мѣщанства“. Такимъ образомъ, вопросъ о тактикѣ пролетаріата ставился „Коммун. Ман.“ въ конкретныя условія времени и мѣста и рѣшался въ зависимости отъ пестраго переплета послѣднихъ. И благодаря этому отсутствію догматизма въ постановкѣ вопросовъ, „Коммун. Ман.“ оказался способнымъ вмѣстить въ рамки своихъ общихъ положеній текучее и измѣнчивое содержаніе дальнѣйшаго соціальнаго развитія, несмотря на то, что очень многія частности этого „Манифеста“ совершенно устарѣли.

Выпуская въ 1872 году, т. е. черезъ 24 года послѣ его появленія, новое изданіе „Манифеста“, Марксъ съ полнымъ основаніемъ могъ писать въ предисловіи къ нему: „Несмотря на крупныя измѣненія, происшедшія въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, общіе принципы, изложенные въ этомъ Манифестѣ, остаются и до нынѣ, въ общемъ и цѣломъ, совершенно правильными. Кое гдѣ слѣдовало бы исправить нѣкоторыя частности. Но Манифестъ самъ поясняетъ, *что практическое примѣненіе изложенныхъ въ немъ принциповъ всегда и вездѣ зависитъ отъ имѣющейся на-лицо исторической обстановки*“ (Курсивъ нашъ).

Марксъ далѣе указываетъ на то, что со времени выхода „Коммун. Ман.“ имѣющаяся на-лицо историческая обстановка значительно измѣнилась, а посему и вся тактика, указываемая Манифестомъ пролетаріату, должна быть значительно измѣнена.

Вскорѣ послѣ выхода Манифеста полъ-Европы было охвачено революціоннымъ пожаромъ и при яркомъ заревѣ этого пожара и при наступившей затѣмъ глухой тьмѣ реакціи взаимоотношенія общественныхъ силъ сложились иначе, чѣмъ это предполагалъ Манифестъ.

Что касается взаимоотношенія основныхъ соціальныхъ классовъ, то буржуазія прежде всего ни малѣйше не обнаружила стремленія идти до конца въ своей борьбѣ съ остатками и пережитками сословно-феодальнаго строя. Революціонный пылъ остылъ у нея отъ того холода, который пробѣгалъ у нея по спинѣ каждый разъ, какъ она слышала за собою „желѣзную поступь“ пролетаріата. Она предпочла вступить со старымъ порядкомъ въ сдѣлку, въ соглашеніе, и союзъ пролетаріата съ буржуазіей съ цѣлью добить и похоронить феодально-приказный строй не выдержалъ слишкомъ высокой температуры революціоннаго пламени и распался. Буржуазія „ему измѣнила и продала шпагу свою“. „Коммун. Ман.“ склоненъ былъ очень сильно преувеличивать революціонность крупной буржуазіи по отношенію къ старому порядку. Мы уже видѣли, что эта преувеличенная оцѣнка вытекала изъ увѣренности Маркса, что крупное капиталистическое производство въ самомъ близкомъ будущемъ должно уничтожить всѣ промежуточныя между пролетаріатомъ и крупной буржуазіей

соціальныя звенья. На самомъ же дѣлѣ капиталистическая эволюція обнаруживала несравненно бо́льшую живучесть и даже плодовитость мелкихъ формъ производства, чѣмъ это предполагалъ Манифестъ. Весь ходъ капиталистическаго развитія принялъ иное направленіе. Въ сороковыхъ годахъ, какъ мы видѣли, быстро растущее обнищаніе широкой народной массы чрезвычайно суживало внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ капиталистической промышленности. Капитализмъ вынужденъ былъ производить по преимуществу предметы роскоши и прихоти. Но съ тѣхъ поръ создался огромный рынокъ массоваго запроса, ёмкость капиталистическаго рынка необычайно возросла, общій уровень народнаго благосостоянія повысился.

Съ другой же стороны, пролетаріатъ сороковыхъ годовъ оказался слишкомъ и малочисленнымъ, и несознательнымъ, чтобы сыграть рѣшающую роль. Когда потухла революція, Марксъ и Энгельсъ тотчасъ же увидѣли, что насколько они преуменьшали дѣйствительныя силы капитализма, мелкихъ формъ производства и стараго порядка, настолько же они преувеличили дѣйствительныя силы пролетаріата.

Въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ Энгельсъ писалъ объ этомъ:

„Исторія обнаружила нашу ошибку. Она выяснила, что уровень экономическаго развитія на континентѣ тогда еще далеко не созрѣлъ для уничтоженія капиталистическаго производства. Она доказала это тѣмъ, что экономическая революція съ 1848 года охватила весь континентъ и впервые водворила крупную промышленность во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ и въ новѣйшее время и въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлала первостепенную промышленную страну, и все это на капиталистической основѣ, что доказывало, что она еще не завершила своего развитія въ 1848 году“ [1]).

Время наложило свою печать на „Коммун. Ман.“, и мѣста, отмѣченныя этою печатью, представляютъ въ настоящее время омертвѣвшія части одного изъ величайшихъ историческихъ документовъ. Но устарѣли только эти части Манифеста, вся же его грандіозная соціологическая концепція, весь съ удивительнымъ, неподражаемымъ мастерствомъ нарисованный процессъ зарожденія и развитія классовъ, сначала какъ экономически обособленныхъ группъ, а потомъ какъ соціальныхъ классовъ, въ которыхъ уже зажглось политическое сознаніе, и понынѣ сохранили свою свѣжесть и силу. Точно нѣсколькими ударами рѣзца геніальнаго скульптора Марксъ показываетъ, какъ промышленное развитіе приводитъ въ движеніе тяжелую и безформенную глыбу

---

1) Marx. Die Klassenkämpfe in Frankreich. Berlin. 1895. Предисловіе Энгельса.

населенія, какъ медленно восходящее классовое сознаніе вдыхаетъ политическую жизнь въ пришедшія въ броженіе различныя части населенія, какъ оно постепенно обособляетъ ихъ въ живые организмы. Процессъ борьбы классовъ, наполняющей всю человѣческую исторію, и процессъ образованія изъ безформенной массы населенія отграненныхъ экономическихъ классовъ и превращеніе этихъ послѣднихъ въ соціальные классы, а затѣмъ и въ политическую партію обрисовано въ Манифестѣ съ геніальною образностью, сжатостью и силой, составляя неумирающія части пролетарскаго евангелія [1].

Какъ мы уже замѣтили, во многихъ отношеніяхъ „Коммун. Ман.", далеко глядя въ будущее, часто приписывалъ настоящему черты желаемаго грядущаго (напр., относительно могущества капитализма, съ одной стороны, и могущества пролетаріата—съ другой) и такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ опередилъ настоящее, но именно благодаря этому эти его части представляютъ въ настоящее время несравненно большее жизненное значеніе, чѣмъ въ эпоху его появленія.

А затѣмъ остается въ этомъ Манифестѣ какая-то неуловимая или, точнѣе, невыразимая магнетическая сила, заставляющая его вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ волновать, „какъ своенравный чародѣй", сердца все новыхъ и новыхъ милліоновъ людей. Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появился на свѣтъ этотъ Манифестъ, современныя ему соціалистическія произведенія покоятся мирнымъ сномъ на пыльныхъ полкахъ библіотекъ, рѣдко тревожимыя какимъ-нибудь ученымъ, а этотъ Манифестъ, не зная старости, обходя моря и земли, попрежнему волнуетъ массы и прочитывается съ жаднымъ интересомъ. Какое неотразимое впечатлѣніе производитъ онъ и теперь даже на ученыхъ изъ буржуазной среды, показываютъ слова В. Зомбарта: „Коммунистическій Манифестъ",—говоритъ В. Зомбартъ,—представляетъ собою самое удивительное произведеніе, которое только знаетъ міровая литература. Онъ полонъ ошибокъ, незрѣлыхъ идей, но несмотря на это является неподражаемымъ мастерскимъ произведеніемъ. Богатство идей, которое мы въ немъ находимъ, достигаетъ почти сказочныхъ размѣровъ... Нѣкоторыя изъ его идей обнаруживаютъ прямо пророческую мудрость. Говорятъ, что въ „Коммун. Ман." уже заключено все, что мы знаемъ о сущности современнаго общества. До извѣстной степени это вѣрно,—только въ немъ все намѣчено лишь афористически, бѣгло. Но даже и тотъ, который усердно въ теченіе десятилѣтій занимался изученіемъ соціаль-

[1] Уже въ «Нищетѣ философіи», вышедшей за годъ до Ман., мы находимъ общія положенія замѣчательной теоріи классовъ К. Маркса, имѣющей центральное значеніе для всей его теоріи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на этомъ Ср. первыя главы нашей книги: «Политическія партіи». Спб. 1907.

наго вопроса, будетъ постоянно находить въ „Коммун. Ман." новыя, неожиданныя истины. Я читалъ его сотни и сотни разъ и все-таки каждый разъ, какъ я беру его въ руки, онъ вновь меня захватываетъ" [1]).

Если „Ком. Маниф." и понынѣ еще оказываетъ подобное вліяніе на буржуазнаго ученаго, то какъ же онъ долженъ дѣйствовать на пролетарскую массу!

Какъ бы ни устарѣли отдѣльныя части „Манифеста," явившіяся выраженіемъ фактическихъ условій соціально-экономической жизни сороковыхъ годовъ, въ своей общей принципіальной части „Маниф." не только не устарѣлъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ болѣе своевременнымъ, чѣмъ былъ въ эпоху своего появленія. Поэтому тѣ люди, которые спѣшатъ перевести „Ком. Маниф." изъ арсенала соціалистическаго движенія въ его архивъ, обнаруживаютъ легкомысленную торопливость. Можно съ увѣренностью сказать, что „Ком. Ман." не устарѣетъ (оставляя въ сторонѣ его фактическую сторону) и будетъ „глаголомъ жечь сердца людей", доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ капитализмъ и имъ рождаемый пролетаріатъ.

У „Ком. Маниф.", кромѣ противниковъ, доказывающихъ его устарѣлость, имѣются еще и другіе противники, нападающіе на него такъ сказать съ историческаго тыла: они доказываютъ ни болѣе ни менѣе, что „Ком. Маниф." являются плагіатомъ. Въ подобныхъ нападеніямъ особенно усердствуютъ анархисты. Недавно они выпустили спеціально посвященную этому коллективную брошюрку, въ которой подъ предводительствомъ Черкезова напали на „Ком. Ман." съ историческаго тыла и осыпали его градомъ цитатъ изъ французскихъ соціалистовъ, у которыхъ якобы Марксъ „списалъ" свой Манифестъ. Оказывается, что „Ком Ман". представляетъ собою простой пересказъ „Демократ. Манифеста," составленнаго въ 1847 году извѣстнымъ французскимъ соціалистомъ Викторомъ Консидераномъ.

Въ предисловіи къ упомянутому анархистскому сборнику нѣкій Пьеръ Рамюсъ говоритъ объ этомъ, отнюдь не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

„Безъ всякаго колебанія теперь можно утверждать, что главнѣйшее сочиненіе ихъ обоихъ (т. е. Маркса и Энгельса, рѣчь идетъ о „Ком. Ман." *П. Б.*) представляетъ собою плагіатъ, и притомъ самый недобросовѣстный плагіатъ, но они, вопреки обыкновенію другихъ плагіаторовъ списывать слово въ слово съ оригинала, скрали у другихъ лишь ихъ идеи, мысли и теоріи, а затѣмъ не только всячески изучали тѣхъ самыхъ писателей, идеи которыхъ позаимствовали, но и выставили ихъ невѣждами и

1) Ср. W. Sombart. Socialismus und Sociale Bewegung. Jena. 1905. 5 Aufl. Стр. 53.

глупцами... Какъ должно относиться къ тѣмъ, которые неоднократно съ развязностью балаганныхъ крикуновъ провозглашали себя основателями абсолютно новаго соціалистическаго міровоззрѣнія, а на самомъ дѣлѣ были злостными клеветниками, искажая всякое независимое революціонное движеніе, и, какъ теперь оказывается, ограбили духовное наслѣдство утопическихъ соціалистовъ!"

Взятыя сами по себѣ приведенныя и неприведенныя слова Рамюса показываютъ только, что иные нынѣшніе анархисты, безсильные перевернуть міръ, рѣшили заняться личнымъ самоусовершенствованіемъ и начали съ собственной головы. Анархію въ собственномъ мышленіи имъ удалось, дѣйствительно, быстрѣе и успѣшнѣе осуществить, чѣмъ анархію въ жизни. Въ головѣ Рамюса дѣйствительно проведенъ принципъ анархіи, или, по-русски выражаясь, безначалія, или, еще точнѣе по-русски выражаясь, принципъ безъ царя въ головѣ...

Въ виду этого можно было бы и не останавливать вниманія читателей на этомъ припадкѣ развитія чернильной желчи, если бы только слова Рамюса, Черкезова и др. такъ сказать распивочно и на выносъ не выражали собою цѣлаго теченія въ области непониманія Маркса и марксизма. Доводы анархистовъ оказались убѣдительными даже для такого выдающагося представителя италіанскаго соціализма, какъ Артуръ Лабріола (сильно, впрочемъ, зараженнаго анархизмомъ).

Лабріола вслѣдъ за Рамюсомъ и Черкезовымъ приходитъ къ заключенію, что „можно съ спокойною совѣстью утверждать, что Демократическій Манифестъ (Консидерана. *П. Б.*) содержитъ въ себѣ всѣ основныя идеи Манифеста Маркса и Энгельса, написаннаго позже; нельзя отрицать того факта, что Демократическій Манифестъ Консидерана является фактическимъ творцомъ „Коммун. Манифеста".

Консидеранъ представлялъ собою одного изъ выдающихся представителей соціалистической литературы Франціи сороковыхъ годовъ; по своему соціальному міровоззрѣнію онъ не занималъ какого-либо одинокаго и обособленнаго положенія, онъ вышелъ изъ школы Фурье и стоялъ въ рядахъ цѣлаго теченія въ тогдашнемъ французскомъ соціализмѣ и поэтому параллель между Консидераномъ и Марксомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и параллель между Марксомъ и современнымъ ему французскимъ соціализмомъ. Отсюда—научный интересъ этой параллели.

При проведеніи этой параллели необходимо имѣть въ виду двѣ вещи: *критику* капиталистическаго строя у Консидерана и другихъ французскихъ соціалистовъ и соціально-политическіе *выводы* и тактику, которые они выводили изъ этой критики. При критикѣ капиталистическаго строя многіе французскіе соціалисты и среди нихъ и Консидеранъ уже до Маркса высказывали порою

вполнѣ „марксистскіе“ взгляды. Они уже до Маркса указывали на то, что капиталистическое общество раздирается на части классовою борьбою, что въ немъ интересы имущихъ и неимущихъ противоположны, что мелкій производитель гибнетъ въ немъ, что тощіе капиталы пожираются толстыми, что капиталы концентрируются, а населеніе пролетаризируется. На все это французскіе соціалисты указывали уже до Маркса и поскольку дѣло идетъ о критикѣ и характеристикѣ капиталистическаго способа производства между этими соціалистами и Марксомъ, между „Демократическимъ Манифестомъ“ Консидерана (1847 г.) и „Коммунистическимъ Манифестомъ“ Маркса (1848 г.) обнаруживаются весьма многія точки соприкосновенія и даже совпаденія. Но какъ только отъ критики капиталистическаго строя мы перейдемъ къ дѣлаемымъ изъ нея соціально-политическимъ выводамъ, такъ тотчасъ же точки совпаденія превращаются въ точки самаго рѣзкаго расхожденія.

Указывая на классовую борьбу, на враждебность классовыхъ интересовъ, на гибель мелкихъ предпринимателей, на концентрацію капитала, Консидеранъ въ своемъ „Демократическомъ Манифестѣ“ выводилъ отсюда не призывъ, обращенный къ пролетаріямъ: „организуйтесь, соединяйтесь, готовьтесь“, какъ это дѣлалъ „Коммунист. Ман.“, а призывъ, обращенный къ буржуазіи: „одумайтесь, образумьтесь, сжальтесь“. Для произведеній, призывающихъ къ дѣятельности, къ борьбѣ и дающихъ для нихъ пароль, трудно придумать бо̀льшую противоположность чѣмъ та, которую, обнаруживаютъ „Ком. Ман.“, съ одной стороны, и „Демокр. Ман.“—съ другой.

Между ними много сходства въ характеристикѣ и критикѣ капиталистическаго строя (хотя и здѣсь много и различій), но между ними—зіяющая противоположность между соціально-политическими выводами. Консидеранъ стремился образумить и запугать буржуазію, чтобы она сама поспѣшила устранить недостатки капиталистическаго строя, онъ возлагалъ всѣ свои надежды на просвѣтленіе ума, просіяніе сердецъ имущихъ классовъ и на вмѣшательство государства, тогда какъ „Коммун. Маниф.“ всю свою программу опиралъ на увѣренность, что капиталистическое развитіе и дѣятельность буржуазіи будутъ совершаться въ томъ же направленіи, какъ и прежде, и всѣ свои надежды онъ возлагалъ на пролетаріатъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія слова Консидерана, столь характерныя для него, не звучали бы ужасающей какофоніей, если бы встрѣтились въ „Коммун. Маниф.“: „Если мудрые правители, если просвѣщенная и либеральная буржуазія, если люди науки не опомнятся во̀-время, тогда несомнѣнно, то движеніе, которое потрясаетъ европейскія общества, завершится соціальными революціями и мы пойдемъ навстрѣчу европейской жакеріи“? Или: „Къ намъ принадлежатъ просвѣщенные

и дальновидные консерваторы; къ намъ принадлежатъ просвѣщенные люди высшихъ и среднихъ классовъ, къ намъ принадлежатъ великодушные люди всѣхъ безъ различія классовъ!" [1]).

Пониманіе политической борьбы было совершенно чуждо Консидерану. „Избирательные и другіе вопросы отжили свой вѣкъ... Послѣдніе не заслуживаютъ даже никакого вниманія, такъ какъ весь центръ тяжести лежитъ въ соціальныхъ проблемахъ".

Французскій историкъ французскаго соціализма пишетъ о Консидеранѣ: „Несмотря на то, что Консидерану были ясны революціонныя тенденціи пролетаріата, онъ не думаетъ прибѣгать къ помощи послѣдняго. Онъ его боится; онъ къ нему относится какъ къ неосмысленной массѣ, руководимой одними лишь инстинктами, неспособной къ творческой работѣ, онъ обращается къ „настоящимъ консерваторамъ", заботящимся объ общемъ согласіи. Онъ ждетъ отъ нихъ чего-то вродѣ 4-го августа—частичнаго отказа отъ ихъ экономическихъ и политическихъ привилегій" [2]). Если мы къ этому еще прибавимъ, что Консидеранъ былъ убѣжденнымъ противникомъ коммунизма и проповѣдовалъ фаланстьеры, въ которыхъ бы были соединены капиталъ, трудъ и талантъ такъ, чтобы „заставить машины работать *на* капиталистовъ и *на* народъ, а не *на* капиталистовъ и *во вредъ* народу", то тогда во всей всемірной исторіи мы не найдемъ параллели курьезнымъ утвержденіямъ анархистовъ, будто „Коммун. Ман." представляетъ злостный плагіатъ у Консидерана.

Изрыгать на „Ком. Ман." хулу вродѣ приведенныхъ нами словъ анархиста Рамюса можно или отъ полнаго несваренія въ головѣ самыхъ элементарныхъ идей этого Манифеста, или же въ видѣ покушенія съ негодными средствами опозорить то, что не въ силахъ опровергнуть. Скорѣе же всего—и отъ перваго, и отъ второго.

Это не значитъ, конечно, что „Комм. Ман." не знаетъ духовной родни, не знаетъ идейной родословной. Нѣтъ ничего наивнѣе, какъ предполагать, что научный соціализмъ вышелъ изъ головы Маркса во всеоружіи подобно Минервы изъ головы Юпитера и что „Ком. Ман." явился неожиданнымъ громомъ съ яснаго неба.

Научный соціализмъ подготовлялся въ теченіе долгой эволюціи соціалистической мысли и раньше, чѣмъ въ сочиненіяхъ Маркса онъ загорѣлся яркимъ и сильнымъ свѣточемъ, онъ нерѣдко вспыхивалъ геніальными проблесками въ головахъ различ-

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ брошюрѣ Каутскаго „Коммунистическій Манифестъ—плагіатъ". Спб. 1906. Изд. „Впередъ."

[2]) Ср. Поль Луи. Французскіе мыслители и дѣятели XIX вѣка. Спб. 1905. 54 стр.

ныхъ соціалистовъ, въ особенности французскихъ. Въ этой главѣ мы уже видѣли, что „Союзъ Коммунистовъ", отъ имени котораго появился „Ком. Ман.", былъ порожденъ „Союзомъ Справедливыхъ", а послѣдній въ свою очередь—„Союзомъ Гонимыхъ". Между всѣми этими союзами существовала тѣсная и непосредственная идейная связь. всѣ они были связаны узами непрерывной идейной преемственности. Но эти нѣмецкіе союзы въ свою очередь явились идейными наслѣдниками соотвѣтствующихъ французскихъ организацій, благодаря чему мы получаемъ длинное родословное древо „Ком. Манифеста" и его истинными родоначальниками являются, конечно, французы. Оригинальность и геніальность „Ком. Ман." заключается въ томъ, что въ немъ Марксъ обобщилъ и претворилъ въ единое недѣлимое міросозерцаніе тѣ разрозненныя идеи, которыя, подготовляемыя всѣмъ ходомъ соціальнаго развитія, уже въ смутной и путаной формѣ бродили въ головахъ многихъ мыслителей.

„Ком. Маниф." появился въ февралѣ 1848 года. Какъ мы уже замѣтили, онъ по многимъ своимъ основнымъ выводамъ обогналъ тогдашній уровень соціально-экономическаго развитія—эти выводы предполагали болѣе высокій уровень и капиталистическаго развитія, и политическаго сознанія пролетаріата, чѣмъ это имѣло мѣсто въ 1848 году. Къ тому же „Ком. Ман." предназначался для наиболѣе отсталой по соціально-экономическому развитію странѣ З. Европы — для Германіи. Неудивительно поэтому, что этотъ „Маниф." непосредственно послѣ своего появленія не сыгралъ сколько-нибудь замѣтной роли; его даже мало знали.

„Лишь нѣсколько голосовъ отвѣтило намъ,—пишетъ Энгельсъ въ 1890 г.,—когда мы 42 года тому назадъ бросили въ міръ этотъ призывъ наканунѣ первой парижской революціи".

Тоже самое говоритъ и Либкнехтъ: „Хотя „Ком. Ман." и появился уже въ началѣ февраля 1848 г., но тогда (въ апрѣлѣ 1848 г. *П. Б.*) въ Германіи не было, пожалуй, и трехъ-четырехъ десятковъ человѣкъ, которые имѣли бы о немъ представленіе" [1]).

Насколько идеи, развитыя въ „Ком. Маниф.", были еще чужды многимъ даже передовымъ революціонерамъ Германіи сороковыхъ годовъ, показываетъ то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на „краснаго Беккера". Беккеръ игралъ довольно видную роль въ нѣмецкомъ революціонномъ движеніи и находился въ личныхъ сношеніяхъ къ Карломъ Марксомъ. Въ концѣ іюня 1848 г. Бек-

---

[1]) В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX в. Москва. 1906. Стр. 92.

керъ встрѣтился съ Марксомъ въ Кельнѣ. Здѣсь онъ впервые познакомился съ „Ком. Маниф.“. Манифестъ не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія. „Міровоззрѣніе, изъ котораго исходитъ Манифестъ,—говорилъ Беккеръ,—ошибочно, поскольку оно касается Германіи. Авторъ Манифеста исходитъ изъ англійскихъ условій и забываетъ при этомъ, что Германіи незнакомо все то величественное развитіе, которое совершила Англія съ эпохи Вильгельма Оранскаго и до нашихъ дней. Говоря другими словами, авторъ перескакиваетъ тотъ чрезвычайно важный фазисъ въ развитіи нѣмецкихъ отношеній, который намъ еще надлежитъ пережить и пройти, и который не можетъ быть устраненъ съ помощью теоріи. Пролетаріатъ, который имѣетъ въ виду авторъ Манифеста, такъ рѣдко встрѣчается въ Германіи, существуя въ незначительной массѣ лишь въ нѣкоторыхъ саксонскихъ, силезскихъ и франкскихъ областяхъ, что если бы даже этотъ пролетаріатъ и смотрѣлъ на свое классовое положеніе глазами Манифеста, то и тогда бы его коммунистическія требованія были бы совершенно тщетны... То, что въ большей части мѣстностей Германіи называется пролетаріатомъ, ждетъ своей помощи еще отъ такъ называемыхъ филантропическихъ мѣръ; и такъ какъ при этомъ Германія теперь прежде всего должна уничтожить свое настоящее положеніе, то этотъ филантропическій соціализмъ вполнѣ достаточенъ, въ качествѣ средства, успокаивающаго самыя насущныя требованія и задачи“ [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что при своемъ появленіи „Ком. Маниф.“ былъ очень мало и очень немногими понятъ и во всякомъ случаѣ его непосредственное вліяніе было на первыхъ порахъ ничтожно. Но это лишь доказываетъ, насколько геніальны и необычны для тогдашняго времени были основныя идеи, положенныя въ основу „Ком. Маниф.“. При своемъ появленіи замѣченный и оцѣненный лишь кучкою единомышленниковъ, „Ком. Ман.“ сумѣлъ впослѣдствіи совершить кругосвѣтное путешествіе и найти повсюду милліоны послѣдователей. Разница между „Ком. Ман.“ и другими замѣчательными соціалистическими произведеніями той эпохи заключалась въ томъ, что эти послѣднія произведенія при своемъ появленіи возбуждали всеобщее вниманіе и производили шумную сенсацію, тогда какъ Манифестъ Маркса мало кто замѣтилъ. Но сразу приковавшія къ себѣ произведенія соціалистическихъ современниковъ Маркса скоро забывались, тогда какъ вліяніе и значеніе „Ком. Ман.“ не падало, а, наоборотъ, непрерывно и быстро росло. „Ком. Ман.“ обязанъ этимъ тому, что онъ разсматривалъ общественныя отношенія въ

---

[1]) Ср. Hackenberg. Der rote Becker. Leipzig (годъ изд. не помѣченъ) Стр. 54—55.

процессѣ ихъ развитія, „im Werden", „въ становленіи", выражаясь языкомъ Гоголя. Вслѣдствіе этого „Ком. Ман." нѣкоторыми своими выводами сильно опередилъ свое время, принявъ едва зародившіяся отношенія за уже сложившіяся, но благодаря этому же, когда развитіе общественныхъ отношеній подвинулось дальше, вліяніе „Ком. Ман." возросло, и по своей основной идеѣ, оставляя въ сторонѣ омертвѣвшія частности и подробности, Манифестъ останется безсмертнымъ, въ предѣлахъ жизни капиталистическаго строя, произведеніемъ.

П. Берлинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Откровеніе науки.

(Замѣтка по поводу „Откровенія въ грозѣ и бурѣ". Н. Морозова).

I.

Раскройте такъ называемый Новый Завѣтъ Священнаго Писанія и въ концѣ этого собранія произведеній религіознаго творчества первыхъ вѣковъ христіанства вы найдете вдохновенную, фантастическую вещь, озаглавленную: „*Апокалипсисъ*". Какъ читатель современной литературы, отдающей должное *символизму*, вы почувствуете себя способнымъ углубиться въ причудливый бредъ этого христіанскаго пророчества. Васъ, быть можетъ, заразитъ чувство художника: огненный гнѣвъ его противъ распутнаго „Вавилона". Васъ очаруетъ величіе Бога-мстителя, которому авторъ вручаетъ дѣло разрушенія мерзостей „*великой блудницы*" и задачу творенія новаго, сіяющаго красотой и чистотой, *тысячелѣтняго царства*. И когда поэтъ упадетъ, какъ мертвый, къ ногамъ Бога-мстителя, вы сами, быть можетъ, готовы будете склониться передъ образомъ карающей силы и скажете: „Если Бога нѣтъ, то надобно создать его и поручить ему великую миссію разрушить міръ нищеты и страданій и построить новый міръ".

Поэтъ первобытнаго христіанства сумѣетъ заставить васъ пережить съ нимъ подобныя чувства. Но какъ только въ васъ проснется потребность логическаго пониманія этой вдохновенной символистики, вы очутитесь передъ закрытой дверью храма мысли. Не имѣя ключа къ пониманію текста, вы, конечно, не станете ломать себѣ головы надъ разгадкой этого „экстазнаго бреда". Однако, надобно знать, что суевѣріе человѣческой мысли еще въ очень недавнемъ прошломъ считало это произведеніе пророческимъ и искало сближенія между пророческими видѣніями „Апокалипсиса" и событіями своего времени. Такъ напримѣръ въ 1812 г., въ имени *Наполеона* видѣли „звѣриное число" 666, получаемое при сложеніи цифръ, соотвѣтствующихъ по алфавиту имени этого великаго насильника. И въ то время, какъ однимъ въ Апокалипсисѣ рисовалась борьба христіанства съ язычествомъ, другіе въ

немъ видѣли картину современной борьбы церкви съ новымъ невѣріемъ человѣчества. Церковная иконопись окружила апостола Іоанна, въ качествѣ предполагаемаго автора Апокалипсиса, „четырьмя животными“ его видѣнія, а преданіе сдѣлало ихъ,—льва, тельца, орла,—животными, посвященными памяти этого святого.

Конечно, во всѣхъ этихъ наивныхъ толкованіяхъ, а часто и извращеніяхъ древняго памятника художественнаго творчества, несомнѣнно сквозила ненасытная пытливость человѣческаго ума. Человѣкъ-мыслитель не могъ оставаться равнодушнымъ къ таинственному документу. Но шли вѣка, были расшифрованы древнѣйшія рукописи, египетскіе іероглифы и санскритскія письмена, а тайна Апокалипсиса продолжала оставаться неразгаданной.

И вотъ теперь въ 1907 г. намъ дана ея разгадка. Недавно освобожденный революціей изъ Шлиссельбургской бастиліи русскій мыслитель *Николай Морозовъ* расшифровалъ „Апокалипсисъ“ и опубликовалъ это новое поразительное *откровеніе науки* въ своей книгѣ: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. Исторія его научнаго открытія, по его описанію, чрезвычайно проста. Онъ сталъ читать библію послѣ первыхъ семи мѣсяцевъ заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Это была первая книга, выданная ему послѣ 7 мѣсяцевъ пытки, состоявшей въ лишеніи книгъ. Съ извѣстной долей снисходительнаго любопытства онъ началъ свое чтеніе душеспасительной книги съ Апокалипсиса, „и съ первой же главы, пораженный, долженъ былъ совершенно измѣнить свое заимствованное мнѣніе объ этой книгѣ“.

Дѣло въ томъ, что языкъ, на которомъ былъ написанъ „Апокалипсисъ“,—это языкъ художественныхъ образовъ. А образы эти взяты изъ впечатлѣній отъ созерцанія неба: причудливыхъ грозовыхъ тучъ и созвѣздій, въ которыхъ созерцатели издревле увидѣли характерные образы: льва, дѣвы, стрѣльца, медвѣдицы, жертвенника, агнца (овна), трона, тельца и т. п. Языкъ этихъ образовъ былъ хорошо знакомъ Н. Морозову, любителю астрономіи и эстетики небосвода. Поэтому онъ понялъ смыслъ „пророчества“, непостижимаго для другихъ. А при дальнѣйшемъ изученіи онъ замѣтилъ искаженныя переписчиками мѣста и возстановилъ ихъ очевидный смыслъ. Тогда передъ нимъ открылась картина надвигающейся и разразившейся надъ морскимъ берегомъ бури, картина четырехъ подземныхъ ударовъ землетрясенія и карта звѣзднаго неба съ точнымъ указаніемъ взаимнаго расположенія свѣтилъ и созвѣздій. Морозовъ опредѣлилъ въ полетѣ вѣковъ тотъ день и часы, когда звѣздное небо представляло собою съ острова Патмоса [1]) именно это „зловѣщее астрологиче-

[1]) Изъ текста Апокалипсиса видно, что видѣніе было записано на остр. Патмосѣ.

ское расположеніе планетъ, созвѣздій". Это оказались вечеръ и ночь 30-го сентября 395 года христіанской эры, день кольцеобразнаго солнечнаго затменія. При посредствѣ спеціалистовъ онъ перепровѣрилъ свои вычисленія и установилъ ихъ полную достовѣрность. Стало ясно, что авторомъ произведенія, написаннаго въ концѣ четвертаго вѣка не могъ быть Іоаннъ-*апостолъ*. Кто же былъ авторъ? Морозовъ открылъ это при изученіи „отцовъ церкви" этого періода. „*Житіе*" и „Бесѣды" одного изъ нихъ, а именно Іоанна *Златоуста*, оказались непонятны по своей необоснованной въ церковныхъ лѣтописяхъ необычайности. А въ то же время предположеніе, что Іоаннъ Златоустъ былъ авторомъ Апокалипсиса сразу проливало яркій свѣтъ на все непонятное въ его рѣчахъ и біографіи. Тождество неизвѣстнаго автора и Златоуста было такимъ образомъ установлено, послѣ чего выяснились и всѣ неясныя мѣста Апокалипсиса. Дѣло было сдѣлано, „пророчество" расшифровано. Тогда Морозовъ изложилъ древнее произведеніе на хорошемъ литературномъ языкѣ, что дало ему право отозваться о немъ, какъ о *популяризаціи* перевода, сдѣланнаго *не рабски-подстрочно*. Поэтому всѣхъ интересующихся мы отсылаемъ прямо къ первоисточнику въ твердой увѣренности, что онъ будетъ доступенъ даже и тѣмъ читателямъ, которые мало подготовлены къ подобному чтенію. Здѣсь же мы только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтимъ содержаніе „Откровенія", въ томъ видѣ, какъ его перевелъ Н. Морозовъ.

II.

Іоаннъ Златоустъ былъ на островѣ Патмосѣ съ научно-проповѣдническої цѣлью. И вотъ въ воскресенье онъ, вдохновенно настроенный, услышалъ въ шумѣ морскихъ волнъ голосъ Божества, призывающій его къ творчеству, а затѣмъ увидѣлъ гнѣвный Божій ликъ въ блескѣ и славѣ солнца, проглянувшаго между грозовыхъ тучъ передъ бурей.

Передъ нимъ раскрылась картина звѣзднаго неба: созвѣздіе трона, четырехъ знаковъ зодіака, четырехъ временъ года, „четырехъ животныхъ" и двадцать четыре часа,—„старца"—звѣздныхъ сутокъ; блистала молнія и гремѣлъ громъ. Все это были аттрибуты Божьей славы.

Появился облачный барашекъ, прообразъ созвѣздія агнца, Христа, и міръ звѣздъ воздалъ ему славу.

Лазурь неба стала освобождаться отъ тучъ, и Іоаннъ представилъ себѣ картину звѣзднаго неба и записалъ ее какъ историко-соціальный гороскопъ [1]) своей эпохи. Расположеніе созвѣздій оказалось зловѣщимъ. Марсъ—богъ войны — грозилъ кровопро-

[1]) Астрологическое гаданье о судьбѣ человѣка.

литіями, Меркурій—богъ торговли—вѣщалъ о неурожаѣ и дороговизнѣ современной жизни, а зловѣщій Сатурнъ—богъ времени, Скорпіонъ—символъ смерти, и подземное царство (Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей, Рыбы)—получили власть умерщвлять людей мечомъ и голодомъ, и моромъ, и звѣрями земными.

У подножья жертвенника были распростерты жертвы борьбы за науку и истину, а вѣтеръ жалобно шумѣлъ о томъ, что число жертвъ должно будетъ дорасти до „надлежащаго числа".

Вдругъ дрогнула земля отъ удара землетрясенія, и началось затменіе солнца. „И цари земные, и вельможи, и полководцы, и богатые, и сильные, и свободные, и рабы укрылись въ пещерахъ и подъ скалами горъ". Пришелъ великій день Божьяго гнѣва.

Наступила глубокая тишина передъ бурей. И въ этотъ *часъ* затишья Іоаннъ понялъ, что звѣзды—это облеченныя въ свѣтлыя одежды души земныхъ страдальцевъ.

Началась буря, молнія, громъ и дрогнула земля отъ второго подземнаго удара. Зловѣщіе отблески грозы, горечь морской воды, нагнанной бурей въ рѣки, затменіе солнца, бѣгъ разъяренныхъ волнъ на берегъ—все это грозило людямъ местью Божества. Но люди „не раскаялись ни въ своихъ убійствахъ, ни въ своихъ шарлатанствахъ, ни въ безнравственности, ни въ обманахъ своихъ".

Семь раскатовъ грома открыли Златоусту новую тайну, но онъ получилъ повелѣніе скрыть ее отъ людей. Затѣмъ море выкинуло ему аттрибуты пророчества (древесную кору для записей и тростникъ для измѣренія), и онъ узналъ, что ему придется возстать въ своихъ пророчествахъ на племена, народы и нарѣчія и на множество царей.

Буря, прообразъ грядущей борьбы, продолжалась; и третій, страшный ударъ землетрясенія разрушилъ прибрежный утесъ. Грядетъ Божье царство, „возмущены народы и пришелъ часъ твоего гнѣва, и время... вознаградить твоихъ слугъ... и погубить губящихъ землю".

Бурное небо продолжало представлять собою картину борьбы тучъ и созвѣздій и открывало предзнаменованія грядущей побѣды Божьяго царства на землѣ. Изъ моря вышла чудовищная туча, звѣрь, съ контуромъ Византійской имперіи, съ десятью коронами на рогахъ. Ему была дана власть до воскресенья 13-го марта 399 года. Появился и другой двурогій звѣрь, символъ государственной церкви, состоящей изъ двухъ сектъ (аріанъ и николаитовъ). Числовое изображеніе имени перваго звѣря (т. е. сумма буквъ его) 666 [1]).

И вотъ, наконецъ, взошелъ Агнецъ (созвѣздіе Овенъ) при шумѣ

---

[1]) По опредѣленію Ренана, еврейское слово: „императоръ Неронъ"; по толкованію Ньютона, подтверждающему гипотезы Н. Морозова, слово „Латинянинъ", написанное греческими буквами.

волнъ, мерцаніи звѣздъ, музыкѣ арфъ. Пронесся вѣстникъ мира и вѣстникъ побѣды, восклицающій: „пала великая твердыня"— Церковь—„пала за то, что возмутительнымъ виномъ своей безнравственности она напоила (въ обрядѣ причащенія?) всѣ народы". А другіе вѣстники вѣщали объ исполненіи гнѣва Божьяго надъ звѣремъ и пришествіе Спасителя.

Звѣзды пѣли гимнъ Агнца, и семь тучекъ несущейся бури пролились дождемъ, вѣщая волю Бога-мстителя. И „изъ небеснаго шатра раздался отъ Трона громкій голосъ:—*свершилось*". Загрохоталъ громъ, земля задрожала отъ страшнаго толчка землетрясенія. И Великая твердыня разсѣлась на части.

Тогда Іоаннъ узналъ приговоръ надъ великой самопродажницей—Государственной Церковью. Это была женщина, сидящая на звѣрѣ, украшенная золотомъ и жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, одѣтая въ порфиру и багряницу. Она держала въ рукахъ Чашу, наполненную мерзостями и нечистотами ея безнравственности. На лбу ея была надпись: „Великая Твердыня и Врата Господни, мать блудниковъ и мерзостей земли". Семь головъ звѣря— это были семь (византійскихъ) царей.

Голосъ съ неба звалъ къ ея разрушенію и грозилъ ей гибелью, униженіемъ и бѣдностью, къ великому горю царей земныхъ и купцовъ, которые водились съ ней.

Небо и люди пѣли хвалу Богу, осудившему „самопродажницу". Одинъ вѣстникъ раскрылъ Іоанну славу Божьяго Слова и Суда. Другой вѣстникъ крикнулъ птицамъ, летающимъ посреди небесъ:— Летите и собирайтесь на великій Божій пиръ! Пожрите трупы царей, трупы полководцевъ, трупы сановниковъ, трупы коней и всадниковъ и трупы всѣхъ ихъ вольныхъ и рабовъ и большихъ и малыхъ. И все это свершилось.

Подъ утро Іоаннъ видѣлъ картину суда надъ людьми и борьбу племенъ и народовъ. Утромъ новаго дня онъ разсчиталъ величіе и богатство грядущаго Божьяго царства. И Божій Вѣстникъ подтвердилъ его разсчеты и велѣлъ Іоанну пророчествовать.

Іоаннъ выполнилъ Божье велѣнье, записавъ это откровенье и написавъ посланіе къ семи малоазіатскимъ собраніямъ своихъ единомышленниковъ [1]). Эти посланія его полны обличеній и наставленій, какія только вправѣ дѣлать руководитель общественной фракціи во имя ея идейныхъ принциповъ.

III.

Такое толкованіе Апокалипсиса кажется чрезвычайно правдоподобнымъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что оно кое-кому очень не понравится, и читателю нашихъ періодическихъ изданій придется

[1]) Они вставлены церковниками посрединѣ Апокалипсиса.

встрѣтить не ласковые отзывы о книгѣ со стороны патентованнаго академизма разныхъ сортовъ. Однако, вполнѣ вѣрно заявилъ уже одинъ не слишкомъ восторженный рецензентъ, что бороться съ этимъ „толковникомъ“ Апокалипсиса придется только равнымъ оружіемъ, т. е. давши откровенію столь же правдоподобное толкованіе.

Н. Морозовъ *перевелъ* Апокалипсисъ на языкъ современныхъ представленій о прошломъ. Цѣнность этого открытія особенно оттѣняется тѣмъ, что задача эта оказывалась непосильна мыслителямъ въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати вѣковъ. Дѣйствительно, ни у Ренана, ни у Ньютона, которые касались этой темы, мы не находимъ подобныхъ результатовъ изслѣдованія. Морозовъ, впрочемъ, предполагаетъ, что отъ Ньютона не могъ скрыться астрологическій смыслъ книги, но Ньютонъ боялся объяснить его своему читателю. Какъ бы то ни было, честь открытія выпала на долю Шлиссельбургскаго узника.

Случайность ли это? Въ данномъ фактѣ можно не льстить его величеству *случаю*.

Дѣйствительно. Для того, чтобы прочесть эту рукопись, надо было обладать близкимъ знакомствомъ съ астрологіей, этимъ древнимъ зачаткомъ искусства и науки. Поэтическіе образы, взятые изъ области метеорологическихъ явленій, могли быть возстановлены въ испорченномъ переписчиками текстѣ только такимъ впечатлительнымъ къ красотамъ лазури и бурь человѣкомъ, какимъ по личнымъ воспоминаніямъ рисуетъ себя Морозовъ. Мало того, нужна была темнота каземата Петропавловской крѣпости съ волнующимъ душу клочкомъ неба за рѣшеткой окна, нужно было одиночество шлиссельбургскаго заключенія, чтобы у человѣка съ этими данными еще обострить созерцательность, воспріимчивость къ эстетикѣ образовъ и къ чувству желчи и гнѣва другого борца и изгнанника—Іоанна Хризостома.

Кто видѣлъ въ ясную погоду роковой островокъ Шлиссельбургской крѣпости, тонущій въ лазури неба и озера, тотъ легко себѣ представитъ, какъ далеко могла и должна была заходить чуткость такого узника, какъ Н. Морозовъ, къ голосу волнъ, къ мерцанію звѣздъ, къ гармоніи красокъ неба, къ величію звѣздныхъ міровъ, къ злобѣ бурь, къ мстительнымъ угрозамъ носящихся на просторѣ грозъ. Да. Пытка, созданная палачами слова и свободы, сформировала мозгъ, способный продолжать дѣло изобличенія „непогрѣшимости“ свѣтскихъ и церковныхъ владыкъ. А революція вырвала этого человѣка изъ рукъ обскурантовъ и пустила въ міровое обращеніе плодъ его научнаго скепсиса и эстетической восторженности.

За „переводомъ“ Апокалипсиса въ книгѣ Н. Морозова слѣдуетъ біографія автора „Откровенія“. Морозовъ чрезвычайно доказательно устанавливаетъ личность автора Апокалипсиса и затѣмъ

приступаетъ къ исторической характеристикѣ его міровоззрѣнія. Но эта работа выполнена имъ только съ художественной стороны. Психическій обликъ Іоанна Хризостома обрисованъ изслѣдователемъ въ чрезвычайно симпатичныхъ чертахъ на основаніи трудовъ историковъ христіанства, а равно и своихъ собственныхъ исправленій и дополненій. Но тщетно было бы искать у него объективной оцѣнки міровоззрѣнія этого мыслителя - неоплатоника. Болѣе того,—эстетической характеристикой психическаго склада Хризостома Морозовъ даже замѣнилъ объективную сторону міровоззрѣнія этого оратора и мыслителя византійскихъ народныхъ массъ четвертаго вѣка. Его Іоаннъ—человѣкъ съ чистымъ сердцемъ и отзывчивой душой, пламенный мечтатель, глубокій мистикъ. Онъ любимый писатель и ораторъ, герой тогдашней толпы, властвующій надъ нею, благодаря своему таланту и ея суевѣрію. Однимъ словомъ, мы видимъ со стороны Морозова слишкомъ много преклоненія передъ художественными достоинствами произведеній и личности Хризостома, тогда какъ по объективно - научному содержанію Апокалипсисъ былъ для Морозова только образцомъ наивно-религіознаго міровоззрѣнія.

Поэтому будущимъ изслѣдователямъ твореній Хризостома не придется воспользоваться второй половиной книги Морозова. Для цѣлей исторіи церкви, философіи и культуры они должны будутъ снова обратиться къ первоисточникамъ, которые теперь, благодаря Морозову, пополнились „переводомъ“ Апокалипсиса.

Не претендуя здѣсь ни въ какой мѣрѣ на подобную работу, мы хотѣли бы въ самой книгѣ Морозова указать на нѣкоторыя объективныя черты міровоззрѣнія Хризостома, оставленныя авторомъ книги безъ послѣдовательныхъ выводовъ.

Іоаннъ Хризостомъ, въ противоположность „генисcаретскимъ рыбакамъ“, апостоламъ, былъ человѣкомъ высокообразованнымъ и принадлежалъ къ раціоналистической религіозной сектѣ тогдашняго христіанства, такъ называемыхъ *оригенитовъ*. То была философская школа неоплатониковъ, которая основывала изученіе богословія на геометріи, астрономіи, географіи, философіи, логикѣ, и ставила своей цѣлью „изучать Бога въ его твореніяхъ“. Поэтому въ Апокалипсисѣ и въ другихъ его проповѣдяхъ, послѣ соотвѣтственнаго реставрированія ихъ текста, можно будетъ получить цѣнные матеріалы для изученія этой философской школы. Послѣ дополненій, сдѣланныхъ Морозовымъ, біографія Хризостома послужитъ прекраснымъ подспорьемъ при изученіи этого міровоззрѣнія и его связи съ тогдашнимъ положеніемъ и настроеніемъ народныхъ массъ христіанскаго Востока.

Его Апокалипсисъ, который самимъ Морозовымъ названъ блестящимъ памфлетомъ на тогдашнія общественно-политическія отношенія, скрываетъ подъ своей образной формой анализъ и критику вполнѣ реальныхъ явленій современности четвертаго

вѣка. Здѣсь отмѣчены такія общественныя бѣдствія, какъ племенная вражда и войны, дороговизна предметовъ первой необходимости, голодъ и моръ. Упомянуты бывшіе и неизбѣжные въ будущемъ жертвы борьбы за „Божью науку". Указаны, наконецъ, и болѣе глубокія причины страданій человѣчества, и между ними деспотизмъ византійскихъ царей и развращенность церкви, ихъ прислужницы.

Центральной идеей, „пророчествомъ" его является религіозная идея „Божьяго гнѣва". Это вѣчный мотивъ протестующей психики Хризостома Его „пророчество", вѣрнѣе сказать, прогнозъ состоитъ въ предсказаніи „Царства Божьяго" на землѣ, которое есть не что иное, какъ логическое отрицаніе всѣхъ язвъ окружающей дѣйствительности. Онъ предвидитъ грандіозную катастрофу, гибель звѣря деспотизма и крушеніе Церкви, Великой Твердыни, „самопродажницы", распутствующей съ царями. Іоаннъ указываетъ и на такіе признаки близости этой катастрофы: „Возмущены,—говоритъ онъ,—народы и пришелъ часъ Твоего (Божьяго) гнѣва и время... вознаградить Твоихъ слугъ... и погубить губящихъ землю". Картина катастрофы дополняется тѣмъ, что вѣстникъ Божій сзываетъ птицъ: „Летите и собирайтесь на великій Божій пиръ! Пожрите трупы царей, трупы полководцевъ, трупы сановниковъ, трупы коней и всадниковъ и трупы всѣхъ ихъ вольныхъ и рабовъ и большихъ и малыхъ". Наконецъ, Іоаннъ описываетъ въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ величіе, красоту и чистоту „Божьяго царства".

Морозовъ видитъ въ этомъ главнымъ образомъ страстную, вдохновенную ненависть члена религіозной секты противъ двухъ другихъ церковныхъ сектъ того времени (николаитовъ и аріанъ). Но не найдетъ ли будущій компетентный изслѣдователь въ „Откровеніи" Хризостома нѣчто большее, нежели религіозный, фракціонный фанатизмъ? Мы, съ своей стороны, видимъ для этого достаточно данныхъ.

Прежде всего, намъ кажется, что Хризостомъ—борецъ противъ церковности вообще. Весь Апокалипсисъ состоитъ изъ страстныхъ обличеній по адресу церкви, безъ указанія фракцій. Равнымъ образомъ и возстановленная Морозовымъ біографія этого вождя византійскихъ и мало-азіатскихъ массъ подтверждаетъ вражду его по отношенію къ церкви. Такъ, напримѣръ, онъ отказывался отъ высокой чести быть „вселенскимъ патріархомъ", когда его популярность „пророка" открыла ему путь къ этой славѣ. Съ непримиримостью современнаго намъ соціалиста онъ отказывался отъ „участія во власти". Когда же его все-таки насильно возвели на патріаршій престолъ, онъ задался цѣлью въ полномъ отчужденіи отъ императорскаго двора употребить орудіе церковной власти для полной организаціи церковнаго общества. Онъ приказалъ разбить, уничтожить и распродать всѣ богатыя

украшенія базиликъ, золотую утварь алтарей, распускалъ тунеядцевъ „дьяконовъ“, объединилъ враждовавшія фракціи и т. п. Онъ не признавалъ надъ собой суда церковныхъ соборовъ. Низвергнутый послѣ того, какъ съ началомъ V вѣка не сбылось его пророчество о кончинѣ міра, и возвращенный снова въ столицу [1]), онъ патріаршествовалъ исключительно по волѣ городскихъ массъ и подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ и, непримиримый, умеръ въ гоненіяхъ и ссылкѣ.

На-ряду съ ненавистью къ церкви и отрицаніемъ таинствъ и догматовъ оффиціальнаго христіанства онъ не обнаруживалъ и послушанія моральнымъ принципамъ христіанства въ томъ его видѣ, какъ оно толкуется по тексту Священнаго писанія. Онъ былъ „борцомъ противъ византійскаго религіознаго и политическаго абсолютизма, ниспровергателемъ императорскихъ статуй“, т. е., очевидно, онъ былъ очень далекъ отъ приписываемыхъ христіанству сопротивленія злу, подчиненія деспотизму и т. п. А такъ какъ византійская масса заступалась за него вплоть до сопротивленія властямъ съ оружіемъ въ рукахъ и вплоть до разгрома и поджоговъ зданій, то ясно, что онъ былъ не просто бунтарской индивидульностью, а выразителемъ настроеній и идеаловъ византійскихъ народныхъ массъ.

Эти черты народнаго печальника и вождя слѣдуетъ разыскать будущему историку среди художественныхъ штриховъ индивидуальной характеристики, сдѣланной Морозовымъ въ его книгѣ.

IV.

Какую роль играла въ произведеніяхъ Хризостома мистическая религіозность? Несомнѣнно, что при всемъ своемъ отвращеніи къ формальной церковности, авторъ Апокалипсиса былъ въ субъективномъ представленіи своемъ глубоко-религіозенъ. Однако же, религіозность его была такова, что она нисколько не помѣшала его „Откровенію“ играть чрезвычайно противорелигіозную роль.

Прежде чѣмъ обосновать это свое утвержденіе, укажемъ на значеніе, которое пріобрѣтаетъ расшифрованный Морозовымъ Апокалипсисъ для исторіи философіи. Дѣло въ томъ, что можно считать не менѣе искаженными въ перепискѣ и переводахъ и остальныя произведенія религіознаго творчества Новаго Завѣта. Четыре евангелія, напримѣръ, такъ же, какъ и Апокалипсисъ, носятъ на себѣ слѣды астрологическихъ представленій современности. Вифлеемская звѣзда, эмблематическія животныя, фигурирующія въ евангеліяхъ, преображеніе на горѣ, землетрясеніе на Голгофѣ,

[1]) Причиной немедленнаго возвращенія Іоанна съ дороги въ ссылку былъ суевѣрный страхъ населенія, вызванный землетрясеніемъ въ Константинополѣ.

вознесеніе за облака и т. п.,—все это наводитъ на мысль о налетѣ астрологической символистики и въ евангельскихъ сказаніяхъ. Но даже и помимо этого предположенія, весьма вѣроятно предумышленное со стороны церковниковъ и невѣжественное со стороны переписчиковъ искаженіе первоначальнаго текста евангелій. Толкованія Ренана, Штрауса и т. д. далеко не имѣютъ такой убѣдительности, какъ трудъ Морозова. Поэтому приходится признать его толкованіе единственно удовлетворительнымъ комментированіемъ одного изъ первоначальныхъ источниковъ христіанской религіозной литературы. И для изученія христіанства въ его историческихъ формахъ — въ противоположность позднѣйшему толкованію сущности христіанства—этотъ историческій памятникъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Но религіозная мысль Апокалипсиса сводится цѣликомъ къ идеѣ *Божьяго гнѣва* и *мести*. Прежде всего надо признать, что изъ всѣхъ религіозныхъ идей богословія это наименѣе *христіанская* идея. Но даже и въ качествѣ идеи теистической вообще и при всемъ своемъ несомнѣнно религіозномъ содержаніи для самого Іоанна Хрьзостома, она, въ общей системѣ его философскаго мышленія, является не болѣе, какъ формой міропониманія этого мыслителя. Вѣдь даже и четырнадцать вѣковъ спустя монистическая философія Спинозы и Гегеля облекалась въ форму философскаго монотеизма. Однако, эта „наивность" обоихъ титановъ абстрактнаго мышленія не помѣшала имъ сдѣлаться предвѣстниками наиболѣе „разрушительной" изъ современныхъ соціальныхъ доктринъ, доктрины „революціоннаго марксизма". Подобно этому, и религіозная форма философскаго монизма у мыслителя IV вѣка нисколько не мѣшаетъ его творчеству обладать революціонной, разрушительной для деспотизма и религіи силой.

Для натуралиста Н. Морозова не существуетъ эта преемственность формъ въ развитіи философскаго мышленія человѣчества. И онъ чувствуетъ себя вправѣ третировать нѣсколько пренебрежительно „религіозность" Хризостома. Но для историка философіи задача изслѣдованія должна представиться въ иномъ свѣтѣ. И онъ, мы думаемъ, признаетъ революціонную роль неоплатонизма Хризостома въ исторіи религій.

Допустимъ гипотетически такую послѣдовательность въ развитіи человѣческаго мышленія. Монотеизмъ іудеевъ содержалъ въ себѣ идеологію этого народа, сложившуюся въ борьбѣ съ гнетомъ римскаго владычества. Философскій монизмъ и панлогизмъ дѣлалъ Іегову верховнымъ распорядителемъ судьбы избраннаго народа. А частная миссія національнаго освобожденія евреевъ возлагалась тѣмъ же міровоззрѣніемъ на спеціальнаго генія—Мессію. Позднѣе, когда массы Византійской имперіи доросли до сознанія тягости и несправедливости національнаго деспотизма своихъ *собственныхъ* царей, они восприняли чистый „христіанскій"

теизмъ Хризостома. И эта новая форма революціоннаго монизма позволила имъ ополчиться не только противъ звѣря деспотизма, но и противъ „Великой Самопродажницы" церкви, и ждать гибели ея, а равно и царей, полководцевъ, сановниковъ, всадниковъ и присныхъ ихъ. Но какъ и въ ученіи Моисея, вершителемъ исторіи долженъ былъ явиться не Богъ, первая причина ея, а спеціальный Спаситель страдальцевъ, Іисусъ Посвященный (Христосъ), въ образѣ астрологическаго Агнца. На него возлагалась задача уничтоженія новыхъ формъ деспотизма, а именно соціальнаго гнета со стороны господствующихъ сословій.

Таковъ нашъ примѣръ построенія исторической гипотезы на основѣ тѣхъ данныхъ, которыя содержитъ „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ". Но это *откровеніе науки* вообще чревато творческой мыслью.

П. Стрѣльскій.

Движеніе среди служащихъ и рабочихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1905 г.

(Продолженіе).

V.

По мѣрѣ развитія союзныхъ сношеній, стала назрѣвать необходимость внести большую планомѣрность въ работу мѣстныхъ отдѣленій и намѣтить ближайшій конкретный планъ дѣйствій. Апрѣльскій съѣздъ, передъ которымъ прежде всего стоялъ вопросъ объ организаціи самаго союза, могъ, разумѣется, лишь намѣтить принципы дѣятельности его. Относительно же конкретныхъ дѣйствій съѣздъ этотъ заявлялъ въ общихъ чертахъ, что „союзъ беретъ на себя и фактическое осуществленіе всѣми средствами, въ предѣлахъ желѣзнодорожныхъ корпорацій, свободы слова, собраній, а также организацію стачекъ, какъ частныхъ, такъ и всеобщихъ“, говоря, что въ частности „однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія всѣхъ своихъ основныхъ требованій союзъ выставляетъ единовременную забастовку служащихъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, организація каковой и должна будетъ составить первую и ближайшую ея цѣль“.

Между тѣмъ, естественно возникшая въ желѣзнодорожныхъ массахъ идея общей желѣзнодорожной забастовки дѣлала быстрые шаги. Параллельно развивалось и отрицательное отношеніе къ частичнымъ выступленіямъ, какъ распыляющимъ силы и отвлекающимъ отъ основной задачи. Тутъ всероссійскій союзъ, со своей принципіальной формулировкой объ организаціи частичныхъ забастовокъ наравнѣ съ общей, сталъ явно отставать отъ жизни, и, чтобы поспѣть за ней, долженъ былъ, несмотря на кратковременность своего существованія, переходить къ конкретнымъ директивамъ.

Все это побудило центральное бюро союза приступить къ созыву 2-го съѣзда. Извѣщеніе объ этомъ было разослано на мѣста въ концѣ іюня, причемъ порядокъ дѣлъ съѣзда намѣченъ былъ слѣдующій:

1) Степень неотложности общей желѣзнодорожной забастовки; срокъ ея объявленія; внутренняя организація и характеръ ея, именно: а) должна ли забастовка быть демонстративной или боевой, понимая подъ демонстративной такую забастовку, которая назначается на опредѣленный срокъ безъ обязательства продолжать ее до удовлетворенія заявленныхъ требованій, но условливаясь, что срокъ забастовки будетъ продленъ, если она будетъ проходить достаточно дружно; а подъ боевой разумѣя такую, которая назначается безъ срока, съ обязательствомъ не прекращать ее, пока главныя требованія не будутъ удовлетворены болѣе или менѣе полно; б) должна ли забастовка быть рѣшена, а слѣдовательно, и начата всѣми дорогами безъ исключенія, или только большею частью ихъ; в) должна ли забастовка быть объявлена однимъ всероссійскимъ желѣзнодорожнымъ союзомъ или необходимо согласованіе съ другими организаціями (союзами, партіями, т. д.), съ какими именно и какого характера, т. е. обязательное для всѣхъ сторонъ соглашеніе, или лишь взаимное оповѣщеніе со свободой дѣйствія каждой отдѣльной организаціи.

2) Обсужденіе нижеслѣдующей программы требованій, предлагаемыхъ центральнымъ бюро: а) немедленная и безусловная отмѣна положенія объ усиленной охранѣ и всѣхъ прочихъ законовъ и административныхъ распоряженій, ограничивающихъ права русскихъ гражданъ; б) немедленное освобожденіе отъ наказанія и возвращеніе правъ всѣмъ пострадавшимъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія и полное прекращеніе всѣхъ текущихъ дѣлъ подобнаго рода; в) немедленное объявленіе законодательнымъ порядкомъ безусловной свободы совѣсти, слова, печати, открытія типографій, неприкосновенности личности и жилищъ и свободы собраній, союзовъ, стачекъ для всѣхъ безъ исключенія русскихъ гражданъ; г) немедленный созывъ Учредительнаго Собранія, на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, при условіи прямого и тайнаго голосованія, причемъ право быть какъ избирателями, такъ и избираемыми должно принадлежать всему, безъ исключенія, населенію Россіи, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности; д) присвоеніе Учредительному Собранія всей полноты государственной власти для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ и установленія основного закона новаго государственнаго порядка Россіи; е) независимо отъ Учредительнаго Собранія немедленный созывъ съѣзда представителей всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ числѣ не менѣе 15-ти отъ дороги, избранныхъ всѣми безъ исключенія желѣзнодорожными служащими и рабочими всѣхъ категорій, при условіи прямой и тайной подачи голосовъ и при безусловно полной служебной неприкосновенности, для выработки положеній, которыя должны лечь въ основу законопроектовъ, касающихся служебно-правового положенія желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

3) Обсужденіе о пополненіи програмы профессіональными требованіями, выставленными виленскимъ съѣздомъ [1]).

4) Обсужденіе предлагаемаго виленскимъ съѣздомъ пополненія политической платформы союза [2]).

5) Обсужденіе проекта организаціи союза союзовъ.

6) Пересмотръ, дополненіе и измѣненіе принциповъ организаціи союза, выработанныхъ на съѣздѣ 20—21 апрѣля, сообразно требованіямъ жизни.

Съѣздъ состоялся въ Москвѣ 22-го, 23-го и 24-го іюля. На немъ были представлены союзныя организаціи слѣдующихъ дорогъ: Балтійской, Варшаво-Вѣнской, Либаво-Роменской, Московско-Брестской, Московско-Виндаво-Рыбинской московской сѣти, той же дороги петербургской сѣти, Московско-Казанской, Московско-Кіево-Воронежской, Московско-Курской и Нижегородской, Московско-Ярославской, Николаевской, Оренбургъ-Ташкентской, Полѣсскихъ, Привислинскихъ, Рязано-Уральской, Самаро-Златоустовской, Сѣдлецъ-Полѣсской, Юго-Восточныхъ, Юго-Западныхъ, и петербургскаго правленія Владикавказской дороги—всего 20 союзныхъ единицъ съ рѣшающимъ голосомъ [3]). Совѣщательный голосъ имѣли: с.-д. организаціи Риго-Орловской дороги, Сызрано-Вяземской дороги и тульскаго желѣзнодорожнаго узла; представители партій с.-р., с.-д. и Бунда [4]). Не имѣлось на съѣздѣ представительства: изъ союзныхъ дорогъ—Екатерининской и Лодзинской; а изъ дорогъ информаціонно связанныхъ съ союзомъ—Сибирской [5]).

Первый день съѣзда весь ушелъ на доклады делегатовъ о положеніи союзнаго дѣла на мѣстахъ [6]). На второй день делегаты дорогъ Варшаво-Вѣнской и Привислинскихъ (опоздавшіе пріѣздомъ и не присутствовавшіе наканунѣ) внесли заявленіе о томъ, что участіе ихъ въ съѣздѣ зависитъ отъ отношенія послѣдняго къ поправкѣ по національному вопросу, принятой виленскимъ

---

[1]) См. въ главѣ III-ей резолюцію виленскаго съѣзда.

[2]) По національному вопросу. См. тамъ же.

[3]) Участвовали въ съѣздѣ также особые представители петербургскаго правленія Рязано-Уральской дороги, но они голосовали совмѣстно съ представителями самой дороги. Дороги Балтійская, Самаро-Златоустовская, Сѣдлецъ-Полоцкая и петербургское правленіе Владикавказской дороги представительствовали не непосредственно, а при посредствѣ представителей другихъ дорогъ.

[4]) С.-д. партія была представлена обѣими фракціями, но всѣ заявленія (какъ вообще это было въ сношеніяхъ съ союзомъ) дѣлались отъ имени обѣихъ фракцій вмѣстѣ.

[5]) Представитель Сибирской дороги прибылъ съ опозданіемъ и не попалъ на засѣданія съѣзда.

[6]) Привести подробности объ этихъ докладахъ я лишенъ возможности за неимѣніемъ матеріаловъ. Въ общемъ же была обрисована та картина союзнаго баланса, характеристика которой дана въ предыдущей главѣ.

съѣздомъ. Въ виду этого рѣшено было приступить въ первую очередь къ разсмотрѣнію общей программы союза (пункты 2-ой, 3-ой и 4-ой порядка дѣлъ, предложеннаго центральнымъ бюро).

Фактически это разсмотрѣніе сосредоточилось на формулировкѣ пункта объ Учредительномъ Собраніи въ связи съ поправкой по національному вопросу [1]).

Виленскій съѣздъ, какъ мы видѣли, сдѣлалъ постановленіе о дополненіи союзной платформы, принятой на первомъ съѣздѣ, пунктомъ о необходимости „полной законодательно-административной автономіи Царства Польскаго, съ сеймомъ въ Варшавѣ, избраннымъ всѣми гражданами Царства Польскаго безъ различія національности, вѣроисповѣданія и пола, на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ“. По поводу этой поправки говорившій отъ лица делегатовъ дорогъ Варшаво-Вѣнской и Привислинскихъ представитель польской партіи соціалистовъ (П. П. С.) далъ разъясненіе, сущность котораго сводилась къ тому, что польскій желѣзнодорожный пролетаріатъ, хорошо сорганизованный и имѣющій возможность вести инціативную борьбу съ большой интенсивностью, считаетъ возможной органическую связь съ всероссійскимъ союзомъ лишь въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній дастъ обязательство не прекращать борьбы вплоть до того момента, когда не только будутъ достигнуты новыя общерусскія государственныя нормы, но и пока не будетъ завоевана фактическая возможность для Царства Польскаго созыва своего особаго полновластнаго учредительнаго собранія [2]). Такая постановка вопроса о національной поправкѣ явилась совершенной неожиданностью для огромнаго большинства мѣстныхъ делегатовъ и это обстоятельство повліяло на съѣздъ настолько дезорганизующе, что безъ всякаго преюдиціальнаго разсмотрѣнія вопроса было приступлено къ преніямъ по существу.

Опредѣлилось троякое отношеніе къ вопросу. Соціалъ-демократы, не признавая за представителемъ партіи П. П. С. права говорить отъ лица всего польскаго пролетаріата, доказывали непріемлемость п. п. с.-овскаго лозунга, „такъ какъ онъ грозитъ засореніемъ яснаго классоваго сознанія польскаго пролетаріата буржуазно-патріотическими элементами, такъ какъ онъ грозитъ ослабленіемъ боевыхъ позицій польскаго пролетаріата, который своей

---

[1]) Остальные пункты общей программы, хотя и просматривались (не вызывая при томъ возраженій), но не дискуссировались, и относительно ихъ не было сдѣлано никакого формальнаго постановленія съѣзда.

[2]) Это разъясненіе было иллюстрировано указаніемъ, что вхожденіе дорогъ Царства Польскаго во всероссійскій союзъ можетъ разсматриваться, какъ коммерческая сдѣлка: русскій пролетаріатъ не достаточно силенъ и организованъ, чтобы изолированно вести борьбу, и потому входитъ въ соглашеніе съ польскимъ, обязуясь отстаивать и спеціальныя требованія послѣдняго.

геройской борьбой, тысячами жертвъ запечатлѣлъ свою готовность бороться рука объ руку съ русскимъ пролетаріатомъ на оба фронта—и съ царскимъ деспотизмомъ, и съ капитализмомъ". Соціалисты-революціонеры стали на сторону п. п. с., основываясь на томъ, что „союзъ—организація не партійная, и, какъ таковая, не можетъ становиться на узко-партійную соціалъ-демократическую точку зрѣнія; какъ организація чисто-демократическая, союзъ долженъ принять широкую демократическую платформу, въ которой не должно быть упущено одно изъ главныхъ демократическихъ требованій—свободы національнаго самоопредѣленія" [1]). Третья группа участниковъ съѣзда стала на точку зрѣнія конституціи союза, установленной первымъ съѣздомъ, основнымъ принципомъ которой въ отношеніи политическихъ партій является слѣдующее положеніе: „Союзъ долженъ выставить на своемъ знамени такой девизъ, который... не долженъ противорѣчить политической программѣ ни одной революціонной партіи, дабы сторонники всѣхъ такихъ партій свободно могли войти въ союзъ". Исходя изъ такого положенія, группа эта доказывала, что конституція союза допускаетъ принятіе въ качествѣ общаго для всего союза лозунга лишь взаимопріемлемый минимумъ минимальныхъ программъ революціонныхъ партій и всякое уклоненіе въ максимальную сторону отъ такого минимума нарушаетъ основные принципы союзной организаціи, что въ данномъ случаѣ и имѣетъ мѣсто, такъ какъ требованіе представителями дорогъ Царства Польскаго національной поправки въ полномъ объемѣ п. п. с.-овскаго толкованія является противорѣчащимъ программѣ одной изъ революціонныхъ партій, члены которой входятъ въ составъ союза, именно партіи соціалъ-демократической.

Во время преній представитель одной изъ дорогъ заявилъ о полученномъ имъ отъ группы служащихъ-малороссовъ его дороги порученіи настаивать на распространеніи національной поправки и на Украину, если только эта поправка будетъ принята по отношенію къ Польшѣ. Въ виду этого рѣшено было вопросъ расширить и дебатировать поправку по отношенію вообще ко всѣмъ національностямъ Россіи [2]).

---

[1]) Въ виду того, что протоколовъ съѣзда у меня нѣтъ, эти двѣ мотивировки—с.-д. и с.-р.—цитированы по отчетамъ о съѣздѣ въ партійной прессѣ; именно первая—по отчету въ № 109 „Искры", а вторая по отчету въ № 73 „Революціонной Россіи" (Спеціально большевистскаго отчета не было, но онъ въ данномъ случаѣ и не требуется, такъ какъ обѣ фракціи были на съѣздѣ совершенно солидарны). Отчеты эти писались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ съѣзда и правильнѣе всего могутъ характеризовать опорныя точки зрѣнія представителей той и другой партіи.

[2]) Получилось оригинальное положеніе: п. п. с.-овское толкованіе по отношенію къ Польшѣ было распространено на всѣ національности Россіи.

Въ томъ страстномъ столкновеніи мнѣній, которое вызвано было открытіемъ преній по существу, совершенно затерта была преюдиціальная сторона дѣла, именно, вопросъ о томъ, являются ли дороги Царства Польскаго стороной или составной частью союза. А между тѣмъ этимъ предрѣшался и самый вопросъ о національной поправкѣ. Изъ резолюціи виленскаго съѣзда вытекало, что дороги Царства Польскаго вошли въ составъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза [1]), а если это такъ, то и конституція союза являлась для нихъ обязательной и, до измѣненія этой конституціи, на п. п. с.-овскомъ толкованіи національной поправки они не могли настаивать, въ виду противорѣчія его программѣ с.-д. партіи [2]). Изъ характера же заявленія представителей дорогъ Варшаво-Вѣнской и Привислинскихъ вытекало какъ будто бы, что представители эти разсматриваютъ дороги Царства Польскаго стороной, заявляющей ультимативныя условія своего вхожденія во всероссійскій союзъ; а въ такомъ случаѣ съѣздъ совсѣмъ не могъ браться за рѣшеніе вопроса и долженъ былъ направить его для предварительнаго обсужденія на мѣста.

Въ дѣйствительности же пренія по существу продолжались до своего логическаго конца, т. е. до голосованія національной поправки, которая и была принята большинствомъ голосовъ въ формулировкѣ представителей дорогъ Царства Польскаго, а именно: „Каждой національности (Польшѣ, Литвѣ, Кавказу, Украинѣ и др.) предоставляется неограниченное право, наравнѣ съ русской, полнаго національнаго и государственнаго самоопредѣленія".

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, къ какимъ послѣдствіямъ привела національная поправка, а теперь перейдемъ къ остальнымъ вопросамъ, разсмотрѣннымъ на съѣздѣ,—объ общей забастовкѣ, о союзѣ союзовъ и о пересмотрѣ принциповъ союзной организаціи (пункты 1-ый, 5-ый и 6-ой порядка дѣлъ, предло-

---

[1]) Такъ понимало и центральное бюро, считая дороги Царства Польскаго, въ своихъ сношеніяхъ съ ними, составной частью союза, и разсматривая принятую виленскимъ съѣздомъ національную поправку, какъ предложеніе, подлежащее разсмотрѣнію на очередномъ съѣздѣ союза, не вліяющее на организаціонное положеніе въ союзѣ дорогъ виленскаго съѣзда даже и въ случаѣ принятія этого предложенія въ измѣненной формѣ, такъ какъ автономность составныхъ частей союза допускала программное самоопредѣленіе этихъ частей, а, слѣдовательно, и развитіе отдѣльными союзными дорогами общихъ лозунговъ союза.

[2]) Съѣздъ долженъ былъ въ такомъ случаѣ либо заняться пересмотромъ конституціи союза, либо выработать національную поправку въ формулировкѣ, не противорѣчащей тѣмъ пунктамъ программы Р. С.-Д. Р. П., которые касаются національнаго вопроса (т. е. пунктамъ 3-му, 7-му и 8-му—объ областномъ самоуправленіи, равноправіи національностей и гарантіяхъ языка и пункту 9-му—„право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства").

женнаго центральнымъ бюро). Вопросы эти были разсмотрѣны въ третій день съѣзда, порядокъ дня котораго расположился въ слѣдующей очереди: общая забастовка; союзъ союзовъ; затѣмъ голосованіе національной поправки [1]), и, наконецъ, организаціонный вопросъ.

Вопросъ объ общей желѣзнодорожной забастовкѣ, въ принципіальной своей части, преній не вызвалъ. Центральное бюро сообщило, что незадолго до съѣзда имъ было созвано въ Москвѣ делегатское собраніе представителей всевозможныхъ категорій желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ московскаго узла (въ каличествѣ 167 человѣкъ), и это собраніе, достаточно выражавшее, благодаря своему подбору, мнѣніе желѣзнодорожниковъ московскаго узла, постановило, что ближайшей и непосредственной цѣлью должна быть организація всероссійской желѣзнодорожной забастовки политической и боевой [2]); отъ частичныхъ же выступленій безусловно необходимо воздерживаться. Со стороны представителей внѣмосковскихъ дорогъ послѣдовали аналогичныя заявленія, послѣ чего единогласно были приняты слѣдующія постановленія [3]):

1) Немедленно приступить къ агитаціи за всероссійскую политическую боевую желѣзнодорожную забастовку.

2) Объявленіе забастовки производится центральнымъ бюро союза въ моментъ, который бюро признаетъ подходящимъ по общимъ условіямъ политической ситуаціи въ странѣ, безъ обязательства предварительнаго согласованія съ мѣстными отдѣленіями союза.

3) При объявленіи забастовки бюро должно считаться со степенью возможности полученія поддержки отъ организацій революціонныхъ партій и информаціонно согласоваться съ ними.

Затѣмъ подробному обсужденію были подвергнуты детали организаціи забастовки. Предложеніе фиксировать, при объявленіи забастовки, не только день, но и часъ начала ея, было отвергнуто. Рѣшено было условиться о двоякой сигнализаціи забастовки—о забастовкѣ императивной и о забастовкѣ пассивной. Въ первомъ случаѣ центральное бюро сигнализуетъ начало забастовки въ опредѣленный день, и мѣстныя организапіи союза должны, по возможности, начать забастовку въ этотъ день; если же, по мѣстнымъ условіямъ, проведеніе забастовочной иниціативы трудно осуществимо или опасно—въ томъ отношеніи, что налич-

---

[1]) Пренія по національному вопросу продолжались весь второй день, голосованіе же національной поправки задержалось комиссіоннымъ редактированіемъ ея формулировки; тѣмъ временемъ разсмотрѣны были вопросы объ общей забастовкѣ и союзѣ союзовъ.

[2]) Правильнѣе—безсрочной, выжидательной, какъ объ этомъ говорилось выше, во II главѣ.

[3]) Передаю по существу, такъ какъ точнаго текста у меня нѣтъ.

ныя активныя группы слишкомъ слабы и ихъ инициативная поспѣшность можетъ повести лишь къ преждевременному ихъ разгрому, то начало забастовки можетъ быть отложено на короткій срокъ, пока начатая инициативно на другихъ дорогахъ забастовка не дастъ моральнаго импульса для начатія стачки и здѣсь. Второй случай—пассивной забастовки—долженъ былъ сигнализоваться тогда, когда въ какомъ-либо мѣстѣ, стихійно или по спеціальнымъ мѣстнымъ причинамъ, вспыхнула бы достаточно интенсивная частичная желѣзнодорожная забастовка, въ моментъ, подходящій для объявленія общей. Центральное бюро получило право объявить переходъ отъ возникшей частичной забастовки къ общей. Для этихъ обоихъ случаевъ были установлены на съѣздѣ способы условнаго телеграфированія, причемъ телеграммы были условлены и съ тѣми желѣзнодорожными организаціями, съ которыми союзъ находился лишь въ информаціонныхъ отношеніяхъ [1]).

Далѣе, было постановлено, что каждое мѣстное отдѣленіе союза должно выработать забастовочно-мобилизаціонный планъ; выяснить заранѣе, въ какомъ порядкѣ и отъ какого пункта должна начать осуществляться забастовка, съ такимъ разсчетомъ, чтобы пассажирскіе поѣзда могли быть доведены до большихъ желѣзнодорожныхъ пунктовъ, чтобы не ставить пассажировъ въ безвыходное положеніе, не прерывая вмѣстѣ съ тѣмъ забастовки.

Наконецъ, была подвергнута обсужденію чисто-техническая сторона: взаимная сигнализація во время забастовки, снабженіе провизіей изолированныхъ станцій, способы обезопасить себя отъ штрейкбрехерства какъ со стороны самихъ желѣзнодорожниковъ— „свобододѣйствующихъ",—такъ и со стороны желѣзнодорожныхъ батальоновъ и т. д. Эта сторона дѣла обсуждалась лишь для взаимнаго освѣдомленія и директивъ не было принято, исключая лишь того, что средства противъ штрейкбрехерства должны быть мирными и въ технической своей части организоваться такими способами, какъ спусканіе воды изъ паровозныхъ котловъ и т. под. Всякая же порча желѣзнодорожнаго имущества—приведеніе въ негодность паровозовъ, разрушеніе желѣзнодорожнаго полотна и мостовъ, а равнымъ образомъ и терроръ не допускаются.

Вопросъ объ отношеніи къ союзу союзовъ не дискуссировался, а былъ рѣшенъ аккламаціей въ томъ смыслѣ, что всероссійскій желѣзнодорожный союзъ считаетъ возможнымъ войти въ составъ союза союзовъ, на основаніи проектированной организаціи этого учрежденія [2]), но безъ обязательства подчиняться директивамъ

---

[1]) Въ томъ числѣ и съ Сибирской дорогой, которая, какъ выше было отмѣчено, не представительствовала на съѣздѣ потому, что ея делегатъ опоздалъ пріѣздомъ.

[2]) См. проектъ организаціи союза союзовъ во II главѣ.

союза союзовъ. Такимъ образомъ съѣздъ подтвердилъ ту информаціонную позицію, которую центральное бюро союза заняло по отношенію къ союзу союзовъ съ самаго начала и предуказалъ ему держаться той же позиціи и впредь.

Обсужденіе организаціоннаго вопроса, за малымъ количествомъ времени, оставшимся у съѣзда ограничилось разсмотрѣніемъ проекта устава союза, составленнаго группой петербургскихъ союзниковъ [1]). Проектъ этотъ былъ отвергнутъ, но составленіе устава было признано необходимымъ въ виду того, что отсутствіе точнаго устава тормазящимъ образомъ отзывается на организаціонной работѣ. Составленіе рѣшено было поручить центральиому бюро съ тѣмъ, чтобы оно выполнило эту работу, руководясь организаціонными принципами союза, принятыми первымъ съѣздомъ, и тѣми директивами, которыя даны были вторымъ съѣздомъ при обсужденіи петербургскаго проекта. Составленный центральнымъ бюро уставъ долженъ былъ дѣйствовать до 3-го съѣзда.

Послѣ этого съѣздъ закончился постановленіемъ относительно центральнаго бюро, составъ котораго и мѣстопребываніе (въ Москвѣ) оставлены были прежними до слѣдующаго съѣзда.

VI.

Обратимся теперь къ тому положенію, которое создалось для союза принятіемъ поправки по національному вопросу въ формулировкѣ представителей дорогъ Царства Польскаго.

Поправка была принята большинствомъ 12-ти дорогъ противъ 3-хъ, при одной оставшейся нейтральной (голоса делегатовъ раздѣлились), одной воздержавшейся и 3-хъ отказавшихся голосовать. Большинство составилось изъ 2-хъ дорогъ Царства Польскаго, авторовъ поправки, 4-хъ дорогъ, участницъ виленскаго съѣзда, считавшихъ себя связанными резолюціей послѣдняго по національному вопросу и обязанными голосовать вмѣстѣ съ дорогами Царства Польскаго и ту формулировку послѣднихъ, которая была предложена на 2-мъ съѣздѣ, и, наконецъ, изъ 6-ти дорогъ, примкнувшихъ къ мнѣнію представителей партіи соціалистовъ - революціонеровъ. Изъ остальныхъ дорогъ шесть примкнуло къ мнѣнію соціалъ-демократовъ, причемъ три голосовали противъ, а три, заявивъ протестъ противъ постановки вопроса на голосованіе, отказались голосовать; представители одной дороги раздѣлились, примкнувъ поровну къ мнѣнію соц.-рев. и соц.-дем., и, наконецъ, одна дорога, представленная заочно, воздержалась.

Съ внѣшней стороны получалась картина пораженія соціалъ-демократовъ. Вина за это падала на нихъ самихъ. Мы видѣли, что тотчасъ по появленіи всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза

[1]) Проектъ этотъ, какъ мнѣ уже пришлось ранѣе говорить, былъ напечатанъ въ № 121 журнала „Желѣзнодорожникъ“ за 1905 годъ.

соціалъ-демократы раздвоились: часть ихъ вошла въ союзъ, часть стала въ оппозицію. Такое раздвоеніе происходило на большей части союзныхъ дорогъ: лишь на двухъ-трехъ отношеніе соціалъ-демократовъ было однородное—либо полный бойкотъ, либо однообразное вхожденіе въ союзъ. Эта двойственная позиція не могла остаться безнаказанной, и на 2-мъ съѣздѣ входившіе въ союзъ соціалъ-демократы остались въ меньшинствѣ, хотя фактическое соотношеніе партійныхъ вліяній на дорогахъ, голосовавшихъ національную поправку, было таково, что при отсутствіи раздвоенія и при вхожденіи всѣхъ наличныхъ соціалъ-демократическихъ силъ этихъ дорогъ въ союзъ, соціалъ-демократическіе голоса оказались бы, по меньшей мѣрѣ, равно вліятельными голосами, ставшими на сторону п.-п.-с.-овскаго толкованія національной поправки [1]). Въ концѣ концовъ, результаты 2-го съѣзда наносили существенный ущербъ репутаціи с.-д. партіи въ желѣзнодорожныхъ массахъ, которыми понесенное соціалъ - демократами на съѣздѣ пораженіе переносилось зачастую и на тѣ желѣзнодорожныя с.-д. организаціи, которыя стояли внѣ союза.

Но эти же результаты наносили сильнѣйшій ударъ и самому всероссійскому союзу. Когда первый съѣздъ вырабатывалъ союзную конституцію, онъ, отражая наличныя, естественныя тенденціи желѣзнодорожныхъ массъ, стоялъ на точкѣ зрѣнія строгаго проведенія принципа партійной нейтральности, въ этомъ именно усматривая возможность сформированія боеспособной желѣзнодорожной организаціи. И первый съѣздъ настолько былъ проникнутъ такой тенденціей, что на немъ не дѣлалось даже попытокъ перегнуть общій тонъ въ сторону партійнаго оттѣнка, хотя соціалъ-демократическое направленіе имѣло на немъ большинство. Быть можетъ, и второй съѣздъ не вышелъ бы изъ такихъ рамокъ, но характеръ заявленія дорогъ Царства Польскаго загналъ его въ тупикъ. Изъ тѣхъ объясненій, которыя давались представителями этихъ дорогъ, становилось яснымъ, что центръ тяжести вопроса о національной поправкѣ лежитъ не въ томъ даже, останутся или не останутся дороги Царства Польскаго во всероссійскомъ союзѣ, а въ томъ, что никакое, ни органическое, ни информаціонное

[1]) Если бы, сверхъ того, въ союзъ вошли всѣ с.-д. организаціи другихъ дорогъ, то внутри союза, по соотношенію партійныхъ вліяній того періода, образовалась бы такая группа дорогъ съ подавляющимъ с.-д. вліяніемъ, какъ дороги Риго-Орловская, Московско-Брестская, Сызрано-Вяземская, Московско-Курско-Нижегородская; Юго-Западныя, Екатерининская, Владикавказская, Закавказскія и Сибирская (организаціи Владикавказской и Закавказскихъ дорогъ находились въ это время подъ доминирующимъ с.-д. вліяніемъ и при снятіи бойкота съ союза партійцами-оппозиціонистами связи съ этими дорогами могли установиться весьма легко). На большей части остальныхъ дорогъ с.-д. вліяніе внутри союза должно было усилиться до нейтрализаціи остальныхъ партійныхъ вліяній.

согласованіе дѣйствій съ ними невозможно безъ принятія союзомъ на себя обязательства активно поддерживать требованіе отдѣльнаго учредительнаго собранія. Если бы дороги Царства Польскаго выдѣлили бы себя, какъ сторону, узелъ не запутался бы, вопросъ сталъ бы на практическую почву, свелся бы къ уясненію, имѣетъ или не имѣетъ союзъ объективныя данныя на то, чтобы взять на себя такое обязательство; но такъ какъ этого не случилось, то съѣздъ и сталъ передъ дилеммой выбора между двумя партіями—п. п. с. и с.-д. И разъ дѣло повернулось такимъ образомъ, то, естественно, и рѣшеніе оказалось чисто-партійнымъ. А это обстоятельство кореннымъ образомъ мѣняло физіономію союза, лишало его нейтральности, накладывало извѣстный партійный оттѣнокъ. Другими словами, съѣздъ создавалъ для союза тѣ условія, въ которыхъ находились и с.-д. желѣзнодорожныя организаціи и которыя дѣлали утопичными попытки послѣднихъ добиться спеціально-желѣзнодорожной боеспособности.

Таково было наслѣдство, оставленное съѣздомъ центральному бюро. Самый съѣздъ, къ концу своихъ засѣданій, оказался окорнаннымъ. Представители трехъ дорогъ (отказавшіеся баллотировать національную поправку) заявили о своемъ выходѣ изъ союза, что, очевидно, вело къ потерѣ союзомъ и самихъ этихъ дорогъ. Такія же заявленія были сдѣланы рядомъ отдѣльныхъ делегатовъ другихъ дорогъ и частью членовъ центральнаго бюро [1]). По окончаніи съѣзда заявленія о выходѣ стали поступать уже отъ цѣлыхъ союзныхъ группъ на разныхъ дорогахъ. Съ другой стороны, отъ различныхъ организацій, оставшихся въ союзѣ, стали поступать протесты по поводу нарушенія съѣздомъ принципа нейтральности, что, по мнѣнію протестующихъ, какъ измѣненіе конституціи союза, не могло быть сдѣлано безъ предварительнаго обсужденія на мѣстахъ [2]).

Всѣ эти обстоятельства привели центральное бюро къ рѣшенію обратиться къ мѣстнымъ организаціямъ со слѣдующимъ заявленіемъ, которое привожу полностью:

„На второмъ съѣздѣ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, происходившемъ въ Москвѣ 22—24 іюля, по предложенію представителей желѣзныхъ дорогъ Царства Польскаго, въ политическую платформу союза было внесено дополненіе, вызвавшее разногласіе членовъ съѣзда и повлекшее за собою выходъ изъ состава союза какъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ членовъ его, такъ и пред-

---

[1]) Послѣдніе мотивировали свой выходъ тѣмъ, что съѣздъ, являясь по существу очереднымъ съѣздомъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, обратился въ учредительный съѣздъ новаго союза, построеннаго уже не на принципѣ партійной нейтральности.

[2]) Между прочимъ, союзными организаціями московскаго узла было принято постановленіе о выходѣ изъ союза, если принципъ нейтральности не будетъ возстановленъ.

ставителей нѣсколькихъ дорогъ, не нашедшихъ для себя возможнымъ продолжать дальнѣйшую работу въ союзѣ послѣ измѣненій, внесенныхъ въ его политическую платформу на второмъ съѣздѣ. Въ виду того, что явившіеся на съѣздъ делегаты не имѣли по означенному вопросу отъ пославшихъ ихъ дорогъ опредѣленныхъ мандатовъ (за исключеніемъ представителей дорогъ Царства Польскаго), и потому, при голосованіи дополненія политической платформы союза, должны были руководствоваться лишь своими личными взглядами, которые могли и не совпадать со взглядами пославшихъ ихъ, многіе изъ членовъ съѣзда, какъ вышедшіе изъ союза, такъ и оставшіеся въ немъ, обратились тотчасъ же по закрытіи съѣзда въ бюро союза съ заявленіями о необходимости поставить вопросъ о дополненіи политической платформы союза, вызвавшій такое разногласіе на съѣздѣ, на обсужденіе всѣхъ членовъ союза, чтобы выяснить такимъ образомъ, совпадаетъ ли мнѣніе большинства членовъ союза съ мнѣніемъ большинства съѣзда и не носитъ ли послѣднее, вслѣдствіе отсутствія у большей части делегатовъ опредѣленныхъ по этому вопросу мандатовъ, характера случайности.

„Бюро союза, считая себя отвѣтственнымъ за то, что, созывая съѣздъ, не предупредило дороги о необходимости послать делегатовъ съ опредѣленными мандатами, находитъ себя обязаннымъ, на основаніи вышеизложеннаго, въ цѣляхъ объединенія всѣхъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, обратиться ко всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, входящимъ въ составъ союза, со слѣдующимъ заявленіемъ:

„На первомъ съѣздѣ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, состоявшемся въ Москвѣ 20—21 апрѣля с. г., при обсужденіи политической платформы союза, было рѣшено, что союзъ этотъ, какъ всякій профессіонально-политическій союзъ, долженъ имѣть такую политическую платформу, которая допускала бы возможность объединенія подъ однимъ демократическимъ знаменемъ лицъ, какъ не принадлежащихъ, такъ и принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ. На основаніи этого рѣшенія, на первомъ съѣздѣ и была выработана извѣстная всѣмъ политическая платформа союза. На второмъ съѣздѣ, явившимися делегатами дорогъ Царства Польскаго (на первомъ съѣздѣ представители этихъ дорогъ не присутствовали) было сдѣлано заявленіе, что представленныя ими дороги могутъ присоединиться къ всероссійскому желѣзнодорожному союзу при томъ лишь условіи, если союзъ внесетъ въ свою политическую платформу дополненіе, согласное съ постановленіемъ виленскаго областного съѣзда (14—15 мая) представителей семи дорогъ, не принимавшихъ участія въ первомъ учредительномъ съѣздѣ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза. Основнымъ пунктомъ такого дополненія было требованіе государственнаго самоопредѣленія каждой наці-

ональности (до выдѣленія въ самостоятельное государство). Въ виду того, что подобное предложеніе затрагиваетъ вопросъ національный, по которому въ нѣкоторыхъ политическихъ партіяхъ имѣются діаметрально противоположные взгляды, члены желѣзнодорожнаго союза, принадлежащіе въ то же время къ означеннымъ политическимъ партіямъ, указали на непріемлемость этого предложенія въ той формѣ, какъ оно проектировано представителями дорогъ Царства Польскаго. Принятіе этого предложенія, какъ вносящаго опредѣленную партійную окраску въ платформу союза, заставило бы ихъ выйти изъ состава послѣдняго въ виду того, что оно противорѣчитъ одному изъ главныхъ принциповъ той политической партіи, къ которой они принадлежатъ. Въ виду такихъ заявленій, съѣздомъ были употреблены всѣ усилія для редактированія предложенія делегатовъ дорогъ Царства Польскаго въ такой формѣ, которая, допуская самое широкое самоопредѣленіе національностей, въ то же время была бы пріемлема всѣми партіями. Всѣ попытки провести такую общую формулу не удались. Въ результатѣ, на баллотировку была поставлена слѣдующая редакція дополненія къ политической платформѣ союза, выработанная представителями дорогъ Царства Польскаго: „Немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, при условіи прямого и тайнаго голосованія, причемъ право быть какъ избирателями, такъ и избираемыми, должно принадлежать всѣмъ безъ раличія пола, вѣроисповѣданія и національности. Каждой національности (Польшѣ, Литвѣ, Кавказу, Украинѣ и др.) предоставляется неограниченное право, наравнѣ съ русской, полнаго національнаго и государственнаго самоопредѣленія. Въ отношеніи дальнѣйшихъ политическихъ задачъ союзъ признаетъ необходимымъ установленіе такого государственнаго порядка, при которомъ представительство народа должно производиться на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, при условіи прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности". Баллотировка этой редакціи дополненія политической платформы союза дала слѣдующіе результаты: за — Рязано-Уральская дорога, правленіе Владикавказской, Балтійская, Николаевская, Витебская [1]), Ярославская, Казанская, Сѣдлецъ-Полоцкая, Полѣсскія, Либаво-Роменская, Привислинскія, Варшаво-Вѣнская. Противъ— Виндавская, Кіево-Воронежская, Юго-Восточныя. Отказались отъ голосованія: Московско-Брестская, Юго-Западныя и Оренбургъ-Ташкентская. Воздержались отъ голосованія: Московско-Курская и Нижегородская [2]).

---

[1]) Петербургская сѣть Московско-Виндаво-Рыбинской дороги.

[2]) Пропущена Самаро-Златоустовская дорога, воздержавшаяся отъ голосованія. Что касается Московско-Курской и Нижегородской дороги, то она осталась нейтральной (голоса ея делегатовъ раздѣлились).

„Такимъ образомъ, означенное дополненіе къ политической платформѣ союза было принято съѣздомъ большинствомъ 12 дорогъ, считая въ томъ числѣ и дороги Царства Польскаго, при трехъ дорогахъ, отказавшихся отъ голосованія и одной воздержавшейся [1]). Въ виду того, что означенная редакція вопроса о національности, по мнѣнію представителей нѣкоторыхъ дорогъ, нарушаетъ принципъ безпартійности желѣзнодорожнаго союза и заставляетъ, въ то же время, всѣхъ членовъ союза, не раздѣляющихъ взгляда на необходимость полнаго государственнаго самоопредѣленія національностей, активно бороться за проведеніе этого взгляда въ жизнь и, такимъ образомъ, отступать отъ принциповъ первоначальной программы союза, часть членовъ съѣзда, послѣ принятія указаннаго дополненія къ платформѣ союза, заявила о своемъ выходѣ изъ послѣдняго, сообщивъ при этомъ, что вмѣстѣ съ ними оставятъ союзъ и тѣ дороги, представителями которыхъ они являются. Бюро союза, на основаніи соображеній, которыя были указаны выше, находитъ необходимымъ предложить вопросъ о государственномъ самоопредѣленіи національностей на обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ и общихъ собраній всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, входящихъ въ составъ союза, съ тѣмъ, чтобы выяснить, отвѣчаетъ ли принятое вторымъ съѣздомъ дополненіе къ политической платформѣ союза желаніямъ и взглядамъ членовъ союза каждой дороги, или же этими членами будетъ предпочтена такая редакція, которая, включая въ себя предложеніе представителей дорогъ Царства Польскаго, была бы изложена въ то же время въ формѣ, не носящей никакихъ слѣдовъ партійности и могущей удовлетворить одновременно какъ представителей дорогъ Царства Польскаго, такъ и представителей партій, не включающихъ въ свои программы принциповъ государственнаго самоопредѣленія. Подобной формулой, по мнѣнію центральнаго бюро союза, могла бы служить слѣдующая: „Немедленный созывъ народныхъ представителей на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. Означенные представители пользуются всей полнотой государственной власти и учреждаютъ новый государственный правопорядокъ“. Въ означенной формулѣ показана возможность созыва народныхъ представителей (учредительнаго собранія) каждой національности въ отдѣльности и, слѣдовательно, самаго широкаго самоопредѣленія послѣднихъ. Центральное бюро проситъ мѣстные желѣзнодорожные комитеты прислать мотивированныя постановленія дорогъ по означенному вопросу не позднѣе 1-го сентября с. г. Желательно точное указаніе числа членовъ, баллотировавшихъ за и противъ“.

Это заявленіе центральнаго бюро тотчасъ же дало тѣ прак-

---

[1]) Пропущено: „одной нейтральной“.

тическіе результаты, что всѣ вышедшія изъ союза организаціи и отдѣльныя лица, за немногими исключеніями [1]), взяли свои заявленія о выходѣ изъ союза обратно, впредь до выясненія результатовъ сдѣланнаго центральнымъ бюро заявленія.

Что касается отношенія союзныхъ организацій къ этому заявленію, то дороги московскаго союзнаго района и районовъ, лежащихъ къ югу отъ него, высказались за формулу центральнаго бюро объ учредительномъ собраніи [2]). Дороги района Царства Польскаго въ послѣднихъ числахъ сентября прислали въ центральное бюро постановленіе, сущность котораго сводилась къ тому, что, въ случаѣ невозможности для всероссійскаго союза включить въ свою программу требованіе объ отдѣльныхъ учредительныхъ собраніяхъ для національностей, союзъ дорогъ Царства Польскаго устанавливаетъ федеративныя отношенія съ всероссійскимъ союзомъ [3]). Дороги района Полѣсья, ожидавшія рѣшенія дорогъ Царства Польскаго, не успѣли, ко времени октябрьской забастовки, высказаться ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ Петербургѣ отношеніе къ заявленію центральнаго бюро раздѣлилось: с.-р.-ское крыло примкнуло къ формулѣ центральнаго бюро; освобожденствующее стало въ рѣзкую оппозицію къ самому факту предпринятой центральнымъ бюро анкеты и, оставаясь вѣрнымъ своимъ директивнымъ тенденціямъ, находило, что обращеніе къ составляющимъ союзъ массамъ, разумѣется, должно вести къ принятію формулы центральнаго бюро, но это будетъ вульгаризаціей вопроса. Къ окончательному рѣшенію союзныя организаціи петербургскаго района ко времени октябрьской забастовки не пришли.

Отношеніе къ заявленію центральнаго бюро по поводу національной поправки опредѣлило впослѣдствіи и взаимоотношенія союзныхъ дорогъ во время октябрьской забастовки. Дороги районовъ московскаго и лежащихъ къ югу отъ него, т. е., тѣ, которыя приняли формулу центральнаго бюро, оказались во время октябрьской забастовки именно тѣми дорогами, которыя приступили къ осуществленію общей забастовки по данному центральнымъ бюро сигналу. Дороги же Царства Польскаго фактически стали на

---

[1]) Въ частности, за исключеніемъ партійцевъ соціалъ-демократовъ въ Москвѣ.

[2]) Въ этомъ духѣ постановленія были сдѣланы всѣми дорогами сказанныхъ районовъ, исключая Рязано-Уральской, гдѣ, хотя постановленіе и не было сдѣлано ко времени октябрьской забастовки, но, по сообщенію центральнаго комитета дороги, отношеніе опредѣлилось въ пользу формулы центральнаго бюро.

[3]) Рѣшеніе это вносило существенное улучшеніе въ вопросъ о національной поправкѣ, такъ какъ раньше, какъ я говорилъ, непринятіе п.-п.-с.-овскаго толкованія ея приводило къ невозможности даже информаціоннымъ путемъ координировать дѣйствія всероссійскаго союза и союза дорогъ Царства Польскаго.

федеративную точку зрѣнія и приступили къ забастовкѣ не по сигналу центральнаго бюро, какъ это должно было вытекать изъ постановленія второго съѣзда, а лишь по учетѣ общей политической ситуаціи, созданной забастовкой, которая была приведена уже въ исполненіе союзными дорогами центральной Россіи. Въ Петербургѣ произошло раздвоеніе: с. р.-ское крыло считало необходимымъ подчиниться сигналу центральнаго бюро; освобожденствующее отнеслось къ этому сигналу выжидательно. Дороги района Полѣсья сохранили ту же позицію по отношенію дорогъ Царства Польскаго, на которую они стали на второмъ съѣздѣ, какъ участницы виленскаго съѣзда, и въ своей забастовкѣ шли за дорогами Царства Польскаго.

Такимъ образомъ, жизнь разрубила тотъ гордіевъ узелъ, который былъ завязанъ рѣшеніемъ второго съѣзда по національному вопросу. Дороги, пошедшія за сигналомъ центральнаго бюро, пошли и за его формулой учредительнаго собранія и не вводили въ свои забастовочные лозунги требованія государственнаго самоопредѣленія національностей. Дороги Царства Польскаго, настаивавшія на этомъ лозунгѣ, заняли федеративную позицію. Петербургъ, оказавшійся между двухъ стульевъ, выставилъ не спеціально-союзную программу требованій, а требованія такъ называемаго „пенсіоннаго" желѣзнодорожнаго съѣзда [1]), въ которыхъ говорилось лишь объ общероссійскомъ Учредительномъ Собраніи, а національный вопросъ былъ формулированъ слѣдующимъ пунктомъ: „Устраненіе всѣхъ національныхъ ограниченій и признанія за каждой націей права на самоопредѣленіе", т. е. пунктомъ, который былъ бы принятъ вторымъ съѣздомъ безъ всякихъ преній, если бы только о немъ именно шла рѣчь [2]).

---

1) Засѣдавшаго въ это время въ Петербургѣ.

2) Слѣдуетъ отмѣтить, что, по принятіи „пенсіоннымъ" съѣздомъ редакціи требованій, отъ лица делегатовъ дорогъ Царства Польскаго и отъ лица всѣхъ присутствующихъ на съѣздѣ поляковъ было прочитано заявленіе, формулирующее положеніе польскаго вопроса, разрѣшеніе котораго усматривалось въ томъ, что, „при введеніи правильнаго народнаго представительства въ Россіи на демократическихъ началахъ, Царство Польское, оставаясь на почвѣ государственнаго единства, получаетъ законодательно-административную автономію съ сеймомъ въ Варшавѣ, избраннымъ при посредствѣ тайнаго, общаго, равнаго голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и происхожденія". По поводу этого заявленія съѣздъ принялъ резолюцію, что онъ „раздѣляетъ взгляды, выраженные въ заслушанномъ заявленіи делегатовъ-поляковъ, такъ какъ они не противорѣчатъ интересамъ всего пролетаріата, и считаетъ его вполнѣ естественнымъ, въ виду справедливыхъ требованій на право культурнаго и національнаго самоопредѣленія всѣхъ національностей, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, выражая сожалѣніе, что среди делегатовъ нѣтъ организованныхъ группъ представителей другихъ національностей, аналогичныя заявленія которыхъ были бы приняты такъ же сочувственно и поддержаны съ тою же энергіей.

VII.

Послѣ того, какъ, по опубликованіи центральнымъ бюро своего заявленія о національной поправкѣ, въ союзъ возвратились вышедшія изъ него организаціи и отдѣльныя лица, союзное statu quo, начавшее было разрушаться, возстановилось. Дальнѣйшаго же организаціоннаго расширенія, въ смыслѣ распространенія своей дѣятельности и связей на новыя дороги, союзъ, вплоть до октябрьской забастовки, не получилъ, уйдя цѣликомъ въ углубленіе того, что уже имѣлось, въ техническую подготовку общей забастовки и агитацію ея.

Атмосфера общаго напряженія была высока, и ежеминутно приходилось быть готовымъ начать забастовку. Между тѣмъ, союзъ вслѣдствіе всей исторіи съ національной поправкой, остался безъ основного лозунга, или, вѣрнѣе, очутился между старой (перваго съѣзда) и новой (второго съѣзда) формулировками пункта объ учредительномъ собраніи. А такъ какъ объявленіе забастовки могло произойти во всякій моментъ и до окончательнаго выясненія этого вопроса, то центральное бюро обратилось къ мѣстнымъ комитетамъ съ предложеніемъ, въ случаѣ объявленія въ ближайшемъ времени забастовки, лозунгъ учредительнаго собранія формулировать въ соотвѣтствіи съ рѣшеніемъ данной организаціи по поводу принятой 2-мъ съѣздомъ національной поправки, а въ остальной общей части программы выставлять слѣдующія требованія:

1) Немедленная и безусловная отмѣна положенія объ усиленной охранѣ и всѣхъ прочихъ законовъ и административныхъ распоряженій, ограничивающихъ права русскихъ гражданъ, и передача полиціи въ руки органовъ самоуправленія.

2) Немедленное освобожденіе отъ наказанія и возвращеніе правъ всѣмъ пострадавшимъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія и полное прекращеніе всѣхъ текущихъ дѣлъ подобнаго рода.

3) Немедленное объявленіе законодательнымъ порядкомъ безусловной свободы совѣсти, слова, печати, открытія типографій, неприкосновенности личности и жилищъ, и свободы стачекъ, союзовъ, собраній и манифестацій для всѣхъ, безъ исключенія, русскихъ гражданъ.

4) Немедленное принятіе обратно на службу съ полнымъ возстановленіемъ служебныхъ правъ всѣхъ, пострадавшихъ за участіе въ забастовкахъ и отстаиваніе интересовъ товарищей.

5) Немедленный созывъ съѣзда представителей всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ числѣ не менѣе 15-ти человѣкъ отъ дороги, избранныхъ всѣми, безъ исключенія, желѣзнодорожными служащими и рабочими прямой и тайной подачей голосовъ, при условіи полной служебной неприкосновенности. Съѣздъ устанавливаетъ правила и уставы,

опредѣляющіе служебныя права служащихъ и рабочихъ, нормы рабочихъ часовъ, нормы различныхъ видовъ денежнаго вознагражденія (жалованья, премій и т. д.), нормы довольствія натурой (квартиры, обмундированіе и проч.), обезпеченіе на случай болѣзни, старости и т. д., и прочія условія, касающіяся матеріальнаго положенія и быта. Равнымъ образомъ, съѣздъ вырабатываетъ принципы, которые должны лечь въ основаніе самоуправляющихся организацій желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ центральнымъ бюро былъ выработанъ, согласно постановленію второго съѣзда, и опубликованъ слѣдующій устава союза:

I. *Цѣли союза*. Союзъ имѣетъ цѣлью коренныхъ образомъ улучшить матеріальное и служебно-правовое положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Для этого союзъ стремится къ установленію такого порядка, при которомъ выработка всѣхъ правительственныхъ законоположеній и распоряженій, касающихся желѣзнодорожнаго труда, находилась бы въ рукахъ самихъ служащихъ и рабочихъ. Такой порядокъ при нынѣшнемъ государственномъ строѣ Россіи невозможенъ, а потому союзъ выставляетъ требованія полной гражданской свободы и народнаго представительства, обезпечивающаго участіе всего народа въ управленіи страной.

II. *Составъ союза*. Членами союза могутъ быть всѣ лица, имѣющія отношеніе къ желѣзнодорожному дѣлу и удовлетворяющія общественно-моральнымъ требованіямъ, при условіи обязательнаго принятія всѣхъ положеній настоящаго устава. Въ члены союза могутъ быть принимаемы и другія лица, полезныя своею дѣятельностью. *Примѣчаніе*. Объединяя своихъ членовъ по принадлежности къ желѣзнодорожной профессіи, союзъ не принимаетъ цѣликомъ положеній одной какой-либо партіи и даетъ внутри себя свободу программнаго самоопредѣленія различныхъ группъ, при условіи принятія ими за минимумъ политической и профессіональной программы союза, принимаемой съѣздами союза. Въ своей общественно-политической дѣятельности союзъ считаетъ возможнымъ входить въ соглашенія для согласованія дѣйствій съ иными общественными организаціями (партіями, союзами и т. д.), при условіи, чтобы цѣли этихъ организацій не противорѣчили политической и профессіональной программѣ союза.

III. *Организація союза*. 1. Члены каждой дороги образуютъ рядъ групповыхъ организацій, сообразно мѣстнымъ условіямъ.

2. Представители групповыхъ организацій образуютъ комитетъ дороги. На большихъ станціяхъ, удаленныхъ отъ мѣстона-

---

[1]) Требованія эти представляли пополненную, согласно замѣчаніямъ 2-го съѣзда, программу, просмотрѣнную этимъ съѣздомъ, но формально не утвержденную имъ (какъ объ этомъ говорилось выше).

хожденія комитета дороги, могутъ быть образуемы отдѣленія комитета дороги, получающія названіе по станціи мѣстонахожденія. *Примѣчаніе.* Каждой группѣ комитетомъ дороги присваивается порядковый нумеръ, подъ которымъ группа и именуется [1]).

3. На большихъ станціяхъ, въ которыхъ сходятся двѣ или болѣе дорогъ, могутъ быть образуемы узловые комитеты изъ лицъ, уполномоченныхъ комитетами дорогъ, составляющихъ узелъ.

4. Собраніе уполномоченныхъ отъ комитетовъ дорогъ составляетъ съѣздъ союза.

5. Съѣздъ союза выдѣляетъ изъ своей среды исполнительный органъ—центральное бюро союза.

IV. *Дѣятельность комитетовъ, съѣздовъ и центральнаго бюро.* 1. На комитетъ дороги возлагаются слѣдующія обязанности: а) объединять и согласовывать дѣятельность групповыхъ организацій и отдѣленій комитета и вести всѣ дѣла союза на данной дорогѣ; б) организовывать новыя группы; в) собирать матеріалы объ экономическомъ и правовомъ положеніи служащихъ и рабочихъ; г) доводить до всеобщаго свѣдѣнія, путемъ бюллетеней и корреспонденцій, наиболѣе характерные факты произвола желѣзнодорожной администраціи; д) организовывать библіотеки съ подборомъ книгъ, освѣщающихъ современное положеніе Россіи; е) распространять свѣдѣнія о союзѣ и его дѣятельности и содѣйствовать всему тому, что можетъ служить цѣлямъ самосознанія желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ; ж) устраивать собранія, митинги, массовки, лекціи и т. п.; з) изыскивать средства для развитія дѣятельности союза и поддерживать его членовъ, пострадавшихъ при столкновеніи съ администраціей по дѣламъ союза; и) объявлять время начала и окончанія забастовокъ и к) вести ежемѣсячную отчетность поступающихъ и расходуемыхъ суммъ.

2. На обязанности узлового комитета лежитъ объединеніе дѣятельности дорогъ, входящихъ въ узелъ. Узловые комитеты сосредоточиваютъ также въ своихъ рукахъ изданіе воззваній, бюллетеней и проч., а также подыскиваютъ мѣста уволеннымъ со службы по дѣламъ союза товарищамъ. Число членовъ въ этихъ комитетахъ опредѣляется по взаимному соглашенію входящихъ въ ихъ составъ дорогъ.

3. Созываемые центральнымъ бюро, по мѣрѣ надобности, съѣзды союза направляютъ всю дѣятельность союза, вносятъ измѣненія и дополненія въ его программу и рѣшаютъ вопросъ о необходимости и своевременности всеобщей забастовки. Каждая дорога на съѣздѣ, независимо отъ числа присутствующихъ уполномочен-

---

[1]) Это примѣчаніе было внесено по настоянію нѣкоторыхъ членовъ 2-го съѣзда, указывавшихъ на сравнительную легкость, въ случаѣ постанціоннаго именованія группъ, розыска союзныхъ организацій на небольшихъ станціяхъ, гдѣ каждый шагъ служащаго на виду.

ныхъ, располагаетъ только однимъ голосомъ. Рѣшенія всѣхъ вопросовъ постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ, касающихся измѣненія устава и программы союза и всеобщей забастовки, для рѣшенія которыхъ необходимо большинство не менѣе трехъ четвертей голосовъ всѣхъ участвующихъ въ союзѣ дорогъ.

4. Центральное бюро является исполнительнымъ органомъ союза, объединяющимъ дѣятельность комитетовъ дорогъ. На его обязанности лежитъ созывъ общихъ съѣздовъ, веденіе отчетности по дѣламъ всего союза, привлеченіе въ составъ союза не вошедшихъ еще въ его организацію дорогъ и выработка общаго плана дѣйствій передъ началомъ всеобщей забастовки. Бюро выбирается на съѣздѣ закрытой подачей голосовъ; ему предоставляется право пополнять, по мѣрѣ надобности, свой составъ путемъ приглашенія лицъ, полезныхъ для дѣятельности союза. Срокъ, на который избирается бюро, и число членовъ его устанавливаются каждый разъ съѣздомъ. Въ случаѣ невозможности созвать съѣздъ для рѣшенія поставленныхъ на очередь неотложныхъ вопросовъ, бюро имѣетъ право разрѣшить эти вопросы самостоятельно и выработанное на основаніи этого рѣшенія постановленіе разослать на заключеніе всѣмъ комитетамъ дорогъ. Если за разосланное постановленіе выскажется не менѣе трехъ четвертей комитетовъ дорогъ, оно становится постановленіемъ союза и, какъ таковое, подлежитъ обязательному исполненію.

V. *Денежныя средства союза.* Средства союза составляются: а) изъ обязательныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ въ размѣрѣ полпроцента мѣсячнаго жалованья (заработка) и б) изъ случайныхъ поступленій (пожертвованія, сборы съ концертовъ, лекцій и т. д.). Каждая групповая организація изъ всѣхъ поступающихъ въ нее въ теченіе мѣсяца суммъ отчисляетъ 50% въ комитетъ дороги. Комитетъ дороги изъ числа всѣхъ поступленій ежемѣсячно отчисляетъ 5 руб. въ центральное бюро союза на текущіе расходы (печатаніе и разсылка литературы, разъѣзды для установленія сношеній, организація забастовокъ и т. д.) и 50% въ забастовочный фондъ, который можно расходовать лишь на организацію забастовокъ и на помощь пострадавшимъ по забастовкамъ. Что касается отчисленій въ узловые комитеты, то размѣры опредѣляются по взаимному соглашенію входящихъ въ данный узелъ дорогъ. Всѣ организаціи союза, начиная отъ групповыхъ и кончая центральнымъ бюро, ведутъ строгую отчетность поступающимъ и расходуемымъ суммамъ, которую обязательно періодически публикуютъ. Въ концѣ года бюро союза, на основаніи свѣдѣній, получаемыхъ отъ комитетовъ дорогъ, составляетъ общій отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ во всѣхъ организаціяхъ союза.

Опубликованіемъ забастовочной программы и устава централь-

ное бюро ограничило свою органическую работу въ разсматриваемый періодъ, уйдя въ черновую работу по подготовкѣ общей забастовки и сосредоточивъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на московскомъ узлѣ. Здѣсь, какъ я уже говорилъ (въ I-ой главѣ), организація союзнаго узлового учрежденія представляла большія трудности въ силу организаціонныхъ принциповъ союза, ставившихъ практическія рѣшенія его въ зависимость отъ подорожныхъ комитетовъ и отнимавшихъ, поэтому, возможность быстрыхъ дѣйствій въ узлѣ. Принятый вторымъ съѣздомъ штабный принципъ проведенія забастовки, предоставлявшій право объявленія ея исключительно центральному бюро, мѣнялъ дѣло и далъ возможность центральному бюро организовать въ Москвѣ особый типъ узлового учрежденія, какъ бы московскій совѣтъ желѣзнодорожныхъ депутатовъ, составленный изъ числа лицъ, входившихъ въ составъ союза. Въ этотъ московскій узловой комитетъ (какъ называлось это учрежденіе) входили представители различныхъ союзныхъ организацій всевозможныхъ категорій труда всѣхъ дорогъ московскаго узла, безотносительно къ тому, принадлежали эти представители къ своимъ подорожнымъ комитетскимъ учрежденіямъ или нѣтъ. Критеріемъ для предоставленія отдѣльной союзной группѣ права имѣть своего представителя въ узловомъ комитетѣ служила степень ея реальнаго значенія для забастовки. При этомъ допускалась извѣстная текучесть состава узлового комитета: не всякая группа, по техническимъ условіямъ желѣзнодорожной службы, могла имѣть постояннаго представителя, и потому нѣкоторыми группами представители назначались особо на каждое собраніе комитета.

Узловой комитетъ далъ возможность центральному бюро стать въ курсъ текущаго настроенія всесторонних желѣзнодорожныхъ слоевъ московскаго узла и въ своемъ учетѣ текущей ситуаціи базироваться на немъ, какъ на выразителѣ этого настроенія, и на этой именно сторонѣ дѣла бюро и сосредоточило своё вниманіе послѣ того, какъ вторымъ съѣздомъ съ него была снята обязанность формальныхъ обоснованій своихъ забастовочныхъ рѣшеній. Правда, такой вопросъ, какъ объявленіе всероссійской желѣзнодорожной забастовки требовалъ учета общей политической ситуаціи страны; бюро же, какъ бы оно ни старалось объективизироваться въ этомъ отношеніи, фатальнымъ образомъ попадало, въ силу своего базированія на московскомъ узловомъ комитетѣ, въ такое положеніе, въ которомъ общая ситуація страны могла быть учтена имъ лишь черезъ призму мѣстнаго московскаго момента; но это искуплялось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ положеніе дѣлъ московскаго района являлось рѣшающимъ факторомъ [1]).

[1]) Въ концѣ концовъ, положеніе дѣлъ именно въ Москвѣ и вынудило въ октябрѣ центральное бюро объявить общую забастовку, причемъ въ

Быть на чеку общаго настроенія центральному бюро пришлось все время, со второго съѣзда и вплоть до октябрьской забастовки. Революціонная атмосфера все повышалась, и центральному бюро не разъ, за этотъ періодъ, приходилось готовиться къ мобилизаціи союзныхъ силъ, ожидая, что то или иное революціонное проявленіе создастъ условія, требующія перехода къ общей забастовкѣ. Нужно имѣть въ виду, что именно въ это время произошло опубликованіе булыгинской думы, съ особенной силой толкнувшее впередъ революціонное настроеніе. Лозунгъ—общая забастовка—становился все болѣе и болѣе популярнымъ, и бюро не безъ труда сдерживало попытки болѣе революціонно-настроенныхъ союзныхъ организацій самочинно дать выходъ своему настроенію и приступить къ забастовкѣ [1]).

Вотъ тѣ условія, въ которыхъ центральное бюро подходило постепенно къ рѣшенію октябрьской забастовки. Обстоятельства, вызвавшія это послѣднее и дальнѣйшія событія железнодорожной жизни, будутъ очерчены въ слѣдующемъ очеркѣ. Для полноты же характеристики разсматриваемаго періода—періода подгототовки къ массовымъ политическимъ выступленіямъ—остается разсмотрѣть тотъ общій фонъ, создавшійся въ сферѣ желѣзнодорожнаго труда послѣ хилковскаго циркуляра 29-го марта, фонъ, на которомъ развивался процессъ этой подготовки. Этому разсмотрѣнію посвящена слѣдующая глава, а здѣсь я скажу еще нѣсколько словъ о теченіи отношеній центральнаго бюро къ „союзу союзовъ“.

Отношенія эти, послѣ 2-го съѣзда желѣзнодорожнаго союза, продолжали поддерживаться, но вступили въ чисто-академическую стадію. Періодъ времени, поглотившій исключительное вниманіе желѣзнодорожнаго союза подготовкой ко второму съѣзду и тѣми экстренными вопросами, которые были вызваны послѣднимъ, совпалъ съ періодомъ общаго широкаго интереса къ булыгинской думѣ. По опубликованіи ея 6-го августа, вопросъ объ отношеніи

своемъ рѣшеніи бюро опиралось не только на узловой комитетъ, а на смѣшанный составъ представительства, какъ союзныхъ, такъ и не-союзныхъ желѣзнодорожныхъ организацій. Главная причина жизненности октябрьской забастовки и крылась въ томъ, что рѣшеніе ея не было результатомъ теоретическихъ соображеній, а было вытолкнуто процессомъ жизни.

[1]) Наиболѣе серьезнымъ эпизодомъ этого періода, грозившимъ преждевременнымъ прорывомъ забастовки, было рѣшеніе различныхъ организацій саратовской губерніи начать 1-го сентября губернскую общую забастовку, въ которой приходилось бы участвовать и желѣзнодорожной союзной организаціи Рязано-Уральской дороги. Въ виду этого, бюро сдѣлало необходимыя подготовленія къ быстрой поддержкѣ, если потребуется, саратовской забастовки переходомъ къ общей и отправило въ Саратовъ своего уполномоченнаго для освѣдомленія Москвы о ходѣ дѣлъ. Саратовская забастовка не состоялась, такъ какъ организаціи, рѣшившія ее въ послѣднюю минуту отмѣнили свое рѣшеніе.

къ ней сталъ уже конкретнымъ, и московскія союзовскія собранія главный свой интересъ сосредоточили именно на немъ [1]). Вопросъ же объ общей забастовкѣ, доминировавшій на союзовскихъ собраніяхъ въ первую половину лѣта, отошелъ на второй планъ. Пути желѣзнодорожнаго и остальныхъ всероссійскихъ союзовъ, входившихъ въ общеніе, разошлись. Для этихъ послѣднихъ, по самому ихъ характеру, вопросъ объ отношеніи къ булыгинской думѣ являлся вопросомъ первостепенной важности [2]); для желѣзнодорожнаго же союза этотъ вопросъ имѣлъ лишь теоретическій интересъ, такъ какъ желѣзнодорожный пролетаріатъ, въ массѣ, все равно былъ лишенъ избирательныхъ правъ [3]). Напротивъ, вопросъ объ общей забастовкѣ для желѣзнодорожнаго союза вошелъ въ фазу конкретныхъ дѣйствій; остальные же всероссійскіе союзы, лишь къ сентябрю (если даже не въ сентябрѣ) сдѣлали первые шаги перейти отъ теоретической постановки къ конкретному выясненію вопроса, предпринявъ посоюзную анкету, съ цѣлью опредѣлить отношеніе своихъ членовъ къ общей забастовкѣ [4]).

И такъ какъ центральному бюро приходилось въ этотъ періодъ все время быть въ ежеминутной готовности объявить забастовку, что всецѣло поглощало его вниманіе, то и отношеніе его къ союзному общенію стало дѣлаться все болѣе и болѣе формальнымъ, а ко второй половинѣ сентября и совсѣмъ прекратилось фактически [5]).

---

[1]) Въ особенности для всероссійскаго крестьянскаго союза.

[2]) Составъ московскихъ союзовскихъ собраній рѣзче обозначился къ этому времени въ лѣвую сторону, и центръ тяжести дискуссій сосредоточивался не столько на вопросѣ—бойкотировать или нѣтъ булыгинскую думу, сколько на тѣхъ позиціяхъ, которыя были заняты фракціями большинства и меньшинства соціалъ-демократовъ.

[3]) Между прочимъ, по поводу булыгинской думы центральное бюро желѣзнодорожнаго союза выпустило прокламацію, разъяснявшую сущность этой думы, указывавшую на то, что, въ частности, желѣзнодорожный пролетаріатъ является обойденнымъ избирательными правами даже въ этой, законосовѣщательной, думѣ и приглашавшую желѣзнодорожниковъ бороться за четырехчленное Учредительное Собраніе при помощи общероссійской забастовки.

[4]) Анкета эта, въ концѣ концовъ, пережила отчасти даже октябрьскую забастовку: въ тѣ дни, когда въ центральной части Россіи забастовка уже развертывалась, въ Петербургѣ продолжалась еще раздача и собираніе анкетныхъ листковъ.

[5]) Послѣднимъ собраніемъ, въ которомъ участвовало центральное бюро желѣзнодорожнаго союза, было, если не ошибаюсь, соединенное собраніе московскихъ представителей всероссійскихъ союзовъ и петербургскаго организаціоннаго бюро союза союзовъ. На этомъ собраніи рѣшено было созвать на 21—23 октября четвертый (по существу, учредительный) съѣздъ „союза союзовъ", со слѣдующимъ порядкомъ дѣлъ: 1) Тактика союзовъ по отношенію къ выборной агитаціи; 2) окончательное конституированіе союза союзовъ и связанные съ этимъ организаціонные вопросы; 3) предложеніе союза медицинскаго персонала относительно при-

VIII.

Оглянемся теперь на тѣ общія условія, въ которыхъ протекала желѣзнодорожная жизнь со времени хилковскаго циркуляра 29-го марта, положившаго грань между февральско-мартовскимъ періодомъ желѣзнодорожной весны и послѣдовавшей за нимъ эрой начальственнаго наступленія на занятыя желѣзнодорожниками во время февральскихъ забастовокъ позиціи.

Циркуляръ этотъ означалъ прежде всего начало гоненія не только на среду линейныхъ и управленскихъ служащихъ, которые являлись главными дѣйствующими элементами въ февральскій забастовочный періодъ, но и на среду рабочихъ мастерскихъ. Прежнюю свою тактику подкупанія мастерскихъ спеціально приспособленными для нихъ льготами и уступками, проводившуюся тогда, когда опасность крамолы усматривалась только въ мастерскихъ, а линейная и управленская среда считалась неспособной къ какому-либо активному реагированію, — эту тактику желѣзнодорожная бюрократія оставила. Объектомъ начавшагося наступленія сверху сдѣлались въ одинаковой степени всѣ отдѣлы желѣзнодорожнаго труда. Пока считалось возможнымъ планомѣрно проводить принципъ divide et impera и при помощи подкупанія однихъ обезсиливать другихъ, имѣли смыслъ и всѣ тѣ уступки и обѣщанія, которыя сдѣланы были въ видѣ телеграммы о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ и прочихъ подобныхъ мѣрахъ; но, разъ движеніе распространилось уже на всю желѣзнодорожную массу, всѣ эти мѣры и обѣщанія становились ненужными, и подъ прессъ „сокращенія зазнавшихся" подведены были уже всѣ, безъ прежняго различія на опасныхъ и неопасныхъ.

Этимъ нивеллированіемъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ категорій подъ прессомъ „сокращенія" желѣзнодорожная бюрократія взяла на себя наиболѣе трудную часть происходившей въ это время

мѣненія смертной казни; 4) о политической забастовкѣ; 5) объ отношеніи къ конституціонно-демократической партіи; 6) о помощи голодающимъ. Въ извѣщеніи о съѣздѣ этотъ порядокъ былъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: 1) чтеніе и утвержденіе протоколовъ предыдущаго съѣзда 1-го—3-го іюля; 2) сообщенія о принятыхъ союзами рѣшеніяхъ по поводу закона 6-го августа; 3) установленіе способовъ осуществленія рѣшеній, принятыхъ союзами, и отношеніе какъ къ предстоящимъ выборамъ въ государственную думу, такъ и къ самой думѣ по открытіи ея дѣйствій; 4) установленіе организаціи союза союзовъ; 5) предложеніе нѣкоторыхъ союзовъ по поводу примѣненія судами смертной казни; 6) вопросъ объ организаціи помощи голодающимъ; 7) вопросъ о политической забастовкѣ (характерно, что вопросъ о конституированіи союза союзовъ былъ поставленъ въ зависимость отъ исхода вопроса объ отношеніи къ булыгинской думѣ). Съѣздъ 21—23 октября не состоялся, вслѣдствіе октябрьской забастовки, и перенесенъ былъ впослѣдствіи на 10—12 декабря, когда его, въ свою очередь, захлестнули декабрьскія событія.

во всѣхъ уголкахъ желѣзнодорожнаго міра организаціонной работы: цементированія въ одно цѣлое разрозненныхъ въ теченіе долгихъ лѣтъ и часто враждебно, или, по меньшей мѣрѣ, недовѣрчиво, настроенныхъ другъ къ другу составныхъ частей желѣзнодорожныхъ массъ.

Февральско-мартовскій періодъ положилъ начало уничтоженію тѣхъ перегородокъ, которыя отдѣляли различныя группы линейныхъ служащихъ другъ отъ друга и отъ управленія. Но грань между управленской и линейной средой, съ одной стороны, и мастерскими—съ другой оставалась еще. Размахъ январьскаго движенія мастерскихъ различныхъ дорогъ разбился о телеграмму о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда линейное и управленское движеніе только начало развертываться, и оба эти движенія оказались, такимъ образомъ, изолированными другъ отъ друга. Болѣе того, взаимная отчужденность этихъ двухъ лагерей стала даже углубляться. Ослабленіе движенія мастерскихъ именно въ тотъ моментъ, когда линейные и управленскіе слои начинали только впервые массовую борьбу, инстинктивно стараясь опереться именно на мастерскія,—какъ бы подчеркнуло взаимную отчужденность, какъ бы оттолкнуло отъ мастерскихъ эти слои, которымъ казалось, что мастерскія покидаютъ ихъ, получивъ уступки для себя. Съ другой стороны, и мастерскія попали скоро въ такое положеніе, которое какъ бы отталкивало ихъ отъ линейной и управленской среды. Желѣзнодорожная администрація, убѣдившись, что заигрываніе съ мастерскими не останавливаетъ линейнаго и управленскаго движенія, занялась успокоеніемъ этого послѣдняго, оставивъ думать о приведеніи въ исполненіе обѣщаній телеграммы о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ. Правда, часть этихъ обѣщаній была осуществлена, но лишь въ мастерскихъ болѣе революціонно настроенныхъ, и то въ урѣзанномъ видѣ; большей же части мастерскихъ телеграмма о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ не дала почти никакихъ практическихъ результатовъ, и мастерскія эти, видя вмѣстѣ съ тѣмъ заигрываніе начальства съ линейными и управленскими слоями, стали чувствовать себя какъ бы обойденными за счетъ послѣднихъ. Мѣстами это вызывало протестъ: въ концѣ февраля и въ мартѣ вновь стало эпизодически вспыхивать въ мастерскихъ частичное движеніе на почвѣ обѣщаній телеграммы о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ иныхъ мѣстахъ выдвигалось лишь требованіе немедленнаго осуществленія этихъ обѣщаній; въ другихъ—предъявлялись и дополнительныя требованія (признанія объявленныхъ обѣщаній не временными, а постоянными мѣрами, независимостъ отъ администраціи дороги выборныхъ отъ рабочихъ, 8-мичасовой день и т. д.). Желѣзнодорожное начальство въ такихъ случаяхъ немедленно распространяло на мастерскія ту свою предупредительность, которая практиковалась имъ

въ это время по отношенію къ линейной и управленской средѣ, и вспышка мастерскихъ утихала.

Съ момента появленія хилковскаго циркуляра 29-го марта начальственная предупредительность испарилась. „Полнота власти" вступила въ силу, хотя приводилась въ дѣйствіе не вездѣ съ одинаковой интенсивностью. Тамъ, гдѣ февральско-мартовское движеніе достигло большого напряженія и гдѣ организаціонный процессъ въ средѣ служащихъ успѣлъ достаточно развиться, „полнота власти" вводилась въ силу постепенно, выборныя учрежденія, комиссіи и проч. уничтожались не сразу, оставлялись на нѣкоторое время, подвергаясь постепенному суженію своихъ функцій, вплоть до полнаго прекращенія [1]). Но такихъ пунктовъ было немного; въ громадномъ большинствѣ случаевъ предупредительность была оставлена немедленно послѣ опубликованія циркуляра 29-го марта; выборныя учрежденія немедленно были упразднены [2]), и приведеніе въ исполненіе всѣхъ реформъ, обѣщанія которыхъ были вырваны февральскими забастовками, было отложено въ долгій ящикъ. Желѣзнодорожникамъ было предложено прежде всего войти въ норму „порядка и законности", а затѣмъ уже ждать милостей начальства.

Временами можно было наблюдать особенную хлопотливость мѣстной желѣзнодорожной администраціи, которая неожиданно разражалась оповѣщаніями о томъ, что намѣченныя мѣры къ улучшенію труда и быта служащихъ разрабатываются и въ скоромъ времени будутъ приведены въ исполненіе. Въ начальственной средѣ начинало происходить какое-то движеніе, засѣдали комиссіи, составлявшія груды заключеній по различнымъ вопросамъ, давнымъ-давно затронутымъ февральско-мартовскими петиціями и забастовочными требованіями и уже разрѣшеннымъ какъ будто своевременными обѣщаніями администраціи. Дѣлалось извѣстно, что высшее начальство дороги идетъ съ этими „заключеніями" „въ Петербургъ" „ходатайствовать" о скорѣйшемъ осуществленіи „мѣропріятій по улучшенію труда и быта служащихъ". Начальство дѣйствительно ѣхало, затѣмъ возвращалось, и снова все затихало до слѣдующаго подобнаго же проявленія хлопотливости.

Это—параллельно съ процессомъ урѣзыванія служащихъ не только въ томъ, что они получили въ февральско-мартовскій періодъ, но даже и въ томъ, что имѣлось и раньше; параллельно съ этимъ процессомъ происходилъ процессъ канцелярскаго реформаторства министерства путей сообщенія.

Верхи желѣзнодорожной бюрократіи, издавая, подъ давленіемъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ администраторовъ, циркуляръ 29-го

---

[1]) Исключая институтъ выборныхъ отъ рабочихъ мастерскихъ, введенный телеграммой о 9-тичасовомъ днѣ.

[2]) Иногда при этомъ мѣстная желѣзнодорожная администрація медлила съ самимъ опубликованіемъ циркуляра 29-го марта.

марта, руководились принципомъ—одной рукой карать, а другой миловать. Удаленные въ своихъ канцеляріяхъ отъ жизни, они продолжали пребывать въ состояніи блаженнаго простодушія, считая желѣзнодорожное движеніе результатомъ дѣятельности единичныхъ зловредныхъ крамольниковъ, предполагая, что, въ сущности, ничто не измѣнилось въ прежнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ, когда милостивый господинъ, покаравъ ослушника, могъ послѣ этого и обласкать его. Февральскіе бунтовщики были достаточно наказаны; все, что они мнили добытымъ принудительно у желѣзнодорожной администраціи, было отобрано. Пора было и миловать; показать, что не отъ дерзости подчиненныхъ зависитъ ихъ благополучіе, а отъ милости начальства. И министерство стало надрываться отъ непосильныхъ трудовъ: былъ открытъ цѣлый рядъ совѣщаній „по вопросамъ, касающимся улучшенія положенія служащихъ и рабочихъ".

Содержаніе этихъ совѣщаній окружено было тайной [1]), и потому о нихъ приходится говорить лишь по случайнымъ, крайне скуднымъ, свѣдѣніямъ. Въ этомъ министерскомъ реформаторствѣ можно было уловить три основныхъ тенденціи. Въ первую голову шелъ вопросъ о проведеніи въ законодательномъ порядкѣ новаго „Общаго положенія о желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ". Проектъ такого новаго положенія былъ выработанъ въ министерствѣ скоро. Въ основу положенъ принципъ сугубаго признанія за желѣзными дорогами особаго государственнаго значенія и необходимости усиленнаго охраненія непрерывности, срочности и безопасности движенія, а, въ силу этого, и необходимости усиленной отвѣтственности за проступки, направленные къ нарушенію правильности движенія по дорогамъ. Для разбора различныхъ случаевъ проступковъ служащихъ были предусмотрѣны особыя дисциплинарныя комиссіи со слѣдственными и совѣщательными, при начальникѣ дороги, функціями, причемъ предполагалось предоставить мѣстной администраціи право приглашать въ эти комиссіи, въ случаѣ надобности, свѣдущихъ лицъ изъ числа служащихъ, не допуская, однако, выборовъ такихъ лицъ самими служащими [2]).

[1]) Какъ вообще окружалось тайной и все, касавшееся внутренняго міра желѣзнодорожной жизни. На этотъ счетъ изданъ былъ министерствомъ даже спеціальный циркуляръ, строжайше воспрещавшій служащимъ сообщать кому бы то ни было какія-либо свѣдѣнія о желѣзнодорожныхъ дѣлахъ.

[2]) Министерство вообще охотно выдвигало принципъ „свѣдущихъ людей" въ тѣхъ случаяхъ, когда у служащихъ наблюдалась потребность провести выборное начало. Желѣзнодорожная бюрократія не находила возможнымъ совершенно не считаться съ этой потребностью и дѣлала попытки частью отвести ее своими „свѣдущими людьми", частью, въ вопросахъ необязательнаго значенія, направить ее въ рамки совѣщательнаго представительства (какъ это было съ созывомъ „Особаго совѣща-

„Проведеніемъ въ законодательномъ порядкѣ“ своего проекта новаго „Общаго положенія“ министерство путей сообщенія занимается и до сихъ поръ; но такая долгота законодательнаго пути не помѣшала ему, разумѣется, тотчасъ же провести въ жизнь тѣ принципы этого проекта, которые касались усиленной отвѣтственности служащихъ. Посыпались подтвержденія о неукоснительномъ примѣненіи различныхъ, установленныхъ еще въ прежнѣе время антикрамольныхъ правилъ [1]); принятъ былъ рядъ дополнительныхъ мѣръ „временнаго“ характера [2]).

Итакъ, карающая рука дѣйствовала. Это была одна тенденція министерскаго реформаторства. Другая тенденція клонилась къ тому, чтобы закрѣпить и провести въ жизнь такія мѣры, которыя долженствовали либо санкціонировать самыя элементарныя уступки, сдѣланныя мѣстной желѣзнодорожной администраціей въ февральско-мартовскій періодъ и не могшія быть отобранными безъ риска вызвать слишкомъ большое негодованіе, либо устранить наиболѣе абсурдныя несообразности въ положеніи служащихъ. Такъ, признано было желательнымъ (!) для служащихъ по письменнымъ, чертежнымъ и телеграфнымъ занятіямъ, въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Рига, установить наименьшій окладъ 35 рублей въ мѣсяцъ, но лишь для штатныхъ и прослужившихъ не менѣе 2-хъ лѣтъ [3]). Наименьшій окладъ лицъ, занимающихся физическимъ трудомъ, въ мѣстахъ располо-

---

нія“ по пересмотру уставовъ пенсіонныхъ кассъ, о чемъ мнѣ придется подробно говорить въ слѣдующемъ очеркѣ), отражая этимъ, какъ въ каплѣ воды, правительственныя потуги той эпохи,—отвести русскую революцію въ русло измышлявшейся ими тогда законосовѣщательной государственной думы.

[1]) Для иллюстраціи укажу на сдѣланное 20-го мая подтвержденіе той статьи „Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“, которою на всѣхъ служащихъ возлагается обязанность: 1) оказывать чинамъ жандармскихъ полицейскихъ управленій содѣйствіе по исполненію лежащихъ на сихъ чинахъ обязанностей; 2) немедленно сообщать означеннымъ чинамъ о всѣхъ замѣченныхъ происшествіяхъ, заключающихъ въ себѣ признаки преступленія или проступка; и 3) доставлять по требованію жандармской полиціи свѣдѣнія, необходимыя для исполненія возложенныхъ на нее обязанностей.

[2]) Любопытно было, въ числѣ этихъ мѣръ, соглашеніе министерства путей сообщенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по которому нѣкоторымъ губернаторамъ было предписано предоставлять помѣщенія для заключенія служащихъ подъ арестъ по распоряженію мѣстной желѣзнодорожной администраціи, которой на это предоставлено было право пресловутымъ „военнымъ положеніемъ“.

[3]) Этимъ наименьшимъ окладамъ, которые, какъ мнѣ пришлось уже говорить, были однимъ изъ немногихъ реальныхъ пріобрѣтеній февральскаго періода, впослѣдствіи, въ періодъ октябрьской забастовки, опять пришлось фигурировать въ качествѣ „желательныхъ“ къ введенію и опять, чуть ли не въ третій или четвертый разъ, подвергнуться санкціонированію, какъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка.

женія мастерскихъ признано было необходимымъ довести до размѣра, соотвѣтствующаго поденному заработку чернорабочаго въ мѣстныхъ мастерскихъ и депо [1]). Право на квартиру натурой предположено было распространить на всѣхъ дорогахъ на такія категоріи служащихъ, какъ стрѣлочники, младшіе составители, сцѣпщики, телеграфисты. Вопросъ о положеніи нештатныхъ служащихъ намѣчено было урегулировать слѣдующимъ образомъ: выдѣлять служащихъ, нанимаемыхъ для сдѣльной работы на срокъ, предупреждая объ этомъ срокѣ при наймѣ; прочіе служащіе, принимаемые въ качествѣ сверхштатныхъ, по прослуженіи двухъ лѣтъ, пользуются всѣми правами штатныхъ, хотя бы и не были зачислены въ штатъ. Лицамъ, прослужившимъ на данной дорогѣ не менѣе [2]). 2-хъ лѣтъ, предположено было предоставить право на полученіе ежегоднаго 2-хнедѣльнаго отпуска съ сохраненіемъ содержанія.

Третья тенденція министерскаго реформаторства направлена была къ тому, чтобы обезпечить закрѣпощеніе на дорогахъ контингента „довольныхъ“ элементовъ, и милующая рука направлена была въ сторону обжившихся уже на дорогахъ семейныхъ старослужащихъ, которымъ предположено было предоставлять возможность полученія въ долгосрочную аренду земли въ предѣлахъ желѣзнодорожнаго отчужденія для постройки домовъ, съ передачей этой земли въ собственность по истеченіи извѣстнаго срока; устраивать въ опредѣленныхъ пунктахъ интернаты для дѣтей служащихъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ линіи, и т. д.

Вторая и третья категорія мѣръ „разрабатывались“ обычнымъ бюрократическимъ способомъ, и потому „разработка“ ихъ шла вплоть до октябрьской забастовки безъ конкретныхъ результатовъ [3]). Обычно всякая мѣра намѣчалась въ министерствѣ принципіально, а затѣмъ отправлялась на мѣста администрацін отдѣльныхъ дорогъ для „детальной разработки“. Вотъ эта отправка для „детальной разработки“ и вызывала временами хлопотливость мѣстнаго желѣзнодорожнаго начальства, пользовавшагося такими случаями для того, чтобы нашумѣть служащимъ о великихъ преобразованіяхъ, подготовляемыхъ министерствомъ на пользу своихъ чадъ.

---

[1]) Характерно признаніе необходимости такого урегулированія заработка *лишь* въ пунктахъ нахожденія мастерскихъ; характерно проявлено и признаніе необычайной убогости заработка линейныхъ служащихъ физическаго труда, который надо еще доводить до заработка чернорабочаго мастерскихъ, несмотря на то, что трудъ линейнаго служащаго является трудомъ классифицированнымъ по сравненію съ трудомъ чернорабочаго мастерскихъ.

[2]) Характерна казуистика этого „не менѣе“.

[3]) Даже такія, несложныя и не требующія никакихъ затратъ, вещи, какъ урегулированіе вопроса о безплатныхъ билетахъ, не были вырѣшены окончательно.

А впредь до появленія этихъ преобразованій всемѣрное „сокращеніе" служащихъ велось на мѣстахъ неуклонно. Главное вниманіе было обращено на искорененіе прочно залегшей въ желѣзнодорожныхъ массахъ тенденціи ввести въ той или иной формѣ во всѣ стороны служебной жизни принципъ выборности и этимъ путемъ, если не формально регулировать, то оказывать моральное воздѣйствіе на служебныя отношенія. Во всемъ, въ чемъ только можно было, желѣзнодорожная администрація старалась подвергнуть это проявленіе пробудившагося массоваго самосознанія издѣвательству, какъ можно грубѣе оскорбить его. Въ февральско-мартовскій періодъ почти вездѣ установился, если не санкціонированный формально, то молчаливо признанный мѣстной желѣзнодорожной администраціей обиходъ—считаться съ мнѣніемъ служащихъ въ дѣлѣ перемѣщенія на низшія должности, увольненія отъ службы и т. д. А теперь сюда именно и направлены были удары администраціи. Проявленія административнаго произвола въ это время были не только произволомъ,—они намѣренно подбирались такъ, чтобы подчеркнуть возвратившуюся администраціи возможность поступать по своему исключительному усмотрѣнію. Стоило служащимъ проявить желаніе увидѣть какую-нибудь мелкую мѣру въ области служебнаго распорядка,—начальство дѣйствовало наперекоръ. Стоило служащимъ проявить неудовольствіе по поводу незаслуженной придирчивости по отношенію къ кому-либо изъ сослуживцевъ,—начальство обрушивало на него форменное безпричинное гоненіе. Стоило служащимъ сдѣлать напоминаніе начальству о какихъ-либо его обѣщаніяхъ,—на поднявшихъ голосъ обрушивался рядъ каръ, въ видѣ перемѣщеній на худшую должность и т. д. Тамъ, гдѣ оставался неотмѣненнымъ формально отъ февральско-мартовскаго періода порядокъ согласовыванія съ выборными комиссіями различныхъ служебныхъ вопросовъ, порядокъ этотъ особенно демонстративно нарушался администраціей. Параллельно съ этимъ производилось постепенное устраненіе со службы людей, на которыхъ падало довѣріе сослуживцевъ. Устраненіе этихъ лицъ вначалѣ производилось съ осторожностью, подстраивалась комедія требованія ихъ удаленія желѣзнодорожной жандармской полиціей или же они увольнялись подъ видомъ сокращенія штатовъ, а затѣмъ и эти декораціи были отброшены, и намѣченный либо „выживался" самыми безцеремонными пріемами, либо увольнялся безъ объясненія причинъ [1]).

Особенно болѣзненное дѣйствіе оказывалъ этотъ разгулъ начальственной мстительности на мастерскія. Здѣсь проявленія этой мстительности не разсѣивались и не раздроблялись по ме-

[1]) Во всемъ этомъ проведеніи „полноты власти" казенныя и частныя дороги шли рука объ руку, конкуррируя въ своемъ рвеніи.

лочамъ такъ, какъ въ линейной и управленской службѣ, а, напротивъ, концентрировались. Кромѣ того, право имѣть выборныхъ „для заявленія нуждъ“ давало въ руки рабочихъ мастерскихъ возможность облекать въ лойяльную форму свои домоганія. И вотъ, то самое начальство, которое до циркуляра 29-го марта не переставало разсыпаться въ самыхъ предупредительныхъ обѣщаніяхъ, послѣ этого циркуляра, рѣзко до циничности, перемѣнило тонъ [1]). Эта перемѣна оказывала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на мастерскія крайне провоцирующее дѣйствіе и приводила къ частичнымъ забастовочнымъ вспышкамъ, имѣвшимъ обычно, въ этотъ періодъ, крайне печальные результаты для рабочихъ, вызывая крутую расправу и кончаясь зачастую ухудшеніемъ ранѣе существовавшихъ условій и потерей части своихъ товарищей уволенными, а иногда и забранными въ солдаты и отосланными въ дѣйствующую армію на Дальный Востокъ [2]).

Подъ вліяніемъ всего этого прежняя отчужденность мастерскихъ отъ линіи и управленія стала быстро сглаживаться; и тотъ, и другой лагерь увидѣли себя совершенно уравненными подъ прессомъ „сокращенія“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стали все глубже проникаться сознаніемъ цѣлесообразности лишь согласованныхъ и централизованныхъ наступленій одновременно всѣхъ категорій желѣзнодорожнаго труда,—и притомъ не частичныхъ, а охватывающихъ цѣлыя дороги.

Къ срединѣ лѣта общій характеръ отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ забастовокъ, которыя не переставали вспыхивать въ раз-

---

[1]) Характернымъ примѣромъ могутъ служить мытарства рыбинскихъ мастерскихъ Московско-Виндаво-Рыбинской дороги, гдѣ, въ началѣ февраля (какъ объ этомъ я разсказывалъ въ первомъ очеркѣ), переусердіе жандармскаго офицера, предложившаго рабочимъ (въ видахъ предупрежденія могущаго возникнуть броженія) „изложить свои нужды“, привело къ забастовкѣ. Эта послѣдняя кончилась пріѣздомъ управляющаго дорогой, проявившаго необычайную охотность къ удовлетворенію требованій рабочихъ и вызвавшаго даже этимъ съ ихъ стороны овацію. Въ серединѣ мая, когда тотъ же управляющій дорогой былъ въ Рыбинскѣ, выборные отъ мастерскихъ явились къ нему съ запросомъ о срокѣ приведенія въ исполненіе сдѣланныхъ въ февралѣ обѣщаній. Вмѣсто отвѣта получился рѣзкій и грубый окликъ и заявленіе, что не ихъ дѣло указывать начальству: начальство само знаетъ, что и когда надо сдѣлать.

[2]) Иногда приходилось наблюдать почти сознательную провокацію со стороны начальства, какъ это было въ минскихъ мастерскихъ Московско-Брестской дороги въ первыхъ числахъ мая, гдѣ къ проѣзжавшему начальнику дороги явились выборные отъ мастерскихъ съ заявленіямъ по поводу не приведенныхъ въ исполненіе обѣщаній телеграммы о 9-ти часовомъ днѣ. Начальникъ дороги обѣщалъ переговорить съ выборными на обратномъ своемъ пути черезъ Минскъ, но вмѣсто этого проѣхалъ обратно, не останавливаясь. Это вызвало забастовку, а послѣдняя повела къ вызову войскъ, увольненіямъ, арестамъ и отдачѣ (кажется, 70-ти человѣкъ) въ солдаты.

ныхъ мѣстахъ все время, вплоть до октября, значительно измѣнился. Забастовки по отдѣльнымъ категоріямъ желѣзнодорожнаго труда, во имя только своихъ частичныхъ интересовъ, сдѣлались явленіями единственными. Въ большинствѣ же случаевъ тѣ частичныя забастовки, которыя относятся къ этому времени, являлись производными отъ мѣстныхъ общихъ забастовокъ политическаго характера. Таковы были іюльскія забастовки въ различныхъ мѣстахъ въ день полугодовщины 9-го января, забастовки на югѣ въ іюнѣ, вызванныя потемкинскими днями, общая забастовка въ Ригѣ во второй половинѣ іюня, общія забастовки въ Либавѣ въ началѣ іюня и во второй половинѣ августа, общая забастовка въ Царствѣ Польскомъ въ началѣ августа, возникшая подъ вліяніемъ бѣлостокской бойни 30-го іюля, и т. д. На всѣ эти революціонныя проявленія мѣстный желѣзнодорожный пролетаріатъ откликался въ той или иной формѣ, иногда лишь забастовкой мастерскихъ, иногда и остановкой движенія поѣздовъ.

Наряду съ этимъ, въ промежутокъ времени отъ циркуляра 29-го марта и октябрьскими днями, произошло массовое выступленіе на трехъ большихъ дорогахъ—Закавказскихъ, Владикавказской и Сибирской, реагировавшихъ до того на февральское забастовочное движеніе лишь частично.

На Закавказскихъ дорогахъ начало массовой забастовки совпало съ концомъ февральско-мартовской желѣзнодорожной весны. Стачка началась въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ числахъ апрѣля охватила всю дорогу. Администраціей были пущены въ ходъ самыя крутыя мѣры; начались аресты, военныя репрессіи, штрейкбрехерство съ помощью желѣзнодорожныхъ батальоновъ и военныхъ машинистовъ, выписанныхъ со Средне-Азіатской дороги. Стачечники сопротивлялись крайне упорно и долго, прибѣгнувъ, въ свою очередь, къ отвѣтному террору. Стачка эта положила начало тому почти перманентному забастовочному состоянію, въ которое Закавказскія дороги впали на все лѣто, вплоть до октябрьскихъ дней. Апрѣльская стачка изъ массовой, распространявшейся на всю дорогу, обратилась постепенно въ рядъ смѣняющихъ другъ друга, безъ перерыва, участковыхъ забастовокъ дороги. Не было почти такого момента, когда не имѣлось бы на-лицо забастовки того или иного участка; какъ только возобновлялъ работу одинъ участокъ, начиналась стачка на другомъ. На такія, безпрерывно смѣняющіяся участковыя забастовки, въ источникѣ которыхъ лежали внутренне-желѣзнодорожныя причины, наслаивались временами забастовки по общимъ причинамъ: такъ, вся дорога реагировала остановкой движенія на потемкинскіе дни; въ іюнѣ и началѣ сентября тифлисскій желѣзнодорожный узелъ примыкалъ къ обще-городской тифлисской забастовкѣ—первый разъ, по поводу черносотенныхъ избіеній,

второй—по поводу избіенія 29-го августа полиціей и казаками митинга въ городской думѣ; останавливалось движеніе во время августовской бакинской рѣзни.

На Владикавказской дорогѣ большая лѣтняя забастовка началась 11-го іюля въ центральной части линій этой дороги—на станціяхъ Кавказской и Минеральныя Воды, быстро распространившись къ Новороссійску, Ростову и Баладжарамъ и остановивъ всю дорогу. Администрація дороги упорно сопротивлялась, и въ Ростовѣ и Новороссійскѣ дѣло дошло до кровавыхъ стычекъ съ войсками. Особеннымъ звѣрствомъ отличалась расправа въ Новороссійскѣ, гдѣ 19-го іюля, по оффиціальному сообщенію, было убито 13 человѣкъ и 22 ранено. Забастовка прекратилась лишь къ началу августа.

На Сибирской дорогѣ большая забастовка началась въ началѣ августа, подъ вліяніемъ крупной іюльской забастовки читинскихъ мастерскихъ Забайкальской дороги. Забастовка подавлялась круто, военными средствами, и прекратилась во вторую половину августа подъ вліяніемъ мира съ Японіей.

Эти массовыя подорожныя забастовки являлись такими же „линейными“ забастовками, какъ и линейныя забастовки отдѣльныхъ дорогъ въ февральско-мартовскій періодъ, отличаясь признакомъ остановки движенія всей линіи дороги и массовымъ выступленіемъ всевозможныхъ служебныхъ слоевъ отъ частичныхъ стачекъ по отдѣльнымъ категоріямъ желѣзнодорожнаго труда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладали особенностями, которыя накладывали на нихъ особый оттѣнокъ по сравненію съ забастовками февральскаго періода. Во-первыхъ, онѣ не являлись уже, подобно послѣднимъ, проявленіемъ чисто-профессіональнымъ, а въ значительной степени носили политическій характеръ, проявляясь мѣстами сознательными революціонными актами; а, во-вторыхъ, онѣ не были уже стихійнымъ выступленіемъ линейныхъ и управленскихъ элементовъ изолированно отъ мастерскихъ, а организованнымъ и согласованнымъ выступленіемъ всѣхъ отдѣловъ желѣзнодорожнаго труда. Практическихъ профессіональныхъ результатовъ эти забастовки не дали, но оказали громадную услугу организаціонному дѣлу, вызвавъ естественный организаціонный процессъ въ своихъ болѣе отсталыхъ служебныхъ слояхъ и наверставъ этимъ тотъ недочетъ, какимъ являлось неучастіе этихъ дорогъ въ забастовкахъ февральскаго періода, которымъ на другихъ дорогахъ были заложены корни естественныхъ организацій въ широкихъ желѣзнодорожныхъ массахъ. Такое наверстываніе шло въ значительно повышенной, по сравненію съ февральско-мартовскимъ періодомъ, революціонной атмосферѣ, и этимъ компенсировалось запозданіе массоваго линейнаго выступленія.

Верхи желѣзнодорожной бюрократіи сильно всполошились этими забастовками, боясь, очевидно, повторенія февраля. И

такъ же, какъ и въ февралѣ, вновь бросились къ системѣ обѣщаній и предупредительности [1]).

Министерство отдало приказъ о немедленномъ приступѣ къ введенію на дорогахъ мѣръ по улучшенію быта низшихъ служащихъ и рабочихъ (все тѣхъ же, которыя были даны мѣстными начальствами въ февралѣ, отняты циркуляромъ 29-го марта, обѣщаны быть разсмотрѣнными за хорошее поведеніе тѣмъ же циркуляромъ и разсматривались въ лѣтнихъ министерскихъ совѣщаніяхъ).

Но приказъ этотъ остался въ воздухѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ, когда понадобилось поспѣшить сооруженіемъ плотины для задержанія той волны линейныхъ забастовокъ, которая такъ неожиданно для желѣзнодорожной бюрократіи захватила цѣлый рядъ дорогъ, мѣстныя желѣзнодорожныя власти быстро и даже по своей собственной иниціативѣ стеклись на помощь министерству и свалили на него всѣ свои грѣхи, совершенные во время забастовочнаго переполоха въ видѣ различныхъ уступокъ, получивъ на нихъ, въ циркулярѣ 29-го марта, разрѣшительную грамоту. Но, когда министерство проявило теперь желаніе нѣсколько умѣрить разнуздавшійся пылъ на мѣстахъ, это для него оказалось невозможнымъ, и попытка его провести въ жизнь „мѣры по улучшенію быта служащихъ“ осталась втуне [2]).

---

[1]) Любопытенъ былъ, въ этомъ отношеніи, такой эпизодъ: Хилковъ отдалъ приказъ управленію Владикавказской дороги (эта дорога частная) принять обратно на службу всѣхъ увольнныхъ за іюльскую забастовку (вопреки желанію правленія дороги).

[2]) Исключая такія „реформы“, какъ, напримѣръ, распоряженіе Юго-Западныхъ дорогъ о дарованіи ученикамъ телеграфа жалованья въ размѣрѣ 12-ти рублей въ мѣсяцъ. Зато въ мѣстахъ, слишкомъ „опасныхъ“, желѣзнодорожная администрація не останавливалась и передъ существенными для нея мѣропріятіями. Напримѣръ, на Сибирской дорогѣ большой августовской забастовкѣ предшествовалъ рядъ частичныхъ вспышекъ въ различныхъ частяхъ дороги, и это вызывало квалифицированное заигрываніе начальства. Въ Томскѣ, послѣ іюньской общегородской забастовки, въ которой принимали участіе и мѣстные желѣзнодорожники, былъ предпринятъ рядъ такихъ мѣръ, какъ отмѣна штрафовъ, распоряженіе о разсмотрѣніи вопросовъ объ увольненіи служащихъ въ особыхъ дисциплинарныхъ комиссіяхъ при участіи представителей служащихъ, и т. д. Квалифицированное заигрываніе доходило здѣсь до такихъ мелочей, что въ Иркутскѣ, когда не хватило разъ наличныхъ денегъ для уплаты жалованья, то уплата была произведена лишь въ болѣе „опасныхъ“ пунктахъ, а остальные оставлены были безъ денегъ. Также точно и на другихъ дорогахъ „смирные“ пункты обходились даже тѣми жалкими крохами, которыя, разъ введенныя въ болѣе „опасныхъ“ мѣстахъ, уже не отнимались. Напримѣръ, на Екатерининской дорогѣ, во время іюньской забастовки (вслѣдствіе потемкинскихъ дней) долгинцевскія мастерскія потребовали уравненія ихъ съ другими мастерскими дороги въ нормахъ заработной платы и рабочаго времени, въ чемъ ихъ до того времени обходили за смиреніе.

Процессъ карательно-мстительнаго наступленія желѣзнодорожнаго начальства продолжалъ развиваться на мѣстахъ съ прежней энергіей и создавалъ ту атмосферу, которая, въ конечномъ итогѣ, и дѣлала осуществимыми разсчеты организованныхъ желѣзнодорожныхъ силъ на общую забастовку. Мы видѣли выше, какъ всероссійскій желѣзнодорожный союзъ основывался въ конечномъ счетѣ на томъ настроеніи широкихъ желѣзнодорожныхъ массъ, которое вытекало изъ общей атмосферы желѣзнодорожной жизни разсматриваемаго періода и вызывало сочувствіе этихъ массъ самой идеѣ общей забастовки.

Такъ подходилъ къ концу процессъ подготовки къ массовымъ политическимъ выступленіямъ желѣзнодорожниковъ, вытекавшій, какъ естественное слѣдствіе, изъ февральско-мартовскаго періода.

В. Романовъ.

Ибсенъ и мѣщанство.

(Окончаніе).

„Строитель Сольнесъ“ —драма очень сложная и мѣстами туманная въ силу своей чрезмѣрной субъективности. Но мы и не думаемъ давать ея полнаго анализа,—мы отмѣтимъ лишь то въ ней, что имѣетъ прямое отношеніе къ общей характеристикѣ драматургіи Ибсена, впрочемъ, это будетъ и самое важное для самой пьесы.

Въ настоящее время уже несомнѣнно, что внѣшнимъ толчкомъ къ созданію странной этой пьесы послужило личное переживаніе. Старый, сѣдой Ибсенъ познакомился на водахъ въ Австріи съ милой и талантливой, совсѣмъ юной дѣвушкой, съ которою сильно подружился. „Le coeur n'a point de rides!“ говоритъ Викторъ Гюго. Дружба умирающаго льва къ дѣвушкѣ окрасилась въ трогательно-нѣжныя краски. Конечно, счастье было невозможно. Ибсенъ скоро прекратилъ даже переписку со своимъ юнымъ другомъ. Но всѣ страшные вопросы старости заголосили еще громче, еще отчаяннѣе вокругъ могучей серебряной головы. Что сдѣлалъ ты со своей жизнью? Что ты такое теперь, у края могилы? Что оставляешь ты? И въ какомъ отношеніи находишься ты съ новымъ поколѣніемъ, съ тою „молодою жизнью“, которая „будетъ играть у гробового входа?“

И Ибсенъ написалъ свою горькую и страшную драму-признаніе.

Старѣющій строитель, достигшій вершинъ славы,—мраченъ. Во-первыхъ, его слава, то, что называютъ его счастьемъ, явилась скорѣе болѣзнью, съѣвшей его настоящее личное счастье, его жизнь, его семью, какъ опухоль съѣдаетъ органы тѣла. Во-вторыхъ, эта слава такъ не прочна. Съ безпокойствомъ приходится смотрѣть на новыхъ, молодыхъ вродѣ Рагнара, которые, пожалуй, несутъ съ собою новое слово и заставятъ міръ забыть славу строителя Сольнеса.

Старѣющій художникъ боится молодости, которая придетъ и постучитъ въ дверь. И молодость приходитъ неумолимо и сту-

читъ. Но она пришла совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ строитель, она пришла другомъ, о!—больше, чѣмъ другомъ: она несетъ съ собою жизнерадостность, воскресеніе, порывъ, гордость... быть можетъ, любовь! Съ Гильдой словно весна возвращается. Но молодость... требуетъ. Требуетъ такъ, какъ требовалъ когда-то Брандъ. Развѣ художникъ на зарѣ своего творчества не обѣщалъ новое царство? Развѣ онъ не говорилъ съ самимъ Богомъ, тамъ вверху? Съ упоеніемъ слѣдила за нимъ совсѣмъ, совсѣмъ тогда еще отреченная „новая жизнь". Но гдѣ же обѣщанное царство? Или Сольнесъ-Ибсенъ только Брендель, растерявшій идеалы? Если онъ хочетъ быть вождемъ—пусть онъ еще разъ подымется къ небу, пусть побѣдитъ свою бренделевскую робость, пусть возвѣститъ новую истину. Тогда возможенъ будетъ вѣчный союзъ строителей съ новой жизнью. Но что это будетъ за истина?

Сольнесъ началъ свою дѣятельность съ постройки храмовъ съ высокими колокольнями. Ибсенъ хотѣлъ создать новую религію, дать міру новое общество. Но это оказалось не по силамъ. Сольнесъ сталъ строить дома, семейные очаги для людей. Уютные, милые, свѣтлые домики, гдѣ отецъ съ матерью, окруженные ребятишками, могутъ жить въ мирѣ и довольствѣ... радуясь жизни радуясь тому, что живутъ на свѣтѣ... особенно же тому, что составляютъ одно неразрывное цѣлое—этакъ и въ великомъ, и въ маломъ. Но и тутъ его постигло разочарованіе. Онъ хотѣлъ бы украсить эти дома богинями, но... могъ это дѣлать лишь изрѣдка. Въ общемъ Гильда презрительно смотритъ на эти „очаги для папаши и мамаши съ дѣтками". Теперь Сольнесъ понялъ, что это все вздорныя затѣи, что лучше предоставить папашъ и мамашъ ихъ собственной судьбѣ. Ибсенъ разочаровался въ плодотворности своей критики семьи. Нѣтъ, пора вернуться къ себѣ: построить собственное громадное счастье, устроить свою жизнь. Вотъ новая истина, вотъ что долженъ теперь Ибсенъ-Сольнесъ сказать Богу. Онъ хочетъ личнаго счастья, котораго онъ не имѣлъ, гоняясь за художественными химерами. Жить съ юной и прекрасной Гильдой. И, конечно, не жизнью животной пары, нѣтъ, ихъ замокъ на горѣ будетъ имѣть высокую башню. Въ переводѣ на простой языкъ это означаетъ лишь, что, живя съ прелестной Гильдой, нашъ отшельникъ-индивидуалистъ предастся вмѣстѣ съ нею свободному фантазированію. Ни для кого, ни для чего, а такъ... Жить, цвѣсти, грезить... и любить. Но юная Гильда понимаетъ, что въ этомъ идеалѣ есть что-то старческое. Развѣ не грустенъ тотъ діалогъ, въ которомъ старикъ и дѣвушка рисуютъ свое будущее?

Гильда (оживленно). Мы будемъ строить вмѣстѣ. И построимъ чудо изъ чудесъ. Самое лучшее въ свѣтѣ. *Сольнесъ* (напряженно). Гильда..., скажите мнѣ, что это такое будетъ. *Гильда* (улыбаясь

смотритъ на него и покачиваетъ головой; складываетъ губы трубочкой и говоритъ такимъ голосомъ, какимъ говорятъ обыкновенно малымъ дѣтямъ). Строители такіе глупенькіе... глупенькіе. *Сольнесъ.* Конечно, они глупые, да. Но скажите мнѣ, что это за чудо изъ чудесъ? Что мы будемъ строить съ вами? *Гильда* (послѣ короткой паузы, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ глазахъ). Воздушные замки. *Сольн.* Воздушные замки? *Гильда* (киваетъ головой). Да, воздушные замки! Знаете ли вы, что такое воздушные замки? *Сольн.* Чудо изъ чудесъ, самое лучшее въ свѣтѣ, говорите вы. *Гильда* (порывисто встаетъ и дѣлаетъ какъ бы отстраняющій жестъ рукой). Да, конечно, такъ. Воздушные замки... *въ нихъ такъ удобно укрываться. И строить ихъ такъ легко* (насмѣшливо смотритъ на него). *Чего же лучше для строителей, у которыхъ кружится совѣсть. Сольн.* Отнынѣ мы будемъ строить вмѣстѣ, Гильда! *Гильда* (съ полунедовѣрчивой улыбкой). Этакій... настоящій воздушный замокъ?

Но и это счастье, и это отшельническое, оторванное отъ міра, узко-личное, только свое счастье, счастье банкрота-пророка — уже невозможно. Сольнесъ слишкомъ старъ. Онъ не можетъ совершить того послѣдняго подвига, котораго требуетъ молодежь. Онъ не въ состояніи дать новое ученіе. Ему не создать изъ сумбурнаго, благороднаго, но бродящаго, какъ молодое вино, и нѣсколько истеричнаго матеріала Гильды новаго ученія. Что это должно быть за ученіе? Проповѣдь чистаго эготизма? Проповѣдь сверхчеловѣка? Что-то бродитъ въ юныхъ головахъ мѣщанской интеллигенціи, но это „что-то“ такъ неясно. Гильда идетъ навстрѣчу Ибсену, она протягиваетъ руку, согласна даже на то, что „слишкомъ легко“. Но нѣтъ, нѣтъ! Изъ этого ничего не выйдетъ. Одна неясная, неоконченная попытка... и паденіе!

Но Ибсенъ какъ бы понялъ, что мѣщанская интеллигенція, „новая жизнь“ съ ея ницшеанствомъ, мистикой, порывами, все же должна будетъ признать его въ его незаконченности своимъ великимъ учителемъ: „Мой, мой строитель!“—кричитъ въ экстазѣ Гильда послѣ паденія учителя. О, Гильда, ты не въ состояніи ничего *сама* создать, ты могла лишь творить черезъ твоего Сольнеса, но онъ утомленный, скептическій, сломленный душою погибъ въ своемъ бореніи за неосуществимый внутренне-противорѣчивый идеалъ. И тебѣ, экстравагантная дѣвица, ищущей захватывающаго, предстоятъ однѣ авантюры; ты сама не построишь ничего, и не найдешь строителя. А силы кипятъ въ тебѣ бурныя, разрозненныя и ищутъ выхода. И выходъ есть. Но на путь спасенія ты не пойдешь. Лишь кое-кто изъ интеллигентной молодежи найдетъ своего строителя въ великомъ международномъ пролетаріатѣ... Тѣ спасутся. Но истинно говорю вамъ: много званыхъ, не мало избранныхъ. Потому что Гильда хочетъ все вдругъ, и притомъ же сегодня одно, а завтра другое. Она—не заря новаго

дѣла. Она—послѣдній хотя и свѣтлый отпрыскъ дряхлаго мѣщанскаго дуба. Ты зелена, молодая вѣтвь, но дурные соки посылаютъ тебѣ трухлые корни. Словно въ лихорадкѣ скачетъ Гильда отъ одной идеи къ другой, хочетъ причудливаго, непрочнаго, капризнаго. Гильдѣ не понять твердую красоту гранитнаго фундамента, который воздвигаютъ пролетаріи.

Но Ибсенъ не критиковалъ Гильды. Онъ былъ очарованъ самой молодостью. Жадно вслушивался въ то, что хочетъ молодежь. Голоса молодые, возбужденные, много хорошихъ словъ и чувствъ. „Поймите,—я не могу быть ихъ пророкомъ. Старые идеалы рухнули. А новый? Мой новый идеалъ—жить! жить! Наверстать потерянное. Ибо за миссіей пророка я пропустилъ жизнь! Старость, смерть—вотъ онѣ! И что же построилъ я цѣною всѣхъ жертвъ, цѣною молодости, крови, сердца? Ничего! Пусть кричитъ Гильда: „Мой, мой строитель!“—я-то знаю, что я... Брендель!

Страшное признаніе, понятое немногими. Когда рушится вѣра въ идеалъ, который проповѣдывался, — широко открываются двѣ дороги чисто-личнаго исканія, неимѣющія уже характера общественнаго служенія: дорога нигилизма и дорога мистицизма. Онѣ и намѣчаются въ похоронномъ маршѣ Ибсена—въ его „эпилогѣ“. Но введеніемъ къ нему служатъ уже кое-какія сцены „Джона Габріэля Боркмана“.

Намъ совершенно не важна въ данномъ случаѣ спеціальная „одежда“, которою снабдилъ Ибсенъ своего Боркмана. Важно намъ отмѣтить прежде всего глубокое сходство его судьбы съ судьбою Сольнеса. Онъ тоже принесъ въ жертву своимъ широкимъ планамъ, имѣвшимъ и у него оттѣнокъ соціальнаго служенія и, во всякомъ случаѣ, большого дѣла,—свое личное счастье, Боркмана. Не въ животномъ же самодовольствѣ разгадка жизни. Ибсену все больше казалось ложнымъ и даже преступнымъ разрушеніе своего личнаго счастья ради идеала .. который все болѣе начиналъ ему казаться сомнительнымъ, далекимъ и холоднымъ. Себя онъ считалъ именно такимъ преступникомъ. Не лучше ли было *жить*, чѣмъ писать? *Наслаждаться*, чѣмъ проповѣдовать?

Но какъ жить, какъ наслаждаться? Можетъ быть... просто! какъ подсказываетъ здоровое тѣло? Можетъ быть, нигилизмъ, безъидейность, *прожиганіе* жизни лучшее, что можно избрать въ ней? Постановка этого вопроса, пожалуй, самое ужасное въ ужасной драмѣ жизни Генрика Ибсена; надо, чтобы этотъ моралистъ, проповѣдникъ par excellence, жестоко, мучительно разочаровался въ себѣ и людяхъ, чтобы, проживъ болѣе шестидесяти лѣтъ, поставить передъ собой такой вопросъ! Но это логично. Ибсенъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы удовлетвориться своимъ идеаломъ абсолютнаго, справедливаго и цѣлостнаго индивидуализма, послѣ того, какъ его безусловная неосуществимость стала рѣзать ему глаза. Вѣру въ этотъ идеалъ онъ могъ предоставить...

ибсенистамъ. Самъ Ибсенъ не былъ ибсенистомъ, пересталъ имъ быть. Возвеличить смерть? Ибсенъ старался сдѣлать это. Но это вышло у него скорѣе отчаянно, горько, чѣмъ торжественно. Старецъ любилъ жизнь. Возвеличить жизнь простую, человѣкоскотство? Ибсенъ и къ этому подходилъ. Нигилизмъ и мистицизмъ естественно, какъ дурная трава, растутъ на руинахъ покинутыхъ идеаловъ.

Нигилизмъ въ первый разъ описанъ почти съ симпатіей въ студентѣ Боркманѣ и вдовушкѣ Вильтонъ. Вдовушка Вильтонъ похищаетъ юношу, на котораго и обращаетъ свою живую любовь, и, въ концѣ концовъ, даже не имѣетъ утѣшенія удачи,—онъ банкротъ. Ему остается только умереть. И это самое лучшее для него. Смерть Боркмана обвѣяна, однако, не только мракомъ, въ послѣдней сценѣ звучатъ и ноты примиренія и мистицизма.

Фру Боркманъ. Холодъ убилъ его давнымъ давно.

Элла Рентгеймъ (кивая головой). А насъ съ тобой превратилъ въ тѣни.

Фру Боркманъ. Ты права.

Элла Рентгеймъ (съ болѣзненной улыбкой). Мертвецъ и двѣ тѣни—вотъ, что сдѣлалъ холодъ.

Фру Боркманъ. Холодъ сердца. И теперь мы, пожалуй, можемъ протянуть другъ другу руки, Элла.

Элла. Я думаю, теперь можемъ.

Фру Боркманъ (стоя за спиной скамейки). Мы сестры-близнецы... надъ трупомъ того, кого обѣ любили...

Элла (передъ скамейкой). Двѣ тѣни надъ мертвецомъ (протягиваютъ черезъ скамейку другъ другу руки).

Это какое-то искупленіе сердечнаго холода смертью. Но мистическое утѣшеніе блѣдно. Ибсенъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы особенно напирать на загробное, на таинственное. Если подобныя черты проскальзываютъ въ финалахъ послѣднихъ пьесъ, то это скорѣе признакъ безысходнаго отчаянія. Такимъ же признакомъ является и большое мѣсто, удѣляемое нигилизму. „А не правъ ли въ концѣ концовъ Гинтъ?"—какъ бы спрашиваетъ себя Ибсенъ. „Ну, ихъ, всѣ эти суровые подвиги Бранда, всѣ грандіозные планы Сольнеса и Боркмана, на котораго отецъ и мать хотѣли бы возложить „великую миссію". Миссія же, которую хочетъ возложить на него вдовушка Вильтонъ, самая легкая. Сцены, сюда относящіяся, въ высшей степени поучительны. Фру Боркманъ спрашиваетъ вдовушку:

„Почему вы просто-на-просто не оттолкнули его? Не отказали ему отъ дома? Вотъ что вамъ слѣдовало сдѣлать въ свое время.

Вильтонъ. Этого я попросту не могла сдѣлать, фру Боркманъ.

Фру Боркманъ. Почему такъ?

Вильтонъ. Потому что и для меня дѣло шло о счастьи.

Фру Боркманъ (презрительно). Гмъ..! Счастье, счастье!

Вильтонъ. Я никогда не знала прежде, что такое счастье. И не могу же я оттолкнуть отъ себя счастье только потому, что оно явилось такъ поздно.

Фру Боркманъ. А долго ли, по-вашему, продолжится это счастье?

Эргардтъ (перебивая). Долго ли, нѣтъ ли—все равно!

Фру Боркманъ (гнѣвно). Ты просто ослѣпленъ, не видишь ты развѣ, куда все это заведетъ тебя?

Эргардтъ. Я не хочу заглядывать впередъ! Не хочу озираться, я только хочу въ свою очередь пожить настоящей жизнью!

Фру Боркманъ. И это ты называешь жизнью, Эргардтъ!

Эргардтъ. Да! Развѣ ты не видишь, какъ она хороша!

Это поистинѣ великолѣпно въ устахъ Ибсена. Это уже новый индивидуализмъ, совсѣмъ непохожій на индивидуализмъ Бранда. Тамъ долгъ царитъ, здѣсь презрительно отбрасывается, тамъ духъ господствуетъ, здѣсь тѣло. И развѣ этотъ индивидуализмъ, индивидуализмъ плоти, нигилистическій индивидуализмъ (гинтизмъ) такъ-таки лишенъ красоты въ изображеніи Ибсена? Послушайте дальше:

Вильтонъ. Я уѣзжаю на югъ за границу. Вмѣстѣ съ одной молодой дѣвушкой. И Эргардтъ съ нами.

Фру Боркманъ. Съ вами и съ молодой дѣвушкой?

Фру Вильтонъ. Да, это Фрида Фольдаль, которую я взяла къ себѣ. Я хочу, чтобы она тамъ серьезно занялась музыкой.

Фру Боркманъ. Такъ и она будетъ съ вами?

Фру Вильтонъ. Не могу же я бросить тамъ дѣвочку одну.

Фру Боркманъ (съ недоброй усмѣшкой). Фру Вильтонъ... по-вашему, вы умно поступаете, забирая съ собой молодую дѣвушку?

Фру Вильтонъ (также усмѣхаясь). Мужчины такъ непостоянны... Да и женщины тоже. Когда Эргардтъ покончитъ со мной, то недурно будетъ для насъ обоихъ, если у него, бѣднаго, останется кто-нибудь въ запасѣ.

Грѣшно? Да! но смѣло и поэтому красиво. Да, Ибсенъ, не задумываясь, рисуетъ нигилизмъ красивымъ. Прочтите только великолѣпное, смѣющееся серебромъ мѣсто, этотъ тріумфъ смѣлой, полуживотной юности; это разговоръ стариковъ-отцовъ.

Боркманъ. Что у тебя съ ногой? Ты хромаешь?

Фольдаль. Да, представь, меня переѣхали. Да, возокъ.

Боркманъ. Ого!

Фольдаль. Запряженный парой... Лошади неслись, какъ вѣтеръ съ холма. Я не успѣлъ посторониться и вотъ...

Элла. Они переѣхали васъ?

Фольдаль. Прямо наѣхали на меня, фру... или фрейленъ. Прямо на меня, и я кувырнулся въ снѣгъ, потерялъ очки, сломалъ зонтикъ и (потирая ногу), вотъ, повредилъ немножко ногу.

Боркманъ. Знаешь ты, кто сидѣлъ въ возкѣ, Вильгельмъ?

Фольдаль. Нѣтъ, почемъ мнѣ знать? Возочекъ крытый, да еще занавѣски спущены. И кучеръ даже не пріостановился, когда я кувырнулся въ снѣгъ.

Бор. Это твоя дочь и мой сынъ уѣхали въ томъ самомъ возкѣ, который переѣхалъ тебя по дорогѣ.

Ф. Подумать, что моя дочурка Фрида катила въ такомъ щегольскомъ экипажѣ.

Бор. Да, да, Вильгельмъ, твоя дочь покатитъ теперь, нечего сказать! И студентъ Боркманъ тоже. Ну, а ты замѣтилъ серебряные колокольчики?

Ф. Какъ же! Серебряные, ты говоришь? Изъ чистаго серебра?

Свободные отъ долга, юные циники помчали себѣ, позванивая себѣ серебряными колокольчиками и опрокидывая стариковъ. Можетъ быть, и Ибсену моментами хотѣлось бы умчаться такъ куда-нибудь... гдѣ свобода, наслажденіе безъ раздумья... гдѣ молодость. Укатить съ колокольчиками отъ тяжелаго раздумья, крутыхъ обязанностей, душевной горечи, милліона терзаній, отчаяннаго разочарованія, отъ старости, отъ чернаго ворона, который каркаетъ: „Никогда больше", отъ музыки невозвратнаго времени.

Но, если бы передъ старымъ Ибсеномъ въ минуту подобнаго раздумья явился хитрый Мефистофель и сказалъ ему: „Генрикъ, я не спрашиваю лучшаго: и готовъ вернуть тебѣ молодость, чтобы ты погрязъ въ наслажденіяхъ студентовъ Фроша, Зибеля и Боркмана, ибо это будетъ большая моя побѣда!" — если бы Мефистофель сказалъ такъ, протягивая сѣверному богатырю волшебную чашу, великій Іеремія мѣщанства отвелъ бы дьявольскую руку: „Не надо,—сказалъ бы онъ,—это не для меня!"—„Но, начни новую жизнь, второй Фаустъ, второй Генрикъ! Если бы ты началъ новую жизнь, вѣдь ты сталъ бы наслаждаться?"—„Нѣтъ, я не изъ стада Цирцеи".—„Какъ же бы ты жилъ?"—„Какъ бы я жилъ? Я мечтаю о любви на снѣжныхъ вершинахъ, о грезахъ передъ восходящимъ солнцемъ... О чемъ-то! О неясномъ! Не знаю. Лучше всего... да будетъ миръ измученному моему сердцу. Pax mecum!"

Выходъ въ нигилизмъ для сильныхъ, свѣжихъ и... грубыхъ, грубоватыхъ, нетребовательныхъ открываетъ Ибсенъ и въ „Эпилогѣ". Майя, милая, веселая, самостоятельная маленькая женщина нашла выходъ, она дышетъ чистымъ воздухомъ индивидуалистическаго нигилизма и распѣваетъ:

Конецъ моей прежней неволѣ!
Я вольная птица теперь!
На волю, на волю, на волю!

Но что возможно Ульфгейму, невозможно для Рубека, quod licet bovi, non licet Jovi.

Рубекъ—художникъ. Въ этомъ—его проклятіе. Жизнь стояла передъ нимъ, звала его къ наслажденію, но онъ не взялъ ее, онъ использовалъ ее только какъ художникъ, а не какъ мужчина. Въ этомъ его преступленіе. Это уже знакомый намъ мотивъ, который разыгрывается въ „Эпилогѣ“ съ несравненной, уже потрясающей бетховенской силой.

Но, по крайней мѣрѣ, достигъ ли Рубекъ своего идеала, какъ художникъ? Ни мало. Его ждала судьба Сольнеса. Сначала онъ хотѣлъ воскресить жизнь, претворить, преобразовать ее, хотѣлъ, чтобы художество его показало міру, какимъ онъ долженъ и можетъ быть; чистый идеализмъ руководилъ имъ:

Рубекъ. „Я былъ молодъ тогда. Совсѣмъ неопытенъ въ жизни. Самымъ прекраснымъ идеальнымъ воплощеніемъ возстанія изъ мертвыхъ представлялась мнѣ юная чистая дѣва... еще не тронутая земной жизнью... пробуждающаяся къ свѣту и славѣ... свободная отъ всего дурного, нечистаго. Въ послѣдующіе годы я набрался житейскаго опыта, Ирена. Идея „возстанія изъ мертвыхъ“ все разросталась и развивалась въ моемъ воображеніи. Маленькая круглая база, на которой одиноко возвышалась твоя стройная фигура... стала тѣсна для всего того, чѣмъ я задумалъ дополнить мое произведеніе... Я дополнилъ его тѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя въ жизни. Мнѣ надо было дополнить. Я не могъ иначе, Ирена! Я расширилъ базу... сдѣлалъ ее большой, просторной и на нее бросилъ глыбу разсѣвшейся земли. Изъ ея расщелинъ выползаютъ люди... съ звѣриными лицами подъ наружной человѣческой оболочкой. Женщины и мужчины... такіе, какими я ихъ узналъ въ жизни.

Ирена (затаивъ дыханіе). Но посреди этой толпы стоитъ молодая дѣвушка, полная чистой, свѣтлой радости. Такой я стою тамъ, Арнольдъ?

Рубекъ (уклончиво). Не совсѣмъ посреди. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось отодвинуть статую нѣсколько назадъ. Ради цѣльности впечатлѣнія. Понимаешь? Иначе она слишкомъ бы выдавалась, подавляя все остальное.

Ирена. Но лицо мое попрежнему сіяетъ радостью, свѣтомъ просвѣтленія?

Рубекъ. Да, да, Ирена! То-есть до нѣкоторой степени. Не столь ярко. Этого требовалъ мой измѣнившійся замыселъ.

Ирена (неслышно встаетъ). Эта группа изображаетъ жизнь такою, какою ты ее видишь теперь, Арнольдъ.

Рубекъ. Да, вѣрно такъ.

Символъ ясенъ. Ибсенъ изъ идеалиста превратился въ реалиста. Въ свою *воскресшую* жизнь, *художественно-возсозданную* жизнь онъ впустилъ всю *пакость* жизни. Онъ пересталъ вѣрить въ возможность очищенія жизни. А мѣщане, которыхъ онъ биче-

валъ въ своихъ драмахъ великаго разочарованія, все же рукоплескали ему.

„То, что я дѣлаю не простые портреты,—говоритъ Рубекъ женѣ,—въ нихъ скрывается нѣчто, что вижу я одинъ. И меня это отъ души забавляетъ... Съ виду все дѣло какъ будто въ этомъ „поразительномъ сходствѣ“,—какъ говорятъ,— которому люди дивятся, разинувъ ротъ... (понижая голосъ), а въ сущности то, что изъ глубины этихъ бюстовъ-портретовъ выглядываютъ,—почтенныя лошадиныя морды, упрямыя ослиныя башки, вислоухія низколобыя песьи хари, откормленныя свиныя рыла... тупыя, грубыя бычачьи рожи..

Майя (равнодушно)... Значитъ, всѣ милыя домашнія животныя.

Рубекъ. Только милыя домашнія животныя, Майя. Всѣ тѣ животныя, которыхъ люди изуродовали по своему образу и подобію, и которыя въ отместку изуродовали людей. (Осушаетъ бокалъ шампанскаго и смѣется). Вотъ какія коварныя произведенія искусства показываютъ мнѣ почтенные богатые люди! И, не задумываясь, оплачиваютъ ихъ... дорого, очень дорого... чуть не на вѣсъ золота, какъ говорится.

Въ числѣ „домашнихъ животныхъ“, сами того не подозрѣвая, находятся и всѣ ибсенисты. О, сколько Яльмаровъ говоритъ теперь: „Учитель, учитель!“

Но какое жалкое утѣшеніе! Совершилось нѣчто ужасное: изъ пророка Ибсенъ-Рубекъ сталъ сатирикомъ! изъ идеалиста—скептикомъ, каррикатуристомъ, изъ Бранда превратился въ Бренделя [1]). даже почти въ доктора Реллинга! И для этого-то пошелъ онъ на всѣ муки жизни художника? для этого сталъ отшельникомъ, наблюдателемъ? для этого отвергъ трепетавшую жизнью и страстью Ирену? О, назадъ, назадъ! воскресить былое, исправить ошибку. Но какъ? Путь Ульфгейма и Майи—не для Рубека. Молодость уплыла. Мерцаетъ мистическій экставъ предсмертнаго порыва.

Рубекъ. Пусть же мы, хоть мертвые, осушимъ чашу жизни до дна... прежде чѣмъ опять сойдемъ въ могилу.

Ирена (вскрикиваетъ). Арнольдъ!

Арнольдъ. Но не здѣсь, въ этомъ сумракѣ! Не здѣсь, гдѣ насъ охватываетъ эта безобразная сырая пелена...

Ирена (увлеченная страстью). Нѣтъ, нѣтъ! Туда, къ свѣту, къ сіянію славы! На вершину забвенья!

Рубекъ. Тамъ мы отпразднуемъ нашу свадьбу, Ирена, моя возлюбленная!

Ирена (горячо). Пусть солнце глядитъ на насъ, Арнольдъ!

Рубекъ. Пусть глядятъ на насъ всѣ силы свѣта и мрака

---

[1]) Brändel—маленькій Brand.

(схватывая ее за руки). Такъ хочешь слѣдовать за мной, моя невѣста, принесшая мнѣ отпущеніе?

Ирена (какъ бы просвѣтленная). Я готова слѣдовать за моимъ повелителемъ!

Рубекъ (увлекая ее). Сначала пробьемся сквозь туманъ, Ирена, а тамъ...

Ирена. Да, сквозь всѣ туманы. А тамъ—на самую вершину, озаренную восходящимъ солнцемъ!..

Мечты, мечты! Мистическія неясныя фразы. Одна смерть вѣрна. Pax vobiscum!

Не страшный ли это эпилогъ! Но ибсенисты не замѣчаютъ, что Ибсенъ пропѣлъ и себѣ, и имъ, и всему мѣщанству, всему идеализированному идеализму отходную. Онъ переросъ не только мѣщанство реальное, но и идеальное. И созрѣлъ для смерти. Проповѣдникомъ коллективизма великій потомокъ норвежскихъ рыбаковъ и пахарей не могъ стать. Мистицизмъ, эта замаскированная смерть, и нигилизмъ—вотъ пути, которые остаются для сознающаго себя индивидуализма. Первый есть въ лучшемъ случаѣ самообманъ, реллинговская „жизненная ложь", въ худшемъ—грубое шарлатанство. Второй есть оскотинѣніе, какія бы утонченныя съ виду формы ни принималъ онъ. Идеальный же индивидуализмъ, Брандизмъ—это только призракъ, ищущій своей могилы. Пересталъ ли онъ бродить по свѣту? Улегся ли онъ въ могилу съ Ибсеномъ, послѣднимъ своимъ великимъ паладиномъ? Нѣтъ, онъ еще долго будетъ бродить по свѣту, все блѣднѣя и блѣднѣя, линяя, искажаясь. Весьма возможно, что Ибсенъ былъ послѣдній великій мѣщанинъ.. Но сколько осталось еще маленькихъ!

Рѣдко, кто лучше Ибсена выразилъ драму великой духовной силы, не разгадавшей, однако, своего времени, но предвосхитившей его идеи. Герой драмы „Претенденты на корону"—Ярлъ Скулэ—человѣкъ огромныхъ способностей, сильной воли, умѣющій внушить окружающимъ беззавѣтную преданность, пламенно стремящійся къ вѣнцу, ни передъ чѣмъ не останавливающійся.

Но онъ — пасынокъ Божій. И не потому, чтобы счастье никогда не улыбалось ему: нѣтъ! онъ на голову разбиваетъ Гакона. Не въ томъ также дѣло, что у него нѣтъ увѣренности въ своемъ правѣ, въ формальномъ правѣ: ибо права и Скулэ, и Гакона одинаково сомнительны. Но Гаконъ *вѣритъ* въ свое право, вѣритъ... и побѣждаетъ. Почему же? Потому что у Гакона есть „королевская идея"—идея объединенія всей Норвегіи отъ ея феодальнаго и племенного распадка. Скулэ сначала не понимаетъ этой идеи, она кажется ему почти смѣшною, потому что „сага не говоритъ ни о чемъ подобномъ", потому что это что-то совершенно новое. Потомъ онъ пораженъ ею, она служитъ въ его глазахъ лучшимъ доказательствомъ истинности правъ и призванія Гакона; Гаконъ

человѣкѣ будущаго, сынъ судьбы. Но для того, чтобы придти къ своему царству, онъ долженъ переступить черезъ трупъ Скулэ, и онъ сдѣлаетъ это, хотя въ душѣ жалѣетъ и уважаетъ бѣднаго пасынка Бога, пасынка исторіи.

Таковы же отношенія пролетаріата даже къ самымъ лучшимъ людямъ мѣщанства. Мѣщане-индивидуалисты—люди саги. Они смотрятъ въ прошлое, и будущее для нихъ только продолженіе прошлаго. Пролетаріатъ же несетъ съ собою „королевскую идею" объединенія міра, и онъ выполнитъ свою миссію и переступитъ черезъ могилу мѣщанства, черезъ могилу ибсенизма.

Но помимо того, что Ибсенъ былъ великій драматургъ, психологъ и бытописатель—сама моральная драма его имѣетъ огромное значеніе для нашей эпохи смѣны стараго человѣка новымъ, борьбы свѣта и тѣни. Трагедія великой души Ибсена отразила собою трагедію смерти индивидуализма. Могильный курганъ, высоко насыпанный надъ прахомъ сѣвернаго богатыря, почтенъ будетъ и пролетаріатомъ. Великая, истинная „новая жизнь", для которой непосредственно не строилъ и не могъ строить этотъ строитель, констатировавъ паденіе его, можетъ тоже воскликнуть „Мой строитель". Ибсенъ воистину послужилъ „женщинѣ и рабочему" и ихъ будущему, хотя совершенно иначе, чѣмъ предполагалъ.

Джузеппе Мадзини и конецъ индивидуализма.

Джузеппе Мадзини? При чемъ тутъ великій итальянскій революціонеръ-идеалистъ?

Читатели сейчасъ увидятъ, какое прямое отношеніе къ разрабатываемой мною темѣ имѣетъ одна еще недавно совсѣмъ неизвѣстная статья титана итальянской революціи.

Статья, о которой я говорю, озаглавлена „Байронъ и Гете". Она была напечатана въ годы зеленой юности Мадзини въ одномъ маленькомъ швейцарско-итальянскомъ журнальчикѣ, а потомъ основательно забыта. Одинъ другъ Мадзини разыскалъ ее и вновь отпечаталъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „La Nuova Antologhia".

Прежде всего статья поражаетъ искренностью тона, блескомъ изложенія, страстью. Теперь такъ что-то не пишутъ. Публицистика либо ругается, либо ходитъ въ перчаткахъ и бѣломъ галстухѣ. Но главное въ статьѣ юноши-Мадзини—глубина мысли.

Первое и основное положеніе автора то, что Гете и Байронъ были „послѣдней формулой, послѣднимъ усиліемъ, послѣднимъ великимъ продуктомъ общества, основаннаго на принципѣ индивидуальности". Съ того пункта, на которомъ они остановились, „открывались новые безконечные горизонты, которыхъ они уже

не могли осилить съ помощью своего принципа (индивидуализма). Это были „два гиганта ума“, но они не поняли все же задачи новѣйшаго времени; эта задача, по мнѣнію Мадзини, заключается въ томъ, чтобы соединить свободу и общественность, индивида и коллективность.

Сущность байроновскаго индивидуализма, по Мадзини, сводится къ „жаждѣ проявить власть своей личной воли надъ природой“. Онъ выдвигаетъ энергическій типъ. Герои Байрона—люди властные, сильные, но безусловно одинокіе: одинокіе короли. Можетъ ли быть такой „одинокій король“ счастливъ по крайней мѣрѣ сознаніемъ своей силы? Нѣтъ, герои Байрона—страдальцы. „Это кольцо, которое соединяетъ байронизмъ съ грядущимъ“, замѣчаетъ авторъ. „Герои Байрона несчастны, потому что полны предчувствіемъ иной жизни, которой нельзя достигнуть одной свободой. Пусть они не говорятъ объ этомъ, но они чувствуютъ это...

Секретъ ихъ грусти и, въ концѣ концовъ, слабости въ ихъ одиночествѣ. У нихъ нѣтъ плана, *нѣтъ вѣры въ реформу міра*. У нихъ нѣтъ любви къ человѣчеству, которое жило до нихъ и переживетъ ихъ. Они не думали о своемъ мѣстѣ между прошедшимъ и будущимъ, о преемственности труда, о всеобщемъ совершенствованіи, которое достигается всеобщими усиліями, объ истинѣ, въ которой человѣкъ переживаетъ себя“.

„*Одинокій индивидъ—это такое ничтожество предъ лицомъ вселенной*!“—восклицаетъ Мадзини. „Герои Байрона богаты свободой, но не знаютъ, куда направить ее“. Но Байронъ все же пророкъ, потому что пророческой является именно *грусть* его, именно неудовлетворенность его тѣмъ гордымъ индивидуализмомъ, который онъ выразилъ съ такой силой.

Я опускаю великолѣпную характеристику Гете, какъ представителя индивидуалистическаго индифферентизма, художественной безстрастности, т. к. она не имѣетъ такого прямого отношенія къ индивидуализму Ибсена, гораздо болѣе напоминающему Байрона.

Оба поэта, по мнѣнію Мадзини, „сами того не зная, выполнили великую историческую миссію... Они резюмировали, они уложили въ гробъ свою эпоху“. Послѣ нихъ поэзія не можетъ не вступить на новый путь: „Прощай поэзія, которая учитъ инертной созерцательности въ такое время, которое требуетъ великой дѣятельности, прощай и та, которая стремилась пропитать отчаяніемъ вѣкъ, на самомъ дѣлѣ рожденный для надеждъ и усилій“. Въ Байронѣ и Гете еще разъ нашли великое воплощеніе два принципа внутренняго и внѣшняго человѣка, борьба которыхъ въ видѣ борьбы папства и имперіи наполняетъ прошлое. Поэзія будущаго должна найти ихъ единство и гармонію. „Правда, мы еще неясно провидимъ новую „соціальную поэзію, но она придетъ“.

„Съ незапамятныхъ временъ геній былъ искупительной жер-

твой человѣчества", говоритъ Джузеппе Мадзини, такова же судьба Байрона и Гете: „какъ титаны своими гигантскими тѣлами, они заполнили пропасть, отдѣляющую насъ отъ грядущаго".

Читая эти фразы молодого ума, чувствуешь, какъ онъ близокъ нашему времени. Эта близость и радостна, и горька. Въ самомъ дѣлѣ, не приходится ли повторять то, что писалъ онъ? Не приходится ли говорить и намъ о „пророческой грусти" Ибсена, и благодарить новаго титана за то, что своею смертью онъ строитъ мостъ для духа коллективизма? Мало того, мы даже уже не рѣшаемся сказать о новомъ героѣ и новой жертвѣ индивидуализма, что онъ „уложилъ его въ гробъ". Дряхлый міръ еще такъ жестоко, такъ проклято проченъ, живетъ еще „безсмертный Кащей". Но мы знаемъ лучше Мадзини соціально-экономическую подкладку борьбы идей. Коллективизмъ Мадзини былъ скорѣе позднимъ отсвѣтомъ великой французской революціи, конвента, онъ мечталъ о ея продолженіи, о законченности демократіи, опирающейся *на народъ*. Народъ и государство противопоставлялъ онъ личности, хотя, конечно, не былъ слѣпымъ послѣдователемъ Руссо и думалъ о республикѣ, въ которой громадная солидарность не убьетъ индивидуальности, въ которой новая „личность"—*народъ* не убьетъ своей составной части—*человѣка*. Но Мадзини неясно представлялъ себѣ, въ чемъ должна будетъ заключаться опора, матеріальный базисъ новаго духа, великаго коллективизма, онъ былъ страннымъ образомъ враждебенъ соціализму. Уже это одно показываетъ, какъ смутенъ обликъ носителя новаго духа—народа. Самъ вождь его метался между разнорѣчивыми элементами и состряпалъ весьма эклектическое ученіе, которое уже сейчасъ никого не удовлетворитъ, которымъ уже начинаютъ пользоваться профессора и министры народнаго затемненія въ борьбѣ противъ соціализма. А вѣдь Мадзини былъ въ полномъ смыслѣ этого слова—геніальнымъ человѣкомъ. Нѣтъ, психологическій коллективизмъ, гармонически соединяющій общественность и личность, внутренняго человѣка и внѣшняго,—возможенъ только на базисѣ экономическаго коллективизма. Разношерстный „народъ" отнюдь не является его носителемъ. Переживая революціонный подъемъ, онъ чуетъ будущее, какъ чуялъ его Сенъ-Жюстъ, какъ чуялъ его Бабефъ, какъ чуяли его Мадзини и Пизаконэ. Но революціонное обостреніе проходитъ, и мѣщанство проявляетъ свой коренной индивидуализмъ. А капиталъ работаетъ себѣ на погибель. Онъ мастеритъ массу плохого товара, обезличиваетъ все, развращаетъ и опошляетъ жизнь. Но онъ строитъ машины и средства сообщенія. Онъ производитъ горы дряни, но... онъ уже производитъ и пролетаріатъ, который эксплоатируетъ и...организуетъ. Процессъ силъ только въ пути. Кто знаетъ, сколько времени возьметъ онъ? Мы видимъ теперь, какую коренную реформу всего обще-

ства долженъ предварительно произвести промышленный прогрессъ для того, чтобы новые идеалы стали осуществимыми. Мы стали гораздо терпѣливѣе. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы ждали сложа руки, пока солнце, дождь и вѣтеръ взрастятъ посѣвъ. Нѣтъ, и для сознательной работы во всѣхъ областяхъ безконечно много мѣста. Роды новаго общества, новаго человѣка мучительны и долги. Акушеры нужны, и работа ихъ сложна.

Но гдѣ же новая поэзія, пришествія которой ждалъ такъ увѣренно Мадзини? Мы имѣемъ все еще лишь слабые ростки ея. Изъ современныхъ крупныхъ писателей, пожалуй, только два подаютъ большія надежды на то, что заставятъ, наконецъ, пѣть нетронутую еще, золотую струну новѣйшаго идеально-пролетарскаго духа,—это Верхарнъ и Горькій. Но и они только идутъ къ этому. А другіе либо идутъ по той же дорогѣ, но медленнѣе и нерѣшительнѣе, либо блуждаютъ по другимъ путямъ, уводящимъ въ сторону отъ зари.

Пролетаріатъ еще не имѣетъ своего поэта. Міръ, даже въ буржуазнѣйшихъ частяхъ своихъ, задрожалъ отъ голоса великаго пролетарскаго ученаго. Онъ вздрогнетъ и тогда, когда раздастся слово великаго пролетарскаго художника.

Ей, гряди скоро!

А. Луначарскій.

Изъ лѣтописи деревенской психики.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ временъ Некрасова и Салтыкова авторы разныхъ статей отмѣчали жалобы и сѣтованія на наводненіе журналовъ „мужикомъ“ и деревней. Сейчасъ у насъ городъ все напряженнѣе оборачивается на село. Да и еще бы! Теперь прямо историческія судьбы Россіи зависятъ отъ того, какія направленія, настроенія, вѣянія покорятъ себѣ умы и сердца деревни.

Самыя наиживѣйшія дѣла современности не обходятся безъ справокъ о прошломъ. А потому и есть смыслъ, кажется намъ, заглянуть и сегодня въ образное лѣтописаніе „народной“ души и пр. у даровитаго беллетриста, что-то нынѣ замолкшаго. А 25 лѣтъ тому назадъ начали прислушиваться къ голосу автора „Записокъ степняка“ А. И. Эртеля. Съ разныхъ точекъ зрѣнія въ произведеніяхъ этого повѣствователя отыскивали „толстоизмъ“. Но, во-первыхъ, въ беллетристикѣ нашей мало кого не затронуло дыханіе отечественнаго Руссо. Навѣрное, въ исторію русскаго изящнаго слова войдетъ опредѣленіе—„эпоха Толстого“. А во-вторыхъ, сообразимъ нижеслѣдующее. Авторъ „Войны и мира“—большой художникъ, моралистъ и религіозный мыслитель, понесшій даже кару. Но онъ всегда относился съ равнодушіемъ, а не то съ презрѣніемъ или прямымъ отрицаніемъ ко внѣшнимъ формамъ, пусть даже шаблонамъ, безъ которыхъ пока не жилъ на землѣ человѣкъ—существо общественное. Г. Эртель (его художественныя силы мы, конечно, и не думаемъ сопоставлять съ толстовскими) демократъ 70 гг., который усердно отдавался и бытовому творчеству, и возсозданію русскихъ идейныхъ „смѣнъ“ и теченій... Онъ, очевидно, искалъ, критиковалъ и предначертывалъ и наружныя нормы, среди и подъ которыми отливается человѣческая душа. Толстовскія заповѣди: „работайте на лонѣ природы и будьте святы и чисты сердцемъ“—его, очевидно, не насыщали.

Онъ не мало понаблюдалъ и зарисовалъ и верхи, и низы нашей деревни. И въ этомъ отношеніи на немъ отразились

художественныя и интеллектуальныя вліянія нашего огромнаго психолога—соціолога въ поэзіи—Тургенева. Несомнѣнно, не только съ сочувствіемъ и глубокимъ интересомъ, но и съ талантомъ передачи своихъ впечатлѣній заглядывалъ г. Эртель въ „народную“ *душу*. И его жанры и портреты свидѣтельствуютъ, что, какъ въ данную минуту, такъ и прежде, *ей* всегда было больно отъ несправедливости и тьмы, никогда она не восхищалась у насъ предустановленной экономической и политической гармоніей и, въ сущности, сознательность въ ней всегда теплилась.

И соціальная разслоенность у насъ сказывалась давнымъ-давно. Чуть только позволяли—нѣкоторая независимость, подчасъ случайная мало-мальская интеллигентность, какой-нибудь досугъ въ занятіяхъ—довольно энергично заговаривали и въ провинціальной глуши „классовые“ инстинкты, пожеланія, протесты. Позднѣйшимъ беллетристамъ, и выступая, повидимому, съ новыми бытовыми оглашеніями, съ изображеніями новыхъ „типовъ“—со своими групповыми интересами и воззрѣніями—частью пришлось отрыть Америку, попавшую, напр., и на карту г. Эртеля.

Первые очерки его появились въ концѣ 70-хъ и началѣ 80 г.г. Сборникъ автора „Записки степняка“ особливо богатъ эскизами, и колоритными и обстоятельными по реализму своему — по части воспроизведенія разновидныхъ „буржуевъ“. Вотъ Гундриковъ изъ „Криворожья“—землевладѣлецъ, пекущійся въ рѣчахъ своихъ и о церкви и о націонализмѣ,—характерная фигура: ея не забудешь, какъ что-то обветшалое, вдумываясь и въ текущія наши аграрныя задачи и бѣды.

„Видали вы мышенка въ когтяхъ у кошки? Гундриковъ справедливо полагаетъ, что при такихъ условіяхъ интенсивное хозяйство излишне. Онъ требуетъ затратъ и лучшихъ климатическихъ условій. Вмѣсто того, баснословно дешевымъ трудомъ онъ воздѣлываетъ трехполку“.

Въ очеркѣ „Иностранецъ Липатка и помѣщикъ Гудѣлкинъ“ купецъ Чумаковъ усиленно насаждаетъ культуру въ деревнѣ. Онъ не хуже инженера Чиркуна въ піесѣ г. Горькаго толкуетъ объ оживленіи медвѣжьихъ угловъ: „нужно въ эту массу всяческаго невѣжества и стародавнѣйшей культуры вбить желѣзный клинъ, который массу эту могъ бы расколоть сверху до низу... Этотъ клинъ—фабричное производство“. И самыя отмѣнно-цивилизованныя слова пускаетъ въ ходъ этотъ мирный хищникъ. „Мы революціонеры, но тишайшіе. Вмѣсто крови у насъ золото, вмѣсто Марсельезы—грохотъ машины, вмѣсто мерзкой и отвратительной гильотины—у насъ конторка изъ ясеневаго дерева“. Музыка Липатки слышна и до сихъ поръ... „Наша революція будетъ подѣйствительнѣе многихъ. Тѣ несли разрушеніе—мы

успокоеніе несемъ. Тѣ проповѣдовали самоотверженіе—мы же одного только желаемъ — себялюбія, и на этомъ одномъ камнѣ „воздвигнемъ зданіе“. Какъ опредѣляетъ ихъ авторъ, все болѣе и болѣе цивилизующіеся россійскіе рантьеры со слѣдами недавнихъ мозолей на рукахъ, рантьеры-выходцы и до нашихъ дней еще недурно фрондировали. Желтиковъ, навѣрно, записался бы нынѣ въ какую-нибудь прилично-либеральную партію. По поводу болгарской войны Желтиковъ ехидничаетъ въ такомъ родѣ:

„Доброта наша. Оченно мы даже добры.

Мы не токмо сосѣдямъ свободу доставали, мы въ старину бывалоче отнимать ее ходили. Что лупишь очи—не смыслишь? Венгерецъ захотѣлъ венгерцемъ быть, а мы ходили его бить за эфто. Мы били—австріякъ вѣшалъ“. Желтиковъ, можетъ быть, и будилъ до извѣстной степени политическое сознаніе окружающихъ. Но и свою хозяйственную линію блюлъ неукоснительно. „Думалъ я сначала,—читаемъ мы у г. Эртеля,—что Желтиковъ, соотвѣтственно своему либерализму, удѣляетъ изъ нихъ—своихъ кругленькихъ денежныхъ скопленій—на нужды гражданъ. Ничуть не бывало. Когда ходила по городу подписка на стипендію одному юношѣ, безъ всякихъ средствъ добравшемуся до третьяго курса въ университетѣ и затѣмъ схватившему голодный тифъ, Протасъ Желтиковъ подписалъ менѣе всѣхъ. На библіотеку для города онъ тоже пожертвовалъ только четвертакъ. Были и еще случаи“.

Въ галлереѣ г. Эртеля имѣется и такой своеобразный представитель отечественнаго капитализма—Захаръ изъ очерка „Послѣднія времена“. „Это—жила у насъ. Онъ, кулачина, я тебѣ скажу, такой... У него село-то все, почитай, въ долгу. А выпросить у него чего—снѣга посередь зимы не выпросишь“. Но авторъ даетъ понять, что Захаръ—недюжинная личность. И въ свое жестокое пріобрѣтательство онъ, можетъ быть, бросился, извращенный низостью и холопствомъ окружающихъ. По натурѣ онъ не рожденъ узкимъ эгоистомъ. И самъ недоброжелатель Захара добавляетъ объективно свою характеристику „кулака“: „Крѣпкій человѣкъ Захаръ, справедливый человѣкъ. Онъ жаденъ, это точно. Но, вмѣсто того, все жъ таки человѣкъ онъ твердый. Насъ какъ баринъ выселялъ, онъ за міръ-то грудью. И пороли его въ тѣ норы. Боже ты мой, какъ пороли?!“ Къ слову сказать, у г. Эртеля, пожалуй, и очень подчасъ прорывается пристрастіе къ тѣмъ, молъ, свѣжимъ, закаленнымъ человѣческимъ индивидамъ, которые произрастаютъ именно на сельскомъ просторѣ, на суровомъ поприщѣ землероба и т. д. Но его очерки цѣнны своею многосторонностью и конкретностью, своею внушаемостью довѣрія читателю. Однако, очевидно, и авторъ печется о точности своихъ снимковъ. Выписываетъ онъ, напр., болѣе или менѣе приглядные сельскіе пейзажи, трудовой укладъ не безъ своихъ дѣвственныхъ

красотъ. Но и не выключаетъ деталей, отнюдь не восхитительныхъ. Дѣвы сельскія у него фигурируютъ съ „частушкой"—довольно-таки отвратительной:

Охо-хошеньки, хохошки,
Надоѣли намъ картошки.
Намъ картошечки приѣлись,
Ребятенки приглядѣлись.

Здѣсь и не веселье, а какое-то паясничество звуками и словами—не безъ злости.

Но, въ концѣ концовъ, истинный герой романа автора „Записокъ степняка"—огромное, неопредѣленное большинство, народная масса, съ которою улаживаютъ свои соотношенія и операціи всѣ эти цивилизующіеся и цивилизованные „буржуи". Г. Эртель зачастую, подобно и Тургеневу и Чехову (послѣдній, впрочемъ, пришелъ позднѣе автора „Записокъ степняка"), прибѣгаетъ къ отступленіямъ, описывая мѣстность, время дня и года, выявляя, а то и изощряя свое „чувство природы". Изливаясь какъ разъ тогда, когда видимо его волнуютъ чисто-соціальныя эмоціи, и ему хочется, что ли, уравновѣсить себя созерцаніемъ „натуры", такой, какъ будто постоянно стройной, стойкой, неколебимой въ своихъ дѣйствіяхъ. Но, повторяемъ, г. Эртель лѣтописецъ „народной души"—добросовѣстный и внимательный. Оттого и сейчасъ интересны тѣ или другіе его „человѣческіе документы" и фотографіи, если не цѣльно-художественные отпечатки. Вотъ передъ нами до нельзя жалкій и уничиженный мужичонка Поплешка. Историческими комбинаціями общественной энергіи и ея настроеніями онъ до того придавленъ, что ему прямо недосужно какъ-нибудь посвязнѣе обобщать свои мысли и ощущенія. Онъ высказывается сразу и очень субъективно и въ высшей степени объективно. Психологія Поплешки въ очеркѣ г. Эртеля весьма содержательна. Сознаніе его работаетъ крайне отзывчиво; онъ—словно во власти отдѣльныхъ моментовъ своихъ и думъ и переживаній. Но наступилъ чередъ—и мозаика обидъ и недоумѣній, разрозненныхъ наблюденій и выводовъ вдругъ состается въ синтезъ, гдѣ—явная критика окружающей дѣйствительности. Въ сознаніи внезапно развивается особая *воспріимчивость* къ порицанію и отрицанію прежнихъ устоевъ, прежнихъ освѣщеній, пониманій, осязаній жизни, къ системѣ обличеній и взглядовъ — ну, вродѣ философіи „трудовиковъ" Государственной Думы! Смирный, кроткій Поплешка объявитъ войну на всѣ фронты. Въ эскизѣ г. Эртеля—захудалый земледѣлъ на разспросы, послѣ нѣкотораго молчанія, однако, отвѣчаетъ съ математическою почти точностью и безстрастьемъ: „Мы довольны, попъ жестокій, а мы имъ довольны. Онъ вызволяетъ насъ. Работаешь ему — онъ радъ. Онъ работу помнитъ—придешь къ нему, сейчасъ онъ тебѣ водки. Добрѣйшій попъ. Кабакъ-то у него свой—попадьинъ племянникъ въ немъ".

въ запутаннѣйшихъ явленіяхъ долженъ разбираться интеллектъ Поплешки... Добрососѣдская смежность церкви и кабака, обезпеченіе, идущее со стороны эксплоататора—богатыя темы для размышленія и чувствованія. И душа Поплешки реагируетъ... Но пока онъ только констатируетъ: пригнетены—довольны; попъ жестокій—добрѣйшій.

Въ безпорядкѣ и гдѣ-то подъ пологами вызрѣваетъ психика Поплешки. Но и сейчасъ его внутреннему міру не чужды полетъ, мечта, свои прорицанія даже, особый прогнозъ. Въ диковатой формѣ, конечно. Поплешка сообщаетъ, что кто-то подслушалъ разговоръ двухъ птицъ. Радостнаго онѣ ничего не сказали. Но соціальный кризисъ и въ русской жизни предуказали. Не свѣтло настоящее для Поплешки. Но предстоятъ новыя испытанія, горе. „И такое горе впереди, что супротивъ татарщины али француза вдвое больше. Много бѣды впереди!" О томъ, что самъ Поплешка въ грядущемъ подыметъ свою *личность*, птицы умолчали,—слишкомъ не располагала къ такимъ вѣстямъ обстановка тѣхъ дней. А онъ, этотъ незадачный труженикъ, и достаточно типиченъ, и собирателенъ, какъ представитель обширной Руси. Несмотря на то, что г. Эртель, какъ и г. Маминъ-Сибирякъ,—беллетристическій этнографъ, живописующій по преимуществу избранную *провинцію*, степную Тамбовщину. А, посмотрите! Кстати, какія разнородныя общественныя теченія сталкиваются теперь и въ этой области: тамъ, съ одной стороны, защищаютъ чуть не допетровскіе идеалы, съ другой,—и не создавъ себѣ опредѣленныхъ платформъ, видимо, жаждутъ перемѣнъ, новой соціальной атмосферы—духовнаго разнообразія.

Романъ г. Эртеля „Смѣна"—изъ разряда такъ называемыхъ соціальныхъ и идейныхъ. На сценѣ у автора — восьмидесятые годы. Эту полосу нашей общественной исторіи не однажды именовали „безвременьемъ". Но, несомнѣнно, и тогда органическаго застоя у насъ не было: все еще не по возрасту ея культурности переживать Россіи пріостановки и отдыхи. Своимъ чередомъ шелъ и въ тѣ годы соціологическій процессъ: копошились силы, пусть и подъ спудомъ; пробивались и скоплялись ключи, хотя бы и подземные. Разнообразные круги и слои общества, деревенскіе обитатели всѣхъ ранговъ затронуты въ романѣ г. Эртеля. Представитель молодежи—студентъ—мечтаетъ быть „гражданиномъ и слугой народа". Дворяне—въ своемъ родѣ сливки дворянства—Мансуровы —тоскуютъ... „Нирвана—побѣжденнымъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—проза—побѣдителямъ, и благо тому, кто не родился на свѣтъ". Но главная суть романа опять въ лѣтописаніи „народной души". Грамотность въ массахъ нѣсколько поднялась. И деревенскіе рыцари духа, пользуясь этимъ, стараются выискать самостоятельно всю истину и правду... старой мистики. Образы г. Эртеля схватываютъ какъ разъ тотъ моментъ, который пове-

детъ за собою неизбѣжную смѣну. „Народное“ сознаніе загорится новымъ свѣтомъ. Скажется въ массѣ тяготѣніе къ „свѣтской“ книгѣ, къ инымъ путямъ вѣры и знанія.

Мы не обрѣтаемъ въ романѣ г. Эртеля внушительныхъ художественныхъ откровеній, которыми питаются поколѣнія и поколѣнія. Даже и многозначительной системы убѣжденій нѣтъ въ творчествѣ автора. Его индивидуальность окрашена, пожалуй, въ цвѣтъ нѣкоторой особой метафизичности. Но его сочиненія отражаютъ жизнь. Гражданскій элементъ присущъ его воспріятіямъ. Оттого-то и сейчасъ мы реагируемъ на матеріалы-хроники г. Эртеля. Еще болѣе лѣтописнаго характера въ романѣ „Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги“. Тутъ цѣлая коллекція портретныхъ набросковъ, силуэтовъ, обликовъ, зачерчивающихъ „душу“ общества, народа нашего вообще и на разныхъ ступеняхъ его соціальной эволюціи. Нервная Элизъ Гарденина случайно прочла въ салонномъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Преступленіе и наказаніе“. Она увлекается книгой до сновидѣній и ей „хочется всѣхъ спасти и за всѣхъ умереть“. Купецъ Рукодѣевъ безобразно кутитъ, но рѣчи у него зачастую въ такомъ родѣ: „Всѣ мы, такъ сказать, братья, и потому мужикъ входитъ въ тоже число. Было время, его и продавали, а теперь всѣ граждане“.

Сынъ гарденинскаго конюшаго, питомецъ, можно сказать, самаго гнѣзда холопства—Ефремъ Капитонычъ дѣлается медикомъ. Онъ въ перепискѣ съ товарищемъ, который, бывало, говорилъ: „Граждане сего скопища! Торжественно провозглашаю: всѣ ваши планы и дебаты суть ерунда безъ господина народа!“ Въ степи Ефремъ „услаждается Марксомъ“. Центральная фигура въ „Гардениныхъ“—сынъ „управителя“—Николай Рахманный. Въ немъ нѣтъ героизма, яркихъ признаковъ—типа, идеала. Но, очевидно, онъ—сѣмя для небывалыхъ еще всходовъ на туземной почвѣ. И на его жизненномъ поприщѣ въ романѣ прослѣживаются цѣлыя общественныя наши „смѣны“. Наблюдая мѣстные нравы, Николай отрокомъ „самъ отъ себя“ додумывается до азбучныхъ истинъ, умозаключая: „нехорошо до крови бить людей“. Далѣе онъ уже почитываетъ и завязываетъ знакомства. При немъ старая экономка Фелицата философствуетъ, что и „лучше, когда воли своей не имѣешь“. Николай горячо протестуетъ: „ну, ужъ нѣтъ—легче, кажется, удавиться“. А степною ночью, однажды, послѣ сношеній съ „развивателемъ“ Рукодѣевымъ, юноша нашъ рѣшаетъ: „Я для того только и обучусь всему, чтобы быть полезнымъ народу“. Все еще скромный конторщикъ у отца и покорный сынъ, Николай разъ вмѣшивается въ разговоръ „почтенныхъ“ сподвижниковъ управителя: „Я полагаю, „сиволапъ“ — такой-же гражданинъ и притомъ уплачиваетъ подати“. Выходецъ изъ дворни, но кандидатъ въ какія-то сферы надъ „народомъ“, молодой Рахманный предчувствуетъ соціальныя коллизіи.

Довольно неглубокіе „романы", вблизи и около, преуспѣвавшая „цивилизованность" не насыщаютъ вполнѣ юной, чистой души Николая. Въ его представленіяхъ уже „вставало что-то суровое, внушающее заботы и безпокойство, внушающее глубокую грусть". При немъ ушло крѣпостничество. Но и теперешняя „воля" не разсѣяла и духоты, и тяжести гарденинской атмосферы. Изобрѣтеніе карьеры Николая въ романѣ, впрочемъ, заканчивается на довольно свѣтломъ фонѣ. Рахманный съ годами сходится съ Иваномъ Ѳиногенычемъ. Это—торговецъ желѣзомъ, но большой книгочій, прогрессистъ и идейникъ. Къ себѣ привлекаетъ онъ и Николая. Въ заключеніе, нашъ Рахманный—земскій гласный, обнадеживающій своего соратника—либеральнаго Рафаила Гарденина: „Подождите-съ. Тѣмъ мѣстомъ созидается *сознательная* сила-съ, понятія крѣпнутъ, головы привыкаютъ размышлять". По нашему мнѣнію, и тутъ г. Эртель не дурно справляется съ ролью добросовѣстнаго и объективнаго лѣтописца, помогающаго раскрывать разныя скобки и текущихъ явленій русской жизни. Своими штрихами освѣщается у автора и массовая, „народная" психика. Задолго до нашихъ дней, когда готовятъ пункты и параграфы свободы совѣсти, Арсеній защищаетъ свою вольную богословію: „вселенскимъ соборамъ не вѣрю, соборныхъ постановленій *не примаю*... написано: любовь все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. А ты анаѳему сулишь". Теперь болѣе или менѣе громогласно и повсюдно повторяютъ слова эртелевскаго Арсенія—„сѣраго" „мужика-неуча". „Н-да, грамотные все знаютъ. Оттого, сказываютъ, мы на нихъ и работаемъ, что все знаютъ. Оттого имъ и вольготно". Михайловскій выдѣлялъ у насъ „вольницу" и „подвижниковъ". Къ послѣднимъ принадлежитъ въ романѣ „Гарденины" и столяръ Иванъ Ѳедорычъ. Здѣсь зодчество автора, можетъ быть, отзывается мелодраматизмомъ. Но не во лжи вы попрекнете г. Эртеля. Просто у него не хватило должныхъ средствъ выраженія: „образное мышленіе"—художество такъ требовательно! А запись бытовой психіи, напр., родственно-хозяйственныхъ раздоровъ въ семьѣ старосты Веденея въ романѣ и сейчасъ любопытный красочный соціологическій матеріалъ! „Правовѣрный" или не совсѣмъ „народникъ"—г. Эртель, не рѣшаемъ; не льстецъ только онъ. Сходка по случаю дѣлежа отца съ сыномъ снята эпически-мастерски—настоящее фотографическое пособіе для земельныхъ реформаторовъ. Элегическая настроенность, видимо, подчасъ захватываетъ автора. Нервозная Вѣра Переверзева, появляющаяся въ концѣ романа, какъ будто частью приводитъ въ колебаніе и самого повѣствователя. Но онъ не измѣняетъ долгу деревенскаго лѣтописца, и тѣмъ крѣпче связываетъ свою гарденинощину съ нашимъ настоящимъ.

Нынѣ она—„душа народная"—мятется завѣдомо для всѣхъ, не для однихъ симпатизирующихъ составителей „записокъ". И

настолько энергично, что кровь, пожаръ, разгромы знаменують ея самочувствіе. Отъ разной недоброй наслѣдственности она еще цѣликомъ не освободилась. Вѣдьмы, чары колдуна цыгана Ефима изъ „Гардениныхъ" подчасъ обременяютъ ея умственность. Но юнцы изъ рода Веденеевъ и Андроновъ уже усердные и даже разборчивые читатели и газетъ и книгъ, ничуть не старозавѣтныхъ. И Поплешки рѣшительно и опредѣленно осуждаютъ несообразныхъ служителей церкви, отвергаютъ административныя путы. И г. Эртель до извѣстной степени въ своихъ очеркахъ предсказалъ подобныя видоизмѣненія народной психики. На все увеличивающееся, молъ, засиліе буржуевъ и столь жесткаго, не эстетичнаго, торгашескаго, что ли, города г. Эртель сѣтуетъ зачастую: этого вѣдь не скроешь. Но и какого-нибудь земельнаго крестьянскаго рая на Руси, сельскаго идеала онъ также прямо нигдѣ намъ не начертываетъ. Но во всякомъ случаѣ, если можно такъ выразиться,—*земельныя иллюзіи* входятъ въ содержаніе „народной души" въ очеркахъ г. Эртеля.

Земля—это и прочный достатокъ, и независимость, и красота, и что-то, если хотите, и національное, и религіозное. Такова массовая психологія, не однажды живописанная у насъ, подмѣчаемая и въ очеркахъ г. Эртеля. Не безъ трагизма для собственно-политическаго прогрессированія Россіи сказываются подобныя умонастроенія и склонности и сейчасъ, въ дни хаотичнаго переустройства отечества. Аграрныя дѣла—„навязчивая идея" нашей гражданской минуты.

И внимательный читатель найдетъ себѣ пищу въ сочиненіяхъ г. Эртеля, даровитаго и освѣдомленнаго лѣтописца, и помимо розыска у него толстовства и народничества.

А. Налимовъ.

Мѣстное самоуправленіе.

I.

Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ московскаго журнала „Самоуправленіе" напечатанъ проектъ Городового Положенія, составленный парламентской фракціей конституціонно-демократической партіи первой Государственной Думы. Въ моментъ, когда пишутся эти строки, вторая Государственная Дума только собралась, и ея будущая дѣятельность, какъ и вообще вся ея судьба, покоится, какъ говорили древніе, на лонѣ боговъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, если только Небо пошлетъ ей долгіе дни, что въ числѣ задачъ, которыми она займется, одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ преобразованіе нашего мѣстнаго самоуправленія. Объ этомъ уже заранѣе предупреждали кадеты, да и само правительство, какъ слышно, готовитъ какой-то проектъ. Въ этомъ разсчетѣ мы и пишемъ настоящую статью. Мы не раздѣляемъ кадетскихъ иллюзій насчетъ того, что Думѣ удастся въ лицѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія создать для своего существованія центры опоры. Мы не раздѣляемъ ихъ не потому, что не придаемъ этимъ органамъ подобающаго значенія, а потому, что думаемъ, что, пока Дума не завоюетъ себѣ полновластныхъ правъ, сама реформа мѣстнаго самоуправленія не можетъ быть осуществлена въ такихъ размѣрахъ и на такихъ началахъ, чтобы удовлетворять указанному требованію. Исторія Франціи и Англіи показываетъ, что демократическая реформа мѣстнаго самоуправленія является не условіемъ, а *результатомъ* побѣдоносной революціи, а нашъ собственный опытъ какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ учитъ насъ, что наша самодержавная бюрократія никогда не дастъ своего согласія на такія мѣры и такія реформы, которыя въ будущемъ могутъ ей угрожать серьезной опасностью. Тѣмъ не менѣе наши товарищи въ Думѣ не въ силахъ будутъ отвести вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій, разъ онъ будетъ поставленъ на очередь, и задача ихъ сведется къ тому, чтобы постараться придать ему возможно болѣе демократическое разрѣшеніе. Въ нижеслѣдующемъ мы и намѣчаемъ общія основы такого разрѣшенія, насколько позволяютъ скромные размѣры

журнальной статьи. Мы спеціально займемся критическимъ разборомъ кадетскаго проекта Городового Положенія, такъ какъ этотъ проектъ пойдетъ, вѣроятно, въ первую голову и, кромѣ того, онъ поможетъ намъ конкретно разобраться въ нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ, которыя общи для всей области мѣстнаго самоуправленія.

Читатель замѣтитъ, что мы говоримъ о *критикѣ* кадетскаго проекта. Это значитъ, что мы его не одобряемъ. Дѣйствительно, достаточно пробѣжать глазами первую же коротенькую главу, трактующую объ „общихъ положеніяхъ“, чтобы видѣть, что кадетскій проектъ всецѣло стоитъ еще на почвѣ тѣхъ ученій о сущности мѣстнаго самоуправленія, которыя на Западѣ теряютъ кредитъ въ кругахъ даже буржуазныхъ теоретиковъ государственнаго права и примѣненіе которыхъ на континентѣ привело къ иллюзорности мѣстнаго самоуправленія. Казалось бы, наши русскіе правовѣды, которые такъ внимательно слѣдятъ за научною мыслью Запада, должны были знать это. Казалось бы, что заново создавая для Россіи городскія общественныя учрежденія, они должны были отказаться слѣдовать континентальнымъ образцамъ и обратиться за примѣромъ къ классической странѣ мѣстнаго самоуправленія—Англіи. Странно, однако, сказать: практика Англіи, совершенство учрежденій которой они при случаѣ готовы восхвалять на всевозможные лады, точно для нихъ не существуетъ, а взамѣнъ они довольствуются континентальною рутиною, негодность и несостоятельность которой была доказана опытомъ какъ нашимъ собственнымъ, русскимъ, такъ и другихъ государствъ. Есть ли это неспособность къ смѣлому и свѣжему мышленію или завѣдомое предпочтеніе принциповъ, нарочито приспособленныхъ къ бюрократическому режиму?

Что говорятъ „общія положенія“? „Городскому обществу предоставляется право самоуправленія“ (ст. 1) и „Городское общественное управленіе... представитель интересовъ городского населенія“ (ст. 2). Казалось бы, совершенно просто.

Мы сызмала привыкли требовать для городского общества права самоуправленія и отказывались признавать за кѣмъ-либо, кромѣ какъ за городскимъ общественнымъ управленіемъ, право представлять интересы городского населенія. Въ томъ-то, однако, и бѣда, что не все, что мы привыкли думать и чего мы привыкли требовать „сызмала“—правильно, и взрослымъ людямъ часто приходится провѣрить свои традиціонные взгляды на основаніи опыта теоретическаго изученія. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, что значатъ слова: „Городское общественное управленіе ...представитель интересовъ городского населенія“. Они знаютъ, что городское общественное управленіе не есть органъ государственной власти, не есть представитель интересовъ государства, а лишь представитель мѣстныхъ нуждъ и интересовъ города. Но, во-первыхъ, кто же является въ городѣ представителемъ государственныхъ интересовъ, носителемъ госу-

дарственной власти? На это проектъ не даетъ прямого отвѣта, но статьи 39 и 12 говорятъ о губернаторахъ, градоначальникахъ и т. п. и о подвѣдомственныхъ имъ „мѣстностяхъ", а ст. 31 упоминаетъ о мѣстной администраціи. Очевидно, авторы проекта имѣли въ виду рядомъ съ городскимъ общественнымъ управленіемъ создать, или скорѣе, оставить должности бюрократическихъ представителей центральной власти, которые будутъ вѣдать государственныя „пользы и нужды" и, стало быть, по нѣкоторымъ предметамъ управлять тѣмъ же городскимъ обществомъ. Но если такъ, то какъ можно заявлять, что „городскому обществу предоставляется право самоуправленія"? Очевидно, что это право ограничено правами центральной администраціи и распространяется лишь на предметы, вытекающіе изъ мѣстныхъ интересовъ и нуждъ. Такого ли городского самоуправленія мы добиваемся?

Но, во-вторыхъ, въ чемъ заключаются „интересы городского населенія?" Опять-таки проектъ ихъ прямо не опредѣляетъ, но ст. 26 содержитъ длинный перечень предметовъ, находящихся въ вѣдомствѣ городской думы, т. е. главнаго органа городского общественнаго управленія. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь дѣла, касающіяся наружнаго благоустройства города и всякаго рода городскія предпріятія, вродѣ завѣдыванія устройствомъ и содержаніемъ улицъ, площадей, мостовыхъ, общественныхъ садовъ, каналовъ, мостовъ и т. д. Безъ сомнѣнія, все это составляетъ интересы городского населенія. Но вотъ въ дальнѣйшемъ (пункты и, і, к) мы встрѣчаемъ такіе предметы, какъ народное образованіе, охраненіе народнаго здравія, призрѣніе бѣдныхъ, попеченіе о развитіи мѣстной торговли, фабричный надзоръ и пр. Развѣ это „интересы городского населенія", мѣстныя нужды и польза? Развѣ народное образованіе не составляетъ государственнаго интереса, или призрѣніе бѣдныхъ, охраненіе народнаго здравія, развитіе „мѣстной" промышленности? Включеніе такихъ предметовъ въ кругъ дѣлъ, завѣдуемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, является просто узурпаціей, и статья 25, гласящая, что „Городская дума ...по всѣмъ касающимся его (городского общества) дѣламъ ...дѣйствуетъ самостоятельно, и постановленія ея ...не подлежатъ утвержденію и приводятся въ исполненіе немедленно", звучитъ довольно безсмысленно. Государственная власть не можетъ ввѣрять городскому общественному управленію завѣдываніе дѣлами, выходящими далеко за предѣлы „интересовъ городского населенія", а если и ввѣряетъ—не въ качествѣ права, а въ качествѣ привилегіи — то не можетъ „предоставить ему правъ дѣйствовать „самостоятельно".

Такимъ образомъ, кадетскій проектъ, несмотря на торжественную формулировку ст. 1. „общихъ положеній", нисколько не создаетъ городского самоуправленія въ предѣлахъ, къ которымъ стремится демократія, а въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ ставитъ требованія, которыя являются съ точки зрѣнія формулируемыхъ имъ принциповъ абсолютно непріемлемыми.

Какъ же это произошло? Это произошло оттого, что авторы проекта, по робости ли, или по неразумѣнію, обратились за образцомъ не въ Англію, единственную страну, гдѣ мѣстное „самоуправленіе" дѣйствительно существуетъ, какъ реальный фактъ, а взяли за образецъ континентальныя государства, гдѣ оно существуетъ лишь, какъ фантомъ. Континентальныя государства, всѣ, не исключая Франціи, организованы на началахъ централизованной политической власти, т. е. абсолютизма и бюрократіи, вслѣдствіе чего мѣстному обществу предоставляется въ лучшемъ случаѣ завѣдывать самостоятельно „мѣстными" нуждами и пользами, а государственныя нужды и пользы вѣдаются бюркратическими представителями центральной власти непосредственно или черезъ мѣстныя общественныя управленія, которыя въ такихъ случаяхъ исполняютъ лишь повинность и дѣйствуютъ подъ контролемъ этихъ представителей. Совсѣмъ другое въ Англіи. Здѣсь само государство есть лишь организація мѣстностей (localities), въ каждой изъ коихъ общество является не только представителемъ мѣстныхъ интересовъ, но и носителемъ государственной власти и государственныхъ интересовъ. Вслѣдствіе этого выборные органы этого общества, т. е. мѣстныя общественныя управленія, завѣдуютъ всѣмъ кругомъ дѣлъ, относящихся къ данной мѣстности, и никакихъ другихъ представителей отъ центральной государственной власти нѣтъ и не можетъ быть. Оттого даже термина: „мѣстное самоуправленіе" въ англійскомъ юридическомъ словарѣ нѣтъ, и пресловутое выраженіе „self-government", пущенное въ ходъ Рудольфомъ Гнейстомъ будто бы на основаніи англійской терминологической практики, является собственнымъ изобрѣтеніемъ этого ученаго бюрократа. На дѣлѣ же Англія знакома лишь съ „мѣстнымъ управленіемъ" local government,—не понимая, какъ иначе можетъ осуществляться управленіе страною, какъ не черезъ мѣстныя общественныя управленія, т. е. выборные органы мѣстныхъ обществъ. Уже сама разница въ этой терминологической практикѣ свидѣтельствуетъ о коренномъ различіи въ воззрѣніяхъ на сущность мѣстнаго самоуправленія между континентомъ и Англіей: на континентѣ мѣстное самоуправленіе выдѣляется изъ обще-государственнаго на основѣ мѣстныхъ нуждъ, огораживаемыхъ отъ вторженія центральной абсолютистски-бюрократической власти; въ Англіи такая центральная власть совсѣмъ не существуетъ благодаря тому, что общество на мѣстахъ само представляетъ государственные интересы. Мѣстное самоуправленіе на континентѣ является жалкимъ компромиссомъ между обществомъ и абсолютизмомъ, мѣстное самоуправленіе въ Англіи воплощаетъ побѣду общества надъ абсолютизмомъ. Оттого—возвращаясь къ сказанному въ началѣ статьи—даже съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя кадеты преслѣдуютъ реформою мѣстнаго самоуправленія, проектъ ихъ никуда не годится, такъ какъ осуществленіе его нисколько не ослабитъ абсолютизма и бюрократіи, а потому не создастъ центровъ опоры для борьбы съ ними.

Соціалъ-демократы въ Государственной Думѣ должны бороться противъ такого оскопленнаго и реакціоннаго пониманія основъ мѣстнаго самоуправленія и должны настаивать, чтобы Городскому общественному управленію было предоставлено управленіе городомъ въ полномъ его объемѣ и чтобы оно разсматривалось не только, какъ представитель интересовъ городского населенія, но и какъ представитель интересовъ государства въ предѣлахъ города.

Изъ этого уже само собою вытекаетъ то отношеніе, которое должно существовать между городскимъ общественнымъ управленіемъ и центральной властью. Въ качествѣ представителя государственныхъ интересовъ на мѣстѣ, городское общественное управленіе подчинено только закону, и центральная власть, въ лицѣ министра или короны, или кого бы тамъ ни было, не имѣетъ административнаго locus standi въ его дѣлахъ. То, что въ кадетскомъ проектѣ спеціально оговорено, такъ какъ нисколько не вытекаетъ изъ его опредѣленія сущности городского самоуправленія, у насъ явствуетъ само собою, такъ какъ городское общественное управленіе является у себя въ городѣ абсолютно тѣмъ же, чѣмъ центральное правительство является для всей страны: носителемъ государственной власти. Ни одинъ изъ нихъ не станетъ выше другого въ іерархическомъ порядкѣ администраціи, и оба они соподчинены закону. Законъ опредѣляетъ, что городское общественное управленіе должно дѣлать и можетъ дѣлать, но исполненіе этого „должно" и „можно" онъ всецѣло предоставляетъ ему. Какъ говоритъ совершенно основательно, но съ удивительнымъ non sequitur, кадетскій проектъ, „Городское общественное управленіе дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленной ему власти вполнѣ самостоятельно" (ст. 4). Правда, центральная власть въ лицѣ министровъ и ихъ уполномоченныхъ слѣдитъ за законностью его постановленій и мѣропріятій, т. е. за тѣмъ, чтобы оно исполняю возложенныя на него закономъ обязанности и при исполненіи другихъ, факультативныхъ обязанностей не выходило за предѣлы разрѣшеннаго закономъ. Но, во-первыхъ, министры въ данномъ случаѣ являются лишь довѣренными законодателя, т. е. парламента, передъ которымъ они отвѣтственны, а, во-вторыхъ, то же право наблюденія за законностью дѣйствій городскихъ общественныхъ управленій предоставляется любому гражданину. И то обстоятельство, что этотъ контроль лишенъ всякаго административно-служебнаго характера, выражается въ томъ, что министръ столь же мало, какъ и простой гражданинъ, можетъ заставить городское общественное управленіе поступать законно, простымъ приказомъ, а долженъ прибѣгнуть къ содѣйствію суда. По существу вся власть министра въ данномъ случаѣ основывается на томъ, что онъ — гражданинъ, которому спеціально поручено наблюдать за законностью дѣйствій мѣстныхъ общественныхъ управленій, такъ какъ другіе граждане не обладаютъ для этого ни нужными знаніями, ни нужнымъ временемъ и

охотою. Оттого и власть его не идетъ дальше того, что предоставляется остальнымъ гражданамъ.

Въ Англіи все это осуществлено. Въ Англіи нѣтъ министерскихъ приказовъ или распоряженій по городамъ, нѣтъ административнаго утвержденія или кассированія рѣшеній городскихъ общественныхъ управленій, нѣтъ правительственнаго смѣщенія состава городскихъ думъ или служащихъ по городскому общественному управленію, какъ мы часто встрѣчаемъ всюду на континентѣ вплоть до республиканской Франціи. Даже по такому предмету первостепенной государственной важности, какъ охраненіе общественнаго спокойствія и порядка, правительство не имѣетъ никакого locus standi въ распоряженіяхъ городского общ. управленія. Безъ приглашенія послѣдняго правительство не можетъ даже присылать войска,— тѣмъ менѣе заняться усмиреніемъ безпорядковъ. Для того, чтобы имѣть хоть нѣкоторую возможность контролировать дѣйствія мѣстной полиціи, правительству приходится вступать съ городскимъ общ. управленіемъ въ частную сдѣлку, на основаніи которой послѣднему выдается на содержаніе полиціи субсидія изъ бюджетныхъ суммъ въ обмѣнъ на право утверждать назначенія по полицейскому штату; но это нисколько не умаляетъ правъ городскихъ общ. управленій отвергать какъ субсидію, такъ и право утвержденія. Аналогичная форма факультативнаго контроля назначеній существуетъ и въ области заполненія штатовъ городскихъ врачей и санитарныхъ инспекторовъ: если городское общ. управленіе желаетъ, то оно можетъ предоставить министерству право утверждать или отвергать кандидатовъ на эти должности въ обмѣнъ за субсидію; но оно можетъ отказаться отъ субсидіи, и тогда назначенія его не подлежатъ никакому контролю. Есть еще одинъ предметъ, по которому министерство пользуется контролемъ надъ дѣйствіями городскихъ общ. управленій: это по предмету заключенія займовъ на капитальныя затраты. Городскимъ общ. управленіямъ приходится очень часто испрашивать, при проектированіи займа, разрѣшенія министра. Но здѣсь власть министерства является просто делегированною отъ парламента. По закону ни одинъ публичный заемъ не можетъ быть произведенъ какимъ бы то ни было общественнымъ учрежденіемъ, начиная министерствомъ и кончая какой-нибудь деревенской кладбищенской комиссіей, безъ особаго на то законодательнаго акта; такъ какъ, однако, самъ парламентъ не въ состояніи былъ бы заниматься разсмотрѣніемъ всѣхъ безчисленныхъ ходатайствъ на этотъ счетъ, то обязанность разсмотрѣнія ихъ по предметамъ стереотипнаго общественнаго обихода поручается различнымъ министерствамъ съ правомъ выдавать „предварительныя разрѣшенія" на займы, которые затѣмъ утверждаются парламентомъ въ одномъ общемъ законодательномъ актѣ. Такимъ образомъ, власть правительства здѣсь „отраженная", а не реальная.

Есть, впрочемъ, и въ Англіи двѣ области, въ которыхъ городскія общ.

управленія подлежатъ административному контролю, весьма похожему на континентальный, а именно, область общественнаго призрѣнія бѣдныхъ и область общественной санитаріи. Въ первой изъ нихъ министерскій контроль распространенъ на самыя мелочи, вродѣ увеличенія на одинъ золотникъ количества хлѣба, выдаваемаго въ работныхъ домахъ, или снабженія работнаго дома новой ванною. Во второй—контроль слабѣе, но и тутъ законъ допускаетъ даже устраненіе суммарнымъ судебнымъ порядкомъ санитарныхъ комиссій въ случаѣ нерадивости ихъ и производства необходимыхъ работъ комиссарами. Объясняется это странное исключеніе тѣмъ, что здѣсь законъ завѣдомо сталъ на, такъ сказать, незаконную почву въ войнѣ съ народомъ и въ защиту интересовъ правящей буржуазіи. Нынѣ дѣйствующее положеніе объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ создано въ 1834 г., какъ мѣра „принудительнаго отчужденія“ сельскаго и ремесленнаго пролетаріата отъ приходскихъ средствъ къ существованію съ цѣлью заставить его идти на фабрики; а такъ какъ народъ доброй волею не согласился бы на такую экономическую операцію, какъ введеніе положенія, такъ и дальнѣйшее его осуществленіе было обставлено бюрократическими и централистическими условіями, включавшими въ первое время даже изъятіе его изъ вѣдѣнія парламента и учрежденіе для верховнаго завѣдыванія имъ диктатуры изъ трехъ лицъ. Другими словами, законъ 1834 г. былъ революціоннымъ актомъ буржуазіи противъ пролетаріата, своего рода coup d'état, который могъ быть осуществленъ только силою, вопреки основнымъ началомъ конституціи. Административный контроль, присутствующій въ области общ. санитаріи, имѣетъ аналогичное происхожденіе, съ тою лишь разницею, что здѣсь пришлось воевать не съ пролетаріатомъ, а съ мелкой буржуазіей, ни за что не хотѣвшей носить расходы по устройству канализаціи, водопроводовъ и пр. Во всякомъ случаѣ здѣсь и тамъ административное подчиненіе органовъ мѣстнаго самоуправленія носитъ характеръ завѣдомаго нарушенія конституціи, такъ сказать, революціи en permanence, и Англія мирится съ нимъ только потому, что оно служитъ интересамъ правящаго класса.

Другое слѣдствіе, вытекающее изъ вышеуказанной сущности мѣстнаго и въ частности городского самоуправленія, нѣсколько иного характера. Ст. 26 разсматриваемаго проекта даетъ, какъ мы сказали, перечень дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству городской думы. Съ точки зрѣнія авторовъ проекта такой перечень весьма умѣстенъ, такъ какъ нужно же опредѣлить, что входитъ въ кругъ „интересовъ городского населенія“. Этотъ перечень—не исчерпывающій; послѣдній пунктъ „с“ такъ и гласитъ: „и вообще всѣ мѣры, признаваемыя городскою думою необходимыми въ интересахъ жителей города“. Легко, однако, видѣть, что если разсматривать—какъ оно и надлежитъ—городское общ. управленіе, какъ представителя не только мѣстныхъ, но и государственныхъ интересовъ, то такой

перечень долженъ носить совершенно иной характеръ. Будучи носителемъ государственной власти въ предѣлахъ города, городское общественное управленіе, съ одной стороны, *обязано* заботиться о тѣхъ предметахъ, которые возлагаются на него закономъ, т. е. парламентомъ, такъ какъ иного способа приводить къ исполненію дѣла, относящіяся къ внутреннему управленію страны, какъ при помощи мѣстныхъ (въ частности городскихъ) общественныхъ управленій, нѣтъ; съ другой же стороны, оно *можетъ* воспользоваться тѣми правами, которыя ему предоставлены закономъ на принципѣ факультативности. Эти двѣ категоріи обязанностей правъ создаютъ и двѣ категоріи предметовъ, находящихся въ вѣдомствѣ городскихъ общ. управленій, обязательныхъ и факультативныхъ, которыя въ точности опредѣляются закономъ.

Если вы возьмете англійскіе учредительные акты по городскому самоуправленію,—напр., городовое положеніе 1835 г. или 1882 г.,—то вы тщетно будете искать въ нихъ точнаго обозначенія этихъ предметовъ. Этими актами созданъ лишь механизмъ учрежденій и въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчены ихъ функціи; сами же предметы, которые ими вѣдаются, опредѣлены въ особыхъ законодательныхъ актахъ, которые проводились парламентомъ въ разное время и передавались городскимъ учрежденіямъ къ исполненію. Таковъ актъ объ общественномъ здравіи 1875 г., таковъ актъ о библіотекахъ 1845 г., таковъ актъ о техническомъ образованіи 1889 г., таковъ школьный актъ 1902 г. и т. д. Всѣ они регламентируютъ *предметъ* и передаютъ завѣдываніе имъ городскимъ и, вообще мѣстнымъ общественнымъ управленіямъ, чѣмъ ярко отмѣчается тотъ фактъ, что эти управленія служатъ постоянными носителями и исполнителями государственной воли. Совершенно такъ же должно было быть и у насъ. Проектъ Городового Положенія долженъ былъ бы ограничиться однимъ созданіемъ механизма, предоставляя законодателю отдѣльными актами, касающимися тѣхъ или другихъ предметовъ внутренняго управленія, создать кругъ дѣлъ, обязательно или факультативно завѣдуемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Къ счастью или несчастью, мы не начинаемъ съ tabula rasa. За нами имѣется историческая практика, намѣтившая уже цѣлый рядъ предметовъ, входящихъ въ кругъ внутренняго управленія страны, а потому подлежащихъ вѣдѣнію мѣстныхъ учрежденій. Законодатель можетъ обозначить ихъ суммарно въ одномъ общемъ актѣ, который, однако, долженъ составлять не часть Городового Положенія, а особый законъ, его сопровождающій. Въ самомъ же текстѣ Городового Положенія должно быть сдѣлано указаніе въ томъ смыслѣ, что „предметы вѣдомства городской думы опредѣляются особыми по каждому предмету законами, а впредь до изданія ихъ—сопроводительнымъ настоящему Городовому Положенію закономъ".

Покончивъ съ общими основаніями, мы перейдемъ теперь къ частностямъ.

II.

Въ ст. 5 „общихъ положеній“ кадетскій проектъ говоритъ: „Городское общественное управленіе состоитъ изъ слѣдующихъ учрежденій: а) избирательныхъ собраній, б) городской думы и в) городской управы и подвѣдомственныхъ ей органовъ“. Эта статья касается организаціи городского общественнаго управленія,—предмета, уступающаго по важности лишь правамъ послѣдняго, а потому мы прежде всего остановимся на ней.

Характерная особенность этой статьи заключается въ томъ, что въ ней сохранено традиціонное дѣленіе выборнаго органа городского общественнаго управленія на распорядительную и исполнительную палаты, на городскую думу и городскую управу. Первая составляется изъ гласныхъ, выбираемыхъ избирателями, а вторая составляется изъ членовъ, выбираемыхъ думою какъ изъ своей среды, такъ и извнѣ. Это тотъ же порядокъ, который принятъ въ большинствѣ государствъ континента, но который совершенно неизвѣстенъ въ Англіи. Онъ фактически передаетъ всю власть палатѣ, составленной двухстепенными выборами,—отчасти даже изъ лицъ, совершенно не отвѣтственныхъ передъ избирателями,—оставляя за прямыми выборами отъ городского общества лишь право направлять и контролировать ея дѣйствія. Само это право имѣетъ лишь слабое реальное значеніе въ виду того, что гласные думы не соприкасаются съ практическимъ производствомъ дѣлъ и сессіи думы происходятъ черезъ продолжительные промежутки. Такой порядокъ спеціально разсчитанъ на то, чтобы по возможности больше ослабить контроль городского общества надъ дѣйствіями городского общественнаго управленія и придать органамъ послѣдняго бюрократическій характеръ. Сохраненіе такого порядка не дѣлаетъ чести авторамъ проекта, свидѣтельствуя объ ихъ реакціонныхъ помыслахъ, и соціалъ-демократамъ необходимо настаивать на замѣнѣ его системою, принятою въ Англіи. Въ Англіи вся власть и вся отвѣтственность передъ избирателями нераздѣльно сосредоточены на городской думѣ. Никакихъ управъ, магистратовъ, адъюнктовъ Англія не знаетъ, и всѣмъ распоряжается, все исполняетъ городская дума. Правда, для удобства и экономіи въ производствѣ дѣлъ законъ даетъ ей право назначать изъ своей среды по различнымъ предметамъ различныя комиссіи; три такія комиссіи онъ даже считаетъ обязательными: финансовую, полицейскую и школьную; но ни законъ, ни избиратель оффиціально и юридически не вѣдаются съ ними, и онѣ сами играютъ чисто-служебную роль. Всѣ ихъ постановленія и рѣшенія должны докладываться въ думѣ, и только распоряженія полицейской комиссіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и школьной, не нуждаются въ предварительномъ утвержденіи ею. Такимъ образомъ, не только de jure, но и de facto вся власть сосредоточена въ городской думѣ, вслѣдствіе чего и засѣданія ея происходятъ чрезвычайно часто и почти круглый годъ.

Противъ системы комиссій обыкновенно выдвигаются два возраженія: она мѣшаетъ единству дѣйствія и громоздка. Странно, однако, что Англія до сихъ поръ не замѣтила этого и что, напротивъ, если гдѣ механизмъ мѣстнаго общественнаго управленія работаетъ вразбродъ и неуклюже, такъ это на континентѣ. Работы комиссій объединяются, во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ проходятъ черезъ городскую думу, прежде чѣмъ получаютъ законную силу; во-вторыхъ же, на каждую рекомендацію комиссіи финансовая комиссія обязана дать свое заключеніе. Этимъ въ полной мѣрѣ обезпечивается единство дѣйствія городскихъ комиссій подобно тому, какъ оно въ настоящее время обезпечивается общими засѣданіями управы. Что же до скорости дѣйствія, то оно достигается какъ частыми засѣданіями комиссій, такъ и предоставленіемъ извѣстной дискреціонной власти завѣдующимъ административными частями вмѣстѣ съ предсѣдателями соотвѣтствующихъ комиссій.

Не менѣе, чѣмъ сохраненіе такого анти-демократическаго учрежденія, какъ городская управа, насъ удивляетъ сохраненіе особаго положенія и особой власти городского головы. Правда, изъ городской думы онъ удаленъ и замѣненъ тамъ предсѣдателемъ, но онъ остается предсѣдателемъ городской управы, являясь „главнымъ уполномоченнымъ городского общества по управленію городскими дѣлами и хозяйствомъ“ (ст. 46). Ему принадлежитъ общій надзоръ за дѣятельностью какъ городской управы, такъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ ей учрежденій (ст. 46), и въ случаяхъ чрезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательствъ онъ можетъ принимать по своему усмотрѣнію мѣры, подлежащія коллегіальному рѣшенію управы (ст. 49). Къ довершенію, онъ хотя и выбирается городскою думою, но не непремѣнно изъ ея состава: онъ можетъ быть взятъ и со стороны.

Все это совершенно въ прусскомъ стилѣ, который въ свою очередь заимствованъ въ главныхъ чертахъ изъ Франціи. И въ Пруссіи бургомистръ и во Франціи мэръ выбираются городскими думами и получаютъ верховный контроль надъ дѣятельностью городскихъ учрежденій. Разница лишь въ томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ и во Франціи бургомистръ и мэръ облечены этимъ контролемъ потому, что правительственная власть не довѣряетъ демократіи и предпочитаетъ имѣть дѣло съ лицомъ, которое было бы передъ нею отвѣтственно за всѣ прегрѣшенія городского общественнаго управленія. Оттого бургомистръ и мэръ оффиціально подчинены правительственной власти и въ одномъ случаѣ могутъ быть назначены съ ея согласія, а въ другомъ—могутъ быть смѣщены ею административнымъ распоряженіемъ. Авторы же нашего проекта захотѣли быть оригинальными и, не признавая городского головы отвѣтственнымъ передъ правительственною властью, такъ какъ иначе право городского общества на самоуправленіе было бы подорвано въ корнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ присвоили ему власть, приличествующую лишь представителю цен-

тральной власти. Правда, и въ Соединенныхъ Штатахъ городской мэръ обладаетъ большой властью и вмѣстѣ съ тѣмъ не подчиненъ центральной власти. Но онъ выбирается непосредственно населеніемъ, т. е. является его отвѣтственнымъ и исполнительнымъ органомъ, межъ тѣмъ какъ у насъ онъ по проекту назначается въ порядкѣ косвенныхъ выборовъ и населеніемъ нисколько не контролируется. Другими словами, американскій мэръ воплощаетъ въ своей должности высшій принципъ демократизма, на основаніи котораго не только административно-законодательныя, но и исполнительныя инстанціи (президентъ республики, губернаторъ штата и мэръ города) подлежатъ, какъ въ прочихъ республикахъ, народному избранію, а проектируемый кадетами городской голова является чистымъ бюрократомъ-начальникомъ, неизвѣстно для чего облеченнымъ чрезвычайной властью.

Авторы проекта поступили бы лучше, если бы послѣдовали англійскому образцу. Должностныя лица по исполненію рѣшеній и распоряженій городской думы и ея комиссій занимаютъ чисто-служебное положеніе, а мэръ—лишь предсѣдатель городской думы, пользующійся извѣстнымъ соціальнымъ почетомъ и состоящій ex-officio членомъ всѣхъ комиссій, но не обладающій абсолютно никакою особенной властью. Всѣ сношенія съ городскою думою происходятъ черезъ городского секретаря, секретарь же подписываетъ и публикуетъ всѣ распоряженія думы, а мэру остается только подписывать журналы думскихъ засѣданій. Правда, и въ Англіи мэръ можетъ выбираться городскою думою не изъ своего состава, и всякій, кто возьметъ на себя трудъ прочесть парламентскіе дебаты при обсужденіи Городового Положенія 1835 г., можетъ видѣть, что эта мѣра была внесена реакціонерами въ видахъ нѣкотораго „обузданія“ демократіи. Но, во-первыхъ, при томъ маломъ значеніи, какое имѣетъ въ Англіи мэръ, это зло не такъ уже большой руки, а во-вторыхъ, рѣдко какой уважающій себя муниципалитетъ пользуется этимъ не демократическимъ правомъ. Въ Россіи мы вправѣ требовать, чтобы городской голова непремѣнно выбирался городской думою изъ своей среды и чтобы власть его была исключительно предсѣдательская.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о должностныхъ лицахъ. Разсматриваемый проектъ называетъ членовъ городской управы, включая городского голову и его товарища, должностными лицами (ст. 43). По англійскимъ понятіямъ, это названіе довольно-таки несуразное. По англійскимъ понятіямъ, должностное лицо—это лицо, служащее по найму, а не лицо, избранное населеніемъ по городскому общественному управленію и облеченное его довѣріемъ. Эта разница въ номенклатурѣ обусловливается вовсе не тѣмъ, что въ Англіи лица, завѣдующія дѣломъ городского управленія по выборамъ, отправляютъ свои обязанности безвозмездно, а тѣмъ, что въ Англіи бюрократія вообще является лишь исполнительницею рѣшеній и распоряженій народныхъ представителей и всецѣло подчинена

имъ. Она стоитъ внѣ политики, внѣ партій, и за всѣ ея дѣйствія по администраціи отвѣтственны выборные народа. Мы рѣшительно стоимъ за введеніе этой глубоко-демократической системы, которой Англія столькимъ обязана: должностныя лица должны быть только по найму, а выборные народа не должны быть должностными лицами. Съ другой стороны, мы находимъ абсолютно реакціоннымъ положеніе, что гласные „исполняютъ свои обязанности безвозмездно, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые избраны въ составъ исполнительныхъ комиссій Думы“ (ст. 23). Конечно, такъ какъ по нашему проекту комиссіи Думы являются необходимою частью механизма городского управленія, и всѣ гласные по возможности будутъ распредѣлены по комиссіямъ, это положеніе падаетъ само собою, тѣмъ не менѣе и принципіально нельзя осудить его за реакціонность. Примѣръ Англіи показалъ, къ какимъ реакціоннымъ послѣдствіямъ ведетъ безвозмездность исполненія общественныхъ обязанностей по выбору: она исключаетъ изъ общественныхъ учрежденій рабочій классъ и передаетъ ихъ фактически въ руки имущихъ слоевъ населенія. Мы должны настаивать, чтобы всякій общественный постъ оплачивался, дабы его могли занимать и пролетаріи. При этомъ необходимо, чтобы не одно городское общество несло бремя по вознагражденію гласныхъ, а, по крайней мѣрѣ, половина его оплачивалась изъ государственнаго казначейства, такъ какъ городское общественное управленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное управленіе, возлагаемое нынѣ на губернаторовъ, градоначальниковъ и прочихъ представителей, единоличныхъ и коллегіальныхъ, центральной власти. Можно замѣтить, что размѣры вознагражденія гласнымъ слѣдуетъ устанавливать различно, смотря по размѣрамъ города, а потому и дороговизнѣ условій жизни.

Та же статья 23 содержитъ абзацъ, заслуживающій нашего особаго вниманія. Онъ гласитъ: „Кромѣ гласныхъ по избранію, въ число членовъ думы входятъ на правахъ гласныхъ: въ столичныхъ и губернскихъ городахъ—предсѣдатели губернской и уѣздной земскихъ управъ, а въ остальныхъ городахъ и въ поселеніяхъ, на которые будетъ распространено дѣйствіе сего Положенія, — предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ“. Здѣсь сразу вводятся два принципа, идущіе вразрѣзъ съ требованіями демократіи. Первый изъ нихъ—это введеніе въ составъ думы членовъ не по избранію, а ex-officio. Это — нарушеніе одного изъ главныхъ требованій демократіи, въ силу котораго лица, на которыхъ возлагается дѣло общественнаго управленія, должны быть прямо отвѣтственны передъ гражданами. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ зло смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что вводимые извнѣ члены—также выборныя лица, а не ставленники отъ центральной власти. Дѣло, однако, въ томъ, что выбраны они совсѣмъ для другого учрежденія, а въ самой городской думѣ они всетаки будутъ безотвѣтственными гласными. Легко можно представить себѣ

случаи, когда интересы города и земства придутъ въ столкновеніе, какъ, напр., при расширеніи городской территоріи на пригороды, или при проведеніи электрическихъ трамваевъ за предѣлы города въ сосѣднія поселенія, или при снабженіи окрестныхъ поселеній электричествомъ изъ городскихъ станцій. Въ такихъ случаяхъ предсѣдатели земскихъ управъ, будучи полноправными гласными думы, будутъ дѣйствовать противъ интересовъ городского населенія, не будучи отвѣтственными передъ ними. Такое положеніе въ демократической Англіи немыслимо, и оно не должно создаваться и въ Россіи. Не надо смѣшивать предусматриваемаго проекта пріобщенія къ составу думы членовъ ex-officio съ системою кооптированія, принятой отчасти и въ Англіи: во-первыхъ, эта система практикуется лишь для комиссій (и то лишь одной или двухъ), которыя отвѣтственны передъ органомъ общественнаго управленія, а, во-вторыхъ, при системѣ кооптаціи члены пріобщаются по выбору или, по крайней мѣрѣ, съ утвержденія отвѣтственныхъ членовъ общественнаго управленія, а не по праву занимаемой ими должности. Вслѣдствіе этого самый актъ кооптаціи является отвѣтственнымъ актомъ общественнаго учрежденія, за успѣхъ или неуспѣхъ котораго члены послѣдняго въ полной мѣрѣ отвѣчаютъ передъ избирателями.

Другимъ нарушеніемъ демократическаго принципа самоуправленія является вообще переплетеніе двухъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, проявляющееся въ пріобщеніи членовъ одного къ составу другого (представительство городского общественнаго управленія въ земскихъ учрежденіяхъ предусмотрѣно пунктомъ „о" ст. 26 разсматриваемаго проекта). Истинно-демократическое самоуправленіе требуетъ прежде всего совершеннаго выдѣленія самоуправляющейся единицы изъ общаго агломерата другихъ единицъ и отвергаетъ какъ подчиненіе одной единицы другой, такъ и вообще организаціонную связь между ними хотя бы на равныхъ правахъ. Мы не знаемъ, какъ проектируетъ конституціонно-демократическая партія организовать земское самоуправленіе, въ частности,—мелкую земскую единицу въ ея отношеніяхъ къ болѣе крупнымъ. Въ Англіи въ основу организаціи было бы принято не іерархическое подчиненіе одной единицы другой, а функціональное дѣленіе между единицами различныхъ категорій, т. е. мелкія единицы, будучи мелкими, только обладали бы болѣе узкимъ кругомъ функцій, но отнюдь не были бы подчинены болѣе крупнымъ. Другими словами, всѣ земскія единицы были бы вполнѣ автономны, только у однѣхъ функцій было бы больше, а у другихъ меньше. Фактически, въ Англіи mutatis mutandis такъ и обстоитъ, причемъ города выдѣлены въ совершенно отдѣльныя отъ земствъ самоуправляющіяся единицы съ полнымъ кругомъ функцій, присвоенныхъ мѣстному самоуправленію. Оттого между городскимъ и земскимъ общественными управленіями не только нѣтъ никакой связи, но самое отсутствіе ея составляетъ

признакъ городской автономіи. Зачѣмъ авторамъ проекта понадобилось создать для Россіи иное положеніе, сказать трудно. Вѣроятно, и здѣсь сказалась рутина мысли, принадлежащей къ абсолютистскому періоду, чрезвычайно любившему подобныя комбинаціи.

Та же рутина мысли отчасти сказалась и въ тѣхъ статьяхъ проекта, которыя имѣютъ касательство къ финансамъ. Прежде всего приходится обратить вниманіе на то обстоятельство, что нигдѣ ни единымъ словомъ не упомянуто, что государство носитъ часть расходовъ по городскому общественному управленію, т. е. что, кромѣ мѣстныхъ источниковъ дохода, городское общественное управленіе получаетъ еще на извѣстные предметы и государственную субсидію. Мы не знаемъ, недосмотръ ли это, или сознательное упущеніе; во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что по предметамъ, имѣющимъ государственный характеръ, т. е. по такимъ, которыми городскія общественныя управленія будутъ завѣдывать въ качествѣ органовъ государственной власти, какъ, напр., народное просвѣщеніе, призрѣніе бѣдныхъ, охраненіе общественной безопасности и пр., они должны получать субсидію отъ государства, а потому это и должно быть оговорено въ проектѣ. Конечно, размѣры, условія и порядокъ выдачи этихъ субсидій могутъ быть установлены лишь въ спеціальныхъ актахъ, касающихся тѣхъ или другихъ предметовъ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ принципіально важнымъ, чтобы, напр., въ статьѣ 26, п. „л", перечисляющей источники городскихъ финансовъ, было указано и на единовременныя, и текущія субсидіи изъ государственныхъ средствъ казначейства.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на примѣчаніе 1 къ пункту „л", ст. 26, которая гласитъ, что „установленіе новыхъ видовъ налоговъ, выдача концессій и заключенія займовъ... требуютъ утвержденія законодательной власти". Здѣсь авторы проекта что-то спутали. Чѣмъ является законодательность по отношенію къ городскому обществу? Она является охранительницей интересовъ *всѣхъ* мѣстныхъ обществъ противъ даннаго, и охранительницею интересовъ всѣхъ поколѣній городского общества противъ даннаго поколѣнія городского общества. Городское общество, напр., выдаетъ комиссію трамвайной или водопроводной компаніи на извѣстное число лѣтъ. Этимъ актомъ оно отказывается отъ правъ эксплоатировать данныя предпріятія не только за себя, но и за рядъ другихъ поколѣній. Точно такъ же при заключеніи займа городское общество не только беретъ извѣстныя обязательства на себя, но и возлагаетъ ихъ на слѣдующія поколѣнія. Кто же можетъ оградить эти поколѣнія отъ невыгодныхъ для нихъ сдѣлокъ? Кто оградитъ ихъ, напр., отъ того, чтобы при заключеніи займа главное бремя платежей по немъ не было взвалено на нихъ? Очевидно, только законодательная власть, какъ власть далекая отъ мѣстныхъ интересовъ и временныхъ соображеній. Оттого такіе финансовые акты городскихъ общественныхъ управленій, какъ выдача кон-

цессіи или заключеніе займа, требуютъ не только санкціи городского общества, но и утвержденія законодательной власти. Совсѣмъ другое установленіе новыхъ видовъ налоговъ. Если городское общество желаетъ обложать себя извѣстнымъ налогомъ, кому до этого какое дѣло? Налогъ не ложится бременемъ на слѣдующія поколѣнія, а законность его можетъ всегда быть испытана судомъ. Единственное, чего требуетъ назначеніе новаго налога, это ясно выраженное согласіе городского общества, для чего необходимо произвести плебисцитъ. Мы предложили бы поэтому измѣнить разсматриваемое примѣчаніе въ соотвѣтствующемъ смыслѣ.

Дальнѣйшую свою критику кадетскаго проекта мы изложимъ въ видѣ замѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ.

Къ ст. 6. Проектъ предлагаетъ производить выборы въ городское общ. управленіе каждые три года. Мы не видимъ причины, почему бы ихъ не производить каждый годъ. Что это было бы болѣе демократично, признаютъ, конечно, и авторы проекта, но они, вѣроятно, выдвинутъ два возраженія. Во-первыхъ, они скажутъ: частые выборы утомятъ избирателей, а во-вторыхъ, частые выборы не дадутъ возможности гласнымъ подолгу оставаться въ Думѣ и помѣшаютъ имъ пріобрѣтать надлежащій опытъ. На это мы отвѣтимъ: частые выборы не только не утомляютъ избирателей, но, напротивъ, возбуждаютъ въ нихъ живой интересъ къ городскому дѣлу, такъ какъ только при частыхъ выборахъ они чувствуютъ, что имѣютъ реальный контроль надъ нимъ. Въ Англіи только одинъ муниципалитетъ лондонскаго Сити сохранилъ ежегодные выборы; однако, лондонскіе купцы нисколько не утомляются отъ этого, и когда при пересмотрѣ Городового Положенія въ 1835 г. зашла было рѣчь о замѣнѣ ежегодныхъ выборовъ выборами черезъ каждые три года, они горячо запротестовали и настояли на сохраненіи стараго порядка. Въ другихъ городахъ выборы черезъ каждые три годи были введены именно затѣмъ, чтобы не дать „низшимъ сословіямъ“ почувствовать слишкомъ сильнаго интереса къ дѣламъ муниципалитета. Что же до опасенія, что при ежегодныхъ выборахъ личный составъ думы будетъ постоянно мѣняться, то и оно ни на чемъ не основано. Опять-таки опытъ муниципалитета лондонскаго Сити показываетъ, въ какомъ подавляющемъ числѣ прежніе гласные выбираются вновь въ теченіе многихъ лѣтъ подрядъ. Если когда и происходитъ внезапное и огульное раскассированіе стараго состава думы, такъ это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда выборы происходятъ черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени: недовольство прежнимъ составомъ думы накопляется постоянно и, не имѣя возможности выразиться въ частичномъ измѣненіи его, разряжается въ одинъ прекрасный день въ видѣ всеразрушающей грозы.

Къ ст. 7. Проектъ предлагаетъ для производства выборовъ раздѣлять города съ большимъ числомъ избирателей на избирательные участки

съ тѣмъ, чтобы на каждый участокъ приходилось опредѣленное число гласныхъ. Это опять недемократично и, по крайней мѣрѣ, въ Англіи было нарочито введено въ 1835 г. съ тѣмъ, чтобы помѣшать демократіи осуществлять свои права. Дѣйствительно, представимъ себѣ два участка большого города съ 20 тыс. избирателей въ каждомъ. Въ одномъ изъ нихъ скажемъ, 12 тыс. либераловъ и 8000 тыс. соціалъ-демократовъ, а въ другомъ—4 тыс. либераловъ и 16 тыс. соціалъ-демократовъ. Въ первомъ окажутся избранными столько же либераловъ, сколько во второмъ соціалъ-демократовъ, хотя число первыхъ въ обоихъ участкахъ вмѣстѣ меньше числа послѣднихъ въ тѣхъ же участкахъ. За то, чтобы раздѣлять городъ на участки, обыкновенно приводятъ то соображеніе, что иначе населеніе не будетъ знать достаточно близко кандидатовъ въ гласные. Но это соображеніе пустое. Во-первыхъ, полезно вообще пріучать избирателей голосовать не столько за личности кандидатовъ, сколько за ихъ программы; во-вторыхъ, сами авторы проекта въ ст. 15 говорятъ, что „гласные избираются изъ числа всѣхъ избирателей по общему списку, независимо отъ принадлежности къ тому или другому избирательному участку“, чѣмъ указываютъ, что близкое знакомство съ личностями кандидатовъ либо несущественно, либо возможно и при отсутствіи участковыхъ рамокъ; въ третьихъ же, именно превращеніе города въ одинъ большой избирательный округъ даетъ возможность попадать въ городскую Думу только такимъ лицамъ, популярность которыхъ наиболѣе широка. Въ Англіи вплоть до упраздненія школьныхъ комиссій (School Boards) въ 1902/03 г. выборы въ нихъ производились въ каждомъ городѣ безъ раздѣленія его на участки, и этотъ порядокъ функціонировалъ настолько демократически, что консервативное министерство Бальфура постаралось въ означенномъ году упразднить его.

Къ ст. 14. Мы потому сразу перешли къ этой статьѣ, что она тѣсно связана съ предыдущей. Она, между прочимъ, гласитъ: „Каждый избиратель пользуется однимъ голосомъ“. Это дѣлаетъ выборы простыми, т. е. непропорціональными, и мы съ этимъ несогласны. Мы предлагаемъ, чтобы каждый избиратель располагалъ столькими голосами, сколько гласныхъ причитается на городъ, съ правомъ распредѣлять ихъ между кандидатами, какъ онъ желаетъ. Если въ городѣ, состоящемъ изъ 20 тыс. избирателей, имѣется 15 тысячъ либераловъ и 5 тысячъ соціалъ-демократовъ, то при системѣ простыхъ выборовъ всѣ гласные городской думы—положимъ, число ихъ 16—окажутся либералами. Если же дать каждому избирателю по 16 голосовъ, то соціалъ-демократы смогутъ сконцентрировать ихъ на четырехъ своихъ кандидатахъ, и они пройдутъ, получивъ по 20 тыс. голосовъ. Такая система голосованія была принята въ Англіи для выборовъ въ школьныя комиссіи и была упразднена съ общимъ упраздненіемъ этихъ демократическихъ учрежденій въ 1902—03 г.

Она давала возможность соціалъ-демократіи—въ общемъ, какъ извѣстно, очень слабой по численности, проводить—свои кандидатуры въ эти учрежденія (въ особенности въ провинціи),—возможность, которая теперь больше не существуетъ.

Къ ст. 9, 20 и др. Мы присоединяемся къ предложенію проекта поручать разсмотрѣніе жалобъ на неправильности выборовъ, на незаконныя дѣйствія Городской Думы и пр. особому присутствію Окружнаго Суда. Иные предлагаютъ учредить на французскій манеръ особый административный судъ изъ чиновниковъ. Мы противъ послѣдняго. Намъ нужно разъ на всегда запомнить, что выборныя лица, чиновники и пр. суть тѣ же граждане, что и простые обыватели, и что поэтому они подчинены тѣмъ же законамъ, тѣмъ же судамъ. Континентальный принципъ облеченія выборныхъ чиновниковъ, лицъ и вообще служащихъ по государственному управленію чрезвычайными привилегіями тѣсно связанъ съ абсолютизмомъ и его традиціями, въ то время какъ „господство закона", какъ выражается Дайси, лежитъ въ основѣ англійской демократіи. Мы должны отказаться отъ всего, что связано съ такъ называемымъ „административнымъ правомъ", зная, что это право легко превращается въ безправіе гражданъ. Одно и то же право и одни и тѣ же правовыя учрежденія должны быть примѣнены одинаково для всѣхъ, и допуская изъятія въ одну сторону, мы логически должны допускать изъятія и въ другую, какъ, напр., лишенія государственныхъ служащихъ коалиціоннаго права и пр.

Къ ст. 11. Эта статья даетъ избирательное право лицамъ, которыя, не проживая въ городѣ, но владѣя въ немъ имуществомъ, платятъ какой-нибудь налогъ. Здѣсь съ наивностью, достойной умиленія, авторы просто обнаруживаютъ свой буржуазный взглядъ на избирательное право. Вынужденные демократіей признать, что и лицамъ, не владѣющимъ имуществомъ, принадлежитъ избирательное право, они тѣмъ не менѣе никакъ не могутъ понять, что это право есть право гражданина, а не собственника, что оно связано съ гражданской личностью человѣка, а не его имуществомъ. Это создаетъ, кромѣ того, привилегированный классъ гражданъ, которые, владѣя имуществомъ по разнымъ городамъ, повсюду являются избирателями, хотя бы они не жили ни въ одномъ изъ нихъ. Гражданинъ является здѣсь отвлеченной величиною, рѣшающую же роль играетъ имущество. Въ такомъ случаѣ, отчего бы впрямь не дать избирательнаго права, напр., акціонернымъ обществамъ, какъ это многими требуется? Противъ созданія имущественнаго избирательнаго права необходимо рѣшительно бороться, а вмѣсто этого надлежитъ требовать избирательнаго права для тѣхъ, которые, не проживая въ городѣ, пріѣзжаютъ ежедневно туда на работу.

Къ ст. 18. Эта статья предусматриваетъ дополнительные выборы въ тѣхъ случаяхъ, когда первые не имѣли абсолютнаго большинства. При

пропорціональныхъ выборахъ, на введеніи которыхъ мы настаивали выше, эта статья становится лишнею.

Къ ст. 19. Проектъ предлагаетъ производить городскіе выборы въ первое воскресеніе іюня мѣсяца. Сомнѣваемся, чтобы такое время года, когда города пустѣютъ, было бы выгодно даже для буржуазіи. Намъ кажется, что сентябрь мѣсяцъ былъ бы удобнѣе. Правда, для внесенія новаго бюджета останется тогда мало времени, но какъ мы выше говорили, мы не ожидали, чтобы составъ Думы такъ быстро и рѣзко мѣнялся при ежегодныхъ выборахъ, какъ это думаютъ. Въ Англіи финансовый годъ кончается 31-го марта, а выборы происходятъ въ ноябрѣ, что оставляетъ для бюджета тоже всего четыре мѣсяца.

Къ ст. 26, пунктъ „з". Заявивъ, что Городской Думѣ принадлежитъ завѣдываніе городской полиціей, проектъ прибавляетъ въ примѣчаніи: „порядокъ перехода въ завѣдываніе Городскихъ Управленій мѣстной полиціи устанавливается особымъ закономъ, до изданія котораго полицейская часть управляется на основаніи существующихъ законоположеній". На это мы можемъ замѣтить: благодаримъ покорно! Какъ разъ полицейскую власть мы хотѣли бы передать городскимъ управленіямъ въ первую же голову, а тутъ проектъ насъ осаживаетъ, говоря: впредь до изданія особаго закона полиція остается въ рукахъ правительства. Напомнимъ авторамъ проекта слова англійскаго министра лорда Джона Ресселя, создавшаго въ 1835 г. муниципальную организацію Англіи: „Я предлагаю,—заявилъ онъ при внесеніи въ палату общинъ билль о Городовомъ Положеніи,—я предлагаю всецѣло передать муниципальнымъ совѣтамъ дѣло и обязанности по надзору за общественнымъ порядкомъ въ городахъ... Я нахожу это абсолютно необходимымъ при устройствѣ городского управленія, — даже больше, я иначе не могу представить себѣ городского управленія, какъ при условіи, чтобы надзоръ за общественной тишиною и порядкомъ находился непосредственно въ рукахъ лицъ, признанныхъ достойными управлять городомъ". Рессель тоже не былъ большимъ демократомъ. Онъ былъ предводитель тѣхъ „низкихъ, звѣрскихъ и окропленныхъ кровью виговъ", которые ссылали и вѣшали чартистовъ и оуэнистовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ никакъ не могъ себѣ представить, какъ можетъ существовать городское общественное управленіе, не имѣющее непосредственнаго контроля надъ полицейской частью. А вотъ, наши кадеты, тѣ могутъ и ставятъ передачу полиціи городу на самый послѣдній планъ.

Къ ст. 29. Статья, между прочимъ, гласитъ: „Чрезвычайныя собранія (Городской Думы) созываются: а) по усмотрѣнію предсѣдателя Думы, б) по требованію городского головы, или большинства членовъ Городской Управы, в) по заявленію десятой части всего состава гласныхъ Думы и д) по предложеніямъ правительства и мѣстнаго губернатора или градоначальника". При тѣхъ частыхъ засѣданіяхъ Думы, которыя будутъ не-

избѣжны съ упраздненіемъ Управы, мы вообще думаемъ, что чрезвычайныя собранія Думы будутъ излишни. Во всякомъ случаѣ, однако, пунктъ „б“ исчезаетъ съ исчезновеніемъ Управы и городского головы, а пунктъ „д“ мы предлагаемъ вычеркнуть, такъ какъ правительство не будетъ имѣть locus standi въ мѣстномъ общественномъ управленіи, которое само явится представителемъ государственной власти, а губернаторы и градоначальники упразднятся съ упраздненіемъ дѣленія функцій мѣстнаго управленія на хозяйственныя и административныя и передачею послѣднихъ думамъ. Вмѣсто этого пункта мы предлагаемъ внести другой, который далъ бы право извѣстной части *избирателей* потребовать у предсѣдателя созыва чрезвычайнаго собранія Городской Думы.

Мы пришли къ концу нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ. Мы затронули лишь самое важное, предоставляя другимъ дополнять нашу критику и произвести въ проектѣ соотвѣтствующія редакціонныя измѣненія. Формально мы касались лишь основъ городского управленія; но легко видѣть, что онѣ въ полной мѣрѣ примѣнимы и къ земскому управленію. Какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ и губерніяхъ выборные населенія должны быть единственными представителями государственныхъ интересовъ и единственными носителями государственной власти, а существованіе особой „мѣстной администраціи“ должно быть упразднено. Если мы вникнемъ въ смыслъ этого кардинальнаго требованія истиннаго мѣстнаго самоуправленія, то все остальное приложится само собою. На этой основѣ мы можемъ построить всю организацію мѣстнаго управленія въ его различныхъ видахъ, и только тогда мы получимъ истинный оплотъ противъ абсолютизма и бюрократіи и создадимъ истинную форму народовластія на мѣстахъ.

Ѳ. Ротштейнъ.

Новый финляндскій парламентъ [1]).

3. Политическія партіи.

Чѣмъ объясняется блестящій успѣхъ, одержанный соціалъ-демократической партіей Финляндіи при выборахъ въ новый парламентъ? Неужели же въ самомъ дѣлѣ соціалистическіе идеалы успѣли пустить въ Финляндіи такіе глубокіе корни, что преобладающая часть населенія открыто стала на ихъ защиту?

Успѣхомъ своимъ соціалъ-демократія обязана не одному рабочему классу—это несомнѣнно; промышленный пролетаріатъ въ Финляндіи, какъ-никакъ, представляетъ собой до сихъ поръ еще весьма незначительную группку по сравненію съ другими соціальными слоями населенія (на 2 милліона 700 тыс. жителей страны приходится около 100 тысячъ промышл. раб.). Правда, изъ этихъ 100 тыс. около 70 тыс. прочно организованы въ рядахъ соціалъ-демократіи и вполнѣ подчинены партійной дисциплинѣ; но, если вспомнить, что за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ голосовало свыше 328 тыс. избирателей, то станетъ очевиднымъ, что успѣхъ соціалъ-демократіи созданъ былъ руками не однихъ промышленныхъ рабочихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что воодушевленіе, съ которымъ велась предвыборная агитація рабочей партіей, громадное количество выброшенной партіей на рынокъ агитаціонной литературы сыграли свою роль и повліяли на исходъ выборовъ, но не этимъ однимъ объясняются благопріятные для рабочей партіи результаты голосованія.

Успѣхъ соціалъ-демократіи въ современный историческій моментъ зависитъ отъ иныхъ причинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что составляло все послѣднее время главное содержаніе соціально-политической жизни Финляндіи? Съ одной стороны, вопросъ объ ея политической автономности, о взаимоотношеніи, существующемъ между ея выборнымъ національнымъ представительствомъ и верховной имперской властью; съ другой—бьющая въ глаза дифферен-

---

[1]) См. „Образованіе", № 5.

тація различныхъ экономическихъ слоевъ населенія, обостреніе „рабочаго вопроса", разложеніе патріархальныхъ аграрныхъ отношеній и накопленіе въ безземельномъ крестьянствѣ глухого, зловѣщаго недовольства. Соціальныя отношенія выросли изъ прежнихъ застывшихъ формъ, отвѣчавшихъ иному экономическому укладу; дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ тормазилось и задерживалось тѣсными рамками, не соотвѣтствовавшими болѣе жизненнымъ потребностямъ страны. Необходимость цѣлаго ряда коренныхъ соціальныхъ преобразованій настоятельнѣйшимъ образомъ ощущалась всѣми слоями населенія, заинтересованными въ производительной жизни родины. Но именно въ тотъ моментъ, когда дальше откладывать проведеніе основныхъ реформъ становилось невозможнымъ, когда дальнѣйшій ходъ экономическаго развитія страны могъ обусловливаться своевременнымъ принятіемъ той или иной соціальной мѣры, тяжелая рука извнѣ желѣзными клещами давила волю и мысль финляндскаго народа и, въ теченіе шести томительныхъ годовъ, заставляла жизнь глухо биться объ искусственно-сооруженныя преграды...

Зато достаточно было ослабнуть гнету русскаго режима, чтобы всѣ насильственно заглушавшіеся запросы страны съ новой силой заявили о своемъ существованіи.

Аграрный вопросъ рядомъ волненій въ деревняхъ, стачками торпарей и сельскихъ рабочихъ остро напомнилъ о себѣ; возрастающая численность соціалъ-демократіи краснорѣчиво свидѣтельствовала о тяжкихъ конфликтахъ труда и капитала...

Но для того, чтобы приступить къ устроенію жизни на новыхъ началахъ, чтобы осуществить въ дѣйствительности рядъ намѣчавшихся преобразованій въ области соціально-экономической, оказывалось необходимымъ въ первую же голову установить такія политическія основы, которыя гарантировали бы страну отъ неожиданныхъ сюрпризовъ недавняго прошлаго. Новая конституція съ широкими демократическими полномочіями народныхъ представителей явилась неизбѣжной предпосылкой для осуществленія нетерпящихъ отлагательства реформъ. Жизнь выдвинула на первый планъ задачи чисто-политическія; на нихъ сосредоточивалось вниманіе всего финляндскаго народа, и лозунгъ „новая конституція" насыщалъ собою атмосферу съ октябрьскихъ дней 1905 г. до іюля 1906 г. Страна выжидала терпѣливо и довѣрчиво.

Но ожиданія ея не оправдались. Классовый инстинктъ удержалъ составителей новой конституціи на границѣ классоваго благоразумія; изъ-подъ пера шведоманскихъ и сгометаріанскихъ сенаторовъ конституція вышла слишкомъ скромной и урѣзанной въ интересахъ имперской верховной власти. При такой конституціи для господствующихъ классовъ не страшны были и самыя щедрыя обѣщанія коренныхъ реформъ: новый Сеймовый Уставъ обезпечивалъ буржуазіи надежнаго союзника въ лицѣ

верховной власти, на которую она съ успѣхамъ можетъ опереться каждый разъ, когда народные представители склонятся въ сторону „опасныхъ экспериментовъ“ или примутъ рѣшенія, идущія вразрѣзъ съ интересами верхнихъ слоевъ населенія.

Потерявшая было почву, буржуазія послѣ утвержденія монархомъ новаго Сеймоваго Устава окончательно успокоилась: господство ея было обезпечено еще на долгіе годы. Вполнѣ естественно, что главнѣйшія буржуазныя по духу партіи — „шведская народная“, суометаріанская (старофинская), „аграрный союзъ“—сочли вопросъ о государственномъ устройствѣ родины исчерпаннымъ и поспѣшили снять съ очереди программныя требованія чисто-политическаго характера. На ихъ мѣсто выдвинуты были, съ одной стороны, требованія экономическія и народнохозяйственныя, съ другой—заброшенный было споръ о первенствѣ языковъ—шведскаго и финскаго. Замолкнувшая передъ лицомъ общаго врага національная распря разгорѣлась съ новой ожесточенной силой. Казалось, что вопросъ о языкахъ затушевывалъ и умалялъ въ глазахъ буржуазіи всѣ остальные народные и государственные интересы.

Въ теченіе всего предвыборнаго періода руководящія статьи въ органахъ буржуазныхъ партій, агитаціонныя рѣчи на собраніяхъ, программныя брошюры и листки посвящали свое главное вниманіе отстаиванію прерогативъ того или иного языка, той или другой „національной культуры“ Получалось впечатлѣніе, что Финляндія не страдаетъ никакими внутренними неустройствами, что ея народное хозяйство не нуждается ни въ какихъ коренныхъ преобразованіяхъ, что ея государственный строй достигъ полнаго совершенства, и если народъ ея не удовлетворенъ, если въ немъ растетъ недовольство, то причину этого зла слѣдуетъ искать прежде всего въ угнетеніи финновъ шведами—или наоборотъ. Такое отношеніе къ окружающей дѣйствительности внушало широкимъ народнымъ слоямъ чувство недовѣрія къ буржуазнымъ партіямъ; какъ бы мало сознательны ни были широкія народныя массы, въ фактѣ быстраго успокоенія буржуазіи и примиренія ея съ половинчатой побѣдой на поприщѣ реорганизаціи государственнаго строя имъ чуялась измѣна буржуазіи обще-народному дѣлу.

За весь предвыборный періодъ буржуазныя партіи Финляндіи (за исключеніемъ младофинновъ) принимали новый конституціонный законъ, какъ нѣчто незыблемое, вполнѣ отвѣчающее потребностямъ финляндскаго народа, какъ совершенное выраженіе его воли. Никакой критики „основного закона“, никакого желанія раздвинуть рамки компетенціи Сейма! Съ благодушной увѣренностью, что время жестокихъ схватокъ съ русскимъ правительствомъ безвозвратно миновало для Финляндіи, что миръ заключенъ на самыхъ благопріятныхъ для финляндцевъ условіяхъ, собирались буржуазныя партіи приступить къ мирно-законодательной дѣятельности.

Изо всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ періодъ избирательной кампаніи, пар-

тій, одна соціалъ-демократія находилась въ фактической оппозиціи къ навязанной народу несовершенной конституціи. Она одна, среди хора ликующихъ голосовъ, осмѣливалась громогласно заявлять о своемъ неудовольствіи слишкомъ недостаточной политической реформой и отказывалась покорно склонить голову передъ Сеймовымъ Уставомъ, признававшимъ верховенство русскихъ имперскихъ властей. Настойчиво твердила она своимъ соотечественникамъ о неразрывной связи, существующей между освободительнымъ движеніемъ въ Финляндіи и въ Россіи, объ эфемерности добытыхъ правъ и свободъ при торжествѣ „стараго режима" по ту сторону границы... Въ то время, какъ остальныя партіи довѣрчиво разбрелись по своимъ угламъ, соціалъ-демократія продолжала оставаться на боевомъ посту, зорко всматриваясь въ свинцовыя тучи, скоплявшіяся на русской границѣ...

Настроеніе соціалъ-демократіи отравляло атмосферу благодушнаго отдохновенія буржуазіи. „Политическая безтактность революціонной шайки" раздражала господствующіе классы и помимо воли заставляла ихъ раскрывать свои карты: „конституціонный" Сенатъ нагайками усмирялъ голодныхъ стачечниковъ—торпарей въ Лаукка, „Hifvustadsbladet"—этотъ типичный выразитель истинныхъ вожделѣній буржуазіи — договорился до необходимости строгихъ законовъ, ставящихъ границу „дѣйствіямъ" и „рѣчамъ", угрожающимъ общественной безопасности. Въ воздухѣ пахло закономъ противъ соціалистовъ.

Но такое поведеніе буржуазіи лишь срывало съ нея послѣдній благожелательный флеръ. Въ какія бы демократическія тоги ни драпировались шведоманы и суометаріанцы, классовая позиція обязывала ихъ съ великой осмотрительностью посягать на основныя политическія установленія страны и лишь съ осторожностью заносить руку надъ существующими экономическими отношеніями. Тщетно бросали буржуазныя партіи направо и налѣво свои широковѣщательныя обѣщанія, тщетно кивали онѣ въ сторону предстоящаго Сейма съ его реформаторской законодательной работой,—массы, изнывавшія подъ ярмомъ капитализма и земельной монополіи, искали опоры въ политической организаціи, враждебной интересамъ „господъ". Вся та часть населенія, которая ждала и требовала коренныхъ реформъ въ области экономическихъ отношеній, всѣ тѣ демократическіе элементы, которые оказались обманутыми новыми недемократичными установленіями 7/20 іюля, находили откликъ на свои запросы лишь въ стремленіяхъ рабочей партіи. Соціалъ-демократія безбоязненно выставляла на своемъ знамени не однѣ экономическія реформы, а рѣшительно посягала на священные для буржуазіи устои новой конституціи. Въ предвыборный періодъ, да и потомъ въ Сеймѣ, партія финляндскаго пролетаріата является единственной искренне-оппозиціонной партіей.

Оппозиціоннымъ элементамъ финляндскаго населенія и послѣдовательнымъ демократамъ не было иного выхода, какъ подать свой голосъ за

ту единственную партію, которая продолжала требовать: всѣ права— финляндскому народу, всю власть—его народнымъ представителямъ! И подобно тому, какъ въ Россіи соціалъ-демократія получила немало депутатскихъ мѣстъ не потому, что она является выразительницей интересовъ именно пролетаріата, а потому, что послѣдовательнѣе и тверже другихъ партій отстаиваетъ демократическіе принципы, финляндскіе соціалисты своей побѣдой въ значительной мѣрѣ обязаны отсутствію въ странѣ другой строго-демократической партіи, которая, подобно соціалъ-демократіи, готова была бы добиваться полной демократизаціи политическаго строя страны.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ подходятъ къ столь важному для всей послѣдующей жизни Финляндіи вопросу, какъ вопросъ о новыхъ конституціонныхъ установленіяхъ, главнѣйшія буржуазныя партіи Великаго Княжества?

О *„шведской народной" партіи*, этой представительницѣ крупно-капиталистической и родовой аристократіи, говорить не приходится: творцами новаго „основного закона" явились по преимуществу шведоманы. Естественно, что новая конституція составлена вполнѣ во вкусѣ партіи и отвѣчаетъ, какъ нельзя болѣе, ея классовымъ вожделѣніямъ. Тѣмъ не менѣе, желаніе уловить въ свои сѣти и болѣе демократическіе элементы шведскаго населенія и создать изъ нихъ базу для своего національнаго господства принудило шведомановъ на первой же страницѣ своей избирательной платформы въ довольно туманныхъ выраженіяхъ не только заявить себя партіей „конституціонной", стоявшей прежде и обѣщающей и впредь стоять за „основныя права финляндскаго народа", но и выставить своей ближайшей задачей дальнѣйшее „расширеніе законодательныхъ и бюджетныхъ полномочій народныхъ представителей". Каковы границы этого „расширенія"—касается ли оно взаимоотношеній между исполнительной и законодательной властью, имѣетъ ли оно въ виду сокращеніе верховныхъ имперскихъ прерогативъ и, наконецъ, допускаетъ ли вообще какое-либо расширеніе компетенціи Сейма при установленномъ „основномъ законѣ",—на это осторожная программа шведомановъ отвѣта не даетъ. Избирателю предоставлялось вкладывать въ общія, расплывчатыя обѣщанія шведской народной партіи тотъ смыслъ, какой подсказывалъ ему собственный интересъ.

Нѣсколько меньшую осмотрительность проявили *суометаріанцы* при выработкѣ своей избирательной платформы. Суометаріанцы называютъ себя партіей „демократической" по преимуществу. Въ самомъ дѣлѣ, ядро этой партіи заполняютъ крестьяне-собственники, средніе „хозяйственные мужички" и мелкая и средняя городская буржуазія, положившая свою несомнѣнную печать на весь обликъ суометаріанской политической организаціи. Но именно потому, что это партія мелко и средне-буржуазная, что классовые запросы ея носятъ по преимуществу узко-экономическій

характеръ и намѣчающіяся ею реформы умѣщаются въ рамкахъ современныхъ конституціонныхъ нормъ, партія эта съ поразительнымъ равнодушіемъ обходитъ всѣ подводные камни ясно-выраженныхъ политическихъ требованій. Въ первомъ своемъ пунктѣ избирательная платформа суометаріанцевъ, не подвергая новаго конституціоннаго закона общей критикѣ, намѣчаетъ лишь рядъ законодательныхъ мѣръ, касающихся обще-государственныхъ и народныхъ нуждъ, которыя могутъ быть проведены черезъ современный Сеймъ, не превышая „дарованныхъ" ему полномочій.

„Аграрный союзъ" обходитъ политическія требованія полнымъ молчаніемъ.

Партія *младо-финновъ*, интеллигентская по преимуществу, вѣрная традиціямъ политическаго либерализма, считаетъ долгомъ выяснить свое отношеніе къ новому Сеймому Уставу и формулировать рядъ политическихъ пожеланій. Заявляя себя сторонницей „строгаго конституціонализма, младофинская партія пробуетъ стать въ „опозицію" и требуетъ въ своей избирательной платформѣ „возстановленія" конституціонныхъ правъ и полномочій, грозя не успокоиться до тѣхъ поръ, пока „законность" не восторжествуетъ въ странѣ и самая конституція не будетъ выработана во всѣхъ ея частностяхъ. Распространеніе правъ инниціативы въ вопросѣ пересмотра основного закона и на народныхъ представителей, установленіе отвѣтственности исполнительной власти (сенаторовъ и статсъ-секретаря), расширеніе бюджетнаго права, отдѣленіе судебной власти отъ административной—таковы основныя политическія требованія младо-финновъ. Но, несмотря на кажущійся радикализмъ этихъ требованій, послѣдовательная демократія не находила въ нихъ полнаго отвѣта на свои политическіе запросы. Мирно-реформаторская тактика, робкая защита выдвигаемыхъ избирательной платформой политическихъ принциповъ не внушали демократическимъ элементамъ особаго довѣрія. Къ тому же вся экономическая часть программы младо-финновъ находилась въ бьющемъ въ глаза несоотвѣтствіи съ ихъ политическимъ радикализмомъ и невольно наводила на мысль, что политическій демократизмъ партіи не вытекаетъ изъ ея экономическихъ требованій, а является лишь парадной мантіей, скрашивающей ея соціальное убожество. Если младо-финны по своимъ требованіямъ и становились въ ряды оппозиціи, то по своему общему настроенію, по своимъ тактическимъ пріемамъ и по своему отношенію къ „низамъ" они продолжали все же тѣсно примыкать къ остальнымъ буржуазнымъ партіямъ.

Совершенно иначе обстояло дѣло съ *соціалъ-демократіей*. Твердыми и увѣренными шагами шла она по своей прямой дорогѣ; политическія ея требованія непосредственно и логично вытекали изъ сущности ея экономическихъ предпосылокъ; въ ея программѣ не было ни противорѣчій, ни двусмысленныхъ недомолвокъ. Вступая въ избирательную борьбу, она

прежде всего заявила, что не намѣрена мириться съ конституціей, дающей народу лишь призрачныя права. Власть должна фактически перейти къ избранникамъ народа.

Право утверждать или отклонять законы не должно быть исключительной прерогативой верховной власти; въ случаяхъ же разногласія между этой послѣдней и народнымъ представительствомъ сложный вопросъ долженъ для вторичнаго разсмотрѣнія передаваться во вновь избираемый Сеймъ или рѣшаться путемъ народнаго референдума. Инціатива пересмотра „основныхъ законовъ“ должна, совмѣстно съ верховной властью, принадлежать народному представительству; распространеніе компетенціи народнаго представительства, на равныхъ съ другими областями законодательства, основаніяхъ, области такъ называемаго „экономическаго законодательства“, подлежащаго, и по новой конституціи, единоличному усмотрѣнію верховной власти. Ея прерогативы въ дѣлахъ внутренняго управленія края должны быть по возможности сужены и точно опредѣлены; всѣ же функціи исполнительной власти переданы въ руки административныхъ чиновъ, пользующихся довѣріемъ народныхъ представителей и независящихъ отъ имперскаго правительства.

Всякое исходящее отъ верховной власти рѣшеніе и постановленіе только тогда имѣетъ законную силу, когда оно скрѣплено подписью облеченнаго довѣріемъ народа и отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ административнаго лица. Исполнительная власть должна нести передъ лицомъ Сейма отвѣтственность не только за формальное нарушеніе закона, но и за дѣйствія, явно вредныя народному благу.

При этомъ высшіе административные чины должны отвѣчать какъ за свои единоличные поступки, такъ и за дѣйствія всего административнаго коллектива въ совокупности. Право интерпелляціи и контроля слѣдуетъ предоставить всѣмъ безъ изъятія депутатамъ Сейма. Разумѣется, въ избирательную платформу соціалъ-демократіи включено также требованіе расширенія бюджетныхъ правъ Сейма, подчиненія его контролю и санкціи различныхъ, не подвѣдомственныхъ ему сейчасъ, статей государственныхъ доходовъ и расходовъ (поступленій таможенныхъ сборовъ, доходы съ государственныхъ предпріятій и т. д.). Наряду съ этимъ предложено подчинить все финансовое хозяйство новымъ строгимъ правиламъ, возложивъ на народныхъ представителей опредѣленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ размѣра государственнаго займа, утвержденіе предмета его примѣненія и ежегодное постатейное разсмотрѣніе государственной росписи. При этомъ чины администраціи должны нести отвѣтственность за точность выполненія утвержденнаго бюджета и цѣлесообразность расходованія казенныхъ суммъ.

Что касается системы представительства, то и въ этомъ случаѣ соціалъ-демократы остались вѣрны своимъ демократическимъ традиціямъ, вклю-

чивъ требованія пониженія предѣльнаго избирательнаго возраста до 21 года. Одновременно рабочая партія высказывалась и за измѣненіе § 66, устанавливающаго закрытое голосованіе въ Сеймѣ, требуя открытой баллотировки при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

Выдержанная политическая программа рабочей партіи съ ея систематично-намѣченными и точно-формулированными задачами не могла не выдѣлять ее въ глазахъ сознательныхъ демократовъ самымъ выгоднымъ образомъ отъ блѣдной и какъ бы останавливающейся на полпути платформы младо-финновъ, требующей, съ одной стороны, расширенія полномочій Сейма и установленія отвѣтственности администраціи, съ другой—какъ бы боящейся открыто признать тѣ послѣдствія, которыя эти требованія влекутъ за собою въ области взаимоотношеній между народнымъ представительствомъ и верховной властью.

Во все время избирательной кампаніи рабочая партія шла въ своихъ политическихъ требованіяхъ впереди всѣхъ остальныхъ политическихъ организацій, и этого одного было уже достаточно, чтобы обезпечить ей успѣхъ на выборахъ. Но соціалъ-демократія является вѣдь не только проповѣдницей послѣдовательнаго демократизма въ политикѣ; какъ партія истинно-пролетарская, она въ выставляемыхъ ею принципахъ отражаетъ одновременно и многообразныя экономическія нужды пролетарскаго населенія. Не только городской, но и сельскій пролетарій видитъ въ ней естественную выразительницу своихъ потребностей, единственную нелицемѣрную защитницу своихъ интересовъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло большое вліяніе на исходъ выборовъ: сельскій пролетаріатъ—эти сотни тысячъ безземельныхъ избирателей—держалъ, можно сказать, въ своихъ рукахъ рѣшеніе вопроса побѣды или пораженія.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что аграрныя отношенія въ Финляндіи едва ли не сложнѣе, чѣмъ въ Россіи; аграрный вопросъ наболѣлъ здѣсь не меньше, чѣмъ у насъ. Громадное по своей численности (свыше 850 тыс.) и притомъ непрерывно возрастающее безземельное населеніе (въ 1815 г. безземельныхъ насчитывалось 14%, въ 1890 г. ихъ было уже 42%; мѣстами процентъ этотъ значительно выше), живущее случайными заработками, ютящееся по чужимъ избамъ, обрабатывающее на самыхъ кабальныхъ условіяхъ землю у господъ помѣщиковъ и крестьянъ-собственниковъ, это—крупнѣйшая язва соціально-экономической жизни Финляндіи. Что предпринять, какъ избавиться отъ этой чудовищной арміи недовольныхъ и голодныхъ, отъ этого непрерывнаго накопленія рабочихъ рукъ, непроизводительно пропадающихъ для общества,—этотъ вопросъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій неотступно стоялъ передъ финляндскимъ правительствомъ, обществомъ, передъ каждой политической организаціей. Въ свое время русское правительство легковѣсными обѣщаніями и отно-

сительно скромными денежными подачками пробовало было купить сердца сельскихъ пролетаріевъ Финляндіи, но, наткнувшись на ихъ созрѣвшее политическое самосознаніе и гражданскую выдержку, быстро отказалось отъ попытки однимъ взмахомъ облагодѣтельствовать весь милліонный земельный пролетаріатъ безъ ущерба для священнаго права частной собственности буржуазіи.

Въ періодъ предвыборной кампаніи мѣропріятія, связанныя съ *аграрнымъ вопросомъ*, занимали умы едва ли не въ большей степени, чѣмъ всѣ остальные экономическіе вопросы, поставленные жизнью на очередь. Каждая партія ясно сознавала, что отъ удачной постановки аграрныхъ требованій непосредственно зависитъ успѣхъ всей ея пропаганды. Поэтому и суометаріанцы, и „аграрный союзъ", и шведская-народная партія, и младо-финны удѣляютъ аграрному вопросу особенное вниманіе въ своихъ избирательныхъ платформахъ.

Особенно старательно подчеркивали *суометаріанцы* свою попечительную заботливость о безземельномъ крестьянствѣ; не даромъ заявляли они себя защитниками и выразителями требованій „крестьянства". А вѣдь было время—и оно не за горами,—когда суометаріанцы, тогда старофинны, засѣдавшіе въ сенатѣ и державшіе въ своихъ рукахъ бразды правленія государства, съ нескрываемой враждой относились къ „вреднымъ утопическимъ затѣямъ" соціалъ-демократіи, доказывавшей необходимость снабженія земельными надѣлами милліоннаго сельскаго пролетаріата Финляндіи. Сельскій пролетаріатъ тогда еще молчалъ и покорно сносилъ свое земельное иго. Но съ тѣхъ поръ народное неудовольствіе успѣло шумными волнами пронестись по всей странѣ и гулко отозваться въ самыхъ отдаленныхъ ея уголкахъ. То тутъ, то тамъ стали вспыхивать стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Торпари — эти покорные и терпѣливые рабы землевладѣльцевъ—стали громко заявлять о своихъ нуждахъ и дошли до такой смѣлости, что собрались на собственный съѣздъ торпарей! Сельско-хозяйственные рабочіе начали спѣшно организоваться въ союзы и сочувственно поглядывать въ сторону неугомонной и вѣчно готовой „раздувать" классовую рознь соціалъ-демократіи. Насталъ моментъ, когда отмахиваться отъ аграрнаго вопроса не было больше никакой возможности. Вчера еще безправный, забитый, запуганный сельскій пролетаріатъ,—всѣ эти жалкіе бобыли, постояльцы, нахлѣбники, что вѣчно нуждались въ грошевомъ заработкѣ и покорно гнули спины даже передъ крестьяниномъ-собственникомъ, — вдругъ пріобрѣлъ значеніе и политическую силу: сотни тысячъ его голосовъ являлись рѣшающими въ избирательной битвѣ. Мудрено ли, что буржуазная суометаріанская партія стала теперь галантно на защиту интересовъ крестьянства и начала щедрой рукой разсыпать аграрныя реформы въ своихъ программныхъ предначертаніяхъ.

Конечно, въ программѣ своей суометаріанцы, какъ и подобаетъ партіи

земельныхъ собственниковъ, исходятъ изъ принципа надѣленія сельскаго пролетаріата землей на правахъ *частной собственности.* Правда, коммунальныя и казенныя земли предлагается раздавать новоселамъ по желанію — либо въ долгосрочную аренду, либо съ правомъ выкупа въ собственность, но тѣмъ не менѣе основной принципъ буржуазнаго міровоззрѣнія — выкупъ въ полную собственность — находитъ въ представителяхъ партіи все же большую поддержку. Необходимый для снабженія сельскаго пролетаріата надѣлами земельный фондъ предположено образовывать изъ земель казенныхъ, коммунальныхъ, церковныхъ, а также крупныхъ частновладѣльческихъ, отчуждаемыхъ „по низкой оцѣнкѣ". Раздача земли новоселамъ должна производиться либо непосредственно казной или коммуной, либо черезъ посредство особыхъ земельныхъ товариществъ, имѣющихъ цѣлью совмѣстную покупку и обработку земли. Подобныя товарищества получаютъ отъ казны матеріальную поддержку на хозяйственное обзаведеніе и на удовлетвореніе различныхъ хозяйственныхъ потребностей, но зато государство сохраняетъ за собою право контроля надъ хозяйствомъ новоселовъ до полнаго погашенія товариществомъ его выкупныхъ платежей [1]).

Таковы основныя директивы, указанныя въ программѣ суометаріанцевъ для рѣшенія вопроса о безземельныхъ.

Не напоминаетъ ли позиція, занятая въ аграрномъ вопросѣ суометаріанцами, отношенія къ этому существенному пункту со стороны нашей кадетской партіи? Несмотря на то, что соціальные элементы, входящіе въ составъ суометаріанской партіи, въ значительно большей мѣрѣ приближаются къ мелкой буржуазіи, что они по духу своему несравненно демократичнѣе, чѣмъ наши буржуазные либералы, все дальше и дальше отходящіе отъ крестьянства и мелкобуржуазной демократіи, суометаріанцы въ въ этомъ кардинальномъ вопросѣ не сумѣли отрѣшиться отъ узко-классовой точки зрѣнія и, при всей внѣшней благожелательности въ отношеніи сельскаго пролетаріата, попытались одновременно и низамъ подачку бросить, и свои интересы соблюсти.

Характерно отношеніе суометаріанцевъ къ основному требованію соціалъ-демократіи въ аграрномъ вопросѣ: рабочая партія высказывается за принудительную обработку всей невоздѣланной еще земли, сколько-нибудь

---

[1]) Суометаріанцы подробно излагаютъ тѣ условія, на которыхъ земля должна быть передаваема въ пользованіе и владѣніе товариществъ: лѣса не дѣлятся на участки, а по возможности должны быть эксплоатируемы сообща, причемъ товариществамъ вмѣняется въ обязанность веденіе раціональнаго лѣсного хозяйства; членомъ товарищества можетъ быть только тотъ, кто самъ обрабатываетъ свой надѣлъ; одно и то же лицо для права одновременнаго пользованія двумя надѣлами должно имѣть особое разрѣшеніе, выдаваемое въ исключительныхъ случаяхъ; только послѣ выплаты большей части стоимости участка данный надѣлъ можетъ перейти въ другія руки и т. п.

способной къ культурѣ. Суометаріанцы признаютъ это требованіе совершенно вздорнымъ. Между тѣмъ, чтобы представить себѣ, какое огромное значеніе имѣло бы осуществленіе этого принципа для всей сельско-хозяйственной жизни Финляндіи, достаточно вспомнить, что подъ лѣсомъ находится 57,4%, подъ пашнями 5%, подъ лугами 3% всѣхъ земель страны, неиспользованныхъ же земель насчитывается 34,6%. Правда, большая часть невоздѣланной почвы находится на далекомъ сѣверѣ и чисто-климатическія условія мѣшаютъ ея обработкѣ. Правда и то, что пространства, покрытыя лѣсомъ, не могутъ быть цѣликомъ обращены въ пашни, такъ какъ являются единственнымъ крупнымъ природнымъ богатствомъ страны. Тѣмъ не менѣе, при раціональномъ использованіи лѣсныхъ угодій, при расчисткѣ громадныхъ пространствъ мелкорослыхъ зарослей, при осушеніи болотъ и торфяниковъ, наконецъ, при спускѣ озеръ (послѣднее уже и практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ) образовался бы значительный земельный фондъ, имѣющій большую цѣнность въ смыслѣ увеличенія площади культурныхъ угодій. Конечно, аграрный вопросъ не будетъ и не можетъ быть рѣшенъ окончательно примѣненіемъ этой единственной мѣры, однако, такое мѣропріятіе являлось бы все же значительнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ снабженія землей милліоннаго сельскаго пролетаріата Финляндіи.

Переходя къ аграрнымъ предначертаніямъ „*шведской народной партіи*“, отмѣтимъ прежде всего, что она вообще ищетъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ широкой организаціи государственнаго кредита какъ въ цѣляхъ облегченія покупки земли безземельными, такъ и для поддержки мелкихъ хозяевъ. Само собою разумѣется, что и шведская партія стоитъ за выкупъ новоселами земельныхъ участковъ въ полную ихъ собственность. Какимъ способомъ можетъ быть образованъ земельный фондъ для удовлетворенія потребностей сельскаго пролетаріата, — этого программа шведомановъ не указываетъ; по всей вѣроятности, предполагается, что, какъ только казна откроетъ широкій кредитъ безземельному населенію, господа помѣщики охотно приступятъ къ распродажѣ наименѣе пригодныхъ участковъ своихъ помѣстій по „приличной оцѣнкѣ“. Такимъ образомъ въ выигрышѣ останутся обѣ стороны: помѣщики съ выгодой для себя сбудутъ малопригодныя земли, сельскій же пролетаріатъ получитъ свои желанные „клочочки“ земли. Правда, на казну ляжетъ тогда новая тягота— добываніе капиталовъ для грандіозныхъ кредитныхъ операцій, но это уже забота государства, а не партіи...

Буржуазныя партіи, цѣпляясь дружно за принципъ частной собственности, вообще обѣщаютъ разрѣшить аграрный вопросъ при помощи выкупныхъ операцій и соціалъ-демократіи приходится вновь настойчиво напоминать, что вся сложная кредитная система, помощью которой удалось бы обратить казенныя, коммунальныя и частновладѣльческія помѣстія въ

собственность сельскаго пролетаріата, въ концѣ концовъ послужили бы лишь новымъ способомъ обогащенія буржуазіи.

Совершенно иначе обстояло бы дѣло, если бы аграрный вопросъ въ Финляндіи удалось разрѣшить по схемѣ, предлагаемой соціалъ-демократами. Въ основу своихъ требованій соціалъ-демократія ставитъ, съ одной стороны, конфискацію церковныхъ и крупно-владѣльческихъ помѣстій съ передачею ихъ въ руки коммунальныхъ самоуправленій, съ другой — принятіе принципа *обязательной обработки* невоздѣланныхъ земельныхъ угодій [1]). Земельный фондъ, имѣющій образоваться изъ конфискованныхъ церковныхъ, частновладѣльческихъ помѣстій и земель, принадлежащихъ казнѣ и коммунамъ, подлежитъ раздачѣ безземельному населенію черезъ коммунальныя самоуправленія на особыхъ арендныхъ условіяхъ. Новоселы будутъ обладать правомъ пользованія, но не владѣнія землею. Недостающій затѣмъ земельный фондъ составятъ невоздѣланные казенные, коммунальные и частно-владѣльческіе участки земли, подлежащіе раздачѣ безземельнымъ на особо-облегченныхъ арендныхъ началахъ. Выступая противъ принципа земельной монополіи и высказываясь за постепенное сосредоточеніе земли въ рукахъ частью коммунальныхъ самоуправленій, частью государства, соціалъ-демократія ставитъ казнѣ категорическое требованіе, чтобы ея земельное имущество не могло переходить ни въ чью частную собственность. На коммуны возлагается обязанность съ помощью казенныхъ субсидій постоянно расширять свои земельныя владѣнія и, такимъ образомъ, постепенно сокращать монополію частной собственности на землю.

Въ тѣсной связи съ требованіемъ принудительной обработки земли при помощи раздачи невоздѣланныхъ участковъ новоселамъ на арендныхъ началахъ находится вопросъ о пересмотрѣ всего аренднаго уложенія въ Финляндіи. Существующее сейчасъ законодательство, регулирующее арендныя отношенія по преимуществу землевладѣльца и торпаря, носитъ совершенно архаическій характеръ и пестритъ пережитками далекаго феодальнаго прошлаго; цѣлый рядъ пунктовъ устанавливаетъ не только экономическую, но и личную зависимость арендатора-торпаря отъ хозяина-

---

[1]) Принудительная обработка некультивированной еще земли могла бы быть осуществлена, по предложенію соціалъ-демократовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: всѣ необработанныя земли, пригодныя для культуры и находящіяся во владѣніи частныхъ собственниковъ, казны или коммунъ, отдаются для обработки новоселамъ, если сами владѣльцы этихъ участковъ не берутся воздѣлать эти земли. Участокъ каждаго новосела не долженъ по своимъ размѣрамъ превышать 25 гектаровъ. Для осуществленія различнаго рода техническихъ работъ (осушки торфяниковъ и болотъ, выкорчевыванія пней изъ новинъ и т. д.), а также для производства необходимыхъ хозяйственныхъ затратъ государство обязано выдавать новоселамъ субсидіи. Арендныя отношенія новоселовъ и собственниковъ устанавливаются особымъ закономъ.

землевладѣльца и отдаетъ перваго въ полную власть хозяйскаго произвола [1]).

Еще весною 1905 года, на первомъ съѣздѣ торпарей, примкнувшихъ къ социалъ-демократической партіи, выработанъ былъ проектъ основныхъ началъ новаго арендного уложенія, и эти начала цѣликомъ вошли въ требованія, провозглашенныя соціалъ-демократіей по вопросу о реформѣ арендного закона во время избирательной кампаніи. Характерно, однако, что и буржуазныя партіи заимствовали основныя арендныя требованія изъ программы торпарей. Буржуазія поспѣшила даже перенести центръ аграрнаго вопроса съ проблемъ о земельномъ фондѣ и реформѣ земельныхъ отношеній вообще на вопросъ о пересмотрѣ положенія торпарей. Дѣлая уступку торпарямъ, провозглашая относительно пріемлемыя основы новыхъ арендныхъ условій, буржуазныя партіи разсчитывали положить предѣлъ наиболѣе вопіющимъ злоупотребленіямъ въ области земельныхъ отношеній и, такимъ образомъ, обезоружить самый недовольный и въ тоже время самый сознательный сейчасъ слой сельскаго пролетаріата Финляндіи—торпарей. Съ тою цѣлью суометаріанцы—эти истинные выразители интересовъ всего сельскаго населенія Финляндіи—занялись детальной разработкой новаго арендного уложенія. Количество пунктовъ и мелочное опредѣленіе различныхъ частностей въ условіяхъ арендныхъ отношеній должны были служить лучшимъ показателемъ той заботливости, съ какой суометеріанская программа отнеслась къ нуждамъ земельнаго пролетаріата. Но хотя, какъ мы уже указывали, въ основу требованій, включенныхъ въ суометаріанскую избирательную платформу, и легли пункты, выдвинутые самими торпарями, классовая позиція суометаріанцевъ заставила ихъ не разъ—и притомъ въ весьма существенныхъ вопросахъ—сойти съ намѣченной линіи и обнаруживать дѣйствительную заботливость не столько о нуждахъ арендаторовъ, сколько объ интересахъ хозяина.

Наиболѣе существеннымъ отличіемъ новыхъ арендныхъ началъ, выдвигаемыхъ обѣими партіями—партіей пролетаріата и партіей мелкой буржуазіи—является вопросъ о регулировкѣ рабочаго времени арендатора при уплатѣ аренды отработками на хозяина. По программѣ суометаріанцевъ,

[1]) Напр:, торпарь обязанъ обрабатывать землю по системѣ, указываемой хозяиномъ; торпарь не смѣетъ пускать къ себѣ жильцовъ безъ позволенія собственника; торпарь можетъ быть согнанъ съ земли до истеченія договореннаго срока за грубость, нерадивость и т. п. Соціалъ-демократы потребовали уничтоженія всѣхъ этихъ оскорбительныхъ для арендатора, какъ личности и гражданина, постановленій, ставящихъ сельскаго пролетарія почти въ крѣпостную зависимость отъ хозяина. Упорная агитація соціалъ-демократіи и проснувшееся самосознаніе самихъ торпарей, твердо настаивавшихъ на измѣненіи указанныхъ параграфовъ арендного уложенія, заставили и суометаріанцевъ включить эти требованія въ свою программу.

рабочій день арендатора не ограниченъ никакой нормой и опредѣляется исключительно „свободнымъ договоромъ“ обѣихъ сторонъ. Соціалъ-демократія же требуетъ установленія, какъ максимума, 10 час. рабочаго дня—въ лѣтнее и 7 час. рабочаго дня—въ зимнее время для всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, при томъ еще условіи, что число отработныхъ дней лѣтняго періода ни въ какомъ случаѣ не должно превосходить числа такихъ же дней зимою [1]). Далѣе, соціалъ-демократы требуютъ полнаго запрещенія ночныхъ отработковъ и опредѣленія при помощи мѣстнаго выборнаго арендкаго представительства [2]) максимальнаго числа отработныхъ дней въ году. Суометаріанцы въ этомъ отношеніи считаютъ достаточнымъ, если въ законѣ будетъ сказано, что „число отработныхъ дней на землевладѣльца не должно быть черезчуръ ощутительнымъ для арендаторскаго хозяйства“, и обходятъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о ночномъ трудѣ. Относительно арендной платы требованія обѣихъ партій совпадаютъ: плата должна производиться деньгами [3]). Однако, соціалъ-демократія, исходя изъ интересовъ торпаря, заботливо нормируетъ этотъ пунктъ допущеніями, выгодными для арендатора, а именно—предоставляетъ ему самому опредѣлять въ началѣ каждаго года способъ расплаты (деньгами, натурою или отработками), устанавливаетъ заранѣе высоту поденной платы при расплатѣ отработками [4]), опредѣляетъ точное число рабочихъ дней въ году и т. д. Суометаріанцы же лишь великодушно требуютъ, чтобы при расплатѣ натурою количество продуктовъ, отдаваемыхъ въ видѣ арендной платы, измѣнялось соотвѣтственно съ ежегоднымъ колебаніемъ ихъ цѣнъ. Наименьшій срокъ арендкаго договора принимается 50-ти лѣтнимъ; но въ то время, какъ соціалъ-демократы требуютъ, чтобы отъ возобновленія контракта могъ отказаться только арендаторъ, по программѣ суометаріанцевъ этимъ правомъ пользуются обѣ стороны. Соціалъ-демократы выставляютъ еще цѣлый рядъ основаній для новаго арендкаго уложенія (обязательство со стороны землевладѣльца снабдить арендатора достаточнымъ количествомъ топлива, строительнымъ матеріаломъ, пастбищами, запрещеніе переводить торпаря на другой участокъ до истеченія срока арендкаго договора, уничтоженіе монополіи землевладѣльца на право охоты, ловли рыбы и раковъ, собираніе грибовъ, ягодъ и т. д.); безъ осуществленія этихъ требованій арен-

[1]) Если жилище торпаря находится на разстояніи болѣе трехъ километровъ отъ мѣста работы, то на прохожденіе каждаго километра полагается 10 минутъ; время, потраченное въ пути, входитъ въ число рабочаго времени, установленнаго закономъ.

[2]) См. ниже.

[3]) До сихъ поръ отработки являлись наиболѣе распространеннымъ способомъ расплаты.

[4]) Замѣтимъ кстати, что соціалъ-демократы требуютъ, чтобы выплата платы при сельско-хозяйственныхъ работахъ была одинакова для мужчинъ и женщинъ.

даторъ фактически останется въ прежней подневольной зависимости отъ хозяина. Само собою разумѣется, что суометаріанцы открещиваются отъ подобныхъ требованій, непосредственно задѣвающихъ ихъ интерсы, какъ представителей частной собственности. Надзоръ за исполненіемъ предписаній новаго арендваго закона, разборъ недоразумѣній между сторонами, рѣшеніе вопросовъ, возбуждающихъ сомнѣніе и т. д. возлагается, по программѣ обѣихъ партій, на мѣстное арендное представительство, избираемое въ одинаковомъ числѣ обѣими заинтересованными сторонами—собственниками и арендаторами. По программѣ суометаріанцевъ, предсѣдатель избирается изъ среды самого арендваго представительства; по требованію соціалъ-демократіи предсѣдатель долженъ быть лицомъ незаинтересованнымъ и долженъ выбираться обще-коммунальнымъ голосованіемъ. Кромѣ того, соціалъ-демократы требуютъ учрежденія особой выборной должности инспектора по арендвымъ дѣламъ, который, объѣзжая свои округи, подобно фабричному инспектору, наблюдалъ бы за соблюденіемъ предписаній аренднаго уложенія.

Если аграрная программа суометаріанцевъ не отвѣчаетъ назрѣвшимъ экономическимъ потребностямъ земельнаго пролетаріата, если въ ней ощущается невольный классовый „привкусъ“, то еще болѣе неудовлетворительными должны казаться аграрныя требованія избирательной платформы *младо-финновъ*.

Радикалы въ политикѣ, младо-финны въ области соціально-экономическихъ отношеній не могли не проявить своей буржуазной сущности. Аграрныя требованія избирательной платформы младо-финновъ отличаются скромностью и умѣренностью: признавая необходимымъ разрѣшеніе назрѣвшаго вопроса о безземельныхъ (объ участи которыхъ младо-финны, къ чести ихъ будь сказано, хлопотали еще тогда, когда остальныя партіи чурались этого больного вопроса), партія находитъ, однако, что для снабженія земельными надѣлами сельскаго пролетаріата достаточно было бы воспользоваться землями казенными, коммунальными и церковными, не трогая частно-владѣльческихъ помѣстій. Пустующія коммунальныя и казенныя земли программа младо-финновъ предлагаетъ раздать безземельнымъ; однако, объ основаніяхъ, на которыхъ эти земли переходятъ въ пользованіе сельскаго пролетаріата, она предпочитаетъ умолчать. Признавая необходимымъ улучшеніе положенія всей той части населенія, которая занята обработкой земли на кабальныхъ условіяхъ, программа требуетъ, подобно соціалъ-демократической и соуметаріанской, пересмотра существующаго торпарнаго положенія въ цѣляхъ облегченія условій аренды, введенія принципа обязательнаго вознагражденія торпаря за затраченный на чужой землѣ трудъ и капиталъ и огражденія нѣкоторыхъ другихъ менѣе существенныхъ интересовъ безземельныхъ. Однако, главный способъ разрѣшенія аграрнаго вопроса младо-финны усматриваютъ въ томъ, чтобы поднять

всю сельско-хозяйственную культуру Финляндіи и всякими мѣрами со стороны государства и общества содѣйствовать развитію земледѣлія. Съ этой цѣлью младо-финны предлагаютъ широко распространить сельско-хозяйственное образованіе, сдѣлать его доступнымъ торпорямъ и мелкимъ хозяевамъ, усилить поддержку сельско-хозяйственныхъ обществъ и ассоціацій и т. п.; тогда, по мнѣнію партіи, многія темныя стороны аграрныхъ отношеній исчезнутъ сами собою.

Большія надежды, въ смыслѣ поднятія матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, возлагаютъ также на расширеніе самодѣятельности коммунъ. Младо-финны вообще большіе сторонники мѣстнаго самоуправленія, въ своей избирательной платформѣ они опредѣленнѣе всѣхъ остальныхъ буржуазныхъ партій высказываются за возможно большее развитіе коммунальной самодѣятельности, за расширеніе компетенціи коммуны въ вопросахъ мѣстнаго хозяйства, за передачу въ ея руки различныхъ отраслей экономической жизни общины, въ томъ числѣ и упорядоченіе мѣстныхъ аграрныхъ отношеній. Въ этомъ пунктѣ требованія младо-финновъ несомнѣнно близко соприкасаются съ требованіями соціалъ-демократіи. Такъ же, какъ и соціалъ-демократы, младо-финны желаютъ, чтобы коммуны заботились о доставленіи дешевыхъ жилищъ неосѣдлому сельскому населенію и всѣмъ тѣмъ промышленнымъ рабочимъ, которые заняты на разбросанныхъ по деревнямъ фабрикахъ и заводахъ; такъ же, какъ и соціалъ-демократы, младо-финны требуютъ, чтобы на коммуну возложено было содержаніе больницъ, пріютовъ, богодѣленъ и др. учрежденій общественнаго призрѣнія неимущихъ членовъ коммуны.

Крупный выигрышъ для сельскаго населенія младо-финны усматриваютъ въ *пониженіи* существующихъ земельныхъ налоговъ, полномъ уничтоженіи монтальныхъ сборовъ и замѣнѣ ихъ прогрессивнымъ поземельнымъ налогомъ. Многія земельныя повинности, ложащіяся сейчасъ на отдѣльныхъ хозяевъ, предлагается перенести на коммунальныя самоуправленія, что, впрочемъ, рекомендуется и программою суометаріанцевъ.

Если требованія младо-финновъ по аграрному вопросу отличаются умѣренностью и „благоразуміемъ", если ихъ обѣщанія безсильны были зажечь энтузіазмъ къ младофинской партіи въ сердцахъ сельскихъ пролетаріевъ, то еще менѣе заманчивой для послѣднихъ являлась платформа *„аграрнаго союза"*. Суометаріанцы, заигрывавшіе съ сельскимъ пролетаріатомъ, забрасывавшіе даже удочку и въ рабочую среду, являлись слишкомъ „расплывчатыми", слишкомъ „обще-либеральными" для опредѣленнаго классово-настроеннаго элемента собственническаго крестьянства. „Аграрный союзъ", образовавшійся главнымъ образомъ изъ представителей мелкаго землевладѣнія, поставилъ себѣ цѣлью защиту исключительно интересовъ мелкихъ собственниковъ, этой „истинной соли земли", этого оплота сельскаго хозяйства... Развѣ не они, мелкіе землевладѣльцы,

являются наиболѣе многочисленнымъ слоемъ финляндскихъ земельныхъ собственниковъ? Развѣ не имъ, при развивающемся ассоціаціонномъ движеніи въ сельскомъ хозяйствѣ, принадлежитъ будущее?

Для „аграрнаго союза" разрѣшеніе аграрнаго вопроса не представляетъ трудностей: всѣ существующія темныя стороны отпадутъ сами собою, если государство сумѣетъ выполнить свою главную задачу—поддержать мелкое землевладѣніе. Ссуды на сельско-хозяйственныя улучшенія, на организацію образцовыхъ полей, на интенсификацію полеводства, на улучшеніе породъ скота, вознагражденіе и преміи за расчистку зарослей, за осушку торфяниковъ и болотъ и т. п.—таковы ближайшія задачи государства. Рядомъ съ этимъ необходимо требовать пониженія процентовъ по ипотечнымъ долгамъ и широкаго развитія дѣятельности государства по земельно-ссуднымъ операціямъ. Поднятіе сельско-хозяйственнаго образованія также выдвигается „аграрнымъ союзомъ" въ качествѣ коренной мѣры, могущей самымъ благопріятнымъ образомъ отразиться на разрѣшеніи аграрнаго вопроса; этому содѣйствуетъ увеличеніе числа сельско-хозяйственныхъ школъ, устройство спеціальныхъ подвижныхъ курсовъ по земледѣлію и скотоводству, увеличеніе числа казенныхъ агрономовъ, инструкторовъ и т. п. Возлагая большія надежды на развитіе сельско-хозяйственныхъ ассоціацій мелкихъ собственниковъ, программа „аграрнаго союза" вмѣняетъ въ обязанность государству поддерживать всѣ начинанія такого рода.

Что касается вопроса объ улучшеніи участи безземельныхъ, то, хотя интересы сельскаго пролетаріата и не лежали близко къ сердцу составителей платформы „союза", тѣмъ не менѣе обойти молчаніемъ этотъ существенный пунктъ аграрныхъ отношеній оказалось невозможнымъ. Однако, гг. составители аграрной платформы „союза" сумѣли съ честью выйти изъ затруднительнаго для себя положенія. Казенныя земли образуютъ необходимый земельный фондъ; казна выдаетъ особыя ссуды для пріобрѣтенія участковъ земли черезъ посредство земледѣльческихъ ассоціацій; участки пріобрѣтаются новоселами въ частную собственность,—только лѣсъ не долженъ переходить во владѣніе отдѣльныхъ хозяевъ,—и обще-лѣсное хозяйство подвергается контролю коммунальнаго самоуправленія. Частно-владѣльческія земли остаются такимъ образомъ неприкосновенными, и принципъ частной собственности, близкій сердцу партіи, торжествуетъ.

Та же классовая точка зрѣнія сквозитъ въ программѣ „союза" и по вопросу о реформѣ арендныхъ отношеній. Арендный договоръ (что требуютъ и всѣ другія партіи) долженъ быть заключаемъ не на 50, а на 25 лѣтъ, арендная плата по соглашенію — отработками или деньгами. За торпаремъ сохраняется право передачи торпа (арендный участокъ) другому лицу до истеченія договорнаго срока, но въ такомъ случаѣ торпарь обязанъ уплатить хозяину извѣстную сумму. Арендатору отводится лѣсной участокъ, чтобы обезпечить его топливомъ и строительнымъ матеріаломъ, но,

если торпарь продаетъ дрова или иначе получаетъ доходъ съ лѣсного участка, часть доходовъ поступаетъ хозяину. Выкупъ торпа въ полную собственность долженъ быть обезпеченъ казенными ссудами.

Таковы требованія „аграрнаго союза“ въ дѣлѣ реформы арендныхъ отношеній. Уже изъ бѣглаго ихъ перечисленія ясно, чей интересъ—хозяина или торпаря—лежалъ ближе къ сердцу составителей платформы. Каждое требованіе программы „союза“ въ этой области свидѣтельствуетъ о той заботливости, съ какой партія, намѣчая новыя основы арендныхъ отношеній, старалась установить въ то же время условія, могущія обезпечить классовыя преимущества. Эта черта, впрочемъ, присуща не одному только „аграрному союзу“,—всѣ буржуазныя партіи, одной рукой разсыпая обѣщанія реформъ, другой цѣпко придерживаются прежнихъ установленій, естественно опасаясь, какъ бы намѣчающіяся нововведенія не подорвали въ корнѣ ихъ экономическихъ интересовъ и ихъ соціальнаго господства.

Лишь одна соціалъ-демократія, являясь партіей, непосредственно заинтересованной въ коренномъ рѣшеніи аграрнаго вопроса, можетъ въ программѣ своей до конца доводить свои требованія. Всегда готовое предложеніе свободныхъ рабочихъ рукъ милліоннаго сельскаго пролетаріата, находящихся въ непрерывныхъ поискахъ заработка, самымъ гнетущимъ образомъ отражается на экономическомъ благосостояніи промышленныхъ рабочихъ. Эта армія безработныхъ не даетъ повыситься заработной платѣ и понизиться рабочему дню даже въ тѣхъ случаяхъ, когда натискъ на капиталъ ведется со стороны прекрасно дисциплинированной и организованной массы; это она деморализуетъ арендатора и помѣщика, заставляя перваго соглашаться на кабальныя арендныя отношенія, это она способствуетъ вздутому разростанію капиталистическихъ предпріятій, основывающихъ свое благосостояніе на доведенной до истинно-голоднаго минимума оплатѣ рабочей силы... Бороться съ вліяніемъ этой слѣпой, пригнетенной и пассивной массы можно лишь однимъ средствомъ: рѣшительными мѣропріятіями измѣнить условія ея экономическаго существованія. И изъ всѣхъ избирательныхъ платформъ только платформа соціалъ-демократіи безстрашно дѣлала свои выводы, выставляя требованія, въ корнѣ сметающія остатки феодально-патріархальныхъ отношеній, сохранившихся понынѣ и усложненныхъ, ухудшенныхъ вліяніемъ капитализма. Можно ли удивляться послѣ этого, что безземельнаго избирателя потянуло къ этой наиболѣе близкой ему по духу и стремленіямъ партіи? Нельзя не отмѣтить, съ другой стороны, что энергичная организаціонная работа соціалъ-демократіи среди сельскаго пролетаріата значительно подняла за послѣдніе годы престижъ партіи и создала ей ту популярность, которая на выборахъ позволила соціалъ-демократическимъ кандидатамъ одержать верхъ надъ кандидатами партій „господъ“ всевозможныхъ оттѣнковъ.

Посмотримъ теперь, что обѣщали избирателямъ платформы различныхъ партій по другому существенному для экономической жизни страны вопросу, по вопросу рабочему.

Само собою разумѣется, что *„шведская народная партія“*—эта истинная выразительница интересовъ крупнаго капитала—не потрудилась даже включить въ свою программу требованій, охраняющихъ интересы рабочаго населенія. Партія эта обладала наивной увѣренностью, что ея великодушное обѣщаніе—„стоять всегда и всюду на стражѣ родного шведскаго языка“—заставитъ рѣшительно всѣ элементы шведскаго населенія сплотиться вокругъ ея знамени. Но чтобы окончательно купить сердца пролетаріевъ и обезпечить за собою избирателей изъ „низшихъ слоевъ“ населенія, партія включила и другой, весьма заманчивый пунктъ, въ которомъ обѣщала „дѣятельно работать для поднятія экономическаго благосостоянія шведскаго населенія, для пробужденія его политическаго самосознанія и для уничтоженія той пропасти, которая раздѣляетъ образованные классы отъ шведскихъ народныхъ элементовъ“ (пунктъ 4)... Можно ли обѣщать больше? И не заманчивая ли перспектива для „низовъ“—работать для уничтоженія „пропасти“ между классами, вмѣсто того, чтобы, по примѣру соціалъ-демократіи, только раздувать классовую рознь? Но если рабочіе не найдутъ для себя иныхъ обѣщаній въ программѣ шведской партіи, зато и не встрѣтятъ они въ ней лицемѣрныхъ и двусмысленныхъ пожеланій, заволакивающихъ внѣ-классовымъ туманомъ истинныя тенденціи буржуазныхъ партій. Шведоманы имѣютъ, по крайней мѣрѣ, мужество не надѣвать на себя маску надъ-классовой партіи: ихъ дѣйствительная физіономія сквозитъ въ каждой строчкѣ программы, въ каждой фразѣ ихъ періодическихъ органовъ.

Суометаріанцы въ этомъ вопросѣ оказались гораздо „предусмотрительнѣе“. Рабочій вопросъ не могъ не быть чуждъ партіи, желающей защищать интересы всѣхъ слоевъ, всѣхъ классовъ финскаго населенія. Въ своей программѣ суометаріанцы торжественно признали, что положеніе рабочихъ въ Финляндіи въ высшей степени неудовлетворительное, что условія ихъ существованія крайне тяжелы и что общество и государство обязаны придти имъ на помощь. Съ этою цѣлью суометаріанская программа намѣчаетъ рядъ мѣропріятій, долженствующихъ „облагодѣтельствовать“ пролетаріатъ и вразумить его, наконецъ, что истинные друзья его вовсе не соціалъ-демократы. Среди намѣчаемыхъ мѣропріятій суометаріанцы придаютъ важное значеніе участію представительства отъ рабочихъ въ администраціи предпріятій съ цѣлью регулированія внутреннихъ распорядковъ въ мастерскихъ, охраны гигіеническихъ условій работы и вообще для всесторонней защиты интересовъ даннаго предпріятія. Учрежденіе „бюро помѣщенія труда“, обществъ борьбы съ безработицей, получающихъ матеріальную поддержку отъ коммунъ или казны, и посредни-

ческихъ камеръ съ равнымъ числомъ представителей отъ хозяевъ и рабочихъ, образцовая постановка ремесленнаго образованія, какъ средства увеличить оплату ремесленнаго труда,—таковы требованія, долженствующія способствовать благоденствію рабочаго класса въ случаѣ торжества суометаріанцевъ. Не забываютъ суометаріанцы и жилищнаго вопроса, возлагая, вслѣдъ за соціалъ-демократами и младо-финнами, на коммунальное самоуправленіе не только въ городахъ, но и въ сельскихъ мѣстностяхъ, заботу о снабженіи малоимущаго населенія добропорядочными квартирами.

Но рядомъ съ перечисленными требованіями, понятными и пріемлемыми для рабочаго класса, слѣдуютъ пункты, срывающіе маску съ „истинныхъ" друзей пролетаріата. Признавая современныя условія труда въ промышленныхъ заведеніяхъ невыносимыми, программа суометаріанцевъ заявляетъ о необходимости сокращенія рабочаго времени и установленіи максимальнаго рабочаго дня для обоихъ половъ. Однако, каковъ долженъ быть этотъ максимумъ,—объ этомъ благоразумно умалчивается; если бы суометаріанцы въ самомъ дѣлѣ являлись защитниками интересовъ пролетаріата, они не могли бы такъ дипломатично обойти вопросъ, имѣющій въ жизни человѣка, продающаго свою рабочую силу, кардинальное значеніе. Тщетно стали бы мы также искать въ программѣ суометаріанцевъ указаній на необходимость спеціальнаго огражденія дѣтскаго и женскаго труда. Ни словомъ не обмолвились они и о ночной работѣ; забыли даже о воскресномъ отдыхѣ,—они, эти яростные защитники церкви и всѣхъ церковныхъ предписаній. Нелишнимъ будетъ также отмѣтить здѣсь, что, когда суометаріанцы говорятъ о законодательной защитѣ интересовъ рабочихъ, они имѣютъ въ виду лишь тѣхъ изъ нихъ, которые заняты въ промышленныхъ предпріятіяхъ; сельскохозяйственные же рабочіе, по мнѣнію суометаріанцевъ, не могутъ быть отнесены къ категоріи лицъ, имѣющихъ право на охрану государства, такъ какъ о нихъ въ достаточной мѣрѣ заботятся благожелательные хозяева-помѣщики, зажиточные мужички, пасторы и др. земельные собственники, ревностные члены суометаріанской партіи.

Нѣсколько смѣлѣе требованіе суометаріанцевъ по вопросу о страхованіи рабочихъ. Въ программѣ партіи провозглашается не только принципъ обязательнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, но и требуется распространеніе его на всѣ виды труда, включая въ этомъ случаѣ лѣсное и сельское хозяйство. Наряду съ существующимъ уже въ Финляндіи страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ, должно быть введено страхованіе отъ болѣзней, охватывающее всѣ типы предпріятій какъ частныхъ, такъ и государственныхъ и коммунальныхъ. Кассы на случай болѣзни должны пополняться и поддерживаться казенными субсидіями. Суометаріанцы высказываются также за примѣненіе страхованія на случай старости и инвалидности, причемъ предлагаютъ, чтобы эта форма страхованія охватывала

не только наемныхъ рабочихъ, но распространялась и на „мелкихъ хозяевъ". Основной капиталъ кассъ на случай старости и инвалидности долженъ образоваться изъ отчисленій со стороны предпринимателей и субсидій отъ казны. Такимъ образомъ, обязательное страхованіе, по программѣ суометаріанцевъ, не является государственнымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и сводится либо къ проявленію частной инціативы предпринимателей, лишь „поощряемой" государствомъ, либо къ самопомощи рабочихъ.

Несмотря на самыя благія намѣренія суометаріанцевъ—удовлетворить своей программой помѣщиковъ и торпарей, рабочихъ и предпринимателей,—основной духъ партійныхъ требованій не отвѣчалъ истиннымъ потребностямъ ни городского, ни сельскаго пролетаріата и заставлялъ и тотъ, и другой съ осторожностью относиться къ щедротамъ либеральной буржуазіи. Конечно, если одновременно не звучалъ бы голосъ соціалъ-демократіи, если бы она настойчиво не остерегала рабочій классъ отъ лицемѣрія буржуазіи, малосознательныя массы легче попадали бы въ сѣти, ловко раскидываемыя партіями „господъ". Но соціалъ-демократія не покладала рукъ и, развертывая свою собственную программу, показывала, что лишь въ ней интересы рабочаго класса могли найти свое истинное выраженіе.

Суометаріанская платформа, если не качествомъ, то количествомъ своихъ требованій по рабочему вопросу могла все же уловить нѣкоторыхъ менѣе сознательныхъ пролетаріевъ. *Младофинская партія* не потрудилась воспользоваться и этой приманкой—рабочая программа ея крайне скудна и слишкомъ неопредѣленна. Правда, партія признаетъ необходимымъ разработку спеціальнаго охранительнаго законодательства, берущаго подъ свою защиту женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Но каковы должны быть принципы, на которыхъ можетъ быть построено новое законодательство, программа не указываетъ. Точно также не опредѣлена продолжительность рабочаго дня, хотя принципъ установленія максимума рабочаго времени признается партіей; не указаны категоріи рабочихъ, подлежащихъ законодательной охранѣ и т. п. Пожеланія по рабочему вопросу выражены лишь въ самой общей и неопредѣленной формѣ. Между прочимъ, коммунамъ и государству предлагается заботиться о „лучшихъ условіяхъ труда" при коммунальныхъ или казенныхъ работахъ и, на подобіе программѣ суометаріанцевъ, выражается надежда, что при участіи особаго представительства отъ рабочихъ въ администраціи предпріятій улучшатся какъ гигіеническія, такъ и экономическія условія труда въ частныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Младо-финны, такъ же, какъ и суометаріанцы, удѣляютъ сравнительно большее вниманіе вопросу о страхованія. Не объясняется ли это тѣмъ, что обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ введено въ Великомъ Княжествѣ уже 9 лѣтъ тому назадъ и результаты этой мѣры, внушавшей предпринимателямъ въ свое время столько

опасеній, оказались отнюдь не пагубными для промышленности; напротивъ, планомѣрная организація страхованія сняла съ отдѣльныхъ предпринимателей докучливыя заботы и избавила отъ лишнихъ конфликтовъ съ рабочими. Младо-финны требуютъ распространить страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ на всѣ виды производства и предлагаютъ организовать страхованіе на случай старости и инвалидности съ помощью кассъ, пополняемыхъ взносами государства и предпринимателей. Однако, болѣе подробныхъ указаній для разрѣшенія столь важнаго и сложнаго для всего государства вопроса въ программѣ не имѣется.

Дальше указанныхъ требованій младофинская партія въ рабочемъ вопросѣ не идетъ. Можно ли удивляться послѣ этого, что вся сознательная часть пролетаріата скептически отнеслась къ политическому радикализму младо-финновъ и предпочла поддерживать ту партію, которая, являясь истинно-демократической въ вопросахъ политики, не утрачивала своего радикализма, когда дѣло касалось соціально-экономическихъ отношеній.

Программа „аграрнаго союза", коснувшись рабочаго вопроса лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ нѣсколькихъ строкахъ исчерпала свои пожеланія объ улучшеніи быта „трудящихся", объ охранѣ ихъ труда государствомъ и т. п., считая рабочій вопросъ выходящимъ за предѣлы тѣхъ отношеній, какія взялъ на себя ограждать „союзъ".

Въ итогѣ оказалось, что выступить твердо и послѣдовательно на защиту интересовъ труда могла лишь сама *рабочая партія*. Разумѣется, въ избирательной платформѣ соціалъ-демократовъ рабочему вопросу отводится такъ же много вниманія, какъ и вопросу аграрному. Всѣ основныя требованія международнаго пролетаріата включены соціалъ-демократіей въ ея рабочую программу: 8-часовой рабочій день для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ и во всѣхъ отрасляхъ труда, запрещеніе ночного труда всюду, гдѣ это допускается техническими условіями производства, непрерывный еженедѣльный отдыхъ въ теченіе 40 часовъ, спеціальная охрана женскаго и и дѣтскаго труда [1]), одинаковыя расцѣнки мужской и женской работы.

---

[1]) Соціалъ-демократы требуютъ, чтобы максимальный рабочій день для дѣтей, отъ 15 до 17 лѣтъ, нормированъ былъ бы 5 часами, для подростковъ 17—19 лѣтъ—8 час. въ сутки. Дѣти моложе 15 лѣтъ не должны быть допускаемы на промысловую работу. Ежедневный перерывъ въ работѣ долженъ наступать для дѣтей не позже, чѣмъ черезъ $2^1/_2$ час. послѣ начала рабочаго дня, для подростковъ—черезъ 4 часа и длиться, по меньшей мѣрѣ, 1 часъ. Ночной трудъ несовершеннолѣтнихъ (отъ 7 ч. веч. до 7 час. утра) слѣдуетъ совершенно воспретить. При подземныхъ работахъ, въ горномъ промыслѣ и во всѣхъ особо-вредныхъ производствахъ работа дѣтей и подростковъ не должна допускаться; несовершеннолѣтніе рабочіе не могутъ быть также употребляемы для чистки и смазки двигателей. Промышленному правленію не должно быть предоставлено право разрѣшать отступленія отъ перечисленныхъ постановленій. По отношенію къ охранѣ женскаго труда программа соціалъ-демокра-

реформа фабричной инспекціи и т. д. Эксплоатаціонная система „выжиманія пота“ при работѣ на дому не могла не заботить представителей рабочей партіи и естественно заставила ихъ включить въ число своихъ требованій и такія, которыя ослабляли бы безграничную эксплоатацію наиболѣе обездоленнаго слоя пролетаріата.

Разумѣется, намѣченныя соціалъ-демократіей требованія безсильны пресѣчь зло въ его корнѣ, но при проведеніи этихъ требованій въ жизнь могли бы исчезнуть по крайней мѣрѣ наиболѣе темныя стороны въ области отношеній между домашнимъ трудомъ и капиталомъ. Соціалъ-демократическая платформа требуетъ, чтобы коммунальное самоуправленіе распространяло свой контроль на домашній трудъ и обязывало предпринимателей хотя бы два раза въ годъ давать коммунѣ указанія относительно числа рабочихъ, исполняющихъ на нихъ заказы, мѣстожительства этихъ рабочихъ, ихъ возраста и т. п. На коммунальное самоуправленіе возлагается также наблюденіе за санитарными условіями тѣхъ помѣщеній, въ которыхъ производится домашняя работа.

На защиту интересовъ домашней прислуги выступила въ избирательный періодъ также только одна соціалъ-демократія. Прежде всего, она потребовала отмѣны существующаго до сихъ поръ устарѣлаго и оскорбительнаго для каждаго политически-полноправнаго гражданина спеціальнаго уложенія о прислугѣ („челяди“). Далѣе, соціалъ-демократы высказывались за распространеніе общей законодательной нормировки условій труда и на домашнихъ служащихъ и за регулированіе отношеній ихъ съ хозяевами соотвѣтственно со взглядами, высказанными самой домашней прислугой на съѣздѣ ея представителей въ Финляндіи.

Что касается вопроса объ обязательномъ страхованіи, то соціалъ-демократическая платформа не только выдвигаетъ принципъ обязательнаго страхованія, но и устанавливаетъ тѣ основы, на которыхъ ея требованія могутъ быть проведены въ жизнь. Такъ, прежде всего соціалъ-демократическая программа требуетъ, чтобы страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было распространено на всѣ виды труда, включая сельское хозяйство, строительное дѣло и т. п. отрасли производства. Далѣе, программа устанавливаетъ точный размѣръ страховыхъ премій (уплата полной заработной платы со дня наступленія неспособности къ труду до полнаго

товъ выставляетъ требованіе полнаго запрещенія работы женщинъ во всѣхъ отрасляхъ производства особенно-вредныхъ для женскаго организма; далѣе—5-недѣльный отдыхъ въ послѣдній періодъ беременности, 7-недѣльный — въ послѣродовой періодъ, причемъ безъ освидѣтельствованія врача женщина не должна быть допускаема къ работѣ. Отъ государства требуется учрежденіе спеціальныхъ кассъ для выдачи пособія беременнымъ въ размѣрѣ средней заработной платы въ данномъ производствѣ.

выздоровленія, $^{3}/_{4}$ заработка пожизненно при полной потери работоспособности, выдача осиротѣлой семьѣ единовременной помощи въ размѣрѣ полной заработной платы и пожизненной пенсіи въ размѣрѣ 75% этой платы и т. д.) и измѣненіе самаго метода страхованія въ смыслѣ обязательности для предпринимателя страховать своихъ рабочихъ не въ частныхъ страховыхъ обществахъ, а въ спеціально-организованныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вопросъ о страхованіи на случай старости и инвалидности соціалъ-демократическая программа ставитъ на совершенно иныя основанія, чѣмъ программа партій буржуазныхъ. Она требуетъ, чтобы государство само взяло на себя заботу о такомъ страхованіи и чтобы обязательное страхованіе на эти случаи распространялось на всѣхъ рѣшительно лицъ, продающихъ свою рабочую силу, включая въ ихъ число тѣ слои населенія, которые, по своему экономическому и соціальному положенію, относятся къ классу рабочихъ.

Необходимый страховой фондъ предлагается образовать изъ поступленій съ подоходнаго налога на имущество, на наслѣдство и на доходы. Возрастомъ, дающимъ право на пенсію, признается 55 лѣтній, минимальный размѣръ пенсіи въ годъ при наступленіи старости или полной неспособности къ труду считается въ 350 финл. мар. Одновременно со страхованіемъ на случай старости соціалъ-демократическая программа предлагаетъ выработать мѣры для обезпеченія участи вдовъ и сиротъ. Всѣ страховыя учрежденія должны быть организованы на основѣ возможно полнаго самоуправленія, такъ, чтобы страхуемые могли оказывать свое вліяніе на дѣятельность этихъ учрежденій.

Остается еще сопоставить точки зрѣнія различныхъ финляндскихъ политическихъ партій на нѣкоторые отдѣльные вопросы соціально-экономической жизни страны.

По вопросу о реформѣ существующей налоговой системы основныя положенія программъ финляндскихъ буржуазныхъ партій совпадаютъ съ требованіями соціалъ-демократіи; въ принципѣ всѣ партіи, за исключеніемъ „шведской народной“, признаютъ необходимость замѣны современной системы налогового обложенія прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ съ распространеніемъ повинностей, ложащихся въ настоящее время почти исключительно на землю, и на всѣ другія статьи доходовъ. При этомъ признается возможнымъ совершенно освободить отъ уплаты налоговъ малоимущіе слои населенія (соціалъ-демократы причисляютъ къ нимъ тѣхъ, которые имѣютъ годовой доходъ ниже 1200—1800 мар. въ городахъ и 600—900 мар. въ деревняхъ).

Предлагается также понизить таможенный тарифъ на предметы первой необходимости (соціалъ-демократы требуютъ полной отмѣны пошлины на

предметы потребленія народа). Поднимается вопросъ о реформированіи системы коммунальныхъ повинностей.

Наряду съ вопросомъ объ измѣненіи *налоговой системы* всѣми партіями выдвигается вопросъ о реорганизаціи коммунальнаго самоуправленія. Существующее въ настоящее время мѣстное самоуправленіе городовъ и селъ, основанное на устарѣлой цензовой системѣ, допускающей накопленіе за голосующимъ голосовъ въ зависимости отъ высоты его имущественнаго обложенія, противорѣчитъ демократическому духу новаго государственнаго представительства. Всѣ рѣшительно партіи, за исключеніемъ „шведской народной", стоятъ за распространеніе права голоса, при всякихъ выборахъ и голосованіяхъ, на всѣхъ безъ различія пола жителей коммуны, несущихъ коммунальныя повинности (у соціалъ-демократовъ этой послѣдней оговорки нѣтъ). Суометаріанцы при этомъ считаютъ, что полноправнымъ членомъ коммуны является каждое лицо, которому исполнилось 21 годъ, соціалъ-демократы же понижаютъ коммунальное совершеннолѣтіе до 20-ти лѣтняго возраста. Кромѣ того, соціалъ-демократы настаиваютъ на примѣненіи и въ коммунахъ пропорціональнаго представительства, что, однако, не поддерживается остальными партіями.

Рѣзкій контрастъ представляетъ отношеніе „шведской партіи" къ вопросу о реорганизаціи коммунальнаго самоуправленія. На съѣздѣ шведской партіи, состоявшемся незадолго до открытія Сейма, вопросъ этотъ дебатировался выдающимися представителями партіи. Нѣкоторые изъ членовъ партіи, высказываясь за необходимость реформы въ системѣ коммунальнаго голосованія, понимали, однако, подъ „реформой" установленіе максимума 10 голосовъ за избирателемъ или голосующимъ по общиннымъ дѣламъ; сохраненіе такого максимума мотивировалось тѣмъ, что для „почтенныхъ" членовъ коммуны было бы слишкомъ обидно, если бы и здѣсь ихъ „вѣскіе" голоса уравнялись бы съ „некультурными" голосами всякой голытьбы... Другіе, болѣе демократично-настроенные стояли за дарованіе „почтеннымъ" членамъ коммуны, т. е. коммунистамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, хотя бы по 2 голоса; третьи находили реформу въ этой области вообще излишней, и лишь немногіе, болѣе предусмотрительные и дальновидные, высказывались за всеобщее и равное голосованіе. „Если мы не будемъ думать о массахъ, если мы будемъ забывать ихъ интересы, они уйдутъ отъ насъ",—кричалъ одинъ изъ тонкихъ шведоманскихъ политиковъ. Но классовая участь шведомановъ постоянно беретъ у нихъ верхъ надъ желаніемъ опереться на массы, и въ своей избирательной платформѣ шведоманы обошли вопросъ о коммунальномъ самоуправленіи полнымъ молчаніемъ.

Два характерныхъ для Финляндіи требованія проходятъ черезъ избирательную платформу всѣхъ партій: первое—*уравненіе правъ женщинъ* съ правами мужчинъ во всѣхъ областяхъ, второе—полное запрещеніе

продажи и выдѣлки спиртныхъ напитковъ; это послѣднее требованіе не поддерживается лишь шведской партіей. Чтобы понять, какое огромное значеніе для женской части населенія Финляндіи имѣетъ первое изъ названныхъ требованій, надо вспомнить, что здѣсь до сихъ поръ гражданскимъ уложеніемъ женщина подчинена опекѣ мужчины, что имущество супруговъ нераздѣльно и т. д. Разумѣется, въ числѣ первыхъ, внесенныхъ на Сеймъ, въ теченіе его весенней сессіи, моцій находятся законопроекты, устраняющіе эти устарѣлыя установленія и освобождающія политически-равноправную гражданку отъ экономической и юридической зависимости отъ мужчины. Включеніемъ требованія женскаго равноправія всѣ партіи разсчитывали привлечь на свою сторону политически еще малоопытный элементъ избирательницъ, впервые получившихъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ. Особенно сильно разсчитывали на нихъ суометаріанцы. Эта партія являлась единственной ярой охранительницей государственной церкви. Въ противоположность „безбожникамъ соціалъ демократамъ", провозглашавшимъ религію дѣломъ личной совѣсти, суометаріанцы даже въ своей избирательной платформѣ обѣщали „защищать религіозныя вѣрованія и существующую церковь". Но, несмотря на все благочестіе финляндскихъ женщинъ, программа рабочей партіи, какъ показали выборы, нашла въ сердцахъ женъ и дочерей пролетаріевъ гораздо больше отклика, чѣмъ религіозное ханжество суометаріанцевъ. Вопросы объ охранѣ труда, о 8 час. рабочемъ днѣ, о сносныхъ условіяхъ аренды гораздо больше говорили уму и сердцу пролетарокъ, чѣмъ забота о достаточномъ числѣ церквей и преуспѣваніи финляндскихъ пасторовъ. Мирно-реформаторскія, сдержанно-благоразумныя платформы буржуазныхъ партій, при существующемъ глухомъ броженіи въ Финляндіи, не въ силахъ были отвѣтить на запросы народныхъ массъ. Для всѣхъ эксплоатируемыхъ, для всѣхъ угнетенныхъ слоевъ финляндскаго населенія кандидаты рабочей партіи, демократичной въ политикѣ, радикальной въ вопросахъ соціально-экономическихъ и революціонной въ тактикѣ, являлись единственно желанными народными представителями.

Побѣда, одержанная соціалъ-демократами на послѣднихъ выборахъ,— это несомнѣнно побѣда революціонной Финляндіи надъ мирно-осѣвшими наивно-довѣрчивыми элементами населенія. Соціалъ-демократія постоянно подчеркивала населенію въ предвыборный періодъ, что чѣмъ многочисленнѣе и сильнѣе будетъ соціалъ-демократическая парламентская фракція, тѣмъ вѣрнѣе найдетъ русское освободительное движеніе опору въ Финляндіи, тѣмъ тверже будетъ оплотъ противъ россійской реакціи въ стѣнахъ финляндскаго Сейма.

Новый парламентъ проработалъ до лѣтнихъ каникулъ всего мѣсяцъ, но выяснившееся уже настроеніе и группировка партій является весьма характерными: центръ заняли суометаріанцы, налѣво помѣстились соціалъ-

демократы, направо—младофинны и шведская партія. Аграрный союзъ неожиданно сталъ поддерживать соціалъ-демократовъ и вообще обнаруживать нѣкоторое полѣвѣніе. Шведоманы относятся съ нескрываемой враждою къ центру и, какъ бы на зло ему, выказываютъ временами сочувствіе къ реформистскимъ стремленіямъ лѣвыхъ. Несмотря, однако, на несогласія, разъединяющія буржуазныя партіи, чувствуется, что всѣ онѣ, въ томъ случаѣ, если соціалъ-демократы осмѣлятся поднять какой-нибудь вопросъ, посягающій на священныя для буржуазіи привилегіи, сумѣютъ забыть раздирающія ихъ распри и дружно протянуть другъ другу руки.

Въ свое время, до начала весенней сессіи, вопросъ о томъ, какой партіи будетъ принадлежать кресло тальмана (предсѣдателя Сейма), въ высшей степени волновалъ буржуазію. Часть буржуазной прессы, учитывая многочисленность соціалъ-демократическихъ представителей, возмущалась, что соціалъ-демократія проведетъ своего предсѣдателя.

Другія газеты, наоборотъ, высказывались за то, чтобы тальманское кресло было предоставлено соціалъ-демократамъ. Это желаніе мотивировалось тѣмъ, что пора, наконецъ, столкнуть соціалъ-демократовъ съ „политической дѣйствительностью" и заставить этихъ крикуновъ заняться реальной политикой; пусть убѣдятся они, что парламентъ—не митингъ, гдѣ можно отдѣлываться „дешевыми эффектами" и громкими словами, что насталъ моментъ, когда и они должны будутъ либо заняться созидательной работой, либо признать свою неспособность къ реальной политикѣ. Однимъ словомъ, раздавались рѣчи, до поразительности напоминающія благоразумно-увѣщательныя статьи и въ печати нашей либеральной оппозиціи. Однако, буржуазная пресса напрасно волновалась: соціалъ-демократы отказались отъ чести занять тальманское кресло и удовольствовались избраніемъ изъ своей среды вице-тальмана.

Много толковъ возбудилъ также вопросъ о томъ, пойдутъ ли соціалъ-демократы въ Сенатъ, особенно послѣ того, какъ они рѣшили выразить прежнему шведоманскому Сенату свое недовѣріе, и его отставка казалась возможной. Но и на министерскіе посты соціалъ-демократы никакихъ поползновеній не выказываютъ, предоставляя „партіямъ языковъ" ссориться изъ-за мѣстъ въ Сенатѣ.

Несмотря на короткій срокъ весенней сессіи Сейма, онъ успѣлъ проявить свою жизнедѣятельность внесеніемъ 24 моцій и 85 петицій по цѣлому ряду весьма существенныхъ вопросовъ. Финляндское правительство, съ своей стороны, передало на разсмотрѣніе Сейма 15 законодательныхъ предложеній, среди которыхъ лишь регулированіе труда въ пекарняхъ да до извѣстной степени пересмотръ современнаго церковнаго обложенія имѣютъ важное значеніе для соціально-политической жизни страны.

Почти всѣ законопроекты, внесенные на Сеймъ депутатами, касаются уже намѣчавшихся въ избирательныхъ платформахъ партій вопросовъ

(пересмотръ конституціи, измѣненіе аренднаго положенія, расширеніе компетенціи коммунальнаго самоуправленія, запрещеніе выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ и т. д.) и имѣютъ громадное значеніе для всей внутренней жизни Финляндіи. Отсрочка разсмотрѣнія ихъ до осени явилась для большей части населенія весьма досадной. Но этотъ шагъ при современныхъ событіяхъ въ Россіи, при сгущающейся атмосферѣ реакціи въ имперіи, продиктованъ былъ необходимостью—законодательствовать, заниматься „созидательной дѣятельностью“ при торжествѣ темныхъ силъ по ту сторону границы является совершенно несбыточной и наивной мечтой. Какъ бы ни были благодушно и довѣрчиво настроены буржуазные элементы финляндскаго народа, какъ бы ни кичились они своей побѣдой, какъ бы ни вѣрили въ незыблемость брошенныхъ имъ обѣщаній и твердость начертанныхъ „на бумагѣ конституціонныхъ основъ,—событія въ Россіи колеблютъ самыя безмятежныя души и вселяютъ въ нихъ невольную тревогу за судьбы родины...

Законодательная работа Сейма отсрочена до осени. Удастся ли провести всѣ намѣченныя реформы, которыхъ такъ нетерпѣливо ждетъ упорный въ своихъ требованіяхъ финляндскій народъ,—на это сможетъ дать отвѣтъ лишь та великая, всесокрушающая сила, что, несмотря на безчисленныя преграды, воздвигаемыя „старымъ режимомъ“, безпорядочно рушитъ всѣ подгнившіе устои „прошлаго“ и очищаетъ путь для творческой работы „будущаго“.

А. Коллонтай.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Послѣдняя Дума.

(Впечатлѣнія и размышленія).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что конецъ второй Государственной Думы и послѣдовавшіе за нимъ „законы“ о выборахъ являются историческимъ этапомъ,—конечнымъ пунктомъ для цѣлой полосы нашего освободительнаго движенія. Я разумѣю полосу такъ называемыхъ „дней свободы“, открывшуюся 17-го октября 1905 года и дотянувшуюся—въ сильно полинявшемъ и выцвѣтшемъ видѣ, но все же дотянувшуюся—до самыхъ послѣднихъ дней... Почти два года, стало быть, просуществовала эта полоса, отличительнымъ признакомъ которой, на мой взглядъ, надо признать господство иллюзій: въ одной средѣ господствовали иллюзіи революціонныя, вскорѣ, впрочемъ, послѣ тяжелыхъ декабрьскихъ испытаній, уже начавшія смѣняться реалистическимъ настроеніемъ; въ другой средѣ—отъ самаго дня „акта страха и лжи“ и вплоть до обнародованія новаго акта „довлѣющаго власти“—царили неизмѣнно, съ удивительнымъ упорствомъ,—иллюзіи „конституціонныя“. Эти послѣднія даже какъ будто росли и крѣпли по мѣрѣ приближенія къ моменту, который долженъ былъ принести съ собою полное ихъ крушеніе: никогда „созидательная дѣятельность Думы самой по себѣ“ не ограждалась нашими конституціонными иллюзіонистами такъ старательно и рѣшительно отъ всякаго „внѣдумскаго давленія“, какъ именно въ послѣдніе 102 дня существованія послѣдней Думы...

И ничуть не вызванный поведеніемъ самой Думы, очевидно, заранѣе предрѣшенный, роспускъ ея (косвенно и заднимъ числомъ объясняющій и ту подготовительную, казавшуюся тогда непонятной, буффонаду, какая была разыграна въ Думѣ въ маѣ, при благосклонномъ участіи гр. Бобринскаго)—этотъ роспускъ „работоспособной“ и сорганизовавшей, наконецъ, свой „центръ“ Думы—поистинѣ положилъ во гробъ иллюзіи нашихъ „парламентаріевъ безъ парламента“, а „довлѣющій власти актъ“ привалилъ къ этому гробу камень и приставилъ кустодію... изъ истинно-русскихъ людей...

„Московскія Вѣдомости“ ликуютъ:

Манифестъ кладетъ окончательный предѣлъ всѣмъ этимъ „конституціоннымъ“ иллюзіямъ. Правда оказалась на сторонѣ тѣхъ русскихъ людей, которые ни на минуту не поколебались послѣ „государственнаго переворота“ 1905 года и неизмѣнно утверждали, что манифестъ 17 октября никакому ограниченію Государеву Самодержавную Власть не подчинилъ, что Самодержавіе Государя осталось и останется, по собственнымъ Его Величества словамъ, «такимъ же, какимъ оно было встарь», и что Государь, отвѣтствуя лишь передъ Господомъ Богомъ, можетъ Своею Властью измѣнить всякій изданный Имъ законъ...

Ликованіе это довольно естественное, хотя, разумѣется, „правда“ далеко не „оказалась на сторонѣ тѣхъ русскихъ людей, которые“... Юридическая аргументація этой ликующей тирады, конечно, ничего общаго съ правдой не имѣетъ: не даромъ же для торжества „правды“ пришлось фактически отдать на смарку не только 87 статью законовъ 20-го февраля (эту „описку законодателя“—по „Новому Времени“), но и I-ю статью I-го тома Свода Законовъ... По существу, однако, эти „русскіе люди, которые...“—были и остались гораздо ближе къ фактической правдѣ къ вѣрной оцѣнкѣ реальныхъ отношеній, чѣмъ наши „парламентаріи“. То что предстояло еще завоевывать и добывать упорной борьбой, эти послѣдніе объявили уже существующимъ, старались увѣрить въ этомъ самихъ себя и другихъ, и съ этой „точки зрѣнія“ опредѣляли свои отношенія къ инако мыслящимъ, на этомъ словесномъ фундаментѣ строили свою тактику. Нечего и говорить, что такой же подмѣнъ „желаемымъ“ „сущаго“ царилъ и въ ихъ литературѣ.

Послѣднее обстоятельство оказалось, кажется, горше первыхъ: за исключеніемъ соціалистическихъ изданій, вся наша политическая пресса заразилась этимъ жаргономъ, а отчасти и мышленіемъ „дней свободы“, преисполнилась конституціонными „эйфемизмами“ и страдала какой-то, казалось, неизлечимой неискренностью, половинчатостью, боязнью прямоты и ясности. Теперь болѣзни этой пришелъ конецъ, теперь дописана длинная по существу лживая фраза. Точка поставлена. Русская исторія начинаетъ новый абзацъ, съ новой красной строки...

Есть нѣчто логически освѣжающеее въ этомъ послѣднемъ размахѣ самому себѣ довлѣющаго произвола... Въ самомъ дѣлѣ, если лживость эпохи дней свободы, эпохи „конституціоннаго самодержавія“ опредѣлялась именно несоотвѣтствіемъ пущенныхъ въ ходъ съ такъ называемаго верха и, благодаря иллюзіямъ и иллюзіонистамъ, широко распространившихся „внизу“ правовыхъ и политическихъ терминовъ съ ихъ реальнымъ историческимъ содержаніемъ, то теперь это соотвѣтствіе возстановлено. Порадуемся, что мы стоимъ, наконецъ, на твердой почвѣ, живемъ въ атмосферѣ полной, кристалльной, для всѣхъ наглядной ясности, и на этой почвѣ и въ этой атмосферѣ будетъ строиться далѣе. „Возстановленіе“ оплачивается

дорогой цѣной—несомнѣнно. Но, можетъ быть, нѣтъ цѣны, которой бы не стоила эта ясность и опредѣленность отношеній, эта твердость почвы...

Всякій, кому приходилось сколько-нибудь близко наблюдать за дѣятельностью депутатовъ въ Думѣ, всматриваться и вслушиваться въ ходъ думскихъ засѣданій, я увѣренъ, согласится со мной въ слѣдующемъ: основной, самой глубокой, самой мучительной язвой всего думскаго бытія была эта коренная фальшь, это нестерпимое несоотвѣтствіе торжественной юридической оболочки и нищенски-скуднаго политическаго существа дѣла.

Въ первой Думѣ, благодаря полному разгару „иллюзіонистскаго" настроенія, это меньше давало знать себя. Субъективно, по крайней мѣрѣ, ораторы, повидимому, ощущали подъ ногами кое-какую почву. И хотя идеологъ и „сверхлидеръ" кадетовъ, какъ его теперь называютъ, П. Милюковъ, уже тогда, въ полемикѣ съ лѣвыми выкидывалъ тотъ самый девизъ, который явился ихъ лейтъ-мотивомъ во вторую выборную кампанію и на протяженіи всей второй Думы, хотя онъ и писалъ, со свойственнымъ ему не то лицемѣрнымъ, не то наивнымъ доктринерствомъ „парламентарія безъ парламента" такія смѣлыя строки:

„...Простодушныя представленія о роли народнаго представительства все еще держатся и никакъ не могутъ уступить мѣсто болѣе правильнымъ идеямъ о Думѣ—органѣ законодательства, *облеченномъ огромной, но косвенной властью надъ администраціей и совершенно отрѣзаннымъ отъ непосредственныхъ сношеній* (курсивъ мой. *М. Н.*) какъ съ монархомъ, такъ и съ народомъ" [1]).

Но тутъ же у него прорывались признанія въ такомъ родѣ: „Угрозы вмѣшательствомъ народа можно осуществить лишь тогда, когда это вмѣшательство предварительно подготовлено,—и на эту подготовку и должна быть направлена работа всѣхъ тѣхъ, кому собственная власть Думы кажется (!) недостаточной для выполненія ея огромныхъ задачъ".

Здѣсь, какъ видите, рекомендуется лишь своеобразное раздѣленіе труда: политическіе дѣятели, которымъ „кажется", что у насъ нѣтъ парламента (гг. кадеты еще величали ихъ тогда „друзьями" слѣва), должны подготовить и создать движеніе, на которое могла бы опереться „отрѣзанная" отъ народа Дума, а гг. кадеты и Дума эту работу бы учитывали... Здѣсь, очевидно, еще звучитъ ироническій мотивъ—впрочемъ, въ серьёзъ написанной—Тановской строфы:

Встань, приливъ, создай теченіе:
Мы, не медля ни мгновенія,
Двинемся впередъ!..

Да зачѣмъ цитаты, когда есть такое неопровержимое свидѣтельство, какъ выборгское воззваніе—эта „ошибка", въ которой такъ каялись

1) «Рѣчь», 21-го мая, 1906 года.

впослѣдствіи кадеты (и которая, скажемъ въ скобкахъ, была ошибкой лишь по *выполненію*, а не по замыслу: инициаторы воззванія, во-первыхъ, ограничились литературнымъ произведеніемъ, тамъ гдѣ обязательна была попытка дѣйственная,—распустили ту самую организацію, о „поддержкѣ“ коей какъ бы хлопотали, а затѣмъ взяли въ этомъ документѣ тонъ, не вытекавшій изъ ихъ тактической позиціи).

Но несмотря на подобное настроеніе первой Думы, настроеніе, несомнѣнно одушевлявшее и кадетское большинство ея, я вполнѣ присоединялся къ характеристикѣ, которую далъ этой первой Думѣ одинъ мой совсѣмъ не пессимистически въ то время настроенный пріятель, въ одно изъ совмѣстныхъ нашихъ посѣщеній первой Думы:

„*Бутафорія какая-то!..*“

Что жъ говорить про вторую, уже совсѣмъ „отрѣзанную“ отъ народа Думу, все же, однако, силившуюся симмулировать, если не „огромную“, то хоть какую-нибудь „косвенную“ власть и, въ лицѣ своего центра, загипнотизированную идеей самобереженія!

Въ рѣчахъ перво-думскихъ ораторовъ слышалось то и дѣло воодушевленіе, подсказанное наивной вѣрой въ свою иллюзію, но несомнѣнно искреннее; иныя рѣчи ихъ дышали поэтому неподдѣльной силой. Вспомните выступленія Родичева, Урусова или наивно-величественное набоковское: „Исполнительная власть да подчинится власти законодательной!“.. Я уже не говорю про мрачныя проклятія, которымъ предавалъ правительство погромщиковъ священникъ Аѳанасьевъ, грозившій близкимъ „страшнымъ судомъ“ отъ рукъ народа, или сосредоточенно-гнѣвные краткіе выпады трудовика Аникина...

Въ послѣдней Думѣ кадеты, оскопленные, тщательно вывѣтрившіе изъ себя всякій духъ протеста, преисполненные „дѣлового“ настроенія и заботы о „сбереженіи“, либо молчали, либо выступали блѣдно и вяло противъ заявленій власти, и сколько-нибудь воодушевлялись только въ моменты борьбы съ лѣвыми, т. е. преимущественно—соціалъ-демократами.

За періодъ междудумья изрядно воды утекло. Партія к.-д., если не очень многому научилась, то забыла очень многое. Вся предвыборная кампанія почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ велась уже кадетами противъ лѣваго блока и содержаніемъ своимъ имѣла преимущественно борьбу съ лѣвыми, ихъ критику и дискредитированіе.

Въ эту именно кампанію бывшіе „друзья слѣва“ окончательно превратились во враговъ. Въ эту кампанію послана „историческая“ поздравительная телеграмма П. Милюкова Москвѣ, съ знаменитымъ мѣстомъ о „красной тряпкѣ“. Къ этому именно времени кадетская печать заняла уже окончательно „центральную“ позицію, объявивши „миѳомъ“ революціонной народъ и, очевидно, съ корнемъ вытравила всякое воспоминаніе о нѣкогда любезныхъ сердцу Тановскихъ виршахъ... И все настроеніе думскаго

„центра“ опредѣлялось именно этими мотивами. Могло ли такое настроеніе служить источникомъ для ораторскаго вдохновенія?

Многіе высказывали мысль, что кадеты отнынѣ заняли опредѣленную классовую позицію, что вся ихъ тактика типично-буржуазна и контръ-революціонна... Увы! даже это было бы плюсомъ для кадетскаго настроенія, если бы такъ было въ дѣйствительности... Но, на самомъ дѣлѣ, при несомнѣнномъ выборномъ *базисѣ* въ лицѣ среднихъ слоевъ буржуазіи (городская курія), кадетская партія до сихъ поръ еще въ классовомъ смыслѣ не отстоялась, по составу изображаетъ изъ себя пестрый конгломератъ... И если она дѣйствительно стала и все болѣе становится контръ-революціонной въ своей тактикѣ, то, на мой взглядъ, это гораздо сильнѣе обусловлено именно ея доктринерскимъ парламентскимъ утопизмомъ, ея „направленствомъ“, чѣмъ классовымъ составомъ. Для меня вся исторія кадетовъ есть только лишнее доказательство, что процессъ превращенія нашихъ литературно-публицистическихъ „направленій“ въ политическія партіи еще не завершился, что настоящая партійная дифференціація только началась.

Гг. кадеты боролись съ „красной тряпкой“, главнымъ образомъ, во имя „правильной идеи о законодательномъ органѣ, облеченномъ огромной косвенной властью“ и т. д... Сравните, напримѣръ, смѣхотворныя выходки г. Родичева второй Думы по адресу лѣвыхъ съ его же рѣчами въ первой Думѣ. „Классовый составъ“ этого человѣка не могъ же претерпѣть такую головокружительную эволюцію. Бія себя въ перси, аппелируя къ „*совѣсти*“ соціалъ-демократовъ, онъ приглашалъ ихъ, напримѣръ, голосовать за ассигновку на завершеніе продовольственной кампаніи... и въ сущности каждымъ словомъ своимъ побивалъ свои же собственныя слова, произнесенныя на ту же тему годъ тому назадъ!

Еще характернѣе выступленіе кадетовъ по вопросу объ осужденіи политическихъ убійствъ. Провокація гг. Пуришкевичей и Бобринскихъ долго терпѣла фіаско: путемъ простой оттяжки кадеты не давали имъ возможности покувыркаться на лакомую тему... Оттяжка была очевидная, для всѣхъ ясная. И г. Бобринскій былъ вполнѣ правъ, утверждая, что она отнюдь не дѣлаетъ чести Думѣ. Чѣмъ объяснялось откладываніе? Кадеты не знали, *какъ быть*... Человѣческая и политическая совѣсть боролась съ доктриной, съ направленствомъ. Направленство подсказывало: спасай Думу!.. Совѣсть ставила вопросъ: чистоплотно ли? не сожжешь ли корабли? Но вотъ наступилъ день, когда оттягивать стало уже неприлично. Предложеніе Пуришкевичей поставлено на очередь. Кадеты голосуютъ *противъ* резолюціи по этому вопросу. Трудовики и народные соціалисты баллотируютъ вмѣстѣ съ ними, и объясняютъ свои мотивы: Дума не призвана заниматься резолюціями, да и принявши резолюцію по такому вопросу, она только дискредитировала бы себя въ глазахъ народа. Кадеты то же мо-

тивируютъ свое поведеніе: какъ всегда въ „скользкихъ“ случаяхъ на каѳедру посылается І. В. Гессенъ и объявляетъ, что кадеты голосовали противъ резолюціи отнюдь не по тѣмъ мотивамъ, которые были только что указаны, а по *чисто-дѣловымъ*. Предложеніе Пуришкевичей проваливается.

Проходитъ, однако, день. Г. Щегловитовъ даетъ объясненіе по запросу о пыткахъ и избіеніяхъ въ рижской тюрьмѣ. Правые возобновляютъ нападеніе и вновь предлагаютъ свое „осужденіе“. И... картина совершенно мѣняется. Теперь, оказывается, кадеты уже *за* резолюцію. Теперь „дѣловыя“ соображенія уже не препятствуютъ или даже диктуютъ присоединеніе къ правымъ. Голосъ совѣсти подавленъ, направленство торжествуетъ. Кадеты осуждаютъ политическія убійства въ Прибалтійскомъ Краѣ.

Гдѣ же логика?—спрашиваю я одного изъ ихъ лидеровъ.—Я, лично, всегда стоялъ за осужденіе!—отвѣчаетъ онъ.—Меня интересуете не вы, а ваша партія,—продолжаю я.—Видите ли, сегодня рѣчь шла не объ осужденіи вообще, а о конкретномъ фактѣ политическихъ убійствъ въ Прибалтійскомъ Краѣ...

Такова *логика* „парламентаріевъ безъ парламента“, отрѣзавшихъ себя отъ... „миѳовъ“.

Извольте при подобномъ „настроеніи“ обрѣсти въ себѣ больше гражданскаго паѳоса, чѣмъ его обрѣтали кадетскіе ораторы! Что бы и о чемъ бы они ни говорили, внимательный слушатель улавливалъ только одну „идею“: „Отче, да минуетъ меня чаша—разгона! Въ прочемъ же да будетъ такъ, какъ ты хочешь, а не я“...

Я приведу еще одну особенно унизительную, особенно мучительную сцену одного думскаго засѣданія, на мой взглядъ особенно наглядно свидѣтельствовавшаго о томъ внутреннемъ безсиліи, о томъ моральномъ параличѣ, на который обрекла Думу ея „бутафорская“ природа, дикое несоотвѣтствіе между ея юридической оболочкой и политической сущностью.

Можно ли придумать другую тему, гдѣ бы сильнѣе должно было заговорить самое элементарное человѣческое чувство, какъ вопросъ объ избіеніи политическихъ каторжанъ въ Алгачинѣ? Вѣдь тутъ, казалось бы, сами собою, у любого заурядного оратора, должны бы вырываться изъ груди широкимъ потокомъ слова проклятія и обличенія и, какъ камнями, побивать представителей „подлежащаго вѣдомства“...

Тамъ, въ далекой сибирской норѣ, связанныхъ своихъ плѣнниковъ, заточенныхъ, безоружныхъ враговъ своихъ, представители власти избиваютъ прикладами, волокутъ за ноги такъ, что голова считаетъ ступеньки, отбиваютъ имъ легкія...

А г. Щегловитовъ разъясняетъ: *по закону* могло бы быть еще лучше, могли бы пороть розгами или разстрѣлять... Необходимо вѣдь „подтянуть“ каторгу, гдѣ политическіе даже арестантской одежды не носятъ...

Когда говоритъ г. Столыпинъ, вы чувствуете всегда нѣкоторый надрывъ, вы всегда можете подмѣтить волненіе, которое искусственно подавляется повышеннымъ „твердымъ" тономъ и „образными" выкриками („не запугаете!", знаменитая „оглобля" и пр.).

У этого, у Щегловитаго,—полное спокойствіе. Человѣкъ, кажется, появился въ Думу съ сытнаго завтрака, и говоритъ объ Алгачинѣ такъ, точно, какъ, вѣроятно, только-что, за завтракомъ бесѣдовалъ о яствахъ, о погодѣ... Долгое общеніе съ русской Ѳемидой вырабатываетъ, должно быть, подобные типы...

Вы съ нетерпѣніемъ ждете... Сейчасъ ему воздастся должное. Сейчасъ, выведенные изъ послѣднихъ предѣловъ терпѣнія, народные представители укажутъ ему его мѣсто на „лѣстницѣ" человѣчества, проймутъ эту сытую невозмутимость, сейчасъ народъ заступится гнѣвнымъ своимъ словомъ за своихъ мучениковъ...

На кафедрѣ „лѣвый", какъ говорили, кадетъ г. Тесленко. Начинаетъ онъ съ довольно рѣшительныхъ нападокъ на „устарѣлость" нашихъ законовъ о заключенныхъ. Но въ серединѣ рѣчи какъ бы спохватывается: вѣдь разъ „законно", то представителю „центра" особенно протестовать не приходится. И рѣчь кончается указаніемъ, что главная бѣда въ „широкихъ рамкахъ усмотрѣнія", предоставленнаго тюремному начальству, и пожеланіемъ, чтобы обветшалые законы были замѣнены новыми, съ болѣе „узкими" рамками...

Не правда ли, достойный отвѣтъ на то надругательство надъ человѣкомъ, да и надъ Думой, которое только-что было произведено съ думской кафедры г. министромъ русской юстиціи?

И, по истинѣ, въ душѣ слушателя поднимается противъ этихъ „парламентаріевъ" чуть ли не бóльшая злоба, чѣмъ противъ самихъ Щегловитовыхъ!..

А дальше еще того лучше. Говоритъ „христіанскій кадетъ" г. Булгаковъ. Вѣдь съ религіозной-то точки зрѣнія легко бы, кажется, подобрать надлежащія слова по такому вопросу... Помните прекрасную рѣчь свящ. Колокольникова о военно-полевыхъ судахъ, съ точки зрѣнія священника, исповѣдующаго осужденнаго? Но г. Булгаковъ, во первыхъ, „профессоръ", во-вторыхъ „философическій" христіанинъ, а въ-третьихъ—и это главное—„примыкаетъ" къ направленству кадетскому, т. е. къ парламентскому иллюзіонизму. И о чемъ же онъ находитъ нужнымъ и возможнымъ заговорить въ эту минуту? О, конечно! о „политическомъ значеніи запросовъ вообще"... Запросы, видите ли, это „рука примиренія", которое общество и народъ протягиваютъ власти, и г. Булгакову „грустно", что правительство не хочетъ пожать протянутой ему руки...

Читатель, не давайте слишкомъ крѣпкимъ словамъ срываться съ вашихъ устъ... Вы вѣдь не забыли: г. Булгаковъ не такъ давно еще былъ

соціалъ демократомъ, засимъ идеалистомъ-мистикомъ, всѣ задачи жизни рѣшавшимъ съ точки зрѣнія очень возвышенныхъ мистико-моральныхъ абсолютовъ. Не могъ же до такой степени и такъ быстро измѣниться его человѣческій „составъ". Не вѣрьте ему, что онъ ничего, кромѣ „грусти", не почувствовалъ во время рѣчи г. Щегловитова. Это онъ свое „направленство" выдерживалъ, и глушилъ голосъ человѣческой совѣсти и человѣческаго достоинства... во имя „идеи парламента". Будьте увѣрены— ему и самому было стыдно...

Но стыдно было и слушать все это или читать въ стенограммѣ... Тяжелый стыдъ—вотъ, что ложилось на душу и давило сознаніе въ подобныя „парламентскія" минуты второй Думы...

И когда говорятъ о странномъ равнодушіи „безмолствующаго народа" при вѣсти о роспускѣ Думы и объявленіи „довлѣющаго власти акта", я начинаю сравнивать: что унизительнѣе?—подобное ли существованіе народнаго представительства, „самого себя берегущаго", или этотъ новый открытый „размахъ произвола"?.. И я не знаю, чему отдать предпочтеніе...

Упомяну къ слову, по поводу только-что описанной парламентской сцены, о финалѣ ея. Послѣ кадетовъ на кафедру взошелъ только-что прибывшій изъ Сибири „священникъ,—эсъ-эръ" Бриллiантовъ. Газеты какъ-то мало удѣлили мѣста этому выступленію. А для меня оно почти искупило всю унизительность предыдущихъ моментовъ...

Столько тутъ было неподдѣльной чистоты и искренности, столько скромной отваги и нравственной силы. Съ благообразнымъ аскетическимъ лицомъ, молодой священникъ выходитъ передъ лицо всего народа и простодушно обнажаетъ свое сердце: онъ даетъ моральную оцѣнку тѣмъ, кого „по закону" можно не только бить прикладомъ, но и сѣчь розгами и разстрѣливать. Онъ, конечно, разъ навсегда сжигаетъ свои корабли, какъ священникъ: возврата ему уже нѣтъ... И если бы тутъ была хотя доля тщеславія, хотя бы намекъ на стремленіе къ эффекту... Ораторъ онъ, повидимому, не опытный и волнуется. Не громкимъ, мягкимъ теноромъ скажетъ нѣсколько словъ и въ очевидномъ волненіи помолчитъ, обдумывая слѣдующія... Онъ много ихъ видѣлъ въ далекой Сибири, тѣхъ, кого можно бить и стрѣлять... Онъ пришелъ къ заключенію, что это самые преданные и самоотверженные слуги народа... Онъ знаетъ, что настанетъ часъ, когда народъ получитъ власть въ свои руки, и тогда онъ не воспользуется ею, чтобы мстить своимъ врагамъ, истязать ихъ, какъ это дѣлаетъ настоящее правительство въ Алгачинѣ и др. мѣстахъ. Русскій народъ великодушенъ... И о. Бриллiантовъ заканчиваетъ наивнымъ, поистинѣ характернымъ для эсъ-эра-священника „синтезомъ" христіанства съ „соціализаціей" земли: „Народъ русскій скажетъ имъ: уходите! А если хотите трудиться, то вотъ вамъ по 30 десятинъ земли на каждаго"...

Читатель, конечно, помнитъ, что о. Брилліантовъ въ числѣ пяти священниковъ второй Думы, принадлежавшихъ къ лѣвымъ партіямъ, преданъ по постановленію синода епархіальному суду, и притомъ единственный изъ нихъ не явившійся къ митрополиту для личнаго объясненія, а также не подавшій и никакого объясненія письменнаго...

Послѣ рѣчи Брилліантова голосуется и *принимается* кадетская формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, по обыкновенію „спасающая Думу“ и даже не признающая объясненій г. Щегловитова неудовлетворительными...

Но о. Брилліантовъ—это уже представитель другой категоріи думскихъ депутатовъ, которой я еще не касался и къ которой перейду сейчасъ, ибо и она по своему настроенію не менѣе характерна для переживаемаго момента, чѣмъ подавляющіе въ себѣ „стыдъ“ парламентаріи безъ парламента...

Это категорія „новорожденныхъ политиковъ“, созданныхъ годомъ революціи въ провинціальной глуши и привезшихъ въ Думу свое свѣжее, не перебродившее, смутное, но непримиримое настроеніе. Въ такъ называемыхъ „низахъ“, особенно въ крестьянской средѣ, это очень распространенный теперь типъ. Въ то время, какъ теоретики и сознательные участники движенія переходили отъ огромныхъ плановъ и розовыхъ надеждъ къ отрезвленію, къ которому несомнѣнно примѣшивалась изрядная доля усталости, эти неофиты, очевидно, продѣлывали только первоначальные силлогизмы, и съ ними, и только съ ними, да со свѣжестью своихъ надеждъ, явились сюда, въ среду „центральныхъ“ кадетовъ, клоунствующихъ друзей министерства съ ихъ провокаціями, и лишенныхъ всякой надежды на непосредственную „продуктивность“ думской работы лѣвыхъ... Ни въ комъ, конечно, Дума не порождала такихъ горькихъ разочарованій, какъ въ этой категоріи депутатовъ. По прошествіи первыхъ недѣль, они бродили озлобленные по кулуарамъ, лишь изрѣдка отводя здѣсь душу въ горячихъ схваткахъ съ правыми: здѣсь можно было договориться до самаго завѣтнаго, выложить все накипѣвшее и наболѣвшее, а тамъ, въ засѣданіи... считали голоса и проводили „кадетскія“ формулы. Къ этой категоріи относились многіе изъ „трудовиковъ“, большинство крестьянъ соціалистовъ-революціонеровъ, и кое-кто изъ рабочихъ соціалъ-демократовъ, бывшихъ „ораторовъ“ въ какомъ-нибудь Вольскѣ и т. п. Выступали они, преимущественно, по вопросу о „землѣ“ во время аграрныхъ преній. О „правыхъ“, роль которыхъ была исключительно провокаторская и скандалы которыхъ вызывали, по-моему, чрезмѣрное вниманіе печати, я распространяться не буду. Къ тому же мы еще имѣемъ à fond познакомиться съ ними въ третьей Думѣ. Октябристы или „умѣренные“ почти ничѣмъ себя не проявляли, кромѣ Капустинскаго елейно-обывательскаго словоговоренья...

Перехожу къ лѣвой, начиная съ народныхъ соціалистовъ.

Н.-с., какъ чисто-литературная, по своему происхожденію, группа,

очень въ Думѣ немногочисленная, представляли симптоматическій интересъ—именно въ смыслѣ очень быстрой реакціи на безнадежное внутреннепротиворѣчивое положеніе нашего „парламента“.

Они шли въ Думу, чтобы „законодательствовать“, какъ они говорили, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы использовать Думу, какъ политическую трибуну. Но законодательствованіе оказалось съ первыхъ же шаговъ чисто-платоническимъ занятіемъ, ибо кромѣ думскаго „центра“, даже на пропущенное имъ накладывалъ свою руку государственный совѣтъ, какъ было съ закономъ о военно-полевыхъ судахъ; для использованія трибуны, въ группѣ оказалось не достаточно ораторовъ: лучшія силы партіи были, какъ извѣстно, „подведены“ подъ 129 ст. Въ результатѣ—именно въ этой фракціи скорѣе всего появилось чуть не отрицательное отношеніе къ Думѣ, чуть не бойкотистское, нервное настроеніе, которое составляло и содержаніе немногочисленныхъ номеровъ издававшагося фракціей органа... Одинъ изъ ораторовъ именно этой фракціи, г. Алашеевъ, съ думской кафедры назвалъ Думу „парламентомъ въ участкѣ“, чѣмъ, разумѣется, привелъ въ негодованіе гг. кадетовъ вообще и І. Гессена въ особенности. Въ „борьбѣ“ думскихъ партій н.-с. играли очень небольшую роль и потому, оставаясь какъ бы зрителями, со стороны особенно ясно чувствовали всю *конъюнктуру*...

Въ своихъ выступленіяхъ въ Думѣ эта группа всегда держалась въ „лѣвомъ блокѣ“, такъ-сказать, и дала въ комиссіяхъ нѣсколькихъ цѣнныхъ работниковъ. Въ томъ же „лѣвомъ блокѣ“ за вторую половину дѣятельности Думы держались и „трудовики“, въ общемъ представлявшіе довольно смутную по политическому настроенію группу, въ первое время не разъ поддававшуюся кадетскому гипнозу „береженія“.

С.-р., вслѣдствіе ряда разгромовъ, были очень блѣдно представлены и даже доброжелатели, въ отзывахъ о нихъ, то и дѣло цитировали слова г. Столыпина, что фракція, повидимому, лишь „созвучна“ съ партіей, а не тождественна съ нею...

Все дѣло лѣвыхъ въ Думѣ дѣлали, безспорно, соціалъ-демократы. Естественно, что на нихъ и направилась травля какъ со стороны правительства, такъ и кадетскихъ газетъ и всей уличной кадетствующей прессы, вродѣ „Биржев. Вѣдомостей“... Благодаря наличности такихъ ораторовъ, какъ Алексинскій, Церетелли и двое—трое другихъ, *трибуна* второй Думы была хорошо использована соціалъ-демократіей. Вторая, *организаціонная*, сторона задачи, разумѣется, должна была натолкнуться и натолкнулась на „участокъ“, и такъ успѣшно, какъ первая выполнена быть не могла.

Благородно-простой и спокойно-сильный ораторскій талантъ Церетелли снискалъ ему симпатіи даже въ станѣ „враговъ“—кадетовъ, судя по отзывамъ о его рѣчахъ въ ихъ газетахъ...

Маленькій ироническій Алексинскій оставилъ во мнѣ неизгладимое

впечатлѣніе своей большой рѣчью по вопросу о бюджетѣ. Это былъ одинъ изъ немногихъ думскихъ дней, который могъ доставить истинное удовлетвореніе. Одинъ давнишній теоретическій „ненавистникъ“ соціалъ-демократіи, много вынесшій въ старые годы народоволецъ, а нынѣ эсъ-эръ, подошелъ ко мнѣ послѣ рѣчи Алексинскаго и „признался“: въ жизни его было-таки „два дня, когда ему хотѣлось быть эсдекомъ“, какъ онъ выразился: это былъ день отвѣта Церетелли на Столыпинскую декларацію и вотъ сегодняшній „бюджетный“ день...

Трудно себѣ представить болѣе красивую антитезу, чѣмъ этотъ вылощенный, велерѣчивый министръ, развязнымъ и поучающимъ тономъ „посвящавшій“ Думу въ „небронированныя“ статьи нашего бюджета, а противъ него—этотъ маленькій, худенькій человѣчекъ, въ своемъ табачнаго цвѣта пиджачкѣ, съ безкровнымъ, нервнымъ лицомъ, сутулый и тощій, исполненный такого уничтожающаго сарказма!..

Г-нъ Коковцовъ (страдающій „недержаніемъ слова“, какъ говорили про него) 5 разъ поднимался на кафедру, чтобы представить картину финансовъ нашихъ въ возможно блестящемъ видѣ и „запугать“ Думу техническими трудностями бюджетнаго вопроса.

Его рѣчь, въ сущности, являлась настоящимъ издѣвательствомъ надъ бюджетнымъ безправіемъ Думы: онъ доказывалъ, что его министерство всегда руководствовалось закономъ; Дума обязана дѣлать то же; она можетъ вникать лишь въ тѣ второстепенныя статьи бюджета, которыя правительство соблаговолило не „забронировать“ отъ народа, и этихъ статей съ избыткомъ хватитъ для думскихъ „новичковъ“ въ финансовыхъ вопросахъ, чтобы „поучиться“, чтобы, „опустившись на самое дно бюджетнаго вопроса“, убѣдиться, что ничего иного нельзя тутъ и подѣлать, кромѣ того самаго, что дѣлалъ онъ, г. Коковцовъ, и его министерство; время не терпитъ, и Дума должна безотлагательно утвердить бюджетъ уже по одному тому, что въ противномъ случаѣ правительство *по закону* преспокойно можетъ обойтись и безъ этого утвержденія...

Длинная, вялая, мелочная рѣчь г. Кутлера явилась только усугубленіемъ этой отвратительной сцены глумленія: вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть вопросъ по существу, дать принципіальную оцѣнку правительственной финансовой политики, онъ копался въ мелочахъ да еще напуталъ (по вопросу о прибавкѣ жалованья чинамъ управленія по дѣламъ печати).

Въ еще большія мелочи, и еще гораздо путаннѣе и неудачнѣе ударился г. Струве. Въ длинныхъ, неудобо-слушаемыхъ (а въ стенограммѣ—неудобочитаемыхъ) періодахъ онъ проводилъ ту идею, что кадеты *сдадутъ бюджетъ въ комиссію, чтобы его утвердить...*

Такимъ образомъ кадеты напередъ обѣщали противнику *сдать* эту основную позицію парламентской борьбы.

Выходило не только унизительно (какъ всякое афишированіе своего

безсилія), но и неумно и, можетъ быть, потому особенно унизительно, что неумно.

Говорившій отъ имени с.-д. фракціи, Алексинскій одинъ взялъ на себя благодарную задачу разсмотрѣть финансовую политику по существу. Въ большой $1^1/_2$ часовой рѣчи, шагъ за шагомъ онъ вскрывалъ классовой и даже групповой характеръ хищнической политики самодержавія. Рѣчь была прекрасно подготовлена, изобиловала яркими иллюстраціями, характеризовавшими отношеніе бюрократіи къ народному хозяйству цитатами изъ рѣчей и писаній *самихъ бюрократовъ*... Вся Дума съ напряженнымъ интересомъ слушала. Я замѣтилъ, что за всѣ $1^1/_2$ часа не вышелъ изъ залы засѣданія почти никто—лучшее доказательство, что ораторъ сумѣлъ приковать къ себѣ вниманіе.

Когда Алексинскій цитировалъ классическую фразу „извѣстнаго Игнатьева" о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать ассигновку на мусульманскія народныя школы, ибо мусульмане не пьютъ водки, и стало быть, не несутъ на себѣ одинаковой съ русскими налоговой тяжести,—депутаты-мусульмане даже привстали на мѣстахъ, всѣмъ корпусомъ потянувшись къ оратору... Я наблюдалъ за г. Коковцовымъ: ѣдкимъ ядомъ смазанныя и тонко отточенныя стрѣлы оратора, повидимому, уязвляли даже этого на славу „забронированнаго" бюрократа—онъ довольно нервно ёрзалъ на своемъ стулѣ...

Но, пожалуй, ярче и эффектнѣе всего былъ самый приступъ къ рѣчи, сдѣланный Алексинскимъ. Тутъ антитеза, о которой я говорилъ, выступала особенно рельефно. Вы, конечно, не забыли этого прекраснаго ироническаго приступа:

„Граждане-депутаты! Я долженъ признаться, что въ началѣ рѣчи г. министра финансовъ мною овладѣла робость... Ну, что могу я, представитель петербургскихъ рабочихъ, возразить ему, спеціалисту по столь сложнымъ вопросамъ, какъ вопросы русскаго бюджета?.. Но по мѣрѣ того, какъ я слушалъ г. министра, я все больше убѣждался, что именно долгое пребываніе „на самомъ днѣ" россійскаго бюджета совершенно, повидимому, лишаетъ человѣка умѣнія здраво судить объ этихъ вещахъ"...

Тонкій, надтреснутый тенорокъ звенѣлъ и разносился ироническими вибраціями по всему залу; сухопарая фигурка оратора какъ бы безпомощно разводила руками, а нервная физіономія сохраняла полный серьезъ... И сдержанный, восторженный смѣхъ покатился по залу и положительно чувствовалось, какъ очищается атмосфера, столь отяжелѣвшая послѣ пяти рѣчей г. Коковцова и Кутлеровскихъ и Струвевскихъ къ нимъ дополненій...

Въ заключеніе этой бѣглой характеристики „*по впечатлѣнію*", совершенно не претендующей, конечно, на полноту, я упомяну еще о группѣ польскаго коло (почти цѣликомъ „національно-демократическаго"). Эта

группа стояла совсѣмъ особнякомъ среди нашихъ еще не сформировавшихся полу-партій, полу-направленій. По классовому составу своихъ избирателей она является почти alter ego нашихъ кадетовъ. Но разница въ томъ, что здѣсь и сама партія обладаетъ тѣмъ же средне-буржуазнымъ „составомъ", и при гораздо далѣе, чѣмъ у насъ, зашедшей дифференціаціи польскаго общества, эта партія всегда хорошо чувствуетъ, на кого опирается, всегда отчетливо знаетъ, чего хочетъ. Она съ несравненнымъ умѣніемъ лавировала въ Думѣ отъ кадетовъ къ лѣвымъ и обратно, вела свою линію съ той отчетливостью, съ какой рѣжетъ на льду свои фигуры опытный конькобѣжецъ... Чтобы расположить кадетовъ въ пользу своего проекта автономіи, они долго голосовали съ ними; какъ только кадеты обнаружили въ этомъ вопросѣ обычную склонность къ „сдачѣ позицій", коло въ баллотировкѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, по поводу запроса о Ригѣ, показываетъ свои когти и голосуетъ съ лѣвыми (*спасая*, къ слову будь сказано, *честь* Думы.).

Только благодаря коло составилось большинство, парализовавшее провокацію г. Бобринскаго и кадетскую „логику", и Дума не только отвергла формулу съ осужденіемъ „конкретнаго факта" политическихъ убійствъ въ Прибалтійскомъ краѣ, но впервые признала г. Щегловитаго „*неудовлетворительнымъ*"... Это былъ и вообще первый случай, когда Дума вышла изъ-подъ власти „центра"... Въ Думѣ вполнѣ корректные и очень талантливые реальные политики, сдержанные конституціоналисты, эти самые „народовые демократы" въ Западномъ Краѣ ведутъ, совершенно не стѣсняясь въ средствахъ, борьбу съ соціалистами... Вотъ это—буржуазные контръ-соціалисты не нашимъ кадетамъ чета!.. А послушали бы вы рѣчи г. Жуковскаго, напримѣръ, по бюджетному вопросу, или г. Дмовскаго по вопросу о „террорѣ—подаркѣ нашей азіатской государственной системы", и вы признали бы, что эти члены коло были украшеніями нашего „парламента въ участкѣ": такіе культурные, хорошо освѣдомленные, краснорѣчивые, и главное—„отчетливые" и умѣлые—не въ примѣръ прочимъ!..

Какъ извѣстно, ихъ роль „вершителей думскихъ дѣлъ" вызвала патріотическій гнѣвъ нашихъ черносотенцевъ: отсюда—то дикое ограниченіе въ избирательномъ правѣ для окраинъ, какое мы видимъ въ новомъ законѣ. Судя по тексту документа, именно польское коло—risum teneatis amici!—проявило ту неподготовленность къ парламентскому строю, каковой отнюдь не страдаютъ гр. Бобринскіе и Пуришкевичи!.. Извѣстно, что въ качествѣ реальныхъ политиковъ представители коло, уступая что-нибудь, требовали и себѣ уступокъ (въ противоположность к.-д., которые уступали „въ кредитъ", разсчитывая на благодарность начальства). Такъ, они требовали уступокъ отъ правительства въ вопросѣ объ автономіи, и только, въ обмѣнъ на уступки въ этомъ вопросѣ, соглашались съ своей

стороны вмѣстѣ съ кадетами утвердить правительственный бюджетъ. Inde—ira. Въ результатѣ, однако,—нелѣпаямѣра, свидѣтельствующая только о незнаніи ариѳметики, какъ это уже было высказано, ибо при соотвѣтствующемъ раздѣленіи думскихъ партій, Коло изъ 3-хъ человѣкъ можетъ продолжать ту же роль „вершителя"...

Покончивъ съ этими личными—и вполнѣ готовъ признать—„импрессіонистическими" воспоминаніями о второй Думѣ, обращаюсь къ кое-какимъ общимъ выводамъ и соображеніямъ.

Первый выводъ— относительно самаго состава второй Думы.

Несмотря на сильное „обезцвѣчиваніе" всѣхъ оппозиціонныхъ партій начиная съ кадетской, благодаря 129-ой и инымъ статьямъ, особенно сказавшимся, какъ я упоминалъ, на соціалистахъ-революціонерахъ, несмотря на всѣ чудовищныя и повсемѣстныя предвыборныя противозаконія администраціи и знаменитыя сенатскія „разъясненія", вопреки, наконецъ, нелѣпому избирательному закону 11-го декабря (смыслъ котораго такъ и остался неразгаданнымъ до самой его смерти),—вторая Дума все же достаточно вѣрно представляла настроеніе страны.

Многіе сѣтовали на ея „блѣдность" и „безцвѣтность", противопоставляя ей въ этомъ смыслѣ первую Думу. Я склоненъ думать, что главный корень бѣды былъ не въ личномъ составѣ, а въ объективныхъ условіяхъ: „блѣдность" была главнымъ образомъ обусловлена моментомъ и политической конъюнктурой. Я готовъ назвать эту вторую „блѣдную" покойницу прекраснымъ зеркаломъ, достаточно полно отражавшимъ этотъ моментъ и эту конъюнктуру.

Всѣ тутъ нашли свое отчетливое „отраженіе": отъ откровенно-черносотенныхъ провокаторовъ и усталыхъ „исправившихся" кадетовъ, которые въ первой Думѣ неудачно симулировали демократовъ, а во второй—столь же неудачно старались стать „октябристами"—до представителей глубокой толщи, еще только пріобщившейся къ народному движенію, еще въ будущемъ имѣющей сказать свое настоящее слово... И это „отраженіе" вполнѣ правдиво и цѣльно, на мой взглядъ, характеризовало ту *первоначальную стадію нашего освободительнаго движенія*, которую мы до сихъ поръ переживаемъ. Извѣстная усталость интеллигенціи, особенно либерально-буржуазныхъ ея круговъ, съ характерной для нихъ *непрочностью* настроеній, и въ то же время наивная и озлобленная бодрость только-что проснувшихся массъ, еще не дѣйственно даже настроенныхъ,—вотъ итогъ, который я бы сдѣлалъ современному моменту. Я ничуть не забываю при этомъ о той огромной затратѣ энергіи, въ которую обошлась первичная стадія нашей революціи, ни о тѣхъ неисчислимыхъ жертвахъ, которыя вырвала у насъ контръ-революція, столь же исключительная по своему кровавому размаху, сколь исключительны и средства физической самозащиты у такого небы-

валаго по территоріи полицейски-военнаго государства, какъ наше, передъ лицомъ столь *запоздавшей* революціи...

Обѣ Думы наши и представляли собой нѣчто *зачаточное*, попавшее въ тиски нелѣпой *конституціонно-самодержавной* формы, создавшееся именно въ недодѣланный, недоговоренный первый періодъ движенія. Та двойственность quasi-конституціонной формы и самодержавно-полицейскаго содержанія, которая такъ характерна для этого періода, являлась всеопредѣляющимъ моментомъ и для всего думскаго дѣла, являлась и истиннымъ его проклятіемъ. Съ такимъ проклятіемъ въ душѣ, жить нельзя. И зачаточная, двойственная „Дума въ участкѣ" должна была умереть. Двойственность должна была быть приведена къ единству, въ ту или другую сторону—въ сторону истинной конституціи, истинной законодательной власти въ рукахъ народа, или въ сторону—„Московскихъ Вѣдомостей". Реальное соотношеніе силъ указало возможность послѣдняго пути. Его, разумѣется, и избрала власть, ничуть не менѣе склонная „беречь себя", нежели „центръ" покойной Думы...

Въ самомъ дѣлѣ, быть жизнеспособнымъ—значитъ быть *дѣеспособнымъ*. Я не о пресловутой работоспособности говорю: послѣдняя, какъ это указывалась не разъ прессой, у Думы была; да и распущена Дума какъ разъ въ такой моментъ, когда плоды этой работоспособности (результаты дѣятельности комиссій) должны были воочію проявиться.

Но что могла такая Дума сдѣлать въ реальномъ смыслѣ слова?

Какова могла быть и была непосредственная продуктивность ея „законодательной" дѣятельности?

Право, я кажется, не ошибусь, если скажу, что единственнымъ реальнымъ послѣдствіемъ законодательной дѣятельности второй Думы (да и обѣихъ, впрочемъ) является слѣдующій небольшой, но отрадный фактикъ, который я и воспроизвожу въ подробностяхъ по газетамъ:

1 іюня въ спб. военно-окружномъ судѣ должно было разсматриваться дѣло кр. Егорова по обвиненію за пропаганду въ войскахъ.

По закону 18 августа 1906 г. объ усиленіи отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ, проведенному въ междудумскій періодъ на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ, обвиняемому грозила ссылка въ каторжныя работы отъ 4 до 15 л. Такъ какъ Г. Дума отвергла этотъ законъ, то пр. пов. Кашинскій сдѣлалъ заявленіе о неподсудности дѣла военно-окружному суду. Помощ. воен. прокурора полк. Шавровъ присоединился къ мнѣнію защитника и судъ, подъ предсѣдательствомъ ген. Биршерта, постановилъ передать дѣло въ судебную палату. Теперь подсудимому грозитъ заключеніе въ крѣпости на 2 г., а при высшей мѣрѣ наказанія—на поселеніе въ Сибирь.

Такимъ образомъ Дума дала одному человѣку вмѣсто максимума въ 15 лѣтъ каторги максимумъ въ видѣ поселенія въ Сибири...

Вотъ и все по части непосредственныхъ реальныхъ результатовъ [1]).

А все прочее свелось къ нулю. „Проходили“ только тѣ законы, которые были болѣе чѣмъ желательны власти: утвержденіе „контингента“ войскъ, ассигновка $15\,^1/_2$ милліоновъ на продовольственную операцію. „Прошло“ бы, конечно, и одобренье бюджета, если бы центръ въ данномъ вопросѣ одержалъ побѣду. Все непріятное начальству или застревало въ госуд. совѣтѣ, какъ законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ съ добавкой о пересмотрѣ дѣлъ тѣхъ лицъ, которыхъ эти суды не казнили и которыя отбываютъ наказанія по ихъ приговорамъ,—или сводилось къ нулю фактически: послѣднее особенно блистательно было продѣлано съ отвергнутымъ Думой закономъ о „восхваленіи преступленій“, взамѣнъ каковаго закона съ 8-го іюня повсемѣстно дѣйствуютъ „обязательныя постановленія“ о „сообщеніи слуховъ“ и о „порицаніи правительства“, на основаніи „положенія о чрезвычайной охранѣ“ окончательно задушившія печать, особенно провинціальную... И замѣтьте: наша „конституція“ вѣдь ничуть не могла бы воспрепятствовать тому, чтобы эти самыя „постановленія“ были введены разными сатрапами и во время „думской сессіи“: если этого не дѣлали, то лишь изъ какихъ-то „психологическихъ“ побужденій—препятствій *законныхъ* не было...

Таково то полное фіаско, которое потерпѣли кадетскія идеи о законодательствующей, идущей на уступки, но и созидающей кое-что, работоспособной Думѣ.

Кадетскія газеты и кадеты въ самой Думѣ нападали на лѣвыхъ за то, что они якобы „тормазятъ“ ихъ законодательно-творческое дѣло. Но вѣдь ясно: бѣда была не въ этихъ „тормазахъ“. Фактъ на-лицо: центръ имѣлъ большинство голосовъ, за исключеніемъ одной только единственной формулы перехода (по поводу рижскихъ истязаній), о которой я упоминалъ. *Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ* проходили именно *кадетскія* рѣшенія. Кадеты были „реально-политичны“, т. е. оппортюнистичны и уступчивы, до... постыдности. И тѣмъ не менѣе никакихъ положительныхъ результатовъ, да еще роспускъ, да еще новый законъ о выборахъ... Мыслимо ли и придумать болѣе наглядное опроверженіе, болѣе сокрушающую критику *фактами* всѣхъ кадетскихъ тактическихъ принциповъ?!

Кадеты, какъ извѣстно, давно уже объявили всѣхъ лѣвыхъ „политически-невоспитанными“, „политически-желторотыми“, фанатиками и доктринерами. Кичиться собственной политической воспитанностью, своимъ мудрымъ „реализмомъ“, своимъ пониманіемъ политической конъюнктуры вошло у нихъ въ обычай.

---

[1]) Согласно недавному постановленію военно-суднаго управленія, всѣ дѣла, уже поступившія въ военные суды до момента отмѣны Думой закона 18-го августа, останутся за военнымъ вѣдомствомъ. Дѣло Егорова явилось, такимъ образомъ, исключеніемъ.

Но если, именно въ смыслѣ трезвости и реализма, сопоставить два взгляда на Думу, лѣвый и кадетскій, теперь, когда провѣрка уже налицо,—то придется признать всѣ плюсы на сторонѣ лѣвыхъ.

Они шли въ Думу прежде всего, какъ на трибуну, и использовали ее въ этомъ смыслѣ. Они съ думской трибуны познакомили все огромное населеніе страны со своими партійными программами, во многихъ и многихъ головахъ сумѣли, благодаря этому, ребромъ поставить цѣлую вереницу политическихъ вопросовъ, ни на секунду при этомъ не обманывая и не обнадеживая населеніе, не обѣщая ему никакихъ непосредственныхъ благъ отъ Думы. Вся дѣятельность ихъ вытекала изъ ихъ идей и служила этимъ идеямъ. Кадеты въ своей предвыборной литературѣ попрежнему поддерживали конституціонныя иллюзіи и „вѣру въ Думу“. Въ провинціальной печати (у меня лежитъ, напримѣръ, на столѣ „Новоторжскій Голосъ“ предвыборнаго періода) они кормили обѣщаніями добыть отвѣтственное министерство, разрѣшить аграрный вопросъ и т. д. На выборахъ они прежде всего боролись съ „революціонаризмомъ“ и „утопизмомъ“ лѣвыхъ, тѣмъ же занимались и въ „принципіальныхъ“ рѣчахъ въ Думѣ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда такія рѣчи произносили... Много ли, стало быть, въ смыслѣ „политическаго воспитанія“ дали они народу за эту кампанію и сессію? Хорошаго, во всякомъ случаѣ,—очень мало. А по части „обѣщаній“, имѣя на своей сторонѣ большинство Думы, тѣмъ не менѣе не выполнили ужъ ровно ничего.

Они до такой степени увлеклись борьбой съ лѣвыми и ежеминутнымъ запугиваніемъ себя и другихъ мыслью о разгонѣ, что во всей ихъ думской политикѣ положительно трудно указать хотя какой-нибудь идейный стержень, хотя какой-нибудь планъ, кромѣ „самосохраненія“ или „думосохраненія“. Но и эта единственная идея потерпѣла жесточайшее фіаско.

Въ предвыборный періодъ, какъ извѣстно, они выдвинули на первое мѣсто въ ряду законодательныхъ задачъ Думы — *реформу мѣстнаго самоуправленія*. Это несомнѣнно была вполнѣ правильная, неоспоримо вѣрная мысль, ставшая теперь уже достояніемъ всѣхъ мыслящихъ оппозиціонныхъ элементовъ, давно высказанная соціалъ-демократами и даже— въ „дни свободы“ въ Прибалтійскомъ краѣ—фактически проводившаяся въ жизнь—въ видѣ попытки завладѣть всѣми органами мѣстнаго самоуправленія явочнымъ порядкомъ... Казалось бы, при кадетской вѣрѣ въ „законодательную власть“ Думы, этотъ совсѣмъ не острый, не грозящій „конфликтомъ“ вопросъ естественно выдвигался на первую очередь... Хотя попытаться что-нибудь сдѣлать въ этомъ направленіи, была прямая обязанность именно „центра“. Но за три мѣсяца думской жизни этотъ вопросъ такъ и не былъ поставленъ...

Я не знаю, какъ можно чувствовать хотя малѣйшее удовлетвореніе

при ретроспективномъ взглядѣ на подобную линію поведенія... Вѣчно „довольный“ лидеръ кадетовъ П. Н. Милюковъ, по свидѣтельству газетныхъ репортеровъ, имѣлъ „обычно-бодрый“ видъ даже въ день роспуска. Я въ трехъ газетахъ (изъ которыхъ въ одной дважды въ томъ же номерѣ) прочелъ упоминаніе объ этомъ его бодромъ видѣ... Я ужъ начинаю заподозрѣвать, не тактическій ли это пріемъ? Такъ иные полководцы или игроки, сдавая позицію за позиціей, съ „бодрымъ лицомъ“ проповѣдуютъ „терпѣніе“—font bonne mine ua mauveux jeu... Или видѣть здѣсь то доктринерское самодовольство, то „универсальное благодушіе“, которое Ницше наблюдалъ у нѣмецкихъ профессоровъ?.. Мнѣ вспоминаетс я сцена въ ложѣ журналистовъ... Дума голосовала вопросъ о назначеніи дня для обсужденія провокаціоннаго предложенія правыхъ объ „осужденіи“. За назначеніе поднялись только два крайнихъ крыла Думы: правые, а съ другой стороны—с.-д. и с.-р. Эта картина не лишена была даже красоты: заклятые враги съ вызовомъ смотрѣли другъ на друга... Въ нашу ложу вошелъ г. Милюковъ и, плавнымъ жестомъ простертой руки указывая попеременно на сидящихъ, а затѣмъ на оба стоящихъ крыла Думы, сказалъ своему сосѣду: „Видите? вотъ это (сидящіе) будетъ жить, а это и это обречено на гибель!“ Въ разговоръ, однако, вмѣшался третій журналистъ и внесъ „поправку:“ „Вотъ эти, что сидятъ, будутъ жить, пока разрѣшаютъ вотъ тѣ (и онъ указалъ на министерскую ложу), а что касается этихъ (лѣвыхъ), они жили до Думы, живутъ сейчасъ, и будутъ жить и тогда, когда васъ разгонятъ...“ П. Н. Милюковъ только снисходительно улыбнулся выходкѣ „утописта“. Онъ такъ увѣренъ былъ, что поставилъ безошибочный прогнозъ нашему будущему...

Вся тактика к.-д. свидѣтельствовала только о томъ чрезмѣрномъ впечатлѣніи, какое произвела на нихъ неудача выборгскаго воззванія. Они рѣшили „исправиться“ и, насилуя (я вѣрю, что такъ) собственную совѣсть, пошли въ діаметрально-противоположномъ направленіи. И этотъ путь привелъ ихъ къ еще болѣе плачевному пораженію. Быть можетъ, они теперь „исправятся“ вторично, и ужъ не столь рьяно будутъ открещиваться отъ „миѳовъ“? Должны же они понять, что, если миѳъ—революціонный народъ, то еще большій миѳъ—даже такая умѣренная конституціонная партія, какъ гг. кадеты: *реальны*, въ такомъ случаѣ, одни октябристы или торговопромышленники, какъ центръ, съ оппозиціей изъ гг. Бобринскихъ и Пуришкевичей. Именно вѣдь такое „представительство“ и подготовляетъ себѣ власть въ лицѣ третьей Думы... Кое-какіе признаки указаннаго „исправленія“ одно время проявились въ кадетской прессѣ. Передовицы „Рѣчи“ заговорили о томъ, „что к.-д. партія никогда не считала думскаго пути единственнымъ...“ Это мало вяжется со всѣмъ, что говорилось и писалось за весь послѣдній годъ и даже два года, но не будемъ строги: будемъ лучше привѣтствовать эти признаки возвращенія

къ реализму отъ двухгодичнаго парламентскаго гипноза. Ненавистные „желторотые“, живые „тормазы“ кадетской работы, дастъ Богъ, снова будутъ реабилитированы въ званіе „друзей слѣва“, и это послужитъ общему благу... Но это—между прочимъ да и не такая вещь „направленство“, чтобы быстро отъ него излечиваться, особенно „профессорскимъ“ партіямъ, да и не столь уже все это и существенно... Существенно—иное.

Мнѣ кажется, для всякаго непредубѣжденнаго глаза ясно, что въ нашемъ освободительномъ движеніи настаетъ новая фаза, что событіе 3-го іюня является, какъ я уже сказалъ, поворотнымъ пунктомъ въ этомъ движеніи.

Отсюда—необходимость пересмотра многихъ и многихъ вопросовъ, провѣрка многихъ и многихъ утвержденій.

Многія программныя построенія, которыя легли въ основу дѣятельности нашихъ партій, создались подъ впечатлѣніемъ, подъ психологическимъ давленіемъ огромныхъ событій конца 1905 года, среди сложной, запутанной, лживой конъюнктуры „дней свободы“, „актовъ страха“ и торжественныхъ обѣщаній, открывшихъ эпоху „конституціонно-самодержавнаго“ строя. Вся двойственность, вся запутанность и неясность отношеній, какія господствовали тогда, не могла не отразиться на программо-строительствѣ, на постановкѣ и разрѣшеніи возникшихъ передъ нами соціально-политическихъ проблемъ.

Теперь, когда, благодаря акту 3-го іюня, всякая двойственность и неясность исчезаютъ, когда все и всѣмъ ясно, какъ на ладони, и когда опытъ двухъ лѣтъ обогатилъ насъ массою данныхъ, мнѣ кажется, пересмотръ прежнихъ утвержденій и необходимъ и можетъ оказаться чрезвычайно плодотворнымъ.

Я нисколько не игнорирую того, что этотъ пересмотръ уже начался давно и производился исподволь все время. Я не забываю, напримѣръ, Плехановскихъ статей, такъ много внесшихъ своимъ послѣдовательно-реалистическимъ разумомъ въ политическое мышленіе соціалъ-демократіи. Мнѣ думается только, что именно теперь настала пора продолжать эту работу мысли и довести ее до логическаго конца, соотвѣтственно той логикѣ фактовъ, которая столь краснорѣчиво развертывается передъ нами...

„Берегущее себя“ правительство и всѣ примыкающія къ нему реакціонныя группы — надо отдать имъ справедливость — съ образцовой логичностью выпрямляются и оправляются послѣ удара, нанесеннаго имъ „революціонной осенью“ 1905 года. Когда освободительное движеніе, война и финансы вынудили, наконецъ, у правительства уступку въ видѣ „дарованія народнаго представительства“—сначала чисто-совѣщательнаго (булыгинскаго), затѣмъ облеченнаго (на бумагѣ) законодательной властью, настаетъ періодъ *„страха“*, который очень скоро, однако, смѣнился періодомъ все крѣпнувшихъ надеждъ на спасеніе при помощи

„*твердой*“ власти. Мѣры твердой власти дѣлились на два типа: во-первыхъ, „бронировка“ правительства отъ народнаго представительства въ видѣ законовъ 20-го февраля, возведенныхъ въ законы основные, и наряду съ этимъ исключительные законы и временныя правила до военно-полевой юстиціи включительно. Этими мѣрами охранялась твердая власть. Вторая категорія мѣръ являлась систематическимъ подборомъ народнаго представительства, пригоднаго для твердой власти. Здѣсь желанная цѣль достигнута была не скоро.

При созданіи булыгинской, а затѣмъ и „виттевской“ первой Думы надежды возлагались на мужика. Надежды не оправдались; тогда попытались опереться на духовенство. Вотъ интересныя „справки“ на эту тему, напечатанныя въ „Руси“:

По этому поводу приводимъ со словъ, повидимому, хорошо освѣдомленнаго г. Рославлева (изъ „С.-Петер Вѣд.“), двѣ, если не ошибаемся‘ впервые появляющіяся „справки“. Первая—та, что Булыгинъ, вопреки доводамъ и свѣдѣніямъ, получавшимся съ мѣстъ, настоялъ не только на исключительныхъ правахъ крестьянъ по выборамъ, но и на полномъ невмѣшательствѣ въ выборы мѣстной власти. Въ этомъ смыслѣ почти наканунѣ составленія кабинета гр. Витте имъ данъ былъ циркуляръ губернаторамъ отнюдь‘ „не вліять“ и предоставить мужичкамъ вытаскивать изъ хляби государственный возъ. Они и вытащили его...

Когда были назначены выборы во вторую Думу, то случился, такъ сказать, второй „камуфлетъ“. Побѣдоносцевъ служилъ‘ порукою, что въ священствѣ „все обстоитъ благополучно“, и потому одновременно съ тѣмъ, какъ возникало гоненіе на свящ. Петрова, былъ отданъ по епархіямъ секретный приказъ, требующій обязательнаго участія всѣхъ „батюшекъ“ въ выборѣ выборщиковъ. Отсюда—этотъ необычайный наплывъ ихъ на выборныхъ собраніяхъ, зародившій опасенія, что Дума будетъ поповской. Дума не вышла поповской. зато попы въ ней сидятъ думскіе, т. е. соотвѣтствующіе ея колориту. Сорокъ тысячъ русскихъ священниковъ прислали въ Думу пять облаченныхъ въ рясы соціалистовъ“.

„Казалось бы,—замѣчаетъ по этому поводу „Русь“,—отсюда прямой выводъ, что если „крамола“ завелась и среди мужиковъ, и подъ духовной рясой, то „крамола“ именуется *голосомъ жизни*“...

Но власть сдѣлала иной выводъ. Распустивши вторую „крамольную“ Думу, она исправила „неудовлетворительный“ законъ о выборахъ и собираетъ третью Думу въ разсчетѣ опереться на „культурныхъ“ гг. Пуришкевичей, Бобринскихъ и Дубровиныхъ. Численно преобладая во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ (кромѣ только „второразрядной“ городской куріи нѣсколькихъ крупныхъ центровъ), эти господа, разумѣется, не пропустятъ въ Думу ни одного „крамольнаго“ попа, ни мечтающаго о „землѣ и волѣ“ крестьянина. Такой крестьянинъ можетъ пройти въ Думу лишь въ томъ случаѣ, если всѣ выборщики отъ крестьянъ по всей губерніи окажутся лѣвыми, что, разумѣется, трудно предположить.

Власть оперлась на единственную свою надежную „духовную“ опору— на аграріевъ. Она поняла, что ни въ какой иной средѣ, кромѣ среды аграріевъ, да развѣ еще крупныхъ промышленниковъ (I-й разрядъ городскихъ избирателей) она моральной поддержки искать не можетъ. Актъ 3-го іюня явился вполнѣ логичнымъ выводомъ изъ опыта послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Первый выводъ, который несомнѣнно, на мой взглядъ, вытекаетъ для насъ изъ опыта этихъ двухъ лѣтъ, это то, что именно аграрный вопросъ является точкой *наибольшаго сопротивленія* въ существующемъ строѣ. Оно и естественно, при томъ условіи, что правительство представляетъ изъ себя группу, въ большинствѣ принадлежащую именно къ классу аграріевъ и во всякомъ случаѣ близкую къ нему по всѣмъ интересамъ. Первая Дума была разогнана за попытку „поставить“ только аграрный вопросъ. Послѣ роспуска второй правительство уже окончательно обнажаетъ свой классовый составъ и свои симпатіи новымъ выборнымъ закономъ.

Отсюда—на мой взглядъ, вытекаетъ необходимость для партіи, только оппозиціонной, для партіи исключительно легальныхъ путей и парламентской работы, какова партія кадетская, поступиться своей аграрной программой или принципіально и въ корнѣ переродиться—измѣнить свою тактику. Я знаю, что „страшна“ кадетская программа главнымъ образомъ своими словами, своей терминологіей (*принудительное* отчужденіе!); знаю, что фактически эта партія не выдвинула бы и во второй Думѣ „острыхъ угловъ“ своей программы. Не даромъ она такъ старательно уклонялась отъ резолюціи въ отвѣтъ на „государственный соціализмъ“, провозглашенный г. Столыпинымъ, хотя резолюція вѣдь могла повторить только кадетскія директивы въ этой области. Наконецъ, то „ограниченіе“, которое введено было кадетами въ аграрной комиссіи второй Думы—изъятіе изъ контингента отчуждаемыхъ земель *культурныхъ хозяйствъ*, какъ они выражаются, есть вещь крайне растяжимая. Газеты сообщали, что комиссія склонна признавать *культурными* всѣ частно-владѣльческія земли, дающія вдвое большій урожай, чѣмъ крестьянскія. Это уже такое „изъятіе“, которое почти ничего не оставляетъ отъ „страшнаго“ содержанія кадетскихъ словъ... Но фактъ тотъ, что введенный подъ впечатлѣніемъ крестьянскаго движенія, этотъ словесный пунктъ кадетской программы уже успѣлъ отторгнуть отъ нихъ (и пока отъ оппозиціи вообще) все не только крупное, но и среднее землевладѣніе. Вѣдь ясно: проведеніе въ жизнь даже кадетской аграрной программы во всей ея полнотѣ предполагаетъ огромное и побѣдоносное движеніе „внѣ парламентское“, т. е. нѣчто такое, отъ чего совершенно открещивается эта партія. Постановка аграрнаго вопроса у кадетовъ, на мой взглядъ, является однимъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ порожденныхъ „днями свободы“ *иллюзій*, однимъ изъ самыхъ дикихъ пережитковъ этихъ дней.

Путь оппозиціонныхъ партій—это направленіе наименьшаго, а не наибольшаго сопротивленія. Такіе пункты, какъ „принудительное отчужденіе", безъ количественныхъ притомъ оговорокъ, дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто обратное поговоркѣ—дѣлаетъ изъ нихъ „овецъ въ волчьихъ шкурахъ". Маскарадный костюмъ болѣе, чѣмъ невыгодный...

Партіи, не задающіяся „органической" положительной работой въ ближайшемъ будущемъ, разумѣется, останутся въ этомъ вопросѣ на позиціи, диктуемой ихъ принципами. Но „отступленіе" въ этомъ пунктѣ кадетской оппозиціи, думается, не будетъ встрѣчено ими, какъ новое „предательство", не вызоветъ новыхъ нападокъ на эту партію. Я напомню Плехановскую формулу о *поддержкѣ кадетской оппозиціи*. Мнѣ кажется, соціалъ-демократія заинтересована въ томъ, чтобы поддерживать партію не „маскарадную", а откровенно-оппозиціонную, со стройной, во всѣхъ пунктахъ согласованной, тактикой и программой.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что при дальнѣйшей эволюціи и ростѣ освободительнаго движенія, кадетская партія изъ конгломерата превратится въ настоящую классовую партію средней буржуазіи (крупная останется у октябристовъ), выдѣливъ изъ себя лѣвые элементы въ новую буржуазно-демократическую или радикальную партію,—которая заполнитъ промежутокъ между кадетами и соціалистами. Зачатки такой партіи уже народились въ лицѣ „трудовиковъ" и „народныхъ соціалистовъ", которымъ только ихъ литературное направленство, ихъ пережиточно-народническая окраска препятствуетъ стать чисто-радикальной группой. Но въ близкомъ будущемъ, повидимому, еще нѣтъ условій для такой дифференціаціи. И не нужные въ крупныхъ центрахъ, гдѣ гораздо естественнѣе было бы населенію распредѣляться между октябристами, радикалами и соціалистами, кадеты будутъ еще нѣкоторое время втягивать въ свой конгломератъ и *объединять* оппозицію въ глухихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ дифференціація идетъ особенно вялымъ темпомъ... Войдутъ ли они въ „техническія соглашенія" съ октябристами при выборахъ въ третью Думу или нѣтъ, они несомнѣнно пройдутъ и въ эту Думу и, вѣроятно, будутъ представлять собою умѣренно-оппозиціонное меньшинство. Въ силу именно этого обстоятельства и возникаетъ вопросъ объ отношеніи къ нимъ со стороны соціалистовъ какъ въ Думѣ (надо предполагать, что въ очень незначительномъ числѣ, но и соціалисты тамъ будутъ отъ „второразрядной" городской куріи), такъ и внѣ ея.

Отношеніе это, мнѣ думается, хорошо формулируется тѣмъ принципомъ „раздѣленія труда", который проводилъ г. Милюковъ въ цитированной мною выше статьѣ.

Я, разумѣется, далекъ отъ мысли проповѣдовать какія нибудь *соглашенія*, хотя бы только предвыборныя или техническія... Послѣднія, на

мой взглядъ, дѣло именно *техники*, вопросъ данныхъ, мѣстныхъ, конкретныхъ условій,—вопросъ *ариѳметики*; не болѣе того...

Никакихъ общихъ соображеній здѣсь выставлять, мнѣ кажется, нельзя. Предположительно можно, однако, высказать, что необходимость техническихъ соглашеній на выборахъ будетъ на-лицо лишь въ городахъ того не диффереицированнаго типа, о которыхъ я упоминалъ.

Столицы и крупные промышленые центры вообще уже въ прошлую кампанію доказали, что *лѣвый блокъ* имѣетъ за собой достаточно данныхъ для самостоятельныхъ выступленій. При нынѣшнемъ раздѣленіи именно въ крупныхъ центрахъ избирателей на двѣ куріи, шансы лѣвыхъ, разумѣется, возрастаютъ, (если, впрочемъ, не будутъ приняты надлежащія мѣры „урегулированія“ шансовъ). Но не объ этомъ рѣчь.

Говоря въ „*изъявительномъ наклоненіи*“, я скажу, что для всякаго соціалъ-демократа должно быть очевидно одно: на той стадіи политической эволюціи, на которой мы находимся, дѣятельность соціалистическихъ партій, въ конечномъ счетѣ, все же лишь *пробиваетъ дорогу* для партій буржуазныхъ, подготовляетъ ихъ временное торжество.

Отсюда вытекаетъ „*повелительное наклоненіе*“ такого рода: что бы изъ себя ни представляла эта „мимитическая“ („сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ“) кадетская партія, *пока* она является единственной оппозиціонной партіей, приходится съ ея дѣятельностью *координировать* дѣятельность соціалистическую. Это диктуется принципомъ экономіи силъ.

Пусть ихъ декламируютъ, когда найдутъ „полезнымъ“, о „красныхъ тряпкахъ“ и проч. Разоблачая всѣ прелести ихъ идеологіи и логики, мы тѣмъ не менѣе должны ихъ использовать наилучшимъ образомъ для нашихъ цѣлей...

Огромная внѣдумская работа—позиція *привычная* для „лѣвыхъ“, которая лишь отчасти была осложнена двумя „Думами“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что центръ тяжести долженъ былъ все время оставаться здѣсь. При „третьей Думѣ“, съ ея составомъ почти „по назначенію“ (ибо новый выборный законъ почти равняется именно „назначенію“), это привычное мѣстонахожденіе центра тяжести партійной работы, разумѣется, не претерпитъ перемѣны. А разъ такъ, то партіи, которыя (чтобы онѣ ни говорили) „о Думѣ и только о Думѣ и движутся и суть“, партіи такъ сказать „фютюръ-парламентскія“, поистинѣ только и могутъ проводить рекомендованное Милюковымъ раздѣленіе труда, т. е., предоставляя „друзьямъ слѣва“ производить „привычную“ для нихъ работу, учитывать результаты ея. Въ общемъ, говоря безъ всякой ироніи, эта фраза Милюкова вѣдь совершенно вѣрно опредѣляетъ въ существенныхъ чертахъ взаимоотношеніе тѣхъ и другихъ партій. Можетъ быть, это не лишено цинизма, когда исходитъ изъ устъ представителя партіи „учитывающей“, но когда подобная постановка вопроса дѣлается Плехановымъ, напримѣръ, то это лишь точ-

ное и реалистическое опредѣленіе линіи поведенія для соціалъ-демократіи и метода использованія ею силъ либеральной оппозиціи.

Затѣмъ, если справедливо, что мы переживаемъ лишь начальную стадію освободительнаго процесса, и если несомнѣнно, что Россія находится въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ для быстраго его развитія, то задача движенія—утилизировать каждую представляющуюся на его пути возможность, закрѣплять за собою, и укрѣплять, и расширять каждую само-малѣйшую изъ завоеванныхъ позицій.

Нельзя быть расточительнымъ при такой скудости средствъ, при такой исключительной массѣ преградъ и препонъ, при такомъ косномъ упорствѣ и физическомъ могуществѣ врага.

Изъ этой общаго характера предпосылки уже сразу вытекаетъ рѣшеніе объ утилизаціи и третьей Думы. Небольшая горсть соціалистовъ, туда попавшая, сумѣетъ, въ случаѣ удачнаго личнаго состава, сдѣлать въ ней, въ этой Думѣ „по назначенію", почти столько же для демократіи и для пролетаріата, сколько могла она сдѣлать и въ прежнихъ Думахъ. А матеріалъ для дѣятельности будетъ поставляться „назначенными" друзьями власти въ такомъ изобиліи и такого качества, что не оставитъ желать лучшаго! Это, безусловно, гарантировано намъ заботами правительства. Систематическая правдивая и смѣлая критика, даваемая соціалистами, окончательно обнажитъ въ глазахъ народа дѣло власти и ея друзей въ третьей Думѣ.

Другое, вытекающее изъ той же общей оцѣнки конъюнктуры соображеніе сводится къ необходимости использовать всѣ средства для созданія организацій и союзовъ, которыми такъ бѣдна наша жизнь. Два практическихъ лозунга, мнѣ кажется, напрашиваются сами собою при мысли о пережитыхъ двухъ годахъ, при мысли о той зіяющей пустотѣ, которая у насъ замѣняетъ собою ту сплошную сѣть общественныхъ ячеекъ, какими покрыта Европа современная, — сѣть, сплетенія которой были уже достаточно часты и въ тѣ годы, когда Германія, напримѣръ, завоевывала себѣ конституціонный строй. Борьба за демократизацію и децентрализацію земства и упорное отстаиваніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и размноженіе ихъ—вотъ несомнѣнные директивы для дѣятельности среди широкихъ массъ крестьянства, съ одной стороны, и пролетаріата—съ другой... Мы стоимъ не у „разбитаго корыта", какъ думаютъ иные, а лишь у распущенной жалкой пародіи парламента, возрожденіе которой въ прежнемъ видѣ даже врядъ ли и желательно. Воздухъ очищенъ и ясенъ. Почва подъ ногами тверда. Нѣтъ болѣе иллюзій, есть только трезвое знаніе, да рѣшимость не отступать и не уступать того, что принадлежитъ намъ по праву... Новая Дума—это торжественно провозглашенное единеніе между властью и аграріями, это самоотождествленіе власти съ самымъ хищническимъ и самымъ реакціоннымъ классомъ нашего общества... Можно ли найти другой, болѣе

вѣскій аргументъ для окончательнаго проясненія сознательности массъ, можно ли придумать болѣе назидательное, болѣе радикальное воспитательное средство? Правительство окажетъ народу безподобную услугу этой третьей „дворянской“ Думой. И народъ сумѣетъ выразить свою благодарность... Будутъ ли имѣть поводъ къ благодарности власти ея друзья, нынѣ предающіеся ликованію по поводу оказаннаго имъ довѣрія,—это вопросъ, на который отвѣтить утвердительно я не рѣшусь.

Итакъ, смѣло впередъ—въ новую ясную фазу нашей исторіи. Лживая „самодержавно-конституціонная“ полоса „дней свободы“, жалкихъ „парламентовъ въ участкахъ“ изжита и ликвидирована. Эти безсильныя и надрывающіяся въ своемъ безсильѣ Думы, эти посылаемые населеніемъ на „пропятіе“, на ежедневныя оскорбленія со стороны власти честные депутаты — все это отошло въ исторію. „La Douma est morte, Vive la Douma!“—этотъ возгласъ англійскаго министра нашли благовременнымъ повторить нѣкоторые бульварно-либеральныя газеты и по поводу роспуска второй Думы... Вышло не очень удачно. Со смертью второй Думы умерло и вообще это специфическое порожденіе нашей исторіи. Вотъ почему я и озаглавилъ эту бѣглую замѣтку, посвященную покойницѣ,—„*Послѣдняя Дума*“... То учрежденіе, которое начнетъ свою дѣятельность въ ноябрѣ, врядъ ли на языкѣ народа будетъ удостоено имени Думы, врядъ ли войдетъ съ этимъ именемъ и въ исторію. Надо полагать, съ другой стороны, что именно оно явится послѣднимъ учрежденіемъ, и на оффиціальномъ языкѣ носящимъ наименованіе „Государственной Думы“...

М. Невѣдомскій.

Изъ жизни и литературы.

Великолѣпный работникъ и художникъ-творецъ.

(По поводу XVI сборника „Знанія").

(Окончаніе).

Перейдемъ къ самому произведенію художника, прежде всего къ фактической сторонѣ его, къ той художественной гипотезѣ, которую построилъ авторъ, по пути указывая на тѣ измѣненія, которыя внесъ художникъ въ повѣствованія евангелистовъ и историка.

Никто изъ учениковъ не замѣтилъ, когда впервые оказался около Христа Іуда Искаріотъ, но уже давно онъ шелъ *по ихнему пути.* Оказывалъ имъ маленькія услуги, кланялся, улыбался, заискивалъ, зачѣмъ-то притворялся хилымъ и болѣзненнымъ, даже кашлялъ притворно и голосъ имѣлъ перемѣнчивый. Этотъ рыжій и безобразный іудей былъ человѣкомъ дурной славы и не было никого, кто могъ бы сказать о немъ доброе слово—и добрые, и злые порицали его.

Не было сомнѣнія для нѣкоторыхъ учениковъ, что въ желаніи его приблизиться къ Іисусу скрывалось какое-то тайное намѣреніе, былъ злой и коварный разсчетъ.

Но не слушалъ ихъ совѣтовъ Іисусъ. *Съ тѣмъ духомъ свѣтлаго противорѣчія, который неудержимо влекъ Его къ отверженнымъ и нелюбимымъ, Онъ рѣшительно принялъ Іуду* и *включилъ его въ кругъ избранныхъ.* Даже люди, совсѣмъ лишенные проницательности, ясно понимали, глядя на Іуду, что такой человѣкъ не можетъ принести добра, а Іисусъ приблизилъ его и даже рядомъ съ собой посадилъ.

Но въ скоромъ времени отношеніе Іисуса къ Іудѣ какъ-то странно измѣнилось.

Началось это такимъ образомъ. Іуда всегда разсказывалъ дурное о жителяхъ тѣхъ селеній, къ которымъ приближался Іисусъ съ учениками и всегда предвѣщалъ бѣду. Но почти всегда случалось такъ, что люди, о которыхъ говорилъ онъ дурно, съ радостью встрѣчали путниковъ, окружали ихъ вниманіемъ и любовью и становились вѣрующими, а денежный ящикъ, завѣдываніе которымъ поручили Іудѣ, становился такъ полонъ, что трудно было его нести. И тогда надъ его ошибкой смѣялись.

Но въ одномъ селеніи встрѣтили ихъ радушно, тоже „повѣрили быстро и денегъ дали“, а потомъ послѣ повѣрили также „быстро“ старухѣ, которой упрямо доказывали, что Іисусъ укралъ у нея козлика, что больше некому было украсть, какъ Іисусу, и даже хотѣли пуститься въ погоню.

Когда Іуда вмѣстѣ съ Ѳомой узналъ объ этомъ фактѣ и съ торжествомъ возвѣстилъ Іисусу и ученикамъ, онъ, вопреки своему ожиданію, вызвалъ недовольное чувство: „на него не глядѣли, а если кто и взглядывалъ, то очень недружелюбно, даже съ презрѣніемъ какъ будто“.

Съ этого времени Іисусъ глядѣлъ на Іуду, точно не видя, хотя попрежнему и даже упорнѣе, чѣмъ прежде, искалъ его глазами всякій разъ, когда начиналъ говорить ученикамъ или народу.

И чтобы онъ ни говорилъ, хотя сегодня одно, а завтра совсѣмъ другое, хотя бы то самое, что думаетъ Іуда, казалось, однако, что онъ всегда *говоритъ противъ Іуды*. И для всѣхъ онъ былъ нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣтомъ, благоуханной розой ливанскою, а для Іуды оставлялъ только острые шипы.

Цѣлый рядъ новыхъ фактовъ только усиливалъ охлажденіе Іисуса и отчужденность Іуды.

Въ одномъ іудейскомъ селеніи возмущенные жители хотѣли побить камнями Іисуса и его учениковъ за проповѣдь, обличавшую лицемѣровъ, и только послѣ того, какъ охваченный безумнымъ страхомъ за Христа, Іуда, яростно и слѣпо бросился на толпу, назвавъ Іисуса обманщикомъ, воромъ, любящимъ деньги, только тогда опустились поднятыя руки.

Снова Іуда торжествовалъ и ждалъ поздравленій за то, что онъ одинъ проявилъ смѣлость и спасъ Іисуса отъ людей, которые хотѣли убить его, когда онъ обличалъ ложь, и пощадили его, когда повѣрили, что онъ обманщикъ. Но разгнѣванный Іисусъ шелъ большими шагами и молчалъ, и всѣ, кому попадался на глаза Іуда, отгоняли его отъ себя короткими и гнѣвными восклицаніями.

„Вотъ они идутъ по дорогѣ кучкой, какъ стадо барановъ, и подымаютъ пыль, а я, благородный, прекрасный Іуда плетусь сзади, какъ грязный рабъ, которому нѣтъ мѣста рядомъ съ господиномъ“, говорилъ съ досадой Іуда Ѳомѣ.

Сойдя съ дороги, онъ огромными скачками спустился въ оврагъ и тамъ остался одинъ со своими мыслями, въ глубинѣ каменистаго оврага, похожаго на опрокинутый, обрубленный черепъ, въ которомъ каждый камень былъ—„какъ застывшая мысль“.

Въ эту ночь не вернулся Іуда на ночлегъ и не исполнялъ своихъ обычныхъ обязанностей.

Вскорѣ послѣ случая въ іудейскомъ селеніи, когда благодаря смѣлости Іуды былъ спасенъ Іисусъ, Іуда, этотъ мнимый „больной“, обнаружилъ неожиданно необыкновенную силу во время состязанія учениковъ въ силѣ.

Всѣ хвалили Іуду и признавали его побѣдителемъ, но Іисусъ „и на этотъ разъ не захотѣлъ похвалить Іуду".

И снова, черезъ нѣкоторое время, ученики „тѣсною кучкою шли впереди", а Іуда, побѣдитель, Іуда сильный, *„одинъ плелся сзади*, глотая пыль".

Тихимъ вечеромъ, когда сладко отдыхало утомленное тѣло и все оно думало о чемъ-то загадочно-прекрасномъ и большомъ, *никто не вспомнилъ объ Іудѣ.*

Ночью Іуда стоналъ и скрипѣлъ зубами и съ устъ его падали „слова, налитыя тоскою и гнѣвомъ": „Почему Онъ не съ Іудой, а съ тѣми, кто Его не любилъ? Я далъ бы Ему Іуду, смѣлаго, прекраснаго Іуду! А теперь Онъ погибнетъ, *а вмѣстѣ съ Нимъ погибнетъ и Іуда.* Онъ прячется отъ смѣлаго, сильнаго, прекраснаго Іуды! Онъ *любитъ глупыхъ предателей, лжецовъ*".

Очевидно, тамъ, въ оврагѣ съ камнями, похожими на засѣвшія мысли, тихимъ вечеромъ, когда во мракѣ души Іуды поднимались мысли, „подобныя горамъ", долгими ночами уже намѣтилъ Іуда Искаріотъ опредѣленное рѣшеніе, что видно изъ подчеркнутыхъ нами словъ.

Съ этимъ рѣшеніемъ долженъ былъ Іуда сопровождать всюду Іисуса и Его учениковъ.

Вскорѣ произошла въ Іудѣ перемѣна, которую замѣтили всѣ и порадовались ей. „Только Іисусъ *также чуждо* смотрѣлъ на него, хотя прямо ничѣмъ не выражалъ своего нерасположенія".

Произошла эта перемѣна послѣ того, какъ Ѳома обнаружилъ, что Іуда „утаилъ нѣсколько динаріевъ". Разгнѣванный Петръ схватилъ за воротъ и „чуть не удушилъ", а Учитель сказалъ: „Іуда можетъ брать денегъ, сколько хочетъ... онъ намъ братъ, и всѣ деньги его, какъ наши"...

Простъ, ловокъ и въ тоже время серьезенъ сталъ Искаріотъ, сталъ чаще задумываться, а такъ какъ „молчаніе Іудиныхъ думъ" пугало учениковъ, онъ чаще сталъ уединяться... И только однажды поразилъ всѣхъ своей дерзкой выходкой: это произошло во время спора Іоанна и Петра о первенствѣ, споръ, который дѣлался уже непристойнымъ.

Іуда, умѣвшій каждому сказать то, „что ему особенно нравится", уже раньше каждому изъ любимыхъ учениковъ Іисусъ въ отдѣльности предвѣщалъ это первенство, и вотъ теперь, когда къ нему обратились они оба вмѣстѣ при Іисусѣ съ вопросомъ: „Кто будетъ первый подлѣ Іисуса?"— Іуда отвѣтилъ тихо и важно: „Я! я буду возлѣ Іисуса!"

Таковы факты, предшествовавшіе предательству Іуды.

Какъ разъ къ *этому* времени, а не къ эпизоду въ Виѳаніи, относитъ Леонидъ Андреевъ первый шагъ Іуды къ предательству.

По сказанію евангелистовъ, „первосвященники обрадовались и сразу согласились дать ему денегъ"; у Леонида Андреева: осторожный и хитрый

Анны долго не давалъ Іудѣ рѣшительный отвѣтъ, такъ какъ „не довѣрялъ его легкомысленнымъ надеждамъ на трусость учениковъ и народа... и боялся кровопролитія, боялся грознаго бунта, на который такъ легко шелъ непокорный и гнѣвный народъ Іерусалима".

И въ третій, и въ четвертый разъ пришелъ къ нему Искаріотъ. „Настойчивый, какъ вѣтеръ, который и днемъ, и ночью стучится въ запертую дверь"...

Но вотъ и еще разъ, и еще разъ постучался Іуда, и только тогда „запертая дверь" открылась, и торгъ состоялся.

Какъ видятъ читатели, художникъ не допускаетъ того „минутнаго увлеченья" и той „безразсудной поспѣшности", о которой пишетъ Э. Ренанъ; этого мало,—не допускаетъ онъ и той невольной ошибки, которою объясняютъ послѣдовавшее за предательствомъ самоубійство Іуды евангелисты...

У Леонида Андреева Іуда знаетъ завѣдомо, что Іисусъ будетъ осужденъ и преданъ смерти, уже давно знаетъ, что „вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ Іуда".

Во время „горячаго и бѣшенаго торга" Іуда вопитъ, наступая на первосвященника: „30 серебренниковъ! Вѣдь это одного *обола* не выходитъ за каплю крови! Половины обола не выходитъ за слезы! Четверть обола за стоны! А крики! А судороги! А за то, чтобы его сердце остановилось? А за то, чтобы закрылись его глаза? Это даромъ?.."

Торгъ состоялся. Выйдя за городъ, Іуда спряталъ деньги подъ камнемъ...

Позднѣе Л. Андреевъ еще разъ повторяетъ, что „деньги лежали подъ камемъ", подчеркивая, что эти деньги мало интересовали Іуду.

Послѣ притворно-бѣшенаго торга, послѣ недавняго „страннаго восторга", съ которымъ Іуда восхвалялъ достоинства продаваемаго Іисуса, какъ бы испытывая, во что ихъ оцѣнятъ „первосвященники", предатель возратился „тихо тяжелыми, медленными шагами"... Это была „жестокая и смертная битва"!

Какъ „обманщика", когда-то спасъ Іуда Іисуса въ одномъ іудейскомъ селеніи отъ смерти, какъ обманщика, предалъ теперь онъ Его на смерть.

А когда вернулся Іуда въ домъ, гдѣ были Іисусъ и ученики, онъ увидѣлъ того, „кого купилъ за 30 серебренниковъ".

Іисусъ, измученный непрерывной борьбой съ фарисеями, „спалъ спокойно и крѣпко".

Съ нѣжной осторожностью матери, которая боится разбудить свое больное дитя, Іуда тихо коснулся мягкихъ волосъ Іисуса, а потомъ, „выйдя въ мѣсто, куда ходили по нуждѣ, долго плакалъ тамъ, корчась, извиваясь, царапая ногтями грудь и кусая плечи. Ласкалъ воображаемые волосы Іисуса, нашептывалъ тихо что-то нѣжное и смѣшное и скрипѣлъ зубами. Потомъ внезапно перестать плакать, стонать и скрежетать зубами и тяжело задумался... И такъ долго стоялъ онъ, тяжелый, рѣшительный и *всему чужой, какъ сама судьба*".

Въ послѣдніе дни Іуда окружилъ Іисуса тихой любовью, нѣжнымъ вниманьемъ, какъ лаской... Стыдливый, робкій, какъ дѣвушка въ своей первой любви, странно-чуткій и проницательный, какъ она, онъ угадывалъ малѣйшее невысказанное желаніе Іисуса... Онъ сблизился съ женщинами, окружавшими Іисуса. И то „женственное и нѣжное, что было въ его любви къ Іисусу, сблизило его съ ними, сдѣлало его простымъ, но нѣжнымъ и *даже красивымъ*"...

Въ тоже время одною рукою предавалъ Іисуса, другою рукою Іуда старательно искалъ разстроить собственные планы. Онъ постоянно говорилъ объ опасности, допрашивалъ всѣхъ, любятъ ли они Учителя, принесъ два меча...

Тѣ два меча, о которыхъ упоминаетъ евангелистъ, не указывая откуда они взялись.

Вступленіе Іисуса въ Іерусалимъ и восторгъ народа, кричавшаго „Осанна!", произвело громадное впечатлѣніе на Іуду. „А что, если Онъ правъ? Если *камни* у *Него* подъ ногами, а у *меня* подъ ногами *песокъ* только, тогда что?"—спрашивалъ Іуда Ѳому.

Этотъ вопросъ: „кто правъ" все чаще встаетъ передъ Іудой во всѣ послѣдующіе дни, вплоть до послѣдняго вздоха Іисуса.

О Тайной Вечери, занимающей въ Евангеліи центральное мѣсто, Леонидъ Андреевъ вскользь упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ: „Вотъ прошла и послѣдняя вечеря, полная печали и смущеннаго страха, и уже прозвучали неясныя слова Іисуса о комъ-то, кто предастъ Его".

Когда Ѳома послѣ спрашивалъ Іуду, знаетъ ли онъ, кто предастъ Іисуса, Іуда ему отвѣтилъ: „*Ты* его предашь".

Леонидъ Андреевъ совершенно опускаетъ молитву Іисуса въ саду Гефсиманскомъ, эту бесѣду Сына съ Отцомъ, но зато, точно въ параллель, онъ передъ отправленіемъ Іисуса на гору Елеонскую, гдѣ Онъ, преданный, провелъ послѣднюю ночь съ учениками,—заставилъ Іуду-Предателя вести бесѣду во мракѣ своей души съ нѣжно любимымъ Іисусомъ, бесѣду, страшно напоминающую молитву Іисуса въ саду Гефсиманскомъ... Къ нѣсколькимъ словамъ евангелиста: „А была ночь, когда Онъ вышелъ" (послѣ того, какъ онъ принялъ отъ Іисуса кусокъ хлѣба съ солью и вселился въ него сатана) художникъ добавляетъ длинный монологъ Іуды, заставивъ страшнымъ трагизмомъ звучать „печальный и суровый голосъ" въ тишинѣ надвигающейся ночи: „Ты знаешь, куда иду я, Господи? Я иду предать Тебя въ руки твоихъ враговъ,—говоритъ Іуда...

И было долгое молчаніе, тишина вечера и острыя черныя тѣни.

— Ты молчишь, Господи? Ты приказываешь мнѣ идти?

И снова молчанье.

— Позволь мнѣ остаться. Но Ты не можешь? Или не смѣешь? Или не хочешь?

И снова молчаніе огромное, какъ глаза вѣчности.

Но вѣдь *Ты знаешь, что я люблю Тебя*, зачѣмъ Ты такъ смотришь на Іуду?.. Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжелѣ горъ и свинца: развѣ Ты не слышишь, какъ трещитъ подъ нею грудь Іуды Искаріота?

И послѣдовало молчаніе, бездонное, какъ послѣдній взглядъ вѣчности.

— Я иду"...

Передъ отправленіемъ на гору Елеонскую Іисусъ „непонятно медлилъ", и въ это время, по разсказу художника, Онъ внезапно обратился къ торопившимъ его ученикамъ съ тѣми словами, которыя приводятся буквально у евангелиста Луки (гл. XXII, ст. 35—38): „Кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его, также и сумму, а у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи мечъ. Ибо сказываю вамъ, что должно исполниться на Мнѣ и этому написанному: и къ злодѣямъ причтенъ".

Только у евангелиста Луки дальше слѣдуетъ: „Они сказали: Господи! Вотъ здѣсь два меча. Онъ сказалъ имъ: Довольно".

У Леонида Андреева „ученики *удивлялись* и смотрѣли другъ на друга *съ слушаніемъ*. Петръ же отвѣтилъ: „Господи! Вотъ здѣсь два меча.

Онъ взглянулъ *испытующе* на нихъ *добрыя* лица, *опустилъ голову* и сказалъ тихо:—Довольно".

У Апостола Матѳея еще упоминается, что когда Іисусъ и ученики „воспѣвши пошли на гору Елеонскую", Іисусъ сказалъ ученикамъ: „*Всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь*"... (гл. XXVI ст. 30, 31).

Художникъ подробно описываетъ тотъ моментъ, когда „молча проходили они по спящему Іерусалиму" и звонко отдавались по улицамъ шаги идущихъ „*и тѣней своихъ пугались*" ученики. „И тѣ, кто шли сзади, слышали отрывочно тихія слова Іисуса. *О томъ, что всѣ покинутъ Его говорилъ Онъ*".

Вотъ уже они въ саду Гефсиманскомъ. Іисусъ,—томимый безпокойствомъ, и ученики его, которые говорили, что никогда „не оставятъ его". Зѣвая отъ усталости, они говорятъ о томъ, какъ холодна ночь и о томъ, какъ дорого мясо въ Іерусалимѣ, рыбы же совсѣмъ нельзя достать.

„Душа моя скорбитъ смертельно. Побудьте здѣсь и бодрствуйте"—проситъ ихъ Учитель, быстро удаляясь въ чащу сада, но ученики засыпаютъ. Они „*оставляютъ*" Учителя въ этотъ послѣдній часъ.

Тресущіеся отъ холода, съ испуганными, заспанными лицами вскочили они въ моментъ предательства...

По разсказу евангелистовъ, ап. Петръ выхватилъ мечъ и отсѣкъ имъ правое ухо одному изъ воиновъ, чѣмъ вызвалъ слова Іисуса, противорѣчащія предыдущей его бесѣдѣ: „поднимающій мечъ отъ меча погибнетъ" и чудесное исцѣленіе раненаго воина.

У Леонида Андреева нѣтъ ни словъ Іисуса, ни исцѣленія воина.

„Петръ Симоновъ съ трудомъ, точно потерялъ всѣ силы, извлекъ изъ

ножень мечъ и слабо, косымъ ударомъ, опустилъ его на голову одного изъ служителей, но никакого вреда не причинилъ"...

„Тогда,—разсказываетъ объ этомъ моментѣ предательства евангелистъ Маркъ (гл. XIV ст. 60, 51, 52),—оставивши е о, всѣ бѣжали. Одинъ юноша, завернувшись по нагому тѣлу въ покрывало, слѣдовалъ за нимъ и воины схватили его. Но онъ, оставивъ покрывало, такъ убѣжалъ отъ нихъ".

Леонидъ Андреевъ подробно описываетъ эту сцену „трепета, готоваго перейти въ громко ляскающую дрожь испуга", и сильными штрихами рисуетъ бѣгство спутниковъ Iисуса:

„И побѣжалъ Iоаннъ, и побѣжалъ Iаковъ, и побѣжалъ Θома, и всѣ ученики, сколько ихъ не было здѣсь, *оставивъ Iисуса*, бѣжали. Теряя плащи, ушибаясь о деревья, натыкаясь на камни и падая, они бѣжали въ горы, гонимые страхомъ, и въ тишинѣ лунной ночи звонко гудѣла земля подъ топотомъ многочисленныхъ ногъ".

Не забылъ художникъ вставить въ эту картину бѣгства одну фигуру, отмѣченную и ап. Маркомъ: „*Кто-то неизвѣстный*, повидимому, только что вставшій съ постели, ибо былъ покрытъ онъ только однимъ одѣяломъ, возбужденно сновалъ въ толпѣ воиновъ и служителей. Но когда его хотѣли задержать и схватили за одѣяло, онъ испуганно вскрикнулъ и бросился бѣжать, *какъ и другіе*, оставивъ свою одежду въ рукахъ солдатъ".

Одинъ еще штрихъ добавляетъ художникъ при этомъ къ словамъ ев. Марка и заставляетъ фигуру жить:

„Такъ совершенно голымъ бѣжалъ онъ отчаянными скачками и нагое тѣло его странно мелькало подъ луною".

Что же дѣлалъ въ это время Iуда и какими чертами описываетъ его художникъ въ этотъ роковой моментъ?

Растеряннымъ? Жалкимъ? Отвратительнымъ? Низкимъ и подлымъ?

Отнюдь нѣтъ!

„Безмолвнымъ и строгимъ, какъ смерть въ своемъ строгомъ величіи".

Самое „лобзаніе Iудино" въ тотъ моментъ, когда Iуда замѣтилъ испугъ учениковъ, готовыхъ оставить Учителя, получаетъ совершенно иной характеръ. „И зажглась въ его сердцѣ смертельная скорбь,—пишетъ художникъ объ Iудѣ,—*скорбь, подобная той, которую и слышалъ передъ этимъ Христосъ*. Вытянувшись въ сотню громко звенящихъ рыдающихъ струнъ, онъ быстро рванулся къ Iисусу и *нѣжно* поцѣловалъ Его холодную щеку"...

Это былъ поцѣлуй любви, Iуда поцѣловалъ Iисуса съ „мучительной любовью и тоской, этотъ поцѣлуй вторилъ тѣмъ голосамъ, которые кричали въ чудовищномъ хаосѣ души Iуды: „Голосомъ любви скликаемъ мы палачей изъ темныхъ норъ и ставимъ крестъ—и высоко надъ теменемъ земли мы поднимаемъ на крестѣ *любовью распятую любовь*".

Молніей своего взора освѣтилъ въ эту минуту Іисусъ душу Іуды, но „въ *бездонную глубину ея не могъ проникнуть*".

Только Петръ сопровождаетъ Іисуса во дворъ первосвященника, гдѣ толпа служителей грѣлась у костровъ.

Тамъ Петръ отрекся отъ Іисуса на глазахъ Іуды и, перепуганный, ушелъ со двора.

„И съ этого вечера,—пишетъ Л. Андреевъ,—до самой смерти Іисуса не видѣлъ Іуда вблизи Его ни одного изъ учениковъ; и среди всей этой толпы были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные общностью страданій: Тотъ, Кого предали на поруганье и муки, и тотъ, кто Его предалъ. Изъ одного кубка страданья пили они оба, преданный и предатель, и огненная влага одинаково опаляла чистыя и нечистыя уста".

Вотъ онъ бормочетъ жалобно и хрипло: „Какъ холодно, Боже, какъ холодно" и пронизанный мгновенной болью всего тѣла, всѣхъ костей, прислушивается, какъ бьютъ Іисуса и бормочетъ тоскливо: „Ахъ, больно, очень больно, сыночекъ мой". При свѣтѣ догорающихъ костровъ онъ мечется по двору, заглядываетъ въ грязную караульню, гдѣ надругается надъ Іисусомъ сонно-жадная злоба солдатъ, и близкій къ безумію ждетъ, что вотъ, вотъ люди поймутъ, что это—самый лучшій человѣкъ—это такъ просто!.. Но изъ караульни доносятся „крики, смѣхъ и ругательства".

Вотъ онъ встрѣчаетъ Ѳому и торопливо говоритъ ему: „Нужно, чтобъ всѣ собрались вмѣстѣ и громко потребовали: отдайте Іисуса"..., но Ѳома рѣшительно отмахивается руками, ученики не хотятъ препятствовать суду, они, какъ Іуда, думаютъ, что судъ повелитъ немедленно освободить невиннаго; правда, они допускаютъ, что судъ можетъ осудить, но вѣдь есть „еще настоящій судья".

Іуда смѣется надъ этимъ и „настоящимъ судьей", идетъ за Іисусомъ ко дворцу Пилата.

Тамъ собрался тотъ самый народъ, который привѣтствовалъ еще такъ недавно Іисуса восторженными кликами „Осанна", тамъ долженъ рѣшиться вопросъ: правъ ли Іуда или не правъ?

Но и здѣсь народъ обманываетъ ожиданье Іуды и кричитъ, вопитъ, требуетъ тысячью звѣриныхъ и человѣческихъ голосовъ:—Варраву отпусти намъ! Его же распни, распни!

Разбойника народъ освобождаетъ, а Праведника предаетъ смерти, и по надменному лицу римлянина Пилата пробѣгаютъ судороги отвращенія и гнѣва. Онъ умываетъ руки, онъ злобно кричитъ удивленно молчащему народу:—„Неповиненъ я въ крови Праведника этого".

Іуда бросается къ нему съ радостью поистинѣ сатанинскою и повторяетъ съ прерывистымъ, горячимъ шопотомъ: „Ты мудрый!.. ты благородный!"

Этотъ римлянинъ *понялъ* истину, какъ самъ Іуда; въ Пилатѣ Іуда какъ бы видитъ *собственное* отраженіе, вѣдь Пилатъ какъ бы говоритъ, умывая руки, и самому Іудѣ: „Ты тоже неповиненъ въ крови этого Праведника, предаваемаго на смерть народомъ и учениками".

Пилатъ можетъ спасти Іисуса, какъ Іуда могъ его не предавать, но онъ послужитъ осуществленію *„ужаса и мечты"*.

Отъ дворца Пилата Іуда идетъ дальше, „поглощаемый чувствомъ всепобѣждающаго жгучаго любопытства", съ „невыносимымъ любопытствомъ" стремясь рѣшить вопросъ, „поймутъ они или не поймутъ", иногда онъ испытываетъ „что-то странное, похожее на ослѣпительную радость паденія".

Страшно усталый, съ каменными мыслями приходитъ онъ къ кресту, тамъ онъ видитъ множество плачущихъ женщинъ, но не видитъ Іоанна рядомъ съ матерью Іисуса, который тамъ былъ по сказанью евангелиста.

Здѣсь у Голгофы Іуда шепчетъ Іисусу: „Я съ Тобою. Туда. Ты понимаешь, туда!"

Этими словами онъ даетъ понять Іисусу о принятомъ рѣшеніи умереть вслѣдъ за Христомъ послѣ Его смерти и *„первымъ быть возлѣ Него"*.

Здѣсь, у креста, на которомъ „напряженно содрогаясь, вытягиваются руки Іисуса", Іуда еще разъ „такъ же ясно, какъ ужасную побѣду свою, видитъ ея зловѣщую шаткость".

Еще время принадлежитъ Іисусу, еще можетъ разорваться тонкая пленка, застилающая глаза людей, еще могутъ тысячи людей услышать все тотъ же крикъ „Осанна", который такъ громко раздается въ сердцѣ Іуды.

Но... осуществился *ужасъ и мечты*. Іисусъ умеръ.

Они не поняли!

Іуда оказался правъ. „Кто вырветъ *побѣду* изъ рукъ Іуды!.."

На другой день послѣ убійства Іисуса Іуда Искаріотъ сперва явился предъ Синедріономъ, а оттуда пошелъ къ ученикамъ Его.

То притворство, которое такъ легко носилъ Іуда всю свою жизнь, тамъ, предъ лицомъ самодовольныхъ, „холодныхъ убійцъ Іисуса", „вдругъ стало невыносимымъ бременемъ и вдругъ однимъ движеніемъ онъ сбросилъ его".

Однимъ словомъ онъ сейчасъ прорветъ тонкую пленку, что застилаетъ ихъ глаза—и вся земля дрогнетъ подъ тяжестью безпощадной истины...

И вотъ онъ сказалъ это страшное слово: „Іуда васъ обманулъ—онъ предалъ невиннаго, не Его предали, а васъ, мудрые, васъ, сильные".

И въ отвѣтъ на это слово онъ увидѣлъ зѣвоту, услышалъ насмѣшливое замѣчаніе: „Это просто дуракъ"...

Іуда Искаріотъ тотъ самый, который всегда говорилъ „дурное о людяхъ", этого не ожидалъ.

Онъ, этотъ предатель, этотъ старый обманщикъ, „громко заплакалъ. Былъ онъ въ эти минуты похожъ на безумнаго".

Ученики ждали вторженія стражи, когда вошелъ къ нимъ Іуда съ

вопросомъ: „Гдѣ были вы, когда распинали вашего друга“?.. „Почему вы живы, когда онъ мертвъ“?—и съ цѣлымъ градомъ упрековъ, которые онъ бросилъ въ лицо „трусливымъ предателямъ“.

И снова этотъ „старый обманщикъ“, говорившій и думавшій „дурное о людяхъ“, былъ пораженъ, замѣтивъ на столѣ „остатки трапезы“ и узнавъ, что послѣ смерти Учителя его ученики ѣли и спали...

— Я иду къ нему!—сказалъ Іуда, простирая вверхъ властную руку.— Кто за Искаріотомъ къ Іисусу?

Только Петръ поднялся, но его съ ужасомъ остановили...

Самоубійство Іуды явилось, по толкованію Евангелія и Ренана, плодомъ раскаянія и послѣдовало *до смерти* Іисуса, какъ только онъ узналъ о приговорѣ первосвященниковъ.

Мы видали, что у Леонида Андреева самоубійство Іуды, нѣжно любившаго живого, а не мертваго Іисуса, являлось только въ результатѣ желанія быть и теперь возлѣ Іисуса: „Іуда *давно уже*, во время своихъ прогулокъ, намѣтилъ мѣсто, гдѣ онъ убьетъ себя послѣ смерти Іисуса“.

Леонидъ Андреевъ заставляетъ Іуду быть свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Іисуса, и уже послѣ смерти Іисуса бесѣдовать съ первосвященниками и учениками, потому что для андреевскаго Іуды страшно важно рѣшить вопросъ, кто правъ, кто побѣдилъ, страшно важно *видѣть*, поймутъ ли истину народъ, фарисеи и ученики.

Усталый, съ каменѣющей головой совершилъ Іуда *свой* послѣдній путь, на *свою* Голгофу, не съ крестомъ, а веревкой, не сопровождаемый толпой, а одинъ.

Обстановка самоубійства Іуды у Леонида Андреева какъ бы символизируетъ всю жизнь Іуды, „одинокаго въ жестокой участи своей“...

На горѣ, *высоко надъ Іерусалимомъ*, стояло *одно* дерево, *кривое*, измученное вѣтромъ, рвущимъ его со всѣхъ сторонъ, полузасохшее... Гора была высока, обвѣяна вѣтромъ и зла.—Ты еще проклятая!—говорилъ усталый Іуда, взбираясь на эту гору... Такъ какъ веревка могла *обмануть* Іуду и оборваться, то повѣсилъ онъ ее надъ обрывомъ: если оборвется, то все равно *на камняхъ* найдетъ онъ смерть...

Всю ночь точно какой-то чудовищный плодъ качался Іуда надъ Іерусалимомъ: и вѣтеръ поворачивалъ его *то къ городу лицомъ, то къ пустынѣ*—точно и городу, и пустынѣ хотѣлъ онъ показать Іуду. Но куда бы ни поворачивалось обезображенное смертью лицо — красные глаза налились кровью и теперь одинаковые *неотступно смотрѣли на небо*. А на утро кто-то зоркій увидѣлъ надъ городомъ висящаго Іуду и закричалъ въ испугѣ. Пришли люди и сняли его и, узнавъ, кто это, бросили его въ глухой оврагъ, куда бросали дохлыхъ лошадей, кошекъ и другую падаль.

И всѣ добрые и злые предадутъ одинаково проклятью позорную память его.

И кто-то зоркій, и всѣ добрые, и злые не захотѣли взглянуть въ эти налитые кровью глаза, „неотступно смотрѣвшіе на небо, куда стремился предатель, чтобы быть возлѣ Іисуса".

Чудовищный плодъ каменистой Іудеи былъ для нихъ только падалью, которую и бросили они въ оврагъ исторіи.

И вотъ художникъ нашихъ дней захотѣлъ намъ раскрыть этотъ оврагъ и показать, *что* было брошено въ оврагъ, захотѣлъ раскрыть и разсказать „тайну этихъ глазъ", которая была не менѣе велика, чѣмъ „тайна прекрасныхъ глазъ" Іисуса, раскрыть тайну глазъ, то странно не похожихъ другъ на друга и лгавшихъ, то остановившихся неподвижно надъ работой мысли, „точно слѣпыхъ и *страшно зрячихъ*", то одинаково налитыхъ кровью и устремленныхъ на небо.

Леонидъ Андреевъ поставилъ лицомъ къ лицу „желтую ливанскую розу, у которой смуглое лицо и *глаза, какъ у серны*", и многорукій кактусъ, который разрываетъ колючками одежду и имѣетъ „одинъ только *красный цвѣтокъ* и *одинъ только глазъ*", рыжаго безобразнаго іудея, „рожденнаго *среди камней*", и кроткаго галилеянина, проведшаго лучшіе годы своей жизни въ Галилеѣ съ ея *тихой водой и зелеными берегами.*

Вы помните въ началѣ этого произведенія какъ бы мимоходомъ брошенное замѣчаніе художника: „Эта страшная *близость божественной красоты и чудовищнаго безобразія,* человѣка съ кроткимъ взоромъ и осьминога съ огромными, неподвижными и тускло-жадными глазами угнетала умъ Ѳомы, какъ *неразрѣшимая загадка*".

Къ этой неразрѣшимой загадкѣ подходитъ художникъ, заставляя одновременно звучать и печальный, суровый голосъ Іуды, и далекія, призрачныя слова Іисуса, освѣщая и необъятный мракъ души предателя, и кроткую тишину свѣтлѣющаго въ темнотѣ Іисуса.

Къ двумъ страшнымъ словамъ: „безуміе и ужасъ", когда-то прогремѣвшихъ среди „краснаго смѣха", художникъ прибавилъ два новыя родственныя имъ слова: *„ужасъ и мечты"*.

Въ этихъ двухъ словахъ заключается гипотеза художника и разрѣшеніе неразрѣшимой загадки.

„Ужасъ и мечты" стояли у колыбели Іуды Искаріота, который не зналъ, кто былъ его отецъ. „Можетъ быть, тотъ человѣкъ, который билъ его розгой, а, можетъ быть, и дьяволъ, и козелъ, и пѣтухъ. Развѣ можетъ Іуда знать всѣхъ, съ кѣмъ дѣлила ложе его мать?"

„Ужасъ и мечты" сопровождали Іуду на всѣхъ путяхъ его, когда онъ много лѣтъ шатался въ народѣ и доходилъ даже до одного моря и до другого моря, которое еще дальше"...

„Ужасъ и мечты" разрѣшили его бракъ и связь съ женой, которая говорила: „Іуда лгунъ, Іуда злой"...

„Ужасъ и мечты" оторвали его отъ добрыхъ и злыхъ, которые со страхомъ говорили, что Іуда „думаетъ что-то свое".

„Ужасъ и мечты" превратили его, „обманутаго всѣми", въ стараго обманщика.

„Ужасъ и мечты" толкнули Іуду къ Інсусу и ученикамъ, его, уже *давно* шедшаго „по ихнему пути".

„Ужасъ и мечты" направили всю его страшную привязанность одинокаго, всѣми отталкиваемаго Іуды къ Інсусу, котораго *„въ тоскѣ и мукахъ всю свою жизнь искалъ Іуда, искалъ и нашелъ"*.

„Ужасъ и мечты" оттолкнули отъ него кроткаго, прекраснаго и нѣжнаго, какъ лилія, Інсуса и, наконецъ, „ужасъ и мечты" выросли въ огромное и стройное дѣло предательства.

„Свое" Інсуса привлекло сердце Іуды, но это „свое" заставило Інсуса говорить всегда „противъ Іуды", у котораго было тоже „свое".

Красный цвѣтокъ кактуса не захотѣлъ уступить глазамъ серны и смотрѣть на міръ этими глазами; мстителемъ суровымъ, а не кроткимъ галилеяниномъ пришелъ онъ въ міръ неправды и зла и хотѣлъ, чтобы Інсусъ былъ заодно съ Іудой противъ всего міра и противъ всѣхъ „дурныхъ людей", противъ смерти, царившей на землѣ, противъ трусливаго предательства *„добрыхъ"* и холоднаго убійства *„злыхъ"*.

Іуда былъ не изъ тѣхъ людей, которые вѣрятъ въ судъ Синедріона и въ критическіе моменты попранія правды аппеллируютъ къ „настоящему судьѣ"... Іуда былъ не изъ тѣхъ прекраснодушныхъ, которые успокаиваются, когда жители селенія *„быстро* повѣрили и денегъ дали", когда народъ кричитъ „Осанна".

Да! Онъ „говоритъ о людяхъ *дурно*, но развѣ не могли бы они быть немного лучше"?

Его не даромъ боялись за *„особенныя* мысли" и ненавидѣли за то, что онъ думалъ „что-то свое", и не даромъ Іуда Искаріотъ прошелъ отъ моря и до моря; онъ умѣлъ угадывать, что тамъ, гдѣ быстро повѣрили только-что Інсусу, сегодня же повѣрятъ старой женщинѣ, обвиняющей Інсуса въ кражѣ козленка; тамъ, гдѣ сегодня кричатъ „Осанна", будутъ завтра кричать „распни"; тамъ, гдѣ только-что Его хватали за воротъ, какъ вора, тамъ будутъ цѣловать Его сейчасъ же, какъ брата.

Онъ не вѣритъ человѣческимъ словамъ. Онъ только считается съ человѣческими поступками. Развѣ люди не изолгались до того, что ихъ слово только скрываетъ правду и развѣ не называли часто люди ложью то, что было величайшей правдой, и развѣ не совершалъ онъ часто великую ложь ради маленькой правды?

Іуда Искаріотъ—у Леонида Андреева—революціонеръ съ ногъ до головы. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться „своего", осуществить

„ужасъ и мечты“ и рѣшить вопросъ, кто обманываетъ Іуду—ученики Іисуса или онъ самъ, Іуда?

„Мятежные сны, чудовищныя грезы, безумныя видѣнья на части разрываютъ его бугроватый черепъ“.

Для такого человѣка нѣтъ добра и зла, дозволеннаго и недозволеннаго. Онъ не боится геенны огненной: „Зачѣмъ тебѣ душа,—говоритъ онъ Петру,—если ты не смѣешь бросить ее въ огонь, когда захочешь?“ Онъ дѣятеленъ. Онъ не хочетъ быть только сторожемъ у града мертвой правды. Пойдетъ на все, онъ даже своими руками удушитъ нѣжно-любимаго Іисуса, если это понадобится. Онъ презиралъ учениковъ, называлъ ихъ трусливыми собаками и не считалъ ихъ людьми, такъ какъ „у нихъ нѣтъ крови въ жилахъ“.

Для него нѣтъ преградъ и нѣтъ невозможнаго, нѣтъ сомнѣнія и нѣтъ привязанностей, онъ „всему чуждъ, какъ судьба“.

„Ѳома, глупый Ѳома,—обратился онъ однажды къ Ѳомѣ,—хотѣлось ли тебѣ когда-нибудь взять землю и поднять ее? И, можетъ быть, бросить потомъ?

— Это невозможно, Іуда!

— Это возможно,—убѣжденно сказалъ Искаріотъ.—И мы ее подниемъ когда-нибудь, когда ты будешь спать... Мнѣ весело, Ѳома“.

Поднять землю мечтаетъ Іуда, поднять вмѣстѣ съ Іисусомъ; онъ жадно ищетъ въ его глазахъ согласія, только знака, онъ вѣритъ въ Іисуса и въ его великую силу.

Только силу эту Іисусъ направляетъ не такъ, какъ слѣдуетъ: вмѣсто меча Онъ знаетъ только мирную проповѣдь и запрещаетъ „обнажать мечъ“.

„Развѣ можно Его слушать?—говоритъ Петру Іуда объ Іисусѣ.—Развѣ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ и борьбѣ?“

Послѣ того, какъ Іисусъ отдаляется отъ Іуды вмѣстѣ съ „тѣсной кучкой“ своихъ, „ужасъ и мечты“ Іуды принимаютъ все болѣе опредѣленный характеръ.

Нужно доказать Іисусу, что тѣ любимые ученики, которые спорятъ о первенствѣ, завтра оставятъ Его, а народъ, за который Онъ готовъ умереть, завтра потребуетъ Его смерти. Нужно доказать, нужно отдать Іисуса въ руки первосвященниковъ и тогда Іисусъ увидитъ, что остается съ нимъ до конца только Іуда. Тогда онъ пойметъ. Іуда любитъ Іисуса, какъ невѣсту, какъ „сыночка“. И онъ отдаетъ Его на муки, на смерть, чтобы „сдѣлать правду“.

Іисусъ пойметъ хотя бы послѣ смерти и тогда будетъ заодно съ Іудой.

Въ моментъ смерти Іисуса, которому уже не принадлежало время, Іуда чувствуетъ странное торжество: *Іисуса не поняли*.

„Теперь все время принадлежитъ ему, и идетъ онъ неторопливо; теперь вся земля принадлежитъ ему, и ступаетъ онъ твердо, какъ повелитель, какъ царь, какъ тотъ, кто безпредѣльно и радостно въ этомъ мірѣ одинокъ. Замѣчаетъ мать Іисуса и говоритъ ей сурово:—Ты плачешь, мать? Плачь, плачь, и долго еще будутъ плакать съ тобою всѣ матери земли. Дотолѣ, пока *мы вмѣстѣ съ Іисусомъ не разрушимъ смерть.*

...Безпредѣльно и радостно одинокій, онъ гордо ощутилъ безсиліе всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ и всѣ ихъ бросилъ въ пропасть. И дальше идетъ онъ спокойными и властными шагами. И не идетъ время ни впереди, ни сзади: покорное, вмѣстѣ съ нимъ движется оно всею своею *незримой громадой*".

Теперь остается Іудѣ только послѣдовать за Іисусомъ. Цѣль у нихъ одна: „поднять землю", были до сихъ поръ разные методы борьбы, но вѣдь теперь Іисусъ убѣдился, и если Онъ и теперь не убѣдился, Іуда продолжитъ борьбу. Вотъ его послѣднія слова, обращенныя къ Іисусу:

„Нѣтъ, они слишкомъ плохи для Іуды. Ты слышишь, Іисусъ? Теперь ты мнѣ повѣришь? Я иду къ Тебѣ. Встрѣть меня ласково. Я усталъ. Я очень усталъ. *Потомъ мы вмѣстѣ съ тобой, обнявшись, какъ братья, вернемся на землю. Хорошо?*

...Но, можетъ быть, Ты и тамъ будешь сердиться на Іуду Искаріота? И не повѣришь? И въ адъ меня пошлешь? Ну, что же! Я пойду въ адъ. И на огнѣ твоего ада *я буду ковать желѣзо, ковать желѣзо и разрушу Твое небо.* Хорсшо? Тогда Ты повѣришь мнѣ. Тогда пойдешь со мною назадъ на землю, Іисусъ".

Съ этой желѣзной волей можетъ сравниться воля другого революціонера изъ драмы Леонида Ардреева „Къ звѣздамъ", который хотѣлъ бы зажечь солнце, если бъ оно потухло.

Такимъ представляетъ Іуду Искаріота, думается намъ, Леонидъ Андреевъ, фанатикомъ-революціонеромъ, рѣшившимъ осуществить „ужасъ и мечты" и „сдѣлать правду".

Но есть еще другой Іуда, или, вѣрнѣе, другое лицо у Іуды, обращенное не къ небу, не къ Іисусу, не къ „своему", а къ людямъ, къ добрымъ и злымъ, къ кому-то зоркому.

Художникъ рисуетъ и это лицо, рисуетъ и этого Іуду, рисуетъ „такимъ, какимъ представляли его знающіе".

Съ этимъ другимъ лицомъ настолько всѣ свыклись, самъ Іуда давалъ людямъ „то, чего они хотѣли", такъ привыкъ притворяться, лгать или говорить понятнымъ языкомъ, что ученики *настоящаго* Іуду приняли за сатану.

Двойственность Іуды отражалась въ самой наружности его:

„Короткіе рыжіе волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный съ затылка двойнымъ ударомъ

меча и вновь составленный, онъ явственно дѣлился на четыре части и внушалъ недовѣріе, даже тревогу...

... *Двоилось также лицо Іуды.* Одна сторона его съ чернымъ остро высматривающимъ глазомъ была живая, подвижная, охотно собиравшаяся въ живыя, подвижимыя морщинки. На другой же не было морщинъ и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая и хотя по величинѣ она равнялась первой, но казалась огромной отъ широко-открытаго слѣпого глаза. Покрытый бѣлою мутью, *не скрывающійся ни ночью, ни днемъ, онъ одинаково встрѣчалъ и свѣтъ, и тьму,* но оттого ли, что рядомъ съ нимъ былъ живой и хитрый товарищъ, не вѣрилось въ его полную слѣпоту".

Страшно трудная задача для автора—черезъ все произведеніе провести эту двойственность.

Самый разсказъ какъ будто ведется въ тонѣ людей, „знающихъ Іуду". Только постепенно открывается другое лицо по мѣрѣ того, какъ осуществляется „ужасъ и мечты".

Этотъ тонъ художникъ не всегда выдерживаетъ. Само произведеніе какъ будто имѣетъ два лица, два разные глаза, нужно раскрыть оба эти лица и оба глаза.

Всѣ остальныя дѣйствующія лица произведенія, всѣ „знающіе" Іуду, непокорный народъ іерусалимскій, жители селеній, первосвященники, ученики и даже самъ Іисусъ—только *другіе* по отношенію къ Іудѣ.

Всѣ считаютъ умнымъ Іуду, Іисусъ также, но всѣмъ чуждо и непонятно „свое" этого человѣка и даже самъ Учитель не могъ проникнуть „въ бездонную глубину его души".

Объ Іисусѣ художникъ страшно мало говоритъ... Активной фигурой все время въ повѣсти является не Учитель, а Іуда, который былъ, „однимъ изъ двѣнадцати", но не хотѣлъ быть Его ученикомъ. Іуда очень часто относился къ нему то какъ къ женщинѣ-невѣстѣ, то какъ къ „сыночку" со страшнымъ сознаніемъ собственной желѣзной воли и своего знанія людей.

Подобно тому, какъ безобразіе Іуды всѣхъ отталкивало, такъ красота Іисуса, похожаго на женщину, съ маленькими руками и небольшими загорѣлыми ногами всѣхъ привлекаетъ и для всѣхъ Онъ былъ „нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣткомъ, благоухающей розой ливанскою"...

Обаяніемъ и тишиной, кротостью и нѣжностью вѣетъ отъ этого образа.

Какъ у Достоевскаго въ „Великомъ инквизиторѣ", такъ и у Леонида Андреева Іисусъ молчитъ почти всегда. Онъ проходитъ въ тишинѣ и свѣтлѣетъ въ сумеркахъ и гдѣ-то далеко и нѣжно звучатъ Его призрачныя слова. Мы узнаемъ Его больше по умиленію Петра, по восторгу Іоанна, по мучительной, ревнивой любви Іуды, по тихому обожанію женщинъ.

Мы видимъ его дружескую усмѣшку, съ которой онъ слушаетъ Петра, „какъ онъ тихо спитъ, въ тишинѣ вечера, усталый и кроткій, какъ онъ съ жаднымъ вниманіемъ, по-дѣтски полуоткрывъ ротъ, заранѣе смѣясь глазами, слушаетъ порывистую звонкую рѣчь Петра“...

Мы видимъ Іисуса, который очень мало понимаетъ „въ людяхъ и борьбѣ“.

Это не тотъ евангельскій Іисусъ, который громитъ фарисеевъ, изгоняетъ торгующихъ изъ храма и говоритъ ученикамъ: „Вотъ я посылаю васъ, *какъ овецъ среди волковъ:* итакъ, будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби. *Остерегайтесь же людей:* ибо они будутъ отдавать васъ на судалища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ“... „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“.

Жители селеній и мятежный іерусалимскій народъ проходятъ передъ нами съ неустойчивой психологіей толпы и очень мало отличаются отъ тѣхъ „жителей“, которые убили Савву при пѣніи „Христосъ воскресе“ и отъ того парижскаго народа, который гильотинировалъ Людовика XVI для того, чтобы преклониться передъ деспотизмомъ Наполеона. Отъ его „Осанны“ до „Распи“—только одинъ шагъ.

Человѣкъ не толпы такихъ жителей раздражаетъ, они готовы простить обманщику и вору, но не простятъ обличителю лицемѣрія, они готовы терпѣть ложь, но они не потерпятъ „особенныя мысли“ и „свое“.

Іоаннъ, Петръ, Матѳей и Ѳома—ученики Іисуса недалеко ушли отъ „жителей“, недалеко ушли они того неизвѣстнаго въ одѣялѣ, который въ часъ предательства бѣжалъ вмѣстѣ съ ними изъ Гефсиманскаго сада.

Они—„добрые“, но, глядя на ихъ добрыя лица, Іисусъ опускаетъ голову и говоритъ, что они оставятъ Его.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ знаменитый художникъ Дюреръ написалъ безсмертные образы четырехъ апостоловъ; Павла, Марка, Петра, Іоанна. Эти четыре портрета—четыре темперамента.

Фигуры апостоловъ у Леонида Андреева Петра, Іоанна, Ѳомы и Матѳея—тоже четыре темперамента, къ которымъ образъ Іуды является огромнымъ экраномъ.

Петръ, къ которому такъ мало подходитъ эпитетъ „камень,“—это олицетвореніе непосредственнаго чувства.

То хватающій за воротъ Іуду, то цѣлующій его, то готовый умереть за Іисуса, то опускающійся, то бросающійся убить предателя, то собирающійся идти вмѣстѣ съ нимъ къ Іисусу. Таковъ этотъ апостолъ.

Но Петръ—сама искренность, Петръ—порывъ, Петръ—рабочій жизни, Петръ—предчувствіе разсвѣта.

Краски и звуки призвалъ художникъ, чтобы набросать его портретъ и

этотъ портретъ въ нѣсколькихъ строкахъ поражаетъ своею яростью. Не вѣрится, что передъ вами только слово художника.

Вы видите, вы слышите, вы чувствуете Петра, одного изъ первыхъ откликнувшагося на проповѣдь Іисуса-Галилеянина, одного изъ всѣхъ учениковъ, схватившагося за мечъ въ часъ предательства, одного изъ всѣхъ, готоваго послѣдовать за Іудой „къ Іисусу“.

Вотъ эти нѣсколько строкъ:

„Когда Петръ что-нибудь говорилъ, слова его звучали такъ твердо, какъ будто онъ прибивалъ ихъ гвоздями. Когда Петръ двигался или что-нибудь дѣлалъ, онъ производилъ далеко слышный шумъ и вызывалъ отвѣтъ у самыхъ глухихъ вещей... Въ ущельяхъ горъ его голосъ будилъ сердитое эхо, а по утрамъ на озерѣ, когда ловили рыбу, онъ кругло перекатывался по сонной и блестящей водѣ и заставлялъ улыбаться первые робкіе солнечные лучи. И, вѣроятно, они любили за это Петра: на всѣхъ лицахъ еще лежала ночная тѣнь, а его круглая голова и широкая обнаженная грудь и свободно закинутыя руки уже горѣли на заревѣ восхода“.

Іоаннъ Заведеевъ, пренебрежительно относящійся къ Іудѣ, ближе всѣхъ учениковъ стоитъ къ Іисусу. Съ холодными и красивыми очами, красивый, чистый, не имѣющій ни одного пятна на снѣжно-бѣлой совѣсти, нервный и хрупкій, онъ способенъ внезапно загораться, смѣшивая слезы съ гнѣвомъ, восторгъ со слезами...

Матѳей очерченъ въ нѣсколькихъ словахъ. Полный человѣкъ, боящійся тучности, онъ начитанъ въ Писаніи и выступаетъ „вѣчно съ текстами изъ Соломона“.

Но, разумѣется, самой законченной фигурой изъ всѣхъ указанныхъ является апостолъ Ѳома.

Ѳома по отношенію къ Іудѣ является тѣмъ же, чѣмъ Вагнеръ по отношенію къ Фаусту у Гете,—трудолюбивый помощникъ ученаго, лишенный творчества, и „старый профессоръ“ у А. Чехова.

Ѳома ближе всѣхъ стоитъ къ Іудѣ, онъ часто слышитъ его слова, хотя никогда не понимаетъ его мыслей, онъ даже разъ замѣтилъ, что у Іуды два лица, но не успѣлъ схватить мелькнувшую при этомъ мысль. Онъ не понимаетъ шутокъ, притворства и лжи, игры словами и мыслями. Онъ во всемъ доискивается *основательнаго и положительнаго*. Никогда онъ не принимаетъ факты на вѣру у него всегда готово на языкѣ: „это нужно доказать“, ко всякому своему сообщенію онъ неизмѣнно добавляетъ слово „повидимому“, даже въ тотъ моментъ, когда воины уже окружаютъ Іисуса въ саду Гефсиманскомъ.

Тонкостей Ѳома не понимаетъ и не умѣетъ ходить надъ безднами, какъ Іуда съ его „невыносимымъ любопытствомъ“ и съ его глазами осьминога.

Длинный, *прямой* станъ, *прямые* и *прозрачные* глаза, двѣ толстыя

складки, идущія отъ носа и пропадающія въ жесткой *ровно подстриженной* бородѣ, *прямые* повисшіе усы—вотъ внѣшность этого положительнаго и основательнаго человѣка.

Еще нѣсколько словъ, еще одинъ штрихъ—и готовъ портретъ во весь ростъ, вотъ этотъ штрихъ: „Ѳома... внимательно и серьезно разсматривалъ, какъ *добросовѣстный портной*, *снимающій мѣрку*... Онъ не отвѣчалъ на улыбку, но, видимо, принялъ и ее въ *разсчетъ*“.

Іуда вызывалъ въ этомъ добросовѣстномъ портномъ сильное любопытство и это создало между нами что-то вродѣ дружбы. Но порою Іуда чувствовалъ невыносимое отвращеніе къ своему странному другу и спрашивалъ Ѳому, этотъ человѣкъ „мятежныхъ сновъ“: что ты видишь во снѣ: стѣну, дерево, осла?

Онъ ничего не зналъ, этотъ Ѳома, хотя обо всемъ разспрашивалъ и смотрѣлъ такъ ясно своими прозрачными и ясными глазами, сквозь которые, какъ сквозь финикійское стекло, было видно стѣну назади его и привязаннаго къ ней понураго осла.

Это Ѳома упрекалъ Іуду во лжи, когда тотъ спасъ путемъ лжи Іисуса отъ смерти, хотя Іуда солгалъ потому, что „смерть Іисуса была бы большею ложью“; это Ѳома замѣтилъ пропажу нѣсколькихъ динаріевъ; это Ѳома констатировалъ въ страшную минуту предательства: „повидимому, за нами пришли“; это Ѳома аппеллировалъ къ „настоящему судьѣ“, когда шелъ вопросъ о жизни или смерти Іисуса; это Ѳома въ оправданіе бѣгства сказалъ Іудѣ: „Если бы мы умерли, кто бы распространилъ ученье Іисуса?“

„Безплоденъ и нищъ ты будешь навѣки“—сказалъ ему Іуда при послѣднемъ свиданьи, идя на смерть, и проклялъ его.

Во главѣ 14 евангелія отъ Іоанна Ѳома говоритъ только нѣсколько словъ: „Господи! Не знаемъ, куда идемъ, и какъ можемъ знать путь?“

Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ создалъ художникъ этотъ основательный и положительный умъ.

Мы видѣли, что художникъ совершенно самостоятельно переработалъ евангельскую легенду и матеріалъ историческій.

Онъ отнесся творчески къ своей задачѣ. Изъ Евангелія онъ взялъ отдѣльныя черточки, которыя вставлялъ съ удивительнымъ мастерствомъ въ свои картины; изъ Евангелія онъ заимствовалъ построеніе фразъ, особенный стиль сравненій и повѣствовательную манеру [1]).

---

[1]) „Развѣ ты не понимаешь, что только сторожъ ты теперь у гроба мертвой правды? Засыпаетъ сторожъ и приходитъ воръ, „уноситъ правду съ собою—скажи, гдѣ правда?“ или: „И въ тотъ же вечеръ уже всѣ вѣрующіе узнали о смерти предателя, а на другой день узналъ о ней весь Іерусалимъ. Узнала о ней каменистая Іудея, и зеленая Галилея узнала о ней, и до одного моря и до другого, которое еще дальше, долетѣла вѣсть о смерти предателя“.

Въ объясненіе фактовъ, въ освѣщеніе характеровъ художникъ внесъ „свое".

Тамъ, гдѣ основательный и положительный Г. Флоберъ видитъ голую стѣну, тамъ Л. Андреевъ съ невыносимымъ любопытствомъ смотритъ въ бездну.

Тамъ, гдѣ Г. Флоберъ, какъ добросовѣстный портной, безъ улыбки изучаетъ матеріалъ и внимательно снимаетъ мѣрку, принимая все въ разсчетъ, тамъ Л. Андреевъ развиваетъ „особенныя мысли", строитъ что-то огромное и разрушаетъ „небо", разрушаетъ принятыя „мѣрки" и уже произведенный разсчетъ.

„Кто-то зоркій" и „знающіе люди" возмутятся при чтеніи написаннаго Л. Андреевымъ и не услышатъ, какъ бьется сердце этого произведенія, бьется и кричитъ свое „Осанна"—распинаемой правдѣ и свое „проклинаю"—трусливымъ предателямъ и холоднымъ убійцамъ.

В. Львовъ.

На Западѣ.

Выборы въ Австріи.

Il n'y a rien de plus intéressant qu'un mur derrière le quel il se passe quelque chose. Въ этихъ словахъ Виктора Гюго—весь секретъ романтизма, и на первый взглядъ можетъ показаться рискованнымъ примѣнять ихъ къ злободневнымъ политическимъ темамъ. А между тѣмъ это такъ. 1/14-го мая въ Австріи впервые произошли выборы по четырехвостной формулѣ, дѣйствительно народные выборы, и еще за нѣсколько дней до выборовъ патентованные политики изъ „Neue Freie Presse" заявляли, что эти выборы представляютъ собой безусловную загадку, политическую лотерею, мистерію народныхъ настроеній. Всѣ съ величайшимъ напряженіемъ ожидали исхода выборовъ и терялись въ догадкахъ. Недавніе германскіе выборы съ ихъ неожиданнымъ результатомъ, повидимому, оправдывали этотъ взглядъ на выборы, какъ на нѣчто непредвидимое, неуловимое, не поддающееся теоріи. И дѣйствительно, кто могъ ожидать этого? Въ Австріи, въ монархіи Габсбурговъ, въ странѣ Меттерниха, которую такъ ненавидѣлъ Герцевъ, въ консервативной, ультра-католической Австріи самая крайняя партія, соціалъ-демократія, съ перваго-же натиска добилась чуть-ли не 90 мандатовъ въ парламентѣ (въ настоящую минуту не всѣ еще перебаллотировки закончены, но 84 соціалъ-демократа уже выбраны, въ Галиціи предвидятся еще нѣсколько мандатовъ)—цифра, которой не знаетъ ни одинъ парламентъ, которой не достигла даже германская партія! Конечно, теоретики марксизма предвидѣли, что соціалъ-демократія будетъ представлена въ первомъ истинно-народномъ парламентѣ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ голосовъ. Но что она станетъ самой сильной партіей въ парламентѣ—нѣтъ, объ этомъ и не снилось нашимъ мудрецамъ: правительство, которое провело избирательную реформу черезъ всѣ трудности въ надеждѣ справиться такимъ образомъ съ обструкціей націоналистовъ, попало изъ огня да въ полымя; tu l'as voulu, George Dandin!

Въ Иннсбрукѣ выбранъ соціалъ-демократъ—въ Иннсбрукѣ, главномъ городѣ католическаго Тироля, этой красивѣйшей страны въ мірѣ, гдѣ между грандіозныхъ горныхъ цѣпей, передъ лицомъ вѣчныхъ снѣговъ и дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ ютятся въ долинахъ розовыя

сельскія церкви, словно принаряженныя крестьянскія дѣвушки, и висятъ на скалахъ недоступные феодальные замки; въ старинномъ средневѣковомъ городѣ Иннсбрукѣ съ его Hofkirche, въ которой хранится саркофагъ Kaiser Tak'а, этого „послѣдняго рыцаря на Уранѣ“, и двумя грозными рядами стоятъ желѣзныя статуи австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ. Въ Тріентѣ (Тридентѣ) выбранъ соціалъ-демократъ; въ Тріентѣ, въ которомъ въ душную южную ночь встаютъ передъ вами призраки могучихъ князей церкви, длинной вереницей проходитъ армія воинствующихъ кардиналовъ, епископовъ, аббатовъ, прелатовъ, въ пурпуровыхъ и фіолетовыхъ мантіяхъ и сутанахъ, съ несмѣтной свитой челяди и куртизанокъ, итальянокъ и баварокъ (ибо католическое духовенство любило пожить во-всю, sie trinken heimlich Wein und predigen öffentlich Wasser, какъ говоритъ Гейне); въ Тріентѣ, гдѣ рядомъ съ великолѣпнымъ зданіемъ каѳедры съ ея романскимъ порталомъ зловѣще высится Torre Vanga, угрюмая, черная башня-тюрьма, въ которую владѣтельные епископы упрятывали своихъ противниковъ. Въ богемскихъ горахъ, гдѣ на закатѣ солнца зіяетъ съ лѣснстаго холма одинокая руина, словно единственный зрячій глазъ свирѣпаго гуситскаго монаха Яна Жишки,—выбраны соціалъ-демократы.

Въ газетахъ сообщалось, что въ замкѣ Конопиштъ, въ которомъ проживаетъ наслѣдникъ австрійскаго престола, царило большое смущеніе, когда стало извѣстнымъ, что изъ подававшаго голосъ мужского персонала замка, дворецкихъ, ловчихъ, лѣсничихъ, почти всѣ голосовали за соціалъ-демократа... Въ печальныхъ, монотонныхъ равнинахъ Галиціи, ежегодно затопляемыхъ Саномъ и Прутомъ, тамъ, гдѣ сохранились еще турецкіе казематы, гдѣ въ бѣломъ одноэтажномъ „замкѣ“ со спущенными шторами живетъ pan hrabia и по воскресеньямъ мурскимазуры сидятъ подъ почернѣвшимъ навѣсомъ убогаго деревяннаго костела, гдѣ деревенскія корчмы украшены колоннадами и арками въ итальянскомъ стилѣ, потому что всѣ эти Ржевусскіе, Конецпольскіе, Собѣсскіе призывали итальянскихъ мастеровъ украшать ихъ помѣстья,—здѣсь тоже выбраны соціалъ-демократы...

Вся эта пестрая, разношерстная Австрія съ ея блистательнымъ прошлымъ, весь этотъ разноплеменный „лагерь Валленштейна“, сверкающій всѣми цвѣтами радуги, снова нашли свое единство, встрепенулись изъ долгаго сна забытаго величія для новой жизни... Словно заколдованная царевна, Австрія проснулась, опять обрѣла свою мощь и красу. Этотъ конгломератъ враждующихъ національностей, съ балластомъ ненужныхъ традицій, мѣшавшихъ развитію страны, превращавшихъ ее до сихъ поръ въ посмѣшище Европы, въ вѣчно брюзжащую старую дѣву, живущую воспоминаніями, нашелъ, наконецъ, свою Synthesis des Mannigfaltigen. Этотъ синтезъ—соціалъ-демократія. Она примирила чеховъ и нѣмцевъ, итальянцевъ и кроатовъ, поляковъ и русиновъ, она вводитъ Австрію въ великую семью новѣйшихъ государствъ, на путь прогресса и культуры.

Weisst du, wie es ward? Великій, полный невыразимаго драматизма аккордъ Вагнеровской нотки. Weisst du, wie es ward? Неужели пишущій эти строки найдетъ въ себѣ достаточно дерзости, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Достаточно сухости и педантизма, чтобы святотатственной рукой снять покрывало съ мистеріи исторіи? Нѣтъ. Легко сказать, конечно, что ростъ соціалъ-демократіи—историческая необходимость и т. д. Этимъ, однако, вопросъ не исчерпывается. Это не объясняетъ намъ ни поразительныхъ размѣровъ соціалъ-демократическаго тріумфа, ни специфической окраски даннаго случая. Въ старомъ, сословномъ парламентѣ враги избирательной реформы называли соціалъ-демократовъ въ насмѣшку „К. К. (Keiserlich Konigliche) Sozial-demokraten"; этимъ они намекали на то, что правительство въ дѣлѣ реформы шло рука объ руку съ соціалъ-демократіей. Мы оставляемъ въ сторонѣ то, что правительство вынуждено было къ этому грандіозной агитаціей рабочей партіи, устроившей въ день созыва парламента однодневную стачку-демонстрацію *во всей Австріи*; фактъ тотъ, что соціалъ-демократія дѣйствительно изъ всѣхъ австрійскихъ партій является единственной, какъ здѣсь говорятъ, „государственной партіей". Она одна была заинтересована въ томъ, чтобы обветшавшій государственный организмъ Австріи не распался на части, не сталъ жертвой автономныхъ вожделѣній польской шляхты, чешскаго дворянства и пр. Правда, и это можно объяснить съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ. Но что соціалъ-демократія, эта партія будущаго, воплотила въ себѣ историческую традицію Австріи, что она спасла самое цѣнное достояніе Габсбургской монархіи, сохранила ея поэзію, поэзію старины, это, дѣйствительно, одна изъ тѣхъ мистерій исторіи, передъ которой мы можемъ лишь воскликнуть словами героини Выспянскаго: jak się wszystko dziwnie pleci („Vesele")! И жалокъ человѣкъ, который пересталъ удивляться, который все считаетъ яснымъ и понятнымъ! Если мы скажемъ, что въ исторіи ничто не пропадаетъ, что соціалъ-демократія какъ носительница идеаловъ будущаго, eo ipso должна быть хранительницей славнаго прошлаго, потому что это будущее такъ или иначе органически связано съ прошлымъ; если мы скажемъ, что австрійская соціалъ-демократія осталась на высотѣ своей задачи, не утративъ широкихъ историческихъ точекъ зрѣнія,—то этимъ мы только перефразируемъ вопросъ.

Читателю извѣстно, что сильный толчокъ агитаціи австрійской соціалъ-демократіи въ пользу всеобщаго избирательнаго права подали событія въ Россію. Вечеромъ того самого дня, когда въ Россіи обнародованъ былъ манифестъ 17-го октября, въ Вѣнѣ у рейхсрата состоялось импровизированное собраніе, вѣрнѣе, огромное стеченіе народа подъ открытымъ небомъ. Яснѣе извѣстно будетъ читателю, какъ отразилось на Австріи наше террористическое движеніе въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда выстрѣлъ Вѣры Засуличъ чрезвычайно взбудоражилъ умы впечатлительныхъ австрій-

цевъ. Я позволю себѣ привести на этотъ счетъ маленькую справку; она характерна для пониманія того, какой громадный прогрессъ продѣланъ австрійскими рабочими за эти тридцать лѣтъ. Теперь ихъ величаютъ „казенной партіей“, она самая сильная партія въ парламентѣ. Тогда среди нихъ пышнымъ цвѣтомъ процвѣталъ анархизмъ. Одинъ изъ участниковъ тогдашняго движенія, теперь соціалъ-демократическій депутатъ Гибешъ, разсказывалъ разъ на митингѣ, до какихъ нелѣпостей доходили тогдашніе главари. „Мы,—говоритъ онъ,—штудировали по адресъ-календарю адреса высокопоставленныхъ лицъ и рѣшили завести связи съ ихъ прислугой для того, чтобъ удобнѣе можно было проникнуть въ ихъ квартиры и прикончить ихъ; одинъ изъ насъ долженъ былъ поступить служителемъ въ больницу для того, чтобъ доставлять трупный ядъ...“ Связь съ германской соціалъ-демократіей послѣ „закона о соціалистахъ“ прекратилась. Австрійскіе рабочіе шли подъ знаменемъ Моста. Въ 1883 г., послѣ нѣсколькихъ покушеній на банкировъ, въ Вѣнѣ введено было осадное положеніе. Осадное положеніе въ Вѣнѣ! Нынѣшній вѣнецъ и представить себѣ это не въ состояніи. Въ такомъ плачевномъ положеніи находилось рабочее движеніе въ Австріи, когда на сцену выступилъ докторъ Викторъ Адлеръ. Этотъ человѣкъ, можно сказать, вынесъ на своихъ плечахъ все движеніе. Ему удалось убѣдить „независимыхъ“ въ ошибочности ихъ доктрины, его усиліями на Гайнфельдскомъ съѣздѣ создана была единая австрійская рабочая партія. Этотъ свѣтлый умъ и неутомимый работникъ дожилъ до дня, когда задача его жизни увѣнчалась успѣхомъ: соціалъ-демократія—самая сильная партія въ парламентѣ!

Посторонній зритель, попавъ на австрійскіе выборы и желая примѣнить къ нимъ испытанный масштабъ: *здѣсь буржуазія, тамъ пролетаріатъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго*, очутился бы въ очень затруднительномъ положеніи, онъ нашелъ бы, что своя своихъ не познаша. Въ этомъ отношеніи австрійскіе выборы представляютъ много замѣчательнаго. Во-первыхъ, то, что буржуазія почти сплошь да рядомъ (въ особенности въ день главныхъ выборовъ; на перебаллотировкахъ дѣло нѣсколько измѣнилось) голосовала за соціалъ-демократовъ. Затѣмъ то, что соціалъ-демократія завоевала себѣ много чисто-земледѣльческихъ округовъ, въ особенности въ Богеміи; надо помнить, что Австрія въ общемъ все еще остается страной преимущественно земледѣльческой. Въ Вѣнѣ, гдѣ волны избирательной агитаціи вздымались особенно высоко, можно было наблюдать тотъ любопытный феноменъ, что въ богатыхъ кварталахъ соціалъ-демократія пользовалась наибольшими симпатіями, тогда какъ т. н. kleiner Mann, мелкій людъ, велъ противъ нея ожесточеннѣйшую борьбу. Чѣмъ объясняется это смѣшеніе понятій? Тѣмъ, что выборы велись въ Австріи не на почвѣ классовыхъ интересовъ, а подъ знакомъ очищенія политической атмосферы отъ разныхъ некультурныхъ и хулиганскихъ элементовъ, внесенныхъ въ нее

авантюристами и демагогами изъ породы Шенерера и Луэгера. Главный интересъ выборовъ сосредоточивался, съ одной стороны, на борьбѣ социалъ-демократіи съ партіей т. н. Christlich-Soziale, которыхъ корреспонденты русскихъ газетъ переводятъ обыкновенно „христіанскими соціалистами“, хотя они являются злѣйшими врагами соціалъ-демократіи и самое слово „соціалистъ“, иронически искажаемое ими въ „Sozi“, служитъ у нихъ бранной кличкой; съ другой стороны—на борьбѣ той же соціалъ-демократіи съ шовинистами-радикалами изъ нѣмецкаго и чешскаго лагеря, радикализмъ которыхъ лучше всего характеризуется тѣмъ, что въ старомъ парламентѣ нѣмецкіе націоналисты-радикалы во главѣ съ пресловутымъ Вольфомъ одни нашли смѣлость выступить противъ всеобщаго избирательнаго права (ссылаясь на тотъ же національный жупелъ, на интересы „національнаго достоянія“ нѣмцевъ въ Австріи, т. н. nationaler Besitzstand), а ихъ чешскіе pendants, присвоившіе себѣ названіе „національныхъ соціалистовъ“, вели остервенѣлую борьбу съ соціалъ-демократами на почвѣ клеветы, религіозной нетерпимости и подвоховъ. Если держаться ярлычковъ, то, повидимому, на выборахъ велась братоубійственная война между соціалистами различныхъ оттѣнковъ. Точно такъ же, какъ на главныхъ выборахъ буржуазія въ большинствѣ случаевъ голосовала за соціалъ-демократію, такъ на перебаллотировкахъ, а—ихъ было очень много,—паролемъ соціалъ-демократіи было всюду поддерживать буржуазныхъ кандидатовъ противъ этихъ самозванныхъ „соціалистовъ“.

Съ своей стороны эти soi-disant „христіанскіе соціалисты“ всюду голосовали за противника соціалъ-демократіи, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. Если они и не могли добиться сколько-нибудь значительнаго количества мандатовъ внѣ Вѣны и деревень Тироля, они отвели свою злорадную душу тѣмъ, что наплевали въ кашу соціалъ-демократамъ. Въ эпоху, переживаемую нынѣ Австріей, христіанско-соціальная партія является самымъ опаснымъ, подколоднымъ врагомъ соціалъ-демократіи: она затемняетъ классовое сознаніе, прибѣгая къ фразѣ, она не имѣетъ никакой серьезной и честной программы; зато по мѣрѣ надобности пользуется цѣлымъ винегретомъ самыхъ разнородныхъ платформъ; такъ, напр., она обѣщаетъ вѣнцамъ дешевое мясо и въ то же время, ничуть не обинуясь, обѣщаетъ тирольскимъ крестьянамъ стоять противъ открытія границы для иностраннаго скота. Она служитъ главнымъ оплотомъ реакціи и клерикализма—доказательство то, что послѣ выборовъ къ ней оффиціально примкнула клерикальная фракція д-ра Эбенгоха, а на перебаллотировкахъ объявила себя застрѣльщикомъ либеральнаго нѣмецкаго бюргерства въ борьбѣ съ „интернаціональной“ соціалъ-демократіей (кстати, нѣмецкое слово Bürgertum звучитъ симпатичнѣе, чѣмъ „буржуазія“; это тоже является далеко не маловажнымъ факторомъ въ дѣлѣ затемненія общественныхъ отношеній).

Въ Австріи классовыя противоположности не развились еще въ такой степени, какъ, напр., въ Германіи, здѣсь еще очень силенъ средній элементъ, мѣщанство; поэтому вмѣсто борьбы на почвѣ опредѣленныхъ программъ здѣсь процвѣтаютъ демагогическіе пріемы, въ которыхъ австрійскіе лавочники превзошли даже американскихъ фокусниковъ; надо принять также во вниманіе импульсивный характеръ австрійцевъ, этихъ южанъ, провансальцевъ среди нѣмцевъ—это была благодарная почва для демагогической травли, для антисемитизма и національнаго шовинизма.

Съ такимъ врагомъ пришлось бороться соціалъ-демократіи. Прежде всего ей необходимо было уничтожить іезуитизмъ въ политической жизни, создать культурную подоплеку для будущей классовой борьбы. Съ легкой руки Луэгера, Шенерера и ему подобныхъ, въ Австріи распространилась такая зловонная, удушливая атмосфера, что для всѣхъ нравственно-опрятныхъ людей ясно было одно: прежде всего необходимо очистить эти Авгіевы конюшни, необходимо дезинфецировать парламентъ отъ паяцовъ и алкоголиковъ, сдѣлавшихъ изъ него притчу во языцѣхъ, отъ субъектовъ вродѣ Эрнста Шнейдера, который у входа на устраиваемыя имъ народныя собранія вывѣшивалъ объявленіе: „Собаки, евреи и соціалъ-демократы сюда не допускаются“; который съ парламентской трибуны предлагалъ крестить евреевъ сѣрной кислотой; который въ 1899 г., когда въ Вѣну занесена была чума, объяснялъ ее тѣмъ, что жиды-врачи насилуютъ въ больницахъ христіанскихъ дѣвушекъ, затѣмъ отравляютъ ихъ и бросаютъ ихъ внутренности въ каналъ... Еще одна иллюстрація: депутатъ Wek передалъ разъ парламентскому служителю пакетъ съ просьбой отнести его на почту; такъ какъ пакетъ былъ очень большой, служитель рѣшилъ подѣлить его на части — и каково же было его изумленіе, когда, снявъ обертку, онъ нашелъ въ ней полторы тысячи листовъ писчей бумаги съ печатью „Abgeordnetenhaus“, дюжину карандашей, разрѣзной ножъ и д. д.,—все это господинъ депутатъ укралъ въ парламентѣ! Согласитесь, это—„крѣпкій табакъ“, какъ говорятъ нѣмцы. Но это еще не все. Отсидѣвъ свои три недѣли за кражу, Wek снова выставилъ свою кандидатуру среди галиційскихъ крестьянъ и заявляетъ имъ, что украденные листы содержали постановленія парламента противъ крестьянъ, что онъ нарочно укралъ ихъ для пользы крестьянъ, пострадалъ за правое дѣло, угнетенная невинность, значитъ; финалъ—Wek получаетъ свыше 3000 голосовъ! Wek принадлежалъ къ фракціи пресловутаго патера Стояловскаго, галиційской разновидности вѣнскаго Луэгера. Его исторія смахиваетъ на анекдотъ, но старый, сословный австрійскій парламентъ весь носитъ этотъ анекдотическій характеръ; австрійцы — теплыя ребята, что называется! Какую громадную культурную работу вынесла на своихъ плечахъ австрійская соціалъ-демократія, очистивъ парламентъ отъ этихъ балаганныхъ элементовъ! Когда вводилось всеобщее избирательное право, многіе высказывали опасеніе, что

оно лишь усилитъ разнузданную демагогію, такъ какъ самые отчаянные крикуны въ старомъ парламентѣ были выбраны въ пятой, народной куріи. Но результатъ выборовъ блистательно опровергъ эти опасенія: партія Шенерера и ея чешскіе антиподы потерпѣли разгромъ по всей линіи, самъ Шенереръ, десятки лѣтъ сидѣвшій въ парламентѣ, на сей разъ остался за бортомъ, не попалъ въ обновленный, народный рейхсратъ. Въ этомъ отношеніи надежды правительства оправдались: соціалъ-демократія избавила его отъ человѣка, восклицавшаго въ австрійскомъ парламентѣ: „Да здравствуютъ Гогенцоллерны!“. Такой же débâcle понесла партія Луэгера; рабочіе Вѣны избавили столицу отъ позора быть представленной въ парламентѣ Эрнстомъ Шнейдеромъ. А вѣдь недавно еще всѣ мандаты города Вѣны находились въ рукахъ антисемитовъ. Какъ дисциплинировала соціалъ-демократія народныя массы, видно еще изъ слѣдующаго факта: во многихъ округахъ Галиціи происходили перебаллотировки между кандидатомъ ультрареакціоннаго Польскаго Клуба и радикаломъ-сіонистомъ, и вотъ, слѣдуя лозунгу, выданному организаціей, десятки тысячъ русинскихъ крестьянъ, тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые прежде, быть можетъ, пошли бы на удочку всякихъ Wek'овъ, какъ одинъ человѣкъ, голосуютъ за еврея и проводятъ его въ парламентъ. Это въ Австріи совершенный novum. Правда, въ данномъ случаѣ русинская организація не шла подъ флагомъ соціалъ-демократіи, а образовывала самостоятельную радикальную группу, но она тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ соціалъ-демократіи. Характерно, что въ самомъ разгарѣ борьбы, даже тамъ, гдѣ на перебаллотировкахъ стоялъ соціалъ-демократъ противъ буржуазнаго кандидата, соціалъ-демократія клеймила только тѣхъ своихъ противниковъ, которые прибѣгали къ нечистоплотнымъ пріемамъ борьбы, напримѣръ, къ передержкамъ на выборныхъ плакатахъ; „легенда о политической опрятности г-на Хіари,— пишетъ, напр., „Arbeiter-Zeitung“ объ одномъ изъ такихъ либеральныхъ кандидатовъ,—разъ на всегда похоронена теперь“. Политическая чистоплотность [1])—вотъ козырь, которымъ побѣдила соціалъ-демократія, вотъ девизъ, подъ которымъ велась борьба за обновленіе и оздоровленіе политической жизни въ Австріи. Что удивительнаго послѣ этого, если въ главной газетѣ австрійской буржуазіи, „Neue Freie Presse“, послѣ выборовъ появилась передовица, подписанная громкимъ именемъ Унгера, предсѣдателя высшаго судебнаго учрежденія страны и пользующагося всемірной извѣстностью ученаго, статья, въ которой авторъ поетъ настоящій дифирамбъ соціалъ-демократіи. Что удивительнаго, если буржуазный депутатъ отъ Вѣны Куранда при шумныхъ аплодисментахъ заявляетъ на ра-

[1]) Для курьеза сообщимъ, что у одного либеральнаго вѣнскаго кандидата вырвался на митингѣ слѣдующій перлъ по адресу его противниковъ: „Да вѣдь они даже ѣсть прилично не умѣютъ!“ Какъ видите, читатель, довольно странное пониманіе „вопроса о ножѣ и вилкѣ“.

бочемъ митингѣ: „Мы съ вами, господа, два рыцарскихъ противника; представьте себѣ, что мы сошлись для поединка въ лѣсу, и вдругъ изъ чащи на насъ нападаетъ разбойникъ—конечно, мы подадимъ другъ другу руки и сообща бросимся на коварнаго врага". Этотъ коварный врагъ, конечно, все тѣ же вѣнскіе антисемиты, которые царятъ въ магистратѣ и самымъ безцеремоннымъ образомъ фальсифицируютъ кадастръ избирателей.

Объ этомъ стоитъ поговорить особо. Не правда ли, читатель, вамъ кажется невѣроятнымъ, что результатъ голосованія десятковъ, сотенъ тысячъ избирателей может быть измѣненъ мошенническими манипуляціями? Признаться, и мнѣ казалось это невозможнымъ, пока меня не убѣдили цифры. Въ одной Вѣнѣ было заявлено 32.500 рекламацій. Столько человѣкъ, значитъ, не получило избирательныхъ легитимацій, противозаконно не были внесены въ списки избирателей. Далѣе, вѣнскій магистратъ нарочно выбралъ для доставленія легитимацій т. н. майскій срокъ, время, когда многіе обыватели мѣняютъ свои квартиры. Нарочно посылалъ легитимаціи не черезъ почту, а черезъ коммунальныхъ служителей, въ результатѣ чего въ одномъ только IX округѣ не доставлено было 3.000 уже выставленныхъ легитимацій. Когда вспомнишь, что депутаты проходили иногда большинствомъ десяти голосовъ, тогда понимаешь, какой вредъ могли принесть эти злостныя махинаціи, въ самой столицѣ, на глазахъ у центральнаго правительства. Въ виду этого пріобрѣтаетъ особый интересъ выборная агитація соціалъ-демократіи, достойная удивленія постановка ея, которая чувствительно парализовала ходы противника. Уже задолго до выборовъ въ распоряженіи партіи имѣются полные списки всѣхъ жителей Вѣны, по отдѣльнымъ округамъ, улицамъ, домамъ и квартирамъ. Эти списки сличаются съ оффиціальнымъ кадастромъ избирателей, и затѣмъ партія организуетъ т. н. Hinein-und Herausreklamieren, т. е. добивается включенія невнесенныхъ избирателей и исключенія противозаконно-внесенныхъ; дѣло въ томъ, что партіямъ въ общемъ всегда болѣе или менѣе извѣстно, въ какомъ духѣ будетъ голосовать тотъ или другой обыватель, объ этомъ догадываются по его профессіи, положенію и другимъ признакамъ. Во время выборовъ довѣренныя лица партіи присутствуютъ во всѣхъ секціяхъ, отмѣчаютъ фамилію каждаго голосовавшаго для того, чтобы это лицо не голосовало вторично, какъ это практикуется у Christlich-Sozialen, которые имѣютъ въ своихъ агитаціонныхъ локаляхъ цѣлыя груды запасныхъ Stimmzettel'ей съ печатью магистрата; эти счетчики („Strichlen") знаютъ, какіе избиратели выѣхали изъ Вѣны, и чуть только кто приходитъ голосовать съ легитимаціей такого избирателя, обнаруживаютъ обманъ, у нихъ записаны имена не получившихъ легитимаціи, и они зорко слѣдятъ за поползновеніями противника на эти легитимаціи; а вѣдь этотъ противникъ, даромъ что нѣмецъ, научился у нашего Чичикова и голосуетъ также за мертвыя души, выставляетъ легитимаціи на имена умершихъ обывателей...

Сотни и тысячи соціалъ-демократическихъ агитаторовъ дѣйствовали въ одной Вѣнѣ, чтобы контролировать избирательный аппаратъ вѣнскаго магистрата. А сколько работы потрачено было на то, чтобы ходить изъ дому въ домъ, разносить всюду избирательныя прокламаціи, справляться у каждаго симпатизирующаго партіи, къ кому еще обратиться! Такъ какъ въ самый день выборовъ христіанско-соціальные агитаторы всяческими хитростями и обманами старались отнимать у избирателей предмѣстій ихъ легитимаціи или замѣнять ихъ Stimmzettel'и другими съ литографированной уже на нихъ фамиліей ихъ кандидата, то штабъ партіи въ послѣднюю минуту отрядилъ своихъ людей слѣдовать за этими господами, заходить за ними во всѣ дома и слѣдить за ихъ продѣлками. Работа въ высшей степени интенсивная, требующая самой тщательной организаціи. Въ провинціи Нижняя Австрія введена обязательность участія въ выборахъ для каждаго избирателя т. н. Wahlpflicht; прежде, когда этого не было, главная задача агитаторовъ въ день выборовъ заключалась въ томъ, чтобы ѣздить къ лѣнивымъ избирателямъ и тащить ихъ къ урнѣ, цѣлая армія фіакровъ стояла къ ихъ услугамъ. До какой виртуозности дошла въ Вѣнѣ техника избирательной агитаціи, видно изъ того, что въ первомъ округѣ, гдѣ подано было нѣсколько тысячъ голосовъ и антисемитскій депутатъ прошелъ большинствомъ какихъ-нибудь 60 голосовъ, партія отлично знала, кто далъ ему перевѣсъ—это были кельнеры отеля „Имперіаль". За нѣсколько дней до выборовъ въ Вѣну пріѣхала депутація изъ Венгріи, чтобы изучить на мѣстѣ организацію избирательной кампаніи.

Въ заключеніе мнѣ надо сказать нѣсколько словъ о выборахъ въ Галиціи, этомъ больномъ мѣстѣ Австріи, „Filiale Russlands", какъ ее здѣсь называютъ. Здѣсь безраздѣльно царитъ олигархія польской шляхты, которая своимъ терроризмомъ заслужела ненависть всей Австріи и которой поэтому терять нечего, она и не церемонится. Во время выборовъ здѣсь были чисто-азіатскіе порядки: на улицахъ стояли войска, выборщиковъ не пускали къ урнѣ, тысячи избирательныхъ записокъ пропадали безслѣдно, мужиковъ заставляли на глазахъ начальства вписывать въ ихъ избирательныя записки имя консервативнаго депутата. Въ результатѣ—кровавыя столкновенія, убитые, тяжело раненые. Характерно вотъ что: польское коло въ старомъ парламентѣ было самымъ неподатливымъ врагомъ избирательной реформы и уступило правительству только тогда, когда полякамъ дали—вопреки всякой справедливости — вдвое слишкомъ болѣе мандатовъ, чѣмъ руссинамъ, и кромѣ того декретировали для Галиціи пропорціональную систему выборовъ. Послѣдняя должна была служить для охраны интересовъ поляковъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ они въ меньшинствѣ. Придумана была сложная система выборовъ, которая повела къ тому, что чуть ли не во всѣхъ галицiйскихъ округахъ выборы пришлось повторять два и три раза. Духовнымъ отцомъ этой системы былъ „профессоръ"

Гломбинскій изъ Львова; эта злосчастная система, вѣроятно, и будетъ его единственнымъ вкладомъ въ науку, если не считать тѣ нѣсколько лаконическихъ фразъ, которыми онъ на чисто-гусарскій маперъ побилъ въ парламентѣ Маркса. Господину профессору не понравилась ни одна изъ извѣстныхъ теперь 162 системъ пропорціональныхъ выборовъ, онъ непремѣнно долженъ былъ сочинять свою; вмѣсто столь успѣшнаго въ другихъ странахъ принципа Listenscrutinium'a, выборовъ по спискамъ, который состоитъ въ томъ, что каждый избиратель пишетъ на своей запискѣ нѣсколько именъ, онъ ввелъ ту же систему единоличныхъ выборовъ съ той лишь разницей, что на каждый такой округъ полагаются два мандата и второй депутатъ считается выбраннымъ, если получитъ больше четверти всѣхъ поданныхъ голосовъ. И что же? Результатъ этой доморощенной компиляціи оказался совершенно неожиданнымъ: польское меньшинство не только не получаетъ своего мандата, но, напротивъ, руссины вмѣсто одного получаютъ оба мандата! Въ польской прессѣ сыплются теперь возгласы негодованія противъ Гломбинскаго! Почтенный профессоръ не предвидѣлъ такого оборота дѣла. А случилось слѣдующее: въ округахъ, гдѣ руссины имѣютъ подавляющее большинство голосовъ, они не отдаютъ всѣхъ голосовъ одному своему кандидату, онъ получаетъ лишь столько голосовъ, сколько необходимо, чтобы онъ прошелъ, остальные руссинскіе голоса достаются второму руссинскому или дружественному руссичамъ кандидату, такъ что онъ попадаетъ на перебаллотировку, а на перебаллотировкѣ опять голосуютъ всѣ руссинскіе избиратели, и ставленникъ польскаго коло, конечно, проваливается самымъ безпощаднымъ образомъ... Теперь я съ разрѣшенія читателя опять сдѣлаю экскурсію въ область теоріи. Какимъ это образомъ возможно, что простая ариѳметическая ошибка въ состояніи такъ радикально измѣнить результатъ выборовъ? Что смотря по тому, какую принять систему подсчета, измѣняются соотношенія общественныхъ силъ? Значитъ, большинство и меньшинство не имманентные продукты эволюціи классовъ, а лишь отраженія нашихъ—sit venia verbo—апріорныхъ математическихъ комбинацій? Матеріалистическая концепція исторіи сводится такимъ образомъ на математическую, а понятіе числа, счета вѣдь самое, что ни-на есть, идеальное, формальное понятіе! Я ограничусь лишь постановкой вопроса. Если для насъ тайна, какъ вообще изъ сумманіи индивидуальныхъ голосовъ происходитъ общественное мнѣніе, или, выражаясь словами старика Блунали, какъ изъ „воли всѣхъ" происходитъ „всеволя", то вѣдь тайна въ квадратѣ—эти математическія комбинаціи въ соціальной діагностикѣ. Jak się wszystko dziwnie pleci! Галиційскіе выборы являютъ еще одну интересную сторону. Здѣсь процвѣтаетъ Stimmenkauf, покупка голосовъ у избирателей за деньги; нѣкоторымъ кандидатамъ выборы обходятся по 100.000 гульденовъ. Въ нищихъ, убогихъ мѣстечкахъ Галиціи съ ихъ несчастнымъ еврейскимъ населеніемъ, питающимся чуть ли

не одной селедкой въ пятницу, эта купля голосовъ составляетъ значительный источникъ дохода, мѣстную индустрію, такъ сказать. Мнѣ пришлось разъ быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены во время избирательной кампаніи въ Галиціи; это было тогда, когда выбирали еще по старому закону, и торговыя палаты выбирали депутатовъ отдѣльно отъ населенія; я присутствовалъ на одномъ засѣданіи такой „izby handlowej". „Какъ,—возмущался одинъ ораторъ,—г-нъ NN. жертвуетъ 3.000 гульд. въ пользу нашего сиротскаго дома, онъ настоящій благодѣтель города, онъ вотъ уже у насъ три мѣсяца, и вы всѣ знаете, что онъ не жалѣетъ денегъ, что у него много заработали бѣдные жители города, мало того, онъ имѣетъ дѣла съ нашей торговой палатой, онъ обѣщаетъ ввести у насъ по сходной цѣнѣ электрическое освѣщеніе — и вы послѣ всего этого не желаете принять его кандидатуры! Я отказываюсь понять это, господа; я не знаю, какъ назвать такое поведеніе". Сказалъ и ушелъ, хлопнувъ дверью, галиційскій Катонъ. Здѣсь передъ нами аналогія подкупа. Но этотъ подкупъ не прячется, не боится столкновенія съ уголовнымъ уложеніемъ, это цѣлая политическая теорія. Нашъ Катонъ и не задумывается о томъ, что польза депутата должна сказаться лишь въ парламентѣ, онъ ждетъ отъ него немедленныхъ, осязательныхъ выгодъ, и въ этомъ смыслѣ врядъ ли можно назвать послѣднія подкупомъ. Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи самая отсталая и бѣдная страна Европы, Галиція, сошлась съ богатой и прогрессивной Америкой, гдѣ выборы тоже изъ средства дѣлаются цѣлью (см. Ostrogorski. La démocratie contemporaine et l'organisation des partis politiques).

Предыдущія строки были набросаны мною сейчасъ послѣ выборовъ. Тѣмъ временемъ произошли уже перебаллотировки, парламентъ открытъ и на сцену выступили новые характерные моменты, которыхъ я и коснусь въ этомъ постскриптумѣ.

Здѣсь теперь у всѣхъ на устахъ тактика соціалъ-демократовъ по отношенію къ коронѣ. Уже за нѣсколько дней до открытія вѣнскаго рейхсрата, въ Будапештѣ случилось нѣчто, не совсѣмъ обычное въ лѣтописяхъ исторіи. Когда Францъ-Іосифъ прибылъ въ столицу Венгріи для празднованія одного юбилея, на улицахъ, ведущихъ отъ вокзала ко дворцу, стояли шпалерами десятки тысячъ рабочихъ-соціалъ-демократовъ, которые, слѣдуя выраженному партіей девизу, собрались устроить овацію монарху. Это была не только манифестація въ пользу всеобщаго избирательнаго права, которое Францъ-Іосифъ по собственной иниціативѣ (послѣ доклада своего министра Кристоффи) рѣшилъ ввести въ Венгріи и за которое онъ вотъ уже два года ведетъ упорную борьбу съ правящей въ Венгріи олигархіей, это была также дань уваженія популярному королю. „Мы не кричали подобострастнаго ура,—читаемъ мы въ телеграммѣ, полученной вѣнской „Arbeiter-Zeitung",—но съ серьезнымъ и почтительнымъ видомъ снимали шапки

передъ монархомъ". При открытіи вѣнскаго рейхсрата, когда старѣйшій по возрасту депутатъ провозгласилъ ура за императора, всѣ 90 [1]) соціалистическихъ депутата вмѣстѣ съ остальными членами парламента поднялись со своихъ мѣстъ и выслушали это ура стоя. (Удалился изъ зала только одинъ депутатъ—шенеріанецъ Маликъ). Это, кажется, первый подобный фактъ въ исторіи европейскаго парламентаризма; какъ извѣстно, соціалъ-демократы въ такихъ случаяхъ всегда покидаютъ залъ засѣданій. На тронную рѣчь, которую императоръ произноситъ во дворцѣ съ покрытой головой, окруженный эрцгерцогами и магнатами съ большой помпой, тоже явились 11 соціалъ-демократовъ; партія предоставила это на усмотрѣніе каждаго изъ нихъ. Конечно, такой рѣдкій поворотъ въ сторону отъ партійныхъ традицій и, если хотите, принциповъ, вызвалъ оживленные толки. Особенно волнуются антисемиты, любимымъ конькомъ которыхъ всегда былъ „республиканизмъ" соціалъ-демократовъ; съ пѣной у рта газета Луэгера обрушивается на „соци", не переводя духа обвиняетъ ихъ и въ томъ, что они „заговорщики", и въ томъ, что они измѣнили рабочимъ, явившись во дворецъ въ безукоризненныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ—это, молъ, не рабочіе. Конечно, антисемитскимъ демагогамъ очень невыгодно, что у нихъ отнимается возможность парадировать въ роли защитниковъ любимаго монарха, и несомнѣнно, шагъ соціалъ-демократовъ сдѣланъ былъ, между прочими соображеніями, также и въ пику антисемитамъ. Вотъ что пишетъ органъ австрійской соціалъ-демократіи: „Антисемиты наши совсѣмъ потерялись, они обвиняютъ насъ въ томъ, что мы полиняли и въ томъ, что мы остались совершено тѣми же. И если бы у насъ было хоть малѣйшее сомнѣніе въ правильности нашего рѣшенія принять участіе въ торжественномъ открытіи рейхсрата, то плохо скрываемое бѣшенство нашихъ враговъ одно уже доказываетъ, что мы поступили, какъ слѣдуетъ. Но намъ не надо никакихъ такихъ доказательствъ. Если вообще не можетъ быть желательнымъ придавать преувеличенное значеніе вопросамъ этикета, то настоящій моментъ, когда впервые собрался парламентъ всеобщаго и пр. избирательнаго права, совсѣмъ онъ не годится для оппозиціонныхъ демонстрацій, это ясно. Мы вступаемъ въ новый народный домъ съ твердой волей добиться для представителей пролетаріата того вліянія, которое полагается имъ по ихъ численности, мы завоевали себѣ этотъ парламентъ своей кровью и вовсе не склонны позволить нашимъ противникамъ поставить насъ въ изолированное положеніе. Къ тому же нашему чувству противорѣчитъ выбрать этотъ моментъ для демонстраціи, которую можно было бы толковать, какъ направленную противъ особы императора, выступаю-

[1]) Мой приблизительный подсчетъ передъ баллотировками оказался вѣрнымъ: выбрано 87 соціалъ-демократовъ и 3 «вольныхъ соціалиста». По числу голосовъ, полученныхъ соціалъ-демократами (1.041.948 изъ 4.599.168), они должны были бы имѣть 116 мандатовъ.

щаго въ Венгріи и Австріи за равное право. Историческая противоположность между монархическимъ и демократическимъ принципомъ будетъ разрѣшена не на почвѣ церемоніала... Пусть наши противники успокоятся; какъ это имъ ни непріятно, соціалъ-демократія всегда будетъ поступать такъ, какъ требуетъ отъ нея разумъ, тактъ и ея достоинство". Тронная рѣчь, съ своей стороны, вполнѣ отвѣчала составу новаго, народнаго парламента. Въ ней на каждомъ шагу просвѣчиваетъ сознаніе, что всеобщее и пр. избирательное право является могучимъ шагомъ впередъ, который создастъ обновленную Австрію; престарѣлый императоръ съ умысломъ приводитъ эту реформу въ связь съ освобожденіемъ крестьянъ отъ феодальныхъ повинностей, которое произошло въ самомъ началѣ его царствованія. „Arbeiter-Zeitung" называетъ эту тронную рѣчь историческимъ документомъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ подробнѣе остановиться на содержаніи тронной рѣчи. Она вся посвящена соціальнымъ реформамъ; первымъ дѣломъ говорится о страхованіи отъ старости и болѣзни, реформѣ, необходимой, „чтобы завершить это дѣло человѣколюбія и общественной справедливости", затѣмъ о страхованіи рабочихъ вообще, о фабричномъ законодательствѣ на почвѣ результатовъ прошлогодней Бернской конференціи, далѣе объ облегченіи кредита для ремесленниковъ и крестьянъ, о горнорабочихъ, о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, о поднятіи уровня народныхъ учителей, учрежденіи новыхъ ремесленныхъ и коммерческихъ школъ, о финансахъ, о просмотрѣ гражданскаго уложенія и пр. Конечно, все это только болѣе или менѣе платоническія пожеланія, но ut desint vires, tamen est laudanda voluntas! Утомленная многолѣтней безплодной обструкціей, обновленная Австрія съ восторгомъ бросается на путь политической работы и соціальнаго законодательства. Крупнѣйшія партіи парламента состоятъ теперь изъ представителей рабочихъ и мелкой буржуазіи, экономическіе вопросы будутъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, стоять на первомъ планѣ. На митингахъ д-ръ Адлеръ и другіе депутаты-соціалъ-демократы подчеркиваютъ необходимость положительной постепенной работы. „Мы будемъ умѣрены, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — но вы не бойтесь этого слова, это только слово!" Для австрійской соціалъ-демократіи характерно что она претендуетъ для себя на мѣсто вице-президента палаты, которое, вѣроятно, и получитъ. Это тоже уникумъ въ новѣйшей исторіи. Въ этомъ отношеніи—какая рѣзкая разница между австрійской соціалъ-демократіей и ея старшей сестрой, германской соціалъ-демократіей! Если обстрагировать отъ другихъ причинъ, мы должны объяснить ее лежащимъ въ характерѣ сѣверныхъ нѣмцевъ педантизмомъ, съ другой стороны—экспансивностью австрійцевъ, на которыхъ сильно дѣйствуетъ личность Франца-Іосифа. Но—мы настаиваемъ на этомъ—въ этой столь замѣчательной констелляціи отношеній между австрійской соціалъ-демократіей и короной гораздо характернѣе и важнѣе роль короны, нежели поведеніе соціалъ-демократической

партіи. Послѣдняя поступилась всего нѣкоторыми оттѣнками, на почвѣ принциповъ она ничѣмъ не отличается отъ германской партіи, тогда какъ носитель австрійской короны во-истину могъ бы послужить примѣромъ многимъ своимъ коронованнымъ собратьямъ. Этотъ человѣкъ, набожный католикъ, ежегодно платящій изъ собственныхъ суммъ милліонъ папѣ, относится къ исполненію своихъ конституціонныхъ обязанностей съ чисто-религіозной глубиной и серьезностью; его присяга конституціи является для него святой вещью, и въ столь сложныхъ и запутанныхъ отношеніяхъ къ Венгріи, напримѣръ, онъ ни на іоту не нарушилъ своихъ прерогативъ, тщательно остается на почвѣ закона и конституціи. Это, а не только его личная жизнь, полная поэзіи и трагизма, создала ему его популярность Не могу не напомнить здѣсь того факта, что Францъ-Іосифъ вернулъ изъ Константинополя останки Кошута, злѣйшаго врага Габсбурговъ, объявившаго въ 1848 г. династію низложенной и чуть не отнявшаго у нея навсегда Венгрію; сынъ Кошута теперь министръ Францъ-Іосифа. Карлъ Каутскій, говоря въ „Neue Zeit“ объ австрійской избирательной реформѣ, совершенно умолчалъ о заслугахъ короны въ дѣлѣ проведенія ея, и надо признаться, наша „Рѣчь“ была вполнѣ права, упрекая его въ прямолинейности и тенденціозности. Только благодаря вмѣшательству короны, палата господъ вотировала реформу, причемъ это вмѣшательство не перешло предѣловъ, дозволенныхъ конституціей. Въ Австріи вліяніе короны все еще очень сильно, и Францъ-Іосифъ можетъ служить не только отрицательнымъ примѣромъ того, какимъ не долженъ быть монархъ, но также положительнымъ образцомъ конституціоннаго правителя: въ Австро-Венгріи съ ея національной рознью, съ ея сильной феодальной аристократіей и вожделѣніями нѣмецкаго и венгерскаго меньшинства, государственный хаосъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и, однако, носитель австрійской короны, несмотря на представлявшееся на каждомъ шагу искушеніе, несмотря на то, что онъ могъ разсчитывать на одобреніе заинтересованныхъ сторонъ, не прибѣгнулъ къ государственному перевороту, онъ далекъ отъ мысли объ этомъ, и министръ Бадени, проведшій въ 1897 г. съ обходомъ парламентскаго дѣлопроизводства законъ о допущеніи полиціи въ парламентъ и свергнутый черезъ 3 дня народной бурей, впалъ съ тѣхъ поръ въ немилость у императора и не являлся болѣе ко двору. Францъ-Іосифъ нашелъ другой путь для оздоровленія государственнаго механизма: всеобщее избирательное право.

Коснемся еще вопроса о составѣ новаго парламента. Въ немъ насчитывается—horribile dictu—36 партій. Въ русскихъ газетахъ читателю иногда преподносятъ всѣхъ этихъ „нѣмецкихъ прогрессистовъ“, „нѣмецкихъ народниковъ“, „нѣмецкихъ конституціоналистовъ“, „всѣхнѣмцевъ“, „свободныхъ всѣхнѣмцевъ“ и т. д. Пусть читатель не ждетъ отъ меня объясненія характера этихъ партій; я достаточно долго жилъ въ Австріи

и все же, признаюсь, не могу найти серьезной разницы между ними. Эта расщепленность партій должна быть отнесена на счетъ анекдотичности, какъ мы выразились выше, стараго парламента, она не имѣетъ соціальной подкладки, и въ новомъ парламентѣ уже намѣтилась эволюція въ сторону сплоченія всѣхъ буржуазныхъ партій передъ лицомъ общаго врага. На перебаллотировкахъ луэгеріанцы провели, напримѣръ, пресловутаго Вольфа, котораго они же осыпали самой площадной бранью въ старомъ парламентѣ, какъ главу т. н. Los-von-Rom-Bewegung (эманципація отъ Рима); это былъ настоящій „Monsterverband", какъ называли въ Голландіи союзъ католиковъ и антиреволюціонныхъ кальвинистовъ, находившійся у власти въ 1888—1891 гг. Точно такъ же, уже послѣ перебаллотировокъ, нѣмецкіе „прогрессисты" и „народники" соединились съ луэгеріанцами, которые вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ 31 нѣмецкимъ клерикаломъ являются теперь самой крупной нѣмецкой партіей (100 человѣкъ). Этотъ компромиссъ встрѣчаетъ, однако, сильную оппозицію; на экономической и національной почвѣ онъ вполнѣ понятенъ, но клерикализмъ луэгеріанцевъ является загвоздкой; тѣмъ не менѣе, президентомъ палаты, вѣроятно, будетъ выбранъ ставленникъ луэгеріанцевъ, какъ результатъ этого Monsterverband'a. По всѣмъ видимостямъ, новый парламентъ, отрекшись отъ демагогіи прежняго „анекдотическаго" парламента, побѣдивши ее, будетъ работать подъ знакомъ экономическихъ, классовыхъ интересовъ. Относительно калейдоскопической пестроты состава парламента и намѣчаемаго сплоченія въ классовыя партіи я приведу здѣсь мысль Шмоллера изъ его статьи въ вѣнской „Neue Freie Presse" (3-го и 4-го апрѣля 1907 г.): „Парламентское министерство, — говоритъ онъ, причемъ понимаетъ подъ этимъ министерство, вышедшее изъ среды парламента въ отличіе отъ т. наз. министерства чиновниковъ,—предполагаетъ наличность двухъ партій или блоковъ партій, охватывающихъ 80—95% всего состава парламента... Такъ въ Англіи чередованіе двухъ аристократическихъ клинъ (тори и виги) сдѣлало возможнымъ сносное, иногда даже отличное правительство. Недаромъ англійская поговорка гласитъ: мы имѣемъ парламентскихъ министровъ цѣною монархически-дисциплинированныхъ партій... Что касается континентальныхъ партій, то, наоборотъ, словно сыпучій песокъ на дюнахъ, онѣ никогда не повинуются своимъ вождямъ такъ, какъ англійскія партіи... оттого здѣсь такъ часто зрѣлище, что самыя различныя партіи образуютъ коалиціи для сверженія министерства. Съ другой стороны,—продолжаетъ Шмоллеръ,—наши парламентскія партіи ужъ слишкомъ переспѣлы: онѣ же не чисто-политическія партіи, а только такія партіи могутъ претендовать на министерскія кресла; онѣ все больше становятся классовыми и церковными организаціями... Если не ошибаюсь, Гнейсту принадлежатъ слова, что парламентская смѣна министровъ возможна только во времена, когда нѣтъ на-лицо борьбы

классовъ... У нас теперь все такія партіи, которыя, очутись онѣ у власти, явились бы опасностью для общественнаго блага". Я, конечно, не берусь спорить съ маститымъ профессоромъ, въ особенности въ рамкахъ фельетонной статьи; однако, не могу не указать на то, что мнѣніе Шмоллера и Гнейста не подтверждается современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Австріи, гдѣ мы имѣемъ теперь яркій примѣръ эволюціи политическихъ партій (если понимать подъ національными партіями партіи политическія) въ классовыя. Именно старый парламентъ былъ настоящимъ *luogo di traffico*, каждая партія готова была продать государство за чечевичную похлебку то автономіи для Галиціи, то чешскаго университета для Ольмюца, то какой-нибудь мѣстной желѣзной дороги въ Далмаціи и т. д. Тогда какъ новый парламентъ, какъ видно уже изъ тронной рѣчи, изъ партійной прессы, изъ парламентскихъ настроеній, одушевленъ крупными, общегосударственными задачами. Зато подтверждается крайне содержательное указаніе Шмоллера на „систему двухъ партій": нынѣшнее австрійское министерство взято изъ представителей главныхъ парламентскихъ партій. Характернѣйшій примѣръ „партій словно сыпучій песокъ на дюнахъ" представляютъ „свободные всѣхнѣмцы",—партія Вольфа; эти величайшіе задиралы въ рейхсратѣ, говорящіе отъ лица всей націи и свергавшіе министерства, получили всего 71.644 голоса (на 4.599.168 всего поданныхъ голосовъ), стоятъ на 18-мъ мѣстѣ въ числѣ всѣхъ другихъ партій, а между тѣмъ имъ и теперь еще удалось заставить плясать по своей дудкѣ всѣ нѣмецкія буржуазныя партіи, они настояли на недопущеніи въ обще-нѣмецкій клубъ трехъ вѣнскихъ депутатовъ-либераловъ, ненавистныхъ имъ потому, что они выбраны съ помощью соціалъ-демократовъ. Я приведу еще нѣсколько цифръ для характеристики новаго парламента:

Клубы.	Число получ. голос.	и мандатовъ.
Соціалъ-демократическій	1.041.948	87
Луэгеріанцы и клерикалы . . .	722.314	100
Чешскій	600.909	83
Руссинскій	562.142	30
Польскій	395.630	54
Нѣмецкій	292.703	47

Приведу еще слѣдующій подсчетъ:

Соціалъ-демократы	1.041.948 гол.	22,7%
Клерикалы всѣхъ націй	1.336.777 „	29%
„Другія буржуазныя партіи" . . .	2.077.458 „	45,3%
Расщеплено	142.985 „	3%

Изъ первой таблицы явствуетъ, что избирательная геометрія радикальнѣйшимъ образомъ измѣняетъ отношеніе большинства и меньшинства, и что славянское большинство искусственно приравнено къ нѣмецкому меньшинству парламента; изъ второй—что клерикальная идея не будетъ болѣе имѣть гегемоніи въ новомъ парламентѣ.

Интересенъ также слѣдующій подсчетъ: клерикальныхъ голосовъ подано изъ

славянскихъ	59%
кроатскихъ	46%
нѣмецкихъ	39%

Австрійскіе братушки оказываются, такимъ образомъ, главнымъ оплотомъ католической церкви въ Австріи. Любопытно, что въ Галиціи самые закоренѣлые реакціонеры—юнкеры, являющіеся въ парламентѣ ближайшими союзниками луэгеріанцевъ, выбраны, главнымъ образомъ, евреями и въ городахъ, тогда какъ радикалы проходили здѣсь большей частью въ деревняхъ; объясняется это тѣмъ, что галиційскія власти имѣютъ болѣе способовъ воздѣйствія на евреевъ-горожанъ и терроризируютъ ихъ.

Подведемъ резюме. Выборы въ парламентъ происходили не подъ знакомъ классовой борьбы, а подъ знакомъ очищенія политической атмосферы отъ затемняющей ее демагогіи. Тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, именно благодаря этой причинѣ, новый парламентъ, по всѣмъ видимостямъ, будетъ состоять изъ крупныхъ, серьезныхъ партій, построенныхъ на классовой основѣ. Съ одной стороны, соціалъ-демократы, съ другой—луэгеріанцы и приставшіе къ нимъ тирольскіе клерикалы и нѣмецкіе либералы. Консерваторы и буржуазія другихъ націй (польское коло) уже открыто заявили о своемъ тяготѣніи къ луэгеріанцамъ. Національный вопросъ отступилъ на задній планъ передъ экономическимъ, поляки поддерживаютъ кандидатуру луэгеріанца Вайскирхнера въ президенты палаты, а не чеха Зачека, хотя славяне имѣютъ большинство въ палатѣ. Открытымъ остается вопросъ, сумѣютъ ли луэгеріанцы примирить экономическіе интересы буржуазіи, мѣщанства, крестьянъ и помѣщиковъ, представленные въ ихъ партіи. Первоначально они выступали въ качествѣ экономической опозиціи мѣщанства, затѣмъ стали партіей консервативно-клерикальной par excellence. Однако, время отъ времени они должны были кое-что предпринимать для т. н. Kleinen Mann, и недавно еще улицы Вѣны были свидѣтельницами характерныхъ циническихъ демонстрацій лавочниковъ противъ потребительныхъ ассоціацій. Въ Австріи еще силенъ цеховой духъ, и интересы мѣщанства трудно согласовать съ интересами буржуазіи и аграріевъ; до сихъ поръ луэгеріанцы дѣлали это не на экономической почвѣ, а на почвѣ антагонизма съ соціалъ-демократіей, хотя послѣдняя является главнымъ образомъ партіей экономической. На первомъ планѣ въ этой борьбѣ стояла идеологія, слова. Помните, читатель, въ какой-то битвѣ римлянъ съ африканцами легіонеры испугались львовъ и поддались было назадъ; тогда римскій полководецъ крикнулъ: „Солдаты, неужели вы испугались этихъ африканскихъ собакъ?“, и воины его ринулись впередъ и побѣдили. Назовите льва собакой—и вы перемѣшаете политическія карты; на эту „надстройку“ главъ не обращаютъ, къ сожалѣнію, должнаго вниманія.

Капелюшъ.

Журнальное обозрѣніе.

(XVI сборникъ товарищества „Знаніе".—«Современный міръ"—апрѣль 1907 г.—„Русская мысль"—апрѣль 1907 г.—„Русское Богатство"—мартъ 1907 г.).

I.

Недобрая слава одного изъ учениковъ Христовыхъ, Іуды,—слава предателя, послужила Л. Андрееву темой для художественной разработки въ его новомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ XVI сб. „Знанія", подъ заглавіемъ „Іуда Искаріотъ и другіе".

Страшно самое имя Іуды, и Л. Андреевъ ставитъ рядомъ съ этимъ именемъ имена всѣхъ учениковъ, близко стоявшихъ къ Іисусу, подъ общимъ названіемъ: „и другіе", и уже однимъ этимъ какъ бы бросаетъ всѣмъ то обвиненіе, которое долгое время тяжко лежало надъ однимъ и выдѣляло его мрачную фигуру, какъ совершившаго одно изъ тѣхъ дѣлъ человѣческихъ, которое не по силамъ одному человѣку.

Не по силамъ одному—вотъ почему.

У Іисуса было много враговъ, которые не только ненавидили Его, но, быть можетъ, даже боялись, и рѣшили убить Его.

Но когда враги Іисуса рѣшились на убійство, они стали искать возможность привести свое рѣшеніе въ исполненіе не тайно, но открыто, на глазахъ у всѣхъ. Для того же, чтобы совершить это дѣло, т. е. совершить убійство открыто и безпрепятственно, нужно было одно условіе—попустительство всѣхъ людей, на глазахъ которыхъ долженъ былъ совершаться актъ казни-убійства.

Враги Іисуса сами могли обвинить Его,—и обвинили, они могли осудить Его,—и осудили; они могли совершить убійство,—и на это они были готовы. Все это они могли сдѣлать: это было ихъ желаніемъ, и въ этомъ осуществлялась ихъ власть,—но ни сами они, и никто, не могли, если бы и хотѣли, создать такія условія, при которыхъ всѣ тѣ люди, на глазахъ которыхъ должно было совершиться задуманное злодѣйство, отнеслись бы къ нему настолько равнодушно и безучастно, чтобы они

безпрепятственно могли довести до конца начатое. Такое равнодушіе и не могло и не можетъ быть никѣмъ вселено въ людей, если бы оно не было присуще имъ самимъ.

Убили Іисуса враги его. Но большая часть людей, чуждыхъ какъ самому Іисусу, такъ и врагамъ Его,—все то огромное большинство людей, которое всегда является въ качествѣ зрителей драмы, это огромное большинство людей, вовсе ни принимавшихъ никакого участія, какъ въ самомъ осужденіи Іисуса, такъ и въ Его смерти,—явилось той сферой, въ средѣ которой дѣло это стало вполнѣ возможнымъ, и какъ возможное, оно стало совершившимся фактомъ. Все это „большинство" какъ по отношенію къ Іисусу, такъ и по отношенію къ преслѣдовавшимъ Его врагамъ, и было предателемъ.

Іуда же—или почти не былъ предателемъ, или и вовсе не былъ имъ. Онъ былъ убійцей Іисуса.

Если бы въ одномъ домѣ было нѣсколько жильцовъ, и если бы у кого-либо изъ жильцовъ нашлись враги, которые хотѣли убить этого жильца, и лишь не знали бы, какъ пройти въ домъ и найти тамъ свою жертву,—если бы эти враги ворвались въ домъ въ сопровожденіи одного изъ жильцовъ, который указалъ бы имъ среди всѣхъ другихъ того, кого хотѣли убить разбойники, и разбойники стали бы душить того человѣка на глазахъ у всѣхъ остальныхъ людей, и душили бы его до тѣхъ поръ, пока не убили, то развѣ тотъ, кто указалъ путь разбойникамъ,—предатель? Нѣтъ. Онъ такой же убійца, какъ и тотъ, кто душилъ жертву своими руками; и такой же врагъ его, какъ и всякій, кто готовился совершить преступленіе.

Тотъ, кто пришелъ съ разбойниками,—самъ разбойникъ.

А всѣ остальные жильцы дома, которые не хотѣли убійства и могли бы помѣшать ему, но не мѣшали, тѣ—попустители и предатели.

Распяли Іисуса не только потому, что были враги, которые хотѣли смерти Его, но еще и потому, что оказалось возможнымъ совершить это преступленіе не по одному тому, что среди людей, близко стоявшихъ къ Іисусу, былъ также и его врагъ, а еще и потому, что всѣ остальные люди не мѣшали, не препятствовали тому, что происходило. Іисусъ, какъ и мы теперь, жилъ въ мірѣ попустительства и предательства.

И когда Іисусъ былъ распятъ и умеръ, когда совершилось непоправимое дѣло, на которое смерть наложила свою вѣчную печать, всѣ люди,—и тѣ, которые близко знали Іисуса, и тѣ, которые были Ему людьми совершенно посторонними, но не были его врагами, и не желавшіе Его смерти,—всѣ ужаснулись тому, что произошло, ибо совершилось на ихъ глазахъ то, чего они не желали и не могли желать, но что, благодаря ихъ попустительству, произошло и уже было непоправимо; тогда люди

смутно почувствовали отвращеніе и ужасъ передъ своимъ предательствомъ, результатомъ котораго явилась ненужная имъ ужасная смерть.

Тогда, по свойственному каждому человѣку желанію сознавать себя правымъ, люди, чтобы оправдать самихъ себя въ своемъ попустительствѣ, стали искать виновнаго, на котораго можно было бы сложить всю тяжесть того, въ чемъ былъ повиненъ каждый. И, конечно, общій голосъ не замедлитъ указать того, кого *можно* было бы осудить. И обвинили Іуду. Какъ будто при казни, совершенной надъ Іисусомъ, присутствовалъ только одинъ Іуда, и какъ будто отъ одного только Іуды зависѣла возможность распятія Іисуса врагами Его.

Враги Іисуса повинны въ томъ, что они хотѣли убить Его. Они повинны также и въ томъ, что привели свое желаніе въ исполненіе. Они повинны въ томъ, что воспользовались для своей цѣли вмѣшательствомъ Іуды. Іуда повиненъ въ томъ, что принялъ участіе въ дѣлѣ враговъ Іисуса. Но въ томъ, что всѣ враги Іисуса,—всѣ его противники, судьи, свидѣтели, палачи, ихъ слуги, помощники и сообщники,—что всѣ эти люди могли дѣлать свое дѣло беспрепятственно, въ этомъ повинны всѣ безъ исключенія люди, которые оставались равнодушны къ совершавшемуся на ихъ глазахъ,—они попустители и предатели.

Люди всю тяжесть своей всеобщей вины сложили на одного человѣка, не подумавъ о томъ, что одинъ человѣкъ и не могъ совершить того, въ чемъ обвиняли его. И осталось въ памяти людей имя Іуды въ черномъ ореолѣ того тяжкаго и ужаснаго преступленія, которое тяготѣетъ надъ всѣми людьми.

То, что совершилъ Іуда,—было ужасно. Но то, что совершили всѣ другіе,—еще ужаснѣе. Іуда не пережилъ того, что было имъ сдѣлано, покончивъ жизнь самоубійствомъ. Люди пережили все, что они сдѣлали, и, переживъ, отреклись отъ своего преступленія, обвинивъ въ немъ одного Іуду. И сложился въ сознаніи людей образъ предателя, и съ этимъ ужаснымъ образомъ связано имя Іуды, имя одного человѣка, будто и вправду одинъ могъ совершить то, что совершалось всѣми людьми безъ изъятія.

И если можно сомнѣваться относительно того, играли ли какую-нибудь роль 30 серебренниковъ въ томъ участіи, какое принималъ Іуда при предаваніи Іисуса,—то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ люди, на глазахъ которыхъ происходили судъ и казнь Іисуса, не принимали въ этомъ дѣлѣ участія именно потому, что каждый схранялъ свои 30 серебренниковъ или даже и меньше того. Всѣ были виновны въ этихъ серебренникахъ, но, желая видѣть себя правыми, осудили одного.

Такова, въ общемъ, мысль, которую проводитъ Л. Андреевъ въ своемъ разсказѣ „Іуда Искаріотъ и другіе“. Не одинъ Іуда былъ предателемъ, но также и другіе. Мысль эта ярко выражена авторомъ въ послѣдней бесѣдѣ Іуды съ учениками Іисуса, происходившей послѣ совершившейся казни.

Явившись къ ученикамъ и выждавъ мгновенье, когда улеглось волненіе нежданной встрѣчи; „Іуда громко воскликнулъ:

— Радуйтесь глаза Іуды изъ Каріота! Холодныхъ убійцъ вы видѣли сейчасъ,—и вотъ уже трусливые предатели предъ вами! Гдѣ Іисусъ? Я васъ спрашиваю: гдѣ Іисусъ?"

И Іуда съ упрекомъ, и даже больше того,—съ глумленіемъ, сталъ облачать учениковъ въ томъ, что никто изъ нихъ ничего не сдѣлалъ въ защиту своего Учителя, ни тогда, когда Его судили, ни тогда, когда Его распинали на деревѣ.

— „Молчи!—крикнулъ Іоаннъ, поднимаясь.—Онъ самъ хотѣлъ этой жертвы.

И жертва Его прекрасна!"

— „Развѣ есть прекрасная жертва? Что ты говоришь, любимый ученикъ? Гдѣ жертва, тамъ и палачъ, и предатели тамъ! Жертва—это страданія для одного и позоръ для всѣхъ. Предатели, предатели, что сдѣлали вы съ землею? Теперь смотрятъ на нее сверху и снизу, и хохочутъ и кричатъ: посмотрите на эту землю, на ней распяли Іисуса! И плюютъ на нее, какъ я!

Іуда гнѣвно плюнулъ на землю.

— Онъ весь грѣхъ взялъ на Себя. Его жертва прекрасна!—настаивалъ Іоаннъ.

— Нѣтъ, вы на себя взяли весь грѣхъ. Любимый ученикъ! Развѣ не отъ тебя начнется родъ предателей, порода малодушныхъ и лжецовъ? Слѣпцы, что сдѣлали вы съ землею? Вы погубить ее захотѣли, вы скоро будете цѣловать крестъ, на которомъ вы распяли Іисуса! Такъ, такъ—цѣловать крестъ обѣщаетъ вамъ Іуда!"

Въ этихъ, и въ другихъ рѣчахъ Іуды, при его послѣднемъ свиданіи съ учениками, авторъ и проводитъ ту основную мысль своего разсказа, что не одинъ Іуда былъ повиненъ въ предательствѣ Іисуса, но и другіе.

Но эта мысль разсказа тонетъ и расплывается въ обиліи красокъ, которыми Андреевъ рисуетъ образъ самого Іуды.

Лицо Іуды въ изображеніи Андреева является чѣмъ-то въ высшей степени неопредѣленнымъ, несмотря на то, что весь разсказъ, главнымъ образомъ, построенъ на личности Іуды. Іисусъ въ разсказѣ Андреева не играетъ почти никакой роли,—онъ все время остается какъ бы за кулисами. Ученики тоже очерчены очень слабо, и появляются только тогда, когда художнику нужно освѣтить какую-нибудь рѣзкую черту характера главнаго дѣйствующаго лица разсказа—Іуды. И несмотря на это, все-таки фигура Іуды выдѣляется между учениками Іисуса темнымъ силуэтомъ вовсе не сливающимся съ общимъ колоритомъ всей картины. Фигура Іуды бросается въ глаза чернымъ пятномъ, очертанія котораго и рѣзки, и сильны, но вовсе не передаютъ того внутренняго, психологическаго склада,

которымъ Іуда отличался отъ всѣхъ другихъ окружавшихъ его лицъ, среди которыхъ нарождалась и развивалась ужасная драма этого человѣка.

Многое художникомъ вовсе недосказано, и то, что должно было дать образъ, остается только намекомъ на этотъ образъ, и потому или совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія, или же оставляетъ чувство внутренняго раздвоенія: показано не то, что хотѣлъ показать художникъ.

Въ самомъ началѣ разсказа Андреевъ говоритъ о томъ, что Іуда, вообще, пользовался недоброю славой среди всѣхъ, кто его зналъ и болѣе или менѣе близко сталкивался съ этимъ человѣкомъ. Но и самъ Андреевъ говоритъ объ Іудѣ только то, чѣмъ вообще людская молва надѣляетъ человѣка, не заслужившаго ея симпатій.

Обвиняли Іуду въ томъ, что онъ всегда былъ лживъ; что онъ былъ человѣкъ злой; что онъ былъ воръ; и что онъ никого не любилъ, не имѣлъ друзей, и ни съ кѣмъ и ни въ чемъ никогда не былъ искреннимъ. Все это понятія, довольно растяжимыя, и не подтвержденныя никакими фактами, они вовсе не рисуютъ индивидуальность такою, какой она является въ жизни, а не въ устахъ массы, привычной осуждать и порицать всякаго, кто чѣмъ-либо привлекъ ея вниманіе.

Передавая, что могли говорить и думать относительно Іуды всѣ окружавшіе его, Андреевъ въ то же время рисуетъ ту черту характера Іуды, которая и выдѣляетъ его среди другихъ лицъ, появляющихся въ разсказѣ,— иронію Іуды.

Случай, когда въ одномъ изъ селеній Іисусъ и его ученики, встрѣченные враждебно, избавились отъ опасности только благодаря тому, что Іуда вызвалъ въ толпѣ смѣхъ своими униженными кривляніями, даетъ поводъ злобно иронизировать надъ всѣми, когда онъ, догнавъ въ полѣ учениковъ, былъ встрѣченъ ими холодно и сурово.

— „Ты хочешь видѣть глупцовъ?—сказалъ онъ Ѳомѣ, задумчиво шедшему сзади.—Посмотри: вотъ идутъ они по дорогѣ, кучкой, какъ стадо барановъ, и подымаютъ пыль. А ты умный, Ѳома, плетешься сзади; а я, благородный, прекрасный Іуда, плетусь сзади, какъ грязный рабъ, которому не мѣсто рядомъ съ господиномъ“.

Ѳома упрекнулъ Іуду въ томъ, что онъ лгалъ и притворялся.—„Теперь я вѣрю, что отецъ твой—дьяволъ,—сказалъ Ѳома,—это онъ научилъ тебя, Іуда“.

— „Значитъ, дьяволъ научилъ меня? Такъ, такъ, Ѳома. А я спасъ Іисуса? Значитъ, дьяволъ любитъ Іисуса, значитъ, дьяволу нужны Іисусъ и правда? Такъ, такъ, Ѳома. Но вѣдь мой отецъ не дьяволъ, а козелъ. Можетъ, и козлу нуженъ Іисусъ? Хе? А вамъ Онъ не нуженъ, нѣтъ? И правда не нужна?“

Но всѣ эти слова, какъ и многое другое, что говоритъ Іуда, не даютъ

опредѣленнаго понятія о внутреннихъ переживаніяхъ, какими вызываются эти рѣчи; и объ этихъ-то переживаніяхъ авторъ и не говоритъ ничего ни въ одномъ мѣстѣ своего разсказа. Іуда отсталъ отъ учениковъ, спустился въ оврагъ, выбралъ уединенное мѣсто, сѣлъ, прислонился усталою головою къ сѣрому камню и тяжело задумался. Въ эту ночь онъ не вернулся на ночлегъ,—а о чемъ онъ думалъ и что пережилъ въ эту ночь—объ этомъ авторъ не говоритъ ни слова. А сколько было приготовленій къ этому моменту и какъ драгоцѣнна была бы разгадка этихъ одинокихъ думъ Іуды Искаріота-предателя.

Однажды Іуда былъ уличенъ въ томъ, что укралъ часть общихъ денегъ. Ученики были возмущены. Но Іисусъ сказалъ, что всѣ деньги принадлежатъ такъ же и Іудѣ, какъ и каждому изъ нихъ; и что Іуда всегда можетъ брать, какъ и всякій, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, столько, сколько ему нужно. Ученики тотчасъ примирились съ Іудой, цѣлуя его и прося прощенія, что обидѣли его.

Ѳома не сразу согласился примириться съ Іудой; и когда подошелъ къ нему съ обычнымъ извиненіемъ только къ концу дня, Іуда встрѣтилъ его извиненіе со своею всегдашней ироніей.

— „И это столько времени тебѣ понадобилось, чтобы повторить только Его слова? Не дорожишь же ты временемъ, умный Ѳома“.

Въ этихъ словахъ, и въ томъ, что онъ попросилъ Ѳому провѣрить въ ящикѣ деньги,—насмѣшка надъ Ѳомой; надъ его медлительностью и, быть можетъ, ограниченностью сужденій, но въ нихъ не видно ни того, какъ смотрѣлъ самъ Іуда на свой поступокъ: считалъ ли онъ себя воромъ, или нѣтъ; ни того, какъ онъ смотрѣлъ на отношеніе ко всему случившемуся. Закончилъ Іуда свое объясненіе съ Ѳомою почти весело, со смѣхомъ назвавъ самого себя „крюкомъ, на который вывѣшиваетъ для просушки—Іоаннъ—свою отсырѣвшую добродѣтель, Ѳома—свой умъ, поѣденный молью“.

Іудѣ былъ порученъ денежный ящикъ; на немъ же лежали всѣ хозяйственныя заботы; и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Іуда могъ быть заподозрѣнъ и даже уличенъ въ неправильномъ расходованіи, и въ кражѣ денегъ, какъ могутъ быть подозрѣваемы и уличаемы въ этомъ всѣ расходчики въ мірѣ,—тѣмъ болѣе, что Іуда велъ хозяйство безотчетно. Случай этотъ, конечно, весьма непріятный,—но, будучи не столько трагическаго, сколько юмористическаго свойства, врядъ ли могъ имѣть какое-нибудь рѣшающее значеніе въ жизни такого человѣка, какимъ является въ разсказѣ Андреева Іуда,—всегда откровенно-лживый, злобно-насмѣшливый.

Какъ подѣйствовалъ на Іуду весь этотъ инцидентъ съ 3-мя динаріями, неизвѣстно. Былъ ли онъ оскорбленъ поведеніемъ своихъ товарищей; обозлился ли онъ на нихъ за ихъ поцѣлуи вслѣдъ за тѣмъ, какъ они сами же называли его воромъ; подѣйствовало ли на него то участіе,

которое принялъ въ этой исторіи Іисусъ,—все это въ разсказѣ Андреева не находитъ никакого освѣщенія.

Такимъ образомъ и самая перемѣна въ характерѣ Іуды, замѣченная вскорѣ послѣ этого всѣми учениками и выразившаяся въ томъ, что „на людяхъ пересталъ онъ говорить дурное и больше молчалъ, такъ что самъ строгій Матвѣй счелъ возможнымъ похвалить его, сказавъ словами Соломона:—Скудоумный высказываетъ презрѣніе къ ближнему своему, но разумный человѣкъ молчитъ",—не понятна.

Эта перемѣна ничего не говоритъ о характерѣ Іуды, и ни съ какой стороны не рисуетъ его индивидуальной личности, ибо это внезапное молчаніе ничѣмъ не обосновано и не изъ чего не вытекаетъ. Если кто и оставался совершенно равнодушенъ къ курьезу съ 3-мя динаріями, то это именно самъ Іуда; и вся эта исторія тронула его во всѣхъ отношеніяхъ меньше, чѣмъ кого бы то ни было изъ всѣхъ его товарищей; однако же, каждый остался тѣмъ, кѣмъ былъ и прежде, а измѣнился одинъ Іуда. Здѣсь чутье художника измѣнило Андрееву, какъ измѣнило оно ему и во многихъ другихъ отвѣтственныхъ мѣстахъ разсказа.

„Только однажды Іуда какъ-то особенно рѣзко и странно напомнилъ прежняго Іуду, и произошло это какъ разъ во время спора о первенствѣ въ царствіи небесномъ",—говоритъ авторъ. Спорили Петръ и Іоаннъ. И тому, и другому, на ихъ вопросы о первенствѣ, каждому порознь Іуда какъ-то высказался въ ихъ пользу. И вотъ, возобновивъ споръ въ присутствіи Іисуса, оба ученика разомъ призвали Іуду разрѣшить ихъ споръ; весьма понятно, что какъ Петръ, такъ и Іоаннъ, оба одинаково надѣялись, что Іуда выскажется въ ихъ пользу. Но оба спорившіе были обмануты въ своихъ надеждахъ на правый судъ Іуды, ибо сей послѣдній, когда къ нему пристали оба спорившіе разомъ, ко всеобщему удивленію разрѣшилъ весь споръ въ свою пользу:—„Я! я буду возлѣ Іисуса!" — неожиданно заявилъ онъ и вышелъ.

Авторъ, видимо, слишкомъ понадѣялся на этотъ остроумный отвѣтъ Іуды, и не взялъ на себя труда пойти вслѣдъ за Іудой и внимательнѣй разглядѣть игру его физіономіи. Быть можетъ, хотя лицо Іуды пролило бы свѣтъ въ его душу. Быть можетъ, заявивъ о своемъ притязаніи на первенство и выйдя изъ дома, Іуда лишь усмѣхнулся и тотчасъ забылъ о происшедшемъ, какъ объ остроумной выходкѣ, или, быть можетъ, лицо его долгое время оставалось сурово; быть можетъ, въ его чертахъ отразилось глубокое внутреннее волненіе и мука,—ни то, ни другое, ни третье не извѣстно, а безъ этого и весь отвѣтъ Іуды спорившимъ ученикамъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Если при этомъ отбросить „медленно опущенные взоры", „тихое біеніе себя въ грудь костлявымъ пальцемъ"—почему не перстомъ!—и тому подобныя эффектныя, но ничего не значущія вещи, то и отвѣтъ Іуды окажется не имѣющимъ вовсе нике-

кого смысла. Это не болѣе, какъ словесная передряга между людьми, долго живущими вмѣстѣ, надоѣвшими другъ другу до одури, начинающими вздорить и пустословить между собою исключительно вслѣдствіе воцарившейся между ними скуки.

Разговоръ Іуды съ Маріею стоитъ внѣ критическаго анализа. То, какъ Іуда напоминалъ Маріи ея прошлое, можетъ служить образцомъ грубаго невѣжества, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ обрисовывать личность человѣка, который впослѣдствіи обратился со словами: „Я васъ спрашиваю: гдѣ Іисусъ?“

Разсказъ оканчивается тѣмъ, что Іуда, оставаясь въ числѣ учениковъ Іисуса, присоединился къ его врагамъ. И когда враги Іисуса нашли возможнымъ предать его суду, Іуда способствовалъ стражѣ, которой былъ данъ приказъ арестовать Іисуса. Іуда присутствовалъ при производствѣ суда и при совершеніи казни,—страдалъ онъ при этомъ лютыми муками и послѣ смерти Іисуса самъ повѣсился. А почему онъ все это продѣлалъ, осталось попрежнему загадкой.

Андреевъ говоритъ о многомъ: о великой мести, о великой побѣдѣ, о безпредѣльномъ и радостномъ одиночествѣ и еще о многомъ другомъ, чего простому смертному понять, можетъ быть, и невозможно. Но лицо Іуды остается туманнымъ. Это незаконченный образъ, полный намековъ на какую-то мечту, долго и неотступно преслѣдовавшую мысль художника, но не осуществившуюся въ его созданіи.

Вся прелесть разсказа—въ кованомъ стилѣ, внѣшней эффектности блестящей мысли о предательствѣ „другихъ“, но образъ предателя мертвъ, какъ трупъ, который вытащили изъ гроба, одѣли въ яркія одежды и поволокли по землѣ, пугая прохожихъ загадкой нарушенной смерти.

II.

Ни одно лѣто не проходитъ безъ того, чтобы не плодились цѣлыя тучи мухъ, комаровъ, мошекъ и всякихъ иныхъ вредныхъ и непріятныхъ паразитовъ, отравляющихъ жизнь.

Въ очеркѣ Н. Тимковскаго „Гаврюхинъ“, помѣщенномъ въ апрѣльской кн. „Современнаго Міра“, мѣткими штрихами обрисованъ типъ такой мошки, ничтожество которой въ суровую пору обыкновенно бываетъ вовсе незамѣтно и ярко обнаруживается только въ то время, когда мошка получитъ возможность расправить свои зыбкія крылья и подняться на доступную по ея силѣ высоту.

Жилъ нѣкто, Нифонтъ Ивановичъ Гаврюхинъ, человѣкъ богатый, главный владѣлецъ большой фабрики, на которой работало много народу. У него былъ сынъ Иванъ, который ничего ровно не дѣлалъ, и только, по выраженію Рогова, главнаго довѣреннаго старика Гаврюхина,—„нан-

болѣе книжками занимался". И вотъ, пришло время, старый Гаврюхинъ умеръ, и хозяиномъ фабрики сталъ его сынъ, Иванъ. И тогда всѣ, и тѣ, которые работали на фабрикѣ, и тѣ, которые сами не работали, а только пользовались доходами, какіе приносила фабрика, стали ждать большихъ перемѣнъ. Одни, которымъ и при старомъ хозяинѣ жилось худо и тяжело, ждали съ надеждой и радостью; другіе же, кому жилось хорошо, ждали съ уныніемъ и страхомъ. А что перемѣны должны были произойти, это было для всѣхъ очевидно, такъ какъ все, что говорилъ и дѣлалъ молодой хозяинъ, многимъ казалось и чуднымъ, и непонятнымъ.

— „Какія у владыки бѣлыя руки,—умиленно сказала старуха-мать, оставшись послѣ поминокъ вдвоемъ съ сыномъ въ пустыхъ, мрачныхъ комнатахъ.

— У епископа, мамаша, не руки, а десницы,—возразилъ Иванъ Никифоровичъ и, посвистывая что-то игривое, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Ну теперь добра не жди!—подумала старуха и заплакала".

Не ждали добра также ни Роговъ, ни Довмонтовъ, директоръ фабрики, такъ какъ все, что они вспоминали изъ прежняго поведенія молодого хозяина, не могло, по ихъ твердому убѣжденію, предвѣщать ничего хорошаго. Такъ, напримѣръ, Иванъ Гаврюхинъ при встрѣтѣ съ рабочими всегда первый снималъ шляпу, а остановившись однажды противъ главнаго корпуса, онъ нѣсколько разъ многозначительно повторилъ:— „Да, фабрика, фабрика... Любопытное учрежденіе".

Измѣнилось также и настроеніе рабочихъ.

— Только бы до молодого хозяина доскрестись,—говорили рабочіе,—а ужъ мы тогда единымъ духомъ всѣхъ нашихъ езунтиковъ на настоящую точку поставимъ".

Самъ же молодой хозяинъ сталъ больше читать, и заводилъ новыя знакомства съ какими-то людьми, никогда прежде не бывавшими въ домѣ Гаврюхиныхъ, по долго проводилъ съ ними время въ своемъ кабинетѣ, ведя съ ними какіе-то продолжительные разговоры. Но въ остальномъ молодой Гаврюхинъ ни въ чемъ не измѣнялъ своей жизни и не вмѣшивался въ дѣла фабрики. А время шло, и рабочіе и администрація фабрики все ждали какихъ-то новыхъ перемѣнъ, но перемѣнъ все не было.

Ждалъ перемѣнъ въ жизни и самъ молодой хозяинъ. И книги, которыя онъ читалъ, и картины, которыя приковывали его вниманіе, и тѣ люди, съ которыми сходился Гаврюхинъ,—все говорило ему о какой-то иной жизни, лучшей, чѣмъ та, которою онъ жилъ самъ и всѣ окружающіе, а какъ измѣнить свою жизнь—Гаврюхинъ не зналъ. Не зналъ, съ чего начинать перемѣну своей жизни и что для этого надо дѣлать. Онъ ждалъ, что совершится что-нибудь необычайное и освѣтитъ все то, что было ему непонятно и неизвѣстно.

„Бывали дни, когда Иванъ Нифонтовичъ часами ходилъ по кабинету въ смутной и тревожной увѣренности, что вотъ-вотъ „оно“ сейчасъ придетъ и осѣнитъ его. Онъ чутко прислушивался, оглядываясь на дверь, засматривая въ окно. Ожиданіе становилось все болѣе напряженнымъ, почти мучительнымъ“.

Въ одинъ изъ такихъ дней мучительнаго и напряженнаго ожиданія къ Ивану Нифонтовичу пришелъ Роговъ и принесъ крупную сумму денегъ. Это былъ дивидендъ, полученный съ фабрики на долю Гаврюхина. Въ головѣ Гаврюхина бѣшенно закружились самыя фантастическія и тревожныя мысли. Не настала ли рѣшительная минута, когда можно и надо было поступить по-своему, такъ, чтобы измѣнилась вся жизнь? Изорвать деньги, или выбросить ихъ въ окно, или пожертвовать ихъ на что-нибудь и выгнать къ чорту Рогова вмѣстѣ съ его деньгами, а самому бѣжать и измѣнить въ своей жизни все, не оставивъ камня на камнѣ,— всѣ эти мысли еще мелькали въ головѣ хозяина, а самъ онъ, между тѣмъ, уже протягивалъ руки къ деньгамъ, бралъ ихъ у Рогова, машинально считалъ и, спрятавъ ихъ въ несгораемый шкапъ, отпустилъ довѣреннаго, проводивъ его тяжелымъ взглядомъ.

Такъ поступилъ Иванъ Гаврюхинъ, столкнувшись съ житейскими обстоятельствами, когда онъ чувствовалъ, что ему необходимо было что-то сдѣлать. Взявши деньги, онъ подумалъ, что дальше такъ продолжаться не можетъ и уже былъ увѣренъ въ томъ, что въ самомъ недалекомъ будущемъ должно совершиться нѣчто, что озаритъ предъ нимъ „весь этотъ круговоротъ въ жизни“.

Одного не зналъ Гаврюхинъ: онъ не зналъ того, что, что бы ни случилось, ему необходимо было самому начать дѣлать то, что онъ считалъ нужнымъ, а не ждать, что все, что совершается,—совершится само собою, безъ его участія, и совершится такъ, какъ ему того хотѣлось. Не зналъ же онъ этого потому, что онъ самъ никогда ничего не дѣлалъ и не умѣлъ дѣлать.

И когда Гаврюхинъ неожиданно получилъ телеграмму отъ Рогова, вызывавшаго его на фабрику и увѣдомлявшаго, что на фабрикѣ было неспокойно, Гаврюхинъ тотчасъ выѣхалъ, и на слѣдующее утро былъ уже на фабрикѣ.

Рабочіе волновались, собравшись большою толпой у дома правленія. Гаврюхинъ же, собираясь выйти къ нимъ, не зналъ, съ чего начинать, о чемъ ему говорить съ рабочими, и какія надо было принимать мѣры. Рабочіе же, думая, будто хозяина къ нимъ не пускаютъ, волновались больше и больше и стали громко и настойчиво требовать, чтобы къ нимъ вышелъ самъ хозяинъ. Это же самое совѣтовали ему и директоръ, и довѣренный.

„А когда всѣ пристали къ нему, спрашивая: „Что же, наконецъ,

дѣлать“?—онъ обвелъ компанію страннымъ, блуждающимъ взглядомъ и произнесъ какъ бы про себя:

— Люблю я смотрѣть на кукольныя комедіи“...

А къ рабочимъ такъ и не вышелъ. И пока въ его головѣ блуждали разнообразные обрывки мыслей, вдругъ оконное стекло разлетѣлось со звономъ, и камень, упавъ сначала на столъ, тяжело покатился и загремѣлъ по полу. Гаврюхинъ сразу помертвѣлъ лицомъ, и искаженнымъ отъ страха и ярости голосомъ закричалъ, чтобы тотчасъ-же послали къ губернатору и вызвали солдатъ. Но солдаты были уже близко: это сдѣлали и безъ его распоряженія. Узнавъ объ этомъ, Гаврюхинъ „апатично махнулъ рукой и произнесъ упавшимъ голосомъ“:

— „Не знаю... Дѣлайте, какъ хотите... Умываю руки“.

И тогда стало ясно, что напрасно боялись молодого хозяина, напрасно ждали перемѣнъ, и что чтеніе книгъ, и все, чѣмъ занимался Гаврюхинъ, было тоже напраснымъ, ненужнымъ дѣломъ. Онъ научился по нимъ смутно угадывать противорѣчія въ окружающей его жизни,—и какъ мошка, пригрѣтая лучами солнца, въ тихую погоду поднимается на сажень въ вышину и кружится въ неподвижномъ воздухѣ,—такъ и онъ иногда могъ произносить какія-то непонятныя, загадочныя фразы для окружающихъ, но держался увѣренно только до тѣхъ поръ, пока жизнь его не трогала. Когда же передъ нимъ возникала необходимость дѣятельности, онъ сразу утрачивалъ и обычный ходъ своихъ мыслей, и свое самообладаніе, и уступалъ мѣсто другимъ, самъ исчезая безслѣдно, какъ исчезаетъ мошка при первомъ порывѣ вѣтра, несущаго ливень и грозу.

Въ лицѣ Ивана Гаврюхина очерчена интересная фигура. Это—типъ. Это—мошкара культуры. Жизнь такихъ людей скрашивается и обогащается всѣмъ, что общедоступно въ творческой дѣятельности человѣчества. Но роль этихъ людей въ развитіи творческихъ силъ ничтожна и унизительна. Какъ рой мошекъ, они свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ жизни совершается плодотворная живая работа, но сами они ничего не вносятъ въ жизнь, и лишь отравляютъ существованіе всему, что близко сталкивается съ ними,—сами гибнутъ и сосутъ живую кровь. Какимъ путемъ слагаются подобныя личности—отвѣта на этотъ вопросъ г. Тимковскій въ своемъ очеркѣ не пытается дать. Но уже и въ томъ не малая заслуга автора, что имъ подмѣченъ опредѣленный типъ и создано живое лицо, въ которомъ запечатлѣлись живыя черты печальной современности.

Въ апрѣльской кн. „Русской Мысли“ напечатана фантазія О. Дымова „Мы плывемъ“. Если бы къ этому названію прибавить еще—„и дремлемъ“, то такое заглавіе вполнѣ исчерпывало и оправдывало бы собою

все содержаніе этого небольшого разсказа. Но авторъ, къ сожалѣнію, ни въ заглавіи, ни въ самомъ разсказѣ, нигдѣ не даетъ почувствовать, что онъ изображаетъ дремотное состояніе и, сопряженныя съ такимъ состояніямъ, сбивчивыя сонныя видѣнія какихъ-то скучнѣйшихъ пассажировъ самаго скучнаго парохода. Цѣль автора, конечно,—судя по нѣкоторымъ признакамъ,—заключалась вовсе не въ томъ, чтобы описывать скучные сны. Онъ, видимо, хотѣлъ дать въ нѣсколькихъ штрихахъ этюдъ, который можно было бы назвать: „Мы живемъ".

„Мы плывемъ, и въ общей каютѣ, мѣрно позвякивая, вздрагиваютъ стеклышки канделябровъ. Текутъ берега, зеленые лѣса и красный песокъ. И неподвижно одно только небо съ бѣлыми іюльскими облаками, въ которыхъ похоронено наше дѣтство".

Такъ начинается разсказъ г. Дымова.

Какимъ образомъ похоронено въ облакахъ дѣтство—это тайна автора: оставимъ эту тайну неприкосновенной!

Пассажировъ на пароходѣ не много. Какая-то дама въ черной косынкѣ; молодой судебный слѣдователь и гимназистка въ коротенькомъ форменномъ платьицѣ; старикъ-лѣсничій съ женою, и съ ними женщина-крестьянка; два камми-вояжера и съ ними смуглая женщина; какіе-то нищіе и капитанъ парохода. Матросовъ не видно ни одного.

Начинается разсказъ краткимъ описаніемъ парохода и его пассажировъ въ одинъ изъ скучныхъ вечеровъ плаванія. Кто стоитъ у борта, кто гуляетъ по пароходу, кто пьетъ чай. На капитанской вышкѣ татары неслышно молятся Богу. Кругомъ темнѣетъ. Наступила ночь.

Въ эту ночь всѣ, повидимому, спали, какъ убитые. Авторъ ни о комъ ничего не сообщаетъ. Раннимъ утромъ пароходъ остановился у какой-то пристани. Слышны были голоса, шумъ. Пароходъ принялъ грузъ и тронулся дальше. Нарушенный сонъ скоро снова вернулся. Утренній сонъ былъ слаще ночного. Но, наконецъ, къ 10-ти часамъ спать стало невмоготу,—поднялись.

„Словно вчерашній день вернулся, но, гдѣ-то побывавъ ночью, сталъ еще легче, радостнѣе. По сіяющей золотой лѣстницѣ поднялись мы на слѣдующую ступень, гдѣ въ зеленомъ дыму росисто и прозрачно и гдѣ душа растворяется въ золотомъ озерѣ".

Всѣ эти,—нельзя сказать, чтобы вполнѣ ясныя,—восторженныя слова показываютъ, что путешественники чувствуютъ себя великолѣпно, что крѣпкій сонъ пошелъ имъ въ прокъ. Перемѣнъ на пароходѣ не произошло никакихъ; все осталось по-вчерашнему. Иные пьютъ чай, иные такъ сидятъ. „Судебный слѣдователь ходитъ по палубѣ, заглядываетъ въ оконца каютъ, думаетъ: гдѣ же гимназистка?" Что думаютъ остальные — неизвѣстно.

Такъ близился полдень. Далѣе пусть говоритъ самъ авторъ.

„И вотъ счастье наступило въ 12 часовъ съ минутами. Оно прильнуло къ самому сердцу, открыло всѣ его входы, вошло и оттуда разнеслось по тѣлу, захватывая мозгъ, закрывая мокрые отъ чудесныхъ слезъ глаза“.

Потомъ идутъ разсужденія о томъ, что никакъ невозможно человѣку знать ни времени, ни мѣста, гдѣ подстерегаетъ его счастье.

„...Мы не предчувствовали ничего. Относило назадъ темные, строгіе утренніе берега, впереди разстилался день, какъ неизслѣдованная страна, и вдругъ снизу черезъ палубу просочились звуки музыки. И въ то же мгновеніе насъ, какъ теплымъ воздухомъ, охватило необъяснимое счастье.

„Въ трюмѣ, у самой кормы на гармоникѣ игралъ слѣпой“.

Гармоника, это общераспространенное орудіе пытки, у слѣпого имѣла какія-то, чисто-сказочнаго характера, особенныя свойства, какъ и самъ слѣпой. Ибо игра его вмѣстѣ съ пѣсней „про путеводителя Макарова“ не только не отравила пассажирамъ существованія, и не только никто не впалъ отъ этой музыки въ слѣпое бѣшенство, какъ того надо было ожидать, но наоборотъ,—музыка эта сдѣлала то, что „весь пароходъ съ буфетомъ, судебнымъ слѣдователемъ, піанино и стеклышками канделябровъ вошелъ въ полосу голубого счастья, какъ въ мирный туманъ...“

Длилась ли музыка слѣпца цѣлый день, или же она сразу разбудила въ душахъ пассажировъ тонкое ощущеніе къ какому-то ритму жизни, понять трудно, но только пассажиры, подобно древнимъ пифагорейцамъ, вняли гармонію сферъ и оставались счастливы до восхода луны. Съ появленіемъ луны гимназистка стала искать судебнаго слѣдователя, капитанъ появился около гимназистки, къ дамѣ съ вуалью подошелъ какой-то поэтъ, и надо думать, всѣ эти люди дѣйствительно чувствовали себя не дурно. Но при чемъ же здѣсь золотыя озера, гармоника и пр.?

Конецъ всему былъ весьма плачевенъ.

Счастье миновало. Длилось оно не больше двухъ лѣтнихъ дней. Все прошло.

„Внизу въ трюмѣ жмутся къ теплой машинѣ темные, голодные люди. Мы несемся, несемся чему-то навстрѣчу, и это не отвратимо. И у насъ лѣсничій съ сумасшедшей женой, чахоточная проститутка въ платьѣ гимназистки, поэтъ, два комми-вояжера, нанявшіе общую женщину. Какъ насъ встрѣтятъ? Что мы скажемъ?“

Если бы авторъ стремился нарисовать хаотическія впечатлѣнія человѣка, которого поминутно клонитъ ко сну, то было бы ясно, почему путешественнику звуки пиликавшей гармоники временами казались чудными музыкальными аккордами; почему гимназистка-подростокъ вдругъ преобразилась въ чахоточную проститутку; почему жена лѣсничаго, съ ея „умнымъ, сердечнымъ“ взглядомъ вдругъ превратилась въ сумасшедшую и пр., и

пр. Все это было бы понятно. Это была бы картина кошмарныхъ представленій человѣка, который не имѣетъ силы ни бороться съ одолѣвающимъ его сномъ, ни уснуть въ непривычной дорожной обстановкѣ.

Но г. Дымовъ вовсе не думалъ описывать всю ту чепуху, которая лѣзетъ человѣку въ голову, когда онъ, безпрестанно засыпая и вновь пробуждаясь, впадаетъ въ состояніе полнаго и безпомощнаго обалдѣнія.

Авторъ, наоборотъ, стремился нарисовать какую-то общую картину съ широкимъ захватомъ. Часто повторяя выраженіе „мы плывемъ", которымъ онъ и начинаетъ, и заканчиваетъ свое твореніе, г. Дымовъ какъ бы создаетъ символъ жизни, нежданно-негадано возникающаго счастья, и такъ же мгновенно проходящаго; все въ семъ бренномъ мірѣ призрачно и подвержено перемѣнамъ... Облекая эти, до крайности скудныя мысли, въ форму самыхъ неопредѣленныхъ общихъ образовъ, какъ, напримѣръ: „мы плывемъ", „мы несемся, несемся чему-то навстрѣчу"... — „по сіяющей золотой лѣстницѣ поднялись мы...", и перемѣшивая всѣ эти гибкія обобщенія съ такими обыденными вещами, каковыми являются судебный слѣдователь, лысый комми-вояжеръ, галоши татарина и пр.,—авторъ избавляетъ себя отъ труда повѣдать читателю, во-первыхъ, куда „мы плывемъ", и къ чему „мы несемся" столь неудержимо;—и во-вторыхъ, что именно замѣчательнаго онъ усмотрѣлъ въ особахъ какъ судебнаго слѣдователя, такъ равно и всей прочей компаніи парохода, и какія соображенія навели его на мысль знакомить читателя съ публикой, ему самому, повидимому, совершенно неизвѣстной. Избавившись отъ того и другого, но все-таки намекнувъ при этомъ на какое-то стремленіе, показавъ мелькомъ какія-то маски и спаявъ все это золотыми озерами, полосами голубого счастья и пр., авторъ многозначительно заканчиваетъ свое твореніе, въ той, очевидно, надеждѣ, что читатель, ослѣпленный игрою словъ, увѣруетъ, что въ его писаніи непремѣнно кроется смыслъ, непостижимый для непосвященныхъ въ тайны творчества. И легковѣрный читатель, пожалуй, и въ правду иногда остановится въ почтительномъ изумленіи надъ подобнымъ писаніемъ и станетъ доискиваться въ немъ смысла. Напрасно! При чтеніи подобнаго рода твореній вполнѣ достаточно помнить мудрый совѣтъ чеховскаго стараго бухгалтера, Прохора Семеновича Будылды:—„Ты не пугайся... А главное, не вникай... Читай и не вникай въ эту умственность".

III.

Въ помѣщенномъ въ мартовской кн. „Русскаго Богатства" разсказѣ А. Н. Попова „Правильный законъ", написанномъ почти исключительно монологами, и при томъ длиннѣйшими, разсказывается, какъ рылъ татаринъ канаву вдоль помѣщичьяго луга, отграничивая его отъ мірского вы-

гона, и какъ два мужика, подъѣхавъ къ мѣсту работы и пустивъ лошадей въ барскій лугъ на пастбище, сами спокойно подошли къ татарину, съ тѣмъ, чтобы по порученію міра прогнать татарина съ работы, такъ какъ у мужиковъ была забастовка.

Обмѣнявшись выраженіями самаго общаго характера, какъ-то: „Вотъ накласть тебѣ по лысой башкѣ...—Ухъ и псы же эти татары!...—съ одной стороны, и — „д-дуракъ русакъ..., русскій лѣнтяй!" — съ другой, мужики подсѣли къ костру, гдѣ въ котелкѣ кипятился кирпичный чай татарина, закурили и разговорились.

Разговоръ зашелъ сначала о томъ, что татары бѣднѣе русскихъ, хотя и работаютъ больше; и одинъ изъ собесѣдниковъ, Гусаровъ, мужикъ, склонный доискиваться во всемъ той правды, которая примиряла бы всѣ житейскія противорѣчія, — этотъ самый Гусаровъ укоризненно вспомнилъ и то, что у татаръ господъ нѣтъ, что ихъ никто не тѣснитъ, и что бѣдность ихъ, такимъ образомъ, не можетъ быть оправдана.

Татаринъ призналъ, что они, дѣйствительно, живутъ очень бѣдно. Но желая оправдать эту бѣдность, онъ сталъ говорить, какъ татаринъ, послѣ каждой недѣли неустаннаго труда, гуляѣтъ, по его словамъ, до тѣхъ поръ, пока не прогуляетъ все до послѣдней нитки; и затѣмъ, когда уже гулять больше не на что,—„опять спина трещи".

— „Русакъ дуракъ,—прибавилъ онъ, безнадежно махнувъ рукой,—ни тѣла не питаетъ, ни души". Гулять, по словамъ татарина, значило—питать душу. На это Чокмарь, молодой, хорошо одѣтый, крѣпкій парень, отвѣтилъ татарину весьма резонно, что русскій тоже „питаетъ душу", можетъ, не хуже любого татарина, но что корень бѣдности все же не въ „питаніи души", а въ томъ, что народъ живетъ, и въ особенности жилъ раньше,—„какъ во снѣ". Чокмарь вспоминаетъ, какъ прежде покорно и почтителнно старики просили у барина „лужишко, дровашекъ, хворостишку". При этомъ Чекмарь энергично ругаетъ стариковъ чертями; указываетъ на только что уже пущенныхъ, спокойно пасущихся на барскомъ лугу лошадей, чего не могло быть прежде и говоритъ, что уже миновало и то, какъ, бывало, не только земскій,—„урядничишко послѣдній все село загоняетъ".

> — „Что годовъ маялись!—возбужденно воскликнулъ Чокмарь,— и старики, отцы и дѣти, маялись, а до забастовокъ сами не додумались... Нашлись же вотъ добрые люди, наставили на разумъ... И диво, братецъ мой,—изумился Чокмарь,—какъ сразу весь этотъ гадъ схлынулъ. Какъ вотъ дымокъ комара отшибаетъ, такъ и они отъ насъ отвалились..."

И слово за слово мужики разговорились о томъ, возможенъ ли такой „правильный законъ", по которому жилось бы всѣмъ одинаково, и хорошо ли, худо ли, но по справедливости. Гусаровъ сильно сомнѣвался въ

способности человѣка устраиваться во всемъ разумно и по-хорошему; Чокмарь, наоборотъ, высказывалъ твердую увѣренность въ такой способности, говоря о томъ, какъ противъ прежняго измѣнился въ послѣднее время весь народъ; татаринъ говорилъ о томъ, что издалека и вчужѣ всякая жизнь и всякій законъ кажутся хорошими, но стоитъ ихъ узнать поближе, и жизнь, и ея законы тотчасъ оказываются и тяжелы, и горестны.

И говорили эти три, мирно сидѣвшіе у костра, человѣка, такъ обстоятельно и такъ пространно, что если бы взглянуть на нихъ, забывъ время и мѣсто бесѣды, то врядъ ли можно было бы признать, что люди эти—русскіе мужики, переживающіе борьбу съ землевладѣльцемъ, бастующіе, и пріѣхавшіе прогнать татарина-нищаго съ его работы. Въ ихъ рѣчахъ столько спокойной увѣренности и медлительной вдумчивости, что можно подумать, будто жизнь этихъ людей уже давно стала во всемъ благодатна, и если они толкуютъ о какомъ-то правильномъ законѣ, то только потому, что довольство жизнью и досугъ даютъ имъ возможность взвѣшивать каждый шагъ, и судить, насколько разумно или нѣтъ все, что течетъ предъ ихъ спокойнымъ взглядомъ.

Впечатлѣніе это поддерживается еще и тѣмъ, что мужики, разсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, рѣшили не мѣшать татарину, не лишать его заработка понапрасну, такъ какъ работа его не имѣла никакого отношенія къ тѣмъ работамъ, которыя пріостановлены забастовкой.

Распорядившись, Гусаровъ и Чокмарь тронулись въ путь. „Они ѣхали по выгону къ селу и долго слышно было въ полуденномъ затишьѣ, какъ они спорили все объ одномъ и томъ же: о правдѣ, о землѣ, о волѣ...“ Казалось, ничто не мѣшало ихъ спору, ничто не вторгалось въ ихъ жизнь: крестьяне могли поступать, и поступали во всемъ такъ, какъ казалось имъ разумно и нужно. Нужна забастовка—бастовали; нужно согнать татарина съ работы—гнали; не нужно—нѣтъ; нужно кормить лошадей—кормили на барскомъ лугу; вызываетъ земскій: хотятъ—идутъ, хотятъ—нѣтъ, такъ какъ минуло то время, когда бывало не только земскій,—„урядничишко послѣдній все село загоняетъ“.

Такую картину рисуетъ г. Поповъ въ своихъ монологахъ, названныхъ „Правильнымъ закономъ“.

Но въ этой же самой книжкѣ журнала помѣщенъ другой разсказъ, „Гараська-диктаторъ“—С. Анисина. Изъ этого разсказа мы узнаемъ, что не только „урядничишко“, а даже стражникъ, Гараська-болванъ, по глупости своей ни къ чему не прибившійся и поступившій въ стражники,—Гараська, дурость котораго извѣстна еще сызмальства всѣмъ односельчанамъ,—этотъ самый дурень „все село заполонилъ“ и даже „прямо сказать, заморозилъ...“,—то самое село, гдѣ начинали уже налаживаться всѣ дѣла по волѣ мірского схода, гдѣ крестьяне прогнали писаря, выбрали новаго старшину, и куда уже ни земскій, ни приставъ, ни урядникъ

зря не „совались". Оставался один Гараська-стражникъ, да и онъ вписался въ крестьянскій союзъ.

Такъ было. Но продолжалось это только до той поры, пока не пріѣхалъ съ казаками исправникъ, не поставилъ сходъ вольнолюбиваго села Лапотнаго на колѣни, а приставъ не возложилъ на дурня Гараську диктаторскихъ полномочій, вручивъ ему казенные чистые бланки со своею подписью, дабы Гараська могъ „орудовать и по правиламъ".

Кто же правъ,—г. Поповъ или г. Аникинъ?

Г. Поповъ рисуетъ слишкомъ разсудительныхъ мужиковъ, твердо идущихъ навстрѣчу ясно намѣченнымъ цѣлямъ.

Г. Аникинъ изображаетъ преувеличенно-властнаго и страшнаго на селѣ деспота-стражника и полную мякинность этихъ самыхъ мужиковъ.

Разсудительность и рѣшимость, къ сожалѣнію, не всегда руководятъ людьми въ ихъ дѣлахъ, и крестьяне въ этомъ смыслѣ не могутъ составлять исключенія. Что же касается свирѣпаго стражника, сосредоточившаго въ своемъ лицѣ всѣ существующія по губерніи степени властей, то вѣдь стражникъ этотъ, если вѣрить г. Аникину,—глупъ, какъ пробка, и вдобавокъ—пьянъ, и самъ по себѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть того рокового значенія въ жизни деревни, какое ему приписываетъ г. Аникинъ.

Неправильное освѣщеніе крестьянской жизни въ обоихъ этихъ разсказахъ на все налагаетъ свой ложный колоритъ, и потому не только дѣйствующія лица, но также и самые эпизоды, рисуемые гг. Поповымъ и Аникинымъ, одинаково безжизненны и фальшивы, самые же разсказы ихъ—невѣроятно скучны и антихудожественны.

П. Дмитріевъ.

Критика и библіографія.

Ѳедоръ Сологубъ. *Мелкій бѣсъ*. Изд-во „Шиповникъ". 1907 г. Ц. 1 руб. 75 коп.

Страшная книга... Жуткая книга... Карамазовщина, Достоевщина, чортъ, дьяволъ, недотыкомка, Передоновъ... Человѣкъ, обнаженный до того, что „больше некуда", разоблаченный до самыхъ тайниковъ своей грязной, низкой души, квинтъ-эссенція всего нечеловѣчески-грубаго и подлаго, что *можетъ* быть въ живомъ существѣ,—вотъ герой повѣсти Ѳедора Сологуба „мелкій бѣсъ", живущій въ осмысленной, одухотворенной душѣ. Есть, отъ чего ужаснуться... „Книги онъ только держалъ, а не читалъ, чтобы показать, что у него свободныя мнѣнія, — хотя на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ ни мнѣній, ни даже охоты къ размышленіямъ... Давно уже онъ не прочелъ ни одной книги, говорилъ, что некогда, газетъ не выписывалъ, новости узнавалъ изъ разговоровъ. Впрочемъ, и узнавать ему нечего было— ничто во внѣшнемъ мірѣ его не занимало. Надъ подписчиками на газеты онъ даже издѣвался, какъ надъ расточителями денегъ и времени. Дорого, подумаешь, было для него его время".

...„Да и что такое были гимназисты для Передонова? Не только ли аппаратомъ для растаскиванія перомъ чернилъ по бумагѣ и для пересказа суконнымъ языкомъ того, что когда-то было сказано языкомъ человѣчьимъ! Передоновъ во всю свою учительскую дѣятельность совершенно искренно не понималъ и не думалъ о томъ, что гимназисты такіе же люди, какъ и взрослые".

Таковъ учитель и наставитель подрастающаго поколѣнія Ардальонъ Борисычъ Передоновъ, готовящійся стать инспекторомъ, чрезъ руки котораго прошло, пожалуй, не одно поколѣнье учащейся молодежи,—типъ, достойный пера Гоголя или Салтыкова-Щедрина... Не знаю, существуетъ ли гдѣ-нибудь даже и въ глухомъ провинціальномъ углу реальная и точная копія сологубовскаго Передонова? Пожалуй, что и нѣтъ. Вѣроятнѣе, что Сологубъ *выдумалъ* этотъ образъ, сочинилъ, слѣпилъ его изъ множества полу-Передоновыхъ, четверть-Передоновыхъ, изъ всѣхъ подобій и *возмож-*

ностей его, разсѣянныхъ по бѣлу-свѣту, гуляющихъ по вечерамъ на бульварѣ, учащихъ днемъ нашихъ дѣтей, мечтающихъ о повышеніи (какъ же я могу жить безъ мѣста?), людей „безъ мнѣній, безъ охоты къ размышленію". Мнѣ лично представляется слѣдующимъ образомъ эмбріонъ передоновскаго типа. Авторъ задался мыслью изобразить человѣка, какимъ онъ *можетъ* быть, какимъ онъ будетъ или бываетъ, если раздѣть его морально и умственно *до-нага*, если отнять у него все—разумъ, свободную волю, тенденціи къ прогрессу, къ совершенствованію, къ различенію добра и зла и всему прочему, составляющему отличительныя способности человѣка, *какъ таковою*... И такого обнаженнаго, циничнаго и безстыднаго нижечеловѣка [1]) показалъ намъ Ѳедоръ Сологубъ и... ужаснулъ. Ужаснулъ такъ же, какъ ужаснулъ насъ Шницлеръ своимъ „Хороводомъ", въ которомъ, конечно, больше реальности, но все же страшитъ больше всего *возможность* подобнаго моральнаго растлѣнія... Ужаснулъ, какъ ужасалъ Зола, изображая натуралистическія сцены пробужденія и нахожденья въ человѣкѣ звѣря, темныхъ, гнусныхъ подонковъ души атавистическаго происхожденія... И этотъ ужасъ сильнѣе всякихъ сентенцій, ярче и характернѣе самой краснорѣчивой проповѣди.

Хорошъ ли романъ Сологуба? Слово это совершенно непримѣнимо къ нему. Написанъ удивительно просто и завлекательно-интересно... Характеры и типы очерчены изумительно-выпукло и жизненно. Есть сцены, прямо безподобныя по силѣ изобразительности при внѣшней экономіи эпитетовъ и кажущейся неяркости словъ (сцены искушенія Людмилой гимназиста, пачканье обоевъ въ квартирѣ Передонова, свадьба). Большой талантъ, огромное мастерство... И повторяю: страшная, жуткая... и прекрасная книга...

Анаст. Чеботаревская.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. *Трагическій звѣринецъ.* Разсказы. Издательство „Оры". Петербургъ. 1907 г. Ц. 1 руб.

Разсказъ ведется отъ лица дѣвочки, самостоятельно выраставшей въ атмосферѣ дворянско-помѣщичьихъ традицій, самостоятельно переживавшей подчасъ трагическія коллизіи на фонѣ столкновенія „барскихъ" и „человѣческихъ" интересовъ, самостоятельно доходившей до безусловнаго отрицанія классовыхъ устоевъ и безсознательно додумывавшейся до принциповъ революціоннаго соціализма. („Глухая Дама", „Царевна Кентавръ", „Медвѣжата"). Вотъ эта чрезмѣрно подчеркиваемая *самостоятельность* и *безсознательность-инстинктивность*, очевидно, очень симпатичныя автору, показались намъ немного подозрительными. Мы знаемъ, что дѣти вообще впечатлительны, подвижны, воспріимчивы, склонны къ бунтарству, къ открытому мятежу... но и также большіе собственники, себялюбцы, подчасъ недовѣрчивы и рѣдко такъ категоричны, какъ героиня раз-

[1]) Мое выраженіе. Противоположность „сверхчеловѣку".

сказовъ г-жи Зиновьевой-Аннибалъ. Врядъ ли возможенъ въ головѣ девятилѣтняго ребенка мыслительный процессъ, въ одно мгновенье сметающій всѣ привитыя воспитаніемъ и обстановкой традиціи, и ставящій на мѣсто ихъ... почти... экспропріацію собственности и обязательный, восьмичасовой рабочій день („Глухая Дама"). „Въ первый разъ взглянула я на людей и ихъ устройство, и увидѣла, такъ просто увидѣла и такъ просто поняла, каждою человѣческой кровинкой поняла, что все это совсѣмъ *не настоящее* [1]), что люди устроили. И такъ не будетъ, потому что такъ я не хочу".

...„Мы всѣхъ полюбимъ: и Прокофія, и Илью, и повара, и Елену Прохоровну, и Ѳедора кучера, и братьевъ, и твою маму и!.. и судомойку. Всѣ будемъ спать и ѣсть вмѣстѣ, и вмѣстѣ работать, и... верхомъ... или даже и ненужно. Такъ будетъ безъ того удивительно весело, и вѣдь это такъ просто. И нечего будетъ намъ красть".

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается... Повѣримъ *на слово* г-жѣ Зиновьевой-Аннибалъ, что ея дѣвочка-феноменъ инстинктивно предчувствовала тезисы научнаго соціализма, но впечатлѣніе надуманности и нѣкоторой несвободности автора отъ поставленныхъ имъ себѣ заранѣе дедукцій остались у насъ отъ иныхъ страницъ „Трагическаго звѣринца". Какъ намъ уже случалось замѣтить раньше, у г-жи Зиновьевой-Аннибалъ присущъ *изобразительный* талантъ, и въ этомъ смыслѣ ей очень удались многія описательныя сцены и картины, хотя бы въ той же „Глухой Дамѣ". Удаченъ также діалогъ, почти всегда живой, образный и яркій. Основной же недостатокъ книги, носящей, вѣроятно, авто-біографическій характеръ (на это указываетъ однообразіе изображаемыхъ типовъ и монотонно-единообразный фонъ дѣйствія, возможный только въ реальности), это то, что въ большинствѣ случаевъ авторъ изображаетъ *не то, что было*, а то, какъ ему *представляется* бывшее по истеченіи многихъ лѣтъ — post factum. Доходя въ извѣстномъ возрастѣ до признанія соціализма, ему начинаетъ казаться, что онъ уже стоялъ на этой точкѣ зрѣнія еще въ дѣтствѣ (! *ред.*) и эти воображаемыя черты часто затмеваютъ и искажаютъ дѣйствительную и своеобразно интересную физіономію ребенка и г-жа Зиновьева-Аннибалъ въ этомъ случаѣ не избѣжала общей и ненужной ошибки.

Въ остальномъ книга интересна и оригинальна. Было бы весьма благодарной задачей прослѣдить впечатлѣніе отъ ея чтенія на подрастающее поколѣніе, съ еще неоформившейся психологіей мысли. Мы очень рады, что на этотъ разъ г-жа Зиновьева-Аннибалъ выступила въ *реалистическомъ* духѣ, гораздо болѣе родственномъ ея яркому и сильному письму, чѣмъ тѣ претенціозныя попытки на символизмъ, которыя исказили интересный замыселъ „Тридцати трехъ уродовъ".

Анаст. Чеботаревская.

---

[1]) Курсивъ мой вездѣ.

Н. Олигеръ. Разсказы, т. I, изд. Издат. Бюро, ц. 1 р.

Въ настоящее время значительно ослабѣло прошлогоднее увлеченіе мелкой, агитаціонной и почти исключительно политической литературой и наблюдается интересъ къ болѣе основнымъ, научнымъ книгамъ и къ серьезной беллетристикѣ. Полтора года тому назадъ жизнь хлынула такимъ бурнымъ потокомъ, что массовому читателю некогда было читать большія книги и серьезно изучать вопросы, некогда было интересоваться художественными произведеніями. Требовались немедленные отвѣты на самые насущные вопросы жизни, приходилось во многихъ случаяхъ довольствоваться на первое время отвѣтами, выработанными уже опытомъ другихъ странъ и народовъ, и лихорадочно, на-спѣхъ вырабатывать свои собственныя, новыя формы жизни. И русская литература переживала небывалый еще, кажется, нигдѣ въ мірѣ революціонный періодъ, въ первый разъ порвавъ желѣзные тиски цензуры. Теперь она мало-по-малу входитъ въ свое русло,—русло, правда, еще не нормальное, потому что репрессія безпощадно давитъ серьезную политическую печать и почти совершенно уничтожила широко развившуюся въ дни свободы политическую каррикатуру,—но художественная литература начинаетъ уже отражать то, что было пережито Россіею въ бурный періодъ подъема революціонной волны.

Въ недавно появившихся разсказахъ Н. Олигера—передъ нами ярко и картинно проносятся и недоброй памяти карательныя экспедиціи, и аграрные безпорядки,—безпорядки стихійные, не освѣщенные элементомъ сознательности массъ, и дикія сцены русско-японской войны, и „квалифицированная смертная казнь“ въ глухой пустынѣ, совершаемая надъ „опасными людьми“, наивно повѣрившими въ свою свободу. Жизнь за эти два года давала и свѣтлыя впечатлѣнія, давала примѣры могучаго подъема духа массъ, небывалаго еще въ Россіи пробужденія народныхъ силъ и героическихъ подвиговъ. Но дикая реакція и невѣроятно-тяжелыя, почти сказочныя условія борьбы такъ подавили талантливаго писателя, что каждый его разсказъ—это кровавая драма. Тутъ разъяренная толпа бросаетъ въ огонь ни въ чемъ неповиннаго студента, тамъ кидается въ воду безработный рабочій, не выдержавшій мученій голода своихъ и единственнаго близкаго ему существа—собаки, а тамъ гибнутъ отъ безсердечія и лицемѣрія людей и снова опускаются на дно жизни двѣ бывшія проститутки,—великодушныя дѣвушки, оказавшія чудеса самопожертвованія на войнѣ. Въ каждомъ разсказѣ говоритъ сама жизнь, все это, дѣйствительно, пережито всевыносящими русскими гражданами, и пережито не въ какія-то далекія времена, а вотъ сейчасъ, на нашихъ глазахъ, нами самими,—насъ самихъ хватали на улицахъ жандармы, наши друзья погибали въ ссылкѣ, нашихъ близкихъ разстрѣливали карательныя экспедиціи. И авторъ съ удивительной сердечной теплотой относится къ своимъ героямъ, онъ самъ живетъ съ ними, а не наблюдаетъ ихъ со стороны, и

всѣ лица вышли у него живыя, одухотворенныя. Художественная литература всегда идетъ вслѣдъ за жизнью; грандіозныя впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ должны были оставить глубокій слѣдъ на психикѣ художника, и чѣмъ ярче эти впечатлѣнія, чѣмъ богаче жизнь, тѣмъ шире будетъ и размахъ художественной литературы. Намъ предстоитъ теперь видѣть блестящій расцвѣтъ ея въ Россіи, и мы имѣемъ всѣ данныя еще много ожидать отъ автора этого сборника. Онъ выпустилъ пока только первый томъ своихъ разсказовъ, печатавшихся раньше въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Остается пожелать ему, чтобы въ его новыхъ разсказахъ обновляющаяся жизнь и ея новые элементы, за которыми—все великое будущее страны, заняли бы должное мѣсто среди его художественныхъ образовъ.

В. Величкина.

Кнутъ Гамсунъ. *Драма жизни.* Пер. С. А. Полякова. Изд. второе. Книгоизд. „Скорпіонъ". Москва. Ц. 50 к.

Весь К. Гамсунъ—какая-то напряженная до тоски мелодія, которую можно лишь передать загадочнымъ „Warum?" Р. Шумана. Тонкій, острый наблюдатель самыхъ незамѣтныхъ проявленій жизни, К. Гамсунъ ищетъ въ нихъ ключи къ внутреннему таинственному для него смыслу жизни человѣка. Черезъ самое неуловимое онъ хочетъ подойти къ ней и это выражается въ особенностяхъ его письма. Напримѣръ, въ „Панѣ", описывая наступленіе весны, К. Гамсунъ изображаетъ не солнце, не общую картину, а самые неуловимые, но самые несомнѣнные зато признаки: онъ говоритъ о корѣ на деревьяхъ, о видѣ мховъ и лишаевъ. Онъ какъ будто влюбленъ болѣзненно въ жизнь и для него, какъ для влюбленнаго, нѣтъ „пустяковъ", и самое незначительное для человѣка въ иномъ состояніи духа пріобрѣтаетъ огромное и рѣшающее значеніе. Зато необыкновенная мѣткость, съ которою онъ подмѣчаетъ эти драгоцѣнныя черточки, правда жизни ихъ вводитъ въ обманъ нѣкоторыхъ критиковъ и они даютъ имъ право назвать реалистомъ этого тонкаго художника съ такимъ безпощадно-острымъ зрѣніемъ. Но „реализмъ" К. Гамсуна заключается только въ умѣніи быть вѣрнымъ природѣ. Онъ ловитъ и передаетъ самые незамѣтные для менѣе встревоженно-напряженной души излучины и проблески внутренняго свѣта, которые даютъ ключъ къ таинственному процессу, совершающемуся внутри человѣка. Напримѣръ, поразительно поставлена короткая и яркая, какъ молнія, озаряющая глубины, фраза Терезиты въ „Драмѣ жизни", которую та бросаетъ послѣ разговора съ Карено „красавцу-рабочему".

„Чтобы этого больше не было", говоритъ она. И читатель сразу понимаетъ и сущность ея отношеній къ этому рабочему, и что она озарялась надеждою на безконечно болѣе глубокое и прекрасное, совершенно

чуждое всего „прежняго“, духовное преображеніе черезъ Карено. Весь комплексъ чувствъ и отношеній, вся „драма“ Терезиты—въ этой короткой черточкѣ. У К. Гамсуна совершенно свой масштабъ для опредѣленія существеннаго въ загадочной, страшно загадочной для него жизни и потому центръ тяжести изображаемаго Гамсуномъ лежитъ на такихъ для обычнаго письма незначительныхъ деталяхъ, что кажется, будто въ его глазахъ зрительный аппаратъ другого устройства, чѣмъ у всѣхъ, дѣлающій большимъ незамѣтное и уменьшающій все крупное. И, думается, что здѣсь есть извѣстная сознательность, что въ словахъ „искателя правды“ Карено есть смыслъ, относящійся къ самому К. Гамсуну, когда Карено говоритъ: „Быть можетъ, мнѣ удастся при помощи оптическаго обмана нѣсколько расширить мое земное познаніе.“ „О-о... какъ бы я желалъ доискаться до сути!..“ И эта жажда найти „суть“—это тоска Гамсуна, заставляющая его фиксировать все вниманіе на мельчайшихъ проявленіяхъ почти несознанныхъ движеній личности, на той игрѣ лучей, по которой ему кажется возможнымъ уловить внутреннее озареніе человѣческаго „я“. „Суть“—не въ достиженіи людьми ихъ цѣлей, а въ томъ таинственномъ „нѣчто“, что свѣтитъ людямъ, но недостижимо, „какъ луна“, говоря словами Терезиты, героини драмы, которая воплощаетъ въ себѣ эту тоску по „озареніи“. Она—самое интересное изъ дѣйствующихъ лицъ „Драмы жизни“ еще потому, что въ ней К. Гамсунъ подошелъ къ чисто-женской „драмѣ“ или проблемѣ. То обстоятельство, что она—женщина, дѣлаетъ ея исканія еще трагичнѣе и безысходнѣе, потому что, ища воплощенія своихъ сокровеннѣйшихъ запросовъ иной жизни въ отношеніяхъ съ людьми, она натыкается въ отвѣтъ на эти исканья своего тоскующаго духа на любовь къ себѣ, какъ къ женщинѣ, на эту вѣчную антиномію духа и естества. Она темная, несознательная, она не знаетъ, какъ это зналъ В. Соловьевъ, что такое Афродида вульгарная и Афродита небесная, но она—воплощеніе тоски по „небесной“ и, какъ волна о скалы, бьется о роковую для нея, всегда становящуюся на пути преграду—страсть къ ней, какъ къ женщинѣ. Искатель Карено, сродный ей въ тоскѣ въ исканьяхъ, является для нея тѣмъ прекраснѣйшимъ въ жизни, для чего „нѣтъ жертвъ“. Но она въ немъ пробуждаетъ страсть къ себѣ, ея „луна“ очутилась на землѣ, у нея уже нѣтъ точки прицѣла для устремленій, она утратила лучшее своего „я“ и взамѣнъ получила то, что ей давали всѣ кругомъ, и тогда она бьется и мечется, какъ ослѣпшая, и за свою боль дѣлаетъ больно всѣмъ обманувшимъ ее миражемъ отвѣта на исканья, пока „Справедливость“—нищій Тю, такъ прозванный,—не убиваетъ ее... Это вторая „героиня“ драмы— „Справедливость“. Что-то обѣщающая и нищая, ничего не знающая, у которой всѣ предполагаютъ какое-то знаніе, она нужна людямъ „Драмы жизни“, какъ отвѣтъ на большой вопросъ „почему“, какъ уходъ отъ безпощаднаго „Warum?“ непримиренной души. Тю точно говоритъ собою:

роль „справедливости" нелѣпа, ея единственное оправданіе—это смерть, ея единственный смыслъ—поставить хоть такую механическую точку страданію и другого средства для прекращенія „драмы жизни" нѣтъ. Образъ Отермана, сходящаго съ ума лишь только онъ даже въ области матеріальныхъ благъ увидѣлъ „огромное"; образъ Карено, нелѣпо и безцѣльно лишеннаго плода цѣлой жизни, рукописи, когда сгораетъ башня; дѣти Отермана, сожженныя его же рукою; люди, падающіе отъ какой-то ужасной эпидеміи,—все это нагромождается къ концу драмы точно для того, чтобъ показать зависимость человѣка отъ какихъ-то случайностей, ничего общаго съ внутренне-цѣннымъ для него не имѣющихъ. Эти случайности стряхиваютъ человѣка въ пропасть, лишь только онъ хочетъ опереться на что-либо, внѣ его лежащее, лишь только свой отвѣтъ на запросъ о внутреннемъ или внѣшнемъ благополучіи онъ мнитъ обрѣтеннымъ. Все дѣлается нелѣпо, все „не то"—лишь только „обрѣтено". Но почему?

И какъ на вопросительной нотѣ шумановскаго „Warum?", обрывается „Драма жизни" только потому, что пришла смерть и поставила точку. А не будь ея, безъ конца тянулась бы все та же загадочная игра случайности на фонѣ глубокой тоски по какому-то иному отвѣту.

Такова „страшная" и какая-то щемяще-захватывающая, какъ рѣчи безъ значенья, пьеса К. Гамсуна, которой „безъ волненья внимать невозможно". Что то, намъ для насъ самихъ въ себѣ незамѣтное, но интимное, но наболѣвшее, задѣваетъ она...

Ир. Д.

П. Кропоткинъ. *Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ.* Изданіе товар. „Знаніе". Пер. съ англ. В. Батуринскаго, подъ ред. автора.

Въ мартѣ 1901 г. авторъ прочелъ въ институтѣ Лоуэлля, въ Бостонѣ, восемь лекцій по исторіи русской литературы въ XIX ст. „и этотъ краткій курсъ былъ поводомъ къ составленію настоящей книги". На 352 страницахъ тутъ даны сообщенія и о „ранней народной литературѣ", и о лѣтописяхъ, о „средневѣковой литературѣ", о „временахъ Екатерины II" и „декабристахъ". Далѣе говорится о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и болѣе новыхъ нашихъ классикахъ. Но вкратцѣ упоминается, напр., и о Нарѣжномъ, объ Я. Панаевѣ, Н. Герделѣ, Л. Шелгуновой; въ главѣ: „драма"—о Хмѣльницкомъ, А. И. Писаревѣ и пр.; не забытъ и Крыловъ-Александровъ. Среди критиковъ названъ и П. Полевой. Самымъ молодымъ писателемъ въ книгѣ поставленъ г. Горькій. Очевидно, содержаніе „курса" принаровлено къ особымъ цѣлямъ и составу слушателей. Русскому читателю, кромѣ того, нѣтъ основаній ждать отъ книги и какой-либо большой историко-литературной учености. Насъ могутъ здѣсь интересовать, что ли,

литературныя мнѣнія соотечественника—даровитаго, извѣстнаго, убѣжденнаго соціальнаго теоретика и дѣятеля. Эти мнѣнія подчасъ самостоятельны и цѣлостны. Ницше, напр., именуетъ Достоевскаго единственнымъ психологомъ, многому научающимъ. А г. Кропоткинъ не удерживается повторить формулу Михайловскаго о „жестокомъ талантѣ". Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" онъ усматриваетъ только „нѣсколько хорошихъ страницъ, попадающихся кое-гдѣ на протяженіи романа" и т. д. Яркая индивидуальность, г. Крапоткинъ вообще слабо вибрируетъ на творчество Достоевскаго. Симпатіи автора легко прорываются. Больше всего въ „курсѣ" толкуется о Толстомъ. Въ его педагогическихъ трудахъ авторъ отыскиваетъ „чисто-анархическіе принципы" — высшая похвала въ устахъ г. Кропоткина. Но и освѣщеніе толстовской философія авторъ прерываетъ на самомъ любопытномъ мѣстѣ: „Могутъ ли два элемента, одинъ изъ которыхъ относится къ области знанія и науки, а другой (справедливость)—къ области этики, оказаться достаточными для построенія религіи, безъ какой-либо примѣси *мистицизма*—этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы настоящей книги". Можетъ быть, характерно для г. Кропоткина съ его прямолинейностью и заявленіе: „Смѣхъ — всегда уже шагъ къ примиренію". Потому, на его взглядъ, и у Салтыкова „ѣдкія замѣчанія *слишкомъ часто* теряются въ *потокѣ* малозначительной *болтовни*". Автору у насъ книга не вплететъ никакихъ новыхъ лавровъ. Но вѣдь она и назначалась англичанамъ. Все же противъ перевода книги на русскій языкъ едва ли правильно возражать: вѣдь и компиляціями дѣйствительно интеллигентныхъ и идейныхъ писателей мы еще не столь богаты.

А. Налимовъ.

Лейтенантъ С. (К. К. Случевскій). *Стихотворенія.* Спб. 1907.

Мопассанъ настойчиво требовалъ, чтобы только одни *сочиненія* писателя были открыты для общества, для публики. Нашъ Гончаровъ защищалъ полную *личную* неприкосновенность автора и по смерти его. Но вотъ возьмите въ руки томъ стихотвореній К. К. Случевскаго. Какъ оторветесь вы тутъ отъ мысли, что молодой офицеръ, представленный здѣсь на портретѣ,—жертва Цусимскаго эпизода нашей соціальной драмы?! Пересматриваете стихи, и вамъ невольно кажется, что на самыхъ раннихъ изъ нихъ уже дрожали какія-то зловѣщія тѣни. Въ книгѣ много разнообразныхъ морскихъ пейзажей, очевидно, снятыхъ съ натуры. Авторъ не однажды даетъ понять, что самочувствіе у него, моряка, бодрое, что на своемъ поприщѣ онъ не чужакъ и не случайный гость. „Куда подвижная не кинетъ насъ судьба,—говоритъ авторъ,—какихъ земныхъ морей еще мы не видали? Привычкой долгою насъ волны привязали къ себѣ, какъ женщина—влюбленнаго раба. Скучна намъ берега тревожная свобода".

А относительно морскихъ битвъ мы даже слышимъ отъ Случевскаго такія признанія: „О, если можетъ смерть служить началу жизни, пускай шумитъ гроза и рушится на насъ,—мы жизнь свою спѣшимъ отдать отчизнѣ...“ и „влагой скорбною омыта искупленья, пусть счастье новое, родимая страна, тебя обрадуетъ зарею возрожденья“. Но лиризмъ, преобладающій у Случевскаго, выдвигаетъ черты поколѣнія, круга, момента—знакомыя, но не обѣщавшія побѣдъ. Въ стихотвореніи „Отвѣтъ“ авторъ обращается къ какимъ-то „степеннымъ людямъ“. И шлетъ имъ отнюдь не уважительные попреки, причемъ и своихъ сверстниковъ не выставляетъ въ чарующемъ свѣтѣ.

Пускай, по вашему, мы слабы и больны...
Но не вами ль мы на свѣтъ такими рождены?
Не вами ль брошены безъ всякихъ убѣжденій
Среди пылающихъ на торжищѣ строеній?

Авторъ, видимо, силится не поддаваться пессимизму. И, однако, воспѣваетъ „забвеніе“. „Но въ чемъ забвеніе? *Не все ль равно!..* Забвенье такъ найти, чтобъ, имъ утомлено, не мстило за себя поруганное чувство, и радость не была бъ повторно отнята...“ „Хотѣлъ бы, природа, всеобщая мать, твой нѣмой и таинственный сонъ разгадать, пережить твой тяжелый кошмаръ“. А самъ погибъ отъ „кошмара“ исторіи „невольникомъ чести“.

А. Налимовъ.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Часть I. Съ 29 портретами. СПБ. 1907. (XLV+297 стр.). Ц. 3 р.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать, — сказано въ заявленіи отъ редакціи „Галлереи“. Если бы даже это была правда, если бы перестал существовать навсегда этотъ фокусъ россійской государственности, съ ея ненасытной жаждой мести, то и тогда біографіи шлиссельбургскихъ узниковъ представляли бы громадный историческій интересъ. Но Шлиссельбургъ живъ, — онъ живъ у истоковъ Невы и въ далекомъ Акатуѣ, онъ живъ въ каждой губернской и уѣздной тюрьмѣ съ политическими заключенными,—и для того, чтобы пересталъ, наконецъ, существовать строй, неспособный дать ничего, кромѣ безчисленныхъ Шлиссельбурговъ, нужно пожелать самаго широкаго распространенія „Галлереи“.

Въ книгѣ находимъ біографическіе очерки тридцати лицъ, мучившихся, замученныхъ и казненныхъ въ исторической тюрьмѣ: четыре біографіи декабристовъ,—затѣмъ черезъ поляка Валеріана Лукасинскаго, черезъ Бакунина и Долгушина исторія русской революціи въ лицахъ переходитъ

къ дѣятелямъ землевольческаго и народовольческаго періодовъ, заканчиваясь пятью лицами, казненными за покушеніе на Александра 1-го марта 1881 г. Изъ этихъ пяти лицъ, къ сожалѣнію, только Александру Ильичу Ульянову посвященъ обстоятельный очеркъ, написанный его сестрою А. Ульяновой.

Наибольшее вниманіе привлекаютъ къ себѣ біографіи и характеристики, написанныя Вѣрой Николаевной Фигнеръ (Фроленко, Морозовъ, Антоновъ, Похитоновъ, Лукашевичъ, Новорусскій). Сколько въ этихъ очеркахъ величественной,—я бы сказалъ Шлиссельбургской,—простоты, и сколько тонкой нѣжности безъ словъ, порою переходящей въ едва уловимый юморъ! Объ авторѣ этихъ очерковъ читатель почерпнетъ характерныя данныя изъ статьи товарища В. Фигнеръ по Шлиссельбургу—С. Иванова, а также изъ статьи С. Елпатьевскаго. Перу С. Иванова принадлежитъ и біографія Л. А. Волкенштейнъ, убитой во Владивостокѣ въ одинъ изъ первыхъ мѣсяцевъ кровавой россійской конституціи. Некрологъ застрѣлившагося въ Якутскѣ Л. Ѳ. Яновича написанъ Л. Василевскимъ (Плохоцкимъ), такъ же, какъ и некрологъ погибшаго въ Шлиссельбургѣ Людвига Варынскаго.

Весь чистый доходъ отъ продажи „Галлереи" предназначается въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Совершенно независимо отъ этой частной цѣли, желательно, чтобы книга получила самое широкое распространеніе ради своего содержанія, — этой замѣчательной исторіи русской революціи въ лицахъ.

М. Ольминскій.

Проф. Озеровъ. *Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?* Критика русскаго расходнаго бюджета и государственный контроль (по неизданнымъ документамъ). М. 1907 г. Стр. V+305. Ц. 1 руб.

Подробное заглавіе достаточно ясно говоритъ о характерѣ этой чрезвычайно интересной книги. Она посвящена развитію и доказательству той мысли, что „многіе факты нашей государственной жизни вливали ядъ въ народный организмъ: авторъ имѣетъ въ виду чрезвычайную доступность государственнаго сундука для бѣлыхъ рукъ, легкость полученія всевозможныхъ снисхожденій, субсидій и т. д." (стр. II); что „для всѣхъ власть имущихъ или пользующихся вліяніемъ представлялась возможность творить свою волю; казенный сундукъ чрезвычайно легко поддавался у насъ этимъ вліяніямъ... въ интересахъ отдѣльныхъ группъ" (стр. 178); что „экономическая политика орошала золотымъ дождемъ промышленные классы. Народъ платилъ, правительство сабирало его деньги и крупную долю ихъ клало въ карманы состоятельныхъ лицъ, клало подъ разными формами— въ видѣ казенныхъ заказовъ по повышенной цѣнѣ, въ видѣ ссудъ изъ

государственнаго банка, подрядовъ и поставокъ при постройкѣ ж. д; что вся наша исторія есть сплошная организація такого обогащенія части населенія, его кучки за счетъ массы“ (стр. 284—285). „Все это создавало особую атмосферу въ Россіи, атмосферу азарта, игры и авантюръ“ (стр. 180).

А контроль?

„Государственный контроль, при всемъ его добромъ желаніи, обреченъ былъ оставаться пассивнымъ зрителемъ всей этой нехозяйственности, всѣхъ этихъ злоупотребленій, снабженныхъ всѣми формальностями права, всего этого процесса чрезмѣрно-форсированнаго обогащенія немногихъ за счетъ широкихъ слоевъ населенія. Воздѣйствовать на этотъ процессъ онъ былъ не въ силахъ: это было внѣ его компетенціи и внѣ его власти, онъ могъ только зарегистрировать у себя эти явленія, нерѣдко *боялся даже вскрывать ихъ*!.. У государственнаго контроля не было власти“ (стр. 183). *Сотни милліоновъ* неправильно тратятся, и все это потому, что у контроля руки коротки для сильныхъ міра сего, и онъ не въ состояніи ихъ уловить—онъ цѣпляется, въ концѣ концовъ, за... пресловутаго стрѣлочника, всегда и во всемъ виноватаго... и здѣсь передъ контролемъ стрѣлочникъ же является козломъ отпущенія“.

Такимъ образомъ „съ нищаго народа сдираютъ послѣднюю рубашку, а...“ администрація... „остается суха“... „Да гдѣ же мы живемъ?“—восклицаетъ проф. Озеровъ (стр. 207).

Все это, подобная „финансовая организація, не есть дѣло только финансовой техники...; это явленіе глубоко-общественное и организація финансовъ тѣсно связана *со всѣмъ строемъ* общественной и политической жизни страны... Въ абсолютной монархіи почти нѣтъ государственнаго контроля—контроль здѣсь частное дѣло монарха.

Финансы страны могутъ быть поставлены хорошо только при хорошемъ народномъ представительствѣ, слѣдовательно, широкомъ избирательномъ правѣ, свободѣ печати, дѣйствительномъ контролѣ народнаго представительства, публичности дѣйствій финансовой администраціи“ (стр. 181).

Таковы основныя мысли книги, для доказательства которыхъ приводятся столь убѣдительные и краснорѣчивые *факты* изъ области бюрократическаго хозяйничанья, что этотъ трудъ проф. Озерова *долженъ сыграть видную роль въ борьбѣ за бюджетное верховенство Думы и оказать серьезное вліяніе на постановку контрольнаго дѣла*. Приводимые проф. Озеровымъ факты, которые онъ добылъ изъ центральнаго архива государственнаго контроля въ Петербургѣ и Москвѣ, производятъ на читателя прямо-таки потрясающее впечатлѣніе. Здѣсь поражаешься не внутренней силой аргументовъ, приводимымъ авторомъ въ подкрѣпленіе той или иной мысли, а той безподобной картиной бюрократическаго хищничества, которую онъ нарисовалъ, картину, охватывающую *всѣ* сто-

роны и уголки нашего финансоваго хозяйства. Поэтому книга проф. Озерова цѣнна больше всего своимъ *фактическимъ* матеріаламъ,—въ нее тщательно записаны всѣ грѣхи стараго режима, поскольку послѣдній проявлялъ себя въ наиболѣе близкой для него сферѣ государственныхъ финансовъ.

Проявленіе *такой* книги въ *настоящее* время было прямо-таки необходимо и, несомнѣнно, успѣхъ ея будетъ колоссаленъ: ее будутъ цитировать въ Думѣ, печати, на митингахъ... Ее необходимо имѣть всякому, кто интересуется судьбами своей родины...

Очень жаль, что этотъ цѣнный трудъ проф. Озерова не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Книга, повидимому, написана на-спѣхъ, ибо въ ней нѣтъ послѣдовательности и много хаотичнаго, а отдѣльныя части и главы непропорціональны въ отношеніи трактуемыхъ въ нихъ вопросовъ, что нѣсколько затрудняетъ нахожденіе центральной мысли данной главы.

Говоря объ экономической политикѣ Россіи, авторъ восхищается экономическимъ прогрессомъ Америки, но въ доказательство этого приводитъ фактъ, что государственный долгъ Америки не великъ и имѣетъ тенденцію къ сокращенію, совершенно не считаясь съ долгами *отдѣльныхъ штатовъ* (долги эти велики, но въ сумму государственнаго долга не входятъ) и съ тѣмъ, что въ Америкѣ жел.-дор. дѣло находится въ *частныхъ* рукахъ; невѣрно также и то утвержденіе, что Соед. Штаты „начинаютъ выступать въ качествѣ міроваго банкира“ (стр. 269): напряженность міроваго денежнаго рынка и высота учетно-ссудныхъ нормъ въ центральныхъ банкахъ Европы вызваны главнымъ образомъ необузданнымъ требованіемъ на металлъ со стороны Америки.

Въ отношеніи выводовъ съ авторомъ во многомъ можно не соглашаться, но тѣмъ не менѣе выводы эти вполнѣ прогрессивны. Такъ, проф. Озеровъ стоитъ за *принудительное* отчужденіе земли, $9^1/_2$—10 (пока) рабочій день и за широкую, коренную реформу фабричнаго законодательства и народнаго просвѣщенія, которое будетъ предпосылкой для введенія 8 ч. рабоч. дня. Въ области податныхъ отношеній проф. Озеровъ намѣчаетъ планъ радикальной реформы всего нашего податного дѣла.

Книга издана хороша.

В. Мукосѣевъ.

В. Мечъ. *Силы реакціи.* Изд. „Движеніе“. М. 1907 г. Ц. 45 коп.

Книжка В. Меча „Силы реакціи“ является первымъ выпускомъ серіи работъ, задуманной группой московскихъ меньшевиковъ, подъ общимъ названіемъ „Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи въ 1905 и 1906 гг.“. Авторы этой коллективной работы (Вл. Горнъ, В. Мечъ и Череванинъ) ставятъ себѣ цѣлью выяснить съ точки зрѣнія марксизма основные соціальные процессы Великой россійской революціи. При этомъ

они имѣютъ въ виду „представить развитіе великой народной борьбы, какъ единый, связный процессъ, въ видѣ одной широкой, цѣльной и вмѣстѣ детализованной картины“. Перспектива заманчивая, задача широкая! Но поскольку можно судить по первому выпуску, авторы врядъ ли справятся со своей задачей.

Книжка „Силы реакціи“ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой (I и II главы) авторъ анализуретъ русскую дѣйствительность и опредѣляетъ активные и пассивные, сознательные и безсознательные контръ-революціонные классы и сословія; во второй — онъ даетъ краткій историческій очеркъ возникновенія и дѣятельности реакціонныхъ и черносотенныхъ организацій. Выясняя экономическія предпосылки реакціонной позиціи дворянства, духовенства, бюрократіи и группы крупныхъ капиталистовъ, какъ активныхъ и сознательныхъ защитниковъ самодержавія, г. В. Мечъ правильно замѣчаетъ, что „если бы сила реакціи заключалась только въ этихъ группахъ,—дѣло режима было бы давно проиграно“. Дѣйствительно, незакономѣрнымъ и научно-невѣроятнымъ являлось бы положеніе, что режимъ, выгодный людямъ, представляющимъ какихъ-нибудь 4 — 5 милліоновъ населенія, удержится противъ 130 милліоновъ остального народа, враждебнаго ему. Причину этого противорѣчія авторъ справедливо усматриваетъ въ консерватизмѣ городскихъ и сельскихъ классовъ мелкихъ собственниковъ и группъ изолированнаго, раздробленнаго труда. Но дальнѣйшій его анализъ „силъ реакціи“ страдаетъ существеннымъ упущеніемъ. Прежде всего, авторъ разсматриваетъ реакцію и ея силы внѣ связи съ ростомъ задачъ революціи. Если аграрное движеніе закончило „поэтическій періодъ“ земскаго либерализма, то не менѣе справедливо, что революціонныя выступленія Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ толкнули либеральную буржуазію вправо, въ сторону реакціи. Г. В. Мечъ очень слабо и бѣгло освѣщаетъ дѣятельность и взаимоотношеніе послѣдней съ ростомъ силъ реакціи. Онъ совсѣмъ не разсматриваетъ, напр., роль либеральной буржуазіи въ октябрьскіе и декабрьскіе дни 1905 г., которая имѣла, на нашъ взглядъ, кардинальное значеніе для хода революціи и реакціи. Авторъ совсѣмъ не удѣляетъ также вниманія механическимъ силамъ режима и въ частности роли войска, какъ вспомогательной силы реакціи. Что касается второй части книжки, то она содержатъ историческую сводку общеизвѣстныхъ свѣдѣній объ организаціи и дѣятельности черной сотни. Ничего новаго въ ней авторъ не даетъ. Занавѣсъ таинственной силы и власти „орденовъ черныхъ рыцарей“ дальше и выше генераловъ Богдановича и Трепова не вскрывается. Вопросъ, почему столыпинскій кабинетъ министровъ, облеченный „всей полнотой власти“ до разгона Госуд. Думы включительно, оказывается безсильнымъ и безпомощнымъ передъ вольнонаемными убійцами—Сашкой Косымъ и Гамзѣй Гамзѣичемъ,—остается для читателя открытымъ...

Д. М. З.

Соціализмъ въ Англіи. *Сборникъ статей англійскихъ соціалистовъ, составл. С. Веббомъ.* Пер. съ нѣм. Изд. д-ра Г. Курелла. Библіотека „Общественной Пользы". СПБ. 1907. Ц. 1 руб.

Самой свѣжей изъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ,—десять лѣтъ съ лишнимъ. Отсюда уже можно судить, насколько современный соціализмъ въ Англіи соотвѣтствуетъ той картинѣ, которая вырисовывается изъ чтенія сборника. Рѣзкій поворотъ въ настроеніи рабочаго класса въ Англіи, обнаружившійся въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и быстрые успѣхи соціалъ-демократіи все усиливались и постепенно сближали классовую тактику англійскаго пролетаріата съ тактикой ихъ континентальныхъ товарищей. Своеобразіе англійскаго соціализма по мѣрѣ роста новаго движенія стало исчезать. И тѣ отличительныя черты чисто-англійской складки, которыя накладывали на соціализмъ въ Англіи самодовольную печать буржуазнаго „здраваго смысла", теперь во всякомъ случаѣ не являются самой характерной примѣтой рабочаго движенія въ Англіи. Между тѣмъ сборникъ въ общемъ, главнымъ образомъ, и настаиваетъ на этомъ отходящемъ въ прошлое своеобразіи.

Сборникъ составленъ для нѣмецкаго читателя однимъ изъ виднѣйшихъ представителей особеннаго, англійскаго соціализма, Сиднеемъ Веббомъ. И въ своемъ предисловіи С. Веббъ такъ характеризуетъ отличіе англійскаго движенія отъ нѣмецкаго. Англійскій соціализмъ, говоритъ онъ, не носитъ классоваго характера: „Значительная часть англійскихъ соціалистовъ принадлежатъ къ среднимъ классамъ... милліоны же рабочихъ не только подаютъ голоса за консерваторовъ, но и очень консервативно настроены". Что касается этого соціализма среднихъ классовъ, своего рода внѣклассоваго соціализма, то его своеобразный характеръ достаточно ярко выясняется изъ того, что „въ каждомъ правительственномъ учрежденіи есть соціалисты, принадлежащіе къ обществу фабіанцевъ (къ этому же обществу принадлежитъ и С. Веббъ), но это не мѣшаетъ имъ двигаться по служебной лѣстницѣ". И Веббъ перечисляетъ многихъ видныхъ соціалистовъ, занимающихъ важныя административныя должности. Такъ, напр., одинъ изъ организаторовъ международнаго соціалистическаго конгресса въ Лондонѣ въ 1896 г. „занимаетъ очень важный постъ въ консервативномъ министерствѣ". Веббъ приводитъ всѣ эти примѣры для иллюстраціи того, что въ Англіи никого не преслѣдуютъ за принадлежность къ соціалистическимъ партіямъ, но эти многочисленные факты очень характерны и для самихъ англійскихъ соціалистовъ изъ „среднихъ классовъ". Два—три положенія изъ фабіанской програмы дополнятъ и объяснятъ столь невиданное на континентѣ своеобразіе.

„Въ Англіи,—гласитъ седьмой пунктъ этой програмы, трактующій о „фабіанскомъ соціализмѣ",—вопросъ заключается не въ томъ, чтобы на-

родъ получалъ больше власти, а въ томъ, чтобы онъ разумно распорядился уже имѣющейся въ его рукахъ властью". Или четвертый пунктъ о „конституціонализмѣ фабіанцевъ": „Фабіанцы симпатизируютъ стремленію средняго человѣка къ постепенному мирному улучшенію своей доли; они избѣгаютъ возстаній и конфликтовъ съ арміей и полиціей; они не жаждутъ мученичества... они не предполагаютъ, чтобы въ одинъ прекрасный день было поставлено на карту существованіе имущихъ классовъ, съ одной стороны, и пролетаріата—съ другой".

Идеальная „трезвость" и умѣренность такого рода соціалистическаго движенія, вполнѣ понятно, имѣетъ своимъ идеальнымъ же предѣломъ государственный соціализмъ. Можно *смѣло* (курс. нашъ. *Л. Б.*) сказать, восклицаетъ С. Веббъ, что значительное увеличеніе городскихъ газовыхъ заводовъ указываетъ на безсознательное усвоеніе основоположеній соціализма; что расширеніе свободнаго обученія и увеличеніе числа всѣмъ доступныхъ библіотекъ служитъ показателемъ *распространенія коммунистическихъ идей* (курс. нашъ. *Л. Б.*) „Смѣлость" подобныхъ утвержденій достаточно охарактеризована соціалъ-демократической литературой, чтобы останавливаться сейчасъ на ихъ разборѣ.

Въ какомъ освѣщеніи могъ явиться рабочій классъ для этого соціализма? Къ какому пролетаріату могъ идти съ такой пропагандой этотъ соціализмъ? Отвѣтъ получается слѣдующій: „Англійскіе рабочіе не составляютъ единаго однороднаго класса; они распадаются на множество слоевъ, изъ которыхъ каждый рѣзко и опредѣленно понимаетъ свои профессіональные интересы и считаетъ себя выше тѣхъ, кто стоитъ ниже его". Здѣсь указанъ типичный фактъ недавняго прошлаго въ Англіи: рѣзкое раздѣленіе рабочихъ на обученныхъ и необученныхъ, замкнутыя профессіональныя организаціи первыхъ, враждебное отношеніе привилегированныхъ и организованныхъ рабочихъ къ чернорабочимъ,—словомъ, здѣсь обрисованъ, такъ называемый, старый трэдъ-юніонизмъ. И опять-таки слѣдуетъ отмѣтить, что современное рабочее движеніе въ Англіи слишкомъ далеко ушло отъ этой профессіональной „политики", чтобы можно было удовлетвориться опредѣленіемъ сборника. „Трезвость" англійскаго соціализма, такимъ образомъ, питалась особаго рода состояніемъ классовой неопредѣленности, какъ временнымъ этапомъ великаго движенія. „Представленіе о „пролетаріатѣ, сознающемъ свое классовое положеніе", совершенно непримѣнимо къ Англіи",—такое категорическое утвержденіе, въ свою очередь, стало „совершенно непримѣнимымъ" къ Англіи. Но буржуазная близорукость представителей своеобразнаго англійскаго соціализма, конечно, считала это состояніе особымъ, вѣчно присущимъ англійскому пролетаріату качествомъ. Поэтому-то у Вебба и могла вылиться слѣдующая характерная фраза, въ которой такъ рельефно выступаетъ и самодовольный размахъ умѣренности, и буржуазная наивность „трезваго" соціализма: „Есть очень много данныхъ

за то, что общество (фабіанцевъ), благодаря политической свободѣ, отсутствію классовой розни и благосостоянію широкихъ слоевъ англійскаго народа, добьется реформъ путемъ вліянія на общественное мнѣніе, на образованные и состоятельные классы".

Сборникъ, такимъ образомъ, въ значительной степени имѣетъ историческое значеніе и мало соотвѣтствуетъ современному соціалистическому движенію въ Англіи. Но для знакомства съ былымъ яркимъ своеобразіемъ онъ даетъ много интересныхъ данныхъ. Кромѣ очень небольшихъ статеекъ Гайндмана („Переходъ къ соціалъ-демократіи") и Бакса („Трикъ"), представляющихъ не своеобразное теченіе англійскаго соціализма, а марксистское, въ сборникѣ помѣщены слѣдующія произведенія: Вильяма Мориса „Такъ называемое общество и дѣйствительное общество", двѣ статьи Сиднея Вебба—„Истинный и ложный соціализмъ" и „Политика фабіанцевъ и англійскій соціализмъ",—Роберта Блэгфорда „Соціализмъ. Отвѣтъ на энциклику папы", Д. Б. Шоу—„Безнадежность анархизма", Сиднея Балла—„Этическая сторона соціализма", В. Ф. Весткорта—„Церковь и соціализмъ" Джона Бернса—„Безработные", Беатрисы Веббъ—„Отношеніе профессіональныхъ союзовъ къ кооперативнымъ товариществамъ" и, наконецъ, произведенія четырехъ рабочихъ В. Абрагама, М. Аустина, Д. Маудсли и Т. Мэна, членовъ королевской комиссіи (въ 1891 г.) для изученія положенія наемныхъ рабочихъ,—„Отчетъ меньшинства королевской комиссіи по вопросу о наемномъ трудѣ 1891—1894 гг.".

Переводъ сборника сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно.

Л. Б.

Эрнестъ Унтерманъ. *Антоніо Лабріола и Іосифъ Дицгенъ.* Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. Изданіе Дауге. Спб. 1907.

Мы не можемъ признать этотъ „опытъ сравненія" особенно удачнымъ. Унтерманъ приводитъ сперва рядъ цитатъ изъ сочиненій Лабріола, затѣмъ изъ Дицгена и сопоставляетъ ихъ. Цитаты въ общемъ малохарактерны для взглядовъ обоихъ мыслителей, но американскій соціалистъ называетъ ихъ почему-то „главными" (с. 19) и на основаніи ихъ „сразу же раскрываетъ характерное различіе въ теоріи. Историческій матеріализмъ исходитъ изъ человѣческаго общества, пролетарскій же монизмъ беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ естественную природу (weltall). Отсюда—важное различіе на практикѣ (с. 24). Первый пунктъ этого различія тотъ, что безъ дицгеновской теоріи познанія историческій матеріализмъ остается будто бы несовершеннымъ и несвободнымъ отъ нѣкоторыхъ метафизическихъ пережитковъ. Этой же причинѣ—т. е. отсутствію знакомства съ философіей Дицгена—Унтерманъ приписываетъ рядъ ошибокъ у Маркса и

его послѣдователей. Если Марксъ и Энгельсъ ошиблись, напримѣръ, въ своемъ взглядѣ на билль о 10-часовомъ рабочемъ днѣ, то, помимо другихъ причинъ, это „обусловливается отчасти и недостаточностью самого историческаго матеріализма въ тѣсномъ „смыслѣ слова" (с. 27). Если во взглядахъ Лабріолы существуютъ дефекты, то „и здѣсь чувствуется недостатокъ теоріи познанія Дицгена" (с. 34). Если Лабріола рецензируетъ книгу Масарика „О философскихъ основахъ марксизма", то Унтерманъ опять-таки очень сожалѣетъ, что „незнаніе Лабріолой теоріи познанія Дицгена помѣшало ему ближе заняться Масарикомъ въ данномъ вопросѣ" (с. 37) И т. д. и. т. д. Какого бы вопроса ни коснулся какой-нибудь писатель-марксистъ, во всемъ помѣхой, по свидѣтельству Унтермана, является его незнакомство съ теоріей Дицгена (она же—пролетарскій монизмъ, она же—монистическій матеріализмъ и т. д.). Мы думаемъ, что отъ такихъ похвалъ не поздоровится дицгенской философіи. Во всякомъ случаѣ книжка Унтермана совсѣмъ не убѣдительна и мало помогаетъ разобраться въ оцѣнкѣ значенія Лабріолы и Дицгена.

Переводъ не свободенъ изъ промаховъ. На с. 31 итальянскій ученый Б. Краче названъ Кросомъ. На с. 44 говорится о какомъ-то „импоссибилистскомъ" соціализмѣ. Въ своемъ предисловіи къ переводу г. Дауге называетъ Авенаріуса и Маха „крайне индуктивно-конкретными мыслителями" (с. 8). „Индуктивно-конкретный" мыслитель... „Еще хорошо, если только мошенникъ, а, можетъ быть, и того еще хуже", какъ говоритъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

П. Ю.

Эрнестъ Унтерманъ. *Наука и революція.* Историческій очеркъ развитія теоріи эволюціи и вліянія классовыхъ интересовъ на философскія и научныя теоріи. Переводъ съ англійскаго А. Круглякова. Книгоиздательство „Освобожденіе труда".

Широковѣщательный подзаголовокъ тонкой—въ 130 небольшихъ страничекъ—книжки отдаетъ чисто-американской рекламой. Никакого „очерка развитія и вліянія классовыхъ интересовъ и пр." читатель не найдетъ въ этой книжкѣ. Это почти голый перечень въ хронологическомъ порядкѣ наиболѣе крупныхъ успѣховъ человѣческой мысли, связанный съ „классовыми интересами" рѣдкими малозначущими замѣчаніями автора. Греціи посвящено какихъ-нибудь пять страничекъ, Риму и эпохѣ средневѣковья—12, позднѣйшимъ эпохамъ больше, но только потому, что возрастаетъ число именъ, о которыхъ приходится упоминать Унтерману. Переводчикъ, въ свою очередь, преподноситъ намъ такіе перлы своего переводческаго таланта: „Но когда умерли послѣдніе великіе метафизики XVII столѣтія, Мальбрантъ и Арнольдъ, *міровыя дѣла начали сосредоточивать*

публичный интересъ на ограниченiи сверхъестественныхъ спекуляцій" (с. 41). Или на с. 95: „Новый толчокъ работѣ электрической пустоты былъ данъ въ 1893—95 г." въ работахъ Ленора и Рентгена. И т. д.

Для сорока копеекъ можно всегда найти лучшее употребленіе, чѣмъ покупка плохой и плохо переведенной книжки Унтермана.

П. Ю.

Къ очередному съѣзду Р. С.-Д. Р. П. *О Всероссійскомъ Рабочемъ Съѣздѣ.* Сборникъ статей А. А. Архангельскаго, Эля и Ахмета Ц—ова съ приложеніемъ резолюцій и библіографіи о рабочемъ съѣздѣ. Мск. 1907 г. Ц. 30 к.

Неопредѣленно и туманно формулированная идея созыва всероссійскаго рабочаго съѣзда, впервые высказанная П. Аксельродомъ лѣтомъ 1906 года, приняла въ настоящее время конкретное содержаніе, вылилась въ ясныя формы. Среди сторонниковъ рабочаго съѣзда долгое время царила большая путаница и неопредѣленность во взглядахъ на задачи и цѣли этого съѣзда и на его составъ. Робко и неувѣренно обсуждался этотъ вопросъ въ московскомъ сборникѣ: „Политическое положеніе и тактическія проблемы". Еще неопредѣленнѣе шла агитація въ рабочихъ кружкахъ и собраніяхъ. Первый, кто вплотную подошелъ къ вопросу о рабочемъ съѣздѣ, кто смѣло поставилъ точку надъ і, былъ Ю. Ларинъ. Взявши девизомъ своей брошюры: „Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ" слова Дантона: „смѣлость, смѣлость и смѣлость", этотъ видный партійный работникъ, но плохой теоретикъ опредѣленно заявилъ, что соціалъ-демократы должны созвать рабочій съѣздъ съ цѣлью кореннымъ образомъ реорганизовать партію и превратить ее въ широкую всерос. рабочую партію „путемъ объединенія всѣхъ существующихъ сплоченій съ соціалистическими тенденціями и стоящихъ внѣ ихъ дѣйствующихъ элементовъ". Съ появленіемъ брошюры Ю. Ларина между сторонниками и противниками рабочаго съѣзда разгорается страстная полемика, которая, осложняясь фракціонной борьбой, принимаетъ острыя формы и изъ сферы идейной борьбы переходитъ въ область практической дѣятельности...

Ноябрьская конференція организацій Р. С.-Д. Р. П. поспѣшила вынести резолюцію, что „активные шаги по организаціи созыва рабочаго съѣзда совершенно недопустимы и являются нарушеніемъ партійной дисциплины до тѣхъ поръ, пока по этому вопросу не состоялось соотвѣтствующаго рѣшенія партійнаго съѣзда. Поскольку же обсужденіе вопроса о рабочемъ съѣздѣ ведется въ партійной прессѣ и на партійныхъ собраніяхъ, оно не должно выходить изъ границъ чисто-принципіальнаго обсу-

жденія". Резолюція эта, внося извѣстную планомѣрность въ агитацію за и противъ рабочаго съѣзда, побудила сторонниковъ послѣдняго настоять на внесеніи вопроса о рабочемъ съѣздѣ въ программу дня предстоящаго съѣзда Р. С.-Д. Р. Партіи.

На ряду съ конкретизаціей идеи рабочаго съѣзда, по мѣрѣ выясненія его цѣли и состава, среди его сторонниковъ произошла дифференціація, обозначались два основныхъ теченія. Одно изъ нихъ ставитъ задачей съѣзда непосредственное созданіе всероссійской соціалистической рабочей партіи и составъ его ограничиваетъ представительствомъ авангарда рабочихъ, обладающихъ классовымъ самосознаніемъ; другое—считаетъ задачей съѣзда образованіе массовой безпартійной организаціи пролетаріата (Всерос. Рабочій Союзъ); реорганизацію же с.-д. партіи это теченіе разсматриваетъ, какъ задачу частную и второстепенную. Крайнимъ и послѣдовательнымъ выраженіемъ взглядовъ перваго теченія является брошюра Ю. Ларина. Предлагаемый же вниманію читателей сборникъ „О Всероссійскомъ Рабочемъ Съѣздѣ" составленъ сторонниками второго направленія.

Сборникъ этотъ содержитъ три статьи: А. Архангельскаго „Значеніе безпартійныхъ рабочихъ съѣздовъ", Эля—„Всероссійскій рабочій съѣздъ" и Ахмета Ц—ова—„Мелкобуржуазная стихія въ с.-д. партіи и рабочій съѣздъ". Авторъ первой задался цѣлью проанализировать условія созыва, задачи и составъ рабочихъ съѣздовъ въ Германіи и во Франціи; Эль пытается выяснить классовое содержаніе идеи рабочаго съѣзда, значеніе его для широкой организаціи пролетаріата и условія его созыва и, наконецъ, Ахметъ Ц—овъ, характеризуя „большевизмъ", какъ „мелкобуржуазную стихію, захлестывающую нашу партію", старается опредѣлить условія борьбы съ этой стихіей. Всѣ три статьи, несмотря на нѣкоторыя различія въ оттѣнкахъ мысли, представляютъ одно цѣлое. Всѣ онѣ содержатъ лозунгъ: „всѣ дороги ведутъ къ рабочему съѣзду". Каждая старается доказать, что основной потребностью современнаго революціоннаго момента является самая широкая, простирающаяся до предѣловъ класса, самоорганизація пролетаріата, заложить начало которой возможно единственно путемъ созыва всерос. безпартійнаго рабочаго съѣзда. Соціаль-политическая позиція авторовъ „Сборника" подробно выясняется въ статьѣ Эля. „Общерабочій съѣздъ,—по его словамъ,—заложитъ начало не организаціи рабочаго авангарда, а организаціи рабочей *массы*, *класса*, слѣдовательно, *безпартійной* организаціи, напримѣръ, „Всероссійскаго Рабочаго Союза"... Союзъ этотъ, подобно Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ, не приметъ открыто и разъ навсегда какой-либо изъ существующихъ партійныхъ программъ, но ограничится лишь коллективной выработкой *ближайшихъ* задачъ и методовъ пролетарской классовой борьбы. Такимъ образомъ, онъ будетъ существовать *рядомъ* съ с.-д. партіей". Противъ такой постановки вопроса со стороны соціалъ-демократовъ, на нашъ взглядъ, не можетъ быть принци-

ціальныхъ возраженій. Здѣсь вопросъ тактики, а не принципа. Нельзя не согласиться, что въ данный историческій моментъ, въ интересахъ подъема революціонной борьбы, съ цѣлью закрѣпить ея ближайшіе лозунги и выработать тактическіе пріемы, весьма цѣлесообразно для с.-д. партіи созвать рабочій съѣздъ. При условіи активнаго участія въ немъ организованныхъ рабочихъ, по примѣру Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ, Р. С.-Д. Р. П. безспорно займетъ на съѣздѣ доминирующее вліяніе. Организованность партіи возрастетъ, вліяніе ея на рабочія массы усилится. Но мы не можемъ согласиться съ переоцѣнкой значенія рабочаго съѣзда, которую допускаютъ авторы „Сборника". Прежде всего наивно думать, что рабочій съѣздъ уничтожитъ фракціонныя разногласія и создастъ единство въ организаціи. Вѣдь *фактически* единства въ Р. С.-Д. Р. П. никогда не существовало и не существуетъ: до 1902 года мѣстные комитеты и союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса, формально объединенные общей с.-д. идеей, вели самостоятельную, разрозненную работу. Съ 1902 г. началась полоса непрерывныхъ конференцій, съѣздовъ, совѣщаній и т. д. и т. д., скорѣй разъединяющихъ, чѣмъ объединяющихъ партію. Такъ наз. „объединительный" съѣздъ категорически подтвердилъ, что причина фракціонной вражды и, какъ ея слѣдствіе, деморализація партіи зависятъ не отъ лидеровъ партіи и личнаго состава комитетовъ и редакцій, а имѣютъ глубокіе принципіально-программные корни. Конный пѣшему не товарищъ. „Бланкисты и оппортюнисты" (по взаимной терминологіи) не могутъ безъ вреда для общаго дѣла существовать въ одной партіи. Рабочій съѣздъ, формально безпартійный, но фактически состоящій изъ рабочихъ „большевиковъ" и „меньшевиковъ", с.-р. и трудовиковъ, а также неопредѣленныхъ по своимъ соціально-политическимъ убѣжденіямъ, съѣздъ, созванный при современныхъ политическихъ порядкахъ, безсиленъ разрѣшить партійный кризисъ, такъ какъ разрѣшеніе его зависитъ исключительно отъ замѣны удушливой атмосферы подпольной дѣятельности открытымъ существованіемъ партіи, ея съѣздовъ и организацій. Затѣмъ авторы „Сборника" слишкомъ низко кланяются объективному ходу историческаго процесса въ жизни и дѣятельности пролетаріата, какъ политическаго борца за свое классовое освобожденіе. Конечно, революціонная романтика Н. Ленина изъ „Что дѣлать?" давно уже сдана въ архивъ женевской мудрости, и сама книжка, если она и теперь читается, то какъ полубеллетристическое произведеніе, а не какъ руководство къ политической дѣятельности. Теперь даже лидеры „большевиковъ" узнали, что рабочій классъ даже изъ глубины своихъ заблужденій придетъ неизбѣжно къ своей классовой идеологіи [1]). Для многихъ же марксистовъ всегда было истиной положеніе „Сборника", что „какъ бы консервативны рабо-

[1]) См. А. Луначарскій. Предисловіе къ книжкѣ А. Лабріола.

чіи не были, какими бы ярыми сторонниками буржуазнаго строя они себя ни выставляли,—объективныя условія этого строя толкають ихъ на самостоятельную политическую борьбу за свои классовые интересы, въ ихъ полномъ объемѣ, включительно до соціалистическаго строя". Но мы также знаемъ, что пути этой борьбы есть болѣе длинные и болѣе короткіе. Марксизмъ—не кальвинизмъ, и задача марксизма—правильно понять направленіе общественнаго развитія, опредѣлить, какія объективныя и субъективныя силы способствують ему и какія его тормазятъ, и, наконецъ, внести сознаніе, осмыслить пролетарскую борьбу, чѣмъ и способствовать освобожденію пролетаріата кратчайшимъ путемъ, съ уменьшеніемъ „мукъ родовъ". Здѣсь мы сталкиваемся съ основнымъ пунктомъ разногласія сторонниковъ и противниковъ рабочаго съѣзда. При этомъ должны отмѣтить, что критическій анализъ съ точки зрѣнія марксизма партіи и класса, рабочаго движенія и соціалъ-демократическаго—въ „Сборникѣ" также отсутствуетъ, какъ и въ брошюрѣ Ю. Ларина. Послѣдній насъ убѣждаетъ, что „нечего бояться, что если вы теперь снимете вывѣску и широко пустите въ партію подлинныя дѣйственныя силы рабочаго класса,—нечего бояться, что онѣ тогда принизятъ движеніе и совлекутъ его съ вѣрнаго классоваго пути. Вѣдь рѣчь идетъ объ авангардѣ, о цвѣтѣ рабочаго класса—на что же намъ, соціалъ-демократамъ, еще надѣяться, какой расписки просить у судьбы, кромѣ гарантіи неизбѣжнаго объективнаго хода вещей?" Раздѣляють ли эту точку зрѣнія авторы „Сборника"? Прямыхъ и опредѣленныхъ указаній нѣтъ, но, видимо,—да. Такъ, А. Архангельскій, излагая въ своей статьѣ исторію возникновенія „Общегерманскаго Рабочаго Союза" и рекомендуя этотъ союзъ, какъ прототипъ организаціи русскаго пролетаріата, горячо нападаетъ на партійно-патріотическій пессимизмъ тѣхъ соціалъ-демократовъ, которые боятся рабочей массы, и указываетъ, какъ низка с.-д. цѣнность рабочей партіи, трепещущей передъ пролетаріатомъ. Онъ съ особенной любовью цитируетъ слова Коммунистическаго Манифеста: коммунисты не имѣють „такихъ интересовъ, которые не совпадали бы съ интересами всего пролетаріата". Послѣднее вѣрно, но если бы А. Архангельскій подробно изучилъ роль Лассаля въ организаціи „Общегерм. Р-чаго Союза", онъ увидѣлъ бы также, что не всегда интересы всего пролетаріата, хотя и временно, совпадають съ интересами коммунистовъ. Лассаль былъ прежде всего идеологъ рабочаго класса. Выясняя послѣднимъ „идею рабочаго сословія", онъ большое значеніе приписывалъ наукѣ. Его „Программа работниковъ" была принята лейпцигскимъ комитетомъ и затѣмъ Союзомъ не только при борьбѣ съ буржуазными демократами, но и при расколѣ въ рабочей массѣ. Заслуга Лассаля передъ германскимъ рабочимъ движеніемъ въ томъ и состоитъ, что онъ понялъ ходъ общественнаго развитія Германіи 60-хъ г.г. м. ст. и распространилъ свои идеи въ рабочей массѣ. Этотъ

историческій прецедентъ наглядно иллюстрируетъ, что *классы* есть категорія экономическая, обусловливаемая производственными отношеніями, а *партія*—идеологическій союзъ людей одной вѣры, одного научнаго міросозерцанія.

Д. Зайцевъ.

Юрій Ларинъ. *Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ.* Складъ книги—при книгоиздательствѣ „Новый Міръ". Москва. 1906 г.

Книжка состоитъ изъ двухъ статей: первая — „Широкая рабочая партія, какъ очередная задача",—появляется въ печати впервые, вторая—„О нашей партіи (по поводу съѣзда)",—написанная непосредственно послѣ апрѣльскаго партійнаго съѣзда въ Стокгольмѣ,—перепечатывается здѣсь изъ „Откликовъ Современности".

Впечатлѣніе производитъ эта книжечка въ одно и то же время и очень бодрое, и очень грустное,—бодрое неисчерпаемымъ запасомъ антимистической энергіи, звучащей въ каждой страницѣ автора, грустное—характернымъ разбродомъ своихъ мыслей и своихъ плановъ...

Авторъ начинаетъ съ состоянія Р. С.-Д. Р. П. Онъ даетъ столь же сильную, сколько вѣрную характеристику. „Смятенная мысль, — читаемъ мы,—частью извѣрившись въ привычныхъ методахъ дѣйствій, частью обжегшись, что называется, на своихъ неудачахъ, загнанная въ тупикъ, какъ ей кажется, политическаго безсилія, лихорадочно ищетъ какого-нибудь выхода". Неудавшійся призывъ партіи къ общей забастовкѣ, сдѣланный лѣтомъ и петербургскимъ комитетомъ большевиковъ, и меньшевистскимъ центральнымъ комитетомъ, въ такой степени подорвалъ авторитетъ партіи, ея обаяніе въ ея собственныхъ глазахъ... Авторъ отнюдь не даетъ избитыхъ объясненій, получившихъ такое распространеніе послѣднее время, вродѣ того, что, молъ, партія „интеллигентская" и пр. Причины упадка—въ преобладаніи элементовъ стихійности въ пролетарскомъ движеніи, въ томъ, что партія съ ея верхами была „техническимъ аппаратомъ по части обслуживанія стихійныхъ настроеній и порывовъ", „лишь регистраторомъ", а не „европейской партіей дѣйствія". Съ одной стороны, большевизмъ, „не имѣющій значенія, такъ такое теченіе, которое вело бы дальше партійную жизнь", съ другой—меньшевизмъ, „съ его половинчатой и неувѣренной практикой, съ его уныніемъ и непониманіемъ своего положенія, стоящій передъ своей ликвидаціей"—все дѣло въ томъ, что партія-аппаратъ" должна быть замѣнена „партіей политическаго дѣйствія", методъ регистраціи стихійныхъ настроеній—методомъ сознательнаго политическаго разсчета. Въ анализѣ политическаго формированія партіи у Ларина, несомнѣнно, много здоровыхъ, интересныхъ мыслей, такихъ, которыя можетъ высказать только человѣкъ, самъ пережившій всѣ фазисы ея развитія, недаромъ „съ любовью и преданностью" ей свой трудъ посвящающій.

Но вотъ—какъ быть, что дѣлать? Вотъ у Ларина выходитъ одна грусть. Выходъ изъ партійнаго кризиса авторъ видитъ въ рабочемъ съѣздѣ, не въ томъ съѣздѣ, о которомъ говорятъ нерѣдко соціалъ демократы, мало общаго имѣющемъ со строительствомъ партіи, какъ таковой, а въ учредительномъ съѣздѣ для широкой рабочей партіи. „Рѣчь здѣсь идетъ,—выражаясь словами автора,—не о раствореніи партіи въ классъ, организаціи авангарда въ организаціи всей массы, но лишь объ объединеніи авангарда—900 тысячъ изъ 9 милліоновъ,—лишь объ оформленіи и организаціонномъ закрѣпленіи той практики, которая уже начинаетъ прорываться и иногда овладѣвать жизнью“. Хорошо. Какую же „практику“ имѣетъ онъ въ виду? Не только практику соціалъ-демократическую—имѣется ли въ виду большинство или меньшинство,—не только практику профессіональныхъ союзовъ, но и практику с.-р—овъ, не боясь, что тов. Черновъ обратитъ его въ с.-р—ство, когда будетъ съ ними въ одной партіи“. Гэдъ и Жорэсъ во Франціи, Каутскій и Бернштейнъ въ Германіи, Ферри и Турати въ Италіи—онъ не видитъ основаній, почему бы Плеханову и Чернову не учиться во всероссійскомъ центральномъ бюро? Словомъ, не „секта“, а „широкая рабочая партія“, которая бы фиксировала политическій уровень *всѣхъ* передовыхъ рабочихъ—вотъ выходъ... Уже изъ этого читатель видитъ, насколько слаба, путана положительная часть статьи Ю. Ларина, сравнительно съ его анализомъ состоянія партіи. Прежде всего, почему такой путь будетъ кратчайшимъ? Авторъ скажетъ: „Пути исторіи ведутъ русскій пролетаріатъ на дорогу широкаго здороваго соціалъ-демократизма, и образованіе широкой партіи, которую условія и опытъ заставятъ быть и дѣлаться все болѣе соціалъ-демократической въ цѣломъ, по духу и поведенію, лежитъ на этомъ пути“. Нечего, молъ, бояться... Но блаженъ, кто вѣруетъ... Но чѣмъ убѣдитъ авторъ того, для кого процессъ историческаго развитія—понятіе болѣе сложное, чѣмъ для него? Сошлемся хотя бы на побѣду с.-р—въ на самыхъ крупныхъ заводахъ въ этомъ году,—или Ларину неизвѣстно, какую роль въ этой побѣдѣ играла идея „народнически-большевистскаго“ блока? Съ извѣстной точки зрѣнія близость с.-р—въ намъ еще понятна—мы никогда не сомнѣвались, что часть с.-р—въ постепенно будетъ переходить въ ряды соціалъ-демократовъ, но зачѣмъ попутно предупреждать этотъ процессъ чисто-механическимъ товариществомъ на паяхъ,—это остается тайной Ю. Ларина. Что въ состояніи измѣнить такая „широта“? Если вопросъ въ тѣхъ элементахъ, которые, по справедливому мнѣнію автора, лежатъ въ основѣ партійнаго разброда, поскольку вопросъ идетъ о внутреннихъ дефектахъ партіи, то не очевидно ли—значеніе *тов.* Чернова или... *тов.* Святловскаго для ихъ устраненія, по меньшей мѣрѣ, ничтожно. Единственный результатъ, возможный съ нашей точки зрѣнія, это еще большее обостреніе тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ путается пар-

тайная мысль. Нѣтъ, ужъ лучше подальше отъ такихъ „проектовъ“, какъ проектъ Ю. Ларина и такихъ товарищей, какъ марксистообразные...

Л. Кл.

И. Херасковъ. *Крестьянство въ буржуазныхъ революціяхъ.* **Москва.** 1906 г. 63 стр. Ц. 15 коп.

Содержаніе книжки г. Хераскова нѣсколько уже ея заглавія—въ ней рѣчь идетъ объ участіи крестьянства въ буржуазныхъ революціяхъ не главнѣйшихъ европейскихъ странъ, а лишь одной Франціи. На Германіи и Австріи авторъ совершенно не останавливается.

Такое ограниченіе своей темы авторъ мотивируетъ тѣмъ, что „революція 48-го года въ нѣмецкихъ государствахъ, наоборотъ, слишкомъ скоро обрывалась уступками правительства, чтобы демократія могла развернуть тамъ всѣ свои силы. Въ этомъ смыслѣ нѣмецкія революціи были лишь блѣдной копіей съ французской. Многое говоритъ за то, что мы, русскіе, идемъ скорѣе по стопамъ Франціи 89-го года, чѣмъ Германіи 48-го года“. Гадать, конечно, трудно, мы лично думаемъ, что русское революціонное движеніе вообще не будетъ идти ни по чьимъ стопамъ, а проложитъ свой путь, соотвѣтствующій тому чрезвычайному своеобразію соціально-политическихъ условій, при которомъ оно совершается.

Въ концѣ своей книжки авторъ, впрочемъ, и самъ указываетъ на это чрезвычайное своеобразіе условій. Россія отличается отъ Франціи 1789 г., говоритъ авторъ, тѣмъ, что „развитіе капитализма ушло у насъ гораздо дальше. Вмѣсто неопредѣленнаго по составу и слабаго политически класса санкюлотовъ, мы имѣемъ многочисленный, проникнутый классовыми стремленіями и быстро организующійся въ классовую партію, пролетаріатъ. Къ народной борьбѣ противъ феодальнаго строя у насъ примѣшана классовая борьба пролетаріата; два момента, раздѣленные во Франціи промежуткомъ въ 60 почти лѣтъ,—въ нашей революціи наложены одинъ на другой“ (59 стр.).

Но въ этихъ словахъ авторъ перечислилъ еще далеко не всѣ главныя особенности. Необходимо еще принять во вниманіе необъятные размѣры Россіи, ея чрезвычайно пестрый національный составъ, а также и огромныя силы сопротивленія, которыми располагаетъ русскій абсолютизмъ.

Въ виду этихъ чрезвычайно сложныхъ условій трудно ожидать, что русская революція пойдетъ по стопамъ французской 89 г. Къ перечисленнымъ нами факторамъ необходимо еще принять во вниманіе международные факторы. Въ этомъ отношеніи Россія находится въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ Франція 89 г.

Давъ содержательный очеркъ исторической роли крестьянства во французскихъ революціяхъ, авторъ затѣмъ намѣчаетъ основныя задачи русской соц.-дем. по отношенію къ крестьянству. **П. Б—инъ.**

В. А. Келтуяла. *Курсъ исторiи русской литературы.* Пособiе для самообразованiя. Часть I. Исторiя древней русской литературы. Книга первая. Спб. 1906. Стр. XVI+764. Цѣна 2 р. 50 к.

Для подробнаго ознакомленiя съ древне-русской литературой обыкновенно рекомендуются книги Галахова и Порфирьева, значительно устарѣвшiя и отставшiя отъ современной науки. Болѣе новымъ и цѣннымъ трудомъ по исторiи русской литературы является книга Пыпина, но она не можетъ быть рекомендована на первыхъ парахъ, такъ какъ подводитъ итоги литературному развитiю Россiи и предполагаетъ въ читателѣ извѣстный запасъ первоначальныхъ свѣдѣнiй въ данной области. Поэтому „Курсъ" г. Келтуялы появляется какъ нельзя болѣе кстати. Книга начинается обширнымъ введенiемъ, гдѣ прежде всего разбираются такiя понятiя, какъ слово, словесность, письменность, литература, поэзiя, проза. Здѣсь, между прочимъ, заявляется, что „терминъ *литература* имѣетъ тенденцiю обозначать всякаго рода словесныя произведенiя—устныя, письменныя и печатныя, а потому и своему труду г. Келтуяла даетъ названiе „Курсъ исторiи русской литературы", хотя въ книгѣ разсматривается и народная словесность. Далѣе, въ параграфѣ о задачахъ исторiи литературы говорится, что всякое литературное произведенiе должно изучаться въ связи съ бiографiей автора, въ связи съ общественнымъ, умственнымъ и нравственнымъ состоянiемъ того класса населенiя, „къ которому примыкаетъ авторъ, въ связи съ общественнымъ, умственнымъ и нравственнымъ состоянiемъ всего народа, въ связи съ характеромъ общественно-трудовыхъ воздѣйствiй народа на природу, наконецъ, въ связи съ состоянiемъ болѣе культурныхъ сосѣднихъ народовъ. Затѣмъ, во введенiи говорится о доисторическомъ бытѣ славянъ, сравниваются условiя развитiя романо-германскихъ и славянскихъ народовъ, разсматривается культурное состоянiе Византiи и Болгарiи, дѣятельности Кирилла и Меѳодiя, образованiе русскаго государства, принятiе русскими христiанства и борьба его съ язычествомъ.

Послѣ введенiя разсматриваются „первоначальныя основы древне-русской литературы". Въ главѣ о „народной основѣ" рѣчь идетъ о развитiи и отдѣльныхъ видахъ общенароднаго устнаго творчества (заговоры, заклинанiя, обрядовыя бытовыя пѣсни, сказки, загадки, пословицы и поговорки). Вторая глава посвящена „еврейско-византiйско-болгарской основѣ древне-русской литературы". Здѣсь подробно говорится о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ апокрифахъ, о переводной агiографической, патристической, естественно-научной, исторiографической и беллетристической литературѣ, а также о суевѣрныхъ и гадательныхъ книгахъ. Только съ 317-ой страницы начинается собственно исторiя древне-русской литературы, но и то не сразу, а послѣ вступленiя, посвященнаго экономическому и обще-

ственно-политическому строю кіевской Руси и ея исторической судьбѣ. Далѣе, первая глава трактуетъ о „княжеско-дружинномъ устномъ творчествѣ", т. е. о былевомъ эпосѣ, которому посвящено болѣе 200 страницъ. Затѣмъ слѣдуетъ „княжеско-дружинное письменное творчество", выразившееся въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Поученіе" Владиміра Мономаха, „Слово о полку Игоревѣ", „Моленіе" Даніила Заточника и „Слово о погибели русской земли". Третья глава посвящена церковной литературѣ, четвертая—„церковно-дружинному письменному творчеству", выразившемуся въ лѣтописяхъ. Въ общемъ, древне-русской литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова удѣлено менѣе одной трети всей книги.

Приведенный планъ отличается новизной и стройностью; особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдовательное проведеніе соціологическаго принципа при изложеніи исторіи оригинальной древне-русской литературы, разсматриваемой съ точки зрѣнія идеи о классовомъ ея происхожденіи и характерѣ. Но, увлекаясь соціологическимъ принципомъ, авторъ не всегда съ достаточнымъ уваженіемъ относится къ принципу хронологическому. Во главѣ о народной основѣ древне-русской литературы, авторъ выходитъ за предѣлы разсматриваемаго періода, приводя пословицы; „пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой", „голодный французъ и воронѣ радъ". Зато во второй главѣ, посвященной основамъ древне-русской литературы, авторъ книги забываетъ, что исторія древней русской литературы, по его же собственнымъ словамъ, обнимаетъ время „до конца XVII вѣка" и что поэтому нельзя ограничиваться изложеніемъ одной только еврейско-византійско-болгарской переводной литературы. Глава, посвященная княжеско-дружинному творчеству, недостаточно считается съ тѣмъ фактомъ, что былины не только по своему языку, но иногда и по содержанію, относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ „эпоха древняго кіевскаго просвѣщенія", напримѣръ, былины, въ которыхъ усматриваютъ отраженіе татарскаго нашествія, былины о гибели богатырей и, по всей вѣроятности, былина о Чурилѣ. Самъ г. Келтуяла въ комментаріяхъ къ отдѣльнымъ былинамъ нерѣдко выходитъ за предѣлы излагаемаго имъ періода.

Перейдя отъ плана къ содержанію книги, также можно указать кое-какіе недочеты. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что несмотря на крупный объемъ, „Курсъ" г. Келтуялы не представляетъ полнаго обзора даже оригинальныхъ произведеній русской словесности. Особенной неполнотой отличаются главы о народной словесности и о церковной литературѣ. Одни вопросы въ книгѣ разсмотрѣны черезчуръ подробно, другіе черезчуръ кратко. Черезчуръ подробно изложена, напримѣръ, исторія христіанской церкви, а византійской литературѣ удѣлена всего *одна* страница. О древне-русскомъ бракѣ говорится больше, чѣмъ о свадебныхъ пѣсняхъ. Замѣтно, что книга составлена нѣсколько поспѣшно, что отразилось и на языкѣ. Встрѣчаются даже неправильныя фразы въ такомъ родѣ: „Какъ страна съ преобла-

даніемъ сельскаго хозяйства, болгарское населеніе раздѣлилось на два класса“ (стр. 62). Встрѣчаются рѣзко-противорѣчивыя свѣдѣнія объ одномъ и томъ же памятникѣ. О „Лѣтописцѣ“ патріарха Никифора въ одномъ мѣстѣ говорится, что это „краткій перечень императоровъ“ (с. 65), въ другомъ сказано, что тамъ кратко излагается всемірная исторія отъ сотворенія міра до 829 года (с. 270), въ третьемъ же мѣстѣ сообщается что „Лѣтописецъ“ излагаетъ историческія событія отъ Августа до Константина (с. 279). На одной и той же страницѣ дважды говорится, что Добрыня Ядрейковичъ видѣлъ въ Константинополѣ золотое блюдо, на которомъ были поднесены дары княгинѣ Ольгѣ (с. 708). На стр. 410 извращенъ извѣстный лѣтописный разсказъ о шелковыхъ и полотняныхъ парусахъ. Даже о такомъ извѣстномъ памятникѣ, какъ „Хожденіе“ Даніила, сообщается невѣрное свѣдѣніе, будто въ началѣ *и въ концѣ* этого сочиненія дается „краткое описаніе путей... отъ Константинополя до Іерусалима и *обратно*“ (с. 672). Желая передать послѣднее слово науки, г. Келтуяла часто вноситъ въ свою книгу разнаго рода гипотезы и предположенія, иногда очень сомнительныя, иногда прямо наивныя, причемъ въ большинствѣ случаевъ не отмѣчаетъ, кѣмъ они высказаны. Такъ, имя, Дажбога производится отъ словъ „дай богатство“ (с. 29). Добрыня Ядрейковичъ въ своемъ „Путешествіи въ Царьградъ“ упоминаетъ свѣтящіеся каменья императора Льва. „Отсюда,—по заявленію г. Келтуялы,—въ устной поэзіи камни-самоцвѣты“ (с. 708). Былина о встрѣчѣ Ильи Муромца со станишниками объявляется „отголоскомъ древней исторіи“ (с. 443), какъ будто въ позднѣйшее время не было на Руси разбойниковъ. Въ доказательство „необыкновеннаго гостепріимства“ Владиміра приводится извѣстный эпизодъ съ ложками, а о пирахъ—ни слова (с. 415).

При всѣхъ недостаткахъ, подобныхъ указаннымъ, „Курсъ“ г. Келтуялы—хорошая и полезная книга. Она написана простымъ и яснымъ языкомъ. Содержаніе памятниковъ древне-русской литературы изложено, большею частью, очень подробно и въ переводѣ на современный языкъ. Въ большинствѣ случаевъ авторъ сообщаетъ послѣднее слово науки и для дальнѣйшаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ книги даетъ необходимыя библіографическія данныя (указаны, впрочемъ, только пособія). Вообще, книга г. Келтуялы во многомъ превосходитъ руководства Галахова и Порфирьева и, по всей вѣроятности, займетъ ихъ мѣсто.

С. Ашевскій.

Редакторъ-Издатель **Ал. Острогорскій.**

ОБРАЗОВАНІЕ

АВГУСТЪ

Содержаніе № 8.

см. стр. 3.

XVI. 1907

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№. 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1907.

6 Сентября.

СОДЕРЖАНІЕ № 8.

Вмѣсто идилліи.

Разсказъ **А. Крандіевской.**

Забѣжала она ко мнѣ, какъ всегда, „мимоходомъ и на минутку“, торопясь къ „знакомымъ“.

И, какъ всегда, на мой вопросъ: къ какимъ знакомымъ?—отвѣтила неопредѣленно: „А тутъ къ однимъ“.

Въ этотъ разъ была она какъ-то особенно раздражающе-красива въ своемъ легкомъ весеннемъ нарядѣ, въ бархатной кофточкѣ-фигаро, въ бѣлой изъ мягкаго фетра шляпкѣ, въ узкой зеленоватой юбкѣ, красиво обтягивающей ея стройную фигуру, съ живыми цвѣтами, съ сладко-благоухающими пучками левкоевъ и резеды у пояса, на груди и въ рукахъ.

Отъ нея такъ и вѣяло весною и молодостью.

Лицо у нея было, какъ всегда, оживлено густо-розовымъ румянцемъ, глаза—яркимъ, молодымъ блескомъ.

Только на этотъ разъ было уже что-то новое въ этомъ яркомъ блескѣ глазъ, во внутреннемъ, скрытомъ выраженіи ихъ.

Озабоченною казалась она сегодня въ своемъ весеннемъ оживленіи, чѣмъ-то сильно доминированною, какою-то тревогою, угнетавшею ее мгновеніями даже до тоски, до муки.

И, когда она вошла и кинулась со мной здороваться, цѣловать меня, а затѣмъ сыпать своими обычными вопросами—здорова ли я? И не помѣшала ли она мнѣ работать? И что новаго? И нѣтъ ли у меня интересныхъ писемъ изъ Питера?—то улыбались весело однѣ только ея крупныя, красиво-очерченныя губы, а глаза были все время серьезны, и изъ нихъ глядѣла на меня напряженная забота, мгновеніями доходящая до тоски, до муки.

— Какая вы сегодня красивая!—сказала я, какъ только она умолкла и подошла къ зеркалу, чтобы оглядѣть себя критическимъ, дѣловымъ взглядомъ всю съ ногъ до головы.

— Почему—*сегодня*?—спросила она, не отрывая озабоченныхъ глазъ отъ зеркала.— Я всегда красивая,—пояснила она совершенно серьезно.

Я расхохоталась.

— Однако, вы не очень-то скромнаго мнѣнія о своей персонѣ.

— Я такого мнѣнія о своей персонѣ, какова она есть на самомъ дѣлѣ,—сказала она все тѣмъ же тономъ яснаго спокойствія—яснаго сознанія своей правоты.

Помолчавъ немного, она добавила, отходя отъ зеркала:

— Терпѣть не могу ни самовосхваленій, превознесенья себя до небесъ, ни самоуничиженій. И то и другое—фальшь, неискренность.

— Да вы же, вотъ, совершенно серьезно убѣждены, что вы „всегда красивая“,—возразила я съ добродушнымъ смѣхомъ. Значитъ, и вы чуточку преувеличиваете собственное обаяніе.

— Ничуть. Да и не объ обаяніи сейчасъ рѣчь, а о томъ, красива я или не красива. Ну, скажите,—подступила она ко мнѣ, глянувъ въ мои глаза прямымъ, открытымъ взглядомъ.— Я уродъ?

— Нѣтъ.

— Дурнушка? Сѣренькая? То, что называется „такъ себѣ“, „ничего себѣ“!

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы—всегда яркая, интересная, даже когда злитесь.

— То-то же!—наставительно протянула она.—Значитъ, всегда красивая!—воскликнула она съ шутливою побѣдоносностью.

И теперь весело расхохоталась уже и она вмѣстѣ со мною.

Забота, напряженная дума, такъ портившая ея весеннее оживленіе, наконецъ, исчезла, растаяла въ ея глазахъ.

И вся она засіяла тѣмъ безмятежнымъ довольствомъ, источникъ котораго таился въ ея яркой цвѣтущести, въ молодости, въ здоровьѣ, въ самодовлѣющей красотѣ всего ея гибкаго, стройнаго, сильнаго тѣла, глядя на которое, невольно приходила въ голову мысль: вотъ женщина, которая имѣетъ всѣ права и на все рѣшительно въ жизни, что только ей вздумается, чего захочется...

Какою-то инстинктивною, безсознательною, мимовольною и потому невмѣняемою, безотвѣтною властностью дышала вся она, эта черноволосая, желтоглазая красавица, съ розовымъ лицомъ и стройнымъ, рослымъ станомъ.

И меня почему-то эта властность не отталкивала, не возмущала въ ней.

Наоборотъ, скорѣе влекла къ себѣ, какъ все сильное влечетъ слабое, влекла и занимала, интересовала, какъ будто въ женщинѣ этой таилось для меня что-то, разрѣшеніе, вскрытіе чего какимъ-то образомъ задѣвало за живое и мою личную женскую жизнь.

Подойдя къ письменному столу моему, на которомъ лежалъ листъ бумаги съ только что начатымъ разсказомъ, она наклонилась надъ бумагой и пробѣжала написанное живымъ, дѣтски-любопытнымъ взоромъ отъ начала и до конца.

— Что вы пишите?

— Пасхальный разсказъ.

— О чемъ?

— О любви.

— Это хорошо. Можно прочесть?—живо спросила она и, не дождавшись моего отвѣта, схватила бумагу и стала читать вслухъ.

„Это было на пасху. На третій или на четвертый день праздниковъ.

Анна Эстманъ отправилась съ подругами на прогулку въ поле, въ то мѣсто, гдѣ зеленая луговина обрывалась крутымъ обрывомъ, называемымъ „Полковничьимъ яромъ".

Такъ какъ это было въ концѣ апрѣля—Пасха въ этомъ году была поздняя,—то въ Яру уже цвѣли желтые и бѣлые тюльпаны и спѣшно наливались въ круглые блестящіе бутоны „лазоревые цвѣты", алые, какъ кровь, и страстные и грѣшные, какъ запретная любовь"...

— Это мнѣ нравится,—перебила она чтеніе,—„лазоревые цвѣты, алые, какъ кровь, и грѣшные и страстные, какъ запретная любовь"...

И, тихо вздрогнувъ вся съ ногъ до головы, словно отъ мороза, пробѣжавшаго по всему ея тѣлу, она вдругъ поблѣднѣла и страдальчески поморщилась, вспомнивъ, очевидно, что-то болевое, непріятное.

Безмятежность и живость ея разомъ пропали.

Закрывъ бумагою измѣнившееся лицо, она продолжала уже другимъ тономъ, неестественно громкимъ и лишеннымъ прежняго простодушія.

„...По дорогѣ Анна Эстманъ думала о томъ, что завтра утромъ возвращается изъ Парижа художникъ Крындачъ и завтра же для нея, Анны Эстманъ, начнется то огромное счастье, о которомъ она мечтала дни и ночи вотъ уже годъ, вотъ уже годъ!.. съ тѣхъ поръ, какъ впервые она надѣла длинное платье и люди стали называть ее не маленькой дѣвочкой, какъ называли раньше, а взрослой дѣвушкой...

Завтра, завтра начнется для нея жизнь необыкновенная, новая, невѣдомая, прекрасная... жизнь, которая обратитъ все въ ней и вокругъ нея въ волшебную сказку, въ чудесный сонъ, въ упоительную фантасмагорію. Завтра, завтра!.. О, что это будетъ! Что это будетъ!..

Если уже и сейчасъ въ душѣ ея—небесная музыка,что-

то поетъ въ ней и играетъ, кружа ей голову до того, что она, вотъ, едва-едва находитъ въ себѣ силы отвѣтить на вопросы подругъ,—то что же будетъ завтра, когда она увидитъ его, когда ея глаза упадутъ въ его глаза, какъ въ объятья?!..

И отъ предвкушенья этого безумнаго восторга близкаго будущаго Анна Эстманъ томно закрываетъ глаза, дѣлается глухою и слѣпою ко всему окружающему и минуту другую бредетъ по полю, по мягкой землѣ, еще влажной отъ недавняго снѣга, не просохшей до твердости, но уже покрытой яркою зеленою травкою, первою травкою, трогательно маленькою, нѣжною и душистою... идетъ шагами невѣрными, слабо пошатываясь на ходу, какъ дитя, которое двинулось безъ помощи взрослыхъ впервые въ жизни".

Здѣсь оканчивался мой разсказъ.

Она положила исписанный листъ бумаги обратно на столъ и, глянувъ на меня полу-сочувственно, полу-иронически, спросила:

— А дальше что? Ну, онъ пріѣхалъ... этотъ художникъ. И началась „фантасмагорія", и начались взгляды, похожіе на объятія... а дальше-то, дальше, какъ у васъ будетъ? Чѣмъ они кончатъ?

— Да ничѣмъ. Я просто опишу влюбленность, первую влюбленность въ атмосферѣ возрожденья природы, радостнаго праздника и на небѣ, и на землѣ – только и всего.

И такъ какъ она молчала, глядя на меня взоромъ, по которому я поняла, что она не удовлетворена моимъ отвѣтомъ и еще чего-то ждетъ, я стала объяснять подробнѣе.

— Понимаете? Голыя деревья съ едва рожденною зеленью... клейкіе, крохотные листочки... небо густо-синее, затканное легкими и бѣлыми, какъ вата, тучками... солнце огромное и нѣжное, и смѣющееся, и доброе, щедрое... Запахъ тучной и жирной земли, раскрытой для родовъ... запахъ обнаженныхъ, наливныхъ, переполненныхъ родовыми соками деревьевъ... Праздничный гулъ и шумъ на улицахъ... Празднично одѣтые, празднично настроенные люди... Колокольный звонъ... безудержно веселый звонъ... быстрый, частый, четкій звонъ, куда-то спѣшащій, перебѣгающій съ улицы въ улицу, отъ церкви къ церкви...

И вотъ, на этомъ фонѣ праздничнаго, весенняго шума, гула, звона, радости и ликованія земли и неба, солнца и деревьевъ,—два юныхъ сердца въ огнѣ влюбленности... Двѣ пары глазъ, подернутыхъ блаженнымъ хмѣлемъ первой влюбленности... Развѣ же это нехорошо?—спросила я, наконецъ, спохватившись, что черезъ-чуръ увлекаюсь разсказомъ о томъ, что должно быть показано, а не разсказано.

— Да, хорошо!—сказала она мечтательно, тихо вдругъ задумавшись о чемъ-то и до того даже, что и отвѣчала словно не мнѣ, а кому то далеко стоящему позади меня и на котораго она глядѣла поверхъ головы моей сощуренными въ задумчивости, разсѣянными глазами.

Наконецъ, очнулась отъ задумчивости и, вздохнувъ, сказала уже твердо и спокойно:

— Да, это хорошо. Но это сейчасъ не важно... т. е., я не то хотѣла сказать, что оно для жизни не важно... Нѣтъ, не то,—путалась она, все еще находясь подъ вліяніемъ какихъ-то сбивающихъ ее думъ.—Это всегда было, есть и будетъ... Это—какъ солнце, какъ жизнь, какъ вѣчность... Ну, и объ этомъ нечего писать. Что жъ писать о томъ, что дважды два четыре?—воскликнула она и, глянувъ на меня пытливо, какъ бы желая провѣрить дѣйствіе словъ ея на меня, спросила:

— Вѣдь, тутъ у васъ что... въ этой вашей влюбленности... идиллія? пастораль, да?

— Пожалуй.

— Ну, а теперь не объ этомъ надо писать,—сказала она наставительно.

И, отойдя отъ меня, зашагала по комнатѣ, опять впадая въ задумчивость.

Я глядѣла на нее вопросительно, недоумѣло и ждала нетерпѣливо, заинтригованно.

— О революціи въ любви надо писать, о разрушеніи стараго во имя новаго—вотъ что теперь на очереди,—бросила она на ходу, не глядя на меня. — Согласны вы съ тѣмъ, что половой вопросъ сейчасъ такой же острый, какъ и рабочій, пролетарскій, крестьянскій... вообще соціально-экономическій?

— Да, сейчасъ это модный вопросъ.

Она встрепенулась и такъ и вскинулась на меня, словно замѣчаніемъ своимъ я ее обидѣла.

— Что-о? Какъ вы сказали? Модный вопросъ?.. И вы, и вы даже повторяете это пошлое слово!—возмутилась она страстно. Мода—это же пустота, безсодержательность, если не считать за содержаніе мелкую суетность, легкомысленное тщеславіе. Мода—это сума переметная: сегодня такъ, а завтра иначе. А тутъ боль, мука, послѣдній предѣлъ переносимаго... понимаете вы это?..

— Погодите! вы меня не дослушали,—попыталась было я перебить ее, но она уже понеслась въ своемъ горячемъ протестѣ, въ возмущеньи съ такимъ страстнымъ безудержемъ, который можно было объяснить только тѣмъ, что то, о чемъ она выкрикивала, было самое болевое мѣсто ея

и самое главное въ душѣ, самое властное, захватывавшее большую часть ея думъ и мечтаній.

— Не называютъ же вопросы экономическаго раскрѣпощенія человѣчества вопросами модными. Вопросъ о человѣчности труда, о правѣ человѣка на достойную человѣческую жизнь,—вопросъ вѣчный, насыщенный отъ начала и до конца трагедіей, самыми глубокими и страшными страданіями, обострился сейчасъ до кровавыхъ катастрофъ, не потому же вѣдь, что вопросъ этотъ „модный", а потому что терпѣніе обездоленныхъ дошло до предѣла своего, до послѣдней черты. Такъ и съ любовью... съ вопросами пола, брака, семьи... Породилъ этотъ вопросъ и обострилъ до послѣдняго предѣла все тотъ же трижды проклятый буржуазный строй, въ которомъ задыхаются люди по всему міру. Вѣдь до чего же мѣщанская мораль, мѣщанская добродѣтель, законы и установленія о любви довели любовь, что, вотъ, даже захлопотали о „скотоложествѣ", о „мужеложествѣ", о „кровосмѣшеніи", о хлыстовщинѣ и еще чортъ знаетъ о чемъ... Брр!..—вздрогнула она, гадливо сморщась и на мгновеніе прерывая свою страстную рѣчь.—Вы, конечно, читаете современные журналы, сборники, альманахи, брошюры, да?

И, по обыкновенію, не дождавшись отвѣта моего, понеслась дальше.

— Положимъ захлопотали о скотоложествахъ и даже о рыболожествахъ... Чортъ знаетъ, что такое, ха-ха!—опять весело прервала она самое себя.—О хлыстовщинѣ и кровосмѣсительствѣ захлопотали декадентствующіе уроды, но развѣ же это не знаменательно, спрашиваю я васъ?—воскликнула она уже строго, почти грозно.

Она была такъ разгорячена мыслями, нахлынувшими на нее отъ одного только прикосновенія къ болевой точкѣ души ея, что мнѣ не хотѣлось ни возражать ей, ни спрашивать о чемъ-либо: такой интересъ возбуждала она сама по себѣ, ея страстное и чрезмѣрное, обостренное въ молодыхъ своихъ чувствованіяхъ волненье, весь этотъ ея „бунтъ", рождавшій во мнѣ самыя неожиданныя и самыя опасливыя догадки на ея счетъ.

— Ахъ, если бы я была писательницей, какъ бы я о любви написала!—вскрикнула она въ настоящемъ ослѣпленіи силами своими, въ откровенной самонадѣянности, такъ свойственной молодости, полагающей, что только она одна понимаетъ жизнь во всей ея полнотѣ и сложности и чувствуетъ боль жизни со всей глубиной и утонченностью, какая доступна только сердцу человѣческому.—Я бы написала о томъ, какъ люди лгутъ въ любви, обманываютъ

другъ друга и самихъ себя; какъ они, вѣчно обманывающіе, вѣчно лгущіе, изврагили любовь, оскорбили ее, унизили, низвели на степень „скотоложества“ и „рыboложества“ и тѣмъ самымъ убили въ сердцахъ своихъ все, что только есть сильнаго и живоноснаго въ человѣкѣ. И я бы вскрыла слово „развратъ“ и доказала, что развратъ создали моралисты... да, да, моралисты, а не антиморалисты... Что вы такъ на меня смотрите? Именно моралисты создали развратъ тѣмъ, что наложили на природу человѣка свои запреты, заковали самые свободнѣйшіе по природѣ своей запросы плоти и крови цѣпями „дозволеннаго“ и „недозволеннаго“. Окруживъ мятежнаго человѣка строжайшимъ надзоромъ своимъ, они загнали его въ подполье, въ тайну, въ неистовство и уродство, въ извращенье, въ скотоложество и рыboложество... Создавъ для человѣка бракъ, они стараются достигнуть этимъ бракомъ всего рѣшительно, всѣхъ благополучій, какія только есть на свѣтѣ и не достигаютъ ни одного вполнѣ человѣчнаго благополучія, которое прежде всего было, есть и будетъ—свобода и независимость. И я бы вскрыла супружеское „цѣломудріе“ и „вѣрность“. Показала бы супруговъ, которые отдаются другъ другу безъ тѣни страсти, даже не какъ животныя, а какъ машины, какъ камни, какъ неодушевленные предметы. О, съ какимъ бы вдохновеніемъ, съ какой любовью нарисовала бы я буржуазную женщину, „счастливую жену“, „счастливаго мужа“... Женщину тучную, жирную, знакомую съ разными остроумными „средствами“, предупреждающими дѣторожденіе... Я бы вскрыла душу этой невмѣняемой дѣтоубійцы, разбухшей, разжирѣвшей на сытыхъ, буржуазныхъ хлѣбахъ, на дивидендахъ, на рентахъ, на прибыляхъ и капиталахъ, на доходахъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ якобы „заработкахъ“ мужа... Я бы показала, какъ эта скучающая, переполненная кровью женщина, сидя на шеѣ мужа, какъ толстая ядовитая муха сидитъ на кускѣ разлагающейся падали, все время мыслями вертится только вокругъ того, что запрещаетъ мораль и она сама себѣ, эта толстая муха. Я бы показала, что эти нескончаемыя отъ юности и до глубокой старости заботы о шляпкахъ и тряпкахъ, эти пассажи, портнихи, фасоны и моды... эти „выѣзды“ и „выходы“, театры и концерты... и даже увлеченія науками и искусствомъ, и общественностью, и женскимъ равноправіемъ... „равноправіе!“ ха-ха!.. я бы показала, что все это отъ тоски убогаго, рабскаго существованія, рожденнаго убогимъ, рабскимъ положеніемъ „обезпеченной“ жены обезпеченнаго мужа. Кто-то что-то за нее дѣлаетъ, откуда-то достаетъ деньги, приноситъ ей и требуетъ отъ нея одного только, — чтобы она

была „вѣрна“, „семейственна“ и „порядочна“. И она молчитъ, не протестуетъ эта самка... играетъ свою роль „порядочной“, „вѣрной“ и „семейственной“ именно такъ, какъ велитъ заранѣе, за тысячу лѣтъ кѣмъ-то установленный шаблонъ... одинъ шаблонъ для милліоновъ и милліардовъ толстыхъ, ядовитыхъ мухъ. Пожираетъ чужой заработокъ, чужой трудъ. Бухнетъ, жирѣетъ на чьихъ-то страданьяхъ, на чьихъ-то слезахъ и стонахъ и тихо тлѣетъ въ супружеской „чистотѣ“, въ гнилой и смрадной мертвенности вынужденнаго цѣломудрія. Тихо тлѣетъ, безропотно. Наоборотъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выражаетъ лживую радость, что вотъ она съ мужемъ своимъ прожила 15 лѣтъ и ни разу не измѣнила.

— Да мнѣ *этого* вѣдь и не надо!—говоритъ эта муха, дѣлая лицо невинной дѣвочки.

И простодушный вѣритъ, что ей дѣйствительно *этого* не надо!

Зато, если она почуетъ гдѣ-нибудь „развратъ“, „измѣну“, „паденіе“... о-о, что тутъ начинается!.. Въ „счастливой женщинѣ“ закипаетъ такая адская ярость, такое лютое бѣшенство, что только грудному младенцу или прирожденному идіоту не видно, что злость эта, ядъ и бѣшенство потому только и закипѣли такимъ клокотомъ, бурей, огнемъ и ураганомъ, что „счастливая“ женщина пребываетъ въ своемъ „счастьи“ неизмѣнно вотъ уже 15 лѣтъ! Что къ „*этому*“ она вовсе ужъ не такъ равнодушна, какъ любитъ завѣрять иногда... О-о, далеко не такъ равнодушна! Наоборотъ, минутами отъ недостатка *этого* она дѣлается, какъ взбѣсившаяся лошадь, принявъ во вниманіе, что вѣдь ужъ очень она раскормленная эта „архи-счастливая“ женщина. Очень, очень много скоплено въ ней крови. И выходитъ, такимъ образомъ, что крѣпость цѣла только потому, что никто ее въ теченіе 15 лѣтъ не осаждалъ, никто!.. И вотъ именно оттого, что *никто*, рѣшительно *никто* и никогда, какъ слѣдуетъ, не осаждалъ крѣпости—кипучій котелъ „нравственнаго“ негодованія, лава „цѣломудрія“, каскадъ „пуританизма“, „вѣрности“ и „честности“. О-о, какъ бы я объ этомъ обо всемъ написала! Какъ написала!—опять вскрикнула она въ упоеніи своимъ исключительнымъ пониманіемъ и чувствованіемъ жизни.

— А развѣ объ этомъ не писали? Сотни и тысячи разъ писали, — сказала я, но она, по обыкновенію, не обратила вниманія на мое замѣчаніе и продолжала прежнимъ тономъ съ тою же запальчивостью и страстностью.

— Слушайте! Слушайте! Я однажды даже попробовала было писать. Одна сцена у меня ужъ написана... Такая.

Она подбѣжала ко мнѣ, сидящей на низенькомъ креслѣ у окна, сѣла противъ меня на подоконникѣ и начала уже спокойнѣе, ровнѣе, тономъ повѣствованія:

— Молодая женщина, замужняя, лѣтъ 28 — 27. Замужемъ уже 10 лѣтъ. Мужа своего любитъ, но страсти къ нему уже нѣтъ, влюбленность исчезла. Этотъ нехватокъ ея жизни такой же важный для здороваго организма, для яркаго темперамента, для красоты и молодости, какъ важно для человѣка отсутствіе свѣжаго воздуха, солнца, свободы, радости и счастья... Нехватокъ, который только истинно-цѣломудренныя чувствуютъ въ себѣ, какъ страданье, и который истинные развратники ума и воображенія, ханжи и лицемѣры считаютъ „неважнымъ", „несущественнымъ"...

Она опять взволновалась и опять поборола волненье, насильственно водворила спокойствіе и продолжала:

— Нехватокъ этотъ восполнялся тайно, воровскимъ образомъ. Женщина эта была въ тайной связи съ другомъ мужа своего, совершенно не подозрѣвая, что мужъ въ свою очередь восполняетъ тотъ же самый нехватокъ жизни съ подругою жены. Ложь такая, обманъ и уродство тянется года два. И за два года до того измучила, истерзала эта ложь женщину, что случилось нѣчто очень незначительное по мукѣ своей, и женщина вдругъ превращается въ самую неистовую, ярую разрушительницу какъ своего собственнаго мѣщанскаго благополучія, такъ и благополучія ея окружающихъ, близкихъ. А случилось вотъ что: женщина эта вдругъ узнаетъ, что и мужъ ее обманываетъ. До сихъ поръ думала она, что только она одна обманывала, а онъ былъ „жертвою" и „страдальцемъ". Теперь же видитъ, что обманъ повсюду и во всемъ, и вездѣ. Обманъ въ ней, вокругъ, въ прошломъ, въ настоящемъ, въ будущемъ. Обманомъ проникнутъ, какъ заразой, воздухъ, которымъ она дышитъ, земля, по которой она ходитъ, люди, съ которыми она говоритъ, всѣ законы, всѣ обычаи, всѣ, всѣ правила, понятія, которыми регулируются человѣческія отношенія...

Ее охватываетъ не отчаяніе только, а уже восторгъ отчаянія, экстазъ, упоеніе, сладострастіе отчаянія. Она даже уже рада, уже счастлива, что ей такъ больно, такъ сверхъестественно больно, до такой степени невыносима уже жизнь.. Рада, счастлива, что ей некуда уже идти, некому вѣрить, не на что надѣяться, нечего жалѣть, не о чемъ мечтать. Все, всё, что только есть на свѣтѣ, было и будетъ — все одинаково постыло, мерзко, нестерпимо...

Приходитъ ночь... ужасающая по своему восторгу нечеловѣческой муки, ночь разрушительная, анархическая ночь, во время которой она обдумываетъ свою жизнь всю, всю,

отъ начала и до конца... Обдумываетъ и рѣшаетъ къ утру — не застрѣлиться, не повѣситься, какъ сдѣлалъ бы каждый на ея мѣстѣ, а жить... на зло, наперекоръ всѣмъ и всему жить. И не какъ-нибудь жить, а воюя за жизнь, круша, губя все, что только ни попадется на пути. Круша, губя ложь во имя правды... какой правды? Все равно! Только правды! голехонькой, чистой, безпримѣстной правды... зоологически-жестокой, звѣрской правды, только правды...

И вотъ эта правда—во имя чего—все равно!—только правда, только открытость, обнаженность до дна—дѣлается для женщины съ этой роковой, анархической ночи религіей, вѣрой ея и надеждой, путеводной звѣздой ея, единой цѣлью всей дальнѣйшей жизни ея, всѣхъ страданій, которыя теперь уже не страшны, каковы бы они не были... не страшны потому, что уже самое страшное пережито—обманъ любимаго, ложь и вѣроломство...

Разсказчица моя на мгновеніе остановилась, передохнула, успокоилась чуточку отъ волненья, въ которое мало-по малу перешло ея выдѣланное повѣствовательное безстрастіе, и продолжала:

— Ну, вотъ... Съ этакимъ-то рѣшеніемъ начинается для нея новая жизнь. Первый дебютъ таковъ... послѣдовалъ онъ тотчасъ же за рѣшеніемъ.

Вечеромъ слѣдующаго дня героиня моя отправляется на jour fixe въ домъ своего возлюбленнаго и его законной жены, подруги героини. Отлично...

Попадаетъ на многолюдное собраніе. Въ столовой, куда она вошла, за длиннѣйшимъ чайнымъ столомъ — самое отборное, самое благовоспитанное и культурное общество. Она садится со всѣми. Проситъ себѣ чаю, пьетъ, грызетъ печенье, глядитъ на гостей, слушаетъ.

И вдругъ хозяинъ дома, красивый, выхоленный мужчина, лѣтъ 32, мужъ прелестной жены и двоихъ прелестныхъ дѣтокъ, замѣтивъ особенную блѣдность лица своей любовницы, ея какой-то особенно твердый, стальной и холодно-спокойный, непріятно-спокойный блескъ глазъ, обращается къ ней черезъ столъ и спрашиваетъ самымъ невиннымъ тономъ:

— Вы одна сегодня Евгенія Павловна? а мужъ вашъ гдѣ?

Евгенія Павловна медлено поднимаетъ на него непріятно-спокойные глаза и въ свою очередь спрашиваетъ твердо и громко:

— Который мужъ? Вы про кого спрашиваете?

Хозяинъ оторопѣлъ, отшатнулся на спинку стула, лицо у него на мгновеніе испуганно дрогнуло, но только на мгновеніе. Въ слѣдующее мгновеніе онъ уже весело заулы-

бался и воскликнулъ тоже громко, преувеличенно, нарочно громко, чтобы его услышали другіе, заранѣе считая замѣчаніе свое верхомъ остроумія.

— Т. е., какъ „который“? Я думаю, у васъ мужъ одинъ... Андрей Федоровичъ? У каждой порядочной женщины долженъ быть одинъ мужъ.

И онъ первый весело засмѣялся своей шутливой сентенціи.

— Напрасно такъ думаете!—отрѣзала Евгенія Павловна сурово и строго.—Да и не думаете такъ совсѣмъ. Какъ же бы вы такъ думали,—обратилась она къ любовнику своему уже мягче, глядя въ его глаза еще съ болѣе пронзающей твердостью и прямотою,—когда и вы тоже мой мужъ, хотя оффиціально числитесь мужемъ Маріи Ивановны точно такъ же, какъ, вотъ, Неонила Петровна,—указала она на близъ сидящую даму,—оффиціально числится женою Загорскаго, а на самомъ дѣлѣ—жена моего мужа, Андрея Федоровича.

— Представляете вы эффектъ такой сцены?!—побѣдоносно вскрикнула моя гостья, и даже вскочила отъ веселаго возбужденія, отъ довольства „эффектомъ“.—Представляете себѣ лица хозяина дома, хозяйки, Неонилы Петровны и вообще всѣхъ гостей? Представляете ясно, живо?.

— Представляю!—засмѣялась я.—Скандалъ огромный. Однако, это для меня новость—вы, оказывается, писательница? Что-жъ печатались гдѣ нибудь или нѣтъ?—спросила я, все больше и больше заинтересовываясь этой женщиной.

— Конечно, нѣтъ!—отвѣтила она тономъ, не допускающимъ возраженія.—Кто-то мнѣ сказалъ, что тотъ, кто умѣетъ жить и любитъ жить,—не умѣетъ и не любитъ писать. А я умѣю жить и люблю жизнь... Страстно, безумно люблю жизнь!—вскрикнула она горячо, восторженно.

Тотчасъ же поднялась и стала одѣваться.

— Куда это вы все ходите мимо нашего дома? Я васъ часто вижу спѣшащей куда-то и все въ одно время—въ сумеркахъ.

— Теперь уже ходить „все въ одно время и въ сумеркахъ“ не буду: нѣтъ надобности,—бросила она, какъ бы не хотя.

И вдругъ подошла ко мнѣ близко и, заглянувъ мнѣ въ глаза, прямо въ душу такимъ загадочнымъ, многозначительнымъ взглядомъ и такимъ пронзающимъ, пытливымъ и острымъ въ пытливости своей, что я невольно отшатнулась въ недоумѣломъ испугѣ и сказала:

— Вы хотите у меня что-то спросить?

— Нѣтъ, я хочу вамъ что-то сообщить,—сказала она тихо, но внятно, твердо.

Я приготовилась слушать.

Она усмѣхнулась какъ-то странно, усмѣшкой, похожей на презрительную гримасу, и сказала:

— Я, видите ли, расхожусь съ мужемъ своимъ... Ну, и вотъ—причина того, что я держалась до сихъ поръ нѣсколько таинственно... Лгала не только тамъ, гдѣ нужно, но и тамъ, гдѣ не нужно... Теперь ложь по боку! Кончено лицемѣріе!.. И если ужъ такъ вамъ интересно знать,—усмѣхнулась она опять презрительно,—куда я хожу, то знайте: до сихъ поръ ходила на свиданья... на запретныя любовныя свиданья и потому ходила только въ сумеркахъ,—такъ было удобнѣе. Ну, а теперь обманывать некого, и я буду ходить, когда захочу.

Проговорила все это она очень, очень спокойнымъ тономъ... даже сверхъ-естественно спокойнымъ, такъ какъ лицо у нея во время этого „спокойнаго" сообщенія побѣлѣло, какъ у мертвой, и глаза заволоклись туманомъ, какъ у трудно-больной.

Я была поражена ея словами, какъ громомъ.

Съ минуты я не знала даже, что ей сказать, спросить или возразить и только глядѣла на нее испуганно и жалко, какъ на „обреченную" и молчала.

— Что же, вы очень любите того... этого... новаго своего друга?—наконецъ, спросила я ее.

Она, до сихъ поръ блуждавшая по комнатѣ въ задумчивости, остановилась, подняла на меня мутные глаза, помолчала мгновеніе, какъ бы не понимая вопроса и соображая, какъ отвѣтить на него, вздохнула глубокимъ судорожнымъ вздохомъ и сказала тихо и попрежнему спокойно и просто:

— Нѣ-ѣтъ... Не скажу этого. Вѣрнѣе, даже и не люблю совсѣмъ, если подъ любовью разумѣть гармоническое сліяніе души съ другою.

— Тогда что же это такое?—вскрикнула я горестно.— Непонимаю!

— И я не понимаю,—какъ эхо, отозвалась она.—Вѣроятно, это оттого случилось, что ужъ очень мы съ мужемъ были „гармоничны",—улыбнулась она зло, ядовито.—Очень у насъ съ нимъ въ отношеніяхъ было много духа и мало плоти... Анемичная, безкровная была у насъ съ нимъ любовь... Очень дружественная, братская, христіанская и... и... какъ бы вамъ сказать... святая, что ли!..—вскрикнула она еще злѣе и раздраженнѣе.

И, помолчавъ немного, подавивъ свое раздраженье, сказала уже мягче, задушевнѣе:

— Отличные мы были съ нимъ товарищи и изъ рукъ вонъ плохіе любовники!

И опять изъ груди ея вырвался невольный вздохъ, больной и горестный, какъ стонъ.

— Какое несчастье! Какое страшное несчастье!—сказала я, чуть не плача отъ рѣзко ощутимой боли не столько за эту женщину, сколько за ея мужа, котораго я знала, который нравился мнѣ всегда, какъ прекрасный, умный, глубоко-симпатичный, глубоко пріятный, нѣжный, чуткій и искренній человѣкъ.

— Какое ужасное горе! Вѣдь вы же жили такъ хорошо другъ съ другомъ! Я считала ваше супружество идеальнымъ, исключительно счастливымъ и гармоничнымъ.

— Когда-то и я сама такъ думала. Не только думала, но и настроена такъ была, чувствовала себя счастливѣйшей въ мірѣ женой .. ха, ха!..—засмѣялась она мучительно.— Ну, и выходитъ—ошибалась.

— Вы уже сказали вашему мужу?

— Да. Сегодня... Не сказала, а сегодня я ему по утру написала длинное письмо и отослала съ лакеемъ на службу... Ждала его къ обѣду... Онъ домой не вернулся... Гдѣ-нибудь сейчасъ одинъ, одинъ!.. Ой, больно!—тихо вырвалось у нея помимо ея воли, вопреки страстному желанію казаться бодрой и спокойной.

Она закрыла и опять открыла мутные, потонувшіе въ бездонную тоску глаза, но улыбнулась бѣлыми, разомъ побѣлѣвшими, какъ у мертвой, губами насмѣшливо и даже весело.

Теперь только бросилось мнѣ въ мозгъ, въ сердце то, что за маскою бодрости, за ровнымъ, спокойнымъ тономъ, за улыбками таилась въ этой женщинѣ бездонная мука и жестокая, страшная борьба.

И мнѣ стало жаль ее до слезъ.

— Дорогая моя, дорогая!—сказала я, подходя къ ней и обнимая за талію, нѣжно беря за руку.—Вѣдь, вотъ же вы сами признаетесь, что не любите того... другого, этого вашего соблазнителя.

— „Соблазнителя"!—насмѣшливо выкрикнула она, перебивая меня нервнымъ смѣхомъ.

— Ну, все равно, какъ тамъ... вы, конечно, не дитя, не маленькая... сколько вамъ? Двадцать три, четыре?

— Цѣлыхъ двадцать семь!—объявила она опять съ тѣмъ же нервнымъ смѣхомъ.

— Не маленькая, сами знаете, какъ вамъ быть... Но... голубушка моя! Вѣдь если вы не увѣрены, что будете жить съ тѣмъ, съ новымъ счастливо...

— Да я и не собираюсь совсѣмъ съ нимъ *жить*,—возразила она возмущенно даже до радости, до веселья.

— Этого еще не доставало! Изъ одной петли да въ другую! Вѣдь отъ супружеской же петли бѣгу я главнымъ образомъ, а не отъ чего другого!.. Хочу свободы, хочу дѣлать то, что мнѣ нравится, что требуетъ природа моя, а не то, что мнѣ дѣлать велитъ „долгъ“; отъ супружескаго долга бѣгу, поймите вы! Отъ цѣпей договора и обязательствъ любви, отъ любовнаго контракта, въ который непремѣнно превращается всякое сожительство влюбленныхъ... А вы опять говорите о контрактѣ, объ обязательствахъ...

— Я говорю о томъ, что есть... Вы въ сужденіяхъ своихъ отправляетесь отъ того, какъ будетъ въ будущемъ, какъ должно быть, а я вамъ говорю о томъ, какъ есть. И жаль мнѣ васъ страшно. У васъ будутъ трудные, грустные, одинокіе дни... О, какіе одинокіе, какіе печальные!

— Знаю!—вскрикнула она звонко.—Знаю! Знаю! Все знаю, все предвижу и все принимаю, на все иду!—И съ новымъ притокомъ страстной, огненной муки и страстнаго порыва заговорила она о томъ, что я жестоко ошибаюсь, если думаю, что ею руководитъ опрометчивость, легкомысліе, опьяненіе страстью до безразсудства.

— Опьяненіе!—протянула она горестно, глядя куда-то мимо меня и смѣясь бѣлыми отъ скорби губами.—Да, я пьяна сейчасъ! Пьяна! Но источникъ хмѣля моего, опьяненья — не любовь моя, только не страсть, а бунтъ вообще... понимаете? Революція, анархія охватила меня всю, какъ пожаромъ. Омерзѣло, опостылѣло мнѣ не мое только оскопленное, анемичное и худосочное *лживое* и жалкое супружество, а вообще нищета и уродство жизни. Вообще всякая фальшь, убожество, гнилость и дрянность жизни... Во мнѣ сейчасъ такое кипитъ!.. такое!.. что опрокинула бы я жизнь, да такъ, чтобы отъ нея остались только обломки одни, тлѣнъ и прахъ. Но что болтать о невозможномъ! Предоставляю это поэтамъ и... и... вамъ, беллетристамъ: выдумывайте книжныхъ анархистовъ, воспѣвайте „скотоложество“ и „мужеложество“, „дерзайте“ на словахъ, а въ жизни довольствуйтесь тѣмъ же самымъ „благополучіемъ“, въ какомъ пребываютъ и мѣщане, осмѣиваемые вами столь злостно! Я же пойду крушить и губить жизнь мою, да за одно ужъ и жизнь близкихъ своихъ... не жалѣйте!

Она помолчала секунду послѣ пламеннаго каскада словъ, выброшенныхъ однимъ дыханьемъ, овладѣла волненьемъ своимъ и продолжала дальше уже тише и спокойнѣе:

— Я заранѣе вамъ могу сказать, какъ по-писаному, что мнѣ предстоитъ, что ждетъ меня въ жизни. Я очень, очень скоро стану одинока и никѣмъ нелюбимая. Это я знаю, знаю!.. Такія, какъ я, годятся только для безумія страсти,

а не для мирной семейной идилліи. Такія, какъ я, годятся только для бунта, для хаоса, для безпорядка отъ начала и до конца... Вы думаете я добрая, нѣжная, жалостливая? О, нѣтъ! Когда приходитъ часъ мой, когда охватываетъ меня прирожденная стихія моя,—я бываю страшно злая, страшно жестокая и страшно несчастна!.. И вотъ этого своего „соблазнителя", какъ выразились вы... ха-ха!.. я брошу очень, очень скоро!.. Брошу потому, что осточертѣю, надоѣмъ ему такъ же, какъ и онъ мнѣ... такъ какъ ужъ очень мы разные съ нимъ! Очень неподходящіе! Между мною и имъ—такое же отсутствіе гармоніи духа, какъ и между мною и мужемъ моимъ отсутствіе гармоніи тѣла. Но... ничего! Заботы о прочности любви, о вѣчности и неизмѣнности—тоже порожденіе рабства, гнилого прошлого. „Мгновеніемъ живи"!—сказалъ какой-то глупый поэтъ, совершенно не подозрѣвая, что сказалъ нѣчто мудрое.

Она засмѣялась взвинченно-веселымъ смѣхомъ, подошла ко мнѣ и протянула руку для прощанья.

Черезъ мгновеніе она должна была уйти, а мнѣ не хотѣлось отпустить ее для муки.

— Погодите!—взмолилась я, насильно задерживая ея крупную, красивую руку въ своихъ обѣихъ рукахъ.—Ну, послушайте! Неужели нельзя сдѣлать какъ-нибудь такъ... ну, что бы не такъ радикально и не такъ больно? Вѣдь страшно же, страшно больно!

Она поглядѣла на меня съ сожалительнымъ удовлетвореніемъ и состраданіемъ, какъ взрослые глядятъ на дѣтей, пожала плечами, усмѣхнулась и сказала:

— Вѣдь вотъ вы не „кадетка", а разсуждаете, какъ кадеты. Тѣ тоже все, „чтобы не такъ радикально, безъ жертвъ и безъ крови". Ну и чадятъ въ русской революціи все время, тлѣютъ, какъ гнилушки, и скверно пахнутъ, вмѣсто того, чтобы свѣтить и грѣть и полыхать яркимъ пламенемъ. Вѣдь ужъ это даже скучно повторять, что только путемъ личныхъ катастрофъ, личныхъ жертвъ, лишеній и страданій люди всегда добивались, добиваются и будутъ добиваться свободы и радости въ свободѣ. Только путемъ страдальческихъ, личныхъ переживаній люди настоящаго вносятъ свою лепту въ побѣду будущаго... Нѣтъ! — заключила она рѣшительно. — Не жалѣйте меня и не оскорбляйте, не унижайте самое себя сожалѣніемъ о томъ, что каждымъ неглупымъ и искреннимъ человѣкомъ должно чувствоваться только, какъ душевное удовлетвореніе. Да и не несчастная я совсѣмъ, и не жалкая... съ какой стати?!—выкрикнула она уже съ горделивою удалью, разомъ подхваченная такою волною бодрости и жизни, что во мгновеніе опять преобра-

зилась, порозовѣла и стала такою, какою и вошла ко мнѣ.

Каріе съ золотыми искрами, огромные и великолѣпные глаза ея вспыхнули даже чѣмъ-то побѣдоноснымъ.

И, вырвавшись отъ меня, она пошла черезъ комнаты въ переднюю стремительнымъ, молодымъ шагомъ, выкрикивая на ходу восторженно и вдохновенно:

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя!
Душа готова, какъ Марія,
Къ стопамъ Христа на вѣкъ прильнуть...

И скрылась... ушла...

А я осталась одна въ своихъ тихихъ, опустѣлыхъ комнатахъ.

Долго сидѣла я на подоконникѣ, глядѣла на улицу, потонувшую въ весеннихъ сумеркахъ... Долго думала... обо всемъ думала, обо всѣхъ...

И уже не знала, кого мнѣ жаль и надо ли жалѣть...

Потомъ встала, подошла къ письменному столу, взяла цвѣты, забытые ею, бѣлые и розовые левкои, прелестные, нѣжные весенніе цвѣты... механически поднесла ихъ къ лицу, къ губамъ, вдохнула ихъ пьяный, головокружительно-сладкій ароматъ и разомъ что-то вспомнила далекое, далекое...

И разомъ почувствовала ясно, что жаль мнѣ только самое себя.

Что грустно мнѣ только за самое себя, за свою молодость, которая прошла... За тотъ же мятежъ и бунтъ и порывы къ большому и трудному, къ радостному и скорбному, къ невозможному счастью и невозможному страданью, которыя были когда-то и во мнѣ и которыя теперь такъ пугаютъ, такъ страшатъ въ другихъ... Мнѣ захотѣлось горько, горько плакать и захотѣлось страстно, жадно жить...

И жизнь взяла верхъ надъ горемъ прошлаго...

И жизнь родила радость настоящаго...

И жизнь родила во мнѣ блаженно-сладкій трепетъ творчества, жажду труда и радости въ трудѣ и въ творчествѣ.

Я сѣла, взяла листъ бумаги съ начатымъ разсказомъ, скомкала его и бросила въ корзинку.

И вмѣсто весенней идилліи, невинной и чистой влюбленности невинной и чистой Анны Эстманъ я написала о бѣдной грѣшницѣ, мятежная душа которой, объятая страстями роковыми, безстрашно ринулась на муки и лишенья жизни, на тоску и грусть одиночества, на страданье за невѣдомое счастье невѣдомаго будущаго, готовая въ настоящемъ

Какъ Марія, къ стопамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

Изъ цикла «Русь».

Баба-Яга.

Гулкій шумъ въ лѣсу нагоняетъ сонъ—
Къ ночи на-море палъ сырой туманъ.
Окруженъ со всѣхъ четырехъ сторонъ
Темной осенью островокъ Буянъ.

А еще темнѣй—мой холодный срубъ,
Гдѣ ни вздуть огня, ни топить не смѣй.
А въ окно глядитъ только бурый дубъ,
Подъ которымъ смерть закопалъ Кощей.

Я состарилась, изболѣла вся—
Десять сотъ годовъ берегу ларецъ!
Будь огонь въ свѣтцѣ—я бъ погрѣлася,
Будь дрова въ печи—похлебала бъ щецъ.

Да огонь—въ моряхъ мореходу вѣсть,
Да на много верстъ пахнетъ дымъ отъ лыкъ...
Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

Иванъ Бунинъ.

Радуга.

Семицвѣтнымъ полукругомъ
Ты взнеслась надъ влажнымъ лугомъ,
Утвердивъ въ травѣ края.
Мостъ, который въ долы наши
Велъ Ириду съ горней чашей,
Знаю, ты — мечта моя!
Ты таилась въ капляхъ влаги,
Словно въ зыбкомъ саркофагѣ,
Лучъ зиждительный дробя.
Ясный взоръ мой, Божье чудо,
Заглянувъ въ струи,—оттуда
Вывелъ, яркую, тебя!
Но какъ греза о нездѣшнемъ
Ты горишь надъ лугомъ вешнимъ,
Въ небѣ, радужнымъ вѣнцомъ.
И, творецъ передъ твореньемъ,
Преклонясь съ благоговѣньемъ,
Я тебѣ пою псаломъ!

Валерій Брюсовъ.

Наяву.

Разсказъ **С. Кондурушкина.**

Въ низкой комнатѣ съ крашеными полами, вѣнскими стульями и цвѣтами, по угламъ сидятъ двое: гость,—учитель чувашскаго села Песковъ, Волнушкинъ, Алексѣй Назарычъ, и хозяинъ—земскій врачъ Иванъ Гаврилычъ Комовъ. Учитель—низкорослый, сгорбленный, близорукій, съ шишковатымъ носомъ и нервно-подмигивающимъ глазомъ. Докторъ—рослый, костистый человѣкъ. У него сухое лицо, глаза совсѣмъ ушли подъ лобъ, точно провалились въ черепъ, и свѣтятся изъ глубины. Онъ часто встряхиваетъ головой, точно отгоняетъ какія-то непріятныя мысли. Оба напряженно молчатъ, какъ молчатъ люди послѣ происшедшаго недоразумѣнія. Учитель смотритъ въ уголъ и подмигиваетъ тамъ кому-то глазомъ. Докторъ барабанитъ по столу узловатыми пальцами съ синими жилками, встряхиваетъ головой и смотритъ въ окно на снѣжную, пустынную улицу. Вечерѣетъ.

— Не желаю я больше, понимаете, не желаю!—вскакивая со стула, говоритъ докторъ.—И совсѣмъ я не противъ науки,—продолжаетъ онъ, расхаживая по комнатѣ и ероша волосы.—Медицина—медициной, а наша работа здѣсь у голодныхъ и слѣпыхъ чувашей—это преступленіе, это издѣвательство надъ человѣкомъ. И я не желаю, понимаете, не же-ла-ю утѣшать своей работой сытыхъ людей. „Помилуйте,—говорятъ,—чего же еще мужикамъ-чувашамъ надо?! Мы имъ и учителя Волнушкина, и доктора Комова, и фельдшерицу Стрепетову послали; они ихъ учатъ, лечатъ и культурные нравы воспитываютъ. Чего же еще нужно? Культура, медицина!..“ Значитъ, сытые теперь могутъ сладко ѣсть, спокойно спать. Ну, а вотъ докторъ Комовъ и не желаетъ служить вашему сытому спокойствію. И безъ доктора Комова умретъ чувашей не больше, чѣмъ при немъ. А я подаю прошенье объ отставкѣ. Я боленъ. Да...

Учитель поглядѣлъ на возбужденное лицо доктора и возразилъ хриплымъ, надтреснутымъ голосомъ.

— Какъ же покидать теперь село? Голодный тифъ... Цынга начинается...

— А развѣ я могу со своей аптекой вылечить голодный тифъ, цынгу?—со злобой закричалъ докторъ.—Хлѣба надо, овощей, чистоту, свѣжій воздухъ и сухія и теплыя избы, а не аптеку. Здѣсь больница десять лѣтъ. Развѣ слѣпые чуваши прозрѣли? Ну, а вотъ первый докторъ спился, второй отъ чахотки померъ, третій не выдержалъ, сбѣжалъ; четвертый—я и тоже не выдержу, убѣгу. Да-съ, убѣгу. Не желаю.

Докторъ рѣшительно сѣлъ къ столу, на которомъ въ безпорядкѣ лежали книги, газеты, банки съ лекарствомъ и наборъ инструментовъ, взялъ въ руки перо, точно приготовился писать прошенье объ отставкѣ.

— Если вы уѣдете, я тоже не останусь въ селѣ, тоже уѣду,—говоритъ учитель, опять подмигивая кому-то въ уголъ.—Половина учениковъ у меня не ходитъ, хворають... Да у меня у самого горло отказывается служить... Потомъ, знаете ли, докторъ, я къ вамъ сегодня лечиться прищелъ. Терпѣлъ, терпѣлъ, да не могу.

— Что съ вами?—участливо спросилъ докторъ.

— Страшно мнѣ бываетъ, въ особенности по вечерамъ... Такой ужасъ меня охватываетъ, такой ужасъ, что я пошевелиться не могу, оглянуться назадъ силы нѣтъ. Такъ и сижу на одномъ мѣстѣ цѣлый часъ. Потомъ кое-какъ доберусь до постели и лежу. И все мнѣ звонъ слышится, будто на скрипкѣ кто играетъ. Во мнѣ этотъ звонъ, въ рукахъ, въ ногахъ, въ головѣ... А то мнѣ покажется, что я остался одинъ на землѣ, совершенно одинъ на всемъ земномъ шарѣ, и опять страшно.

— Страшно?—переспросилъ докторъ.—А вы сколько лѣтъ здѣсь учителемъ?

— Пятнадцать...

Опять напряженная тишина. Пустынная улица заглядываетъ въ комнату своими широкими, неподвижными бѣльмами и наводитъ гнетущее чувство. Докторъ ходитъ по комнатѣ и о чемъ-то думаетъ.

— Отчего же мы и дохнемъ здѣсь,—продолжая свои мысли, заговорилъ опять докторъ.—Этотъ отъ чахотки, тотъ отъ порока сердца, тотъ отъ нервнаго разстройства, отъ истощенія... Пока мы будемъ лекарями деревни, она насъ будетъ убивать, убьетъ сотни, тысячи, милліоны, а сама не вылечится...

Учитель все ниже и ниже сгибался на стулѣ, точно

докторъ съ каждымъ словомъ клалъ на него новую тяжесть.

— О, сколько насъ померло и сколько еще помретъ!— въ ужасѣ воскликнулъ докторъ.—Милліоны, милліоны. Мы—жертвы, которыми богатые откупаются отъ бѣдныхъ. Да. О, это прекрасно все устроено, превосходно! Говорятъ,— культурное сотрудничество! Учитель и врачи—это герои; они на своихъ плечахъ выносятъ культуру. Ложь! Культурное сотрудничество возможно между людьми, понимающими другъ друга. А какое можетъ быть сотрудничество между нами и чувашами?! У нихъ есть свое, какъ изъ камня построенное міросозерцаніе, и словами его не перевернешь, нѣ-э-этъ! Всю жизнь надо перевернуть,—вотъ оно что. Тогда и сотрудничай. А теперь насъ съ чувашами раздѣляютъ не сотни, а тысячи лѣтъ. Насъ раздѣляетъ пропасть. И вотъ въ эту пропасть насъ толкаютъ сытые, чтобы голодные не сразу пришли въ разумъ и не пошли отнимать у нихъ сладкую пищу и теплую одежду. Такъ врете же, черти, не спасетесь! Отнимутъ, все отнимутъ. И нами не укроетесь... „Вы. мужички, хотите быть здоровыми—они васъ вылечатъ! Вы хотите быть сытыми, просвѣщенными, чистоплотными—они васъ научатъ"... Ну, а вотъ *они* и не желаютъ. Да-съ, не желаютъ, не желаютъ.

Докторъ злорадно усмѣхнулся и въ глазахъ его забѣгали безумные огоньки. Онъ прищелкнулъ пальцами и выкинулъ ногой какое-то колѣно, точно собирался плясать подъ эти слова:

— Не желаютъ, не желаютъ...

Потомъ вдругъ закашлялся. Глаза его померкли, помутнѣли; на лбу выступилъ потъ.

Въ это время въ комнату вошла акушерка, а за нею грузно ввалился чувашинъ.

У акушерки красивое, молодое, но вялое лицо. Она поздоровалась безразлично съ докторомъ, съ учителемъ и торопясь, чтобы не заподозрили, что она пришла безъ всякаго дѣла, обратилась къ доктору.

— Иванъ Гаврилычъ! Вотъ пріѣхалъ мужикъ изъ Сморчковъ. Жена у него рожаетъ... Третій день

— Что у тебя тамъ?—спросилъ докторъ чувашина.

У чувашина опухшее лицо, на которомъ чуть видны маленькіе, воспаленные свиные глазки. Въ рукахъ онъ держитъ толстую шапку.

— Опайка [1]) ропенка ротитъ. Ропенокъ нейтетъ. Опайка плачетъ... Пойтемъ...

---

[1]). Жена, хозяйка.

При словѣ „пойтемъ“ чувашинъ махнулъ толстой шапкой и вышелъ на дворъ въ полной увѣренности, что за нимъ идетъ и докторъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять заглянулъ въ дверь.

— Пойтемъ,—настойчиво сказалъ онъ опять и хлопнулъ дверью.

Докторъ опять забѣгалъ по комнатѣ.

— Ну, скажите, развѣ я помогу чѣмъ-нибудь? Помретъ вѣдь, все равно помретъ. А я долженъ ѣхать. Развѣ могу я не ѣхать, когда мнѣ за это три рубля тридцать три копейки въ сутки, сто рублей въ мѣсяцъ платятъ? Ну, скажите, Алексѣй Назарычъ, развѣ я могу не ѣхать? Говорятъ—больной... Такъ я самъ боленъ... Мы всѣ больные...

— Что же, собираться, что ли? — раздраженно спросила акушерка.

— Конечно, ѣхать, Вѣра Петровна, конечно, ѣхать. Соберите инструменты для операціи... Поѣдемте, — торопливо проговорилъ докторъ.

Акушерка вышла. Докторъ пошелъ за перегородку одѣваться въ дорогу. Учитель всталъ у окна и мялся въ нерѣшительности.

— Откуда этотъ мужикъ, я позабылъ? — спросилъ докторъ.

— Изъ-за Волги. Сморчковскій,—отвѣтилъ учитель.

— Впрочемъ, не все ли равно. Я дѣлаю въ годъ больше десяти тысячъ верстъ по своему округу. И сегодня на десять верстъ больше или меньше—безразлично.

— Докторъ! А могу я тоже съ вами? У меня тамъ ученикъ, Василій Тетехинъ, живетъ... Изъ-за Волги каждый день ходитъ... А теперь пересталъ. Узнать бы, можетъ, захворалъ. А потомъ... боюсь я вечеромъ одинъ оставаться... Опять этотъ страхъ... Возьмите меня.

— Поѣдемте, конечно,— ласково сказалъ докторъ, выходя изъ-за перегородки.—Какъ-нибудь доѣдемъ.

Черезъ полчаса докторъ, учитель и акушерка ѣхали на дровняхъ въ Сморчки. Въ передкѣ дровней на колѣняхъ стоялъ чувашинъ и билъ кнутовищемъ по крестцу лошадь. Сзади сидѣли докторъ съ акушеркой, а между ними и чувашиномъ свернулся комкомъ учитель.

На встрѣчу имъ по улицѣ попадались слѣпые чуваши, тощія лошади и собаки. Пахло гарью и гнилью. Проѣхали село. Въѣхали въ сосновый лѣсъ. Узкая лѣсная дорога. Надъ головами распластались широкія вѣтви елей, покрытыя снѣгомъ. Толстый снѣжный покровъ одѣлъ землю и подъ деревьями. Только перепутавшійся, непокорный валежникъ топорщился, выпиралъ изъ-подъ снѣга. Кажется, что

зима похоронила здѣсь цѣлое поле смерти. Точно цѣлыя сотни смѣльчаковъ шли сюда, въ заповѣдные чувашскіе Пески, но не дошли и померзли въ лѣсахъ. Тамъ и здѣсь изъ-подъ снѣжной толщи точно закоченѣвшій человѣческій локоть или колѣнка острымъ изломомъ торчитъ согнутая вѣтка, какъ чья-то черная спина темнѣетъ подъ снѣжной шапкой старый пенекъ; точно поломанныя копья, торчатъ острыя хворостины... А лѣсъ вѣчно шумитъ.

Скоро деревья порѣдѣли, и открылся широкій видъ на замерзшую Волгу.

Въ разныхъ мѣстахъ по ледяному полотну видны черные глаза Волги—полыньи. Надъ ними, какъ надъ горячими ключами, висятъ до самаго неба клубы бѣлаго, морознаго пара. Этотъ паръ сыплется съ высоты инеемъ и одѣваетъ бѣлымъ атласнымъ покровомъ льда, берега, лѣса. Только дорога въ Сморчки легла поперекъ Волги, точно узкая, грязная лента. Все замерзло, умерло здѣсь. Лѣтомъ, между этими берегами двигались баржи, плоты, слышались свистки, пѣсни, крики. Мимо этихъ береговъ, сверкая разноцвѣтными огнями, плавали пароходы съ чистыми, образованными людьми, съ европейскими издѣліями и изобрѣтеніями. Но прибрежнымъ жителямъ все это недоступно, какъ будто они живутъ не рядомъ по шумливымъ, зеленымъ берегамъ Волги, а гдѣ-нибудь на другой планетѣ. По лѣсамъ и болотамъ разбросаны здѣсь инородческія села: чуваши, черемисы, татары, мордва. Почти всѣ они говорятъ на своихъ родныхъ языкахъ; одно село не понимаетъ другое: живутъ всѣ въ ужасающей грязи, равнодушны къ школѣ, церкви и ко всему, что творится за околицей села. Все населеніе, старики и молодые, женщины и дѣти полуслѣпые отъ сифилиса, трахомы и другихъ болѣзней. Что-то безконечно тоскливое и страшное въ сплошной слѣпотѣ населенія и въ безпомощности его постепеннаго голоднаго умиранія. Казалось, кто-то злой не потерпѣлъ, чтобы духовная темнота людей смотрѣла на міръ черезъ ясныя человѣческія очи, ослѣпилъ всѣхъ безъ исключенія и поставилъ ихъ ползать и пищать по селамъ и деревнямъ, какъ ползаютъ и пищатъ по двору голодные, прозрѣвающіе щенята.

Направо и налѣво въ морозную даль уходитъ неповоротливое русло Волги. Даль манитъ путниковъ и возбуждаетъ у всѣхъ одинаковыя мысли и чувства: „Улетѣть бы далеко, далеко!“

— Скоро пароходы пойдутъ,—говоритъ акушерка.

— Все равно, потомъ Волга опять замерзнетъ,—отозвался, не поворачиваясь, учитель.

— А, ну васъ...—раздраженно сказалъ докторъ и закутался плотнѣе въ тулупъ.

Спустились по отлогому берегу на ледъ. Дорога вьется по Волгѣ между нагроможденными въ безпорядкѣ другъ на друга льдинами. По обѣ стороны висятъ берега, укутанные толстымъ слоемъ снѣга. Изрѣдка слышны гулкіе двукратные удары—это трескается отъ мороза ледъ. Точно испугавшись своего внезапнаго рожденія, звукъ долго бѣжитъ подо льдомъ, выскочитъ въ какую-нибудь полынью, подпрыгнетъ, вторично ударится объ ледъ и замретъ. И опять все тихо и торжественно-однообразно на широкой замерзшей рѣкѣ между высокими берегами. Изрѣдка дорога подходитъ поближе къ чернымъ полыньямъ. Тогда слышно торопливое журчанье воды, видно, какъ струи, перевиваясь отъ мороза, кутаются въ бѣлую кисею тумана и, перегоняя другъ друга, ныряютъ подъ теплые покровы льда.

Гнетущее безлюдье кругомъ. Кажется путникамъ, что весь міръ старается забыть о Пескахъ, всѣ нарочно объѣзжаютъ кругомъ, мимо чувашскихъ деревень, чтобы не видѣть голодныхъ и больныхъ и не слышать ихъ жалобъ. Всѣ четверо ѣдутъ и молчатъ. Чувашинъ часто сваливается съ саней на ледъ и, постукивая рукавицами, переваливаясь съ ноги на ногу, бѣжитъ, грѣется около саней. Лошаденка у него мохнатая, пузатая, похожая скорѣе на осла, чѣмъ на лошадь, идетъ размѣреннымъ шагомъ и начинаетъ трусить только тогда, когда хозяинъ въ сердцахъ тычетъ ей кнутовищемъ подъ хвостъ или бьетъ по крестцу. Докторъ поднялъ большой воротникъ трепанаго бараньяго тулупа и о чемъ-то думаетъ. Зарумянившееся отъ мороза лицо акушерки, обвязанное теплымъ платкомъ, смотритъ вяло и безразлично куда-то впередъ. Учитель свернулся клубкомъ въ своемъ ватномъ пальто, утянулъ голову между плечами и точно застылъ.

Надъ Волгой спускалась сѣрая зимняя ночь. По берегу, надъ снѣгомъ, щетинился молодой тальникъ. Дальше, поднимаясь въ гору, темнѣлъ густой старый лѣсъ. Когда заѣхали въ лѣсъ, то стало почти совсѣмъ темно. Докторъ отбросилъ воротникъ и первый нарушилъ долгое молчаніе:

— Когда я съ Вѣрой Петровной ѣзжу, то совсѣмъ не боюсь волковъ.

На розовомъ лицѣ акушерки появилось выраженіе любопытства. Глаза оживились.

— Это почему же?—спросила она въ недоумѣніи.

— Потому что, если на насъ нападутъ волки, то съѣдятъ прежде всего васъ. Вы мягче и вкуснѣе. А меня они оставятъ: я жесткій, жилистый.

— Не безпокойтесь, не побрезгуютъ и вами,—сказала и звонко засмѣялась Вѣра Петровна.

— Да-а-а,—протянулъ въ раздумьѣ докторъ.

— Вотъ въ культурныхъ странахъ давно ужъ этой пакости нѣтъ. А у насъ—тьма тьмущая. Поѣдешь къ больному, а волки возьмутъ да и слопаютъ твою науку въ одну минуту. Жутко бываетъ иногда ѣздить. Въ особенности въ Хворостянку. Далеко, лѣсомъ.

Опять замолчали. Стало совсѣмъ темно. Пошелъ снѣгъ; поднялся вѣтеръ. Отряхивая съ вѣтвей иней, закачались деревья. По бокамъ и надъ головами путниковъ загудѣло что-то большое, угрюмое, враждебное. Всѣ чувствуютъ эту вражду, сознаютъ свое безсиліе и молчатъ терпѣливо и грустно.

Наконецъ, изъ-за лѣсу мелькнули тусклые огоньки Сморчковъ. Розвальни остановились передъ домомъ, который смотрѣлъ во мракъ однимъ тусклымъ глазомъ. Порывы вѣтра бросали изъ темноты цѣлыя тучи пушистаго снѣгу. Снѣжники падали быстро, но, попадая въ полосу свѣта подъ окномъ, останавливались, медленно кружились, точно хотѣли разглядѣть, что дѣлается тамъ, внутри чувашской избушки и неохотно исчезали въ темнотѣ.

Всѣ четверо вошли въ избу и заняли ее почти всю. Пахло мокрою гнилью, отвратительной кислотой. Въ одномъ углу избушки куча кирпичей. Это развалившаяся печь. По срединѣ стояла желѣзная печка; она топилась, и дымъ отъ нея сначала поднимался клубами къ потолку, потомъ неохотно ползалъ вдоль стѣнъ, будто искалъ выхода изъ этой звѣриной конуры на свѣжій воздухъ. Такъ какъ въ комнатѣ никто не двигался, то дымъ висѣлъ отъ потолка до половины избы, точно вода въ сосудѣ. При входѣ людей дымъ заволновался и заполнилъ всю комнату. Въ двухъ стѣнахъ находится по маленькому окошечку, въ которыхъ вставлены куски стекла. Подъ однимъ окномъ на полу лежитъ роженица, а на нее сверху изъ разбитаго окошка, льется бѣлымъ потокомъ морозный воздухъ. Докторъ снялъ свое пальто и повѣсилъ его на разбитое окно, развернулъ грязные лохмотья больной и сталъ ее изслѣдовать. Акушерка приготовляла инструменты. Хозяинъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, точно окаменѣлъ.

— Поперечное положеніе ребенка, — сказалъ докторъ, прикрывая больную и оборачиваясь къ акушеркѣ. — Придется вынимать по кускамъ Ребенокъ мертвый. Наружу вышла только рука ребенка синяя, толстая, точно обрубокъ дерева... Что же ты раньше не пріѣхалъ?!—накинулся онъ вдругъ на чувашина.—Ну, чего же ты раньше не пріѣхалъ?

Лицо у чувашина круглое, опухшее. Онъ моргаетъ больными, маленькими глазами и молчитъ.

— Ступай, воды принеси чистой. Согрѣть надо. Да завали хоть соломой другое окошко!—сказалъ докторъ чувашину и рукой махнулъ.

Чувашъ вышелъ изъ комнаты. Чтобы не студить ее лишній разъ, вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на дворъ и учитель. Съ большимъ трудомъ выспросилъ онъ у чувашина, гдѣ живетъ Василій Тетехинъ. Долго пришлось ему лазить по сугробамъ снѣга, отбиваясь отъ назойливыхъ собакъ. Всѣ избы были похожи одна на другую, и отличительный признакъ тетехиной избы, указанный чувашиномъ, — покосилась на одинъ бокъ, — можно было приложить почти ко всѣмъ избамъ села. Да въ сугробахъ снѣга прятались всѣ недочеты сморчковской архитектуры. Подъ покровомъ снѣга избы выглядѣли, какъ бабы, повязанныя толстыми, бѣлыми платками.

Наконецъ, Волнушкинъ разыскалъ избу Тетехина. Дверь отворилъ полуслѣпой чувашинъ, отецъ ученика. Они всѣ— мужъ, жена и четверо дѣтей—уже спали. Изба у нихъ такая же зловонная, какъ и у перваго чувашина. Только печка тутъ была въ цѣлости, и на ней помѣстилась большая часть семьи. Зажгли огонь. На стѣнахъ въ испугѣ забѣгали прусаки. Всталъ на тонкія ноги и потянулся къ учителю мокрымъ носомъ новорожденный теленокъ. На печкѣ завозились лохматыя головы дѣтей. Хозяинъ стоялъ въ недоумѣніи и, мигая опухшими, слезящимися, страшными глазами, разглядывалъ гостя со всѣхъ сторонъ.

— Учитель я изъ Песковъ. Пришелъ посмотрѣть, что съ Васильемъ,—сказалъ Волнушкинъ.

— Учитель? — удивился чувашинъ.— Ишь ты... А я тумалъ—хто это?.. Фасиль поленъ. Поюсь, стохнетъ.

Василій лежалъ на печи въ безпамятствѣ. Холодными руками было больно дотрогиваться до его горячаго тѣла. Онъ стоналъ и бредилъ. Повидимому, у мальчика былъ тифъ.

— Докторъ здѣсь Такъ вотъ мы придемъ сюда съ докторомъ,—предупредилъ Волнушкинъ.

— Ничово, прихоти,—согласился чувашинъ,—врета нѣтъ. Прихоти.

— Что же ты глаза свои не лечишь? Ослѣпнешь скоро.

Оказалось, по совѣту одного чувашина онъ лечилъ свои глаза лѣтомъ дождевыми червями, мялъ ихъ и мазалъ глаза и увѣрялъ, что отъ этого ему было лучше. А теперь зима, червей достать негдѣ, и лекарства нѣтъ.

Учитель пошелъ обратно. Его встрѣтилъ около дома докторъ.

— Ну, вотъ, а я хотѣлъ за вами посылать. Помогите мнѣ операцію сдѣлать. Съ Вѣрой Петровной обморокъ.

— Да я не умѣю.

— Дѣло не хитрое, укажу. Кое-что поддержать, инструменты подать, вымыть.

— Гдѣ же Вѣра Петровна?

Докторъ указалъ на розвальни подъ навѣсомъ, гдѣ лежала фельдшерица, бросилъ въ снѣгъ папиросу. Они пошли въ комнату.

Вода согрѣлась на желѣзной печкѣ. Въ избѣ было нестерпимо душно отъ дыма, гари, всякихъ нечистотъ и медикаментовъ. Учитель снялъ пальто, вымылъ руки и съ волненіемъ приготовился помогать доктору. Чувашинъ стоялъ неподалеку и смотрѣлъ на нихъ враждебно свиными глазками. Докторъ отрѣзалъ высунувшуюся наружу руку и бросилъ ее на разостланную на полу свѣжую солому. Чувашинъ подался всѣмъ тѣломъ впередъ; на его пухломъ лицѣ выразилось удивленіе. Потомъ докторъ разрѣзалъ внутри живота плодъ и началъ извлекать его по частямъ. Вытащилъ первый кусокъ,—у роженицы сердце почти перестало биться; начала задыхаться. Чувашинъ подскочилъ къ доктору и толкнулъ его въ сторону.

— Уйти! Тай тушѣ выхотить...

— Ты, что же, хочешь, чтобы жена умерла?

Чувашинъ попятился назадъ и снова не моргая уставился на нихъ глазами.

Когда роженица отдохнула, докторъ вытащилъ другой кусокъ. Въ избушкѣ напряженная тишина. Только изрѣдка слышны стоны больной, да сырыя дрова трещатъ въ желѣзной печкѣ. Сквозь дымъ ничего не видно хорошенько. Волнушкинъ почему-то видитъ только одно круглое лицо чувашина да его маленькіе, злые глазки. Время тянется медленно. Вѣтеръ воетъ за стѣной. Снѣгъ вьется вокругъ избушки, шуршитъ, ищетъ, гдѣ бы улечься поплотнѣе.

— Опять бѣда!—процѣдилъ докторъ сквозь зубы.—Всѣ куски вынулъ, а послѣдъ не отстаетъ, приросъ. Придется рукой вынимать.

Онъ вымылъ до локтя правую руку и просунулъ ее въ полость живота больной. Вдругъ чувашинъ сорвался съ мѣста, бросилъ на полъ толстую шапку, подскочилъ къ доктору и ударилъ его кулакомъ прямо въ лицо.

— Ты чово тамъ рукой салѣсъ? А! Сачѣмъ салѣсъ? — твердилъ онъ, сжимая снова кулаки.

Учитель бросился на чувашина, чтобы его удержать. Лицо доктора виднѣлось ему сквозь дымъ, какъ кусокъ бѣлой бумаги съ двумя темными отверстіями на мѣстѣ

глазъ. Скоро по этой бумагѣ потянулась красная лента крови. Однако, докторъ руки не вынулъ, только головой замоталъ отъ боли и обиды. Вытащивъ осторожно кровавый послѣдъ, онъ выпрямился и съ злобой закричалъ на чувашина.

— Ты что же это дѣлаешь? Ты думаешь, я для своего удовольствія къ твоей бабѣ въ животъ руками залѣзъ?! Ты думаешь...

Рука доктора съ послѣдомъ задрожала. Онъ приподнялъ ее и въ изступленіи бросился на чувашина.

— Что вы дѣлаете? Опомнитесь, Иванъ Гаврилычъ!—закричалъ Волнушкинъ.—Уйди отсюда!—сказалъ онъ чувашину.—Принеси воды.

Тотъ медленно попятился къ двери и вышелъ на дворъ.

— А хорошо бы его по круглой рожѣ послѣдомъ хватить,—проговорилъ докторъ, утирая свободной рукой разбитый носъ. Вдругъ онъ отвернулся къ стѣнѣ, привалился къ ней головой и заплакалъ. Было невыразимо жалостное въ томъ, что большой, образованный и гордый человѣкъ плачетъ потому, что его побили.

— Я говорилъ, что не могу... Не желаю...—всхлипывая, говорилъ докторъ, откинувъ назадъ окровавленную руку съ послѣдомъ.—Не же-ла-ю, понимаете, не же-ла-ю.

Волнушкинъ стоялъ, не зная, что ему дѣлать. Голова у него кружилась отъ дыму и безсонной ночи. Все было такъ нелѣпо и странно, что, по временамъ, онъ готовъ былъ смѣяться надъ тѣмъ, что случилось. Его умъ отказывался воспринимать страшную сущность этого происшествія, а передъ глазами мелькали только смѣшныя лица, жесты, слышались глупыя слова чувашина: „Ты сачѣмъ салѣсъ?..“ Такъ въ водевилѣ публика не чувствуетъ трагедіи и безпечно смѣется надъ человѣческимъ горемъ.

Вскорѣ пришла со двора отдохнувшая акушерка. Больную кое-какъ привели въ порядокъ, сказали, чѣмъ и какъ нужно ее кормить, оставили лекарства. Куски ребенка велѣли чувашину закопать въ землю. Чувашинъ виновато кланялся, все порывался поцѣловать у доктора руку и бормоталъ:

— Прости, бачка, прости! Опайка шалѣлъ... Прости.

Докторъ сходилъ посмотрѣть Василія Тетехина, опредѣлилъ у него брюшной тифъ и велѣлъ отцу пріѣхать въ больницу за лекарствомъ.

Возвращались уже, когда свѣтало, всѣ больные и мрачные. Уныло вставалъ надъ полями облачный зимній день. Дулъ морозный вѣтеръ. Съ неба падалъ снѣгъ. Поземокъ шуршалъ по жесткому замерзшему снѣгу подъ санями, точно кто-то невидимый, слѣпой ползалъ по пустынному ледяному

полю и что-то искалъ въ этихъ безлюдныхъ краяхъ. Небо съ трудомъ поднимало свои опущенныя на ночь вѣки и взглянуло на несчастный край тусклымъ, безучастнымъ взоромъ...

— Да, и это все наяву!.. — пробормоталъ докторъ, кутаясь въ рваный тулупъ. Изъ воротника послышалось не то кряхтѣнье, не то задавленныя рыданія.

Всѣ трое молчатъ.

Іудѣ.

Изъ глубины померкнувшихъ столѣтій
Явилъ ты мнѣ, непонятый мой братъ,
Твой жгучій тернъ въ его побѣдномъ свѣтѣ.

Пусть гнусы о предательствѣ кричатъ.
Ихъ мысли тупы, на сердцахъ ихъ—плѣсень.
Постичь ли имъ твой царственный закатъ?

Ты—свѣтъ пѣвцамъ для вдохновенныхъ пѣсенъ,
Ты, какъ на башнѣ, выше облаковъ,
Откуда городъ межъ просторовъ тѣсенъ.

Проклятый городъ! Медлище рабовъ,
Гдѣ скорбно-блѣдный нищій, ихъ учитель,
Бросаетъ зерна нищихъ, рабскихъ словъ.

И съ башни въ городъ сходишь ты, какъ мститель
За ихъ права: несешь ковчегъ борьбы,
Чтобъ дать имъ мощь и пирную обитель.

Вотъ распятъ Онъ, но ликъ Его судьбы
Не возбудилъ кровавой жажды мщенья:
Рабы стоятъ и смотрятъ, какъ рабы.

Ты проклялъ ихъ... Преодолѣвъ сомнѣнья,
Прозрѣлъ въ вѣкахъ, достойнѣйшихъ тебя,
И смерть твоя—святое утвержденье,

Что ты спасалъ, страдая и любя!

Александръ Рославлевъ.

Дворницкая.

Этюдъ **М. К. Первухина.**

Восемь ступенекъ внизъ. Площадка. Прямо—опять ступенки, еле виднѣющіяся въ вѣчной полумглѣ, и двойныя ржавыя, покрытыя какими-то пятнами и дырами желѣзныя двери.

Это—погреба.

Оттуда и зимою, и лѣтомъ вырывается тяжелый, удушливый, гнилостный воздухъ. Тамъ, за этими чуть видными при свѣтѣ дня дверями—умираютъ груды зелени, овощей, насыщая воздухъ приторно-складкимъ запахомъ своихъ бродящихъ соковъ. Тамъ по стѣнамъ стоятъ кадки съ капустою, пузатые боченки съ огурцами,—отравляющіе и воздухъ, и самыя стѣны подвала остро-кислыми испареніями. И тамъ, по угламъ, подъ пеленою сѣрой тонкой пыли, медленнно, медленно дотлѣваютъ груды старой, расползающейся при прикосновеніи мочалы, кучи разлѣзающихся рогожъ; словно трупы—лежатъ брошенные матрацы; будто высунувшіеся изъ невѣдомыхъ могилъ, лишенные мяса кости—торчатъ какіе-то изогнувшіеся ржавые прутья, штанги, обручи, обломки досокъ; лежатъ ползущіе, извивающіеся змѣями обрывки растрепанныхъ веревокъ.

Это—подвалы съ погребами.

Раньше, при Пискуновыхъ,—весь нижній этажъ большого угрюмаго двухъ-этажнаго съ маленькими окнами и узкими дверями дома былъ занятъ погребами.

Потомъ, когда послѣдній Пискуновъ разорился и умеръ, а домъ перешелъ въ другія руки, къ купцу Шаповалову, высокому, сѣдому, пробривающему подбородокъ по модѣ временъ Крымской войны старику,—одинъ изъ погребовъ очистили отъ хлама, настлали деревянный полъ, вымыли стекла двухъ выходящихъ въ облицованныя камнемъ ямы маленькихъ оконъ, обили рванымъ войлокомъ и расползаю-

щеюся черною клеенкою двери,—и въ подвалѣ поселились дворники.

Съ улицы тянется по стѣнѣ дома тонкая, узловатая, ржавая проволока.

Тамъ на улицѣ, у калитки, виситъ деревянная потрескавшаяся ручка, около которой красуется дощечка съ надписью: „званокъ кдворнику“.

Во дворѣ проволока загибается налѣво, потомъ опять налѣво, словно собираясь нырнуть въ погреба, но повиснувъ надъ первыми восемью ступеньками лѣстницы въ погребъ, опять еще разъ сворачиваетъ налѣво и исчезаетъ въ дырѣ, просверленной въ дверяхъ, на которыхъ намалевано слово: „дворницкая“.

Дворниковъ у Шаповалова всегда двое: дворъ большой, густо васеленный мелкими жильцами, грязный. И онъ выходитъ на двѣ улицы. И жильцы постоянно то перебираются во дворъ, то выбираются на другую квартиру. И всѣ дома такъ стары, такой плохой постройки, и такъ запущены, что постоянно нуженъ ремонтъ, часть котораго дѣлаютъ дворники.

Дворниковъ—двое: старшій и подручный.

Старшаго зовутъ Матвѣемъ. Младшаго по имени никто не зоветъ, и самъ онъ откликается только на крикъ:

— Эй, подручный!..

Да и старшій...

Собственно, Матвѣемъ звали еще того среднихъ лѣтъ человѣка, съ тонкою, жилистою и темною шеею, съ темнымъ рябоватымъ лицомъ, блѣдными ушами, испуганными водянистыми глазами, вылѣзающими изъ-подъ околыша грязнаго заношеннаго картуза лохмами свалявшихся въ войлокъ, напоминающихъ выгорѣвшую мочалу волосъ,—который служилъ старшимъ дворникомъ при послѣднемъ Пискуновѣ.

Но Шаповаловъ скоро прогналъ Матвѣя. Матвѣй выбрался, увозя на тачкѣ груды хлама, на его мѣсто Шаповаловъ нанялъ на базарѣ новаго дворника.

И когда этотъ новый вечеромъ перебрался, устроился въ подвалѣ, расположился, оглядѣлся, Шаповаловъ явился на другой день утромъ,—самъ онъ жилъ на другомъ концѣ города, въ другомъ собственномъ домѣ,—свирѣпо застучалъ кизиловою палкою въ ушедшее въ землю окошечко и закричалъ:

— Эй, дворники... Матвѣй!..

И новый дворникъ, котораго звали Николаемъ, а, можетъ быть, Василіемъ, сломя голову выскочилъ изъ подвала, на ходу дожевывая застрявшій въ зубахъ кусокъ соленаго огурца, держа въ жилистыхъ, темныхъ рукахъ затрепанны

картузъ и придерживая развѣвающіеся по воздуху концы рванаго гаруснаго шарфа.

Онъ хотѣлъ было исправить ошибку хозяина, доложить, что его зовутъ не Матвѣемъ, а Николаемъ или Василіемъ, но хозяинъ такъ кричалъ изъ-за какого-то пустяка, такъ стучалъ массивною кизиловою палкою,—что перетрусившій дворникъ совершенно забылъ о своемъ намѣреніи. И даже самъ добросовѣстно началъ думать, что его зовутъ именно Матвѣемъ.

Этотъ „Матвѣй" умеръ: какъ-то запилъ, пилъ недѣлю, и „сгорѣлъ", лежалъ весь черный, словно обожженный ударомъ молніи, раздувшійся, на столѣ въ подвалѣ. И у стола выла молодая простоволосая женщина съ испитымъ, блѣднымъ лицомъ, за юбку которой цѣплялись ребятишки.

А на другой или на третій день въ подвалѣ былъ новый „Матвѣй", котораго звали Поликарпомъ или Игнатомъ.

И у него было темное, рябоватое лицо, и тонкая, морщинистая, какъ у ощипаннаго гуся шея, испуганные водянистые глаза, и у него былъ грязный картузъ и рваный гарусный шарфъ. И онъ, такъ же, какъ и его предшественники, когда хозяина не было, казался тучнымъ, солиднымъ, соннымъ, говорилъ мало и медленно. А когда появлялся хозяинъ, новый „Матвѣй", какъ и прежніе, вдругъ съеживался, становился тонкимъ, какимъ-то жидкимъ, развинченнымъ, леталъ сломя голову по лѣстницамъ, отвѣчалъ торопливо, глотая половину словъ и за хозяиномъ шелъ, держа изъ почтительности картузъ въ рукѣ и придерживая концы шарфа; шелъ на однихъ носкахъ, какъ-то пританцовывая, вывертывая, все изъ почтительности, ноги въ высокихъ сапогахъ.

...А потомъ Шаповаловъ выгналъ и его, и старшимъ дворникомъ сталъ Михайло, но его тоже звали Матвѣемъ.

И кажется, что въ подвалѣ, въ дворницкой, ничто не мѣняется: у стѣны, у слѣпой стѣны, за которой находятся погреба, всегда стоитъ широкая двуспальная деревянная кровать, отгороженная отъ комнаты розовымъ, свѣтлымъ и цѣлымъ наверху, темнымъ, захватаннымъ, изорваннымъ внизу ситцемъ.

Въ углу, на дряхломъ угольномъ шкафчикѣ стоитъ большая икона, лика которой нельзя разобрать. И передъ нею какіе-то пузыречки, чашечки съ золотымъ ободкомъ, бумажныя розы, сухая верба. По стѣнамъ тянутся лавки, на одной изъ которыхъ по ночамъ, прикрывшись полушубкомъ, спитъ подручный.

И всегда въ подвалѣ копошится куча ребятишекъ съ странно-бѣлѣющимися тонкими шейками, съ непомѣрно

большими, словно раздувшимися головенками, съ выпяченными животами и кривыми ногами.

И всегда въ подвалѣ снуетъ изъ угла въ уголъ еще молодая женщина въ грязной, свѣтлой ситцевой кофтѣ съ крупными разводами, простоволосая, съ блѣднымъ, одутловатымъ, апатичнымъ лицомъ, съ тонкими, длинными руками, какъ-то безпомощно болтающимися у нескладнаго, словно надломленнаго туловища.

У этой женщины—слабыя, не выдерживающія непомѣрной тяжести вздувшагося, выставленнаго впередъ живота, ноги въ стоптанныхъ туфляхъ.

И всегда на рукахъ у нея—ребенокъ, который кашляетъ съ присвистомъ, съ зловѣщимъ визгомъ, и потомъ плачетъ тонкимъ, пронзительнымъ, злобнымъ плачемъ, напоминающимъ лай издыхающей собачонки.

Когда на дворѣ стоитъ осенняя или весенняя слякоть, или мокрый снѣгъ заваливаетъ сугробами улицу, морозы сковываютъ рѣку, по небу тянутся куда-то на сѣверъ свинцовыя тучи, въ дворницкой, на томъ столѣ, на которомъ обыкновенно обѣдаютъ всѣ ея обитатели, стоитъ маленькій гробикъ. Синій. Розовый. И на подушкѣ покоится большая будто распухшая, дѣтская головенка. У изголовья горятъ двѣ, три тонкія свѣчечки, бросая на прозрачное, восковое личико трепетные блики. На блѣдныя щечки ложится странная словно шевелящаяся тѣнь отъ рѣсничекъ. Пахнетъ ладаномъ.

И пахнетъ просачивающеюся сквозь тонкую, потрескивающуюся сѣрую стѣну изъ погреба гнилью, запахомъ умирающей зелени, овощей, пахнетъ тлѣющею мочалою, ѣдкою пылью.

Передъ вечеромъ гробикъ увозятъ. Дворницкая пустѣетъ, но не на долго: прошло часъ, полтора, и въ ней опять набралось много народу. Парикмахеръ Жоржъ съ женою Паничкою, горбатый портной и его толстуха-жена, два сосѣднихъ дворника, лысый, молодящійся приказчикъ въ черной парѣ, старшій городовой ближайшаго участка, дѣти.

Подручный Андрюшка таскалъ изъ сосѣдней пивной пиво корзинами, запахъ ладана и погреба смѣняется крѣпкимъ кисло-сладкимъ запахомъ махорки, дымъ насыщаетъ воздухъ подвала, дымъ тянется тоненькими безформенными нитями на дворъ. Въ подвалѣ стоитъ гулъ голосовъ. Кто-то твердитъ:

— Вотъ она, жизнь человѣческая! Сегодня ты есть, а завтра тебя и нѣту... Былъ Сергунька, нѣту Сергуньки...

— Какъ съ ними намучишься, такъ лучше бы ихъ и вовсе не было. Родины—расходъ. Крестины—опять рас-

ходъ... А возня? А крику сколько? А непріятностей всякихъ?.. Право, лучше бы ихъ вовсе и не было...

— Былъ Сергунька, нѣту Сергуньки...

— Новый будетъ! Подожди три мѣсяца! Ха, ха! У насъ братъ, скоро!..

Подручный все таскаетъ изъ пивной бутылки съ пивомъ въ дворницкую.

Шумъ и гамъ въ подвалѣ усиливаются. Дымъ валитъ изъ полуоткрытаго окна прозрачными расплывающимися клубами, исчезая въ насыщенномъ холоднымъ туманомъ воздухѣ. Кто-то звонко чокается, расплескивая пиво.

— Ахъ, чтобъ тебя... Дай платочекъ, вытру. А то пятно будетъ!

— Отъ пива никакого пятна не бываетъ. Это отъ вина бываетъ...

Ой, отъ пива
Болитъ спина,
А отъ меду—голова...

Заводитъ на высокихъ, визгливыхъ ноткахъ женскій голосъ, но обрывается.

Топотъ, гулъ несвязныхъ рѣчей. И опять тонкій, словно старающійся унестись изъ душнаго подвала вверхъ женскій визгливый голосъ:

И пить будемъ, и гулять будемъ,
А пора придетъ—помирать будемъ...

Худая, высокая, блѣдная, простоволосая дворничиха, то съ трудомъ таскающая по комнатѣ прикрытый чернымъ платкомъ большой животъ, оберегая его отъ толчковъ гостей, собравшихся на похороны Сергуньки, то забивающаяся въ темный уголъ, смотритъ лихорадочно-блестящими глазами на дверь, изъ которой нѣсколько часовъ назадъ вынесли гробикъ Сергуньки, и что-то шепчетъ блѣдными, пересохшими губами, машинально поправляя тонкою рукою волосы на блѣдномъ, потномъ лбу.

— А по мнѣ хоть бы дѣтей и вовсе не было!—говоритъ, улыбаясь хмельною улыбкою, своему сосѣду молодая, высокая, играющая черными глазами, плечами, пышною, упругою грудью, пышными бедрами—молодая женщина, сидящая на почетномъ мѣстѣ за столомъ.

— Охъ не говорите такъ, Паничка!—отзывается ея сосѣдъ.

— Что думаю, то и говорю... Я такая..,

— Дѣти—это хорошо... Когда дѣти рождаются, ихъ Богъ посылаетъ... Значитъ, благословенье Божіе...

— А по-моему не такъ. Дѣти—въ наказаніе. Я такъ себѣ думаю.

— Конечно, кто какъ понимаетъ... А только если бы у насъ съ Митею были дѣти... Чтобы изъ того было? Теперь я ему помогаю. Все, все сама дѣлаю. И даже когда дамы приходятъ на балъ или маскарадъ прическу дѣлать, я даже, и тутъ помогаю. А будь хоть одно дите... Значитъ, Митя долженъ помощника брать. И кухарку еще...

— Такъ вы хорошо зарабатываете. Хватитъ...

— Ну, и еще. Теперь какъ праздникъ мы съ Митею или въ театръ, или къ роднымъ, или къ знакомымъ... А если дѣти? Сиди, значитъ, дома? Нѣтъ, покорно благодарю... Можетъ, кому и пріятно... А я не жалѣю. По крайней мѣрѣ,—жизнь повидишь... А тогда—по рукамъ, по ногамъ связанъ... Конечно, которая баба деревенская, той, можетъ и интересно... А для насъ, которыя хотятъ по образованному...

Паничка наклоняется къ своему сосѣду, и, играя черными глазами и шевеля полными плечами, обдавая его блѣдное лицо знойнымъ дыханьемъ, говоритъ въ полъ голоса:

— Такъ я думаю, Павелъ Павловичъ?

А въ углу сидитъ дворничиха, тупо глядя куда-то блестящими глазами и держа руки на прикрытомъ чернымъ платкомъ толстомъ животѣ. Она шевелитъ пальцами, она что-то беззвучно шепчетъ безкровными, пересохшими губами.

— Маня! Марья Петровна!—окликаетъ ее голосъ мужа.

Она молчитъ.

— Марья. Ополумѣла, что ли? Шла бы, помогла бы колбасы нарѣзать. Я и то, я и се долженъ.

— Ась?—отзывается очнувшаяся отъ какихъ-то думъ женщина.

— Оставьте ее, оставьте!—говоритъ Паничка дворнику:— Не видите развѣ, бѣдная Манечка горюетъ...

— Горе—горемъ, а колбасы нарѣзать надо же?

Подручный тащитъ въ подвалъ новую партію бутылокъ пива. Дверь впускаетъ въ комнату струю холоднаго, сырого воздуха, блокъ визжитъ, потомъ дверь затворяется.

Гости сидятъ до полуночи. Пьютъ. Ѣдятъ. Поютъ.

Кто-то вспоминаетъ, что у подручнаго есть большая „итальянка".

Къ нему пристаютъ—поиграть.

Кто-то вспоминаетъ, что вѣдь были похороны, что какъ-то неловко...

Положимъ, что умеръ маленькій, и лучше, что его Богъ прибралъ, потому что все равно не выжилъ бы...

Но другой кто-то кричитъ:

— Кумъ Миронъ Марковичъ! Кумъ! А кумъ!.. Такъ я говорю? Потому, все равно, жизнь наша... И Сергунькѣ лучше... Печалиться нечего... По нашей жизни—радоваться... И Сергунька на насъ въ обидѣ не будетъ...

Дворникъ Матвѣй, котораго зовутъ на самомъ дѣлѣ Мирономъ, угрюмо машетъ рукой. Онъ пьянъ. Его душитъ какая-то тупая злоба на кого-то и на что-то, и ему жарко, и онъ усталъ, и онъ знаетъ, что онъ не заснетъ...

Подручный достаетъ изъ сундучка подъ лавкою „итальянку", усаживается поудобнѣе, пробуетъ „голоса".

— Что жарить?—говоритъ онъ, осклабляясь.

— Буланже маршъ...

— Не знаю Буланже... Можетъ, „Понапрасну, мальчикъ, ходишь"? Тоже вродѣ Буланже...

— А я страсть люблю вальсы, которые мелодичные!— шепчетъ сосѣду, лысому приказчику, Паничка, молодая жена занявшагося споромъ о политикѣ парикмахера Жоржа, онъ же—Дмитрій Ивановичъ.

— Я вамъ, Паничка, въ этомъ сочувствую!—отвѣчаетъ приказчикъ, поглядывая на пышную грудь и узкую талію Панички масляными глазами.

— Потому что какъ-то забываешься... Какъ заиграетъ музыка „Тихъ и красивъ дорогой нашъ Дунай"... Господи!.. Какъ сонъ какой прелестный снится... Только я въ три па никакъ не выучусь...

— Просто не хочете выучиться...

— Нѣтъ, право... Сколько ни пробовала, ничего не выходитъ.

— Никогда не повѣрю! Съ такими прелестными ножками...

— Оставьте, пожалуйста, мои „прелестныя" ножки. Можетъ, и прелестныя, да не для васъ...

— А для кого?

— Для кого? Для законнаго мужа... Вотъ погодите, я наябедничаю Митѣ, что вы меня подъ столомъ толкаете... Онъ у меня ревнючій...

Приказчикъ слегка отодвигается, потомъ, оглянувшись на увлеченнаго политическимъ споромъ со старшимъ горовымъ Васюковымъ мужа Панички, блѣднаго, худого, чахоточнаго парикмахера Жоржа, — опять придвигается къ молодой женщинѣ и шепчетъ ей:

— На такія прелестныя пальчики знаю колечко одно. Обручикъ золотой и посерединкѣ—рубинчикъ. А по бокамъ—бирюза... Прелесть колечко!.. Берегу дома для той, которая хоть на часокъ завтра забѣжитъ...

— Это для кого же?—наивничаетъ Паничка, красиво выгибаясь, какъ въ истомѣ.

— Для одной красоточки...

— Только не для меня... Я мужняя жена... И у меня и своихъ колечекъ сколько хотите...

— Лишнее не мѣшаетъ...

— Нѣтъ, оставьте, не лукавьте! Не мыльтесь, не мытель, бриться не будете... Ошибаетесь въ вашихъ разсчетахъ...

— Почему?

— Да потому, потому... И когда вы ее ждете?

— Въ двѣнадцать... И никто не увидитъ...

Паничка вдругъ чуточку зѣваетъ и отворачивается.

— Никакой музыки не люблю! Только душу выматываетъ!—говоритъ окончившій споръ съ парикмахеромъ Жоржемъ старшій городовой Васюковъ, высокій, усатый, угрюмый человѣкъ.—Отъ музыки всегда безпорядки... Потому, толпа, скопленіе публики. А тутъ, смотришь, кто-нибудь прокламацію... Или ораторъ вынырнетъ...

— Это отъ времени, а не отъ музыки... Такое время!—отвѣчаетъ приказчикъ.

Подручный играетъ. Играетъ „Мальчика".

Женщины подпѣваютъ. И Паничка, наклоняясь къ приказчику, придаетъ игрою красивыхъ глазъ особый смыслъ словамъ:

Понапрасну, мальчикъ, ходишь,
Понапрасну ноги бьешь—
Ничего ты не находишь,
Дуракомъ домой пойдешь.
Пейте жъ, пейте, милые друзья,
За здоровье молдаванокъ...

„Итальянка" продолжаетъ новый куплетъ „Мальчика". Паничка наклоняется къ приказчику, толкаетъ его ногу своею ногою и скороговоркою шепчетъ:

— „Мальчикъ"—это вы, Павелъ Павловичъ. А молдаваночка—это я...

Понапрасну, мальчикъ, ходишь,
Понапрасну ноги бьешь...

И громко хохочетъ.

— Какіе теперь танцы?—врѣзывается чей-то визгливый женскій голосъ.

Это кричитъ раскраснѣвшаяся, помимутно утирающая шолковымъ пестрымъ платочкомъ тучное, оплывшее лицо жена горбатаго портного, сидящаго въ уголкѣ за недопитымъ стаканомъ пива.

— Какіе теперь танцы?! Раньше, такъ танцовали. Дѣйствительно, танцовали... Выйдетъ бабочка съ платочкомъ... Сама статная... Лебедь бѣлая... Или, опять же, хороводы водили... А теперь что?

— Нѣтъ, вы не скажите... Мазурка, напримѣръ... Красиво.

— Прыгаютъ, какъ оглашенные...

— А я трепакъ люблю. Или комаринскаго. Который настоящій русскій, онъ безъ трепака не можетъ...

— Андрюшка ловко трепака пляшетъ...

— Андрюшка? Подручный? Ну? Андрюшка! Станцуй.

Подручный мотаетъ головою.

— Играть некому...

— Вотъ еще... Кто-нибудь...

— Да никто не умѣетъ...

— Такъ мы на губахъ... У кого гребешекъ есть? Манечка! Есть у васъ гребешекъ частый?

Дворничиха выползаетъ изъ-за занавѣски и достаетъ откуда-то гребешокъ.

— Бумажки еще... Самое лучшее—папиросненькой...

— Э-э-э-эхъ, такой сякой комаринскій мужикъ...

Подручный Андрюшка, отложивъ бережно въ сторону „итальянку", встаетъ съ лавки и выходитъ нехотя, лѣниво, улыбаясь кончиками губъ, на середину комнаты.

— Дамы нѣту! Дамы нѣту!—кричитъ визгливо портниха.

— Паничка! Мадамъ Жоржъ! Пожалуйте... Вы наша лебедь бѣлая...

Паничка отрицательно мотаетъ головою.

— Нѣтъ, и нездоровится мнѣ сегодня, и... я только благородные танцы танцую...

— Вали самъ одинъ, Андрюша! Покажи, какъ по-русски, по-православному!—кричитъ изъ угла горбатый портной, притопывая ногами.

Подручный пляшетъ, неистово топоча ногами, то подпрыгивая, то почти распластываясь на полу...

— Лихо, лихо!..

И когда подручный останавливается и всѣ что-то кричатъ, Паничка наклоняется къ сосѣду, лысому приказчику, и торопливо шепчетъ:

— Дѣйствительно, колечко—по серединкѣ бирюза, а по бокамъ рубинчики?

— Ахъ, Господи... Разъ сказалъ...

— И настоящіе? Не мошенническіе?

— За кого вы меня принимаете?!

Полночь.

Гости расходятся.

Первымъ уходитъ хмурый старшій городовой Васюковъ.

Прощаясь, онъ говоритъ:

— До свиданьица... Обыскъ у насъ сегодня... Можетъ, сраженіе еще будетъ... Ухлопаютъ еще... Собачья служба!...

На мгновенье всѣ смолкаютъ. Словно призракъ проносится. И замораживаетъ лица, и улыбки, и рѣчи...

Потомъ, когда Васюкова уже нѣтъ, портной стучитъ кулакомъ по столу и кричитъ:

— А по мнѣ—хоть бы всѣхъ перехлопали... Взяточники!.. хабарники!..

Парихмахеръ Жоржъ уводитъ Паничку. Приказчикъ кидается помочь одѣться, роется въ грудѣ сваленныхъ въ уголъ на скамейку платковъ, кофточекъ, пальто.

Паничка, красивымъ жестомъ сложивъ руки, стоитъ неподвижно и улыбается.

— Это ваша кофточка, Прасковья Михайловна?—говоритъ приказчикъ, поднося элегантную бархатную кофточку.

Молодая женщина киваетъ гордою, красивою головкою и подставляетъ граціозно плечи. Приказчикъ помогаетъ надѣть кофточку и мелькомъ цѣлуетъ воротникъ, но такъ, что Паничка это видитъ и чуть-чуть улыбается кончиками алыхъ губъ.

— Позволите проводить?—говоритъ приказчикъ.

— Что вы, что вы? Черезъ одинъ дворъ только...

Гости уходятъ.

Портной слѣдитъ за Жоржемъ и его женою пьяными блестящими глазами, поминутно отстраняя нависшую на потный лобъ влажную прядь волосъ съ нехорошею улыбкою.

— Эхъ, бабы!—говоритъ онъ.—Взялъ бы я эту Паньку, да намоталъ бы косу на руку, да захватилъ бы полѣно, а то кочергу...

— Ну, ужъ ты?! — съ неудовольствіемъ вмѣшивается портниха:—Тебѣ какое дѣло?

Подвалъ пустѣетъ. Подручный Андрюшка куда-то исчезаетъ. Въ комнатѣ остаются только хозяева. Они укладываются спать. Маня—дворничиха на постели, на которой, разметавшись, спятъ уже давно дѣти. Мужъ на лавкѣ...

Маня долго возится за занавѣскою. Дворникъ лежитъ навзничь тихо съ открытыми глазами, какъ будто разсматривая узоры на потолкѣ, расползающіяся, извивающіяся капризно, пересѣкающіяся, свивающіяся мѣстами въ клубокъ черныя трещины свода.

Изъ-за полога вдругъ доносится всхлипыванье.

Дворникъ лежитъ молча. Всхлипыванье усиливается.

— Сергунька-а-а... Схоронили мальчика-а-а... Такой хорошій былъ, такой... ласковый...

Дворникъ лежитъ молча.

— Въ гробикъ положили мальчика-а а... Въ земельку зарыли...

За пологомъ слышатся уже явственныя причитанія, и самъ пологъ колыхается.

Дворникъ не выдерживаетъ.

Онъ сбрасываетъ съ себя полушубокъ, опускаетъ босыя ноги на полъ и говоритъ:

— Ну? Завыла?

— Въ гробикъ... положили... розовенькій...

— Я кому говорю? Ты долго будешь мою душу на изнанку выворачивать? Въ гробъ положили, въ землю зарыли. Въ гробъ положили, въ землю зарыли... Слышали мы это!.. Спать надо! Заткни глотку...

Молодая женщина за пологомъ стихаетъ. Дворникъ тушитъ лампочку. Въ подвалѣ темно и тихо.

Но проходитъ еще нѣсколько томительно-тянущихся минутъ, и опять колыхается пологъ, и опять слышатся вздохи, потомъ робкій, надтреснутый голосъ шепчетъ:

— Миронъ Марковичъ!

Молчаніе.

— Миронъ Марковичъ! Голубчикъ! Родненькій!..

— Ну?—отзывается, скрипнувъ зубами, дворникъ.

— Миронъ Марковичъ! Золотой мой! Брилліантовый!.. Не могу я! Ой, не могу я...

— Чего не можешь?

— Спать не могу... Страшно мнѣ. Сергуньку вижу. Самъ мертвенный, а ходитъ... Ой, страшно!.. Запалите хоть лампочку.

Дворникъ, вздыхая, чиркаетъ спичкою. Трескъ. Вспыхиваетъ голубоватый огонекъ. Потомъ притухаетъ.

Слышно, какъ по доскамъ пола мягко, грузно ступаютъ босыя ноги. Опять трескъ спички. Лампочка зажжена.

— Страшно мнѣ, страшно!.. Тошнехонько!

— Вѣрно, хочешь, чтобы я въ погребѣ веревку нашелъ да удавился?—угрюмо отвѣчаетъ дворникъ, отходя отъ стола.

Лампа горитъ, почему-то постоянно мигая и тихо-тихо, но четко потрескивая. Кто-то изъ дѣтей за пологомъ возится, вскрикиваетъ, заливается удушливымъ, напоминающимъ лай, кашлемъ. Другой ребенокъ бормочетъ.

Потомъ все стихаетъ.

Воздухъ дворницкой какъ-то мрѣетъ, переливается сизоватыми слоями. И пахнетъ. Пахнетъ ладаномъ, и махоркою, и пивомъ, и запахомъ умирающей за стѣною, вянущей зелени, тлѣющей мочалы, веревокъ, ѣдкой пыли...

Утромъ отчаянный стукъ. Конецъ массивной кизиловой палки, просунувшись сквозь желѣзную, словно тюремную рѣшетку, ерзаетъ по отливающему всѣми цвѣтами радуги грязному стеклу. И голосъ хозяина кричитъ неистово:

— Дворники... Матвѣй!.. Передохли вы всѣ, что ли?

Бѣглый.

Небо синее съ каймою алою
Тѣни тихія спускаютъ на землю
Завиваетъ въ нихъ до утра яснаго
Вѣтку каждую, былинку каждую.

Надъ осинникомъ свистятъ малиновки,
Сонно лапками ерошутъ перышки—
Скоро смѣнитъ ихъ кукушка скучная,
Куковать начнетъ, года насчитывать.

Вечеръ ласковый въ небесной кузницѣ
Почки выкуетъ на клубни звѣздныя
И, когда придетъ садовникъ сѣденькій—
Мѣсяцъ сгорбленный, онѣ распустятся.

Медомъ, травами запахнетъ по лѣсу;
Свѣтляки зажгутъ свои фонарики...
Въ путь тогда! Смѣлѣй! Иди—поглядывай!
Ночь не выдастъ, лѣсъ слѣды запутаетъ.

Левъ Зиловъ.

На табачной фабрикѣ.

Повѣсть А. Грушецкаго.

Переводъ съ польскаго А. Брумбергъ.

(Продолженіе).

IV.

Хотя Стася подошла къ воротамъ фабрики задолго до назначеннаго часа, она застала уже тамъ довольно многочисленную группу женщинъ, ждавшихъ, чтобъ открыли ворота.

Почти у всѣхъ на головѣ были большіе пестрые платки въ черныхъ, желтыхъ и зеленыхъ клѣткахъ, какіе обыкновенно носятъ въ подгородныхъ деревняхъ. Женщины стояли небольшими кучками, разговаривая о своихъ домашнихъ дѣлахъ, о вознѣ съ хозяйствомъ, дѣтьми и мужемъ. Преобладали женщины пожилыя, старше тридцати лѣтъ, а лица у нихъ были измученныя, желтыя, съ поблекшими и часто красными глазами. Это были работницы, исполнявшія болѣе трудныя работы, какъ распаковываніе табачныхъ листьевъ, присылаемыхъ кулями, приготовленіе табаку для папиросъ, упаковка готоваго товара въ коробки и ящики.

Несмотря на холодный вѣтеръ, ихъ одежда, пропитанная табачной пылью,. издавала противный, острый, ѣдкій запахъ растительной гнили.

Стася стояла въ сторонѣ, съ безпокойствомъ глядя на своихъ будущихъ товарокъ, которыя казались ей непривѣтливыми и сухими.

Нѣкоторыя изъ нихъ, замѣтивъ незнакомую имъ Стасю и видя на ней шляпу и жакетку, стали насмѣшливо осматривать ее, и одна сказала:

— Вотъ вамъ и новая мармузель!

— Вѣрно, безъ рубахи и нижней юбки, но въ шляпѣ съ пѣтушинымъ перомъ,—прибавила другая.

— Не пѣтушиное,—разсмѣялась молодая еще женщина,— а куриное, чтобы пѣтуховъ привлекать!

— На такую сейчасъ позарится надсмотрщикъ или управляющій, и достанется ей легкая работа,—сказала сухопарая работница со сморщеннымъ лицомъ.

— И чего это городскія къ намъ лѣзутъ?—возмущалась одна изъ нихъ.—Это пригородный заработокъ.

— Вѣрно, вѣрно,—поддакивали другія.

Скоро послѣ того къ работницамъ вышелъ курьеръ и, глядя въ бумагу, которую онъ держалъ въ рукахъ, спросилъ:

— Кто изъ васъ Жагельская?

— Я!

— Иди къ папиросамъ!

Онъ указалъ на большое двухъэтажное зданіе въ глубинѣ двора.

— Второй этажъ, залъ первый! Спроси надсмотрщика Паунеля.

Стася тотчасъ же ушла и успѣла лишь услышать, что остальныя вновь принятыя назначены для сигаръ.

По нѣсколькимъ ступенькамъ она вошла въ партеръ. Ее обдалъ противный запахъ испорченныхъ листьевъ табаку, и черезъ полуоткрытыя двери она увидѣла кули пакетовъ съ листьями.

Она по лѣстницѣ поднялась на первый этажъ, гдѣ находились работницы сигаръ, и, не останавливаясь, пошла дальше, на второй. Тутъ въ просторномъ корридорѣ она застала часть работницъ, которыя снимали съ себя верхнее платье и юбки и одѣвали вмѣсто нихъ старыя, потертыя и поношенныя юбки, блузки или кофточки. Каждая работница имѣла опредѣленное мѣсто для своихъ вещей во вдѣланныхъ въ стѣны деревянныхъ шкафахъ.

Стася остановилась, не зная, что дѣлать съ собою, куда итти. Наконецъ, она подошла къ одной работницѣ, вѣшавшей свою юбку въ шкафъ, и робкимъ голосомъ спросила:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ залъ первый?

Та быстро обернулась и, бросивъ на Стасю испытующій взглядъ, спросила:

— Что вамъ тамъ нужно?

— Я пришла работать.

— Развѣ?—и, отвернувшись, она крикнула вглубь корридора:—Манька! Манька!

— Что такое?

— Иди сюда, есть новинка!..

Манька, молодая дѣвушка, довольно полная, съ хорошей фигурой, подойдя, спросила:

— Эта вотъ?—она указала на Стасю.

— Да...
— Къ кому вамъ велѣли обратиться?
— Къ господину надсмотрщику Паунелю.
— Эта новая конфетка,—злобно разсмѣялась первая.
— Э, она слишкомъ худа и невзрачна,—презрительно отвѣтила Манька, удаляясь.
— Гдѣ же залъ первый?—переспросила Стася.
— Глазъ у васъ нѣтъ, что ли?—гнѣвно проворчала спрошенная,—вѣдь надъ дверью надпись.
— Спасибо,—отвѣтила Стася и вошла въ большой залъ, гдѣ направо и налѣво отъ свободнаго прохода стояло множество столовъ.

Въ проходѣ, почти на самой серединѣ зала, стоялъ мужчина средних лѣтъ, брюнетъ, съ закрученными по военному усами. Онъ съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдилъ за суетившимися при столахъ работницами. Это былъ надсмотрщикъ зала Паунель, отставной пѣхотный унтеръ-офицеръ.

— Эй, ты тамъ!—крикнулъ онъ грубымъ голосомъ съ нѣмецкимъ акцентомъ,—сакраментская [1]) ты!—И, видя, что Стася стоитъ перепуганная, прибавилъ:—Ты чего одѣтая сюда влѣзла?

Однѣ изъ работницъ разсмѣялись, другія даже не оглянулись, и лишь одна изъ стоявшихъ по близости отъ Стаси, худощавая блондинка, сказала:

— Раздѣньтесь, пожалуйста, тамъ,—она указала на корридоръ.

Тѣ, которыя стояли ближе къ надсмотрщику, сказали:
— Это новая!
— Впорхнула, какъ бабочка,—разсмѣялся онъ грубымъ голосомъ, и работницы, дорожившія его расположеніемъ, вторили ему.

Стася вышла въ корридоръ, ища мѣста, куда бы положить шляпу и жакетку. Та же самая блондинка подошла къ ней и, отворивъ одинъ изъ шкафовъ, сказала:

— Пока что положите на мою полку,—и быстро ушла.

Эта любезность нѣсколько пріободрила Стасю и она уже менѣе робко остановилась у перваго столика въ залѣ.

— Вотъ рекрутская душа!—со смѣхомъ крикнулъ надсмотрищъ.—Заявляйся!

Стася подошла къ нему и, смутившись, сказала:
— Я пришла работать.
— Такъ заявляются?.. Эхъ ты, дура! Какъ тебя зовутъ?
— Станислава Жагельская.
— Станиславу оставь для себя... для меня достаточно

[1]) Нѣмецкое ругательство.

Жагельской... Гей!—крикнулъ онъ на весь залъ,—есть гдѣ разбитая машинка?

Это на фабричномъ жаргонѣ означало, что въ группѣ, работающей за однимъ столомъ, недоставало работницы.

— Мерская не пришла!—крикнула одна работница.

— Эта старая скотина вѣчно кряхтитъ,—сказалъ онъ строго,—иди въ накладчицы.

Стася глазами искала столъ, а надсмотрщикъ крикнулъ:

— Иди, когда велятъ!

— Тутъ, къ намъ!—крикнули работницы съ третьяго отъ входа стола по лѣвую сторону.

Она сѣла на деревянную табуретку безъ спинки; скоро одна изъ работницъ принесла придварительно взвѣшенный табакъ и всыпала его въ коробку, лежавшую на столѣ. Сидѣвшая рядомъ съ нею машинистка менторскимъ тономъ, но тихо сказала:

— Возьмите жестянку,—она указала на маленькій жестяной инструментъ съ желобкомъ,—и накладывайте табакъ до краевъ.

Она сама наполнила жестянку и, глядя Стасѣ въ глаза, сказала:

— Видите? Столько, не больше, не сдавливать слишкомъ, попробуйте.

Стася съ нѣкоторой робостью взяла щепотку табаку и вложила ее въ жестянку и, такъ какъ недоставало, она добрала еще немного.

— О, у насъ нельзя такъ медленно работать!—прошептала раздосадованная машинистка.—Когда же мы успѣемъ? Живѣй, живѣй! Вы должны глазомъ отмѣрить, сколько вамъ нужно.

— Хорошо!—отвѣтила Стася, немного громче.

— Тише тамъ! молчать!—крикнулъ надсмотрщикъ строгимъ голосомъ и, взглянувъ на часы, которые показывали половину восьмого, обратился къ залу:

— Молитва!

Одна изъ старшихъ работницъ вышла на середину зала, опустилась на колѣни передъ образомъ Богоматери, висѣвшимъ на бѣлой стѣнѣ между окнами, и громко прочитала три раза Отче нашъ, три раза Богородицу и разъ Вѣрую. Остальныя работницы вторили ей, не оставляя своихъ мѣстъ. Когда раздался послѣднее „аминь", онѣ молча опять взялись за работу, такъ какъ фабричныя правила запрещали громко разговаривать, и работницы объяснялись другъ съ другомъ шопотомъ и украдкой.

Стася старалась возможно скорѣе наполнять жестянку, которую она подавала сидѣвшей рядомъ съ ней машинисткѣ,

худощавой женщинѣ съ острыми чертами лица. Послѣдняя съ помощью ножной машинки сдавливала табакъ и очень ловко сворачивала его въ трубку изъ пергаментной бумаги. Непривыкшая къ новой работѣ, Стася, стараясь не отставать, такъ устала, что на ея гладкомъ лбу выступили капли пота, а щеки покрылись густымъ румянцемъ. Подгоняемая, однако, произносимымъ шопотомъ, насмѣшками, упреками и строгимъ взглядомъ машинистки, она продолжала усиленно работать. Надсмотрщикъ ходилъ по залу съ строгимъ, неприступнымъ выраженіемъ лица. По временамъ онъ подходилъ къ тому или другому столику и, хотя царствовавшую въ залѣ тишину нарушалъ лишь однообразный стукъ машинокъ, онъ всегда находилъ поводъ сдѣлать кому-нибудь выговоръ, что онъ считалъ своей главной обязанностью.

Подошедши къ машинкѣ Стаси и видя ея напряженіе при работѣ, онъ зло усмѣхнулся и сказалъ:

— Пальцы у тебя, точно грабли,—навозъ бы сгребать!

Она, покраснѣвъ, продолжала свою работу, а онъ посмотрѣлъ подъ столъ, потомъ на колѣни и, увидѣвъ немного разсыпаннаго табаку, крикнулъ:

— Ахъ ты, проклятая! Ты матеріалъ портишь! Я тебя проучу!

И своими грубыми руками онъ сталъ собирать табакъ съ колѣнъ, немилосердно дергая юбку.

— Я сама соберу,—пробормотала Стася.

— Молчать! Повиновеніе! Понимаешь?

У Стаси выступили слезы на глазахъ, но она продолжала работать. Въ эту минуту въ залѣ появился „ассистентъ", лысый шатенъ съ измятымъ лицомъ, съ двумя глубокими продольными морщинами на щекахъ, съ рѣдкими усами на толстой губѣ.

Надсмотрщикъ, услышавъ звукъ его шаговъ, придалъ своему лицу выраженіе слащавой покорности и быстро подошелъ къ такъ называемому ассистенту, которому было подвѣдомственно все папиросное отдѣленіе.

— Паунель, гдѣ новая? — спросилъ ассистентъ по-нѣмецки, снимая шляпу.

— Я ее назначилъ при пятнадцатой машинкѣ, — отвѣтилъ онъ, указывая пальцемъ.

— Отчего при этой?

— Не пришла Мерская, старуха, она часто хвораетъ.

— Напомни мнѣ о ней при рапортѣ.

— Слушаю-съ, господинъ ассистентъ.

Послѣдній остановился и своими тусклыми глазами окинулъ залъ. Неуклюжій, приземистый, онъ вложилъ обѣ руки въ карманы темной тужурки и злыми глазами искалъ, кого бы

обругать, на комъ бы выместить свое плохое настроеніе. Какъ въ каждомъ залѣ, такъ и въ первомъ, были привилегированныя машинки, при которыхъ работали болѣе красивыя работницы, пользовавшіяся расположеніемъ господина ассистента Фразеля или другихъ его товарищей по конторѣ. Были, далѣе, машинки безразличныя, къ которымъ слѣпо примѣнялась буква фабричныхъ правилъ. Но были, наконецъ, и такія, которыя возбуждали его особенную ненависть и являлись козлами отпущенія для его строгости.

Спустя немного, онъ подошелъ къ двѣнадцатой машинкѣ, посмотрѣлъ на быструю работу и, взявъ въ руки готовую папироску, нахмурился и крикнулъ:

— Ахъ вы, проклятыя, что это за работа у васъ? Свиней вамъ пасти, а не тутъ сидѣть!

И онъ сталъ ломать лежавшія тутъ же штукъ сто готовыхъ папиросъ, ругаясь при этомъ по-польски и по-чешски. Наконецъ, онъ крикнулъ на всю залу:

— Работа должна быть безукоризненная! Я вамъ всѣ папиросы переломаю, изъ фабрики выгоню.

И, проявивъ такимъ образомъ свою строгость, онъ подошелъ къ привилегированной машинкѣ, взялъ въ руку готовую папиросу и положилъ ее обратно, ласково улыбаясь красивой шатенкѣ, протежируемой его товарищемъ:

— Эта работа ничего!

Онъ медленно вышелъ изъ зала, волоча ноги. Работницы вздохнули свободнѣе, а подруги поздравляли другъ друга, что избѣгли гнѣва ассистента Фразеля.

Надсмотрщикъ сѣлъ на свой стулъ, удобно оперся о спинку и лишь время отъ времени тономъ военной команды выкрикивалъ:

— Тихо тамъ!—прибавляя по-нѣмецки:—Ruhe! Ordnung!

Временами онъ смотрѣлъ на часы, а когда стрѣлка показала четверть десятаго, онъ не безъ удовольствія крикнулъ:

— Перерывъ! Rast!

Это было приказаніе прекратить работу на четверть часа, и по всему залу раздался вздохъ облегченія.

Стася, вся измученная, безсильно опустила руки на колѣни и посмотрѣла на двѣнадцатую машинку, подвергшуюся гнѣву ассистента. Работницы, занятыя при этой машинкѣ, во время перерыва собирали табакъ изъ поломанныхъ папиросъ, такъ какъ онѣ должны были изъ него приготовить такое же число новыхъ папиросъ.

Стася вдругъ почувствовала чье-то прикосновеніе и услышала шопотъ той самой блондинки, которая позволила ей спрятать вещи въ своемъ шкафу.

— Идемте въ корридоръ!

Когда онѣ вышли въ корридоръ, гдѣ можно было разговаривать немного громче, блондинка, пытливо глядя на Стасю, спросила:

— Какъ вамъ у насъ понравилось?

— Страшно тутъ...

— Э, это только вначалѣ!—разсмѣялась она,—а, впрочемъ, сегодня все было тихо... но когда эта чешская собака взбѣсится, вотъ такъ кусается...

— Не знаю, выдержу ли я,—прошептала Стася.

— Дорогая моя, когда нужно, то нужно: заработокъ тутъ хорошій. Я, какъ засовальщица, получаю 14 кронъ въ недѣлю, гдѣ я получу такой заработокъ?

— Это вѣрно,—сказала Стася.

— И я, какъ вы, наглотались вначалѣ страху... А какъ васъ зовутъ?

— Станислава.

— А меня Флорка, будемте называть другъ друга по имени, мы вѣдь работаемъ при одной машинкѣ.

— Очень охотно... А я сколько буду получать?

— Шесть кронъ въ недѣлю, пока ты на испытаньи, а потомъ какъ подавальщица, будешь получать по двѣнадцати.

— Если бъ я только выдержала! А ту, которая подлѣ меня, какъ зовутъ?

— Это машинистка Бронка, она ужъ десять лѣтъ на этой фабрикѣ работаетъ. Когда-то она была красива, имѣла успѣхъ у служащихъ и до сихъ поръ не можетъ этого забыть...—улыбнулась она насмѣшливо.

Стася присмотрѣлась ближе къ своей товаркѣ. Она была некрасива, имѣла слишкомъ маленькій вздернутый носъ, веснушчатое лицо и свѣтлыя брови, но въ глазахъ ея свѣтилась честность и доброта, а некрасивыя губы складывались въ пріятную улыбку.

Раздался сигналъ начать работу, и работницы поспѣшили на свои мѣста. Въ залѣ опять начался стукъ машинокъ, шумъ отъ передвигаемыхъ инструментовъ и время отъ времени подгоняющій голосъ надсмотрщика, звучавшій важно и необыкновенно строго.

Работа шла дальше.

Стася, которая ужъ нѣсколько наловчилась въ накладываніи табаку въ жестянку, съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣла на эту механическую работу. Она видѣла, какъ машинистка сдавливаетъ табакъ, заворачиваетъ его въ пергаментную трубку и подаетъ его своей сосѣдкѣ, которая изъ трубки всовываетъ табакъ въ гильзу и тутъ же пере-

даетъ Флоркѣ, которая въ свою очередь всовывала въ гильзу мундштукъ.

Работа шла необыкновенно гладко и быстро, такъ что передъ глазами только мигали движенія привычныхъ работницъ, и папиросы переходили къ работницѣ, которая машинкой обрѣзывала лишній табакъ и складывала ихъ для подсчета.

— У насъ уже двѣ орды,—прошептала машинистка.

Стасю поразило слово „орда", такъ какъ она только потомъ узнала, что на фабричномъ жаргонѣ это означаетъ тысячу папиросъ.

Въ одиннадцать часовъ одна изъ старшихъ работницъ дрожащимъ голосомъ запѣла:

„Aniol Pauski zwiestowal Paunie Marie i poczela z ducha Swietago".

Работницы, не прерывая своей работы, вторили ей своими неровными, пискливыми голосами. А когда старшая работница кончала молитву,—онѣ пѣли уже менѣе визгливо и болѣе стройно. Весь залъ наполнился звуками молитвы, и на этихъ измученныхъ, истерзанныхъ жизнью лицахъ появилось выраженіе набожности, счастья и покоя...

Пѣснь замолкла, теряясь гдѣ-то въ длинныхъ корридорахъ.

По мѣрѣ приближенія половины двѣнадцатаго, времени прекращенія работы и ухода изъ заловъ и фабрики на полтора часа, безпокойство работницъ, съ тоской ожидавшихъ звона большого колокола, возвѣщавшаго отдыхъ, все болѣе и болѣе возрастало.

Наконецъ, раздался громкій звонъ. Работницы подскочили съ табуретовъ и бросились въ корридоръ къ шкафамъ, не обращая вниманія на строгій голосъ надсмотрщика, который ругалъ ихъ по-нѣмецки и по-польски. Стася, расправляя руки и ноги, также вышла изъ зала и около шкафа встрѣтилась съ Флоркой.

— Ты идешь домой, Стаська?

— Эхъ, нѣтъ! — отвѣтила она, смутившись, стѣсняясь признаться, что дома пусто и голодно. — Я живу слишкомъ далеко.

— Такъ же, какъ я, но мама приноситъ мнѣ обѣдъ къ знакомой дворничихѣ, — сказала Флорка, одѣвая черную юбку,—пойдемъ со мной, провѣтришься послѣ этой духоты и пыли.

— Я лучше останусь, — пробормотала она невесело, такъ какъ чувствовала голодъ и не имѣла, чѣмъ утолить его.

— А твоя мама не принесетъ тебѣ обѣда?

Этотъ вопросъ показался Стасѣ насмѣшкой, такъ какъ

она вспомнила про болѣзнь матери и нищету дома. Поэтому она довольно рѣзко отвѣтила:

— Я вечеромъ пообѣдаю... Какъ же бѣгать въ такую даль?

— Такъ купи себѣ хоть булку съ сыромъ, ты вѣдь ослабнешь до вечера.

— Не хочется...

— У тебя, видно, звонкихъ нѣтъ, такъ я ужъ ссужу тебѣ десять геллеровъ, вѣдь мы за одной машинкой работаемъ, а за эти деньги ты достанешь двѣ булки съ сыромъ! Передъ глазами голодной Стаси предстала привлекательная картина вкусныхъ, румяныхъ булокъ съ бѣлымъ сыромъ. Какъ охотно она бы покушала и какое почувствовала бы подкрѣпленіе!

Искушеніе было слишкомъ сильно, она быстро одѣлась и, сбѣгая съ лѣстницы, сказала:

— Флорка, но я тебѣ отдамъ при недѣльной получкѣ.

— Я знаю.

— А если меня выгонятъ?

— За что бы тебя выгнать?.. Надо только терпѣливо переносить все...

Онѣ подошли къ воротамъ, и Стася увидѣла всѣхъ работницъ разставленными четырьмя рядами, лицомъ къ воротамъ. Передъ каждымъ рядомъ стояла старшая работница, обыскивавшая выходящихъ. Каждая работница подходила къ ней и, поднявъ руки вверхъ, останавливалась. Обыскивающая, ощупывая работницъ, искала, не укрыты ли гдѣ-нибудь папиросы или сигары, и, не находя ничего подозрительнаго, пропускала ихъ въ ворота.

Рядомъ съ разставленными женщинами стояла также шеренга мужчинъ, обыскиваемыхъ мужчинами.

Весь этотъ обыскъ происходилъ подъ присмотромъ одного изъ представителей администраціи, который могъ каждаго рабочаго или работницу подвергнуть особому обыску въ отдѣльной комнатѣ.

Стася, слѣдуя примѣру другихъ работницъ, стала передъ обыскивающей, поднявъ руки вверхъ. Въ этотъ самый моментъ она почувствовала прикосновеніе привычной руки, которая ощупывала плечи, грудь и карманы.

Она покраснѣла отъ обиды и стыда, что ее подозрѣваютъ въ кражѣ. Но такъ какъ подобному же обыску тутъ же подвергались и сотни другихъ, то въ ней тотчасъ погасла вспыхнувшая было искра собственнаго достоинства, и она весело выбѣжала на мрачную, грязную улицу.

На улицѣ стоялъ гулъ голосовъ переговаривавшихся работницъ и зазывавшихъ покупателей торговокъ и торговцевъ, стоявшихъ вдоль стѣны.

— Свѣжія булки! горячіе каштаны! Вкусныя яблоки! пирожныя! пряники!

Около каждой корзины толпились покупатели. Проголодавшаяся Стаҫя хотѣла хоть посмотрѣть на всѣ эти лакомства, но Флорка потянула ее за рукавъ.

— Пойдемъ... булки-то купишь въ зеленной, тамъ лучше.

Онѣ повернули на Крупничную улицу, и Флорка, указывая на лавочку съѣстныхъ припасовъ въ подвалѣ убогаго двухъэтажнаго домика, сказала:

— Вотъ здѣсь мы купимъ булки и сыръ.

Онѣ обѣ зашли въ лавочку, въ которой Флорку, видно, знали, такъ какъ лавочница весело крикнула ей:

— Здравствуйте, панна Флорця!

— Дайте мнѣ, пожалуйста, двѣ булки и кусокъ хорошаго сыру, но большой...

— Пожалуйста, выбирайте,—лавочница указала на корзину съ булками,—а сыръ ужъ я хорошій отрѣжу для панны Флорци... Завернуть въ бумажку?

— Какъ же, вѣдь въ руки я не возьму!

— Правда... Пожалуйте!

Заплативъ и вышедши на улицу, Флорка подала булки съ сыромъ Стасѣ, со смѣхомъ говоря:

— Правда, какой большой кусокъ сыру?.. Она меня хорошо знаетъ. Пойдемъ, покушаемъ у моей дворничихи, вѣдь это все-таки удобнѣе, чѣмъ на улицѣ или въ корридорѣ.

— Мнѣ стыдно, Фролка...

— Не бойся, ужъ я знаю, что ей сказать,—сказала она, входя въ грязный, темный корридоръ маленькаго домика и отворяя дверь въ маленькую комнату, изъ которой несло сыростью и угаромъ кухни.

— Обѣдъ ужъ грѣется, панна Флорця,—сказала старая дворничиха.

— Такъ подавайте, я ужасно голодна.

Стася остановилась среди комнаты, оглядываясь, гдѣ можно было бы присѣсть. Высоко застланная кровать, столъ у окна и плита заполняли почти всю комнату. Были еще двѣ табуретки, но на одной стояла лохань съ бѣльемъ, а на другой усѣлась Фролка.—Подали бы вы стулъ гостьѣ, это моя товарка, мы вмѣстѣ работаемъ.—Пожалуйста, панна Флорця, пожалуйста,—сказала дворничиха, снимая лоханку, и, подавая табуретку, со вздохомъ прибавила:

— Такая молоденькая барышня и такая хорошенькая, да въ папиросницы, жалко.

— Вы думаете, что лучше умирать съ голоду?—разсмѣялась Фролка.

— Извѣстное дѣло, что ужъ лучше на фабрикѣ,—отвѣтила дворничиха, возясь у плиты,—но все-таки жаль...

— Э, ничего ей не станется,—сказала Флорка, смѣясь,—а что она узнаетъ нашу жизнь, это ей не повредитъ.

— Вѣрно... Вотъ ужъ и супъ.

Она поставила на столъ картофельную похлебку. Стасю, которая сидѣла рядомъ, обдалъ горячій паръ, и она не безъ зависти посмотрѣла на кушавшую Флорку. Она вынула булку изъ кармана и сыръ изъ бумаги и начала ѣсть съ большимъ аппетитомъ, стараясь не обронить ни одной крошки.

— А вы, барышня, будете безъ обѣда?—спросила дворничиха.

Флорка предупредила Стасю и отвѣтила:

— Моя товарка, панна Стася, живетъ очень далеко и обѣдаетъ вечеромъ.

— Ну-ну, слыханное ли дѣло, чтобы дитя родное по цѣлымъ днямъ голодомъ морить?

— Ничего не подѣлаешь,—сказала Стася, прерывая свою трапезу,—моя мама больна и далеко ходить не можетъ.

— О, Боже, что же съ вашей матерью?

— У нея ревматизмъ.

— Вѣрно, въ сырой квартирѣ живетъ, какъ всѣ мы... И я эту болѣзнь знаю... Самое лучшее лекарство—каштановый цвѣтъ, настоенный на спирту, его надо держать на солнцѣ, потомъ натирать и обернуть фланелью или чѣмъ-нибудь теплымъ... Боль и разойдется.

— Гдѣ же взять теперь каштановый цвѣтъ?—разсмѣялась Флорка.—Ужъ и листьевъ не видать.

— Ого, у бѣдныхъ людей это лекарство найдется... а поможетъ оно навѣрное, если свѣчку Божьей Матери поставить... Я вамъ совѣтую—вещь испытанная и навѣрное поможетъ.

— Спасибо за совѣтъ, я скажу мамѣ.

— А что еще на обѣдъ?—спросила Флорка.

— Клецки съ масломъ, сейчасъ подамъ.

Спустя немного времени дворничиха, стоявшая передъ Стасей, сказала:

— Если вамъ угодно, панна, я бы вамъ могла дать тарелку горячаго—борщъ тамъ или щи... а возьму я не дорого, вѣдь все-таки лучше съѣсть чего-нибудь горячаго, идетъ ужъ зима.

— А сколько вы бы взяли?—спросила Флорка.

— Г-мъ, мы, бѣдные, другъ друга не обидимъ... но за тарелку супу надо жъ получить десять геллеровъ.

— Съ хлѣбомъ?

— Что вы говорите, панна Флорця!—отвѣтила дворничиха съ оттѣнкомъ возмущенія.—Еще и хлѣбъ давать, можетъ, еще и булки, и жаркое?—разсмѣялась она тихо.

— Эхъ, моя милая, десять геллеровъ—большія деньги, не легко ихъ заработать, на улицѣ не найдешь... вода у васъ даромъ, плиту вы все равно топите для себя, а тамъ немного картофелю или крупы—не стоитъ же десяти геллеровъ...

— Вольному воля,—пожала она плечами,—а я дешевле не могу.

— Я посовѣтуюсь съ мамой и завтра вамъ скажу,—сказала Стася.

Флорка кончила свой обѣдъ, обѣ напились воды и, попрощавшись, вышли. На дворѣ шелъ холодный дождь. Флорка, кутаясь въ свой платокъ, говорила:

— Пойдемъ на фабрику, на кухню... Какая она жадная, эта старуха, десять галлеровъ за тарелку!

— А знаешь, Флорка, если бъ она мнѣ въ долгъ дала до получки, я бы согласилась.

— Тебѣ она не повѣритъ, меня же она знаетъ и согласилась бы, но надо раньше поговорить съ моей мамой, можетъ быть, мы будемъ ѣсть супъ вмѣстѣ. Я плачу дворничихѣ цѣлыхъ шестьдесятъ геллеровъ за подогрѣваніе обѣдовъ, такъ вотъ часть этихъ расходовъ пала бы на тебя.

— Но вѣдь не половина, такъ какъ я вѣдь ѣмъ только супъ?

— Это понятно, ужъ мы поладимъ, я только раньше съ мамой поговорю.

Вѣтеръ усилился, и Стася придерживала шляпу на головѣ.

— Слушай, Стаська,—сказала Флорка съ нѣкоторой досадой въ голосѣ, — отчего ты такъ наряжаешься для этой вонючей фабрики? Не можешь ты одѣть платокъ, а шляпу оставить на воскресенье? И сидишь ты въ парадной юбкѣ, будто ужъ нѣтъ у тебя кого-нибудь старья дома! Ты жъ видѣла, какъ этотъ противный капралъ дергалъ тебя, развѣ тебѣ не жаль юбки?

— Правда, что жаль, завтра я приду въ старой, но шляпы я не сниму.

— Такая ты важная барыня!—иронизировала Флорка.

Стася заколебалась, сказать ли правду, что если бъ она одѣла платокъ на голову, всѣ жильцы дома обратили бы на это вниманіе, и начались бы догадки и пересуды, куда и зачѣмъ она такъ идетъ. И что сказалъ бы на это Стефанъ? Подумавъ немного, она рѣшила скрыть истинную причину и сказала:

— Не потому, что я барыня, а просто потому, что я платка не имѣю.

— Такъ возьми у матери!

— Въ чемъ же она будетъ ходить? А покупать новый не на что... да и привыкла ужъ я къ шляпѣ.

— Не проведешь ты меня, — сказала Флорка, — надѣваешь шляпу, чтобы обратить на себя вниманіе надсмотрщика и служащихъ, но ты не много выиграешь.

— Ей-Богу, клянусь своимъ счастьемъ, я не думала даже объ этомъ. И при томъ мнѣ нѣтъ дѣла ни до кого, такъ какъ у меня есть женихъ.

— Женихъ?—удивилась Флорка,—И ты пошла въ папиросницы?

— Что жъ я могла сдѣлать? У насъ нужда, мама больна, малыя дѣти...

— То же, что у меня,—вздохнула Флорка.

Онѣ остановились передъ калиткой, и Флорка, позвонивъ, сказала:

— Ругаться будешь, но впустить насъ долженъ.

Калитка открылась, и передъ ними предсталъ величественный швейцаръ, который, морща брови, гнѣвно крикнулъ:

— Чего вы таскаетесь? Идите прочь, рано еще входить!

— Пропустите насъ на этотъ разъ,—просила Флорка,— такой дождь и холодъ!

— По какому праву вы звоните? Прочь!

— Это первый разъ.

Швейцаръ хотѣлъ захлопнуть калитку, но замѣтивъ приближавшагося конторщика, громко проговорилъ:

— Ужъ этотъ разъ пропущу...

Онѣ вошли во дворъ, и Стася, увидѣвъ на одной изъ небольшихъ пристроекъ надпись „ванны", воскликнула:

— О, у васъ есть ванны, это хорошо, надо будетъ выкупаться въ свободное время.

— Не торопись только,—разсмѣялась Флорка,—можетъ, разъ въ годъ позволятъ тебѣ выкупаться, и то надо раньше пойти къ этому палачу-доктору... Ты его знаешь, онъ тебя осматривалъ.

— Къ нему?—вся вздрогнула Стася.—Лучше ужъ никогда въ жизни не купаться... этотъ мерзкій гицель...

— Вѣрно, насолилъ тебѣ,—разсмѣялась Флорка,—онъ осмотрѣлъ тебя всю? Велѣлъ раздѣться?

— Еще чего?—возмутилась она.—Посмотрѣлъ, не кашляю ли я—и только, но чего онъ только ни наговорилъ, какъ ругался!

— И вотъ такой... имѣетъ власть надъ нами,—вздохнула Флорка,—съ тобой обошелся еще такъ-сякъ, а съ другими не дай Богъ... Говорятъ, что даже въ полиціи лучшій докторъ.

Онѣ вошли въ большой залъ, освѣщенный четырьмя окнами и уставленный столами со скамейками передъ ними.

Въ залѣ было довольно шумно, такъ какъ нѣсколько десятковъ работницъ подогрѣвали тутъ свой обѣдъ.

Обѣ дѣвушки отыскали себѣ мѣсто недалеко отъ машинистки Бронки, которая дѣлала видъ, будто ихъ не видитъ. Онѣ сѣли на скамейку, и Стася спросила:

— Вы тутъ всѣ поденно работаете?

— Куда! Мы получаемъ съ сотни сдѣланныхъ папиросъ. Больше всѣхъ зарабатываетъ машинистка и выпыхальщица, но на это мѣсто можно попасть лишь съ протекціей надзирателя или веркмейстера.

— Ну, а другимъ какъ платятъ?

— Я получаю четырнадцать кронъ... но за нашей машинкой обрѣзальщица и счетчица зарабываютъ лишь половину своего жалованья.

— Какъ же это?

— На двѣ машинки одна обрѣзальщица, это та, которая обрѣзываетъ папиросы, и одна счетчица, та, которая считаетъ готовыя и подкладываетъ надсмотрщику, и т. д.

— А они не придираются?

— Еще бы! Сдираютъ, гдѣ могутъ, дадутъ иной разъ одинъ соръ, а ты тутъ дѣлай... или придетъ кто-нибудь изъ старшихъ, порветъ, поломаетъ папиросы и работай заново.

— А вы ничего?

— Кому пріятно терять заработокъ, сносить штрафы и ругательства?.. Видишь, Бронка ужъ покушала, теперь она пойдетъ къ судомойкѣ, чтобы та ей посуду вымыла, потому что она барыня великая,—иронизировала Флорка.

И дѣйствительно, машинистка Бронка поднялась со скамейки, выпрямилась, собрала свою посуду и, стройная, граціозная, пошла въ уголъ большого зала, гдѣ стояла грязная, некрасивая дѣвушка, которая растапливала печь и подметала полъ въ кухнѣ.

Отдавъ свою посуду, Бронка направилась къ Флоркѣ и Стасѣ, такъ какъ ей интересно было познакомиться съ вновь поступившей, и, остановившись передъ ними, спросила:

— Стаська удивляется, что мы сносимъ такія преслѣдованія на этой фабрикѣ,—отвѣтила Флорка.—А, можетъ, присядете?

— Спасибо,—она усѣлась возлѣ нихъ,—а паннѣ я скажу,—обратилась она къ Стасѣ:—вначалѣ каждый удивляется и возмущается преслѣдованіями, а потомъ привыкаетъ къ фабрикѣ, какъ котъ къ дому.

— Не къ фабрикѣ,—возмутилась Флорка,—а къ заработку.

— Э, милая моя, что тутъ говорить,—пожала плечами Бронка,—разъ стала папиросницей, то не смоешь этого ни содой, ни хлоркой,—вздохнула она.

Стася, вспомнивъ слова матери, промолвила:

— Все-таки можно вести себя скромно.

— Ха, ха, ха,—не безъ горечи разсмѣялась Бронка,— наивны вы, панна... И я такъ думала, но подумайте, что тутъ одни мужчины верховодятъ... каждый имѣетъ право ругаться, унижать, наказывать... Что тогда сдѣлаете?

— Это только слова,—злобно усмѣхнулась Флорка,—а почему меня никто не трогаетъ?

— Почему?—окинула та ее презрительнымъ взглядомъ и со смѣхомъ прибавила:—Потому что котъ падокъ до солонины.

— А я—что?—возмутилась Флорка.

— Вы? Г-мъ... вы это вы... но между нами есть поджаренное сало для котовъ.

— Ну, и слава Богу,—сказала раскраснѣвшаяся Флорка,— потому что отъ поджареннаго сала можетъ остаться одна лишь корка.

Это была намекъ на Бронку, что она теперь брошена и исхудала. Она это поняла и проворчала:

— Лучше корка, чѣмъ обглоданная кость.

Увидѣвъ, что дѣло доходитъ до ссоры, Стася спросила машинистку:

— Давно вы тутъ служите?

Уже десятый годъ. . Я была такой же молодой, какъ вы... и заѣла меня эта проклятая фабрика, и я теперь прикована къ ней.

— И вы здѣсь столуетесь?—указала Стася глазами.

— Я живу далеко отсюда, такъ сестра приноситъ обѣдъ къ воротамъ, и я подогрѣваю его здѣсь, сама я не могу ходить обѣдать, такъ какъ у меня одышка.

— Почему же вы не лечитесь?

— Легко сказать,—съ горечью разсмѣялась она,—къ нашему доктору я не пойду, потому что онъ мнѣ ничѣмъ не поможетъ, а только выругаетъ... они же хотятъ сбыть меня, чтобы не дать эмеритуры за десятилѣтнюю службу... они бы меня сейчасъ же прогнали, какъ негодную къ работѣ... а что будетъ тогда?

— То-то, у насъ нужно быть на-сторожѣ,—прибавила Флорка,—потому что повсюду стараются урвать...

— И нѣтъ на нихъ никакого суда,—вздохнула Стаська.

— Есть будто бы, — сказала Бронка, — вотъ ежегодно изъ Вѣны пріѣзжаетъ сюда старшій... Наши надзира-

тѣля никого не допускаютъ къ нему, а, впрочемъ, развѣ такой швабъ заядлый понимаетъ по-польски?

Всѣ трое вздохнули, и послѣ короткаго молчанія Флорка сказала:

— А вы слышали, предполагается готовить для насъ обѣдъ здѣсь?

— Э, ужъ года два, какъ объ этомъ говорятъ,—вѣрно, еще лѣтъ пять будутъ обѣщать.

Тутъ онѣ услышали шумъ на дворѣ, и всѣ работницы стали быстро выходить изъ кухни, такъ какъ приближалось время начала работы.

Едва онѣ успѣли раздѣться, какъ раздался громкій звонъ.

Работницы опять разсѣлись за своими столами, и опять пошла работы при гробовомъ молчаніи, прерываемомъ лишь однообразнымъ стукомъ машинокъ и стукомъ инструментовъ.

Спустя нѣкоторое время раздался громкій стукъ сапогъ и сопѣніе, и въ залу вошелъ плотный, толстый человѣкъ, съ грубымъ, лоснящимся лицомъ, по которому видно было, что онъ любилъ покушать; то былъ веркмейстеръ, нѣчто среднее между надсмотрщикомъ и ассистентомъ, который контролировалъ исправность машинокъ и инструментовъ, слѣдилъ за надсмотрщиками, за сдѣланными ими распоряженіями и за работницами во ввѣренномъ ему отдѣленіи.

Не снявъ надвинутой на лѣвое ухо шапки, онъ прошелъ часть залы, подошелъ къ дожидавшему его надсмотрщику и грубымъ голосомъ спросилъ его по-нѣмецки:

— Есть что-нибудь новое?

— Нѣтъ, господинъ веркмейстеръ,—и онъ вручилъ ему бумагу. Тотъ пересмотрѣлъ списокъ неисправно работающихъ машинокъ, нахмурился и проворчалъ:

— Это плохо,—и громко прибавилъ:—гей, девятая, двѣнадцатая, двадцать третья машинка, почему тамъ работа не клеится у васъ? Вамъ чего-нибудь недостаетъ?

Стоявшая рядомъ съ нимъ счетчица двѣнадцатой машинки попыталась защищаться и смиренно начала:

— Видите ли, господинъ веркмейстеръ...

— Молчи! Если я говорю, то я правъ.

— Это такъ, господинъ веркмейстеръ...

— Рапортъ долженъ быть хорошій, понимаете?—и онъ, ворча, пошелъ дальше.

Счетчицы присмирѣли отъ этого выговора, но и надсмотрщикъ почувствовалъ себя задѣтымъ и сердито крикнулъ:

— Ужъ я за вами присмотрю! Шептаться да на табуреткахъ вертѣться у васъ есть время, а работа вамъ не по вкусу... Ну, посмотримъ, ужъ я васъ запишу.

Работницы трехъ машинокъ приняли угрозу молча.

Около половины пятаго Викта, пожилая женщина съ измученнымъ и мрачнымъ лицомъ, съ полудня замѣнявшая машинистку Бронку, такъ какъ машинистки съ выпыхальщицами мѣняются мѣстами, когда у первыхъ устаютъ ноги, прошептала:

— У насъ уже пять ордъ.

Это было количество папиросъ, которое должна была изготовить каждая машинка въ теченіе дня.

— Сдѣлаемъ на запасъ,—шопотомъ же отвѣтила Бронка и тутъ же встала, говоря надсмотрщику:

— Я иду за табакомъ.

Счетчица вручила ей книжку пятнадцатой машинки, надсмотрщикъ внесъ ее въ свой списокъ, и Бронка пошла къ вѣсамъ.

Она скоро вернулась, и онѣ начали работать такъ усиленно, что къ пяти часамъ успѣли сдѣлать полъ-орды. Въ пять часовъ онѣ, прочитавъ молитву, стали приводить въ порядокъ инструменты и столы. Надсмотрщикъ взялъ въ руки списокъ работницъ и назвалъ четырехъ изъ нихъ, которыя по установленной очереди въ этотъ день должны были подмести залъ. Это было злоупотребленіе со стороны надсмотрщика, всѣ объ этомъ знали, ворча оставались въ залѣ, но не смѣли ослушаться, боясь наказанія. Тутъ же раздался звонъ колокола, и работницы побѣжали въ коридоръ, чтобы переодѣться и оставить фабрику. И опять, какъ при уходѣ на обѣдъ, всѣхъ подвергли обыску. Стася была уже почти у воротъ, когда она услышала рѣзкій приказъ ассистента:

— Этихъ четырехъ обыскать особо.

Работницы, стоявшія у воротъ, остановились, глядя на четырехъ дѣвушекъ, которыя должны были подвергнуться особому обыску, пока швейцаръ не крикнулъ имъ:

— Чего стоите? Маршъ домой!

Стася подала Флоркѣ руку, говоря:

— До свиданья, Флорка!

— До свиданья, Стася!

Таковъ былъ первый день новой папиросницы.

V.

Послѣ того, какъ Стася нѣсколько недѣль проработала на фабрикѣ, въ квартирѣ Жагельскихъ сталъ замѣтенъ нѣкоторый достатокъ, что сильно взбудоражило общественное мнѣніе всего дома.

Жагельскія стали притчей во языцѣхъ не только въ во-

ротахъ и корридорахъ, гдѣ собирались жильцы постарше, но и молодежь, сгорая отъ любопытства, начала удѣлять много вниманія загадочному благополучію семейства, которое, по мнѣнію всѣхъ, было осуждено на голодъ и нужду.

— Милая моя,—говорила хозяйская кухарка своей подругѣ изъ второго этажа,—клянусь Богомъ, у этой Жагельской что-то не ладно. Я не хочу оговаривать, упаси Богъ, но я чувствую, что тамъ что-то не такъ, какъ должно быть.

— Что удивительнаго,—улыбнулась прислуга изъ третьяго этажа,—старшая дочь работаетъ, младшая тоже,—вотъ и есть на хлѣбъ.

— Вы тутъ новый человѣкъ, и не знаете всей исторіи: старшая въ бѣлошвейной зарабатываетъ, можетъ быть, двѣнадцать кронъ, а младшая—въ коробочной, дай Богъ, шесть кронъ. За одну комнату двѣнадцать кронъ платятъ... теперь подумайте: отопленіе, освѣщеніе да и въ ротъ коечто надо... Откуда же это все?

— Меня чужое не интересуетъ,—сказала хозяйская кухарка,—но изъ моего окна видно, что у нея достатокъ—утромъ кофе, каждый день обѣдъ, а вечеромъ тоже всегда что-то подогрѣваютъ...

— Я третьяго дня встрѣтила Петрову на базарѣ,—прервала ее подруга,—и представьте себѣ, собственными глазами видѣла, какъ она покупала горшочекъ масла, можетъ быть, съ полфунта... правда, масло было прогорклое и наполовину смѣшано съ сыромъ, но все-таки... И скажите мнѣ, откуда...

— А я вамъ скажу еще кое-что получше,—вмѣшалась кухарка,—я же изъ моего окна вижу, какъ старуха ежедневно тащится на базаръ и возвращается съ полной корзинкой.

Въ эту минуту къ нимъ подошла Жагельская, несшая въ корзинкѣ полъ-хлѣба и что-то завернутое въ бумагѣ. Увидѣвъ ее, собесѣдницы многозначительно переглянулись, а кухарка, привѣтливо отвѣтивъ на поклонъ, съ ласковой улыбкой обратилась къ ней:

— У васъ тамъ, навѣрное, что-нибудь вкусное въ корзинкѣ, пана Петрова?

— Не для меня, а для моихъ дочерей.

— Но вѣдь все-таки и вамъ кое-что перепадаетъ... а ужъ, правда, счастье имѣть такихъ трудолюбивыхъ дочерей.

— Я и такъ каждый день Бога благодарю... Дочери... лучшей моей Стаськи, кажется, и на свѣтѣ нѣтъ: что заработаетъ, все домой несетъ.

— Слава Богу,—вмѣшалась кухарка изъ второго этажа,—

а гдѣ же Стася такъ много зарабатываетъ; что можетъ весь домъ содержать?

— Онѣ обѣ работаютъ—младшая при коробкахъ, а старшая въ бѣлошвейной, какъ и прежде... Я спѣшу, Ясь одинъ остался.

Когда Жагельская исчезла въ темномъ дворѣ, хозяйская кухарка вздохнула и съ насмѣшливой улыбкой сказала:

— Ой, работаетъ твоя старшая! Не дай Богъ такую работу! Что она погубила дѣвушку, это ясно, но я бы хотѣла знать, гдѣ и какъ...

— Охъ, моя милая, узнать-то легко, да свободной минуты нѣтъ у меня, только и знаешь, что стоять у плиты: то гости, то родственники, я вамъ говорю, голову потерять можно...

— А у меня лучше, что ли?—вздохнула служившая одной прислугой,—и къ тому еще переноси капризы... то плохо подано, то плохо убрано... а сама грязная, упаси Богъ!

— Онѣ всѣ хороши!

И начались жалобы, разсказы, не столько точные, сколько злые.

Не отставала и младшая прислуга, особенно Марцысю сильно безпокоило благополучіе Жагельскихъ.

— Какъ вы думаете, панъ Францишекъ?—она говорила ему панъ, потому что, по мнѣнію лакея, только у простыхъ помолвленные говорятъ другъ другу „ты“,—имъ, вѣрно, помогаетъ Былина?

— Что вамъ снится?—иронически улыбнулся онъ,—я знаю, что столяришка глупъ, но чтобъ совать заработанныя деньги на прокормленіе цѣлаго семейства,—это было бы ужъ слишкомъ.

— Я знаю, что вы не такой, вы каждый грошъ разсчитываете...

— При разсчетливости и жениться можно,—это я говорилъ и повторяю, потому что въ каждомъ дѣлѣ долженъ быть разсчетъ.

— Для васъ женитьба есть только дѣло?—обидѣлась Марцыся.

— Панна Марцыся, голодъ—не тетка, добьемся чего-нибудь, заживемъ... Возвращаюсь къ Стаськѣ. Я ее вчера встрѣтилъ... Она ничего себѣ дѣвушка, въ ней что-то есть...

— Да вы не заглядывайтесь такъ на другихъ!—воскликнула она.

— Ну ну, успокойтесь, панна,—улыбнулся онъ,—вѣдь Стаська, дочь больной прачки, не для меня, я еще голову не потерялъ.

— Я третьяго дня была у нихъ: въ комнатѣ тепло,

убрано... старуха что-то варила... лампа горитъ... Стася купила себѣ новую жакетку, немного, правда, поношенную, потертую подъ мышками, но все-таки купила... Откуда же?

— Можетъ, наслѣдство получила, или...—онъ тихо разсмѣялся,—имѣетъ побочные доходы...

— Фи, не говорите мнѣ такихъ вещей!—крикнула Марцыся съ притворнымъ возмущеніемъ,—какіе вы, мужчины, противные... сейчасъ подозрѣваете, оговариваете.

— Г-мъ, если вы, панна Марцыся, знаете, откуда у Стаськи деньги берутся, скажите.

— Э, что намъ до этого?—пожала она плечами.—Слава Богу, что у нихъ есть,—и достаточно,—но спустя немного она прибавила:—Я, однако, думаю, что тутъ что-то такое есть...

— А я въ этомъ увѣренъ...

— Ужъ я все узнаю,—сказала горничная,—не отъ Стаськи, такъ отъ Юльки... и странно, этотъ Былина—точно слѣпой: ходитъ къ нимъ, ничего не замѣчаетъ и не понимаетъ.

— Что жъ ему видѣть и понимать?—разсмѣялся онъ.

— Вы сейчасъ что-то дурное подумали,—притворилась она смущенной,—а я только думала, что онъ долженъ былъ бы спросить, откуда берутся у нихъ деньги на квартиру, на отопленіе, на освѣщеніе, на столъ, разъ старуха еле ноги тащитъ.

— Э, моя милая, развѣ у такого хама есть понятіе о чести? Онъ, можетъ, самъ ее этому учитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этого слушать,—она заткнула уши,—я столько времени знаю Стаську и знаю, что она честная... развѣ только въ самое послѣднее время...

— То-то... и я не совѣтую вамъ очень ужъ съ нею дружить.

— Какая тамъ дружба!—улыбнулась Марцыся.—Мы съ нею знакомы, вотъ и все.

У Жагельскихъ и мать и дочери догадывались, что сосѣдки удивляются, откуда у нихъ берутся деньги. Но такъ какъ мать имъ ничего не говорила, то онѣ и не знали, какія догадки и подозрѣнія существовали насчетъ источника ихъ относительнаго достатка.

Разъ вечеромъ, незадолго передъ Рождествомъ, Стася, вернувшись домой и не снявъ верхняго платья, опустилась на стулъ, подперла голову рукой и сказала:

— Ну, и наработалась я сегодня, еле на ногахъ держусь.

— Что жъ такое? отчего?—съ безпокойствомъ спросила мать.

— Надо же отработать, вѣдь въ понедѣльникъ праздникъ,

намъ бы высчитали отъ заработка... а вѣдь денегъ нужно теперь тьма...

— Правда, дитя мое, праздники идутъ... тебѣ тоже нужна были бы новая юбка, ботинки и теплые чулки.

— Э, обойдется, а ужъ на масленицѣ я расфранчусь, такъ и не узнаете меня,—улыбнулась Стася.

— Раздѣвайся, тутъ жарко... а завтра получка?

— Какъ всегда, въ пятницу, я получу 11 кронъ и 68 геллеровъ... великолѣпно, а? мама?

— А я думала, двѣнадцать...

— Вѣдь у насъ, постоянныхъ работницъ, еженедѣльно высчитываютъ 32 геллера въ больничную кассу.

— Я не знала, что такъ много...

— Эксплоатируютъ насъ, что дѣлать, зато будутъ платить, если даже заболѣю.

— Да хранитъ тебя Богъ отъ болѣзни, еще въ недобрый часъ проговоришься...

— Я только такъ себѣ сказала,—разсмѣялась Стася, кладя свое верхнее платье на кровать,—а Юльки нѣтъ?

— Ну, а какъ сегодня день прошелъ? спокойно?

— Какое! Этотъ капралъ, вы вѣдь знаете, нашъ надсмотрщикъ, раскричался, три машинки такъ разругалъ, что не дай Богъ... Онъ такъ ревѣлъ, что у него пѣна у рта появилась... а вы вѣдь знаете, какъ онъ ругается.

— Знаю, знаю, слава Богу, что не на твою машинку напалъ.

— Эхъ, ужъ мы стараемся, намъ онъ ничего не сдѣлаетъ... ужъ задала бы ему эта Бронка, за нее кто-то стоитъ, а тотъ ужъ замолвитъ словечко, кому слѣдуетъ...

— Охъ, плохо кончитъ эта Бронка, и я прошу тебя, ты съ ней не слишкомъ дружи... такая безстыдница...

— Эхъ, мама, она, по крайней мѣрѣ, о всей машинкѣ заботится и никого не даетъ въ обиду.

— А Флорка такая же?.. А ты, можетъ, голодна, я тебѣ яйца приготовила, вѣдь твоя работа самая тяжелая... Сварить тебѣ или яичницу приготовить?

— Дайте лучше яичницы... А что касается Флорки... можетъ, она бы и хотѣла сойтись съ кѣмъ-нибудь, да ей не везетъ, а она дѣвушка хорошая... А гдѣ Ясенъ?

— Я сегодня, какъ знаешь, къ опекуну за рыбой ходила, такъ онъ тамъ до субботы остался, пусть поиграетъ мальчикъ.

— Потомъ, знаешь, мама, пришелъ этотъ старшій и началъ: вы—такія, сякія, прямо уши вянутъ...

— А чтобъ его!..—выругалась мать, копошась около плиты.—Слыханное ли дѣло, чтобъ женщинъ, дѣвушекъ такъ срамить?

— Мы ужъ къ этому привыкли и не обращаемъ вниманія на его ревъ... А знаете, мама... только это секретъ...

— Хорошо, я ужъ не выдамъ... А вотъ тебѣ и яичница, ѣшь на здоровье.

Дѣвушка съ большимъ аппетитомъ начала ѣсть.

— Что? вкусно?

— Еще бы, а вы что будете ѣсть, мама?

— Мнѣ что-то не хочется, а для Юльки есть сыръ.

— Что жъ, мама, васъ совсѣмъ не интересуетъ мой секретъ?

— Очень даже, что же случилось?

— Вы вѣдь знаете, мама, меня этотъ капралъ задѣлъ, я вѣдь вамъ говорила.

— Да да, а теперь опять?

— Онъ бы, можетъ, и хотѣлъ, но мнѣ Бронка сегодня сказала, что Манька ему устроила такой скандалъ...

— Какая Манька?

— Эта та, что съ нимъ живетъ... Она сказала, что пойдетъ съ жалобой къ ассистенту, къ самому директору, и онъ испугался, даже посмотрѣть на меня боится.

— Слава Богу, а я ужъ думала, что тебѣ и фабрику придется оставить, если онъ тебя станетъ преслѣдовать.

— Э, я бы съ нимъ справилась, у него бы пропала охота трогать меня своими лапами.

— Это извѣстно, за тебя-то я спокойна, но онъ бы тебя ругалъ, штрафовалъ, срамилъ, а справедливости вѣдь не найдешь...

— Захотѣла бъ, такъ ужъ нашла бы.

— Но ты бы могла мѣсто потерять!

— Это не такъ-то просто, разъ я записана постоянной работницей, развѣ только, если бъ я украла. А знаете, мама, эту Каську изъ Звѣринца, которая выходитъ замужъ за каменщика, вчера подвергли спеціальному обыску, а сегодня она сказала, что у ней нашли три сигары.

— Такъ она ужъ, навѣрное, вылетитъ?

— Всякая другая, но не Каська,—весело разсмѣялась Стаська,—она сказала обыскивающей такъ: „Если ты слово скажешь о сигарахъ, то мой (это каменщикъ-то) тебѣ черепъ размозжитъ“. И знаете, мама, та вѣдь—ни гу-гу!

— Глупа она, чего бояться, коли правда за ней,—сказала мать, забирая тарелку со стола.

— Но вѣдь для такихъ Антековъ изъ Звѣринца размозжить кому-нибудь черепъ или даже убить—разъ плюнуть.

Въ эту минуту въ комнату быстро вбѣжала Юлька и, захлопнувъ за собой дверь, крикнула:

— Ну, и морозъ же!

— Что жъ ты такъ опоздала?—спросила мать.

— Я работу относила. А есть что покушать? Я голодна, какъ собака...

— Раздѣвайся, есть сыръ и хлѣбъ.

Юлька, снимая пальтишко, посмотрѣла на тарелку съ остатками яичницы и сердито проворчала:

— Для другихъ марципаны, а для меня только хлѣбъ.

— Зарабатывай столько же, сколько я, и у тебя будетъ, чего тебѣ захочется.

— Не коли ты мнѣ глазъ своимъ заработкомъ! Въ твои годы я буду зарабатывать еще больше!—крикнула Юлька, вспыливъ.

— Тише!—крикнула мать.—Ты всегда начинаешь первая... Вотъ тебѣ хлѣбъ, сыръ, есть еще немного кофе съ завтрака.

— Кофе выпейте лучше вы, мама,—совѣтовала Стася.

— Я не дотронусь до кофе,—сказала Юлька,—а васъ, Стаська, отпускаютъ въ субботу съ полдня?

— Я еще не знаю точно, вѣрно, какъ всегда, въ субботу, въ четыре часа, а васъ?

— А мы только до полдня. Мама, а у насъ будетъ елка?

— На что тебѣ елка?—улыбнулась мать.—Ты ужъ большая дѣвушка... Я еще понимаю,—для Яся, но для тебя?

— А если я люблю елку?.. Мама, золотая мама... пусть хоть такая будетъ,—она показала на стаканъ,—но пусть будетъ... Какъ ты, думаешь, Стаська?

— Мама, если она ужъ такъ хочетъ, можетъ, вы бы и купили?

— Посмотрю, разсчитаю расходы...

— А гдѣ Ясенъ?

— Онъ остался у опекуна.

— А рыба будетъ?—спросила Юлька.

— Она мнѣ обѣщала, что онъ оставитъ для насъ, самого Полонецкаго не было еще дома.

— Охъ, ужъ высплюсь я,—сказала Стася, зѣвая,—а то рано приходится вставать.

— И я отдохну,—прибавила Юлька, пожевывая хлѣбъ съ сыромъ.

Послѣ легкаго стука въ дверь въ комнату вошелъ Стефанъ Былина, поздоровался, усѣлся и, закуривъ папиросу, съ улыбкой сказалъ:

— А въ этомъ домѣ народъ страшно любопытный.

— Что такое?—спросила мать.

— Насчетъ того, какимъ образомъ вы заплатили за квартиру и живете, не кланяясь никому.

— А имъ что за дѣло?—спросила Стася сердито,—не крадемъ, не убиваемъ.

— Это извѣстно,—сказалъ Былина.

— Такъ, что же говорятъ, панъ Стефанъ?

— А вотъ черезъ дворъ пройти не даютъ, то одинъ, то другой: что слышно у Жагельскихъ? получили ли они наслѣдство? выиграли ли въ лоттерею?

— А вы что на это?

— Я ничего, только говорю: спросите сами, если любопытно... А сегодни сама жена мастера мнѣ говоритъ: „Я слышала, что ты къ Жагельскимъ заходишь, предупреждаю тебя отъ добраго сердца, что у нихъ что-то не ладно". „Что же такое?"—спрашиваю я опять. А она: „Я сплетничать не люблю, но съ бѣлошвейной и коробочной нельзя содержать семью, тамъ что-то должно быть". Я поблагодарилъ ее за заботливость.

— Стоило,—презрительно улыбнулась Стася.

— Что жъ, пришлось... вѣдь все-таки жена мастера,—отвѣтилъ онъ, слегка смутившись,—а самъ себѣ думаю: „Вы тамъ болтайте и стройте догадки, а я знаю, что Стася сама всю семью содержитъ".

— Святая это правда,—подтвердила мать,—безъ нея пропали бы мы всѣ.

— Я—нѣтъ, потому что и я зарабатываю,—вмѣшалась завистливая Юлька.

— Э, что тамъ твои шесть кронъ? и на сухой хлѣбъ не хватитъ...

— Я бы пошла служить и не пропала бы,—твердила она.

— Что же еще говорятъ?—спросила мать.

— Товарищи какъ бы шутя уговариваютъ меня быть на-сторожѣ.

— Это прямо невыносимо!—вспыхнула Стася.—Работаю цѣлый день, тружусь, какъ волъ, а эти дураки велятъ быть на-сторожѣ... Другая сплетница говоритъ, что что-то есть... ахъ, чтобъ она столько работала, выслушивала столько проклятій, ругательствъ... Ого, сладко бы ей было!

— Эхъ, Стася, что ты къ сердцу принимаешь людскіе разговоры?—успокаивалъ ее Стефанъ.—Я лучше всѣхъ знаю, чего ты стоишь, другой такой и днемъ съ огнемъ не сыщешь.

— Чего же ты мнѣ повторяешь?—упрекнула она его немного болѣе спокойнымъ голосомъ.—Знаешь, послѣ того, какъ цѣлый день слышишь одну только ругань, идешь домой и думаешь: вотъ приду въ тишину, покой, а придешь—смотри, опять попреки...

— Я только такъ, шутки ради,—оправдывался Стефанъ.

— А гдѣ вы проведете сочельникъ?—спросила мать.— У хозяина или у матери?

— У матери, разумѣется... а въ костелъ пойдемъ вмѣстѣ, хорошо?

— Если ноги дадутъ, и я потащусь, а дѣвушки навѣрное пойдутъ.

— Не знаю только,—сказала Стася ѣдко,—позволятъ ли тебѣ жена твоего мастера и товарищи?

— Я ихъ спрашивать не стану,—разсмѣялся онъ, и мнѣ никакого дѣла нѣтъ до людскихъ разговоровъ.

— Знаешь, мама,—обратилась къ ней Стася,—мнѣ ужъ надоѣло это секретничанье съ моей работой,—вѣдь я не краду, не убиваю,—чего же мнѣ стыдиться честнаго труда?

— Это какъ будто и такъ, но все-таки надо считаться съ людьми.

— А много мнѣ это помогло? Каждый чуетъ что-то неладное и пренебрегаетъ мною.

— Что тебѣ за дѣло до людскихъ разговоровъ?—пожалъ Стефанъ плечами.—Поговорятъ и перестанутъ. Пока ты честна, и совѣсть у тебя чистая, пусть болтаютъ, не повредитъ тебѣ это.

— Хорошо тебѣ говорить, а я дѣвушка: начнутъ оговаривать, все-таки что-нибудь да и прилипнетъ.

— Правду ты говоришь,—отозвалась мать,—ты-таки постарайся устранить всякій поводъ, а про фабрику по-моему болтать не слѣдуетъ.

— Пусть пока будетъ такъ,—нахмурилась Стася.

— Эхъ, милая моя,—сказалъ Стефанъ весело,—меньше, чѣмъ черезъ годъ, мы поженимся и всѣ замолкнутъ.

Эти слова, точно бальзамъ, подѣйствовали на раздраженную Стасю. Началась оживленная бесѣда, въ которой счастливое будущее отодвигало далеко заботу и горе сегодняшняго дня.

На завтра Стася, возвращаясь съ фабрики, встрѣтила Марцысю, и такъ какъ онѣ не видѣлись уже нѣсколько дней, то расцѣловались на улицѣ, обѣ радуясь встрѣчѣ.

— Да ты пахнешь табачнымъ дымомъ, — разсмѣялась горничная,—вѣрно, Стефанъ тебя цѣловалъ?

— Что тебѣ приснилось?—сказала Стася, покраснѣвъ.

— А ты знаешь, Стася, новость?... Я тебѣ разскажу, но ты меня проводи, я спѣшу.

Онѣ обѣ пошли по направленію къ городу.

— Мы вѣнчаемся на масленицѣ, а, можетъ быть, подъ самую Пасху, тебя я, понятно, приглашу въ дружки, вѣдь ты моя лучшая подруга.

— Предупреди меня, однако, Марцыся во-время, вѣдь нужно приготовиться.

— Разумѣется...

— Гдѣ вы будете жить послѣ свадьбы?

— Францишекъ хочетъ открыть лавку,—отвѣтила она.

— Лавку?... да развѣ у васъ хватитъ?

— Онъ кое-что накопилъ, я тоже, теперь мы высматриваемъ подходящее мѣсто. Я часто захожу теперь къ нашей лавочницѣ, и даже помогаю ей безплатно, чтобы научиться торговлѣ.

— Счастливая ты,—вздохнула Стася.

— Конечно... Я сама себѣ буду барыней, никого не нужно будетъ слушаться, и вообще пріятно быть лавочницей... А что со Стефаномъ?

— Черезъ годъ, по меньшей мѣрѣ... Нужно же кое-что собрать, вѣдь у насъ обоихъ ничего нѣтъ.

— Ну, и тебѣ не такъ ужъ плохо,—улыбнулась она,—есть, гдѣ голову приткнуть и что поѣсть, а это вѣдь главное.

— Тяжелая у меня жизнь, Марцыся, я и врагу своему не пожелала бы ея.

— Что ты говоришь, Стася? Ты себѣ жакетку купила, передѣлала прошлогоднюю шляпку, а дома у васъ достатокъ.

— Такъ, издали какъ будто, а на самомъ дѣлѣ грошъ за грошемъ гонится, что еле концы съ концами сводимъ.

— А кто даетъ деньги?

— Кто жъ?—улыбнулась Стася.—Работаю я и все отдаю мамѣ.

Дѣвушки замолкли и такъ какъ онѣ какъ разъ проходили мимо лотка съ конфектами, то Марцыся, смѣясь, сказала:

— Зафундую я тебѣ, Стаська!

Она подошла къ лотку, купила два сладкихъ бублика за четыре геллера и, подавая одинъ Стасѣ, сказала:

— Ѣшь, пусть тебѣ будетъ сладко.

Онѣ обѣ грызли бублички, и Марцыся, испытующе глядя въ лицо Стаси, сказала:

— Знаешь, у меня сегодня былъ страшный скандалъ изъ-за тебя. Я чуть глаза не выцарапала этой Рузѣ съ третьяго этажа.

— Что ты говоришь, изъ-за меня?

— Эта Рузька, злая оса, приходитъ и говоритъ мнѣ при людяхъ: „Не имѣйте вы, панна, дѣла со всякимъ". „Съ кѣмъ же это я имѣю дѣло?"—спросила я ее спокойно, хотя во мнѣ все кипѣло, потому что, какое ей дѣло до меня? не правда ли?

Стася вспомнила вчерашній разговоръ со Стефаномъ и

ей стало не по себѣ, такъ какъ она почувствовала, что Марцыся ей готовитъ новую непріятность и съ горечью сказала:

— Чтобъ имъ языки отсохли!

— И я говорю то же,—подхватила Марцыся,—вотъ она и говоритъ: „Эта молодая Жагельская, навѣрное, имѣетъ побочные доходы, что они такъ деньгами сорятъ". Вотъ ужъ я ее выругала! Вѣдь я тебя столько времени знаю, ты всегда была честной дѣвушкой. Ну, и распустила она свой языкъ на тебя! Что ты наряжаешься, что ты матери лекарства покупаешь, что вся семья одѣта... но она должна была замолчать, потому что я тебя такъ защищала.

Стася, слушая ее, вся поблѣднѣла отъ волненіи. Она чувствовала себя ни въ чемъ неповинной, работала много и не на себя одну только, а на всю семью, и въ награду за все это люди зубы скалятъ и позорятъ ея доброе имя.

— Тебѣ, Марцыся, спасибо... а та, чтобъ изъ ада не выглянула за то, что она меня, невинную, такъ поноситъ,— кончила она сквозь слезы..

— О, злые люди на свѣтѣ,—вздохнула Марцыся,—одно только счастье, что собачьи голоса не идутъ въ небеса... Скажи мнѣ, однако, Стася, какъ это ты вдругъ начала такъ много зарабатывать?

Стася колебалась. Сказать: въ бѣлошвейной,—ей не повѣрятъ, и опять пойдутъ догадки и толки, такъ какъ денегъ слишкомъ много; смолчать—какъ будто подтвердить подозрѣнія... ужъ лучше правду сказать, такъ хоть разъ выяснится, и прекратятся всѣ толки. Она ужъ открыла было ротъ, но опять заколебалась и сказала:

— Если ты не выдашь моего секрета, я тебѣ скажу.

— Клянусь тебѣ всѣмъ, чѣмъ хочешь, — воскликнула Марцыся, у которой глаза загорѣлись отъ радости, что она узнаетъ тайну, которая интересовала весь домъ,—я жъ твоя лучшая подруга!

— Помни, Марцыся, если ты меня выдашь, я разсержусь на всю жизнь.

— Клянусь тебѣ Богомъ и Божьей Матерью!

— Ну, такъ я ужъ тебѣ скажу по секрету... Ты знаешь, что у насъ дома была нужда, мама продала или заложила все, что было дома лучшаго, лишь бы купить хлѣбъ..: Было холодно, за квартиру нечѣмъ было платить...

— О, я прекрасно знаю, какая у васъ была нужда, и не удивляюсь, что ты рѣшилась на все...

— Что ты! — вскрикнула возмущенная Стася.—У меня вѣдь женихъ, я всегда была и осталась честною.

— Знаю, знаю, такъ что?

— Мама узнала, что есть хорошій заработокъ на фабрикѣ, вотъ я и пошла.

— На какой фабрикѣ?

— На табачной!—она быстро посмотрѣла на горничную.

Послѣдняя, помолчавъ немного, съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки сказала:

— Такъ ты теперь папиросница?

— Развѣ въ этомъ есть что-нибудь нехорошее?—защищалась Стася.— Никакая работа не позоритъ, если человѣкъ честный и правдивый.

— Г-мъ, это такъ, однако...

— Что жъ намъ было дѣлать? Погибнуть съ голоду?

— Я этого не говорю, по нуждѣ многое сдѣлаешь, но все-таки... какъ-то непріятно честной дѣвушкѣ связываться съ папиросницами.

— Все-таки это менѣе непріятно, чѣмъ голодная смерть,—сказала Стася съ горечью,—впрочемъ, люди говорятъ про папиросницъ хуже, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ.

— А развѣ есть среди нихъ порядочныя?—недовѣрчиво спросила Марцыся.

— Не мало... кто изъ хорошаго дома, тотъ останется хорошимъ навсегда.

— А я слышала отъ одной моей знакомой, что на фабрикѣ каждая дѣвушка, хочетъ или не хочетъ, должна слушаться старшаго, не то ее изъ фабрики выбрасываютъ...

— Это неправда,—горячо запротестовала Стася,—я ужъ тамъ восьмую недѣлю работаю, а Флорка ужъ третій годъ, и никто ея даже не задѣлъ. Наконецъ, тамъ есть замужнія, даже пожилыя женщины,—развѣ онѣ допустятъ такія безобразія?

— Г-мъ, можетъ, теперь такъ, но я знаю навѣрное, что прежде, гдѣ папиросница,—тамъ ужъ непорядочная... это все-таки грязь...

— Милая моя,—сказала Стася, подумавъ немного,—кто хочетъ лѣзть въ грязь, тотъ всюду ее найдетъ: одна пройдетъ, ноги не замочитъ, другая—вся завязнетъ.

— И это вѣрно... Ну-ну, значитъ, ты, Стаська, папиросница? Ужъ этого я никакъ не ожидала.

— Но помни, ты поклялась сохранить тайну.

— Помню. А сколько ты зарабатываешь?

— Двѣнадцать кронъ въ недѣлю, но есть и такія, которыя имѣютъ по шестнадцати.

— Ого, хорошія деньги! И еслибъ не эта грязь и не эти мужчины, которые себѣ все могутъ позволить, даже я бы пошла... разумѣется, прежде, теперь вѣдь я замужъ выхожу... А Стефанъ твой знаетъ?

— А ты какъ думаешь?—улыбнулась Стася.—Раньше, чѣмъ пойти на фабрику, я ему объ этомъ сказала, и мама тоже.

— И онъ ничего?—удивилась Марцыся.

— Онъ согласился, но это секретъ, и ты первая узнаешь его.

— Ужъ я тебя не выдамъ... Мнѣ тутъ надо зайти въ одинъ домъ за нашей барышней. До свиданья, Стаська.

— До свиданья.

Возвращаясь домой, Стася задумалась надъ тѣмъ, хорошо ли она сдѣлала, довѣривъ свою тайну Марцысѣ. А что, если та по всему дому разнесетъ, что она папиросница? Ей, вѣрно, начнутъ надоѣдать, осмѣивать, и некуда будетъ дѣваться отъ насмѣшекъ и сплетенъ. Она раскаивалась въ своей откровенности.

Но вѣдь все равно о ней говорятъ дурное. Жена мастера, глупая баба, которая сама никогда не работала, предупреждаетъ Стефана, товарищи его тоже, а эта мерзкая Розалія приписываетъ ей побочные заработки... Ухъ, подлая! Хорошо еще, что она наткнулась на Марцысю, и та ее хорошо отдѣлала. Она улыбнулась и съ большой теплотой вспомнила о добромъ отношеніи Марцыси. Да, она одна добрая и не дастъ позорить ее, она, вѣрно, и тайну ея не выдастъ.

Это разсужденіе совершенно усыпило всѣ ея сомнѣнія, и она вернулась домой совсѣмъ ужъ спокойная.

Черезъ нѣсколько дней, въ праздникъ, Стася, выходя изъ дому, чтобы встрѣтиться съ Флоркой, въ воротахъ наткнулась на Марцысю и, обрадовавшись, крикнула ей:

— Куда ты такъ спѣшишь? Пожаръ, что ли?

Но Марцыся нахмурилась и, отвернувъ голову, пошла дальше. Стася не обратила на это вниманія и сказала:

— Я разскажу тебѣ что-то важное...

Марцыся, которая выходила ужъ изъ корридора во дворъ, остановилась и рѣзкимъ, сухимъ голосомъ спросила:

— Чего панна хочетъ? Я съ папиросницами не имѣю никакого дѣла.

Стася, покраснѣвъ, быстро вышла на улицу, гнѣвно шепча:

— Вотъ подлая! Она меня знать не хочетъ,—думала она, идя по направленію къ базару,—такая служанка, которая скачетъ на каждый зовъ! Подѣломъ мнѣ,—не надо было довѣряться такой обезьянѣ... Она не имѣетъ дѣла съ папиросницами, будто она лучше ихъ!.. Такъ я тебя знать не хочу, не посмотрю въ твою сторону...

Слова горничной показались ей совсѣмъ не обидными.

Наоборотъ, она почувствовала себя гордой, что она честная работница, поддерживающая всю семью.

Она встрѣтилась съ Флоркой на условленной улицѣ и тотчасъ же сказала ей:

— Знаешь, Флорка, что со мною случилось?

— Что такое?

— Я была въ дружбѣ съ горничной нашего домохозяина, и она мнѣ сегодня заявила, что не имѣетъ дѣла съ папиросницами! Слыхала ли ты нѣчто подобное?

— Подѣломъ тебѣ! Зачѣмъ ты возишься съ этакой дрянью?—сказала задѣтая за живое папиросница.—Такая обезьяна важничаетъ, хотя получаетъ всего какихъ-нибудь двѣ кроны въ недѣлю!

— Понятно, и развѣ ея работа такая тяжелая, какъ наша? Развѣ ей приходится выслушивать столько ругательствъ и проклятій?

— Разумѣется, нѣтъ! Такой судомойкѣ отлично живется, поэтому она и носъ задираетъ... Охъ, дала бы я ей по этому носу, чтобы онъ распухъ, какъ кулакъ.

Обѣ разсмѣялись, какъ будто угроза словами была ужъ совершившимся фактомъ.

— Я тебѣ говорю, Стаська, держись только папиросницъ, мы вмѣстѣ страдаемъ и лучше всего понимаемъ другъ друга.

— Это какъ будто и такъ... съ тобой очень охотно, но другія...

— Эхъ, милая моя, только воръ въ чужой карманъ заглядываетъ, а ты бери ихъ такими, какими видишь. Что, намъ плохо съ такой Бронкой?

— Хорошо намъ... однако, она...

— Что намъ до этого? Это ея дѣло.

— Но я бы не хотѣла быть такой,—сказала Стася съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

— А кто велитъ тебѣ или мнѣ? Вольному воля... А ты возьмешь у Ици что-нибудь въ долгъ?

— Нѣтъ, я только посмотрю, что теперь въ модѣ, и прицѣнюсь, а ты, Флорка?

— Я-бъ хотѣла подобрать себѣ блузку къ моей коричневой юбкѣ.

Разговаривая такъ, онѣ вошли на Страдомъ, а такъ какъ тамъ толпилась масса людей, которые часто разлучали ихъ, то онѣ почти совершенно прекратили разговоръ. Наконецъ, онѣ остановились передъ большимъ, грязнымъ домомъ, на которомъ въ числѣ другихъ вывѣсокъ красовалась одна, голубая, съ надписью „Ице Краковеръ. Магазинъ парижскихъ модъ“, о чемъ свидѣтельствовали двѣ нарисованныя на вы-

вѣскѣ барышни, одна въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ, другая въ костюмѣ для гулянья.

Этотъ модный магазинъ помѣщался во флигелѣ въ третьемъ этажѣ.

По грязному двору онѣ поднялись на крутую лѣстницу, скользкую отъ грязи, насыщенную всякими запахами отъ кухни, гніющихъ отбросовъ и стараго хлама.

Онѣ, наконецъ, взобрались наверхъ. Въ узкой комнатѣ, освѣщенной однимъ окномъ, ихъ предупредительно встрѣтилъ владѣлецъ магазина.

— Низко кланяюсь паннамъ,—онъ всталъ изъ-за стола, за которымъ работалъ вмѣстѣ съ двумя помощниками,—у меня какъ разъ имѣется модный, рѣдкій товаръ... А, это панна Вапицкая и панна... я забылъ фамилію,—онъ потеръ себѣ лысину и погладилъ свою короткую сѣдѣющую бороду.

— Панна Жагельская,—помогла ему Флорка,—мы пришли къ вамъ по дѣлу: мнѣ нужна красивая блузка.

— У меня какъ разъ есть такая... а, можетъ, сшить для васъ? У меня какъ разъ свѣжій, самый модный товаръ.

— Я бы хотѣла лучше готовую... Есть у васъ?

— Я вѣдь сказалъ уже,—и онъ далъ своимъ помощникамъ какое-то распоряженіе на жаргонѣ, — пожалуйте въ залу.

Это была сосѣдняя комната съ двумя окнами, въ которой находились двѣ большихъ кровати, комодъ и шкафъ, а на вѣшалкахъ, стѣнахъ и шнурахъ были развѣшаны различныя части дамскаго туалета.

Хозяинъ подвелъ своихъ кліентокъ къ окну, рядомъ съ которымъ висѣло большое узкое зеркало, и стояли два небольшихъ стула, заваленные юбками. Освободивъ стулья, онъ сказалъ:

— Отдохните, барышни, сейчасъ подамъ блузки.

Пока онѣ усѣлись, посмотрѣли въ зеркало, поправили шляпки, вуальки и волосы, къ нимъ вернулся хозяинъ съ десяткомъ блузокъ различныхъ цвѣтовъ и фасоновъ.

Флорка и Стася тщательно осматривали каждую блузку, дѣлясь впечатлѣніями по поводу матеріала, фасона и цвѣта, а хозяинъ, стоя у окна, то глядѣлъ на покрытыя снѣгомъ крыши, то вставлялъ нѣсколько словъ. Наконецъ, Флорка, посовѣтовавшись со Стасей, остановилась на одной блузкѣ.

— Панъ Иця, сколько за это?

Онъ подошелъ, взялъ блузку двумя пальцами, чмокнулъ и съ довольнымъ лицомъ сказалъ:

— Вы выбрали самую лучшую, самую модную... сейчасъ видно воспитаніе... Ну, мы люди знакомые, такъ я дорого не возьму... за свою цѣну отдамъ, для васъ пусть будетъ шесть кронъ—и по рукамъ.

— Что? — крикнула возмущенная Флорка. — За такую тряпку шесть кронъ! Ни за что, держите для дураковъ!

— Посмотрите только, какъ это fein шито шелкомъ, и какіе контрафалды... и вамъ какъ разъ къ лицу... Ну, ужъ мы съ вами въ цѣнѣ сойдемся, примѣрьте-ка!

Флорка не могла противостоять искушенію примѣрить блузку передъ зеркаломъ и, рѣзко нападая на высокую цѣну, на матеріалъ и фасонъ, одѣла блузку, съ удовольствіемъ оглядывая себя со всѣхъ сторонъ.

— Какъ ты думаешь, Стаська?

— Г-мъ, сидитъ довольно хорошо.

— Что значитъ хорошо! — крикнулъ возмущенный хозяинъ.—Точно вылита на васъ! И какъ вамъ къ лицу! Просто заглядѣнье!

И Флорка была согласна, что блузка ей очень къ лицу, что она очень модна и красива, но изъ хитрости не признавала этого вслухъ и, надувъ губы, презрительно сказала:

— Эхъ, такое старье... вѣдь она ужъ ношенная...

— Ого, какая вы хитрая, я и не говорилъ, что она новая, такая новая стоила бы десять кронъ... Но это настоящій графскій нарядъ, дай мнѣ Богъ такъ здоровье... только одинъ разъ носила богатая графиня, элегантная, спортмэнша, она живетъ въ своемъ дворцѣ на Кармелитской, можетъ, вы знаете?

Наконецъ, послѣ долгихъ торговъ, Флорка купила блузку за двѣ кроны на выплату, по пятьдесятъ геллеровъ въ недѣлю.

— Ну, а панна Жагельская ничего не купитъ?

— Не хочется... А эта жакетка уже рвется.

— А я развѣ говорилъ, что она никогда не порвется? А вотъ есть у меня теперь платье какъ разъ для васъ.

— Нѣтъ, пойдемъ, Флорка, къ Сарѣ.

— Зачѣмъ къ Сарѣ? и у меня есть прекрасное бѣлье съ шитьемъ, самый лучшій сортъ...

— Не хочу у васъ, я видѣла,—одно старье, а у нея есть выборъ.

— У меня теперь много товару; можете не купить, но посмотрите... за это я денегъ не беру.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ побѣжалъ въ другую комнату и послалъ одного изъ рабочихъ за бѣльемъ къ сосѣду, торгующему этимъ товаромъ.

Пока что онъ занималъ дѣвушекъ, показывая имъ модныя платья, кофточки и какія-то необыкновенныя матеріи. Онъ такъ умѣлъ уговаривать и пріохочивать, что Стася купила двѣ рубашки съ прошивками.

Когда онѣ вышли на улицу, Флорка сказала:

— Я очень дешево купила эту блузку и сегодня же расфранчусь въ ней.

— Ты идешь сегодня на вечеръ?

— Можетъ быть, не знаю... я бъ тебѣ сказала секретъ, но я не знаю, не проболтаешься ли ты.

— Можешь быть увѣрена, я и не пикну.

— Знаешь, Стаська, въ этомъ домѣ, гдѣ мы живемъ, работаетъ одинъ обойщикъ, парень просто картина, но это секретъ...

— Да я же знаю.

— Онъ ужъ вотъ два дня поглядываетъ на меня, улыбается, глядитъ мнѣ прямо въ глаза... Что ты скажешь на это, Стаська?

— Г-мъ, онъ, вѣрно, влюбился въ тебя.

— И я такъ думаю... это я ради него купила эту блузку... знаешь, я тебѣ по секрету скажу, мнѣ бы хотѣлось замужъ выйти.

— Ну да, хотя и это неволя.

— Э, съ мужемъ я уже полажу... надоѣла мнѣ эта фабрика, эти крики, эта вѣчная ругань, пыль, духота, этотъ невыносимый залъ.

— А ты думаешь, мнѣ пріятно? — сказала Стася.—Но когда нужно—нужно.

— Можетъ, онъ мнѣ сдѣлаетъ предложеніе, какъ ты думаешь, Стаська?

— Ну да, навѣрное, если онъ такъ за тобою ходитъ... А онъ много зарабатываетъ?

— Не знаю, но все равно, я бы жила въ маленькой комнаткѣ, отказывала бы себѣ во всемъ, лишь бы бросить фабрику.

— Но согласился ли бы онъ на это?

— Мнѣ одна знакомая сказала, что онъ изъ хорошей семьи.

И онѣ начали говорить о предполагаемыхъ доходахъ его, о возможности брака съ нимъ; и говорили объ этомъ, пока не разошлись.

Уже темнѣло, когда Стася подошла къ своему дому. Ей навстрѣчу шелъ Францишекъ съ гордо поднятой головой. Притворяясь, что не видитъ ея, онъ, проходя мимо, сильно толкнулъ ее:

— Грубіянъ!—сказала Стася сердито.

Францишекъ отвернулся и презрительнымъ тономъ громко сказалъ:

— Папиросница!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Младенцы.

Цвѣты любви на вѣчной грани,
Гдѣ жизнь и смерть—лишь „да“ и „нѣтъ“.
Цвѣты любви, слѣжу заранѣ
Вишь смѣлый, царственный разсвѣтъ.

Вы—какъ звѣреныши у груди,
Еще невиннѣе—во снѣ.
Въ васъ, воскресающіе люди,
Ужъ бродитъ мысль, какъ хмель въ винѣ.

Предвосхищаю цѣльность вашу,
Когда подъ кровлей голубой
Вы землю – солнечную чашу—
Смѣясь, наполните собой.

Сольются вѣчность и мгновенье,
Сольется съ бездной высота.
Безумнымъ будетъ дерзновенье
И ослѣпительной мечта.

Не все ль равно, какія цѣли?
Будь смѣлъ и дай себя увлечь—
Изъ бѣлоснѣжной колыбели
Всѣмъ суждено въ могилу лечь.

Мать, улыбнись, дитя уснуло,
Лучомъ весны озарено.
Кто ты! Христосъ иль Каллигула?
Спи, мирно спи—не все ль равно?

Александръ Рославлевъ.

ДВА МІРА.

Романъ Корнеліи Гюйгенсъ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

(Продолженіе).

Пропагандистское путешествіе на сѣверъ было закон-чено. Бертольдъ много видѣлъ и наблюдалъ, многому на-учился, и многое передумалъ. Ему казалось, какъ-будто въ этотъ короткій промежутокъ времени, когда онъ приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ такимъ огромнымъ количествомъ явленій, которыя до сихъ поръ были чужды для него, онъ пережилъ цѣлые годы. Если теперь многое стало для него гораздо яснѣе, чѣмъ прежде, то все-таки еще не мало оставалось, что еще болѣе стушевалось передъ его испытующимъ взоромъ, а именно по отношенію къ самой сущности человѣка. Всѣ лица и типичныя фигуры, съ которыми онъ познакомился въ средѣ, столь непохожей на его прежнюю среду, стояли теперь передъ его умственнымъ взоромъ, столь различныя между собой, они постояннно всплывали въ его воспоминаніи, и никакая попытка классифицировать ихъ и раздѣлить на различныя категоріи не удавалась. Онъ чувствовалъ, что стоитъ передъ неразрѣшимой загадкой вселенной, — передъ загадкой человѣка, со всѣми ея безчисленными душевными оттѣнками и съ его до безконечности сложнымъ своеобразіемъ. И онъ невольно улыбался при мысли о томъ, сколь многими владѣетъ еще идеалъ равенства передъ стремленіемъ къ высшей, соціальной культурѣ. „Какъ будто извѣстная мѣра благосостоянія и красоты жизни и коллективистическое урегулированіе производства можетъ вылѣпить всѣхъ индивидуумовъ по одной мѣркѣ!" думалъ онъ. „Какое близорукое отношеніе! Какъ много нельзя скорѣе ожидать совершенно противоположнаго, что, наконецъ, будетъ отдано должное индивидуализму,

когда, благодаря расширенію умственнаго горизонта милліоновъ людей, которые теперь не выходятъ изъ своихъ тѣсныхъ рамокъ, каждая индивидуальность въ состояніи будетъ развернуться во всей своей полнотѣ!"

Углубившись въ подобныя размышленія, онъ молча шелъ рядомъ съ Марталисомъ. Они только-что встрѣтились въ Утрехтѣ и были теперь на пути къ Тронтону, одному изъ выдающихся членовъ соціалистической партіи.

Тронтонъ былъ молодымъ адвокатомъ изъ Фрисландіи, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ принесъ въ жертву своимъ убѣжденіямъ все свое общественное положеніе. Необыкновенно одаренный, блестящій ораторъ и обладающій необыкновенной энергіей, сознавъ свое истинное призваніе, Тронтонъ основалъ въ Утрехтѣ секцію партіи, которая в короткое время превзошла по своей силѣ и численности вс остальныя во всей странѣ. Будучи единомышленникомъ Марталиса, онъ обладалъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ тот способностью вліять на широкія массы и одушевлять их

Онъ уже не разъ боролся въ первыхъ рядахъ въ критическія минуты партійной жизни и удивлялъ своихъ товарищей полнымъ презрѣніемъ всякихъ условныхъ понятій своимъ нравственнымъ мужествомъ, и все болѣе отдалял отъ своего прежняго круга. Благодаря постепенному упад его адвокатской практики, которая въ концѣ концовъ ст ограничиваться только неимущими кліентами, онъ сов шенно обѣднѣлъ и жилъ со своей семьей въ очень скро ной квартиркѣ въ отдаленномъ, дешевомъ предмѣстьѣ рода, гдѣ у него было не больше комфорта, чѣмъ у ра чаго, которому приходится довольствоваться жалкимъ дѣльнымъ заработкомъ.

Бертольдъ зналъ эти подробности, и его давнишнее ланіе лично познакомиться съ этимъ человѣкомъ и женой, которая, какъ онъ узналъ, вполнѣ раздѣляла взгля своего супруга, заставило его тотчасъ же принять пред женіе Марталиса провести нѣсколько часовъ въ Утре Марталису нужно было сдѣлать сообщеніе Тронтону о сво агитаціонномъ путешествіи, а также и поговорить съ н о различныхъ партійныхъ дѣлахъ.

— Мнѣ нечего представлять тебя... Ты уже извѣст всѣмъ нашимъ товарищамъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Т выступленіе на прошлой недѣлѣ въ Шотервемѣ было сано въ большей части нашихъ газетъ, а также и въ р люціонныхъ органахъ. Противная фракція не такъ-то л проститъ твою выходку противъ Рустина, такъ они хор поняли, кого ты хотѣлъ задѣть. Въ листкѣ же Трон тебя очень нахвалили.

— Есть за что!—тихонько сказалъ Бертольдъ.—Вмѣсто того, чтобы успокоить, я только еще болѣе ожесточилъ настроеніе.

— Вечеръ былъ все равно испорченъ, и ничего больше не оставалось сдѣлать, какъ закрыть собраніе. Даже нашъ прекрасный предсѣдатель, котораго очень уважаютъ рабочіе, и тотъ вѣдь оказался совершенно безсиленъ. Если Рустинъ не захочетъ дать говорить своему противнику, то онъ всегда имѣетъ успѣхъ. Но одного только онъ никогда не проститъ тебѣ, это того, что ты на минуту импонировалъ собранію послѣ него... а это было безусловно такъ.

Бертольдъ шелъ нѣкоторое время молча рядомъ съ нимъ. Его душа была слишкомъ полна, и онъ искалъ подходящихъ словъ, чтобы правильно выразить свои мысли.

— Ты былъ совершенно правъ, предостерегая меня отъ меня самого,—сказалъ онъ, наконецъ, нѣсколько утомленнымъ голосомъ.

— Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что я совершенно непригоденъ къ тому, чему я одно время хотѣлъ посвятить себя.

Марталисъ быстро и испытующе взглянулъ на него.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ онъ его.

— Я хочу сказать, что я никогда не могъ бы войти въ тѣ или другія узкія политическія рамки, потому что мнѣ недостаетъ для этого твердаго, опредѣленнаго убѣжденія. Ты, надѣюсь, понимаешь, что я подъ этимъ разумѣю,—продолжалъ онъ, замѣтивъ, что Марталисъ саркастически улыбнулся.—Я теперь больше, чѣмъ когда-либо, сознаю, что могу жить только ради одной цѣли... Но относительно средствъ для достиженія этой цѣли, то чѣмъ больше я углубляюсь въ дѣло, тѣмъ больше чувствую я въ себѣ столько колебаній, такую безпомощность, неувѣренность и неспособность придти къ какому бы то ни было рѣшенію. Меня не столько отталкиваютъ непріятныя стороны политической агитаціи, потому что это все-таки долженъ преодолѣть человѣкъ съ сильной волей, — но меня все время преслѣдуетъ вопросъ какъ на бурныхъ собраніяхъ, такъ и при чтеніи листковъ и брошюръ обѣихъ фракцій,—вопросъ: можно ли вообще достигнуть чего-либо великаго или прекраснаго такими средствами, которыя насильственно вытѣсняютъ всякій элементъ красоты?

— Я понимаю твои мысли,—возразилъ Марталисъ, — но ты стоишь на совершенно невѣрной точкѣ зрѣнія. Ты не лишенъ, какъ это часто случается со многими, терять изъ вида историческое значеніе соціальнаго движенія и видѣть въ немъ только дѣло чувства. Какъ историческое явленіе, оно представляетъ собой вѣчно продолжающуюся классовую

борьбу, и въ своей современной фазѣ является чисто-исто-рической необходимостью.

— Но все-таки основывающейся на этической почвѣ,-вставилъ Бертольдъ.

— Нѣтъ, съ этимъ я буду рѣшительно спорить. Эти является не фундаментомъ, не почвой, но вершиной горы,-не корнемъ, но цвѣткомъ, выросшимъ изъ корня. Потом что, что такое этика по своему научному происхожденію по своему значенію?.. Соціальная необходимость и ниче больше, дорогой мой Меріанъ. Это—одна изъ самыхъ мо щественныхъ и неотвратимыхъ истинъ, какія только да намъ эволюціонная теорія. Сравни только этику Спинозы этикой Спенсера. У перваго она является божественны откровеніемъ міровой души въ человѣкѣ,—вполнѣ естестве ный выводъ изъ спинозистскаго пантеизма. У Спенсера ж отца эволюціонной теоріи, этика имѣетъ исторію, она ес наука, развивается постепенно и является высшимъ регули ваніемъ человѣческихъ взаимныхъ отношеній, основанны на инстинктѣ и на соціальныхъ требованіяхъ, въ ихъ возраста щей сложности. И не забудь... между этими обоими фил софами лежитъ очень значительное число поколѣній!

— Но какъ ты объясняешь то глубокое, религіозн чувство, которое у столь многихъ людей предшеству соціальнымъ отношеніямъ и соціальнымъ требованіямъ?

— Оно тоже отнюдь не идетъ впереди общественн отношеній, но когда приближается революція въ этихъ ношеніяхъ, то въ тоже время совершается и революція головахъ людей, являющихся идеологами этого движенія. вая религія возникаетъ, какъ идеальный рефлексъ мате листическихъ вліяній. Изъ низшаго выростаетъ высше никогда не наоборотъ.

Бертольдъ внимательно слушалъ его. Со многимъ того, что говорилъ Марталисъ, онъ соглашался, но отн не со всѣмъ. Онъ находилъ его слишкомъ позитивны слишкомъ догматическимъ, на дающимъ достаточно прост вѣчно неясному и непонятному, недостаточно угадывающ таинственную связь и взаимодѣйствіе между высшими, будительными импульсами въ человѣкѣ и общественн вліяніями.

Но онъ чувствовалъ себя сравнительно съ нимъ таки юнымъ, такимъ неразвитымъ и такъ мало знающимъ, чт подкрѣпить вѣскими аргументами свое мнѣніе, которое скорѣе чувствовалъ, чѣмъ умѣлъ высказать.

— Я назвалъ тебѣ только одно изъ моихъ сомнѣні произнесъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Я въ то же вр ясно сознаю, что не могу присоединиться ни къ какой

тіи; для этого мнѣ не хватаетъ самаго необходимаго: непоколебимаго, односторонняго убѣжденія, свойственнаго всякому истинному политику, что та партія, къ которой онъ принадлежитъ, есть единственная истинная партія, а всякая другая стоитъ на ложномъ пути. Въ обоихъ направленіяхъ нашего рабочаго движенія, какъ мнѣ кажется, лежитъ много истиннаго. Ты, можетъ быть, испугаешься, если я тебѣ сознаюсь, что аргументы твоихъ противниковъ иногда падали у меня не на безплодную почву... хотя еще двѣ недѣли тому назадъ я вѣрилъ въ единственно-спасающее ученіе политической борьбы. Даже рѣчь Рустина, возмутившая меня своими низкими, несправедливыми подозрѣніями противъ тебя, все-таки доказала мнѣ, что онъ говоритъ по внутреннему убѣжденію, и ты и твои единомышленники совершенно неправы, когда вы приписываете его революціонную тактику только его тщеславію и честолюбію.

Марталисъ ничего не отвѣтилъ на это, но выраженіе его лица ясно говорило о томъ, что совершенно напрасный трудъ былъ стараться настроить его мягче по отношенію къ его противнику.

— Самое сильное впечатлѣніе получилъ я вчера во время очень поучительныхъ дебатовъ,—продолжалъ Бертольдъ, замѣтивъ, что Марталису непріятна была тема о Рустинѣ.—Тутъ не было ничего личнаго, никакого ораторскаго блеска, это было просто честное выраженіе простого, здраваго смысла. Я какъ теперь вижу передъ собой этого серьезнаго, честнаго рабочаго... типъ, напоминающій мнѣ нашего предсѣдателя въ Шотервемѣ. Знаешь ли, что онъ сказалъ? Еще никогда, во всей исторіи міра ни одна политическая партія не могла привести къ побѣдѣ дѣло слабыхъ и обдѣленныхъ. Правда, во всѣ времена были отдѣльные справедливые люди, которые даже и въ парламентахъ служатъ дѣлу справедливости. Но мы, рабочіе, не сдѣлаемъ ни одного шагу впередъ посылкой соціалистическихъ депутатовъ въ парламентъ. Честные демократы, у которыхъ хватитъ мужества остаться честными въ политическомъ болотѣ, то есть, хоть настолько, насколько это вообще тамъ возможно, могутъ точно такъ же, какъ и соціалисты, выступить на защиту короткаго рабочаго дня, высшей заработной платы, инвалидныхъ и больничныхъ кассъ, рабочихъ камеръ, закрытія водочныхъ заводовъ, постепеннаго уничтоженія права наслѣдства и т. п., то есть, вообще на защиту всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя намъ нужны прежде всего. Но великое дѣло освобожденія должно исходить отъ насъ самихъ. Если мы будемъ думать, что жареные рябчики сами попадутъ къ намъ въ ротъ, какъ только соціалисты

будутъ въ парламентѣ, то мы опустимъ руки, и въ этой-то надеждѣ на другихъ и лежитъ главная опасность. Законы не идутъ впереди общественныхъ условій и не могутъ придать намъ никакой внутренней силы. Организуясь, образовывая себя и дѣлаясь болѣе развитыми людьми, мы должны стараться измѣнить и духъ, господствующій въ обществѣ. Мы должны заставить больше цѣнить насъ, мы должны выше поднимать голову и, подобно собакѣ, которую долго мучили, и она, наконецъ, взбѣсилась, мы должны больше показывать зубы. Вмѣсто того, чтобы пропивать въ кабакахъ нашъ послѣдній пфеннигъ, мы будемъ укрѣплять себя духовно и нравственно, и наши соціалистическіе вожди, съ ихъ высокимъ, умственнымъ развитіемъ, могли бы здѣсь помочь намъ гораздо больше внѣ парламента, чѣмъ внутри его. Такимъ образомъ, если не мы, то хоть наши дѣти или дѣти нашихъ дѣтей придутъ, наконецъ, къ побѣдѣ,—будетъ ли она достигнута насильственнымъ переворотомъ, если это такъ должно быть, или мирнымъ путемъ, если это будетъ возможно... Въ моихъ ушахъ до сихъ поръ еще звучатъ эти слова,— прибавилъ Бертольдъ.—Я думаю, что такіе люди, какъ ты, будутъ лучше служить интересамъ рабочихъ, если вы поможете ихъ организаціи и самообразованію, если вы какъ-нибудь лучше вооружите рабочихъ, чѣмъ если вы будете произносить въ палатѣ рѣчи, которыхъ сторонники господствующей системы твердо рѣшились не слушать, и вносить законопроекты, которые, навѣрное, не будутъ приняты.

Марталисъ ничего не отвѣтилъ. Вся его дѣятельность, его стремленія и его агитація за послѣдніе годы, въ качествѣ вождя партіи, слишкомъ исключительно направили его мысли въ одну сторону, чтобы приведенные Бертольдомъ аргументы могли имѣть какое-либо вліяніе на него; его сила, какъ агитатора, и заключалась именно въ этой его односторонности. Онъ молчалъ также еще и потому, что хорошо зналъ, что словъ здѣсь совсѣмъ недостаточно при такой сильной индивидуальности, и молодой человѣкъ, идущій рядомъ съ нимъ, долженъ пережить тотъ духовный процессъ, который былъ у него теперь во всемъ разгарѣ.

— Ну?—спросилъ Бертольдъ послѣ паузы, послѣдовавшей за его рѣчью,—что ты скажешь на это признаніе со стороны того, кто такъ еще недавно думалъ, что вполнѣ раздѣляетъ твои взгляды? Развѣ ты не считаешь меня теперь малодушнымъ?

— Нѣтъ, Меріанъ, абсолютно нѣтъ,—серьезно отвѣтилъ Марталисъ. — Мнѣ, напротивъ, вполнѣ ясны твои сомнѣнія по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя ты получилъ, и я считаю

ихъ даже необходимыми. Кто никогда не сомнѣвался, тотъ, по моему мнѣнію, совершенно ненадеженъ, потому что всегда подстерегающій врагъ можетъ напасть на него каждую минуту. Это настроеніе мнѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ твоя прежняя оптимистическая увѣренность въ самомъ себѣ. Но мы пока оставимъ этотъ вопросъ, потому что вотъ мы уже дошли.

Они очутились теперь совершенно внѣ города, прошли еще четверть часа по шоссе и достигли длиннаго ряда маленькихъ, двухъ-этажныхъ, простыхъ домиковъ, которые отчасти были только что выстроены, отчасти еще только строились и производили своимъ свѣжимъ видомъ очень пріятное впечатлѣніе.

Въ одинъ изъ такихъ домиковъ они постучали. Въ сѣняхъ послышался сначала веселый шумъ дѣтскихъ голосовъ, который тотчасъ же затѣмъ смолкъ. Маленькая няня съ разгоряченнымъ отъ игры лицомъ отворила двери, и двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, выглянули изъ сѣней.

На вопросъ Марталиса дѣвочка отвѣтила, что хозяина нѣтъ дома, а жена его у себя. Въ тоже время въ дверяхъ боковой комнаты показалась высокая, бѣлокурая женщина, въ черномъ платьѣ, и, увидѣвъ Марталиса, очень сердечно поздоровалась съ нимъ.

— Тронтонъ уѣхалъ сегодня въ хрустальный дворецъ въ Амстердамъ на собраніе, — сказала она, — но я жду его каждую минуту. Поѣздъ уже долженъ былъ придти.

Марталисъ представилъ своего спутника.

— Вы, навѣрное, ничего не будете имѣть противъ того, что я привелъ съ собой нашего молодого оратора изъ Тотервена. Ему такъ хотѣлось познакомиться съ Тронтономъ.

— Вы — господинъ Меріанъ? — быстро спросила она и протянула ему руку.—Какъ только я прочла отчетъ о собраніи, я вамъ была буквально благодарна за ваши нѣсколько словъ, потому что они такъ полно выражали мои собственные взгляды.

— И никто меньше его самого не предполагалъ, что въ немъ кроется ораторъ,—замѣтилъ, улыбаясь, Марталисъ въ то время, какъ они входили въ залу.

— Ораторъ!.. Какъ ты можешь говорить подобныя вещи! — нетерпѣливо сказалъ Бертольдъ. — Мнѣ даже въ обыкновенной жизни трудно выражаться, какъ слѣдуетъ. Но въ ту минуту я не былъ самимъ собой. Въ то время, какъ я говорилъ, мнѣ казалось, что я слышу кого-то другого.

— Это и есть истинное вдохновеніе, которое такимъ образомъ проявляется само собой, — сказала госпожа Тронтонъ, съ интересомъ взглядывая на него. — Не правда ли,

какъ грустно констатировать столько дурныхъ сторонъ въ такомъ движеніи, какъ наше, ядро котораго такъ прекрасно? Но постепенно къ этому привыкаютъ, а привычка, къ сожалѣнію, притупляетъ насъ. И меня тѣмъ болѣе радуетъ видѣть взрывъ негодованія со стороны еще не притерпѣвшагося.

Говоря эти слова, она какъ можно удобнѣе усадила посѣтителей въ маленькой, простенькой комнатѣ, и пока Марталисъ продолжалъ разговоръ, Бертольдъ успѣлъ немного осмотрѣть окружавшую его обстановку.

Представлялъ же онъ себѣ все-таки нѣчто иное, хотя ему и были извѣстны тѣ обстоятельства, которыя заставили Тронтона вести такой образъ жизни, который ставилъ его совершенно внѣ его прежняго круга... Во всякомъ случаѣ, то, что онъ увидѣлъ, произвело на него глубокое впечатлѣніе. Его не столько тронула простота, сколько ограниченность помѣщенія. Мала и низка была какъ комната, такъ и крошечная передняя, гдѣ играли дѣти. Онъ невольно подумалъ, сколько здѣсь пришлось преодолѣть привычекъ и прирожденныхъ потребностей и, съ полнымъ глубокаго уваженія удивленіемъ, слѣдилъ за движеніями женщины въ маленькой комнатѣ, гдѣ единственнымъ элементомъ комфорта являлся простой коверъ и нѣсколько камышевыхъ стульевъ, предоставленныхъ теперь Марталису и ему самому.

Въ одномъ углу, у окна, стояла большая конторка, окрашенная въ желтый цвѣтъ, а на другой сторонѣ—маленькій, изящно уставленный, дамскій письменный столикъ,—очевидно, реликвія ея дѣвичьихъ лѣтъ,—со множествомъ портретовъ и нѣсколькими художественными бездѣлушками, совершенно неподходящими къ общей обстановкѣ и потому тотчасъ же бросающимися въ глаза. Затѣмъ, онъ замѣтилъ, что въ комнатѣ, кромѣ стола и стульевъ, всюду стояли растенія, букеты съ сухими травами и цвѣты въ вазахъ и корзинкахъ, пріятно ласкающіе взоръ и заполняющіе каждый пустой, неуютный уголокъ. Даже на выступѣ печки, красиво задрапированномъ пестрой бумажной тканью, стояли вазы со свѣжими полевыми цвѣтами.

Между тѣмъ хозяйка быстро привела въ порядокъ письменный столъ своего супруга. — Когда моего мужа нѣтъ дома, то я всегда работаю здѣсь,—обратилась она къ Марталису,—но когда онъ возвращается, всѣ его вещи должны быть на своемъ мѣстѣ, и я перехожу къ большому столу, такъ какъ мой пюпитръ слишкомъ малъ.

— Госпожа Тронтонъ взяла на себя часть редакціонной работы въ нашемъ центральномъ органѣ,—объяснилъ Мар-

тались, потому что Бертольдъ,—постепенно, правда, уже привыкшій входить въ соприкосновеніе съ мыслящими и работающими женщинами,—все-таки съ трудомъ могъ скрыть свое изумленіе.—Такимъ образомъ, газета можетъ регулярно выходить и въ отсутствіе редактора. Это значитъ,—прибавила она,—что я просто стараюсь кое въ-чемъ помочь. Моя роль состоитъ въ томъ, чтобы просматривать иностранную прессу и выбирать изъ нея то, что мнѣ кажется наиболѣе важнымъ. Но общее руководство органомъ лежитъ на обязанности моего мужа, и въ концѣ концовъ онъ долженъ рѣшать все самъ. Это тѣмъ болѣе необходимо,—замѣтила она, улыбаясь, что наши взгляды часто совершенно расходятся, я всегда склонна принимать больше во вниманіе идеалистическую сторону нашего движенія, тогда какъ, по его мнѣнію, на первый планъ нужно выдвигать агитаціонные элементы.

Въ эту минуту дверь въ комнату немного пріотворилась, и маленькая дѣвочка лѣтъ трехъ, у которой на личикѣ было написано удовольствіе отъ игры, заглянула въ нее и тотчасъ же исчезла по знаку матери.

— Развѣ дѣти не могутъ войти сюда?—спросилъ Бертольдъ, взглянувъ на дверь.

— Конечно, могутъ, если они васъ не будутъ безпокоить!—и молодая мать съ новымъ интересомъ взглянула на „добродушнаго, темноволосаго юношу",—какъ она тотчасъ же охарактеризовала его для себя.—Теперь, лѣтомъ, передняя превращается въ дѣтскую. Они могутъ шумѣть тамъ, сколько имъ нравится, если я здѣсь серьезно занята. Элли и Рольфъ, идите сюда,—крикнула она, отворивъ дверь. Дѣти тотчасъ же бросили игру. Войти въ комнату, когда тамъ были гости, считалось у нихъ настоящимъ праздникомъ. Элли уже усѣлась со своей куклой на колѣни къ Бертольду и разсказывала ему о своихъ игрушкахъ и о садикѣ, гдѣ однажды утромъ „родились" два голубка и о кроликѣ, котораго Рольфъ недавно получилъ въ подарокъ и который сдѣлался уже совершенно ручнымъ и такимъ милымъ. Ушки у него были такія длинныя,—и она показала пальчикомъ во всю длину своей ручки,—и они часто лежатъ у него на спинѣ, а носикъ постоянно двигается, и иногда онъ умывается, какъ кошечка.

— Я очень люблю кроликовъ,—сказалъ ей ея новый другъ.—Можно мнѣ посмотрѣть его?

Элли тотчасъ же соскочила съ колѣнъ, подбѣжала къ матери и что-то съ важнымъ видомъ потихоньку шепнула ей на ухо.

— Да, конечно, можно!—отвѣтила мама, улыбаясь гостю,

который, какъ ей казалось, только изъ любезности обращаетъ столько вниманія на дѣтей, такъ какъ и Рольфъ, хотя и болѣе односложно, но тоже по-своему принялся разговаривать съ нимъ.

Потомъ, они всѣ трое побѣжали въ „садъ", который былъ не больше маленькаго дворика и въ которомъ имѣлась голубятня, ящикъ съ кроликомъ и между камнями— миніатюрная грядка, гдѣ, повидимому, что-то было посѣяно. Всѣ эти сокровища съ дѣтской радостью были показаны Бертольду. Кролику, маленькому, совсѣмъ еще юному звѣрьку, досталась львиная доля удивленія и, глядя, какъ Элли ласково гладила его лапки, называла его всевозможными ласкательными именами и разсказывала, что въ первый день онъ такъ боялся, а потомъ сдѣлался совсѣмъ ручнымъ,—Бертольдъ живо вспомнилъ свои собственныя дѣтскія ощущенія. Затѣмъ пятилѣтній Рольфъ съ диктаторскимъ видомъ потребовалъ, чтобы онъ влѣзъ по маленькой лѣстницѣ и взглянулъ на голубковъ. Позвали и Бетти, няню дѣтей, чтобы и она была свидѣтельницей восхищенія ихъ новаго друга. Между тѣмъ, какъ они продолжали разсказывать ему все, что знали объ естественной исторіи ихъ любимцевъ, Бертольдъ съ интересомъ прислушивался къ ихъ дѣтской болтовнѣ, ясно показывавшей ему направленіе ихъ воспитанія.

Наконецъ, дошла очередь и до цвѣтовъ, и тутъ Рольфъ разсказалъ ему, что грядка—его работа, что онъ самъ вскопалъ съ мамой землю и посѣялъ сѣмена и что, когда онъ выростетъ большой, то сдѣлается садовникомъ.

— Да, — сказалъ Бертольдъ, — сдѣлаться садовникомъ великолѣпно, не правда ли? Но быть кучеромъ, сидѣть на высокихъ козлахъ и ѣхать во всю прыть,—это, мнѣ кажется, еще лучше.

Рольфъ удивленно взглянулъ на него. Объ этомъ онъ, очевидно, еще не думалъ, и нарисованная ему перспектива показалась ему очень заманчивой, поэтому онъ подумалъ съ минуту, не отказаться ли ему лучше отъ давно взлелѣяннаго имъ идеала садовника, какъ вдругъ Элли покачала своей бѣлокурой головкой и крикнула:

— Я не хочу быть кучеромъ!

Бертольду показалось что-то высокомѣрное въ голосѣ прелестнаго ребенка.

— Итакъ, ты не хочешь быть кучеромъ?—съ любопытствомъ спросилъ онъ. — Почему же такъ? Развѣ ты не любишь ѣздить?

— У кучеровъ всегда въ рукахъ большой кнутъ, чтобы бить лошадей... а мамочка говоритъ, что это очень больно лошадямъ.

Онъ взялъ ребенка на колѣни и поцѣловалъ его.

— Конечно, маленькая женщина, твоя мама совершенно права, кнутъ дѣлаетъ больно, а мы никому не хотимъ дѣлать больно, не правда ли? Поэтому, мы лучше сдѣлаемся садовниками и будемъ помогать цвѣточкамъ расти...

Вдругъ у входной двери дома послышался громкій звонокъ.

— Папа...—въ одинъ голосъ крикнули дѣти, и Бертольду пришлось поскорѣе поставить на землю рвущуюся изъ его рукъ дѣвочку; и дѣти взапуски побѣжали къ двери.

Самъ онъ еще помедлилъ минутку въ саду, съ улыбкой прислушиваясь къ радостнымъ крикамъ въ передней, а затѣмъ и самъ вошелъ туда. Здѣсь его познакомили съ мужчиной, лѣтъ 35-ти, высокимъ и блѣднымъ, какъ Марталисъ, съ нѣсколько усталымъ выраженіемъ глазъ. Бертольдъ представлялъ себѣ совершенно инымъ этого всѣмъ извѣстнаго и такъ ненавидимаго своими противниками агитатора. Въ его наружности не было ничего, что бы заставляло предполагать въ немъ огненнаго, вдохновляющаго массы оратора. Но когда они поздоровались, и Марталисъ сталъ разсказывать нѣкоторые характерные случаи изъ своего сѣвернаго агитаціоннаго путешествія, проявилась и живая, восторженная натура Тронтона, и его усталые, полузакрытые до сихъ поръ глаза заблестѣли. Еще ярче проявилось это тогда, когда заговорилъ онъ самъ и разсказалъ о собраніи, на которомъ присутствовалъ въ это утро въ Амстердамѣ. Одинъ изъ самыхъ большихъ профессіональныхъ союзовъ, союзъ бриліантщиковъ, имѣющій 7.000 членовъ, организовалъ въ Хрустальномъ Дворцѣ огромное собраніе для того, чтобы обсудить вопросъ объ еженедѣльной помощи жертвамъ локаута на югѣ. Союзная касса была не богата. Члены его были сами истощены долгой безработицей, а также и продолжительной, тяжелой борьбой и только съ большимъ трудомъ могли дѣлать свои регулярные взносы въ кассу.

— Посмотрѣлъ бы ты только, какой духъ любви къ ближнему и самопожертвованія охватилъ все собраніе,— продолжалъ разсказчикъ.—Горячая рѣчь предсѣдателя профессіональнаго союза встрѣтила полное сочувствіе въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ. Всѣ собравшіеся тамъ рабочіе самыхъ различныхъ религіозныхъ и политическихъ взглядовъ были охвачены однимъ сознаніемъ, что они собрались здѣсь изъ чувства чистой любви къ человѣчеству, чтобы обсудить, должна ли быть принесена жертва, до крайности напрягающая ихъ финансовыя силы, для совершенно незнакомыхъ имъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, живущихъ въ далекомъ городѣ. Утѣшительно было слышать, по окончаніи

рѣчи, общее, единодушное выраженіе одобренія и видѣть необыкновенное воодушевленіе, когда было внесено предложеніе отдать свои сбереженія многихъ мѣсяцевъ тѣмъ, кто страдалъ еще больше, чѣмъ они сами.

И, несмотря на тысячи присутствующихъ, ни одинъ невѣрный звукъ не нарушалъ собранія. Въ эти часы, по крайней мѣрѣ, на маленькомъ клочкѣ земли торжествовалъ священный принципъ солидарности, чисто-человѣческія чувства безъ всякой сектанской ревности или партійной распри, — то именно религіозное стремленіе, которое, по моему глубокому убѣжденію, должно все болѣе и болѣе охватывать наши мысли и чувства.

Такія минуты, которыя я пережилъ сегодня утромъ, я считаю гораздо болѣе цѣнными, чѣмъ самую крупную политическую побѣду, какая только можетъ выпасть на нашу долю. Онѣ гораздо больше, чѣмъ все остальное, доказываютъ прогрессъ культуры и отражающееся въ поступкахъ высшее, человѣческое сознаніе широкихъ массъ. У очень немногихъ рабочихъ глаза оставались сухи. Возбужденіе, вызванное радостнымъ ликованіемъ нѣсколькихъ тысячъ, охватило всѣхъ присутствующихъ безъ исключенія. Помнишь ли ты, — обратился онъ къ своей женѣ, — прекрасную мысль Метерлинка въ его „Trésor des humbles“: „Ничто не можетъ уже раздѣлить двухъ душъ, которыя провели вмѣстѣ прекрасную минуту“. Будемъ надѣяться, что эта общая „прекрасная минута“ будетъ продолжать еще дѣйствовать во многихъ душахъ!

Въ первую минуту никто не говорилъ, ни слова, какъ будто волненіе, вызванное въ собраніи, продолжало дѣйствовать и здѣсь. Молодая женщина встала, какъ будто затѣмъ, чтобы что-то переставить въ комнатѣ, и Бертольдъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ своими мечтательными, темными глазами.

— Слѣдовательно, и въ народныхъ движеніяхъ есть красота... — сказалъ онъ, обращаясь больше къ ней, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ.

— Это прекрасное рѣдко выплываетъ на поверхность, потому что буржуазныя газеты слишкомъ стараются угодить своимъ читателямъ, — горько возразилъ Тронтонъ. — Уличныя сцены, безпорядки, всевозможныя столкновенія, если таковыя происходятъ, описываются самыми яркими красками и являются удобнымъ случаемъ заклеймить неповинныхъ соціалистовъ и тѣмъ доставить удовольствіе своимъ обонентамъ. Все же остальное, разумѣется, тщательно игнорируется.

— На какую слабость указываютъ подобные пріемы! — замѣтила госпожа Тронтонъ, усаживаясь рядомъ съ Бер-

тольдомъ, и пока ея мужъ обсуждалъ съ Марталисомъ нѣкоторые дѣловые пункты только-что оконченнаго собранія, она серьезнымъ тономъ обратилась къ юношѣ:

— Я надѣюсь, что вы теперь будете обращать вниманіе на прекрасную сторону нашего движенія! Это лучше всего поддерживаетъ бодрость духа, особенно, когда человѣкъ еще молодъ и очень воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ.

Она, тридцатидвухлѣтняя и благодаря обстоятельствамъ своей жизни, уже много испытавшая женщина чувствовала нѣкоторое материнское преимущество по отношенію къ этому молодому человѣку, который уже возбудилъ ея симпатію прежде, чѣмъ она лично съ нимъ познакомилась. По мѣрѣ того, какъ интересъ ея росъ къ нему, у нея усиливалось желаніе испытать его, съ какой стороны онъ могъ бы быть потомъ полезенъ для партіи.

— Да, я, кажется, во всякомъ случаѣ, очень воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ, — возразилъ Бертольдъ. — Я даже думалъ, что огромное впечатлѣніе отъ одной рѣчи Марталиса создало у меня мое теперешнее настроеніе, хотя, впрочемъ, и онъ самъ, и профессоръ Деннерсъ всегда утверждали, что поле человѣческой души должно быть вполнѣ подготовлено, чтобы на немъ могли взойти посѣянныя сѣмена. Но какъ бы тамъ ни было... все-таки сильное впечатлѣніе открыло мнѣ глаза на мое собственное духовное состояніе. Въ тотъ вечеръ я почувствовалъ себя, какъ человѣкъ, открывшій существованіе прекраснаго, невѣдомаго ему міра, наряду съ тѣмъ, въ которомъ онъ живетъ и въ которомъ никогда не чувствовалъ себя счастливымъ.

— О, я вполнѣ понимаю это чувство!—теплымъ тономъ сказала госпожа Тронтонъ. — Съ нами, правда, дѣло шло совершенно иначе. Мы постепенно выросли въ нашихъ новыхъ чувствахъ. Видя кругомъ себя безнадежную нищету, которая очень правильно характеризуется названіемъ „бѣдная Фрисландія“, наблюдая безплодную борьбу, а также и жалкую работу различныхъ буржуазно-демократическихъ партій въ дѣлѣ очищенія авгіевыхъ конюшенъ, воспринимая все новыя точки зрѣнія и отвергая старыя, мы и сами не сознавали, куда, въ концѣ концовъ, насъ приведетъ наше все усиливающееся состраданіе и интересъ. Мы, въ сущности, сами не хотѣли признаться себѣ въ нашемъ горячемъ возмущеніи существующимъ строемъ и пытались соединить наши истинно-революціонныя желанія и чувства съ нашими новыми взглядами, потому что мы, въ самомъ дѣлѣ, были того мнѣнія, что можно занять среднее мѣсто между двумя совершенно противоположными міросозерцаніями... Мой мужъ былъ тогда радикаломъ. Затѣмъ наступилъ

періодъ, когда онъ, совершенно подавленный своимъ нерѣшительнымъ, двойственнымъ положеніемъ, ничего не желалъ такъ страстно, какъ порвать всѣ связи со старымъ, грубымъ міромъ, но сдерживалъ свои стремленія ради меня и дѣтей... тогда какъ я, съ своей стороны, опасаясь повредить его карьерѣ и потребовать отъ него слишкомъ большой жертвы, тщательно скрывала отъ него мои мысли... и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока благодаря одному случайному обстоятельству, мы не объяснились другъ съ другомъ. И тогда мы стали жить чудными мечтами и иллюзіями.

— И вы никогда послѣ не раскаивались въ принесенной вами жертвѣ?—спросилъ Бертольдъ, невольно проводя параллель между этой изящной, тонко-чувствующей женщиной и ея бѣдной обстановкой.

Она почти испугалась и разочарованно взглянула на него, какъ будто этотъ вопросъ сразу понизилъ его въ ея глазахъ.

— Какъ же можно раскаиваться въ такомъ поступкѣ, благодаря которому мы пріобрѣли себѣ внутренній міръ?—сказала она, нѣсколько даже свысока. Но тотчасъ же какъ будто ея вспышка причинила страданіе ей самой, она, попрежнему, ласково продолжала:—Во всякомъ случаѣ, я думаю, что это можно понять только тогда правильно, когда самъ испыталъ, что значитъ перейти отъ мрака къ свѣту.—Тутъ она на минуту остановилась...—Я попытаюсь описать вамъ счастье нашего теперешняго существованія. Вы, навѣрное, не разъ уже слыхали о блаженствѣ церковно-вѣрующихъ христіанъ, когда они, послѣ долгой молитвы, дѣлаются участниками „благодати", какъ они говорятъ. Нѣчто подобное можно сказать и о работѣ и жизни, согласной съ принципами своей религіи, такъ какъ евангеліе человѣчества я считаю тоже религіей. Наступаетъ какое-то благодѣтельное успокоеніе послѣ долгой борьбы, сомнѣній и мучительныхъ вопросовъ: почему? зачѣмъ? Для меня было пыткой думать среди нашей собственной, часто даже излишней роскоши, о невыносимыхъ страданіяхъ сотенъ и тысячъ голодныхъ, мерзнущихъ и живущихъ въ лачугахъ и трущобахъ нашихъ ближнихъ, которымъ не хватаетъ даже дневного свѣта; укладывая въ теплыя кроватки моихъ крошекъ, я представляла себѣ матерей, которыя видятъ, какъ гибнутъ ихъ дѣти благодаря недостатку свѣта, воздуха и здоровой пищи, а также и ихъ отцовъ, тщетно ищущихъ себѣ работы въ суровые зимніе мѣсяцы... А теперь... Хотя мы, попрежнему, къ сожалѣнію, не можемъ ничѣмъ помочь всѣмъ духовно и тѣлесно угнетеннымъ въ нашемъ обществѣ,

но насъ все-таки утѣшаетъ та мысль, что изъ общаго производства мы пользуемся только безусловно необходимымъ, что у насъ нѣтъ больше тѣхъ огромныхъ привилегій и что мы посвящаемъ теперь все наше время и всѣ наши силы исключительно нашей жизненной цѣли.

— Мнѣ еще нужно очень много учиться... и я самъ больше всѣхъ убѣжденъ въ этомъ, — сказалъ Бертольдъ, и въ глазахъ его безсознательно отразилось его уваженіе и удивленіе къ ней. Она замѣтила это, и въ тонѣ ея голоса зазвучали теперь нетерпѣливыя ноты.

— Вы, можетъ быть, поймете теперь, почему тѣ, кто считаетъ, что къ намъ нужно относиться съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ, насъ просто не понимаетъ и не уясняетъ себѣ всего богатства нашей жизни, наряду съ нищетой ищущихъ богатства и наслажденія, которые почти всѣ устали отъ жизни и больны. Тогда слѣдуетъ также удивляться и всѣмъ тѣмъ, кто охотнѣе бываетъ счастливъ, чѣмъ несчастливъ, и предпочитаетъ пищу и питье голоду и жаждѣ или красоту безобразію.

— А тѣ, кто сами олицетворяютъ эту красоту, не понимаютъ, какого труда стоитъ другимъ усвоеніе прекраснаго... — подумалъ Бертольдъ, но не высказалъ, однако, этой своей мысли, потому что онъ нѣсколько стыдился того, что оцѣниваетъ слишкомъ высоко то, что она считаетъ такимъ ничтожнымъ.

— А ваши дѣти?.. — спросилъ онъ, помолчавъ немного.

На этотъ разъ по лицу ея скользнули болѣзненныя черточки.

— Мои дѣти...—грустно повторила она.—Да, въ этомъ отношеніи я все еще колеблюсь сама. Слѣдуетъ ли мнѣ воспитывать ихъ въ духѣ стараго общества, чтобы вооружить ихъ для его суровой борьбы, или же—по моему собственному евангелію?

Она помолчала нѣсколько секундъ.

— И что особенно затруднительно, такъ это то, что въ этомъ вопросѣ я, такъ сказать, совершенно одинока, потому что Тронтонъ, мой постоянный руководитель во всемъ остальномъ, цѣликомъ захваченъ своей политической дѣятельностью и увѣряетъ, что не обладаетъ никакими педагогическими способностями. Въ общихъ чертахъ направленіе воспитанія вырисовывается передъ нами, но намъ постоянно приходится останавливаться передъ самыми трудными дилеммами. Я вамъ приведу для иллюстраціи одинъ примѣръ: Элли и Рольфъ, оба, почти съ перваго года своей жизни, чувствуютъ непреодолимое отвращеніе къ мясной пищѣ, и мы никогда съ этимъ не боролись. Хотя мы и не можемъ назвать себя

убѣжденными вегетаріанцами, но я признаю, что одна мысль, что ради насъ не убивается больше живыхъ существъ, очень привлекательна для меня и для моего мужа. Такимъ образомъ, благодаря дѣтямъ, мы постепенно привыкли къ вегетаріанскому образу жизни и чувствуемъ себя при этомъ очень хорошо. Но что разъ произошло! Однажды Элли пригласили играть къ сосѣднему ребенку; она случайно заглядываетъ въ кухню и видитъ, что тамъ на очагѣ варится или жарится въ горшкѣ курица.

Ребенокъ былъ внѣ себя. Ужасъ ея можно было бы сравнить развѣ только съ отвращеніемъ, которое почувствовали бы вы, увидѣвъ на сковородѣ, напримѣръ, ребенка. Горько плача, вернулась Элли домой. Такъ какъ я пріучила ее смотрѣть на всѣхъ животныхъ, какъ на чувствующія существа, то мнѣ было очень тяжело разсказывать ей, что другіе люди убиваютъ животныхъ просто затѣмъ, чтобы ѣсть ихъ, и когда она меня спросила затѣмъ, убиваютъ ли и ѣдятъ ли тоже кроликовъ и голубковъ и мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось отвѣтить ей на это утвердительно, то я просто не знала, что дѣлать съ ребенкомъ. А вопросы, которыми она меня потомъ засыпала!.. Это былъ настоящій перекрестный допросъ, изъ котораго я едва могла выпутаться, оставаясь правдивой и не разрушивъ всего того, чему я научила ее относительно доброты, кротости и состраданія. И такъ продолжалось почти цѣлый день; а вѣдь ей нѣтъ еще и четырехъ лѣтъ.

И вотъ передо мной является вопросъ: должна ли я учить развивающіяся дѣтскія души мыслить и чувствовать по нашему собственному міровоззрѣнію или же мнѣ ихъ нужно закалить противъ всего, что имъ предстоитъ въ жизни, какъ это было сдѣлано съ нами, въ наши дѣтскіе годы, безъ всякаго, впрочемъ, злого намѣренія, а просто по привычкѣ?

Я еще очень хорошо помню, какъ меня въ дѣтствѣ постепенно и систематически пріучали почти стыдиться моихъ вспышекъ состраданія къ людямъ и животнымъ. И вотъ я стою лицомъ къ лицу передъ задачей, рѣшенія которой я до сихъ поръ еще не нашла.

— А между тѣмъ, мнѣ кажется, что вы, можетъ быть, сами того не сознавая, уже нашли это рѣшеніе для своихъ дѣтей. Я думаю, что вы скорѣе готовы видѣть ихъ гибель, чѣмъ ихъ торжество въ такомъ обществѣ, какъ наше. Христосъ, вѣдь, тоже былъ распятъ. „Божественное въ человѣкѣ,—читалъ я недавно у одного мыслителя,—распиналось во всѣ вѣка“. Поэтому, мы должны почти надѣяться, что распинаемыхъ теперь будетъ все больше.

Приходъ дѣтей внезапно прервалъ разговоръ, и Бертольдъ снова долго занимался ими, пока не вошелъ Марталисъ и сказалъ:

— Хозяинъ приглашаетъ насъ, Меріанъ, отобѣдать у него, и я думаю, что мы будемъ настолько нескромны, что примемъ это приглашеніе.

— Это будетъ отлично,—замѣтила молодая женщина.— Мы, кромѣ того, ждемъ еще одного изъ нашихъ друзей, такъ что вы нисколько не стѣсните меня, какъ хозяйку.

— Кого же вы еще ждете?—спросилъ Марталисъ, когда она поднялась, чтобы выйти изъ комнаты.

— Члена нашего комитета, Цаамстру, у котораго сегодня здѣсь было собраніе. Вы вѣдь знаете его?

— Разумѣется, и мнѣ даже кажется, что я видѣлъ его на томъ знаменитомъ собраніи въ Шотервемѣ. Какъ идутъ партійныя дѣла въ его районѣ?

— Плохо. Народъ въ той мѣстности, повидимому, совершенно еще несознательный. Тамъ работаютъ еще по 16 часовъ въ сутки съ единственнымъ утѣшеніемъ, въ видѣ стакана водки, конечно. Что можно сдѣлать культурнаго съ такими несчастными? Они прямо глядятъ въ глаза своимъ хозяевамъ, если тѣ только позволятъ имъ пить, сколько угодно водки, и не останавливаются ни передъ какой низостью, чтобы помѣшать другъ другу бороться за лучшія условія. Читали ли вы недавно статью одного бельгійскаго врача о зависимости между черезчуръ длиннымъ рабочимъ днемъ, дурнымъ питаніемъ и злоупотребленіемъ спиртными напитками? Въ своихъ доводахъ онъ опирается на строго научныя основанія и доказываетъ, что страсть къ пьянству развивается постепенно изъ тѣлеснаго истощенія рабочихъ.

Марталисъ пожалъ плечами.

— Какъ будто все еще надо писать статьи, чтобы доказывать, что дважды два—четыре. Для большинства это является невѣроятно скучными разсужденіями. Гораздо больше пристало самодовольнымъ буржуа сначала систематически эксплоатировать рабочихъ, довести ихъ до полнаго физическаго и моральнаго упадка и затѣмъ качать головой по поводу гибельной страсти къ пьянству „въ народѣ“ и организовывать всевозможныя общества трезвости и абстинентскіе конгрессы... тогда какъ, съ другой стороны, правительство пришло бы въ отчаяніе, если бы въ результатѣ всѣхъ этихъ обществъ и конгрессовъ государственная казна оказалась бы пустой.

* * *

— Вонъ идетъ Цаамстра!—сказалъ Марталисъ, когда мимо окна промелькнула тѣнь. Тронтонъ немедленно всталъ, чтобы открыть ему дверь.

Вскорѣ, вслѣдъ затѣмъ, въ передней послышался шумъ медленныхъ, тяжелыхъ шаговъ и, къ удивленію Бертольда, въ комнату вошелъ человѣкъ, въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ стараго рабочаго, обмѣнявшагося съ нимъ нѣсколькими словами въ Шотервемѣ... того чуть не пополамъ согнутаго кузнеца, который показалъ ему Бальтіана Рустина.

Марталисъ сердечно пожалъ ему руку.

— Цаамстра. Меріанъ...—представилъ ихъ другъ другу Тронтонъ, но Бертольдъ уже раньше протянулъ ему руку и пожалъ его жесткіе, мозолистые пальцы.

Старикъ, теперь чисто вымытый и одѣтый въ темно-синюю куртку, замѣтилъ его удивленіе и взглянулъ на него съ легкой усмѣшкой на сжатыхъ, морщинистыхъ губахъ.

— Вы не особенно были счастливы на одномъ изъ вашихъ первыхъ собраній,—сказалъ онъ.—Я видѣлъ, какъ вы вошли съ Марталисомъ и замѣтилъ васъ. Но ваша рѣчь доставила удовольствіе какъ мнѣ, такъ и нѣкоторымъ моимъ друзьямъ.

Съ этими словами онъ ласково кивнулъ ему головой, и Бертольдъ почувствовалъ себя съ этимъ рабочимъ вдругъ какимъ-то ученикомъ, котораго хвалятъ за его старанія.

— Цаамстра написалъ прекрасное сообщеніе для нашей газеты,—сказалъ Тронтонъ.—Онъ вѣдь одинъ изъ нашихъ ветерановъ, не правда ли, Цаамстра?..

И въ то же время онъ пододвинулъ ему самое удобное кресло въ комнатѣ.

— Я могу сказать, что, по крайней мѣрѣ, кое-что пережилъ,—возразилъ старикъ хриплымъ, прерывающимся голосомъ,—и такая буря, какъ въ Шотервемѣ, не представляетъ для меня ничего новаго. Несчастныя личныя распри, которыя, къ сожалѣнію, совершенно оттѣсняютъ на задній планъ самую цѣль нашего движенія, съ каждымъ днемъ становятся, кажется, все острѣе.

— Ты, можетъ быть, говорилъ еще въ тотъ вечеръ съ Рустинымъ?—спросилъ Тронтонъ послѣ того, какъ они всѣ усѣлись.

Старикъ съ грустью отрицательно покачалъ головой. Благодаря тому, что лицо его, окаймленное сѣдой, щетинистой бородой, было теперь чисто вымыто отъ дыма и сажи, онъ казался еще старше и морщинистѣе. Глаза его были мутны и безцвѣтны, какъ окна сгорѣвшаго дома; но все-таки, по временамъ, что-то оживляло старое тѣло.

— Нѣтъ... Рустинъ избѣгаетъ меня. Онъ называетъ

меня ренегатомъ... и страшно озлобленъ противъ меня, насколько мнѣ извѣстно... Поступить же иначе я все-таки не могъ.

— Онъ съ Рустинымъ въ прежніе годы всегда вмѣстѣ работали и боролись,—объяснилъ Тронтонъ Бертольду, который молча слушалъ и наблюдалъ.—Однако, когда тотъ отказался отъ политической борьбы и выступилъ противъ нея, то Цаамстра присоединился къ нашей фракціи.

— Да, я это сдѣлалъ, какъ ни тяжело мнѣ было причинить такое горе человѣку, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ моимъ единственнымъ другомъ. Такъ какъ я знаю его насквозь, то я понималъ также, чѣмъ это должно было быть для него... а онъ всегда былъ такъ неизмѣнно добръ ко мнѣ!

Голосъ его задрожалъ.

— Но потомъ онъ дурно поступилъ съ тобой, Цаамстра,— прервалъ его Тронтонъ, и въ голосѣ его послышалось все его озлобленіе противъ политическаго врага, относившагося подозрительно къ нему и затруднявшаго ему каждый его шагъ.

— Или скорѣе онъ меня считалъ дурнымъ,—дурнымъ и неблагодарнымъ,—отвѣтилъ старикъ.—Очень трудно вѣдь повѣрить въ добросовѣстность отступника.

— Отступникъ—онъ самъ,—рѣзко замѣтилъ Тронтонъ,— онъ самъ, допустивъ сначала выбрать себя въ депутаты и затѣмъ изъ одного только озлобленія на то, что его снова не выбрали, отказался отъ своего принципа.

— Не потому, что его снова не выбрали, но потому, что онъ еще задолго до этого убѣдился въ безнадежности парламентской борьбы,—сказалъ Цаамстра такъ выразительно и опредѣленно, что если онъ и не произвелъ никакого впечатлѣнія на обоихъ вождей парламентской фракціи, то, по крайней мѣрѣ, убѣдилъ *одного* изъ своихъ слушателей.—Я слишкомъ давно и хорошо знаю Рустина, чтобы не помнить, что онъ носилъ на своемъ знамени съ 88 по 91 годъ. Но вотъ онъ попалъ въ парламентъ и только ради своихъ избирателей и ради внѣшняго міра, неусыпно слѣдившаго за нимъ, онъ выдержалъ тамъ до конца. Но политическій пылъ въ немъ давно уже погасъ, и хорошимъ политикомъ онъ вообще не могъ быть, благодаря своему темпераменту. Только когда его не выбрали во второй разъ, онъ почувствовалъ себя свободнымъ идти своимъ собственнымъ путемъ. Его натура слишкомъ революціонна для того, чтобы вымаливать у презираемаго имъ государственнаго учрежденія какой-нибудь законъ, который, можетъ быть, только черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ въ состояніи дать намъ, пролетаріямъ, корку хлѣба.

„Гдѣ же этотъ человѣкъ научился такъ выражаться?"— подумалъ Бертольдъ, все время смотрѣвшій на старика.

— И вы все-таки стоите за политическую борьбу,— сказалъ онъ вслухъ,—хотя, повидимому, вы такъ мало ожидаете отъ нея?

— Да, я стою за нее,—отвѣтилъ старикъ, выпрямляясь, насколько это было возможно для него, и голосъ его зазвучалъ громче и увѣреннѣе, когда отъ него потребовалось высказать свои убѣжденія.—Я стою за нее не потому, чтобы я думалъ, что при болѣе распространенномъ избирательномъ правѣ дѣйствительно честный соціалистъ могъ бы многое сдѣлать въ парламентѣ, но потому, что среди насъ, рабочихъ, благодаря ей, развивается необходимый интересъ ко всей политической жизни. Такимъ образомъ, мы можемъ быстрѣе идти впередъ. Агитація Рустина и его товарищей не можетъ проникнуть въ широкія массы народа, которыя духовенство намѣренно держитъ въ невѣжествѣ и которыя ищутъ себѣ утѣшенія въ кабакахъ. Бѣднымъ, невѣжественнымъ людямъ опредѣленно говорятъ, что соціализмъ есть дѣло дьявола и поэтому они съ отвращеніемъ и ужасомъ сторонятся собраній. Избирательная же кампанія, ея собранія и агитація, — имѣя на себѣ печать законности, — встряхиваетъ ихъ, и они должны принять въ ней участіе, хотятъ ли они сами этого или нѣтъ.

Одно сознаніе, что можно, наконецъ, что-то сказать въ томъ обществѣ, для котораго работаютъ до полусмерти, что можно послать въ парламентъ, въ такъ называемое „народное представительство" нѣсколько самими выбранныхъ людей, имѣетъ воспитательное значеніе. Рабочіе могутъ, по крайней мѣрѣ, воображать, что и они принимаютъ нѣкоторое участіе въ управленіи, хотя это и не такъ на самомъ дѣлѣ... потому что только деньги правятъ въ нашемъ парламентѣ, гдѣ капиталисты и владѣльцы желѣзнодорожныхъ, сахарныхъ и всякихъ другихъ акціонерныхъ компаній дѣлятъ между собою добычу. Но одна мысль о томъ, что дѣйствуешь совмѣстно и имѣешь какое-то значеніе, уже само по себѣ дѣйствуетъ воспитательно. Такимъ образомъ, мы дѣлаемся, по крайней мѣрѣ, людьми, имѣющими свои желанія, а не просто терпѣливыми и обдираемыми животными, какъ теперь.

— Да, Цаамстра, это было твоимъ убѣжденіемъ съ самаго начала,—заговорилъ Марталисъ,—убѣжденіемъ, не вполнѣ согласнымъ съ нашимъ, потому что мы, дѣйствительно придерживаемся того мнѣнія, что все-таки возможно нѣсколько оттѣснить биржевыхъ волковъ въ парламентѣ. Слѣдовательно, ты остался по отношенію къ Рустину тѣмъ

же, чѣмъ и былъ, и...—прибавилъ онъ свойственнымъ ему саркастическимъ тономъ:—нельзя же отъ тебя требовать, чтобы ты слѣдовалъ за флюгеромъ при каждомъ его поворотѣ.

Старый рабочій сначала не сказалъ ни слова, но только взглянулъ на своего молодого, пылкаго товарища, и въ его усталыхъ глазахъ блеснулъ какой-то слабый огонекъ, все еще тлѣвшійся подъ сѣрымъ туманомъ старости. Потомъ, какъ бы желая сгладить этотъ рѣзкій юношескій абсолютизмъ, онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Ну, вотъ вы теперь такъ же несправедливы по отношенію къ Рустину, какъ и онъ по отношенію къ вамъ, упрекая васъ въ томъ, что вы заботитесь совсѣмъ не о насъ, несчастныхъ, а ради собственнаго интереса, добиваетесь парламентскаго кресла, чтобы получить пріятное и блестящее положеніе члена парламента. Это, въ концѣ концовъ, личное дѣло совѣсти каждаго, въ которое никто не долженъ вмѣшиваться; и точно также обстоитъ дѣло и съ его убѣжденіями. Если вы чувствуете себя самого честнымъ и лойяльнымъ, то не подозрѣвайте же въ низости и такого человѣка, какъ Рустинъ. Онъ былъ такъ хорошъ и такъ великъ, такъ много сдѣлалъ для васъ и всегда надѣялся, что въ состояніи сдѣлать еще гораздо больше. Хотя я долженъ признаться, что не всегда понимаю его, но я все-таки ему вѣрю... въ человѣкѣ можетъ происходить очень многое... Мы лучше не будемъ судить, если мы не знаемъ всего!

Бертольдъ безмолвно слушалъ его. Онъ думалъ о Шотервемѣ, о безпорядочномъ, шумномъ собраніи, гдѣ его возмутилъ слѣпой взрывъ страсти, и гдѣ онъ, безъ дальнихъ разговоровъ, поставилъ надъ всѣми незнакомыми ему людьми и, можетъ быть, лично очень близкими этому человѣку крестъ, абсолютно ничего о нихъ не зная. Въ первый разъ въ своей жизни онъ встрѣтился теперь съ бѣднымъ поденщикомъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, стоялъ на равной ногѣ съ однимъ изъ тѣхъ милліоновъ орудій труда, которые какъ будто только затѣмъ и были созданы, чтобы дѣлать ему, Бертольду Меріану и ему подобнымъ, возможно болѣе пріятнымъ пребываніе на свѣтѣ. И этотъ бѣдный поденщикъ, который, навѣрное, никогда не слыхалъ о мадамъ-де-Сталь, говоритъ теперь такія слова, которыя выражали его собственное душевное волненіе послѣднихъ дней по поводу необъяснимой для него загадки — человѣка.

Въ этой жалкой человѣческой руинѣ кроется индивидуальность, думалъ онъ про себя, а обладатель этой инди-

видуальности ничего не видѣлъ другого отъ жизни, отъ полной, прекрасной, богатой жизни, кромѣ кузницы съ молотомъ и наковальней, 14 и 16 часовъ, мучившихъ ежедневно его усталые члены, и не зналъ другого покоя и отдыха, кромѣ отдыха усталаго животнаго въ какой-нибудь жалкой лачугѣ, гдѣ бы онъ могъ, наконецъ, растянуться послѣ цѣлаго дня работы. Что таково должно было быть всегда его существованіе, объ этомъ, казалось, говорила каждая морщина, каждая складка на его лицѣ, каждый рубецъ и каждое движеніе его разбитаго, изношеннаго тѣла.

Вдругъ онъ повернулся къ старику и спросилъ его со всѣмъ уваженіемъ, которое только могло внушить величіе несчастія:

— Можно мнѣ предложить вамъ нѣсколько вопросовъ?

Цаамстра не могъ ошибиться въ тонѣ и во всемъ поведеніи молодого человѣка. Усталые, тусклые глаза проницательно взглянули на него.

— Сколько угодно!—отвѣтилъ онъ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Сорокъ восемь.

Бертольдъ сдѣлалъ невольное движеніе. На шесть лѣтъ, слѣдовательно, моложе его отца, который былъ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ! Однако, онъ ничего не сказалъ объ этомъ.

— И какъ великъ былъ въ среднемъ вашъ рабочій день?—спрашивалъ онъ дальше.

— Никогда не менѣе 14-ти часовъ. Я много лѣтъ работалъ у одного мастера въ Лейварденѣ, и тамъ мы всѣ, подмастерья, никогда не работали меньше 16-ти часовъ, при хорошемъ ходѣ дѣлъ.

— Приходилось ли вамъ терпѣть нужду?

— Если вы подъ этимъ разумѣете голодъ,—то нѣтъ. Въ случаѣ болѣзни намъ большей частью помогали. Картошка у насъ всегда бывала въ домѣ.

— Итакъ, когда у васъ бывала работа, то вы зарабатывали достаточно для вашей семьи?

— Да, потому, что у насъ нѣтъ дѣтей, и мы всего только двое. Шестью гульденами въ недѣлю я какъ разъ могъ обходиться.

— Слѣдовательно, вы жили еще въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другіе рабочіе вашей отрасли?

— Вы хотите сказать, чѣмъ другіе кузнечные подмастерья?.. Конечно. Моимъ товарищамъ, у которыхъ были дѣти, приходилось гораздо хуже. Кромѣ того, я съ молодыхъ лѣтъ всегда былъ абстинентомъ... а потомъ, во время продолжительной, тяжелой болѣзни, сначала моей жены, а по-

томъ и моей собственной, мнѣ помогъ Рустинъ—такъ, какъ помогаютъ въ нуждѣ другу.

— И при всемъ этомъ вы находили еще время читать и учиться?

Старикъ съ довольной улыбкой кивнулъ головой.

— Да, слава Богу! и этимъ я обязанъ Рустину. Онъ посылалъ мнѣ все. И по воскресеньямъ или поздно вечеромъ, хотя и вчень усталый, я все-таки садился и читалъ. Такимъ образомъ, я постепенно дошелъ до того, что сталъ публично выступать на собраніяхъ. Я тамъ просто разсказывалъ, что я прочелъ, чтобы, сколько возможно, заинтересовать чтеніемъ болѣе молодыхъ, пока они еще не отупѣли отъ работы. Но въ послѣдніе годы я уже не могу дѣлать этого больше. Со времени моей послѣдней болѣзни я постоянно страдаю кашлемъ и кровохарканьемъ... у меня уже почти нѣтъ легкихъ. Мнѣ даже довольно тяжело исполнять мои обязанности въ комитетѣ партіи и дѣлать коекогда какія-нибудь сообщенія. И потомъ... съ тѣхъ поръ, какъ я раздѣлился съ Рустиномъ, у меня пропала и охота говорить въ собраніяхъ. Поэтому, я ограничиваюсь теперь только моей работой въ комитетѣ партіи и стараюсь только возбудить духъ сопротивленія въ окружающихъ меня рабахъ капитала.

Бертольдъ не спрашивалъ больше ничего и довольно долго не говорилъ ни одного слова, а Цаамстра, которому довольно ясны были его мысли, вдругъ снова заговорилъ:

— Вы, конечно, не будете думать, г. Меріанъ, что участь голландскихъ кузнечныхъ подмастерьевъ представляетъ собою худшій жребій рабочаго.—Голосъ его звучалъ теперь горькими нотами и на губахъ играла саркастическая усмѣшка.—Если вы хотите предпринять анкету, то изслѣдуйте, пожалуйста, условія рабочихъ на стеклянныхъ и щелочныхъ заводахъ или на фабрикахъ свинцовыхъ бѣлинъ; разсмотрите заработную плату цѣпочниковъ и чесальщиковъ и положеніе женщинъ, которыя въ Англіи за ежедневную 14-ти часовую работу получаютъ 6 шиллинговъ еженедѣльно,—положеніе женщинъ—рабынь системы выпотѣнія, получающихъ у насъ и въ другихъ странахъ 80 центовъ за шитье дюжины рубашекъ и 12 центовъ за дюжину передниковъ. Въ сравненіе съ этими несчастными мы, кузнецы, являемся богатыми людьми и хорошо упитанными рабочими.

— Жена приглашаетъ васъ перейти въ столовую!—провозглашаетъ вошедшій Тронтонъ. Въ послѣднія минуты его не было въ комнатѣ, а Марталисъ молча слушалъ разговоръ. Гости тотчасъ же поднялись, и скоро Бертольдъ сидѣлъ

вмѣстѣ съ другими въ маленькой комнаткѣ съ большимъ, простыиъ столомъ посрединѣ, за которымъ сидѣла и няня дѣтей.

Послѣ того, какъ было кончено первое вегетаріанское блюдо—овсянка, госпожа Тронтонъ помогла дѣвушкѣ внести и остальныя кушанья—картофель, овощи и рисъ. Цаамстра сидѣлъ между хозяиномъ и хозяйкой, и Бертольдъ, смотрѣвшій на этотъ обѣдъ, какъ на что-то въ высшей степени интересное въ своей жизни и противъ своего обыкновенія внимательно все наблюдавшій, удивлялся той деликатности, съ какой они умѣли скрыть всѣ безчисленныя отступленія Цаамстры отъ обычнаго этикета стола. Старикъ былъ согнутъ и кривобокъ, такъ что ему было очень трудно сидѣть между другими; но его манера опираться на одинъ локоть и доставать кушанья длинной вилкой, точно изъ какого-то глубокаго сосуда, не могла вызвать у него улыбки. Онъ весь былъ только вниманіе къ той скрытой трагедіи, которую онъ видѣлъ передъ собой. Все существо этого 48-лѣтняго старца олицетворяло для него физическую и моральную гибель милліоновъ человѣческихъ созданій на землѣ... и все это во имя индивидуализма. Сидѣвшій здѣсь человѣкъ, разбитый физически, былъ достаточно силенъ духовно, чтобы погибнуть нравственно. Но именно эта сила, это болѣе утонченное строеніе его души, поддержавшія его въ нравственномъ отношеніи, должны были только усилить его страданія. И этотъ больной, умирающій человѣкъ, живущій духовно въ широкой сферѣ мысли, завтра же долженъ будетъ, дрожа отъ старости всѣми своими членами и съ полуослѣпшими глазами, снова стоять среди палящаго жара передъ наковальней... вплоть до того,—повидимому, уже недалекаго дня,—когда, наконецъ, онъ упадетъ, какъ загнанная обозная кляча, которая умираетъ подъ послѣдними ударами своего хозяина.

Онъ, Меріанъ, привилегированный баловень судьбы, съ глубокимъ ужасомъ глядя на все это, чувствовалъ свое полное безсиліе, какъ отдѣльнаго человѣка и вдругъ сразу теперь понялъ истину того, что госпожа Тронтонъ говорила ему передъ этимъ... Онъ понялъ то нравственное спокойствіе, то душевное богатство человѣка, который сознательно, среди всей общественной безнравственности, создалъ себѣ такой образъ жизни, гдѣ онъ могъ брать себѣ только самое необходимое изъ продуктовъ и цѣликомъ жить для своей религіи—для любви ко всему человѣчеству.

Онъ взглянулъ на другихъ,—на Тронтона, на Марталиса и на благородное, симпатичное лицо хозяйки дома и искалъ въ нихъ отраженіе тѣхъ болѣзненныхъ ощущеній, которыя

вызывалъ въ немъ такой человѣкъ, какъ Цаамстра, но не находилъ ихъ. Веселость и бодрость духа свѣтилась на лицахъ этихъ людей. Даже Марталисъ, казалось, свободно дышалъ въ этой обстановкѣ, вышелъ изъ своей обычной замкнутости и былъ развязнѣе и разговорчивѣе, чѣмъ Бертольдъ когда-либо видѣлъ его.

Когда они вечеромъ возвращались вмѣстѣ по желѣзной дорогѣ въ Дельфтъ и Марталисъ разсказывалъ о своемъ другѣ Тронтонѣ, то Бертольдъ не могъ удержаться, чтобы не высказать нѣкоторыя изъ своихъ мыслей.

— Фигура Цаамстры все еще стоитъ въ моихъ глазахъ, не какъ отдѣльная личность, а какъ типъ многихъ тысячъ людей. Такъ какъ ты, можетъ быть, сотнями встрѣчалъ такія фигуры, то при видѣ его ты, вѣроятно, уже не чувствуешь больше того яркаго и почти можно сказать, болѣзненнаго чувства, какъ я.

— Нѣтъ, теперь уже не чувствую. Все индивидуальное теперь отступаетъ для насъ на задній планъ, какъ это, большей частью, бываетъ съ госпитальными врачами. Но это нельзя приписать исключительно притупляющей силѣ привычки,—которая, разумѣется, тоже имѣетъ значеніе,— но также тому обстоятельству, что мы твердо убѣждены, что, съ своей стороны, мы здѣсь ничего не можемъ сдѣлать. Мы сами живемъ, какъ рабочіе, и едва справляемся со средствами. Тронтонъ, до основанія нашего центральнаго органа, прямо голодалъ; и мнѣ тоже нерѣдко приходится очень туго, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ меня прогнали съ биржи и отказали въ банкирской конторѣ, я не хочу больше ничего принимать отъ отца. Сознаніе собственной бѣдности даетъ намъ, на мой взглядъ, тотъ нравственный покой, который намъ такъ необходимъ для нашей дальнѣйшей работы.

— Да, цѣликомъ отдаться такъ какому-нибудь дѣлу,— только это одно и можетъ дать душевное спокойствіе!— думалъ Бертольдъ въ то время, какъ неопредѣленныя, безформенныя, ночныя тѣни быстро мелькали мимо оконъ поѣзда, и онъ, молча, смотрѣлъ въ ночную темноту, изъ которой отдѣльные, разсѣянные огоньки въ деревняхъ и усадьбахъ какъ будто ласково кивали ему.

Когда они вернулись въ Дельфтъ, и имъ нужно было теперь разстаться послѣ безпрерывнаго, двухнедѣльнаго пребыванія вмѣстѣ, Бертольдъ горячо пожалъ руку своему товарищу по путешествію.

— Искренно благодарю за все! За послѣдніе дни я многому научился и много собралъ матеріала, чтобы подумать этимъ лѣтомъ.

— А также и для того, чтобы перечувствовать,—прибавилъ, улыбаясь, Марталисъ, не менѣе сердечно отвѣчая на пожеланіе.

— Да, это прежде всего. Я не желалъ бы отказаться ни отъ одного изъ своихъ впечатлѣній, но меньше всего отъ того, что я пережилъ сегодня. Итакъ, до свиданья!

* * *

— Итакъ, ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что черезъ два года окончишь, Бертольдъ?—спросила Карла.

— Да, совершенно опредѣленно! Въ первый годъ я, правда, много бѣсился. У меня не было никакой цѣли въ жизни и никакого желанія жить... Часто бывало такъ странно и такъ все спутанно... я тебѣ какъ-нибудь послѣ разскажу. Мнѣ приходилось, конечно, работать, но мнѣ было совершенно безразлично, останусь ли я годомъ больше или меньше въ Дельфтѣ... пока, наконецъ, добрый геній не подарилъ мнѣ тебя, дорогая моя. Только когда я узналъ, для кого мнѣ собственно нужно работать, я постарался нагнать упущенное и такимъ образомъ могъ сдать мои переходные экзамены, поэтому, я въ эту зиму такъ рѣдко и пріѣзжалъ домой... Правда, ты часто за это сердилась на меня, ты помнишь это?

Бертольдъ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ въ лѣтнюю виллу около Гаарлема и гулялъ теперь съ Карлою въ самой отдаленной части парка. Онъ обнималъ ее одной рукой, а она, ласкаясь, прислонилась головой къ его плечу.

— Какой ты еще глупый мальчикъ!—сказала она, улыбаясь.

— Почему же?—удивленно спросилъ онъ.—Развѣ же тебѣ непонятно, что я страстно стремлюсь къ тому, чтобы ты вполнѣ принадлежала мнѣ?

— Я не объ этомъ думала. Но ты говоришь о твоихъ работахъ такъ, какъ будто бы ты былъ бѣднымъ поденщикомъ.

И она снова засмѣялась своимъ звонкимъ, серебрянымъ голосомъ и шутя ударила его по лицу вѣточкой цвѣтовъ, которую держала въ рукахъ.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, всегда во всемъ такъ забавно серьезенъ.

На этотъ разъ онъ плохо засмѣялся и, остановившись, взялъ ея хорошенькую ручку и съ пылкой страстностью принялся цѣловать ее, удивляясь въ то же время, какой необыкновенно маленькой, нѣжной и дѣтской казалась она въ его большой и сильной рукѣ.

— Найдется ли въ нашей странѣ еще такая хорошенькая ручка?—спросилъ онъ.—Я думаю, что нѣтъ.

Она снова звонко засмѣялась, взглянула на него своими темными, полными золотистаго блеска глазами и прижалась къ нему своими красными, маленькими губками; а онъ, въ полномъ блаженствѣ своей любви, наклонился къ ней, забывъ все на свѣтѣ, пока она не прервала его словами:

— Фу, какъ ты растрепалъ мою прическу! Смотри... всѣ шпильки попадали!

Затѣмъ она вынула маленькое карманное зеркальце.

— На, держи его, пока мнѣ это будетъ нужно! Это будетъ для тебя заслуженнымъ наказаніемъ. — Нѣтъ, ты не такъ его держишь... выше... немного назадъ! Такъ хорошо; только не шевелись—иначе я ничего не увижу!

Онъ стоялъ и не шевелился, а хорошенькія украшенныя драгоцѣнными камнями ручки перебирали передъ нимъ золотистыя волны волосъ, и онъ съ чувствомъ внутренняго настроенія слѣдилъ за этими быстрыми кошачьими движеніями. Затѣмъ взоръ его скользнулъ внизъ, къ слегка вьющимся на затылкѣ волосамъ и остановился на чудной шейкѣ, выступившей изъ немного открытаго лѣтняго платья.

— Ну, такъ я опять буду сколько-нибудь прилична!—сказала она, нѣсколько минутъ спустя.—Дай мнѣ теперь обратно зеркало!

— Ну, съ этимъ я не согласенъ. Прежде мнѣ нужно получить награду за мое ангельское терпѣніе.

Тогда она хотѣла силой взять у него зеркало, но всѣ ея попытки кончались только тѣмъ, что она подверглась опасности еще больше, чѣмъ прежде, растрепать свою прическу.

— Если ты такой невоспитанный, то я никогда не буду больше ходить съ тобой гулять!—сказала она угрожающимъ тономъ.

— Черезъ два года мы будемъ съ тобой гулять, какъ мужъ и жена,—сказалъ онъ, обнимая ее и продолжая дальше свою прогулку.—Тогда тебѣ не поможетъ никакое сопротивленіе, потому что я буду твоимъ господиномъ и повелителемъ, и если мнѣ тогда захочется растрепать твою прическу и вынуть у тебя всѣ шпильки, то я буду дѣлать это безъ всякихъ разговоровъ,—понимаешь? Я вѣдь только единственный разъ видѣлъ эту бѣлокурую роскошь, когда ты выступала богиней.

— Но два года еще такъ долго...—лукаво замѣтила она.

— Не такъ уже будетъ долго, дорогая... Я хотѣлъ тебѣ сдѣлать предложеніе. Такъ какъ я уже до половины довелъ свой курсъ, то я думаю, что мы могли бы спросить позволенія у отца и объявить о нашей помолвкѣ. Я объ этомъ

много думалъ... и дѣйствительно, считаю это самымъ удобнымъ.

Предложеніе это поразило ее въ первую минуту, и сердце ея забилось. Какъ хорошо было бы теперь же выйти изъ своего подчиненнаго положенія и считаться въ обществѣ невѣстой сына хозяина дома, вмѣсто того чтобы попрежнему оставаться въ глазахъ большинства только гувернаткой Бэби! Правда, она за послѣдніе мѣсяцы очень часто мечтала о Робертѣ Кантѣ, но его систематическое отстраненіе, въ концѣ концовъ, отняло у ней всякую надежду. На этомъ основаніи она рѣшилась окончательно остановится на Бертольдѣ. Однако, послѣ перваго радостнаго волненія въ нее закралось чувство внезапнаго страха. А если, вдругъ, все случится иначе, чѣмъ они разсчитывали! Если его родители не согласятся на ихъ помолвку... и прогонять ее, когда узнаютъ объ ихъ отношеніяхъ... навсегда разлучатъ съ нимъ! Можетъ быть, они даже постараются какъ-нибудь повліять на него, чтобы помѣшать ихъ любви... Что она тогда будетъ дѣлать, если все снова будетъ проиграно?

Ея молчаніе потвердило ему, что она согласна съ его предложеніемъ.

— Подумай только, Карла, какъ хорошо будетъ, когда мы передъ всѣми будемъ считаться женихомъ и невѣстой! Мнѣ отъ души ненавистно это притворство и обманъ... да и тебѣ тоже, навѣрное.

— Разумѣется,—отвѣчала она,—все-таки было бы еще хуже слишкомъ рано открыть нашу тайну. Ты увѣренъ въ согласіи твоего отца, а я нѣтъ. Что мы будемъ дѣлать, если онъ будетъ противъ, потому что я въ его глазахъ—только бѣдная гувернантка! Если онъ запретить тебѣ думать обо мнѣ! Видишь ли, это было бы прямо смертью для меня...—слезы вдругъ заглушили ея голосъ и глубоко тронутый Бертольдъ крѣпко сжалъ ей руку.

— Запретить мнѣ думать о тебѣ... какъ будто это такъ просто сдѣлать! Ты для меня все, Карла, и я такъ же не могу отказаться отъ тебя, какъ отъ воздуха, которымъ я дышу.

— Но мы все-таки спокойно потолкуемъ объ этомъ дѣлѣ. Самое плохое, что можетъ случиться, въ случаѣ, если отецъ будетъ противъ,—это то, что онъ постарается насъ разлучить... ну, въ такомъ случаѣ ты могла бы пока пожить у твоей пріятельницы въ Брюсселѣ, откуда я тебя вызову на будущій годъ, какъ только сдѣлаюсь совершеннолѣтнимъ. Возможность этой разлуки на одинъ или, самое большее, на два года, какъ бы она ужасна ни была для меня, все-таки будетъ не хуже этого тяжелаго постояннаго обмана моихъ родителей.

— Какъ ты можешь такъ спокойно говорить объ этомъ!— возразила она тономъ глубокаго упрека.—Если мнѣ придется отсюда уѣхать... или, можетъ быть, меня даже прогонятъ, какъ горничную, которая...

Она не могла больше говорить и разразилась слезами, которыя на этотъ разъ совсѣмъ не были притворными. Страхъ, что онъ измѣнитъ свое желаніе, и ея послѣдняя надежда на обезпеченное будущее опять, быть можетъ, будетъ разрушена, дѣлалъ ее совершенно безпомощной. Она хорошо знала, въ чемъ, собственно, была ея сила надъ нимъ, чтобы не опасаться больше всего разлуки, которая можетъ наполняться только письмами... писать же ихъ ей было такъ невѣроятно трудно, и она хорошо замѣтила, что они никогда не удовлетворяли его.

Ея пылкость сначала испугала его, и слезы ея совершенно отняли у него всякую волю. Видъ этихъ большихъ, грустныхъ глазъ, съ такой мольбой обращенныхъ къ нему, какъ-будто какое-то совсѣмъ слабое, нѣжное созданіе искало у него помощи, поднялъ въ немъ чувство своей мужественной силы, и онъ постарался успокоить ее ласками и нѣжными словами и подвелъ ее къ стоявшей по близости скамейкѣ.

Самъ онъ, однако, не сѣлъ, а сталъ ходить взадъ и впередъ передъ ней. Когда она сидѣла такъ, какъ маленькій, испуганный ребенокъ и мало-по-малу, подчинялась его волѣ, онъ готовъ былъ просто молиться на нее и, вмѣсто того, чтобы серьезно обсудить ихъ будущее, что онъ намѣревался сдѣлать, онъ готовъ былъ на всякія нелѣпости... Ему хотѣлось броситься передъ ней на колѣни, цѣловать ея платье или просить ее толкать его своими маленькими, хорошенькими ножками, какъ большую собаку. Но онъ еще могъ достаточно владѣть собой, чтобы не дѣлать подобныхъ глупостей и вести себя благоразумно.

— Слушай, дѣточка... прежде всего, я обѣщаю тебѣ не дѣлать ничего, съ чѣмъ ты не будешь согласна. Но мы основательно обсудимъ съ тобой еще разъ всѣ за и противъ. Если все должно попрежнему остаться тайнымъ, то мы постоянно будемъ колебаться между страхомъ и надеждой... развѣ ты этого не чувствуешь? и ты въ особенности— потому самъ я твердо убѣжденъ въ согласіи отца. Мы опять должны скрываться, притворяться и обманывать, и мы даже отдалимъ этимъ еще нашъ бракъ. Если же, напротивъ, мы поступимъ честно и открыто и представимъ отцу, что я счелъ неудобнымъ просить его согласія въ прошломъ году, послѣ моего бездѣлья, тогда мы можемъ быть увѣрены въ успѣхѣ. Не забывай также того, милочка, что мнѣ очень

тяжело обманывать именно отца, который былъ всегда такъ уступчивъ по отношенію ко мнѣ! И тебя онъ тоже очень любитъ, Карла, ты это и сама знаешь, а также и мать, и всѣ прочіе. Ты вѣдь умѣешь очаровать каждаго... Чего же тебѣ, слѣдовательно, бояться?

Но что онъ ни дѣлалъ и ни говорилъ, ничто не помогало, и всѣ доводы чувства оставались безъ всякаго результата, своимъ холоднымъ, изощреннымъ многими тяжелыми испытаніями, разсудкомъ, она разсчитала, что очень мало было надежды убѣдить такого человѣка, какъ Меріанъ, въ томъ, что она, дѣйствительно, любитъ „этого страннаго, некрасиваго юношу“. Правда, за послѣднее время она нашла Бертольда существенно измѣнившимся въ свою пользу. При первой встрѣчѣ, наканунѣ, онъ даже прямо поразилъ ее. Когда онъ дѣлался такимъ страстнымъ и не говорилъ непонятныхъ вещей, онъ не былъ ей, по крайней мѣрѣ, противенъ. Но одна мысль о старомъ Меріанѣ наводила на нее буквально смертельный ужасъ, хотя она и сама не знала, почему, такъ какъ никто не былъ съ ней такъ учтивъ и такъ внимателенъ, какъ именно онъ.

— Нѣтъ, Бертольдъ, не говори ему пока ничего! — настойчиво просила она.—Прошу тебя, подожди немного, ради меня, пока я, какъ слѣдуетъ, это обдумаю. Мое положеніе такъ трудно, такъ своеобразно... ты вѣдь это самъ долженъ видѣть!

И снова крупныя, жемчужныя слезы сыпались изъ ея глазъ и придавали еще больше прелести поднятому на него личику; это подавляло у Бертольда всякую дальнѣйшую попытку. Слѣдовательно, все должно остаться, какъ было, и на мучительное чувство обманывать своего отца Бертольдъ сталъ смотрѣть, какъ на жертву, которую онъ приносилъ на алтарь своей любви.

— Ну, хорошо, милочка, пусть будетъ, какъ ты хочешь...—сказалъ онъ, глубоко тронутый ея послѣдними словами.—Итакъ, мы не будемъ больше объ этомъ говорить.

* * *

Бертольдъ еще не видалъ своего отца, такъ какъ тотъ былъ въ Амстердамѣ, куда онъ ежедневно ѣздилъ по утрамъ, а иногда оставался тамъ и на ночь, если у него было много работы. Однако, въ тотъ день, когда Бертольдъ и Карла вели эти переговоры, его ждали къ вечеру домой.

Въ первый разъ въ жизни Бертольдъ боялся свидѣться съ отцомъ. Причиной этому было не только его отношенія къ Карлѣ. Еще больше его угнетало то, что онъ втайнѣ

носилъ въ себѣ и что онъ теперь уже не могъ и не хотѣлъ болѣе скрывать, хотя бы онъ и доставилъ этимъ много страданій своему отцу, къ которому онъ все еще относился съ большимъ уваженіемъ.

Можетъ быть, онъ и питалъ бы кое-какія иллюзіи относительно того, что ему предстояло, если бы Робертъ, которому онъ недавно разсказалъ о своемъ фризскомъ путешествіи, не лишилъ его послѣдней надежды.

— Меня ничуть не удивляетъ, Меріанъ, что ты сдѣлалъ эту послѣднюю глупость,—холодно сказалъ ему Робертъ.— C'était écrit? То, что ты мнѣ сейчасъ разсказалъ, я могъ бы предсказать тебѣ заранѣе. Ты поступаешь, какъ и всякій другой, если ты дѣлаешь то, чего не можешь не дѣлать. Но если ты думаешь, что ты такъ сразу обратишь въ соціалиста и своего отца... то ты тогда совсѣмъ на ложномъ пути, мой милый. Твой отецъ работалъ и увеличивалъ свое состояніе въ нѣдрахъ современной намъ общественной системы и при ея посредствѣ; и онъ сросся съ ней, какъ съ своей собственной плотью и кровью, какъ съ своими мускулами. Всякая попытка превратить его въ идеалиста, — то-есть, въ человѣка, стремящагося къ неличному своему идеалу,—означала бы то же самое, что посредствомъ убѣжденія открыть сложный замокъ несгораемаго шкафа. Хотя это и очень наивно, но многіе все еще продолжаютъ думать, что можно словами открыть мозгъ другого человѣка, что просто-напросто немыслимо. Прежде нужно найти подходящій ключъ, котораго у тебя нѣтъ, потому что для этого ты долженъ былъ бы мыслить такъ, какъ онъ, и жить и вырасти при тѣхъ же условіяхъ. Такой человѣкъ, какъ ты, такой застывшій въ своихъ догматахъ и въ философіи денежнаго шкафа либералъ, какъ твой отецъ, и такой скептикъ, какъ я, — стоимъ на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія и движемся въ такихъ расходящихся направленіяхъ мысли, что мы могли бы спорить цѣлый годъ между собой и все-таки ни на шагъ бы не подвинулись ближе другъ къ другу.

— А я все-таки попытаюсь! — отвѣтилъ Бертольдъ и, больно задѣтый намекомъ Роберта на „философію денежнаго шкафа“, разъ на всегда отбросилъ эту мысль, какъ слишкомъ отвратительную.

На тотъ фактъ, что онъ все-таки долженъ былъ придти къ объясненію, что онъ, Бертольдъ, называетъ своими друзьями тѣхъ, кто считаетъ его отца преступникомъ, и что этого часа никакъ нельзя избѣжать, онъ смотрѣлъ, какъ больной на ужасную операцію, которая должна принести ему выздоровленіе.

И въ эти тяжелые дни онъ въ первый разъ чувствовалъ

себя такимъ одинокимъ и такимъ покинутымъ среди своихъ родныхъ и съ какой-то тоской искалъ опоры и симпатіи женщины изъ его собственныхъ знакомыхъ. Онъ думалъ о госпожѣ Деннерсъ, у которой было столько материнскаго чувства для него и для другихъ, которая часто понимала его, когда онъ только-что хотѣлъ ей что-нибудь сказать, иногда еще раньше, чѣмъ онъ самъ себѣ выяснилъ свою мысль. Онъ вспоминалъ ея сердечное и ободряющее рукопожатіе, когда онъ, разставаясь съ ней на нѣсколько мѣсяцевъ, сообщилъ ей свой планъ обо всемъ поговорить съ отцомъ.

— Я вполнѣ понимаю вашу потребность открыто высказать свои убѣжденія, — сказала она, — но не забывайте никогда, Меріанъ, что и отецъ вашъ, въ молодости, выступалъ за свои убѣжденія и что всякое истинное убѣжденіе заслуживаетъ уваженія. Не придавайте слишкомъ большого значенія словамъ, какъ это часто случается съ молодыми, горячими головами. То, что на самомъ дѣлѣ есть, очень часто означаетъ гораздо больше, чѣмъ говорятъ себѣ.

Онъ былъ такъ благодаренъ ей за эти слова, которыя звучали такимъ уваженіемъ къ его отцу и которыя должны были нравственно поддержать его въ предстоящемъ ему объясненіи. Онъ почувствовалъ внутреннюю потребность подобнаго же сочувствія и въ своемъ собственномъ домашнемъ кругу. Карла ничего ему не могла дать въ этомъ отношеніи; она была совсѣмъ еще дитя, — дитя, которое именно и привлекало его своей наивностью и своей духовной несамостоятельностью, потому что онъ надѣялся впослѣдствіи развить ее совершенно въ своемъ направленіи Но онъ скорѣе думалъ о своей матери. Если бы хоть она могла понять, что въ немъ происходитъ! Если бы онъ могъ откровенно разсказать ей, какъ онъ долго тщетно искалъ красоты жизни, и, какъ онъ, наконецъ, нашелъ себѣ цѣль жизни, гораздо болѣе великую, чѣмъ онъ когда-либо мечталъ!

Въ этомъ настроеніи внутренней потребности понимающей любви онъ сталъ наблюдать свою мать, какъ-будто въ первый разъ видѣлъ, какъ она вращалась въ своемъ домашнемъ кругу, въ ея обычной сферѣ идей и въ ея хозяйственной дѣятельности, какъ она попеременно то занималась чтеніемъ какого-нибудь романа и ручной работой, то ухаживала за своими комнатными цвѣтами, или играла по вечерамъ на рояли съ Бэби или съ Карлой, всегда бодрая и веселая, довольная всѣмъ міромъ, очень рѣдко грустно настроенная, кромѣ развѣ только тѣхъ случаевъ, когда говорилось о здѣшней жизни „злое",—какъ она выражалась,— или когда сомнѣвались въ любви и благости Небеснаго Отца,

Который направлялъ все ко благу ея дѣтей. Чѣмъ старше становилась она, тѣмъ больше видѣла она во всемъ милость Божію. Иногда она съ необыкновенной энергіей выступала на ея защиту, и тогда тихія, благодѣтельныя слезы лились у нея изъ глазъ, потому что послѣ всякаго такого открытаго исповѣданія своей вѣры у нея было удивительно отрадно на душѣ. Невѣріе ея мужа и ея сыновей было ей, правда, подчасъ очень тяжело, но она всегда думала, что ея собственная горячая вѣра во всемогущество божіе послужитъ имъ на пользу у Отца Небеснаго. Въ случаѣ, если что-нибудь огорчало ее, то это никогда не продолжалось долго, потому что Господь все, по ея мнѣнію, направлялъ къ ея благу. Итакъ, развѣ можно было сомнѣваться въ Его благости!

Она была все той же спокойной, бѣлокурой женщиной и выглядѣла немного старше, чѣмъ въ тѣ годы, когда она приходила поздно ночью укрывать своего буйнаго, темноволосаго мальчика; и по своему мышленію она не сдѣлалась старше. Сыновья ея, на ея глазахъ, сдѣлались мужчинами; но она никогда не спрашивала даже себя, какимъ образомъ развились у нихъ невидимые элементы природы, что складывалось въ глубинѣ ихъ душъ, что скрывалось за довольной наружностью ея старшаго сына и въ задумчивыхъ глазахъ его брата, и что происходило въ маленькой, тихой Бэби, которая вдругъ изъ краснѣющей шалуньи-дѣвочки превратилась въ блѣдную и замкнутую молодую дѣвушку. Ей и въ голову не приходило, чтобы въ ея дѣтяхъ могло происходить что-либо иное, чѣмъ въ ея собственной, маленькой, несложной душѣ. Точно также она не могла себѣ представить иной сферы, чѣмъ та, въ которой жила она сама. Она знала свѣтъ только съ той стороны, что въ немъ можно было весело жить, переѣзжая лѣтомъ на дачу или путешествуя, а зиму проводя въ городѣ со всѣми его удовольствіями, съ обычными обѣдами, которые они давали сами или на которые ихъ приглашали.

Бертольдъ теперь необыкновенно ясно понялъ свою мать, съ ея узкимъ кругомъ мышленія и дѣятельности, добрую и кроткую, но совершенно неспособную понять что-либо внѣ ея сферы и чуждой всему, что доходило до нея извнѣ. Недовольство считала она грѣхомъ и потому старалась никогда не поддаваться ему.

Поэтому не имѣло никакого смысла разсказывать ей, что бушевало у него въ душѣ и какая пропасть раскрылась между нимъ и его отцомъ. Бертольдъ и не пытался этого дѣлать, одиноко носилъ все въ своей душѣ и съ возрастающимъ напряженіемъ ожидалъ свиданія съ отцомъ, твердо

рѣшившись не откладывать больше того часа, котораго онъ такъ боялся, чтобы отецъ не узналъ бы обо всемъ раньше откуда-нибудь со стороны.

Въ тотъ вечеръ Меріана ждали обратно въ половинѣ восьмого, и часовъ въ семь Бэби поѣхала за нимъ на вокзалъ на своихъ маленькихъ пони. Чтобы сколько-нибудь развлечь свою любимицу, Меріанъ недавно придумалъ сдѣлать ей этотъ подарокъ ко дню ея рожденія. И Бэби, дѣйствительно, была ему очень рада, и настроеніе ея съ тѣхъ поръ существенно измѣнилось, такъ что желаемый результатъ, повидимому, былъ достигнутъ. Бэби очень гордилась тѣмъ, что могла поѣхать за своимъ отцомъ, а Бертольду отсутствіе сестры давало возможность побыть полчасика наединѣ съ Карлой,—что ему было особенно пріятно въ его возбужденномъ состояніи. Когда онъ бывалъ съ ней наединѣ, на него находилъ снова туманъ, который опутывалъ его въ такія минуты какими-то невидимыми нитями, парализовалъ его волю, ослѣплялъ его разумъ и совершенно уничтожалъ его личность. Онъ бывалъ тогда въ такомъ состояніи, что все, что прежде имѣло цѣну въ его глазахъ, внезапно исчезало, какъ-будто онъ самъ дѣлался совершенно инымъ существомъ, такъ что потомъ, когда онъ приходилъ въ себя, ему было трудно вернуться къ дѣйствительности.

Точно также было съ нимъ и теперь, когда онъ разстался съ Карлой и ходилъ теперь взадъ и впередъ у воротъ, пока не показалась тѣлежка, запряженная пони.

Лихорадка еще не прошла у него. *Она*, только *она одна*, и ничто, кромѣ *нея*, не интересовало теперь его.

— Зачѣмъ мучиться еще чѣмъ-то другимъ?—болѣзненно проносилось въ его мозгу.—Что можетъ теперь существовать для меня, кромѣ нея? Зачѣмъ желать и искать чего-то еще... Когда въ ней одной—для меня все!

Вдругъ онъ увидалъ вдали изящную плетеную телѣжку съ двумя маленькими, горячими лошадками, и Бэби, въ бѣломъ, лѣтнемъ платьѣ, держащую въ лѣвой рукѣ возжи и элегантно управляющую бѣгущими рысью, маленькими лошадками, по всѣмъ правиламъ искусства, какъ ее недавно обучили. Рядомъ съ ней сидѣла широкая фигура ея отца. Когда они подъѣхали и Бертольдъ снова увидѣлъ знакомыя черты отца, въ которыхъ отражалось столько силы воли, его разслабленное состояніе сразу прошло, и къ нему вернулось его обычное настроеніе.

Бэби ловко натянула возжи и остановила экипажъ по всѣмъ правиламъ искусства.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно ѣздишь, моя дѣвочка!—сказалъ отецъ, вылѣзая изъ экипажа. Потомъ онъ

взглянулъ на своего сына, который, подойдя ближе, прямо испугался его строгаго выраженія лица и его ледяного поклона.

— Когда ты вернулся домой?—спросилъ онъ властнымъ тономъ, какимъ еще никогда не говорилъ съ Бертольдомъ.

— Уже третьяго дня, папа.

— Такъ!.. и, нисколько не измѣнивъ своего выраженія лица, онъ снова повернулся къ Бэби и далъ ей указанія, какъ подъѣхать къ конюшнѣ, расположенной на шоссе, а Бертольдъ все еще стоялъ среди дороги, точно пораженный молніей, въ ушахъ у него шумѣло, точно отъ морского прибоя, и онъ рѣшительно не зналъ, что ему теперь говорить, дѣлать или думать.—Что случилось?.. Можетъ быть, онъ уже узналъ что-нибудь?

Бэби уѣхала, и онъ молча пошелъ съ отцомъ черезъ ворота по тропинкѣ, ведущей черезъ большую лужайку къ дому, гдѣ ихъ весело ожидала госпожа Меріанъ. Меріанъ вошелъ съ ней въ домъ, а Бертольдъ въ полномъ смущеніи остался въ саду и взволнованно сталъ ходить взадъ и впередъ между клумбами, пока они всѣ снова не собрались за чаемъ въ столовой, прилегавшей къ большой боковой верандѣ.

Довольно оживленный общій разговоръ по поводу привезенныхъ изъ Амстердама новостей не далъ возможности остальнымъ замѣтить холодное отношеніе Меріана къ Бертольду. Но Меріанъ недолго оставался въ обществѣ. Около девяти часовъ, онъ всталъ и пошелъ въ свою комнату работать, какъ онъ заявилъ, а минутъ десять спустя къ нему вошелъ сынъ.

— Отецъ... между нами стоитъ что-то, — тотчасъ же обратился онъ къ нему. — Почему ты такъ холоденъ со мной?

Предлагая этотъ вопросъ, Бертольдъ уже былъ твердо убѣжденъ, что отецъ какимъ-нибудь путемъ былъ уже обо всемъ освѣдомленъ.

Меріанъ поблѣднѣлъ при входѣ его. Нервная дрожь пробѣжала по его губамъ, указывая на съ трудомъ сдерживаемый гнѣвъ. Онъ не тотчасъ отвѣтилъ и твердо сжалъ лѣвой рукой ручку своего кресла.

— Что между нами стоитъ, ты это, вѣроятно, самъ лучше всего знаешь...—возразилъ онъ, съ трудомъ выговаривая слова. Передъ нимъ лежалъ сложенный номеръ газеты, который онъ осторожно взялъ пальцами, какъ что-то грязное, и съ презрѣніемъ бросилъ къ его ногамъ.

Бертольдъ не поднялъ газеты, но онъ тотчасъ же узналъ въ немъ партійный органъ фракціи Рустина. Кровь броси-

лась ему въ голову, и вся его гордость проснулась въ немъ.

— Я понимаю теперь, почему ты такъ разсердился,— сказалъ онъ, стараясь оставаться спокойнымъ,—и я хотѣлъ какъ разъ предупредить это. Но во всякомъ случаѣ я не могъ предположить, чтобы ты...

— Сталъ читать такой грязный листокъ... хочешь ты сказать! Я и въ самомъ дѣлѣ не долженъ былъ этого дѣлать, потому что онъ присланъ мнѣ изъ мести. На прошлой недѣлѣ я уволилъ моего старшаго бухгалтера Меннерса, потому что онъ, вопреки моему строгому запрещенію, принадлежалъ къ союзу, членовъ котораго я не терплю на своей службѣ. Этимъ онъ постарался мнѣ теперь отмстить.

— Ты уволилъ стараго, вѣрнаго Меннерса?—спросилъ Бертольдъ, съ ужасомъ глядя на него. Онъ припомнилъ, что издавна уже привыкъ видѣть этого человѣка работающимъ въ конторѣ.

— Да, я позволилъ себѣ эту вольность,—рѣзко возразилъ Меріанъ.—Я не желалъ имѣть у себя на службѣ людей, которые открыто объявляютъ себя врагами частной собственности и которые, разумѣется, не будутъ уважать и моей личной собственности, если это имъ подойдетъ.

— Но, папа, не можетъ быть, чтобы ты серьезно говорилъ это!—воскликнулъ Бертольдъ, въ полномъ недоумѣніи передъ такимъ искаженнымъ пониманіемъ дѣла.—Не будешь же ты смѣшивать политическій и общественный идеалъ, который не стоитъ ни въ какой связи съ индивидуальными условіями жизни, съ...

— Я ничего не смѣшиваю, но констатирую только фактъ. Кто принадлежитъ къ союзу, враждебному общественному порядку, того я не буду держать у себя на службѣ.

— Но развѣ его стремленіе къ другому строю не служитъ какъ разъ доказательствомъ того, что онъ намѣренъ строго уважать современный общественный порядокъ, пока этотъ послѣдній продолжаетъ еще существовать? Если бы это не было его намѣреніемъ, тогда онъ не былъ бы...

— Ни слова болѣе! Это дѣло сдѣлано и кончено. Но благодаря моему сыну онъ имѣлъ удовольствіе отмстить мнѣ. Въ этомъ грязномъ листкѣ мнѣ пришлось прочесть, что...

— Что я былъ съ соціалистомъ Марталисомъ во Фрисландіи.

— Я прошу тебя не называть въ моемъ домѣ имени этого несчастнаго!—прервалъ его отецъ, не возвышая голоса, но такъ рѣзко и повелительно и съ такимъ глубо-

кимъ презрѣніемъ въ голосѣ, что Бертольдъ весь вспыхнулъ.

— Человѣка, котораго ты называешь несчастнымъ, я надѣюсь когда-нибудь назвать своимъ другомъ,—пылко отвѣтилъ онъ.

— Если это такъ,—сказалъ Меріанъ, смертельно поблѣднѣвъ и такимъ хриплымъ голосомъ, что съ трудомъ могъ выговорить,—то съ этихъ поръ намъ нечего больше съ тобой разговаривать, и я прошу тебя немедленно же выйти изъ этой комнаты.

Рука его повелительно указывала на дверь, и Бертольдъ, тоже сильно разгнѣванный, уже готовъ былъ исполнить его приказаніе, какъ вдругъ одинъ взглядъ на болѣзненно-исказившееся, въ нѣсколько секундъ состарившееся лицо, тотчасъ же вызвалъ у него реакцію.

— Не будь же такимъ жестокимъ,—умоляюще сказалъ онъ.—Боже мой! Развѣ ты не можешь понять, что происходитъ въ другихъ? Развѣ тебѣ чуждо всякое представленіе о томъ, что значитъ—искать, бороться, страдать, чтобы найти, наконецъ, примиреніе съ самимъ собой и со всѣмъ міромъ? Неужели ты самъ никогда не зналъ сомнѣній? Никогда не желалъ ничего другого, кромѣ банальной, низменно-животной и, въ концѣ концовъ, дѣлающейся противной, такъ называемой, будничной жизни?

Долгое время въ комнатѣ царило мертвое молчаніе при этихъ, выражающихъ такую глубокую душевную тоску, словахъ. Меріанъ закрылъ себѣ лицо одной рукой, другой дѣлалъ въ тоже время такой жестъ, какъ-будто онъ просилъ дать ему время немного собраться съ мыслями.

А Бертольдъ, еще болѣе пораженный этимъ тихимъ отчаяніемъ, и чувствуя себя какъ бы приговореннымъ къ смерти, сталъ къ окну, прижалъ обѣ руки къ своимъ бьющимся вискамъ и, не давая себѣ отчета, сколько времени онъ такъ стоялъ, безсознательно смотрѣлъ въ окно, гдѣ въ саду гуляли взадъ и впередъ подъ руку Карла съ Бэби. Потомъ вдругъ мысли его улетѣли далеко, и въ его памяти всплыли всевозможные забытые случаи его жизни, безъ всякой связи съ его теперешними ощущеніями, и въ настоящую минуту они казались ему чѣмъ-то священнымъ.

— Бертольдъ...—сказалъ, наконецъ, его отецъ и въ голосѣ его уже не слышно было болѣе гнѣва,—я думаю, будетъ лучше, если мы съ тобой спокойно поговоримъ... если это возможно.—Онъ нѣсколько разъ глубоко передохнулъ, какъ-будто собирая всѣ свои силы, чтобы остановить бурю. Меня особенно возмутило то,—продолжалъ онъ тѣмъ же усталымъ тономъ,—что я изъ этого листка,—и онъ ука-

залъ ногой на газету, все еще валяющуюся на полу,—долженъ былъ узнать то, что происходитъ съ моимъ сыномъ.

— Это я вполнѣ понимаю — торопливо сказалъ Бертольдъ,—но я не думалъ, что тебѣ вообще можетъ попасть въ руки соціалистическій листокъ... а я не могъ высказаться тебѣ прежде, чѣмъ я не выяснилъ вполнѣ себѣ самому свои желанія и свои силы.

— Итакъ,—горько возразилъ Меріанъ,—если бы мнѣ не попалось на глаза это сообщеніе, то ты и теперь бы продолжалъ еще молчать и намѣренно меня обманывать, увѣряя меня, что ты поѣхалъ просто путешествовать по Фрисландіи съ однимъ знакомымъ, какъ ты писалъ мнѣ.

— Нѣтъ, папа, теперь я обо всемъ переговорилъ бы съ тобой, потому что въ настоящее время я увѣренъ, что у меня хватитъ достаточно силы, чтобы... въ первый разъ въ моей жизни серьезно вступить съ тобой въ конфликтъ. Я заранѣе предвидѣлъ, что мнѣ, къ сожалѣнію, предстоитъ...

Меріанъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто онъ чувствовалъ физическую боль; горячая волна крови прилила ему къ вискамъ, но онъ, однако, не сказалъ ни слова.

— Я вѣдь могъ заранѣе предсказать, какъ ты это примешь... У меня, разумѣется, была потребность высказать тебѣ все, что я чувствовалъ. Но въ то же время я зналъ твое отношеніе къ движенію, которое ты только ненавидишь, потому что ты не знаешь его сущности.

Меріанъ вдругъ гнѣвно расхохотался.

— Разумѣется, только мое невѣжество такъ ослѣпляетъ меня, тогда какъ тѣ, которыхъ ты называешь своими друзьями, тщетно стараются своимъ геніальнымъ способомъ освѣтить намъ тотъ мракъ, въ которомъ мы бродимъ ощупью!

— Ты самъ очень хорошо знаешь, папа, что я абсолютно такъ не думаю,—сказалъ Бертольдъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Но какъ бы ты на это ни сердился, я все-таки тебѣ еще разъ повторю, что ты совсѣмъ не знаешь того соціализма, который ты такъ презираешь, иначе, при твоей справедливости, которую я всегда такъ уважалъ въ тебѣ, ты во всякомъ случаѣ,—уважалъ бы его передовыхъ борцовъ.

— Нѣтъ, направленіе, которое подрываетъ порядокъ и право, я не могу уважать!

— И тѣмъ не менѣе, именно ты и никто другой, какъ ты, привелъ меня къ тому, что я сталъ ненавидѣть наше ужасное и нелѣпое общество.

Меріанъ, сидѣвшій до сихъ поръ все еще съ опущенной головой, при этихъ словахъ съ нѣмымъ изумленіемъ взглянулъ на сына.

— Да, именно ты, отецъ!.. Кто научилъ меня читать библію и больше всего любить и уважать Христа? Кто показалъ мнѣ, когда я сдѣлался старше, революціонный элементъ въ его ученіи и представилъ мнѣ его, какъ мыслителя и реформатора? Кто обратилъ мое вниманіе на его непрерывную борьбу противъ фарисеевъ, ростовщиковъ и интригующихъ, жадныхъ священниковъ—обладателей тогдашней власти и порядка? Почему ты старался когда-то вызывать во мнѣ доброе начало, вмѣсто того, чтобы воспитать изъ меня безчувственнаго и безсовѣстнаго эгоиста, какой гораздо лучше подходитъ къ современному обществу... если ты все-таки былъ намѣренъ втиснуть меня въ эти рамки взрослымъ человѣкомъ?—На эти страстные доводы Меріанъ, съ минуту, казалось, искалъ отвѣта. Потомъ, гораздо спокойнѣе, чѣмъ раньше, онъ проговорилъ:

— Я, конечно, училъ тебя любить Христа, какъ идеальнаго человѣка. Но тому, чему Онъ училъ, такъ же мало можно слѣдовать теперь, какъ двадцать вѣковъ тому назадъ, и теперь даже еще меньше, потому что человѣческое общество сдѣлалось за это время гораздо сложнѣе.

— Наша общественная форма, которая основана на принципѣ—„каждый для себя“ и которая, подъ страхомъ голодной смерти, натравляетъ людей другъ на друга, какъ тигровъ и волковъ, разумѣется, не приспособлена, чтобы провести среди людей ученіе Христа. Но періодъ волчьей борьбы, къ счастью, уже кончается и на мѣсто конкурренціи на жизнь и смерть,—объединеніе и совмѣстная дѣятельность сдѣлались уже экономической необходимостью. Но, вмѣсто того, чтобы видѣть ее и понимать, какъ разъ самые ревностные читатели библіи и самые пылкіе поклонники Христа, въ отчаяніи, повидимому, хотятъ крѣпко держаться стараго, безнравственнаго строя.

— Совмѣстная дѣятельность является экономической необходимостью!—насмѣшливо крикнулъ Меріанъ.—Можетъ быть, ты съ помощью совмѣстной дѣятельности поведешь въ будущемъ и торговлю?

— А почему же нѣтъ? Развѣ торговля не можетъ сдѣлаться честнымъ и законнымъ обмѣномъ товаровъ, регулируемымъ центральными или національными управленіями съ различными подъотдѣлами, а не противными спекуляціями и биржевыми махинаціями, которыми стараются надуть другъ друга, и если возможно, то и разорить? А затѣмъ, что касается промышленности, то не было бы развѣ логичнѣе и раціональнѣе производить для тѣхъ, кто нуждается въ самомъ необходимомъ, вмѣсто того, что бы на другомъ концѣ земного шара покорять спокойные дикіе

народы для пріобрѣтенія новыхъ рынковъ для торговли и промышленности? Болѣе же мелкіе фабриканты очень часто попадаютъ въ конкурсъ благодаря перепроизводству, въ то время какъ тысячи въ нашей странѣ не имѣютъ самаго необходимаго платья. И такой великолѣпный порядокъ нужно поддерживать во что бы то ни стало!

— Да, эти рѣчи мы уже слыхали! Ты, навѣрное, думаешь, что если бы полдюжины партійныхъ вождей, которые теперь бунтуютъ народъ, захватили бы въ свои руки власть, то земля тогда сразу сдѣлалась бы раемъ?

— Нѣтъ, это не думаетъ никто, если не сошелъ съ ума. Мы только видимъ, что экономическое развитіе, по своей природѣ, ведетъ къ совмѣстной дѣятельности и ко все большей централизаціи капитала по мѣрѣ того, какъ начинаетъ исчезать конкурренція, отнюдь не насилуя индивидуальной воли. Міровыхъ силъ нельзя удержать, и эти происходящія изъ существующаго міровыя силы, идеалогія которыхъ проявляется въ соціалистическомъ движеніи, самой необходимостью вещей ведутъ насъ къ высшей общественной организаціи. На этомъ основаніи и общественное теченіе, носящее названіе соціализма, не является вопросомъ чувства или моральнымъ понятіемъ, какъ въ прежніе вѣка, но представляетъ собой теперь абстрактрелигіозное отраженіе дѣятельности и конкретной необходимости, вызываемой экономическими условіями.

Меріанъ пожалъ плечами. То, что Бертольдъ съ такимъ жаромъ говорилъ о своихъ убѣжденіяхъ, производило на него не больше впечатлѣнія, какъ если бы крылышко колибри билось о скалу. Къ счастью для его сына, тотъ ни разу не подумалъ о философіи денежнаго шкафа, про которую ему говорилъ Робертъ. Онъ все еще вѣрилъ и надѣялся, что сумѣетъ воспламенить отца тѣмъ огнемъ, какимъ была полна его собственная душа.

— Бѣдный мой мальчикъ... Я ни минуты не сомнѣваюсь, что ты дѣйствовалъ съ самыми благими намѣреніями; но ты далъ себя ослѣпить прекрасными, пустыми фразами искателей счастья и интригановъ.

— Искателями счастья и интриганами ты называешь этихъ людей, съ которыми я самъ очень близко познакомился!—съ негодованіемъ крикнулъ Бертольдъ.—Искатели счастья и интриганы, это тѣ благородныя фигуры, которыя во всѣхъ странахъ являются мучениками за свои убѣжденія! Яснѣе, чѣмъ этими словами, ты не могъ доказать, что ты не имѣешь ни малѣйшаго представленія о соціализмѣ и о тѣхъ, кто всецѣло посвящаетъ себя ему. Тогда, какъ мы буквально купаемся въ роскоши, не отказываемъ себѣ

ни въ чемъ, что жизнь даетъ привлекательнаго, но изо дня въ день спрашиваемъ себя, какъ бы намъ еще украсить наше существованіе, сдѣлать наши наслажденія еще интенсивнѣе и устроить наши жилища еще роскошнѣе,—они добровольно живутъ въ простой, бѣдной обстановкѣ лишенныхъ наслѣдства, питаются эти паріи нашего общества буквально только своими идеалами да элементами красоты ихъ религіи. Во всякомъ случаѣ, нужно прибавить, что, преклоняясь передъ своими алтарями, они только жалѣютъ тѣхъ, чье чувство слишкомъ бѣдно и чей горизонтъ слишкомъ ограниченъ, чтобы понять эволюціонныя явленія исторіи и охватить могучую идею единства. Ты знаешь, папа, какъ я, почти еще ребенкомъ, искалъ красоты жизни, искалъ золотого цвѣтка на этой сухой, безплодной землѣ. Этотъ божественный цвѣтокъ я, наконецъ, нашелъ, и если бъ было возможно отнять его у меня, то съ этихъ поръ жизнь потеряла бы для меня всякій смыслъ.

— Ну, хорошо, я сдѣлаю тебѣ удовольствіе и признаю на минуту, что цѣли этихъ людей—не личнаго характера. Но тѣмъ не менѣе, всякій практическій человѣкъ все-таки долженъ считать соціалистическія задачи, стоящія въ полномъ противорѣчіи съ самой сущностью человѣческой природы, за утопическія мечтанія.

— Потому что ты, вѣроятно, подразумѣваешь обычныя каррикатуры на соціализмъ, представляющія человѣчество стадомъ совершенно одинаковыхъ существъ, которыя всѣ получаютъ равное количество духовной и матеріальной пищи и всѣ выдрессированы на одинъ и тотъ же ладъ?

— Нѣтъ, я больше думаю о томъ, сколько зла уже въ настоящее время приноситъ соціализмъ. Возбуждать народъ, эту милліонноголовую несознательную чернь, безсовѣстно, преступно. И если вожди соціализма—не преступники, то я могу ихъ счесть только душевно-больными, если это тебѣ пріятнѣе.

— Они совсѣмъ не возбуждаютъ ее, они только указываютъ бѣднымъ, беззащитнымъ жертвамъ современнаго общественнаго строя на недостатки, лежащіе въ основѣ этого строя, и разъясняютъ имъ, что не лица, не какіе-нибудь жестокіе люди намѣренно, но самыя условія осуждаютъ ихъ на голодъ, нищету и на худшее существованіе, чѣмъ то, какимъ у насъ пользуется скотъ и прежде всего, они стараются внушить имъ то, что безъ серьезнаго напряженія силъ, безъ духовнаго развитія и моральнаго подъема съ ихъ стороны, невозможно никакое прочное измѣненіе въ этомъ отношеніи, потому что общество только тогда можетъ быть здорово, когда здоровы всѣ его части.

Лозунгъ—„каждый для себя“, составляющій базисъ нашей либеральной системы, является самымъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что имущіе классы не откажутся добровольно отъ своихъ привилегій. Четвертое и пятое сословія должны освободиться собственными силами; точно также и женщина, которая уже много столѣтій угнетена, благодаря своему невѣжеству, должна собственными силами выбиться изъ этого угнетенія.

Меріанъ сдѣлалъ такой жестъ, точно его что-то покоробило.

— Неужели и теперь еще поднимается этотъ избитый женскій вопросъ? Этого еще недоставало!

— Но какъ же можно изучать общественныя условія, когда большая половина рода человѣческаго исключена изъ этого?—возразилъ Бертольдъ.

— Все это мы хорошо знаемъ!—сказалъ отецъ, пожимая плечами.—Но поговоримъ лучше о четвертомъ и пятомъ сословіяхъ, потому что намъ пока и этого совершенно достаточно. Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, интересно подробнѣе познакомиться съ вашей программой будущаго строя... Итакъ, когда чернь или такъ называемый демосъ будетъ достаточно силенъ, то произойдетъ революція, которая передастъ кормило правленія въ руки демоса, тогда министерскимъ указомъ будетъ отмѣнена частная собственность, а капиталъ и земли раздѣлены,—такъ должно быть сдѣлано, не правда ли?

Бертольдъ испытующе посмотрѣлъ на отпа, спрашивая себя, серьезно ли онъ говорилъ такъ, или нарочно притворялся такимъ невѣжественнымъ, чтобы подразнить его? Но такъ какъ онъ не могъ рѣшить этого вопроса и такъ какъ онъ не считалъ вполнѣ возможнымъ, что, благодаря своему отвращенію къ соціализму, отецъ совершенно не познакомился съ его научными основаніями, то онъ далъ ему полное, историческое изложеніе соціализма. Онъ подробно объяснилъ ему уничтоженіе ремесла машинами, а потомъ и крупнымъ производствомъ, которое, вслѣдствіе возрастающаго рабства заработной платы, отдѣлитъ капиталъ отъ труда, затѣмъ нарисовалъ ему гибельныя слѣдствія конкурренціи, перепроизводства, промышленныхъ кризисовъ, безработицы и недостатка получательной силы у широкихъ массъ. Онъ говорилъ о трестахъ, картеляхъ и синдикатахъ, которые все болѣе и болѣе захватываютъ міровой рынокъ и которые, наконецъ, превратятъ старую, либеральную систему въ самую ужасную тираннію и въ самый неограниченный деспотизмъ нѣсколькихъ князей капитала. Это поведетъ въ ближайшемъ будущемъ къ расширенію кооперативнаго дѣла во всѣхъ его формахъ, а въ концѣ концовъ, и къ экспропріа-

ціи и націонализаціи наиболѣе важныхъ отраслей призводства,—явленіе, которое теперь уже всюду начинаетъ наблюдаться и которое передастъ все производство въ руки націи, а слѣдовательно, и въ коллективную собственность. Въ случаѣ, если реакція не вызоветъ никакого сильнаго взрыва, то экономическій переворотъ, съ теченіемъ времени, совершится во всѣхъ странахъ мирнымъ путемъ, поэтому и работа ведется не по программѣ будущаго строя, а всюду стараются по возможности поддерживать все болѣе и болѣе проявляющіяся эволюціонныя силы.

Когда Бертольдъ кончилъ, то Меріанъ, все время внимательно слушавшій его, спросилъ:

— Откуда ты добылъ всю эту экономическую премудрость?

— Я много читалъ, разумѣется, въ послѣднее время.

— Читалъ, конечно! книжная ученость, пустыя теоріи на бумагѣ! я же, какъ практикъ, знаю, что для того, чтобы человѣкъ что-либо былъ въ состояніи выполнить, ему прежде всего нуженъ сильный импульсъ. Его себялюбіе должно быть постоянно возбуждено. Если же его лишить его собственности, его жадности и его страсти къ деньгамъ, то у него исчезнутъ самые важные импульсы.

— А если, какъ ты утверждаешь, человѣкъ повинуется только своей жадности и страсти къ деньгамъ, то какимъ же импульсамъ отвѣчаютъ подвиги мужества и самоотверженія, которые, въ теченіе всей исторіи, совершались въ госпиталяхъ во время опасныхъ эпидемій и на поляхъ битвъ и послужили во славу человѣчества?

— Тутъ играло роль чувство любви къ отечеству или зелотизмъ вѣрующихъ или мечтателей. Но совсѣмъ иное дѣло—постоянно поддерживать желаніе работать у обыкновеннаго, средняго человѣка.

— Но при чемъ же этотъ упомянутый тобой импульсъ жажды денегъ у огромнаго большинства людей, у тѣхъ милліоновъ рабовъ капитала,—мужчинъ и женщинъ,—которые безъ всякой надежды на лучшее будущее, изъ года въ годъ, работаютъ, какъ простыя орудія труда и не имѣютъ другой перспективы въ будущемъ, какъ, подобно какой-нибудь собакѣ, окончить свою жизнь гдѣ-нибудь подъ заборомъ, какъ только они лишатся силъ? Неужели ты все только думаешь объ этой четверти привилегированныхъ? Неужели же остальные—не люди? И неужели ты не понимаешь того, что именно этотъ недостатокъ честолюбія, недостатокъ всякихъ истинно-человѣческихъ побужденій и всякой возможности улучшенія положеніяи ведетъ массу къ алкоголизму, къ преступленіямъ, къ проституціи и къ одичанію... и все это во имя принципа индивидуальности?!

— Тебѣ не слѣдовало бы приводить мнѣ такихъ ничего не говорящихъ аргументовъ,—нетерпѣливо сказалъ Меріанъ,— но нужно взглянуть съ болѣе общей точки зрѣнія. Я хочу предложить тебѣ только одинъ вопросъ: неужели ты думаешь, что коммунистическая форма жизни, подобная той, которая была въ глубокой древности или даже основанная на общинномъ землевладѣніи, какъ это было у древнихъ германцевь, могла бы привести человѣчество на ту высоту культуры, на которой мы теперь стоимъ?

— Разумѣется, нѣтъ; но ты такимъ образомъ, вмѣсто безпрерывнаго преобразованія и измѣненія, предполагаешь полную остановку въ культурномъ развитіи и имущественныхъ отношеніяхъ. Новая же система точно такъ же разовьется изъ современной общественной формы, какъ и такъ уважаемые тобой манчестерство и капитализмъ постепенно выросли изъ прежнихъ общественныхъ условій; но это произойдетъ не благодаря сознательной, человѣческой волѣ, но только подъ напоромъ экономическихъ вліяній, которыя придаютъ намъ форму, отвѣчающую потребностямъ даннаго періода. Человѣкъ не создаетъ общество, которое представляетъ собою постоянно растущій и измѣняющійся организмъ, но, наоборотъ,—общественныя условія создаютъ человѣка, поэтому, каждый индивидуумъ—дитя своего времени, продуктъ условій, вліяній и наслѣдственности, поэтому и все, что было, по нашему глубокому убѣжденію, должно быть такъ, чтобы привести насъ къ тому, что мы представляемъ собой теперь и чтобы дать намъ наши моральныя чувства, которыя являются только отраженіемъ современнаго намъ періода жизни. Соціалъ-демократическое ученіе отвергаетъ тотъ взглядъ, что общественная форма является сознательнымъ созданіемъ человѣка. Новыя изобрѣтенія, какъ, напримѣръ, сила пара, машины, электричество—могутъ, съ теченіемъ времени, такъ перевернуть соціальныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и этическія условія, что и человѣкъ, чтобы приспособиться къ нимъ, долженъ тоже духовно совершенно измѣниться. Этимъ объясняется также и то явленіе, что теперь на всемъ земномъ шарѣ возникаютъ соціалистическія теченія. Ты вѣдь, конечно, не думаешь, что въ двухъ различныхъ частяхъ свѣта теперь совершенно случайно тѣ люди, которые находятъ нужнымъ проповѣдовать извѣстныя теоріи или считающіе, что, наконецъ, пришло время, чтобы эгоизмъ сказалъ свое послѣднее слово и добродѣтель, наконецъ, побѣдила бы, родились съ болѣе добрымъ сердцемъ, чѣмъ другіе. Навѣрно, никто не выдумаетъ такого совершенно ненаучнаго взгляда.

Меріанъ молчалъ. Весь его видъ выражалъ упадокъ духа

и скорбь. Если все то, что излагалъ его сынъ, и отскакивало отъ него, какъ отъ желѣзнаго панцыря, то все-таки одно ему было ясно: у его сына дѣло шло совсѣмъ не о мимолетномъ возбужденіи чувства или болѣзненной сентементальности, которую можно было бы тотчасъ же остановить строгимъ отношеніемъ, какъ онъ думалъ раньше. Онъ хорошо понялъ, что въ немъ выливалась теперь наружу скрытая душевная жизнь, новое міросозерцаніе, Его угнетала ужасная мысль, что его талантливый, работящій сынъ сталъ теперь пустымъ мечтателемъ и фантазеромъ, и онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Бертольдъ, на блестящую карьеру котораго онъ когда-то такъ разсчитывалъ, будетъ теперь безжалостно раздавленъ жестокимъ ходомъ жизни.

— О, Боже!—громко простоналъ онъ, и пальцы его судорожно перебирали сѣдые волосы; но, наконецъ, онъ снова опомнился и вдругъ обратился къ Бертольду, который, при видѣ такого отчаянія, стоялъ точно пригвожденный.

— Уйди!—сказалъ онъ.—Оставь меня одного!—и Бертольдъ, слишкомъ подавленный, чтобы возразить хотя бы одно слово, убѣдился, наконецъ, въ своемъ полномъ безсиліи по отношенію къ граниту старыхъ, окаменѣлыхъ догмъ, и уныло вышелъ изъ комнаты.

Меріанъ остался въ полумракѣ, одинъ, со своимъ хаосомъ мыслей. Больше всего его мучили угрызенія совѣсти, что онъ самъ во всемъ этомъ виноватъ. Онъ долженъ былъ иначе воспитать его, долженъ былъ поставить его въ рамки желѣзной дисциплины, дать правильный ходъ его мыслямъ и обуздывать и даже раздавливать каждую его ненормальную склонность, вмѣсто того, чтобы съ радостной гордостью воспитывать въ немъ личное, индивидуальное мышленіе, которое должно было привести его къ гибели. Ему вспомнился его старшій сынъ, Іоганнъ, которому онъ никогда не могъ отдать сполна своего сердца и отъ котораго онъ никогда ничего не ожидалъ, а между тѣмъ тотъ, при всей своей молодости, заслужилъ уже общее уваженіе и съ такимъ тактомъ и умѣньемъ прокладывалъ себѣ дорогу въ жизни, что уже выдвинулся, какъ филантропъ и меценатъ, и имѣлъ всѣ данныя на то, чтобы сдѣлаться извѣстной личностью въ своемъ родномъ городѣ.

Онъ всталъ и началъ возбужденно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ его памяти всталъ образъ Бертольда ребенкомъ, со всѣми его особенностями и съ его недѣтскими вопросами, которые обыкновенно приводили его въ восторгъ. Какимъ онъ былъ идіотомъ, что не подавилъ его революціонной натуры и его самовольнаго поведенія въ юности!

Но развѣ уже все было потеряно? Можетъ быть, еще возможно рѣшительно выступить противъ него, пригрозить ему и сломить его волю альтернативой: откааться или отъ этихъ сумасбродныхъ мечтаній, или отъ дальнѣйшаго посѣщенія родительскаго дома... Если онъ увидитъ, что его научныя занятія будутъ прерваны и вся его будущность уничтожена... можетъ быть, онъ тогда еще разъ подумаетъ и уступитъ?

А если онъ окажетъ сопротивленіе... Что тогда?

Развѣ, нѣсколько дней тому назадъ, онъ не вступилъ такимъ же образомъ въ борьбу съ другой волей... и проигралъ?..

— Однимъ словомъ, Меннерсъ, вы должны сдѣлать выборъ между вашимъ мѣстомъ и вашими соціалъ-демократическими теоріями!—сказалъ онъ ему послѣ длиннаго спора.

И Меннерсъ сдѣлалъ этотъ выборъ и ушелъ съ его службы.

Меріанъ чувствовалъ какой-то ужасъ, вспоминая о послѣдней рѣшительной минутѣ.

— Вы вѣдь знаете, что это увольненіе оставитъ безъ хлѣба меня и мою семью!—сказалъ ему Меннерсъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Я знаю только то,—отвѣтилъ Меріанъ,—что я предоставляю вамъ полную свободу выбора.

— Полную свободу... эта пресловутая свобода, которая должна будто бы всѣмъ управлять! Эта свобода—быть духовно и морально рабомъ предпринимателя, отказаться отъ всѣхъ своихъ личныхъ правъ, отречься отъ убѣжденія, которое свято для меня,—убѣжденія, которое касается не моей собственной личности, потому что мое положеніе обезпечивало мнѣ существованіе, а относится только къ страдающей, эксплоатируемой массѣ! Ну, хорошо, г. Меріанъ, выборъ мой сдѣланъ. Прощайте!

Съ этими словами человѣкъ, двадцать лѣтъ вѣрно служившій ему, ушелъ отъ него, и Меріанъ до сихъ поръ еще чувствовалъ жгучее чувство въ своей душѣ. Невольно у него явилась мысль, какъ будетъ у него на душѣ, если его самолюбивый мальчикъ тоже, можетъ быть, окажетъ ему такое сопротивленіе!

Холодный потъ выступилъ у него на лбу, и онъ все продолжалъ ходить взадъ и впередъ въ темнотѣ, точно въ запертой клѣткѣ. Жажда провести свою волю все болѣе охватывала его, и онъ мечталъ о самыхъ невозможныхъ средствахъ надѣть на своего сына моральную смирительную куртку. Ему ни на минуту не вспомнились событія его собственной юности, и онъ не спросилъ себя, не былъ ли выше

тотъ человѣкъ, который много лѣтъ тому назадъ еще не былъ такъ ожесточенъ общественной борьбой и чувствовалъ въ себѣ достаточно гуманности, что помогъ своему талантливому сыну искать истину и красоту и указалъ на всю силу ихъ у великаго апостола любви... Не стоялъ ли этотъ человѣкъ, можетъ быть, выше, чѣмъ онъ, который, отупѣвъ отъ службы мамону, отрицалъ теперь символъ Голгофы, принималъ кажущееся за самую сущность дѣла, и ниже склонялся передъ ложью свѣта, передъ его пустыми, мишурными, вульгарными знаками почтенія, чѣмъ передъ той внутренней, душевной силой, которая сообщаетъ людямъ и вещамъ печать чего-то высшаго и отражаетъ истинно-божественное, что во всѣ вѣка распиналось невѣжественными... чтобы потомъ получить безсмертіе въ духовномъ пантеонѣ борющагося человѣчества?..

* * *

Слѣдующій день былъ воскресенье, въ который, по обыкновенію, уже съ утренними поѣздами въ имѣніе Меріановъ пріѣхало нѣсколько амстердамскихъ друзей. Подруги Бэби пріѣхали въ телѣжкѣ, запряженной пони, а для болѣе взрослыхъ людей на станцію было послано ландо.

Меріанъ провелъ весь день среди гостей. Съ своимъ обычнымъ самообладаніемъ онъ умѣлъ справиться со всѣми своими тяжелыми мыслями и исполнять обязанности данной минуты, которыя состояли для него въ томъ, чтобы быть гостепріимнымъ хозяиномъ и не дать замѣтить ни гостямъ, ни членамъ семьи своего подавленнаго настроенія. Можетъ быть, тонкія губы его были нѣсколько болѣе сжаты, чѣмъ обыкновенно, и голосъ его звучалъ еще немного рѣзче и опредѣленнѣе, но за исключеніемъ Бертольда, который самъ находился въ невыносимомъ состояніи напряженія, никто не замѣтилъ въ немъ чего-либо необыкновеннаго.

Тѣ, кто съ дѣтства зналъ Бертольда, никогда не ждалъ отъ него какой-нибудь общительности или веселаго настроенія. Поэтому, и его неразговорчивость никому не бросилась въ глаза и прошла незамѣтно даже для Карлы, которая весь день была занята съ однимъ изъ гостей, такъ что госпожа Меріанъ втайнѣ даже подумала, что тотъ „слишкомъ ужъ много за ней ухаживаетъ“. А то обстоятельство, что его молодая жена ревнивыми глазами слѣдила за ними во время прогулки, опять доставило Карлѣ тайное чувство удовлетворенія и торжества, которое на минуту смягчало угнетающее сознаніе ея подчиненнаго положенія и составляло тѣ свѣтлыя точки въ ея существованіи, безъ которыхъ ея пребываніе у Меріановъ было бы невыносимо для нея.

Когда гости, провожаемые Меріанами, уѣхали около 8 часовъ, Карла сочла необходимымъ подарить нѣсколько минутъ вниманія своему „Кнехту-Рупрехту“, какъ она иногда называла въ душѣ Бертольда, такъ какъ она хорошо знала, что была очень небрежна къ нему весь день. Въ виду того, что было еще свѣтло, она предложила ему прогуляться въ бесѣдку; но для того, чтобы не вызвать недовольства у Бэби, сидѣвшей съ книгой около дома, они пошли разными дорогами къ тому хорошо знакомому имъ мѣсту, гдѣ, ровно годъ тому назадъ, между ними было сказано рѣшительное слово. Онъ любилъ смотрѣть на закатъ съ этого, довольно высоко лежащаго пункта, откуда сквозь просвѣтъ деревьевъ парка можно было видѣть весь западный горизонтъ.

Когда они оба почти одновременно подошли къ садовой бесѣдкѣ, то все небо, точно пурпуромъ, было залито фіолетовыми полосами облаковъ.

Любуясь яркими красками заходящаго солнца, Бертольдъ сѣлъ на деревянную скамейку и такъ близко привлекъ ее къ себѣ, что маленькіе завитки на ея вискахъ касались его щеки.

— Такая идиллическая бѣсѣдочка, золотое великолѣпіе передъ нашими глазами и такая женщина, какъ моя Карла, рядомъ со мной... какое блаженство!..—прошепталъ онъ, упиваясь очарованіемъ минуты и спокойствіемъ дремлющаго ландшафта послѣ дикой душевной бури, бушевавшей въ немъ послѣднія сутки.

Она молча улыбнулась и ласково положила свою руку на его. Только послѣдняя часть его восклицанія имѣла значеніе для нея, и такого рода проявленія, льстящія ея тщеславію, никогда не были ей непріятны.

— И подумать только,—продолжалъ Бертольдъ, немного помолчавъ, что всѣ люди могли бы наслаждаться такимъ же небомъ, такимъ же солнцемъ, свѣтомъ, миромъ, любовью и красотой... если бы человѣкъ не сдѣлалъ самъ эту прекрасную землю мѣстомъ ужаса!

— Господи, Боже мой! Онъ опять начинаетъ свои чудачества!—сердито подумала Карла. И въ то же время она спокойно принялась играть своими браслетами, отстегнула одинъ изъ нихъ и тщетно пыталась его снова застегнуть.

— Помоги же мнѣ, пожалуйста!—сказала она, протягивая ему свою круглую, бѣлую ручку.

Онъ очень неумѣло сталъ ей помогать и долго не могъ понять тайны браслетнаго замка. На этотъ разъ онъ такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что не обратилъ даже вниманія на самую руку, соблазнительно выглядывавшую изъ-подъ кружевъ платья.

— Тѣ, кто знаетъ только рай жизни, не могутъ и представить себѣ этого ада,—продолжалъ онъ дальше, снова обратившись лицомъ къ закату,—но тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ, хотя никто о немъ и не думаетъ.

— О какомъ, собственно, адѣ ты говоришь?—спросила она его, наконецъ, съ какимъ-то неопредѣленнымъ отвращеніемъ къ этому слову, которое имѣло такое ужасное значеніе для ея католички-матери, а отчасти и для нея самой.

По одному уже тону ея голоса ему стало ясно, что она совсѣмъ не поняла его; и эта абсолютная наивность имѣла для него такую притягательную силу, что невольно вызвала у него улыбку. Какъ чудесно будетъ обработать и засѣять такую дѣвственную, нетронутую, духовную почву, чтобы вырастить на ней самые роскошные духовные цвѣты! Такъ какъ ему не представлялось до сихъ поръ случая, то онъ, въ сущности, никогда еще не касался съ ней ни одного серьезнаго предмета съ прошлаго лѣта, они всегда встрѣчались только тайкомъ и успѣвали обмѣняться только нѣсколькими словами любви, и поэтому онъ собирался хоть разъ поговорить съ ней посерьезнѣе.

— Послушай, Карла, ты, навѣрное, очень мало думала о томъ, что происходитъ на свѣтѣ, какимъ образомъ люди живутъ между собою и какъ они поступаютъ другъ съ другомъ. Но ты, навѣрное, вѣдь все-таки знаешь, что они часто испытываютъ большую нужду, что есть милліоны людей, которые существуютъ только затѣмъ, чтобы работать и которые, тѣмъ не менѣе, съ трудомъ могутъ достать себѣ уголъ для отдыха и необходимой пищи, чтобы утолить свой голодъ, никогда, въ сущности, не пользуются настоящимъ свѣтомъ и воздухомъ въ тѣсныхъ закоулкахъ большаго города и почти не знаютъ ни травы, ни деревьевъ, и если только подумать объ этомъ, вотъ въ такой вечеръ, какъ теперь, когда надъ нами разстилается такое божественно-прекрасное небо, которое, къ сожалѣнію, сіяетъ и надъ такой ужасной нищетой, то въ насъ невольно закрадывается чувство, которое стѣсняетъ намъ дыханіе и лишаетъ насъ всякаго радостнаго настроенія... Ты этого никогда еще не испытала, дорогая?

Она удивленно взглянула на него.

— О чемъ ты, собственно, говоришь?—нетерпѣливо спросила она.—О бѣдныхъ людяхъ?

— Представимъ себѣ, напримѣръ,—продолжалъ онъ дальше,—что мы можемъ подробно наблюдать всю жизнь и дѣятельность какой-нибудь породы животныхъ. Это очень легко можно было бы сдѣлать съ пчелами и муравьями, которые живутъ коммунистической жизнью. Но

намъ будетъ еще яснѣе, если мы представимъ себѣ общество какихъ-нибудь болѣе извѣстныхъ намъ домашнихъ животныхъ, напримѣръ, кошекъ... нѣтъ, нѣтъ, не кошекъ, къ которымъ ты чувствуешь такое отвращеніе,—возьмемъ лучше собакъ, которыя жили бы стадами, какъ слоны, обезьяны и другія животныя въ тропикахъ. Представь себѣ, что мы можемъ наблюдать общество собакъ, три четверти котораго, изъ года въ годъ, день и ночь мучаются, чтобы доставить одной четверти возможно болѣе пріятное и удобное чуществованіе. Почти всѣ собаки истощены, больны, замучены и находятся въ полномъ подчиненіи у нѣсколькихъ другихъ собакъ, которыя живутъ въ прекрасныхъ домахъ съ роскошными парками, почти не могутъ справиться со всей окружающей ихъ роскошью и избыткомъ и поэтому стараются убить время обильной ѣдой, питьемъ и охотой, ради одного только удовольствія, на кошекъ, зайцевъ и кроликовъ. Представимъ себѣ, затѣмъ, что они во всемъ имѣютъ такой нелѣпый избытокъ, что даже заболѣваютъ отъ этого и нуждаются во всевозможныхъ минеральныхъ источникахъ для своего излеченія. А между тѣмъ, истощенныя, голодныя и измученныя собаки смотрятъ на весь этотъ безумный избытокъ, нисколько не думая взять что-нибудь изъ него въ свою пользу, хотя тѣ буквально не могутъ справиться съ нимъ. Они, напротивъ, все время продолжаютъ работать и всегда стараются собрать все лучшее для этихъ немногихъ, ненасытныхъ, отъ которыхъ имъ кое-когда перепадаетъ что-нибудь еще, негодное для тѣхъ самихъ. И эти бѣдныя созданія, по вечерамъ, ложатся до смерти усталыя спать въ своихъ жалкихъ, холодныхъ, сырыхъ конурахъ, чтобы на слѣдующее утро снова приняться за работу, пока онѣ, наконецъ, не падутъ мертвыми отъ истощенія. Что бы ты сказала о такихъ животныхъ, Карла?

— Я сочла бы ихъ, разумѣется, помѣшанными,—сказала она, зѣвая, но очень мало понимая, чего онъ, собственно, хотѣлъ отъ нея.—Но ты, конечно, не станешь утверждать, что тоже самое происходитъ и въ человѣческомъ обществѣ?

— Но немного въ этомъ родѣ, какъ мнѣ кажется... Ты только, развѣ, составляешь противоположность.

— Но мы, люди, вѣдь, все-таки—не животныя! Такъ кікъ мы—люди то у насъ есть низшій классъ народа, чтобы исполнять для насъ всю черную работу.

— Ты, слѣдовательно, считаешь людей гораздо болѣе высшими существами, чѣмъ животныя?

— Да, разумѣется.

— Но развѣ ты видишь доказательство этой высоты

въ томъ, чтобы заставлять другихъ людей,—потому что „низшій классъ народа“ вѣдь тоже люди,—исполнять черную работу, да и кромѣ того, еще терпѣть нищету, тогда какъ мы сами оставляемъ для себя прекрасную и пріятную сторону жизни?

Она пожала плечами.

— Но ничего же нельзя измѣнить въ томъ, что есть бѣдные и богатые, и что низшій классъ народа созданъ для этого!

Онъ засмѣялся и нашелъ эту логику такой прелестно-наивной. Разговоръ этотъ былъ для него чѣмъ-то вродѣ игры въ кошку и мышку... онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что такимъ элементарнымъ способомъ онъ приведетъ Карлу туда, гдѣ онъ хотѣлъ ее видѣть.

— А кто же создалъ этотъ „низшій классъ народа“ для этого, то-есть, ты, навѣрное, полагаешь для того, чтобы страдать и голодать?

— Разумѣется Богъ... который создалъ и всѣхъ насъ!— тотчасъ же отвѣтила она.

— Богъ?—спросилъ онъ, немного озадаченный. Затѣмъ онъ подумалъ немного. Какъ ты можешь думать, Карла, что Богъ, которому люди поклоняются, какъ отцу небесному, какъ самой любви и благости, не только отдалъ три четверти человѣчества въ жертву нищетѣ, но даже лишилъ ихъ всего прекраснаго, всякой возвышенной и благородной жизни?.. И все это ради одной только четверти!

— Но тѣмъ не менѣе, это такъ... — рѣшительно повторила она. — Все, что совершается, есть воля Божія, потому что иначе не совершилось бы.

— Но, дорогая моя, подумай немножко! Если бы это была воля Божія, чтобы столько людей страдало на землѣ, и что даже, какъ ты полагаешь, Богъ нарочно создалъ для этого людей, то было бы грѣшно тогда быть съ ними милосердными и даже подавать имъ милостыню.

— Нѣтъ, потому что Богъ хочетъ, чтобы мы были сострадательны, иначе мы не попадемъ на небо.

— Ну, это ужъ черезчуръ, Карла! Итакъ, по твоему мнѣнію, вся нищета должна еще служить къ тому, чтобы привести насъ, поставленныхъ выше и во всѣхъ отношеніяхъ привилегированыхъ людей, на небо?

Вдругъ она начала громко смѣяться.

— О, пфуй, что за нелѣпый разговоръ! Теперь ни слова больше объ этихъ сумасбродныхъ вещахъ... нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше!—и она обѣими ручками зажала ему ротъ.— Иначе я тотчасъ уйду и оставлю тебя, если тебѣ такъ больше нравится, въ пріятномъ tête-à-tête съ солнцемъ! Итакъ, прощай! И она сдѣлала движеніе, какъ-будто и на самомъ

дѣлѣ хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее, и между ними завязалась настоящая борьба, которая затѣмъ перешла въ любовную борьбу, пока они вдругъ не услышали около себя шорохъ. Карла первая оглянулась и тихонько вскрикнула отъ ужаса. Тамъ, на дорогѣ къ бесѣдкѣ, прямо передъ ними, стоялъ никто иной, какъ самъ Меріанъ и неподвижно и строго смотрѣлъ на нихъ; и молодые люди, точно окаменѣлые, не говоря ни слова и не въ силахъ пошевелиться, смотрѣли съ минуту на него, пока онъ молча не повернулся къ нимъ спиной и не пошелъ своимъ обычнымъ тяжелымъ, мѣрнымъ шагомъ обратно, свернувъ на первую боковую дорожку.

— О, Боже!—простонала Карла, закрывая обѣими руками лицо.—Онъ видѣлъ насъ... что мнѣ теперь дѣлать? Мы погибли.

Бертольдъ, самъ поблѣднѣвшій, какъ полотно при внезапномъ появленіи своего отца, заставшаго ихъ на мѣстѣ преступленія, все-таки, послѣ первой минуты испуга, не могъ падавить нѣкотораго вздоха облегченія.

— Ну, по крайней мѣрѣ, онъ теперь знаетъ!—невольно вырвалось у него вполголоса.

— О, какъ ты только можешь такъ говорить!—въ отчаяніи рыдала она.—Ты увидишь, что теперь будетъ. Онъ никогда не проститъ намъ.

— Нѣтъ, онъ проститъ; я знаю его лучше тебя. Въ томъ, что мы другъ друга любимъ, нѣтъ вѣдь ничего дурного,—наоборотъ. Единственно дурно только то, что мы притворялись и скрывали нашу любовь. Завтра я поговорю съ нимъ и, конечно, всю вину возьму на себя. Я уже позабочусь о томъ, чтобы тебя ни въ чемъ не обвинили.

Но что бы онъ ей ни говорилъ для того, чтобы утѣшить и успокоить ее, ничто не помогало.

— Я пойду сейчасъ домой,—взволнованно сказала она.—Ты иди другой дорогой! Я скажу, что у меня болитъ голова и не покажусь больше сегодня вечеромъ. О, это ужасно!—и со слезами на глазахъ отъ страха она оттолкнула его отъ себя и выбѣжала изъ бесѣдки.

Бертольдъ остался еще немного, задумчиво смотрѣлъ на величественно закатывающееся солнце и всей грудью нѣсколько разъ вздохнулъ свѣжимъ, вечернимъ воздухомъ, какъ-будто онъ чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ большой тяжести. Погруженный въ свои мысли, онъ окольнымъ путемъ вернулся потомъ домой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Границы парламентаризма.

I. Историческая справка.—Кризисъ международнаго соціализма.

Споры о значеніи парламентаризма для рабочаго класса такъ же стары, какъ борьба пролетаріата за демократизацію парламентскаго строя, т. е. за всеобщее избирательное право.

Намѣчу лишь главнѣйшіе этапы этихъ споровъ внутри *соціалистическихъ* теченій или партій. Что касается *анархистскихъ* взглядовъ на парламентаризмъ, то имъ нѣтъ мѣста въ *историческомъ* анализѣ. Анархизмъ въ данномъ отношеніи исторіи не имѣетъ: онъ всегда и вездѣ столь же неизмѣнно, какъ абстрактно отрицалъ всякое участіе въ парламентѣ.

Впервые въ исторіи рабочаго движенія знамя борьбы за всеобщее избирательное право было поднято чартистами въ Англіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но уже тогда, въ противоположность чартистамъ, Робертъ Оуэнъ и его послѣдователи отказывались видѣть въ „Народной Хартіи“ средство соціальнаго освобожденія рабочаго класса. Исходили они при этомъ не изъ абстрактно-анархистскаго отрицанія политики, а изъ системы *соціалистическихъ* взглядовъ, въ которой классовой борьбѣ вообще не было мѣста[1]). По той же причинѣ отрицали борьбу за всеобщее избирательное право фурьеристы 40-хъ годовъ во Франціи.

Чартисты своей цѣли не добились и къ концу 40-хъ годовъ сошли со сцены. Но ихъ пятнадцатилѣтняя революціонная борьба, временами грозившая, казалось, самому существованію буржуазнаго строя, безраздѣльно господствовала надъ мыслями и чувствами современниковъ. Въ частности ея опытъ вошелъ составнымъ элементомъ въ теорію научнаго соціализма Маркса и Энгельса. Молодой Энгельсъ, непосредственный наблюдатель чар-

---

1) Только на короткое время самъ Оуэнъ и его сторонники практически отступили отъ своихъ внѣклассовыхъ воззрѣній. Имѣю въ виду ихъ дѣятельность въ *соціально-революціонномъ* трэдъ-юніонизмѣ начала 30-хъ годовъ, который, къ слову сказать, является далекимъ предтечей современнаго революціоннаго синдикализма.

тистскаго движенія, цѣнилъ его значеніе настолько высоко, что въ своей книгѣ „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“ (1844 г.) связывалъ съ нимъ надежду на близкую соціальную революцію въ Англіи.

Посмотримъ же, какъ отразился опытъ чартизма на классическомъ документѣ научнаго соціализма, на „Манифестѣ Коммунистической Партіи“.

Напрасно стали бы мы тутъ искать слѣдовъ специфической идеи чартизма о рѣшающемъ значеніи всеобщаго избирательнаго права. Въ политическомъ отношеніи центральной идеей „Манифеста“ является не завоеваніе всеобщаго избирательнаго права, но непосредственное завоеваніе пролетаріатомъ политической власти. Это будетъ „первымъ шагомъ рабочей революціи“, а вторымъ ея шагомъ будетъ рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ торжеству коммунистическаго строя,—„рядъ деспотическихъ вторженій въ право собственности и въ буржуазныя условія „производства“ съ цѣлью „преобразованія всего способа производства“. Напомню еще, что „Манифестъ“ 1847 г., учитывая грядущую германскую революцію, заявляетъ, что „нѣмецкая буржуазная революція можетъ послужить лишь *непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи*“. Ясно, что въ тогдашнихъ взглядахъ Маркса и Энгельса просто не было мѣста парламентарной тактикѣ, періоду мирной, постепенной, легальной борьбы за избирательные голоса и парламентскіе мандаты и всему, съ этой борьбой связанному. Увертюра „бѣшенаго“ 1848-го года, „Манифестъ“, кончается бурными звуками гордаго вызова существующему строю: „Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои воззрѣнія и намѣренія. Они открыто объявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго ниспроверженія всего современнаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы содрогаются передъ коммунистической революціей“...

Пронеслись, миновали весеннія бури 1848-го года—увяли надежды на немедленную коммунистическую революцію. Первые признаки новой весны появляются только въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи снова слышится весенній шумъ пробуждающагося пролетаріата. Но этотъ шумъ предвѣщаетъ не бурю, а медленный органическій ростъ молодой силы. Въ Англіи, наряду съ усиленіемъ трэдъ-юніоновъ, начинается агитація за всеобщее избирательное право. Этой агитаціи содѣйствуетъ лондонскій Генеральный Совѣтъ „Интернаціонала“ при участіи Маркса. Спустя 15 лѣтъ послѣ предсмертной демонстраціи чартистовъ (въ апрѣлѣ 1848 г.), ихъ специфическая идея воскресаетъ къ новой жизни, ихъ традиція возобновляется на англійской же почвѣ,—правда, съ гораздо болѣе скромнымъ размахомъ цѣли и средствъ. Избирательная реформа 1867 года была въ Англіи первой уступкой чартистскимъ требованіямъ.

Но не Англія съ ея урѣзаннымъ избирательнымъ правомъ и не наполеоновская Франція съ ея всеобщимъ, но фальсифицированнымъ избирательнымъ правомъ, — не эти передовыя страны со старѣйшимъ рабочимъ движеніемъ дали толчокъ въ сторону *систематической избирательно-парламентарной тактики* соціалистическихъ партій. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ *Германіи*, принадлежитъ основателю соціалъ-демократіи—Фердинанду Лассалю.

Въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего случайнаго.

Марксъ и Энгельсъ жили общими интересами всего международнаго рабочаго движенія. Ихъ тактическія директивы — особенно во времена „Интернаціонала"—были разсчитаны на *общія* потребности движенія разныхъ странъ. Специфическія условія германской дѣйствительности были имъ болѣе чужды, чѣмъ непосредственно ихъ окружавшая атмосфера англійскаго рабочаго движенія или даже болѣе чужды, чѣмъ французскія условія. Къ тому же силы „Интернаціонала" вербовались главнымъ образомъ въ Англіи и во Франціи, тогда какъ Германія принимала въ немъ наиболѣе слабое участіе. Вотъ почему авторы „Манифеста Коммунистической Партіи" и въ 60-хъ годахъ по интересующему насъ вопросу оставались вѣрны своему старому взгляду. Болѣе того. Практика всеобщаго избирательнаго права при второй имперіи во Франціи способна была только усилить ихъ отрицательное отношеніе къ тактикѣ, ставящей *во главу угла* пользованіе избирательнымъ правомъ.

Въ совершенно иномъ положеніи находился Лассаль. Историческое значеніе его агитаціи цѣликомъ вытекаетъ изъ того обстоятельства, что она была приспособлена къ специфическимъ условіямъ Германіи вообще и къ отсталому состоянію нѣмецкихъ рабочихъ въ частности. Всѣ стороны германской жизни и всѣ основныя черты нѣмецкаго темперамента какъ бы соединились для того, чтобы породить и усовершенствовать одностороннюю избирательно-парламентарную тактику.

Всеобщее избирательное право было, по Лассалю, необходимымъ и *достаточнымъ* средствомъ для освобожденія труда отъ капитализма, для осуществленія „идеи четвертаго сословія". Посредствомъ этого права рабочіе непремѣнно добьются отъ парламента государственной помощи „производительнымъ ассоціаціямъ", которыя мало-по-малу и вытѣснятъ капитализмъ. Вся эта концепція — смѣсь *мирнаго* чартизма съ идеями Луи-Блана — имѣла своей философской предпосылкой *внѣ*-классовый взглядъ на государство, какъ на орудіе осуществленія нравственнаго идеала, — взглядъ, заимствованный Лассалемъ у нѣмецкой идеалистической философіи.

Никто не станетъ спорить противъ того, что лассалевская агитація положила прочное начало классовому отдѣленію нѣмец-

кихъ рабочихъ отъ буржуазныхъ партій. Но столь же несомнѣнно и то, что идея самостоятельной рабочей партіи, замыкающейся въ рамки избирательно-парламентарной дѣятельности и по своей цѣли подчиненной идеализированному, внѣклассовому государству, является каррикатурой на революціонную идею классовой борьбы, формулированную въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи". И, однако, именно та ублюдочная, парламентарно-государственническая идея классовой борьбы стояла у колыбели германской соціалъ-демократіи, воспитала ея юность и наложила глубокую печать на весь періодъ ея зрѣлости! Дѣло тутъ, конечно, не въ какомъ-то мистическомъ вліяніи идей и личности Лассаля. Лассальянство имѣло такое глубокое вліяніе потому, что оно ярко отразило въ себѣ основныя особенности германской общественно-политической и національной среды, — особенности, которыя въ данномъ отношеніи сводятся къ отсутствію революціонной активности какъ у буржуазіи, такъ и у пролетаріата.

Вотъ почему односторонняя парламентарная тактика продолжала господствовать и даже усиливаться въ рядахъ германской соціалъ-демократіи и послѣ того, какъ она на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 г. оффиціально стала на точку зрѣнія марксизма. Да и самый марксизмъ въ Германіи сохранилъ только свою словесную или теоретичную революціонность. На дѣлѣ марксистская теорія, подъ вліяніемъ практики германской соціалъ-демократіи, потерпѣла перегибъ въ сторону *фаталистическаго* истолкованія исторіи, для котораго активная воля борющагося класса, его творческая инициатива — ничто, а условія, обстоятельства, пресловутыя „Verhältnisse" — все, всесильный фатумъ... Ну, а нѣмецкія „Verhältnisse" толкали и толкаютъ, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ съ особенною силою въ сторону избирательно-парламентарныхъ „побѣдъ".

Въ 1867 году Бисмаркъ актроировалъ всеобщее избирательное право. Отнынѣ дорога къ избирательнымъ побѣдамъ лежала передъ соціалъ-демократіей открыто. Протестъ Либкнехта въ 1896 г. противъ надвигающейся парламентарной тактики былъ послѣдней данью „солдата революціи" надеждамъ на революціонное переустройство феодально-самодержавно-буржуазной Германіи. Избирательные успѣхи нѣмецкой соціалъ-демократіи въ 70-хъ годахъ,— наряду съ затишьемъ рабочаго движенія въ другихъ странахъ, а особенно во Франціи, вслѣдъ за пораженіемъ Парижской Коммуны,—отразились и на взглядахъ самого Маркса. Въ 1880 году онъ вмѣстѣ съ Гедомъ и Лафаргомъ объявляетъ (въ программѣ Французской Рабочей Партіи—гедистовъ), что всеобщее избирательное право, до сихъ поръ служившее „орудіемъ обмана", должно превратиться въ „орудіе освобожденія" рабочаго класса.

Начиная съ 90-хъ годовъ, примѣръ германской соціалъ-демократіи находитъ подражаніе среди соціалистическихъ партій всѣхъ

странъ. А въ 1895 году Фридрихъ Энгельсъ въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ Карла Маркса поетъ настоящій гимнъ тактики всеобщаго избирательнаго права, какъ единоспасающему рычагу соціальной революціи. Правда, революціонныя заключенія этого предисловія, переступавшія предѣлы парламентарныхъ средствъ борьбы, были устранены Энгельсомъ по совѣту вождей германской соціалъ-демократіи. Но фактъ тѣмъ не менѣе таковъ, что единственнымъ путемъ къ революціонной развязкѣ Энгельсъ считаетъ ростъ избирательныхъ голосовъ и мандатовъ. А что касается самой революціонной развязки, то мы, конечно, не можемъ, знать, что объ этомъ говорилось въ рукописи [1]), но въ печатномъ текстѣ мы находимъ только рѣшительную критику старой—„баррикадной“ формы революціи—безъ малѣйшаго намека на какую-либо новую ея форму. Или считать такимъ намекомъ указаніе Энгельса на побѣду христіанства, происшедшую благодаря переходу на его сторону римскихъ легіоновъ? Но вѣдь въ этомъ иносказаніи выражена опять-таки основная мысль предисловія: даже армія станетъ соціалъ-демократическою, благодаря исключительно все той же избирательной тактики.

Впрочемъ, избирательно-парламентарный оптимизмъ въ то время настолько опьянялъ умы въ средѣ германской соціалъ-демократіи, что Энгельсъ въ названномъ предисловіи дѣлалъ слѣдующее предсказаніе: „Мы можемъ разсчитывать уже теперь на $2^{1}/_{4}$ милліона избирателей. Если это будетъ такъ продолжаться, то *къ концу столѣтія въ нашихъ рядахъ окажется большинство среднихъ классовъ общества, мелкой буржуазіи и мелкаго крестьянства, и мы станемъ въ странѣ рѣшающею силой, передъ которою волей-неволей должны будутъ склониться всѣ другія силы*“. (Курсивъ мой).

Въ томъ же духѣ фаталистическаго избирательнаго оптимизма пророчествовалъ Бебель на Эрфуртскомъ съѣздѣ партіи въ 1891 году: „Я полагаю, что мы имѣемъ полное основаніе быть довольными ходомъ вещей... Буржуазное общество такъ усердно работаетъ надъ своей собственной гибелью, что *намъ остается только ждать момента, когда намъ придется поднять выпавшую изъ его рукъ власть*. (Курсивъ мой)... Болѣе того, я убѣжденъ, что осуществленіе нашихъ послѣднихъ цѣлей столь близко, что лишь немногіе изъ присутствующихъ въ этой залѣ не доживутъ до того дня...“ ((Protokoll des Parteitages zu Erfurt, стр. 172). А Либкнехтъ на томъ же партейтагѣ выразилъ специфически нѣмецкій перегибъ марксизма словами: „Революціонность

[1]) Каутскій, по поводу полемики съ Бернштейномъ, сообщилъ (Neue Zeit, 1898—99, № 28) о вызванномъ тактическими соображеніями смягченіи энгельсовой рукописи, но первоначальнаго рукописнаго текста онъ не привелъ.

заключается не въ *средствахъ*, а въ *цѣли*. Насиліе въ теченіе тысячелѣтій было *реакціоннымъ* факторомъ". (Тамъ же, стр. 206. Курсивъ оригинала). А путемъ къ мирной побѣдѣ, чуждающейся „реакціоннаго" насилія, является, конечно, накопленіе избирательныхъ голосовъ и мандатовъ, которое обезпечитъ за партіей большинство. „Но тутъ могутъ возразить,—продолжаетъ Либкнехтъ,—когда за вами будетъ большинство, то, придутъ солдаты. Я отвѣчаю: дайте намъ только дойти до этого, а тамъ посмотримъ..." (Тамъ же, стр. 210).

Не мѣшаетъ отмѣтить, что подобныя рѣчи наиболѣе авторитетныхъ и наиболѣе *лѣвыхъ* вождей партіи были произнесены на томъ самомъ партейтагѣ, который замѣнилъ старую почти лассальянскую программу программой марксистской! Это даетъ намъ понятіе о пропасти, отдѣлявшей и понынѣ отдѣляющей въ средѣ германской соціалъ-демократіи теоретико-программное признаніе марксизма отъ дѣйствительнаго усвоенія революціоннаго духа этого наиболѣе революціоннаго ученія. А вырыла эту пропасть чуждая марксизму, но выросшая на нѣмецкой почвѣ парламентарная тактика.

Но дальнѣйшимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой тактики явился принципіальный, *сознательный* разрывъ съ марксистской теоріей. *Реформизмъ* всѣхъ видовъ—ревизіонизмъ въ Германіи, министеріализмъ во Франціи и въ Италіи—были не болѣе, какъ послѣдовательной сознательной теоретической формулировкой долголѣтней парламентарной тактики.

„Und was sie ist, das wage sie zu scheinen!"

— „Пусть она осмѣлится казаться тѣмъ, что она есть!"—такъ взывалъ послѣдовательный Эдуардъ Бернштейнъ словами Шиллера къ нѣмецкой соціалъ-демократіи. По всей своей дѣятельности она есть партія парламентарная, партія демократическихъ реформъ, мирныхъ преобразованій,—пусть же она сознательно и открыто признаетъ себя таковою, порвавъ со словесно-теоретическою революціонностью, унаслѣдованною отъ марксизма... Лѣвое крыло партіи, „ортодоксальные" марксисты во главѣ съ Каутскимъ, наоборотъ, обходили историческую почву разногласій—избирательно-парламентарную тактику и взывали къ неопровержимому соціологическому тезису объ „обостреніи классовыхъ противорѣчій". Можно сказать, что оба лагеря спорили мимо другъ друга. Нѣмецкая книжная теоретичность и чисто-теоретическая плоскость, въ которой велись споры, доставили „ортодоксамъ" полную побѣду,—но, увы, побѣду только теоретическую же. Острота и обостреніе классовыхъ противорѣчій, которыя спеціально въ Германіи навязываются—правда, не столько чувству, сколько сознанію,—съ очевидностью аксіомы, живо притупили полемическое оружіе бернштейніанцевъ. Но полемическая побѣда „ортодок-

совъ" ни на іоту не измѣнила фактическаго избирательно-парламентарнаго характера партіи.

Болѣе того. Историческій документъ, формально удостовѣряющій побѣду лѣваго крыла, вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпляетъ ту самую „старую, испытанную и побѣдоносную тактику“ *парламентаризма*, сознательнымъ теоретическимъ выраженіемъ которой и явился ревизіонизмъ. Говорю о резолюціи дрезденскаго партейтага 1903 года. Въ первой своей части эта резолюція—Гималаи нѣмецкаго теоретичнаго революціонизма—подчеркиваетъ обостреніе классовыхъ противорѣчій и соціалистическую цѣль; но во второй своей части она пространно говоритъ исключительно о дѣятельности... *парламентской фракціи*. Требуетъ же и ждетъ она отъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ такихъ реформистскихъ подвиговъ, что Жоресъ, Жоресъ *того времени*, справедливо ссылался на парламентскую часть дрезденской резолюціи въ *защиту своей легально-реформистской тактики*.

Такимъ образомъ, нѣмецкій споръ между ортодоксами и ревизіонистами фактически сводится къ спору между послѣдовательнымъ реформистскимъ парламентаризмомъ и непослѣдовательнымъ внутренне-противорѣчивымъ революціоннымъ парламентаризмомъ,—къ спору между людьми, которые изъ парламентарной практики логически умозаключали къ реформистской теоріи, и людьми, которые стремились совмѣстить несовмѣстимое, сочетать парламентарную практику съ революціонной теоріей.

Аналогичный характеръ носилъ французскій споръ между правымъ и лѣвымъ крыломъ. Правда, у не-теоретичныхъ французовъ въ центрѣ спора стояла практика, но отнюдь не вся практика парламентаризма, а только одно изъ ея послѣдствій при демократическомъ режимѣ—министеріализмъ.

Неудивительно, что фактическіе результаты споры какъ въ Германіи, такъ и во Франціи не соотвѣтствуютъ его формальнымъ результатамъ. И тутъ, и тамъ побѣда лѣвыхъ на партійныхъ съѣздахъ и на международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Амстердамѣ (1904 г.) по существу ничего ровно въ дѣятельности партіи не измѣнила. Практика, какъ всегда и всюду, оказалась властнѣе теоріи и теоретическихъ резолюцій.

На своемъ партейтагѣ въ Іенѣ (1905 г.) нѣмецкая соціалъ-демократія впервые сдѣлала попытку перейти отъ теоретичнаго революціонизма къ практическому. Поверхностному наблюдателю могло показаться, что рѣшеніе іенскаго партейтага въ пользу „массовой политической стачки“ означаетъ разрывъ со старымъ. На дѣлѣ вышло иначе. Не говорю уже о томъ, что сама іенская резолюція видитъ въ массовой стачкѣ прежде всего средство къ *избирательно-парламентарной* цѣли, да и то прежде всего средство *обороны* отъ реакціонныхъ покушеній на существующее

избирательное право [1]). Еще хуже то, что ея практическое значеніе свелось къ нулю. Такъ, начатая *подъ вліяніемъ русскихъ революціонныхъ событій* (осени 1905 г.) агитація противъ трехклассной системы выборовъ въ прусскій ландтагъ была оборвана центральнымъ комитетомъ партіи на самомъ интересномъ мѣстѣ. Все дѣло ограничилось обычными массовыми собраніями да бумажными протестами „энергическихъ“ резолюцій, которымъ и „протестующая“ масса, и правящіе классы давнымъ давно не придаютъ никакого значенія... *Лѣвый* центральный комитетъ партіи, въ трогательномъ согласіи съ реформистскими главарями синдикатовъ, высказался противъ перехода отъ словесныхъ протестовъ къ массовой стачкѣ. Благо, онъ могъ ссылаться на предусмотрительное словечко іенской резолюціи: „gegebenen Falls“ („въ подходящемъ случаѣ“). И на послѣднемъ партейтагѣ въ Маннгеймѣ бездѣйствіе центральнаго комитета было признано единственно правильнымъ истолкованіемъ іенской резолюціи: случай былъ неподходящимъ. Этого мало. Въ Маннгеймѣ нѣмецкая соціалъ-демократія сдѣлала шагъ назадъ даже по сравненію съ умѣреннымъ и аккуратнымъ іенскимъ текстомъ. Она соборнѣ постановила, вопреки протесту небольшой группы *крайнихъ* лѣвыхъ, что черное и бѣлое—едино суть: іенская резолюція *за* массовую стачку была объявлена тождественной съ кельнской резолюціей синдикатовъ *противъ* массовой стачки. А, впрочемъ, въ этомъ, на первый взглядъ, невѣроятномъ плодѣ парламентарной казуистики кроется та истина, что *бумажное утвержденіе* массовой стачки отнюдь не исключаетъ, а наоборотъ, включаетъ ея *фактическое отрицаніе*.

А ревизіонизмъ? Убила ли или хоть ослабила дрезденская резолюція специфическій ревизіонизмъ, какъ теорію реформизма? Ничуть не бывало! Ревизіонистскіе элементы партіи попрежнему пропагандируютъ, агитируютъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они преобладаютъ, безпрепятственно дѣйствуютъ въ своемъ духѣ, ибо попрежнему они питаются соками вскормившей ихъ почвы парламентаризма.

Впрочемъ, что касается *практической дѣятельности*, то развѣ подъ микроскопомъ можно было бы уловить разницу между правыми и лѣвыми. А вотъ фактъ, ярко иллюстрирующій вліяніе ревизіонистовъ на *всю* партію. Недавно *центральный комитетъ* соціалъ-демократіи поручилъ составленіе *„Руководства для партійныхъ агитаторовъ“* не кому иному, какъ... *Эдуарду Давиду*, наиболѣе послѣдовательному изъ теоретиковъ ревизіонизма, гораздо болѣе послѣдовательному, чѣмъ самъ Бернштейнъ. Укажу

---

[1]) О защитѣ коалиціоннаго права она говоритъ только мелькомъ, и само собой разумѣется, ни слова въ ней нѣтъ о всеобщей стачкѣ, какъ средствѣ соціальной революціи.

еще на поведеніе соц.-дем. фракціи въ послѣдней сессіи рейхстага. Ораторы фракціи, Давидъ, Носке и самъ Бебель говорили о военно-патріотическихъ и общихъ вопросахъ въ такомъ духѣ, что лѣвая часть партійной печати вынуждена была протестовать противъ рѣзкаго оппортюнистическаго поворота, рѣзкаго по сравненію даже съ обычнымъ, отнюдь не революціоннымъ поведеніемъ фракціи. И рѣчамъ соц.-дем. депутатовъ соотвѣтствовали ихъ дѣла. Они внесли предложеніе о повышеніи жалованья рядовымъ и унтеръ-офицерамъ; рядовымъ—на 10 пфенниговъ въ день (на 36½ марокъ въ годъ), а унтерамъ—на 100 марокъ въ годъ, въ три раза больше, какъ того требуютъ правила чинопочитанія. Итакъ, даже унтеръ-офицеры—это воплощеніе прусскаго милитаризма—становятся предметомъ нѣжныхъ заботъ соц.-дем. фракціи!.. А чѣмъ объясняется поворотъ фракціи? Неудачнымъ для соціалъ-демократіи исходомъ послѣднихъ выборовъ въ рейстагъ. Фракція во главѣ съ Бебелемъ изо всѣхъ силъ старается приноровиться къ настроеніямъ филистерски-патріотической массы избирателей...

Что касается *Франціи*, то здѣсь споръ между лѣвымъ и правымъ крыломъ далъ, правда, болѣе осязательные результаты, чѣмъ въ Германіи. Жоресисты фактически отказались отъ министеріализма. Но избирательно-парламентарный характеръ партіи остался нетронутымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея дѣятельность—при демократическихъ условіяхъ Франціи—непрерывно подвергается риску снова выродиться, во всякомъ случаѣ, въ *косвенный*, скрытый министеріализмъ, какой практиковался *всею* соціалистической парламентской фракціей—и правыми, и *лѣвыми* депутатами—при министерствѣ Комба. Чистота классовой тактики французской партіи виситъ, можно сказать, на волоскѣ парламентскихъ и министерскихъ комбинацій. Дѣйствительной ея гарантіей служитъ существованіе во Франціи сильнаго теченія революціоннаго синдикализма. Это теченіе благотворно вліяетъ на партію двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, революціонно-экономическая борьба синдикализма ведетъ къ сплоченію *всѣхъ* буржуазныхъ партій въ одинъ противопролетарскій блокъ *„порядка"*, съ которымъ никакой соціалистъ-реформистъ не можетъ войти въ соглашеніе, не переставая быть соціалистомъ. Во-вторыхъ, благодаря революціонному синдикализму, антипролетарская тенденція парламентской дѣятельности, особенно сильная въ демократическомъ режимѣ, наталкивается на могучее противодѣйствіе,—на основательный страхъ партіи вырыть пропасть между собою и организованнымъ въ революціонные синдикаты пролетаріатомъ.

Съ другой стороны, не нужно забывать и того, что во французской палатѣ депутатовъ сидятъ 24 „независимыхъ соціалиста", *выступившихъ изъ партіи*, въ томъ числѣ министры Бріанъ и Вивіани. Это обстоятельство избавило, очистило парламентскую

фракцію и всю партію отъ наиболѣе ненадежныхъ элементовъ. Но откуда взялись „независимцы"? Ихъ желтый „соціализмъ" есть родное дѣтище парламентарной тактики.

Еще болѣе поучителенъ опытъ соціалистическаго парламентаризма въ *Италіи*. Тамъ въ послѣдніе годы тоже кипѣла страстная борьба между революціонерами и реформистами. Революціонеры одержали, казалось, рѣшительную побѣду на болонскомъ съѣздѣ 1904 года. Въ частности, резолюція этого съѣзда воспрещала парламентской фракціи выражать вотумъ довѣрія министерству. И что же? Энрико Ферри, вождь побѣдившаго лѣваго крыла, нарушилъ свою собственную резолюцію и голосовалъ за консервативно-реформистское министерство Соннино. А еще хуже было постыдное поведеніе италіанской соціалистической фракціи во время всеобщей забастовки желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Наконецъ, послѣдній съѣздъ италіанской партіи въ Римѣ огромнымъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ принялъ столь же многословную, какъ и многосмысленную резолюцію, которая подъ ярлыкомъ „интегрализма" соединила бывшихъ лѣвыхъ и всегдашнихъ правыхъ. За эту резолюцію, означающую *торжество реформизма*, было подано 26,947 голосовъ, за революціонно-синдикалистскую резолюцію—5,278, тогда какъ революціонно-парламентарная („непримиримая") группа, т. е. побѣдительница болонскаго съѣзда, оказалась прямо раздавленною между реформизмомъ и синдикализмомъ: ея резолюція получила всего 1,101 голосъ. Послѣ этого излишне прибавлять, что поведеніе фракціи даже не было подвергнуто особому обсужденію...

Итакъ, въ Германіи, во Франціи и въ Италіи,—въ трехъ различныхъ странахъ съ различными историческими, національными и политическими условіями, съ различнымъ историческимъ развитіемъ и различными фактическими и идейными традиціями самой соціалистической партіи,—результатъ борьбы между лѣвымъ и правымъ крыломъ получился одинъ и тотъ же: фактическое безсиліе лѣваго крыла одолѣть реформизмъ на практикѣ, а не только на бумагѣ резолюцій.

Чѣмъ объяснить это явленіе? Теоретики лѣвыхъ подыскивали и находили разныя объясненія. Наиболѣе излюбленнымъ изъ нихъ нужно считать указаніе на переполненіе руководящихъ круговъ партіи интеллигентами, выходцами изъ буржуазіи, неспособными усвоить себѣ истинно-пролетарскую точку зрѣнія. Однако, въ дѣйствительности это указаніе и само по себѣ вѣрно лишь наполовину, а поскольку оно вѣрно, ничего не объясняетъ, такъ какъ оно останавливается на *поверхности*, на *симптомѣ*, не доходя до основной причины.

Все зло, говорятъ намъ, въ наплывѣ буржуазныхъ элементовъ. Но неужели Бернштейнъ, иниціаторъ ревизіонизма,—пришлецъ изъ буржуазной среды, а Каутскій, глава ортодоксальнаго

марксизма,—чистокровный пролетарій? И кто не знаетъ, что Бернштейнъ перешелъ къ ревизіонизму не отъ буржуазныхъ возрѣній, а отъ ортодоксальнаго марксизма, главнымъ теоретикомъ котораго онъ былъ, наравнѣ съ Каутскимъ, въ теченіе 15 лѣтъ?.. Противоположныя позиціи Бернштейна и Каутскаго при одинаковомъ соціальномъ и идейномъ исходномъ пунктѣ—это не индивидуальный случай, а *типичный примѣръ*, многократно повторяющійся,—хотя и въ менѣе яркихъ комбинаціяхъ,—среди „интеллигентскихъ" элементовъ германской соціалъ-демократіи и соціалистическихъ партій всѣхъ странъ. Съ другой стороны, въ рядахъ реформистовъ, въ частности среди ихъ вожаковъ есть также не мало людей чисто-пролетарскаго происхожденія, бывшихъ рабочихъ физическаго труда. Болѣе того. Если принять во вниманіе количественную силу реформизма и классовое распредѣленіе членскаго состава соціалистическихъ партій, то надо будетъ признать, что послѣдователи реформизма главнымъ-то образомъ вербуются изъ пролетарскихъ элементовъ партіи.

Но главное въ томъ, что самый наплывъ буржуазныхъ элементовъ и ихъ реформистское вліяніе суть только симптомъ болѣзни, а не ея органическая причина. Остается еще объяснить, *почему* буржуазные элементы такъ обильно притекаютъ въ соціалистическія партіи, и затѣмъ—что еще болѣе важно—*почему* они въ состояніи оказывать такое сильное растлѣвающее вліяніе.

Этого объясненія лѣвое крыло дать не можетъ, пока оно остается самимъ собою, пока оно заодно съ правымъ крыломъ стоитъ на почвѣ избирательно-парламентарной тактики, пока оно заодно съ правымъ крыломъ классовую организацію, пролетаріата не можетъ мыслить иначе, какъ организацію, построенную на избирательно-парламентарномъ базисѣ, приноровленную къ избирательно-парламентарнымъ функціямъ. Этотъ базисъ и эти функціи соціалистической партіи въ наиболѣе одностороннемъ видѣ выработаны германской соціалъ-демократіей. Но, благодаря долгой гегемоніи этой послѣдней въ международномъ соціализмѣ, ея организація и ея дѣятельность стали для соціалистовъ всѣхъ странъ идеальнымъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Иной типъ классовой организаціи представляется лѣвому крылу, какъ и правому, просто немыслимымъ, чѣмъ-то изъ области четвертаго измѣренія. Вотъ почему лѣвые объясняютъ развитіе реформизма чѣмъ угодно, не замѣчая истинную причину этого явленія. Вотъ почему они борются противъ микробовъ реформизма знахарскими пріемами заклинанія въ безконечныхъ бумажныхъ резолюціяхъ да пластырями организаціонно-уставныхъ мѣръ,—вмѣсто того, чтобы кореннымъ образомъ оздоровить партійную атмосферу, благопріятствующую микробамъ реформизма, т. е. рѣшительно разорвать съ взглядами и дѣятельностью, ко-

торые классовую организацію пролетаріата отождествляють со старымъ типомъ избирательно-парламентарной партіи.

Что данный, исторически сложившійся, характеръ партіи есть основная причина кризиса международнаго соціализма,—это слѣдуетъ съ очевидной ясностью уже изъ одного анализа междуфракціонной борьбы въ главныхъ соціалистическихъ странахъ—въ Германіи, Франціи и Италіи. Въ самомъ дѣлѣ. При всемъ различіи условій этихъ странъ исходъ борьбы получился одинаковый. Ясно, что это одинаковое послѣдствіе можетъ вытекать только изъ *общей всѣмъ тремъ странамъ причины*, настолько могучей, что она въ состояніи преодолѣть различіе всѣхъ другихъ условій и опредѣлить собою, несмотря на индивидуальныя уклоненія второстепеннаго свойства,—*одинъ общій типичный результатъ*. Но такой общей причиной является только общій всѣмъ тремъ странамъ избирательно-парламентарный характеръ партіи [1]).

Къ этому же заключенію приведетъ насъ—въ дальнѣйшемъ—анализъ внутренней логики стараго типа партіи, по сравненію съ намѣчающимся новымъ типомъ пролетарской организаціи. Сейчасъ нужно добавить лишь слѣдующее.

Результатъ междуфракціонной борьбы въ трехъ главныхъ соціалистическихъ странахъ одинаковый не только въ томъ отношеніи, что революціонный парламентаризмъ лѣваго крыла оказался безсильнымъ одолѣть парламентаризмъ реформистскій. Вмѣстѣ съ фактическимъ безплодіемъ побѣды лѣваго крыла, а отчасти вслѣдствіе этого безплодія возникла и усиливается здоровая пролетарская реакція противъ избирательно-парламентарной тактики—*теченіе революціоннаго синдикализма*. Правда, различіе условій отдѣльныхъ странъ выразилось въ томъ, что новое теченіе въ нихъ проявилось съ различной силой и въ различныхъ формахъ. Всего слабѣе—въ Германіи, всего сильнѣе и всего рѣзче—во Франціи, тогда какъ Италія въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, занимаетъ промежуточное положеніе, примыкая, однако, гораздо ближе къ Франціи. Кромѣ того, зачатки революціоннаго синдикализма наблюдаются также въ другихъ странахъ съ болѣе или менѣе старымъ парламентарно-соціалистическимъ движеніемъ: въ Бельгіи, Швейцаріи и Швеціи.

---

[1]) Не мѣшаетъ еще указать на маленькую *Голландію*. Тамъ первые избирательные успѣхи привели къ такому пышному расцвѣту реформизма, что „марксистская" группа объявила *забастовку* противъ всѣхъ партійныхъ функцій. На послѣднемъ съѣздѣ голландской соціалъ-демократіи въ Гарлемѣ (31 марта—2 апрѣля с. г.) между спорящими былъ заключенъ *худой миръ*, отъ котораго выигрываютъ только реформисты. Наконецъ, въ *Швейцаріи* соціалистическій *министеріализмъ* въ отдѣльныхъ кантонахъ и антипролетарское поведеніе соц.-дем. депутатовъ въ союзномъ парламентѣ процвѣтаютъ, если не безъ протестовъ и треній, то безъ всякой помѣхи со стороны партіи...

Революціонный синдикализмъ еще не успѣлъ скристаллизоваться въ законченную систему взглядовъ. Онъ для этого слишкомъ молодъ. Но слишкомъ часто это обстоятельство, для удобства полемики, упускается изъ виду противниками молодого теченія. Мѣстную или временную особенность, съ существомъ синдикализма не связанную, они выдаютъ за его имманентное свойство. Такъ, на своей родинѣ, во Франціи, синдикализмъ выступилъ съ полнымъ отрицаніемъ парламентаризма. Напрасно, однако, сторонники революціоннаго парламентаризма такъ упорно смѣшиваютъ революціонный синдикализмъ съ анархизмомъ. Это съ ихъ стороны самоослѣпленіе или вульгарный полемическій пріемъ, маневрирующій страшнымъ жупеломъ. Въ дѣйствительности революціонный синдикализмъ ни по своей исходной точкѣ и конечной цѣли (революціонно-экономическая борьба за соціализмъ!), ни по своимъ коренным принципамъ (*классовая* борьба и *классовая организація*!), ни по своей тактической цѣли (соціально-революціонная всеобщая стачка!) ничего общаго не имѣетъ съ традиціоннымъ анархизмомъ, который во Франціи больше, чѣмъ гдѣ-либо, чуждался всякой организаціи, всякихъ организованныхъ дѣйствій массы и „тактики" котораго состояла въ пропагандѣ словомъ да—по временамъ—въ безцѣльной „пропагандѣ дѣйствіемъ"—индивидуальнымъ дѣйствіемъ бомбистовъ. Что касается участія анархистовъ въ революціонныхъ синдикатахъ, то отъ этого суть синдикализма не мѣняется, а мѣняется, наоборотъ, идейное направленіе анархистскихъ участниковъ. Антипарламентаризмъ есть, точнѣе, *былъ* единственной точкой соприкосновенія между французскимъ синдикализмомъ и анархизмомъ. Но, во-первыхъ, отрицаніе *парламентаризма* вовсе не равносильно анархистскому отрицанію всякой политической дѣятельности. Только тотъ, кто зараженъ „парламентскимъ кретинизмомъ", только послѣдовательный реформистъ-министеріалистъ можетъ отождествлять политику рабочаго класса съ избирательно-парламентарной дѣятельностью. А во-вторыхъ, антипарламентарная тенденція революціонныхъ синдикатовъ отнюдь не есть имманентная, изъ существа новаго теченія вытекающая черта. Она является сопровождающимъ признакомъ, который можетъ существовать и не существовать въ зависимости отъ мѣстныхъ и временныхъ условій,—прежде всего въ зависимости отъ данныхъ взаимоотношеній между революціонными синдикатами и соціалистической партіей.

Достаточно будетъ напомнить, что италіанскіе синдикалисты, слѣдующіе за Артуромъ Лабріолой, наиболѣе выдающимся теоретикомъ революціоннаго синдикализма въ Италіи, парламентской дѣятельности не отрицаютъ [1]) и до сихъ поръ остаются внутри партіи.

---

[1]) Въ „Mouvement Socialiste" (декабрь 1906 г.) Лабріола признаетъ участіе пролетарскихъ представителей въ парламентѣ „средствомъ контроля надъ дѣйствіями правительства и средствомъ наблюденія за бур-

Правда, въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ между синдикатами и партіей Лабріола считается прежде всего съ тѣмъ фактомъ, что италіанскій пролетаріатъ въ общемъ недостаточно созрѣлъ для того, чтобы обходиться безъ старой партіи, и что сами революціонные синдикаты въ Италіи еще неспособны взять на себя функціи самостоятельной, себѣ самой довлѣющей классовой организаціи. Съ другой стороны, въ рядахъ италіанскихъ синдикалистовъ уже раздаются голоса въ пользу немедленнаго разрыва съ партіей и со всякимъ парламентаризмомъ. Да и вообще наиболѣе вѣроятнымъ нужно считать повсемѣстное развитіе новаго теченія по французскому образцу, т. е. раздѣленіе между революціоннымъ синдикализмомъ и старымъ типомъ парламентарно-соціалистической партіи. Но отсюда слѣдуетъ или будетъ слѣдовать только то, что революціонный синдикализмъ *фактически* будетъ не-парламентарнымъ, т. е. будетъ стоять въ сторонѣ отъ избирательно-парламентской дѣятельности соціалистической партіи, но вовсе не то, что онъ, по существу, принципіально долженъ отрицать эту дѣятельность.

Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служитъ послѣдній съѣздъ французскихъ революціонныхъ синдикатовъ—Конфедераціи Труда—въ Амьенѣ. Этотъ съѣздъ, наряду съ выпуклою, всестороннею формулировкой новаго теченія, занялъ по отношенію къ парламентаризму именно позицію *полнаго нейтралитета*. Этотъ съѣздъ—въ связи съ лиможскимъ съѣздомъ соціалистической партіи, высказавшимся за всеобщую стачку,—положилъ начало *дружественнымъ* отношеніямъ между Конфедераціей Труда и партіей.

Подведемъ итоги.

Междуфракціонная борьба внутри парламентарно-соціалистическихъ партій фактически оставила все попрежнему. Борьба закончилась, но цѣль ея не была достигнута. Реформизму попрежнему открывается полный просторъ, потому что лѣвое крыло неизмѣнно остается на той самой почвѣ избирательно-парламентарной тактики, на которой возникъ и усилился реформизмъ всѣхъ видовъ. Революціонный парламентаризмъ лѣваго крыла неспособенъ одолѣть *послѣдовательный* парламентаризмъ реформистовъ. Безсиліе партіи стараго типа осуществить или хотя бы установить революціонную пролетарскую тактику вызвало здоровое противодѣйствіе со стороны наиболѣе чуткихъ слоевъ пролетаріата, вылившееся въ форму революціоннаго синдикализма. Это новое теченіе само по себѣ не связано съ принципіальнымъ отрицаніемъ парламентаризма.

жуазными партіями. Рабочіе не могутъ безъ большого ущерба для себя отказаться отъ этого средства контроля и отъ этого наблюдательнаго поста".

Далѣе. Враждебныя отношенія между революціонными синдикатами и партіей отнюдь не являются чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Наоборотъ, вполнѣ возможно параллельное, согласное функціонированіе и даже—въ отдѣльныхъ случаяхъ—комбинированныя дѣйствія обѣихъ организацій. Но необходимымъ условіемъ этого является коренной пересмотръ взглядовъ партіи на парламентаризмъ. Она должна ясно сознать границы парламентаризма и своего собственнаго значенія, какъ организаціи, построенной на избирательно-парламентарномъ базисѣ. Только подъ этимъ условіемъ она дѣйствительно одолѣетъ реформизмъ и избавится отъ опасности превратиться въ простую „партію демократическихъ реформъ" (по Бернштейну) или въ „правительственную партію рабочихъ" (по Турати). Вмѣстѣ съ тѣмъ она откажется отъ претензіи на прежнюю гегемонію внутри рабочаго движенія, такъ какъ она сознаетъ, что ея былая гегемонія теряетъ смыслъ, дѣлается вредною и просто становится невозможною,—по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ въ лицѣ революціонныхъ синдикатовъ созрѣваетъ для самостоятельной, чисто-пролетарской организаціи.

Настоящая статья и посвящена попыткѣ опредѣлить границы парламентаризма. Только этимъ путемъ возможно будетъ правильно оцѣнить сравнительное значеніе революціонно-экономической организаціи и партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ анализъ границъ парламентаризма представляетъ собою—логически и исторически—необходимую предпосылку теоріи революціоннаго синдикализма.

2. Двѣ стороны парламентаризма.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу парламентской дѣятельности соціалистической партіи, необходимо опредѣлить значеніе парламентаризма, какъ государственной формы, значеніе парламентскаго строя.

Въ не такъ давно минувшее время парламентскій строй разсматривался въ русской революціонной литературѣ исключительно сквозь розовыя очки. Потребности политической агитаціи въ условіяхъ Россіи прямо мѣшали всестороннему освѣщенію вопроса. У агитаціонныхъ писателей для этого не хватало прежде всего психической свободы. Когда человѣкъ изнываетъ въ тюрьмѣ, то безсмысленно толковать ему о томъ, что и на волѣ его не ожидаетъ рай земной. И тѣмъ безсмысленнѣе тогда, если тюрьма убила въ немъ самое стремленіе вырваться на волю. Въ теоретической же литературѣ нашихъ революціонныхъ партій вопросъ о парламентаризмѣ вовсе не обсуждался: для этого не было ни времени, ни вниманія, ни охоты.

За послѣдніе годы положеніе Россіи измѣнилось. Мы переживаемъ революціонный періодъ ломки стараго политическаго строя.

Дѣло идетъ не объ агитаціи за политическую свободу, а объ организаціи силъ борцовъ за свободу, въ лагерѣ которой стоитъ подавляющее большинство народа. И вотъ выдвинулись новыя проблемы,—проблемы *завтрашняго* дня, которыя, однако, въ революціонное время привлекаютъ вниманіе особенно сильно и особенно сильно вліяютъ на борьбу *сегодняшняго* дня. Еще парламентскій строй въ Россіи не добытъ, но у насъ уже появляется абсолютно отрицательная критика парламентскаго строя и парламентской дѣятельности соціалистическихъ партій, критика, исходящая изъ анархистскихъ и полу-анархистскихъ воззрѣній. Прежній *не*соціалистическій панегирикъ парламентаризму смѣняется *анти*революціоннымъ въ русскихъ условіяхъ сплошнымъ отрицаніемъ благъ политической свободы. „Либо ручку пожалуйте—либо въ морду!"..

И тотъ, и другой взглядъ на вопросъ одинаково несостоятельны. Анализъ парламентаризма въ свѣтѣ исторіи классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей раскрываетъ передъ нами двѣ различныя и противоположныя его стороны. Парламентаризмъ двуликъ: въ немъ *лику свободы* противостоитъ *ликъ буржуазной власти*. Таковъ *всякій* парламентаризмъ, хотя бы наиболѣе демократическій.

Но сначала нѣсколько словъ о разныхъ формахъ парламентскаго строя.

Необходимымъ признакомъ парламентаризма въ собственномъ смыслѣ слова является полновластіе парламента, верховенство выборной законодательной власти надъ властью исполнительной, надъ правительствомъ. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, нѣтъ и парламентскаго строя, а есть полупарламентаризмъ, ублюдочная смѣсь парламентаризма съ самодержавіемъ. Наиболѣе характернымъ примѣромъ такого ублюдочнаго режима понынѣ остается Германія. Съ другой стороны, нельзя отождествлять парламентаризмъ съ *демократическимъ* строемъ. Полный парламентаризмъ, полное верховенство парламента надъ правительствомъ, совмѣщался и совмѣщается съ болѣе или менѣе высокимъ избирательнымъ цензомъ, устраняющимъ отъ участія въ выборахъ и парламентѣ широкія массы трудящихся, а также съ другими правовыми ограниченіями народной массы. Парламентаризмъ—необходимый составной элементъ демократическаго строя, но демократія гораздо шире парламентаризма. Она предполагаетъ парламентскій строй, основанный на полноправіи и равноправіи всѣхъ гражданъ безъ всякаго различія [1]).

---

[1]) Вопросъ о формахъ *исполнительной* власти къ нашей темѣ прямого отношенія не имѣетъ. Достаточно будетъ напомнить, что демократія совершеннаго типа осуществляется въ республикѣ.

Говоря о границахъ парламентаризма и его значеніи для пролетаріата, мы будемъ, разумѣется, имѣть въ виду парламентаризмъ демократическій.

Такой парламентаризмъ является *организаціей всенародной свободы*, а постольку онъ несомнѣнно улучшаетъ и *условія борьбы пролетаріата*. Всякая критика парламентаризма, которая забываетъ объ этой его сторонѣ, закрываетъ глаза на общеизвѣстные, очевидные историческіе факты прошлаго и настоящаго. Если въ политически свободныхъ странахъ она безвредна, то въ странахъ еще несвободныхъ она по существу реакціонна и утопична. Реакціонна постольку, поскольку она способна замедлить борьбу пролетаріата за соціализмъ. Утопична потому, что ея исходной точкой служитъ вѣра въ возможность сразу перескочить изъ самодержавнаго строя въ соціалистическое общество.

До тѣхъ поръ, пока существуетъ капитилистическій строй и буржуазное государство, немыслима иная и лучшая организація всенародной свободы, немыслимо иное и—при всей его недостаточности—лучшее обезпеченіе свободы пролетарской борьбы, чѣмъ демократическій парламентаризмъ.

Этой своей стороной демократическій парламентаризмъ настолько же идетъ вразрѣзъ съ интересами буржуазіи, насколько онъ благопріятствуетъ интересамъ пролетаріата. Распространяться о первостепенной важности демократическаго строя для рабочаго класса было бы излишнимъ. Это аксіома, которая уже органически вошла въ сознаніе борющагося пролетаріата Россіи. Зато необходимо остановиться на другой, противоположной сторонѣ всякаго парламентаризма, хотя бы и наиболѣе демократичнаго. Парламентаризмъ *всякаго* рода является *организаціей власти буржуазіи и имущихъ классовъ вообще.*

По отношенію къ парламентаризму демократическому это положеніе можетъ, на первый взглядъ, показаться страннымъ, нелѣпымъ. Демократія по-русски значитъ—народовластіе. Демократическій парламентаризмъ, слѣдовательно, долженъ бы, казалось, по прямому смыслу слова обезпечить именно власть всего народа черезъ посредство парламента. И однако, въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Въ дѣйствительности, даже въ демократическихъ республикахъ Франціи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки—власть, согласно конституціи исходящая отъ всего народа и только отъ народа, тѣмъ не менѣе фактически находится въ рукахъ буржуазіи. Притомъ безразлично, кто именно стоитъ у власти—сами ли буржуа въ плоти и крови, промышленники, финансисты, купцы и землевладѣльцы, или же, какъ то бываетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, *профессіональные* политическіе дѣятели, которые лично либо промышленными, финансовыми и т. д. дѣлами никогда не занимались, либо давнымъ давно отъ этихъ дѣлъ ушли. Во Франціи за послѣдній десятокъ

лѣтъ наблюдается такое явленіе. Парламентъ и правительство находятся въ рукахъ чисто-демократическихъ партій, представляющихъ трудовыя народныя массы, крестьянство и городскую *мелкую* буржуазію, тогда какъ представители средней и крупной буржуазіи составляютъ меньшинство и находятся во враждебной *оппозиціи* къ господствующей демократіи. И однако, господствующая демократія защищаетъ всѣ основные интересы буржуазіи съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ прежніе чисто-буржуазные парламенты и правительства Франціи!

Какъ это объяснить? Объясняется это *экономическимъ* господствомъ буржуазіи. До тѣхъ поръ, пока экономическій строй страны остается *капиталистическимъ*, невозможно нарушить основные интересы буржуазіи, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ основъ самого капиталистическаго производства. Въ правильномъ же ходѣ этого производства непосредственно заинтересованы, кромѣ самой буржуазіи, широкія массы мелкобуржуазныхъ собственниковъ.

Сюда относятся прежде всего тѣ самостоятельные мелкіе производители, которые сбываютъ свои продукты крупнымъ промышленнымъ предпріятіямъ. Напримѣръ, владѣльцы свекловичныхъ полей, сбывающіе свеклу крупнымъ сахарнымъ заводчикамъ; крестьяне, воздѣлывающіе ленъ и коноплю для продажи на прядильныя фабрики, сбывающіе шерсть шерстопрядильнымъ фабрикантамъ; земледѣльцы вообще, продающіе урожайный сборъ винокуреннымъ и пивоваренномъ заводамъ, и т. д.

Далѣе, въ правильномъ ходѣ капиталистическаго производства заинтересовано само государственное хозяйство. Современное государство съ его милліардными расходами, изъ года въ годъ растущими, само нуждается въ развитіи производительныхъ силъ, въ безпрепятственномъ ростѣ такъ навываемаго „національнаго богатства", изъ котораго оно въ видѣ податей и налоговъ, а отчасти въ видѣ прибыли съ казенныхъ монополей, извлекаетъ свои собственные доходы. А что такое ростъ „національнаго богатства"? Это—ростъ богатства капиталистовъ до тѣхъ поръ, пока производство остается капиталистическимъ. Кромѣ того, современное государство даже въ наиболѣе богатыхъ странахъ вынуждено, благодаря все растущимъ расходамъ на армію и флотъ, заключать процентные *займы*. И государственный долгъ все растетъ да растетъ. Государство находится въ *неоплатномъ* долгу у капиталистовъ. Оно стоитъ въ такой же зависимости отъ капитализма, какая приковываетъ должника къ кредитору—точнѣе, расточителя къ ростовщику. Малѣйшая попытка государства потревожить интересы капиталистовъ вызываетъ паденіе курса государственной ренты на биржѣ, этомъ сердцѣ капиталистическаго хозяйственнаго организма. А паденіе ренты, составляющей какъ бы вексельное обязательство государства, не только означаетъ паденіе его кредита, т. е. ухуд-

шеніе условій будущихъ займовъ, но и приноситъ ему непосредственную денежную потерю, такъ какъ извѣстная, иногда очень значительная, часть ренты находится въ рукахъ самой казны.

Съ другой стороны, государственный долгъ создаетъ новыя, по всѣмъ направленіямъ развѣтвляющіяся узы солидарности между мелкими собственниками и капиталистическимъ строемъ. Государственная рента, приносящая небольшой, но вѣрный процентъ, раскупается больше всего, особенно во Франціи, именно мелкими собственниками, сколотившими небольшой капиталецъ. Этотъ обширный слой мелкихъ рантье зубами и когтями стоитъ за сохраненіе капиталистическихъ основъ существующаго строя, который ему обезпечиваетъ и вложенный въ ренту капиталъ, и уплату процентовъ.

Наконецъ, съ капиталистами-собственниками солидарны всѣ мелкіе собственники—просто, какъ *собственники*. Мелкая буржуазія болѣе или менѣе враждуетъ съ крупнымъ капиталомъ, поскольку она терпитъ отъ его конкурренціи, но она никогда не заноситъ руку на *принципъ* капиталистической собственности.

Таковы крѣпкія, неразрывныя узы, связывающія всякое современное государство съ капитализмомъ. Таковы глубокія причины того факта, что даже въ наиболѣе демократическихъ странахъ, даже тамъ, гдѣ у власти стоитъ не буржуазія и не ея политическіе представители, а представители трудовой массы крестьянъ-собственниковъ и городской мелкой бужуазіи,—государство продолжаетъ неизмѣнно стоять на стражѣ основныхъ экономическихъ интересовъ буржуазіи.

Вотъ почему демократія при капиталистическомъ строѣ есть народовластіе только по *формѣ*, съ внѣшней стороны, тогда какъ на дѣлѣ она прежде всего и больше всего также служитъ интересамъ буржуазіи. Получается положеніе, подобное тому, какое существуетъ между управляющимъ фабрики и ея хозяиномъ. Настоящій хозяинъ современнаго государства, хотя бы и наиболѣе демократическаго,—это буржуазія, а оффиціальныя власти, парламентъ и правительство—это управляющіе, приказчики буржуазіи.

До сихъ поръ, во всей исторіи человѣчества, всякое государство было организаціей власти экономически-сильныхъ классовъ надъ экономически-слабыми, неимущими и малоимущими классами,— было организаціей для защиты интересовъ экономически-господствующихъ классовъ. Да и возникло государство только тогда, когда общество раздѣлилось на различные классы. А перестанетъ государство быть орудіемъ имущихъ классовъ только тогда, когда оно *перестанетъ существовать*, т. е. тогда, когда раздѣленіе на классы исчезнетъ вмѣстѣ съ капиталистическимъ строемъ, когда побѣдившій пролетаріатъ введетъ со-

ціалистическій строй, общество дѣйствительно свободныхъ и дѣйствительно равныхъ производителей, сообща владѣющихъ всѣми средствами производства. Въ соціалистическомъ обществѣ некому и не надъ кѣмъ будетъ *властвовать*. Организація власти—государство—уступитъ мѣсто планомѣрной организаціи производства. Государственное управленіе людьми, по выраженію Сенъ-Симона, уступитъ мѣсто общественному управленію вещами.

Итакъ, демократическій парламентаризмъ имѣетъ *двѣ различныхъ стороны*.

Во-первыхъ, онъ есть—впредь до побѣды соціализма—*лучшая организація политической свободы всѣхъ гражданъ*. Во-вторыхъ, онъ представляетъ одинъ изъ видовъ *организаціи власти буржуазіи надъ пролетаріатомъ*.

Каково взаимоотношеніе обѣихъ его сторонъ и какъ парламентаризмъ модифицируется подъ вліяніемъ классовой борьбы пролетаріата противъ буржуазіи,—это покажетъ взглядъ на историческое развитіе парламентскаго строя въ Западной Европѣ.

3. Парламентаризмъ и классовая борьба на Западѣ.

По общераспространенному взгляду, парламентаризмъ есть свойственная современному буржуазному государству форма. Однако, эта ходячая истина имѣетъ значеніе и цѣну абстрактной схемы, пренебрегающей живымъ, разнообразнымъ во времени и пространствѣ процессомъ классовой борьбы, при которомъ парламентаризмъ возникалъ и развивался. А именно, если представить себѣ, во-первыхъ, изолированную отъ остальнаго культурнаго міра страну, а во-вторыхъ, упростить классовую борьбу въ этой странѣ до столкновенія между сильной буржуазіей, отождествленной со всѣмъ „третьимъ сословіемъ", и сгруппированными вокругъ абсолютизма дворянствомъ и высшимъ духовенствомъ,—тогда въ результатѣ долженъ получиться непремѣнно полный парламентарный строй на демократическихъ основаніяхъ. Но живая, конкретная исторія классовой борьбы никогда и нигдѣ не укладывалась въ эту упрощенную схему. Конкретное разнообразіе условій классовой борьбы привело къ разнообразію политическихъ формъ современнаго буржуазнаго государства въ разныхъ странахъ и въ разныя времена.

Если обобщить *конкретный* ходъ исторической борьбы противъ феодально-самодержавнаго режима, то окажется, что буржуазія въ своей *борьбѣ за власть* стремится къ полному парламентаризму, но къ парламентаризму *цензовому*, устанавливающему верховенство *одной буржуазіи* надъ исполнительной властью и вообще ограничивающему свободы и права „низшихъ" классовъ. Цензовый парламентаризмъ—вотъ дѣйствительно имманентная тенденція политической борьбы буржуазіи.

Наиболѣе яркимъ доказательствомъ этому служитъ французская конституція 1791 года съ ея раздѣленіемъ гражданъ на активныхъ и пассивныхъ. Даже тамъ и даже тогда, на розовой зарѣ дѣйствительно революціонной буржуазіи, еще не вкусившей отъ древа познанія классовой борьбы съ *пролетаріатомъ*, еще искренне считавшей себя заступницей всенародныхъ интересовъ всего „третьяго сословія",—даже тамъ и тогда стихійно прорвалась тенденція буржуазіи къ цензовому парламентаризму. О той же неискоренимой тенденціи буржуазіи громко говоритъ исторія всѣхъ французскихъ конституцій, со включеніемъ понынѣ дѣйствующей конституціи 1875 года, которая въ лицѣ сената—верхней палаты, имѣющей своей основой неравные и косвенные (двухъ-и главнымъ образомъ трехстепенные) выборы,—создала противовѣсъ избираемой на демократическихъ основахъ палатѣ депутатовъ. Вообще *двухпалатная система*—это повсемѣстный оплотъ буржуазіи и съ нею солидарность до-капиталистическихъ привилегированныхъ сословій противъ демократической или полу-демократической избирательной основы „нижней" палаты.

Далѣе, конкретный ходъ исторіи показываетъ, что, по мѣрѣ обостренія *новой* классовой борьбы, борьбы между *пролетаріатомъ* и буржуазіей,—буржуазія отрекается даже отъ своего стремленія къ власти, заключая все болѣе тѣсный союзъ со своими старыми врагами, самодержавнымъ правительствомъ и дворянствомъ, для того, чтобы тѣмъ успѣшнѣе отразить новаго врага—пролетаріатъ. Она довольствуется полупарламентаризмомъ,—особенно въ Германіи и Австріи,—оставляя всю власть и кучу средневѣковыхъ привилегій въ рукахъ дворянства и его полусамодержавнаго главы, лишь бы сковать свободу дѣйствій пролетаріата.

Историческое положеніе буржуазіи полно противорѣчій. Ей предшествовавшій господствующій классъ—феодальное дворянство въ концѣ концовъ во всѣхъ странахъ (за исключеніемъ Англіи) зажило въ прочномъ союзѣ съ самодержавной властью королей. Самодержавное государство всюду было, въ сущности, государствомъ дворянскимъ. Подъ фирмой самодержавнаго короля—„перваго дворянина"—господствовало въ странѣ дворянское сословіе. Съ другой стороны, дворянство имѣло подъ собою покорную народную массу крѣпостныхъ или полукрѣпостныхъ крестьянъ, разбросанныхъ по глухимъ селамъ и деревнямъ, неспособныхъ къ самостоятельной, организованной борьбѣ за свои интересы. Въ совершенно иномъ положеніи находится буржуазія. Ей пришлось вступить въ борьбу съ самодержавіемъ и дворянствомъ за государственную власть, но одной ея собственной силы для побѣды было недостаточно. Ей необходима была поддержка со стороны народа, со стороны крестьянъ, мелкой буржуазіи и рабочихъ. Но вовлекая въ борьбу народную массу, буржуазія тѣмъ

самымъ теряла возможность использовать побѣду исключительно въ своихъ интересахъ, теряла возможность послѣ побѣды занять въ государствѣ такое же властное положеніе, какое раньше занимало дворянство.

Дѣйствительно же опаснымъ союзникомъ былъ для буржуазіи пролетаріатъ. Крестьянство легко было удовлетворить уничтоженіемъ крѣпостного права, феодальныхъ повинностей и всѣхъ сословныхъ привилегій. При томъ всѣ эти реформы были какъ разъ необходимы и въ интересахъ самой буржуазіи, такъ какъ феодальные порядки препятствуютъ развитію капитализма еще гораздо сильнѣе, чѣмъ самодержавіе. Но городской пролетаріатъ непремѣнно требовалъ прежде всего политическихъ правъ, и требовалъ онъ ихъ прежде всего для свободной борьбы противъ самой буржуазіи. И этотъ дѣйствительно опасный союзникъ былъ всегда какъ разъ союзникомъ наиболѣе необходимымъ, если только буржуазія желала довести борьбу до конца. Этого мало. Сила пролетаріата всюду растетъ вмѣстѣ съ силой буржуазіи. Чѣмъ больше развивается капитализмъ, тѣмъ пролетаріатъ становится многочисленнѣе, сплоченнѣе, сознательнѣе. Это значитъ: чѣмъ долѣе затягивалась борьба противъ самодержавія и дворянства, тѣмъ опаснѣе становилось для буржуазіи соучастіе пролетаріата въ этой борьбѣ. Но съ другой стороны, чѣмъ дольше власть оставалась въ рукахъ самодержавнаго правительства, тѣмъ тѣснѣе становилось буржуазіи въ цѣпяхъ стараго режима, тѣмъ сильнѣе стремилась она разбить эти цѣпи. А разбить эти цѣпи безъ содѣйствія пролетаріата становилось еще менѣе возможнымъ, чѣмъ на прежнихъ ступеняхъ развитія. Еще менѣе возможнымъ не потому, что старый режимъ становится сильнѣе,—наоборотъ, онъ все слабѣлъ,—но потому, что становился сильнѣе, сознательнѣе, самостоятельнѣе пролетаріатъ. Если раньше буржуазіи приходилось *вовлекать* пролетаріатъ въ борьбу, то позже пролетаріатъ являлся на поле битвы безъ спросу, по собственному почину,— хотѣла ли этого буржуазія, или нѣтъ.

Въ этомъ противорѣчивомъ положеніи буржуазіи, положеніи межъ двухъ огней, между двумя опасностями, двумя врагами, заключается разгадка того факта, что съ теченіемъ времени буржуазія становится все „умѣреннѣе", все трусливѣе въ *борьбѣ за власть* или, какъ это хорошо выражено въ Манифестѣ. Росс. С.-Д. Р. П. 1898 года: „Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя и политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата". Чѣмъ дальше на востокъ Европы и чѣмъ дальше—во всѣхъ странахъ—отъ молодой поры буржуазіи, отъ ея первоначальной схватки съ абсолютизмомъ.

Всюду буржуазія дѣлалась все реакціоннѣе по мѣрѣ того, какъ усиливался пролетаріатъ. Она нашла выходъ изъ своего

противорѣчиваго положенія, повернувшись всѣмъ фронтомъ противъ новаго врага—пролетаріата и заключивъ союзъ со своимъ старымъ врагомъ—дворянствомъ и самодержавіемъ. Такъ, уже германская буржуазная революція 1848 года вышла такою куцой подъ вліяніемъ классовой борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей. Притомъ нѣмецкая буржуазія въ 1848 году дѣйствовала трусливо не изъ страха передъ *нѣмецкимъ* пролетаріатомъ, который тогда еле зарождался, но изъ страха передъ классовой силой, обнаруженной пролетаріатомъ Франціи. Она испугалась, такъ сказать, въ кредитъ, напередъ учитывая ростъ силы нѣмецкаго пролетаріата.

Въ наше время буржуазія всѣхъ передовыхъ странъ насквозь реакціонна, потому что во всѣхъ передовыхъ странахъ съ каждымъ днемъ растетъ пролетарская сила. Реакціонность буржуазіи выражается не только въ томъ, что она отказалась отъ своихъ молодыхъ стремленій къ политической свободѣ. Она стремится даже по возможности сузить уже существующія демократическія свободы. И вотъ пролетаріатъ въ своей борьбѣ за демократизацію государства наталкивается не только на противодѣйствіе старой власти и старыхъ реакціонныхъ силъ, но и на все растущее противодѣйствіе буржуазіи. Напомню борьбу рабочаго класса за всеобщее избирательное право въ Австріи и Швеціи и его борьбу за демократизацію политическаго строя вообще въ Германіи. Что касается Бельгіи, то тамъ либеральная часть промышленной буржуазіи, правда, еще не отказалась отвоевать власть у клерикальной части буржуазіи [1]), но, несмотря на это, борьба за *равное* избирательное право ведется бельгійской рабочей партіей лишь при половинчатомъ, колеблющемся сочувствіи со стороны либераловъ, а въ рѣшительную минуту, во время всеобщей забастовки 1902 года, либералы прямо измѣнили своимъ союзникамъ.

Однимъ словомъ, въ странахъ цензоваго и полуцензоваго парламентаризма буржуазія противодѣйствуетъ демократизаціи парламентарнаго строя; въ странахъ полу-парламентарныхъ она давно отказалась отъ борьбы за полный парламентаризмъ, т. е. за собственную власть, и вмѣстѣ съ тѣмъ, заодно съ дворянствомъ и полусамодержавнымъ правительствомъ, стремится къ ограниченію существующихъ политическихъ свободъ. Наконецъ, вездѣ и всюду она цѣпко держится за двухпалатную систему, которая обезпечиваетъ согласное съ ея интересами функціонированіе законодательной власти.

Но наиболѣе характернымъ результатомъ обостренія классо-

---

1) *Кстати*, бельгійскіе либералы въ теченіе 50 лѣтъ властвовали на основѣ *цензоваго* парламентаризма, не думая даже о расширеніи избирательнаго права.

вой борьбы нужно считать тяготѣніе буржуазіи всѣхъ странъ къ *„сильной“ правительственной власти.* „Сильная власть“—вотъ общій планъ буржуазіи. *Усиленіе правительственной власти въ ущербъ парламенту* ясно наблюдается и въ такихъ демократическихъ странахъ, какъ Франція, Швейцарія, Англія и Соединенные Штаты Сѣв. Америки. Конституціонныя гарантіи общегражданскихъ правъ становятся для буржуазіи несносными путами по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ все энергичнѣе ими пользуется въ интересахъ своей классовой борьбы. И буржуазный парламентъ или, какъ во Франціи, парламентское большинство „демократическихъ“ приказчиковъ буржуазнаго хозяина регулярно одобряетъ даже прямо противозаконныя дѣйствія правительства, направленныя противъ борющихся рабочихъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ новѣйшей практики французскаго демократическаго правительства. Къ 1-му маю 1905 года министръ внутреннихъ дѣлъ Клемансо (глава *крайнихъ лѣвыхъ* радикаловъ!) въ цѣляхъ подавленія первомайскаго синдикальнаго движенія за восьмичасовой рабочій день не остановился даже передъ противозаконными арестами членовъ Главнаго Комитета „Конфедераціи Труда“, — арестами, произведенными часто въ россійскомъ „порядкѣ охраны“. И что же? Палата депутатовъ почти единодушно — за исключеніемъ, разумѣется, соціалистической фракціи—одобрила акты анти-правительственнаго произвола противъ рабочей организаціи. Точно также она, въ мартѣ текущаго года, выразила довѣріе кабинету Клемансо за нарушеніе имъ права стачекъ во время забастовки электрическихъ рабочихъ въ Парижѣ, когда онъ рѣшилъ замѣнить забастовщиковъ солдатами, и за нарушеніе права собраній, выразившееся въ закрытіи „Биржи Труда“ передъ носомъ пришедшихъ туда на собраніе забастовщиковъ. Напомню еще, что Клемансо, можно сказать, ввелъ въ систему фактическое уничтоженіе права собраній во время болѣе или менѣе серьезныхъ стачекъ: всѣ помѣщенія, гдѣ рабочіе могутъ собраться, просто занимаются войсками, призванными для „поддержанія порядка“...

Тяготѣніе буржуазіи къ „сильной власти“ проявляется, впрочемъ, не только тогда, когда дѣло идетъ о подавленіи рабочаго движенія. Буржуазный парламентъ добродушно замалчиваетъ и охотно терпитъ всякаго рода превышенія власти со стороны министровъ и бюрократіи, хотя бы дѣло шло о *нарушеніи бюджетнаго права*, этой основной прерогативы всякаго парламента! Министры и высшая бюрократія—особенно во Франціи — могутъ регулярно и безнаказанно тратить десятки милліоновъ сверхъ бюджетной нормы, такъ какъ парламентъ регулярно и молчаливо одобряетъ самовольные расходы заднимъ числомъ. Дѣло въ томъ, что правительственный произволъ интересовъ буржуазіи никогда не затронетъ,—и ей только выгодно пріучить страну къ превы-

неніямъ власти, которыя сплошь и рядомъ оказываютъ ей цѣнныя услуги въ ея борьбѣ противъ пролетаріата.

Исконная тенденція буржуазіи къ *цензовому* парламентаризму усугубляется, по мѣрѣ усиленія пролетаріата, тенденціей къ режиму *диктатуры*. Въ древнемъ Римѣ диктаторъ—„господинъ народа“ (Magister populi)—облекался полнотою власти не дольше. чѣмъ на шесть мѣсяцевъ, вытѣсняя обычныя республиканскія власти, въ опасныя для отечества или для патриціевъ времена. Современная буржуазія обходится безъ такой нормированной и единоличной диктатуры. Она съ успѣхомъ ее замѣняетъ болѣе или менѣе скрытою, болѣе или менѣе кругою, но хроническою *диктатурой исполнительной власти*, такъ какъ ей постоянно угрожаетъ внутренній врагъ—пролетаріатъ.

Выше мы указали на двѣ стороны парламентаризма. Теперь мы можемъ прибавить: если пролетаріатъ заинтересованъ въ парламентаризмѣ исключительно постольку, поскольку этотъ послѣдній является *организаціей всенародной свободы*,—то буржуазія дорожитъ парламентаризмомъ исключительно, какъ *организаціей власти* своего класса. Ясно, что обѣ стороны парламентаризма, по мѣрѣ обостренія классовой борьбы, оказываются все въ болѣе и болѣе рѣзкомъ взаимномъ противорѣчіи. Иначе говоря, парламентарно организованная буржуазная власть все сильнѣе стремится парализовать, если не уничтожать, парламентарныя гарантіи всенародной свободы.

Парламентаризмъ есть по существу *антагонистическая*, внутренне-противорѣчивая *форма классоваго государства*, подобно тому, какъ капитализмъ есть антагонистическая форма производства. И тутъ, и тамъ пролетаріатъ и буржуазія группируются на *двухъ противоположныхъ полюсахъ*, на полюсѣ свободы—пролетаріатъ, на полюсѣ власти—буржуазія.

Нѣтъ сомнѣнія, что буржуазія нашего времени въ странахъ съ сильнымъ рабочимъ движеніемъ охотно отказывалась бы отъ всякаго парламентаризма, что она съ радостью предпочла бы этой антагонистической формѣ своего господства съ ея волненіями и тревогами упрощенную, одностороннюю и въ этомъ смыслѣ гармоническую форму классовой *диктатуры*, воплощенной въ личности „спасителя общества“. Но именно потому пролетаріатъ, во имя своихъ классовыхъ интересовъ, не можетъ допустить попятнаго движенія государственной формы отъ парламентаризма къ абсолютизму или бонапартизму, а въ отсталыхъ странахъ онъ долженъ стремиться къ ускоренію поступательнаго движенія отъ абсолютизма къ демократическому парламентаризму.

Разбить антагонистическую форму современнаго классоваго государства пролетаріату будетъ полезно и необходимо лишь тогда, когда онъ въ силахъ будетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ общества на классы уничтожить государство вообще или хотя бы

приступить къ его уничтоженію. Но до тѣхъ поръ антагонистическая форма парламентарнаго государства обезпечиваетъ ему наиболѣе невыгодныя политическія, внѣшнія *условія борьбы* за соціализмъ, наименѣе неблагопріятную окружающую среду—для его роста.

Но можетъ ли парламентаризмъ послужить *средствомъ побѣды* въ борьбѣ за соціализмъ? Рѣшительно нѣтъ! Почему—нѣтъ, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ на анализѣ границъ парламентской дѣятельности соціалистическихъ партій.

Б. Кричевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Карлъ Марксъ и его время.

ОЧЕРКЪ ШЕСТОЙ.

Февральская революція 1848 г. въ Парижѣ.—Мартовская революція въ Берлинѣ и возвращеніе Маркса въ Германію.—„Новая Рейнская Газета“ и сотрудничество въ ней Маркса.—Къ характеристикѣ политической позиціи Маркса въ 1848—1849 гг.—Разочарованіе въ революціонности буржуазіи.—Высылка Маркса изъ Пруссіи и закрытіе „Новой Рейнской Газеты“.

Марксъ жилъ въ Брюсселѣ, когда въ февралѣ 1848 г. вспыхнула въ Парижѣ революція.

Ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ политическія событія Франціи запутались въ мертвый узелъ, который могла разрубить лишь революція. Съ другой же стороны, въ Германіи и Австріи отъ постояннаго столкновенія и тренія между правительствомъ и народомъ скопилось столько горючаго матеріала, что пожаръ революціоннаго возстанія въ Парижѣ неизбѣжно долженъ былъ переброситься и въ эти страны. Все это было ясно передовымъ элементамъ нѣмецкой эмиграціи и всѣ они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали наступленія надвигавшагося событія. Со средины февраля 1848 г. брюссельская колонія нѣмецкихъ эмигрантовъ въ нервномъ напряженіи со дня на день ждала революціи въ Парижѣ и каждое утро жадно набрасывалась на телеграммы изъ Парижа. Утромъ 24-го февраля 1848 г. обычные поѣзда и съ ними почта не пришли изъ Парижа. Ихъ ждали цѣлый день, но тщетно — никакихъ вѣстей изъ Парижа не приходило, онъ былъ точно отрѣзанъ отъ всего міра. Къ вечеру на брюссельскомъ вокзалѣ собралась группа нѣмецкихъ эмигрантовъ, съ невыносимымъ долѣе нетерпѣніемъ ждавшая вѣстей изъ Парижа, здѣсь же въ томительномъ ожиданіи блѣдный и растерянный, стоялъ французскій посолъ при брюссельскомъ дворѣ. Наконецъ донесся издали глухой гудокъ паровоза и всѣ устремили вдаль горящіе нетерпѣніемъ глаза. Не успѣлъ еще поѣздъ вполнѣ остановиться, какъ кондукторъ соскочилъ, громко крича: „Le drapeau rouge flotte sur la tour de Valenciennes, la republique est proclamée“.

Нѣмецкіе эмигранты отвѣтили радостнымъ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“ Въ Бельгіи парижская революція отозвалась лишь слабымъ народнымъ волненіемъ въ Брюсселѣ, тотчасъ же подавленнымъ. Но встревоженное бельгійское правительство усердно принялось изводить крамолу и обрушилось преслѣдованіями на иностранцевъ, являющихся, по убѣжденію всѣхъ правительствъ, подстрекателями и зачинщиками мятежей. 25-го февраля 1845 г. по приказу бельгійскаго правительства былъ арестованъ Карлъ Марксъ, какъ глава нѣмецкой эмиграціи. Марксъ отнесся къ этому первому своему аресту очень хладнокровно, но зато жена его страшно растерялась, воображая всяческіе ужасы. Сначала она бѣгала взадъ и впередъ по комнатѣ, ломая руки, а затѣмъ, накинувъ платокъ, бросилась на улицу и столкнулась здѣсь съ тѣмъ самымъ полицейскимъ, который присутствовалъ при арестѣ ея мужа. Почти въ истерикѣ, она неотвязно требовала у полицейскаго, чтобы онъ отвелъ ее къ мужу. Полицейскій повелъ ее къ старому, мрачному зданію и, впихнувъ въ какую-то полутемную, вонючую комнату, заперъ за нею тяжелую дверь. Она оказалась запертой въ арестномъ домѣ для пропойцъ и проститутокъ, среди которыхъ провела цѣлыя сутки.

Марксъ былъ высланъ изъ Бельгіи; по счастью, новое революціонное правительство Франціи отмѣнило постановленіе прежняго правительства о запрещеніи Марксу въѣзда во французскую территорію и одинъ изъ членовъ правительства прислалъ Марксу любезное приглашеніе пріѣхать въ Парижъ. Марксъ, конечно, поспѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Когда Марксъ покинулъ Парижъ, высланный оттуда министерствомъ Гизо, во Франціи царила и правила крупная финансовая буржуазія. Іюльская революція 1830 года свелась къ восшествію на престолъ финансовой буржуазіи и открыла эру колоссальныхъ спекуляцій и хищеній при пособничествѣ и участіи всего правительства и въ томъ числѣ и короля. Промышленная буржуазія, производившая товары для широкаго массоваго сбыта, а не для казны, и не занимавшаяся спекуляціями и казенными подрядами, чувствовала себя обойденной и настраивалась по отношенію къ іюльской монархіи все болѣе и болѣе оппозиціонно. Милліонныя спекуляціи, непрерывные государственные займы и ежегодные дефициты, колебанія курса и устройство дутыхъ предпріятій образовывали тѣ потоки мутной воды, въ которыхъ крупная финансовая буржуазія ловила жирную золотую рыбу.

Но эта нездоровая лихорадочная атмосфера дутыхъ спекуляцій, обогащая крупную финансовую буржуазію и королевскій дворъ, въ то же время разнуздывала всѣ ихъ страсти и разоряла промышленную и мелкую буржуазію.

„Іюльская монархія была акціонерной компаніей, — писалъ К. Марксъ, — основанной для эксплоатаціи національныхъ богатствъ

Франціи. Министры, палаты, 240.000 избирателей, ихъ близкіе дѣлили между собою дивиденды. Луи-Филиппъ былъ директоромъ этой компаніи. Торговля, промышленность, мореплаваніе, земледѣліе, интересы промышленной буржуазіи,—все подверглось опасности разрушенія, благодаря господствовавшей системѣ. Эта буржуазія и начертала на своемъ знамени лозунгъ: „дешевое правительство".

„Финансовая аристократія издавала законы, занимала важнѣйшіе административные посты въ государствѣ и господствовала надъ общественнымъ мнѣніемъ, благодаря прессѣ и случаю Во всѣхъ сферахъ, начиная со двора и кончая послѣднимъ кабачкомъ, царила продажность, наглая ложь, жажда нажиться не путемъ производства, а путемъ присвоенія чужого богатства. Верхами буржуазнаго общества руководили самыя разнузданныя и нездоровыя вожделѣнія (удовлетвореніе которыхъ непрестанно попираетъ даже буржуазные законы), въ которыхъ богатство, пріобрѣтенное игрою, естественно ищетъ себѣ удовлетворенія, наслажденія, смѣшанныя съ грязью; грязь и кровь прилипаютъ къ деньгамъ. Всякій темный, грязный и разнузданный сбродъ переносится въ высшія сферы буржуазнаго общества и полнаго своего расцвѣта достигаетъ въ финансовой аристократіи, въ ея способахъ наживы и ея формахъ наслажденія" [1]).

Дефициты сдѣлались хроническимъ явленіемъ французскаго бюджета, для леченія котораго употреблялись все растущіе займы, въ свою очередь вызывавшіе повышеніе налоговъ. Государственные расходы росли съ неослабѣвающей быстротой, точно гигантскій насосъ вытягивая съ населенія послѣдніе соки и крохи. Въ 1835 году государственные расходы достигали 1047 мил.; въ 1840 году—1363 мил.; въ 1844 году—1428 мил., и въ 1847 году—1629 мил. Государственные долги и дефициты росли изъ года въ годъ; ежегодный дефицитъ въ 150—200 мил. сталъ самымъ обычнымъ явленіемъ; государственный долгъ съ 326 мил. руб. въ 1835 году поднялся до 369 мил. въ 1845 году.

Финансовой буржуазіи подобная расточительность и задолженность государства была какъ нельзя болѣе на руку, такъ какъ они порождали многомилліонныя спекуляціи, доставлявшія колоссальные барыши. Тогдашняя же система налоговъ позаботилась о томъ, чтобы налоги ложились на плечи широкой массы народа. Прямые налоги возрастали медленно, увеличившись съ 1835 по 1845 г. лишь на 21 мил., тогда какъ косвенные налоги на предметы необходимости съ 560 мил. въ 1835 г. возросли до 808 мил. въ 1845 году и до 892 мил. въ 1847 г.

Государственное хищничество іюльской монархіи, быстро обо-

---

[1]) *К. Марксъ.* Классовая борьба во Франціи. Пер. съ фр. М. 1906. *Стр. 7.*

гащая финансовую буржуазію, разоряло мелкую буржуазію и трудящіеся классы и тормазило широкое развитіе капитализма. Неудивительно, что трудящіеся классы слились съ буржуазіей въ требованіи положить конецъ финансовой олигархіи и создать „дешевое правительство".

Мы уже знаемъ, что тогдашнее правительство во главѣ съ Луи-Филиппомъ само принимало самое энергичное участіе въ спекуляціяхъ, дутыхъ аферахъ и безумномъ мотовствѣ, заразившимъ весь верхній слой французскаго общества. Вотъ почему требованіе „дешеваго правительства" сдѣлалось столь популярнымъ въ самыхъ различныхъ слояхъ французскаго общества. А такъ какъ при этомъ правительство іюльской монархіи было правительство не феодальное, не дворянское, а буржуазное, и такъ какъ самъ Луи-Филиппъ былъ лишь вѣрнымъ слугою буржуазіи, то теперь уже въ глазахъ мелкой буржуазіи была дискредитирована не только династія или личность Луи-Филиппа, но и монархія вообще. Іюльская революція была поднята противъ феодальной знати, противъ аристократической монархіи, которую она и свергла, создавъ буржуазную монархію; но когда и буржуазная монархія оказалась враждебной кровнымъ интересамъ мелкаго люда, тогда въ средѣ послѣдняго широко разлилось отрицательное отношеніе къ монархіи вообще и стала крѣпнуть симпатія къ республикѣ.

И революція 1848-го года уничтожила буржуазную монархію, положила начало буржуазной республикѣ.

Когда Марксъ, высланный изъ Брюсселя, вернулся въ Парижъ, республика уже была провозглашена и сформировано временное правительство. Долгая борьба за политическую государственную форму была разрѣшена и промышленной буржуазіи въ союзѣ съ мелкой буржуазіей и пролетаріатомъ удалось добиться наиболѣе „дешеваго" правительства и установить политическую организацію, дававшую наибольшій просторъ развитію капиталистическаго хозяйства. Но теперь стала быстро наростать болѣе грозная тяжба между пролетаріатомъ и буржуазіей. Когда Марксъ вернулся въ Парижъ, эта борьба уже ярко разгоралась. Временное правительство, составленное изъ разнородныхъ въ соціальномъ отношеніи элементовъ, напрягало всѣ усилія, чтобы помѣшать разразиться быстро надвигавшемуся острому столкновенію между буржуазіей и пролетаріатомъ. Среди рабочихъ происходили сильнѣйшія волненія, они устраивали постоянныя манифестаціи и громко требовали вмѣшательства правительства въ область разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Среди французскихъ рабочихъ этой эпохи были чрезвычайно сильно распространены предразсудки относительно всемогущества правительства въ дѣлѣ разрѣшенія соціальнаго вопроса и устраненія нищеты. Когда среди нѣкоторой части парижскихъ рабо-

чихъ обнаружилось стремленіе къ разрушенію машинъ, то группа сознательныхъ парижскихъ рабочихъ опубликовала слѣдующее обращеніе къ товарищамъ-рабочимъ: „Братья, мы узнали, что среди радостей побѣды нѣкоторые изъ насъ, увлеченные предательскими совѣтами, хотятъ омрачить славу нашей революціи крайностями, мы порицаемъ ихъ со всею нашею энергіей: они хотятъ изломать скоропечатныя машины. Братья, они правы: мы терпимъ, какъ и они, разстройство, внесенное введеніемъ машинъ въ промышленность; но вмѣсто нападенія на изобрѣтенія, сокращающія трудъ и умножающія производство, *мы обвиняемъ эгоистическія и непредусмотрительныя правительства. Ихъ не будетъ существовать въ будущемъ*" (курсивъ нашъ).

Среди парижскихъ рабочихъ, повторяемъ, была очень сильно распространена вѣра въ то, что правительство, переставъ быть „эгоистичнымъ" и сдѣлавшись „предусмотрительнымъ", сумѣетъ разрѣшить соціальный вопросъ. Радикальная буржуазія до революціоннаго переворота усердно поддерживала въ рабочихъ эту иллюзію, такъ какъ эта иллюзія, на ряду съ реальными побудительными причинами, служила однимъ изъ стимуловъ, заставившихъ рабочихъ пойти въ бой съ „эгоистическимъ и непредусмотрительнымъ" правительствомъ Луи-Филиппа во имя „дешеваго" и „соціальнаго" правительства республики.

И только послѣ того, какъ рабочій классъ пошелъ въ огонь революціи, а затѣмъ и въ воду реакціи, настала эпоха отрезвленія отъ черезчуръ оптимистическихъ надеждъ относительно новаго, „соціальнаго", правительства республики. Это правительство, съ одной стороны, не обнаруживало особенно энергичнаго желанія смягчить нужду и нищету пролетаріата, а съ другой стороны, оно было, конечно, безсильно уничтожить тяжелыя горы нужды и нищеты, которыя успѣли образоваться во Франціи и давили, раздавливали своею страшною тяжестью пролетаріатъ.

Но когда Марксъ переѣхалъ въ Парижъ, отношенія между рабочимъ классомъ и передовою буржуазіею хотя уже и обострились, но, однако, такъ сказать дипломатическія сношенія между радикальною буржуазіей и революціоннымъ пролетаріатомъ еще не были прерваны и многіе еще питали надежду, что тяжба кончится соціальнымъ примиреніемъ.

Въ Парижѣ Марксъ не оставался простымъ зрителемъ французскихъ событій, онъ, соединивъ въ своихъ рукахъ всѣ руководящія нити уже знакомаго намъ „Союза коммунистовъ", старался воздѣйствовать на нѣмецкія событія. Центральный комитетъ „Союза коммунистовъ" былъ перенесенъ въ Парижъ и его вдохновителемъ и непосредственнымъ руководителемъ сдѣлался Марксъ.

Въ началѣ марта 1848 г. центральный комитетъ „Союза коммунистовъ" составилъ и выпустилъ слѣдующее воззваніе, излагающее „Требованія коммунистической партіи Германіи".

Его главные пункты гласили:

1) Вся Германія объявляется единой и нераздѣльной республикой.

3) Народные представители получаютъ плату, чтобы въ парламентѣ германскаго народа могли засѣдать и рабочіе.

4) Всеобщее вооруженіе народа.

7) Княжескія и другія феодальныя помѣстья, всѣ рудники, шахты и т. п. становятся государственной собственностью. Въ этихъ помѣстьяхъ устанавливается крупное земледѣльческое производство при помощи самыхъ современныхъ средствъ науки на пользу всего общества.

8) Ипотеки на крестьянскія имѣнія объявляются государственной собственностью, проценты по этимъ ипотекамъ уплачиваются крестьянами государству.

9) Въ мѣстностяхъ, гдѣ развита аренда, земельная рента или арендный взносъ уплачивается, какъ налогъ государству.

11) Всѣ перевозочныя средства: желѣзныя дороги, каналы, пароходы, пути сообщенія, почту и т. д. государство беретъ въ свои руки. Они превращаются въ государственную собственность и предоставляются въ распоряженіе неимущаго класса.

14) Ограниченіе права наслѣдованія.

15) Введеніе прогрессивныхъ налоговъ и уничтоженіе налоговъ на предметы потребленія.

16) Устройство національныхъ мастерскихъ. Государство гарантируетъ всѣмъ рабочимъ существованіе и призрѣваетъ неспособныхъ къ труду.

17) Всеобщее безплатное народное образованіе.

„Въ интересахъ германскаго пролетаріата, мелкой буржуазіи и крестьянскаго сословія—со всей энергіей приняться за работу для проведенія въ жизнь вышеуказанныхъ мѣръ, такъ какъ только осуществленіе ихъ можетъ дать милліонамъ, которые до сихъ поръ эксплоатируются въ Германіи небольшой кучкой лицъ и которыхъ стараются и дольше держать въ угнетеніи, возможность добиваться своихъ правъ и достичь той власти, которая подобаетъ имъ, какъ производителямъ всего богатства“.

Если мы сравнимъ эти „требованія коммунистической партіи въ Германіи“, составленныя въ началѣ марта 1848 года, съ тѣми требованіями, которыя намѣчалъ „Коммунистическій Манифестъ“, написанный нѣсколькими мѣсяцами раньше, то мы увидимъ, что „требованія коммунистической партіи“ значительно умѣреннѣе требованій Манифеста — очевидно, что Марксъ убѣдился, что Германія еще не дозрѣла до того уровня соціально-экономическаго развитія, который имѣлъ въ виду Коммунистическій Манифестъ.

Характерно также, что тогда какъ въ Манифестѣ, Марксъ заявлялъ, что „въ Германіи коммунистическая партія борется

вмѣстѣ съ буржуазіей, поскольку сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности и *мелкаго мѣщанства*" (курсивъ нашъ), въ „требованіяхъ коммунистической партіи" уже говорится объ общихъ интересахъ „нѣмецкаго пролетаріата, *мелкаго мѣщанства* и крестьянскаго сословія".

Центральный комитетъ „Союза коммунистовъ" умѣлъ сформировать штатъ эмиссаровъ, отправившихся въ Германію, чтобы служить ферментами, вызывающими броженіе въ массѣ.

Сколько-нибудь широкой дѣятельности парижскій центральный комитетъ „Союза коммунистовъ" развить не успѣлъ, такъ какъ 18-го марта революціонное движеніе уже перебросилось изъ Парижа въ Берлинъ и нѣмецкій абсолютизмъ, оказавъ ему краткосрочное и растерянное сопротивленіе, капитулировалъ.

Паденіе абсолютизма раскрыло нѣмецкимъ коммунистамъ возможность выйти изъ душнаго подполья на широкій просторъ политической дѣятельности среди широкой массы населенія.

Марксъ съ радостью покинулъ Парижъ и уѣхалъ въ Германію, пробывъ пять лѣтъ въ политическомъ изгнаніи.

Марксъ возвращался въ Германію полный оптимистическихъ надеждъ. Онъ былъ слишкомъ реалистически настроенъ, чтобы надѣяться, что революція 18-го марта 1848 г. непосредственно приведетъ Германію къ коммунистической республикѣ, но онъ былъ убѣжденъ, что эта революція втянетъ Германію въ длительный революціонный періодъ и событія, постепенно развертываясь, приведутъ черезъ паденіе феодализма и абсолютизма къ господству буржуазіи, которое, въ свою очередь, силами того же самаго непрерывающагося революціоннаго періода будетъ замѣнено коммунизмомъ. Ближайшимъ этапомъ этого непрерывнаго революціоннаго періода должна была быть полная и безусловная побѣда буржуазіи надъ всѣми устоями и обломками феодально-аристократическаго строя. „Коммунистическій Манифестъ" вполнѣ ясно формулировалъ ту общую принципіальную позицію, которую должны были занять коммунисты по отношенію къ буржуазіи, переживающей еще свой періодъ революціонной бури и натиска. Съ классической сжатостью и вмѣстѣ съ тѣмъ ясностью „Коммунистическій Манифестъ" гласилъ: „Коммунистическая партія борется вмѣстѣ съ буржуазіей, поскольку сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу".

Въ 1848 году возвращаясь на родину изъ политическаго изгнанія, Марксъ былъ склоненъ сильно преувеличивать революціонность нѣмецкой буржуазіи. Онъ былъ убѣжденъ, что въ борьбѣ со старымъ феодально-сословнымъ порядкомъ нѣмецкая буржуазія способна пойти до конца. Въ виду этого выше приведенная отвлеченная и условная формула „Коммунистическаго Манифеста", выражавшая соотношеніе между пролетаріатомъ и

радикальной буржуазіей, получила теперь конкретный и утвердительный видъ: „Такъ какъ нѣмецкая буржуазія ведетъ революціонную борьбу, то коммунисты должны ее поддерживать".

И эта совмѣстная политическая кампанія буржуазіи и пролетаріата противъ стараго порядка на первыхъ порахъ поглотила все вниманіе и всѣ силы Карла Маркса, когда послѣ революціи 18-го марта онъ вернулся изъ Парижа въ освобожденную Германію. Карлъ Марксъ поѣхалъ не въ Берлинъ, а въ Кёльнъ. Побудительнымъ мотивомъ къ этому служило то, что рейнская провинція была наиболѣе передовою областью Германіи, какъ по степени своего экономическаго развитія, такъ и по политической зрѣлости своей богатой и вліятельной буржуазіи. Кромѣ того, какъ мы уже знаемъ изъ второго очерка, положеніе печати въ Кёльнѣ было болѣе свободно, чѣмъ въ Пруссіи. Здѣсь дѣйствовалъ Наполеоновскій Кодексъ и всѣ проступки печати подлежали суду присяжныхъ, а не коронному суду, какъ въ Пруссіи.

Въ Кёльнѣ Марксъ примкнулъ къ радикальному крылу буржуазіи и рѣшилъ создать ежедневный органъ радикальной демократіи. Радикальная буржуазія, сама въ это время стремившаяся обзавестись подобнымъ органомъ, предоставила въ полное распоряженіе Карла Маркса всю редакторскую часть газеты, выговоривъ себѣ лишь условіе, чтобы въ составъ редакціи вошелъ отъ нея Генрихъ Бюргеръ, игравшій, впрочемъ, чисто-декоративную роль. Такъ возникла знаменитая „Новая Рейнская Газета", первый номеръ которой вышелъ 1-го іюня 1848 года. Марксъ надѣялся, что въ высокой температурѣ революціоннаго движенія классовое сознаніе нѣмецкаго пролетаріата быстро созрѣетъ, но во всякомъ случаѣ это было дѣломъ будущаго, а въ настоящемъ, въ виду очень отсталаго положенія нѣмецкаго пролетаріата, было совершенно безнадежнымъ дѣломъ для коммунистовъ вести сомнительную политическую кампанію, рѣзко отмежевавшись отъ буржуазной демократіи. Если бы мы тогда не захотѣли, писалъ впослѣдствіи Энгельсъ, признать отсталость соціальныхъ отношеній и стремиться лишь къ ихъ развитію, то „намъ бы оставалось доктринерствовать насчетъ коммунизма въ какой-нибудь жалкой газеткѣ и вмѣсто крупной дѣйствующей партіи основать маленькую секту. Но мы были слишкомъ испорчены, слишкомъ знакомы съ утопистами, чтобы взяться за проповѣдываніе въ пустынѣ".

При тогдашнихъ соціально-политическихъ условіяхъ Германіи совершенно обособившаяся отъ радикальной буржуазіи коммунистическая партія была осуждена на прозябаніе въ качествѣ маленькой секты. Капиталистическое развитіе въ Германіи было сильно отставшимъ по сравненію съ Франціей и Англіей; нѣмецкій пролетаріатъ былъ еще малочисленъ, мало сознателенъ во многихъ мѣстахъ и еще не оборвалъ той пуповины, которая связывала его съ мелкою собственностью и мелкимъ ремесломъ.

Изъ предшествующей главы мы уже познакомились въ общихъ чертахъ съ положеніемъ нѣмецкаго пролетаріата накануне революціи 1848 года и потому, не возвращаясь къ характеристикѣ этого положенія, отмѣтимъ лишь, что оно съ принудительною силою диктовало для всякой партіи, которая не хотѣла быть сектой, ту линію политическаго поведенія, которую избрали Марксъ и Энгельсъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей нѣмецкаго рабочаго движенія сороковыхъ годовъ, Стефанъ Борнъ, вспоминая объ этомъ времени, пишетъ: „Въ Германіи, очень отставшей въ своемъ экономическомъ развитіи и въ которой крупная промышленность едва пустила первые нѣжные ростки, полвѣка тому назадъ господствовали еще патріархальныя отношенія. Работодатель чувствовалъ себя обыкновенно благодѣтелемъ рабочаго, которому онъ даетъ хлѣбъ... И сами рабочіе до извѣстной степени считали себя вѣрноподданными своихъ хозяевъ“ [1]).

Общее политическое положеніе Германіи въ эпоху революціи было таково, что общая различнымъ классамъ ненависть и вражда къ абсолютизму на первыхъ порахъ задерживала рѣзкое обособленіе классовъ.

Наиболѣе радикальные слои нѣмецкой буржуазіи въ началѣ революціоннаго періода были убѣждены, что „крайности“ соціальнаго вопроса порождаются лишь отсталостью политическаго строя, и установленіе конституціоннаго порядка создастъ добрый миръ и дружное сотрудничество.

Такія условія времени какъ нельзя больше способствовали увѣренности въ томъ, что общая военная кампанія пролетаріата и буржуазіи будетъ вполнѣ солидарна и закончится полной побѣдой надъ старымъ порядкомъ, послѣ чего только займутся подведеніемъ своихъ классовыхъ счетовъ оба главныхъ участника этой союзной кампаніи—пролетаріатъ и буржуазія.

Поскольку дѣло касалось вожаковъ рабочаго движенія, они остались вѣрными тому паролю, который далъ „Коммунистическій Манифестъ“ и усердно поддерживали буржуазію, поскольку она играла революціонную роль.

Уже знакомый намъ Стефанъ Борнъ, самъ вышедшій изъ рабочей среды и очень много сдѣлавшій для ея организаціи, писалъ въ редактируемомъ имъ „Народѣ“: „Наше время еще совершенно не созрѣло, нашъ строй жизни еще не сложился, наша революція еще не есть *соціальная* (курсивъ Борна), она еще *всецѣло* носитъ политическій характеръ и она не можетъ быть иной, такъ какъ еще не существуютъ условія, необходимыя для общественнаго переворота. Наслаждайтесь же вы, политики! Теперь ваше время... И то обстоятельство, что мы не от-

---

[1]) *Stephan* **Born**. Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig. 1898 Стр. 124.

казываемся отъ участія и въ нынѣшнемъ движеніи, не сулящемъ намъ никакой побѣды, ибо мы не вѣримъ ни въ Мессію, ни въ возможность успѣшной пролетарской революціи, ни въ возможность теперешняго господства рабочихъ,—это обстоятельство, быть можетъ, заставитъ васъ признать, что и мы не лишены сердца" [1]).

„Работая надъ организаціей четвертаго сословія, я не упускалъ изъ виду того факта, что всему должна предшествовать побѣда третьяго сословія, либеральная программа котораго впервые откроетъ дорогу четвертому сословію. Въ виду этого я по возможности избѣгалъ всякія рѣзкія нападки на буржуазію" [2]).

Карлъ Марксъ, какъ мы знаемъ, возвратившись изъ изгнанія на родину, очень увлекался идеей совмѣстной борьбы пролетаріата и буржуазіи противъ стараго порядка.

Такимъ образомъ и объективныя экономическія и политическія условія, и тактика руководящихъ лицъ рабочаго движенія давала радикальной буржуазіи полную возможность широкой, рѣшительной „общенародной" борьбы съ разбитымъ, но еще далеко не добитымъ абсолютизмомъ.

Но вся бѣда была въ томъ, что нѣмецкая буржуазія утратила всякій революціонный пылъ, какъ только абсолютизмъ капитулировалъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше стала обнаруживать стремленіе заключить съ абсолютизмомъ соглашеніе на самыхъ почетныхъ для послѣдняго условіяхъ.

Первый номеръ редактированной Марксомъ „Новой Рейнской Газеты" вышелъ 1-го іюня 1848 года. Къ этому времени антиреволюціонныя стремленія радикальной нѣмецкой буржуазіи и ея угодливость къ старому порядку уже успѣли проявиться,—вотъ почему уже въ самыхъ первыхъ статьяхъ Марксу пришлось рѣзко высказаться о политическомъ поведеніи радикальной буржуазіи.

Марксъ предполагалъ, что конфликтъ между правительствомъ и буржуазіей будетъ быстро надвигаться и обостряться и закончится жестокимъ столкновеніемъ, въ которомъ безслѣдно погибнетъ весь старый порядокъ. А между тѣмъ радикальная буржуазія предпочла пойти по иному пути, пути соглашенія со старою властью, пути взаимныхъ уступокъ.

Послѣ революціоннаго удара 18-го марта 1848 г. старая правительственная власть была охвачена политическимъ параличомъ и только усердныя ухаживанія за нею со стороны буржуазіи помогли ей оправиться и понемножку вновь почувствовать себя госпожей положенія.

---

[1]) Эти статьи С. Борна были напечатаны въ журналѣ „Dokumente des Socialismus". 1901. № 12. Стр. 78.

[2]) Ср. St. Born. Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Dresden. 1898. Стр. 135—136.

Началось прежде всего съ требованія тишины и порядка. Революціонный взрывъ 18-го марта сразу заставилъ старую патріархальную власть ретироваться, но народная масса превосходно чувствовала, что историческіе перевороты такъ быстро не совершаются и потому она обнаруживала настойчивое стремленіе укрѣпить и защитить отвоеванныя позиціи. Совершенно иначе была настроена буржуазія, она считала, что день 18-го марта завершилъ революцію и теперь народъ, сдѣлавъ свое дѣло, долженъ удалиться, передавъ всю политическую сцену въ распоряженіе „высшихъ классовъ". Революціонное настроеніе народа пугало послѣ революціи буржуазію больше, чѣмъ реакціонное настроеніе правительства.

29-го марта 1848 года два вождя прирейнской буржуазіи Кампгаузенъ и Ганземанъ получили министерскіе портфели. Кампгаузенъ, въ восторгѣ отъ оказанной ему чести, старался по возможности меньше пугать и раздражать феодальное правительство, раскрывая ему объятія взаимнаго соглашенія. Непреклонный сторонникъ „тишины и порядка", Кампгаузенъ постепенно соглашался на контръ-революціонныя затѣи быстро оправлявшейся старой власти. Но какъ человѣкъ образованный и конституціоналистъ, онъ противился слишкомъ рѣзкимъ и безцеремоннымъ мѣрамъ реакціи и въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе рѣшительному и безцеремонному въ выборѣ средствъ Ганземану. Это отлично показало, что начавъ съ уступокъ реакціонному правительству, радикальная буржуазія должна была постепенно дойти до сообщества въ контръ революціи. Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ" удивительно мѣтко писалъ по поводу выхода въ отставку министерства Кампгаузена: „Министерство Кампгаузена пытается собрать гроши популярности, вызвать къ себѣ общественное состраданіе указаніемъ не то, что оно вынуждено было уйти, такъ какъ его обманули. И дѣйствительно, министерство Кампгаузена является обманутымъ обманщикомъ. Въ угоду крупной буржуазіи оно должно было лишить революцію ея демократическихъ плодовъ; въ борьбѣ съ демократіей оно вынуждено было заключить союзъ съ аристократической партіей и сдѣлаться орудіемъ ея контръ-революціонныхъ происковъ... Кампгаузенъ сѣялъ реакцію въ духѣ крупной буржуазіи, онъ пожалъ ее въ духѣ феодальной партіи. Таковы были его добрыя намѣренія и таковой оказалась его злая судьба" [1]).

Въ этихъ словахъ Маркса чрезвычайно ярко охарактеризована circulum vitae нѣмецкой буржуазіи сороковыхъ годовъ. Она была охвачена революціоннымъ пыломъ лишь на историческое мгновеніе, когда народъ пошелъ на штурмъ стараго порядка, но

---

1) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx etc. Stuttdart. 1902. Стр. 105. Bd. III.

какъ только старый порядокъ капитулировалъ, она всѣ свои усилія направила на то, чтобы сдержать народъ, чтобы не допустить „безпорядковъ", чтобы не обозлить правительство. Пятясь отъ революціонно-настроеннаго народа, она попадала въ объятія реакціоннаго правительства. Въ то время, какъ народная демократія продолжала вести борьбу съ капитулировавшею, но не обезоруженною старою властью, въ то время, какъ эта власть собирала свои силы и вновь укрѣпляла свои позиціи, въ это же самое время нѣмецкая буржуазія занималась въ парламентѣ очень обстоятельными и совершенно нескончаемыми преніями, любезно предоставивъ всю реальную власть въ руки реакціоннаго правительства и жестоко осуждая всякіе „безпорядки" народа, который стремился къ тому, чтобы революція дала свои демократическіе плоды.

Въ итогѣ общая схема взаимоотношеній между буржуазной и соціалистической демократіей получилась совершенно иная, чѣмъ та, которую рисовалъ себѣ Марксъ, когда онъ, полный энтузіазма, возвращался изъ политическаго изгнанія на раскрѣпощенную родину.

Планъ общей кампаніи буржуазіи и пролетаріата противъ феодализма все болѣе и болѣе становился иллюзорнымъ, такъ какъ буржуазія *соглашеніе* со старымъ порядкомъ предпочла борьбѣ съ нимъ, а боевой союзъ съ пролетаріатомъ замѣнила борьбой съ пролетаріатомъ.

Чѣмъ шире развертывались событія, тѣмъ больше отодвигались они отъ 18-го марта, тѣмъ все больше росла рознь между революціонно-настроенными группами народа и „соглашательно" настроенной буржуазіей. При боязни, которую буржуазія питала къ народу, и при ея готовности предоставить всю реальную власть правительству первый нѣмецкій парламентъ въ концѣ концовъ оказался совершенно безсильнымъ и его отучилась уважать народная масса и пріучилось третировать реакціонное правительство.

Буржуазія устами берлинскаго магистрата заклинала пролетаріатъ не вмѣшиваться въ политику и въ особенности воздерживаться отъ всякой открытой борьбы, ибо „въ борьбѣ гибнетъ свобода". Но, замѣчаетъ историкъ-современникъ этого времени, „въ то время, какъ спокойные бюргеры считали борьбу гибелью свободы, а всякое насиліе—преступленіемъ, въ это же самое время реакціонеры, подсмѣиваясь надъ бюргерами, начинали эксплоатировать революцію въ свою пользу и прибирать къ своимъ рукамъ всю силу" [1]).

Въ то время, какъ органъ реакціонеровъ, „Новая Прусская

[1]) Ср. B. Bauer. Der Untergang des Frankfurter Parlaments. Berlin. 1849. Стр. 202.

Газета", яростно проповѣдовала энергичную борьбу съ „революціонерами и либералами", органъ либеральной буржуазіи, „Національная Газета", заявляла: „Мы не хотимъ продолженія революціи, мы враги всякой анархіи, всякаго насилія и произвола, мы хотимъ законности, порядка и спокойствія".

„Но подъ анархіей,—справедливо замѣчаетъ Бауеръ,—нѣмецкіе бюргеры понимали дѣйствительное уничтоженіе устарѣвшаго, сгнившаго строя; насиліемъ называли они активное низверженіе стараго порядка и дѣйствительное созданіе новаго, они хотѣли закончить революцію прежде, чѣмъ она достигла своей цѣли". [1]).

Положеніе прусскаго національнаго собранія и франкфуртскаго парламента со дня на день оказывалось все болѣе и болѣе трагическимъ. Они очутились межъ двухъ огней—революціоннаго и контръ-революціоннаго. Революціонно-настроенные слои народа открыто и рѣзко выражали свое недовѣріе парламенту и вновь переходили къ уличной, открытой борьбѣ.

Талантливый поэтъ той эпохи, Гервегъ, хорошо выразилъ это враждебное отношеніе къ франкфуртскому парламенту въ стихахъ, пользовавшихся громадной популярностью:

Во Франкфуртѣ на Майнѣ
Дѣлишки грязны крайне.
Ихъ моютъ, чистятъ, трутъ...
Увы, напрасный трудъ!
Тамъ все, какъ и вчера:
Цари опять царями,
Рабы, какъ встарь, рабами,
Хоть господа профессора
Болтаютъ съ ночи до утра.
Хоть парла-парла-парламентъ
Не умолкаетъ на моментъ.
Во Франкфуртѣ на Майнѣ—
Его клянутъ всѣ въ тайнѣ—
Конца нѣтъ болтовнѣ,
Хоть вся страна въ огнѣ!
Когда жъ конецъ придетъ?
Когда жъ разгонитъ ихъ народъ?

Открытая революціонная борьба оказалась не по силамъ нѣмецкимъ революціонерамъ, лишеннымъ поддержки со стороны организованной и вліятельной буржуазіи. Старый порядокъ скоро убѣдился, что въ открытомъ бою онъ въ силахъ подавить революціонное возстаніе и что „легальная" оппозиція буржуазіи лишена реальной силы. Либеральная буржуазія упорно держалась почвы „права" и „соглашенія", а реакція мало безпокоилась о невѣсомыхъ вещахъ и открыто пустила въ ходъ противъ буржуазіи силу и насиліе. Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, кончилось

---

1) *Ibid.* Стр. 258. См. объ этомъ подробнѣе въ нашей брошюрѣ «Первый нѣмецкій парламентъ». Спб. 1906. Изд. О. Поповой.

тѣмъ, что реакція, почувствовавъ себя достоточно окрѣпшей, а либеральную буржуазію достаточно дискредитированной въ народномъ сознаніи, перестала стѣсняться, разогнала парламентъ и назначила реакціонное министерство.

К. Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“ употребилъ всѣ силы своего краснорѣчія, всю ѣдкость своего сарказма, чтобы удержать буржуазію отъ контръ-революціонеровъ. Тщетно онъ стремился убѣдить радикальную буржуазію въ томъ, что борьба идетъ между двумя „суверенными“ властями — парламентомъ и королемъ—и послѣдній не имѣетъ права на роспускъ парламента, ибо парламентъ былъ созданъ революціоннымъ путемъ, а не октроированъ.

„Такъ какъ,—писалъ Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“,— національное собраніе равноправно съ короной, то корона не имѣетъ никакого права на роспускъ національнаго собранія. Въ противномъ случаѣ и національное собраніе имѣло бы право смѣстить короля.

Роспускъ парламента означаетъ государственный переворотъ. А какъ отвѣчаютъ на государственный переворотъ,—это показалъ день 29-го іюля 1830 года и 24-го февраля 1848 г.“ [1]).

Въ „Новой Рейнской Газетѣ“ отъ 12-го сентября 1848 г. К. Марксъ предостерегалъ буржуазію:

„Не будемъ предаваться иллюзіямъ.

Если побѣдитъ національное собраніе, если оно назначитъ лѣвое министерство, то тогда будетъ сломлена власть короны, противостоящая власти національнаго собранія, то тогда король сдѣлается лишь получающимъ жалованіе слугою народа, то тогда мы вновь переживемъ день 19-го марта, если намъ не измѣнитъ министерство Вальдека, какъ это случалось не разъ.

Если же побѣдитъ министерство Принца Прусскаго, то національное собраніе будетъ распущено, право собраній подавлено, пресса порабощена, будетъ объявлено избирательное право, опирающееся на имущественный цензъ,—все это произойдетъ подъ охраной военной диктатуры, пушекъ и штыковъ.

Побѣда той или другой стороны будетъ зависѣть отъ поведенія демократической партіи. Пусть демократы рѣшатъ, какъ имъ поступить“ [2]).

Подъ „демократами“ Марксъ подразумѣвалъ всю пеструю сборную массу изъ радикальной крупной и мелкой буржуазіи и сознательнаго пролетаріата. Но надежды на радикальность и боевую готовность крупной буржуазіи приходилось сбрасывать со счетовъ.

Въ статьѣ по поводу вѣнскихъ событій Марксъ уже сравни-

---

[1]) Aus dem lit. Nachlass. Bd. III. 193 стр.
[2]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. III, стр. 193—194.

ваетъ рѣшительность и послѣдовательность французской буржуазіи съ трусостью и колебаніями нѣмецкой.

„Во Франціи, — говоритъ онъ, — буржуазія пошла во главѣ контръ-революціи послѣ того, какъ она низвергла всѣ препятствія, мѣшавшія ея классовому господству. Въ Германіи же она уже понуро слѣдуетъ въ свитѣ абсолютной монархіи и феодализма прежде, чѣмъ она обезпечила первыя жизненныя условія своей собственной буржуазной свободы и господства. Во Франціи она выступаетъ въ роли деспота и продѣлываетъ собственную контръ-революцію. Въ Германіи же она выступаетъ въ роли рабыни и продѣлываетъ контръ-революцію своихъ собственныхъ деспотовъ. Во Франціи она побѣдила для того, чтобы подавить народъ; въ Германіи она сама себя подавила для того, чтобы народъ не побѣдилъ“ [1]).

Между тѣмъ правительство почувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы совершить государственный переворотъ. Не обращая никакого вниманія на права національнаго собранія, совершенно игнорируя его, правительство черезъ его голову и въ оппозицію ему назначило реакціоннѣйшее министерство.

Этимъ шагомъ правительство окончательно покинуло ту „почву права“, которую съ такимъ пафосомъ отстаивала либеральная буржуазія, увѣренная, что на этой почвѣ произойдетъ полное „соглашеніе“ между старымъ и новымъ порядкомъ. Война была открыто объявлена, и національному собранію оставалось только поднять брошенную перчатку и готовиться къ войнѣ. Извѣстный демократъ Якоби горячо доказывалъ, что иного исхода у національнаго собранія нѣтъ. Но все-таки рѣшено было прибѣгнуть къ высочайшей аудіенціи.

Король принялъ депутацію, но когда депутаты торжественно стали читать свой адресъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV безцеремонно повернулся къ нимъ спиной, а по прочтеніи адреса спокойно направился къ выходу. Якоби, бывшій во главѣ депутатовъ, спросилъ, желаетъ ли онъ, король, выслушать депутацію и получилъ рѣзкій отвѣтъ: „Нѣтъ!“ Тогда взбѣшенный Якоби произнесъ свою знаменитую фразу: „Въ томъ-то и несчастье королей, что они не хотятъ слушать правды“. Правительство продолжало вести наступательную политику и реставрировать изъ стараго режима все, что только можно было, парламентъ былъ обреченъ на призрачное существованіе, а потомъ лишенъ и призрачнаго существованія.

Нѣмецкіе рабочіе горячо призывали къ революціонной борьбѣ и, несмотря на всѣ измѣны парламента, на все его низкое поведеніе по отношенію къ пролетаріату, тогдашняя организація нѣмецкихъ рабочихъ „Рабочее Братство“ обратилось къ національ-

1) Ibid., стр. 198.

ному собранію со слѣдующимъ посланіемъ: „Берлинскіе рабочіе готовы съ оружіемъ въ рукахъ откликнуться на вашъ призывъ, если кто-нибудь осмѣлится нарушить права народа въ лицѣ его представителей; они предлагаютъ вамъ свои руки и свою кровь противъ всякаго врага, который захотѣлъ бы совершить государственную измѣну по отношенію къ вамъ и къ народной свободѣ“.

Но эта мужественная и при тогдашнихъ обстоятельствахъ единственно разумная тактика, которую рекомендовало „Рабочее Братство“, пришлась совсѣмъ не по заячьей душѣ нѣмецкихъ либераловъ и они, конечно, отвергли всякую „насильственную“ борьбу и даже обратились къ народу съ воззваніемъ, требуя, чтобы въ эту тяжелую минуту, когда законное представительство народа разгоняется штыками, онъ ни на одно мгновеніе не покидалъ почвы закона.

Когда правительство стало разгонять засѣданіе національнаго собранія, то послѣднее рѣшило объявить „пассивное сопротивленіе“ въ формѣ отказа отъ уплаты налоговъ.

Рѣшеніе прусскаго національнаго собранія не платить налоговъ было поддержано К. Марксомъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“.

„Правительство короля,—писалъ Марксъ,—задѣваетъ не только народную массу, но и буржуазію. Ее поэтому надо побѣдить буржуазнымъ способомъ. А какъ же можно побѣдить ее на буржуазной почвѣ? Тѣмъ, что извести ее голодомъ. А какъ ее извести голодомъ? Тѣмъ, что отказаться отъ платежа налоговъ“ [1]).

Изъ этого отказа въ платежѣ налоговъ ровно ничего не вышло. Но одобряя это рѣшеніе, Марксъ, конечно, ни на минуту не видѣлъ въ отказѣ отъ платежа налоговъ единое и достаточное средство борьбы.

„Мы никогда не скрывали,—пишетъ К. Марксъ 9-го декабря 1848 г.,—что наша почва есть не правовая, а революціонная почва. Само правительство отказалось отъ всѣхъ стѣсненій правовой почвы. Оно стало на революціонную почву, ибо и контръ-революціонная почва революціонна“ [2]).

Но нѣмецкая буржуазія ни мало не собиралась стать на революціонную почву и предпочитала лучше отказаться отъ главныхъ завоеваній революціи, и тогда изъ-подъ пера Маркса вылилась превосходная, яркая и злая характеристика нѣмецкой буржуазіи, характеристика, которая показывала, что Марксъ разстался окончательно съ идеей о возможности въ Германіи общей военной кампаніи буржуазіи и пролетаріата противъ феодализма и абсолютизма.

---

[1]) Aus dem lit. Nachlass. Bd. III, стр. 205,

[2]) Ibid., стр. 206.

„Нѣмецкая буржуазія,—писалъ Марксъ 11-го декабря 1849 г.,—развивалась такъ лѣниво, вяло и медленно, что въ ту минуту, когда она грозно выступила противъ феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась съ грозно выступившимъ противъ нея пролетаріатомъ и всѣми тѣми частями общества, интересы и идеи которыхъ совпадали съ интересами пролетаріата. И не только стоявшій за нею классъ смотрѣлъ на нее враждебно,—вся Европа встрѣтила ее недружелюбно. Прусская буржуазія не была, какъ французская въ 1789 г., классомъ, который являлся заступникомъ интересовъ современнаго ему общества предъ представителями стараго общества, предъ королевскою властью и дворянствомъ. Буржуазія опустилась до положенія сословія, съ ясно опредѣлившейся позиціей, какъ противъ короны, такъ и противъ народа. Она была оппозиціонно настроена противъ обоихъ своихъ противниковъ и нерѣшительна по отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, потому что она всегда видѣла и того и другого предъ собою. Это было сословіе, съ самаго начала готовое измѣнить народу и пойти на компромиссъ съ коронованными представителями прежняго общественнаго строя“.

Буржуазія „землетрясеніемъ была выброшена на поверхность новаго общества. Безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, она брюзжала на то, что было выше ея, дрожала предъ тѣмъ, что стало за ней, и была полна эгоистическихъ помысловъ. И съ яснымъ сознаніемъ своего эгоизма буржуазія рисовалась, какъ революціонеръ, передъ консерваторомъ и была консервативна съ революціонерами. Она потеряла вѣру въ собственные лозунги и у нея вмѣсто идей осталась фразы. Напуганная міровой бурей, она вмѣстѣ съ тѣмъ эксплоатировала ее. Безъ энергіи въ какомъ бы то ни было направленіи и съ заимствованіями по всѣмъ направленіямъ, она было пошла потому, что не была оригинальна. Она барышничала даже собственными своими желаніями. Безъ иниціативы, безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, безъ всемірно-исторической миссіи—она походила на проклятаго старика, осужденнаго на то, чтобы въ собственныхъ старческихъ интересахъ руководить первыми порывами молодости мощнаго народа. Слѣпой, глухой, беззубой и дряхлой,—вотъ какой оказалась прусская буржуазія у кормила прусскаго государства послѣ мартовской революціи“ [1]).

Въ виду такого настроенія нѣмецкой буржуазіи, довольствовавшейся половинчатостью и частичными уступками, Марксъ въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что въ Германіи невозможенъ переходъ отъ абсолютизма къ конституціонной монархіи, въ которой бы правящимъ классомъ явилась буржуазія.

---

1) Ср. Карлъ Марксъ. Итоги 48-го г. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Стр. 11—14.

„Исторія прусской, какъ и вообще нѣмецкой буржуазіи,—писалъ К. Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“,—показываетъ, что въ Германіи немыслима чисто-буржуазная революція и основаніе господства буржуазіи въ формѣ конституціонной монархіи, что возможна только феодальная абсолютистская контръ-революція или революція соціально-республиканская.

Дальнѣйшая исторія Германіи подтвердила это предсказаніе Маркса—революція соціально-респубиканская была подавлена и раздавлена, но восторжествовала не буржуазія, а феодальная контръ-революція, предоставившая, правда, буржуазіи значительную долю вліянія на правительственную власть, но при этомъ сохранивъ самую власть въ рукахъ феодальной партіи.

Когда реакція окрѣпла, она не замедлила приняться за Маркса и „Новую Рейнскую Газету“. Марксъ и его ближайшіе товарищи были прежде всего привлечены къ отвѣтственности за призывъ къ вооруженному сопротивленію. Какъ мы уже знаемъ, Марксъ на страницахъ „Новой Рейнской Газеты“ горячо поддержалъ постановленіе національнаго собранія о неуплатѣ правительству налоговъ; не довольствуясь газетной кампаніей, Марксъ, Шапперъ и Шнейдеръ издали отъ имени „Демократическаго Комитета“, членами котораго они были, воззваніе, въ которомъ призывали населеніе не останавливаться ни передъ какими мѣрами отпора всѣмъ попыткамъ правительства взыскать налоги. Воззваніе призывало къ организаціи народнаго ополченія, раздачѣ оружія, образованію комитетовъ общественной безопасности и т. д.

Правительство привлекло авторовъ этого воззванія къ отвѣтственности, и 9-го февраля 1849 г. они предстали передъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ. Обвиненіе противъ нихъ было построено очень казуистически, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень безпомощно. Ихъ обвиняли на основаніи соотвѣтствующихъ параграфовъ, выработанныхъ тотчасъ же послѣ революціи, т. е. обвиненія противъ Маркса строились на основаніяхъ тѣхъ же законоположеній революціонной эпохи, которыя теперь такъ презрительно игнорировались самимъ же правительствомъ. Обвиняя далѣе Маркса за воззваніе, правительство ссылалось на то, что отказъ отъ уплаты налоговъ не былъ проведенъ въ національномъ собраніи со всѣми требуемыми въ такихъ случаяхъ формальностями. И это говорилось въ то же самое время, когда правительство безцеремонно разгоняло національное собраніе и не обращало никакого вниманія на его постановленія.

Марксъ въ своей защитительной рѣчи блестяще распуталъ всю противорѣчивую казуистику обвиненія. Кто успѣшно совершилъ революцію или контръ-революцію, говорилъ Марксъ, быть можетъ, конечно, повѣситъ своихъ враговъ, но нелѣпо судить ихъ на основаніи отвергнутыхъ законовъ. „Примѣнить послѣ завершенія революціи или контръ-революціи отмѣненные законы противъ за-

щитниковъ этихъ самыхъ законовъ, это значитъ—прибѣгать къ трусливо-лицемѣрной законности".

Парируя ссылку прокурора на то, что при постановленіи отказа въ уплатѣ налога не были соблюдены всѣ формальности, К. Марксъ мѣтко говорилъ: „Съ одной стороны, пренебрегаютъ существенными формами, которыя обязаны соблюдать по отношенію къ національному собранію, а съ другой—отъ національнаго собранія требуютъ соблюденія самыхъ ничтожныхъ формальностей. Правительство совершаетъ одно насиліе за другимъ. Оно, ни съ чѣмъ не считаясь, нарушаетъ самые важные законы. Оно произвольно вводитъ самый неограниченный военный деспотизмъ подъ вывѣской осаднаго положенія. Оно разгоняетъ самихъ народныхъ представителей. И безстыдно нарушая всѣ законы, оно требуетъ на ряду съ этимъ самаго щепетильнаго соблюденія даже какого-то регламента".

„Отказъ отъ уплаты налога,—говорилъ Марксъ,—не колеблетъ основъ общества, какъ комично утверждалъ прокуроръ, а представляетъ собою необходимую самооборону общества противъ правительства, которое угрожаетъ обществу въ его основахъ; онъ не вызываетъ конфликта, а служитъ лишь показателемъ того, что конфликтъ существуетъ".

„Разъ взысканіе налоговъ,—говорилъ Марксъ,—признано незаконнымъ, то развѣ я не долженъ силой противиться насильственному совершенію беззаконія? Если господа, постановившіе отказъ отъ уплаты налоговъ, отвергли революціонный путь, не желая рисковать своими головами, то народъ вынужденъ былъ въ осуществленіи отказа отъ уплаты налоговъ стать на революціонную почву. Поведеніе національнаго собранія отнюдь не было обязательно для народа. Національное собраніе само по себѣ не обладаетъ никакими правами, народъ передалъ ему только защиту народныхъ правъ. Если оно не выполняетъ даннаго ему порученія, то порученіе теряетъ силу. Народъ самолично выступаетъ тогда на сцену и дѣйствуетъ на основаніи своего суверенитета. Если корона совершаетъ контръ-революцію, то народъ съ полнымъ правомъ отвѣчаетъ на это революціей. Онъ не нуждается для этого въ разрѣшеніи какого бы то не было національнаго собранія".

Марксъ и его друзья были оправданы присяжными, но дни „Новой Рейнской Газеты" были уже сочтены.

Въ маѣ 1849 г. въ различныхъ частяхъ Германіи возникло революціонное возстаніе, нашедшее пламенную защиту въ „Новой Рейнской Газетѣ". Стефанъ Борнъ, руководившій мирнымъ „Братствомъ рабочихъ", бросаетъ перо, берется за мечъ и становится во главѣ дрезденскихъ революціонеровъ. Послѣ упорной форменной битвы возстаніе было подавлено и началась оргія реакціи. Часть редакторовъ „Новой Рейнской Газеты" была вы-

слана, часть же арестована. Марксъ, вышедшій изъ прусскаго подданства еще въ 1845 г., получилъ извѣщеніе о высылкѣ. 16-го мая 1849 г. имъ была получена оффиціальная бумага, гласившая: „Въ своихъ новѣйшихъ статьяхъ „Новая Рейнская Газета“ все рѣшительнѣе стала выступать съ возбужденіемъ къ отрицанію существующаго строя, насильственнаго переворота и введенію соціальной республики. Въ виду этого ея главный редакторъ, докторъ Карлъ Марксъ, лишается того права на гостепріимство, которымъ онъ столь недостойно злоупотребилъ, и такъ какъ разрѣшеніе на дальнѣйшее пребываніе въ нѣмецкихъ государствахъ имъ получено не было, то ему предписывается покинуть эти государства въ теченіе 24-хъ часовъ. Если онъ добровольно не исполнитъ это предписаніе, то будетъ насильственно высланъ за границу“.

„Новая Рейнская Газета“ должна была прекратиться. 19-го мая 1849 г. вышелъ ея послѣдній номеръ, напечатанный красными буквами. Марксъ и его сотрудники прощались въ этомъ номерѣ съ кёльнскими рабочими и предостерегали послѣднихъ отъ всякаго вооруженнаго выступленія въ настоящее время. Это краткое обращеніе къ кёльнскимъ рабочимъ гласило:

„Мы предостерегаемъ васъ отъ устройства какихъ бы то ни было возстаній въ Кёльнѣ. Въ виду военнаго положенія Кёльна подобное возстаніе осуждено на неизбѣжную погибель. На примѣрѣ Эльберфельда вы видѣли, какъ буржуазія посылаетъ рабочихъ въ огонь и за ихъ спиною измѣняетъ имъ самымъ низкимъ образомъ. Осадное положеніе въ Кёльнѣ деморализируетъ всю рейнскую провинцію, а въ настоящее время всякое ваше возстаніе непремѣнно должно повести къ объявленію осаднаго положенія. Пруссаки придутъ въ отчаяніе отъ вашего спокойствія.

Редакторы „Новой Рейнской Газеты“ благодарятъ васъ на прощаніе за оказанное вами участіе. Ихъ послѣднимъ словомъ всегда и вездѣ будетъ: „Освобожденіе рабочаго класса“ [1]).

Въ статьѣ послѣдняго номера „Нов. Рейн. Газеты“ Марксъ рѣзко писалъ по адресу правительства: „Мы безпощадны и не требуемъ пощады отъ васъ. Когда дойдетъ до насъ чередъ, и мы не станемъ извиняться за свой терроризмъ. Но роялистическіе террористы, террористы Божьей милостью и милостью права, на практикѣ столь же жестоки, предательски, пошлы, насколько въ теоріи трусливы, скрытны, двуязычны, будучи и въ теоріи, и на практикѣ безчестными“.

Самый талантливый „тенденціозный“ поэтъ этой эпохи, Фрейлигратъ, помѣстилъ въ послѣднемъ номерѣ „Новой Рейнской Газеты“ прощальное стихотвореніе, „пахнувшее кровью“, какъ возмущенно писала реакціонная „Новая Прусская Газета“:

---

[1]) Ср. Aus dem literarisch. Nachlass. Bd. III. Стр. 265.

Kein offner Hieb in offner Schlacht—
Es fällen die Nücken und Tücken,
Es fällt mich die schleichende Niedertracht
Der schmutzigen Westkalmücken!
Aus dem Dunkel flog der tötende Schaft,
Aus dem Hinterhalt fielen die Streiche—
Und so lieg' ich nun da in meiner Kraft,
Eine stolze Rebellenleiche!

Заключительныя строфы этого прекраснаго стихотворенія были полны горячаго призванія къ борьбѣ и горячей вѣры къ побѣду:

Nun ade, nun ade, du kämpfende Welt,
Nun ade, ihr ringenden Heere,
Nun ade, du pulvergeschwärztes Feld,
Nun ade, ihr Schwerter und Speere,
Nun ade — doch nicht für immer ade;
Denn sie töten den Geist nicht, ihr Brüder,
Bald richt' ich mich rasselnd in die Höh,
Bald kehr' ich reisiger wieder!

* * *

Wenn die letzte Krone wie Glas zerbricht
In des Kampfes Wettern und Flammen,
Wenn das Volk sein letztes „schuldig" spricht,
Dann stehen wir wieder zusammen!
Mit dem Wort, mit dem Schwert, an der Donau, am Rhein—
Eine allzeit treue Gesellin
Wird dem Throne zerschmetternden Volke sein
Die Geächtete, die Rebellin!

Высланный изъ Пруссіи, Марксъ уѣхалъ сначала въ Баденъ, затѣмъ въ Пфальцъ, а оттуда въ Парижъ съ твердой надеждой, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ Парижу предстоитъ еще пережить девятый валъ революціоннаго движенія, который на этотъ разъ завершится полной соціалистической революціей.

Но долго ждать въ Парижѣ девятаго вала революціи Марксу не пришлось — онъ былъ высланъ и изъ Парижа и уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ ему пришлось прежде всего заняться подведеніемъ итоговъ всему пережитому и передуманному въ теченіе „безумнаго" 1848-го года, такого богатаго огромными историческими событіями и глубокими переживаніями.

Въ слѣдующей главѣ мы остановимся на этихъ итогахъ и посмотримъ, какіе уроки для теоріи и стратегіи соціальнаго движенія извлекъ Марксъ изъ событій 1848—1849 годовъ. А теперь охарактеризуемъ въ общихъ словахъ общую политическую позицію, которую занялъ въ эти годы Марксъ.

И въ предшествующей, и въ этой главѣ намъ уже приходилось указывать на то, что передъ революціей 1848-го года Марксъ очень сильно преуменьшалъ живучесть и силу сопротивленія всѣхъ промежуточныхъ политическихъ и экономическихъ формъ между абсолютизмомъ и феодализмомъ, съ одной стороны, и нераздѣльнымъ господствомъ буржуазной республики и крупнаго

капиталистическаго хозяйства—съ другой; между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Марксу рисовалась такая схема: крупная буржуазія борется въ настоящее время за свое нераздѣльное экономическое и политическое господство. Въ этой борьбѣ буржуазія непримиримо революціонна по отношенію ко всѣмъ старымъ формамъ хозяйства и политической власти. Двигаясь къ побѣдѣ, она будетъ разрушать всѣ остатки и пережитки абсолютизма и докапиталистическихъ формъ хозяйства. Старая политическая власть исчезнетъ, рухнутъ всѣ мелкія формы предпринимательства и производства; буржуазія будетъ праздновать свое восшествіе на престолъ. Но по пятамъ ея побѣдоноснаго движенія будетъ идти и все расти армія пролетаріата; разрушая мелкія формы хозяйства, буржуазія будетъ широко вливать въ ряды пролетаріата все новые и новые элементы. Численность, сознательность, силы пролетаріата будутъ быстро расти. Пока буржуазія будетъ вести войну со старымъ порядкомъ, до этихъ поръ она сама будетъ стараться вовлекать пролетаріатъ въ политическую борьбу, до этихъ поръ она будетъ революціонна, до этихъ поръ она будетъ бороться плечомъ-о-плечо съ рабочимъ классомъ и со стороны послѣдняго встрѣтитъ энергичную поддержку.

Но когда будутъ низвергнуты абсолютистски-феодальный строй и докапиталистическія формы хозяйства, тогда поле битвы очистится для двухъ враговъ—пролетаріата и буржуазіи.

Марксу казалось въ 1848 г., что вся эта схема будетъ продѣлана въ теченіе одного непрерывнаго періода и что революція 18-го марта 1848 г. есть лишь первый актъ этой революціонной трагедіи, актъ, въ которомъ первую роль должна играть буржуазія.

Изъ главъ о „Комун. Манифестѣ“ мы уже познакомились съ тѣми условіями времени и мѣста, которыя заставили Маркса такъ оптимистически смотрѣть въ сороковыхъ годахъ на возможность близкаго соціалистическаго переворота. Въ этой же главѣ мы уже видѣли, что по мѣрѣ того, какъ развивались событія нѣмецкой и французской революціонной эпохи, быстро убывали оптимистическія надежды Маркса, поскольку онѣ питались увѣренностью, что буржуазія до конца сыграетъ *свою* революціонную роль. Нѣмецкая буржуазія вмѣсто военнаго революціоннаго союза съ пролетаріатомъ противъ стараго порядка предпочла соглашеніе со старымъ порядкомъ и борьбу съ революціоннымъ пролетаріатомъ.

Сообразно съ этимъ въ публицистической дѣятельности Маркса въ 1848—1849 гг. можно отмѣтить два періода: первый періодъ, когда онъ твердо надѣялся на революціонность буржуазіи и ея полную и близкую побѣду надъ старымъ порядкомъ, и второй періодъ, когда подъ вліяніемъ событій онъ эту надежду утратилъ

и въ удивительно-яркихъ и злыхъ словахъ заговорилъ о политической импотенціи нѣмецкой буржуазіи, о ея неспособности завершить *свою*, *буржуазную* революцію.

Въ первый періодъ Марксъ всю свою публицистическую энергію употреблялъ на то, чтобы поддерживать въ буржуазіи ея революціонный пылъ, чтобы толкать ее влѣво, чтобы изобличать ея ложные и измѣнническіе шаги. О рабочемъ движеніи, о классовой борьбѣ въ Германіи между пролетаріатомъ и буржуазіей „Новая Рейнская Газета" почти совсѣмъ не говорила. Нѣкоторые тогдашніе соціалисты даже упрекали за это Маркса, но Марксъ и не отвѣчалъ на эти упреки и лишь впослѣдствіи лаконически замѣтилъ, что о классовой борьбѣ нѣмецкихъ рабочихъ „Новая Рейнская Газета" говорила лишь постольку, поскольку эта борьба проявлялась въ дѣйствительности, а какъ слабо проявлялась она въ дѣйствительности, мы видѣли выше.

Но въ послѣднее время своей жизни въ Кёльнѣ Марксъ, разочаровавшись въ революціонной роли нѣмецкой буржуазіи, очевидно, сталъ переносить всѣ свои надежды на пролетаріатъ, перенося свою дѣятельность въ его среду. Этотъ періодъ въ дѣятельности Маркса не успѣлъ достаточно опредѣлиться и развиться, такъ какъ въ самомъ началѣ онъ былъ насильственно прерванъ закрытіемъ „Новой Рейнской Газеты" и высылкой Маркса изъ Пруссіи.

Въ Кёльнѣ Марксъ состоялъ однимъ изъ представителей „Демократическаго Общества", по соціальному составу своихъ членовъ отличавшагося большою разнородностью. Когда достаточно опредѣлился реакціонный характеръ нѣмецкой буржуазіи, Марксъ и его ближайшіе товарищи вышли изъ числа членовъ „Демократическаго Общества". Въ заявленіи о своемъ выходѣ, опубликованномъ 15-го апрѣля 1849 г. въ „Новой Рейнской Газетѣ", Марксъ указывалъ, что къ выходу изъ членовъ общества его побудило то, что слишкомъ разнородный составъ соціальныхъ элементовъ, входившихъ въ демократическую организацію, лишилъ послѣднюю возможности планомѣрной и цѣлесообразной дѣятельности; что необходимо создать тѣсную общую организацію рабочихъ союзовъ, состоящихъ изъ однородныхъ соціальныхъ элементовъ и что въ областныхъ комитетахъ коммунисты должны отдѣлиться отъ демократовъ.

Очевидно, этотъ выходъ Маркса изъ состава членовъ „Демократическаго Общества" былъ координированъ съ тактикой рабочихъ союзовъ. По крайней мѣрѣ, кёльнскій рабочій союзъ вслѣдъ за выходомъ Маркса изъ „Демократическаго Общества" тоже оборвалъ свою связь съ этимъ обществомъ. Рабочій союзъ Кёльна избралъ временный комитетъ, на который была возложена задача подготовить объединеніе всѣхъ рабочихъ союзовъ рейнской провинціи и Вестфаліи. Въ этотъ комитетъ были вы-

браны Марксъ, Вольфъ, Шапперъ, Эссеръ и Карлъ Отто; изъ нихъ первыя три лица были сотрудниками „Новой Рейнской Газеты“ и членами кёльнскаго „Демократическаго Общества“.

Рабочій комитетъ разослалъ всѣмъ рабочимъ союзамъ рейнской провинціи и Вестфаліи приглашеніе прислать депутатовъ на предстоящій областной съѣздъ, задачей котораго ставилось объединеніе всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ союзовъ и выборы представителей на общій нѣмецкій рабочій съѣздъ, который долженъ былъ состояться въ іюнѣ 1849 г. въ Лейпцигѣ.

Однако, закрытіе „Новой Рейнской Газеты“, арестъ и высылка Маркса и его ближайшихъ сотрудниковъ насильственно прервали въ самомъ его началѣ этотъ новый періодъ въ дѣятельности Маркса въ 1848—1849 годахъ, когда Марксъ, разочаровавшись въ революціонной буржуазіи, началъ сосредотачивать свою дѣятельность на организацію рабочаго класса.

Въ революціонныхъ событіяхъ 1848—1849 годовъ Карлъ Марксъ принималъ участіе почти исключительно въ качествѣ публициста. Почти все его время и силы были поглощены редактированіемъ „Новой Рейнской Газеты“ и сотрудничествомъ въ ней. Этотъ періодъ въ жизни Маркса подробно обрисовываетъ передъ нами великаго мыслителя въ роли вліятельнаго журналиста и редактора. Съ этою ролью Марксъ блестяще справился. „Новая Рейнская Газета“ представляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ соціалистическихъ органовъ не только своей, но и послѣдующей эпохи, и органъ этотъ былъ духовнымъ дѣтищемъ Карла Маркса. Конечно, если бы вокругъ газеты не сплотился кругъ блестящихъ публицистовъ, то Марксъ не сумѣлъ бы придать ей тотъ блескъ и ту идейную силу, которые быстро превратили ее въ самый вліятельный политическій органъ. Но душою всей газеты, ея дирижеромъ былъ Карлъ Марксъ.

Ф. Энгельсъ разсказываетъ объ этомъ: „Организація редакціи была простою *диктатурою Маркса*. Крупный ежедневный органъ, который всегда долженъ былъ быть готовъ въ опредѣленный часъ, могъ успѣшно работать только при такой организаціи. Къ тому же диктатура Маркса считалась какъ бы сама собою понятной, не оспариваемой, признаваемой всѣми нами“ [1]).

Самымъ главнымъ достоинствомъ „Новой Рейнской Газеты“ надо признать то, что она была, съ одной стороны, чужда всякаго догматизма, а съ другой же стороны, никогда не упускала изъ виду принципіальной стороны вопроса; благодаря этому счастливому сочетанію, „Новая Рейнская Газета“ была живымъ органомъ, умѣвшимъ всегда ярко освѣтить текущія событія съ принципіальной точки зрѣнія и поставить ихъ въ неразрывную связь со всѣмъ ходомъ общественнаго развитія. „Новая Рейнская Газета“ не де-

---

[1]) Ср. Engels. „Marx und die Neue Rheinische Zeitung“. „Socialdemokrat“. Zürich. 1884. № 11.

монстрировала передъ читателями свои застывшіе догматы и не кормила ихъ консервами изъ этихъ догматовъ,—она освѣщала и осмысливала текущую жизнь, учила понимать ее, учиться ей, учиться не въ анатомическомъ театрѣ исторіи на уже застывшихъ и разлагающихся трупахъ событій, а на живыхъ и развивающихся событіяхъ, путемъ ихъ вивисекціи.

Свои газетныя статьи Марксъ писалъ образнымъ, очень своеобразнымъ и сильнымъ стилемъ. По всему тону своего мышленія, очень точнаго, очень вдумчиваго и постоянно обнажающаго глубокіе корни событій, Марксъ не могъ обладать тою „легкостью пера", которая присуща „врожденнымъ журналистамъ". Повидимому, статьи требовали отъ Маркса очень много труда и времени.

По крайней мѣрѣ, извѣстный нѣмецкій дѣятель сороковыхъ годовъ, Стефанъ Борнъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Марксомъ и Энгельсомъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Энгельсъ раздраженно жаловался ему на Маркса: „Онъ совсѣмъ не журналистъ и никогда не сдѣлается журналистомъ. Надъ передовой статьей, которую другой пишетъ въ два часа, Марксъ возится цѣлый день, точно дѣло идетъ о разрѣшеніи глубокой философской проблемы, онъ постояннно измѣняетъ и исправляетъ написанное и снова исправляетъ и, стремясь къ основательности, никогда не поспѣваетъ во-время" [1]).

Но если это стремленіе къ основательности и добросовѣстное отношеніе къ газетному писанію доставляло Марксу много волненій и громадную затрату усилій, то зато это же придавало газетнымъ статьямъ Маркса такую большую цѣнность и повело къ тому, что и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ ихъ напечатанія, статьи Маркса изъ „Новой Рейнской Газеты" читаются съ глубокимъ интересомъ.

Какое же громадное значеніе должны были имѣть глубоко продуманныя статьи Маркса въ эпоху сороковыхъ годовъ, когда пороховой дымъ бурныхъ революціонныхъ событій застилалъ вершины теорій и историческія дали! „Новая Рейнская Газета" не покидала этихъ теоретическихъ вершинъ, но она пользовалась ими не для горделиваго презрѣнія къ кипѣвшей внизу непросвѣщенной жизни, а для того, чтобы освѣщать и расчищать путь, которымъ шли событія, и вносить свѣтъ сознанія въ головы тѣхъ, „чьи работаютъ грубыя руки".

П. Берлинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Ср. St. Born Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig. 1898. Стр. 199.

Народное просвѣщеніе и бюрократія.

> Люди корыстные для утвержденія своей власти и пріобрѣтенія богатства измыслили, что народъ долженъ быть неученый.
>
> *Татищевъ.*
>
> Просвѣщеніе для власти русской бюрократіи—все равно, что солнце для снѣга: когда оно слабо, снѣгъ блеститъ играетъ; когда сильно—таетъ.
>
> (*Изъ отзывовъ Плейера, австрійскаго посла при русскомъ дворѣ*).

Въ предстоящемъ коренномъ переустройствѣ разныхъ сторонъ нашей общественно-политической жизни и экономически-правовыхъ отношеній одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ вопросъ о народномъ образованіи.

Подъ вліяніемъ грозныхъ уроковъ позорнаго пораженія—какъ и въ 1855 г. послѣ крымской войны—обнаружились язвы нашей общественной жизни: произволъ, своекорыстіе и безчестность администраціи, съ одной стороны, безправіе, нищета и невѣжество народа—съ другой. Снова и снова подтвердилась безспорная истина, что на темнотѣ и бѣдности народной не можетъ быть построено не только культурное развитіе страны, но и внѣшнее военное могущество. Маленькая, но сытая, образованная и свободная Японія побѣдила огромную, но голодную, темную и безправную Россію. Старый порядокъ, оставившій послѣ себя въ наслѣдство полицейски-чиновничью школу, намѣренно и систематически держалъ народныя массы въ невѣжествѣ, подъ покровомъ котораго бюрократія надѣялась безконтрольно властвовать во вѣки вѣковъ. Опекуны народа не только сами всячески поддерживали и охраняли народную темноту, но и препятствовали различнымъ общественнымъ организаціямъ (напр., земствамъ) и частнымъ лицамъ въ ихъ безкорыстныхъ заботахъ о народномъ образованіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить бѣглый взглядъ на прошлое нашего народнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оглянувшись немного назадъ и вокругъ себя, прослѣ-

дивъ, что и какъ дѣлалось у насъ по части народнаго образованія, мы получимъ и практически-полезныя указанія для предстоящей реформы народнаго образованія, именно—увидимъ, какъ *не должно* быть поставлено народное образованіе.

I.

До-петровская Русь совершенно не знала оффиціальныхъ свѣтскихъ школъ. Всякій пріобрѣталъ нужныя ему познанія, гдѣ и какъ хотѣлъ и могъ. Удовлетворяя главнымъ образомъ запросамъ церковно-обрядовымъ, образованіе сосредоточивалось около монастырей, церквей и носило соотвѣтственный характеръ [1]).

Петръ I, отдавшій всего себя на службу государству, той же службы требовалъ и отъ своихъ подданныхъ,—отъ каждаго въ зависимости отъ его общественнаго положенія. А чтобы съ пользой служить, всякій—будь то помѣщикъ, купецъ-промышленникъ, военный, духовный, приказный—долженъ былъ имѣть, по мысли Петра, необходимыя, хотя бы элементарныя свѣдѣнія по своей части. Нуждаясь для своихъ преобразованій въ людяхъ, обладающихъ спеціально-техническими знаніями, Петръ и заводитъ такія школы, которыя давали бы „искусныхъ мастеровъ". Такъ возникли,—исключительно для цѣлей военно-морской, торгово-промышленной, административной,—школы навигацкія, цифирныя, шляхетскія и гарнизонныя.

Особенностями петровской школы являются: въ 1-хъ, ея узко-спеціальный, профессіонально-прикладной, а во 2-хъ, принудительный характеръ. Ученье являлось такой же повинностью, какъ рекрутчина, и такъ же, какъ въ рекруты, въ ученье брали насильно. Оторванные отъ семьи мальчики, при вопляхъ родителей, отводились въ училища подъ конвоемъ; побѣги школьниковъ-рекрутовъ были обычнымъ явленіемъ [2]).

Въ 1714 г. Петръ издаетъ указъ, согласно которому во всѣхъ губерніяхъ должны быть учреждены такъ называемыя цифирныя школы для обученія ариѳметикѣ и начальной геометріи. Эти школы приказано было открыть въ архіерейскихъ домахъ и въ богатыхъ монастыряхъ, ученіе было безплатное, только по окончаніи курса каждый, получившій свидѣтельство, давалъ учителю по рублю. Учителями въ эти школы были назначены ученики навигаторской школы, прошедшіе курсъ геометріи и географіи.

---

[1]) О характеристикѣ до-петровскаго образованія, органомъ котораго служила приходская община, см. у Владимірскаго-Буданова—„Госуд. и нар. образ. въ Россіи въ XVIII в.", предисловіе. Необходимо замѣтить, что Влад.-Будановъ переоцѣниваетъ состояніе и характеръ до-петровскаго образованія. О томъ же—у Демкова „Исторія рус. педагогіи", ч. 2. Лавровскаго. „Памятники старин. рус. воспитанія".

[2]) Влад.-Будановъ. „Госуд. и нар. обр.", стр. 23.

Адмиралу Апраксину въ 1715 г. велѣно было выслать въ каждую губернію по два учителя (изъ учениковъ навигаторской школы)— „для науки молодыхъ ребятокъ изъ *всякихъ чиновъ* людей“ [1]. Въ силу этого распоряженія въ слѣдующемъ 1716 г. было открыто 12 цифирныхъ школъ и затѣмъ, къ 1720 г., еще 30.

Но цифирныя школы прививались туго. Причины этого—недостатокъ учителей, отсутствіе средствъ и главное — учениковъ. Подлежащіе школьной повинности употребляли всѣ средства, чтобы избѣжать ученія. Ученики, набранные силою и отправляемые подъ конвоемъ, бѣжали съ дороги и изъ школъ цѣлыми толпами, уходили въ монастыри, даже увѣчили себя, а дѣти причетниковъ даже записывались въ крѣпостные,—лишь бы избѣжать школьной службы.

Устюжскій голова по поводу порученнаго ему „набора“ учениковъ просилъ разъясненія у губернатора,—какъ отсылать: подъ стражей или нѣтъ; „а буде безъ стражи,—прибавлялъ онъ,—то, уповательно, разбредутся“. Начальникъ школъ, полковникъ Скорняковъ-Писаревъ, часто жаловался сенату, что школы пустуютъ и просилъ понуждать родителей. Такъ, въ 1719 г. онъ писалъ, что изъ трехъ школъ: псковской, новгородской и ярославской только въ одной ярославской учатся 26 человѣкъ, а „въ прочія школы и ничего учениковъ въ высылкѣ не было“ [2].

Въ 1721 г. въ московской губерніи было только 70 учениковъ, а въ другихъ губерніяхъ и того меньше.

Правительство съ своей стороны принимаетъ рядъ мѣръ, чтобы прекратить побѣги и уклоненія отъ школьной рекрутчины. Былъ изданъ указъ, запрещавшій вѣнчать не кончившихъ курсъ. Съ дѣтей берутъ подписки, что они не убѣгутъ, за нарушеніе назначается конфискація всего имущества. Родителей, укрывающихъ дѣтей, сажаютъ подъ арестъ. Учителямъ поручается развѣдывать, нѣтъ ли гдѣ „бѣглыхъ“ и скрытыхъ учениковъ, въ такихъ случаяхъ —„пристойнымъ образомъ требовать команды и тѣхъ дѣтей брать, не пріемля никакихъ отговорокъ“. По епар-

---

1) Однако, почти вслѣдъ за изданіемъ этого указа были сдѣланы исключенія. Прежде всего были освобождены дѣти дворянъ; затѣмъ дѣти духовенства. Въ 1720 г. было подано челобитье отъ посадскихъ людей— „невелѣть въ школы съ посаду дѣтей ихъ имать“. Приходится-де посылать дѣтей слишкомъ далеко (напр., изъ Каргополя въ Новгородъ, изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги въ Москву) и „тамъ *держатъ* изъ нихъ многихъ *въ тюрьмахъ и за карауломъ*“. Пользы отъ школъ они не видятъ никакой,—дѣти ихъ обучаются и дома сами собой, будетъ лишь умаленіе пошлинъ и разореніе. Просьба посадскихъ была уважена. Владимірскій-Будановъ. „Государство и нар. образ. въ Россіи въ XVIII в.“, стр. 18—19.

2) Сборн. отдѣл. рус. яз. и слов. имп. акад. н., т. 38: Толстой. Взглядъ на учебную часть, стр. 1—5. Владимірскій-Будановъ. „Госуд. и нар. обр.“, стр. 42—43.

хіямъ разсылали солдатъ—ловить бѣглыхъ и укрывающихся учениковъ и т. д. [1]).

Соотвѣтственно съ такимъ укомплектованіемъ школъ и дисциплина въ нихъ была чисто-солдатская. Все воспитаніе сводилось къ внѣшней дисциплинѣ. Всякій проступокъ считался нарушеніемъ закона и наказывался, какъ преступленіе. За „нѣты" назначался штрафъ; за „продерзости"—батоги, а за болѣе серьезные проступки—плети. Указъ Петра 1715 г. для водворенія дисциплины назначалъ въ школы „добрыхъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ, кои должны имѣть хлыстъ въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ" [2]).

Общій результатъ, какой дали цифирныя школы, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Съ 1714 г. по 1722 г. въ нихъ перебывало 1389 учениковъ, а окончило курсъ лишь 93, а остальные „едва не всѣ бѣжали". Къ 1727 г. изъ 2000 учениковъ, первоначально набранныхъ, „выучено и отпущено" 302 (19%), выбыли 572 (37%), бѣжали 322 (20%), оказались неспособными—233 (15%), взято на разныя должности 93 (6%), а осталось въ школѣ 500 человѣкъ [3]).

Съ учрежденіемъ гарнизонныхъ цифирныя школы еще болѣе опустѣли. Въ 1744 г. въ нихъ было только 244 ученика, вслѣдствіе чего эти школы были закрыты, а ученики переведены въ гарнизонныя школы [4]).

При такомъ оброчно-профессіональномъ характерѣ образованія, когда оно считалась лишь средствомъ получить во что бы то ни стало „искусныхъ мастеровъ", не могло быть, конечно, и рѣчи о школахъ для крестьянъ [5]). Несеніе тягла да уплата денежныхъ

---

1) Влад.-Будановъ, стр. 222—240.

2) Довнаръ-Запольскій. „Изъ ист. общ. теченій въ Россіи", стр. 270—277. Милюковъ. Очерки, т. 2, стр. 302—303. Владимірскій-Будановъ, стр. 193—194.

3) Милюковъ. Очерки, т. 2, стр. 297 — 298. Владимірскій-Будановъ, стр. 17, 220—221.

4) Владимірскій-Будановъ. „Госуд. и нар. обр.", стр. 47.

5) „Образованіе вовсе не ставилось цѣлью законодательной и административной дѣятельности государства (въ первой половинѣ XVIII в.): государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ; оно заботилось объ обученіи, а не объ образованіи".

„Такъ какъ элементарное образованіе не ведетъ ни къ какой профессіи и такъ какъ низшіе классы народа не несутъ никакой спеціальной службы, то элементарное образованіе становится неумѣстнымъ въ этой системѣ".

„Если, такимъ образомъ, правительство въ своихъ мѣрахъ по народн. образованію вовсе не имѣло въ виду образованія, а различныя формы государственной и церковной службы, то противодѣйствіе, которое оно встрѣтило, очевидно, было направлено не противъ образованія, а противъ закрѣпощенія въ службѣ". Владимірскій-Будановъ. „Государство и нар. образованіе въ Россіи въ XVIII в.", стр. 3, 155, 203.

и натуральныхъ повинностей не требовали—по тогдашнимъ понятіямъ—особой, „профессіональной“ подготовки. Насколько завѣдомо безплодны были отдѣльныя, разрозненныя мѣропріятія по части низшаго образованія, показываетъ слѣдующій примѣръ. Новгородскій архіерей Іовъ писалъ: „Священниковъ неволятъ на всякомъ погостѣ строить школы и велятъ учить разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строить и кому быть учителями и какимъ наукамъ учить и по какимъ книгамъ и откуда пищу имѣти и всякую школьную потребу пріискать, того опредѣлить не умѣютъ“ [1])

„Государство въ первой половинѣ XVIII в. выпускаетъ изъ своего вниманія элементарное народное образованіе. Распространеніе средняго и высшаго образованія долго находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ распространенію элементарнаго народнаго образованія... Владѣющіе классы стремятся утвердить мысль, что *низшіе слои населенія не должны пріобрѣтать образованія*, что оно въ рукахъ человѣка неимущаго есть огонь въ рукахъ дитяти“ [2]). Къ такому заключенію приходитъ изслѣдователь народнаго образованія въ XVIII вѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть возможность не разъ убѣдиться, что тенденція, заключающаяся въ подчеркнутыхъ словахъ, систематически и настойчиво проводилась не въ XVIII только вѣкѣ, а перешла во всей своей силѣ и простотѣ въ XX вѣкъ.

Что касается „обратной пропорціональности“, то это положеніе можетъ имѣть только извѣстный условный смыслъ, иначе—въ какомъ же блестящемъ положеніи должно бы находиться у насъ высшее и среднее образованіе по обратной пропорціи съ народнымъ невѣжествомъ и темнотой!

II.

Въ началѣ своего царствованія Екатерина II, увлеченная либерально-философскими идеями Запада, задумала цѣлый рядъ реформъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Она вела оживленную переписку съ философами и государственно-политическими дѣятелями, обсуждая разные проекты реформъ, дѣлала затѣмъ разнообразные „опыты“, вскорѣ же ихъ бросая, а въ сущности и въ томъ и другомъ случаѣ добивалась лишь популярности и славы, слѣдуя капризамъ своей увлекающейся натуры.

Въ ряду задуманныхъ реформъ административно-судебной, торгово-промышленной и даже крестьянской—видное мѣсто въ

[1]) Милюковъ. „Очерки рус. культуры“. Ч. 2, стр. 301—302. Владимірскій-Будановъ. „Госуд. и нар. обр.“, стр. 13.

[2]) Владимірскій-Будановъ. „Госуд. и нар. образов. въ Россіи въ XVIII в.“, стр. 1—2.

планахъ Екатерины занимаетъ вопросъ о просвѣщеніи. Начитавшись Локка, Монтескье, Руссо и энциклопедистовъ, Екатерина затѣваетъ широкую систему общественнаго воспитанія и даже перевоспитанія. Смотрѣла на этотъ вопросъ Екатерина слишкомъ отвлеченно и слишкомъ просто. Стоитъ только, думала она, измѣнить „породу людей“ и все—какъ въ частной, общественной, такъ и въ государственной жизни—пойдетъ отлично, и злонравіе уступитъ свое мѣсто „добронравію“. „Вкоренять въ сердца добронравіе“ слѣдуетъ такимъ образомъ. Надо дѣтей, пока они „еще не весьма обучились злонравію“, заключать въ особые питомники, совершенно отдѣливъ отъ окружающей жизни и людей. Здѣсь подъ руководствомъ идеальныхъ педагоговъ вылѣпить изъ нихъ желаемыя и прочныя формы и тогда уже выпустить въ жизнь.

Плодомъ увлеченія Екатерины явились закрытыя учебныя заведенія, частью преобразованныя изъ прежнихъ, какъ, напр., академическія гимназіи и шляхетскій корпусъ, частью созданныя вновь, какъ, напр., Смольный институтъ. Но собственно однимъ Смольнымъ вся эта затѣя и ограничилась, да и въ немъ, по выраженію Щербатова, „воспитаніе болѣе состояло—играть комедіи, нежели сердца, нравы и разумъ исправлять“. Впрочемъ, разсуждая теоретически, въ данномъ случаѣ былъ, конечно, нѣкоторый шагъ впередъ сравнительно со взглядами Петровскаго царствованія. Петръ смотрѣлъ на образованіе, какъ на придатокъ, орудіе всепоглощающаго огромнаго государственнаго механизма,—при Екатеринѣ возникаетъ мысль о самостоятельномъ, общественномъ значеніи образованія. Но именно только теоретически. На практикѣ же Екатерина сначала переходила отъ одного увлеченія къ другому. Затѣмъ стала даже гнать то, чему поклонялась, и преслѣдовать представителей столь любезнаго, повидимому, ей просвѣщенія.

Разочаровавшись въ системѣ людскихъ питомниковъ, Екатерина обращается къ новой затѣѣ. Посовѣтовавшись съ Дидро, нахватавъ кое-чего изъ „Духа законовъ“, Екатерина созываетъ извѣстную комиссію. Въ своемъ наказѣ комиссіи Екатерина затрагиваетъ,—правда, въ самой общей формѣ,—и вопросъ о воспитаніи. „Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими,—писала она,—есть приведеніе въ совершенство воспитанія домашняго“. Затѣмъ, въ дополнительномъ „начертаніи“ Екатерина говорила уже и объ общественномъ образованіи, раздѣляя учебныя заведенія на три вида—низшія, среднія и высшія.

Съ своей стороны многіе депутаты, пріѣхавшіе изъ разныхъ концовъ Россіи, привезли въ своихъ наказахъ широко поставленныя и ясно выраженныя желанія относительно народнаго образованія. Когда екатерининскій „парламентъ“ открылъ свои засѣданія, вопросъ о народномъ образованіи неоднократно подвер-

гался обсужденію въ общей, „большой" комиссіи. Такъ, на засѣданіи 2-го мая 1768 г. депутатъ отъ пахатныхъ солдатъ нижегородской губерніи Иванъ Жеребцовъ внесъ предложеніе объ учрежденіи народныхъ школъ, въ которыхъ бы „учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ. И того ради высокопочтенному собранію представляю на ваше полезнѣйшее разсужденіе, чтобы изъ служилыхъ людей учинить дѣтскія школьныя ученія, отъ чего можетъ воспослѣдовать общественная великая польза по такой причинѣ, понеже тѣ ученые люди для государственныхъ надобностей, такъ и вотчинному правленію могутъ быть завсегда способны" [1]).

Противъ этого предложенія на засѣданіи 5 мая возсталъ депутатъ отъ Пензы, Любавцевъ. Онъ доказывалъ, что учрежденіе школъ для крестьянъ „весьма излишне". „Ежели они съ малолѣтства будутъ употребляться въ науки, то уже къ земледѣлію и прочей работѣ ихъ склонить будетъ никакъ невозможно". Указавъ на то, что многіе пензенскіе пахотные солдаты, выучившись и безъ школъ грамотѣ, вышли въ секретари и приказные и сдѣлались взяточниками и земли забросили, Любавцевъ продолжалъ: „Отъ таковыхъ, находящихся въ праздности, всему обществу никакой пользы, кромѣ вреда, быть неуповательно, ибо не имѣютъ они къ земледѣлію и къ работѣ прилежности, вдаются во многія непотребности: въ обманъ, въ мотовство, лѣность и воровство, а данныя имъ земли многія остаются безъ хлѣбопашества и лежатъ впустѣ".

Итакъ, заключалъ депутатъ, учреждать „для нихъ училищъ совсѣмъ... не надлежитъ, потому что земледѣльцу другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ россійской грамоты, и то по собственному чьему изъ нихъ желанію, которые могутъ оные имѣть безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и донынѣ оное было, ибо требуемыя имъ, господиномъ депутатомъ Жеребцовымъ, *училища государственной пользы никакой принесть не могутъ, кромѣ казеннаго ущерба*" [2]).

Напротивъ, другой пензенскій депутатъ (отъ пахотныхъ солдатъ) возражалъ Любавцеву и поддерживалъ мнѣніе Жеребцова. Опираясь на пожеланіе наказа—„видѣть все отечество на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія",—онъ доказывалъ, что все это достигается благодаря просвѣщенію и путемъ школъ.

Защищалъ также предложеніе Жеребцова и депутатъ отъ дворянства, гр. Строгановъ, но защищалъ съ своей сословно-дворянской точки зрѣнія. Предлагая распространить предложеніе Жеребцова на всѣхъ хлѣбопашцевъ, Строгановъ говорилъ: „Едино-

---

1) Сборникъ рус. истор. общ. т., 32, стр. 52, 396—398.
2) Ibid., стр. 55, 411—412.

просвѣщеніе человѣка отъ скота различаетъ; едино просвѣщеніе показываетъ намъ долгъ къ Богу, къ государю и къ обществу. На что намъ далеко искать примѣровъ, до какихъ бѣдствъ доводитъ насъ невѣжество? Безъ ужаса представить себѣ не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными крестьянами помѣщиковъ. Еще годъ не минулъ, какъ подобный злоумыселъ почти въ глазахъ нашихъ предпріемлемъ и совершенъ былъ: сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего размучивъ, умертвили, но жену его и нерожденнаго еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали. Я увѣренъ, почтенное собраніе, что если бы просвѣщеннѣе сей родъ людей былъ, то, конечно бы, подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были. И такъ вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны. И когда оные изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностью и вольностью" [1]).

Графа Строганова поддерживалъ клинскій депутатъ отъ дворянства Орловъ, устроившій у себя школу и на личномъ опытѣ убѣдившійся, сколь полезно просвѣщеніе: учившіеся совсѣмъ „отмѣнны" отъ неучившихся; „они лучше говорятъ и читаютъ письма; они сами собою изъ чтенія книгъ находятъ, чѣмъ они обязаны Богу, государю, отечеству и... помѣщику своему" [2]).

Но обоянскій депутатъ отъ дворянства, Глазовъ, считалъ невозможнымъ, разорительнымъ и даже противозаконнымъ заводить школы для „хлѣбопашенныхъ людей", а въ подкрѣпленіе тоже ссылался на наказъ и, между прочимъ, на такую статью: „земледѣльцы живутъ въ селахъ и деревняхъ и обрабатываютъ землю, питаютъ всякаго состоянія людей" (ст. 358).

Вмѣсто этого Глазовъ предлагалъ обучать при церквахъ людей разнаго чину—церковныхъ, купецкихъ, праздношатающихся и др.—„на своемъ коштѣ". „Смотрѣть, чтобъ въ праздничные дни крестьяне не работали, ходили къ церкви, не дѣлали изъ малолѣтства привычки къ расколамъ, воровству и разбоямъ и пр." [3]).

Дальнѣйшихъ споровъ и разсужденій въ „большой" комиссіи не было. Въ числѣ 18 спеціальныхъ комиссій была учреждена особая „комиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ". Эта комиссія, получивъ всѣ предложенія и бумаги, занялась разработкой вопроса о народномъ образованіи.

Къ марту 1770 г. комиссія составила проектъ о деревенскихъ школахъ, который былъ прочитанъ на большомъ собраніи 2-го марта и утвержденъ. Сущность этого проекта, надолго опередившаго свое время и не осуществленнаго даже по сію пору, состояла въ слѣдующемъ.

---

1) Ibid., стр. 73, 457.
2) Ibid., стр. 101, 521—522.
3) Ibid., стр. 113, 533—534

Училищная комиссія предлагала ввести обязательное обученіе. Съ этой цѣлью предполагалось устроить школу въ каждомъ селеніи, по такому разсчету, чтобы на каждыя 100—250 семей было по одной школѣ. Постройка и содержаніе школъ относились на счетъ прихожанъ. Крестьяне обязывались отдавать въ школы мальчиковъ отъ 8—12 лѣтъ.

Курсъ ученія четырехлѣтній, по 8 мѣсяцевъ въ году. Ученіе должно было происходить по особо-составленному руководству, которое заключало бы въ себѣ церковную и гражданскую азбуку, нѣкоторыя молитвы, краткій катехизисъ и изложеніе обязанностей крестьянина [1]).

Учителями предполагались церковники и свѣтскія лица. Жалованье учителямъ предполагалось такое [2]): священнику—3 четверти ржи и 2 рубля въ годъ; учителю изъ духовныхъ и пользующихся землею—4 рубля въ годъ, а свѣтскимъ учителямъ, неимѣвшимъ земельныхъ участковъ,—6 рублей въ годъ.

Надзоръ за школами поручался священникамъ. Главное завѣдываніе предоставлялось архіерею вмѣстѣ съ губернаторомъ. То же самое устройство и управленіе предполагалось и въ городахъ, съ тою лишь разницею, что въ городахъ обученіе предполагалось сдѣлать обязательнымъ не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ.

---

[1]) „Для сихъ школъ св. синоду приложить стараніе, чтобъ сочинены были слѣдующія книги: 1) азбука церковной и гражданской печати; 2) краткій катехизисъ; 3) кратчайшее нравоученіе изъ правилъ естественныхъ; 4) для утвержденія сего естественнаго нравоученія и св. писанія заставлять дѣтей выучивать наизусть книжку, новоизданную подъ именемъ «Словеса св. писанія»; 5) академія сочинить имѣетъ самыя малыя двѣ книжицы: первая содержала бы въ себѣ четыре части простой ариѳметики съ дробями и тройными правилами, а вторая — показаніе глобуса земнаго съ четырьмя частями свѣта на особливыхъ картахъ, приложа въ нимъ главнѣйшія государства. А въ сей географической книжкѣ означить столичные и знатнѣйшіе всѣхъ государствъ города. Таковыя книги учители просмотря, сами для себя легко поймутъ и по возможности своего понятія дѣтямъ объяснять будутъ.

«Ежели ученики все выше прописанное окончаютъ, тогда давать имъ читать Новый Завѣтъ, въ гражданскихъ же книгахъ Наказъ къ сочиненію уложенія, такожде Роленеву древнюю исторію.

«Всякія тѣлесныя наказанія ученикамъ вовсе запрещаются, а паче не бить по щекамъ, за волосы и за уши не драть...»

[2]) «За обученіе азбуки, часослова, псалтири и катехизиса отцы давать имѣютъ учителю по рублю, за письмо по полтинѣ, за книжку исторіи и географіи по полтинѣ, за истолкованіе катехизиса и надзираніе священника по полтинѣ. Сверхъ того, оставляется на волю родителей давать и больше. При выпускѣ изъ школы родитель или въ чьей волѣ ученикъ состоитъ долженъ давать въ школьную книжку по рублю. Затѣмъ, кои по бѣдности не имѣютъ, чѣмъ платить учителямъ, выдавать изъ кружки половинную плату, но сіе не инако, какъ съ согласія общаго т. е. попечителя, священника, дьякона, дьячка и лучшихъ прихожанъ».

Кромѣ того, для деревенскихъ школъ письмо признавалось необязательнымъ, въ городскихъ же школахъ письмо было сдѣлано обязательнымъ для мальчиковъ. Въ остальномъ — объемъ курса, составъ учителей, содержаніе, надзоръ и управленіе были оставлены тѣ же, что и для сельскихъ школъ [1]).

Какъ же былъ использованъ этотъ проектъ комиссіи? Онъ остался лишь „памятникомъ"... чего хотите, только не заботъ Екатерины о народномъ образованіи. Остывъ постепенно отъ реформаторской горячки, охладѣвъ къ прежнимъ либеральнымъ увлеченіямъ, Екатерина распустила комиссію и въ дальнѣйшей своей дѣятельности (въ частности, и по народному образованію) поступала, не только не соображаясь съ желаніями, высказанными комиссіей, но какъ будто даже и не зная о ея существованіи.

Напр., издавая „Учрежденіе для управленія губерній" (1775 г.), Екатерина попутно затронула и вопросъ о народномъ образованіи. „Попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ" было отнесено на обязанность приказовъ общественнаго призрѣнія. Они должны были заводить школы (въ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ) для обученія чтенію, письму, ариѳметикѣ и катехизису „всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ, однако же, не чинить никому принужденія, но отдать на волю родителей — отдавать дѣтей въ школу или оставлять ихъ дома". За ученье предлагалось назначать „умѣренную" плату, бѣдныхъ же освобождать. Затѣмъ приказомъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать за исправнымъ содержаніемъ школъ и учителей, за школьной дисциплиной и гигіеной. Но это распоряженіе ни къ чему не повело, такъ какъ у приказовъ не было ни средствъ, ни помѣщеній, ни учителей, ни учебныхъ книгъ.

А у Екатерины въ это время созрѣваетъ уже новый планъ. Списавшись съ Дидро и коронованными особами, получивъ отъ нихъ соотвѣтственные планы и совѣты, Екатерина останавливаетъ свой выборъ на прусско-австрійской системѣ. Эта система прельщала Екатерину тѣмъ, что, по сообщеніямъ ея корреспондентовъ и совѣтниковъ, давала поразительно блестящіе результаты и требовала очень небольшихъ расходовъ. Іосифъ II рекомендуетъ ей и спеціалиста по этой части, нѣкоего Янковича, вводившаго прусскую систему въ Венгріи. Екатерина выписываетъ Янковича и поручаетъ ему устройство и фактическое руководство школъ.

Въ началѣ января 1782 г. Янковичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а 7-го сентября того же года былъ изданъ указъ, коимъ учреждалась „комиссіи объ устройствѣ народныхъ училищъ" подъ

---

[1]) Толстой. Взглядъ на учебн. часть, стр. 63—71. Щаповъ. Сочиненія, т. I, стр. 741.

председательствомъ Завадовскаго и „при постоянномъ участiи“ Янковича.

Комиссiи поручилось принять необходимыя мѣры къ тому, чтобы народное образованiе „во всей имперiи въ наилучшемъ порядкѣ и въ совершенномъ единообразiи учинено было“. Ближайшими обязанностями комиссiи было: „начертать и постепенно приводить въ исполненiе планъ народныхъ училищъ“, приготовить учителей и необходимыя учебныя руководства.

Къ 17 сентября 1782 г. уже былъ готовъ „планъ къ установленiю народныхъ училищъ въ имперiи“. Согласно этому плану, училища раздѣлялись на три разряда: низшiя, среднiя и высшiя (или—малыя, среднiя и главныя). По своимъ программамъ они должны были находиться въ связи и являться переходной ступенью изъ одного въ другое, а „главныя“ училища, кромѣ того, должны были служить какъ бы учительскими семинарiями, подготовляя учителей для малыхъ и среднихъ. Учебный матерiалъ какъ по школамъ, такъ и по отдѣльнымъ классамъ располагался концентрически.

Въ 1783 г. были преобразованы по новому плану семь существовавшихъ въ петербургской губернiи училищъ, а въ самомъ Петербургѣ было основано „главное“ училище, преобразованное затѣмъ въ учительскую семинарiю. Къ 1786 г. въ немъ было уже до 100 учениковъ, признанныхъ годными для занятiя учительскихъ мѣстъ въ малыхъ и среднихъ школахъ. Къ тому же времени было изготовлено и переведено, главнымъ образомъ Янковичемъ, до 30 необходимыхъ учебныхъ руководствъ. Въ апрѣлѣ 1786 г. послѣдовало высочайшее повелѣнiе объ открытiи „главныхъ“ народныхъ училищъ въ 25 губернiяхъ (такъ какъ учителей было изготовлено сто—по четыре на каждое училище). Днемъ открытiя было назначено 22 сентября, день коронацiи Екатерины, „дабы сей день, въ блаженствѣ Россiи знаменитый, имѣлъ сугубую славу и по начавшемуся въ немъ всеобщему народному просвѣщенiю“ [1]).

„Малыя“ училища предполагалось открывать въ уѣздныхъ городахъ по мѣрѣ того, какъ губернскiя „главныя“ училища подготовятъ для нихъ учителей.

Въ томъ же 1786 г. комиссiей былъ изготовленъ новый уставъ народныхъ училищъ, утвержденный 5-го августа 1786 г. Сущность этого перваго устава состояла въ слѣдующемъ. Училища раздѣлялись на два разряда (вмѣсто прежнихъ трехъ): главныя, 4-хъ классныя (въ губернскихъ городахъ) и малыя, 2-хъ классныя (въ уѣздныхъ городахъ). Руководство учебной

---

[1]) Истор. обзоръ дѣят. мин. нар. просв., стр. 13. Въ остальныхъ 14 губернiяхъ „главныя“ училища велѣно было открыть въ 1788 г., послѣ слѣдующаго выпуска изъ петербургскаго главнаго училища—семинарiи.

частью возлагалось на директора народныхъ училищъ, назначаемаго губернаторомъ. Наблюденіе за малыми училищами ввѣрялось смотрителю, выбираемому изъ мѣстныхъ жителей. Высшій надзоръ и управленіе ввѣрялось губернатору, одною изъ „первѣйшихъ должностей" (т. е. обязанностей) котораго было—„стараться о распространеніи школъ не токмо по городамъ, но и селеніямъ" [1]).

Учебный курсъ весьма широкъ: чтеніе, письмо, ариѳметика, катехизисъ, священная исторія, русская грамматика, чтеніе книги „о должностяхъ человѣка и гражданина", чистописаніе и рисованіе, а въ старшихъ классахъ главныхъ училищъ прибавлялись: исторія, географія, геометрія, механика, физика, естественная исторія, гражданская архитектура.

На бумагѣ, какъ видимъ, все выходило довольно стройно. Но на практикѣ обнаружились весьма существенныя затрудненія и неожиданныя препятствія. Подробно разрабатывая и регламентируя вопросы административные и учебные, творцы и вдохновители устава 1786 г. оставили совершенно въ сторонѣ одну только малость: вопросъ о содержаніи училищъ. Эта сторона дѣла попрежнему возлагалась на приказы общественнаго призрѣнія и на „щедроты" городскихъ думъ. Не имѣя возможности отказаться отъ этого расхода, приказы постарались свести его до минимума—главнымъ образомъ на счетъ учительскаго жалованья и школьнаго благоустройства, а городскія думы и совсѣмъ отказывались давать средства на школы.

Явилось и другое непредвидѣнное препятствіе: не оказалось желающихъ учиться. А къ коронаціи главныя училища надо было непремѣнно открыть. Такой конфузъ мѣстныя власти, особенно болѣе „усердныя", разрѣшили прежнимъ способомъ: забирали учениковъ насильно. Напр., Державинъ, бывшій въ то время губернаторомъ въ Тамбовѣ, забиралъ учениковъ чрезъ полицію. Вятскій намѣстникъ тоже записывалъ учениковъ въ училище „силою своей власти", и чтобы наполнить новую школу, онъ приказалъ закрыть всѣ старыя. Тоже самое было даже въ Петербургѣ, гдѣ для заполненія новой школы были закрыты всѣ частныя школы и пансіоны; тѣмъ болѣе, значитъ, поступали такъ въ другихъ городахъ.

Этихъ только обстоятельствъ, т. е. полной матеріальной необезпеченности да полицейскаго понужденія, въ связи съ общимъ весьма низкимъ уровнемъ культуры, было вполнѣ достаточно,

---

[1]) Духовенству уставомъ 1786 г. не было предоставлено никакой роли. Даже законъ Божій преподавался тѣми же свѣтскими учителями. Самые учебники по закону Божію были написаны тѣмъ же Янковичемъ и только одобрены духовной властью. Д. Толстой объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что духовенство было слишкомъ неподготовлено, чтобы взяться за это дѣло.

чтобы успѣхъ Екатерининской школы сдѣлать болѣе, чѣмъ сомнительнымъ.

Напр., въ Вяткѣ „обитатели, мало соревнуя предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя училища... Многіе лучше хотятъ ихъ заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются". Въ Черниговѣ „нетерпѣливые родители" брали назадъ дѣтей, и училище „часъ-отъ-часу приходитъ въ упадокъ". Въ архангельской губ. изъ 1432 человѣкъ, перебывавшихъ въ школахъ за 1786-1803 гг., кончило курсъ только 52 человѣка и т. д.

Ревизія, произведенная Козодавлевымъ въ 1789 г., обнаружила, что „число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ главныхъ училищъ весьма мало. Сіе происходитъ отъ того, что родители не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго".

Что касается „малыхъ" училищъ, то открытыя сгоряча въ довольно большомъ количествѣ, они скоро стали по тѣмъ или инымъ причинамъ закрываться. Отъ городскихъ думъ стали поступать такого рода заявленія: „Купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ, и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы". А козловскій смотритель полагалъ даже, что „оныя училища полезно повсемѣстно закрыть" [1]).

Таковы оказались результаты „австрійской" системы. Нужно ли прибавлять, что открытыя по этой системѣ городскія „главныя" и „малыя" училища были „народными" только по названію, а это названіе было имъ присвоено по недоразумѣнію: въ нихъ учились почти исключительно дѣти чиновниковъ и купцовъ, ничтожный процентъ составляли дѣти мѣщанъ и дворянъ.

Справедливость требуетъ сказать, что при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какія были поставлены городскія училища, при всемъ декоративно-показномъ характерѣ Екатерининской „системы", въ городахъ все-таки кое-что уцѣлѣло, и многія изъ „главныхъ" училищъ впослѣдствіи были преобразованы въ гимназіи.

Что же касается собственно *народныхъ школъ*, т. е. школъ для крестьянъ въ селахъ и деревняхъ, то таковыхъ при Екатеринѣ *не было открыто ни одной*. Десятокъ училищъ, открытыхъ въ селахъ частными лицами, не можетъ быть, конечно, принятъ во вниманіе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти училища вскорѣ же были закрыты.

---

[1]) Историч. обзоръ дѣят. мин. нар. пр., стр 11—26. Милюковъ. Очерки по ист. рус. культ., ч. 2, стр. 315-325. Довнаръ-Запольскій. Изъ ист. общ. теченій. Стр. 282-293.

III.

Не сдѣлавъ ничего для народнаго просвѣщенія, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ (а, можетъ быть, еще и потому самому) враждебно встрѣтила дѣятельность человѣка, по собственной инициативѣ взявшагося за просвѣщеніе общества, и подвергла его незаслуженному преслѣдованію. Человѣкъ этотъ, трагическая судьба котораго явилась какъ бы мрачнымъ предуказаніемъ для всей исторіи народнаго просвѣтительства и русской интеллигенціи,— былъ Новиковъ.

Глубоко скорбя о темнотѣ и невѣжествѣ народа и всего русскаго общества, Новиковъ всѣ свои силы и жизнь отдалъ дѣлу распространенія просвѣщенія.

Начавъ свою дѣятельность въ Петербургѣ изданіемъ сатирическихъ и общеобразовательныхъ журналовъ, массонскихъ и популярно-научныхъ книгъ, Новиковъ въ 1779 г. переселяется въ Москву и здѣсь постепенно доводитъ свое дѣло—по широтѣ, а главное, характеру и организаціи—до размѣровъ и степени, какихъ впослѣдствіи русское общество не видѣло уже ни разу.

Въ 1779 г. кураторъ московскаго университета, Херасковъ, предложилъ Новикову, пріобрѣвшему уже почетную извѣстность своей журнальной и издательской дѣятельностью, взять въ аренду университетскую типографію и „Московскія Вѣдомости".

Принявъ это предложеніе, Новиковъ нашелъ типографію и книгоиздательское дѣло въ самомъ плачевномъ состояніи [1]), и въ нѣсколько лѣтъ довелъ дѣло до того, что университетская типографія не уступала уже „первымъ заведеніямъ этого рода въ Европѣ" [2]). Поставивъ главною своею цѣлью заботу о распространеніи просвѣщенія, Новиковъ къ 1782 г. (въ теченіе трехъ лѣтъ) напечаталъ въ университетской типографіи книгъ—больше, чѣмъ выпустила эта типографія за все предшествующее время своего существованія [3]). Затѣмъ Новиковъ привлекаетъ къ своему дѣлу цѣлый рядъ замѣчательныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей, каковы—Лопухинъ, Гамалѣя, Походятинъ и особенно Шварцъ— этотъ „нѣмчикъ", безкорыстно отдавшій себя, свои силы и средства дѣлу просвѣщенія Россіи [4]).

---

1) Да и все типографское и книгоиздательское дѣло находилось тогда «въ младенческомъ состояніи». Лонгиновъ, стр. 203.

2) Лонгиновъ. Новиковъ и моск. мартинисты, стр. 129.

3) Ibid., стр. 123, 134.

4) Шварцъ сразу оцѣнилъ дѣло Новикова, понялъ, что «оно необыкновенно важно для русскаго просвѣщенія». Шварцъ видѣлъ, что для осуществленія идей Новикова необходимо возможно широкое участіе общества. Онъ старался подготовить (въ университетѣ) будущихъ дѣятелей великаго дѣла... Зная изъ собственнаго опыта, какъ сильно дѣйствуетъ на

Усиліями и средствами этихъ лицъ, подъ руководствомъ Новикова, открывается сначала „учительская“ или „педагогическая“ семинарія, а затѣмъ знаменитое „Дружеское общество“. Общество приняло въ свое завѣдываніе прежнія учрежденія, собрало значительныя пожертвованія, что дало возможность расширить всѣ начинанія (напримѣръ, увеличить число стипендіатовъ въ семинаріи, купить домъ для ихъ помѣщенія и пр.); оказывало поддержку издательскимъ предпріятіямъ Новикова, покупало изданія, разсылало даромъ учебники, помогало бѣдному люду и заботилось объ устройствѣ ихъ судьбы и т. д. и т. д.

Вообще, это было „замѣчательное просвѣтительное дѣло, широко поставленное, созданное по частной инціативѣ и на частныя средства... Это рѣдкій въ нашей исторіи примѣръ вліятельной общественной организаціи, примѣръ которой до сихъ поръ дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ“ [1]).

Въ 1783 году Екатерина издаетъ указъ „о вольныхъ типографіяхъ“, коимъ повелѣвалось типографіи „не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, позволялось всѣмъ заводить типографіи и печатать книги съ разрѣшенія „Управы благочинія“.

Новиковъ воспользовался этимъ указомъ и учредилъ „Типографическую Компанію“, которая „поглотила“ прежнія его предпріятія (въ томъ числѣ и „Дружеское общество“) и чрезвычайно широко, раціонально и успѣшно повела свою культурно-просвѣтительную дѣятельность.

„Компанія“ состояла изъ 14 лицъ, кромѣ самого Новикова. Изъ членскихъ взносовъ [2]) образовался капиталъ въ $57^1/_2$ тыс. р. Новиковъ за $^1/_4$ стоимости отдалъ въ компанію всѣ свои изданія (за 80 т. р., по номинальной стоимости ихъ было на 320 т. р.). Компанія пріобрѣтаетъ огромный Гендриковскій домъ у Сухаревой башни, заводитъ рядъ типографій, широко ставитъ книгоиздательское дѣло, завязываетъ сношенія съ провинціей. И на ряду съ массонскими книгами компанія печатала множество хорошихъ и полезныхъ книгъ—дешевыхъ учебниковъ, научныхъ книгъ и общеобразовательныхъ самаго разнообразнаго содержанія [3]).

юную душу хорошая книга, онъ раздѣлилъ свою библіотеку между своими слушателями, чтобъ пріохотить ихъ къ чтенію, воспламенить ихъ къ работѣ... «Починъ», стр. 162.

[1]) «Починъ»,, стр. 164.

[2]) Не одинаковыхъ по величинѣ и даже не обязательныхъ. Такъ, Лопухины внесли 20 т. р., Трубецкіе 10 т. р., большинство по 5 т. р., а Гамалѣя и кн. Энгалычевъ вступили въ члены безъ взноса. Лонгиновъ, стр. 219.

[3]) Новиковъ, положившій въ основу своего издательства общія просвѣтительныя задачи, и не могъ, конечно, ограничиться изданіемъ однихъ массонскихъ книгъ, да въ противномъ случаѣ дѣятельность его

„Чтобы судить о размѣрахъ книжной торговли Новикова, достаточно указать, что онъ велъ дѣло съ книгопродавцами въ Полтавѣ, Глуховѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Смоленскѣ, Орлѣ, Курскѣ, на Дону, въ Тульской губ., не говоря уже о Москвѣ и Петербургѣ“ [1]).

Въ разныхъ мѣстахъ были открыты книжныя лавки самимъ Новиковымъ. Множество книгъ разсылалось по сельскимъ ярмаркамъ и т. д. Насколько крупны были обороты Новикова, видно изъ того, что инымъ торговцамъ онъ отпускалъ книги десятками тысячъ экземпляровъ.

Кромѣ того, Новиковъ устроилъ аптеку (лучшую въ Москвѣ), которая отпускала бѣднымъ лекарство безплатно, больницу для типографскихъ служащихъ. Въ голодный 1787 годъ Новиковъ организовалъ въ очень крупныхъ размѣрахъ помощь нуждающимся и мн. др. [2]).

„Болѣе ста лѣтъ прошло,—говоритъ біографъ Новикова,—какъ дѣятельность Новикова прекратилась, а мы не можемъ указать въ нашей жизни другого равнаго явленія, другого столь же выдающагося дѣятеля...

Въ дѣятельности Новикова мы должны цѣнить не только ея размѣры и ея результаты, но и самую организацію дѣла. Новиковъ умѣлъ возбудить въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка необычайную энергію въ самодѣятельности. Дѣло Новикова было общественнымъ дѣломъ не только по своей сущности, по своимъ задачамъ и результатамъ, но и по своей организаціи.

Въ этомъ былъ залогъ его успѣха, въ этомъ, по условіямъ того времени, была и причина его гибели“ [3]).

Къ описываемому времени съ Екатериной произошелъ, какъ извѣстно, крутой переломъ. Въ первую половину своего царствованія Екатерина покровительствовала философамъ и ученымъ (европейскимъ и домашнимъ), со многими изъ нихъ находилась въ перепискѣ, увлекалась планами различныхъ реформъ (административной, законодательной, школьно-воспитательной, крестьянской) и т. д.

Правда, всѣ эти планы были, такъ сказать, книжнаго происхожденія и имѣли „платоническій“ характеръ, но все же либерализмъ и терпимость составляли замѣтную особенность „философически“ настроенной Екатерины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ (а отчасти и подъ вліяніемъ этого) и въ обществѣ, вслѣдствіе распространенія западно-европейской литературы и

и не могла бы имѣть того значенія и успѣха, какимъ пользовался Новиковъ въ обществѣ и среди „мѣщанъ“. Якушкинъ. «Починъ», стр. 166.

[1]) «Починъ», стр. 167.

[2]) Пыпинъ. Исторія рус. слов., т. 4, стр. 145. „Починъ“. Стр. 167.

[3]) „Починъ“, стр. 168.

философіи (преимущественно французской), вслѣдствіе сношеній съ Западной Европой и общенія съ міромъ европейскихъ идей, возникло и развилось идейное теченіе, образовалась самостоятельная „интеллигенція“ (не „прикладная“ только, не ради лишь потребностей правительства), проникнутая идеалистическимъ настроеніемъ.

Повидимому, можно было ожидать единодушія, полнаго единенія власти и общества: основныя положенія, послужившія исходнымъ пунктомъ „мечтаній“ власти и общества, почерпнуты изъ одного и того же источника и въ общемъ совпадали (общее благо, совершенствованіе общества и человѣчества, ученіе о прирожденныхъ, естественныхъ правахъ человѣка и пр.)

Но въ дѣйствительности оказалось не такъ. Когда общественное развитіе, въ силу естественнаго хода, такъ сказать, внутренней логики, расширилось и стало ускользать отъ „покровительства“ власти, а въ силу особыхъ условій и требованій русской жизни приняло направленіе, несогласное съ намѣреніями Екатерины, она вооружается противъ тѣхъ самыхъ положеній, которыя раньше поощряла и подвергаетъ преслѣдованію и самую „интеллигенцію“, и источникъ ея идеалистическихъ настроеній, т. е. науку и философію. „Дѣло дошло до того, что каждый человѣкъ, имѣющій дѣло съ книгами, этимъ однимъ уже казался подозрительнымъ и опаснымъ въ глазахъ начальства“...

Французская революція и Пугачевскій бунтъ еще болѣе напугали и ожесточили Екатерину, въ каждомъ проявленіи самостоятельной мысли и инціативы она стала видѣть отпрыски „стоглавой гидры“ и подвергать ихъ суровому преслѣдованію.

Первой жертвой и былъ Новиковъ, начавшій собою длинный и не прекращавшійся потомъ мартирологъ друзей народа.

Гроза надъ Новиковымъ уже собиралась давно, Екатерина давно уже подозрительно относилась къ дѣятельности Новикова, а враги просвѣщенія искали только повода, чтобы натравить ее на Новикова.

Первымъ возстало противъ Новикова учрежденіе, вѣдавшее тогда народное просвѣщеніе и учебное дѣло: Комиссія народныхъ училищъ въ Петербургѣ заявила жалобу на Новикова за перепечатку и продажу послѣднимъ двухъ книгъ (изданныхъ комиссіею): 1) „Сокращеннаго Катехизиса“ и 2) „Руководства къ чистописанію“. Этимъ Новиковъ „нарушилъ права Брейткопфа (комиссіонера комиссіи) и повредилъ интересамъ казны“. Въ результатѣ—наличные экземпляры этихъ книгъ были конфискованы, а за проданные были взысканы съ Новикова деньги [1]).

Къ этому же времени Новиковъ навлекъ на себя вражду іезуитовъ, которымъ Екатерина оказывала пріютъ и покровительство.

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 228—229.

Новиковъ издалъ книгу „Исторія ордена іезуитовъ“, ничего въ себѣ обиднаго для нихъ не заключающую, но іезуиты, не желая, очевидно, распространенія о себѣ въ Россіи какихъ бы то ни было свѣдѣній, пожаловались Екатеринѣ и прикинулись обиженными, „вопреки ея покровительству“.

Слѣдствіемъ этого хитраго маневра было предписаніе отобрать экземпляры этой книги (даже у частныхъ лицъ) и впредь ничего не печатать, „такъ какъ она не позволитъ осуждать іезуитовъ, которымъ обѣщала свое покровительство“ [1]).

Наконецъ, 23-го декабря 1885 г. Екатерина издаетъ слѣдующій приказъ московскому генералъ-губернатору Брюсу: „Въ разсужденіе, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги, прикажите губернскому прокурору, сочиня роспись онымъ книгамъ, отослать оную съ книгами вмѣстѣ къ московскому архіепископу, чтобы какъ самого Новикова испытать въ законѣ нашемъ, такъ и книги его типографіи освидѣтельствовать, и что окажется, намъ донести“ [2])...

На допросѣ (въ губернск. правленіи) Новиковъ показалъ, что всѣ книги онъ печаталъ не иначе, какъ съ разрѣшенія свѣтской или духовной цензуры, „намѣренія при изданіи книгъ въ публику никакого другого не имѣлъ, кромѣ того, чтобы по силамъ и по возможности приносить... пользу отечеству черезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами невозбранный прибытокъ“ [3]).

Арх. Платонъ, испытавъ Новикова въ „законѣ“, доносилъ Екатеринѣ: „Какъ предъ престоломъ Божіимъ, такъ и предъ твоимъ престоломъ, всемилостивѣйшая государыня, я долженъ по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ“ [4]).

Книги, присланныя ему на разсмотрѣніе, Платонъ раздѣлилъ на три категоріи: 1) книги собственно литературныя, которыя желательно распространять, особенно при бѣдности нашей литературы; 2) книги мистическія, которыхъ арх. „не понимаетъ“, а потому не берется и судить о нихъ, и 3) книги зловредныя, развращающія нравы и подрывающія религіозныя чувства, „гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ, которыя слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя плевелы“ [5]).

---

1) Ibid., стр. 230—231.
2) Ibid., стр. 250. Скабичевскій. Очерки, стр. 45.
3) Ibid., стр. 261.
4) Ibid, стр. 262.
5) Ibid. Любопытно, что въ числѣ присланныхъ Платону на разсмотрѣніе, какъ подозрительныя, были—„Естественное богословіе“ Дрегама, изд. съ разрѣшенія самого Платона, и „Тайна противонелѣпаго общества“, сатира на массоновъ, сочин. самой Екатериной.

Можно было ожидать, что Новиковъ будетъ подвергнутъ отвѣтственности за третью категорію книгъ, но въ данный моментъ Екатерина еще не рѣшилась преслѣдовать то, „чему поклонялась“. „Плевелы“ Екатерина усмотрѣла въ мистическихъ книгахъ, чрезъ которыя могли распространяться „расколы, колобродство и всякія нелѣпыя толкованія“; часть этихъ книгъ (наиболѣе „пагубныхъ“) была конфискована и впослѣдствіи сожжена.

Но такъ какъ ни слѣдствіе прокурора, ни испытаніе Платона не дали никакихъ хотя бы формальныхъ основаній для осужденія Новикова, то его пока отпустили и разрѣшили торговлю книгами, съ обязательствомъ не продавать „запрещенныхъ“ книгъ.

Однако, очевидно, что Новиковъ былъ уже „обреченъ“—рѣшили подождать лишь только повода [1]).

Словно нарочно для того, чтобы подорвать просвѣтительную дѣятельность Новикова, а затѣмъ и доканать его самого, Екатерина въ 1787 г. издала указъ, чтобы „запретить продажу всѣхъ книгъ, до святости касающихся, кои не въ синодальной типографіи напечатаны“ [2]). Вслѣдствіе этого указа повсемѣстно были осмотрѣны всѣ книжныя лавки, всѣ книги, напечатанныя въ „свѣтскихъ“ типографіяхъ, были конфискованы, свалены въ синодальныя кладовыя, а затѣмъ большинство ихъ было сожжено [3]). Несомнѣнно, это было „блестящее“ и колоссальное auto-da-fe, если принять въ соображеніе, что книги свозились со всей Руси великой со всѣхъ городовъ и мѣстечекъ, даже приказано было наблюдать внимательно за продажей книгъ по ярмаркамъ, „не дѣлая о семъ разгласки“ [4]).

Можно представить себѣ, какой нравственный и матеріальный ударъ нанесли эти распоряженія Новикову. Затѣмъ посыпались на голову несчастнаго Новикова новые и новые удары, и все его дѣло, съ такой любовью взлелѣянное, такъ прекрасно и разумно поставленное, стало гибнуть на его глазахъ.

Еще въ 1786 году была закрыта „педагогическая семинарія“.

---

[1]) Съ этою цѣлью за Новиковымъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, и о каждомъ его шагѣ, иногда ложно истолкованномъ, доносилось Екатеринѣ. Такъ „подозрительной“ была представлена помощь Новикова голодающимъ. Не зная, что въ этомъ дѣлѣ участвовалъ своими капиталами Походяшинъ (отдававшій въ распоряженіе Новикова всѣ свои средства), доносители, а за ними и Екатерина заподозрили чистоту и намѣреній Новикова, и источника жертвуемыхъ суммъ.

[2]) Лонгиновъ, стр. 284. Лонгиновъ не безъ основанія предполагаетъ, что этотъ указъ былъ изданъ благодаря внушеніямъ „духовныхъ особъ“, опасавшихся искаженія церковныхъ догматовъ и могущаго произойти уменьшенія церковныхъ доходовъ.

[3]) Здѣсь были: молитвенники, псалтыри, сочиненія архіереевъ и митрополитовъ, „Доказательство бытія Божія“, азбуки, „Духовныя сочиненія Ломоносова“, „Сочиненія и переводы Тредьяковскаго“ и т. д. и т. д. Лонгиновъ, стр. 284, Скабичевскій. Очерки, стр. 48.

[4]) Лонгиновъ, стр. 285.

Въ 1788 году Екатерина именнымъ указомъ запретила отдавать Новикову въ аренду (въ этомъ году кончился срокъ аренды) московскую университетскую типографію.

Черезъ два года прекратила свое существованіе и знаменитая „типографическая компанія". И все-таки Новиковъ еще продолжалъ свою дѣятельность!

Поставленный въ самыя стѣснительныя условія, ограниченный, связанный и получившій уже столько внушительныхъ и весьма недвусмысленныхъ „предостереженій", онъ не складывалъ своего оружія.

Но скоро началось окончательное гоненіе на Новикова и на его дѣло.

Къ концу 80-хъ годовъ Екатерина, потрясенная французской революціей, окончательно освободилась отъ „увлеченій" молодости и подтвердила это цѣлымъ рядомъ строгостей и суровыхъ каръ. Къ этому же времени относится гоненіе, воздвигнутое на Радищева, который былъ виноватъ лишь тѣмъ, что издалъ свою книгу немножко поздно и за это поплатился ссылкой...

Погибель Новикова былъ уже вопросъ рѣшенный. Оставалось найти орудіе и „причину", а указъ противъ Новикова уже былъ заготовленъ Екатериною. Орудіе явилось въ лицѣ новаго главнокомандующаго Москвы Прозоровскаго, про котораго Потемкинъ писалъ Екатеринѣ: „Ваше императорское величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непремѣнно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ ваше имя".

Прозоровскій „усердно" слѣдилъ не только за французами, но и за „подозрительными" русскими, въ томъ числѣ и за Новиковымъ. Онъ постоянно доносилъ въ Петербургъ о подозрительныхъ дѣйствіяхъ Новикова, такъ что Екатерина спросила его однажды, почему же онъ не арестуетъ такого подозрительнаго человѣка. Прозоровскій отвѣчалъ, что государынѣ стоитъ только приказать, но она возразила: „Нѣтъ, надо найти причину".

И за „причиной" дѣло не стало.

Въ 1792 г. Екатеринѣ была доставлена изданная еще въ 1788 г. книга „Исторія объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ" (въ защиту раскольниковъ). Приписавъ напечатаніе это книги Новикову (хотя и до настоящаго времени неизвѣстно, кто и гдѣ напечаталъ ее), Екатерина посылаетъ Прозоровскому указъ—разслѣдовать, не печатаетъ ли Новиковъ въ противность закону 1787 г. книгъ церковной печати, произвести „внезапный обыскъ" и обо всемъ, что откроется, донести „обстоятельно и немедленно".

И вотъ „старая пушка" начала свое жестокое и безсмысленное дѣло, стрѣляя въ чужую цѣль. Въ подмосковное имѣніе Новикова, Авдотьино, гдѣ онъ жилъ въ это время, Прозоровскій послалъ 15 человѣкъ гусаръ (съ майоромъ Жеваховымъ въ главѣ)

арестовать Новикова и доставить въ Москву. Появленіе военной команды въ Авдотьинѣ произвело страшное впечатлѣніе: Новиковъ и до этого больной—окончательно свалился, старшіе сынъ и дочь были такъ потрясены, что сдѣлались на всю жизнь припадочными; крестьяне плакали, провожая Новикова.

Совершенно больного Новикова привезли въ Москву и посадили подъ арестъ въ его собственномъ домѣ.

Въ книжныхъ лавкахъ Новикова былъ произведенъ обыскъ и забраны всѣ „нецензурныя" книги, т. е. „касающіяся до святости" и напечатанныя послѣ указа 1787 г.

Начался допросъ Новикова. Но при всемъ усердіи Прозоровскій не могъ обнаружить преступности Новикова. Точными и опредѣленными отвѣтами Новиковъ опровергалъ всѣ обвиненія. Прозоровскій же полагалъ, что Новиковъ хитростью хочетъ „закрыть преступленіе" и писалъ Екатеринѣ: „Такого лукаваго и коварнаго человѣка мало видывалъ; а къ тому же человѣкъ натуры острой, догадливый и характеръ смѣлый и дерзкій". Но въ чемъ собственно состоитъ „преступленіе" Новикова, Прозоровскій и самъ не понималъ. Напр., допрашивая Новикова, Прозоровскій взялъ одну изъ отобранныхъ книгъ и, указывая на цифры (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), означающія ссылки на различныя мѣста священнаго писанія, сказалъ: „Вотъ тутъ, подъ этими условными знаками, скрываются ваши зловредные замыслы и преступныя ученія; но все это теперь откроется" [1]).

Екатерина давала указанія, нити для слѣдствія, такъ сказать, инспирировала Прозоровскаго. „Вамъ извѣстно,—писала Екатерина Прозоровскому,—что Новиковъ и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатаніе книгъ, давъ такой всему благовидный видъ, что будто бы всѣ тѣ заведенія они дѣлали изъ любви къ человѣчеству; но слухъ давно носится, что онъ подвигъ сей дѣлалъ отнюдь не изъ человѣколюбія, но для собственной своей корысти, уловляя пронырствомъ и ложною набожностью слабодушныхъ людей, корыствовался грабленіемъ ихъ имѣній, въ чемъ онъ неоспоримыми доказательствами обличенъ быть можетъ" [2]). Но какъ ни усердствовалъ Прозоровскій [3]), Онъ не могъ „сыскать" не только неопровержимыхъ, но и ровно никакихъ доказательствъ „грабленія" и преступности Новикова.

Обезкураженный Прозоровскій три раза обращался къ Екатеринѣ съ просьбою прислать ему на помощь Шешковскаго, этого „заплечныхъ дѣлъ мастера", этого Малюту Скуратова XVIII вѣка.

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 317.

[2]) „Починъ", стр. 174.

[3]) Насколько усердствовалъ Прозоровскій, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка его письма къ Екатеринѣ: „Когда Новиковъ, сказываясь нездоровымъ, замедлилъ отвѣты, я обѣщалъ перевесть его въ тайную экспедицію и *ѣсть давать не велѣлъ*"... Ibid.

Вскорѣ дѣйствительно Новиковъ очутился въ лапахъ Шешковскаго.

Но что же долженъ былъ теперь дѣлать Прозоровскій?

По указу Екатерины онъ долженъ былъ предать Новикова „законному сужденію", избравъ „надежныхъ" людей. А съ какими данными, съ какими уликами онъ привелъ бы Новикова на судъ?

Поэтому онъ написалъ Екатеринѣ, что не рѣшается отдать дѣло Новикова въ судъ, во-первыхъ, потому, что передавъ дѣло въ судъ на основаніи общаго порядка, нельзя уже дѣлать выборъ въ судьи людей „надежныхъ" [1]), во-вторыхъ, на судѣ пришлось бы держаться уже законнаго порядка, и Новиковъ своими показаніями могъ бы „запутать" дѣло.

Екатерина согласилась съ этимъ соображеніями Прозоровскаго и приказала, вмѣсто суда, отвезти тайно [2]) Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость. Здѣсь Новиковъ подвергся уже допросу Шешковскаго. Допросъ былъ настойчивый и подробный, Новикову предложено было до 80 вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣтить письменно [3]). Но и Шешковскій ничего не узналъ новаго въ пользу обвиненія, ему не удалось запутать Новикова [4]).

„Однако, взятое напередъ намѣреніе осудить Новикова взяло верхъ", и Екатерина издала указъ, по которому Новиковъ былъ осужденъ на заключеніе въ Шлиссельбургской крѣпости на 15 лѣтъ.

Въ чемъ же состояло преступленіе Новикова? Въ указѣ Екатерины говорилось, что Новиковъ призданъ преступникомъ, имѣющимъ сообщниковъ. Онъ и его послѣдователи отличаются „слѣпотою, невѣжествомъ и развращеніемъ" (?!). „Плутовство и обольщеніе" служили средствомъ для распространенія ихъ „раскола". Слѣдующія обстоятельства, по словамъ указа, „обнаруживали ихъ явными и вредными государственными преступниками".

1. Они дѣлали тайныя сборища.

2. Они подчинились герцогу Брауншвейгскому и жаловались ему на притѣсненія, чинимыя правительствомъ ихъ обществу.

3. Они были въ тайной перепискѣ съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ.

4. Они уловляли въ свою секту „извѣстную особу" (Павла Петровича).

5. Они издавали и продавали „непозволенныя, развращенныя

---

1) Среди судей могли оказаться люди, которые не нашли бы достаточныхъ основаній для обвиненія Новикова, какъ это и было въ дѣлѣ книгопродавцевъ, привлеченныхъ къ суду послѣ Новикова. „Починъ", стр. 175.

2) „Предосторожности" простирались до того, что Новикова взяли „скрытно отъ его товарищей", не по Петербургскому тракту, а на Ярославъ и Тихвинъ, предписывалось, чтобы въ пути никто не могъ видѣть Новикова и смотрѣть, чтобы „онъ себя не повредилъ".

3) Замѣчательно, что о книгѣ, послужившей поводомъ къ аресту Новикова, ни разу не спрашивали.

4) Лонгиновъ, стр. 321—334. „Починъ", стр. 175.

и противныя закону православному“ книги, даже послѣ двухъ запрещеній, и завели тайную типографію [1]).

Очевидна натянутость всѣхъ этихъ обвиненій. По поводу обвиненій въ массонствѣ и тайныхъ сборищахъ надо замѣтить, что массонство и собранія массоновъ были хорошо извѣстны правительству и полу-оффиціально дозволены. Сношенія съ герцогомъ Брауншвейскимъ и другими иностранцами касались исключительно массонства и никакого политическаго значенія не имѣли. Обвиненіе въ „гнусномъ расколѣ“ опровергается заявленіемъ Платона. Сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (на чемъ особенно настаивала Екатерина) ограничились поднесеніемъ ему нѣсколькихъ книгъ, которыя онъ самъ пожелалъ имѣть, и ни малѣйшаго политическаго оттѣнка не имѣли. Такъ показалъ и самъ великій князь. Вообще, о „политическомъ“, „государственномъ“ преступленіи Новикова и его товарищей не можетъ быть и рѣчи. По замѣчанію Пыпина, массоны были „младенцы“, „агнцы“ въ политикѣ [2]).

Нѣкоторыя основанія (формальныя) имѣетъ обвиненіе въ продажѣ книгъ, „касающихся до святости“, послѣ запретительныхъ указовъ. Но, во-первыхъ, продажа духовныхъ книгъ (хотя бы и вопреки указу) не есть государственное преступленіе, а во-вторыхъ, 15 лѣтъ заключенія въ крѣпости указываютъ, что не въ продажѣ церковныхъ книгъ тутъ дѣло, а просто нужно было „убрать“ человѣка. Нельзя не замѣтить по этому поводу, что всѣ обвиненія относились не къ одному Новикову, а и къ его товарищамъ, между тѣмъ какъ жертвой явился одинъ Новиковъ, а другіе отдѣлались сравнительно легко. Даже Прозоровскій писалъ Шешковскому: „Я не понимаю конца сего дѣла... если онъ преступникъ, то и тѣ преступники“.

Поэтому правильнымъ представляется объясненіе этой мрачной и во всякомъ случаѣ „темной“ исторіи, даваемое г. Якушкинымъ. „Можно находить,—пишетъ онъ,—немало различныхъ причинъ неудовольствія Екатерины на Новикова, но всѣхъ ихъ недостаточно, чтобъ объяснить его осужденіе. Необходимо взять всю дѣятельность Новикова въ совокупности; въ ея общемъ характерѣ, въ ея значеніи мы и найдемъ ключъ къ дѣлу. Новиковъ былъ самостоятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ, и вотъ этого-то Екатерина не хотѣла и не могла простить ему. Новиковъ дѣлалъ широкое и важное общественное дѣло независимо отъ оффиціальнаго направленія, безъ прямой связи съ дѣятельностью тогдашняго правительства, и это было достаточно, по условіямъ того времени (того ли только?), чтобы вызвать противъ него

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 334—335.

[2]) Пыпинъ. Исторія рус. слов., т. 4. „Почннъ“, стр. 176—176. Ужъ, конечно, не въ журнальной дѣятельности Новикова, какъ думаетъ Незеленовъ, причина „нерасположенія“ Екатерины.

гоненія. Только этой общей причиной и можно объяснить осужденіе Новикова: онъ былъ главою обществаннаго движенія" [1]).

Поэтому Новиковъ вдвойнѣ вызываетъ наше сочувствіе—и своею дѣятельностью, и своею судьбою. Новиковъ является замѣчательной личностью,—и какъ представитель впервые пробудившагося общественнаго самосознанія и какъ практическій дѣятель—главнымъ образомъ въ области народнаго просвѣтительства въ разныхъ его формахъ. Убѣжденный врагъ „тьмы" во всѣхъ ея видахъ и со всѣми ея послѣдствіями,—Новиковъ прилагалъ всю свою громадную энергію, всѣ свои заботы къ возможно широкому просвѣщенію народа книгою. „Въ его дѣятельности по народному просвѣщенію—и по сути, и по формѣ—заключается такая программа, которою и теперь можно руководиться", такъ что дѣятельность Новикова до сихъ поръ полна живого общественнаго значенія.

А его судьба явилась какъ бы мрачной прелюдіей ко всей траги-комедіи „народнаго просвѣщенія"...

Итакъ, Новикова посадили въ крѣпость, а слѣды его просвѣтительной дѣятельности стали тщательно „вытравлять" и самыя книги истреблять. Въ февралѣ 1793 г. Екатерина предписала всѣ конфискованныя у Новикова книги предать огню. Распорядиться этимъ было поручено Курбатову, который донесъ 14 ноября, что 18,656 экземпляровъ такихъ книгъ имъ сожжено (при этомъ найдено „годными" 1964 экземпляра). Въ апрѣлѣ 1794 г.. „неожиданно" была открыта въ Гендриковскомъ домѣ „еще одна наполненная книгами палата", остававшаяся до того времени по какому-то случаю неотпертою и не осмотрѣнною. Поэтому Курбатовъ долженъ былъ произвести еще два ауто-да-фе 20 апрѣля и 15 іюня 1794 года, но сколько было уничтожено имъ въ этотъ разъ книгъ, въ дѣлѣ не сказано [2]).

Таковы главнѣйшія мѣропріятія Екатерины, направленныя къ распространенію и поощренію народнаго образованія. Основная причина, сущность и подлинная (не показная-то) цѣль всей политики Екатерины по интересующему насъ вопросу хорошо обрисовывается въ ея собственныхъ словахъ, сказанныхъ Салтыкову. Вотъ что она ему говорила:

„*Il ne faut point donner d' instruction au bas peuple; quand il en saura,* monsieur le maréchal, *autant* que *vous et moi, il ne voudra plus nous obeir, comme il nous obéit aujourh' hui*" [3]).

А. Ершовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

1) „Починъ", стр. 178—179.
2) Лонгиновъ, стр. 358—359.
3) Dolgoroukov. La vérité sur la Russie. Paris, 1860. Стр. 197.

Счастливая Австралія.

(Продолженіе).

V.

Земельный вопросъ въ первый періодъ колонизаціи Австраліи. Зарожденіе латифундій [1]).

Изъ предшествующей главы мы знаемъ, что въ политическомъ строѣ Австраліи со времени учрежденія въ ней первыхъ поселеній произошелъ полный переворотъ. Началось дѣло съ того, что губернаторамъ было предоставлено право жизни и смерти надъ первыми—правда, почти исключительно невольными, колонистами, кончилось же тѣмъ, что губернаторы оказались фактически лишенными какого-либо прямого вліянія на ходъ государственной жизни, важнѣйшія назначенія и т. д., такъ какъ все это дѣлается согласно волѣ и указаніямъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ даннаго штата, отвѣтственныхъ не только въ смыслѣ юридическомъ, но и въ смыслѣ политическомъ, т. е. лишающихся власти за утратой довѣрія большинства членовъ парламента, хотя бы министры не совершили никакого противозаконнаго поступка или ни въ чемъ не превысили своихъ полномочій.

Мы знаемъ далѣе, что полная демократизація политическаго строя австралійскихъ колоній, нынѣ штатовъ—есть дѣло сравнительно недавнее: какъ мы упоминали, политическая эмансипація женщины совершилась въ Н. Зеландіи лишь въ 1893 г. и затѣмъ въ еще болѣе близкое къ намъ время состоялась такая же эмансипація женщинъ въ большинствѣ другихъ частей Австралазіи.

Если мы обратимся къ другимъ крайне важнымъ соціальнымъ явленіямъ; напр., къ аграрному законодательству отдѣльныхъ австралійскихъ колоній, то мы увидимъ, что и въ этомъ отношеніи совершившіяся перемѣны едва ли менѣе значительны. Въ на-

---

[1]) Т. е. крупныхъ поземельныхъ владѣній.

чалѣ колонизаціи губернаторъ Н. Юж. Валлиса—первой англійской колоніи въ Австраліи—раздавалъ земельные участки даромъ офицерамъ и матросамъ, которые, прибывъ въ Австралію съ каторжанами, пожелали тамъ остаться въ качествѣ свободныхъ колонистовъ. Такая же даровая раздача земли практиковалась впослѣдствіи и по отношенію къ ссыльно-каторжнымъ, которые отбыли положенные имъ сроки принудительныхъ работъ. Принудительный же трудъ ссыльныхъ осуществился такимъ образомъ: ихъ прописывали въ качествѣ безплатныхъ рабочихъ къ свободнымъ поселенцамъ, которые, пользуясь трудомъ этихъ рабочихъ, были обязаны ихъ кормить и одѣвать, освобождая такимъ образомъ казну отъ какихъ-либо расходовъ по содержанію каторжниковъ и надзору за ними.

Трудно сказать, въ какомъ направленіи развивалась бы земельная политика и сельское хозяйство Н. Юж. Валлиса, если бы вскорѣ не произошло одно обстоятельство, наложившее совершенно особый отпечатокъ на все послѣдующее экономическое развитіе не только Н. Юж. Валлиса, но и Австраліи вообще. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ офицеровъ полка, стоявшаго гарнизономъ въ Австраліи, Макартуръ оказался замѣчальнымъ сельскимъ хозяиномъ. Въ 1797 г. ему удалось съ большимъ трудомъ провезти въ Австралію лучшую въ то время породу овецъ—испанскую породу мериносовъ. Надо сказать, что вывозъ мериносовъ изъ Испаніи былъ тогда запрещенъ подъ страхомъ смертной казни, въ Англіи только король имѣлъ нѣсколько овецъ этой породы [1]). Условія австралійской природы немедленно отразились на измѣненіи характера шерсти, но, обративъ на это самое серьезное вниманіе, Макартуръ сумѣлъ добиться того, что хотя шерсть отъ акклиматизовавшихся въ Австраліи мериносовъ отличалась отъ испанской, но нисколько не уступала послѣдней въ качествѣ.

Макартуру было дано для его опытовъ разведенія овецъ 5000 акровъ земли (1800 десят.) и уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого онъ послалъ въ Англію 250 фунт. превосходной шерсти. Примѣръ Макартура вызвалъ тотчасъ подраженіе, чему значительно способствовало открытіе перевала черезъ Синія Горы и проложеніе дороги черезъ этотъ перевалъ къ обширнымъ, казавшимся безпредѣльными, равнинамъ, находящимися за этими горами. Въ 1820 г. изъ Новаго Южнаго Валлиса было вывезено 100.000 фунтовъ шерсти, въ настоящее время изъ Новаго Южн. Валлиса вывезены до 220.000,000 фунтовъ на 93 милліона рублей.

Мы проводимъ эти свѣдѣнія только для того, чтобы показать, какое громадное значеніе приняло съ самаго начала овцеводство въ Австраліи вообще и въ Н. Южн. Валлисѣ въ особенности. Шерсть была и остается однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ предме-

---

1) Pagne. History of Sowpean Colonies, 170.

товъ вывоза изъ Австраліи; на нее въ Лондонѣ всегда имѣлся и имѣется вѣрный спросъ по хорошей цѣнѣ. Однимъ словомъ, шерсть для развитія колонизаціи Австраліи играла такую же роль, какую играла въ XVII вѣкѣ для развитія Виргиніи и американскихъ колоній вообще культура табака [1]).

То обстоятельство, что изъ сырыхъ продуктовъ Австраліи съ самаго начала самымъ цѣннымъ оказалась шерсть, имѣлъ огромное вліяніе на интересующій насъ въ настоящее время вопросъ о судьбахъ землевладѣнія въ Австраліи. Въ самомъ дѣлѣ, люди, имѣвшіе какой-либо капиталъ, покупали небольшое число овецъ, переправлялись за цѣпь Голубыхъ Горъ и старались захватить ближайшіе удобные и свободные участки, чтобы приняться за прибыльное дѣло овцеводства. Каждый старался захватить земли возможно болѣе, причемъ между сосѣдями мало-по-малу выработался самъ собой извѣстный modus vivendi безъ какого-либо участія въ этомъ общественныхъ властей, которыя фактически не имѣли даже никакой возможности помѣшать этой тактикѣ самовольнаго захвата обширныхъ участковъ земли. Эти піонеры колонизаціи загорныхъ равнинъ получили въ Австраліи названіе „squatters"—скветтеровъ; вскорѣ это слово стало равносильнымъ выраженію: очень богатый человѣкъ, милліонеръ, чѣмъ какъ нельзя болѣе убѣдительно доказывается необыкновенная прибыльность овцеводства въ Австраліи съ первыхъ шаговъ ея колонизаціи.

Мы не имѣемъ, конечно, возможности излагать здѣсь исторію развитія земельнаго законодательства въ Н. Южн. Валлисѣ или въ Австраліи вообще. Скажемъ лишь, что и впослѣдствіи власти долгое время тщетно пытались регулировать какъ-нибудь захватъ свободныхъ земель скветтерами: въ концѣ концовъ власти удовлетворились тѣмъ, что стали считать захваченную землю арендованной и рады были получить 100 руб. (10 фун. стерл.) за участокъ въ 25 квадр. миль, причемъ въ сороковыхъ годахъ послѣдній размѣръ былъ признанъ максимальнымъ для экономіи, эксплоатируемой однимъ лицомъ [2]).

Наряду съ попытками регулировать такъ или иначе земельные захваты крупныхъ овцеводовъ власти пытались создать въ колоніи классъ фермеровъ, т. е. крестьянъ-собственниковъ, организуя для этого продажу мелкихъ земельныхъ участковъ, годныхъ для обработки. Система безплатной раздачи мелкихъ земель-

---

[1]) См. нашу книгу „Исторія великой американской демократіи". Спб. 1906 г. или указанные нами труды по исторіи Америки.

[2]) См. книгу W. P. Reeves. States Sxperiments in Australia and New-Zeuland, vol. I, 222. Исторія земельнаго законодательства въ Австраліи подробно изложена въ переведенной на русскій языкъ книгѣ итальянскаго ученаго Уго Роббено—«Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ». 1903 г.

ныхъ участковъ будущимъ крестьянамъ-собственникамъ не практиковалась въ Австраліи. Вообще говоря, для земли, пригодной для земледѣльческой культуры, назначалась извѣстная минимальная цѣна; затѣмъ земля уступалась съ торговъ тому, кто давалъ наибольшую цѣну. Съ развитіемъ колонизаціи была увеличиваема и минимальная цѣна, по которой могла быть пріобрѣтаема земля отъ государства.

Такая земельная политика оправдывалась тѣмъ, что часть получаемаго такимъ образомъ значительнаго дохода шла частью на общія нужды колоніи, частью на помощь эмигрантамъ, переселявшимся изъ метрополіи въ Австралію. Однако, представляя дѣйствительно эти двѣ выгоды, такая политика не благопріятствовала развитію въ колоніи класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ.

Вѣроятно, населенія Австраліи сумѣло бы рѣшить болѣе или менѣе удовлетворительно земельный вопросъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, если бы какъ разъ въ это время (1851) не было открыто въ Н. Южн. Валлисѣ и въ только что выдѣленной изъ него колоніи Викторіи богатыхъ золотыхъ рудниковъ. Это сразу направило мысли населенія въ другую сторону и вмѣстѣ съ тѣмъ послужило причиной огромнаго притока иммигрантовъ чуждыхъ какой-либо мысли заниматься земледѣльческимъ трудомъ. Между тѣмъ быстрый ростъ населенія въ Австраліи вызвалъ у скваттеровъ желаніе обратить въ полную собственность огромные участки земли, которые числились у нихъ въ арендѣ за ничтожную плату. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1740 г. правительство получало въ совокупности 600 руб. (60 фун. стерл.) съ 600 ustations, т. е. степныхъ экономій, изъ которыхъ иныя тянулись на сотни тысячъ акровъ (акръ равняется 0,38 десятины). Въ слѣдующемъ году доходъ правительства отъ этихъ экономій упалъ даже до 200 руб. [1]).

Въ 1847 г. вышелъ законъ, одна изъ статей котораго оказалась имѣющей роковое значеніе для рѣшенія земельнаго вопроса въ Н. Южн. Валлисѣ. Статья эта давала скваттерамъ, при окончаніи срока аренды, право преимущественной покупки арендуемой ими земли. Они сумѣли этой статьей воспользоваться въ полной мѣрѣ, какъ только открытіе золота привлекло въ Н. Южн. Валлисъ и Викторію сотни тысячъ иммигрантовъ. Вотъ какимъ образомъ возникли латифундіи, т. е. огромныя поземельныя владѣнія въ Н. Южн. Валлисѣ.

Такой же приблизительно характеръ имѣло развитіе земельнаго законодательства и земельной политики въ другихъ австралійскихъ колоніяхъ съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значитель-

---

1) *Sd. Jenks.* History of Australasian colonies, 1895, p. 70.

ными уклоненіями, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить здѣсь, конечно, не можемъ [1]).

Почти вездѣ наиболѣе выгоднымъ занятіемъ оказалось овцеводство, такъ какъ шерсть была самымъ выгоднымъ предметомъ вывоза—очень цѣнномъ при маломъ вѣсѣ и объемѣ,—имѣющимъ вѣрный сбытъ въ Европѣ. При условіяхъ перевозки, которыя были до второй половины XIX вѣка, вывозъ хлѣба былъ невозможенъ; къ тому же европейскій рынокъ былъ обезпеченъ вывозомъ изъ Россіи, а затѣмъ изъ Америки. Вывозъ другихъ продуктовъ животноводства — масла, мяса и т. п.—сталъ возможенъ лишь въ сравнительно близкое къ намъ время [2]) послѣ изобрѣтенія механическихъ способовъ замораживанія (рефригераторовъ).

Такимъ образомъ тотъ фактъ, что наиболѣе выгоднымъ предметомъ вывоза изъ Австраліи была долгое время шерсть, этотъ фактъ является основной причиной особаго характера развитія сельскаго хозяйства и землевладѣнія въ Австраліи и отчасти также и извѣстнаго намъ единственнаго въ своемъ родѣ распредѣленія населенія въ этой части свѣта между городомъ и деревней.

Однако, торжество демократическихъ принциповъ, которое, какъ мы знаемъ, проявлялось все съ большей и большей рѣзкостью въ политическомъ строѣ австралійскихъ колоній—нынѣ штатовъ—не могло, конечно, не выразиться и въ сферѣ земельнаго законодательства, тѣмъ болѣе, что истощеніе золотыхъ рудниковъ поставило австралійскія власти лицомъ къ лицу съ необходимостью, если не доставить прямо, то по крайней мѣрѣ облегчить массѣ пришлаго населенія нахожденіе какого-нибудь иного способа приложенія своихъ силъ, какого-нибудь иного источника заработка, кромѣ исканія въ землѣ золота.

Этимъ открывается эра новаго направленія земельной политики, выражающейся въ стремленіи создать классъ мелкихъ фермеровъ или крестьянъ-собственниковъ. Однако, эта политика встрѣчала и встрѣчаетъ до сихъ поръ трудно преодолимое препятствіе въ томъ, что масса земли уже отчуждена въ частное владѣніе и притомъ земли, наиболѣе удобной по своей близости къ городскимъ поселеніямъ или къ линіямъ желѣзнодорожныхъ сообщеній.

Не имѣя возможности излагать здѣсь послѣдовательнаго развитіе этого новаго направленія земельной политики въ Австраліи, мы ограничимся только тѣмъ, что дадимъ общую характеристику

---

[1]) См. объ этомъ книгу италіанскаго ученаго Уго Роббено—„Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ“. Спб. 1903 г.

[2]) Первая серьезная попытка по доставкѣ мяса изъ Австраліи (собственно изъ Н. Зеландіи) была произведена въ 1882 г. Пароходъ «Dunedin» перевезъ 4000 бараньихъ и 600 ягнячьихъ тушъ въ замороженномъ видѣ. Эти барашки на лондонскомъ рынкѣ понравились и были быстро раскуплены. См. Н. А. Крюковъ. «Австралія». 1906. Стр. 332.

современной земельной политики одной изъ самыхъ прогрессивныя части Австралазіи—колоніи Н. Зеландіи. Дѣло въ томъ, что принциповъ, положенныхъ въ основу земельной политики въ Н. Зеландіи, держатся, вообще говоря, и штаты Австралійской Федераціи, причемъ, уступая въ общемъ въ отношеніи прогрессивности или демократизма тенденцій навозеландскому земельному законодательству, аграрное законодательство континентальной Австраліи по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ идетъ даже далѣе Н. Зеландіи, какъ это отчасти и будетъ указано ниже.

VI.

Аграрное законодательство въ Нов. Зеландіи.—Общая постановка аграрнаго вопроса въ Австраліи: идеалы и дѣйствительность.

Торжество радикальныхъ стремленій въ Н. Зеландіи, выразившееся первоначально въ принятіи принципа всеобщей подачи голосовъ, въ послѣдущемъ распространеніи того же принципа на женщинъ и въ другихъ реформахъ политическаго и соціальнаго характера, можетъ быть, наиболѣе рѣзко сказалось въ новѣйшемъ земельномъ законодательствѣ Нов. Зеландіи [1]).

Продажей государственныхъ земель въ Н. Зеландіи (какъ и въ другихъ частяхъ Австралазіи) завѣдуетъ особое министерство, глава котораго занимаетъ видное положеніе въ кабинетѣ министровъ, нерѣдко эту обязанность беретъ на себя первый министръ. Министръ имѣетъ въ качествѣ помощника постояннаго секретаря министерства; эту должность въ Нов. Зеландіи уже давно занимаетъ Перси Смитъ. Такъ какъ постоянный секретарь, оставаясь на своемъ посту при всѣхъ смѣнахъ политическихъ партій, долженъ, конечно, хорошо знать не только земельные законы своей колоніи, но и характеръ ихъ примѣненія на практикѣ, то мы считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ привести здѣсь самыя существенныя части статьи Перси Смита—„Земельное законодательство Н. Зеландіи"—статьи, которая печатается въ ежегодно выходящемъ изданіи „New Zealand Official Jearbook".

„Земельное законодательство Н. Зеландіи,—пишетъ Смитъ,—нормируется такъ называемымъ Land Act'омъ 1892 г., къ которому впослѣдствіи были сдѣланы въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыя поправки и дополненія".

Вотъ какъ Смитъ резюмируетъ эти законы:

„Государственныя земли раздѣляются на три разряда.

---

1) Начало настоящей главы въ главныхъ своихъ чертахъ заимствовано нами изъ нашего же труда «Передовая демократія современнаго міра», причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нами сдѣланы поправки и дополненія.

1) Земли въ предѣлахъ городскихъ и сельскихъ поселеній. Такія земли могутъ быть продаваемы только съ аукціона: городская не дешевле 200, а сельская—30 руб. за акръ (0,38 десятины).

2) Земли подгородныя. Они также продаются только съ аукціона и не дешевле 20 руб. за акръ".

Прерывая на время нашу цитату, считаемъ необходимымъ сказать, что въ опредѣленіи минимальной цѣны и въ особенности въ требованіи, чтобы земельные участки указанныхъ двухъ категорій продавались всегда съ аукціона, слѣдуетъ видѣть стремленіе предупредить злоупотребленія, которыя здѣсь весьма возможны, а также желаніе обезпечить казнѣ, т. е. (это по крайней мѣрѣ вполнѣ справедливо по отношенію къ Н. Зеландіи), въ сущности, всему народу полную рыночную цѣнность земель, находящихся въ наиболѣе заселенной части колоніи. Быстрый ростъ цѣны на такого рода земли зависитъ отъ условій, создаваемыхъ трудомъ и энергіей всего народа, которому, поэтому, должны принадлежать и всѣ выгоды, проистекающія отъ поднятія земельныхъ цѣнъ. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что задача правительства Н. Зеландіи отнюдь не заключается въ томъ, чтобы продать возможно болѣе казенныхъ земель, а въ томъ, чтобы извѣстнымъ направленіемъ всего земельнаго законодательства содѣйствовать заселенію безлюдныхъ областей и вообще лучшему эксплоатированію природныхъ богатствъ колоніи. Справедливость этого станетъ особенно ясной для читателя, когда мы перейдемъ къ характеристикѣ условій отчужденія третьей категоріи государственныхъ земель Австраліи, къ каковой категоріи относятся (мы продолжаемъ цитировать статьи Смита)

3) Сельскія земли.

„Эти земли въ свою очередь раздѣляются на два разряда: первоклассныя, которыя не могутъ быть продаваемы дешевле 10 рубл., и второклассныя, которыя не могутъ быть продаваемы дешевле 2 р. 50 к. за акръ. И тѣ и другія могутъ быть продаваемы и сдаваемы въ аренду по записи (by application) и съ аукціона", причемъ—мы позволимъ себѣ добавить къ этимъ словамъ Смита—законъ грозитъ весьма суровыми наказаніями за всякаго рода сговоры и стачки, имѣющія цѣлью не допускать поднятія цѣны при аукціонной продажѣ государственныхъ земель.

„Ни одинъ сельскій участокъ, будутъ ли его продавать по записи или съ аукціона, не можетъ имѣть болѣе 640 акръ, если онъ отнесенъ по качеству къ первому классу, и 2000 акровъ, если онъ отнесенъ ко второму классу. Никто не можетъ купить первоклассной казенной земли болѣе 640 акровъ, второклассной болѣе 2000 акровъ, *включая и ту землю, которой покупатель уже владѣетъ во время заключенія сдѣлки*".

„Всѣ, записавшіеся въ одинъ день, считаются записавшимися

одновременно; если окажется нѣсколько лицъ, желающихъ купить одинъ и тотъ же участокъ, то преимущественное право опредѣляется жребіемъ".

„О срокѣ, съ котораго можно записываться на подлежащіе продажѣ участки, публикуется заблаговременно, причемъ отъ записавшихся зависитъ пріобрѣсти землю однимъ изъ слѣдующихъ способовъ".

„1. *Въ полную собственность на наличныя деньги.* При такой покупкѣ одна пятая уплачивается при записи, остальныя въ теченіе мѣсяца. Однако, окончательное утвержденіе въ правѣ полной собственности на пріобрѣтенный участокъ можетъ состояться только тогда, когда лицо, купившее участокъ, произведетъ въ немъ разнаго рода улучшенія, причемъ эти улучшенія должны быть сдѣланы въ теченіе не болѣе, какъ семи лѣтъ, и составить стоимость не менѣе (въ среднемъ), какъ 10 руб. на акръ первоклассной и 5 р. на акръ второклассной земли".

Иными словами, человѣкъ, купившій участокъ первоклассной земли (по 10 р. за акръ), долженъ затратить на работы по улучшенію участка сумму вдвое больше той, какая была имъ затрачена на самую покупку. Едва ли нужно объяснять, что это требованіе вызывается желаніемъ правительства Н. Зеландіи предупредить по возможности спекулятивную скупку земли любителями легкой наживы.

Подъ „улучшеніями" (improvements) какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующихъ статьяхъ, законъ разумѣетъ такія работы, какъ осушеніе болотъ, расчистка лѣсовъ, посадка деревьевъ, разведеніе садовъ, дренированье почвы, проведеніе дорогъ, устройство колодцевъ и т. п.,—однимъ словомъ, всякія работы, которыя могутъ поднять плодородіе почвы, а также и всякія хозяйственныя постройки.

„2. *На условіи срочной аренды.* Записавшійся на участокъ земли можетъ взять его въ аренду на 25 лѣтъ, причемъ по истеченіи десяти лѣтъ арендаторъ можетъ во всякое время, если только онъ удовлетворитъ всѣмъ указываемымъ ниже условіямъ относительно жительства на участкѣ и производства необходимаго минимума улучшеній, купить арендуемый участокъ, внеся полностью установленную для этого участка цѣну (т. е. въ зависимости отъ класса участка). Арендатору принадлежитъ также право вмѣсто покупки обмѣнить свою срочную аренду на аренду вѣчную" (см. ниже).

„При срочной арендѣ ежегодная арендная плата составляетъ 5% продажной цѣны участка, причемъ арендаторъ обязанъ жить въ своемъ участкѣ и произвести въ немъ извѣстныя улучшенія" (см. ниже).

„3. *На условіи вѣчной аренды.* Землю по записи можно пріобрѣсти въ аренду на 999 лѣтъ или, какъ принято говорить,

въ „вѣчную“ аренду. При такой арендѣ арендная плата составляетъ 4% продажной цѣны участка, причемъ арендаторъ никогда не можетъ пріобрѣсти снимаемаго имъ участка въ полную собственность“.

Условія относительно жительства и земляныхъ улучшеній при обоихъ послѣднихъ родахъ аренды таковы:

„Арендаторъ долженъ поселиться на участкѣ не позже, какъ черезъ 4 года послѣ начала аренды, если земля покрыта болотами и лѣсами, и не позже, какъ черезъ годъ, если участокъ представляетъ собой удобную или только частью неудобную землю. При срочной арендѣ для окончательнаго признанія ея дѣйствительности арендаторъ долженъ прожить на своемъ участкѣ не менѣе шести лѣтъ подъ рядъ, и при вѣчной арендѣ—не менѣе десяти лѣтъ подъ рядъ“.

На участкахъ, взятыхъ въ вѣчную или срочную аренду, должны быть производимы изъ года въ годъ (по крайней мѣрѣ первое время) разнаго рода улучшительныя или, какъ у насъ говорятъ, меліоративныя работы, причемъ законъ даже устанавливаетъ минимумъ цѣнности этихъ работъ.

Таковы важнѣйшія условія, регулирующія въ настоящее время пріобрѣтеніе казенныхъ земель въ Н. Зеландіи. Каковъ же общій ихъ смыслъ и значеніе? Если мы обратимся опять къ статьѣ Смита, постояннаго секретаря министерства государственныхъ имуществъ, то мы тамъ прочтемъ по этому поводу слѣдующее:

„Основные принципы нашего земельнаго законодательства слѣдуетъ разсматривать, какъ выраженіе нѣкоторыхъ теченій общественной жизни, медленно назрѣвавшихъ въ колоніи и сравнительно недавно принявшихъ окончательную форму. Наиболѣе существенной отличительной чертой нашего аграрнаго законодательства надо признать стремленіе *оставлять за государствомъ право собственности на землю* и предоставлять *вѣчную аренду* лицу, занимающему фактически тотъ или иной участокъ. Въ Н. Зеландіи это стремленіе государства оставлять за собой право собственности на землю получило болѣе сильное выраженіе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой части Австраліи. Самый срокъ аренды у насъ въ то же время настолько великъ, что эта аренда обыкновенно называется вѣчной. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время государственныя земли *большей частью* сдаются въ аренду на 999 лѣтъ. Арендная плата опредѣляется оцѣночной стоимостью земельнаго участка во время продажи и не подлежитъ дальнѣйшимъ увеличеніямъ или переоцѣнкѣ. При такихъ условіяхъ аренда имѣетъ почти такія же удобства, какъ и право собственности, такъ какъ арендуемую землю можно продавать, закладывать, завѣщать и т. д.“ [1]).

---

[1]) Статья Смита помѣщается съ небольшими изъ года въ годъ из-

Къ этимъ словамъ Смита слѣдуетъ, однако, прибавить, что передача арендованной земли другому лицу можетъ состояться лишь съ согласія т. наз. земельнаго комитета (Land Board), представляющаго собой мѣстное агентство министерства государственныхъ имуществъ (земель). Такое согласіе дается лишь въ томъ случаѣ, если новый арендаторъ удовлетворяетъ тѣмъ же общимъ условіямъ, какъ и лицо, передающее аренду, т. е., если онъ не состоитъ уже собственникомъ или арендаторомъ такого земельнаго участка, который вмѣстѣ съ новымъ участкомъ превысилъ бы установленную закономъ предѣльную норму. Равнымъ образомъ отъ новаго арендатора требуется соблюденіе знакомыхъ намъ условій относительно жительства на участкѣ и т. д.

Изо всего этого видно, что сохраненіе за государствомъ права собственности при сдачѣ земли въ „вѣчную аренду" не представляетъ пустой фикціи, а составляетъ весьма важное въ общественномъ отношеніи право, позволяющее правительству предупреждать извращеніе основныхъ цѣлей закона.

Замѣтимъ, кстати, что и въ другихъ колоніяхъ—нынѣ штатахъ—Австраліи мы найдемъ аналогичное земельное законодательство съ тѣми же заботами о томъ, чтобы земля попадала въ руки лицъ, которымъ она нужна не для спекуляціи и не для закругленія латифундій, а для приложенія своихъ личныхъ силъ къ сельско-хозяйственному труду. Даже институтъ вѣчной аренды не составляетъ болѣе особенности Н. Зеландіи, такъ какъ онъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями принятъ въ Викторіи и Южной Австраліи [1]).

Продолжаемъ цитировать статьи Смита.

„Такъ какъ всѣ земли въ Н. Заландіи, не исключая тѣхъ, которыя сданы въ вѣчную аренду, подлежатъ поземельному налогу, то этимъ самымъ устраняется необходимость въ періодической оцѣнкѣ арендованной земли для возвышенія арендной платы, такъ какъ государство имѣетъ возможность брать въ свою пользу часть „незаработаннаго прироста" цѣнности [2]) земли путемъ поземельнаго налога".

Можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей не будетъ лишнимъ объяснить, что незаработаннымъ или „незаслуженнымъ" приростомъ цѣнности называется такой приростъ, ко-

---

мѣненіями въ оффиціальномъ изданіи правительства Н. Зеландіи—«New Zealand Official Jearbook», откуда мы ее и заимствуемъ.

1) См. T. Coghlan. A Statistical Account of Australia and New-Zeland. 1904. Статья: Land and Gettlement. См. также W. P. Reeves. State Experiments, vol. I, 240 и слѣд.

2) Uncarned increment. Надо сказать, что при опредѣленіи цѣнности земли въ цѣляхъ взиманія поземельнаго налога не принимается во вниманіе увеличеніе цѣнности участка, которое явилось результатомъ затратъ арендатора на разнаго рода улучшенія.

торый никакъ нельзя приписать затратамъ или работѣ того именно лица, которому принадлежитъ возвысившаяся въ своей цѣнности собственность. Такъ, напр., проведеніе желѣзной дороги или постройка моста поднимаетъ сразу цѣнность ближайшихъ земельныхъ участковъ. Въ такомъ же смыслѣ вліяютъ всякія вообще улучшенія путей сообщенія, даже простое увеличеніе населенія и т. п. Элементарная справедливость требуетъ, чтобы общество, за счетъ котораго производится всегда указаннаго рода сооруженія, воспользовалось, если не всей, то по крайней мѣрѣ частью того прироста цѣнности, который составляетъ прямой результатъ этихъ сооруженій или затратъ.

Вотъ почему, когда въ парламентѣ Н. Зеландіи обсуждали проектъ вѣчной аренды государственныхъ земель, радикальная партія настаивала на томъ, чтобы плата за арендуемыя государственныя земли подвергалась періодическому пересмотру и повышалась въ той мѣрѣ, въ какой возрастаетъ цѣнность земли, которая не можетъ быть приписана затратамъ или трудамъ арендатора.

Хотя этому желанію радикаловъ не суждено было осуществиться, та же цѣль была въ извѣстной мѣрѣ достигнута т. наз. земельнымъ налогомъ. Не останавливаясь на детальной характеристикѣ этого налога, скажемъ лишь, что отъ него *освобождены* всѣ лица, земельныя владѣнія которыхъ—собственныя или арендуемыя у государства—имѣютъ цѣну ниже 5000 руб. Лица, владѣющія болѣе цѣнной собственностью, уплачиваютъ поземельный налогъ, который прегрессивно увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности земельнаго угодья, причемъ землевладѣльцы, не живущіе въ колоніи, платятъ, сверхъ того, небольшой дополнительный налогъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ по этому поводу авторъ ряда трудовъ объ Австраліи и Н. Зеландіи Puhu [1]),—что прогрессивный поземельный налогъ былъ введенъ не потому главнымъ образомъ, что прогрессивностью достигается нѣкоторое равенство жертвы плательщиковъ налога для общества,—хотя этотъ мотивъ имѣлъ, конечно, свою долю вліянія,—но потому преимущественно, что этотъ законъ можетъ лишь содѣйствовать дробленію крупныхъ помѣстій, собственники которыхъ выиграли такъ много отъ громадныхъ государственныхъ затратъ, имѣвшихъ цѣлью поднятіе производительныхъ силъ колоніи, затратъ, произведенныхъ правительствомъ Н. Зеландіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ“.

Замѣтивъ, что аналогичный поземельный налогъ (иногда съ надбавкой въ 20% для живущихъ внѣ штата землевладѣльцевъ)

---

[1]) См. его книгу „The Long white Cloud“, которой мы, между прочимъ, пользовались при составленіи своего труда „Передовая демократія современнаго міра“.

существуетъ и во всѣхъ штатахъ Австралійской Федераціи, кромѣ Зап. Австраліи [1]), мы будемъ опять продолжать наши цитаты изъ статьи постояннаго секретаря министерства госуд. земель въ Н. Зеландіи. „Удобства т. наз. личной аренды очевидны,—говоритъ Смитъ.—Если принять въ соображеніе, что за немногими исключеніями государственныя земли въ своемъ первобытномъ состояніи не могутъ ничего производить, пока они не были подвергнуты тщательной обработкѣ, то сейчасъ же становится ясно, какъ важно будущему поселенцу затратить имѣющіяся у него денежныя средства не на пріобрѣтеніе земли въ свою полную собственность, а на разработку избраннаго участка и на необходимыя постройки. Это, конечно, особенно важно для бѣднаго человѣка, который, имѣя почти только тотъ капиталъ, который представляютъ собой его здоровыя руки, оказывается все-таки въ состояніи [2]) обзавестись домомъ и хозяйствомъ, что было бы для него совершенно невозможно при системѣ продажи государственныхъ земель въ полную собственность" (т. е. на наличныя деньги).

„Цѣны, назначаемыя правительствомъ на продаваемыя земли, вообще говоря, очень дешевыя, такъ какъ правительство стремится не столько къ тому, чтобы имѣть отъ продажи возможно большій доходъ, сколько къ тому, чтобы всячески содѣйствовать обработкѣ возможно большаго числа земельныхъ участковъ. Однимъ изъ косвенныхъ результатовъ такой политики можно считать, конечно, увеличеніе доходовъ колоніи, не говоря уже о другихъ преимуществахъ, которыя даетъ колоніи значительный ростъ сельскаго населенія".

„Вообще говоря, все земельное законодательство Н. Зеландіи проникнуто принципомъ: „земля для народа", что наиболѣе ясно выражается въ установленіи предѣльныхъ нормъ земельныхъ участковъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы отъ государства въ однѣ руки. Къ такому принципу законодательное собраніе Н. Зеландіи было приведено сознаніемъ вредныхъ послѣдствій прежнихъ системъ отчужденія казенныхъ земель, при которыхъ человѣкъ съ деньгами могъ скупить огромные участки въ ущербъ своимъ болѣе бѣднымъ согражданамъ. При теперешней системѣ продажныя цѣны участковъ устанавливаются заранѣе, выборъ же между лицами, записавшимися одновременно, происходитъ по жребію. Это ставитъ въ одинаковыя условія въ отношеніи пріобрѣтенія земельныхъ участковъ бѣдныхъ и богатыхъ людей".

„Количество земли, которое можно пріобрѣсти по записи, установлено съ такимъ расчетомъ, чтобы содѣйствовать увеличе-

---

1) См. цитированное изданіе Coghlan'a.

2) Вспомнимъ почти номинальную цѣну казенныхъ земель въ сельскихъ округахъ (*П. М.*).

нію класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, въ границахъ же, установленныхъ закономъ, всякій можетъ пріобрѣсти столько земли, сколько ему нужно. Крайній размѣръ покупного участка первоклассной земли, какъ было сказано выше, составляетъ 640 акровъ (около 250 десят.) и второклассной 2000 акровъ (около 750 десят.), включая сюда и ту землю, которой уже владѣетъ или которую арендуетъ записавшійся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, когда министерство находитъ это желательнымъ, *максимальныя* нормы могутъ быть подвергаемы значительнымъ *сокращеніямъ*".

Для того, чтобы характеризовать практическое примѣненіе только-что изложеннаго аграрнаго законодательства, приведетъ данныя, относящіяся къ одному изъ близкихъ къ намъ годовъ (31 марта 1903—31 марта 1904), данныя, показывающія, какъ были пріобрѣтены тѣ государственныя земли, въ способѣ покупки которыхъ предоставленъ полный просторъ записывающимся.

1) На наличныя деньги въ полную собственность 435 участковъ, занимающіе въ общемъ 22,481 акр.

2) На условіяхъ срочной аренды съ правомъ выкупа (и съ правомъ перевода въ вѣчную аренду) 894 участка, занимающіе въ общемъ 194,515 акровъ.

3) Въ вѣчную аренду 402 участка, составившіе въ общемъ 146,953 акр.

Мы встрѣтили бы подобныя цифры—съ довольно значительными, впрочемъ, колебаніями,—если бы разсмотрѣли данныя за послѣднія 10 лѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ, но не всегда, наиболѣе популярной оказывается система т. наз. „вѣчной аренды", иногда перевѣсъ беретъ срочная аренда и съ правомъ выкупа въ полную собственность [1]).

Таковы законы, нормирующіе пріобрѣтеніе государственной земли, годной для обработки. Аграрное законодательство Н. Зеландіи оказало большое вліяніе на другія колоніи (штаты) Австраліи, которыя стали подражать въ большей или меньшей мѣрѣ принципамъ новой зеландской земельной политики, идя, впрочемъ, иногда даже дальше своего оригинала въ томъ или иномъ отношеніи. Пока въ Нов. Южномъ Валлисѣ даже для дѣйствительности покупки государственной земли на наличныя деньги требуется не только производство исключительныхъ работъ, но и жительство въ теченіе извѣстнаго времени на купленномъ участкѣ.

Задаваясь благою цѣлью надѣлить землей главную массу населенія и притомъ на возможно болѣе льготныхъ условіяхъ, правительство Н. Зеландіи стало встрѣчать, наконецъ, непреодо-

---

[1]) См. по этому поводу ежегодникъ „New-Zealand Official Jearbook" (напр., за 1904 г., стр. 459).

димое препятствіе въ недостаткѣ государственныхъ земель, особенно такихъ, которыя были бы расположены не въ очень глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Неизбѣжность возникновенія такого рода препятствія тѣмъ болѣе понятна, что въ прежнее время, какъ мы знаемъ, не было никакихъ предѣльныхъ нормъ для продажи земли въ однѣ руки, чѣмъ многіе воспользовались, скупая по дешевой цѣнѣ огромные земельные участки въ ожиданіи несомнѣннаго и быстраго роста ихъ цѣнности. Съ теченіемъ времени лучшія изъ казенныхъ земель перешли такимъ образомъ въ частныя руки, и колонія приняла характеръ далеко отстоящихъ одно отъ другого земледѣльческихъ поселковъ, напоминающихъ наши деревни; поселковъ, отдѣляемыхъ обширными имѣніями съ многочисленными стадами овецъ; обыкновенно въ этихъ имѣніяхъ можно найти только управляющаго и нѣсколько пастуховъ [1]). Между тѣмъ колонисты настойчиво требовали, чтобы имъ и ихъ дѣтямъ дана была возможность заселить и подвергнуть замледѣльческой обработкѣ часть этихъ обширныхъ имѣній вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ забираться въ далекія, малодоступныя мѣста—часто безъ желѣзныхъ или какихъ-либо иныхъ дорогъ. Имѣя въ виду успѣшное разрѣшеніе такого рода затрудненій, тогдашній министръ государственныхъ земель Джонъ Макъ Кензи внесъ въ 1892 г. на разсмотрѣніе парламента „законопроектъ о пріобрѣтеніи частныхъ земель въ цѣляхъ ихъ заселенія“ (Land for Settlements B. И.). Законопроектъ былъ принятъ и впослѣдствіи подвергся нѣкоторымъ частичнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

Итакъ, въ Н. Зеландіи уже довольно давно имѣется законъ, разрѣшающій правительству покупать земли у частныхъ лицъ и затѣмъ распродавать ее по мелкимъ участкамъ. Законъ не остался только на бумагѣ, правительство имъ воспользовалось, купило нѣсколько большихъ имѣній, раздѣлило ихъ на участки въ вѣчную аренду съ такимъ разсчетомъ, чтобы арендная плата составляла 5% съ капитала, образуемаго изъ стоимости покупки съ затратами на размежеваніе участковъ, проведеніе дороги и т. п. Въ концѣ 90-ыхъ годовъ правительству для этой цѣли отпускался ежегодно кредитъ до 5 милліоновъ рублей.

Но вѣдь это еще не можетъ рѣшить поставленнаго выше вопроса: у правительства можетъ быть доброе желаніе купить землю и необходимыя деньги, но лица, успѣвшія скупить наиболѣе удобныя земли, могутъ не пожелать съ ними разставаться и притомъ по весьма различнымъ соображеніямъ и даже по про-

---

1) „Считается, что въ хорошо организованной экономіи (въ Австраліи говорятъ: „station.“ *П. М.*) на 7500 овецъ приходится одинъ рабочій, изъ чего видно, что при скотоводческомъ хозяйствѣ постоянную работу находятъ весьма немногіе“. См. Baley. Australian Life in Town and Country. 1905, p. 17.

стому упрямству. Какъ тутъ быть? Вотъ что мы читаемъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ статьѣ того же постояннаго секретаря министерства государственныхъ земель:

„Въ 1894 г. въ земельное законодательство Н. Зеландіи вошелъ новый принципъ—предоставленіе правительству права принудительнаго отчужденія крупныхъ имѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ состояться добровольнаго соглашенія съ владѣльцемъ земли относительно цѣны и прочихъ условій продажи и когда по рѣшенію совѣта министровъ пріобрѣтеніе имѣнія въ цѣляхъ продажи его по частямъ признается желательнымъ. Размѣръ вознагражденія, выдаваемаго собственнику, опредѣляется особымъ судомъ, состоящимъ изъ одного члена верховнаго суда колоніи и двухъ товарищей, изъ которыхъ одного назначаетъ правительство, другого выбираетъ собственникъ имѣнія. До сихъ поръ [1]) было, однако, только пять случаевъ принудительнаго отчужденія имѣній, правительство во всякомъ случаѣ очень удачно распорядилось ими для распродажи мелкими участками".

„Послѣдніе законы, облегчающіе пріобрѣтеніе земель въ заселенныхъ мѣстностяхъ, оказались очень благотворными въ соціальныхъ отношеніяхъ, такъ какъ благодаря имъ получили возможность обзавестись домомъ и хозяйствомъ значительное число небогатыхъ людей, которые вслѣдствіе своей непригодности къ работѣ піонеровъ не могутъ воспользоваться разными льготами для покупки государственныхъ земель, продаваемыхъ участками на новыхъ мѣстахъ".

„Кромѣ того, такъ какъ крупныя имѣнія, пріобрѣтаемыя правительствомъ согласно этимъ законамъ, еще до этой покупки подверглись въ большей или меньшей мѣрѣ культурной обработкѣ, то, повидимому, продажа образованныхъ изъ нихъ участковъ облегчаетъ переселенцамъ изъ Стараго Свѣта пріобрѣтеніе подходящей для нихъ земли. Эти фермеры и крестьяне получаютъ такимъ образомъ возможность примѣнять свои знанія, вынесенныя изъ прежняго опыта, вмѣсто того, чтобы цѣной новаго—иногда очень горькаго—опыта знакомиться съ пріемами хозяйства, пригодными для малонаселенныхъ, дикихъ мѣстъ".

Однако, и на этомъ не останавливаются заботы правительства Н. Зеландіи о нуждахъ главной массы населенія колоніи. Извѣстно, какъ трудно примирить одну изъ характерныхъ явленій нашего времени—стремленіе населенія сосредоточиваться въ крупныхъ городскихъ центрахъ—съ желательностью предоставленія всѣмъ—и въ томъ числѣ рабочему люду—возможности имѣть просторное и гигіеническое жилище. Въ Н. Зеландіи,

---

[1]) По даннымъ New-Zealand Official Jearbook 1904 (выходитъ въ концѣ года).

какъ и вообще во всѣхъ англо-саксонскихъ странахъ, нормальнымъ признается, какъ извѣстно, только такой порядокъ, когда каждая семья—не исключая и семьи рабочаго—имѣетъ отдѣльный небольшой домъ. Правительство Н. Зеландіи позаботилось и объ удовлетвореніи этой потребности рабочаго класса, не ставя столь важнаго фактора благополучія городскихъ рабочихъ въ зависимость отъ случайностей частной предпріимчивости жителей.

„Законъ Н. Зеландіи,—читаемъ мы въ оффиціальномъ ежегодникѣ этой колоніи,—позволяетъ также отчуждать принудительно—для послѣдующей перепродажи рабочимъ подъ дома—земельные участки, находящіеся въ городахъ, имѣющихъ 15,000 жителей и болѣе, равно какъ и въ окрестностяхъ этихъ городовъ въ предѣлахъ радіуса въ 15 миль (23 версты) отъ границъ города".

Мы далеко не исчерпали всѣхъ тѣхъ законовъ Н. Зеландіи [1]), которые имѣютъ своей цѣлью облегчить пріобрѣтеніе поземельныхъ участковъ въ собственность или въ вѣчную аренду всѣмъ, кто можетъ въ этомъ нуждаться для сниканія себѣ средствъ къ жизни путемъ земледѣльческой работы, или для того, чтобы имѣть небольшую усадьбу, т. е. домъ съ садомъ, огородомъ, небольшой лужайкой для дѣтскихъ игръ и т. п. Русскому человѣку не слѣдуетъ забывать, что въ англо-саксонскихъ странахъ люди, живя круглый годъ въ городахъ, пользуются тамъ нерѣдко гораздо болѣе просторными помѣщеніями, чѣмъ мы, когда живемъ лѣтомъ въ т. наз. дачныхъ мѣстахъ, находящихся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашими столицами...

Хотя мы говорили до сихъ поръ по преимуществу о Н. Зеландіи, однако, наша характеристика аграрнаго законодательства этой колоніи въ общемъ болѣе или менѣе справедлива и по отношенію къ большинству штатовъ Австрійской Федераціи. Не беря на себя смѣлость резюмировать земельное законодательство всѣхъ частей Австралазіи, мы считаемъ болѣе умѣстнымъ заимствовать такое резюме изъ цитированнаго выше труда извѣстнаго австралійскаго статистики Коглана. Вотъ что онъ говорить въ заключеніе систематическаго изложенія аграрнаго законодательства всѣхъ штатовъ Австрійской Федераціи и колоніи Н. Зеландіи:

„Подробныя свѣдѣнія, приведенныя на предшествовавшихъ страницахъ, доказываютъ съ полной очевидностью, что главная цѣль австралійскаго аграрнаго законодательства, какъ ни различны внѣшнія формы выраженія этого законодательства, заключалась въ стремленіи посадить на государственную землю трудящіеся массы населенія, чтобы они, направляя свою работу на участки

[1]) См. цитированное выше наше сочиненіе о Новой Зеландіи („Передовая демократія" и т. д.), или „New-Zealand Official Jearbook" за послѣдніе годы.

умѣреннаго размѣра, могли бы въ полной мѣрѣ эксплоатировать природныя богатства страны. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда характеръ почвы не благопріятствуетъ чисто-земледѣльческому или смѣшанному хозяйству (ogricultural occupation or mixed farming), законодательство задавалось цѣлью облегчить арендованіе государствённыхъ земель большими участками для овцеводства. Правительство полагало, что при послѣдней системѣ хозяйства обширныя пространства, которыя на первый взглядъ казались мало пригодными даже для пастбищъ, могутъ въ концѣ концовъ оказаться пригодными и для земледѣльческой культуры".

„Законодателямъ пока удалось лишь въ очень малой степени достичь первой своей цѣли, т. е. создать значительный классъ крестьянъ-собственниковъ, что будетъ видно по приводимымъ ниже статистическимъ даннымъ. Что же касается насажденія скотоводства, то слѣдуетъ признать, что эта цѣль была вполнѣ достигнута: огромныя пространства, которыя даже по мнѣнію опытныхъ въ этомъ отношеніи людей считались негодными иногда пустынями, съ теченіемъ времени были заняты многочисленными стадами; такимъ образомъ то, на что прежде смотрѣли, какъ на австралійскую пустыню, отходитъ все далѣе и далѣе во внутрь материка".

„Слѣдующая таблица показываетъ площадь земли, отчужденной въ каждой части Австраліи въ частныя руки, площадь земли, сданной въ аренду, и, наконецъ, площадь земли, которая осталась не отчужденной и не сданной въ аренду. Терминъ „отчужденной" употребляется для того, чтобы заключить въ одну категорію какъ проданныя земли, такъ и земли пожалованныя. (Какъ мы знаемъ, „пожалованіе земель" широко практиковалось въ первый періодъ колонизиции Австраліи. *П. М.*) Данныя относятся къ концу 1903 г. Какъ видно изъ этихъ данныхъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Австраліи уже не малая часть государственныхъ земель отчуждена однимъ изъ указанныхъ выше способовъ".

Штаты (state).	Площадь.	Площадь отчужден. или въ процессѣ отчужден.	Площадь, сданная въ аренду.	Площадь, не отчужден. и не сдан. въ аренду.
	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.
Новый Ю. Валлисъ	198,848,000	48,852,000	127,902,000	22,095,000
Викторія	56,246,000	24,526,000	9.516,000	22,203,000
Куинслэндъ. . . .	427,838,000	16,991,000	277,569.000	133,278,000
Юж. Австралія . . .	578.362,000	14,149,000	189,532,000	377,680,000
Тасманія	16,778,000	5,040,000	1,582,000	10,156,000
Австр. Федерація . .	1,903,660,000	120,107.000	741,780,000	1,040,774,000
Нов. Зеландія	66,861,000	23,858,000	16,649,000	26,355,000
Австралазія	1,969,522,000	143,964,000	758,428,000	1,067,129,000

Вотъ тѣ же данныя, если представить ихъ въ формѣ процентнаго отношенія ко всей площади земли каждой отдѣльной части Австраліи.

ШТАТЫ.	Площадь отчужден. земель или въ процессѣ отчужденія.	Земли, сданныя въ аренду.	Земли, не отчужден. и не сдан. въ аренду.
	%	%	%
Н. Ю. Валлисъ	25	64	11
Викторія	44	17	39
Куинслэндъ	4	65	31
Ю. Австралія	2 (2½)	33	65
Зап. Австралія	2 (1,7)	22	77
Тасманія	30	9	61
Австр. Федерація	6	39	55
Н. Зеландія	36	25	39
Австралазія	7	39	54

„Данныя, заключающіяся въ приведенныхъ таблицахъ, даютъ много основанія, чтобы быть ими довольными. Изъ почти двухъ милліардовъ акровъ, которые составляютъ площадь Австралійской Федераціи, 862, милліона или, 45%, т. е. почти половина, такъ или иначе утилизируется. Если принять во вниманіе поверхность всей Австраліи, то окажется, что производитель не утилизируется даже немного больше, а именно 46%. Кромѣ того, есть основаніе думать, что производительно эксплоатируемая площадь Австралазіи значительно увеличится въ самомъ близкомъ будущемъ".

„Въ Н. Юж. Валлисѣ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, земель, не приносящихъ странѣ никакого дохода—22 милліона акровъ изъ почти 200 мил., причемъ значительную часть этихъ 22 мил. акровъ составляютъ земли, которыя государство не желаетъ отчуждать, такъ какъ онѣ оставлены подъ дороги и для разныхъ другихъ общественныхъ подобностей; сюда же относятся земли, оставленныя для организаціи земледѣльческихъ поселковъ вдоль главныхъ линій желѣзнодорожныхъ сообщеній".

„Въ Тасманіи 3/5 (61%) поверхности остаются незанятыми, но объясняется это тѣмъ, что западная часть Тасманіи такая дикая [1]) и голая, что это дѣлаетъ невозможной какую-либо культуру" (is so ragged as to forbid settlement).

„Колонизація Зап. Австраліи только недавно началась, значительная часть поверхности этого штата фактически неизвѣстна,

[1]) Островъ Тасманія очень гористый.

а та, которая извѣстна, считается мало пригодной для колонизаціи. Но вѣдь то же самое говорили съ увѣренностью относительно западной части Н. Южнаго Валлиса и Юж. Австраліи; тѣмъ не менѣе, какъ показали дальнѣйшія событія, эти предсказанія были неосновательны. Въ Юж. Австраліи, считая съ сѣверной территоріей [1]), занято пока немного болѣе трети (35%) всѣхъ земель.

Въ Новой Зеландіи, имѣющей столь благодатный климатъ, однако, не утилизируется почти половина всей площади,—обстоятельство, объясняемое всецѣло гористымъ характеромъ этой колоніи".

„Въ большинствѣ частей Австраліи въ теченіе извѣстнаго времени практиковалась продажа земли съ аукціона безъ обязательства послѣдующаго жительства на купленномъ участкѣ. Тамъ, гдѣ земля находила вѣрный сбытъ, это легкое средство пополнять государственную казну представляло слишкомъ большое искушеніе для правительства. Результаты такой системы не заставили себя долго ждать, такъ какъ владѣтели большихъ стадъ и другіе любители скупки крупныхъ земельныхъ участковъ сумѣли воспользоваться этими продажами. Равнымъ образомъ они сумѣли хорошо воспользоваться той легкостью, съ которой законъ позволялъ перепродажу земель, купленныхъ на извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ въ Австраліи появились крупныя поземельныя имѣнія, вопреки яснымъ стремленіямъ законодательства. Впрочемъ, если законодательство въ этомъ отношеніи было неуспѣшно, то въ другихъ отношеніяхъ оно приносило большую пользу, какъ это будетъ видно изъ послѣдующей таблицы и изъ другихъ данныхъ, заключающихся въ настоящемъ изданіи".

„Жаль только, что мы располагаемъ подробными данными о результатахъ колонизаціи (settlement) только относительно трехъ штатовъ Федераціи, а именно Н. Юж. Валлиса, Зап. и Юж. Австраліи, и колоніи Новой Зеландіи; въ отношеніи Зап. Австраліи мы не имѣемъ, впрочемъ, данныхъ относительно общей (совокупной) площади фермъ или хозяйствъ (holdings) даннаго размѣра.

„Вотъ какъ распредѣляются по своему размѣру фермы или хозяйства въ разныхъ частяхъ Австралазіи" (см. слѣд. стр. [2]).

„Изъ 47,508,000 акровъ, составляющихъ совокупную площадь земель, вошедшихъ въ только-что приведенную таблицу, 43,662,000 акровъ эксплоатируются фактически ихъ собственниками, между тѣмъ какъ только около 4 мил. акровъ (3,846,000) сдаются собственниками въ аренду. Относительно Н. Зеландіи мы такими

---

[1]) Штатъ Южной Австраліи занимаетъ на самомъ дѣлѣ центральную часть материка съ юга до сѣвера. *Сѣверная* часть штата Южной Австраліи называется Сѣверной территоріей (Northern Territory). Названіе штата объясняется тѣмъ, что колонизація его началась съ крайняго юга.

[2]) Данныя о Зап. Австраліи относятся къ 1903 г., Юж. Австраліи—къ цензу 1891 г., Н. Юж. Валлиса—къ 1904 и Н. Зеландіи—къ 1903 г.

Размѣръ фермъ или хозяйствъ (holdings).	Н. Юж. Валлисъ.		Юж. Австралія.		З. Австр.	Нов. Зеландія.	
	Число фермъ	Площадь фермъ	Число фермъ	Площадь фермъ	Число фермъ	Число фермъ	Площадь фермъ.
Отъ 1 до 100 ак.	40,028	1,201,585	6,804	183,443	2,344	36,935	955,072
101 до 1000	28,016	9,830,761	10,618	4,711,060	3,054	24,234	7,844,288
1001 до 5000	4,764	9,521,468	2,394	4.623,937	713	3,003	6,195,878
5001 до 20.000	961	9,530.933	481	4,737,253	115	583	5,747.062
20,001 и больше.	359	17,422,864	58	1,974,995	42	279	15,145,147
Итого. . .	74,128	47,507,611	20,355	16,230 688	6,268	65,034	[1] 35,887,447

данными не располагаемъ. Въ Юж. Австраліи сами собственники эксплоатируютъ фактически $5^1/_2$ мил. акровъ, вдвое же большее количество земли (10,720,000 акр.) сдается собственниками въ аренду".

„Однако, наиболѣе крупнымъ фактомъ, который бросается въ глаза, когда разсматриваешь эту таблицу, слѣдуетъ считать то обстоятельство, что въ Н. Юж. Валлисѣ около половины земли, находящейся въ частной собственности, принадлежитъ 730 лицамъ и учрежденіямъ, въ Юж. Австраліи 1283 лицамъ и въ Н. Зеландіи менѣе, чѣмъ 500" [2]).

Изъ этого послѣдняго факта, равно какъ и изъ тѣхъ болѣе подробныхъ данныхъ, которыя приведены въ приведенной только-что таблицѣ, видно, что прежняя неразборчивая продажа казенныхъ земель привела въ Австраліи къ весьма нежелательнымъ результатамъ. Столь неравномѣрное распредѣленіе земельной собственности, какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ, должно было, наконецъ, обратить на себя вниманіе колонистовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ области политики получили торжество ультра-демократическіе принципы. Однимъ изъ результатовъ обостренія аграрнаго вопроса слѣдуетъ считать введеніе прогрессивнаго поземельнаго налога, цѣль котораго, какъ мы знаемъ, заключается въ содѣйствіи дробленію крупныхъ поземельныхъ владѣній.

Мы знаемъ также, что въ 90-хъ годахъ въ Н. Зеландіи и въ штатахъ Австралійской Федераціи были, кромѣ того, изданы

---

[1]) „Изъ этой таблицы видно, что указанныя здѣсь относительно Юж. Австраліи и Н. Зеландіи площади отчужденныхъ земель болѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыя показаны отчужденными въ одной изъ предшествующихъ таблицъ. Очевидно, что въ данныя относительно этихъ штатовъ вошла нѣкоторая часть арендованной государственной земли" (A Statstical Account, № 344.

[2]) Coghlan. A. Statistical Account etc, 341—344. (Заключеніе главы Land and Settlement).

разныя законодательныя мѣропріятія, нормирующія продажу государственныхъ земель въ однѣ руки. Эти мѣры совершенно не допускаютъ покупки государственныхъ земель лицами, уже обладающими сколько-нибудь значительной земельной собственностью, а, наоборотъ, всячески содѣйствуютъ земельнымъ покупкамъ людей съ недостаточной земельной собственностью или вовсе таковой не имѣющихъ. Только что приведенныя данныя въ достаточной мѣрѣ объясняютъ и, намъ кажется, вполнѣ оправдываютъ даже и столь смѣлый въ принципіальномъ отношеніи шагъ правительства Н. Зеландіи, какъ принудительное отчужденіе болѣе крупныхъ имѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда таковое отчужденіе оказывается необходимымъ для благополучія главной массы населенія того или иного района.

Мы знаемъ, наконецъ, что раскаяніе—правда, нѣсколько запоздалое—въ прежней неосмотрительной продажѣ государственныхъ земель въ частную собственность побудило правительство Н. Зеландіи и нѣкоторыхъ штатовъ Австралійской Федераціи организовать совершенно новую форму землепользованія—т. е. вѣчную аренду (на 999 лѣтъ), причемъ въ числѣ побудительныхъ причинъ къ введенію такого рода аренды было желаніе правительства всячески содѣйствовать пріобрѣтенію государственной земли главной массой населенія и слѣдить за тѣмъ, чтобы и въ послѣдующее время эта собственность не переходила въ руки лицъ, ужъ и безъ того вполнѣ обезпеченныхъ землей.

Итакъ, если прежняя земельная политика штатовъ Австралійской Федераціи и колоніи Нов. Зеландіи, какъ показали всѣ результаты, была очень неудовлетворительна, то по крайней мѣрѣ то направленіе, которое приняло въ послѣднія 10—15 лѣтъ аграрное законодательство Австралазіи, повидимому, обѣщаетъ болѣе или менѣе раціональное рѣшеніе труднаго и сложнаго аграрнаго вопроса, рѣшеніе, согласное съ демократическими принципами, положенными въ основу политическаго строя Австралазіи.

Впрочемъ, для правильнаго сужденія обо всѣхъ приведенныхъ фактахъ, для постановки ихъ въ правильную перспективу слѣдуетъ имѣть въ виду, что Австралія, по выраженію извѣстнаго статистика, „можно сказать, только-что выходитъ изъ перваго періода земледѣльческой колонизаціи, мало того, нѣкоторые штаты Федераціи еще не вышли изъ періода пастушескаго хозяйства (not yet wholly passed from the pastoral stage).

Въ Австраліи мы видимъ, съ одной стороны, огромныя пастушескія почти безлюдныя хозяйства [1]), съ другой—очень большіе города съ весьма значительнымъ рабочимъ классомъ, занятымъ разнаго рода мануфактурнымъ и промышленнымъ трудомъ. Трудно

[1]) Вспомнимъ, что въ Австраліи въ хорошо организованной экономіи приходится одинъ постоянный работникъ на 7500 овецъ.

сказать, насколько прежнее аграрное законодательство является причиной появленія очень крупныхъ городскихъ центровъ въ совершенно молодой странѣ, и насколько, наоборотъ, скопленіе значительной части колонистовъ въ немногихъ приморскихъ городахъ служитъ причиной того, что австралійскіе законодатели долгое время оставляли аграрное законодательство въ такомъ видѣ, который нельзя считать соотвѣтствующимъ основнымъ принципамъ строя демократическихъ обществъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ это ни кажется страннымъ, въ Австраліи, этой совершенно молодой странѣ, весьма значительная часть населенія принадлежитъ къ городскому рабочему классу. Мало того, главная масса сельскаго рабочаго класса—т. наз. стригильщики овецъ — по многимъ условіямъ своей жизни и своего труда примыкаютъ къ той же арміи промышленнаго труда. Вотъ почему австралійскіе законодатели не жалѣли времени и труда, чтобы создать кодексъ фабричнаго и вообще рабочаго законодательства, находящійся въ соотвѣтствіи съ условіями жизни передовыхъ демократій современнаго міра, къ каковымъ можно отнести съ полнымъ правомъ Н. Зеландію, штаты Австралійской Федераціи и самое Федерацію.

П. Мижуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очеркъ соціалистическаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки.

(History of Socialism in the United States, by Morris Hillquit. 1903. Jean Longuet. Le Socialisme amèricain. „La Revue Socialiste“. Paris. 1904).

Характерныя черты, свойственныя всему строю жизни великой Заатлантической республики и выдѣляющія ее до извѣстной степени въ особый типъ общественно-политическаго развитія, во многомъ рѣзко отличный отъ типа развитія, болѣе или менѣе общаго культурнымъ государствамъ Стараго Свѣта, наложили печать оригинальности также и на тотъ сложный комлексъ отношеній, который извѣстенъ подъ именемъ „соціальнаго вопроса“. Индивидуальныя свойства первыхъ англійскихъ переселенцевъ, составившихъ ядро будущего политическаго организма, а также благопріятныя условія, въ которыхъ они очутились, найдя удобную для колонизаціи обширную территорію, чуждую вѣковыхъ традицій и историческихъ наслоеній, стоявшихъ на пути ихъ свободолюбивыхъ стремленій, сообщили эволюціи экономическихъ отношеній и общественно-политической мысли иное направленіе и иной характеръ, нежели тѣ, которые мы наблюдаемъ въ Европѣ. Въ то время, какъ западно-европейская мысль, пройдя утопическій фазисъ своего развитія, сосредоточила главныя свои силы на критикѣ существующаго общественно-экономическаго строя и, исходя изъ анализа фактовъ дѣйствительности, создавала широкія идейныя построенія, разсчитанныя не для непосредственнаго проведенія ихъ въ жизнь, но для опредѣленнаго историческаго момента болѣе или менѣе близкаго будущаго, мысль сѣвероамериканскихъ новаторовъ обнаруживаетъ на первыхъ порахъ тенденцію, прямо противоположную. Не высокій гуманитарный и универсальный характеръ той или иной соціальной доктрины, не широкія, свѣтлыя перспективы, открываемыя ею, но способность ея непосредственнаго воплощенія въ конкретныя формы служила критеріемъ ея цѣнности въ глазахъ американцевъ. Практическій

экспериментъ—вотъ главное условіе популярности и успѣха всякой соціальной теоріи въ сѣверо-американской республикѣ. Эта опытная провѣрка теоріи, претвореніе ея въ дѣйствительность здѣсь открывалась тѣмъ болѣе возможной, что для этого имѣлись еще въ наличности обширныя пространства свободной и дешевой земли, допускавшія даже нѣкоторую расточительную роскошь въ области соціальнаго экспериментированія.

Потому-то С. Америка сдѣлалась по преимуществу ареной дѣятельности великихъ утопистовъ первой половины XIX столѣтія и ихъ главныхъ послѣдователей, и теоріи Овена, Кобэ и Фурье съ ихъ готовыми планами общественно-экономическаго переустройства получили здѣсь такую громкую популярность, какою онѣ никогда не пользовались на мѣстѣ своей родины—въ Европѣ.

Не вдаваясь въ подробный анализъ судебъ коммунистическихъ и полукоммунистическихъ общинъ въ Сѣверной Америкѣ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія и въ русской литературѣ, мы остановимся лишь на указаніи общихъ причинъ постигшей ихъ неудачи и отмѣтимъ тѣ—правда, очень слабыя—звенья, которыми онѣ связаны съ современнымъ соціалистическимъ движеніемъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ первоначальный періодъ его развитія [1]).

Жизнь комунистическихъ колоній [2]) въ Сѣверной Америкѣ въ общемъ была кратковременна. Средняя продолжительность существованія коммунъ, устроенныхъ по плану Овена, не превышала двухъ лѣтъ; то же, за немногими исключеніями, слѣдуетъ сказать и о фурьеристскихъ коммунахъ; икарійскія же общины (Кобэ) находились въ процессѣ безпрерывной реорганизаціи и отличались крайнимъ непостоянствомъ. При такихъ условіяхъ, разумѣется, коммунамъ трудно было достигнуть достаточной матеріальной устойчивости. Однако, одною матеріальною нуждою, которую

---

[1]) Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали выше и которой мы будемъ слѣдовать въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи, даетъ довольно подробную исторію коммунистическихъ общинъ въ Сѣв. Америкѣ. Въ этой первой части его труда мы не найдемъ ничего новаго и оригинальнаго по данному предмету, достаточно извѣстному также и русскому читателю. Главный интересъ его книги заключается въ изложеніи современнаго соціалистическаго движенія, до сихъ поръ мало изученнаго не только въ англійской, но и европейской литературѣ вообще. Въ этомъ отношеніи трудъ Morris'a Hillquit'a представляетъ чуть ли не первую и очень удачную попытку дать связный историческій очеркъ движенія' усвоившаго уже основныя тенденціи, характерныя для современнаго соціалистическаго движенія въ Западной Европѣ. Эта часть книги Hillquit'a насъ почти исключительно и будетъ занимать на нижеслѣдующихъ страницахъ нашего очерка.

[2]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду колоніи исключительно соціальнаго характера, вызванныя къ жизни ученіями великихъ утопистовъ—Овена, Фурье и Кобэ, и оставляемъ совершенно въ сторонѣ многочисленныя общины, возникшія по чисто-религіознымъ мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ коммунизмомъ, ни съ соціализмомъ въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ.

онѣ хронически испытывали, нельзя объяснять постигнутую ихъ неудачу. Не говоря уже о крайне пестромъ составѣ ихъ членовъ, среди которыхъ находились люди съ очень разнородными умственными интересами и далеко неодинаковаго нравственнаго уровня, коренная причина неуспѣха американскихъ коммунистическихъ общинъ, какъ это уже не разъ указывалось при оцѣнкѣ значенія подобнаго рода социальныхъ затѣй, кроется въ утопическомъ характерѣ главной руководящей идеи, положенной въ ихъ основаніе.

Какъ бы благородны ни были побудительные мотивы иниціаторовъ этихъ соціальныхъ ячеекъ, но самая мысль объ учрежденіи такихъ совершенныхъ коммунъ, которыя могли бы стать исходнымъ пунктомъ широкаго общественно-экономическаго обновленія, неизбѣжно сталкивалась съ самыми непреодолимыми препятствіями. При условіяхъ прямой и косвенной взаимозависимости въ экономическихъ отношеніяхъ, достаточно ясно обнаружившейся уже въ первую половину XIX вѣка, созданіе изолированныхъ соціальныхъ ячеекъ, огражденныхъ отъ разлагающихъ вліяній современной буржуазно-капиталистической цивилизаціи, являлось чистой иллюзіей. Эта экономическая взаимозависимость между отдѣльными людьми, между цѣлыми націями, явившаяся продуктомъ промышленнаго развитія послѣднихъ столѣтій и обнаружившая неуклонную тенденцію къ преобразованію человѣчества въ единый великій и солидарный въ своихъ частяхъ организмъ, исключаетъ возможность появленія въ наше время новыхъ Робинзоновъ—индивидуальныхъ или соціальныхъ. Если всѣми удивительными завоеваніями нашей цивилизаціи и культуры мы обязаны сознательному или безсознательному сотрудничеству людей во всевозможныхъ отрасляхъ дѣятельности, то каждый членъ общества силенъ именно постольку, поскольку онъ принимаетъ участіе въ этомъ великомъ сотрудничествѣ или его результатахъ; и ни одинъ человѣкъ, ни одна группа людей не можетъ себя изъ него выдѣлить, не рискуя впасть въ состояніе варварства. Вотъ почему и американскіе соціальные экспериментаторы не въ силахъ были создать такихъ самодовлѣющихъ замкнутыхъ общинъ, которыя могли бы остаться внѣ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и противопостоять его враждебнымъ тенденціямъ; а разъ этого достигнуто не было, то онѣ фатальнымъ образомъ должны были или совершенно выродиться, или окончательно пасть въ неравной, но неизбѣжной борьбѣ съ вліяніями иного строя, основаннаго на противоположныхъ имъ принципахъ.

Поэтому-то современные соціальные новаторы давно уже разстались съ утопическою мыслью о реформированіи общественнаго строя при помощи этой коммунистической романтики. Глубоко проникнутые сознаніемъ, что общество состоитъ не изъ отдѣльныхъ, изолированныхъ группъ, но представляетъ собою коллективный организмъ, теоретики современнаго соціализма связываютъ

осуществленiе своего соцiальнаго идеала самымъ тѣснымъ образомъ съ тою безпрерывною внутреннею эволюцiей, которая совершается въ соцiальной коллективности во всемъ ея цѣломъ.

Разсматривая исторiю современнаго соцiалистическаго движенiя въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ первоначальномъ фазисѣ его развитiя, нельзя не замѣтить нѣкоторой связи между нимъ и предшествовавшимъ ему утопическимъ соцiализмомъ. Такова связь между икарiйскими общинами и рабочею лигою (Working Men's League) Вейтлинга, существовавшей въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка; члены этихъ же общинъ принимали дѣятельное участiе въ работѣ Международной Ассоцiацiи рабочихъ („Интернацiоналъ"), а ихъ журналы „La Revue Icarienne" и „La jeune Icarie" считались оффицiальными органами соцiалистической рабочей партiи. То же слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ изъ видныхъ фурьеристовъ.

Однако, влiянiе утопистовъ на развитiе современнаго соцiализма имѣетъ случайный характеръ, такъ какъ между двумя этими теченiями мысли существуетъ слишкомъ глубокая разница, чтобы между ними возможна была строгая исторически-преемственная связь. Въ то время, какъ утопическiй соцiализмъ въ своихъ соцiологическихъ построенiяхъ опирается на чисто-моральныя концепцiи, заимствованныя изъ различныхъ кодексовъ нравственности,—современный соцiализмъ представляетъ собою прежде всего экономическую доктрину, возникновенiе которой стало возможнымъ только при наличности опредѣленнаго комплекса соцiальныхъ условiй, а именно—системы крупнаго капиталистическаго производства и вырастающаго на его почвѣ классоваго антагонизма.

Эти-то явленiя въ Сѣв. Америкѣ въ первую половину XIX в. почти не имѣли мѣста. Обширная страна обладала еще въ то время громадными пространствами плодородной земли, обработка которой давала очень большiя выгоды для свободныхъ фермеровъ, составлявшихъ большинство населенiя Штатовъ. Обрабатывающая же промышленность завлекала къ себѣ только ту часть населенiя, которая по той или иной причинѣ не успѣла создать себѣ независимое положенiе. Но и эти промышленные рабочiе, трудъ которыхъ, вслѣдствiе несоотвѣтствiя предложенiя усиленному спросу на него, оплачивался очень высоко, переставали смотрѣть на свое положенiе наемныхъ рабочихъ, какъ на временное, переходное къ положенiю самостоятельнаго хозяина собственной мастерской или земледѣльческой фермы, которыми они обзаводились на скопленныя сбереженiя.

Эта эпоха почти всеобщаго экономическаго довольства, эта непоколебимая увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, подкрѣпленная, съ другой стороны, общимъ сознанiемъ своей политической мощи, охватившимъ населенiе Штатовъ послѣ побѣдоносной герои-

ческой борьбы за независимость, не могла, однако, продолжаться долго. Быстрый рост населенія съ каждымъ годомъ все болѣе сокращалъ площадь свободной общественной земли. Сильное повышеніе цѣнъ на землю, превращавшее ее въ предметъ спекуляцій, оттѣсняло отъ нея людей неимущихъ, которые поэтому вынуждены были постепенно переходить отъ земледѣлія къ обрабатывающей промышленности. Такъ мало-по-малу образовался контингентъ наемныхъ фабричныхъ рабочихъ, необходимый для успѣха выраставшей крупной индустріи, которая благодаря неисчерпаемымъ естественнымъ богатствамъ страны и практическому генію ея обитателей вскорѣ заняла одно изъ первыхъ мѣстъ. Усиленная разработка каменноугольныхъ копей, чрезвычайный ростъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, густою сѣтью покрывшихъ всю страну, превратили С. Америку изъ мирной земледѣльческой фермы въ обширную шумную мастерскую и вызвали глубокій переворотъ во всемъ строѣ ея соціальныхъ отношеній. Общество рѣзко дифференцировалось на двѣ неравныя части—небольшую кучку денежныхъ королей и матеріально необезпеченную массу трудящагося люда, отношенія между которыми складывались въ формы все болѣе обостряющейся борьбы между трудомъ и капиталомъ. Словомъ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—эта, недавно еще казавшаяся идеальной, республика равноправныхъ и независимыхъ гражданъ превратилась въ арену классовой войны, тѣмъ болѣе ожесточенной, чѣмъ быстрѣе совершалась отмѣченная здѣсь соціальная метаморфоза. Населеніе Штатовъ, исчислявшееся въ 23.000.000 въ 1850 г., полстолѣтіе спустя возросло до 75.000.000; „національное“ богатство, оцѣнивавшееся въ томъ же 1850 г. немногимъ болѣе 7.000.000.000. долларовъ и болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлявшееся среди населенія, въ 1890 г. превысило 65.000.000.000 долл., причемъ болѣе половины этой суммы сосредоточено была въ рукахъ 40.000 семей, т. е. $^1/_3$% населенія. Промышленный капиталъ, достигавшій немногимъ болѣе 1.000.000.000 долл., въ теченіе послѣдующихъ трехъ десятилѣтій возросъ болѣе, чѣмъ въ шесть разъ. Что касается распредѣленія рабочей силы, то еще въ 1870 г. предложеніе труда далеко не удовлетворяло усиленному на него спросу; а 30 лѣтъ спустя имѣлась уже армія базработныхъ болѣе, чѣмъ въ 1.000.000 человѣкъ. Стачки и lockout'ы были едва извѣстны въ С. Америкѣ; но въ промежутокъ времени отъ 1881 по 1894 г. было уже зарегистрировано 14.000 случаевъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ, въ которыхъ приняли участіе болѣе 4.000.000 чел.

Такимъ образомъ почва для рабочаго движенія по западноевропейскому типу была подготовлена, и если развитіе его совершалось гораздо болѣе замедленнымъ темпомъ, нежели въ Старой Европѣ, то, помимо причинъ, отчасти указанныхъ уже нами выше, это объясняется также тѣми исключительными обстоятельствами

американской жизни, которыя не позволяли американскимъ рабочимъ выдѣлиться въ особую общественную группу со своими собственными интересами. Сравнительно съ своими заокеанскими братьями, они пользовались многими существенными преимуществами, которыя связаны съ богатствомъ и разнообразіемъ отраслей промышленности; передъ ними открывался все болѣе и болѣе обширный рынокъ труда, оплачивавшагося значительно выше, нежели въ Европѣ. Кромѣ того, образованіе контингента промышленныхъ рабочихъ въ Сѣв. Америкѣ слишкомъ недавняго происхожденія, чтобы среди нихъ могло рано выработаться достаточно ясное и опредѣленное классовое самосознаніе; еще до послѣдняго времени сѣверо-американскіе рабочіе не могли отрѣшиться отъ взгляда на свое положеніе, какъ на переходный моментъ къ высшей общественной ступени. Далѣе, американскимъ рабочимъ не приходилось, подобно ихъ европейскимъ товарищамъ, добиваться политической свободы, которою они уже широко пользовались съ самаго начала ихъ самостоятельной государственной жизни, и поэтому имъ не было знакомо то могучее воспитательное дѣйствіе борьбы за всеобщее избирательное право, которая сыграла такую крупную роль въ развитіи организованнаго рабочаго движенія въ Западной Европѣ.

Исторія современнаго соціалистическаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки дѣлится Гилквитомъ на четыре главныхъ періода: 1) отъ 1848 г. до гражданской войны; 2) организаціонный періодъ отъ 1867 по 1877 г.; 3) періодъ „Socialist labor party“ отъ 1877 по 1899 г., и 4) періодъ позднѣйшаго развитія соціалистическаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Соціалистическія доктрины, имѣющія свои теоретическіе корни въ „Манифестѣ“ Маркса и Энгельса, впервые были занесены на американскую почву нѣмецкими эмигрантами, укрывавшимися въ свободной Заатлантической республикѣ отъ преслѣдованій своего правительства. Организованныя ими различныя дискуссіонныя общества, корпоративные и элементарные промышленные ферейны существовали совершенно обособленно, безъ всякаго общаго объединяющаго ихъ плана. Только съ прибытіемъ Вильгельма Вейтлинга это зачаточное движеніе пріобрѣтаетъ болѣе систематическій и солидный характеръ.

Свою общественную теорію Вейтлингъ [1]) (портной по профессіи. 1808—1871) изложилъ впервые въ книгѣ: „Міръ, каковъ онъ есть и какимъ онъ долженъ быть“ (1838), а затѣмъ въ болѣе извѣстномъ трудѣ своемъ—„Условія соціальной гармоніи и свободы“. Обѣ эти книги вмѣстѣ съ „Евангеліемъ бѣднаго грѣшника“

[1]) О Вейтлингѣ и объ отношеніяхъ къ нему К. Маркса можно найти свѣдѣнія въ книгѣ П. Анненкова «Замѣчательное десятилѣтіе».

(1846) заключаютъ въ себѣ основныя положенія соціальной теоріи Вейтлинга.

Фанатически преданный своей доктринѣ, Вейтлингъ, прибывъ въ 1846 г. въ Сѣв. Америку по приглашенію своихъ соотечественниковъ, сразу же нашелъ здѣсь широкую арену для своей дѣятельности. Прежде всего онъ приступилъ къ объединенію существовавшихъ уже организацій и къ 1850 г. успѣлъ создать „Центральный комитетъ объединенныхъ союзовъ", ставшій главнымъ органомъ рабочихъ обществъ, насчитывавшихъ отъ 2-хъ до $2^1/_2$ тысячъ членовъ. Благодаря широкой и энергичной агитаціи, которую предпринялъ Центральный комитетъ среди нѣмецкихъ рабочихъ наряду съ подобными же организаціями, возникшими въ другихъ городахъ Штатовъ, движеніе быстро разрослось и привлекало многихъ адептовъ какъ среди другихъ національностей американскаго населенія, такъ и среди природныхъ американцевъ. Какъ сильно разрослись къ концу 1850 г. объединенныя Вейтлингомъ рабочія организаціи, показалъ съѣздъ ихъ представителей въ Филадельфіи явившихся отъ имени 4.400 членовъ 42 объединенныхъ организацій. Послѣ съѣзда всѣ эти организаціи сплотились еще сильнѣе подъ именемъ „Всеобщаго рабочаго союза" („Allgemeiner Arbeiterbund"). Вскорѣ же послѣ съѣзда Вейтлингъ вслѣдствіе личныхъ раздоровъ и неудачъ въ общественныхъ начинаніяхъ его и его приверженцевъ удалился въ частную жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и союзъ не обнаружилъ такихъ быстрыхъ успѣховъ, какихъ можно было ожидать по его блестящему началу.

Оживленіе въ него было внесено въ серединѣ 50-хъ годовъ однимъ изъ друзей Маркса и Энгельса, Іосифомъ Вейдемейеромъ, прибывшимъ въ Нью-Іоркъ одновременно съ Вейтлингомъ. Но Вейдемейеръ оставался тамъ до взрыва гражданской войны, и союзъ, подпавъ подъ вліяніе Густава Струве, туманнаго романтика-фразера, сталъ влачить крайне жалкое существованіе, закончившееся его полнымъ разложеніемъ.

Гражданская война вообще затормазила дальнѣйшее развитіе молодого соціалистическаго движенія въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки; многіе и изъ видныхъ, и рядовыхъ дѣятелей соціалистическихъ организацій вступили въ ряды республиканской арміи, сражавшейся за освобожденіе негровъ, и самое движеніе вслѣдствіе этого до того ослабѣло, что къ новой жизни оно могло возродиться не ранѣе 1867 г.

Исторія слѣдующаго періода въ развитіи рабочаго движенія въ Сѣв. Америкѣ находится въ тѣсной связи съ судьбами „Международной ассоціаціи рабочихъ" („Интернаціоналъ"), учрежденной въ 1864 г. въ Лондонѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ вліяніе „Интернаціонала" обнаружилось двоякимъ путемъ: явные соціалисты, преимущественно иностраннаго происхожденія, были связаны съ

нимъ чрезъ посредство его филіальныхъ отдѣленій, учрежденныхъ въ различныхъ пунктахъ Штатовъ; съ другой стороны, американское рабочее движеніе въ тѣсномъ смыслѣ было связано съ нимъ черезъ „National Labor Union“, представлявшій собою первую чисто-американскую организацію съ соціалистической тенденціей.

Эта организація образовалась вслѣдъ за окончаніемъ гражданской войны на балтиморскомъ конгрессѣ 1866 г., совпавшемъ съ первымъ конгрессомъ Международной ассоціаціи рабочихъ, имѣвшимъ мѣсто въ Женевѣ въ томъ же году. Интересно при этомъ отмѣтить, что между резолюціями обоихъ конгрессовъ оказывалось поразительное сходство, особенно по вопросу о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, которая была редактирована на балтиморскомъ конгрессѣ въ слѣдущихъ выраженіяхъ: „Въ интересахъ освобожденія труда отъ рабскаго подчиненія капиталу основнымъ желаніемъ въ данный моментъ является изданіе закона объ установленіи восьмичасового рабочаго дня въ каждомъ Штатѣ Американскаго Союза. Мы твердо рѣшили употребить всевозможныя усилія для достиженія этой славной цѣли“.

Несмотря, однако, на это сходство резолюцій, между National Labor Union (Національный рабочій союзъ) и Международной ассоціаціей рабочихъ не было еще никакихъ связей, и только на второмъ чикагскомъ съѣздѣ Союза въ 1867 г. впервые упоминается объ „Интернаціоналѣ“.

Особый интересъ въ занятія этого конгресса былъ внесенъ Вильямомъ Сильвисомъ (1828—1869), усиліями котораго Національный рабочій Союзъ превращенъ былъ въ одну изъ цвѣтущихъ и могучихъ организацій. Интересъ этотъ сосредоточился на возбужденномъ Сильвисомъ вопросѣ объ образованіи рабочей политической партіи. Но большинство конгрессистовъ не было еще подготовлено къ его рѣшенію и, несмотря на всю силу и краснорѣчіе аргументаціи Сильвиса, предложеніе его было отклонено.

Что касается отношеній Союза къ Международной ассоціаціи рабочихъ, то хотя предложеніе Сильвиса о прямомъ присоединеніи къ ней также было отвергнуто, но въ резолюціи, принятой конгрессомъ по этому вопросу, было заявлено, что въ виду того, что усилія рабочихъ классовъ Европы, направленныя къ пріобрѣтенію политической власти въ интересахъ улучшенія своего соціальнаго положенія и освобожденія отъ рабскаго ига, подъ которымъ они находились и теперь еще находятся, являются достаточнымъ доказательствомъ прогресса справедливости, просвѣщенія и цивилизаціи,—постановлено передать отъ имени національнаго рабочаго съѣзда симпатіи и обѣщаніе содѣйствія организованнымъ рабочимъ Европы въ ихъ борьбѣ противъ политической и соціальной несправедливости.

Однако, завѣтная мысль Сильвиса объ образованіи политической рабочей партіи пріобрѣтала все болѣе и болѣе адептовъ и стала настолько популярной, что на 3-емъ конгрессѣ Національнаго рабочаго Союза въ Нью-Іоркѣ въ 1868 г. она могла уже получить конкретное осуществленіе. На этомъ именно конгрессѣ была организована національно-реформистская партія, программу которой и было поручено выработать Сильвису. Въ цѣломъ рядѣ митинговъ и циркулярныхъ посланій Сильвисъ старался выяснить крупное значеніе вновь образованной партіи. „Организація новой рабочей партіи, — писалъ онъ,—для установленія контроля надъ Конгрессомъ и законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ—трудное дѣло, но оно должно быть сдѣлано". „Достаточно,— писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—служили мы орудіями въ рукахъ профессіональныхъ политикановъ; освободимъ себя отъ всякихъ партійныхъ связей и организуемъ рабочую партію, опирающуюся на начала честности, экономіи и равенства правъ и привилегій для всѣхъ людей".

Въ то же время Сильвисъ продолжалъ поддерживать дѣятельныя сношенія съ Генеральнымъ Совѣтомъ „Интернаціонала", въ интересахъ болѣе тѣснаго сближенія его съ Національнымъ рабочимъ Союзомъ. Но неожиданная смерть Сильвиса не только задержала этотъ процессъ сближенія, но имѣла самое роковое вліяніе на все дальнѣйшее существованіе Національнаго рабочаго союза, раздѣлившаго вмѣстѣ съ національно-реформистской партіей обычную судьбу всѣхъ политическихъ партій, до и послѣ этого образованныхъ рабочими организаціями, а именно—Союзъ и партія, ставъ прочно на ноги, обратили на себя вниманіе чуждыхъ имъ элементовъ профессіональнаго политиканства, которые, втершись въ ихъ ряды, вовлекли ихъ въ союзы съ другими политическими партіями, затушевавъ этимъ путемъ индивидуальныя черты и классовой характеръ обѣихъ организацій, растворившихся въ концѣ концовъ въ одной изъ большихъ господствующихъ политическихъ партій.

Первыя организаціи, вошедшія въ тѣсную связь съ „Интернаціоналомъ" подъ видомъ его „секцій", и состоявшія почти исключительно изъ нѣмецкихъ соціалистовъ, возникли въ 1868 г. Начало этого движенія стоитъ въ связи съ образованіемъ независимой политической рабочей партіи, вскорѣ, впрочемъ, распавшейся и возрожденной усиліями ея наиболѣе выдающихся членовъ подъ фирмою „Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго Союза" (Allgemeiner Deutscher Arbeiterverein)—этой первой строго-марксистской организаціи, оказавшей значительное вліяніе на позднѣйшее развитіе соціалистическаго движенія въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки и составившей „1-ую нью-іоркскую секцію", самую сильную и дѣятельную изъ всѣхъ секцій Международной ассоціаціи рабочихъ. По ея главнымъ образомъ иниціативѣ, число „секцій"

„Интернаціонала“ въ Сѣв. Америкѣ увеличилось въ теченіе года до 30 съ 5000 членовъ.

Но, какъ только-что было уже указано, и въ данномъ случаѣ ростъ и популярность „секцій“ имѣли свою оборотную, печальную сторону. Въ ряды интернаціональныхъ организацій стали проникать реформаторы различныхъ политическихъ оттѣнковъ, стремившихся воспользоваться или въ интересахъ своихъ узкихъ эгоистическихъ цѣлей, а часто и для пропаганды и весьма своеобразныхъ соціальныхъ доктринъ, не имѣвшихъ почти ничего общаго съ прямыми задачами рабочаго движенія.

Первый національный конгрессъ американскихъ секцій „Интернаціонала“ состоялся въ Нью-Іоркѣ въ 1872 г. На немъ были представлены 22 секціи, объединившихся здѣсь подъ именемъ „Сѣверо-американской федераціи рабочихъ ассоціацій“, съ оффиціальнымъ органомъ „Arbeiter Zeitung“, издававшимся въ Нью-Іоркѣ.

Между тѣмъ печальныя событія въ экономической жизни страны внесли новую струю въ американское рабочее движеніе, подготовившую позднѣйшее образованіе національной рабочей партіи.

Рядъ финансовыхъ и промышленныхъ замѣшательствъ вызвалъ страшный кризисъ въ странѣ, сопровождавшійся всѣми бѣдствіями безработицы. Въ одномъ только штатѣ Нью-Іоркъ насчитывалось свыше 180.000 рабочихъ, оставшихся безъ всякихъ средствъ къ существованію. Несмотря на сильную агитацію среди безработныхъ, массовые митинги, грандіозную демонстрацію въ Нью-Іоркѣ, закончившуюся кровавымъ столкновеніемъ съ полиціей, и рядъ мирныхъ манифестацій въ другихъ городахъ, движеніе это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и создало крайне тяжелое и подавленное настроеніе среди „секцій“.

Само собою разумѣется, что состоявшійся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ этихъ печальныхъ событій съѣздъ секцій въ Филадельфіи не могъ быть особенно продуктивнымъ. Часть делегатовъ настаивала на необходимости большей національзаціи рабочаго движенія; на допущеніи болѣе широкаго толкованія постановленій „Интернаціонала“ въ смыслѣ признанія законности совмѣстныхъ дѣйствій съ элементами, хотя бы и не исповѣдующими соціалистической доктрины въ научномъ значеніи этого слова. Болѣе же вліятельные и старые делегаты, напротивъ, требовали соблюденія прежнихъ принциповъ и методовъ „Интернаціонала“ во всей ихъ чистотѣ. Результатомъ столкновенія этихъ двухъ противоположныхъ теченій былъ расколъ и образованіе двухъ соперничающихъ соціалистическихъ партій: „Рабочей партіи Иллинойса“ и „Соціалъ-демократической партіи Сѣв. Америки“, поставившей своею конечною цѣлью основаніе свободнаго госу-

дарства на началахъ труда. Основные пункты ея програмы состояли въ слѣдующемъ: 1) уничтоженіе несправедливыхъ соціальныхъ и политическихъ условій современнаго строя; 2) уничтоженіе всѣхъ классовыхъ правъ и привилегій; 3) освобожденіе рабочихъ отъ гнета капитала путемъ введенія рабочихъ ассоціацій, имѣющихъ замѣнить собою систему наемнаго труда, предоставленіе рабочему полнаго продукта его труда; 4) завоеваніе политической власти, какъ предварительнаго условія для разрѣшенія рабочаго вопроса; 5) объединеніе всѣхъ рабочихъ организацій и подчиненіе отдѣльнаго лица законамъ, установленнымъ для общаго блага; 6) сочувствіе рабочимъ всѣхъ странъ, стремящимся къ достиженію тѣхъ же цѣлей. Органомъ партіи былъ „The Socialist“ — еженедѣльное изданіе, выходившее въ Нью-Іоркѣ.

Одной изъ ближайшихъ задачъ, поставленныхъ себѣ соціалъ-демократической партіей, являлось объединеніе всѣхъ соціалистическихъ организацій, существовавшихъ въ странѣ. Разрѣшеніемъ этой задачи и занялся филадельфійскій конгрессъ 1876 г., на который прибыли делегаты отъ „Сѣв.-американской федераціи международныхъ рабочихъ ассоціацій“, „Соціалъ-демократической рабочей партіи Сѣв. Америки“, „Рабочей партіи Иллинойса“ и „Соціально-политическаго рабочаго союза въ Цинцинатѣ“. Конгрессъ исполнилъ принятую на себя задачу, объединивъ всѣ представленныя на немъ организаціи въ одну „Рабочую партію Соединенныхъ Штатовъ“, переименованную на слѣдующемъ нью-іоркскомъ конгрессѣ 1877 г. въ „Соціалистическую рабочую партію Сѣв. Америки“ (Socialist Labor Party of North America).

Съ образованіемъ соціалистической рабочей партіи начинается новый и, быть можетъ, самый сложный и интересный періодъ въ исторіи американскаго соціализма, продолжавшійся болѣе 20 лѣтъ. Слабою стороною партіи являлось громадное преобладаніе въ составѣ ея членовъ иностранцевъ, недостаточно знакомыхъ ни съ учрежденіями, ни съ обычаями, ни съ языкомъ обитаемой ими страны. Поэтому вожди ея, вполнѣ понимая, что при такихъ условіяхъ всякія попытки къ радикальному измѣненію существующихъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній, заранѣе обречены были на неудачу, считали необходимымъ предварительно „американизировать“ рабочее движеніе и съ этою цѣлью главное вниманіе сосредоточили на пропагандѣ идей своей партіи среди прирожденныхъ американцевъ.

Дѣятельность соціалистической рабочей партіи началась при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Чрезвычайный экономическій подъемъ, наступившій вслѣдъ за гражданской войной, смѣнился страшной финансовой паникой 1873 года, бѣдственныя послѣдствія которой рабочее населеніе Штатовъ испытывало въ теченіе цѣлыхъ 5 лѣтъ. Въ зиму 1877 г. полицейскіе посты

осаждались каждую ночь толпами рабочихъ съ женами и дѣтьми, искавшими убѣжища отъ холода и умолявшими помѣстить ихъ въ рабочій домъ. Число безработныхъ доходило до трехъ милліоновъ. Небывалое еще паденіе заработной платы повлекло за собою цѣлый рядъ стачекъ, стихійно захватывавшихъ массу недисциплинированныхъ, неорганизованныхъ рабочихъ и потому большей частью заканчивавшихся пораженіемъ стачечниковъ. Самою знаменитою изъ этой серіи стачекъ была стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ, которая, начавшись въ Мартинсбургѣ, вскорѣ охватила 17 штатовъ и пріобрѣла характеръ настоящаго кровавого революціоннаго возстанія.

Соціалисты не принимали участія въ возбужденіи рабочихъ волненій 1877 г., относясь, напротивъ, совершенно отрицательно къ безпорядочнымъ актамъ насилія. Но они не могли не воспользоваться этими событіями въ интересахъ своей партійной агитаціи. Съ этою цѣлью Соціалистическая рабочая партія организовала во многихъ городахъ рядъ многолюдныхъ митинговъ (въ Нью-Іоркѣ состоялся митингъ въ 12,000 чел.), на которыхъ, энергически рекомендуя рабочимъ воздерживаться отъ насильственнаго образа дѣйствій, настаивала на необходимости сознательной и планомѣрной классовой борьбы, а также на необходимости образованія политической партіи, которая поставила бы своей ближайшей задачей проведеніе законодательныхъ мѣръ противъ монополій, порабощающихъ рабочую массу.

Не ограничиваясь одною только агитаціонною дѣятельностью, партія, пользуясь настроеніемъ рабочихъ, ставшихъ подъ вліяніемъ событій болѣе воспріимчивыми къ соціалистической доктринѣ, организовала въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ серію лекцій и въ то же время вела усиленную пропаганду своихъ идей на столбцахъ партійныхъ органовъ, число которыхъ къ этому времени возросло до 24.

Эта энергическая и разносторонняя дѣятельность партіи принесла свои плоды, организаціи ея крѣпли и увеличивались численно. На своемъ первомъ съѣздѣ 1877 г. въ Нью-Іоркѣ она насчитывала 38 делегатовъ, представлявшихъ 31 секцію, а черезъ два года она уже имѣла въ 25 штатахъ 100 отдѣльныхъ секцій съ 10,000 членовъ.

Чтобы уяснить себѣ отношеніе соціалистической рабочей партіи къ вопросу о политической дѣятельности, слѣдуетъ припомнить, что первоначально она была организована исключительно для пропаганды соціалистическихъ идей въ рабочей массѣ; на это именно и указывала резолюція филадельфійскаго конгресса, гласившая, что рабочій классъ долженъ вести борьбу прежде всего на экономической почвѣ въ интересахъ своего экономическаго освобожденія, и этой великой цѣли должно быть подчинено всякое политическое движеніе. Это обстоятельство рабочимъ

всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, въ противномъ случаѣ, увлекаемые на путь избирательной борьбы, они легко становятся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ господствующихъ политическихъ партій и уклоняются такимъ образомъ отъ прямой дороги, предначертанной имъ ихъ собственными классовыми интересами. Исходя изъ этихъ соображеній, филадельфійскій конгрессъ настойчиво рекомендовалъ секціямъ своей партіи и всѣмъ рабочимъ вообще воздерживаться отъ участія въ политической агитаціи и избирательной борьбѣ и посвятить все свое время и всю свою энергію организаціи рабочихъ массъ.

Изъ этого видно, что отрицательное отношеніе къ активному участію рабочихъ въ политической жизни страны обусловливалось не какими-либо принципіальными мотивами, а лишь временными обстоятельствами даннаго политическаго момента и даннымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ.

Но въ 1877 г., когда, какъ было упомянуто выше, подъ вліяніемъ сильнаго промышленнаго кризиса и вызваннаго имъ рабочаго движенія, въ рабочей массѣ замѣтно обозначилось теченіе, благопріятное требованіямъ радикальныхъ политическихъ реформъ, Соціалистическая рабочая партія, идя на встрѣчу этому теченію, приняла участіе въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и общеполитическихъ избирательныхъ кампаніяхъ, сопровождавшееся порою значительнымъ успѣхомъ. Такъ, въ Чикаго въ 1878 г. партія успѣла провести трехъ своихъ кандидатовъ въ палату депутатовъ и одного—въ сенатъ; въ томъ же году были избраны четыре соціалиста въ Городской совѣтъ. Частичныя избирательныя побѣды партія одержала и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ.

Оптимистическія надежды, охватившія партію подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ея первыхъ избирательныхъ успѣховъ, въ дѣйствительности не оправдались. Наступившая вскорѣ послѣ этого эра сравнительнаго экономическаго благосостоянія улучшила положеніе рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабила успѣхи соціалистической пропаганды и агитаціи; отливъ силъ изъ ея рядовъ былъ такъ великъ, что партіи положительно приходилось отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ индифферентизмомъ рабочихъ. Ряды ея замѣтно порѣдѣли, и хотя наканунѣ призидентскихъ выборовъ 1880 г. она оказалась въ положеніи не лучше, чѣмъ при выборахъ 1877 г., но она рѣшила принять участіе въ избирательной кампаніи въ союзѣ съ наиболѣе прогрессивными и демократическими партіями.

Однако, опытъ совмѣстной дѣятельности Соціалистической рабочей партіи съ партіей „гринбекеровъ“ во время призидентской кампаніи 1880 не имѣлъ успѣха. „Гринбекеры“, ставившіе главнымъ требованіемъ своей программы реформу денежнаго обращенія и только позднѣе удѣлившіе значительное мѣсто требованіямъ труда, представляли изъ себя слишкомъ пестрый агло-

мератъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, чтобы между ними и Соціалистической рабочей партіей могли образоваться какія-либо постоянныя и прочныя отношенія.

Другой важнѣйшій опытъ совмѣстныхъ дѣйствій Соціалистической рабочей партіи съ другими партіями во время избирательной кампаніи относится ко 2-ой половинѣ 80-хъ годовъ. Въ это время, организованная при поддержкѣ соціалистовъ „Объединенная рабочая партія“ предприняла независимую выборную кампанію на почвѣ муниципальной программы, выставивъ кандидатуру на должность нью-іоркскаго мэра извѣстнаго экономиста Генри Джорджа. Несмотря на коренное разногласіе съ послѣднимъ въ исходной точкѣ зрѣнія на причины современныхъ общественныхъ золъ и на методы борьбы съ ними, соціалисты, нисколько не затушевывая этихъ разногласій, рѣшили, однако, оказать поддержку политической агитаціи, предпринятой соединенной рабочей партіей. Но и въ этомъ случаѣ союзъ оказался непродолжительнымъ и непрочнымъ. Впрочемъ, и сама соединенная рабочая партія вскорѣ исчезла съ политической арены, послѣ того, какъ Джорджъ, потерпѣвъ пораженіе на выборахъ, покинулъ ея ряды и примкнулъ къ демократамъ.

Убѣдившись на этихъ двухъ опытахъ въ безплодности политическихъ союзовъ съ другими партіями, соціалисты рѣшительно повернули въ сторону совершенно самостоятельной и ни отъ кого независимой политической дѣятельности. Однако, первый опытъ примѣненія новой тактики на ближайшихъ выборахъ далъ столь печальные результаты, что нью-іоркская „Volkszeitug“, возвращаясь къ своей старой мысли, писала, что до тѣхъ поръ, пока въ рядахъ соціалистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ наблюдаться громадное преобладаніе иностранцевъ, политическая дѣятельность Соціалистической рабочей партіи не будетъ имѣть никакого успѣха. Но сторонники независимой политики не были разочарованы своей первой неудачей и продолжали настаивать на цѣлесообразности своей тактики, которая, по ихъ глубокому убѣжденію, единственно только и могла въ ближайшемъ будущемъ поднять значеніе партіи, какъ серьезной политической силы.

И дѣйствительно, событія ближайшихъ лѣтъ явились какъ бы оправданіемъ такой точки зрѣнія. Такъ, нью-іоркскіе соціалисты въ мѣстныхъ выборахъ 1889 и 1890 гг. добились извѣстныхъ успѣховъ, а въ 1891 г. они собрали около своихъ кандидатовъ 14,651 голосъ.

Въ 1892 г. соціалисты выставили своихъ собственныхъ кандидатовъ на президентскихъ выборахъ. Въ шести штатахъ, въ которыхъ Соціалистическая рабочая партія имѣла своихъ избирателей, она собрала въ общемъ 21.512 голосовъ. Но начиная съ этого времени, число избирательныхъ голосовъ партіи съ каждымъ

годомъ значительно увеличивается: въ 1893 г. она собрала 25.666 голосовъ, въ 1894—30.120; въ 1895—34.869. На президентскихъ выборахъ 1896 г. въ пользу ея кандидатовъ было подано 36.275 голосовъ въ 20 штатахъ Сѣв.-Американскаго Союза. Въ слѣдующемъ году число голосовъ партіи возрасло до 55.550, а въ 1898 г. поднялось уже до 82.204 голосовъ [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ обзору другой важнѣйшей сферы дѣятельности Соціалистической рабочей партіи, выразившейся въ непосредственной пропагандѣ ея идей среди американскихъ рабочихъ и преимущественно среди рабочихъ—членовъ организованныхъ союзовъ, намъ нужно остановиться на одномъ очень тяжеломъ эпизодѣ въ жизни партіи—ея борьбѣ съ анархизмомъ.

Незадолго до конгресса Соціалистической рабочей партіи въ Нью-Іоркѣ 1879 г., образовалось въ Чикаго и Цинцинатѣ нѣсколько боевыхъ рабочихъ организацій съ анархическими тенденціями. Партія, въ рядахъ которой на упомянутомъ конгрессѣ обозначились два теченія—умѣренное и крайне-рѣшительно, высказалась противъ этихъ организацій, такъ какъ, по ея мнѣнію, онѣ фальсифицировали истинный характеръ и цѣли соціалистическаго движенія и способны были внушить обществу мысль, будто соціалисты рѣшили силою добиться того, чего они не могутъ достигнуть посредствомъ избирательнаго бюллетеня.

Почти одновременно съ этимъ обострился конфликтъ между умѣренными и крайними элементами внутри самой партіи, завершившійся выдѣленіемъ нью-іоркскихъ секцій въ особый революціонный клубъ, въ подраженіе которому цѣлый рядъ подобныхъ же клубовъ былъ образованъ въ Бостонѣ, Филадельфіи, Мильвоки и Чикаго. На съѣздѣ этихъ клубовъ въ Чикаго въ 1881 г. была организована „Революціонная соціалистическая рабочая партія“, колебавшаяся между соціализмомъ болѣе радикальнаго оттѣнка и настоящимъ анархизмомъ и избравшая своимъ вождемъ популярнаго агитатора и редактора „Freiheit“ Іоганна Моста.

Ростъ анархическаго движенія совпалъ съ однимъ изъ довольно трудныхъ моментовъ въ исторіи Соціалистической рабочей партіи. Смущенные недавними политическими неудачами и индифферентизмомъ американцевъ къ соціалистической пропагандѣ, многіе изъ ея членовъ охотно прислушивались къ проповѣди всеобщаго отрицанія; секціи одна за другой откалывались и присоединялись къ анархистамъ; къ 1883 г. ряды партіи порѣдѣли такъ замѣтно, что вождямъ ея стоило большихъ усилій, чтобы пріостановить дальнѣйшій отливъ ея членовъ. Признавая неизбѣжность нѣкоторыхъ уступокъ своимъ крайнимъ элемен-

[1]) По новѣйшимъ даннымъ, число голосовъ, полученныхъ соціалистами въ 1900 г., было выше—130,000, а въ 1902 г. оно поднялось до 230,000. *М. Б.*

тамъ, Соціалистическая рабочая партія на балтиморскомъ конгрессѣ 1883 г. внесла нѣкоторыя измѣненія въ свою програму и обнародовала „прокламацію", имѣвшую болѣе радикальный оттѣнокъ, нежели всѣ предыдущія ея заявленія. Въ этомъ партійномъ документѣ политика рекомендовалась лишь, какъ средство пропаганды, и заявлялось, между прочимъ, что господствующіе классы никогда не откажутся отъ своихъ привилегій, если они не будутъ вынуждены къ этому *силою*.

Но сдѣлавъ эти уступки крайнимъ элементамъ, партія совершенно недвусмысленно опредѣлила свои отношенія къ явнымъ анархистамъ. Мы, заявляли делегаты на балтиморскомъ конгрессѣ, не должны принимать на себя отвѣтственность за безуміе тѣхъ людей, которые динамитныя бомбы считаютъ лучшимъ средствомъ агитаціи. Мы прекрасно понимаемъ, что революція должна совершиться въ умахъ и въ экономической жизни людей раньше, чѣмъ рабочій классъ сумѣетъ достигнуть прочнаго успѣха. Этимъ заявленіемъ конгрессъ провелъ рѣзкую демаркаціонную линію между соціалистами и анархистами и не только положилъ конецъ всякимъ примирительнымъ попыткамъ, но еще сильнѣе обострилъ враждебныя отношенія между двумя противными лагерями.

Между тѣмъ анархизму въ Соединенныхъ Штатахъ предстояло пережить страшное кровавое испытаніе, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Предпринятая рабочими арганизаціями въ 1887 г. кампанія въ пользу восьмичасового рабочаго дня повлекла за собою рядъ ужасныхъ событій, завершившихся мартирологомъ выдающихся дѣятелей анархическаго движенія, изъ которыхъ одни были казнены, другіе подвергнуты пожизненному заключенію.

Разгромъ анархистовъ косвеннымъ образомъ способствовалъ болѣе широкому распространенію соціалистическихъ идей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Соціалистическая рабочая партія, силою обстоятельствъ избавленная отъ траты своей энергіи на борьбу съ серьезнымъ противникомъ, могла теперь спокойно заняться своею внутреннею организаціонною работою. Съ этою цѣлью ею были основаны новыя газеты, новыя секціи, организованы во всѣхъ главныхъ промышленныхъ центрахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки серіи лекцій, среди которыхъ выдающійся интересъ имѣли лекціи покойныхъ Либкнекта и Элеоноры Марксъ-Эвелингъ.

Въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ лѣтъ партія росла и крѣпла, и къ 1899 г. она насчитывала свыше 350 секцій, покрывавшихъ собою территорію болѣе 30 штатовъ. Изъ партійныхъ конгрессовъ, состоявшихся за это время, слѣдуетъ отмѣтить конгрессъ въ Нью-Іоркѣ, на которомъ была принята въ высшей степени важная резолюція по вопросу объ отношеніи Соціалистической рабочей партіи къ тредъ-юніонистскому движенію. Эта резолюція, рѣзко осуждавшая дѣятельность профессіональныхъ раныхъ союзовъ, возвѣщала о рѣшительномъ отказѣ партіи отъ

обычной для нея примирительной политики по отношенію къ тредъ-юніонистскимъ организаціямъ.

Къ обзору этой важнѣйшей стороны въ дѣятельности Соціалистической рабочей партіи мы теперь перейдемъ.

Усилія Соціалистической рабочей партіи завязать постоянныя и дружественныя отношенія съ независимыми рабочими организаціями, хотя въ общемъ и не имѣли большого успѣха, дали, однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма цѣнные результаты. Таковы отношенія между партіей и центральной рабочей федераціей Нью-Іорка. Наиболѣе дружную поддержку партія встрѣтила со стороны нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ Нью-Іорка, объединившихся въ 1885 г. подъ именемъ „Объединеннаго германскаго рабочаго союза Нью-Іорка", образовавшагося первоначально съ цѣлью оказанія матеріальной помощи рабочей прессѣ. Съ тою же цѣлью подобные союзы нѣмецкихъ рабочихъ, а также объединенные союзы рабочихъ-евреевъ были учреждены въ нѣсколькихъ другихъ городахъ; со всѣми этими организаціями Соціалистическая рабочая партія находилась въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ.

Гораздо сложнѣе были отношенія партіи къ самой могущественной изъ рабочихъ организацій въ Соединенныхъ Штатахъ— къ Ордену рыцарей труда.

Начало этого Ордена относится къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія, когда въ Филадельфіи образовался профессіональный союзъ закройщиковъ, который на первыхъ же порахъ своего существованія навлекъ на себя сильное неудовольствіе патроновъ, рѣшившихъ во чтобы то ни стало уничтожить его въ самомъ зародышѣ. Отношенія между патронами и союзомъ закройщиковъ вскорѣ достигли такой степени обостренія, что послѣднимъ приходилось выбирать между мастерскою хозяина и своимъ профессіональнымъ союзомъ. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ закройщики рѣшили преобразовать свой легальный союзъ въ тайное общество, которое и было названо „Благороднымъ орденомъ рыцарей труда"; онъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ 69 человѣкъ.

Вначалѣ Орденъ состоялъ исключительно изъ закройщиковъ. Но въ 1871 г. рѣшено было привлечь въ его ряды рабочихъ и другихъ профессій и въ теченіе одного только года число его членовъ такъ сильно поднялось, что мѣстныя организаціи Ордена цѣлою сѣтью покрыли города и штаты Сѣв. Америки. Вмѣстѣ съ численнымъ ростомъ Ордена мало-по-малу разсѣивалась и окружавшая его тайна. Для устраненія этого ненормальнаго положенія и для опроверженія чудовищныхъ и нелѣпыхъ слуховъ, которые распускались въ публикѣ объ его статутахъ, Орденъ рыцарей труда въ 1878 г. постановилъ всенародно заявить о

своемъ существованіи и опубликовать свои руководящіе принципы. Эта декларація принциповъ Ордена, изданная въ томъ же году, начинается слѣдующимъ вступленіемъ: „Тревожный ростъ и высокомѣрныя притязанія крупныхъ капиталистическихъ корпорацій, при отсутствіи надлежащаго отпора, неизбѣжно влекутъ за собою обнищаніе и безнадежное вырожденіе трудящейся массы. Поэтому, если мы желаемъ пользоваться благами жизни во всей ихъ полнотѣ, то настоятельно необходимо положить конецъ несправедливому накопленію и злоупотребленію богатствами, сосредоточенными въ немногихъ рукахъ". Далѣе, считая своей цѣлью обезпеченіе за рабочими полнаго владѣнія всѣми создаваемыми ими богатствами, Орденъ выставляетъ, между прочимъ, рядъ слѣдующихъ требованій: „Общественныя земли—это наслѣдственное достояніе народа—должны быть сохранены для лицъ, дѣйствительно ее колонизирующихъ; ни одного акра—ни желѣзнымъ дорогамъ, ни спекулянтамъ; земли же, отданныя во владѣніе ради спекулятивныхъ цѣлей, должны быть обложены по высшей ихъ оцѣнкѣ". Телеграфы, телефоны и желѣзныя дороги должны перейти въ руки государства, и затѣмъ никакія концессіи и привилегіи не должны быть предоставляемы частнымъ компаніямъ на постройку или эксплоатацію путей сообщенія какого бы то ни было рода. Какъ на одну изъ ближайшихъ задачъ, въ „прокламаціи" Ордена указывалось на учрежденіе производительныхъ ассоціацій, „которыя способствовали бы замѣнѣ системы салеріата системою кооперативнаго производства".

Радикальный характеръ вышеизложенныхъ требованій часто давалъ основаніе считать Орденъ рыцарей труда соціалистической организаціей. Въ дѣйствительности же это было не такъ. Правда, какъ на редакціи, такъ и на содержаніи этихъ требованій сильно сказалось вліяніе соціалистовъ и, быть можетъ, въ нихъ совершенно правильно отразились дѣйствительные взгляды авторовъ „прокламаціи" и нѣкоторыхъ вождей Ордена. Но въ позднѣйшіе годы выраженные въ нихъ принципы оставались мертвою буквою, и попытки соціалистовъ завоевать себѣ прочную позицію въ этой сильной организаціи имѣли мало успѣха, и только уже въ эпоху ея упадка, въ началѣ 90-хъ годовъ, вліяніе Соціалистической рабочей партіи на Орденъ нѣсколько усилилось, впрочемъ, не надолго.

Организація по преимуществу аристократическаго характера, Орденъ рыцарей труда оградилъ себя отъ непосвященныхъ покровомъ непроницаемой тайны и сложной системой ритуала и всякихъ странныхъ церемоній. Трудности, препятствовавшія свободному доступу въ эту организацію, побудили представителей другихъ рабочихъ организацій созвать въ 1881 г. въ Питсбургѣ конгрессъ „интернаціональныхъ и національныхъ союзовъ, рабочихъ совѣтовъ и мѣстныхъ союзовъ" для образованія конфеде-

раціи автономныхъ рабочихъ группъ въ интересахъ защиты требованій труда. Результатомъ этого движенія явилась „Федерація организованныхъ промышленныхъ и рабочихъ союзовъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады", поставившая себѣ задачею объединеніе рабочихъ организацій на условіяхъ ихъ внѣшней и внутренней автономіи.

Первоначально организаціи эти мирно уживались рядомъ съ Орденомъ, но съ теченіемъ времени эти мирныя отношенія были нарушены и перешли въ открытую вражду. Будучи, сравнительно съ Орденомъ, организаціей демократической, открытой и для всѣхъ рабочихъ доступной, Федерація вскорѣ пріобрѣла такую широкую популярность, что оттѣснила Орденъ рыцарей труда далеко на задній планъ. Уже въ 1887 г. она насчитывала до 600,000 членовъ. Важнѣйшія проблемы труда и открытая борьба съ капиталомъ всегда стояли въ порядкѣ дня ея очередныхъ конгресовъ, и не удивительно поэтому, что соціалисты, встрѣчая въ Федераціи почву, гораздо болѣе благопріятную для своей пропаганды, старались пріобрѣсти себѣ здѣсь—и не безъ успѣха—прочную позицію. На конгрессахъ Федераціи число делегатовъ Соціалистической рабочей партіи все болѣе и болѣе увеличивалось и авторитетъ ихъ постоянно возросталъ. Такъ, не безъ вліянія соціалистовъ Федерація на своемъ 6-мъ ежегодномъ конгрессѣ въ 1885 г. значительнымъ большинствомъ голосовъ высказалась за „искреннюю поддержку независимой политической дѣятельности рабочаго класса".

Однако, и здѣсь вліяніе соціалистовъ оказалось не настолько значительнымъ, чтобы оно могло упрочиться окончательно или хотя бы на болѣе или менѣе продолжительное время. Изъ опыта своихъ сношеній съ названными двумя крупнѣйшими рабочими организаціями Соціалистическая рабочая партія вынесла убѣжденіе въ безнадежности своихъ усилій обратить ихъ на путь соціализма и потому, отказавшись разъ на всегда отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи, рѣшила, въ противовѣсъ имъ, организовать самостоятельно „Соціалистическій промышленный и рабочій союзъ".

Еще въ началѣ своихъ сношеній съ Орденомъ рыцарей труда нѣкоторые изъ видныхъ дѣятелей Соціалистической рабочей партіи основали въ Нью-Іоркѣ рядъ союзовъ изъ нѣмецкихъ и еврейскихъ рабочихъ, черезъ которыхъ они старались воздѣйствовать на Орденъ. Послѣ полнаго разрыва своихъ отношеній съ послѣднимъ и рѣзкаго осужденія всей его дѣятельности, партія обратилась съ призывомъ къ этимъ рабочимъ организаціямъ прекратить всякія сношенія съ Орденомъ. Громадное ихъ большинство, послѣдовавшее этому призыву, и составило ядро соціалистическаго промышленнаго и рабочаго союза, къ которому примкнули нѣкоторыя другія рабочія группы, сочувствовавшія соціалисти-

ческому движенію. Притокъ силъ къ новой организаціи въ теченіе первыхъ 2—3 лѣтъ ея существованія былъ настолько обиленъ, что въ скоромъ времени она пріобрѣла значеніе новаго и весьма важнаго органа соціалистической рабочей партіи.

Въ противоположность „Федераціи" и „Ордену", соціалистическій промышленный и рабочій союзъ обращалъ на независимую политическую дѣятельность рабочаго класса болѣе серьезное вниманіе, нежели на его экономическую борьбу и настойчиво рекомендовалъ примыкающимъ къ нему рабочимъ группамъ идти всегда рука объ руку съ Соціалистической рабочей партіей, не оказывая ни малѣйшей поддержки ни одной изъ господствующихъ буржуазныхъ партій.

Но цвѣтущій періодъ въ жизни союза продолжался не долго. Вслѣдствіе серьезныхъ недостатковъ въ его организаціи, вслѣдствіе чрезмѣрно диктаторскаго образа дѣйствій его руководителей и излишней централизаціи, сильно стѣснявшей свободу мѣстныхъ группъ, послѣднія одна за другою стали отъ него откалываться, и въ настоящее время, очень незначительный по своему составу, соціалистическій промышленный и рабочій союзъ не играетъ уже серьезной роли въ рабочемъ движеніи Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

За послѣднее десятилѣтіе Соединенные Штаты сдѣлали крупный шагъ по пути къ дальнѣйшему развитію своей капиталистической индустріи. По даннымъ 1894 г., въ каменноугольныя предпріятія помѣщено было не менѣе 500,000,000 долларовъ, въ нефтяное дѣло—200,000,000 и сотни милліоновъ въ разныя другія предпріятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ тенденція къ концентраціи капитала для объединенныхъ предпріятій вызвала, съ одной стороны, знаменитые промышленные тресты, а съ другой—могущественные рабочіе союзы. Классовый антагонизмъ обозначился гораздо ярче, и борьба между трудомъ и капиталомъ пріобрѣтала все болѣе острыя формы, захватывая обширные районы. Не проходило и года безъ того, чтобы въ томъ или иномъ промышленномъ центрѣ Штатовъ не вспыхивало болѣе или менѣе серьезное столкновеніе между рабочими и капиталистами. Эти столкновенія, по обыкновенію, выразились въ цѣломъ рядѣ крупныхъ стачекъ, каковы стачки на сталелитейныхъ заводахъ Корнеджи и К° въ Гомстадѣ въ 1892 г., въ серебряно-свинцовыхъ рудникахъ округа Coer d'Alène, желѣзнодорожныя стачки въ Буффало въ 1892 г., стачки въ каменноугольномъ районѣ Тенесси, гигантская стачка въ знаменитомъ пульмановскомъ вагоностроительномъ заводѣ въ окрестностяхъ Чикаго въ 1894 г., сопровождавшаяся кровавыми событіями и причинившая странѣ убытки до 80,000,000 долларовъ и т. д. Несмотря на крупныя жертвы, которыми сопровождалась эта

ожесточенная борьба, несмотря на опасныя осложненія, вызываемыя ею въ ходѣ промышленной жизни страны, несмотря, наконецъ, на неудачи, которыми она обыкновенно заканчивалась для рабочихъ, отношенія между трудомъ и капиталомъ попрежнему сохраняли весьма тревожный характеръ, усиливая недовольство въ широкихъ массахъ не только городского фабричнаго, но и сельскаго населенія. Дѣло въ томъ, что промышленный прогрессъ послѣдняго десятилѣтія не могъ не оказать своего вліянія также и на сельско-хозяйственную промышленность Соединенныхъ Штатовъ, вызвавъ цѣлый рядъ коренныхъ измѣненій въ положеніи сѣверо-американскихъ фермеровъ. Чрезвычайное развитіе желѣзнодорожной сѣти, удивительныя усовершенствованія въ способахъ транспорта создали обширный національный рынокъ для сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, неизбѣжно вовлекшій фермеровъ въ круговоротъ промышленной конкурренціи. Бѣдственныя послѣдствія этой конкурренціи тѣмъ сильнѣе отражались на дѣлахъ обыкновенныхъ фермеровъ, что имъ приходилось вести слишкомъ неравную борьбу съ крупными капиталистическими хозяйствами, такъ называемыми bonanza farms, возникшими на громадныхъ участкахъ земли и снабженныхъ всѣми усовершенствованіями сельско-хозяйственной техники. Подъ дѣйствіемъ конкурренціи цѣны на продукты сельскаго хозяйства сильно пали въ то время, какъ веденіе фермерскаго хозяйства сдѣлалось и болѣе сложнымъ, и болѣе дорогимъ, а возрастающая задолженность фермеровъ сильно сократила и безъ того скромную доходность ихъ хозяйствъ.

Параллельно и, безъ сомнѣнія, отчасти подъ вліяніемъ новѣйшихъ фактовъ экономическаго развитія, въ политической жизни страны пріобрѣло широкую популярность новое радикальное теченіе, развѣтвившееся въ двухъ главныхъ направленіяхъ—*націоналистскаго* и *популистскаго*.

Начало націоналистскаго движенія тѣснѣйшимъ образомъ связано съ появленіемъ популярнаго соціологическаго романа Беллами „Looking Backward", хорошо извѣстнаго подъ заглавіемъ „Черезъ сто лѣтъ" также и русскимъ читателямъ по нѣсколькимъ переводнымъ изданіямъ, появившимся въ Россіи въ началѣ 90-хъ годовъ. Терминъ „націоналистскій", принятый для опредѣленія этого движенія и дающій поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ, слѣдуетъ именно понимать въ томъ значеніи, какое ему придавалъ самъ Беллами. Онъ называлъ это движеніе *націоналистскимъ* потому, что оно ставило своею цѣлью *національзацію* промышленности; такъ что терминъ „націонализмъ" Беллами вводитъ не ради противопоставленія его соціализму, но лишь потому, что такимъ путемъ онъ надѣялся устранить массу смутныхъ и спорныхъ толкованій, исторически связанныхъ съ понятіемъ соціализма.

Въ политической сферѣ „націоналисты" не играли никакой

видной роли и хотя иногда выставляли на выборахъ собственныхъ кандидатовъ, но большею частью дѣйствовали заодно съ популистами.

Популистское движеніе зародилось въ штатѣ Канзасъ на конгрессѣ всѣхъ радикальныхъ элементовъ, собравшихся въ 1890 г. для образованія новой политической партіи. На конгрессъ явились делегаты отъ союза фермеровъ, Ордена рыцарей труда и другихъ реформистскихъ организацій, которые и приняли рѣшеніе образовать „Канзасскую народную партію". Новая партія и вызванное ею движеніе быстро достигло значительныхъ успѣховъ, распространивъ свое вліяніе на западные, центральные и нѣкоторые южные штаты; въ 1891 г. состоялся уже первый національный конгрессъ партіи, на которомъ присутствовало 1418 делегатовъ. Состоя преимущественно изъ мелкихъ фермеровъ, партія эта наибольшимъ значеніемъ и авторитетомъ пользовалась въ земледѣльческихъ западныхъ и ближайшихъ къ нимъ центральныхъ штатахъ; и хотя вожди ея отводили въ своей программѣ первое мѣсто вопросамъ фермерскаго хозяйства и постоянно на это указывали, тѣмъ не менѣе заявляли, что не разсчитываютъ на достиженіе коренныхъ измѣненій въ національной политикѣ безъ содѣйствія городского фабричнаго пролетаріата; а на конгрессѣ популистской партіи 1892 г. эта же мысль была выражена въ еще болѣе опредѣленной формѣ. „Интересы сельскихъ и городскихъ рабочихъ,—заявлено было на этомъ конгрессѣ,—тождественны; враги у нихъ одни и тѣ же".

Какъ великъ былъ успѣхъ, достигнутый партіей, показываетъ внушительная цифра въ 1,564,318 голосовъ, полученныхъ ея кандидатами на выборахъ 1894 г. Но и эту партію ждала общая участь всѣхъ молодыхъ, неокрѣпшихъ организацій. На президентскихъ выборахъ 1896 г., подъ вліяніемъ обычныхъ политическихъ махинацій, она рѣшила отказаться отъ собственнаго кандидата и присоединиться къ кандидатурѣ Брайана, ставленника демократической партіи. Это былъ актъ, равносильный политическому самоубійству, такъ какъ съ этого момента популистская партія прекратила свое существованіе въ качествѣ самостоятельной организаціи и превратилась въ отдѣленіе демократической партіи. На президентскихъ выборахъ 1900 г. она собрала въ пользу своего кандидата уже не болѣе 50,000 голосовъ.

Какъ слабо, въ сущности, было вліяніе націоналистскаго и популистскаго движенія на общественно-политическую мысль въ Сѣв.-Америкѣ (о фабіанствѣ и христіанскомъ соціализмѣ, значеніе которыхъ было еще болѣе эфемерно, мы не говоримъ), все же нельзя отрицать того, что они сыграли извѣстную роль въ пробужденіи интереса къ соціальному вопросу и своею критикою традиціонныхъ взглядовъ создавали атмосферу, болѣе воспріимчивую къ соціалистическимъ идеямъ.

Между тѣмъ Соціалистическая рабочая партія, застывшая въ старыхъ рамкахъ своихъ теоретическихъ построеній и практическихъ задачъ, оставалась какъ бы внѣ жизни, не считаясь ни съ народившимися теченіями политической мысли, ни съ новѣйшими явленіями конкретной дѣйствительности. Организованная въ такое время, когда соціализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки представлялъ скорѣе академическій интересъ, нежели ясно сознанное требованіе, вытекавшее изъ всей совокупности условій экономическаго и политическаго развитія страны, Соціалистическая рабочая партія походила болѣе на учебно-образовательное общество, чѣмъ на политическую организацію рабочаго пролетаріата. Поэтому въ 90-хъ годахъ, когда рабочее движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ далеко вышло за тѣ предѣлы, въ которыхъ оно раньше замыкалось, радикальное измѣненіе во внутренней организаціи партіи стало насущною потребностью времени. Между тѣмъ вожди ея, какъ будто не понимая всего серьезнаго смысла переживаемаго историческаго момента, ревниво охраняли разъ на всегда занятыя ими позиціи и, смотря на принадлежность къ партіи, какъ на особаго рода привилегію, неохотно открывали доступъ въ ея ряды представителямъ рядовой рабочей массы.

Эта общая политика вождей партіи, а также попрежнему непримиримое ихъ отношеніе къ тредъ-юніонизму все чаще и чаще начала вызывать противъ себя протесты со стороны многихъ изъ ея членовъ. Порядокъ, поддерживаемый самою строгою дисциплиною, не признававшій никакого разногласія во взглядахъ, ни малѣйшей ихъ критики, сохранялся въ Соціалистической рабочей партіи до 1899 года, но въ концѣ концовъ не могъ не привести къ серьезному внутреннему расколу.

Борьба, глухо развивавшаяся въ нѣдрахъ партіи, послѣ того, какъ расколъ сталъ совершившимся фактомъ, сразу же приняла настолько острыя формы, что на политическихъ выборахъ 1899 г. каждая изъ двухъ враждующихъ фракцій расколовшейся партіи выставила свой особый списокъ кандидатовъ и настаивала на законности своего именно представительства Соціалистической рабочей партіи во всемъ ея цѣломъ. Въ штатѣ Нью-Іоркъ этотъ споръ съ избирательной арены перенесенъ былъ даже на разсмотрѣніе суда.

Чтобы положить конецъ этому хаотическому состоянію дѣлъ, въ томъ же году въ Рочестерѣ былъ созванъ партійный съѣздъ, на которомъ подвергнуты были пересмотру методы и тактика партіи, а самая партія была реформирована на началахъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ требованіямъ современнаго рабочаго движенія. Въ этомъ отношеніи вотированная конгрессомъ резолюція, подготовившая путь къ объединенію Соціалистической рабочей партіи съ соціалъ-демократической рабочей партіей, пріобрѣтаетъ весьма важное историческое значеніе.

„Соціалистическая рабочая партія,—гласитъ резолюція,—собравшись на національный конгрессъ, шлетъ свой братскій привѣтъ соціалъ-демократической партіи Соединенныхъ Штатовъ. Принимая во вниманіе, что ходъ развитія соціалистическаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ устранилъ разногласія въ принципахъ и во взглядахъ Соціалистической рабочей партіи и соціалъ-демократической партіи, что обѣ онѣ совершенно солидарны въ вопросахъ программы, тактики и методовъ дѣйствія; принимая во вниманіе, что согласная и солидарная дѣятельность соціалъ-демократическихъ элементовъ является условіемъ успѣшной борьбы противъ соединенныхъ силъ капитализма,—конгрессъ, согласно выраженному имъ желанію, постановилъ: въ интересахъ соціализма осуществить возможно скорѣе объединеніе Соціалистической рабочей партіи и соціалъ-демократической партіи въ одну сильную, единую и солидарную партію; поэтому конгрессъ обращается съ призывомъ ко всѣмъ серьезнымъ и честнымъ соціалистамъ обѣихъ партій этой страны и убѣждаетъ ихъ отбросить мелкое честолюбіе и личные счеты въ виду предстоящей великой задачи и вступить въ переговоры между собою, но не въ качествѣ двухъ враждебныхъ лагерей, изъ которыхъ каждый хлопочетъ о мирѣ съ заднею мыслью извлечь для себя наибольшія изъ него выгоды, но въ качествѣ двухъ равноправныхъ сторонъ, до сихъ поръ работавшихъ отдѣльно для одной и той же цѣли, а теперь искренне желающихъ подготовить надлежащую почву для заключенія честнаго и прочнаго союза въ интересахъ общаго дѣла".

Далѣе въ резолюціи говорится о назначеніи спеціальнаго комитета изъ представителей обѣихъ партій, на который будетъ возложено осуществленіе этой задачи.

Между тѣмъ расколъ въ рядахъ Соціалистической рабочей партіи, о которомъ мы только упомянули, завершился выходомъ изъ партіи недовольныхъ элементовъ. Не будучи въ силахъ на первыхъ же порахъ создать стройную организацію, они образовали рядъ соціалистическихъ и полу-соціалистическихъ клубовъ, обществъ, кооперативныхъ колоній и т. п. Для объединенія этихъ разрозненныхъ элементовъ и систематизированія ихъ попытокъ недоставало лишь опытнаго организатора-вождя. Такой вождь вскорѣ явился въ лицѣ Евгенія Дебса.

Дебсъ всегда былъ человѣкомъ радикальнаго образа мыслей, а опытъ, вынесенный имъ изъ знаменитой чикагской стачки, только еще болѣе усилилъ радикализмъ его воззрѣній въ области соціальнаго вопроса. Осужденный къ тюремному заключенію, какъ одинъ изъ главныхъ организаторовъ желѣзнодорожной стачки 1894 г., онъ посвятилъ досуги своего невольнаго уединенія изученію соціальныхъ проблемъ и знакомству съ теоріей современнаго соціализма.

После разгрома американскаго железнодорожнаго союза, отъ него осталась лишь небольшая группа, сохранившая свою верность Дебсу. Обломокъ некогда могущественной организаціи, она соединилась съ недавно образовавшимся „Братствомъ Кооперативнаго Общества", представлявшимъ изъ себя соціалистическую организацію съ утопическою окраскою. Эти-то две соединившіяся организаціи, собравшись въ 1897 г. на конгрессъ въ Чикаго, и положили начало новой партіи, принявшей названіе „Американской Соціалъ-демократіи" (Social-Democraty of America).

Утопическія тенденціи „Братства" были перенесены и въ новую партію, нарушая ея чисто-соціалистическій характеръ, и выражались въ различнаго рода колонизаціонныхъ затеяхъ, обыкновенно широко открывающихъ двери лицамъ, не только индифферентнымъ, но и прямо враждебнымъ соціализму. Но мало-по-малу ростъ чисто-соціалистическихъ элементовъ въ конце концовъ обезпечилъ за ними численное превосходство въ партіи; вместе съ темъ приняты были меры къ прекращенію всякихъ колоніальныхъ затей.

Но утописты не хотели сдаться безъ боя и на первомъ же конгрессе партіи американской соціалъ-демократіи, который состоялся въ Чикаго въ 1898 г. въ присутствіи 70-ти делегатовъ отъ 94 организацій, произошло сильное столкновеніе между представителями большинства и меньшинства партіи. Въ то время, какъ большинство решительно высказалось противъ всякихъ новыхъ колонизаціонныхъ проектовъ и энергически отстаивало примененіе общихъ методовъ, практикуемыхъ чисто-соціалистическими программами деятельности, меньшинство съ неменьшей энергіей защищало организацію соціалистическихъ колоній, какъ самую насущную задачу партіи. При голосованіи заключеній докладовъ, представленныхъ конгрессу тою и другою стороною, 53 голоса высказались въ пользу доклада меньшинства и 37 голосовъ въ пользу доклада большинства.

Этотъ неожиданный исходъ голосованія заставилъ представителей большинства въ лице своихъ 37 делегатовъ выйти изъ состава партіи американской соціалъ-демократіи и образовать новую „американскую соціалъ-демократическую партію (Social-democratie Parti of America), окончательно устранившую изъ своей программы утопическія тенденціи; въ числе членовъ исполнительнаго комитета новой партіи находился и Евгеній Дебсъ.

Молодая партія быстро завоевала въ стране очень широкую популярность и первые же шаги ея на политическомъ поприще ознаменовались выдающимся успехомъ: на выборахъ 1899 г. она сумела провести несколькихъ своихъ кандидатовъ въ законодательныя собранія отдельныхъ штатовъ, а также на должности мэровъ и ольдерменовъ; на первомъ своемъ конгрессе, созванномъ въ 1900 г. въ Индіанополисе, партія насчитывала въ своихъ рядахъ уже 5000 организованныхъ членовъ.

Самое серьезное вниманіе члены этого конгресса посвятили предложенію о соединеніи съ Соціалистической рабочей партіей, съ которымъ, какъ мы уже знаемъ, послѣдняя обратилась съ своего рочестерскаго конгресса къ Соціалъ-демократической партіи. Встрѣтивъ предложеніе съ большимъ энтузіазмомъ, делегаты индіанопольскаго съѣзда вмѣстѣ съ тѣмъ выразили желаніе въ смыслѣ безотлагательнаго его осуществленія.

Но главные вожди соціалъ-демократической партіи, заподазривая искренность этого предложенія, не раздѣляли энтузіазма своихъ товарищей и рекомендовали обусловить его принятіе самыми строгими гарантіями. Соглашаясь на учрежденіе комитета рядомъ съ комитетомъ Соціалистической рабочей партіи для выработки плана въ духѣ рочестерской резолюціи, они предлагали затѣмъ результаты совѣщаній обоихъ комитетовъ подвергнуть голосованію каждой партіи въ отдѣльности и настаивали на сохраненіи за будущей объединенной организаціей названія „Соціалъ-демократической партіи".

Однако, большинствомъ голосовъ всѣ эти предосторожности признаны были излишними и были отвергнуты; комитетъ, избранный для веденія переговоровъ съ рочестерскимъ комитетомъ Соціалистической рабочей партіей, былъ облеченъ неограниченными полномочіями. Несмотря на важность вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе, переговоры все время велись въ довольно примирительномъ тонѣ; споръ возгорѣлся лишь изъ-за названія будущей объединенной партіи, и въ концѣ концовъ остановились на томъ, чтобы вопросъ этотъ подвергнуть соединенному голосованію обѣихъ партій.

Прежде чѣмъ состоялось, однако, это голосованіе, произошло одно неожиданное обстоятельство, рѣшившее судьбу столь успѣшно начатой объединительной попытки.

Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю по окончаніи совѣщаній соединеннаго комитета исполнительный комитетъ соціалъ-демократической партіи обнародовалъ манифестъ, авторы котораго обвиняли представителей соціалъ-демократической рабочей партіи въ нарушеніи оказаннаго имъ довѣрія и въ силу этого требовали отклоненія союзнаго договора. Манифестъ вызвалъ горячій протестъ въ рядахъ обѣихъ партій и подалъ поводъ къ острому конфликту между сторонниками исполнительнаго комитета соціалъ-демократической партіи и защитниками объединенія; послѣдніе, рѣшительно отказываясь признать законность дѣйствій своихъ противниковъ, продолжали голосовать выработанный соединеннымъ совѣщательнымъ комитетомъ союзный договоръ и приняли мѣры къ приведенію его въ дѣйствіе, послѣ того какъ онъ былъ подписанъ рочестерской фракціей Соціалистической рабочей партіей и объединенной фракціей соціалъ-демократической партіи.

Возникшіе на этой почвѣ раздоры привели каждую изъ

обѣихъ партій къ распаденію на двѣ фракціи съ своими особыми органами, особыми списками кандидатовъ на политическихъ выборахъ. Впрочемъ, на президентскихъ выборахъ обѣ фракціи соціалъ-демократической партіи вновь соединились и дѣйствовали заодно; это дало имъ возможность собрать на 97,730 голосовъ больше того числа, какое соціалъ-демократической рабочей партіи удавалось собрать въ моментъ ея наибольшаго расцвѣта.

Этотъ блестящій успѣхъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ представителямъ обѣихъ враждующихъ фракцій соціалъ-демократической партіи, что въ ихъ взаимной солидарности и единствѣ ихъ дѣйствій — самый прочный залогъ дальнѣйшаго развитія партіи и соціалистическаго движенія вообще.

Сторонники идеи примиренія съ удвоенною силою начали въ странѣ агитацію въ интересахъ объединенія всѣхъ соціалистическихъ элементовъ въ обширную единую партію. Съ этою же цѣлью въ 1901 г. созванъ былъ конгрессъ въ Индіанополисѣ, на который явились делегаты отъ всѣхъ соціалистическихъ организацій, за исключеніемъ нью-іоркской фракціи Соціалистической рабочей партіи, представлявшія не менѣе 10,000 организованныхъ соціалистовъ.

Памятуя печальные результаты первой примирительной попытки, конгрессъ рѣшилъ на этотъ разъ ограничиться пока объединеніемъ лишь тѣхъ организацій, которыя были представлены на конгрессѣ, для чего и были выработаны соотвѣтствующая программа и планъ внутренняго устройства партіи, названной „Соціалъ-демократической партіей“ (Socialist party).

Индіанопольскій конгрессъ заслуживаетъ особаго вниманія. Помимо того, что это первый конгрессъ, имѣвшій болѣе полное, чѣмъ когда-либо, представительство существовавшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ соціалистическихъ организацій, онъ замѣчателенъ еще, какъ яркій показатель тѣхъ глубокихъ и знаменательныхъ перемѣнъ, которыя произошли въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ сѣверо-американскомъ соціалистическомъ движеніи. Важнѣйшая изъ этихъ перемѣнъ сказалась въ томъ, что иностранцы, составлявшіе ранѣе подавляющее большинство всѣхъ сѣвероамериканскихъ соціалистическихъ организацій, теперь оказались въ незначительномъ меньшинствѣ, уступивъ преобладающее мѣсто въ нихъ природнымъ американцамъ, обнаружившимъ гораздо большую, чѣмъ въ прежніе годы, воспріимчивость къ соціалистическимъ доктринамъ. На конгрессѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, изъ 124 явившихся на него делегатовъ только 25, или 20%, были иностранцы. Такимъ образомъ соціализмъ и на чисто-американской почвѣ не былъ уже экзотическимъ растеніемъ.

Въ настоящее время Соціалистическая партія является самымъ могущественнымъ и авторитетнымъ органомъ соціалистическаго движенія въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Соціалистическая рабочая партія, которая никогда не могла оправиться послѣ раскола 1899 года, утратила свой прежній кредитъ. Не имѣя солидной точки опоры въ рабочемъ движеніи, насчитывая въ своихъ рядахъ не болѣе 3000 членовъ, попрежнему раздираемая внутренними раздорами, она продолжаетъ еще влачить свое мало замѣтное существованіе; окончательное исчезновеніе ея съ общественно-политической арены есть вопросъ недалекаго будущаго.

Въ иномъ совсѣмъ положеніи находится Соціалистическая партія. Со времени индіанопольскаго конгресса 1901 г. она обнаруживаетъ явные признаки быстраго, безпрерывнаго роста и неоспоримаго успѣха. Ея болѣе крупныя организаціи покрываютъ своею сѣтью не менѣе 44 штатовъ, а мѣстныя организаціи, число которыхъ доходитъ до 1200, имѣются во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ страны. Количество ея членовъ превышаетъ 20,000. Собравъ при первомъ своемъ дебютѣ во время избирательной кампаніи 1900 года до 100,000 голосовъ, Соціалистическая партія въ 1902 г. на выборахъ въ вашингтонскій конгрессъ получила уже около 250,000 голосовъ. Особенно значительныхъ успѣховъ партія добилась на мѣстныхъ выборахъ въ городскіе муниципалитеты, гдѣ она имѣетъ уже до 50 своихъ представителей.

Не менѣе крупные успѣхи сдѣлала партія въ области тредъюніонистскаго движенія, симпатіи котораго все замѣтнѣе склоняются на ея сторону. Эта тенденція весьма осязательно обнаружилась на національныхъ конгрессахъ трехъ выдающихся рабочихъ организацій въ 1902 г., изъ которыхъ одинъ только Western Labor Union насчитываетъ около 150.000 членовъ. Главною темою, обсуждавшеюся на этихъ конгрессахъ, былъ вопросъ объ отношеніи къ организаціямъ Соціалистической партіи; и три конгресса, единодушно высказавшись въ пользу независимой политической дѣятельности рабочаго класса, признали самымъ вѣрнымъ выразителемъ его интересовъ въ этой области Соціалистическую партію, къ программѣ которой они также присоединились.

Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ роста Соціалистической партіи служитъ также необычайное развитіе ея партійной прессы. Тогда какъ соціалистическая рабочая партія не въ силахъ была поддерживать даже еженедѣльный органъ на англійскомъ языкѣ, Соціалистическая партія обладаетъ въ настоящее время четырьмя ежемѣсячными журналами и двадцатью еженедѣльниками на англійскомъ языкѣ, изъ которыхъ одинъ только „The Appeal to Reason“, расходится въ 250,000 экземплярахъ. Кромѣ того, партія издаетъ три ежедневныя газеты и семь еженедѣльныхъ на нѣ-

мецкомъ языкѣ, и по одной газетѣ на французскомъ, польскомъ, чешскомъ, итальянскомъ, шведскомъ, венгерскомъ и еврейскомъ языкахъ.

Уже послѣ выхода въ свѣтъ книги Морриса Гилквита въ Чикаго въ маѣ текущаго года собирался конгрессъ соціалистической партіи, на который прибыло до 200 делегатовъ. На немъ, между прочимъ, кандидатомъ на предстоящихъ въ ноябрѣ этого года президентскихъ выборахъ единодушно и при всеобщемъ энтузіазмѣ избранъ извѣстный уже намъ Евгеній Дебсъ; кандидатомъ на постъ вице-президента—одинъ изъ выдающихся членовъ партіи, Бекъ Генфордъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что соціалистическое движеніе въ продолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ сильно упрочилось и, какъ по численному своему составу, такъ и по своему вліянію на рабочую массу стало однимъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ въ общественной и политической жизни Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Пролагая себѣ пути главнымъ образомъ въ широкія массы рабочаго населенія, соціалистическія идеи пріобрѣтаютъ сторонниковъ и среди другихъ слоевъ американскаго общества, распространяясь по всей обширной территоріи великой Заатлантической Республики. Но, разумѣется, движеніе далеко еще не достигло той интенсивности развитія, какой достигло соціалистическое движеніе въ Западной Европѣ. Однако, безпрерывный притокъ новыхъ членовъ въ ряды Соціалистической партіи, возникновеніе новыхъ органовъ партійной печати, недавнія побѣды на выборахъ, обнаружившія поразительно быстрый ростъ соціалистическихъ голосовъ, служатъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ неуклоннаго развитія въ Сѣверной Америкѣ той новой общественной силы, съ которой американской буржуазіи придется считаться очень серьезно.

М. Б.

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Изд. Т-ва „Знаніе".

С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томъ второй. Ц. 1 р.

Семенъ Юшкевичъ. Человѣкъ. Ц. 30 к.

Карлъ Каутскій. Эрфуртская программа. Ц. 30 к.

Шелли. Ченчи. Трагедія съ англ., пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 50 к.

С. Гуревичъ. Радикальная буржуазія и профес. союзы. Ц. 20 к.

І. Штернъ. Государство будущаго. Ц. 8 к.

Библіотека „Свѣточа".

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Гоголь. 2-е дополн. изд. Ц. 1 р.

Проф. Н. И. Карѣевъ. Теорія личности П. Л. Лаврова. Ц. 30 к.

Книгоиздательство „Другъ Народа".

Б Шварце. Семь лѣтъ въ Шлиссельбургѣ. Ц. 25 к.

В. Черкезовъ. Предтечи интернаціонала Ц. 30 к.

Софія Илларіоновна Бардина. Ц. 5 к.

І. Кокъ. Всеобщая забастовка въ Финляндіи. Ц. 25 к.

Изданіе „Посредникъ".

Генри Джорджъ. Земельный вопросъ. Ц. 10 к.

Н. Темный. Наслѣдство. Раз. изъ жизни рабочихъ. Ц. 3 к.

Ф. Поступаевъ. Жена рабочаго и друг. раз. Ц. 3 к.

Н. Тимковскій. Передъ судомъ. Раз. Ц. 2 к.

Ив. Наживинъ. На высотѣ. Раз. Ц. 2 к.

Ив Наживинъ. Благодѣтели (Авгуры). Раз Ц. 2 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Братская кровь. Враги. Ц. 3.

Ф. Поступаевъ. У земли и у котла. Пѣсни труд. жизни. Ц. 20 к.

Л. Н. Толстой. Новыя произв. Божеское и человѣческое, вып. второй Ц. 25 к.

Изданіе А. С. Панафидиной.

И. Денисюкъ. Начала политической экономіи. Ц. 1 р. 80 к.

Изданіе М. В. Пирожкова.

Д. Мережковскій. Христосъ и Антихристъ. Ц. 2 р.

Книгоиздательство „Вѣрный путь".

А. Зиминъ. Церковь и государство. Ц 7 к.

В. Василевичъ. Записки депутата второй Госуд. Думы. Ц. 4 к.

А. Николаевъ. Народная Газета. Ц. 4 к.

Книгоиздательство „Трибуна".

Вл. Носовскій. Вопросы національности. Ц. 40 к.

Издательство „Шиповникъ".

С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ Ц. 60 к.

Изданіе М. М. Дружининой и А. Н. Максимовой.

П. Б. Аксельродъ. Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ движеніи. Ц. 45 к.

Изданіе Леонида Крумбюгель.

Д-ръ Б. Бентовинъ. Торгующія тѣломъ. Ц. 80 к.

Книгоизд. „Новый Голосъ".

Евгеній Лозинскій. Итоги парламентаризма. Ц. 35 к.

Книгоиздательство „Фугасъ".

Штабсъ-капитанъ С. А. Ціонъ. Три дня возстанія въ Свеаборгѣ. Ц. 65 к.

П. А. Берлинъ. Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Ц. 10 к.

Изд. Т-ва М. Д. Орѣховъ и К°.

Новая Библіотека, для большихъ и маленькихъ дѣтей сказки. Ц. 50 к.

Изданіе Л. В. Петкевича.

Ю. Подвинскаго. 100 л. борьбы польскаго народа за свободу. Ц. 1 р.

Изданіе М. М. Сидорова.

М. М. Петтисонъ-Мюръ. Разсказы о химическихъ элементахъ. Ц. 50 к.

Изданіе Бр. Башмаковыхъ.

А. Я. Посецкій. Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 35 к.

Изданіе ред. журн. „Былое".

Николай Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бури. Ц. 1 р. 35 к.

Издательство „Полезное знаніе".

Ю. Невзорова и В. Рыжова. Словарь для всѣхъ. Общедост. энциклопедія. Ц. 2 р. 50 к.

Библіотека „Просвѣщенія".

Г. Іеккъ. Интернаціоналъ. Международное общ-во рабоч. Цѣна 80 к.

Роза Люксенбургъ. Соціальная реформа или революція? Цѣна 30 к.

Изд. подвижн. музея учебн. пособій.

Евгеній Елачичъ. О происхожденіи домашнихъ животныхъ. Цѣна 25 к.

Издан. и пер. Б. Ревзина и І. Постмана въ Берлинѣ.

М. Мауренбрехеръ. Соціализмъ и международныя отношенія. Цѣна 15 к.

Книгоиздательство „Дѣло".

И. Чернышевъ, А. Лосицкій, П. Масловъ. Крестьянское право и ибщина предъ Государственной Думой. Цѣна 25 к.

В. Башкинъ. Стихотвореніе. Цѣна 50 к.

Книгоиздательство „Грифъ".

Сергѣй Кречетовъ. Алая книга. Стихотвореніе. Цѣна 60 к.

Изд. юридическаго книжн. склада „Право".

Подъ ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревскаго. Законодательные акты переходнаго времени (1904-1906 г.). Цѣна 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

В. П. Вахтеровъ. Спорные вопросы образованія. Библ-ка для учащихъ, вып. II. Цѣна 25 к.

П. Гере. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ Цѣна 75 к.

В. П. Вахтеревъ. Предметный методъ обученія. Биб-ка для учащ., в. I. Цѣна 50 к.

С. Князьковъ. Изъ прошлаго русской земли. Цѣна 1 р. 50 к.

Джемсъ Моррисонъ. Какъ построить географическую карту и какъ ею пользоваться. Цѣна 50 к.

Ив. Озеровъ. Земское обложеніе и въ чемъ должно состоять его реформа. Цѣна 10 к.

Б. Розингъ. Теплота въ восьми лекціяхъ, физика для народа. Цѣна 50 к.

подъ ред. В. И. Чарнолускаго. Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія. Цѣна. 1 р.

Сергѣй Галанскій. Свободныя пѣсни 1906 года. Цѣна 12 к.

Библіотека для дѣтей Н. Горбунова-Посадова. Первые цвѣточки. Ц. 12 к.

К. Чуковскій. Поэтъ анархистъ Уотъ Уитманъ. Цѣна 50 к.

Н. А. Пановъ. Впередъ. Стихотворенія послѣднихъ лѣтъ. Изд. Т. Беккеръ. Цѣна 50 к.

И. Верленъ. Изъ Мюссе, пер. Зинаиды Ц. Цѣна 75 к.

Эмиль Верхарнъ. Обезумѣвшія деревни. Стихотворенія въ пер. Н. Васильева. Цѣна 60 к. Въ пользу голодающихъ.

Алла Хмурова. Изъ плѣна. Цѣна 10 к.

А. Гидони. Въ мансардахъ. Драмат. этюдъ. Цѣна 25 к.

А. Зенгеръ (Вуколъ). Старое Солнце. Цѣна 1 р.

С. Ф. Годлевскій. Всемірная послѣдняя борьба. Цѣна 10 к.

И Гриневекая. Право Книги. Цѣна 1 р.

Карлъ Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Цѣна 1 р.

С. Бондаревъ. Тактика трудовой группы. Цѣна 10 к.

В. Спекторскій. Очерки по философіи наукъ. Цѣна 1 р. 75 к.

П. И. Люблинскаго. Право амнистіи. Цѣна 2 р.

В. И. Поповъ. Химія для самообразованія. Цѣна 60 к.

Гельдъ. Соціальная исторія Англіи, вып. I-й. Цѣна 50 к.

Альфъ. Похвала пьянству и письма о немъ деревенскихъ людей. (Памфлетъ). Цѣна 25 к.

Ю. Д. Филиповъ. Стадіи экономической эволюціи.

ОПЕЧАТКИ:

По винѣ типографіи въ № 7 вкралась серьезная ошибка, которую просимъ исправить: стихотворенія „Хула солнцу" и „Колыбельная" ошибочно приписаны г. Рославлеву и г. Соллогубу. Авторомъ *обоихъ* стихотвореній является **Е. Тарасовъ.**

— Въ настоящемъ номерѣ на стр. 76 въ стихотвореніи А. Рославлева, 4 строка сверху, ошибочно напечатано сл. *вишь,* слѣдуетъ читать: *вашъ.*

Редакторъ-Издатель **Ал. Острогорскій.**

Аграрное движеніе въ 1907 году.

I.

Распуская первую Государственную Думу, правительство съ опасеніемъ взирало на усилившіяся къ тому времени крестьянскія волненія. Послѣ осенней 1905 г. вспышки стихійнаго возстанія, крестьянское движеніе не прекращалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не принимало широкаго характера: обычно то тамъ, то тутъ горѣла помѣщичья экономія, совершалась порубка лѣса и т. п. Усиленіе движенія совпало съ открытіемъ засѣданій Государственной Думы, но было бы ошибочно видѣть въ этомъ причинную связь: опытъ крестьянскаго движенія, какъ предшествующаго времени, такъ и послѣдующихъ мѣсяцевъ, хорошо показалъ, что крестьянская масса не дошла еще въ своемъ политическомъ развитіи до такого уровня, который дѣлалъ бы ее способной координировать свои выступленія въ соотвѣтствіи и въ тактъ съ тѣми или другими моментами политической жизни страны. Наибольшей силы аграрное движеніе 1906 г. достигло въ іюнѣ и въ началѣ іюля, причемъ многіе были склонны видѣть въ этомъ вліяніе аграрныхъ рѣчей въ Думѣ и т. п.

Такъ, между прочимъ, было истолковано это усиленіе движенія и манифестомъ 8-го іюля, возвѣстившимъ о роспускѣ Думы. Послѣдовавшее затишье движенія въ іюлѣ, а еще больше въ послѣдующіе мѣсяцы 1906 г., какъ будто подтверждало такую точку зрѣнія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что и для правительства такой оборотъ дѣла явился полной неожиданностью: во всеоружіи чрезвычайныхъ полномочій оно приготовилось дать отпоръ народному движенію, циркуляръ за циркуляромъ издавался въ видахъ борьбы съ крамолой. Показателемъ напряженнаго состоянія правительственныхъ сферъ того времени можетъ служить циркуляръ, изданный въ связи съ извѣстнымъ выборгскимъ воззваніемъ. Этимъ циркуляромъ губернаторамъ предписывалось „мощное проявленіе силъ въ борьбѣ съ движеніемъ (отказъ платить подати), направленнымъ противъ основныхъ устоевъ государственной жизни“. При этомъ, какъ говорилось въ циркулярѣ, „упорство недоимщиковъ должно быть сломлено всѣми законными мѣрами, сколь бы суровы и рѣшительны онѣ ни были“. Руководствуясь предписаніемъ не останавливаться передъ самыми рѣшительными мѣрами,

полиція сплошь и рядомъ обостряла положеніе дѣла и обычный неплатежъ, усилившійся вслѣдствіе неурожая и голодовки, давалъ поводъ къ столкновеніямъ, кончавшимся нерѣдко весьма печально. Уже по тѣмъ матеріаламъ, которые имѣются теперь для освѣщенія движенія этого періода, можно вполнѣ увѣренно сказать, что наибольшее агитаціонное значеніе имѣло не само выборгское воззваніе, а репрессіи въ связи съ этимъ воззваніемъ. Дальше мы увидимъ, до какихъ несообразностей доходили порой власти, выколачивая съ голоднаго населенія недоимки съ того самаго населенія, которое нуждалось въ продовольственной помощи.

Не ограничиваясь репрессіями, правительство поспѣшило издать послѣ роспуска Государственной Думы цѣлую серію временныхъ законовъ, стремясь такимъ образомъ, если и не разрѣшить аграрный вопросъ, то, во всякомъ случаѣ, лишить его въ значительной степени остроты. Насколько удалось, однако, достигнуть этой цѣли?

Какъ извѣстно, послѣ роспуска Думы были изданы слѣдующіе законы по крестьянскому вопросу: законъ 12 августа о распродажѣ крестьянамъ черезъ банкъ удѣльныхъ земель въ Европ. Россіи, тоже о казенныхъ удобныхъ земляхъ—27 августа, 19 сентября о продажѣ переселенцамъ кабинетскихъ земель на Алтаѣ, 5 октября—объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ сословныхъ ограниченій для крестьянъ, 14 октября—объ уравненіи процентовъ, взимаемыхъ крестьянскимъ и дворянскимъ банками; указъ 9 ноября объ облегченіи выхода изъ общины и, наконецъ, указъ 15 ноября о выдачѣ ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель. Какъ видимъ, законы эти въ прежнее время могли бы составить цѣлую эпоху въ бюрократическомъ творчествѣ и были бы сочувственно приняты значительными слоями общества. Стоитъ только указать, какъ долго и всегда безуспѣшно земства ходатайствовали объ отмѣнѣ тѣхъ ограниченій для крестьянъ, которыя упразднены теперь указомъ 5 октября; или же на земскія ходатайства о пониженіи %%, взимаемыхъ крестьянскимъ банкомъ. Въ настоящее время, какъ бы тамъ ни было, законодательство послѣдумскаго періода далеко не произвело ни въ „обществѣ“, ни въ крестьянскихъ массахъ того эффекта, на который разсчитывало правительство, и этому послѣднему пришлось проводить свои законы и мѣропріятія въ атмосферѣ недовѣрія. Успѣшнѣе всего, въ количественномъ отношеніи, развивались операціи *крестьянскаго банка*. Всего съ 3 ноября 1905 г. по 1 апрѣля 1907 г. банкомъ разрѣшено купить за собственный счетъ около $3^{3}/_{4}$ мил. десятинъ (по 3081 сдѣлкѣ) за сумму въ 426 мил. руб. [1]) и разрѣшено выдать ссуду крестьянамъ въ размѣрѣ 117 мил. р. на покупку ими 1,1 мил. дес. Какъ видимъ, банку предлагались къ продажѣ крупныя имѣнія, въ сред-

[1]) Сдѣлки совершены по 1 апрѣля относительно $1^{1}/_{2}$ мил. дес., за 180 мил. руб.

кемъ по 1225 дес. каждое. Самостоятельная скупка помѣщичьихъ земель банкомъ въ три раза превышаетъ то количество, на покупку котораго крестьянами испрашивалась ссуда. Слѣдуетъ указать, что обращеніе крестьянъ къ помощи банка стало значительно чаще за послѣднее время, вслѣдъ за роспускомъ Государственной Думы, но, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, обстоятельство это не можетъ быть истолковано, какъ сочувствіе крестьянъ правительственной политикѣ въ аграрномъ вопросѣ. Вздутость цѣнъ, на которыя сплошь и рядомъ соглашаются крестьяне при покупкахъ черезъ Банкъ, и т. п. показываетъ, что они едва ли разсчитываютъ быть аккуратными плательщиками: стремясь такъ или иначе получить доступъ къ землѣ, закрѣпить ее за собой, крестьяне едва ли особенно задумываются надъ возможностью выплаты за эту землю. Но если правительству съ помощью крестьянскаго банка и не удалось подорвать чаянія мужика на прирѣзку землицы, то во всякомъ случаѣ отвлечь вниманіе крестьянства, хотя бы временно, оно успѣло; погоня за землей при содѣйствіи банка несомнѣнно разрядила до нѣкоторой степени напряженность мужицкихъ ожиданій, движеніе такимъ образомъ было разбито на сепаратные потоки и утратило на время свою силу.

Меньшихъ результатовъ, въ желательномъ для правительства смыслѣ, достигли указы 9 и 15 ноября *о выходѣ изъ общины* и *о залогѣ надѣльныхъ земель* при переходѣ къ подворному владѣнію. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не опубликованы свѣдѣнія о ходѣ операцій по залогу надѣльныхъ земель и о размѣрахъ движенія къ установленію подворнаго владѣнія; но, во всякомъ, случаѣ, въ этомъ направленіи пока осуществлено очень немногое, несмотря на всѣ усилія *землеустроительныхъ комиссій*. Эти послѣднія, согласно наказу 19 сентября, должны были „на первую очередь" выдвигать помощь болѣе нуждающимся селеніямъ („кои находятся въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ"), а затѣмъ уже содѣйствовать образованію болѣе или менѣе крупныхъ „отрубовъ", т. е. подворныхъ участковъ. На практикѣ, однако, правительство стало стремиться какъ разъ къ обратному: разосланные для руководства комиссіями агенты министерства (въ октябрѣ) настойчиво внушали имъ, что главной цѣлью ихъ должно быть образованіе зажиточныхъ хуторянъ, хотя бы въ ущербъ наиболѣе нуждающейся части населенія. Такъ, напр., въ Одессѣ на совѣщаніи представителей з.-у. комиссій Херсонской губ. членъ министерства земледѣлія Лыкошинъ предложилъ способствовать образованію болѣе крупныхъ хуторныхъ хозяйствъ, даже если бы пришлось игнорировать земельную нужду большинства крестьянства. Въ такомъ же духѣ инспирировали з.-у. комиссіи агенты министерства и въ др. губерніяхъ, и, надо признать, что комиссіи прониклись этими внушеніями: повышая нормы дополнительнаго надѣла при переходахъ къ „отрубамъ", высказываясь за „широкое содѣйствіе" образованію „отрубныхъ хозяйствъ", комиссіи имѣли

въ виду именно не наиболѣе нуждающуюся часть населенія, а болѣе зажиточную [1]).

До сихъ поръ, какъ сказано выше, сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ въ этомъ направленіи правительству достигнуть не удалось и дѣло образованія „отрубныхъ хозяйствъ“, т. е. подворныхъ участковъ, подвинулось недалеко. Это стремленіе правительства постигла та же участь, что и указы 9 и 15 ноября. Совокупныхъ усилій этихъ мѣръ оказалось недостаточно, чтобы вызвать значительное движеніе въ сторону перехода къ подворному владѣнію. Переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному неизбѣжно связанъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ весьма запутанныхъ вопросовъ (напр., о томъ, по какимъ нормамъ закрѣплять за дворомъ землю и т. д.); рѣшеніе же этихъ вопросовъ въ настоящей атмосферѣ напряженныхъ ожиданій крестьянства представляетъ огромную сложность; оно должно породить массу столкновеній между общинниками. Практика показала, что именно такъ и обстоитъ на самомъ дѣлѣ. И вотъ, хотя практическихъ результатовъ указы 9 и 15 ноября не имѣли (напр., въ Могилевской губ. за первыхъ 3 мѣсяца о выходѣ изъ общины заявило 70 домохозяевъ, въ Уфимской губ. за апрѣль — около 10 домохозяевъ и т. д.), но зато они внесли немалыя тренія въ отношенія крестьянъ и послужили отвлекающимъ средствомъ. Подобное значеніе законовъ 9 и 15 ноября хорошо иллюстрируется многочисленными корреспонденціями изъ провинціи. Напр., „Приволжскому Краю“ пишутъ изъ с. Идалги, Саратовскаго у., что изъ-за новаго закона пошли раздоры: одни требуютъ выдѣла своихъ надѣловъ, другіе противятся имъ и требуютъ окончанія передѣла, начатаго осенью прошлаго года. На этой почвѣ возможны серьезныя осложненія у многосемейныхъ и малосемейныхъ дворовъ. О такихъ же столкновеніяхъ сообщалъ „Сарат. Листокъ“ изъ Кузнецкаго у.: „малодушники“ и „стародушники“ вступили и тутъ въ рѣзкій антагонизмъ. Какъ иногда сельскія общества разрѣшали этотъ вопросъ, показываютъ слѣдующіе примѣры. Въ д. Борцовѣ, Нижегородскаго у., крестьяне рѣшили подвергнуть своего односельчанина за подачу заявленія о выдѣлѣ изъ общины бойкоту; батайскій сходъ Нахичеванскаго на Дону уѣзда призналъ возможнымъ исключать желающихъ изъ общины, но безъ права полученія надѣловъ и т. д. Враждебное отношеніе большинства общинниковъ къ выдѣламъ отдѣльныхъ членовъ диктуется, помимо боязни лишиться при передѣлѣ земли, еще и тѣмъ, что осуществить этотъ выдѣлъ, а тѣмъ болѣе въ одномъ „отрубѣ“, представляется чрезвычайно сложной задачей въ виду малоземелья, чрезполосности и крайней дробности участковъ. Напр., сходъ с. Бокина, Тамбовскаго у., высказался противъ выдѣловъ потому, между

---

[1]) Подробнѣе см. нашу статью „Землеустроительныя комиссіи“ въ „Русскомъ Экономистѣ“. 1907 г. № 10.

прочимъ, что „раздѣлить землю на отдѣльные участки невозможно уравнительно".

Мѣстами движеніе въ сторону выдѣла и перехода къ подворному владѣнію имѣло успѣхъ,—главнымъ образомъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ и ранѣе подобные переходы случались сравнительно чаще, напр., въ сѣверо-западныхъ и западныхъ губерніяхъ, на югѣ. Такимъ образомъ, въ районѣ наибольшаго распространенія общинной формы землевладѣнія законъ 9 ноября не произвелъ крупныхъ перемѣнъ; онъ лишь усилилъ процессъ тамъ, гдѣ и до этого времени разрушеніе общины шло интенсивнѣе. Но, повторяемъ, дезорганизующее вліяніе этотъ законъ имѣлъ и въ губерніяхъ съ преобладаніемъ общиннаго землевладѣнія.

Подобно волнѣ, вызванной дѣятельностью банка и закономъ 9 ноября, *поощреніе переселеній* въ Сибирь также дало себя знать въ смыслѣ дезорганизаціи и ослабленія крестьянскаго движенія.

Переселенческое движеніе въ Сибирь за послѣднія 20 лѣтъ росло изъ годъ въ годъ, особенно же быстро съ середины 90-хъ гг. Такъ, въ 1893 г. было зарегистрировано 53.350 переселенцевъ (безъ ходоковъ), въ 1894 г.— 55.776 [1]); въ 1895 г.—101.995 р.; въ 1896 г.—186.166 и т. д.; въ 1903 г. — 83.721; въ 1904 г. — около 30 тыс. (сокращеніе благодаря японской войнѣ); въ 1905 г. — движеніе упало до нѣсколькихъ тысячъ; въ 1906 г. — новый подъемъ: прошло въ Сибирь около 220 тыс. человѣкъ. Въ 1907 г. за 4 мѣсяца прошло черезъ Челябинскъ свыше 117 тыс. человѣкъ. Если выселеніе пойдетъ такимъ же темпомъ, то за годъ можетъ выселиться около 1/2 мил. душъ.

Какъ въ прежніе годы, количество выселяющихся изъ той или другой губерніи находится въ прямой зависимости отъ размѣровъ надѣла и вобще отъ степени обезпеченности населенія. Наибольшій % переселенцевъ приходится за 1885 — 1904 гг. на слѣдующія губерніи: Полтавскую (около 189 тыс.); Курскую (около 152 тыс.); Черниговскую (124 тыс.); Тамбовскую (свыше 100 тыс.); Воронежскую (79 тыс.); Орловскую (65 тыс.); Харьковскую (61 тыс.); Пензенскую (55 тыс.); Саратовскую (35 тыс.); Самарскую (58 тыс.); Херсонскую (30 тыс.); Екатеринославскую (30 тыс.); Рязанскую (38 тыс.); Тульскую (24 тыс.); Симбирскую (20 тыс.); Могилевскую (58 тыс.); Витебскую (56 тыс.); Минскую (25 тыс.); Вятскую (57 тыс.) и Пермскую (43 тыс.). Въ остальныхъ губерніяхъ число переселенцевъ было значительно меньше. Какъ видимъ, въ числѣ губерній, отпускающихъ наибольшее количество переселенцевъ, числятся именно тѣ, въ которыхъ земельное обезпеченіе крестьянъ хуже всего и которыя были сильнѣе всего охвачены стихійно-погромнымъ движеніемъ 1905 и 1906 гг.

---

1) Точная регистрація начинается лишь съ 1895 г. Подробнѣе см. „Переселеніе въ Сибирь". Изд. переселенческаго управленія. Вып. XXXI. СПБ. 1906 г.

Исключеніе представляютъ лишь Вятская и Пермская губ., большой % переселенцевъ изъ которыхъ можно объяснить ихъ близостью къ Сибири. Указанная здѣсь связь между размѣрами переселенческаго движенія изъ той или другой губерніи и интенсивностью аграрнаго движенія весьма характерна. Населеніе стихійно ищетъ выхода изъ создавшагося тяжелаго положенія, и, глядя по обстоятельствамъ, устремляется въ то или другое русло. Въ основѣ теперешней политики поощренія переселеній лежитъ именно это стремленіе направить движеніе по другому руслу. Переселенія рекламируютъ з.-у. комиссіи[1]), земскіе начальники и т. д., и вотъ населеніе массами устремляется на новыя мѣста, не зная, что найдетъ оно тамъ. Особенно сильно переселенческое движеніе изъ губерній западнаго, юго-западнаго и центральнаго районовъ. Толкнувъ населеніе на этотъ путь, правительство оказалось неподготовленнымъ къ тому, чтобы справиться съ движеніемъ, и министерство землеустройства принуждено было экстренно разослать губернаторамъ циркуляръ (въ апрѣлѣ) относительно принятія мѣръ къ задержанію ходоковъ и т. п. Временно правительству удалось достигнуть своей цѣли: вниманіе значительныхъ слоевъ обнищавшаго, неспокойнаго населенія было отвлечено далекими землями Сибири; но не нужно особой проницательности, чтобы видѣть, насколько сильная реакція въ настроеніи населенія должна наступить вслѣдъ за этимъ подъемомъ: ни средства транспорта, ни наличность годныхъ земель въ Сибири, ни успѣшность соотвѣтствующихъ межевыхъ и т. п. работъ далеко не соотвѣтствуютъ задачамъ реформы, диктуемой моментомъ,—все это предвѣщаетъ крахъ политикѣ, заботящейся больше объ отвлеченіи крестьянскихъ взоровъ отъ помѣщичьихъ земель, чѣмъ о помощи нуждающимся.

Переходя теперь къ оцѣнкѣ вліянія законовъ 12 и 27 августа на настроеніе крестьянъ, слѣдуетъ имѣть прежде всего въ виду, что главная масса *казенныхъ* и *удѣльныхъ земель* Европ. Россіи сосредоточена въ немногихъ окраинныхъ губерніяхъ (*на востокѣ и на югѣ*) именно: въ Самарской (около 2 мил. дес.), Астраханской (840 тыс.); Саратовской (350 тыс.); Симбирской (255 тыс.); Оренбургской (242 тыс.); Херсонской (235 тыс.); Пермской (385 тыс.); Таврической (224 тыс.); Уфимской (236 тыс.); Вологодской (156 тыс.); Вятской (139 тыс.); Екатеринославской (121 тыс.) и Костромской (103 тыс.). Въ остальныхъ губерніяхъ этихъ земель или немного, или же и совсѣмъ нѣтъ, а между тѣмъ согласно „наказу" земли каждой губерніи и даже уѣзда предназначаются прежде всего для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія. Съ другой стороны, названныя земли въ настоящее время находятся въ большинствѣ въ арендѣ у крестьянъ. Такъ, въ 1905 г. $36{,}_6$% оброчныхъ статей

[1]) Напр., воронежская уѣздная з.-у. комиссія расклеивала по деревнямъ плакаты: „Свободное переселеніе въ Азіатскую Россію" и „Въ чемъ помогаютъ з.-у. комиссіи".

казны въ Е. Россіи состояло за сельскими обществами, 17,4%—за товариществами крестьянъ; 37%—за отдѣльными крестьянами и лишь 12% за иными арендаторами. Эти обстоятельства въ значительной мѣрѣ предопредѣляютъ значеніе законовъ 12 и 27 августа въ смыслѣ воздѣйствія на ходъ аграрнаго движенія; инымъ, какъ чисто-мѣстнымъ, значеніе это быть не можетъ. Мы видѣли, что только въ 6 губерніяхъ съ болѣе или менѣе сильнымъ движеніемъ казенныхъ земель находится порядочно; при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду неравномѣрность распредѣленія ихъ по уѣздамъ. Такъ, напр., въ Саратовской губ. главная масса казенныхъ и удѣльныхъ земель сосредоточена въ Царицинскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ, т.-е. въ менѣе затронутыхъ движеніемъ.

Принимая это обстоятельство во вниманіе, мы не должны будемъ удивляться многочисленнымъ отказамъ сходовъ выбирать членовъ з.-у. комиссій. Кромѣ чисто-идейныхъ соображеній, свидѣтельствующихъ о ростѣ политическаго самосознанія массъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ и практическій разсчетъ. Покупать землю у помѣщиковъ, такъ смотрятъ крестьяне, они сумѣютъ и безъ комиссій; а нельзя ли получить черезъ комиссію, напр., казенную или удѣльную землю? Отсутствіе подобныхъ земель въ уѣздѣ и вызывало сплошь и рядомъ дружные отказы участвовать въ з.-у. комиссіяхъ. Что это такъ, показываетъ то обстоятельство, что наиболѣе часто случаи отказовъ были въ губерніяхъ: Курской, Орловской, Нижегородской, Черниговской, Полтавской и др., т. е. тамъ, гдѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель мало или совсѣмъ нѣтъ. Это подтверждается также и тѣмъ, что крестьяне обращались въ комиссіи главнымъ образомъ по поводу покупки или аренды казенныхъ земель. Такъ, за первые 3 мѣсяца (до 31 декабря 1906 г.) въ 173 комиссіи поступило 20.585 заявленій, изъ нихъ $55{,}_{38}$% касается продажи (гл. образомъ) и покупки помѣщичьихъ земель; $29{,}_{26}$%—продажи и аренды казенныхъ земель и $15{,}_{37}$% проч. Помѣщики обращались преимущественно съ заявленіемъ о продажѣ ихъ земель, а крестьяне—съ заявленіями о покупкѣ казенныхъ земель.

О результатахъ дѣятельности з.-у. комиссій намъ едва ли приходится говорить: составъ этихъ комиссій, ихъ тенденціи и пр. обрекаютъ ихъ на полную безплодность въ смыслѣ разрѣшенія аграрнаго вопроса и умиротворенія движенія. Само правительство, какъ видно изъ заявленія г. Столыпина въ Думѣ, убѣдилось въ этомъ и проектируетъ „переустройство" комиссій, дабы „тѣснѣе связать эти комиссіи съ мѣстнымъ населеніемъ, путемъ усиленія въ нихъ выборнаго начала".

Намъ остается упомянуть еще о *законѣ 5 октября* объ устраненіи нѣкоторыхъ правовыхъ ограниченій для крестьянъ. Не входя въ разборъ этого акта по существу, замѣтимъ, что практика деревенскаго „правопорядка" давно убѣдила крестьянъ въ томъ, какой смыслъ имѣютъ подобные законы: законъ закономъ, а урядникъ дѣйствуетъ, какъ ему поло-

жено; отмѣняются манифестомъ тѣлесныя наказанія, но это не значитъ еще, что крестьянъ перестаютъ сѣчь и т. п.

Само министерство, вслѣдъ за изданіемъ закона 5 октября, поспѣшило разослать земскимъ начальникамъ циркуляръ (14 октября) о томъ, что отмѣной нѣкоторыхъ сословныхъ ограниченій для крестьянъ „отнюдь не имѣлось въ виду умалить авторитетъ и значеніе“ ихъ, земскихъ начальниковъ.

Оцѣнивая теперь всю совокупность мѣропріятій и законовъ междудумскаго періода, слѣдуетъ прійти къ такому заключенію. Каждый изъ этихъ законовъ найдетъ нѣкоторый откликъ въ томъ или др. районѣ: напр., законы 12 и 27 августа привлекутъ вниманіе крестьянъ на многоземельныхъ окраинахъ юга и востока; законъ 9 ноября—крестьянъ западнаго района, а также извѣстной части и остального населенія; поощреніе переселеній используется больше всего крестьянами малоземельнаго центра и т. д. Такимъ образомъ, въ общемъ вся совокупность междудумскаго законодательства должна затронуть болѣе или менѣе всѣ мѣстности, охваченныя аграрнымъ движеніемъ; но не давая по существу ничего или очень мало для упорядоченія земельныхъ отношеній, эти акты вносятъ въ крестьянскую среду лишь раздоръ, отвлекаютъ, хотя бы временно, вниманіе пробуждающагося крестьянства,—словомъ до извѣстной степени дезорганизуютъ движеніе, которому и безъ того нелегко выйти на широкую дорогу и отдѣлаться отъ мѣстныхъ вліяній. Такая задержка, однако, не можетъ быть продолжительной, такъ какъ средства, которыми располагаетъ правительство (въ смыслѣ упомянутыхъ законовъ и пр.), далеко не соотвѣтствуютъ колоссальной цѣли, выдвигаемой текущимъ моментомъ, и, затѣмъ, рѣзко противорѣчатъ всѣмъ прочимъ мѣропріятіямъ правительства. Подтвержденіе послѣдняго даетъ, напр., продовольственная кампанія текущаго года, которая, какъ мы сейчасъ покажемъ, не лишена революціонизирующаго значенія.

II.

Въ 1906 г. полнымъ неурожаемъ было охвачено 40 губерній съ населеніемъ въ 100 мил. человѣкъ; въ 12 губерніяхъ неурожай ниже средняго и лишь въ 19 нѣсколько выше. По даннымъ центр.-стат. комитета остатокъ (за посѣвомъ) зерновыхъ хлѣбовъ (безъ овса) на душу об. п. составляетъ $15_{,71}$ пуда. Недоборъ противъ средняго урожая составляетъ 15%; въ памятный 1891 г. онъ равнялся 23%. Для многихъ мѣстностей неурожай этого года значительно превзошелъ неурожай 1891 г. Такъ, въ восточныхъ губерніяхъ онъ ниже средняго на 70—90%; въ центрально-черноземныхъ на 30—55%; въ промышленныхъ на 35—65% и т. д.

Продовольственная кампанія этого года потребуетъ у государства около 175 милл. р., но жертвы населенія будутъ несравненно выше благодаря тому, что все дѣло находилось въ рукахъ неспособной бюрократіи, во главѣ съ гг. Гурко. Въ данномъ случаѣ было продѣлано все, что дѣлаетъ обыкновенно бюрократія въ такихъ случаяхъ: сокращались размѣры необходимаго пособія голодающимъ, ссуда выдавалась съ огромными запозданіями и сплошь и рядомъ недоброкачественнымъ хлѣбомъ. Такъ, напр., на станцію Валуйки 12 февраля поступилъ затхлый хлѣбъ съ примѣсью до 15% (см. „Воронеж. Слово"); на ст. Лунино, Пензенской губ., пришелъ хлѣбъ, наполовину перемѣшанный съ куколемъ; въ Баланду по 28 февраля поступило 77 вагоновъ „сибирской пшеницы", изъ которой оказалось прѣлой 10 вагоновъ (см. „Прив. Край"); въ с. Аркадакъ, Балашовскаго у.,—овесъ прѣлый, болѣе чѣмъ на половину съ землей. Извѣстна также исторія съ „сибирской пшеницей" въ Самарской губ. Пшеница эта, признанная комиссіей „гнилой, затхлой, сорной, прокислой и сильно зараженной вонючей мокрой головней", была впослѣдствіи принята той же комиссіей для продовольствованія населенія и т. д. Такихъ и подобныхъ фактовъ можно было бы привести большое количество.

Наряду съ этимъ шла обычная исторія съ закрытіемъ столовыхъ для голодающихъ, стѣсненіемъ благотворительной помощи подъ видомъ преслѣдованія „противоправительственной пропаганды" и т. д. и т. д., а также предпринималось усиленное взысканіе недоимокъ съ голодающихъ крестьянъ, которые были огуломъ заподозрѣны въ сочувствіи выборгскому воззванію и уклоненіи отъ взноса податей. Руководствуясь инструкціей свыше, администрація чувствовала полный просторъ въ пресѣченіи крамолы и доходила порой до абсурда. Такъ, напр., во многихъ мѣстахъ продовольственное пособіе выдавалось лишь тѣмъ крестьянамъ, которые исправно уплатили подати.

Явленіе это получило такое распространеніе, что министерству пришлось обуздывать увлекшихся администраторовъ.

Взысканіе податей или, вѣрнѣе, ихъ выколачиваніе должно было казаться крестьянамъ тѣмъ несправедливѣе, что помѣщики, за которыми числились несравненно большія недоимки, пользовались привилегированнымъ положеніемъ. Образчикомъ задолженности помѣщиковъ и крестьянъ могутъ служить слѣдующіе примѣры. Въ Минской губ. къ 1 января 1906 г. на 1 дес. помѣщичьей земли числилось недоимки окладныхъ сборовъ 10 коп., а на 1 дес. крестьянской 7 коп., несмотря на значительно больщій у нихъ окладъ. Въ другихъ губерніяхъ разница еще выше: въ то время, какъ за землевладѣльцами числятся сотни тысячъ недоимокъ, за крестьянами ихъ сравнительно немного.

Какъ же населеніе реагировало на голодъ 1906 г., на выколачиваніе

недоимокъ и т. п., въ какой формѣ неурожай текущаго года отразился на аграрномъ движеніи?

Не лишне будетъ напомнить, что предыдущія крупныя волненія въ большинствѣ случаевъ (напр., въ 1902 г. въ малороссійскихъ губ., въ 1905 г. весной и осенью) вызывались *непосредственно* голодомъ и начинались съ разграбленія хлѣба и т. п. Слѣдовало бы ожидать, что и на этотъ разъ голодъ и неурожай дадутъ толчокъ стихійному движенію крестьянъ, но этого не случилось: протесты на этой почвѣ носили болѣе оборонительный, чѣмъ наступательный характеръ, и нигдѣ не вылились въ широкія формы. Но изучая это движеніе въ настоящее время, мы замѣчаемъ въ немъ больше сознательности и планомѣрности, а, главнымъ образомъ, отсутствіе той наивности, которой были полны, напр., полтавскіе и харьковскіе крестьяне, когда шли въ 1902 г. разбирать помѣщичій хлѣбъ. Несомнѣнно, что въ міросозерцаніи крестьянъ, въ ихъ отношеніи къ вопросамъ права и силы происходятъ и произошли глубокія перемѣны. Нѣтъ уже наивной вѣры въ силу собственной правоты, но въ то же время не окрѣпло еще и сознаніе своей силы.

Неплатежъ недоимокъ, какъ сказано, былъ возведенъ въ рангъ антигосударственнаго преступленія и вполнѣ понятно поэтому, что мѣстныя власти спѣшили принять соотвѣтствующія мѣры. Еще въ концѣ 1906 г. въ рядѣ губерній *взысканіе податей* сопровождалось кровавыми столкновеніями крестьянъ съ полиціей, напр., въ уржумскомъ, керенскомъ, суздальскомъ, острогожскомъ и мн. др. уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне оказывали пассивное сопротивленіе (отказъ караулить скотъ, описанный полиціей, и т. п.).

Съ началомъ 1907 г. столкновенія участились и приняли болѣе крупные размѣры, особенно въ уѣздахъ: суздальскомъ, вилькомірскомъ, керенскомъ, самарскомъ, красноярскомъ, острогожскомъ, петровскомъ, брестскомъ, сапожковскомъ, скопинскомъ, ядринскомъ, тверскомъ и боровичскомъ. Въ с. Лебедкихъ, ядринскаго у., стражники дали залпъ по толпѣ, убивъ нѣсколько человѣкъ. Въ тверскомъ у. была сожжена усадьба Хвостовыхъ, въ которой остановилась экспедиція по взысканію податей и т. д.

Другой формой движенія, обусловленной непосредственно сильнымъ неурожаемъ 1906 г., явились столкновенія *на почвѣ захвата продовольственныхъ запасовъ*, хлѣба у помѣщиковъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать, что движеніе этого рода не приняло такихъ размѣровъ, какихъ можно было бы ожидать, принимая во вниманіе голодъ этого года.

Наиболѣе крупныя столкновенія на продовольственной почвѣ происходили въ Костромской и Владимірской губ., а также въ Казанской, Саратовской, Воронежской, Рязанской и Орловской. Такъ, были избіенія

крестьянъ, настаивавшихъ на выдачѣ ссуды, въ меленковскомъ у., суздальскомъ и др. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губ. въ концѣ февраля былъ рядъ крупныхъ столкновеній изъ-за требованія пониженія торговцами хлѣбныхъ цѣнъ. Инициаторами движенія явились рабочіе г.г. Пучета, Вичуги, Юрьевца и др., а затѣмъ къ нимъ примкнули крестьяне окрестныхъ деревень. Въ результатѣ было убито 10 и ранено 15 человѣкъ.

На почвѣ голода было совершено нападеніе крестьянъ на продовольственные склады станцій: Лазарево (Тульской г.), Топила (Рязанской г.) и др.; а также разграбленъ хлѣбъ на мельницѣ Яковлева аткарскаго у., на хуторѣ Ребенко, сѣвскаго у.; участились мелкія кражи хлѣба у помѣщиковъ въ Воронежской, Саратовской и др. губерній. Мѣстами были разобраны также и сельскіе хлѣбные магазины; были также единичныя столкновенія и волненія на указанной выше почвѣ такого рода: въ казанской губ. произошла свалка между крестьянами двухъ волостей изъ-за того, что однимъ достался хорошій, а другимъ никуда негодный овесъ; было убито трое крестьянъ. Въ с. Ключи, бугурусланскаго у., толпа расправилась съ сельскими властями и др. лицами, допустившими злоупотребленія при раздачѣ ссудъ и т. д. Въ общемъ, какъ сказано выше, движеніе на почвѣ голода, въ связи съ неурожаемъ 1906 г., не носило крупныхъ размѣровъ и было при этомъ интенсивнѣе не тамъ, гдѣ неурожай давалъ чувствовать себя сильнѣе, а въ промышленныхъ губерніяхъ—Владимірской, Костромской и др.

III.

Кромѣ движенія на почвѣ взысканія податей и на почвѣ продовольственной нужды, въ 1907 г. имѣли мѣсто и др. формы аграрныхъ волненій,—напр., лѣсныя порубки, поджоги и разгромы усадебъ, стачки сельскихъ рабочихъ и т. д. При этомъ особенно характернымъ является то, что столкновенія съ полиціей, а отчасти и помѣщиками, значительно обострились и приняли широкіе размѣры. Если до 1906 г. насилія со стороны крестьянъ надъ полицейскими чинами бывали въ видѣ исключенія, то съ 1906 г. они стали повторяться при всякомъ сколько-нибудь крупномъ столкновеніи. По нашему приблизительному подсчету въ 1906 г. въ такихъ столкновеніяхъ было убито свыше 200 и ранено нѣсколько сотенъ крестьянъ, затѣмъ убито около 35 чиновъ полиціи, солдатъ и офицеровъ [1]). Въ 1907 г. положеніе дѣла еще болѣе обострилось и мы увидимъ сейчасъ, насколько подчасъ легко возникаютъ кровавыя столк-

---

1) См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи въ 1902—1906 гг.“, стр. 130.

новенія въ той атмосферѣ раздраженія, которая царитъ теперь въ деревняхъ.

Періодомъ *лѣсныхъ порубокъ*, какъ и въ прошлые годы, были мѣсяцы январь—апрѣль. Съ наступленіемъ весны, прекращеніемъ санного пути, порубки почти не имѣли мѣста; усиленіе порубокъ приходится на мартъ. Въ общемъ за эти четыре мѣсяца лѣсныя порубки происходили въ уѣздахъ: буинскомъ, алатырскомъ, симбирскомъ и корсунскомъ (Симб. губ.); кузнецкомъ и балашовскомъ (Саратов. губ.); въ грязовецкомъ и вологодскомъ (Вологод. губ.); въ зеньковскомъ, переяславскомъ (Полтав. губ.); суджанскомъ, кіевскомъ, брестъ-литовскомъ, брацлавскомъ, горбатовскомъ, балахнинскомъ, тверскомъ, глазовскомъ, бійскомъ и барнаульскомъ (Томской губ.), богородицкомъ, тифлисскомъ; въ губерніяхъ: Смоленской, Пермской, Подольской и др. Центромъ движенія являются, такимъ образомъ, губерніи приволжскія, сѣверныя и малороссійскія; про многія мѣстности можно сказать то, что писалъ корреспондентъ „Балашовской Газеты“: „Расхищеніе лѣса обратилось въ промыселъ“. Движеніе это совершалось исподволь и лишь въ немногихъ случаяхъ приняло массовый характеръ. Такъ, напр., въ февралѣ въ бійскомъ уѣздѣ крестьянами четырехъ волостей вырубленъ удѣльный лѣсъ (кабинета его величества) на площади около 500 кв. верстъ. При столкновеніи съ солдатами въ с. Завьяловѣ убито 3 крестьянина и 1 офицеръ, ранено до сорока крестьянъ и нѣсколько солдатъ. Кровавое столкновеніе порубщиковъ со стражей имѣло мѣсто также въ кузнецкомъ (Саратов. губ.) и въ зеньковскомъ у. (Полтавской г.). Въ д. Должокъ, зеньковскаго у., былъ убитъ 1 и раненъ 1 крестьянинъ, избитъ начальникъ карательнаго отряда.

Рубился лѣсъ помѣщичій и удѣльный, но кое-гдѣ были столкновенія и крестьянъ между собой; такъ, напр., въ январѣ жители с. Бѣльска, полтавской губ. отправились въ лѣсъ крестьянъ с. Котельвы съ цѣлью нарубить дровъ на продажу. Произошла свалка, въ которой трое бѣльчанъ были искалѣчены.

Поджоги и *погромы* помѣщичьихъ усадебъ въ январѣ и февралѣ представляли единичныя явленія [1]), но начиная съ марта и даже съ конца февраля, они стали повторяться все чаще и чаще. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе правительства, которое поспѣшило издать соотвѣтствующій циркуляръ (отъ 15 февраля 1907 г.). Указавъ на то, что „послѣ выборовъ въ Государственную Думу крестьянское населеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ преступной агитаціи, вновь проявляетъ склонность къ нарушенію порядка и къ насиліямъ по отно-

[1]) Главнымъ образомъ въ уѣздахъ: заславльскомъ, саранскомъ, тульскомъ, богородицкомъ, тверскомъ и въ рязанской губерніи.

нію къ имуществу своихъ сосѣдей—помѣщиковъ и болѣе состоятельныхъ крестьянъ", министръ вн. дѣлъ предлагалъ губернаторамъ „употребить всю энергію и опытность", чтобы не допустить „повторенія безчинствъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1905 и 1906 гг.".

Въ пресѣченіи крамолы администрація нашла на этотъ разъ дѣятельнаго союзника въ лицѣ нѣкоторыхъ земствъ и самихъ помѣщиковъ. Интересный образчикъ такого содѣйствія представляетъ постановленіе полтавскаго губ. земства о томъ, что „за каждое лицо, виновное въ совершеніи поджога, губ. зем. управою выдается премія въ размѣрѣ 300 р. участникамъ въ обнаруженіи или поимкѣ этого лица". Кромѣ того, управѣ предоставлено „право возбуждать дѣла къ привлеченію къ уголовной отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ умышленныхъ поджогахъ" [1]). Принимаютъ мѣры противъ поджоговъ и сами помѣщики, причемъ начинаютъ ими практиковаться новые методы. Такъ, напр., кн. Волконская въ с. Вередѣевѣ, нижегородскаго у., поставила крестьянамъ слѣдующія условія испольной аренды: 1) если испольныя работы не исполнятся къ сроку, то крестьяне должны уплатить ей неустойки 500 р.; 2) чтобы крестьянскія скирды хлѣба стояли на поляхъ рядомъ съ ея скирдами, дабы крестьяне не имѣли возможности ихъ сжечь и 3) если что-нибудь сгоритъ въ ея имѣніи, то крестьяне лишаются испольщины, т. е. половины сбора урожая.

Начиная съ марта, какъ я сказалъ, поджоги участились, — особенно въ апрѣлѣ и еще больше въ маѣ. За эти три мѣсяца они имѣли мѣсто въ слѣдующихъ уѣздахъ: аткарскомъ, балашовскомъ (Сарат. губ.); епифанскомъ, чернскомъ, веневскомъ (Тульской губ.); лубенскомъ, прилукскомъ (Полтавской губ.); каневскомъ, звенигородскомъ (Кіевской г.); въ корсунскомъ, нѣжинскомъ, чистопольскомъ, мышкинскомъ, елецкомъ, елисаветградскомъ, моршанскомъ уѣздахъ, затѣмъ въ Рязанской и Воронежской гг.

Въ общемъ поджоги и погромы имѣли мѣсто чаще тамъ, гдѣ и въ 1906 г., т. е. въ губерніяхъ: Саратовской, Тульской и Полтавской; новымъ центромъ этого движенія явились нѣкоторые уѣзды Кіевской губ. Въ 1907 г. общій характеръ поджоговъ былъ иной, чѣмъ, напр., въ 1905 г. Являясь въ большинствѣ случаевъ актомъ мести за неуступчивость помѣщика относительно аренды, за репрессіи и т. п., поджоги настоящаго года совершались тайно, не такъ открыто и скопомъ, какъ было въ 1905 г. Какъ на одинъ изъ поводовъ къ поджогамъ, „Воронежское Слово" указало на месть за арестованныхъ и осужденныхъ односельчанъ за прежнія аграрныя волненія. Несомнѣнно, въ этомъ утвержденіи скрывается большая доля истины и приходится признать, что предстоящая ликвидація

1) См. „Товарищъ". № 251.

„аграрныхъ дѣлъ“ должна будетъ внести въ деревенскія отношенія немало озлобленія и ненависти.

Стачечное движеніе въ деревняхъ весной въ 1907 г. было значительно слабѣе, чѣмъ 1905 и 1906 гг., когда оно имѣло мѣсто въ Польшѣ, на юго-западѣ, западѣ и т. д. въ весьма широкихъ размѣрахъ. Въ апрѣлѣ забастовки наблюдались въ Курской, Полтавской и Кіевской губ., а также въ единичныхъ случаяхъ въ Саратовской, Тульской и Черниговской. Въ кіевскомъ и сосѣднимъ съ нимъ уѣздахъ забастовщики предъявляли требованіе объ увеличеніи заработной платы на 50%. Въ путивльскомъ и рыльскомъ уѣздахъ, Курской губ., и въ сѣвскомъ у., Орловской губ., требованія касались: 1) введенія разсчетныхъ книжекъ, 2) установленія лѣтомъ 12-часового рабочаго дня и праздничнаго отдыха, 3) урегулированія поденной и годовой платы и 4) улучшенія различныхъ мѣстныхъ условій. Въ Черниговской губ. забастовщики требовали повышенія платы и сокращенія рабочаго времени; въ веневскомъ у. — удаленія пришлыхъ рабочихъ и смѣны управляющаго и т. д. Обычно забастовщики удаляли пришлыхъ рабочихъ, причемъ иногда дѣло доходило до крупныхъ столкновеній съ полиціей (напр., въ Кіевской губ. въ имѣніи Баскакова, въ аткарскомъ уѣздѣ у Широченко и т. д.). Въ маѣ стачечное движеніе усилилось въ Кіевской губ. и охватило нѣкоторые уѣзды Минской и Могилевской губ., причемъ въ игуменскомъ у. (Минской г.) при с. Сетчи было убито въ столкновеніи съ полиціей 2 и ранено 4 крестьянъ, урядникъ и стражникъ избиты толпой. Требованія забастовщиковъ и тутъ сводились къ ограниченію примѣненія труда пришлыхъ рабочихъ и къ повышенію заработной платы.

Изъ другихъ спеціальныхъ формъ аграрнаго движенія, имѣвшихъ мѣсто въ 1907 г., слѣдуетъ отмѣтить немногочисленные случаи *запахиванья помѣщичьихъ земель* (въ уѣздахъ хотинскомъ, бендерскомъ, алатырскомъ и веневскомъ), *потравы* луговъ (въ брестскомъ, литинскомъ, брацлавскомъ, елисаветградскомъ, ольгопольскомъ и др. уѣздахъ); затѣмъ укажемъ на столкновеніе въ мартѣ киргизовъ и переселенцевъ въ Уральской области, причемъ было убито 2 и ранено 4 крестьянъ; въ маѣ переселенцы, находясь въ критическомъ положеніи, окружили квартиру завѣдующаго верхотурскимъ переселенческимъ управленіемъ и требовали помощи. Для усмиренія была вызвана полиція. Аналогичная исторія произошла также и въ г. Туринскѣ.

Мѣстами крестьяне начинали *борьбу съ духовенствомъ* путемъ установленія таксы на требы (напр., въ тверскомъ у.), отказа давать на отопленіе и охрану церкви, платить въ консисторію на содержаніе духовенства (въ симбирскомъ у.), а чаще на почвѣ аренды церковныхъ земель. При этомъ было нѣсколько случаевъ поджога и разгрома усадебъ духовенства. Такъ, въ с. Усманн на второй день Пасхи сожжена усадьба

благочиннаго Алексѣева. Тамъ же толпа сожгла постройки волостного старшины, учителя церковно-приходской школы и домъ, въ которомъ квартировали вызванные старшиной казаки.

Въ 1907 г. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ предназначено образовать *землеустроительныя комиссіи*; въ связи съ этимъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (главнымъ образомъ, опять-таки тамъ, гдѣ нѣтъ казенной и удѣльной земли) наблюдался отказъ волостныхъ сходовъ выбирать своихъ уполномоченныхъ въ эти комиссіи (въ уѣздахъ: волоколамскомъ, нижегородскомъ, лохвицкомъ, курскомъ, петергофскомъ, костромскомъ и др.).

Какъ я уже сказалъ выше, столкновенія крестьянъ съ полиціей получили въ 1907 г. весьма широкіе размѣры. Кромѣ перечисленныхъ уже фактовъ, въ связи съ взысканіемъ податей и продовольственнымъ вопросомъ, слѣдуетъ отмѣтить цѣлый рядъ другихъ болѣе или менѣе крупныхъ столкновеній по самымъ различнымъ поводамъ: изъ-за недоразумѣній съ помѣщикомъ и по поводу аренды, изъ-за порубки и потравы и. т. д. Изъ наиболѣе крупныхъ столкновеній укажемъ слѣдующія. Въ м. Зельвѣ, *волковысскаго* уѣзда, крестьяне-католики хотѣли воспрепятствовать закладкѣ православнаго храма на ихъ землѣ; при этомъ изъ толпы было убито 6 и ранено 7 человѣкъ. Въ *ядринскомъ* у. при взысканіи податей убитъ 1 крестьянинъ; въ *васильковскомъ* у. толпа пыталась отбить арестованнаго агитатора, стражниками убито 2 и ранено 5 крестьянъ. На такой же почвѣ было крупное столкновеніе въ с. Илія, *тираспольскаго* у., въ с. Апраксинѣ, *сергачскаго* у., и т. д. Столкновеніе въ с. Апраксинѣ корреспондентъ „Нижегородскаго Листка" описываетъ такъ. Въ базарный день въ село пріѣхалъ приставъ съ однимъ стражникомъ и остановился въ школѣ. Крестьянамъ показалось, что онъ пріѣхалъ арестовать учителя и, собравшись у школы, стали требовать пристава. Расходившаяся толпа предложила семейству учителя выйти изъ школы и затѣмъ подожгла зданіе. Приставъ попытался бѣжать, но толпа настигла его, сшибла съ ногъ и стала избивать, а потомъ кинула его тѣло въ огонь. Стражникъ успѣлъ скрыться. Прибывшія власти подвергли крестьянъ тѣлесному наказанію и многихъ арестовали. Въ с. Б. Джалга, *благодарнинскаго* у. (Ставропольской губ.) убито 3 и ранено 2 крестьянъ; въ с. Комаровкѣ, *борзенскаго* у., толпа крестьянъ разбила стекла въ квартирѣ пристава; въ происшедшемъ затѣмъ столкновеніи убитъ 1 и ранено 5 крестьянъ. Въ *юрьевскомъ* у., Владимірской губ., убитъ въ стычкѣ одинъ стражникъ. Въ с. Качановкѣ, *литинскаго* у., стражники, захвативъ крестьянъ на помѣщичьемъ лугу, убили 1 и 1 ранили. Въ с. Сечѣ, *Минской губ.*, въ связи съ забастовкой сельскихъ рабочихъ ранено 6 крестьянъ; въ с. Утовѣ, *бузулукскаго* у., ранено 8 крестьянъ; въ *суздаль-*

скомъ у. 8 убито и 2 ранено; въ с. Крутцѣ, пензенскаго у., убитъ одинъ крестьянинъ. Крупныя столкновенія имѣли мѣсто на Пасхѣ въ *Симбирской* губерніи, которая вслѣдствіе этого была объявлена на положеніи усиленной охраны. По словамъ „Волжскаго Вѣстника", дѣло началось такъ. У управляющаго помѣщичьимъ имѣніемъ были давнишніе нелады съ крестьянами с. Анненково изъ-за прогона скота. Крестьяне сняли загородь, поставленную на пути къ выгону, а управляющій загналъ ихъ коровъ къ себѣ. Крестьяне ударили въ набатъ и подступили къ усадьбѣ, но управляющій успѣлъ скрыться. Расходившаяся и возбужденная толпа избила до смерти помѣщика и урядника. Прибывшая стража дала залпъ вверхъ, но крестьяне, вооружившись кольями, вилами и чѣмъ попало, не отступили; они загнали растерявшихся стражниковъ въ сарай и обезоружили, при этомъ 3 изъ нихъ были убиты. Къ ночи разгромили усадьбу.

Изъ Анненкова движеніе перекинулось въ сосѣднія мѣстности, въ с. с. Чуфарово, Насакино и Кротовку, гдѣ было уничтожено нѣсколько помѣщичьихъ усадебъ.

О болѣе мелкихъ столкновеніяхъ крестьянъ съ полиціей нечего и говорить: въ 1907 г. они приняли эпидемическій характеръ, что въ значительной мѣрѣ должно быть приписано тому повышенному настроенію, которое господствуетъ въ деревнѣ и которое легко порождаетъ различныя осложненія: помѣщики и власти склонны всякое недоразумѣніе раздувать въ „аграрные безпорядки" и толкаютъ, такимъ образомъ, крестьянъ на насильственныя дѣйствія. По нашимъ приблизительнымъ подсчетамъ, за 5 мѣсяцевъ 1907 г. въ столкновеніяхъ съ полиціей было убито около 50 крестьянъ и болѣе или менѣе тяжело ранено свыше 110 человѣкъ. Наибольшее число столкновеній приходится на мартъ и май, наименьшее—на январь и февраль. Слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на географическое распредѣленіе случаевъ столкновенія: большинство ихъ приходится на губерніи: Кіевскую, Черниговскую, Владимірскую, Костромскую, Симбирскую и Минскую; особенно распространены столкновенія съ полиціей въ Кіевской губ., что можно объяснить, пожалуй, болѣе высокимъ уровнемъ движенія и политическаго развитія крестьянства.

Въ массовыхъ столкновеніяхъ настоящаго года число пострадавшихъ полицейскихъ чиновъ насчитывается лишь единицами; въ 1906 г. оно было значительно больше. Но зато, съ другой стороны, значительно возросли въ 1907 г. убійства стражниковъ и урядниковъ отдѣльными „злоумышленниками" или группами ихъ. Жертвами деревенскаго *террора* пали, напр., въ бѣлостокскомъ у. урядникъ, въ верхнеднѣпровскомъ у. также урядникъ; въ сосновицкомъ у. — стражникъ; въ елисаветградскомъ у.—волостной старшина; въ верхнеднѣпровскомъ у.—стражникъ и т. д. и т. д. Въ саранскомъ у. въ пристава брошена бомба.

Значительно усилились, по сравненію съ 1906 г., случаи нападенія на помѣщичьи усадьбы въ цѣляхъ *экспропріаціи* оружія, денегъ и т. п. Какой характеръ носятъ подобныя нападенія, показываютъ, напр., слѣдующіе факты. Въ мартѣ въ четырехъ хуторахъ землевладѣльца Каленина (въ аткарскомъ у.) похищено 7 ружей и 300 рублей; нападавшихъ было до 20 хорошо вооруженныхъ людей. Въ томъ же уѣздѣ въ имѣніи Готовицкаго нападавшіе заперли снаружи помѣщеніе для служащихъ и открыли стрѣльбу, требуя выдачи оружія. Служащіе отвѣтили выстрѣлами, послѣ чего экспропріаторы, бросивъ бомбу, подожгли домъ и ушли. Въ имѣніи „Зарѣчье", пружанскаго у., вооруженнымъ отрядомъ совершена кража изъ амбара имущества на 430 р.; въ томъ же уѣздѣ такимъ путемъ ограблено имѣніе Новые Девятковичи. Въ Тепловкѣ, аткарскаго у., произведено нападеніе на имѣніе Устинова съ цѣлью похищенія оружія. Въ рославльскомъ у. — нападеніе на усадьбу Лапушкина и т. д. и т. д. Въ большинствѣ такихъ случаевъ нелегко провести грань между экспропріаціями и нападеніями на революціонной почвѣ и отважными кражами на почвѣ безработицы, неурожая и т. д. Нельзя не признать, что въ атмосферѣ общаго броженія, тревоги и недовольства въ деревняхъ пустило корни хулиганство; по крайней мѣрѣ провинціальные корреспонденты отмѣчаютъ сплошь и рядомъ факты подобнаго рода. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно центральной полосы Россіи.

Во многихъ случаяхъ мы, однако, имѣемъ дѣло съ проявленіемъ революціоннаго террора, который начинаетъ, повидимому, пускать корни на почвѣ общаго броженія и вмѣстѣ съ тѣмъ затишья въ самомъ движеніи. Какъ и всегда, террористическіе акты свидѣтельствуютъ въ данномъ случаѣ о томъ, что движеніе не можетъ еще выйти на широкую дорогу и не охватываетъ пока достаточно глубоко большихъ массъ населенія. Жертвами террора падаютъ въ деревнѣ не только полицейскіе чины, но также помѣщики и ихъ управляющіе. Такъ, напр., въ медынскомъ у. убитъ управляющій имѣніемъ Бережной—Голодайко; близъ Керчи раненъ управляющій Макарцевъ; въ Харьковской губ. убитъ помѣщикъ Фрейнгоферъ; въ проскуровскомъ у.—крупный землевладѣлецъ Чикирда; въ баусскомъ у.—убитъ управляющій Штраусъ; въ ананьевскомъ у.— убиты помѣщикъ и шесть его служащихъ, причемъ похищено 2000 р. Въ аткарскомъ у. крестьяне выгнали служащихъ землевладѣльца Козлова, пытались убить приказчика и сжечь постройки. Причина—не сдача земли на предложенныхъ крестьянами условіяхъ и т. д.

Какъ извѣстно, во время крестьянскихъ восстаній на Западѣ населеніе прежде всего стремилось уничтожить различные крѣпостные акты и т. п. документы помѣщиковъ; слѣдовало бы ожидать, что и у насъ, принимая во вниманіе страшную задолженность крестьянъ помѣщикамъ за аренду и пр., движеніе направится въ эту сторону. Но въ дѣйствитель-

ности этого до сихъ поръ не было: если не считать Кавказа, то случаи такого рода были лишь единичными. Примѣръ нападенія съ цѣлью похищенія документовъ описываетъ „Саратовскій Листокъ“. 13 февраля въ имѣніе Трембовельскихъ, сердобскаго у., явились вооруженные люди, отобрали оружіе у служащихъ и взяли у управляющаго документы, по которымъ крестьяне были должны экономіи за аренду земли и луговъ. Затѣмъ экспропріаторы, которыхъ было 5—6 человѣкъ, запрягли помѣщичьихъ лошадей, подожгли усадьбу и скрылись.

Изъ числа болѣе или менѣе организованныхъ протестовъ приказаніямъ „начальства“ заслуживаютъ вниманіе лишь весьма немногіе. Такъ, напр., слѣдуетъ отмѣтить дружный и продолжительный отказъ рыбацкаго волостного схода петербургскаго у. переизбрать по указанію земскаго начальника и губернатора должностныхъ лицъ. Исторія тянулась съ іюня 1906 г. по мартъ 1907 г., и въ результатѣ—много „зачинщиковъ“ было арестовано и выслано административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Въ переяславскомъ, нижегородскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ также были случаи отказовъ выбирать сотскихъ для окарауливанія винныхъ лавокъ, почты и т. п. Кое-гдѣ практиковался бойкотъ казаковъ и стражниковъ за произведенныя ими насилія и пр. Въ общемъ, однако, планомѣрные протесты подобнаго рода не получили въ 1907 г., какъ и въ предыдущіе годы, сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ.

Чтобы закончить обозрѣніе крестьянскаго движенія въ 1907 г., мы должны остановиться еще на фактахъ, связанныхъ съ дѣятельностью Государственной Думы, съ выборами въ Думу и т. п.

IV.

Несмотря на усиленныя репрессіи, изъятія вліятельныхъ лицъ,—выборы во вторую Государственную Думу дали для правительства не болѣе утѣшительные результаты, чѣмъ въ первую Думу. Большинство лѣвыхъ элементовъ Думы, начиная къ к.-д., прошло именно благодаря поддержкѣ выборщиковъ-крестьянъ. Оппозиціонность настроенія крестьянскихъ массъ получила такимъ образомъ еще разъ хорошее подтвержденіе. Далеко, конечно, нельзя утверждать, что въ массѣ своей крестьянство руководилось при этомъ какими-нибудь опредѣленными политическими соображеніями; вѣрнѣе допустить, что выборы въ огромномъ большинствѣ случаевъ происходили на платформѣ: „за помѣщиковъ“ и „противъ помѣщиковъ“.

Въ прошломъ году, съ открытіемъ первой Госуд. Думы, въ деревняхъ происходили многочисленные митинги, на сходахъ составлялись привѣтствія и „наказы“ членамъ Думы, открыто и въ большомъ количествѣ посылались въ Петербургъ ходоки и т. д. Въ этомъ году все это приняло иной характеръ, такъ какъ общеніе депутатовъ съ населеніемъ теперь

трактуется, какъ проявленіе „преступной агитаціи", и принимаются всевозможныя мѣры для воспрепятствованія этому общенію. Чтобы ослабить потокъ „наказовъ", департаментъ полиціи предписалъ „зорко слѣдить за составленіемъ подобныхъ наказовъ и всяческими мѣрами *препятствовать доставленію этихъ наказовъ* членамъ Думы", въ особенности же задерживать составителей наказовъ, такъ какъ „составленіе наказовъ не можетъ быть иначе разсматриваемо, какъ преступная агитація". Но этого мало,—власти приложили всѣ усилія къ тому, чтобы затруднить самый *созывъ сходовъ* безъ разрѣшенія земскихъ начальниковъ. Министерство вн. дѣлъ разъяснило по вѣдомству, что „по существующимъ законоположеніямъ обсужденіе какихъ бы то ни было законовъ не подлежитъ вѣдѣнію сельскихъ сходовъ" и „собраніе сельскихъ обывателей для обсужденія подобнаго рода вопросовъ является незаконнымъ сборищемъ", которое власти должны разгонять, „не останавливаясь въ крайнемъ случаѣ передъ примѣненіемъ силы". Вдохновленныя этимъ циркуляромъ, мѣстныя власти разгоняли сходы, штрафовали старостъ за созывъ сходовъ и т. п., а иногда примѣняли и „культурныя мѣры". Такъ, напр., циркуляръ наказнаго атамана Донской Области въ мягкихъ выраженіяхъ предлагалъ окружнымъ атаманамъ разъяснить станичникамъ всю тщету ихъ общенія съ депутатами, такъ какъ общеніе это, кромѣ своей незаконности, „не находитъ себѣ подтвержденія въ западно-европейскихъ конституціяхъ", Нѣкоторые станичные сходы (напр., Каменской станицы) не согласились. однако, съ такимъ толкованіемъ ихъ правъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили весьма рѣшительно. Такъ, напр., сборъ Новочеркасской станицы заявилъ, что связи съ депутатами онъ прервать не можетъ, „такъ какъ они являются ближайшими выразителями нашихъ запросовъ".

Запрещеніе собирать сходы для составленія наказовъ повело лишь къ тому, что въ деревняхъ стали чаще устраиваться „преступныя сборища", которыя и вырабатывали наказы, привѣтствія, выбирали ходоковъ въ Думу и т. д. Въ общемъ, благодаря стѣсненіямъ, число наказовъ въ этомъ году значительно меньше, по сравненію съ прошлымъ. Какъ и прежде, наказы и заявленія въ Госуд. Думу касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, но общій тонъ наказовъ уже не отличается такой высокопарностью, какой страдали наказы депутатамъ перваго созыва. По своему содержанію наказы могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни изъ нихъ касаются общихъ вопросовъ, во всемъ ихъ объемѣ, другіе же останавливаются на болѣе или менѣе крупныхъ частностяхъ и порой исчерпываются какой-нибудь жалобой и т. п. Въ наказахъ кіевскихъ крестьянъ наряду съ требованіемъ „земли и воли" на первомъ мѣстѣ обычно стоитъ требованіе равноправіе національностей, амнистіи, отмѣны смертной казни и т. д. Объ этомъ же просятъ крестьяне въ наказахъ изъ Полтавской, Тульской, Московской, Вологодской, Саратовской, Самарской и др. самыхъ

различныхъ губерній. Въ иныхъ случаяхъ содержатся болѣе конкретныя указанія на счетъ того, что крестьяне понимаютъ требованіе „земли и воли". Такъ, напр., относительно „земли" въ наказахъ крестьянъ вологодскаго у. заявляется требованіе „передачи безъ выкупа всей земли въ народное пользованіе". Крестьяне с. Чернавска, елецкаго у., считаютъ „самымъ неотложнымъ и необходимымъ обезпечить достаточнымъ количествомъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также и желающихъ обрабатывать землю своимъ личнымъ трудомъ мѣщанъ". Казаки одной станицы Донской области просятъ добиваться, „чтобы земля принадлежала всему народу, а не тѣмъ людямъ, которые забрали ее для себя, чтобы создать,—и создали рабство".

Мы должны относиться крайне осторожно къ подобнымъ заявленіямъ объ обращеніи земли въ „общенародную собственность". При анализѣ наказовъ депутатамъ первой Думы, а также многочисленныхъ приговоровъ періода петицій въ 1905 г. намъ приходилось уже указывать въ др. мѣстѣ, насколько своеобразно понимается въ данномъ случаѣ обращеніе въ „общенародную" собственность земли и т. п. [1]) Не повторяя здѣсь сказаннаго нами по этому поводу, замѣтимъ лишь, что въ подобныя понятія почти всегда вкладывается не соціалистическое содержаніе, даже не содержаніе въ народническомъ духѣ, а упрощенное, первобытное мелкобуржуазное представленіе о „справедливости" и „несправедливости" тѣхъ или другихъ размѣровъ земельной собственности.

Помимо общихъ заявленій о „землѣ", нѣкоторые наказы останавливаются и на конкретныхъ вопросахъ. Такъ, напр., наказы изъ Херсонской, Подольской и др. губ. переполнены жалобами на вздуваніе цѣнъ крестьянскимъ банкомъ и требуютъ прекращенія его дѣятельности. Мѣщанскія общества Тульской губ. просятъ, при рѣшеніи земельнаго вопроса, отнестись „съ должнымъ вниманіемъ къ забытому мѣщанскому сословію". Крестьяне сарапульскаго у. запрашиваютъ предсѣдателя Госуд. Думы о томъ, принимать ли имъ участіе въ выборахъ въ землеустроительную коммиссію. Наконецъ, въ крестьянскихъ заявленіяхъ затрагиваются и чисто-мѣстныя нужды. Такъ, напр., крестьяне с. Чулуканъ, бѣлецкаго у., жалуются, что и за высокую цѣну имъ негдѣ снять въ аренду землю; крестьяне карашской волости, ростовскаго у. (Яросл. г.), просятъ „походатайствовать" о прирѣзкѣ земельнаго надѣла „крестьянамъ, бывшимъ г-жи Волоцкой". Цѣлый рядъ заявленій касается вопроса о злоупотребленіяхъ при выдачѣ продовольственныхъ судъ и т. п. (изъ Тульской, Костромской, Нижегородской и др. губерній), о притѣсненіяхъ полиціи и солдатъ (изъ валуйскаго у., изъ Подольской губ. и др.). Наконецъ, имѣются и такія,

[1]) См. мою статью „Итоги и перспективы крестьянскаго движенія" „Образованіе". 1906 г. № 7, а также книгу „Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе", стр. 58 и слѣд.

какъ просьба унтеръ-офицерской жены о выдачѣ ей пособія, объ отмѣнѣ гербоваго сбора; крестьянка аткарскаго у. проситъ депутатовъ вернуть ея сына изъ административной ссылки; нѣкоторые крестьяне ходатайствовали объ отсрочкѣ приведенія въ исполненіе приговора надъ осужденными за аграрные безпорядки и т. д. Словомъ, какъ и въ прошломъ году, Госуд. Дума служила прибѣжищемъ для всевозможныхъ жалобщиковъ, ходатаевъ; роль и значеніе ея, а также возможность для нея удовлетворить эти ходатайства, едва ли хорошо сознаются большинствомъ тѣхъ, которые подписываютъ наказы, заявленія и т. п.

Не ограничиваясь посылкой наказовъ, многія общества отправляли своихъ ходоковъ въ Думу похлопотать о землѣ, узнать о поведеніи своего депутата, о принадлежности его къ той или другой партіи и проч.

Препятствуя составленію на сходахъ наказовъ, правительство стремилось также и къ тому, чтобы не допускать личнаго общенія депутатовъ съ населеніемъ. Не успѣли еще депутаты съѣхаться въ Петербургъ, какъ министръ вн. дѣлъ разослалъ губернаторамъ циркуляръ, которымъ предписывалось въ случаяхъ появленія членовъ Думы въ деревняхъ не разрѣшать собраній, ссылаясь на ст. XVI учр. Гос. Думы, а съ виновными въ нарушеніи этой статьи „поступать по закону". Несмотря на такія затрудненія, депутатамъ удалось кое-гдѣ устроить собранія, въ результатѣ— нѣкоторые изъ нихъ были привлечены къ отвѣтственности (напр., крестьянинъ чигиринскаго у. Красилюкъ и др.). Затѣмъ, въ виду предстоявшаго перерыва думскихъ занятій на Пасху, когда ожидался пріѣздъ депутатовъ къ себѣ на родину, департаментъ полиціи подтвердилъ предписаніе о запрещеніи членамъ Думы устраивать митинги и т. п. Въ случаѣ, говорится въ этомъ циркулярѣ, если со стороны депутатовъ будутъ попытки къ произнесенію какихъ-либо мятежныхъ рѣчей, то эти депутаты должны быть немедленно арестованы и препровождены въ Петербургъ подъ конвоемъ. Усердно слѣдуя этому предписанію, полиція не разрѣшала депутатамъ выступать на сходахъ и собраніяхъ, при этомъ были арестованы депутаты Туперко и Ржехинъ за „агитацію среди крестьянъ". До чего доходила изобрѣтательность полиціи въ разъединеніи депутатовъ съ населеніемъ, показываетъ такой случай. Пріѣхавшій срочно въ деревню (по поводу болѣзни жены и дочери) деп. Маляренко неотступно сопровождался стражниками. Избу окружили и не допускали къ нему крестьянъ; даже гробъ его умершей дочери окружала полиція.

Стоитъ ли послѣ всего этого удивляться тому, что полиція задерживала наказы, вскрывала письма, адресованныя депутатамъ и т. д. и т. д.? Такъ, напр., многіе члены Думы (Березинъ, Батуровъ и др.) обнаружили факты недоставленія имъ телеграммъ и писемъ.

Вполнѣ понятно, что „мѣры пресѣченія" касались лишь агитаціи прогрессивныхъ членовъ Думы, а не правыхъ. *Агитація* этихъ послѣднихъ,

какъ и вообще *реакціонныхъ элементовъ* пользовалась благосклонностью начальства. Дискредитированіемъ Думы занимались и „союзы землевладѣльцевъ“, и черносотенное духовенство, и сами начальствующія лица. Такъ, напр., „союзъ“ екатеринославскихъ помѣщиковъ въ своемъ воззваніи нападалъ на агитацію екатеринославскихъ депутатовъ (лѣвыхъ) и приглашалъ крестьянъ принять мѣры къ охранѣ собственности, „составляющей фундаментъ общественнаго быта“. Въ вольскомъ у. выступали на сходахъ черносотенные земцы гр. Уваровъ и гр. Орловъ-Денисовъ, обвинявшіе членовъ Думы въ „потрясеніи основъ“. Не отставало и духовенство. Почаевская лавра выпустила даже образецъ черносотеннаго наказа съ осужденіемъ членовъ Думы. Полиція, конечно, не препятствовала подобной агитаціи и даже сама принимала въ ней широкое участіе, проявляя большую изобрѣтательность въ этомъ отношеніи. Не довольствуясь принятыми мѣрами относительно крестьянскихъ сходовъ, составленія наказовъ, митинговъ и т. п., правительство позаботилось о томъ, чтобы и сами думскія пренія доходили до деревни въ угодномъ для него видѣ. Съ этой цѣлью было предписано оффиціознымъ и субсидируемымъ правительствомъ газетамъ давать тенденціозные отчеты о засѣданіяхъ Думы и и выражалось „пожеланіе“, чтобы подобные отчеты получали возможно широкое распространеніе. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и мѣстныя власти. Такъ, напр., земскій начальникъ 6 уч. тотемскаго у. предписалъ волостнымъ правленіямъ не выдавать крестьянамъ „вредныхъ“ газетъ и журналовъ. Въ Воронежской губ. полиція распространяла черносотенныя брошюры по земельному вопросу изданія „Сельскаго Вѣстника“, земскіе начальники елисаветградскаго у. покровительствовали брошюрѣ „О передѣлѣ земли“. Наконецъ, по волостнымъ правленіямъ была разослана декларація Столыпина въ Думѣ по земельному вопросу и т. д. и т. д. Эти и многіе другіе примѣры показываютъ, что черносотенная агитація въ деревнѣ ведется на широкую ногу; не нужно большой проницательности, чтобы предвидѣть результаты подобной агитаціи. Опытъ достаточно хорошо показалъ, что ничто не имѣетъ въ деревнѣ такого революціонизирующаго значенія, какъ начальственная агитація, ведущаяся въ широкихъ размѣрахъ. Необходимо только позаботиться, чтобы въ деревню проникало и правдивое слово о Думѣ и ея дѣятельности. Объ этомъ должны позаботиться фракціи прогрессивныхъ партій. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано, такъ, трудовая группа, с.-д. и др. время отъ времени разсылаютъ „письма“ къ избирателямъ съ отчетомъ о ходѣ думскихъ дѣлъ. Въ к.-д. партіи поднятъ вопросъ объ организаціи правильнаго систематическаго общенія депутатовъ съ населеніемъ, лично и посредствомъ печати. Все это особенно необходимо именно теперь, когда реакціонные элементы всячески стараются очернить Думу въ глазахъ населенія и пользуются для этого всѣмъ арсеналомъ правительственнаго механизма. Въ

настоящее время для Думы велика опасность быть изолированной отъ населенія, въ смыслѣ сочувствія и поддержки. Тѣ, кто питалъ годъ тому назадъ неосновательную вѣру во всемогущество Думы, тотъ легко можетъ впасть теперь въ другую крайность, и мѣстами, дѣйствительно, какъ будто замѣчается охлажденіе крестьянства къ Думѣ. Чтобы оживить интересъ къ Думѣ, необходимо возможно полнѣе организовать общеніе депутатовъ съ населеніемъ.

Разсмотрѣніе аграрнаго движенія въ настоящемъ году показало намъ, что общій характеръ этого движенія, по сравненію, напр., съ движеніемъ 1905 и начала 1906 г. замѣтно измѣнился. Движеніе перешло какъ бы въ скрытое состояніе, напряженность атмосферы попрежнему даетъ себя чувствовать во всѣхъ деревенскихъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общая ситуація чрезвычайно осложнилась. Прежде всего новымъ осложняющимъ факторомъ явились законы, изданные въ порядкѣ ст. 87, и главнымъ образомъ законъ о выходѣ изъ общины, а также расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка. На этой почвѣ усилился разладъ въ крестьянской средѣ, разладъ, намѣчавшійся уже во время стихійныхъ вспышекъ 1905 г. Въ газетахъ все чаще стали появляться извѣстія о деревенскихъ пожарахъ отъ поджоговъ самихъ же крестьянъ. Большинство такихъ поджоговъ совершается „на партійной почвѣ". Законы въ порядкѣ ст. 87 послужили хорошимъ реактивомъ для обнаруженія классовой и групповой розни въ крестьянской средѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они до извѣстной степени загнали опять крестьянъ въ ихъ мѣстную скорлупу, выдвинули на первую очередь во многихъ мѣстахъ чисто-мѣстные интересы.

Бросается затѣмъ въ глаза и то обстоятельство, что на почвѣ общаго затишья проявленія массовыхъ формъ борьбы въ деревнѣ выросъ терроръ, участились „экспропріаціи" съ самыми различными цѣлями; самые поджоги и разгромы помѣщичьихъ усадебъ стали чаще совершаться втихомолку, больше какъ проявленіе мести, чѣмъ борьбы. Столкновенія съ полиціей участились, нерѣдко происходя по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Стачки, борьба на почвѣ арендныхъ отношеній и т. п. формы организованнаго движенія широкаго развитія не имѣли, продолжая концентрироваться попрежнему на юго-западѣ и западѣ, отчасти въ Малороссіи,— тамъ, гдѣ преобладаетъ батрацкое хозяйство въ помѣщичьихъ губерніяхъ, а также на югѣ въ проявленіяхъ аграрнаго движенія, въ его формахъ и содержаніи теперь, какъ и прежде, чувствуется тяжелый гнетъ малоземелья, утѣсненія въ арендѣ пахотныхъ земель, луговъ, выгоновъ и пр.

Особенностью 1907 г., какъ, впрочемъ, и 1906 г., является затишье въ движеніи въ Прибалтійскомъ Краѣ и на Кавказѣ. Гнетъ карательныхъ отрядовъ сдавливаетъ тамъ всякій протестъ и загоняетъ движеніе внутрь. Въ отличіе отъ весны 1905 и 1906 гг. не наблюдалось сколько-нибудь значительнаго стачечнаго движенія батраковъ въ этомъ году и въ Польшѣ.

Интересно отмѣтить, что бывшее въ февралѣ этого года огромное крестьянское возстаніе въ Румыніи (десятки тысячъ крестьянъ осаждали города, сжигали помѣщичьи усадьбы и т. д.) не отразилось даже въ слабой степени на пограничной съ Румыніей мѣстности—Бессарабіи. Какъ извѣстно, Бессарабія и въ предыдущіе годы не была затронута сколько-нибудь крупными аграрными волненіями. Въ памятную осень 1905 г., когда въ цѣломъ рядѣ губерній были снесены десятки усадебъ и убытки помѣщиковъ исчислялись милліонами, въ Бессарабской губ. пострадали 1—2 усадьбы и то весьма незначительно (по оффиціальному подсчету, убытокъ помѣщиковъ не превышалъ $4^1/_2$ тыс. рублей). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что данное обстоятельство объясняется сравнительно большой обезпеченностью крестьянскаго населенія въ Бессарабіи, болѣе интенсивнымъ хозяйствомъ, которое ведутъ здѣсь крестьяне, и т. п. Этотъ вопросъ заслуживаетъ самаго тщательнаго изслѣдованія; необходимо конкретнѣе выяснить эту обстановку, въ которой совершается аграрное движеніе различныхъ мѣстностей, движеніе, которому такъ трудно выйти на широкую дорогу съ различныхъ проселочныхъ путей, отдѣлаться отъ чисто-мѣстныхъ преобладающихъ вліяній. Только изслѣдовавъ характеръ экономическихъ отношеній каждой отдѣльной мѣстности обширной страны, мы въ состояніи будемъ отдѣлаться отъ схематическихъ сужденій при оцѣнкѣ содержанія, формъ и самаго значенія происходящаго у насъ аграрнаго движенія [1]).

Б. Веселовскій.

---

[1]) Интересныя соображенія по этому поводу имѣются въ статьѣ г. Я. Пилецкаго въ „Русскомъ Экономистѣ" за 1907 г., № 18—19. Г. Пилецкій останавливается на анализѣ характера крестьянскаго движенія въ нечерноземномъ промышленномъ районѣ и даетъ ему оцѣнку въ связи съ экономическимъ укладомъ крестьянскаго хозяйства въ этой облас

Промышленный подъемъ или промышленный кризисъ?

Вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время русскій индустріальный и торговый міръ—въ періодѣ упадка или подъема, переживаемъ ли мы сейчасъ моментъ промышленнаго расцвѣта или депрессіи,—несмотря на свой острый, животрепещущій интересъ, до сихъ поръ не получилъ должнаго освѣщенія. Разобраться въ немъ стало настоятельно необходимымъ.

Однако, ставя передъ собой такую задачу, мы должны признаться, что далеко не располагаемъ *всѣми* матеріалами, какіе необходимо для надлежащаго и исчерпывающаго ея разрѣшенія. Нѣтъ сомнѣнія, что экономическая жизнь съ чуткостью хорошаго барометра отражала то состояніе тяжелаго угнетенія и растерянности, которыя являются отличительной чертой послѣдняго времени. Но какъ учесть вліяніе политическаго момента на народное хозяйство? Гдѣ объективные признаки торгово-промышленнаго разстройства и въ чемъ они выражаются? Наконецъ, какое экономическое наслѣдство оставило намъ пережитая ужасная война, давшая огромнѣйшій минусъ въ активѣ народнаго хозяйства? Факторы экономической жизни настолько сложны и взаимно переплетаются и перекрещиваются между собою, что нужно долгое время, прежде чѣмъ сама жизнь подведетъ свои неотразимые итоги и оттѣнитъ тѣ глубокія измѣненія во всемъ народнохозяйственномъ организмѣ, какія вызваны нарушеніемъ правильнаго хода въ клѣткахъ этого организма. Напримѣръ, еврейскіе погромы разразились въ сравнительно болѣе узкой чертѣ, однако, вліяніе этихъ погромовъ сильной волной передалось въ самые отдаленные концы Россіи, и погромъ какой-нибудь еврейской лавчонки оказывался погромомъ солидной фирмы, управленіе дѣлами которой, быть можетъ, находится въ рукахъ „истинно-русскаго“ человѣка. Экономическое значеніе погромовъ весьма велико, но учесть его, даже приблизительно, невозможно. Съ другой стороны, вслѣдствіе ультра-реакціонной, „успокоительной“ политики правительства, выражающейся въ жестокой дезорганизаціи хозяйственной жизни страны, нѣкоторыя

отрасли промышленности, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, интенсивно возрастаютъ за счетъ деградаціи и паденія другихъ. Разгромъ промысловъ въ Баку, отъ котораго еще и по сію пору не можетъ оправиться нефтяная промышленность, далъ стимулы къ увеличенію добычи угля въ районахъ донецкаго бассейна. Нѣкогда цвѣтущая промышленность лодзинскаго района теперь, подъ вліяніемъ всѣмъ извѣстныхъ событій, ограничила производство до минимума, что служитъ къ выгодѣ центральнаго района, безраздѣльно захватившаго весь мануфактурный рынокъ. Наблюдающійся сейчасъ широкій размахъ міровового рынка захватываетъ и нѣкоторыя отрасли русской промышленности. Есть спросъ на русскіе желѣзные полуфабрикаты изъ-за границы. Но та же повышенная экономическая конъюнктура на Западѣ неблагопріятно отражается на торгово-промышленныхъ дѣлахъ въ Россіи благодаря необычайному вздорожанію денегъ и сокращенію дешеваго кредита русскимъ банкамъ и т. д. и т. д. Словомъ, положеніе, въ которомъ въ настоящее время находится наша торговля и промышленность,—въ высшей степени своеобразное и сложное, затрудняющее нахожденіе основныхъ признаковъ какъ промышленнаго кризиса, такъ и промышленнаго подъема.

Если бросимъ краткій ретроспективный взглядъ назадъ и сравнимъ въ экономическомъ отношеніи 1903 г. съ 1906 г., то увидимъ между ними глубокое различіе, различіе, не по внѣшнимъ признакамъ ихъ номинальнаго выраженія, а по внутреннимъ свойствамъ ихъ экономическаго значенія для народнаго хозяйства. Именно, эпоха грюндерства и ажіотажной горячки, обусловившая промышленно-биржевой кризисъ въ 1899—1900 гг., какъ результатъ форсированнаго развитія нашей промышленности, при неусыпной помощи правительства, въ 1903 г. если окончательно не сошла со сцены, то во всякомъ случаѣ доживала свои послѣдніе часы, и въ этомъ году мы видимъ всѣ объективные признаки промышленнаго подъема. Въ 1904 г. разразился военный кризисъ. Онъ внесъ въ торговую жизнь разладъ и явился задерживающимъ моментомъ для наступившаго подъема въ сферѣ фабрично-заводской дѣятельности. Въ концѣ 1905 г. онъ осложнился, вѣрнѣе, перешелъ въ политическій кризисъ, въ революцію. Революція же необходимо предполагаетъ болѣе или менѣе серьезное разстройство хозяйственной жизни, нарушеніе плавности торговаго оборота, т. е. преобладаніе въ данномъ историческомъ періодѣ боевыхъ политическихъ тенденцій надъ обыденной стороной экономической жизни, выражающейся въ механической ритмичности накопленія прибавочной стоимости. Вліяніе этихъ событій—войны и революціи—несомнѣнно чувствуется и теперь. Отсюда—неопровержимый выводъ, что всѣ воззрѣнія на современное состояніе русской торговли и промышленности должны опираться на два момента: на войну и революцію.

Изученіе и характеристика такихъ нѣсколько *прикрытыхъ* экономи-

ческихъ явленій, какъ промышленная депрессія, не можетъ быть произведено ex abrupto. Необходимо болѣе широкое изслѣдованіе вопроса, позволяющее установить преемственность развитія даннаго явленія, наростаніе фактовъ въ ихъ общей причинообусловленности.

По всѣмъ вышеуказаннымъ основаніямъ мы отправляемся въ своемъ изслѣдованіи отъ 1903 г. Въ нижеслѣдующей главѣ, давая общій абрисъ положенія народнаго хозяйства за періодъ 1903—1907 гг., мы болѣе подробно останавливаемся на банкахъ и биржѣ, этихъ центральныхъ пунктахъ капиталистической системы. Въ послѣдующихъ главахъ дается характеристика горнаго дѣла фабрично-заводской дѣятельности, внутренней и внѣшней торговли и нынѣшняго финансоваго положенія [1]).

I.

Кредитъ, банки, денежный рынокъ и биржа въ связи съ общимъ положеніемъ торговли и промышленности за время 1903—1907 гг.

1903 г. въ экономическомъ положеніи страны былъ, въ извѣстной степени, продолженіемъ того улучшенія, которое началось подъ вліяніемъ обильнаго урожая со второй половины 1902 г. Сборъ хлѣбовъ оказался выше средняго болѣе, чѣмъ на 10%. Торговля и промышленность возобновили движеніе впередъ послѣ застоя, слѣдовавшаго за кризисомъ 1899—1900 годовъ. Теченіе торговыхъ дѣлъ было нормальное, хотя число несостоятельностей нѣсколько увеличилось. Нижегородская ярмарка прошла благополучно. Въ нефтяной промышленности наблюдался подъемъ цѣнъ. Среди металлургіи и каменноугольной промышленности замѣчалась тенденція къ улучшенію. Но горное дѣло на Уралѣ и хлопчатобумажная промышленность переживаютъ тяжелые дни.

Фонды держались стойко (только съ осени нѣкоторая реакція съ дивидендными бумагами); деньги были дешевы (частный дисконтъ доходилъ до $4^1/_2$%, а по онкольнымъ [2]) операціямъ до 4%). Дешевизна денегъ вызывалась увеличеніемъ текущихъ и контокорентныхъ счетовъ въ бан-

---

[1]) Въ основу этой главы легли балансы и отчеты банковъ, матеріалъ сырой, требующій массу кропотливой, усидчивой работы. Немного помогли статьи автора, печатавшіяся за послѣдніе годы въ „Промыш. мірѣ“ („Рус. Эк.“) за разными подписями.

[2]) On Calle (по востребованію) — своеобразный видъ кредита, приноровленный къ потребностямъ биржевой спекуляціи. Во Франціи, Англіи и отчасти Германіи онъ называется репортомъ (report), а въ Австріи — Kostgeschäft (отдавать и принимать бумаги на прокормленіе). Онкольныя операціи выражаются въ спеціальныхъ текущихъ счетахъ и ссудахъ подъ залогъ цѣнностей.

кахъ, послѣдовавшихъ благодаря выпуску желѣзнодорожныхъ облигацій, городскихъ займовъ и притоку дешевыхъ заграничныхъ денегъ. Но, несмотря на это, банки, въ видахъ конкурренціи, были принуждены повысить процентъ по текущимъ счетамъ и вкладамъ.

При сравненіи операцій банковъ коммерческаго кредита за 1903 г. съ таковыми за 1902 г. оказывается, что значительно увеличились текущіе счета и вклады — матеріалъ для развитія продуктивной коммерческой работы,—именно, на 16,7%; вексельный портфель расширился настолько же (16%); онкольно-ссудныя (собственно онкольныя и товарныя) операціи возрасли на 10,6%; переучетъ и перезалогъ, напротивъ, сократился на 6,7%, а спеціальный текущій счетъ подъ векселя въ государственномъ банкѣ (операція, практикуемая, главнымъ образомъ, частными банками, банковый кредитъ) упалъ на 26,5%. Всѣ эти цифры въ смыслѣ объективной убѣдительности того, что въ 1903 г. имѣлись всѣ шансы на промышленный подъемъ,—неоспоримы. И данному подъему не было серьезнаго политическаго противовѣса. Политическіе горизонты того времени, правда, полные „неистраченныхъ возможностей“, все же не были настолько омрачены, чтобы внушать опасенія буржуазнымъ классамъ.

Начавшееся движеніе торговли и промышленности въ гору, однако, не было продолжительнымъ. Оно какъ-то глухо оборвалось, застопорило на первыхъ неудачныхъ шагахъ войны. Въ суженныхъ войною рамкахъ народное хозяйство volens-nolens ограничиваетъ широту размаха. Въ началѣ войны нѣкоторая часть промышленности, благодаря заказамъ на военныя надобности, была поставлена въ весьма выгодныя условія. Но эта промышленность, которая работаетъ для народнаго сбыта и массоваго потребленія, тотчасъ же очутилась въ неблагопріятномъ положеніи. Только обильный урожай (1904 г.), давшій переборъ противъ прошлаго года на 15,6%, поддержалъ покупательную силу населенія, и торговля въ мѣстностяхъ восточнаго и центральнаго районовъ была поэтому удовлетворительной. Хуже дѣла шли въ западной половинѣ Россіи, гдѣ урожай былъ посредственный, мѣстами даже плохой. „Кіевское Слово“ тогда констатировало, что всѣ дѣла пришли въ полнѣйшій упадокъ, въ торговлѣ и промышленности застой; „фабричное и заводское производство до того сократило свою дѣятельность, что значительное число рабочихъ осталось безъ всякихъ занятій и нуждается въ насущномъ кускѣ хлѣба. Положеніе этихъ людей дошло до того, что рабочіе превратились въ людей, просящихъ подаяніе“. Особенно тяжело пришлось Сибири, гдѣ мобилизація началась еще задолго до другихъ областей и произведена въ обширномъ объемѣ. „Страна вообще крайне бѣдная рабочими руками, — говорится въ отчетѣ Сибирскаго банка за 1904 г., — оказалась совершенно обездоленною въ данномъ отношеніи и даже часть урожая осталась неубранною; пострадала также золотопромышленность нѣкоторыхъ районовъ“. Ниже-

городская ярмарка прошла вяло. Векселей учтено на 25.900 т. р., или менѣе противъ 1903 г. на 6.500 т. р., причемъ протестъ векселей увеличился на 20%. Вялость и пришибленность ярмарки обусловливались отчасти и тѣмъ, что сибирская дорога, будучи перегружена военными грузами, не могла служить интересамъ товарнаго движенія, удобнымъ транспортомъ для перевозки товаровъ; а холера, постигшая въ 1904 г. Персію, уменьшила продуктивные обороты съ ближнимъ Востокомъ.

Очерченныя выше условія, въ которыхъ находилась торговля и промышленность въ началѣ дальневосточной эпопеи, усугублялись новымъ неустранимымъ факторомъ. Мы имѣемъ въ виду невыносимое состояніе паралича коммерческаго кредита, дезорганизовавшаго хозяйственныя отношенія. Государственный банкъ, работая на деньги казначейства и сберегательныхъ кассъ, съ самаго начала войны стремился освободить капиталы, завязанные въ активныя операціи, и сжималъ коммерческій кредитъ, что было далеко не къ выгодѣ торговли и промышленности. Излюбленное средство для огражденія кассовой наличности центральнаго банка—повышеніе дисконта. Повышая дисконтъ, банкъ ослабляетъ требованіе на деньги. Варьированіе учетныхъ нормъ носитъ закономѣрный характеръ. Съ осени онѣ подымаются и, удерживаясь на высокомъ уровнѣ до середины зимы, постепенно понижаются къ лѣтнему, „мертвому“ періоду года. Амплитуда колебаній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ темпа міровой промышленности и торговли, обусловливающихъ собою то или иное положеніе международнаго денежнаго рынка [1]). Учетная политика государственнаго банка во время войны базировалась на другихъ, оригинальныхъ основаніяхъ, мало считаясь съ только что высказанными принципами учетной политики центральныхъ банковъ Европы. До войны по трехмѣсячнымъ векселямъ банкъ взималъ $4^1/_2$%. Съ первыхъ дней войны,—а она началась 28 января 1904 г.,—банкъ подымаетъ норму на 1%—до $5^1/_2$% и на этомъ уровнѣ онъ держится до 8 ноября 1905 г. Слѣдовательно, банкъ повысилъ дисконтъ тогда, когда ставки обыкновенно понижаются и деньги на рынкѣ дешевѣютъ. Эта, не имѣвшая подъ собой реальной почвы, мѣра была чревата послѣдствіями. Она явилась предупредительнымъ сигналомъ, символизирующимъ суженіе коммерческаго кредита. Частные банки, находясь въ зависимости отъ центральнаго эмиссіоннаго учрежденія и впитывая въ себя тенденціи его учетной политики, вынуждены были держаться той линіи *поведенія*, которую намѣтилъ себѣ Государственный банкъ. И они начинаютъ работать съ сугубой осторожностью и сдерживаютъ операціи, *отказывая* въ учетѣ векселей даже перворазрядныхъ. Обстоятельство это, *разумѣется*, пагубно отражалось на торговыхъ дѣлахъ, съ каждымъ днемъ

[1]) *Palgrave*. Bank rate and the money market. London. 1903. Ch. XXI, p. 219–225, а также см. таблицы на стр. 97, 142 и 156.

увеличивая число несостоятельностей. Учетъ достигалъ до 7,5%. Притокъ дешевыхъ денегъ изъ-за границы пріостановился, а берлинскіе торговые дома, кредитовавшіе русскія фирмы, главнымъ образомъ, привислинскаго района, съ объявленіемъ войны поспѣшили закрыть кредиты, опасаясь неуплатъ. Разладъ между товарнымъ и денежнымъ рынками, вызывая серьезную реакцію во всемъ хозяйственномъ процессѣ, становился невыносимымъ особенно для промышленности.

Сдержанность банковъ въ учетѣ векселей сокращала кругъ операцій купца, лишеннаго широкихъ оборотныхъ средствъ,—кредита и понижала потенціальную энергію спроса. Паденіе коэффиціента спроса со стороны рынка, въ свою очередь, влекло къ перепроизводству, къ пріостановкѣ фабричнаго колеса. Отсюда—безработица. Искусственное, анормальное суженіе кредита, совпавшее съ интенсивными закупками провіанта и фуража для нуждъ арміи, сказалось безпримѣрнымъ вздорожаніемъ съѣстныхъ припасовъ повсемѣстно въ Россіи и главнымъ образомъ въ Сибири, легшимъ тяжелымъ бременемъ на плечи широкихъ народныхъ массъ, благосостояніе которыхъ, помимо другихъ причинъ, было уже въ значительной степени подорвано войной и ея послѣдствіями.

Само собой разумѣется, что при томъ положеніи торговли и промышленности, которое мы наблюдаемъ въ 1904 году, коммерческія операціи банковъ, представляющія собою извѣстнымъ образомъ комбинированный торговый оборотъ, принимаютъ новое, отличное отъ 1903 г. направленіе. Вексельный портфель государственнаго банка рѣзко сокращается и падаетъ съ 253.000 т. р. до 171. 198 т. р., или на 32%! Вотъ результатъ учетной политики банка, призваннаго обслуживать интересы торговли и промышленности и регулировать денежное обращеніе! И не ясно ли, что эта политика впадаетъ въ неразрѣшимыя противорѣчія съ прямыми задачами банка, парализуя производительныя силы страны! Но, быть можетъ, векселя, не учтенные государств. банкомъ, учтены частными банками? Нѣтъ. Вексельный портфель частныхъ банковъ даже сократился на 1 мил. руб. (съ 643 м. р. до 642 м. р.). Ясно, циркуляція хозяйственныхъ благъ была затруднена и нарушена. А разъ такъ, то должны расшириться тѣ операціи, которыя обладаютъ наибольшей чувствительностью и воспріимчивостью къ колебаніямъ товарнаго рынка. И онѣ расширяются. Затраты по онкольнымъ счетамъ и ссудамъ поднялись на 5% въ государственномъ банкѣ и на 4% въ частныхъ банкахъ (общая и абсолютная цифра возрастанія—24,284 т. р.). Протестъ векселей увеличился почти на 50%. Реакція въ промышленности и маразмъ на биржѣ гнали свободные, ссудные капиталы въ несгораемыя кассы банковъ. Вкладная операція поэтому сильно возрасла (741.588 т. р. до 802.012 т. р.), доставляя банкамъ обильный матеріалъ для активной работы. Но работы этой не было, а по вкладамъ приходилось платить. Въ результатѣ—банки оказались переполненными сво-

бодными дешевыми деньгами, интенсивный приливъ которыхъ доставлялъ банкамъ не мало хлопотъ (въ смыслѣ употребленія) и, въ концѣ концовъ, даже стѣснялъ.

Курсовое паденіе всякаго рода бумагъ на 10—15%, также не могло не отразиться на дѣятельности банковъ. Требованіе доплатъ по онкольнымъ счетамъ при рѣзкости пониженія всѣхъ биржевыхъ цѣнностей заставляло много мелкихъ держателей выбрасывать свои бумаги на рынокъ и приводило къ экзекуціоннымъ запродажамъ, что въ высокой степени способствовало закрѣпленію общей понижательной тенденціи на длительный періодъ времени.

Такое неопредѣленное, нѣсколько запутанное, дезорганизованное состояніе хозяйственныхъ отношеній продолжалось до конца войны, до заключенія мира. Страна между тѣмъ заходила все дальше и дальше въ тотъ тупикъ, выходъ изъ котораго не можетъ быть „октроированъ". Положеніе дѣлъ осложнялось необычайно широкимъ рабочимъ движеніемъ, охватившемъ большинство русскихъ городовъ и принимавшемъ ярко выраженный революціонный характеръ, а также не менѣе широкимъ аграрнымъ движеніемъ, которое съ особенной силой проявляло себя въ 28 губерніяхъ.

Земельно-политическое движеніе крестьянъ находило себѣ превосходную почву въ неурожаѣ, который постигъ въ 1905 г. все земледѣльческое населеніе Россіи и главнымъ образомъ Поволжье и черноземныя губерніи. Сборъ хлѣбовъ въ 1905 году былъ менѣе прошлогодняго на 23,73%, въ среднемъ же, за пятилѣтіе 1900—1904 гг., ниже на 11,08%.

Буржуазія однако не унывала, тая надежду на скорый промышленный подъемъ, тѣмъ болѣе, что въ то время конъюнктура міроваго рынка принимала повышенный характеръ. „Заключеніе Портсмутскаго договора... вызвало надежды на лучшее будущее. Предпріимчивость оживилась. Многія лица, которыя до этого времени не рисковали за что-нибудь взяться, теперь стали входить въ дѣла и для этого брать свои деньги изъ банковъ, съ текущихъ счетовъ и вкладовъ... Видно было (!), что дѣла оживляются, а это сулило (банкамъ) прибыли" [1]). Ссудный капиталъ взялъ свой купонно - чековый одръ и пошелъ на высоты учредительства.

Но шествіе это ничѣмъ не ознаменовалось, ибо поперекъ ему легла революція, перешагнуть черезъ которую не было ни экономической, ни психологической возможности. Долго сдерживаемый процессъ распада, раз-

---

1) „Вѣстн. Фин." № 18. 1906 г. Ср. Отчетъ Рус. Тор.-пром. банка за 1905 г.

ложенія неудержимо начался. Желѣзно-дорожная и почтово-телеграфная забастовки, не могли, конечно, не отразиться на экономической жизни страны. Но все же вліяніе ихъ было не настолько сильно, чтобы благодаря имъ торговля и промышленность очутились въ исключительно тяжкихъ условіяхъ, были выведены изъ состоянія равновѣсія. Онѣ внесли временную, правда чувствительную дезорганизацію, но не больше. Впрочемъ, и это было достаточно, чтобы лишить революцію буржуазныхъ симпатій, особенно при той политической дряблости нашей буржуазіи, которой она всегда отличалась. Эгоистичная трусливая, она пугалась революціонной мощи пролетаріата и съ каждымъ днемъ теряла налетъ оппозиціонности, открыто переходя въ лагерь противниковъ революціи. Всюду носились отчаянные вопли, что „рабочіе разрушаютъ промышленность и торговлю".

И когда абсолютизмъ поднялъ голову, нечистая совѣсть буржуазіи, какъ-то странно успокоилась, хотя это „успокоеніе" принесло ей существенный матеріальный ущербъ. Контръ-революція причинила народному хозяйству непоправимое зло. Они соткали ту особую атмосферу, которая заставляетъ прятаться капиталы. „Люди бѣжали за границу и переводили туда свои деньги, другіе брали ихъ изъ дѣлъ и старались сохранить ихъ у себя" [1]).

Паника сильна была особенно въ пунктахъ, пострадавшихъ отъ погромовъ.

И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Погромы разразились не надъ еврейской лавченкой въ „чертахъ осѣдлости", а надъ наиболѣе промышленной, наиболѣе предпріимчивой частью населенія, которая тысячами экономическихъ нитей связана съ разнородными элементами народной массы. Потери отъ погромовъ, за исключеніемъ сѣдлецкаго, выражаются внушительной цифрой въ 51.094.703 руб. [2]).

Благодаря погромамъ дѣятельность въ южныхъ портахъ значительно ослабѣла. Оборотъ торговыхъ судовъ и грузовъ (по приходу и отходу) уменьшился на 739 судовъ и 1.478 тыс. регистровыхъ тонъ [3]). Отчеты международнаго коммер., с.-петерб. учетнаго, волжско-камскаго и другихъ банковъ прямо говорятъ, что погромы на югѣ поставили всю торговлю и

---

[1]) „Вѣстн. Фин." № 18. 1906 г.—Въ 1905 г. выѣхало за границу 473.710 челов. Болѣе противъ 1904 г. на 83.293 челов. (См. отчетъ внѣшн. торг. за 1905 г., стр. XI).

[2]) По свѣд. комитета по оказанію помощи пострад. отъ погромовъ (Frankf. Zeit. и „Кіев. Рѣчь" № 155. 1906 г.).

[3]) Отчетъ по внѣшн. торговлѣ, за 1905 г. стр. X и 77.

промышленность въ крайне безотрадное состояніе и „тяжело отразились на ходѣ торговыхъ дѣлъ и *всѣхъ торговыхъ классовъ*. Число несостоятельностей поэтому сильно возрасло". Другіе районы были не въ лучшемъ положеніи, ибо контръ-революціонная волна свирѣпо разливалась по всему лицу русской земли. Если Европейская Россія страдала отъ контръ-революціи и неурожая, то Сибирь страдала не менѣе отъ войны, которая для нея была сплошнымъ разореніемъ. Въ докладахъ управляющихъ отдѣленіями сибирскаго банка повторяются однѣ и тѣ же указанія на полное отсутствіе рабочихъ рукъ среди мѣстнаго населенія, препятствующее не только нормальному ходу золотопромышленности, но и мѣшавшее даже правильной уборкѣ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ урожайныхъ мѣстностяхъ. Крайняя дезорганизація желѣзнодорожнаго дѣла и отвлеченіе рабочихъ рукъ на войну не дали населенію Забайкальской области возможности воспользоваться результатами того же урожая и довели населеніе до полнаго истощенія и необычной въ Сибири голодовки, при чрезвычайномъ вздорожаніи предметовъ первой необходимости.

Надежды буржуазіи на скорое оживленіе дѣлъ послѣ заключенія мира, такимъ образомъ, были опрокинуты. Въ мануфактурной промышленности наблюдалось необыкновенная вялость подъ вліяніемъ и общихъ причинъ русской жизни, и кризиса на міровомъ хлопковомъ рынкѣ. Горное дѣло носило въ общемъ неровный, колеблющійся характеръ. Желѣзо-дѣлательная промышленность, питаемая и поддерживаемая дорогими казенными заказами, находилась въ удрученномъ состояніи, благодаря стѣсненности казначейства. Особенно чувствительной была заминка съ крупносортнымъ товаромъ. Бакинская катастрофа, уменьшившая мѣсячную добычу нефти съ 51 мил. пуд. до 20,3 мил. пуд. или на 60%, способствовала увеличенію выработки угля и антрацита. Но едва ли возрастаніе выработки угля и антрацита, возрастаніе крайне ничтожное по своимъ размѣрамъ (съ 790,10 мил. пуд. въ 1904 г. до 795,93 мил. пуд. въ 1905 г. или на 0,77%), могло компенсировать всѣ тѣ убытки, которые пали на народное хозяйство съ разгромомъ нефтяныхъ промысловъ. Рѣзкое сокращеніе нефтяныхъ продуктовъ, помимо прямого ущерба, причинило косвенный, вызвало затрудненія въ другихъ областяхъ промышленности и торговли, сильно отразилось на дѣятельности желѣзныхъ дорогъ и особенно на каспійскомъ и волжскихъ пароходствахъ, которыя жили перевозкой нефти. Нижегородская ярмарка носила малодѣятельный характеръ. Учтено ярмарочныхъ векселей столько же, сколько и въ прошломъ (1904) году, т. е. около 26,000 т. р. Вся торговля страны испытывала чрезвычайныя затрудненія, вслѣдствіе потери необходимаго для нея элемента—кредита.

Стѣсненіе денежнаго рынка, обычно наступающее въ концѣ года, получило у насъ въ 1905 г. особенно острый характеръ и потребовало отъ банковыхъ учрежденій сугубаго сокращенія ихъ активной дѣятельности и сосре-

доточенія значительныхъ средствъ для покрытія заграничной задолженности. Чтобы покрыть уменьшеніе оборотныхъ средствъ, банки должны были прибѣгнуть къ высвобожденію таковыхъ изъ активныхъ операцій, т. е. сократить учетъ векселей и выдачу ссудъ. Между тѣмъ не всѣ банки имѣли здоровый, производительный активъ. Эластичность продуктивныхъ статей, ихъ способность въ случаѣ надобности, сокращаться до извѣстнаго предѣла не всегда свободно достигалась, такъ какъ значительная часть капиталовъ была вложена въ синдикатскіе счета и, благодаря выпуску двухъ внутреннихъ займовъ, въ реализаціи которыхъ банки принимали участіе, въ процентныя бумаги.

Трудность и, пожалуй, невозможность подойти къ указанному предѣлу, чтобы при этомъ не поставить свою постоянную кліентуру въ безвыходное положеніе, заставила банки, помимо высокаго поднятія учетно-ссудныхъ нормъ, увеличить свою задолженность государственному банку, т. е. вмѣсто дешевыхъ денегъ изъ $3^1/_2$—$4^0/_0$ (по вкладамъ) пользоваться дорогими, изъ 7—$8^0/_0$. Отсюда необыкновенная дороговизна торговаго кредита. Къ концу года дисконтъ постепенно подымался, достигнувъ 8% въ государственномъ банкѣ, а на свободномъ рынкѣ онъ шагнулъ еще выше до $13^0/_0$ (Лодзь) [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дороговизна кредита поглощала норму прибыли, вызывала пріостановку дѣлъ того или иного предпріятія, не имѣющаго собственныхъ оборотныхъ средствъ. *Слѣдовательно, острое разстройство коммерческаго кредита, являясь лишь частнымъ выраженіемъ общихъ тяжелыхъ условій хозяйственной и политической жизни страны, выступало, какъ самостоятельный факторъ депрессіи, углубляя ее и интенсифицируя.*

Обращаясь къ частному разсмотрѣнію операцій банковъ, мы видимъ, что къ концу 1905 г. матеріалъ для развитія активныхъ операцій сильно сократился: въ акціонерныхъ банкахъ вклады и текущіе счеты упали съ 802.012 т. р. до 697.915 т. р. или на $13^0/_0$; задолженность по корреспондентскимъ счетамъ такъ же упала съ 121.514 т. р. до 80.220 т. р. или на 34,5%. Но зато увеличился переучетъ и перезалогъ съ 52,602 т. р. до 163.967 т. р. или на $213^0/_0$, при необыкновенномъ возрастаніи спеціальнаго счета подъ векселя въ государственномъ банкѣ (по этому счету государственный банкъ кредитуетъ частные банки), а именно, съ 9.135 т. р. до 74.600 т. р. или на $725^0/_0$! Такимъ обра-

[1]) Вотъ учетныя ставки на міровомъ денежномъ рынкѣ къ концу 1905 г.:

	Лондонъ.	Берлинъ.	Парижъ.
Оффиціальный дисконтъ	4	5	3
Частный "	$3_{,16}$	$4_{,14}$	$2_{,16}$

номъ отливъ дешевыхъ кредитовъ (вклады и корреспонденты) поставилъ банки въ крайне затруднительное положеніе, выразившееся въ чрезмѣрномъ развитіи переучета и позаимствованія въ государственномъ банкѣ. И не приди государственный банкъ на помощь частнымъ банкамъ, крахъ былъ бы неминуемъ. Сжатіе пассива, разумѣется, отозвалось на активѣ сокращеніемъ продуктивныхъ коммерческихъ статей. Учетная операція частныхъ банковъ шагнула далеко назадъ къ 1902 г., уменьшившись съ 642.736 т. р. до 567.538 т. р. или на 13%; онкольно-ссудная, напротивъ, возрасла съ 382.371 т. р. до 438.872 т. р. или на 15%.

Что же касается дѣятельности государственнаго банка, то таковая представляется въ слѣдующемъ видѣ. Учетная операція,—если исключить переучетъ и перезалогъ на 111.365 т. р.—уменьшилась слабо: съ 171.198 т. р. до 157.635 т. р. или на 8,2%; онкольно-ссудная операція раздвинута шире на 53% (съ 199.162 т. р. до 306.400 т. р.); спеціальный счетъ подъ векселя далъ огромнѣйшій скачокъ въ гору, увеличившись на 725%; портфель принадлежащихъ банку бумагъ значительно расширился съ 61.900 т. р. до 84.900 т. р. или на 37%. Операція эти питались, главнымъ образомъ, кредитными билетами, форсированные выпуски которыхъ начались съ момента войны. Къ 1 января 1906 г. золотой фондъ, обезпечивающій валютное обращеніе, по сравненію съ прошлымъ годомъ, уменьшился съ 1.031,5 мил. руб. до 923 или на 107,7 мил. руб.; количество кредитныхъ билетовъ, наоборотъ, возросло съ 327,9 мил. руб. до 1.204,6 мил. руб. или на 376,7 мил. р. Другими словами, за годъ положеніе валюты ухудшилось на 484,4 мил. руб. Фактъ этотъ весьма знаменателенъ, и мы позволимъ себѣ на немъ остановить вниманіе читателя.

Увеличеніе циркуляціи банкнотъ обусловливалось, во-первыхъ, войной во-вторыхъ, революціей. Золото, поступавшее по займамъ, которые были заключены для надобностей войны, зачислялось за государственнымъ банкомъ. Банкъ взамѣнъ золота выдавалъ казначейству кредитки. Въ первое время выпуски кредитокъ опредѣлялись военными расходами казначейства. Расходы на войну требовали обширнѣйшихъ финансовыхъ рессурсовъ, а потому трогательное единеніе банка съ казначействомъ ставило на карту все денежное обращеніе и сулило въ будущемъ неисчислимыя бѣдствія. Когда начались первыя вспышки революціи, явилась необходимость усилить выпуски кредитокъ, ибо побѣда надъ революціей, успѣхъ борьбы си нею въ *значительной степени* зависили отъ безпрепятственнаго, легкаго и своевременнаго удовлетворенія матеріальными денежными средствами всѣхъ тѣхъ силъ, которыя абсолютизмъ могъ свободно двинуть—и съ тыла и съ фронта—противъ освободительнаго движенія. Затѣмъ выпуски производились спеціально для подкрѣпленія кассы государственнаго банка. Къ нему поступали требованія на деньги со стороны частныхъ банковъ

(см. выше) и сберегательныхъ кассъ (послѣ „манифеста“ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ). Въ концѣ концовъ кредитокъ было отпечатано и выпущено столько, что онѣ превысили эмиссіонное право банка и часть ихъ ($35,_8$ мил. руб.) не имѣла золотого обезпеченія. Крахъ валюты висѣлъ на волоскѣ. Тогда правительство выкидываетъ такой „фортель“. Оно срочно учитываетъ у Мендельсона краткосрочныя обязательства (векселя) съ платежемъ по предъявленію и подъ гарантіей какъ государственнаго банка, такъ и того золота, которое хранится за границей на счетахъ послѣдняго и казначейства. Мѣра эта была весьма рискованной и опасной. Новыя обязательства, легшія на золото и на государственный банкъ, нисколько не устраняли возможности крушенія валюты и даже усиливали ее. Онѣ давали только отсрочку. Отсюда—энергичныя поиски денегъ за границей и „апрѣльскій“ заемъ на $843^1/_4$ мил. руб. нарицательныхъ. Благопріятное сведеніе разсчетнаго баланса (съ активомъ въ $468,_7$ мил. р.) дало такую массу вексельнаго матеріала, что, несмотря на значительный переводъ капиталовъ за границу, колебанія чека въ общемъ были ничтожны, и съ этой стороны золотому фонду опасность не угрожала. Валюта была спасена. Финансовое положеніе правительства такимъ образомъ упрочилось.

Въ сферѣ биржевой дѣятельности царствовало полнѣйшее угнетеніе и растерянность.

Биржа, прежде всего, коммерческій институтъ. Курсовыя колебанія обращающихся на биржѣ цѣнностей обусловливаются реальными причинами, глубоко коренящимися въ народно-хозяйственной жизни. Главный факторъ въ расцѣнкѣ бумагъ какъ спекулятивныхъ, такъ и государственныхъ — денежный рынокъ. Частныя причины имѣютъ преходящее значеніе. Хотя онѣ иногда аффектируютъ биржу, но достигнутая въ моменты аффекта фиксація курса, не имѣя подъ собой прочныхъ экономическихъ основаній, быстро возвращается къ уровню объективныхъ расцѣнокъ, объективныхъ съ точки зрѣнія денежнаго рынка и народнаго хозяйства. Слѣдовательно, конъюнктуры биржевой дѣятельности могутъ быть безошибочно оцѣнены только тогда, когда онѣ разсматриваются исключительно въ плоскости общихъ условій экономической жизни страны.

Правило это съ неотразимой доказательностью подтверждается работой русскихъ биржъ въ 1905 г. Состояніе денежнаго рынка, какъ выше уже говорилось, было въ высшей степени напряженнымъ. При сугубомъ сжатіи биржевыхъ кредитовъ и при высотѣ учетно-ссудныхъ нормъ, прокормить бумагу на онколяхъ (on call) стоило большихъ трудностей и не окупало риска. Мелкіе держатели volens-nolens приступали къ реализаціямъ, а трусливая, какъ вездѣ, кулисса [1]), поддаваясь еще впечатлѣнію всякихъ преходящихъ и случайныхъ моментовъ, остро реаги-

[1]) Мелкіе проффессіональные игроки и спекулянты.

руя на каждое болѣе или менѣе крупное политическое явленіе безтолково суетилась, проклинала революцію и выбрасывала на рынокъ наличный игривой матеріалъ, заражая биржу своимъ неподдѣльнымъ пессимизмомъ. Однако, дружными усиліями со стороны синдиката банковъ, во главѣ котораго стоитъ государственный банкъ, при помощи интервенціонныхъ покупокъ, равновѣсіе такъ или иначе возстанавливалось и увлеченіе кулиссы обуздывалось. Просматривая котировки за 1905 г., поражаешься количествомъ острыхъ изломовъ кривой движенія какъ спекулятивныхъ цѣнностей, такъ и фондовъ. Экономическій эффектъ однихъ этихъ изломовъ однако незначителенъ. Другое дѣло, если кривая какой-нибудь группы бумагъ *вообще понижается*, хотя бы это пониженіе было не интенсивнымъ, медленнымъ. Въ этомъ отношеніи 1905 г. представляетъ комбинацію двухъ указанныхъ направленій биржевого курса. Именно, годовая котировка представляетъ непрерывную волнообразную депрессію. Для доказательства приведемъ нижеслѣдующую таблицу:

ГРУППЫ БУМАГЪ.		31 декаб. 1904 г.	31 декаб. 1905 г.
Фонды.	4% госуд. рента	80	$80^1/_2$
	I выигр.	416	400
	II „	325	300
	III „	265	240
Банковыя.	Петерб.-междун.	380	365
	Волж.-Камскій	895	700
	Торг.-Пром.	250	215
Металлургическія.	Путиловскія	135	90
	Брянскія	175	150
	Сормовскія	215	170
	Фениксъ	245	220
	Никополь	90	70
Нефтяныя.	Бакинскія	415	380
	Манташевскія	230	165

ГРУППЫ БУМАГЪ.		31 декаб. 1904 г.	31 декаб. 1905 г.
Желѣзно-дорожныя.	Юго-Восточныя	125	105
	Рыбинскія	95	90

Какъ мы видимъ, гнетъ разстроенныхъ финансовъ, паденіе государственнаго кредита и неустойчивое, шаткое положеніе валюты давали стимулы для пониженія руководящихъ, фондовыхъ бумагъ. Остальныя группы отражали на себѣ то состояніе распада хозяйственныхъ отношеній, которое выпало на долю 1905 г. Для отдѣльной категоріи бумагъ имѣлись также свои индивидуальныя причины для пониженія· Деорганизація коммерческаго кредита тянулй банковую группу книзу. Пріостановка работъ на заводахъ, благодаря отсутствію казенныхъ заказовъ, рабочихъ волненій, провокацій самихъ заводчиковъ и истощенію потребительскаго рынка, убивало всякую охоту къ повышенію метталлургическихъ и механическихъ цѣнностей. Точно такія же объективныя причины для пониженія существовали и въ отношеніи прочихъ группъ: разгромъ промысловъ въ Баку—для нефтяныхъ; уменьшеніе желѣзно-дорожныхъ перевозокъ для желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ; аграрные безпорядки и еврейскіе погромы—для ипотечныхъ и т. д.

Глубокаго вліянія на экономическія и политическія стороны „краснаго года" биржа оказать не могла. Ея нервозность была инспирированной. Она то съ воодушевленіемъ, то страхомъ заносила на свои скрижали—бюллетени *факты дѣйствительности*, и если ошибалась, то тотчасъ же исправляла ошибку.

Тяжелое наслѣдство оставилъ 1905 г. своему преемнику. Вмѣсто яснаго солнца, горизонты были полны кровавыхъ вспышекъ всеобщаго пожара, багровое зарево котораго, какъ угрожающее memento mori, освѣщало всю буржуазную Европу. Реакція стремительно пожирала дорогоцѣнные успѣхи, завоеванные новыми силами, пустивъ въ ходъ весь аппаратъ „успокоеніе". Ситуація измѣнилась. Революціонная рѣшимость массъ надтреснула. Отсюда потеря „центробѣжныхъ теченій" и нѣкоторая растерянность въ лагерѣ лѣвыхъ. Революціонное движеніе пошло по „нижнимъ гранямъ", извилистымъ и узкимъ. И не находя себѣ въ нихъ достаточно широкаго выхода, оно прорывалось въ эксцессахъ и разрозненныхъ актахъ.

Нужно ли говорить, что при такихъ политическихъ условіяхъ торговля и промышленность имѣетъ мало шансовъ на подъемъ. *Отсутствіе личной и имущественной безопастности*, этого conditio, sine qua non

какой частно-предпринимательской дѣятельности, внося неувѣренность въ торговый оборотъ, тяжело отражалось на торговлѣ внутренней и внѣшней, промышленности, кредитѣ и биржѣ. Торговля стала вестись за наличныя. Многіе торговцы спѣшно ликвидировали свои дѣла, другіе сокращали операціи. Неурожай, уменьшившій сборъ хлѣбовъ на 14% противъ прошлаго 1905 г. и на 17,5% противъ средняго сбора за пятилѣтіе 1901—1905 г. имѣлъ серьезныя послѣдствія для торговли въ волжско-камскомъ и сѣверо-восточномъ районахъ. Нижегородская ярмарка прошла удовлетворительно благодаря усиленному возврату денегъ изъ Сибири послѣ окончанія военныхъ дѣйствій, но все же количество ярмарочныхъ векселей учтено менѣе прошлаго года на 7,7% (24.000 т. р. противъ 26.000 т. р.). Ненормальныя условія фабричной дѣятельности варшавскаго и особенно лодзинскаго районовъ, переживавшихъ невыносимый гнетъ военнаго положенія и локаутовъ, повели къ передачѣ заказовъ другимъ рынкамъ, причемъ отъ таковаго передвиженія торговли выиграла отчасти заграница и главнымъ образомъ московская мануфактурная промышленность, которая была обезпечена заказами. Горнозаводская промышленность испытывала значительныя затрудненія вслѣдствіе отсутствія заказовъ (особенно на крупносортный товаръ), работа шла на складъ; многіе заводы работали поэтому неполное число рабочихъ дней въ недѣлю. Каменноугольная промышленность сравнительно не испытывала крупныхъ невзгодъ, но дѣятельность ея парализовалась общимъ разстройствомъ коммерческихъ дѣлъ. „Горная и горнозаводская промышленность вмѣстѣ со всей русской промышленностью находится въ преддверіи сильнѣйшихъ потрясеній и, можетъ быть, полнаго разгрома“. Такъ рисовалъ себѣ положеніе русской промышленности совѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ юга, лѣтомъ 1906 г. [1]). Одновременно съ этимъ отовсюду слышатся жалобы на стѣсненіе банковаго кредита. Тотъ же совѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ говорилъ, что „заводы несутъ... значительныя финансовыя жертвы, обусловленныя дороговизной денегъ, стѣсненіемъ кредита... что общія условія денежнаго рынка, отказы въ платежахъ и стѣсненіе въ кредитѣ парализуютъ дѣятельность каменноугольныхъ предпріятій“. Изъ Варшавы писали: „Главной причиной застоя слѣдуетъ считать большой недостатокъ наличныхъ денегъ на денежнимъ рынкѣ, отсутствіе обычнаго довѣрія у торговцевъ и 12% годовой учетъ“. На югѣ тоже самое: въ Ростовѣ на Дону „банки почти на половину уменьшили кредитъ, опасаясь краховъ“, а въ Одессѣ „банковый кредитъ весьма стѣсненъ“. Въ Москвѣ также „въ настоящее время банки сократили учетъ векселей“ и т. д. [2]) Кромѣ сжатія банковаго кредита на нашемъ денеж-

1) Горн.-завод. Лист. № 28. 1906 г.

2) См. нашу статью въ № 40 «Рус. Эк.“. 1906 г. („Кредитъ и революція“)

номъ рынкѣ—внутри имперіи, сокращается кредитъ русскимъ торговымъ фирмамъ за границей. Была масса случаевъ, „когда заграничныя фирмы требовали не только деньги аккредитивомъ на банки за выписанные товары, но и требовали высылки впередъ обезпеченія обратнаго транспорта, если товаръ почему-либо не будетъ принятъ покупателемъ“ [1]). Жалобы на банки, на сдержанность коммерческаго кредита были, разумѣется, не безъ основанія. Но что могли сдѣлать банки для устраненія *основныхъ причинъ* царившей неустойчивости въ торговлѣ и промышленности? Ровно ничего. Эти причины превалировали надъ всѣми хозяйственными отношеніями страны и надъ банками, въ частности. Да и у самихъ банковъ денегъ не было для широкаго развитія учета и ссудъ. Они вынуждены были повысить процентъ по вкладамъ, дабы привлечь деньги въ свои кассы; вкладной процентъ достигалъ мѣстами до 6% (Кіевъ). Между тѣмъ нѣкоторые богатые буржуа реализовали свои капиталы, изъяли ихъ изъ народнаго обращенія и перевели за границу, получая тамъ за нихъ $2^1/_2$—$3^1/_2$%, тогда какъ на русскомъ денежномъ рынкѣ деньги стоили 8—12%. Другими словами, обогащеніе капиталами Европы происходило за счетъ обѣднѣнія таковыми Россіи, за счетъ суженія торговаго кредита. Далѣе, необычайная дороговизна денегъ на міровомъ денежномъ рынкѣ также давала себя чувствовать Россіи, потому что заграничные банкиры сокращали кредитъ русскимъ банкамъ [2]).

Въ биржевой дѣятельности стѣсненіе кредита сказалось уменьшеніемъ on call'ныхъ счетовъ. Въ настоящее „ненадежное въ политическомъ отношеніи время,—читаемъ мы въ отчетѣ сѣвернаго банка за 1906 г.,—публика воздерживается отъ помѣщенія своихъ средствъ въ капитальныя, а тѣмъ болѣе спекулятивныя цѣнности“; большой платежъ по онколямъ, въ виду дороговизны кредита, только въ сильной степени иммобилизировалъ капиталы, вложенные въ биржевыя низкодоходныя цѣнности. Биржевыя расцѣнки далеко не оправились отъ паническаго пониженія конца 1905 г. Въ началѣ 1907 г. курсъ ренты стоялъ на 10% ниже прошлогоднихъ отмѣтокъ ($73^1/_2$). Другія фондовыя бумаги, находясь въ зависимости отъ основного типа долговыхъ обязательствъ государства, шли на буксирѣ за рентой. Широкія закупки бумагъ государственнымъ банкомъ и сберегательными кассами оказались безсильны въ смыслѣ вліянія на курсъ. Дорогія деньги, увеличеніе государственной задолженности, при расшатанности государственнаго кредита, сильный неурожай, неопредѣленность политическихъ горизонтовъ и комедія съ народнымъ представительствомъ,—все это тяжелымъ кошмаромъ повисло

---

[1]) Ibid.

[2]) Учетныя ставки къ концу года:

	1905 г.	1906 г
Англійскій банкъ	4	6
Германскій „	6	7
Русскій госуд. банкъ . . .	8	$7^1/_2$

надъ биржей и гнало цѣны книзу. Повысились только акціи коммерческихъ и земельныхъ банковъ и нефтяныя. Первыя, благодаря займамъ и дорогимъ коммерческимъ кредитамъ, давшимъ банкамъ изрядную прибыль, и форсированной покупкѣ земель крестьянскимъ банкомъ, которому частные земельные банки съ выгодой спустили заложенныя у нихъ латифундіи. Нефтяныя повысились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ роста цѣнъ на нефть. Паденіе нѣкоторыхъ бумагъ рѣзко отозвалось на народномъ хозяйствѣ страны и породило новыя формы отрицательныхъ экономическихъ явленій. Напримѣръ, пониженіе закладныхъ листовъ и облигацій повлекло за собой повсемѣстную пріостановку строительныхъ работъ, уменьшило выдѣлку предметовъ, относящихся къ оборудованію жилыхъ помѣщеній и производства балокъ, остановило прогрессивный ростъ городовъ, лишило работы строительныхъ рабочихъ и т. д.

Операціи банковъ въ 1906 г. испытали весьма существенное измѣненіе. Учетъ векселей какъ частныхъ банковъ, такъ и государственнаго банка снова опустился; онкольно-ссудныя операціи немного упали, но все же продолжаютъ держаться на высокомъ уровнѣ. Задолженность государственному банку высока, хотя приливъ вкладовъ увеличился, а переучетъ сократился. Протестъ векселей значительно возросъ.

Нижеслѣдующая таблица даетъ представленіе о положеніи главныхъ операцій банковъ за 1903—1906 гг. включительно (см. 42 стр.).

Легко замѣтить, что между нѣкоторыми числовыми данными этой таблицы существуетъ прочная связь. Отношенія активныхъ операцій между собою въ частномъ и цѣломъ опредѣлялись пассивными. По мѣрѣ возрастанія вкладовъ и корреспондентовъ въ пассивѣ падалъ переучетъ и перезалогъ, а также спеціальный счетъ подъ векселя (въ госуд. банкѣ); и, наоборотъ, уменьшеніе послѣднихъ шло параллельно увеличенію вкладовъ и корреспондентовъ. Въ моментъ наибольшаго сжатія пассива (1906 г.) возросли кредитные билеты. Внутреннія измѣненія въ активѣ, такъ же, какъ и въ пассивѣ, отражали на себѣ состояніе хозяйственной жизни. Учетная операція возросла къ началу войны (1904 г.), но потомъ шагнула далеко назадъ. Онкольно-ссудные кредиты все время расширяются, достигнувъ кульминаціоннаго пункта въ моментъ паники (1905 г.); годъ спустя онѣ нѣсколько сжались. Счетъ протестованныхъ векселей возрастаетъ галопирующими скачками, какъ результатъ паденія учета и т. д.

Дать подробный анализъ приведенной таблицы—вещь хотя элементарно-простая, но чрезвычайно громоздкая, тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшемъ таблицѣ изложеніи мы достаточно удѣляли мѣста всѣмъ тѣмъ операціямъ, какія внесены въ таблицу. Гораздо интереснѣе будетъ, если мы дадимъ исчерпывающій разборъ *послѣдняго* баланса частныхъ банковъ въ связи съ настоящими, современными конъюнктурами банковой дѣятельности. Такой пріемъ позволитъ намъ не только оцѣнить нынѣшнее

Коммерческіе активы и пассивы акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита, дѣйствующихъ въ Россіи, на 1 января (въ 1000-хъ рубл.).

	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
АКТИВЪ.					
Касса и текущ. счета	64.301	75.194	106.705	88.092	84.402
Бумаги, принадл. банкамъ	112.512	117.708	117.565	112.099	118.968
Учетъ векселей	555.851	643.710	642.736	567.358	549.140
On call и ссуды	332.017	367.542	382.371	438.872	428.287
Корреспонденты loro	187.539	224.296	251.872	284.421	282.431
„ nostro	60.792	63.186	68.580	72.484	73.546
Протестов. векселя	2.139	2.646	4.697	4.337	7.924
ПАССИВЪ.					
Вклады и текущ. счета	640.332	747.588	802.012	697.915	760.961
Переучетъ и перезалогъ	77.251	72.072	52.602	163.967	68.063
Корреспонденты loro	267.710	309.043	357.469	300.335	329.189
„ nostro	73.208	95.783	84.497	137.090	104.953

Операціи Государственнаго банка.

	1903 г.		1904 г.		1905 г.		1906 г.		1907 г.	
Коммерческія.										
АКТИВЪ.										
Учетъ и переучетъ	242.356		253.000		171.198		269.000		195.800	
Специал. текущ. счетъ подъ векселя (банковый кредитъ)	16.256	259.013	11.954	264.954	9.131	180.937	74.600	343.600	32.200	228.000
On call и ссуды	199.813		189.507		199.162		306.400		295.800	
Бумаги, принадл. банку	48.900		58.200		61.900		84.900		95.400	
Протестов. векселя	680		440		1.330		1.610		3.220	
ПАССИВЪ.										
Текущ. счета и специальн. средства разныхъ казен. учрежденій	545.400		644.300		443.700		339.400		360.900	
Вклады срочн. и безсрочн. и условн. текущ. счетъ	128.200	673.600	136.900	781.200	165.000	608.700	190.000	529.400	121.200	482.100
Эмиссіонныя (въ милл. рубл.).										
Золото	769,2		905,2		1.031,5		923,8		1.183,7	
Кредитные билеты	559,0		584,0		827,9		1.204,6		1.194,2	

положеніе кредита въ странѣ, но и установить объективный прогнозъ его ближайшаго будущаго.

Нельзя, однако, постигнуть глубокое экономическое значеніе банковъ въ народномъ хозяйствѣ, особенно въ условіяхъ переживаемаго нами момента, если разсматривать вопросъ безъ отношенія къ денежному рынку. Рамки анализа поэтому приходится раздвинуть и на денежный рынокъ.

Изъ балансовъ коммерческихъ банковъ на 1 января 1907 г. (см. таблицу) видно, что дѣятельность банковъ началась при затрудненности въ денежныхъ средствахъ, какъ результатъ напряженнаго состоянія денежнаго рынка; именно, учетъ и переучетъ вмѣстѣ со спеціальнымъ счетомъ подъ векселя (дорогіе кредиты) стоятъ высоко (100.263 т. р.), выше, чѣмъ въ 1903—1905 гг. *Касса* банковъ поэтому была снабжена недостаточно деньгами (84.402 т. р.).

Учетная операція въ сильной степени сужена (549.140 т. р.), такъ что затраты банковъ на учетъ векселей въ январѣ 1907 г. абсолютно и относительно уменьшились по сравненію съ предшествовавшими годами. И если движеніе вексельнаго портфеля выразить въ процентахъ, то, беря затраты на учетъ въ 1903 г. за 100%, мы получимъ въ 1904 и 1905 гг. 116%, въ 1906 г. уже 102,1%, а въ нынѣшнемъ году только 98.8%, т. е. самая продуктивная банковая операція, покоящаяся на торговомъ оборотѣ страны и зависящая въ своемъ ростѣ отъ количества обращающихся на рынкѣ реальныхъ цѣнностей и ритмической плавности всего мѣнового процесса, эта самая операція въ 1907 г. опустилась ниже уровня 1903 г. на 1,2% [1]). Слѣдовательно, если по внѣшнимъ признакамъ современное состояніе торговыхъ дѣлъ отмѣнно хуже 3—4-хъ послѣднихъ лѣтъ, то по внутреннему содержанію оно, надо полагать, сугубо печально и находится въ періодѣ депрессіи. Но пойдемъ дальше.

Онкольно-ссудная операція—элементъ очень нѣжный и крайне чувствительный ко всякимъ пертурбаціямъ рынка, — широко раздвинута (428.287 т. р.), затраты на нее стоятъ значительно выше, чѣмъ въ 1903—1905 гг. Правда, она ниже по своимъ размѣрамъ 1906 г. (438.872 т. р.), но все же и въ настоящемъ своемъ видѣ чрезмѣрно велика и никакъ не можетъ быть согласована даже со среднимъ, удовлетворительнымъ состояніемъ торговли, промышленности, денежнаго рынка и

---

[1]) Если сравнить операціи англійскихъ банковъ съ русскими, по крайней мѣрѣ въ отношеніи затратъ на учетныя операціи, то получимъ слѣдующую чрезвычайно интересную табличку фун. и руб:

	1906 г.	1905 г.
Вексельн. портфель акц. ком. банковъ Англіи и Уэльса . .	425.600	401.500
„ „ „ „ Россіи	549.140	567.358

(См. для англ. банковъ Reports of join stock banks of the United Kingdom, Supplement to „The Economist“, № 3225).

биржи. По мнѣнію извѣстнаго Нассе, возрастаніе ссудъ, усиленный спросъ на нихъ коренится въ замершемъ оборотѣ на товарномъ и фондовомъ рынкѣ, т. е. въ переполненіи объектами предложенія сравнительно со спросомъ или въ слишкомъ высокомъ недоступномъ уровнѣ цѣнъ [1]). Намъ кажется, что воззрѣнія Нассе на ссуды вполнѣ правильны. Ростъ ссудъ въ банкахъ обусловленъ дезорганизованнымъ, разстроеннымъ состояніемъ дѣлъ, низкимъ темпомъ торговли и промышленности и стѣсненіемъ въ наличныхъ деньгахъ.

Портфель бумагъ, принадлежащихъ банкамъ, составляетъ нормальную затрату (118.968 т. р.). Но если принять во вниманіе рядъ послѣднихъ займовъ, въ реализаціи которыхъ банки волей-неволей вынуждены были принимать участіе, что часть этихъ займовъ и по сіе время находится въ портфелѣ банковъ и не размѣщена въ твердыя руки, то окажется, что относительно затраты на бумаги стоятъ ниже нормальнаго уровня, хотя абсолютно онѣ приближаются къ таковому. При нынѣшнемъ курсовомъ направленіи бумагъ подобная спекулятивная операція не можетъ быть широко развернута, какъ это замѣчается въ періоды оживленія биржевой дѣятельности. Сейчасъ же она выражаетъ собою анемію биржи.

Корреспондентскіе счета, въ силу своей эклектичности, не даютъ намъ никакихъ характерныхъ указаній для оцѣнки экономическаго status quo, тѣмъ болѣе, что они компенсируютъ другъ друга (активныя—пассивныхъ). Относительно ихъ можно сказать только то, что въ пассивѣ они возрастали сильнѣе, чѣмъ въ активѣ и поэтому задолженность банковъ по нимъ къ 1 января 1907 г. замѣтно уменьшилась (до 78.164 т. р., противъ 121.514 т. р. въ 1905 г. и 80.220 т. р. въ 1906 г.). Явленіе это произошло, вѣроятно, отъ стѣсненности на международномъ денежномъ рынкѣ и сокращенія русскимъ банкамъ заграничныхъ кредитовъ. Слѣдовательно, промышленный подъемъ на Западѣ принесъ Россіи отрицательные результаты: притокъ дешевыхъ заграничныхъ денегъ, работавшихъ въ русскомъ коммерческомъ кредитѣ, сократился; общія условія мірового денежнаго рынка, къ которому предъявляетъ требованія міровая промышленность, вынуждаютъ держать высокій учетный процентъ и въ небогатой капиталами Россіи, что, конечно, тяжело отражается на нашихъ торговыхъ дѣлахъ.

Матеріаломъ для развитія перечисленныхъ выше статей служили, главнымъ образомъ, *вклады* и *текущіе счета*, достигавшіе сравнительно высокой цифры 760.961 т. р. Нѣтъ нужды доказывать, что въ періоды застоя въ промышленности вкладная операція возрастаетъ. Въ данномъ случаѣ, если вексельный портфель и вклады выразить въ кривыхъ, то къ

---

[1]) *Nasse*. Banken u. Bankgeschäft. Въ Handwörterbuch d. Staatsws Conrad'a.

1907 г. кривая векселей падаетъ, а кривая вкладовъ дѣлаетъ прыжокъ въ гору, т. е. вкладная операція расширяется при параллельномъ сокращеніи учета. Въ этомъ вся соль. Приливъ вкладовъ въ банки свидѣтельствуетъ, что свободные капиталы не тяготѣютъ къ промышленности, прячутся, а высвобожденные изъ торговаго оборота въ моментъ паники не обнаруживаютъ рѣзкой тенденціи къ обратному поступленію и въ дѣла завязываются слабо. Ко вкладамъ, какъ источнику развитія активныхъ операцій, слѣдуетъ прибавить *корреспондентовъ по пассиву* въ суммѣ 434.142 т. р.

Если активныя операціи за 1907 г. выразить общимъ итогомъ, то онѣ составятъ цифру 1.536.774 т. р., а пассивныя—итогомъ 1.195.103 т. р.[1]. Сравнивая эти величины съ таковыми же за прошлый годъ, мы видимъ, что итогъ актива въ нынѣшнемъ году *ниже* прошлогодняго на 26.862 т. р., а итогъ пассива *выше* на 57.653 т. р. Вотъ почему такія статьи, какъ переучетъ и спеціальный текущій счетъ въ государственномъ банкѣ испытали существенное пониженіе: первая на 95.904 т. р. и вторая на 44.400 т. р., а всего = 140.304 т. р. Такимъ образомъ, къ началу 1907 года положеніе банковыхъ коммерческихъ пассивовъ улучшилось на 197.957 т. р. (57.653 т. р. + 140.653 т. р. = 197.957 т. р.), а положеніе активовъ, напротивъ, ухудшилось на 26.862 т. р.

Казалось бы, что подобное состояніе дѣлъ исключало возможность прибѣгать къ дорогимъ кредитамъ, что возрастаніе пассива и уменьшеніе актива должно ослабить напряженность денежнаго рынка, развернуть и удешевить коммерческій кредитъ.

Въ дѣйствительности же происходитъ совершенно обратное. Спеціальный текущій счетъ подъ векселя къ 1 января 1907 г. стоялъ высоко (32.200 т. р.), выше, чѣмъ въ 1903—1905 гг., а переучетъ, хотя опустился ниже уровня 1903—1904 гг., но все же увеличился противъ 1905 г. Признаки обостреннаго состоянія денежнаго рынка на-лицо. Они не исчезли и по сей день. Балансъ государственнаго банка на 1 іюля текущаго 1907 года показываетъ затраты по спеціальному счету въ суммѣ 25,200 т. р., противъ 19,200 т. р. годъ тому назадъ. Внѣшнее впечатлѣніе отъ этихъ счетовъ такое, что мы тоже „не хуже людей“, что и у насъ есть спросъ на деньги со стороны промышленности, спросъ, который банки не въ состояніи удовлетворить полностью, словомъ, welt-conjunktur, какъ говорятъ нѣмцы. De facto это явленіе объясняется слѣдующимъ.

Во-первыхъ, многіе банки непосредственно участвуютъ въ разныхъ

[1] На основаніи этихъ итоговъ можно вычислить прибыли банковъ. Вычисленіе же можно построить по слѣдующей формулѣ: $A - \frac{P}{2} = Q$; $\frac{Q \times x\%}{100} = D$, гдѣ A — активъ, P — пассивъ, Q — доходный остатокъ, а D — доходъ.

промышленныхъ синдикатахъ [1]), финансовое положеніе которыхъ въ настоящее время далеко не блестяще. Значительные капиталы банковъ поэтому уходятъ на поддержку патронируемыхъ ими предпріятій, какъ бы дренируя денежный рынокъ. Такая политика привела къ тому, что нѣкоторые банки (напримѣръ, С.-Петербургскій коммерческій банкъ) очутились съ гнилымъ активомъ на рукахъ и безъ денегъ въ кассѣ. Волей-неволей пришлось стягивать вексельный портфель и добывать деньги со стороны, хотя-бы и по дорогой цѣнѣ. Отсюда—ростъ спеціальнаго счета въ государственномъ банкѣ и сугубая напряженность русскаго денежнаго рынка. Для выхода изъ этого положенія наиболѣе зарвавшіеся банки придумали такую комбинацію: увеличить собственные капиталы путемъ дополнительнаго выпуска акцій. А такъ какъ въ Россіи свободныхъ капиталовъ не имѣется, то обратились къ парижскому и берлинскому рынкамъ. Въ выпускахъ акцій за границей не было бы большой бѣды, если бы дѣло касалось одного пошатнувшагося банка. Но вопросъ значительно осложняется тѣмъ, что указанные выпуски принимаютъ эпидемическій характеръ. Къ настоящему времени уже выяснилось, что *всѣ* русскіе петербургскіе банки, за исключеніемъ волжско-камскаго (сѣверный и ліонскій кредитъ въ счетъ не входятъ, такъ какъ это французскіе банки), приступили къ реализаціи своихъ „дополнительныхъ выпусковъ" на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ. Конечный эффектъ всѣхъ этихъ комбинацій тотъ, что русскій коммерческій кредитъ подпадаетъ подъ иностранную гегемонію. Какъ отзовется на экономическихъ судьбахъ Россіи иностранная гегемонія кредита, что сулитъ она нашему народному хозяйству,—угадать не трудно...

Во-вторыхъ, форсированная дѣятельность *крестьянскаго банка* влечетъ за собою не менѣе форсированные выпуски его обязательствъ, обладающихъ высокой доходностью. Бумаги крестьянскаго банка, какъ прожорливыя акулы, съѣдаютъ капиталы, тяготѣющіе къ завязкѣ въ дѣла. Болѣе того, въ категоріи бумагъ, котирующихся на биржѣ, бумаги крестьянскаго банка, обладая всѣми качествами ипотечныхъ цѣнностей, но стоя выше ихъ по капитализаціи дохода, завоевали себѣ симпатіи биржевой публики, стали модными, фаворизированными, такъ что многія учрежденія (напр., страховыя общества) и лица интенсивно скупаютъ эти бумаги. Спросъ на деньги возрастаетъ самостоятельно со стороны обязательствъ крестьянскаго банка (долгосрочный кредитъ), отвлекая ихъ отъ банковъ промышленности и торговли (краткосрочный кредитъ), гдѣ онѣ нужны болѣе всего. Вкладная операція банковъ, дающая матеріалъ для развитія

[1]) Большею частью въ компаніяхъ конно-желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ, нефтяныхъ и горнозаводскихъ, находящихся въ Россіи, но нѣкоторые банки участвуютъ и въ иностранныхъ, находящихся за границей, предпріятіяхъ, напр., Deutsche Petroleum Geselschaft.

коммерческаго кредита, возрастаетъ, вслѣдствіе этого, съ меньшимъ эффектомъ, чѣмъ этого можно было бы ожидать. Словомъ, бумаги крестьянскаго банка производятъ на денежномъ рынкѣ опустошающія дѣйствія. Отсюда выводъ: благодаря увеличивающемуся спросу на ссудный капиталъ со стороны крестьянскаго банка, мы не имѣемъ надежды на скорое удешевленіе денегъ на рынкѣ и на широкое развитіе учета и ссудъ въ банкахъ коммерческаго кредита.

Въ-третьихъ, одной изъ важныхъ причинъ стѣсненнаго положенія русскаго коммерческаго кредита слѣдуетъ считать *промышленный подъемъ на Западѣ*. Мы уже говорили выше, что сильно взвинченный дисконтъ міровою денежнаго рынка вызвалъ естественный утокъ капиталовъ изъ Россіи. Для пополненія рессурсовъ приходилось обращаться къ государственному банку (спец. тек. счетъ) и къ переучету, къ дорогимъ кредитамъ изъ $7^1/_2\%$. Съ другой стороны, русскій денежный рынокъ — игрушка въ рукахъ своего международнаго собрата. Цѣна на деньги — независимо отъ тѣхъ или иныхъ международныхъ ликвидацій въ металлѣ—выравнивается, учетныя ставки разныхъ странъ, въ силу общихъ законовъ капиталистическаго хозяйства, стремятся къ одному среднему для всѣхъ уровню. Самостоятельности же у русскаго денежнаго рынка нѣтъ, какъ нѣтъ ея у русскаго хлѣба, цѣна котораго опредѣляется котировками Нью-Іорка и Чикаго. Коротко говоря, вслѣдствіе капиталистической бѣдности и крупной задолженности загранице нашъ денежный рынокъ не можетъ создать серьезнаго противовѣса высокимъ учетнымъ нормамъ на Западѣ и подчиняется имъ, что приноситъ не маловажный ущербъ русскому коммерческому кредиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему народному хозяйству.

Въ-четвертыхъ, низкій курсъ бумагъ съ высокой доходностью и медлительность биржевыхъ оборотовъ подымаютъ *операціи on call*. Ходовыя высокодоходныя бумаги могутъ безубыточно лежать на онколяхъ до первой повышательной волны, до моментовъ биржевого подъема, когда онѣ могутъ быть сбыты съ изряднымъ барышомъ. Подобная операція сейчасъ практикуется въ значительныхъ размѣрахъ. Во время неустойчивости торговаго оборота ломбардные (подъ залогъ цѣнностей) кредиты вообще возрастаютъ. Къ этому въ настоящее время присоединился еще спекулятивный моментъ. А такъ какъ сами банки заинтересованы въ высокомъ курсѣ, то широкое развитіе on calle не встрѣчаетъ препятствій съ ихъ стороны. Понятно, выгоды отъ этого торговли и промышленности никакой нѣтъ. Учетнымъ операціямъ отъ on calle прямо-таки вредъ, такъ какъ приливъ капиталовъ въ послѣднюю происходитъ интенсивнѣе, чѣмъ въ первую. Во всякомъ случаѣ развитіе онкольныхъ операцій не служитъ къ облегченію коммерческаго кредита, а только сильнѣе сжимаетъ денежный рынокъ.

Итакъ, становится понятнымъ почему, несмотря на приливъ вкладовъ въ банки, послѣдніе не только не расширяютъ свои коммерческія операціи (учетъ), но даже стягиваютъ ихъ; почему нынѣшнія благопріятныя условія для концентраціи капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ не оказываютъ никакого вліянія въ смыслѣ удешевленія учетныхъ нормъ и не ослабляютъ напряженности денежнаго рынка. Вопросъ только въ томъ, въ какихъ формахъ это можетъ отразиться на торговлѣ и промышленности.

Изъ анализа банковыхъ балансовъ мы видѣли, что въ настоящее время торговля и промышленность переживаютъ періодъ депрессіи. Мощное сопротивленіе этой послѣдней могъ бы оказать денежный рынокъ, обладающій большимъ запасомъ потенціальной экономической энергіи— свободными капиталами, которые, какъ благодатный дождь послѣ знойной засухи, могли бы оплодотворить завядшее поле индустріи. Но что представляетъ изъ себя нашъ денежный рынокъ въ данный моментъ? Способенъ ли онъ въ полной мѣрѣ ликвидировать то экономическое наслѣдство, какое оставили промышленности несчастная война и революціонныя бури? Нѣтъ, не способенъ, ибо самъ глубоко страдаетъ отъ этого наслѣдства. Благотворнаго вліянія денежный рынокъ на промышленность оказать не можетъ. Мы переживаемъ не промышленный кризизъ и не промышленный подъемъ въ ихъ классическихъ формахъ, а депрессію, т. е. такую специфически-приниженную *форму* промышленнаго состоянія, которая, складываясь подъ вліяніемъ цѣлаго комплекса причинъ, независима отъ тѣхъ только рыночныхъ конъюнктуръ, обычно опредѣляющихъ собою темпъ промышленнаго развитія; это состояніе можетъ безконечно модифицироваться въ ту или иную сторону, не переходя, однако, въ фазу классическаго промышленнаго подъема до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны для этого перехода извѣстные фактическіе стимулы. Отягощенія капиталами банковъ, которое наблюдается въ періоды застоя, нѣтъ, какъ нѣтъ и широкаго отлива капиталовъ изъ банковъ въ промышленность, происходящаго въ періоды подъема. И денежный рынокъ, и промышленность окрашены въ одинъ блѣдный, анемичный цвѣтъ.

В. Мукосѣевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

О чемъ говоритъ дѣйствительность.

Канунъ третьей избирательной кампаніи проходитъ окрашенный повсемѣстной апатіей и неподвижностью, вызывающими чувство безнадежности. Авторамъ закона 3-го іюня остается только радоваться,—имъ блестяще удалось отвлечь общественное вниманіе отъ выборовъ. Однако, пусть они не приписываютъ этого успѣха всецѣло себѣ. У нихъ оказался серьезный помощникъ въ лицѣ обывателя, благодушно или раздраженно отмахивающагося отъ пользованія своими политическими правами. Но какъ бы онъ ни объяснялъ своего отношенія къ выборамъ и что бы онъ ни таилъ у себя на душѣ, его политическое воздержаніе создаетъ или во всякомъ случаѣ содѣйствуетъ созданію пустоты на мѣстѣ политическаго возбужденія, обыкновенно сопутствующаго выборамъ.

Пусть этотъ подъемъ скоропреходящъ, пусть онъ не приведетъ къ реальной побѣдѣ даже въ узкихъ предѣлахъ выборныхъ результатовъ,—онъ является всегда политическимъ факторомъ немалой важности: вскрывая настроеніе массъ, онъ такъ или иначе вліяетъ на направленіе дѣятельности власти.

Но—спроситъ читатель—въ чемъ же проявилось это вліяніе? Составъ первой и второй Думы какъ нельзя ясно показалъ настроеніе народа. Измѣнилась ли въ чемъ-нибудь политика правительства? Тамъ, гдѣ взаимныя отношенія правительства и общества регулируются исключительно механической полицейской силой, тамъ правительство не считается съ настроеніемъ и желаніями массы. Это, повидимому, вполнѣ убѣдительное возраженіе не разрѣшаетъ вопроса, а только углубляетъ его.

Теперь правительство таково, но вѣдь еще такъ недавно оно шло на встрѣчу народнымъ желаніямъ; оно до сихъ поръ не рѣшается полностью использовать свою побѣду, окончательно ликвидировавъ всѣ пріобрѣтенія революціоннаго времени, во всякомъ случаѣ нарушающія дореформенное единство дѣйствія и простоту государственнаго дѣловодства.

Если правительство такъ рѣзко измѣнилось, то нужно выяснить, какую роль въ этой перемѣнѣ имѣли объективныя условія русской жизни, стоявшія

внѣ воздѣйствія организованныхъ общественныхъ силъ, а какая приходилась на ошибки въ направленіи и приложеніи этихъ силъ.

Не потому ли перевѣсила чаша правительства, что общество облегчало свою чашу политическимъ самоустраненіемъ съ поля битвы всякій разъ, когда происходило взвѣшиваніе силъ?

И не обѣщаютъ ли третьи выборы дальнѣйшіе успѣхи реакціи, если демократическая часть общества снова устранитъ себя съ мѣста дѣйствія?

Трудность настоящаго момента заключается въ томъ, что теперь приходится имѣть дѣло не столько съ проповѣдью бойкота, сколько съ глубокой неподвижностью массъ: крестьянство, рабочій классъ, городская демократія—всѣ одинаково извѣрились въ Думу и равнодушны къ ея будущему составу. Въ силахъ ли организованная и активная часть общества вывести эту массу изъ покоя и безразличія?

Эта задача была бы безнадежна по крайней мѣрѣ на долгое время, если бы масса была совершенно однородна по своему составу. Въ дѣйствительности же она состоитъ изъ различныхъ группъ. Раньше всего нужно выдѣлить наиболѣе многочисленную группу обывателей, стоящихъ вообще въ сторонѣ отъ общественной и политической жизни. За нею слѣдуетъ группа обывателей, въ свое время втянувшихся въ водоворотъ политической жизни, но теперь разочаровавшихся, утомленныхъ, невѣрующихъ. И, наконецъ, въ третью группу входятъ элементы, сами по себѣ не обывательскіе, по своему складу активные, только не находящіе приложенія своимъ силамъ въ данный моментъ.

Составляя большую или меньшую часть любого общественнаго класса, группы и организаціи—всѣ эти неподвижные элементы, конечно, задерживаютъ поступательное движеніе активныхъ элементовъ и всего цѣлаго, но ихъ собственная неподвижность далеко не одинакова, почему не могутъ быть одинаковы средства борьбы съ ней.

Наибольшій процентъ невовлеченныхъ въ политическую борьбу принадлежитъ къ тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя сохранили въ значительной степени свою обособленность, свои замкнутые, узкіе интересы, которымъ жизнь еще не выяснила глубокой и тѣсной зависимости ихъ личнаго положенія отъ положенія всей страны.

Конечно, не во власти отдѣльныхъ партій опредѣлить всецѣло скорость органическаго процесса пріобщенія этой части народной массы къ политической жизни, однако, почти недоступная для прямого воздѣйствія организованнаго общественнаго мнѣнія, эта масса несомнѣнно выйдетъ изъ неподвижности, какъ только разсѣянные въ ней активные элементы найдутъ какую-нибудь широкую форму движенія и творческой работы.

Совершенно въ иномъ положеніи находятся тѣ общественныя группы или отдѣльные элементы, которые уже уяснили себѣ тѣсную зависимость между своимъ личнымъ положеніемъ и политическимъ укладомъ страны и,

даже больше,—примкнули сознательно или полусознательно къ какому либо политическому теченію.

Они вообще доступны прямому воздѣйствію общественнаго мнѣнія или партій, но въ настоящій моментъ стоятъ внѣ этихъ вліяній. Органическій порокъ этихъ элементовъ заключается въ томъ, что они неспособны вести самостоятельную политику: они всегда идутъ за кѣмъ-нибудь. Непрерывно смѣняющійся рядъ исключительно яркихъ событій 1905 г. велъ ихъ за собой, заставляя смотрѣть тѣми глазами, которыми смотрѣли наиболѣе активные участники событій и присоединяться къ тѣмъ лозунгамъ, которые выдвигались послѣдними.

Наступившая же вслѣдъ за этимъ относительная темнота сдѣлала ихъ совершенно безпомощными. Массовыхъ движеній, за которыми можно было бы пойти, не было; извлечь самостоятельный урокъ и намѣтить самостоятельную линію поведенія они не умѣли. Оставалось только бездѣйствовать, предаваться грустнымъ размышленіямъ о великомъ прошломъ или же искать „виновниковъ“ пораженія.

Вербуется ли эта группа изъ опредѣленной соціальной среды? Нѣтъ, она входитъ, какъ составная часть въ каждый классъ и даже въ каждую организацію, она представляетъ собой средній слой всякой общественной единицы. Конечно, этотъ средній слой въ пролетаріатѣ подвижнѣе соотвѣтствующаго въ крестьянствѣ или мелкой буржуазіи, но въ предѣлахъ своего класса онъ проявляетъ всѣ характерныя для него отрицательныя черты.

Однако, насколько легко почувствовать и отмѣтить вліяніе этого слоя на общій ходъ развитія всего цѣлаго, настолько же трудно выдѣлить и точно отграничить, какъ самую группу, такъ и ея вліяніе въ каждый данный моментъ. Трудно потому, что она находится все время въ движеніи, что она объединяетъ собой людей, находящихся въ переходномъ состояніи. Она одновременно выдвигаетъ изъ себя наиболѣе активныхъ и сознательныхъ и принимаетъ въ свою среду только-что затронутыхъ сознаніемъ. Сегодня пассивная и безпомощная, она завтра идетъ дружно за новымъ лозунгомъ и превращается въ грозную и рѣшающую силу, если видитъ передъ собой широко открытую дорогу. Малѣйшее затрудненіе приводитъ ее въ колебаніе, первая неудача грозитъ ей распадомъ на безсильныя и безпомощныя единицы.

Теперь широкихъ открытыхъ путей нѣтъ, и она пассивна. Но внутренно она живетъ; не столько ищетъ, сколько ждетъ, не столько добивается, сколько жаждетъ, но во всякомъ случаѣ скрываетъ въ себѣ немалую долю энергіи, ищущей выхода.

Проявится ли эта энергія, въ какихъ дѣйствіяхъ она проявится,—это будетъ зависѣть не только отъ внѣшнихъ условій, но отъ характера и содержанія партійнаго воздѣйствія въ данный моментъ.

Если ему удастся проникнуть въ самую глубь жизни этой массы и

сильной, увѣренной рукой привести ее въ движеніе, демократія снова появится на политической аренѣ въ качествѣ одной изъ рѣшающихъ силъ въ современный же моментъ.

Если же работа партіи пройдетъ мимо массы, по тѣмъ или инымъ причинамъ не затронувъ ее, рѣшающая сила въ ближайшее время останется всецѣло за тѣми общественными классами, господство которыхъ именуется реакціей.

Никогда еще передъ партіями вообще, передъ партіей рабочаго класса въ частности, не стояла задача, разрѣшеніе которой требуетъ такого детально тонкаго знакомства съ дѣйствительностью, такого глубокаго проникновенія въ сущность соціально-политическихъ переживаній массы.

Если до сихъ поръ партія удовлетворялась выясненіемъ основныхъ тенденцій развитія пролетарскаго сознанія, теперь она должна разобраться въ живомъ содержаніи этого сознанія въ настоящій моментъ, она должна понять всю ея психологію. Но этого мало. Для всѣхъ, смотрѣвшихъ на пережитыя событія открытыми глазами, не подлежитъ сомнѣнію, что пролетаріатъ безсиленъ разрѣшить основной политическій вопросъ своими собственными силами. Роль передового отряда ему принадлежитъ попрежнему, но для успѣха необходима мобилизація другихъ демократическихъ элементовъ.

Пролетаріату придется считаться и съ субъективными настроеніями этихъ элементовъ, и съ высотой ихъ сознанія, и со степенью зрѣлости ихъ организацій.

Правдивый, ни передъ чѣмъ не останавливающійся анализъ современнаго политическаго положенія страны, точное опредѣленіе реальныхъ силъ, стоящихъ за каждой группой, является неизбѣжной предпосылкой успѣха дальнѣйшихъ политическихъ дѣйствій.

Достигнутый результатъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ объективнѣе будетъ произведено изслѣдованіе или, вѣрнѣе, чѣмъ глубже будутъ изслѣдованы объективныя условія, опредѣляющія такія по существу измѣнчивыя и неопредѣленныя состоянія, какъ настроеніе, сознаніе, недовольство и т. д.

Съ легкой руки чистыхъ политиковъ появилось нѣкоторое пренебреженіе къ выясненію вліянія экономическихъ факторовъ на характеръ и скорость общественнаго движенія, а пренебрегать этимъ не слѣдовало бы. Теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что успѣхъ и широта народнаго движенія въ 1905 году обусловливались въ значительной степени наличностью невиданнаго еще по размѣрамъ чисто-экономическаго движенія. И, наоборотъ, рѣзко пониженный темпъ событій 1906 и 1907 годовъ не прошелъ безъ вліянія экономическаго кризиса, заставившаго уйти изъ рабочаго движенія такіе активные и сознательные элементы, какъ, напримѣръ, рабочіе по металлу, наиболѣе пострадавшіе отъ кризиса.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ не пройдетъ даромъ только въ томъ случаѣ,

если онъ расширитъ и углубитъ пониманіе дѣйствительности и способовъ воздѣйствія на нее, если соціалъ-демократическая мысль перейдетъ черезъ тѣ преграды, которыя ей ставятъ, съ одной стороны, недостаточная опредѣленность реальныхъ отношеній, съ другой—шаблонъ, готовое предвзятое отношеніе, мертвая формула, уродливо отражающая жизнь.

Настоятельная необходимость критическаго пересмотра ходячихъ въ партіи взглядовъ и тактическихъ пріемовъ сознается уже давно, и съ различныхъ сторонъ, и разными лицами дѣлаются попытки внести въ нихъ серьезныя поправки. Однако, до сихъ поръ это теченіе не вышло изъ узкой среды верховъ партіи и не претворилось въ точные, опредѣленные и общепризнанные тактическіе пріемы, находящіеся въ точномъ соотвѣтствіи съ итогами пересмотра.

Когда это будетъ сдѣлано, партія увѣренно дастъ массѣ точныя и ясныя указанія, безъ чего она и не можетъ служить руководящимъ центромъ. Масса же будетъ имѣть передъ собой конкретныя, доступныя ея силамъ, задачи.

Чѣмъ тоньше будетъ соотвѣтствіе между ними и всѣмъ строемъ интересовъ и стремленій массы, тѣмъ больше увѣренности, что массы выйдутъ изъ теперешняго состоянія апатіи, разовьютъ въ дѣйствіи всю скрытую въ нихъ громадную силу, въ этомъ процессѣ разовьются сами и превратятъ партійную политику изъ гаданій, ожиданій, неисполняющихся предсказаній и безрезультатныхъ призывовъ въ широкую творческую работу, охватывающую своими сѣтями всю жизнь и улавливающую въ нихъ всякое движеніе, всякій подъемъ, всякое улучшеніе въ теперешнемъ неблагопріятномъ для демократіи соотношеніи враждующихъ общественныхъ силъ.

Тогда выйдетъ изъ неподвижности и третья изъ намѣченныхъ группъ. Можно спорить о тактикѣ, когда умѣлымъ разрѣшеніемъ вопроса надѣются вызвать движеніе или ускорить естественный процессъ, но когда жизнь уже въ движеніи—не спорятъ, а принимаютъ въ ней участіе или ею выбрасываются за бортъ.

Вышеизложенныя соображенія опредѣляютъ въ значительной степени характеръ всякой литературной работы, ставящей своей цѣлью разобраться въ тяжеломъ положеніи момента и найти изъ него выходъ. Какъ бы ни хотѣлось говорить о положительныхъ задачахъ общественной работы, приходится начинать критикой.

Раньше, чѣмъ строить, нужно очистить мѣсто и выдѣлить годный матеріалъ отъ негоднаго. Приходится раньше выяснить и нарисовать вѣрную и точную картину того, что есть, того, что называется „реальнымъ соотношеніемъ“ силъ.

Въ тяжеломъ положеніи находится русскій ученый, писатель или просто гражданинъ, желающій имѣть точное представленіе о политиче-

скомъ настроенія народа, о степени его политической сознательности,—словомъ, обо всемъ томъ, что нужно знать, чтобы политически дѣйствовать.

Если затрагиваешь небольшой уголъ жизни, матеріалъ можно почерпнуть изъ личныхъ наблюденій, хотя этотъ путь грозитъ немалой опасностью и неоднократно приводилъ къ чрезвычайно субъективной оцѣнкѣ и глубоко невѣрнымъ выводамъ.

Но что дѣлать, когда хочешь дать общую картину, охватывающую жизнь цѣлой страны? Откуда брать данныя, на чемъ строить?

Тѣмъ не менѣе строить надо въ надеждѣ, что отдѣльныя ошибки будутъ восполнены другими работниками въ той же области, сумѣвшими уловить болѣе вѣрно тѣ стороны, которыя упущены однимъ.

За послѣдніе 2 года появился новый матеріалъ, умѣлое пользованіе которымъ даетъ нѣкоторое основаніе для характеристики политическаго настроенія и сознанія массъ. Это—данныя выборной статистики. Еще нѣтъ оффиціальной полной и вполнѣ исчерпывающей обработки этихъ данныхъ. Все, что сдѣлано въ этой области, сдѣлано частными лицами [1]) и поэтому не можетъ представить въ цифрахъ полной картины выборовъ.

Кромѣ того, русская избирательная система не даетъ однородныхъ данныхъ для различныхъ группъ избирателей: данныя о городахъ дадутъ представленіе о степени активности лицъ, избирающихъ по двухстепенной системѣ, данныя относительно мелкихъ землевладѣльцевъ характеризуютъ трехстепенную систему, а крестьянскіе выборы—четырехстепенную.

Со всѣми этими оговорками перейдемъ къ фактамъ.

Какъ извѣстно, выборы въ первую и вторую Думу происходили при различныхъ условіяхъ... Первые выборы сопровождались подъемомъ въ средѣ тѣхъ элементовъ, которые въ выборахъ участвовали, проходили подъ знаменемъ „конституціонныхъ иллюзій“, вѣры въ ближайшее наступленіе творческой политической работы. Ко вторымъ выборамъ иллюзіи ослабѣли, но недостатокъ внутренняго подъема восполнился, во-первыхъ, участіемъ наиболѣе активныхъ общественныхъ элементовъ, раньше самоустранившихся, во-вторыхъ, энергичной борьбой между партіями и невиданной интенсивностью агитаціи. Какая доля избирателей участвовала въ выборахъ?

А. Смирновъ даетъ слѣдующія цифры:

Въ 18 городахъ (изъ нихъ 6 большихъ съ отдѣльнымъ представительствомъ) участвовало при первыхъ выборахъ 50, 5% избирателей, во вторыхъ 59, 4%. Въ 142 городахъ съ 669 тыс. избирателей процентъ активныхъ гражданъ 55,7. Эта цифра колеблется въ зависимости отъ величины города, соціальнаго и національнаго состава населенія. Въ 8

[1]) Нижеслѣдующія цифровыя данныя взяты изъ книги А. Смирнова—«Какъ прошли выборы во вторую Государственную Думу».

городахъ съ отдѣльнымъ представительствомъ (включая Петербургъ и Москву) процентъ активныхъ подымался до 58, 9, въ меньшихъ городахъ спускался до 52,2. Въ польскихъ городахъ достигалъ наибольшей высотѣ 60,4; въ западныхъ губерніяхъ 55,2; въ южныхъ 51,4; въ центральной и сѣверной Россіи 48,5.

Итакъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе наиболѣе вовлечено въ политическую жизнь, гдѣ велась наиболѣе интенсивная агитація, гдѣ наиболѣе рѣзко чувствовался гнетъ старой власти,—даже въ этихъ мѣстахъ 40% избирателей прошли мимо выборовъ, ничѣмъ на нихъ не отозвавшись.

Въ коренной же Россіи пассивныхъ оказалось больше половины.

Такъ отнеслось населеніе къ первымъ выборамъ, къ осуществленію правъ, необходимость которыхъ сознавалась массой населенія. Такъ отнеслось къ выборамъ городское населеніе, находящееся въ лучшихъ культурныхъ условіяхъ и совершенно избавленное отъ массы неудобствъ, съ которыми приходится познакомиться уѣздному землевладѣльцу, вынужденному совершить порой большую поѣздку, чтобы подать свой голосъ.

Но стоитъ только выйти изъ города—и процентъ голосующихъ рѣзко понижается. Оказывается, что въ 131 уѣздѣ 30 губерній, изъ 204400 мелкихъ землевладѣльцевъ, внесенныхъ въ списки, голосовали только 24360, т. е. 12%. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно центральныхъ губерніяхъ, процентъ понижался до 5 и даже до 4%.

Большого различія между первыми и вторыми выборами здѣсь не замѣчалось. Какой процентъ крестьянъ принималъ участіе въ выборахъ? Точнаго отвѣта дать на этотъ вопросъ нельзя. Рядовые крестьяне не голосовали, за нихъ голосовали члены волостныхъ сходовъ, избранные сельскимъ населеніемъ съ разсчетомъ по одному на 10 дворовъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ волостной сходъ былъ избранъ раньше, до выборовъ въ Думу, внѣ всякаго отношенія къ нимъ. Изъ членовъ волостныхъ сходовъ явилось 72% (на 155 тыс. избирателей въ 17 губер.). Это было бы очень высокимъ процентомъ, если бы можно было доказать, что такое дѣятельное участіе членовъ волостного схода стоитъ въ тѣсной зависимости отъ выборовъ въ Госуд. Думу. Не нужно забывать, что волостной сходъ, являясь органомъ крестьянскаго самоуправленія и обслуживая текущія и насущныя нужды, всегда возбуждаетъ къ себѣ интересъ и активное отношеніе своихъ членовъ. Нужно было бы знать средній процентъ участія волостныхъ выборныхъ въ обычныхъ собраніяхъ волостныхъ сходовъ, только тогда можно было бы имѣть хоть нѣкоторый матеріалъ для сужденія о степени интереса крестьянскихъ избирателей къ выборамъ въ Государственную Думу.

Но самое главное, эта цифра не даетъ ни малѣйшаго указанія на отношеніе рядового крестьянства и степень его интереса къ выборамъ. Одинъ членъ волостного схода приходится, быть можетъ, на 20, 25 человѣкъ

крестьянъ и въ большинствѣ случаевъ все-таки чѣмъ-нибудь выдается изъ средняго уровня, иначе бы онъ не былъ выбранъ. Если 28% даже этихъ избранниковъ не явилось на выборы, можно съ увѣренностью сказать, что процентное отношеніе пассивности рядового крестьянства значительно выше.

Насколько оно близко къ той цифрѣ, какую показываютъ мелкіе землевладѣльцы, мы, конечно, точно не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, она значительно ближе къ ней, чѣмъ къ высшей, показывающей степень активности городскихъ избирателей. Если въ городѣ меньшая половина не принимала участія въ выборахъ, осталась совершенно равнодушна къ нимъ, въ деревнѣ эта часть населенія значительно больше половины. Въ защиту этого вывода нельзя привести точныхъ цифровыхъ данныхъ, но за него говорятъ данныя политическаго опыта другихъ странъ и Россіи, насколько они нашли себѣ выраженіе въ фактахъ иного рода.

На основаніи всего изложеннаго можно съ большой увѣренностью сказать, что большая,—значительно большая,—половина населенія прошла мимо Думы, ничѣмъ не показала своего интереса къ ней, своей связи съ ней, желаніе сдѣлать ее орудіемъ этихъ интересовъ.

Эта избирательная апатія теперь, къ третьей Думѣ, увеличилась, но была она съ самаго начала, съ перваго момента „конституціонной" жизни страны. Только меньшинство населенія воспользовалось новыми политическими правами и—нужно признать—использовало ихъ самымъ блестящимъ образомъ. Дума съ самаго начала была и осталась органомъ представительства наиболѣе сознательнаго и организованнаго меньшинства народа.

Меньшинство это выражало интересы народной массы, почему и Дума была дѣйствительно представительницей всего народа и думскіе законы были бы приняты народомъ.

Но связь эта немедленно терялась, какъ только оказывалась нужна поддержка Думѣ народомъ. Тогда обнаруживалось, что народъ въ своей массѣ не живетъ заодно съ Думой, не отзывается на всѣ тяжелыя и мучительныя перипетіи ея политической борьбы. Можетъ быть, онъ ждетъ нетерпѣливо плодовъ ея работы, но совершенно въ ней не участвуетъ.

Исторія двухъ роспусковъ прекрасно замѣняетъ недостававшія раньше точныя данныя о степени политической активности населенія: права, которыми не воспользовались, и не найдутъ энергичной защиты. Масса, стоявшая въ сторонѣ отъ выборовъ, пройдетъ молчаливо мимо роспуска и лишенія избирательныхъ правъ.

Какіе же выводы напрашиваются изъ этихъ фактовъ?

Избирательная пассивность является указаніемъ на недостаточную политическую зрѣлость массы.

Заключать же съ увѣренностью, что народъ еще не связалъ своей собственной судьбы съ судьбой политическаго уклада страны или не нашелъ

внутри или внѣ себя никакихъ практическихъ пріемовъ воздѣйствія на политическую жизнь,—заключить объ этомъ можно было бы только въ томъ случаѣ, если можно будетъ доказать, что недовольство своимъ положеніемъ не нашло себѣ другихъ политическихъ выходовъ, не проложило себѣ иного пути помимо безправнаго народнаго представительства.

Отсутствіе интереса къ подобному представительному учрежденію само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ безучастія къ политической жизни.

Избиратели въ прусскій ландтагъ проявляютъ, какъ извѣстно, самое полное отсутствіе интереса къ пользованіи своимъ правомъ, но они же очень энергично используютъ свое избирательное право въ германскій рейхстагъ, разсчитывая найти тамъ болѣе широкое и плодотворное приложеніе своимъ политическимъ интересамъ и стремленіямъ.

Нѣтъ ли чего либо подобнаго и въ Россіи? Не нашла ли масса какихъ-либо иныхъ путей воздѣйствія на государство, помимо участія въ Думѣ, не создала ли новыхъ формъ политической, но не конституціонной борьбы?

Мы знаемъ, что послѣ роспуска первой Думы партія народной свободы поставила на первое мѣсто проектъ реорганизаціи самоуправленія на демократическихъ началахъ съ цѣлью дать твердую точку опоры населенію въ борьбѣ со старой властью, не желающей уступать своихъ позицій.

Не пошла ли масса по этому пути теперь уже, стараясь использовать дѣйствующую систему самоуправленія? Отвѣтить на эти вопросы приходится отрицательно. Въ городѣ масса совсѣмъ не имѣетъ доступа къ самоуправленію, а та часть населенія, которая имѣетъ избирательныя права, не показываетъ никакихъ признаковъ политической творческой дѣятельности. Нѣсколько сложнѣе стоитъ этотъ вопросъ въ земствѣ. Газеты отмѣчаютъ кое-гдѣ повышенный интересъ къ избранію земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ. Но пока это явленіе мѣстнаго характера и—весьма возможно—находится въ связи съ отмѣной принадлежащаго раньше губернаторамъ права проводить въ гласные своихъ людей изъ намѣченныхъ крестьянами кандидатовъ.

Какъ сложится отношеніе крестьянъ къ самоуправленію въ будущемъ—это вопросъ очень важный и интересный, пока же можно сказать, что массоваго интереса къ нему нѣтъ, скорѣе наоборотъ, крестьянство въ цѣломъ рядѣ мѣстностей на свой ладъ бойкотируетъ барское земство, отказывая ему въ уплатѣ земскихъ повинностей.

Дальше, не воспользовалась ли масса закономъ о союзахъ и обществахъ для созданія политическихъ организацій всякаго вида, дѣйствующихъ *легально?*

Мы не знаемъ, какъ она воспользовалась бы имъ, если бы была дана

возможность, но этой возможности дано не было. Самая правая демократическая партія безуспѣшно добивается легализаціи. Партія, въ которой демократично только названіе,—польская національная демократія—подвергается серьезнымъ преслѣдованіямъ.

Легальные пути политической организаціи и борьбы были и остались закрыты для массы.

Не пошла ли политическая жизнь нелегальными, революціонными путями? На этомъ вопросѣ приходится остановиться болѣе подробно, такъ какъ тутъ лежитъ источникъ разногласій между различными теченіями партійной мысли. Раньше всего нужно точно опредѣлить, что именно подлежитъ выясненію. Если сказать, что мы хотимъ выяснить отношеніе массы къ политической жизни страны, то такая формулировка можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ.

Наша задача уже и опредѣленнѣе: нужно выяснить, какъ *воздѣйствуетъ* масса на политическую жизнь страны въ данный моментъ. При такой постановкѣ вопроса сдѣлается ясно, что мы должны считаться только съ тѣми явленіями, въ которыхъ можно видѣть *активное* проявленіе массовыхъ стремленій и интересовъ въ политической области. Такими активными проявленіями могутъ быть только дѣйствія. Дѣйствія могутъ быть направлены непосредственно на измѣненіе даннаго политическаго уклада, могутъ и ограничиться временно подготовкой къ нему, предварительной организаціей силъ, но безъ дѣйственнаго проявленія политическихъ интересовъ не можетъ быть воздѣйствія на власть.

Ну, а какое мѣсто отвести „революціонному настроенію“, можно ли устранить это явленіе при обсужденіи поставленнаго вопроса?

За послѣдніе $1^1/_2$—2 года словами „революціонное настроеніе“ злоупотребляли самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Революціонное настроеніе находили въ рабочей массѣ въ періодъ первой избирательной борьбы; революціоннымъ настроеніемъ массы объясняли необходимость участія во второй Думѣ, революціоннымъ настроеніемъ массы объясняли составъ второй Думы и нельзя утверждать, что революціоннаго настроенія не видятъ теперь. Народная масса настроена революціонно—это представляется совершенно безспорнымъ положеніемъ для очень и очень многихъ партійныхъ людей, находящимъ отраженіе въ устной и печатной работѣ многихъ с.-демократовъ. Итакъ, что же такое „революціонное настроеніе“?

Психологически-революціоннымъ настроеніемъ называется напряженное и возбужденное состояніе душевнаго подъема, рвущагося къ борьбѣ, столкновенію съ врагомъ—къ дѣйствію, причемъ въ этотъ моментъ теряютъ всякую силу обычныя соображенія о выгодности или невыгодности дѣйствія, о дозволенности его или недозволенности, исчезаютъ всякія соображенія о послѣдствіяхъ и даже больше того—исчезаетъ всякое представленіе о реальномъ соотношеніи борющихся силъ.

Это опредѣленіе, конечно, не можетъ претендовать на абсолютную вѣрность и точность и можно дать сколько угодно другихъ опредѣленій, выставляя на первое мѣсто то одинъ, то другой элементъ революціоннаго настроенія.

Мы его выбрали только потому, что на нашъ взглядъ онъ наиболѣе точно выражаетъ реальное историческое состояніе, пережитое Россіею въ 1905 году.

Событія этого года показываютъ, что́ такое революціонное настроеніе и какъ оно проявляется въ жизни, какъ оно воздѣйствуетъ на жизнь.

Глубокое возмущеніе, вызванное январскими событіями въ Петербургѣ, проявилось въ цѣломъ рядѣ дѣйствій: демонстрацій, всеобщихъ забастовокъ, открытыхъ сопротивленій власти. Эти вспышки было залиты кровью: власть не уступила ни одной изъ своихъ позицій, не измѣнила системы безпощадной репрессіи всякаго активнаго проявленія политическаго недовольства. И что же? остановило это революціонныя проявленія? Нисколько. Тамъ, гдѣ настроеніе было дѣйствительно революціонно,—оно проявлялось въ дѣйствіяхъ: въ февралѣ мѣсяцѣ были всеобщія забастовки въ Минскѣ, Двинскѣ, Царицынѣ, демонстраціи въ Смоленскѣ, столкновеніе въ Твери. Въ мартѣ: всеобщая забастовка въ Юзовѣ, демонстраціи и столкновенія съ войсками въ Либавѣ, Лодзи, Варшавѣ, Петербургѣ, Н. Новгородѣ, Тамбовѣ, Ревелѣ, крестьянскія движенія въ Гуріи. Въ апрѣлѣ: всеобщая забастовка въ Гродно, столкновенія съ войсками въ Сормовѣ, Калишѣ, Варшавѣ, Симферополѣ, Митавѣ, демонстраціи матросовъ въ Галерной гавани, въ с. Смоленскомъ, въ Ригѣ, въ Сморгони, Казани, Москвѣ и цѣлый рядъ забастовокъ среди самыхъ отсталыхъ разрядовъ рабочихъ: булочниковъ, грузчиковъ, домашней прислуги.

Нѣтъ нужды продолжать этого списка: въ одномъ мѣсяцѣ было больше проявленій открытаго политическаго протеста, въ другомъ меньше, но вплоть до декабрьскихъ усмиреній волна революціонныхъ событій не опускалась. Впрочемъ, для насъ наиболѣе интересенъ до-отктябрьскій періодъ: послѣ октября всѣ выступленія находили себѣ болѣе благопріятную почву во временной растерянности власти, какъ бы поддерживающей глубокое убѣжденіе извѣстныхъ элементовъ массы въ близости окончательной побѣды.

Напротивъ, до октября политическія и болѣе узко-полицейскія условія давали такъ же мало мѣста для какого-нибудь проявленія массоваго чувства, какъ и въ эпоху самой стойкой реакціи. За каждымъ проявленіемъ слѣдовала жестокая репрессія: знаменитый лозунгъ—„не жалѣть патроновъ" еще не былъ изданъ, но этотъ принципъ находилъ себѣ самое широкое примѣненіе. Какъ ни высоко подымался протестъ въ иныхъ мѣстахъ, какъ ни всеобще было возмущеніе и активное проявленіе его, какъ ни ясны были пожеланія,—практически это не приводило ни къ какимъ результатамъ: революціонное движеніе не имѣло за собой ни одной болѣе или менѣе

ощутительной побѣды, которая измѣнила бы въ болѣе благопріятную сторону взаимное соотношеніе борющихся силъ.

Революціонное проявленіе и выстрѣлы, больше или меньше крови, аресты, высылки; снова проявленіе и снова такіе же результаты.

А движеніе тѣмъ не менѣе не останавливалось, и не только шло вширь, захватывая новыя мѣста, заражая собой новыя массы, но и не ослабѣвало въ центрахъ революціонной борьбы, гдѣ, кажется, не было площади и улицы, не обагренной кровью. Возьмемъ для примѣра Варшаву: здѣсь были открытыя столкновенія въ январѣ, мартѣ, апрѣлѣ 2 раза, въ іюнѣ неоднократно, нѣсколько разъ были столкновенія въ Лодзи, принимавшія характеръ грандіознаго вооруженнаго столкновенія.

Репрессіи послѣднихъ лѣтъ вытѣснили изъ памяти многое изъ пережитаго въ 1905 году, но было бы ошибкой думать, что тогда у власти не хватило рѣшимости для усмиренія. Сколько было убитыхъ въ Лодзи или Одессѣ? Сотни!

Усмиряли. Но усмиренія не имѣли никакого охлаждающаго вліянія: пополняли ряды и снова шли въ открытую борьбу.

Но оставимъ открытыя, кровопролитныя столкновенія, остановимся на массовыхъ сходкахъ. Они тоже были запрещены, но запрещеніе не останавливало рабочихъ—что-то собирало ихъ, собирало тысячами раньше, чѣмъ являлась какая-нибудь возможность помѣшать собранію. Было настроеніе—были сходки. Было революціонное настроеніе—оно проявлялось въ революціонной борьбѣ, въ революціонныхъ дѣйствіяхъ.

Исторія 1905 г. точно опредѣлила реальное содержаніе революціоннаго „настроенія". Было бы большой ошибкой подмѣнять это содержаніе инымъ, имѣющимъ съ нимъ только нѣкоторые общіе элементы. Если въ ближайшемъ прошломъ было и въ настоящемъ есть политическое революціонное настроеніе въ массѣ, оно должно проявляться въ политическихъ революціонныхъ дѣйствіяхъ, если ихъ нѣтъ, значитъ—масса переживаетъ совершенно иное состояніе, которое и необходимо выяснить со всей возможной объективностью.

Итакъ, въ чемъ же проявлялось политическое недовольство массы, чѣмъ разрѣшалось ея революціонное настроеніе?

Въ 1905 году главнымъ носителемъ революціоннаго движенія былъ пролетаріатъ, затѣмъ слѣдовала городская демократическая интеллигенція и на третьемъ мѣстѣ стояло крестьянство. Другія общественныя группы тоже несомнѣнно оказали извѣстное вліяніе на ходъ событій, но ихъ заявленія и дѣйствія пріобрѣтали революціонное значеніе только на фонѣ массоваго революціоннаго движенія передовой демократіи.

Какими дѣйствіями проявилъ себя пролетаріатъ въ 1906 и 1907 гг.?

Умѣло приспособляясь къ специфическимъ условіямъ русской жизни и своему собственному положенію въ обществѣ, пролетаріатъ нашелъ въ

1905 г. дѣйствительную форму политической борьбы въ видѣ всеобщей забастовки, какъ мѣстнаго характера, такъ и національнаго. Всеобщая забастовка соединяется съ наименьшими жертвами и даетъ наибольшій демонстративный эффектъ, въ случаѣ успѣха заставляетъ врага предполагать maximum организаціи и реальной силы и склоняетъ во-время къ уступкамъ.

Въ 1905 году сильной организаціи не было и не нужно было: организаціонные центры только и выражали революціонное настроеніе массы. Ихъ роль сводилась къ указанію техническихъ мелочей, намѣчающихъ общій планъ дѣйствій: агитировать имъ почти не приходилось, такъ какъ всякій призывъ находилъ быстрый отзвукъ.

За послѣднее время чисто-рабочія организаціи выросли, но политическихъ забастовокъ нѣтъ или почти нѣтъ.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ-либо пунктѣ начиналась забастовка, охватывающая тысячи лицъ и проходящая при условіяхъ, чрезвычайно подымающихъ настроеніе бастующихъ, она не принимала политическаго характера и не дѣлалась всеобщей.

Какой взрывъ активнаго всеобщаго негодованія вызвали бы въ 1905 году дѣйствія одесскихъ союзниковъ при усмиреніи стачки матросовъ,—теперь это негодованіе не нашло себѣ внѣшняго проявленія.

Или возьмемъ Лодзь. Вотъ городъ, въ которомъ скопилось совершенно неисчерпаемое море возмущенія, негодованія, непримиримой ненависти. Кажется, при первой искрѣ все запылаетъ! Однако, лодзинскій пролетаріатъ отказался присоединиться въ массѣ къ политической забастовкѣ протеста противъ дѣйствій политической полиціи. Тоже самое было въ Баку, то же самое произошло на-дняхъ въ московскомъ центральномъ районѣ.

Пройдемъ мимо демонстрацій: ихъ отсутствіе еще не служитъ показателемъ политической апатіи. Рабочая масса всегда шла неохотно на эти политическіе акты, соединяющіе съ maximum'омъ жертвъ minimum реальнаго эффекта.

Перейдемъ къ явленіямъ другого рода—къ осуществленію свободы такъ называемымъ „явочнымъ порядкомъ".

Это явленіе—не только революціонное по существу своему, но и неизбѣжно связанное съ массовой революціей, только при наличности ея возможное.

Ни одинъ классъ не находится въ условіяхъ, столь благопріятныхъ для осуществленія явочнымъ порядкомъ свободы собранія, какъ пролетаріатъ. Современныя условія промышленности держатъ въ одной мастерской или на одной фабрикѣ сотни и тысячи рабочихъ. Они собраны помимо своего *желанія. Они* не могутъ встрѣтить механическаго препятствія въ процессѣ *схожденія,* собиранія. Никакая полиція не можетъ предусмотрѣть всѣхъ

такихъ собраній, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ десятки и сотни предпріятій.

Вотъ почему рабочія собранія были и до революціи, но особенно большую роль они сыграли во время революціи: можно сказать, что они были неисчерпаемыми питомниками революціонной энергіи пролетаріата. Явочныя собранія были показателями постояннаго броженія внутри рабочей массы, живой мысли, активныхъ интересовъ, требующихъ обсужденія. Въ рабочей массѣ появились въ большомъ количествѣ люди, имѣвшіе, что сказать, но еще въ большемъ количествѣ появились люди, жаждавшіе услышать живое, бодрое слово, призывъ къ дѣйствіямъ, указаніе путей борьбы. Призывъ оратора къ вниманію останавливалъ тысячи, создавалъ импровизированные митинги на фабричномъ дворѣ или улицѣ.

Когда масса переживаетъ революціонное настроеніе, она не думаетъ о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ, о наказіи, ущербѣ и т. п., она уступаетъ только передъ большей внѣшней силой. Внѣшняя же сила имѣетъ, какъ мы указывали, сравнительно болѣе трудный доступъ внутри фабрики; вотъ почему собранія существовали не только въ 1905 г. въ періодъ революціи, но даже въ 1906 году, когда правительственная реакція была въ зенитѣ, но не улеглось еще окончательно революціонное настроеніе рабочей массы.

Теперь и собранія происходятъ рѣдко. Правда, кара за нихъ дѣлается все суровѣе, надзоръ все строже, но эти мѣры дѣйствительны все-таки только потому, что всей своей тяжестью падаютъ на немногихъ участниковъ рѣдкихъ, одиночныхъ собраній, потому что исчезли условія, дѣлавшія собранія нечувствительными къ репрессіи, исчезло массовое участіе и массовой интересъ къ нимъ.

Отъ той же самой болѣзни погибли и всѣ явочные союзы, сыгравшіе немалую роль въ организаціи общественнаго мнѣнія и прямой мобилизаціи общественныхъ силъ. Правительство не смотрѣло равнодушно на ихъ возникновеніе, возбуждало противъ нихъ судебныя преслѣдованія, но что могъ сдѣлать самый усовершенствованный репрессивный аппаратъ противъ союзовъ, привлекающихъ тысячи новыхъ членовъ? Пока это было массовымъ движеніемъ, справиться съ нимъ было почти что невозможно.

Итакъ, мертвая тишина на всѣхъ тѣхъ путяхъ, гдѣ раньше шла упорная массовая борьба городской демократіи за непосредственное пріобрѣтеніе политической власти или, въ худшемъ случаѣ—за радикальное переустройство политическаго уклада.

Но куда же изчезло вся эта, казалось, неисчерпаемая революціонная энергія и, наконецъ, гдѣ люди, вынесшіе на себѣ тяжесть борьбы?

Если даже считаться съ отмѣченнымъ раньше фактомъ, что въ движеніи участвовали два слоя съ различной степенью активности и сознательностьи и что одинъ изъ этихъ слоевъ остановился въ нерѣшитель-

ности, потерявъ изъ виду широкую дорогу, то остается вопросъ: гдѣ другой передовой слой?

Исторія 1905 года показала, что внутри рабочей массы создалась уже немалочисленная группа совершенно сознательныхъ и активныхъ борцовъ за дѣло пролетаріата, ясно понимающихъ безусловную необходимость политической свободы для дальнѣйшаго быстраго развитія своего класса. Сознаніе такого рода не исчезаетъ, разъ оно уже появилось; такъ же точно не такъ легко опускаются руки тѣхъ, кто уже созналъ необходимость борьбы.

Остается допустить, что эти элементы измѣнили форму борьбы. Приспособляясь къ моменту застоя и апатіи въ массахъ, они перешли изъ работы непосредственныхъ дѣйствій къ работѣ подготовительной, организаціонной.

Организаціонной какого рода? Въ этомъ—весь вопросъ.

Событія 1906 и 1907 годовъ могли повліять на болѣе сознательную часть рабочаго класса двоякимъ образомъ.

Жестокія политическія репрессіи могли подѣйствовать, какъ механическая сила, ставящая въ настоящій моментъ непреодолимую преграду движенію. Движенія нѣтъ, но движущая сила дѣйствуетъ; то, что не проявляется во-внѣ, поднимаетъ работу внутри, претворяется въ особую глубину подъема, остроту и увѣренность настроенія и сознанія. Не измѣнилось отношеніе къ политической жизни, не пропала вѣра въ истинность путей борьбы, не происходитъ внутренняго кризиса пересмотра ходячихъ взглядовъ—только временная задержка въ движеніи.

Какая форма организаціи соотвѣтствуетъ наиболѣе такому состоянію?

Несомнѣнно, подпольная революціонная организація, имѣющая возможность не считаться съ нормами, ограничивающими свободу движеній. Если передовые элементы настроены такъ активно-революціонно, а масса стоитъ тоже только во временномъ недоумѣніи, то работа революціонной организаціи должна идти особенно энергично. Революціонныя политическія партіи должны почувствовать обильный притокъ новыхъ членовъ, революціонныя собранія и сходки сдѣлаются особенно частыми, революціонное печатное слово будетъ находить горячій отзвукъ.

Интенсивная жизнь периферіи вольетъ новые соки въ центръ, привлечетъ къ работѣ новыя интеллигентныя силы, подыметъ инициативу, увеличитъ производительность, создастъ богатую литературу и т. д. и т. д.

Вотъ какіе результаты дала бы политическая репрессія, если бы активная революціонная часть общества осталась бы при прежнихъ взглядахъ, при прежней вѣрѣ, при прежнемъ отношеніи къ пріемамъ и задачамъ политической борьбы.

Что же отвѣтятъ на это революціонныя политическія организаціи? Замѣчается ли въ нихъ такое оживленіе или нѣтъ?

Если всмотрѣться въ численный ростъ с.-д. партіи, то, пожалуй, придется признать наличность роста и очень замѣтнаго роста.

Судя по числу делегатовъ на лондонскомъ съѣздѣ, число членовъ партіи достигаетъ чуть ли не 150 тыс.—цифры очень большой, принимая во вниманіе обще-полицейскія условія. Но эта цифра не имѣетъ никакой серьезной цѣнности, а такъ какъ у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ о реальной численной силѣ партіи, приходится оставить этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Да и численность есть только одинъ изъ показателей жизни партіи.

Второй болѣе важный—это—интенсивность жизни, активность интереса къ партійнымъ дѣламъ, тяготѣніе къ партійной работѣ, самоотверженіе въ исполненіи отвѣтственныхъ, хотя бы и неинтересныхъ техническихъ деталей, многочисленность собраній, обильный притокъ силъ и средствъ, ростъ авторитета партіи въ глазахъ массы.

Можетъ ли хоть одна революціонная партія отвѣтить: да, все это у насъ есть?

Изъ двухъ наиболѣе вліятельныхъ партій—с.-революціонеровъ и с.-демократовъ первая, повидимому, медленно приближается къ смерти, по крайней мѣрѣ ея вліяніе на массы несомнѣнно падаетъ.

Что касается с.-демократіи, то необходимо различать вліяніе с.-демократическихъ идей и с.-демократической партіи. Въ свое время партія была главной или почти единственной проводницей с.-демократическихъ идей въ массу. Теперь проложены другіе пути помимо партіи. Есть громадная литература—легальная или полулегальная, но во всякомъ случаѣ издаваемая не партіей. Жизнь настолько осложнилась и развилась, что сама по себѣ даетъ всѣмъ понятные и доступные объяснительные уроки с.-демократическихъ идей въ экономикѣ и политикѣ.

Наконецъ, ея идеи распространяются профессіональными союзами и другими подобными организаціями.

Есть очень много основаній думать, что политическая репрессія и общая реакція не остановила роста с.-демократическихъ идей въ рабочей массѣ.

Въ совершенно иномъ положеніи находится чисто-партійное вліяніе: въ этой области приходится констатировать самое грустное положеніе. Формы организаціи сохраняются, и даже, быть можетъ, развиваются, но въ нихъ нѣтъ жизни. Кружки не посѣщаются, фабричные комитеты не собираются, деньги не взносятся, собранія не возбуждаютъ интереса, литературы нѣтъ.

Партійное вліяніе падаетъ. Да какъ ему не падать, если партія не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія на самые очередные вопросы дѣйствительности. Вопросъ о выборахъ, напримѣръ, рѣшенъ только теперь, когда уже закончилось составленіе избирательныхъ списковъ. Наиболѣе демократическая

группа избирателей въ городахъ, наиболѣе доступная воздѣйствію партіи останется неиспользованной при выборахъ въ значительной степени благодаря отсутствію обще-признанныхъ тактическихъ указаній.

Ни тяготѣнія массы къ партіи, ни увѣреннаго, твердаго воздѣйствія партіи на массу теперь нѣтъ. Это признаніе дается не легко, но его нужно сдѣлать.

Тѣ формы революціонной организаціи, какія даются теперь революціонными партіями, не привлекаютъ массъ, своихъ формъ политической организаціи она еще не создала.

Итакъ, политическій протестъ массы не проявляется ни въ дѣйствіяхъ, прямо направленныхъ на измѣненіе политическихъ отношеній, ни въ организаціяхъ, подготовляющихъ эти дѣйствія.

Постараемся подвести итоги всему сказанному. Данныя двухъ выборовъ и участь двухъ Думъ заставляютъ предполагать, что представительныя учрежденія въ той формѣ, въ какой онѣ у насъ есть, не сдѣлались центромъ политической жизни народа; съ другой же стороны, совершенно прекратились всѣ проявленія массоваго революціоннаго движенія. Что за этимъ скрывается?

Конечно, никому не придетъ теперь въ голову утверждать, что приведенные факты сами по себѣ невѣрны, но это согласіе совсѣмъ не прокладываетъ моста къ дѣйствительному соглашенію въ коренномъ вопросѣ. Говорятъ: временная остановка, моментъ затишья.

Итакъ, все обстоитъ попрежнему. Раньше назначался точно моментъ массоваго движенія, теперь оно предсказывается въ близкомъ будущемъ, но основное отношеніе къ дѣйствительности нисколько не измѣнилось у сторонниковъ этого взгляда.

Реакція представляется чисто-внѣшней силой, давящей на пролетаріатъ, лишающей его свободы движеній. Самъ по себѣ пролетаріатъ остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ или казался, представителямъ опредѣленнаго теченія въ социалъ-демократіи. Предполагается, что всѣ событія революціоннаго года и послѣдовавшей затѣмъ реакціи оказали вліяніе только въ одномъ направленіи: повысили сознательность и содѣйствовали накопленію протеста, только ищущаго выхода. Никакихъ другихъ послѣдствій пережитое время не имѣло, почему и нѣтъ необходимости искать какихъ-либо новыхъ путей или средствъ воздѣйствія на массу. Указываютъ только, что нужно превратить одну форму движенія въ другую. Какъ превратить, какими силами и средствами?.. Повидимому, все тѣми же. Въ глубинѣ что-то накопляется; вотъ, вотъ оно накопится, партія махнетъ краснымъ платкомъ, выдвинетъ изъ своей среды генеральный штабъ и— „да здравствуетъ побѣдоносная революція!"

Въ свое время большевистское теченіе было вынуждено признать, что *пролетаріатъ* не можетъ закончить революцію своими собственными си-

лами. Однако, констатированіе этого факта тоже не заставило большевиковъ оглянуться на дѣйствительность: на помощь утопающему была призвана „революціонность" крестьянства, обѣщавшая въ самомъ непродолжительномъ времени съ избыткомъ восполнить революціонную энергію, необходимую для сверженія стараго строя. Когда въ рядахъ „оппортюнистовъ и кадетствующихъ" возникли по этому поводу сомнѣнія, они были разсѣяны ссылкой на авторитетъ „самого" Каутскаго.

Въ какомъ же положеніи находится теперь вопросъ о революціонномъ выступленіи крестьянства? Умалчиваютъ о немъ, потому что и здѣсь все попрежнему, или крестьянство признано снова quantité negligeable, какъ въ былыя отдаленныя времена марксизма?

Вѣдь большевики признаютъ, что всякое выступленіе находится въ тѣсной зависимости отъ объективныхъ условій соціальной и политической жизни.

Нельзя говорить о выступленіяхъ, не говоря о взаимоотношеніи основныхъ реальныхъ силъ общества: власти, помѣстнаго дворянства, буржуазіи, крестьянства, интеллигенціи, нельзя упускать изъ виду экономическихъ отношеній и, даже больше, нельзя оставить безъ вниманія международныхъ отношеній.

Если предполагается возможность выступленій, нужно допустить, что всѣ эти объективныя условія благопріятствуютъ ему.

Весьма возможно, что число фактическихъ сторонниковъ большевизма въ чистой формѣ все уменьшается подъ вліяніемъ уроковъ жизни, но отдѣльные элементы характернаго для него отношенія къ дѣйствительности вошли очень глубоко въ міровоззрѣніе многихъ и очень многихъ революціонеровъ и даже просто радикаловъ. Бороться съ этими пережитками можно только однимъ путемъ: изображенію дѣйствительности по разъ навсегда опредѣленному плану противопоставить самую настоящую голую, неприкрашенную дѣйствительность. Нужно выяснить, что происходитъ теперь въ народной массѣ и каковы внѣшнія условія проявленія назрѣвающихъ въ ней стремленій, желаній, потребностей. Къ этому мы и переходимъ.

Вл. Коганъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Свобода печати или свобода отъ печати.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ распущена Дума, нельзя взять въ руки газету безъ боли душевной. Не отражая ни того, что даетъ дѣйствительная жизнь, что представляетъ наиболѣе серьезный интересъ въ данный моментъ, ни того, что жаждетъ получить отъ него читатель-гражданинъ, но въ то же время не желая подчинить истину требованіямъ со стороны, ничего общаго съ цѣлью служенія родной странѣ и родному народу не имѣющими, писатель опять засѣлъ „на такихъ мѣстахъ, гдѣ главную роль играютъ счеты, записываніе цифръ—по выраженію Успенскаго—и возможность совершенно свободно размышлять о томъ, что изъ этихъ цифръ вышло, хотя размышлять и *молча*" [1]).

Много такихъ людей, вчера еще горѣвшихъ, яркихъ, сломавшихъ не одно копье за свои идеи, уставъ отъ всѣхъ проклятыхъ ожиданій, которыя выпали намъ на долю, безъ которыхъ невозможна сильная и широкая работа, мало-по-малу уже застреваютъ на этихъ цифрахъ, на этихъ счетахъ. „Что-жъ? Молча можно раскритиковать или разоблачить какую-нибудь плутоватую цифру и, благодаря этому, можно не продавать за чечевичную похлебку своихъ взглядовъ и убѣжденій" [2]).

Новый избирательный законъ соотвѣтствуетъ реальному соотношенію силъ, господствующихъ въ государственномъ управленіи... У счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго друзья умираютъ... Страна опять вступаетъ въ область надеждъ и ожиданій и ждетъ, что принесетъ ей грядущій день... Вотъ образчики того, какъ сейчасъ газеты реагируютъ на всѣ большія и малыя событія момента...

А какъ писали еще недавно, когда такъ близокъ казался день развязки, когда даже его очертанія казались столь конкретными! Откройте тогдашнія газеты столичныя, гдѣ пишутъ люди, блещущіе талантами, загля-

---

1) „Успенскій, т. III. „Чуткое сердце".
2) Ibid.

ните въ провинціальныя—казалось, не было мѣста, не было времени, чтобы высказать все, что накипѣло на душѣ, чтобы дать отвѣты на всѣ разнообразные вопросы, волнующіе эту душу. Поражало не только богатство, но и единство духовной жизни, точно одна душа, одно перо работало, искало выхода, горѣло,—выводило ли оно печатное слово крупнаго центра или мысль, только что зашевелившуюся, двигавшуюся своимъ логическимъ путемъ. Казалось, руководящее вліяніе столицъ почти исчезло. Центромъ читающей публики стали не Петербургъ, не Москва, а вся Россія... Теперь вы по цѣлымъ мѣсяцамъ не встрѣчаете свѣжей мысли—идетъ какое-то ничего не освѣщающее, никому ненужное бормотанье. Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ?—поневолѣ повторяешь старый вопросъ Михайловскаго и такъ же старо отвѣчаешь: ничего не произойдетъ...

Это относится не только къ лѣвой печати. Ту же апатію, то же бормотанье вы видите въ изданіяхъ консервативнаго типа, которыя—каково бы ни было ихъ значеніе—въ одномъ отношеніи выгодно отличаются отъ всей остальной печати: они якобы обсуждають всю злобу дня, отзываются якобы на всѣ вопросы, интересующіе общество. Конечно, „Новое Время" или „Русское Знамя" никогда не брали ни духовной молодостью, ни духовной пытливостью. Но все таки были же подъемы даже рептилій. Своеобразно вліяютъ событія, и какъ ни относиться къ послѣ октябрьской агитаціи „Рабочаго Знамени", невозможно отрицать, что это было тоже своего рода кипѣнія; какъ ни истекла бы газета г. Суворина, все-таки и живыя темы появлялись на ея страницахъ, и не совсѣмъ поддержанныя остроты, и разнаго рода „дискуссіи". Недаромъ двѣ души жили въ его груди: г. Меньшиковъ и г. Столыпинъ... А вотъ иное сейчасъ, когда „Русское Знамя" стало оффиціозомъ, а „Новое Время" объявило, что съ этой минуты у него одна душа—душа г. Меньшикова [1]). Если вообще еще не было случая, чтобы оффиціозная или полуоффиціозная печать, историческимъ основаніемъ которой является не всепроникающій духъ гласности, а напротивъ—поддержаніе тайны въ государственной жизни, не имѣющая даже права молчать, когда на ея услуги заявлено требованіе, могла бы претендовать на вліяніе даже въ рядахъ собственныхъ читателей, то сейчасъ мы видимъ большее разложеніе ея, чѣмъ когда бы то ни было. Вся дѣятельность „Новаго Времени" свелась къ тому, чтобы затмить „Рабочее Знамя", чтобы одержать побѣду надъ „Россіей" и проч...

Очевидно, въ такъ называемой лѣвой печати до такой степени начинаетъ вырабатываться привычка топить „правду" въ цѣлой массѣ никому ненужныхъ оборотовъ, всѣ свои задушевныя мысли и тревоги ставить въ зависимость

---

[1]) „Союзъ 17 октября" потерялъ всякое благоволеніе со стороны „Новаго Времени", какъ только выяснились результаты новаго избирательнаго закона.

отъ усмотрѣнія, что гг. Сувориным и Грингмутамъ нѣтъ нужды даже внѣшнимъ образомъ считаться съ тѣмъ, что дѣлается внѣ ихъ самихъ...

Появляются органы, у которыхъ какъ будто есть своя жизнь, свой нервъ, которые овладѣваютъ или пытаются овладѣть какой-нибудь общественной струей, насколько это доступно, и сейчасъ, но органъ на другой день лишается своего нутра, и одно изъ двухъ—или вовсе прекращаетъ свое существованіе, или начинаетъ то же бормотанье, маскируя свою пустоту строченьемъ сухо-дѣловыхъ передовицъ, способныхъ оживлять столбцы, съ косноязычными намеками и безъ оныхъ, до-октябрьскими разсказами и стишками, которымъ въ свое время такъ рады бывали обыватели... Конечно, это еще не языкъ, какимъ писали при Плеве и Сипягинѣ, въ этихъ передовицахъ еще встрѣчаются слова, которыя являются остатками прежней роскоши, какъ бы прямыми свидѣтелями недавнихъ бурь и грозъ, но рядомъ съ ними уже на-лицо почти весь лексиконъ, сила котораго заключается не столько въ строкахъ, сколько между строкъ. Да и самыя слова—не тѣ ли листья, которыя осенью гніютъ на дорожкахъ, пока вѣтеръ не снесетъ ихъ за тридевять земель, пока ихъ вовсе не покроетъ холодными покровами снѣга?..

Трудно представить себѣ, какую потерю несетъ страна отъ этого „размышленія молча“, отъ этого замканія и бормотанья въ моментъ, когда все переживаетъ такую внутреннюю ломку. Пусть весь тонъ жизни не тотъ что былъ годъ-два тому назадъ, все же она освѣщена свѣтомъ пробуждающагося сознанія; все же вопросовъ такъ много, они такъ сложны, ихъ необходимо такъ спѣшно рѣшить, что не можетъ быть той мысли, которой простительно пренебречь, не можетъ быть того аналитическаго ножа, безъ котораго можно было бы обойтись. Растутъ и множатся независимые, смѣлые мыслители и при общемъ умственномъ порабощеніи, но никогда не было еще и не будетъ при немъ умственно-развитаго народа. Наши охранители любятъ указывать на то, что каждое заблужденіе тѣмъ вреднѣе, чѣмъ больше числю головъ его раздѣляетъ, что свободное слово Европы иногда равносильно деспотизму, что въ немъ заключается не меньшая опасность, чѣмъ во всякомъ насиліи. Но на это еще въ началѣ девятнадцатаго вѣка далъ отвѣтъ англичанинъ, имя котораго Александръ I особымъ указомъ воспретилъ упоминать въ предѣлахъ Россіи и который тогдашнимъ англійскимъ судомъ былъ приговоренъ къ тремъ годамъ заключенія за напечатаніе „скандальнаго, нечестиваго, богохульнаго и святотатственнаго сочиненія“.

— „Какія у васъ основы вашей якобы нравственности и добродѣтели, когда вы боитесь, что малѣйшая критика можетъ обнажить ихъ, какъ вѣтеръ сдуваетъ пухъ съ одуванчика?—спрашивалъ онъ изъ тюрьмы.—Какая у васъ вѣра, на которой вы якобы сосредоточиваете всѣ свои надежды, если вы боитесь результатовъ изслѣдованія? Подумайте только,—

какая-нибудь маленькая книжка можетъ угрожать полнымъ поколебаніемъ основъ вашей вѣры и надеждъ! Какія же эти основы?“

— „Развѣ въ вашемъ обществѣ нѣтъ священниковъ? — продолжалъ онъ.—Отчего же вы ихъ не заставите написать книгу такого же размѣра для опроверженія аргументовъ? Не стыдно ли прибѣгать къ защитѣ меча устарѣлаго закона, когда столько епископовъ и духовенства могли бы уничтожить аргументами и разсужденіями? За что они получаютъ жалованье? Зачѣмъ у насъ столько богословскихъ кафедръ, если не затѣмъ, что бы аргументами, логикой и диспутами поддерживать тѣ догмы и доктрины, которыя они проповѣдуютъ!“ [1]).

То, чего справедливо по адресу епископовъ и священниковъ, въ равной мѣрѣ справедливо по адресу всякихъ гонителей мысли вообще, нашихъ—въ частности. Свободное слово, по одному остроумному афоризму, даже тогда право, когда оно ошибается. Если это слово тождественно съ „вреднымъ образомъ мыслей“, съ деспотизмомъ, съ неменьшей опасностью, чѣмъ та, какая заключается во всякомъ насиліи, то вѣдь зло—не въ борьбѣ мнѣній, а въ томъ, чтобы какое-либо мнѣніе не было выслушано. Когда люди выслушиваютъ всѣ стороны, они дойдутъ до истины; бѣда лишь, когда люди слышатъ одну сторону. И въ общественномъ организмѣ, полномъ жизненности, свободное слово функціонируетъ столь же незамѣтно, сколько непосредственно—и въ лагерѣ пасущихъ, и въ лагерѣ пасомыхъ. Тамъ вѣтеръ не сдуваетъ пухъ съ одуванчика...

Недаромъ говорятъ, что общественое мнѣніе Европы—это ея пресса, факторъ, обладающій способностью и создавать, и представлять это мнѣніе въ одно и то же время...

II.

Да, всего годъ-два назадъ перо работало, искало выхода, горѣло, и тѣ слова, которыя теперь гніютъ между газетныхъ строкъ, какъ осеннія листья на пустыхъ дорожкахъ, были полны жизненнаго смысла... Оттуда же растерянность, это настроеніе безразличія?

Я стою на той точкѣ зрѣнія, которая менѣе всего склонна объяснять акціи и реакціи общественной жизни однимъ давленіемъ или отступленіемъ сверху. Этотъ взглядъ, получившій особое распространеніе среди нашей интеллигенціи, благодаря вліянію гг. освобожденцевъ, конечно, теперь— послѣ того, что пережито за послѣднія нѣсколько лѣтъ—значительно полинялъ, но и до сихъ поръ есть такіе уголки, изъ которыхъ нѣтъ никакой возможности вытравить его. Между тѣмъ, онъ нерѣдко такъ чисто

[1]) С. И. Рапопортъ. Строители англійской жизни. «Міръ Божій». 1906 г., № 2.

механически ставить вопросъ, что скорѣе запутываетъ его рѣшеніе, чѣмъ обусловливаетъ его... Не подлежитъ сомнѣнію одно: какъ запустѣніе печати не объясняется не однимъ этимъ механическимъ давленіемъ, трудно указать область, которую распоряженія сверху въ *такой степени* опредѣляли бы со всѣмъ ея нутромъ, какъ печать.

Психологія этого запустѣнія не можетъ не лежать глубже, поскольку печать есть плоть отъ плоти тѣхъ соціальныхъ слоевъ, которые ее питаютъ; не можетъ не отражать не только административно-полицейское воздѣйствіе, но и то соціальное строеніе или нестроеніе, характеризующее ея внутреннюю опору. Но, повторяю, роль этого воздѣйствія такъ бросается въ глаза прежде всего, что отодвигаетъ на второй планъ мотивы соціальнаго значенія... Развѣ не будь „обязательныхъ постановленій", изданныхъ тотчасъ послѣ роспуска 3 іюня, гдѣ даже тонкіе юристы не въ состояніи различить едва уловимую черту, отдѣляющую дозволенное отъ воспрещеннаго, что есть „восхваленіе", „ложный слухъ" и пр., и что нѣтъ,—въ нашей печати все-таки боевыя настроенія не давали бы себя чувствовать болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, хотя соціалистическіе органы всѣ закрыты? Печать, орудіе гласности, по самой своей природѣ являющееся противовѣсомъ противъ мертвящаго терроризма авторитета, относительно живымъ началомъ даже тамъ, гдѣ наружно все проявляется пассивно, труднѣе всего поддается общему тону...

Начнемъ же съ этого чисто-внѣшняго объясненія. Для того, чтобы взвѣсить все значеніе полицейскаго давленія для того упадка, къ которому идетъ и можетъ идти печать, достаточно вспомнить, какъ „временныя правила о повременныхъ изданіяхъ", утвержденныя 24 ноября 1905 г. на началахъ „дѣйствительной" свободы слова, даже *формально* „избавляли печать отъ излишнихъ стѣсненій", предоставляя ей „возможность достойно выполнять высокое призваніе—быть правдивой выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи" [1]). Даже схематически измѣнилась внѣшность, но не сущность,—„временныя правила" озаботились не столько о свободѣ печати, сколько о свободѣ отъ печати... на пользу Россіи...

Тѣ требованія, которыя выставляла извѣстная „записка", поданная членами редакцій и сотрудниками прогрессивныхъ петербургскихъ изданій въ особое совѣщаніе Д. Ѳ. Кобеко въ началѣ 1905 г., какъ будто были удовлетворены. Добиваясь „общесудебной отвѣтственности", писатели говорили, что для того, чтобы они могли съ „достоинствомъ выполнять свой высокій долгъ"—быть выразителями нуждъ народа,—достаточно слѣдующаго:

1) полной и безусловной отмѣны предварительной цензуры, какъ разрѣшительной (до напечатанія), такъ и запретительной (послѣ напечатанія);

---

[1]) **Указъ** отъ 12 декабря 1904 года.

2) полной отмѣны административныхъ взысканій, налагаемыхъ органами правительственной власти на періодическую печать;

3) правонарушенія, совершаемыя органами печати, должны подлежать вѣдѣнію гласнаго и независимаго суда;

4) необходимо широкое, безъ всякихъ ограниченій административной власти, предоставленіе закономъ печати свободы обсужденія вопросовъ общественной и государственной жизни;

5) порядокъ возникновенія всѣхъ безъ исключенія органовъ печати, на какомъ бы языкѣ они ни издавались, долженъ быть явочнымъ, а не коцессіоннымъ [1]).

Правилами 24 ноября уничтожена была предварительная цензура для всѣхъ повременныхъ изданій; отмѣнено право административныхъ властей налагать взысканія на повременныя изданія, даже министръ внутреннихъ дѣлъ лишенъ былъ принадлежавшаго ему раньше права воспрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати какого-либо вопроса. Объявленъ былъ явочный порядокъ возникновенія изданій. Наконецъ, установлена судебная отвѣтственность и отмѣненъ рядъ статей, каравшихъ за напечатаніе „направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ", оспариваніе въ печати ихъ „обязательной" силы, за одобреніе воспрещенныхъ ими дѣйствій, за „возбужденіе вражды одной части населенія противъ другой", за порицаніе началъ собственности и семейнаго очага съ „намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ" и проч.

Въ странѣ съ конституціоннымъ образомъ правленія, гдѣ все—отъ администраціи до суда—уже сколько-нибудь основано на выборномъ началѣ, такого рода обѣщанія не были бы одной перемѣной внѣшности. Но въ томъ-то и дѣло, что печать можетъ быть свободна только въ свободной странѣ. Если положеніе печати опредѣляется законодательствомъ о печати, то послѣднее имѣетъ значеніе не само по себѣ, а лишь въ той связи, въ какой оно стоитъ къ общему законодательству страны, къ общему государственному строю. Печать не можетъ стать ни ниже, ни выше тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ она сложилась и существуетъ, и какъ бы теоретически ни измѣнялось положеніе, практически оно всегда придетъ къ тому уровню, котораго требуетъ данное соотношеніе силъ при данномъ общественномъ порядкѣ.

Какія „правила" ни издавайте для избавленія печати отъ „излишнихъ стѣсненій" въ странѣ, гдѣ каждый чиновникъ чувствуетъ себя самодержцемъ, гдѣ всякое разоблаченіе всякаго представителя власти есть посягательство на самую идею власти, отрицаніе ея въ принципѣ, они не могутъ

[1]) Къ заявленію петербургскихъ писателей присоединилась и вся провинціальная печать.

явиться ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же ежовыми рукавицами, безъ которыхъ невозможны безотвѣтственные представители власти...

Свобода слова „временныхъ правилъ" удивительно повторяетъ „безцензурную" печать закона 6 апрѣля 1865 года, послѣ котораго даже такіе люди, какъ Аксаковъ, готовы были думать, что имъ дано „неслыханное и невиданное право: не лгать, не кривить словомъ, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ голосомъ" [1]), что освобожденіе отъ цензуры измѣнитъ положеніе писателя, расширитъ его права, кругъ предметовъ, о которыхъ можно разсуждать; дастъ возможность повысить тонъ этихъ разсужденій, сдѣлать острѣе и опредѣленнѣе выводы, большую свободу придать пріемамъ. Но... скоро выяснилось, насколько частная мѣра можетъ идти вразрѣзъ съ публичнымъ правомъ вообще, законодательствомъ о печати— въ частности. Комиссія, составлявшая проектъ закона 6 апрѣля, не нашла даже нужнымъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ изданія подлежатъ взысканію. „Словами *вредное направленіе*,—писала она,—выражается мысль общая, не ограничивающая, конечно, полнаго произвола при толкованіи вреда". Уже изъ этого видно, каково было существо „безцензурной" печати. Въ правахъ не было и не могло быть разницы между подцензурной и безцензурной печатью, разъ для обѣихъ одни и тѣ же законы, разъ то, что противозаконно въ одной, не могло не быть противозаконнымъ въ другой. Послѣдняя не могла выходить изъ тѣхъ рамокъ, которыми опредѣлялась первая, и она заговорила на тѣ же темы, такимъ же способомъ, съ той же долей почтительности. Устраненіе предварительной цензуры не развязало ея движеній. Цензура, въ сущности, не устранялась, а видоизмѣнялась.

Ту же безсодержательность мы видѣли въ „временныхъ правилахъ", которыя совершенно справедливо были названы не столько свободой печати, сколько покушеніемъ на нее. Предварительная цензура была уничтожена, но цензурное вѣдомство, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ арестъ номера и возбужденіе преслѣдованія, осталось. Судебная отвѣтственность установлена, но при полномъ устраненіи присяжныхъ размежеваніе между судомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ оказалось болѣе, чѣмъ проблематично; отъ этого, и кругъ предметовъ, и тонъ, и свобода пріемомъ выиграли не болѣе, чѣмъ послѣ перехода отъ подцензурности къ безцензурности. Вмѣсто однѣхъ статей, стѣснявшихъ „излишне" печати, введены были новыя, еще болѣе произвольныя и острыя, карающія за возбужденіе къ стачкѣ, къ волненіямъ среди учащихся, къ устройству „воспрещенныхъ закономъ скопищъ", за распространеніе „завѣдомо ложныхъ" о правительствѣ или войскѣ слуховъ, за оскорбленіе въ печати войска или воинской части или возбужденіе воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей военной

1) Собраніе сочиненій Аксакова, т. IV, стр. 431.

службы. Правительство повторяло тѣ же слова, которыя оно складывало въ законъ раньше: „передайте журналистамъ, что я буду судить о нихъ не по тѣмъ вреднымъ мыслямъ, которыя они будутъ высказывать, а по тому отсутствію благонамѣренности, которой они не выскажутъ". Это, правда, изреченіе Наполеона I, но оно, какъ нельзя болѣе, передаетъ, въ какой степени каждый винтикъ бюрократическаго колеса Россіи не въ состояніи отдѣлять нападки на себя лично отъ нападокъ на власть вообще, пока онъ—одна изъ опорокъ существующаго строя.

Мало того, точка лежитъ еще глубже, и когда эта точка передвигается въ томъ или другомъ направленіи, то вмѣстѣ съ нею еще болѣе сдвигаются или раздвигаются рамки, сжимающія общественную мысль. Какъ извѣстно, и законъ 6 апрѣля разсматривался, какъ мѣра временная. Законъ, вынужденный будто бы неудовлетворительнымъ состояніемъ дореформеннаго суда, былъ изданъ, но съ тѣмъ, что ему „суждено измѣниться сообразно измѣненію обусловливающихъ обстоятельствъ". Дѣйствительно, при помощи цѣлаго ряда циркуляровъ, изданныхъ въ поясненіе и дополненіе и введенныхъ затѣмъ въ текстъ первоначальнаго закона, наше законодательство о печати того времени шло именно въ томъ направленіи, въ какомъ двигалась вся законодательная эволюція страны. Только... когда „правильные суды", отсутствіемъ которыхъ мотивировался законъ 6 апрѣля, были введены повсемѣстно, обращеніе правительства къ судебнымъ учрежденіямъ было уже всецѣло замѣнено „своими средствами"... За дѣятелями печати не признано было права самозащиты противъ взводимыхъ на нихъ обвиненій,—право, предоставленное каждому обвиняемому, какъ бы ни была ясна его вина... Приблизительно той же эволюціи подверглись правила 24 ноября 1905 года. Кажется, это былъ еще болѣе крѣпкій намордникъ, чѣмъ старый цензурный уставъ, — такъ нѣтъ же, не проходитъ полугода, какъ имъ на подмогу слѣдуютъ правила 18 марта, 23 марта и 26 апрѣля. Первыя переводятъ печать буквально на положеніе исключительнаго закона, такъ какъ въ силу этихъ правилъ приговоръ объ уничтоженіи номера повременнаго изданія законенъ *даже при отсутствіи основаній къ возбужденію уголовного преслѣдованія*. Такъ, даже убійцы оказываются въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ представители печати, такъ какъ до вступленія въ законную силу приговора они никакимъ имущественнымъ правоограниченіямъ не подвергаются. Правила 23 марта буквально каждую независимую мысль подводятъ либо подъ сообщеніе ложныхъ свѣдѣній и слуховъ о дѣятельности правительства, либо подъ возбужденіе вражды между разными сословіями и классами. Правилами 26 апрѣля неповременныя изданія ставятся въ такое же положеніе, какъ изданія повременныя [1])...

---

[1]) См. самыя правила.

Уже одного этого *юридическаго* перечня достаточно, чтобы понять, что могло остаться на столбцахъ газетъ и журналовъ отъ былого величія, отъ того внутренняго горѣнія, которое чувствовалось на нихъ передъ тѣмъ. Интересы жизни росли, общественная жизнь кипѣла, торопясь выплакать свои боли, напитаться свѣжей, молодой энергіей, стряхнуть съ себя гнетъ осужденнаго прошлаго, а законъ о печати пятился назадъ и назадъ даже отъ правилъ 24 ноября, пока почти формально не было возстановлено прежнее усмотрѣніе. Такъ всегда было и будетъ въ несвободной странѣ, гдѣ *законъ* о печати невозможенъ...

III.

Если же таково собственно юридическое положеніе теперешней печати, то можно себѣ представить нашу житейскую практику. Вѣдь практика совершается гораздо проще, чѣмъ законодательное творчество, представляя широкое поле личной изобрѣтательности. Если законодательныя ограниченія оказываются тяжеловѣсными, то на выручку являются такого рода изобрѣтенія, которыя сводятъ къ нулю всѣ ограниченія, вмѣстѣ взятыя, съ большей легкостью, чѣмъ даже росчеркъ пера.

Вотъ гдѣ бѣглаго взгляда достаточно для того, чтобы увидѣть возстановленными всѣ тѣ прежніе признаки прежняго вреднаго направленія, которое не было „никакой возможности даже приблизительно определить"— даже по признанію прежняго цензурнаго вѣдомства. Недаромъ почти повсюду дѣйствуютъ исключительные законы у насъ, значеніе которыхъ именно въ томъ состоитъ, что не исключительные законы при нихъ какъ будто атрофированы. Оказывается, въ настоящее время при всемъ упраздненіи цензуры наши изданія уже дѣлятся на двѣ не такъ ужъ несравнимыя по численности категоріи—изданій подцензурныхъ и безцензурныхъ.

„Цензура формально не существуетъ,—пишутъ изъ Екатеринослава,— но она возстановлена взаимнымъ соглашеніемъ редакторовъ, издателей и „инспектора печати". Иного выхода нѣтъ: иначе надъ газетой виснетъ ежедневно дамокловъ мечъ—3000-наго штрафа... Результатомъ подчиненія цензорскому усмотрѣнію является то, что никакихъ статей по общимъ политическимъ вопросамъ печатать невозможно... Попытки самыхъ скромныхъ quasi-эзоповскихъ откликовъ на текущія темы потерпѣли полное фіаско. Урѣзанныя до крайности самой редакціей статьи петербургскихъ сотрудниковъ систематически вычеркиваются цензоромъ". Даже сопоставленіе цифръ выборщиковъ или критика земскаго съѣзда въ Москвѣ вычеркиваются цензурой [1]). Тоже въ „Дневникѣ Казани". Въ Архангельскѣ

[1]) „Рѣчь", 22 іюня.

номеръ „Сѣвернаго Листка“ выпущенъ съ предварительнымъ просмотромъ. Въ Царицынѣ введена цензура на телеграммы корреспондентовъ, адресуемыхъ на имя столичныхъ и провинціальныхъ газетъ по приказу губернатора. Исходящія корреспондентскія телеграммы предварительно просматриваются старшимъ и завѣдующимъ, а затѣмъ содержаніе ихъ телеграфируютъ г. полицiймейстеру.

Да, свобода печати, возвѣщенная гр. Витте, такъ сладка, что, если начальство само не возвращаетъ изданія къ былому statu quo, то изданіе само начинаетъ вопить о несвободѣ.

Нельзя ни къ чему примѣниться, нельзя ничего предвидѣть. Мысль не можетъ опредѣлить, какія двери отворены ей, какія полуотворены. Дѣятель печати не можетъ знать, что ему принадлежитъ по праву даже въ той узенькой полосѣ, которая ему отведена закономъ. Во всемъ бюрократическомъ механизмѣ нашего государства ни одна сторона человѣческой дѣятельности не поставлена въ такія неопредѣленныя условія, какъ „свободная“ печать. И выходитъ, что иного выхода нѣтъ. Правда, подцензурное изданіе находилось въ еще большей зависимости, правила, которыми руководился отдѣльный чиновникъ, представляли еще большій просторъ его личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Онъ могъ вычеркивать и цѣлыя статьи, и отдѣльныя фразы, и слова, хотя бы смыслъ статьи не только терялся, но прямо измѣнялся. Идя ощупью, слѣпо довѣряясь однимъ внѣшнимъ признакамъ фактовъ, эти чиновники, особенно провинціальные, не склонны руководиться какимъ-либо критеріемъ, и это начало, ложась въ основу цѣлаго порядка, создавало какую-то фантастическую обстановку. Но пусть фантастична... Зато, по крайней мѣрѣ, ни тюрьма, ни сума пока что. Хорошо еще, если начальство снисходитъ и удовлетворяетъ просителей. А то извольте, напр., „Кіевскій Голосъ“ просилъ генералъ-губернатора даровать ему предварительную цензуру. А ген.-губернаторъ отказалъ, хотя, согласно дѣйствующему въ Кіевѣ военному положенію, онъ имѣлъ полное право разрѣшить...

Характеръ „явочнаго“ порядка въ свою очередь явствуетъ, напр., изъ ходатайства П. М. Клуннаго о разрѣшеніи издавать ему въ г. Зѣньковѣ, Полтавской губерніи, подъ его редакторствомъ газету „Зѣньковскій Гражданинъ“ на русско-украинскомъ языкѣ. Ему отвѣтили такъ, какъ отвѣчали приблизительно 10—20 лѣтъ назадъ,—для управленія краемъ газета не нужна... [1]).

Не лучше дѣло обстоитъ съ компетенціей суда. Разсужденія администраціи, какъ выражается одинъ корреспондентъ, столь же кратки, сколько рѣшительны. Вѣдь гораздо проще, а, главное, скорѣе обратиться къ „своимъ средствамъ“, вродѣ начальника новочеркасскаго желѣзнодорожнаго

---

[1]) „Утро“ отъ 16 іюля.

депо, который вывѣсилъ объявленіе объ увольненіи съ отдачей подъ жандармскій надзоръ лицъ, дающихъ газетамъ свѣдѣнія [1]). Губернаторы сплошь и рядомъ такъ и поступаютъ, требуя отъ мѣстныхъ газетъ списокъ всѣхъ сотрудниковъ, которыхъ они въ каждый данный моментъ могутъ выслать въ административномъ порядкѣ [2]). Владѣльцы типографій, терроризированные, запуганные, должны отказываться отъ прогрессивныхъ изданій, дать подписку, что газеты въ нихъ печататься не будутъ. Конечно, это въ нѣкоторомъ родѣ частности съ нѣкоторыми признаками законности. Но вотъ во всѣхъ городахъ издаются „обязательныя постановленія", незаконность коихъ стоитъ уже внѣ всякаго сомнѣнія даже съ точки зрѣнія русской законности, которыя т. н. судебный способъ преслѣдованія ложныхъ слуховъ, восхваленія преступнаго дѣянія и т. п. окончательно замѣняютъ усмотрѣніемъ администраціи. Судебный порядокъ, въ концѣ концовъ, не пришелся по вкусу вершителямъ писательскихъ судебъ, и вотъ сразу во всей странѣ,—изъ чего ясно, что инціатива принадлежитъ не мѣстнымъ властямъ, а центральнымъ—вводится новая цензура съ той лишь разницей, что прежняя исходила изъ лона цензурныхъ комитетовъ, а эта сосредоточена непосредственно въ рукахъ полиціи. Кара, налагаемая судомъ,—крѣпость или тюрьма—не отмѣняется, но вмѣсто судебной инстанціи—коронного суда—ее назначаетъ полицейская власть. Разница только въ томъ, что каждому редактору каждый администраторъ предлагаетъ съ своей точки зрѣнія откупиться, то есть внести извѣстную сумму въ видѣ штрафа. Обязательныя постановленія такъ и назначаютъ даже свои таксы—въ столицахъ пощедрѣе, въ провинціальныхъ городахъ сдержаннѣе. Даже судебная практика послѣднихъ полутора лѣтъ, упрятавшая все, что есть наиболѣе виднаго въ русской журналистикѣ, въ тюрьму или подполье, вызвала недовольство въ бюрократическихъ сферахъ, и она наполовину упразднена.

Примѣняются отмѣненныя статьи о воспрещеніи печати касаться тѣхъ или другихъ вопросовъ, примѣняются любымъ начальствомъ по любому поводу. Одной газетѣ воспрещается писать о тюрьмахъ, другой—о карательныхъ экспедиціяхъ, третьей—о ливдваліадѣ, четвертой—о земскомъ съѣздѣ,—всего не перечтешь. „Нижегородская Земская Газета" оштрафована за то, что книгу Лабеле „Принцъ-собачка", вышедшую въ свѣтъ и свободно продававшуюся въ магазинахъ, осмѣливалась рекомендовать для каждой сельской библіотеки [3]). Въ „Дневникѣ Казани" достаточно „хроники рабочаго и профессіональнаго движенія", состоящей изъ однихъ перепечатокъ изъ столичныхъ газетъ, чтобы объявить газету крамольной. Крамольными оказываются даже объявленія о назначеніи

---

1) „Новая Книга", № 4.
2) Напр., симферопольскій губернаторъ.
3) „Русь", отъ 15 іюня.

собраній мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ [1]). „Орловскій Вѣстникъ" подвергся карѣ буквально за слѣдующія строчки: „Намъ передають, что торговецъ квасомъ и водами у Баннаго моста со стороны второй части собирается подать въ городскую управу заявленіе о разрѣшеніи перенести лавочку на другую сторону моста (со стороны 3-ей части), потому что вторая часть воспрещаетъ торговать въ праздничные дни, тогда какъ въ 8-ей части, согласно обязательному постановленію, торговля такими продуктами не возбраняется". Губернаторъ усмотрѣлъ въ этихъ строкахъ ни болѣе, ни менѣе, какъ „распространеніе ложныхъ въ отношеніи обязательныхъ постановленій городской думы свѣдѣній, направленныхъ противъ чиновъ полиціи, возбуждающихъ въ торговомъ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе"! Въ обвинительные пункты противъ „Паруса" включены были, кромѣ перепечатокъ, выводы о подъемѣ новымъ избирательнымъ закономъ шансовъ октябристовъ и союзниковъ; о бракѣ, какъ одной изъ формъ гражданскаго договора; о необходимости напряженія оппозиціонныхъ силъ въ виду роспуска съ измѣненіемъ избирательнаго закона; о вѣрѣ въ безсмертную силу народнаго духа и пр. „Русскія Вѣдомости" оштрафованы за перепечатку изъ „Слова".

Словомъ,—глумленіе, которому подвергается теперь печать, превосходитъ всѣ примѣры добраго стараго времени. Кары, висящія въ воздухѣ, сваливаются неизвѣстно, когда и за что. Малѣйшая попытка независимаго сужденія является уже угрозой для общественной безопасности. Бюрократія требуетъ или хвалы и одобренія себѣ—заставилъ же Думбадзе прогрессивную газету перепечатать хвалебную статью о себѣ изъ „Московскихъ Вѣдомостей"—или молчанія, и только мнѣніе, такъ или иначе замаскированное, но все же мнѣніе, которое выдаетъ себя за единственно непогрѣшимый авторитетъ государственной мудрости, которое умышленно замалчиваетъ все, что противорѣчитъ этому догмату, которое избѣгаетъ честной полемики, старается набросить неблаговидную тѣнь на воззрѣнія и побужденія противниковъ, пользуется всей мѣрой той свободы, которая можетъ быть въ самомъ дѣлѣ названа дѣйствительной...

Наша администрація такъ же цѣнитъ вліяніе газеты теперь, какъ оцѣнивалъ въ свое время одинъ изъ великихъ ненавистниковъ Наполеонъ I, который сознавался, что четыре враждебныхъ газеты могутъ нанести его порядку болѣе чувствительный уронъ, чѣмъ 100.000 солдатъ въ открытомъ бою. Такъ же думаютъ наши большіе и малые чиновники, махая направо и налѣво уже даже не цензирующимъ карандашомъ, а шашкой...

И прежде бывали случаи окончательнаго прекращенія періодическихъ изданій по требованію администраціи. Что ни годъ, то два-три-четыре изданія, не сумѣвшихъ „соблюсти" себя въ рядахъ своихъ дрожащихъ

---

[1]) „Русь" отъ 24 іюня.

собратьевъ, побѣдить голосъ сердца, потушить жажду мало-мальски самостоятельной рѣчи. Тутъ фигурировали и старички, и молодежь. При общей малочисленности прежнихъ изданій эти покойники составляли даже столь значительный процентъ, что, глядя со стороны, могло казаться, что передъ нами не предпріятія, обезвреженныя въ политическомъ отношеніи, а настоящіе внутренніе враги, только и занимающіеся, что потрясеніемъ [1]). Но если такъ было прежде, то что же при такихъ условіяхъ должно было получиться послѣ явочнаго порядка, когда изданія стали расти, какъ грибы послѣ дождя, и не въ качествѣ предпріятій, обезвреженныхъ политически, а настоящихъ партійныхъ органовъ, называющихъ все своимъ именемъ? Печать буквально истекала кровью, какъ истекала ею вся страна.

Если прекращеніе изданія равносильно прямо уничтоженію очень цѣннаго имущества—для крупнаго общественно-политическаго органа въ наше время, даже въ случаѣ успѣха, требуются нерѣдко сотни тысячъ рублей, то и временныя остановки и штрафы причиняютъ крупный ущербъ изданію. Журналы и газеты, какъ прочія наши капиталистическія предпріятія, строятся на началахъ кредита. Какой же капиталистъ станетъ ссужать деньги подъ дѣло, которое оказывается столь шаткимъ, столь зависимымъ отъ перваго бюрократическаго усмотрѣнія, которое, даже пользуясь тѣмъ, что ему принадлежитъ сегодня, въ лицѣ своего хозяина не можетъ быть увѣрено, что не совершаетъ проступка, за который завтра понесетъ окончательную кару?.. Вѣдь самая тяжкая кара—уничтоженіе самаго предпріятія—совершается сейчасъ съ такой легкостью, съ какой 5—6 лѣтъ назадъ дѣлались предостереженія, одна изъ распространеннѣйшихъ административныхъ каръ того времени, или воспрещеніе розничной продажи. Изъ всѣхъ вновь возникшихъ въ началѣ изданій трудно указать газету, которая дожила до нашихъ дней. Пробовали мѣнять названія, и дѣйствительно нѣкоторое время это помогало. Недаромъ были газеты, которыя не меньше гордились десятками своихъ именъ, чѣмъ подсудные литераторы десятками своихъ „дѣлъ". Но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ это было замѣчено, и „фальсификаціи" положенъ конецъ. Теперь мы присутствуемъ при цѣломъ рядѣ аналогичныхъ дѣлъ. Издателямъ, разореннымъ за то, что они пытались въ той или иной формѣ удовлетворить своихъ подписчиковъ, обезпечить своихъ сотрудниковъ и наборщиковъ новымъ предпріятіемъ, грозитъ еще испытать тюрьму, крѣпость или штрафъ за.. подлогъ...

Всѣ эти покойники—не соціалисты уже, не ахти даже какіе радикалы. Крайнихъ лѣвыхъ газетъ уже давно не существуетъ. Попытки

[1]) См. книгу, заведенную съ 1865 г. и заполненную административными взысканіями по дѣламъ печати.

культивировать социалъ-демократическія газеты, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и провинціи—Баку, Тифлисѣ, Симферополѣ, Полтавѣ постигла давно плачевная участь. Огромное же большинство газетъ, которыя девяносто девятый разъ влѣзаютъ на стѣну, чтобы девяносто девять разъ упасть съ нея,—это газеты или кадетскія, или безпартійно-прогрессивныя. Болѣе того, въ Варшавѣ по распоряженію генералъ-губернатора закрыта польская газета, редактировавшаяся предсѣдателемъ польскаго коло въ Думѣ Дмовскимъ и являвшаяся оффиціозомъ польской „народовой партіи“ [1]). Вотъ образчикъ закрытія газеты: „Сегодня“ (18 іюня) хозяинъ типографіи поѣхалъ къ губернатору для окончательныхъ объясненій,—пишутъ изъ Перми.—Молча составъ редакціи приводитъ въ окончательный порядокъ газетное дѣло,—какъ будто хоронитъ свое дѣтище. Молча у типографіи толпятся рабочіе—мужчины и дѣвушки; одни сидятъ, прислонившись къ забору, другіе стоятъ у дверей и ждутъ съ ранняго утра. Всѣ дождались: типографія распечатана на два дня, а потомъ будетъ закрыта на неопредѣленное время. А по уѣзднымъ городамъ и деревнямъ привычный читатель ждетъ свою газету, ждетъ извѣстій о Думѣ, о роспускѣ, о какомъ-то новомъ избирательномъ законѣ, о событіяхъ въ Россіи“... [2]).

Таковы законодательныя санкціи, такова самая практика свободы печати въ несвободной странѣ.

Мудрено ли, если уже создалось нѣчто, прямой связью съ жизнью не соединенное, если мнѣнія опять тлѣютъ въ тѣхъ самыхъ кружкахъ и мѣстечкахъ, гдѣ получили свое развитіе, не создавая сильныхъ логическихъ строкъ, если создалась та же опредѣленная азбука, которая передавалась по наслѣдству, если уже опять выдвигаются люди, которые служатъ печати не тѣми аргументами, которые убѣдили ихъ самихъ, а какими-то „соображеніями“? Можетъ ли крѣпнуть, расти начинаніе, когда трепетъ передъ возможной карой дѣлается второй природой, когда дѣйствительные помыслы, дѣйствительныя стремленія наглухо закрываются и запечатываются? Человѣкъ не въ состояніи даже задуматься надъ своей отвѣтственностью передъ читателемъ, такъ какъ онъ не столько долженъ сообразоваться съ потребностями читателя, сколько съ требованіями обязательнаго постановленія. Дѣятельность при такихъ условіяхъ оказывается сплошь и рядомъ столь тягостной, что сотрудники, руками которыхъ складывалась книжка за книжкой, листъ за листамъ, которые, можетъ быть, пользуясь тѣми минутами, которыя уже выпали на долю русскаго писателя, не одну душевную мысль вложили въ эти страницы, не одной слезой омочили ихъ, что сотрудники—говорю я—бывали прямо рады, когда окон-

---

1) „Товарищъ“ отъ 24 іюля.

2) Ibid, отъ 24 іюня.

чательная кара разражалась, наконецъ, или они сами, подобно „Воронежскому Слову“, приходили къ рѣшенію, что „дальнѣйшее продолженіе изданія газеты, уважающей себя и своего читателя, немыслимо“ [1]).

IV.

Ясно, какъ Божій день: правительственный терроръ, примѣняющійся къ изданіямъ всѣхъ политическихъ оттѣнковъ, исключая органовъ гг. Грингмутовъ и Мещерскихъ [2]), въ состояніи убить самъ по себѣ всякую мысль, всякую энергію, заставить отказаться писателя отъ своей воли, сдѣлаться автоматомъ. Что вчера возбуждало похвалу, то сегодня вызываетъ порицаніе—гдѣ тотъ геній, который распутаетъ этотъ узелъ, выйдетъ изъ заколдованнаго круга?

Но... *можетъ* убить... Однако, не все то, что вѣрно въ наше время, вѣрно было въ минуты, когда—какъ циркуляръ ни требовалъ во что бы ни стало молчанія, читатель тоже во что бы то ни стало вопіялъ: „говори!“, когда волна слова бѣжала, то расширяясь, то суживаясь, наполняя живой водой тѣхъ, „чьи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусства, въ науки“, какимъ-то непостижимымъ путемъ перепрыгивая всѣ запруды...

Давно извѣстно, что еще ни одинъ декретъ ни одного жизненнаго запроса не отмѣнилъ, когда этотъ запросъ кричалъ самъ за себя. Никакіе циркуляры не были въ состояніи предупредить то, что является результатомъ законовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ начальственными усмотрѣніями. Не политика начальства опредѣляетъ ходъ жизни, а наоборотъ—кто бы ни олицетворялъ собой правящія сферы, какія бы вожделѣнія они ни питали въ тайникахъ души, какъ бы ни пытались осуществить ихъ вовнѣ, жизнь,—этотъ творецъ, не знающій равнаго себѣ, если только былъ на-лицо матеріалъ, изъ котораго она обычно черпаетъ свою энергію, свои силы, разстраивала всѣ ихъ разсчеты, какъ карточные домики, для которыхъ достаточно одного дуновенія вѣтра; взамѣнъ каждой снятой головы рождала сотни новыхъ, еще болѣе крѣпкихъ, еще болѣе свѣжихъ, и зрѣлъ, все зрѣлъ рядъ вопросовъ, которые общество, въ лицѣ своихъ лучшихъ работниковъ, выдвинуло на очередь до тѣхъ поръ, пока не сплелись въ такой узелъ, который можно лишь разрубить, но не развязать... Эта истина, вѣрная вообще, не менѣе вѣрна въ частности—по отношенію къ прошлому нашей печати, о которой мы говоримъ. Каковы бы ни были драконы, стоящіе на стражѣ, въ нихъ ничего метафизическаго нѣтъ и не будетъ. Интересъ печатнаго слова—прежде всего интересъ къ жизни, имен-

---

[1]) См. послѣдній 121 номеръ газеты.

[2]) Исключительные случаи привлеченія «Вѣча» не могутъ же идти въ счетъ: «ёнъ достанетъ» съ другого конца.

но—къ общественной жизни. Если день за днемъ течетъ по заведенному, если во всемъ, что дѣлается, искры Божіей не стало, не стало интенсивной жизни, то нѣтъ мѣста и текущему умственному интересу. И наоборотъ: гдѣ бы эти интересы ни имѣли себѣ мѣста, ключъ къ нимъ лежитъ не въ благоволеніи начальства прежде всего, а въ общественномъ характерѣ момента.

Если законодательство о печати нельзя разсматривать, какъ самодовлѣющее нѣчто, а лишь въ связи съ общей государственной машиной въ ея практическомъ примѣненіи, то тѣмъ болѣе психологію прессы—ея растерянность и безсиліе—слѣдуетъ искать не въ давленіи этой машины, а глубже—въ той плоскости, которой суждено выносить на своихъ плечахъ и давленіе по дѣламъ печати, и давленіе вообще, — въ соціальныхъ настроеніяхъ.

Мнѣ припоминается этотъ другой,—правда, непродолжительный, всего сорокадневный періодъ печати,—этотъ другой „текущій моментъ", когда всѣ, какъ будто по мановенію жезла, рѣшили дѣйствовать, какъ если бы дѣло шло въ свободномъ государствѣ. Манифестъ 17 октября собственно свободы печати не возвѣщалъ. Правда, оффиціальное петербургское телеграфное агенство, по указанію свыше, черезъ 2 дня послѣ него разъяснило, что подъ свободой слова подразумѣвается, очевидно, „свобода какъ изустнаго, такъ и печатнаго слова, какъ это, впрочемъ, съ большой подробностью изложено во всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря графа Витте". Но, во-первыхъ, вмѣстѣ съ манифестомъ циркулярное распоряженіе рекомендовало цензорамъ избѣгать лишь „всякаго рода справедливыхъ нареканій", но отнюдь не считать свои функціи упраздненными; во-вторыхъ, періодъ, когда печать стала по долгу чести и совѣсти высказывать все, что ставилъ на очередь моментъ, начался еще до манифеста 17 октября.

Какъ же, вопреки цензурѣ, еще не только не упраздненной фактически, но призванной къ исполненію своихъ обязанностей особыми циркулярами, союзы печати, объединившіе всѣ ежедневныя изданія и многіе еженедѣльники и ежемѣсячники, съ одной стороны, всѣ книгоиздательства—съ другой, отстаивали себя?

Правительству гр. Витте пришлось прямо очутиться по опубликованіи манифеста передъ фактической свободой печати. Ни одна газета, ни одинъ журналъ не были представлены въ цензуру. Всѣ какъ-то вдругъ вспомнили, что за непредставленіе номера въ цензуру по закону полагается всего какой-то ничтожный штрафъ... Но дѣло было еще не столько въ тѣхъ, на чьей обязанности было представлять номера въ цензуру, сколько въ тѣхъ, кто печаталъ ихъ собственными руками. Вотъ какого рода постановленія выносили рабочіе печатнаго дѣла:

1. Потребовать отъ владѣльцевъ типографій, чтобы они печатали все

безъ исключенія, не входя ни въ какія сношенія съ цензурнымъ вѣдомствомъ. Подвергнуть бойкоту тѣхъ изъ нихъ, которые откажутся отъ исполненія этого требованія.

2. Самимъ типографскимъ рабочимъ не печатать никакихъ произведеній, прошедшихъ черезъ цензуру, и бойкотировать тѣхъ изъ своей среды, которые не будутъ этого выполнять, не принимая ихъ въ союзъ и добиваясь ихъ увольненія изъ всѣхъ типографій.

3. Обратиться ко всѣмъ литераторамъ и къ обществу съ призывомъ бойкотировать тѣ изданія, типографія и книжные магазины, которые считаются съ цензурой... [1]).

Такъ постановили рабочіе. Но было бы ошибкой думать, что эти постановленія могли встрѣтить со стороны хозяевъ печатнаго дѣла противодѣйствіе. Наоборотъ, весь смыслъ момента былъ въ своеобразномъ единеніи, охватившемъ въ одно и то же время и предпринимателей, и рабочихъ этой области производства.

Резолюція петербургскихъ книгоиздателей того времени по своей категоричности немногимъ отличалась отъ постановленія рабочихъ печатнаго дѣла. Входя въ ихъ „союзъ для борьбы за свободу печати", каждый книгоиздатель обязывался не только прекратить всякія сношенія съ цензурнымъ вѣдомствомъ, но и бойкотировать и тѣ типографіи, которыя откажутся исполнять это постановленіе, и тѣ книжные магазины, которые будутъ брать къ себѣ для продажи изданія, прошедшія черезъ цензуру, даже тѣ органы изданія, которые дадутъ у себя мѣсто для публикацій или отзывовъ процензированнымъ изданіямъ. Войдя въ сношенія со всѣми обществами, причастными къ печатному дѣлу для совмѣстной борьбы за осуществленіе свободы печати, союзъ вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержки работниковъ печатнаго дѣла, могущихъ пострадать при проведеніи его цѣлей, учредилъ особый фондъ изъ единовременныхъ и экстренныхъ членскихъ взносовъ [2]).

Этотъ планъ дѣйствій былъ принятъ и одобренъ московскимъ союзомъ издателей.

Упраздненіе цензуры стало совершившимся фактомъ. Не только петербургскія и московскія газеты, но и саратовскія, одесскія и пр. перестали бормотать на своемъ эзоповскомъ языкѣ и заговорили мужественнымъ, пламеннымъ языкомъ. Появились соціалъ-демократическіе и соціалъ-революціонные органы, которые до тѣхъ поръ влачили свое существованіе въ подпольѣ, съ нечеловѣческой энергіей пробивая себѣ дорогу къ тѣмъ, чьи интересы выставлялись на ихъ знаменахъ. Издательства спѣшили взять изъ цензурнаго комитета тѣ рукописи, которыя еще до того были

[1]) „Правда", 1905 г., № 12.
[2]) См. „Новая Жизнь", 1 сент. 1905 г.

переданы туда на разсмотрѣніе. Свобода состояла не только въ игнорированіи цензуры, но въ безпрепятственномъ распоряженіи орудіями производства со стороны типографій.

Итакъ, цензура юридически существовала,—она тотчасъ же и вступала въ свои права, какъ только оказывалась гдѣ-либо возможность,—цензура была во цвѣтѣ своихъ полномочій, готовая каждую минуту замахнуться краснымъ карандашомъ надъ всѣмъ, что мыслитъ и выражаетъ свои мысли, и тѣмъ не менѣе, ея не было. Всѣ статьи, карающія, сажающія, ссылающія стояли на своихъ мѣстахъ, и тѣмъ не менѣе ни одна типографія не закрывалась, ни одинъ сотрудникъ не высылался, хотя на страницахъ газетъ и журналовъ развивались такія мысли, которыя, по выше цитированному выраженію, были опаснѣе 100.000 солдатъ для нашихъ тогдашнихъ наполеоновъ.

Чѣмъ же объясняется это противорѣчіе? Очень просто. Оно кажущееся. Это строительство въ области печати ничего самостоятельнаго не представляло. Оно было лишь отдѣльнымъ эпизодомъ всего типа тогдашняго строительства русской жизни въ цѣломъ, можетъ быть, наиболѣе цѣлостно и ярко вылившимся благодаря особымъ, ему только свойственнымъ, условіямъ... Жизненная энергія дошла до высшей точки кипѣнія, освободительныя силы страны, тѣ, что бродили раньше гдѣ-то въ глубинѣ, куда такъ трудно проникнуть непосвященному взгляду, какъ-то вырвались наружу, раздались и вширь, и вглубь, и печать раздвинулась вширь и вглубь...

Эта печать не была deus ex machina не только потому, что она была частнымъ случаемъ. Нѣтъ, весь общественный подъемъ, весь приливъ свѣжихъ силъ, бодрыхъ настроеній, боевой энергіи не создался сразу, а подготовлялся съ особой энергіей еще съ половины 1904 года. Готовился онъ исподволь, отражая всѣ колебанія общей атмосферы и въ печати. Какъ живые, встаютъ въ моей памяти дни, когда возникала „Наша Жизнь". г. Ходскаго, когда все было полно впечатлѣній отъ резолюцій, вынесенныхъ первымъ общеземскимъ съѣздомъ, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ въ рѣчи къ своимъ сотрудникамъ, выясняя направленіе, котораго онъ намѣренъ держаться, заявилъ, что „плодотворность правительственнаго труда основана на искренне-доброжелательномъ и искренне-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и населенію". Ничего г. Святополкъ-Мирскій не измѣнилъ своей диктатурой сердца въ отношеніи къ народу и его учрежденіямъ [1]). Но въ самомъ народѣ и его учрежденіяхъ работа шла. Новыя теченія, новыя направленія, масса слуховъ, масса предположеній, то подтверждающихъ, то опровергающихъ одни и тѣ же ожиданія,—все, можетъ быть, еще не яркое, но полное

[1]) Она закончилась днемъ 9 января.

какой-то живой тревоги какъ-то само собой проникало на столбцы печати, никого не спрашиваясь. Кругомъ образовывались какіе-то новые круги читателей, слѣдящихъ за ходомъ государственной машины особенно остро, толкующихъ ея обороты подъ постояннымъ угломъ зрѣнія. Общегосударственные вопросы заволновали такіе элементы, которые только выступили на читательскую арену, которые мы привыкли только считать объектомъ своихъ думъ и заботъ. Не та статья уже пользуется успѣхомъ, которая витаетъ въ области „чистаго разума", и не та, которая строитъ воздушные замки изъ песчинокъ, а статья, ставящая точку надъ *i*, направленная на разрѣшеніе очередной задачи, являющаяся отголоскомъ партійныхъ круговъ. Учитель, агрономъ, чернорабочій, люди высшихъ круговъ, люди низшихъ круговъ, люди, сидящіе по „своимъ" угламъ, люди, занятые „своимъ" дѣломъ,—все это мало-по-малу, незамѣтно для себя, самой логикой вещей втягиваясь въ атмосферу, столь же далекую отъ своего угла, какъ отъ своего дѣла, начинало вопить газетѣ: „говори!" И хотя сверху раздавался тотъ же окрикъ: „молчи!", но—неизвѣстно, какъ это выходило,—а газета все же не молчала, а такъ или иначе говорила.

Еще ярче окрашивается этотъ процессъ—процессъ своего рода освобожденія печати—послѣ 9 января, событія, которое, какъ это ни странно, контрабанднымъ путемъ, а все-таки проникло въ печать въ довольно широкихъ чертахъ, а, разъ проникнувъ, уже самымъ этимъ фактомъ еще болѣе раздвинуло традиціонныя рамки. А тутъ на сцену появился день 18 февраля, свидѣтель двухъ столь противоположныхъ актовъ государственной важности, давшій основу, изъ которой могли исходить самые умѣренные органы печати въ критикѣ существующаго порядка и требованій реформъ. Правительство дѣлаетъ новыя усилія, чтобы удержать свое statu quo по отношенію къ печати—однимъ циркуляромъ запрещаетъ касаться состоявшагося общеземскаго съѣзда (въ апрѣлѣ), другимъ—готовящагося съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей (въ маѣ), третьимъ—союзовъ и собраній, не разрѣшенныхъ администраціей, или резолюцій и постановленій всякаго рода; подтверждаетъ воспрещеніе всякаго рода извѣстій о стачкахъ, забастовкахъ, аграрномъ движеніи, сопротивленіяхъ властямъ и пр., тутъ же направо и налѣво сыплетъ карами, какъ изъ рога изобилія. Но ничего эти кары не отмѣняли, такъ какъ для того, чтобы остановить процессъ освобожденія печати, онѣ должны были прежде оборвать тѣ нити, которыя связывали ее съ жизнью, пришедшей въ движеніе, а вмѣстѣ съ ними все, что было втянуто уже въ общій водоворотъ. Но пока бюрократія собиралась съ силами, чтобы нанести этотъ ударъ, она осталась безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ воды, безъ освѣщенія. Такъ мы подошли къ сорокадневной свободѣ печати.

И вотъ прошло полтора года, и тѣ, кто возвѣщалъ о „свободѣ какъ изустнаго, такъ и печатнаго слова", опять согнули ее въ бараній рогъ,

опять выжали изъ нея тѣ соки, безъ которыхъ немыслима не только свободная, но прямо никакая печать. Печать возвращается къ тому состоянію, какое мы видѣли до освободительной волны... Могло ли бы это быть, если бы здѣсь дѣйствовали однѣ репрессіи? Нѣтъ, эти репрессіи никогда не прекращались. Не прекращались онѣ и въ періодъ освободительнаго роста печати. Но въ томъ-то и дѣло, что бюрократическое творчество даетъ свои всходы только тамъ, гдѣ оно встрѣчаетъ не приливъ энергіи, а отливъ, не подъемъ общественныхъ силъ, а упадокъ, не молодой порывъ, а равнодушіе...

Уныніе и индифферентизмъ, царящіе въ теперешней печати, являются отраженіемъ тѣхъ настроеній, которыя сейчасъ переживаютъ общественные слои, служащіе ей опорой. Освободительное движеніе распылилось, свернуло временно съ большой дороги наименьшаго сопротивленія на проселочныя дорожки, и линія печати оборвалась, пошла на встрѣчу поднявшей голову реакціи, изъ прямой и крѣпкой, какъ хорошо натянутая струна, стала вялой и безформенной, какъ тряпка. Мы идемъ назадъ къ тому, что уже разъ миновали, и если намъ суждено дойти въ этомъ отступленіи вплоть до самаго бутурлинскаго комитета, настаивавшаго, какъ извѣстно, даже на вырѣзкѣ нѣсколькихъ стиховъ изъ акаѳиста Покрову Пресвятой Богородицы, когда спеціалисты, чтобы обойти стѣснительные законы о цензурѣ, вынуждены были ссылаться вмѣсто свода законовъ... другъ на друга [1]), то объясненія искать придется прежде всего въ томъ общественномъ настроеніи, которое вынесетъ его на своемъ горбу...

V.

Что же дальше? Вѣдь все имѣетъ свои границы въ общественной эволюціи, и подобно тому, какъ нельзя было Россіи восьмидесятыхъ годовъ крикнуть: „всспрять“, такъ нельзя Россіи, пережившей послѣдніе три-четыре года, сказать: „остановись“, ибо историческая инерція есть орудіе обоюдоострое.

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я остановлюсь на одномъ историческомъ примѣрѣ, чрезвычайно ярко иллюстрирующемъ то, что дѣлается на нашихъ глазахъ. Я имѣю въ виду положеніе печати во время австрійской революціи 1848 года [2]).

Вѣдь прошлое учитъ, не только собственное прошлое, но и прошлое другихъ странъ...

Какъ у насъ въ до-октябрьской Россіи, такъ тамъ въ до-мартовской Австріи одна газета должна была походить на другую, исповѣдуя тѣ же взгляды,

[1]) См. объ этомъ у Джаншіева въ „Эпохѣ великихъ реформъ“.

[2]) См. Л. Соколовскій. „Роль печати во время австрійской революціи“. „Міръ Божій“, 1905 г., № 12., изъ которой мы заимствуемъ данныя.

тѣ же вкусы, точнѣе—то же отсутствіе мыслей и вкусовъ, такъ какъ писатели могли видѣть только сны безъ цензуры. И тамъ революція предшествуютъ протесты писателей, издателей, цѣлыхъ учрежденій. Когда во Франціи, Баваріи, Саксоніи разражаются революціи, австрійскія власти еще „слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никакія стремленія къ перевороту не нарушали правового порядка". Но жизнь сильнѣе—лихорадочная дѣятельность растетъ, а вмѣстѣ съ ней требованіе свободы печати обходитъ всѣ союзы, собранія, клубы, становится все громче и громче, отдаваясь, какъ эхо, въ провинціи. 13 марта, наконецъ, когда сеймъ обсуждалъ адресъ императору, во дворѣ сейма собралась огромная толпа, которая выставила своимъ главнымъ требованіемъ свободу печати. И вотъ на улицахъ австрійской столицы распространяется слѣдующее оффиціальное сообщеніе: „Его Величество соблаговолило отмѣнить цензуру и опубликовать законъ о печати". Сходство даже въ внѣшнихъ чертахъ. Я выше отмѣтилъ, что въ манифестѣ 17 октября не было упомянуто собственно о печати. То же и здѣсь. Въ самомъ императорскомъ манифестѣ не было упомянуто о свободѣ печати. Когда недовѣріе къ манифесту стало расти вслѣдствіе этого, новый императорскій декретъ заявилъ: „Свобода печати, посредствомъ нашей декларации объ отмѣнѣ цензуры точно такъ же гарантирована, какъ и въ другихъ государствахъ, гдѣ она существуетъ".

Съ этого момента вѣнская печать должна была стать свободной. Но вотъ слѣдуетъ первое покушеніе на нее. Для того, чтобы въ промежутокъ времени, пока будетъ разработанъ законъ о печати, пресса не посягала на императора, государство и религію, уже 17 марта отдается распоряженіе президенту придворной канцеляріи временно придерживаться правилъ, разработанныхъ на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ. Даже вырабатывается законопроектъ, приспособленный къ нимъ, чрезвычайно напоминающій наши правила 24 ноября, назначающій особенно тяжкія кары для тѣхъ, кто будетъ „оскорблять или осмѣивать чиновъ австрійской администраціи или ихъ дѣятельность". Этотъ законопроектъ, опубликованный 1 апрѣля, прямо вводилъ предварительную цензуру...

Законъ, конечно, вызываетъ такую бурю, что онъ почти не получаетъ силы. Въ концѣ апрѣля никому не было извѣстно, существовалъ ли этотъ законъ или нѣтъ. Этотъ хаосъ существовалъ до тѣхъ поръ, пока не разыгралась развязка, т. е. пока вѣнскій дворъ не оставилъ Вѣны и переселился въ Иннсбрукъ...

Какъ самые дни тогдашней свободной печати въ Австріи напоминаютъ нашу свободу! Съ газетами произошло тоже самое: газеты расли, какъ грибы послѣ дождя, всѣ хотѣли издавать газеты. Появились газеты всѣхъ партій, газеты, издаваемыя рабочими и ихъ организаціями. Несмотря на относительно демократическія условія, въ которыхъ пребывала вѣнская печать девять мѣсяцевъ, тѣ же массы дѣлъ подлежали разбору суда—

правда, не суда коронного, а суда присяжныхъ... Но вотъ декорація снова мѣняется: Виндишгрецъ со своими войсками медленно подходитъ къ Вѣнѣ, собирающейся оказать противодѣйствіе императорскимъ войскамъ. Онъ беретъ Вѣну, вводитъ въ ней военную диктатуру, т. е. приблизительно тѣ „исключительные" законы, которыми управляется теперь вся Россія, и для прессы объявляетъ прежнія драконовскія правила вродѣ нашихъ генералъ-губернаторскихъ обязательныхъ постановленій [1])...

Все это произошло послѣ мѣсяцевъ свободы печати... И печать недавняя прямая, мужественная и сильная, исчезла, а вмѣсто нея появилась старое жалкое бормотанье, которое по настоящему — послѣ пережитаго опыта—и печатью назвать нельзя было. Это была не столько свобода печати, сколько свобода отъ печати, ибо не было силъ, которыя могли бы въ тотъ моментъ отстоять завоеванное...

Словомъ, то же, что у насъ... И что же? Австрія осталась безъ свободы печати? Нѣтъ. Виндишгрецъ со своими войсками совершилъ тѣ дѣянія, которыя составляютъ предметъ ужаса для потомства, когда сила „закона" употреблялась на гибель самыхъ лучшихъ людей, на искорененіе самыхъ честныхъ начинаній. Дѣянія увѣнчались временно успѣхомъ, и люди погибли вмѣстѣ съ ихъ начинаніями. Тѣмъ не менѣе, прошли годы, и Австрія добилась своего: теперь австрійская печать свободна. Отмѣненъ залогъ, отмѣненъ газетный штемпель, существовавшій до 1900 г. Правда, осталось въ Австріи и понынѣ право за государственнымъ прокуроромъ конфисковать номеръ газеты, заключающій въ себѣ статью, вредную съ его точки зрѣнія, не преслѣдуя самого автора; сохранился еще и законъ, позволяющій, более или менѣе, стѣснять свободную продажу газетъ, но, вопервыхъ, статьи эти на практикѣ обходятся, во-вторыхъ, законы эти въ такой степени противорѣчатъ общему законодательству о печати въ современной Австріи, что само правительство вошло въ парламентъ съ законопроектомъ объ отмѣнѣ обоихъ затрудненій...

Поучителенъ этотъ примѣръ и для насъ... Вѣдь законы исторіи одинаковы какъ для Австріи, такъ и для Россіи. Ни тамъ, ни здѣсь сказать: „остановись" тому, что повинуется своему собственному движенію,—нельзя.

Только для тѣхъ, кто добьется свободы печати въ Россіи, не нужно быть ни такими робкими, какъ петербургскіе литераторы, подававшіе особую „записку" г. Кобеко въ 1904 г., ни столь „дѣловыми", какъ кадеты, которые еще въ первую Думу внесли свой законопроектъ о печати. „Въ общественное сознаніе, — мотивировали литераторы необходимость своихъ требованій, — все глубже проникаетъ убѣжденіе въ неотложности замѣны существующаго бюрократическаго порядка управленія болѣе совер-

[1]) Стоить сравнить, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько даже внѣшнее сходство велико.

женнымъ государственнымъ строемъ, основаннымъ на участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно-избранныхъ представителей отъ всѣхъ слоевъ народа" [1]). Теперь они могутъ убѣдиться, какъ мало этого для того, чтобы осуществленіе ихъ требованій стало необходимымъ. „Болѣе усовершенствованный порядокъ", основанный „на участіи въ осуществленіи законодательной власти" представителей отъ „всѣхъ" слоевъ народа водворенъ, его можно даже не считать отмѣненнымъ послѣ измѣненія избирательнаго закона, и тѣмъ не менѣе свобода печати остается свободой отъ печати. Не менѣе прозорливѣе уступки, которыя дѣлали кадеты въ своемъ законопроектѣ. Какъ извѣстно, въ ихъ законопроектѣ каторга, примѣнительно къ ст. 128 и 129, упоминается съ такой легкостью, что вся не только соціалистическая, но и радикальная печать назвала этотъ проектъ въ свое время каторжнымъ. Гр. Іоллосъ въ статьѣ, посвященной этому законопроекту въ сборникѣ А. А. Муханова и В. Д. Набокова „Первая Государственная Дума" пишетъ по этому поводу: „Можно, конечно, издать законъ о печати, въ которомъ не будетъ ни одного запрещенія и наказанія, но при существованіи уголовнаго уложенія это былъ бы дешевый способъ проявленія либерализма вродѣ того, который г. Суворинъ проявилъ въ комиссіи Кобеко заявленіемъ, что весь законъ о печати долженъ состоять изъ двухъ словъ: печать свободна" [2]). Какъ это ни... дешево съ кадетской точки зрѣнія, я лично не могу не признать, что если кто-либо побилъ здѣсь рекордъ въ дешевомъ либерализмѣ, то отнюдь не г. Суворинъ. Во-первыхъ, вѣдь въ Австріи въ 48 г. существовало „уголовное уложеніе", однако, добыта его свобода печати безъ... каторги; во-вторыхъ, существуетъ же Америка, законъ о печати которой состоитъ изъ „двухъ словъ" и имѣетъ „уголовное уложеніе" до сихъ поръ. Наконецъ, вопросъ даже не въ этомъ, а въ томъ, что, если суждено Россіи имѣть свободу печати, то лишь потому, что можно закрывать 100 изданій въ день, но нельзя закрыть тѣхъ жизненныхъ запросовъ, которые лежатъ въ ихъ основѣ. Жизненные запросы могутъ временно уйти въ глубину, не проявляться на поверхности, но рано или поздно они опять выплывутъ наружу, не могутъ не выплыть. А поскольку это такъ, у насъ будетъ или то, что мы видимъ приблизительно сейчасъ, или законъ о печати изъ двухъ словъ: печать свободна.

Л. Клейнбортъ.

[1]) Цит. по Е. А. Валле-де-Барръ. „Свобода" русской печати.
[2]) Выпускъ II. „Законодательная работа", стр. 189.

Журнальное обозрѣніе.

(XVII сборникъ т—ва „Знаніе". Альманахъ „Шиповника". Книга вторая. „Новое Слово". Кн. первая).

I.

Литературные сборники растутъ, какъ грибы.

Первыми появились сборники „Знанія". „Жизнь Василія Ѳивейскаго" Л. Андреева, „Вишневый Садъ" А. Чехова, „Красный смѣхъ" Андреева,—все это такія вещи, которыя были бы отмѣчены и оцѣнены независимо отъ того, гдѣ бы онѣ ни появились. Этимъ и объясняется то живое участіе, съ какимъ было встрѣчено появленіе знаніевскихъ сборниковъ. Но насколько былъ великъ интересъ къ сборникамъ, родившійся на почвѣ участія, съ которымъ встрѣчались названныя произведенія,—настолько дальнѣйшіе сборники „Знанія" стали пріобрѣтать иной роковой интересъ: въ нихъ началось безпримѣрное паденіе М. Горькаго, совершившееся на глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ возникновенія и развитія его таланта. Въ сборникахъ „Знанія" суждено было появиться всѣмъ созданіямъ знаменитаго писателя, съ которыми имя его, какъ художника, быстро померкло не въ зарѣ заходящаго свѣтила, а во тьмѣ, повисшей надъ погасшимъ свѣтильникомъ, въ которомъ не стало масла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сборники заполнялись блѣдными повѣстями и разсказами, нескладными, скучными стихами и, наконецъ, стали утрачивать всякое значеніе новизны и содержательности.

Въ этотъ роковой моментъ, какъ бы на смѣну, появились альманахи „Шиповника". Интересъ, съ какимъ была встрѣчена I-я книга „Шиповника", опять-таки не можетъ быть отнесенъ на счетъ новой книги, какъ таковой: искали не книгу, а впервые появившуюся въ ней „Жизнь Человѣка" Л. Андреева. И этому служитъ доказательствомъ то, что весь матеріалъ I-ой книги, вышедшей не такъ давно,—и проза, и стихи, и условно-символическіе рисунки, — уже теперь смѣло можно считать забытымъ, а слѣдовательно ненужнымъ и въ самомъ началѣ своего появленія. Но, такимъ образомъ, и самое появленіе альманаха ничѣмъ не оправдывается.

Появившійся II сборн. „Шиповника" составленъ изъ такихъ вещей, которыя хотя и будутъ прочтены, но врядъ ли останутся въ памяти дольше того, что уже забыто изъ I-ой книги. Причемъ оригинальныя вещи во II-ой книгѣ „Шиповника" занимаютъ только ея треть; остальная часть заполнена переводомъ, — 5-ти актной пьесой Сентъ Жоржъ Де-Буэлье „Король безъ вѣнца", которая можетъ служить образцомъ тривіальности, неожиданно возникшей на почвѣ упрощеннаго символизма.

Наконецъ, кромѣ сборниковъ „Знанія" и „Шиповника", возникаютъ еще новые товарищескіе сборники подъ наименованіемъ—„Новое слово", первая книга котораго только-что вышла.

Чѣмъ руководствовалось т—во, давая названіе „Новаго слова", рѣшить трудно. Вещи, изъ которыхъ составлена вся книга, какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по формѣ, являются, на подборъ, повтореніемъ мотивовъ, недавно перепѣтыхъ на всѣ лады. Трудно представить, чтобы въ настоящее время еще нашелся кто-либо, кому не было бы давно знакомо все, что можно найти въ злополучномъ „Новомъ словѣ". Стоитъ только перечислить разсказы, изъ которыхъ составленъ сборникъ, назвать ихъ сюжеты, — и не надо будетъ брать въ руки книгу, чтобы составить себѣ о ней совершенно ясное и вѣрное представленіе.

Въ разсказѣ „Цифры" Ив. Бунинъ говоритъ о яркости первоначальныхъ впечатлѣній, переживаемыхъ дѣтьми. Скиталецъ въ „Манифестѣ" скудными красками рисуетъ картину деревенскаго погрома, возникшаго въ моментъ наибольшаго подъема, пережитаго въ разгарѣ освободительнаго движенія. „Азорскіе острова" А. Өедорова представляютъ нѣчто весьма близкое къ открытію Америки.—„Итакъ, въ самомъ дѣлѣ, Азорскіе острова существуютъ не только въ географіи", говоритъ авторъ, и при этомъ сообщаетъ, что „люди здѣсь—какъ люди". Значительность изложенныхъ открытій врядъ ли возможно оспаривать! „Восемь лѣтъ" Н. Крашенинникова — это воспоминанія автора о пребываніи пансіонеромъ въ гимназіи. По объему—это вещь весьма солидная, по содержанію—блѣдная и вялая. Е. Чириковъ въ очеркѣ „Соломонъ и Розалія" разсказываетъ, что еврейка Розалія, принявъ крещеніе и, такимъ образомъ избавившись отъ необходимости „идти въ домъ",—получила возможность оставаться „вольной дѣвушкой"—проституткой. Передавъ эпизодъ, авторъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки освѣтить внутреннюю драму дѣвушки и свелъ дѣло къ фельетонному воплю противъ черты осѣдлости. „Мечты" Н. Тимковскаго рисуютъ шаблонную картину педагогическаго обскурантизма. С. Юшкевичъ въ разсказѣ „Панорама" даетъ безконечный рядъ блѣдныхъ образовъ, отражающихъ, по мнѣнію автора, переживаемыя еврейскимъ народомъ страданія, но страданія въ немъ нѣтъ, потому что нѣтъ жизни и красокъ, а есть одно благое намѣреніе Законченъ сборникъ неизданнымъ IV актомъ изданной пьесы С. Найденова „Дѣти Ванюшина".

Искать во всѣхъ этихъ вещахъ не только новыхъ, но даже хотя сколько-нибудь свѣжихъ словъ, — то же самое, что искать плодовъ на сучьяхъ дерева.

Посмотримъ, что дали послѣдніе сборники „Знанія“ и „Шиповника“

II.

Въ XVII сборникѣ „Знанія“ начались печататься записки В. Вересаева „На войнѣ“.

Авторъ этихъ записокъ давно извѣстенъ по своимъ „Запискамъ врача“ и болѣе или менѣе крупнымъ беллетристическимъ произведеніямъ; а имя его ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ разряду тѣхъ именъ, которыя сами по себѣ ничего не говорятъ читателю. Это даетъ право предъявлять къ автору извѣстныя требованія, которыя при всякомъ выступленіи его выражаются въ видѣ надежды найти въ новомъ произведеніи такое освѣщеніе затронутаго авторомъ вопроса, какое можетъ быть дано своеобразной личностью.

Такъ, въ данномъ случаѣ матеріаломъ новаго труда г. Вересаеву послужила война. И, казалось бы, къ этой новой работѣ авторъ не могъ приступить иначе, какъ не разрѣшивъ передъ самимъ собою прежде всего перваго по своей важности вопроса: разумно или неразумно само по себѣ то дѣло, въ рамкахъ котораго онъ взялся изобразить дѣятельность людей, т. е., что такое война?

Рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ несомнѣнно придало бы всей работѣ писателя яркое, живое и интересное освѣщеніе, безъ котораго вся его работа утратитъ почти все свое значеніе, какъ бы ни былъ собранный имъ матеріалъ богатъ и разнообразенъ по фактамъ.

Величайшее бѣдствіе—война, сама по себѣ не вторгается въ жизнь, какъ стихія. Она создается по волѣ людей; ими поддерживается и ими ведется. Это дѣло людей, съ одной стороны, тѣхъ, которые являются руководителями войны, а съ другой—тѣхъ, которые, подчиняясь волѣ руководителей, ведутъ войну.

Записки же г. Вересаева о войнѣ составлены такимъ образомъ, будто война—стихія, вліяніе которой неизбѣжно; и такимъ образомъ остается судить только о томъ, какъ вести войну и что надо дѣлать, чтобы, начавъ дѣло войны, одерживать надъ противникомъ побѣды съ наименьшей затратой силъ и энергіи.

Выходитъ такъ, что бѣдствіе войны заключается не въ томъ, что люди взаимно разрушаютъ счастье другъ друга, а въ томъ, что они дѣлаютъ это неумѣло.

Таковъ тотъ лейтмотивъ, которымъ проникнуты первые, уже вышед-

ніе, IV очерка о войнѣ. И нельзя не сказать, что бы это не налагало на записки г. Вересаева характера чего-то повисшаго въ пустомъ пространствѣ, сухого, чуждаго живому человѣческому разуму.

Такъ создается мертвое дѣло чиновника. Онъ не разсуждаетъ о томъ, насколько разумно или нѣтъ само по себѣ дѣло, которому онъ служитъ, и стремится только къ тому, чтобы порученная ему машина была всегда въ полномъ ходу, и безостановочно поглощая его трудъ, совершала бы полные обороты всего своего механизма. Машина пущена въ ходъ, рычаги плавно качаются, колеса дѣлаютъ полные обороты—и. чиновникъ удовлетворенъ. Онъ сдѣлалъ умѣло и честно свое дѣло,—а что весь ходъ машины уродуетъ жизнь не только другихъ людей, но и его самого,—этотъ вопросъ не входитъ въ кругъ его сознательной дѣятельности! И вся работа его въ живомъ человѣкѣ возбуждаетъ отвращеніе, превосходящее чувство отвращенія всего живого къ разрушительной работѣ смерти...

Записки „На войнѣ“ начинаются очеркомъ „Дома“. Здѣсь авторъ, срисовывая зыбь на поверхности народной жизни въ эпоху, когда вспыхнулъ первый пожаръ войны, заканчиваетъ свои наблюденія слѣдующими знаменательными строками:

> „Оказывалось,—говоритъ онъ,—на насъ шли несмѣтныя толпы презрѣнныхъ „макаковъ“,—на. насъ наступали стройные ряды грозныхъ воиновъ, безумно-храбрыхъ, охваченныхъ великимъ душевнымъ подъемомъ. Ихъ выдержка и организованность внушали изумленіе“.

Точно это, главнымъ образомъ, и было причиной того, что „за тысячи верстъ черезъ газетные листы какъ будто доносился запахъ растерзаннаго и обожженнаго человѣческаго мяса, призракъ какой-то огромной еще невиданной въ мірѣ бойни“. Точно если бы было иначе, если бы на насъ шли не „стройные ряды грозныхъ воиновъ“, а жалкіе дикари, то и самое бѣдствіе войны было бы не столь ужаснымъ и не столь кровавымъ.

И во всѣхъ послѣдующихъ очеркахъ, рисующихъ картины далекаго пути къ мѣсту военныхъ дѣйствій, пребываніе въ Мукденѣ, бой на Шахэ, постепенно развертывается, какъ по мѣрѣ приближенія къ боевымъ позиціямъ, неустройство, которымъ отличался весь механизмъ огромной русской арміи, на каждомъ шагу отражалось и на дѣятельности госпиталя,—такъ же точно, какъ отражается общее состояніе живого тѣла на каждой отдѣльной клѣточкѣ.

Записки г. Вересаева есть не что иное, какъ запасъ поверхностныхъ наблюденій очевидца, стоявшаго слишкомъ близко къ центру совершавшагося событія, которое настолько ослѣпило и ошеломило наблюдателя, что онъ уже не въ состояніи отдать себѣ отчета въ томъ, что происходитъ у него передъ глазами и въ чемъ заключается его смыслъ и ужасъ. И потому, даже такія явленія, которыя составляютъ неизбѣжное условіе всякой

войны, въ разсказѣ г. Вересаева получаютъ значеніе явленій, вытекающихъ изъ неумѣнія или нежеланія вести правильно дѣло войны; выходитъ такъ, что если бы арміи были организованы сообразно новѣйшимъ принципамъ военной науки, то все было бы прекрасно, и война не была бы ужасомъ. И это какъ въ области активной войны, такъ равно и въ сферѣ пассивныхъ столкновеній воюющихъ сторонъ съ людьми, не имѣющими къ войнѣ никакого отношенія.

„Однажды ѣхалъ я верхомъ; въ канавѣ возлѣ дороги валялись два, только что убитыхъ китайца; оба окровавленные, одинъ еще дышалъ тяжело и медленно. Проѣзжіе останавливались, смотрѣли и равнодушно ѣхали дальше. Лошади, тѣ настораживали уши, дико храпѣли и шарахались въ сторону. Люди смотрѣли съ чуждымъ любопытствомъ зѣвакъ, въ душахъ не было смятенія, не было извѣчнаго ужаса передъ уничтоженіемъ жизни: жизнь длинноволосаго желтаго человѣка уже перестала чувствоваться, какъ жизнь".

То, что жизнь перестала чувствоваться, какъ жизнь, вовсе не было слѣдствіемъ дезорганизаціи арміи, при которой возможно было безнаказанно „отнять жизнь по ошибкѣ". Это прямое слѣдствіе самой войны, которая по существу и есть не что иное, какъ наисчислимыя отнятія жизни „по ошибкѣ", совершаемыя назначенными для этого людьми, только для этого и собранными изъ разныхъ концовъ земли и для этого соединенными вмѣстѣ.

Записки г. Вересаева не болѣе, какъ рядъ сценъ, въ большинствѣ случаевъ бытового характера. По нимъ можно узнать, какъ устраиваются и живутъ на войнѣ русскіе солдаты, офицеры и чиновники разныхъ вѣдомствъ; въ какія формы выливаются ихъ взаимныя отношенія; каково ихъ отношеніе къ населенію мѣстности, гдѣ ведется война; и въ какія формы, въ свою очередь, выливаются отношенія мирнаго населенія, подвергнувшагося нашествію воюющей арміи; какимъ образомъ бурятъ рѣжетъ овцу, какъ казаки охотятся за свиньей въ китайской деревнѣ, и т. д. Все это дѣло бытописателя, а не художника.

Только художникъ, подмѣчая въ хаосѣ жизненныхъ явленій тѣ изъ нихъ, которыя возникаютъ въ обыденной жизни,—то съ новымъ событіемъ, то съ появленіемъ выдающейся личности,—и группируя ихъ подъ угломъ извѣстнаго міросозерцанія, свободно создаетъ образы какъ самыхъ событій, такъ равно и лицъ, выдѣляющихся изъ общей массы толпы.

Бытъ въ художественномъ творчествѣ отодвигается на задній планъ; и хотя и не можетъ совершенно исчезнуть, но играетъ лишь второстепенную роль, пополняя тѣ пробѣлы, которые принято называть фономъ, т.-е. то, безъ чего не можетъ обойтись никакая картина; но это не составляетъ ея содержанія, и менѣе всего привлекаетъ вниманіе зрителя.

Бытъ самъ по себѣ равноцѣненъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Но

по отношенію къ какому-нибудь жизненному явленію всѣ стороны быта пріобрѣтаютъ лишь настолько важное значеніе, насколько ими характеризуется именно данное явленіе. Весь матеріалъ, собранный г. Вересаевымъ, художнику могъ бы послужить для картины широкаго захвата. Многое отодвинулось бы на задній планъ, многое выступило бы болѣе рельефно во всѣхъ своихъ деталяхъ, и лишь только тогда читатель могъ бы вынести опредѣленное представленіе о войнѣ, сравнивая свое собственное отношеніе къ этому явленію съ отношеніемъ художника.

Какую бы мы ни взяли глыбу мрамора и сколько бы ни прибавляли къ ней все новыхъ и новыхъ обломковъ, разнообразныхъ по величинѣ и формѣ, мраморъ останется престо камнемъ до тѣхъ поръ, пока изъ него не будутъ изваяны формы, выражающія собою образы, родившіеся въ сознаніи художника. Такъ, сколько бы г. Вересаевъ ни описывалъ солдатъ, начальниковъ этихъ солдатъ и случайно сталкивающихся съ ними людей,—всѣ они останутся сѣрой толпой, ничего не говорящей уму и сердцу до тѣхъ поръ, пока не будутъ среди нихъ даны типическіе образы людей, вся жизнь которыхъ, обрисованная при условіяхъ войны, станетъ ясна и понятна и при всякихъ другихъ условіяхъ.

Г. Вересаевъ этого не сдѣлалъ.

Люди суетливо и безтолково то ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, то на лошадяхъ, то передвигаются пѣшкомъ. Безъ нужды встрѣчаются и расходятся. Причиняютъ другъ другу взаимныя мелочныя огорченія. Нервничаютъ. Часто терпятъ тяжкія невзгоды. На каждомъ шагу готовы предъявить другъ къ другу какія-то требованія. Порою въ нихъ прорывается тупая, безсмысленная злоба; порою—дикій разгулъ, безудержное самодурство. Всѣ чего-то ждутъ. Въ ближайшемъ будущемъ на что-то надѣются. Обманувшись—снова и снова повторяютъ все то, что пережито тысячу разъ безъ всякихъ результатовъ. Точно ими владѣетъ какая-то сила извнѣ, возникающая помимо человѣческихъ желаній и развивающаяся помимо человѣческой дѣятельности.

Въ такомъ видѣ рисуется жизнь въ глазахъ того, кто не въ состояніи видѣть смыслъ каждаго явленія и понять ихъ единство.

Г. Вересаевъ не отдѣляетъ того, что обусловлено исключительно войной, отъ того, что возникаетъ изъ другихъ причинъ, существовавшихъ и до войны, остающихся и послѣ нея. И потому записки г. Вересаева „На войнѣ“ изобилуютъ анекдотическими эпизодами и носятъ чисто-фельетонный характеръ. Все ихъ значеніе заключается въ еще не совсѣмъ утраченной злободневности. Иного же значенія записки г. Вересаева не имѣютъ, и врядъ ли могутъ вызвать въ комъ-нибудь мысли, способныя измѣнить отношеніе къ тому, что разумѣется подъ словомъ война.

Мало хорошаго можно сказать и о повѣсти М. Горькаго „Мать", продолженіе которой печатается въ XVII сборникѣ „Знанія". Повѣсть эта лишена художественныхъ достоинствъ, въ ней совершенно отсутствуетъ жизненная правда.

Авторъ стремится дать широкую картину жизни современныхъ фабричныхъ рабочихъ.

Главное лицо повѣсти—это молодой рабочій. Павелъ Власовъ. Оставшись съ матерью, послѣ смерти отца, 17-ти лѣтнимъ парнемъ, Павелъ Власовъ пробовалъ для начала пить, рѣшился было курить отцовскую трубку, но съ перваго же раза отъ водки его стошнило, и Павелъ понялъ, что пьянствовать ему рано. Поскучавъ нѣкоторое время, онъ скоро остепенился, началъ усердно работать, и мать Павла скоро замѣтила, что сынъ ея съ каждымъ днемъ становится все болѣе сосредоточенно-серьезенъ и, наконецъ, дѣлается совершенно непохожимъ на фабричную молодежь.

Досугъ свой Павелъ проводилъ за чтеніемъ книжекъ; бывая въ городѣ, посѣщалъ театръ; и уходя иногда изъ дому съ утра, возвращался позднею ночью. Гдѣ онъ бывалъ и что дѣлалъ—мать не знала.

А между тѣмъ, въ домѣ Власовыхъ стали появляться какіе-то молодые люди обоихъ половъ, много читали, спорили и не переставая говорили о рабочемъ народѣ.

Старуха дивилась бодрому настроенію молодежи, въ кругу которой Павелъ занялъ видное положеніе, что тоже не ускользнуло отъ вниманія матери.

Въ рабочей слободкѣ появились прокламаціи, зародилось глухое броженіе. Въ квартирѣ Власовыхъ былъ произведенъ обыскъ; при этомъ двоихъ арестовали, но Павла пока не тронули. Жизнь пошла попрежнему.

> „Постепенно въ людяхъ возникало уваженіе къ молодому, серьезному человѣку, который обо всемъ говорилъ просто и смѣло и почти никогда не смѣялся, глядя на все и все слушая со вниманіемъ, которое упрямо рылось въ путаницѣ каждаго частнаго случая и всегда находило какую-то общую, безконечную нить, тысячами крѣпкихъ петель связывавшую людей.
>
> Власова видѣла, какъ сынъ ея выросталъ, она начинала чувствовать смыслъ его работы и, когда это удавалось ей,—радовалась дѣтскою радостью".

Радость ея была не долга.

Между рабочими и администраціей фабрики возникло столкновеніе. Павелъ былъ выбранъ рабочими въ депутаты, говорилъ на сходкѣ и послѣ объясненія съ директоромъ предложилъ рабочимъ устроить забастовку.

Вскорѣ послѣ этого Павелъ былъ арестованъ. Мать Павла, смутно угадывавшая дѣло сына и уже любовно сочувствовавшая этому дѣлу,

послѣ ареста Павла занялась доставленіемъ на фабрику литературы; она исполняла это ловко и умѣло, такъ что послѣ ареста Павла и другихъ рабочихъ прокламаціи и брошюры на фабрикѣ снова появились, и дѣло „разрушенія вѣковой тьмы“ не прекратилось.

На свиданіи съ сыномъ въ тюрьмѣ старуха сумѣла дать понять Павлу о своей дѣятельности. Когда Власова заговорила о появившихся на фабрикѣ бумажкахъ, надзиратель остановилъ ее, замѣтивъ, что говорить объ этомъ запрещается.

— Ну, хорошо!—сказалъ Павелъ.—Говори, мама, о семейномъ. Что ты дѣлаешь?

Она, чувствуя въ себѣ молодой задоръ, отвѣтила:

— Ношу на фабрику все это...

Остановилась и, улыбаясь, продолжала:

— Щи, кашу, всякую Марьину стряпню... и прочую пищу...

Павелъ понялъ. Лицо у него задрожало отъ сдерживаемаго смѣха, онъ взбилъ волосы и ласково, голосомъ, какого она еще не слышала отъ него, сказалъ:

— Родная ты моя... это хорошо! Хорошо, что у тебя дѣло есть... не скучаешь. Да? Не скучаешь?“

Сцена эта чрезвычайно характерна для всей повѣсти Горькаго. Изъ того, какъ она написана, видно, что авторъ стремится создать лучезарный образъ рабочаго, съ такой твердостью и непреклонностью идущаго по пути „разрушенія вѣковой тьмы“, что кажется, будто люди, подобные Павлу, утратили способность чувствовать силу гнета, лишающаго ихъ всего, чѣмъ можетъ быть богата и красочна жизнь. Здѣсь не чувствуется страданія, причиняемаго лишеніемъ свободы; не чувствуется муки живого человѣка, всюду встрѣчающаго препятствія на пути своего развитія. Жизнь рабочихъ, въ томъ освѣщеніи, какое даетъ ей Горькій, представляется какимъ-то партійнымъ турниромъ, гдѣ люди, привычные къ борьбѣ, сходятся только для того, чтобы, показавъ свое мужество и стойкость, разойтись съ гордымъ сознаніемъ своей силы, сулящей въ грядущемъ успѣхъ и побѣды. Тяжелая будничная жизнь во всемъ ея неприглядномъ видѣ, вынуждающая людей на борьбу, въ повѣсти Горькаго совсѣмъ не чувствуется. И это всецѣло происходитъ отъ ложнаго, уже давно отжившаго пріема, когда искусство стремилось къ созданію идеаловъ, не находящихъ въ жизни осуществленія. Чего нѣтъ въ самой жизни, то не должно имѣть мѣста и въ искусствѣ, иначе и самое искусство утратитъ свое жизненное значеніе. Если сравнить прежняго Горькаго съ авторомъ разбираемой повѣсти, то мы увидимъ, что той молодости, свѣжести и полноты жизни, какою отличался первый періодъ его творчества, въ настоящее время не осталось и слѣда. На мѣстѣ прежнихъ картинъ, богатыхъ свѣтомъ и красками, мы всюду находимъ сухіе чертежи, на которыхъ прямыя линіи и

точки партійности замѣняли собою яркіе мазки и характерные штрихи художника.

Повѣсть пока обрывается тѣмъ, что послѣ свиданія двухъ рабочихъ въ домѣ Власовой, когда одинъ изъ нихъ, только что вышедшій изъ тюрьмы и утомленный пережитыми потрясеніями, тяжело засыпаетъ, старуха Власова тихо произноситъ:

— „О, Господи! Сколько людей на свѣтѣ... и всякъ по-своему стонетъ... а гдѣ же тѣ, которымъ радостно?

— Есть уже и такіе, есть! И скоро—много будетъ ихъ... эхъ, много!— отозвался хохолъ“.

Это звучитъ очень сентиментально, очень шаблонно, не совсѣмъ не убѣдительно!

Въ заключеніе, говоря о XVII сборникѣ „Знанія“, нельзя не отмѣтить тѣхъ трехъ стихотвореній г. Черёмнова, которыми украшена эта книга. Объ этихъ перлахъ стихотворнаго искусства можно сказать словами ихъ автора:

Нужны мы, нужны, какъ во ржи лебеда,
Нужны мы, какъ мыши въ амбарѣ!..

III.

Вообще, сборники, о которыхъ здѣсь говорится, настолько слабы въ художественномъ отношеніи, что среди этихъ трехъ книжекъ разсказъ г. Муйжеля „Пока“, помѣщенный во II-ой книгѣ „Шиповника“, является наиболѣе цѣннымъ.

Сюжетъ разсказа самъ по себѣ крайне простъ и не сложенъ.

Авторъ рисуетъ жизнь мужиковъ, впервые вынужденныхъ покинуть деревню и искать работы на сторонѣ.

Туманное, болотистое мѣсто, на далекое пространство заросшее глухимъ лѣсомъ, по которому прокладывается полотно желѣзной дороги,— вотъ тотъ фонъ, на которомъ г. Муйжель рисуетъ несложную картину жизни людей темныхъ,—въ полномъ смыслѣ этого слова.

Вѣетъ суровымъ холодомъ и тяжестью неподвижнаго, вѣкового мрака отъ картины той жизни, въ которой совершалась работа, безслѣдно поглотившая и вновь готовая поглотить тысячи такихъ незамѣтныхъ темныхъ рабочихъ силъ, какою былъ Василій Лапатовъ,— главное лицо разсказа.

Разсказъ начинается съ того, какъ рабочіе, въ числѣ которыхъ былъ и Василій Лапатовъ, возвращались изъ ближайшей къ мѣсту работъ деревни, гдѣ они были въ банѣ, наканунѣ предстоящаго мѣстнаго праздника.

„Канавщики побывали въ банѣ и возвращались красные, распаренные и довольные, потому что, смывая грязь и потъ, накопив-

шіеся за недѣлю, смыли и недѣльную усталость, распарили горячими вѣниками истомленные мускулы,—а отъ чистыхъ рубахъ, расчесанныхъ бородъ и блестящихъ крѣпкой кожей розовыхъ лицъ они казались праздничными".

Полемъ прошли къ пробитой въ лѣсномъ болотѣ просѣкѣ, ведущей въ баракамъ.

„Сырымъ и знобкимъ холодомъ тянуло съ болота, влажный тяжелый туманъ висѣлъ надъ водою, окутывалъ гать и медленно колыхался. Пахла загнившая вода, набухшій мохъ, мокрыя бревна гати, а еще откуда-то—близко и неуловимо лился запахъ фіалокъ. И еще чѣмъ-то пахло: какъ будто грибами, хотя никакихъ грибовъ теперь не могло быть.

— Ишь курится чертово болотище!—сказалъ Мишка, и голосъ его прозвучалъ въ туманѣ, какъ въ тѣсномъ, каменномъ мѣшкѣ,—глухо и коротко.

— Ужо выберемся на сушь—лучше будетъ,—не отвѣчая ему, а отвѣчая своимъ мыслямъ, замѣтилъ Липатовъ, — покуда что — здѣсь кончимъ, въ боръ передвинемся... Тамъ сухо!

— Поработаешь и здѣсь, не откажешься, — вставилъ Иванъ Павловъ, и добавилъ:—А быдто холодно тутъ, ай послѣ бани это?"

Въ этомъ краткомъ разговорѣ чувствуется, съ одной стороны, то, насколько людьми извѣдана тяжесть ихъ работы, а съ другой стороны, и то, что они еще не раздавлены этой работой настолько, чтобы ихъ раздраженіе противъ своего тяжелаго труда перешло въ постоянное раздраженіе противъ всего окружающаго. Ихъ здоровое тѣло способно легко переносить тѣ пагубныя условія, которыми они окружены, и въ словахъ—„курится чертово болотище!" слышно нѣсколько грубо выраженное, но все же добродушное отношеніе къ тому, что, казалось бы, давно должно опостылѣть до послѣдней степени. Слова Василія Липатова всецѣло относятся не къ самому болоту, а къ работѣ, невыносимую тяжесть которой онъ знаетъ хорошо. Но онъ молодъ и здоровъ, и еще не потерялъ увѣренности, что всѣ непріятныя стороны этой работы — временны, что это только „пока" и не можетъ быть вѣчно. Иванъ Павловъ тоже ничего не говоритъ о самомъ „болотищѣ" и вся горечь его словъ,—это горечь человѣка, не разъ пытавшагося выбиться изъ тяжелыхъ условій своей жизни, но уже готоваго покориться обстоятельствамъ и съ холоднымъ равнодушіемъ принять всѣ непріятности, выпадающія на его долю.

Въ нѣсколькихъ случайно брошенныхъ словахъ троихъ рабочихъ сказано все. Они еще не опустились на ту ступень жалкаго существованія, когда человѣкъ утрачиваетъ даже работоспособность. Но они и доведены уже до того состоянія, когда нищета не позволяетъ сдѣлать иного выбора, какъ только согласиться на всѣ, завѣдомо пагубныя условія первой

попавшейся работы, или же отказавшись отъ нея—обречь себя почти-что на вѣрную голодную смерть.

Бараки, насыпь, нѣсколько фигуръ рабочихъ, ихъ разговоры о землѣ, о тяготѣющемъ надъ ними какомъ-то извѣчномъ обманѣ, — все это даетъ возможность составить ясное представленіе о тяжеломъ трудѣ людей, сознающихъ, что то̀, что они создаютъ своими руками, не можетъ не только осчастливить ихъ жизнь, но даже хотя сколько-нибудь улучшить ее. Не сами они надумали строить дорогу, не ради своего счастья работали изъ послѣднихъ силъ, и то, что создавалось ихъ трудомъ, уходило въ какую-то никому неизвѣстную, непонятную даль. А насыпь, возводимая среди болотъ и лѣсовъ, упорно и безостановочно шла впередъ.

„Въ этомъ движеніи было что-то могучее и вѣчное, такое, чего не могли остановить ни лѣсъ, ни болото, ни горы, ни рѣки".

Могучее и вѣчное, чего не могла остановить никакая стихія, — это была сила человѣческая: знаніе, воля и трудъ. И мужики не знали и не понимали этой силы, хотя и видѣли ея проявленіе. Не понималъ ее и Василій Липатовъ, и, тупо сознавая свое невѣжество, онъ смутно таилъ въ себѣ чувство безпредметной обиды. И это чувство всегда сказывалось въ немъ, когда ровный ходъ его трудовой жизни чѣмъ-нибудь нарушался, подобно тому, какъ при малѣйшемъ движеніи больного онъ острѣе чувствуетъ силу своей болѣзни.

Умѣло нарисовавъ картину постройки желѣзнодорожной насыпи и безпросвѣтнаго мрака работавшихъ надъ нею, г. Муйжель въ дальнѣйшемъ развитіи своего разсказа даетъ картину иной жизни, на видъ свободной и привольной, невзгоды которой скрыты отъ глазъ случайнаго наблюдателя.

Въ субботу вечеромъ, когда недѣльная работа была кончена, въ баракахъ узнали о томъ, что вблизи сосѣдней деревни, на берегу рѣки, остановился цыганскій таборъ. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и Василій, тотчасъ отправились глядѣть рѣдкое зрѣлище.

Огни костровъ, кипѣвшіе котлы, звонъ походной наковальни, непривычная пестрота одеждъ, смуглыя, здоровыя лица, непонятный говоръ, — все возбуждало въ рабочихъ наивное любопытство. Со стороны былъ виденъ только праздникъ жизни. Это волновало и Василія, и другихъ рабочихъ и острѣе напоминало имъ все убожество ихъ собственной жизни, лишенной свободы и яркихъ движеній. Цыганская пляска, игра на скрипкѣ, веселье, смѣхъ,—во всемъ этомъ былъ какой-то опьяняющій угаръ, который рождался въ душахъ зрителей, и не находя себѣ выхода, ложился тяжелымъ камнемъ въ сердцахъ темныхъ людей.

Кстати, сцена цыганскаго танца, полная животнаго огня,—лучшая въ разсказѣ и сдѣлана съ силой и яркостью большого мастера.

Когда на слѣдующій день, въ воскресенье, рабочіе отправились на деревню и стали по своему веселиться—пьянствовать—и снова встрѣтили

тамъ бродившихъ по деревнѣ цыганъ, въ охмелѣвшемъ сознаніи Василія естественно родились какія-то смутныя желанія. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, чего онъ хочетъ, что и куда его влечетъ, Василій оставилъ своихъ товарищей и отправился прямо въ таборъ. И то, что Василій, встрѣтивъ цыганку, одиноко стоявшую въ сторонѣ отъ табора, отдаваясь чувству безпредѣльнаго влеченія къ красотѣ и силѣ такого же здороваго существа, какимъ онъ былъ и самъ,—бросился къ ней,—такъ же понятно и естественно, какъ естественно стремленіе всего живого къ счастью.

Что Василій Липатовъ бросился къ цыганкѣ въ страстномъ порывѣ овладѣть ею; что онъ, увидя на деревнѣ цыганъ, вспомнилъ ихъ давешнее веселье и тотчасъ отправился изъ деревни въ таборъ; что наканунѣ картина свободной цыганской жизни вызвала въ немъ неясный, но увлекательный образъ какого-то возможнаго, но не испытаннаго счастья; и, наконецъ, то, что Василій только въ состояніи опьянѣнія сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ бы трезвымъ,—попытался насильно взять отъ жизни то, что нужно было его здоровому, крѣпкому тѣлу,—все это вполнѣ естественно и нашло вѣрную художественную разработку въ разсказѣ г. Муйжеля и притомъ въ образахъ, самыхъ простыхъ и не надуманныхъ, а потому вполнѣ жизненяыхъ.

Нарисовавъ широкую картину сѣрой жизни, слагающейся изъ безпрерывныхъ лишеній, авторъ въ лицѣ Василія Липатова показалъ, что такая жизнь здоровымъ человѣкомъ не можетъ быть пріемлема иначе, какъ временно. Съ нею можно мириться только при единственномъ условіи, когда есть надежда, что жизнь измѣнится и рано или поздно придетъ радость, которая искупитъ пережитыя невзгоды.

Разсказъ заканчивается тѣмъ, что цыганка легко отдѣлалась отъ пьянаго Василія, послѣ чего онъ снова вернулся въ деревню, гдѣ цыгане уже слѣдили за нимъ по пятамъ. И лишь только на деревнѣ завязалась драка между пришлыми рабочими и деревенскими парнями, цыгане въ общей свалкѣ избили Василія. И когда послѣ первой вспышки драки разнесся слухъ, что въ дракѣ участвовали и цыгане,—всѣ бросились къ табору, чтобы разгромать его. Очнувшись послѣ побоевъ, Василій вмѣстѣ съ другими бросился бѣжать къ табору; но дорогой, пьяный и избитый, свалился среди поля и, потерявъ послѣднія силы, скоро уснулъ тяжелымъ, болѣзненнымъ, пьянымъ сномъ. Когда онъ проснулся и приплелся на мѣсто стоянки табора, тамъ уже никого не было. Цыгане ушли, а вмѣстѣ съ ними исчезъ и призракъ той радостной и свободной жизни, которая влекла Василія, маня образами неиспытаннаго, но возможнаго счастья.

Г. Муйжель сумѣлъ нарисовать образъ здороваго и сильнаго тѣломъ человѣка; сумѣлъ нарисовать жизнь, гнетущую этого человѣка, и его стремленіе къ счастью; сумѣлъ нарисовать и то, что въ душѣ такого темнаго существа, какимъ является Василій Липатовъ,—смѣлый порывъ

насильно схватить и овладѣть возможнымъ въ жизни счастьемъ рождается лишь въ моменты опьянѣнія,—отъ чего бы это опьянѣніе ни происходило.

И, наконецъ, художественное чутье подсказало автору, что „пьяный порывъ Василія не помогъ ему овладѣть желаннымъ счастьемъ, какъ и вообще человѣка не приводитъ къ счастью стремленіе, возникающее подъ вліяніемъ мимолетныхъ, непрочныхъ впечатлѣній.

Этого было бы достаточно, но г. Муйжель насильственно навязываетъ своему разсказу такое значеніе, какого разсказъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ.

> „И такъ незамѣтно, совершая таинственный кругъ, люди двигались къ тому, что было сзади нихъ—такому же ничто въ будущемъ, послѣ смерти, какое было въ прошломъ, до ихъ рожденія“...

Этотъ „таинственный кругъ“, двигающій людей къ какому-то „ничто“, является зловѣщей трещиной въ писаніяхъ молодого беллетриста, всегда рисовавшаго жизнь въ ея простѣйшихъ проявленіяхъ. Это, впрочемъ, составляетъ не столько недостатокъ самаго произведенія, сколько слабую сторону міросозерцанія автора. Ибо въ этомъ сказывается не колебаніе художника, стремящагося найти свою собственную правду, а его готовность идти путемъ чужой мысли, уже успѣвшей проложить торный путь, на которомъ всѣ вопросы жизни разрѣшаются просто и ясно тѣмъ, что ни на одинъ вопросъ не дается никакого отвѣта.

Что же касается самаго разсказа, то его можно было бы считать вполнѣ хорошимъ, если бы разсказъ не былъ такъ сухъ, растянутъ и мѣстами скученъ. Такъ, напримѣръ, первыя строки, гдѣ говорится о томъ, въ какіе дни недѣли рабочіе ходили въ баню,—совсѣмъ лишни. Авторъ часто и слишкомъ много говоритъ о лѣсной чащѣ, болотѣ и туманѣ, такъ что подъ конецъ создается такое впечатлѣніе, что во всемъ мірѣ, кромѣ болота и лѣса, ничего другого не было. Нельзя не отмѣтить также и того, что въ лѣсу водится столько птицъ, что порою ка[illegible]тся, будто онѣ сидятъ на каждой вѣткѣ. Слишкомъ много, [illegible] и безнадежно мужики ноютъ о томъ, что ихъ „гдѣ-то кто-то когда-то обманулъ“. Разсужденія автора о деревенской жизни, когда происходитъ свиданіе Василія съ матерью, совсѣмъ не нужны: картина горькой деревенской жизни видна сама собою за плечами мужиковъ, вынужденныхъ работать при такихъ условіяхъ, каковы обрисованы самимъ авторомъ. Кромѣ того, г. Муйжель ни на минуту не сбавляетъ усиленно-серьезнаго тона, и, выражаясь въ стилѣ автора, можно было бы сказать, *что* „не то важно“, что говоритъ г. Муйжель, „а то“, *какъ* онъ говоритъ. Это наводитъ порою грусть: авторъ не хочетъ подѣлиться съ читателемъ улыбкой.

Съ этими недостатками надо серьезно бороться. Они вредятъ тому,

что составляетъ необходимое условіе всякаго художественнаго произведенія,—живости и красочности впечатлѣнія.

Въ заключеніе о разсказѣ „Пока“ можно сказать, что эта вещь, несмотря на свою незаконченность, сухость, растянутость и суровый тонъ автора, все же должна быть отмѣчена. Ибо въ ней художественно разработанная связь внѣшнихъ условій и случайныхъ переживаній изъ быта рабочихъ выливается въ одинъ общій образъ, чрезвычайно правдоподобный и жизненный,—образъ человѣка, одареннаго желѣзнымъ здоровьемъ и выносливостью и напрасно губящаго весь запасъ своихъ силъ въ борьбѣ съ гнетущими условіями матеріальной и духовной нищеты. Какое значеніе могутъ имѣть подобныя картины,—этого вопроса въ данномъ случаѣ разбирать мы не будемъ; но что такія картины не проходятъ безслѣдно—этого отрицать невозможно.

Лучшее, что должно быть отмѣчено во II-ой книгѣ „Шиповника“,—это одно изъ стихотвореній Ивана Бунина—„Петровъ день“.

Вся прелесть этого стихотворенія заключается въ томъ, что въ немъ сведены въ полную гармонію стихи, то льющіяся мягко и плавно, какъ бѣлесоватый свѣтъ блѣдной зари, то играющія и искрящіяся, какъ брызги первыхъ лучей только-что показавшагося солнца. Это даетъ впечатлѣніе утренней свѣжести приближающагося яснаго, лѣтняго дня. Въ образахъ капризно-играющихъ русалокъ запечатлѣны первые лучи солнца, чуть успѣвшіе позолотить верхи деревьевъ и уже бѣгущіе въ глубину рощи, падающіе на росистую землю и широко льющіеся по золотому полю. Все стихотвореніе хорошо. Но лучшія строки его—это лучи-русалки.

Мы изъ рѣчки—на откосы,
На опушку—изъ березъ,
На бѣгу растреплемъ косы,
Упадемъ съ разбѣгу въ росы—
И до слезъ
Щекотать другъ друга будемъ,
Хохотать и, на зло людямъ,
Мять овесъ.

Объ остальныхъ вещахъ этой книги сказать положительно нечего. Онѣ до того скучны и утомительны, что самое лучшее—это не упоминать о нихъ вовсе.

Разбирая порознь эти три сборника, мы видимъ, что весь матеріалъ ихъ нисколько не поднимается выше общаго уровня журнальной художественной литературы. Но при этомъ не надо забывать того, что художественныя произведенія не составляютъ единственный матеріалъ журнала. Сборники же посвящаются исключительно имъ. И потому къ этимъ кни-

гамъ могутъ быть предъявляемы тѣ требованія, какія не предъявляютъ къ журналу. Специализація какой-либо одной отрасли творчества только тогда можетъ быть оправдываема, когда она служитъ развитію этой отрасли. Въ данномъ же случаѣ мы видимъ обратное явленіе. Количество изданій, преслѣдующихъ спеціально-художественныя цѣли, растетъ. На произведенія, въ области художественнаго творчества, спросъ увеличивается, и, такимъ образомъ, открывается доступъ къ печати даже для такихъ вещей, которыя зачастую не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ понятіямъ объ искусствѣ. Все это служитъ лишь въ ущербъ развитію художественной литературы, и потому ростъ сборниковъ не только ничѣмъ не можетъ быть оправданъ, но даже долженъ быть признанъ явленіемъ, безусловно нежелательнымъ.

П. Дмитріевъ.

Критика и библіографія.

С. А. Венгеровъ. *Очерки по исторіи русской литературы.* СПБ. 1907 г. Изд. библіот. „Свѣточа". Ц. 2 р. 50 к. 488 стр.

Нѣкоторыя изъ статей С. А. Венгерова, вошедшихъ въ его книгу, уже знакомы читателямъ по журналамъ; это статьи о Гоголѣ („Писатель гражданинъ"), о Бѣлинскомъ („Великое Сердце") и объ Аксаковѣ („Передовой боецъ славянофильства"). За исключеніемъ нѣкоторыхъ добавленій въ статьѣ о Бѣлинскомъ, онѣ воспроизведены авторомъ почти безъ перемѣнъ. Но центральная статья—„Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы" подверглась существенному дополненію и переработкѣ, почти написана заново. Въ ней—главный интересъ и значеніе книги.

Исходя изъ основного взгляда на литературу, какъ „яркое выраженіе русской общественности", С. А. Венгеровъ послѣдовательно и всесторонне развертываетъ передъ нами картину этой общественности и ея отраженія въ литературѣ, начиная со смерти Бѣлинскаго до нашихъ дней. Полнота впечатлѣнія достигается имъ не подробной характеристикой отдѣльныхъ писателей, а анализомъ—необыкновенно-глубокимъ и тонкимъ—внутренней сущности всего общественно-литературнаго движенія, какъ оно выражалось въ художественномъ творчествѣ, въ публицистикѣ, въ настроеніяхъ общественныхъ кружковъ и журнальномъ мірѣ и какъ оно реагировало на разныя внѣшнія условія, напр., дѣйствія правительства. Такой полной разнообразной оцѣнкѣ наше литературное прошлое еще не подвергалось. У насъ еще нѣтъ *общей* исторіи литературы, написанной не съ внѣшней, а съ внутренней философской стороны, и уже въ этомъ отношеніи трудъ г. Венгерова заслуживаетъ большого вниманія.

Главное достоинство „Общаго очерка" г. Венгерова, какъ и вообще всей его книги,—это широта и безпристрастность его основной точки зрѣнія—вдумчиваго психолога-изслѣдователя. Несмотря на свою опредѣленную прогрессивную окраску, эта точка зрѣнія чужда тенденціозности и партійности. Въ авторѣ всегда чувствуется потребность оцѣнить каждую вещь по существу, по ея внѣвременному значенію, независимо отъ ея

случайныхъ проявленій и даже своего собственнаго къ ней отношенія. Ему всегда хочется опредѣлить основной *„психологическій* рисунокъ" какъ человѣка, такъ и явленія, и благодаря этому вполнѣ понять... Эта черта сказывается во всѣхъ его опредѣленіяхъ: говоритъ ли онъ о значеніи Бѣлинскаго, какъ страстнаго искателя правды, или о гражданскихъ настроеніяхъ Гоголя, характеризуетъ ли значеніе чуждаго ему марксизма, принесшаго въ свое время обществу струю обновленія, или еще болѣе чуждаго славянофильства. Онъ всегда стоитъ *надъ* тѣмъ, что анализируетъ и смотритъ на него со стороны, хотя и очень внимательными, иногда любовными глазами. Это драгоцѣнная черта въ изслѣдователѣ, особенно при разсмотрѣніи такой сложной эпохи, какъ у него вторая половина XIX вѣка. Читатель не растеряется въ ея разнообразныхъ теченіяхъ только благодаря тому, что самому С. А. Венгерову все такъ ясно и доподлинно извѣстно въ этомъ бурномъ прошломъ. Какъ дѣловитый хозяинъ, онъ умѣло и осторожно взвѣшиваетъ на своихъ чуткихъ вѣсахъ литературную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, уклонахъ и изгибахъ и изумительно точно обозначаетъ всѣ ея перемѣны. „Очеркъ" хронологически непосредственно примыкаетъ къ статьѣ о Бѣлинскомъ и потому начанается прямо со второй главы: „Послѣдніе годы дореформенной эпохи". Она посвящена тому мрачному семилѣтію общаго унынія и легендарныхъ цензурныхъ гоненій, которое когда-то было очень мѣтко охарактеризовано Хомяковымъ: „Мысль и ея движеніе теперь подозрительны, каково бы ни были ея направленіе". Авторъ съ этой главѣ отчасти воспользовался матеріаломъ своей же книги, нѣкогда сожженной по распоряженію цензуры. Слѣдующая глава, „Медовый мѣсяцъ русскаго прогресса", воспроизводитъ періодъ общественнаго и литературнаго расцвѣта, начавшійся подъ вліяніемъ реформъ. Несмотря на то, что это всего нѣсколько лѣтъ, вторъ улавливаетъ въ немъ цѣлый рядъ граней: первые два года полнаго ликующаго общественнаго единодушія, затѣмъ начало разлада между умѣренными „отцами", пережившими эпоху реакціи, людьми 40-хъ годовъ, и бурными „дѣтьми"; наконецъ, расколъ между самыми радикальными элементами общества („Русскомъ Сл." и „Соврем."). Въ дальнѣйшемъ также детально представлены 70-ые годы, тоже съ двумя поколѣніями, старшимъ и младшимъ, и ихъ характерное „пессимистическое уныніе, несмотря на необыкновенную высоту нравственнаго возбужденія эпохи", и альтруизмъ, породившій народничество разныхъ оттѣнковъ; глава „Эпоха разброда и унынія" характеризуетъ 80-ые годы, съ обаятельнымъ Чеховымъ въ центрѣ, а послѣдняя—„Начало возрожденія" знакомитъ съ марксизмомъ и Горькимъ, попутно касаясь и другихъ общественно-литературныхъ явленій, но уже гораздо болѣе кратко, иногда ограничиваясь простымъ перечнемъ.

Большой любовью и пониманіемъ литературы проникнута и небольшая

изящно написанная статейка-лекція: „Основныя черты новѣйшей литературы“, предшествующая „Очерку“. Она родственна ему по духу и можетъ служить прекраснымъ введеніемъ къ нему. Читатель найдетъ здѣсь не только общую вѣрную философскую оцѣнку литературы — какъ бы ключъ къ ея сердцу, но и интересныя частныя мысли и соображенія. Такова, напр., мысль о сравнительной неподвижности художественныхъ формъ въ русской литературѣ и большой отсталости нашего литературнаго развитія отъ общественнаго. Въ то время, какъ на Западѣ произошла огромная эстетическая эволюція и во всѣхъ литературахъ дѣйствительная смѣна поколѣній и стилей, у насъ формы творчества и методъ письма остались почти неподвижны. „Беллетристическая манера, установившаяся въ 40-хъ гг., ни въ чемъ существенномъ не измѣнилась“. Эта внѣшняя неподвижность стоитъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ „безпрерывной эволюціи“ (можно сказать, даже водовороту) *идей* и обусловливается этой послѣдней. Всѣ богатыя силы молодой русской литературы шли на служеніе родинѣ—на развитіе гражданскихъ чувствъ и защиту освободительныхъ идей, чѣмъ и объясняется долгое отсутствіе всякой художественной эволюціи. Характерно, что именно въ послѣднее время, когда освободительное движеніе постепенно передвинулось изъ литературы въ жизнь, въ самой литературѣ закипѣла интенсивная работа обновленія и замѣчается существенное измѣненіе формъ творчества. С. А. Венгеровъ въ своей книгѣ не разъ касается этого важнаго переворота и, выдѣляя новое уже вполнѣ опредѣлившееся теченіе, подъ названіемъ *„русскаго модернизма“*, обѣщаетъ посвятить ему отдѣльную книжку.

Солидныя характеристики Гоголя, Бѣлинскаго и Аксакова уже знакомы большинству читателей. Они стоятъ въ тѣсной, органической связи съ очеркомъ, объединены съ нимъ общей точкой зрѣнія и близки ему по содержанію.

Русская литература бѣдна оригинальными работами, ставящими себѣ цѣлью уясненіе ея внутренней философской сущности и потому книга С. А. Венгерова должна занять въ ней почетное мѣсто.

Е. Колтоновская.

Проф. Ѳ. Зѣлинскій. *Соперники христіанства* (Изъ жизни идей). Т. III. Спб. 1907.

О двухъ первыхъ томахъ изд. проф. Зѣлинскаго „Изъ жизни идей“ мы своевременно писали въ „Образованіи“, указывая на ихъ выдающіяся достоинства. Настоящій томъ не уступаетъ по внутреннему интересу, а превосходитъ предыдущіе. Авторъ сознательно далъ своему сборнику заглавіе „Соперники христіанства“: онъ касается ряда проблемъ, имѣющихъ тѣсную связь съ культурной исторіей человѣчества до появленія ученія Христа.

Въ настоящемъ сборникѣ проф. Зѣлинскаго семь статей; изъ нихъ шесть относятся къ классическимъ сюжетамъ, а седьмая посвящена разбору трагедіи современнаго поэта. Первая статья посвящена *религіи* Рима. Мы слѣдимъ вмѣстѣ съ авторомъ за смѣной вѣроученій въ Римѣ, *римской религіей*, изслѣдуя которую, мы изслѣдуемъ *исторію развитія религіи на ея родной почвѣ*. Авторъ справедливо отстаиваетъ исконную оригинальность римскаго религіознаго элемента—religio,—котораго почти не касались позднѣйшія греческія и восточныя наслоенія. Г. З. излагаетъ результаты капитальнаго труда Власова о римской религіи, пополняя ихъ своими собственными, иногда весьма содержательными соображеніями.

Авторъ основательно доказываетъ, что римская религія *имманентна и актуальна*. Такъ, Церера это та сокровенная сила, которая объявляется въ ростѣ хлѣба. Земледѣлецъ, поясняетъ критикъ, съ замираніемъ глядитъ на растущій хлѣбъ,—ахъ, кабы Церера была къ нему милостива! Внезапно на колосьяхъ появляется рожь. Логика велитъ думать, что Церера разгнѣвалась, но чувство вражды и отвращенія, вызываемое видомъ гибнущаго отъ ржи хлѣба, до того различно отъ того, которое ассоціировалось съ именемъ Цереры, что для него потребовался новый религіозный эквивалентъ. Возникъ особый демонъ ржи—Робигусъ. Для живущаго въ пыльномъ, душномъ Римѣ ремесленника покупка хлѣба будетъ ассоціироваться съ именемъ Цереры или съ именемъ новаго созданнаго ad hoc божества, Анноны. Первоначальная ступень римской религіи—полидемонизмъ. Римляне признавали нашу волю родственной всемірной волѣ и признавали существованіе божества въ каждомъ, личнаго и индивидуальнаго. *Въ каждомъ* (*божествѣ*) *человѣкѣ живетъ геній*. „Геній — это то, что въ насъ хочетъ“, „кто живетъ, какъ ему хочется, тотъ угождаетъ своему генію. Передъ нами человѣкъ капризный, хотящій сегодня одного, завтра другого, что значитъ эта его измѣнчивость? Это знаетъ его геній, говоритъ Горацій“. Авторъ указываетъ и на анимизмъ римской религіи. На основаніи этихъ элементовъ религіи г. З. изображаетъ картину развитія римскаго Олимпа до появленія христіанства. Такъ, онъ отмѣчаетъ возвышеніе Юпитера, который господствуетъ съ Марсомъ и Квириномъ, далѣе отмѣчаетъ высокую роль Діаны, латинской богини, и Минервы, этрусской. Далѣе мы читаемъ о водвореніи Капитолійской тройцы (Юпитеръ, Юнона, Минерва) и о появленіи культа Аполлона. Благодаря сивиллинымъ книгамъ культъ Аполлона ведетъ начало изъ Трои, но въ Римъ онъ пришелъ черезъ Дельфы и Делосъ. Сивиллины книги создали особый классъ жрецовъ-толкователей и ввели въ римскій пантеонъ рядъ греческихъ божествъ. Критикъ указываетъ тотъ путь, которымъ мать боговъ сдѣлалась предметомъ поклоненія въ Римѣ. Критикъ сообщаетъ о попыткахъ реформировать религію, вводя новое ученіе, извѣстное подъ названіемъ религіи Нумы; далѣе идетъ рѣчь о боготвореніи живыхъ

лицъ въ эпоху цезарей, т. н. divorum. г. З. доводитъ свое изложенiе до появленiя христiанства. Заключительный выводъ автора относительно единства римской религiи вплоть до настоящаго времени формулируется слѣдующимъ образомъ: „Одни и тѣ же соки питаютъ религiю Рима отъ Нумы, Помпейскаго царя и верховнаго жреца, вплоть до Пiя X, подобно тому, какъ и въ облагороженномъ деревѣ одни и тѣ же соки изъ корня и ствола туземнаго дичка проходятъ въ экзотическiй черенокъ".

Вполнѣ отчетливо изложены г. Зѣлинскимъ элементы римской религiи, благопрiятствующiе поглощенiю ихъ христiанствомъ.

Вторая статья сборника посвящена герметизму. Вопреки мнѣнiю ученыхъ, обыкновенно выводящихъ герметизмъ изъ Египта, г. З. указываетъ на Аркадiю, какъ на исконную родину герметизма. Онъ излагаетъ намъ историческую судьбу Гермеса и пути проникновенiя герметизма изъ Аркадiи, а также его распространенiя въ Грецiи. Особенно интересны страницы, посвященныя Логосу, сыну Гермеса. Герметическiй Логосъ приближаетъ герметизмъ къ христiанству. Авторъ отмѣчаетъ строго-вѣрноподданническiй характеръ герметизма. Въ этомъ отношенiи онъ постоянно противополагается христiанству.

Не менѣе интересна статья объ *Еленѣ Прекрасной*. Авторъ указываетъ, какимъ образомъ зародился первоначальный миѳъ объ Еленѣ, и излагаетъ миѳъ о Сверхчеловѣкѣ и Дѣвѣ, общiй всему европейскому человѣчеству. Затѣмъ онъ сообщаетъ исторiю Елены къ гомеровскомъ эпосѣ въ палинадiи Спесихора, у Геродота и въ эпоху *романтизма* въ Грецiи (кон. IV в.). Проф. З. основательно связываетъ миѳъ о Еленѣ съ миѳомъ о Сверхчеловѣкѣ и Дѣвѣ. Заключительный фазисъ миѳа о Еленѣ—разсказъ о Симонѣ магѣ. Миѳъ о Еленѣ замеръ надолго, чтобы воскреснуть въ эпоху реформацiи и сдѣлаться намъ современнымъ благодаря Гете.

Этюдъ „Древнее христiанство и римская философiя" трактуетъ о проникновенiи христiанства римской нравственной философiей. Споръ Св. Августина съ Пелагiемъ окончательно опредѣлилъ отношенiя христiанства къ римской философiи. Критикѣ формулируетъ въ 6 пунктахъ, заимствованныхъ у Цицерона, основныя положенiя римской философiи.

Первое.—Всѣ добродѣтели человѣка—развитiе его природныхъ стремленiй. Природа (божество) сама добра и неиспорчена. Это—догматъ христiанскiй о благодати, который въ чистомъ видѣ мы находимъ у пелагiанъ.

Второе.—Высшее проявленiе природы въ человѣкѣ, по ученiю римской философiи, есть разумъ. Въ христiанствѣ первымъ плодомъ благодати, дарованнымъ человѣку Творцомъ, былъ его разумъ—это ученiе мы находимъ у пелагiанъ.

Третье.—Принципъ свободы воли отстаивается Цицерономъ и Пелагiемъ противъ фатализма. Противъ этого протестуетъ Августинъ въ своемъ ученiи о благодати.

Четвертое.—Понятіе *заслуги* — непосредственный выводъ принципа свободной воли, пелагіане особенно развили его. Августинъ наоборотъ, утверждаетъ, что только Божья благодать утверждаетъ, что только Божья благодать дѣлаетъ добрыя дѣла и „что, вѣнчая наши заслуги, Богъ вѣнчаетъ только свои собственные дары“. Отсюда—ученіе о Божьемъ предопредѣленіи.

Пятое.—Понятіе добродѣтели въ римской философіи состоитъ изъ субъективнаго и объективнаго элементовъ. Субъективный—настроеніе человѣка, объективный—добродѣтельныя дѣянія его. То же и относительно преступленій. Раннее христіанство усилило субъективный элементъ. „Твое настроеніе опредѣляетъ дѣяніе“, говоритъ Св. Амвросій. Августинъ вноситъ третій сверхсубъективный элементъ, онъ называетъ его элементомъ предѣла Христосъ первый поставилъ вѣру во главу угла человѣческой морали. Эта богоотносимость отличаетъ христіанскую добродѣтель отъ языческой.

Шестое.—Древняя нравственность признавала высшую цѣль развитія человѣка въ самодовлѣющей добродѣтели; загробная жизнь играла второстепенную роль; до-августиновское христіанство и пелагинизмъ приняли положеніе Цицерона: добродѣтель осталась единственнымъ средствомъ къ блаженной жизни на томъ свѣтѣ. Августинъ реформировалъ это ученіе теоріей самодовлѣющей благодати.

Въ заключеніи проф. Зѣлинскій приходитъ къ выводу, это ученіе Св. Августина противорѣчило понятію о прогрессѣ, а христіанство, вмѣсто римской высокой душевной самооцѣнки, выставило принципъ *смиренія*. Статья *объ античной гуманности* основана на книгѣ Шнейдевина „Antike Humanität“, хотя вполнѣ оригинальна по замыслу и содержанію. Античная гуманность требовала прежде всего положительнаго отношенія къ жизни. Античная гуманность признавала единство, порядокъ и гармонію мірозданія. Древніе вѣрили, что міромъ управляетъ разумъ, т. е. цѣлесообразность. Разумъ печется о человѣкѣ („Міръ — общее государство боговъ и людей“). Античность возвеличивала индивидуальность—безсмертіе души было принято, какъ научно-обоснованное положеніе: „Души всѣхъ безсмертны,—говоритъ Цицеронъ,—но души добрыхъ—божественны“. Добрымъ былъ человѣкъ, потрудившійся для человѣчества. Античная гуманность утверждала, что люди созданы другъ для друга. Высшее счастье и глубочайшее несчастье испытываются людьми въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Практическимъ выводомъ изъ этого положенія было стремленіе распространять гуманность среди массы, а также улучшеніе положенія рабовъ. Цицеронъ и Плиній требуютъ, чтобы къ рабамъ относились такъ же, какъ къ вольнонаемнымъ; подобное отношеніе мы видимъ и къ женщинамъ. Право ея въ Римѣ постоянно расширяется и она имѣла такую матеріальную независимость, о какой вплоть до нашего времени не могла и думать. Воспитаніе было тоже гуманнымъ; воспитатель старался вы-

звать хорошіе инстинкты своего питомца, избѣгалъ тѣлесныхъ наказаній. Особенно высоко въ античной гуманности стояла дружба; истинная дружба—самое совершенное развитіе соціальныхъ инстинктовъ, вложенныхъ природой въ сердце человѣка. Внѣ гуманнаго общества немыслима истинная дружба. Римское государство имѣло и воспитательную роль. „Невозможно жить хорошо въ дурномъ государствѣ"; гражданинъ имѣлъ не только права, но и обязанности участвовать въ государственной жизни. Античная гуманность допускала три религіи: 1) совокупность миѳовъ, которая была необязательна; 2) религію гражданскую, культы которой были охраняемы государствомъ, и 3) религію философскую. Въ послѣдней существовала полная свобода совѣсти, и всякій могъ вѣрить, во что ему угодно. Въ гражданской религіи правительство оберегало культъ родныхъ боговъ отъ вторженія иноземныхъ.

Въ юриспруденціи замѣчается торжество гуманности и „мысль" предпочитается „слову". Гуманностью проникнутъ и патріотизмъ. Римскій патріотизмъ—патріотизмъ дѣла. Римъ превозносится въ рѣчахъ и посланіяхъ, но побѣжденные народы не подвергались никакимъ униженіямъ. Античная гуманность проникала и въ интеллектуальную сферу. Античная гуманность отвергаетъ утилитаризмъ и считаетъ стремленіе къ истинѣ, т. е. наукѣ, одной изъ первыхъ потребностей человѣка. Это стремленіе къ научному знанію ведетъ за собою въ римскомъ мірѣ то, что авторъ называетъ *универсализмомъ*. Античная гуманность требовала, чтобы человѣкъ всѣмъ интересовался, расширялъ свой кругозоръ и увеличивалъ запасъ знаній. Потребностью гуманной души въ древности было *равновѣсіе теоретическихъ* и *практическихъ интересовъ*.

Обширный этюдъ „Умершая наука" очень интересенъ самъ по себѣ, но нѣсколько спеціальный по характеру и изложенію. Исторія и основные принципы астрологіи изложены авторомъ отчетливо и убѣдительно.

Послѣдняя статья сборника „Трагедія вѣры" посвящена замѣчательной трагедіи К. Иммермана „Мерлинъ" и заключаетъ живой и глубокій анализъ этой трагедіи. По сюжету она относится къ среднимъ вѣкамъ. Мы остановились подробно лишь на этюдахъ проф. Зѣлинскаго, посвященныхъ первостепеннымъ вопросамъ язычества и христіанства. Достоинства замѣчательной книги уяснились сами собой. Проф. Зѣлинскій обладаетъ большой эрудиціей, философскимъ умомъ и художественнымъ чутьемъ. Благодаря этимъ рѣдкимъ особенностямъ, онъ не только убѣждаетъ, но и увлекаетъ читателя. Много выиграла бы наша образованность, если бы писалось больше такихъ книгъ, какъ книги проф. Зѣлинскаго, и если бы онѣ находили внимательныхъ читателей. Къ сожалѣнію, наши пожеланія врядъ ли исполнятся.

Л. Шепелевичъ.

Остроумно-изобрѣтательный идальго Донъ Кихотъ Ламанчскій. *Соч. Мигеля де Сервантеса Саавѣдра.* Пер. **М. В. Ватсонъ** (съ примѣчаніями, біографическими очерками и портретомъ Сервантеса. Ч. II. Спб. 1907 г., изд. Павленкова).

Своевременно („Образованіе", III) мы дали краткій очеркъ о переводѣ М. В. Ватсонъ 1-й ч. Донъ-Кихота. Недавно вышедшая въ свѣтъ *вторая* часть перевода г-жи В. свидѣтельствуетъ о томъ, что переводчикъ остался до послѣдней страницы вѣренъ простому, но единственно правдивому принципу—*точности*. Вторая часть со стороны стиля представляетъ гораздо болѣе техническихъ трудностей, нежели первая. Уже обиліе пословицъ, неимѣющихъ аналогичныхъ русскимъ, значительно осложняетъ задачу переводчика. Г-жа В. вполнѣ удачно, на нашъ взглядъ, довела до конца свой почтенный литературный трудъ. Конечно, точная передача многихъ пословицъ, поговорокъ, сравненій, чисто-народныхъ и провинціальныхъ оборотовъ, которыми изобилуетъ вторая часть „Донъ-Кихота", повела за собою и нѣкоторое измѣненіе основного смысла, но во всякомъ случаѣ эти измѣненія не особенно существенны. Въ отдѣльныхъ и довольно многочисленныхъ случаяхъ мы могли бы предложить разночтенія, отличныя отъ редакціи г-жи В. Иногда толкованія переводчицы, кажется намъ, не вполнѣ правильны: напр., стр. 21 прим.: pedir *cotufos* en el golfo переведено—просить снасти у моря; *cotufo*—не значитъ *снасть*.

На стр. 33 мы не считаемъ умѣстными увеличительныя—*рыцарище* и *графище*. На стр. 43 *„обломанъ"*—не точный переводъ; на стр. 46 слово *„выпаривать"* подобрано неудачно; на стр. 55 „уронивъ ведро, не бросимъ за нимъ вслѣдъ коромысло". *Soga*—не значитъ коромысло (въ Испаніи оно не было извѣстно), а *веревка*. На 61 стр. неточность: „парча болѣе, чѣмъ въ десять сгибовъ". Стр. 71: *pajaro*—не значитъ *воробей*. На стр. 117 неточно переведено: *consumido* и *consumado*.

Мы могли бы значительно увеличить число подобныхъ замѣчаній, доказывающихъ наше вниманіе къ труду г-жи В. Въ такомъ серьезномъ и отвѣтственномъ предпріятіи возможны недосмотры и неточности; они и есть у г-жи В., но настолько немногочисленные и несущественные, что они не умаляютъ достоинства перевода „Донъ-Кихота" М. В. Ватсонъ, *перваго*, сдѣланнаго по испанскому тексту, со знаніемъ языка, отчасти литературы предмета, съ хорошимъ личнымъ лексическимъ матеріаломъ. Было бы желательно, чтобы академія наукъ, чуждая издавна безпристрастія къ постороннимъ лицамъ, отмѣтила чѣмъ-либо заслугу г-жи В., какъ она отмѣчала несравненно менѣе цѣнные труды лицъ, болѣе ей извѣстныхъ, и чтобы г-жа В. нашла себѣ болѣе компетентнаго цѣнителя, нежели рецензентъ уч. ком. мин. нар. пр., давшій въ свое время отзывъ о переводахъ съ *испанскаго*, не зная этого языка.

Л. Шепелевичъ.

Фр. Нитче. *Сумерки идоловъ*. Пер. Н. Полилова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Фр. Нитче. *Антихристъ*. Пер. Полилова. Изд. „Прометей“. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Эти двѣ книги Нитче взаимно дополняютъ другъ друга, ясно обнаруживая, что изъ идей „Сумерекъ идоловъ“ должна была вырасти идея „Антихриста“. Афористическая форма страницъ философа не противорѣчитъ удивительной стройности системы, опредѣляющейся изъ впечатлѣній отдѣльныхъ отрывковъ, вводящихъ въ общую ткань изложенія пеструю массу случайныхъ мыслей и настроеній. Предпочтеніе, которое авторъ питаетъ къ спокойному и пытливому скепсису передъ страстностью вѣры, исповѣданія, сослужило ему хорошую службу при анализѣ „чистаго“ христіанства Христа (въ отличіе отъ историческаго), гдѣ неожиданно для читателя возникаетъ по существу яркій и живой обликъ Назареянина и всѣ тягчайшія обвиненія въ извращеніи жизни, въ ея обезцѣниваніи и пр. ложатся на христіанскую церковь, въ ея окаменѣвшихъ историческихъ формахъ. Въ „Сумеркахъ идоловъ“ звучитъ какъ бы прелюдія къ философскому натиску на „религію растлѣнія и бѣдности“. Основная идея книги—„возстановленіе невинности становленія“ жизни, ниспроверженіе раціоналистическихъ и теологическихъ рамокъ и перегородокъ существованія. Жизнь самоцѣнна и свята въ себѣ самой, внѣ всякихъ моральныхъ и религіозныхъ санкцій, въ своемъ частомъ стихійномъ видѣ. Сохраненіе баланса жизни зависитъ отъ ея могущественнаго рычага—инстинкта. „Всякая здоровая мораль подчиняется инстинкту жизни“, и, слѣдовательно, сама мораль изъ сферы теоретики, отвлеченія переходитъ въ сферу непосредственности. Отсюда понятно, почему мораль въ ея существующемъ видѣ Нитче дѣлаетъ предметомъ содержанія главы „Мораль—какъ противоестественность“. При наличности здоровой жизненной полноты, являющейся необходимымъ предусловіемъ богатой и яркой жизни, всѣми движеніями и побужденіями правитъ инстинктъ. И только при упадкѣ, декадансѣ существованія инстинктъ вырождается въ сухія моральныя формулы: „мораль есть инстинктъ декаданса“. Каждая ошибка есть вырожденіе инстинкта. Нитче ставитъ своей задачей—возвратить человѣку то колоссальное поле дѣятельности, ту арену для живой энергіи и „воли къ власти“, „волѣ къ борьбѣ“, которыя отодвинуты мѣщанскими перегородочками христіанской разслабляющей культуры. „Мы отрицаемъ,—говоритъ онъ,—отвѣтственность въ Богѣ—и этимъ спасаемъ міръ“. Возвратить всю отвѣтственность въ жизни человѣку, спасая этимъ его отвагу, его мужество; возвратить истинную самоцѣнность всѣхъ явленій жизни; сорвать съ вѣчныхъ тайнъ жизни,—какъ рожденіе, бракъ, смерть,—ризы и тряпку религіозныхъ санкцій; сознать чистую святость жизни,—одухотворить, сдѣлать прекрасными, обожествить всѣ вожделѣнія—

въ этомъ Нитче удивительно сходится съ теоріей „спиритуализаціи чувствъ“ Уайльда.

Въ книгѣ „Антихристъ“, которая начинается и заканчивается страстной обвинительной рѣчью по адресу христіанства, необходимо выдѣлить то, что направлено по адресу исторически-сложившейся церкви христіанской отъ чистаго ученія „Великаго благовѣстника“. Мѣткій и глубокій анализъ этого чистаго ученія приводитъ философа къ убѣжденію, что осквернившія жизнь понятія „грѣха“, „наказанія“ и религіозной подчиненности не могли заключаться въ ученіи самого Христа, который утвержденіемъ своей „благой вѣсти“ показалъ, что жизнь уже спасена и освѣщена, разъ благая вѣсть въ ней прозвучала, и тѣмъ самымъ утверждалась и абсолютная цѣнность жизни. Осуществленіе идеала Христа, по Нитче, совершалось не „по ту сторону“ существованія, а здѣсь, на землѣ, которая являлась свѣтлой ареной „жизни въ Богѣ“. Здѣсь—характерное совпаденіе нѣкоторыхъ взглядовъ на чистую сущность ученія Христа автора Заратустры и нашихъ „неохристіанъ“, какъ Мережковскій, Минскій и др. Но основные принципы этого ученія—равенство, любовь, состраданіе—суть принципы пониженной, упадочной жизни и разсчитаны на воспріимчивость тупыхъ, исковерканныхъ жизнью и задавленныхъ ею массъ. Въ этомъ, по Нитче, опасность христіанства вообще. Параллель между христіанствомъ и буддизмомъ приводитъ его къ выводамъ не къ пользу первого, ибо въ буддизмѣ выражена тенденція естественнаго упадка завершившей свой тысячелѣтній циклъ культуры, между тѣмъ, какъ въ христіанствѣ—не буддійское самоуничтоженіе, а, наоборотъ, посягательство больного на здоровое, смерти на жизнь, вражда къ природѣ, къ естественности. Величайшій моментъ исторіи, по Нитче,—Ренессансъ, когда „на папскомъ престолѣ сидѣло не „старое растлѣніе“,—христіанство, а (въ лицѣ Цезаря Борджіо) сама жизнь, самъ тріумфъ жизни. Утвержденію этого тріумфа чистой, освобожденной отъ рабства, трусости, отвѣтственности, состраданія, подчиненности и грѣха жизни, посвящена книга Нитче, котораго одинаково пугаетъ принципъ равенства и въ христіанствѣ, и въ соціализмѣ.

Переводъ сдѣланъ хорошо; „Антихристъ“ переведенъ болѣе тщательно и чутко; во всякомъ случаѣ—это лучшіе у насъ переводы рецензируемыхъ книгъ Нитче.

Н. Я. Абрамовичъ.

Людвигъ Фейербахъ. *Сущность христіанства.* Переводъ съ 4-го изд. В. Ульриха. Изд. А. Миллеръ. Лейпцигъ.—Спб. 1906. 348 стр. Ц. 2 руб.

„Книги имѣютъ свою исторію“—гласитъ латинская поговорка. Перефразируя ее, можно было бы сказать: „исторія имѣетъ свои книги“, т. е. есть такія книги, черезъ которыя, какъ выразился бы Гегель,

прошелъ всемірный духъ въ своемъ величавомъ историческомъ шествіи. Къ такого рода историческимъ книгамъ принадлежитъ и знаменитое сочиненіе Людвига Фейербаха „Сущность христіанства", впервые появившееся въ 1841 г.

Нынѣшнему русскому читателю не легко представить, какимъ образомъ книга Фейербаха, посвященная религіозному вопросу, могла сыграть такую крупную общественную роль. Но это странное, на первый взглядъ, явленіе легко объясняется обстоятельствами времени и мѣста, когда и гдѣ появилась эта книга. Она появилась въ Германіи сороковыхъ годовъ, а Германія сороковыхъ годовъ во многомъ коренным образомъ отличалась отъ нынѣшней.

Въ политическомъ и соціальномъ отношенія Германія сороковыхъ годовъ находилась на перепутьи. Она переживала тогда процессъ мучительнаго прорѣзыванія новыхъ формъ соціальной и политической жизни. Поверхность жизни была еще скована суровымъ морозомъ реакціи, но внутри уже кипѣли и быстро росли новыя силы, вѣщавшія близкое половодье. Нѣмецкая интеллигенція тѣхъ годовъ чувствовала, какъ надвигались новыя формы капиталистическаго строя, понимала, что она присутствуетъ при зачатіи новой исторической эпохи и, лишенная при этомъ реальной политической силы, она, однако, вообразила себя призванной быть такъ сказать закройщицей дальнѣйшей исторіи Германіи.

Сидя въ своихъ кабинетахъ, она усердно чертила пути общественнаго развитія, на основаніи „западнаго опыта" составляла для нѣмецкой исторіи путеводители съ маршрутомъ прямого сообщенія съ „соціалистическимъ" строемъ, безъ остановокъ на капиталистической стадіи.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что отвлеченныя теоріи, философскія обобщенія играли бо́льшую роль въ соціальныхъ построеніяхъ нѣмецкихъ интиллигентовъ сороковыхъ годовъ, чѣмъ реальные факты и факторы живой жизни. Вѣдь нѣмецкая интеллигенція въ лицѣ „истинныхъ соціалистовъ" была убѣждена, что достаточно *придумать* направленіе и путь соціальнаго развитія и тогда соціальный вопросъ будетъ разрѣшенъ.

А между тѣмъ нѣмецкая философія той эпохи отличалась нарочитою отвлеченностью и отрѣшенностью отъ жизни. Философы точно пауки ткали свою метафизическую паутину, сидя въ темныхъ углахъ и высасывая всѣ жизненные соки изъ живой человѣческой личности.

И когда Людвигъ Фейербахъ выступилъ съ горячею проповѣдью „новой философіи", философіи, проникнутой живыми жизненными вопросами, то нѣмецкая интеллигенція встрѣтила его съ неописуемымъ восторгомъ. Въ своей извѣстной книжкѣ „Людвигъ Фейербахъ" Энгельсъ разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на нѣмецкую интеллигенцію сороковыхъ годовъ появленіе книги Фейербаха „Сущность христіанства". Оно безъ всякихъ оговоровъ, говоритъ Энгельсъ, провозгласило

торжество матеріализма. „Природа существуетъ независимо отъ какой бы то ни было философіи. Она есть основаніе, на которомъ выростаемъ мы, люди—ея произведенія. Внѣ природы и человѣка нѣтъ ничего. Высшія существа, созданныя нашей религіозной фантазіей,—это лишь фантастическія отраженія нашей собственной сущности. Заклятіе было снято; „система" была пробита и отброшена въ сторону, противорѣчіе разрѣшено простымъ обнаруженіемъ того обстоятельства, что оно существуетъ только въ воображеніи. Кто не пережилъ освободительнаго вліянія этой книги, тотъ не можетъ и представить его себѣ. Мы всѣ были въ восторгѣ, и всѣ мы стали на время послѣдователями Фейербаха. Съ какимъ одушевленіемъ привѣтствовалъ Марксъ новое воззрѣніе, и какъ сильно повліяло оно на него—несмотря на всѣ его критическія оговорки—можно видѣть изъ книги: „Die heilige Familie" (Энгельсъ. Л. Фейербахъ. Перев. Г. Плеханова. Изд. Львовича. Спб. 1906. Стр. 39 стр.).

Эти слова Энгельса отлично показываютъ, какую крупную роль сыграла книга Фейербаха „Сущность христіанства", впервые нынѣ появившаяся въ русскомъ переводѣ, и какъ важно, въ частности, изученіе Фейербаха для изученія генезиса марксизма.

Выйдя изъ школы Гегеля, Фейербахъ порвалъ съ гегельянской метафизикой и провозгласилъ, какъ выразился находившійся подъ его вліяніемъ Н. Чернышевскій, „антропологическій принципъ въ философіи".

Въ предисловіи къ „Сущности христіанства" Фейербахъ пишетъ: „Я совершенно не похожъ на тѣхъ философовъ, которые умышленно закрываютъ свои глаза, чтобы легче было мыслить, напротивъ, въ процессѣ мышленія я прибѣгаю къ помощи всѣхъ чувствъ и, прежде всего, глазъ, я строю свои мысли и идеи на такомъ матеріалѣ, который мы усваиваемъ себѣ только посредствомъ дѣятельности чувствъ, я создаю не предметы изъ идей, а наоборотъ, идеи *изъ предметовъ*, а предметомъ я считаю только то, что существуетъ *внѣ моей головы*. Я идеалистъ лишь въ области *практической* философіи, т. е. грани настоящаго и прошедшаго я не дѣлаю гранью для будущаго, для человѣчества, а, напротивъ, я вѣрую непоколебимо, что многое и даже очень многое изъ того, что близорукіе, малодушные практики нынѣ считаютъ фантазіей, неосуществимою идеей или химерою,—завтра, т. е. въ слѣдующемъ столѣтіи, предстанетъ передъ нами во всей своей реальности" (XIX—XX ст.).

Моя философія, говоритъ Фейербахъ, говоритъ человѣческимъ языкомъ. Это философія, „которая по существу дѣла и по языку полагаетъ сущность философіи въ *отрицаніи философіи*, т. е. истинною философіей считаетъ только философію, пропитанную „сокомъ и кровью" человѣка, очеловѣченную философію, и которая находитъ себѣ радость въ томъ, что всѣ тупыя и забитыя доктриной головы, принимающія *призракъ* философіи за сущность философіи, не признаютъ ее философіей" (XXI ст.).

При анализѣ религіозныхъ вѣрованій Фейербахъ постоянно подчеркиваетъ ихъ антропологическій характеръ, т. е. доказываетъ, что между предикатами божественной и человѣческой сущности нѣтъ различія.

„Каковы мысли и намѣренія человѣка, таковъ и Богъ его; какова цѣнность человѣка, такова же, и не выше, цѣнность его Бога. *Сознаніе Бога есть самосознаніе человѣка*, познаніе Бога—самопознаніе человѣка. Человѣка ты узнаешь по его Богу, и наоборотъ—по человѣку познаешь и Бога его, ибо они—едино суть“ (12 стр.). „Богъ для людей есть собраніе всѣхъ ихъ высшихъ чувствъ и помышленій, альбомъ, куда вписываются названія всего наилучшаго и святѣйшаго“ (64 стр.).

Протестантизмъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Фейербахъ, не нуждается въ *небесной* женщинѣ, потому что открыто прижимаетъ къ сердцу женщину *земную*... Тріединый Богъ есть Богъ католическій; онъ имѣетъ значеніе внутреннее, необходимое, истинно-религіозное, только какъ противоположность отрицанію субстанціальныхъ узъ, противоположность сущности отшельнической, *монашеской*. Тріединый Богъ есть Богъ, полный содержанія, и нуженъ онъ тому, кто отвлекается отъ содержанія жизни дѣйствительной. Чѣмъ безсодержательнѣе жизнь, тѣмъ полнѣе и конкретнѣе богъ. Опустошеніе дѣйствительнаго міра и преисполненіе божества—единый актъ. Только бѣдный человѣкъ имѣетъ богатаго бога. Богъ порождается чувствомъ недостатка; чего недостаетъ человѣку—будь то лишеніе опредѣленное, сознательное или несознательное,—то для него и богъ. Такъ человѣкъ, чувствующій въ своемъ сердцѣ пустоту и одиночество, проситъ себѣ бога, который для него есть общество, союзъ существъ, объединенныхъ узами искренней любви“ (73 стр.).

Помимо своего историческаго значенія, помимо своего замѣчательнаго анализа религіозныхъ вѣрованій, книга Фейербаха и нынѣ еще представляетъ крупный философскій интересъ. У Фейербаха можно найти въ зародышѣ тѣ оригинальные теоретико-познавательные взгляды, которые въ настоящее время развиваютъ Риль, а еще въ большей степени—Зиммель. Конечно, философская мысль не застыла на Фейербахѣ и во многомъ его превзошла, въ частности—и Марксъ впослѣдствіи подвергъ ее плодотворной критикѣ. Но за всѣмъ тѣмъ знакомство съ философскими взглядами Фейербаха и нынѣ еще не утратило не только историческое, но и *образовательное* значеніе.

П. Берлинъ.

А. Козловскій. *Очерки синдикализма во Франціи.* Изд. „Своб. Мысль“. Мск. 1907 г. Ц. 65 коп.

Бурный и стремительный потокъ русской революціи, съ ея великими и грозными историческими событіями, вызвалъ не менѣе бурный водоворотъ идей и стремленій. Общественная мысль работаетъ нервно, порывисто

и страстно. Въ міросозерцаніи русской интеллигенціи происходитъ рѣзкая и глубокая дифференціація. Упрощенная группировка на марксистовъ и народниковъ, соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ отошла въ область далекаго прошлаго. На авансцену политической жизни и дѣятельности выступили теперь, наряду съ фракціоннымъ раздѣленіемъ с.-д. и с.-р.,—анархисты-коммунисты и индивидуалисты, анархо-синдикалисты, и революціонно-синдикалисты, махаевцы и другія болѣе мелкія подраздѣленія этихъ направленій.

Въ настоящее время заслуживаетъ особаго вниманія интенсивное, и, болѣе или менѣе, широкое распространеніе анархо-синдикалистскихъ идей. На „объединительномъ" съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. меньшевики отмѣчали уже, что принципъ „непосредственнаго революціоннаго творчества массъ", выдвинутый большивиками въ противовѣсъ „парламентаризму", какъ нельзя болѣе похожъ на „непосредственное воздѣйствіе" (action directe), которое составляетъ центральную идею французскаго синдикализма. Большевики, съ своей стороны, призываютъ къ самой рѣшительной принципіальной борьбѣ съ „анархо-синдикалистскимъ движеніемъ въ пролетаріатѣ и съ аксельродовско-ларинскими идеями въ соціалъ-демократіи". Не касаясь вопроса, насколько эти взаимныя обвиненія имѣютъ за собой реальныя основанія, а не продиктованы фракціонной враждой и полемикой, мы должны отмѣтить, однако, два характерныхъ симптома: въ области теоріи—А. Луначарскій, видный лидеръ большевистской фракціи, весьма опредѣленно и недвусмысленно проявилъ свою симпатію къ революціонному синдикализму въ послѣсловіи къ книжкѣ А. Лабріола; въ области практики—за послѣднее время среди петербургскаго пролетаріата оживилась дѣятельность послѣдователей Вилюйскаго мудреца, Махайскаго, и группа „Рабочій заговоръ" ведетъ замѣтную пропаганду своихъ идей, родственныхъ синдикализму. Одно очевидно, что революціонный синдикализмъ изъ сферы теоретическихъ вопросовъ западно-европейскаго рабочаго движенія романскихъ странъ воплощается въ русскую жизнь и пріобрѣтаетъ практическое значеніе. Детальное изученіе его становится необходимымъ.

Спросъ вызвалъ предложеніе. Кромѣ журнальныхъ статей, переведены и изданы труды теоретиковъ синдикализма: Г. Лягарделля, Ж. Сореля, А. Лабріола, Э. Берта, М. Пьерро и др. Недавно появилась также книжка Л. Козловскаго—„Очерки синдикализма во Франціи". Авторъ послѣдней оговаривается въ предисловіи, что въ истолкованіи синдикализма онъ слѣдовалъ за работами его французскихъ теоретиковъ, но, тѣмъ не менѣе, его „очерки" не являются компиляціей статей этихъ писателей. Книжка г. Козловскаго заслуживаетъ вниманія, такъ какъ авторъ, кромѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго выясненія характерныхъ сторонъ синдикализма, дѣлаетъ сопоставленіе и проводитъ параллель между идеями, программой и тактикой революціоннаго синдикализма и

соціалъ-демократіей. Это сопоставленіе касается ряда интересныхъ вопросовъ: парламентаризмъ и классовая борьба, всеобщая стачка и соціализмъ, соціализмъ и патріотизмъ, движеніе и конечная цѣль, синдикализмъ и анархизмъ, синдикализмъ и идеалы культуры.

Выясняя проблему соціальной революціи съ точки зрѣнія синдикализма, г. Козловскій такъ опредѣляетъ основную концепцію этого движенія: синдикалисты стремятся создать въ рамкахъ буржуазнаго государства чисто-пролетарскую экономическую организацію, призванную взять въ свои руки производства и замѣнить учрежденія, созданныя капиталистическимъ обществомъ. Основой этой пролетарской организаціи является синдикатъ, т. е. профессіональный союзъ, а средствомъ для разрушенія буржуазнаго государства—всеобщая стачка. Синдикалисты отрицаютъ необходимость завоеванія политической власти для соціальной революціи и парламентскую борьбу не считаютъ средствомъ классоваго освобожденія. Но они не антипарламентаристы, а внѣпарламентаристы. Пытаясь затѣмъ доказать преимущество синдикализма передъ соціалъ-демократическимъ движеніемъ, авторъ усиленно подчеркиваетъ переоцѣнку во Франціи и Германіи роли парламентаризма для соціальной революціи. Конечно, пораженіе соціалъ-демократовъ на послѣднихъ выборахъ въ Германіи опредѣленно иллюстрируетъ, что формула Жорэса: „соціализмъ побѣдитъ избирательными бюллетенями", которая на практикѣ молчаливо признается германской соціалъ-демократіей, утопична. Но объ реакція противъ „парламентскаго кретинизма" и объ усиленныхъ попыткахъ послѣднихъ партейтаговъ согласовать дѣятельность германской с.-д. партіи съ профессіональнымъ движеніемъ—авторъ умалчиваетъ. Онъ не говоритъ также о той оппозиціи, которая растетъ и зрѣетъ въ рядахъ французскихъ синдикалистовъ противъ grève-general'истскаго кретинизма. Онъ не выясняетъ того непримиримаго противорѣчія между теоріей и практикой синдикализма, которое фактически наблюдается во Франціи. Вопреки заклинанію вождей и теоретиковъ синдикализма, рабочія массы принимаютъ участіе въ парламентскихъ выборахъ, ибо рабочій постольку же и производитель, поскольку гражданинъ и прежде всего человѣкъ, а не абстрактная категорія экономическаго строя. Считаясь съ этимъ фактомъ, синдикалисты все дальше идутъ по пути компромиссовъ. На сцену они выдвинули пресловутый „внѣпарламентскій" методъ. „Какъ члены революціоннаго класса,—пишетъ Лягарделль,—вы боретесь за соціализмъ въ синдикатахъ и только въ синдикатахъ; какъ граждане, вы можете голосовать, за кого вамъ угодно". Г. Л. Козловскій умалчиваетъ, къ чему фактически приводитъ этотъ методъ; онъ не приводитъ резолюціи Дуазіе и Вейса, предложенной на Амьенскомъ синдикальномъ конгрессѣ:—„если синдикатъ долженъ сохранять свою автономность и не заниматься политикой, то онъ долженъ также не допускать болѣе политики избирательнаго абсенціонизма, на-

правленной чаще всего именно противъ той партіи, которую большая часть рабочихъ считаетъ своей классовой партіей". Самъ Г. Лягарделль рекомендуетъ теперь рабочимъ подавать свои голоса за соціалистовъ. Затѣмъ, г. Козловскій повторяетъ избитый упрекъ синдикалистовъ по адресу соціалистовъ, что парламентская дѣятельность ихъ—это сдѣлка съ буржуазіей. Неоднократно уже указывалось, что, отказываясь отъ задачи непосредственно поднять знамя возстанія за уничтоженіе капиталистическаго строя, борьба синдикалистовъ сводится къ стачкамъ и къ предъявленію требованій предпринимателямъ, которыя, конечно, не имѣютъ принципіальной разницы отъ парламентскаго „торга" и „сдѣлки".

Касаясь вопроса о всеобщей стачкѣ, г. Козловскій разсматриваетъ эволюцію во взглядахъ и критикуетъ современную позицію соціалъ-демократіи въ этомъ вопросѣ. Безспорно, авторъ говоритъ много горькой правды, когда вспоминаетъ, что германская соц.-демократія долгое время считала эту мѣру борьбы „всеобщей глупостью". Но его освѣщеніе вопроса о всеобщей экономической стачкѣ съ точки зрѣнія синдикализма опять-таки страдаетъ крайнимъ субъективизмомъ и односторонностью. Онъ игнорируетъ факты, какъ массовое рабочее движеніе во Франціи исправляетъ ошибки теоретиковъ синдикализма и въ этомъ вопросѣ. Руководящіе круги синдикализма неоднократно призывали рабочихъ отъ „слова" къ „дѣйствіямъ". 13 октября 1897 г. администрація желѣзнодорожнаго синдиката декретировала стачку. Въ Парижѣ на 40 тыс. рабочихъ бросило работу около 140 чел;. въ провинціи—ни одинъ. „Идея всеобщей стачки теперь достаточно понята,—увѣрялъ докладчикъ комиссіи на Ліонскомъ конгрессѣ въ 1901 г.—Постоянно откладывая ея осуществленіе, мы рискуемъ навсегда дискредитировать ее, напрасно нервируя революціонную энергію". Но намѣченная съ 1 ноября стачка не состоялась вовсе. Наконецъ, на конгрессѣ въ Буржѣ рѣшено съ 1 мая 1906 г. бастовать и ввести революціоннымъ путемъ... не соціализмъ, а только 8-ми час. рабочій день. Объ этихъ фактахъ, въ общемъ подкрѣпляющихъ позицію К. Каутскаго въ вопросѣ о всеобщей стачкѣ, г. Козловскій умалчиваетъ въ своей книгѣ.

Западно-европейское рабочее движеніе переживаетъ сложный и глубокій процессъ переоцѣнки роли парламентаризма и синдикализма для соціальной революціи, въ связи съ взаимоотношеніями ихъ къ соціалистическимъ партіямъ. На Амьенскомъ и Лиможскамъ конгрессахъ опредѣлились весьма характерные симптомы ситуаціи будущаго во Франціи: на противоположныхъ полюсахъ стоятъ непримиримые фанатики доктрины типа Ж. Геда, съ одной стороны, и Ж. Сореля—съ другой; сознательные же слои рабочихъ, организованные въ синдикаты и соціалистическія партіи, подъ тяжелыми ударами молота капиталистической эксплоатаціи и массивной наковальней парламентаризма, взаимно протягиваютъ другъ

другу руки, стараясь загладить послѣдствія гибельнаго для пролетаріата раскола между политическимъ и экономическимъ движеніемъ и согласовать революціонный синдикализмъ съ соціализмомъ. Въ книжкѣ г. Козловскаго факты этого процесса либо игнорируются, либо освѣщаются тенденціозно. Къ недостаткамъ книжки слѣдуетъ также отнести крайнюю бѣглость и схематичность очерка происхожденія и развитія синдикалистскаго движенія во Франціи.

Д. Зайцевъ.

Ренэ Штурмъ. *Бюджетъ.* Переводъ А. С. Изгоева съ пятаго изданія, пересмотрѣннаго и приведеннаго въ соотвѣтствіе съ новѣйшими данными. Съ приложеніемъ статьи доцента М. И. Фридмана. *Наше законодательство о бюджетѣ.* Цѣна 2 рубля. Изд. библіотеки „Общественная Польза". СПБ. 1907 г. Стр. 598.

Трудъ г. Штурма—это внушительный по своему объему и блестящій по содержанію фоліантъ. Авторъ „Бюджета" превосходно сочеталъ глубину мысли, объективность научнаго анализа съ рѣдкой увлекательностью и блескомъ формы изложенія. Напрасно мы стали бы долго говорить здѣсь о достоинствахъ этой почтенной работы—имя г. Штурма пользуется широкой, вполнѣ заслуженной популярностью среди западно-европейскихъ и американскихъ ученыхъ спеціалистовъ, и его „Бюджетъ" занимаетъ первенствующее мѣсто въ міровой литературѣ, посвященной вопросамъ бюджета и бюджетнаго права.

Книга охватываетъ *жизнь* бюджетовъ *конституціоннаго*, главнымъ образомъ французскаго, государства въ ихъ послѣдовательномъ, преемственномъ развитіи, начиная съ эмбріональнаго состоянія и кончая смертью, т. е. составленія, вотированія, исполненія и контроля.

Логическій остовъ книги таковъ. Первоначально предпосылается опредѣленіе бюджета и бюджетнаго права въ связи съ происхожденіемъ послѣдняго въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Пруссіи и Франціи (стр. 1—43). Затѣмъ слѣдуетъ, такъ сказать, жизнеописаніе бюджета, который складывается изъ четырехъ вышеупомянутыхъ періодовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, имѣя собственныя технически-бюджетныя и конституціонныя особенности, обладая своеобразіемъ историческаго происхожденія и особыми, присущими данному періоду, бюджетными формальностями. Министръ финансовъ при помощи своего вѣдомства объединяетъ всѣ смѣты отдѣльныхъ министерствъ, дѣлаетъ сводку отдѣльныхъ бюджетовъ различныхъ управленій, комбинируя изъ разрозненныхъ финансовыхъ величинъ и фактовъ нѣчто цѣлое и стройное—проектъ государственнаго бюджета, которому предпосылаетъ свой объяснительный докладъ, письменный или устный. Это первый періодъ въ жизни бюджета, и именно съ этихъ поръ бюджетъ

является живымъ воплощеніемъ грядущихъ государственныхъ потребностей, плановъ и чаяній, т. е. не абстрактнымъ отвлеченіемъ, а матеріальной величиной, личностью (44—237). Ставши личностью, бюджетъ идетъ въ законодательное собраніе, гдѣ передъ суровыми экзаменаторами—представителями народа держитъ экзаменъ правоспособности. Перешагнувши порогъ парламента, бюджетъ первоначально попадаетъ въ парламентскія комиссіи (континентальная система) или въ комитетѣ (Commitee of the Whole Hause—англійская система), которыя, разобравъ бюджетъ „по косточкамъ", составляютъ относительно него доклады, являющіеся отправнымъ моментомъ для публичнаго обсужденія бюджета, общаго и по статьямъ. Затѣмъ происходитъ вотированіе, причемъ доходы вотируются послѣ расходовъ, а послѣдніе по болѣе или менѣе мелкимъ статьямъ, такъ что на каждый парламентскій вотумъ приходится сравнительно небольшая сумма. Какъ только первая палата сдѣлала свое дѣло, бюджетъ поступаетъ въ верхнюю палату съ присущими ей правами въ области бюджетнаго права, сообразно конституціи каждой страны. Принятіе законодательными собраніями бюджета составляетъ второй періодъ въ его жизни, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ дѣятельности народнаго представительства, извѣстнымъ образомъ гарантирующей и закрѣпляющей начала гражданской свободы страны (241—343, 558). Пройдя черезъ законодательныя учрежденія, сдавъ экзаменъ передъ народными представителями, бюджетъ возвращается на лоно исполнительной власти для проведенія его въ жизнь, для такъ называемаго исполненія. Въ данномъ случаѣ министръ финансовъ, опираясь на цѣлый легіонъ подотчетныхъ лицъ и съ помощью іерархической лѣстницы агентовъ, руководитъ взиманіемъ налоговъ и податей, и платежомъ расходовъ, централизуя и передвигая финансовые рессурсы для удовлетворенія нуждъ государства во всѣхъ частяхъ и пунктахъ территоріи. Здѣсь вмѣшивается предварительный контроль, функціи котораго неотъемлемы отъ исполненія бюджета, такъ какъ предварительный контроль наблюдаетъ за точнымъ выполненіемъ и соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ предписаній, которыя сдѣлалъ парламентъ по отношенію къ бюджету (347—455, 559). Это третій періодъ въ жизни бюджета. Какъ только бюджетъ прошелъ свой смѣтный путь, такъ сейчасъ же онъ представляется послѣдующему контролю въ его трехъ основныхъ формахъ административнаго, судебнаго и законадательнаго. Добытые административнымъ и судебнымъ контролемъ матеріалы вмѣстѣ съ бюджетомъ восходятъ въ парламентъ, который, на основаніи данныхъ контроля и заключенія парламентскихъ комиссій, провозглашаетъ утвержденіе исполненія бюджета истекшаго смѣтнаго періода (467—559,560). Это послѣдняя фаза въ жизнедѣятельности бюджета, пройдя которую, онъ перестаетъ существовать, какъ личность, уступая мѣсто новому, идущему вслѣдъ за нимъ въ порядкѣ календарнаго лѣтосчисленія.

Таковъ логическій скелетъ книги Штурма. И нужно отдать справедливость, этому скелету Штурмъ далъ жизнь и превосходно разсмотрѣлъ и осмыслилъ цѣль существованія, удѣливъ этой работѣ ровно тридцать объемистыхъ главъ. Широкое поле зрѣнія автора „Бюджета“ позволяетъ ему отрѣшиться отъ обсужденія предмета въ узкихъ рамкахъ и разсматривать бюджетъ исключительно въ финансово-технической плоскости. Когда вы читаете книгу Штурма, то передъ вами развертывается грандіозная картина *финансоваго хозяйства* современныхъ государствъ и той непрерывной борьбы старыхъ началъ съ новыми, которая привела къ нынѣшнему бюджетному режиму, къ установленію въ государственныхъ финансахъ бюджетнаго права. Тутъ вы увидите, какъ старый режимъ настойчиво стремится пріютиться въ новыхъ формахъ, сгорая желаніемъ пожрать драгоцѣнныя завоеванія народа... Тутъ дано мастерское описаніе грандіознаго по своимъ размѣрамъ и политико-экономическимъ послѣдствіямъ бюджетнаго аппарата со всѣми его деталями, въ преемственномъ развитіи его роста и усовершенствованія. Повторяемъ, книга Штурма даетъ исчерпывающій анализъ бюджета и бюджетной техники конституціонныхъ государствъ, принося читателю солидныя знанія по вышеуказаннымъ предметамъ, относительно которыхъ, кстати сказать, русская читающая публика до сихъ поръ не имѣла ни одного болѣе или менѣе дѣльнаго литературнаго пособія. Поэтому изданіе библіотекой „Общественная Польза“ настоящаго труда Штурма можно лишь только привѣтствовать.

При всѣхъ своихъ научныхъ литературныхъ достоинствахъ, книга Штурма имѣетъ, однако, и свои недостатки. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести тотъ чисто-*описательный* методъ, которымъ авторъ пользовался при изложеніи своего „Бюджета“. Поэтому у Штурма совершенно отсутствуютъ такъ называемые спорные вопросы бюджетнаго права (см. „Bugetrech“ Елленека, въ Handw. Cohrad'a, стр. 774). Онъ совершенно не удѣляетъ вниманія финансовому плану (Heckel) и отношенію бюджетнаго права къ государственному кредиту и долгу (Stein, Besson.); ни слова не говорится объ юридической природѣ бюджета: есть ли бюджетъ предметъ свободнаго законодательства, или онъ вовсе исключаетъ законотворческую свободу (Елленекъ), и каковы должны быть вытекающія отсюда, изъ юридическаго анализа бюджета, отношенія правительства къ парламенту, гдѣ разграничительная черта между ними: возможно ли юридическое или историко-политическое разрѣшеніе бюджетныхъ конфликтовъ и т. д. Описательный методъ привелъ Штурма къ тому, что онъ только изложилъ дѣйствующее бюджетное законодательство и охарактеризовалъ бюджетный режимъ конституціонныхъ государствъ, внѣ зависимости отъ соціально-экономическихъ условій ихъ зарожденія и развитія, внѣ классовыхъ группировокъ въ буржуазныхъ парламентахъ (напр., англійскій до 1832 г.), группировокъ, непосредственно вліявшихъ на эволюцію бюд-

жетнаго законодательства. Такимъ образомъ недостатки *методологіи* Штурма являются серьезными *фактическими* недостатками въ его въ общемъ цѣнной и содержательной работѣ.

Утвержденіе Штурма, что бюджетное право „коренится... въ высокой идеѣ... суверенитета", что каждый членъ общества обладаетъ бюджетнымъ правомъ въ соотвѣтствіи съ *удѣленной* ему частью суверенитета" (стр. 5 и 6), хотя и утрированно, но въ сущности вѣрно, если отбросить сопровождающіе это опредѣленіе парадоксы и условиться въ терминахъ, если говорить, что бюджетное право предполагаетъ народное представительство, коренится въ суверенитетѣ народа и въ его правосознаніи, причемъ всякое положительное бюджетное право постольку цѣнно само по себѣ и постольку отражаетъ идею народнаго суверенитета, поскольку въ представительныхъ собраніяхъ представленъ *дѣйствительный* народъ съ его многообразными соціальными группировками, на которыя въ той или иной степени опирается современное государство.

Вопросъ отказа въ бюджетѣ Штурмъ разсматриваетъ, какъ конституціонное средство борьбы народныхъ представителей съ исполнительною властью, и „какъ ни опасно это оружіе", парламентъ владѣетъ имъ, онъ владѣетъ имъ законно и никто не можетъ у него вырвать... Нельзя представить себѣ право разрѣшать безъ его логическаго противовѣса—права не разрѣшать. Одно безъ другого теряетъ всякую цѣнность, даже всякое значеніе (стр. 346).

Переводъ г. А. С. Изгноева гладокъ и удовлетворителенъ, хотя изобилуетъ опечатками, часто извращающими смыслъ фразы. На стр. 34 переводчикъ, поясняя слово „октруа", Coetroi, опредѣлилъ его такъ: пошлина со съѣстныхъ припасовъ, взимаемыхъ на околицахъ. Если при опредѣленіи этого налога руководиться мѣстами его взиманія, то слѣдовало бы его обозначить привратнымъ сборомъ или городской заставной пошлиной; кромѣ того, октруа падаетъ только на *нѣкоторые* съѣстные припасы (мясо, молоко, хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, овощи освобождаются), такъ что опредѣленіе „октруа" невѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Имя автора „Бюджета" переведено почему-то нѣмецкимъ Штурмъ, вмѣсто французскаго Стурмъ (Stourm), хотя на стр. 6 въ примѣчаніи и въ другомъ мѣстѣ онъ переводится черезъ Стурмъ.

Приложенная къ книгѣ Штурма статья г. М. И. Фридмана—„Наше законодательство о бюджетѣ" посвящена характеристикѣ бюджетныхъ правъ Думы и организаціи существующаго контроля. Статья эта представляетъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ написана со знаніемъ дѣла и служитъ необходимымъ дополненіемъ къ работѣ Штурма. Особенный интересъ въ этой статьѣ вызываетъ IV глава, гдѣ авторъ подвергаетъ юридическому анализу пресловутую 116 ст. „основныхъ законовъ". Относительно отказа въ бюджетѣ г. М. И. Фридманъ говоритъ слѣдующее: „Въ совре-

менной атмосферѣ русской дѣйствительности отказъ въ бюджетѣ есть одинъ изъ самыхъ мирныхъ, самыхъ законныхъ, самыхъ нравственныхъ способовъ для завоеванiя лучшаго будущаго".

Книга издана очень дешево.

В. Мукосѣевъ.

Прив.-доц. М. И. Боголѣповъ. *Финансы, правительство и общественные интересы.* СПБ. 1907 г. Стр. 333. Ц. 1 р. Издательство О. Н. Поповой.

Книга состоитъ изъ ряда статей, которыя большею частью были уже напечатаны въ „Рус. Мысли" и „Образованiи". Теперь собранныя воедино и объединенныя общей мыслью, статьи эти представляютъ изъ себя серьезный научный и общественный интересъ. Авторъ держится марксистскихъ воззрѣнiй, и уже одно приложенiе такого метода къ изученiю финансовыхъ институтовъ придаетъ работѣ г. Боголѣпова всѣ положительныя качества марксистской литературы. Съ другой стороны, мы имѣемъ передъ собою талантливо написанныя статьи по всѣмъ наиболѣе жгучимъ вопросамъ *русскихъ* финансовъ. А вѣдь послѣднiя приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманiе какъ въ Россiи, такъ и за границей...

Книга открывается статьей „*Бюджетъ и бюджетное право*" (стр. 1—48). Первоначально излагается теоретическое ученiе о бюджетѣ. Авторъ разсматриваетъ бюджетъ, какъ финансовый институтъ, необходимость существованiя котораго диктуется фактомъ государственной жизни. Авторъ выводитъ зависимость развитiя бюджетныхъ формъ отъ общаго развитiя политической идеи бюджета и отъ системы организацiи государственнаго управленiя вообще, финансоваго въ частности. „Лишь съ того момента, когда государственный бюджетъ былъ подчиненъ контролю народнаго представительства, бюджетная структура и бюджетная техника начали развиваться... стали прiобрѣтать совершенныя формы". Удѣлено вниманiе финансовому плану, этой матерiальной основы бюджета, отношенiю послѣдняго къ государственному контролю и кредиту, данъ общiй абрисъ бюджетной техники, намѣчены отличительныя черты бюджета въ современныхъ государствахъ и т. д. Далѣе превосходно изложена теорiя бюджетнаго права. Авторъ, излагая воззрѣнiя знаменитаго Лоренца Штейна, который далъ глубокiй и блестящiй анализъ бюджетнаго права, замѣчаетъ, что однимъ изъ отправныхъ моментовъ развитiя бюджетнаго права по всей Западной Европѣ была *революцiя*. Абсолютизмъ, лишенный фактическихъ стимуловъ для удовлетворенiя новыхъ задачъ, выдвинутыхъ измѣненiемъ экономической структуры, всѣ финансовые рессурсы затрачивалъ на самосохраненiе, изнуряя производительныя и податныя силы страны. „Какъ слѣдствiе такого порядка, явилась повсемѣстная рецепцiя бюджетнаго права,

отдающаго въ руки народнаго представительства распоряженіе и государственными задачами, и матеріальными средствами для ихъ рѣшенія". Бюджетное право—есть первый признакъ политической свободы и разъ бюджетное право захвачено, то „задача будущаго—демократизировать захваченныя средства и оружіе путемъ полной демократизаціи избирательнаго права".

Содержаніе второй статьи вполнѣ опредѣляется ея названіемъ: *„Бюджетное право Государственной Думы"* (стр. 51—91). Она посвящена изслѣдованію нашего бюджетнаго законодательства въ связи съ исторіей финансоваго управленія. Г. Боголѣповъ говоритъ—и весьма резонно,—что развитіе новѣйшаго бюджетнаго законодательства обусловливалось факторомъ задолженности Россіи заграницѣ. Но „весьма затруднительно говорить о той исторической обстановкѣ, среди которой рождалось русское бюджетное право". Во всякомъ случаѣ нынѣшнія бюджетныя отношенія создавались подъ вліяніемъ „двухъ чрезвычайно важныхъ обстоятельствъ"—государственнаго кредита и революція,—взаимно дополнявшихъ другъ друга. Анализируя „правила 8 марта", авторъ приходитъ къ выводу: „русское бюджетное право, обрѣзанное, урѣзанное и сокращенное, доведенное ухищреніями бюрократіи до скрупулезныхъ размѣровъ и лишенное серьезнаго значенія, въ концѣ концовъ оказывается висящимъ въ воздухѣ, идеологическимъ построеніемъ, разсчитаннымъ на безвредность и безполезность"... Статья написана живо и интересно. Приведено много цѣнныхъ фактовъ изъ бюджетной практики Запада и даны разъясняющіе мотивы нѣкоторыхъ сторонъ финансоваго хозяйства въ конституціонныхъ государствахъ.

Статья подъ заголовкомъ *„Финансы стараго режима"* трактуетъ самый интересный вопросъ русскихъ финансовъ — государсственное банкротство. Симптомы таковаго,—говоритъ г. Боголѣповъ,—имѣлись на-лицо уже давно. „Но вплоть до нашихъ дней бюрократія искусно лавировала между Сциллой и Харибдой, между политической революціей и финансовымъ кризисомъ". Причины этого лежатъ, съ одной стороны, въ развитіи денежнаго хозяйства въ Россіи и въ безконечныхъ займахъ,—съ другой. Только теперь „бюрократическій корабль наскочилъ на обѣ скалы, и тамъ, и здѣсь онъ потерпѣлъ серьезную аварію". Охарактеризовавъ нашу классовую податную систему и бюрократическое финансовое хозяйство, авторъ на анализѣ доходныхъ смѣтъ выясняетъ безотрадное положеніе нашихъ финансовъ. „Пока не видно,—въ заключеніе говоритъ онъ,—чтобы финансовая политика свернула съ той дороги, въ концѣ которой стоитъ неизбѣжное банкротство". Статья даетъ много интереснаго для выясненія финансовыхъ факторовъ русской революціи.

Очень дѣльна и содержательна работа—*„Подать въ деревнѣ"*, написанная на основаніи кропотливой разработки сырого оффиціальнаго матеріала и податныхъ и хозяйственныхъ отношеній сибирскихъ крестьянъ.

„Соціальные мотивы для введенія въ Россіи подоходнаго налога“ были въ свое время помѣщены въ „Образованіи“. Съ этой статьей читатель, вѣроятно, знакомъ, здѣсь можно лишь замѣтить, что она даетъ исчерпывающую характеристику классовыхъ теченій въ русской налоговой политикѣ послѣдняго времени.

„Война и государственные финансы“—весьма интересное во всѣхъ отношеніяхъ изслѣдованіе. Русская внѣшняя активная политика фатально влекла за собою порчу монеты, бумажныя деньги, ростъ государственнаго долга и вмѣстѣ съ ними ростъ налоговъ, ростъ бюджета. „На протяженіи столѣтій народъ воевалъ и оплачивалъ войны, въ результатѣ которыхъ самъ народъ обнищалъ и въ награду получилъ тяжелую политическую неволю“. Финансовая сторона русскихъ войнъ очерчена авторомъ очень ярко.

Статьи—*„О русскомъ государственномъ долгѣ“* и *„Политическое значеніе государственнаго кредита“* имѣютъ между собой внутреннюю связь. Въ первой статьѣ авторъ широко набрасываетъ картину развитія русскаго государственнаго долга, анализируя въ тоже время его соціальную и экономическую природу. Развитіе это опредѣлялось цѣлымъ комплексомъ причинъ, среди которыхъ главную роль играли: боязнь автократическихъ правительствъ прямого обложенія, накопленія ссудныхъ капиталовъ на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ, классовые интересы помѣщиковъ и крупныхъ промышленниковъ (земельный кредитъ и жел. дор. строительство). Война и революція расшатали русскій государственный кредитъ, „поколебавъ одну изъ основъ стараго строя“. Между тѣмъ „занятые капиталы затрачены такъ, что не оправдываютъ расходовъ по оплатѣ ежегодныхъ процентовъ“. Подъ вліяніемъ этого и „будетъ совершаться русская финансовая реформа“, которая приведетъ къ возстановленію уничтоженнаго государственнаго кредита. Вторая статья трактуетъ о политической сторонѣ государственнаго кредита. Здѣсь г. Боголѣповъ вскрываетъ чрезвычайно интересный фактъ: какимъ образомъ политическіе принципы внѣдряются въ область финансовыхъ отношеній. Ссылаясь на теорію и практику государственнаго кредита, г. Боголѣповъ дѣлаетъ выводъ, что кредиторы государства-должника имѣютъ настолько сильное политическое вліяніе, что „если указаннымъ интересамъ (кредиторовъ) выгодно лишить государство нѣкоторыхъ суверенныхъ правъ или поставить какую-нибудь державу подъ опеку, то мы знаемъ, что политика денежныхъ классовъ не останавливается передъ такими суровыми мѣрами“... Статьи взаимно дополняютъ одна другую, такъ что эти замѣчанія имѣютъ и для Россіи глубокое практическое значеніе.

Въ заключеніе скажемъ, что со стороны стиля, содержанія и использованія литературныхъ источниковъ книга г. Боголѣпова заслуживаетъ всяческой похвалы. Это не сухой, скучный трактатъ, проникнутый профессор-

скимъ глубокомысліемъ, а живое, яркое повѣствованіе о печальныхъ судьбахъ русскихъ финансовъ; публицистическій налетъ нисколько не помѣшалъ серьезности изложенія и научному освѣщенію самыхъ запутанныхъ вопросовъ государственнаго хозяйства, а только облегчилъ чтеніе книги, придавъ ей своеобразную прелесть.

В. Мукосѣевъ.

Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. *Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.* 1 часть, 2 изд., испр. и доп. Т-ва Н. Д. Сытина. Ц. 1 руб.

И на страницахъ „Образованія“ уже отмѣчались книги, приходящія за послѣднее время на помощь улучшенію средней школы и въ цѣляхъ саморазвитія нашей публики. Между ними работа г. Нелидова задается довольно широкими планами и въ первой своей части обнаруживаетъ у автора большую любовь къ дѣлу. И г. Нелидовъ, конечно, прежде всего жалуется на то, что „литература XIX вѣка, вслѣдствіе недостатка времени, какъ обыкновенно говорится, проходится съ грѣхомъ пополамъ, бѣгло, спѣшно и заканчивается Пушкинымъ, Гоголемъ, въ лучшемъ случаѣ Лермонтовымъ, Кольцовымъ. Только въ послѣдніе годы немногіе изъ талантливѣйшихъ писателей послѣгоголевскаго періода удостоились попасть въ программы нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній“.

Въ своихъ „Очеркахъ“ авторъ выдвигаетъ на видный планъ *историческія* освѣщенія. Онъ думаетъ, что „такіе главные двигатели нашего общественнаго развитія, какъ Герценъ и Бѣлинскій, должны непремѣнно занять видныя мѣста въ исторіи русской литературы“. И въ первой части нашихъ „Очерковъ“, говоритъ далѣе г. Нелидовъ, содержаніе которой составитъ исторія николаевскаго тридцатилѣтія, мы и постараемся это сдѣлать, „сообразуясь съ поставленной главной задачей“.

Авторъ предпосылаетъ даже первой своей части „введеніе“—общій историческій очеркъ всей русской умственной культуры.

Въ книгѣ находимъ такія главы: „Нѣмецкая идеалистическая философія и ея вліяніе на русское общество 30-хъ и 40-хъ годовъ“; „Вліяніе западно-европейской поэзіи и утопическаго соціализма“; „Жизнь русской интеллигенціи въ эпоху германо-поклоненія“ и пр. И очень умѣстны, по нашему мнѣнію, тутъ нѣкоторыя какъ бы попутныя сообщенія автора о Кантѣ, Шеллингѣ, Гегелѣ, Гофманѣ, Фурье, Ж. Зандѣ.

Главы, посвященныя отдѣльнымъ именамъ,—таковы у г. Нелидова: П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Бѣлинскій, Д. В. Григоровичъ. На счетъ Чаадаева досылѣ у насъ не столковались, а что онъ крупная единица въ русской умственной исторіи—очевидно; не даромъ разныя міропониманія затягиваютъ его—каждое въ свой лагерь. Выдѣляется своею обстоятель-

ностью статья о Бѣлинскомъ. По поводу Григоровича г. Нелидовъ замѣчаетъ о силѣ вѣяній *момента*: „не удивительно ли, что человѣкъ съ натурой артистической", никогда не интересовавшійся общественными вопросами, полурусскаго происхожденія, чисто-французскаго воспитанія, до самаго совершеннолѣтія плохо владѣвшій русскимъ языкомъ, положилъ начало нашей „мужицкой беллетристикѣ"! Авторъ исповѣдуется, что „въ нашѣ изложеніе мы не вносили ничего личнаго... мы пользовались трудами русскихъ ученыхъ"... Въ этой плоскости—и всѣ слабости книги г. Нелидова. Система обобщеній, дисциплина и гораздо менѣе—*наука*—исторія литературы вращается еще больше въ области личнаго творчества. Г. Нелидовъ напрасно увѣренъ, что у него для читателя подобраны одни незыблемыя положенія. Именно уклоненіе отъ собственной отвѣтственной точки зрѣнія подчасъ и вноситъ неясность, противорѣчивость—нѣтъ аксіомъ Пыпина и Веселовскаго, ни сужденій гг. Милюкова и Котляревскаго.

А. Налимовъ.

„Народная библіотека". Изданіе Вятскаго Товарищества.

За послѣдніе годы оживленія русской печати немало возникало и исчезало издательствъ дешевой, а также и популярной литературы; книжный рынокъ былъ буквально засыпанъ мелкими брошюрами по разнымъ насущнымъ вопросамъ жизни. Среди этихъ издательствъ, между прочимъ, до сихъ поръ удержалось и продолжаетъ свою дѣятельность Вятское Товарищество, о которомъ мы намѣрены поговорить. Издательство это существовало и за нѣсколько лѣтъ до подъема русской литературы, но за послѣдніе два года оно усилило свою дѣятельность, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ своей задачей, съ одной стороны, популяризацію для самыхъ широкихъ массъ общедемократическихъ лозунговъ, а съ другой—доставленіе этимъ же массамъ хорошей беллетристики для чтенія, которая въ художественныхъ образахъ пропагандировала бы тѣ же лозунги. Кромѣ обычныхъ, мелкихъ брошюръ по беллетристикѣ, Вятское Товарищество даетъ намъ рядъ большихъ романовъ, или уже сдѣлавшимися классическими вродѣ „Исторіи одного крестьянина" Эркмана-Шатріана или „Углекоповъ" Золя, или знакомыхъ намъ по періодической печати, какъ, напр., „Углекопы", Грушецкаго. Два романа—„Подъ игомъ" Вазова и „Борьба за право" Францоза,—рисуютъ намъ борьбу южныхъ славянъ за свои права, но націоналистическій оттѣнокъ чувствуется только въ книгѣ Вазова,—трудно избѣжать его, касаясь исторіи Болгаріи. Но все-таки и здѣсь мы видимъ борьбу болгаръ не съ турецкимъ народомъ, а съ турецкими чиновниками, съ которыми рука объ руку идетъ и болгарскій чиновникъ. „Борьба за право", Францоза, навѣрное, найдетъ себѣ много читателей въ крестьянской средѣ. Здѣсь передъ нами—крестьянинъ-собственникъ,

совершенно консервативнаго образа мыслей, ревниво охраняющій существующій строй и твердо вѣрующій, что „право всегда останется правомъ, пока есть Богъ на небѣ и императоръ въ Вѣнѣ". И шагъ за шагомъ разбивались эти его иллюзіи,—австрійская бюрократія неуклонно нарушала всѣ существующія права до самаго конца, поскольку это было въ ея интересахъ, а австрійскій императоръ приказалъ разстрѣлять глубоко вѣровавшаго въ него идеалиста. Съ меньшимъ интересомъ массовый читатель отнесется къ надѣлавшему въ Германіи когда-то столько шума роману „Іена или Седанъ", фонъ-Бейерлейна. У насъ крайне охотно читаются разсказы изъ военнаго быта, но преимущественно то, что касается быта солдатъ. Романъ же Бейерлейна посвященъ главнымъ образомъ офицерской жизни, которой, вообще, мало интересуется, какъ массовый, такъ и обычный, интеллигентный читатель. И кромѣ того, въ немъ нѣтъ того элемента борьбы, ради котораго такъ охотно читаются теперь разсказы и повѣсти изъ революціонныхъ эпохъ. Переводы романовъ сдѣланы очень хорошо и изданы они необыкновенно дешево. Изъ русской беллетристики Вят. Тов. издало давно извѣстную всѣмъ „Хронику села Смурина" П. В. Засодимскаго-Вологдина. Въ настоящее время чѣмъ-то далекимъ уже вѣетъ отъ ея безвыходныхъ положеній и отъ пессимистическаго вывода героя повѣсти: „Развѣ въ корытѣ море переплывешь?" Не въ „корытѣ" переплываетъ теперь русскій народъ необозримое море своего безправія и гнета.

Мелкія брошюры по беллетристикѣ тоже большей частью взяты изъ стараго. Такъ, перепечатано нѣсколько разсказовъ Гаршина, преимущественно изъ военнаго быта, разсказы Дмитріевой, Іонасъ Ли. Мы остановимся только на одной изъ послѣднихъ брошюръ, это—„Всѣ люди—братья", В. Дмитріевой. Здѣсь передъ нами въ яркихъ, художественныхъ образахъ возникаетъ вся организація, вся подготовка погрома. И все это написано такъ просто, такъ рельефно, что картины, нарисованныя авторомъ, покажутся слишкомъ знакомыми многимъ и многимъ читателямъ, пережившимъ ужасы погромовъ. И, наряду съ этими дикими сценами насилія и дикими людьми, авторъ выдвигаетъ маленькую, невзрачную фигурку студента-еврея, всѣмъ своимъ существомъ—идеалиста, чувствующаго, что „всѣ люди—братья", и развертываетъ передъ нами глубокую, душевную драму спившагося съ кругу босяка. Эта брошюра должна, по нашему мнѣнію, входить во всѣ библіотеки, потому что она яснѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій отвѣчаетъ на одинъ изъ острыхъ вопросовъ текущаго момента. Очень недурно составленъ также сборничекъ „Пѣсни труда и неволи". Въ немъ звучатъ не только отмѣченные въ заголовкѣ мотивы, но и пѣсни борьбы. „Прочь, унылая пѣсня рабовъ, что отцы наши скорбные пѣли!"—говоритъ одно стихотвореніе. И, дѣйствительно невѣрными нотами звучалъ бы теперь сборникъ пѣсенъ труда,

пѣсенъ изъ жизни рабочихъ, гдѣ не слышно было бы мотивовъ борьбы, мотивовъ свободы. Они уже твердо заложены въ душѣ россійскаго пролетаріата, и никакой реакціи не изгладить изъ нея боевыхъ впечатлѣній пережитой эпохи.

Наши души иного закала;
Ихъ для воли судьба воспитала,
Ихъ родная стихія—борьба!

Изъ ряда популярныхъ политическихъ брошюръ по разнымъ вопросамъ мы отмѣтимъ, какъ наилучшія и наиболѣе достойныя широкаго распространенія, слѣдующія: „Что такое свобода?“ Сигова, „Митинги“ Пименовой, „Что такое всеобщее, тайное, прямое и равное избирательное право?“ Соколова и, какъ иллюстрацію къ вопросу объ избирательномъ правѣ,—полубеллетристическую брошюру Т. Богдановичъ,—„Выборный день въ Германіи“. Всѣ эти брошюры могутъ занять мѣсто въ самыхъ популярныхъ, дешевыхъ библіотекахъ. Изданы онѣ необыкновенно дешево и аккуратно; простой, ясный языкъ, толковая популяризація насущныхъ вопросовъ жизни, выступившихъ на сцену за послѣніе два года, и крупный, четкій шрифтъ къ тому же дѣлаютъ ихъ вполнѣ доступными самымъ широкимъ массамъ. При такой библіотекѣ является до нѣкоторой степени уже излишней хорошая тоже брошюра А. П. „Что такое тайные выборы?“, такъ какъ она касается одной только стороны вопроса. Гораздо слабѣе написаны двѣ брошюры Пименовой „Единство государства и автономія“ и „Постоянное войско и милиція“, а также и „Республика“—Анненской. Въ послѣдней брошюрѣ говорится о разнаго рода монархіяхъ и обо всемъ, о чемъ угодно, только слишкомъ мало о республикѣ. Читатель не выяснитъ себѣ изъ нея, что такое, въ сущности, республиканская форма правленія и какія преимущества на ея сторонѣ. Пименова въ своихъ брошюрахъ прославляетъ архаическую форму англійскаго наемнаго войска и совершенно забываетъ даже упомянуть о такой классической странѣ народной милиціи, какъ Швейцарія. По вопросу о народной милиціи мы найдемъ теперь гораздо болѣе цѣнныя и содержательныя брошюры.

Рядъ изданій Вят. Тов. посвященъ вопросамъ рабочаго и революціоннаго движенія. Брошюра Пименовой о чартизмѣ „—Первое рабочее движеніе въ Англіи“ является самой популярной по этому вопросу. Написана она ярко и просто и довольно вѣрно освѣщаетъ чартизмъ и его значеніе для англійскихъ рабочихъ, поскольку это, вообще, возможно сдѣлать въ маленькой листовкѣ. Затѣмъ мы очень рекомендуемъ брошюру „Какъ англійскіе крестьяне боролись за свои интересы“, составленную по извѣстной книгѣ Росси. Борьба рабочихъ и крестьянъ Западной Европы за свои права и интересы является неисчерпаемымъ источникомъ послѣднихъ примѣровъ для отсталой Россіи и даетъ ей возможность сократить мучительный путь, пройденный нашими предшественниками на Западѣ и направить

его по болѣе прямой линіи къ скорѣйшему разрѣшенію. Двѣ брошюры Пименовой по исторіи революціи въ Германіи и Австріи написаны тоже недурно, но въ этой области русская литература обладаетъ огромнымъ выборомъ, и мы найдемъ въ ней немало такихъ же хорошихъ, но болѣе дешевыхъ брошюръ.

Въ заключеніе можемъ сказать, что мы очень рекомендуемъ читателямъ популярной литературы изданія Вятскаго Товарищества и особенно обращаемъ на нихъ вниманіе составителей популярныхъ библіотекъ. Далеко не всѣ его брошюры, какъ мы видѣли, равно хороши, но во всякомъ случаѣ, здѣсь мы имѣемъ довольно большой выборъ для чтенія и по беллетристикѣ, и по политическимъ вопросамъ текущаго момента.

В. Величкина.

Отклики русской жизни.

Послѣ роспуска.

I.

Новое междудумье... Уже прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ упраздненъ порядокъ, благодаря которому Дума пополнялась членами, „неявлявшимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ" и приняты мѣры къ тому, чтобы она стала „русскою" не только по формѣ, но и по „духу"... [1]).

Конечно, двухъ мѣсяцевъ недостаточно, чтобы выступили наружу послѣдствія событія во всей ихъ наготѣ и всемъ ихъ значеніи. Нельзя еще говорить даже о послѣдствіяхъ перваго разгона... Но внѣшнимъ образомъ новое междудумье, какъ будто, уже обозначилось. Назадъ...

Сравните это торжество, которое растетъ съ каждымъ часомъ, съ одной стороны, то, что зрѣетъ въ глубинѣ народной жизни—съ другой, съ итогами и перспективами семи мѣсяцевъ, отдѣлявшихъ первую Думу отъ второй. Пусть и сейчасъ, какъ тогда, одно дѣло—оффиціальныя телеграммы, другое—революціонная дѣйствительность, пусть и сейчасъ, какъ тогда, не много надо ума и смѣлости для того, чтобы съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, закрывать глаза на эту дѣйствительность, все-таки о кликахъ назадъ не было и рѣчи. Теперь какая-то паутина опутала горизонтъ. Эта неясность, случайность, неопредѣленность не только оттѣнковъ, но и тоновъ, благодаря которымъ всѣ директивы кажутся одинаково сѣрыми и всѣ нити одинаково оборванными, можетъ быть, чувствовались и въ прошломъ междудумьи. Однако, тогда рядъ всевозможныхъ яркихъ проявленій окрашивали еще его въ опредѣленный цвѣтъ, тѣ или иныя перспективы освѣщали общее русло. Не то сейчасъ... Какъ будто всѣ—не только пасущіе, но и пасомые—вдругъ ко всему привыкли, все, что можно было испытать, въ предѣлѣ земномъ испытали, и никакая неожиданность не можетъ уже измѣнить ничего...

---

[1]) „Свободныя Мысли" отъ 5 іюня.

И на фонѣ этой неясности въ воображеніи невольно встаетъ все тотъ же избитый пушкинскій рыбакъ, сидѣвшій „у самаго синяго моря“ тридцать лѣтъ и три года.

— Разбитое корыто!—шамкаетъ гр. Бобринскій.—Разбитое корыто!..

— Разбитое корыто!—восклицаютъ и въ рядахъ тѣхъ, кого такъ ненавидятъ Бобринскіе...

Кто же этотъ рыбакъ, и что это за море? Прежде чѣмъ обратиться къ тѣмъ или инымъ выводамъ, попытаемся уловить самый ходъ жизни, всегда вѣрный себѣ. Будемъ говорить пока фактами, тѣмъ болѣе, что нѣтъ сужденія въ наше время, которое бы не пахло „ложными слухами“ о тѣхъ, съ чьего разрѣшенія мы еще держимъ въ рукахъ это перо...

II.

Ни шагу впередъ... Точно люди серьезно собрались повернуть колесо исторіи назадъ... Мы видимъ это въ лагерѣ министровъ.

Второй разгонъ пошелъ дальше, чѣмъ первый, потому именно, что хотя въ прошломъ году все было временно и преходяще не менѣе чѣмъ теперь, но основные законы стояли на своемъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ сейчасъ—разгонъ пошатнулъ даже эти основные законы. Безъ сомнѣнія, одного уже этого акта достаточно, чтобы отрѣзать себѣ дорогу впередъ. Въ то время, какъ оффиціальное разъясненіе прошлаго года не касалось „людей, избранныхъ отъ населенія“, какъ таковыхъ, предполагая, что лишь случайно эти люди оказались на тотъ разъ не тѣми благомыслящими элементами, которыхъ власть приглашала „объединяться для поддержанія законной власти и возстановленія мира“, сейчасъ правительство рѣшительно и открыто отвергло самый принципъ, лежавшій въ основѣ выборовъ. „Только власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической власти русскаго царя, довлѣетъ право отмѣнить оный,—читали мы въ именномъ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату отъ 3 іюня,—и замѣнить его новымъ. Отъ Господа Бога вручена намъ власть царская надъ народомъ нашимъ. Передъ престоломъ его мы дадимъ отвѣтъ за судьбы державы россійской“ [1]).

Ни для кого не тайна, какъ долго не рѣшалось на этотъ актъ правительсто, вопреки настоянію объединенныхъ дворянъ, которыхъ г. Столыпинъ еще передъ второй Думой убѣждалъ сплотить вокругъ себя населеніе и составить большинство въ ней для того, чтобы „къ измѣненію основныхъ законовъ въ духѣ установленія освященной вѣками государственной идеи русскаго народа врядъ ли встрѣтилось препятствіе“ [2]). И только тогда, когда то, что было дано послѣ долгихъ блужданій, не согласно съ мани-

---

[1]) „Своб. Мысли“ отъ 5 іюня.

[2]) См. „Образованіе“, ноябрь за прошлый годъ, мою «Хронику».

фестомъ 17 октября, а вопреки ему, сей плодъ булыгинской конституціи, заботы о своей безопасности, заботы о томъ, чтобы обезопасить себя отъ „интерпелляцій", чтобы оградить себя отъ струи, составляющей сущность всякаго представительнаго учрежденія, далъ вторично все-таки органъ народной воли, а не оружіе для борьбы съ этой волей, пришлось „тронуть". Таково уже противорѣчіе всякаго бюрократизма, что онъ не можетъ творить иначе, чѣмъ разбивая основныя черты того, что имъ самимъ произведено на свѣтъ даже послѣ отчаянныхъ блужданій...

По существу, въ этомъ актѣ еще нѣтъ того, чего бы правительствомъ еще не испробовано было въ той или иной степени. Въ самомъ дѣлѣ, что такое представлялъ собой самый разгонъ первой Думы, какъ не прямое отрицаніе основныхъ законовъ, какъ ни неопредѣленно они редактированы. А сенатскія „разъясненія"? Былъ у насъ законъ, который—дурно ли, хорошо ли—опредѣлялъ избирательныя права гражданъ, то или иное существованіе политическихъ партій. И вотъ явился творческій геній г. Крыжановскаго, и избирательные списки—поскольку дѣло касалось „неблагомыслящаго" населенія—сократились наполовину. Не все ли равно практически, исходитъ ли иниціатива изъ одного оффиціальнаго учрежденія или другого? Актъ 3 іюня, какъ актъ, которымъ правительство желало повернуть колесо исторіи вопреки элементарной логикѣ жизни, становится специфически характернымъ лишь, когда мы его сопоставимъ съ содержаніемъ конкретно дѣйствующей сейчасъ политической линіи.

П. А. Столыпинъ, какъ министръ второго разгона, уже не тотъ, что прежній П. А. Столыпинъ. Конечно, разогнавъ крамольную Думу, г. Столыпинъ и въ прошломъ году насаждалъ твердую власть съ рѣшимостью добиться того, чтобы государственный переворотъ въ теченіе семи мѣсяцевъ, на которые распущена была Дума, сталъ дѣйствительнымъ переворотомъ. Какъ и сейчасъ, не было для него революціи, прогресса, который разъ начался, не можетъ остановиться, пока не будетъ понята его основная сущность, удовлетворены основныя требованія. Но припомните заигрываніе съ „общественными дѣятелями", проектировавшіяся либеральныя реформы. Г. Столыпинъ, тотъ самый, который теперь со всѣми своими проектами оказался въ такой степени позади будущихъ избранниковъ въ третью Думу [1]), что ему остается только хранить глубокое молчаніе, „задумалъ" тогда показать „обществу", что онъ не менѣе либераленъ, чѣмъ Дума, что совершенно напрасно изъ-подъ ногъ его вышибаютъ почву. Недаромъ премьеръ, описывая, какъ старый строй „получитъ обновленіе" послѣ того, какъ безъ всякихъ колебаній, быстро, твердо, неуклонно будетъ возстановленъ порядокъ, а революціонные замыслы

---

[1]) Вспомните хотя бы все то, что говорилось по поводу проекта правительственнаго о реформѣ земскаго самоуправленія на „Славянскомъ базарѣ"...

будутъ пресѣчены всѣми законными средствами, заявлялъ, что онъ... тоже либералъ. Раздѣляя освободительное движеніе на „соціальное съ аграрнымъ и рабочимъ вопросомъ" и „политическое", онъ выражалъ прямое сочувствіе именно первому. „И аграрный, и остальные вопросы будутъ рѣшены съ образованіемъ кабинета", только, молъ, съ политическимъ движеніемъ нужно считаться „сообразно съ обстоятельствами". Соотвѣтственно этому и была опубликована программа, въ которой г. Столыпинъ развертывалъ передъ нами сразу всѣ мѣропріятія, которыми онъ разсчитывалъ, съ одной стороны, „водворить порядокъ", съ другой—создать „законность и разумно понятую истинную свободу". Совсѣмъ иное мы видимъ сейчасъ. Никакихъ фразъ на тему о либерализмѣ, о разумно понятой свободѣ—ни разговоровъ съ „общественными дѣятелями", ни груды проектовъ, предназначенныхъ для того, чтобы показать, что сферы не менѣе либеральны, чѣмъ иные прочіе,—даже, вообще, никакой особой программы, безъ которой правительство вотъ уже сколько времени чувствовало себя какъ будто обнаженнымъ...

Единственно, что осталось у г. Столыпина нашихъ дней отъ прежняго либеральнаго г. Столыпина, это—ни шагу впередъ. Хватай въ домахъ, на вокзалахъ, на улицахъ, а послѣ того... хоть потопъ... или „диктатура", или что угодно, только не „соціальное съ аграрнымъ". И къ чему вы ни подходите, вы слышите одно: конецъ обѣщаніямъ...

Вотъ два, три примѣра.

Казалось бы, самые крамольные органы печати уже давнымъ давно прекращены, а редактора ихъ либо заперты подъ замокъ, либо рыщутъ по городамъ и весямъ безъ пріюта... Такъ нѣтъ же, 2—3 іюня издается новое циркулярное распоряженіе, и вотъ лишь съ 3 по 16 іюня 26 газетъ штрафуются на 20400 руб., изъ которыхъ на одну московскую печать падаетъ 17,100 руб. Такъ какъ редакторы, не внесшіе установленнаго штрафа, подлежатъ аресту и заключенію въ тюрьму, то часть ихъ уже сѣла, а часть готовится сѣсть. И это помимо 22 газетъ, пріостановленныхъ въ порядкѣ охранъ и „обязательныхъ постановленій"! [1]) Если до сихъ поръ—при напряженіи—еще можно было найти нѣкоторый критерій въ этихъ преслѣдованіяхъ, то сейчасъ... руби, чтобы рубить... и все.

Не лучше обстоитъ дѣло съ тѣми, кто не имѣетъ отношенія къ дѣламъ печати. Самый роспускъ Думы, какъ извѣстно, ознаменовался небывалыми арестами въ городахъ и весяхъ, куда только ни доходила о немъ вѣсть. Съ тѣхъ поръ не проходитъ дня, чтобы газеты не приносили все новыхъ и новыхъ извѣстій о стрѣльбѣ въ тюрьмахъ,—за то, напримѣръ, что человѣкъ посмотрѣлъ въ окно,—о жесточайшихъ приговорахъ, избіеніяхъ и пр. Разумѣется, все это совершалось и до сихъ поръ. Но характерно то,

[1]) „Товарищъ", № 296.

что не соціалъ-демократы или соціалисты-революціонеры являются сейчас опасными людьми. Это просто волки, рыщущіе по полямъ и лѣсамъ, съ которыми никакого разговора не можетъ уже быть. Но мѣсто, которое раньше занимали „крайніе лѣвые", заняли теперь кадеты, въ которыхъ исполнители высшихъ начертаній открыли весь корень зла. Да что кадеты? Даже октябристъ при случаѣ не застрахованъ „ни отъ тюрьмы, ни отъ сумы". Вотъ, что характерно.

Не менѣе наглядно отношеніе правительства къ университету, который—какъ это ни странно на первый взглядъ—являлся очагомъ революціонныхъ вспышекъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ т. н. автономіи. Та кучка студентовъ, которая являлась руководительницей прежнихъ сходокъ и протестовъ, все болѣе и болѣе должна была отступить передъ напоромъ массового ядра, готоваго грудью защищать нормальный ходъ занятій, борясь противъ самовольныхъ захватовъ аудиторій, назначенія сходокъ во время лекцій; тѣ самые профессора, которые еще недавно заполняли своими именами списки всевозможныхъ протестовъ, начинаютъ не за страхъ, а за совѣсть готовить изъ своихъ слушателей не революціонеровъ, а „здоровыхъ консерваторовъ", стремящихся доказать, что они недаромъ заслужили свое „право"... Понятно, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ наши конституціоналисты лишь жали то, что посѣяно... Не то сейчасъ. Не прошло мѣсяца со дня разгона, какъ всѣ эти ростки „здороваго консерватизма" отданы подъ надзоръ полицейскаго пристава, и въ стѣнахъ университета раздалось то самое „хватай, руби, жги", что гремѣло въ немъ до университетской „автономіи"...

Словомъ, „господа, встаньте, правительство *возвращается*". И если бы самъ В. К. Плеве возсталъ изъ гроба, подобно тому, какъ со всѣхъ концовъ воскресаютъ казалось давно погребенные мертвецы, и предложилъ г. Столыпину уступить ему дирижерскую палочку, то едва ли это внесло бы какую-нибудь дисгармонію въ тѣ дѣйствія, на которыхъ зиждется сейчасъ, вчера еще „либеральный", кабинетъ...

„Если совершенно справедливо распускается народное представительство,—пишетъ г. Меньшиковъ,—оказавшееся негоднымъ, то тотъ же разумъ государственный требуетъ роспуска и министерскаго состава, если неудовлетворительность его въ цѣломъ или въ частяхъ доказана" [1]). Дѣло въ томъ, что прошлый „либерализмъ" кабинета не даетъ спать г. Меньшикову. Онъ называетъ этихъ министровъ „такъ называемыми людьми нашего круга", милыми эпикурейцами съ какими угодно талантами, только не эпикурейскими. „Вотъ гдѣ центральная язва Россіи", по мнѣнію нововременскаго Іудушки. Революція до тѣхъ поръ будетъ непобѣдима, пока руководители, сложившіеся во времена вѣяній и колебаній, не перемѣнятся

[1]) „Новое Время", отъ 7 іюня.

въ своемъ составѣ, пока не вступятъ въ ихъ роли люди съ „новыми темпераментами и инстинктами". „При нашествіи волковъ просто обыватели почти безполезны, непремѣнно нужны охотники. Нуженъ классъ людей отважныхъ, для которыхъ борьба съ опасностью—не повинность, а удовольствіе... Надо дѣйствовать, какъ противъ чумы—мѣрами трагическими, подавляющими заразу въ корнѣ".

Самого г. Столыпина г. Меньшиковъ еще согласенъ оставить, такъ какъ рядомъ съ „напрасной вѣрой въ фабрикацію законовъ" онъ показалъ себя и достаточно неустрашимымъ, и способнымъ найтись въ трудную минуту. Но оставлять министровъ, „вѣрящихъ въ школьную автономію", составляющихъ скрытую абструкцію власти, чиновниковъ-карьеристовъ, вотировавшихъ вмѣстѣ съ г. Столыпинымъ за отсрочку роспуска Думы хотя бы до понедѣльника, среди которыхъ можно найти чуть ли не кадетовъ, значило бы—идти вразрѣзъ съ тѣми мѣрами трагическими, которыя одни въ состояніи положить конецъ „центральной язвѣ"...

Ни шага впередъ отъ акта 3 іюня, такъ, какъ будто то, что было до него, было только сномъ, о которомъ вспоминать разрѣшается въ мѣстахъ отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ, какъ будто то, что будетъ послѣ него, и есть настоящая конституція,—таковы дѣйствія и намѣренія такъ называемыхъ правящихъ сферъ.

III.

Но давно извѣстно, что чѣмъ рѣзче реакція, тѣмъ явное правительство—министры, генералъ-губернаторы, губернаторы—все болѣе и болѣе подчиняются вліянію тайныхъ руководителей, стоящихъ во главѣ тѣхъ круговъ, для которыхъ оно является, болѣе или менѣе, ширмой. Поэтому еще большій интересъ, чѣмъ такъ называемыя дѣйствія правительства, пріобрѣтаетъ вопросъ о томъ, чего хотятъ слои, стоящіе за ними...

Сейчасъ уже ни для кого не тайна та организація, которая продиктовала до сихъ поръ наиболѣе реакціонныя мѣропріятія. Еще въ прошломъ году московская газета „Новь" сообщила чрезвычайно любопытныя разоблаченія, сдѣланныя г. Зибинымъ на нижегородскомъ дворянскомъ собраніи относительно союза землевладѣльцевъ-дворянъ, того самаго, который состоитъ въ такомъ тѣсномъ родствѣ съ союзомъ русскаго народа, что на одномъ изъ дворянскихъ съѣздовъ г. Пуришкевичъ прямо рекомендовалъ дворянамъ брать примѣръ съ него во всемъ. Оказывается, роль высшаго вершителя судебъ русскаго народа, роль звѣздной палаты исполнялъ совѣтъ объединеннаго дворянства и союзъ землевладѣльцевъ. По ихъ иниціативѣ былъ рѣшенъ роспускъ первой Государственной Думы; по ихъ настоянію не были приглашены „общественные дѣятели" въ кабинетъ г. Столыпина. Совѣтомъ дворянъ-землевладѣльцевъ было рекомендовано введеніе военно-полевыхъ судовъ, и ихъ дѣйствіе распространено на всю

Россію. Правительственное сообщеніе о бѣлостокскомъ погромѣ было сдѣлано съ одобренія дворянскаго совѣта. Оказывается, всѣ эти предложенія и указанія объединенной дворянской организаціи принимались г. Столыпинымъ къ исполненію, что единственно, въ чемъ было отказано въ то междудумье нашимъ тайнымъ руководителямъ, это въ коренномъ измѣненіи избирательнаго закона, вмѣсто чего правительство, съ одной стороны, приступило къ сенатскимъ разъясненіямъ,—съ другой устами г. Кривошеина, управляющаго крестьянскимъ банкомъ, обѣщало, что отнынѣ крестьянскій банкъ займется „оказаніемъ помощи бѣднѣйшему дворянству".

Такъ было въ прошлое междудумье. Такъ и сейчасъ. Остатки крѣпостничества, какъ будто еще болѣе живучіе и крѣпкіе, чѣмъ раньше, какъ показываетъ это опубликованная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" записка, такъ же лежали въ основѣ второго роспуска, какъ и перваго, причемъ на этотъ разъ дворяне добились, наконецъ, того, чего они не могли добиться своими соединенными усиліями въ тотъ разъ...

Политическая линія ясна. Правительство мало-по-малу осуществляетъ указанія помѣщиковъ, пополняющихъ ряды союза объединенныхъ дворянъ и союза русскаго народа. А если такъ, то позволительно спросить, ужъ есть ли уступка 3 іюня послѣдняя? Не готовятъ ли 130.000 окончательный ударъ тому, что правительство признало въ борьбѣ, окончательное возстановленіе того, что имъ самимъ осуждено, если не встрѣтитъ противодѣйствія?..

На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ реакціонныхъ органахъ печати и прежде всего „Русскомъ Знамени", которое съ нѣкотораго времени заговорило языкомъ прямого оффиціоза, такъ что даже „Россія" передъ нимъ оробѣла и стушевалась. Вѣдь все это изданія не столько истинно-русскія, сколько истинно-дворянскія.

Оказывается, армія „Русскаго Знамени" не только не удовлетворилась побѣдой 3 іюня, но она только до послѣдней степени обострила ея аппетиты. Дѣло въ томъ, что заговорщики—авторы записки, поданной „группой участниковъ всероссійскаго дворянскаго съѣзда", шли на этотъ разъ гораздо дальше, чѣмъ когда бы то ни было, до такой степени, что актъ 3 іюня дѣйствительно долженъ былъ казаться имъ нерѣшительнымъ и блѣднымъ. Такъ, прежде всего записка требовала установленія „желѣзной диктатуры", предпочтительно коллегіальной, чтобы, убійство одного или нѣсколькихъ членовъ не повлекло за собой измѣненія программы, съ совѣщательнымъ голосомъ губернаторамъ, предводителямъ дворянства, другимъ лицамъ, могущимъ оказать поддержку въ борьбѣ съ крамолой. Генералъ-губернаторы должны получить, молъ, неограниченныя полномочія, причемъ, впредь до полнаго успокоенія страны, о какихъ бы то ни было выборахъ, по какой бы то ни было системѣ не можетъ быть и рѣчи. Далѣе, проектировалось немедленно введеніе строжайшей цензуры, щедрое

субсидированіе патріотическихъ органовъ печати, распространеніе среди народа въ милліонахъ экземпляровъ листковъ. Предполагалась особая система воздѣйствія на лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и священнослужителей, особый надзоръ за офицерами и устраненіе изъ арміи слушателей учебныхъ заведеній, въ виду того, что, если агитаторамъ удастся революціонизировать войска, то все государство „неминуемо будетъ отдано во власть анархіи". Только государь остается попрежнему отвѣтственнымъ лишь передъ своей совѣстью и Богомъ... [1])

Очевидно, какъ много не было осуществлено изъ того, что нужно для счастья и благоденствія русскаго народа, и если дворяне еще остались жить, по ихъ собственному признанію, то только вѣрой, что остальное приложится само собой. Своеобразный успѣхъ ихъ въ извѣстныхъ кругахъ настолько придалъ бодрости помѣщикамъ, что они еще болѣе обострили свою борьбу съ оффиціальными сферами. Какъ мы выше видѣли, г. Меньшиковъ недоволенъ наличнымъ составомъ кабинета. Но развѣ языкъ или чувство г. Меньшикова—это языкъ или чувство истинно-русскаго дворянина изъ „Русскаго Знамени" или „Гражданина"! Прикажите г. Меньшикову завтра написать прямо противоположное, онъ, не моргнувъ глазомъ, напишетъ, лишь бы заплатили ему тѣ же нововременскія построчныя. Совсѣмъ иное чувствуется въ той ненависти, съ которой говорятъ о „конституціонализмѣ" сановниковъ гг. Мещерскіе и Бобринскіе.

„Имена Столыпина, Арбузова, Щегловитова, Кауфмана и нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ Столыпина,—читаете вы въ „Русскомъ Знамени",—стали настолько ненавистны всему русскому народу, что надо удивляться властолюбію этихъ господъ, остающихся на своихъ мѣстахъ, несмотря даже на недовѣріе, которое къ нимъ питаютъ милліоны людей... Уйдите съ вашихъ постовъ вы, у которыхъ дремлетъ совѣсть..." [2]). Даже г. Ермолову, который, взявъ твердый „курсъ политики", обмолвился двумя-тремя меньшиковскими фразами въ „Новомъ Времени", оно устраиваетъ настоящую пытку. Назвавъ его десятилѣтнюю службу на благо отечества десятилѣтнимъ бездѣльемъ и угодничествомъ, „Русское Знамя"—этотъ полуоффиціозъ „текущаго момента"—подступаетъ къ министру съ такого рода ножомъ къ горлу: „допустимъ, какъ увѣряетъ г. Ермоловъ, что существуетъ въ Россіи—и будто бы по волѣ царской—новый государственный строй, коимъ власть царя по изданію законовъ по желанію царскому ограничена властью народныхъ избранниковъ. Пусть отвѣтитъ теперь г. Ермоловъ! Если царь убѣдится во вредѣ этого *новаго* строя и захочетъ измѣнить его на *прежній*, окажетъ царю г. Ермоловъ сопротивленіе или не окажетъ?" Если онъ скажетъ, подобно Іову: „Царь далъ, царь и взялъ—его святая воля", тогда истинно-русскіе дворяне скажутъ ему: „Стано-

[1]) „Рѣчь", отъ 24 іюня.
[2]) „Русское Знамя", іюнь.

вись въ ряды наши". Если же Ермоловъ скажетъ такъ, какъ сказалъ въ 1881 году министръ финансовъ Абаза царю Александру III, что взять обратно свое рѣшеніе онъ не можетъ, такъ какъ власть его ограничена народомъ (!), то „союзъ русскаго народа сочтетъ Ермолова врагомъ царя и Россіи, силою закроетъ ему дерзкія уста и обнаженнымъ въ защиту царской верховной власти мечомъ отрубитъ дерзкую руку, если она поднимется..."

Такъ пишутъ и подчеркиваютъ свои слова дворянскіе правители земли русской о тѣхъ, кто еще не отказался отъ послѣднихъ остатковъ манифеста 17 октября, почему не всегда достаточно эластично выполняютъ ихъ предначертанія. Сколько огня, сколько страсти—такъ и чувствуется, что это не тѣ, кого штрафуютъ, а тѣ, кто штрафуетъ, что и г. Кауфманъ, и г. Ермоловъ принимаютъ къ свѣдѣнію указаніе...

Среди всѣхъ этихъ ликующихъ, празднoболтающихъ Грингмутовъ, Булацелей, Мещерскихъ, собственно, существуетъ два теченія. Не всѣ дворяне, неудовлетворенные актомъ 3 іюня, раздѣляютъ требованія, выставленныя въ вышецитированной запискѣ. Вѣдь если быть послѣдовательнымъ, то авторы записки должны были бы присоединить буквально то, чего требуетъ, напр., въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" „Донской Казакъ", по мнѣнію котораго слѣдуетъ немедленно ввести такіе военно-полевые суды, которые бы имѣли право наказывать не только смертной казнью, но и розгами, и конфискаціей имущества. Розги предназначаются для уличныхъ буяновъ, студентовъ, семинаристовъ, реалистовъ и пр. Конфискація—для евреевъ, субсидирующихъ революцію, дворянчиковъ-кадетовъ, поощряющихъ разнузданность въ третьемъ элементѣ въ земствахъ, „сознательныхъ мужичковъ, причисляющихъ себя къ эс-декамъ и эс-эрамъ, полуобразованныхъ горожанъ, нахватавшихся верховъ цивилизаціи" и пр.—словомъ всѣхъ, кромѣ самихъ исполнителей... [1]). Повторяемъ, не каждый дворянинъ въ такой степени послѣдователенъ...

Другая часть дворянъ выработала своего рода программу-minimum. Необходимо вернуться къ абсолютизму—говорятъ они.—Это такъ. Но для этого нѣтъ еще нужды въ полномъ упраздненіи Думы. Нужно только внять яснымъ указаніямъ опыта этихъ двухъ лѣтъ новаго режима и согласно этимъ указаніямъ измѣнить текстъ основныхъ статей закона. Во-первыхъ, необходимо упразднить все то, что дѣлаетъ для однихъ сомнительнымъ, для другихъ спорнымъ самодержавіе русскаго государя; во-вторыхъ, невозможно оставить и законодательную работу въ томъ видѣ, въ какомъ она ведется въ Государственной Думѣ. Если только это будетъ выполнено въ ближайшемъ будущемъ, то Россія—по мнѣнію этой части дворянъ—будетъ довольно пока.

---

[1]) „Московскія Вѣдомости", отъ 11 іюня.

Кн. Мещерскій даже намѣтилъ уже, что нужно для того, чтобы Дума стала опорой яснаго политическаго строя. Для этой цѣли нужно, оказывается:

1) Отдѣлить въ законодательной области двѣ функціи: разработку законовъ и обсужденіе проектовъ законовъ;

2) Государственной Думѣ предоставить исключительно обсужденіе изготовленныхъ проектовъ законовъ;

и 3) при Думѣ и безъ оной имѣть всегда законодательное учрежденіе для разработки всѣхъ проектовъ законовъ [1]).

Такъ, если въ оффиціальныхъ сферахъ все застыло на одномъ мѣстѣ— „ни шагу впередъ“, то въ тѣхъ сферахъ, которыя дѣлаютъ свою работу за кулисами не менѣе плодотворно, чѣмъ открыто, вы слышите еще, часто ежеминутно одинъ кличъ: назадъ, во что бы то ни стало назадъ, хотя бы для этого пришлось похоронить всѣхъ живыхъ и вызвать на ихъ мѣсто давно погребенныхъ покойниковъ...

IV.

Такъ дѣйствуютъ, готовятся дѣйствовать оффиціальныя сферы, тѣ слои населенія, что стоятъ за ними, диктуя имъ ихъ дѣйствія, что явятся, вѣроятно, хозяевами третьей Думы... Первыя сдѣлали въ свое время шагъ впередъ для того, чтобы сейчасъ сдѣлать два шага назадъ. И вотъ гг. дворяне возвращаютъ ихъ къ тому, что у нихъ было въ доброе старое время, лѣтъ 30—40 тому назадъ...

Припомните неистовые почти ископаемые типы помѣщиковъ, собравшихся въ „Славянскомъ базарѣ“, когда они, бія себя въ грудь, восклицали:

— Я отрицаю всякую преемственность съѣздовъ! Я былъ бы радъ, если бы объ этихъ съѣздахъ никто не упомянулъ здѣсь ни слова. Какъ бы ихъ не было [2])...

— А, вы либеральничали, выносили „резолюцію“, подписывали протесты... Теперь наше время...

Однако... подобныя дѣйствія, подобныя заявленія не висятъ въ воздухѣ, не имѣютъ никакой конкретной силы, если, въ свою очередь, не являются прямымъ отраженіемъ того, что дѣлается на противоположномъ полюсѣ. Неясность, смутность момента, та, о которой мы говорили въ началѣ, конечно, въ значительной степени обусловлена тѣмъ, что шашки перемѣшались, что совершенно невозможно сказать, есть ли у насъ еще

---

[1]) „Гражданинъ“, іюль.

[2]) „Товарищъ“, № 201.

хоть бумажная коституція или нѣтъ, или кто же, въ концѣ концовъ, является „потрясателемъ основъ“, революціонеръ или контръ-революціонеръ, друзья или враги правительства. Но прежде всего безцвѣтность, которой такъ радуются оффиціальныя и полуоффиціальныя сферы, вытекаетъ изъ того, что не только 3 іюня прошло молча, какъ и слѣдовало ожидать, но и послѣ 3 іюня царитъ чуть не гробовое молчаніе, какъ будто и народъ повернулъ къ тому, что у него было до того момента, пока „море не взыграло“...

Эта общественная подавленность, эта общественная растерянность являются такимъ отвѣтомъ на дѣйствія правительства, что публицисты извѣстнаго сорта не на шутку заговорили о томъ, о чемъ они до сихъ поръ только пытались говорить,—о концѣ революціи, которая взята измoромъ и именно потому, что взята такимъ путемъ, кончена навсегда...

Что до того, что сейчасъ совершается, такъ сказать, въ самой глубинѣ народной жизни, не охватить этого бѣглымъ взглядомъ. Недаромъ наиболѣе крупныя событія совершались у насъ почти всегда незамѣтно для посторонняго глаза. Внѣшнимъ образомъ нельзя не согласиться, что организація народныхъ силъ чрезвычайно замедлилась, мѣстами прямо остановилась временно...

Въ самомъ дѣлѣ, сравните обстановку, въ какой совершился самый роспускъ въ прошломъ году и въ этомъ. Уже по одному тому, что первый роспускъ, какъ громомъ, поразилъ разнообразныя слои населенія, оффиціальныя телеграммы о томъ, въ сколькихъ мѣстахъ вѣсть о немъ прошла спокойно, въ сколькихъ отслужены благодарственные молебны, являлись не болѣе, какъ плодомъ воображенія. На сцену явилось выборгское воззваніе. Когда же г. Столыпинъ начинаетъ свои поистинѣ чудовищныя мѣры противъ того, чтобы не дать распространиться этому воззванію, разражаются грандіозныя событія въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, Ревелѣ. Всякій, кто сколько-нибудь внимательно слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлалось въ городахъ и весяхъ, не можетъ отрицать, что роспускъ первой Думы вызвалъ цѣлый рядъ всевозможныхъ проявленій революціоннаго движенія. Предвидя ихъ, правительство, распуская Думу, и повторяло фразу Трепова: „надо, молъ, показать народу, что безъ Думы правительство можетъ провести болѣе либеральный режимъ, чѣмъ при Думѣ“, разработать „нѣкоторые вопросы въ широкомъ смыслѣ“ вообще, убѣдить крестьянство въ томъ, что ихъ нужды будутъ удовлетворены въ частности; и включило въ *первоначальную* редакцію манифеста указаніе на то, что ближайшіе выборы будутъ произведены на основѣ всеобщаго избирательнаго права...

Если же такъ былъ встрѣченъ самый роспускъ *въ прошломъ году*, то и затѣмъ все время шла какая-то организованная работа. Рядомъ съ „партизанскими выступленіями“, служащими уже скорѣе призна-

комъ распыленія революціи, чѣмъ утвержденія ея, планомѣрная работа не прекращалась. Казалось бы, никогда въ деревняхъ такъ не кипитъ работа, какъ въ августѣ-сентябрѣ, никогда такъ не скрипитъ народная поясница; казалось, когда бы „отдохнуть" отъ всего пережитаго за годъ! Такъ нѣтъ же! Осенью прошлаго года ничего не измѣнилось по существу. Если рекрутскій наборъ, связанный съ выборгскимъ воззваніемъ, показалъ всю неподготовленность, всю безполезность отказа отъ солдатчины, то совершенно обратное оказалось съ отказомъ отъ податей. Этотъ отказъ, являющійся прежде всего выраженіемъ того факта, что мужику нечего давать, проходилъ съ такимъ единодушіемъ, что власть положительно не въ состояніи была съ нимъ бороться, чувствуя, что всѣ ея удары являются—въ лучшемъ случаѣ—ударами въ глухую стѣну. Тотъ же подъемъ чувствовался въ городахъ: одного движеніе безработныхъ достаточно, чтобы признать, что организація существовала, Правда, та же безработица послужила разсадникомъ и т. н. революціонныхъ эксцесовъ. Но все же, въ общемъ, и въ народѣ, и въ деревнѣ все шло впередъ, чреватое послѣдствіями [1]).

Совсѣмъ иное сейчасъ. Если только публицистамъ „Новаго Времени", въ одинъ моментъ измѣнившимъ свое отношеніе даже къ октябристамъ, какъ только повѣяло въ воздухѣ анти-октябристскими тенденціями, могутъ мерещиться „гробы повапленные", то вмѣстѣ съ тѣмъ и для оптимизма тоже нѣтъ сейчасъ почвы. Тѣ надежды, которыя казались всѣмъ, кто борется, ясными и прямыми, сейчасъ ушли куда-то дальше...

Самый роспускъ Думы на этотъ разъ не вызвалъ сколько-нибудь замѣтнаго отношенія, какъ будто распущено было одно изъ тѣхъ совѣщаній, которыя правительство созывало въ доброе старое время, а не Государственная Дума. „И у насъ, какъ вездѣ,—съ справедливой ироніей писалъ одинъ одесскій корреспондентъ,—вѣсть о роспускѣ Государственной Думы встрѣчена „спокойно". Впечатлѣніе получилось даже меньше, чѣмъ при роспускѣ первой Думы. Оно и понятно: nil admirari—вотъ состояніе, къ которому систематически пріученъ въ послѣднее время русскій обыватель. Мы такъ приготовлены ко всему худшему, что находимъ даже еще не особенно плохимъ и не безнадежнымъ новый избирательный законъ. У насъ еще много утѣшенія: мы можемъ, напримѣръ, радоваться, что не введена военная диктатура, хотя собственно въ Одессѣ мы диктатора имѣемъ давно" [2]). Еще глуше то, что совершается—по крайней мѣрѣ на поверхности—сейчасъ. Народъ безмолвствуетъ. Чтобы получить понятіе объ этомъ безмолвіи, взгляните въ то, что сообщается въ газетахъ о выборахъ. Какъ извѣстно, избирательная кампанія всегда и вездѣ прежде

---

[1]) Ср. наши прошлогодніе обзоры.

[2]) „Товарищъ", № 290.

всего является агитаціоннымъ средствомъ. Какъ ни дико избирательная кампанія обставлена у насъ, все же ея значеніе, какъ фактора развитія массъ, съ одной стороны, смотра партійныхъ силъ—съ другой, не подлежитъ сомнѣнію; въ качествѣ таковой она была и будетъ всегда показателемъ того, какъ ярко еще пылаетъ пламя политической жизни въ широкихъ слояхъ населенія, какъ великъ еще порохъ въ пороховницахъ.

Что же предсказываютъ сейчасъ газеты? Въ Мелитополѣ особенно дѣятельно готовятся къ выборамъ мелкіе землевладѣльцы только потому, что они соединяются съ крупными землевладѣльцами. Отъ квартиронанимателей, не платящихъ налога, не поступило пока ни одного заявленія. Въ Маріуполѣ, несмотря на приближеніе предвыборной кампаніи, никакого предвыборнаго оживленія. „Жизнь течетъ медленно, лѣниво, и общественная реакція идетъ все дальше и глубже. Это не политическая реакція, знаменующаяся смѣной политическихъ идеаловъ, передвиженіемъ вправо общественныхъ слоевъ". Въ Тобольскѣ въ отвѣтъ на расклеенныя по городу объявленія городской управы о доставленіи ей заявленій такихъ заявленій не поступало. Въ Тулѣ въ городскую управу отъ квартиронанимателей, имѣющихъ право участія въ выборахъ, поступило лишь два заявленія, въ то время, какъ въ прошломъ году въ это время такихъ заявленій уже было подано до 1000. Въ Томскѣ по цѣлымъ недѣлямъ не поступаетъ ни одного заявленія отъ избирателей. Въ Могилевѣ до сихъ поръ ни одинъ квартиронаниматель не заявилъ въ городскую управу о желаніи участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу. Въ Царицинѣ, несмотря на помѣщенныя въ газетахъ и расклеенныя по городу объявленія съ предложеніемъ квартиронанимателямъ, не платящимъ налога, сдѣлать заявленія въ управу, никто въ управу не явился. Въ Полтавѣ отношеніе населенія до того пассивное, что союзники разсчитываютъ на полную побѣду; октябристамъ же, чтобы не остаться за флагомъ, остается лишь вступить въ блокъ съ ними. Въ Севастополѣ выясняется, что избирателей будетъ вдвое меньше прошлогодняго, ибо квартиронаниматели вовсе не заявляютъ о своемъ желаніи участвовать въ выборахъ. Въ Ярославлѣ заявленій отъ лицъ, не платящихъ квартирнаго налога, но имѣющихъ право на участіе въ выборахъ, не поступало ни одного. Въ Саратовѣ, несмотря на объявленіе городской управы, до сихъ поръ, кромѣ одного пенсіонера, никто не подалъ заявленія о желаніи участвовать въ выборахъ по занимаемой ими квартирѣ или по довѣренности отъ отца или матери. Совладѣльцы недвижимыхъ имуществъ также не даютъ о себѣ знать. Въ Симферополѣ оживленіе замѣтно пока только въ союзѣ русскаго народа, ходатайствующемъ о назначеніи избирательныхъ комиссій изъ его среды. Заявленій объ участіи не поступило въ Онегѣ. „Бессарабская Жизнь" отмѣчаетъ столь индифферентное отношеніе избирателей къ

своимъ правамъ въ Кишиневѣ, что, если такъ будетъ продолжаться, то списокъ избирателей по второму городскому съѣзду будетъ состоять изъ десятковъ избирателей. Работаютъ пока одни черносотенцы и въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, наводняя городъ и деревню своими изданіями [1])...

Кажется, достаточно однородныя свѣдѣнія? Куда ни суньтесь, о предвыборной агитаціи и рѣчи нѣтъ. Широкіе слои населенія, тѣ самые, о которыхъ и говорятъ эти газетныя корреспонденціи, словно попрятались, убрались подальше отъ грѣха... Можетъ быть, объясненіе очень простое: во-первыхъ, все, что есть у насъ наиболѣе виднаго, либо томится въ тюрьмахъ, либо скрывается отъ преслѣдованій; во-вторыхъ, невозможность провести прогрессивнаго кандидата поневолѣ убиваетъ вѣру; въ-третьихъ, можетъ быть, это не апатія, не индифферентизмъ, а „высшая степень политической сознательности"—бойкотъ... Но въ томъ-то и бѣда, что все это не объясняетъ дѣло. Бойкотъ! Если бы даже онъ и былъ формой политической активности, то онъ здѣсь не имѣетъ значенія по той простой причинѣ, что массы даже не ставятъ себѣ этого вопроса... Что касается трудности провести своего кандидата, то вѣдь и передъ второй Думой сенатскія разъясненія эту сторону не облегчали... Когда люди идутъ бороться, для нихъ нѣтъ невозможнаго, поскольку оно сводится къ использованію въ цѣляхъ освободительнаго движенія тѣхъ искусственныхъ перегородокъ, которыя сооружаются на пути, нѣтъ. Тѣмъ несущественнѣе то обстоятельство, что все наиболѣе видное не можетъ принимать активнаго участія. Когда въ массахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова достаточно бодрости и энергіи, потеря отдѣльныхъ лицъ никакого ущерба общему дѣлу не наноситъ.

V.

Таково настроеніе массъ, тѣхъ самыхъ, которыя составятъ кадры избирателей въ третью Государственную Думу: неясное, и мутное, оборванное... Точно всѣ нити перепутались, потонули въ старой паутинѣ, и кажется, что люди готовы—на что угодно, хотя бы вернуться къ тому, что было, лишь бы остановиться, перевести минуту дыханія... Таково состояніе обывателя.

Но что же дѣлается въ руководящихъ сферахъ? Какъ реагируютъ на это партійные центры?—спроситъ читатель. Увы, въ томъ-то и дѣло, что въ этихъ центрахъ, при всѣхъ тѣхъ качествахъ, какими они возвышаются надъ обывательской массой, царитъ не меньшая растерянность, чѣмъ на периферіяхъ народной жизни.

Взгляните прежде всего на кадетовъ, этихъ мудрецовъ, которые такъ

[1]) См. провинціальныя газеты. Цит. по столичнымъ.

привыкли лавировать между Сциллой и Харибдой всевозможныхъ положеній. Какъ ни отрекались кадеты прошлаго междудумья отъ выборгскаго воззванія, какъ ни звучало это воззваніе въ ихъ устахъ простой фразеологіей, все же здѣсь менѣе всего могла быть рѣчь о растерянности. И вся дальнѣйшая тогдашняя дѣятельность партіи к.-д. не свидѣтельствовала объ особой ясности и опредѣленности тѣхъ цѣлей, которыя она ставила себѣ въ борьбѣ съ реакціей; не даромъ въ этомъ и состояло больное мѣсто четвертаго кадетскаго съѣзда, происходившаго въ Гельсингфорсѣ въ послѣднихъ числахъ сентября прошлаго года и чуть-чуть не послужившаго ареной серьезнаго раскола въ партія [1]). Но все-таки, повторяю, кадеты шли въ Думу, не менѣе увѣренные въ своей проницательности и побѣдоносности, чѣмъ передъ первою Думой, и этого было достаточно, чтобы во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, даже ошибкахъ ихъ была какая-то своеобразная сила. Это была позиція не прямая, не открытая,—нерѣдко даже просто нельзя было разобрать, за что же все-таки гг. кадеты выскажутся въ концѣ концовъ,—но тѣмъ не менѣе чувствовалось, что здѣсь бьется какой-то пульсъ, какая-то аппетитность... Сейчасъ же даже этого пульса, этого аппетита напрасно стали бы мы искать у былыхъ „побѣдителей"...

„Я сейчасъ чувствую себя растеряннымъ".—писалъ одинъ изъ сотрудниковъ „Рѣчи", и хотя этого не говоритъ, но по всей справедливости могла бы повторить про себя вся партія. Трудно представить себѣ весь тотъ хаосъ, который царитъ сейчасъ въ головѣ кадета, не отказывающагося, конечно, продолжать „осаду".

Не говоримъ уже о той части партіи, которая несомнѣнно пойдетъ сейчасъ по стопамъ г. Струве, автора знаменитаго проекта кадетско-октябристскаго центра, въ послѣдней книжкѣ „Русской Мысли" позволяющаго себѣ бросать по адресу революціонной русской интеллигенціи слѣдующія строки: „Обвиненія правительства тѣми, которые вели съ нимъ войну, имѣютъ такой же смыслъ, какой имѣли бы обвиненія японцевъ русскими въ томъ, что побѣдили японцы. Революціонеры нападали, правительство защищалось,—таковъ единственная возможная съ „военной" точки зрѣнія логика" [2]). Соглашеніе съ октябристами à la г. Струве большинствомъ партіи отвергнуто, такъ какъ ихъ конституціонность-де подлежитъ большому сомнѣнію въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Однако, едва ли отъ этого кадетское большинство въ смыслѣ этой самой „конституціонности" ушло дальше хотя бы того же г. Струве и его присныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, куда направляютъ они свои взоры сейчасъ, въ тотъ моментъ, когда, казалось бы, менѣе всего простительно скользить кругомъ до около, когда ужъ слишкомъ бьетъ въ носъ даже тѣмъ, у кого ника-

---

[1]) См. общую политическую резолюцію съѣзда.

[2]) См. іюльскую книгу „Русской Мысли".

кого обонянія не имѣется? Вотъ, что мы читаемъ на страницахъ Рѣчи: „Есть или нѣтъ въ Россіи конституція, каковъ бы ни былъ отвѣтъ, данный фактами жизни на этотъ поставленный жизнью вопросъ, во всякомъ случаѣ въ Россіи есть конституціоналисты“. Очень это далеко отъ того, въ чемъ такъ недавно клялись гг. кадеты... Но, пусть. Кто же эти конституціоналисты? Мы сами? Нѣтъ, прежде послушайте-ка вотъ что: классовой характеръ избирательнаго закона еще не все, но все дѣло, молъ, въ томъ, чтобы дворяне не стояли на точкѣ зрѣнія г. Павлова, ибо тогда они выберутъ не Павловыхъ, а кадетъ, и Дума будетъ кадетская. Не вѣрите? Читайте. „Политическое настроеніе земскихъ избирателей,—читаете вы,—на нашихъ глазахъ измѣнилось чрезвычайно значительно, когда отъ широкаго политическаго движенія земство ушло въ свои домашнія дѣла. Настроеніе это можетъ измѣниться и въ обратномъ направленіи, когда тѣмъ же самымъ мѣстнымъ избирателямъ придется производить политическіе выборы. Конечно, выборы эти будутъ производиться подъ сильнѣйшимъ теперь уже легализированнымъ давленіемъ администраціи и при очень обостренномъ положеніи аграрнаго вопроса. То и другое мало благопріятствуютъ „кадетскому“ составу будущихъ депутатовъ отъ землевладѣльцевъ. Но и тутъ могутъ быть соображенія иного рода“ [1]).

Такъ писали передовицы кадеты въ день открытія общеземскаго съѣзда, на которомъ, кажется, ни слова не было сказано о „домашнихъ дѣлахъ“... [2]). Нуженъ ли большій разбродъ? Нужна ли большая растерянность, чѣмъ растерянность „реальныхъ политиковъ“ въ переживаемый моментъ?

Таковъ сейчасъ кадетизмъ, и едва-ли, конечно, упадокъ, къ которому онъ идетъ, можетъ удивить кого-либо, кто внимательно слѣдилъ за всѣми его прежними метаморфозами. Но, что особенно характерно, этотъ идейный разбродъ, это состояніе растерянности отнюдь не составляетъ достояніе исключительно той демократіи, которая колебалась и колеблется между революціей и контръ-революціей. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ той или иной степени эта внутренняя реакція проникла и въ ряды радикальной демократіи. Прежде всего, конечно, это относится къ трудовикамъ. Кто не помнитъ трудовика временъ Аладьина, Аникина, Жилкина? И вотъ проходитъ годъ, и эти люди превращаются въ форменныхъ кадетскихъ подголосковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ дѣятельность все болѣе и болѣе сходитъ на нѣтъ, точно вся ихъ сила была въ личностяхъ ихъ первыхъ лидеровъ. Еще въ прошлое междудумье трудовики функціонировали сколько-нибудь самостоятельно, но чѣмъ дальше, тѣмъ они все болѣе и болѣе теряютъ свою индивидуальность, а вмѣстѣ съ ней и свое настроеніе. Не менѣе знамена-

---

[1]) „Рѣчь“ отъ 8 іюня.

[2]) См. нашу статью „Зубры въ „Славянскомъ Базарѣ“. „Современный Міръ“ 1907 г. № 7—8.

тельна эволюція, постигшая соціалистовъ-революціонеровъ. Послѣдній съѣздъ ихъ со всей очевидностью показалъ, какъ даже такой видный лидеръ ихъ, какъ Гр. Гершуни, далеко отошелъ отъ того, что еще такъ недавно вдохновляло его группу. И добро бы эта эволюція коснулась одного Гершуни. Но въ томъ-то и дѣло, что это цѣлое теченіе, вѣяніе времени, надъ которымъ не въ состояніи возвыситься одинаково какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлыя группы. Выше лба уши не растутъ... Присмотритесь, что сейчасъ проектируется въ рядахъ этихъ демократовъ поневолѣ,—есть въ ихъ бойкотистскихъ лозунгахъ что-либо, кромѣ того же разброда, той же растерянности, есть какая-нибудь жизнь, безъ которой никакое движеніе впередъ невозможно?

Мы можемъ безъ ошибки сказать: если какая-либо партія осталась на высотѣ своего традиціоннаго прошлаго, это соціалъ-демократическая партія. Никакая партія не властна надъ внѣшними условіями, продуктомъ которыхъ она является, и въ этомъ смыслѣ, конечно, русская соціалъ-демократія не составляетъ исключенія изъ другихъ партій. Ея дѣятельность стѣснена до послѣдней степени, вмѣстѣ съ тѣмъ ея ряды поневолѣ рѣдѣютъ и рѣдѣютъ, ударъ за ударомъ сыплется на нее и слѣва, и справа. Все это такъ. А все-таки она вѣрна себѣ—подъ дождемъ и вьюгою, какъ подъ безоблачнымъ небомъ, ту же линію борьбы ведетъ, тѣ же позиціи отстаиваетъ, какъ по отношенію къ тѣмъ, кто остался налѣво отъ нея, такъ и по отношенію къ правому флангу. Конечно, это не значитъ, что партія обладаетъ какимъ-то жизненнымъ элексиромъ: загнанная въ подполье, она томится въ его душной атмосферѣ, менѣе способная вдохнуть въ массы духъ новаго протеста, чѣмъ когда бы то ни было...

Что же при такихъ условіяхъ можетъ царить въ партійныхъ кругахъ? Жизнь даетъ на это весьма короткій отвѣтъ. Тѣ самые революціонные эксцессы, которые еще въ первое междудумье получили такое развитіе. Тогда они встрѣчали достаточное противодѣйствіе со стороны элементовъ, которые, такъ или иначе, еще были въ силахъ стоять на стражѣ организованной работы и ея результатовъ [1]). Теперь же, когда подъ ударами тайныхъ и явныхъ правителей, возвращающихся къ прошлому, падаютъ послѣдніе остатки завоеванныхъ организацій, „героизмъ отчаянія“, нѣкогда воспѣтый поэтомъ, а теперь вылившійся въ такую острую, грубо-матеріальную форму, становится буквально настроеніемъ момента. Нерѣдко даже люди, занимавшіе въ свое время отвѣтственные посты въ организованной борьбѣ за будущее, не въ состояніи сейчасъ удержаться отъ того, чтобы не перемѣнить этотъ постъ на роль въ какой-нибудь новоиспеченной „летучей дружинѣ“.

---

[1]) Яркимъ образчикомъ являются, напр., предостереженія совѣтовъ безработныхъ, теперь уже не существующихъ.

Между прочимъ, мнѣ какъ-то приходится слышать мнѣнія обратнаго свойства, а именно, будто бы всѣ эти эксцессы, наоборотъ, сокращаются. Такое мнѣніе объясняется только тѣмъ, что послѣднее время особенно крупныхъ партизанскихъ актовъ, которые прежде всего бросаются въ глаза, не было почти. Если же вы раскроете газетныхъ нѣсколько номеровъ сряду и сравните соотвѣтственныя данныя, скажемъ, съ данными прошлаго года, вы поразитесь тѣмъ, въ какой степени выросло количество именно *мелкихъ* террористическихъ или экспропріаторскихъ актовъ, тѣхъ, что только и могутъ пріобрѣсти характеръ чего-то будничнаго, обыденнаго, вошедшаго въ плоть и кровь. Со всѣхъ сторонъ чувствуется такое *небывалое* давленіе этой волны, что наблюдателю начинаетъ казаться, ужъ не здѣсь ли кроются всѣ тѣ запасы, которые съ неизбѣжностью естественнаго процесса теряютъ организація за организаціей...

И если гг. объединенные дворяне сознательно ставили себѣ цѣлью прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ шагамъ, отвести все, что есть организованнаго, въ такое русло съ его индивидуалистическими пріемами борьбы, то они могутъ быть довольны: дѣло сдѣлано, остается ковать желѣзо, пока горячо...

VI.

Своего рода общее шествіе назадъ... къ нравамъ и методамъ прошлаго.

Если разрушительныя тенденція реакціи превзошли все, что въ состояніи представить себѣ воображеніе въ одномъ направленіи, то волна соціальной анархіи тоже не только не идетъ на убыль, но поднимается все выше и выше рядомъ съ распыленіемъ организованнаго творчества. Разъ зародившись, эта болѣзнь съ неменьшимъ упорствомъ въѣлась въ общественный организмъ, чѣмъ тѣ самые тиски, которыми охватили его силы реакціи. Такъ, какъ грозный фатумъ, повисла надъ страной, вступившей на путь европейскаго развитія съ его экономическими и духовными особенностями, сѣдая старина съ ея правомъ и силой, когда въ лучшемъ случаѣ ареной общественнаго строительства были—большія дороги и темные переулки...

— Разбитое корыто, разбитое корыто!..

Кто же, наконецъ, остался при немъ, этомъ корытѣ, въ двухъ шагахъ отъ моря, и не можетъ ли это море вновь взыграть? Тѣ, кто отстояли грудью роспускъ Думы и отстоятъ все, что за нимъ воспослѣдуетъ, стараются убѣдить себя въ томъ, что теперь уже сумбуру будетъ конецъ, и весь хаосъ разсѣянъ. Только бы побольше рѣшительности со стороны бюрократіи, „отупѣвшей подъ градомъ злобныхъ политическихъ нападокъ", какъ писало „Русское Знамя"; только бы она почаще повторяла слова оберъ-прокурора правительствующаго сената дѣйствительнаго статскаго совѣтника Залѣсскаго, который на слова защитника обвиняемаго въ изданіи

направленныхъ къ ограниченію верховной власти книгъ отвѣтилъ, что манифестъ 17 октября никакихъ измѣненій въ верховномъ управленіи Россійской имперіи не ввелъ, и потому всякое наглое честолюбіе попрежнему есть наказуемое уголовными законами дѣяніе" [1]), а результаты уже сами скажутъ за себя...

Такъ ли это? Есть ли хоть малѣйшее основаніе у гг. вдохновителей „Русскаго Знамени" думать, что не они у разбитаго корыта, что для того, чтобы окончательно отогнать отъ страны призракъ принудительнаго отчужденія, нужна лишь еще одна степень политическаго разрушенія та, какой превзойти уже нѣтъ возможности? Такъ думать могутъ только люди, за внѣшнимъ торжествомъ, за каждымъ новымъ бокаломъ шампанскаго, выпитымъ въ любезныхъ сердцу стѣнахъ „Славянскаго базара", скрывающіе въ душѣ своей одно чувство унынія, старое, какъ они сами, чувство растерянности. Вѣдь въ то время, когда они ведутъ свою человѣконенавистническую агитацію на съѣздахъ, когда они диктуютъ свои директивы ставленникамъ для ихъ непосредственнаго проведенія въ жизнь, передъ отуманеннымъ ихъ взоромъ не можетъ не мелькать весь прошлый опытъ— не опытъ даже отцовъ и дѣдовъ, а опытъ собственныхъ своихъ бѣлыхъ ручекъ... собственное разбитое корыто...

Въ самомъ дѣлѣ, какія конституціи теперь ни рвите, какія перспективы ни рисуйте, развѣ еще блаженной памяти гр. Витте, „твердо рѣшившій не останавливаться ни передъ какими жертвами", не исчерпалъ фактически всѣхъ средствъ этого рода разрушенія? Кровь лилась на поляхъ Манчжуріи, обагряла волны Тихаго океана въ теченіе 18 мѣсяцевъ. Но то, что пережито было при гр. Витте, превосходитъ и то, и другое. Дворяне говорятъ о диктатурѣ, о новой цензурѣ, о конфискаціи имуществъ и пр. Одинъ изъ юмористическихъ журналовъ, вызвавшихъ собой такое недовольство со стороны тѣхъ, кому они посвящены были тогда, далъ остроумную характеристику этой дѣятельности Витте. По его словамъ историкъ русской современности непремѣнно назоветъ гр. Витте... собирателемъ земли русской. Конечно, трудно въ одно время и разлагать, и собирать землю, но...

— Дѣло факта. Была Польша и не стало Польши, потомъ Прибалтійскій Край, Кавказъ—надо же было ихъ вернуть. Севастополь, Москва, Сормово, за Сормовымъ—Ростовъ, за Ростовомъ—Уралъ, за Ураломъ вся Сибирь—надо же все собрать...

И кто можетъ отрицать, что графъ Витте собиралъ русскую землю съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ собиралась Русь въ доброе старое время, что практически гр. Витте не стоилъ „Донского казака" изъ „Московскихъ Вѣдомостей"?

---

[1]) См. «Русское Знамя» отъ 10 іюня.

Но что же? Создалъ онъ душевный покой гг. Ольсуфьевымъ, Касаткинымъ, Вобринскимъ? Положилъ конецъ тому глухому героизму отчаянія, который лежитъ въ основѣ ихъ пьянаго угара, всего ихъ реакціоннаго веселья? Нисколько. Стоило имъ послѣ первыхъ криковъ „ура" возвратиться въ свои усадьбы, чтобы вновь всѣмъ существомъ своимъ поднимать крики о томъ, что этого еще недостаточно...

Отъ твердаго гр. Витте съ его „арестованныхъ не имѣть" [1]) перейдите къ военно-полевой юстиціи, продиктованной гг. дворянами и взлелѣянной покойнымъ Павловымъ. Чѣмъ этотъ законъ, являвшійся исключеніемъ даже изъ того судопроизводственнаго порядка, который примѣняется на театрѣ военныхъ дѣйствій (даже передъ лицомъ внѣшняго врага законъ даетъ обвиняемому извѣстныя гарантіи), не охватывалъ практически програму, развиваемую изо дня въ день публицистами „Русскаго Знамени" или „Московскихъ Вѣдомостей"? Во главѣ всѣхъ судебъ русскаго человѣка стали простые строевые офицера, заслуги которыхъ измѣрялись лишь степенью ихъ мягкости или твердости. Кажется, земля русская уже вся покрылась трупами отъ края до края. И что же? Назрѣвшія потребности народа отъ этого отступили, остатки крѣпостничества преисполнились творческаго смысла? Ничуть не бывало. Гдѣ революціонеры стали наиболѣе интенсивно проявлять себя? Именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ возможно болѣе полной мѣрѣ пережили всѣ эти ужасы. Прибалтійскій край, Царство Польское, Кавказъ— не проходило дня, чтобы именно изъ этихъ, казалось бы, уже совершенно выжженныхъ и разгромленныхъ окраинъ не доходило извѣстія о новомъ революціонномъ взрывѣ, новомъ террористическомъ актѣ...

Теперь опять дворяне убѣдили правительство, что этого еще недостаточно, что репрессіи еще могутъ быть превзойдены, что будто бы еще не совсѣмъ возстановлена въ своихъ прерогативахъ даже царская власть, и оффиціальныя сферы, какъ заявляетъ одинъ изъ видныхъ членовъ центральнаго комитета союза 17 октября Л. В. Половцевъ, въ превосходной освѣдомленности котораго относительно видовъ и намѣреній правительства не можетъ быть сомнѣнія, очевидно, не смущаются передъ чѣмъ-то еще болѣе грознымъ, какъ это ни трудно себѣ представить.

— Правительство желаетъ быть лѣвѣе Думы. Ему нужна такая Дума, которая будетъ критиковать его законопроекты *справа*. Это дастъ ему возможность, во-первыхъ, пріобрѣсти сочувствіе общества, а во-вторыхъ, дискредитируетъ народное представительство...

— А потому: „Да здравствуетъ правительство и долой Думу"?

---

[1]) Этотъ лозунгъ собственно исходилъ изъ устъ г. Дурново, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ. Но гг. Витте-Дурново недаромъ вошли въ исторію того періода въ такомъ тѣсномъ единеніи.

— Вотъ именно... Теперь вы понимаете, что правительство не имѣетъ ни малѣйшаго желанія, чтобы Дума была „октябристской". *Ему нужна Дума гораздо болѣе правая* [1]).

Вотъ діалогъ... Не есть ли это разбитое корыто людей, которые съ такимъ самодовольствомъ отрекаются отъ него, приписываютъ его своимъ противникамъ, завоевавшимъ манифестъ 18 октября? Разрушеніе не остановитъ жизни, и, если реакція добьется возвращенія къ своему прошлому, то она въ свое время увидитъ, въ какой тупикъ она, наконецъ, сама себя завела вмѣсто того, чтобы по „европейскимъ" совѣтамъ своихъ Бисмарковъ воспользоваться „расчлененіемъ освободительнаго движенія" и пристроиться сколько-нибудь комфортабельно и уютно къ тому, что измѣнилось до неузнаваемости, и что остановить по этой причинѣ равносильно въ концѣ концовъ собственному политическому краху... Море синее не успокоилось отъ того, что старикъ остался у разбитаго корыта. Жизнь подчинена своимъ законамъ, съ которыми не могутъ не считаться никакіе люди безъ того, чтобы не быть втянутыми въ тотъ или другой моментъ въ темную пучину...

Возвращеніе къ прошлому въ лучшемъ смыслѣ ничего, кромѣ корыта, въ капиталистической странѣ дать не можетъ ни дворянамъ, ни дворянскому правительству—и не дастъ.

VII.

Наоборотъ, освободительное движеніе, при всемъ безмолвіи, ничуть не у разбитаго корыта. Оно по той простой причинѣ не у разбитаго корыта, что ему можно какія угодно ставить преграды, но остановить его нельзя, такъ какъ существованіе его обусловлено элементарнѣйшими интересами, лежащими въ основѣ общественнаго развитія. Пока эти интересы живы, движеніе можетъ опускаться и подниматься, временно даже замирать, принимая, напр., тѣ формы придавленности, растерянности, какія оно приняло сейчасъ,—все же говорить о „гробахъ повапленныхъ", подобно публицистамъ, получающимъ соотвѣтствующую мзду за это, по отношенію къ движенію нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь поближе къ тому, что принято называть спокойствіемъ, отсутствіемъ организованныхъ силъ. Во-первыхъ, когда гигантскому организму приходится реагировать на болѣе или менѣе внезапное раздраженіе, его движенія поневолѣ отличаются какой-то расте-

[1]) „Товарищъ", № 328. „Передъ выборами".

рянностью. Безъ сомнѣнія, въ извѣстной степени эту смутность, неясность общественнаго настроенія слѣдуетъ приписать тому, что чѣмъ развитѣе масса, чѣмъ сознательнѣе она себѣ уяснила и уясняетъ текущій моментъ, тѣмъ планомѣрнѣе она собирается съ силами, тѣмъ менѣе она склонна забывать, что нѣтъ повода, который бы гг. черносотенцы не пытались бы выманить ее на улицу для того, чтобы и оставшіеся ея передовые отряды утопить въ крови. Взять хотя бы любой актъ, являющійся, конечно, въ глазахъ наиболѣе сознательной части народа самымъ открытымъ, самымъ прямымъ препятствіемъ, грозящимъ серьезно затормазить дѣло свободы. Какъ можетъ она противиться ему? что можетъ предпринять сейчасъ для того, чтобы за этимъ актомъ не были осуществлены другія требованія, выставляемыя тѣмъ общественнымъ классомъ, чьи интересы выражаетъ правительство? Такъ, какъ въ прошломъ году протестовалъ флотъ? Но сейчасъ очевидно же для всякаго, слѣдившаго сколько-нибудь внимательно за тѣмъ, что происходило въ прошломъ году въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и пр., что такъ проливать кровь безсмысленно. Тѣмъ безплоднѣе мечтать о протестѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, какъ бы къ нему ни была подготовлена извѣстная часть населенія. Объ этихъ слояхъ можно сказать, не боясь ошибиться, что они безмолвствуютъ сейчасъ, ибо въ данныхъ условіяхъ должны безмолвствовать по тактическимъ соображеніямъ.

Во-вторыхъ, какъ ни замѣтно это безмолвіе, эта растерянность, тому, кто имѣетъ возможность наблюдать теченія народной жизни, бросается въ глаза одно чрезвычайно знаменательное явленіе, пробивающее себѣ дорогу въ этой тишинѣ, явленіе, можетъ быть, сейчасъ еще теряющееся въ общемъ хаосѣ, но въ будущемъ несомнѣнно чреватое послѣдствіями. Мы имѣемъ въ виду ростъ классового самоопредѣленія, идейной дифференціаціи, имѣющей такое глубокое значеніе для судебъ движенія.

Возьмите ту борьбу за свои повседневные интересы, которую, конечно, не исключаетъ такъ называемое спокойствіе страны. Количество экономическихъ стачекъ за послѣднее время, наоборотъ, не только не уменьшилось, но, повидимому, повышается, несмотря на дамокловъ мечъ, висящій надъ каждымъ рабочимъ существованіемъ съ поистинѣ трагической безпощадностью, въ видѣ безработицы. Не проходитъ дня, чтобы газеты не сообщали о какой-нибудь новой стачкѣ, о новыхъ усиліяхъ, которыя употребляютъ рабочіе для того, чтобы отстоять свои элементарныя человѣческія права. Правда, эта легкость, эта эфемерность существованія, самая наличность колоссальной безработной арміи являются источникомъ всевозможныхъ анархическихъ инстинктовъ, распространяющихся среди пролетаріата уже потому, что онъ экономически оказывается какъ будто не на пути. Но куда бы ни направлялась воля рабочаго въ тѣхъ или иныхъ жизненныхъ комбинаціяхъ, все же мысль его несомнѣнно работаетъ, работаетъ кон-

кретно, остро. Это замѣчаютъ положительно всѣ, кому приходится сейчасъ сталкиваться лицомъ къ лицу съ рабочимъ. Онъ собирается съ мыслями, пріобрѣтаетъ все болѣе яркую классовую физіономію. Тоже самое происходитъ въ деревнѣ. Аграрное движеніе вступило еще въ прошломъ году въ совершенно новую фазу развитія: все большая область охватывалась стачечнымъ движеніемъ крестьянъ, добивающихся увеличенія заработной платы, уменьшенія рабочаго дня и пр. Не въ меньшей степени это замѣтно и теперь. Эта форма борьбы, являющаяся отраженіемъ пролетарскаго городского движенія, вноситъ элементы классового самоопредѣленія и въ крестьянское движеніе, такъ нерѣдко выливающееся въ чисто-стихійныя и потому безплодныя вспышки. Такимъ образомъ передъ нами процессъ, чреватый послѣдствіями. Почти всѣмъ болѣе или менѣе историческимъ событіямъ нашей современности предшествовали такого рода внутренніе процессы [1]).

Въ душѣ даже г. Меньшиковъ согласится, что тѣ, кого онъ именуетъ волками, застряли временно у чего угодно, только не у разбитаго корыта... Только очень тупые люди могутъ искренно сравнивать спокойствіе, о которомъ съ такимъ паѳосомъ сообщаютъ оффиціальнымъ сферамъ, съ гробами повапленными... Плоха та тишина, въ складкахъ которой рѣетъ что то невѣдомое, что-то неуловимое, которая только до тѣхъ поръ обезпечиваетъ спокойствіе, пока это невѣдомое не развернулось, это неуловимое не поднялось во весь ростъ...

И если моментъ, переживаемый сейчасъ, дѣйствительно тяжелый моментъ, то во всякомъ случаѣ о немъ не скажешь, нельзя сказать, что были хуже времена, но не было подлѣе.. Учитесь жить будущимъ...

Можетъ быть, читатель вправѣ замѣтить намъ, что можно учиться жить будущимъ, не отходя въ то же время въ сторону отъ ближайшаго. Что же дѣлать сейчасъ, сію минуту? Конечно, вотъ вопросъ. Но вотъ и отвѣтъ: стремиться къ созданію такихъ условій, при которыхъ акты, подобные указаннымъ, стали бы если не невозможны, то во всякомъ случаѣ сопряжены съ прямыми „неудобствами“.

Рѣшиться ли на что-нибудь или не рѣшиться, идти ли въ третью Думу или не идти — все должно разсматриваться при свѣтѣ этой задачи. Разумѣется, о выступленіяхъ говорить не приходится, когда нечему выступать. Но идти ли, или не идти въ третью Думу — это вопросъ, можно сказать, дня, имѣющій тѣмъ большее значеніе, что въ тѣхъ отвѣтахъ, которые дали на него разнообразныя общественныя теченія, уже достаточно отразилась вся сущность, вся неясность момента.

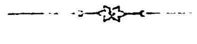
Оказывается, и сейчасъ имѣется довольно замѣтная группа бойкотистовъ. Такъ, недавно закончилась общероссійская конференція соціалъ-

[1]) Вспомните канунъ 9 января, обстоятельства, предшествовавшія манифесту 17 октября, и пр.

демократическихъ организацій, на которой присутствовало 26 человѣкъ съ рѣшающимъ голосомъ и 1 съ совѣщательнымъ. Бойкотъ, оказывается, отвергнутъ только 15 голосами. Изъ восьми большевиковъ, участвовавшихъ въ конференціи, за участіе въ Думѣ стоялъ одинъ Ленинъ. Конечно, можно быть увѣреннымъ, что въ широкихъ массахъ старый большевистскій лозунгъ успѣха имѣть не будетъ. Но у гг. бойкотистовъ есть одно преимущество, которое можетъ оказать имъ значительную поддержку безъ всякихъ съ ихъ стороны усилій. Это то состояніе растерянности, въ которомъ сейчасъ находится обыватель. Выше мы уже видѣли, какой индифферентизмъ царитъ въ области начавшейся уже избирательной кампаніи. Мы тамъ еще указывали, насколько тутъ дѣло не въ принципѣ, а въ психологіи обывателя. Но тѣмъ лучше для гг. бойкотистовъ. Вотъ почему одной изъ насущныхъ задачъ момента является энергичная борьба съ тѣми, кто въ сущности—въ ожиданіи, пока явится новый подъемъ—поддерживаютъ своей тактикой настроеніе упадка вмѣсто того, чтобы самимъ явиться ферментомъ ожидаемаго броженія. Говоря это, мы не закрываемъ глаза ни на значеніе, какое имѣютъ выборы, какъ санкція въ извѣстномъ смыслѣ акта 3 іюня, ни на то, каково будетъ положеніе въ Думѣ тѣхъ прогрессивныхъ кандидатовъ, которые пройдутъ въ нее при общемъ черносотенномъ составѣ. Дѣло въ томъ, что мы не имѣемъ права уклониться отъ организованной политической борьбы вообще, въ моментъ общественнаго отлива тѣмъ болѣе, а идти даже въ Думу гг. Вобринскихъ все-таки значитъ—идти туда, гдѣ будетъ клокотать политическая жизнь, все-таки значитъ—учиться жить будущимъ, выводить мало-по-малу наружу то, что зрѣетъ въ тайникахъ народной жизни, такъ или иначе углублять процессъ общественнаго самоопредѣленія, имѣющій такіе глубокіе корни внѣ Думы,—словомъ, стремиться отъ того, что временно, преходяще, къ тому, что въ концѣ концовъ восторжествуетъ.

Л. Клейнбортъ.

Digitized by Google

Типо-лит. Б. М. Вольфа. СПБ., Невскій, 126.

ОБРАЗОВАНІЕ

СЕНТЯБРЬ

Содержаніе № 9.

За недостаткомъ мѣста, не могли быть помѣщены въ этомъ номерѣ продолженіе ст. П. Берлина „К. Марксъ и его время“ и „Критика и библіографія“.

XVI. 1907

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1907.

8 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ № 9.

ВДВОЕМЪ.

Повѣсть Н. Тимковскаго.

I.

— Знаешь, Ира, — говорилъ Желатиновъ, расхаживая послѣ обѣда по комнатамъ для пищеваренія,—мнѣ до сихъ поръ не вѣрится, что мы съ тобой теперь сами себѣ господа. Вотъ ужъ скоро два года, какъ мы въ Петербургѣ, а мнѣ временами кажется, что мы все еще въ Казани, въ родительскомъ домѣ: вотъ-вотъ отворится дверь, и войдетъ отецъ или мать, начнутъ допрашивать, заглядывать въ книгу, которую ты читаешь, залѣзать къ тебѣ въ душу... Брр...

Онъ закурилъ тоненькую папироску и, не затягиваясь, выпускалъ изо рта деликатныя струйки дыма, которыя самъ же сейчасъ старательно отгонялъ отъ себя рукой. Высокій, съ длинными, тощими ногами, онъ, казалось, съ трудомъ несъ на плечахъ свою большую голову съ огромнымъ лбомъ, раскачивающуюся на тонкой шеѣ, какъ на стеблѣ. Его кроткіе близорукіе глаза выглядывали сквозь золотыя очки задумчиво и какъ будто опасливо. И въ самой походкѣ его виднѣлось что-то черезчуръ осторожное, какъ у человѣка, привыкшаго ходить на цыпочкахъ.

— Или вдругъ ворвется одна изъ тетокъ и начнетъ тебя исповѣдовать, — продолжалъ Петръ Ильичъ, начиная волноваться отъ воспоминаній. — А то еще хуже: сидишь, работаешь, а самъ все время чувствуешь, какъ мать подсматриваетъ за тобой въ щелку...

— Я тамъ всю жизнь считала себя виноватой въ чемъ-то, — хмуро замѣтила Ираида Ильинична.

Она сидѣла, положивъ локти на столъ и сумрачно смотря въ стѣну. Ширококостная, слишкомъ массивная для дѣвушки, съ высокой грудью и большими, крѣпкими, красноватыми руками, она была мало похожа на своего хрупкаго брата: круглое лицо, мясистыя щеки и довольно толстыя

губы дѣлали ее похожей скорѣй на здоровую, грубоватую крестьянскую молодуху, не отравленную муками интеллигентной мысли и, вмѣстѣ, не изнуренную тяжелымъ физическимъ трудомъ. Но ея темно-сѣрые, напряженно-вдумчивые глаза, ея изящныя почти черныя брови, такія подвижныя и нервныя, и неуловимая безпрерывная игра тревожной мысли во всемъ лицѣ—говорили о сложной и безпокойной внутренней жизни, а выраженіе пугливой затаенности въ глазахъ, въ сжатыхъ губахъ, во всей ея ежившейся фигурѣ странно сближали ее съ братомъ какою-то общей для нихъ родственной чертой.

— Да, да... — задумчиво бормоталъ Петръ Ильичъ. — Эти старовѣрскіе образа, эти сердитые угодники, какъ будто страдающіе разлитіемъ желчи, эти тяжеловѣсныя лампадки—они мнѣ еще до сихъ поръ снятся. Все въ нашемъ домѣ имѣло какой-то угрожающій видъ... Въ воздухѣ ощущался огромный незримый кулакъ, деспотически управлявшій всѣмъ и всѣми... Но ужаснѣе всего былъ этотъ вѣчный надзоръ надъ нами, это обшариваніе нашихъ столовъ, кармановъ, мыслей, сердецъ... Я ужъ слушалъ лекціи въ университетѣ, размышлялъ надъ жгучими вопросами жизни, усвоилъ себѣ взгляды передовыхъ людей,—а жить обязанъ былъ по указкѣ отца, вѣрившаго, что святые могутъ приплывать на камняхъ...

— Ну, мнѣ еще хуже тебя приходилось,—мрачно возразила Ираида.—Я удивляюсь теперь, какъ мы могли терпѣть, какъ мы не сбѣжали изъ дому?..

— Духу, должно быть, не хватало.

— Если бы отецъ съ матерью были живы, мы бы, можетъ быть, до сихъ поръ...

— Этотъ ненавистный угрюмый домъ слишкомъ рано придавилъ насъ... заразилъ насъ какимъ-то паническимъ страхомъ. Помнишь, Ира, какъ мы оторопѣли, очутившись на свободѣ? Мы въ первое время прямо испугались... Вѣдь вотъ до чего можно дойти!..

— Да, да... Знаешь... не будемъ лучше вспоминать: только нервы разстраивать.

Пожилая чухонка, съ бѣлесоватымъ безбровнымъ лицомъ, убрала со стола тарелки; потомъ, прихрамывая, внесла изъ кухни пузатый приземистый самоварчикъ. Ираида Ильинична заварила чай и достала изъ шкапа коробку съ окаменѣвшимъ отъ времени печеньемъ.

Желатиновы мало заботились о хозяйствѣ и домашнемъ уютѣ. Въ родительскомъ домѣ семейная трапеза была священнодѣйствіемъ, тянулась необыкновенно долго, торжественно и угрюмо, какъ погребальный обрядъ. Молодые

Желатиновы терпѣть не могли этого. Начавъ по смерти родителей самостоятельную жизнь, они обзавелись на скорую руку дешевой обстановкой, обѣдали, чѣмъ попало и когда придется, стараясь тратить какъ можно меньше времени на ѣду. У нихъ не было ни занавѣсокъ на окнахъ, ни парадныхъ скатертей, ни праздничныхъ сервизовъ, ни дорогихъ ковровъ: все это они роздали своимъ жаднымъ казанскимъ родственникамъ. Вполнѣ обезпеченные, почти богатые, они очень мало тратили на себя, но зато Петръ Ильичъ много помогалъ студентамъ, а Ираида Ильинична—слушательницамъ фельдшерскихъ курсовъ, куда она поступила по пріѣздѣ въ Петербургъ. Не жалѣли денегъ Желатиновы и на книги: ихъ былъ большой запасъ у обоихъ, и запасъ этотъ чуть не ежедневно возрасталъ...

Они молча пили жиденькій чай, уткнувшись каждый въ свою книгу. Было тихо, только шелестѣли страницы да вздрагивала крышка у чайника, поставленнаго Ираидой на бурливый самоваръ.

Кухарка вошла съ письмомъ и подала его барину. Баринъ, взглянувъ на конвертъ, передалъ сестрѣ.

— Это тебѣ, Ира...

Она взяла письмо, бросила не него быстрый взглядъ и торопливо, почти незамѣтно сунула въ карманъ. Послѣ этого она все время безпокойно ерзала на стулѣ; наконецъ, не выдержавъ, встала и ушла къ себѣ въ комнату.

— Отъ кого письмо?—крикнулъ ей вслѣдъ Петръ Ильичъ.

Она не отвѣтила, и онъ понялъ, что не слѣдовало спрашивать: эти опросы возмущали ихъ обоихъ въ родительскомъ домѣ и сдѣлались подъ конецъ невыносимыми.

Часъ спустя Ираида вышла изъ своей комнаты въ новомъ платьѣ и сказала Петру Ильичу, что она уходитъ.

Онъ хотѣлъ спросить ее: „Куда?", но воздержался, вспомнивъ, какъ мучили ихъ обоихъ своими вѣчными разспросами и отецъ, и мать, и тетки; старикамъ всегда казалось, что онъ идетъ на какое-нибудь „безбожное" собраніе, гдѣ занимаются крамольными дѣлами, а Ираиду подозрѣвали въ томъ, что она хочетъ „сбѣжать къ студентамъ"...

— Когда приблизительно вернешься?—сказалъ онъ, входя къ сестрѣ въ переднюю, гдѣ она одѣвалась.

— Да не знаю хорошенько... А ты дома будешь?

— Да тоже не знаю.

Ему хотѣлось пройтись съ ней немного, такъ какъ онъ весь день не выходилъ на воздухъ, но онъ не сказалъ ей объ этомъ: почемъ знать? Можетъ быть, это стѣснитъ ее?

— Ну, до свиданія...

Она ушла, а онъ остался въ передней, нюхая воздухъ.

Положительно, пахло духами. Это странно, потому что Ирочка прежде не терпѣла духовъ. И ея пышные волосы, которыхъ она никогда не могла удержать въ повиновеніи многочисленными шпильками, были теперь очень старательно причесаны.

— „Куда это она“?—подумалъ Желатиновъ.—„И что такое съ ней творится?“

II.

Она вернулась домой поздно ночью, чего прежде не бывало съ ней. Петръ Ильичъ безпокоился за нее и не ложился спать. Заслышавъ шаги на лѣстницѣ, онъ схватилъ свѣчку и бросился отпирать. Ираида неестественно быстро прошмыгнула мимо брата, торопливо повѣсила пальто на вѣшалку и пошла въ комнаты.

— Ну, что? Устала?—говорилъ Петръ Ильичъ, слѣдуя за ней со свѣчой.

— Да... Спать хочу. Прощай.

Она притворно зѣвнула и протянула брату руку.

— Послушай, Ирочка, у тебя нѣтъ ли жара?

— А что?

— Руки-то горячія.

— Нѣтъ, ничего... Устала немного.

Она покосилась на брата и, уловивъ его пытливый взглядъ, нервно засмѣялась.

— Что ты, Ирочка?

— Ничего... Я сейчасъ разговорилась съ извозчикомъ... Такой смѣшной старичокъ...

— О чемъ разговорилась?

— Онъ сталъ разсказывать про себя, а потомъ меня разспрашивалъ: замужемъ ли я и есть ли у меня семейство?

— Ну?

— Узналъ, что я не замужемъ и что отецъ съ матерью умерли, и вдругъ говоритъ: „Кто жъ тебя жалѣетъ то?“ Ха, ха...

— „Жалѣетъ?“

— Ну, да... Это у нихъ значитъ: „любитъ“... Ха, ха... А вѣдь хорошо сказалъ? Мнѣ понравилось... Кто любитъ, тотъ непремѣнно жалѣетъ... Ну, прощай!.. Покойной ночи.

И она внезапно ушла къ себѣ, оставивъ брата въ тревожномъ недоумѣніи. Онъ долго не могъ заснуть, вспоминая ея странно возбужденное лицо, ея горячую вздрагивающую руку и ея необыкновенные глаза: впалые, измученные, но поразительно блестящіе. Она тоже не спала: ходила по комнатѣ, двигала чѣмъ-то, потомъ опять ходила осто-

рожными шагами. Уже брезжила заря, когда Петръ Ильичъ задремалъ, но сквозь чуткій сонъ онъ все еще продолжалъ слышать шаги сестры.

III.

— Ты что-то блѣдна, Ирочка,—сказалъ Петръ Ильичъ, всматриваясь въ сестру своими кроткими, подслѣповатыми глазами.—Не переутомилась ли?

— Вовсе нѣтъ.

— Или тебѣ нездоровится?

— Ничего, пустяки... Нервы что-то...

— Не посовѣтоваться ли тебѣ съ докторомъ?

Ираида вспыхнула, отвернулась и сказала почти сердито:

— Да все пустяки... Пройдетъ.

Петръ Ильичъ потоптался около нея съ безпомощнымъ видомъ и ушелъ въ кабинетъ заниматься. Но работа не клеилась: мысль о сестрѣ не давала ему покою. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ Ирочка сама не своя: разсѣяна, тяжело задумчива и тяжело молчалива. Недавно проносила два дня въ карманѣ письмо, которое онъ просилъ ее опустить въ почтовый ящикъ. Всегда аккуратная, дѣловитая, она брала теперь на курсахъ чужіе учебники вмѣсто своихъ, надѣвала чужія калоши, путала дни и числа. Третьяго дня купила Петру Ильичу книгу и забыла ее въ конкѣ, а сегодня вотъ ушла изъ дому, не распорядившись насчетъ обѣда, а удивленная чухонка все утро надоѣдала ему разными хозяйственными вопросами...

Петръ Ильичъ рѣшилъ дѣйствовать окольными путями, чтобы незамѣтно заставить сестру высказаться. Въ головѣ у него всегда былъ большой запасъ вопросовъ по поводу прочитанныхъ книгъ. Онъ и прежде разговаривалъ о нихъ съ сестрой, но черезчуръ отвлеченно; теперь онъ пытался ловкими діалектическими маневрами сводить ихъ мало-помалу на личную жизнь, надѣясь, что рано или поздно Ирочка попадетъ въ хитро разставленныя сѣти. Но чѣмъ больше онъ старался и изворачивался, чѣмъ тоньше плелъ паутину, тѣмъ больше настораживалась Ираида Ильинична.

— „Она неуклонна въ своей уклончивости“ —мысленно говорилъ онъ.

Тогда онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: утащилъ сестру почти силкомъ въ театръ, а оттуда—въ ресторанъ. По его мнѣнію, и то, и другое располагаетъ къ откровенности. Особенно онъ разсчитывалъ на ресторанъ: „Она никогда не была въ ресторанѣ; совершенно новая для нея обстановка поможетъ ей выйти изъ обычной узкой колеи.

Въ ресторанѣ даже самый ущемленный человѣкъ становится развязнымъ".

Но Ираида Ильинична не сдѣлалась развязнѣе. Сидя въ общей залѣ ресторана, она непомѣрно волновалась и все пугливо косилась по сторонамъ. Петръ Ильичъ, выпившій цѣлыхъ двѣ рюмки портвейна, все подшучивалъ надъ нею, а послѣ третьей рюмки, взвинченный и оживленный, заговорилъ о „внутреннемъ мірѣ человѣка вообще":

— Знаешь, Ира: мнѣ человѣкъ кажется иногда похожимъ на домъ. Чердакъ—это область отвлеченныхъ понятій, разныхъ умственныхъ схемъ, воспринятыхъ наскоро нашимъ разсудкомъ, вычитанныхъ изъ книгъ или затверженныхъ нами съ чужихъ словъ. Потомъ идутъ жилые этажи: это — область живыхъ интересовъ, наполняющихъ болѣе или менѣе нашу текущую жизнь. Наконецъ, въ самомъ низу,—подвалъ, глубокій подвалъ, темный и скрытый, гдѣ заложены наши органическія стремленія, смутные порывы, зародыши чувствъ и идей, неизслѣдованныя влеченія, завѣщанныя намъ сотнями поколѣній... Быть можетъ, въ этой темной безднѣ таятся самыя цѣнныя сокровища, самые питательные жизненные соки? Во всякомъ случаѣ, въ своемъ психическомъ мірѣ я различаю всѣ эти этажи, и чердакъ, и подвалъ. А ты, Ира? Не ущущаешь ли и ты въ себѣ чего-либо подобнаго?

— „Кажется, я не посягаю этимъ на ея интимную жизнь?—подумалъ онъ.—„Вѣдь это же—общій психологическій вопросъ".

— Мнѣ не приходило этого въ голову,—сказала Ираида Ильинична, какъ бы пораженная идеей брата.

Она вдругъ напряженно задумалась и, казалось, сразу забыла о томъ, что сидитъ въ залѣ ресторана, окруженная цѣлой толпой. Петръ Ильичъ былъ очень доволенъ началомъ: теперь онъ былъ увѣренъ, что доберется постепенно до больныхъ мѣстъ... Наливъ себѣ четвертую рюмку и отхлебнувъ изъ нея, онъ продолжалъ съ жаромъ:

— Чердакъ мы всячески культивируемъ, а о подвалѣ забываемъ. Изрѣдка спустится туда кто-нибудь съ фонаремъ, взглянетъ мелькомъ и спѣшитъ уйти прочь. А въ темномъ подвалѣ между тѣмъ происходятъ неладныя вещи: глубоко скрытыя силы бродятъ, рвутся наружу; искры тлѣютъ подъ пепломъ, и вдругъ разразится взрывъ, способный обратить весь домъ въ развалины. Или тамъ, въ сокровенной глубинѣ, все незамѣтно гніетъ, уродуется, разрушается, заражая домъ страшнымъ недугомъ. Чердакъ цѣлехонекъ, но основаніе дома давно сгнило и грозитъ разрушеніемъ...

Онъ остановился, замѣтивъ, какъ тревожно забѣгали

глаза сестры. Въ залу входила компанія веселыхъ, хорошо одѣтыхъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, полный, статный, съ большой свѣтло-русой бородой, кивалъ, улыбаясь, Ираидѣ, причемъ издали блестѣли его бѣлые зубы.

Компанія, разговаривая и пересмѣиваясь, прошла въ сосѣднюю комнату. Двое задержались въ аркѣ и нѣкоторое время смотрѣли внимательно черезъ головы сидящей публики на обоихъ Желатиновыхъ.

— Кто это?—вырвалось у Петра Ильича.

— Наши доктора...—пролепетала Ираида.

— Курсовые?

— Да.

— Чего жъ ты такъ смутилась? Или начальство запрещаетъ вамъ посѣщать рестороны?—шутилъ Петръ Ильичъ.—Тебѣ, чай, кажется, что рестораны созданы исключительно для пропащихъ людей. Да совсѣмъ нѣтъ!.. Я какъ-то обѣдалъ здѣсь съ доцентами послѣ одного диспута... Тутъ все приличная публика.

Ираида молчала, низко пригнувшись къ столу. Пятна все больше расползались по ея щекамъ...

— Впрочемъ, я это понимаю,—продолжалъ Петръ Ильичъ,—когда я, еще студентомъ, попалъ въ первый разъ въ ресторанъ, мнѣ было какъ-то не по себѣ... Ну, да погоди: привыкнешь!—засмѣялся онъ.

Но улыбка сестры, которою она отвѣтила на его смѣхъ, была такая жалкая, такая виноватая, что онъ мгновенно пересталъ смѣяться и забезпокоился. Какъ ни старался онъ послѣ этого развеселить сестру, втянуть ее въ разговоръ, она только усмѣхалась черезъ силу и отвѣчала невпопадъ. Такъ и просидѣла она до конца ужина, уперевъ глаза въ тарелку, не рѣшаясь повернуть голову... И только, когда они пріѣхали домой, она, прощаясь передъ сномъ съ братомъ и не глядя на него, сказала какимъ-то глухимъ, вымученнымъ тономъ:

— Во всякомъ случаѣ, человѣкъ не таковъ... совсѣмъ не такой, какимъ его считаютъ окружающіе.

И, уходя къ себѣ въ комнату, прибавила скороговоркой:

— Даже не таковъ, какимъ онъ самъ себя всю жизнь считаетъ...

IV.

Вернувшись какъ-то вечеромъ съ засѣданія ученаго общества и не заставъ сестры дома, Желатиновъ принялся, какъ дѣлалъ часто, ходить по всѣмъ комнатамъ, отъ одного края квартиры до другого. Его вдругъ поразилъ запахъ табач-

наго дыма въ сестриной комнатѣ. „Странно: кто могъ курить здѣсь?..“

Онъ уже пошелъ было въ кухню, чтобы спросить у кухарки, кто тутъ былъ безъ него, но по дорогѣ вспомнилъ, какъ покойная мать допрашивала прислугу и какъ преданная Ѳеклуша доносила ей обо всемъ, что касалось дѣтей: заходилъ ли къ сыну товарищъ-студентъ, получала ли дочь письмо по почтѣ,—все это докладывалось потихоньку матери или теткамъ.

— „Нѣтъ, это будетъ похоже на выслѣживанье,—подумалъ Петръ Ильичъ. — Ирочка сама скажетъ мнѣ объ этомъ, если найдетъ нужнымъ“.

Но Ираида Ильинична, вернувшись, ничего не сказала брату, и онъ сталъ думать, что она сама потихоньку куритъ.

— „Ну, что же? Это—ея дѣло“.

Однако, тревога за сестру все больше мучила его. Особенно безпокоила его странная безцѣльная суетливость, которая напала на Ираиду за послѣднее время. Такъ бываетъ съ иными пассажирами, когда они подъѣзжаютъ къ своей станціи: одѣлись, приготовили свои вещи, даже взяли зонтики въ руки, но имъ все кажется, что надо еще что-то сдѣлать,—и вотъ они безпредметно волнуются, торопятся, суетятся, безпрестанно вскакиваютъ съ мѣста, тревожно озираются...

Бродя по пустой квартирѣ и размышляя о томъ, „гдѣ это Ирочка пропадаетъ“?—Желатиновъ вошелъ однажды въ ея комнату и принялся машинально осматриваться, точно разсчитывая найти здѣсь разгадку всѣхъ странностей сестры. Все здѣсь казалось ему подозрительнымъ... даже медицинскія книги, по которымъ она занималась... А вотъ тутъ какія-то записки...—„Это, повидимому, лекціи ея?.. Да, да“...

— „А это что“?—Внезапно взглядъ его упалъ на кончикъ письма, лежащаго подъ прессъ-папье вмѣстѣ съ другими бумагами. Онъ сразу узналъ почеркъ: это было одно изъ тѣхъ писемъ, которыя каждый разъ такъ замѣтно волновали сестру. Очевидно, она, всегда такая аккуратная, теперь забыла запереть его въ ящикъ стола. Можетъ быть, она только что читала его, а потомъ вдругъ убѣжала изъ дому.— „Вотъ, гдѣ головка солитера!“—громко сказалъ Петръ Ильичъ. Его тянуло взять письмо и прочитать. Почему въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать этого? Вѣдь въ немъ говоритъ не праздное любопытство, не пренебреженіе къ личности другого, а искреннее участіе. Когда видишь человѣка, изнемогающаго подъ тяжелой ношей, невольно является желаніе подсобить ему... Отчего не позволить себѣ нѣкоторую безцеремонность, чтобы спасти близкаго человѣка отъ бѣды?

Но вдругъ онъ вспомнилъ фразу сестры, сказанную ею какъ-то давно въ разговорѣ: „Я предпочитаю погибнуть по-своему, чѣмъ спастись по-чужому". Желатинову стало совѣстно. Онъ засунулъ письмо поглубже въ бумаги и вышелъ.

Однако, сдѣлавъ нѣсколько концовъ по столовой и кабинету, онъ опять зашелъ въ завѣтную комнату и потомъ, продолжая расхаживать по квартирѣ, каждый разъ заходилъ въ эту комнату и останавливался передъ письмомъ. Онъ опять вынулъ краешекъ его, снова засунулъ и снова вытащилъ. Онъ невольно протягивалъ голову къ нему, невольно старался прочитать, какъ бы невзначай, хоть нѣсколько словъ оттуда. И вдругъ прочиталъ фразу: „Ты опять ломаешься? Какъ это глупо!..“ Ему стало безконечно стыдно, точно онъ укралъ что-нибудь у близкаго человѣка, и безконечно больно за сестру, которую онъ такъ гадко оскорбилъ.—“Близкіе люди любятъ заползать другъ другу въ душу, даже считаютъ себя вправѣ дѣлать это, потому-то имъ такъ трудно ужиться между собой“...—вспомнились ему его собственныя слова, которыя онъ не разъ говорилъ прежде сестрѣ. Вспомнились и сцены изъ прошлаго, такъ унижавшія его съ сестрой: вотъ отецъ выворачиваетъ у него карманы, ища прокламацій; вотъ мать шаритъ въ столѣ и комодѣ у Ираиды, а Ѳеклуша залѣзаетъ даже подъ постель къ ней и производитъ тамъ обыскъ...—„Мерзко, Мерзко!“—молвилъ Петръ Ильичъ, и это слово, высказанное вслухъ, еще ярче освѣтило въ его глазахъ всю некрасивость его поведенія.

А когда вернулась домой сестра, такая усталая, осунувшаяся, онъ не смѣлъ смотрѣть ей въ глаза, и еще долго послѣ этого, при встрѣчахъ съ нею, онъ инстинктивно избѣгалъ ея, какъ будто опасливаго, недовѣрчиваго взгляда. Ему казалось, что она подозрѣваетъ его въ шпіонствѣ и держится съ нимъ настороже.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ усиленно заботиться о томъ, чтобы не обращать вниманія ни на какія странности Ираиды и дѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ. Иногда онъ чувствовалъ на себѣ ея пристальный взглядъ исподлобья и думалъ: „Вотъ такъ же точно смотрѣла она на отца, когда ждала отъ него какой-нибудь грубой выходки“. И онъ спѣшилъ придать своему лицу самую беззаботную мину или говорилъ, потягиваясь:

— Хорошо бы купить чего-нибудь кисленькаго къ чаю...

Когда она спрашивала его чуть не въ десятый разъ притворно-равнодушнымъ тономъ: „Такъ письма мнѣ не было?“, онъ такъ же равнодушно отвѣчалъ:—„Нѣтъ, Ирочка, кажется,

не было". А когда она возвращалась разстроенная и хотѣла незамѣтно проскользнуть мимо брата въ свою комнату, онъ дѣлалъ видъ, что погруженъ всецѣло въ книгу или въ свои размышленія. Сидя съ нею за чаемъ, онъ нерѣдко замѣчалъ, какъ вздрагиваетъ чашка въ ея рукѣ; тогда онъ съ особеннымъ усердіемъ перелистывалъ страницы, и лицо его принимало озабоченное выраженіе человѣка, которому сейчасъ ни до чего нѣтъ дѣла.

Однажды послѣ обѣда онъ постучалъ къ ней въ комнату, чтобы отдать ей письмо и, пріотворивъ дверь, увидѣлъ, что сестра поспѣшно прячетъ въ столъ какіе-то листки. Лицо ея, которое она все отворачивала отъ брата, было очень взволновано и мрачно. Онъ положилъ передъ ней письмо и сказалъ, стараясь зѣвнуть:

— Тамъ самоваръ ужъ поданъ. Приходи чай пить.

— Ахъ, ужъ поданъ? Я сейчасъ...

Черезъ полчаса она вышла въ столовую. Глаза ея были красны. Она смѣшно суетилась, дѣлала рядъ ненужныхъ движеній, силясь замаскировать свой разстроенный видъ и, видимо, мучилась, чувствуя, что это ей не удается.

— Хорошую книжку я пріобрѣлъ вчера по литературѣ эпохи Возрожденія,—сказалъ Петръ Ильичъ, позѣвывая.— Куда же это, однако, я ее сунулъ? Надо пойти пошарить въ кабинетѣ...

Онъ вышелъ и вернулся въ столовую только тогда, когда Ираида уже сидѣла въ своей комнатѣ.

V.

Наступила зима, настоящая морозная и снѣжная зима. Ираида Ильинична становилась спокойнѣе, ровнѣе...—„Просто на нее дѣйствовала тревожная атмосфера петербургской жизни, къ которой не успѣли приспособиться наши провинціальные нервы. А теперь она привыкла"... И въ самомъ дѣлѣ, въ ней не было уже прежней неудержимой суетливости, только брови ея были постоянно сдвинуты какъ-то ужъ слишкомъ озабоченно и сурово.

Чуть не каждый вечеръ бывала у нея Фролова, ея однокурсница, чрезвычайно серьезная дѣвушка, съ тщедушнымъ тѣломъ и истощеннымъ лицомъ. Онѣ занимались вмѣстѣ до поздней ночи, а рано утромъ Ираида Ильинична уходила уже изъ дому. Въ тѣ дни, когда не бывала Фролова, Ираида возвращалась иной разъ домой только къ ночи. Вообще же, она замѣтно подобралась, приняла свой прежній дѣловой видъ и работала съ какой-то яростью...

Петръ Ильичъ уже не волновался за нее; онъ почти

завидовалъ ей: „Счастливая эта Ирочка! Она вся отдалась своимъ занятіямъ, и ее не гложутъ больше личные вопросы. А меня вотъ“...

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ успокоился за сестру, его все сильнѣе грызло собственное неудовлетвореніе. Вѣдь, кажется, осуществилось все, о чемъ они съ сестрой мечтали: независимое существованіе, любимый трудъ, дружная совмѣстная жизнь, а между тѣмъ онъ все чаще ощущаетъ безпричинное безпокойство и неопредѣленную сосущую грусть. Онъ усердно занимается своимъ предметомъ: всеобщей литературой, которая такъ интересуетъ его; онъ еще въ Казани, гдѣ работа была его единственнымъ утѣшеніемъ, успѣлъ пріобрѣсти значительную эрудицію. Онъ всегда былъ жаденъ до книгъ, — и вотъ въ его распоряженіи цѣлыя груды, которыя все растутъ и растутъ. Его идеаломъ было: сидѣть въ тихой квартирѣ и работать безъ всякихъ помѣхъ. Теперь идеалъ достигнутъ, а удовлетворенія нѣтъ. Сидитъ спокойно, читаетъ, пишетъ, и вдругъ откуда-то вынырнутъ мысли, острыя, какъ шипы, несносныя, какъ тучи комаровъ, зудящихъ, щекочащихъ, жалящихъ. Работа начинаетъ казаться безцѣльной: какъ онъ будетъ профессорствовать, при его застѣнчивости, беззвучномъ голосѣ и боязни людей? Когда на него глядятъ со всѣхъ сторонъ, ему кажется, что люди высасываютъ его своими глазами, какъ піявки... Для чего же онъ изучаетъ такъ усердно всѣ эти книжныя груды? Можетъ быть, это у него — просто дурная привычка: уходить отъ жизни въ книгу? Да такъ оно, повидимому, и есть: онъ давно подготовился къ магистерскому экзамену, а все откладываетъ, все ждетъ чего-то, все продолжаетъ изучать. У него нѣтъ ни рѣшимости, ни воли, ни даже простого желанія домогаться чего-нибудь. Онъ предчувствуетъ, что станетъ безъ конца тянуть свою лямку, вѣчно сидѣть среди книжныхъ горъ, вѣчно подготовляться... Онъ обводилъ усталымъ взглядомъ книжныя полки, и ему становилось жутко при мысли, что онъ сидитъ одинъ въ пустой квартирѣ, окруженный безмолвными фоліантами. Тогда онъ схватывался съ мѣста и бѣжалъ къ Митрофановымъ.

Это былъ единственный домъ, куда онъ заглядывалъ довольно регулярно. Желатиновы жили слишкомъ замкнуто. Мнительные и дикіе, рано привыкшіе держаться особнякомъ ото всѣхъ, они туго сходились съ людьми: при первомъ поползновеніи знакомаго проникнуть въ ихъ интимную жизнь, они начинали боязливо избѣгать его. Петръ Ильичъ любилъ бывать у Митрофановыхъ потому, что тамъ никогда не затрагивались интимные вопросы, а Ираида Ильинична сблизилась лишь съ одной Фроловой, такой же недотрогой,

какъ и она сама. Остальныя знакомства были шапочныя или почти шапочныя.

У Митрофановыхъ Петръ Ильичъ оживлялся. Вечеръ проходилъ въ пріятной бесѣдѣ на обычныя темы: объ университетѣ, о политикѣ, о вновь вышедшихъ книгахъ; передразнивали слегка профессоровъ, шутили, смѣялись, пили за ужиномъ рюмками бѣлое и красное вино. Жена Митрофанова и его свояченица, обѣ молодыя, симпатичныя, съ такими славными интеллигентными лицами, были въ курсѣ всѣхъ вопросовъ и принимали живое участіе въ разговорѣ... Словомъ, Петръ Ильичъ чувствовалъ себя тамъ хорошо и спокойно.

Но едва онъ выходилъ на улицу, какъ въ его душевномъ подпольѣ опять начинали скрестись безпокойныя голодныя мыши. Все, о чемъ разговаривали въ продолженіе вечера, казалось ему теперь скучнымъ, ненужнымъ; а о самомъ важномъ, самомъ больномъ для него никто и не заикнулся. Онъ былъ въ положеніи человѣка, который сидѣлъ долго за столомъ, ѣлъ какія-то блюда и, выйдя изъ-за стола, чувствовалъ себя голоднѣе прежняго. Въ немъ ныла грусть по какой-то иной жизни: молодой, бурливой, животрепещущей. Ему грезилась любовь, ласки, вѣяніе красоты, смутные и сладкіе порывы глубоко взволнованнаго сердца...

VI.

Часто, сидя одинъ въ пустой квартирѣ, онъ представлялъ себѣ, что съ нимъ живетъ не Ира, сестра его, а какая-то другая женщина, похожая на жену Митрофанова... или нѣтъ: лучше — на свояченицу его. Онѣ обѣ нравились ему, но свояченица больше, потому что не была еще ничьей женой. Потомъ ему дѣлалось больно за сестру, точно онъ уже совершилъ какое-то вѣроломство противъ нея. — „Вѣдь она — мой единственный близкій человѣкъ. Вѣдь только Иру я и люблю. И она меня — тоже“...

— „Наконецъ, отчего же не жить втроемъ?“ — вдругъ говорилъ онъ себѣ, снова принимаясь мечтать. — „Ирочка тоже будетъ жить съ нами. Тутъ для нея ничего обиднаго нѣтъ“...

А самого все время грызло сознаніе, что все это — одинъ бредъ: никогда не выпадетъ ему на долю того счастья, которое такъ волнуетъ его въ мечтахъ. Желатиновъ — и женская любовь: да это что-то несоизмѣримое!

Его вѣчной сокровеннѣйшей мукой было убѣжденіе въ своей уродливости, постоянное памятованіе о ней, крайне острое и болѣзненно преувеличенное. Онъ вовсе не былъ

уродливъ; даже некрасивымъ нельзя было его назвать: хорошій ростъ, правильныя черты лица, ласковые, умные, хотя немного подслѣповатые глаза, къ которымъ очень шли золотыя очки. Единственнымъ его недостаткомъ была слишкомъ большая голова и непомѣрно большой лобъ, бросавшіеся, какъ ему казалось, прежде всего въ глаза каждому. Онъ безпрестанно ощущалъ ихъ, помнилъ о нихъ и былъ убѣжденъ, что всѣ женщины, даже самыя добрыя, невольно подсмѣиваются надъ нимъ, какъ надъ уродцемъ... — „Экая, батенька, у васъ головизна"! — сказалъ ему давно какъ-то въ Казани одинъ развязный обыватель, и слова эти до сихъ поръ отравляли душу Петра Ильича.

Порой холодъ жизни становился для него до такой степени невыносимъ, что онъ рѣшался поговорить объ этомъ съ сестрой, но свой разговоръ онъ начиналъ обыкновенно черезчуръ издалека:

— Человѣку свойственно жить какъ интеллектуальной, такъ эмоціональной жизнью; безъ одной изъ этихъ сторонъ существованіе не можетъ быть полнымъ. Почему же, исповѣдуя открыто свои взгляды и убѣжденія, мы скрываемъ или маскируемъ наши чувства?

— Кто „мы"? Ты имѣешь въ виду насъ съ тобой или...

— Нѣтъ, я говорю вообще... Вѣдь чувству принадлежитъ такое же законное право на существованіе, какъ и идеѣ. И если чувство не высказывается, не проявляется... Беру, напримѣръ, себя, собственную психику...

Сестра пытливо всматривалась въ его лицо, точно стараясь проиикнуть въ затаенный смыслъ его рѣчей. Петръ Ильичъ начиналъ испытывать замѣшательство...

— Я беру собственную психику единственно потому, что здѣсь особенно важенъ личный внутренній опытъ каждаго...

— Ты неудовлетворенъ жизнью, которую ведешь?..

— Я этого не говорю, Ира. Мнѣ хочется только указать на ненормальность...

— Во всякомъ случаѣ, Петя, ты слишкомъ много живешь головой. Тебѣ надо больше двигаться на свѣжемъ воздухѣ. Ты цѣлый день сидишь за книгой.

— Да, да, это ты правду... Нельзя пренебрегать физическимъ здоровьемъ.

И онъ переводилъ разговоръ на гигіену, на тѣсную связь души съ тѣломъ, а самъ думалъ съ завистью: — „Ахъ, Ирочка, Ирочка, какъ далеко отъ тебя *это*! Если ты и переживала что-нибудь подобное, такъ ты справилась съ собой и опять бодро идешь впередъ. Да, ты сильнѣе меня, лучше, чище меня! Ты не поймешь моихъ мелкихъ, низменныхъ вожделѣній, эгоистическихъ страданьицъ и всей душевной слякоти"...

VII.

Гуляя вечеромъ по Невскому и жадно всматриваясь въ нарумяненныя лица женщинъ, онъ съ ужасомъ думалъ, что въ немъ сидятъ грубые инстинкты его предковъ. Особенно пугалъ его дѣдъ, о жестокости и распутствѣ котораго онъ въ свое время наслышался отъ тетокъ.—„И звали-то его тоже „Петръ Ильичъ"... Иногда ему казалось, что онъ какъ будто ощущаетъ въ себѣ этого неистоваго дѣда, толкающаго его на буйство и развратъ. Петръ Ильичъ оставался застѣнчивымъ и скромнымъ, но каждый разъ, возвращаясь ночью съ Невскаго домой, чувствовалъ себя отравленнымъ и растеряннымъ въ самой глубинѣ своего нравственнаго существа. Въ сердцѣ кипѣло что-то горячее, ѣдкое и злое, а сознаніе неустанно твердило ему о его низости и испорченности... Даже во снѣ его мучила „жажда грязи" и мысль о томъ, что онъ падаетъ все ниже и ниже.

Однажды онъ сидѣлъ въ ресторанѣ, пилъ вино и слушалъ не то румынскій, не то венгерскій оркестръ. Теперь онъ захаживалъ иногда въ ресторанъ одинъ, безъ компаніи, и даже, случалось, пилъ водку, къ которой чувствовалъ прежде физическое отвращеніе. За сосѣднимъ столомъ сидѣла среди мужчинъ молодая, полная, красивая женщина, съ выхоленнымъ лицомъ, съ бриллiантами въ маленькихъ розовыхъ ушахъ. Эта женщина очаровала Желатинова. Ея тупо-самодовольное, смазливое лицо властно притягивало къ себѣ его взоры. Ему, какъ это ни странно, особенно нравилось то, что въ черныхъ, искусно подведенныхъ глазахъ ея не свѣтилось ровно никакой мысли: они только маслились, щурились, опять открывались и опять щурились—вотъ и все. Но больше всего прельстили Петра Ильича ея чувственныя ярко-красныя губы, которыми она сочно обсасывала жирную кость утки... Эти губы снились ему потомъ всю ночь, грезились цѣлую недѣлю. Онъ долго ходилъ вечерами по Невскому, высматривая соблазнительное лицо и терзаясь презрѣніемъ къ себѣ...

Отравляемый тайными постыдными мыслями и ощущеніями, онъ инстинктивно избѣгалъ взгляда сестры, спѣшилъ укрыться отъ нея въ кабинетъ или уткнуть голову въ книгу. Но порой его нестерпимо грызло одиночество, и тогда онъ съ горечью думалъ, что они съ сестрой живутъ, словно чужіе. Вѣдь у нихъ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ни одной близкой души: это должно было бы сдружить ихъ тѣснѣе между собой, а между тѣмъ они теперь болѣе чужды другъ другу, чѣмъ были прежде, когда обоихъ давилъ гнетъ родительскаго дома. Ихъ всегда связывала глубокая привя-

занность—они оба знаютъ это и чувствуютъ,—почему же теперь, живя вдвоемъ, они никогда не прикасаются другъ къ другу, какъ двѣ параллельныя линіи?

VIII.

А Ираида Ильинична стала въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ чужая. Какъ ни былъ занятъ Петръ Ильичъ собственными переживаніями, все же онъ начиналъ смутно подозрѣвать, что съ сестрою опять что-то неладное; а однажды утромъ, когда они пили вмѣстѣ кофе, его вдругъ поразила мысль, что лицо у Ирочки стало совсѣмъ другое. Она была какъ будто спокойна, ровна: не замѣчалось въ ней, какъ въ началѣ зимы, безпрерывной и безпредметной тревоги, судорожной суетливости, головокружительной смѣны настроеній... Но зато на лицѣ ея было такъ ясно написано, что она теперь безконечно чужда всему и всѣмъ. Глаза ея были подернуты какъ будто тонкимъ слоемъ льда, какимъ-то трагическимъ безучастіемъ ко всему въ мірѣ; блѣдныя, безкровныя губы были плотно сжаты, и всѣ черты лица казались окаменѣвшими... Измѣнилась не столько ея наружность, сколько самый тембръ личности, весь тонъ ея внутренняго существа...

— Вотъ ужъ подходитъ весна: надо нанять дачу,—сказалъ Петръ Ильичъ.

Сестра молчала.

— Поскорѣй бы вырваться изъ Петербурга, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Ираида Ильинична продолжала молчать.

— Или еще лучше: въ деревню куда-нибудь, подальше отъ столицы... Ты черезчуръ заработалась, Ирочка.

Она все молчала, не поднимая глазъ на брата.

— А то знаешь, что, Ирочка? Не поѣхать ли намъ за границу? А?

— Ну, что жъ?—отозвалась апатично Ираида.—За границу—хорошо...

Съ тѣхъ поръ поѣздка за границу сдѣлалась любимой темой Петра Ильича. За обѣдомъ, за чаемъ онъ съ жаромъ рисовалъ передъ сестрой картины ихъ будущей заграничной жизни: пѣшкомъ по Швейцаріи... путешествіе по озерамъ... музеи и картинныя галлереи въ Дрезденѣ, въ Мюнхенѣ... потомъ—въ Италію. Ираида Ильинична поддерживала разговоръ, и Петръ Ильичъ радовался, что она оживаетъ. Но однажды, взглянувъ на нее среди разговора попристальнѣе изъ-подъ очковъ своими ласковыми близорукими глазами, онъ увидалъ въ ея лицѣ такую безысходную тоску, такое

мертвенное равнодушіе ко всему, что мгновенно умолкъ и уже больше не заговаривалъ ни о Швейцаріи, ни объ Италіи.

Между тѣмъ наступила весна, въ петербургскомъ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то томительно-тревожнымъ. Петра Ильича сильнѣе прежняго угнетало одиночество. Иногда, расхаживая часами по комнатамъ, онъ видѣлъ сквозь неплотно закрытую дверь, какъ Ираида сидитъ у себя въ комнатѣ, запустивъ руки въ свои пышные волосы, и до самозабвенія думаетъ о чемъ-то. Это было поразительно не похоже на нее: прежде она не выносила праздной задумчивости и всегда спѣшила заняться чѣмъ-нибудь. Онъ тихонько входилъ къ ней и осторожно заговаривалъ о какомъ-нибудь вопросѣ, притворяясь, что интересуется имъ чисто-теоретически.

— Я вотъ все размышляю о счастіи,—говорилъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой.—Что такое, въ сущности, счастье? Мнѣ кажется, оно обусловлено двумя факторами. Первый это—внѣшнія условія благополучія: окружающая среда, обстановка и прочее. Второй это—нашъ воспринимающій аппаратъ, свойство нашей впечатлительности, наша, такъ сказать, манера реагировать на внѣшніе импульсы. Не правда ли?

Сестра молча взглядывала на него, и онъ видѣлъ по ея глазамъ, какъ далеки были отъ нея въ эту минуту всякіе общіе и отвлеченные вопросы. Но онъ дѣлалъ надъ собой усиліе и продолжалъ, разсчитывая какъ-нибудь незамѣтно подобраться и къ „личнымъ проблемамъ“.

— Итакъ, для достиженія счастія, своего собственнаго или общественнаго, необходимо, во-первыхъ, улучшить внѣшнія условія, а во-вторыхъ, усовершенствовать нашу субъективную призму, сквозь которую проходятъ и въ которой преломляются для насъ всѣ впечатлѣнія бытія. Въ высшей степени интересно изслѣдовать, какой именно изъ этихъ двухъ факторовъ играетъ для насъ наиболѣе существенную роль?

Онъ умолкалъ, чувствуя, какъ все это выходитъ у него холодно и громоздко, а сестра продолжала сидѣть загадочная, окаменѣлая, не разжимая своихъ плотно стиснутыхъ блѣдныхъ губъ.

Но случалось, что она сама входила въ кабинетъ къ брату, и по ея недвижному страдальческому взгляду онъ понималъ, что ее удручаетъ какая-то тайна, которую ей до боли хочется высказать. Тогда онъ начиналъ осторожно кружиться около этой тайны, заводя рѣчь то объ одномъ, то о другомъ, приближаясь къ больному мѣсту и опять боязливо отступая. И она тоже силилась, путемъ намековъ

и общихъ туманныхъ фразъ, подойти какъ бы нечаянно къ больному вопросу, — но ничего не выходило. Договариваясь до „интимнаго“ и боясь оцарапать сестру неделикатнымъ прикосновеніемъ, онъ точно останавливался у порога и ждалъ, но сестра не шла ему навстрѣчу. А когда съ ея языка готово было сорваться откровенное слово, она, какъ будто споткнувшись, внезапно умолкала, выжидая его; онъ же не смѣлъ, не считалъ себя вправѣ „насильственно врываться въ чужую душу“. Такъ оба они стояли, каждый у своего порога, и, подождавъ другъ друга, расходились.

IX.

Петръ Ильичъ гулялъ. Онъ не могъ сидѣть дома въ этотъ удивительный весенній день. Солнце заливало петербургскія улицы такимъ ликующимъ свѣтомъ, что Желатиновъ невольно поднималъ глаза кверху: ему все казалось, что онъ увидитъ тамъ жаворонковъ...

Свернувъ съ шумной улицы въ переулокъ, онъ вдругъ увидалъ сестру. Она шла медленно, медленно, низко свѣсивъ голову на грудь, ничего не видя передъ собой. Изрѣдка она пошатывалась въ задумчивости, какъ пьяная, тогда она въ испугѣ подымала голову, останавливалась и смотрѣла передъ собой оторопѣлыми глазами. Пѣшеходы оборачивались на нее.

Эта встрѣча ошеломила Петра Ильича. При ликующихъ лучахъ солнца фигура сестры показалась ему особенно мрачной и жалкой. Первымъ его движеніемъ было — броситься къ ней, но онъ тотчасъ же подумалъ, что это можетъ быть для нея очень непріятно, и продолжалъ слѣдовать за нею въ отдаленіи. Она глубоко несчастна: это сразу видно. Она не замѣчаетъ ни солнца, ни людей. Она идетъ, какъ лунатичка. — „Куда?.. Надо бы прослѣдить за ней. Можетъ быть, ей грозитъ опасность?“...

Нѣкоторое время онъ шелъ за нею, но вдругъ мысль, что онъ выслѣживаетъ ее, какъ сыщикъ, что онъ старается подсмотрѣть исподтишка ея тайну, остановила его... — „Нѣтъ, не буду соглядатайствовать! Гадко!“

Проводивъ ее глазами, онъ вернулся домой. Ждалъ сестру къ обѣду — она не пришла. Онъ не сталъ обѣдать одинъ и отправился къ Митрофанову, но и тамъ ему не сидѣлось: онъ заторопился домой.

Ираиды все не было. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, легъ на диванъ съ книгой и задремалъ.

Его разбудилъ легкій стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Я...

— Это ты, Ирочка?

— Да... Можно войти?

— Иди, иди...

Она вошла и молча сѣла на диванъ. Петръ Ильичъ внимательно всмотрѣлся въ нее... Какое-то далекое неуловимое воспоминаніе шевельнулось въ немъ...—„Что, бишь, такое?"

— Ты спалъ?—спросила Ираида.

— Нѣтъ, такъ... Немножко вздремнулъ. Тебя дожидался.

Ему не давало покоя воспоминаніе о чемъ-то тяжеломъ... Онъ все приглядывался украдкой къ сестрѣ. Она сидѣла, согнувшись, положивъ руки на колѣни, съ покорнымъ, пришибленнымъ видомъ, и казалась похожей на перепуганную и перемучившуюся дѣвочку, оцѣпенѣвшую отъ какого-то неслыханнаго ужаса или отъ нестерпимой обиды. Одна бровь была приподнята, и это придавало ея лицу выраженіе дѣтской безпомощности.

— У тебя лампа коптитъ,—молвила онъ беззвучно.

Петръ Ильичъ повернулъ лампу и спросилъ, чтобы что-нибудь сказать:

— А который теперь часъ?

— Не знаю...

Онъ взглянулъ на свои часы:

— Половина перваго.

Она тяжело перевела духъ, поежилась, точно отъ холода, потомъ стала быстро, быстро потирать руками колѣнки... И вдругъ Петръ Ильичъ увидѣлъ передъ собой ту дѣвочку — Иру, которую отецъ наказалъ такъ жестоко и позорно. Это было одно изъ самыхъ ужасныхъ воспоминаній: отецъ собственноручно высѣкъ двѣнадцатилѣтнюю Иру за какую-то невинную шалость, высѣкъ въ присутствіи домочадцевъ и прислуги. Съ тѣхъ поръ Ира сдѣлалась до странности молчалива, и по ея лицу можно было подумать, что она вѣчно прислушивается къ чему-то зловѣщему, вся притихнувъ и затаивъ дыханіе...

Теперь онъ съ поразительной ясностью вспомнилъ, какъ она тогда приплелась къ нему въ комнату, полусумасшедшая отъ стыда, ужаса и боли, какъ сидѣла передъ нимъ, свѣсивъ голову, тяжело дыша, упершись въ полъ неподвижнымъ, оцѣпенѣвшимъ взоромъ и машинально потирая колѣнки... Да, это то же самое лицо!

Въ немъ задрожало сердце отъ жалости...

— Ирочка, — произнесъ онъ, запинаясь отъ волненія. — Ты хочешь сказать мнѣ что-то, Ирочка?

Она еще ниже опустила голову и сидѣла такъ долго, долго, не говоря ни слова. Потомъ съ усиліемъ встала.

— Пора спать, — сказала она и протянула брату руку. Пальцы ея были мертвенно холодны.

— Ты простудилась, Ира?

— Нѣтъ...—отвѣтила она и повернулась къ двери.—Не то, не то...

— Постой же, Ирочка...—пролепеталъ онъ, подходя къ сестрѣ.—Отчего ты мнѣ не скажешь?..

Она дрогнула, хотѣла что-то сказать, но сдѣлала только судорожное движеніе головой. На блѣдныхъ щекахъ ея выступили пятна—не красныя, а какія-то коричневыя: это всегда бывало съ ней, когда ее терзалъ непреодолимый, доходящій до ужаса стыдъ, отъ котораго она вся внутренно корчилась.

— Ирочка, тебѣ легче будетъ... Право, легче будетъ...— бормоталъ виноватымъ голосомъ Петръ Ильичъ.

— Не могу...—вырвалось у нея, какъ тихій, едва слышный стонъ.

— Ирочка, я вижу: тебѣ тяжело... Ты что-то переживаешь...

Она бросила на него острый, испуганный взглядъ и шагнула къ двери.

— Послушай, Ира... Хочешь, — мы уѣдемъ завтра же куда-нибудь?

— Отъ себя никуда не уѣдешь...

— Но вѣдь надо же что-нибудь!..

— Да, надо, надо... Ну, да тамъ увидимъ...

Она взялась за ручку двери и стояла въ какомъ-то ожиданіи. Губы и щеки ея подергивались нервной дрожью. Петръ Ильичъ уловилъ ея взглядъ, полный безнадежности...

— Но, право же, Ирочка, такъ нельзя... — пробормоталъ онъ.

— Да, нельзя... — повторила она въ раздумьи странно спокойнымъ тономъ и тихо вышла.

Петръ Ильичъ слышалъ ея нерѣшительные шаги, слышалъ, какъ она остановилась въ темной столовой, потомъ опять пошла и снова остановилась. Что-то толкало его пойти за ней, вернуть ее, но другое „что-то“ удерживало... Когда затихли ея шаги, ему сдѣлалось жутко, и онъ ужъ направился къ ея комнатѣ, но вдругъ услышалъ ея голосъ:

— Покойной ночи, Петя.

— Покойной ночи, Ирочка.

Въ ея двери щелкнулъ замокъ, и сразу все затихло.

— „Пусть поспитъ, отдохнетъ, — разсуждалъ онъ, стоя среди столовой. — У нея сейчасъ черезчуръ напряжены нервы... да и у меня тоже. Завтра намъ легче будетъ разговориться“.

Онъ легъ спать, но долго ворочался, поминутно просы-

паясь... — „Ирочка все ходитъ, — думалъ онъ въ тяжелой полудремотѣ. — Ну, вотъ она, кажется, легла... Нѣтъ, нѣтъ, опять ходитъ... Вотъ теперь сѣла, должно быть... Опять встала... Открываетъ окно"... Онъ сталъ засыпать чуткимъ, порывистымъ сномъ, но въ забытьи ему грезилось, что онъ слышитъ чьи-то отдаленные стоны. Онъ проснулся въ шестомъ часу утра, мгновенно весь забезпокоился и, движимый какой-то силой, вскочилъ съ постели; торопливо, на цыпочкахъ, подошелъ къ комнатѣ сестры и прильнулъ ухомъ къ двери... Тихо. Ни звука.

— „Ну, слава Богу: заснула", — сказалъ онъ себѣ, выпилъ стаканъ воды, легъ и крѣпко заснулъ.

X.

На другой день въ полдень Петръ Ильичъ стучалъ въ дверь ея комнаты и кричалъ, все возвышая голосъ:

— Ира! Ира!.. Ты спишь?.. Ира!

Стукъ громко раздавался по всѣмъ комнатамъ... Онъ переставалъ стучать и прислушивался. И за дверью, и во всей квартирѣ была жуткая тишина. Кухарка, не дождавшись барышни, ушла за провизіей и пропала. Въ столовой молчаливо стоялъ давно угасшій самоваръ.

— Ирочка!.. Ирочка!..

Все та же тишина. Петръ Ильичъ слышалъ, какъ стучитъ его собственное сердце... Ему казалось, что неестественная тишина, заволакивающая, какъ незримое облако, всю квартиру, исходитъ вотъ именно изъ этой запертой комнаты... Охваченный внезапнымъ ужасомъ, онъ бросился подбирать ключъ къ замку. Руки у него ходили ходуномъ. Онъ долго не могъ попасть въ скважину... Ни одинъ ключъ не влѣзалъ. Тогда онъ догадался, что мѣшаетъ невынутый ключъ изнутри. Въ отчаяньи онъ опять принялся барабанить въ дверь, крича во весь голосъ:

— Ира! Ира!.. Да отзовись же!

Вдругъ онъ вспомнилъ, что въ комнатѣ сестры есть еще дверь: она выходитъ въ темный корридорчикъ и давно заставлена буфетнымъ шкапомъ, такъ что о существованіи ея даже забыли. Онъ бросился отодвигать шкапъ.

Дверь оказалась незапертой. Едва пріотворивъ ее, онъ протискался бокомъ и очутился въ комнатѣ сестры. Ира лежала одѣтая на сбитой постели. Онъ увидалъ ея лицо, искаженное агоніей, и мгновенно понялъ, что она мертва. Около нея на стулѣ стоялъ пустой пузырекъ изъ-подъ морфія: на полу у постели валялся шприцъ... Окно было отворено, по полу были разбросаны листки почтовой бумаги,

очевидно, сдутые съ письменнаго стола. Петръ Ильичъ тупо смотрѣлъ на листки, потомъ принялся старательно подбирать ихъ и класть на столъ; поднялъ даже промокательную бумажку...

. . . .

XI.

Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ Желатиновъ живетъ у Митрофановыхъ на дачѣ, куда они чуть не насильно увезли его. Каждый день Петръ Ильичъ отправляется одинъ въ глубь лѣса и проводитъ тамъ по нѣсколько часовъ. Лежа на травѣ или сидя на пнѣ, онъ, какъ завороженный, прислушивается къ лѣснымъ звукамъ, и ему все хочется отгадать по нимъ какую-то тайну бытія.

Онъ чувствуетъ въ своемъ существованіи огромную брешь, какую-то зіяющую разсѣлину, которая разъ навсегда отдѣлила теперешняго Петра Ильича отъ всего прошлаго.

Вотъ онъ гоститъ у этихъ милыхъ Митрофановыхъ, купается, гуляетъ по берегу рѣки, вслушивается въ говоръ лѣса... Куда же дѣлось все прежнее: жизнь въ Казани съ родителями, жизнь въ Петербургѣ съ сестрой, магистерскій экзаменъ, квартира на Васильевскомъ островѣ, книги, разговоры, Невскій проспектъ, рестораны?.. Все это вдругъ откололось отъ жизни, точно кусокъ отъ льдины, и ушло куда-то... или потонуло въ безднѣ... или растаяло. Но главное: какъ и откуда появился вдругъ онъ, теперешній Петръ Ильичъ, который какъ будто ничѣмъ не связанъ съ прежнимъ Желатиновымъ?

Ему чудится, что какая-то сила внезапно перенесла его въ эту чащу лѣса, и онъ, оцѣпенѣлый, сидитъ тутъ уже давно, давно. Можетъ быть, онъ выросъ тутъ вмѣстѣ со старыми елями и соснами?.. Вотъ скрипитъ рѣзко и жалобно ветхая, корявая береза, и ему кажется, что онъ уже цѣлые годы слышитъ этотъ скрипъ...

Но когда же, однако, *то* кончилось и началось *это*?

Желатиновъ въ сотый разъ начинаетъ припоминать, отъ напряженія на его лицѣ выступаютъ капли пота.

Изъ его жизни вырвана какая-то очень важная страница. Онъ былъ боленъ—это онъ знаетъ. Вспоминаетъ у своей постели огромную, очень тяжелую, какъ ему грезилось, голову доктора и худенькое, вытянутое лицо Фроловой. Были еще какіе-то люди, много женщинъ... Ахъ, да вѣдь это приходили къ ней, когда она лежала на столѣ! Это—ея товарки съ фельдшерскихъ курсовъ... А былъ ли онъ на кладбищѣ? Конечно, былъ: онъ отлично помнитъ монашенку. Впрочемъ,

это было у него на квартирѣ... Это,—когда *она* лежала на столѣ въ столовой. А въ *ея* комнатѣ пили тогда чай... Да, да!..

Ну, хорошо: онъ былъ боленъ. А потомъ? Вѣдь онъ же выздоровѣлъ и живетъ теперь на дачѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ будто и умеръ, и все прошлое умерло, а взамѣнъ его появилось что-то совсѣмъ новое, незнакомое, похожее на большую пустоту, ничѣмъ еще не заполненную. Это новое—не жизнь, не работа, не отдыхъ, не болѣзнь, не здоровье, а просто какое-то безконечное недоумѣніе, вопросъ безъ отвѣта, загадка безъ разгадки, невнятный шопотъ, къ которому онъ все время чутко и тревожно прислушивается. Вотъ шелестятъ какъ-то странно, боязливо листья, лепечутъ словно сквозь сонъ молодыя березки, ропщутъ въ вышинѣ угрюмыя сосны, затихаютъ—и опятъ заводятъ свою таинственную пѣсню, и опять загадочно умолкаютъ, и все не договариваютъ, все дразнятъ неоткрытыми тайнами, неопредѣленной тревогой, неясными напоминаніями о томъ, что для тебя дороже всего, что, быть можетъ, притаилось въ тебѣ самомъ или живетъ вотъ тутъ, возлѣ тебя, кругомъ тебя, но вѣчно ускользаетъ...

И онъ думаетъ, припоминаетъ, всматривается въ пережитое, въ эту замутившуюся пучину, судорожно напрягаетъ свой мозгъ, уходитъ все глубже и глубже внутрь своего „я". Ему необходимо нащупать концы порванной нити и опять связать ихъ,—иначе... иначе вѣдь онъ умерь и только по какому-то недоразумѣнію или по инерціи продолжаетъ дышать, двигаться, видѣть, слышать, разговаривать...

XII.

Въ боковомъ карманѣ своего лѣтняго пиджака онъ носитъ листки почтовой бумаги, исписанные крупнымъ полудѣтскимъ почеркомъ. Эти листки онъ тщательно подобралъ, переномеровалъ по собственному соображенію и самъ сшилъ ихъ въ маленькую тетрадку. Онъ никогда не разстается съ ними, читаетъ и перечитываетъ ихъ, знаетъ почти наизусть, но каждый разъ, перечитывая снова, натыкается на какую-нибудь строчку или отдѣльное выраженіе, которыя кажутся ему полными глубокаго смысла, прежде ускользавшаго отъ него. Тогда передъ нимъ начинаетъ открываться уголокъ завѣсы, такъ внезапно задернувшей для него все, чѣмъ онъ привыкъ жить.

Истощенный тщетными усиліями собственной жизни, онъ вынимаетъ изъ кармана листки, написанные тою, которая прожила съ нимъ бокъ-о-бокъ цѣлые годы загадочной тѣнью—и вдругъ исчезла, унеся съ собой какую-то тайну

жизни. — „Если понять это, — думаетъ онъ, смотря на листки.—понять до самой сердцевины, до тла, то и все остальное станетъ для меня понятнымъ".

Онъ расправляетъ скомканные и уже сильно потрепанные листки и принимается читать про себя, то вслухъ, напряженно вдумываясь въ каждое слово.

№ 1.

Милый другъ мой! Мнѣ очень тяжко... Потому и пишу тебѣ. Когда я пріѣхала въ Петербургъ, я думала, что буду страшно счастлива. Можетъ быть, и была счастлива первое время: мнѣ такъ нравилось чувствовать себя свободной, самостоятельной, слушать лекціи на курсахъ (вѣдь я такъ давно объ этомъ мечтала!), заниматься по вечерамъ въ своей комнатѣ и знать, что никто не войдетъ къ тебѣ и не помѣшаетъ. Впрочемъ, спокойна я и тогда не была: я не переставала въ глубинѣ души бояться, что вдругъ кто-нибудь придетъ и все въ моей жизни скомкаетъ, осмѣетъ, вымажетъ грязью... Сижу, читаю, а сама все прислушиваюсь невольно: не раздается ли гдѣ-нибудь грубой брани? не подкрадывается ли кто-нибудь къ моей двери? Знаю, что это только моя фантазія, потому что въ квартирѣ никого нѣтъ, кромѣ брата, а Петя никогда не позволитъ себѣ этого,—и все-таки меня гложетъ безпокойство. Должно быть, я нажила его за всю мою казанскую жизнь, какъ наживаютъ себѣ хроническій катарръ или застарѣлый ревматизмъ.

Сидя дома, я никогда не чувствую, что я дѣйствительно сижу у себя дома, въ собственномъ углу: мнѣ все кажется, что я занимаю чужое мѣсто, съ котораго меня, того гляди, погонятъ. Такъ было со мной всю жизнь... Странно: одни, такъ, напримѣръ, Квашникова, даже у чужихъ чувствуетъ себя, какъ дома, я другіе, какъ я, и дома чувствуютъ себя, точно среди чужихъ...

Но я вовсе не объ этомъ хотѣла писать, а о своемъ ужасѣ... О, если бы ты зналъ, до чего мнѣ трудно говорить объ этомъ!.. Вѣдь все пропало, и сама я пропала... Нѣтъ, я не могу!..

№ 2.

А все-таки я должна высказать. Это разрываетъ мнѣ сердце, душитъ меня... Я должна высказать!

Только передъ тобой, мой милый, мой задушевный другъ, могу я обнажить душу. Брата я люблю: онъ честный, добрый и такъ привязанъ ко мнѣ, и взгляды у насъ съ нимъ

одинаковые; но я не въ силахъ быть съ нимъ откровенной. Мы оба такъ привыкли прятаться, оба такъ напуганы... Только тебѣ я могу сказать все, все, потому что ты—моя выдумка, моя мечта, мое утѣшеніе. Если бы ты въ самомъ дѣлѣ существовалъ, я бы, можетъ быть, и отъ тебя спряталась. Но я тебя никогда не увижу, потому что тебя нѣтъ на свѣтѣ и никогда не будетъ...

Господи, какъ трудно выворачивать себя на изнанку! Не знаю, что тяжелѣе: молчать или высказываться?..

№ 3.

... Петя, Петя, если бы ты зналъ, какая я! Ты считаешь меня совсѣмъ другою: вотъ это-то и страшнѣе всего. Я сама ужаснулась, когда въ первый разъ почувствовала такъ ясно, что я совсѣмъ не та, за которую принимала себя. Я оказалась гораздо хуже... Но это бы еще ничего: я постаралась бы исправиться. Всего ужаснѣе то, что сама я какъ будто ничего серьезно не желаю: ни работы, ни саморазвитія, ни идеаловъ; а кто-то за меня хочетъ и насильно меня тянетъ, и я все больше вязну, все глубже погружаюсь въ трясину, точно къ ногамъ моимъ привѣшены гири. Я вижу, что ты замѣчаешь это, болѣешь за меня, и мнѣ иногда неудержимо хочется закричать тебѣ: „Петя, спаси меня!“, но не хватаетъ духу сдѣлать шагъ... Я знаю, что если бы у меня сорвалось одно только слово, я бы ужъ не остановилась и все, все разсказала тебѣ...

№ 4.

Мой милый, дорогой, мой единственный! Если бы ты только помогъ мнѣ сдѣлать шагъ!.. Становится невыносимо носить въ себѣ весь этотъ адъ... Вчера я чуть не призналась брату. Долго мучилась передъ этимъ, наконецъ, собралась съ духомъ, сама заговорила съ нимъ, но когда дошла до завѣтной черты, мои зубы стиснулись сами собой, и я не могла произнести слова, а Петя смотрѣлъ на меня такъ участливо и пытливо и ждалъ. Милый, объясни мнѣ: что насъ обоихъ съ братомъ такъ сковало? Разрушь эту стѣну между нами, заставь насъ перейти черту, выведи насъ хоть насильно изъ этого заколдованнаго круга!.. Когда Петя входитъ ко мнѣ или смотритъ на меня украдкой такъ ласково и боязливо, я чувствую, что онъ весь полонъ тревогой обо мнѣ... Мнѣ истерически хочется кинуться къ нему и зарыдать, но я вмѣсто этого стискиваю зубы, вся сжимаюсь и стараюсь не смотрѣть на него. А когда онъ уходитъ, меня

терзаютъ горечь и отчаяніе. И чѣмъ ближе онъ подходитъ ко мнѣ, тѣмъ больше я съеживаюсь и прячусь въ себя. Я знаю, что между нами лежитъ цѣлая бездна: онъ живетъ идеями, наукой, его вѣчно волнуютъ большіе вопросы, его влечетъ къ себѣ высшее,—а я пресмыкаюсь въ вонючемъ болотѣ, въ отвратительной лужѣ. Да, я знаю это, но знаю также, что можно бы перепрыгнуть и черезъ бездну: онъ все простилъ бы мнѣ и не осудилъ бы—ужъ хоть въ память тѣхъ мукъ, которыхъ у насъ съ нимъ было такъ много въ прошломъ. Но я не могу перенести перваго его впечатлѣнія, когда онъ вдругъ увидитъ, что̀ я за человѣкъ. Онъ не повѣритъ, потомъ изумится, потомъ весь растеряется:—вотъ это-то и приводитъ меня въ содроганіе. При одной мысли объ этомъ жгучій стыдъ вытѣсняетъ изъ моей души все остальное, всю мою любовь къ нему и все довѣріе... и всю муку моего одиночества. Да, только тебѣ, мой молчаливый, мой несуществующій другъ, могу я открыться безъ утайки, и я сдѣлаю это... насильно заставлю себя сдѣлать!..

№ 5.

Я—покорная раба доктора С. Я—одна изъ собачонокъ, бѣгающихъ за нимъ!..

О, если бы ты зналъ, чего мнѣ стоило написать эти слова! Когда я увидѣла ихъ написанными, спазмы сжали мнѣ горло, и сердце остановилось во мнѣ. Я видѣла своими глазами слова, написанныя моей же рукой,—и не вѣрила... не хотѣла вѣрить!

Однако, это правда, и теперь я почти рада, что осмѣлилась написать роковую фразу: теперь мнѣ легче говорить обо всемъ.

Люблю ли я его? Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Я это поняла тотчасъ же, какъ пала...

Любитъ ли онъ меня? Мнѣ даже смѣшно спрашивать объ этомъ: я ни единой минуты не вѣрила въ искренность его чувства.

Зачѣмъ же я полѣзла въ эту грязь?.. Должно быть, оттого, что мнѣ всю жизнь было такъ холодно. Холодно—отъ всѣхъ, даже отъ брата, который такъ любитъ меня. Оттого, что сердце мое изныло по ласкѣ...

Нѣтъ, лгу! Вонъ Фролова весь вѣкъ мыкалась по чужимъ людямъ: она—круглая сирота. Ее даже кормили впроголодь,—какія ужъ тамъ ласки! Она всегда была одинешенька во всемъ свѣтѣ—и, однако, не полѣзла въ грязь ради „тепла“. А я вотъ полѣзла, потому что я отъ природы *такая.* И С. хорошо знаетъ это. Когда я говорю ему, что не приду къ

нему больше, онъ только посмѣивается: вѣдь онъ отлично знаетъ, что я опять прибѣгу. Я сама набиваюсь, сама надоѣдаю ему, онъ называетъ меня „кликушей", высмѣиваетъ мой голосъ, мое лицо, всю меня,—а я вымаливаю его ласку, какъ нищій—милостыню!

Онъ до такой степени презираетъ всѣхъ насъ, собачонокъ, бѣгающихъ за нимъ, что ни въ чемъ ужъ не стѣсняется ни передъ нами, ни съ нами. Если бы мнѣ разсказали про все это, когда я жила въ Казани, или когда только что пріѣхала въ Петербургъ, я бы, кажется, вчужѣ умерла со стыда, а вотъ теперь...

Недавно я застала у него Квашникову, одну изъ его „собачонокъ", и у насъ съ ней произошла отвратительная сцена... О, какъ все это грязно, низко, смрадно!.. Не сошла ли я съ ума?..

№ 6.

Теперь ужъ мнѣ не страшно выворачивать душу передъ тобой, мой задушевный, мой самый близкій, самый родной. Я знаю: у тебя большое сердце, полное жалости и великая любовь къ падшимъ. Неужели ты—только мечта моя? Нѣтъ нѣтъ, ты долженъ гдѣ-нибудь существовать! Кто, кромѣ тебя, пойметъ, какъ я все еще могу не только жить, но даже читать книжки и ходить по театрамъ.

Вчера братъ почти насильно утащилъ меня послѣ театра въ ресторанъ. Онъ увѣренъ, что я въ первый разъ въ жизни вижу ресторанъ, а я на-дняхъ только была здѣсь въ отдѣльномъ кабинетѣ съ С. Я чуть было не разсказала объ этомъ Петѣ; тогда я бы, навѣрное, во всемъ ему открылась. Но я струсила. Стыдъ, который я забываю съ С., возвращается ко мнѣ, когда я остаюсь вдвоемъ съ братомъ; и чѣмъ больше теряю я его съ С., тѣмъ ожесточеннѣе мучаетъ онъ меня передъ Петей. Господи, до чего можетъ доходить растлѣніе души человѣческой! Мысль, какъ бы не догадался братъ, пугаетъ меня больше, чѣмъ какой угодно позоръ Я готова идти на все, на все,— только бы не уличилъ меня единственный мой близкій человѣкъ, хорошій, добрый, любящій меня. Вѣдь это—верхъ трусости и ничтожества! Я, просто, не понимаю этого!.. Я начинаю сама себя бояться!.. Помню: когда отецъ высѣкъ меня при всѣхъ, я послѣ этого стала способной на всякую ложь, на всякую низость, лишь бы только не повторился со мной этотъ позоръ и ужасъ. Изъ стыда и страха я готова была предать кого угодно, оклеветать невиннаго, обмануть, украсть—все, что хотите! Такъ и теперь...

Но—нѣтъ! не буду сваливать малодушно на прошлое, не буду лгать передъ тобой, моимъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ другомъ: если я даже тебя, тебя обману, мнѣ больше не за что будетъ уцѣпиться. Нѣтъ, не напугана я, а отъ природы безчестна. Я дожила до двадцати пяти лѣтъ, не подозрѣвая, что̀ за отвратительный звѣрь сидитъ во мнѣ... И вдругъ все раскрылось!

№ 7.

Боже мой! Да неужели же все это—не сонъ?.. Неужели и вправду все это продѣлываю я, я?.. Мнѣ просто не вѣрится. Я не узнаю себя... Точно кто вынулъ изъ меня душу и вставилъ вмѣсто нея—чужую, безобразную. Куда дѣвалось все, что я любила прежде, чѣмъ интересовалась, всѣ мои мысли, чувства, мечты? Одно изъ двухъ: или все мое прежнее было жалкимъ самообманомъ, или все, чѣмъ я живу теперь, есть какое-то безуміе, болѣзнь, кошмаръ наяву. Кто растолкуетъ мнѣ это?

А можетъ быть, на самомъ дѣлѣ всѣ женщины — такія же, какъ я и всѣ мужчины—такіе же, какъ С.? Можетъ быть, они притворяются или сами не замѣчаютъ, а по своей природѣ, по своему существу... Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ страшно, слишкомъ чудовищно! Скорѣе я — какой-то выродокъ, который похожъ съ виду на человѣка, а на самомъ дѣлѣ—просто комъ грязи.

Когда я сижу одна и думаю надъ этимъ, на меня нападаетъ такой ужасъ, точно я заблудилась ночью въ лѣсу среди омерзительныхъ призраковъ. Мнѣ хочется кричать, звать на помощь, бѣжать куда-нибудь, очертя голову... Но куда?

Гдѣ выходъ? И есть ли онъ?

№ 8.

Я порвала съ С.

Написала эту фразу—и сама себѣ не вѣрю. Но это правда: я порвала и больше не вижусь съ нимъ. Онъ ужъ слишкомъ унизилъ меня. Если бы въ немъ хоть когда-нибудь проглядывало человѣческое чувство—стыдъ, жалость, какая-нибудь порядочность, — я бы, можетъ быть, все простила ему; но вѣдь въ немъ ничего этого нѣтъ—ничего, ничего! Онъ прямо любитъ безстыдство, разнузданность, глумленіе надъ своими жертвами, ему пріятно быть жестокимъ, циничнымъ... Можетъ быть, даже хорошо, что онъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ: по крайней мѣрѣ, я не выдержала и ушла. Значитъ, во мнѣ осталась еще хоть капелька стыда!

Набросилась ожесточенно на работу: авось, она спасетъ меня? Заморить себя на работѣ—вотъ для меня единственный исходъ. Днемъ—на курсахъ или въ больницѣ, вечеромъ зубримъ съ Фроловой... Фролова хороша тѣмъ, что ни о чемъ личномъ меня не разспрашиваетъ и думаетъ только о дѣлѣ.

Это рабочее изступленіе не даетъ мнѣ чувствовать себя, не оставляетъ времени для воспоминаній и разныхъ посторонних мыслей. Я теперь спокойнѣе, да и Петя, кажется, пересталъ волноваться за меня... Слава Богу!

№ 9.

Если бы только я могла засыпать сейчасъ же, какъ лягу А то я долго лежу и думаю и вспоминаю... Меня вѣчно подстерегаютъ разныя гадкія мысли: едва голова моя прекращаетъ работу, какъ онѣ мгновенно набрасываются на меня, впиваются въ душу, и я не могу вырваться изъ ихъ цѣпкой власти. Это просто невыносимо. Ахъ, если бы можно работать круглыя сутки!

№ 10.

Я опять ползаю у его ногъ!..

Какъ это случилось? Очень просто: онъ свиснулъ, и собачонка побѣжала къ нему.

Когда кухарка подала мнѣ письмо отъ него, присланное съ разсыльнымъ, подо мной подкосились ноги, какъ будто для меня это письмо было полной неожиданностью. А между тѣмъ я ждала, все время ждала: теперь я могу признаться себѣ въ этомъ. Каждый разъ, возвращаясь домой, я думала объ одномъ и томъ же: не ждетъ ли меня письмо отъ него?

И вотъ оно пришло. Онъ позвалъ меня, и я явилась... Я плакала, проклинала себя, но впередъ знала, что буду въ указанный часъ въ указанномъ мѣстѣ. Я шла и по дорогѣ все обманывала себя, все думала: „Можетъ быть, въ немъ проснулся стыдъ, и онъ загладитъ прошлое какимъ-нибудь свѣтлымъ порывомъ, честнымъ движеніемъ души?“

Но уже съ перваго взгляда на него я поняла, что онъ все тотъ же. Усмѣшка, которою онъ меня встрѣтилъ, была такая бездушная, пошлая... Мнѣ хотѣлось бѣжать назадъ, но я чувствовала, что не осмѣлюсь сдѣлать этого...

Съ тѣхъ поръ я опять стала его послушной собачкой. И опять эта грязь, грязь!.. Только теперь я не смѣю ходить къ нему, а жду, когда онъ пришлетъ за мной. Да, онъ меня теперь выписываетъ. А я ужъ и не думаю ни о ка-

комъ сопротивленіи или протестѣ, а только ожидаю его распоряженій, стараюсь всячески угодить ему, обратить на себя его вниманіе. Могла ли я представить себѣ прежде, что я, Ираида Желатинова, буду когда-нибудь румяниться, пудриться, притираться? А я и эти гнусности дѣлаю, потому что мнѣ стыдно за свое вульгарное лицо, особенно когда я сравниваю себя съ Квашниковой. Мнѣ кажется, что онъ все это видитъ, все знаетъ и смотритъ на меня съ брезгливой снисходительностью. Если онъ еще не прогналъ меня, то потому развѣ, что ему пріятно помыкать мною и испытывать на мнѣ границы своей возмутительной власти. Иначе я не понимаю...

А, можетъ быть, въ немъ есть хоть маленькая искра... Нѣтъ, нѣтъ,—зачѣмъ обманывать себя?

№ 11.

Я часто думаю: что дѣлаетъ меня его безгласной рабой? Не я ли такъ жадно хотѣла свободы, такъ нетерпѣливо ждала ее? Не я ли такъ ненавидѣла гнетъ?.. И вотъ, едва вырвавшись на свободу, я сама поспѣшила продать себя въ рабство.

Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что онъ меня какъ-нибудь незамѣтно загипнотизировалъ и внушилъ мнѣ собачью покорность... Но это, конечно, моя фантазія. Онъ властвуетъ надо мной потому, что одинъ онъ только знаетъ, какова я на самомъ дѣлѣ: должно быть, онъ страшенъ для меня, какъ сообщникъ въ преступленіи.

А можетъ быть, во мнѣ есть потребность все туже и туже затягивать петлю, въ которую попала моя несчастная голова? Можетъ быть, я — нравственный уродъ, продуктъ вырожденія, полный всякихъ извращеній и аномалій? Можетъ быть, мнѣ просто пріятно рабствовать, пресмыкаться, заискивать въ томъ, кто оскорбляетъ меня?

Или мнѣ черезчуръ страшно остаться одной съ своимъ позоромъ? Или меня приводитъ въ трепетъ полная безнадежность, и я продолжаю, какъ безумная, цѣпляться за руку своего деспота?.. Кто знаетъ? Кто можетъ объяснить мнѣ это?

№ 12.

...Я презираю себя, когда иду къ нему, и еще больше презираю, когда ухожу отъ него. И это презрѣніе къ себѣ отнимаетъ у меня послѣднюю силу...

№ 13.

...Наконецъ, призналась ему, что я беременна. Онъ сдѣлалъ гримасу, потомъ сказалъ, какъ всегда, небрежно: „Впрочемъ, это—плевое дѣло: маленькая операція—и баста". Не пойму до сихъ поръ, что сдѣлалось отъ этихъ словъ со мной: я стала рыдать, кричать... даже, кажется, швырнула чѣмъ-то въ него... Чувствую, что я больше не пойду къ нему, да онъ и самъ не пришлетъ за мной...

Я ненавижу его теперь всѣми силами души... Бываютъ моменты, когда мнѣ нестерпимо хочется обезобразить его самодовольную, выхоленную физіономію сѣрной кислотой...

Какъ могла я рабствовать передъ этимъ негодяемъ!?

№ 14.

Я опять была у него. Я опять выпрашивала у него крохи любви... О, какъ я презираю себя! Что это за проклятіе тяготѣетъ надо мной?! Гдѣ же конецъ моимъ униженіямъ? Вѣдь я ненавижу его—и все-таки... Но это было въ послѣдній разъ. Это ужъ не повторится. Я знаю,—у меня не хватитъ воли выбиться, но я сдѣлаю такъ, чтобы это не могло повториться. Снять съ себя петлю я не могу: надо разорвать ее.

№ 15.

Пишу это тебѣ, Петя, тебѣ, потому что никакого друга у меня нѣтъ... да и не нужно мнѣ никого. Петя, Петя, зачѣмъ мы прожили столько лѣтъ съ тобой, переговариваясь сквозь стѣну? Должно быть, у обоихъ насъ сердца еще въ дѣтствѣ такъ плотно сжались, что потомъ ужъ никакъ не могли разжаться. Ты опять болѣешь за меня, хочешь ободрить меня разговорами о лѣтѣ, о дачѣ, о заграницѣ,—а я вѣдь мертвая! Душа, что ли, надорвалась, или я сама источила себя? Вотъ теперь весна, а я ничего этого не замѣчаю: для меня все мертво и мрачно, и нѣтъ ничего, кромѣ пустыни. Есть во мнѣ мой ребенокъ, но не будетъ жить. Онъ не долженъ жить, потому что ужъ теперь отравленъ моей подлой натурой, всѣми низостями, всею порчей и грязью, и безстыдствомъ, которыя сидятъ во мнѣ.

Мнѣ больно за тебя, Петя: мнѣ жаль тебя!.. Мнѣ такъ хотѣлось заранѣе просить твоего прощенія, обмѣняться съ тобой какими-нибудь дружескими словами... О, если бъ я могла... Если бъ ты могъ...

№ 16.

...Теперь не стоитъ больше ни о чемъ думать, не стоитъ ничего предпринимать. Да и писать больше не стоитъ. Къ чему?

№ 17.

Пишу въ послѣдній разъ... Я теперь, кажется, спокойна, какъ автоматъ: вѣдь все рѣшено и подписано. Прощай, Петя!.. Писемъ С. не ищи: я сожгла ихъ... О, если бъ ты зналъ, какъ я мучилась, сидя въ послѣдній разъ у тебя въ кабинетѣ: мои губы не разжимались, языкъ не въ силахъ былъ выговорить... Мы съ тобой такъ привыкли осторожно обходить другъ друга, чтобы какъ-нибудь не оцарапать, мы такъ закостенѣли въ этой привычкѣ, что я, кажется, физически не въ состояніи переступить заколдованную черту. Въ послѣднее наше свиданіе я не хотѣла скрывать отъ тебя своей тайны: я всѣмъ существомъ желала, чтобъ ты заглянулъ мнѣ въ душу, выслушалъ мою исповѣдь... Но я не могла начать! Вѣрь этому, Петя, вѣрь, вѣрь, потому что я скоро умру. Только теперь, передъ лицомъ смерти, я поняла все жестокое значеніе нашей...

XIII.

Тутъ записки обрывались. Можетъ быть, затерялся послѣдній листокъ, а, можетъ быть, она просто бросила перо на полфразѣ... Желатиновъ пряталъ тетрадку въ карманъ и долго послѣ этого сидѣлъ, какъ заколдованный, безсильно свѣсивъ руки, все думая о чемъ-то роковомъ и прислушиваясь встревоженной душой къ лѣсному говору. Ему казалось, что и сестра вотъ такъ же, какъ и онъ, всю жизнь силилась подслушать какую-то тайну, разгадать невнятный голосъ жизни. И умерла, не разгадавъ... А, можетъ быть, разгадала и—ужаснулась?..

И чудилось ему, что онъ слышитъ ея тревожный шопотъ, ощущаетъ на своемъ лицѣ ея прерывистое дыханіе... И этотъ замирающій, какъ бы сотканный изъ вздоховъ голосъ странно сливался для него съ таинственной лѣсной пѣснью безъ словъ, съ этой загадочной для насъ музыкой природы. Въ этой музыкѣ его поражало и властно приковывало къ себѣ что-то глубоко затаенное, что-то несоизмѣримое съ обычными звуками и красками жизни... Безконечная грусть заволакивала его душу; неопредѣленная жуть и сожалѣніе объ утраченномъ щемили сердце... Ему казалось, что онъ и прежде когда-то, давно, давно, сидѣлъ вотъ такъ же одинъ, совсѣмъ одинъ, среди лѣсной чащи и погружался чутко настороженнымъ слухомъ въ глухой ропотъ деревьевъ; и тогда еще, вотъ какъ теперь, ныло въ немъ сожалѣніе о чемъ-то безвозвратно потерянномъ, и было не то стыдно, не то

страшно чего-то, и грызла душу неутолимая скорбь одиночества...—„И я сидѣла вотъ такъ же одна въ лѣсу, — слышится ему шопотъ...—И я вслушивалась и не понимала и содрогалась... А вотъ теперь поняла“.

Да, и передъ нимъ какъ будто приподнимается завѣса, и брезжитъ сквозь тяжелый туманъ свѣтлая полоска... Это то, о чемъ смутно лепечутъ листья, о чемъ безмолвно говоритъ лѣсная тишь и этотъ шопотъ, сотканный изъ вздоховъ. Это—то, передъ чѣмъ вся твоя прошлая жизнь кажется тебѣ одной сплошной безумной ошибкой, мучительной судорогой, уродливымъ наростомъ. Это—то, чего слѣпо ищешь, страстно жаждешь и мимо чего такъ же слѣпо проходишь, торопливо устремляясь въ тяжелый, мутный туманъ...

— „Ира, Ира! грезилась ли тебѣ когда-нибудь эта сіяющая полоска? Видѣла ли ты ее когда-нибудь хоть издали?.. Ахъ, если бы я могъ вернуть тебя къ жизни хоть на одинъ мигъ, чтобы указать тебѣ на эту свѣтлую полоску... тамъ, вдали! Если бы я могъ сказать одно, одно только слово!.. Вѣдь я понялъ теперь“..

Но завѣса уже задернулась, и снова загадочная мгла кругомъ. И снова цѣпенѣетъ мысль передъ грозной тайной жизни, и вновь нескончаемая лѣсная пѣснь, величавая, скорбная и чуждая всему, наполняетъ душу давно знакомой грустью и тревогой тщетнаго исканія..

Подснѣжникъ.

1.

Съ тобою мы страдать должны,
Затѣмъ, что слишкомъ любимъ сны.
Но, излучая благодать,
Сады мы будемъ насаждать.

Себя въ ночахъ не пощадимъ,
Прибудетъ мракъ, мы будемъ съ нимъ.
Но мракъ желаненъ для зерна,
И снѣгъ есть домъ, гдѣ ждетъ Весна.

У насъ одинъ живой истокъ,
Мы оба смотримъ на Востокъ.
Еще, еще—и мы съ тобой
Взростимъ подснѣжникъ голубой.

2.

И я тебя благословлю
Идти къ тому, кого люблю.
И чтобъ ему ты могъ помочь,
Мой братъ, тебя пошлю я въ ночь.

Онъ цѣпью скованъ, говорятъ,
Скорѣй, не медли, смѣлый братъ!
Чтобъ вправду намъ помочь ему,
Иди, и ты войдешь въ тюрьму.

Когда жъ ты воззовешь ко мнѣ,
Что слишкомъ страшно въ глубинѣ,
Я рушу тяжесть мертвыхъ стѣнъ,
И будетъ сказкой бывшій плѣнъ.

К. Бальмонтъ.

НРАВСТВЕННОСТЬ.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

I.

Въ концѣ марта, когда на деревьяхъ уже стали набухать почки, вдругъ захолодало. Съ утра даже падалъ снѣгъ, а потомъ затараторилъ дождь, и до самаго вечера по оконнымъ стекламъ плыли мутные ручейки. Невозможно было войти въ садъ—къ ногамъ сейчасъ же приставали склизкіе десятифунтовые комья размокшей земли.

Катя сидѣла у себя въ комнатѣ и думала о томъ, что ея младшая сестра Соня гораздо счастливѣе, потому что еще не окончила гимназіи и живетъ въ городѣ. И ей казалось, что не стоило, неизвѣстно для чего, зубрить цѣлыхъ семь лѣтъ, потому что у отца нѣтъ вліятельныхъ знакомыхъ, и она навѣрное никогда не получитъ ни мѣста учительницы, ни даже надзирательницы и замужъ никогда не выйдетъ. Давила тоска.

Въ кухнѣ кряхтѣла глухая старуха Мотря. Низко опустивъ голову, она шила себѣ къ „великоднюˮ новую юбку. На всѣ вопросы Мотря отвѣчала только двумя словами: „эге, эге-жъˮ и по-обезьяньи моргала красными вѣками давно потухшихъ глазъ. Отецъ Кати, Митрофанъ Ивановичъ, за обѣдомъ ѣлъ только кислую капусту, но выпилъ восемь рюмокъ водки и долго ворчалъ, а потомъ легъ спать. Было слышно, какъ онъ кряхтѣлъ и чмокалъ въ своей комнатѣ.

Единственный человѣкъ, съ которымъ можно было поговорить, тетя Вѣра, уѣхала въ городъ лечить зубы и не возвращалась уже вторыя сутки, вѣроятно, по случаю дурной погоды. Безъ лошадей нельзя было даже поѣхать въ сосѣднее село въ церковь.

Когда стемнѣло, Катя зажгла лампу и спустила штору. Теперь уже не было видно мутныхъ струекъ, но дождь тарахтѣлъ такъ же настойчиво, точно кто-нибудь, не переставая, сыпалъ на рѣшето горохъ.

Новыхъ книгъ не было. Валялся одинъ полученный три дня назадъ номеръ „Биржевыхъ Вѣдомостей", который передъ этимъ еще три дня лежалъ на почтѣ. Катя уже нѣсколько разъ прочла газетку, но все, что было тамъ написано: о Государственной думѣ, о министрахъ, о писателяхъ—казалось ей малопонятнымъ, необыкновенно далекимъ и не имѣющимъ никакого отношенія ни къ отцу, ни къ жившимъ возлѣ ихъ хутора мужикамъ.

Изъ всѣхъ людей, которыхъ Катѣ приходилось встрѣчать, самыми интересными, но также малопонятными были: земскій врачъ Самсоновъ и сельская учительница Нина Петровна.

О нихъ много и часто говорили и священникъ отецъ Николай, и мелкіе помѣщики, и крестьяне. Обыкновенно учительницу и доктора или очень хвалили, или очень бранили.

Нина Петровна была дочерью предводителя дворянства, но пошла въ сельскія учительницы и, хотя нужды и не терпѣла, но за три года очень подурнѣла и пожелтѣла. Съ дѣтьми она была ласкова и, случалось, шутила. Со взрослыми она часто спорила и при этомъ смѣшно подвизгивала, размахивала руками, а потомъ вдругъ начинала плакать. Предводитель сначала отрекся отъ нея, но потомъ началъ писать письма, въ которыхъ умолялъ Нину Петровну бросить службу и полечиться. Она съѣздила къ отцу нѣсколько разъ въ гости, но продолжала жить по-своему. Строгій и точный, какъ часы, предводитель не понималъ дочери, а она не понимала отца и вмѣстѣ имъ было хорошо только одинъ день, а потомъ начинались споры, нескончаемые и нелѣпые, и Нина Петровна опять возвращалась въ школу.

Катѣ часто хотѣлась съ ней поговорить и вообще познакомиться поближе, но Нина Петровна была у нихъ очень рѣдко, а если и заѣзжала, то на минутку и всегда по дѣлу. Заглянуть къ ней въ душу было трудно, и Катя не могла разрѣшить вопроса: почему дѣвушка, передъ которой были открыты всѣ пути къ личному счастью, не захотѣла этого счастья и теперь отбиваетъ хлѣбъ у такихъ бѣдныхъ барышень, какъ она.

Отецъ Кати не любилъ Нину Петровну и считалъ ее „придурковатой". Мужики находили, что она для нихъ человѣкъ полезный, но говорить съ ней боялись и, когда Нина Петровна, доказывая что-нибудь очень важное, начинала кричать и размахивать руками, то имъ казалось, что бранится и кричитъ не учительница, желающая имъ добра, а барышня—дочь предводителя дворянства, имѣющая на это право по своему рожденію.

Чаще всего Нина Петровна бывала у земскаго врача Самсонова и никому это не казалось страннымъ. Докторъ былъ сорокапятилѣтній высокій, очень худой человѣкъ. Онъ рѣдко сидѣлъ, а все ходилъ, сложивъ по-наполеоновски на груди руки и нагнувшись впередъ. Самсоновъ былъ женатъ, хотя съ женой не жилъ. Говорили, что у него есть взрослыя дѣти, но ихъ тоже никто и никогда не видалъ.

Крестьяне плохо вѣрили въ медицину, но лекарство брали охотно. Мужчины особенно любили порошки, а бабы—мази. И потолковать съ докторомъ они тоже любили. Нравилось имъ, что докторъ не кричитъ, а говоритъ: „съ тыха по малу".

Прежде Катя часто ѣздила въ земскую аптечку за хиной или за іодомъ для тети Вѣры и, когда встрѣчала тамъ доктора Самсонова и Нину Петровну, бывала рада.

Ея голова все еще плохо понимала, какіе это люди, но сердце инстинктивно ихъ любило. Что-то подсказывало Катѣ, что у доктора и у Нины Петровны такъ же, какъ и у нея, нѣтъ и никогда не было личнаго счастья и до слезъ хотѣлось, чтобы Богъ, въ котораго она вѣрила, послалъ имъ это счастье.

Въ прошломъ году поздней осенью совсѣмъ неожиданно умеръ предводитель. Нина Петровна сейчасъ же собралась и поѣхала въ городъ, но черезъ два часа вернулась въ школу и послала за докторомъ. Оказалось, что сани провалились на льду небольшой рѣчонки и учительница, и везшій ее мужикъ Хома, и лошади чуть не утонули. Объ этомъ всѣ узнали на другой день, но все-таки потомъ долго говорили, что Нина Петровна непокорная дочь и не присутствовала на похоронахъ отца потому, что не любила его.

Очень возмущались — батюшка, урядникъ и особенно отецъ Кати, Митрофанъ Ивановичъ. Онъ долго не могъ этого забыть.

На другой день, садясь обѣдать, Митрофанъ Ивановичъ сурово посмотрѣлъ на Катю, налилъ рюмку водки и сказалъ:

— Да, да,—вотъ такъ будетъ и со мною; умру и какъ собаку зароютъ чужіе люди, а родныя дѣти гдѣ-то поразбѣгаются по разнымъ Петербургамъ и глазъ закрыть не пріѣдутъ. Чувствуетъ моя душа, что это будетъ, непремѣнно будетъ...

Катя промолчала, но ему показалось, что она не возражаетъ умышленно.

Проглотивъ водку, Митрофанъ Ивановичъ налилъ дрожавшей рукой вторую рюмку и, выпивъ ее, уже тономъ выше произнесъ:

— Хоть и учительница, хоть и служитъ святому дѣлу, чего я никогда и не думалъ отрицать, а все-таки она особа безнравственная и я прошу быть отъ нея подальше, подальше!..

Катя чуть поблѣднѣла и попрежнему молчала, а онъ уже наливалъ слѣдующую рюмку и думалъ, что дѣлаетъ это не потому, что за послѣдніе годы распился, какъ босякъ, а съ горя, отъ сознанія, что всѣ люди кругомъ стали безнравственными.

Къ концу обѣда носъ Митрофана Ивановича сталъ еще краснѣе и блестѣлъ, а глаза смотрѣли безсмысленно.

Пошатываясь, онъ всталъ изъ-за стола, долго крестился на икону, потомъ обернулся и съ трудомъ выговорилъ:

— Такъ и знай, Катька, чтобы и ноги твоей не было у этой особы. На взглядъ она овечка, да только на ней шкура волчья. Это за...за...раза,— вотъ это кто...— Онъ зацѣпился карманомъ за ручку двери, рванулся впередъ и ушелъ спать.

Въ теченіе всей зимы такіе разговоры повторялись каждую недѣлю. Такъ было и сегодня.

II.

Катя знала, что отецъ проснется только къ вечернему чаю, и отъ сознанія, что нѣсколько часовъ можно побыть совсѣмъ одной, стало легче. Она мысленно просила Бога, чтобы поскорѣе наступила настоящая весна, чтобы пріѣхала сестра Соня и можно было вмѣстѣ съ ней ходить пѣшкомъ за шесть верстъ къ Нинѣ Петровнѣ.

Катя вспомнила худое лицо, угловатыя плечи и на нихъ непремѣнно сѣрый платокъ... Гладкую прическу, высокій желтый лобъ въ мелкихъ прыщикахъ, вздернутый носъ и скорбные, умные глаза. Все это не было красиво, но въ общемъ получалось впечатлѣніе красоты и Катѣ было непонятно, почему. Не понимала она такъ же, зачѣмъ, ссылаясь на горе, можно и нужно каждый день пить по цѣлой бутылкѣ водки, и почему ея отецъ, Митрофанъ Ивановичъ, всю жизнь заботившійся только о деньгахъ своихъ и чужихъ,— нравственenъ, а Нина Петровна, никогда не думавшая о своемъ счастьѣ и потерявшая здоровье въ хлопотахъ съ мужицкими дѣтьми,—безнравственна.

Уже голова устала и больше не хотѣлось объ этомъ думать, но раздававшійся по всѣмъ комнатамъ храпъ Митрофана Ивановича настойчиво напоминалъ его слова о нравственности. Онъ спалъ тяжелымъ послѣобѣденнымъ сномъ пьянаго человѣка; иногда стоналъ, иногда причмоки-

валъ, такъ что издали можно было подумать, будто въ той комнатѣ сосутъ и возятся недавно родившіеся щенки. Было еще пять часовъ, но весь день казался уже конченнымъ.

Катя машинально расплела и снова заплела свою тяжелую косу и легла на постель.

Очень хотѣлось рѣшить вопросъ—что такое нравственность и что такое безнравственность. Думалось, что если отецъ называетъ Нину Петровну безнравственной, то, вѣроятно, знаетъ о ней какіе-нибудь факты, неизвѣстные ей, Катѣ. Иначе быть не можетъ. Если лошади и Хома чуть не утонули, значитъ—ѣхать дальше дѣйствительно было невозможно...

По тѣмъ понятіямъ, которыя Катя усвоила отъ Митрофана Ивановича и тети Вѣры, безнравственнымъ считалось, во-первыхъ, показывать нарочно или нечаянно свое тѣло; во-вторыхъ, позволить прикоснуться къ этому тѣлу мужчинѣ, который не можетъ жениться; безнравственнымъ считалось также говорить о томъ, что старшіе иногда дѣлаютъ гадости. Безнравственнымъ считалось еще украсть, но это относилось только къ мужикамъ, потому что въ домѣ воровъ никогда не было. Выходило такъ, что всѣ остальные поступки людей вообще и дѣвушекъ въ частности нужно считать нравственными.

Катя вдругъ вспомнила студента Фидлера, съ которымъ познакомилась два года назадъ въ городѣ. Фидлеръ былъ очень красивый господинъ, очень умный, много читалъ и хорошо говорилъ. Но и начальница пансіона, и папа, и мама той подруги, у которой онъ бывалъ, и всѣ лучшія ученицы старшаго класса говорили, что отъ него слѣдуетъ держаться подальше.

Однажды Фидлеръ принесъ съ собою книгу, которой не было во всемъ городѣ, ни въ библіотекахъ, ни у начальницъ, ни у исправника, ни у почтмейстера, ни у батюшки. Не имѣли ее и самые передовые люди. Авторомъ книги былъ какой-то англичанинъ, Оскаръ-Уайльдъ. Нѣсколько фразъ, которыя прочелъ Фидлеръ, очень поразили Катю, она ихъ сейчасъ же записала, а потомъ такъ часто прочитывала, что выучила наизусть.

„Наши мысли всегда обращены къ выгодѣ и поэтому онѣ презрѣнны".

„Безпристрастно судить человѣкъ можетъ лишь о вещахъ, его вовсе не касающихся".

„Нравственность всегда послѣднее убѣжище людей, не понимающихъ красоты".

„Нѣтъ книгъ нравственныхъ или безнравственныхъ, книги бываютъ лишь хорошо или дурно написаны—больше ничего"...

И тогда Катѣ казалось, что человѣкъ, написавшій эти слова, создалъ новую вѣру, исповѣдуя которую, не нужно ничего скрывать и лгать и, что хотя ея отецъ Митрофанъ Ивановичъ и Нина Петровна не любятъ другъ друга и живутъ не одинаково, но вѣрятъ одинаково по-старому и потому одинъ живетъ, а другая вѣчно болѣетъ и страдаетъ. Казалось также, что Фидлеръ всегда будетъ счастливѣе всѣхъ ихъ и хотѣлось и самой жить по новой вѣрѣ, но дома, какъ въ тюрьмѣ, нельзя было поступать, какъ хочешь, а можно было только думать, какъ хочешь.

Скрипнула дверь.

— Барышня, а барышня,—чи самуваръ уже наставлять, чи ни?—шепотомъ спросила баба Мотря.

— Наставляй,—машинально отвѣтила Катя.

Но старуха опять начала:

— Барышня, а барышня, чи самуваръ...

— Да наставляй!—уже крикнула Катя и встала съ кровати.

Баба Мотря не знала ни буквъ, ни цифръ, но у нея было особое чутье времени и Катя вѣрила этому чутью больше, чѣмъ стариннымъ часамъ, громко отбивавшимъ секунды на стѣнѣ въ кабинетѣ Митрофана Ивановича.

Она прислушалась. Отецъ уже не храпѣлъ. „Значитъ проснулся и куритъ"—подумала Катя и еще разъ расплела и заплела косу. Больше дѣлать было нечего. Тряхнуло въ въ кухнѣ ведро,—это принесъ воду кучеръ Игнатъ.

— Отчего до сихъ поръ въ столовой не зажгли огня? Отчего нѣтъ самоварр...—прокричалъ голосъ отца, но сейчасъ же оборвался и перешелъ въ затяжной кашель. Слышно было, какъ онъ долго отхаркивался, стараясь освободиться отъ клейкой слюны.

Катя засуетилась. Зажигая въ столовой лампу, она чуть не разбила стекла и такъ испугалась, что у нея похолодѣли руки. Мотря уже работала въ кухнѣ голенищемъ своего „чобита" надъ трубой самовара. Пахло дымкомъ и холоднымъ постнымъ борщомъ.

Митрофанъ Ивановичъ проснулся въ скверномъ расположеніи духа и долго молчалъ. Онъ жадно пилъ чай изъ блюдечка и, когда бралъ стаканъ, руки у него тряслись. Потомъ онъ закурилъ крученую папироску, почесалъ носъ, всталъ и забѣгалъ вокругъ стола.

„Значитъ, сейчасъ будетъ рѣчь"—подумала Катя и вздохнула. Маленькія ноги отца въ давно нечищенныхъ сапогахъ на высокихъ каблукахъ быстро мелькали; грязныя, широкія книзу брюки вздрагивали въ тактъ каждаго шага. Красное лицо, красный носъ, сильно посѣдѣвшая борода и

блестящая лысина тоже покачивались въ тактъ. И тѣнь за нимъ бѣгала по бѣлой, неоклееной обоями стѣнѣ.

Возлѣ печки Митрофанъ Ивановичъ остановился, опять немного покашлялъ и началъ:

— Вотъ ты не любишь меня слушать, а когда я умру, некому будетъ васъ научить.

— Я всегда васъ, папа, слушаю...

— Постой. Молчи. Я это не зря говорю. Я сталъ старъ, ослабъ. У меня кашель, горло болитъ, руки и ноги плохо дѣйствуютъ. Все можетъ быть... Да. Такъ вотъ я теперь и говорю, чтобы вы потомъ не сказали, что васъ некому было учить. Если бы вы были хлопцы, ну, другое дѣло, а то вы дѣвицы и знаю, что жить вамъ будетъ трудно. Такъ слушай... Замужъ нужно идти не за красиваго и не за умнаго, а за такого, который сумѣетъ прокормить. Романы въ книгахъ бываютъ, а въ жизни ихъ не бываетъ. Я отъ покойника отца получилъ землю семьдесятъ десятинъ и для васъ же ее берегъ; такъ вотъ и въ мужья нужно человѣка выбирать такого, который бы ее такъ же берегъ и жилъ бы такъ, какъ я, безъ выдумокъ. Съ жидами знакомства не води, со студентами тоже не очень разговаривай—съ ними въ острогъ попадешь. Отъ мужиковъ подальше—они теперь какъ собаки, землю отнять хотятъ, а потомъ сожгутъ... Если не благословитъ Богъ найти хорошаго человѣка, можно пойти въ учительницы, только не въ деревню, а въ городъ воспитывать благородныхъ дѣтей, а не хамскихъ. Я для этого васъ и отдавалъ въ гимназію и платилъ въ пансіонъ госпожи Липовицкой по двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, чтобы она охраняла и тебя, и Соню отъ всего нехорошаго. А еще лучше добиваться получить мѣсто кассирши въ аптекѣ или въ хорошемъ магазинѣ. Я никогда никому не кланялся и потому у меня нѣтъ протекціи. Да и не нужно ее. Главное жить честно, чтобы никогда и ни одинъ мужчина до тебя не дотронулся. Если я узнаю когда-нибудь, что съ тобой произошло что-нибудь такое... Убью. Своими руками убью!..

Митрофанъ Ивановичъ вдругъ взвизгнулъ и затопалъ ногами. Губы у Кати замѣтно побѣлѣли. Даже баба Мотря услышала въ кухнѣ этотъ визгъ и тревожно подняла голову. Кошка выскочила изъ-подъ стола и неслышно юркнула въ дверь.

— Налей мнѣ еще чаю,—сказалъ онъ уже совсѣмъ покойнымъ голосомъ и добавилъ:—ты не плачь, я тебя обидѣть не хочу, я только предупреждаю...

У Кати давило горло. Хотѣлось удержать слезы, но одна изъ нихъ, крупная и горячая, уже скатилась по лицу на кофточку.

Митрофанъ Ивановичъ засопѣлъ и пробормоталъ:

— Да перестань-же, дура, я это не со зла.

— Если это не со зла, то ужъ я не знаю, какое бываетъ отъ васъ зло,—отвѣтила Катя и вышла изъ столовой.

Ш.

Катя знала, что послѣ незаслуженныхъ упрековъ можно отвѣтить отцу искренно и рѣзко и Митрофанъ Ивановичъ промолчитъ. Въ десять часовъ она уже раздѣлась и лежала подъ одѣяломъ. Нервы успокоились. На дворѣ дождь стихъ; только иногда мягко падали на желѣзный подоконникъ съ крыши сразу нѣсколько тяжелыхъ капель. Отецъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Катя знала, что онъ не войдетъ, а если и войдетъ, то не узнаетъ ея мыслей. Когда шаги стихали, слышно было, какъ лаютъ собаки и можно было узнать голосъ каждой изъ нихъ. Въ комнатахъ вездѣ было тихо и хорошо думалось:

„Если быть нравственнымъ—значитъ—ничего не дѣлать, всѣмъ отравлять жизнь и пить водку,—то я не хочу такой нравственности“—думала Катя. Она плохо себѣ представляла свою мать, которая умерла давно, но ей казалось, что жизнь матери была тяжелая, и, вѣроятно, характеръ отца ускорилъ ея конецъ. И казалось еще Катѣ, что мать съ того свѣта ее жалѣетъ.

„Если выйти замужъ непремѣнно нужно за такого самаго человѣка, какъ папа, то лучше хоть одинъ разъ отдаться студенту Фидлеру, который говорилъ: нравственность всегда послѣднее прибѣжище людей, которые не понимаютъ красоты. А потомъ?.. Потомъ хоть повѣситься. Нѣтъ... лучше отравиться—не будетъ языкъ торчать изо рта“...

Катя проснулась рано и увидѣла, что черезъ щели ставень бьютъ золотые лучи солнца и въ нихъ перекручиваются пылинки. Подъ окномъ на яблонѣ весело кричали воробьи. Глаза еще не видѣли голубого неба, но вся душа уже чувствовала, что оно яркое, ласковое, совсѣмъ весеннее и зима уже не вернется.

За утреннимъ чаемъ отецъ былъ тихій и какъ будто жалкій. Передъ обѣдомъ пріѣхала изъ города, вся укутанная платками, тетя Вѣра. Она вырвала себѣ зубъ благополучно, но за дорогу у нея опухла щека и дергало всю лѣвую сторону. Къ вечеру щеку разнесло еще больше. Тетя Вѣра охала, нараспѣвъ ругала зубного врача жидомъ и призывала на всѣхъ его единовѣрцевъ хорошій погромъ. Катѣ не было ее жалко и почему-то хотѣлось смѣяться,— она едва удерживалась, чтобы не фыркнуть. Всю ночь при-

шлось не спать и ухаживать за больной, это было не тяжело и даже пріятно, потому что не лѣзли въ голову мысли о нравственности и своей судьбѣ. Когда уже разсвѣтало, тетка съ трудомъ выговорила:

— Проклятый жидъ не хотѣлъ рвать зуба, а я таки потребовала... Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ не слѣдовало... Вѣроятно, придется тебѣ, Катенька, ѣхать за Самсоновымъ...

Отъ мысли, что завтра она увидитъ доктора и Нину Петровну, на душѣ у Кати стало еще веселѣе. Она помолчала и спросила:

— Тетя, почему папа говоритъ, что Нина Петровна безнравственная? Если она не попала на похороны отца, такъ вѣдь не по своей винѣ...

Вѣра Ивановна помотала головой, точно ей стало еще больнѣе и зашептала:

— Ты ничего не понимаешь. Люди говорятъ... Однимъ словомъ, ты дура! Эта госпожа... Ну, да это не твоего ума дѣло... Уйди ты! Голова у меня болитъ. Душно здѣсь...

Рано утромъ Вѣра Ивановна позвала брата и выслала Катю вонъ изъ комнаты, но черезъ дверь было слышно, какъ они разговаривали.

— Напишу Самсонову записку,—вотъ и все. Не понимаю, зачѣмъ тебѣ нужно посылать Катю, да еще въ такое богомерзкое село? Тамъ же и эта его метресса,—говорилъ отецъ.

— По запискѣ не поѣдетъ, подлецъ. Еще какъ узнаетъ, что все дѣло въ зубѣ, ни за что не поѣдетъ... Скажетъ, что онъ не спеціалистъ, что сегодня у него пріемный день— и конецъ. Онъ однихъ мужиковъ лечитъ. А если отправится Катя и разскажетъ, какъ и что, тогда поѣдетъ... Ой, Господи, какъ дергаетъ всю голову!..—тянула плаксивымъ голосомъ тетка.

— Не имѣетъ онъ права не поѣхать.

— Ай, что ты мнѣ говоришь! Ты его не знаешь, что ли? Очень онъ боится какихъ-то правъ... Охъ, тяжело мнѣ...

— Ну, пусть ѣдетъ.

— И водки она купитъ, селедки вышли. Катя выберетъ хорошихъ. А Игната Янкель надуетъ... Ой, ой, ой! дергаетъ какъ...

И всѣ эти фразы, произнесенныя злыми голосами, казались Катѣ хорошими и радостными.

Черезъ часъ у крыльца стоялъ шарабанчикъ на высокихъ желтыхъ колесахъ, запряженный парой маленькихъ гнѣдыхъ лошадей съ круто подвязанными хвостами. Игнатъ сидѣлъ на козлахъ и безъ конца оправлялъ полы своей „чумарки“. Катя уже одѣлась и собралась выходить, но въ это время ее позвалъ Митрофанъ Ивановичъ.

— Скажи Самсонову, что слѣдуетъ, сейчасъ же вмѣстѣ съ нимъ назадъ. И нечего тамъ...

Ему хотѣлось еще крикнуть, чтобы Катя не смѣла разговаривать съ Ниной Петровной, но онъ вспомнилъ вчерашнее, махнулъ рукой и ушелъ въ кабинетъ. Потомъ опять вернулся и добавилъ:

— Водки пусть купитъ Игнатъ; сама въ винную лавку не ходи, а то еще станутъ болтать всякое. Вотъ селедокъ выбери получше, пересмотри каждую отдѣльно и чтобы не дороже тридцати копеекъ за десятокъ...

Лошади медленно спустили съ горы и взяли влѣво по проселку, мимо лѣса. На душѣ у Кати вдругъ стало весело. Легко дышалось. Пріятно было слышать мѣрное чмоканье лошадиныхъ копытъ. Ясно чувствовалось, что не одной ей хорошо, что все вокругъ радуется настоящему весеннему дню.

Лѣсъ уже кое-гдѣ зеленѣлъ, дальше онъ казался голубымъ, а еще дальше — блѣдно-лиловымъ. Едва замѣтная молодая трава, по которой случайно проѣзжали колеса, сейчасъ же выпрямлялась. Все кругомъ было мокрое, только что вымытое, живое. Пахло землей и душистымъ перегноемъ прошлогодняго листа.

Миновали лѣсъ. Теперь слѣва тянулось болото, а справа подымалось въ гору поле. Запѣлъ жаворонокъ и стихъ. Впереди уже блестѣлъ крестъ на церкви того села, гдѣ жили докторъ Самсоновъ и Нина Петровна.

— На тимъ тыждни [1]) люди вже й орать почнуть,— вдругъ сказалъ Игнатъ.

— Да, слава Богу,—отвѣтила Катя.

— А шо, барышня, чи правду кажуть, шо будутъ отбирать землю у панивъ, та отдаватымуть мужикамъ?

— Не знаю, Игнатъ, можетъ, и правду.

— Ну, якъ же вамъ тоди жыть?..

— Если бы я могла заработать рублей сорокъ въ мѣсяцъ, я бы отъ земли отказалась, только чтобы домъ и садъ остались...

— Эхъ, якъ бы тожи и паны булы таки, якъ вы,— задумчиво выговорилъ Игнатъ и вдругъ ударилъ по лошадямъ.

Катю дернуло назадъ. Большой комокъ грязи попалъ ей въ лицо. Она засмѣялась и стала вытираться носовымъ платкомъ. Мимо уже мелькали мокрыя соломенныя крыши. Вырвались двѣ собаки и бросились на лошадей, но тѣ бѣжали, не обращая на нихъ вниманія и только поводили

[1]) На той недѣлѣ.

ушами. Катя достала изъ-подъ ногъ кусокъ сѣна и бросила его собакамъ, онѣ сейчасъ же замолчали и, ощетинившись, медленно, съ достоинствомъ, разошлись по своимъ дворамъ.

IV.

Въ земской аптекѣ доктора не оказалось, и Катя поѣхала къ нему на квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ съ некрашенными полами. Въ передней висѣло чье-то новое пальто. Слышно было два мужскихъ голоса и одинъ женскій. Катя сняла только калоши и вошла въ первую комнату.

— Здравствуйте,—коротко сказалъ докторъ и пожалъ ей руку.

— А, Катюша!—произнесла Нина Петровна, мягко улыбнулась, встала съ дивана и поцѣловалась съ ней въ губы. Незнакомый человѣкъ съ красивой свѣтлой бородой и въ золотыхъ очкахъ молча поклонился.

— Садитесь, Катерина Митрофановна,—пригласилъ ее докторъ.

— Я только на минутку, по дѣлу.

— Ну, хоть и на минутку, а садитесь.

— По-моему, — продолжалъ незнакомый господинъ, — скрывать отъ народа тѣ мѣропріятія, которыми занимается Дума, для его спасенія такъ же безнравственно, какъ, напримѣръ, лечить больного сифилисомъ заговорами, какъ солгать ребенку, какъ сотрудничать въ „Новомъ Времени", или показать голодному вкусное блюдо, а потомъ спрятать его и отдать сытому. Я не крайній лѣвый, но не могу понять этой скрытности. Зачѣмъ она?.. Въ городахъ и деревняхъ есть умные люди, которые могли бы посовѣтовать депутатамъ много цѣлесообразнаго...

— Что объ этомъ говорить?.. По-моему все очень понятно. Тамъ, на верхахъ, боятся не народныхъ массъ, а той инерціи, которую могутъ пріобрѣсти эти массы, какъ только двинутся ближе къ Думѣ. Въ общемъ, я уже ни во что хорошее не вѣрю и ничему не удивляюсь,—добавилъ докторъ.

— А я вѣрю,—тихо сказала Нина Петровна.

— Ты и въ воскресеніе мертвыхъ способна вѣрить,— ласково и вмѣстѣ насмѣшливо откликнулся докторъ, сложивъ руки на груди, весь согнулся и заходилъ взадъ и впередъ.

Незнакомый господинъ опять заговорилъ о Думѣ.

Катя уже не слушала его и мысленно рѣшала вопросъ, показалось ли ей, или это было на самомъ дѣлѣ, что докторъ обратился къ Нинѣ Петровнѣ на „ты".

Лицо Нины Петровны какъ будто вытянулось и еще больше пожелтѣло, на правой щекѣ виднѣлось бѣлое пятно, губы обсохли. Вся фигура была укутана въ сѣрый платокъ. Что-то безпомощное чувствовалось въ худыхъ рукахъ, и въ поворотѣ головы, и въ добрыхъ, очень усталыхъ глазахъ. Когда незнакомый господинъ замолчалъ, докторъ подошелъ къ Катѣ и спросилъ:

— Ну-съ, а у васъ какъ дѣла?

— Тетя заболѣла.

— Что съ ней?

— Да, знаете, у нея болѣлъ зубъ...

— Капель дадимъ,—перебилъ ее Самсоновъ.

— Нѣтъ, нужно, чтобы вы сами поѣхали.

Докторъ покраснѣлъ, и его голосъ вдругъ сталъ громкимъ и строгимъ:

— Послушайте, вы дѣвица хорошая, подумайте, если я изъ-за каждаго зуба буду оставлять на цѣлый день участокъ, то что будутъ дѣлать тифозные, которыхъ у меня не мало, амбулаторные, затѣмъ роженицы и прочіе люди, которымъ я дѣйствительно нуженъ? А? Вы какъ полагаете?

— Дай же ей сказать,—выговорила Нина Петровна.

„Значитъ, я не ослышалась и они дѣйствительно на „ты“, подумала Катя и какъ можно отчетливѣе произнесла:

— Теперь уже дѣло не въ зубѣ.

— А въ чемъ же-съ?—все еще иронически спросилъ докторъ, но слышно было, что онъ успокоился.

— Да видите, она вырвала зубъ и поѣхала домой, ну, и, можетъ быть, простудилась, а, можетъ быть, это потому, что въ дорогѣ не полоскала, — я не знаю, только у нея теперь вся щека опухла и стала синей. Уже и лѣваго глаза не видно и говорить ей трудно. Она цѣлую ночь мучилась, ей-Богу, очень мучилась...

— Да не божитесь вы!—сказалъ Самсоновъ шутливымъ, уже совсѣмъ мягкимъ голосомъ.

— Право же, она очень мучилась и припарки не помогаютъ. Жаръ...

— Хм!.. Ну, посмотримъ... Вы на своихъ лошадяхъ?

— На своихъ.

— Вотъ видишь, дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ ты думалъ,—мягко сказала Нина Петровна.

Докторъ повернулся къ незнакомому господину:

— Ну, братъ, извини, кажется, придется тебя оставить часика на три,—ты вотъ съ ней поговори. Вѣдь сегодня не уѣдешь?

— Не уѣду.

Самсоновъ нагнулся впередъ и кивая головой вышелъ

въ слѣдующую комнату. Нина Петровна съ трудомъ поднялась и пошла туда же. Катя увидала ея животъ и поняла, что Нина Петровна беременна. И ей вдругъ до слезъ стала жаль эту маленькую, истощенную женщину.

— „Значитъ она дѣйствительно безнравственная",—подумала Катя и вспомнила отца. Но сейчасъ же мысленно спросила себя: „Развѣ безнравственно имѣть ребенка отъ того, кого любишь такъ же, какъ и себя, и развѣ она виновата, что докторъ женатъ?" Трудно было отвѣтить. Потомъ вдругъ стало чего-то страшно.

Незнакомый господинъ сѣлъ за письменный столъ, взялъ табакъ и гильзы и началъ дѣлать папиросы.

— Ну, и что же, если зараженіе крови... и чортъ съ ней,— прогудѣлъ въ слѣдующей комнатѣ голосъ доктора.

Не слышно было, что сказала Нина Петровна, но онъ опять отвѣтилъ:

— Вѣдь ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга, и въ нынѣшнее время жить ей совсѣмъ не нужно. А зубной врачъ здѣсь ни причемъ. Вѣроятно, послѣ операціи лазила у себя во рту грязными пальцами,—вотъ и все...

Черезъ минуту Самсоновъ вышелъ въ наглухо застегнутомъ пиджакѣ. Изъ бокового кармана у него торчалъ стетоскопъ и какой-то футляръ.

— Ну-съ, барышня, ѣдемъ. Простите, времени терять не могу.

— Ѣдемъ,—отвѣтила Катя и подошла попрощаться къ Нинѣ Петровнѣ. Онѣ поцѣловались. Катѣ вдругъ захотѣлось поцѣловать ее еще разъ, но она смутилась и только крѣпко пожала худенькую руку.

Лошади подхватили и опять весело зачмокали копытами по грязи и завертѣли своими туго скручеными хвостами. Возлѣ убогой еврейской лавочки Игнатъ вдругъ потянулъ возжи и остановилъ лошадей.

— Это еще зачѣмъ?—спросилъ докторъ.

— Я на минутку, я сейчасъ. Папа просилъ купить селедокъ,—забормотала Катя.

— Нужно было это сдѣлать раньше.

— Некогда было,—отвѣтила Катя, стараясь не поскользнуться на облѣпленной грязью подножкѣ шарабана.

Черезъ двѣ минуты уже опять уѣхали. Отъ того, что Самсоновъ былъ въ высокой, похожей на поповскую скуфью, бараньей шапкѣ, фигура его сдѣлалась еще тоньше и выше, а закутанная въ платокъ Катя казалась рядомъ съ нимъ маленькой дѣвочкой. Пробѣжали мимо крыши, плетни, колодцы съ журавлями и потянулось поле. Докторъ всю дорогу молчалъ. Катя думала и тоже молчала. Воздухъ уже

не казался ей такимъ прекраснымъ, и теперь она не слыхала, какъ нѣжно посвистывалъ въ голубомъ небѣ жаворонокъ. Игнатъ изрѣдка прищелкивалъ языкомъ, подгоняя лошадей.

Когда пріѣхали домой, Катѣ стало грустно и казалось, что ее на минутку выпустили на свободу, а теперь снова привезли въ тюрьму. Ея любимый песъ, Фаготъ, прыгалъ и ласкался, стараясь лизнуть ее въ лицо, но Катя этого не замѣчала. Въ прошломъ у нея, оособенно въ послѣднихъ классахъ гимназіи, было нѣсколько хорошихъ дней и встрѣчъ съ интересными людьми, но теперь, раздѣваясь въ передней, она думала, что во всей ея жизни никогда не было ни одной свѣтлой капельки.

Въ комнатѣ у тети Вѣры скверно пахло. Тянуло карболкой, грязнымъ бѣльемъ и лампаднымъ масломъ. За полдня лицо больной стало еще страшнѣе. Фіолетовая опухоль уже прикрыла весь лѣвый глазъ. Правый глазъ тоже прищурился и казалось, что онъ смотритъ хитро. Тетя Вѣра лежала въ бѣлой ночной кофточкѣ, обмотанная припарками изъ горячей золы и ничего не говорила, а только стонала, точно укачивала маленькаго ребенка: уууу...

Баба Мотря сидѣла съ боку и безъ остановки кивала головой. Митрофанъ Ивановичъ то входилъ, то выходилъ, скрипѣлъ дверью и цѣплялъ сапогами за стулья.

Докторъ Самсоновъ выгналъ всѣхъ вонъ и оставался въ комнатѣ очень долго. Когда онъ вышелъ, лицо у него было строгое, и онъ задучиво кусалъ губы. Въ столовой онъ сѣлъ, закурилъ, посмотрѣлъ на Митрофана Ивановича и сказалъ сквозь зубы:

— Дѣло плохо...

— Вотъ проклятый жидъ!—отвѣтилъ Митрофанъ Ивановичъ, и глаза у него стали злыми.

— Жидъ здѣсь не причемъ. Начался періоститъ... Ну, да это не вашего ума дѣло. Слѣдовало бы сдѣлать операцію, но больная рѣшительно отказывается. Вотъ что:—нуженъ фельдшеръ, я его пришлю. Впрочемъ, долженъ вамъ сказать, что у больной уже появился весьма характерный отекъ на шеѣ и на верхней части груди...

Самсоновъ зажегъ потухшую папироску и, очень понизивъ голосъ, добавилъ:

— Возможно, что зараженіе крови... Тогда уже ни я, ни фельдшеръ не поможемъ. Къ вечеру это выяснится... Если будетъ худо, пришлите завтра утромъ за мной...

Митрофанъ Ивановичъ вскочилъ со стула, схватился за голову и почти закричалъ:

— Что жъ у меня конскій заводъ, что ли? Лошади по-

завчера изъ города вернулись, сегодня два конца сдѣлали, сейчасъ опять два конца сдѣлаютъ... Я васъ спрашиваю, развѣ такъ можно?..

Докторъ тоже поднялся со стула и совсѣмъ спокойно отвѣтилъ:

— Ну, это какъ ходите. Пусть Катерина Митрофановна сдѣлаетъ больной нѣсколько припарокъ, а затѣмъ пріѣдетъ фельдшеръ, которому я скажу все, что нужно. Ну-съ, досвиданія.

— Нехай же кони отдохнутъ!

— Можетъ, вамъ кони дороже сестры, но мнѣ дороже мои больные,—отвѣтилъ докторъ, густо покраснѣлъ и пошелъ въ переднюю.

Митрофанъ Ивановичъ постоялъ, безпомощно опустилъ голову и, постукивая каблучками, побѣжалъ за нимъ.

V.

Катя перемѣняла припарки и часто спрашивала тетю Вѣру, не лучше ли ей, но больная почти не отвѣчала и съ небольшими перерывами все время тянула свое: уууу...

Вошла неслышными шагами Мотря, положила на плечо Катѣ свою костлявую руку и прошептала:

— Пожалуйте кушать!

— Не хочу я. Иди. себѣ.

Митрофанъ Ивановичъ обѣдалъ одинъ. Онъ почти ничего не ѣлъ и выпилъ только четыре рюмки водки, но такъ опьянѣлъ, что сейчасъ же ушелъ спать. Когда стемнѣло, пріѣхалъ фельдшеръ и трясущимися руками сдѣлалъ тетѣ Вѣрѣ какое-то подкожное вспрыскиваніе. Митрофанъ Ивановичъ сидѣлъ въ столовой и причмокивая пилъ чай изъ блюдечка. Иногда онъ заглядывалъ въ комнату, подходилъ къ кровати больной и спрашивалъ, не легче ли ей. Тетя Вѣра была уже безъ сознанія и бормотала совсѣмъ непонятное.

Катя не чувствовала усталости. Въ десять часовъ вечера Митрофанъ Ивановичъ сѣлъ ужинать и пригласилъ къ столу фельдшера. Оба выпили много, хотя фельдшеръ не опьянѣлъ и сейчасъ же вернулся въ комнату больной. Ей становилось все хуже.

Катя не спала всю ночь. Что-то подсказывало, что тетя Вѣра непремѣнно умретъ, и отъ этой мысли вдругъ становилось такъ страшно, что кружилась голова. Казалось, что уже пахнетъ трупомъ. Иногда фельдшеръ начиналъ говорить, и отъ него разило водкой. Слышно было, какъ въ пьяномъ экстазѣ молился Богу въ своей комнатѣ Митрофанъ

Ивановичъ, потомъ онъ вдругъ заходилъ и началъ кого-то проклинать.

Катя заснула въ шесть часовъ утра и когда открыла глаза, то услыхала, что въ домѣ суета. Ужъ опять пріѣхалъ докторъ и вмѣстѣ съ фельдшеромъ возился около больной. Баба Мотря два раза выносила оттуда тазъ съ кровавой водой. Противъ ожиданія, Самсоновъ оставался почти до самаго вечера. Два раза онъ посылалъ верховаго въ аптеку, накричалъ сначала на бабу Мотрю, а потомъ на самого Митрофана Ивановича, и всѣ его слушались, какъ солдаты начальника.

Катя надѣла галоши, накинула на плечи шерстяной платокъ и вышла въ садъ. Со вчерашняго утра дождя не было, но на сырыхъ дорожкахъ еще отпечатывались слѣды ногъ. Ярко свѣтило и грѣло солнце. Кричали воробьи. На нѣкорыхъ деревьяхъ почки совсѣмъ распустились. Много прибавилось зеленой травы. Муравьи уже суетились на деревянной скамеечкѣ, спускались на землю и опять подымались.

Катя сѣла и задумалась. Было до слезъ жаль тетю Вѣру и казалось, что умирать изъ-за какого-то ненужнаго одного зуба, въ то время, когда все вокругъ начинаетъ оживать, особенно тяжело и страшно. Потомъ пришла въ голову мысль, что жизнь муравьевъ и птицъ гораздо интереснѣе и веселѣе, чѣмъ жизнь такихъ людей, какъ тетя Вѣра, у которой никогда не было настоящаго счастья. Жаль стало и отца, и въ сердцѣ уже не было злости на его пьянство.

„Всю жизнь онъ суетился вотъ какъ этотъ муравей,— думала Катя.—Хотѣлъ что-то создать, скопить денегъ, принести кому-то пользу... и, когда онъ понялъ, что въ сущности не сдѣлалъ ничего хорошаго, ему стало обидно и грустно, оттого онъ и пьетъ, чтобы не вспоминать прошлаго. И пусть... Только бы не кричалъ и не говорилъ о нравственности“...

Катя легла въ постель въ пятомъ часу утра и только что задремала, какъ вдругъ вошла баба Мотря, облокотилась обѣими руками о стѣну и завыла. Началась суета. Явились еще старухи обмывать тѣло. Въ кухнѣ сидѣли, плакали и шептались незнакомыя дѣвушки и бабы.

Къ вечеру пріѣхали священникъ съ псаломщикомъ, потомъ отставной офицеръ Курбатовъ съ женой Милочкой — двоюродной сестрой Кати. Отслужили первую панихиду.

Для духовенства и для гостей нужно было приготовить закуску. Никто не ѣлъ скоромнаго, а достать рыбы и консервовъ было трудно,

Въ кухнѣ все время топилась печь, и отблески огня играли на чужихъ, серьезныхъ лицахъ. Лошадей гоняли цѣ-

лый день, но теперь Митрофана Ивановича это не огорчало. Онъ какъ-то затихъ, выпилъ много водки съ Курбатовымъ, но не охмѣлѣлъ и не легъ спать. Катя спросила отца, собирается ли онъ вызвать изъ города Соню. Митрофанъ Ивановичъ провелъ себя рукой по лбу и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ... Что-жъ... Да и не успѣетъ она. Ты ей напиши,—добавилъ онъ и вдругъ заплакалъ.

Катя почему-то плакать не могла и сама этому удивлялась. Было какъ-то неловко передъ бабами. Тѣло покойницы, вмѣсто сожалѣнія, возбуждало страхъ, особенно ночью. Уже по всѣмъ комнатамъ стоялъ, точно дымъ, тяжелый трупный запахъ, отъ котораго тошнило.

Въ день похоронъ опять прошелъ дождь. Сильно разгрязнило и бабы говорили, что когда погребаютъ праведнаго человѣка, всегда бываетъ дождь.

Тяжелыя „мары“ съ гробомъ несли двѣнадцать крестьянъ, по три съ каждой стороны. Ихъ ноги въ огромныхъ сапогахъ уплывали въ черную, мокрую землю и громко чмокали. Кладбище было далеко отъ хутора, почти возлѣ церкви. Когда останавливались для чтенія Евангелія, носильщики тяжело вздыхали и вытирали свои красные лбы. Потомъ снова раздавался жиденькій тенорокъ псаломщика и покачивались впереди хоругви и крестъ. На верхушкѣ холма, образовавшагося отъ выброшенной изъ ямы пахучей синеватой земли, медленно изгибался жирный бѣлый червякъ съ желтой головкой. Высокій лысый крестьянинъ наступилъ на него и, когда передвинулъ ногу, на томъ мѣстѣ осталось только свѣтлое мокрое пятно.

Катя видѣла это. Ей пришло въ голову, что и тетя Вѣра и червякъ теперь совершенно одинаково ничего не чувствуютъ и вдругъ сдавило горло и стало такъ страшно, что хотѣлось закричать.

Вокругъ могилы толпилось много народу. Пріѣхали и сосѣди, какія-то старушки, попадья и жена псаломщика. Стояла въ траурной шляпѣ и крестилась по-польски жена управляющаго графскимъ имѣніемъ. Катя никого изъ нихъ не знала, но всѣ съ ней здоровались первыя и грустно покачивали головами.

Когда пропѣли „вѣчную память“ и зарыли могилу, Митрофанъ Ивановичъ прошепталъ Катѣ на ухо:

— А докторъ не объявился: должно быть, стыдно подлецу, что не вылечилъ. И тая учительша тоже глазъ не показала—отъ людей совѣстно...

Дома во всѣхъ комнатахъ были накрыты столы. Высились цѣлыя горы пироговъ съ грибами и съ кашей. Было очищено нѣсколько десятковъ селедокъ. Пахло лукомъ, пост-

4*

нымъ масломъ и капустой. И въ кухнѣ, и въ комнатахъ на окнахъ стояли бутылки съ водкой и съ наливками.

Батюшка прочелъ молитву. Загремѣли стулья, загудѣли человѣческіе голоса, зазвенѣли рюмки, и до вечера всѣ чужіе чувствовали себя здѣсь, какъ хозяева, а хозяева—какъ чужіе.

На другой день Катя не знала, куда себя дѣвать. Болѣла голова и хотѣлось плакать. Митрофанъ Ивановичъ съ утра напился и лежалъ у себя въ кабинетѣ. Въ кухнѣ баба Мотря и двѣ дѣвушки—Стеха и Марина—перемывали посуду и, когда Катя входила, сейчасъ же всѣ трое начинали хвалить покойную барыню, которую еще недѣлю назадъ бранили за скупость и придирчивость. Было непріятно ихъ слушать.

Катя знала, что ей станетъ легче, когда пріѣдетъ сестра гимназистка Соня, но до вербнаго воскресенія оставалось еще десять дней. И эти полторы недѣли тянулись, какъ мѣсяцъ.

Легко дышалось только въ саду. И чѣмъ прекраснѣе становилась съ каждымъ днемъ украинская весна, тѣмъ тяжелѣе было одиночество. Хотѣлось съѣздить въ гости къ доктору и Нинѣ Петровнѣ, но страшно было сказать объ этомъ отцу.

VI.

Въ понедѣльникъ, на страстной, Катя встрѣтила Соню на вокзалѣ. Сестры нѣсколько разъ крѣпко поцѣловались, и на глазахъ у нихъ выступили слезы. Обѣ думали, что плачутъ о потерѣ близкаго человѣка, на самомъ же дѣлѣ, Катю взволновало сознаніе, что теперь уже не будетъ такого страшнаго одиночества, а Соня плакала отъ радости, что очутилась въ родныхъ мѣстахъ. Не видались всего одну зиму, но Катѣ показалось, что Соня очень измѣнилась—стала выше, похудѣла, и глаза у нея смотрѣли какъ-то иначе, по-взрослому.

До хутора всю дорогу разговаривали. Говорила больше Соня. Она разсказывала о романахъ подругъ, о митингахъ въ гимназіи, о новыхъ книгахъ, которыя привезла съ собою.

Катя всего два года назадъ окончила гимназію, и ей какъ-то не вѣрилось, что за это время въ городѣ все такъ измѣнилось. Особенно ее поразила новость, что Леля Зубовичъ, во-первыхъ, исключена изъ гимназіи, во-вторыхъ, сидитъ въ тюрьмѣ, и, въ третьихъ, тамъ же, въ тюрьмѣ, собирается вѣнчаться съ бывшимъ народнымъ учителемъ Добротворскимъ. Катя помнила Лелю тихой, застѣнчивой ученицей пятаго класса, которая на большой перемѣнѣ не

бѣгала, а сидѣла на подоконникѣ, и въ лѣвой рукѣ у нея всегда была книга, а въ правой—полъ-булки съ колбасой. Леля медленно откусывала булку и все читала, читала. И теперь непонятно было, за что можно было посадить въ тюрьму такую тихую, всегда задумчивую дѣвочку...

Катя была старше Сони на три года и привыкла считать ее маленькой и глупенькой, но теперь какъ-то выходило, что Соня стала и старше, и умнѣе, и говорить съ ней было такъ же интересно, какъ, напримѣръ, съ Ниной Петровной.

Баба Мотря еще на крыльцѣ увидѣла Соню, затрясла головой и бросилась къ ней, чтобы поцѣловать руку, но Соня покраснѣла, дернулась впередъ и пробормотала:

— Что ты, что ты, Мотря, развѣ я архіерей?

Митрофанъ Ивановичъ тоже обрадовался. За обѣдомъ онъ улыбнулся и сказалъ:

— Черезъ годъ, Сонюшка, кончишь гимназію и выдамъ замужъ за хорошаго человѣка, а за кого, не скажу!.. Ага...

Соня покраснѣла и промолчала. Слово „выдамъ" показалось ей смѣшнымъ и стариннымъ, точно выраженіе изъ лѣтописи.

Послѣ обѣда отецъ легъ спать, а сестры побѣжали въ садъ. Яблони готовились цвѣсти, одно персиковое дерево уже стояло все бѣлое, но еще не всѣ деревья покрылись листьями, и съ лѣвой стороны сквозь голыя вѣтви были видны крыши хутора, а за ними поле. Уже начали пахать и все оно было раздѣлено на квадраты—темно-фіолетовые, почти черные и блѣдно-зеленые, еще не тронутые плугомъ. Ласково и нѣжно пѣлъ жаворонокъ. Хорошо дышалось. Слѣва, въ долинѣ синѣлъ дубовый лѣсъ, дальше тянулось ярко-зеленое болото. Слышно было, какъ жалобно кричали надъ нимъ чайки, но самыхъ птицъ не было видно.

Катя и Соня дошли до самаго рва, которымъ былъ окруженъ садъ, выбрались на высокую насыпь и остановились.

— Какъ хорошо, ахъ, какъ хорошо! — сказала Соня и вздохнула.

— Только скучно...—отвѣтила Катя.

— Тѣмъ, кто ничего не дѣлаетъ... Вотъ мужикамъ не скучно. Какъ далеко видно. Смотри, по ту сторону лѣса чуть блеститъ крестъ—вѣдь это уже Косоротовка, а до нея почти восемь верстъ. А вонъ Любецкое, а вонъ Непытайловка. Ужасъ, сколько земли и... какая бѣдность. Ты знаешь, я бы никогда не разсталась съ нашей усадьбой, но что касается земли, когда я на нее смотрю, дѣлается немножко совѣстно... Ты подумай, вѣдь ни мы лично, ни папа—ровно

ничего съ ней не дѣлаемъ, а деньги получаемъ. По-моему, ее нужно продать и продать бѣднѣйшимъ... Послѣ двадцати одного года я такъ и сдѣлаю со своей частью. Собственно говоря, продажа — это тоже компромиссъ, слѣдовало бы просто подарить, но вѣдь у насъ ее всего сорокъ десятинъ. Если и я, и ты, получивъ образованіе, будемъ голодать, то, конечно, не принесемъ той пользы, которую можно принести своими знаніями. Но будь у меня тысяча десятинъ, я бы пятьсотъ изъ нихъ подарила, а пятьсотъ продала... Право!

Катя ничего не отвѣтила. Подарить землю ей казалось черезчуръ большой щедростью, почти подвигомъ, на который обыкновенный человѣкъ не способенъ. Когда возвращались назадъ, она только спросила:

— Слушай, что такое компромиссъ?

— Развѣ ты не знаешь?!

— Не знаю.

— Компромиссъ—это выгодная сдѣлка съ собственною совѣстью, вотъ что...

— Какъ же это?

— Да такъ. Например̀ъ, ты терпѣть не можешь человѣка, но поддерживаешь съ нимъ знакомство, потому что это выгодно... Понимаешь?

— Понимаю.

Особенно хорошо говорилось вечеромъ, когда легли въ постели и весь домъ затихъ.

— Какъ поживаетъ Нина Петровна?—спросила Соня.

— Да ужъ я, право, не знаю. Папа ее очень не любитъ. Когда тетя Вѣра была нездорова, я ѣздила за докторомъ, ну, и видѣла ее только мелькомъ. Ну, и мнѣ показалось... Впрочемъ, не знаю...

— Что показалось?

— Да какъ-то такое... Впрочемъ, можетъ, я ошиблась.

— Ну какое?

— Кажется, у нея скоро будетъ ребенокъ.

— А-а...

Помолчали. Катя грузно перевернулась на своей кровати и спросила:

— Послушай, какъ же это она такая хорошая, такая нравственная и вдругъ... такое?

— Какое такое?

— Ну... какъ она могла рѣшиться на такую безнравственность?

— По-моему въ этомъ нѣтъ ничего безнравственнаго, если любитъ хорошаго человѣка, а выйти замужъ за него ей нельзя. Вотъ у насъ въ городѣ есть учитель, живетъ съ

женой, дѣлаетъ видъ, что любитъ ее, а самъ имѣетъ еще двѣ семьи—это, конечно, безнравственно. Такъ я думаю.

— Да, но все-таки...

— Что, все-таки? Какъ тебѣ не стыдно быть такой жестокой по отношенію къ женщинѣ, которая ни тебѣ, никому другому никогда не сдѣлала ничего худого?

— Да я сама люблю ее, крѣпко люблю. Мнѣ только жаль ее, вѣдь другіе говорятъ...

— Ну, и пусть говорятъ. А по-моему жалѣть ее не за что, а можно ей только позавидовать, какъ дѣвушкѣ, которую никто не „выдавалъ". Кого полюбила, тому и отдалась... И, навѣрное, она въ тысячу разъ счастливѣе тебя и совѣсть у нея почище нашей съ тобой...

Катя полежала тихо, подумала и опять спросила:

— Отчего жъ она не отдаетъ своей земли мужикамъ, вѣдь послѣ смерти отца она получила?

— Въ томъ-то и дѣло, что не получила. Онъ умеръ безъ завѣщанія, домовъ оставилъ множество. Все перешло брату, а Нинѣ Петровнѣ – какіе-то пустяки...

Болтали до самаго разсвѣта. Наконецъ, рѣшили спать. Катя усиленно жмурила глаза, потомъ встала, закрыла окно сверхъ шторы еще платкомъ, выпила воды и опять легла, но не могла задремать. Ей непонятно было, какъ это за одну зиму Соня вдругъ научилась такъ умно и свободно думать и говорить, точно и не Соня, а какая-то другая дѣвушка...

Въ пятницу ѣздили слушать двѣнадцать евангелій въ то село, гдѣ жилъ докторъ. Въ церкви было невыносимо жарко. Катя и Соня нѣсколько разъ выходили на паперть посидѣть и подышать свѣжимъ воздухомъ. Мужики и бабы съ любопытствомъ ихъ осматривали.

Къ Сонѣ подошла закутанная въ платокъ очень худая молодица, низко поклонилась и вдругъ совсѣмъ неожиданно чмокнула ее въ руку. Соня испугалась и вскочила.

— Шо вы, бабо?

— А вы мене и не познали?

— Нѣтъ.

— Я жъ Орышка, колысь була у васъ у нянькахъ.

— Неужели это ты? Такъ постарѣла?..

Соня посмотрѣла на Катю, точно хотѣла, чтобъ и она подтвердила, что это дѣйствительно Оришка, съ которой онѣ всего четыре года назадъ бѣгали въ горѣлки. Не вѣрилось и Катѣ.

Соня отошла вмѣстѣ съ бабой въ сторону. Оришка опять начала кланяться и просить Соню походатайствовать передъ отцомъ, чтобы онъ отдалъ ей съ мужемъ изъ полу

хоть одну десятину земли. Она разсказала, что имѣла троихъ дѣтей и всѣ они умерли, но все-таки живется очень тяжело. Соня вздохнула и обѣщала сдѣлать все, что можетъ. Опять вошли въ церковь. Священникъ читалъ уже восьмое евангеліе:

„И егда пріидоша на мѣсто, нарицаемое лобное, ту распяша Его и злодѣя, оваго убо одесную, а другого ошую. Іисусъ же глаголаше: Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ".

„Вотъ она нравственность", подумала Катя, вздохнула и прошептала:

— Уже идемъ, Сонечка?

— Хорошо.

Пришли на кладбище къ свѣжей могилѣ тети Вѣры, молча постояли, перекрестились и направились къ воротамъ, возлѣ которыхъ стоялъ съ лошадьми Игнатъ. Солнце зашло, но закатъ еще догоралъ кровавыми полосами. Длинныя лиловыя облака легли сверху. Еще выше, на зеленоватомъ фонѣ неба, уже мигала первая звѣздочка.

Когда садились въ шарабанъ, Катя замѣтила на глазахъ у Сони слезы и сказала:

— Да, ужасно обидно такъ умирать изъ-за какого-то зуба...

— Я не о ней, я объ Оришкѣ. Хотѣла дать ей рубль, но у меня ничего нѣтъ,—отвѣтила Соня.

Чтобы отвлечь ее отъ тяжелыхъ мыслей, Катя робко предложила заѣхать къ Нинѣ Петровнѣ, но Соня мотнула головой и отвѣтила:

— Нѣтъ, теперь не нужно. Мы ее стѣснимъ. Лучше потомъ, когда родится...

Зашли еще въ земскую аптеку къ фельдшеру и по порученію Митрофана Ивановича попросили іоду и бертолетовой соли. Отъ пьянства у него всегда было воспалено горло, но онъ думалъ, что это отъ простуды и постоянно лечился. Здѣсь еще посидѣли и поговорили съ фельдшеромъ.

Домой ѣхали уже въ темнотѣ. Когда поднялись на гору, видно было, какъ шевелятся огоньки свѣчей возлѣ церкви.

Молчали. Дорога теперь показалась длинной. Пробирала дрожь. На дворѣ стало такъ холодно, что вездѣ запотѣли окна и въ комнатахъ казалось особенно уютно. Митрофанъ Ивановичъ зажегъ передъ каждой иконой лампадки, ходилъ взадъ и впередъ и напѣвалъ что-то божественное. Услышавъ лай собакъ, онъ вышелъ на крыльцо и сказалъ:

— Ну, вотъ и хорошо, что рано вернулись, а я уже ѣсть хочу...

Катя быстро раздѣлась и заметалась изъ кухни въ сто-

ловую и обратно. Баба Мотря принесла селедку, конопляное масло и шинкованную, уже не совсѣмъ свѣжую, капусту.

Митрофанъ Ивановичъ пилъ и закусывалъ. Катя ѣла съ аппетитомъ. Соня нехотя проглотила кусочекъ селедки.

— Что же ты такъ плохо вечеряешь? Ѣшь, ѣшь — это пища полезная. Можетъ, не нравится, что постное, ну, такъ что же дѣлать? Я отъ роду ничего скоромнаго не ѣлъ въ страстную пятницу и никому не позволю ѣсть у себя въ домѣ.

— Нѣтъ, я не потому, что постное,—просто не хочется. Вотъ что, папа, мы видѣли въ церкви Оришку, ну, и она...

— Что она?

— Просила вамъ передать, чтобы вы ей съ мужемъ дали одну десятину земли изъ полу.

— Ну, и пускай просила, а я не дамъ,—спокойно отвѣтилъ Митрофанъ Ивановичъ, но сейчасъ же всталъ изъ-за стола и закричалъ:

— Не дамъ! Ты знаешь, я эту самую Оришку и ея дурака мужа звалъ на поденную работу, предлагалъ имъ по тридцать копеекъ въ день и они не пошли. Они хотятъ сами быть хозяевами. И, пожалуйста, о нихъ и вообще о мужикахъ мнѣ ничего не говори. Ты ничего не понимаешь. У насъ они никогда не голодали и голодать не будутъ. Имъ хочется помѣщичьей земли. Я знаю, откуда идутъ эти разговоры. Вотъ напишу исправнику, чтобы эту учительшу выпроводили въ Нарымскій край, такъ и будетъ знать, какъ пропагандой заниматься...

— Постойте, папа, мы вѣдь Нину Петровну не видѣли...

— Наплевать. Все равно это отъ нее... Я землю даю тому, кому хочу, и учить меня нечего. Мужики еще на меня никогда не жаловались... И... и, пожалуйста, не серди меня,— не суйся не въ свое дѣло.

Митрофанъ Ивановичъ сѣлъ и хотѣлъ налить себѣ еще водки, но его рука такъ запрыгала, что вокругъ рюмки образовалась цѣлая лужица. Онъ вышелъ и сказалъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Вотъ видишь, разволновала меня я и пролилъ... Вспомни, какіе теперь дни... Грѣшно отца сердить.

VII.

На слѣдующій день баба Мотря, Катя и Соня съ самаго утра красили яйца, пекли, жарили, чистили миндаль и толкли его въ ступѣ, вынимали уже готовые куличи и приготовляли какое-то пирожное изъ бѣлковъ. Не было времени даже пообѣдать. Катя видѣла, какъ Соня отрѣзала большой кусокъ

ветчины, положила его на хлѣбъ и съѣла у себя въ комнатѣ. Катѣ хотѣлось сказать сестрѣ, что это не хорошо, но она промолчала. Къ заутрени не поѣхали.

Первый день прошелъ тоскливо. Нужно было со всѣми цѣловаться. Нужно было съ утра ходить въ новомъ платьѣ. Нужно было много ѣсть.

Митрофанъ Ивановичъ выпилъ лишнее и вдругъ началъ говорить о покойной сестрѣ, что она одна его понимала, и потомъ разрыдался. Катя и Соня начали его утѣшать, но онъ ихъ прогналъ и заперся у себя въ кабинетѣ.

Только къ вечеру успокоилось и можно было уйти въ садъ. Говорилось плохо. Иногда Катѣ казалось, что Сонѣ съ ней скучно. И не совсѣмъ было понятно, почему Соня ни разу не упомянула о тетѣ Вѣрѣ, которая еще такъ недавно жила, двигалась и говорила въ этихъ самыхъ комнатахъ. На четвертый день отецъ вдругъ началъ жаловаться на горло и сталъ говорить такъ тихо, что вмѣсто словъ выходило только:

— Хау, хау, хау...

Послали Игната въ аптеку за таниномъ и еще за чѣмъ-то. Онъ вернулся поздно, когда уже пили вечерній чай. Митрофанъ Ивановичъ самъ вышелъ къ нему въ переднюю, взялъ у него лекарство и еще долго о чемъ-то разспрашивалъ. Въ столовую онъ вернулся весь красный, съ надувшимися на лбу жилами, взмахнулъ руками, грозно посмотрѣлъ на дочерей и вдругъ зашипѣлъ своимъ пропитымъ горломъ:

— Наконецъ... Да... Разрѣшилась! Хорошій примѣръ, чудесный примѣръ. Вотъ вамъ и предводительская дочка, на весь уѣздъ осрамилась. Что теперь люди добрые скажутъ? Хорошо сдѣлалъ покойникъ, что не дожилъ. Вотъ вамъ и госпожа съ идеями. Я вѣрю въ Бога, но если бы съ вами съ которой-нибудь случилось что-нибудь подобное, я бы повѣсился...

— Папа,—заикнулась Соня и хотѣла еще что-то сказать, но Митрофанъ Ивановичъ грозно взмахнулъ руками и прошипѣлъ:

— Молчать! Меня не учить! Вижу, какое ты добро есть... Вижу. Лучше задушу своими руками. И я, и вся наша семья прожили честно...

Дальше уже трудно было понять и слышно было только одно:

— Хау, хау, хау...

Соня поднялась и ушла.

— Назадъ, назадъ...—прошипѣлъ Митрофанъ Ивановичъ, но въ отвѣтъ ему только щелкнулъ ключъ въ дверяхъ ея комнаты.

Катя еще слушала его, потомъ не выдержала и убѣжала въ садъ.

До самаго отъѣзда Сони отецъ съ ней не разговаривалъ. Катя плохо спала по ночамъ и мечтала уѣхать съ сестрой въ городъ хоть на одинъ мѣсяцъ. Въ субботу она не выдержала и заикнулась объ этомъ Митрофану Ивановичу. Противъ ожиданія, онъ не разсердился и коротко отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ты ужъ успокойся. Кончила гимназію благополучно—и слава Богу.

Потомъ прошелся по комнатѣ, скрутилъ папироску и добавилъ:

— Надѣюсь, сама понимаешь, что покидать безпомощнаго старика отца одного и стыдно, и гадко.

Катя дѣйствительно успокоилась. И то, что отецъ позволилъ проводить сестру до вокзала, уже показалось ей огромнымъ счастьемъ. Въ день отъѣзда Сони Митрофанъ Ивановичъ повеселѣлъ. Онъ подставилъ ей руку для поцѣлуя и самъ поцѣловалъ дочь въ щеку. Потомъ, кромѣ путевыхъ расходовъ, далъ ей еще три рубля и сказалъ:

— Учись и набирайся ума, только настоящаго ума, отъ котораго жить легче и выгоднѣе. Ну, Христосъ съ тобой...

На вокзалѣ передъ третьимъ звонкомъ Катя заплакала, обняла сестру и прошептала:

— Сонечка, голубочка, возвращайся скорѣе, а то я безъ тебя или съ ума сойду, или повѣшусь—право, повѣшусь...

Соня высморкалась, стала на площадку и отвѣтила:

— Ничего, потерпи. Одинъ мѣсяцъ остался. Пріѣду на лѣто—что-нибудь придумаемъ...

Лицо у нея было серьезное, а глаза грустные.

Когда поѣздъ двинулся, Катѣ показалось, что вмѣстѣ съ Соней уѣзжаетъ и часть ея собственной души.

Потянулись дни, похожіе одинъ на другой. Катя вставала рано, сажала цвѣты, сама готовила обѣдъ, разводила куръ, и все-таки было невыносимо скучно. Она пробовала читать книжки, которыя привезла Соня, но всѣ онѣ были написаны совсѣмъ другимъ языкомъ, чѣмъ романы и повѣсти, и въ нихъ встрѣчалось слишкомъ много непонятныхъ, неживыхъ словъ. Ясно было только, что умные люди хотятъ научить бѣдняковъ, какъ имъ улучшить свою жизнь. Разъ утромъ вошелъ Митрофанъ Ивановичъ и засталъ Катю за чтеніемъ, пересмотрѣлъ заглавія брошюръ, нахмурился, собралъ ихъ и въ тотъ же день сжегъ въ печкѣ.

Цвѣли яблони и груши. Сквозь листву уже не было видно хуторскихъ крышъ. Ночи стояли теплыя, душныя, пропитанныя запахомъ бѣлой акаціи и сирени. Съ восьми

часовъ вечера и до самаго разсвѣта пѣлъ подъ окномъ соловей. Катя чувствовала, какъ наслаждается вся природа, и еще тяжелѣе было на сердцѣ отъ сознанія своего одиночества. Съ крестьянами она говорить не умѣла и не любила, да и не было у нихъ времени для разговоровъ. Лица у бабъ казались несчастными и глупыми, а всѣ мужчины смотрѣли искоса и хмуро. И Катѣ часто приходило въ голову, что каждый изъ нихъ, когда смотритъ на нее, непремѣнно думаетъ: „Вотъ ты гуляешь и ничего не дѣлаешь, а когда мы сожжемъ твой хуторъ, тогда ты начнешь работать".

По ночамъ бывало страшно, и казалось, что кто-то ходитъ по саду и заглядываетъ въ окно. Тринадцатаго мая исполнилось сорокъ дней со дня смерти тети Вѣры. Митрофанъ Ивановичъ хотѣлъ сдѣлать хорошія поминки. Наканунѣ зарѣзали двухъ барановъ и купили четыре ведра водки. Во дворѣ устроили временные столы изъ досокъ, положенныхъ на козлы. Было куплено двадцать новыхъ мисокъ и полъ пуда соли. Въ трехъ огромныхъ котлахъ варился борщъ, а въ четвертомъ каша. На „смалецъ" растопили восемь фунтовъ сала. Баба Мотря и нѣсколько молодицъ съ ранняго утра суетились надъ котлами и пекли свѣжій хлѣбъ. Синій дымъ поднимался надъ усадьбой, и на весь хуторъ вкусно пахло.

Митрофанъ Ивановичъ всталъ тоже очень рано и вмѣстѣ съ Катей поѣхалъ на кладбище. Послѣ панихиды онъ пригласилъ къ себѣ священника, псаломщика и бывшихъ возлѣ могилы чужихъ мужиковъ. Когда вернулись домой, свои хуторскіе уже почти всѣ были во дворѣ. Увидѣвъ Митрофана Ивановича, они почтительно сняли шапки и поклонились. Бабы пришли съ дѣтьми. Стоялъ говоръ и шумъ, какъ на ярмаркѣ. Каждую минуту стучалъ на калиткѣ затворъ и во дворъ приходили все новые люди.

День выдался яркій, ласковый. Золотыя солнечныя пятна трепетали на сосновыхъ доскахъ столовъ и на обнаженныхъ головахъ крестьянъ. Мелькая босыми ногами, бабы разставляли миски съ душистымъ борщомъ, рѣзали на куски только что испеченный хлѣбъ и выкладывали на деревянныя тарелки разваренную жирную баранину. Ровно въ двѣнадцать часовъ вышелъ съ огромной бутылкой казеннаго образца Митрофанъ Ивановичъ. Катя несла за нимъ двѣ большихъ чарки. Батюшка надѣлъ епитрахиль, оправилъ волосы и прочелъ молитву.

Первые два стола потчивалъ водкой самъ Митрофанъ Ивановичъ. Каждый мужикъ крестился, вытиралъ предварительно усы и, взглянувъ вверхъ, говорилъ:

— Ну пошли же имъ, Боже, царство небесне!—и затѣмъ выпивалъ стаканъ.

Со многими изъ нихъ Митрофанъ Ивановичъ чокался и пригубливалъ самъ. Потомъ онъ утомился и ушелъ съ батюшкой въ домъ закусывать сардинками и ветчиной.

Мотря наливала изъ бутылки, а Катя подавала въ руки каждому крестьянину стаканъ. Лицо у нея было серьезное, и ей казалось, что она дѣлаетъ святое и важное дѣло. Пили и всѣ бабы и многіе изъ подростковъ. И она была увѣрена, что если бы вдругъ ушла и поручила бы подносить водку кому-нибудь другому, то оскорбила бы этимъ всѣхъ присутствующихъ.

Ѣли долго и со вкусомъ. Оставшіяся крохи хлѣба сгребали на ладонь и высыпали въ ротъ. Обѣдало больше ста человѣкъ.

Катя и Мотря пошли въ домъ за новой четвертью.

Митрофанъ Ивановичъ откупорилъ самъ всѣ три бутыли и, подавая одну изъ нихъ Катѣ, сказалъ:

— Ну что? Видѣла ты хоть одно недовольное лицо? Слышала ты хоть одно неодобрительное слово? Они меня любятъ,—и потомъ ни съ того, ни съ сего засмѣялся и добавилъ:—И земли имъ никакой не нужно...

Батюшка погладилъ себя рукой по груди и наставительно произнесъ:

— Народъ хорошо понимаетъ, кто относится къ нему съ любовью. Они, какъ животныя, инстинктомъ чуютъ, кто для нихъ настоящій другъ, а кто не настоящій... Это вѣрно.

Катя ничего не отвѣчала и вышла вслѣдъ за Мотрей. Опять нужно было ходить вокругъ столовъ и слушать пожеланія царства небеснаго тетѣ Вѣрѣ и долгой жизни отцу. Уже дрожали руки.

Когда вся водка была выпита, Катя сѣла отдохнуть на крылечкѣ амбара.

Въ десяти шагахъ отъ нея наклонялись надъ мисками и опять выпрямлялись освѣщенныя солнцемъ спины въ бѣлыхъ сорочкахъ. Кругло подстриженные затылки и загорѣлыя шеи двигались все живѣе и живѣе. Голоса стали громче.

Крайнимъ справа, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Кати, сидѣлъ часто заходившій въ усадьбу старшій братъ Игната Яковъ. Онъ ужъ замѣтно охмелѣлъ, покачивался и размахивалъ руками. Было слышно, какъ онъ сказалъ своему сосѣду:

— Отъ мы сыти и пьяни... Добре нагодувавъ Митрахванъ Ивановичъ. Це винъ пидлощуваетця до людей, шобъ

не спалылы, ну, а про те, якъ не буде земли давать съ половыны, то усе едно спалють.

Катѣ вдругъ стало жарко. Сначала захотѣлось встать и уйти, но она осталась въ той же позѣ, только опустила голову. Было слишкомъ понятно, что слова Якова, рано или поздно, непремѣнно сбудутся. Катя еще долго сидѣла не двигаясь и думала, слѣдуетъ или не слѣдуетъ сказать отцу о томъ, что сейчасъ говорилъ Яковъ,—и рѣшила не говорить.

* * *

Волоса у нея золотые,
Золотые, точно вино...
Мы съ ней были когда-то родные...
Только это было давно...

—

Кружевами плелись наши встрѣчи...
Помню: снѣгъ на улицахъ шелъ...
Я платкомъ ей окутывалъ плечи...
Разговоръ застѣнчивый велъ.

—

Говорилъ, что унылая бѣдность
Сдавила меня, какъ кольцо,
И минутная, робкая блѣдность
Покрывала ее лицо.

—

Засыпала на сердцѣ забота...
Въ этотъ часъ я жилъ, какъ во снѣ...
Мы входили подъ арку въ ворота...
Прижималась она ко мнѣ.

—

Вѣтеръ вылъ въ водосточныя трубы...
Трепеталъ испуганный газъ...
Каждый домъ намъ разсказывалъ грубый,
Откровенный и злой разсказъ.

—

Загорались огни ресторана...
Проносился вдаль экипажъ...
Внизъ смотрѣлъ изъ сырого тумана
На прохожихъ верхній этажъ.

—

„Вотъ проходитъ счастливая пара...
Онъ бросалъ намъ насмѣшку вслѣдъ,—
Много видѣлъ я нѣжнаго жара...
Только сердца большого... нѣтъ!"

—

Озаренныя окна смѣялись...
    На верху зябъ церковный крестъ...
У дома, гдѣ мы разставались,
    Ждалъ ее богатый подъѣздъ.

—

Утѣшала послѣдняя фраза:
    „Ты напрасно горько поникъ..."
Два блестящіе, быстрые глаза
    Дарили мнѣ ласковый мигъ...

—

Ныла въ сердцѣ глубокая рана:
    Что я ей? Только мальчикъ пажъ...
На меня глядѣлъ изъ тумана
    Безъ насмѣшки верхній этажъ.

—

Волоса у нея золотые,
    Золотые, точно вино...
Разошлись мы потомъ, какъ чужіе...
    Но и это было давно.

В. Башкинъ.

Вѣтеръ.

Разсказъ **Осипа Дымова**.

Ночью въ длинномъ корридорѣ хлопало окно, сны поэтому были не сплошные, длительные, а разорванные, какъ клочья облаковъ, какъ порывы вѣтра на дворѣ. Сквозь разговоры и тѣни людей, давно умершихъ, прорѣзывая ихъ, появлялось сѣрое, смутное, тяжелое отъ дождя, разсвѣта и вспыхнувшаго сознанія жизни—окно: это въ длинномъ корридорѣ опять стукнуло съ вечера раскрытая рама и прервала сонъ. Потомъ сѣрое, тяжелое окно, обрѣзанное линіей гардинъ, исчезаетъ, кто-то стоитъ, выжидая за угломъ, пріѣзжаетъ черная карета безъ лошадей, и переднія колеса ея обтянуты густымъ крепомъ. Опять плоскій, всегда кажущійся злымъ, стукъ—сигналъ?—и опять передъ глазами тяжелое, очерченное краемъ гардинъ, окно; но это другое: оно свѣтлѣе, проще, легче прежняго. Въ немъ больше дождя и разсвѣта и меньше мыслей, которыя завтра должны осуществиться. И, пересѣкая его наискось сверху почти до самаго низу, дугой виситъ толстый, тяжелый цилиндрическій канатъ. Черная тяжесть наваливается на сердце и вѣки, и утромъ за умываніемъ мелькнетъ мысль, что безвозвратно забытъ еще одинъ сонъ. Потомъ подъ самое утро испуганно замретъ сердце (стука не будетъ слышно), — окно станетъ свѣтлымъ съ обыкновеннымъ пасмурнымъ днемъ и желтыми дешевыми занавѣсами, и желѣзный канатъ—это, конечно, былъ волосъ со лба—исчезнетъ.

За ночь вѣтеръ окрѣпъ. Все мокро, уныло. На стеклахъ оконъ повисли маленькія, блестящія, свѣтлѣе, чѣмъ день, капли. Который часъ? Такъ поздно...

На душѣ гусиная кожа: сморщились ощущенія. За умываніемъ мелькнула мысль о снѣ—еще одномъ, который безвозвратно забытъ. Куда они тамъ дѣваются, эти приснившіеся, подошедшіе къ мозгу, но не дошедшіе до разума сны?

Въ нашемъ пансіонѣ не встали еще дѣвица изъ Бре-

мена, докторъ Шормъ и его „сестра". Пьютъ кофе на верандѣ. У всѣхъ кислыя лица. Кофе стынетъ, балконныя занавѣсы хлопаютъ; вспоминаютъ про открытое окно въ корридорѣ, жалуются на плохой сонъ.

И когда горничной Мари — слышно — обѣ хозяйки въ кухнѣ дѣлаютъ выговоръ, всѣмъ какъ-то становится легче.

* * *

Почта пришла поздно; это по случаю вѣтра: задержанъ пароходъ. Гдѣ-то солнце, высокое, чистое небо, чистыя дѣти, улыбаются и ждутъ женскія души. Изъ Россіи не было извѣстій.

Надвинувъ шляпы на уши, согнувшись, наши пошли къ морю. Вѣтеръ взрылъ, взрыхлилъ его сплошь—на это понадобилась долгая ночь. Вся поверхность была истерзана въ бѣлыхъ клочьяхъ. Думалось: это сны заболѣвшаго великана... Песчаный берегъ потемнѣлъ, на высокомъ бѣломъ шестѣ трепался въ корчахъ длинный флагъ, грохотъ воды, не переставая, билъ въ виски. Люди при ходьбѣ дѣлали странныя движенія; издали было смѣшно и жутко видѣть, какъ они борются, борются съ кѣмъ-то невидимымъ.

Опустился, сузился горизонтъ, опустились низко къ землѣ всѣ мысли; и весь міръ нашихъ идей и представленій, среди которыхъ мы блуждаемъ, какъ мухи въ стекляной мухоловкѣ, тоже сжался, сузивъ свое желѣзное кольцо. Хотѣлось ѣсть, или музыки, или долгаго сна, или браниться. Вѣтеръ рвалъ полотнища балконныхъ занавѣсовъ, холодилъ ноги.

Въ полдень черезъ унылыя стѣны, черезъ мокрыя, мертво блестящія окна донеслись густые, тревожно прерывающіеся звуки пароходнаго гудка. „Корабль въ опасности"—говорили у насъ мъ пансіонѣ. Толстый англичанинъ съ дочерью внизу раскрывали зонтикъ, его выворачивалъ вѣтеръ; напротивъ у воротъ появился старикъ. Оденъ, какъ всегда, безъ сюртука и шляпы. Было видно, какъ капли дождя скользя скатывались съ его огромнаго лысаго черепа.

— У! У! У! У!—стоналъ далекій невидимый пароходъ, и звуки неслись въ воздухѣ, какъ тяжелая подхваченная вѣтромъ цѣпь. Она опадала къ землѣ, поднималась и быстрымъ порывомъ, изогнувшись въ воздухѣ, неслась прямо къ намъ среди мокрыхъ и пустынныхъ улицъ. Сонъ великана продолжался...

Докторъ Шормъ сзади дотронулся до моего локтя. Его свѣтлые, пушистые усы были растрепаны вѣтромъ, красивые, грустные глаза безпокойны.

— Я этого не могу слушать,—сказалъ онъ по-нѣмецки.

— Ничего опаснаго нѣтъ. Если бы корабли гибли отъ подобнаго вѣтра, то...

— Да чортъ побери весь корабль! Я не о томъ. Эти ужасные звуки, эти звуки—кто ихъ придумалъ?..

— У! У! У!—неслись новыя звенья.

— Пойдемъ къ морю, посмотримъ,—предложилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ... при этомъ вѣтрѣ. Долго еще они будутъ забавляться?

Доброе лицо Шорма страдальчески исказилось. Онъ все поводилъ шеей, какъ будто спорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ.

„Сестра", то-есть сестра милосердія, которая была съ нимъ всюду,—тихо сказала мнѣ:

— Не уговаривайте его итти. Онъ очень волнуется сегодня.

Бѣдный, милый докторъ Шормъ былъ боленъ. Онъ говорилъ, что болѣзнь свою нажилъ въ Гейдельбергѣ во время университетскихъ экзаменовъ.

— Я потерялъ способность работать, писать. Я калѣка. Уже десять лѣтъ, какъ я ничего не читаю, кромѣ обѣденныхъ меню, расписанія поѣздовъ и музыкальныхъ программъ. Я ѣзжу съ курорта на курортъ, изъ санаторія въ санаторій. Я конченный человѣкъ, а вѣдь мнѣ тридцать четыре года, collega... тридцать четыре года! Что? Можно сдѣлаться пессимистомъ?

Онъ не производилъ впечатлѣнія больного, охотно шутилъ, говорилъ объ искусствѣ, о философіи. Бѣдный докторъ философію любилъ больше всего. Но одинокія прогулки, но присутствіе меланхолической, молчаливой „сестры", но странная небрежность галстуха наводили на печальныя мысли... Замѣтили? У всѣхъ, страдающихъ болѣзнью мозга, галстухъ прикрѣпленъ съ какой-то особенной общей имъ и только имъ небрежностью. Что-то угадывается въ темныхъ складкахъ, въ чуть-чуть помятомъ воротникѣ. Какая-то вялая мертвенность матеріи, словно далекое предчувствіе неподвижной, тѣсно застывшей тяжести.

* * *

Вѣтеръ все больше и больше высвобождаетъ изъ моря свое длинное, вязкое извивающееся въ стороны тѣло. Пароходъ, кричавшій о помощи, благополучно прибылъ въ гавань. Сняты флаги, горятъ маяки, въ десять часовъ на башнѣ, что у почты, пробило пять—остальное пожралъ вѣтеръ. Изъ холодной, темной воды высовывается почти до

пояса его нагое извивающееся въ стороны тѣло. На нашемъ островѣ тихо. Въ черныхъ пространствахъ, окружающихъ этотъ клочекъ земли, бредутъ—какъ безумныя—тучи и волны, тучи и волны. Въ пансіонѣ многіе уже спятъ или, можетъ быть, сидятъ у себя неподвижно, глядя одинокими глазами на одинокое пламя свѣчи. Окно съ занавѣсами опять измѣнилось: за стеклами его—огромная, близко придвинувшаяся тайна, и въ ней тихо сіяетъ блѣдная, какъ привидѣніе, свѣча. Это—отраженіе моей здѣшней, реальной—до того реальной, что даже на недѣльномъ счетѣ значилось:

Kerze—1 mark.

Въ дверь постучались, и вошелъ докторъ Шормъ. До того онъ ни разу не былъ у меня.

— Это хорошо, что вы не спите, collega. Я тоже не могу. Я сегодня, должно быть, не усну во всю ночь. Что вы дѣлаете у себя въ комнатѣ одинъ? Что вообще дѣлаютъ люди наединѣ съ самими собою? Пишутъ? Читаютъ? Для меня это закрыто. На предметы вокругъ себя они обращаютъ мало вниманія. Но когда я вхожу въ свою комнату, запираю за собою дверь—я тотчасъ же попадаю къ своимъ. Понимаете? стѣны. столъ, стулья—это мое общество. Я среди нихъ, какъ вы среди вашихъ знакомыхъ. Я живу съ ними, я—ихъ, они ко мнѣ почти привыкли. Вотъ этотъ шкафъ, чернильница, графинъ, полотенце, всѣ мы — глухонѣмые участники жизни...

Шормъ блѣдной, выхоленной рукой указывалъ, называя предметы, и этотъ жестъ я долго потомъ помнилъ. Онъ наклонился ко мнѣ:

— Я отрѣзанъ отъ жизни. Черная карета ждетъ меня за угломъ...

— Черная карета?

— Ждетъ. И когда начинается такой вѣтеръ, collega, я слышу шумъ ея колесъ — катится, кажется... черная карета съ опущенными изнутри занавѣсами, безъ лошадей. Ѣдетъ... Для васъ, что такое для васъ этотъ вѣтеръ? Маленькое неудобство, но для меня... Смотрите: все шевелится, движется, вотъ нервно стучитъ дверь—эй, кто тамъ?..

— Кому вы кричите? Никого нѣтъ. Это вѣтеръ.

— Вы думаете, никого? Конечно, деревья, занавѣсы, кусты, флаги—они шевелятся и раскачиваются отъ вѣтра. Но знаете, что я вамъ скажу — знаете? знаете? Не только отъ вѣтра! Вы присмотритесь, наблюдайте часъ, два—прятаться не нужно: *они* все равно видятъ васъ—и вы ясно уловите, что здѣсь не только вѣтеръ. Въ промежуткѣ между

двумя порывами—понимаете, когда тихо, ну совсѣмъ тихо,— вдругъ начинаетъ качаться одна какая-нибудь вѣточка на яблонѣ, да еще какъ качаться! Только одна, collega, а всѣ остальныя неподвижны. О, я это хорошо знаю. Вѣтеръ—это только удобная обстановка, подходящая маска. Но сквозь разрѣзы маски я, я, больной докторъ Шормъ, вижу чьи-то глаза — совершенно посторонніе, совершенно чужіе здѣсь всему, всему, что мы знаемъ... Ну, кто тамъ?..

— Оставьте, это вѣтеръ!

— Какъ же? Вѣдь все вокругъ закрыто, заткнуты всѣ щели. Отчего же двигается эта дверь? О, ночью въ темнотѣ извольте, пойдите-ка провѣрить, кто изъ нихъ движется отъ вѣтра, а кто... отъ другого...

— Сумасшедшій человѣкъ! Что вы тамъ придумываете?

— Нѣтъ, я не сумасшедшій. Меня знаютъ десятка два врачей, ни одинъ изъ нихъ этого не говорилъ. Прислушайтесь, collega, отчего такой грохотъ? Развѣ можетъ быть, чтобы только отъ вѣтра, отъ движенія воздуха? Кто-то хитро пользуется минутой и реветъ и кричитъ свое. Около водопадовъ, въ старыхъ лѣсахъ, у камышей болотъ очень ясно слышны эти посторонніе голоса, которые только слегка, какъ плащомъ, прикрываются шумомъ воды и лѣса. А иногда *они* — понимаете? — *эти* до того наглѣютъ, что при слабомъ утреннемъ вѣтеркѣ ревутъ, какъ угорѣлые, раскачиваютъ старыя крѣпкія вѣтви, бросаютъ пескомъ. Да спросите лѣсниковъ, спросите матросовъ, людей, знающихъ степи и пустыни,—они вамъ многое про это разскажутъ. Позвольте, а здѣсь у насъ, въ городахъ, въ комнатахъ днемъ при людяхъ... Развѣ вы не замѣтили? Нажмите кнопку электрическаго звонка, и звонъ будетъ длиться чуть-чуть дольше, чѣмъ это бы слѣдовало по усилію. Эхо иногда отвѣчаетъ слогомъ больше, чѣмъ вы крикнули. Тѣни не сразу появляются послѣ того, какъ вы внесли свѣчу. Изображенія въ зеркалѣ исчезаютъ не тотчасъ же, какъ вы отошли, а чуть-чуть позднѣе—этакъ на одну сотую секунды... Среди колесъ нашего механизма, разума,—повидимому, такого отчетливаго, непогрѣшимо - яснаго — двигаются, извиваясь, какія-то черныя тѣни. Совмѣстно съ точно установленными законами нашихъ наукъ, параллельно, одновременно съ ними дѣйствуютъ какія-то другія силы, которыхъ мы не знаемъ, которыя не укладываются въ рамки разсудка. Большей частью *ихъ* дѣйствія совпадаютъ съ причинами и слѣдствіями *нашихъ* законовъ, но иногда нѣтъ, иногда нѣтъ, и тогда сумма угловъ треугольника не равна 180 градусамъ. Не кажется ли вамъ, не кажется ли вамъ, что мы сдѣлали глупѣйшую, непростительнѣйшую ошибку, положивъ въ основу

нашего сознанія бездарнѣшую аксіому: *пространство, занятое какимъ-либо тѣломъ, не можетъ быть одновременно занято другимъ!?*

„Отсюда—вся культура наша пошла по ложному пути. Длинный рядъ геніальныхъ умовъ—математиковъ, физиковъ, философовъ, естествоиспытателей—своими работами поддерживали, подтверждали непогрѣшимость основного допущенія. И безконечные ряды поколѣній людей сошли въ могилу, проживъ жизнь съ отуманенными ложью глазами. Ахъ, какъ больно! Если бы кто-нибудь изъ нихъ спохватился и крикнулъ: „А вѣрно ли положенъ первый камень? Не строимъ ли на пескѣ?!"—можетъ быть, многое давно было бы разъяснено, давно дышалось бы легче здѣсь, въ этомъ хаосѣ загадокъ и привидѣній, которыя обступили насъ со всѣхъ сторонъ, и я не былъ бы такъ безысходно одинокъ... Нѣтъ, пустяки, я выпью воды и успокоюсь... Collega, я совсѣмъ одинокъ. Когда появляется вотъ такой вѣтеръ, я вижу это еще яснѣе. Почему? А какъ же? Если я отрѣзанъ отъ людей, отъ ихъ міра чувствъ, идей, мыслей, то я все же близокъ предметамъ. Я съ ними; я, какъ и они,—глухонѣмой участникъ жизни. Я не одинъ, у меня есть общество—дверь, ключъ, зеркало, куда я смотрюсь... Но вотъ начинается этотъ вѣтеръ, этотъ рядъ невидимыхъ ударовъ, которые бьютъ по всѣмъ предметамъ и будятъ ихъ. Начинается ревъ, этотъ чужой намъ голосъ безъ словъ, безъ мелодіи, чтобы его услышали глухонѣмые; онъ кричитъ всѣмъ предметамъ: эй, пробуждайтесь, посторонитесь, раздвиньтесь—идутъ *тѣ, другіе,* прикройте *ихъ,* спрячьте за вашей стѣной!.. Ну... и я остаюсь одинъ. Я вижу, что предметы—мои прежніе друзья или, по меньшей мѣрѣ, добрые знакомые—они чужіе, у нихъ свой особый міръ, своя жизнь, они знаютъ тайну, въ которую меня не посвящаютъ, они заодно съ *тѣми,* и я чужой, я чужой. Куда же мнѣ дѣться? Вы рѣшили, что мѣсто, занятое однимъ тѣломъ, не можетъ быть занято другимъ, и оттого, что вы такъ рѣшили, я, образованный, начитанный, культурный человѣкъ, я не имѣю своего мѣста, своего угла. Пространство замыкается передо мною, какъ чужія двери передъ позднимъ гостемъ. Бездарные, тупоголовые архитекторы построили міръ, и я въ немъ не нахожу комнаты для себя, куда бы укрыться. Вотъ я притащился къ вамъ, чужому человѣку, и болтаю, болтаю, не даю вамъ уснуть. Но вѣдь надо прійти къ себѣ, потому что рѣшено, что изъ гостей идутъ къ *себѣ*—будь то дворецъ короля или улица бродяги—безразлично. Но если *они, эти,* прикрываясь предметами и явленіями, вытолкнули меня изъ круга жизни, то слишкомъ ясно, что въ

концѣ концовъ остается одно: черная карета... Да что тамъ за стуки? Ну, войдите! Войдите же!

* * *

Я едва не упалъ: зашевелилась ручка, и дверь, дѣйствительно, отворилась. Вошла сестра милосердія, извинялась, увела моего гостя.

Весь слѣдующій день вѣтеръ не прекращался, и море подошло къ самому берегу. Даже стараго Одена пронялъ холодъ, и онъ надѣлъ сюртукъ. Докторъ Шормъ не появлялся, къ обѣду вышла „сестра", пробормотала, что ему хуже и, не дождавшись окончанія, ушла: на мена она почему-то сердилась.

...Я проснулся рано утромъ, словно меня разбудили; стучало сердце, и вокругъ во всей комнатѣ было такое впечатлѣніе, какъ будто что-то случилось. Сильный дождь билъ въ окна, я подошелъ и выглянулъ: у воротъ стояла низкая унылая карета съ опущенными изнутри шторами; такъ какъ заслоняла стѣна, я не могъ видѣть ни лошадей, ни кучера.

Потомъ я нѣкоторое время не зналъ: снилось ли мнѣ это, или, дѣйствительно, черная карета утромъ ждала кого-то у нашихъ воротъ.

Въ лугахъ.

Задремалъ пастухъ понурый
Надъ унылостью равнинъ.
Тучи медленны и хмуры,
Прѣетъ мята, вѣетъ тминъ.
Спитъ пастухъ и смутно слышитъ
Жвачку мѣрную коровъ,
А надъ соннымъ осень дышитъ
Чарой скошенныхъ луговъ.
Спитъ пастухъ, но въ тихомъ стадѣ
Есть другой сторожевой,—
Въ бѣломъ дѣдовскомъ нарядѣ
И съ вѣнцомъ надъ головой.
Онъ пришелъ отъ ближней рѣчки,
Гдѣ дрожали тростники!
Передъ нимъ встаютъ овечки,
На него глядятъ быки;
Лошадямъ онъ гривы гладитъ,
Жеребятъ сбираетъ въ кругъ,
И со злой овчаркой ладитъ,
Какъ хозяинъ и какъ другъ.
Спитъ пастухъ и дышитъ тминомъ,
И во снѣ видѣньямъ радъ...
Тихо бродитъ по долинамъ
Древній пастырь мѣстныхъ стадъ.

Валерій Брюсовъ.

На табачной фабрикѣ.

Повѣсть А. Грушецкаго.

Переводъ съ польскаго А. Брумбергъ.

(Продолженіе).

VI.

Въ первый залъ зашелъ ассистентъ Фразель. На его измятомъ лицѣ и въ небольшихъ злыхъ глазахъ отражалась великая торжественность, соотвѣтствовавшая важности момента: онъ собирался прочесть работницамъ новое распоряженіе администраціи. Медленно, волоча ногами, онъ дошелъ до средины зала и, остановившись передъ подобострастно ожидавшимъ его надсмотрщикомъ Паунелемъ, сказалъ по-нѣмецки:

— Прикажите пріостановить работы, пусть встанутъ!

Паунель тономъ военной команды повторилъ это приказаніе на ломаномъ польскомъ языкѣ. Заинтересованныя работницы быстро встали, а когда воцарилась тишина, ассистентъ торжественнымъ тономъ началъ:

— По распоряженію главнаго управленія всѣ рабочіе, занятые на табачныхъ фабрикахъ компаніи, увѣдомляются, что съ завтрашняго дня они могутъ ежедневно получать въ фабричной столовой тарелку горячаго супа съ мясомъ въ обыкновенные дни и безъ мяса—въ постные. Тарелки, миски или горшки, а также ложки рабочіе должны имѣть свои. За этотъ горячій супъ, выдаваемый въ полдень, рабочіе будутъ платить по шести геллеровъ; сумма эта будетъ записываться спеціально назначеннымъ для этого служащимъ и взыскиваться еженедѣльно въ день уплаты заработка. Это распоряженіе имѣетъ цѣлью: съ одной стороны, устранить эксплоатацію рабочихъ торговцами, съ другой—дать рабочимъ возможность за ничтожную плату получать вкусную и питательную пищу.

Онъ кончилъ и окинулъ взглядомъ стоявшихъ кругомъ работницъ, которыя шопотомъ дѣлали свои замѣчанія.

— Посмотримъ, хорошій ли только будетъ супъ! Дешево-то, дешево!

Вдругъ ассистентъ сдвинулъ брови, надулъ толстую губу, покрытую скудной растительностью, и крикнулъ:

— Эхъ вы, обезьяны этакія, такъ-то вы принимаете благодѣянія главнаго управленія!? Управленіе суетъ вамъ въ ротъ такіе обѣды за столь низкую плату, докладываетъ изъ своего кармана, особаго служащаго назначаетъ, чтобы накормить васъ, а вы — ничего! Вы молчите! Сію минуту поблагодарите вы, этакія!..

По залу пронесся глухой рокотъ благодарностей, и ассистентъ ужъ болѣе мягкимъ голосомъ продолжалъ:

— Вы дуры, неблагодарный вы народъ, это — большое благодѣяніе со стороны главнаго управленія. Кто изъ васъ хочетъ завтра получить супъ, пусть сегодня запишется на кухнѣ! А теперь за работу!

Среди стука передвигаемыхъ табуретокъ и шелеста юбокъ ассистентъ вышелъ, направляясь въ другіе залы, находящіеся подъ его надзоромъ, чтобы и тамъ объявить о распоряженіи главнаго управленія. Послѣ выхода ассистента работницы, несмотря на окрики надсмотрщика, стали дѣлиться другъ съ другомъ впечатлѣніями по поводу новаго распоряженія. Дѣло было слишкомъ важное, чтобъ его можно было обойти молчаніемъ хотя бы и во время работы. Старшія работницы, которыя сами занимались дома хозяйствомъ, находили, что шесть геллеровъ за тарелку супа — цѣна совсѣмъ не дешевая. Онѣ полушопотомъ высчитывали, что изъ фунта мяса хорошая хозяйка можетъ приготовить десять тарелокъ вкуснаго супа, а такъ какъ фабрика, закупая все оптомъ, будетъ получать мясо лучшее и по болѣе дешевой цѣнѣ, то она на этомъ можетъ имѣть небольшую, но вѣрную прибыль.

Когда въ половинѣ двѣнадцатаго звонокъ возвѣстилъ обѣденный перерывъ и папиросницы высыпали на дворъ, поднялся невыразимый шумъ и гвалтъ. Всѣ наперерывъ спрашивали другъ друга: будетъ ли супъ хорошій? дорого ли это? дешево ли? будетъ ли управленіе въ выигрышѣ или убыткѣ? записываться или ждать пробы? Онѣ переговаривались бы еще дольше, но курьеръ и надсмотрщикъ гнали ихъ къ обыску, такъ какъ служащій, слѣдившій за обысками, мерзъ на холодномъ вѣтрѣ.

— Я запишусь на супъ, мнѣ жаль ботинокъ и платья въ такую слякоть.

— Я тоже запишусь, — сказала Флорка, а то каждый

мѣсяцъ приходится давать ботинки въ починку,—прямо разореніе.

— Какъ? ты ужъ не обѣдаешь у дворничихи?

— Вотъ голова у меня! Совершенно забыла разсказать тебѣ,—разсмѣялась она,—я ужъ вчера не обѣдала. Эта старуха забирала у меня полъ обѣда,—я ее и бросила, живодерку.

Въ первый день записалось около двухсотъ работницъ, кто по нуждѣ, кто изъ любопытства; нѣкоторыя же просто радовались случаю пообѣдать въ большой компаніи, чтобы досыта наболтаться.

На слѣдующій день всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали полудня и, какъ только раздался звонокъ, кинулись смотрѣть на небывалое зрѣлище.

У входныхъ дверей большого зала, отведеннаго подъ столовую, стоялъ служащій и спрашивалъ у каждой работницы:

— Твой номеръ?

Получивъ отвѣтъ, онъ справлялся въ спискѣ, зачеркивалъ названный номеръ и тогда только пропускалъ въ залъ. Кандидатокъ на супъ было много. Контролеръ провѣрялъ съ педантичнымъ формализмомъ; были и такія работницы, которыя справлялись, нельзя ли записаться на супъ сейчасъ; поэтому пропускъ въ залъ подвигался впередъ очень медленно. Работницы, стоявшія на холодномъ вѣтрѣ, начали терять терпѣніе. Раздавались ужъ громкія заявленія недовольства, критика, слышались требованія пропустить:

— Мы же платимъ!..

— Вѣдь это не даромъ!

— Вотъ проклятое чучело, пропускайте!

Были и такія, которыя удовлетворялись злыми шутками:

— Торопись, а то твой супъ въ помойную яму выльютъ!..

— Достанешь водички, которой горшокъ прополощутъ!

— Чортъ ихъ возьми съ ихъ формальностями! Тутъ у человѣка всѣ животики отъ голоду сводитъ, а этотъ качается, точно жидъ въ шабашъ!

На всѣ эти крики служащій время отъ времени отвѣчалъ:

— Молчать!.. Не толкайтесь, какъ свиньи у корыта!

А то ругался еще и похуже.

Наконецъ, вошла послѣдняя изъ записанныхъ, и тогда служащій крикнулъ работницамъ, стоявшимъ въ кухнѣ, кто съ тарелкой, кто съ миской въ рукахъ:

— Отъ номера перваго до семьдесятъ второго включительно получитъ при первой плитѣ! Готовьтесь!

И онъ указалъ на большую плиту посреди зала, на которой дымился большой котелъ съ супомъ.

Когда первая группа заняла указанное мѣсто, онъ опять приказалъ:

— Отъ номера семьдесятъ третьяго до сто сорокъ четвертаго у второй плиты!

Наконецъ, онъ указалъ мѣсто и третьей группѣ. Тогда три довольно грязныхъ женщины, исполнявшихъ роль кухарокъ, начали выдавать супъ. Работницы усѣлись по скамейкамъ и первыя ложки глотали при почти полномъ молчаніи. Потомъ, однако, началась строгая, подчасъ даже злая критика поданнаго супа. Каждая изъ работницъ была убѣждена, что она — знатокъ кулинарнаго искусства, и потому супъ не удостоился одобренія. Однѣмъ онъ казался пересоленымъ, другимъ — водянистымъ; однимъ было мало крупы, другимъ — рубленаго мяса; словомъ, разочарованіе было общее, и импровизированныя кухарки наслушались горькихъ упрековъ; когда же онѣ, защищаясь, въ свою очередь бросили нѣсколько рѣзкихъ словъ, дѣло чуть не дошло до оскорбленія дѣйствіемъ. Дракѣ помѣшалъ лишь приходъ служащаго, который торжественно обѣщалъ, что супъ завтра будетъ лучше.

Началась болѣе спокойная бесѣда, и служащій, убѣдившись, что все благополучно, вышелъ изъ зала, оставивъ тамъ курьера.

Дѣвушки, сидѣвшія ближе къ дверямъ, первыя замѣтили уходъ служащаго. Между ними была также Стефка, шатенка не столько красивая, сколько пріятная, всегда имѣвшая подъ рукою различныя шутки и остроты. Она и теперь, не обращая вниманія на присутствіе курьера, вскочила на столъ и, состроивъ грозную гримасу, крикнула:

— Чего вамъ тамъ, черти? Вы, проклятыя!

Всѣ въ залѣ прыснули смѣхомъ, а она продолжала:

— Не смѣйтесь, проклятыя шлюхи! Молчать! Не смѣть говорить!

И, подражая ковыляющей походкѣ ассистента, она стала ходить по столу и, вдругъ остановившись, крикнула:

— Что это за работа! Работа должна идти, точно на арфѣ играешь!

Она со смѣхомъ соскочила со стола и всѣ работницы, повторяя ея слова, просили:

— Стефка, еще разъ!

— Да, я ужъ не могу!

— Такъ запой!

Она вначалѣ отказывалась, но потомъ вскочила на столъ и, подражая игрѣ на арфѣ, запѣла пѣсенку, распѣваемую чешскими арфистами:

Szla Nanynka do zeli, do zeli,
Natarhala lupiny, lupiny;
Przyszel ku niej Pepiczek, Pepiczek,
Roztarhal jej Kosziczek, Kosziczek.
Ti, ti, ti, ti, ti, ti,
Ty to musisz platiti.

— Браво, Стефка!.. Браво!.. Bis...

Стефка поклонилась, точно актриса на сценѣ, и соскочила со стола.

Тутъ въ разныхъ концахъ большого зала начали повторять эту пѣсенку. Она особенно нравилась потому, что Pepiczek, или Юзефекъ, это было имя ассистента Фразеля, — самъ опрокинулъ корзинку, а дѣвушка Nanynka должна была уплатить. Работницы почти хоромъ повторяли послѣднія двѣ строфы пѣсни.

При шуткахъ и остротахъ онѣ не забыли, однако, что этотъ нѣмецъ изъ Богеміи отравляетъ имъ жизнь, и вдругъ загремѣлъ краковякъ:

Przyjechal z harfa, sztuki pokazywat,
A teraz pies szwabski bedzie zakazywat [1]).

Это былъ такой ясный намекъ на фабричную администрацію, которая почти вся состояла изъ нѣмцевъ, что курьеръ, имѣвшій непосредственное касательство къ администраціи, почувствовалъ себя задѣтымъ и грозно крикнулъ:

— Молчать! Нельзя оскорблять администрацію!

Этотъ окрикъ вызвалъ веселый смѣхъ, и одна изъ работницъ крикнула:

— Панъ Каспаръ, идите лучше медъ пить!

Извѣстно было, что курьеръ большой охотникъ выпить стаканчикъ меду. Поэтому всѣ расхохотались, и онъ опять крикнулъ:

— Молчать! Здѣсь не кабакъ!

Въ это время гдѣ-то въ углу зала вновь раздался краковякъ:

Chlebem tylko zyje, miodek chetnie pije [2]),
A w mundurze chodzi, wodka sluzbe slodzi.

Это было ужъ слишкомъ много, и Касперъ крикнулъ:

— Я сейчасъ пойду къ господину инспектору, проучу я васъ!

— Поторопитесь, а то онъ съ арфой уйдетъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

---

[1]) Пріѣхалъ съ арфой фокусы показывать,
А теперь песъ швабскій будетъ намъ приказывать.

[2]) Хлѣбомъ онъ однимъ живетъ, медъ охотно попиваетъ,
Онъ въ мундирѣ ходитъ, водкой службу услаждаетъ.

Обиженный курьеръ медленнымъ шагомъ направился къ дверямъ. Работницы загородили ему путь:

— Панъ Каспаръ, это вѣдь шутка!

— Хороши шутки! — сморщилъ онъ брови, подражая инспектору.—Высмѣивать администрацію, не обращать вниманія на призывъ къ порядку!

— Да вѣдь это невинная забава!

— Невинная?! — крикнулъ онъ, возмущаясь. — Насмѣхаться надъ администраціей, пѣть такія глупыя пѣсенки?

— Ну, ужъ мы не будемъ, не портите намъ забавы.

— Прощаю вамъ, но это въ послѣдній разъ.

Веселая Стефка вскочила на столъ и крикнула:

— По распоряженію главнаго управленія запрещено насмѣхаться надъ фабричной администраціей...

— Вы опять начинаете,—крикнулъ Каспаръ.

— Это лишь предостереженіе,—отвѣтили ему.

Нѣкоторыя работницы, дѣйствительно убоявшись жалобы курьера, стали успокаивать расшалившихся товарокъ, и въ залѣ стало сравнительно тихо. Работницы разговаривали, болтали, какъ вдругъ тоненькій голосокъ запѣлъ пѣсенку о докторѣ. Остальныя подхватили эту пѣсенку съ большимъ увлеченіемъ, такъ какъ доктора ненавидѣли всѣ. Курьеръ задумался на минутку, является ли этотъ краковякъ обиднымъ для администраціи фабрики или нѣтъ, такъ какъ докторъ вѣдь не является настоящимъ служащимъ, не имѣетъ дѣлъ ни съ сигарами, ни съ папиросами, слѣдовательно, не управляетъ.

Однако, совѣсть ему подсказала, что докторъ—персона высшаго ранга, и, подавляя свою раздражительность, онъ выругался про себя, прибавивъ:

— Вотъ шельмы... комедіантки!

Среди работницъ были и такія, которыя говорили:

— Супъ былъ скверный, но хорошо то, что мы можемъ вмѣстѣ поговорить, потолковать о своей недолѣ, вѣдь мы изъ разныхъ заловъ.

— Это вѣрно,—говорили другія,—но мы ничего не подѣлаемъ: накричатъ, оштрафуютъ и, наконецъ, выгонятъ.

— Не такъ ужъ это легко,—держались бы мы только другъ за друга.

— Держись за какую-нибудь Марцинову, которая кормитъ съ фабрики мужа и троихъ дѣтей, — разсмѣялась ея сосѣдка, или за какую-нибудь Михалову, которая имѣетъ еще и внуковъ на своей спинѣ.

— Однако, запишемся на общій супъ, попробуемъ недѣлю.

И онѣ добились того, что большинство работницъ, не столько благодаря ихъ уговариваніямъ, сколько довольныя

товарищескимъ весельемъ, обѣщало записаться на супъ. Онѣ пошли работать, разсказывая шопотомъ о штукахъ Стефки, о насмѣшкахъ надъ администраціей, о краковякахъ, и это такъ понравилось, что на завтрашній супъ записалось гораздо больше работницъ, чѣмъ въ первый день.

Однако, на другой день служащій въ теченіе всего послѣобѣденнаго перерыва не оставлялъ столовой, что, понятно, сильно стѣсняло работницъ, которыя протестовали вслухъ:

— Послѣ работы мы свободны! Надсмотрщикъ здѣсь лишній!

— Стерегутъ насъ, точно въ тюрьмѣ! Излишняя заботливость!

Служащій притворялся, будто не слышитъ и, выкуривая сигару за сигарой, спокойно расхаживалъ по залу. Это раздражало работницъ, и онѣ были довольны, когда одна изъ нихъ въ углу запѣла:

Na wysokiej gorze bialy kogut pieje,
Dziewczgtom fabrycznym zawsze slie siel dzieje
I tak zle sie dziato i zte nie ustanie,
Poki sio nad nami nie zlitujesz Panie [1]).

Представитель администраціи внимательно прислушивался къ словамъ пѣсенки, которую подхватили и другія работницы, а когда пѣніе кончилось, серьезно сказалъ:

— Только тѣмъ плохо, которыя не слушаются администраціи... Вы получаете плату, обѣдъ, доктора, аптеку... Я знаю, чего вамъ хочется. Вы бы хотѣли, чтобъ вамъ платили за то время, когда вы шляетесь на улицахъ,—сказалъ онъ, иронически улыбаясь.

— Подлая ложь!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Кто осмѣлился сказать?..—крикнулъ онъ, побагровѣвъ.

· Правду? — подхватилъ кто-то, вызвавъ общій хохотъ.

— Тише! Молчать!—приказалъ онъ.

— Тутъ не залъ! Убирайтесь, пожалуйста!

Онъ продолжалъ молча ходить по залу, пока кто-то не запѣлъ:

Na Krakowska ziemie, na Krakowskie tany.
Zjechäti ze psami cztery obce pany.
Kazdy z nich wymyslal kobietom, dziewczetom,
Ktoz im dopomoze biednym niebozetom [2]).

---

[1]) На высокой горѣ бѣлый пѣтухъ поетъ,
Дѣвушкамъ фабричнымъ всегда плохо живется,
Такъ плохо имъ жилось, такъ плохо имъ будетъ житься,
Пока надъ ними Ты не смилостивишься, о, Господи.

[2]) На краковскую землю, на краковскія поля
Съѣхались съ собаками четыре чужихъ господина,
Каждый изъ нихъ ругаетъ женщинъ, дѣвушекъ,
Кто же имъ поможетъ, несчастнымъ бѣдняжкамъ?

То та, то другая подтягивала эту пѣсню, служащій же крикнулъ:

— Нельзя распѣвать такихъ глупостей!

Поднялся шумъ голосовъ, но громче всѣхъ раздавался голосъ Стефки:

— Скажите, пожалуйста, какія пѣсни можно пѣть?

— Какія? Ты дура! Пойте благочестивыя, богоугодныя.

— Скажите, пожалуйста, о Вавилонѣ можно пѣть?—спросила Стефка изысканно любезно.

— Ну, понятно, о Вавилонѣ можно.

Получивъ разрѣшеніе, Стефка, а за ней и другія запѣли:

I zjawit sie smok, ten wawelski smok,
Pozart psy i pany wnet w niecaly rok.
I od tego czasu harfy juz nie graly,
Bo jedna za druga w Niemcy wedrowaly [1]).

Этотъ краковякъ вызывалъ много смѣха и веселья. Его распѣвали тѣмъ охотнѣе, что служащій кричалъ: „тише тамъ!“, хотя онъ раньше самъ далъ разрѣшеніе.

Когда шумъ немножко затихъ, служащій сердито спросилъ:

— Кто тамъ просилъ разрѣшенія?

Онъ сверкающими глазами оглядывалъ всѣхъ дѣвушекъ.

— Никто, той нѣтъ!

Онъ наугадъ обращался то къ одной, то къ другой:

— Это ты, я тебя узнаю!

— Я? У меня сто свидѣтелей, что я съ вами ни слова не сказала.

Онъ обратился къ другой, къ третьей, наконецъ, напалъ на Стефку:

— Да, это ты! Теперь я ужъ знаю навѣрное.

Стефка притворилась страшно удивленной и, говоря въ носъ, сильно растягивая слова, спросила:

— Что вы говорите? Я не хорошо слышу!

Всѣ любили Стефку и опасались, что она будетъ наказана. Но услышавъ ея отвѣтъ, онѣ облегченно вздохнули и, восторгаясь ею, смотрѣли на эту сцену, какъ на интересное зрѣлище.

— Я знаю, что это ты, я увѣренъ въ этомъ.

— Что такое? Я немного глуха.

— Эй, курьеръ! Правда, что она пѣла?

— Развѣ я знаю? Всѣ глотки драли, вѣрно, и она.

— Твое имя и фамилія?

---

[1]) И явился драконъ, вавилонскій драконъ,
Пожралъ собакъ и господъ въ неполный годъ
И съ тѣхъ поръ арфа играть перестала,
Одна за другой къ нѣмцамъ перекочевала.

Стефка какъ будто прислушивалась и немного погодя сказала:

— О, не такъ близко, я далеко живу.

Работницы еле удерживались отъ громкаго смѣха, а служащій, притворившись, что повѣрилъ, или дѣйствительно повѣривъ ея глухотѣ, прекратилъ дальнѣйшее слѣдствіе.

Супъ съ каждымъ днемъ становился хуже, что вызывало жалобы и злобу со стороны работницъ. Но еще больше ихъ озлобляли наказанія, которымъ подвергались работницы, сочинявшія и распѣвавшія неугодные администраціи краковяки.

Стефка была наказана первая. Послѣ того, какъ ассистентъ ее выругалъ и поломалъ ей папиросы, она была удалена отъ работы на три дня. Та же судьба постигла и другихъ работницъ, сочинявшихъ краковяки.

Работницы догадывались, что секретъ выдавалъ курьеръ или кто-нибудь изъ любовницъ служащихъ, и уже къ концу первой недѣли количество бравшихъ супъ значительно уменьшилось. Было, однако, около двадцати человѣкъ болѣе постоянныхъ.

Вдругъ неизвѣстно откуда разнеслась вѣсть, что служащій, назначенный для надзора за кухней, нарочно велитъ дѣлать плохой супъ, чтобы освободиться отъ мало выгоднаго занятія. Между работницами поднялся большой шумъ, и приверженцы освобожденія отъ эксплоатаціи агитировали за то, чтобы послать депутацію къ директору съ жалобой на супъ. Онѣ добились этого, и три работницы пошли къ директору.

Онъ принялъ ихъ въ своемъ кабинетѣ, сидя въ своемъ креслѣ, недоступный, чопорный, гладя бѣлой рукой свои бакенбарды. Онъ не обратилъ никакого вниманія на поклонъ депутатокъ и по-чешски спросилъ:

— Что тамъ случилось у васъ?

— Мы пришли просить господина директора приказать варить лучшій супъ... Этого ѣсть нельзя.

— Кто не хочетъ, пусть не ѣстъ его, никого не заставляютъ.

— Мы бъ хотѣли воспользоваться...—начала другая, но онъ не далъ ей кончить и, зло усмѣхаясь, спросилъ:

— Это вы трое не хотите ѣсть?

— Нѣтъ, господинъ директоръ, насъ послали всѣ работницы.

— Здѣсь не парламентъ!—крикнулъ онъ грозно.—Мнѣ депутатовъ не нужно! Каждая дѣлаетъ за себя, каждая жалуется сама! Идите себѣ, и если еще разъ кто-нибудь осмѣлится прійти ко мнѣ, какъ депутатка, я ее изъ фабрики выброшу... Понимаете?

— Понимаемъ... но это нашъ супъ...

— Каковъ былъ, таковъ и будетъ! А теперь убирайтесь, не то вамъ плохо придется!

Онѣ вышли изъ кабинета не столько запуганныя, сколько огорченныя, раздосадованныя неудачной попыткой дѣйствовать сообща. Онѣ сообщили ожидавшимъ ихъ товаркамъ о результатѣ ихъ просьбы.

Столь торжественно обѣщанная столовая еще нѣкоторое время влачила жалкое существованіе, пока безалаберность и бюрократическій формализмъ не положилъ ей конецъ: директоръ прекратилъ выдачу супа.

Въ главное управленіе администрація фабрики послала рапортъ, что, вопреки горячему желанію дирекціи, вопреки тому, что супъ всегда былъ прекрасенъ, несмотря на баснословно низкую цѣну, работницы упорно отказывались пользоваться оказаннымъ имъ благодѣяніемъ, и поэтому управленіе считаетъ себя вынужденнымъ прекратить выдачу супа.

Когда секретарь главнаго управленія прочелъ этотъ рапортъ, онъ, иронически улыбаясь, сказалъ:

— Вотъ ужъ дуры эти польскія свиньи!

VII.

День былъ морозный, но тихій, безъ вѣтра. Погода была прекрасная. Работницы, запертыя въ душныхъ залахъ, съ нетерпѣніемъ ждали пятнадцатиминутнаго перерыва послѣ девяти часовъ.

Какъ только наступила желанная минута, онѣ толпой оставили залъ. Старшія остались въ корридорѣ, а младшія побѣжали на дворъ.

Началась игра въ снѣжки, а нѣкоторыя, между ними и Стася, пробовали кататься по замерзшему рынштоку.

Стася, веселая, румянная отъ мороза и бѣготни, пустилась какъ разъ по льду, когда въ главныхъ входныхъ дверяхъ появился ассистентъ Фразель. Кутаясь въ шубу, наброшенную на плечи, онъ съ презрительной улыбкой поглядѣлъ на веселье работницъ и уже собирался по ступенькамъ сойти на дворъ, какъ вдругъ увидѣлъ свѣжее личико Стаси. Онъ остановился, испытующимъ взглядомъ окинулъ ея фигуру, бюстъ, ноги, и съ довольной улыбкой прошепталъ:

— Etwas neues und pikantes

Господинъ Фразель переживалъ какъ разъ переходный моментъ, такъ какъ его прежняя любовница ему надоѣла, и онъ пріискивалъ себѣ новую. Видъ Стаси навелъ его на

мысль возвести ее въ санъ своей любовницы и порвать съ прежней, которая, полагаясь на его протекцію, слишкомъ ужъ пренебрегала фабричными правилами.

Выходя изъ своего кабинета, который находился на второмъ этажѣ, онъ собирался поболтать со своими товарищами, работавшими въ главномъ зданіи, но Стася такъ заинтересовала его, что онъ рѣшилъ узнать, въ какомъ отдѣленіи она работаетъ.

Когда приближалось время возобновленія работы послѣ перерыва, онъ медленно шелъ по лѣстницѣ, внимательно слѣдя за проходившими мимо работницами. Онъ былъ уже на первомъ этажѣ, гдѣ выдѣлывались сигары, но вдругъ остановился, увидѣвъ Стасю, которая мимо него быстро побѣжала на второй этажъ, въ папиросное отдѣленіе.

— Значитъ, она у меня?—удивленно пробормоталъ онъ по-нѣмецки.—Какъ же я ея до сихъ поръ не замѣтилъ?

Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, небольшую комнату, освѣщенную однимъ окномъ, снялъ шубу, повѣсилъ ее на вѣшалку, стряхнулъ съ нея пыль и усѣлся въ удобномъ креслѣ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами. Онъ закурилъ папироску и сталъ думать о томъ, какимъ бы образомъ порвать съ Терезой Буракъ такъ, чтобы избѣгнуть всякихъ упрековъ и сохранить свое достоинство. Спустя короткое время онъ улыбнулся, такъ какъ способъ былъ найденъ... Она первая должна разсердиться на него, а этого достигнуть не трудно. Тереза очень небрежно относится къ работѣ. Онъ, какъ примѣрный служащій, чтобы отвести глаза другимъ работницамъ, оштрафуетъ ее, накажетъ... и конецъ... А та новая? Онъ улыбнулся и погладилъ свои рѣдкіе усы... Она сочтетъ за честь и счастье, что онъ, ассистентъ, соизволилъ обратить на нее свое вниманіе.

Онъ всталъ, вынулъ изъ шкафа поношенное пальто и, посмотрѣвшись въ зеркало, которое висѣло надъ умывальникомъ, съ видомъ самодержавнаго владыки отправился на поиски за Стасей.

Подъ его надзоромъ находились пять заловъ. Онъ шелъ медленно, волоча ногами, внимательно всматриваясь въ работавшихъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ по обѣ стороны разставленныхъ въ одну линію столовъ. Время отъ времени онъ останавливался, испытующе глядѣлъ на работницъ и шелъ дальше. Онъ миновалъ уже пятый и четвертый залы, не крича, не бракуя работы, чѣмъ не мало удивилъ и надсмотрщиковъ, и работницъ. Когда онъ вошелъ въ третій залъ и не нашелъ Стаси, онъ нахмурился и сталъ терять терпѣніе. А замѣтивъ многозначительные взгляды и улыбку

Терезы, довольно красивой, полной блондинки, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ достоинствѣ. Онъ подошелъ къ машинкѣ, при которой работала Тереза, взялъ въ руку папиросу и, держа ее надъ ладонью другой руки, сильно тряхнулъ ее.

Изъ нея высыпалось немного табаку. У него загорѣлись глаза, и онъ крикнулъ:

— Это что за работа?

Вся машинка поглядѣла на Терезу, какъ бы ища у нея защиты, а она, привыкшая къ снисходительности и къ нѣкоторой интимности, спокойно, съ едва замѣтной улыбкой сказала:

— Г-нъ ассистентъ попалъ на неудачную папироску, остальныя лучше.

— Держи языкъ, ты!—онъ вздрогнулъ, схватилъ горсть папиросъ, смялъ ихъ и бросилъ на столъ.—Я тебѣ покажу неудачныя!

Гнѣвъ ассистента на Терезу показался всѣмъ присутствующимъ столь удивительнымъ и неожиданнымъ, что почти всѣ машинки пріостановили работу. Не менѣе пораженъ былъ также и надсмотрщикъ, глядѣвшій то на ассистента, то на Терезу.

Работница, на которую прикрикнулъ ассистентъ, покраснѣла отъ злости и нанесеннаго оскорбленія. Она посмотрѣла на ассистента, сверкая глазами, и проворчала:

— Вотъ еще новость!

— Молчать! Ты себѣ слишкомъ много позволяешь, надѣясь на мою доброту! На фабрикѣ всѣ равны!

— Знаемъ мы это равенство!—улыбнулась она насмѣшливо.

— Надсмотрщикъ! — крикнулъ разсерженный ассистентъ.—За грубость не пускать ея завтра на работу!

Въ залѣ воцарилась тишина, которая раздражала ассистента. Онъ грозно крикнулъ:

— Вы—лѣнтяйки, бродяги... а вы,—обратился онъ къ надсмотрщику,—смотрите за своимъ заломъ! Онъ самый худшій!

— Слушаю-съ, г-нъ ассистентъ,—отвѣтилъ онъ покорно, кидая грозный взглядъ на залъ.

Фразель потащился въ другой залъ и, замѣтивъ, что какъ надсмотрщикъ, такъ и работницы испытываютъ страхъ передъ нимъ, почувствовалъ извѣстное удовлетвореніе, что онъ имѣетъ такую власть и возбуждаетъ такое уваженіе въ подчиненныхъ.

Ужъ болѣе милостивымъ тономъ дѣлалъ онъ тутъ и тамъ замѣчанія, выругалъ счетчицу за слишкомъ медленную работу и пошелъ въ первый залъ.

Въ залѣ было душно и жарко. Отъ табачной пыли, пота и дыханія работницъ въ воздухѣ носился непріятный запахъ, и такъ какъ печи были сильно натоплены, то многія работницы, чтобы легче дышать и свободнѣе двигаться, разстегнули блузки и бѣлыя кофточки, открывъ шею и даже часть груди.

Ассистентъ медленно прошелъ весь залъ, потомъ вернулся и сталъ контролировать каждую машинку въ отдѣльности. Раздраженный безрезультатными поисками, онъ браковалъ работу, ругался за порчу табаку и гильзъ. Вдругъ онъ за пятнадцатой машинкой увидѣлъ Стасю.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но въ этой обстановкѣ, вся поглощенная работой, она показалась ему менѣе привлекательной и красивой. Благодаря разстегнутой кофточкѣ, онъ, однако, замѣтилъ бѣлую, круглую шею, бѣлыя кружевца на рубахѣ и граціозныя движенія рукъ. Онъ подошелъ ближе и дѣловитымъ, сухимъ тономъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

Работницы пріостановили работы и молчали, не зная, къ кому относится этотъ вопросъ:

— Ну, ты, накладчица,—онъ указалъ пальцемъ на Стасю.

Послѣдняя встала съ табуретки и робко сказала:

— Жагельская.

— Ты давно здѣсь?

— Пять мѣсяцевъ.

— Г-мъ... продолжайте работу.

Всѣ пять работницъ машинки пустили въ ходъ свои привычныя руки. Ассистентъ стоялъ и своими маленькими глазками слѣдилъ не столько за работой, сколько за Стасей. Для вида, однако, онъ взялъ въ пальцы папиросу, тщательно осмотрѣлъ ее, чѣмъ вызвалъ у работницъ столь лихорадочное ожиданіе ругательствъ и упрековъ, что выпыхальщица со страху испортила двѣ гильзы, а Флорка плохо вставила мундштукъ. Обѣ торопливо и незамѣтно скрыли сдѣланныя ошибки. Имъ казалось, однако, что ассистентъ ихъ замѣтилъ, и онѣ съ яркимъ румянцемъ на лицахъ ожидали рѣзкаго выговора. Вдругъ ассистентъ крикнулъ:

— Гей, Паунель!

Надсмотрщикъ быстро подскочилъ и перепуганнымъ голосомъ пробормоталъ:

— Слушаю.

— Время отъ времени слѣдуетъ смѣнять работницъ для того, чтобы въ случаѣ нужды имѣть достаточное количество замѣстительницъ. Понялъ?

— Точно такъ, г-нъ ассистентъ.

— Изъ этой накладчицы можетъ выработаться хорошая

работница. Когда окажется разбитая машина, ты ей дашь мѣсто засовальщицы.

— Понимаю, г-нъ ассистентъ.

Стася зардѣлась отъ радости, съ благодарностью посмотрѣла на ассистента, который, ласково улыбнувшись ей, отправился въ свой кабинетъ.

Работницы, особенно болѣе молодыя, во время мгновенныхъ перерывовъ между одной и другой папиросой бросали на Стасю любопытные взоры, и въ глазахъ ихъ рисовалось нѣсколько презрительное удивленіе по поводу того, что нашелъ въ этой дѣвушкѣ ассистентъ, что онъ такъ выдѣлилъ ее. Бронка съ горькой завистью посмотрѣла на свѣжее личико своей товарки и сердито прошептала:

— Подавай скорѣй, не зѣвай!

Флорка тихо. не безъ зависти сказала:

— Тебѣ счастье.

— Не радуйся, дура, это не надолго!

Старшія работницы были совершенно равнодушны. Онѣ въ теченіе своей фабричной жизни видѣли столько неожиданныхъ возвышеній въ фаворитки и еще болѣе неожиданныхъ паденій, что подобныя вещи ихъ не удивляли.

Лишь во время обѣденнаго перерыва въ корридорѣ поднялся шумъ, точно въ ульѣ, и работницы кинулись къ переодѣвавшейся Стасѣ, чтобы внимательно разглядѣть ее.

— Ничего особеннаго! Обыкновенная дѣвушка! -- говорили онѣ, пожимая плечами.

Манька, которая, благодаря надсмотрщику, имѣла извѣстный вѣсъ во всемъ залѣ, подошла къ Стасѣ и сказала:

— Ослѣпъ этотъ ассистентъ, что ли?—она высокомѣрно размѣялась.

Къ группѣ изъ перваго зала подбѣжали работницы изъ третьяго и крикнули:

— Знаете, что у насъ случилось? Вы никогда не догадаетесь!

Всѣ наперерывъ сообщали великую новость.

— Ассистентъ выругалъ Терезку! Оштрафовалъ, изломалъ папиросы!

— Онъ себѣ нашелъ новую!—крикнула Зоська изъ перваго зала, извѣстная своей озлобленностью. — Одну отправляетъ, другую торгуетъ.

Начался смѣхъ, насмѣшки, намеки, а когда на лѣстницахъ сталкивались работницы изъ различныхъ заловъ, разговоръ становился невѣроятно шумнымъ. Стасѣ пришлось выслушать часть этихъ разговоровъ, приправленныхъ насмѣшками и злобными замѣчаніями, которыя вызывались не ревностью къ ненавидимому всѣми ассистенту, а возмуще-

ніемъ противъ несправедливости, что новая накладчица предпочтительно передъ старыми работницами получаетъ болѣе выгодную работу лишь потому, что имѣетъ красивое лицо.

Эти слова товарокъ жгли Стасю, точно удары кнута. Она сначала защищалась, оправдывалась, но, видя, что почти всѣ противъ нея, она ускорила шаги, чтобы возможно скорѣе уйти.

Лихорадочное любопытство увидѣть лицо и фигуру Стаси не улеглось и послѣ обѣда.

Пользуясь пятнадцатиминутнымъ перерывомъ послѣ трехъ часовъ, Терезка пришла въ корридоръ и, обращаясь къ Манькѣ, сказала:

— Покажи мнѣ эту новую куклу.

— Она стоитъ у третьяго шкафа... ничего интереснаго.

Къ Стасѣ подошла Терезка, еще сегодня утромъ столь уважаемая и вліятельная работница. Оглядѣвъ ее съ ногъ до головы, она сухо и громко сказала:

— Э, не долго будешь ты царствовать... такая худая и неуклюжая.

— Оставьте для себя свои замѣчанія!—сказала раздраженная Стася.

— Ишь, дерзкая!—крикнула Терезка.—Подожди, еще не держишь его...

Она бы, вѣрно, выразилась сильнѣе, но, какъ всякая восходящая звѣзда, Стася имѣла уже приверженецъ въ первомъ залѣ. Онѣ прибѣжали на помощь къ Стасѣ, крича Терезкѣ:

— Въ третій залъ! въ третій! тутъ тебѣ не мѣсто!

Терезка презрительно и высокомѣрно посмотрѣла на нихъ и, бросивши имъ „блюдолизы", спокойно ушла.

— Въ конуру! — со смѣхомъ кричали онѣ ей во слѣдъ и, обращаясь къ Стасѣ, сказали:

— Съ такой безстыдной кокеткой нужно быть рѣзкой.

Скоро перерывъ кончился, и всѣ поспѣшили къ работѣ. Была среда, и въ этотъ день заканчивалась работа и подсчитывался заработокъ за недѣлю, а съ четверга начинался новый счетъ.

VIII.

На другой день, въ четвергъ, надсмотрщикъ, согласно обычаю, передъ утренней молитвой спросилъ работницъ, нѣтъ ли гдѣ разбитой машинки. Ему отвѣтили съ трехъ сторонъ:

— У насъ... въ шестой... въ четырнадцатой... въ двадцатой.

Надсмотрщикъ, точно такъ же, какъ работницы, догадывался, что Стася будетъ пользоваться протекціей ассистента, и, желая выслужиться передъ нимъ, рѣшилъ сегодня же, въ началѣ недѣльной работы, дать Стасѣ, получавшей двѣнадцать кронъ въ недѣлю, лучшее мѣсто. Узнавъ, что въ двадцатой машинкѣ недостаетъ выпыхальщицы, онъ приказалъ:

— Эй, Жагельская перейдетъ изъ пятнадцатой машинки на двадцатую!

Этотъ внезапный скачокъ съ двѣнадцати кронъ на шестнадцать не только удивилъ, но и возмутилъ старыхъ работницъ, и въ залѣ поднялся гулъ сердитыхъ голосовъ.

— Тихо! Молчать!

— И не подумаю!—крикнулъ кто-то изъ угла.

— Гдѣ справедливость?—отозвалась другая.

— Гдѣ правда?

Ропотъ недовольства росъ, и надсмотрщикъ, желая положить ему конецъ, крикнулъ:

— Ruhe, вы, проклятыя! Теперь на молитву—и тихо!

Молитва прошла тихо, какъ всегда, но ропотъ не прекращался. Особенно одна изъ работницъ, которая уже два года ждала мѣста выпыхальщицы, огорченная новой несправедливостью, проклинала, то ругалась въ полголоса, а другія ей поддакивали.

— Бѣлева, молчать!—крикнулъ ей надсмотрщикъ.—Молчать или вонъ изъ зала!

Эти слова переполнили чашу горечи. Женщина вскочила со своей табуретки и дрожащимъ голосомъ крикнула:

— Хорошо, я иду сейчасъ, но къ г-ну ассистенту съ жалобой.

Надсмотрщикъ, привыкшій къ военной дисциплинѣ, которую онъ старался ввести и въ своемъ залѣ, крикнулъ:

— Хорошо, можешь идти, но ты раньше должна заявить, въ чемъ дѣло.

— Заявить?—спросила она съ горькой улыбкой.—Развѣ господинъ надсмотрщикъ не знаетъ, въ чемъ дѣло? Уже два года, какъ я здѣсь работаю, а сегодня вы даете мѣсто выпыхальщицы—дѣвчонкѣ, которая работаетъ здѣсь только пять мѣсяцевъ.

— Г-нъ ассистентъ велѣлъ ее на пробу.

— Мы всѣ слышали, онъ ясно сказалъ: „Дать ее въ засовальщицы“...—возмутилась она,—не правда ли?—обратилась она ко всему залу.

— Вѣрно! Вѣрно! И это несправедливо!

— А я хочу назначить ее въ выпыхальщицы,—высокомѣрно заявилъ онъ,—если хочешь, иди, жалуйся.

Онъ полагалъ, что женщина раздумаетъ, но она вышла изъ зала. Всѣ съ любопытствомъ ждали, не зайдетъ ли какъ разъ въ это время ассистентъ. Стася, обрадовавшись мѣсту выпыхальщицы, которое увеличивало ея доходы на четыре кроны, время отъ времени съ нѣкоторой тревогой смотрѣла на дверь. Скоро вернулась Бѣлева и съ оттѣнкомъ торжества сказала:

— Сейчасъ г-нъ ассистентъ придетъ произвести слѣдствіе.

Эти слова обезпокоили и Стасю, и надсмотрщика. Особенно послѣдній опасался, не переусердствовалъ ли онъ.

Наконецъ, открылись двери, и въ нихъ показался ассистентъ. Со скучающимъ, кислымъ лицомъ онъ остановился посреди зала и спросилъ:

— Что тутъ за безпорядки у васъ?

— Согласно приказанію г-на ассистента, я сегодня, когда оказались три разбитыхъ машинки, смѣнилъ работницъ.

— Хорошо... а на что же жалуется Бѣлева?

— Ей хотѣлось стать выпыхальщицей, а я это мѣсто далъ Жагельской.

Ассистентъ притворился, а, можетъ, въ самомъ дѣлѣ забылъ, кто такая Жагельская, и спросилъ:

— При какой машинкѣ?

— При двадцатой.

Ассистентъ подошелъ, посмотрѣлъ на раскраснѣвшуюся отъ волненія Стасю и сказалъ:

— Вы хорошо сдѣлали... Это—проба, а ты Бѣлева, ступай на мѣсто.

— Когда г-нъ ассистентъ...

— Молчать!..

— Я ужъ два года работаю подавальщицей...

— Держи языкъ, а то оштрафую!

Бѣлева, ворча и съ ненавистью глядя на Стасю, пошла на свое мѣсто, а товарки утѣшали ее шопотомъ.

— Не волнуйтесь, пожалѣйте здоровье, тутъ справедливости не найдете.

— Я это знаю, но есть же сердце у человѣка... болитъ оно...

— Да не только у васъ...

Работа шла дальше. Двадцатая машинка была довольна новой выпыхальщицей, и машинистка Сабинка, пожилая дѣвушка со слѣдами бывшей красоты, шепнула Казѣ, своей пріятельницѣ-засовальщицѣ:

— Теперь для насъ начнется золотая жизнь, насъ и не тронутъ.

— Надо додѣлать орду, потому что идутъ праздники.

— Это правда,—подтвердила машинистка и, обратившись къ Стасѣ, сказала:—у васъ хотя протекція, но работать надо.

— Это я знаю,—проворчала Стася въ отвѣтъ.

Форма, въ которую складывали готовыя папиросы для подсчета, быстро наполнялась, и счетчица, пожилая уже женщина, состарѣвшаяся на фабрикѣ, начавъ считать и увидавъ нѣсколько нехорошо сдѣланныхъ папиросъ, сказала:

— Я не могу принять вашей орды, въ ней есть бракъ.

— Ну, бабушка,—разсмѣялась машинистка Сабинка,—пойдете, можетъ, съ доносомъ къ ассистенту, какъ Бѣлева?..

— На что мнѣ ассистентъ, есть же тутъ надсмотрщикъ.

Паунель замѣтилъ споръ и подошелъ. Онъ важно спросилъ:

— Что тутъ за крики?

— Это счетчица всякія исторіи выдумываетъ,—смѣло отвѣтила Сабинка.

— Г-нъ надсмотрщикъ, какъ же можно принять такую орду?—она показала забракованныя ею папиросы.

Надсмотрщикъ ужъ было нахмурился и раскрылъ ротъ, чтобы разразиться гнѣвомъ и проклятіями, но вдругъ замѣтилъ Стасю и, сдерживаясь, сказалъ счетчицѣ:

— Шальская, что это за скандалы? Можно выбросить одну, другую папиросу и орду принять. Смотрите, чтобъ этого больше не было. Этотъ разъ прощаю,—и, отмѣтивъ въ своей книжкѣ машинку, отошелъ.

— Счетчица много выиграла,—разсмѣялась Казя.

— Э, недолговѣчно ваше господство,—проворчала счетчица, презрительно глядя на Стасю.

— Но теперь мы господствуемъ,—разсмѣялась Сабинка.

Если бъ не Стася или, вѣрнѣе говоря, не расположеніе ассистента къ ней, машинка должна была бы передѣлать орду папиросъ и такимъ образомъ лишилась бы заработка за часъ, такъ какъ работницы получали поштучную плату.

Когда въ четверть шестого работницы оставляли фабрику, къ выходившей Стасѣ присоединились Флорка и Бронка. Стася имъ сказала:

— Мнѣ жаль, что я васъ оставила.

— А мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты вытолкнула меня!—разсмѣялась Бронка.

— Или меня,—добавила Флорка.—Скажи намъ правду, Стаська, гдѣ ты съ нимъ сошлась, намъ ты можешь сказать, вѣдь мы—твои подруги.

— И не притворяйся дурой,—прибавила рѣзко Бронка,—ты вѣдь знаешь, о комъ Флорка спрашиваетъ.

— Какъ я жажду прощенія грѣховъ на святой исповѣди,—клялась она,—я его видѣла всего только въ залѣ.

— Это странно,—проворчала Флорка.

— Э, что удивительнаго,—усмѣхнулась Бронка съ чувствомъ своего превосходства,—Терезка хотя и красивая, но капризная и надоѣла ему. Теперь онъ ищетъ другую и выбралъ себѣ Стаську.

— О, не дождаться ему!—крикнула Стаська.—Брошу фабрику и—конецъ!

— Это такъ только говорится,—вздохнула Бронка, но когда ѣсть нечего, и на твоей головѣ цѣлая семья сидитъ, какъ у меня, а тотъ тебѣ проходу не даетъ... живьемъ поѣдаетъ и каждую минуту лишаетъ заработка... что жъ тогда подѣлаешь?

— Утоплюсь, но не дамся этому паршивцу!

— Глупости ты говоришь, ты не знаешь, на что способенъ этакій... Но знаешь, Стаська, я это говорю тебѣ по дружбѣ, ты держись, не кидайся по первому его зову.

— На что мнѣ твои совѣты, когда все равно изъ этого ничего не выйдетъ?

— Говори это матери своей, жениху, а не намъ... Впрочемъ, увидимъ скоро.

— Не увидите никогда!

— Слушай, Стаська, какъ ты думаешь, почему ты вдругъ стала запыхальщицей и получаешь шестнадцать кронъ?

— Таково мое счастье, — отвѣтила она, немного колеблясь.

— Счастье?! — иронически разсмѣялась Бронка.—Увидишь, сколько наслажденій въ такомъ счастьи! Не выслужилась же ты передъ фабрикой въ пять мѣсяцевъ! Но ты молода, свѣжа,—вотъ и понравилась этому.

— Понравиться ему могла, но и только,—сказала она, нахмурившись.

— Э, что говорить съ тобой, ты только вертишься, точно собака за своимъ хвостомъ,—разсмѣялась Бронка, и такъ какъ дороги ихъ расходились, то онѣ попрощались со Стаськой.

— Она ужъ, навѣрное, сговорилась съ нимъ,—сказала Бронка.

— Эхъ, куды тамъ,—отвѣтила Флорка,—она слишкомъ глупа, чтобы притворяться... Жаль, однако, эту Стаську,—вздохнула она.

— Не она первая, не она послѣдняя,—со злостью разсмѣялась Бронка.

Въ слѣдующій понедѣльникъ ассистентъ, обходя залы, сказалъ по-нѣмецки Паунелю:

— Не приносите мнѣ сами рапортовъ, вы всегда должны быть на мѣстѣ, можете мнѣ прислать съ кѣмъ-нибудь изъ работницъ.

Надсмотрщикъ понялъ, что нужно ассистенту, и на слѣдующій же день, когда настало время послать ассистенту рапортъ, крикнулъ:

— Жагельская! Отнеси рапортъ г-ну ассистенту!

Работницы обмѣнялись многозначительными взглядами, а Стася, покраснѣвъ, сказала:

— Вы можете послать кого-нибудь другого, г-нъ надсмотрщикъ.

— Это что?—возмутился онъ.—Субординація, понимаешь? Иди, когда я приказываю.

Сабинка и Казька шептали ей:

— Иди, онъ тебя не съѣстъ.

Стася встала и, взявъ бумагу, пошла черезъ залъ. Она все время чувствовала направленные на нее взгляды и насмѣшливыя улыбки. Постучавшись въ дверь кабинета, она открыла ее и, подавая бумагу, холодно сказала:

— Г-нъ надсмотрщикъ прислалъ рапортъ.

— Хорошо... подожди.

Она остановилась около самыхъ дверей, съ любопытствомъ оглядывая маленькую комнату и думая:

— Вотъ такому хорошо, сидитъ себѣ одинъ, можетъ вздремнуть, имѣетъ умывальникъ...

— Слушай, Жагельская, ты имѣешь кавалеровъ?

— Нѣтъ, ни одного.

— Хорошо... я знаю, что ты врешь,—и, окидывая ее взоромъ, прибавилъ:—Пойди-ка сюда ко мнѣ.

Эти слова возмутили ее, но она удержалась и сказала:

— Мнѣ и тутъ хорошо.

У него засверкали глаза и онъ крикнулъ:

— Когда я говорю: пойди сюда, то должна подойти.

— Такъ говорятъ собакѣ,—отвѣтила она

— Не строй комедій, предупреждаю тебя... ты ужъ была въ нашей ваннѣ?

— Нѣтъ.

— Я тебѣ дамъ записку къ доктору, иди, выкупайся хорошенько.

Стася, которая жаждала выкупаться, охотно приняла его предложеніе и сказала:

— Если господинъ ассистентъ позволитъ, то я съ удовольствіемъ.

— Прекрасно,—и онъ написалъ нѣсколько словъ,—вотъ тебѣ... иди къ доктору, получишь номеръ ванны, потому что я хочу, чтобы ты была чистой, красивой „sleczna“.

Стася чуть не разсмѣялась, услышавъ, что она должна быть для него sleczna (прелестной), такъ какъ она не знала, что по-чешски sleczna значитъ—дѣвушка. Ассистентъ всталъ со своего кресла, подалъ ей записку и, ущипнувъ ее двумя пальцами въ свѣжую щеку, съ улыбкой сказалъ:

— Ты ничего себѣ.

Она отскочила и бросилась было къ двери, но въ эгу минуту онъ обнялъ ее и раньше, чѣмъ она успѣла опомниться, онъ ее поцѣловалъ въ щеку своими мокрыми губами, и сказалъ:

— Теперь мы друзья.

Стася открыла дверь и быстро выбѣжала въ корридоръ, возмущенная этимъ поцѣлуемъ. Она тщательно вытерла передникомъ слѣды поцѣлуя, отъ котораго ей было несказанно противно, и пошла въ свой залъ. Проходя мимо столиковъ, она чувствовала на себѣ любопытные взгляды нѣкоторыхъ папиросницъ. Она опустила глаза и хмурая, злая, сѣла у своего столика.

— Что ассистентъ?—тихо спросила Сабинка.

— Оселъ какой-то,—буркнула она.

— Это я знаю... но что дальше?

— Оставьте меня въ покоѣ съ этой обезьяной.

— Держите его хорошенько въ клѣткѣ,—разсмѣялась она,—потому что изъ выпыхальщицъ вы можете спуститься въ подавальщицы, а то и похуже.

— Мнѣ все равно,—отвѣтила она недовольно.

На слѣдующій день Стася, пользуясь перерывомъ послѣ десяти часовъ, пошла въ кабинетъ доктора. Послѣднiй былъ занятъ чисткой ногтей и, недовольный, что ему помѣшали въ этой важной работѣ, не поворачивая головы, крикнулъ:

— Чего хочешь?

— Я пришла по поводу ванны...

— За дверь ты...—онъ употребилъ нецензурное слово,—ты загрязнилась?.. заплати за баню... убирайся...

Стася, возмущенная и сердитая, рѣшила поставить на своемъ и рѣзко сказала:

— Пусть г-нъ докторъ не ругается, у меня записка отъ г-на ассистента.

Докторъ прервалъ чистку ногтей, посмотрѣлъ на стоявшую передъ нимъ дѣвушку, призналъ, что она довольно красива, но будучи какъ по темпераменту, такъ и по принципу врагомъ женщинъ, крикнулъ:

— Тише ты... держи языкъ за зубами... Давай записку.

Онъ вырвалъ изъ ея рукъ поданную записку и, бросивъ на нее взглядъ, сказалъ:

— Чортъ бери этихъ протежируемыхъ бестій... Ванны?!

не можетъ ассистентъ приказать ей дома вымыться!.. Ванны для служащихъ, не для васъ...

— Хорошо, я скажу объ этомъ г-ну ассистенту,—и она направилась къ двери.

— Подожди, обезьяна... этотъ единственный разъ я тебѣ позволю...

Онъ написалъ нѣсколько словъ и, подавая ей записку, сказалъ:

— Иди, утопись хоть.

— Я въ адъ не хочу, потому что тамъ, вѣрно, будетъ г-нъ докторъ,—разсмѣялась она, открывая дверь въ корридоръ.

— Ахъ ты, шельма!..

Онъ вскочилъ съ мѣста, но, увидѣвъ передъ собой закрытую дверь, спокойно усѣлся въ удобное кресло и со вздохомъ пробормоталъ:

— Тяжелая моя жизнь!

Онъ съ горечью думалъ о томъ, что онъ цѣлыхъ два часа, съ девяти до одиннадцати, долженъ такъ тяжело работать и изъ за жалкихъ двухсотъ кронъ переносить столько непріятностей.

Отъ этихъ печальныхъ мыслей разбудилъ его приходъ адъюнкта Глазера, который, поздоровавшись съ нимъ, сказалъ по-нѣмецки:

— Мнѣ что-то нездоровится, г-нъ докторъ.

— Что такое?

— Отрыжка у меня съ утра и языкъ обложенъ.

Говоря это, онъ открылъ ротъ, обнажая свои сгнившіе зубы, и показалъ доктору языкъ. Докторъ старательно осмотрѣлъ его, пощупалъ пульсъ и серьезно сказалъ:

— Ясно выраженное несвареніе, г-нъ адъюнктъ, что вы вчера ѣли?

— Я съѣлъ у Коша баранью печенку.

— То-то,—вздохнулъ докторъ,—вѣрно, съ капустой и картофелемъ? Я вамъ говорю, нѣтъ ничего хуже баранины, только съѣмъ—сейчасъ и болѣю.

— Но я ее люблю, г-нъ докторъ.

— Мало, что любите, нужно ѣсть только то, что переноситъ организмъ.

— Что же вы мнѣ совѣтуете, г-нъ докторъ?

— Лучше всего двѣ пилюли Морисона... Если у васъ нѣтъ при себѣ, я вамъ дамъ порошокъ... очищеную соду, этого достаточно.

— Спасибо. Что же вы были такъ хмуры, когда я зашелъ?

— Г-мъ... жаль мнѣ этого Фразѐля, совсѣмъ пропадетъ

человѣкъ съ этими проклятыми папиросницами... онѣ ему навязываются, просятъ, кокетничаютъ...

— Это правда,—согласился адъюнктъ,—но на то у человѣка характеръ, воля... а что, опять что-нибудь новое?

— Нѣтъ, старая исторія, попросилъ ванны для дѣвушки.

— Красивая?

— Г-нъ адъюнктъ, вы же знаете, я презираю все это, но эта, видно, понравилась ему, разъ онъ ее прислалъ съ запиской по поводу ванны.

— Но вѣдь это безобразіе, ванны же для насъ и только въ извѣстныхъ случаяхъ для работницъ.

— Я это знаю, но когда ассистентъ проситъ...

— Ну-ну, не ожидалъ я этого отъ Фразеля... Хорошо, что у него на недѣлю отпускъ, отдохнетъ немного.

— А кто же его замѣнитъ?

— Старый Мензикъ.

— Ну, ужъ этотъ, вѣрно, не пришлетъ ко мнѣ работницъ,— разсмѣялся докторъ, поглаживая свои крашеные усики.

— И я такъ думаю,—громко засмѣялся адъюнктъ и, спустя немного, прибавилъ:—есть у васъ свѣжая сода?

— Да,—онъ указалъ на шкафъ съ лекарствами,—немного залежалась, но я вамъ дамъ изъ своей,—и, открывъ ящикъ стола, онъ далъ ему два порошка.

— Спасибо... съ меня слѣдуетъ что-нибудь?

— Нѣтъ, это фабрика оплачиваетъ.

IX.

Велика была радость работницъ во всѣхъ залахъ, когда онѣ узнали, что капризный ассистентъ Фразель уѣхалъ въ отпускъ. Онъ уѣхалъ, правда, только на недѣлю, но онѣ рады были хоть недѣлю отдохнуть отъ ругани и проклятій. Мензикъ, лысоватый, злой старикъ, исполнялъ должность ассистента лишь формально. Онъ два раза въ день обходилъ всѣ залы. Въ старомъ, потертомъ пальто, въ поношенной барашковой шапкѣ, немного сгорбленный, съ всегда недовольнымъ лицомъ, онъ входилъ въ залъ, окидывалъ взоромъ работницъ и маленькими шажками направлялся къ надсмотрщику, спрашивая на ходу:

— Что новаго?

— Ничего, господинъ счетоводъ.

Этотъ отвѣтъ вполнѣ удовлетворялъ его, и онъ, кивнувъ головой, шелъ дальше, въ каждомъ залѣ задавая тотъ же вопросъ и получая тотъ же отвѣтъ. Онъ такимъ образомъ производилъ установленный двукратный обходъ заловъ.

При такихъ условіяхъ надсмотрщики заловъ давали полную волю своимъ симпатіямъ и антипатіямъ къ подчиненнымъ имъ работницамъ.

Паунель, помня, что Бѣлева обжаловала его передъ ассистентомъ за то, что онъ обошелъ ее при назначеніи запыхальщицы, рѣшилъ теперь показать ей свою власть, хотя ея жалоба и не имѣла никакихъ послѣдствій. Пользуясь случаемъ, что разбилась одна изъ машинокъ, онъ назначилъ ее накладчицей.

— Я не пойду,—заявила она,—это противорѣчитъ правиламъ, я—засовальщица и ею останусь.

— Субординація, проклятая!—крикнулъ онъ. — Маршъ въ накладчицы!

— Приказывайте такъ рекрутамъ, мы тутъ свободныя работницы и работаемъ поштучно.

— Языкъ за зубами, несчастная!—крикнулъ онъ, подражая ассистенту.—Ты идешь или нѣтъ?

Въ залѣ поднялся ропотъ, такъ какъ то, что сегодня приключилось съ Бѣлевой, могло завтра случиться съ другой, а вѣдь пониженіе заработка на двѣ кроны—обида не малая.

— Молчать! Ruhe! — ревѣлъ онъ. — А тебя, Бѣлева, я оштрафую.

— Смотрите только на него, еще грозитъ штрафомъ... я пойду къ господину ассистенту, развѣ на немъ креста нѣтъ, что онъ такую несправедливость допуститъ?..

— Иди, иди, да не возвращайся, — высмѣивалъ онъ женщину.

Бѣлева быстро направилась въ контору. Мензикъ, занятый работой, недовольно посмотрѣлъ на нее и съ кислымъ лицомъ спросилъ:

— Чего тамъ?

— Прошу милости и справедливости у господина ассистента...

— Я не ассистентъ,—прервалъ онъ ее, медленно цѣдя слова сквозь зубы,—а счетоводъ.

— Такъ я прошу справедливости у господина счетовода. Я ужъ два года засовальщица, а господинъ надсмотрщикъ сегодня назначилъ меня накладчицей, вѣдь я этакъ двѣ кроны въ недѣлю теряю, а у меня четверо дѣтей.

— До твоихъ дѣтей фабрикѣ дѣла нѣтъ,—сказалъ онъ тѣмъ же тономъ, — говори, чего ты хочешь, мнѣ некогда.

— Пусть надсмотрщикъ оставитъ меня засовальщицей, какъ до сихъ поръ.

— Я въ такія дѣла не вмѣшиваюсь, пріѣдетъ ассистентъ и рѣшитъ.

— Но, господинъ счетоводъ, вѣдь это несправедливо, это жъ противорѣчитъ обычаю, это можетъ засвидѣтельствовать весь залъ...

— Ступай, я самъ приду.

— Пусть Господь Богъ вознаградитъ васъ на дѣтяхъ и внукахъ,—сказала Бѣлева, растроганная.

— У меня нѣтъ дѣтей,—сказалъ онъ медленнымъ, раздосадованнымъ голосомъ,—убирайся!

Бѣлева ждала счетовода въ корридорѣ, а, когда онъ вышелъ, она пошла вслѣдъ за нимъ до самаго зала.

— Что тутъ у тебя за безпорядки? — спросилъ онъ съ кислымъ лицомъ.—Ни минуты покоя.

— У меня все по предписанію, господинъ счетоводъ,— отвѣтилъ тотъ.

— Ну, а эта женщина? — спросилъ онъ, указывая на Бѣлеву.

— Согласно приказанію господина ассистента, каждая работница должна пріучиться ко всякимъ работамъ, сегодня на долю Бѣлевой выпало мѣсто накладчицы.

— Если было такое приказаніе, то хорошо,—и, кивнувъ головой надсмотрщику, онъ повернулъ назадъ.

— Этотъ приказъ касается только новыхъ, а не насъ, старыхъ, не такъ ли?—она обратилась ко всему залу.

— Такъ! такъ!—отвѣтили ей хоромъ.

— Тихо!—крикнулъ надсмотрщикъ.

Когда все затихло, счетоводъ сказалъ:

— Пріѣдетъ господинъ ассистентъ, онъ все разсудитъ.

— А мнѣ пока убытокъ!—крикнула Бѣлева.

— Иди на мѣсто накладчицы, — приказалъ счетоводъ и ушелъ съ усталымъ и скучающимъ лицомъ.

Эту недѣлю Манька, фаворитка надсмотрщика, сильно импонировала почти вслухъ и даже ѣла булку во время работы, что строго запрещалось. И Манькѣ все это сходило съ рукъ.

Спустя недѣлю Фразель опять вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, и на его увядшемъ, желтомъ лицѣ работницы замѣтили легкій румянецъ.

Жалобу Бѣлевой онъ выслушалъ спокойно и велѣлъ надсмотрщику вернуть ее на мѣсто засовальщицы, что подняло его престижъ въ глазахъ работницъ.

Въ тотъ же день надсмотрщикъ послалъ къ нему Стасю съ рапортомъ. Увидѣвъ ее, Фразель улыбнулся и сказалъ дѣвушкѣ, остановившейся въ дверяхъ:

— Мы съ тобой познакомились, подойди ближе, къ столу.

Стася, не трогаясь съ мѣста, спросила:

— Что господинъ ассистентъ прикажетъ передать надсмотрщику?

— А, моя sleczna, ты купалась?

— Да.

— Ну, хорошо, а ты хочешь впредь остаться выпыхальщицей при машинкѣ?

— Отчего бы не хотѣть?—улыбнулась она.

— А ты знаешь, гдѣ я живу?

— Откуда мнѣ это знать?

Онъ назвалъ ей улицу и номеръ дома и закончилъ:

— Сегодня въ шесть часовъ я жду тебя у себя.

— Вы и на квартирѣ исполняете обязанности ассистента?—иронизировала она.

— Ты не шути, когда я приказываю, то должна слушаться.

— И не подумаю... приказывайте Терезкѣ.

— Я ужъ съ нею порвалъ... теперь приди ты.

— Я не пойду,—она взялась за ручку двери.

— Подожди! Постой, я тебѣ дамъ бумагу для надсмотрщика.

Онъ медленно поднялся съ кресла и, подошедши близко къ дѣвушкѣ, схватилъ ее за руки и толкнулъ въ глубь комнаты, самъ же сталъ у двери.

— Теперь ты моя!—разсмѣялся онъ.

Стася посмотрѣла кругомъ. Единственный выходъ былъ отрѣзанъ.

Возмущенная и нѣсколько напуганная, она сказала:

— Пустите меня сейчасъ же, или я подниму крикъ.

— Къ чему эти комедіи?—разсмѣялся онъ.—Я такой же, какъ и другіе... будь хорошей, и тебѣ будетъ хорошо у меня... ты будешь царствовать.

— Прошу васъ, пустите меня, я пришла сюда съ рапортомъ, а не для безобразій.

— Не будь дурой... каждая другая была бы мнѣ благодарна, а ты еще комедіи строишь... Ну что, придешь ко мнѣ?

— Пустите меня.

— Ну, если не хочешь, иди себѣ.

Онъ отошелъ отъ дверей, но когда Стася проходила мимо него, онъ подскочилъ, схватилъ ее за талію и силою усадилъ въ кресло, обѣими руками прижимая ее къ спинкѣ. Она нервно дергалась, отталкивала его руками, вырывалась, но сопротивленіе ея лишь смѣшило ассистента. Наконецъ, онъ нагнулся надъ ней и приникъ губами къ ея лицу. Стасѣ лишь съ большимъ усиліемъ удалось вырваться изъ его рукъ. Она бросилась къ дверямъ, и раньше, чѣмъ онъ

успѣлъ схватить ее, выбѣжала въ корридоръ. Вся красная, взволнованная, она вбѣжала въ залъ, и растрепанные волоса, измятое платье, усиленное дыханіе ясно свидѣтельствовали о томъ, что между нею и ассистентомъ произошло нѣчто необычайное.

Надсмотрщикъ, глядя на нее, иронически улыбнулся и спросилъ:

— Что господинъ ассистентъ сказалъ о рапортѣ?

Въ первый моментъ она хотѣла рѣзко отвѣтить, но раздумала и спокойно сказала:

— Рапортъ г-нъ ассистентъ оставилъ у себя.

Когда она усѣлась на табуретку, Сабинка сказала:

— Что произошло между вами?

— Задиралъ меня этотъ песъ бѣшеный,—отвѣтила она и лихорадочно взялась за работу.

— Надо было ему бросить что-нибудь, успокоился бы.

Онѣ бы продолжали шептаться, но ровно въ 11 часовъ старшая работница, по обыкновенію, стала читать молитву. Сабинка и Казя условились во время обѣденнаго перерыва подождать Стасю у выхода и, хотя имъ было не совсѣмъ по дорогѣ, проводить ее.

— Стася, тебѣ плохо при нашей машинкѣ?—спросила Сабинка.—Подумай только, капралъ насъ не ругаетъ, счетчица считаетъ и не бракуетъ... не правда ли?

— Все это вѣрно,—призналась Стася.

— Ты еще забыла, что мы можемъ опаздывать послѣ перерывовъ... Если бы ты хотѣла, Стаська, ты могла бы во время работы перекусить и даже сухой табакъ смочить,—прибавила Казя.

— Э, я бы на такія штуки не пошла,—возразила Стася,—вдругъ бы капралъ замѣтилъ.

— Не въ этомъ дѣло,—объясняла Сабинка,—только ты не будь дурой, держись за это добро обѣими руками.

— Я знаю, чего ты хочешь, но если бы этотъ песъ обращался такъ съ вами, какъ со мной, вы бы иначе запѣли.

— Глупости,—пожала плечами Сабинка,—ничего тебѣ не убудетъ отъ того, что онъ тебя будетъ цѣловать и обнимать, не умрешь отъ этого.

— Нѣтъ, не хочу.

— Будь же разумна, Стаська!—крикнула Казя.—Мы жъ тебя не уговариваемъ дѣлать что-нибудь дурное, ты молода, неопытна, такъ послушай старшихъ. Развѣ снѣгъ или дождикъ не бьетъ тебя по лицу? А слѣдъ остается? Поцѣлуетъ тебя... великая важность—обмоешь лицо—и кончено.

— Съ мужчинами, Стаська, надо быть хитрой,—поучала

Сабинка,—онъ хочетъ схватить всю руку, а ты дай ему только палецъ, и онъ будетъ доволенъ. Притворись, будто ты на все согласна, но тутъ одна другая, третья помѣха... ему фига, а ты свободна, на тебѣ не отомстится.. Видишь, Терезка держала его цѣлую четверть года... и она бы его до сихъ поръ держала, если бы не была такой капризницей и не возомнила бы, что ей весь міръ принадлежитъ, разъ она пользуется протекціей ассистента,—говорила Казя,—будь же ты умнѣе, намыли ему глаза, и будетъ тебѣ хорошо.

— Когда я его не выношу: у него такія холодныя руки, потныя, точно лягушки, и такой онъ весь противный.

— Кто станетъ на это обращать вниманіе?—разсмѣялась Сабинка.—Мы, какъ старшія, говоримъ тебѣ для твоего же блага... не навязывайся ему, не лѣзь ему въ глаза, но хитро, ловко...

— Знаешь, Стаська,—прибавила Казя,—если онъ на тебя разозлится, плохо будетъ тебѣ, жизнь свою проклянешь, онъ живьемъ тебя заѣстъ.

— Подумай и будь благоразумна, убѣждала Сабинка,—ты папиросница и хочешь ею остаться, такъ слушайся папиросницъ, которыя даютъ тебѣ хорошій совѣтъ.

Онѣ распрощались. Стася еле дотронулась до своего обѣда и все думала о томъ, что ей говорили Сабинка и Казя. Матери она и слова не сказала: вѣдь мать не знаетъ, что подходитъ и что не подходитъ для папиросницы.

Она увидѣла на кровати свое новое платье, которое стоило 12 кронъ, выплачиваемыхъ еженедѣльно по кронѣ. Есть, съ чего платить, потому что она много зарабатываетъ... въ домѣ достатокъ... мать поправилась... есть, чѣмъ угостить Стефана,—и все это можетъ пойти къ чорту, если она не задобритъ ассистента... Что жъ? вѣдь такая собака можетъ ее опять сдѣлать накладчицей, потомъ начнутся штрафы, урветъ день заработка, поломаетъ орду папиросъ или забракуетъ... мало ли у ассистента способовъ, если онъ захочетъ доконать?

Она вздохнула надъ своей судьбой, и, чтобъ самой хорошенько обдумать, что дѣлать, какъ поступить, она хотѣла ужъ уйти, хотя у нея еще было добрыхъ полчаса.

Вдругъ довольно энергично открылась дверь, вошла дворничиха съ сердитымъ лицомъ и, стоя на порогѣ, крикнула:

— Вашъ Ясь разбилъ стекло, вы должны сейчасъ же уплатить.

— Какое стекло? когда? гдѣ?

— Онъ на дворѣ бросилъ льдомъ въ воробьевъ и попалъ въ стекло, видѣла я и жена столяра.

— Несчастье съ этимъ мальчикомъ,—вздохнула мать,—я его еще разспрошу, можетъ, это не онъ.

— Если я вамъ говорю, значитъ, это такъ,—строго сказала дворничиха,—а вы ужъ заплатите за свою вину.

— Развѣ это я разбила?

— Э, сударыня моя, кто же отвѣчаетъ за воспитаніе дѣтей?... малый да молодой всегда глупъ, на то и мать, чтобъ не пропадалъ да не погибъ, а вы, съ позволенія сказать, что сдѣлали? Дочь на мутной водѣ, а сынъ стекла бьетъ.

Стася возмутилась этими словами и гнѣвно крикнула:

— Пани Марцинова, несуйтеноса не въ своедѣло, а если окажется, что Ясикъ разбилъ стекло, то мы заплатимъ—и конецъ.

— Хо-хо-хо-хо! какая важная стала барышня!—злобно разсмѣялась дворничиха.—Не забывайте, что я не какая-нибудь папиросница и помыкать собой никому не дамъ.

— Такъ не нападайте на людей,—рѣзко сказала мать,—я не заглядываю въ чужіе горшки и не дамъ заглядыватьвъ свои.

— Какая важная барыня, а дочь, вишь, погубила... Платите же.

— Я заплачу хозяину, а не вамъ.

— Это стекло столярши и ей надо заплатить.

— Хорошо ужъ, хорошо, — сказала Стася болѣе спокойно,— вы, мама, заплатите столяршѣ, а вы, какъ посредница, намъ не нужны.

— Ого, великая барыня, — усмѣхалась дворничиха, берясь за ручку двери, — платите столяршѣ, пожалуйста, мнѣ даже противно дотронуться до денегъ... папиросницы.

— Подлая баба,—проворчала Стася и, выходя изъ комнаты, еще разъ просила мать уплатить за разбитое стекло.

На улицѣ она опять начала обдумывать слова Сабинки и Кази. Онѣ вѣдь правду говорятъ, что не убудетъ ея, если она позволитъ себя поцѣловать: смоетъ—и конецъ... А все-таки вѣдь хорошо быть выпыхальщицей, зарабатывать столько, будто цѣлые годы на фабрикѣ работаешь. Надсмотрщикъ не надоѣдаетъ, счетчица не бракуетъ, а остальныя работницы льстятъ ей и завидуютъ. Вотъ Манька раньше носъ задирала, еле глядѣла на нее, а теперь здоровается первая и рада бы съ нею подружиться. Вѣдь и такъ, хоть она и невинна и порядочна, чего только люди о ней ни говорятъ? Марцыся не хочетъ ея знать... лакей, Францишекъ, не кланяется... жена столяра бунтуетъ Стефана... дворничиха говоритъ, что она уже погибла... Если ужъ люди такъ говорятъ и позорятъ, пусть хоть она имѣетъ что-нибудь, чтобы стоило переносить несправедливости, пусть зарабатываетъ большія деньги... А вотъ разсердится ассистентъ, у нея даже не будетъ утѣшенія, что она хорошо

зарабатываетъ, такъ какъ онъ вѣдь не ограничится тѣмъ, что будетъ ругать ее, на чемъ свѣтъ стоитъ,—посыплются на нее штрафы, и что у нея останется?..

Хорошо ей совѣтовала Сабинка, чтобы хитрить съ ассистентомъ, какъ будто она согласна, какъ будто хорошо, и водить его за носъ до тѣхъ поръ, пока ему не надоѣстъ, и онъ себѣ поищетъ другую...

Она улыбнулась этому плану, но вдругъ взглядъ ея упалъ на гладкое обручальное колечко...

А Стефанъ?.. Если бъ онъ узналъ объ этомъ, онъ бы не только разсердился, но, навѣрное, бросилъ ее...

Жаль было бы его, онъ такой добрый, милый, услужливый, онъ всѣхъ ихъ развлекаетъ по вечерамъ... Вѣдь она ему обѣщала быть порядочной...

Нѣтъ, пусть будетъ, что будетъ, но съ ассистентомъ конецъ: какъ только онъ подойдетъ къ ней, она ударитъ его и удеретъ.

Но что тогда? Ее выгонятъ изъ фабрики, и придется съ голоду помирать...

А, впрочемъ, что поцѣлуй имѣетъ общаго съ порядочностью? Самъ Стефанъ призналъ бы, что она хорошо поступила. Что жъ ей было дѣлать? Послѣ вѣнца она ему признается, что ассистентъ ее цѣловалъ, и она позволяла. Что жъ она могла сдѣлать? А если бъ разбойники напали на нее и побили ее, она была бы виновата?

Она пришла на фабрику и сѣла за работу, сама еще ясно не зная, что и какъ она сдѣлаетъ.

— Что, Стаська, образумилась?—прошептала Сабинка.

— Э, время терпитъ,—пробормотала она въ отвѣтъ.

— Не забудь, что ты намъ напакостишь ужасно,—прибавила Казя.

— Не бойтесь, ужъ какъ-нибудь уладится... я не обдумываю, я рѣшаю на мѣстѣ.

Стася съ безпокойствомъ ждала минуты, когда надсмотрщикъ пошлетъ ее съ послѣобѣденнымъ рапортомъ. Вдругъ вошелъ самъ ассистентъ.

Волоча ногами, онъ подошелъ къ надсмотрщику, взялъ рапортъ и сталъ глазами искать двадцатую машинку. Онъ подошелъ къ послѣдней, похвалилъ раскраснѣвшуюся Стасю, и направился къ слѣдующей.

— Хорошій онъ человѣкъ,—сказала Сабинка.

А Казя прибавила, глядя на Стасю:

— И хорошо намъ будетъ съ нимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Незабудки.

Изъ сырого дупла дуба вѣтвистаго
Вышелъ старый-престарый монашекъ,
Сморщенный, сгорбленный,
Умылся росою, вытерся ряскою,
Сталъ молиться на зорьку румяную.
Тутъ явился ему ангелъ Божій,
Сказалъ ангелъ сладостнымъ голосомъ:
„Послалъ меня Господь за тобою".
Посмотрѣлъ монашекъ на ангела смиренно,
Отвѣчалъ жалостливо:
„Ужъ больно мнѣ на землѣ хорошо".
„Идемъ,—сказалъ ангелъ,—въ раю лучше будетъ".
Пошелъ монашекъ за ангеломъ...
Идетъ, а изъ очей слезы катятся...
Гдѣ упали слезы, тамъ цвѣтики выросли—
Тихія, голубенькія...
И зовутъ тѣ цвѣтики незабудками.

Александръ Рославлевъ.

* * *

Мое тѣло, какъ персикъ, коса, какъ смола,
Я, какъ вѣтвь, опаленная солнцемъ, смугла
И вечерней звѣздой влажный взоръ мой горитъ—
Такъ мой милый всегда говоритъ.

Я расту и цвѣту для него одного,
Для него одного все мое волшебство,
Онъ одинъ въ моемъ сердцѣ живетъ и царитъ—
Такъ мой милый всегда говоритъ.

Въ моемъ взорѣ темно, какъ въ глубокой волнѣ.
Много тайнъ у меня, близъ меня и во мнѣ,
Лишь ему одному весь тайникъ мой открытъ—
Такъ мой милый всегда говоритъ.

И когда я умру, онъ отъ горя умретъ,
На могилѣ моей златоцвѣтъ расцвѣтетъ,
И сіяньемъ своимъ онъ мой прахъ озаритъ—
Такъ мой милый всегда говоритъ.

Роза Сассъ.

ДВА МІРА.

Романъ Корнеліи Гюигенсъ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной.

(Продолженіе).

На слѣдующее утро Меріанъ тотчасъ же послѣ завтрака пошелъ въ свою комнату, куда, какъ онъ зналъ навѣрное, долженъ былъ явиться Бертольдъ, по его собственному побужденію. Въ этомъ отношеніи онъ хорошо зналъ его, но самого его происшествіе, случившееся наканунѣ, настолько вывѣло изъ равновѣсія, что онъ цѣлый часъ еще взволнованно ходилъ по саду. Исторія эта вдвойнѣ больно задѣла его. Не говоря уже томъ, что онъ никогда не хотѣлъ имѣть Карлу своей невѣсткой, это новое испытаніе поколебало всю его вѣру въ себя. Что же въ концѣ концовъ оставалось отъ его знанія людей? Бертольдъ завязывалъ тайную, любовную связь съ дѣвушкой, занимающей въ домѣ его отца зависимое положеніе? Бертольдъ лицемѣрилъ и обманывалъ ихъ всѣхъ и... кто знаетъ, какъ давно уже! Слѣдовательно, онъ былъ не только мечтатель, но кромѣ того еще и слабымъ, ненадежнымъ человѣкомъ, онъ ни минуты не думалъ, что тутъ могли играть роль нечистыя намѣренія, но обманъ, лицемѣріе и притворство передъ всѣми членами семьи казались ему достаточно преступными. Мысль, что онъ имѣлъ полное право упрекнуть въ томъ же самомъ Карлу, которая ему такъ много обязана, совсѣмъ не пришла ему въ голову. Мѣрять тѣмъ же моральнымъ масштабомъ женщину, какъ и мужчину, онъ считалъ совершенно невозможнымъ даже въ томъ случаѣ, если она была старше его. Поэтому все его негодованіе направилось на Бертольда, котораго онъ считалъ здѣсь единственно виновной стороной.

Женѣ своей онъ и на этотъ разъ ничего не говорилъ. Всю прошлую ночь онъ провелъ въ размышленіяхъ и ясно все обдумалъ. Такъ какъ его планы не давали ему покоя,

то онъ не могъ спать и всталъ очень рано съ тяжелой головой.

Напряженно ждалъ онъ виновнаго, котораго онъ наканунѣ не удостоилъ ни однимъ взглядомъ, когда тотъ не надолго появился въ столовой и когда онъ теперь услышалъ его шаги въ пріемной и поворотъ дверной ручки, то его охватило такое чувство, какъ будто грубая рука взяла его за горло и стала его душить. Бертольдъ вошелъ блѣдный и сталъ спиною къ свѣту, около письменнаго стола, тогда какъ Маріанъ встрѣтилъ его съ перомъ въ рукѣ...

— Папа, что ты долженъ думать обо мнѣ...—вырвалось у него при видѣ этого строго натянутаго отношенія; и когда Меріанъ вмѣсто всякаго отвѣта только презрительно пожалъ плечами, онъ упалъ на стулъ и не говорилъ ни слова, пока Меріанъ, взглянувъ на него, не замѣтилъ, что онъ закрылъ лицо обѣими руками и беззвучно рыдалъ, а все тѣло его судорожно дрожало. Это было рыданіе безъ слезъ, видъ котораго производилъ тяжелое впечатлѣніе.

— „Какимъ слабымъ долженъ онъ себя чувствовать",— подумалъ Меріанъ, котораго такое поведеніе еще болѣе разстроило и который не понялъ, какъ должна быть оскорблена гордость его сына, его чувство чести однимъ сознаніемъ, что онъ явился сюда, точно преступникъ на судъ.

— Бертольдъ,—сказалъ онъ успокоивающимъ тономъ,— постараемся поговорить спокойно. Что уже разъ случилось, того нельзя измѣнить. Скажи мнѣ только одно... Ты смотришь на баронессу де-Мартиньель, какъ на свою невѣсту, не правда ли?

Бертольдъ быстро поднялъ голову, и Меріанъ увидѣлъ его разстроенное лицо.

— Разумѣется. Но я не долженъ былъ скрывать этого отъ тебя: въ этомъ я очень виноватъ.

— А какъ давно... любите вы другъ друга?

— Съ прошлаго лѣта.

— Итакъ, уже цѣлый годъ!—сказалъ отецъ саркастическимъ тономъ.

— Да, цѣлый годъ!—съ жаромъ заговорилъ Бертольдъ.— Цѣлый годъ я лгалъ, лицемѣрилъ и обманывалъ всѣхъ на каждомъ шагу. Ты не въ состояніи сдѣлать мнѣ бо́льшихъ упрековъ, чѣмъ я самъ себѣ уже дѣлалъ. Все, что бы ты мнѣ ни сказалъ, я долженъ выслушать, какъ вполнѣ заслуженное.

— Но почему же ты такъ поступилъ?—спросилъ Меріанъ мягче, такъ какъ ему казалось, что въ пылкой, упрямой страсти сына онъ снова узнавалъ свою собственную кровь.—Почему же ты тотчасъ же честно и откровенно не поговорилъ со мной?

— Это я, разумѣется, долженъ былъ бы сдѣлать... но я почти ничего не дѣлалъ прошлую зиму и потому считалъ неудобнымъ придти къ тебѣ съ помолвкой, относительно которой я боялся... что ты будешь противъ нея.

— Почему ты боялся этого?

Бертольдъ не сразу отвѣтилъ, такъ какъ ради Карлы ему снова приходилось быть неискреннимъ.

— Потому что я былъ только на первомъ курсѣ и еще не сдавалъ ни одного экзамена... Карла тоже этого боялась.

— Я надѣюсь, что мой вопросъ не покажется тебѣ нескромнымъ,—сказалъ Меріанъ съ легкой ироніей въ голосѣ,—но мнѣ хотѣлось бы знать—если ты можешь сказать правду—трудно ли тебѣ было получить ея согласіе.

— Да, невѣроятно трудно... хотя мнѣ кажется, что наша взаимная симпатія была одинаково велика съ обѣихъ сторонъ. Но благодаря своему положенію, она была такой гордой и неприступной. Она даже хотѣла уѣхать и навсегда скрыться отъ насъ, потому что считала себя слишкомъ бѣдной для меня... сначала она даже не хотѣла и слушать меня.

— Такъ,—сказалъ Меріанъ, очевидно довольный, повидимому, искреннимъ сообщеніемъ Бертольда.—Я, съ своей стороны, ничего не имѣю противъ этого брака. Карла—совершеннолѣтняя, и зависитъ только отъ себя самое, а тебѣ я даю мое согласіе.

Бертольдъ вскочилъ въ сильномъ волненіи. Чего бы онъ не ждалъ, но только... не такого быстраго рѣшенія.

— Свое согласіе?—спросилъ онъ, задыхаясь.—Если бы Карла только могла это предвидѣть!

— Что ты хочешь этимъ сказать?—быстро спросилъ отецъ.—Развѣ это она не рѣшалась выступить открыто?

Бертольдъ испугался.

— Нѣтъ, конечно нѣтъ... но вѣдь я уже обратилъ твое вниманіе на то, что ея положеніе дѣлало ее очень недовѣрчивой. Она такъ же горда, какъ и бѣдна, а ея деликатность несравненна. Такъ какъ она еще недостаточно знаетъ тебя, то она не можетъ и представить себѣ такого абсолютнаго безкорыстія съ твоей стороны. Вѣдь въ нашей средѣ очень обычное явленіе, что родители ищутъ денегъ для своихъ дѣтей. Что изъ того, что при этомъ нѣтъ взаимной симпатіи? Хорошая партія, — вродѣ того, какъ это сдѣлалъ Іоганнъ, — считается, конечно, очень благоразумнымъ шагомъ.

— Я отнюдь не буду осуждать женитьбы Іоганна,—ѣдко сказалъ Меріанъ, очень недовольный этимъ намекомъ на Іоганна, который проявилъ столько удивительнаго такта

въ жизни.—Впрочемъ, я не стану увѣрять ни самого себя, ни другихъ, что твой бракъ съ совершенно бѣдной дѣвушкой, отецъ которой сдѣлался банкротомъ, а затѣмъ лишилъ себя жизни, отнюдь не оправдываетъ моихъ ожиданій. Но у Меріана должно быть только одно слово. Кто объясняется въ любви дѣвушкѣ изъ хорошаго круга, тотъ долженъ поступать, какъ честный человѣкъ.

— Я думаю, что по отношенію ко всякой дѣвушкѣ, а также и по отношенію къ дѣвушкамъ изъ бѣднаго круга нужно поступать, какъ честный человѣкъ.

Меріанъ пожалъ плечами и не отвѣтилъ ни слова.

— Не правда ли, ты вѣдь никогда не будешь давать понять, что ты только на *этомъ* основаніи даешь свое согласіе? Ты никогда не задѣнешь этимъ ея гордости?

— Подобный вопросъ... отъ тебя... въ высшей степени удивляетъ меня,—возразилъ его отецъ такимъ тономъ, въ которомъ ясно выражалось, какъ глубоко чувствовалъ онъ себя оскорбленнымъ.—Я думаю, что ты отъ меня получилъ то имя, которое ты носишь.

— Конечно,—возразилъ Бертольдъ, гордо поднявъ голову.—Но съ третьяго дня я знаю, что мы съ тобой такъ расходимся во многихъ пунктахъ...

— Можно тебя попросить,—прервалъ его Меріанъ повелительнымъ тономъ,—не упоминать больше объ этомъ печальномъ дѣлѣ? Каждый день приноситъ достаточно своихъ мученій и поэтому мы теперь ограничимся тѣмъ, что намъ далъ нынѣшній день. Итакъ, я уже сказалъ, что даю мое согласіе на твою помолвку съ Карлой де-Мартиньель, но только подъ однимъ условіемъ...

Бертольдъ напряженно смотрѣлъ на него и ждалъ какого-нибудь разочарованія, или, по крайней мѣрѣ, временной разлуки.

— Подъ условіемъ, чтобы помолвка была тотчасъ же объявлена, и осенью вы должны обвѣнчаться.

Бертольдъ подумалъ, что онъ грезитъ. „Обвѣнчаться!"—повторилъ онъ, совершенно растерявшись.

— Да, это мое непремѣнное требованіе. Со вчерашняго дня я все зрѣло обдумалъ. Прежде всего, я принципіально противъ долгихъ помолвокъ. Затѣмъ, новыя отношенія очень затруднятъ положеніе Карлы въ этомъ домѣ... какъ для нея самой, такъ и для насъ. Хотя къ ней и относились съ большимъ вниманіемъ, но все-таки она была нѣкотораго рода гувернанткой и... такая метаморфоза будетъ очень нелегка какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. Такъ какъ у нея нѣтъ родного дома, то ее нельзя отослать на два года. Поэтому будетъ гораздо лучше, если вы тот-

часъ же приметесь за свое собственное хозяйство. Теперь, когда ты уже помолвленъ, тебѣ мало будетъ нравиться жизнь холостого человѣка, и ничего нѣтъ особенно обыкновеннаго въ томъ, что студентъ женится. Это случается не часто, но все-таки бываетъ.

Бертольдъ все еще продолжалъ изумленно смотрѣть на него.

— Но вѣдь я еще не сдѣлался ничѣмъ... На что же мы будемъ жить?

— Объ этомъ ужъ я позабочусь. Неженатый студентъ стоитъ вѣдь немногимъ меньше, чѣмъ молодое хозяйство. Эти практическіе вопросы я урегулирую уже съ твоей женой.

— Но я все еще не понимаю, почему мы не могли бы поступить иначе...—началъ онъ снова.

— Ну, теперь ужъ я не понимаю тебя!—нетерпѣливо крикнулъ его отецъ.—Это предложеніе, за которое обѣими руками схватился бы всякій влюбленный, не только не радуетъ тебя, но ты даже защищаешься отъ него, какъ будто рѣчь идетъ о твоемъ несчастіи.

— Нѣтъ, не это... Но какъ могъ я ожидать чего-либо подобнаго? Вѣдь я такъ ко всему приготовился... и потомъ, такъ сполна быть на твоемъ содержаніи!

— Ахъ, это... Твоя гордость, можетъ быть, не можетъ этого перенести? Но если ты женишься, то кто же тогда будетъ тебя содержать?

Болѣзненное выраженіе скользнуло по лицу Бертольда при ироническомъ тонѣ этого вопроса. Онъ понялъ всю несообразность своихъ возраженій, но тѣмъ не менѣе, его все-таки оскорбляла мысль, что онъ, женатымъ человѣкомъ, будетъ такимъ зависимымъ и несамостоятельнымъ, какъ ребенокъ

— Я тебѣ кажусь, можетъ быть, ужасно неблагодарнымъ, папа... прости меня, пожалуйста! Я въ самомъ дѣлѣ долженъ быть очень счастливъ, и оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ... но я просто не могъ сразу придти въ себя отъ удивленія.

— Твое удивленіе мнѣ совсѣмъ непонятно. Вѣдь совершенно невозможно же держать твою невѣсту у насъ въ домѣ еще цѣлыхъ два года, а отдать ее куда-нибудь на это время въ пансіонъ, было бы еще болѣе нелѣпо. Мое предложеніе является, дѣйствительно, самымъ простымъ и лучшимъ рѣшеніемъ вопроса. Это вѣдь сразу будетъ ясно всякому, за исключеніемъ, конечно, тебя, какъ видно.

Лицо Бертольда начало, наконецъ, проясняться. О чемъ же тутъ было, въ сущности, говорить! Во время своего одиночества онъ все равно вѣдь оставался зависимымъ,

будетъ ли онъ женатъ или нѣтъ. Разница, слѣдовательно, существовала только въ его воображеніи. Какъ глупо не радоваться отъ всего сердца! Карла—его жена... и уже такъ скоро! Трудно даже понять такое счастье!

— Я тебѣ очень благодаренъ... повѣрь мнѣ, но у меня все еще такое чувство, какъ будто бы все это не на самомъ дѣлѣ,—ты это самъ можешь понять.

— Я это понимаю,—возразилъ Меріанъ, но Бертольдъ не слышалъ въ его тонѣ уже прежней сердечности и почувствоволъ себя огорченнымъ; онъ понялъ, что между ними легла холодная тѣнь, которая не исчезнетъ, пока онъ останется вѣренъ себѣ.

— Теперь, когда мы все это выяснили,—дѣловымъ тономъ продолжалъ Меріанъ,—мы сразу разрубимъ всѣ узлы и окончательно устроимъ это дѣло. Мать еще ничего не знаетъ... я сейчасъ хочу съ ней переговорить и все обсудить, а пока я хочу доставить тебѣ удовольствіе сообщить обо всемъ твоей будущей женѣ. Потомъ я намѣренъ переговорить съ ней глазъ-на-глазъ, поэтому попроси ее зайти сегодня, въ два часа пополудни, въ мою комнату. Итакъ, все это рѣшено, не правда ли?

— Да, папа!

Бертольдъ не говорилъ больше ни слова и стоялъ, какъ человѣкъ, получающій приказанія. Рѣзкій авторитетный тонъ отца подавлялъ всякое проявленіе чувства, но душа его такъ была полна самыми различными чувствами, что онъ не зналъ въ эту минуту, что преобладало у него,—радость или горе. Ему было ясно только одно,—что онъ потерялъ то, что съ дѣтства казалось ему самымъ высшимъ, что онъ считалъ всегда чѣмъ-то священнымъ. И подъ вліяніемъ этой мысли въ немъ явилась почти женская потребность громко выплакать свое горе и разсказать, что онъ не можетъ перенести потери этой вѣры и внутренняго довѣрія къ самому себѣ.

Онъ, даже мальчикомъ, никогда не чувствовавшій потребности въ ласкахъ и нѣжностяхъ и всегда проявлявшій упрямую, замкнутую и сосредоточенную натуру своего отца, не могъ объяснить себѣ той своеобразной растроганности, которая теперь охватила его и счелъ ее за слабость.

И въ то время, какъ подобныя мысли и ощущенія, съ невѣдомой ему дотолѣ силою, охватывали его душу, онъ стоялъ холодный и неподвижный, и, получивъ послѣднее приказаніе, молча вышелъ изъ комнаты.

* * *

Меріанъ, точно побуждаемый какой-то внутренней силой къ дѣятельности и рѣшеніемъ, тотчасъ же направился къ

своей женѣ, которую засталъ въ саду, въ большой, садовой шляпѣ, занятую своими цвѣтами. И когда онъ увидѣлъ, какъ она спокойно и безмятежно занималась своимъ дѣломъ, у него мелькнула въ головѣ мысль, какъ мало человѣкъ часто чувствуетъ то несчастье, которое уже собралось надъ нимъ и съ тѣмъ большей силой готово разразиться.

— Пойдемъ со мной!—сказалъ онъ ей такимъ тономъ, что она быстро взглянула на него.—Мнѣ съ тобой надо кое-о-чемъ поговорить.

Она тотчасъ же положила свою маленькую лопатку и пошла за нимъ въ тѣнистую аллею, недалеко отъ дома.

— Что такое случилось?—озабоченно спросила она.

— Ты, вѣроятно, такъ же мало, какъ и я, замѣчала, что въ теченіе уже цѣлаго года, происходитъ... между Бертольдомъ и Карлой?

— Между Бертольдомъ и Карлой?—повторила она съ величайшимъ изумленіемъ. — Ты не хочешь же сказать, что они...

— Да... это именно я и хочу сказать.

Она всплеснула руками и взглянула на него своими голубыми, дѣтскими глазами, которые всегда видѣли только то, что имъ было пріятно.

— Въ прошломъ году они здѣсь тайно дали другъ другу слово. Вчера вечеромъ, случайно гуляя въ саду, я засталъ ихъ во время любовнаго свиданія въ бесѣдкѣ. Иначе они долго продолжали бы свою любовную игру.

— Но вѣдь это ужасно! Тогда Карла немедленно же должна уѣхать!—вскрикнула она. — Кто бы могъ предположить что-либо подобное у Бертольда!

— Тотчасъ же уѣхать было бы нелѣпостью, и... кромѣ того, это ужъ черезчуръ жестоко. Карла де-Мартильель, на мой взглядъ, все-таки,—не служанка, и почему, въ сущности, ты находишь это такимъ ужаснымъ?

— Но... вѣдь она все-таки ничто. И эта будетъ та дѣвушка, на которой долженъ жениться нашъ сынъ?

— Она, конечно, бѣдна, но, по крайней мѣрѣ, хорошаго происхожденія, а могло бы быть гораздо хуже.

— Слѣдовательно, ты согласенъ?—изумленно спросила она.

Меріанъ пожалъ плечами.

— Я, разумѣется, не буду утверждать, что этотъ бракъ вполнѣ отвѣчаетъ моему идеалу. Но мы стоимъ передъ фактомъ, котораго уже нельзя измѣнить. Бертольдъ безумно влюбленъ въ нее, а она—въ него... но при существующихъ обстоятельствахъ они не рѣшались открыться намъ. Не могу же я поступить, какъ какой-то старомодный отецъ въ мелодрамѣ. И я думаю...

Тутъ онъ помолчалъ немного. Ему совсѣмъ было бы нетрудно просто объявить свою волю женѣ, но такъ какъ онъ хотѣлъ склонить ее въ пользу своего плана, то ему нужно было вести дѣло нѣсколько болѣе дипломатично.

— Знаешь ли, что мнѣ особенно непріятно?.. Не столько самый этотъ бракъ, сколько перспектива, что Карла въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, пока Бертольдъ долженъ оставаться въ Дельфтѣ, будетъ продолжать жить у насъ въ домѣ, какъ наша будущая невѣстка... Тебѣ это, навѣрное, тоже непріятно?

— Разумѣется!—отъ всей души воскликнула его жена.—Прежде всего, она все-таки была только гувернанткой Бэби, а тутъ вдругъ—такая перемѣна... Это же, рѣшительно, невозможно!

— Конечно, я тоже вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе, что это было бы невозможно.

— Она могла бы въ концѣ концовъ поѣхать въ Брюссель къ Кордуро,—поспѣшно замѣтила она.—И кто знаетъ... можетъ быть, эта дурацкая любовь тогда прошла бы!

— Я не нахожу, Іоганна,—сердито возразилъ ея мужъ,—чтобы мы имѣли право говорить здѣсь больше о дурацкой любви, чѣмъ и во всякомъ другомъ случаѣ.

— А я нахожу, — возразила она въ порывѣ внезапнаго возмущенія и уже краснѣя отъ ужаса передъ такой своей смѣлостью. — Я считаю это ребячествомъ со стороны Бертольда... и притомъ она на полтора года старше его.

— Я не считаю это ребячествомъ!—сказалъ онъ такимъ тономъ, который устранялъ возможность всякихъ дальнѣйшихъ противорѣчій. Карла принадлежитъ къ тѣмъ дѣвушкамъ, которыя легко могутъ свести съ ума мужчину. Въ мое время тоже самое, навѣрное, случилось бы и со мной. Можетъ быть, съ моей стороны было неосторожно подвергать нашихъ мальчиковъ такой опасности. За Іоганна я вначалѣ очень боялся... но о Бертольдѣ я почему-то ни минуты не думалъ.

— Я тоже нѣтъ... и я никогда ничего не замѣчала...

Меріанъ улыбнулся. Чтобы его жена замѣтила что-нибудь, чего онъ самъ не подозрѣвалъ, было слишкомъ ужъ невѣроятно.

— Но тѣмъ не менѣе, это—фактъ,—сказалъ онъ спокойно,—фактъ, котораго нельзя измѣнить.

Госпожа Меріанъ рѣдко сердилась, но на этотъ разъ ей трудно было подавить свою досаду; ее особенно раздражала уступчивость ея обыкновенно такого строгаго супруга, которой она совсѣмъ не могла понять. Если бы онъ предложилъ самыя суровыя мѣры для того, чтобы разлучить

молодую пару, она немедленно же одобрила бы ихъ. Она была кротка и довольно добра, но только въ тѣсномъ кругу своихъ мыслей и чувствъ. Ей казалось неслыханнымъ, чтобы бѣдная дѣвушка, на которую она столько времени смотрѣла, какъ на свою подчиненную, была вдругъ возведена въ положеніе ея невѣстки. Въ ней снова поднялось ея старое, никогда окончательно не исчезавшее недовѣріе.

— А можетъ быть, она смотритъ на нашего мальчика, какъ на удобное средство устроиться!—высказала она свою мысль.

— Это подозрѣніе я считаю очень некрасивымъ,—рѣзко возразилъ ея мужъ.—Такъ можно оскорбить всякую дѣвушку, которая имѣла несчастье разориться. И какъ разъ именно лица ея пола проявляютъ обыкновенно особенную жестокость. Во всякомъ другомъ случаѣ тебѣ не пришло бы въ голову что-нибудь дурное. Я во всякомъ случаѣ не раздѣляю этого опасенія и ставлю Бертольда достаточно высоко, чтобы считать, что его можетъ любить дѣвушка и ради него самого.

Госпожа Меріанъ увидѣла, что онъ разсердился, и не сказала больше ни слова.

— Но перейдемъ теперь къ самому дѣлу... При существующихъ обстоятельствахъ намъ невозможно больше держать Карлу у себя въ домѣ. Поэтому я стою за то, чтобы помолвка была объявлена какъ можно скорѣе и осенью была бы уже свадьба.

— Тебѣ, можетъ быть, покажется это страннымъ въ первую минуту,—продолжалъ онъ тотчасъ же дальше, чтобы не слышать больше никакихъ возраженій,—но я очень долго думалъ объ этомъ, и это, дѣйствительно, самый лучшій или, скорѣе, единственно разумный выходъ. Будетъ ли онъ жить въ меблированныхъ комнатахъ или въ своей собственной квартирѣ,—въ этомъ, собственно, нѣтъ никакой разницы, и женитьба студента не представляетъ уже больше ничего особеннаго.

Его жена была сначала такъ изумлена, что не находила словъ для отвѣта. Къ тому же она достаточно знала своего мужа, чтобы понять, что онъ стоитъ, по обыкновенію, передъ неизмѣннымъ рѣшеніемъ. И это обстоятельство не только не вызвало сопротивленія, но заставило ее согласиться съ его планомъ. Она была твердо убѣждена въ его превосходствѣ надъ ней во всѣхъ отношеніяхъ, и если онъ даже поступалъ совершенно противоположно ея желаніямъ, то она всегда готова была добровольно подчиниться ему. Такъ было и на этотъ разъ. Правда, ей было еще какъ-то не по себѣ, когда онъ сталъ ей разсказывать подробности своего плана, но такъ какъ его воля подчиняла ее ему, то сопро-

тивленіе ея было сломлено, и она стала находить даже свѣтлыя стороны въ новомъ положеніи.

— Я уже часто задумывалась о томъ, что намъ дѣлать съ Карлой впослѣдствіи... когда Бэби выйдетъ замужъ.

— Я тоже. Просто отказать ей врядъ ли было бы удобно. Я уже думалъ о томъ, что придется столковаться съ Кордуро... но теперь это все само по себѣ отпадаетъ.

— Кто бы могъ подумать, что они такъ подойдутъ другъ къ другу!—замѣтила она, немного помолчавъ.—Она—такое чисто-французское, кокетливое и легкомысленное созданіе, и онъ—съ своимъ серьезнымъ, задумчивымъ характеромъ!

— Здѣсь какъ разъ оправдывается пословица: „les extremes se touchent!“ Впрочемъ, ты не должна считать Карлу легкомысленной: Мы, голландцы, очень легко смѣшиваемъ внѣшнее изящество съ легкомысліемъ. Она въ высшей степени обладаетъ тѣмъ практическимъ смысломъ, котораго совсѣмъ нѣтъ у Бертольда. Бѣдный юноша готовъ цѣликомъ уйти въ свою вѣру и какъ разъ въ этомъ отношеніи наше рѣшеніе благопріятно повліяетъ на него.

— Въ свою вѣру?.. Что ты хочешь этимъ сказать? Я считала его совершенно невѣрующимъ.

— Хотя онъ и не вѣритъ въ церковные догматы, но, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ много вѣритъ въ другія вещи; и, можетъ быть, такая женщина, какъ Карла, которая, конечно, будетъ имѣть большую власть надъ нимъ, вылечитъ его отъ этого.

— Вѣритъ въ другія вещи... — удивленно повторила она.—Въ какія же?

Меріанъ подумалъ съ минуту. Говорить ли ей подробнѣе, въ чемъ дѣло? Пойметъ ли она это? Можетъ быть, пойметъ. Во всякомъ случаѣ, настолько ей будетъ ясно, что она, навѣрное, дастъ свое согласіе на бракъ.

— Ну, онъ теперь, не болѣе, не менѣе, какъ на самомъ прямомъ пути, чтобы потерять свою репутацію въ глазахъ всякаго разумнаго человѣка и совершенно погубить свою будущность. Онъ сошелся съ соціалистами.

— Что ты говоришь... съ соціалистами!—воскликнула въ страшномъ испугѣ госпожа Меріанъ, и передъ ея умственнымъ взоромъ тотчасъ же встали призраки бомбистовъ и всякихъ уличныхъ столкновеній.—Но это же невозможно... Бертольдъ, нашъ Бертольдъ!

— Это не только возможно, но это уже фактъ. Онъ даже незадолго до своего пріѣзда сюда принялъ участіе въ одномъ пропагандистскомъ путешествіи во Фрисландію,—такъ называютъ эти люди свои бунтовщическіе объѣзды,—

и притомъ, въ обществѣ одного изъ самыхъ злостныхъ революціонеровъ... Марталиса, о которомъ ты, навѣрное, уже слышала.

— Бертольдъ путешествовалъ съ подобной личностью! Но въ такомъ случаѣ онъ прямо съ ума сошелъ! И откуда ты это узналъ, если онъ скрывается отъ насъ?

— Я узналъ это изъ одного ихъ тѣхъ грязныхъ листковъ, которыхъ я обыкновенно никогда не читаю. Мнѣ прислалъ его Меннерсъ, котораго, какъ тебѣ извѣстно, я уволилъ за его соціалистическія теоріи. Ничего не подозрѣвая, я раскрылъ номеръ и тамъ, въ заглавіи одного отчета, крупными буквами было напечатано: „Меріанъ въ Шотервемѣ". Онъ тамъ сказалъ нѣсколько словъ въ народномъ собраніи, и они тотчасъ же воспользовались случаемъ, чтобы напечатать наше имя въ своихъ газетахъ. Можешь себѣ представить, каково у меня было на душѣ.

— Что же съ нимъ случилось?—въ отчаяніи воскликнула госпожа Меріанъ.—Что довело его до того, что онъ опозорилъ себя и насъ?

— Я тебѣ уже сказалъ вѣдь что онъ началъ фантазировать... онъ мечтаетъ о счастьѣ народа и о равенствѣ. Онъ думаетъ, что всѣ люди будутъ равны... и не будетъ больше ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Деньги и имущество будутъ раздѣлены и всѣ будутъ пользоваться одинаковой роскошью, жить въ прекрасныхъ домахъ и имѣніяхъ. И онъ намѣренъ теперь присоединиться къ тому обществу, которое уже много лѣтъ кричитъ объ этомъ со всѣхъ крышъ,—однимъ словомъ, онъ хочетъ сдѣлаться соціалистомъ.

Слушая эти разъясненія, госпожа Меріанъ становилась все блѣднѣе и блѣднѣе и, наконецъ, расплакалась. Столько ударовъ сразу нервы ея не могли выдержать.

— Ты, навѣрное, примешь мѣры,—горько рыдала она,— чтобы запретить ему заниматься подобными вещами!

— Запрещеніе тутъ не поможетъ, но вызоветъ какъ разъ обратное. Но ты не смотри на это такъ трагически, Іоганна. Я теперь сильно надѣюсь, что, поступая обдуманно и съ тактомъ, мы уничтожимъ у него всѣ эти роковыя склонности; и никто намъ въ этомъ не можетъ лучше помочь, какъ его будущая жена, которая уже, во всякомъ случаѣ, не раздѣляетъ этихъ стремленій. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, подозрѣваетъ ли она хоть что-нибудь у него въ этомъ отношеніи... и это я сейчасъ же постараюсь выяснить. Понимаешь ты теперь, что женитьба, при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ быть для него просто спасеніемъ. Его женушка живо вылечитъ его отъ этой глупости.

— Но одно я хочу еще прибавить, милое дитя, потому

что иначе ты составишь себѣ совершенно неправильное представленіе. То, къ чему стремится Бертольдъ, безусловно прекрасно и благородно, но именно потому оно и неосуществимо, и на этомъ основаніи такихъ людей называютъ фантазерами и утопистами.

— Но вѣдь соціалисты всегда устраиваютъ такія ужасныя вещи,—возразила она, удивленно поднимая на него свои заплаканные глаза.

— Ты говоришь о томъ, что они бунтуютъ народъ и вызываютъ уличныя столкновенія... причемъ они, по ихъ словамъ, тоже преслѣдуютъ благородныя цѣли. Къ несчастью, нашъ бѣдный мальчикъ усвоилъ себѣ только прекрасный, но недостижимый принципъ... тогда какъ сторонники этого принципа являются авантюристами и политическими паразитами, желающими воспользоваться народомъ, только какъ средствомъ для удовлетворенія своего честолюбія. Я старался спокойно говорить съ нимъ, но тщетно,—теперь всѣ мои надежды направлены на вліяніе Карлы. Впрочемъ, я долженъ признаться, что Бертольдъ сильно разочаровалъ меня. Я считалъ его, несмотря на его молодость, желѣзнымъ характеромъ, и вдругъ онъ оказывается такимъ слабымъ и нервнымъ и, какъ женщина, впечатлительнымъ къ самымъ мимолетнымъ ощущеніямъ. Кто могъ бы это только подумать!

Въ голосѣ Меріана звучала глубокая скорбь, когда онъ въ первый разъ словами высказалъ свое горе. Черты лица его какъ-то ввалились, и вся его могучая фигура согнулась подъ тяжелымъ бременемъ, которое такъ неожиданно легло на его плечи.

Госпожа Меріанъ замѣтила его тяжелое состояніе духа и сразу поняла, чего стоила ему исторія. Его собственное настроеніе сдѣлалось, благодаря этому, спокойнѣе. Такъ какъ онъ самъ былъ такъ проникнутъ важностью дѣла, то ему, навѣрное, удастся все привести въ самый лучшій видъ, какъ это обыкновенно всегда бывало. Она не только безусловно довѣряла ему, но и приписывала ему какую-то исключительную силу въ борьбѣ со всѣми трудностями жизни.

— Разъ уже дѣло такъ обстоитъ съ нимъ, то, конечно, лучше всего, если онъ женится,—сказала она, снова приходя въ свое обычное, веселое настроеніе.—Когда ты думаешь поговорить съ Карлой?

— Сегодня же. Я далъ ей уже знать черезъ него, что я жду ее въ два часа въ моей комнатѣ. Къ завтраку она, навѣрное, не выйдетъ. И я хотѣлъ тебѣ еще сказать, Іоганна, что очень важно, чтобы ты не говорила съ нимъ

о томъ, что я разсказалъ тебѣ объ его фантазіяхъ. Лучше всего совершенно замолчать это дѣло. Такимъ образомъ, оно скорѣе всего потеряетъ свою привлекательность для него. Съ больнымъ вѣдь никогда не нужно говорить объ его страданіяхъ, но нужно, по возможности, отвлекать отъ нихъ его вниманіе. Держи себя, слѣдовательно, такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Да и теперь, въ первое время послѣ объявленія ихъ помолвки, у него будетъ достаточно отвлеченій для его мыслей.

Онъ взглянулъ на свои часы. Было уже половина перваго, слѣдовательно, какъ разъ время завтрака. Госпожа Меріанъ поспѣшила въ домъ, и онъ медленно послѣдовалъ за ней, обдумывая свой предстоящій разговоръ съ Карлой, разговоръ, отъ котораго, по его убѣжденію, такъ много зависѣло.

* * *

Когда она вошла въ комнату, онъ стоялъ у окна и тотчасъ пошелъ къ ней навстрѣчу, съ своей прирожденной учтивостью, которой онъ никогда не забывалъ по отношенію къ ней, несмотря на ея подчиненное положеніе. Со времени неожиданнаго происшествія, наканунѣ, въ саду, онъ еще не видѣлъ ея, и теперь онъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы избавить ее отъ всякаго тягостнаго впечатлѣнія.

— Карла,—сказалъ онъ, въ первый разъ ее называя этимъ именемъ и пожимая обѣ ея руки,—мнѣ очень радостно сообщить тебѣ, что выборъ нашего сына намъ всѣмъ пріятенъ.

— Благодарю васъ...—растроганно прошептала она, и вся ея изящная, стройная фигура, въ черномъ платьѣ, съ склоненной подъ тяжестью ощущеній головкой, была такъ необыкновенно мила, что отецъ Бертольда, съ не скрываемымъ удовольствіемъ и симпатіей, смотрѣлъ на нее. „Bon sang ne peut mentir! Въ тысячу разъ милѣе бѣдная аристократка, чѣмъ богатая буржуазка!“ Если въ разговорѣ съ женой онъ и выражалъ нѣкоторую досаду по поводу сложившихся отношеній, то теперь онъ уже совершенно успокоился.

— И именно потому, что мы такъ охотно называемъ тебя своей дочерью,—замѣтилъ онъ съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ,—намъ было бы гораздо пріятнѣе откровенное объясненіе... ты это можешь теперь видѣть и сама, не правда ли?

— Да, я понимаю это... и мы оба чувствуемъ себя очень виноватыми,—возразила она, еще ниже опустивъ

головку.— Простите меня, что я могла сомнѣваться въ вашемъ великодушіи, но горькія испытанія со времени моего несчастія...

— Не думай больше объ этомъ, бѣдное дитя...—быстро прервалъ онъ ее и нѣжно пожалъ ея маленькія ручки, которыя все еще держалъ въ своихъ. Потомъ онъ подвинулъ кресло, усадилъ ее, а самъ остался на ногахъ, дѣлая иногда во время разговора нѣсколько шаговъ по комнатѣ или прислоняясь къ большому книжному шкафу, тогда какъ Карла, холодно и разсчетливо, какъ всегда, спрашивала себя, что могло скрываться подъ такимъ ласковымъ пріемомъ. Она не могла повѣрить въ абсолютное безкорыстіе, и хотя она внутренно ликовала по поводу такого оборота дѣла, но тѣмъ не менѣе искала измѣны его, которая, по ея предположенію, непремѣнно должна была тутъ скрываться; предположеніе это еще болѣе укрѣпилось въ ней, благодаря торжественному началу разговора.

— Мнѣ нѣтъ надобности спрашивать тебя,—продолжалъ Меріанъ, немного помолчавъ,—любишь ли ты моего сына. Именно то обстоятельство, что онъ не обладаетъ подкупающей внѣшностью, служитъ мнѣ доказательствомъ, что ты сумѣла оцѣнить выдающіяся свойства его натуры.

— Куда онъ только это ведетъ?

— „Господи, какъ это скучно!—нетерпѣливо подумала она.—Я вѣдь хорошо знаю, что его сынъ—восьмое чудо въ свѣтѣ въ его глазахъ. Неужели онъ опять будетъ распространяться объ этомъ?“

И въ то же время она нѣсколько смущенно взглянула на него и утвердительно кивнула головой.

— И у него, въ самомъ дѣлѣ, очень доброе сердце и честная душа,—продолжалъ Меріанъ,—и въ этомъ отношеніи онъ даже склоненъ къ преувеличеніямъ. Скажи мнѣ, дитя мое,—и съ этими словами онъ подвинулъ кресло и сѣлъ близко, рядомъ съ ней, понижая свой голосъ до интимнаго шопота,—скажи мнѣ, говорилъ онъ тебѣ что-нибудь объ общественномъ строѣ?

— Нѣтъ!—совершенно искренно сказала Карла, съ изумленіемъ поднимая на него глаза. Въ постоянномъ возбужденіи послѣднихъ сутокъ она совершенно позабыла всѣ тѣ „глупости“, о которыхъ онъ ей говорилъ наканунѣ.

— Я такъ это и думалъ,—замѣтилъ онъ съ видимымъ удовлетвореніемъ.—Онъ, разумѣется, пойметъ, что не встрѣтитъ въ этомъ отношеніи никакого сочувствія у тебя.

— Въ какомъ отношеніи?—спросила Карла, все еще не понимая его.

— Ну, въ отношеніи... его соціальныхъ теорій и его пристрастія къ народу.

— Къ народу...—неодобрительно повторила она.—Онъ чувствуетъ пристрастіе къ народу? У меня, напротивъ, отвращеніе къ нему,—сказала она съ легкимъ содроганіемъ.

Меріанъ улыбнулся. Но ея слова, вмѣстѣ съ выраженіемъ какого-то ужаса, какъ они мило и наивно ни прозвучали съ ея хорошенькихъ губокъ, все-таки показались ему слишкомъ ужъ рѣзкими.

— Какъ мало она, однако, развита!—подумалъ онъ.

— Я могу представить себѣ твое чувство въ этомъ отношеніи.—Голосъ его при этомъ звучалъ кротко и поучительно, какъ съ ребенкомъ.—Но мы должны все-таки различать между народомъ и народомъ, не правда ли? Есть категорія существъ, стоящихъ на самой низшей общественной ступени, которыхъ называютъ подонками или чернью. Кромѣ того, существуютъ на свѣтѣ рабочіе, классъ людей, которые тяжелымъ трудомъ честно зарабатываютъ себѣ средства къ жизни и которые поэтому имѣютъ полное право на наше уваженіе.

— Я теперь вспоминаю, что онъ мнѣ какъ-то разъ говорилъ объ этомъ,—сказала Карла.—Онъ находитъ невѣрнымъ, что Богъ создалъ людей для того, чтобы они исполняли для насъ черную работу.

— Совершенно вѣрно! Онъ питаетъ иллюзію, что всѣ люди должны быть равны и на этомъ основаніи онъ хочетъ... присоединиться къ соціализму.

— Присоединиться къ соціализму... вы это серьезно говорите?—воскликнула Карла, привставъ отъ изумленія, такъ что ея будущій тесть долженъ былъ снова усадить ее успокоительнымъ жестомъ.

— Я думаю, милая Карла,—сказалъ онъ, снова, улыбаясь,—что ты совершенно еще не знаешь соціализма. Вѣдь ты не читаешь никакихъ газетъ и...

— Все-таки я знаю, въ чемъ дѣло,—почти съ ужасомъ прервала она.—Соціалисты—злодѣи, которые убиваютъ королей и императоровъ, бросаютъ динамитныя бомбы.

— Нѣтъ, это дѣлаютъ не соціалисты, а просто душевнобольные, которымъ мѣсто въ лечебныхъ заведеніяхъ. И,—серьезно продолжалъ Меріанъ, въ то же время внутренно сердясь на то, что ему приходится даже защищать соціалистовъ,—ты вѣдь не думаешь, чтобы человѣкъ, котораго ты любишь и котораго ты выбрала своимъ супругомъ, могъ сблизиться съ убійцами и преступниками?

Она боялась измѣнить себѣ и сильно покраснѣла.

— Поэтому-то я такъ и испугалась,—и слезы выступили у нея на глазахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты ничего въ этомъ не понимаешь,—

раздраженно замѣтилъ онъ и затѣмъ безсознательно перешелъ къ своему авторитетному тону. — Соціалистическое движеніе въ принципѣ безусловно гуманистическое или, другими словами, человѣколюбивое и благородное, такъ какъ оно стремится замѣтить лозунгъ „каждый для себя" лозунгомъ „каждый для всѣхъ". Оно стремится доставить всѣмъ людямъ на землѣ счастье и благосостояніе и уничтожить бѣдность. Понимаешь ты теперь?

— Но вѣдь это же невозможно, если Богъ уже такъ создалъ и если Онъ хочетъ, чтобы были рабочіе.

— Разумѣется, это невозможно... абсолютно невозможно,— возразилъ онъ.—Поэтому мы, практическіе люди, и называемъ ихъ мечтателями и утопистами, то есть такими людьми, которые хотятъ осуществить невозможное и недостижимое. И вотъ, нашъ Бертольдъ, побуждаемый своимъ благороднымъ сердцемъ, хотѣлъ бы сдѣлать всѣхъ людей счастливыми и, слѣдовательно, тоже сталъ такимъ утопистомъ. Теперь онъ хочетъ присоединиться къ соціалистамъ, которые не понимаютъ жизни и хотятъ устроить міръ по-своему, гдѣ все будетъ одинаково хорошо и пріятно и гдѣ всѣ люди будутъ любить другъ друга, какъ братья, такъ, какъ этому училъ Христосъ.

— Но Христосъ не могъ такъ думать, потому что Христосъ былъ собственный сынъ Бога, а Богъ создалъ міръ такъ, какъ онъ есть, съ богатыми и бѣдными!

— То есть...—сказалъ Меріанъ, настолько озадаченный подобными доказательствами, что чуть не потерялъ нить своихъ мыслей.—Ты вѣдь знаешь, не правда ли, что Христосъ училъ насъ быть добрыми по отношенію къ бѣднымъ и давать имъ много отъ нашего избытка... это именно я и хотѣлъ сказать. Соціалисты ссылаются на все, что Онъ говорилъ и, преувеличивая, по своему обыкновенію, требуютъ, чтобы мы сами сдѣлались бѣдными и отдали все, что мы имѣемъ. Ты видишь слѣдовательно,—продолжалъ онъ, уставъ отъ напряженія, котораго стоило ему приспособиться къ ея умственному уровню.—Ты видишь, слѣдовательно, что Бертольдъ одушевленъ самыми лучшими и самыми брагородными намѣреніями. При всѣмъ томъ, я, конечно, не спокоенъ за него, потому что эти мечты о невозможномъ роковымъ образомъ отзовутся на его карьерѣ и на всей его будущности.

— Разумѣется,—тотчасъ же сказала она,—потому что ни одинъ порядочный человѣкъ не станетъ имѣть никакихъ сношеній съ соціалистами.

— Но я надѣюсь удержать его отъ этихъ крайностей, которыя повели бы его по ложному пути и кто же помо-

жетъ мнѣ въ этомъ больше его жены, которая любитъ его?

Говоря это, онъ снова взялъ одну изъ ея рукъ, и этотъ твердый человѣкъ, рѣдко поддававшійся душевнымъ волненіямъ, чувствовалъ себя теперь совершенно растроганнымъ. Можетъ быть, онъ сознавалъ, что несмотря на свою желѣзную волю, онъ все-таки былъ бы безсиленъ по отношенію къ своему сыну, если бы онъ не взялъ себѣ въ союзницы это юное, слабое созданіе? Или, можетъ быть, онъ только теперь глубоко почувствовалъ потерю своего вліянія на него? Во всякомъ случаѣ, ему было очень трудно подавить свое волненіе и, навѣрное. рѣдко кто видѣлъ у него такое выраженіе лица и рѣдко кто слышалъ такой подавленный тонъ голоса, когда онъ продолжалъ:

— Ты сама поймешь, Карла, какъ дорогъ мнѣ этотъ сынъ. Онъ былъ такимъ многообѣщающимъ ребенкомъ, что я очень много ожидалъ отъ него. То, что я довѣряю тебѣ его счастье, можетъ служить доказательствомъ, какъ высоко цѣню я тебя. Ты опасалась, какъ онъ сказалъ мнѣ, что я не захочу имѣть тебя своей невѣсткой, потому что ты не имѣешь состоянія. Это опасеніе не имѣетъ основанія, потому что я придаю гораздо больше значенія рожденію, чѣмъ состоянію. *Noblesse oblige* имѣетъ для меня въ нашъ демократическій вѣкъ свое прежнее, старое значеніе. И если такая женщина, какъ ты,—которая именно потому, что она носитъ аристократическое имя, будетъ съ честью соблюдать этотъ девизъ,—если такая женщина, какъ ты, дастъ мнѣ обѣщаніе отдать всю свою женскую любовь моему мальчику, то я буду ей благодаренъ за это. Итакъ, не правда ли, дитя мое, ты сдѣлаешь это?.. Ты постараешься дать ему счастье?

Она взволновалась и безпрестанно мѣнялась въ лицѣ. Эти сердечныя слова прямо испугали ея. Противъ такого языка любви не устояла даже такая совѣсть, какъ ея, и въ глубинѣ ея души вдругъ зазвучали такія струны, существованія которыхъ она до сихъ поръ и не подозрѣвала. Что-то странное. никогда еще неиспытанное, тревожило ее теперь. Она очень слабо представляла себѣ, чего собственно ожидалъ отъ нея этотъ отецъ,—отъ нея, которая чувствовала къ Бертольду только равнодушіе, близкое къ отвращенію! Нѣсколько секундъ въ головѣ былъ какой-то хаосъ. Ее душила какая-то своеобразная потребность залиться слезами. Если бы она только могла выбѣжать изъ этой комнаты, какъ можно дальше отъ этого проникающаго ей въ душу голоса, отъ всего, что ее пугало и смущало въ одно и тоже время!

Но... этотъ своеобразный нервный припадокъ, слава Богу, скоро прошелъ. Она снова могла свободно вздохнуть, спра-

виться съ давящимъ чувствомъ въ горлѣ и снова пріобрѣсти внѣшнее спокойствіе. Еще нѣсколько секундъ она помолчала, но затѣмъ опомнилась и сказала кроткимъ голосомъ:—Да, я надѣюсь, что сдѣлаю его такимъ счастливымъ, какъ ты этого желаешь.

— Благодарю, дитя мое! при помощи любви и такта, женщина можетъ творить чудеса, но это будетъ возможно только тогда, когда вы будете соединены тѣснѣйшими узами. Поэтому я хотѣлъ бы предложить тебѣ, если ты будешь согласна, устроить свадьбу этой же осенью. Въ Дельфтѣ онъ завязалъ дурныя знакомства, и если предоставить его тамъ еще самому себѣ на два года, то я сочту тогда его погибшимъ. Онъ, конечно, уже говорилъ тебѣ объ этомъ, и надѣюсь, что ты тоже согласна.

Не поднимая глазъ, она отрицательно покачала головой, но затѣмъ медленно взглянула на него.

— Конечно, если ты считаешь это безусловно необходимымъ! Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ было бы пріятнѣе подождать, когда онъ кончитъ курсъ.

— Принимая въ соображеніе его дурныя знакомства, я считаю, во всякомъ случаѣ, гораздо лучше какъ можно скорѣе устроить свадьбу,—сказалъ Меріанъ, вставая и шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.—Женитьба, кромѣ того, заставитъ его вдвое усерднѣе работать и, въ тоже время, перенесетъ его въ другую сферу мыслей и чувствъ... Если ты позволишь дать тебѣ совѣтъ... Стараться съ возможно большей кротостью вліять на него. Прямая оппозиція не годится, такъ какъ она будетъ только укрѣплять его волю. Кротостью можно сдѣлать чрезвычайно много, если люди любятъ другъ друга.

— Я и не могу иначе,—сказала она своимъ мелодичнымъ голосомъ, думая въ тоже самое время:—Вотъ, значитъ, зачѣмъ понадобился этотъ поспѣшный бракъ! Чтобы онъ въ Дельфтѣ опять сталъ на рельсы! Для этого, слѣдовательно, и я оказалась достаточно хороша! И въ тоже время, какъ реакція противъ прежняго настроенія, на нее нашло настоящее ожесточеніе, которое подавило у ней всѣ лучшія чувства. Хотя мысли объ Іоганнѣ, за послѣднее время, у ней все болѣе отступали на задній планъ, но теперь видѣнія прошлаго, съ обольстительной живостью, встали передъ ней. Она могла бы быть теперь самой счастливой, самой уважаемой женщиной во всемъ Амстердамѣ, замужемъ за человѣкомъ, который обладалъ всѣмъ, чтобы дать ей возможность блистать въ свѣтѣ. Вмѣсто этого, она должна теперь въ маленькомъ, скучномъ городишкѣ наблюдать за полу-сумасшедшимъ чудакомъ! При этой мысли ее охватило

настоящее бѣшенство. Она считала теперь себя обманутой жертвой и уже не обращала никакого вниманія на сердечныя изліянія, которыя продолжалъ еще нѣкоторое время ея будущій тесть, пока, наконецъ, онъ не предложилъ ей идти вмѣстѣ къ госпожѣ Меріанъ, которая ожидала ихъ обоихъ. Овладѣвъ собой, она какъ будто покорно и покойно пошла за нимъ и дала себя обнять госпожѣ Меріанъ, которая безупречно держала себя; но въ душѣ ея бушевала цѣлая буря, такъ что даже поцѣлуи Бэби, которая очень обрадовалась, узнавъ необыкновенную новость, не могли смягчить ея настроенія.

Несмотря на все ея искусство казаться иной, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ,—искусство, въ которомъ она непрерывно упражнялась со времени своего несчастія, — она на этотъ разъ все-таки не обманула материнскаго инстинкта госпожи Меріанъ. Эта послѣдняя такъ сильно почувствовала въ ней что-то чуждое и враждебное, что она отступила даже отъ своей твердо усвоенной привычки замалчивать всякую свою мысль, которая расходилась съ принятымъ рѣшеніемъ ея супруга.

— Я не знаю... — говорила она, оставшись вечеромъ послѣ этого тревожнаго дня одна съ своимъ супругомъ, — я все-таки нахожу, что въ ней есть что-то холодное. Теперь, когда я начинаю на нее смотрѣть, какъ на нашу будущую невѣстку, мнѣ это замѣтно еще больше, чѣмъ прежде. Въ ней не видно никакой сердечности и естественности.

— Это — просто чисто-французская сдержанность,— возразилъ ей мужъ. — Ея воспитаніе совершенно иное, чѣмъ наше... и я того мнѣнія, что французскіе нравы относительно поведенія помолвленныхъ въ присутствіи другихъ рѣшительно заслуживаютъ предпочтенія передъ нашими.

— Я не объ этомъ хотѣла сказать... но она совсѣмъ не бываетъ откровенна, даже съ нами, хотя вѣдь мы отнеслись къ ней такъ, какъ будто бы Бертольдъ дѣлаетъ самую удачную партію.

— Ты неправильно понимаешь это; напротивъ, ея поведеніе очень корректно и, какъ разъ именно въ ея пользу говоритъ тотъ фактъ, что рѣзкій переходъ изъ ея подчиненнаго положенія въ невѣсту Бертольда не проявляется у ней внѣшнимъ образомъ.

— Ты, кажется, забываешь, что они уже цѣлый годъ втайнѣ помолвлены, и что рано или поздно она должна была ждать этого рѣшенія. Для насъ этотъ переходъ былъ гораздо болѣе непосредственнымъ, чѣмъ для нея.

— Что за несчастная женская привычка всюду находить

пятна и недостатки! — сказалъ онъ, сердито пожимая плечами. — Я буду все-таки надѣяться, милая Іоганна, что ты не намѣрена сдѣлаться злой свекровью для бѣдной дѣвушки.

Госпожа Меріанъ замолчала и готова уже была согласиться, что ея мнѣнія основаны на пустомъ воображеніи; съ этихъ поръ она рѣшила, что съ ея губъ не сорвется больше ни одного слова не въ пользы Карлы.

* * *

Слѣдующіе дни снова совершенно измѣнили настроеніе Карлы и стерли впечатлѣніе, вызванное у ней разговоромъ съ Меріаномъ. Благодаря объявленію помолвки, теперь, казалось, осуществлялись самыя смѣлыя ея мечты. Гувернантка Бэби, къ которой съ снисходительной привѣтливостью относились многіе изъ знакомыхъ Меріана, въ нѣсколько дней, точно волшебствомъ, превратилась въ невѣсту сына хозяина дома. И она сполна наслаждалась этой перемѣной, такъ какъ для нея положеніе въ свѣтѣ, проявлявшееся во внѣшнихъ условіяхъ жизни, было истиннымъ масштабомъ ея собственнаго достоинства. На этомъ основаніи она чрезвычайно повысилась и въ своихъ собственныхъ глазахъ. Съ извѣстной послѣдовательностью она не считала несправедливыми и со стороны другихъ тѣ понятія и чувства, которыя питала она сама къ людямъ, собственными силами зарабатывавшими свой хлѣбъ.

И никакая тѣнь не омрачала ея счастья, потому что и Бертольдъ не давалъ ей никакого повода къ недовольству. Совершенно погруженный въ поклоненіе ей, онъ теперь не говорилъ уже больше о народѣ и тому подобныхъ „нелѣпыхъ вещахъ“, такъ что она начала уже думать, что отецъ его слишкомъ преувеличилъ его болѣзненное состояніе.

Бертольдъ, подавленный массой противорѣчивыхъ ощущеній, съ трудомъ могъ разобраться въ своемъ счастьѣ и, въ сущности, больше грезилъ, чѣмъ жилъ. И когда онъ постепенно сталъ правильно понимать свое положеніе, общее возбужденіе его улеглось, и въ немъ такъ закипѣла юная сила жизни, какъ это никогда еще не было до сихъ поръ. Его настоящее блаженство любви и золотыя мечты о будущемъ такъ тѣсно слились для него въ одно гармоническое цѣлое, что онъ не былъ въ состояніи различить отдѣльные элементы, изъ которыхъ состояло его счастье. Его отецъ, хотя и не одобрявшій его новыхъ взглядовъ, теперь, какъ будто, все-таки помирился со всѣмъ, такъ какъ онъ больше не пытался заставить его измѣнить своимъ убѣжденіямъ

или самому себѣ. А его Карла была идеальной женщиной, бѣлокурой, кроткой Дездемоной, теперь, правда, еще ребенокъ,—но потомъ, когда благодаря ему, она сдѣлается женщиной и человѣкомъ, она, навѣрное, скоро пойметъ религію жизни такъ, какъ понималъ ее онъ самъ, будетъ смотрѣть на жизнь его собственными глазами и вмѣстѣ съ нимъ прислушиваться къ біенію пульса человѣчества на его пути къ совершенству и, подъ его руководствомъ, усвоитъ себѣ космическую идею единства, выражавшуюся въ такихъ простыхъ и великихъ словахъ: „Люби своего ближняго, какъ самого себя!“

А пока онъ наслаждался вмѣстѣ съ Карлой всѣмъ, что доставляло ей такую наивную, дѣтскую радость, устраиваемыми въ честь ея праздниками и цѣлымъ потокомъ пожеланій счастья, даже со стороны старыхъ, давно забытыхъ друзей ея родителей, — друзей, которые со времени ея несчастья не давали о себѣ никогда и признака жизни, а теперь, узнавъ объ ея помолвкѣ съ Меріаномъ, буквально засыпали ее доказательствами своей дружбы.

Вѣрная и простодушная пріятельница Карлы, госпожа Кордуро, искренно радовавшаяся ея помолвкѣ и совершенно не знавшая, въ сущности, характера Карлы, тотчасъ же попросила разрѣшенія самой позаботиться о приданомъ невѣсты и еженедѣльно приходившія изъ Брюсселя посылки приводили Карлу прямо въ восторгъ. Видъ этого счастья радовалъ также и Бертольда, такъ какъ онъ зналъ, что все это дарилось, благодаря *его* любви. Все, что было такимъ желательнымъ въ ея глазахъ,—почетъ, вниманіе, уваженіе... получала она теперь, благодаря ему, и все это банальное, свѣтское и лицемѣрное, на бездушную пустоту котораго онъ самъ смотрѣлъ прежде съ отвращеніемъ, теперь онъ почти любилъ, потому что оно доставляло ей столько радости.

Онъ любилъ это, какъ любятъ самую незначительную игрушку, которая радуетъ своего ребенка. Что должна была, думалъ онъ иногда, перестрадать именно она въ своемъ печальномъ положеніи, которое было для нея гораздо тяжелѣе, чѣмъ могло быть для всякаго самостоятельнаго, мыслящаго человѣка!

Итакъ, она не ошибалась, съ радостнымъ самоудовлетвореніемъ констатируя тотъ фактъ, что онъ совершенно ушелъ въ нее и поклонялся ей, какъ она того желала, и поэтому она нисколько не сомнѣвалась въ томъ, что такая женщина, какъ она, будетъ неограниченно господствовать надъ „этимъ добрымъ, простодушнымъ малымъ“. Когда она выйдетъ за него замужъ, то онъ все будетъ дѣлать по ея

желанію. И она невольно удивилась тактикѣ стараго Меріана, правильно понявшаго, что только *ея* вліяніе можетъ спасти его отъ завязанныхъ имъ дурныхъ знакомствъ.

Но въ общемъ она все таки не могла не смѣяться надъ его преувеличенными опасеніями, такъ какъ съ Бертольдомъ совсѣмъ не такъ ужъ плохо дѣло. Вѣдь онъ совсѣмъ уже не говоритъ больше обо всѣхъ этихъ глупостяхъ!

Она сильно взволновалась, когда Іоганнъ пришелъ ее поздравить, какъ старшій братъ. Образъ его давно уже отступилъ на задній планъ въ ея душѣ. На ея ненависть къ нему имѣло успокоительное вліяніе знакомство съ Робертомъ Кантомъ, къ которому, — какъ она выразилась про себя, — она „чувствовала серьезную склонность".

Но мало-по-малу вліяніе это ослабѣло, и старая ненависть стала снова вспыхивать по временамъ. Но, въ общемъ, она очень рѣдко видѣла Іоганна. Алида, ожидавшая первыхъ родовъ, была нездорова и сидѣла дома, а самъ онъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы часто посѣщать своихъ родителей. Онъ сдѣлался уже извѣстнымъ лицомъ въ городѣ, засѣдалъ во многихъ комиссіяхъ и управленіяхъ и особенно занимался филантропіей. Его имя уже не разъ называлось въ газетахъ, и еще недавно они напечатали длинный отчетъ объ его рѣчи, которую онъ произнесъ, какъ жертвователь и членъ правленія союза „Милосердія". Въ этой рѣчи онъ съ жаромъ указывалъ, какъ на вѣрнѣйшій признакъ моральнаго паденія, на печальное явленіе вырожденія, на постепенный упадокъ добродѣтели и моральныхъ понятій, на распространеніе невѣрія среди низшихъ классовъ народа и на недостатокъ покорности Богу, на мѣсто которой, къ сожалѣнію, всюду теперь выступаетъ духъ возмущенія противъ порядка и закона. Но съ другой стороны, и высшіе классы должны больше проникнуться истинной сущностью христіанскаго ученія, которое высшей своей заповѣдью выдвигаетъ любовь къ ближнему.

Молодой, высокоодаренный ораторъ, говорилось дальше въ отчетѣ, вызвалъ своей прочувствованной рѣчью продолжительные апплодисменты. И когда его мать, со слезами радости на глазахъ, прочла въ домашнемъ кругу этотъ пространный отчетъ, Меріанъ одобрительно кивнулъ головой, а Карла втайнѣ, подумала, какъ гордилась бы она быть женой такого человѣка, о которомъ такъ пишутъ въ большихъ и уважаемыхъ газетахъ.

А нѣсколько дней спустя онъ стоялъ передъ ней, выражая ей свое пожеланіе счастья, жалъ ей руку и смотрѣлъ ей въ глаза долгимъ прежнимъ взглядомъ, такъ, что это всю ее потрясло, на минуту у ней закружилась го-

лова и, вся блѣдная отъ волненія, она высвободила свою руку.

Но тѣмъ не менѣе въ теченіе этихъ немногихъ секундъ, когда она почувствовала надъ собой прежнюю власть, она испытывала истинное блаженство. Теперь она сдѣлается его родственницей, и эти отношенія должны снова сблизить ихъ... Сердце ея билось при одной мысли, что когда-нибудь еще разъ... и, можетъ быть, даже не одинъ разъ... она снова встрѣтитъ этотъ огонь страсти въ его глазахъ, пылающій въ ихъ сіяющей глубинѣ.

* * *

По обычаю Бертольдъ со времени своей помолвки жилъ уже не въ родительскомъ домѣ, а по близости, въ одной знакомой семьѣ.

Онъ немного удивился, встрѣтивъ тамъ однажды утромъ за завтракомъ Анну Деннерсъ. Онъ такъ озадаченно смотрѣлъ на нее, что она звонко разсмѣялась.

— Не правда ли, намъ вполнѣ удался нашъ сюрпризъ,— сказала она своей подругѣ, Маріи Вильнаръ, дочери хозяина дома.—Я могу вамъ теперь признаться,—продолжала она, обратившись къ Бертольду, что когда моя подруга написала мнѣ, что вы помолвлены и поселились у нихъ, то я попросила ее ничего не сообщать вамъ о моемъ пріѣздѣ, такъ какъ вы вѣдь не знали, что мы съ ней знакомы, а маленькая мистификація всегда интересна.

— Вы вполнѣ достигли своей цѣли, и мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, никогда не могло придти въ голову, что я встрѣчу васъ здѣсь. Когда же вы пріѣхали?

Вчера вечеромъ. Я уже наполовину спала, когда услышала, что вы вернулись ночью домой. И можете себѣ представить, откуда я ѣду?

— Не изъ дома?

— Нѣтъ, совсѣмъ не изъ дома. Ни больше, ни меньше, какъ изъ Лондона.

— Изъ Лондона... но, вѣроятно, не одна въ такомъ случаѣ?

— Совершенно одна! Не правда ли, какъ это ужасно?

Она спросила это такимъ тономъ, что Марія Вильнаръ громко расхохоталась, и Бертольдъ понялъ, что его дразнили.

— Ну, тогда мнѣ нечего и спрашивать васъ, понравилось ли вамъ путешествіе въ Лондонѣ...—сказалъ онъ, принимая чашку чая изъ рукъ хозяйки и замѣтивъ, что глубокіе глаза Анны никогда еще не сіяли такой радостью.

— Понравилось ли мнѣ оно...—повторила она съ глу-

бокимъ вздохомъ. — Я совершенно не въ состоянiи даже выразить словами, какое впечатлѣнiе на меня произвело это путешествiе въ Лондонъ. Разумѣется, это не было простой прогулкой, и я провела тамъ цѣлый мѣсяцъ... чтобы кое-съ чѣмъ познакомиться.

Затѣмъ она вдругъ оборвала этотъ разговоръ и стала говорить объ его предстоящей свадьбѣ и о своемъ желанiи поскорѣе познакомиться съ его будущей женой. А онъ освѣдомился объ ея родителяхъ, которые жили въ Киссингенѣ, гдѣ отцу ея нужно было провести курсъ леченiя. Потомъ въ разговорѣ приняли участiе старики Вильнары, и онъ сдѣлался общимъ. Когда завтракъ былъ оконченъ и Бертольдъ собрался идти домой, Анна пошла проводить его немного по дорогѣ.

— Не правда ли, какъ прiятно намъ, городскимъ людямъ, попасть въ деревню, гдѣ можно такъ цѣликомъ обмѣняться ролями?—сказала она.—Вотъ теперь, напримѣръ, я сама провожаю мужчину, тогда какъ принято дѣлать совершенно наоборотъ.

— И вы считаете очень желательнымъ подобный „обмѣнъ ролей"?—спросилъ онъ своимъ обычнымъ серьезнымъ тономъ, который снова вызвалъ въ ея глазахъ задорный огонекъ.

— Я такъ и думала, что получу должный отпоръ на свое замѣчанiе,—засмѣялась она.—Вы во многихъ отношенiяхъ еще такъ считаетесь съ условностями. Если, благодаря своимъ соцiальнымъ занятiямъ, вы теоретически и стоите за женскую эмансипацiю, то на практикѣ вы все еще остаетесь строго-консервативнымъ,—развѣ вы не чувствуете этого сами? Если бы вы только видѣли меня въ Лондонѣ, то я увѣрена, что вы просто содрогнулись бы отъ ужаса. и, можетъ быть, даже не согласились бы теперь идти со мной.

— Одно во всякомъ случаѣ лежитъ на совѣсти этого большого города... онъ сдѣлалъ нѣкую молодую даму изъ Дельфта очень коварной и насмѣшливой.—Бертольдъ при этихъ словахъ остановился и удивленно посмотрѣлъ на нее.—Лондонъ, въ самомъ дѣлѣ, очень серьезно измѣнилъ васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? это, навѣрное, гибельное влiянiе путешествiя одной, а также и всего того, что я вынесла изъ Лондона.

— Разскажите же мнѣ что-нибудь объ этомъ...—сказалъ онъ, заражаясь ея бодрой веселостью,—или, можетъ быть, это тайна.

— Вамъ, вѣроятно, придется это разсказать. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ сначала нужно набраться мужества.

— Хорошо, разскажите мнѣ тогда, какимъ образомъ вы такъ хорошо познакомились съ семействомъ Вильнаровъ, которое ужъ, навѣрное, еще болѣе „строго-консервативно", чѣмъ я?

— Я съ Маріей были школьными подругами, когда полковникъ Вильнаръ стоялъ съ гарнизономъ въ Дельфтѣ. Наши родители тоже иногда встрѣчались, хотя и рѣдко, впрочемъ. Папа... и такой чистокровный вояка, какъ Вильнаръ... разумѣется, имѣли мало точекъ соприкосновенія. Но это прекрасные люди, такіе сердечные и терпимые. Они знакомы съ нашимъ направленіемъ и знаютъ, что Марія тоже склонна по-своему интересоваться нашими взглядами. Но это не помѣшало тому, чтобы мы съ Маріей остались близкими подругами, и я была всегда радушно принята у нихъ. Впрочемъ, нѣтъ и никакой опасности, чтобы я увлекла Марію на „дурной путь". Она—очень чуткій и интеллигентный человѣкъ, но она никогда не будетъ дѣйствовать.

— Тѣмъ не менѣе терпимость ея родителей заслуживаетъ всякаго уваженія.

— Разумѣется, я это тоже нахожу. Правда, Марія очень просила меня не говорить въ присутствіи ея отца о томъ, что ему непріятно, но какъ только мы остались одни, то мы говоримъ обо всемъ, о чемъ хотимъ. Ну, мнѣ теперь нужно вернуться.

Съ этими словами она остановилась и подала ему руку.

— Сегодня, послѣ обѣда, я намѣреваюсь посѣтить вашу будущую жену и вашихъ родителей. Говорятъ, что вы долго были помолвлены втайнѣ. Можетъ быть, ваша невѣста вліяла на ваши занятія соціальными науками?

Онъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ смущенія:

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Карла получила слишкомъ французское воспитаніе, чтобы она могла развиться въ этомъ направленіи. Она сильна въ языкахъ и музыкѣ. Цѣлый міръ еще закрытъ для нея и въ немъ-то я и надѣюсь... быть ея руководителемъ.

— Какая чудная задача предстоитъ вамъ!

И весело промолвивъ: „итакъ, до послѣ обѣда", она распрощалась съ нимъ и пошла обратно; у воротъ сада она встрѣтила ожидавшую ее Марію.

— Ты мнѣ, въ сущности, ничего еще почти не разсказала о невѣстѣ Бертольда...—сказала Анна, гуляя съ ней подъ руку по саду.—До сихъ поръ я знаю только, что она очень хороша собой.

— Да больше объ ней почти нечего и сказать. Она

мало говоритъ, и въ ней есть что-то искусственное... какъ и во всѣхъ признанныхъ красавицахъ.

— Что-то искусственное? Въ невѣстѣ Меріана? Какъ странно!

— Почему же странно?—спросила, смѣясь, ея подруга.—Развѣ ты такого высокаго мнѣнія о немъ, что его невѣста, должна быть по-твоему непремѣнно совершенствомъ? Откровенно говоря, я всегда считала его молчаливымъ и скучнымъ юношей. Въ его натурѣ для меня никогда не было ничего привлекательнаго.

— Разумѣется, я очень высокаго мнѣнія о немъ. У насъ онъ сдѣлался почти другомъ дома и въ то же время единомышленникомъ... Я тебѣ вѣдь разсказывала...

— Штъ..—сказала Марія, крѣпко прижимая ея руку,—не произноси этого слова! Подумай о папѣ... у цвѣтовъ вѣдь тоже могутъ быть уши!

Анна засмѣялась.—Успокойся, я совсѣмъ не имѣла намѣренія произносить „это слово", но хотѣла только замѣтить, что папа и мама его очень высоко ставятъ. Папа видитъ въ немъ что-то необыкновенное. Онъ вообще долженъ быть очень выдающимся человѣкомъ.

— Да, я тоже слыхала это. Однако, его женатый братъ нравится мнѣ гораздо больше, и онъ тоже, кажется, очень выдающійся человѣкъ.

— Мнѣ очень хочется познакомиться съ его невѣстой и со всей его семьей,—замѣтила Анна.

— Старый Меріанъ рѣдко бываетъ въ своемъ имѣніи, и тебѣ едва ли удастся его увидѣть. Онъ—очень властный не допускающій никакихъ возраженій человѣкъ... Мы всегда зовемъ его, въ шутку, царемъ въ домѣ. Мать его, напротивъ, очень милая женщина, кроткая и ласковая, а сестра—хорошенькая, молчаливая куколка. Какъ странно, что несмотря на то, что ему осталось еще нѣсколько лѣтъ учиться они теперь уже устраиваютъ свадьбу! Слыхала ли ты что-нибудь подобнее?

— Это бываетъ. Вѣдь она сирота и не имѣетъ родного дома. Зачѣмъ же тогда долго тянуть помолвку?

— Но всѣ это считаютъ все-таки очень нелѣпымъ. Старый Меріанъ, по принципу, испортилъ и избаловалъ этого меньшого сына и теперь, когда тотъ влюбился, разумѣется, и это его желаніе тотчасъ же должно быть исполнено.

Анна удивленно взглянула на нее.

— А я думала, что они мало сходятся во взглядахъ и что отецъ его очень консервативенъ.

— Да, это вѣрно, но всѣмъ извѣстно, что Бертольдъ

былъ всегда его особеннымъ любимцемъ. Можетъ быть, это и измѣнится, когда выяснится, что онъ... пріобрѣлъ нѣсколько красную окраску. Но пока отецъ его еще ничего объ этомъ не знаетъ такъ же, какъ и мой не знаетъ обо мнѣ.

Анна искренно разсмѣялась.

— Ну, отъ твоей „красноты“ нѣтъ никакой опасности.

— Разумѣется, такой, какъ ты, я никогда не буду. И для того, чтобы ѣздить такъ, одной, въ Лондонъ, у меня никогда не хватитъ мужества.

— Но развѣ же на это нужно такъ много мужества? Я жила у старыхъ знакомыхъ мамы, и у меня были рекомендательныя письма ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя мнѣ были нужны и, прежде всего къ г-жѣ Сидденсъ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ организовала первый женскій ферейнъ. Я, конечно, не могу тебѣ описать все, что я видѣла и чему я научилась въ тѣхъ кругахъ, гдѣ она работаетъ. Я столько собрала матеріала, что мнѣ нужно нѣсколько мѣсяцевъ на то, чтобы все разобрать и обработать.

— Какъ ты все-таки необыкновенно трудолюбива, — сказала Марія.—Если бы я даже и хотѣла, я все равно не была бы въ состояніи сдѣлать и половины того, сколько дѣлаешь ты.

— Все, что я дѣлаю,—это жалкіе пустяки. Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла работу англійскихъ женщинъ въ этихъ кругахъ и получила себѣ кое-какое представленіе объ ихъ энергіи, ихъ трудолюбіи и ихъ организаціонномъ талантѣ, то мнѣ, по правдѣ сказать, стыдно за самое себя и за насъ, голландскихъ женщинъ. Вообще только теперь понимаю я, что мы могли бы дѣлать, если бы мы были больше развиты, и затѣмъ, если бы мы, подобно этимъ женщинамъ, всей душой отдавались бы общественнымъ интересамъ. Я хотѣла бы знать, въ какомъ столѣтіи мы достигнемъ той высоты, на которой уже теперь стоятъ образованныя англійскія женщины, не говоря уже о скандинавскихъ и американскихъ, потому что тѣ стоятъ еще ступенью выше.

— Но что же мы можемъ сдѣлать, если мужчины отнимаютъ у насъ всѣ права? — замѣтила Марія, встрѣчавшая иногда подобныя выраженія въ женскихъ газетахъ.

— Что мы можемъ сдѣлать?.. Это уже будетъ ясно, какъ только у насъ проснется высшее, человѣческое чувство, и женщина начнетъ понимать, что она не представляетъ собой что-то вродѣ манекена для портнихи и модистки, но что на ней лежитъ серьезное общественное призваніе. Нельзя требовать правъ тамъ, гдѣ не исполняютъ никакихъ обязанностей. И даже больше. Великія слова: *права* и *обязанности* означаютъ очень мало, но фактъ тотъ, что женщина,

говоря вообще, никогда не можетъ сдѣлаться сполна человѣкомъ, пока она не ищетъ и не видитъ истиннаго смысла своей жизни въ трудѣ.

— Видишь ли,—тутъ голосъ Анны упалъ до интимнаго шопота и она тревожно осмотрѣлась кругомъ, какъ будто опасаясь, что ее кто-нибудь услышитъ,—я признаюсь тебѣ глазъ-на-глазъ, что... по моему мнѣнію, мы, женщины, духовно и умственно, дѣйствительно, являемся низшими существами, какъ это постоянно утверждаютъ о насъ мужчины.

— Пфуй!—въ негодованіи воскликнула Марія.—Какъ ты можешь говорить такъ о своемъ собственномъ полѣ!

— Я, въ сущности, не совсѣмъ правильно выразилась, потому что я не разумѣла женщинъ изъ рабочаго класса, которыя должны работать такъ же тяжело, какъ и мужчины или даже еще тяжелѣе. Эти женщины работаютъ на фабрикахъ или въ мастерскихъ или у себя дома, а если онѣ замужемъ, то имъ приходится еще заботиться о дѣтяхъ и хозяйствѣ... Сколько работаютъ эти бѣдныя, измученныя созданія, прямо почти невѣроятно. Но я говорила о тѣхъ ничего не дѣлающихъ „дамахъ" нашего круга, которыя, за очень немногими исключеніями, считаютъ для себя честью заставлять работать другихъ, ради ихъ роскоши и ихъ нарядовъ, которыя, въ своей абсолютной духовной и умственной нищетѣ что-то еще воображаютъ о себѣ и не сознаютъ того, какъ ихъ унижаетъ ихъ паразитическое существованіе. Это сознаніе у нихъ нужно еще вызвать.

— Но если онѣ богаты, то онѣ не могутъ же работать за деньги и такимъ образомъ вырывать кусокъ хлѣба у тѣхъ, кто въ немъ нуждается!—возразила Марія.

— Совершенно вѣрно! Теперь ты касаешься самаго корня вопроса. Въ нашей современной общественной путаницѣ это было бы прямо безсовѣстно. Въ такомъ общественномъ строѣ, гдѣ конкурренція оставляетъ одну работницу, безъ заработка, умирать съ голоду, тогда какъ другая тутъ же рядомъ, благодаря системѣ выпотѣнія, восемнадцать часовъ въ день мучается надъ работой,—въ такомъ строѣ состоятельная женщина не должна, конечно, конкурровать въ оплачиваемыхъ должностяхъ. Но развѣ она не можетъ посвятить себя другимъ вещамъ? Развѣ же она не можетъ принять участіе въ различныхъ другихъ областяхъ дѣятельности, служить наукѣ ради самой науки, какъ это дѣлаютъ многіе мужчины, отдающіе свои силы, а нерѣдко даже и свое состояніе этой цѣли? И развѣ не могутъ ничего теперь не дѣлающія состоятельныя женщины выполнить свою человѣческую задачу, выступая въ массѣ на за-

щиту бѣдныхъ, заброшенныхъ жертвъ капитализма и конкурренціи, на защиту блѣдныхъ, чахоточныхъ бѣлошвеекъ и модистокъ, фабричныхъ и кустарныхъ работницъ, которыя подвергаются еще большей эксплоатаціи, цвѣточницъ, вышивальщицъ, портнихъ, — однимъ словомъ на защиту всѣхъ тѣхъ, которыя убиваютъ себя чрезмѣрной работой для того, чтобы приготовить имъ предметы роскоши и туалета? Вмѣсто того, чтобы хоть сколько-нибудь подумать обо всѣхъ этихъ ужасныхъ фактахъ, о которыхъ они ежедневно могутъ прочесть въ газетахъ и журналахъ и въ популярныхъ романахъ, какъ, напримѣръ, у Вольтера Безанта, онѣ только убиваютъ свое время на выѣзды да на разныя безполезныя рукодѣлья. Зато на какомъ-нибудь литературномъ вечерѣ или послѣ званаго обѣда, на которыхъ выставляется ночная работа сотенъ бѣдныхъ женщинъ, услышавъ спѣтую имъ съ должнымъ чувствомъ пѣснь о рубашкѣ, онѣ утираютъ себѣ слезы батистовымъ платкомъ, въ блаженномъ сознаніи своего добраго сердца. Вотъ въ этой-то стадіи неразвитости общественнаго чувства, пока еще находится наша состоятельная женщина,—за нѣкоторыми исключеніями, разумѣется. А ты еще говоришь о правахъ, которыхъ мы лишены! Развѣ ты думаешь, что эта кукольная выставка перьевъ и лентъ, цвѣтовъ и матерій можетъ требовать себѣ какихъ-нибудь правъ?

— Но что же по-твоему онѣ могутъ дѣлать, чтобы помочь бѣднымъ работницамъ?

— Устраивать анкеты, изслѣдовать, опубликовывать всѣ скрытые ежедневно происходящіе ужасы, входить въ общеніе съ бѣдными, невѣжественными женщинами, жертвами безсовѣстныхъ работодателей, дѣлать ихъ болѣе способными къ самозащитѣ основаніемъ профессіональныхъ союзовъ и всюду помогать деньгами, образованіемъ, временемъ и организаціей. Многія образованныя женщины въ несостоятельныхъ среднихъ классахъ совершаютъ въ этомъ отношеніи прямо чудеса, но время у нихъ очень ограничено и поэтому онѣ связаны извѣстными рамками. Всему этому я научилась въ Лондонѣ. Только подобной общественной работой и въ то же время изученіемъ полезныхъ для всего человѣчества наукъ женщины или, лучше сказать, наши „дамы“ могутъ потребовать себѣ правъ,—но не иначе.

— Но раньше ты вѣдь говорила, что женщины въ рабочемъ классѣ трудятся не менѣе мужчинъ. Почему же и онѣ не имѣютъ никакихъ правъ, даже политическихъ?— спросила Марія, внимательно слушавшая подругу.

Анна удивленно взглянула на нее.

— Какъ хорошо, что ты такъ правильно поняла это!—

воскликнула она, горячо цѣлуя ее.—Ты совершенно вѣрно замѣтила это. Женщины рабочаго класса уже давно потребовали себѣ правъ, какъ общественныхъ, такъ и политическихъ, и всевозможныхъ другихъ. Но тутъ-то и проявляется вся безнравственная сущность современныхъ общественныхъ условій. Подобно тому, какъ мужское избирательное право сначала было предоставлено имущему классу и затѣмъ только очень постепенно распространилось и на рабочихъ,—также будетъ и съ женскими правами. Сначала будетъ очередь имущихъ, а затѣмъ неимущихъ. Поэтому, пока нечего и думать о завоеваніи правъ для работницы; нужно, чтобы иниціативу взяли на себя женщины изъ буржуазнаго класса, принимая въ рядахъ рабочаго движенія участіе въ борьбѣ за пересмотръ конституціи и за всеобщее избирательное право. Поэтому-то и такъ важно въ соціальномъ отношеніи, чтобы буржуазная женщина сознала свое положеніе. Говорятъ вѣдь, что только въ 97 году,—слѣдовательно, только черезъ три года,—избирательное право будетъ расширено, и тогда, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя категоріи рабочихъ будутъ допущены къ урнамъ. Ты можешь изъ этого видѣть, какъ безконечно долго придется еще ждать женщинамъ политическихъ правъ себѣ. Но если мы пока еще такъ далеки отъ этого, то, можетъ быть, къ тому времени государство и общество совершенно измѣнятся въ своей современной формѣ.

— Это я только-что хотѣла сказать. Ты, какъ и всѣ соціалисты,—Марія тихонько произнесла это слово,—все-таки убѣждена въ томъ, что все измѣнится. Но тогда не было ли бы удобнѣе просто подождать лучшихъ условій, когда мужчины и женщины всѣ получатъ равенство?

— Удобнѣе, разумѣется,—сказала Анна, улыбаясь ея наивности,—но это отнюдь не было бы очень практично. Развѣ ты полагаешь, что высшій общественный строй въ одинъ прекрасный день свалится намъ съ неба, какъ манна небесная? Развѣ мы, люди,—какъ мужчины, такъ и женщины,—не должны содѣйствовать его росту какъ развитіемъ сознанія, такъ и болѣе благороднымъ мышленіемъ, чувствованіемъ и поведеніемъ? Представь себѣ только, что мы всѣ сложимъ руки и оставимъ пока угнетенныхъ спокойно страдать, голодать и гибнуть въ ожиданіи лучшихъ временъ! Развѣ не благодаря только общему напряженію всѣхъ силъ лучшая организація можетъ развиться изъ современной, какъ бабочка изъ окуклившейся личинки? Какъ почувствовала бы себя пустая, безчувственная, не имѣющая никакого понятія объ истинномъ образованіи, современная свѣтская кукла, если бы ее вдругъ перенесли въ болѣе бла-

городную сферу? Чтобы умѣть летать, безпомощный, ползающій по землѣ червякъ долженъ сначала сдѣлаться бабочкой. Папа всегда говоритъ о нашей духовной и моральной приспособляемости. Онъ говоритъ, что человѣкъ,—онъ разумѣетъ, конечно, средняго человѣка,—можетъ быть только продуктомъ своего времени, своего вѣка, своей страны и тѣхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ. Племена людоѣдовъ, говорилъ онъ недавно, пожирая своихъ враговъ или какихъ-нибудь другихъ людей, поступаютъ по-своему, конечно, такъ же высоко-нравственно, какъ и мы, приходящіе въ ужасъ отъ этого, а спустя нѣсколько столѣтій люди, которые будутъ жить тогда, прочитавъ въ толстыхъ томахъ исторіи о нашемъ общественномъ строѣ, будутъ считать наши порядки такими же некультурными и варварскими, какими намъ кажутся американскіе порядки въ описаніяхъ Бичеръ-Стоу...

— Тише... вонъ мама идетъ къ намъ навстрѣчу!—сказала вдругъ Марія.—Не подавай ей вида, о чемъ мы съ тобой говорили.

— И что я занималась тѣмъ, что оказывала гибельное вліяніе на тебя!! Въ этомъ отношеніи она можетъ быть совершенно спокойна... Я никогда не потребую отъ тебя ничего такого, что могло бы огорчить ее.

— И я этого никогда не въ состояніи буду сдѣлать,— сказала Марія, глубоко вздохнувъ.—Я могу только цѣнить и уважать то, что дѣлаютъ другіе, но сама я слишкомъ глупа для всего этого.

— Нѣтъ, ты, конечно, не глупа, но у тебя мало силы воли. Жить для своихъ родителей и осуществлять ихъ мечты,— тоже вѣдь можетъ быть призваніемъ.

— Конечно, и мое призваніе будетъ состоять въ томъ, чтобы рано выйти замужъ и осчастливить маму полдюжиной внучатъ...—сказала она, улыбаясь.—Она не успокоится до тѣхъ поръ, пока первый не будетъ сидѣть у нея на колѣняхъ.

— А такъ какъ ты у нея единственный ребенокъ, то ни одинъ смертный, кромѣ тебя, не въ состояніи исполнить ея желанія,—отвѣтила на это Анна.—Поэтому не ищи задачи своей жизни вдали, когда она у тебя тутъ, подъ руками. Я надѣюсь, что у тебя потомъ останется еще нѣсколько лѣтъ жизни, чтобы посвятить немного времени духовной сторонѣ ея.

— Я такъ и не буду годна ни на какую работу!—подумала Марія съ нѣкоторымъ даже чувствомъ благодарности за такое удовлетворительное рѣшеніе вопроса, который нерѣдко вставалъ передъ ней послѣ ея интимныхъ разговоровъ со своей бывшей школьной подругой.

* * *

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, сегодня уѣзжаешь, и мы, слѣдовательно, въ послѣдній разъ дѣлаемъ нашу утреннюю прогулку съ тобой?—спросилъ Бертольдъ, который, проживъ три недѣли у Вильнаровъ, такъ подружился съ Анной, что они говорили уже другъ другу *ты*.

— Конечно, должна же я когда-нибудь вернуться домой, такъ какъ папа съ мамой завтра возвращаются изъ Киссингена. Мнѣ непремѣнно нужно ѣхать сегодня, чтобы завтра вечеромъ они нашли все въ домѣ въ полномъ порядкѣ.

— Мнѣ кажется, Анна, что ты никогда не думаешь о себѣ, а все только о другихъ.

Она удивленно взглянула на него и разсѣялась. Что-то даже отдаленное, похожее на комплиментъ съ его стороны показалось ей слишкомъ комичнымъ.

— Я боюсь, что я всегда думаю именно о себѣ, и въ этомъ случаѣ особенно, потому что у меня прямо какая-то дѣтская тоска по мамѣ. Вѣдь мы уже больше двухъ мѣсяцевъ не видались съ ней.

— Ну, этотъ особенный случай я скидываю съ твоихъ счетовъ. А затѣмъ остальное?

— Что остальное?

— Ну, все, что ты дѣлаешь и собираешься еще дѣлать. Твоя трудная и неблагодарная анкетная работа, твоя читальня, твои профессіональные союзы и всѣ твои планы, ради которыхъ ты ѣздила въ Лондонъ,—однимъ словомъ, все!

— О, не говори такъ!—поспѣшно прервала его Анна.—Относительно всего этого я какъ разъ чувствую себя страшно эгоистичной. Я иногда, съ горькимъ чувствомъ, спрашиваю себя сама, можетъ ли быть что-нибудь хорошее въ такой дѣятельности, которая доставляетъ лишь столько счастья? У меня иногда бываютъ такія странныя мысли... и мнѣ прямо стыдно, что моя жизнь такъ богата и счастлива, такъ какъ это счастье, въ сущности, тоже вытекаетъ изъ несчастья другихъ...

— Это—такая тонкость чувствъ, какая совершенно ускользаетъ изъ моего горизонта!—возразилъ Бертольдъ. Это была, однако, неправда, потому что онъ очень хорошо понималъ ее.

— Представь себѣ только,—продолжалъ онъ,—что мы живемъ въ благоустроенномъ обществѣ, въ которомъ, по нашимъ человѣческимъ понятіямъ о правѣ, дѣйствительно царила бы справедливость. Тогда вѣдь не могло бы быть того счастья, которымъ я теперь такъ наслаждаюсь,—счастье стремленія къ чему-то лучшему.

— Но развѣ же ты не понимаешь, Анна, что это чув-

ство счастья происходитъ только изъ сознанія, что мы можемъ дѣлать что-нибудь для другихъ, а также и изъ потребности внушать нашимъ ближнимъ чувство любви къ себѣ? И развѣ ты можешь представить себѣ вообще какое-нибудь общество, въ которомъ исчезла бы возможность жить для другихъ или стремленіе къ идеалу? Помнишь-ли ты прекрасныя, тонкія слова Мультатули: „Наслажденіе есть добродѣтель". Многіе, разумѣется, превратно толковали эти слова въ такомъ смыслѣ: „Предаваться спокойно всевозможнымъ излишествамъ; то, что доставляетъ тебѣ удовольствіе, есть добродѣтель". Такое толкованіе я, по крайней мѣрѣ, часто слышалъ самъ, и имъ даже пользовались, какъ оружіемъ, противъ этого мыслителя и тѣмъ оправдывали его вздохъ сожалѣнія, что его соотечественники „не умѣютъ читать". Болѣе глубокій смыслъ его словъ сталъ мнѣ ясенъ только позднѣе. Этимъ онъ, конечно, хотѣлъ сказать, что только тѣ знаютъ огромное наслажденіе жизнью, кто носитъ въ себѣ всеобъемлющее чувство любви. Кто бѣденъ душою, тотъ не знаетъ истиннаго наслажденія. Наслажденіе есть преданность не личной цѣли, переживаніе высокаго полета мышленія и чувствованія въ красотѣ. Какъ падаютъ передъ этимъ всѣ наслажденія низшаго порядка... погоня за различными удовольствіями и развлеченіями! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что никто не чувствуетъ себя такимъ несчастнымъ и такимъ неспособнымъ воспринимать богатыя впечатлѣнія жизни, какъ тотъ, кто знаетъ только себя.

— Я постараюсь утѣшаться этимъ объясненіемъ, когда меня будетъ подавлять полность моей собственной жизни,— сказала Анна.—Только пусть всѣ, по собственному опыту, узнаютъ себялюбивое... да, дѣйствительно, себялюбивое наслажденіе любить все и всѣхъ—людей, дѣтей, животныхъ, а также и великія и прекрасныя мысли людей и ихъ произведенія искусства, и все, что дѣлаетъ жизнь такой богатой и глубокой! Мнѣ хотѣлось бы крикнуть каждому, какъ это прекрасно!

Бертольдъ не отвѣтилъ, но только скользнулъ взглядомъ по ея маленькой, стройной фигуркѣ. Она была въ простомъ, но очень изящномъ, темно-красномъ платьѣ, придававшемъ такой мягкій тонъ ея короткимъ пепельнымъ волосамъ, которые казались ему такими неженственными когда-то, но теперь онъ находилъ, что они необыкновенно шли къ ея молодому, привѣтливому личику, къ ея открытому взгляду и ко всей ея фигуркѣ. Онъ очень подружился съ ней за эти нѣсколько недѣль свободнаго общенія, когда они много спорили между собой и ближе познакомились другъ съ другомъ.

— Я рѣшительно надѣюсь, что вы будете подругами

съ Карлой,—сказалъ онъ вдругъ послѣ долгаго молчанія, когда въ головѣ его тѣснились самыя противорѣчивыя мысли.

— Я тоже на это надѣюсь,—ласково отвѣтила Анна, мало, впрочемъ, вѣря сама своимъ словамъ. Карла сильно разочаровала ее. Она находила ее очень хорошенькой и любезной, но, несмотря на то, что они уже много разъ видались, между ними все-таки не установилось никакихъ дружескихъ отношеній.

— Я тебѣ уже разсказывалъ,—продолжалъ онъ,—что она получила чисто-французское и исключительно свѣтское оспитаніе. Такъ сложились обстоятельства. Ея мать была католичкой... а отецъ—очень аристократическій помѣщикъ. Поэтому ты, конечно, понимаешь...

— О, конечно, я вполнѣ это понимаю!—поспѣшила она увѣрить его, такъ какъ ей показалось, что въ его тонѣ слышалась нѣкоторая неувѣренность.

— Ей только теперь возможно будетъ изучить богатую и бурную жизнь нашего времени. Это будетъ въ буквальномъ смыслѣ слова введеніе въ жизнь и, хотя на мою долю выпадетъ львиная часть этой работы...—замѣтилъ онъ, улыбаясь,—но все-таки я думаю, что она почувствуетъ необходимость общенія съ такой женщиной, какъ ты,—женщиной, которая по своему опыту знаетъ, сколько счастья и удовлетворенія можетъ дать человѣку общественная дѣятельность.

— Я вполнѣ въ твоемъ распоряженіи,—сказала Анна,—но отвѣтъ этотъ показался ей самой банальной фразой. Однако, она не нашла сказать ничего лучшаго. Она не могла себѣ представить, чтобы эфирная и изящная невѣста Маріана будетъ растрачивать заученныя позы и свою свѣтскую привлекательность на то, что дѣлить радость и горе фабричныхъ дѣвушекъ, поденщицъ и работницъ, довѣріе которыхъ можно пріобрѣсти только продолжительнымъ участіемъ и самоотверженностью.

— Какъ хорошо, Анна что мы такъ близко подружились съ тобой здѣсь и что ты разсказала мнѣ всѣ твои планы! Кто знаетъ, можетъ быть, будущей зимой, мы всѣ трое будемъ вмѣстѣ работать и вмѣстѣ будемъ помогать въ Дельфтѣ или въ Гаагѣ наиболѣе эксплоатируемымъ женщинамъ и дѣвушкамъ объединять ихъ и организовывать! Кромѣ того, я надѣюсь, что ты позволишь мнѣ потомъ посмотрѣть собранные тобой матеріалы.

— Это мнѣ будетъ даже очень пріятно. Подготовительная, анкетная работа, надо думать, будетъ для меня гораздо легче, чѣмъ организаціонная и административная. Завязывать сношенія съ бѣдными созданіями и постепенно пріобрѣтать ихъ довѣріе мнѣ будетъ нетрудно... но затѣмъ

для меня будетъ очень важно имѣть мужскую помощь. Я думала сначала о Марталисѣ, но онъ слишкомъ занятъ своей газетой и своими корреспонденціями въ иностранную партійную прессу. Политическая дѣятельность, кажется, для него, кромѣ того, важнѣе профессіональной, какъ онъ самъ недавно сказалъ, хотя онъ и не отрицаетъ этой послѣдней. Впрочемъ, ты вѣдь знаешь, что зимой я буду посѣщать лекціи папы. Я надѣюсь многому научиться изъ нихъ, но ждать до тѣхъ поръ, конечно, долго.

— Да я знаю это. Но развѣ ты не боишься быть совершенно одной среди студентовъ?

— Мнѣ было бы, конечно, пріятнѣе, если бы приходили и другія дѣвушки. Но я почти всѣхъ студентовъ знаю лично, и они въ общемъ очень мило относятся ко мнѣ, совершенно по-товарищески, что мнѣ въ нихъ оченъ нравится.

— Развѣ ты думаешь, что они должны быть неучтивы или невоспитаны по отношенію къ тебѣ?

— Нѣтъ, этого я не думаю. Но они держатъ себя такъ естественно, какъ будто совершенно забываютъ тѣ нелѣпыя отношенія, въ которыхъ стоятъ въ нашемъ обществѣ молодые люди и молодыя дѣвушки, и которыя для нихъ такъ же томительны, какъ и для насъ.

— Что ты, собственно, хочешь этимъ сказать?

Она взглянула на него, улыбаясь его удивленію и покачала головой.

— Если ты самъ этого не чувствуешь, то я не сумѣю тебѣ этого такъ просто объяснить. Но ты же вѣдь самъ понимаешь, что молодые люди различнаго пола рѣдко или даже почти никогда не чувствуютъ себя непринужденно другъ съ другомъ... Ты это вѣдь самъ доказываешь своимъ вопросомъ, — не боюсь ли я быть совершенно одной женщиной на студенческихъ лекціяхъ?.. Почему мнѣ бояться? Я совершенно не понимаю этого раздѣленія на волковъ и овецъ. Мама говоритъ, что положеніе женщины связано со всей общественной культурой, съ нашей экономической зависимостью, съ нашимъ законодательствомъ о бракѣ и т. п. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ высшей формѣ общества, все это будетъ измѣняться и развиваться.

— А какъ думаетъ твой отецъ, собственно, о женскомъ вопросѣ?

— Онъ говоритъ, что никакого отдѣльнаго женскаго вопроса, собственно, не существуетъ, что онъ совершенно сплетается со всѣми нашими соціальными условіями. Мама, подъ его руководствомъ, научилась такъ смотрѣть на все это, какъ она сейчасъ смотритъ. Она какъ-то говорили мнѣ, что молоденькой дѣвушкой она думала объ этомъ совер-

шенно еще по-дѣтски. Она считала, что женщинамъ намѣренно не даютъ равныхъ правъ и что мы являемся просто жертвами мужской тиранніи и произвола; ей и въ голову не приходило, что наше положеніе является историческимъ результатомъ прежнихъ условій. Прежде каждый мужчина былъ кормильцемъ своей жены, а благодаря этому и ея господиномъ и повелителемъ. Изъ экономической необходимости женщины начали все больше и больше зарабатывать на свое существованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало падать само по себѣ и пожизненное пропитаніе ея и господство надъ ней мужчины, и въ то же время законы о бракѣ, которые должны были охранять женщину и ея дѣтей отъ того, чтобы ее не бросилъ мужчина, стали постепенно принимать иной болѣе свободный характеръ; а всѣ эти измѣненія вліяли, въ свою очередь, на другіе законы и отношенія. Но женщина, какъ и рабочій, должна проснуться во всѣхъ слояхъ общества и освободить себя своей собственной волей. Эти взгляды мама постепенно переняла отъ папы и воспитала меня въ нихъ, такъ что все, что я тебѣ здѣсь болтаю, выдумала не я сама,—сказала она, улыбаясь и останавливаясь, чтобы проститься съ нимъ.

— Почему ты говоришь это такъ насмѣшливо? Развѣ ты не хочешь говорить мнѣ то, что ты сама выдумаешь?

Она лукаво посмотрѣла на него.

— Ну, я считаю излишнимъ казаться въ твоихъ глазахъ еще болѣе неженственной, чѣмъ до сихъ поръ казалась.

— Почему тебѣ пришло въ голову, что ты кажешься мнѣ неженственной?—воскликнулъ онъ, сильно покраснѣвъ.

— Ну да.. Теперь, когда мы съ тобой такъ подружились, ты, можетъ быть, сталъ нѣсколько снисходительнѣе смотрѣть на меня; но самый типъ мой, признайся, правда... типъ этотъ тебѣ все-таки кажется ужаснымъ. Мнѣ все еще вспоминается наша первая встрѣча въ тотъ вечеръ, когда Марталисъ читалъ свой рефератъ, помнишь ты это?.. Ты думалъ тогда обо мнѣ: „Какое это ужасное существо! Она говоритъ о политикѣ, радикализмѣ и соціализмѣ, объ управленіи и объ отчетахъ и обо всѣхъ такихъ вещахъ, о которыхъ ужасно слышать изъ устъ женщины!“ Я видѣла это по тебѣ,—это ясно выражалось въ твоемъ удивленно-возмущенномъ выраженіи лица. А знаешь ли, что я думала тогда о тебѣ?.. „Вотъ передъ тобой ограниченный аристократъ, который презрительно смотритъ на каждаго, кто не имѣлъ счастія появиться на свѣтъ въ самомъ богатомъ кварталѣ Амстердама! Его, навѣрное, очень позабавитъ рефератъ Марталиса сегодня! А я пока попытаюсь ввести его немного въ оглобли!“

— Э, э, такъ-то высоко стоялъ я въ твоихъ глазахъ, когда ты со мной такъ привѣтливо говорила?

— Да, такъ, по крайней мѣрѣ, я слышала, говорили о тебѣ студенты. Но мнѣ, разумѣется, надо было быть любезной съ тобой и даже... предложить тебѣ чашку чая.

— И моя особа до сихъ поръ еще въ такой немилости у тебя?

— Нѣтъ, не въ немилости, ты это самъ хорошо знаешь, но...

— Ну, говори откровенно!

— Я думаю, что ты далеко еще не освободился отъ многихъ изъ твоихъ прежнихъ взглядовъ, особенно по отношенію къ общественному положенію женщины.

Онъ ничего не отвѣтилъ и молча пошелъ дальше.

— Тебѣ все еще пугаетъ то, что она дѣлается человѣкомъ. Тебѣ хотѣлось бы видѣть ее нѣжнымъ, оранжерейнымъ растеніемъ.

Ты хочешь только духовно и морально посвятить ее въ жизнь, только издали... Открыть для нея, такъ сказать, окно въ оранжереѣ...

— Я согласенъ, что ты не совсѣмъ неправа,—сказалъ онъ, помолчавъ,—но ты выражаешься слишкомъ абсолютно. Покажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые пункты, въ которыхъ я былъ бы такимъ ужасно консервативнымъ по отношенію къ женщинамъ, какъ ты думаешь.

— Нѣтъ, опредѣленныхъ пунктовъ я тебѣ не могу показать, потому что это скорѣе общее впечатлѣніе,—сказала она, улыбаясь и подавая ему на прощанье руку.—Но мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, пора идти, хотя ты, можетъ быть, и будешь думать, что я отвратительный, синій чулокъ.—Они оба отъ души расхохотались.

— Можно мнѣ будетъ потомъ проводить тебя на вокзалъ?

— Нѣтъ, этого не нужно! Такъ какъ старики Вильнары сами хотятъ проводить меня, такъ что я буду подъ хорошей охраной, гораздо лучше, чѣмъ въ Лондонѣ.

— Повидимому, меня до послѣдней минуты будутъ дразнить. Итакъ, до свиданія! Въ концѣ сентября мы вѣнчаемся и послѣ маленькаго путешествія мы надѣемся посѣтить нашихъ дельфтскихъ друзей.

— Итакъ, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца! Еще разъ отъ всей души желаю тебѣ счастья... И прощай.

И дружески пожавъ другъ другу руки, они разстались.

* * *

Робертъ Кантъ былъ немало удивленъ, когда Бертольдъ сообщилъ ему о своей помолвкѣ и о своей предстоящей свадьбѣ и довольно подробно написалъ ему о тѣхъ обстоя-

тельствахъ, при которыхъ все это было рѣшено его отцомъ. Первое ощущеніе удивленія всегда было непріятно Роберту, особенно, если при этомъ терпѣли крушеніе его собственные разсчеты на вѣроятный исходъ дѣла.

— Что же, чортъ возьми, — думалъ онъ, получивъ письмо,—могло заставить стараго аристократа, въ его гнѣвѣ на самостоятельный образъ мыслей Бертольда, не только предоставить ему избранную имъ дѣвушку, но даже и спѣшить такъ поженить его въ студенческіе годы!—Подобнаго эксцентрическаго поведенія онъ меньше всего ожидалъ отъ Меріана! И онъ до тѣхъ поръ размышлялъ объ этомъ, пока, наконецъ, ни напалъ на слѣдъ загадки и назвалъ себя дуракомъ, что онъ тотчасъ же не разгадалъ отцовскаго плана.

— Дѣйствительно, удачный ходъ,—сказалъ онъ себѣ съ чувствомъ нѣкотораго преклоненія.—Прелестное, свѣтское созданіе, навѣрное, не согласится совершать со своимъ супругомъ акробатическіе вольты въ воздушномъ пространствѣ. Своей маленькой, хорошенькой ручкой она неумолимо прикуетъ его къ землѣ. Въ этомъ мнѣ служитъ порукой рѣшеніе старика. Если бы въ ней была хотя малѣйшая склонность къ идеализму, то онъ, разумѣется, не сталъ бы такъ спѣшить со свадьбой. Теперь мнѣ совершенно ясно все дѣло. Какъ истая Далила, какая она, очевидно, и есть на самомъ дѣлѣ, она должна обрѣзать волосы Самсону, и тогда нашъ бѣдный потрясатель основъ будетъ скованъ и отданъ въ руки его ловкому филистеру-отцу. Мысль недурная! И какъ мало подозрѣваетъ добрый малый, какая сѣть плетется кругомъ него...

Въ сущности, моей товарищеской обязанностью было бы предупредить его отъ этого плана,—продолжалъ онъ размышлять.—Какъ мало ни руководятъ мною симпатіи и антипатіи, но все-таки я предпочитаю мухъ паукамъ, можетъ быть, благодаря нѣкоторой симпатіи къ летающимъ насѣкомымъ сравнительно съ ползающими. Какъ часто, когда мнѣ попадался на глаза этотъ родъ медленной казни, я освобождалъ несчастную муху изъ предательской сѣти... Не изъ великодушія, конечно, а скорѣе просто изъ ненависти къ толстой самкѣ паука, которая съ такой яростью работала на моихъ глазахъ и пожирала своего господина и повелителя. Мною руководило здѣсь ничто иное, какъ эгоистическое отношеніе къ моему полу, и притомъ отношеніе далеко не философское! Но вдвойнѣ было бы не философскимъ вмѣшаться теперь въ это дѣло. Я поступилъ бы тогда такъ же, какъ поступали въ прежнія времена посѣтители театра Олимпіи, забрасывавшіе гнилыми яблоками тѣхъ актеровъ, которые имъ не нравились.

Нѣтъ, я ни во что не буду вмѣшиваться, пусть все идетъ своимъ путемъ! Это было бы просто смѣшно!

Однако, ему не показалось смѣшнымъ удовлетворить своему любопытству и поэтому онъ немедленно принялъ приглашеніе Бертольда навѣстить его. Хотя онъ и нисколько не сомнѣвался въ правильности своихъ выводовъ, но все-таки онъ хотѣлъ видѣть все собственными глазами и поэтому собрался послѣдовать приглашенію, нисколько не подозрѣвая, какую тревогу вызвало въ Меріанѣ извѣстіе объ его пріѣздѣ.

— Ты, навѣрное, дашь свое согласіе на то, чтобы Робертъ Кантъ пріѣхалъ къ намъ?—сказалъ Бертольдъ отцу.— Ты вѣдь знаешь, что я давно собирался пригласить его.

— Если ты считаешь это необходимымъ ради приличія, то я согласенъ,—отвѣтилъ отецъ.

— Можетъ быть, ты что-нибудь имѣешь противъ этого, папа?

Спрашивая объ этомъ, Бертольдъ думалъ о томъ политическомъ спорѣ, который произошелъ когда-то между Робертомъ и его отцомъ.

— Нѣтъ, я ничего не имѣю противъ! Пригласи его, я даю свое полное согласіе.

Этими короткими словами дѣло было окончательно рѣшено, и Бертольдъ послалъ приглашеніе, поговоривъ предварительно и съ матерью.

— Можетъ быть, онъ откажется,—думалъ Меріанъ,—это было бы проще всего.

Но Робертъ не отказался, и теперь онъ придумывалъ, что ему дѣлать.

— Скажи мнѣ, дѣточка...—обратился онъ, нѣсколько дней спустя, за обѣдомъ къ Бэби,—что ты думаешь, если бы мы съ тобой на недѣльку поѣхали въ Брюссель? У меня тамъ есть дѣла на будущей недѣлѣ и мнѣ хотѣлось бы взять съ собой тебя, чтобы соединить вмѣстѣ и прогулку. И если Карла захочетъ поѣхать съ нами, а ея господинъ и повелитель дастъ на это свое согласіе, то мы и ее возьмемъ съ собой, такъ какъ я, разумѣется, хочу посѣтить и своего стараго друга, Эмилію Кордуро.

— Я охотно поѣду,—сказала Карла, слышавшая, что на будущей недѣлѣ ждутъ Роберта Канта. Ей казалось лучше не встрѣчаться больше съ нимъ, такъ какъ судьба ея была уже неизмѣнно рѣшена.

— Я лучше не поѣду...—тихонько прозвучалъ съ другого конца стола голосокъ Бэби.

— Какъ? Мой котеночекъ не хочетъ ѣхать? Это онъ, конечно, говоритъ неискренно!—сказалъ Меріанъ, все еще

мучившій Бэби своимъ обращеніемъ съ ней, какъ съ ребенкомъ. Но среди шутокъ онъ внимательно наблюдалъ за дѣвочкой, которая вдругъ сильно покраснѣла.

— Э, э, Бэби, я думаю, что ты просто не понимаешь, что говоришь,—съ удивленіемъ замѣтила ея мать.—Ты всегда вѣдь такъ мечтала о такой поѣздкѣ. Я на твоемъ мѣстѣ сейчасъ же сказала бы „да".

Но Бэби усердно и неподвижно смотрѣла на скатерть.

— Нѣтъ, я лучше не поѣду,—повторила она еще разъ, такъ по-дѣтски покачавъ головкой, что всѣ расхохотались.

— Почему же ты не поѣдешь?—спросилъ Бертольдъ.

— Такъ.

— Ну, противъ такого серьезнаго аргумента, конечно, нечего возразить,—сказалъ Меріанъ среди всеобщаго смѣха. Онъ намѣренно хотѣлъ обратить все дѣло въ шутку, хотя открытіе, что „нелѣпая исторія" все еще сидѣла въ головѣ дѣвочки, непріятно задѣло его.

Между тѣмъ на нервы Бэби, повидимому, подѣйствовало то, что надъ ней смѣялись. По крайней мѣрѣ, она положила ножикъ и вилку и расплакалась.

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись, а Меріанъ знакомъ попросилъ всѣхъ ничего больше объ этомъ не говорить и не обращать больше на Бэби никакого вниманія. И это, въ самомъ дѣлѣ, оказалось лучшей тактикой, потому что уже раньше, чѣмъ подали дессертъ, слезы высохли, и все было забыто.

Но послѣ обѣда Карла пошла за Бэби въ садъ. Она все поняла, и считала фантазіи Бэби настолько нелѣпыми, что рѣшила поговорить объ этомъ съ ней.

— Я хорошо понимаю, Бэби, почему ты не хочешь ѣхать въ Брюссель,—сказала она, когда никто не могъ ихъ слышать.

Бэби ничего не отвѣтила на это.

— Ты слышала, что на будущей недѣлѣ пріѣзжаетъ Робертъ Кантъ.

— Я ничего объ этомъ не знаю!—сказала Бэби, снова вспыхнувъ.

— Ты хорошо это знаешь! Не лги, пожалуйста!

Въ голосѣ ея на этомъ разъ послышался ея прежній, гувернантскій тонъ, съ которымъ она въ былыя времена иногда обращалась къ Бэби. Но на этотъ разъ дѣло повернулось плохо. Взволнованная обѣденнымъ происшествіемъ, дѣвочка не могла перенести этого нравоучительнаго тона отъ своей будущей родственницы и разсердилась.

— Такъ, я не должна лгать! Надо думать, что ты, поддерживая въ теченіе цѣлаго года тайныя сношенія съ Бертольдомъ, никогда не лгала такъ, какъ я.

Карла сама, въ порывѣ довѣрія, разсказала Бэби всѣ

свои маленькія интриги и маневры и встрѣтила въ ней очень внимательную слушательницу. Бэби готова была отдать полжизни за то, чтобы только пережить такой тайный любовный романъ.

— Лги, пожалуйста, сколько хочешь,—прошептала Карла, тоже разсердившись.—Только совѣтую подождать, пока и ты съ кѣмъ-нибудь сблизишься. Томиться же по томъ, кто совершенно равнодушенъ къ тебѣ и кто совсѣмъ о тебѣ не думаетъ, я нахожу просто смѣшнымъ. Мнѣ слѣдовало бы предупредить обо всемъ этомъ твоего отца.

Бэби окончательно вспылила.

— Если ты пойдешь ябедничать отцу,—совершенно по-школьнически пригрозила она,—то и я тоже знаю, что сказать ему.

Карла какъ будто равнодушно пожала плечами, но на самомъ дѣлѣ очень взволновалась. Кто знаетъ, что эта дѣвочка могла слышать или замѣтить!

— Я не пойду ябедничать. Если ты хочешь сходить съ ума, то мнѣ совершенно безразлично.

Съ этими словами Карла пошла домой и оставила Бэби одну.

Между тѣмъ Меріанъ позвалъ къ себѣ въ комнату Бертольда.

— Нелѣпая исторія съ этимъ Робертомъ Кантомъ...—заговорилъ онъ.—Ты замѣтилъ за столомъ, что... съ Бэби не совсѣмъ ладно?

— Да что это было съ ней?

— Глупая исторія!—сказалъ Меріанъ, нетерпѣливо перебирая пальцами и быстро шагая по комнатѣ.—Я тебѣ лучше разскажу это, чтобы ты не думалъ, что я что-нибудь имѣю противъ твоего друга. Бэби... кажется, влюбилась въ него...

— Невозможно!—воскликнулъ Бертольдъ, недовѣрчиво улыбаясь.

— Однако, это фактъ. Я это тотчасъ же замѣтилъ, когда онъ былъ у насъ. Но я, разумѣется, думалъ, что это пройдетъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ.

— Такой ребенокъ! Это просто невѣроятно!

— Такой ребенокъ! Такой ребенокъ!—нетерпѣливо повторилъ Меріанъ, не выносившій ни малѣйшаго замѣчанія насчетъ своей любимицы.—Маленькія дѣти вырастаютъ и ты, кажется, забываешь, что Бэби скоро семнадцать лѣтъ. Почему-же семнадцатилѣтняя дѣвушка не можетъ почувствовать симпатіи къ такой обаятельной личности, какъ Робертъ, если мы въ эти годы влюблялись уже десятки разъ?

Бертольдъ взглянулъ на своего отца и былъ очень удивленъ слышать отъ него такія рѣчи, которыя совершенно расходились съ его старыми теоріями.

— Но какъ бы тамъ ни было,—продолжалъ Меріанъ,—это такъ, а не иначе. Съ прошлой зимы Бэби совершенно измѣнилась. Ты, можетъ быть, этого не замѣтилъ, но врачъ говоритъ, что она очень слаба и нервна и что ей нужно возможно больше развлеченій и удовольствій.

— Можетъ быть, было бы лучше дать ей какое-нибудь опредѣленное занятіе, чтобы отвлечь ея умъ полезной работой?—спросилъ Бертольдъ.— Я всегда ее вижу или за какимъ-нибудь рукодѣльемъ, или съ томикомъ Таухница въ рукахъ. Можетъ быть, просто скука или душевная пустота...

Меріанъ строгимъ жестомъ остановилъ его, и голосъ его зазвучалъ рѣзко, какъ сталь.

— Хорошо, хорошо, я понимаю, чего ты хочешь. Твоя сестра должна была бы сама зарабатывать себѣ хлѣбъ, въ крайнемъ случаѣ, даже на фабрикѣ, не правда ли? И фабричную чернь нужно, конечно, ввести въ наши гостиныя? Почему бы нѣтъ? Но вѣдь въ настоящую минуту мы говоримъ не о твоихъ соціальныхъ теоріяхъ, а о твоемъ другѣ Робертѣ Кантѣ. Ты уже слышалъ, что я хотѣлъ уѣхать на это время съ Бэби въ Брюссель и ты видѣлъ, съ какимъ результатомъ. Принуждать Бэби я ни въ коемъ случаѣ не хочу,—это только ухудшило бы дѣло и совершенно взволновало бы дѣвочку.

— Можетъ быть, мнѣ самому поѣхать къ нему... и разсказать ему, въ чемъ дѣло? Онъ вѣдь, какъ тебѣ извѣстно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова джентльмэнъ; и это, мнѣ кажется, единственный путь окончательно прекратить между ними всякія дальнѣйшія отношенія.

— Я тоже думаю, что это единственное средство. Тогда вся исторія навсегда будетъ кончена. Представь ему это дѣло, какъ пустую фантазію дѣвочки-подростка, которая скоро будетъ забыта, если они не будутъ больше встрѣчаться.

— Конечно! И ты поймешь, что онъ тутъ нисколько не виноватъ.

— Я вполнѣ убѣжденъ въ этомъ. Мнѣ показалось, что онъ скорѣе ухаживалъ за Карлой, такъ что я даже думалъ, что... Или, можетъ быть, онъ зналъ о вашихъ отношеніяхъ?

— Да, онъ все зналъ.

— Тогда я, конечно, ошибался. Итакъ, когда ты хочешь ѣхать къ нему?

— Какъ можно скорѣе. Можетъ быть, даже завтра утромъ. Тогда я съ послѣобѣденнымъ поѣздомъ вернусь обратно.

— Хорошо! И попроси его, пожалуйста, написать, что онъ не пріѣдетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Три мѣсяца ссылки и побѣгъ.

I. Пріѣздъ въ Обдорскъ.

Обдорскъ давно ждалъ „совѣтскихъ".

Правительство со своей стороны сдѣлало все, чтобы заинтересовать мѣстное населеніе новыми ссылками. Еще за два мѣсяца до нашего прибытія мѣстнымъ приставомъ были получены инструкціи о томъ, какъ насъ принять, какъ строго за нами слѣдить, а также предписаніе позаботиться, чтобы мы по пріѣздѣ въ село не остались безъ квартиръ. Кромѣ того, приготовленія, которыя предпринимались по всему тракту, та исключительная „помпа", съ которой насъ везли, не могли не отразиться на обдорчанахъ. Они ждали, что къ нимъ пріѣдутъ какіе-то исключительные „политики".

Были, конечно, и такіе, особенно среди молодежи, которые слыхали о Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ, слѣдили за судебнымъ процессомъ по газетамъ. Ихъ симпатіи уже напередъ были на нашей сторонѣ, такъ какъ по своему политическому настроенію они были большіе радикалы.

Впослѣдствіи мои хозяева, зырянскіе купцы и рыбопромышленники, разсказывали, что они нарочно на недѣлю отложили свой обычный отъѣздъ въ самоѣдскія тундры, чтобы только видѣть высланныхъ депутатовъ, о которыхъ они такъ много слыхали. Это было большой жертвой съ ихъ стороны, но чего не сдѣлаешь для удовлетворенія такъ сильно возбужденнаго любопытства?

Въ Березовѣ [1]) нашу партію разбили на двѣ части. Въ первой группѣ ѣхало насъ человѣкъ 10, главнымъ образомъ, семейныхъ. Предусмотрительная вообще по отношенію къ нашей партіи администрація позаботилась заготовить спеціальныя „нарты". Такъ называютъ на сѣверѣ сани, въ которыя можно запрячь оленей. Онѣ отличаются отъ обычныхъ саней тѣмъ, что болѣе легки, очень низки и имѣютъ широкія деревянныя полозья. Наши нарты были крытыя, хорошо приспособленныя къ зимнему пере-

---

[1]) Уѣздный городъ Тобольской губ. на 500 верстъ южнѣе Обдорска.

движенію. Обитыя войлокомъ, закрытыя почти со всѣхъ сторонъ, съ спеціально вдѣланнымъ закрытымъ ящикомъ для дорожныхъ вещей, онѣ представляли очень удобные экипажи, и мы во время переѣзда не чувствовали, что ѣдемъ къ сѣверному полярному кругу. Для тѣхъ, кто ѣхалъ съ дѣтьми, были устроены нарты вродѣ каретъ на полозьяхъ, со стеклянными окнами, обитыми толстымъ сукномъ стѣнами и крѣпко закрывающимися дверцами. Благодаря такимъ удобствамъ, никто изъ дѣтей дорогой не заболѣлъ.

Чѣмъ были вызваны такія предупредительныя мѣры? Исходили ли онѣ отъ центральнаго правительства? Или, можетъ быть, это было выраженіе добраго расположенія къ намъ мѣстныхъ властей?

Я думаю, скорѣе послѣднее. Объ отношеніи мѣстныхъ властей къ ссыльнымъ вообще и въ частности къ намъ я еще буду говорить ниже, здѣсь же пока укажу лишь на то, что симпатіи всѣхъ почти чиновъ администраціи были скорѣе на нашей сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ существующаго правительства. Это выражалось не только въ либеральныхъ рѣчахъ различныхъ мундирныхъ лицъ, но и во всѣхъ ихъ поступкахъ. Ихъ постоянно тяготили циркуляры съ требованіемъ „подтянуть" ссылку, усилить надзоръ, препятствовать свободному передвиженію ссыльныхъ по губерніи. Они, обыкновенно, клали эти циркуляры подъ сукно, ограничиваясь отпиской, и все шло по-старому.

По отношенію къ совѣтской партіи мѣстная администрація была еще болѣе предупредительна. Обаяніе петербургскаго „рабочаго парламента" было такъ сильно, что никакія распоряженія департамента полиціи о нашей вящшей преступности не могли измѣнить отношенія мѣстныхъ властей къ представителямъ учрежденія, съ именемъ котораго связаны столь памятныя для всей страны октябрьскія и ноябрьскія событія.

До какихъ мелочей доходила предупредительность мѣстной администраціи, видно изъ слѣдующаго факта. Когда наша партія прибыла въ Березовъ, ее встрѣтила вся мѣстная администрація во главѣ березовскаго гарнизона, одѣтаго чуть не въ парадную форму, съ барабанщикомъ впереди. Насъ привезли во дворъ мѣстной тюрьмы, причемъ одинъ изъ чиновъ (не помню, кажется, помощникъ исправника) предупредительно заявилъ:

— „Вы, пожалуйста, не думайте, что вы здѣсь будете, какъ въ тюрьмѣ. Это просто гостиница, куда вы можете приходить, когда вздумаете. Если вы находите для себя неудобнымъ, то можете остановиться въ чайной общества трезвости или у товарищей".

До этого, оказывается, былъ любопытный разговоръ между исправникомъ и старостой мѣстныхъ ссыльныхъ. Разсказывая послѣднему о томъ, гдѣ предполагается размѣстить совѣтскую партію во время пребыванія ея въ Березовѣ, исправникъ спра-

вился: „а не будетъ ли шокировать „депутатовъ“ то, что на помѣщеніи тюрьмы имѣется вывѣска „Тюремный замокъ“? Можетъ, лучше ее снять?“—освѣдомился предупредительный администраторъ. Тотъ, конечно, отклонилъ предложеніе. Надпись „Тюремный замокъ“ должна была шокировать тѣхъ, кто чуть не полтора года просидѣлъ въ тюрьмѣ!

Дорога между Березовомъ и Обдорскомъ не представляетъ ничего интереснаго. Путь идетъ или черезъ Обь, или по безлюдной, безлѣсной тундрѣ. На всемъ пути на продолженіи 500 верстъ есть только одно населенное мѣсто, которое можетъ носить названіе села, это—Мужи. Живутъ тамъ, главнымъ образомъ, зыряне и остяки. Остальныя мѣста остановки состояли лишь изъ нѣсколькихъ остяцкихъ юртъ, или чумовъ (особыхъ шалашей, сдѣланныхъ изъ вбитыхъ въ землю кольевъ, покрытыхъ оленьими шкурами), въ которыхъ жили содержатели земскихъ станцій. На каждой изъ такихъ станцій насъ встрѣчалъ мѣстный десятскій или другое должностное лицо. При этомъ они старательно выставляли впередъ свою палку. Мы долго не знали, въ чемъ тутъ дѣло. Сопровождавшій насъ секретарь полиціи разъяснилъ, что это эмблема ихъ оффиціальной власти. Дѣйствительно, на палкѣ (самой обычной, даже неаккуратно обтесанной) имѣлась сургучная печать, которая давала владѣльцу ея большую власть надъ окружающими.

Дорога привела насъ не въ особенно веселое расположеніе духа. Мы всѣ ѣхали въ Обдорскъ съ непремѣннымъ желаніемъ поскорѣе вернуться обратно. Мы внимательно изучали условія передвиженія, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ дать себѣ „амнистію“. Но эти 500 верстъ отъ Обдорска до Березова имѣли очень мало удобствъ. Дорога вилась узкой лентой среди безлюдной тундры и единственнымъ способомъ передвиженія были земскія лошади и олени. Нами, конечно, они не могли быть использованы, такъ какъ отпускались только ѣдущимъ по спеціальному бланку. Что же касается оленей частныхъ владѣльцевъ, то ихъ стада кочевали по всей тундрѣ и нужны были связи и время, чтобы до нихъ добраться.

Но это было дѣло будущаго, а пока что—мы приближались къ мѣсту нашего постояннаго жительства. Наконецъ-то, мы освободимся отъ проклятой этапной жизни! Будешь одинъ, свободенъ, хозяинъ собственнаго времени!

Наша партія была одной изъ наиболѣе счастливыхъ по взаимному отношенію товарищей. Мы всѣ привлекались по одному дѣлу, были связаны общей дѣятельностью въ теченіе бурныхъ совѣтскихъ дней, близко подходили другъ къ другу по убѣжденіямъ и симпатіямъ. Личныя отношенія у насъ были самыя лучшія. Но все же вынужденное совмѣстное сожительство, посте-

янная жизнь на людяхъ, постоянная необходимость приноравливаться ко вкусамъ другого—ужасно дѣйствуетъ на нервы.

Мы всѣ съ наслажденіемъ мечтали о томъ времени, когда прибудемъ на мѣсто, и каждый останется самъ съ собой, или со своей семьей. Радость конца тюремнаго заключенія и конца долгаго мѣсячнаго пути покрывали собой всѣ остальныя чувства. Даже побѣгъ какъ-то стушевался. Радость свободы и соблазнъ жить индивидуальной жизнью заставили забыть, что и эта свобода, и эта жизнь будутъ ограничены очень узкими рамками села, окруженнаго безлюдными тундрами. Какое намъ дѣло до этого! Все же это будетъ свобода, а не тюремный дворъ! Все же будешь жить своей жизнью, а не тюремною или этапною жизнью „партіи“ ссыльныхъ! Къ Обдорску мы приближались съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ приближаются къ своей родинѣ тѣ, кто долго ее не видѣлъ!

Обдорскъ насъ съ перваго же взгляда пріятно поразилъ. Мы не ожидали, что на столь далекомъ сѣверѣ можетъ быть такое богатое и красивое село. Издали еще бросались въ глаза двѣ церкви и цѣлый рядъ большихъ, красивыхъ, чисто-городскихъ, зданій. Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что тамъ встрѣчаются дома, которые сдѣлаютъ честь любому провинціальному городу Европейской Россіи.

Потомъ, когда мы ближе познакомились съ Обдорскомъ и его ролью на крайнемъ сѣверѣ, мы перестали удивляться. Въ первое же время это было пріятнымъ открытіемъ. Оказалось, что тѣ ужасы, которые намъ рисовали въ Тобольскѣ, были страшно преувеличены. Видно, губернская администрація не имѣетъ никакого представленія о такомъ важномъ въ коммерческомъ отношеніи пунктѣ, какъ Обдорскъ. Достаточно сказать, что ни тобольскій тюремный инспекторъ, ни чины канцеляріи губернатора не знали, какой способъ сообщенія существуетъ между Березовомъ и Обдорскомъ: на лошадяхъ, оленяхъ или собакахъ.

Обдорчане и товарищи-ссыльные еще за нѣсколько верстъ до села увидѣли нашъ кортежъ. Становой приставъ еще съ утра былъ предупрежденъ пріѣхавшимъ раньше насъ урядникомъ. Нечего и говорить, что по поводу такого важнаго событія, какъ пріѣздъ новой партіи ссыльныхъ, все село высыпало на улицу.

Остановились мы въ чайной общества трезвости. Это довольно большое помѣщеніе со свѣтлыми, теплыми комнатами. Чайная отдавалась въ полное наше распоряженіе, пока мы не устроимся. Надо сказать, что эта чайная всецѣло находилась въ рукахъ „политиковъ“. Трезвость вообще не въ большомъ почетѣ у обдорчанъ, да, кажется, нигдѣ на сѣверѣ ей особенно не везетъ. Чайная оставалась всегда пустой, и рѣдко когда къ нее заглядывалъ какой-нибудь пріѣзжій остякъ или самоѣдъ. Только во время январской ярмарки, какъ разсказываютъ, чайная бываетъ полна

пріѣзжими изъ окрестностей инородцами. Но „трезвость“ тогда уже совершенно изъ нея изгоняется. Каждый считаетъ себя вправѣ приносить и распивать тамъ продукты „монопольки“. Впрочемъ, это я говорю изъ разсказовъ, а не изъ личныхъ наблюденій.

Въ чайной насъ встрѣтила вся мѣстная администрація, состоящая изъ станового пристава и урядника. Мы много хорошаго наслышались объ этомъ приставѣ и потому напередъ были расположены къ нему. Говорили, что онъ не взяточникъ, хорошо знаетъ мѣстную жизнь, любимъ инородцами, а это все такія качества, которыя рѣдко встрѣчаются у нашихъ окраинныхъ администраторовъ. Человѣкъ онъ очень не молодой, самъ мѣстный житель и выслужился въ пристава изъ нижнихъ чиновъ полиціи. Говорили, что за его „либерализмъ“ его давно смѣстили бы, но замѣнить пока некѣмъ: трудно губернской администраціи найти человѣка, умѣющаго ладить съ инородцами и знающаго ихъ бытъ.

Насъ онъ встрѣтилъ довольно любезно и со своей стороны сдѣлалъ все, чтобы помочь намъ устроиться. При этомъ онъ не разъ подчеркивалъ свой „либерализмъ“, отпуская тѣ или иныя добродушно-ироническія замѣчанія по адресу высшей администраціи. Указаніями на его „либерализмъ“ и ироническое отношеніе къ высшимъ властямъ, я думаю, не поврежу его карьерѣ, такъ какъ и самъ онъ никогда и ни отъ кого отъ окружающихъ не скрывалъ своихъ взглядовъ и своего „сочувствія“ къ намъ. Достаточно сказать, что на второй же день мы всѣ получили приглашеніе къ нему на именинный вечеръ.

Товарищи-ссыльные въ Обдорскѣ, какъ и на всемъ пути отъ Тобольска, встрѣтили насъ очень сердечно. Мѣстная ссыльная колонія состояла изъ пяти человѣкъ, изъ которыхъ четверо сосланы были по дѣлу Крестьянскаго союза, а одинъ за стачку на Сормовскихъ заводахъ. Въ Обдорскъ, какъ въ самый далекій путь Тобольской губерніи, ссылали сравнительно рѣдко, да изъ тѣхъ, кто попадалъ туда, многіе возвращались въ Россію, или переселялись на югъ. Эти товарищи остались тамъ, потому что нашли себѣ работу и вообще болѣе или менѣе устроились.

Пріѣхали мы въ два часа дня. Первымъ нашимъ дѣломъ было справиться, есть ли квартиры. Оказывается, до того приставъ уже получилъ инструкцію о томъ, чтобы позаботиться о нашемъ размѣщеніи. Вообще, „квартирный“ вопросъ во всей Тобольской губерніи одинъ изъ самыхъ острыхъ. Во многихъ селахъ ссыльные съ бою берутъ комнаты: хозяева, обыкновенно, при постройкѣ своихъ домовъ не разсчитываютъ на то, что когда-нибудь придется сдавать постороннимъ комнаты. Да и вообще, крестьяне не любятъ пускать къ себѣ чужихъ, особенно сибирскіе крестьяне, которые живутъ, сравнительно, съ достаткомъ. Не разъ бывало, что политики силой занимали тотъ или иной пустующій домъ,

или даже комнату въ жиломъ помѣщеніи. Бывали случаи, что партіи ссыльныхъ занимали волостное правленіе и располагались тамъ, какъ дома. Тогда старшина принужденъ былъ самъ разыскивать для ссыльныхъ комнаты, чтобы освободить „присутственное мѣсто“ отъ непрошенныхъ гостей. Квартирный кризисъ угрожалъ намъ и въ Обдорскѣ. Трудно было найти помѣщенія для 12 ссыльныхъ, изъ которыхъ 7 было семейныхъ. Оказывается, старанія пристава привели только къ тому, что онъ нашелъ нѣсколько временныхъ помѣщеній.

Мы пошли сами искать для себя квартиры. Заходили почти во всѣ дома. Насъ вездѣ встрѣчали очень любезно, но сдавать комнаты почти вездѣ отказывались. Хозяева любезно предлагали поселиться у нихъ на нѣсколько дней, „погостить“, какъ они выражались, но имѣть постояннаго жильца не желали. Насъ же перспектива продолженія кочевой жизни такъ пугала, что мы готовы были заплатить какую угодно цѣну, только бы устроиться въ своемъ углу.

Насъ спасла опытность лицъ, знающихъ обдорскіе нравы. Намъ посовѣтовали взять пока „временно“ квартиры, а потомъ уже сговориться съ хозяевами, когда они къ намъ нѣсколько привыкнутъ. Я такъ и устроился. Нанявъ квартиру на очень короткій срокъ, я прожилъ въ ней до своего побѣга, больше трехъ мѣсяцевъ. У насъ установились самыя великолѣпныя отношенія съ хозяевами-зырянами, и до сихъ поръ я съ благодарностью вспоминаю о томъ сердечномъ и тепломъ участіи, которое они проявляли къ намъ во все время пребыванія у нихъ.

Всѣ товарищи также кое-какъ устроились. Одинъ изъ непріятныхъ вопросовъ повседневной жизни ссыльнаго былъ разрѣшенъ. Мы начали свою новую жизнь среди новыхъ и чуждыхъ намъ людей, среди совершенно чуждой намъ обстановки.

Первые дни мы наслаждались нашей свободой и возможностью устроиться такъ, какъ хочешь. Каждый жилъ въ своемъ углу. Мы даже мало видались другъ съ другомъ. Съ мѣстными жителями сношенія были доведены до минимума. Но когда первая жажда „одиночества“ была удовлетворена, мы пошли на встрѣчу желанію мѣстныхъ жителей познакомиться съ „депутатами“, и у насъ довольно интересно сложилась жизнь. Въ Обдорскѣ мы перестали чувствовать себя чужими. Къ намъ всѣ относились такъ хорошо, что намъ оставалось только отвѣтить тѣмъ же.

II. Отношеніе мѣстныхъ обывателей къ ссыльнымъ.

Жизнь наша въ Обдорскѣ съ первыхъ же дней пріѣзда потекла очень мирно.

Къ намъ всѣ относились очень сочувственно и открыто выражали при всякомъ удобномъ случаѣ свое расположеніе. Несмотря

на наше исключительное положеніе, какъ лишенныхъ всѣхъ правъ ссыльно-поселенцевъ и признанныхъ администраціей особенно злостными „преступниками“, мѣстные жители относились къ намъ, какъ къ желаннымъ гостямъ, и дѣлали все отъ себя зависящее, чтобы облегчить намъ ссылку.

Я думаю, выражу чувства всѣхъ насъ, сосланныхъ по дѣлу Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, если открыто заявлю о нашей глубокой благодарности за сердечное отношеніе къ намъ.

Для характеристики чисто внѣшнихъ проявленій расположенія считаю нелишнимъ привести одинъ маленькій фактъ. Несмотря на то, что мы въ началѣ нашего пребыванія не могли быть знакомы ни съ кѣмъ въ селѣ, каждый встрѣчный на улицѣ, отъ мала до велика, не исключая остяковъ и зырянъ, привѣтливо здоровался съ нами, вѣроятно, желая доказать, что мы находимся среди друзей. И такое отношеніе не измѣнялось до самаго побѣга моего изъ мѣста ссылки.

Даже на этомъ далекомъ сѣверѣ правительство оставалось совершенно изолированнымъ. Оно старательно вырываетъ отдѣльныхъ лицъ изъ широкаго революціоннаго потока, оно всей карательной силой своего уголовнаго кодекса лишаетъ ихъ всѣхъ правъ, мобилизуетъ гигантскій административный аппаратъ, чтобы заточить въ тундры взятыхъ въ плѣнъ своихъ враговъ, оторвать ихъ отъ сочувствующей среды, и что же? Ссыльныхъ встрѣчаютъ, какъ друзей! Враговъ правительства—какъ истинныхъ защитниковъ народнаго дѣла! Лишенныхъ правъ, „отщепенцевъ“—какъ имѣющихъ всѣ права на народное довѣріе!

Было время, когда революціонеръ, попавшій въ глухую тайгу, чувствовалъ себя одинокимъ, чужимъ окружающей его средѣ. Теперь горячее дыханіе революціи докатилось до самыхъ отдаленныхъ окраинъ Сибири, и поселенца встрѣчаетъ симпатія мѣстныхъ жителей, готовность съ ихъ стороны помочь ему всѣми силами вернуться для продолженія прерванной борьбы.

Поэтому и побѣги стали чаще! Никакія административныя мѣры не могутъ надолго помѣшать желающему бѣжать ссыльному осуществить свое намѣреніе, разъ окружающее населеніе относится къ нему сочувственно. Намъ, совѣтскимъ, помощь со стороны мѣстнаго населенія была особенно необходима, такъ какъ губернская администрація „сдала“ насъ подъ личную отвѣтственность мѣстной полиціи и тѣмъ лично заинтересовала ее въ надзорѣ за нами!

И эта помощь намъ оказывалась широко.

Любопытно то, что доброе расположеніе къ ссыльнымъ проявляется не только со стороны „простыхъ“ обывателей, но и со стороны мѣстныхъ тузовъ, русскихъ купцовъ и ихъ представителей. Часто, когда случалось что-нибудь покупать, приходилось слышать отъ хозяина магазина:

— У насъ все вышло, но *для васъ* мы можемъ удѣлить изъ личныхъ запасовъ.

Надо знать условія жизни въ Обдорскѣ, чтобы понять, отъ какихъ неудобствъ насъ освобождала такая предупредительность. Всѣ съѣстные припасы въ Обдорскъ привозятся осенью, и каждый магазинъ запасается ими на всю зиму. Но какъ бы велики ни были запасы, къ концу зимы уже нельзя бываетъ достать самыхъ необходимыхъ вещей.

Мясо, рыба (обыкновенно, она сохраняется замороженной, запасаются также съ осени) тоже приходятъ къ концу. Бываетъ такой періодъ, что положительно ничего достать нельзя, несмотря на полную готовность платить втридорога.

Что касается мѣстныхъ жителей, то они заготовляютъ припасы также на всю зиму. Мы же пріѣхали въ срединѣ зимы и, конечно, принуждены были все покупать въ магазинахъ. Несмотря на это, мы ни въ чемъ не нуждались, такъ какъ и торговцы, и обыватели съ удовольствіемъ отпускали намъ необходимые продукты.

При этомъ всѣми замѣчался одинъ фактъ: политикамъ все продавалось по болѣе умѣреннымъ цѣнамъ. Вообще, въ Обдорскѣ нѣтъ установленныхъ цѣнъ даже на товары первой необходимости. Сахаръ, напримѣръ, мы покупали за 18—20 к. ф., а обдорчане—за 25 к.; что же касается инородцевъ, то имъ насчитывали 30 к. и больше. То же со всѣми остальными товарами. Одинъ изъ мѣстныхъ магазиновъ (Карпова) даже установилъ спеціальную скидку (10%) на всѣ товары для политическихъ.

Очень скоро мы довольно близко перезнакомились почти съ большинствомъ мѣстныхъ обывателей. Нерѣдко—особенно молодежь—приходила къ намъ проводить вечера и приглашала насъ къ себѣ въ гости.

Надо, однако, сознаться, что быть въ гостяхъ у обдорчанъ довольно тяжело, особенно для человѣка непривычнаго. Въ какое бы время дня вы ни пришли, сейчасъ же появляются на столѣ традиціонныя въ Сибири водка, вина, закуска изъ сырой мороженной рыбы и мяса (такъ называемая „строганина") и безконечное угощеніе. Хозяева такъ радушно и настойчиво угощаютъ, что при всемъ отвращеніи къ водкѣ принужденъ бываешь выпить рюмку, чтобы не обидѣть ихъ.

Съ нѣкоторыми изъ обдорскаго молодого поколѣнія мы сошлись довольно близко. Они бывали у насъ запросто, безъ церемоннаго сибирскаго хожденія въ гости. Они брали у насъ на прочтеніе книжки (хотя такихъ было очень мало), учились революціоннымъ пѣснямъ и т. д.

Кстати, о революціонныхъ пѣсняхъ. Въ деревняхъ Тобольской губерніи „Марсельеза", „Варшавянка", „Дубинушка" и другія пѣсни нашей революціи очень распространены. Ихъ знаютъ поло-

жительно всѣ. Это, по всей вѣроятности, вліяніе ссыльныхъ. Но если даже прекратится притокъ „политиковъ", пѣсни эти надолго останутся, такъ какъ онѣ уже стали обычнымъ репертуаромъ у крестьянской молодежи и, по всей вѣроятности, будутъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Мы за короткое время пребыванія въ ссылкѣ не пробовали устраивать собраній и рефератовъ для мѣстныхъ жителей, но удача первомайскаго праздника и интересъ, который проявили обдорчане къ произнесеннымъ тамъ политическимъ рѣчамъ, показывали, что такія собранія имѣли бы успѣхъ.

Наша колонія рѣшила отпраздновать 1-е мая народнымъ митингомъ. Было объявлено по селу, что „политикя" приглашаютъ всѣхъ желающихъ на рабочій праздникъ. Мы особенно подчеркивали, что приглашаемъ „всѣхъ", и русскихъ и инородцевъ, даже преимущественно послѣднихъ, такъ какъ они—главная масса рабочихъ. Это очень важно въ Обдорскѣ, гдѣ къ инородцамъ относятся, какъ къ паріямъ.

Для праздника мы заняли чайную общества трезвости. Залъ былъ прекрасно декорированъ зеленью, красными знаменами, аншлагами и соотвѣтствующими надписями. Нашли даже фисгармонію для хора. Для гостей приготовили чай и закуску.

Кромѣ празднованія 1-го мая, мы хотѣли также воспользоваться случаемъ, чтобы отблагодарить обдорчанъ за ихъ любезное приглашеніе насъ на пасхальный праздникъ.

Сверхъ нашего ожиданія, къ намъ на праздникъ явилось болѣе двухсотъ человѣкъ. И что всего отраднѣе, среди присутствующихъ было много инородцевъ. Въ своихъ „гусяхъ" и „малицахъ", въ оленьихъ сапогахъ и съ первомайскими красными бантиками на груди, они придавали празднику совершенно особый колоритъ. Сперва они нѣсколько стѣснялись, но потомъ разошлись и чувствовали себя очень свободно.

Революціонныя пѣсни, какъ я сказалъ, были уже знакомы большинству. Въ хорѣ принимали участіе многіе изъ присутствующихъ. Рѣчи на темы о международной солидарности рабочихъ и о совершающейся революціи были встрѣчены очень восторженно.

Если многаго и не понимали инородцы, если многое въ рѣчахъ и было ново для нихъ, то все же одинъ результатъ былъ очевиденъ: они ушли съ нашего праздника въ убѣжденіи, что они члены общей рабочей семьи, и нисколько не хуже рабочихъ другихъ національностей. „Политиковъ" же они стали считать своими друзьями. Многіе изъ не присутствовавшихъ на праздникѣ впослѣдствіи выражали сожалѣніе, что не попали туда, и высказывали желаніе, чтобы подобныя собранія устраивались чаще.

Былъ одинъ случай, когда обдорская молодежь, да и вообще

все взрослое населеніе, выразили намъ свою „политическую" симпатію въ весьма любопытной формѣ „бойкота" своего односельчанина.

Это было черезъ мѣсяцъ послѣ нашего пріѣзда.

Одинъ изъ товарищей собрался бѣжать прямо черезъ земскій трактъ до Березова, а тамъ, если удастся, тѣмъ же путемъ до Тобольска. Разрѣшеніе на свободный проѣздъ у него было... Съ этой стороны, словомъ, не могло быть задержки. Трудно было выѣхать изъ села.

Какъ разъ въ это время, по предложенію мѣстныхъ жителей, устраивалась охота на зайцевъ. Должна была отправиться большая компанія нашихъ. Товарищи рѣшили воспользоваться этой охотой, чтобы доставить собиравшагося бѣжать на ближайшую земскую станцію. Чтобы не было подозрѣнія на той станціи, для охоты была нанята лошадь и кошевка у содержателя обдорской станціи.

Нарочно былъ приглашенъ кучеромъ одинъ изъ мѣстныхъ „пролетаріевъ", о которомъ говорили, что ему все „трынъ-трава".

Обстоятельства складывались благополучно. Охотники выѣхали. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, товарищъ обратился къ возницѣ съ предложеніемъ везти его на ближайшую станцію, за что обѣщалъ 10 рублей. Тотъ моментально согласился.

Но тутъ случилось непредвидѣнное осложненіе!

Оказалось, что еще два дня тому назадъ пріѣхалъ на эту станцію для какихъ-то своихъ дѣлъ сынъ содержателя земскаго тракта, обдорскаго купца Т., и еще находился на станціи. Когда товарищъ подъѣхалъ и потребовалъ смѣны лошадей, ему уже собирались было дать новыхъ, такъ какъ никакого подозрѣнія онъ не вызвалъ: человѣкъ пріѣхалъ изъ Обдорска на земскихъ лошадяхъ,—какое же могло быть сомнѣніе въ томъ, что онъ ѣхалъ легально? Пріѣздъ проѣзжающаго обратилъ на себя вниманіе купеческаго сынка. Послѣдній, конечно, узналъ въ немъ одного изъ „совѣтскихъ" и сообразилъ, что тотъ собирается бѣжать. Онъ до того перетрусилъ, до того растерялся, что въ первое время только могъ произнести: „Какъ же это? Вѣдь приставъ не велѣлъ! За это я могу пропасть ни за что!" Нѣсколько оправившись, онъ категорически запретилъ дать лошадей, пока не узнаетъ отъ обдорскаго пристава, можно ли сдѣлать это. Сейчасъ же онъ велѣлъ запрячь себѣ лошадей и поскакалъ въ село. Черезъ часъ уже весь Обдорскъ узналъ о случившемся За товарищемъ послали урядника и его водворили на „мѣсто жительства".

Побѣгъ сорвался... Дѣло обычное для нашего брата. Но любопытны были послѣдствія этого добровольнаго доноса для молодого купчика.

Въ селѣ не было положительно ни одного человѣка, который

не ругалъ бы его шпіономъ, доносчикомъ и другими нелестными эпитетами. Въ первые дни ему невозможно было никуда показаться, чтобы не вышла какая-нибудь „исторія“.

Помню одну изъ такихъ исторій. Во дворѣ одного мѣстнаго купца играли въ „городки“. Игра очень распространенная въ Обдорскѣ, причемъ играютъ и взрослые, и молодежь. Молодой Т. также былъ среди играющихъ, какъ близкій знакомый и даже, кажется, родственникъ хозяина. Заходитъ партія насъ, политическихъ, съ нѣсколькими изъ мѣстной молодежи. Насъ приглашаютъ присоединиться къ игрѣ. Одинъ изъ нашихъ заявляетъ, что разъ въ игрѣ участвуетъ такой негодяй, какъ Т., ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ войти въ число играющихъ. Моментально его выключили изъ игры и выпроводили со двора съ криками:

— Иди къ своему приставу и играй съ нимъ въ городки!

Бойкотъ, видно, принялъ очень серьезные размѣры, такъ какъ черезъ недѣлю послѣ неудачнаго побѣга къ тому товарищу явилась странная депутація.

Разъ утромъ, въ 9 часовъ, къ нему входитъ хозяйка и докладываетъ съ улыбкой, что два молодыхъ человѣка желаютъ его видѣть. Онъ, конечно, ничего не подозрѣвая, попросилъ ихъ войти. Входитъ тотъ самый Т., въ сопровожденіи одного своего родственника. Т. становится у дверей, съ шапкой въ рукахъ, виновато опустивъ голову. Парламентеръ его начинаетъ рѣчь:

— Ужъ вы, NN., простите его! Вѣдь онъ это сдѣлалъ не отъ злости, а по глупости. Онъ самъ это понимаетъ теперь и готовъ загладить свою вину. Вѣдь всѣ въ селѣ знаютъ, что онъ вообще умомъ и самостоятельностью не отличается. Онъ испугался отца, испугался полиціи и нехотя сдѣлалъ подлость. Теперь ему нельзя и на улицѣ показаться.

И т. д. и т. д.

Самъ же Т. стоялъ съ опущенной головой и слушалъ, какъ его честили „дуракомъ“ и „трусомъ“. Но скоро онъ самъ принялся просить, расплакался.

Словомъ, вышла дѣйствительно „глупая“ сцена. Товарищъ былъ поставленъ въ очень неловкое положеніе и поспѣшилъ какъ-нибудь закончить эту сцену. Объ ней, конечно, скоро узналъ весь Обдорскъ, но никто не жалѣлъ бѣднаго Т.

— Такъ дураку и надо, не шпіонь,—говорили обычно всѣ.

Вообще шпіонство, какъ и слѣдовало ожидать, не въ особенномъ почетѣ у обдорскихъ жителей. Вскорѣ послѣ побѣга т. Троцкаго изъ Березова обдорскій приставъ получилъ распоряженіе организовать за нами строгій надзоръ, для чего нанять спеціальныхъ „агентовъ“. Была отпущена ассигновка въ размѣрѣ, кажется, 25 р. ежемѣсячнаго вознагражденія каждому шпику. Приставъ обратился къ нѣкоторымъ мѣстнымъ жителямъ. Но они

категорически отказались и даже больше—сочли своимъ долгомъ предупредить насъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца приставъ не могъ найти ни одного желающаго. Не шли, отчасти изъ сочувствія къ намъ, главнымъ же образомъ потому, что боялись своихъ односельчанъ. Исторія съ Т. была хорошимъ предостереженіемъ.

Потомъ говорили, что одно изъ должностныхъ лицъ волости, десятскій, взялъ на себя роль „агента". Но онъ старательно отбояривался, избѣгалъ встрѣчаться съ политиками и при встрѣчѣ старался подчеркивать свою непричастность къ такому грязному дѣлу.

Втянувшись въ мѣстную жизнь, познакомившись съ населеніемъ, мы естественно пользовались тѣми маленькими удовольствіями, которыя можетъ доставить сельская жизнь сѣвера. Обдорчане со своей стороны старались доставить намъ возможность принять участіе въ ихъ увеселеніяхъ. Катанье на лошадяхъ и съ горъ во время масленицы, загородныя прогулки на оленяхъ, охота, пасхальныя празднества — все это было къ нашимъ услугамъ. Послѣ годового тюремнаго заключенія, послѣ долгаго этапнаго пути эти прогулки и увеселенія доставили намъ большое удовольствіе.

Мои хозяева были особенно любезны въ этомъ отношеніи. Они имѣли большое оленье стадо, вели торговлю съ самоѣдами, и потому у нихъ на дворѣ постоянно были олени. Разъ къ нимъ пріѣхалъ ихъ братъ, оленеводъ, на чудесной четверкѣ оленей. Намъ предложили кататься. Былъ морозный зимній день. Выѣхали за село, прямо въ тундру. Олени неслись, какъ стрѣла. Я никогда не представлялъ, что возможна такая отчаянная, быстрая и бѣшеная ѣзда. Къ этой безконечной, снѣжной пеленой покрытой равнинѣ, къ суровому сѣверному климату удивительно подходили и эта бѣшеная скачка, и красивые рога оленей, и пріятный скрипъ нартъ, надъ которыми высоко торчалъ длинный „хорей"—шестъ, которымъ управляютъ оленями! Сѣверянинъ любитъ своего оленя, да и есть, за что! Послѣдній доставляетъ ему не только матеріальную пользу, но и массу удовольствій.

Мы были съ нашими хозяевами въ ихъ „чумѣ". Дѣло было уже весной. Оленьи стада перекочевываютъ тогда къ Уралу и многія изъ нихъ проходятъ мимо Обдорска. Хозяева предложили мнѣ и женѣ поѣхать посмотрѣть оленье стадо и погостить у ихъ брата-оленевода. Ѣхали мы, конечно, на оленяхъ. Снѣгъ уже началъ таять, и кругомъ было много воды. Въ такое время на лошадяхъ нельзя выѣхать за село: и лошадь, и сани моментально провалились бы. Иное дѣло—съ оленями. Ихъ широкія копыта и легкая поступь гарантируютъ ихъ отъ провала. „Нарты" также хорошо приспособлены къ ѣздѣ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Красивое зрѣлище представляетъ оленье стадо въ полѣ. Разбросанные живописными группами по снѣжной полянѣ, они —

граціозные, подвижные, гибкіе—являются рѣзкимъ контрастомъ съ окружающей мертвой природой. Но контрастъ этотъ нисколько не дисгармониченъ. Наоборотъ, иначе, какъ въ тундрѣ, нельзя и представить оленя. Говорятъ, еще красивѣе стада дикихъ оленей. Въ нихъ больше граціи и больше живости, чѣмъ въ прирученныхъ. Но мнѣ за время пребыванія на сѣверѣ не удалось ихъ видѣть. У нѣкоторыхъ охотниковъ я видѣлъ рога дикаго оленя поразительной величины и съ очень причудливыми развѣтвленіями, каковыя очень рѣдко можно встрѣтить даже въ тысячномъ стадѣ домашнихъ оленей.

Оленеводы показали намъ, какъ они собираютъ стадо, когда имъ нужно бываетъ перекочевать въ другое мѣсто, какъ они ловятъ въ этомъ стадѣ рысаковъ-оленей арканами, какъ спеціально прирученныя собаки сгоняютъ стадо и т. д. Насъ любезно встрѣтила хозяйка „чума“, молодая зырянка, невѣстка нашихъ хозяевъ. „Чума“ является постояннымъ жилищемъ оленеводовъ, тѣсно связавшихъ свою судьбу съ привычками и природой оленя. Принужденные перекочевывать за стадомъ съ мѣста на мѣсто, они не могутъ поселиться въ болѣе прочномъ зданіи, чѣмъ этотъ наскоро построенный изъ вбитыхъ въ землю кольевъ, покрытыхъ оленьими шкурами, шалашъ. Въ немъ помѣщаются не только люди, но и собаки, которыя необходимы для оленевода. Внутренность чума устлана также оленьими шкурами, а на земляномъ полу имѣется, кромѣ того, деревянная настилка. Центральное мѣсто занимаетъ очагъ, на которомъ въ теченіе цѣлаго дня горитъ огонь, распространяя ѣдкій дымный запахъ. Съ нашимъ появленіемъ въ чумѣ намъ подали традиціонную выпивку и чай. Нашъ хозяинъ, сопровождавшій насъ все время, говорилъ:

— Вотъ поѣдете въ Петербургъ, опишите, какъ мы здѣсь живемъ, ничего не пропускайте.

Къ сожалѣнію, я здѣсь не могу исполнить его просьбы, такъ какъ не собираюсь писать этнографическую работу. Уже и безъ того описаніе Обдорска займетъ въ моихъ воспоминаніяхъ много мѣста.

III. Село Обдорское.

Я уже говорилъ, что еще приближаясь къ Обдорску, мы были пріятно поражены, видя большое, хорошо обстроенное село. Никто изъ насъ не ожидалъ, что на такомъ крайнемъ сѣверѣ, чуть не у Ледовитаго океана, можно будетъ устроиться, не лишая себя нѣкоторыхъ культурныхъ удобствъ. А въ этомъ отношеніи Обдорскъ намного отличается отъ обычнаго типа русскихъ селъ. Онъ скорѣе напоминаетъ провинціальный городъ, чѣмъ село. Жители Обдорска также ничѣмъ не напоминаютъ обычныхъ крестьянъ.

Да это и не удивительно.

Обдорскъ—главный торговый и промысловый центръ всего необъятнаго сѣвера Тобольской губерніи. Рыба и пушнина—главные продукты, составляющіе источникъ жизни всѣхъ жителей сѣверной Сибири. Какъ по отношенію къ рыбной ловлѣ, такъ и скупкѣ мѣховыхъ товаровъ, Обдорскъ занимаетъ очень выгодное положеніе. Вся рыба, которая ловится у устья Оби, сбывается обдорскимъ купцамъ, такъ какъ болѣе близкаго населеннаго пункта нѣтъ. А добывается она въ громадномъ количествѣ! То же самое и съ пушниной. Ежегодная зимняя ярмарка въ Обдорскѣ привлекаетъ всѣхъ инородцевъ сѣвера Тобольской губерніи, которые тутъ же сбываютъ дорогіе мѣха скупщикамъ, перепродающимъ ихъ на Ирбитской ярмаркѣ или въ Москвѣ. Обороты обдорскихъ купцовъ и представителей тобольскихъ торговыхъ фирмъ, живущихъ въ Обдорскѣ, считаются сотнями тысячъ рублей.

Въ этомъ, далекомъ отъ культурныхъ центровъ, расположенномъ среди полудикаго, вѣрнѣе, совершенно дикаго самоѣдскаго и остятскаго населенія, селѣ даютъ знать о себѣ всѣ законы капиталистическаго хозяйства. Вся торговля сосредоточивается въ рукахъ двухъ, трехъ торговыхъ фирмъ, обладающихъ большими капиталами. Они скупаютъ всѣ продукты рыбнаго и пушнаго промысловъ. Путемъ спеціально поставленныхъ кредитныхъ операцій они держатъ въ своихъ рукахъ всѣхъ мѣстныхъ мелкихъ скупщиковъ, торговцевъ и рыбопромышленниковъ, которые служатъ для нихъ орудіемъ обиранія туземцевъ.

Эти крупныя фирмы принадлежатъ, главнымъ образомъ, пришлымъ русскимъ купцамъ изъ Тобольска. Они имѣютъ большіе магазины, откуда отпускаютъ въ „кредитъ" товары мѣстнымъ рыбопромышленникамъ и инородцамъ. За каждымъ изъ послѣднихъ накопляется столько долгу, что онъ всю жизнь не можетъ освободиться отъ власти скупщика. Они регулируютъ цѣны и знаютъ состояніе рынка. Понятно, что они являются хозяевами положенія и царятъ надъ всѣмъ округомъ.

Но эти фирмы все же не имѣютъ тѣсныхъ связей съ толщей мѣстнаго инородческаго населенія, живущаго въ тундрѣ по различнымъ „чумамъ". Ихъ эксплоатація не проникала бы такъ глубоко, если бы въ этомъ не содѣйствовали имъ мелкіе предприниматели изъ мѣстныхъ оборигеновъ и вообще изъ элементовъ, близко знакомыхъ съ туземцами. Такіе предприниматели составляютъ главную часть обдорскаго населенія. Они—по преимуществу зыряне.

Зыряне—очень интересная народность. Предпріимчивые, способные къ культурѣ, очень ловкіе въ торговыхъ дѣлахъ, они являются наиболѣе привилегированными изъ инородцевъ сѣвера. Въ Обдорскомъ краѣ они пришельцы изъ-за Урала. Главная масса зырянъ живетъ на сѣверѣ Вологодской губерніи и въ Архангель-

ской, по рѣкѣ Печорѣ. Занимаются они, какъ и всѣ жители сѣвера, оленеводствомъ, рыбной ловлей, отчасти охотой, но главнымъ образомъ торговлей. Постоянныя торговыя сношенія, съ одной стороны, съ инородцами, съ другой—съ русскими купцами, сдѣлали зырянъ главными распространителями русской матеріальной „культуры", какъ-то: различныхъ фабрикатовъ, водки, хлѣба и другихъ продуктовъ ввоза.

Въ Обдорскѣ зырянъ довольно много. Мои хозяева какъ разъ были типичными зырянскими купцами средней руки. Они живутъ наполовину по-европейски, наполовину по-зырянски. Домъ ихъ совершенно городской. Вся семья изъ 6 братьевъ, изъ которыхъ двое женаты, живетъ вмѣстѣ съ матерью. Говорятъ всѣ на русскомъ языкѣ, но совершенно свободно объясняются также на самоѣдскомъ и остяцкомъ нарѣчіяхъ. Домашнимъ языкомъ служитъ зырянскій.

Любопытно, что никакого чувства національной обособленности у зырянъ нѣтъ. Хотя они далеко еще не обрусѣли, сохранили свой языкъ и отчасти свою одежду, но никогда они себя не отдѣляютъ отъ русскихъ,—развѣ только любятъ иногда подчеркнуть, что они оказались единственными изъ инородцевъ, способными къ культурѣ.

Но перейдемъ снова къ способамъ обдорской эксплоатаціи изъ инородцевъ. Для этого остановимся на торговыхъ занятіяхъ нашихъ хозяевъ, какъ примѣрѣ довольно типичномъ.

Они одновременно являются рыбопромышленниками и торговцами. Ежегодно они съ забранными у мѣстныхъ купцовъ товарами отправляются на сѣверъ въ тундру, къ самоѣдамъ. Переходя отъ одного кочевья къ другому, они снабжаютъ „своихъ" самоѣдовъ всѣми нужными припасами, записывая большинство розданнаго на книжку. Я видѣлъ эти книжки, по которымъ потомъ взыскиваются долги. Въ записной книжкѣ, карандашомъ, полуграмотный зырянинъ дѣлаетъ отмѣтки объ отпущенныхъ товарахъ и ихъ цѣнахъ. Конечно, никакой провѣркѣ со стороны должника такая запись подвергнуться не можетъ. Возвращаясь домой, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, торговецъ переписываетъ эти долги въ торговую книгу.

Хозяева мои жаловались, что большинство розданнаго въ кредитъ пропадаетъ, но они все же должны были признать, что имъ эта торговля приноситъ громадную прибыль, несмотря на пропажу и на высокія цѣны, которыя беретъ съ нихъ купецъ, отпускающій имъ товары. Я самъ видалъ ихъ по возвращеніи изъ путешествія къ „самоѣдамъ" съ большимъ количествомъ различныхъ мѣховъ, и думаю, что въ общемъ послѣдніе пріобрѣтены ими у инородцевъ за безцѣнокъ.

Рыбная торговля у моихъ хозяевъ поставлена въ очень тѣсную связь съ ихъ торговлей. Они имѣютъ, кажется, семь неводовъ,

но изъ нихъ только одинъ работаетъ съ наемными рабочими. Остальные невода—„паевые", какъ они ихъ называютъ. Это очень любопытная, весьма распространенная форма артельной ловли.

Рыбопромышленникъ входитъ въ соглашеніе съ остякомъ или самоѣдомъ, обыкновенно своимъ должникомъ, ловить совмѣстно рыбу. Онъ обязуется дать неводъ, посуду, соль и одного рабочаго—руководителя. Остяки—всѣхъ остальныхъ членовъ артели (4 человѣка со своими семьями). Промышленникъ, кромѣ того, даетъ каждому члену артели бродни, отпускаетъ хлѣбъ и немного денегъ, обыкновенно заранѣе забранныхъ. Весь уловъ дѣлится пополамъ между промышленникомъ и артелью, но съ однимъ условіемъ, которое, въ сущности, является центральнымъ пунктомъ договора. Свою долю члены артели *обязаны* продать рыбопромышленнику, конечно, по цѣнѣ, которую вздумается установить послѣднему. Если принять во вниманіе, что всѣ члены артели—его должники, то становится понятнымъ, что даже послѣ удачнаго промысла у остяка не остается ничего, и ему снова приходится занимать денегъ и брать въ долгъ товары у своего „благодѣтеля". И такъ изъ году въ годъ.

Благодаря этой системѣ, вся выгода рыбной ловли идетъ въ карманы рыбопромышленника. Но его подстерегаетъ скупщикъ, представитель фирмы, безъ котораго онъ не можетъ реализовать свою рыбу и у котораго онъ самъ за зиму сильно задолжалъ. Капиталъ дѣлаетъ съ нимъ то же, что онъ сдѣлалъ съ остякомъ и самоѣдомъ, конечно, не въ такихъ беззастѣнчивыхъ и циничныхъ формахъ. Такова основа обдорской „промышленности".

Эта „промышленность" накладываетъ свой отпечатокъ на всю мѣстную жизнь. Главный интересъ жителей сосредоточенъ на вопросѣ о цѣнахъ на рыбу и пушнину. Вся внѣшняя жизнь интересуетъ ихъ постольку, поскольку можетъ касаться ихъ промысловыхъ дѣлъ.

Тутъ нѣтъ на-лицо тѣхъ острыхъ соціальныхъ проблемъ, которыя являются основной причиной великой революціи. Объ аграрномъ вопросѣ обдорчане ничего не знаютъ, такъ какъ еще за 1000 верстъ южнѣе прекращается хлѣбопашество. Рабочаго вопроса, благодаря тому, что главной рабочей силой, главной эксплоатируемой массой являются полудикіе туземцы, какъ вопроса дня, также для нихъ не существуетъ.

Что касается „свободъ", то среди россійскихъ обывателей обдорчанъ можно считать одними изъ самыхъ свободныхъ. Имъ очень мало приходится имѣть дѣло съ администраціей, представленной въ лицѣ двухъ, трехъ полицейскихъ чиновъ.

При насъ въ Обдорскѣ и вообще во всемъ Березовскомъ уѣздѣ была введена усиленная охрана. Чѣмъ руководствовались министерство и мѣстная губернская администрація въ данномъ случаѣ, неизвѣстно. Объявить на положеніи усиленной охраны сѣ-

верныя тундры! Призвать на помощь исключительные законы противъ посягательствъ на общественную безопасность со стороны остяковъ и самоѣдовъ!

Обдорскому становому приставу были присланы громадныя объявленія отъ губернатора обычнаго содержанія. Они были расклеены на всѣхъ улицахъ, и этимъ ограничилось все примѣненіе усиленной охраны. Полиціи не пришлось использовать своихъ полномочій, такъ какъ вообще по всему складу мѣстной жизни ей съ этими полномочіями дѣлать нечего.

Несмотря, однако, на такую малую степень личной заинтересованности въ совершающемся въ Россіи переворотѣ, всѣ симпатіи обдорчанъ на сторонѣ освободительнаго движенія. Инстинктивное недовѣріе и оппозиція сибиряка ко всякаго рода „начальствамъ" даетъ и тутъ себя знать. Молодежь Обдорска (главнымъ образомъ, конечно, русская и зырянская) слѣдитъ за газетами, даже знакома въ общихъ чертахъ съ различными политическими группировками, интересуется работами Думы и т. д. Мѣстная читальня въ дни прибытія почты всегда бываетъ полна читателями.

Не мало сдѣлали для ознакомленія обдорскихъ жителей съ политическими вопросами ссыльные. Постоянно сталкиваясь съ сельскими обывателями, они имѣли полную возможность знакомить ихъ съ текущими русскими событіями.

Обдорскъ, сравнительно съ другими селами, очень богатъ и культурными учрежденіями. Мы встрѣтили тутъ очень хорошо поставленную библіотеку и читальню. Особенно богата послѣдняя: получается до 60 названій періодическихъ изданій самаго различнаго направленія, начиная отъ черносотеннаго „Колокола" и „Московскихъ Вѣдомостей", кончая кадетскими „Русскими Вѣдомостями", народническимъ „Русскимъ Богатствомъ" и марксистскимъ „Образованіемъ".

Читальня устроена при Обдорскомъ Миссіонерскомъ Братствѣ, культурно-благотворительномъ обществѣ, учрежденномъ настоятелемъ обдорской миссіи от. Иринархомъ.

Мы всѣ были пріятно поражены, получивши съ перваго же дня пріѣзда на крайній сѣверъ возможность пользоваться газетами и журналами читальни. Если потребность къ чтенію вообще сильна въ культурномъ человѣкѣ, то она во много разъ сильнѣе даетъ себя знать людямъ, находящимся въ далекой ссылкѣ. Оторваннымъ отъ дорогого дѣла, отъ возможности реагировать на близкія и столь живо затрагивающія явленія общественной жизни, намъ оставалось одно только утѣшеніе: слѣдить за событіями, радоваться удачамъ друзей и единомышленниковъ, печалиться ихъ неудачами.

Но удовольствіе получать извѣстія изъ Россіи еще усугублялось тѣмъ, что извѣстія эти доходили очень и очень рѣдко. Почта

прибываетъ въ Обдорскъ разъ въ двѣ недѣли. На письмо можешь надѣяться при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ получить отвѣтъ только черезъ мѣсяцъ. Большею частью бываешь радъ, если и черезъ полтора узнаешь, здоровы ли близкіе люди. Съ Кавказа, напримѣръ, я получилъ за все время пребыванія тамъ только одно письмо, да и то черезъ *три* мѣсяца послѣ его отправленія. Что только не могло случиться за это время, а мнѣ, какъ новость, преподносилось то, что случилось три мѣсяца тому назадъ.

Труднѣе всего примириться въ ссылкѣ съ этой неосвѣдомленностью о томъ, что дѣлается въ Россіи. Но къ чему только ни привыкаетъ человѣкъ, особенно въ нашей россійской дѣйствительности. Когда началась весенняя распутица, мы цѣлыхъ два мѣсяца сидѣли безъ почты. Два мѣсяца ни звука изъ Россіи! Какія только мысли ни приходили въ голову. Можетъ, тамъ уже подъемъ революціи, можетъ, новыя побѣды народа! А, можетъ, Дума разогнана, организаціи разгромлены, и снова начнется кропотливая работа собиранія силъ!

Чего только ни передумали за эти два мѣсяца ожиданія. За это время нѣтъ рѣшительно никакого сообщенія между Обдорскомъ и внѣшнимъ міромъ. Не разъ въ шутку обдорчане говорили, что они на эти два мѣсяца могутъ объявить у себя республику, и никто имъ помѣшать въ этомъ не можетъ. Кругомъ тающій ледъ, непроходимыя водныя пространства, въ которыхъ плаваютъ громадныя глыбы льда,—и больше ничего. Зато какая была радость, когда въ одно утро намъ сообщили, что „ледъ прошелъ“, и мы увидѣли громадную водную поверхность, далеко теряющуюся за горизонтомъ! Эта вода, окружавшая насъ со всѣхъ сторонъ, должна была затруднить побѣгъ, но зато она обѣщала намъ доставить скоро свѣдѣнія о томъ, что творится въ Россіи.

Со дня на день мы стали ждать парохода. Дулъ цѣлую недѣлю сильный вѣтеръ съ Урала. А во время вѣтра Обь такъ же сильно волнуется, какъ море, и пароходы принуждены бываютъ прятаться подъ защиту береговъ. Эта недѣля ожиданія была самой мучительной изъ всѣхъ дней, проведенныхъ въ ссылкѣ.

Приходъ парохода, особенно перваго—цѣлый праздникъ. Ссыльные и всѣ обдорчане собрались на берегу. Еще пароходъ былъ далеко отъ берега, когда начались разспросы о новостяхъ. Любопытенъ былъ первый вопросъ, который у всѣхъ былъ на устахъ:

— Ну, что, Дума еще существуетъ?

— Пока еще не разогнана,—былъ отвѣтъ капитана, флегматически стоявшаго на мостикѣ, и, видно, не первый разъ отвѣчавшаго на этотъ вопросъ. Во время далекаго пути отъ Тобольска до Обдорска, въ каждомъ селѣ, въ каждомъ населенномъ пунктѣ ему задавали все тотъ же вопросъ. Что онъ могъ отвѣтить, кромѣ естественно вытекающаго изъ положенія Думы „пока еще“?...

Сами обдорчане спокойно относятся къ этой своей оторванности отъ внѣшняго міра. Время весенней распутицы совпадаетъ, обыкновенно, съ пасхальными и послѣпасхальными праздничными днями. Рыбу ловить еще рано. Зимнія работы по торговлѣ кончены. Обдорчанинъ предается веселью и отдыху передъ тяжелой лѣтней работой на промыслахъ. Ежедневные кутежи и пьянство, карточная игра,—вотъ занятія обдорскихъ обывателей въ это время.

Вообще на сѣверѣ пьютъ много. Но Обдорскъ перещеголялъ въ этомъ отношеніи всѣ сосѣдніе населенные пункты. Казенная винная лавка ежегодно продаетъ до 100.000 ведеръ водки, какъ разсказывалъ намъ мѣстный завѣдующій складомъ. До открытія „монопольки" водка была дорога, ее за страшно высокую цѣну продавали инородцамъ торговцы, но монополька „демократизировала" цѣны, и теперь водку въ громадномъ количествѣ уничтожаютъ остяки и самоѣды. На улицахъ постоянно можно встрѣтить рядъ нартъ, на которыхъ пріѣзжаютъ изъ окрестныхъ чумовъ за водкой остяки и самоѣды. Ѣдутъ они обыкновенно цѣлыми семьями и напиваются тутъ же на улицѣ. Пьютъ всѣ—и взрослые, и дѣти, и мужчины, и женщины. Часто спятъ на улицѣ.

Разъ мы поѣхали кататься на оленяхъ. Былъ довольно холодный зимній день. Мы встрѣтили далеко отъ села двѣ остяцкія нарты, на которыхъ сидѣло человѣкъ 8 разнаго пола и возраста. Всѣ были пьяны. У всѣхъ—по штофу съ водкой. Они никакъ не могли справиться съ оленями: тѣ бросались въ сторону, нарты переворачивались, и всѣ падали на землю. Зырянинъ, сопровождавшій насъ, говорилъ, что они окончательно перепьются и, вѣроятно, тутъ же въ полѣ залягутъ спать. Можетъ, часть прямо выпадетъ изъ нартъ на дорогу.

— Вѣдь они замерзнутъ,—замѣтили мы.

— Ничего,—флегматично отвѣтилъ онъ,—ихъ изнутри грѣетъ, не въ первый разъ.

Въ дни распутицы, когда мы особенно тоскливо ждали извѣстій, особенно чувствовали обиду оторванности отъ родной среды, Обдорскъ веселился во-всю.

Что же оставалось дѣлать обдорчанамъ, если эта оторванность отъ міра повторялась изъ года въ годъ?

IV. Положеніе ссыльныхъ.

Современная политическая ссыльная колонія совершенно не похожа на тѣ колоніи, какія были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сильно измѣнился какъ составъ ссылки, такъ и общее ея положеніе среди окружающаго мѣстнаго населенія.

Раньше въ ссылку шли главнымъ образомъ революціонеры,

члены двухъ дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи революціонныхъ партій: соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Тѣ, которые попадали туда еще въ періодъ формировки своего политическаго міровоззрѣнія, тамъ быстро примыкали къ тѣмъ или инымъ партійнымъ группамъ. Благодаря такому составу ссылки колоніи были однородны по настроенію, по общему революціонному міровоззрѣнію и чувствовали себя единымъ организмомъ. Внѣ самой колоніи стояли мѣстные обыватели, нисколько не интересовавшіеся политикой. Связь съ ними колоніи была чисто-внѣшняя, подсказываемая необходимостью поддержать свое существованіе.

Теперь дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе.

Октябрьская амнистія 1905 года вернула изъ ссылки всѣ старые элементы. Послѣдующая реакція, массовые аресты и высылки цѣлыми тысячами участниковъ революціонной борьбы наполнили ссылку новымъ элементомъ. „Безпартійный" сталъ наиболѣе обычнымъ типомъ политическаго ссыльнаго.

Кого только нѣтъ въ этомъ великомъ переселеніи живыхъ силъ русскаго революціоннаго движенія на сибирскій сѣверъ! Тутъ аграрникъ и стачечникъ, земскій дѣятель и флотскій матросъ, почтово-телеграфный служащій и желѣзнодорожникъ. Немало среди этой публики и такихъ, которые ничего общаго не имѣютъ съ освободительнымъ движеніемъ, а просто арестованы въ массѣ и высланы на основаніи „чрезвычайныхъ" законовъ! И всѣхъ этихъ людей связываетъ общая участь политическихъ ссыльныхъ, общая борьба съ администраціей за вольности, наконецъ, общая забота о пріисканіи занятій и вообще средствъ существованія. Но то, что легко было организовать раньше при единомышленникахъ, теперь куда труднѣе, когда составъ ссылки сталъ такой разнородный.

Теперь нерѣдко приходится слышать, что тотъ или иной „политическій" поступилъ предосудительно; что ссыльные пьянствуютъ, играютъ въ карты, иногда даже служатъ оружіемъ въ рукахъ кулаковъ для эксплоатаціи туземнаго населенія и т. д.

Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ обвиненій безусловно справедливы. Да и не удивительно! Вѣдь кого только ни вовлекла въ массовое движеніе широкая революціонная волна послѣднихъ лѣтъ? Кто только ни попадалъ въ ссылку? Развѣ мало было такихъ случаевъ, когда люди, всю жизнь ничего не дѣлавшіе для демократіи и даже глубоко ей враждебные, участвовали въ революціонныхъ актахъ подъ вліяніемъ общественнаго подъема, вызваннаго революціей? Но вотъ они вырваны изъ движенія. Ихъ не воодушевляетъ и не очищаетъ атмосфера высоко-идеалистической народной борьбы за свободу. Они заброшены въ далекое сибирское село безъ средствъ существованія, безъ всякихъ надеждъ на будущее. И они снова принимаются за свои прежнія „дѣла", нисколько не стѣсняясь многообязующимъ званіемъ политическаго ссыльнаго.

Революціонеры, конечно, не могутъ примириться съ такимъ поведеніемъ своихъ невольныхъ „товарищей". Создается ужасная атмосфера взаимнаго недовѣрія, упрековъ и всякихъ третейскихъ судовъ. Ссылка обращается въ адъ.

Надо еще имѣть въ виду, что большинство „партійной" публики обыкновенно бѣжитъ при первой же возможности. Остаются въ ссылкѣ отбывать срокъ только тѣ, кто не можетъ жить въ Россіи нелегально. А таковы, главнымъ образомъ,—безпартійные

Политическіе ссыльные въ Тобольской губ. организованы довольно хорошо. Есть какъ мѣстные колоніальные комитеты, такъ и областныя бюро. Лѣтомъ 1906 года былъ съѣздъ, который установилъ болѣе тѣсную связь между отдѣльными колоніями, разбросанными по Оби.

Мы были сосланы въ самое сѣверное поселеніе Тобольской губ. Отъ насъ до Тобольска около 1400 верстъ. До ближайшей политической колоніи (въ уѣздномъ городкѣ Березовѣ) 500 верстъ. Поэтому нашей ссылкѣ за зиму не пришлось имѣть никакихъ общихъ дѣлъ съ остальными колоніями, и мы жили совершенно обособленной жизнью.

Какъ я уже говорилъ, мы застали въ Обдорскѣ пять человѣкъ административно-высланныхъ. Насъ пріѣхало 18 (изъ нихъ 6 вольнослѣдующихъ женъ), такимъ образомъ образовалась колонія въ 23 человѣка.

Наша колонія, въ сравненіи съ другими, была поставлена въ выгодное положеніе. Мы всѣ знали другъ друга, большинство изъ насъ были люди, „видавшіе виды", и потому никакихъ непріятностей, какъ въ другихъ мѣстахъ ссылки, не могло быть.

За организацію колоніи мы принялись не сразу. Мы черезчуръ долго жили общей тюремно-коммунальной жизнью, жизнью на людяхъ, и намъ всѣмъ очень хотѣлось, насколько возможно, „индивидуализироваться". Общія предпріятія мы свели до минимума. Но все же жить долго въ ссылкѣ безъ всякой организаціи невозможно. Черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ мы выбрали комитетъ, учредили колоніальную кассу, намѣтили пути болѣе тѣснаго общенія съ остальными колоніями.

Была еще одна причина малаго развитія у насъ коллегіальной жизни. Съ самаго пріѣзда мысли многихъ изъ насъ были заняты побѣгомъ. На свое пребываніе въ Обдорскѣ мы смотрѣли, какъ на временное, и искали только удобнаго случая, чтобы вернуться въ культурный міръ, къ прерванной работѣ.

Наша партія не терпѣла въ первое время никакой матеріальной нужды. Мы и въ этомъ отношеніи были въ очень выгодномъ положеніи. Еще уѣзжая изъ Петербурга, осужденные по дѣлу Совѣта получили широкую денежную помощь отъ петербургскихъ рабочихъ и вообще отъ пролетарскихъ организацій. Не будь этой помощи, большинству изъ насъ пришлось бы очень плохо, осо-

бенно тѣмъ, у кого были семьи. Помощь со стороны петербургскихъ рабочихъ своимъ депутатамъ не прекращалась и послѣ поселенія въ Обдорскѣ. Пролетаріатъ постоянно доказывалъ, что онъ сохранилъ живую память о дѣятеляхъ „перваго рабочаго парламента“.

Нѣкоторые изъ товарищей вскорѣ послѣ своего пріѣзда нашли работу. Вообще въ Обдорскѣ, какъ разсказываютъ люди, жившіе въ различныхъ мѣстахъ Тобольской губ., сравнительно легче найти работу. Особенно большой спросъ на физическій трудъ. Лѣтомъ, во время промысловыхъ работъ, цѣны на рабочія руки сильно подымаются. Но рыбная ловля очень тяжела для людей непривычныхъ, и только крайняя нужда заставляетъ „политиковъ“ наниматься въ рыболовную артель. Изъ нашихъ совѣтскихъ одни открыли слесарную мастерскую для починки всякихъ мелкихъ вещей, другой переплетную, третій занимался фотографированіемъ. Вѣроятно, въ концѣ концовъ большинству удалось бы кое-какъ устроиться. Труднѣе всего было найти работу „интеллигентамъ“, спросъ на которыхъ очень невеликъ. Впрочемъ, все же удалось достать одинъ урокъ, кое-какую „художественную“ работу (рисованье портретовъ), секретарство въ Обществѣ трезвости, проектировалась работа въ предполагаемомъ сельскомъ банкѣ и т. д.

Жизнь въ Обдорскѣ довольно дорога. Цѣны на предметы первой необходимости почти такія же, какъ въ Петербургѣ. Квартиры также дорогія. Найти комнату за десять рублей въ мѣсяцъ очень трудно. Если бы у насъ не было средствъ, привезенныхъ изъ Петербурга, мы принуждены были бы жить впроголодь, такъ какъ трудно заработать столько, чтобы жить сносно.

Положеніе политическихъ ссыльныхъ въ Тобольской губ. въ смыслѣ административныхъ стѣсненій очень недурное. „Политики“, какъ выражаются департаментскіе циркуляры, „сильно распущены“. Въ сущности, нѣтъ никакого надзора за ссыльными. Водворивши ссыльнаго на мѣсто жительства, полиція уже перестаетъ интересоваться его участью. Она только доставляетъ ему пособіе, выдаваемое казной, и этимъ ограничиваются оффиціальныя сношенія. Иногда, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, администрація не знаетъ, гдѣ находится тотъ или иной политикъ, бѣжалъ ли онъ, или только поѣхалъ гостить къ товарищамъ. И если бы не выдача пособій, то весьма возможно, что власти долго не знали бы объ исчезновеніи ссыльнаго.

Переѣздъ ссыльныхъ изъ одного мѣста въ другое не былъ ничѣмъ стѣсненъ. Вѣрнѣе, полиція не интересовалась этими переѣздами. Да если бы она и интересовалась, она ничего не могла бы предпринять, чтобы помѣшать передвиженію ссыльныхъ. У нея подъ рукой не было достаточно силы, а чтобы ее завести, надо было увеличить во всѣхъ селахъ впятеро число урядниковъ и стражниковъ. Что могъ сдѣлать, напримѣръ, одинъ урядникъ

съ партіей политическихъ человѣкъ въ двадцать? Какъ могъ онъ помѣшать имъ уѣзжать? На крестьянъ нечего было разсчитывать, такъ какъ они совершенно не вмѣшивались въ отношенія между „политиками" и полиціей. Они держались, какъ „нейтральная держава", съ большими симпатіями на нашей сторонѣ.

У насъ въ Обдорскѣ ссыльныхъ вмѣстѣ съ нами было 23 человѣка. Вся же администрація состояла изъ пристава и урядника. Сельскія власти (старшина, десятскій) не касались насъ совершенно, такъ какъ въ Обдорскѣ даже нѣтъ волости, а только инородческія управы: самоѣдская и остяцкая. Приставъ самъ часто говорилъ, что у него въ рукахъ нѣтъ никакой реальной силы, чтобы привести въ исполненіе циркуляры губернатора относительно надзора за нами. Если бы въ одно прекрасное утро намъ вздумалось для организаціи побѣга арестовать пристава и урядника и тѣмъ оставить Обдорскъ безъ „начальства", мы это легко могли бы сдѣлать. Былъ даже планъ увезти съ собой на нартахъ всю мѣстную полицію и оставить ее гдѣ-нибудь на дорогѣ въ остяцкомъ „чумѣ". Пока она доберется до такого мѣста, откуда можно будетъ послать извѣстіе о побѣгѣ, бѣглецы уже давно будутъ въ безопасности.

До пріѣзда нашей партіи полиція и не старалась измѣнить установившагося status quo. Ей же было меньше хлопотъ по части надзора и непріятныхъ стычекъ съ политиками. Да и охоты у нея большой до сыска не было. Освободительное движеніе, охватившее всю страну, докатилось и до окраинной администраціи. Она относилась къ революціи такъ же, какъ и мѣстные обыватели. Вѣдь ей не приходилось вести постоянной ожесточенной борьбы съ революціей! Она не испытывала на себѣ ударовъ народнаго движенія, которое, цѣлясь въ режимъ, невольно попадало и въ служителей этого режима, въ администрацію. Отъ борьбы между революціей и реакціей она стояла совершенно въ сторонѣ. Поэтому и приходится наблюдать, что черносотенцевъ среди мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ почти нѣтъ. Зато либерализмъ цвѣтетъ во-всю.

Въ административной практикѣ Тобольской губ. установилось, что за побѣги политическихъ никто не отвѣчаетъ. Иначе пришлось бы привлечь къ отвѣтственности всю мѣстную высшую и низшую администрацію, такъ какъ изъ тысячъ ссыльныхъ едва остается половина въ предѣлахъ губерніи. Только съ пріѣзда нашей партіи порядки измѣнились. „Совѣтскихъ" сдавали, какъ я уже говорилъ, подъ личную отвѣтственность мѣстныхъ властей. За побѣгъ Троцкаго и Хрусталева уволили и отдали подъ судъ исправника, станового пристава и полицейскаго надзирателя. Неслыханное для Тобольской губерніи дѣло. Нашъ побѣгъ, благодаря этому, затруднялся. Личная заинтересованность мѣстной полиціи дѣлала ее болѣе бдительной. Но что могла сдѣлать эта бди-

тельность съ людьми, всей силой души стремящимися вырваться изъ сибирскихъ тундръ? Она только нѣсколько затруднила осуществленіе нашихъ плановъ, но не могла сдѣлать ихъ невыполнимыми.

События скоро показали это.

V. Неудачныя попытки побѣга.

Когда мы уѣзжали изъ Петербурга, всѣ насъ провожали съ одними и тѣми же словами:

— До свиданія, вѣдь все равно не надолго!.

Даже тюремный инспекторъ, тов. прокурора, присутствовавшій при освидѣтельствованіи ссыльно-поселенцевъ, и вся администрація тюрьмы выражали твердую увѣренность, что мы тамъ не останемся.

Мѣстная сибирская администрація также не обманывалась. Она хорошо знала, что основываться въ Сибири никто изъ насъ не намѣренъ, и что многіе воспользуются первымъ же удобнымъ случаемъ, чтобы бѣжать. Помощникъ тобольскаго исправника, сопровождавшій нашу партію, говоря какъ-то со мной о побѣгахъ, выразилъ только одно пожеланіе, чтобы мы не бѣжали съ дороги и не подводили конвоя и сопровождающихъ чиновъ полиціи.

— Вѣдь вамъ же удобнѣе бѣжать съ мѣста водворенія: меньше риску, да и лучше можно все подготовить.

Но ихъ предположенія оказались оптимистичнѣе, чѣмъ наша дѣйствительность. Намъ пришлось все же болѣе трехъ мѣсяцевъ прожить въ Обдорскѣ, пока представилась возможность вернуть себѣ свободу. Несмотря на всѣ старанія, никому изъ нашихъ не удалось бѣжать зимнимъ путемъ, и только съ открытіемъ навигаціи планы наши получили осуществленіе.

Трудность побѣга изъ Обдорска не настолько велика, чтобы нельзя было преодолѣть препятствія. Но для организаціи побѣга нужно было много времени, а у насъ до распутицы оставался всего мѣсяцъ. За это время намъ, при нашемъ исключительно невыгодномъ положеніи въ смыслѣ надзора, не удалось привести въ исполненіе ни одного изъ многочисленныхъ проектовъ.

Для того, чтобы добраться до ближайшей желѣзнодорожной станціи, надо было проѣхать на оленяхъ и лошадяхъ больше полуторы тысячъ верстъ. Такими станціями были или Тюмень, или Богословскіе заводы, куда, по разсказамъ березовской администраціи, бѣжалъ Троцкій. Былъ и еще одинъ зимній путь, черезъ Ижму на Архангельскъ. Полиція почему-то была увѣрена, что мы изберемъ этотъ путь, несмотря на то, что это—наиболѣе долгій и наиболѣе неудобный. Пришлось бы, переваливши Уралъ, скакать около 2 тысячъ верстъ по совершенно безлюднымъ мѣстамъ,

по ужаснымъ дорогамъ и при этомъ постоянно имѣть въ перспективѣ возможность столкнуться въ рѣдкихъ населенныхъ пунктахъ со становымъ или урядникомъ. Эта часть Архангельской губ., примыкающая къ Березовскому уѣзду, служитъ мѣстомъ ссылки, и мы легко могли быть задержаны, какъ бѣглецы изъ числа мѣстныхъ политиковъ.

Единственная хорошо налаженная дорога отъ Обдорска идетъ черезъ Березовъ, Тобольскъ на Тюмень. Это тотъ путь, по которому насъ везли этапомъ. До Березова дорога земская, а оттуда почтовая. Намъ нечего было и мечтать ѣхать по ней. Послѣ побѣга Троцкаго и Хрусталева были предприняты всѣ мѣры, чтобы никому безъ особаго разрѣшенія полиціи не выдавались лошади Я уже касался выше случая съ однимъ товарищемъ, пожелавшимъ воспользоваться этимъ трактомъ. Содержатели станцій настолько были напуганы мѣстной администраціей, особенно послѣ увольненія березовскаго исправника, что даже оффиціальной бумагѣ не довѣряли. Вѣдь бумагу можно поддѣлать—довольно резонно говорили они—и старались лично у администраціи удостовѣриться въ подлинности разрѣшенія.

Намъ оставалось обратить вниманіе на другіе пути. Мы старательно принялись за изученіе различныхъ коммерческихъ дорогъ, соединяющихъ Обдорскъ съ торговыми пунктами Вологодской и Пермской губерній. Карты у насъ были. Въ мѣстной библіотекѣ, благодаря трудамъ миссіонера о. Иринарха, была собрана богатая литература о сибирскомъ сѣверѣ. Ею мы и воспользовались, хотя благочестивый монахъ, вѣрно, не предполагалъ, что его коллекція будетъ использована для такихъ преступныхъ цѣлей.

Дорогъ было нѣсколько. Но нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно заброшены, и о нихъ никто изъ мѣстныхъ обывателей не могъ дать никакихъ свѣдѣній. Онѣ дѣйствовали еще тогда, когда въ Обдорскъ ходило мало пароходовъ, и мѣстнымъ торговцамъ приходилось организовывать вывозъ товаровъ собственными средствами. Самыя свѣжія свѣдѣнія, которыя мы могли собрать о нихъ, были за время не раньше, чѣмъ 15—20 лѣтъ тому назадъ. По другимъ дорогамъ, правда, ѣздили и теперь, но только въ опредѣленное время года, со спеціальными провожатыми. Главный недостатокъ этихъ дорогъ заключается въ томъ, что въ цѣломъ рядѣ перегоновъ въ 200, 300 верстъ нѣтъ жилыхъ помѣщеній. Надо ѣхать со своими запасами и съ долгими остановками для отдыха и корма лошадей. А намъ это было не совсѣмъ удобно, такъ какъ полиція могла бы доскакать до телеграфа и предупредить всѣ желѣзнодорожныя станціи, лежащія вблизи Тобольской губ. Опасность тогда удесятерилась бы.

Насъ, конечно, такія препятствія не могли остановить. Разъ вообще существовала дорога и по ней когда-то ѣздили купцы, то

почему же намъ не попробовать? И мы строили самые разнообразные планы, готовились въ зимній походъ по незнакомой, малоизслѣдованной тундрѣ.

Для побѣга надо было прежде всего достать проводника и оленей. Безъ помощи со стороны мѣстныхъ жителей мы этого сдѣлать не могли. Пришлось обратиться къ нимъ за содѣйствіемъ.

Полиція также знала, что мы должны будемъ обратиться за помощью къ мѣстнымъ обывателямъ. Поэтому она учредила надзоръ не столько за нами, сколько за ними. Вообще нужно сказать, что условія жизни въ Обдорскѣ настолько просты, и различныя комбинаціи для организаціи такого экстраординарнаго предпріятія, какъ побѣгъ, настолько невелики, что полиція почти безъ ошибокъ напередъ знала, что̀ мы можемъ предпринять. Становой приставъ, подъ надзоромъ котораго мы находились, великолѣпно зналъ всѣхъ мѣстныхъ обывателей, зналъ, кто изъ нихъ способенъ взяться за содѣйствіе побѣгу. При такихъ условіяхъ нечего было и мечтать скрыть послѣ побѣга концы въ воду.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда одинъ изъ мѣстныхъ молодыхъ рыбопромышленниковъ, нашъ очень хорошій знакомый, уѣхалъ въ Березовъ. Въ это время года такія поѣздки—рѣдкость, но онѣ все же иногда случаются. На слѣдующій день намъ сообщаютъ, что мѣстный приставъ открылъ цѣлое секретное дознаніе по этому поводу. Онъ два раза вызывалъ работника уѣхавшаго, допытывался въ „частной бесѣдѣ“ у мѣстнаго врача, куда и зачѣмъ тотъ могъ уѣхать и т. д. Приставъ былъ увѣренъ, что эта поѣздка тѣсно связана съ нашимъ готовящимся побѣгомъ, и хотѣлъ принять всѣ мѣры для его предупрежденія.

Лучшей мѣрой противъ побѣга было—запугать остяковъ и зырянъ-оленеводовъ, что имъ предстоитъ серьезная отвѣтственность за содѣйствіе нашему побѣгу.

Мнѣ разсказывалъ одинъ знакомый зырянинъ, какъ внушалъ ему приставъ не помогать политикамъ, особенно совѣтскимъ:

— Конечно,—говорилъ онъ,—они люди, достойные съ нашей стороны не только уваженія, но и признательности. Каждый изъ насъ обязанъ всячески оказывать имъ содѣйствіе. Но все же не надо забывать и себя. За содѣйствіе побѣгу ссыльно-поселенцевъ полагается отвѣтственность по суду. Слѣдствіе можетъ затянуться года на два и все это время придется сидѣть въ тюрьмѣ. Вѣдь они все равно и безъ всякаго содѣйствія убѣгутъ, чего же вамъ подводить себя?...

При этомъ, конечно, приводился примѣръ съ березовскимъ исправникомъ. Разъ правительство не остановилось передъ тѣмъ, чтобы уволить и отдать подъ судъ чуть не всю мѣстную администрацію за побѣгъ Троцкаго и Хрусталева, то какого же снисхожденія можетъ ожидать простой обыватель?

Эти внушенія, сопровождавшіяся прямыми угрозами, когда разговоръ велся съ остякомъ или самоѣдомъ, имѣли свое дѣйствіе. Особенно сильно вліялъ на инородцевъ фактъ увольненія исправника. Это было для нихъ яркимъ доказательствомъ того, какъ строго будетъ карать правительство тѣхъ, кто окажетъ содѣйствіе нашему побѣгу.

Но къ чести Обдорска надо сказать, что эти угрозы дѣйствовали только на забитыхъ, запуганныхъ инородцевъ, большей частью на остяковъ. Что касается тѣхъ нашихъ друзей, которые съ первыхъ же дней нашего пріѣзда выразили готовность помочь намъ, они остались вѣрны своему обѣщанію. Несмотря на прямыя предупрежденія пристава, они продолжали оказывать намъ всяческія услуги, и если, несмотря на это, намъ все же не удалось бѣжать зимой, то вина во всякомъ случаѣ не въ нихъ.

Окрестные оленеводы, среди которыхъ много остяковъ, не соглашались давать оленей. Они боялись попасть подъ судъ. Долго намъ не удавалось найти проводника. Людей, знающихъ дороги, было очень мало, поэтому выборъ былъ небольшой. Тѣ изъ нихъ, которые, соблазнившись хорошимъ заработкомъ, соглашались ѣхать, вскорѣ отказывались, когда друзья и пріятели разрисовывали передъ ними всѣ ужасы грядущихъ преслѣдованій полиціи.

Нѣсколько разъ намъ удавалось наладить все для побѣга. Даже назначался день выѣзда. Но въ самый рѣшительный моментъ все разстраивалось изъ-за отказа проводника или хозяина оленей. Особенно памятна мнѣ одна неудача, которая, въ сущности, была и послѣдней нашей попыткой бѣжать зимнимъ путемъ.

Идея организаціи этого побѣга, какъ это ни странно, дана была намъ обдорскимъ приставомъ. Побѣгъ былъ одной изъ постоянныхъ темъ разговора между нами и „начальствомъ", когда мы встрѣчались. Это и понятно, такъ какъ и мы, и приставъ были въ немъ непосредственно заинтересованы, хотя изъ совершенно противоположныхъ мотивовъ.

Разсказывая о томъ, въ какое нелѣпое положеніе онъ поставленъ циркулярами, требующими неусыпнаго надзора за совѣтскими, онъ, между прочимъ, остановился на слѣдующей возможности:

— Ну что, напримѣръ, я могу сдѣлать, если вы убѣжите передъ самой распутицей? Вы предварительно все организуете и отправитесь на Усу [1]) тогда, когда вокругъ Обдорска не останется ни одного оленя. Погони за вами организовать я не сумѣю, сообщить въ Березовъ также, такъ какъ не будетъ никакихъ дорогъ. Только мѣсяца черезъ $1^1/_2$ или 2 сумѣю извѣстить начальство о совершившемся фактѣ...

Приставъ былъ правъ. Во время распутицы Обдорскъ бы-

[1]) Притокъ Печоры, за Ураломъ.

ваетъ совершенно оторванъ отъ остального міра, и что бы въ немъ ни случилось, извѣстить кого-нибудь изъ „начальствующихъ“ лицъ нѣтъ никакой возможности.

Есть, правда, одинъ путь—послать „депешу“, но онъ дѣйствуетъ только въ самомъ началѣ распутицы, когда ледъ еще не тронулся. Способъ этотъ весьма оригиналенъ и ярко характеризуетъ ту боязнь передъ начальствомъ, которую администрація сумѣла внушить остякамъ.

Пакетъ съ срочнымъ донесеніемъ запечатывается большой сургучной печатью „съ перомъ“. Въ этомъ „перѣ“—вся суть. Сургучъ растапливается надъ гусинымъ, или какимъ-нибудь другимъ птичьимъ перомъ такимъ образомъ, чтобы перо послѣ запечатанія торчало изъ-подъ печати. „Перо“—это символъ спѣшности и важности. Всякій остякъ, въ руки котораго попало такое письмо „съ перомъ“, обязанъ подъ страхомъ строгой отвѣтственности доставить его въ ближайшее поселеніе по пути назначенія письма. Иногда остяки, съ большимъ рискомъ для собственной жизни, переправляются во время распутицы черезъ рѣки, черезъ полуоттаявшія болота, гдѣ на собакахъ, гдѣ пѣшкомъ и на лодкѣ, и доставляютъ письмо по назначенію. Разсказываютъ, что чиновники нерѣдко злоупотребляютъ, отправляя визитныя карточки съ пасхальными поздравленіями такой „экстренной“ почтой. Разъ изъ-за такой визитной карточки чуть не утонулъ остякъ, ревностно исполнявшій эту оригинальную натуральную повинность. Чиновника, пославшаго карточку, послѣ этого не то уволили, не то перевели на другое мѣсто.

Мы рѣшили воспользоваться распутицей и уѣхать такъ, чтобъ не было никакой возможности догнать насъ. Къ Страстной недѣлѣ начало уже сильно таять. Большинство оленеводовъ перекочевали за Обь, къ Уралу, и къ Пасхѣ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, въ окрестностяхъ Обдорска не должно было остаться ни одного оленя. При содѣйствіи нашихъ друзей изъ мѣстныхъ обывателей мы нашли оленевода, который брался доставить насъ за Уралъ, до опредѣленнаго пункта. Тамъ насъ должны были ждать купцы, которые сплавляютъ въ это время года товары на Ижму. Съ ними мы доѣхали бы до Печоры. Дальнѣйшій путь лежалъ черезъ Печору...

Все было готово къ нашему отъѣзду. Въ соотвѣтствущихъ для оправданія такого длиннаго пути „документахъ“ тоже задержки не было. Обставлены мы были паспортами и другими бумагами великолѣпно. Путь предстоялъ очень длинный, почти мѣсяцъ до желѣзнодорожной станціи, и то только при безостановочной ѣздѣ. Уѣзжать насъ собиралось сразу нѣсколько человѣкъ.

Мы должны были выѣхать изъ Обдорска въ ночь на страстную субботу. Занятые праздничными хлопотами, ни жители, ни полиція не замѣтили бы нашего отсутствія въ теченіе субботы

и воскресенія. Если бы и узнали о побѣгѣ въ первый или второй день Пасхи, то врядъ ли нашли бы въ Обдорскѣ хотя бы одного трезваго человѣка, который согласился бы поѣхать въ погоню за нами или отправился бы въ окрестности въ поиски за оленями. Еще за недѣлю до Пасхи почтовое сообщеніе съ Березовымъ было прекращено, и лошади съ земскихъ станцій сняты. Все благопріятствовало успѣху нашего предпріятія, и мы надѣялись на удачу. Вещи наши еще за два дня были вывезены изъ Обдорска въ чумъ нашего антрепренера.

Ѣздить во время распутицы вообще очень опасно. Намъ предстояло совершить свой переѣздъ до притоковъ Печоры на оленяхъ. Нужно было переправиться черезъ рядъ горныхъ ручейковъ, которые въ это время года особенно полноводны. Какъ разсказывалъ проводникъ, намъ не миновать было ледяныхъ ваннъ, такъ какъ рѣки приходится переплывать на оленяхъ. Нарты накладываются одна на другую въ три-четыре этажа, на самомъ верху помѣщается проѣзжающій и багажъ и такимъ образомъ совершается переправа. Олени сами плаваютъ великолѣпно и легко тащатъ этотъ импровизированный плотъ. Мы запаслись броднями, „гусями" (особое пальто изъ сукна въ видѣ мѣшка съ капюшономъ), вещи уложили въ брезентовые мѣшки,— словомъ, приняли всѣ мѣры, чтобы быть приспособленнымъ къ далекому пути.

Но всѣ наши приготовленія пропали даромъ. Въ ночь на субботу поднялся страшный снѣжный буранъ. Вѣтеръ такъ крутилъ по улицамъ, такъ бѣшено вылъ и метался по селу, что опасно было выходить изъ дому. Что дѣлается въ такое время въ тундрѣ, трудно поддается описанію. Выѣзжать въ подобную погоду, это значитъ—идти на встрѣчу гибели.

Но мы не теряли надежды. Мы надѣялись, что выѣдемъ ночью изъ села и переждемъ гдѣ-нибудь непогоду. Буранъ не могъ быть причиной задержки побѣга съ нашей стороны. Вѣдь это было послѣдней попыткой бѣжать зимнимъ путемъ! Въ случаѣ неудачи пришлось бы цѣлыхъ два мѣсяца ждать парохода. Два мѣсяца совершенно оторванной отъ Россіи жизни, безъ писемъ, безъ газетъ, безъ положительныхъ надеждъ на то, что на пароходѣ удастся бѣжать!

Проводникъ долженъ былъ заѣхать за нами къ часу ночи. Это было самое темное время въ теченіе сутокъ, такъ какъ уже начались бѣлыя ночи. Мы собрались у одного товарища, живущаго на окраинѣ села. Въ сборѣ было большинство „совѣтской" колоніи.

Буря не переставала всю ночь.

Мы напрасно прождали до утра. Это были мучительно-томительные часы. Мы прислушивались къ каждому шороху, къ отдаленному лаю собакъ, присматривались къ мелькающимъ вдали

въ тундрѣ тѣнямъ... Разбитые, разочарованные, полные тоски по несбыточной свободѣ, мы разошлись утромъ по домамъ. То же повторилось и въ слѣдующую ночь. Мы предполагали, что буранъ задержалъ проводника. Какъ потомъ оказалось, въ эту ночь хозяинъ не согласился отпустить оленей, боясь, что ихъ занесетъ снѣгомъ.

Наступила Пасха. Народъ веселился. Въ селѣ было шумно и пьяно. Только мы ходили, какъ въ воду опущенные. Мы, правда, еще не потеряли окончательно надежды, но уже много шансовъ было за то, что хозяинъ оленей совершенно откажется. Надъ нашимъ зимнимъ побѣгомъ висѣло какое-то проклятіе. Уже который разъ налаженное почти предпріятіе срывалось.

На второй день Пасхи дѣло выяснилось. Намъ утромъ сообщили, что пріѣхалъ изъ чума проводникъ и привезъ обратно вещи. Оленоводъ отказался отпустить оленей. Онъ побоялся отвѣтственности передъ администраціей. Онъ прислалъ намъ вещи, а самъ съ оленями сейчасъ же перекочевалъ къ Уралу.

Никогда не забуду того тяжелаго чувства, съ которымъ мы разбирали свои вещи и разносили по домамъ. Обдорчане съ удивленіемъ смотрѣли, что политики откуда-то несутъ дорожныя вещи. Они останавливали насъ и разспрашивали, куда это въ праздничный день мы отправляемся съ вещами.

Отправляемся! Если бы они знали, какъ растравляло это слово наши раны!

Побѣгъ снова сорвался. Мы принуждены были ждать два мѣсяца, чтобы приняться за новыя попытки. Общее настроеніе было такое, что одно напоминаніе о побѣгѣ разстраивало нервы и приводило въ раздраженіе самыхъ хладнокровныхъ изъ насъ. Какъ будто создалось молчаливое соглашеніе совершенно не говорить о побѣгахъ и не строить пока никакихъ плановъ.

Но каждый про себя ежедневно думалъ о новыхъ способахъ вернуть себѣ свободу. Нельзя было не думать о томъ, съ чѣмъ связана вся будущая жизнь, возвращеніе къ общественной дѣятельности, къ товарищамъ.

Мы строили планы, но не высказывали о нихъ ничего другъ другу. Насъ пугалъ тотъ оффиціальный скептицизмъ ко всякимъ новымъ попыткамъ побѣга, который установился у насъ въ колоніи. Планамъ этимъ, однако, суждено было осуществиться. Лѣто уже принесло съ собой нѣкоторымъ изъ насъ свободу.

VI. Побѣгъ.

Распутица приближалась къ концу и съ этимъ вмѣстѣ возрождались наши надежды на возможный побѣгъ. Снова начались долгія обсужденія всевозможныхъ проектовъ, связанныхъ съ прибытіемъ пароходовъ.

Прежде всего намъ необходимо было обезпечить себѣ свободный выѣздъ изъ Обдорска. Уѣхать изъ села такимъ образомъ, чтобы полиція сейчасъ же не узнала объ отлучкѣ, невозможно. Обыватели Обдорска не только знаютъ то, что дѣлается въ каждой семьѣ, но даже проникаютъ какимъ-то образомъ въ тайны проектируемыхъ дѣйствій. Нечего было и думать скрыть хотя бы на нѣсколько дней свое отсутствіе.

Препятствовать нашему отъѣзду, какъ я указывалъ выше' приставъ не могъ. Сѣсть на пароходъ и доѣхать до Березова мы могли совершенно свободно. Но въ Березовѣ насъ могли задержать и на основаніи недавно введеннаго въ краѣ положенія объ усиленной охранѣ засадить въ тюрьму, а потомъ вернуть обратно. Перспектива не изъ особенно интересныхъ! Намъ нисколько не улыбалась березовская тюрьма взамѣнъ обдорской „свободы".

У насъ былъ другой путь—временно исчезнуть изъ Обдорска. Это—поѣхать на „низъ", къ устью Оби на рыбные промыслы. Лѣтомъ почти все мужское населеніе села уѣзжаетъ на рыбную ловлю внизъ по теченію. Многіе промышленники насъ приглашали къ себѣ въ гости, и мы у нихъ могли недурно устроиться. Оттуда уже можно было уѣхать на пароходѣ свободнѣе, такъ какъ тамъ совершенно нѣтъ полиціи, а пассажировъ бываетъ оченъ мало. Правда, пароходъ на обратномъ пути заѣзжаетъ въ Обдорскъ, но при нѣкоторой предосторожности можно избѣжать любопытныхъ взоровъ и болѣе бдительныхъ сторожей, чѣмъ обдорская полиція. На „низъ" мы могли ѣхать свободно, такъ какъ ссыльнымъ не возбраняется перебираться на сѣверъ, къ полюсу! Это даже, нѣкоторымъ образомъ, поощряется.

Кто-то изъ ссыльныхъ узналъ, что существуютъ новыя правила „объ облегченіи участи ссыльно-поселенцевъ", изданныя въ 1905 году. По этимъ правиламъ ссыльно-поселенцы имѣютъ право, съ разрѣшенія мѣстной полиціи, въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ по водвореніи разъѣзжать по уѣзду, а послѣ 6 мѣсяцевъ, только *съ вѣдома* полиціи, по всей губерніи. Лишаются этихъ льготъ только лица порочнаго поведенія и бродяги.

Мы обратились къ мѣстному приставу за подобнымъ разрѣшеніемъ. Онъ подтвердилъ наше право „искать заработка въ предѣлахъ уѣзда", но отказался выдать нужное для этихъ поисковъ свидѣтельство. Любопытно, что онъ открыто признавалъ всю беззаконность своего отказа, но не могъ поступить иначе согласно циркуляру губернатора, гдѣ категорически было сказано: „отлучекъ не давать". Мы оказывались лишенными и тѣхъ ничтожныхъ „правъ", которыя русское законодательство признаетъ за ссыльно-поселенцами. Намъ оставалось собственноручно дать себѣ „отлучку".

За нѣсколько дней до прихода перваго парохода я отправился къ мѣстному приставу съ просьбой удостовѣрить мою подпись на

заявленіи о неимѣніи препятствій съ моей стороны къ выдачѣ заграничнаго паспорта моей женѣ.

— Что, вы уже готовитесь въ заграничное путешествіе? неужели нашъ Обдорскъ вамъ надоѣлъ?—такъ встрѣтилъ меня приставъ.

. Затѣмъ начался обычный разговоръ о побѣгахъ, отлучкахъ и т. д. Во время разговора присутствовали: мѣстный миссіонеръ, березовскій акцизный чиновникъ и присланный изъ Березова заместитель пристава (нашъ приставъ долженъ былъ съ первымъ же пароходомъ уѣхать въ Березовъ исправлять обязанности уволеннаго исправника).

Я попросилъ пристава показать мнѣ оффиціальное постановленіе тобольскаго губер. присутствія о водвореніи насъ на жительство въ Обдорскѣ и объ отобраніи у насъ подписки о „невыѣздѣ“. Такое постановленіе обязательно, и должно быть намъ предъявлено. Но благодаря ли небрежности губернской администраціи, или чему другому, у нашего пристава его не оказалось. Выходило такъ, что насъ привезли въ Обдорскъ и отпустили на всѣ четыре стороны, не обязавши насъ даже подпиской о невыѣздѣ.

— Имѣете ли вы законное право помѣшать намъ уѣхать изъ Обдорска?—спросилъ я у пристава.

— Законнаго нѣтъ, да если бы и хотѣлъ, вы знаете, что я не въ состояніи. Но согласно циркуляру губернатора я не могу вамъ давать отлучекъ, а если уѣдете, то обязанъ немедленно сообщить своему начальству.

Но меня интересовала не эта сторона дѣла. За самовольную отлучку насъ могли засадить въ тюрьму административнымъ порядкомъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, да еще вдобавокъ предать суду. Разъ же нѣтъ оффиціальнаго постановленія о нашемъ водвореніи, то не можетъ быть рѣчи о самовольной отлучкѣ. Приставъ долженъ былъ согласиться, что онъ поставленъ въ нелѣпое положеніе по отношенію къ намъ. Въ результатѣ нашей долгой бесѣды я ему заявилъ, что нѣкоторые изъ насъ собираются уѣхать въ Березовъ, такъ какъ не связаны никакой подпиской о невыѣздѣ. Онъ призналъ за нами „право“ уѣзжать и обѣщался самъ поѣхать съ первымъ же пароходомъ до Березова и получить инструкцію отъ губернатора по телеграфу (и, конечно, сообщить, что мы „отлучились“).

Этимъ правомъ нѣкоторые изъ нашихъ вскорѣ и воспользовались. Они уѣхали въ Березовъ. Какой отвѣтъ получилъ приставъ отъ губернатора, я не знаю. Меня уже не было въ Обдорскѣ, когда онъ долженъ былъ получить инструкцію.

Весной, съ первой водой, въ Обдорскъ прибываетъ нѣсколько коммерческихъ пароходовъ. Они привозятъ рабочихъ, баржи, соль и вообще разные товары и припасы. Отъ Обдорска они всѣ

направляются къ устью Оби и черезъ нѣсколько дней снова возвращаются назадъ. Лѣтомъ частные пароходы посѣщаютъ Обдорскъ рѣдко. Только осенью, когда кончается рыбная ловля, коммерческіе пароходы снова появляются въ устьѣ Оби съ громадными баржами для транспорта скупленной торговыми фирмами рыбы.

Намъ нужно было воспользоваться весеннимъ „съѣздомъ“ пароходовъ, иначе пришлось бы отложить побѣгъ до осени. Полиція, конечно, также знала, что это время—одно изъ наиболѣе удобныхъ для побѣга. Но на нашей сторонѣ было преимущество: симпатія пароходныхъ командъ и нѣкоторая независимость отъ полиціи администраціи частныхъ пароходовъ. Со стороны тобольскаго губернатора были попытки еще въ прошломъ году обязать подпиской пароходовладѣльцевъ не возить политическихъ, но тѣ категорически отказались исполнять полицейскія функціи. Они заявили, что не могутъ же требовать отъ пассажировъ паспортовъ, для нихъ достаточно, если послѣдніе заплатили за проѣздъ.

Въ дальнѣйшемъ описаніи своего побѣга я долженъ по понятнымъ причинамъ опустить нѣкоторыя подробности.

. . . .

Я очутился въ совершенно темномъ шкафу. Раздался третій свистокъ, и началась обычная возня на палубѣ передъ отходомъ парохода. Вотъ уже слышится скрипъ якорной цѣпи, пароходъ качнулся раза два и тронулся.

Итакъ, побѣгъ начался.

Замѣтили ли мое отсутствіе на берегу тѣ, кто ѣхалъ на пароходѣ? Узнали ли оставшіеся въ селѣ чины полиціи, что я не уѣхалъ открыто, по примѣру другихъ товарищей, а куда-то исчезъ?

Эти вопросы такъ и мелькали въ головѣ. Но некогда было останавливаться на ихъ рѣшеніи. Я прислушивался къ голосамъ, раздающимся гдѣ-то, желая по нимъ что-нибудь разобрать. Но трудно было что-нибудь разслышать, да и возня на пароходѣ была большая.

Я попалъ въ свою импровизированную „каюту“ совершенно неожиданно. Вещей никакихъ со мной не было. Онѣ всѣ остались въ Обдорскѣ. Но я не жалѣлъ о нихъ: въ своей нелегальной жизни мнѣ не разъ приходилось бросать всѣ вещи и спасаться въ одномъ платьѣ.

Наконецъ, шумъ на пароходѣ стихъ. Раздавалось только тяжелое шлепанье пароходныхъ колесъ. Колесо было тутъ, близко, и въ темнотѣ я не могъ сначала понять, лежу ли я на самомъ колесѣ, сбоку, или подъ нимъ. Вѣроятнѣе всего сбоку, такъ какъ сзади того мѣста, гдѣ я лежалъ, можно было ощупать полуцилиндрическую желѣзную обшивку.

Доски, на которыхъ я лежалъ, качались. Онѣ не всѣ, какъ

видно, были прибиты гвоздями. А что подъ ними? Вдругъ провалишься въ воду? Надо спокойнѣе лежать, пока не удастся удостовѣриться, что подъ досками не вода. Да и вообще шевелиться не особенно удобно, проклятыя доски такъ скрипятъ.

Я началъ ощупью знакомиться со своимъ помѣщеніемъ. Оно было довольно обширное. Воздуху было много. Лежать можно было совершенно свободно, сидѣть „по-восточному" также. Въ одномъ углу шкафа стоялъ ящикъ съ какими-то пузырьками, склянками и чѣмъ то мягкимъ, напоминающимъ клеенку для компрессовъ. Потомъ я узналъ, что это походная пароходная аптека. Въ другомъ углу какія-то рамы съ разбитыми стеклами—вѣроятно, планы парохода. Я такъ и не узналъ, что на нихъ изображено. *Столько* свѣту никогда не было въ моей кельѣ.

Черезъ одну изъ дверей въ дверцахъ шкафа пробивался узкій лучъ свѣта. Этотъ лучъ не освѣщалъ почти ничего въ моемъ помѣщеніи, но по нему можно было судить, какая погода на волѣ—солнечная или облачная. При нѣкоторомъ напряженіи зрѣнія и навыкѣ можно было смотрѣть на часы. А это уже большое облегченіе въ моемъ положеніи, когда впереди—не одни сутки ѣзды въ этомъ темномъ карцерѣ.

Прошелъ часъ, другой, никто не являлся. Видно, моимъ друзьямъ на пароходѣ нельзя было отлучиться отъ другихъ пассажировъ и заглянуть ко мнѣ.

Наконецъ, дверь шкафа немного пріотворилась, и знакомый голосъ прошепталъ:

— Всѣ идетъ великолѣпно, никто не подозрѣваетъ твоего присутствія. Сейчасъ принесу подушку, одѣяло, ѣду.

Первая опасность, значитъ, миновала. Я выѣхалъ благополучно изъ Обдорска. До самаго Березова безпокоиться теперь нечего—нигдѣ не можетъ быть ни обыска, ни какихъ-либо другихъ осложненій. Я могъ устраиваться въ своемъ шкафу свободно на цѣлыхъ двое сутокъ.

Эти двое сутокъ пролетѣли очень незамѣтно. Мнѣ, привыкшему проводить долгіе мѣсяцы въ одиночномъ заключеніи, было нетрудно примириться со своимъ новымъ заточеніемъ. Я наполнялъ безконечные часы своего лежанія въ шкафу планами будущей жизни на свободѣ, одна мысль о которой могла примирить съ какой угодно обстановкой. Не знаю, какъ другимъ заключеннымъ, но мнѣ теперь почти не приходится проводить дни заключенія въ воспоминаніи о прошломъ. За годы сидѣнія все это прошлое уже сотни разъ пережито, передумано, и нѣтъ въ немъ такого уголка, на которомъ ищущее новыхъ матеріаловъ воображеніе могло бы остановиться. Другое дѣло—строить планы будущаго. Тутъ безграничный просторъ для новыхъ комбинацій, для творчества фантазіи.

Съ „матеріальной стороны" я устроился очень недурно. Ѣлъ,

пилъ, спалъ, не хуже, чѣмъ если бы пришлось ѣхать открыто въ каютѣ. Друзья заботились обо всемъ.

Впервые я осмотрѣлъ свой шкафъ только часа въ три ночи. Весь пароходъ спалъ. Я попросилъ открыть мнѣ на нѣсколько минутъ дверцы. Ночь была совершенно свѣтлая, какъ это бываетъ вообще зимой на сѣверѣ. Осмотръ убѣдилъ меня, что безпокоиться о томъ, что провалятся доски на полу и что я упаду въ воду,—нечего. Подъ деревянной настилкой, на которой я лежалъ, была на аршинъ ниже еще обшивка, которая и отдѣляла помѣщеніе отъ поверхности воды.

Выходить изъ своего шкафа даже ночью было небезопасно. Дверь въ сосѣднее помѣщеніе не запиралась, и кто-нибудь изъ служащихъ могъ зайти каждую минуту. Я рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не выходить изъ своего убѣжища, пока не доѣду до мѣста.

Открытіе, что въ шкафу находится ящикъ съ медикаментами, сильно обезпокоило меня. Вѣдь каждую минуту могло случиться, что кто-нибудь изъ команды заболѣетъ. Потребуются лекарства, и за ними придетъ фельдшеръ, матросъ или кто-либо другой изъ пароходныхъ служащихъ. Откроютъ шкафъ, и какъ бы я ни прятался въ противоположный уголъ, замѣтятъ присутствіе въ немъ человѣка. Этого посѣщенія я ждалъ съ минуты на минуту. Отвести его я никакъ не могъ, такъ какъ всякая попытка въ этомъ направленіи могла бы только вызвать подозрѣніе. Рѣшили предоставить все ходу событій.

Первые дни прошли благополучно. Я даже началъ забывать о существованіи злополучнаго ящика. На четвертый или пятый день плаванія я вдругъ услыхалъ голосъ:

— Здѣсь въ шкафу есть лекарства, позвольте, пожалуйста, ихъ взять, они нужны одному больному!

Я моментально спрятался въ дальній уголъ шкафа. Но на видномъ мѣстѣ остались лежать шуба, подушка и тутъ же стоялъ недопитый стаканъ чаю. Ихъ я не успѣлъ убрать. Нечего было сомнѣваться, что все это было замѣчено. Моя тайна оказалась въ рукахъ незнакомаго посторонняго человѣка. Надо было предпринять что-нибудь.

Мои друзья принялись за развѣдки. Обратились за содѣйствіемъ къ тѣмъ товарищамъ изъ команды парохода, которые знали о моемъ мѣстопребываніи и помогали намъ, чѣмъ могли. Нужно было узнать намѣренія случайнаго свидѣтеля моего побѣга и, если понадобится, купить его молчаніе.

Но наша тревога оказалась напрасной. Моя тайна попала въ надежныя руки. Изъ сочувствія ли къ намъ, политикамъ, или изъ какихъ-нибудь другихъ мотивовъ, этотъ свидѣтель не захотѣлъ даже своимъ товарищамъ по командѣ сообщить, что онъ видѣлъ въ шкафу.

— Я тамъ не былъ, я не ходилъ за лекарствомъ, вѣрно, кто-нибудь другой ходилъ,—вотъ были его отвѣты на всѣ разспросы.

Ясно было, что онъ нарочно не хотѣлъ говорить. Это свое молчаніе онъ хранилъ до конца нашего путешествія. По всей вѣроятности, мы имѣли дѣло съ сочувствующимъ намъ человѣкомъ. Я не могъ, уходя изъ парохода, пожать его руку, но онъ, вѣроятно, не сомнѣвается въ моей благодарности и признательности.

Вообще пароходной команды намъ опасаться было нечего. Она вся почти состояла изъ „забастовщиковъ". Незадолго передъ началомъ навигаціи у судовыхъ командъ Западной Сибири была экономическая стачка, кончившаяся частичной ихъ побѣдой. Не обошлось, конечно, и безъ арестовъ. Настроеніе у матросовъ было приподнятое, и всѣ ихъ симпатіи были на сторонѣ революціи. О Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ они, конечно, много слыхали и готовы были помочь намъ вернуть себѣ свободу.

Но перейду къ продолженію прерваннаго разсказа.

До Березова мы доѣхали безъ всякихъ приключеній. Капитанъ говорилъ, что пароходъ часа три будетъ стоять на пристани. Въ теченіе этихъ трехъ часовъ можно было каждую минуту ждать обыска. Я очистилъ свой шкафъ отъ тѣхъ вещей, которыя мнѣ передали друзья, и остался въ томъ видѣ, въ какомъ спрятался вначалѣ. Это было необходимо, чтобы, въ случаѣ обнаруженіи побѣга, никого не могли обвинить въ содѣйствіи.

Пароходъ остановился, и началось томительное ожиданіе. Одно исключительно благопріятно сложившееся обстоятельство помогло тому, что не было произведено никакого серьезнаго обыска на пароходѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ я по нѣкоторымъ соображеніямъ не могу говорить...

Но вотъ раздался третій свистокъ, и мы снова поѣхали. Одинъ изъ опаснѣйшихъ пунктовъ остался позади. Успѣхъ побѣга сталъ возможенъ, и настроеніе соотвѣтствующе поднялось. До Тобольска оставался еще одинъ сомнительный пунктъ, село Самаровское, гдѣ живетъ становой приставъ, но онъ не такъ опасенъ, какъ Березовъ, резиденція всей уѣздной администраціи.

Я настолько освоился со своимъ шкафомъ, что доставлялъ себѣ даже нѣкоторыя развлеченія. Въ Березовѣ мнѣ достали новый номеръ „Рѣчи" и я весь номеръ прочиталъ въ своемъ темномъ шкафу. Пользовался я для этого тѣмъ тонкимъ лучомъ свѣта, о которомъ я говорилъ выше. Заразъ лучъ освѣщалъ три, четыре буквы, и ихъ можно было свободно разобрать. Передвигая газету слово за словомъ, я прочиталъ всѣ 6 страницъ со стенографическимъ отчетомъ засѣданій Государственной Думы. Правда, это заняло у меня очень много времени, за то доставило громадное развлеченіе въ моемъ одиночествѣ. Затѣмъ я попросилъ нарисовать планъ Тобольска, чтобы по пріѣздѣ сумѣть быстро-

оріентироваться въ городѣ, и такимъ же путемъ изучилъ его. Но планъ было куда труднѣе разбирать, чѣмъ читать газету. Лучъ освѣщалъ черезчуръ малое пространство и не легко было слѣдить за направленіемъ улицъ.

Главной нашей заботой за это время было рѣшеніе вопроса: ѣхать ли мнѣ до самаго Тобольска, или высадиться гдѣ-нибудь на промежуточной станціи, верстъ за 100 или за 200 до города и тамъ попробовать на лошадяхъ или на лодкахъ доѣхать до желѣзной дороги. „Благоразумнѣе", конечно, было послѣднее. Но перспектива новыхъ поисковъ за провожатыми, можетъ быть, отсрочка поѣздки изъ-за отсутствія лошадей или лодокъ, наконецъ, незнаніе мѣстныхъ условій—все это послужило причиной, что мы рѣшили доѣхать до самаго Тобольска. Тамъ, по нашимъ предположеніямъ, неизбѣженъ былъ обыскъ парохода, и я рисковалъ послѣ семидневныхъ треволненій попасть въ руки полиціи! Но развѣ можно въ нашемъ положеніи предпринимать что-нибудь безъ риску? Надо было только сдѣлать со своей стороны все возможное для обезпеченія успѣха.

Я принялся за болѣе детальное изученіе своего шкафа. Нѣкоторыя доски пола качались, и, поднявши одну изъ нихъ, я ощупалъ довольно большое пространство, достаточное для того, чтобы человѣкъ могъ туда спрятаться. Влѣзть туда, да и лежать тамъ было не совсѣмъ удобно, но эти неудобства легко было перенести, если только быть увѣреннымъ, что побѣгъ удастся.

Я принялъ опредѣленное рѣшеніе: при приближеніи къ Тобольску спрятаться въ „подполье" шкафа и прикрыть себя досками. При этомъ доски надо было крѣпко заколотить, чтобы не было возможности заглянуть внутрь „подполья". Тогда при обыскѣ шкафъ былъ бы совершенно пустой, и никто не могъ бы подозрѣвать, что подъ плотно задѣланнымъ поломъ кто-нибудь прячется. Не станетъ же полиція разбирать полъ парохода? Для этого у нея должны быть серьезныя подозрѣнія, а таковыхъ пока не могло быть.

Я попросилъ дать мнѣ шнурокъ, чтобы точно измѣрить, какой длины доски мнѣ еще нужны. Не хватало двухъ досокъ, ихъ надо было достать. При содѣйствіи друзей изъ пароходной команды ихъ заготовили и передали мнѣ ночью. Такимъ же путемъ были доставлены буравчикъ и винтъ, необходимые для закрѣпленія досокъ (гвозди были неудобны, такъ какъ при вколачиваніи ихъ былъ бы слышенъ стукъ). У меня закипѣла работа. Я началъ прилаживать доски, заготовлять отверстіе для винтовъ и т. д. За шесть дней я такъ привыкъ къ темнотѣ, что работалъ совершенно свободно.

Часа за полтора до прибытія парохода въ Тобольскъ я спрятался въ „подполье". Друзья начали заколачивать досками всѣ отверстія. Я изнутри также работалъ. Черезъ десять минутъ я

былъ со всѣхъ сторонъ закупоренъ. Оставалось только лежать на спинѣ и ждать. Не было никакой возможности ни повернуться, ни спать. Кромѣ того, что мѣста было очень мало, все страшно скрипѣло. Мое новое помѣщеніе напоминало собой гробъ, съ той только разницей, что изъ него я надѣялся выйти и продолжать свою прерванную жизнь еще на этомъ свѣтѣ.

Мы разсчитывали, что мнѣ придется пролежать въ этомъ „гробу" около трехъ, четырехъ часовъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

Пароходъ остановился, и слышно было, какъ пассажиры его покидаютъ. Мои друзья также должны были отправиться въ городъ. Я долженъ былъ ждать того момента, когда придутъ и освободятъ меня изъ добровольнаго заключенія.

Какіе-то люди подходили къ моему шкафу и отходили, но никто его не открывалъ. Что-то очень долго разгружали пароходъ. За временемъ я слѣдить не могъ, такъ какъ въ новомъ моемъ помѣщеніи не было ни одной свѣтлой точки. Моментами казалось, что я жду уже цѣлую вѣчность. Когда меня оттуда извлекли, я былъ пораженъ тѣмъ, что прошло только около трехъ часовъ.

Потомъ уже мнѣ разсказывали, что на пристани была полиція, провѣряла паспорта пріѣзжающихъ и подвергла бѣглому осмотру пароходъ. Въ Тобольскѣ мнѣ такъ же повезло, какъ и въ Березовѣ: меня миновалъ тщательный обыскъ парохода.

Наконецъ, я слышу, что кто-то подходитъ къ моему шкафу и увѣренной рукой открываетъ дверцу. Но я не шевелюсь—можетъ, посторонній человѣкъ! Раздается установленный стукъ, я отвѣчаю тѣмъ же. Смѣлымъ ударомъ онъ выбиваетъ одну, двѣ доски. Гдѣ былая осторожность, съ которой я и друзья ввинчивали винты и прилаживали доски? Бояться теперь нечего, такъ какъ на пароходѣ почти никого нѣтъ посторонняго.

Я выползаю изъ своего „гроба", запыленный, запачканный. Съ трудомъ мнѣ удается привыкнуть къ яркому солнечному свѣту.

— Ну что, товарищъ, не разучились еще ходить? Можетъ, помочь вамъ,—привѣтствуетъ меня симпатичный молодой парень изъ пароходныхъ друзей.

Меня проводятъ въ одну изъ служебныхъ каютъ, выходящую окнами на воды Иртыша. Итакъ, я почти свободенъ! Могу ѣхать, куда хочу, и кончилась жизнь „въ шкафу"! Всей грудью я вдыхалъ свѣжій рѣчной воздухъ, такой пріятный послѣ пыли „подполья".

Но было еще рано праздновать побѣду. Надо было выбраться изъ парохода, потомъ выѣхать изъ Тобольска и, наконецъ, попасть на желѣзную дорогу, не возбуждая подозрѣнія. Моя физіономія типичнаго южанина не могла не бросаться въ глаза на

этомъ далекомъ сѣверѣ. Паспортъ у меня тоже былъ не изъ особенно подходящихъ для Тобольской губ. Все это были препятствія, правда, мелкія, но все же препятствія, которыя надо одолѣть.

Прежде всего, конечно, надо было измѣнить свою физіономію. Это нетрудно было сдѣлать. Достаточно сказать, что когда я пріѣхалъ въ условленную квартиру, одинъ изъ очень близко знающихъ меня людей не узналъ меня съ перваго разу.

Преобразившись и пообчистившись, я отправился въ городъ. Прошелъ спокойно мимо стоявшаго недалеко отъ пристани городового и не вызвалъ въ немъ никакого интереса къ своей персонѣ. Шелъ я увѣренно, такъ какъ городъ былъ знакомъ мнѣ по плану.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Тобольска. Товарищи все сами приготовили: купили необходимыя мнѣ вещи, достали ящика, организовали конспиративный отъѣздъ изъ города Безъ всякихъ препятствій я доѣхалъ до желѣзнодорожной станціи. Отсюда уже начиналась знакомая „стихія". Имѣя хорошій паспортъ и деньги, нетрудно было стать неуловимымъ для нашей полиціи.

Послѣ 14 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и 3 мѣсяцевъ ссылки я опять попалъ въ Россію. Первой новостью, которую я узналъ, выйдя изъ своего шкафа на свободу, была вѣсть о разгонѣ второй Думы и объ измѣненіи избирательнаго закона „революціоннымъ" путемъ. При этихъ обстоятельствахъ меньше всего можно было жалѣть о томъ, что потрачено столько трудовъ на подведеніе себя подъ „амнистію" также „революціоннымъ" путемъ.

Б. Радинъ.

Народное просвѣщеніе и бюрократія.

(Продолженіе).

IV.

Царствованіе Александра I обыкновенно раздѣляется на эпохи:—первая—либеральная и плодотворная, вторая—реакціонная. Въ зависимости отъ этого, говорятъ изслѣдователи, и задачи народнаго образованія (какъ и всей „политики") различно понимались въ разныя эпохи царствованія Александра.

Начало царствованія было лучшей порой въ исторіи русскаго просвѣщенія [1]), наступившая во второй половинѣ царствованія реакція стала глушить все живое и ожившее и преслѣдовать то, что раньше не только терпѣлось, но даже поощрялось [2]). Характеризуя первую эпоху царствованія Александра въ отношеніи народнаго образованія, Пыпинъ говоритъ, что „заботы о народномъ просвѣщеніи являются главнѣйшей заслугой этого времени, самой благотворной и долговѣчной".

Указавъ на основаніе особаго министерства, какъ на мѣру, несомнѣнно благопріятную, Пыпинъ прибавляетъ: въ „министерствѣ началась усиленная дѣятельность... въ главномъ правленіи училищъ собрались достойные представители интересовъ образованія, которые... проводили свою искреннюю любовь къ просвѣщенію и свои гуманные взгляды" [3]).

По словамъ Сухомлинова, „время управленія министерствомъ Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи" [4]).

А Богдановичъ такъ оцѣниваетъ эту эпоху: „При Завадов-

---

[1]) Историч. обзоръ дѣят. комит. министр. Т. I, стр. 564. Пыпинъ. Общественныя движенія при Александрѣ I, стр. 105—111. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. Т. I, стр. 9.

[2]) Пыпинъ. Общ. движеніе, стр. 325, 343 и др. Шильдеръ. Царствов. Александра I. Т. 3, гл. 10—11.

[3]) „Общ. движеніе", стр. 105.

[4]) Изслѣдованія. Т. I, стр., 9.

скомъ, благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе" [1]).

Если это „преувеличено" вообще, если при ближайшемъ разсмотрѣніи и во многихъ либеральныхъ начинаніяхъ той эпохи замѣчаются (на первыхъ же порахъ) слѣды не только „шатанія", но и прямой „реакціи" [2]), то тѣмъ болѣе приведенныя разсужденія являются преувеличеніемъ и даже прямо не приложимыми собственно къ *народному* образованію.

Толчкомъ и исходнымъ пунктомъ реформаціонныхъ плановъ по народному образованію явился проектъ Лагарпа, присланный вмѣстѣ съ письмомъ къ Александру. Лагарпъ предлагалъ учредить особый центральный органъ, съ развѣтвленіями по губерніямъ во главѣ съ министромъ, и указывалъ на необходимость заводить школы по селамъ и деревнямъ. Александръ поручаетъ извѣстному „неоффиціальному комитету" обсудить предложеніе Лагарпа и выработать соотвѣтствующій планъ. Въ свою очередь члены комитета—Строгановъ, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Клингеръ, Воронцовъ и др.—представляютъ свои записки и мнѣнія. Послѣ обсужденія представленныхъ мнѣній и разныхъ сторонъ предстоящей реформы [3]), къ 1802 г. комитетъ изготовилъ планъ общаго административнаго устройства, учрежденія министерствъ и учебно-административной реформы [4]).

Въ 1802 г. были учреждены министерства. Въ Манифестѣ по поводу ихъ учрежденія говорилось: „Благоденствіе народа незыблемо и ненарушимо утверждено быть можетъ тогда единственно, когда правительство будетъ имѣть спасительныя средства не только исправлять всякое явное пагубными слѣдствіями обнаруживаемое зло, но въ особенности искоренять самое начало онаго, отвращать всѣ причины, могущія подать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія, открывать нужды народа, предупреждать ихъ и благоразумно, ревностно и дѣятельно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго во всемъ порядка, и умноженію богатства природныхъ и искусственныхъ произведеній". Поэтому признано было за благо „раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно ихъ естественной связи между собою, и для благоуспѣшнаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ... министровъ". Въ сентябрѣ на „ко-

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царств. Александра I. Т. I., стр. 140.

[2]) Пынинъ. Общ. движенія, стр. 119, 343 и др.

[3]) Между прочимъ, въ комитетѣ возникло разногласіе, какъ называть министерство: министерствомъ общественнаго образованія или воспитанія. Рѣшено было назвать министерствомъ народнаго образованія.

[4]) Историч. обзоръ дѣят. мин. нар. просв.; стр. 31—34. Шильдеръ. Импер. Алекс. I. Т. 2, приложенія.

миссію училищъ" была возложена обязанность „пещись объ успѣхахъ, какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ училищъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ ей поручено составить планъ работъ и мѣропріятій по народному образованію. Комиссія ревностно принимается за дѣло. Членами ея составляется рядъ проектовъ. Наприм., Клингеръ сочиняетъ проектъ „объ устроеніи и распоряженіи нижнихъ училищъ", Янковичъ (прежній) пишетъ „Разсужденіе объ училищахъ въ Россійской имперіи", Чарторыйскій составляетъ цѣлое сочиненіе (на французскомъ языкѣ)—„Начала для образованія народнаго воспитанія",—принятое комиссіей „съ отличнымъ уваженіемъ".

Въ результатѣ этихъ работъ къ январю 1803 г. комиссія совмѣстно съ мин. нар. просвѣщенія выработала „предварительныя правила народнаго просвѣщенія", утвержденныя 6-го января. Согласно этимъ правиламъ, „для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія", опредѣлялось 4 рода училищъ—приходскія, уѣздныя, гимназіи и университеты. Пунктъ 3-й правилъ вводилъ нѣчто вродѣ всеобщаго, обязательнаго обученія.

„Всякій приходъ,—говорилось здѣсь,—долженъ имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище". Но дѣло въ томъ, что за счетъ казны было принято только содержаніе уѣздныхъ училищъ: на 405 имѣвшихся тогда уѣздныхъ училищъ было отпущено 563 тысячи рублей. Что касается приходскихъ училищъ, то назначеніе суммъ на ихъ содержаніе предполагалось „учинить впредь, по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей". А до этого — „впредь", которое такъ и не наступило, приходскія училища—въ казенныхъ селеніяхъ были возложены на самихъ „жителей", а въ помѣщичьихъ селеніяхъ были предоставлены „просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ" [1]).

Въ административномъ отношеніи приходскія училища были подчинены уѣздному смотрителю, а черезъ него—директору.

Въ 1804 г. былъ утвержденъ „Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ". Въ главныхъ своихъ пунктахъ, относительно административной, учебной и хозяйственной сторонъ, уставъ 1804 г. является лишь подробнымъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ основу „предварительныхъ правилъ". Приходскимъ училищамъ ставилась двоякая цѣль: „пріуготовлять" юношество для уѣздныхъ училищъ (уѣздныя — для гимназій, гимназіи — для университета) и „доставить дѣтямъ земледѣльческаго состоянія свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ ихъ

[1]) Сборникъ постановл. по мин. нар. просв. Т. I, стр. 13—21.

суевѣрія и предразсудки, дѣйствіе коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію".

Какъ и „предварительныя правила", уставъ 1804 г. обязывалъ каждый приходъ имѣть „по крайней мѣрѣ одно училище" (статья 118).

Но содержаніе училищъ точно такъ же, какъ и въ правилахъ, возлагалось на приказы общественнаго призрѣнія, въ казенныхъ селеніяхъ—на иждивеніе прихожанъ, въ помѣщичьихъ—на „распоряженіе" помѣщиковъ (статья 162).

Затѣмъ указывались учебные предметы, руководства, порядокъ и характеръ ученія, надзоръ и управленіе и пр. (ст. 120—140 [1]).

Вообще, новый уставъ, покрывъ на бумагѣ Россію сѣтью приходскихъ школъ, подробно разработавъ вопросы учебные и административные, измѣнивъ раціонально программы съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы низшія училища могли служить переходной ступенью для высшихъ и т. д., не разрѣшилъ, какъ видимъ, самаго главнаго вопроса — о средствахъ и тѣмъ надолго поставилъ народное образованіе въ неблагопріятныя условія.

Многіе, впрочемъ, приняли бумажныя школы за настоящія и приходили въ восторгъ отъ новаго устава. Такъ, по заявленію оффиціознаго документа,—„мѣра объ учрежденіи училищъ въ селахъ на счетъ прихожанъ и помѣщиковъ была встрѣчена современниками съ величайшимъ сочувствіемъ и самыми радужными ожиданіями" [2]). Карамзинъ находилъ даже, что „главнымъ благодѣяніемъ сего устава останется заведеніе сельскихъ школъ" [3]).

Но на практикѣ эти радужныя ожиданія совсѣмъ не подтвердились. Не оказалось ни учителей, ни помѣщеній, ни средствъ.

Матеріальная необезпеченность и безправное положеніе учителя являлись слишкомъ плохой приманкой. Дворянство, въ силу сословныхъ традицій, избѣгало гражданской службы, а тѣмъ болѣе—учительства. Лицамъ изъ податныхъ сословій запрещено было поступать на учебную службу. Въ 1807 г. главное правленіе обсуждало вопросъ—„могутъ ли крѣпостные люди быть учителями въ сельскихъ училищахъ??—возникшій въ харьковскомъ округѣ. Харьковскій попечитель раздѣлялъ мнѣніе своего директора, который высказывалъ опасеніе, какъ бы „при низкомъ мнѣніи къ сему состоянію (крѣпостному) не произвести купно презрѣнія къ публичному учительскому званію" [4]).

Главное правленіе постановило, что помѣщики могутъ „употреблять" способныхъ крѣпостныхъ въ качествѣ учителей, но

1) Ibid., стр. 330—338.
2) Журналы засѣданій ученаго комитета. Стр. 317.
3) Милюковъ. Очерки, т. 2., Стр. 372.
4) Историч. обзоръ дѣят. мин. нар. просв. Стр. 73.

только они не должны „почитаться“ на государственной службѣ, ниже пользоваться правами“ [1]).

Въ 1812 г. было сдѣлано въ этомъ отношеніи исключеніе лишь для лицъ, „отличившихся талантами и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ“ [2]).

Оставались священники и церковно-служители, которыхъ и рѣшено было привлечь къ учительству. Но синодъ, призванный указомъ 1803 г. къ „содѣйствію благоуспѣшному теченію“ народнаго образованія, запросивъ мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ, отвѣтилъ (въ 1804 г.) министру, что поручить преподаваніе священникамъ неудобно и затруднительно. Ученье происходитъ отъ начала полевыхъ работъ до конца ихъ. А въ это время,—пишетъ синодъ въ своемъ заявленіи,—„священно-и церковно-служители сельскіе, упражняясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ съ поля, молотятъ, сѣно, солому и дрова возятъ, присмотръ имѣютъ за прокормленіемъ скота, производятъ починку и строеніе около дома, пеньку мочатъ, сушатъ, обрабатываютъ и возятъ въ городъ избытки свои для продажи“, кромѣ того, исполняютъ разныя требы. Поэтому, „доколѣ не будутъ совершенно приготовлены предположенные для сего учителя“, поручить преподаваніе „діаконамъ и причетникамъ, подъ смотрѣніемъ относительно нелѣностнаго преподаванія ими ученія священника“ [3]).

Министерство и сенатъ нашли это предложеніе „на первый случай достаточнымъ“.

Но самое главное препятствіе оказалось въ отсутствіи средствъ. Ни приказы, ни общества, ни помѣщики не обнаруживали ни малѣйшаго желанія отпускать средства на устройство и содержаніе училищъ.

„Жители казенныхъ селеній еще мало чувствовали потребности въ ученьи и неохотно соглашались на заведеніе училищъ, которыя должны были содержаться на ихъ счетъ; помѣщики, съ своей стороны, тоже весьма немногіе заботились объ этомъ. Одно только духовенство, *поощряемое училищнымъ начальствомъ*, старалось о заведеніи сельскихъ училищъ“ [4]). Насколько дѣйствительны и прочны были результаты, видно изъ слѣдующаго. Въ 1806 г. въ Новгородской губерніи сразу открылось 100 школъ, но черезъ два года всѣ до одной закрылись.

Въ Олонецкой губ. было открыто 20 училищъ, въ Архангельской—9; но къ 1819 г. ни тамъ, ни здѣсь не осталось ни одной [5]). Такъ же было и въ другихъ округахъ,—„сельскія училища не

---

1) Истор. обзоръ дѣят. мин. нар. просв.
2) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., т. 1. Стр. 693.
3) Ibid., т. 1. Стр. 353—357.
4) Ibid., т. 3, стр. 1360.
5) Милюковъ. Очерки культуры, ч. 2, стр. 373.

имѣли прочнаго существованія и большею частью закрывались въ скоромъ времени послѣ открытія" [1]).

Такъ обстояло дѣло въ медовый мѣсяцъ русскаго либерализма. При всѣхъ недостаткахъ, при всей платоничности тогдашнихъ „намѣреній", отмѣченный періодъ имѣлъ одну хорошую сторону: правительство держалось до извѣстной степени принципа невмѣшательства и не дѣлало народную школу орудіемъ политики. Этому благопріятствовали либеральный характеръ эпохи (во главѣ съ самимъ Александромъ), „благодушіе" и пассивность первыхъ министровъ—Завадовскаго и Разумовскаго [2]).

Въ періодъ наступившей затѣмъ реакціи народное образованіе является уже орудіемъ политики и допускается лишь, какъ таковое. А политика эта, какъ извѣстно, круто измѣнилась. Европейскія событія, Священный Союзъ, перемѣны въ личномъ настроеніи Александра, въ связи съ перемѣною окружающихъ его лицъ сопровождались соотвѣтствующими измѣненіями всей „системы", забвеніемъ всѣхъ прежнихъ конституціонныхъ намѣреній. Вмѣсто конституціи — Аракчеевъ и военныя поселенія, вмѣсто всеобщаго обученія — ханжество Голицына, обскурантизмъ Магницкаго и Шишкова.

Не успѣла еще кое-какъ сколоченная колымага русскаго просвѣщенія тронуться въ путь, какъ люди, поставленные „пещись" о народномъ образованіи, начинаютъ толковать о вредѣ „излишняго образованія" и всячески тормазить его.

Съ назначеніемъ въ 1816 году министромъ народнаго просвѣщенія Голицына наступаетъ мистицизмъ, вскорѣ выродившійся въ ханженство; на первый планъ выдвигаются вопросы „благочестія" и „нравственности".

Съ тою же цѣлью въ рукахъ Голицына было сосредоточено министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

„Желая дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія,—говорилось въ указѣ по этому поводу,—признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія" [3]).

---

[1]) Истор. обзоръ мин. нар. просв., стр. 73. Сборникъ пост. по мин. нар. просв., т. 3, стр. 1360.

[2]) О Завадовскомъ самъ Александръ отзывался слѣдующимъ образомъ: „...онъ нуль. Всѣмъ управляетъ совѣтъ—изъ Муравьева, Клингера, Чернышева, Новосильцева и др. Частыя мои сношенія въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру оказывать и малѣйшее препятствіе доброму дѣлу, которое мы стараемся дѣлать. Мы сдѣлали его достаточно уступчивымъ: настоящая овца... и въ министерствѣ только для того, чтобы не кричали, что отставленъ"... Разумовскій—благодушный и безхарактерный сибаритъ, не склонный и неподготовленный къ административной дѣятельности.

[3]) Любопытно, что когда Голицыну было предложено управленіе дѣлами церкви и просвѣщенія, князь, воспитанный въ духѣ религіознаго

Въ лицѣ Голицына и его сотрудниковъ выступаютъ представители новыхъ взглядовъ на просвѣщеніе, прямо враждебныхъ тѣмъ, которыми руководились дѣятели первой эпохи. Теперь выступаютъ дѣятели, видѣвшіе въ либерализмѣ предшествовавшей эпохи и ея довѣріи къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в. источникъ разнаго рода политическихъ потрясеній и смутъ. „На почвѣ народнаго просвѣщенія должна была теперь открыться борьба противъ либерализма и религіознаго вольнодумства. *Школа должна была стать орудіемъ политики*“ [1]).

Въ цѣляхъ обоснованія просвѣщенія на началахъ христіанскаго благочестія учреждается, подъ предсѣдательствомъ Голицына, библейское общество, отдѣленія котораго вскорѣ стали распространяться по всей Россіи.

Студенты, гимназисты и даже „дѣти Ришельевскаго лицея“ стали устраивать библейскія сотоварищества. На засѣданіи библейскаго общества въ 1819 г. Голицынъ говорилъ: „Чтеніе св. писанія распространяется у насъ и между поселянами. Солдаты и матросы сами ищутъ сей пищи духовной. Во внутренности семействъ библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ поученіемъ. Но еще утѣшительнѣйшіе виды представляются нынѣ для отечества нашего: въ сообразность съ волею монаршею вводится теперь чтеніе священнаго писанія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ, и таковое основаніе послужитъ непремѣнно къ насажденію благочестія... къ созиданію царства Христова на землѣ“.

Въ связи съ такимъ настроеніемъ, министерство Голицына стремилось и народное образованіе поставить въ связь съ библейскими обществами. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ подчинить приходскія училища цѣлямъ библейскихъ обществъ, учредить особыя „библейскія“ сельскія школы. Въ 1819 г. вятскій губернаторъ и архіерей обратились въ главное правленіе училищъ съ планомъ учрежденія 200 приходскихъ училищъ въ казенныхъ селеніяхъ Вятской губерніи; авторы этого плана также проводили мысль о соединеніи непосредственной цѣли сельской школы съ цѣлями библейскихъ обществъ. А проектъ одного частнаго лица предлагалъ передать всѣ сельскія школы въ руки духовенства [2]).

Но всѣ эти благочестивыя благоглупости, естественно, не дали полезныхъ результатовъ. Единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ дѣятельности библейскихъ обществъ было значительное распространеніе библіи и разныхъ свящ. книгъ, часть кото-

---

индифферентизма XVIII ст., сказалъ государю: „Какой я прокуроръ, вѣдь я ничему не вѣрю“... Но сдѣлавшись министромъ и оберъ-прокуроромъ, Голицынъ превращается въ человѣка „вѣрующаго“, и подъ предлогомъ насажденія вѣры душитъ просвѣщеніе. Истор. обз. дѣят. мин. нар. просв., стр. 107.

[1]) Истор. обзоръ мин. нар. просвѣщенія, стр. 75.

[2]) Ibid. Стр. 144.

рыхъ попадала въ школы и доходила до народа [1]). Въ первый же (1813 г.) годъ своего существованія библейское общество издало около 60 тысячъ экземпляровъ книгъ свящ. писанія (въ томъ числѣ и на иностранныхъ языкахъ). А всего за 11 лѣтъ своего существованія библейское общество издало 449.109 экземпл. книгъ свящ. писанія, на сумму—1.896.058 р. [2]).

Болѣе важное практическое значеніе имѣлъ опытъ примѣненія къ начальному образованію метода взаимнаго обученія, или, такъ называемыхъ, ланкастерскихъ школъ. На эти школы возлагались большія надежды, ими интересовался самъ Александръ I [3]). Въ 1816 г. по распоряженію государя были командированы въ Англію четверо студентовъ педагогическаго института для изученія взаимнаго обученія.

Причина, почему ланкастерскія школы вызвали въ свое время такой интересъ къ себѣ и имѣли извѣстный успѣхъ, заключалась въ чрезвычайной простотѣ и дешевизнѣ ихъ устройства [4]). Ланкастерская школа представлялась [5]) особенно удобной и выгодной для Россіи, гдѣ средства народнаго образованія были скудны и трудно было найти нужное количество учителей.

Но по обыкновенію начались разсужденія, доклады, обмѣнъ мнѣній о способѣ и формѣ примѣненія этой системы. Такъ, Уваровъ въ своемъ докладѣ предлагалъ предварительно обсудить,— „какъ придать этой методѣ характеръ національный; отбросивъ все, что намъ безполезно и даже вредно, дать ей направленіе, согласное съ духомъ нашего народа и съ положеніемъ вещей въ Россіи“ [6]).

Пока въ правительственныхъ сферахъ шли подобныя разсужденія, въ Петербургѣ образовалось,—независимо отъ правительственной инициативы,—частное „общество для заведенія училищъ по методу взаимнаго обученія“. Въ 1819 г. общество насчитывало

---

[1]) „Члены обществъ и корреспонденты въ уѣздныхъ городахъ возбуждали въ городскихъ и сельскихъ жителяхъ желаніе къ чтенію книгъ свящ. писанія“. Кромѣ того, разослано было „воззваніе“, приглашавшее къ чтенію библіи. Дѣйствіе воззванія было таково: „Нѣкоторые изъ крестьянъ признавались, что прочитавъ его, были въ сильномъ *безпокойствѣ* и спѣшили пріобрѣсти книги Новаго Завѣта *на русскомъ языкѣ*“. Отъ крестьянъ шли пожертвованія на „божественныя“ книги, на „спасенія души“. Пыпинъ. „Рус. библ. общества“. „В. Евр.“ 1868 г., № 8, стр. 708.

[2]) „Рус. библ. общ.“. Пыпинъ, „В. Евр.“ 1868 г., кн. 8, стр. 668 и 707.

[3]) Впервые познакомилъ Александра и его приближенныхъ съ системой взаимнаго обученія Гамель (впослѣдствіи академикъ), написавшій затѣмъ по этому вопросу особую книгу.

[4]) Школа въ нѣсколько сотъ учениковъ, которыми управлялъ и руководилъ одинъ мальчикъ, поразила Гамеля, и дальнѣйшее испытаніе способа взаимнаго обученія убѣдило его въ чрезвычайной пользѣ и выгодѣ этого способа для Россіи. Пыпинъ. Общ. движ., стр. 334.

[5]) Тогдашнимъ дѣятелямъ—оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ.

[6]) Историч. обзоръ дѣят. минист. нар. просвѣщ., стр. 147.

до 100 членовъ, имѣло значительный капиталъ (собранный путемъ взносовъ и пожертвованій).

Общество ставило себѣ цѣлями: 1) сочиненіе и изданіе руководства къ учрежденію первоначальныхъ школъ, таблицъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ и др. учебныхъ пособій; 2) учрежденіе училищъ по методу взаимнаго обученія; 3) содѣйствіе и матеріальная помощь всѣмъ, желающимъ заводить подобныя школы.

Въ докладѣ объ утвержденіи устава общества министерство заявляло, что методъ Ланкастера „будетъ общимъ для всего государства учрежденіемъ, по которому откроется средство къ первымъ началамъ обученія для всего нижняго и бѣднаго состоянія людей“ [1]).

Государь, заинтересованный новымъ просвѣтительнымъ предпріятіемъ, приказалъ отпустить 8 т. р. на первое изданіе „уроковъ изъ свящ. писанія“, составленное арх. Филаретомъ.

Въ первый же годъ своего существованія общество открыло нѣсколько школъ въ Петербургѣ и много школъ въ провинціальныхъ городахъ [2]). Объ нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ дѣлались въ тогдашнихъ журналахъ благопріятные отзывы, ихъ находили „единственными въ своемъ родѣ“ для дѣтей недостаточнаго или посредственнаго состоянія [3]).

Затѣмъ ланкастерскія школы стали устраиваться и въ войскахъ; въ гвардейскихъ полкахъ многіе офицеры устраивали такія школы и сами усердно занимались обученіемъ солдатъ. Эти просвѣтительныя начинанія были, несомнѣнно, весьма полезны и хоть нѣсколько смягчали тогдашнюю варварскую военную муштровку и дисциплину.

Но всѣ эти просвѣтительныя начинанія, а затѣмъ и вся ланкастерская система, подверглись сначала подозрѣнію, а потомъ и преслѣдованію со стороны клерикальныхъ реакціонеровъ.

Въ 1819 г. въ засѣданіи ученаго комитета обсуждались основанія, на которыхъ возможно введеніе ланкастерскихъ школъ въ Россіи. Для устройства школъ и наблюденія за ученіемъ былъ учрежденъ особый комитетъ.

Этотъ комитетъ скоро сталъ во враждебное отношеніе къ частнымъ обществамъ и лицамъ, устраивавшимъ ланкастерскія школы. Начались придирки. Такъ, въ началѣ 1821 г. комитетъ требовалъ закрытія упомянутаго „общества“ на томъ основаніи,

---

1) Истор. обзоръ мин. нар. просвѣщ., стр. 147.

2) Ланкастерскія школы были устроены въ Перми, Вологдѣ, Волховѣ Тулѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Херсонѣ, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Вильно и т. д. Пыпинъ Общ. движ., стр. 337—338.

3) Ibid.

что оно не употребляетъ таблицъ, изданныхъ министерствомъ народн. просвѣщ.

Скоро стали раздаваться голоса противъ самаго метода. Въ засѣданіи комитета 4 сент. 1822 г. баронъ Фитингофъ сдѣлалъ докладъ о необходимости прекратить распространеніе школъ взаимнаго обученія въ виду ихъ вреда [1]).

Въ свою очередь Александръ I, наслушавшись обвиненій противъ ланкастерскихъ школъ, сталъ думать, что онѣ служатъ разсадникомъ вольнодумства. Когда произошли волненія въ семеновскомъ полку, Александръ и его приближенные были увѣрены, что тутъ было „чуждое внушеніе", и приписывали ихъ дѣйствію тайныхъ обществъ ланкастерскихъ школъ [2])...

Въ томъ же 1821 г. произошла исторія съ ланкастерской школой въ дивизіи генер. Орлова, гдѣ преподавателемъ былъ майоръ Раевскій. Враги либеральныхъ нововведеній распускали про Орлова и Раевскаго слухи, что они распускаютъ дисциплину и потакаютъ солдатамъ (поводомъ было лишь гуманное обращеніе съ солдатами).

На ланкастерскую школу Раевскаго вскорѣ пошли доносы, что тамъ, „кромѣ грамоты, учатъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи". На бѣду случилось въ полку какое-то нарушеніе дисциплины и субординаціи; посланъ былъ доносъ о существованіи какого-то тайнаго общества, и начальство набросилось на ланкастерскую школу Раевскаго. Раевскій былъ обвиненъ въ томъ, что „задабриваетъ солдатъ", что въ школьныхъ прописяхъ (выписанныхъ изъ Петербурга) находятся имена республиканцевъ какъ Брутъ, Кассій и др. Арестованный въ февралѣ 1822 г., Раевскій нѣсколько лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ, подвергался четыремъ слѣдственнымъ комиссіямъ и, наконецъ, былъ сосланъ въ Сибирь, хотя третья комиссія его во всемъ оправдала [3]).

Полковыя школы взаимнаго обученія, еще съ 1820 года отданныя „подъ вліяніе" министерства народн. просвѣщенія, были окончательно заподозрѣны и вскорѣ совсѣмъ закрыты, а къ 1820 г. были закрыты и всѣ вообще ланкастерскія школы.

Понятно, какими подвигами въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія ознаменовалось министерство Голицына. Стремленіе основать просвѣщеніе на „благочестіи" сопровождалось преслѣдованіемъ почти всякихъ свѣтскихъ книгъ.

Такъ, „книга о должностяхъ гражданина и человѣка", упо-

[1]) Истор. обзоръ мин. народ. просвѣщ., стр. 148.
[2]) Пыпинъ. Общ. движенія, стр. 340.
[3]) Ibid.

треблявшаяся въ народныхъ училищахъ съ 1783 года [1]), была изъята изъ обращенія по предложенію одного изъ членовъ главнаго правленія училищъ, который находилъ, что дѣтямъ не нужно читать „о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ". Вслѣдствіе этого предложенія по приказанію министра всѣ экземпляры книги были отобраны изъ училищъ и проданы, по 50 коп. за пудъ, бумажному фабриканту съ тѣмъ, чтобы „никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу". А вмѣсто этой книги предписано ввести въ употребленіе „чтеніе изъ евангелистовъ" [2]).

Подверглись также гоненію „таблицы для ученія по ланкастерской системѣ". Основаніемъ, по которому Голицынъ требовалъ изъять упомянутыя таблицы, служило то, что въ нихъ, между прочимъ, приводились пословицы, казавшіяся князю „весьма безнравственными, безполезными или могущими служить поводомъ къ соблазну".

Таковыми оказались, напримѣръ, пословицы: „Хоть хлѣба крома, да воля своя", „Что взято, то и свято", „Когда бы не Богъ, кто бы намъ помогъ", „Не всякъ монахъ, на комъ клобукъ", „Урвать, да уйти", „Жаль друга, да не какъ себя", „Горесть молчать не любитъ", „Хоть биту быть, а за рѣку плыть", „Воды и царь не уйметъ", „Деньги и камень долбятъ", „Тотъ смѣлъ, кто на коня сѣлъ", „Съ кого судья взялъ, тотъ и правъ сталъ" и т. п.

Таблицы, съ помѣщенными въ нихъ поговорками, показались министру настолько вредными и опасными, что онъ, не ограничиваясь изъятіемъ ихъ изъ обращенія, вытребовалъ ихъ даже изъ Императорской публичной библіотеки, несмотря на протестъ директора ея, Оленина, предлагавшаго хранить эти таблицы въ особой, секретной комнатѣ библіотеки [3]).

Даже прописи, употребляемыя въ училищахъ, допускались только послѣ тщательнаго исправленія какъ почерка, такъ и текста. Во вновь изданныхъ прописяхъ изреченія были взяты изъ евангелія и изъ книги о подражаніи Христу; „изреченій же нравственно-философскихъ комитетъ не принялъ, желая и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностью христіанскою" [4]).

Могло послѣ этого церемониться министерство Голицына съ какими-то тамъ книжками для „легкаго" чтенія, съ разными

---

[1]) Составленіе этой книги приписывается Янковичу, а по другимъ предположеніямъ—самой Екатеринѣ.

[2]) Изслѣдованія Сухомлинова. Т. I, стр. 202.

[3]) „Рус. Старина". 1901 г., № 7, стр. 164; „Образованіе", 1905 г., № 1, стр. 224.

[4]) Сухомлиновъ. Изслѣдов. Т. 1, стр. 202.

разсказами, сказками, повѣстями, романами и пр. Все это, какъ вредное и развращающее, по возможности искоренялось.

По мнѣнію Голицына... „большинство романовъ совершенно ничтожны и для чтенія вредны, равно какъ и сказки волшебныя и простонародныя, не приносящія не только ни малѣйшей пользы, ни чести для жителей государства, но и служащія болѣе къ развращенію вкуса и ума“ [1]).

Реакція на этомъ не остановилась. Безшабашная дѣятельность обскурантовъ голицынскаго типа, уничтожившая всѣ границы не только законности, но и здраваго смысла, породившая полный произволъ и безгласность, вызвала глухую вражду и недовольство, а вмѣстѣ съ тѣмъ новый типъ обскурантовъ, новую полосу реакціи, хотя и направлена была противъ Голицына и мистиковъ, но въ сущности, продолжала ту же систему мракобѣсія (и тѣми же излюбленными средствами), только подъ другимъ соусомъ.

Противъ Голицына сформировалась и вооружилась цѣлая „коалиція“, которая, пользуясь имъ же созданной атмосферой произвола и „жупела“, добилась паденія Голицына и всѣхъ дѣлъ его (въ томъ числѣ библ. обществъ). Эта „коалиція“ съ Шишковымъ, Фотіемъ и Аракчеевымъ во главѣ [2]) (Магницкій вскорѣ „перебѣжалъ“,—впрочемъ, безъ удачи—и въ этотъ лагерь) выдвинула противъ Голицына и его системы тоже давнишнее орудіе—обвиненіе въ якобинствѣ. Смѣшно, повидимому, сказать: обвиненіе Голицына въ якобинствѣ, а между тѣмъ это было такъ.

Противъ Голицына было выдвинуто обвиненіе въ революціонныхъ замыслахъ, направленныхъ къ потрясенію религіи и престоловъ, т. е. то самое обвиненіе, которое мистики выдвинули противъ „либераловъ“ первой эпохи. Такъ дешева была фраза и такъ легко ея употребленіе!..

Поводомъ и пунктомъ для главнаго удара были избраны библейскія общества. Раньше Александру казалось, что библейскія общества—лучшее средство противъ безвѣрія и революціонныхъ замысловъ (которыми его пугали).

Теперь стали предъ нимъ утверждать, что и сами библейскіе дѣятели—тѣ же переодѣтые революціонеры, только болѣе хитрые. Распространеніе библіи, переводы свящ. писанія на русскій языкъ и т. п.—не что иное, какъ замаскированная революціонная пропаганда.

Шишковъ еще во 1815 г. писалъ въ запискѣ, представленной въ государственный совѣтъ:

„Прошедшій вѣкъ, названный просвѣщеннымъ и философ-

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1901 г., № 7, стр. 164.

[2]) Пыпинъ говоритъ, что иниціаторомъ этого „заговора“ былъ Аракчеевъ, желавшій свергнуть Голицына.

скимъ, усыпя бдѣніе правительствъ, породилъ и возлелѣялъ духъ безбожія и злонравія, сей духъ истребленіемъ и убійствами дышащій, отъ котораго потрясаются правительства, потухаетъ свѣтъ вѣры, умолкаетъ законъ, гибнетъ власть... и добродѣтель, труды, науки, художества утопаютъ въ потокахъ крови. Таковы суть слѣдствія, рождающіяся отъ дремоты правительствъ смотрѣть за нравами“ [1]).

Обращаясь къ мистикамъ и дѣятелямъ библейскихъ обществъ, Шишковъ говоритъ, что это—„поборники“ тѣхъ же разрушительныхъ ученій, лишь скрывающіе „развратность“ и разрушительность своихъ ученій „темнотою и невразумительностью словъ“.

Во множествѣ своихъ записокъ, докладовъ и мнѣній Шишковъ настойчиво и на разные лады твердитъ это.

Переводы свящ. писанія на русскій языкъ Шишковъ называлъ „перекладкой... съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе“ и считалъ не только унижающими святость библіи, нарушающими чистоту и твердость вѣры, но „сильнѣйшимъ орудіемъ революціонныхъ замысловъ“.

Доносы Фотія имѣли характеръ какого-то неистоваго кликушества и бѣснованія. Не уничтоживъ Голицына своей анаѳемой, онъ представилъ имп. Александру записку, въ которой указывалъ на опасности, грозившія вѣрѣ и государству отъ революціонныхъ замысловъ Голицына и его партіи.

Россіи грозитъ страшная опасность отъ иллюминатовъ, по замыслу которыхъ „всѣ царства, церкви, религіи, гражданскіе законы и всякое устройство должны быть уничтожены (!!) и должна начаться новая религія... Голицынъ подъ видомъ набожности приготовляетъ все для ниспроверженія самодержавія и вѣры. Для сметенія всѣхъ религій, и чтобы духовенство не мѣшало, введено министерство духовныхъ дѣлъ, и министру подчинены православные рядомъ съ жидами и магометанами. Для удобнѣйшаго распространенія новаго ученія устроено Библейское Общество, которое издаетъ вредныя (!!) книги и распространяетъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ... Подъ вѣдѣніемъ министерства дѣйствуютъ типографіи (!) и цензура... Бываетъ и тайное печатаніе... Слово Божіе, которое съ благоговѣніемъ въ церквахъ читается, продается всюду, предписано даже продавать его въ аптекахъ съ микстурами и склянками“ и т. д. [2]).

Наконецъ, Фотій дошелъ до такого безстыдства, что сталъ приписывать себѣ откровенія.

Вотъ что писалъ онъ Александру вскорѣ послѣ приведеннаго „доклада“: „...На вопросъ твой: *какъ пособить, дабы остановить*

---

[1]) Шишковъ. Записки ect. Berlin. Т. 2. Стр. 45.

[2]) Пыпинъ. Рус. библ. общество. „Вѣстн. Евр.“ 1868 г. Кн. 11. Стр. 262—263.

революцію? молился Господу Богу, и *вотъ что открыто* (!), *только дѣлать немедленно* (!!). Способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два (народн. просвѣщенія и почтовое) отнять отъ извѣстной особы (Голицына). 2) Библейское Общество уничтожить. 3) Синоду быть попрежнему, и *духовенству надзирать за просвѣщеніемъ.* 4) Кошелева отдалить, Госнера, Феслера и методистовъ *выгнать*...

Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать *не открыло.* (!)... Повелѣніе Божіе я возвѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ" [1]).

Ко всему этому надо прибавить угрозы и застращиванія Аракчеева. А о степени вліянія и власти Аракчеева можно судить хотя бы по такому примѣру. По указу 14 декабря 1807 г., „объявляемыя генераломъ отъ артиллеріи гр. Аракчеевымъ повелѣнія должны исполняться, какъ именные высочайшіе указы" [2]).

Окончательно запуганный и сбитый съ толку подобными „откровеніями", императоръ Александръ предоставилъ свободу дѣйствій упомянутымъ „заговорщикамъ" (и главнымъ образомъ Аракчееву), обѣщавшимъ все „поправить". „Заговорщики" прежде всего постарались столкнуть Голицына и для этого воспользовались книгой Госнера—„Духъ жизни и ученія І. Христа". Книга была *выкрадена* изъ типографіи еще въ корректурныхъ листахъ и, вся испещренная „аховыми" замѣчаніями Магницкаго и Шишкова, была представлена Александру чрезъ митрополита Серафима. Митрополитъ „раскрылъ" предъ императоромъ тѣ мѣста, которыя „показывали дерзкое возстаніе сочинителя не только противъ православія и самодержанія, но даже противъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій" [3]).

Въ результатѣ—послѣдовало высочайшее повелѣніе разсмотрѣть эту книгу. Послѣ разбора, сдѣланнаго Шишковымъ, Госнеръ былъ высланъ за границу, книгу велѣно было сжечь, а всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ изданію (переводчиковъ, цензоровъ, типографщиковъ) отдать подъ судъ [4]).

Голицынъ вынужденъ былъ подать въ отставку, и на его мѣсто былъ назначенъ Шишковъ. Вступивъ на постъ министра, Шишковъ прежде всего постарался добить библейскія общества. Вскорѣ послѣ своего назначенія Шишковъ писалъ Аракчееву: „..Мнѣ поручено министерство просвѣщенія; но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Если библейскія общества будутъ попрежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать токмо

---

[1]) Ibid. Стр. 264.

[2]) Сватиковъ. Общ. движ. Стр. 97.

[3]) Книга была разрѣшена цензоромъ Бируковымъ.

[4]) Подробности этого дѣла см.—Пыпинъ Рус. библ. общ. „Вѣстн. Евр". 1868 г.. кн. 11-12. Шишковъ. Записки.

ереси и расколы; если церковныя книги для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться... на простонародный языкъ, какимъ говоримъ мы между собою и на театрѣ; если сверхъ того съ иностранныхъ языковъ... переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философическія и революціонныя книги... то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь, ибо по моему образу мыслей просвѣщеніе, не основанное на вѣрѣ и вѣрности къ государю и отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе"[1])...

Въ томъ же родѣ были доклады Шишкова и императору Александру. Въ нихъ онъ утверждалъ, что „переводы свящ. писанія на простонародный языкъ придуманы для уменьшенія ихъ важности и поколебанія вѣры"[2]), что миссіонеры и переводчики—„зажигатели", что распространеніе свящ. писанія даетъ поводъ—„криво толковать библію" и т. п.[3]).

„Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій библейскихъ обществъ,—писалъ, между прочимъ, Шишковъ,—ясно и несомнѣнно открывается, что *чтеніе священныхъ книгъ* состоитъ въ томъ, чтобъ истребить правовѣріе, возмутить отечество и произвесть въ немъ *междоусобія и бунты* (!!). Хитрый и злодѣйскій планъ этотъ необходимо разрушить немедленно, ибо могущее родиться изъ сего зло *ужаснѣе всякаго пожара и потопа*"... „Дѣятельность библейскихъ обществъ состоитъ въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику и общую религію"...

Въ довершеніе всего Шишковъ приписываетъ библейскимъ обществамъ „частыя воровства, грабежи, смертоубійства"[4])... Естественно, что библейскія общества и вся ихъ миссіонерская дѣятельность, какъ революціонная, должна была пойти на смарку. Произошло новое перемѣщеніе (собственно расширеніе) признаковъ „неблагонадежности". То, что при Голицынѣ поощрялось (этой привилегіей пользовался исключительно мистицизмъ и библейское миссіонерство), теперь преслѣдуется, и наоборотъ, кое-что изъ гонимаго при Голицынѣ получаетъ разрѣшеніе и поощреніе при Шишковѣ (опять-таки только, конечно, имѣющее отношеніе къ личной и партійной борьбѣ).

Въ 1818 г. (при Голицынѣ) цензоръ Голянскій получилъ выговоръ за пропускъ книги „Разсужденія, позволительно ли всѣмъ безъ изъятія читать книги свящ. писанія, печатаемыя на простонародномъ языкѣ" (авторъ высказывалъ сомнѣнія на этотъ счетъ).

Теперь, наоборотъ, преслѣдуются разсужденія, доказывающія, что „позволительно всѣмъ безъ изъятія читать книги свящ. пи-

---

1) Шишковъ. Записки etc. Т. 2, стр. 183-184. Berlin.
2) Ibid. Стр. 214.
3) Ibid. Пыпинъ. „В. Е." 1868, кн. 12, стр. 721,
4) Шишковъ. Записки. Т. 2, стр. 225-235.

ванія". При Голицынѣ была запрещена книга Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца", содержавшая въ себѣ нападки на мистиковъ; авторъ былъ высланъ изъ Петербурга, пропустившему книгу арх. Иннокентію грозила ссылка въ Оренбургъ. Теперь эта книга, по рекомендаціи Шишкова, издается съ припиской: „По высочайшему повелѣнію" и т. д. и т. д. Чтобы представить себѣ „мѣру" шишковскаго абсурантизма и его критерій благонамѣренности, достаточно вспомнить, что „Краткій катехизисъ" Филарета оказался книгой „опасной". По поводу сей зловредной книги Шишковъ писалъ Аракчееву: „...Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ введенныхъ въ нее, не совсѣмъ согласныхъ съ ученіемъ нашей церкви правилахъ (?!), одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы... переложены на простой языкъ... показываетъ уже, съ какимъ намѣреніемъ тиснуто оной такое огромное количество" („Катехизисъ" только предъ этимъ былъ изданъ въ количествѣ 18 тысячъ экз.). Поэтому Шишковъ просилъ Аракчеева доложить государю, чтобы принять „неукоснительныя мѣры къ остановкѣ сей книги; если же послѣдняя повсюду разойдется, то уже дѣйствія, ею произведеннаго, отвратить будетъ не можно" [1]).

Въ результатѣ—катехизисъ Филарета былъ „опечатанъ", его распространеніе и употребленіе запрещено [2]).

Понятно отсюда, какихъ плодовъ можно было ждать отъ Шишкова на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Еще до вступленія своего на постъ министра (во время „подкопа" подъ Голицына) Шишковъ писалъ въ одномъ изъ своихъ „докладовъ": „Къ крайнему" сожалѣнію примѣчаемъ мы, что министерство просвѣщенія отъ самаго учрежденія своего... не соотвѣтствуетъ распространенію тѣхъ пользъ, какихъ отъ него желали и ожидали". Поэтому онъ предлагалъ „войти въ строгое наблюденіе: не преподается ли гдѣ въ университетахъ, гимназіяхъ, народныхъ училищахъ подъ видомъ наукъ какія-либо вредныя ученія" [3]). (Это говорится послѣ подвиговъ Магницкаго и разгрома университетовъ).

По мнѣнію и наблюденію Шишкова, результаты, достигнутые предшествующими министрами, весьма печальны „Кажется,—пишетъ Шишковъ еще за годъ до назначенія министромъ,—какъ будто всѣ *училища превратились въ школы разврата*, и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, и голова у него набита пустотою, а сердце—самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумія" [4]).

Главною причиною такого печальнаго положенія „новаго" просвѣщенія Шишковъ считалъ отсутствіе „національнаго духа" въ

---

[1]) Шишковъ. Записки. Т. 2, стр. 185.

[2]) Пыпинъ. Ibid. Стр. 712. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Пыпинъ,—адмиралъ и генералъ отъ артиллеріи рѣшали вопросъ о катехизисѣ"...

[3]) Записки. Т. 2, стр. 176.

[4]) Историч. обзоръ минист. народн. просвѣщ, стр. 165.

дѣлѣ воспитанія. Мистицизмъ голицынскаго министерства онъ связывалъ съ дѣятельностью Новикова и чрезъ него—съ французскими революціонными ученіями, имѣвшими цѣлью поколебать православіе и могущество Россіи. По его же мнѣнію, народное образованіе должно быть строго-національнымъ.

Въ первомъ же засѣданіи министерства Шишковъ высказалъ, что должно оберегать юношество „отъ заразы лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными (!) мечтаніями, пухлою (!) гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ“... „Науки,—продолжалъ новый министръ,—изощряющія умъ, не составляютъ, безъ вѣры и безъ нравственности, благоденствія народнаго“...

„Сверхъ сего, науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются *въ мѣру*, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. *Излишество ихъ*, равно какъ и недостатокъ, *противно истинному просвѣщенію. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей — это принесло бы больше вреда, нежели пользы. Наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ было бы—пріуготовлять его быть худымъ и безполезнымъ или еще вреднымъ гражданиномъ*“ [1]).

Эти свои воззрѣнія и планы Шишковъ перетащилъ и въ царствованіе Николая I.

V.

Въ царствованіе Николая I, — когда правительство, по выраженію Никитенки, больше заботилось о свѣтлыхъ пуговицахъ на мундирахъ, чѣмъ о свѣтлыхъ головахъ,—вся система управленія сводилась къ требованію: подтянуть, скрутить, искоренить и т. п.

Николай I, считая событіе 14 декабря 1825 г. слѣдствіемъ „превратнаго воспитанія“, въ продолженіе всего своего царствованія употреблялъ всевозможныя и самыя крутыя мѣры, чтобы искоренить въ обществѣ и школѣ воображаемое „своевольство мыслей“. Мечтой тогдашняго правительства было — сдѣлать изъ Россіи одну сплошную казарму, и вмѣсто школъ понастроить полицейскихъ бутокъ. Понятно, что не только „дерзновенныя мечтанія“, но всякая попытка смѣть свое сужденіе имѣть, малѣйшее отклоненіе отъ казарменнаго: „слушаю-съ, такъ точно“ сурово карались, гдѣ бы подобное вольнодумство ни замѣчалось— будь то университетская каѳедра или лубочная картина. „Императоръ Николай Павловичъ,—говоритъ оффиціальное изданіе, „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“,—придавалъ чрезвычайно важное значеніе учебно-воспитательному дѣлу.

---

[1]). Историч. обзоръ мин. нар. просв. Стр. 166. Записки Шишкова. Т. 2, стр. 180. Стоюнинъ. Шишковъ, стр. 300- 326.

Его взгляды на это дѣло были вполнѣ опредѣленны и неизмѣнны, можно сказать, отъ начала царствованія до конца его: учебныя заведенія должны были не только учить подрастающее поколѣніе, но и воспитывать его въ строго-государственномъ направленіи, въ уваженіи главныхъ, по воззрѣнію Николая I, основъ русской жизни — самодержавія, народности и православія. Главною причиною событій 14 декабря Николай I считалъ превратное воспитаніе. Поэтому онъ желалъ взять образованіе и воспитаніе юношества (да и всего русскаго общества. *А. Е.*) подъ правительственный надзоръ.

„Воспитаніе и образованіе должны были не только внушать юношеству уваженіе къ существующему строю, но и должны быть приноровлены къ состоянію воспитанниковъ; строго держась охранительныхъ началъ, *правительство не желало, чтобы получаемое образованіе сдѣлалось средствомъ для перехода людей низшаго и средняго состояній въ высшее*" [1])...

Того же взгляда держался Николай I на литературу, науку и народное просвѣщеніе. По свидѣтельству того же оффиціальнаго изданія, „онѣ допускались подъ непремѣннымъ условіемъ— быть проводниками въ общество государственнаго начала; *иначе онѣ вовсе не были допускаемы* [2]).

Первымъ проводникомъ этихъ началъ въ жизнь въ области народнаго просвѣщенія и литературы былъ Шишковъ, этотъ тупоголовый „старовѣръ", начавшій свою дѣятельность еще въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Его первые „шаги" были изложены выше; его „программа" достаточно опредѣлилась въ предшествовавшее царствованіе и цѣликомъ перешла въ новое царствованіе, получивъ при Николаѣ I большій просторъ, беззастѣнчивость и подходящія „общія" условія. Напр., Александръ I такъ и не рѣшился подписать указъ объ уничтоженіи библейскихъ обществъ (своего, въ сущности, дѣтища). Николай I, „не связанный, подобно своему предшественнику, извѣстными привычками, традиціями и обязательствами", подписалъ этотъ указъ (въ 1826 г.). Библейскія общества были окончательно упразднены, ихъ изданія отобраны и долго валялись по съѣзжимъ избамъ, а потомъ по епархіальнымъ архивамъ, пока не были расхищены и уничтожены [3]).

---

[1]) Истор. обзоръ дѣят. ком. мин. Т. II, стр. 231—232.

[2]) Ibid. Любопытно, что въ началѣ царствованія Николая I было воспрещено въ статьяхъ о народномъ образованіи ссылаться на высочайшія отмѣтки на сообщеніяхъ губернаторовъ о постройкѣ новыхъ школъ: „отрадно", „утѣшительно", „пріятно" и т. п.

[3]) Предполагалось передать эти книги на разсмотрѣніе особо учрежденнаго „комитета для разбора еретическихъ книгъ", но этотъ разборъ такъ и не состоялся, и отобранныя сотни тысячъ изданій библейскаго общества умерли, такъ сказать, естественною смертью въ съѣзжихъ и архивахъ.

Первымъ „плодомъ“ дѣятельности Шишкова является уставъ 1826 года. Еще находясь въ періодѣ чревоношенія, Шишковъ писалъ въ одномъ изъ „докладовъ“, опредѣляя вредъ и всю опасность книгопечатанія: „...Посредствомъ книгопечатанія открылась равная свобода и удобность—благодушію и злосердію, разуму и невѣжеству, добродѣтели и пороку дѣйствовать надъ умами человѣковъ“. Но ядъ злонравія скорѣе распространяется, а особенно чрезъ книги. „Какая труба удобнѣе внушитъ гласъ свой во уши и сердца многихъ, какъ не книга, въ одно и тоже время, въ тысячи мѣстахъ и тысячами людей читаемая? При томъ же слово, хитростью ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ“ [1]).

Существовавшая до тѣхъ поръ цензура не предотвращала зла—по недостатку людей и правилъ. Поэтому онъ представилъ свой уставъ, содержавшій въ себѣ цѣлыхъ 230 параграфовъ и стремившійся „обнять необъятное“. Такъ какъ прежняя цензура была „недостаточна къ отвращенію вреда, приносимаго худыми книгами воспитанію, нравамъ и просвѣщенію“, то по новому уставу цензурѣ поручаются три главнѣйшія обязанности: попеченіе о наукахъ и воспитаніи юношества,—о нравахъ и внутренней безопасности и о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ видами правительства. Заботясь о прегражденіи пути къ изданію въ свѣтъ „худыхъ“, „дерзкихъ“ и „пустословныхъ“ сочиненій, отъ которыхъ „развращается нравственность, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество“, шишковскій уставъ удѣлялъ не мало вниманія и мелкимъ народно-популярнымъ изданіямъ.

Достаточно указать, что 37-мъ § устава „на попеченіе верховнаго цензурнаго комитета возлагается изысканіе средствъ *къ изъятію изъ обращенія въ народѣ вредныхъ*, въ какомъ бы то ни было отношеніи, *сочиненій, если бы таковыя оказались въ числѣ изданныхъ до сего времени*“ [2]).

Затѣмъ идетъ рядъ правилъ и требованій, направленныхъ къ тому, чтобы не пропускать въ народъ „худыхъ“ книгъ. Параграфъ 158-й гласитъ: „Не нарушая общей строгости надзора за всѣми въ цензуру поступающими книгами, цензоры должны обращать особенное вниманіе на... мелкія сочиненія, кои быстрѣе другихъ расходятся и, въ случаѣ предосудительнаго содержанія, могутъ производить гораздо опаснѣйшія послѣдствія“ [3]).

Сюда же относится рядъ стѣснительныхъ правилъ объ изданіи

[1]) Шишковъ. Записки ect. Berlin. Т. 2, стр. 44.

[2]) Сборникъ постановл. и распор. по цензурѣ, стр. 138. Имѣвшееся на книгѣ цензурное распоряженіе не спасало такую книгу отъ изъятія. Равнымъ образомъ для вторичнаго изд. уставъ требовалъ и новаго цензурнаго разрѣшенія (§ 156), чего не было въ уставѣ 1804 г.

[3]) Ibid. Стр. 168.

учебныхъ книгъ (§ 160), о гравированныхъ изображеніяхъ (§ 183), о книгопродавцахъ (§ 224) и разносчикахъ (§ 226) и т. д.

Въ своемъ стремленіи задержать распространеніе книги Шишковъ вноситъ въ свой уставъ и такой параграфъ, который былъ направленъ къ удержанію публики отъ „неумѣреннаго" пріобрѣтенія книгъ: § 157 требовалъ, чтобъ объявленія о вновь выходящихъ книгахъ и заключающіяся въ этихъ объявленіяхъ „похвалы не противорѣчили справедливости, дабы любители чтенія не могли быть чрезъ то приводимы къ неосновательному желанію пріобрѣтать книги, не заслуживающія ихъ вниманія" [1]).

Что касается собственно народнаго образованія, то первымъ шагомъ къ исправленію „превратнаго воспитанія" и приспособленію его къ видамъ правительства было учрежденіе „комитета для сличенія и уравненія уставовъ учебныхъ заведеній и опредѣленія курсовъ учебныхъ заведеній и опредѣленія курсовъ ученія въ оныхъ". Въ высочайшемъ рескриптѣ 14 мая 1826 г. учрежденіе этого комитета мотивировалось слѣдующимъ образомъ: „Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ россійское юношество образуется на службу государству, я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе. Оный недостатокъ лишаетъ государство большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ оно имѣетъ право ожидать отъ питомцевъ своихъ, не пощадивъ для ихъ образованія ни издержекъ, ни всякихъ другихъ способовъ".

На комитетъ возлагались слѣдующія обязанности: „1) *сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній..., начиная съ приходскихъ до университетовъ*. 2) Разсмотрѣть и сличить *курсы ученій*, въ нихъ преподаваемые, приведя для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ оные преподаются. 3) За симъ *уравнять совершенно по всѣмъ мѣстамъ имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній*. 4) *Опредѣлить подробно* на будущее время *всѣ курсы ученій*, означивъ и сочиненія, по коимъ оные должно впредь быть преподаваемы... дабы уже, за совершеніемъ сего, *воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ*" [2]).

---

[1]) Проведеніе въ жизнь шишковскаго устава обошлось 40 т. р. (На что другое, а на „искорененіе" денегъ у насъ никогда не жалѣли). Но Шишковъ скромненько заявлялъ, что эта сумма съ лихвою окупится, такъ какъ благодаря новому уставу масса вредныхъ и „худыхъ" книгъ будетъ изъята и задержана. Ibid.

[2]) Сборн. постан. Т. 2., стр. 25—26.

Къ этому же времени относится извѣстная записка Пушкина «о народномъ воспитаніи», въ которой онъ говорилъ, между прочимъ: «Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства... Нечего колебаться, во что бы то ни стало, подавить или по крайней мѣрѣ, сильно затруднить воспитаніе частное».

Въ отвѣтномъ своемъ докладѣ (21 мая) Шишковъ, „принимая рескриптъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ", заявлялъ, что и его собственные взгляды на сей предметъ согласны съ рескриптомъ, каковое обстоятельство ускоритъ исполненіе благихъ намѣреній государя".

Засѣданія комитета открылись 2 іюня рѣчью Шишкова о задачахъ предстоящихъ работъ комитета.

Главными причинами упадка учебныхъ заведеній онъ призналъ: 1) недостатки существующихъ уставовъ, въ которыхъ упущена основная цѣль народнаго просвѣщенія—„образованіе, приспособленное къ потребностямъ разныхъ состояній", 2) недостатокъ общаго и частнаго надзора за учебными заведеніями, 3) слишкомъ долгій срокъ ученія въ гимназіяхъ и низшихъ училищахъ. Настаивая на единствѣ учебной системы, министръ высказался рѣшительно противъ частныхъ пансіоновъ и призналъ даже вреднымъ домашнее воспитаніе. Переходя къ изложенію общихъ основаній новаго устройства учебныхъ заведеній, Шишковъ поставилъ главнымъ требованіемъ, „чтобы оно не изглаживало въ русскихъ характера народнаго, но чтобы улучшало и укрѣпляло его". Раздѣленіе учебныхъ заведеній на приходскія, уѣздныя училища и гимназіи можетъ быть признано удовлетворительнымъ, но подъ условіемъ, чтобы каждый разрядъ училищъ давалъ законченное образованіе для того класса лицъ, для котораго онъ предназначенъ [1]).

Но работы комитета, въ противоположность увѣреніямъ Шишкова, затягивались и шли очень медленно, такъ какъ составленіе новаго устава осложнялось многими привходящими вопросами (о ланкастерскомъ методѣ, о дворянскихъ пансіонахъ, о преподаваніи древнихъ языковъ, о новомъ раздѣленіи учебныхъ округовъ и т. д.). Николай былъ недоволенъ медленностью работъ комитета, и 3 сентября 1827 г. на журналѣ засѣданія написалъ: „Я требую непремѣнно, чтобы дѣло шло поспѣшнѣе" [2]).

Подбодренный такой резолюціей, комитетъ началъ поторапливаться и къ январю 1828 г. закончилъ работу по составленію устава среднихъ и низшихъ училищъ. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Шишковъ былъ уволенъ въ отставку „по преклонности лѣтъ и по разстроенному здоровью".

Вмѣсто Шишкова былъ назначенъ князь Карлъ Ливенъ,— „человѣкъ горячихъ... религіозныхъ убѣжденій, ясныхъ и твердыхъ нравственныхъ правилъ", какъ характеризуетъ его историкъ министерства. Будучи предъ этимъ попечителемъ дерптскаго учебнаго округа, Ливенъ главною цѣлью всѣхъ учебныхъ заведеній поставилъ нравственное и религіозное воспитаніе, строго наблюдая за точнымъ соблюденіемъ своихъ предписаній и наста-

---

1) Историч. обз. дѣят. мин. нар. пр. Стр. 179—180.
2) Ibid. Стр. 182.

вленій. Профессоровъ, замѣченныхъ въ раціонализмѣ, увольнялъ, учащихся строго каралъ за проступки противъ нравственности. Чрезъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія министромъ Карлъ Ливенъ въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ, программу своей будущей дѣятельности: „...Сердечная вѣра во Христа—вотъ основа всего; если на ней опирается научное зданіе, то не дастъ щелей и не рушится; тогда живущимъ въ немъ не будетъ опасно, но будетъ удобно, надежно и благотворно"... [1]).

При Ливенѣ былъ законченъ и вошелъ въ жизнь новый уставъ 1828 г. Особенности его слѣдующія. Старый уставъ каждому разряду училищъ усваивалъ двѣ цѣли: дать законченное образованіе лицамъ извѣстнаго класса и служить переходной ступенью въ училища высшаго разряда. Новый уставъ проводилъ принципъ, сословности,—для каждаго сословія назначались особыя училища: приходскія училища—для людей „самыхъ нижнихъ состояній", уѣздныя училища—„для купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей". Гимназіи должны были дать „приличное" законченное воспитаніе дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—служить переходной ступенью въ университетъ.

Сообразно съ этими основными цѣлями, уставъ 1828 года опредѣлялъ содержаніе и объемъ курса, постановку и обстановку и другія подробности народно-учебнаго дѣла. Отгородивъ заботливо приходскія училища отъ уѣздныхъ, а эти послѣднія отъ гимназій, сдѣлавъ всѣ разряды училищъ строго сословными, уставъ 1828 г. самыя программы составилъ и распредѣлилъ такъ, чтобы переходъ изъ одного разряда въ другой сталъ невозможенъ [2]).

Но важнѣе всего былъ, конечно, вопросъ о средствахъ. По отношенію къ уѣзднымъ училищамъ уставъ 1828 г. „раскутился"—принялъ ихъ содержаніе на счетъ казны (§ 79) [3]).

Приходскія же училища остались въ прежнемъ положеніи и должны были содержаться на счетъ самихъ обществъ (§ 5, 6), а въ помѣщичьихъ селеніяхъ они ввѣрялись „просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ" (§ 8). Зато уставъ 28 г. обнаружилъ трогательную заботливость о сборѣ, храненіи и расходованіи суммъ, назначаемыхъ на содержаніе училищъ. Напримѣръ, § 41 говорилъ: „Сумма, опредѣленная на

---

[1]) Историч. обзоръ дѣят. м. нр. пр. Стр. 169—170.

[2]) Въ приходскихъ училищахъ преподавалось: Законъ Божій (катехизисъ и св. ист.), чтеніе (по книгамъ гражданской и церковной печати), чистописаніе, четыре правила ариѳметики. Въ уѣздныхъ училищахъ: Законъ Божій, свящ. и церковная исторія, русскій языкъ и «высшая часть» грамматики, геометрія, русская и всеобщая исторія, черченіе и рисованіе. Въ гимназіяхъ: Законъ Божій, русская грамматика, словесность и логика, языки—латинскій, нѣмецкій и французскій, математика, географія и статистика, исторія, физика, черченіе и рисованіе (§ 15, 57, 144).

[3]) Это было первымъ „пожертвованіемъ" правительства на народное образованіе.

содержаніе училища, доставляется по третямъ, или чрезъ полгода, но всегда впередъ, и хранится въ церкви подлѣ суммы церковной, въ особомъ сундукѣ за печатями учителя и священника, гдѣ нѣтъ церкви—у почетнаго жителя за его ключомъ и печатью учителя".

Управленіе школъ возлагалось на директора—онъ являлся „хозяиномъ всѣхъ училищъ, въ губерніи находящихся".

Завѣдываніе учебной частью поручалось штатному смотрителю, а ближайшій надзоръ—мѣстному священнику, предоставлялось которому, „замѣтивъ упущеніе или иные безпорядки, обращать на нихъ вниманіе учителя и увѣдомлять смотрителя" (§ 9, 10) [1].

Немудрено, что само же министерство вынуждено было сознаться, что „содержаніе приходскихъ училищъ, даже въ городахъ, крайне скудно, что служитъ важнымъ препятствіемъ къ улучшенію этихъ училищъ" [2]). Эта необезпеченность заставляетъ министерство выражать „живѣйшее опасеніе за прочность ихъ будущаго существованія". Тѣмъ не менѣе министерство находило (и не только при Николаѣ I, но, какъ увидимъ ниже, и при Александрѣ II, въ эпоху „реформъ"), что „правительству невозможно принять содержаніе ихъ на свой счетъ".

Необходимо отмѣтить, что при всемъ своемъ убожествѣ, при крайней сословной замкнутости, уставъ 1828 г. казался многимъ еще недостаточно точнымъ въ этомъ направленіи. Многіе находили, что новый уставъ не создавалъ достаточно крѣпкихъ сословныхъ перегородокъ, какъ имъ того хотѣлось. Поводомъ для подобныхъ нападокъ послужили тѣ параграфы устава, гдѣ говорилось, что уѣздныя училища назначаются „въ особенности" (а не исключительно) для купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, а гимназіи—для дворянъ. При обсужденіи этого вопроса въ комитетѣ министровъ возникли пренія. Такъ, графъ Ламбертъ говорилъ: „Дѣти, принадлежащія разнымъ сословіямъ, не могутъ быть воспитываемы вмѣстѣ. Въ разсужденіи нравственныхъ свойствъ смѣсь сія не можетъ быть допущена. Что касается до познаній, то и тутъ различія необходимы". Ему возражалъ самъ министръ Ливенъ, доказывавшій трудность проведенія у насъ исключительной сословности образованія. „Въ россійскомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ средняго или гражданскаго состоянія, гдѣ одно только купеческое сословіе нѣкоторымъ образомъ представляетъ оное, гдѣ ремесленникъ по всѣмъ отношеніямъ равенъ земледѣльцу и всегда почти больше развращенъ, гдѣ достаточный крестьянинъ во всякое время можетъ сдѣлаться купцомъ, а часто

---

[1]) Сборн. постан. по мин. нар. пр., т. 2., ч. 1, стр. 204—211. За всѣмъ этимъ, уставъ 1828 г. совершенно запрещалъ частныя школы и частное обученіе (безъ разрѣшенія и контроля дирекціи).

[2]) Сборн. постан. по мин. нар. пр. Т. 4, стр. 1301.

бываетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, гдѣ линія дворянскаго сословія толь необозримое имѣетъ протяженіе, что однимъ концомъ касается до подножія престола, а другимъ почти въ крестьянствѣ теряется, гдѣ ежегодно многіе изъ гражданскаго и крестьянскаго сословій, чрезъ полученіе военнаго или гражданскаго и офицерскаго чина, поступаютъ въ дворянство,—въ Россійскомъ государствѣ таковое устройство училищъ затруднительно". Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и опредѣлилъ, что сообщеніе образованія соотвѣтственно состоянію учащихся есть „преимущественное, но не исключительное назначеніе" учебныхъ заведеній [1]).

Это разногласіе было разрѣшено высочайшимъ рескриптомъ 19 августа 1827 г.—„о порядкѣ допущенія въ высшія и низшія училища людей свободныхъ состояній и помѣщичьихъ". Въ рескриптѣ, не оставлявшемъ болѣе сомнѣнія въ пониманіи границъ сословности, говорилось: „Почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державы, отъ Бога мнѣ врученной, я желаю, чтобъ для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобы повсюду предметы ученій и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться... Въ настоящемъ порядкѣ многое противно предположенному правилу... Часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ...; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, несоотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ уныніи *предаются пагубнымъ мечтаніямъ* или низкимъ страстямъ". Для устраненія этого предписывалось: 1) Чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ заведеніяхъ, а равно и въ гимназіяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію только люди свободныхъ состояній. 2) Чтобы помѣ-

[1]) Историч. обзоръ дѣят. мин. нар. пр., стр. 197—198.

щичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и въ частныхъ заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ. 3) Чтобы они также были допускаемы въ заведенія особеннаго рода, кои учреждены или впредь будутъ учреждаемы казною и частными лицами для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и въ сихъ заведеніяхъ тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусствъ и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ и въ уѣздныхъ училищахъ" [1]).

Въ виду этого какимъ-то убогимъ недомысліемъ кажутся слѣдующіе восторги Никитенки по поводу новаго устава: „...Меня поразилъ духъ сего устава. Намѣреніе разлить въ Россіи просвѣщеніе въ низшихъ классахъ столь рѣшительно и выражено въ столь сильныхъ мѣрахъ, что даже, кажется, переступлены границы благоразумной постепенности. Открытіе... школъ, по одной на каждый или на два прихода, должно съ быстротою молніи подвинуть впередъ народный духъ... Все это подготовляетъ важный переворотъ" [2]).

Съ какою быстротою „разливалъ" просвѣщеніе уставъ 1828 г.— это мы сейчасъ только видѣли изъ заявленія самого же министерства, а о томъ, каковы были мѣры самого министерства Ливена, направленныя къ развитію „народнаго духа" и къ подготовкѣ „переворота",—мы можемъ судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Въ 1832 г. подверглись гоненію сказки Даля—первый литературный дебютъ Казака Луганскаго. По разсказу біографа Даля, виновникомъ погрома былъ Булгаринъ, который, найдя ихъ „грязными, неприличными и неблагонамѣренными", донесъ Мордвинову (управляющему III отдѣленіемъ). Особенно опасными оказались сказки „О Иванѣ, молодомъ сержантѣ, удалой головѣ"... „О похожденіяхъ чорта-послушника, Сидора Поликарповича", „О Шемякиномъ судѣ".

Сущность первой сказки состоитъ въ томъ, что царь Додонъ, подъ вліяніемъ наговоровъ придворныхъ, предлагаетъ своему любимицу Ивану рядъ неисполнимыхъ задачъ: въ сутки пересчитать зерна пшеницы въ царскихъ амбарахъ, выкопать вокругъ города канаву во сто сажень глубины и сто сажень ширины, наконецъ,

---

[1]) Сборн. постановл. по мин. нар. пр., т. 2, ч. 1., стр. 71—72. Въ 1829 г. комитетъ мин. постановилъ, чтобы въ высшія учебныя заведенія принимались только люди свободныхъ состояній, «помѣщичьи же крестьяне и дворовые обучались только въ приходскихъ и уѣздныхъ и другихъ равныхъ имъ училищахъ».

[2]) Дневникъ. Т. I, стр. 164.

достать гусли-самосуды у Нахала-невидимки. Всѣ эти подвиги Иванъ, при помощи волшебницы Катерины, успѣшно совершилъ; даже гусли досталъ, но дорогою смѣнялъ у колдуна-чародѣя на палицу волшебную съ золотымъ набалдашникомъ. Стоило отвернуть этотъ набалдашникъ, изъ палицы выходило цѣлое войско. Съ этою палицею Иванъ вернулся домой и, когда Додонъ хотѣлъ хитростью погубить его, выпустилъ изъ палицы свое войско и „истребилъ до послѣдняго лоскутка, ноготка и волоска“ Додона и всѣхъ его приближенныхъ.

Въ частности, какъ „неприличныя“, были указаны слѣдующія мѣста (начало и конецъ):

„Въ нѣкоторомъ самодержавномъ царствѣ, что за тридевять земель, за тридесятымъ государствомъ, жилъ былъ царь Додонъ— золотой кошель. У этого царя было великое множество подвластныхъ князей: князь Панкратій, князь Климъ, кн. Кондратій, кн. Трофимъ, и сверхъ того правдолюбивые, сердобольные министры,—фельдмаршалъ Кашинъ, генералъ Дюжинъ, графъ Чихирь, пяташная голова, да Иванъ молодой сержантъ, удалая голова“. Разсказавъ о подвохѣ противъ Ивана приближенныхъ Додона, сказка продолжала:

„Царь этотъ царствовалъ, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ: гнетъ—не паритъ, переломитъ—не тужитъ! Онъ, послушавъ правдолюбивыхъ и сердобольныхъ совѣтниковъ своихъ, приказалъ немедленно отобрать отъ Ивана... всѣ документы царскіе, чины, ордена, медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житье плохое, и стали... налегать на него вельможи, бояре царскіе, стали клеветать, обносить, оговаривать. Подстрѣленнаго сокола и ворона носомъ долбитъ“... и т. д.

Въ концѣ сказки, послѣ разсказа о томъ, какъ Додонъ хотѣлъ злодѣйски погубить Ивана и послалъ „наемныхъ рѣзниковъ“, говорилось:

„Теперь Иванъ въ послѣдній (разъ) испыталъ коварство царя Додона и совѣтниковъ его правдолюбивыхъ; онъ выпустилъ свое войско... обложилъ дворецъ и весь городъ столичный... и истребилъ до послѣдняго лоскутка, ноготка и волоска Додона и всѣхъ сыщиковъ, блюдолизовъ и потакалъ его... И по дѣломъ: они всѣ, по владыкѣ своему, на одинъ ладъ, на тотъ же покрой всѣ наголо бездѣльники, каковъ попъ, таковъ и приходъ... куда иголка, туда и нитка“.

Содержаніе сказки „О похожденіяхъ чорта-послушника, Сидора Поликарповича“ слѣдующее:

Сатана посылаетъ одного изъ своихъ приспѣшниковъ, чертей-послушниковъ на землю—„извѣдать на дѣлѣ суть и глубь и бытъ военный и гражданскій, и взять осѣдлость тамъ, гдѣ для оборотовъ нашихъ окажется повыгоднѣе“.

Сидоръ Поликарповичъ (такъ звали чорта) вылѣзъ изъ земли на самомъ крайнемъ западѣ, на взморьѣ.

„Шелъ онъ, шелъ, долго ли коротко ли, дошелъ до страны отъ насъ западной, пригишпанской, королевства задорнаго; а обитаютъ въ королевствѣ томъ люди неугомонные, неужиточные, родятся въ нихъ замыслы несбыточные“. Тамъ чортъ встрѣтилъ отрядъ русскихъ солдатъ и, заинтересованный ихъ рѣчами и разсказами, рѣшилъ пристать къ нимъ, чтобъ до их земли добраться.

Поступивъ „вольноопредѣляющимся“, чортъ терпѣлъ „всю бѣду солдатскую“, перемогался, но крѣпко морщился. „Ему въ первыя сутки киверомъ на лбу мозоль намяло пальца въ полтора; отъ желѣзнаго листа, въ воротникѣ, шея стала неповоротливѣе, чѣмъ у сѣраго волка; широкою перевязью плеча отдавило, ранцемъ чуть не задушило, тесакомъ икры отбило! Да по семи недѣль голоднымъ сиди...

„Солдату три деньги въ день, куда хочешь, туда ихъ и дѣнь; вѣниковъ много, да пару нѣтъ, а мылятъ такъ, все на сухую руку! У солдата шило брѣетъ, а шубы нѣтъ, такъ палка грѣетъ“...

Въ солдатахъ чорту такъ пришлось солоно и круто, что онъ „проклялъ жизнь“ и сбѣжалъ,—„что мнѣ, говоритъ, за неволя въ такомъ хомутѣ ходить?“

Чтобъ извѣстить сатану „о плохихъ успѣхахъ своихъ“, онъ отправляетъ ему „съ оказіей“ письмо, въ которомъ даетъ описаніе и самой „страны сѣверной“ (вполнѣ „патріотическое“) и своей солдатской службы: „...Пуще всего не взлюбили мы у нихъ той музыки, что ...подыгрываютъ въ два смычка безъ канифоли на кожаной скрипкѣ; испытали мы притомъ жизнь холодную и голодную“...

Послѣ этого Сидоръ поступилъ матросомъ на русскій военный корабль, но тамъ „замотали бѣднаго Сидорку нашего до того, что онъ не зналъ, куда и дѣваться; куда ни сунься—урядникъ, за что ни ухватись—линекъ!“

„Что за нелегкая меня сюда принесла,—подумалъ онъ,—тутъ замотаютъ такъ, что съ толку своротишь, изъ ума выбьешься! Попалъ я, никакъ, изъ огня да въ воду!

Какъ ни ладишь, ни годишь, а не принаровишься никакъ къ этой поведенціи, къ морской заведенціи. Не дотянешь—бьютъ; перетянешь—бьютъ“.

Послѣ одной жаркой порки, когда „съ него, съ живого, сухая пыль пошла“, чортъ нырнулъ вмѣстѣ съ якоремъ на дно морское.

Занесенный послѣ этого въ списокъ „безъ вѣсти пропавшихъ“, Сидоръ Поликарповичъ опредѣляется „по письменной части“, гдѣ уже „впился и въѣлся такъ, что его теперь не беретъ ни отваръ, ни присыпка“.

По поводу этой сказки указано было на то, что, во-первыхъ,

чортъ названъ именемъ православнаго христіанина, а во-вторыхъ, что военная и морская служба оказалась для самого чорта столь тягостною, что онъ бѣжалъ.

Удивительнѣе всего то, что по указанію Булгарина обидѣлись, какъ говаривалъ Даль, „пяташныя головы, обидѣлись и алтынныя, оскорбились и такія головы, которымъ цѣна была цѣлая гривна", узнавшія почему-то себя въ первой сказкѣ.

Въ результатѣ—„раннимъ утромъ (27 октября 1832 г.) въ госпиталь, гдѣ служитъ Даль, явились жандармы и отвезли его къ Мордвинову.

„Тотъ встрѣтилъ Даля самыми обидными, самыми оскорбительными площадными словами и посадилъ подъ арестъ, объявивъ, что дѣлаетъ это по высочайшему повелѣнію". Сказки же приказалъ немедленно конфисковать.

Лишь благодаря заступничеству Жуковскаго, объяснившаго государю, что слова сказки, навлекшія бѣду на автора, выражаютъ вовсе не то, что о нихъ доложили, Даль вечеромъ того же дня былъ освобожденъ изъ-подъ ареста [1]).

До какой степени доходила мнительность Ливена, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ „Сѣверной Пчелѣ" за 1831 г. была напечатана юмористическая статья Булгарина: „Отрывки изъ тайныхъ записокъ станціоннаго смотрителя", гдѣ, между прочимъ, человѣкъ сравнивался съ лошадью, для которой нуженъ только хорошій хозяинъ и кучеръ, чтобъ она сама была хороша. „Нашъ министръ,—разсказываетъ Никитенко,—увидѣлъ въ этой статьѣ воззваніе къ бунту. Онъ сдѣлалъ докладъ государю, чтобы отрѣшить цензора Семенова и наказать автора".

Дѣло это, однако, было оставлено „безъ уваженія". „Говорятъ,— прибавляетъ Никитенко,—что министръ разсердился, полагая, что статья написана на него. Странный способъ успокаивать умы и броженіе идей" [2]).

Какъ бы подводя итогъ управленію Ливена, Никитенко писалъ: „...Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ свящ. писанія. Тогда Магницкіе и Руничи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ нар. просв., чтобы, преподавая логику, старались въ то же время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ; а, преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ, чѣмъ-то похожимъ на государства съ неограниченной властью, вродѣ турецкой или монгольской... А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь требуютъ, чтобы литература про-

---

[1]) „Рус. Стар." 1848 г., № 5, стр. 181. Полн. собр. соч. Даля. Т. I и біографич. очеркъ Печерскаго, стр. XXXIII—XXXIV.

[2]) «Дневникъ». Т. I, стр. 214.

цвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые сурово управляются съ истиной и заставляютъ ее вертѣться предъ своими слушателями. Теперь требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и притомъ не механически, но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ" [1]).

Тѣмъ не менѣе, европейскія событія (1830 г.) и шарахнувшаяся еще болѣе въ сторону реакціи русская „самобытная" политика сдѣлала то, что даже Ливенъ оказался неподходящимъ, и онъ въ 1833 г. былъ уволенъ въ отставку.

А. Ершовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Дневникъ". Т. I, стр. 231. Напомнимъ, что даже Пушкинъ въ упомянутой выше „запискѣ" возставалъ противъ литературныхъ занятій учениковъ. „Во всѣхъ почти училищахъ,—писалъ онъ,—дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя". Сочин., стр. 1298-1299.

I. Дицгенъ.

(Очеркъ философіи).

I.

Немного найдется мыслителей, которые были бы такъ непривлекательны при первомъ чтеніи, такъ неудобочитаемы, какъ Дицгенъ. Можно сказать даже больше: Дицгенъ просто отталкиваетъ своимъ изложеніемъ читателя, и нужно извѣстное усиліе воли, чтобы усвоить немногочисленныя и написанныя къ тому же простымъ, не учено-книжнымъ языкомъ работы Дицгена.

Трудности, связанныя съ чтеніемъ Дицгена, совсѣмъ иного рода, чѣмъ тѣ, которыя обычно встрѣчаются у другихъ философовъ, у „темныхъ". Всякому понятны препятствія, стоящія, напримѣръ, на пути изучающаго философію Канта: сложная и тонкая, съ безчисленными изворотами и развѣтвленіями, мысль, едва умѣщающаяся въ огромныхъ старомодныхъ періодахъ, причудливая и громоздкая архитектоника изложенія, сложная, запутанная и не всегда выдержанная терминологія, — все это рядомъ загражденій охраняетъ не легко доступную твердыню кантовской философіи. Кантъ труденъ, очень труденъ—это испытываетъ на себѣ всякій начинающій, но испытываетъ съ чувствомъ подобающаго респекта. И этотъ респектъ внушаетъ непреодолимое желаніе броситься еще и еще разъ въ аттаку, чтобы одолѣть этого великана мысли: справиться съ Кантомъ становится уже вопросомъ самолюбія, почти вопросомъ чести. То же самое—въ большей или меньшей степени—приходится сказать и о другихъ философахъ, защищен-

[1]) Благодаря П. Г. Дауге на русскомъ языкѣ имѣется теперь полное собраніе сочиненій Дицгена. Къ сожалѣнію, переведены работы Дицгена въ этомъ „полномъ собраніи" очень плохо. Гораздо лучше переводъ отдѣльныхъ, болѣе мелкихъ, трудовъ Дицгена въ изданіи Скирмунта и кіевскаго книгоиздательства „Правда". Но въ цѣляхъ однообразія я повсюду ссылаюсь на изданіе Дауге, пользуясь слѣдующими сокращеніями: С = „Сущность головной работы"; А = „Аквизитъ философіи"; П = „Письма о логикѣ"; Э = „Экскурсіи соціалиста"; М = „Мелкія философскія статьи".

ныхъ отъ легкаго любопытства публики чисто-техническими трудностями своего предмета или изложенія.

Совсѣмъ особое мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи работы Дицгена. Дицгенъ труденъ—какъ ни парадоксально звучитъ это—въ силу своей чрезмѣрной легкости, въ силу своей элементарности. Онъ излагаетъ—такъ кажется на первый взглядъ—до нельзя простыя вещи до нельзя простымъ языкомъ; весь онъ какъ бы открытъ со всѣхъ сторонъ, точно городъ на равнинѣ, и все-таки читателя не разбираетъ никакая охота овладѣть этой никѣмъ и ничѣмъ не охраняемой мыслью. Даже наоборотъ: элементарность раскрывающихся передъ глазомъ философскихъ перспективъ начинаетъ очень быстро раздражать. Страница легко смѣняется страницей, ничѣмъ не задерживая читателя, ни на чемъ не останавливая его. Безшумно и легко разступаются передъ нимъ нехитрыя фразы философа-кожевенника, оставляя впечатлѣніе чего-то неуловимаго, ускользающаго изъ рукъ. Мысль Дицгена представляется какой-то безкостной, мягкотѣлой, не дающей ничего на ощупь. Сжимаешь кулакъ, а все содержимое, точно влага, уходитъ сквозь пальцы.

Это чувство неудовлетворенности усиливается еще крупнымъ недостаткомъ дицгеновскаго изложенія: безконечными повтореніями одной и той же мысли почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, повтореніями, которыя подъ конецъ просто удручаютъ, гипнотизируютъ своей монотонностью. Любимая и основная идея Дицгена — это мысль о единствѣ и связи вселенной. Эту идею онъ варьируетъ на всѣ лады не только въ различныхъ своихъ произведеніяхъ, но въ одной и той же работѣ (см. особенно „Письма о логикѣ") десятки и десятки страницъ посвящаются на то, чтобъ выразить ее въ мало различающихся и подчасъ тождественныхъ оборотахъ рѣчи. Дицгенъ неутомимъ въ переворачиваніи своей мысли, въ стремленіи подойти и подвести къ ней съ разныхъ сторонъ. Но такъ какъ мысль его кругла и однородна, какъ шаръ, то читатель въ отчаяніи видитъ передъ собой все время одну и ту же вещь. Море словъ, море фразъ—вотъ что по неволѣ думаетъ читатель, попавшій въ полосу такихъ говорящихъ одно и то же предложеній.

Пространность и упрощенность изложенія, утомительныя повторенія, разбросанность и отсутствіе систематичности, неразборчивость въ терминологіи,—все это серьезныя помѣхи при ознакомленіи съ трудами Дицгена. Длинноты и повторенія энервируютъ читателя, элементарность изложенія усыпляетъ его бдительность и внимательность. Если поддаться этому первому впечатлѣнію отъ чтенія Дицгена, то становится понятнымъ мнѣніе одного русскаго доцента философіи, который, на предложеніе дать отзывъ о какой-то работѣ Дицгена, вернулъ книгу съ помѣткой, что она его не возбуждаетъ. Доцентомъ, конечно, руко-

водили и другія, чисто-доцентскія, соображенія, именно—что въ академической табели о рангахъ Дицгену не отведено достаточно приличнаго мѣста и что только соціалъ-демократы распускаютъ славу про философа-рабочаго. Но несомнѣнно, что на отзывъ представителя оффиціальной науки имѣли вліяніе и указываемыя особенности дицгеновскаго изложенія. И такое отрицательное впечатлѣніе будетъ неизбѣжно почти у всякаго, кто ограничится только бѣглымъ, поверхностнымъ знакомствомъ съ трудами Дицгена и не захочетъ войти глубже въ интересный кругъ мыслей философа-автодидакта.

Но стоитъ ли входить въ кругъ этихъ мыслей? Представляютъ ли собой произведенія Дицгена такое выдающееся явленіе въ области философскаго мышленія, чтобы стоило сдѣлать требуемое усиліе и овладѣть этой не легко дающейся въ руки мыслью? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Конечно, нельзя раздѣлять преувеличенныхъ отзывовъ нѣкоторыхъ „дицгенистовъ" (какъ сынъ его, Е. Дицгенъ, или Паннекокъ), которые готовы ставить дѣло Дицгена рядомъ съ дѣломъ Гегеля, Маркса или Дарвина (см. предисловіе Е. Дицгена къ „Аквизиту"),—но работы Дицгена, какъ одиноко онѣ ни стояли и какъ ни ничтожно было ихъ вліяніе на общій ходъ философской мысли, не имѣютъ для насъ одного только историческаго значенія. Правда, взгляды, аналогичные дицгеновскимъ, но въ несравненно лучшей формѣ, съ несравненно большимъ знаніемъ дѣла и большими знаніями вообще развиваются такими мыслителями, какъ Махъ [1]. Но это не уничтожаетъ значенія индивидуальной формы воззрѣній Дицгена, того особаго вклада въ сокровищницу мысли, который они собой представляютъ. Теоріи, подобныя дицгеновскимъ или маховскимъ, теперь только на очереди дня. Наиболѣе прогрессивные умы приходятъ къ нимъ, но общаго признанія онѣ еще не завоевали. Поэтому каждая самостоятельная формулировка ихъ имѣетъ значеніе, хотя бы она уступала по точности, по красотѣ, по полнотѣ другимъ. Если она менѣе полна, то она за то, можетъ быть, лучше выражаетъ какую-нибудь одну опредѣленную сторону новаго міровоззрѣнія. Въ Римъ познанія ведутъ всѣ дороги, и только всѣ дороги [2].

---

[1] Въ предисловіи къ русскому изданію своего «Анализа ощущеній» самъ Махъ, упоминая о цѣломъ рядѣ единомышленниковъ, пишетъ: „Замѣчательно то, что *I. Дицгенъ,* разумно пользуясь точкой зрѣнія *Гегеля,* пришелъ къ результатамъ, весьма сходнымъ съ тѣми, которыя изложены въ настоящей книгѣ" (с. 4).

[2] Этотъ сжатый очеркъ философіи Дицгена не можетъ, конечно, претендовать на полноту изложенія. Такъ, мной оставлены въ сторонѣ этическія воззрѣнія Дицгена, его анализъ познавательной дѣятельности и многія отдѣльныя важныя мысли. Дѣло шло лишь о выдѣленіи центральнаго ядра этого любопытнаго міросозерцанія.

II.

Я говорилъ выше о безчисленныхъ повтореніяхъ, которыми изобилуютъ книги Дицгена и которыя дѣлаютъ такимъ утомительнымъ чтеніе ихъ. Дицгенъ самъ указываетъ на это въ предисловіи къ своему первому труду (см. „Сущность“, с. 30). Пытается оправдать это различными частными соображеніями и издатель его произведеній, Евгеній Дицгенъ (см. предисловіе къ „Аквизиту“). Но эта послѣдняя попытка рѣшительно неудачна. Дѣло не въ томъ, что Іосифъ Дицгенъ никогда не думалъ о переизданіи своихъ работъ и что за послѣднія 10 лѣтъ своей жизни онъ не держалъ въ рукахъ „Сущности“ (такъ разсуждаетъ Е. Дицгенъ),—дѣло въ самомъ отношеніи Дицгена къ трактуемымъ имъ вопросамъ, въ его своеобразномъ воспріятіи міра. Дицгенъ—не философъ-спеціалистъ, не философъ-аналитикъ, какимъ выработался этотъ типъ за $2^1/_2$ тысячи лѣтъ утонченной работы надъ понятіями,—Дицгенъ философъ-поэтъ, философъ-рапсодъ, какими были первые, возлюбившіе мудрость, основоположники философіи. Конечно, Дицгенъ зналъ своего Гегеля, зналъ Маркса, Дицгенъ прочелъ еще и много другихъ книгъ и даже былъ кандидатомъ отъ соціалъ-демократической партіи въ рейхстагъ, и все-таки въ немъ много общаго по инстинкту, по воодушевленію, по первобытной и — рѣшаюсь сказать — наивной свѣжести воспріятія съ тѣми смѣлыми новаторами, которые первые порвали съ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ и взглянули по-иному на окружающій міръ. Объ одномъ изъ такихъ новаторовъ—Ксенофанѣ изъ Колофана—Аристотель выражается въ короткихъ, но мѣткихъ выраженіяхъ: „Вперивъ взоръ въ небо, Ксенофонъ рѣшилъ, что единое есть богъ“. Этотъ устремленный на небо взглядъ—прекрасный символъ поразительной силы интуиціи, живого чувства связи всего, изъ котораго возникла философія Ксенофана. Ученіе Ксенофона было несложно—борьба съ антропоморфнымъ политеизмомъ и проповѣдь своеобразнаго пантеистическаго монотеизма, но онъ болѣе полувѣка рапсодомъ пространствовалъ по всему побережью Средиземнаго моря, повсюду распространяя новое воззрѣніе. До насъ дошли только отрывки изъ этихъ рапсодій. Но можно съ увѣренностью сказать, что Ксенофанъ безконечно повторялся и что никакое переизданіе поэмъ не могло бы измѣнить этого. Точно такъ же и въ псалмахъ, и въ ведійскихъ гимнахъ скорбное чувство человѣческаго ничтожества или полныя ликованія славословія божества повторяются до изнеможенія. Повтореніе лежитъ здѣсь въ существѣ дѣла, въ полномъ страсти поэтически-религіозномъ отношеніи къ міру, выражающемся въ однообразныхъ, какъ рефлексъ, и примитивныхъ, какъ крикъ, мысляхъ и и чувствахъ.

О Дицгенѣ тоже можно выразиться словами выше приведенной аристотелевской характеристики. Вперивъ взоръ въ окружающій міръ, Дицгенъ рѣшилъ, что все есть единое связное цѣлое,— и его послѣдующая литературно-философская дѣятельность ушла цѣликомъ на развитіе и амплификацію этой первичной его интуиціи. Труды Дицгена стали поэтому почти сплошнымъ непрерывнымъ гимномъ единству, безконечности, неисчерпаемости, абсолютности вселенной. Дицгенъ, какъ, вѣроятно, никакой другой современный философъ, былъ проникнутъ этой мыслью объ универсальной связи всего бытія, объ единствѣ и единственности бытія, и при изложеніи этой основной своей идеи онъ неизсякаемъ, неистощимъ, какъ неистощимъ псалмопѣвецъ въ прославленіи Божества и его безчисленныхъ аттрибутовъ. Это не одно только сравненіе. Дицгенъ самъ хорошо сознавалъ религіозную окраску своего міровоззрѣнія и объяснялъ значеніе этого. „Истинныя знанія и познанія,—говоритъ онъ,—должны извѣстнымъ образомъ исходить изъ *религіозныхъ* мотивовъ“, ибо, продолжаетъ онъ ниже, „мы, побуждаемые завоеваніемъ философіи, подъ религіей и религіознымъ разумѣемъ универсальную связь всѣхъ вещей“ (А 50 [1]). Несомнѣнно, что въ „религіозномъ“ не только филологически (religare—связывать), но и психологически важно это чувство связи, чувство родства, близости человѣческаго существа съ единымъ міровымъ бытіемъ. Дицгенъ былъ переполненъ этимъ религіознымъ чувствомъ, всецѣло во власти его. Въ его устахъ поэтому не кажется страннымъ заявленіе: „Я чувствую себя, употребляя мистическій терминъ, лишь органомъ идеи“ (С. 32). Это надо понимать почти буквально. Дицгенъ былъ „энтузіастомъ“ универсальной вселенской связи, понимая это слово съ древними въ смыслѣ человѣка, въ котораго вселилось Божество. Но только для Дицгена этимъ Божествомъ является единая природа, единый безграничный Космосъ, достигающій своего кульминаціоннаго пункта и сознающій самъ себя въ человѣкѣ [2]).

Сознаніе міровой связи, этого поглощающаго въ себѣ всѣ противорѣчія единства универсума, у Дицгена не просто знаніе, не просто пониманіе,—это непосредственное переживаніе. Въ основѣ его философіи лежитъ своеобразное *ощущеніе* родства, слитности бытія. Но этому коренному факту своей философіи Дицгенъ придаетъ нѣсколько необычное выраженіе. Будучи горячимъ противникомъ апріоризма, который онъ рѣзко обличаетъ, какъ поповскую выдумку, онъ признаетъ, однако, апріорнымъ знаніе един-

---

[1]) См. также А 54, II 100—104.

[2]) См. взглядъ Д., что умъ, выше человѣческаго,—невозможенъ Э. 17, А 10. А 69. М 123 См. также взглядъ, что вселенная мыслитъ только посредствомъ человѣческой головы. П 135. П 139. А 30. А 85 и т. д.

ства и безконечности вселенной. „Откуда же мы знаемъ,—спрашиваетъ Дицгенъ,—что за явленіями природы, за относительными истинами, стоитъ универсальная, неограниченная, абсолютная природа, не открывающаяся всецѣло человѣку? Наше зрѣніе ограничено, то же самое нужно сказать и о нашемъ слухѣ, осязаніи, а также и о нашемъ познаніи, и все же мы знаемъ относительно всѣхъ этихъ вещей, что онѣ—ограниченныя части безграничнаго. Откуда же у насъ это знаніе? Оно намъ прирождено; *оно намъ дано вмѣстѣ съ сознаніемъ*" (Э 27). И ниже онъ прибавляетъ объ этомъ знаніи, что оно есть „единое и единственное знаніе a priori". Это не случайное, вскользь брошенное, замѣчаніе. Наоборотъ, Дицгенъ, какъ и всегда съ своими любимымы мыслями, неоднократно и настойчиво возвращается къ ней, сознательно подчеркивая ее. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ 16-омъ изъ его „Писемъ о логикѣ": „Интеллекту прирождено знать, что міръ есть *единая* вещь, что всѣ вещи относятся не къ *какому-либо* одному, но всѣ—къ одному (*опредѣленному*) *субъекту*. Интеллектъ прирожденнымъ образомъ является абсолютной способностью къ единству. Онъ знаетъ per se, что все связано вмѣстѣ, и сознаніе причинности является не чѣмъ инымъ, какъ сознаніемъ міровой связи" (П 163 [1]).

Правда, поясняетъ Дицгенъ, это апріорное знаніе прирождено намъ только въ зародышевой формѣ, только, какъ задатокъ. Это общее знаніе, темное, дремлетъ въ индивидѣ до всякаго другого спеціальнаго знанія (А 26). Но эта компромиссная, смягченная форма апріоризма не мѣняетъ суть дѣла: по вопросу о сознаніи универсальной связи бытія Дицгенъ является апріористомъ. Если я настаиваю на этомъ пунктѣ, то не для того, чтобъ указать на противорѣчіе, въ которое впалъ съ собой въ проблемѣ апріоризма Дицгенъ. Это противорѣчіе или, если угодно, это исключеніе изъ закона эмпиризма интересно лишь для характеристики міросозерцанія Дицгена. Сознаніе міровой связи—это для него элементарный, неразложимый фактъ нашей психики, который данъ намъ съ нашей организаціей точно такъ же, какъ даны ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, температуръ и пр. Объ этихъ первичныхъ фактахъ нашего сознанія можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что они потенціально, какъ задатки, вложены въ насъ, врождены намъ, апріорны. Вмѣстѣ съ этими частными, конкретными, ощущеніями дано намъ общее, объемлющее ихъ всѣ, ощущеніе міровой связи, *міроощущеніе*, „міросознаніе", какъ выражается самъ

---

[1]) См. еще другія формулировки той же мысли: „Человѣческому интеллекту прирождено знать себя, какъ ограниченную часть абсолютнаго универсума" (А 69). „Люди знаютъ a priori: міровое цѣлое есть цѣлостное. Общее бытіе мыслимо лишь однороднымъ" (П 171). См. также Э 9. А 13. А 26, А 28—30, П 156—158.

Дицгенъ [1]). Какъ своеобразное ощущенiе, какъ неразложимый первичный элементъ, Дицгенъ его и не доказываетъ,—онъ только разсказываетъ о немъ, поясняетъ его, иллюстрируетъ, и на немъ строитъ всѣ свои дальнѣйшiе выводы [2]).

III.

Природа для Дицгена—это цѣльное и слитное единство, „не только номинальная, но и истинная монада“ (Э 10), это „мать“ всяческаго бытiя, „живой абсолютъ“, „живая вселенная“. Это мiровоззрѣнiе пантеистическаго типа, классическiй образчикъ котораго развитъ въ системѣ Спинозы. Но нужно отличать ученiе Дицгена отъ спинозизма, этого, какъ остроумно замѣчаетъ въ своихъ „Прелюдiяхъ“ Виндельбандъ, геометрическаго пантеизма. Величественная и суровая субстанцiя Спинозы съ ея двумя аттрибутами—мышленiемъ и протяженiемъ—эта субстанцiя обледенѣлыхъ и безмолвныхъ полярныхъ странъ, не похожа на залитую солнцемъ, смѣющуюся и торжествующую природу Дицгена. Правда, и для Дицгена всѣ явленiя природы суть только преходящiя, измѣнчивыя формы, только модусы абсолютнаго бытiя. Но это абсолютное бытiе отличается отъ своихъ проявленiй не по существу, не качественно, но количественно, своей безграничностью, неисчерпаемостью. „То, что Спиноза называлъ безконечной субстанцiей, то, что мы называемъ универсумомъ или абсолютной истиной, столь же идентично съ конечными явленiями, съ относительными истинами, которыя мы встрѣчаемъ въ универсумѣ, какъ лѣсъ идентиченъ со своими деревьями или какъ вообще родъ со своими видами“ (Э 32). Каждое явленiе въ отдѣльности—это феноменъ, модусъ. Но взятыя въ совокупности, въ своей универсальной связи, всѣ эти относительныя вещи даютъ субстанцiю, абсолютъ, неизмѣнное бытiе, вещь въ себѣ. „Если за „вещь въ себѣ“ мы примемъ мiръ, то легко понять, что мiръ „*въ себѣ*“ и мiръ, какъ онъ намъ *является*,—явленiя мiра—не больше разнятся другъ отъ друга, какъ цѣлое и его части. Мiръ въ себѣ есть не что иное, какъ сумма явленiй“ (С 55). „Существуетъ,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—только

---

[1]) Интеллекту прирождено не знанiе, а лишь сознанiе, мiросознанiе. Онъ имѣетъ сознанiе о томъ или другомъ не pe rse, но общее, бытiе вообще, абсолютное, онъ знаетъ per se“ (П 156).

[2]) Любопытно съ этимъ ученiемъ о врожденности „мiросознанiя“ сопоставить также то, что Дицгенъ цѣликомъ переноситъ онтологическое доказательство бытiя божiя на универсумъ. „Эта аргументацiя, (аргументацiя Ансельма и Декарта),—пишетъ Дицгенъ сыну,—является для меня такой же ясной, какъ солнечный свѣтъ, и должна вполнѣ убѣдить тебя не въ бытiи абсолютныхъ (чрезмѣрныхъ) идоловъ, но въ истинѣ абсолютно совершеннаго мiрового существа“ (П 181). См. точно также А 74.

одно бытіе, и всѣ формы суть модусы, виды или относительныя истины одной всеобщей истины, которая абсолютна, которая вѣчна и безконечна во всѣ времена и во всѣхъ пространствахъ" (Э 24). И въ этомъ безконечномъ океанѣ модусовъ, въ своей суммѣ дающихъ абсолютное бытіе, протяженіе и мышленіе не выдѣлены какими-либо преимуществами. Солнечный лучъ или запахъ—не болѣе и не менѣе „вещи", чѣмъ какія-нибудь протяженныя, осязаемыя, вещи или познаніе,—все это „относительныя вещи, поскольку онѣ являются свойствами единаго и абсолютнаго, представляющаго единственную вещь, вещь въ себѣ, каждому извѣстную подъ именемъ универсума или космоса" (А 39).

Дицгеновскій универсумъ отличается отъ спинозовской природы. Отличается онъ и отъ вселенной той философской школы, къ которой во многихъ отношеніяхъ Дицгенъ ближе всего подошелъ. Я имѣю въ виду ученіе элейцевъ, какъ оно было развито Парменидомъ, ученикомъ Ксенофана. Сходство мыслей между этими двумя отдѣленными тысячелѣтіями міровоззрѣніями переходитъ мѣстами почти въ тождество выраженій и способа аргументировать. Ἐστι εἶναι—бытіе существуетъ — вотъ исходный пунктъ философствованія Парменида. Бытіе существуетъ—это значитъ, что небытія нѣтъ, что все—будь то осязаемыя вещи, мимолетная фантазія, иллюзія—все это однородно и едино съ точки зрѣнія бытія. Для современнаго человѣка „бытіе"—это абстрактнѣйшее понятіе, лишенное само по себѣ какого-нибудь содержанія, это почти что только грамматическая связка, изъ анализа которой ровно ничего нельзя вывести. Для Парменида же эта абстракція, этотъ символъ, чреватъ самыми значительными и цѣнными выводами. На это голое и безплодное понятіе онъ глядитъ, выражаясь въ терминахъ логики, не съ точки зрѣнія содержанія, а съ точки зрѣнія его объема: его интересуетъ не совокупность признаковъ, входящихъ въ понятіе бытія, а совокупность предметовъ, охватываемыхъ имъ. Съ этой стороны оно оказывается, конечно, богатѣйшимъ понятіемъ: все въ той или иной мѣрѣ, въ томъ или иномъ отношеніи, есть бытіе, есть объектъ, и, такъ какъ съ точки зрѣнія бытія, подъ угломъ зрѣнія бытія, все однородно, то и получается рядъ равенствъ элейской философіи: бытіе=все=единое и=также=единственное, ибо, помимо „всего", нѣтъ еще чего-нибудь особаго, существующаго отдѣльно и независимо.

Все это Парменидъ по обычаю своего времени повѣдалъ въ мѣрной стихотворной рѣчи. Въ демократическій XIX вѣкъ Дицгенъ пользуется прозой, но выражается почти тождественнымъ образомъ. „Бытіе и его утвержденіе абсолютны; отрицаніе же и небытіе—относительны. Бытіе господствуетъ всюду, во всѣ времена и настолько, что не можетъ быть небытія. Если мы также говоримъ о чемъ-либо, что то или это не существуетъ, то все же

у насъ должно оставаться сознаніе, какъ все то, что мы называемъ „ничѣмъ“, всегда является еще и очень значительнымъ нѣчто, чѣмъ-то очень позитивнымъ. Не можетъ быть рѣчи ни о какомъ познаніи, которое, несмотря на все, не знало бы еще многаго; нѣтъ непогоды, которая не принадлежала бы къ погодѣ, нѣтъ зла, которое не творило бы и добра. Что было, что будетъ и что есть,—есть все. Небытія не существуетъ. Гдѣ объ немъ говорится—тамъ оно является по меньшей мѣрѣ словомъ, хотя и словомъ, ничего не говорящимъ. Такъ позитивно организованы нашъ міръ и наша рѣчь, что ничего не говорящее слово что-нибудь да значитъ. Ничто не выразимо“ (А. 88). Это мѣсто находится въ резюме „Аквизита“, который самъ является резюме философіи Дицгена и въ нѣкоторомъ родѣ итогомъ успѣховъ философіи вообще.

Разумѣется, подобныя разсужденія не отличаются для насъ особенной убѣдительностью. Изъ такихъ абстракцій, какъ „все“, „ничто“, „бытіе“, „небытіе“—ничего нельзя выжать путемъ логическихъ дедукцій. Дальше пустыхъ тавтологій отсюда двинуться нельзя. И если Дицгенъ приходитъ къ цѣннымъ результатамъ (напримѣръ, уничтоженіе дуализма двухъ міровъ: естественнаго и сверхъестественнаго), то только потому, что на мѣсто этой элейской формалистики онъ за кулисами вводитъ въ дѣло свое полное жизни міроощущеніе.

Исходный пунктъ дицгеновской философіи—единство и единственность бытія — тотъ же, что и у элейцевъ. Но въ выводахъ, которые ими отсюда дѣлаются, они рѣзко расходятся. Элейская философія въ своемъ стремленіи монизировать міръ запуталась въ противорѣчіи между единымъ и многимъ. Роковой для элейцевъ вопросъ заключался въ слѣдующемъ: если бытіе едино по существу и однородно, то откуда это многообразіе его проявленій? Элейцы думали найти выходъ, объявивъ весь міръ чувствъ иллюзіей, маревомъ. Но не говоря ужъ о томъ, что этотъ выходъ былъ самъ по себѣ сильно дѣйствующимъ средствомъ,—онъ не являлся по существу и выходомъ, ибо тотъ же фатальный вопросъ выросталъ только въ иной формѣ,—именно: какимъ образомъ произошло то, что въ нѣдрахъ единаго и однороднаго, какъ его необходимо представляетъ разумъ, бытія зародилась обманчивая фатаморгана эмпирическаго міра? Отвѣта на это элейцы не дали.

Для Дицгена этихъ затрудненій не существуетъ. Въ тринадцатомъ изъ его „Писемъ о логикѣ“ онъ прямо подходитъ къ загадкѣ элейской философіи о единомъ и многомъ и находитъ, что никакой загадки здѣсь нѣтъ. „Единство всего міра истинно, и это истина единственная и простая. Тотъ фактъ, что единственная и исключительная міровая истина полна различій, что она такъ же абсолютно различна, какъ и абсолютно одинакова,—этотъ фактъ

такъ же мало противорѣчитъ обыкновеннымъ образомъ понимаемому единству и равенству, какъ мало противорѣчитъ себѣ тотъ фактъ, что совы съ самыми различными физіономіями все же обладаютъ одной и той же совиной физіономіей" (П 153). Встрѣчающееся въ этомъ отрывкѣ дважды слово „абсолютно" надо, конечно, понимать не буквально. Въ отличіе отъ элейцевъ, Дицгенъ былъ совсѣмъ чуждъ духа абсолютнаго. Единство міра для него діалектическое, текучее единство. Единство міра— это единство живого организма, который, несмотря на перемѣны въ частяхъ, остается самимъ собой: міръ—это живой абсолютъ, живая вселенная.

Дицгену не нужна была также элейская уловка, не приводившая, впрочемъ, къ желанному результату—о различіи между реальнымъ и иллюзіей. У элейцевъ это различіе было субстанціональнымъ, абсолютнымъ, „чрезмѣрнымъ", по любимому выраженію Дицгена. А основное правило дицгеновской діалектики—не дѣлать чрезмѣрныхъ различій (см. А 15. Э 58). Между иллюзіей и реальнымъ, между заблужденіемъ и истиной, онъ признаетъ только различіе по степени: „между чистыми мыслительными вещами и такъ называемыми дѣйствительными вещами существуетъ лишь очень умѣренное, лишь степенное различіе" (А 29). Въ противоположность элейцамъ, видѣвшимъ въ чувствахъ источникъ всего обмана эмпирическаго міра, Дицгенъ провозглашаетъ чувства началомъ знанія и зоветъ къ нимъ отъ обманчивой спекуляціи: „Побѣда надъ спекуляціей, нечувственной наукой, освобожденіе чувствъ, обоснованіе эмпиріи—это есть величественная научная заслуга нашего столѣтія... Если философія разсчитывала, что при помощи духа она дойдетъ до истины и что чувства обманчивы, то мы должны перевернуть это философское мнѣніе: искать истину при помощи чувствъ, а источника заблужденій въ духѣ... Довѣримся смѣло *всѣмъ* указаніямъ чувствъ! Здѣсь нечего отдѣлять фальшивое отъ настоящаго. Нечувственный духъ одинъ только сбиваетъ насъ, когда онъ отваживается предупреждать чувства, когда онъ, которому слѣдуетъ только интерпретировать чувства, увеличиваетъ то, что они говорятъ, повторяетъ то, что ему вовсе и не было сказано. Если глазъ при взволнованной крови или внѣшнемъ давленіи видитъ сверкающія молніи или свѣтящіеся круги, то это такъ же мало является заблужденіемъ, какъ если онъ воспринимаетъ какія-либо другія явленія внѣшняго міра. Заблужденіе создается нашимъ сознаніемъ, если оно такія *субъективныя* происшествія считаетъ a priori объективными тѣлами" (С 72—73). Иллюзія (заблужденіе, сонъ и пр.)—это реальность только болѣе узкаго, болѣе частнаго свойства, но она не перестаетъ отъ этого быть реальностью. Все реально и истинно на своемъ мѣстѣ, при своихъ условіяхъ, въ своемъ кругу. Заблужденіемъ будетъ только забвеніе этой относительности „реальнаго" и смѣшеніе различныхъ круговъ бытія, въ предѣлахъ которыхъ мы что-нибудь признаемъ

реальнымъ. „Случайное настроеніе имѣетъ такое же истинное (реальное) существованіе, какъ „Монбланъ“ (Э 107), хотя бытіе Монблана и носитъ болѣе общій характеръ. Но и бытіе Монблана въ концѣ концовъ преходяще и вливаетъ свои особыя воды въ общій океанъ универсальнаго бытія“ [1]).

Единое и многое, эти застывшія полярныя категоріи элейцевъ, размягченныя жаромъ діалектики, становятся такимъ образомъ у Дицгена пластичными, гибкими. За многообразіемъ эмпирическаго міра не надо проглядывать внутренняго единства, родства всѣхъ вещей. Но и въ единствѣ бытія не надо топить многоцвѣтности живой дѣйствительности. Единое и многое, единообразное и многообразное, не исключаютъ другъ друга, а проникаютъ взаимно другъ друга, переходятъ одно въ другое. Каждая выдѣляемая нами, какъ единство, особь—дерево въ лѣсу, песчинка изъ песочной кучи, человѣческая личность—представляетъ собой безконечный міръ; но и весь безконечный міръ съ его неохватываемымъ разнообразіемъ есть, въ концѣ концовъ, одно цѣлое, одна особь, монада.

IV.

Міръ—одно связное цѣлое. Нѣтъ ни одной вещи, ни одного явленія, которое было бы выключено изъ этой всеобщей связи и представляло бы собой нѣчто совсѣмъ отличное и самостоятельное. Надъ этой простой и крѣпкой, какъ гранитъ, монистической концепціей воздвигается вся надстройка дицгеновской системы, если только здѣсь можетъ идти рѣчь о системѣ. Съ помощью ея онъ преодолѣваетъ дуализмъ традиціоннаго міровоззрѣнія, дуализмъ, принявшій въ историческомъ развитіи философіи очень многообразныя формы. Единое и многое, сущность и ея формы, суб-

[1]) По поводу того же вопроса о различіи между истиной и заблужденіемъ см. еще А 24. А 27. А 49. А 67. А 89. С 60. С 68. П 108—109, П. 113, П. 147. Въ двѣнадцатомъ „Письмѣ“ мы читаемъ слѣдующее: „Если астрономія учитъ, что земля ежедневно двигается вокругъ своей оси, а солнце остается неподвижнымъ, то все же понятно, что неподвижное состояніе солнца есть лишь относительная истина, такъ что, разсматривая съ высшей точки зрѣнія, окажется, что солнце движется вмѣстѣ съ землею. Сознаніе ея (т. е. истины) относительнаго значенія впервые дѣлаетъ правдивымъ ученіе о неподвижномъ состояніи солнца. Наоборотъ, если крестьянинъ видитъ, что земля остается неподвижной, а солнце каждый день вращается съ востока на западъ, то онъ лишь постольку ошибается, поскольку онъ свой собственный кругозоръ считаетъ за цѣлую истину, свою крестьянскую точку зрѣнія принимаетъ за абсолютную точку зрѣнія. Лишь познаніе абсолютнаго даетъ тебѣ впервые возможность основательно различать и познавать различіе между истиной и заблужденіемъ. Кто видитъ, что солнце вращается вокругъ земли съ сознаніемъ, что это круговращеніе есть лишь часть истины, не дѣлаетъ никакой ошибки, а видитъ очень правдиво“. (П 147).

станція и акциденціи, истина—заблужденіе, реальность—явленіе, душа—тѣло, богъ—міръ, чувственный міръ—сверхчувственный міръ, мышленіе—бытіе,—вотъ тотъ длинный рядъ антиномическихъ паръ, та *семья* антитезъ, надъ которыми съ самаго своего зарожденія бьется философская мысль. Философія, по мнѣнію Дицгена (С 119), даже и возникла изъ вѣры въ эту дуалистическую противоположность, и задачей ея, цѣлью, является примиреніе и разрѣшеніе этихъ полярностей.

Центральное мѣсто въ этой системѣ дуализмовъ занимаетъ антитеза: мышленіе—бытіе. Она психологически есть тотъ первичный дуализмъ, тотъ *прадуализмъ*, изъ котораго путемъ медленнаго развитія выдѣлились всѣ эти основныя антитетическія категоріи философіи. Съ мышленіемъ и въ мышленіи первоначальное единство бытія какъ бы раскалывается, удваивается: на ряду съ міромъ видимаго, осязаемаго и т. д. появляется міръ представленія, воображенія, воспоминанія, одновременно и похожій на первый, и существенно отличный отъ него. Все начинаетъ вести двойное существованіе: въ дѣйствительности, внѣ человѣческой головы, и въ ней, въ видѣ самостоятельнаго призрачнаго міра мысли. По образу этого безплотнаго, но важнаго для человѣка, интеллектуальнаго міра строится потомъ отличный отъ эмпирическаго и высшій сверхчувственный міръ. Аналогами же этого отношенія бытія и мышленія являются противоположности души и тѣла, бога и міра и пр. Поэтому правъ въ извѣстномъ смыслѣ Фр. Энгельсъ, когда проводитъ въ философіи широкую и рѣзкую демаркаціанную линію, указывая два основныхъ направленія ея—матеріалистическое и идеалистическое — въ зависимости отъ того, какъ рѣшался вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію. Для идеалистовъ мышленіе (духъ, идея и т. д.)—это бытіе особаго, высшаго порядка сравнительно съ обыкновеннымъ эмпирическимъ бытіемъ. Оно первоначально, оно трансцендентно. Для матеріализма же мышленіе имманентно бытію, какъ часть послѣдняго, какъ производное отъ него. Или, какъ выражаетъ это же Дицгенъ, „міръ не исходитъ отъ духа, а наоборотъ. Бытіе не есть родъ интеллекта, а, наоборотъ, интеллектъ—родъ эмпирическаго существованія бытія. Бытіе есть абсолютное, что вездѣсуще и вѣчно; мышленіе это только особая ограниченная форма его“ (Э 110).

Дицгеновскій матеріализмъ преодолѣваетъ дуализмъ мышленія и бытія. Важнѣйшимъ завоеваніемъ философіи, говоритъ онъ, является познаніе, что „природа человѣческаго интеллекта—одного рода, одного характера, одного происхожденія съ общей природой“ (А 7) или, какъ онъ выражаетъ эту мысль въ другомъ мѣстѣ, первый параграфъ матеріалистической логики гласитъ: „Интеллектуальное царство есть только отъ міра сего“ (Э 109 [1]). Духъ

[1]) См. еще о томъ же П 105—113. П 164. П 179.

такая же естественная вещь, какъ и всѣ прочія вещи, съ которыми онъ тѣсно связанъ, входя въ общую, нигдѣ не разрывающуюся, ткань универсальнаго бытія. Конечно, онъ имѣетъ свои особенности, отличающія его отъ другихъ явленій міра, но эти различія, какъ и всякія различія, не чрезмѣрны, не экстравагантны. Духъ—это извѣстная часть бытія, имѣющая способность изображать всѣ виды бытія [1]). Въ этомъ такъ же мало чудеснаго, какъ и въ свойствѣ зеркала или фотографической пластинки передавать образы вещей. Это сравненіе, какъ оно ни естественно, имѣетъ все-таки крупный недостатокъ. Зеркало ведетъ существованіе независимо отъ того предмета, который въ немъ отражается. Мышленіе же неотдѣлимо отъ объекта мышленія. Чистое мышленіе, подобное чистой, нетронутой еще пластинкѣ или ничего неотражающему зеркалу, немыслимо. Мышленіе есть всегда мышленіе о чемъ-нибудь. Въ концѣ концовъ оно есть лишь общее имя для суммы отдѣльныхъ конкретныхъ мыслей. Но на этомъ важномъ положеніи Дицгена мы здѣсь останавливаться не будемъ [2]).

Не мышленіе опредѣляетъ бытіе, а бытіе опредѣляетъ мышленіе. Это такъ же вѣрно, какъ то, что цѣлое больше части—вотъ въ простѣйшемъ видѣ формула дицгеновскаго матеріализма (дицгеновской діалектики [3]). Взятая въ такомъ видѣ, она очень мало похожа на ту систему взглядовъ, съ которой привыкли связывать имя матеріализма. И дѣйствительно, Дицгенъ, какъ и Марксъ и Энгельсъ, рѣзко отдѣляетъ свой діалектическій (соціалъ-демократическій, соціалистическій) матеріализмъ отъ метафизическаго (буржуазнаго). Одна изъ пяти главъ „Экскурсій“ „Матеріализмъ противъ матеріализма“—посвящена именно вопросу объ отношеніи этихъ двухъ видовъ матеріализма (не говоря уже о томъ, что Дицгенъ неоднократно возвращается къ нему почти во всѣхъ своихъ работахъ). Дицгенъ упрекаетъ здѣсь метафизическихъ матеріалистовъ въ томъ, что они впали въ крайность, обратную

---

[1]) Человѣческій интеллектъ „представляетъ собой часть всего существа или природы, и именно ту часть, которая обладаетъ потребностью и стремленіемъ составлять себѣ образъ всѣхъ другихъ частей и не только это, но и картину связи, картину *цѣлаго* всѣхъ частей, которое является нераздѣльнымъ и безконечнымъ“ (А 14). См. также А 24. А 59. А 63. Э 33. Э 55.

[2]) „Не мыслительная способность создаетъ мысли, а наоборотъ, понятіе мыслительной способности образуется изъ отдѣльныхъ мыслей“ (С 55). См. также С 50. П 183.

[3]) Первый параграфъ діалектики гласитъ: „Не мышленіе производитъ бытіе, но бытіе—мышленіе, часть котораго (бытія) представляетъ собой это мышленіе, занимающееся *изображеніемъ* истины“ (А 45). „Для непредубѣжденнаго человѣка не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что духовная матерія, или, лучше говоря, явленіе нашей познавательной способности, есть часть міра, а не наоборотъ. Цѣлое управляетъ частью, матерія—духомъ, по крайней мѣрѣ, въ главномъ, хотя опять-таки міръ управляется иногда человѣческимъ духомъ“. (М 120).

съ крайностью идеализма: матеріалисты такъ же недооцѣниваютъ человѣческій духъ и его свойства, какъ идеалисты переоцѣниваютъ ихъ. Для нихъ матерія, т. е. въ концѣ концовъ, вѣсомое и осязаемое—самое существенное и важное. Она—первичное, она субстанція, а мышленіе, какъ и прочія неосязаемыя силы, только вторичное свойство, акциденція. Они здѣсь впадаютъ въ старую ошибку противоставленія субстанціи и ея свойствъ, забывая, что если можно принимать что-либо за субстанцію, за абсолютъ, за безусловную вещь—такъ только универсумъ, по отношенію къ которому всѣ отдѣльные виды бытія равноправны, равноцѣнны. Осязаемому, вѣсомому, метафизическіе матеріалисты отдаютъ ничѣмъ неоправдываемое преимущество. Между тѣмъ, не однѣ только осязаемости суть вещи, но и запахъ цвѣтка, и лучъ солнца, и познающая мысль. Соціалистическій матеріализмъ на это и указываетъ, разоблачая ограниченность метафизическаго матеріализма. Онъ расширяетъ понятіе матеріи, отъ осязаемаго только распространяя его на все реальное бытіе: „соціалистическій матеріализмъ подъ „матеріей" понимаетъ не только вѣсомое и осязаемое, но и все реальное,—все, что содержится въ универсумѣ, а вѣдь въ немъ содержится все, ибо все и универсумъ—это только *два названія одной и той же вещи*—и соціалистическій матеріализмъ хочетъ охватить все однимъ понятіемъ, однимъ названіемъ, однимъ классомъ—безразлично, называется ли этотъ универсальный классъ дѣйствительностью, реальностью, природой или матеріей" (Э 45). Діалектическіе матеріалисты не отдаютъ никакого предпочтенія мозгу передъ его духовной функціей. Для нихъ эта функція столь же много или столь же мало является самостоятельной вещью, какъ осязаемое вещество мозга или какая-нибудь другая „матеріальность". Мысли, ихъ происхожденіе и качество,—такія же реальныя матеріи и достойные изслѣдованія матеріалы, какъ и все остальное. Если идеи, которыя природа развертываетъ въ человѣческой головѣ, не представляютъ матеріала для нашихъ рукъ, то все же онѣ представляютъ матеріалъ для нашего познанія (А 35 [1]).

Матерія въ этомъ широкомъ смыслѣ слова совпадаетъ съ бытіемъ, съ реальнымъ, съ дѣйствительнымъ. И Дицгенъ, по существу, не имѣетъ ничего противъ того, чтобъ слово „матеріальный" замѣнить словомъ „дѣйствительный" (С 45) или какъ

---

[1]) По вопросу о матеріализмѣ и объ отношеніи духа и матеріи см. еще С 45—46. С 54. С 71—74 („о философской безцеремонности" естественниковъ, отрицающихъ дѣйствительность красокъ, звуковъ и пр. и признающихъ ее только за комбинаціи волнъ эфира), С 71—74. С 123 о матеріи, какъ абстракціи изъ матеріальныхъ предметовъ: „несмотря на свою распространенность, представленіе о томъ, что матеріальныя вещи состоятъ изъ матеріи, совершенно невѣрно"; см. объ этомъ также Э 58. А 16—17. А 31. А 34—35. А 36—39. П 137. М 114—120.

нибудь иначе: „если кого-нибудь смущаетъ это обобщеніе слова „матерія", то пусть онъ вмѣсто этого скажетъ: „явленія". Тѣлеснымъ, физическимъ, чувственнымъ, матеріальнымъ явленіемъ называется тотъ общій родъ, къ которому относится всякое существованіе, вѣсомое и невѣсомое, тѣло и духъ" (М 117 [1]). И если онъ продолжаетъ употреблять слово матеріализмъ, то какъ традиціонную антитезу идеализму: „Мы потому матеріалисты, что не дѣлаемъ изъ духа ничего „метафизическаго", чудовищнаго. Мыслительная сила для насъ столь же мало „вещь въ себѣ", какъ и сила тяжести или глыба земли. Всѣ вещи суть только звенья великой универсальной связи, которая только одна вѣчна и истинна, постоянна, не явленіе, а единственная „вещь въ себѣ" и абсолютная истина" (Э 46 [2]).

Наряду съ этимъ пониманіемъ отношенія духа и матеріи мы встрѣчаемъ у Дицгена и нѣсколько иную формулировку. При этомъ видоизмѣненномъ пониманіи матерія и матеріальное совпадаетъ съ чувственнымъ, конкретнымъ, а духъ—съ логическимъ, абстрактнымъ. Видимый и осязаемый мной столъ — это есть бытіе, реальное, матеріальное, путемъ моихъ чувствъ доходящее до моего сознанія; мыслимый мной столъ; столъ, какъ понятіе,— это духовное. Чувственные образы являются, понятно, тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго образуются понятія; духъ является такимъ образомъ производнымъ отъ матеріи и мы опять-таки приходимъ къ первоначальной формулѣ: не мышленіе опредѣляетъ бытіе, а, наоборотъ, бытіе (чувственное, конкретное, частное) опредѣляетъ мышленіе (духовное, абстрактное, общее [3]).

При рѣшеніи этого кардинальнаго вопроса объ отношеніи „мышленія" къ „бытію" (духа и матеріи) важно отмѣтить слѣдующее: духъ понимается Дицгеномъ почти всегда въ смыслѣ разума, интеллекта, логической способности, и вопросъ для него, въ концѣ концовъ, идетъ объ отношеніи разума къ конкретной дѣйствительности.

Въ такой постановкѣ вопроса ясно видно вліяніе гегелевскаго строя идей, изъ котораго вышелъ Дицгенъ и противъ котораго онъ боролся. Благодаря этому у Дицгена осталась въ тѣни болѣе важная и широкая форма антиноміи мышленія и бытія, чѣмъ тѣ антитезы „дѣйствительнаго" и „мыслимаго", „чувственнаго" и

---

[1]) См. также въ „Аквизитѣ" (с. 37 и слѣд.) указаніе, что нужно было бы общее имя, къ которому „матеріальное" и „духовное" относилось бы, какъ соподчиненныя низшія понятія". См. еще М 119.

[2]) «Если соціалъ-демократы называютъ себя матеріалистами, то этимъ названіемъ они хотятъ сказать лишь то, что не признаютъ ничего, что выходитъ за предѣлы научно-оперирующаго человѣческаго разсудка, что всякое колдовство должно прекратиться» (М 120).

[3]) Эта формулировка чаще встрѣчается въ первомъ трудѣ Дицгена въ „Сущности головной работы человѣка". См. также Э 24 (духовное: тѣлесное-познаніе: видѣніе, осязаніе и пр.).

„логическаго“, въ которыхъ онъ ее выражаетъ. Чувственное (видимое, осязаемое и пр.) онъ, какъ матерію, противоставляетъ духовному (логическому). Между тѣмъ въ послѣдовательныхъ дуалистическихъ системахъ чувственное и логическое объединяютъ въ одно понятіе *психическаго* (внутренняго, духовнаго, душевнаго) и, какъ таковое, противоставляютъ *физическому* (внѣшнему, матеріальному, тѣлесному). Изъ всего духа ученія Дицгена ясно, что онъ не можетъ принять „чрезмѣрной“ разницы между внѣшнимъ и внутреннимъ мірами. „Психическое“ не можетъ быть для него особой сущностью, субстанціонально, toto coelo, отличной отъ „физическаго“ и протекающей параллельно съ нимъ въ живыхъ организмахъ,—какъ это принимается (метафизическимъ) матеріализмомъ, идеализмомъ, параллелистической теоріей и т. п. дуалистическими ученіями. Психическое и физическое—это „дѣти одной матери, это два явленія природы, которыя мы освѣщаемъ, описывая ихъ, подраздѣляя на классы, виды и подвиды. Если мы констатируемъ относительно матеріи—съ чѣмъ, никто, конечно, не споритъ,—что она есть явленіе природы и то же самое говоримъ о духовной способности человѣка, то мы еще знаемъ довольно мало и о томъ, и о другомъ; знаемъ, однако, что это братья и что никто не можетъ ихъ безгранично отдѣлять другъ отъ друга; никто не можетъ проводить между ними различія toto genere, toto coelo“ (Э 53). Но какъ ни цѣнны подобныя отдѣльныя замѣчанія, разбросанныя во всѣхъ трудахъ Дицгена, эта кардинальная проблема объ отношеніи между физическимъ и психическимъ не была имъ взята во всемъ ея значеніи, со всей ея глубиной.

Теоретическій дуализмъ „мышленіе—бытіе“ (и его аналоги) тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ практическимъ дуализмомъ чувственнаго и сверхчувственнаго міра (земли—неба, міра—Бога и т. д.). Дицгенъ былъ неутомимъ въ раскрытіи всѣхъ нитей, связывающихъ здѣсь абстрактную теорію съ практическими интересами. Онъ никогда не упускалъ случая подчеркнуть это высокопрактическое значеніе отвлеченнаго умозрѣнія. Въ интересахъ соціалъ-демократіи, говоритъ онъ, раздѣлить всю область философіи на два разряда: „на нуждающееся въ вѣрѣ идеалистическое фантазерство и трезвую матеріалистическую мыслительную работу“ (М 115). А матеріалистами, говоритъ онъ нѣсколько выше, „должны называть себя всѣ тѣ, кто стремится освободить человѣческій интеллектъ отъ чаръ метафизики“. Борьбѣ съ метафизикой и ея ученіемъ о сверхъестественномъ мірѣ Дицгенъ посвятилъ много мѣста въ своихъ трудахъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ завоеваній философіи онъ считаетъ результатъ, что метафизика невозможна, какъ наука, что она „возможна лишь, какъ фантастика“ (А 91). Для самого Дицгена этотъ результатъ звучитъ почти аксіоматически: „какъ аподикти-

чески мы знаемъ, что двѣ горы не существуютъ безъ раздѣляющей ихъ долины, такъ же аподиктически мы знаемъ, что ни въ небѣ, ни на землѣ, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ нѣтъ вещи, которая бы существовала внѣ общаго вещественнаго круга. Внѣ мірского міра нѣтъ никакого другого мірка—иначе *мыслить* не въ состояніи логически организованная человѣческая мыслительная способность; и также невозможно *открыть* такой внѣміровой мірокъ помощью опыта или въ опытѣ, ибо мышленіе неотдѣлимо отъ опыта, ибо безъ мыслей совсѣмъ нельзя пріобрѣсти какіе бы то ни было опыты. Человѣкъ съ головой,—а о безголовыхъ людяхъ не можетъ быть рѣчи—не въ состояніи открыть немірского, метафизическаго міра" (А 64). Въ этомъ разсужденіи нужно только устранить излишнюю и безплодную по существу попытку аргументировать. Дицгенъ пытается здѣсь *доказать* невозможность метафизики, исходя изъ своего и элейскаго ученія о единомъ и всемъ: разъ бытіе есть все и единое, то оно въ то же время и единственное, и значитъ, помимо него нѣтъ мѣста какому-то особому метафизическому виду бытія.

Но за такимъ силлогизмомъ нельзя признать особой убѣдительности. Въ общемъ въ понятіи „бытія" (или, какъ здѣсь выражается Дицгенъ, „общаго вещественнаго круга") отлично могутъ умѣститься міръ эмпиріи и міръ трансцендентный, не переставая отъ этого быть рѣзко противоположными. Побѣдить дуализмъ двухъ міровъ—высшаго и низшаго—одолѣть, пользуясь художественнымъ образомъ Дицгена, философско-метафизически-теологическую гидру можно только аппелируя къ принципіальной однородности всего сущаго. Признавать ли эту однородность, связность бытія, вмѣстѣ съ Дицгеномъ, апріорнымъ фактомъ сознанія или же постулировать ее, какъ исходный пунктъ познанія,—я думаю, что и апріоризмъ Дицгена въ данномъ вопросѣ есть лишь неудачное выраженіе для *постулированія* однородности бытія,—но останавливаться на доказательствахъ этого не буду—это, въ концѣ концовъ, не важно. Фактъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что логическимъ расчлененіемъ понятій устранить метафизики нельзя. Метафизика элиминируется ужъ заранѣе, той исходной точкой зрѣнія, на которую мы стали. Дальнѣйшее изслѣдованіе можетъ только подтвердить цѣлесообразность этой элиминаціи.

V.

Бытіе едино и единственно. Такимъ представляется оно философствующему уму. Но это не значитъ, конечно, что философія игнорируетъ эмпирическое многообразіе бытія или признаетъ его несущественнымъ. Верховное правило дицгеновской діалектики—ничего чрезмѣрнаго—полносильно и здѣсь. Какъ ни относи-

тельны, разсматриваемыя съ высшей точки зрѣнія, всѣ встрѣчающіяся въ окружающей дѣйствительности различія, но въ предѣлахъ этой относительности они имѣютъ свое значеніе, какъ имѣютъ его и различіе иллюзіи и дѣйствительности, истины и заблужденія. Было бы крупнымъ заблужденіемъ вульгаризировать монизмъ Дицгена и думать, что въ ночи этого монизма всѣ кошки сѣры. Монизмъ Дицгена не устраняетъ необходимости детальнаго изученія многосложной дѣйствительности и не приводитъ къ замѣнѣ такого изученія монотоннымъ припѣвомъ о единствѣ вселенной. Наоборотъ, онъ указываетъ правильное направленіе спеціальному знанію, и можно сказать, что одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ сторонъ ученія Дицгена—это его теорія науки, его взглядъ на характеръ и роль научнаго знанія.

Въ вопросѣ о научныхъ теоріяхъ существуетъ два главныхъ теченія, которыя извѣстный ученый, посвятившій недавно цѣлый томъ „предмету и строенію физическихъ теорій", характеризируетъ слѣдующимъ образомъ:

„*Физическая теорія*,—отвѣчаютъ нѣкоторые логики,—*имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе совокупности экспериментально установленныхъ законовъ*". „*Физическая теорія*, — отвѣчаютъ другіе мыслители,—*это абстрактная система, имѣющая цѣлью резюмировать и логически классифицировать совокупность экспериментальныхъ законовъ, не претендуя объяснить этихъ законовъ*" (P. Duhem. La théorie physique, p. 5).

Эта характеристика примѣнима въ цѣломъ не только къ физическимъ, но и ко всякимъ научнымъ теоріямъ, ко всякой наукѣ. Эти два основныхъ взгляда на науку — не говоря объ ихъ разновидностяхъ—можно противоставить другъ другу, какъ *экспликативную* и *дескриптивную* точки зрѣнія. Въ экспликативной гипотезѣ въ своеобразной формѣ отразился тотъ традиціонный и безконечно живучій дуализмъ, о различныхъ формахъ котораго говорилось уже выше. Для нея есть какая-то истинная реальность, существенно отличная отъ явленій, и къ установленію и раскрытію этой настоящей реальности стремится научное объясненіе, научная теорія. „Объяснить, *explicaro*, это значитъ—освободить *реальность* отъ окутывающаго ее покрывала *явленій*, чтобъ увидѣть лицомъ къ лицу эту голую реальность" (Duhem, p. 6). Дескриптивная же точка зрѣнія видитъ въ наукѣ просто удобную систематизацію и классификацію фактовъ, цѣлесообразную реакцію человѣческаго ума на необъятную груду окружающихъ явленій. Это—неизбѣжный результатъ теоріи, которая за наблюдаемыми явленіями не признаетъ какой-то особой, настоящей, дѣйствительности.

Въ этомъ вопросѣ Дицгенъ сумѣлъ сдѣлать вполнѣ правильный выводъ изъ своей монистической концепціи, отрицающей всякія непознаваемыя „вещи въ себѣ" и абсолюты. Онъ всецѣло и

вполнѣ сознательно стоитъ на дескриптивной точкѣ зрѣнія, и, если принять во вниманіе, что и въ настоящее время эта точка зрѣнія не стала еще общепризнанной, то нельзя достаточно удивляться силѣ мысли—можно сказать, ясновидѣнію—самоучки-философа, уже сорокъ лѣтъ назадъ самымъ опредѣленнымъ образомъ развивавшаго эти взгляды. „Сущность головной работы человѣка" (написана въ 1869 г.) сразу открывается словами: „Сущность, общее выраженіе всей дѣятельности науки—есть *систематизированіе*. Наука не хочетъ ничего иного, какъ привести для нашей головы міровые объекты въ порядокъ и систему" (С 33). Эту описательную точку зрѣнія Дицгенъ развиваетъ во всѣхъ своихъ работахъ, противоставляя ее противоположному воззрѣнію, по которому суть науки—въ объясненіи. Онъ указываетъ, что со словомъ „объясненіе" связаны какія-то мистическія, фантастическія представленія, между тѣмъ, какъ по существу оно есть не что иное, какъ подведеніе какого-нибудь явленія подъ родственную ему группу явленій: „объясненіемъ" вещи не растворяются, какъ сахаръ въ водѣ, но лишь классифицируются" (П 163). Моментъ удивленія, ирраціональности, заключающейся въ любомъ эмпирическомъ фактѣ, не уничтожается послѣ „объясненія": онъ только значительно ослабляется, распространяясь теперь на обширную группу однородныхъ явленій, онъ такимъ образомъ приводится къ разумной мѣрѣ. Теорія всемірнаго тяготѣнія не уничтожила элемента ирраціональности, заключающагося въ фактѣ паденія тяжелыхъ тѣлъ на землю. Но она значительно ослабила это чувство, подведя подъ одинъ классъ такія, повидимому, разнородныя вещи, какъ паденіе камня на землю, взаимодѣйствіе между луной и землей, между землей и солнцемъ и т. д.: она въ этомъ опредѣленномъ смыслѣ „объяснила" паденіе тяжелыхъ тѣлъ [1]).

[1]) Вотъ какъ Дицгенъ описываетъ процессъ пониманія: „Вообразимъ себѣ особенное, т. е. неожиданное, никогда не наблюдавшееся на опытѣ, химическое измѣненіе, происходящее въ какой-либо смѣси, внезапно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Предположимъ дальше, что это измѣненіе впослѣдствіи имѣетъ мѣсто еще не разъ, пока мы путемъ опыта не доходимъ до познанія, что необъяснимому измѣненію смѣси всякій разъ предшествуетъ соприкосновеніе съ солнечнымъ свѣтомъ. Этимъ ужъ *понято все явленіе*. Предположимъ также, что дальнѣйшій опытъ показываетъ намъ, что и многія другія вещества обладаютъ свойствомъ претерпѣвать подобное измѣненіе, соприкасаясь съ солнечнымъ свѣтомъ; тогда неизвѣстное намъ явленіе *сопоставляется* съ цѣлымъ рядомъ явленій подобнаго рода, т. е. оно понятно еще шире, еще глубже, еще полнѣе. Если мы, наконецъ, найдемъ, что извѣстное количество солнечнаго свѣта *и особый* элементъ смѣси вызываютъ вмѣстѣ другъ съ другомъ данное измѣненіе, то опытъ въ *чистомъ видѣ* обобщенъ или обобщеніе въ *чистомъ видѣ* познано на опытѣ, это значитъ, что теорія совершенна, разумъ выполнилъ свою задачу. А вѣдь онъ сдѣлалъ лишь

Въ остроумной полемикѣ съ Геккелемъ (см. „Экскурсія соціалиста", гл. III) Дицгенъ полнѣе обосновываетъ свою точку зрѣнія. Геккель указываетъ на переворотъ, сдѣланный Дарвиномъ въ біологіи: до Дарвина безчисленная армія „музейныхъ зоологовъ и гербарныхъ ботаниковъ" занималась голымъ описаніемъ и систематизаціей тысячъ и тысячъ видовъ, нагромоздивъ такимъ образомъ необозримый хаосъ фактовъ. Принципъ же борьбы за существованіе внесъ въ этотъ хаосъ яркій свѣтъ и впервые дозволилъ перейти отъ ограниченной эмпиріи къ наукѣ. Дицгенъ возражаетъ на это, показывая, что Дарвинъ, по существу, продолжаетъ дѣло музейныхъ зоологовъ и гербарныхъ ботаниковъ: онъ только расширилъ границы описанія. Кромѣ фактовъ, описанныхъ его предшественниками, онъ описываетъ еще и эмбріологію и то, какъ путемъ подбора передаются по наслѣдству разныя измѣненія: къ описанію видовъ, взятыхъ въ данный опредѣленный моментъ ихъ существованія, онъ прибавилъ еще описаніе ихъ развитія. Это огромное расширеніе царства описанія, но это все-таки остается описаніемъ, а не какимъ-то другимъ, отличнымъ по существу, научнымъ процессомъ [1]).

Въ тѣсной связи съ предыдущимъ вопросомъ стоитъ проблема причинности. „Объясненіе", которое по экспликативной теоріи является цѣлью науки, и есть вѣдь въ концѣ концовъ причинное объясненіе. „Объяснять" это значитъ — познавать „причины" явленій, это значитъ — доходить до сущности вещей. Поэтому весь тотъ мистицизмъ, который связанъ съ понятіемъ объясненія, переносится и на понятіе причинности. „Причины" при этомъ пониманіи разсматриваются, какъ нѣчто обособленное отъ своихъ слѣдствій. Причины „дѣйствуютъ" на слѣдствія, онѣ „вызываютъ", ихъ, „творятъ" подобно тому, какъ человѣкъ создаетъ извѣстные предметы (или совершаетъ извѣстные поступки), являясь непосредственной причиной ихъ.

Съ этимъ антропоморфнымъ пониманіемъ причинности энергично боролся Дицгенъ, требуя замѣны его научной, позитивной теоріей причинности: „Естественныя науки ищутъ своихъ причинъ не *внѣ или позади* явленій, но *внутри ихъ* или *черезъ посредство ихъ*. Современное изслѣдованіе ищетъ въ причинахъ

то, что онъ дѣлаетъ при распредѣленіи животнаго и растительнаго царства на роды, семейства, виды и т. д. *Открыть видъ, родъ какой-либо вещи, значитъ—ее понять*" (С 81).

[1]) § 2 матеріалистич. логики гласитъ: „Дѣятельность, которую мы называемъ познаніемъ, пониманіемъ, объясненіемъ, можетъ заключаться лишь въ классификаціи по родамъ и видамъ этого чувственнаго, единаго міра; она не можетъ заниматься ничѣмъ инымъ, какъ формальнымъ познаваніемъ природы. Другого познаванія не существуетъ" (Э 109). См. о томъ же вопросѣ: А 17. А 24. А 63. А 82. А 91. П 151—153. П 163. Э 13. Э 47—59. Э 109. Э 113. М 125.

не внѣшняго творца, *а имманентной системы, метода или общаго порядка данныхъ во временной послѣдовательности явленій.* Ненаучная причина есть „вещь въ себѣ", маленькій божокъ, самостоятельно создающій слѣдствія и позади нихъ скрывающійся. Научное понятіе причины, напротивъ, хочетъ постигнуть только *теорію слѣдствія*, только *общее въ явленіи.* Итакъ, изслѣдовать причину значитъ—обобщать данныя явленія, сводить разнообразность эмпиріи къ одному научному правилу" (С 79). На мѣсто экспликативнаго пониманія причинности Дицгеномъ ставится дескриптивное. Этимъ сдѣланъ первый и самый важный шагъ для рѣшенія сложной каузальной проблемы. Но только первый шагъ, который требуетъ дальнѣйшаго углубленія теоріи. Этого болѣе глубокаго анализа проблемы мы не находимъ, однако, у Дицгена, несмотря на правильную постановку вопроса и на цѣнныя отдѣльныя замѣчанія. Но распространяться объ этомъ здѣсь не приходится, и я ограничусь поэтому только ссылкой на соотвѣтствующія мѣста трудовъ Дицгена [1]).

При такомъ пониманіи роли науки и научнаго, причиннаго, объясненія естественнымъ является конечный выводъ „Аквизита", звучащій, какъ заключительный аккордъ всего монистическаго міровоззрѣнія Дицгена:

„Такъ вѣнчается наша наука о понятіяхъ въ положеніи: рѣзко расчленяй универсальное понятіе, понятіе универсума въ подчиненныя понятія, дѣли ихъ, и еще разъ дѣли до мельчайшаго; но за всѣмъ тѣмъ имѣй сознаніе, что эта классификація по понятіямъ есть лишь формальность, помощью которой человѣкъ оріентируется въ своемъ опытѣ; далѣе оставайся при сознаніи своей человѣческой свободы прогрессирующе освѣщать помощью измѣняющейся классификаціи свой опытъ, который съ дальнѣйшимъ развитіемъ все обогащается и обогащается" (А 91).

П. Юшкевичъ.

[1]) Анализъ причинности сдѣланъ Дицгеномъ довольно обстоятельно въ слѣдующихъ работахъ: С 78—86. А 56—63. П 162—168.

Границы парламентаризма.

(Окончаніе).

4. Парламентаризмъ и соціализмъ.

Возможенъ ли мирный, парламентарный переходъ отъ капитализма къ соціализму? Къ этому вопросу сводился, въ сущности, споръ между правымъ и лѣвымъ крыломъ международнаго соціализма. Но по причинамъ, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ, споръ не былъ доведенъ до конца. Худой миръ, заключенный между реформистскимъ и революціоннымъ парламентаризмомъ существующихъ соціалистическихъ партій, привелъ, какъ мы указали, къ тому, что партійная дѣятельность продолжаетъ топтаться въ *старой колеѣ*. Другими словами, *вся партія продолжаетъ дѣйствовать такъ, какъ будто парламентаризмъ ведетъ прямикомъ къ соціализму*. Поэтому вопросъ о парламентарномъ переходѣ къ соціализму есть болѣе, чѣмъ когда-либо *коренной* вопросъ соціалистической тактики, вопросъ всей будущности соціалистическаго движенія.

Если вы зададите этотъ вопросъ любому революціонному соціалисту Франціи, Германіи, Италіи, онъ вамъ отвѣтитъ: „Нелѣпый вопросъ! Мы гораздо раньше революціоннаго синдикализма знали, писали и говорили, что соціализмъ восторжествуетъ только *революціоннымъ* путемъ". Нѣмецкій соціалъ-демократъ лѣваго крыла сошлется въ особенности на „обостреніе классовыхъ противорѣчій", а французскій гедистъ укажетъ на „fusil liberateur" (освободительное ружье).

Прекрасно! Но почему же въ такомъ случаѣ лѣвое крыло соціалъ-демократіи, заодно съ правымъ, ставитъ избирательно-парламентарную дѣятельность въ *центрѣ* всей партійной работы? Какимъ образомъ совмѣщается убѣжденіе въ соціально-революціонной непригодности парламентаризма съ всепоглощающими заботами объ увеличеніи голосовъ и депутатскихъ полномочій? Не ясно ли, что такія заботы могутъ найти свое оправданіе только въ *реформистской* предпосылкѣ объ осуществимости соціализма посредствомъ парламента?

Реформизмъ, и только онъ, можетъ безупречно умозаключать отъ своей теоріи въ существующей партійной тактикѣ или—обосновать эту тактику своей теоріей. Реформизмъ послѣдователенъ, логиченъ. Но какимъ образомъ революціонное крыло совмѣщаетъ свою революціонную теорію съ реформистской практикой? Это остается неразрѣшимой загадкой, пока мы не выходимъ изъ рамокъ формально-логическаго анализа. Но дѣло въ томъ, что исторія общественныхъ идей и общественныхъ силъ изобилуетъ логическими противорѣчіями, которыя, однако, находятъ психологическое объясненіе.

Съ измѣненіемъ исторической среды мѣняется взаимоотношеніе отдѣльныхъ элементовъ данной общественной теоріи, такъ какъ мѣняется самая цѣнность, *первоначальный* удѣльный вѣсъ ея основныхъ элементовъ. То, что въ одной комбинаціи историческихъ условій было и считалось основнымъ, рѣшающимъ идейнымъ элементомъ,—въ другой комбинаціи мало-по-малу отходитъ на задній планъ, оттѣсняется, затушевывается нѣкогда второстепенными элементами теоріи. Къ тому же эти внутреннія измѣненія въ системѣ воззрѣній долго остаются скрытыми, благодаря *инерціи словоупотребленія* вообще и инерціи *партійной фразеологіи* въ частности. *Старыя слова долго скрываютъ новыя мысли*, совершенно измѣнившія прежній смыслъ словъ. А диктуется это отъ сознанія долго ускользающее измѣненіе *практикой*. Дѣла имѣютъ *свою логику*, всегда преодолѣвающую логику мыслей.

Логика избирательно-парламентской дѣятельности неизбѣжно ведетъ къ реформизму, къ тезису о смягченіи классовыхъ противорѣчій, къ сотрудничеству классовъ, къ матеріализму и—скорѣе всего—къ иллюзіямъ на счетъ осуществимости соціализма парламентарнымъ путемъ.

Соціалистическія партіи начинали свою избирательную дѣятельность въ чисто-*агитаціонныхъ* цѣляхъ или *преимущественно* ради этихъ цѣлей. То есть, достиженіе депутатскаго мандата сначала занимало, по меньшей мѣрѣ, *второстепенное* мѣсто. Но логика избирательной борьбы чѣмъ дальше, тѣмъ больше перетасовывала взаимоотношеніе между избирательной агитаціей и мандатомъ. Борьба за мандатъ была сначала менѣе, чѣмъ *средствомъ*,—только *поводомъ*, а массовая агитація—*цѣлью*. Но чѣмъ *измѣряется успѣхъ* избирательной агитаціи? Очевидно, количествомъ поданныхъ за партійнаго кандидата голосовъ. Чѣмъ больше голосовъ, тѣмъ больше успѣхъ. А наиболѣе осязательная санкція успѣха—это, конечно, большинство голосовъ, обезпечивающее депутатское полномочіе. И вотъ мало-по-малу по одной этой объективной причинѣ—даже совершенно помимо мотивовъ личной заинтересованности кандидата!—мандатъ изъ средства или даже только изъ повода превратился въ цѣль, а агитація—въ средство. Цѣль и средство, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, помѣня-

лись мѣстами. А это въ данной области значитъ вотъ что: принципіальная агитація уступаетъ мѣсто неразборчивой ловлѣ голосовъ въ интересахъ избирательной „побѣды".

Въ самомъ парламентѣ логика избирательной борьбы толкала соціалистическую партію къ аналогичному перемѣщенію между цѣлью и средствомъ. Вначалѣ участіе партій въ парламентѣ имѣло смыслъ *агитаціонный* и смыслъ *протеста*. Соціалистическіе депутаты говорили съ парламентской трибуны черезъ головы буржуазныхъ депутатовъ по всей странѣ—по нѣмецкому выраженію: „zum Fenster hinaus" (черезъ окно)—и они всѣмъ своимъ поведеніемъ протестовали противъ существующаго строя. Но потомъ, по мѣрѣ увеличенія числа соціалистическихъ депутатовъ, ихъ положеніе и роль въ парламентѣ измѣнялись. Агитація и протестъ уступали первенствующее мѣсто *„положительной"* работѣ—участію въ законодательныхъ трудахъ парламента. И эта „положительная" работа дѣлалась неизбѣжно работой *„органической" въ рамкахъ существующаго строя*, т. е. работой, направленной на медленное улучшеніе, реформированіе существующаго порядка—вкупѣ и влюбѣ съ реформистскими партіями *буржуазнаго* лагеря. Во Франціи и Швейцаріи этотъ путь развитія привелъ къ министеріализму, къ сотрудничеству съ буржуазно-демократическими партіями даже въ самомъ правительствѣ. Въ Италіи возникло и усилилось министеріалистское направленіе. Тоже—въ Бельгіи и, за самое послѣднее время, въ Голландіи. Что касается Германіи, то тамъ соціалистическій министеріализмъ былъ заранѣе невозможенъ, за отсутствіемъ парламентарнаго режима и буржуазной *демократіи* вообще; но зато „органическая" работа германской соціалъ-демократической фракціи расцвѣла пышнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. А какова была эта „органическая" работа, мы скажемъ авторитетными словами *Бебеля*.

Въ засѣданіи рейхстага отъ 26 февраля 1907 г. вождь германской соціалъ-демократіи мѣтко охарактеризовалъ парламентскую работу своей партіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „За всѣ 40 лѣтъ дѣятельности соціалъ-демократіи въ рейхстагѣ, она *никогда* не внесла предложенія, о которомъ можно было бы сказать, что оно направлено *противъ* существующаго государственнаго и общественнаго порядка. Наоборотъ, *всѣ* наши предложенія имѣли цѣлью *улучшить* (напечатано жирнымъ шрифтомъ въ отчетѣ „Vorwärts'a") существующій порядокъ"... (*„Совершенно вѣрно"* на соціалъ-демократическихъ скамьяхъ).—Да, совершенно вѣрно! Германская соціалъ-демократія фактически дѣйствовала и дѣйствуетъ, какъ бернштейновская „партія демократическихъ реформъ".

О границахъ реформистской работы соціалъ-демократіи въ парламентѣ у насъ рѣчь впереди. Сейчасъ слѣдуетъ отмѣтить обратное вліяніе этой работы на избирательную тактику. Являясь ло-

гическимъ слѣдствіемъ возросшаго числа соц.-дем. депутатовъ, т. е. въ послѣднемъ счетѣ,—слѣдствіемъ погони за голосами избирателей, реформистская работа въ парламентѣ въ свою очередь *усугубляетъ компромиссный характеръ избирательной дѣятельности*. Главнымъ, если не единственнымъ орудіемъ избирательной агитаціи становится именно подчеркиваніе прошлой и будущей работы парламентской фракціи по „улучшенію существующаго строя", тогда какъ *соціалистическая цѣль*, направленная противъ существующаго строя, отодвигается на задворки. Вмѣстѣ съ тѣмъ *соціалистическая* критика основъ существующаго строя подмѣняется *демократически оппозиціонной* критикой правительственной дѣятельности и буржуазныхъ партій.

Такова въ особенности избирательная агитація *германской* соціалъ-демократіи, т. е. какъ разъ наиболѣе богатой избирательными голосами и, съ другой стороны, *теоретически* наиболѣе „ортодоксальной" изъ соціалистическихъ партій.

Однимъ словомъ, между избирательно-парламентарной силой партіи и соціалистическимъ характеромъ ея избирательной агитаціи существуетъ *обратно-пропорціональное* отношеніе. Чѣмъ больше у партіи голосовъ и мандатовъ, тѣмъ менѣе ея избирательная дѣятельность стоитъ въ связи съ соціализмомъ, съ соціалистической цѣлью вообще. Что же касается *соціальной революціи*, то излишне доказывать, что сама природа избирательной дѣятельности, вся ея психологія органически возстаетъ противъ революціонной аргументаціи.

Такова неумолимая логика избирательно-парламентарской дѣятельности, фактически опрокидывающая логику старыхъ мыслей. Вотъ почему *теоретическое* отрицаніе парламентарнаго перехода къ соціализму, понынѣ составляющее твердое убѣжденіе лѣваго крыла, стало платоническимъ, потеряло всякое практическое вліяніе, превратилось въ фразу.

И далѣе, подъ вліяніемъ избирательно-парламентарной дѣятельности фактически утратило свой старый смыслъ основное, исходное понятіе пролетарскаго соціализма—*классовая борьба*.

Легче всего и скорѣе всего это понятіе модифицируется въ сторону *обще-демократическую*, *обще-народную*. Этого властно требуютъ интересы *борьбы за мелкобуржуазные голоса*, безъ которыхъ избирательный успѣхъ часто, слишкомъ часто невозможенъ. Партія пролетаріата на выборахъ вынуждена дѣйствовать, какъ партія *междуклассовая*, партія „народная". Такимъ образомъ логика избирательной борьбы затушевываетъ *классовый* характеръ партіи съ той же ускоряющейся быстротой и по тѣмъ же причинамъ, по какимъ она затушевываетъ ея *соціалистическій* характеръ.

Кромѣ того, понятіе классовой борьбы теряетъ на избирательно-парламентарной почвѣ свой прямой, реальный смыслъ, со-

вершенно даже независимо отъ междуклассовыхъ условій избирательной кампаніи. Борьба самого сплоченнаго въ классовую организацію пролетаріата подмѣняется борьбой партійныхъ или даже только парламентскихъ *представителей* пролетаріата. Парламентаризація классовой борьбы, въ сущности, опорожняетъ это понятіе, замѣняя его реальное содержаніе тѣнью, превращая его въ простой *символъ*. И это опорожненіе понятія классовой борьбы практикуется не только соціалистами-реформистами. Нѣтъ, оно сдѣлалось общераспространеннымъ и въ рядахъ лѣваго крыла соціалистическихъ партій всѣхъ странъ. Какъ правые, такъ и лѣвые сплошь и рядомъ *говорятъ* о борьбѣ двухъ *армій*, а *подразумѣваютъ* они состязаніе Голіаѳовъ и Давидовъ обѣихъ армій.

Отсюда—одинъ только шагъ до „парламентскаго кретинизма" самаго худшаго сорта, до реформистскаго вывода о парламентарномъ торжествѣ соціализма, или—въ лучшемъ случаѣ—до того скрытаго, но не менѣе вреднаго „парламентскаго кретинизма", который избирательно-парламентскую дѣятельность считаетъ единоспасающею формой борьбы за соціализмъ. И этотъ шагъ тѣмъ легче сдѣлать, что, въ связи съ парламентаризаціей классовой борьбы, самый терминъ: „*соціализмъ*" подвергается внутренней метаморфозѣ. Соціалистическое общество перестаетъ мыслиться, какъ антиподъ капиталистическаго общества, а наоборотъ, соединяется съ нимъ непрерывнымъ и длиннымъ рядомъ *соціальныхъ реформъ*, осуществляемыхъ опять-таки благодаря парламентскому могуществу соціалистической партіи. А въ концѣ ряда предвидится полная замѣна капиталистическихъ предпріятій государственными или муниципальными, т. е. замѣна *частнаго* капитализма капитализмомъ—„соціализмомъ" тожъ—личнымъ *государственнымъ* или *муниципальнымъ*.

Вы видите: тѣ же слова, да смыслъ совершенно иной. Такъ избирательно-парламентарная практика измѣняетъ смыслъ старыхъ терминовъ и приводитъ къ совмѣщенію словеснаго революціонизма съ фактическимъ реформизмомъ. Вотъ почему, повторяю, теоретическое отрицаніе парламентарнаго перехода къ соціализму остается безплоднымъ, пока соціалистическія партіи *дѣйствуютъ* такъ, какъ будто парламентаризмъ ведетъ прямикомъ къ соціализму.

Приходится паки и паки напоминать, что, въ свѣтѣ теоріи классовой борьбы и историческаго развитія этой борьбы, парламентаризмъ наиболѣе демократическаго типа есть только *наиболѣе антагонистическая* форма буржуазнаго государства; но онъ не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ орудіемъ буржуазнаго господства,—онъ не можетъ, не переставая быть самимъ собою, послужить орудіемъ пролетарскаго освобожденія.

Парламентаризмъ всякаго рода и вида, какъ мы уже доказывали во второй главѣ, обезпечиваетъ власть экономически господ-

ствующей буржуазіи надъ *всѣми* не буржуазными классами, надъ *всѣмъ* народомъ. Тѣмъ болѣе онъ обезпечиваетъ ея власть надъ пролетаріатомъ.

Никто никогда не утверждалъ, что народъ можетъ освободиться отъ самодержавнаго режима путемъ мирнаго использованія... учрежденій этого режима. Нелѣпость такого утвержденія слишкомъ очевидна. Однако, по существу не менѣе нелѣпа и мысль о возможности превратить ихъ парламентаризмъ въ орудіе пролетарскаго освобожденія. Нелѣпость этой мысли не устраняется, а только *скрывается* антагонистическимъ характеромъ парламентаризма. А именно, законныя гарантіи всенародной свободы и правового равенства гражданъ замаскировываютъ прочное фактическое обезпеченіе буржуазныхъ привилегій и буржуазнаго гнета; а формальное провозглашеніе народной воли единственнымъ источникомъ государственной власти легко обманываетъ насчетъ того факта, что въ капиталистическомъ строѣ народная воля, т. е. воля большинства избирателей, неизбѣжно гармонируетъ съ волей буржуазіи.

Въ некультурныхъ парламентарныхъ странахъ, какъ Испанія, правительство регулярно проводитъ „народную волю" избирателей въ гармонію съ волей собственной партіи или клики грубыми, механическими средствами давленія, подкупа и фальсификаціи избирательныхъ бюллетеней. Тамъ смѣна министерства автоматически ведетъ въ перемѣнѣ парламентскаго большинства. Подобные избирательные пріемы—въ болѣе или менѣе утонченной формѣ—практикуются, правда, и въ культурныхъ странахъ. Но не въ нихъ суть. Они по-шулерски „исправляютъ" шансы избирательной игры въ пользу сидящей у казеннаго пирога партіи или клики. Поскольку же дѣло идетъ не о междоусобной борьбѣ разныхъ буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ партій за казенный пирогъ и за власть, но о борьбѣ за общебуржуазные классовые интересы,—фальсификаторскіе избирательные пріемы совершенно излишни. Ибо для обезпеченія своихъ общеклассовыхъ интересовъ буржуазія не нуждается даже въ собственномъ парламентскомъ большинствѣ и въ собственныхъ министрахъ. Царствуя милостью капитализма, она диктуетъ свою волю „свободно" избранному *не* буржуазному большинству и его министрамъ. А повторные опыты „соціалистическаго" министеріализма во Франціи и въ швейцарскихъ кантонахъ достаточно ярко показали, что воля буржуазіи безъ малѣйшей заминки осуществляется даже такими министрами, которые, какъ въ Швейцаріи, продолжаютъ состоять членами соціалистической партіи, или, какъ во Франціи, время отъ времени, въ моменты отдыха отъ своихъ буржуазныхъ и прямо антипролетарскихъ дѣлъ, говорятъ о своихъ неизмѣнно соціалистическихъ убѣжденіяхъ въ торжественныхъ парламентскихъ и банкетныхъ рѣчахъ.

Размѣры и задачи настоящей статьи не позволяютъ мнѣ остановиться на вопросѣ о *переходной* политической формѣ, въ рамкахъ которой пролетаріатъ дѣйствительно сможетъ приступить къ организаціи соціалистическаго строя, на завтра послѣ своей революціонной побѣды. Говорю о *переходной*, *временной* политической формѣ, потому что организованное соціалистическое общество исключаетъ всякое классовое господство, а стало быть, и всякую государственную организацію. Карлъ Марксъ, какъ извѣстно, видѣлъ адекватную задачамъ пролетарскаго освобожденія политическую форму въ федеративно-коммунальномъ режимѣ, въ основныхъ штрихахъ намѣченномъ Парижской Коммуной 1871 г. Во всякомъ случаѣ для нашей цѣли достаточно того доказательства отъ противнаго, что парламентаризмъ *не* можетъ послужить политической формой осуществленія соціализма, такъ какъ онъ не можетъ послужить даже средствомъ политической побѣды пролетаріата надъ буржуазіей.

Противъ этого могутъ спорить *принципіально* только соціалисты-реформисты, вообще отрицающіе всѣ основы нашей аргументаціи. Но тутъ возможно возраженіе *тактическаго* свойства и со стороны *лѣваго* крыла соціалистической партіи, стремящагося совмѣстить революціонную теорію съ избирательно-парламентарной практикой. Лѣвые соціалисты могутъ возразить, ссылаясь, между прочимъ, на предсказанія Энгельса (въ упомянутомъ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи"): „Да, самъ по себѣ парламентаризмъ пролетаріату побѣды не дастъ. Революціонная борьба неизбѣжна. Это мы давно знаемъ. Но избирательно-парламентарная дѣятельность можетъ довести пролетаріатъ до *порога* революціонной побѣды, обезпечивъ за соціалистической партіей большинство избирательныхъ голосовъ и даже парламентскихъ полномочій. А тогда, сильная поддержкой народнаго большинства, партія будетъ имѣть всѣ шансы на революціонную побѣду въ революціонной борьбѣ, провоцированной на свою голову буржуазнымъ правительствомъ".

Данное возраженіе мною не придумано для удобства аргументаціи. Оно вѣдь только резюмируетъ суть упомянутаго предисловія самого Энгельса. Да и вообще всюду при участіи лѣваго крыла практикуемая избирательно-парламентарная тактика утратила бы всякій смыслъ какъ разъ съ точки зрѣнія *лѣваго* крыла [1]), если бы она не была связана съ надеждой на соціалистическое

---

[1]) Съ точки зрѣнія *реформистскаго* крыла эта тактика для своего оправданія не нуждается въ надеждѣ на *соціалистическое* большинство: достаточно *смѣшаннаго* и *союзнаго* большинства соціалистовъ и соціалистообразныхъ демократовъ (на подобіе французскихъ лѣвыхъ радикаловъ) для того, чтобы постепенно и мирно, путемъ ряда реформъ, осуществить ублюдочный строй государственно-муниципально-капиталистическаго и кооперативнаго соціализма.

большинство въ парламентѣ или хоть на большинство избирательныхъ голосовъ.

Этой надеждѣ можно противопоставить прежде всего ея собственныя *соціально-экономическія* предпосылки. Она предполагаетъ совпаденіе въ одной и той же странѣ двухъ условій: 1) количественное увеличеніе пролетаріата до размѣровъ преобладающей части населенія и 2) сплошную группировку наемныхъ рабочихъ въ рядахъ соціалистической избирательной арміи. Но въ дѣйствительности такое совпаденіе будетъ во всякомъ случаѣ рѣдкимъ исключеніемъ. А еще важнѣе то, что для его реализаціи потребовался бы *необозримо долгій періодъ мирного развитія*. Если безмятежность общественнаго развитія вплоть до соціализма составляетъ одинъ изъ догматовъ *реформизма*, то лѣвое крыло именно эту предпосылку реформизма оспаривало и оспариваетъ съ наибольшей энергіей. Вспомнимъ, что въ *центрѣ* междуфракціоннаго спора стоялъ вопросъ о „смягченіи" или „обостреніи классовыхъ противорѣчій". Какимъ же образомъ лѣвое крыло можетъ носиться съ надеждой на соціалистическое большинство, осуществленіе которой, поскольку оно вообще возможно, предполагаетъ не обостреніе, а смягченіе классовыхъ противорѣчій?

Или, быть можетъ, указанныя два условія выбраны произвольно, такъ какъ они исключаютъ изъ рядовъ соціалистическихъ избирателей *мелко-буржуазные* элементы города и деревни?.. Что соціалистическія партіи всѣхъ странъ стараются привлечь на свою сторону и дѣйствительно привлекаютъ мелко-буржуазныхъ избирателей,—это, конечно, слишкомъ извѣстный и несомнѣнный фактъ. Но столь же несомнѣненъ и тотъ фактъ, что мелко-буржуазные избиратели соціалистическихъ партій, за рѣдкими исключеніями, принадлежатъ къ разряду „попутчиковъ", подающихъ голоса за соціалистическихъ кандидатовъ по причинамъ, ничего общаго съ *соціалистической* цѣлью партіи не имѣющимъ. Эти „попутчики" составляютъ ненадежный, *переметающійся* элементъ даже въ обычное, мирное время, даже съ точки зрѣнія голой избирательной ариѳметики. Кто же станетъ принимать ихъ въ разсчетъ на случай *революціонной борьбы за соціалистическую цѣль*? Возлагать надежды на *междуклассовой* составъ избирателей соціалистическихъ партій могутъ, оставаясь послѣдовательными, опять-таки одни только *реформисты*

И это не все. Надежды *лѣваго* крыла на соціалистическое большинство предполагаютъ еще третье условіе, условіе тактическаго свойства. Соціалистическая партія дорастетъ до большинства (хотя бы только до большинства избирателей!), сохранивъ при этомъ свой *революціонно-пролетарскій* характеръ, лишь въ томъ случаѣ, если она интересы *соціалистической* агитаціи и классовые интересы *пролетаріата* будетъ ставить выше избирательнаго успѣха. Иначе парламентская фракція и вся партія за-

долго до вожделѣнной минуты будетъ заключать въ себѣ *большинство реформистовъ*. Нужно ли напоминать, что уже *нынѣ* соціалистическія фракціи всѣхъ странъ въ большинствѣ или даже *сплошь*—между прочимъ, въ *Италіи*—состоятъ изъ реформистовъ? Да, междуклассовый составъ избирателей соціалистической партіи, навербованный посредствомъ избирательной тактики, ставящей въ центрѣ борьбу за мандатъ,—успѣлъ уже обнаружить свое антиреволюціонное вліяніе съ достаточною очевидностью. Нужно добавить, что вліяніе этой тактики дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ даже и на *пролетарскихъ* избирателей... Итакъ, революціонныя надежды лѣваго крыла на соціалистическое большинство имѣютъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ коренное измѣненіе господствующей избирательной тактики въ указанномъ смыслѣ. Но если партія это условіе выполнитъ, если она станетъ жертвовать избирательнымъ успѣхомъ интересамъ принципіальной агитаціи,—тогда прощай всякія надежды на соціалистическое большинство! Оказывается, что надежды *лѣваго* крыла зависятъ отъ такого условія, выполненіе котораго ихъ осуществленію какъ разъ и препятствуетъ. Другими словами, съ точки зрѣнія *лѣваго* крыла партія стоитъ передъ дилемой: либо отказаться отъ *революціонныхъ* надеждъ на соціалистическое большинство, либо отказаться отъ всякихъ стремленій къ большинству. Это значитъ, что *между избирательно-парламентарнымъ средствомъ и соціально-революціонной цѣлью существуетъ непримиримое противорѣчіе*.

Но сказаннымъ противорѣчіе между даннымъ средствомъ и данной цѣлью еще не исчерпывается. Оно сохраняетъ всю свою остроту даже и въ томъ случаѣ, если допустить, что, по щучьему велѣнію, соціалистической партіи удалось примирить непримиримое: вести принципіальную избирательную агитацію и привлечь большинство избирателей. Ибо одной соціалистической сознательности избирателя далеко недостаточно для того, чтобы законной выраженной волѣ соціалистическаго большинства обезпечить революціонную побѣду. Одно дѣло—въ рамкахъ существующей законности подавать соціалистическій избирательный бюллетень, а совершенно другое дѣло—противопоставить революціонное насиліе насилію реакціонному. Избирательно-парламентарная тактика, какъ бы принципіальна она ни была, къ революціонному бою не готовитъ, а отъ него отучаетъ. Не вдаваясь сейчасъ въ психологію избирателя, укажу только на опытъ прошлыхъ революцій,—на тѣ случаи, когда реакціонное правительство *безнаказанно разгоняло оппозиціонный парламентъ, облеченный свѣжимъ довѣріемъ подавляющаго большинства насквозь оппозиціоннаго народа*. Такова *пропасть*, отдѣляющая *законное* выраженіе воли избирателя отъ ея *революціоннаго* осуществленія, хотя бы во имя попраннаго реакціонной властью *закона*! А вѣдь тогда

дѣло шло не о соціалистическомъ переворотѣ, а всего только о политическомъ преобразованіи государства.

Но тутъ мнѣ могутъ, пожалуй, напомнить, что между революціонными ситуаціями прошлаго и соціально-революціоной ситуаціей будущаго существуетъ коренное различіе. Къ моменту соціальной революціи будетъ дѣйствовать организованная сильная и т. д. *партія*, какой въ прежнихъ революціяхъ не были и въ поминѣ. Это, конечно, вѣрно. Но бѣда въ томъ, что и сама партія, построенная на избирательно-парламентарномъ базисѣ, организовать *революціонную* борьбу не въ состояніи—и она къ ней *тѣмъ менѣе* приспособлена, чѣмъ ея избирательный механизмъ *совершеннѣе*. Получается опять заколдованный кругъ: для достиженія парламентскаго большинства необходимъ возможно болѣе совершенный, т. е. наиболѣе *односторонне* къ избирательной дѣятельности приспособленный партійный механизмъ; а между тѣмъ такой односторонній избирательный механизмъ для боевыхъ революціонныхъ цѣлей не годится. Кто въ этомъ сомнѣвается, пусть вспомнитъ о томъ, что такой партійный механизмъ не годится даже для организаціи массовыхъ движеній въ пользу *реформъ*, осуществимыхъ въ рамкахъ существующаго строя. Это *доказано* яснѣе яснаго недавнимъ и всегдашнимъ опытомъ *германской соціалъ-демократіи*, этой въ избирательномъ отношеніи наиболѣе „сильно" организованной партіи. Германская соціалъ-демократія имѣетъ въ своемъ активѣ только жалкіе суррогаты *внѣ*-избирательныхъ массовыхъ движеній—бумажно протестующія народныя собранія да „массовыя *петиціи*" рейхстагу и... *прусскому ландтагу*, регулярно сдаваемыя, въ назиданіе будущимъ нѣмецкимъ историкамъ, въ парламентскій архивъ. И нужно ли напоминать, что германская соціалъ-демократія вынуждена была обратиться къ рабочимъ союзамъ, къ *экономической* организаціи пролетаріата даже для того, чтобы, въ случаѣ надобности, *отстоять* уже 40 лѣтъ существующее въ Имперіи всеобщее избирательное право? Иначе говоря, эта „партія трехъ милліоновъ избирателей" заранѣе призналась въ своемъ безсиліи отстоять самую основу своей собственной организаціи по всей странѣ,—послѣ того, какъ она въ прошломъ фактически оказалась безсильной помѣшать ухудшенію избирательной системы въ *Саксоніи* (въ 1896 году) и въ *Гамбургѣ* (въ 1906 году), т. е. въ двухъ изъ наиболѣе старыхъ и наиболѣе „сильныхъ" центрахъ ея дѣятельности!

Впрочемъ, на избирательномъ опытѣ германской соціалъ-демократіи стоитъ остановиться подробнѣе. Онъ даетъ намъ новое цѣнное доказательство *противъ* самой возможности достиженія избирательно-парламентарнаго соціалистическаго большинства какого угодно классового состава и какого угодно принципіальнаго качества,—*фактическое* доказательство отъ исторіи соціалистической избирательной дѣятельности. Да противъ такой возмож-

ности говоритъ даже избирательная практика германской соціалъ-демократіи.

Замѣчу сейчасъ же, что я и не думаю опираться на исходъ *послѣднихъ* выборовъ въ рейхстагъ (25 января 1907 г.), которые привели къ уменьшенію соц.-дем. мандатовъ съ 81 до 43 и къ уменьшенію *относительнаго* количества соц.-дем. голосовъ (по отношенію къ общему числу *поданныхъ* голосовъ) съ 31,7 процента до 29,42 проц. Охотно допускаю, что при другой избирательной ситуаціи германская соціалъ-демократія съ лихвою наверстаетъ потерю 1907 года. Дѣло не въ послѣднихъ выборахъ, — дѣло не въ той или иной исключительно неблагопріятной или исключительно благопріятной избирательной ситуаціи. Необходимо обратить вниманіе на тѣ *постоянныя* условія существующаго строя, которыя опредѣляютъ ходъ *классовой борьбы* пролетаріата противъ буржуазіи.

Во всякомъ случаѣ Германія представляетъ наиболѣе благопріятныя условія въ пользу тезиса о возможности достиженія соціалистическаго большинства избирательно - парламентарнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ. Въ Германіи словно нарочито соединились всѣ необходимыя для этого условія,—всѣ условія, обезпечивающія максимальный успѣхъ „тактики всеобщаго избирательнаго права“: быстро развивающійся капитализмъ въ городѣ и деревнѣ, быстрый ростъ пролетаріата и быстрое общее передвиженіе населенія изъ деревни въ городъ, политическое господство реакціоннаго юнкерства и почти полное отсутствіе буржуазно-*демократическихъ* партій—два условія, которыя съ двойной силой гонятъ въ лагерь соц.-дем. избирателей всѣ просто политически недовольные элементы населенія,—сильная соц.-дем. партія, которая въ теченіе 40 лѣтъ съ истинно-нѣмецкой методичностью, настойчивостью и умѣлостью била все въ одну точку, сосредоточивая все свое вниманіе и всѣ свои силы на накопленіи голосовъ и мандатовъ,—отсутствіе революціонныхъ традицій и мирный національный темпераментъ, словно созданный для мирной, легальной, пассивной, теоретично-символической борьбы посредствомъ избирательныхъ бюллетеней,—наконецъ, несомнѣнная, въ общемъ, законная корректность избирательной процедуры, корректность, какой могла бы позавидовать республиканская Франція... И что же? За 40 лѣтъ неустанной, систематической, односторонней, всепоглощающей избирательной дѣятельности германская соціалъ-демократія (беру *наиболѣе благопріятныя* для нея цифры 1903 года!) получила около одной трети всѣхъ поданныхъ голосовъ и одну пятую всѣхъ депутатскихъ полномочій! [1]).

[1]) Различіе между относительными количествами голосовъ и мандатовъ для цѣлей моей аргументаціи значенія не имѣетъ. Какъ извѣстно, это различіе объясняется, главнымъ образомъ, устарѣлымъ (на 3 десятилѣтія!), а потому чудовищно неровнымъ распредѣленіемъ избиратель-

Тутъ можно, конечно, ожидать возраженія, что сорокъ лѣтъ— это въ исторіи одинъ мигъ, что почти непрерывный ростъ соц.-дем. голосовъ за весь періодъ съ математической достовѣрностью обезпечиваетъ партіи большинство избирателей и даже, быть можетъ, мандатовъ. Нужно, молъ, только съ прежнимъ усердіемъ и прежней односторонностью работать надъ накопленіемъ голосовъ...

Однако, эта „математическая достовѣрность" страдаетъ не только тѣмъ, что ея реализація предполагаетъ долгій, слишкомъ долгій,—съ точки зрѣнія *активной*, *цѣлестремительной* классовой силы даже *безконечно* долгій періодъ. Ея основной грѣхъ — въ ея *полной призрачности*. Ибо этотъ математическій,—точнѣе, гипотетическій методъ оперируетъ исключительно *отвлеченнымъ* ростомъ цифръ, т. е. всѣ *конкретныя* условія цифрового роста онъ, ничто же сумняшеся, предполагаетъ *неизмѣнно такими же, какими они были въ началѣ цифрового ряда*. Вотъ почему этимъ методомъ можно „математически" доказать осуществленіе явно неосуществимаго. Такъ, напр., съ его помощью уже давно вычислено, что, если бы Адамъ положилъ въ банкъ одну копейку, то—на основаніи формулы сложныхъ процентовъ—современнымъ потомкамъ праотца банкъ долженъ былъ бы выплатить сумму золота, по цѣнности превышающей золотой слитокъ величиною въ земной шаръ. А вотъ другое, по мысли авторовъ, вовсе нешуточное примѣненіе того же мотода. Имѣю въ виду оптимистическіе разсчеты русскихъ пропагандистовъ начала 70-хъ годовъ. Они серьезно доказывали, что, если каждый революціонеръ распропагандируетъ, помнится, десять человѣкъ, и каждый изъ этихъ десяти привлечетъ къ революціонному соціализму по стольку же сторонниковъ, и т. д.,—то побѣда соціальной революціи въ Россіи будетъ обезпечена въ кратчайшій срокъ. Ручалось въ этомъ съ математической достовѣрностью — формула геометрической прогрессіи...

Конечно, иллюзіи русскихъ пропагандистовъ разбились о жестокія условія русской дѣйствительности немедленно же, въ самомъ началѣ цифрового ряда. Но между ихъ вычисленіями и подобными вычисленіями, основанными на сорокалѣтнемъ ростѣ соц.-дем. голосовъ въ Германіи,—по существу никакой разницы нѣтъ. Разница тутъ только въ количествѣ *времени*, необходимомъ для фактическаго разоблаченія иллюзій.

Отвлеченно-цифровое продолженіе роста соц.-дем. голосовъ забываетъ о *самомъ главномъ* — о томъ измѣненіи конкретныхъ условій политической жизни, которое, какъ уже замѣчено выше,

ныхъ округовъ, въ ущербъ промышленнымъ центрамъ. Но не мѣшаетъ, кстати, отмѣтить, что германская соціалъ-демократія не въ силахъ добиться даже перераспредѣленія округовъ, т. е. требованія, предписываемаго *конституціей*.

неизбѣжно прервет мирное накопленіе голосовъ и мандатовъ, прерветъ задолго до реализаціи математически предвычисленной побѣдной цифры. Наблюдаемое во всѣхъ передовыхъ странахъ обостреніе классового антагонизма несомнѣнно показываетъ, что всюду борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей приметъ форму остраго, революціоннаго конфликта гораздо раньше, чѣмъ какая бы то ни было соціалистическая партія успѣетъ даже приблизиться къ избирательному большинству. И не *лѣвому* крылу соціалистической партіи, на собственной принципіальной почвѣ котораго я все время аргументирую, отрицать неизбѣжность указаннаго перелома.

Что касается Германіи, то тамъ въ симптомахъ — не говорю: революціоннаго конфликта, но — грозящаго соціалъ-демократіи *насильственнаго* прекращенія ея избирательныхъ успѣховъ недостатка уже давно нѣтъ. Въ этой обѣтованной странѣ избирательно-парламентарной тактики безмятежному продолженію этой тактики угрожаютъ больше всего ея... успѣхи. Чѣмъ сильнѣе избирательный ростъ германской соціалъ-демократіи, тѣмъ въ большей опасности оказывается законная основа ея избирательныхъ успѣховъ—всеобщее избирательное право. На іенскомъ партейтагѣ 1905 года соціалъ-демократія, какъ извѣстно, признала необходимымъ серьезно подумать о средствахъ борьбы противъ угрожающаго ей уничтоженія всеобщаго избирательнаго права.

А между тѣмъ до сихъ поръ она достигала своихъ избирательныхъ успѣховъ, благодаря тактикѣ, которая меньше всего позволяетъ отождествлять соц.-дем. *избирателей* съ убѣжденными *соціалъ-демократами*. Другими словами, реакціонныя силы Германіи хотятъ отмѣнить всеобщее избирательное право и при случаѣ его отмѣнятъ не изъ страха передъ *соціально-революціонной* силой, потенціально, по крайней мѣрѣ, заключающейся въ массѣ убѣжденныхъ соц.-дем. избирателей, — а только изъ страха передъ ея возможнымъ *оппозиціонно-демократическимъ* значеніемъ. Господствующій режимъ не даетъ соціалъ-демократіи дорасти даже до *оппозиціоннаго* большинства. Тѣмъ менѣе можно было бы говорить о безмятежномъ ростѣ ея избирательныхъ голосовъ въ томъ случаѣ, если бы онъ обозначалъ собою ростъ *соціально-революціонныхъ* силъ.

Итакъ, съ какой стороны ни подойти къ вопросу, выводъ получается одинъ и тотъ же: избирательно-парламентарная тактика не можетъ вести пролетаріатъ къ соціальной революціи. Соціально-революціонная цѣль и парламентарное средство находятся въ непримиримомъ противорѣчіи, взаимно исключаются. Старая избирательно-парламентарная тактика пожираетъ соціально-революціонную цѣль и самый соціализмъ.

Цѣль должна диктовать средство, иначе средство непремѣнно измѣнитъ самую цѣль. Эту мысль выразилъ Лассаль въ своей драмѣ „Францъ Зикингенъ":

Das *Ziel* nicht zeige, zeige auch den *Weg*.
Denn so verwachsen ist hienieden Weg und Ziel,
Dass eines sich stets ändert mit dem andern,
Und andrer Weg auch andres Ziel erzeugt.

„Указывай не только *цѣль*, но и дорогу къ ней. Дорога и цѣль такъ тѣсно сплетены на землѣ, что одна всегда мѣняется съ другою. Иная дорога создаетъ и иную цѣль"*).

Видѣть въ парламентаризмѣ дорогу къ соціализму могутъ только *реформисты*. Изъ принципіальныхъ же предпосылокъ *лѣваго* крыла вытекаетъ необходимость другихъ средствъ, другой дороги къ соціализму.

Эти новыя средства, эта новая дорога ясно намѣчаются революціоннымъ синдикализмомъ.

Но границы парламентаризма устанавливаются не только соціально-революціонною цѣлью пролетаріата. Онъ имѣетъ свои границы даже въ области нужныхъ пролетаріату реформъ, осуществимыхъ на почвѣ буржуазнаго строя. Если, съ точки зрѣнія соціально-революціонной цѣли, онъ составляетъ абсолютно негодное, *противъ цѣли* идущее средство, то по отношенію къ реформамъ онъ имѣетъ второстепенное значеніе сравнительно съ экономическими средствами борьбы пролетаріата.

Объ этомъ—въ слѣдующей главѣ.

5. Парламентаризмъ и реформы.

Демократическій парламентаризмъ, какъ мы видѣли, создаетъ иллюзіи насчетъ возможности мирнаго перехода къ соціализму. Но еще упорнѣе, еще болѣе распространены преувеличенныя представленія о важности парламентской дѣятельности соціалистической партіи для достиженія реформъ. Эти представленія въ скрытомъ видѣ заключаютъ въ себѣ цѣликомъ *всѣ* иллюзіи реформистскаго соціализма—вплоть до отрицанія соціально-революціонной цѣли.

Въ дѣйствительности дѣятельность соціалистическихъ депутатовъ можетъ только *облегчить* борьбу *самого пролетаріата* за реформы—не больше! Приписывать ихъ парламентской дѣятельности *самостоятельное* и *рѣшающее* значеніе можетъ лишь тотъ, кто самый парламентъ считаетъ не органомъ буржуазной власти, а учрежденіемъ *внѣклассовымъ*, въ которомъ происходитъ безпристрастная борьба мнѣній, безкорыстное исканіе правды, — борьба и исканіе, въ которыхъ побѣда остается на сторонѣ болѣе сильныхъ, болѣе справедливыхъ доводовъ. Тогда и только тогда краснорѣчіе соціалистическихъ ораторовъ являлось бы рѣшающимъ орудіемъ парламентской борьбы. Но тогда ихъ краснорѣчія было бы достаточно и для того, чтобы убѣдить весь парламентъ въ правдѣ всего соціализма... Извѣстно, однако, что рѣшенія пар-

ламента меньше всего зависятъ отъ ораторской силы спорящихъ сторонъ. Уже давно одинъ англійскій политическій дѣятель умно замѣтилъ: „Парламентскія пренія иногда заставляли меня измѣнить мое *мнѣніе*, но никогда они не измѣняли моего *вотума*". А сплошь и рядомъ депутаты не даютъ себѣ даже труда измѣнить хотя бы свое мнѣніе подъ вліяніемъ неопровержимыхъ доводовъ противной стороны.

Нѣтъ, борьба за законодательныя реформы, какъ и за внѣпарламентскія улучшенія, есть только часть *классовой борьбы пролетаріата*. Ораторская борьба въ парламентѣ есть нѣчто другое, чѣмъ классовая борьба, она является только ея *частичнымъ отраженіемъ*, подобно тому, какъ весь парламентъ представляетъ собою лишь частичное символическое отраженіе существующихъ въ обществѣ классовыхъ противорѣчій.

Если весь парламентъ (или его большинство), въ эпоху борьбы противъ стараго, самодержавнаго, правительства, силенъ или слабъ постольку, поскольку силенъ или слабъ стоящій за нимъ народъ,— то соціалистическая фракція внутри парламента тоже лишь постольку сильна, поскольку силенъ стоящій за нею, *внѣ* парламента дѣйствующій пролетаріатъ. Ея сила есть сила отраженная, заимствованная. Дѣйствительная двигательная сила законодательныхъ реформъ—это организація парламента внѣ парламента, давленіе пролетарской организаціи извнѣ, давленіе „улицы". Соціалистическая фракція служитъ *передаточнымъ механизмомъ*, передающимъ давленіе организованнаго пролетаріата. Ея значеніе—не въ ея самостоятельности, а въ ея тѣсной зависимости отъ *воли организованнаго пролетаріата*. Ибо лишь тогда она въ парламентѣ вѣрно выполняетъ свою *служебную* задачу, когда она творитъ волю пославшаго ее пролетаріата. Лишь тогда она передаетъ всю энергію пролетарскаго натиска и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ ему максимумъ возможнаго успѣха.

Далѣе, само собою разумѣется, что дѣятельность соціалистической фракціи наталкивается на тѣ же препятствія, какія вообще стоятъ на дорогѣ пролетаріата въ его борьбѣ за реформы. А эти препятствія не уменьшаются, но растутъ вмѣстѣ съ ростомъ пролетарской силы.

Мы это уже видѣли на примѣрѣ всюду растущаго сопротивленія буржуазіи противъ демократизаціи государства. Но растущее сопротивленіе буржуазіи еще не значитъ, конечно, растущей *безнадежности* пролетарской борьбы за реформы. Оно несомнѣнно увеличиваетъ лишь ея *трудности*.

Вообще мы тутъ, какъ и во всемъ ходѣ классовой борьбы, имѣемъ дѣло съ двухстороннимъ, *противорѣчивымъ* процессомъ. Съ одной стороны, буржуазія боится наростающей силы пролетаріата и этотъ страхъ заставляетъ ее сопротивляться всякимъ уступкамъ врагу, способнымъ его еще болѣе усилить. Но съ дру-

гой стороны, тотъ же страхъ внушаетъ буржуазіи мысль, что, авось, удастся уступками примирить врага. Впрочемъ, противоположные результаты буржуазнаго страха обыкновенно проявляются въ *разныхъ* фракціяхъ буржуазіи. Такъ, наряду съ неуклонно реакціонными партіями и группами, въ рядахъ буржуазіи появляются сторонники дипломатическихъ уступокъ пролетаріату во имя „соціальнаго мира". А бываетъ и такъ, что буржуазная политика „пряника" идетъ рядомъ съ политикой кнута. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ этого служитъ политика Бисмарка, главы феодально-буржуазной реакціи въ Германіи. Одной рукой онъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, билъ пролетаріатъ кнутомъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, но другою—онъ въ то же время пытался — разумѣется, безъ всякаго успѣха!— приласкать рабочихъ пряникомъ соціальныхъ реформъ (страхованіе отъ болѣзни и увѣчій и рабочія пенсіи).

Какъ бы то ни было, ростъ пролетарской силы имѣетъ на реформы вліяніе двоякаго и противоположнаго свойства. Съ одной стороны, онъ усиливаетъ сопротивленіе буржуазіи противъ требованій пролетаріата; но съ другой — благодаря ему же, время отъ времени буржуазія вынуждена дѣлать уступки. Разница между обоими вліяніями та, что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе усиливается вліяніе перваго рода, т. е. тѣмъ труднѣе становится сломить сопротивленіе буржуазіи. Другими словами, чѣмъ дальше, тѣмъ больше силы необходимо накопить пролетаріату, чтобы добиться реформъ.

По отношенію къ интересующему насъ вопросу это значитъ вотъ что: по мѣрѣ усиленія пролетарской организаціи значеніе соціалистической фракціи въ дѣлѣ достиженія реформъ по сравненію съ ролью внѣпарламентской силы пролетаріата не повышается, а *падаетъ*.

Замѣчу кстати, что процессъ относительнаго ослабленія важности соціалистической фракціи совершается независимо отъ увеличенія или уменьшенія ея численности. Болѣе того. *Увеличеніе* числа соціалистическихъ депутатовъ способно *уменьшить* ихъ вліяніе на рѣшеніе парламента, сближая вспугнутыя буржуазныя партіи, соединяя враждующія между собою буржуазныя фракціи въ единый и крѣпкій реакціонный блокъ. Поразительнымъ примѣромъ этого момента служитъ опытъ германской соціалъ-демократической фракціи послѣ выборовъ 1903 года. Три милліона голосовъ, 80 депутатовъ — и безсиліе соціалъ-демократической фракціи въ парламентѣ *болѣе безнадежное*, чѣмъ когда-либо раньше! И это безсиліе явилось—по крайней мѣрѣ, отчасти— именно послѣдствіемъ неслыханной избирательной „побѣды"... Вы видите: даже съ точки зрѣнія борьбы за реформы увеличеніе числа голосовъ и мандатовъ либо никакого значенія не имѣетъ, либо имѣетъ значеніе отрицательное.

Болѣе важна парламентская дѣятельность соціалистической

фракціи съ точки зрѣнія *пропаганды* и *контроля* надъ буржуазнымъ правительствомъ и буржуазными партіями. Но и тутъ необходимымъ условіемъ является полное отрѣшеніе отъ реформистскихъ иллюзій. Лишь при этомъ условіи соціалистическіе депутаты будутъ съ парламентской трибуны вести *принципіальную*, пролетарски-соціалистическую пропаганду и лишь при этомъ условіи или могутъ смѣло, безпощадно выполнять свою функцію критики и контроля. До тѣхъ поръ, пока они придаютъ своей парламентской дѣятельности *самостоятельное* значеніе въ дѣлѣ достиженія реформы,—а это имѣетъ мѣсто среди всѣхъ соціалистическихъ фракцій!—они черезчуръ склонны къ обычнымъ мелкимъ пріемамъ и комбинаціямъ парламентской дипломатіи, къ которымъ для достиженія успѣха прибѣгаютъ буржуазныя фракціи. Но эти дипломатическіе пріемы неизбѣжно отодвигаютъ революціонную критику на задній планъ... Соціалистическіе депутаты должны помнить, что имъ не удастся перехитрить представителей буржуазіи, какъ имъ невозможно ихъ переубѣдить.

Насколько реформистскія иллюзіи вредятъ наиболѣе существенной функціи критики и контроля, это особенно ярко выступаетъ на дѣятельности итальянской соціалъ-демократической фракціи. Римскій корреспондентъ „Vorwärts'a" (въ номерѣ отъ 29 марта)—замѣтьте, не синдикалистъ, а только „непримиримый"—пишетъ о дѣятельности этой *„сплошь изъ реформистовъ состоящей"* фракціи за послѣднюю сессію: „Правительство въ ней *не нуждается* и ея *не боится*. Прогрессивные законы оно можетъ проводить безъ ея помощи, а реакціонные законы проходятъ вопреки ей. Поэтому наши депутаты чувствуютъ себя въ парламентѣ лишними и они часто забываютъ также о *критической, отрицательной* работѣ, которой отъ нихъ ждетъ пролетаріатъ". А въ какой степени эта сплошь реформистская фракція чувствуетъ себя *лишней* въ парламентѣ, показываетъ тотъ фактъ, что за послѣднюю сессію *обычно девять десятыхъ* фракціи блистали своимъ отсутствіемъ! Въ чемъ тутъ дѣло? Въ томъ, что министерство Джіолитти слишкомъ ужъ явно отрѣзываетъ ей всякую возможность полюбовнаго сотрудничества съ буржуазными партіями. Но вмѣсто того, чтобы отказаться отъ своихъ реформистскихъ иллюзій и выступить въ боевой роли, подобающей представителямъ пролетаріата, итальянская фракція, въ ожиданіи болѣе покладливаго министерства, болѣе благопріятной парламентской комбинаціи, отказывается вообще отъ всякой дѣятельности въ парламентѣ!..

Итакъ, даже по отношенію къ законодательнымъ реформамъ дѣйствительная двигательная сила—это организація пролетаріата. Но этимъ второстепенное значеніе парламентской дѣятельности еще недостаточно охарактеризовано.

Законодательныя реформы и *дѣйствительное* улучшеніе по-

ложенія рабочихъ—*не одно и то же*. Притомъ пропасть между вписанной въ законъ и осуществленной реформой особенно глубока какъ разъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о наиболѣе важныхъ для пролетаріата улучшеніяхъ, наиболѣе важныхъ для укрѣпленія его боевой позиціи. Имѣю въ виду законодательство объ *охранѣ труда*, обезпечивающее интересы рабочаго, какъ производителя.

Посмотримъ только на роль законодательства въ важнѣйшей области сокращенія рабочаго дня.

Уже на *первыхъ* ступеняхъ рабочей организаціи рѣшающимъ двигателемъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня является *стачечная борьба* пролетаріата. И первые успѣхи въ этомъ отношеніи добываются пролетаріатомъ вообще *до* появленія соціалистической фракціи въ парламентѣ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ законодательство все больше *запаздываетъ* по сравненію съ фактическими результатами стачечной борьбы и усиленія экономической организаціи вообще. Въ концѣ концовъ роль парламента—независимо отъ наличности или отсутствія въ немъ соціалистической фракціи—сводится лишь къ тому, что онъ съ все растущимъ опозданіемъ возводитъ въ *общую* или *болѣе или менѣе* общую законную норму успѣхи, добытые непосредственной борьбою рабочихъ противъ капиталистовъ. И возводитъ онъ въ законную норму не успѣхи наиболѣе сильныхъ рабочихъ союзовъ, а только успѣхи рабочихъ союзовъ *средней* силы. Словомъ, на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія парламентъ является все болѣе и болѣе лѣнивымъ и запоздалымъ *регистраторомъ* среднихъ успѣховъ рабочей организаціи.

Тутъ, какъ во всѣхъ другихъ областяхъ, выступаетъ наружу ложь реформизма, который воображаетъ, будто одна реформа влечетъ за собою другую. Наоборотъ, первыя реформы по рабочему законодательству добываются легче, потому что онѣ, во-первыхъ, настоятельно необходимы для самаго физическаго сохраненія рабочаго класса, а во-вторыхъ, потому что онѣ менѣе опасны или кажутся менѣе опасными для господства буржуазіи.

Общій и обязательный характеръ законодательной нормы имѣетъ, конечно, свои безспорныя достоинства. Законодательная нормировка рабочаго дня особенно полезна для *отсталыхъ* слоевъ пролетаріата. Но полезна она для нихъ не столько своими прямыми результатами, сколько потому, что она ихъ побуждаетъ къ *организованной борьбѣ* за *осуществленіе* законной нормы.

Да и вообще всякіе законы объ охранѣ труда по отношенію ко всѣмъ слоямъ пролетаріата соблюдаются на дѣлѣ, по общему правилу, лишь постольку, поскольку за этимъ слѣдитъ рабочая организація. Пропасть между законодательнымъ и дѣйствительнымъ улучшеніемъ положенія рабочихъ можетъ быть заполнена только непосредственными усиліями экономической организаціи пролетаріата.

А нужно ли напоминать, что слѣдомъ за парламентскимъ закономъ, улучшающимъ условія труда, идутъ министерскіе циркуляры, постановленія и регламенты, которые, подъ предлогомъ административныхъ мѣръ для осуществленія закона, вводятъ кучу лазеекъ, облегчающихъ предпринимателямъ обходъ закона и затрудняющихъ контроль фабричной инспекціи? Нужно ли напоминать, что на помощь правительственнымъ нарушителямъ закона приходятъ и *судебныя* учрежденія? Извѣстна свирѣпая классовая роль сѣверо-американскаго верховнаго суда, который, въ качествѣ блюстителя конституціи, является исполнительнымъ органомъ самодержавнаго капитализма: онъ не разъ *отмѣнялъ* законы отдѣльныхъ штатовъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ... во имя конституціи. Менѣе извѣстенъ тотъ фактъ, что французскій кассаціонный судъ просто свелъ на нѣтъ законъ 1900 года о девятичасовомъ рабочемъ днѣ для всѣхъ заведеній со „смѣшаннымъ“ персоналомъ (изъ малолѣтнихъ, женщинъ и мужчинъ).

Но всего этого мало. Новѣйшій фактъ изъ исторіи французскаго рабочаго законодательства показываетъ, что самъ парламентъ способенъ цинично мѣшать пролетаріату заполнить пропасть между законодательной и дѣйствительной реформой, какъ только пролетаріатъ настолько усилился, что вотированному парламентомъ закону угрожаетъ великая опасность... перейти въ жизнь! Тогда парламентъ пытается самъ задушить свое же дѣтище...

Имѣю въ виду законъ о еженедѣльномъ отдыхѣ. Уже при обсужденіи этой реформы обѣ палаты снабдили ее кучей лазеекъ и волчьихъ ямъ. Но парламентъ сдѣлалъ разсчетъ безъ хозяина— безъ организаціи рабочихъ продовольственной отрасли и торговыхъ служащихъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ данной реформѣ. Эти организаціи съ энергіей, отличающей французскіе синдикаты, немедленно вступили въ борьбу за осуществленіе закона. Нечего прибавлять, что борьбу за *соблюденіе закона* имъ пришлось вести при всяческомъ противодѣйствіи со стороны демократическихъ властей, призванныхъ хранителей закона. Борьба тянулась нѣсколько мѣсяцевъ, шансы на побѣду закона противъ его законныхъ нарушителей возрастали. И что же? Всѣ буржуазныя фракціи палаты депутатовъ, той самой палаты, которая приняла реформу единогласно,—*всѣ* буржуазныя фракціи во главѣ съ *радикалами* поспѣшили на помощь нарушителямъ закона! Въ спеціальной резолюціи палата пригласила министерство Клемансо внести проектъ измѣненія реформы въ смыслѣ ея уничтоженія. Тогда, конечно, у рабочихъ организацій пропадетъ охота требовать соблюденія закона!

Среди *соціальныхъ* реформъ, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочихъ, особое мѣсто занимаетъ государственное страхованіе на случай старости, болѣзни и увѣчій при работѣ.

Тутъ вмѣшательство закона не только полезно, но и прямо необходимо. Причемъ сравнительно легко путемъ буквы самаго закона обезпечить его осуществленіе. Разъ въ законѣ установленъ источникъ и размѣръ страховыхъ взносовъ, ихъ распредѣленіе и вообще весь механизмъ страховки, — реформа осуществляется въ жизни, такъ сказать автоматически, по собственной инерціи разъ навсегда заведеннаго механизма. Но нужно помнить, что, во-первыхъ, и этого рода реформы добываются давленіемъ пролетаріата извнѣ и что, во-вторыхъ, онѣ *наименѣе опасны* для буржуазнаго режима. Эти реформы принадлежатъ, въ сущности, къ мѣрамъ *общественной филантропіи*: обезпечивая— впрочемъ, очень скудно—престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ рабочихъ отъ нищеты, онѣ *боевую позицію* рабочаго класса либо вовсе не укрѣпляютъ, либо укрѣпляютъ ее крайне незамѣтно. А съ другой стороны, онѣ облегчаютъ бремя общественнаго и государственнаго бюджета по благотворительности.

Что касается, наконецъ, *политическихъ*,—точнѣе, демократическихъ реформъ, то здѣсь по существу дѣла законъ играетъ роль необходимаго орудія. Помимо закона немыслимо, очевидно, установленіе *правовой нормы*. Это разъ. А во-вторыхъ, демократическія реформы распространяются на *всѣхъ гражданъ* безъ различія ихъ классоваго положенія. Отсюда—невозможность оставлять законъ на бумагѣ во вредъ одному пролетаріату. И однако, даже въ данной области необходимо, съ точки зрѣнія пролетаріата, различать между отдѣльными категоріями правъ. Законъ имѣетъ по отношенію къ разнымъ правамъ и значеніе разное. Только тѣ права, осуществленіе которыхъ *связано съ функціонированіемъ государственныхъ учрежденій*, не могутъ быть нарушены во вредъ пролетаріату безъ прямого насилія или прямого измѣненія закона. Сюда относится прежде всего всеобщее избирательное право. Но есть основныя демократическія права, которыя могутъ быть нарушены и дѣйствительно нарушаются во вредъ одному пролетаріату. Таковы права собраній, союзовъ и свобода печати, не говоря уже о специфически пролетарской свободѣ стачекъ. Эти права и свободы фактически нарушаются даже въ демократическихъ республикахъ Франціи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки—и нарушаются тѣмъ чаще и тѣмъ грубѣе, чѣмъ энергичнѣе пролетаріатъ ведетъ экономическую борьбу. При каждой болѣе или менѣе серьезной стачкѣ демократическія власти топчутъ ногами и копытами—ногами полицейскихъ и солдатъ, копытами—кавалерійскихъ лошадей—основныя демократическія права, которыя конституціей „обезпечены" пролетаріату наравнѣ со всѣми другими гражданами [1]). Это зна-

---

[1]) На насилія демократическаго министерства Клемансо я уже указывалъ. Въ концѣ марта текущаго года демократическія власти Ваадскаго.

читъ, что пролетаріату приходится все снова и снова брать обезпеченныя закономъ права *съ бою*, т. е. пользоваться или, вопреки противозаконному правительственному насилію, *доказывать своими дѣйствіями*, что общегражданскія права писаны и про него,—послѣ того, какъ онъ своей борьбой, своими разбивавшими старыя правовыя нормы *дѣйствіями* добился новыхъ писаныхъ правъ.

А какъ обстоитъ дѣло съ борьбой за *достиженіе* новыхъ писаныхъ правъ, съ борьбой за демократизацію государства? Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, начиная съ бельгійской всеобщей стачки 1893 года за всеобщее избирательное право, во всѣхъ странахъ ярко обнаружился тотъ фактъ, что и въ борьбѣ за демократизацію государства, какъ и въ дѣлѣ защиты существующихъ правъ отъ реакціонныхъ покушеній, *внѣ*парламентское давленіе пролетаріата играетъ первенствующую роль. Притомъ это давленіе извнѣ по мѣрѣ обостренія классовой борьбы, по мѣрѣ того, какъ буржуазія становится реакціоннѣе,—все больше и больше выпадаетъ на долю *экономической* организаціи. Протесты соціалистической печати, собранія, митинги, уличныя демонстраціи оказываются все менѣе дѣйствительными средствами давленія. Чтобы подѣйствовать на злую волю буржуазнаго парламента, необходимо задѣть буржуазію за ея наиболѣе чувствительное мѣсто—за карманъ, за интересы промышленности и вообще внести разстройство въ важнѣйшія функціи общественнаго хозяйства и государственнаго механизма. А сдѣлать это можно только путемъ *всеобщей стачки*.

6. Выводы: партія и революціонные синдикаты.

Анализъ границы парламентаризма привелъ насъ къ вопросу о взаимноотношеніи избирательно-парламентарной и экономической борьбы или партійной и экономической („профессіональной") организаціи. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса выходитъ за предѣлы настоящей статьи, имѣющей своей задачей намѣтить *предпосылки* его правильнаго рѣшенія. Ограничиваюсь поэтому прежними замѣчаніями.

Границы парламентаризма суть вмѣстѣ съ тѣмъ границы соціалистической *партійной* организаціи, такъ какъ въ парламентарныхъ странахъ партія неизбѣжно сосредоточиваетъ все свое вниманіе на избирательно-парламентарной работѣ. Я доказывалъ и, надѣюсь, доказалъ, что парламентаризмъ имѣетъ служебное,

---

кантона (Швейцарія) перещеголяли самого Клемансо. По случаю стачки рабочихъ шоколадныхъ фабрикъ, въ Лозаннѣ, сверхъ всего прочаго была *опечатана рабочая типографія* только за то, что она напечатала воззваніе къ стачкѣ! Однимъ ударомъ демократическія власти нарушили свободу печати и (священное) право собственности...

второстепенное значеніе. Поэтому и партійная организація на большее значеніе претендовать не можетъ. И она *лучше* всего выполнитъ свою второстепенную функцію, лучше всего въ интересахъ пролетаріата и соціализма, если она разъ навсегда сознаетъ и признаетъ границы своего значенія и своей роли. И пусть намъ не говорятъ, что соціалистическая партія, помимо парламентарской дѣятельности, выполняетъ важную функцію, занимаясь пропагандой соціализма. Во-первыхъ, мы уже видѣли, насколько эта функція страдаетъ и даже прямо забрасывается подъ давленіемъ избирательно-парламентарской тактики. Во-вторыхъ, говоря о сравнительномъ значеніи партійной и экономической организаціи, мы сравниваемъ съ соціалистической партіей не „профессіональные" рабочіе союзы англійскаго или реформистскаго типа вообще, а *революціонныя* и *соціалистическія* экономическія организаціи рабочаго класса, подобныя французскимъ революціоннымъ синдикатамъ. Эта *классовая* организація пролетаріата выполняетъ функцію соціалистической пропаганды во всякомъ случаѣ гораздо лучше партійной организаціи—уже по одному тому, что *вся ея повседневная дѣятельность* проникнута живымъ стремленіемъ къ соціальной революціи и къ соціалистической цѣли. Оставляя при сравненіи обѣихъ формъ организаціи пропагандистскую функцію въ сторонѣ, мы партію, стало быть, во всякомъ случаѣ въ невыгодное положеніе не ставимъ, и мы не замалчиваемъ такой стороны партійной дѣятельности, которая составляетъ ея исключительное преимущество...

Итакъ, анализъ границъ парламентаризма, обнаруживая второстепенное значеніе партійной организаціи, приводитъ, съ другой стороны, къ признанію первостепеннаго значенія классовой экономической организаціи пролетаріата. Къ тому же заключенію ведетъ анализъ обѣихъ формъ дѣятельности, какъ таковыхъ, анализъ ихъ внутренняго механизма, ихъ вліянія на самую рабочую массу.

Въ свѣтѣ соціально-революціонной цѣли сравнительное значеніе всякихъ формъ и средствъ борьбы измѣряется однимъ безошибочнымъ критеріемъ—*ростомъ классовой организаціи пролетаріата* [1]). Тотъ же критерій все властнѣе навязывается даже съ точки зрѣнія борьбы за реформы, такъ какъ, по мѣрѣ обостренія классоваго антагонизма, все ярче, все обнаженнѣе высту-

[1]) Говорю о ростѣ классовой *организаціи* вмѣсто того, чтобы употреблять обычный терминъ: „ростъ классоваго *сознанія*", такъ какъ классовая организація непремѣнно *предполагаетъ* и классовое сознаніе, но не наоборотъ: классовое сознаніе отдѣльныхъ рабочихъ и даже отдѣльныхъ слоевъ пролетаріата не есть еще классовая организація, а только ведетъ къ ней. Съ другой стороны, наличность пролетарской организаціи вѣрнѣе всего и быстрѣе всего способствуетъ и росту классоваго сознанія.

паетъ наружу тотъ фактъ, что борьба пролетаріата за малѣйшее улучшеніе есть *проба классовой силы*.

И вотъ, если примѣнить этотъ критерій, то избирательно-парламентарная дѣятельность опять-таки должна будетъ занять второстепенное, служебное мѣсто по сравненію съ тѣми формами дѣятельности, въ которыхъ пролетаріатъ *непосредственно куетъ свою классовую организацію*, выступая сплоченною, *отъ всѣхъ другихъ классовъ отдѣленною* массою и проявляя *наибольшую самодѣятельную энергію*. Все это имѣетъ мѣсто въ экономической организаціи и экономической борьбѣ соціалистическаго пролетаріата.

Во время выборовъ *дѣятельность* рабочей *массы* исчерпывается слушаніемъ рѣчей на собраніяхъ да символическимъ жестомъ подачи избирательнаго бюллетеня. Лишь нѣкоторая часть рабочихъ, членовъ партій, занимается еще раздачей воззваній и бюллетеней, расклейкой афишъ, т. е. проявляетъ активную дѣятельность чисто-*механическаго* свойства. Словомъ, масса играетъ роль чисто-пассивную, болѣе пассивную, чѣмъ роль хора въ античной трагедіи. А между тѣмъ даже эта минимальная и пассивная „дѣятельность“ приходится на долю рабочей массы только разъ въ нѣсколько лѣтъ. Въ парламентѣ же она участвуетъ не сама, а черезъ представителей. Тутъ ея роль сводится къ чтенію парламентскихъ отчетовъ да къ посѣщенію связанныхъ съ парламентской дѣятельностью собраній. Правда, въ промежуточное между выборами время извѣстное, болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ состоятъ членами партійной организаціи. Но это членство отъ массы партійныхъ членовъ требуетъ еще меньше активности, чѣмъ избирательная борьба.

Гораздо больше дѣятельности и гораздо болѣе активной, боевой энергіи требуетъ отъ рабочей массы экономическая организація и экономическая борьба. Даже въ мирное время экономическая организація, по существу своей боевой цѣли, держитъ всѣхъ своихъ членовъ въ постоянномъ напряженіи. Организованный рабочій, работая на заводѣ, на фабрикѣ, въ мастерской, въ то же время изо дня въ день обязательно слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ добытыхъ рабочимъ союзомъ условій труда. Онъ себя чувствуетъ словно на сторожевомъ посту. Недаромъ предприниматели всѣхъ странъ съ такою острой враждой относятся къ „своимъ“ организованнымъ рабочимъ. Они чувствуютъ на каждомъ шагу, что „у нихъ въ домѣ“ зоркій врагъ: члены рабочаго союза однимъ своимъ присутствіемъ обуздываютъ ихъ хозяйское самовластіе. Что же касается момента экономической борьбы, то лишь поверхностные наблюдатели, чуждые пролетарской психологіи, могутъ считать забастовку пассивной формой борьбы. Даже при совершенно мирномъ и спокойномъ ходѣ забастовки каждый ея участникъ жертвуетъ въ пользу общаго дѣла важными личными и семейными интересами. Онъ принимаетъ на

себя и на свою семью рядъ лишеній даже тогда, когда союзная касса и общая солидарность рабочаго класса его обезпечиваютъ отъ голода. А какъ часто ему и семьѣ приходится во время стачки жить впроголодь! Наконецъ, въ случаѣ неудачи, онъ рискуетъ надолго потерять заработокъ... По этимъ же причинамъ слѣдуетъ сказать, что лишь поверхностные наблюдатели и фальшивые „идеалисты“, поклонники „идеальной“ *фразы*, способны видѣть въ стачкѣ только матеріальную борьбу за матеріальные интересы. Рабочій, которому дорогъ только хлѣбный интересъ, въ стачкѣ не участвуетъ: онъ измѣняетъ общему дѣлу, становится штрейкбрехеромъ...

Такимъ образомъ, экономическая борьба является не только гораздо болѣе напряженною, гораздо болѣе активною формой пролетарской дѣятельности, чѣмъ борьба избирательно-парламентарная,—она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и гораздо высшую психическую цѣнность въ смыслѣ глубокаго и благотворнаго перевоспитательнаго дѣйствія на психику пролетаріата. Она развиваетъ въ рабочей массѣ способность ставить общее дѣло выше личнаго интереса, вырабатываетъ въ ней привычку къ самопожертвованію и тѣмъ вообще поднимаетъ культурный уровень индивидуальности каждаго рабочаго и повышаетъ способность всего рабочаго класса къ борьбѣ за высшую классовую цѣль—за соціализмъ.

Вотъ почему экономическая организація гораздо больше партійной способствуетъ росту и дѣйствительной силѣ классовой организаціи пролетаріата.

Но это не все. Великое превосходство экономической организаціи въ томъ же отношеніи ярко выступаетъ и со стороны ея *классовой чистоты*. Она по самому своему существу можетъ состоять только изъ пролетаріевъ. Наоборотъ, всякая соціалистическая партія заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество *не*пролетарскихъ элементовъ. И такихъ элементовъ въ ней *тѣмъ больше*, чѣмъ одностороннѣе она отдается избирательно-парламентарной дѣятельности. Для ясности прибавляю: бѣда и опасность тутъ не столько въ наплывѣ „интеллигентовъ“—хотя нужно сказать, что въ политически-свободныхъ западно-европейскихъ странахъ среди примыкающихъ къ партіи интеллигентовъ не мало простыхъ *карьеристовъ*,—сколько въ наплывѣ широкихъ слоевъ *мелкой буржуазіи*, слоевъ *чужого класса*, накладывающихъ на партію печать своихъ непролетарскихъ и даже *противо* пролетарскихъ интересовъ. Но еще болѣе, чѣмъ междуклассовый составъ ея *членовъ* ставитъ партію въ невыгодное положеніе междуклассовый составъ ея *избирателей*. Выше было указано на пассивную роль рабочихъ во время выборовъ. Нужно добавить, что избирательная дѣятельность партіи *фактически* имѣетъ основу междуклассовую, несмотря на классовый характеръ теоретической программы. Отсюда слишкомъ

извѣстное и слишкомъ распространенное расхожденіе между программой партіи и содержаніемъ ея избирательной агитаціи. Если партійные кандидаты отъ этого выигрываютъ въ голосахъ, въ голосахъ мелкобуржуазныхъ, то пролетаріатъ отъ этого теряетъ идейно. Во время выборовъ рабочіе не только внѣшнимъ образомъ выступаютъ бокъ-о-бокъ съ чуждыми элементами,—они идейно расплываются въ междуклассовой смѣси партійныхъ избирателей... Иное дѣло—экономическая борьба. Она, по существу, является изолированнымъ дѣйствіемъ пролетаріевъ, безпримѣсно чистымъ пролетарскимъ выступленіемъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ другое преимущество экономической борьбы: она рѣзко разоблачаетъ и—разоблачаетъ не словами, а *дѣйствіями*—классовый антагонизмъ между пролетаріатомъ и всѣми ему враждебными классами въ странахъ наибольше демократическихъ. Экономическая борьба—всесильное противоядіе противъ всякихъ иллюзій насчетъ соціальнаго мира въ демократіи. Революціонный синдикализмъ во Франціи и даже его зачатки въ Швейцаріи несравненно больше способствовали отрезвленію рабочей массы отъ иллюзій сотрудничества классовъ въ свободной демократіи, чѣмъ пропаганда теоріи классовой борьбы за все время существованія партіи.

Отмѣчу дальше еще одно преимущество экономической организаціи по сравненію съ партійною. Необходимымъ условіемъ дѣйствительнаго роста классовой силы пролетаріата является, конечно, таковая форма организаціи, въ которой пролетаріатъ—полный и единственный хозяинъ. Дѣло тутъ не только въ „демократизмѣ" организаціоннаго устава. Никакой уставный демократизмъ не въ силахъ обезпечить *дѣйствительнаго самоуправленія* пролетаріата, если *составъ* организаціи и ея *дѣятельность* фактически ведутъ къ тому, что *руководящія* функціи—на строгомъ основаніи демократическаго устава—попадаютъ въ руки непролетарскихъ членовъ организаціи. А это послѣднее происходитъ и *должно* происходить въ *партійной* организаціи. Между парламентской *фракціей* и *партіей* антагонизмъ возникаетъ очень скоро и подчасъ принимаетъ острыя формы. Причина его слишкомъ очевидна: междуклассовый характеръ избирательно-парламентской дѣятельности неизбѣжно приводитъ къ столкновенію между депутатами, представителями смѣшанной и неорганизованной массы избирателей, и партіей, организаціей—сравнительно болѣе однородныхъ элементовъ. Но на той же избирательно-парламентарной почвѣ съ теченіемъ времени выростаетъ болѣе или менѣе скрытный антагонизмъ между *партіей* и представляемымъ ею *классомъ*,—и выростаетъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что партія *вынуждена* уступить своимъ депутатамъ. Такому антагонизму просто нѣтъ мѣста внутри экономической организаціи, по составу и функціямъ *тождественной* съ классовою организаціей.

Партія, смѣсь пролетарскихъ и *не*пролетарскихъ элементовъ, есть *представительство* рабочаго класса. Экономическая организація есть непосредственно самъ организованный пролетаріатъ. Въ партіи важнѣйшія изъ представительныхъ и руководящихъ функцій выполняются либо *не*пролетарскими, либо—а это одно и то же!—*вышедшими* изъ пролетаріата элементами [1]). Важно не метрическое свидѣтельство руководителей, но ихъ фактическія условія существованія. Важна въ особенности *природа ихъ функціи*, которая въ *партійной* организаціи ихъ неизбѣжно отдѣляетъ и отдаляетъ отъ рабочаго класса. Этого нѣтъ и быть не можетъ въ экономической организаціи, всѣ функціи которой теснѣйшимъ образомъ связаны съ пролетарскими и только пролетарскими интересами.

Органическая связь экономической организаціи съ пролетаріатомъ и только съ нимъ ведетъ, далѣе, къ тому, что она является незамѣнимымъ средствомъ *мобилизаціи силъ*. Это уже было отмѣчено выше, въ частности на примѣрѣ *германской* соціалъ-демократіи. Прибавлю, что безсиліе этой послѣдней въ дѣлѣ организаціи внѣпарламентскихъ массовыхъ движеній пролетаріата характеризуетъ—правда, въ меньшей степени—соціалистическія партіи всѣхъ странъ. Притомъ чѣмъ партія болѣе поглощена избирательно-парламентарной дѣятельностью, тѣмъ она въ данномъ отношеніи безсильнѣе,—и наоборотъ. Такъ, *бельгійская* рабочая партія, которая по своему *всестороннему* организаціонному базису и по классовой однородности своего состава наиболѣе выгодно отличается отъ германской соціалъ-демократіи, именно поэтому наиболѣе превосходитъ ее въ способности къ мобилизаціи пролетаріата. Второе мѣсто послѣ бельгійской партіи занимаетъ *австрійская* соціалъ-демократія, которая и вообще-то не успѣла еще опарламентаризоваться; а затѣмъ особенно—въ Вѣнѣ организаціонно тѣсно связана съ фабричнымъ пролетаріатомъ черезъ посредство работающихъ въ мастерской „довѣренныхъ людей“. Что касается Франціи, то достаточно вспомнить, что первомайская демонстрація *впервые* приняла массовый и боевой характеръ, благодаря революціонному синдикализму. Въ рукахъ соціалистической партіи, всѣхъ ея фракцій безъ исключенія, она послѣ первыхъ слабыхъ попытокъ сошла почти на нѣтъ.

На *количественное* превосходство экономической организаціи достаточно будетъ указать. Этого общераспространеннаго и цифрами установленнаго факта не оспариваетъ никто. Напомню только огромную разницу, существующую *даже* между числомъ членовъ „свободныхъ“ (т. е. соціалъ-демократическихъ) профессіональныхъ союзовъ и числомъ членовъ партіи въ *Германіи*:

[1]) Исторія и „исторіи“ соціалистическихъ фракцій — особенно во Франціи и Италіи—показываютъ, что между депутатами изъ буржуазной среды и депутатами изъ бывшихъ рабочихъ разница—какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону—не велика.

больше 1 милліона 200 тысячъ противъ приблизительно 400 тысячъ. А между тѣмъ германская соціалъ-демократія по численности далеко оставляетъ позади себя всѣ другія соціалистическія партіи и она къ тому же *старше* нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ лѣтъ на 20. Нѣтъ сомнѣнія, что количественная разница между экономической и партійной организаціей всюду и вездѣ будетъ все болѣе и болѣе *увеличиваться* въ пользу первой.

Въ заключеніе еще два слова.

Экономическая организація имѣетъ первостепенное значеніе для соціально-революціонной цѣли не только потому, что она безконечно важнѣе партійной организаціи съ точки зрѣнія качественнаго и количественнаго роста классовой силы пролетаріата. Она вмѣстѣ съ тѣмъ—и она одна!—дастъ возможность пролетаріату подготовить цѣлесообразное соціально-революціонное примѣненіе своей силы—въ формѣ *всеобщей стачки*. Самодѣятельная, самоуправляющаяся классовая организація каждодневной борьбы, она готовитъ и самодѣятельную пролетарскую форму соціальной революціи.

Всеобщая стачка заполняетъ тотъ пробѣлъ, который парламентарные соціалисты лѣваго крыла тщетно старалась заполнить фатальною и *фаталистическою* „катастрофой". На мѣсто фаталистической катастрофы, которая съ текущей дѣятельностью ни въ какой связи не стоитъ и стоять не можетъ,—революціонный синдикализмъ ставитъ передъ пролетаріатомъ опредѣленную *тактическую цѣль*, которая влечетъ за собою *активную* подготовительную работу, объединяетъ всю каждодневную дѣятельность классовой организаціи и приводитъ ее въ прямую связь съ соціальной революціей. „Катастрофическое" *пророчество*—это deus ex machina, являющееся на выручку парламентарному соціализму лѣваго крыла, желающему и невинность сохранить, и съ избирательно-парламентарной тактикой не разлучаться [1]). Всеобщая стачка—не пророчество, а *предметъ усилій* пролетаріата о цѣлесообразности которыхъ свидѣтельствуетъ все ярче и ярче фактическое развитіе рабочаго движенія.

Наконецъ, та же экономическая организація, которая активно готовитъ средство соціальной революціи, призвана послѣ побѣды взять въ свои руки *организацію соціалистическаго про-*

---

[1]) По поводу послѣднихъ выборовъ въ рейхстагѣ Каутскій, въ поискахъ за утѣшительными перспективами, вынужденъ даже пророчить «*міровую войну*» въ качествѣ революціоннаго реванша за избирательную неудачу соціалъ-демократіи!.. Трудно охарактеризовать *собственное* безсиліе германской соц.-дем. тактики болѣе уничтожающимъ образомъ, чѣмъ то сдѣлалъ Каутскій своей надеждой на революціонные результаты міровой войны... Кстати, вся его статья о выборахъ (№ 18 «Neue Zeit», 2 февр. 1907 г.)—характерный документъ, свидѣтельствующій о несовмѣстимости соціально-революціонной точки зрѣнія съ избирательно-парламентарной тактикой.

изводства. Соціализмъ не государственный, не муниципальный, не бюрократическій, а соціализмъ свободныхъ и равныхъ, самоуправляющихся производителей,—соціализмъ *без*государственный мыслимъ только подъ тѣмъ условіемъ, если производство будетъ организовано самой экономической организаціей пролетаріата. И ей это будетъ по силамъ. Она уже нынѣ—сѣтью своихъ организаціонныхъ ячеекъ, естественно совпадающею съ существующимъ расчлененіемъ промышленности,—намѣчаетъ рамки будущей планомѣрной организаціи соціалистическаго производства.

Экономическая организація черпаетъ свою силу для классовой борьбы на основѣ самодѣятельности и самоуправленія пролетаріата въ томъ фактѣ, что она представляетъ собою не что иное, какъ въ самомъ процессѣ капиталистическаго производства естественно сложившіяся формаціи рабочаго класса. Въ силу того же факта она призвана къ соціалистическому переустройству общества на основѣ самоуправленія свободныхъ и равныхъ производителей.

Б. Кричевскій.

Счастливая Австралія.

VII.

Составъ промышленной арміи Австраліи. Первый періодъ рабочаго движенія: эпоха борьбы съ предпринимателями на экономической почвѣ. Великая стачка моряковъ и перемѣна тактики. Юридическое положеніе рабочихъ союзовъ.

Заканчивая предшествующую главу, мы сказали, что въ Австраліи, несмотря на сравнительную близость къ намъ начала ея колоназаціи, имѣется уже значительное количество городского рабочаго класса.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ отмѣчаетъ это къ своему удивленію американскій ученый Кларкъ, почти 27% трудящагося населенія Австралазіи занято какимъ-нибудь видомъ мануфактурной или механической промышленности, тогда какъ въ С.-Америк. Соед. Штатахъ такого рода трудомъ занято только 24% населенія. Если мы обратимся къ сравнительной статистики фермерскихъ хозяйствъ, то опять увидимъ, что въ Австраліи и Н. Зеландіи *относительное* число фермеровъ, т. е. лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, вдвое меньше, чѣмъ въ Соед. Штатахъ, гдѣ къ тому же половина фермерскихъ хуторовъ обрабатывается личнымъ трудомъ ихъ хозяевъ. Такимъ образомъ въ Австраліи большой процентъ населенія живетъ наемнымъ трудомъ; вслѣдствіе этого лица, живущія заработной платой, имѣютъ въ Австраліи больше политическаго вліянія, чѣмъ это наблюдается въ С.-Америк. Соед. Штатахъ. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить того въ высшей степени благопріятнаго для австралійскихъ рабочихъ обстоятельства, что въ Австраліи, какъ мы знаемъ, значительная часть населенія сосредоточена въ городахъ. Въ этомъ отношеніи Австралія также опередила Америку, такъ какъ въ Австралазіи въ городахъ (съ населеніемъ 4000 и бол.) живетъ 47% населенія, въ С. Америк. же Соединенныхъ Штатахъ только 37%. Это, конечно, тѣмъ болѣе замѣчательно, что правильная колонизація Австраліи началась почти на 200 лѣтъ позже, чѣмъ такая же колонизація нынѣшней территоріи С.-Америк. Соед. Штатовъ.

Рабочій классъ Австраліи можно раздѣлить на четыре главныхъ группы. Первую и наиболѣе вліятельную группу составляютъ рабочіе, занятые фабричной и всякаго иного вида промышленной работой въ городскихъ центрахъ. Эти рабочіе въ Австраліи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, организовались раньше всего. Слѣдующую ближайшую къ нимъ группу составляютъ рабочіе, занятые въ транспортной промышленности, включая сюда матросовъ и грузчиковъ (портовыхъ рабочихъ). Главный штабъ этихъ рабочихъ организацій, какъ и союзовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, находится въ городахъ.

Остальныя двѣ крупныя категоріи рабочихъ — это горнорабочіе и т. п. „стригильщики" овецъ (shearers). Первые сосредоточены на рудникахъ и пріискахъ; иначе сказать, они находятся въ условіяхъ, благопріятныхъ для организаціи своихъ силъ.

Что же касается вторыхъ, то русскому человѣку трудно вообще представить себѣ условія ихъ жизни и труда. Вотъ что пишетъ по поводу этого г. Крюковъ въ своей недавно вышедшей книгѣ, представляющей оффиціальный отчетъ о командировкѣ въ Австралію:

„Періодъ стрижки овецъ на всѣхъ австралійскихъ фермахъ— самая горячая пора. Это вмѣстѣ съ тѣмъ самое трудное время для всѣхъ хозяевъ или ихъ управляющихъ; продолжается оно около 6 недѣль и требуетъ крайняго напряженія силъ"...

„Наканунѣ дня, назначеннаго для стрижки овецъ, на ферму начинаютъ собираться стригильщики. Женатые пріѣзжаютъ на телѣгахъ, холостые - на велосипедахъ, нѣкоторые верхомъ, многіе пѣшкомъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи"...

„Стрижку начинаютъ обыкновенно въ четвергъ, пятницу или субботу, чтобы дать возможность стригильщикамъ втянуться въ работу: у нихъ вначалѣ болятъ спины, пальцы, руки; поэтому очень важно имѣть день отдыха поближе къ началу работы"...

„Утромъ прежде всего встаютъ повара и машинистъ: первымъ надо готовить кофе и горячія лепешки, второму—осмотрѣть машины и развести пары. Работа начинается въ 6 часовъ. Стригильщики становятся въ рядъ посрединѣ корридора; въ этомъ корридорѣ близъ потолка проложены трансмиссіи (передаточные механизмы. *П. М.*), приводящія въ движеніе механическія ножницы. Съ одной стороны, къ корридору примыкаютъ небольшіе загончики для овецъ, съ противоположной стороны находится рядъ дверей, ведущихъ тоже въ загончики, но на открытомъ воздухѣ. Овцы, назначенныя для стрижки, непрерывно подгоняются къ первымъ загончикамъ; отсюда особые подавальщики подносятъ ихъ къ стригильщикамъ"...

„Стригильщикъ охватываетъ овцу сначала такъ, чтобы она сидѣла на полу на заднихъ ногахъ, а голова приходилась между

колѣнъ; затѣмъ начинаетъ стричь и горло и обрѣзаетъ всю грудную и брюшную область. Эта шерсть гораздо хуже, чѣмъ самое руно; оно называется „грудной“ и отбрасывается стригильщикомъ въ сторону. Далѣе стригильщикъ начинаетъ опять съ головы и снимаетъ все руно; шерсть съ ногъ и запачканнаго зада бросается отдѣльно. Особые подбиральщики тотчасъ же относятъ снятую шерсть въ сортировочное отдѣленіе: руно особо, грудную шерсть особо и всѣ отдѣльныя клочья также особо. Когда стригильщикъ обстрижетъ всю шерсть, онъ освобождаетъ животное, отворяетъ боковую дверь и выталкиваетъ овцу въ загонъ на открытомъ воздухѣ“...

Еще недавно стрижка производилась руками. „Для того, чтобы стричь, руками,—говоритъ г. Крюковъ,—нужно дѣлать сильное нажиманіе, рука скоро устаетъ и затѣмъ сильно болитъ. Требуется долговременная практика, чтобы работать ножницами руками цѣлый день, не уставая... Въ среднемъ хорошій стригильщикъ можетъ остричь руками 80 овецъ, лучшій до 100 и даже болѣе въ теченіе 10 рабочихъ часовъ... При работѣ механическими ножницами можетъ остричь до 140—150 овецъ въ теченіе тѣхъ же 10 часовъ, причемъ—что самое главное — стрижка выходитъ ровнѣе и чище“.

„Работа по стрижкѣ овецъ начинается послѣ кофе въ 6 час. утра... Черезъ часъ послѣ начала работъ дѣлается перерывъ на завтракъ, который продолжается ровно часъ. Ѣдятъ вообще отлично, доставая лучшее, что можно имѣть на мѣстныхъ условіяхъ. Послѣ завтрака работа продолжается съ 9 до 12 час; въ полдень перерывъ для обѣда до 2 час; затѣмъ работа возобновляется до 4 часовъ, когда бываетъ перерывъ на $^1/_2$ часа для чаю, наконецъ, послѣдній рабочій періодъ длится отъ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ час. вечера. Въ это время работа совсѣмъ пріостанавливается; стригильщики и другіе рабочіе моются, мѣняютъ платье и вечеръ до ужина проводятъ въ бесѣдахъ и отдыхѣ. По субботамъ работаютъ только до обѣда“.

„Что касается вознагражденія за работу, то стригильщики получаютъ теперь обыкновенно 15—20 шил. ($7^1/_2$—10 рубл.) со 100 штукъ или отъ 7 до $9^1/_2$ коп. съ головы... Во все время работы стригильщики получаютъ (безплатно) хорошій столъ, какой требуется при энергичной работѣ“.

„Нѣкоторыя овцеводныя фермы въ Австраліи насчитываютъ десятки, и иногда даже сотни тысячъ овецъ; поэтому во время стрижки тамъ скопляется много рабочихъ. Такъ, напр., на фермѣ Буровангъ (Burrawang station), находящейся въ 37 верстахъ отъ города Forbes, въ 1902 г. работало 88 стригильныхъ машинъ, причемъ въ среднемъ въ день остригалось 9000 овецъ“ [1]).

---

[1]) Н. А. Крюковъ. Австралія. Стр. 295—298.

Г. Крюковъ описываетъ работу стригильщиковъ почти исключительно для выясненія технической обстановки ихъ работы на фермахъ. Мы находимъ поэтому полезнымъ дополнить это описаніе слѣдующей цитатой изъ прекраснаго сочиненія французскаго публициста Метэна, изданнаго въ Австраліи для изученія соціальнаго уклада этихъ любопытныхъ англо-саксонскихъ обществъ.

„До настоящаго времени стригильщики составляютъ наиболѣе безпокойную часть рабочаго класса.

Подобно матросамъ, это рабочіе бродячіе (des ouvriers nomades). Во время сезона стрижки овецъ они отправляются партіями въ 10—20 человѣкъ, имѣя всегда при себѣ ножницы, неся за спиной котомку, въ которой находится скатанное одѣяло и запасное платье, и держа въ рукахъ небольшой желѣзный чайникъ. Партія обыкновенно идетъ пѣшкомъ, иногда, впрочемъ, въ ея распоряженіи бываетъ одна или двѣ лошади; наконецъ, у нѣкоторыхъ стригильщиковъ имѣются велосипеды, на которыхъ они и совершаютъ свои передвиженія. Они двигаются черезъ огромныя равнины, находящіяся внутри материка, покрытыя изрѣдка тощими эвкалиптами и раздѣленныя проволочными загородками на весьма большія пастбища. Вечеромъ они располагаются спать на открытомъ воздухѣ, подъ кустомъ или въ дуплѣ дерева. Иногда имъ случается набресть на одинъ изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, гдѣ живутъ пастухи или надсмотрщики домиковъ, отстоящихъ нерѣдко одинъ отъ другого на нѣсколько дней пути. Они просятъ здѣсь пріюта и не получаютъ отказа; имъ позволяютъ заколоть и изжарить барана, даютъ соли, хлѣба, сахару, чаю. Если въ ихъ услугахъ нуждаются, то тутъ же происходитъ наемъ; если нужды въ нихъ нѣтъ, то стригильщики продолжаютъ путь далѣе.

Такое гостепріимство можно считать дѣломъ молчаливаго соглашенія, съ одной стороны, овцеводовъ, которые могутъ во всякое время оказаться нуждающимися въ наемномъ трудѣ, а съ другой—рабочихъ, которые не рѣшились бы пускаться въ эти безлюдныя мѣста, если бы не разсчитывали находить отъ времени до времени кровъ и пищу".

„Но вотъ, наконецъ, стригильщику удалось найти работу: ему платятъ всегда сдѣльно—обыкновенно фунтъ стерлинговъ (около 10 р.) за 100 барановъ, причемъ на такого рабочаго, который не сможетъ остричь по меньшей мѣрѣ 80 овецъ, смотрятъ, какъ на новичка. Въ теченіе стрижки стригильщиковъ кормятъ, поятъ и даютъ имъ помѣщеніе".

„По окончаніи стрижки въ одной экономіи рабочій идетъ далѣе и старается наняться на работу еще разъ до окончанія сезона. Нѣкоторыя партіи начинаютъ работу въ Куинслэндѣ, гдѣ климатъ наиболѣе жаркій, а затѣмъ переходятъ постепенно къ югу до штата Викторіи, гдѣ климатъ сравнительно умѣренный.

Многимъ удается еще попасть во-время въ Новую Зеландію, чтобы и тамъ наняться на стрижку овецъ".

„Какъ бы, однако, ни былъ трудолюбивъ и энергиченъ стригильщикъ, для него наступаетъ все-таки „мертвый сезонъ". Тогда онъ берется уже за всякую работу, предпочитая, однако, отправляться на золотые пріиски, гдѣ нерѣдко для работы бываетъ достаточно простыхъ, недорогихъ инструментовъ".

„Благодаря такой жизни стригильщики—люди чрезвычайно независимые, ничѣмъ особенно не дорожащіе: постоянное передвиженіе изъ одной части Австраліи въ другую, частыя остановки въ большихъ городахъ дѣлаютъ ихъ воспріимчивыми къ идеямъ соціалистическаго обновленія. Наблюдая постоянно огромныя богатства овцеводовъ, они проникнуты чувствами людей, которые знаютъ, что къ нимъ относятся несправедливо. Вотъ почему стригильщики—въ совершенную противоположность земледѣльческимъ рабочимъ Европы—всегда склонны слѣдовать за руководителями рабочихъ движеній и охотно записываются въ рабочіе союзы".

„Стригильщики всей Австраліи объединены въ одинъ федеративный союзъ, въ который входятъ и другіе земледѣльческіе рабочіе. Этотъ союзъ показалъ свою силу на дѣлѣ. Когда въ 1890 г. началась великая австралійская стачка, открывался сезонъ стрижки овецъ. Однако, получивъ телеграммы отъ своихъ союзовъ, стригильщики моментально пріостановили повсемѣстно работу... Впослѣдствіи они организовали двѣ огромныя (redoutables) стачки въ Н. Южн. Валлисѣ и Куинслэндѣ, чтобы заставить овцеводовъ нанимать только такихъ рабочихъ, которые состоятъ членами союзовъ, и чтобы побуждать ихъ платить заработную плату согласно нормамъ, установленнымъ союзомъ.... Все это относится въ особенности къ двумъ штатамъ, гдѣ наиболѣе развито овцеводство,—Н. Южн. Валлису и Куинслэнду" [1]).

„Ознакомившись съ четырьмя главными категоріями, на которыя можно раздѣлить промышленную армію Австраліи, мы переходимъ теперь къ изложенію важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи рабочихъ союзовъ и ихъ дѣятельности.

Первые рабочіе союзы Австраліи были организованы въ качествѣ отдѣленій, соотвѣтственныхъ рабочихъ союзовъ Англіи около 1850 г. Это было въ Сиднеѣ, имѣвшемъ уже въ то время населеніе болѣе 50,000, тогда какъ два другіе наиболѣе значительные города Австраліи—Мельбурнъ и Аделаида—имѣли: первый 23,000, второй 15,000. Какъ мы знаемъ, въ слѣдующемъ же году (1851) въ Австраліи было найдено золото. Въ только что передъ тѣмъ организованную (путемъ выдѣленія изъ Н.-Южн. Виллиса)

[1]) A. Métin. Le socialisme sans Doctrines. La question agraire et la question ouvrière en Australie et Nouvelle Zélande. 1901. 61—63.

колонію Викторію, гдѣ впервые было открыто золото, устремился цѣлый потокъ пришельцевъ. Въ результатѣ этого нашествія оказалось, что черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ населеніе Мельбурна достигало почти 140,000, т. е. этотъ городъ сдѣлался наиболѣе значительнымъ во всей Австраліи. Само собой разумѣется, что въ это достопамятное десятилѣтіе въ Викторіи появились и рабочіе союзы. Въ остальныхъ частяхъ Австраліи рабочіе союзы были впервые организованы въ 70-хъ годахъ и даже позднѣе.

Агитація въ пользу восьмичасового рабочаго дня и противодѣйствіе иммиграціи китайцевъ—вотъ тѣ основные пункты, которые побудили рабочихъ къ объединенію. Такъ какъ всякія мѣры, которыя были бы приняты той или иной изъ колоній для устраненія иммиграціи китайцевъ, оказались бы безрезультатными, если бы въ то же время другія колоніи допускали свободно китайцевъ, этотъ вопросъ много содѣйствовалъ установленію единства въ дѣйствіяхъ рабочихъ союзовъ всей Австраліи. Въ 1879 г. состоялся уже въ Сиднеѣ первый съѣздъ рабочихъ союзовъ всей Австраліи. Черезъ 5 лѣтъ былъ организованъ такой же съѣздъ въ Мельбурнѣ. На этихъ съѣздахъ были дебатируемы не только экономическіе, но и политическіе вопросы, причемъ были вытребованы резолюціи, въ которыхъ выражались, между прочимъ, разныя политическія требованія, напр., оплата труда членовъ парламента, уничтоженіе множественности вотумовъ [1]), требованія, которыя большею частью теперь уже давно удовлетворены. На второмъ съѣздѣ было высказано пожеланіе, чтобы вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ, рабочіе старались проводить въ качествѣ народныхъ представителей лицъ изъ своей же среды.

Въ 1885 г. число организованныхъ рабочихъ въ Австраліи достигало уже почти 150,000 человѣкъ, что составляло 5% всего тогдашняго населенія Австраліи. Между тѣмъ, даже въ настоящее время организованные рабочіе относительно вдвое менѣе многочисленны въ Соед. Штатахъ [2]).

Пятый съѣздъ рабочихъ союзовъ состоялся въ 1888 г. въ Брисбэнѣ, столицѣ Куинслэнда; на съѣздѣ были представлены всѣ коллегіи, кромѣ Зап. Австраліи, чему едва ли можно удивляться, если принять во вниманіе огромность разстояній въ Австраліи. Какъ разъ передъ этимъ съѣздомъ въ Южн. Австраліи состоялись выборы, причемъ рабочимъ удалось провести семерыхъ изъ девяти выставленныхъ ими кандидатовъ. Хотя эти представители не были рабочими, тѣмъ не менѣе этотъ успѣхъ далъ сильный

---

[1]) Въ Англіи до сихъ поръ человѣкъ, который удовлетворяетъ установленному закономъ имущественному цензу въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ, можетъ подать свой голосъ въ каждомъ изъ нихъ, если успѣетъ это сдѣлать.

[2]) Clark. The laborer movement in Australasia, 60.

толчокъ движенію въ пользу самостоятельныхъ кандидатуръ рабочаго класса.

На конгрессѣ въ Брисбэнѣ рабочими была въ первый разъ выработана своя политическая программа, причемъ рабочіе рѣшили вотировать на выборахъ въ парламенты своихъ колоній только за тѣхъ кандидатовъ, которые обѣщаютъ содѣйствовать проведенію въ парламентѣ соотвѣтственныхъ законодательныхъ мѣропріятій.

Въ ближайшіе два-три года произошло нѣсколько событій, оказавшихъ большое вліяніе на настроеніе рабочаго класса. Въ Англіи (въ Лондонѣ) произошла (1889) знаменитая стачка доковыхъ рабочихъ, которая взволновала рабочій людъ всего міра. Австралійскіе рабочіе съ напряженіемъ слѣдили за ходомъ этой стачки и отчасти содѣйствовали ея успѣху, такъ какъ ими было послано въ помощь своимъ лондонскимъ товарищамъ, если не ошибаемся, до 200,000 руб.

Около того же времени, какъ извѣстно, вышелъ извѣстный романъ Беллами „Looking Backward", имѣвшій феноменальный успѣхъ среди народной массы въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Наконецъ, около того же времени въ Австралію пріѣхалъ Генри Джорджъ съ проповѣдью соціальнаго обновленія путемъ „единственнаго налога" на землю. Генри Джорджъ имѣлъ въ Австраліи относительно очень большой успѣхъ, притомъ успѣхъ не только временный, такъ какъ во всѣхъ колоніяхъ (нынѣ штатахъ) Австраліи до сихъ поръ имѣются общества, занимающіяся пропагандой взглядовъ Генри Джорджа, издающія для этого журналы и брошюры.

Совокупность указываемыхъ нами обстоятельствъ—примѣръ грандіозной стачки лондонскихъ портовыхъ рабочихъ, книга Беллами и устная пропаганда Генри Джорджа—обострили рабочій вопросъ въ Австраліи и содѣйствовали возникновенію нѣсколькихъ большихъ стачекъ въ южномъ полушаріи.

Дѣло началось съ знаменитой стачки судовыхъ командъ въ 1890 г. Вотъ какъ описываетъ эту стачку и ея результаты французскій публицистъ Метэнъ.

Указавъ на успѣхи, достигнутые рабочими Австраліи въ отношеніи размѣра рабочей платы и краткости рабочаго дня, указавъ далѣе и на то, что эти успѣхи были достигнуты въ значительной степени благодаря объединенію силъ рабочихъ, взаимной поддержки отдѣльныхъ рабочихъ союзовъ, Метэнъ переходитъ затѣмъ къ описанію стачки 1890 г.

„Въ это время,—говоритъ онъ,—рабочіе союзы Австраліи были высокаго мнѣнія о своей силѣ и своихъ рессурсахъ. Они только что собрали по подпискѣ весьма большія суммы для помощи лондонскимъ портовымъ рабочимъ въ ихъ великой стачкѣ 1889 г. Этотъ актъ солидарности рабочихъ всего міра былъ прославляемъ

всѣми англійскими газетами, относившимися сочувственно къ стремленіямъ рабочаго класса. Въ англійскихъ журналахъ и газетахъ появлялись статьи, въ которыхъ говорилось о счастливыхъ рабочихъ южнаго полушарія, говорилось о томъ, что они сумѣли достичь самой высокой заработной платы и самаго короткаго рабочаго дня".

„Гордые своими успѣхами, рабочіе союзы Австраліи хотѣли укрѣпить за собой достигнутыя ими преимущества, они желали обязать хозяевъ нанимать только такихъ рабочихъ, которые состоятъ членами профессіональныхъ организацій, или такихъ, которые работаютъ только на условіяхъ, одинаковыхъ съ организованными рабочими. Между тѣмъ сами хозяева незадолго передъ тѣмъ организовали между собою союзъ именно въ цѣляхъ противодѣйствія такимъ требованіямъ рабочихъ. Періодъ компромиссовъ кончился. Послѣ нѣкоторыхъ частичныхъ схватокъ началась стачка, которой суждено было сдѣлаться самой значительной въ исторіи Австраліи".

„Ближайшимъ поводомъ послужило увольненіе однимъ пароходнымъ обществомъ служащаго, бывшаго членомъ рабочаго союза. Союзъ матросовъ и кочегаровъ сталъ бойкотировать судно, на которомъ служилъ уволенный. Однимъ изъ послѣдствій этого инцидента было обостреніе разногласія, возникшаго между союзомъ служащихъ торговаго флота и пароходными компаніями.

Первые требовали увеличенія жалованья и уменьшенія продолжительности вахтъ. Вторые отвѣтили, что они не пойдутъ ни на какія уступки, пока союзъ служащихъ торговаго флота будетъ входить въ мельбурнскую биржу труда, представляющую федеративную организацію рабочихъ союзовъ. Союзъ отказался исполнить это требованіе; такъ какъ компаніи продолжала настаивать на своемъ, то союзъ объявилъ стачку и распорядился, чтобы всѣ его члены оставили службу; союзъ матросовъ, союзъ поваровъ и другихъ судовыхъ служащихъ и портовыхъ рабочихъ Мельбурна прекратили работу. Только одни машинисты не присоединились къ стачкѣ, войдя съ хозяевами въ соглашеніе, обезпечивавшее машинистамъ увеличеніе заработной платы на три ближайшіе года".

„Такъ началась великая морская стачка. Изъ Мельбурна она перешла скоро въ другіе портовые города, такъ какъ матросы всего торговаго флота Австраліи были уже въ это время объединены въ одинъ федеративный союзъ. Серьезное значеніе стачка имѣла, однако, главнымъ образомъ въ Викторіи, Н. Южн. Валлисѣ [1]) и нѣкоторыхъ частяхъ Куинслэнда. Въ этихъ мѣстахъ

[1]) Какъ велико было сочувствіе стачникамъ по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени, видно, напр., изъ того, что верховный судья Викторіи платилъ по 100 руб. въ недѣлю въ фондъ стачниковъ. См. Reeves. State Experiment ect, vol. II, 90.

стригильщики объявили симпатическую стачку, желая поддержать требованія портовыхъ рабочихъ. Портовые рабочіе со своей стороны отказались грузить шерсть, которая была острижена рабочими, не входящими въ рабочіе союзы стригильщиковъ"...

„Вопросъ былъ поставленъ очень ясно. Онъ задѣвалъ существенные интересы всѣхъ рабочихъ союзовъ и всѣхъ союзовъ предпринимателей.

Всѣ они приняли болѣе или менѣе косвенное участіе въ борьбѣ. Городскія биржи труда организовали подписки и обратились съ воззваніемъ ко всѣмъ сторонникамъ коллективнаго договора и обязательнаго участія рабочихъ въ своихъ союзахъ. Сиднейскій комитетъ защиты интересовъ рабочаго класса собралъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ стачки около 400.000 руб.

Былъ созванъ междуколоніальный австралійскій съѣздъ рабочихъ союзовъ, на которомъ было рѣшено отстаивать требованіе „союзной работы" (Union Labour), т. е. такой только работы, которая производится на условіяхъ, выработанныхъ и утвержденныхъ соотвѣтственнымъ рабочимъ союзомъ".

„Судовладѣльцы и овцеводы съ своей стороны обратились съ воззваніемъ противоположнаго характера ко всѣмъ предпринимателямъ. Результатомъ этого послѣдняго воззванія былъ съѣздъ предпринимателей всей Австраліи, состоявшійся въ сиднейской торговой палатѣ. Этотъ съѣздъ вынесъ энергичную резолюцію въ пользу „свободы рабочаго договора", т. е. въ пользу права предпринимателя брать рабочихъ откуда угодно и нанимать ихъ на такихъ условіяхъ, какія ему, предпринимателю, кажутся наиболѣе подходящими".

„Всѣ попытки посторонняго вмѣшательства въ борьбу въ цѣляхъ примиренія оказались безуспѣшными. Рабочіе держались стойко, пока у нихъ были средства. Только истощивъ всѣ свои рессурсы послѣ трехъ мѣсяцевъ борьбы, они должны были капитулировать. Союзъ служащихъ торговаго флота вышелъ изъ биржи труда, стригильщики снова принялись за работу... [1]).

Такъ окончилась великая по своимъ размѣрамъ и по своимъ послѣдствіямъ морская стачка 1890 г. Служащіе торговаго флота потеряли въ ней очень много. Стригильщики потеряли значительно меньше, еще меньше потеряли горнорабочіе, которые кое-гдѣ оказали также поддержку стачкѣ моряковъ. Впрочемъ, результатомъ этого слѣдуетъ считать то обстоятельство, что въ ближайшіе послѣдующіе годы, а именно въ 1891 была стачка горнорабочихъ и въ 1894 г. стачка стригильщиковъ, причемъ послѣдняя сопровождалась такимъ проявленіемъ крайняго возбу-

---

[1]) Métin, цит. сочин.

жденія рабочихъ, какія до тѣхъ поръ считались печальной привилегіей странъ старой Европы [1]),

Въ общемъ, эта стачка, какъ и описанная выше стачка моряковъ, не имѣла успѣха. Это обстоятельство, въ особенности же, конечно, неудачи великой морской стачки, побудило рабочихъ пересмотрѣть свою тактику. Вѣра во всемогущество рабочихъ союзовъ, вѣра въ дѣйствительность одного экономическаго давленія на хозяевъ ослабѣла. Рабочіе вспомнили, что полная демократизація политическихъ учрежденій Австраліи, всеобщая подача голосовъ даетъ имъ еще одно могучее средство для отстаиванія своихъ интересовъ, средство, состоящее въ возможномъ объединеніи своихъ силъ, какъ избирателей, и проведеніе въ колоніальные парламенты только такихъ лицъ, которыя готовы стоять тамъ на стражѣ интересовъ рабочихъ и вообще всей той массы населенія, которая живетъ наемнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ морская стачка 1890 г. составляетъ нѣкоторую эру въ развитіи рабочаго движенія въ Австраліи, эру, съ которой начинается рядъ въ высшей степени любопытныхъ и важныхъ попытокъ законодательнаго регулированія взаимныхъ отношеній рабочихъ и предпринимателей.

Прежде чѣмъ переходить, однако, къ изложенной тактикѣ рабочихъ Австраліи, мы считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ юридическимъ положеніемъ рабочихъ организацій въ этихъ передовыхъ демократіяхъ современнаго міра.

Скажемъ во-первыхъ, что въ Австраліи уже давно, во всякомъ случаѣ со времени дарованія колоніямъ автономіи, населеніе пользуется самой широкой свободой слова, собраній и союзовъ, такой свободой, которая пока составляетъ, въ сущности, привилегію англо-саксонскихъ странъ.

Вообще говоря, по законамъ отдѣльныхъ штатовъ Австраліи въ категорію „trade unions“, или,—какъ у насъ часто переводятъ это выраженіе,—„профессіональныхъ союзовъ“ относятся всякія временныя и постоянныя соглашенія или союзы рабочихъ между собой и такіе же союзы и соглашенія хозяевъ, а равно и соглашенія или союзы тѣхъ и другихъ вмѣстѣ для регулированія взаимныхъ отношеній. Иначе сказать, законъ относится совершенно одинаково какъ къ союзамъ рабочихъ, такъ и къ союзамъ предпринимателей. Тѣ и другіе могутъ быть по ихъ желанію внесены въ особый оффиціальный списокъ („registered“), для чего они должны подать особому правительственному чиновнику заявленіе о состоявшейся организаціи союза, приложивъ при этомъ экземпляръ устава и списокъ должностныхъ лицъ союза. Затѣмъ правленіе союза обязано ежегодно представлять тому же лицу свѣ-

[1]) Clark, цит. сочин., 63.

дѣнія о числѣ членовъ, имуществѣ союза, приходахъ и расходахъ, равно какъ обо всѣхъ перемѣнахъ въ уставѣ.

Только при соблюденіи всѣхъ этихъ необременительныхъ формальностей союзъ имѣетъ право разсчитывать на помощь судебной власти при защитѣ своихъ правъ, такъ какъ только внесеніе союза въ оффиціальный списокъ является достаточнымъ доказательствомъ факта существованія союза (такимъ образомъ это внесеніе въ списокъ не имѣетъ почти ничего общаго съ тѣмъ, что у насъ называется „легализаціей" союзовъ, въ каковой, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, можетъ быть отказано не только по формальнымъ причинамъ, но и по соображеніямъ о существѣ союза или его задачахъ).

Профессіональные союзы въ томъ широкомъ смыслѣ, какое придается этому выраженію въ Австраліи, пользуются полной свободой въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Законъ прямо говоритъ, что „всякое соглашеніе между двумя и болѣе лицами, дѣйствующими тѣмъ или инымъ образомъ въ случаѣ возникновенія разногласій между предпринимателями и рабочими, не должно считаться противозаконнымъ и становиться предметомъ судебнаго преслѣдованія, если такое дѣйствіе не составляетъ преступленія, будучи совершено однимъ лицомъ".

Какъ мы уже говорили, первые рабочіе союзы Австраліи были организованы по образцу англійскихъ и держались ихъ традиціонной политики. Послѣдняя большая англійская Королевская Комиссія по рабочему вопросу, характеризуя рабочіе союзы Австраліи, выражается такъ: „Большинство болѣе старыхъ союзовъ рабочихъ австралійскихъ колоній заботятся о благосостояніи своихъ членовъ, выдаютъ имъ пособія при болѣзни, оказываютъ вспомоществованія вдовамъ послѣ смерти ихъ мужей; нѣкоторые союзы выдаютъ даже пенсіи въ старости и пособія во время безработицы. Болѣе новые союзы удѣляютъ менѣе вниманія организаціи такого рода взаимной помощи. Въ уставахъ большинства союзовъ сказано, что они организованы для взаимнаго покровительства и для поддержанія заработной платы на извѣстномъ уровнѣ, въ нѣкоторыхъ уставахъ прибавлено при этомъ, что союзы намѣрены тратить часть своихъ денежныхъ средствъ и на поднятіе нравственнаго и соціальнаго положенія рабочихъ. Главныя услуги, оказываемыя этими союзами, заключаются въ выдачѣ денегъ на похороны—отъ 50 до 150 р. и „въ выдачѣ пособій вдовамъ и сиротамъ членовъ, а также безработнымъ. Пособіе, выдаваемое во время стачекъ большинствомъ болѣе новыхъ союзовъ, колеблется между 3 р. 75 к. и 18 рублей ($7^1/_2$—36 шиллингъ) въ недѣлю, пока въ кассѣ союза имѣются достаточныя средства [1]).

---

[1]) Royal Commission in labour. Foreign Report, vol. II The Colonies, London, 1893, p. 22.

Болѣе радикальная часть рабочаго класса Австраліи уже давно высказывалась противъ излишняго развитія союзами обыкновеннаго вида взаимной помощи, такъ какъ усиленная дѣятельность союзовъ въ этомъ направленіи заставляла ихъ часто поступать слишкомъ осмотрительно, дабы рискованными стачками не ухудшать финансоваго положенія союза.

Точка зрѣнія болѣе радикальной части рабочихъ будетъ намъ болѣе понятна, если мы примемъ во вниманіе, что въ Австраліи, кромѣ только что описанныхъ рабочихъ союзовъ, преслѣдующихъ общіе профессіональные интересы рабочихъ, имѣются еще и другого рода общества или союзы, состоящіе также почти исключительно изъ лицъ рабочаго класса и называемые „дружескими союзами“ (friendly societies). Эти союзы преслѣдуютъ только цѣли взаимопомощи при случаяхъ болѣзни и смерти. По даннымъ, относящимся къ 1902 и 1903 годамъ, въ Австраліи и Н. Зеландіи насчитывается до 170 такихъ союзовъ, имѣющихъ въ разныхъ мѣстахъ до 4000 филіальныхъ отдѣленій. Число членовъ всѣхъ этихъ союзовъ доходило до 350,000, что составляетъ около 8% всего населенія Австралазіи, считая женщинъ и дѣтей. Общій размѣръ капиталовъ, принадлежащихъ этимъ союзамъ, переходитъ за 40 милл. рублей! [1]).

VIII.

Выступленіе рабочихъ въ качествѣ особой политической партіи. Кабинетъ изъ рабочей партіи во главѣ Австралійской Федераціи и отдѣльныхъ ея штатовъ.

Неудача стачки моряковъ 1890 г. подорвала, какъ мы говорили, вѣру рабочихъ Австраліи во всемогущество профессіональныхъ союзовъ. Въ томъ же направленіи подѣйствовала неудача двухъ слѣдующихъ значительныхъ стачекъ — горнорабочихъ и стригильщиковъ. Кромѣ того, начало 90-хъ годовъ ознаменовалось довольно острымъ промышленнымъ кризисомъ въ Австраліи, отразившимся, конечно, самымъ чувствительнымъ образомъ на экономическомъ положеніи рабочихъ.

Руководители рабочаго движенія видѣли необходимость изыскать новые пріемы борьбы за интересы труда и новую тактику. Не только, впрочемъ, друзья рабочаго класса, но и враги его указывали на недостатки чисто-экономической борьбы рабочихъ и предпринимателей, выставляя въ то же время на видъ блага, которыя могутъ воспослѣдовать, если рабочіе будутъ искать въ избирательныхъ урнахъ средства для осуществленія важнѣйшихъ своихъ желаній. Рабочіе рѣшили испробовать дѣйствительно но-

[1]) Coghlan. A statistical account of Australia und New-Zealand, стр. 824—825.

вую тактику. Результатомъ этого слѣдуетъ считать нарожденіе особыхъ политическихъ рабочихъ партій во всѣхъ колоніяхъ, кромѣ, впрочемъ, Н. Зеландіи, гдѣ вмѣсто этого произошло сліяніе рабочей и старой либеральной партіи, причемъ послѣдняя, въ сущности, приняла въ свою оффиціальную платформу всѣ пожеланія рабочаго класса.

Въ Нов. Южн. Валлисѣ уже въ выборную кампанію 1891 г. рабочіе выступили въ качествѣ самостоятельной политической партіи и достигли сразу весьма значительныхъ успѣховъ: они провели въ нижнюю палату 35 своихъ собственныхъ кандидатовъ и оказали существенную помощь 10 или 12 кандидатовъ другихъ партій, обѣщавшихъ помогать проведенію въ парламентѣ желательныхъ для рабочихъ мѣропріятій.

Партія, которая съ такимъ успѣхомъ провела избирательную кампанію, приняла названіе „Избирательной рабочей лиги" (Labour Electoral League), причемъ въ качествѣ своей цѣли она поставила „объединеніе всѣхъ избирателей, сочувствующихъ прогрессивному демократическому законодательству".

Около половины пунктовъ оффиціальной платформы этой партіи выражали собой требованія чисто-политическаго характера. Вліяніе партіи въ парламентѣ сказалось весьма опредѣленно въ томъ, что въ первую же сессію былъ проведенъ рядъ политическихъ законовъ, благопріятныхъ интересамъ рабочаго класса: уничтоженіе множественности вотумовъ, сокращеніе срока проживанія въ избирательномъ участкѣ, требуемаго для зачисленія въ избирательные списки, удлиненіе часовъ пріема избирательныхъ бюллетеней и нѣкоторыя другія менѣе значительныя мѣры.

Въ другихъ колоніяхъ рабочіе образовали также особыя политическія партіи, причемъ дѣятельность ихъ проявилась въ Зап. Австраліи: въ первомъ штатѣ ядро партіи составляютъ стригильщики, во второмъ—рабочіе золотыхъ пріисковъ.

Во всѣхъ топерешнихъ штатахъ Австралійской Федераціи рабочіе имѣютъ значительное число представителей въ нижнихъ палатахъ; въ Викторіи же, Зап. Австраліи и Южн. Австраліи, гдѣ верхнія палаты—выборныя, рабочіе имѣютъ небольшое число представителей и въ сенатахъ.

Едва ли можно говорить о томъ, каковъ общій характеръ политическихъ и соціальныхъ программъ рабочихъ партій отдѣльныхъ штатовъ въ Австраліи: объ этомъ можно судить въ общемъ по знакомому намъ въ общихъ чертахъ земельному законодательству Австраліи; чисто-рабочее законодательство будетъ нами описано въ рядѣ дальнѣйшихъ главъ.

Слѣдуетъ сказать, однако, что рабочіе всегда были въ пользу образованія въ Австраліи федеральнаго правительства и немало содѣйствовали торжеству этого великаго дѣла. Усиленнымъ участіемъ рабочихъ въ федеративномъ движеніи отчасти объясняется

ультра демократическій характеръ политическаго строя федераціи. Какъ мы знаемъ, согласно федеральной конституціи, избирательнымъ правомъ пользуется все взрослое населеніе Австраліи, причемъ какъ федеральныхъ депутатовъ, такъ и федеральныхъ сенаторовъ выбираетъ тотъ же составъ избирателей съ той лишь разницей, что для выбора депутатовъ штатъ дѣлится на избирательные округа, тогда какъ федеральные сенаторы (по шести отъ штата) выбираются сразу всѣмъ населеніемъ штата.

Въ результатѣ такого демократическаго избирательнаго закона оказывается, что рабочіе имѣютъ въ федеральной палатѣ весьма значительное число представителей, число же федеральныхъ сенаторовъ, принадлежащихъ къ рабочей партіи, согласно результатамъ послѣдней избирательной кампаніи, доходитъ почти до половины! [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что аналогичные факты не представляетъ ни одна страна современнаго міра и что тщетно было бы искать чего-либо подобнаго во всей предшествующей исторіи конституціонныхъ странъ.

Играя такую роль въ федеральномъ парламентѣ, рабочая партія весьма естественно склонна отстаивать болѣе широкое толкованіе статей федеральной конституціи, такъ какъ федеральное правительство, если ему предоставить рѣшеніе того или иного вопроса, будетъ болѣе заботливо ограждать при этомъ интересы рабочаго класса. Къ этому же федеральное правительство дѣйствительно можетъ съ большимъ успѣхомъ осуществить нѣкоторыя пожеланія рабочаго класса всей Австраліи; напр., устраненіе иммиграціи азіатскихъ пришельцевъ, пенсіи въ старости [2]) и нѣкоторыя другія весьма важныя мѣропріятія (регулированіе условій труда въ промышленныхъ заведеніяхъ въ связи съ вопросомъ о взаимной промышленной конкурренціи отдѣльныхъ штатовъ).

Какъ извѣстно, вліяніе рабочей партіи въ Австралійской федераціи сказалось наиболѣе осязательнымъ для всѣхъ образомъ, когда въ 1904 г. во главѣ федеральнаго министерства или правительства оказался одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей рабочей партіи Дж. Уотсонъ (Wotson), бывшій одно время газетнымъ наборщикомъ въ Сиднеѣ. Можетъ быть, еще болѣе замѣчательно то обстоятельство, что пятеро изъ остальныхъ шести федеральныхъ министровъ были также рабочими и что этотъ единственный въ своемъ родѣ кабинетъ министровъ оставался во главѣ федераціи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Спустя четыре мѣсяца коалиція фритредеровъ и протекціонистовъ свергла

---

[1]) V. Clark. The Labour Movement in Australasia, 1906, p. 94—95.

[2]) Отдѣльные штаты, организуя такія пенсіи, конечно, могутъ выдавать ихъ только такимъ рабочимъ, которые уже много лѣтъ живутъ въ штатѣ. Извѣстно, однако, что въ поискахъ работы рабочіе вынуждены часто покидать родныя мѣста.

министерство Уотсона, но даже люди, вовсе не склонные восхищаться принципомъ австралійской рабочей партіи, вполнѣ убѣждены, что рано или поздно власть опять будетъ въ рукахъ Уотсона [1]).

Въ послѣднее время въ трехъ отдѣльныхъ штатахъ Австралійской федераціи были также примѣры кабинетовъ или министерствъ изъ рабочей партіи; въ двухъ штатахъ эти министерства и теперь еще стоятъ во главѣ правительства [2]). Да и въ стоящей особнякомъ отъ федераціи въ колоніи Нов. Зеландіи радикальный кабинетъ находится во власти непрерывно съ 1891 г., когда произошло сліяніе парламентскихъ дѣятелей либеральной и рабочей партіи, причемъ это сліяніе выразилось, въ сущности, въ томъ, что либеральная партія приняла почти цѣликомъ всю программу рабочей партіи. Какъ извѣстно, съ этого времени въ Н. Зеландіи началась эра непрерывныхъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ, благодаря которымъ эта отдаленная колонія по справедливости пользуется славой „передовой демократіи современнаго міра“ [3]).

IX.

Политическая и экономическая программа рабочей партіи. Общая характеристика фабричнаго законодательства Австраліи.

Программа рабочей партіи или, вѣрнѣе, рабочаго движенія въ Австраліи, какъ это весьма естественно, не представляетъ собой чего-либо законченнаго или строго опредѣленнаго: она постоянно расширяется и измѣняется вслѣдъ за измѣненіями въ общихъ идеалахъ рабочаго класса и сообразно быстро мѣняющимся условіямъ промышленной жизни. Изданіе каждаго новаго закона, осуществляющаго пожеланія рабочаго класса, окрыляетъ ихъ надежды и вселяетъ въ нихъ стремленіе къ дальнѣйшимъ побѣдамъ, совершаемымъ теперь, какъ мы знаемъ, путемъ умѣлаго, сознательнаго пользованія рабочими своими избирательными правами.

Первыя условія рабочаго класса, какъ мы знаемъ, были направлены къ демократизаціи избирательныхъ системъ, которыя существовали въ разныхъ колоніяхъ: къ расширенію избирательныхъ правъ главной массы населенія и къ устраненію нѣкоторыхъ неудобствъ самаго процесса выборовъ, неудобствъ, особенно чувствительныхъ для рабочаго класса. Мы знаемъ, что въ этомъ направленіи въ Австраліи теперь идти уже некуда: въ четырехъ изъ шести штатовъ Австралійской Федераціи и Новой Зеландіи

---

[1]) См. только что вышедшую книгу австралійской публицистки Бьюканани—„The Real Australia“. London (90).

[2]) V. Clark, цитир. сочинен., 96.

[3]) См. четвертое изданіе нашей книги, носящей такое названіе.

избирательныя права предоставлены не только всѣмъ совершеннолѣтнимъ мужчинамъ, но и всѣмъ совершеннолѣтнимъ женщинамъ. Женщинамъ принадлежатъ избирательныя права во всѣхъ штатахъ, когда дѣло идетъ о выборѣ федеральныхъ депутатовъ и сенаторовъ. Кстати сказать, женщины рабочаго класса, повидимому, болѣе усердно пользуются своими избирательными правами, чѣмъ женщины буржуазіи [1]).

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдующихъ стремленій рабочаго класса, стремленій, которыя лица этого класса пытались осуществить, выступая самостоятельно въ качествѣ политической партіи, было проведеніе принципа безплатности начальнаго обученія, какъ необходимаго дополненія его обязательности, которая уже ранѣе была почти вездѣ установлена закономъ. Въ настоящее время это желаніе рабочихъ можно считать фактически осуществленнымъ: въ четырехъ штатахъ (Викторія, Куислэндъ, Зап. и Юж. Австралія) и въ колоніи Новой Зеландіи начальное образованіе безплатно; въ тѣхъ же двухъ штатахъ, гдѣ еще не введенъ принципъ безплатности, взимается, въ сущности, номинальная плата, отъ которой освобождаются всѣ бѣдные родители [2]).

Какъ мы уже говорили, верхнія палаты въ однихъ штатахъ состоятъ изъ членомъ по назначенію, въ другихъ штатахъ эти палаты выборныя, но отъ избирателей требуется извѣстный имущественный цензъ. Въ виду такого ихъ состава неудивительно, что верхнія палаты и въ Австраліи отличаются, вообще говоря, сравнительнымъ консерватизмомъ: обыкновенно онѣ, если не совсѣмъ губятъ наиболѣе прогрессивныя начинанія нижнихъ палатъ, то во всякомъ случаѣ такъ или иначе имъ противодѣйствуютъ [3]).

Вотъ почему рабочіе или стоятъ за принципъ всеобщей подачи голосовъ при выборѣ членовъ верхнихъ палатъ, или находятъ даже совершенно излишнимъ самое существованіе верхнихъ палатъ по соображеніямъ экономическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, при общемъ количествѣ населенія, не достигающемъ и четырехъ милліоновъ, Австралійская Федерація имѣетъ 14 законодательныхъ собраній: въ каждомъ изъ шести штатовъ имѣется двѣ палаты, и сверхъ того для всѣхъ штатовъ вмѣстѣ имѣется двѣ палаты федеральнаго парламента. Такъ какъ труды всѣхъ этихъ законодателей оплачиваются, то, конечно, нельзя не признать, что указанное желаніе рабочихъ имѣетъ за себя довольно серьезныя основанія.

---

1) Clark, цит. сочин., 102.

2) Coghlan, цит. изд., стр. 855.

3) Впрочемъ, федеральный сенатъ представляетъ въ этомъ случаѣ замѣчательное исключеніе, какъ это было уже указано въ одной изъ предшествующихъ главъ.

Едва ли нужно прибавлять, что такое отрицательное отношеніе къ верхнимъ палатамъ отнюдь не распространяется на федеральный сенатъ: рабочіе прекрасно понимаютъ необходимость второго законодательнаго собранія для всякаго федеральнаго государства. Къ тому же ультра-демократическій характеръ федеральной избирательной системы обезпечиваетъ рабочему классу лучшее представительство въ федеральномъ сенатѣ, чѣмъ въ федеральной палатѣ депутатовъ. Читатель, можетъ быть, помнитъ изъ предшествующей главы, что оно такъ и есть въ дѣйствительности.

Вопросы земельные и вопросы податного обложенія занимаютъ видное мѣсто въ платформахъ рабочихъ партій всѣхъ штатовъ. Вообще говоря, прогрессивное земельное законодательство Новой Зеландіи [1]) служитъ примѣромъ, которому стремятся слѣдовать штаты Австралійской Федераціи. Такъ, въ Викторіи, Южной Австраліи и Тасманіи введенъ по примѣру Новой Зеландіи прогрессивный земельный налогъ, имѣющій цѣлью, какъ мы знаемъ, содѣйствіе дробленію крупныхъ земельныхъ владѣній.

Во всѣхъ штатахъ правительство старается скупать большія имѣнія для перепродажи ихъ мелкими земельными участками, причемъ Южная Австралія послѣдовала примѣру Новой Зеландіи и въ томъ отношеніи, что ввела въ законъ принципъ принудительнаго отчужденія частныхъ владѣльческихъ земель, когда это оказывается безусловно необходимымъ по мѣстнымъ условіямъ. Едва ли нужно прибавлять, что такіе законодательные акты проходятъ въ парламентѣ только благодаря поддержкѣ рабочей партіи. Мы знаемъ, впрочемъ, что правительство болѣе, чѣмъ осторожно, пользуется этими смѣлыми законами и что Австралія еще очень долго будетъ страной съ преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія и землепользованія.

Большой популярностью среди рабочихъ Австраліи пользуется идея націонализаціи земли, идея, которая, будучи вездѣ трудно осуществима, въ Австраліи все-таки сравнительно легче осуществима, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ извѣстно изъ приведенныхъ ранѣе статистическихъ данныхъ, изъ двухъ милліардовъ акровъ, составляющихъ территорію Австраліи и Новой Зеландіи, болѣе половины (54%) находится во владѣніи государственныхъ властей. Изъ остальной половины 38% находится въ арендномъ пользованіи и только 7% въ частномъ владѣніи. Такимъ образомъ въ Австраліи правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ стоитъ только не продавать болѣе земли въ частную собственность, а наоборотъ скупать по возможности крупныя поземельныя владѣнія, чтобы подойти весьма

[1]) См. нашу книгу „Передовая демократія современнаго міра" и главу VI настоящаго труда.

близко къ такому положенію вещей, когда идея націонализаціи земли станетъ сравнительно легко осуществимой. Таковы по крайней мѣрѣ желанія и надежды рабочихъ классовъ Австраліи, желанія и надежды, которыхъ, конечно, не раздѣляютъ не только крупные землевладѣльцы, но и довольно значительный классъ крестьянъ-собственниковъ.

Въ Австраліи, какъ и во всѣхъ демократическихъ странахъ, рабочіе являются рѣшительными сторонниками подоходнаго и прогрессивнаго налога. Такой налогъ существуетъ дѣйствительно во всѣхъ штатахъ Австраліи, причемъ всегда, конечно, доходы, не достигающіе извѣстнаго минимума, не облагаются налогомъ.

Само собой разумѣется, что въ Австраліи, какъ и во всѣхъ промышленныхъ странахъ нашего времени, рабочіе—рѣшительные сторонники законодательнаго регулированія условій труда на фабрикахъ и въ промышленныхъ заведеніяхъ. Въ сравнительно короткое время [1]) рабочіе Австраліи достигли въ этомъ отношеніи такихъ результатовъ, что австралійское фабричное законодательство будетъ въ теченіе долгаго времени представляться отдаленнымъ идеаломъ для наиболѣе прогрессивныхъ государствъ Западной Европы и даже для большинства штатовъ великой американской демократіи.

Не имѣя возможности входить здѣсь въ детали рабочаго законодательства всѣхъ штатовъ Австраліи и колоніи Нов. Зеландіи, мы ограничимся краткимъ изложеніемъ наиболѣе существенныхъ частей фабричнаго законодательства Новой Зеландіи, такъ какъ эта колонія и въ области законодательства, имѣющаго цѣлью огражденіе интересовъ фабричныхъ рабочихъ, идетъ, вообще говоря, впереди всѣхъ другихъ частей Австралазіи за небольшими исключеніями, которыя будутъ указаны ниже.

Обращаясь къ сборнику *законовъ* объ охранѣ труда въ Нов. Зеландіи, мы видимъ, что онъ представляетъ собой цѣлую книгу въ 400 страницъ, причемъ, повторяемъ, въ сборникъ входятъ только одни законы безъ какихъ-либо пояснительныхъ циркуляровъ и т. п. Таковъ размѣръ фабричнаго кодекса колоніи съ населеніемъ, не достигающимъ и милліона! Посмотримъ теперь на содержаніе этого кодекса.

Замѣтимъ, во-первыхъ, что по законамъ Нов. Зеландіи называется фабрикой и, слѣдовательно, подлежитъ надзору фабричной инспекціи „всякое строеніе и всякое вообще мѣсто, гдѣ хотя бы два человѣка, нанятые за плату или какое-либо иное вознагражденіе, работаютъ надъ изготовленіемъ или обработкой какого-нибудь предмета, предназначеннаго для дальнѣйшей промышлен-

---

[1]) Первый законодательный актъ, регулировавшій условія фабричной работы, былъ изданъ въ Австраліи во 1783 г. (колонія Викторія). См. Coghlan, цитир. сочин., 492.

ной обработки или для продажи; къ фабрикамъ же причисляются булочныя и пекарни". Въ штатѣ Викторія фабрикой называется всякое помѣщеніе, гдѣ за плату работаютъ хотя бы четверо; въ законѣ, вышедшемъ въ 1900 г. въ Юж. Австраліи, къ фабрикамъ относятся даже тѣ помѣщенія, гдѣ хотя бы одинъ человѣкъ работаетъ за плату [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ Австраліи съ извѣстной точки зрѣнія совершенно устранено различіе между фабриками и ремесленными заведеніями или мастерскими; какъ тѣ, такъ и другія подчинены фабричной инспекціи на совершенно одинаковыхъ началахъ.

Всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ экономическими вопросами, хорошо извѣстно, что предприниматели, тяготясь тѣмъ незначительнымъ надзоромъ, который существуетъ вездѣ надъ ремесленными заведеніями, предпочитаютъ часто сдавать заказы рабочимъ для исполненія ихъ на дому. Предприниматели платятъ за такую работу сравнительно очень малую поштучную плату и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаютъ всякаго контроля и всякой отвѣтственности. Извѣстно или по крайней мѣрѣ должно бы быть всѣмъ извѣстно, что на беззастѣнчивой эксплоатаціи штучниковъ основанъ наблюдаемый повсемѣстно коммерческій успѣхъ магазиновъ готоваго платья, бросающаяся въ глаза дешевизна замысловатыхъ готовыхъ блузъ и т. п.

Въ борьбѣ съ этимъ зломъ Нов. Зеландія пошла далѣе всѣхъ странъ, такъ какъ тамъ, согласно статьѣ 23 фабричнаго закона 1894 года, „всякій хозяинъ фабрики или мастерской, сдающій работу на сторону, обязанъ подъ опасеніемъ страха до 100 руб. вести точную регистрацію рода и количества работъ, исполненныхъ внѣ его промышленнаго заведенія, списокъ и адреса лицъ, которымъ такая работа сдана, равно какъ и свѣдѣнія о размѣрѣ уплаченнаго этимъ лицамъ вознагражденія. Такая вѣдомость должна быть представлена по первому его требованію.

Такимъ образомъ инспекторъ можетъ знать, въ какой мѣрѣ тотъ или иной предприниматель пользуется сдачей работы на сторону, на какихъ условіяхъ эта работа исполняется т. наз. штучниками и т. п. Такъ какъ, однако, услѣдить за всѣми мелкими мастерскими невозможно, такъ какъ, далѣе, даже и въ Нов. Зеландіи не подлежатъ вѣдѣнію инспекціи всѣ тѣ мѣста, гдѣ рабочій исполняетъ заказы одинъ, то въ этой прогрессивной колоніи сдѣлана попытка привлечь все общество къ борьбѣ со зломъ промышленнаго производства, происходящаго внѣ контроля общественныхъ властей, т. е. безъ обязательнаго соблюденія гигіеническихъ, санитарныхъ и другихъ мѣръ.

Достигается это второй частью той же 23 статьи, которая

---

[1]) Coghlan, цитир. сочин., 493.

гласитъ слѣдующее: „Всякій хозяинъ фабрики или мастерской, сдающій работу въ частные дома и вообще въ такія мѣста, которыя не зарегистрованы, какъ фабрики, обязанъ наклеивать особые ярлыки на всякомъ предметѣ одежды и вообще на всякой вещи, частью или всецѣло изготовленной въ частномъ домѣ и вообще не на фабрикѣ“.

„Ярлыкъ долженъ быть изъ папки; на немъ должны быть напечатаны фамилія и адресъ рабочаго, изготовившаго продаваемый предметъ. Всякій, кто продаетъ или выставляетъ на продажу такого рода вещи безъ ярлыка, подлежитъ штрафу не свыше 100 рублей... Всякій купецъ — оптовый торговецъ, лавочникъ, комиссіонеръ—раздающій матеріалъ для работы штучникамъ и вообще всѣмъ лицамъ, работающимъ на дому, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по этой статьѣ, какъ будто онъ былъ хозяиномъ фабрики“.

Благодаря этому закону само общество можетъ бороться съ злоупотребленіями, неизбѣжными при системѣ сдачи работъ штучникамъ, воздерживаясь отъ покупки изготовленныхъ такимъ образомъ товаровъ, хотя бы они были дешевле другихъ. Насколько намъ извѣстно, ни въ какой другой части Австраліи законъ не ведетъ столь энергичной борьбы съ системой сдачи работъ на домъ.

Мы не имѣемъ возможности знакомить здѣсь читателей съ требованіями фабричнаго законодательства въ Нов. Зеландіи, Викторіи [1]), и въ другихъ наиболѣе прогрессивныхъ частяхъ Австралазіи, требованіями относительно санитарныхъ условій работы на фабрикахъ, кубическаго содержанія воздуха на рабочаго, площади пола, свѣта и т. д., равно какъ и относительно разныхъ противопожарныхъ мѣръ и тѣхъ приспособленій, которыя облегчаютъ спасеніе въ случаѣ пожара. Надо сказать при этомъ, что въ австралійскихъ законахъ этой категоріи высказываются не благія пожеланія, какъ въ нѣкоторыхъ аналогичныхъ русскихъ уставахъ, а категорическія требованія, неисполненіе которыхъ влечетъ за собой гражданскую и уголовную отвѣтственность.

Законъ особенно строгъ и неумолимъ во всемъ, что касается огражденія жизни и здоровья женщинъ и дѣтей. Никто не можетъ быть допущенъ къ работѣ на фабрикѣ и вообще въ какомъ-нибудь промышленномъ заведеніи ранѣе 13 лѣтъ, а въ Новой Зеландіи даже ранѣе 14 лѣтъ. Однако, и по достиженіи указаннаго возраста дѣти могутъ быть допускаемы къ работѣ лишь въ томъ случаѣ, если докторъ удостовѣритъ письменно, что работа на фабрикѣ не можетъ быть вредна для здоровья даннаго

---

[1]) Впрочемъ, тоже въ главѣ XI читатель найдетъ довольно подробное изложеніе фабричнаго законодательства штата Викторія.

лица. Въ Новой Зеландіи и въ Новомъ Южномъ Валлисѣ такого рода свидѣтельства должны имѣть всѣ рабочіе моложе 16 лѣтъ, и эти свидѣтельства должны всегда находиться у хозяина фабрики на случай требованія ихъ фабричнымъ инспекторомъ [1]).

Однако, и при безвредности для здоровья работа на фабрикѣ лицамъ моложе 16 лѣтъ можетъ быть разрѣшаема лишь въ томъ случаѣ, если эти лица имѣютъ удостовѣреніе объ окончаніи по крайней мѣрѣ 4 классовъ нормальнаго курса начальной школы, что равносильно обязательности предварительнаго посѣщенія школы въ теченіе 6 или 7 лѣтъ. За всякій обманъ въ свидѣтельствѣ о рожденіи или образованіи и за представленіе завѣдомо ложныхъ свидѣтельствъ законъ грозитъ штрафомъ до 500 рублей или тюремнымъ заключеніемъ до 3 мѣсяцевъ. Такъ строги требованія закона въ Новой Зеландіи; впрочемъ, и въ другихъ частяхъ Австралазіи рабочіе добиваются установленія въ законодательномъ порядкѣ аналогичныхъ мѣропріятій.

Почти во всѣхъ штатахъ Австралійской Федераціи и въ Новой Зеландіи законъ не позволяетъ дѣтямъ моложе 14 лѣтъ и всѣмъ женщинамъ, независимо отъ ихъ возраста, работать болѣе 48 часовъ въ недѣлю, равно какъ и въ ночное время, т. е. между 6 ч. вечера и 8 (женщинамъ 7) часами утра. Женщины не могутъ возобновлять работу на фабрикахъ ранѣе истеченія 4 недѣль послѣ разрѣшенія отъ бремени. Законъ требуетъ, далѣе, чтобы по субботамъ всѣ женщины, независимо отъ ихъ возраста, и всѣ молодые люди моложе 18 лѣтъ кончали работу не позже часу дня. Фактически это требованіе закона сводится къ тому, что и всѣ другіе фабричные рабочіе кончаютъ по субботамъ въ 1 ч. дня. Такимъ образомъ суббота является для всего рабочаго люда Австраліи такъ назв. „полупраздникомъ" (half holiday). Какъ извѣстно, тоже самое въ значительной мѣрѣ справедливо для всего англосаксонскаго міра вообще.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ охранѣ труда служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Вообще говоря, почти во всѣхъ частяхъ Австралазіи законъ требуетъ, чтобы въ теченіе 4 дней въ недѣлю магазины и лавки закрывались въ 6 или 7 часовъ вечера, одинъ разъ въ 10 час. и одинъ разъ въ 1 часъ дня, причемъ установленіе дня полупраздника для служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ предоставляется мѣстнымъ городскимъ или сельскимъ властямъ.

Обыкновенно такимъ днемъ бываетъ среда или четвергъ; въ субботу же лавки открыты до 10 часовъ вечера, чтобы дать возможность рабочему люду—городскому и подгородному—сдѣлать

---

[1]) См. New goutt Woles official Jear-book for 1904—1905. Sydney. 1906, p. 761. Вѣроятно, такія же требованія ставитъ законъ предпринимателямъ и въ другихъ частяхъ Австраліи.

всѣ нужныя покупки. Едва ли надо прибавлять, что по воскресеньямъ всѣ магазины и лавки закрыты.

Въ каждомъ торговомъ заведеніи должно быть вывѣшено расписаніе часовъ, когда оно открыто, причемъ законъ строго преслѣдуетъ всякія уклоненія. Особенно строго въ этомъ отношеніи законодательство въ Нов. Зеландіи, гдѣ прямо сказано, что если въ день полупраздника кто-либо изъ служащихъ будетъ задержанъ хозяиномъ послѣ 1 часу дня, съ хозяина взыскивается штрафъ не свыше 50 рублей за каждые полчаса просрочки. Это дѣлается для огражденія интересовъ служащихъ. Для огражденія же хозяевъ отъ невыгодной для нихъ конкурренціи другихъ магазиновъ или другихъ хозяевъ законъ устанавливаетъ, кромѣ того, особый штрафъ за позднее прекращеніе торговли, хотя бы въ лавкѣ не было при этомъ ни одного приказчика, а торговалъ самъ хозяинъ.

Для торговыхъ заведеній, какъ и для фабрикъ, существуютъ также извѣстныя санитарныя постановленія, особенно подробныя и строгія въ Нов. Зеландіи и въ Викторіи.

Здѣсь было бы неумѣстно, да и прямо-таки невозможно излагать спеціальныя законодательства, особенно разработанныя въ Нов. Зеландіи, спеціальныя законодательства объ охранѣ труда горнорабочихъ, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ или служащихъ въ торговомъ флотѣ. Предшествующія страницы даютъ, мы надѣемся, достаточное ясное общее представленіе о всей рѣшительности и строгости законовъ, ограждающихъ интересы труда въ Австраліи.

Если мы вспомнимъ, что первые фабричные законы бывшихъ колоній, нынѣшнихъ штатовъ Австраліи, относятся всего только къ 70 годамъ прошлаго столѣтія; если мы вспомнимъ, далѣе, насколько поздно рабочіе Австраліи, изверившись въ силу стачекъ, рѣшили направить свои усилія на достиженіе нормированія условій своего труда законодательнымъ порядкомъ; если мы примемъ все это во вниманіе, мы не можемъ не признать феноменальнымъ прогрессъ австралійскаго фабричнаго законодательства, опередившаго въ короткое время такое же законодательство самыхъ прогрессивныхъ странъ Стараго Свѣта. Впрочемъ, мы бы пришли къ такому же заключенію, если бы мы стали сравнивать фабричное законодательство Австраліи и С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Впрочемъ, мы не исчерпали всѣхъ завоеваній рабочаго класса въ изучаемомъ нами направленіи. Изложеніе нѣкоторыхъ относящихся сюда законовъ, въ высшей степени важныхъ въ прин-

---

[1]) См. цитированное сочиненіе американца Clark'a, гдѣ довольно часты такія сравненія.

ципіальномъ и практическомъ отношеніи, составитъ предметъ нѣсколькихъ слѣдующихъ главъ.

Участвуя въ политической жизни не только, какъ полноправные граждане отдѣльныхъ штатовъ, но и какъ такіе же граждане Австралійской Федерація, рабочіе въ послѣдней своей роли выставляютъ также рядъ пожеланій, которыя являются важнѣйшимъ элементомъ программы федеральной рабочей партіи. Дѣло въ томъ, что федеральное правительство имѣетъ въ Австраліи довольно значительныя права, причемъ то или иное пользованіе этими правами можетъ имѣть для рабочихъ всего континента весьма серьезное значеніе.

Такъ, федеральному правительству принадлежитъ право изданія общихъ для всей федераціи законовъ объ эмиграціи, иммиграціи и натурализаціи. Какъ мы увидимъ ниже, однимъ изъ болѣе раннихъ проявленій законодательной дѣятельности федеральнаго парламента было изданіе закона, поставившаго непреодолимыя преграды для дальнѣйшаго пріѣзда въ Австралію дешевыхъ рабочихъ съ Азіатскаго Востока и съ островов̂ъ Полинезіи.

Федеральному правительству принадлежитъ, далѣе, право изданія общихъ для Федераціи законовъ о примирительныхъ камерахъ и третейскомъ судѣ. Такіе законы, какъ будетъ изложено нами ниже, существуютъ уже въ двухъ штатахъ Федераціи и въ колоніи Нов. Зеландіи. Такимъ образомъ, вопросъ идетъ о распространеніи на всю Австралію принципа, который уже доказалъ свою полезность на практикѣ въ отдѣльныхъ штатахъ. Однако, это пожеланіе рабочихъ, въ виду тѣхъ необычайныхъ трудностей, которыя встрѣтило бы его осуществленіе при условіи одинаковаго распространенія на весь континентъ, это пожеланіе рабочихъ, говоримъ мы, пока еще остается невыполненнымъ.

Невыполненнымъ остается и желаніе рабочихъ, чтобы правительство Федерація ввело повсемѣстно одинъ общій законъ о пенсіяхъ въ старости *по примѣру* этого рода законовъ, существующихъ уже въ Нов. Зеландіи, Викторіи и въ Нов. Южномъ Валлисѣ. Имѣя на это формальное право, правительство Федераціи не рѣшается, однако, на такой шагъ, который еще недавно считался крайне рискованнымъ даже въ Нов. Зеландіи, показавшей всему міру первый примѣръ такого соціальнаго опыта. Федеральное правительство вообще держится того принципа, что общія для всей Федераціи законодательныя мѣропріятія, хотя бы они лежали вполнѣ въ его компетенціи, слѣдуетъ издавать тогда и постольку, когда и поскольку къ нимъ подготовлено общественное мнѣніе всей или весьма значительной части Федераціи. Иного образа дѣйствій не можетъ, конечно, держаться никакое демократическое государство и тѣмъ болѣе, конечно, демократическая Федерація.

Тѣ же обстоятельства служатъ причиной того, что пока остаются

невыполненными и нѣкоторые иные пункты (напр., національзація естественныхъ или фактическихъ монополій) программы федеральной рабочей партіи или вѣрнѣе рабочихъ партій отдѣльныхъ штатовъ, поскольку они участвуютъ въ федеральной политической жизни при выборахъ и въ другихъ аналогическихъ обстоятельствахъ. Мы не будемъ, однако, останавливаться далѣе на этихъ вопросахъ, такъ какъ задача наша заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы выяснить, чего успѣли достичь рабочіе Австраліи, указывая лишь вскользь на то, что и въ Австраліи остается еще пока болѣе или менѣе отдаленнымъ идеаломъ.

П. Мижуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Генрикъ Ибсенъ — герой своихъ драмъ.

(1828 г., 20-го марта — 1906 г., 23-го мая).

Ношу я лютню здѣсь, въ душѣ моей;
Двойной рядъ струнъ натянутъ въ ней:
Одинъ звучитъ мелодіей воздушной
О *радости* поетъ; звучитъ другой,
Какъ *стонъ изъ глубины* — протяжный и
глухой.

Г. Ибсенъ. „Комедія любви“.

Годъ тому назадъ, 23-го мая 1906 года, сошелъ въ могилу Г. Ибсенъ, основатель „новой драмы“.

За 50 лѣтъ [1]) своей творческой работы онъ написалъ 21 драму и очень много красивыхъ и сильныхъ стихотвореній.

Равнодушіе, презрѣніе и взрывъ негодованія — вотъ попеременно тѣ чувства, которыя долгое время встрѣчалъ со стороны публики художникъ-борецъ на своемъ трудномъ пути.

Никто не хотѣлъ издавать его первой драмы „Катилина“, а когда она все-таки появилась въ печати, благодаря поддержкѣ друга Г. Ибсена, отдавшаго на это свои послѣдніе гроши, никто не хотѣлъ покупать произведеніе неизвѣстнаго автора: всего разошлось 30 экземпляровъ. Пришлось для покрытія расходовъ продавать первую драму „на пудъ“ ветошнику и колбаснику.

Слѣдующія пьесы уже начинаютъ привлекать вниманіе „общества“. На смѣну покупателю „на пудъ“ приходятъ читатель и критикъ. Читатель и критикъ оказываются не лучше колбасника и ветошника.

Г. Ибсена называютъ „величайшимъ ничтожествомъ“ въ области драмы.

Послѣ выхода въ свѣтъ „Претендентовъ на престолъ“ всѣ тѣ, кого оскорбила „сѣдая древность“, обрушились на характеры персонажей драмы и съ презрѣніемъ усматривали въ нихъ только „печать низости“.

---

[1]) Въ 1850 году появилась въ печати его первая драма „Катилина“. Въ 1899 году онъ написалъ послѣднюю драму—„Когда мы мертвые пробуждаемся“.

„Комедія любви,—пишетъ Г. Ибсенъ [1]),—много вызвала болтовни въ Норвегіи. Я былъ тогда извергнутъ изъ общества. Всѣ ополчились противъ меня"...

Послѣ этой комедіи Ибсенъ оказывается въ положеніи ея героя (Фалька), которому „отказали отъ дома".

„Кукольный домъ" является новымъ оскорбленіемъ для блюстителей патріархальной семьи и брачной любви „до гроба". Кукольное царство всполошилось: въ хорошихъ домахъ „просятъ не... говорить о Норѣ", а благонравныя норвежскія артистки считаютъ преступленіемъ даже на сценѣ покидать „семейный очагъ", „собственнаго мужа и собственныхъ дѣтей".

„Призраки" вызываютъ взрывъ негодованія: автора упрекаютъ даже въ „нигилизмѣ",—обвиненіе настолько „страшное" для европейца, что даже самъ Ибсенъ счелъ необходимымъ оправдываться и притомъ оправдываться весьма неудачно [2]).

Даже французскіе ученые въ лицѣ Леруа Болье [3]) выступили на защиту мѣщанской добродѣтели и потрясенныхъ основъ и предупреждали благомыслящихъ буржуа: „Не принимайте за образецъ героевъ или теоріи скандинавца, который *возстаетъ противъ нравственныхъ* и *соціальныхъ законовъ* и открываетъ *походъ противъ самаго священнаго союза — семьи*".

Нужно ли говорить, что критики-націоналисты обвиняли въ *отсутствіи патріотизма* автора „Врага народа"?

Все, что было смѣлаго и сильнаго, правдиваго и свободнаго, пугало и отталкивало „столповъ общества".

„Люди съ горбатой спиной и душой" возстали противъ красоты; „сѣверный карликъ" поднялъ свою рудничную лампочку противъ сѣвернаго сіянія; „будничные лжепророки" съ ихъ „лилипутовыми душами", своими дикими воплями и лживо-лицемѣрными причитаніями спѣшили заглушить „колоколъ призывный" могучаго творчества, полнаго жизни.

Можно безъ преувеличенія сказать, что каждая драма художника получала крещенье „въ купели жгучаго страданья"...

И нужно правду сказать, родина не мало вплела шиповъ и терній въ вѣнокъ поэта-драматурга.

Когда въ 1864 году послѣ „Комедіи любви" и неудачной попытки призвать своихъ соотечественниковъ на помощь Даніи,

---

[1]) Lettres de Henrik Ibsen à ses amis traduites par Mme Martine Remusat. Стр. 103. Письмо Ганзену.

[2]) „Говорятъ еще, что мое произведеніе проповѣдуетъ нигилизмъ. Нисколько: оно ничего не проповѣдуетъ. Оно заключаетъ только, что нигилизмъ существуетъ въ скрытомъ состояніи у насъ, какъ и повсюду. И неизбѣжно такъ должно быть: Пасторъ Мандерсъ всегда вызываетъ къ жизни мадамъ Альвингъ, а такъ какъ она женщина, она, разъ вступивши на этотъ путь, начинаетъ исповѣдовать крайнія мнѣнія"...

Lettres de Henrik Ibsen à ses amis. Стр. 225.

[3]) Рѣчь Леруа Болье 1896 г., 24-го января.

Г. Ибсенъ покидалъ родину и отправлялся въ добровольное изгнаніе, онъ написалъ стихотвореніе, прекрасно рисующее все, что ему пришлось пережить.

„На берегу Норвегіи гага устроила свое гнѣздо. Она обрывала свою грудь и создавала тепло и гротъ изъ собственнаго пуха.

Она гнѣздилась у темнаго Фьерда.

Но *рыбакъ Фьерда—злой человѣкъ:* онъ пришелъ и ограбилъ гнѣздо до послѣдней пушинки.

Тогда птица вновь начала обнажать свою бѣдную грудь и когда рыбакъ возобновилъ свое преступленіе, гага въ безропотномъ упорствѣ все-таки принялась устраивать снова теплое прибѣжище.

Но ее ограбили въ третій разъ!

И тогда гага ударила крыльями и, разсѣкая туманъ, окровавленной грудью направилась къ югу на берегъ солнца...“

Безсмысленныя нападки и грубыя выходки не остановили „скандинавца“ и не направили его на торную дорогу умѣренности и аккуратности, мало того,—они только раздули въ немъ пламя гнѣва и закалили духъ борца.

„Я счастливъ,—пишетъ Г. Ибсенъ въ 1867 году Бьернсону изъ Рима,—что на меня обрушилась несправедливость; я вижу въ этомъ божественное вмѣшательство. Негодованіе только увеличиваетъ мои силы. Они хотятъ войны. Что жъ? Война будетъ. Если я не истинный поэтъ, мнѣ нечего въ ней терять. Мой планъ—сдѣлаться фотографомъ: я поставлю передъ объективомъ своего аппарата одного за другимъ своихъ современниковъ, я не пощажу ни ребенка на груди матери, ни мысли, ни бѣглаго, замаскированнаго словомъ намѣренія, всякій разъ, какъ я окажусь лицомъ къ лицу передъ душой, заслуживающей воспроизведенія“ [1]).

Мы знаемъ, что Г. Ибсенъ сдержалъ свое обѣщаніе: онъ никого не пощадилъ изъ своихъ современниковъ, онъ не пощадилъ себя, онъ объявилъ „странѣ полулюдей“ войну не на животъ, а на смерть.

Изъ этой войны Г. Ибсенъ вышелъ побѣдителемъ...

Въ 1898 году вся Скандинавія—да и не только Скандинавія—празднуетъ семидесятилѣтнюю годовщину Г. Ибсена, а его смерть заставляетъ облечься въ трауръ міровую литературу.

Г. Ибсенъ—„величайшее ничтожество“ въ области драмы—становится признаннымъ отцомъ „новой драмы“.

Г. Ибсенъ,—„востававшій противъ нравственныхъ и соціальныхъ законовъ“, — становится художникомъ отвѣтственности и нравственности конфликтовъ.

Г. Ибсенъ, „открывшій походъ противъ священнаго союза—

[1]) Lettres de Henrik Ibsen à ses amis traduites par m-me Martine-Remusat. 1906. Стр. 61 –62. Письмо Бьернсону.

семьи",—становится величайшимъ поэтомъ красивой и чистой любви, основанной на равенствѣ половъ и на уваженіи къ женщинѣ.

Онъ—„врагъ народа"—заставляетъ дружно сплотиться истинныхъ дѣтей родины.

Наконецъ, художникъ—парія, который былъ „извергнутъ изъ общества", которому критика, въ угоду общественному мнѣнью, готова была „отказать отъ дому"—становится своимъ и роднымъ всѣмъ вчерашнимъ врагамъ—пуристамъ...

И мы такъ думали, и мы объ этомъ говорили—вотъ мотивъ, повторяемый всѣми на разные лады...

Вы присмотритесь только къ отзывамъ французскихъ критиковъ по поводу творчества Г. Ибсена: оказывается, что Г. Ибсенъ повторялъ только то, что гораздо раньше до него и, пожалуй, при немъ говорила французская литература.

Они говорятъ, что уже Жоржъ-Зандъ [1]) требовала, подобно Ибсену, прочнаго брака, основаннаго на равенствѣ половъ; въ пропагандѣ борьбы противъ общественныхъ учрежденій слышится имъ Руссо, а въ призывѣ „идти до конца своего инстинкта" они усматриваютъ теорію Фурье о свободной игрѣ страстей [2]); Флоберъ предвосхитилъ у Ибсена презрѣніе къ большинству, Золя прежде Ибсена писалъ о наслѣдственности и въ цѣломъ рядѣ романовъ показалъ, какъ ошибки отцовъ отражаются на дѣтяхъ; Бальзакъ до Ибсена показалъ противорѣчіе между традиціями и прогрессомъ.

Переходя къ отдѣльнымъ драмамъ, указываютъ на то, что въ „столпахъ общества" встрѣчаются персонажи французскихъ водевилей, а „Нору" называютъ маленькою француженкой и вспоминаютъ Фру-Фру.

Нужно ли указывать, что духовнымъ отцомъ Ибсена въ области драматической формы указывали на А. Дюма?

Интересно, что самъ Г. Ибсенъ счелъ необходимымъ отвѣтить на это стремленье, во что бы то ни стало „родными счесться".

Вотъ его письмо къ Брандесу:

„Дорогой Брандесъ! Посылаю Вамъ вкратцѣ свой отвѣтъ на Вашъ вопросъ:

1. Увѣряю Васъ честью, что *никогда не читалъ ни въ молодости, ни позже ни одной книги Жоржъ-Зандъ.* Правда, я началъ читать переводъ „Консуэло", но я бросилъ, находя его дилетантской философіей, а не произведеніемъ истиннаго писателя. Быть можетъ, я былъ не правъ, прочитавши только нѣсколько страницъ книги.

---

[1]) См. Larroumet. Nouvelles etudes de litterature.

[2]) Georges Leneveu. „Ibsen et Maeterlinck".

2. Предшествующее дѣлаетъ излишнимъ отвѣтъ на второй вопросъ.

3. Я абсолютно *ничѣмъ не обязанъ относительно драматической формы А. Дюма;* его пьесы научили меня только избѣгать грубыхъ ошибокъ, часто совершаемыхъ имъ"... [1]) (11 окт. 1896 годъ).

Нужно ли доказывать, что Г. Ибсенъ является отцомъ новой драмы, ничего не имѣющей общаго съ драмой фельетоновъ А. Дюма или Сарду?

Каждое новое произведенiе Гауптмана въ Германiи или у насъ въ Россiи Л. Андреева, М. Горькаго, покойнаго А. Чехова носило печать „наслѣдственности", о которой такъ часто писалъ Г. Ибсенъ.

Драмы „Чайка", „На днѣ", „Къ звѣздамъ" можно безъ преувеличенiя сказать,—„въ отца пошли" и духовнымъ отцомъ ихъ явился авторъ „Дикой утки" и „Строителя Сольнеса".

„Трагикомедiя пятыхъ актовъ"—вотъ опредѣленiе ибсеновской драмы, подчеркивающее ея основныя черты.

Съ самаго поднятiя занавѣса передъ зрителемъ развертывается въ мрачныхъ покояхъ Росмерсгольма или въ „Кукольномъ домѣ" Норы, или въ строгомъ жилищѣ госпожи Альвингъ („Призраки") въ промежутокъ нѣсколькихъ дней, иногда нѣсколькихъ часовъ, величественная драма человѣческой души.

Художникъ отбрасываетъ всѣ лишнее и внѣшнее, все бутафорское, надутое и бьющее на эффектъ, отбрасываетъ королевскую мантiю, прикрывающую *человѣка*, и небывалое приключенiе, заслоняющее фактъ.

Все лишнее—за кулисы, просторъ—человѣческой душѣ. Декорацiя заставляетъ говорить вещи, внушать, сливаться съ душой человѣка.

Художникъ идетъ снаружи во внутрь, онъ показываетъ зрителю, точно подъ микроскопомъ, тончайшiя побужденiя человѣческой души, тысячу деталей и придаетъ *обыденности* страшное, царственное значенiе, хотя у этой обыденности нѣтъ королевскаго жезла и горностаевой мантiи.

Въ этой драмѣ—интрига на второмъ планѣ. Нѣтъ эпизодовъ, пришитыхъ къ дѣйствiю бѣлыми нитками, инцидентовъ анекдотическаго характера и безконечныхъ „qui pro quo", до которыхъ такъ падки зрители, пришедшiе въ театръ принять успокоительный „душъ поэзiи".

Здѣсь центръ тяжести не въ развитiи дѣйствiя, а въ развитiи индивидуальной и общественной психологiи. Здѣсь не психологiя

---

[1]) Стр. 279. Lettres de Henrik Ibsen à ses amis tratuites par M-me Martine Rèmusat.

служитъ дѣйствію, а дѣйствіе психологіи. Художникъ пишетъ лица, а не роли, двигаетъ идеи, а не сцены.

Не драматургъ-фельетонистъ, а поэтъ-ясновидецъ, не лѣнивый зритель, а допрашивающая мысль, не зрѣлище, а исповѣдь и проповѣдь—вотъ новая драма.

Прислушайтесь къ языку „новой драмы", къ языку дѣйствующихъ лицъ. Подобно тому, какъ пышность королевскихъ пріемовъ замѣнилась интимностью домашней обстановки, такъ краснорѣчивые монологи, блестящіе фейерверки остротъ и красивыхъ словечекъ замѣнились языкомъ нутра, *человѣческимъ* словомъ.

„Отточенная, какъ рапира, мысль" сверкаетъ, разитъ и отражаетъ удары въ короткихъ, живыхъ діалогахъ, иногда въ одномъ словѣ, въ одномъ жестѣ, наконецъ, въ молчаніи.

Художникъ-чародѣй какъ бы вынимаетъ вашу душу и даетъ вамъ свои уши, свои глаза, а вамъ кажется, что это думаете и говорите вы сами и не здѣсь, въ театрѣ, а наединѣ съ самимъ собою, заглянувъ въ „святая святыхъ" своего сердца.

Когда передъ вами проходятъ Брандъ, Пееръ Гюнтъ, Нора, Сольнесъ,—вы, точно повинуясь внушенію, покорно идите за художникомъ, его образы такъ же царямъ надъ вашей мыслью, какъ „таинственный незнакомецъ" надъ „женщиной съ моря", его идеи *хотятъ* быть вашими идеями.

Для Г. Ибсена его идеи—это все, можно было бы сказать, что свои драмы онъ пишетъ не словами, а идеями.

Г. Ибсенъ—дарвинистъ. Его мучитъ „загадка, умъ мутящая, которую пока никто не въ силахъ разгадать". Эта загадка—вопросъ о наслѣдственности:

Начало гдѣ отвѣтственности нашей
За то, что переходитъ по наслѣдству?

Этотъ проклятый вопросъ о наслѣдственности и приспособленіи принимаетъ страшныя, трагическія черты въ ибсеновской драмѣ.

Тутъ нѣтъ слѣпого рока, тутъ нѣтъ страшныхъ прорицаній дельфійскаго оракула и все-таки въ словахъ: „я отца наслѣдовалъ долги"—слышится смертный приговоръ современному Эдипу.

Освальдъ и Регина изъ пьесы „Призраки"—наслѣдники отца сифилитика; паралитикъ докторъ Ранкъ изъ „Кукольнаго дома", платящій счастьемъ жизни за веселую жизнь родителей; ребенокъ Бранда, умирающій „за дѣдовъ грѣхъ", Элида „Женщина съ моря", носящая въ крови, въ глазахъ, въ душѣ жизнь моря, приспособившаяся къ нему; лживый Пееръ-Гюнтъ, достойный сынъ своей матери-фантазерки, жившей въ мірѣ сказокъ,—таковы покорные исполнители страшныхъ предначертаній наслѣдственности, присутствіе которыхъ на сценѣ переноситъ насъ въ далекія времена трагедіи Софокла и Эсхила.

Трагедіи рока.

Гдѣ беретъ художникъ матеріалъ для своихъ драмъ?

„Человѣческіе документы"—вотъ его матеріалъ.

Самоанализъ и угадываніе—вотъ его методъ.

„Наука, которой мы, профаны, не владѣемъ,—пишетъ Г. Ибсенъ Брандесу [1]),—возмѣщается у насъ до нѣкоторой степени *инстинктомъ и способностью угадыванія. Писатель, въ особенности, долженъ быть ясновидящимъ*".

Съ этой способностью угадыванія, съ этимъ умѣньемъ ясно видѣть то, что *можетъ* быть или *было*, подходилъ художникъ къ безконечному разнообразію радостей и печалей жизни.

Даже тамъ, гдѣ Г. Ибсенъ черпалъ свой матеріалъ,—у норвежскихъ лѣтописцевъ XIII вѣка („Претенденты на престолъ") или у Юлія Цезаря и Саллюстія („Катилина") или, наконецъ, у святыхъ отцовъ и софистовъ („Императоръ и Галилеянинъ"), онъ переносится въ далекое время, проникается духомъ эпохи, усваиваетъ языкъ и характеръ героевъ „сѣдой древности".

„Передъ моимъ умственнымъ взоромъ,—пишетъ онъ библіотекарю Даэ по поводу „Чудовища Юліана",—проходили персонажи въ свѣтѣ ихъ эпохи. Надѣюсь, что читатель получитъ то же впечатлѣніе" [2])...

Еще раньше въ письмѣ къ Госсу онъ почти повторялъ то же: „Я строго держался исторической истины, я *видѣлъ*, такъ сказать, проходящими дѣйствующихъ лицъ и я ихъ запечатлѣлъ такъ, какъ видѣлъ. Кромѣ этого, эта книга заключаетъ въ себѣ добрую долю самоанализа".

Даже тогда, когда художникъ доходилъ до величайшихъ обобщеній и создавалъ свои символы, онъ исходилъ отъ дѣйствительности, отъ угадыванія ясновидца. „Я не придумываю символовъ,—утверждалъ часто Ибсенъ,—я рисую людей. Я осмѣливаюсь вывести персонажи въ драмѣ тогда, когда у каждаго изъ нихъ я мысленно готовъ сосчитать пуговицы сюртука спереди и сзади".

Символическая старуха-крысоловка изъ „Маленькаго Эйольфа"—не плодъ фантазіи художника, а воспоминаніе изъ школьной жизни о дѣйствительно существовавшей старухѣ, которая приходила въ школу со своей собачкой въ мѣшкѣ для того, чтобы убивать крысъ. Про эту старуху сложилась легенда, что она уводитъ дѣтей.

Дѣйствительный фактъ или народное преданіе ложились въ основу любой изъ драмъ Г. Ибсена.

Въ физіономіи любого изъ его героевъ можно найти черты

---

[1]) Стр. 128—762. Ibid.
[2]) Стр. 159. Ibid.
[3]) Стр. 156. Ibid.

кого-либо изъ его современниковъ, родныхъ или его самого въ одинъ изъ періодовъ его духовнаго развитія.

Попробуйте познакомиться съ исторіей его драмъ по его письмамъ, по замѣткамъ и статьямъ Брандеса,—передъ вами раскроется тайна творчества глубоко-правдиваго художника-драматурга и въ тоже время исторія его собственныхъ исканій и великихъ допрашиваній жизни, вѣчнаго стремленія „смотрѣть и понимать".

Прототипами Бранда послужили пасторъ Ламмерсъ, „агитаторъ на чистомъ воздухѣ", и блестящій писатель Даніи—Киркегардъ—„агитаторъ въ тиши кабинета".

Первый въ 40-хъ годахъ проповѣдовалъ возвращеніе къ истинному христіанству и какъ Саванаролла клеймилъ равнодушіе и эгоизмъ въ родномъ городѣ Г. Ибсена; второй явился поэтомъ „доброй воли страданія", создалъ культъ „единицы" и осуществилъ „правду своей жизни".

Мать Бранда—это живое лицо: въ 1862 году во время экскурсіи въ горахъ Г. Ибсенъ встрѣтилъ старуху въ „Ломѣ" (между Ломомъ и Люстеромъ) Ренаугъ Графферъ—вдову ленсмана, смерть и завѣщаніе которой натолкнули Г. Ибсена на созданный имъ образъ.

Подруга Бранда, кроткая Агнесъ, какъ говорятъ,—норвежская дѣвушка, въ 1863 году пріѣхавшая въ Римъ и тамъ умершая. Въ удивительномъ образѣ самоотверженной любви и женственности художникъ захотѣлъ „поставить памятникъ" умершей дѣвушкѣ.

Моделью Пееръ Гюнта послужилъ одинъ молодой датчанинъ, котораго Ибсенъ часто встрѣчалъ въ Италіи, фразеръ, хвастунъ и оригиналъ. Это типичный представитель слабости воли и безпорядочности воображенія, свойственныхъ норвежцамъ. Контрастъ съ идеализированіемъ молодыхъ норвежскихъ крестьянъ у Бьернсона. По мѣрѣ развитія дѣйствія Пееръ Гюнтъ становится сатирическимъ олицетвореніемъ народнаго духа норвежцевъ, подобно Донъ-Кихоту и Тартарену.

Сюжетомъ для „Норы" послужила дѣйствительная исторія съ ложной подписью одной дамы для цѣлей, правда, не идеалистическаго характера.

Какъ возникали и развивались у художника сюжеты его произведеній, показываетъ исторія его драмы „Гедды Габлеръ"; знакомясь съ этой исторіей, читатель ясно представитъ себѣ тотъ удивительный даръ угадыванія, доходящій почти до ясновидѣнія, какимъ обладалъ Г. Ибсенъ.

Помните незначительную фразу чеховскаго Тригорина, записывающаго въ книжку что-то ему одному понятное: „такъ сюжетъ мелькнулъ" („Чайки"); сюжетъ Гедды Габлеръ „мелькнулъ" у Г. Ибсена при такихъ обстоятельствахъ.

Одинъ [1]) молодой ученый датчанинъ глубоко уважалъ Ибсена и находился съ нимъ въ перепискѣ. Однажды совершенно неожиданно Г. Ибсенъ получаетъ обратно въ Мюнхенъ всѣ свои письма къ этому господину и свой портретъ безъ всякой приписки.

Тогда художникъ начинаетъ „угадывать“, какъ это произошло и отчего? И вотъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что датчанинъ, во-первыхъ, не совсѣмъ нормаленъ, а во-вторыхъ, собирается жениться и по требованію невѣсты отправилъ ему всю переписку.

Второе предположеніе дѣйствительно подтвердилось спустя нѣкоторое время, когда датчанинъ посѣтилъ Ибсена и на вопросъ послѣдняго: „это ваша невѣста потребовала, чтобы вы вернули мои письма“?—съ изумленіемъ спросилъ: „откуда вы это знаете“?

Ибсенъ не успокаивается, онъ хочетъ установить душевное состояніе датчанина и наводитъ о немъ справки въ томъ отелѣ, гдѣ онъ на нѣкоторое время останавливается.

Оказывается, что датчанинъ сильно пьетъ. Эйлертъ Левборгъ начинаетъ обрисовываться въ умѣ Г. Ибсена, который при этомъ принимаетъ во вниманіе еще одинъ фактъ: ему удалось узнать, что датчанинъ, будучи пьянъ, потерялъ манускриптъ одной книги. Это обстоятельство художникъ тоже „записываетъ въ книжечку“, говоря языкомъ чеховской драмы.

Спустя нѣкоторое время послѣ возвращенія переписки Г. Ибсенъ получаетъ второй пакетъ—завѣщаніе. Датчанинъ завѣщаетъ всѣмъ дамамъ, которыя выражали ему свою любовь, огромныя суммы денегъ.

Одновременно съ этимъ Ибсенъ узнаетъ, что жена одного композитора въ Копенгагенѣ сожгла въ припадкѣ ревности симфонію, которую мужъ ея только что окончилъ — Гедда Габлеръ сжигаетъ манускриптъ, потерянный Эйлертомъ Левборгомъ...

Наконецъ, разсказывали исторію одной дамы, прекрасной и весьма уважаемой, мужъ которой пристрастился къ вину. Однажды, когда этотъ господинъ какъ будто исправился, жена предложила ему въ день его рожденія маленькій боченокъ коньяку, чтобы испытать надъ нимъ свою власть. Оставивъ мужа одного, она ушла; затѣмъ, вернувшись, она увидѣла боченокъ опустѣвшимъ, а мужа лежащимъ на полу безъ признаковъ жизни.

Это дѣйствительное происшествіе, быть можетъ, послужило основой для той сцены въ драмѣ, гдѣ Гедда уговариваетъ Эйлерта Левборга, прежде выпивавшаго, осушить бокалъ, чтобы испытать свое вліяніе и уничтожить вліяніе другой женщины.

Изъ цѣлаго ряда такихъ фактовъ и черточекъ создалъ художникъ свою скандинавскую „Мадамъ Бовари“.

---

[1]) «Revue bleue». 1903. VI. Brandes. «Ibsen».

По утвержденію Роберта Гейера [1]), всѣ дѣйствующія лица ибсеновскихъ драмъ, кромѣ Брокмана, — дегенераты. „Ихъ дѣйствія любопытны, возбуждаютъ смѣхъ, у нихъ нѣтъ недостатка ни въ поверхностной мысли, ни въ умѣ, но предоставленные самимъ себѣ, они выказываютъ недостатокъ сужденія и дѣйствуютъ въ силу своихъ непреодолимыхъ влеченій“. Этихъ оригиналовъ, „которыхъ не запираютъ“, критикъ-психіаторъ поспѣшилъ подвести подъ рубрики и запереть въ палаты подъ номерами, соотвѣтствующія формамъ психическихъ заболѣваній.

Такъ, напримѣръ, Брандъ, Верле, Ревекка Вестъ, Гедвига помѣщены въ палату одержимыхъ маніей „умственныхъ дегенератовъ“.

Нора, Гильда и другія „умственныя дегенератки“ попали въ отдѣленіе для „истеричекъ“; умственнымъ дегенератамъ—Геддѣ Габлеръ, Регинѣ отведена палата „нравственныхъ идіотовъ“; Агнесъ, жена Сольнеса, Рубекъ — умственные дегенераты съ умственной дряблостью; Гердъ и Эйнаръ — полные возбужденія маніаки; Ромеръ и Рубекъ — меланхолики; Освальдъ, Левборгъ, Пееръ-Гюнтъ, Брендель—алкоголики и т. д., и т. д.

Намъ думается, что упрятать всѣхъ героевъ Ибсена въ сумасшедшій домъ, слѣдуя примѣру Фогта (изъ „Бранда“), мечтавшаго о „сумасшедшемъ домѣ“,—задача не трудная, но мало интересная и оригинальная послѣ знаменитаго опыта Макса Нордау.

Не въ клиникахъ и не въ палатахъ для душевно-больныхъ наблюдалъ своихъ героевъ Г. Ибсенъ, а... главный матеріалъ художникъ черпалъ изъ собственныхъ переживаній, все больше уходя въ глубь самого себя, стремясь „найти себя“.

Кто-то назвалъ Г. Ибсена героемъ собственныхъ драмъ. Въ этомъ много правды!

Въ своемъ развитіи Г. Ибсенъ прошелъ длинную лѣстницу и каждый періодъ его жизни заканчивался драмой. Каждая его пьеса являлась жизненнымъ итогомъ и не могла быть отнесенной къ другому періоду жизни автора.

„Катилина“, Фалькъ („Комедія любви“), „Брандъ“, „Пееръ-Гюнтъ“, Юліанъ Отступникъ („Императоръ и Галилеянинъ“), докторъ Штокманъ („Врагъ народа“), Грегерсъ Верле („Дикая утка“), „Строитель Сольнесъ“—это все тотъ же Ибсенъ только въ разныхъ маскахъ, Ибсенъ—всегда одинокій, Ибсенъ—то агитирующій, то клеймящій, то протестантъ, то язычникъ, то проповѣдующій, то исповѣдающійся, то вѣрящій въ правду, то слегка подсмѣивающійся надъ донъ-кихотами правды.

Гримстадъ, Бергенъ, Христіанія, Римъ, Дрезденъ и Мюнхенъ—встаютъ передъ нами одинъ за другимъ.

Мы слышимъ то норвежскаго націоналиста („Вожди на Гель-

[1]) Sur le théatre d'Ibsen. Par Robert Geyer, 1902.

голандѣ", „Претенденты на престолъ"), то скандинавца, то германца, то просто освобожденную человѣческую личность.

Подъ историческимъ плащомъ великаго мятежника въ царственномъ одѣяніи—Юліана Отступника или въ одеждѣ пастора—мы всюду слышимъ мятежную, безпокойную, одинокую душу поэта.

„Когда я писалъ „Катилину", я обиталъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я не могъ *освободиться отъ всего кипѣвшаго во мнѣ*, иначе какъ позволяя себѣ всякія выходки, чѣмъ скандализировалъ достойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ ничего понять изъ того, что волновалось въ моемъ мозгу" [1]),—пишетъ Г. Ибсенъ въ 1870 году Ганзену о своей первой пьесѣ, написанной въ 1850 году.

„Брандъ"—это я въ мои лучшіе годы [2]).

„Точно также самоанализъ, самоуглубленье доставили мнѣ черты Пееръ-Гюнта"..

„Я вложилъ въ Юліана много чертъ моего характера" [3]).

Тоже съ полнымъ основаніемъ можно сказать о всемъ, что Ибсенъ написалъ со времени своей зрѣлости.

Г. Ибсенъ, подобно толстовскому Нехлюдову, подходилъ къ каждой драмѣ, какъ къ дневнику, онъ спѣшилъ „отдѣлаться стихами" отъ того сора, который накоплялся съ теченіемъ времени въ его душѣ; онъ не писалъ для публики, а занимался „чисткой души".

То, что дѣлалъ Гоголь, преслѣдуя своего Хлестакова смѣхомъ сквозь слезы, то, что переживалъ Достоевскій, создавая подпольнаго человѣка и убивалъ его своимъ жестокимъ талантомъ, то же повторялось и въ творчествѣ Г. Ибсена, этого странствующаго Пееръ-Гюнта.

Въ этомъ отношеніи драгоцѣнны собственныя признанія Г. Ибсена въ его письмахъ.

Вотъ, что Ибсенъ писалъ о Пееръ-Гюнтѣ одному нѣмецкому переводчику: „Все, что перо мое написало, тѣсно связано со всѣмъ тѣмъ, что я пережилъ, если не на дѣлѣ, внѣшнимъ образомъ, то внутренно. *Каждое мое произведеніе задумывалось мною съ цѣлью интеллектуальнаго освобожденія и очищенія.* Никогда не удается совсѣмъ очиститься отъ вины и отъ соучастія во всемъ томъ, что совершаетъ общество, къ которому принадлежишь. Вотъ почему я написалъ на одномъ изъ произведеній слѣдующее посвященіе: *„Жить—это бороться противъ демоновъ сердца и мозга. Писать—это произносить надъ собой послѣдній приговоръ"* [4]).

---

[1]) Стр. 107.
[2]) Стр. 109 къ тому же Ганзену.
[3]) Стр. 159, ibid.
[4]) 212. 1880 г. О Пееръ-Гюнтѣ—одному нѣмецкому переводчику.

Въ письмѣ къ Брандесу по поводу „Дикой утки" онъ возвращается къ той же мысли: „Теперь [1]) я занятъ проектомъ новаго драматическаго произведенія въ 4 актахъ. Съ теченіемъ годовъ *всякія нездоровыя вещи накопляются въ насъ—имъ нужно найти выходъ*".

Когда въ 1874 году Г. Ибсенъ на короткое время вернулся на родину изъ добровольнаго изгнанія и студенты устроили ему торжественный пріемъ, Г. Ибсенъ, очень рѣдко говорившій на собраніяхъ, произнесъ рѣчь, въ которой проводилъ ту же мысль: творчество—это очищеніе духа.

„Я писалъ только о томъ,—говорилъ Г. Ибсенъ, — что меня трогало въ данный моментъ, либо когда что-либо великое и прекрасное, подобно молніи, пронизывало мои чувства. Я тогда старался все собрать воедино, обдумывалъ и составлялъ основу для формы и для мыслей. Это *поэтическое размышленіе становилось для меня освѣжающей купелью, которая дѣлала меня болѣе чистымъ*, болѣе свободнымъ, лучше приспособленнымъ, чтобы продолжать свой путь".

Итакъ, поэтическое размышленіе и борьба противъ демоновъ сердца—вотъ источникъ творчества Г. Ибсена. Можно сказать, что онъ написалъ всего одну драму со многими дѣйствіями и герой этой драмы—онъ самъ.

Прочтите его драму „Комедія любви", написанную въ 1862 г., за два года до отъѣзда за границу изъ душной, отвратительной атмосферы мѣщанскаго общества.

Страстные монологи Фалька, его перерожденіе изъ поэта-эстетика въ поэта-борца говорятъ намъ о выработкѣ одного изъ членовъ символа вѣры у самого Г. Ибсена.

Мы не будемъ говорить о характерахъ Фалька и подруги его Свангильды. „Онъ—мужество и женственность — она", онъ — соколъ, она—лебедь,—этого достаточно сказать.

Важно отмѣтить тотъ глубокій переворотъ въ области духа, къ которому приходилъ поэтъ Фалькъ послѣ „поэтическаго размышленія" подъ вліяніемъ чистой и сильной любви Свангильды, женщины, которая не только равна мужчинѣ, а выше его, потому что благодаря своей чуткости видитъ раньше правильный путь.

Любить и воспѣвать свою любовь — вотъ первое побужденіе Фалька, бороться, быть „колоколомъ призывнымъ"—вотъ второе великое рѣшеніе Фалька въ тотъ моментъ, когда „со сцены сходитъ *комнатный поэтъ*".

Конторы достояніемъ
Поэзія бумажная годна служить
И лишь поэзія живая можетъ жить,
Лишь ей царить дано высоко надъ землею.

---

[1]) Стр. 239. 1883 г. О «Дикой уткѣ» Брандесу.

Такъ говоритъ Свангильда, и эта мысль постепенно овладѣваетъ душой Фалька. Въ поэтѣ-соловьѣ проснулся поэтъ-соколъ со взоромъ соколинымъ.

Онъ нашелъ себя! Онъ съ какимъ-то упоеніемъ повторяетъ сотый разъ на разные лады свою Ганнибалову клятву:

... Сегодня этой, *въ комнатахъ взрощенной,*
Поэзіи я навсегда прости сказалъ.
... Душа обновлена...
Творить *не на бумагѣ* будетъ впредь она,
Для *дѣла* въ ней, для *подвиговъ* есть силы...
... Себя *на дѣлѣ* покажу, *не на бумагѣ.*

Въ чемъ же заключается это „дѣло"?

„Юный удалецъ" спѣшитъ отвѣтить:

Вмѣшавшись въ гущу жизни, съ пѣсней на устахъ
Я попытаюсь *ложь развѣять въ прахъ.*
Она—иль я.

„Ложь развѣять въ прахъ"—таковъ отнынѣ лозунгъ поэта-сокола.

Съ этимъ лозунгомъ Фалькъ покидаетъ родину.

Уже будучи за границей, черезъ три года послѣ появленія въ свѣтъ „Комедіи любви", Г. Ибсенъ—Фалькъ, окончательно совлекаетъ съ себя ветхаго человѣка, „комнатнаго поэта" и объ этомъ дѣлаетъ интересное признаніе Бьернсону:

„... Здѣсь я пользуюсь очаровательнымъ покоемъ; знакомыхъ, къ которымъ нужно было бы являться, нѣтъ совершенно, читаю я только Библію—чтеніе здоровое и существенное".

„Если бы мнѣ нужно было оцѣнить результаты своего путешествія, я сказалъ бы, что оно заставило меня *покинуть точку зрѣнія чистой эстетики,* эстетики, разсматриваемой, какъ самоцѣнность. Когда-то я стоялъ исключительно на этой точкѣ зрѣнія, теперь *такъ* понимаемая эстетика кажется мнѣ проклятьемъ для поэзіи, какъ теологія проклятье для религіи" [1]).

Это письмо писалось въ то время, когда Ибсенъ пережилъ позоръ Норвегіи, покинувшей „брата въ мукѣ", и горе Даніи, задушенной Германіей и Австріей. Это писалось въ то время, когда Ибсенъ *не на бумагѣ,* а *на дѣлѣ* засвидѣтельствовалъ свою любовь къ свободѣ и человѣческому достоинству, съ негодованіемъ покинулъ „страну полулюдей" и заклеймилъ „*многообѣщающій*" народъ.

Сильный, съ тѣломъ борца, съ черной, какъ уголь, бородою, всегда одинокій, всегда „за отдѣльнымъ столомъ" въ кафэ,—Ибсенъ, „берущій небо приступомъ герой", обдумывалъ и создавалъ въ

---

[1]) Стр. 21. 1865 г. письмо къ Бьернсону „Lettres de Henrik Ibsen à ses amis tradnites par mme Martine Rémusat. 1906.

это время своего пастора Бранда, создавалъ съ великимъ гнѣвомъ въ сердцѣ и съ библіей въ рукахъ.

„Мое прибытіе [1]) въ Копенгагенъ,—писалъ Г. Ибсенъ Ганзену по поводу Бранда,—совпало со взятіемъ Дуббеля. Я присутствовалъ въ Берлинѣ при въѣздѣ короля Вильгельма съ трофеями и добычей. *Тогда я началъ Бранда.* Италію я нашелъ объединившейся, благодаря безграничному самопожертвованію, вмѣсто того, что замѣчается въ нашей странѣ. Если мы присоединимъ къ этому идеальный миръ Рима, посѣщеніе беззаботныхъ художниковъ... ты поймешь происхожденіе Бранда".

Въ своего Бранда художникъ вылилъ весь свой гнѣвъ, все свое пламенное возмущеніе противъ соломенныхъ людей...

Когда онъ писалъ своего Бранда, онъ былъ боленъ, когда онъ его кончилъ, онъ выздоровѣлъ, онъ „отдѣлался стихами" отъ „чернаго Эльфа", отъ мучительныхъ сомнѣній.

„Когда я писалъ Бранда, — вспоминаетъ поэтъ,—я имѣлъ на моемъ столѣ скорпіона въ стаканѣ. Отъ времени до времени послѣдній заболѣвалъ, тогда я давалъ ему фруктъ, на который онъ набрасывался съ бѣшенствомъ, чтобы впустить свой ядъ, послѣ чего выздоравливалъ вновь. Не походитъ ли онъ на насъ, поэтовъ?"

И въ „Комедіи любви", и въ „Брандѣ" чувствуется скандинавскій націоналистъ, который съ великою скорбью и гнѣвомъ видитъ, какъ страна викинговъ и гордыхъ утесовъ стала страною маленькихъ людишекъ, копошащихся на днѣ... жизни.

Уже Фалькъ обрушивается пламенной сатирой на родную страну и клеймитъ ее пророческими словами:

Какъ сынъ Израиля, стою я на порогѣ
Съ *дорожнымъ посохомъ.* Ты, родъ тупой,
Къ странѣ обѣщанной не видящій дороги...
Ты вѣка рабъ, минуты рыцарь, строй
Гробницы для тирана фараона...

Черезъ три года вмѣсто Фалька съ дорожнымъ посохомъ, поднимается могучая библейская фигура Бранда, этого проповѣдника съ Фьерда. Сколько ненависти и любви у этого суроваго борца къ родинѣ! Правдивую отповѣдь услышала Норвегія отъ Г. Ибсена въ монологахъ Бранда:

Буря на сѣверѣ. Слышится кличъ,
Къ дѣлу живому зовущій.
Время настало народу смѣнить
Посохъ на мечъ закаленный...
Братья—въ бѣдѣ; окружаетъ ихъ врагъ,
Надо помочь имъ отбиться!
Что же народъ?! Обѣщанья забылъ,
Прячется, жмется трусливо...

---

[1]) Стр. 107—109. Ганзену. 1870 г.

Но не въ этой пламенной политической сатирѣ заключается главный интересъ Бранда, знаменовавшаго новый переходный періодъ въ моральныхъ воззрѣніяхъ Г. Ибсена.

Вы помните короткій діалогъ между Талькомъ и Свангильдой въ „Комедіи любви". Въ этомъ діалогѣ уже какъ бы намѣчалась будущая драма:

Фалькъ. Жизнь—долгъ, съ начала до конца—борьба и отреченье.

Свангильда. Но отреченіе не хилаго аскета...

Фалькъ. Но смѣлаго борца!

Жизнь и дѣло жизни Бранда—это борьба и отреченье съ начала и до конца, жертва суровому Богу Синая, Богу закона и Богу возмездія, на храмѣ котораго надпись гласитъ: „Иль все, иль ничего".

Какъ въ „Женщинѣ съ моря" струилась вольнолюбивая красота моря, заглянула ей въ глаза и манитъ ее къ себѣ въ образѣ „таинственнаго незнакомца", такъ въ Брандѣ, въ каждомъ его жестѣ чувствуется „человѣкъ съ Фьерда".

Нашъ домъ—въ ущельѣ мрачномъ...
...Здѣсь вѣчный сумракъ, вѣтеръ, сырость, холодъ,
Насквозь и тѣло леденитъ, и душу.
...Отъ міра скалами отрѣзанъ Фьердомъ,
Небесъ клочокъ лишь вижу надъ собой...

Отрѣзанный скалами *отъ міра*, въ мрачномъ ущельи, на твердой гранитной почвѣ хочетъ соорудить пасторъ Брандъ свой новый храмъ, на мѣсто стараго, смѣнивъ „ложь старую на новую".

На твердой гранитной почвѣ можетъ произрасти только страсть безъ улыбки и безъ цвѣтовъ.

Развѣ не тотъ же Фьердъ стоялъ у колыбели Ибсена въ годахъ его дѣтства?

Горное одиночество и легенда въ углу у камина, которую разсказывали подъ шумъ горной метели, туманный флеръ, закрывающій землю, — такова была „декорація" золотого дѣтства у Ибсена.

Мальчику было 8 лѣтъ, когда его богатые родители разорились и поселились въ горахъ... Вѣчно сосредоточенный, избѣгающій игры и дѣтей, росъ будущій писатель.

Въ 1842 году мальчика отдали въ школу, управляемую теологами, гдѣ серьезное вниманіе удѣлялось библіи. Эта библія была всегда настольной книгой Ибсена; съ библіей онъ никогда не разставался.

Его мать—кроткая, молчаливая и задумчивая, въ высшей степени религіозная (не даромъ она была дочерью пастора)—несомнѣнно вліяла на духовный складъ Г. Ибсена.

Къ 16 годамъ Ибсенъ осиротѣлъ и собственными усиліями сталъ пробиваться къ жизни. Протестантско-религіозное настрое-

ніе, аскетизмъ и отреченье развивались и крѣпли въ душѣ мальчика.

Однажды Г. Ибсенъ путешествовалъ въ горахъ со своими товарищами въ годы своей ранней юности; утомленные, они легли спать, „какъ нѣкогда Іаковъ, на камняхъ“.

Ибсенъ заснулъ и вотъ ему приснилось, будто подошелъ къ нему ангелъ и сказалъ: „Встань и слѣдуй за мной“.

Исполненный трепета, юноша послѣдовалъ за небеснымъ посланникомъ и вдругъ увидѣлъ огромный мертвый городъ со слѣдами развалинъ. Это были міръ труповъ, остатковъ поблекшаго величія, уже безславнаго могущества...

И сказалъ ангелъ совсѣмъ тихо своему потрясенному ужасомъ спутнику: „Ты видишь? Все суета!“

И юноша услышалъ шумъ милліоновъ человѣческихъ голосовъ, а затѣмъ ревъ бури и проснулся весь въ поту...

Прошло 20 лѣтъ и этотъ вѣщій сонъ-предчувствіе вылился въ драму-эпопею: юноша, бесѣдовавшій съ ангеломъ и не разстававшійся съ библіей, выросъ въ суроваго фанатика Бранда.

Интересно, что самое завершеніе свое получила драма опять таки подъ сѣнью церкви.

„Однажды,—пишетъ Г. Ибсенъ Бьернсону,—я вошелъ въ соборъ св. Петра и внезапно все то, что я долженъ былъ сказать, явилось предъ моимъ умственнымъ взоромъ въ ясной и точной формѣ. Я бросилъ за бортъ все, что въ теченіе года меня мучило, не приводя ни къ чему. Никогда я не работалъ съ такой легкостью. Какъ только что написанная работа это ново, но идея, содержаніе тяготѣли надо мной, какъ кошмаръ съ тѣхъ поръ, какъ печальныя событія, происшедшія въ Норвегіи заставили меня углубиться въ себя и задуматься надъ жизнью нашей страны и надъ многимъ, во что я раньше не вникалъ“ [1])...

Жюль Леметръ въ одной изъ своихъ статей назвалъ книги Д. Элліотъ и Г. Ибсена „книгами протестантскими“. Намъ думается, этотъ эпитетъ во всякомъ случаѣ подходитъ къ драмѣ Г. Ибсена „Брандъ“.

Какъ же относится самъ Г. Ибсенъ къ своему герою, захотѣвшему воплотить идею въ дѣйствіе и построить новый храмъ, только болѣе просторный и разрушавшаго цѣною страшныхъ жертвъ старый компромиссъ во имя новаго компромисса?

Г. Ибсенъ, создавая Бранда, уже переросъ фанатизмъ Бранда, и богъ Г. Ибсена уже выше бога Синайскаго.

Часто сливается художникъ со своимъ героемъ, часто его устами онъ высказываетъ свои завѣтнѣйшія мысли, но не менѣе часто онъ уже отъ него отдѣляется, онъ уже противопоставляетъ

---

[1]) Стр. 21. 1865 г. Бьернсону.

религіозной печали языческую радость жизни, темному Фьерду—солнце юга.

Не Гердъ безумная, эта абстракція недосягаемыхъ высотъ, а кроткая Агнесъ, воплощеніе любви и чуткости, зовущая къ солнцу, привлекаетъ сердце читателя.

Устами Агнесъ, а иногда доктора наносятся страшные удары холодной и суровой морали, не желающей знать любви къ человѣку.

Развѣ въ концѣ драмы не преображается Брандъ; развѣ не глядитъ онъ на снѣжныхъ высотахъ въ лицо новому богу „съ яснымъ взглядомъ, сіяя и весь какъ бы помолодѣвъ“. Развѣ не говоритъ онъ:

Долгомъ доселѣ считалъ я служить
Чистой скрижалью для Бога.
Чувствомъ согрѣта и *смысла полна*
Жизнь моя будетъ *отнынѣ*...

Развѣ, наконецъ, не называетъ себя Богъ вопрошающему Бранду, среди грома и молнію: я deus Caritatis?

Въ 1867 году подъ сѣнью лимонныхъ рощъ, подъ солнцемъ юга создается фантастическая драма-эпопея Пееръ-Гюнтъ.

„Отрекись“—требуетъ Брандъ суровымъ голосомъ. „Будь самимъ собой“,—говоритъ Пееръ-Гюнтъ, смѣясь, какъ весенняя греза.

Какъ въ Брандѣ художникъ далеко не все принимаетъ, такъ, разумѣется, въ Пееръ-Гюнтѣ далеко не все отбрасываетъ.

Брандъ и Пееръ-Гюнтъ дополняютъ и освѣщаютъ другъ друга.

Фьердъ и солнце, религіозная печаль и языческая радость—сталкиваются лицомъ къ лицу.

Г. Ибсенъ идетъ дальше.

На мѣсто Бранда и Пееръ-Гюнта должны прійти императоръ и галилеянинъ, языческое міросозерцаніе, жизнерадостное и свѣтлое, и враждебное ему христіанское, суровое и мрачное, какъ сѣверный Фьердъ.

На мѣсто національной идеи должна прійти идея всечеловѣческая...

Какъ создалась эта драма и какъ самъ Ибсенъ смотрѣлъ на нее? Объ этомъ онъ не разъ говорилъ въ своихъ письмахъ.

„Императоръ и Галилеянинъ“ [1])—первая работа моя, которую я написалъ подъ вліяніемъ *интеллектуальной нѣмецкой жизни*... ...Во время моего четырехлѣтняго пребыванія въ Римѣ я изучалъ исторію и дѣлалъ замѣтки, имѣя въ виду написать „Императора и Галилеянина“, но я не только тогда не началъ писать драму, но у меня не было даже плана работы. *Я тогда былъ скандинавскимъ націоналистомъ* и мнѣ не удалось овладѣть столь

[1]) Стр. 264. A Iulius Hoffory.

новымъ для меня сюжетомъ. Но великая эпоха, пережитая Германіей, развернулась у меня на глазахъ: годъ войны и послѣдовавшій за нимъ національный подъемъ. Эти событія произвели во мнѣ переворотъ: *раньше я разсматривалъ всеобщую историческую и человѣческую жизнь съ точки* зрѣнія націи, но мои взгляды расширились и я перешелъ *отъ націи къ расамъ*. Тогда я могъ написать „Императора и Галилеянина". И все было закончено весной 73 года"...

Что же является предметомъ новой драмы? По свидѣтельству самого автора, „конфликтъ [1]) между двумя непримиримыми силами. Такъ какъ этотъ конфликтъ долженъ повторяться постоянно въ міровой жизни, я называю ее всемірной драмой"... „Движеніе, происходящее за границей, придаетъ ему характеръ современности, чего я не предвидѣлъ" [2]).

Въ своей драмѣ „Императоръ и Галилеянинъ" Г. Ибсенъ отрѣшается отъ національзма. Старое понятіе „отечество" его уже не удовлетворяетъ болѣе. „Для меня совершенно невозможно поселиться въ Норвегіи,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ.— Ни въ какой другой странѣ я не чувствую себя такимъ чужакомъ".

Послѣ этой драмы наступаетъ перерывъ. Цѣлыхъ четыре года Г. Ибсенъ копитъ впечатлѣнія, размышляетъ, готовится, вѣрный своему девизу „смотрѣть и понимать".

Въ 1877 году появляются на свѣтъ „Столпы общества", въ 1879 году „Кукольный домъ", въ 81 году „Призраки", въ 1882 г. „Врагъ народа"... Всѣ эти пьесы связаны одна съ другой, онѣ вытекаютъ изъ предыдущаго и приводятъ къ послѣдующему.

„Кто правъ изъ насъ: *общество или я*"—вотъ вопросъ Норы, который проходитъ красной нитью черезъ всѣ эти драмы; это вопросъ самого художника.

Государственныя учрежденія, или цѣльная личность, ложь и лицемѣрье дирижирующихъ классовъ, или правда и свободное исканіе; „господство сплоченнаго большинства", или свобода личности; кукольный домъ или союзъ равныхъ; „все или ничего"— надъ этими вопросами работаетъ мысль художника и въ его письмахъ, и въ его драмахъ.

Въ „Комедіи любви" и „Брандѣ" уже намѣчались эти вопросы.

> Цѣль личности вѣдь—быть на дѣлѣ
> Самостоятельной, правдивой и свободной"—

говоритъ Свангильда; должно „изъ обрывковъ душъ, обломковъ жалкихъ духа возсоздать вновь что-то цѣльное"—не разъ

---

[1]) Стр. 159. Л. Даэ. 1873 г.

[2]) Интересно отмѣтить, что почти одновременно съ драмой Г. Ибсена вслѣдъ за франко-прусской войной появляется „Происхожденіе трагедіи" Ф. Ницше.

повторялъ Брандъ; уже въ этихъ драмахъ общество и государство выступили со своимъ основнымъ принципомъ, по мнѣнію Г. Ибсона,—„обезличиванія“, „нивеллировки“.

Общество изгоняетъ Фалька, толпа побиваетъ камнями Бранда, а снѣжная лавина его засыпаетъ, какъ бы символизируя нивеллировку.

Уже въ Брандѣ ясно обозначается трагическая фигура одинокаго человѣка. Развѣ за плечами пастора Бранда не предчувствуется фигура доктора Штокмана? И развѣ не посмѣялась надъ обоими нелѣпость общественныхъ отношеній, когда дали Бранду въ спутники единственнаго человѣка—безумную Гердъ, а Штокману—единственный поддерживающій его на митингѣ голосъ пьянаго.

Фогтъ, „сынъ народа“ изъ „Бранда“, этотъ доброжелательный „палачъ своей страны“, который мечтаетъ (ибо и представители власти имѣютъ мечты!) построить „общественный замокъ“ и „сумасшедшій домъ“, чтобы упрятать туда „и нищету, и весь осадокъ грязи, и порокъ, и, наконецъ, безуміе, что прежде гуляло безъ надзора, безъ призора“—является воплощеніемъ власти.

Задачи государства опредѣляются пробстомъ въ его діалогахъ съ Брандомъ:

Должны идти все ровнымъ шагомъ въ ногу—
Вотъ цѣль и вотъ ученье государства...

и далѣе:

Должны надѣть вы *времени мундиръ*
И въ тактъ идти съ толпою подъ команду
Капрала съ палкою въ рукахъ. *Капралъ*—
Вотъ самый современный идеалъ.

Вотъ противъ этого капрала и возстаетъ личность въ драмахъ Г. Ибсена, уже отрѣшившагося отъ націонализма и подошедшаго вплотную къ мучившему его вопросу.

Въ „Столпахъ общества“ и во „Врагѣ народа“ онъ всѣмъ этимъ „сынамъ народа“, всѣмъ этимъ почтеннымъ и уважаемымъ руководителямъ большинства, бросаетъ въ лицо свою горькую правду. Художникъ припомнилъ исторію собственныхъ скитаній и потребовалъ „общественное мнѣніе“ на судъ передъ святыней своего „я“. Онъ идетъ одинъ противъ всѣхъ, онъ вкладываетъ въ уста Штокмана, у котораго толпа разбила камнями стекла дома, знаменитую фразу: „Человѣкъ наиболѣе одинокій—наиболѣе сильный“.

Разумѣется, это далеко не случайная фраза, это—вопль изъ глубины души самого Г. Ибсена.

Еще въ 1872 году эта мысль уже высказывается Г. Ибсеномъ въ его письмѣ Брандесу: „Я узналъ, что вы образовали общество; не разсчитывайте на каждаго изъ тѣхъ, кто присоединяется къ вамъ. Главное—это заставить примыкающихъ къ вамъ принять

ваши предпосылки. Я не увѣренъ, что ваша позиція укрѣпится, благодаря этому пріему. По-моему: *одинокій—самый сильный*" [1]).

За десять лѣтъ, прошедшихъ послѣ этого письма, Г. Ибсенъ, считавшій себя „передовымъ борцомъ на аванпостахъ" [2]), только укрѣпился въ этой мысли. Въ своихъ письмахъ онъ постоянно возвращается къ ней и все рѣзче ее развиваетъ.

Мы приведемъ выдержки изъ двухъ писемъ, въ которыхъ Г. Ибсенъ опредѣляетъ роль толпы или большинства и тѣхъ, которые идутъ „впереди большинства по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ"...

Вотъ выдержка изъ его письма, написаннаго во время работы надъ драмой „Врагъ народа":

...„Все болѣе и болѣе становится для меня очевиднымъ, что заниматься политикой и присоединяться къ какой-нибудь партіи—это идти навстрѣчу деморализаціи. Никоимъ образомъ я не могъ бы стать членомъ партіи, которая имѣла бы за собой большинство [3]). Бьернсонъ говоритъ: большинство всегда право. Политикъ практической складки долженъ такъ говорить, я же говорю: *меньшинство всегда право*... ...Я имѣю въ виду меньшинство, которое идетъ постоянно впередъ и оставляетъ за собой большинство. Я думаю, что тотъ правъ, кто ближе къ тому, чтобы стать въ согласіи съ будущимъ".

Это пишетъ Г. Ибсенъ въ 1882 году.

Въ концѣ этого же года, по окончаніи „Врага народа", онъ самъ подчеркиваетъ связь своихъ писемъ съ драмой: „Вотъ уже недѣля, какъ я освободился отъ своего произведенія. Когда моя пьеса будетъ въ вашихъ рукахъ, вы поймете, насколько мнѣ казалось интереснымъ—я скажу даже забавнымъ—найти въ ней довольно много соображеній и мыслей, извлеченныхъ изъ моихъ писемъ къ вамъ" [4]).

Съ какимъ же оружіемъ выступаетъ одинокій человѣкъ противъ всего общества, противъ цѣлаго государства?

Его оружіе — правда. „Истина и свобода — вотъ столпы общества!"

Послѣ постановки „Призраковъ", въ которыхъ художникъ нарисовалъ не ложь карьеристовъ изъ корыстныхъ побужденій, а ложь святую матери изъ стремленія сберечь очагъ и достоинство семьи, нарисовалъ и показалъ ея гибельность для людей. Г. Ибсенъ снова очутился на распутьи.

„Призраки" вызвали бурю негодованія, въ нихъ готовы были видѣть проповѣдь разврата; великая правда художника превратилась въ большую ложь въ глазахъ тѣхъ, для кого драма была написана. Художникъ начинаетъ приходить къ убѣжденію, что

---

[1]) Стр. 141. 4 апр. 1872 г. Брандесу.
[2]) Стр. 238. 1883 г. Брандесу.
[3]) Стр. 222. Брандесу. 82 г. Янв. 3.
[4]) Стр. 232. Брандесу. 82 г. Сент. 21.

человѣкъ еще не созрѣлъ для истины—онъ привыкъ къ своимъ миражамъ. Онъ долженъ, какъ выздоравливающій, воспринимать исцѣляющія его идеи мало-по-малу. Въ такомъ настроеніи Г. Ибсенъ на пятьдесятъ седьмомъ году жизни пишетъ свою новую драму „Дикая утка". Кто смѣетъ утверждать, что не имѣетъ крупинокъ дроби въ собственномъ крылѣ? Можетъ ли это утверждать самъ художникъ?

Въ Грегерсѣ Верле новый Ибсенъ осмѣиваетъ стараго, въ томъ самомъ Верле, который со своей донкихотски понимаемой правдой вноситъ всюду не жизнь, а смерть. Ему противопоставляется человѣколюбивый докторъ Роллингъ, подобно Лукѣ М. Горькаго, считающій ложь стимулирующимъ принципомъ у человѣка.

За нѣсколько лѣтъ самъ Г. Ибсенъ измѣняетъ своей правдѣ до конца, своему принципу—„все или ничего" и принужденъ пойти на компромиссъ. Мы говоримъ о согласіи Г. Ибсена измѣнить конецъ его драмы „Кукольный домъ", хотя онъ прекрасно сознавалъ, что вся пьеса сводилась именно къ такому окончанію [1]).

„Драма моя въ первоначальной редакціи,—пишетъ Г. Ибсенъ директору вѣнскаго театра Генрику Лаубе,—увѣнчалась безпримѣрнымъ успѣхомъ въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ и Христіаніи. Иную развязку я написалъ *вовсе не по убѣжденію, а по желанію антрепренера и актрисы* той труппы, которая ставила ее на сѣверѣ Германіи" [2]).

Позднѣе такое измѣненіе редакціи Ибсенъ объяснилъ тѣмъ, что у него *не „было выбора"*.

Оказалось, что одинокій человѣкъ—не всегда сильный, а сильный человѣкъ не всегда хочетъ быть одинокимъ, и не всегда дѣлаетъ выборъ въ сторону неуклоннаго проведенія въ жизнь своей идеи.

И когда Г. Ибсенъ говоритъ свое „не было выбора", намъ слышится гнѣвный голосъ Бранда, готоваго разбить свои скри-

---

[1]) Въ первоначальной редакціи Нора, сознавшая въ себѣ человѣка, уходитъ изъ кукольнаго дома, въ измѣненной редакціи конецъ получился такой:

Гельмеръ. Уходи! (Схвативъ за руку). Но ты вѣдь посмотришь дѣтей по крайней мѣрѣ послѣдній разъ.

Нора. Оставь меня, я не хочу ихъ видѣть.

Гельмеръ. (Толкая ее къ двери налѣво). Ты ихъ увидишь! (Открываетъ дверь и говоритъ глухимъ голосомъ). Они проснутся, они позовутъ свою мать и будутъ сиротами.

Нора. (Въ порывѣ страшной внутренней борьбы). Сиротами?... Я упрекаю себя, но я не могу ихъ оставить! (Она склоняется передъ дверьми).

Гельмеръ. (Страшно счастливый). Нора! (Занавѣсъ падаетъ).

[2]) См. Lettres de Henrik Ibsen, стр. 202—203. 1880 г. à Henrik Laube.

жали, подобно Моисею, и на этихъ скрижаляхъ горятъ заповѣди: „Богатъ или нищъ—не знаю компромиссовъ!"... „Чего хочу—я до конца хочу"...

...„Не уступалъ я никогда"!..

Въ 1892 году Г. Ибсенъ пишетъ своего „Строителя Сольнерса". Усталость художника сообщилась и герою драмы: это уже не герой, „берущій небо приступомъ"... Сама драма—не проповѣдь, а исповѣдь старика, которому уже исполнилось 64 года и который уже предвидитъ свой законъ.

„Строитель Сольнесъ"—это резюмэ ибсеновскихъ драмъ. Въ этой драмѣ архитекторъ, начавшій строить вмѣсто жилищъ для людей высокія башни къ небу, протягиваетъ свою уже ослабѣвшую руку пастору Бранду, соорудившему „новый храмъ вмѣсто стараго" и мечтавшему „въ храмъ обратить государство".

Во всѣхъ драмахъ, которыхъ мы едва коснулись, прежде всего выступаетъ всегдашнее стремленіе Г. Ибсена къ нравственному самоусовершенствованію. „Святыня" для Ибсена выше всего.

Подобно тому, какъ античное государство поглощало личность и стирало ее, такъ личность ибсеновскихъ драмъ поглощаетъ государство и стираетъ его.

Для Г. Ибсена, какъ и для Л. Толстого, политическія формы, ихъ перемѣны—только поверхность, глубина—это коренное измѣненіе человѣческаго духа.

„Я ничего не жду отъ частичныхъ реформъ" [1],—повторяетъ часто Г. Ибсенъ

Ибсенъ всегда сремился къ свободѣ, но его свобода это—не политическая свобода [2]).

Мало того, Г. Ибсенъ—это олицетвореніе вѣчнаго стремленія—признавался неоднократно, что онъ любитъ „только борьбу за свободу", но нисколько не заботится „объ обладаніи ею" [3]).

„Кто владѣетъ свободой иначе, чѣмъ въ видѣ стремленія къ желаемому благу, тотъ владѣетъ бездушной и безденежной вещью. Понятію свободы [4]),—пишетъ онъ Брандесу въ 1871 году (въ годы Коммуны),—присуще постоянно расширеніе самаго понятія, и тотъ, кто во время борьбы остановится и крикнетъ: она у меня въ рукахъ,—докажетъ, что онъ именно потерялъ ее... Но это безплодное обладаніе нѣкоторыми свободами и характерно для общества организованныхъ въ государства и о немъ-то я и говорю, что оно вовсе не является благомъ".

---

1) См. стр. 131, письмо къ Брандесу.
2) Стр. 117 къ Брандесу.
3) Стр. 115 1870 г. Дрезденъ. Брандесу.
4) Стр. 118.

Что же считаетъ Г. Ибсенъ свободой, въ лучшемъ смыслѣ этого слова?

Пусть онъ самъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ:

„Нужно уничтожить государство. Эту революцію я одобряю, бороться съ идеей государства, представлять индивидуальную иниціативу въ психическомъ мірѣ—это и есть начало дѣйствительно цѣнной свободы" [1]).

Въ годы своей молодости о свободѣ личности и объ уничтоженіи государства, закрѣпостившаго личность, Г. Ибсенъ выражался въ стилѣ, еще болѣе анархическомъ. Въ стихотвореніи „Моему другу—оратору революціонеру" Г. Ибсенъ такимъ образомъ отвѣчалъ на упрекъ въ томъ, что сталъ консерваторомъ:

„Не разсчитывайте на меня, чтобы мѣнять пѣшекъ. Но если вы хотите опрокинуть игру—я съ вами.

Я признаю лишь одну революцію—это потопъ. Но даже и тогда дьяволъ потерялъ тамъ свои права, а Ной захватилъ диктатуру.

Сдѣлаемъ еще разъ эту революцію, но болѣе полной: вы доставите воду, необходимую для наводненія, а я взорву ковчегъ".

Нужно ли удивляться, что въ статьѣ одного изъ анархистовъ Ибсена называютъ „безсознательнымъ анархистомъ"?

Обыкновенно при этомъ забываютъ цѣлый рядъ другихъ фактовъ, противорѣчащихъ только-что приведеннымъ выдержкамъ. Укажемъ, что тотъ же самый Г. Ибсенъ, который ополчился противъ „политики", самъ неоднократно вмѣшивался въ политику: въ 1848 году онъ обращается съ призывомъ къ возставшимъ венгерцамъ, въ 1864 году вмѣшивается въ конфликтъ Германіи и Австріи съ Даніей, въ цѣломъ рядѣ драмъ, черезъ головы Бранда, Фалька онъ обращается къ своимъ соотечественникамъ съ политической проповѣдью.

Мало того, не только въ эти годы, а и позже, уже послѣ приведеннаго стихотворенія и цѣлаго ряда писемъ 1870 и 1871 годовъ, уже въ 1872 году изъ Дрездена Г. Ибсенъ пишетъ такія въ высшей степени буржуазно-мирныя строки:

„Я часто спрашиваю себя, *чего мы должны ожидать отъ нашего новаго короля* въ его положеніи? Человѣкъ съ твердымъ духомъ, чуждый страха, могъ бы сдѣлать многое, но я сомнѣваюсь, что у него имѣется это качество. Одно несомнѣнно, что онъ не можетъ сдѣлать ничего хорошаго, окруженный теперешними совѣтниками" [2]).

Согласитесь, что отъ этихъ строкъ вѣетъ кадетской идилліей, а не анархизмомъ.

---

[1]) Стр. 117—118.

[2]) Стр. 149—150 A. S. H. Fhoresen. Письмо изъ Дрездена 27 сентября 1872 г. послѣ Коммуны.

Г. Ибсенъ былъ такъ же далекъ отъ анархизма, какъ и отъ соціализма, онъ стоялъ на перепутьи, мало того, онъ стоялъ спиной къ отжившему старому обществу, былъ его отрицателемъ, онъ обращалъ свое лицо къ будущему.

Этого было достаточно для французскихъ соціалистовъ и даже не-соціалистовъ для того, чтобы сопричислить Г. Ибсена къ сонму соціалистовъ.

„Справедливость требуетъ воздать Ибсену,—пишетъ Lambert [1]),—такое же уваженіе, какое воздается соціализму. Развѣ онъ не бросаетъ, подобно соціализму, крика протеста противъ существующаго неравенства, крика, который долженъ быть услышанъ? Развѣ онъ не вопіетъ объ опасности среди благополучія? Развѣ онъ не говоритъ о гибели государства, если оно не пойдетъ впередъ по пути прогресса?..“ Самъ Г. Ибсенъ несомнѣнно сочувствовалъ соціализму, что ясно выразилъ въ письмѣ литературу Брекстаму, жившему въ Лондонѣ и распространявшему тамъ скандинавскую литературу. Это письмо было напечатано 20 августа 1890 года въ англійской газетѣ „The Daily Chronicle“ [2]).

„Я не говорилъ, что я никогда не изучалъ соціалъ-демократическихъ теорій, наоборотъ, онѣ меня очень интересовали и я употреблялъ всѣ усилія, чтобы познакомиться съ ними, я сказалъ только, что у меня не было времени изучить столь богатую литературу, посвященную различнымъ соціалистическимъ системамъ. Воспроизводя мое заявленіе о томъ, что я не присоединяюсь къ соціалъ-демократической партіи, корреспондентъ не долженъ былъ бы опускать и того, что я прибавилъ, именно, что я не принадлежу и, конечно, никогда не буду принадлежать ни къ какой партіи. Мой темпераментъ дѣлаетъ для меня необходимымъ работать совершенно независимо и идти своимъ собственнымъ путемъ. Разсказъ корреспондента о моемъ удивленіи, вызванномъ тѣмъ фактомъ, что моимъ именемъ воспользовались для соц.-дем. агитаціи, можетъ повести къ недоразумѣніямъ, на самомъ дѣлѣ я сказалъ, какъ я былъ удивленъ, констатируя, что я, посвятившій себя изображенію человѣческихъ характеровъ и судебъ, во многихъ отношеніяхъ вовсе не стремясь къ тому, *пришелъ къ результатамъ, тождественнымъ тѣмъ, къ которымъ привели научныя изслѣдованія соціалистическихъ философовъ-моралистовъ*“ [3]).

Въ своей интересной брошюрѣ „Генрикъ Ибсенъ“ виднѣйшій представитель международной соціалъ-демократіи Г. В. Плехановъ пытается выяснить общественную сторону творчества Ибсена и

---

[1]) „Revue internationale de sociologie“.

[2]) Берлинскій корреспондентъ интервьюировалъ въ Мюнхенѣ Ибсена по поводу его отношенія къ соц.-дем.

[3]) Стр. 271—272, Ibid.

опредѣлить характеръ той почвы, на которой создалась точка зрѣнія Г. Ибсена.

Г. В. Плехановъ находитъ, что недостатокъ Г. Ибсена заключается не въ идейности, какъ часто указываютъ критики, а въ томъ, что онъ не сдѣлался идейнымъ до конца.

Въ чемъ это проявилось?

Не только въ томъ, что Г. Ибсенъ держался идеалистическаго метода рѣшенія общественнаго вопроса и стоялъ на точкѣ зрѣнія отвлеченной противоположности между истиной и заблужденіемъ, а и въ томъ, что въ его умѣ „всѣ эти вопросы получали слишкомъ узкую формулировку, не соотвѣтствующую широкому размаху общественной жизни въ современномъ капиталистическомъ обществѣ“.

Чѣмъ же объяснялась и эта узкая формулировка, и пользованіе идеалистическимъ методомъ?

По мнѣнію Г. В. Плеханова, тѣмъ, что Г. Ибсенъ родился, выросъ и возмужалъ въ мелкобуржуазной средѣ. Самый характеръ отрицанья у Г. Ибсена былъ „предопредѣленъ характеромъ этой среды“.

Въ мелкобуржуазномъ обществѣ лица, „духъ“ которыхъ склоненъ къ бунту, не могутъ не быть рѣдкими исключеніями изъ общаго правила. *Духовные аристократы мелкобуржуазной среды* не пользуются почти никакимъ вліяніемъ на нее. Эти аристократы не представляютъ собой общественной силы; они остаются *отдѣльными личностями*. Зато тѣмъ усерднѣе они предаются культу личности...

Большинство, состоящее изъ пролетаріевъ, является единственнымъ классомъ, способнымъ беззавѣтно увлечь всѣхъ истинно-передовыхъ и благородныхъ людей, но пролетаріатъ совершенно отсутствуетъ въ мелкобуржуазномъ обществѣ и еще не образовался въ Норвегіи.

„Избранные“, „идеалисты“ за черепашьимъ шагомъ мелкобуржуазной страны не имѣютъ фактически возможности открыть причинную связь между „ходомъ вещей“ и „ходомъ идей“.

Изъ этихъ условій выводитъ Г. Плехановъ аполитичность мышленія Г. Ибсена, его „бунтъ ради бунта“ и его символизмъ.

Въ приведенномъ объясненіи, думается намъ, содержится большая доля истины, но только *доля* истины.

Г. В. Плехановъ слишкомъ большое значеніе придаетъ первымъ впечатлѣніямъ дѣтства и юности Г. Ибсена и вообще вліяніямъ норвежскихъ условій.

Индивидуализмъ—это дѣйствительно характерная черта норвежцевъ, разобщаемыхъ окружающей суровой природой.

Прозоръ, комментаторъ Г. Ибсена, подчеркиваетъ, что даже селятся норвежцы отдѣльными обособленными „единицами“. Въ развитіи этого индивидуализма большое участіе принимаетъ

не только мелкобуржуазный укладъ, но и географическія условія.

Дѣло, однако, въ томъ, что Г. Ибсенъ 27 лѣтъ, по собственному заявленію, провелъ „въ большихъ культурныхъ центрахъ" и эти 27 лѣтъ нельзя вычеркнуть изъ его жизни и изъ его творчества.

Въ письмѣ къ Христіану Эльстеру [1]) онъ подчеркиваетъ—да и не однократно подчеркивалъ—громадное вліяніе, оказанное на него жизнью Западной Европы. „Я знаю,—пишетъ онъ,—*чѣмъ* я обязанъ моему знакомству съ міровой жизнью! Часто я со страданьемъ думаю о весьма одаренныхъ людяхъ, способность и усилія которыхъ *связываются у насъ мелочными соціальными условіями существованія*".

Важно, однако, отмѣтить не только эти годы странствованія, когда Г. Ибсенъ сталъ *чужимъ* для Норвегіи; въ самомъ дѣтствѣ и юности Г. Ибсена было много фактовъ, разрывающихъ съ мелкобуржуазнымъ укладомъ.

Достаточно указать, что ему было 8 лѣтъ, когда родители его были разорены и забыты преданными друзьями, приходившими „въ гости"; достаточно вспомнить, что съ 16 лѣтъ Ибсенъ уже заботится о кускѣ хлѣба и зарабатываетъ для себя; достаточно вспомнить о его голодномъ пролетарскомъ существованіи въ тотъ моментъ, когда онъ писалъ свою „Катилину" или обращеніе къ венгерцамъ. Вмѣстѣ со своимъ другомъ молодой писатель—пролетарій дѣлитъ одну постель, не каждый день они обѣдали, мало ѣдятъ, но совершаютъ большіе променады и сотрудничаютъ въ соціалистическихъ еженедѣльникахъ.

Вся жизнь Г. Ибсена какъ бы содержитъ въ себѣ отраженіе двухъ укладовъ. Тутъ и аристократизмъ „единицы", отколовшейся отъ мелкобуржуазныхъ „нулей", но тутъ же страстное стремленіе „преобразовать весь міръ" въ духѣ свободы и братства. Двойственное, нецѣльное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ жизни сказывается во всѣхъ драмахъ Г. Ибсена, если хотите въ двойственности ихъ. Почти каждой своей драмѣ онъ *противопоставляетъ* другую: Бранду—Пееръ Гюнта, „Врагу народа"—„Дикую утку"...

Темный Фьердъ и солнце юга постоянно сталкиваются въ его драмахъ, нужно ли удивляться, что одинъ соціалистъ—Г. Плехановъ — называетъ его пессимистомъ, а другой соціалистъ заявляетъ:

„Ибсенъ—не пессимистъ [2]). Онъ не довольствуется выраженіемъ возможности нравственнаго возрожденія личности и обще-

---

[1]) „Bevue internationale de sociologie". Стр. 205.
[2]) „Revue Socialiste". 1906—VII. Gerfault. „Ibsen".

ства,—онъ указываетъ и на самую основу для этого возрожденія—любовь [1]).

„Черный Эльфъ“ и солнечный лучъ боролись въ душѣ драматурга-поэта, и никто иной, какъ Ибсенъ, создалъ и Бранда суроваго, какъ Фьердъ, и Агнесъ свѣтлую, какъ небо Италіи, прекрасную Сольнесъ, радостную Нору, создалъ образы женщинъ, которыя по своей нѣжности и чуткости могутъ конкуррировать съ женщинами Шекспира и Тургенева.

Не даромъ же отмѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ характерныя черты наружности художника: Г. Ибсенъ имѣлъ тѣло борца, сильное и закаленное, и нѣжныя руки женщины, въ которыхъ чувствовалась дрожь при каждомъ незначительномъ волненіи.

Всю свою жизнь этотъ норвежецъ, наслѣдникъ викинговъ, какъ его Фалькъ, отдаетъ людской борьбѣ, онъ привыкъ въ ней *самъ* „участье принимать, *и солнце чуять за туманной пеленою*“ и какъ Фалькъ онъ можетъ сказать о себѣ:

Ношу я лютню здѣсь, въ душѣ моей;
Двойной рядъ струнъ натянутъ въ ней:
Одинъ звучитъ мелодіей воздушной
О *радости* поетъ; звучитъ другой,
Какъ *стонъ изъ глубины*—протяжный и глухой.

В. Львовъ.

---

1) Въ „Revue Bleu“ (1903. VII) въ статьѣ Lugne Poë—„Ibsen et son public“—имѣется такое интересное заявленіе: „Пролетаріатъ великолѣпно схватываетъ самую суть ибсеновскихъ мыслей. „Дѣйствовать и умереть красиво“, „радость жизни...“—эти выраженія вошли въ обиходъ пролетарія, и я убѣжденъ, что не пройдетъ и 50 лѣтъ, какъ наиболѣе ревностнымъ поклонникомъ Г. Ибсена будетъ простой рабочій“.

Гаагская конференція.

Если первую гаагскую конференцію можно было хотя и съ большой натяжкой назвать мирной, то за второй, несомнѣнно, останется въ исторіи названіе *военной* конференціи. Какъ-никакъ, первая мирная конференція, хотя и безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ, но все-таки усердно дебатировала вопросъ объ ограниченіи дальнѣйшихъ вооруженій, о сокращеніи колоссальныхъ военныхъ бюджетовъ, разоряющихъ народныя массы и поглощающихъ до 30% и болѣе государственныхъ доходовъ, и громогласно заявляла устами ея наиболѣе видныхъ участниковъ о необходимости учрежденія третейскаго суда для разрѣшенія международныхъ конфликтовъ и т. п. Казалось бы, что 2-ой мирной конференціи слѣдовало сосредоточить все свое вниманіе на томъ, что въ конвенціяхъ 1899 г. носило специфически миролюбивый характеръ, но, въ дѣйствительности, 2-ая конференція, поскольку она дѣйствовала болѣе или менѣе единодушно, направила всю свою энергію, повидимому, на то, чтобы сдѣлать войну болѣе „гуманной", почти желательной, чуть ли не полезной. Поскольку же 2-ая конференція не могла придти къ какимъ-либо болѣе или менѣе единодушнымъ рѣшеніямъ, — это зависѣло отъ того, что одна сторона предлагала якобы въ интересахъ гуманности такую мѣру, которая съ военной точки зрѣнія должна была поставить въ крайне невыгодное положеніе другую сторону. Такъ, уполномоченные государствъ, не обладающихъ усовершенствованными военными шарами, требовали, чтобы употребленіе подобныхъ воздушныхъ кораблей было запрещено на войнѣ; такъ, державы, обладающія громадными броненосцами, требовали, чтобы было запрещено опять-таки въ интересахъ гуманности употреблять въ будущихъ морскихъ войнахъ подводныя миноносныя лодки, которыя могутъ лишь помѣшать современнымъ морскимъ гигантамъ осуществлять ихъ великую цивилизаторскую миссію въ дѣлѣ бомбардировки беззащитныхъ городовъ, уничтоженія мирныхъ непріятельскихъ кораблей и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, на „мирной" конференціи велась ожесточенная борьба между представителями различныхъ государствъ, борьба, которая лучше всего показала, что правительства каждой изъ великихъ державъ всѣми силами готовятся къ войнѣ

другъ съ другомъ и стараются воспользоваться конференціей лишь для того, чтобы проведеніемъ того или другого „гуманнаго“ проекта ослабить враждебную сторону.

Невольно даже у самаго непредубѣжденнаго наблюдателя является мысль, что не для чего было собираться въ Гаагѣ болѣе, чѣмъ 250 представителямъ 47 большихъ и малыхъ государствъ земного шара. Еще никогда человѣчество не видѣло болѣе торжественнаго собранія. Всѣ предшествующія конференціи, начиная отъ той, которая закончилась знаменитымъ Вестфальскимъ договоромъ, до недавней конференціи въ Алжесирасѣ— были сравнительно небольшими собраніями, созванными для разрѣшенія той или другой узкой и опредѣленной проблемы. Гаагская же „конференція мира“ собралась, судя по ея названію, какъ будто для рѣшенія одного изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, интересующихъ человѣчество, вопроса объ устраненіи кровавыхъ конфликтовъ, каждую минуту готовыхъ вспыхнуть въ той или другой части земного шара не только между государствами, соприкасающимися другъ съ другомъ, но и между такими, которыя, какъ Америка и Японія, настолько отдалены другъ отъ друга, что казалось, это одно должно было бы отдалить призракъ войны между ними. Такова должна была быть задача конференціи мира, если бы правительства современныхъ великихъ державъ, начиная отъ самыхъ прогрессивныхъ и либеральныхъ, вродѣ англійскаго, и кончая наиболѣе отсталыми, искренно стремились къ устраненію международныхъ конфликтовъ и къ изысканію путемъ международнаго обсужденія „наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный миръ“. Такъ какъ подобными задачами интересуются, повидимому, только правительства нѣкоторыхъ маленькихъ государствъ вродѣ Уругвая [1]), въ результатѣ вся работа конференціи, ея безчисленныхъ комиссій и подкомиссій сводится почти исключительно къ обсужденію разнаго рода вопросовъ объ употребленіи и расположеніи автоматическихъ контактныхъ подводныхъ минъ, о числѣ часовъ, въ теченіе которыхъ военное судно можетъ оставаться въ нейтральныхъ портахъ, объ организаціи международнаго призоваго суда, о расширеніи или суженіи понятія „военная контрабанда“, о бомбардировкѣ прибрежныхъ городовъ, объ употребленіи взрывчатыхъ и т. п. пуль, о примѣненіи воюющими державами кабелей, телеграфовъ, станцій безпроволочнаго телеграфа, находящихся во владѣніи нейтральныхъ государствъ и т. п.; однимъ словомъ, вопросовъ о томъ, *какъ вести войну, а не о томъ, какъ обезпечить миръ*. Здѣсь повторилась старая исторія съ индюкомъ, попавшимъ на кухню къ доброму повару; бѣднаго индюка не спрашивали, что предпочитаетъ онъ, быть ли зарѣзаннымъ или остаться

---

[1]) Уругвайское правительство внесло на разсмотрѣніе конференціи проектъ учрежденія обязательнаго третейскаго суда въ случаѣ возникновенія международныхъ конфликтовъ.

въ живыхъ: ему только предложенъ былъ вопросъ, подъ какимъ соусомъ онъ желаетъ быть поданнымъ къ столу, подъ кислымъ или сладкимъ. Повара, работающіе въ гаагской кухнѣ, не желаютъ утруждать подобными вопросами бѣдныхъ индюковъ и сами рѣшаютъ за нихъ, подъ какимъ соусомъ суждено погибнуть послѣднимъ въ будущей войнѣ между державами, собравшимися на конференціи.

Первая гаагская конференція дала намъ англо-бурскую, и затѣмъ русско-японскую войну, самое лучшее, что можетъ сдѣлать 2-ая — это не вызвать никакой войны; тогда не будутъ нужды въ примѣненіи всѣхъ этихъ жестокихъ и часто замысловатыхъ регламентовъ, какъ начинать войну, по древнему ли обычаю, освященному Святополкомъ, съ предварительнымъ объявленіемъ „иду на вы", или на современный ладъ, по образцу Россіи въ 1877 г. и Японіи въ 1904 г., далѣе, какъ опустошать непріятельскую территорію, какъ бомбардировать города, какъ топить вражескія суда, какъ морить голодомъ, разстрѣливать, колоть, подымать на штыки другъ друга, не рискуя какимъ-либо необдуманнымъ актомъ нарушить великіе принципы человѣчности и гуманности, установленные и торжественно возвѣщенные urbi et orbi съ высоты гаагскаго Синая. Того требуетъ вѣкъ прогресса и цивилизаціи! Нѣкогда вели войну безъ всякихъ правилъ: убивали, жгли, грабили, насиловали, потомъ производили приблизительный подсчетъ убитыхъ и оставшихся въ живыхъ и затѣмъ заключали миръ. Отнынѣ война будетъ вестись по всѣмъ правиламъ, согласно твердо установленнымъ принципамъ. Отнынѣ солдатъ, погибающій на полѣ сраженія подъ пулей или штыкомъ непріятеля, будетъ умирать съ улыбкой на устахъ, зная, что онъ отдаетъ свою жизнь во славу принциповъ, выработанныхъ на гаагской конференціи 250 представителями 47 большихъ и малыхъ государствъ.

А сколько надеждъ возлагалось многими наивными людьми именно на 2-ую гаагскую конференцію. 1-ая созвана была по почину самодержавнаго правительства, теперь же въ дѣло вмѣшались высоко-либеральныя правительства Англіи и Америки. Какъ было не надѣяться, что теперь пойдетъ ужъ музыка не та. Притомъ, только недавно міръ былъ свидѣтелемъ кровавой бойни на Дальнемъ Востокѣ. Все человѣчество узрѣло ужасы войны, видѣло подводныя мины, громадные броненосцы, взлетавшіе на воздухъ, тысячи селъ и деревень, исчезавшихъ въ дыму пожаровъ, видѣло страшныя пятнадцатидневныя битвы, гдѣ подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, среди грохота 12-ти-дюймовыхъ орудій и треска пулеметовъ таяли цѣлые полки и дивизіи... Еще никогда до того не было въ исторіи сраженій, въ которыхъ столько людей шли другъ на друга съ огнемъ и мечомъ, еще никогда ни въ одной войнѣ не погибало столько жертвъ въ угоду Молоху милитаризма. Не было сомнѣній у оптимистовъ, что теперь-то начнется на конференціи настоящая работа. Дипломаты,

еще не оправившіеся отъ тяжелыхъ впечатлѣній, вызванныхъ ужасами дальне-восточной драмы, напуганные роковой судьбой, развалом могущественнѣйшей въ мірѣ военной имперіи, сраженной въ томъ пунктѣ, гдѣ она казалась непобѣдимой, — сдѣлаютъ все возможное и приложатъ всѣ усилія, чтобы отдалить въ область прошлаго кровавые международные конфликты и направить человѣчество по пути мирнаго прогресса. Увы, всѣмъ этимъ прекраснымъ мечтамъ не суждено было осуществиться. Собралась 2-ая гаагская конференція и міръ очутился передъ зрѣлищемъ какого-то „dance macabre“ каннибаловъ, пляшущихъ вокругъ своихъ жертвъ и тщательно обдумывающихъ въ то же время великій гастрономическій вопросъ, какъ поступить съ жертвами, обреченными на закланіе: раскрыть ли имъ сначала черепъ, отрѣзать ли ноги, приступить ли прямо къ филейнымъ частямъ... Ахъ, бѣдняги, они хотятъ мира и покоя! Имъ дадутъ его, но дадутъ тотъ вѣчный загробный миръ, которымъ уже почиваютъ на поляхъ Манджуріи, въ глубинахъ Желтаго моря, въ ущельяхъ и плоскогорьяхъ Трансвааля и Оранжевой республики десятки и сотни тысячъ невинныхъ жертвъ, уснувшихъ вѣчнымъ сномъ въ угоду правящимъ классамъ какъ разъ послѣ 1-ой гаагской „конференціи мира“.

* * *

Неожиданное для многихъ превращеніе „конференціи мира“ въ заправскую конференцію войны представляетъ собой явленіе вполнѣ естественное, предугадать которое было не трудно. Чтобы понять смыслъ и значеніе этой метаморфозы, нужно только выяснить условія созыва 1-й и 2-й мирныхъ конференцій и раскрыть прежде всего побужденія, которыми руководилось русское правительство въ 1899 г., а затѣмъ нынѣ англійское, ратуя за пресловутое „сокращеніе дальнѣйшихъ вооруженій“, вопросъ о которомъ игралъ такую центральную, можно сказать доминирующую роль въ дебатахъ первой конференціи и былъ совершенно отодвинутъ на задній планъ на 2-й.

Когда девять лѣтъ тому назадъ была опубликована отъ имени русскаго правительства знаменитая „нота о разоруженіи“, многіе наивные люди повѣрили, будто наступаетъ новая эра въ исторіи человѣчества, весна въ жизни народовъ. Казалось, что могучее правительство величайшей въ мірѣ военной державы выступаетъ на борьбу съ милитаризмомъ, что послѣднему нанесенъ такой мощный ударъ, отъ котораго „военщина“ никогда не оправится. Рептильныя газеты—„Новое Время“, „Развѣдчикъ“, „Русскій Инвалидъ“ и т. д. лицемѣрно воскуряли фиміамъ правительству за его великій „безпримѣрный въ исторіи актъ государственной мудрости“, проливалъ слезы умиленія и старый „политикъ“ Южаковъ, благоговѣйно распространявшійся на страницахъ „Русскаго Богатства“ о „глубокихъ и благородныхъ соображеніяхъ высшаго порядка“, побудившихъ наше пра-

вительство выступить со своей пресловутой нотой. Глупцы и лицемѣры, наивные люди и сознательные плуты протянули другъ другу руки и, преклонивъ колѣна, соединились въ одномъ общемъ хорѣ славословія по адресу оффиціальнаго виновника знаменитой ноты. Когда затѣмъ собралась первая гаагская конференція, восторгамъ, радужнымъ мечтамъ, самымъ оптимистическимъ предсказаніямъ не было конца. Энтузіасты ликовали. Кончилась гаагская конференція, и скоро многіе оптимисты проснулись отъ своихъ радостныхъ мечтаній, разбуженные вначалѣ громомъ англійскихъ пушекъ у Тугелы и Магерсфонтена [1]), а затѣмъ чудовищнымъ грохотомъ русскихъ и японскихъ орудій на поляхъ Манджуріи. Теперь снова собралась, но уже по почину англійскаго, а не русскаго правительства „мирная" конференція въ Гаагѣ. Снова зашевелились пацифисты всѣхъ странъ и частей свѣта. Французскія, нѣмецкія, австрійскія и пр. „лиги мира" возликовали. Американская лига мира (Société americaine pour la paix) шлетъ петицію за подписью 2.300.000 членовъ предсѣдателю гаагской конференціи и выражаетъ свою глубокую увѣренность, что благословеніе Божіе почіетъ на трудахъ гаагскаго конгресса.

Между тѣмъ не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать, что отъ этой конференціи будетъ столь же проку, сколько и отъ 1-й. Въ Гаагѣ теперь, какъ и прежде, не разрѣшается въ дѣйствительности вопросъ объ улаженіи конфликтовъ между отдѣльными государствами, о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій или сокращеніи военныхъ бюджетовъ,— здѣсь лишь разыгрывается одна изъ тѣхъ комедій, въ которыхъ могутъ принимать участіе только искусившіеся въ лжи и обманахъ дипломаты большихъ и малыхъ государствъ.

Когда въ 1898 г. русское императорское правительство выступило съ „нотой о разоруженіи", произведшей на многихъ впечатлѣніе грома, разразившагося среди яснаго неба, оно, конечно, не руководилось какими-то „глубокими и *благородными* соображеніями высшаго порядка", какъ это старался доказать Южаковъ. Русское правительство никогда не руководилось въ своей внутренней или внѣшней политикѣ какими-либо „сентиментальными" побужденіями, да и вообще „благородныя соображенія" не играютъ никакой роли въ политикѣ правительствъ, хотя бы и самыхъ просвѣщенныхъ. Англія начинаетъ войну съ бурами, якобы изъ-за вопроса о расширеніи избирательнаго права на югѣ Африки и заканчиваетъ ее тѣмъ, что присоединяетъ и Трансваальскую, и Оранжевую республики къ своимъ владѣніямъ; Сѣверо-Американскіе С. Штаты объявляютъ войну Испаніи „за независимость острова Кубы" и въ концѣ концовъ присоединяютъ къ своимъ владѣніямъ не только Кубу, но и Филиппины, гдѣ на-

[1]) Гаагская конференція кончилась 29 іюля 1899, а южно-африканская война началась 12 октября того же года.

чиняютъ такую политику звѣрствъ и насилій, которыя не уступаютъ ужасамъ испанскаго произвола. И русское правительство, которое въ 1876 г., начавъ войну съ Турціей, якобы за освобожденіе Болгаріи, кончило ее тѣмъ, что попыталось превратить Болгарію въ русскую провинцію, ничѣмъ не отреклось отъ своей старой традиціонной политики, выступивъ съ пресловутой „нотой о разоруженіи". Вѣдь эта нота, значеніе которой было совершенно не понято даже ея многими русскими и западно-европейскими критиками, была не болѣе, какъ попыткой русскаго правительства довести боевую силу, военную мощь русскаго государства до такой степени, чтобы Россія сдѣлалась первой военной державой въ мірѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какова основная идея „ноты о разоруженіи?" Собственно о разоруженіи въ этой нотѣ не было ни одного слова, а шла рѣчь только о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій, что не одно и тоже. „*Положить предѣлъ дальнѣйшимъ вооруженіямъ*,—читаемъ мы въ нотѣ отъ 12 августа 1898 г.,—изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ долгъ всѣхъ государствъ... Въ убѣжденіи, что столь высокая цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія путемъ международнаго обсужденія наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный миръ и *прежде всего положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій* [1]).

Болѣе ясно всѣ эти стремленія русскаго правительства формулированы въ циркулярѣ отъ 30 дек. 1898 г. на имя представителей иностранныхъ государствъ въ Петербургѣ: „Основаніемъ для международнаго обсужденія на засѣданіяхъ конференціи могли бы въ общихъ чертахъ послужить слѣдующія положенія: 1) Соглашеніе, опредѣляющее на извѣстный срокъ сокращеніе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности, предварительное изученіе средствъ, при помощи которыхъ могло бы въ будущемъ осуществиться даже сокращеніе означенныхъ силъ и бюджетовъ [2]). 2) Запрещеніе вводить

---

[1]) Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Conférence internationale de la paix. Стр. 1. 2. Paris. 1899.

[2]) Отстаивая этотъ пунктъ русской программы, нашъ военный делегатъ полковникъ Жилинскій внесъ на разсмотрѣніе конференціи слѣдующій проектъ: 1) установленіе международнаго соглашенія на пятилѣтній срокъ, по силѣ котораго численность мирнаго состава армій, находящихся въ *метрополіи*, не должна быть увеличиваема, 2) опредѣленіе въ такомъ случаѣ, поскольку возможно, цифры мирнаго состава армій всѣхъ державъ, исключая *колоніальныя войска* (курсивъ здѣсь и выше нашъ. *М. П.*), 3) опредѣленіе на тотъ же пятилѣтній срокъ размѣровъ дѣйствующихъ военныхъ бюджетовъ. Внося этотъ проектъ, нашъ

въ употребленіе въ арміи и во флотѣ *какое бы то ни было новое огнестрѣльное оружіе* и новыя взрывчатыя вещества, а также и порохъ, болѣе сильно дѣйствующій принятаго въ настоящее время какъ для оружейныхъ, такъ и для орудійныхъ снарядовъ... [1]) 3) Запрещеніе употреблять въ морскихъ войнахъ подводныя миноносныя лодки или иныя орудія разрушенія того же свойства, обязательство не строить въ будущемъ военныхъ судовъ съ таранами.

Такимъ образомъ, если отбросить въ сторону пожеланія насчетъ будущаго, именно по вопросу о сокращеніи военныхъ силъ и бюджетовъ, мы увидимъ, что въ этой нотѣ, неправильно названной нотой о разоруженіи, русское правительство лишь предлагало европейскимъ и всѣмъ

делегатъ, ничуть не стѣсняясь, заявилъ, что подъ *русскими* колоніальными войсками императорское правительство разумѣетъ войска, расположенныя на Дальнемъ Востокѣ и въ Средней Азіи, и что по отношенію къ численности этихъ войскъ Россія оставляетъ за собой carte blanche, не беря на себя въ этомъ смыслѣ никакихъ обязательствъ. Одной этой черезчуръ ужъ откровенной оговорки было, казалось, достаточно, чтобы открыть глаза на смыслъ русской ноты тѣмъ наивнымъ людямъ, которые привыкли отыскивать въ актахъ «государственной мудрости» какія-то «глубокія и благородныя соображенія высшаго порядка».

[1]) Формулируя болѣе точно этотъ 2-й пунктъ, полковникъ Жилинскій внесъ предложеніе, чтобы державы обязались на опредѣленный срокъ сохранять принятый въ ихъ арміяхъ типъ ружей съ правомъ лишь частично улучшать этотъ типъ. 2-й русскій делегатъ Баранцевъ, развивая предложеніе Жилинскаго, указывалъ на необходимость запретить всякія измѣненія въ конструкціи ружья, выходящія изъ слѣдующихъ рамокъ 1) минимумъ вѣса ружья 4 килограмма, 2) минимумъ калибра $6^1/_2$ мил., 3) вѣсъ пули не менѣе $10^1/_2$ граммъ, 4) начальная скорость не болѣе 720 метровъ, 5) быстрота огня не болѣе 25 выстрѣловъ въ секунду, 6) пули, разрывающіяся и расплющивающіяся и *автоматически заряжающіяся ружья запрещены.* Насколько это предложеніе запретить употребленіе автоматически заряжающихся ружей обусловливалось благородными соображеніями высшаго порядка, видно изъ того, что въ настоящее время пулеметы, сирѣчь автоматическія ружья, употребляются у насъ не только во внѣшней, но и во внутренней войнѣ. Любопытно, что на нынѣшней военно-морской и колоніальной выставкѣ въ Берлинѣ въ числѣ прочихъ изобрѣтеній военной техники выставленъ пулеметъ съ надписью „русскій пулеметъ", причемъ посѣтители могутъ порой услышать, какъ одинъ изъ служителей объясняетъ публикѣ: „русскій пулеметъ примѣнялся на улицахъ въ борьбѣ съ народомъ".

Касательно примѣненія упомянутаго 2-го пункта къ морской войнѣ русскій делегатъ Шейнъ предложилъ всѣмъ государствамъ обязаться: 1) не вводить въ употребленіе скорострѣльныхъ орудій калибра большаго, чѣмъ 230 миллим. и нескорострѣльныхъ пушекъ калибра выше 430 мил., 2) не увеличивать обычной длины орудій, равно какъ быстроты полета снаряда. Ministère des affaires étrangères. Conférence internationale de la paix. Documents diplomatiques. Paris. 1900

прочимъ государствамъ установить своего рода военное status quo, т. е. не увеличивать численности арміи и не вводить новыхъ военныхъ усовершенствованій. Въ осуществленіи этого предложенія—прекратить введеніе новыхъ усовершенствованій, не уменьшая численности армій—и заключалось лучшее средство поднять военное могущество Россіи на небывалую дотолѣ высоту. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ моментъ, когда русское правительство обратилось къ державамъ съ нотой о прекращеніи дальнѣйшихъ усовершенствованій военной техники, *былъ единственнымъ моментомъ въ военной исторіи Россіи, когда вооруженіе ея арміи мало чѣмъ уступало вооруженію западно-европейскихъ государствъ.* Такъ, чтобы не заходить далеко, укажемъ, что въ послѣднюю русско-турецкую войну наши войска были вооружены ружьями Крынка и отчасти Бердана, въ то время какъ турки имѣли скорострѣльныя ружья Пибоди, въ крымскую же кампанію у насъ были ружья кремневыя, а у союзниковъ пистонныя.

Теперь же благодаря союзу съ Франціей, уступившей намъ 500.000 ружей самой послѣдней конструкціи, французскимъ капиталамъ, съ помощью которыхъ русское правительство закупило новыя сотни тысячъ самыхъ усовершенствованныхъ ружей и громадное количество пушекъ, Россія обзавелась такой арміей, которая по вооруженію мало чѣмъ уступала любой европейской державѣ. Такимъ образомъ, русскому правительству оставалось только мало-по-малу увеличить число желѣзныхъ дорогъ въ странѣ и тогда, благодаря возможности быстро мобилизовать свои войска, она имѣла бы на своей сторонѣ, въ случаѣ какихъ-либо осложненій, численное превосходство при равенствѣ вооруженія. Естественно было желать, чтобы эта прекрасная возможность перешла въ дѣйствительность и, понятно, что въ интересахъ русскаго правительства было употребить всѣ средства, чтобы упрочить на всегда такое положеніе вещей. Но какъ же этого добиться? Сегодня или завтра австрійцы или нѣмцы могутъ придумать какую-нибудь новую пушку или ружье новой системы, а на союзъ съ Франціей нельзя же вѣчно полагаться. Вотъ именно для того, чтобы устранить такую возможность, которая уничтожила бы это равенство вооруженія, создавшееся только за послѣднее время и только благодаря двойственному союзу, чтобы закрѣпить навсегда это выгодное положеніе вещей, какъ оно въ данный моментъ въ силу временныхъ условій сложилось для Россіи, понадобилось то средство, какимъ явилась пресловутая нота о пріостановкѣ дальнѣйшихъ вооруженій [1]).

---

[1]) Всѣ эти взгляды на сущность и значеніе „ноты о разоруженіи" развивались нами уже въ брошюрахъ: „Годъ войны" (изданіе „Искры" 1904 г.) и „Русско-Японская война" (причины, ходъ и послѣдствія), книгоизд. „Новый міръ". Спб. 1905 г. Англійская постановка вопроса о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій какъ нельзя лучше подтверждаетъ правильность нашего взгляда.

Эта нота потерпѣла неудачу на первой гаагской конференціи, тѣмъ не менѣе ея фіаско не помѣшало правительству Великобританіи выступить съ аналогичнымъ проектомъ прекращенія дальнѣйшихъ вооруженій. Различіе лишь въ томъ, что Россія имѣла въ виду защиту своихъ интересовъ, какъ сухопутной державы, Англія же своимъ проектомъ стремилась обезпечить свою гегемонію, какъ морской державы. И какъ бы въ соотвѣтствіе съ этимъ, гвоздемъ первой конференціи явилась сухопутная война, гвоздемъ 2-ой, наоборотъ, война морская. Какова реальная подкладка англійскаго проекта о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій? Главнымъ врагомъ и конкуррентомъ Англіи на міровомъ рынкѣ является въ настоящее время Германія. Нѣмецкій торговый флотъ развивается во всѣхъ моряхъ, фабрикаты нѣмецкой промышленности находятъ себѣ сбытъ повсюду, проникая во всѣ отдаленные закоулки торговаго міра и вытѣсняя отовсюду издѣлія англійской индустріи. Въ самыхъ различныхъ пунктахъ земного шара—въ Малой Азіи, въ глубинѣ Китая, въ Африкѣ, въ Австраліи, Германія успѣшно борется одинъ на одинъ съ Англіей, вырывая у послѣдней міровую гегемонію. *Вмѣстѣ съ тѣмъ съ поразительной быстротой растетъ военный флотъ Германіи.* Изъ страха передъ будущей силой этого флота Англія заключаетъ entente cordiale съ Франціей, вступаетъ въ договоры съ Испаніей, укрѣпляетъ свою дружбу съ Италіей, дѣлаетъ попытки къ сближенію съ Россіей, изъ страха передъ этой грозной для нея въ недалекомъ будущемъ силой, Англія стягиваетъ свои эскадры изъ Средиземнаго, Китайскаго и другихъ морей къ берегамъ метрополіи, обучаетъ свою сухопутную и морскую арміи защитѣ побережья противъ непріятельской высадки. Стоитъ только германскому флоту пробить брешь въ англійской системѣ защиты и высадить громадную армію въ какомъ-нибудь пунктѣ великобританскаго побережья, чтобы Англія оказалась въ очень критическомъ положеніи, а между тѣмъ послѣдніе маневры англійскаго флота въ связи съ соотвѣтствующими дѣйствіями сухопутной арміи доказали, что такая высадка непріятельскихъ войскъ представляетъ фактъ вполнѣ возможный. Да и событія русско-японской войны, именно высадка японскихъ войскъ на побережьи Ляодунскаго полуострова, чуть ли не подъ дулами портъ-артурскихъ орудій, указываетъ, насколько уязвима Англія съ моря съ того момента, какъ ея флоту не удается помѣшать нѣмецкимъ эскадрамъ подойти къ англійскимъ берегамъ. Такимъ образомъ, основная задача Англіи какъ военно-морской державы по отношенію къ Германіи заключается въ томъ, чтобы навсегда закрѣпить такое положеніе вещей, при которомъ для нѣмецкаго флота является невозможной всякая попытка подойти къ англійскимъ берегамъ, прорвавшись сквозь линіи англійскихъ эскадръ. Но стоитъ только Германіи значительно усилить свой военный флотъ въ размѣрахъ, указываемыхъ націоналистическими кругами нѣмецкой имперіи, стоитъ только *ослабить* ту разницу,

какая существуетъ между превосходящими военно-морскими силами Англіи и соотвѣтствующими силами Германіи, и могучій англійскій флотъ, вынужденный охранять все побережье Великобританіи, не будетъ въ состояніи помѣшать соединеннымъ нѣмецкимъ эскадрамъ прорваться въ какомъ-нибудь пунктѣ и высадить громадную армію на англійской территоріи. Чтобы помѣшать возможности такой „катастрофы“, для Англіи необходимо сохранить то выгодное для нея соотношеніе, какое существуетъ именно въ данный моментъ между военно-морскими силами ея и ея противницы, однимъ словомъ, ей необходимо добиться сохраненія status quo.

Въ настоящій моментъ нѣмецкій наступательный флотъ состоитъ изъ 16 линейныхъ судовъ, въ томъ числѣ 6 новѣйшихъ броненосцевъ въ 18.200 тоннъ водоизмѣщенія каждый, 4 броненосца въ 11.832 тоннъ каждый, 4 броненосца въ 11.152 тоннъ каждый и 2 броненосца водоизмѣщеніемъ по 10.062 тоннъ. Въ общемъ весь броненосный флотъ Германіи имѣетъ водоизмѣщеніе въ 190.460 тоннъ; присоединяя сюда еще 3 броненосныхъ крейсера въ 28.000 тоннъ, получимъ силу, равную соединеннымъ силамъ Россіи и Японіи въ битвѣ при Цусимѣ: быстрота этихъ могучихъ судовъ равняется приблизительно отъ 17,5 до 18,7 морскихъ миль (около 33 километровъ въ часъ). Вооруженіе флота состоитъ изъ 80 тяжелыхъ, 84 среднихъ и 174 легкихъ орудій. Въ общемъ, вся тяжелая артиллерія можетъ выбросить сразу противъ непріятеля металлическую массу вѣсомъ въ 288 центнеровъ. Къ этому флоту можно присоединить также 5 небольшихъ крейсеровъ и 10 торпедныхъ судовъ. Этотъ флотъ, какъ справедливо замѣчаетъ полковникъ Гедке, у котораго мы заимствуемъ вышеприведенныя цифры, состоитъ изъ современныхъ судовъ, представляетъ собою грозную боевую силу, имѣетъ прекрасно обученный экипажъ и можетъ быть двинутъ въ бой въ каждый данный моментъ.

Но если эта могучая эскадра, состоящая изъ современныхъ боевыхъ судовъ приблизительно одного типа, одинаковой скорости и силы, представляетъ собой грознаго противника для русскаго, шведскаго и даже японскаго флота, совершенно иначе обстоитъ дѣло, если сравнить эту эскадру съ тѣми силами, которыя въ данный моментъ можетъ противоставить ей Англія въ любомъ пунктѣ.

Англійскій флотъ, находящійся въ Ламаншскомъ каналѣ, состоитъ изъ 16 броненосцевъ и 4 броненосныхъ крейсеровъ, въ томъ числѣ 10 броненосцевъ и 1 крейсеръ большей силы каждый, чѣмъ самый сильный нѣмецкій броненосецъ. Такъ 8 изъ нихъ имѣютъ по 16.600 тоннъ водоизмѣщенія. Въ общемъ 12 самыхъ большихъ судовъ Ламаншской эскадры имѣютъ 260.700 тоннъ водоизмѣщенія. Изъ этихъ 20 судовъ 16 спущены на воду менѣе 6 лѣтъ тому назадъ. Тяжелая артиллерія этой эскадры состоитъ изъ 90 наиболѣе крупныхъ орудій противъ 68 нѣмецкихъ, средняя—изъ 202 противъ 174 нѣмецкихъ. Вѣсъ металлической

массы, которую сразу можетъ выбросить тяжелая артиллерія англійской эскадры, равняется 520 центнеровъ противъ 288 съ нѣмецкой стороны. Итакъ, одна только Ламаншская эскадра гораздо сильнѣе всего нѣмецкаго флота. Но кромѣ этой эскадры имѣется еще „атлантическій флотъ" и затѣмъ эскадра, предназначенная спеціально для плаванія у береговъ метрополіи и ея охраны. Всѣ эти три могучія эскадры каждую минуту могутъ войти въ бой, что, между прочимъ, было блестяще доказано во время пресловутаго Гульскаго инцидента, когда Англія быстро мобилизовала всѣ свои эскадры и поставила русскій флотъ въ невозможность сдѣлать шагъ впередъ противъ воли Англіи. Значеніе этого факта становится особенно яснымъ, если принять во вниманіе, что Россія около 7-ми мѣсяцевъ готовилась, чтобы послать эскадру Рожественскаго, а черезъ годъ послѣ начала войны не была еще готова къ выходу въ море остальная часть этой стоившей ежегодно громадныхъ денегъ эскадры [1]).

Третья упомянутая нами эскадра состоитъ изъ 6 броненосцевъ, въ числѣ которыхъ находится знаменитый „Dreadnought", водоизмѣщеніемъ въ 18.190 тоннъ и 6 броненосныхъ крейсеровъ, изъ которыхъ каждый больше самаго сильнаго нѣмецкаго военнаго судна. Въ общемъ, водоизмѣщеніе этой эскадры 162.390 тоннъ. Атлантическій же флотъ состоитъ изъ 6 броненосцевъ и 4 броненосныхъ крейсеровъ, общимъ водоизмѣщеніемъ въ 134.550 тоннъ. Такимъ образомъ та часть англійскаго флота, которая можетъ быть противоставлена, такъ сказать, въ мгновеніе ока нѣмецкой эскадрѣ, состоитъ изъ 40 большихъ военныхъ судовъ съ водоизмѣщеніемъ въ 588.000 тоннъ противъ 19 нѣмецкихъ судовъ въ 208.000 тоннъ. Эта грозная англійская эскадра, руководимая искусными моряками, обладающая первоклассным экипажемъ, въ совершенствѣ обученнымъ маневрированію и стрѣльбѣ изъ морскихъ орудій, можетъ быть подкрѣплена въ случаѣ нужды еще 28 боевыми судами, мобилизація которыхъ должна отнять не болѣе 4 дней. Вся же англійская эскадра состоитъ изъ 92 большихъ боевыхъ судовъ (60 броненосцевъ, 32 броненосныхъ крейсера) въ 1.207.000 тоннъ, которымъ Германія можетъ противоставить всего 37 судовъ (включая и резервныхъ) въ 350.750 тоннъ. Въ общемъ, по водоизмѣщенію *англійскій флотъ равенъ соединеннымъ флотамъ Франціи, Сѣвер. Амер. Соед. Штатовъ и Германіи,* имѣя притомъ на своей сторонѣ превосходство личнаго состава и большей однородности судовъ.

Понятно, что имѣя на своей сторонѣ также подавляющее превосходство морскихъ силъ, Англія въ интересахъ охраненія своей мировой гегемоніи, можетъ смѣло ставить на очередь вопросъ о сокращеніи дальнѣйшихъ вооруженій. Для нея какъ военной державы нѣтъ ничего выгоднѣе сохра-

---

[1]) См. нашу брошюру „Русско-японская война". Стр. 167.

ченія установившагося въ данный моментъ status quo. Внося свое пред ложеніе объ ограниченіи дальнѣйшихъ вооруженій, Англія добивается тѣхъ же результатовъ, къ какимъ въ 1898 г. стремилось русское правительство, слишкомъ полагавшееся на свое мнимое военное могущество; однимъ словомъ, Англія стремится закрѣпить навсегда то выгодное положеніе, которое въ данный моментъ сложилось для нея, какъ военно-морской державы Аналогія идетъ дальше. Когда русское правительство, опубликовывая свою знаменитую ноту о разоруженія, одновременно ассигновало 90 мил. руб. на дальневосточную авантюру, это какъ будто странное противорѣчіе подвергалось недвусмысленнымъ комментаріямъ на столбцахъ всей европейской, и въ частности англійской прессы. Между тѣмъ, тоже самое и при томъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ происходитъ сейчасъ въ Англіи. Въ то самое время, какъ глава англійскаго кабинета Sir Genry Compbelle Bannermann категорически заявлялъ, что „увеличеніе вооруженій представляетъ серьезную опасность для сохраненія мира“ и что „нѣтъ болѣе благородной роли для великой страны, какъ стать въ настоящее время во главѣ лиги мира“, въ то самое время, какъ одинъ изъ лидеровъ *консервативной* партіи лордъ Лендсдоунъ выражалъ горячее сочувствіе отъ имени своей партіи постановкѣ и обсужденію вопроса объ ограниченіи вооруженій и англійское правительство торжественно присоединилось къ резолюціи, предложенной палатѣ общинъ содѣйствовать разрѣшенію вопроса объ ограниченіи вооруженій,—на англійскихъ верфяхъ, гдѣ спускаются на воду военныя суда, на пушечныхъ и оружейныхъ заводахъ, въ кабинетахъ военныхъ министерствъ—сухопутнаго и морского—кипѣла такая лихорадочная работа, какъ будто бы неминуемый призракъ войны нависъ надъ страной. И все это совершалось одновременно съ усиленной агитаціей со стороны всеобщей воинской повинности, которая дала бы возможность довести численность сухопутной арміи до небывалыхъ размѣровъ и сдѣлала бы Англію такой же сильной на сушѣ, какъ и на морѣ. Ясно, что Англія старалась использовать время, чтобы опередить всѣ стороны въ дѣлѣ преобразованія и перевооруженія своей арміи и флота на основаніи опыта русско-японской войны, пока вопросъ о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій не разрѣшенъ еще въ желательномъ для Англіи смыслѣ [1]). Такимъ образомъ, къ моменту созыва 2-ой гаагской конфе-

[1]) Крайне непослѣдовательно разсуждаетъ г. Брянчаниновъ, авторъ статьи „Россія и вопросъ объ ограниченіи вооруженій, на 2-ой гаагской конференціи“ („Рѣчь“. 1907 г. 5 іюня), осуждая лицемѣріе русскаго правительства, одновременно съ нотой о разоруженіи ассигновавшаго 90 милл. р. на новые броненосцы, и не находя въ тоже время словъ для выраженія своего восторга по поводу искренности англійскаго предложенія. Г. Брянчаниновъ, между прочимъ, противоставляетъ Лондону Берлинъ и замѣчаетъ наивно: „Въ Берлинѣ на все смотрятъ не съ общечеловѣческой, а съ узко-утилитарно-политической точки зрѣнія“. Мы

ренціи, Англія успѣла настолько усилить свою военную мощь, опередивъ въ этомъ отношеніи всѣ остальныя европейскія державы, что для нея оставалось только добиться ограниченія дальнѣйшихъ вооруженій для всѣхъ странъ, чтобы сохранить свое подавляющее превосходство и міровую гегемонію. Не забудемъ, что до сихъ поръ изъ всѣхъ государствъ, кромѣ Японіи, только одна Англія успѣла въ достаточной мѣрѣ использовать уроки и опытъ русско-японской войны. Благодаря союзу Англіи съ Японіей, англійскіе военные агенты могли видѣть то, съ чѣмъ не удалось ознакомиться представителямъ другихъ государствъ. Такъ, въ сраженіи при Цусимѣ на японскихъ броненосцахъ находились англійскіе офицеры, которые послали своему начальству самый подробный отчетъ о всемъ ходѣ сраженія, о роли, которую сыграли въ этой битвѣ тѣ или другія суда, о дѣйствіи орудій опредѣленнаго калибра и т. п. На основаніи этихъ рапортовъ англійское министерство сейчасъ же принялось за постройку новыхъ военныхъ судовъ типа „Dreadnought“. Когда же нѣкоторыя нѣмецкія газеты выразили свое удивленіе по поводу того, что Англія не опубликовываетъ отчетовъ своихъ военныхъ агентовъ о сраженіи при Цусимѣ, на это послѣдовалъ отвѣтъ, что Англія считаетъ для себя болѣе выгоднымъ сохранить въ тайнѣ содержаніе донесеній своихъ военныхъ корреспондентовъ.

Мы остановились такъ подробно на вопросѣ объ ограниченіи вооруженій потому, что подоплека проекта о сокращеніи вооруженій въ томъ видѣ, въ какомъ это предложеніе было внесено на 1-ой конференціи Россіей, и въ какомъ оно защищается въ настоящій моментъ Англіей, бросаетъ яркій лучъ свѣта на смыслъ какихъ-бы то ни было проектовъ, вносимыхъ представителями той или другой державы на гаагской конференціи. Когда наше правительство имѣло основаніе считать—правильно или нѣтъ—русскую армію первоклассной военной силой въ мірѣ, оно опубликовало свою знаменитую ноту о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій и, замышляя уже дальне-восточную авантюру, торжественно говорило о необходимости „изыскать средства предупредить угрожающія міру несчастья“,—опубликовывало свою ноту черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончательной оккупаціи русскими войсками Таліенвана и Портъ-Артура, одновременно съ ассигновкой 90 мил. руб. на военный флотъ, предназначенный исключительно для Дальняго Востока. Въ настоящій моментъ, когда уже совершенно разбиты иллюзіи насчетъ безграничнаго военнаго могущества Россіи, русское правительство рѣшительно отрекается отъ

думаемъ, что если-бы англійское правительство руководилось въ своей внутренней или внѣшней политикѣ общечеловѣческой точкой зрѣнія, оно давно удовлетворило бы требованія угнетенной Ирландіи, отмѣнило бы полудеспотическій режимъ въ Индіи и не объявляло бы войны бурскимъ республикамъ.

своей точки зрѣнія, проводавшейся въ знаменитомъ циркулярѣ отъ 30 дек. 1898 г. и въ протоколѣ, подписанномъ Россіей на 1-ой конференціи, и торжественно заявляетъ въ циркулярѣ гр. Ламздорфа отъ 16 (29) марта 1906 г., что оно „не можетъ касаться вопросовъ, прикосновенныхъ къ ограниченію вооруженій военныхъ и морскихъ".

Принимая во вниманіе всю обстановку, при которой англійское правительство подняло вопросъ о внесеніи проекта объ ограниченіи дальнѣйшихъ вооруженій на разсмотрѣніе гаагской конференціи и прежде всего ту лихорадочную дѣятельность, съ какой правительство Великобританіи какъ разъ въ періодъ, непосредственно предшествовавшій созыву этой конференціи, усиливало свою военную мощь, спуская на воду новыя невиданныя въ мірѣ суда [1]), увеличивая и преобразуя свою сухопутную и морскую артиллерію, стягивая къ берегамъ метрополіи и всѣ свои эскадры,—нельзя сомнѣваться въ томъ, что „мирное" предложеніе англійскаго правительства представляетъ собой, съ одной стороны, ловкій избирательный либеральный маневръ, съ другой—попытку помѣшать враждебнымъ и опаснымъ въ будущемъ для Англіи державамъ увеличить свои военныя силы постройкой броненосцевъ новаго типа, улучшеніемъ сухопутной и морской артиллеріи и т. п. Поэтому можно заранѣе предсказать, что какъ только Германія, напримѣръ, удастся увеличить свой флотъ въ такой мѣрѣ, что онъ будетъ представлять для англійскихъ эскадръ значительно болѣе серьезнаго противника, чѣмъ въ настоящее время, англійское правительство первое откажется отъ своихъ „мирныхъ" предложеній и подобно русскому заявитъ, что „оно не можетъ касаться вопросовъ, прикосновенныхъ къ ограниченію вооруженій военныхъ и морскихъ" [2]). И не только усиленное вооруженіе Англіи въ періодъ, непосредственно предшествовавшій созыву 2-ой конференціи, но и все поведеніе представителей англій-

---

[1]) Такимъ судномъ является только что спущенный на воду броненосецъ „Белерофонтъ", стоившій 16 милл. руб. золотомъ, имѣющій водоизмѣщенія на 700 тоннъ больше, чѣмъ „Dreadnought". Въ настоящій моментъ строятся еще три подобныхъ судна.

[2]) Крайне любопытно, что недавно, когда въ палатѣ общинъ былъ внесенъ проектъ о сокращеніи колоссальнаго военно-морского бюджета Англіи, это предложеніе было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ голосовъ противъ 50. Очевидно также, что только для демонстраціи мирныхъ стремленій англійскаго правительства король Эдуардъ нашелъ необходимымъ какъ разъ во время засѣданій гаагской конференціи устроить грандіозный смотръ—„monstre revue"—англійскимъ эскадрамъ, смотръ, въ которомъ участвовало 180 военныхъ судовъ. Несомнѣнно, что съ той же цѣлью англійское адмиралтейство какъ разъ теперь замѣняетъ на всѣхъ судахъ морскія орудія 30 сант. новыми болѣе крупными орудіями 33,75 сант. Новыя пушки, по увѣренію англійскихъ газетъ, будутъ въ состояніи пустить ко дну любое военное судно.

скаго правительства на самой конференціи [1]) какъ нельзя ярче разоблачаетъ истинную подоплеку всякаго рода „мирныхъ“ предложеній, вносимыхъ уполномоченными правительствъ той или другой великой державы на разсмотрѣніе конференціи. Члены этой конференціи стараются лишь одурачить другъ друга, стремясь провести такія постановленія, которыя были бы выгодны съ военной точки зрѣнія для одной страны и поставили бы въ крайне невыгодное положеніе другія страны. Понятно, что дипломатамъ не удается одурачить другъ друга, но зато они общими силами успѣшно дурачатъ тѣхъ наивныхъ людей, которые придаютъ какое нибудь положительное значеніе трудамъ гаагской конференціи и ждутъ отъ нея содѣйствія дѣлу мира.

Что изъ трудовъ гаагской конференціи не можетъ выйти никакого проку, это видно изъ тѣхъ оговорокъ, которыми правительства первоклассныхъ державъ обусловили свое участіе въ конференціи. Прежде всего такую оговорку внесло англійское правительство, заявившее, что оно оставляетъ за собой право воздерживаться отъ участія въ обсужденіи всякаго вопроса, упомянутаго въ русской программѣ, поскольку таковое обсужденіе не можетъ дать, съ англійской точки зрѣнія, какихъ-либо полезныхъ результатовъ. Затѣмъ слѣдуетъ Японія, заявляющая, что и она оставляетъ за собой право удалиться съ засѣданій конференціи въ случаѣ, если обсужденіе какого-либо вопроса приметъ направленіе, не могущее, по мнѣнію японскихъ уполномоченныхъ, содѣйствовать достиженію какихъ-либо полезныхъ результатовъ. Затѣмъ слѣдуютъ Германія и Австро-Венгрія. Правительства этихъ странъ, равнымъ образомъ, оставляютъ за собой право воздерживаться отъ обсужденія на конференціи всякихъ вопросовъ, не могущаго привести къ какому-нибудь практическому результату. Далѣе слѣдуетъ сама Россія, заявляющая, что она удерживаетъ свою программу апрѣля 1906 г., какъ основу занятій конференціи, рѣшительно отрекаясь такимъ образомъ отъ своей программы 1898 г. Въ случаѣ же—заявленіе, очень характерное для правительства, взявшаго на себя иниціативу созыва конференціи,—если будетъ обсуждаться вопросъ, не могущій дать практическихъ результатовъ, русское правительство въ свою очередь оставляетъ за собой право воздержаться отъ участія въ подобнаго рода дебатахъ. Таковы оговорки, которыя дѣлаются на конференціи предста-

[1]) Мы увидимъ далѣе, что именно поведеніе англійскаго правительства на 2-ой гаагской конференціи отличалось особой грубостью и безцеремонностью, и что не только уполномоченные германскаго и русскаго правительствъ, но даже представители такихъ отсталыхъ государствъ, какъ Турція и Испанія, обнаруживали большую склонность идти на нѣкоторыя уступки, чѣмъ англійскіе делегаты, твердо стоящіе на точкѣ зрѣнія „à la guerre, comme à la guerre“. Неудивительно, что въ настоящій моментъ поведеніе англійскихъ делегатовъ вызываетъ особое недоумѣніе и даже возмущеніе и протесты въ рядахъ пацифистовъ.

вителями именно тѣхъ государствъ, которыя имѣютъ особое вліяніе на труды конференціи. Кажется, этихъ оговорокъ было бы достаточно, чтобы свести къ нулю какое-либо „практическое" значеніе за гаагской конференціей.

Чтобы показать, въ какомъ направленіи ведутся работы конференціи мира, достаточно взять нѣсколько примѣровъ наудачу. Вносится предложеніе французскихъ делегатовъ, по которому державы, принимающія участіе на конференціи, обязуются впредь не начинать военныхъ дѣйствій безъ предварительнаго извѣщенія въ формѣ ли объявленія войны или въ формѣ ультиматума.

Извѣстно, что въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій большая часть войнъ была начата безъ всякаго предупрежденія, безъ формальнаго объявленія войны. Въ теченіе этихъ двухсотъ лѣтъ только десять войнъ начались послѣ соотвѣтствующей декларацін, остальныя сто четырнадцать были начаты безъ всякаго предупрежденія. Такъ, чтобы не углубляться далеко, укажемъ, что русско-турецкая война 1877 г. была начата Россіей безъ всякаго объявленія. Китайско-японская война 1894 г. вспыхнула 25 іюля, когда японскій крейсеръ „Нанива" пустилъ ко дну китайское транспортное судно „Кошунгъ", а формальное объявленіе войны послѣдовало только 1 августа. Въ 1897 г. въ греко-турецкую войну повторилось то же самое: греческое судно „Македонія" подверглось обстрѣлу со стороны турецкихъ баттарей, прежде чѣмъ греческое правительство получило формальное извѣщеніе о войнѣ. Далѣе, въ 1898 г. просвѣщенные янки тоже начали войну противъ Испаніи безъ всякаго предварительнаго объявленія: американскіе крейсера попросту захватили цѣлый рядъ испанскихъ торговыхъ судовъ, и такимъ образомъ война была начата. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что въ послѣднюю русско-японскую войну японцы ночью 8 августа внезапно аттаковали русскую эскадру, стоящую на рейдѣ въ Портъ-Артурѣ, и только черезъ три дня, 11 августа, Японія послала Россіи формальное объявленіе войны.

Принимая, очевидно, во вниманіе всѣ эти факты и желая, повидимому, обезопасить себя противъ неожиданнаго нападенія, Франція внесла на разсмотрѣніе конференціи слѣдующую резолюцію:

1) Договаривающіяся державы признаютъ, что военныя дѣйствія между ними не могутъ быть начаты безъ предварительнаго и недвусмысленнаго извѣщенія—въ формѣ ли мотивированнаго объявленія войны, или въ формѣ ультиматума съ условнымъ объявленіемъ войны.

2) Нейтральныя державы должны быть немедленно извѣщены о войнѣ.

Это невинное предложеніе было принято почти всѣми державами, и въ томъ числѣ нѣмецкими делегатами, которые заявили, что они вполнѣ присоединяются къ французскому предложенію. Однако, англійскіе уполномоченные отнеслись отрицательно къ этому предложенію, и вмѣстѣ съ

американскими и японскими отказались принять его. Такое поведеніе англійскихъ делегатовъ вызвало протесты со стороны европейской прессы; многія бельгійскія, нидерландскія и т. д. газеты указывали, что государству, взявшему нынѣ на себя иниціативу вопроса о разоруженіи, слѣдовало бы принять по крайней мѣрѣ предложеніе, которое даетъ возможность всѣмъ странамъ жить болѣе или менѣе спокойно безъ опасенія подвергнуться неожиданному нападенію со стороны сосѣда. Даже многія англійскія газеты указывали на всю „невинность" французскаго предложенія. Въ концѣ концовъ, англійскому правительству передъ рискомъ выставить себя въ очень невыгодномъ свѣтѣ даже въ глазахъ самыхъ наивныхъ пацифистовъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ принять, по крайней мѣрѣ на словахъ, французское предложеніе, каковому примѣру послѣдовали и Америка съ Японіей.

Желательно ли съ точки зрѣнія интересовъ мира принятіе всѣми государствами французскаго предложенія? Это не представляетъ сомнѣнія и потому неудивительно, что многія либеральныя газеты были изумлены поведеніемъ въ этомъ вопросѣ либеральныхъ правительствъ Англіи и Америки. Вопросъ о предварительномъ объявленіи войны не представляетъ собой лишь вопросъ формальный: въ нашъ вѣкъ телеграфа и телефона достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы заинтересованныя державы имѣли самыя точныя свѣдѣнія о взаимныхъ намѣреніяхъ. Формальное объявленіе войны желательно только потому, что его первымъ послѣдствіемъ должно быть замедленіе военныхъ дѣйствій. Если устанавливаютъ принципъ формальнаго объявленія войны, неизбѣжно долженъ быть установленъ и опредѣленный промежутокъ между моментомъ объявленія войны и началомъ военныхъ дѣйствій. Исходя изъ этихъ соображеній, нидерландское правительство внесло предложеніе объ установленіи между моментомъ объявленія войны и началомъ военныхъ дѣйствій обязательнаго промежутка въ 24 часа. *Этотъ краткій промежутокъ долженъ дать возможность дружественнымъ державамъ сдѣлать послѣднюю попытку, крайнее усиліе помѣшать надвигающейся войнѣ* предложеніемъ своего посредничества и т. д. [1]) Конечно, если бы великія державы искренно интересовались вопросомъ объ устраненіи международныхъ конфликтовъ, они должны были бы принять нидерландское предложеніе. Однако, оно было торжественно отвергнуто всѣми „великими державами" за исключеніемъ Россіи къ которой примкнули вмѣстѣ съ Голландіей и нѣкоторыя другія маленькія

---

[1]) Русскій военный делегатъ Михельсонъ защищалъ предложеніе нидерландскаго правительства и также доказывалъ, что обязательный промежутокъ между объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій дастъ возможность дружественнымъ и нейтральнымъ державамъ прилагать всѣ усилія, чтобы примирить враждующія стороны и побудить ихъ передать спорный вопросъ на разсмотрѣніе третейскаго суда.

государства, какъ, напримѣръ, Греція и т. д. Дипломаты предпочли углубиться въ разрѣшеніе и выясненіе вопроса, какую выгоду тотъ или другой промежутокъ можетъ доставить той или другой сторонѣ и въ результатѣ пришли къ тому заключенію, что промежутокъ въ 24 часа между объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій слишкомъ долгъ. Въ самомъ дѣлѣ, при существованіи безпроволочнаго телеграфа объявленіе войны можетъ быть передано моментально. Зачѣмъ же мѣшать противникамъ сейчасъ же сцѣпиться другъ съ другомъ? И характерно, что однимъ изъ наиболѣе ярыхъ противниковъ установленія 24-часового промежутка явилась опять-таки Англія, такъ какъ основнымъ принципомъ ея военно-морской доктрины является немедленная аттака или блокада непріятельскихъ портовъ по возможности одновременно съ объявленіемъ войны, если нельзя раньше [1]). Англійскій флотъ всегда готовъ къ бою, и Англіи нѣтъ никакой выгоды давать противнику время защитить свои берега закладкой подводныхъ минъ и т. п., притомъ 24-хъ часовой промежутокъ лишаетъ Англію возможности безъ труда получить богатую добычу и одновременно нанести весьма чувствительный ударъ противнику путемъ захвата его торговыхъ судовъ, прежде чѣмъ послѣднія успѣютъ укрыться въ нейтральныхъ портахъ.

Какъ бы то ни было, отклоненіе нидерландскаго предложенія о двадцати-четырехчасовомъ промежуткѣ сводитъ къ нулю все практическое значеніе резолюціи о *предварительномъ объявленіи войны*. Такимъ образомъ, этотъ единственный плюсъ, который ставятъ въ особую заслугу конференціи ея апологеты, сводится на нѣтъ. Предварительное объявленіе войны превращается въ пустую формальность, которая не можетъ помѣшать ни приготовленіямъ къ войнѣ, ни внезапному началу военныхъ дѣйствій. Что сдѣлаетъ правительство какой-нибудь страны, когда оно пожелаетъ объявить войну сосѣду? Въ теченіе ночи оно стянетъ пограничныя войска къ опредѣленнымъ пунктамъ, двинетъ затѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ кавалерійскіе отряды и объявитъ войну въ тотъ самый моментъ, когда войска вторгнутся уже въ непріятельскую территорію. Японія могла безъ всякихъ неудобствъ для себя отправить русскому правительству телеграмму объ

---

[1]) Равнымъ образомъ, при обсужденіи вопроса о бомбардировкѣ портовъ англійскіе делегаты вотировали противъ предложенія, по которому передъ началомъ бомбардировки мирнымъ жителямъ города дается 24 часовой льготный промежутокъ для удаленія изъ порта. Несмотря на энергичную рѣчь англійскаго делегата, капитана Оттлея, заявившаго, что Англія никогда не подпишетъ подобнаго предложенія, послѣднее было принято большинствомъ 23 голосовъ противъ 6. Всѣ краснорѣчивыя попытки Бернаэра уговорить англичанъ, ссылки на великіе принципы брюссельскаго конгресса, запретившаго „дѣлать зло мирнымъ жителямъ", не привели, конечно, ни къ чему, и англичане остались на своей позиціи.

объявленіи войны въ тотъ самый моментъ, когда ее миноносцы уже стояли передъ Портъ-Артуромъ, готовясь черезъ минуту ворваться въ рейдъ. Формально Россія была бы предупреждена о началѣ военныхъ дѣйствій, но фактически она подверглась бы внезапному нападенію. Единственное средство устранить эти внезапныя нападенія заключается въ установленіи обязательнаго промежутка между объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій. Тотъ фактъ, что делегаты почти всѣхъ великихъ державъ, и въ томъ числѣ самыхъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ, рѣшительно отвергли нидерландское предложеніе, *ясно доказываетъ, что ни одно изъ нихъ не намѣрено связывать себя въ этомъ отношеніи, что, наоборотъ, правительства современныхъ буржуазныхъ государствъ воодушевлены самыми воинственными стремленіями и*, имѣя въ виду какіе-то агрессивные планы, желаютъ оставить за собой возможность внезапнаго нападенія на врага. Таковъ, повидимому, тотъ „божественный идеалъ соціальной справедливости и человѣчности“ [1]), которымъ, по увѣренію бельгійскаго делегата Бернаэра, воодушевлены всѣ члены гаагской конференціи.

Наряду съ вопросомъ объ объявленіи войны особенно оживленные дебаты со стороны членовъ конференціи вызвалъ вопросъ о морской войнѣ, вообще и о частной собственности на морѣ въ особенности. Этому чрезвычайно важному вопросу посвятила естественно свое вниманіе вся европейская и въ частности русская печать. Такъ, сотрудникъ „Рѣчи“ въ статьѣ „Морская война на мирной конференціи“ сдѣлалъ попытку предугадать направленіе работъ конференціи по этому вопросу и высказалъ увѣренность, что въ свое отношеніе къ вопросамъ морской войны Германія несомнѣнно внесетъ „брутальный, безпощадно-жестокій характеръ“, Англія же будетъ работать на пользу какихъ-то „гуманитарныхъ стремленій“, которыми якобы руководится конференція мира [2]). Въ дѣйствительности же, какъ это можно было предвидѣть, произошло совершенно обратное.

Извѣстно, что въ теченіе минувшаго столѣтія правительства различныхъ европейскихъ государствъ неоднократно высказывались противъ права захвата частной собственности на морѣ. Но всѣ эти благія пожеланія добиться признанія для морской войны принциповъ, установленныхъ для войнъ сухопутныхъ, гдѣ de jure частная собственность признается непри-

---

[1]) „le divin ideal de justice sociale et d'humanité, que nous recherchons tous“. См. рѣчь Бернаэра на засѣданіи 4-ой комиссіи 10-го іюля.

[2]) Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ упомянутой статьи полагаетъ, что „въ общемъ положеніе Германіи является менѣе выгоднымъ, чѣмъ Англіи, ибо понятно, что незачѣмъ собираться конференціи мира для того, чтобы только подтвердить древній законъ войны—въ отношеніи врага все дозволяется. Между тѣмъ только для подтвержденія этого древняго закона войны и собралась гаагская конференція.

косновенной, не могли осуществиться именно благодаря рѣшительному сопротивленію Англіи, которая въ качествѣ первоклассной военно-морской державы не желала отказаться отъ оружія, которымъ она съ такимъ успѣхомъ пользовалась въ минувшихъ войнахъ. Въ теченіе періода, слѣдовавшаго непосредственно за Парижскимъ трактатомъ, Германія на первомъ планѣ, а за ней Соединенные Штаты вели кампанію противъ „жестокихъ и безчеловѣчныхъ“ методовъ войны, примѣняемыхъ Англіей на морѣ. Знаменитые нѣмецкіе, сѣверо-американскіе, отчасти французскіе и др. профессора и ученые той эпохи единогласно высказывались въ пользу „великаго принципа“ неприкосновенности частной собственности на морѣ. Ганзейскіе города вотировали соотвѣтствующія резолюціи одну за другой. И рейхстагъ неоднократно выражалъ пожеланіе увидѣть, наконецъ, исчезновеніе этого „остатка стараго варварства“. Вся торговая Германія требовала, во имя „морали и гуманности“, отмѣны жестокаго права, столь „противорѣчащаго общему интересу“, столь несогласнаго съ высокими принципами христіанства и т. п.

Понятно, дѣло тутъ не въ высокихъ принципахъ общечеловѣческой и христіанской морали. Если и въ настоящій моментъ Германія остается вѣрна своей прежней традиціонной точкѣ зрѣнія и вопреки предсказаніямъ „Рѣчи“ стоитъ за гуманизированіе морской войны, это объясняется по-просту даннымъ соотношеніемъ между военно - морскими силами Германіи и Англіи [1]).

Обладая громаднымъ торговымъ флотомъ, разсѣяннымъ въ каждый данный моментъ по всѣмъ частямъ земного шара, и сравнительно небольшимъ военнымъ флотомъ, Германія естественно стремится защищать въ возможной войнѣ съ Англіей свою торговлю противъ грозныхъ англійскихъ эскадръ. Въ этомъ отношеніи для Германіи нѣтъ лучшаго средства, какъ добиться установленія принципа неприкосновенности частной собственности на морѣ [2]). Но какъ мы указали выше, если для англій-

---

[1]) Крайне любопытно, что наперекоръ поведенію нѣмецкаго правительства и общему голосу нѣмецкой печати, въ Германіи подымаются уже отдѣльные голоса противъ традиціонной точки зрѣнія въ защиту англійской военно-морской теоріи. Укажемъ, напримѣръ, на недавно вышедшую брошюру Wolfgang Hamman'a по вопросу о частной собственности на морѣ. Правда, одна ласточка не дѣлаетъ еще весны, во всякомъ случаѣ подобныя брошюры выражаютъ тѣ взгляды, которые возобладаютъ въ правящихъ кругахъ Германіи, когда ея военный флотъ станетъ настолько могущественнымъ, что въ борьбѣ съ самымъ сильнымъ врагомъ онъ сумѣетъ уничтожать непріятельскую торговлю и защищать свою.

[2]) Нѣмецкій торговый флотъ занимаетъ въ ряду флотовъ другихъ странъ 2-ое мѣсто (послѣ Англіи). Его стоимость равняется приблизительно 500 милліонамъ марокъ. Внѣшняя торговля Германіи превышаетъ

скаго правительства существуетъ какое-нибудь „право", которымъ оно съ особой выгодой для себя пользовалось въ минувшихъ войнахъ—этимъ правомъ является именно захватъ частной собственности непріятеля—такъ какъ оно давало и тѣмъ болѣе дастъ въ будущемъ Англіи возможность нанести страшный ударъ всей экономической жизни данной страны, вызвать разореніе цѣлыхъ отраслей промышленности и тѣмъ ускорить пораженіе противника. Поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни одно англійское буржуазное правительство не согласится принять принципъ неприкосновенности частной собственности на морѣ. Такимъ образомъ, въ силу реальнаго положенія вещей англійское правительство на Гаагской конференціи стало во враждебное отношеніе къ всѣмъ болѣе или менѣе гуманитарнымъ требованіямъ и проектамъ, внесеннымъ тѣми или другими делегатами. Правда, чтобъ не слишкомъ скомпрометтировать себя въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія, англійское правительство внесло на разсмотрѣніе конференціи проектъ, состоящій изъ 32 пунктовъ, устанавливающій, что такое „военная контрабанда" и ограничивающій въ извѣстной мѣрѣ для воюющихъ сторонъ право захвата торговыхъ судовъ, принадлежащихъ нейтральнымъ державамъ, однако, этотъ проектъ доказываетъ только, что по отношенію къ непріятельской сторонѣ Англія не намѣрена себя ограничивать чѣмъ-нибудь существеннымъ. Впрочемъ, достаточно прочесть передовыя статьи наиболѣе вліятельныхъ англійскихъ газетъ, какъ „The Times" (см. хотя бы передовицы отъ 6 и 18 іюля), чтобы увидѣть, какъ ревностно относится англійская буржуазія къ сохраненію за Англіей права и возможности въ случаѣ будущей войны уничтожить прежде всего непріятельскую торговлю и захватить въ свои руки нити экономической жизни вражеской стороны.

Предложеніе о неприкосновенности частной собственности непріятеля на морѣ (l'inviolabilité, de la proprieté privée ènnemie sur mer) было внесено, какъ извѣстно, на разсмотрѣніе конференціи представителями С.-А. С. Штатовъ. Находясь въ такомъ положеніи, какъ и Германія, то есть обладая громаднымъ торговымъ флотомъ при сравнительно небольшомъ военномъ, С.-Американская республика находитъ для себя, конечно, очень выгоднымъ осуществленіе всякаго принципа неприкосновенности частной собственности на морѣ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ американская делегація внесла слѣдующую резолюцію по данному вопросу:

Частная собственность всѣхъ гражданъ договаривающихся государствъ, исключая военной контрабанды, не можетъ быть захвачена военными судами или вообще военными силами упомянутыхъ державъ. Это постановленіе не касается тѣхъ судовъ, которыя пытаются проникнуть въ портъ'

---

10 милліард. марокъ. Не трудно себѣ представить, какое потрясеніе в[ъ] всей экономической жизни Германіи вызвала бы война съ Англіей.

блокированный морскими силами, и не обусловливаетъ неприкосновенности какъ этихъ судовъ, такъ и ихъ груза.

Это предложеніе, поддержанное державами тройственнаго союза (Германіей, Австріей и Италіей) и цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ государствъ, встрѣтило сильное противодѣйствіе, кромѣ Англіи, со стороны сильнѣйшихъ морскихъ державъ, Франціи и Японіи. Однако, въ общемъ за американское предложеніе было подано 21 голосъ, противъ—всего 11, при одиннадцати отсутствовавшихъ и одномъ воздержавшемся отъ голосованія. Такимъ образомъ, значеніе голосованія сводится къ нулю, тѣмъ болѣе, что Англія уже категорически заявила о невозможности для нея принять рѣшеніе конференціи въ пользу принципа неприкосновенности частной собственности. Любопытно, что англійскія газеты съ особымъ удовольствіемъ повторяютъ софизмъ Мартенса, доказавшаго на Гаагской конференціи, что большинство, высказавшееся въ пользу американскаго предложенія. только фиктивное. Въ самомъ дѣлѣ, аргументируетъ „The Times", за предложеніе подано въ общемъ по численности населенія голосовавшихъ государствъ 804 мил. голосовъ противъ 729 милліоновъ, однако, если выбросить Китай, который съ его 400 мил. населеніемъ можно не принимать во вниманіе [1]), получится безусловно большинство на сторонѣ англійской точки зрѣнія.

Анализируя такимъ образомъ внимательно почти всѣ „гуманитарные" проекты, какіе только вносились на конференцію, особенно представителями болѣе или менѣе крупныхъ державъ, какъ, напримѣръ, предложеніе о правилахъ бомбардировки прибрежныхъ городовъ, о запрещеніи или ограниченіи пользованія подводными минами, о пользованіи воздушными шарами и т. д., мы видимъ, что въ основѣ всякаго рода подобныхъ проектовъ лежатъ самые грубые, эгоистическіе разсчеты, не имѣющіе ничего общаго съ служеніемъ дѣлу мира. Такъ, сильныя морскія державы, какъ Англія, желая окончательно обезоружить возможнаго непріятеля противъ морского нашествія съ своей стороны, вносятъ предложеніе объ ограниченіи употребленія подводныхъ автоматическихъ минъ, которыми слабыя государства могутъ пользоваться для защиты противъ непріятельскихъ эскадръ,—и въ то же время отстаиваютъ свое право бомбардировать даже незащищенныя мѣста, не охраняемыя ни флотомъ, ни береговой артиллеріей, противъ чего естественно протестуютъ государства, имѣющія длинную морскую границу, не укрѣпленную во многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, Италія, Россія и т. д. Такъ, одни державы, обезпокоенныя поразительными успѣхами Франціи въ области усовершенствованія подводныхъ лодокъ, настаиваютъ на ограниченіи пользованія на войнѣ этимъ страш-

[1]) Грубое замѣчаніе Мартенса вызвало горячій протестъ со стороны китайскихъ делегатовъ и послужило поводомъ къ скандалу, который только съ трудомъ удалось замять.

нымъ орудіемъ разрушенія, въ то время какъ другія, еще болѣе встревоженныя изумительнымъ прогрессомъ Франціи въ области воздухоплаванія, прилагаютъ всѣ усилія, чтобы добиться запрещенія пользоваться въ будущей войнѣ шарами для бросанія съ нихъ взрывчатыхъ матеріаловъ. И всѣ эти предложенія вносятся, конечно, только во имя высшихъ интересовъ человѣчества и того божественнаго идеала соціальной справедливости и гуманности, которымъ воодушевлены члены конференціи. Равнымъ образомъ, на интересы человѣчества и принципы гуманности ссылаются и тѣ, кто защищаетъ употребленіе шаровъ на войнѣ для бросанія съ нихъ взрывчатыхъ веществъ. Бомбардировка съ высоты шара, говорятъ они, предпочтительнѣе бомбардировкѣ съ суши или съ моря, такъ какъ въ первомъ случаѣ можно достигнуть такой математической точности, какая совершенно немыслима во второмъ и такимъ образомъ, обстрѣливая непріятельскій городъ, можно будетъ избѣгнуть опасности разрушить или повредить музеи и историческіе памятники [1]). Военный шаръ будетъ самымъ идеальнымъ воплощеніемъ гуманности и справедливости, какія только мыслимы на войнѣ: онъ будетъ бить только навѣрняка, будетъ уничтожать непокорныхъ и щадить мирныхъ „parcere subjectis et debellare superbos“ [2]).

---

[1]) Когда въ періодъ осады Парижа прусскими войсками Жюль Фавръ указалъ однажды Бисмарку при свиданіи съ послѣднимъ, что прусскія ядра попадають въ училища для дѣтей и въ госпитали, желѣзный канцлеръ цинично отвѣтилъ: „Подождите, когда наши войска подойдутъ такъ близко къ Парижу, что сумѣютъ различать отдѣльныя зданія, они будутъ щадить учрежденія, на которыя вы указываете“. Если вѣрить защитникамъ военныхъ шаровъ, при употребленіи послѣднихъ никто уже не будетъ ссылаться на невозможность отличить пороховой складъ или казарму отъ больницы или школы.

[2]) Насколько республиканское правительство Франціи искренно интересуется вопросами гуманности, видно хотя бы изъ ужасныхъ событій въ Казабланкѣ. Якобы мстя за смерть нѣсколькихъ убитыхъ французскихъ рабочихъ, а въ сущности преслѣдуя исключительно интересы отечественнаго капитала, правительство Клемансо Бріана-Вивіани подвергло городъ безпощадной бомбардировкѣ, при которой въ первый же день было брошено въ Казабланку 2,500 мелинитныхъ бомбъ, затѣмъ городъ былъ отданъ во власть пресловутаго „иностраннаго легіона“, который до того увлекся грабежомъ и убійствами невинныхъ жителей, его что поведеніе вызвало протесты даже со стороны многихъ консервативныхъ французскихъ газетъ. (Figaro и др.) Не ограничиваясь звѣрской расправой надъ несчастными марокканцами, легіонеры ограбили и убили многихъ евреевъ, случайно уцѣлѣвшихъ послѣ ужасной бойни, которую произвели только что надъ ними арабы, много женщинъ было изнасиловано легіонерами и т. п. Между тѣмъ французское правительство ничего иного не могло и ждать отъ иностраннаго легіона, этого сброда преступниковъ, бѣжавшихъ во Францію со всѣхъ странъ и частей свѣта. Французское

Такова реальная подкладка всякаго рода „гуманныхъ" проектовъ, вносимыхъ на обсужденіе конференціи представителями великихъ государствъ. Понятно, что ничего добраго нельзя ожидать и отъ какихъ бы то ни было рѣшеній конференціи по поводу обязательнаго третейскаго суда, необходимости сокращенія дальнѣйшихъ вооруженій и т. д. Интересно, что при голосованіи по вопросу о постоянномъ международномъ судѣ предложеніе Америки было принято 27 голосами при 12 воздержавшихся, причемъ воздержались всѣ мелкія государства, кромѣ Португаліи и Голландіи. Понятно, что мелкія государства относятся очень подозрительно къ предложенію „великихъ" державъ, такъ какъ несомнѣнно, что третейскій судъ при современномъ международномъ положеніи будетъ дѣйствовать только на пользу сильныхъ государствъ въ ущербъ слабымъ.

Итакъ, 2-ая гаагская конференція, подобно первой, ничего не сдѣлаетъ въ пользу упроченія международнаго мира. Зато она уже сдѣлала кое-что въ интересахъ международнаго разбоя и насилія. Первая гаагская конференція отказалась допустить на свои засѣданія представителей отъ Оранжевой и Трансваальской республикъ и тѣмъ признала справедливыми всѣ незаконныя притязанія Англіи по отношенію къ этимъ государствамъ. Такимъ образомъ, она санкціонировала будущую войну Англіи противъ маленькихъ республикъ и наивному Крюгеру, ожидавшему помощи со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ правительствъ, пришлось возложить всѣ надежды на Бога. Богъ направляетъ пули, говорилъ онъ. Но Богъ, по выраженію Бисмарка, любитъ большіе батальоны, и маленькимъ республикамъ послѣ геройской борьбы пришлось сдаться на волю побѣдителя при полномъ безучастіи со стороны государствъ, первоначально подстрекавшихъ буровъ къ войнѣ съ Англіей.

2-ая конференція, продолжая дѣла первой, отказалась принять даже жалобу отъ делегатовъ корейскаго государства и такимъ образомъ санкціонировала незаконныя притязанія и аггрессивные планы Японіи, еще недавно, въ 1904 г., оффиціально признававшей независимость Кореи. По волѣ и санкціи членовъ гаагской конференціи Корея отдана во власть японскаго правительства и у нея отнята послѣдняя тѣнь независимости и самостоятельности. Судьба Кореи—лучшее свидѣтельство того лицемѣрія, которымъ проникнуты всѣ дѣйствія гаагскихъ дипломатовъ и правительствъ, представителями которыхъ они являются. Мирное корейское государство не стремилось ни къ какимъ завоевательнымъ цѣлямъ, имѣло всего 7 тысячную армію, и потому оно отдано „конференціей мира" во власть, „на потопъ и разграбленіе" воинственному сосѣду. Бѣднымъ корейскимъ деле-

---

правительство воспользовалось своей „дружбой" съ Англіей и улучшившимися отношеніями съ Германіей только для того, чтобы безъ всякихъ опасеній начать аггрессивную политику въ Марокко.

гатамъ, вѣрившимъ въ благородныя стремленія европейскихъ правительствъ, осталось только удалиться со словами: „На этомъ свѣтѣ нѣтъ справедливости нигдѣ, и даже на Гаагской конференціи". А черезъ нѣсколько дней послѣ этого японское правительство, поощренное санкціей конференціи, заставило корейскаго императора отречься отъ престола и положило начало періоду окончательнаго порабощенія страны „Тихаго Утра" японскому игу.

2-ая гаагская конференція лишній разъ доказала ту великую истину, что внѣ могучаго соціальнаго движенія пролетарскихъ массъ во всѣхъ странахъ и частяхъ свѣта нѣтъ средства предотвратить грозные международные конфликты, зрѣющіе въ нѣдрахъ современныхъ буржуазныхъ государствъ и столь же неразрывно связанные со всѣмъ строемъ капиталистическаго общества, какъ классовая борьба, борьба между отдѣльными индивидуумами и т. д. Только въ этомъ пролетарскомъ движеніи, а не въ лицемѣрныхъ попыткахъ дипломатовъ, никогда не забывающихъ великаго талейрановскаго девиза: „языкъ данъ намъ для того, чтобы скрывать наши мысли"—залогъ осуществимости того международнаго мира, мечтами о которомъ жили всегда лучшіе друзья человѣчества.

Волонтеръ (Мих. Павловичъ).

О чемъ говоритъ дѣйствительность.

(Продолженіе).

Къ срединѣ 1907 года нельзя было уже не признавать тѣхъ фактовъ, о которыхъ еще можно было спорить въ началѣ 1906 года, нельзя было не считаться съ вполнѣ опредѣлившимися политическими отношеніями. Предстоялъ выборъ между приспособленіемъ партійной работы къ измѣнившимся условіямъ или сохраненіемъ старыхъ формулъ, лишенныхъ серьезнаго творческаго содержанія.

Можно было разукрашивать новое старыми красками,—внутренній смыслъ неизбѣжныхъ измѣненій отъ этого не мѣнялся: со старымъ приходилось порывать, чтобы не быть выброшеннымъ за бортъ жизни.

Ближайшимъ послѣдствіемъ сознанія неизбѣжности перемѣнъ въ партійной политикѣ явились разногласія въ лагерѣ одной изъ с.-д. фракцій, оффиціально имѣющей большинство и руководящую роль въ партійной организаціи.

Разногласія обнаружились по очередному политическому вопросу—объ участіи въ выборахъ въ третью Думу.

Если вѣрить самымъ заинтересованнымъ, разногласіе это не имѣетъ принципіальнаго характера „и не можетъ подать ни малѣйшаго повода къ разъединенію тѣхъ, кто согласенъ въ основномъ: центръ работы пролетарской партіи лежитъ далеко въ сторонѣ отъ этого учрежденія (Думы)."

Поскольку вопросъ о существѣ разногласій представляетъ общественный интересъ, къ нему, можетъ быть, придется вернуться, но не раньше, какъ выяснивши, въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ частный споръ внутри фракціи къ общему спору внутри партіи и не могутъ ли доводы сторонъ доставить нѣкоторый матеріалъ какъ для правильной постановки очередныхъ вопросовъ политики, такъ и для созданія возможно болѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы не только съ „внѣшнимъ" врагомъ, но и съ внутреннимъ—все растущимъ политическимъ индифферентизмомъ внутри рабочаго класса. Къ глубокому сожалѣнію, кризисъ, переживаемый партіей, отразился и на литературѣ: она поразительно бѣдна и количественно, и

содержаніемъ. И по данному насъ интересующему вопросу ограничивается нѣсколькими тощими сборничками, не столько развивающими точку зрѣнія каждаго теченія, сколько робко и кратко намѣчающими пункты разногласій. Самый яркій представитель антибойкотизма изъ большевиковъ—Ленинъ—сосредоточиваетъ свое вниманіе не столько на положительной сторонѣ участія въ выборахъ, сколько на опроверженіи доводовъ сторонниковъ бойкота. Ходъ его доказательствъ въ общихъ чертахъ слѣдующій.

„Всякій бойкотъ есть борьба не на почвѣ даннаго учрежденія, а противъ возникновенія или, говоря нѣсколько шире, противъ реализаціи даннаго учрежденія. Всякое данное учрежденіе можетъ исходить только отъ существующей уже, т. е. старой власти. Значитъ, бойкотъ есть такое средство борьбы, которое направлено непосредственно на сверженіе старой власти или въ худшемъ случаѣ, т. е. при недостаткѣ натиска для сверженія,—на такое ослабленіе ея, чтобы она не могла обезпечить созданія этого учрежденія, не могла провести его въ жизнь. Бойкотъ требуетъ слѣдовательно для своего успѣха непосредственной борьбы со старой властью... Бойкотъ есть отказъ признавать старую власть и, конечно, не на словахъ, а на дѣлѣ, т. е. проявляющійся... въ извѣстномъ движеніи массъ народа, систематически нарушающихъ законы старой власти, систематически создающихъ новыя противозаконныя, но фактически существующія учрежденія... Внѣ широкаго революціоннаго подъема, внѣ массоваго возбужденія, повсюду переливающаго черезъ край старой легальности, не можетъ быть рѣчи объ успѣхѣ бойкота“ [1]).

Выше была очерчена одна задача бойкота—организующая, дающая единство дѣйствіямъ массъ, стоящихъ въ открытой борьбѣ со старой властью. Но онъ ставитъ себѣ одновременно и другую задачу—дезорганизующую по отношенію къ тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые не стали въ ряды борцовъ потому, что они вѣрятъ въ бойкотируемое учрежденіе, потому что они ждутъ отъ него удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ. Бойкотъ долженъ разрушить эту вѣру, разсѣять конституціонныя иллюзіи. Онъ и прямо направляетъ непосредственную борьбу, онъ и косвенно питаетъ ее, разстраивая ряды пассивныхъ сторонниковъ старой власти и исходящихъ отъ нея учрежденій. Но если для успѣха въ первомъ направленіи необходима наличность объективнаго условія—массовой борьбы,—для успѣха во второмъ направленіи необходимо другое объективное условіе: наличность широко распространенной вѣры въ новое учрежденіе, массовая готовность принять въ немъ участіе, довѣрить ему всецѣло судьбу свою.

Эти условія были на-лицо въ 1905 и 1906 гг.—бойкотъ былъ необ-

---

[1]) Ленинъ. Противъ бойкота, 2 стр., 6, 7.

ходимъ и привелъ въ первомъ случаѣ къ полному успѣху, во второмъ случаѣ тоже сыгралъ большую политическую роль.

А теперь объективныя условія благопріятны идеи бойкота. Нѣтъ!

„Сравнивая съ этой точки зрѣнія осень 1907 и осень 1905 года, нельзя не придти къ выводу, что мы не имѣемъ основаній превозглашать сейчасъ бойкотъ...

Тогда монархически-конституціонный поворотъ исторіи былъ только посуломъ. Теперь этотъ поворотъ—фактъ.

Тогда не было призывовъ, которые масса встрѣчала молчаніемъ. Теперь мы стоимъ въ періодѣ такой паузы... когда цѣлый рядъ призывовъ систематически оказывался не встрѣчающимъ отзвука въ массахъ.

Тогда, въ эпоху начала конституціоннаго поворота, вниманіе всей націи неизбѣжно устремлялось на Думу. Теперь ни о какомъ не только обще-національномъ, но даже вообще сколько-нибудь широкомъ увлеченіи Думой вообще или 3-й Думой не можетъ быть и рѣчи. Въ бойкотѣ нѣтъ надобности съ этой стороны“.

Ограничимся этими выписками. Они принадлежатъ перу принципіальнаго сторонника бойкота. По его мнѣнію, бойкотъ въ прошломъ привелъ къ блестящимъ результатамъ, онъ не зарекается отъ него въ будущемъ, можетъ быть, ближайшемъ будущемъ, только въ настоящій моментъ считаетъ его непригоднымъ. Почему? Всѣ слои населенія, включая сюда и пролетаріатъ, переживаютъ періодъ такого политическаго упадка, что лозунгъ бойкота не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Даже этотъ столпъ бойкотизма не можетъ больше закрывать глаза на дѣйствительность и, по необходимости выбирая между положеніемъ „человѣка, который употребляетъ большія слова, не сознавая настоящаго значенія ихъ“ и дѣйствительной политикой, вынуждетъ остановиться на реальномъ политическомъ лозунгѣ—участіи въ выборахъ и Думѣ.

Перейдемъ къ доводамъ бойкотистовъ. Въ центрѣ ихъ стоитъ слѣдующее соображеніе: 3-я Дума поставитъ своей цѣлью ликвидировать революцію въ союзѣ съ правительствомъ. „Эта попытка закрѣпить въ Россіи режимъ серьезнаго конституціонализма должна будетъ встрѣтиться снизу съ попыткой не дать въ руки этого союза плодовъ революціонной борьбы и революціоннымъ же путемъ ихъ расширить. Это будетъ рѣшительная схватка двухъ путей дальнѣйшаго развитія Россіи и здѣсь неизбѣжно пролетаріатъ и Дума окажутся на двухъ противоположныхъ полюсахъ“ [1]). Этотъ политическій прогнозъ всецѣло опредѣляетъ политическую дѣятельность партіи пролетаріата. Если ему предстоитъ борьба съ правительственной Думой, и при этомъ именно съ третьей Думой, то очередной задачей партіи является подготовка къ этой борьбѣ: „уже сейчасъ

[1]) Ю. К—въ. За бойкотъ. 28 стр.

должны быть выяснены широкимъ массамъ эти перспективы и сейчасъ же должна вестись пролетаріатомъ работа въ томъ направленіи, чтобы къ моменту этой схватки широкія массы демократіи не колебались между двумя врагами, а опредѣленно стали на его (пролетаріата) позицію" [1]).

Какое же положеніе по отношенію къ 3-ей Думѣ должна занять партія пролетаріата, чтобы исполнить успѣшнѣе свою очередную задачу—готовить къ борьбѣ съ Думой?

Проповѣдуя участіе въ выборахъ и Думѣ, партія пролетаріата содѣйствуетъ созданію учрежденія, съ которымъ ей предстоитъ бороться. Принимая по отношенію къ Думѣ ту же тактику, какъ партіи компромисса, партія пролетаріата до извѣстной степени сглаживаетъ линію раздѣла между ними и собой.

Призывая къ выборамъ, партія должна идти наперекоръ массамъ, настроеннымъ бойкотистски, должна ломать это настроеніе, въ то же время не имѣя возможности серьезно обосновать необходимость самаго участія въ выборахъ. И, наконецъ, своимъ участіемъ въ выборахъ партія невольно направитъ почти всѣ партійныя силы и средства къ предвыборной работѣ и тѣмъ самымъ отвлечетъ ихъ отъ основной задачи—подготовкѣ къ борьбѣ. Наоборотъ, отказываясь отъ выборовъ, призывая къ бойкоту, партія займетъ положеніе, вполнѣ соотвѣтствующее ея ближайшимъ задачамъ. Избирательную кампанію она использует въ цѣляхъ подготовки массы къ ближайшей борьбѣ съ Думой; принимая рѣзко отличную отъ другихъ партій тактику, она тѣмъ самымъ скажетъ избирателямъ: „Дѣлайте сейчасъ, теперь, вы сами, такъ то и каждый будетъ видѣть, что то, на что мы зовемъ, принципіально отличается отъ дѣла правительства и отъ дѣла кадетизма. Провести водораздѣлъ между нами и соглашательской буржуазіей по линіи раздѣла двухъ тактикъ сегодняшняго дня, завоевать себѣ сочувствіе демократіи на почвѣ подобнаго раздѣла,—я согласенъ это труднѣе, чѣмъ убѣдить подать тѣ или иныя группы населенія свои голоса за нашего кандидата. Но, я полагаю, политическіе результаты рекомендуемаго мною метода въ десятки разъ превосходятъ результаты той тактики, которая тянетъ массу демократіи на нелѣпые, фальсифицированные выборы, чтобы тамъ, на этой узкой и ограниченной аренѣ, состязаться съ прирожденными апологетами именно этой арены—съ конституціонными партіями буржуазіи". Только тактика бойкота позволитъ партіи свободно и безъ противорѣчій дѣлать очередное дѣло—готовить къ борьбѣ съ правительственной Думой.

Перейдемъ теперь къ сопоставленію тактики большевиковъ—сторонниковъ выборовъ—и меньшевиковъ—бойкотистовъ. И тѣ, и другіе—безусловные принципіальные сторонники бойкота (оговариваемся: активнаго бойкота).

---

[1]) Тамъ же.

Но первые оглянулись на действительность и пожелали принимать участіе въ выборахъ. Вторые все попрежнему тамъ, гдѣ не такъ давно была вся фракція: въ возможностяхъ или,—вѣрнѣе сказать,—ими же созданныхъ возможностяхъ. Тактика должна приспособляться къ той борьбѣ, которая предстоитъ, но неизбѣжность этой борьбы и при этомъ борьбы въ данной формѣ выводится не изъ анализа политической дѣйствительности, а такъ просто предсказывается, вѣщается.

Пока разногласія опредѣляются различной оцѣнкой момента и на первый взглядъ совсѣмъ не существенны. Удастся ли сохранить и дальше это кажущееся единство, когда потребуются дальнѣйшія дѣйствія? Едва ли!

Вышеприведенныя соображенія Ленина затрагивали только одну сторону вопроса: они указывали, почему лозунгъ бойкота непригоденъ въ данный моментъ, но они чрезвычайно бѣгло коснулись другой стороны: каковы положительныя задачи участія въ выборахъ? Съ какой цѣлью приступаетъ партія къ выборамъ, какое содержаніе она внесетъ въ предвыборную агитацію, какія задачи возложитъ на своихъ избранниковъ? Болѣе детальный отвѣтъ на часть этихъ вопросовъ даетъ статья Орловскаго въ сборникѣ „Темы дня".

„Если бы соціалъ-демократія отказалась отъ выборовъ, она ничего не выиграла бы, ибо бойкотъ не открылъ передъ ней ни одной новой возможности. Но зато она много проиграла бы: она потеряла бы блестящую возможность отвѣтить на актъ 3-го іюня и доказать народнымъ массамъ всю реакціонность и гибельность установленнаго новымъ закономъ порядка. Дѣло въ томъ, что старый избирательный законъ при всемъ своемъ несовершенствѣ не могъ вселить въ широкія массы яснаго сознанія враждебности ея интересамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудить въ ней чувства враждебности къ творцамъ такого закона... Въ первой Думѣ было 204 лица крестьянскаго происхожденія, во второй 206. При такихъ обстоятельствахъ трудно было выяснить крестьянамъ всю антидемократичность стараго избирательнаго закона...

Новый законъ въ этомъ отношеніи дастъ блестящій матеріалъ и для печатной агитаціи, и для „начальнаго обученія" на самыхъ выборахъ... Въ самомъ дѣлѣ развѣ цѣлые годы пропаганды и агитаціи могутъ замѣнить тотъ политическій опытъ, который вынесетъ крестьянскій выборщикъ, когда, пройдя всѣ мытарства выборовъ на сходъ, на уѣздный съѣздъ, въ губернское избирательное собраніе,— онъ на послѣдней стадіи убѣдится, что всѣ его мытарства были пустой комедіей, что здѣсь все уже предрѣшено, что число выборщиковъ отъ пановъ такъ подтасовано, что они всегда составятъ большинство... Но, чтобы этотъ рѣдкій и цѣнный опытъ не пропалъ даромъ или не измельчался благодаря темнотѣ, инертности, забитости крестьянской массы, необходимо, чтобы тутъ же рядомъ были

люди, способные выяснить крестьянамъ и освѣтить во всемъ объемѣ политическое и соціальное значеніе новаго закона. А эту важную, отвѣтственную и благодарную задачу соціалъ-демократы не могутъ уступить другимъ партіямъ: они должны сами занять этотъ постъ“.

Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ велика количественно та группа большевиковъ, которая раздѣляетъ вышеприведенные взгляды, но во всякомъ случаѣ ей пришлось продѣлать нелегкую работу по открытію себѣ самой глазъ на дѣйствительность. Годъ тому назадъ оффиціальный вождь большевиковъ предсказывалъ немедленное массовое возстаніе. Полгода тому назадъ результаты выборовъ во вторую Думу толковались, какъ неопровержимое доказательство революціоннаго настроенія крестьянской массы. И только теперь пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что политическое самосознаніе крестьянской массы еще дѣло будущаго, и работа надъ нимъ является очередной задачей партіи. И при этомъ наиболѣе подходящимъ способомъ для разрѣшенія этой задачи признаны не агитація и пропаганда идей, не организація ячеекъ, не общіе революціонные лозунги, а наглядное обученіе путемъ вовлеченія крестьянской массы въ обще-политическую жизнь страны, не наперекоръ, а именно въ томъ же направленіи, въ какомъ идетъ общее развитіе страны.

На это большевики, конечно, отвѣтятъ, что данное въ настоящій моментъ разрѣшеніе вопроса и приспособлено именно къ даннымъ конкретнымъ условіямъ такъ же, какъ проповѣдь бойкота соотвѣтствовала инымъ конкретнымъ условіямъ.

Конечно, условія были иныя—это несомнѣнно. Вопросъ только въ томъ, соотвѣтствовалъ ли бойкотъ и вся связанная съ нимъ система дѣйствій и отношеній конкретной исторической обстановкѣ, соотношенію силъ того момента?

Теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что героическая борьба 1905 г. окончилась пораженіемъ народа. Констатировать это недостаточно,—слѣдовало бы выяснить причины пораженія. Вы напрасно будете искать такой работы у большевиковъ: они органически неспособны ее сдѣлать безъ того, чтобы не перестать быть большевиками. Они инстинктивно боятся ея, т. к. первая попытка разобраться въ реальныхъ отношеніяхъ близкаго прошлаго разсѣитъ ихъ „красивыя“ тактическія построенія настоящаго.

Даже простое констатированіе вполнѣ очевиднаго факта политическаго упадка, констатированіе, смягченное непрерывными оговорками о временности, кратковременности этого упадка, сейчасъ же вызываетъ отпоръ со стороны правовѣрнаго большевизма. Приводимъ цѣликомъ разсужденіе, удивительно типичное для большевистскаго мышленія и постановки вопросовъ.

„Но намъ говорятъ: крестьяне не пойдутъ на бойкотъ—это будетъ жалкая демонстрація изолированнаго пролетаріата. Но, во-первыхъ, мы сейчасъ при

бойкотѣ можемъ разсчитывать на гораздо болѣе широкія массы, чѣмъ въ сентябрѣ 1905 г. и февралѣ 1906 г. Вся та масса, которая учла урокъ первой и второй Думъ, должна будетъ оказываться подъ знаменемъ невѣрія, недовѣрія къ прежней Думѣ и, если въ ней сохранилась хотя бы та сила, которая нужна для отказа отъ исполненія приказа урядника:—выбирай,—то это невѣріе и недовѣріе не можетъся вылиться ни во что иное, кромѣ бойкота. А, во-вторыхъ, если бы сила инерціи, пассивности и погнала бы къ урнамъ ту или другую группу демократіи, то единственной задачей ея сознательныхъ слоевъ было бы стать между инертнымъ потокомъ и урнами, чтобы направить его въ другую сторону. Заранѣе же предсказывать, что эти слои въ этой задачѣ останутся изолированными, значитъ — признавать, что масса демократіи изолировалась отъ революціи и во имя этого идти за этой демократіей. Соціалъ-демократія не можетъ этого сдѣлать, хотя бы потому, что она—организація рабочаго класса, который по самому своему положенію въ данный моментъ не можетъ отказаться отъ знамени революціи. Не вѣрить въ поддержку демократія, а потому сейчасъ, теперь, отказываться призывать ее на поддержку—самая худшая тактика. Мы увѣрены, наоборотъ, что энергичный призывъ пролетаріата къ протесту встрѣтитъ хорошій откликъ..."

Здѣсь есть все, что угодно: и возмущеніе невѣріемъ, и призывъ къ вѣрѣ и заклинанія,—нѣтъ только одного—ни малѣйшей попытки доказать свое мнѣніе анализомъ дѣйствительныхъ отношеній. Всякая перспектива заглянуть вглубь жизни, разобраться въ намѣчающихся тамъ отношеніяхъ, выяснить, какъ отложилась въ народномъ сознаніи пережитая трагедія—все это инстинктивно пугаетъ большевика типа автора вышеприведенныхъ строчекъ.

И посильнѣе насъ были витіи, заглянули въ дѣйствительность и... должны были признать безнадежность призывовъ къ массовому выступленію, а чтобы не остаться не у дѣлъ, призываютъ къ такому „пошлому" тактическому пріему, какъ политическое воспитаніе на избирательномъ законѣ 3 іюня. Въ этой области произошло то же самое, что съ вопросомъ о профессіональныхъ союзахъ, кооперативахъ, что произойдетъ съ отношеніемъ къ культурно-просвѣтительнымъ учрежденіямъ. Конечно, большевики не отрицаютъ извѣстнаго значенія за ними, но не отрицаютъ вообще, теоретически; практически они берутся за нихъ не раньше, чѣмъ создастся массовое движеніе, безъ нихъ начатое, безъ нихъ развивавшееся. Они ничего не вносятъ въ созданіе, въ пропаганду, въ организацію этихъ и подобныхъ формъ развитія массоваго самосознанія и самодѣятельности. Фракція, претендующая на руководство движеніемъ, ничего, повидимому, не имѣетъ противъ того, чтобы въ этихъ вопросахъ идти всегда далеко позади жизни, считаться съ ними тогда, когда уже есть на-лицо фактъ, который ни отрицать, ни измѣнить нельзя.

Но съ большимъ основаніемъ можно предсказать, что политическое развитіе страны не преминетъ подвергнуть фракцію и болѣе серьезному испытанію на аттестатъ политическаго руководителя массъ.

Пока одни будутъ вѣрить въ предстоящую въ ближайшемъ будущемъ борьбу массъ, другіе метаться между вѣрой и невѣріемъ, жизнь готовитъ новыя отношенія, новыя комбинаціи, требующія активнаго отношенія со стороны партіи пролетаріата.

Рѣшеніе принять участіе въ выборахъ,—это только часть рѣшенія. Нужно еще выяснить, что должна дѣлать партія въ самой Думѣ и какъ относиться къ тому, что будетъ дѣлаться въ Думѣ.

Одни говорятъ: центръ работы пролетарской партіи лежитъ далеко въ сторонѣ отъ этого учрежденія, другіе добавляютъ къ этому: пропаганда, агитація, критика и разъясненіе массамъ происходящаго, но вѣдь все это одни разговоры и не даетъ никакого отвѣта на конкретный вопросъ: что дѣлать, если третья Дума дѣйствительно сдѣлается органомъ законодательства и законами во всѣхъ областяхъ соціальной, экономической и культурной жизни подведетъ итоги революціи 1905 года, вызвавшей ее къ жизни?

Будетъ ли въ Думѣ больше или меньше оппозиціи, она будетъ „работоспособна". Если правительство внесетъ только тѣ законы, которые оно внесло во вторую Думу, ей предстоитъ большая работа, затрагивающая самыя серьезныя стороны жизни демократіи. Какъ бы она ни относилась и къ составу Думы, и къ направленію ея работъ, самый фактъ обсужденія и урегулированія насущныхъ народныхъ нуждъ привлечетъ вниманіе и интересъ населенія къ Думѣ и ея работѣ. Невольно приходитъ въ голову сопоставленіе съ прусскимъ ландтагомъ. Обыкновенно его работы не встрѣчаютъ интереса въ массахъ, но когда тамъ обсуждаются вопросы, затрагивающіе нужды широкихъ слоевъ населенія, интересъ этотъ пробуждается и самый ландтагъ дѣлается центромъ политической агитаціи. Еще въ большей степени этого нужно ожидать у насъ, т. к. ни въ одной странѣ нѣтъ столькихъ очередныхъ, насущныхъ вопросовъ жизни, ждущихъ какого-нибудь разрѣшенія. Вся напряженность переходнаго состоянія, результаты котораго отражаются на всѣхъ классахъ, невольно направитъ интересъ къ тому мѣсту, отъ котораго будетъ зависить хотя какое-нибудь, хотя неудовлетворительное, но все-таки разрѣшеніе. Никакія усилія партіи или партій не въ состояніи отвлечь этого интереса, пока нѣтъ на-лицо другихъ средствъ или путей къ удовлетворенію очередныхъ нуждъ. Раздѣляя въ очень многомъ принципіальное отрицательное отношеніе къ учрежденію, масса населенія тѣмъ не менѣе будетъ отзываться на то, что въ немъ происходитъ. И чѣмъ сознательнѣе эта масса, чѣмъ больше она умѣетъ связать свои частныя, профессіональныя нужды съ общимъ положеніемъ страны, т. е. чѣмъ болѣе она развита политически, тѣмъ больше интереса она будетъ

проявлять къ вопросамъ, подлежащимъ разрѣшенію, и къ учрежденію, гдѣ они разрѣшаются.

Что же будетъ дѣлать партія пролетаріата при такихъ условіяхъ? Закроетъ глаза и сдѣлаетъ видъ, что ничего не происходитъ? Пренебрежетъ элементами массовой жизни только потому, что жизнь не идетъ по пути, ей желательному, и будетъ заниматься своимъ текущимъ дѣломъ, не обращая вниманія на эти вопросы? Это тактика самоубійства, и партія не пойдетъ по этому пути.

Остается другой путь. Считаться со всякими, самыми незначительными, зачатками жизни, откуда бы они ни исходили; всѣми средствами поддерживать ихъ и питать. Нужно пользоваться урокомъ историческаго опыта, показывающаго, что массовыя движенія развиваются всегда внутренно, стихійно и главная реальная задача партіи — вносить въ него единство направленія, силы и энтузіазмъ опытныхъ и преданныхъ работниковъ.

Но отвѣтить такъ, это еще не значитъ—отвѣтить на конкретно поставленный вопросъ, что дѣлать партіи въ Думѣ и внѣ Думы въ связи съ дѣятельностью Думы. Нужно представить себѣ ясно конкретную обстановку, въ которой событія происходятъ, очертить взаимныя отношенія дѣйствующихъ силъ и направленіе ихъ дѣятельности. Въ самыхъ краткихъ чертахъ попытаемся это сдѣлать.

Единодушно признается, что третья Дума собирается и будетъ дѣйствовать въ періодъ полнаго торжества реакціи. Остановимся подробнѣе на содержаніи и происхожденіи этой реакціи. Она явилась результатомъ побѣдоносной борьбы правящихъ классовъ съ народомъ и была вторымъ, заключительнымъ актомъ революціи. Можно ли сказать, что дѣйствующія силы реакціи и революціи распредѣлялись совершенно одинаково въ первой и второй періодъ и даже больше,—можно ли признать, что объектъ борьбы былъ одинаковъ во все время революціоннаго подъема?

Періодъ активныхъ дѣйствій былъ сравнительно невеликъ, но отношеніе силъ въ борьбѣ и предметы борьбы подверглась самымъ глубокимъ перемѣнамъ.

Былъ моментъ, когда движеніе было національно, захватывало самые широкіе и разнообразные круги населенія (исключая крестьянства) и, несмотря на различный объемъ и различную рѣшительность требованій, сливало ихъ въ одно общее, широкое русло. Одни шли дальше, другіе ближе, но, казалось, шли по одной дорогѣ и по направленію къ одной цѣли: установленію представительнаго образа правленія.

По мѣрѣ развитія революціи картина рѣзко мѣняется. Въ вольной атмосферѣ борьбы и явочныхъ свободъ происходилъ поразительно быстрый ростъ общества, выяснялись различія интересовъ общественныхъ классовъ и рѣзко обострились ихъ взаимныя отношенія.

Какъ только ослабѣли немного цѣпи, искусственно наложенныя на экономическое развитіе рабочаго класса, онъ двинулся всей массой на улучшеніе своего положенія, какъ пролетаріата, и по этому пути съ нимъ пошли только партіи революціонно-соціалистическія. Ему недоставало практическихъ навыковъ, организаціи, широкихъ перспективъ, захватывающихъ самыхъ холодныхъ и осторожныхъ, научнаго обоснованія — это ему дали партія, а онъ далъ партіямъ небывалую мощь.

Изъ общенаціональнаго потока выдѣлилось чисто-пролетарское теченіе; и по мѣрѣ того, какъ оно выдѣлялось, высыхали источники, питавшіе революціонное движеніе другихъ классовъ. Едва ли можно было оспаривать, что въ пролетаріатѣ была наибольшая революціонная энергія; пока она направлялась по общему руслу, ея специфическій характеръ не проявлялся. Какъ только пролетаріатъ внесъ свое соціальное содержаніе въ политическую борьбу, выяснилось, что онъ и руководящія имъ партія стремятся сами сдѣлаться хозяевами жизни, устранивъ отъ руководства не только стараго, обанкротившагося хозяина, но и всѣ либеральные слои населенія, возлагавшія на революцію свои собственныя упованія, надежды, соединявшія съ ней разсчетъ на удовлетвореніе своихъ интересовъ и стремленій. Октябрьскіе дни были послѣднимъ моментомъ единенія всей демократіи. Дальше произошелъ расколъ и расколъ тѣмъ болѣе полный, чѣмъ интенсивнѣе шла революціонная борьба пролетаріата подъ знаменемъ и руководствомъ революціонныхъ партій и организацій. Реальная сила пролетаріата, раскрытая въ моментъ его массоваго подъема и движенія, и непримиримая революціонная прямота и рѣзкость пріемовъ поставили передъ имущими и „культурными" классами конкретный вопросъ о существованіи. Совѣты Рабочихъ Депутатовъ съ громаднымъ вліяніемъ на рабочую массу и демократію вообще, революціонное введеніе 8-ми-часового рабочаго дня, всеобщія забастовки протеста, рѣзко и неожиданно нарушающія теченіе жизни, показывали нарожденіе новой силы, дѣйствующей по своему собственному плану безъ всякаго вниманія къ интересамъ настоящихъ и „будущихъ" хозяевъ. Столкнулись два міра съ различнымъ міросозерцаніемъ, различными интересами, различнымъ духовнымъ обликомъ и столкнулись такъ, что одному пришлось бы уступить мѣсто, если бы пролетарское движеніе шло бы съ успѣхомъ въ томъ же направленіи дальше. И оно, повидимому, шло все болѣе прямо и непримиримо къ своей цѣли, все менѣе останавливаясь въ выборѣ средствъ. Декабрьскія возстанія показали, что если не пролетарская масса, то руководящія ею партійныя организаціи не остановятся передъ насиліемъ, чтобы добиться власти.

Высшая волна революціонныхъ дѣйствій въ городахъ совпала съ подъемомъ стихійной волны аграрныхъ движеній. Въ какомъ отношеніи находились они къ политическому движенію городской демократіи и пролетаріата—это вопросъ, еще далеко не выясненный, но несомнѣнно, что для

лицъ, заинтересованныхъ—городской и сельской буржуазіи и бюрократіи—они казались такими же самыми проявленіями революціонныхъ стремленій народной массы, желающей прогнать старыхъ хозяевъ. Стремленіе крайнихъ политическихъ партій учесть эти движенія и направить по своему руслу, стремленіе, выразившееся такъ рѣзко въ видоизмѣненіи аграрной программы с.-демократіи,—все это какъ будто подтверждало опасенія имущихъ классовъ за свою участь въ ближайшее уже время.

Началась борьба, которая велась со всей непримиримостью и жестокостью, съ которыми ведется всякая борьба за существованіе. Во имя чьихъ интересовъ она велась? Собственности и культуры, противъ массы, грозившей ихъ уничтожить,— какъ говорили ея враги — въ дѣйствительности же желавшей только измѣнить законы ихъ распредѣленія. Но если заинтересована въ этой борьбѣ была буржуазія въ цѣломъ, можно ли сказать, что различныя составныя части ея проявляли одинаковую активность въ усмиреніи и одинаково одобряли выборъ средствъ для усмиренія.

По мѣрѣ того, какъ руководящія партіи пролетаріата, не разобравшись въ смыслѣ самаго движенія, страшно сузили русло его, надѣясь поднять напряженность, и изъ неуловимаго массоваго соціальнаго теченія превратили его въ бурный, но узкій потокъ баррикадной открытой борьбы,—задача усмиренія упростилась и всецѣло перешла въ руки организаціи и общественныхъ группъ или имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи механическій репрессивный аппаратъ, или сумѣвшихъ его легко создать. Полицейская и военная сила правительства, сельская охрана помѣщиковъ и контръ-революціонная организація союза русскаго народа—вотъ организаціи, взявшія на себя задачу раздавить революцію механическими средствами. Это были организаціи, выставленныя или созданныя общественными группами, которымъ революціонное движеніе угрожало въ первую очередь.

Что же дѣлали другія многочисленныя группы „культурныхъ и имущихъ“ классовъ? Если выдѣлить сравнительно незначительную численно, но вліятельную группу промышленной буржуазіи, содѣйствовавшую усмиренію экономическимъ давленіемъ на пролетаріатъ,—всѣ остальныя группы держались нейтрально, но смыслъ этого нейтралитета былъ очень ясный. Глубокое отвращеніе къ революціоннымъ пріемамъ борьбы и скрытая боязнь за участь культуры (въ слояхъ либеральныхъ о собственности не принято говорить) только потому не привели буржуазію къ открытому враждебному наступленію на революціонный пролетаріатъ, что борьба съ нимъ была начата другими во время, а проявившіяся и всецѣло раскрывшіяся въ процессѣ усмиренія силы какъ своими пріемами усмиренія, такъ и задачами усмиренія угрожали въ случаѣ побѣды не только революціи, но и просто оппозиціи. Конечно, внутри многочисленныхъ общественныхъ группъ, занимающихъ мѣсто между пролетаріатомъ и правящими классами

въ узкомъ смыслѣ этого слова, не могло быть единаго отношенія и къ революціи, и къ реакціи. Часть этого слоя сейчасъ же выяснила себѣ, что за реакціей скрывается попытка реставраціи и заняла рѣзко отрицательное отношеніе къ агентамъ и пріемамъ усмиренія революціи. Другая часть, которую революція била по карману, какъ въ первый свой періодъ—революціонныхъ бурь, такъ и во второй—періодъ своего „распыленія"—эта часть сохраняла свой нейтралитетъ не только въ періодъ острыхъ политическихъ волненій, но въ эпоху и первой и второй Думъ, когда правящіе классы отстояли свою позицію отъ легально выраженныхъ стремленій народной массы, хотя и цѣной формальныхъ нарушеній ими же дарованныхъ законовъ.

Было много нитей, связывающихъ значительную часть буржуазіи съ откровенной реакціей, но она не сливалась съ ней. Чѣмъ инымъ можно было бы объяснить сравнительную нерѣшительность попытокъ реставраціи? Едва ли удерживала прямая боязнь народной массы: послѣдняя проявила достаточно индифферентизма къ судьбѣ „реформы", чтобы ожидать ея вмѣшательства. Окончательной реставраціи мѣшало противодѣйствіе изнутри тѣхъ общественныхъ круговъ, съ которыми правительство искони связано, съ интересами и мнѣніями которыхъ оно считается. А эти круги— буржуазія и вышедшая изъ нея и органически съ ней связанная часть бюрократіи, можетъ быть, часть дворянства—были и остались безусловными противниками возстановленія самодержавія.

Тѣ интересы, во имя которыхъ они требовали конституціи въ 1905, остались до сихъ поръ неудовлетворенными. Буржуазія могла переждать, пока реакція брала на себя опасную и тяжелую задачу устраненія съ пути общаго врага, но она не хотѣла отказаться совсѣмъ отъ своей доли власти, безъ которой нельзя было ждать своевременнаго и полнаго удовлетворенія ея очередныхъ нуждъ. И никогда для нея еще не представлялся болѣе благопріятный моментъ для представленія своихъ счетовъ къ уплатѣ. Дѣйствительно, революціонныхъ массовыхъ теченій въ странѣ нѣтъ, въ Думѣ непримиримая демократія обречена на роль меньшинства, а правительство все-таки ищетъ опоры въ какомъ-нибудь классѣ населенія, особенно послѣ того, какъ опытъ съ союзомъ русскаго народа окончился такъ неудачно. Каково же содержаніе счетовъ, имѣющихъ быть представленными буржуазіей? Они не очень требовательны и не чрезмѣрны.

Буржуазія стала въ оппозицію къ самодержавію не потому, что послѣднее проявило себя злымъ отчимомъ. Наоборотъ, всѣмъ хорошо извѣстно попеченіе правительства о нуждахъ торговли и промышленности, хотя бы въ ущербъ народной массѣ потребителей и милліонному производительному пролетаріату. Но больше, чѣмъ дало, правительство дать не могло: пришелъ скоро моментъ, когда этого уже было недостаточно.

Для свободнаго развитія промышленности и торговли нужны были:

свобода самодѣятельности, неразрывно связанная съ гражданской свободой вообще, съ уничтоженіемъ опеки по отношенію къ народной массѣ въ частности; уваженіе къ закону и законности, внѣдрить которое въ народное сознаніе можетъ только независимый судъ и законодательство, освященное народнымъ согласіемъ; общій подъемъ культуры и просвѣщенія, немыслимые при наличности паническаго страха передъ ихъ послѣдствіями; свободное самоуправленіе, организующее мѣстныя силы для творческой хозяйственной и культурной работы; экономная хозяйственная дѣятельность государства, считающаяся съ интересами торговыхъ и промышленныхъ круговъ; сельско-хозяйственная политика, направленная къ подъему благосостоянія массоваго потребителя и т. д. и т. д.

Этого не могло дать самодержавіе, это возможно только при конституціонномъ режимѣ. Вотъ почему буржуазія не поддержала реставраціонныхъ стремленій, и вотъ, что она постарается осуществить, когда приблизится къ власти. Эта программа составлена не большимъ или меньшимъ количествомъ политическихъ дѣятелей, а вытекаетъ изъ интересовъ класса и диктуется всей совокупностью конкретныхъ отношеній момента. Объективныя требованія класса возьмутъ верхъ надъ субъективными тяготѣніями вправо тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ въ тотъ моментъ, когда появится возможность облечь классовыя нужды въ законодательную форму. Этотъ моментъ теперь пришелъ.

Но какъ ни вліятельна будетъ буржуазія въ Думѣ, еще болѣе благопріятно будетъ положеніе землевладѣльческаго класса. Какъ же относится онъ къ политической программѣ буржуазіи?

Физіономія землевладѣльческаго класса опредѣлилась довольно ясно: въ немъ два преобладающихъ теченія и притомъ оба недовольны и теперешнимъ переходнымъ временемъ, и недавно пережитымъ періодомъ бюрократическаго самодержавія. Одно теченіе стремится къ новому—сверхсамодержавію. Оно оказываетъ замѣтное вліяніе на ходъ политики теперь, пока поддерживаетъ и питаетъ политику сильной власти, безпощадной репрессіи, но оно потеряетъ серьезное значеніе, какъ только попытается намѣтить основныя очертанія своей положительной программы: ея нѣтъ у „зубровъ". Въ такомъ безсильномъ положеніи находилась крайняя правая во второй Думѣ. Другое теченіе тоже ненавидитъ революцію и тоже боится демократіи, но оно уже и не вѣритъ въ спасительную власть бюрократіи. Оно требуетъ отъ бюрократіи защиты отъ прямыхъ нападеній демократіи въ теперешній острый моментъ, оно не пойдетъ ни на какой шагъ, угрожающій рѣзкой перемѣной политическихъ или соціальныхъ отношеній, но, съ другой стороны, оно не можетъ не видѣть, что внѣ реформъ нѣтъ спасенія, что успокоить демократію можно, устранивъ наиболѣе кричащія злоупотребленія стараго сословнаго режима и открывъ болѣе или менѣе широкій просторъ самодѣятельности всѣхъ классовъ населенія.

Расходясь въ тѣхъ или иныхъ частностяхъ, эта часть землевладѣльческаго класса поддержитъ программу реформъ буржуазіи.

Остается выяснить отношеніе правительства къ планамъ буржуазіи. Бюрократическое правительство не имѣетъ своей положительной программы: оно отражаетъ обыкновенно интересы и воззрѣнія наиболѣе организованныхъ классовъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ нити общественно-экономической жизни, но реагируетъ и довольно быстро реагируетъ на всякое сильное общественное теченіе, имѣющее въ себѣ силы такъ или иначе повліять на нормальный укладъ жизни. Бюрократія пошла рѣзко вправо, когда почувствовала угрозу своему собственному существованію и когда вправо пошли вліятельные классы дворянства и буржуазіи. Оно же передвинетъ свою позицію влѣво, какъ только обнаружится подобное тяготѣніе въ близкихъ къ ней кругахъ, такъ какъ вѣдь программа реформъ буржуазіи не только не угрожаетъ существованію ея, бюрократіи, но и даетъ возможность безъ большихъ и существенныхъ жертвъ дать выходъ недовольству, являющемуся источникомъ тревогъ теперь и угрожающему еще большими опасностями въ будущемъ. Буржуазная программа—это средство вывести революціонныя силы изъ подполья, гдѣ онѣ находятся внѣ наблюденія, въ открытое поле, гдѣ ихъ можно регламентировать и направить ихъ точку приложенія съ разрушительной работой критики на положительную творческую работу самодѣятельности каждаго класса или группы въ узкихъ предѣлахъ ихъ специфическихъ профессіональныхъ интересовъ. Это умная и культурная программа подавленія революціи средствами, извлеченными изъ анализа соціально-экономическаго происхожденія революціи.

Подведемъ итоги. Умѣренно-либеральные круги общества, отколовшись отъ оппозиціи, когда послѣдняя пошла подъ знаменемъ революціи или просто коренной реформы, займетъ свою прежнюю позицію, какъ только соціальная опасность перестанетъ ей угрожать и со стороны революціоннаго народа, какъ и со стороны демократическаго большинства Думы. Этотъ моментъ близокъ, вѣроятнѣе всего, что дѣятельность третьей Думы будетъ развиваться уже подъ знакомъ реформъ, объективно необходимыхъ для буржуазіи и буржуазнаго дворянства.

Таковы объективныя условія момента. Читатель, несомнѣнно, удивится, что въ этомъ изложеніи нѣтъ ни слова о роли демократіи вообще, пролетаріата—въ частности. Неужели они не оказываютъ никакого вліянія на политическія отношенія момента? Выше [1]) объ этомъ уже говорилось. Да, въ настоящій моментъ демократія не проявляетъ себя политически. Отчасти индифферентная къ легальнымъ путямъ борьбы, отчасти безсильная добиться какихъ-либо политическихъ результатовъ, дѣйствуя самостоятельно, демократія вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно оставила и революціонные пути борьбы.

---

[1]) «Образованіе». Августъ.

Въ ней что-то происходитъ, что-то накопляется, развивается, видоизмѣняется: совершается страшно глубокій и всесторонній ростъ, но ростъ, на который оказываютъ вліяніе не только тѣ условія, которыя обыкновенно въ этихъ случаяхъ отмѣчаются.

Короче говоря—демократія не только собирается съ силами, но и приспособляется къ конкретнымъ политическимъ условіямъ борьбы.

И вотъ теперь, ставя вопросъ, какъ должна отнестись демократія и пролетаріатъ къ намѣчающейся дѣятельности Думы, отвѣта приходится искать раньше всего въ конкретномъ содержаніи интересовъ и переживаній массъ. Въ какомъ отношеніи они находятся къ интересамъ, выдвинутымъ на первое мѣсто объективнымъ ходомъ вещей? Противорѣчитъ ли демократическая программа дѣйствій программѣ буржуазныхъ реформъ или въ нихъ есть общіе пункты? Направить ли дѣятельность демократіи прямо противъ этой программы, по линіи наибольшаго сопротивленія, или, считаясь съ моментомъ массоваго упадка, выбрать линію наименьшаго сопротивленія, пользуясь всѣми силами и средствами, чтобы расширять буржуазную программу въ интересахъ демократіи и рабочаго класса? Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность партіи должна считаться съ дѣятельностью Думы. Тогда забота пролетарскихъ и демократическихъ представителей въ Думѣ будетъ сводиться не только къ критикѣ и агитаціи, но и созданію условій, при которыхъ демократическая программа могла бы быть противопоставлена буржуазной, какъ нѣчто реальное. Не отказываясь отъ развитія своихъ принципіальныхъ положеній, крайняя оппозиція должна устранять изъ своихъ дѣйствій все то, что имѣетъ характеръ пустого бряцанія бутафорскимъ оружіемъ, она должна перестать угрожать, пока не будетъ чувствовать за собой реальной силы. Говоря просто, она должна ставить своей цѣлью не разрушеніе возможныхъ соглашеній между буржуазіей и правительствомъ, а расширеніе рамокъ этихъ соглашеній въ интересахъ широкой массы демократіи.

Но вѣдь, съ другой стороны, для всѣхъ совершенно очевидно, что предѣлъ этого расширенія опредѣляется не соотношеніемъ силъ внутри Думы, а отношеніемъ населенія къ тому, что въ Думѣ происходитъ. Передъ партіями стоитъ очень важный вопросъ: въ какомъ направленіи готовить населеніе? Къ борьбѣ съ Думой именно потому, что она пытается облечь соглашеніе въ рамки закона, или къ поддержкѣ демократическихъ элементовъ внутри Думы въ ихъ борьбѣ на почвѣ конкретныхъ вопросовъ законодательства? Соц.-демократія можетъ и обязана развивать свою программу реформъ, но если она это будетъ дѣлать въ тотъ моментъ, когда эти реформы на очереди, ей, можетъ быть, удастся создать массовое движеніе, способное перетянуть чашку вѣсовъ на демократическую сторону. Какъ удавалось нѣмецкимъ соц.-демократамъ предотвращать реакціонные факты въ рейхстагѣ и ландтагѣ? Только такимъ возбужде-

ніемъ общественнаго мнѣнія. Если удастся затронуть массу въ ея очередныхъ нуждахъ, она будетъ реагировать и будетъ воздѣйствовать. Но, конечно, и тутъ во внѣдумской дѣятельности можно руководиться совершенно иными пріемами и иными соображеніями.

Что же опредѣлитъ выборъ между этими путями—тотъ или иной характеръ конкретныхъ переживаній народныхъ массъ, въ частности—пролетаріата? Пролетаріатъ переживаетъ періодъ политической инертности—этотъ фактъ считается общепризнаннымъ. Безъ активнаго отношенія пролетаріата—и вообще народной массы—нельзя ожидать никакихъ серьезныхъ улучшеній настоящаго политическаго положенія—тоже безспорное положеніе. Отсюда тоже несомнѣнно безспорный выводъ — первая очередная задача партіи пролетаріата—вывести его изъ этого состоянія инертности, затишья или утомленія, и какъ иначе его ни называть. Выйдетъ же пролетаріатъ изъ этого состоянія только въ томъ случаѣ, если призывы найдутъ въ немъ пониманіе, сочувствіе, если они дадутъ толчокъ въ ту сторону, къ которой есть внутреннее тяготѣніе, если они будутъ не только обѣщать въ отдаленномъ будущемъ, но и непосредственно теперь намѣтятъ пути къ широкому, производительному строительству жизни и удовлетворенію нуждъ и запросовъ, наиболѣе рѣзко и выпукло намѣтившихся въ сознаніи массъ.

Передъ нами двѣ возможности: рабочая масса можетъ отозваться наиболѣе активно на такую дѣятельность партіи, которая создастъ возможность теперь же расширить нѣкоторыя очередныя права и удовлетворить нѣкоторыя наиболѣе назрѣвшія нужды. Можетъ случиться иначе: рабочая масса поддержитъ только рѣзко враждебную ко всему существующему тактику, пойдетъ только за крайними требованіями, отзовется только на призывъ революціи.

Соціалъ-демократія, если она хочетъ остаться партіей рабочаго класса, должна опредѣлять свою тактику только въ связи съ этими конкретными отношеніями и настроеніями внутри рабочаго класса.

Для соціалъ-демократіи въ Россіи въ настоящій моментъ стоитъ очередная задача: выяснить конкретныя отношенія въ рабочей массѣ. Если въ результатѣ этого изученія партія придетъ къ выводу, что рабочая масса можетъ отозваться только на политику реформъ, она должна использовать Думу, думскую дѣятельность и поставить свою обычную работу въ массахъ въ связь съ этой дѣятельностью. Если же въ рабочей массѣ назрѣла революціонная энергія,—тактика, конечно, должна къ ней приспособляться. Передъ этой задачей стала вся партія, стали, конечно, и большевики. Рѣшились ли они, однако, смѣло ступить на этотъ путь реалистическаго анализа и созданія реалистической тактики?

Нѣтъ, именно въ тотъ моментъ, когда нельзя уже было отступать, фракція большевиковъ сдѣлала скачокъ назадъ: вмѣсто анализа дѣйстви-

тельности ею выдвинута реалистически окрашенная фантазія. Новаго и оригинальнаго въ ней ничего нѣтъ: составлена она въ томъ же стилѣ, какъ уже отмѣченная фантазія о выступленіи крестьянства осенью 1906 г. Мѣсто крестьянства занялъ теперь пролетаріатъ. Если раньше точно указывалось время, теперь столь же точно указывается мѣсто—московскій промышленный районъ. Какъ и въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ большевики имѣли, повидимому, самыя точныя свѣдѣнія съ мѣстъ, иначе какъ бы они рѣшились на опредѣленныя предсказанія. Вотъ, напримѣръ, статья Рожкова въ сборникѣ „Вопросы тактики", выпущенномъ въ началѣ лѣта, очень опредѣленно говоритъ объ этомъ предстоящемъ массовомъ выступленіи. Однако, въ новомъ предсказаніи есть кое-какія своеобразныя черты, придающія ему реалистическую окраску. Есть намѣреніе обосновать это выступленіе, какъ извѣстный моментъ объективнаго процесса наростанія массоваго протеста подъ вліяніемъ цѣлаго ряда соціально-экономическихъ и политическихъ условій; есть попытка даже изобразить конкретную картину этого роста. Правда, эта картина не всѣми рисуется одинаково, но выводы дѣлаются одинаковые. Рожковъ, Финнъ полагаютъ, что „Россія переживаетъ затяжной экономическій кризисъ, сопровождающійся локаутами, острой безработицей и дороговизной предметовъ необходимости, особенно хлѣба и другихъ средствъ потребленія". Пролетаріатъ борется во всѣхъ направленіяхъ: съ локаутами взаимной поддержкой и упорствомъ въ отстаиваніи всѣхъ требованій; съ безработицей—давленіемъ на органы самоуправленія; съ дороговизной—устройствомъ потребительныхъ обществъ, но, конечно, будетъ вынужденъ скоро понять утопичность этого средства и перейти и въ этой области къ давленію на государственныя и общественныя учрежденія. Въ общемъ „рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о крайнемъ обостреніи экономической нужды пролетаріата и его экономической борьбы". Въ этихъ разсужденіяхъ наизбѣжность экономической борьбы пролетаріата выводится изъ его безвыходнаго экономическаго положенія.

Другая группа большевиковъ находитъ, наоборотъ, что Россія переживаетъ теперь періодъ относительнаго промышленнаго процвѣтанія: въ этомъ лежитъ источникъ повышенной экономической борьбы пролетаріата и залогъ дальнѣйшаго вовлеченія въ борьбу все большихъ массъ рабочихъ.

Каковъ же выводъ? „Вся исторія россійской революціи показываетъ, что всѣ могучіе подъемы революціоннаго движенія возникали только на основѣ подобныхъ массовыхъ экономическихъ движеній. Сопоставляя всѣ эти наблюденія, мы должны съ логической необходимостью сдѣлать то заключеніе, что у насъ на почвѣ экономической борьбы готовится новый революціонный подъемъ, новое,—быть можетъ, гораздо болѣе грандіозное, чѣмъ раньше бывшія,—обостреніе политическаго движенія.

Поэтому очередныя задачи партіи слѣдующія: 1) необходимо всѣмъ

партійнымъ организаціямъ обратить самое серьезное вниманіе на обостреніе экономической нужды пролетаріата и его экономической борьбы; 2) необходимо сосредоточить возможно большее количество партійныхъ силъ на экономической агитаціи въ массахъ; 3) необходимо считаться именно съ этимъ экономическимъ движеніемъ, какъ съ кореннымъ источникомъ и важнѣйшей основой всего развивающагося революціоннаго кризиса въ Россіи".

Вотъ отвѣтъ, который даютъ большевики на конкретно-поставленный вопросъ, что дѣлать партіи въ ближайшемъ будущемъ. Не трудно, конечно, убѣдиться, что этотъ отвѣтъ считается не съ конкретной политической обстановкой даннаго момента, а разсчитанъ на иной моментъ. Но, конечно, суть вопроса не въ этомъ, а въ томъ, насколько это будущее правильно выводится изъ настоящаго, насколько „логическая необходимость выводовъ" совпадаетъ съ конкретнымъ развитіемъ фактовъ.

Съ этой стороны большевистскіе доводы раздѣляются на три разряда. Къ первому относятся несомнѣнно факты, провѣренные и безусловные, факты, характеризующіе ухудшеніе условій жизни пролетаріата. Къ второму—факты, перемѣшанные съ произвольными построеніями, имѣющими характеръ вѣроятности; сюда относится предсказаніе массовыхъ экономическихъ выступленій, имѣющихъ тенденцію къ сліянію. Наконецъ, къ третьему разряду относится чистая политическая фантазія, ничѣмъ не подкрѣпленная, кромѣ „логической небходимости"—предсказаніе, что экономическое движеніе перейдетъ въ массовое, политическое.

Эти, два—особенно послѣдній—пунктъ замѣчательно типичны для большевистскаго мышленія. Они требуютъ особеннаго анализа, къ которому и переходимъ.

Вл. Коганъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Промышленный подъемъ или промышленный кризисъ?

(Продолженіе).

II.

Горное дѣло.

Прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ горнозаводской промышленности, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько фактовъ изъ исторіи ея развитія. Дѣло въ томъ, что условія сбыта и потребленія продуктовъ горнозаводской промышленности и физіономія горнозаводскаго рынка вообще отличаются *большимъ своеобразіемъ* сравнительно съ другими отраслями нашей промышленности, напр., съ мануфактурной; эти особенности всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ конъюнктуръ горнозаводской дѣятельности.

Покровительство промышленности было одной изъ постоянныхъ заботъ русскаго правительства, искавшаго опоры въ буржуазныхъ классахъ населенія и вынужденнаго дѣлать это также и по фискальнымъ соображеніямъ. Съ особенной силой покровительство проводилось въ жизнь, когда начались подготовительныя работы по введенію золотой *валюты*, требовавшей для своего существованія наличности опредѣленныхъ экономическихъ условій, которыя способствовали бы какъ задержанію золотого монетнаго инвентаря въ странѣ, такъ и густому, прочному осѣданію его въ народномъ обращеніи. Денежная реформа, такимъ образомъ, влекла за собой реформу въ области экономической политики.

Крупная металлическая задолженность заграницѣ и хронически-пассивный платежный балансъ ставили серьезныя препятствія валютной реформѣ, преодолѣть которыя можно было только путемъ жертвъ со стороны широкихъ слоевъ народной массы. Ультра-фискальныя мѣропріятія вродѣ огульнаго повышенія таможеннаго тарифа въ 1887, 1890 и 1891 гг. съ цѣлью сократить привозъ товаровъ изъ-за границы не дали, однако, должныхъ экономическихъ результатовъ, несмотря на то, что одновременно

были понижены пудоповерстныя ставки желѣзнодорожнаго тарифа на перевозку хлѣбныхъ грузовъ къ портамъ. Требовались сильно дѣйствующія средства, которыя могли бы окончательно убить импортъ, пріостановить утекъ золота за границу, *создать свою промышленность*, а вмѣстѣ съ нею могучій финансовый источникъ—косвенное обложеніе и т. д.

Капиталистическое развитіе Россіи не достигало въ то время такой интенсивности, чтобы можно было бы обойтись „домашними средствами", хотя благодаря всеобщему застою въ дѣлахъ, острой нужды въ свободныхъ капиталахъ не было: въ 1896, 1897 и 1898 годахъ приливъ денегъ въ банки принялъ небывалые размѣры, превышая 125 мил. руб. въ годъ [1]).

Толчокъ былъ данъ изъ-за границы грандіозными конверсіями нашихъ бумагъ, сильное пониженіе капитализаціоннаго уровня которыхъ встряхнуло міровой денежный рынокъ и двинуло свободные капиталы для учредительства и спекуляціи въ Америку, Африку, Австралію и Россію. Поле дѣятельности для этихъ капиталовъ было пріуготовано банковой и биржевой реформой, предоставляющей государственному банку финансировать промышленныя и отчасти сельскохозяйственныя предпріятія (уставъ 6 іюня 1894 г.), а биржѣ—совершать сдѣлки на срокъ для всѣхъ бумагъ, за исключеніемъ валюты (законъ 8 іюня 1893 г.). Эти-то капиталы облегчили заключеніе *желѣзнодорожныхъ займовъ* для усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ, а также приняли весьма значительное участіе въ учрежденіи цѣлой массы промышленныхъ предпріятій и въ особенности *горнозаводской отрасли*, быстрое развитіе которой какъ бы оправдывалось форсированнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ и временно возросшими потребностями для цѣлей военныхъ и частныхъ. Громадныя суммы свободныхъ денегъ, сосредоточенныхъ въ русскихъ банкахъ, не остались чуждыми этой учредительской горячкѣ и только усиливали эффектъ грюндерства.

Но какъ бы то ни было, а кардинальный вопросъ экономической политики былъ разрѣшенъ. Карточный домикъ эфемерныхъ предпріятій, конечно, развалился при первомъ же замедленіи биржевого пульса; однако, горнозаводская промышленность, въ значительной своей части, устояла благодаря галопирующему росту желѣзнодорожной сѣти. Въ 1900 г. на Югѣ Россіи насчитывалось уже 16 металлургическихъ заводовъ (въ 1887 г. ихъ было только два), 21 машиностроительный и передѣльный. Опираясь на спросъ со стороны желѣзныхъ дорогъ, внѣдрявшихъ денежное хозяйство въ предѣлахъ необъятной Россіи и защищенная китайской стѣной таможеннаго тарифа, наша горнозаводская промышленность расширялась и крѣпла главнымъ образомъ за счетъ казны; потребительскій же

---

[1]) *Эпштейнъ*. Депозитные банки въ Англіи и Россіи. СПБ. 902 стр. X.

рынокъ не представлялъ изъ себя прочной, устойчивой базы, несмотря на быструю эволюцію экономическаго строя Россіи.

Результатъ, достигнутый этой политикой, былъ положительнымъ только съ одной стороны: импортъ сократился, платежный балансъ сталъ активнымъ, спросъ на фабрикаты промышленности, которые можно обложить втридорога, удовлетворялся туземнымъ производствомъ, колебанія вексельнаго курса были устранены, денежное обращеніе упрочено и государственный кредитъ стоялъ высоко. Все это было въ высшей степени выгодно для правительства, употреблявшаго всѣ усилія на организацію самообороны и самозащиты, и для буржуазіи.

Что же касается экономической жизни населенія, то данныя мѣропріятія сыграли съ нимъ скверную шутку. Обѣдненіе и пролетаризація деревни, гдѣ пышно цвѣли аграрныя варварства, пошло впередъ исполинскими шагами, и къ старымъ феодальнымъ ранамъ были присоединены новыя, капиталистическія. Интересы народныхъ производительныхъ силъ были поставлены подъ истощающую опеку французскихъ и бельгійскихъ капиталистовъ, какъ будто бы они своимъ золотомъ могли закрѣпить расползающійся старый порядокъ. Населеніе опутывалось чудовищной сѣтью налоговъ, пожиравшихъ скудный матеріальный достатокъ у наиболѣе обездоленной и многочисленной части налогоплательщиковъ—крестьянъ и рабочихъ,—въ экономическомъ смыслѣ никогда еще не стоявшихъ на твердыхъ ногахъ. Ко всему этому народъ отдавался на „потокъ и разграбленіе" чиновничества, вытравлявшаго всякую возможность къ организаціи самодѣятельности среди массъ и всѣми силами препятствовавшаго проявленію классовой борьбы въ ея рѣзкихъ и оголенныхъ формахъ.

При такомъ сугубо-печальномъ экономическомъ укладѣ народное хозяйство не обнаруживало никакого сколько-нибудь замѣтнаго прогресса и принимая капиталистическій обликъ, лишь усиливало противорѣчіе между буржуазными отношеніями, пропитавшими этотъ укладъ, и феодально-крѣпостническими, которыя его поддерживали.

Промышленность, однако, развивалась, ибо всякая желѣзная дорога,—а ихъ непрерывно строили,—помимо того, что она сама поглощала грандіозныя количества продуктовъ промышленности, создавала для послѣдней рынокъ и втягивала окраины въ кругъ мѣнового процесса. Трудно сказать, гдѣ находится основная причина желѣзнодорожнаго строительства: въ изобиліи ли капиталовъ на денежномъ рынкѣ, облегчившихъ желѣзнодорожные займы, въ „міровой ли политикѣ" правительства, которую оно вело за счетъ нищаго народа, въ финансовыхъ ли соображеніяхъ, постулировавшихся на широкомъ развертываніи косвеннаго обложенія, или въ классовыхъ вожделѣніяхъ буржуазіи, бывшей въ комплотѣ съ правительствомъ и наживавшей на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ колоссальныя богатства. Здѣсь дѣйствовалъ цѣлый комплексъ причинъ.

Во всякомъ случаѣ желѣзнодорожное строительство сыграло знаменательную роль въ новѣйшей исторіи нашей промышленности, поставивъ нѣкоторыя отрасли въ прямую, непосредственную зависимость отъ темпа собственнаго развитія. И неудивительно, поэтому, если въ 1900 г. изъ 132 мил. пуд. всей выработки продукта металлургической промышленности 63 мил. пуд., или 48%, потребляла казна, 51 мил. пуд.,—или 38%,—фабрики и заводы и только 18 мил. пуд., или 14%, ушло на потребленіе народной массы [1]).

Что же говорятъ намъ эти цифры? Не ясно ли, что русскій потребительскій рынокъ, какъ таковой, обладаетъ чрезвычайно слабой емкостью и что $^{7}/_{10}$ производства главнѣйшей промышленной отрасли—металлургіи—независимы или почти независимы отъ рынка съ его неумолимыми законами спроса и предложенія, рекламы и конкурренціи. Болѣе того, разсуждая a priori, мы можемъ придти къ выводу, что эти $^{7}/_{10}$ производства, опираясь на болѣе или менѣе постоянное потребленіе, не подвержены глубокому воздѣйствію внутреннихъ причинъ, коренящихся въ капиталистическомъ процессѣ и какъ бы изъемлются изъ сферы промышленнаго кризиса [2]).

---

[1]) По классификаціи фабричнаго ревизора *Варзара*. Цит. у *Озерова*, „Основы фин. науки". М. 1905. Стр. 135.

[2]) Здѣсь не безынтересно будетъ привести справку о развитіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи (по даннымъ статист. сборника м. п. с.)

Построено новыхъ желѣзныхъ дорогъ (верстъ):

ГОДЫ.	Въ Европ. Россіи. Казною.	Въ Европ. Россіи. Ч. о-ми.	Итого.	На Кавказѣ. Казною.	ВъСибири. Казною.	Въ Ср. Азіи. Казною.	Итого.
1892	261	192	453	—	—	—	453
1893	180	1.404	1.584	—	—	—	1.584
1894	50	1.748	1.825	27	—	—	1.825
1895	157	1.691	1.886	38	—	—	1.886
1896	517	449	1.082	—	1.709	126	2.801
1897	189	1.402	1.591	—	346	—	1.937
1898	488	1.597	2.085	—	807	—	2.892
1899	1.032	1.950	2.982	279	1.005	648	4.914
1900	171	1.392	1.569	6	1.187	—	2.756
1901	339	2.340	2.679	12	340	307	3.338
1902	694	194	888	167	—	—	1.055
1903	10	638	648	—	25	—	673
1904	582	609	1.197	6	54	—	1.251
1905	1.387	106	1.493	—	193	—	1.686
1906	1.358	202	1.560	—	—	795	2.355
1907	923	—	923	—	—	—	923
Итого . . .	8.338	15.914	24.252	535	5.666	1.876	32.329
Кромѣ того, по даннымъ на 1 февраля 1907 года состояло въ постройкѣ:	612	718	1.330	178	247	21	1.776
и разрѣшено къ постройкѣ:	405	540	945	324	367	—	1.636

Вышеприведенныя замѣчанія, не взирая на ихъ нѣсколько грубую и упрощенную формулировку, весьма важны при оцѣнкѣ конъюнктуръ горнозаводской промышленности. Въ конечномъ анализѣ производства и распредѣленія желѣза и угля приходится считаться не столько съ потребительскимъ спросомъ, основаннымъ на покупательной способности массъ и зависимымъ отъ общаго экономическаго благосостоянія страны, сколько съ условіями и направленіемъ государственнаго хозяйства, которое, какъ у насъ и происходитъ, можетъ вестись, не считаясь съ экономическимъ status quo и другими моментами, граничащами между рынкомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. общей суммой чистаго спроса, и казеннымъ

Вагоны:

Годы.	Пассажирскіе и почтовые вагоны.		Товарные и багажные вагоны.	
	Число ваг.	На версту.	Число ваг.	На версту.
1892	8.067	0,29	149.609	5,39
1893	8.294	0,28	159.529	5,44
1894	8.986	0,29	169.475	5,45
1895	9.573	0,29	181.341	5,51
1896	10.349	0,31	195.127	5,79
1897	10.997	0,31	212.337	6,00
1898	11.808	0,32	232.353	6,25
1899	12.557	9,31	249.600	6,20
1900	13.531	0,32	276.389	6,66
1901	14.352	0,33	297.320	6,80
1902	15·207	0,34	309.506	6,91
1903	15.777	0,35	325.978	7,19
1904	16.549	0,35	335.008	7,24

Паровозы:

Годы изготовленія.	На европейской сѣти.		На азіатской сѣти.		Всего.	
	Число паровозовъ.	%	Число паровозовъ.	%	Число паровозовъ.	%
1900—1904 .	3.167	30,8	662	37,1	3.829	31,[illegible]
1895—1899 .	1.921	18,8	442	24,7	2.363	19,6
1885—1894 .	793	7,8	140	7,9	933	7,[illegible]
1875—1884 .	1.968	19,0	269	15,1	2.237	18,6
1865—1874 .	1.834	18,4	230	12,8	2.114	17,5
До 1865 г. .	350	3,4	—	—	350	2,9
Годъ изготовленія не показанъ.	187	1,8	43	2,4	230	2,[illegible]
Итого . . .	10.270	100%	1.786	100%	12.056	100%

сундукомъ—фабрично-заводское потребленіе. Напримѣръ, можетъ быть такая комбинація: горнозаводское производство абсолютно возрастаетъ вслѣдствіе увеличенія желѣзнодорожныхъ построекъ, ведущихся на займы, а народное потребленіе остается стаціонарнымъ; или еще: внутренній спросъ можетъ упасть подъ вліяніемъ сокращенія финансовыхъ рессурсовъ казны, но затэ въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ можетъ подняться спросъ изъ-за границы, хотя бы онъ носилъ характеръ эпизодическій. Спрашивается, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ промышленнымъ подъемомъ и можно ли безъ всякихъ оговорокъ признать, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ совершается здоровый промышленный прогрессъ? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Всѣ эти особенности, въ которыхъ поставлено горнозаводское производство, и нюансы въ структурѣ распредѣленія этого производства приходится учитывать, разъ мы желаемъ дать объективный и исчерпывающій анализъ современнаго состоянія данной промышленной отрасли.

Выше мы въ общихъ контурахъ намѣтили тѣ центральныя стороны методологіи вопроса объ изученіи нашей горнозаводской промышленности, исходя изъ которыхъ можно безошибочно разрѣшить стоящую передъ нами задачу: существуетъ ли сейчасъ кризисъ въ горномъ дѣлѣ или не существуетъ и которыя—кстати сказать—обычно игнорируются нѣкоторыми писателями на данную тему. Однако, къ глубочайшему сожалѣнію, мы не можемъ съ достаточной полнотой воспользоваться этими методологическими пріемами за отсутствіемъ надлежащаго статистическаго матеріала объ отдѣльныхъ категоріяхъ потребленія продуктовъ металлургіи въ революціонную эпоху. У насъ, въ Россіи, абсолютно нѣтъ сносныхъ и грамотно составленныхъ статистическихъ свѣдѣній, позволяющихъ вскрыть наиболѣе важные факторы производства: статистика профессій, двигательныхъ силъ торговли, промышленности, производства и потребленія матеріаловъ, могущихъ быть вѣрными руководителями при изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ экономической жизни. Мы имѣемъ *только* статистику производства *нѣкоторыхъ* промышленныхъ отраслей, да и та составлена кое-какъ и притомъ весьма суммарно. Оперируя съ такими данными, имѣя въ своемъ распоряженіи только количественный моментъ одного производства, нельзя, конечно, разсчитывать на исчерпывающее разрѣшеніе вопроса; возможно лишь механическое присоединеніе къ имѣющимся даннымъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ величинъ и объясненій къ нимъ, безъ того строгаго соподчиненія между основными факторами, опредѣляющими торгово-промышленный размахъ, которое необходимо предполагаетъ всякое изученіе запутанныхъ явленій экономической жизни. Такимъ образомъ, положеніе вещей заставляетъ насъ пользоваться описательнымъ методомъ и имѣть дѣло, такъ сказать, съ внѣшней стороной изучаемаго явленія. Однако, это еще не

значитъ, что мы вовсе безсильны дать болѣе глубокій анализъ разсматриваемой промышленности. Если при конструированіи окончательнаго вывода сообразоваться съ характеромъ потребленія, то все-таки возможно составить болѣе или менѣе вѣрный итогъ хода дѣлъ въ горнозаводской промышленности за послѣдніе годы. Переходя теперь къ обрисовкѣ положенія этой промышленности, слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ особенной нужды уснащать изложеніе наборомъ фактовъ за и противъ, относящихся къ кризису или къ подъему промышленности, или къ тому и другому,—извѣстно, что въ данномъ вопросѣ нѣтъ единства мнѣній,—тѣмъ болѣе, что въ своей первой статьѣ мы уже дали схематичную характеристику горнаго дѣла за періодъ 1893—1907 гг. Задача всякаго научнаго изслѣдованія состоитъ не въ томъ, чтобы пѣть отходную или встрѣчать съ привѣтствіями то или иное явленіе, а въ объективномъ раскрытіи причинъ этого явленія, въ установленіи между рядомъ таковыхъ исторической преемственности, типичности и закономѣрности. Мы придерживаемся принципа: sine ira et studio и въ данномъ случаѣ ограничиваемся изложеніемъ общихъ *тенденцій* въ развитіи горнозаводской промышленности за разсматриваемый періодъ, подкрѣпляя, насколько это необходимо, наиболѣе важными фактами.

а) Желѣзодѣлательная промышленность.

Состояніе желѣзодѣлательной промышленности къ началу 1904 г., за исключеніемъ отдѣльныхъ районовъ, было благопріятнымъ, такъ что тяжелыя послѣдствія кризиса 1900—1902 г. приходили къ концу. Въ 1904 г. мы уже видимъ полный расцвѣтъ этой отрасли: производство необычайно увеличилось, выплавка чугуна и выработка полупродукта и продукта подымаются значительно выше, чѣмъ въ предшествующіе годы; въ отношеніи же цѣнъ замѣчается нѣкоторая неровность: съ начала года обнаруживается тенденція къ повышенію, которая, однако, держалась не долго, до середины лѣта, смѣнившись потомъ вялымъ настроеніемъ; отмѣтки къ концу года были приблизительно тѣ же и въ началѣ года. Перейдемъ къ цифрамъ.

Запасы чугуна по всѣмъ заводамъ [1]) къ началу 1904 г. уменьшились

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду заводы юга Россіи, Урала, Царства Польскаго и Сѣвернаго, Волжскаго и подмосковскаго районовъ. Матеріаломъ служили статист. свѣд. о желѣзнодѣл. промыш. Россіи и отчеты въ „Горнозав. лист.“, „Урал. горн. обозр“. и др. спеціальныя изданія. Замѣтимъ кстати, что данныя „Тор.-Пром. Газеты“ невѣрны, хотя ими пользуются всѣ, затрагивающіе вопросъ о промышленномъ кризисѣ въ Россіи. Напр. въ № 140 „Т.-П. Г.“ опубликованы статист. свѣдѣнія о состояніи жел. дѣлательной промышленности приволжскаго района, который почему-то названъ сѣвернымъ и прибалтійскимъ; свѣдѣнія о южной желѣзодѣлательной промышленности расходятся съ статистическими бюллетенями

по сравненію съ 1903 г. съ 57.622 тыс. пуд. до 43.108 тыс. пуд. или на 14.514 тыс. пуд., что, однако, не помѣшало расширить выработку его въ теченіе 1904 г. съ 149.264 тыс. пуд. до 179.989 тыс. пуд. или на 30.725 тыс. пуд.; что касается чугуннаго рынка, то, судя по нижеслѣдующимъ даннымъ, емкость его также расширилась: въ 1903 г. отпущено заводами на продажу 47.346 тыс. пуд., а въ 1904 г. 51.141 тыс. пуд. или болѣе на 3.805 тыс. пуд., при этомъ запасы (къ концу года) не возрасли, оставаясь въ томъ же самомъ объемѣ, въ какомъ они были и въ 1903 г. (42.615 тыс. пуд. въ 1904 г. противъ 42.885 тыс. пуд. въ 1903 г.).

Производство и сбытъ желѣзнаго и стальнаго полупродукта въ общемъ было аналогично съ чугуномъ: къ началу 1904 г. запасы этого товара упали на 920 тыс. пуд. (съ 10.416 тыс. пуд. до 9.797 тыс. пуд.), выработка за годъ увеличилась на 21.670 тыс. пуд. (съ 162. 457 пуд.), до 184.127 тыс. пуд.), на продажу отпущено болѣе, чѣмъ въ прошломъ (1903 г.) на 190 тыс. пуд. (въ 1903 г.—4883 т. п., а въ 1904 г.—5.073 т. пуд.); но концу года положеніе нѣсколько измѣнилось: запасы поднялись на 1.250 тыс. пуд. (съ 9.796 т. п. въ 1903 г. до 11.046 т. пуд. въ 1904 г.), что свидѣтельствовало о наступающей заминкѣ съ этимъ товаромъ.

Дѣла съ сортовымъ металломъ отчасти отражали на себѣ общее состояніе желѣзнаго рынка: хотя къ началу 1904 года запасы и не уменьшились (съ 21.302 т. пуд. до 21.366 т. п.), выработка продукта все же поднялась на 17.259 тыс. пуд. (съ 134.623 т. пуд. до 151.882 т. пуд.) и на продажу отпущено товара болѣе, нежели въ 1903 г., на 6.528 тыс. пуд. (съ 1903 г. 110,356 тыс. пуд., въ 1904 г. 116,884 тыс. пуд.); тѣмъ не менѣе запасы къ концу года существенно увеличились, а именно на 3.397 тыс. пуд. (съ 21.486 т. п. до 24.833 т. п.); слѣдовательно, расторжка съ продуктомъ была неполной.

Цѣны на чугунъ, какъ уже было сказано, съ ранней весны, подъ вліяніемъ спроса передѣльными заводами, имѣвшими много казенныхъ заказовъ по случаю войны, обнаружили движеніе въ гору,—правда, незначительными уступами,—поднявшись съ 45 к. до 50—52 к., съ тѣмъ, однако, чтобы къ концу года возвратиться къ прежнему уровню; цѣны на желѣзо оставались безъ измѣненія.

совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Далѣе, „Торг.-Пром. Газ." публикуетъ статистику желѣзодѣлательной промышленности *всей* Россіи, но, по обыкновенію, перепутавъ заголовки, относитъ ее къ одному Уралу, причемъ цифры даются невѣрныя, напр., запасы чугуна къ началу 1904 г. были 43. 108 т. п., а „Т.-П. Г." показываетъ 45.514 т. п. и т. д. Во всякомъ случаѣ пользоваться данными „Т. П. Г." для серьезной работы нельзя.

Въ области металлозаводской дѣятельности работа кипѣла, вслѣдствіе срочныхъ казенныхъ заказовъ по оборудованію эскадръ и по усиленію подвижнымъ составомъ желѣзныхъ дорогъ. Въ докладной запискѣ совѣта съѣзда металлозаводчиковъ отъ 14 апрѣля 1905 г., представленной министрамъ финансовъ и морскому, констатируется фактъ напряженной дѣятельности русскихъ судостроительныхъ и механическихъ заводовъ. Записка говоритъ, что „русскіе... заводы имѣютъ полное право съ патріотической гордостью утверждать, что они въ самую трудную для государства минуту оказали правительству... серьезную услугу по оборудованію флота"... такъ какъ „...несмотря... на спѣшность исполненія (заказовъ), ...заводы оказались на высотѣ своего призванія также и въ смыслѣ качества работъ" (!)...

Переходя къ характеристикѣ желѣзодѣлательной промышленности въ 1905 и 1906 гг., слѣдуетъ замѣтить, что въ нашу задачу не входитъ *детальный* анализъ отношеній революціи къ промышленности, это—дѣло историка; мы же можемъ говорить объ этихъ отношеніяхъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, къ тому же, детальному учету эти отношенія не поддаются. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ моментахъ революціи, а разсмотримъ ея экономическій результатъ, поскольку онъ выразился—для даннаго случая—въ желѣзодѣлательной промышленности.

Послѣ 9 января, когда на смѣну „банкетной кампаніи" выступила „улица", когда во всѣхъ сколько-нибудь замѣтныхъ фабричныхъ центрахъ началось сильное революціонное движеніе рабочихъ массъ, тогда заводчики въ рядѣ петицій и докладныхъ записокъ къ правительству доказывали, что они, заводчики, въ этомъ не виноваты. „Не въ рукахъ русскихъ промышленниковъ находится судьба рабочаго вопроса и ключъ къ его разрѣшенію"...—говорили они [1]). „Министерство финансовъ освѣдомлено, что русская промышленность, къ сожалѣнію, не отличается той мощью, которая позволяла бы безнаказанно (?) обременять ее несоотвѣтствующими требованіями (?!) (удовлетворенія требованій рабочихъ). Промышленное оживленіе конца прошлаго десятилѣтія быстро смѣнилось общимъ кризисомъ и угнетеннымъ состояніемъ, съ полной очевидностью выяснившимъ, что промышленность не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ бѣдствуетъ, что здоровый ростъ промышленности зависитъ прежде всего и главнѣе всего отъ покупательной способности населенія. Поощряемая казенными заказами и приливомъ иностранныхъ капиталовъ, металлическая промышленность быстро пришла къ выводу, что будущее и даже настоящее зависитъ отъ потребленія желѣза населеніемъ"..., что предполагаетъ „поднятіе народнаго благосостоянія, распространеніе образованія, развитіе промысловъ,

[1]) См. „Докладную записку совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ по рабочему вопросу въ Россіи". Цит. „Пром. Міръ". № 5. 1905 г.

коренное измѣненіе условій жизни сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго". Русская промышленность слаба и фабриканты не въ силахъ удовлетворить требованія рабочихъ. А самое главное то, что „даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованія рабочихъ прочнаго успокоенія ожидать нельзя, такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ (sic!), а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды". Единственное средство къ умиротворенію рабочихъ заводчики видятъ въ проведеніи „болѣе глубокихъ реформъ (?!) общегосударственнаго характера" [1]).

Этотъ документъ превосходно характеризуетъ какъ положеніе вещей въ промышленности къ 1905 года, такъ и полную растерянность буржуазіи въ предвидѣніи надвигающихся грозныхъ событій. Трудно сказать, насколько дооктябрьское наростающее забастовочное движеніе отражалось на ходѣ торгово-промышленныхъ дѣлъ, ибо хозяйственная жизнь и такъ уже испытывала серьезныя лишенія отъ несчастной войны, которая сама по себѣ есть глубокое народное бѣдствіе. Во всякомъ случаѣ дооктябрьскія рабочія забастовки дали извѣстный минусъ, особенно въ Западномъ краѣ, но не настолько существенный, чтобы благодаря имъ промышленность очутилась въ тяжеломъ состояніи кризиса. Еще можно спорить объ экономическихъ послѣдствіяхъ почтово-телеграфной и желѣзнодорожной забастовокъ, которыя, какъ правило, приносятъ народному хозяйству грандіозныя потери. Но онѣ были объективно необходимы, безотносительно къ той многочисленной категоріи лицъ, для которыхъ правильно функціонирующая почта и желѣзныя дороги являются однимъ изъ необходимѣйшихъ стимуловъ накопленія.

Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ сложное соціальное явленіе, не подающееся оцѣнкѣ съ точки зрѣнія грубаго экономическаго разсчета, ибо здѣсь сталкиваются боевыя революціонныя тенденціи съ элементарно-капиталистическими; это не насиліе, а соціальная *необходимость* борьбы *за* нормальныя условія капиталистическихъ отношеній, тогда какъ всякое насиліе прежде всего карается именно въ сферѣ хозяйственной жизни: погромы, военныя положенія и карательныя экспедиціи доказываютъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ.

Состояніе желѣзодѣлательнаго и чугуннаго рынковъ было въ 1905 г., какъ и слѣдовало ожидать, колеблющимся и малооживленнымъ. Заводчики обнаруживали сильную склонность къ синдитицированію предпріятіи съ цѣлью регулированія цѣнъ на товарѣ. Такимъ образомъ, несмотря на сдержанность спроса, цѣна поднялась: въ февралѣ желѣзо сортовое рас-

---

[1]) См. „Записку заводчиковъ и фабрикантовъ". „Пр. Міръ". № 6. 1905 г.

цѣнивалось уже 108—115 к. за пудъ, т. е. выше на 2—3 коп. Рабочія волненія весной, вызвавъ пріостановку нѣкоторыхъ крупныхъ заводовъ, повели къ недовыработкѣ издѣлій и черезъ это къ задержкѣ въ исполненіи принятыхъ срочныхъ заказовъ, портфель которыхъ возрасталъ параллельно окрѣпленію тенденціи. Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ цѣны на сортовое желѣзо поднялись до 112—118 коп. за пудъ; съ листовымъ кровельнымъ также улучшеніе (190—195 коп., противъ 185—190 коп.). Послѣ разгрома бакинскихъ промысловъ, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ вздорожаніе топлива, цѣны на желѣзо снова поднялись: сортовое до 118—125, листовое до 200—205 и резервуарное до 145 (съ 135); только цѣны балокъ остались безъ измѣненія (90—95). Дѣла съ чугуномъ были незначительны и разцѣнка его почти не измѣнилась, повысившись съ 44—48 до 45—48 на литейный № 1 и съ 41—43 до 42—54 на передѣльный. На уровнѣ такихъ, сравнительно приличныхъ, отмѣтокъ закончился 1905 г.

Въ желѣзодѣлательной промышленности 1905 г. начался при повышенныхъ запасахъ. Къ началу періода чугуна имѣлось на заводахъ 46.424 т. пуд. или болѣе прошлогодняго на 3.416 т. пуд. (43.108 т. п.). Вслѣдствіе этого выплавка чугуна уменьшилась съ 179.989 т. пуд. до 165.534 т. пуд. или на 14.455 т. п., причемъ чугунный рынокъ сжался на 4.288 тыс. пуд., такъ какъ даннаго товара заводы продали въ 1905 году только 46.853 т. п., противъ 51.141 т. пуд., въ 1904 г. Несмотря на уменьшеніе выплавки, запасы къ концу года значительно увеличились и превысили прошлогодніе на 4.902 т. пуд. (47.517 т. пуд., противъ 42.615 т. пуд.).

Въ отношеніи желѣзнаго и стального полупродукта замѣчалась тоже самое: въ началѣ года запасы стояли высоко, болѣе, нежели въ 1904 г., на 1.250 т. пуд. (11.046 т. п. противъ 9.796 т. пуд.); произведено товара менѣе на 17.116 т. пуд. (166.967 т. пуд. въ 1905 г. 184.127 т. п. въ 1904 г.), сбытъ немного сузился, на 794 т. пуд. (въ 1905 г. продано 5.073 т. п., а въ 1904 г. 4.279 т. пуд.). Благодаря тому, что полупродуктъ въ значительной степени шелъ на передѣлъ, запасы его къ концу года были менѣе прошлогодняго на 2.004 т. пуд. (9.042 т. пуд., противъ 11.046 т. п.).

Производство готоваго желѣза и стали находилось въ прямомъ соотвѣтствіи съ производствомъ полупродукта. Годъ начался при обильныхъ запасахъ (24.732 т. п. противъ 21.366 т. пуд.), годовая выработка сократилась (съ 151.623 т. п. до 143.110 т. п.), рынокъ ослабѣлъ (отпущено на продажу въ 1905 г. 111.803 т. пуд. противъ 116.884 т. пуд. въ 1904 г.), при всемъ этомъ запасы къ концу года поднялись (съ 24.833 т. пуд. до 25.160 т. пуд.).

Вышеприведенныя данныя свидѣтельствуетъ о томъ, что положеніе

горнозаводской промышленности въ 1905 году было *значительно худшимъ*, чѣмъ въ 1904 году: производство сократилось, емкость рынка уменьшилась, запасы возрасли. Иначе оно и быть не могло. Война и отчасти революція поколебала слабую устойчивость народнаго и фабрично-заводскаго потребленія, такъ что съ этой стороны для желѣзопромышленности получился чувствительный недоборъ, съ другой стороны, казенные заказы, на которыхъ можно было бы вознаградить себя, не могли быть своевременно выполнены благодаря эпидеміи рабочихъ забастовокъ. Ростъ цѣнъ только подтверждаетъ эту мысль. Слѣдовательно, 1905 г. для горнозаводской промышленности былъ тяжелымъ годомъ застоя, граничащимъ съ кризисомъ.

Еще въ концѣ 1905 г. горнопромышленники жалуются на „тяжелое положеніе денежнаго рынка, повсемѣстное сокращеніе кредитовъ", когда... „цѣны колебались въ зависимости отъ кредитоспособности покупателя и способа расчета" [1]). Въ своей первой статьѣ мы подробно останавливались на причинахъ напряженности денежнаго рынка въ 1905 г. Здѣсь можно только замѣтить, что сжатіе банковаго кредита, какъ наиболѣе чувствительной и воспріимчивой сферы капиталистическаго хозяйства, оказало на горнозаводскую промышленность гнетущее вліяніе. Съ особенной силой это проявлялось на югѣ, въ районѣ погромовъ, въ Царствѣ Польскомъ, изнывавшимъ подъ гнетомъ военнаго положенія, и Прибалтійскомъ краѣ, который былъ ареной карательныхъ экспедицій. Спросъ со *стороны рынка* въ этихъ областяхъ значительно упалъ въ 1906 г.

Казенные же заказы въ 1906 г. по необходимости должны уменьшиться. Смѣта министерства путей сообщенія на 1905 г. хотя испытала ничтожное сокращеніе (на 0,4 мил. руб. противъ 1904 г.), но зато существенно сократились чрезвычайныя ассигнованія. „Что же касается чрезвычайныхъ расходовъ, составляющихъ преимущественно издержки на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, и подвергшихся сокращенію на 75, 3 мил. руб., то подобнаго рода расходы по самому существу своему могутъ и должны производиться въ зависимости *отъ свободныхъ средствъ государственнаго казначейства*",—такъ говорится въ росписи на 1905 г. Въ 1906 г. смѣта упомянутаго министерства по обыкновенному бюджету увеличилась на 29, 4 мил. руб, однако, сила впечатлѣнія отъ этой суммы сглаживается тѣмъ, что по чрезвычайному бюджету ассигнованія вновь уменьшились на 36 мил. руб.; въ общемъ расходная смѣта министерства путей сообщенія на 1906 г. сократилась на 7.167.875 руб. Слѣдовательно, за два года (1905 и 1906) затраты на постройку новыхъ линій и на дополнительное оборудованіе подвижнымъ составомъ старыхъ уменьшились на солидную цифру—158, 5 мил. рублей. Ясно, что за это время спросъ со стороны

---

[1]) „Обзоръ цѣнъ и рынковъ каменноугольной и желѣзной промышленности южной Россіи, Европы и Соед. Штатовъ въ 1905 г." Стр. 23. Харьковъ. 1906 г.

казны, являющейся главнымъ потребителемъ желѣза, сократился. Это сокращеніе не было бы чувствительнымъ для желѣзодѣлательной промышленности, если бы возрасло частное потребленіе, фабрично-заводское и народное. Но по объективнымъ условіямъ частное потребленіе возрасти не могло, даже, наоборотъ,—сокращалось. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ желѣзодѣлательная промышленность была совершенно обезсилена, многіе заводы закрывались, выбрасывая на улицу рабочихъ.

Лѣтомъ 1906 г., когда были выполнены казенные заказы и когда волна забастовокъ спала, вотъ что писалъ совѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи директору горнаго департамента: „Уже въ настоящее время многіе заводы работаютъ неполное число дней въ недѣлю вслѣдствіе отсутствія заказовъ преимущественно на крупносортный товаръ. Особенныя затрудненія испытываетъ производство балокъ вслѣдствіе сокращенія строительной дѣятельности, а также производство рельсовъ вслѣдствіе прекращенія желѣзнодорожнаго строительства. Предвидится въ скоромъ времени сокращеніе сортоваго желѣза вслѣдствіе упадка спроса на него. Уже теперь на многихъ заводахъ работа идетъ на складъ и заводы несутъ при этомъ значительныя финансовыя жертвы, обусловленныя дороговизной денегъ, стѣсненіемъ кредита и полнымъ отсутствіемъ видовъ на будущее“ [1]).

Между тѣмъ всемірная желѣзная торговля находилась въ блестящемъ положеніи. По свѣдѣніямъ „The Jron and Coal Trades Review“, міровая выплавка чугуна поднялась за первое полугодіе 1906 г. на 5 мил. тоннъ, причемъ міровой экспортъ увеличился только на $^1/_2$ мил. тоннъ, т. е. продуктъ шелъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей въ виду высокой промышленной конъюнктуры. Германскій стальной синдикатъ (Stahlverband), имѣя большой портфель заказовъ, отказался отъ дешевой продажи продукта на вывозъ (напр., въ Голландію). Приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ находился американскій стальной трестъ (Steel Corporation) и заводы Англіи, Бельгіи и Франціи. Цѣны на міровомъ желѣзномъ рынкѣ крѣпли не по днямъ, а по часамъ [2]). Этотъ мощный размахъ мірового желѣзнаго рынка захватилъ и нашу рахитическую желѣзную индустрію, которая волей-неволей должна приспособляться ко всякимъ

---

[1]) „Горнозаводскій Листокъ“. № 28. 1906 г.

[2]) Цѣны на чугунъ (въ коп. за пудъ):

		1 іюля 1905 г.	1 іюля 1906 г.
Германія (зеркальный)		51	70,8
Великобританія (пудлинговый)		31,9	39,1
Бельгія	„	36,8	45,1
С. Штаты	„	50,4	55
Россія (югъ)	№ 1	44—48	47—50

Изъ этой таблицы видно, что соотношеніе цѣнъ на чугунъ между Россіей и Германіей позволяло экспортировать нашъ продуктъ за границу.

условіямъ. Благодаря тому, что заграничные заводы завалены заказами и также благодаря чисто-феерическому росту цѣнъ на металлъ, на международномъ желѣзномъ рынкѣ явился спросъ на русскія издѣлія со стороны тамошняго богатаго потребителя въ то самое время, когда свой потребитель изнываетъ безъ желѣза.

Это обстоятельство изумило даже русскихъ заводчиковъ. „Продукты русской металлургіи вывозятся за границу!—пишетъ „Горнозаводскій Листокъ".—Въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества, съ его многомилліоннымъ населеніемъ, нѣтъ сбыта ни чугуна, ни болванкамъ, ни вагонамъ! И это въ то время, когда деревня наша не перестала быть „соломенной", когда наши желѣзныя дороги хронически страдаютъ отъ недостатка паровозовъ и вагоновъ, когда въ обиходѣ нашего мужика желѣзо играетъ болѣе, чѣмъ скромную роль... Мы бѣдны, мы—безъ иниціативы, мы переживаемъ страшный кризисъ... Трудно даже приблизительно предвидѣть, чѣмъ все это угрожаетъ русской промышленности" [1]).

Такимъ образомъ недоборъ со стороны внутренняго рынка компенсируется экспортомъ за границу, который самъ по себѣ—явленіе эпизодическое въ исторіи нашей желѣзодѣлательной промышленности, лишенной достаточно емкаго внутренняго рынка и выросшей на казенныхъ хлѣбахъ, не говоря уже о томъ, что она совершенно неспособна конкуррировать съ германской или англійской промышленностью. Вообще, какъ ни смотри на этотъ заграничный спросъ, увидишь въ качествѣ непреложнаго факта лишь одно: брошена съ господскаго стола кость; брошена не съ цѣлью накормить, а съ цѣлью придать собственному пиршеству еще болѣе грандіозные размѣры. Увеличеніе добычи криворогской руды происходитъ не для удовлетворенія наростающихъ потребностей страны, а для удовлетворенія заводовъ Силезіи и Вестфаліи, требующихъ эту руду, какъ самую лучшую и богатую, „и составляющую въ то же время... основаніе для устройства и продолжительнаго дѣйствія всѣхъ южно-русскихъ доменныхъ заводовъ" [2]). На такихъ костяхъ наша промышленность скорѣй подавится, чѣмъ разжирѣетъ... Съ другой стороны, экспортъ за границу желѣза, стали, чугуна и рельсовъ совершается (съ недавняго времени) при пониженныхъ ставкахъ желѣзнодорожнаго тарифа ($^1/_{100}$ к. противъ $^1/_{45}$ к. [3]). Между тѣмъ желѣзныя дороги приносятъ крупные убытки, такъ что теперь ихъ дефицитность поднимется. Въ конечномъ счетѣ, слѣдовательно, увеличивается налоговое давленіе. Далѣе, не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что экспортъ русскихъ желѣзныхъ издѣлій за границу носитъ временный и

---

[1]) „Горнозаводскій Листокъ". № 8. 1907 г.

[2]) См. „Положеніе жел. промышл. въ Россіи и возможность вывоза продуктовъ ея за границу", инж. Верещагинъ. „Вѣстн. Фин.". № 50. 1906 г.

[3]) „Сборн. тарифовъ". № 1876. Извѣщеніе. № 11606. 1907 года.

случайный характеръ и что онъ недолговѣченъ, что при первыхъ же симптомахъ ухудшенія конъюнктуры международнаго желѣзнаго рынка—а это не за горами—онъ сузится и, можетъ быть, совсѣмъ упадетъ. Для прочнаго завоеванія внѣшняго рынка наша буржуазія неспособна, какъ неспособна она создать широкій внутренній рынокъ и установить свою гегемонію въ сферѣ политическихъ отношеній Россіи. Во всякомъ случаѣ разсматриваемое нами явленіе не есть показатель промышленнаго подъема, тѣмъ болѣе, что обороты по вывозу металла за границу невелики и не вознаграждаютъ въ полной мѣрѣ тѣ потери, которыя выпали на долю русской металлургіи за послѣдніе два года.

Опуская факты, характеризующіе печальное положеніе желѣзодѣлательной промышленности въ 1906 г., остановимся на цифрахъ производства и сбыта продуктовъ этой отрасли. Возьмемъ чугунъ, этотъ центральный нервъ металлургіи. Запасовъ чугуна къ началу 1906 г. имѣлось на заводахъ болѣе, чѣмъ достаточно, а именно 47.517 тыс. пуд. (въ 1905 г. 46.424 тыс. пуд.). Производство чугуна поэтому сократилось до 163.827 т. пуд. (въ 1905 г. произведено 165.354 т. п.). Сопоставляя цифры новогоднихъ запасовъ и годовой выплавки въ 1906 съ цифрами таковыхъ запасовъ 1905 г., мы увидимъ между ними нѣкоторую связь, выражающуюся въ томъ, что запасы опредѣляли производство, ибо возрастаніе запасовъ на заводахъ шло параллельно сокращенію годовой выплавки: запасы поднялись на 1.393 т. пуд., а производство упало на 1.707 т. пуд. Глубокій интересъ представляетъ потребленіе чугуна въ 1906 г. Въ этомъ году поступило на рынокъ чугуна 49.826 т. пуд., или болѣе, сравнительно съ 1905 г., на 2.984 т. пуд. (въ 1905 г. 46.853 т. пуд.), что въ процентномъ отношеніи составитъ увеличеніе на 6,5%. Но изъ этой цифры слѣдовало бы исключить экспортъ 1.118 т. пуд. и минусъ разницы въ импортѣ, который сжался въ 1906 г. на 369 т. пуд., такъ какъ для насъ болѣе необходимъ учетъ внутренняго потребленія. Исключая эти цифры, мы получимъ чистую величину 1.865 т. пуд., на которую и увеличилось потребленіе чугуна внутри страны. Слѣдовательно, емкость русскаго чугуннаго рынка возрасла въ 1906 г. только на 3,9%. Обращаясь къ запасамъ (къ концу года), приходится констатировать насыщенность рынка чугуномъ: запасы эти почти не измѣнились (47.413 т. пуд.) сравнительно съ 1905 г., такъ что эффектъ возрастанія потребленія уменьшается до скромныхъ и скрупулезныхъ размѣровъ. *Такое* возрастаніе ничего не говоритъ о подъемѣ чугуннаго рынка. Правда, при желаніи отсюда можно вывести оптимистическія заключенія. Но не нужно упускать изъ виду характеръ *распредѣленія* продуктовъ металлургіи. Если вспомнимъ, что въ 1906 г. длина русской желѣзнодорожной сѣти увеличилась на 1.818 верстъ, то указанное увеличеніе продажи чугуна найдетъ себѣ разъясняющіе мотивы, и вопросъ о подъемѣ нашей желѣзной индустріи уйдетъ съ поля зрѣнія.

Хуже дѣла обстояли съ полупродуктомъ (различные сорта болванокъ). Къ началу періода его лежало на заводскихъ складахъ 9.042 тыс. пуд. или менѣе, чѣмъ въ прошломъ (1905) году на 2.004 тыс. пуд. За годъ выработано 164.024 т. пуд. или менѣе на 2.942 т. пуд., поступленіе на рынокъ сократилось на 845 т. пуд. (продано въ 1906 г. 3.434 т. пуд.), причемъ запасы къ концу года чрезмѣрно возрасли (до 11.598 т. пуд. или на 2.556 т. пуд.). Цифры эти съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуютъ о серьезной *заминкѣ* въ дѣлахъ съ болванками.

Въ области производства и сбыта сортового металла конъюнктуры складывались крайне неопредѣленно. 1906 годъ начался при обильныхъ запасахъ (25.160 т. пуд., противъ 24.732 т. пуд.), какъ результатъ вялой продажи товара въ 1905 г. Поэтому годовое производство продукта сократилось на 4.998 т. пуд. (въ 1905 г. 143.410 т. пуд., а въ 1906 г. 138.412 т. пуд.). Чрезвычайно важнымъ представляется сбытъ *этого товара*, идущаго главнымъ образомъ на удовлетвореніе частныхъ потребностей. Въ 1906 г. готоваго желѣза и стали отпущено на продажу 112.497 т. пуд. или *болѣе* прошлогодняго на 694 т. пуд. (въ 1905 г. 111.803 т. пуд.). Однако, было бы глубоко ошибочнымъ утверждать, что частное потребленіе желѣза и стали увеличилось. Въ 1906 г. этого товара экспортировано 1.309 тыс. пуд. при одновременномъ сокращеніи привоза на 391 тыс. пуд., т. е. за указанный годъ ввозной и вывозной торговлей съ рынка снято желѣзнаго продукта 1.700 т. пуд. Эти цифры необходимо скинуть со счета поступленія желѣза и стали на рынокъ. Такимъ образомъ внутреннее потребленіе сортового металла въ 1906 г. *сократилось* на 1.006 тыс. пуд. [111.803 — (112.497 — 1.700) = 1.006]. На какіе именно сорта уменьшился спросъ — сказать трудно, ибо у насъ нѣтъ для этого надлежащихъ данныхъ. Нѣкоторое объясненіе интересующаго насъ вопроса даютъ нижеслѣдующія таблички потребленія балокъ и сортового желѣза по главнымъ районамъ:

Потребленіе стальныхъ балокъ и швеллеровъ [1]).

РАЙОНЫ ПОТРЕБЛЕНІЯ.	Съ 1 іюля 1904 г. по 1 іюля 1905 г.	Съ 1 іюля 1905 г. по 1 іюля 1906 г.
Московскій	2.086.869	1.947.820
С.-Петербургскій	1.467.881	952.386
Варшавскій и Виленскій	603.506	557.209
Рижскій	521.661	412.752
Харьковскій	387.756	396.317
Ростовскій-на-Дону	220.076	288.475
Кіевскій	277.096	282.210
Одесскій	215.272	219.678
Саратовскій	205.749	175.467
Бакинскій	38.648	23.153
Итого	6.024.514	5.255.467

[1]) Согласно свѣдѣніямъ об-ва „Продаметъ". „Гор. Лист." № 9. 1907 г.

Потребленіе листового желѣза [1]).

РАЙОНЫ.	Съ 1 іюля 1903 г. по 1 іюля 1904 г.	Съ 1 іюля 1904 г. по 1 іюля 1905 г.	Съ 1 іюля 1905 г. по 1 іюля 1906 г.
Бакинскій	2.834.105	2.039.051	1.746.437
Московскій	1.409.503	1.208.407	1.578.930
С.-Петербургскій	1.037.503	1.382.698	1.215.866
Варшавскій и Виленскій	1.427.473	773.282	1.051.841
Харьковскій	970.819	781.237	758.375
Ростовскій	639.158	496.428	430.540
Одесскій	533.366	402.600	367.434
Кіевскій	345.046	324.981	365.313
Саратовскій	331.854	321.478	335.215
Рижскій	480.246	335.299	278.196
	10.009.073	8.065.461	8.128.147

Изъ табличекъ видно, что общее количество потребленія балокъ и швеллеровъ сократилось въ послѣднемъ отчетномъ году на 767 тыс. пуд., а потребленіе листового желѣза за этотъ же періодъ времени увеличилось на $62^1/_2$ т. пуд. Относительно распредѣленія потребленія того и другого продукта по районамъ сказать что-нибудь опредѣленное весьма рискованно. Напр., таблички показываютъ паденіе спроса на балки въ петербургскомъ и центральномъ районахъ, гдѣ спросъ на листовое желѣзо увеличивается. Между тѣмъ сокращеніе потребленія балокъ непосредственно вызываетъ за собой (въ большихъ городахъ) и сокращеніе потребленія листового желѣза, какъ результатъ пріостановки строительной дѣятельности. Уменьшенія сбыта балокъ и листового желѣза прежде всего слѣдуетъ искать въ *курсовомъ пониженіи* закладныхъ листовъ ипотечныхъ банковъ и облигацій городскихъ самоуправленій, пониженіи, которое сократило строительныя работы и пріостановило ростъ городовъ.

Свой анализъ положенія желѣзнаго рынка въ 1906 г. мы закончимъ указаніемъ на запасы товара къ концу года. Уже по одному тому, что производство желѣза сообразовалось съ запасами, можно судить, что остатки товара къ концу года будутъ невелики. И дѣйствительно, на 1 января 1907 г. количество запасовъ уменьшилось по сравненію съ 1906 г. почти настолько, насколько уменьшилась годовая выработка металла. Запасы эти выражаются въ 20.942 т. пуд., тогда какъ годъ тому назадъ они были болѣе на 4.218 т. пуд. Если примемъ во вниманіе, что въ 1906 году произведено желѣза и стали на 4.988 т. п., то окажется, что запасы не уменьшились, а уменьшилось производство. Другими словами, въ 1907 годъ желѣзная индустрія вступила болѣе обезсиленная, чѣмъ это наблюдалось прежде.

Здѣсь удобно было бы остановиться на доходности русскихъ металлургическихъ акціонерныхъ предпріятій за послѣднее время. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ по этому вопросу надежнаго и провѣреннаго матеріала.

[1]) Согласно свѣдѣн. общества „Продаметъ“. „Горн. Лист.“, № 9. 1907 г.

Статьи г. Расинскаго [1]), посвященныя учету доходности нѣкоторыхъ фабрично-заводскихъ акціонерныхъ предпріятій, не могутъ быть использованы для даннаго случая, такъ какъ методологическая сторона разработки данныхъ доходности намъ неизвѣстна. Брать же свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ и базировать на нихъ свои выводы мы не желаемъ. Кромѣ того, было бы весьма рискованнымъ оперировать съ балансами русскихъ промышленныхъ предпріятій, съ балансами, правдивость которыхъ сомнительна. Напримѣръ, въ матеріалахъ по реформѣ промысловаго обложенія въ 1898 г. можно встрѣтить такую завѣдомую ересь: изъ 1380 предпріятій, обязанныхъ публичной отчетностью, 20—25% оказываются бездоходными! Между тѣмъ мы знаемъ, что доходность русскихъ промышленныхъ предпріятій велика, хотя конкретно затруднились бы это доказать [2]). Слѣдовательно, этотъ вопросъ, какъ не поддающійся разрѣшенію, отпадаетъ самъ собой.

Что же касается данныхъ объ учрежденіи новыхъ акціонерныхъ горнозаводскихъ предпріятій въ 1905 и 1906 гг., то опять-таки приходится сознаться, что имѣющіеся на этотъ счетъ матеріалы некуда негодны. Правда, совѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи опубликовалъ свѣдѣнія о движеніи учредительства за послѣдніе годы, но изъ этихъ свѣдѣній трудно что-нибудь вывести относительно интересующаго насъ вопроса: цифры возрастанія акціонерныхъ капиталовъ выражены абсолютно, и суммарно, безотносительно къ тому, *чѣмъ* вызвано ихъ увеличеніе; отдѣльныя категоріи предпріятій не разграничены, тогда какъ важно установить характеръ ихъ профессій и т. д.

Заканчивая свой обзоръ желѣзодѣлательной промышленности за періодъ 1903—1906 гг., мы позволимъ себѣ привести еще рядъ цифръ, но уже въ болѣе цѣльномъ и послѣдовательномъ порядкѣ. Нижеслѣдующая таблица даетъ представленіе о состояніи желѣзодѣлательной промышленности Россіи за послѣдніе годы (въ 1000-хъ пуд. См. стр. 62).

Изъ этой таблицы видно, что къ началу 1907 года положеніе русской желѣзодѣлательной промышленности было далеко не блестящее. Такъ, производство чугуна въ 1906 г., несмотря на вывозъ его за границу, стоитъ ниже уровня двухъ предшествовавшихъ лѣтъ и хотя сбытъ этого

---

[1]) См. „Вѣстн. Фин." за 1906 г. №№ 41, 42 и 43 и за 1907 г.—№№ 6, 18 и 29.

[2]) По послѣднимъ даннымъ, доходъ отъ торгово-промышленныхъ предпріятій, за исключеніемъ тѣхъ, доходъ которыхъ ниже 1000 р., исчисляется въ 646.388.669 руб. Но сюда не вошли доходы, превышающіе 50 тыс. руб. Между тѣмъ есть предпріятія, получающія милліонные барыши (напр., банки) и если эти послѣднія прибавить къ общей суммѣ означеннаго дохода, то получилась бы весьма солидная цифра. Убыточность русск. тор.-пром. предпріятій—вопросъ во всякомъ случаѣ спорный См. „Опытъ приблизительнаго исчисленія народнаго дохода..." Спб. 1906 г. Стр. 91. Офиц. изданіе.

Операціонный годъ.	Чугунъ.				Желѣзные и стальные полупродукты.				Сортовой металлъ и готовый желѣзный и стальной продуктъ.			
	Запасы къ началу года.	Произведено.	Поступило на рынокъ.	Заа съ къ концу года.	Запасы къ началу года.	Произведено.	Поступило на рынокъ.	Запасы къ концу года.	Запасы къ началу года.	Произведено.	Поступило на рынокъ.	Запасы къ концу года.
I.												
1903	57.622	149.264	47.366	42.885	10.046	162.457	4.883	9.796	21.302	134.623	110.356	21.486
1904	43.108	179.989	51.141	42.615	9.796	184.127	5.073	11.046	21.366	151.882	116.884	24.833
1905	46.424	165.534	46.842	47.517	11.046	166.967	4.279	9.042	24.732	143.110	111.803	25.160
1906	47.517	163.827	49.826	47.413	9.042	164.024	3.434	11.598	25.160	138.412	112.497	20.942
II.												
	Въ	% %	от	ноше	ні и,	беря	1903	годъ	за	100%		
1903	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1904	79,6	120,8	108,1	99,3	97,2	113,3	103,9	112,9	99,9	114,3	106,8	115,1
1905	81,4	111,0	99,0	110,8	110,0	102,7	87,5	92,3	116,1	106,2	101,2	117,2
1906	82,5	109,8	105,7	110,6	90,0	99,1	68,7	118,5	118,1	102,7	102,0	102,5

товара расширился, но большіе запасы (къ концу года) внушаютъ сомнѣніе относительно дальнѣйшаго расширенія сбыта. Выработка полупродукта и продажа его шагнули назадъ, за 1903 годъ, причемъ, за отсутствіомъ спроса, заводы обременены запасами, вынуждающими ихъ пріостанавливать производство. Выработка сортоваго металла также опустилась, вслѣдствіе чего запасы уменьшились, и потребленіе, если не считать экспортъ, замѣтно сузилось.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что въ 1906 году желѣзодѣлательная промышленность *не* переживала подъема и расцвѣта, такъ же, какъ глубокаго кризиса. Такое состояніе лучше всего выражаетъ англійскій терминъ: „trade depression", болѣе или менѣе стѣсненное положеніе дѣлъ въ торговлѣ и промышленности. Въ желѣзодѣлательной промышленности, повторяемъ, не наблюдается значительнаго улучшенія, которое свидѣтельствовало бы о подъемѣ производства и расширеніи сбыта; эта отрасль находится какъ бы въ замороженномъ состояніи, не проявляя достаточно силы къ движенію впередъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о положеніи металлургической промышленности въ 1907 г. [1]).

Согласно бюллетеней харьковской желѣзоторговой биржи положеніе дѣлъ за первые пять мѣсацевъ текущаго года было малооживленнымъ, весьма слабымъ или безъ оживленія; въ началѣ іюля спрашивали желѣзо кровельное для внутренняго потребленія и чугунъ для экспорта,—оживленіе это, однако, было непродолжительнымъ и къ концу мѣсяца рынокъ впалъ въ безжизненное настроеніе. Послѣдній бюллетень отъ 17 августа т. г. сообщаетъ: „На желѣзномъ рынкѣ затишье продолжается".

Что же касается производства чугуна и желѣза, то таковое представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ настоящее время имѣются данныя только за первую четверть года и то для двухъ районовъ—Польши и Юга. Вотъ эти данныя (см. стр. 64).

Изъ этихъ крайне неясныхъ и неполныхъ свѣдѣній можно заключить одно: дѣла въ польскомъ районѣ ухудшаются, а на югѣ улучшаются. Объясняется это отчасти неблагопріятными условіями, въ которыхъ поставлена польская металлургія: ей приходится получать коксъ изъ-за границы, а руду съ юга Россіи, тогда какъ послѣдній имѣетъ и коксъ, и

[1]) Въ запискѣ общества для продажи издѣлій русскихъ вагоностроительныхъ заводовъ, представленной министру торговли и промышленности, говорится слѣдующее: „Вагоностроительные заводы вступаютъ въ 1907 годъ экономически обезсиленными. Они понесли значительныя потери благодаря проявившимся на нихъ съ особенной силой рабочимъ волненіямъ и забастовкамъ, возникшимъ въ 1905 г., и вліяніе которыхъ продолжается до сихъ поръ Но особенно вредно отразился на матеріальномъ благосостояніи заводовъ недостатокъ работы въ теченіе послѣднихъ восьми мѣсяцевъ 1906 г." („Т.-П. Г.", № 23. 1907 г.).

руду у себя дома, являясь такимъ образомъ сильнымъ конкуррентомъ Польши. Во всякомъ случаѣ нельзя говорить, что увеличеніе производства металла южными заводами знаменуетъ собой подъемъ желѣзодѣлательной промышленности. Приведенный выше бюллетень харьковской желѣзоторговой биржи отъ 17 августа разсѣиваетъ эти иллюзіи.

		Чугунъ.		Полупродуктъ.		Продуктъ.	
		Къ 1/IV 1906.	Къ 1/IV 1907.	Къ 1/IV 1906.	Къ 1/IV 1907.	Къ 1/IV 1906.	Къ 1/IV 1907.
Польша.	Произведено	3.758	3.616	6.399	5.768	?	?
	Запасы	2.214	3.226	1.532	1.337	?	?
Югъ.	Произведено	21.432	24.578	18.163	19.856	14.858	16.436
	Запасы	?	9.835	?	?	?	?

б) Каменноугольная промышленность.

Въ области каменноугольной и антрацитной промышленности обстоятельства складывались иначе, нежели въ желѣзодѣлательной промышленности, въ зависимости отъ другихъ конкуррирующихъ категорій топлива и главнымъ образомъ отъ нефти, этого наиболѣе серьезнаго соперника каменнаго угля.

Обращаясь къ характеристикѣ положенія, необходимо имѣть въ виду объемъ добычи угля за предшествовавшіе годы, ибо 1906 г. былъ исключительнымъ для твердаго менеральнаго топлива благодаря разгрому промысловъ въ Баку во второй половинѣ 1905 г.

Развитіе каменноугольной промышленности юга Россіи, дающаго около 70% всей добычи угля, происходитъ въ слѣдующемъ видѣ (въ милліонахъ пудовъ. (См. стр. 65 [1]).

Разсмотрѣніе этой таблицы приводитъ прежде всего къ тому выводу, что въ отношеніи сокращенія добычи угля и антрацита было два года: 1902 и 1905, во все же остальное время добыча возрастала.

Сравнивая количества добытаго топлива въ 1901 съ таковымъ же въ 1902 г. и количества 1905 г. съ 1904 г., увидимъ, что въ 1902 г. добыча упала на $36_{,12}$ мил. пуд., а въ 1905 г. на $10_{,12}$ мил. пуд. Слѣд., 1902 г. въ отношеніи производительности былъ тяжелѣе 1905 г.; каменноугольная промышленность могла по этому самому перенести сравнительно легко всѣ петрурбаціи „краснаго года“, тѣмъ болѣе, что передъ ней открывалась перспектива безраздѣльнаго владычества на русскихъ рынкахъ топлива. Но, съ другой стороны, если отправной точкой нашихъ разсужденій брать запасы къ концу года, то можно усомниться въ томъ,

[1]) Таблица эта взята изъ статьи г. Корвухина въ № 19 „Вѣстн. Фин.“

что каменноугольная промышленность дѣйствительно легко перенесла неудачи 1905: означенные запасы поднялись до 63,94 мил. пуд.,—фактъ небывалый! Онъ говоритъ намъ, что положеніе каменноугольнаго рынка было въ 1905 г. очень печальнымъ, граничащимъ съ кризисомъ, ибо дальнѣйшее накопленіе запасовъ могло повлечь пріостановку добычи на копяхъ. Обстоятельство это, помимо другихъ причинъ, объясняется слабой работой желѣзныхъ дорогъ, прилегающихъ къ донецкому бассейну и срочными массовыми отправками продовольственныхъ хлѣбовъ, шедшихъ съ юга на востокъ и сѣверъ.

Съ такими нѣсколько неопредѣленными видами на будущее вступила каменноугольная промышленность въ 1906 годъ. Къ началу этого года остатки угля и антрацита (на копяхъ и станціяхъ) были настолько велики, что по размѣрамъ своимъ превалировали таковыя за весь періодъ 1900—1906 гг. Однако, добыча этого рода топлива все же увеличилась на 88,24 мил. пуд. противъ 1904 рекорднаго года, достигнувъ внушительной цифры 891,58 мил. пуд.

Увеличилась потому, что добыча жидкаго топлива—нефти—упала и ея рынки одинъ за другимъ переходили въ вѣдѣніе твердаго минеральнаго

1907 г. Цифры таблицы нами провѣрены по отчетамъ сов. съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи.

Каменный уголь и антрацитъ.

Годы.	Остатки на копяхъ и станц. къ началу года.	Добыто за годъ.	Израсходовано за годъ.	Въ томъ числѣ вывезено жел. дорогой.	Остатокъ къ концѣ года.
1900	15,85	691,47	678,15	425,74	29,17
1901	29,17	694,42	675,08	441,80	48,56
1902	48,56	642,14	650,84	443,63	39,86
1903	39,86	728,09	737,94	501,19	30,01
1904	30,01	803,34	790,10	509,14	43,25
1905	43,25	795,93	775,24	484,33	63,94
1906	63,94	891,58	908,52	628,86	57,00
Разница:					
1905 г. прот. 1904 г.:					
абс. цифры.	+13,24	—7,41	—14,86	—24,81	+20,69
проценты .	+44,12	—0,92	—1,88	—4,87	+47,84
1906 г. прот. 1905 г.:					
абс. цифры.	+20,69	+95,65	+133,28	+244,65	—6,94
проценты .	+47,83	+12,01	+17,19	+29,96	—10,86
1906 г. прот. 1904 г.:					
абс. цифры.	+33,93	+88,24	+118,42	+119,82	+13,75
проценты .	+113,66	+10,98	+14,28	+23,53	+31,79

топлива—угля и антрацита. Неудивительно поэтому, если количество израсходованнаго твердаго топлива возрасло въ 1906 году до $908_{,52}$ мил. пуд. или на $133_{,28}$ мил. пуд.; неудивительно также и то, что вывозъ жел. дорогами этого топлива поднялся до $628_{,96}$ мил. пуд. или на $244_{,65}$ мил. пуд. Казались бы, что такое положеніе вещей могло способствовать оздоровленію каменноугольнаго рынка и увеличенію производительности шахтъ. Но если мы обратимся къ запасамъ, имѣвшимся къ концу 1906 года, то увидимъ, что надежды въ этомъ отношеніи весьма проблематичны. Указанные остатки угля и антрацита убавились по сравненію съ тяжелымъ 1905 г. только на $6_{,94}$ мил. пуд. или на $10_{,86}$ %, каковое обстоятельство безспорно служитъ серьезнымъ препятствіемъ дальнѣйшему увеличенію добычи.

Характеристика была бы неполной, если бы мы упустили моментъ *спеціальнаго* увеличенія добычи угля, увеличенія за счетъ нефти. Въ 1906 г. желѣзныя дороги, которыя еще въ 1905 г. потребляли нефть [1]) и вынужденныя перейти на уголь, получили взамѣнъ нефтяного топлива $42_{,1}$ мил. пуд., да московскій промышленный районъ, очутившійся въ анологичныхъ условіяхъ, также получилъ взамѣнъ нефти 63 мил. пуд. Кромѣ этихъ двухъ потребителей, вѣроятно, были еще другіе, ибо, исходя изъ разсчета объ отношеніяхъ теплопроводности угля къ нефти [2]), которой поступило на рынокъ въ 1906 г. менѣе на $70_{,75}$ мил. пуд., *спеціальный* спросъ на уголь или на другіе предметы топлива долженъ подняться до 120 мил. пуд. Исключивъ изъ общей добычи угля въ 1906 г. ($891_{,58}$ мил. пуд.) цифры поступленія этого топлива взамѣнъ нефти на желѣзныя дороги и для надобностей центральнаго района ($105_{,1}$ мил. пуд.), мы получимъ только $786_{,48}$ мил. пуд.—результатъ добычи, независимой отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, отъ сокращенія добычи нефти. Слѣдовательно, 1906 г. не былъ для каменноугольной промышленности годомъ благополучія, такъ какъ, не считаясь съ особыми условіями въ области топлива, внезапно создавшимися въ 1905—1906 гг., мы видимъ, что добыча угля въ 1906 г. стоитъ *ниже* 1905 г. на $9_{,45}$ мил. пуд. [$775_{,24}$—($891_{,58}$—$105_{,1}$)=$9_{,45}$], причемъ запасы къ 1 января текущаго года стоятъ очень высоко.

Все это заставляетъ относиться съ сугубой осторожностью къ дальнѣйшему ходу развитія каменноугольной промышленности, раздѣляющей, какъ мы видѣли, общую участь торгово-промышленной жизни страны. И если за $^2/_3$ нынѣшняго года добыча твердаго минеральнаго топлива значительно поднялась, то не нужно забывать, что это обусловливалось опять-таки особыми индивидуальными причинами.

---

[1]) Моск.-Казанская, Ю.-Вост., М.-Курск., Никол., Р.-Уральская. См. „Неф. Дѣло". № 7. 1907 г.

[2]) 1 пудъ нефтяныхъ остатковъ равняется $1_{,9}$ донецкаго курного угля.

Напр., въ 1907 г. тяготѣющіе къ уралу желѣзныя дороги и пароходства камскаго и верхне-волжскаго районовъ переходятъ съ нефти на уголь; добыча въ домбровскомъ бассейнѣ въ большихъ количествахъ направляется за границу; наконецъ, производительность донецкаго бассейна, помимо другихъ причинъ можетъ повыситься вслѣдствіе постройки новыхъ жел.-дорожныхъ линій и дешевизны доставки угля съ шахтъ на мѣста потребленія [1]).

Итакъ, каменноугольная промышленность находится если не въ фазѣ упадка, то и не въ фазѣ подъема. Было бы большимъ оптимизмомъ говорить, что увеличеніе добычи угля является показателемъ промышленнаго оживленія вообще. Вѣдь производство *кокса*, идущаго на нужды желѣзной индустріи, *падаетъ* (съ $103{,}_0$ мил. пуд. въ 1905 г. до $93{,}_{38}$ мил. пуд. въ 1906 г.). Гдѣ же признакъ подъема?!

c) Нефтяная промышленность.

Условія и характеръ развитія нефтяной промышленности опредѣлялись длиннымъ рядомъ причинъ, лишенныхъ экономическаго единства и цѣльности. Въ данной отрасли уродливо проявлялись самыя разнородныя и самыя противоестественныя, сковывающія здоровый промышленный прогрессъ, тенденціи фискальной, покровительственной и общей экономической политики правительства, политики, которая гналась за чисто-внѣшними эффектами, хотя бы они достигались тысячами жертвъ со стороны народа. Тутъ нашли себѣ выраженіе патронажъ, съ его субсидіями и дешевыми

---

[1]) Желѣзныя дороги потребили въ 1906 г. донецкаго угля $265540{,}_{33}$ тыс. пуд. и $18417{,}_{33}$ тыс. пуд. иностраннаго. Общее увеличеніе потребленія угля жел. дорогами въ 1906 г. составляетъ $92{,}_5$ мил. пуд. или 56%. (См. „Гор. Листокъ". № 26. 1907 г.).

Относительно перевозочныхъ платъ, дѣйствующихъ для донец. угля на русскихъ жел. дорогахъ, и платъ заграничныхъ, платъ, примѣняемыхъ на заграничныхъ жел. дорогахъ для перевозки угля, съ достаточной убѣдительностью говоритъ намъ за себя нижеслѣдующая таблица:

На разстоян. въ вер.	Въ Германіи.	Въ Англіи.	Во Франціи.	Въ Россіи.
	Плата въ копейкахъ съ пуда и версты.			
50	$^1/_{19}$—$^1/_{30}$	$^1/_{16}$—$^1/_{31}$	$^1/_{26}$—$^1/_{37}$	$^1/_{55}$
100	$^1/_{26}$—$^1/_{49}$	$^1/_{31}$—$^1/_{59}$	$^1/_{31}$—$^1/_{47}$	$^1/_{55}$
200	$^1/_{35}$—$^1/_{53}$	$^1/_{38}$—$^1/_{67}$	$^1/_{38}$—$^1/_{55}$	$^1/_{55}$
500	$^1/_{38}$—$^1/_{55}$	$^1/_{38}$—$^1/_{67}$	$^1/_{43}$—$^1/_{65}$	$^1/_{65}$
700	$^1/_{39}$—$^1/_{55}$	—	$^1/_{61}$—$^1/_{75}$	$^1/_{84}$
1.100	$^1/_{40}$—$^1/_{56}$	—	$^1/_{80}$—$^1/_{108}$	$^1/_{114}$
1.500	$^1/_{40}$—$^1/_{56}$	—	—	$^1/_{125}$

тарифами, интересы разсчетнаго баланса, развернувшаго экспортъ и сузившаго поступленія продукта на внутренніе рынки, фискъ, построившій на объектахъ нефти цѣлую систему обложенія и создавшій изъ нея видный источникъ дохода, промышленныя каолиции, вылившіяся въ прочный комплотъ среди нефтедобывателей-хозяевъ съ цѣлью удержанія высокихъ цѣнъ и т. д. и т. д. вплоть до хищническаго веденія хозяйства на промыслахъ. Всѣ эти печальныя особенности, въ которыя поставлено у насъ нефтяное дѣло, слѣдовало бы учесть при анализѣ его современнаго положенія. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, приходится говорить только о фактической сторонѣ вопроса, игнорируя такимъ образомъ любопытнѣйшіе черты въ организаціи и конструкціи этого хозяйственнаго института.

Главнѣйшая статья товаровъ, выбрасываемыхъ на рынокъ нефтяной промышленностью, есть нефтяные остатки, идущіе на топливо; легкія освѣтительныя и смазочныя масла играютъ второстепенную и третьестепенную роль. Усиленіе выработки керосина началось со времени форсированнаго желѣзнодорожнаго строительства и феерическаго роста нашей фабрично-заводской промышленности, вызвавшихъ повышенный спросъ на горючее и приведшихъ въ 1899 и 1900 гг. къ вздорожанію угля и такъ называемому „угольному голоду“. Вздорожаніе каменнаго угля вынудило нѣкоторыя желѣз. дороги замѣнить его нефтью, благодаря чему спросъ на нефтяные остатки сильно поднялся. Такъ, въ 1892 г. жел. дорогами потреблялось нефти 21,1 мил. пуд., а въ 1902 г. уже 112,1 мил. пуд. или за 10 лѣтъ потребленіе увеличилось на 533%, тогда какъ потребленіе угля за это время возрасло только на 271%. Въ 1903 г. потребность жел. дорогъ въ нефтяномъ топливѣ опредѣлялась въ 120 мил. пуд., а въ 1904 г. 128 мил. пуд. Наряду съ этимъ замѣчается повышеніе цѣны на нефтяные продукты и пониженіе процента выхода керосина, такъ что вся выработка сконцентрировалась на остаткахъ. Громадныя поступленія этихъ послѣднихъ на рынокъ естественно должны были вызвать на свѣтъ цѣлый арсеналъ подсобныхъ вспомогательныхъ средствъ, главнымъ образомъ, перевозочной отрасли. Такъ создалась цѣлая флотилія на Каспійскомъ морѣ и Волгѣ, караванами доставлявшая продукты нефтяной промышленности изъ Баку въ Астрахань и отсюда вверхъ по Волгѣ, для надобности внутренняго потребленія; для экспорта же, который быстро развивался благодаря искусственнымъ мѣрамъ къ его наибольшему увеличенію,—вродѣ акциза на керосинъ (60 к. съ пуда), поступающій на внутренній рынокъ,—былъ пониженъ тарифъ на владикавказской ж. д. и проведенъ нефтепроводъ Баку—Батумъ. Съ 1891 по 1902 вывозъ нефтяныхъ остатковъ изъ Баку возросъ на 230%, а въ Астрахань на 254,4%. Эта непропорціональность объясняется уменьшеніемъ отправокъ продукта по другимъ направленіямъ и главнымъ образомъ по закавказской жел. дор., вывозъ остатковъ по которой упалъ за разсматриваемый періодъ на

57%. Данный фактъ приводитъ къ заключенію, что нефть усиленно требовалась во внутрь страны и даже въ ущербъ экспорту. Неудивительно поэтому, если цѣны на нефтяные продукты съ каждымъ годомъ подымались все выше и выше, достигнувъ въ 1900 г. своего кульминаціоннаго пункта [1]). Неудивительно также и то, что выходъ основного и наиболѣе цѣннаго продукта нефтяной промышленности, керосина, прогрессивно понижается: процентное отношеніе выработки керосина къ нефти понизилось за періодъ 1891—1902 гг. съ 27,1% до 19,77%. Широкое распространеніе нефти, какъ топлива,—явленіе *глубоко-ненормальное*, особенно при полномъ избыткѣ твердаго топлива—угля и дровъ,—и объясняется лишь одной хищнической эксплоатаціей богатаго Апшерона. Для страны было бы гораздо выгоднѣе использованіе нефтяной добычи въ формѣ освѣтительной энергіи, чѣмъ въ тепловой, разъ недостатка въ топливѣ не существуетъ и ощущается острая нужда въ дешевомъ освѣтительномъ матеріалѣ. Быть можетъ, недалеко то время, когда такая хищническая разработка нефти обратитъ богатѣйшую въ мірѣ нефтеносную площадь Апшеронскаго полуострова въ пустыню. Примѣръ—Балахано-Сабунчанской площади подтверждаетъ такое предположеніе до полной очевидности [2]). Итакъ, современная организація нефтяного дѣла въ конечномъ счетѣ приноситъ народному хозяйству больше вреда, чѣмъ пользы.

Каковы бы ни были основныя предпосылки при оцѣнкѣ нефтяной промышленности, все же приходится сознаться, что бакинскія событія въ августѣ 1905 г. принесли крупный ущербъ экономической жизни страны. Отъ бакинской катастрофы пострадали не столько владѣльцы промысловъ, сколько рабочіе и не столько сама нефтепромышленность, сколько связанныя съ ней другія предпріятія: судовой транспортъ, судостроеніе, предметы флотскаго снаряженія, желѣзныя дороги... Въ какой степени бакинская рѣзня могла повліять на добычу нефти? Вотъ данныя о погромѣ вышекъ (см. стр. 70).

Изъ таблицы видно, что пострадали меньше всего Романы и Биби-Эйбатъ, т. е. самые богатые нефтью промыслы. Однако, потеряннаго не воротишь: мѣсячная добыча нефти послѣ погрома опустилась съ 51,0 мил. пуд. до 20,3 мил. пуд. или на 60%! Промышленность и желѣзныя

---

1) Цѣны нефтяныхъ остатковъ:

	1891 г. въ коп.	1900 г. за пудъ.
Баку	3,3	16,9
Нижнемъ-Новгородѣ . .	15,2	27,9
Москвѣ	28,0	40,4

См. *Оль*. Русская нефть... Спб. 1905 г. Стр. 33.

2) См. обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ, служащихъ источникомъ косвенныхъ налоговъ, и поступленія акцизнаго по краю дохода за 1901 г. Отчетъ завѣдывающаго акцизными сборами Закавказскаго края, *Л. Л. Першке*.

	Сгорѣло.			Осталось.		
	Дюйствующихъ.	Бурившихся и поправлявшихся.	Бездѣйствовавшихъ.	Дѣйствующихъ.	Бурившихся и исправлявшихся.	Бездѣйствовавшихъ.
Въ Балаханахъ	367	62	175	174	38	164
„ Сабунчахъ	339	162	274	167	55	178
„ Романахъ	80	44	27	107	94	44
На Биби-Эйбатѣ	117	100	16	77	95	11
„ Забратѣ	1	—	7	—	—	16
Всего . . .	910	366	499	525	282	412

дороги, работавшія на нефти, остались безъ топлива, судовые транспорты— безъ перевозокъ, команды ихъ и рабочіе промысловъ—безъ работы, правительство, допустившее этотъ погромъ,— безъ крупнаго доходнаго источника и т. д. Принципъ насильничества, получившій свое полное выраженіе въ мрачной бакинской трагедіи, широко развернулся въ сферѣ экономическихъ отношеній. Такова жестокая логика жизни!

Насколько уменьшилась годовая добыча нефти за послѣдніе два года и насколько за это время рынокъ получилъ менѣе жидкаго топлива, показываютъ слѣдующія цифры (въ мил. пуд.) [1]:

Какъ мы видимъ, вслѣдствіе пониженія добычи уменьшаются запасы, причемъ абсолютная цифра вывоза падаетъ; но, съ другой стороны, если взять относительныя величины вывоза двухъ крайнихъ лѣтъ, 1903 г. съ 1906 г., то окажется, что по отношенію къ годовой добычѣ въ 1906 г. вывозная операція стоитъ выше, чѣмъ 1903 г. и выше, чѣмъ 1904 г., когда, несмотря на ростъ выработки, запасы на промыслахъ замѣтно сжались. Это свидѣтельствуетъ, что насыщенность рынка недостигнута, что острая потребность въ жидкомъ топливѣ окончательно не устранена или обойдена, хотя высокія цѣны на нефть толкаютъ предпри-

[1]) Таблица эта скомбинирована изъ данныхъ „Справ. книж. для нефтепромышл. на 1907 г.“ и № 9 „Нефтян. дѣла“ за 1907 г.

Годы:	Запасы на 1 января.	Добыто нефти.	Вывозъ вообще.	% отношеніе вывоза къ добычѣ.	Вывезено за счетъ года добычи.	% отношеніе вывоза къ добычѣ этого года.
1903	141,0	596,6	494,0	82,8	465,7	78,1
1904	114,7	611,6	492,0	80,0	476,6	77,9
1905	99,5	410,3	376,0	91,6	317,6	77,5
1906	41,8	448,8	329,0	73,5	358,5	80,0

нимателей на мобилизацію всѣхъ средствъ, дабы съ наибольшей выгодой использовать благопріятный моментъ [1]).

За истекшее двухлѣтіе добыча нефти сократилась на 371,8 мил. пуд. (см. таблицу). Оцѣнивая пудъ нефти въ 15 к.—средняя цѣна 1904 г.— можно считать, что бакинскій погромъ далъ колоссальный минусъ въ активъ народнаго хозяйства, приблизительно выражающійся около 47,7 мил. руб. Паденіе производительности бакинскаго промышленнаго района сказалось уменьшеніемъ экспорта нефтяныхъ продуктовъ за-границу приблизительно на сумму 70,27 мил. руб., что означаетъ серьезное ухудшеніе нашего платежнаго баланса. Вслѣдствіе уменьшенія перевозокъ нефти желѣзныя дороги недовыручили около 20,5 мил. руб., увеличивая дефицитность жел.-дор. хозяйства, и вмѣстѣ съ тѣмъ обременяя народъ новыми податными тяготами. Сократились заработки рабочихъ на промыслахъ въ Баку и въ Батумѣ, гдѣ производятся отправки керосина за границу. Сокращеніе экспортной дѣятельности уменьшило потребленіе лѣса для ящичнаго керосина не менѣе, чѣмъ на 3 мил. руб. Пойдемъ дальше. За 1905 и 1906 гг. на внутренній рынокъ поступило нефтяныхъ остатковъ

---

[1]) Полезная добыча нефти на бакинскихъ промыслахъ за первое полугодіе 1907 г. составила 235,2 милл. пуд. Ежемѣсячные итоги настолько одинаковы, что даютъ возможность принять за норму добычи 40 милл. пуд. въ мѣс., или въ годъ около 480 милл. пуд. Лишь посторониія причины способны уменьшить это количество, а спокойная въ теченіе второго полугодія работа можетъ дать даже нѣкоторое увеличеніе. Добыча нефти за 1905 г. была 410 милл. пуд. и за прошлый годъ 447,8 милл. пуд.; сопоставленіе приведенныхъ цифръ указываетъ, что добыча нефти увеличивается, что промыслы, пережившіе катастрофу осени 1905 г., постепенно возстанавливаются. Но въ сравненіи съ итогами предшествовавшихъ лѣтъ, получилось рѣзкое сокращеніе; добыча нефти за 1901 г. была 671,2 милл. пуд., т. е. получился максимумъ добычи за все время эксплоатаціи промысловъ; въ 1902 г. послѣдовало незначительное сокращеніе и добыча составила 636,5 милл. пуд., а въ слѣдующемъ 1903 г., вслѣдствіе забастовки рабочихъ на промыслахъ въ іюлѣ годовая добыча была уже лишь 596,6 милл. пуд. и въ 1904 г. снова оправилась и составила 611,6 милл. пуд. Въ связи съ результатами добычи нефти находятся и цѣны, составившія въ среднемъ для сырья на 1901 г. — 8 коп., 1902 г. — 6,72 коп., какъ результатъ переполненія рынка излишними запасами и затѣмъ постепенное движеніе цѣнъ: въ 1903 г. — 19,93 коп., 1904 г. — 14,67 коп., въ 1905 г. — 19,93 коп., причемъ въ этомъ послѣднемъ году послѣ катастрофы на промыслахъ цѣна нефти достигла 36 коп. (сентябрь 1905 г.) и въ прошломъ году средняя цѣна на нефть была 25,59 коп. Въ текущемъ году, постепенно повышаясь, цѣна опредѣлилась уже свыше 30 коп. и въ настоящее время достигаетъ 33 — 33½ коп., представляя собою исключительное явленіе въ исторіи бакинской нефтяной промышленности. („Т. П. Г." № 161. 1907 г.).

значительно менѣе, чѣмъ въ 1904 г.: за два года вывозъ нефти изъ Баку въ Россію сократился на 162,5 мил. пудовъ [1]). Вліяніе этого факта выразилось въ двухъ направленіяхъ: въ уменьшеніи перевозокъ и въ вздорожаніи топлива,—моменты экономически несовмѣстимые и другъ друга исключающіе, особенно для перевозочной промышленности. Для судоходныхъ предпріятій Каспійскаго моря и волжскаго бассейна это было страшнымъ ударомъ. Достаточно указать, что за навигацію 1905 г. поступило для Волги жидкаго нефтяного груза всего 221 мил. пуд., противъ 316 мил. пуд. въ 1904 г., а въ 1906 г. всего лишь 165 мил пуд. Вотъ что пишетъ по этому поводу освѣдомленное въ настроеніи фрахтоваго рынка „Русское Судоходство": „Наступаетъ кризисъ въ судоходныхъ дѣлахъ и часть флота обречена на бездѣйствіе, фрахты падаютъ, стоимость топлива достигаетъ необычайныхъ размѣровъ" [2]). Какъ результатъ кризиса на фрахтовомъ рынкѣ сокращается баржестроеніе. На баржи „заказовъ поступало самое ограниченное количество... Главная причина—недостатокъ нефтяного груза..." [3]). „Постройка новыхъ судовъ почти не производилась,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ.—Годовой оборотъ механическихъ заводовъ по постройкѣ судовъ и ихъ ремонту сократился почти на половину" [4]).

Еще больше ущерба понесли частные потребители, фабриканты, въ особенности центральнаго района, которые, впрочемъ, поспѣшили повысить цѣну на продукты промышленности. Такъ, благодаря сокращенію поступленія нефти на рынокъ центральнаго района, получившаго въ 1906 г. менѣе на 75 мил. пуд. (приблизительно) и по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, вздорожала мануфактура—предметъ потребленія широкихъ массъ—и другіе товары; повысились также и пассажирскіе фракты на Волгѣ. Слѣдовательно, тяжесть высокихъ цѣнъ на нефть въ значительной степени легла на плечи народа, явившагося въ конечномъ счетѣ отвѣтчикомъ за всѣ послѣдствія бакинской драмы.

Таковы въ общихъ чертахъ экономическіе результаты „бакинскихъ ненормальностей". Нѣтъ сомнѣнія, что какъ нефтепромышленность, такъ и другія связанныя съ ней промышленныя отрасли еще далеко не оправились отъ жестокаго разгрома въ 1905 г. Ростъ цѣнъ на нефть отчасти свидѣтельствуетъ, что нефтяные промыслы по степени интенсивности добычи стоятъ ниже уровня 1904 года, т. е. до погрома. Во всякомъ

---

[1]) См. очень интересную статью:—„Истекшее двухлѣтіе въ бакинскомъ нефтяномъ дѣлѣ", «*Неф. Дѣло*» № 6. 1907 г.

[2]) Русское Судоходство, май, 1907 г. Стр. 172. См. также крайне интересный цифровой матеріалъ объ экономическихъ итогахъ 1906 г. для Астрахани въ „Рус. Суд.", мартъ, 1907 г. Стр. 143.

[3]) Ibid., январь, 1907 г. Стр. 155.

[4]) „Неф. Дѣло". № 6. 1907 г. См. хронику, стр. 458.

случаѣ это не есть показатель промышленнаго оживленія. Теперешняя система сдачи нефтеносныхъ земель въ аренду, способствуя концентраціи добычи въ немногихъ рукахъ, неизбѣжно ведетъ къ вздорожанію нефти [1]). Кромѣ этого, благодаря синдикатскимъ манипуляціямъ заправилъ нефтяного рынка, цѣны на нефть искусственно повышаются и нѣтъ предѣла этому повышенію, а виноваты „рабочія забастовки“ (?!).

Итакъ, въ нефтяной промышленности мы не находимъ ни одного убѣдительнаго факта, который свидѣтельствовалъ бы о начавшемся въ Россіи промышленномъ подъемѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка. Въ предшествующей статьѣ вкралась досадная опечатка, нѣсколько затемняющая смыслъ цѣлой и заключительной фразы. На стр. 48, стр. 10 съ низу напечатано: „независима отъ тѣхъ только рыночныхъ конъюнктуръ“; слѣдуетъ же читать: „независима отъ однѣхъ только рыночныхъ конъюнктуръ“.

[1]) Приводимъ любопытную телеграмму казанскаго биржевого комитета къ министру торговли: „Чрезмѣрное повышеніе цѣнъ на нефтяное топливо,—говоритъ комитетъ,—вызывается не одними только рабочими безпорядками и забастовочнымъ движеніемъ, но не меньшее значеніе имѣетъ здѣсь существующій *порядокъ сдачи нефтяныхъ земель для эксплоатаціи, при которой все добываемое количество нефти оказалось въ нѣсколькихъ сильныхъ рукахъ, обратившихъ промыселъ въ свою монополію, поставивъ въ зависимость отъ себя всю промышленность и судоходное волжское дѣло; отсутствіе всякой конкурренціи даетъ возможность нефтянымъ производителямъ устанавливать цѣны на нефтяные продукты. Еще въ 1900 году, когда никакихъ рабочихъ безпорядковъ не было, цѣны на нефть были подняты въ Астрахани до 24 коп. за пудъ*“. („Рус. Суд.“, августъ 1907 г.).

Изъ жизни и литературы.

Творчество, утверждающее жизнь.

Преобладающимъ настроеніемъ новой русской литературы давно является пессимизмъ, и оно все больше укореняется, хотя и мѣняетъ форму. Въ эпоху 80-хъ—90-хъ годовъ это былъ пессимизмъ общественный, вызванный вполнѣ конкретными причинами—разочарованіемъ интеллигенціи въ своихъ силахъ и временнымъ крушеніемъ ея идеаловъ. Затѣмъ, въ наше время онъ принялъ болѣе абстрактный—философски-идеалистическій характеръ. Но основа его, въ сущности, всегда одна и та же: рѣзкое несоотвѣтствіе между требованіями, которыя люди предъявляютъ къ жизни, и ихъ собственными силами и внѣшними условіями—вообще, возможностями для осуществленія этихъ требованій. Это благородное, но не жизнеспособное, специфически-интеллигентское настроеніе въ сильной степени окрасило нашу литературу, независимо отъ размѣровъ писательскихъ талантовъ. Скептическое, рефлектирующее отношеніе къ себѣ и къ окружающему и въ концѣ концовъ угасаніе интереса къ жизни вплоть до отрицанія ея—вотъ его харатерныя черты. Разумѣется, оно вполнѣ законно: дѣйствительность, вообще, а русская въ частности можетъ дать для него много основаній.

Однако, понимая законность пессимизма, почему-то не хочется признать его явленіемъ естественнымъ и нормальнымъ, даже относительно нормальнымъ для насъ... Что-то въ глубинѣ души протестуетъ —можетъ быть, проснувшееся чувство справедливости. Но это не случайный, субъективный протестъ. Онъ звучитъ повсюду. Онъ словно пробирается сквозь густые кровавые туманы земли, какъ робкое славословіе обновляющихся людей, къ небу. Воплощеніемъ его, въ своей огромной части, занимается новѣйшая, еще совсѣмъ юная литература, съ ея интенсивнымъ стремленіемъ проникать въ тайны жизни, одухотвореніемъ природы и проповѣдью жизнерадостности. Молодыя исканія иногда носятъ на себѣ печать наивности и ограниченности, и изображенія жизни получаются одностороннія и однотонныя. Но проникающій ихъ духъ всегда одинъ — утверждающій, а не отрицающій жизнь.

Это утвержденіе не имѣетъ ничего общаго съ оправданіемъ уродливыхъ проявленій жизни и того зла, которое она причиняетъ людямъ. Современный человѣкъ не закрываетъ на него глазъ, но это не угашаетъ въ немъ желанія и способности жить. Какъ-будто даже напротивъ: чѣмъ больше сгущаются видимые ужасы, чѣмъ болѣе случайнымъ и непрочнымъ дѣлается его собственное существованіе, тѣмъ сильнѣе въ немъ непосредственная любовь къ жизни и желаніе не рефлектировать надъ нею, а во что бы то ни стало самому вытянуть свой лотерейный билетъ „счастья". Можетъ быть, это своего рода приспособленіе къ жизни среди ужасовъ? А, можетъ быть, и нѣкоторое оздоровленіе человѣчества...

Съ этой именно точки зрѣнія — сочувствія къ торжеству въ людяхъ началъ жизни, а не смерти, я заинтересовалась произведеніями талантливой писательницы Дмитріевой, которыя проникнуты совершенно исключительной для русской литературы бодростью духа. Бодрость эта не носитъ такого напряженнаго, нѣсколько эксцентричнаго характера, какъ у современныхъ „молодыхъ" беллетристовъ. Своеобразная молодая литература пока не оказала на Дмитріеву никакого вліянія; она, какъ писательница старой школы, стоитъ отъ нея въ сторонѣ. И бодрость ея—не отраженіе новыхъ теченій и требованій времени, какъ у „молодыхъ", а ея личная черта, ея собственный даръ, который она принесла литературѣ, даръ, обусловленный ея нравственнымъ складомъ и душевнымъ здоровьемъ.

В. І. Дмитріева пишетъ уже болѣе 25 лѣтъ, помѣщая свои произведенія въ лучшихъ журналахъ, теперь глав. обр.: въ „Рус. Бог.", „В. Е.", „Образ.", но до сихъ поръ не издала полнаго собранія своихъ сочиненій. Послѣднее является большимъ неудобствомъ и причиной того, что публика, охотно читающая Дмитріеву, врядъ ли имѣетъ о ней опредѣленное представленіе.

В. І. Дмитріева—одна изъ наиболѣе содержательныхъ разностороннихъ и колоритныхъ писательницъ. По щедрой плодовитости—ею написано болѣе 50 произведеній, не считая газетныхъ фельетоновъ — ее можно сравнить только съ покойной Хвощинской или съ Элизой Оржешко. Впрочемъ, сравненіе Дмитріевой съ обѣими этими писательницами напрашивается и по другимъ, болѣе внутреннимъ мотивамъ: по общему у нея съ ними гуманному духу произведеній, неизмѣнной вѣрности прогрессивнымъ традиціямъ очень важной, въ виду особеннаго положенія и общественной роли русской литературы—и уже указанному жизнерадостному тону творчества.

Это послѣднее свойство пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если вспомнить, что Дмитріева выступила на литературное поприще въ началѣ 80-хъ годовъ—въ самую скорбную для нашей интеллигенціи эпоху, которая наложила на всѣхъ своихъ современниковъ печать надломленности и преждевременной усталости. Особенно сильна эта печать на представителяхъ литературы. Ни талантъ, ни оригинальность не могли въ этомъ

случаѣ служить защитой. У такого писателя, органическаго участника эпохи разочарованій, не только непоправимо отравлено сердце, у него какъ бы суженъ и затемненъ горизонтъ; ему недоступны явленія новой жизни во всей ея полнотѣ и сложности; при оцѣнкѣ ихъ онъ непремѣнно станетъ искать свою знакомую, морально-скорбную точку зрѣнія и окраситъ ихъ въ одинъ цвѣтъ. Примѣромъ можетъ служить творчество современницы Дмитріевой, Е. П. Лѣтковой, писательницы своеобразной и талантливой, но слишкомъ глубоко пропитанной отжившими народническими традиціями. Она всю себя вложила въ изображеніе теоретическихъ, рефлектирующихъ людей, которые постоянно твердятъ, что имъ „стыдно жить", всячески ломаютъ себя, бѣгутъ отъ жизни и даже при выборѣ „дѣла" стремятся къ тому, чтобы „они ему были нужны, а не оно имъ" („Чудачка"). Поэтому писательницѣ трудно облечь въ художественную форму другія, новыя, рѣзко отличающіяся отъ старыхъ впечатлѣнія. Въ ея распоряженіи нѣтъ для этого подходящихъ красокъ, напр., въ послѣднемъ изъ ея разсказовъ: „Виноватая" („Совр. М.", № 1.) удачно отмѣчена сущность современной драмы между отцами и дѣтьми. Но въ обрисовкѣ молодого „жестокаго", дерзновеннаго поколѣнія, выше всего ставящаго свободу своей личности, недостаетъ какихъ-то штриховъ, чтобы получился вѣрный тонъ изображенія. Ея революціонерка—Надя, проповѣдующая, что родители должны учить своихъ дѣтей не „повиноваться, а *смѣть*", постоянно сама колеблется между смѣлой прямотой и изломанностью—въ духѣ предковъ. Таково вліяніе общественнаго воспитанія, полученнаго Е. П. Лѣтковой.

На Дмитріевой нѣтъ смертоносной печати народнической изломанности и пессимизма, несмотря на ея прочную связь съ народническими идеями. Горизонтъ передъ ней совсѣмъ чистъ; въ ея произведеніяхъ — много солнца и воздуха, даже непривычно много для сумрачнаго русскаго читателя. Источникъ этой жизнерадостности въ ней самой — въ ея счастливой способности спокойно и сдержанно реагировать на всѣ впечатлѣнія окружающаго, всегда оставаясь самой собой.

„Жизнь сложна, но къ ней надо относиться просто", говоритъ лицо, отъ котораго ведется разсказъ Дмитріевой „Взыскующій града" („В. Е." 1902 г.). Эти слова довольно характерны для ея творчества, въ его цѣломъ. „Сложная", главнымъ образомъ по разнообразію, жизнь дѣйствительно нашла себѣ въ немъ многостороннее отраженіе. Но сама писательница нигдѣ среди этихъ отраженій не теряется, не утрачиваетъ своей индивидуальности и не сливается со своими героями. Отсюда—основная черта ея произведеній: ихъ здоровая и выразительная объективность.

Но отсюда же и коренной недостатокъ творчества Дмитріевой: его холодность и недостатокъ философской глубины. Писатель, не вносящій въ изображенія жизни ни своей острой муки, ни собственныхъ горячихъ восторговъ, рѣдко спускается до ея дна, а остается на поверхности. У

Дмитріевой умно и умѣло подмѣчены разнообразныя стороны жизни. Она пишетъ легко и занимательно, но написанное ею не оставляетъ въ душѣ прочнаго слѣда. Она много видѣла, много съ зоркостью и чуткостью подглядѣла и умѣетъ объ этомъ разсказать, но она мало задумывается надъ сутью видѣннаго, мало проникаетъ въ нее и потому не раскроетъ передъ читателемъ ни одной изъ тайнъ жизни, не забросить въ его душу никакого жуткаго вопроса. Вдумчивый читатель, можетъ быть, сумѣетъ сдѣлать интересныя обобщенія изъ ея разнообразнаго матеріала, но когда она сама пытается дѣлать свои бѣглые, какіе-то торопливые выводы, отъ нихъ вѣетъ поверхностностью и тенденціозностью. (Любопытенъ въ этомъ отношеніи живой и содержательный, но архитенденціозный разсказъ „Людоѣды", нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщенный въ „Рус. Бог.").

Устойчивость индивидуальности Дмитріевой любопытно наблюдать въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ она отдаетъ дань вскормившей ее, но совершенно чуждой ей народнической эпохѣ, напр., въ романѣ „Подъ солнцемъ юга" („В. Е." 92 г.). Тамъ постоянно чувствуется борьба здоровыхъ личныхъ настроеній автора съ тѣмъ больнымъ, мрачнымъ матеріаломъ, который ей приходится изображать. Создавши идейную аскетку, народницу Машу, напоминающую „Чудачку" Лѣтковой, авторъ тутъ же рисуетъ, въ утѣшеніе себѣ, ея противоположность—жизнерадостную, эгоистичную Анну. Анна увлечена революціонеромъ-народникомъ Максютинымъ, но очень далека отъ его психологіи. Максютинъ—революціонеръ совершенно другого типа, чѣмъ революціонеры нашихъ дней. Это всецѣло герой бездорожья. Теоретически онъ якобы вѣритъ въ то, что его дѣло самое полезное, но сліянія съ этимъ дѣломъ у него нѣтъ, хотя онъ и бросилъ ради него академію художествъ, какъ гаршинскій Рябининъ. Онъ все время хандритъ, намекая на свою неудовлетворенность. И Анна никакъ не можетъ понять, зачѣмъ онъ, въ такомъ случаѣ, оставилъ академію.

— „Вы по натурѣ художникъ,—говоритъ она ему,—и никакая другая дѣятельность васъ удовлетворить не можетъ.

— Вы ошибаетесь, Анна Павловна,—отвѣчаетъ Максютинъ,—я именно потому и оставилъ живопись, что она меня не удовлетворяла. И я много думалъ прежде, чѣмъ сдѣлать это. *Я рѣшилъ, что художниковъ и безъ меня довольно*"...

Онъ разсказываетъ ей, какъ съ дѣтства его тянуло къ простымъ, темнымъ людямъ, какъ доля ихъ мѣшала ему устраивать свою жизнь и, наконецъ, какъ въ академіи однажды, при взглядѣ на свою „мазню", ему стало „стыдно".

Это послѣднее слово такъ поразило Анну Павловну, что она переспросила его.

— „Да,—подтвердилъ Максютинъ.—Развѣ вамъ не случалось испыты-

вать это чувство ну, хотя бы, напримѣръ, когда вы на прогулкѣ встрѣчаетесь съ нищимъ?

— *Нѣтъ*...—несмѣло, но искренно сознается Анна Павловна".

Аналогичное настроеніе лежитъ въ основѣ разсказа „Безъ Бога живого" („Ж. для в." 1901 г.). Здѣсь передъ нами опять интеллигентъ, типичный представитель бездорожной эпохи, молодой учитель Альбановъ. Онъ сродни чеховскому Иванову и гаршинскому Алексѣю Петровичу (въ разсказѣ „Ночь")—такой же, какъ они, человѣкъ „съ пустой душой", рѣшающійся на самоубійство потому, что ему „нечѣмъ" жить. Какъ чеховскій Ивановъ, о которомъ когда-то много непроизводительно спорили, Альбановъ несомнѣнно принадлежитъ къ лучшимъ людямъ своей среды—болѣе чуткимъ и яркимъ и потому особенно тяготится пустымъ, безцѣльнымъ существованіемъ. Совершенно изломанный, какъ и тѣ два героя, онъ рисуется своимъ несчастьемъ передъ собой и передъ другими; но въ сущности дѣйствительно очень несчастенъ.

По вѣрности основныхъ чертъ Альбановъ не уступаетъ героямъ Чехова и Гаршина, но въ отношеніяхъ авторовъ къ своимъ героямъ чувствуется большая разница. Ивановъ самыми тѣсными узами связанъ съ своимъ духовнымъ отцомъ, точно такъ же, какъ и гаршинскій Алексѣй Петровичъ. Вы чувствуете, какъ авторы, рисуя своихъ героевъ, вкладывали въ нихъ свою муку, бередили собственныя раны. Гаршинскій герой, въ угоду своему творцу, въ концѣ концовъ даже приходитъ къ выводу, что эгоизмъ былъ единственной причиной всѣхъ его несчастій. „Нужно отвергнуть себя, убить свое *я*, бросить на дорогу"... Въ этихъ словахъ Гаршинъ передъ нами весь, съ своимъ больнымъ мѣстомъ. Дмитріева не только объективно, безъ тѣни сочувствія изображаетъ своего героя,—она съ нимъ въ антагонизмѣ, и это явственно сказывается, когда дѣло приходитъ къ развязкѣ, являющейся логическимъ выводомъ изъ искалѣченнаго существованія Альбанова. Въ писательницѣ вспыхиваетъ неожиданный протестъ противъ самоуничтоженія, и она заставляетъ своего умирающаго героя почувствовать несравненную привлекательность жизни. Въ послѣднее мгновеніе передъ нимъ мысленно проносится картина, которую онъ больше всего любилъ въ дѣтствѣ.

„Свѣжее лѣтнее утро... озеро среди кудрявой поросли... розовая тихая вода и бодрый звонкій крикъ гусей... Страстная жалость, что онъ уже никогда больше не увидитъ этого, что не вернутся для него эти ясныя росистыя утра съ звонкимъ гоготаньемъ гусей,—острой стрѣлой пронизала его мозгъ. „Не хочу, не хочу... пустите!—хотѣлъ крикнулъ Альбановъ, но изъ горла вмѣстѣ съ пѣнистой кровью вылетѣлъ протяжный крикъ, и свѣтлая картина дѣтства, какъ послѣдній привѣтъ жизни, вспыхнула и исчезла, расплывшись въ безразличной тьмѣ".

Положительное отношеніе къ жизни обусловливается у Дмитріевой не

одной стихійной бодростью и здоровьемъ. Оно у нея связано съ сознательнымъ идеализмомъ—съ ея вѣрой съ человѣка и присущее ему тяготѣніе къ добру. Она внимательно относится къ духовной личности каждаго изъ своихъ героевъ и всегда старается найти въ нихъ живую душу. Такая душа есть въ каждомъ, — по ея убѣжденію. Въ какія бы тяжелыя условія ни былъ поставленъ человѣкъ, или какъ бы онъ ни палъ низко, вы у нея всегда чувствуете, что это все же высшее существо—человѣкъ, въ душѣ котораго начертанъ незыблемый нравственный законъ. Нарушить безнаказанно этотъ высшій законъ нельзя, и совершившій это обреченъ на гибель. Не чуждъ этого сознанія—хотя и смутно—даже самый мелкій и испорченный изъ героевъ, грекъ Кристо въ красивомъ разсказѣ „Мечта". Когда доведенный сначала до несчастія и разоренія, а потомъ до смерти товарищъ Ламбро, послѣ одной изъ ссоры съ нимъ, умираетъ, Кристо нигдѣ не можетъ найти себѣ покоя. Призракъ погубленнаго товарища преслѣдуетъ его неотступно, и заставляетъ его почувствовать, что прежняя спокойная жизнь со всѣми ея радостями для него уже невозможна...

Убійство для Дмитріевой такъ же противно нравственной природѣ человѣка, какъ и самоубійство, и встрѣчается въ ея произведеніяхъ довольно рѣдко. Человѣкъ, убившій другого, уже существо конченное. Такъ смотрятъ на него окружающіе да и самъ авторъ, который обыкновенно послѣ того перестаетъ имъ заниматься—не изъ моральнаго пренебреженія, конечно, а потому, что правильная, настоящая, здоровая жизнь послѣ совершенія убійства ни для кого невозможна.

Интересный герой одного изъ лучшихъ разсказовъ „Друзья дѣтства" („В. Е." 1904 г.), рабочій Василій Дукачевъ, разсказываетъ своему пріятелю, писателю, что онъ всю жизнь ощущалъ присутствіе около себя невидимой руки, которая не разъ удерживала его отъ непоправимыхъ поступковъ. Особенно явственно почувствовалъ онъ это въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ въ припадкѣ ревности убить соперника, араба Зурбара, мужа своей спутницы по пароходу, Джемиль.

„...Навалилась на меня силища могучая, пригнула меня къ полу и лишился я всѣхъ своихъ чувствъ и сознанія,—говоритъ онъ пріятелю и, когда тотъ пытается объяснить его состояніе обморокомъ, недовѣрчиво протестуетъ:—А обморокъ-то отчего?.. Нѣтъ, братъ, это Богъ меня не пускалъ"...

Если герои Дмитріевой и преступаютъ нравственный законъ, то происходитъ это случайно, по невѣжеству и грубости и сопровождается страшнымъ раскаяньемъ, какъ, напр., у Петьки-Мухомора, убившаго во время погрома знакомаго студента. (Разс. „Всѣ люди—братья"—въ „Обр." 1906 г.). Мрачна картина погрома, искусно набросанная писательницей. Но она стушевывается благодаря тому яркому идеалистическому ореолу

которымъ окружена личность Петьки. Темна душа у него, какъ и у прочихъ его товарищей, которые, пьяные и голодные, натравляются полиціей на беззащитныхъ людей. Но вы понимаете, что она только *темна*... да неоткуда ей быть другой. Но стоитъ лучу свѣта проникнуть въ нее, и она преобразится. Она очень впечатлительна и отзывчива, даже теперь, несмотря на темноту. Случайная бесѣда съ человѣчно-отнесшимся къ нему студентомъ волнуетъ Петьку, полупонятныя хорошія слова глубоко западаютъ въ сердце и впослѣдствіи содѣйствуютъ, если не нравственному перевороту, то во всякомъ случаѣ повороту къ болѣе осмысленной жизни.

Несмотря на свой мрачный сюжетъ, разсказъ „Всѣ люди—братья", подобно другимъ, возбуждаетъ въ читателѣ скорѣе бодрость. Какъ ни тяжелы условія жизни, въ какія бы уродливыя формы она ни выливалась,—это не страшно, пока есть вѣра въ человѣка, въ его живую душу и способность къ движенію впередъ, къ моральнымъ переворотамъ. Герои Дмитріевой тѣмъ и хороши, что съ ними возможны *чудеса*. Всѣ они, начиная съ „больничнаго сторожа" Хвеськи, просиживающей ночи надъ букваремъ, и кончая съ виду омертвѣлымъ бюрократомъ, не довольствуется сѣрой дѣйствительностью, а „ищутъ другой жизни".

Идеализмъ, отличающій почти всѣхъ героевъ Дмитріевой, носитъ не пассивно-созерцательный, а активный характеръ. Внѣ дѣятельности и вдали отъ людей ихъ невозможно представить. Одинъ изъ нихъ „профессоръ" въ разсказѣ „На скалѣ" („Р. Б." 1902 г.), оскорбленный людьми въ своихъ лучшихъ чувствахъ, ушелъ было отъ нихъ, поселился уединенно и изливалъ свою любовь на безсловесныхъ животныхъ; но первая же встрѣча съ людьми (это были бродяги) показала ему, какъ прочна его связь съ ними, и онъ понялъ, что долженъ вернуться.

То же дѣятельное настроеніе звучитъ въ разсказѣ „Доброволецъ", несмотря на его грустный колоритъ („В. Е." 1889 г.). Начало его относится къ эпохѣ яркаго расцвѣта общественности въ Россіи и гуманной Восточной войны, гдѣ сражалось за чужую свободу столько добровольцевъ. Писательница даетъ цѣлый рядъ свѣтлыхъ образовъ молодежи: учительницы Натальицы, Жени Кохъ, ушедшаго на войну и др., удачно передавая общій приподнятый духъ того времени. Но конецъ разсказа относится къ совершенно другой эпохѣ, когда уже не осталось ничего ни отъ героическихъ людей, ни отъ общественнаго подъема. И вотъ характерно послѣднее раздумье одного изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, посѣтившаго знакомыя мѣста и могилу Натальицы. Въ немъ явственно сквозятъ собственныя чувства писательницы.

„Я глубоко задумался. И чудилось мнѣ, что среди этихъ невѣдомыхъ, забытыхъ могилъ съ меня медленно спадаетъ холодная тяжесть одиноко и безплодно прожитыхъ годовъ... Чудилось мнѣ, что я не одинъ... Передо

мной тихо вставали свѣтлые, чистые, самоотверженные образы Натальицы и Жени... Эти никому невѣдомые герои... Они умерли, но то, ради чего они жили, развѣ умерло? Нѣтъ... и вотъ они изъ своихъ могилъ улыбаются мнѣ, ободряютъ и благословляютъ меня... „Иди!"

Душа моя просвѣтлѣла; сердце расширилось и наполнилось бодростью и надеждой. Я поднялся съ могилки и огляделся. Кладбище дремало, утопая въ ароматѣ цвѣтовъ; городъ стоналъ внизу... Я смѣло поднялъ голову. Надо идти... и жить".

Какимъ диссонансомъ звучитъ этотъ бодрый призывъ въ общемъ погребальномъ хорѣ литературы того времени, когда напечатанъ этотъ разсказъ! Не приходится ли признать, что въ окончательныхъ тѣхъ или другихъ приговорахъ надъ жизнью главную роль играетъ личность каждаго, а не объективныя, для всѣхъ очевидныя свойства самой жизни и условія времени? Писательница не игнорируетъ отрицательныхъ сторонъ жизни. Но картина человѣческихъ страданій, неизбѣжныхъ ошибокъ и пораженій не побуждаетъ ее къ проклятію и отрицанію самой жизни, а мужественно внушаетъ ей: иди впередъ! И это понятно. У кого есть инстинктивное желаніе жить, тотъ проберется мыслью сквозь всѣ теоретическія противорѣчія и уловитъ въ жизни ея внутренній смыслъ, а у кого этого желанія нѣтъ, передъ тѣмъ жизнь не раскроетъ никакихъ заманчивыхъ перспективъ... Я говорю, конечно, не о случайностяхъ, не о временныхъ рѣзкихъ личныхъ неудачахъ и вспышкахъ горя, побуждающихъ того или другого человѣка уйти изъ жизни, а о теоретическихъ обобщеніяхъ, о философскомъ отрицаніи смысла жизни.

Несомнѣнное достоинство художественнаго таланта Дмитріевой—его чисто *беллетристическая* изобразительность. Всѣ ея описанія конкретны, выпуклы и естественны, и легко создаютъ въ воображеніи реальную картину. Повидимому, они даются писательницѣ безъ труда, благодаря ея наблюдательности и способности вездѣ схватывать самое существенное и типичное. Каждый изъ ея героевъ говоритъ своимъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ языкомъ и предстаетъ передъ нами совершенно живымъ и готовымъ, со всѣми своими индивидуальными чертами и внѣшними особенностями, вполнѣ соотвѣтствующими внутреннимъ. Сюжеты ея разсказовъ и романовъ занимательны и отличаются богатствомъ и разнообразіемъ „выдумки", т. е. тѣмъ именно свойствомъ, за отсутствіе котораго Тургеневъ когда-то упрекалъ современныхъ ему молодыхъ писателей.

Нельзя не пожалѣть только объ одномъ—что писательница не внесла до сихъ ничего новаго, своеобразнаго, „своего" въ формы творчества, а вполнѣ довольствуется старыми, полученными по наслѣдству.

Потребность въ такомъ именно творчествѣ, самомъ трудномъ и оригинальномъ, особенно остро чувствуется въ наше время. Внѣшнимъ обра-

вомъ какъ будто неизмѣнная жизнь, внутренно далеко ушла впередъ, углубилась и осложнилась, внесла много *новаго* въ человѣческіе вкусы, потребности и настроенія. Она стала болѣе напряженной, нервной и при томъ *индивидуализировалась*. Готовыя, кристаллизировавшіяся со временъ классической школы беллетристовъ 40-хъ годовъ формы не могутъ быть пригодны для ея изображенія. Искусство давно требуетъ новыхъ, и вся молодая литература предается исканію ихъ. Въ этомъ— ея основная задача. Ищутъ разно—удачно и неудачно, но не остаются равнодушными къ ея требованію и ничего не хотятъ брать изъ стараго прошлаго безъ провѣрки. Дмитріева къ такого рода исканіямъ въ области формы совершенно безучастна. И ея творчество отъ этого много проигрываетъ: ея иногда интересныя наблюденія и своеобразныя мысли проплываютъ незамѣченными потому, что они не нашли способа ихъ соотвѣтственно выразить, отъ нихъ вѣетъ шаблономъ и монотоннымъ однообразіемъ. Устарѣлость ея пріемовъ особенно чувствуется въ описаніяхъ, утомительныхъ, детальныхъ описаніяхъ тургеневскаго типа и протокольной послѣдовательности изложенія.

Если Тургеневу приходилось временно оставить своего героя, онъ въ слѣдующей главѣ вознаграждалъ за это читателя подробнымъ отступленіемъ, въ которомъ излагалась вся подноготная героя. Признаюсь—несмотря на все свое восхищеніе Тургеневымъ—я никогда не могла терпѣливо прочесть страницъ, посвященныхъ родословной Лаврецкаго или Ирины... хотѣлось поскорѣе къ нимъ самимъ; и если бы подробныя авторскія объясненія можно было выбросить, право, эти безсмертные образы ничего бы не потеряли. Но для тургеневскаго времени такой добросовѣстный протоколизмъ имѣлъ свои основанія. Тогда человѣкъ всецѣло создавался условіями своей среды и ближайшаго окружающаго быта; знать эти условія—почти что знать самого человѣка. Теперь же они почти ненужны. Общественное настроеніе и общій духъ времени нивеллируютъ людей самаго различнаго происхожденія, среды и воспитанія. Онъ, этотъ новый, такъ рѣзко отличающійся отъ прежняго духъ жизни, а не разныя случайныя частности, создаютъ человѣка, нерѣдко дѣлая его отрицателемъ той самой среды, изъ которой онъ вышелъ...

У В. І. Дмитріевой только въ послѣднее время, напр., въ разсказѣ „Всѣ люди—братья“ замѣтно нѣкоторое отступленіе отъ катехизиса старой школы. Это чувствуется въ менѣе детальной и въ болѣе внутренней обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ. Что мы знаемъ хотя бы о студентѣ, довѣрчиво пріютившемъ хулигана Петьку, кромѣ того, что онъ—еврей? Какое у него прошлое, кто его родители? Голодалъ ли онъ въ дѣтствѣ, будучи сыномъ сапожника, или воспитывался въ роскоши и самъ ушелъ въ другую жизнь? Ничего этого о немъ мы не знаемъ, а между тѣмъ его самого прекрасно знаемъ—съ самой важной внутренней стороны.

Возможно, что отсталость формъ стоитъ въ связи съ уже указаннымъ основнымъ недостаткомъ творчества Дмитріевой—отсутствіемъ въ немъ глубины и интенсивности.

При первомъ общемъ знакомствѣ съ произведеніями Дмитріевой въ нихъ пріятно удивляетъ ихъ разнообразіе и разносторонность,—свойства довольно рѣдко встрѣчающіяся у женщинъ-писательницъ, сфера наблюденій которыхъ уже, чѣмъ у мужчинъ. Она не специализируется на анализѣ чувствъ и семейныхъ вопросовъ, какъ другія, а откликается на разныя стороны жизни и выводитъ представителей всевозможныхъ классовъ, положеній и состояній, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

Но избѣгая свойственной женщинамъ одностороности, Дмитріева впадаетъ въ противоположную крайность. Страницы, посвященныя изображенію любви, у нея самыя блѣдныя и сухія. Вспомните довольно банальный романъ Ксани въ „Червонномъ хуторѣ“, претендующій на пикантность вначалѣ, но завершившійся благополучной прозой. Гораздо своебразнѣе влюбленныхъ въ „Червонномъ хуторѣ“ очерченъ революціонеръ Степанъ или провинціальные нравы, всегда удающіеся писательницѣ. Неудовлетворенное чувство оставляетъ и изящный по началу романъ провинціалки Гани съ знаменитымъ художникомъ въ „Весеннихъ иллюзіяхъ“ (оба романа—въ „В. Е.“). Каждому чуткому читателю не можетъ не казаться, что даже такая простушка, какъ Ганя, должна была больше вынести изъ своего неожиданно оборвавшагося романа, больше *понять* въ своемъ сложномъ незаурядномъ героѣ, а не просто отойти отъ него съ холоднымъ разочарованіемъ. Въ изображеніи несостоявшейся между художникомъ и Ганей любви чего-то нехватаетъ, чтобъ тронуть читателя. Несостоявшаяся (но не раздѣленная) любовь вообще является удѣломъ почти всѣхъ героевъ Дмитріевой, словно имъ некогда или они не умѣютъ любить, никто изъ нихъ не придаетъ значенія любви... (Напомню „Тучки“, „Друзья дѣтства“).

Женская индивидуальность автора сказывается только въ одномъ—въ болѣе яркой и любовной обрисовкѣ женскихъ типовъ сравнительно съ мужскими. Женщины у Дмитріевой интереснѣе мужчинъ и, несомнѣнно, носятъ на себя печать авторской индивидуальности. Все это дѣятельныя женщины, не страдающія отсутствіемъ иниціативы и несклонныя играть второстепенную роль въ жизни. По поводу нихъ какъ-то совсѣмъ не возникаетъ трагическаго для женщинъ вопроса о равноправіи. Фактически въ своей жизни онѣ давно его осуществляютъ. Особенно ярки и опредѣленны крестьянскія женщины, напр., Спиридониха въ разсказѣ „Ахметкина жена“, такъ умѣло устраивавшая и свою, и чужую жизнь или „Чека“ въ „Пчелы жужжатъ“ („Р. Б.“ 1907 г.). Послѣдняя до глубины души возмутилась, когда мужики порѣшили, послѣ прибытья для расправы съ ними казаковъ, отправить бабъ съ поля домой.

— „Бабы домой? Почему такое—домой?—закаркали они.—Чѣмъ вамъ бабы помѣшали? Небось, такіе же люди, не хуже мужиковъ понятіе имѣемъ! Домой! Ишь ты! Какъ работать, баба горбъ подставляй, а судить-рядить—баба на печь полѣзай! Будя! Насидѣлись! Не пойду я домой, чего мнѣ тамъ дѣлать?"...

Большая часть раннихъ произведеній Дмитріевой посвящена изображенію народной жизни, которая ей хорошо знакома, такъ какъ она сама происходитъ изъ крестьянской среды. Эти изображенія не лишены нѣкоторой идеализаціи, но въ общемъ отличаются большой вѣрностью тона; въ нихъ нѣтъ ни одного искусственнаго штриха. Для того, чтобы достигнуть такой естественности, писателю мало одного таланта,—нужно быть *своимъ* для того, что изображаешь. Голосъ такого именно „своего" для народа человѣка, который вмѣстѣ съ нимъ жилъ, и чувствовалъ, звучитъ въ интересныхъ полубеллетристическихъ очеркахъ „По деревнямъ" („В. Е." 96 г.), обширной повѣсти „Не по правдѣ" („С. В." 95 г.) и цѣломъ рядѣ мелкихъ разсказовъ (многіе изъ нихъ изданы отдѣльно).

Едва ли можно упрекать Дмитріеву въ сознательной идеализаціи народа. Она не представляетъ намъ преднамѣренно въ лучшемъ свѣтѣ то, что видѣла, а просто любя свою родную среду, обращала больше вниманія на положительныя свойства русскаго народа: его добродушіе, прирожденную широту взгляда и большое тяготѣнье къ моральнымъ запросамъ. Особенно удаются ей деревенскія дѣти; и здѣсь, какъ и всегда, лучше и ярче всего женскіе образы, напр., маленькая Хвеська, энергично исполняющая трудныя обязанности больничнаго сторожа и жадно стремящаяся къ знанію.

Деревенскіе герои Дмитріевой прочно, даже слишкомъ прочно привязаны къ деревнѣ и не могутъ внѣ ея жить. Въ этомъ сказываются народническія симпатіи автора. Для него въ этотъ періодъ развитія, какъ и для его героевъ, деревня хороша не только потому, что она родная, а и по существу хороша, несравненно лучше города, несмотря на ея мракъ и голодъ. Всѣхъ, кого голодная деревня посылаетъ на поиски лучшей доли въ городъ, неизбѣжно въ немъ погибаютъ или бѣгутъ изъ него домой. Гибнетъ на Кавказѣ тамбовецъ Микола, зарвавшись въ чрезмѣрной работѣ, которая соблазнила его возможностью быстраго обогащенія („Майна вира"). Гибнетъ въ Москвѣ молоденькая дѣвушка Мареутка, попавши сразу на торную, роковую для женщинъ дорожку. И виной этому—современный Вавилонъ—городъ, гдѣ среди общаго грохота и хаоса какъ будто царитъ единственный богъ: случай съ его завѣтомъ человѣку: не зѣвай! Герои Дмитріевой не выносятъ ни грохота, ни случайности городской жизни. Это ярко изображено авторомъ въ „Димкѣ", гдѣ энергичный деревенскій мальчуганъ ухитряется убѣжать съ стекляной фабрики, куда его продали родители („Русск. Бог." 1900 г.). Двумъ другимъ аналогичнымъ героямъ, работавшимъ въ шахтахъ и тоже мечтавшимъ о побѣгѣ, это не удается,

и они погибаютъ (разсказы „Баба Иванъ и ея крестникъ“ и „Бѣлыя крылья“).

Явная тенденціозность автора стушевывается благодаря типичному изображенію быта и нравовъ и занимательности разсказа.

Присущее Дмитріевой чувство мѣры и самокритицизмъ помѣшали ей застыть въ одной народнической фазѣ развитія. Ея „Друзья дѣтства“ показываютъ, что впослѣдствіи она вполнѣ оцѣнила и блага города для человѣка. Ея герой, сознательный рабочій Василій Дукачевъ, воплощаетъ въ себѣ здоровую мощь рабочаго класса съ его твердой вѣрой въ свѣтлое будущее, которое онъ завоюетъ собственными усиліями. Сознаніе солидарности съ товарищами и преданность общему великому дѣлу внушили Дукачеву такую бодрость духа, которую не могли у него отнять никакія превратности судьбы и несправедливости людей. Лишь связавши свою судьбу съ чѣмъ-нибудь большимъ, общимъ, человѣкъ можетъ чувствовать такую неуязвимость передъ жизнью и игнорировать ея жестокіе толчки. Что для Дукачева несправедливое удаленіе его съ фабрики, безработица, даже тюрьма, когда онъ знаетъ, что — не одинъ, чувствуетъ себя частью одной великой арміи, которая рано или поздно одержитъ побѣду? Вѣдь въ ея рукахъ сила, на ея сторонѣ справедливость, а на знамени—гипнотизирующая надпись, объединяющая весь рабочій міръ...

Не даромъ завидовалъ Дукачеву его „другъ дѣтства“, скучающій писатель!

— „Шесть часовъ,—сказалъ Василій Андреевичъ.—Я ничего не отвѣчалъ, и, не отрываясь, смотрѣлъ на разстилающуюся передо мной картину, позолоченную заходящимъ солнцемъ. Изъ домовъ уже выходили люди по двое и по одиночкѣ; пустынное предмѣстье запестрѣло синими, черными, коричневыми блузами, и все это сливалось въ одинъ могучій потокъ, который катилъ свои живыя волны туда, гдѣ дымились высокія трубы и ревѣли призывные гудки. Можетъ быть, вблизи эта картина была не такъ красива, но отсюда, съ высоты холма, она производила потрясающее впечатлѣніе, и я чувствовалъ, какъ грудь моя расширяется, сердце усиленно бьется, точно я самъ былъ частицею этого громаднаго человѣческаго потока, въ непрерывномъ движеніи котораго было что-то сильное и захватывающее. Василій Андреевичъ тихонько тронулъ меня за рукавъ.

— А что, засмотрѣлся?—сказалъ онъ.—Какова армія-то, а?.. Видалъ?

Я взглянулъ на него,—его суровое лицо сіяло торжествомъ, въ желтыхъ глазахъ прыгали веселыя искры, — казалось, въ эту минуту онъ забылъ всю свою скитальческую жизнь, всѣ разочарованія, обиды, униженія, все неустройство и горечь прошедшихъ дней, — онъ былъ теперь весь въ будущемъ, онъ вѣрилъ въ будущее и былъ счастливъ“...

Въ позднѣйшихъ разсказахъ Дмитріева все больше отклоняется отъ простого, бытописательнаго изображенія жизни. Она въ нихъ задумывается надъ общественными проблемами, надъ психологіей современнаго человѣка и противорѣчіемъ между внутренними потребностями его личности и тѣмъ кругомъ интересовъ, которые для нея создаются современными внѣшними условіями. Эти разсказы отличаются большей глубиной и психологической тонкостью.

Въ сущности, такой поворотъ въ сторону углубленія и усложненія— вполнѣ естественная эволюція въ творчествѣ Дмитріевой. Какую бы сторону жизни, какой бы человѣческій типъ она передъ нами ни рисовала, ее самое больше всего интересуетъ въ каждомъ изъ ея героевъ внутренній человѣкъ. И она всегда склонна мысленно предложить ему одинъ и тотъ же вопросъ: доволенъ ли онъ? И если нѣтъ, то почему?..

Такой *внутренній*, притаившійся и обыкновенно недовольный человѣкъ, навѣрное, есть почти въ каждомъ изъ нашихъ современниковъ. Но теперешній буржуазно-бюрократическій укладъ жизни, съ его громоздкимъ чисто-внѣшнимъ ритуаломъ, ожесточенной борьбой, лицемѣріемъ и ложью, требуетъ приспособленія къ себѣ и затираетъ этого внутренняго человѣка, не даетъ ему никакой пищи. И онъ молчитъ, постепенно обмирая. Случается, что онъ такъ и не подастъ своего голоса до могилы, когда душившій его временный футляръ смѣняется вѣчнымъ. Но иногда угашаемое человѣческое „я" подъ вліяніемъ какой-нибудь случайности встрепенется и начинаетъ вопить. Очнувшійся человѣкъ вспоминаетъ, какимъ онъ былъ, представляетъ себѣ, какимъ бы онъ могъ быть, если бы его не изломала жизнь, и его охватываетъ ужасъ... Кому не приходилось замѣчать, какъ люди постепенно мѣняются, подъ вліяніемъ жизни, къ худшему, черствѣютъ, теряютъ отзывчивость и чуткость? „Идеалистическія" стремленія, вытекающія изъ внутреннихъ потребностей души, обыкновенно приписываются молодости. Въ зрѣломъ возрастѣ онѣ вытѣсняются „здравыми", матеріалистическими разсчетами. Того требуетъ современная жизнь, грубая и уродливая, основанная на произволѣ случая, взаимной борьбѣ и эксплоатаціи. На ея рынкѣ требуются человѣческія руки, человѣческій умъ, ловкость и приспособляемость человѣка въ борьбѣ, а его чисто-внутренніе запросы и индивидуальныя особенности совершенно игнорируются. Легко понять, какъ это должно обезцвѣчивать человѣческую индивидуальность, да и всю жизнь въ цѣломъ! Сильный и одаренный человѣкъ все-таки сумѣетъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, развить и выразить свое духовное „я". А средній человѣкъ истратитъ всѣ свои силы на безсмысленную борьбу за матеріальное преобладаніе въ жизни или даже просто за жизнь, ради того только, чтобъ не умереть съ голоду. Борьба эта состоитъ въ постепенномъ приспособленіи, компромиссахъ и насиліи надъ собой: хочется такъ, а полезно этакъ... Въ концѣ концовъ она неизбѣжно приводитъ къ полному

душевному одряхлѣнію или изломанности. Вѣдь внутренній-то, все критикующій и всегда умѣющій отличать зло отъ добра человѣкъ живетъ въ каждомъ! Какъ бы онъ ни былъ задавленъ, онъ хорошо знаетъ, что въ его жизни что-то не такъ... Онъ знаетъ, что ни кресты, ни награды, ни большіе оклады жалованья и блестящее положеніе не даютъ нравственнаго удовлетворенія, не утоляютъ душевнаго голода... что хороша не та профессія, которая лучше оплачивается, а та, которая соотвѣтствуетъ вкусамъ и способностямъ... что свободно, сердцемъ выбранная подруга лучше „богатой жены“, помогающей устроить карьеру... Онъ знаетъ, но ничѣмъ не можетъ себѣ помочь.

Въ двухъ разсказахъ Дмитріевой—„Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ“ („В. Е.“ 1905 г.) и „Попка-дуракъ“—есть хорошія иллюстраціи на эту тему.

Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ—мелкій чиновникъ, послѣ 20-лѣтней службы въ департаментѣ потерявшій душевное равновѣсіе.

Жизнь у него сложилась весьма обыкновенно, какъ у большинства среднихъ людей, не обладающихъ шансами на успѣхъ. Въ университетъ онъ по бѣдности не попалъ, даже гимназіи не кончилъ потому, что на немъ въ то время лежали заботы о больной матери.

Касаткинъ съ очень молодыхъ лѣтъ сдѣлался чиновникомъ, и все его существованіе навсегда свелось къ мертвому, утомительному труду. Прослуживши 20 лѣтъ, онъ оглянулся на свою жизнь и вдругъ понялъ, что это пустыня: нѣтъ въ ней ни смысла, ни содержанія, ни интересовъ, ни привязанностей. Даже поговорить ему, подѣлиться своими сомнѣніями не съ кѣмъ, потому что всѣ связи съ людьми, не исключая и жены, у него чисто внѣшнія, не затрагивающія души. Ему оставалось довольствоваться только діалогами съ самимъ собой, съ своимъ страшнымъ двойникомъ, что съ логическою неизбѣжностью и приводитъ его въ сумасшедшій домъ.

Въ другомъ разсказѣ передъ нами опять тотъ же разладъ между внутреннимъ человѣкомъ и внѣшнимъ. И на этотъ разъ онъ еще болѣе характеренъ. Оба героя разсказа, пожилой генералъ Мясоѣдовъ и земскій начальникъ Варташевъ, — люди съ „устроенной“ жизнью, даже блестяще устроенной, не то, что у бѣдняка Касаткина. Есть у нихъ и состояніе, и почетное положеніе. Нѣтъ только одного: внутренней удовлетворенности. Гдѣ-то въ глубинѣ души притаился червякъ, нашептывающій, что эта блестящая жизнь прошла даромъ, что въ ней не было ни одной настоящей минуты, достойной человѣка.

„Ничего въ ней не было яркаго, красиваго, добраго—ни любви, отъ которой захватывало бы духъ, ни самопожертвованія, никакого горячаго порыва. Пусто, пошло и затхло, точно въ стѣнахъ казармы, — жалуется генералъ, подводящій подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ итоги своей жизни. — „Онъ служилъ... но кому онъ служилъ? Неизвѣстно, и никогда

онъ не видѣлъ ни одного человѣка, который пришелъ бы къ нему съ горячей благодарностью и съ довѣріемъ къ тому дѣлу, которое онъ дѣлалъ всю жизнь. Вокругъ себя онъ видѣлъ сухія, преждевременно увядшія лица такихъ же чиновниковъ, какъ и онъ самъ; и всѣхъ ихъ связывало общее дѣло и дѣло это состояло въ томъ, чтобы построить между собой и міромъ высокія стѣны"... Вся его жизнь — ложь: „и служба была ложь, и женитьба — ложь, и купленные поцѣлуи, и кресты, и награды — все ложь, ложь!"...

Оба разсказа даютъ тяжелую картину жизни современнаго человѣка, задавленнаго ея механическимъ буржуазно-бюрократическимъ строемъ. Но если вдуматься въ внутренній смыслъ этой картины, то окажется,—какъ всегда бываетъ у Дмитріевой,—что она не безнадежно мрачна и не наводитъ на пессимистическіе выводы. Мрачность ея должна быть всецѣло отнесена къ современнымъ условіямъ жизни, а отнюдь не къ жизни, вообще, по существу, и не къ человѣку. Человѣкъ тутъ, напротивъ, весьма привлекателенъ и способенъ возбуждать самыя оптимистическія надежды. Если онъ такъ нравственно чутокъ и внутренне живучъ, то надъ нимъ не властны никакія темныя силы, и лучезарное будущее въ его собственныхъ рукахъ.

Какъ видимъ, писательница всегда вѣрна основному тону своего творчества, жизнерадостному, *утверждающему* жизнь. Эта черта объединяетъ разнообразный матеріалъ, почерпнутый ею изъ различныхъ, даже противоположныхъ эпохъ, и роднитъ ея произведенія съ духомъ нашего времени.

Е. Колтоновская.

Отклики русской жизни.

Земскій съѣздъ правыхъ партій.

I.

Съ 25 по 30 августа шла вторая сессія того общеземскаго съѣзда, что съ такой помпой засѣдалъ въ пестрой безвкусной залѣ Славянскаго Базара въ іюнѣ мѣсяцѣ. Теперь тѣ же башенки и колонки стояли вокругъ земцевъ, съѣхавшихся вершать судьбы земскаго дѣла, какъ бы служа конкретнымъ напоминаніемъ о тѣхъ старыхъ крѣпостныхъ традиціяхъ, хранить которыя невозбранно они должны; тѣ же шелковыя юбки шуршали за перилами...

Съѣздъ вышелъ отчасти неожиданнымъ, такъ какъ въ іюнѣ предполагалось, что онъ будетъ созванъ не раньше октября.

— Всего лучше конецъ октября,—восклицалъ тогда делегатъ Нехлюдовъ. — Тогда многіе изъ находящихся здѣсь, я увѣренъ, будутъ членами Думы, и встрѣтимся мы на второмъ съѣздѣ на пути въ Таврическій дворецъ [1]).

Въ связи съ этимъ появились даже слухи, которые въ однихъ какъ будто возбудили нѣкоторые разсчеты, въ другихъ—понятную боязнь. Вѣдь іюньскій съѣздъ, тотъ самый, который, по словамъ гр. Бобринскаго, въ отличіе отъ предыдущихъ либеральныхъ съѣздовъ, былъ первымъ настоящимъ общеземскимъ съѣздомъ, задуманный еще при жизни второй Думы, ставилъ своей цѣлью создать противовѣсъ всему тому, что проектировалось въ Думѣ въ области мѣстной реформы не только представителями народа, но и агентами правительства. Думскія рѣчи, то впечатлѣніе, которое онѣ всегда производятъ на широкіе круги, наконецъ, приподнятость настроенія, неизбѣжное обусловливаемое самимъ фактомъ существованія Думы—все это подливало масло въ огоньки, то здѣсь, то тамъ вспыхивавшіе противъ этихъ проектовъ. Правда, уже ко времени перваго съѣзда не только была распущена Дума, но и былъ осуществленъ избира-

[1]) „Товарищъ", отъ 23 августа.

тельный законъ, составлявшій предметъ столь энергичныхъ домогательствъ со стороны объединеннаго дворянства, но отвести въ русло всю накипь уже не представлялось возможнымъ, и въ Славянскомъ Базарѣ разыгралось нѣчто до того дикое и нелѣпое, что даже „Новому Времени" пришлось констатировать, что участники съѣзда отнюдь не были „выше сословныхъ интересовъ", забывъ, что жизнь идетъ впередъ, и что лишь во время проведенная реформа въ состояніи помочь ей идти по настоящему руслу, не выходя изъ береговъ... И вотъ теперь былъ пущенъ слухъ, что съѣздъ, молъ, потому и пріуроченъ къ предвыборному моменту, вмѣсто предполагавшагося октября, что, выругавшись всласть, земцы будто бы вспомнили, что время выставить кандидатовъ въ Думу и „заговорить" совсѣмъ по-иному...

Конечно, въ такъ называемыхъ сферахъ, имѣющихъ сколько-нибудь „либеральную" линію, могли строиться надежды, такъ какъ вести линію съ мракобѣсіемъ, которое ничего, кромѣ истеріи, не обѣщаетъ, помимо той или иной „критики" этихъ сферъ, не совсѣмъ пріятно. Говорили даже, будто передъ самымъ съѣздомъ иниціаторы его получили кое-куда особое приглашеніе, гдѣ имъ было сдѣлано указаніе, что истеріи, во всякомъ случаѣ, не требуется, такъ какъ, молъ, и такія „крайности" обществу не по нутру, какъ и крайности революціонеровъ.

Съ другой стороны, тѣ, кто выставляетъ на своемъ знамени: все тайное да станетъ явнымъ, кто понимаетъ все значеніе открытой политической борьбы сравнительно съ предательскими заигрываніями, столь чреватыми послѣдствіями въ странахъ, аналогичныхъ Россіи, уже загадывали, на какіе элементы гг. дворяне разсчитываютъ.

Однако, достаточно было гг. дворянамъ съ ихъ игривыми намѣреніями наполнить Славянскій Базаръ, чтобы стало ясно, что, если даже таковыя и есть, съ благословленія власти предержащей, то настроеніе, стихійно царящее среди нихъ, таково, что опасаться рѣшительно нечего. Если вѣрно, что переживаемый моментъ есть, вообще, моментъ открытыхъ линій, такъ какъ все, что еще можно было прятать, давнымъ давно выступило наружу, то это прежде всего вѣрно по отношенію къ съѣзду.

II.

Прежде всего формальная сторона: іюньскій съѣздъ былъ „земскимъ съѣздомъ", этотъ уже не земскій съѣздъ вообще, а земскій съѣздъ правыхъ партій. Значитъ, даже формально связь съ прежними общеземскими съѣздами прерывается. Гг. земцы боятся, какъ бы они не остались исключительно въ своемъ обществѣ.

Но гг. Вобринскіе и Касаткины оказались на этотъ разъ еще болѣе

изолированными, чѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Даже нѣкоторые куряне, дикость которыхъ является образцомъ, не пріѣхали на съѣздъ.

— Читали письмо Говорухи-Отрока?—слышалось въ залѣ.—Вѣдь онъ изъ правыхъ правый. Прямо пишетъ: не пріѣду, потому что вы отстаиваете только интересы крупнаго землевладѣнія, а насъ, мелкихъ, хотите задавить [1]).

Если же такова трещина, которую далъ Говоруха-Отрокъ, то другіе 27 участниковъ перваго съѣзда отнеслись категорически рѣзко. Такъ, пермяки, участвовавшіе въ іюньскомъ съѣздѣ, особымъ радикализмомъ не отличались. Это, въ лучшемъ случаѣ, октябристы съ кадетскимъ налетомъ. И вотъ эти самые пермяки въ письмѣ къ г. Родзянко отказались на этотъ разъ отъ участія, объявивъ, что, если они явились въ іюнѣ, то лишь въ той надеждѣ, что большинство дворянъ, какъ людей „образованныхъ“, пойдетъ навстрѣчу „законнымъ“ требованіямъ народа въ вопросѣ о мѣстной реформѣ, и, если не станутъ отказываться отъ своихъ привилегій, то по крайней мѣрѣ не будутъ мѣшать другимъ сословіямъ отвоевывать свои политическія права. „Къ сожалѣнію, эти ожиданія не оправдались. Рѣчи большинства дворянъ носили тотъ специфическій характеръ защиты „старыхъ“ порядковъ, который ясно показалъ всѣмъ и каждому, что намъ—не дворянамъ—съ ними не сговориться, что они гораздо правѣе правительства, и что въ такихъ условіяхъ обсуждать общіе вопросы и обмѣниваться мнѣніями не о чемъ и не для чего. Съѣздъ показалъ, что большинство его участниковъ недостаточно любятъ свою родину, что они не расположены принести жертвы для ея успокоенія, и что собрались не для обсужденія и выработки новыхъ условій общественной работы на благо страны, а для закрѣпленія старыхъ формъ, отлично отвѣчающихъ ихъ личнымъ интересамъ и благополучію. Готовые побуждать правительство къ рѣшительнымъ мѣрамъ въ борьбѣ со смутой, дворяне не хотятъ разстаться со своими привилегіями, которыя являются непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы всѣ сыны родины стали ея гражданами, и тѣмъ оказываютъ плохую услугу дѣлу умиротворенія страны. Дѣйствуя такъ и не считаясь съ задачами и требованіями времени, дворянство принимаетъ на себя тяжкую отвѣтственность, раздѣлять которую съ ними у насъ нѣтъ охоты, и поэтому принимать участіе на съѣздѣ нѣтъ ни смысла, ни основаній“ [2]).

Такъ, даже „Новому Времени“ пришлось признать, что съѣздъ „растаялъ на половину“. Если изъ 140 „земскихъ дѣятелей“, выбранныхъ на іюньскій съѣздъ, въ Славянскомъ Базарѣ присутствовало 110, причемъ какъ только выяснилось, чего домогаются участники съѣзда, осталось едва

---

[1]) „Рѣчь“, 28 августа.

[2]) „Товарищъ“, отъ 23 августа.

80 человѣкъ, то этотъ съѣздъ уже въ самомъ началѣ насчитывалъ всего 80 участниковъ; когда же и здѣсь выяснилось, на что можно разсчитывать въ дальнѣйшемъ, то засѣданія едва насчитывали 40 человѣкъ.

Ушли не только кадеты, но и сколько-нибудь приличные октябристы. Остались—въ противоположность даже іюньскому съѣзду—*исключительно* тѣ, кто, разогнавъ изъ земскихъ сферъ мало-мальски либеральные элементы, разгромили все, что было сдѣлано до сихъ поръ ихъ предшественниками въ области культурной работы, тѣ самые дикіе помѣщики, которые, пользуясь своимъ положеніемъ, подняли даже вопросъ объ удаленіи представителей печати:

— Когда мы рѣшили допустить печать, мы думали, что сюда придутъ представители прессы, а не газетные лгуны. Прошу насъ оградить отъ нихъ... и просто удалить [1])...

Отсюда ясно, какія надежды можно было возлагать на съѣздъ въ дѣйствительности, какія опасенія строить. Это была та же волна ненависти, та же туча злобы, что мы видѣли на іюньскомъ съѣздѣ съ той лишь разницей, что здѣсь онѣ, не встрѣчая никакого отпора, если не считать своеобразнаго негодованія кн. Волконскаго, сообщали засѣданіямъ еще болѣе нелѣпый и хаотичный характеръ, чѣмъ іюньскому. Тотъ же гр. Бобринскій, который въ іюнѣ съ такимъ успѣхомъ доказывалъ всю фальшь предыдущихъ съѣздовъ, всю необходимость предать ихъ анаѳемѣ, сейчасъ внѣ какой бы то ни было связи съ обсуждавшимся вопросомъ выступилъ съ заявленіемъ отъ имени 34 членовъ (т. е. почти всѣхъ участниковъ) противъ общеземской организаціи помощи голодающимъ. Изъ тѣхъ же устъ сыпались тѣ же крѣпкія слова по адресу „пейзановъ", руководящихся лишь „животными побужденіями", этихъ „пьяницъ, распутниковъ, воровъ", по адресу тѣхъ, кто служилъ въ земскихъ школахъ и больницахъ, создалъ земскую статистику и агрономію, по адресу внутреннихъ враговъ, которыхъ гнали и гонятъ съ ихъ насиженныхъ гнѣздъ. Словомъ, если въ сердцахъ инипіаторовъ и бились два сердца въ одной груди, то второе, ненастоящее, должно было замолчать передъ напоромъ настоящей, невыдуманной стихіи чувствъ.

III.

Злѣйшій упрекъ, какой гг. реакціонеры бросали Думѣ, желая показать всю ея „неработоспособность" съ точки зрѣнія правительственныхъ предначертаній, это упрекъ въ томъ, что ея депутаты—тѣ же „митинговые" ораторы, которые вмѣсто того, чтобы поставить вопросъ на сколько-нибудь дѣловую высоту, занимаются революціонной фразеологіей. Этотъ упрекъ Думѣ слышался и на іюньскомъ съѣздѣ. Правда, сами земцы

[1]) „Рѣчь", отъ 30 августа.

новой формаціи въ іюнѣ признавались, что и у нихъ по части дѣла обстоитъ не густо, но объяснялось это тѣмъ, что первый" съѣздъ и не могъ еще пріобрѣсти дѣловую окраску.—Вотъ на слѣдующемъ съѣздѣ мы себя покажемъ,—говорили ихъ упитанныя лица,—покажемъ, что значитъ митинговая постановка вопроса и постановка вопросовъ государственная.

И что же? Даже органу г. Ѳедорова пришлось констатировать, что цѣлыхъ два дня были потрачены ими не на что иное, какъ на чисто „митинговыя рѣчи" [1]). Начать съ того, что всю проблему о мѣстной реформѣ, имѣющей такое всеобъемлющее значеніе для самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской общественной жизни и русскаго освободительнаго движенія, была ограничена на съѣздѣ рамками одной мелкой земской единицы. Конечно, было время, когда къ этому вопросу, около котораго вертѣлись шумъ и гамъ закончившагося съѣзда, были направлены всѣ мысли нашихъ либеральныхъ общественныхъ теченій, въ томъ числѣ и того, отъ котораго теперешніе земцы съ пѣной у рта открещиваются. Впервые поставленный на агрономическомъ съѣздѣ 1902 г., этотъ—при извѣстной постановкѣ столь узкій—вопросъ въ такой степени оживилъ тогдашнюю печать, что одно время нельзя было заговорить ни на одну тему, чтобы изъ-за него не выскочилъ вопросъ о мелкой земской единицѣ. Но не слѣдуетъ забывать—тогда не было не только представительнаго учрежденія въ Россіи, каковъ бы ни былъ избирательный законъ, на которомъ оно зиждется, но даже тѣхъ толковъ о земскомъ соборѣ, которые передъ открытіемъ Государственной Думы дали такую базу для самой радикальной критики существующаго строя. Это было время, когда о земскомъ соборѣ, и то маленькомъ, могъ заикаться одинъ г. Суворинъ, и то „безъ евреевъ и адвокатовъ", и заикаться не въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ, какъ въ кабинетѣ самого г. Плеве. Но если тогда понятіе мелкой земской единицы не могло ставиться въ связь съ тѣмъ куполомъ, который только и можетъ увѣнчать какое бы то ни было зданіе, то то, что тогда вкладывалось въ него—уничтоженіе административныхъ функцій волости и крестьянской обособленности, созданіе почвы для сколько-нибудь совмѣстной самодѣятельности разныхъ слоевъ и классовъ—для того времени было такъ полно содержанія, тогда дѣйствительно весь вопросъ о мѣстной реформѣ могъ вертѣться около этого.

Но съ тѣхъ поръ прошли годы. Событія этихъ лѣтъ недаромъ отодвинули вопросъ о мелкой земской единицѣ и поставили вопросъ о демократизаціи самыхъ верховъ мѣстнаго управленія, какъ пути для организаціи народныхъ силъ, организаціи, безъ которой никакое представительное учрежденіе не можетъ имѣть силы, внутренней устойчивости. Теперь ограничивать вопросъ рамками „мелкой земской единицы", не ка-

[1]) „Слово", отъ 29 августа.

саясь самаго земскаго положенія, значитъ—поневолѣ суживать вопросъ до предѣловъ дооктябрьскихъ политическихъ горизонтовъ...

Однако, было бы ошибкой думать, что, поставивъ въ программу вопросъ о мелкой земской единицѣ, гг. дворяне, собравшіеся на съѣздъ, повинны именно въ томъ, что они стремились сузить вопросъ до тѣхъ предѣловъ добраго стараго времени, въ какихъ даже съ „Новымъ Временемъ“ могли быть тогда точки соприкосновенія. Дѣло въ томъ, что и такая постановка пугала ораторовъ, и не успѣла выплыть та или или иная подробность, какъ они пытались утопить ее въ анекдотахъ или заглушить своими криками и визгомъ. Въ этомъ отношеніи участники съѣзда такъ откровенно держали себя, какъ только можно было бы желать въ интересахъ ясности.

Лучше всего, конечно, было бы сорвать вопросъ. И дѣйствительно, какъ только тема обсужденія была объявлена, поднялся такой шумъ и гамъ, что этотъ финалъ казался естественнымъ. Какъ извѣстно, желательность введенія мелкой земской единицы была рѣшена въ іюнѣ, хотя самое введеніе и признано было еще несвоевременнымъ. Всякій мало-мальски общественный дѣятель и долженъ бы подчиниться этому рѣшенію. Не тутъ-то было. Какъ только совѣтскій докладчикъ сошелъ съ каѳедры, группа лицъ стала настаивать, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ снова.

— Да вѣдь ужъ это было, на прошломъ съѣздѣ было,—указываютъ имъ недоумѣвающіе.

— Да нѣтъ, позвольте, это еще надо доказать.—Если мнѣ не объяснятъ сначала, о какой единицѣ идетъ рѣчь, я не могу голосовать...—Позвольте, я еще не знаю, нужна ли единица вообще.—Что тамъ рѣшена? Какая-то отвлеченная формула [1])...

Всѣ другъ друга прерываютъ, поднимается всеобщій гвалтъ, надъ которымъ возвышается лишь голосъ Ширинскаго-Шахматова, который, поблагодаривъ совѣтъ за то, что тотъ разрѣшаетъ „намъ, правымъ и умѣреннымъ, высказать полностью наши взгляды“, открыто излагаетъ мотивы, руководящіе этой группой лицъ.

— Я высказываюсь совершенно противъ мелкой земской единицы. Толпа всегда остается толпой, и если вы пустите ее къ себѣ, она сожретъ эти культурныя учрежденія,—гремитъ онъ. Онъ, какъ и другіе участники, не видитъ, зачѣмъ въ такую минуту мѣнять то земство, которое „40 лѣтъ съ честью исполняло свои обязанности“. Словомъ, нахлынетъ мужикъ, заберетъ въ свои руки организацію общественно-хозяйственной жизни и заставитъ ихъ, первенствующее до сихъ поръ сословіе, отодвинуться, стушеваться — вотъ красный призракъ, во имя котораго часть съѣхавшихся

[1]) „Рѣчь“, 28 августа.

хотѣла сорвать вопросъ даже въ той постановкѣ, какую онъ могъ получить на съѣздѣ. „Мы—фанатики своей идеи“ —гремѣлъ г. Ширинскій,—и онъ не ошибался, чувствуя, что, помимо того, что его товарищи уже не могутъ питать надежду играть какую-нибудь особую роль во всесословной волости, какъ это думали реакціонеры нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, вопросъ о ней сейчасъ и вопросъ политическій. Правда, нашлись и такіе, какъ, напр., гр. Уваровъ, которые увѣряли, что ихъ, самоотверженныхъ борцовъ за великое дѣло, не такъ-то легко стереть пьянымъ дикарямъ. И это, конечно, тоже вѣрно до тѣхъ поръ, пока въ ихъ рукахъ находится и власть, и вещественныя выраженія этой власти, но... не было еще того крупнаго событія, разразившагося надъ головами гг. Уваровыхъ, которое бы они предвидѣли. И если это вѣрно было во всякое данное время, то тѣмъ болѣе не безъ основанія сжимаются сердца гг. Ширинскихъ сейчасъ, когда вся внутренняя работа ушла на дно народной жизни, и неизвѣстно, когда и въ какой формѣ она проявится наружу.

IV.

Какъ и слѣдовало ожидать, постановленіе іюльскаго съѣзда не было провалено, такъ такъ его совершенно незачѣмъ было „проваливать“. Недаромъ тотъ же г. Ширинскій-Шахматовъ въ концѣ своей рѣчи патетически восклицалъ о дворянской неустрашимости:

— Вы говорите, что мы боимся мелкой земской единицы. Я принадлежу къ лицамъ, которыя ничего не боятся. Люди, которые идутъ на смерть, на гибель, но стоятъ за свою вѣру, ничего не боятся. Мы такъ же фанатики и требуемъ къ себѣ такого же уваженія, какъ тѣ, кто идетъ подъ веревку [1]).

Но посмотримъ же, какого уваженія они къ себѣ требуютъ. Прежде всего, конечно, былъ проваленъ поставленный на очередь правительственный законопроектъ о волостномъ и поселковомъ управленіи, такъ какъ, молъ, вся совокупность преній съ самаго начала вертѣлась около него, какъ около самаго опаснаго пункта.

— Что представляетъ правительственный законопроектъ! —грозилъ кн. Касаткинъ-Ростовскій.—Вѣдь извѣстно, что правительство ничего новаго не придумало. Оно просто взяло польскія гмины, которыя введены послѣ польскаго мятежа для обузданія польскихъ помѣщиковъ. Сдѣлало правительство уступку еврейской прессѣ, кадетамъ да эс-эрамъ и внесло проектъ въ угоду Думѣ. Я, когда читаю подписи столоначальниковъ, составлявшихъ законопроектъ, я вижу, что здѣсь не безъ польской интриги. Они захотѣли отблагодарить Россію тѣмъ же учрежденіемъ, которое имъ было навязано правительствомъ. Кому выгодно измѣнить нынѣшнее земство? Оно явилось

---

1) „Рѣчь“, отъ 28 августа.

препятствіемъ революціи. Пока оно цѣло, революціи не бывать. Вотъ и придумали эту реформу. Если бы Господь Богъ не отнялъ въ Думѣ разумъ у эс-эровъ и кадетовъ, они должны бы единогласно и цѣликомъ принять проектъ. И тогда черезъ какіе-нибудь полгода вся Россія была бы охвачена революціей [1]).

— При всемъ моемъ уваженіи къ Петру Аркадьевичу, меня поразила эта сдача безъ бою позиціи, этотъ земскій проектъ [2]).

Такъ говорили ораторы, и когда дошло дѣло до баллотировки, то весь съѣздъ голосовалъ противъ правительственнаго законопроекта, и не только лѣвые, но и самъ совѣтъ. Зато и досталось же тутъ же и совѣту!

Что представлялъ собой докладъ совѣта, явствуетъ уже изъ той основы, изъ которой онъ исходилъ, что земство—не только факторъ „прогрессивный, но и консервативный“, ибо, добиваясь до октября реформъ отъ правительства, оно одно не растерялось, когда этому правительству стала угрожать дѣйствительная опасность, одно встало на защиту пошатнувшейся власти. И самая гибельность смѣшенія въ самоуправляющихся единицахъ политическихъ функцій съ хозяйственными, составлявшая центральную мысль доклада, иллюстрировалась тѣмъ, что въ революціонные моменты такія единицы остаются въ рукахъ бунтовщиковъ, ибо выбранные толпой, напр., старшины и старосты, принимающіе участіе въ нашихъ аграрныхъ безпорядкахъ, не могутъ не подчиняться этой толпѣ. И вотъ этотъ-то проектъ встрѣтилъ со стороны участниковъ не больше сочувствія, чѣмъ законопроектъ правительственный, отвергнутый безъ всякаго обсужденія. По мнѣнію того же г. Касаткина, этотъ докладъ шелъ еще дальше послѣдняго.

— Онъ дѣлаетъ пейзановъ полными нашими хозяевами,—заговорилъ онъ.—И, конечно, я не могу голосовать ни за тотъ, ни за другой... Если примете правительственный проектъ или нашего совѣта, то анархія обезпечена на долгое время...

Что характернѣе всего—это то, что совѣтъ, встрѣтившій съ первыхъ же шаговъ ярое противодѣйствіе мракобѣсовъ и все время балансировавшій, самъ принялъ участіе въ провалѣ своего проекта, продукта будто бы тщательной трехнедѣльной работы, какъ говорилъ гр. Уваровъ.

Словомъ, прошло время, когда дворяне предоставляли защищать свои интересы разнаго рода учрежденіямъ и коллегіямъ. Чувствуя неотступно передъ своими глазами призракъ красной опасности, они перестали довѣрять не только правительственнымъ инстанціямъ, но даже коллегіямъ, избраннымъ ими непосредственно изъ своей среды. Они хотятъ сами, всей своей дикой неорганизованной массой, охранять свои интересы не только въ области практическихъ мѣропріятій въ узкомъ смыслѣ слова, но и въ области законодательнаго творчества. И вотъ они четыре дня обрабатывали

[1]) „Товарищъ“, отъ 28-го августа.
[2]) „Рѣчь“, отъ 28 августа.

мелкую земскую единицу, расширяя, сокращая и углубляя ее по своему образу и подобію, четыре дня выяснялась истинная полнота правъ этой будущей единицы. Что же, наконецъ, выработали сами участники съѣзда взамѣнъ отвергнутыхъ проектовъ?

V.

Новая схема вопросовъ, которые предложилъ совѣтъ, взявъ назадъ свой докладъ, была разбита на 14 пунктовъ, причемъ, разумѣется, отвѣты уже рядомъ съ ними не стояли. Должна ли мелкая земская единица быть организаціей всесословной?—гласитъ первый пунктъ.—Нѣтъ не должна,—шумятъ правые.—Должна ли быть самоуправляющейся?—Нѣтъ, нѣтъ, не должна.—Князь Волконскій пробуетъ доказывать, что это абсурдъ, что земская единица не можетъ не быть самоуправляющейся, но никто его не слушаетъ, хотя тутъ же проходятъ и какая-то внѣсословность и какое-то самоопредѣленіе, безъ которыхъ „нельзя". Особую бурю вызываетъ вопросъ о самообложеніи, который съ своей точки зрѣнія возбуждаетъ гр. Бобринскій въ качествѣ одной изъ „обычныхъ земскихъ функцій".

— Вотъ теперь я вижу, что дѣйствительно тутъ кроется чрезвычайная опасность,—говоритъ г. Марковъ.—Вотъ уже и проявляютъ скрытыя цѣли. У земской единицы, видите ли, будетъ и самообложеніе, и прочее. Ну, такъ я заявляю, что я никакихъ автономныхъ республикъ не желаю проводить [1]).

Гр. Бобринскій, внезапно оказавшійся ни болѣе, ни менѣе, какъ республиканцемъ, не остается въ долгу, конечно.

— Надо распространить законъ о предѣльности земскаго обложенія,—оправдывается онъ.—Если мы въ свое время подняли такую бурю противъ, то это только потому, что тогда мы не имѣли другихъ способовъ выразить свое негодованіе правительственной дѣятельности. Теперь мы можемъ сказать, что законъ справедливый [2]).

По поводу этого „опаснаго" самообложенія снова и снова констатируется дикость, неразумность населенія, которое или запутается въ собственныхъ счетахъ, или само откажется отъ своего права. Марковъ, „не витающій въ отвлеченныхъ теоріяхъ, а все обращающійся къ дѣйствительности", разсказываетъ про... учительницу, плачущую отъ тѣхъ обидъ, которыя ей причиняютъ крестьяне. Кушелевъ, „взрослый человѣкъ, сѣдой человѣкъ", какъ онъ себя самъ рекомендуетъ, повѣствуетъ, какъ онъ шелъ по дорогѣ и ему попался мужикъ съ дровами, который отказался его отвести за рубль въ какое-то мѣсто.—И такимъ мужикамъ дать право самообложенія! Такой пьяной невѣжественной толпѣ мы дадимъ право обла-

---

1) „Товарищъ", отъ 29 августа.

2) „Рѣчь", отъ 31 августа.

гать всѣхъ сборами и насъ, грѣшныхъ, въ томъ числѣ!—восклицали ораторы, перебивая другъ друга и рѣдѣя съ каждымъ днемъ.

Еще очевиднѣе умѣнье будущихъ хозяевъ третьей Думы разбираться въ сложныхъ вопросахъ хозяйственно-политической жизни, ихъ способность къ парламентской работѣ изъ другихъ началъ, которыя они желали положить въ основу мелкой земской единицы.

Вопросъ гласитъ: должны ли быть построены распорядительные органы мелкой земской единицы на началахъ выборнаго представительства? Казанцы внесли цензовый проектъ: у кого имѣется имущество, соотвѣтствующее цензу, тотъ пройдетъ; у кого нѣтъ—не имѣетъ голоса, а то вѣдь дикое мужичье, забывъ все культурное значеніе 130.000, не моргнувъ глазомъ, провалитъ ихъ. Иначе какъ же? У помѣщика 6000 десятинъ—и одинъ голосъ, а у общества только 1000 д.—и вдругъ нѣсколько голосовъ. Развѣ это нормально?

Былъ рѣшенъ и вопросъ объ отношеніи мелкой единицы къ уѣздному земству. Спрашивалось, подчинить ее или не подчинять, ввести ли представителей ея въ уѣздное земство, предоставить ли имъ совѣщательный или рѣшающій голосъ? И дворяне ставили точки надъ *і* со свойственной имъ однимъ прямотой.

— Между губернскимъ и уѣзднымъ земствами не надо разграничивать сферу дѣйствія, потому что это люди одной культуры, а мелкую единицу необходимо, потому что культура другая,—доносилось съ одной стороны.

— Конечно, разграничить. Иначе повторится та же борьба, что была между уѣздомъ и губерніей,—вторили съ другой.

Дворяне умудрялись представить даже эту борьбу, какъ борьбу между конституціоналистами-демократами и октябристами. За рѣшающій голосъ высказалось 15 голосовъ, за совѣщательный—30, причемъ часть правыхъ требовала даже, чтобы представители мелкой единицы совсѣмъ не допускались, что, конечно, было уже черезчуръ даже для гг. Уваровыхъ.

— Нужно, чтобы мелкая единица вошла въ колею земской жизни,—извивался графъ.—Но было бы гораздо осторожнѣе допустить пока съ совѣщательнымъ голосомъ. Пусть привыкнутъ, воспитаются [1]...

Такъ дворяне выражали свое уваженіе передъ земствомъ, сорокъ лѣтъ съ честью исполнявшимъ свои обязанности, поучая тѣхъ, съ кѣмъ они, по собственному признанію, вели вчера еще борьбу, но кто теперь почему-то стремится угодить.. эс-эрамъ, кадетамъ и польской интригѣ. Такъ, среди общаго гвалта и визга, были приняты въ исправленномъ и разъясненномъ видѣ предложенные совѣтомъ пункты. Казалось бы, чего еще бояться гг. дворянамъ послѣ всего этого... шума? Такъ нѣтъ же, и эти

[1]) „Рѣчь", отъ 30 августа.

поправки и оговорки не удовлетворили г. Касаткина.—Если и вводить,—уступалъ князь,—то уже никакъ не по приказанію петербургскихъ канцелярій.

— Способы Аракчеева надо оставить,—развязно доказывалъ делегатъ Марковъ,—довольно ужъ командовали петербургскія канцеляріи. Мы предлагаемъ факультативность во имя самыхъ либеральныхъ началъ. Эта система примѣнялась съ успѣхомъ въ американскихъ штатахъ. А я думаю не плохо походить намъ на американскіе штаты [1]).

По обыкновенію, поднялся гвалтъ, и гг. Касаткины-Марковы побѣдили. Факультативность прошла, и дворяне разъѣхались домой. Если же принять во вниманіе, что дворяне вопроса о мѣстной реформѣ, какъ таковой, т. е. реформы земскаго положенія, не касались, совершенно правильно полагая, что ничего выгоднѣе этого самаго положенія, отдающаго въ руки дворянства все мѣстное общественное хозяйство, для нихъ быть не можетъ, то, очевидно, ставя вопросъ о введеніи мелкой земской единицы отъ усмотрѣнія того или иного земства, они тѣмъ самымъ хоронили вопросъ въ гостепріимныхъ залахъ Славянскаго Базара.

VI.

Такъ идутъ гг. дворяне законодательствовать въ третью Думу, такъ открываютъ свои карты передъ избирателями, безсильные хоть чисто внѣшнимъ образомъ маскировать ту черную накипь, которая является источникомъ всего этого ненавистничества. Да, это торжество безъ побѣдителей обошлось уже безъ той приподнятости духа, безъ того показного сіянія, съ которыми дворяне разъѣзжались съ іюньскаго съѣзда. Даже г. Родзянко въ концѣ сурово заявилъ, что онъ раньше, какъ предсѣдатель, не могъ высказать своего мнѣнія, но сейчасъ долженъ признаться, что постановленіе съѣзда о факультативности мелкой земской единицы онъ считаетъ негосударственнымъ.

Тѣмъ болѣе знаменательна та позиція, которую заняла по отношенію къ съѣзду правящая бюрократія. Самые реакціонные органы печати отнеслись къ съѣзду съ неменьшимъ осужденіемъ, чѣмъ къ съѣзду іюньскому. Даже „Свѣтъ" осудилъ отношеніе зубровъ къ мелкой земской единицѣ, подчеркнувъ, что то, о чемъ говорили они, отнюдь не есть та „ячейка государственнаго быта", которая въ хозяйственно-политической жизни есть то же, что въ живой рѣчи буква А [2]). „Слово" назвало участниковъ съѣзда слѣпыми защитниками сословныхъ интересовъ, которые вмѣсто того, чтобы прислушаться къ историческому ходу событій, всѣ четыре дня только и дѣлали, что занимались недостойными нападками на

---

[1]) „Товарищъ", отъ 31 августа.

[2]) „Свѣтъ", 30 августа „Слово", отъ 30 августа.

русскій народъ, объясняя это тѣмъ, что еще недавно революціонно настроенные земцы, напуганные революціей, рѣзко метнулись вправо. „Новое Время“ изображало яркими красками всю нелѣпую дикость собравшихся дворянъ. Правда, мнѣніе „Новаго Времени“ затѣмъ рѣзко измѣнилось.

Но объясняется это очень просто. Не успѣли земцы разъѣхаться на выборы, какъ „Россія“ заявила, что непринятіе съѣздомъ правительственнаго законопроекта ничуть не обижаетъ правительство, такъ какъ правительство всегда радо серьезной общественной критикѣ, что голоса о факультативности мелкой земской единицы заслуживаютъ столь значительнаго вниманія, что нельзя не пожелать всякаго успѣха съѣзду и развитію такихъ съѣздовъ въ будущемъ...

Вотъ вамъ и надежды, которыя будто бы питали „нѣкоторыя сферы“...

Такимъ образомъ, правительство отказывается отъ своего проекта, внесеннаго въ Думу, съ неменьшимъ достоинствомъ, чѣмъ совѣтъ съѣзда отказался отъ своего. Но тогда зачѣмъ было читать поученіе земцамъ передъ съѣздомъ? Или его вовсе и не было? Или 40 человѣкъ, принимавшихъ постановленія съѣзда, это дѣйствительно все земство, вся будущая Дума? Попробуйте разобраться...

Первые шаги избирательной кампаніи.

I.

Третья выборная кампанія въ своей первой стадіи уже въ разгарѣ. Начавшись въ первыхъ числахъ сентября, избраніе уполномоченныхъ хотя и продлится до конца мѣсяца, но въ большинствѣ губерній съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ, съѣзды уполномоченныхъ отъ волостей и собранія рабочихъ уже состоялись въ праздничные дни первой половины мѣсяца. Вторая стадія выборовъ, избраніе выборщиковъ, назначена на вторую половину сентября, и большая часть съѣздовъ состоится опять-таки въ праздничные дни. Такимъ образомъ, какихъ нибудь три-четыре недѣли отдѣляютъ насъ отъ выборовъ въ городахъ съ отдѣльнымъ представительствомъ, сосредоточивающихъ въ себѣ такія важныя партійныя силы, съ одной стороны, наиболѣе сознательныя массы—съ другой, привлекающихъ къ себѣ, конечно, больше всего вниманія въ избирательной кампаніи.

Новые выборы! Съ какимъ трепетомъ ждали ихъ тысячи людей, проливая кровь, перенося нечеловѣческія страданія передъ первой, даже передъ второй Думой; какъ сумрачно, вяло, нерѣшительно проходятъ они теперь! Присматриваясь къ психологіи этихъ избирательныхъ опытовъ, вы не можете отдѣлаться прежде всего отъ бьющаго въ глаза впечатлѣнія, которое они производятъ своей трагической судьбой: организуются участковыя, городскія, губернскія, уѣздныя бюро, выпускаются листки, дѣлаются даже шаги къ легализаціи, но во всемъ этомъ не чувствуется той вѣры, которая на нашихъ глазахъ ворочала горами, вѣры избирателя, что т.,

что онъ сейчасъ дѣлаетъ, имѣетъ хотя бы то значеніе, какое имѣли первая или вторая избирательная кампанія.

Законъ 3 іюня—это предѣлъ, который не прейдеши. Многіе были увѣрены, что и первая Дума будетъ черносотенной, что истинно-русскимъ элементамъ удастся подтасовать выборы безъ труда. Еще рѣзче, благодаря сенатскимъ разъясненіямъ, сократившимъ лѣваго избирателя наполовину, возгорѣлись споры о черносотенной опасности во время второй избирательной кампаніи. Но тогда можно было хоть спорить по существу. Недаромъ жизнь сумѣла показать, насколько одного истинно-русскаго пыла недостаточно, когда наши „патреоты", идя вразрѣзъ съ кричащими запросами жизни, до такой степени обнаружили свое убожество, что имъ пришлось одно изъ двухъ—или пристать къ чужому пиру, или превратиться въ заговорщическія организаціи. Совсѣмъ иное сейчасъ, послѣ закона 3 іюня, въ силу котораго ни у кого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что хозяевами Думы будетъ эта категорія людей. Достаточно крестьянину или рабочему дойти до уѣздныхъ избирательныхъ собраній, чтобы понять, въ какой степени ихъ шансы попасть въ губернское собраніе или тѣмъ болѣе въ Думу ничтожны по сравненію съ шансами землевладѣльца. Теперь выборщики крестьянской и рабочей куріи не составляютъ уже большинства ни въ одной губерніи. Правда, крестьянскіе и рабочіе выборщики все же имѣютъ извѣстное значеніе въ губернскихъ собраніяхъ, такъ какъ опредѣляютъ собой составъ 59 членовъ Государственной Думы, избирающихся изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ крестьянъ и рабочихъ. Но значеніе это такъ мизерно. Новый избирательный законъ не допускаетъ даже обновленія волостныхъ сходовъ спеціально для избирательныхъ цѣлей,—право, которымъ волостные сходы до сихъ поръ безпрепятственно пользовались въ своихъ цѣляхъ.

Такимъ образомъ, если успѣхъ правыхъ кандидатовъ обезпеченъ самимъ закономъ, то положеніе сколько-нибудь оппозиціонныхъ избирателей весьма затруднено. Разумѣется, русской оппозиція не привыкать стать къ рогаткамъ. Не было того усилія, которое враги свободы не сдѣлали въ первый думскій періодъ, чтобы истощить энергію этой оппозиціи; не было тѣхъ шиповъ, которыми не былъ усыпанъ ихъ путь во вторую Думу. Но дѣло въ томъ, что сейчасъ эти затрудненія рѣзче, чѣмъ когда бы то ни было, отразились на настроеніи избирателя.

Между тѣмъ Дума, даже вопреки закону 3 іюня, по которому она созывается сейчасъ, въ противоположность прежнимъ, все же остается органомъ борьбы съ бюрократіей; задача, стоящая передъ сознательными кругами во всей ея сложности и необходимости, и теперь сводится къ тому, чтобы не дать г. Столыпину осуществить тѣ замыслы, которые онъ питалъ еще передъ второй Думой [1]).

[1]) Если бы... „монархическимъ партіямъ удалось сплотить вокругъ

II.

Прежде всего, на что можно было бы надѣяться, это хоть на какую-нибудь свободу предвыборной агитаціи. Недаромъ говорятъ, что сытый никогда такъ не бываетъ великодушенъ, какъ тогда, когда ему кажется, что ему не грозитъ никакой потери отъ его великодушія. Но въ томъ-то и дѣло, что объ этой предвыборной свободѣ можно сейчасъ говорить менѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

На первый взглядъ мы дѣйствительно видимъ нѣчто вродѣ подобнаго рода великодушія. Такъ, опубликованная новая инструкція, опредѣлявшая сперва порядокъ выборовъ въ городахъ, выбирающихъ выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія, затѣмъ пяти большихъ городовъ, выбирающихъ депутатовъ прямо, посягнула на тотъ параграфъ изданной наканунѣ второй Думы инструкціи, который объявлялъ недѣйствительными бланки избирательныхъ записокъ, изготовленные помимо управъ, причемъ выдавать эти бланки разрѣшилъ „только распорядителямъ и правленіямъ тѣхъ преслѣдующихъ политическія цѣли обществъ и союзовъ“, которые утверждены соотвѣтствующимъ начальствомъ. Это распоряженіе, направленное, конечно, противъ всѣхъ партій, кромѣ партій г. Крушевана и г. Гучкова, чрезвычайно усложнило порядокъ подачи оппозиціонныхъ записокъ. Потребовалась особая затрата энергіи для того, чтобы приспособиться. И вотъ послѣ закона 3 іюня, за которымъ бюрократія себя чувствуетъ, наконецъ, въ безопасности, упраздняетъ требованіе подачи бюллетеней, заготовляемыхъ управами. Избирательная записка должна представлять изъ себя просто листъ бумаги, и необходимо лишь, чтобы на немъ не было помарокъ и исправленій. Такое же значеніе имѣетъ отмѣняемый инструкціей подсчетъ голосовъ по купонамъ, отдѣляемымъ отъ записокъ, вмѣсто устанавливаемаго закономъ подсчета по карточкамъ съ числомъ получаемыхъ кандидатомъ голосовъ. Прежняя инструкція такъ и говоритъ, что „порядокъ подсчета голосовъ, установленный настоящей статьей инструкціи, замѣняетъ собой подсчетъ посредствомъ особыхъ карточекъ, предусмотрѣнный 6 ст. 10 прил. къ ст. 38 полож.“. Теперь это явно незаконное нарушеніе тоже отмѣнено. Такимъ образомъ, бюрократія, повидимому, того мнѣнія, что избирательный законъ такъ много сдѣлалъ для „непобѣдимости“ своихъ ставленниковъ, что она не безъ грѣха можетъ уравнять ихъ въ самой процедурѣ выборовъ съ оппозиціей.

Однако, достаточно взглянуть на другія условія, въ которыя бюрократія и ея слуги ставятъ выборы, чтобы увидѣть, что въ интересахъ

себя народныя массы и составить большинство въ Государственной Думѣ“, то „къ измѣненію основныхъ законовъ въ духѣ установленія освященной вѣками государственной идеи русскаго народа врядъ ли встрѣтилось бы препятствіе“.

агитація они не только не улучшились, но ухудшились. Начать хотя бы съ собраній. Въ первой и второй выборной кампаніяхъ собранія устраивались по правиламъ 4 марта 1906 г. и спеціально на основаніи избирательнаго закона. Какова бы ни была „злонамѣренная, хотя и не поддающаяся подведенію подъ постановленія уголовнаго закона политическая дѣятельность“, которая висѣла дамокловымъ мечомъ надъ первыми или „нежелательныя послѣдствія нарушенія общественной тишины и спокойствія“ вторыхъ, все-таки въ первую избирательную кампанію и тѣхъ и другихъ было немало; всѣ партіи развертывали на нихъ свои лозунги, воспитывая массоваго избирателя, поднимая его настроеніе. Но уже во вторую избирательную кампанію мы не видимъ собраній на основаніи избирательнаго закона. Пользуясь тѣмъ, что право входа на такія собранія имѣютъ только избиратели, полиція не только лишала ихъ лучшихъ силъ, но нерѣдко тратила столько времени на провѣрку полномочій, что на самый обмѣнъ мнѣніями оставалось очень мало времени. Теперь и законъ 4 марта не измѣненъ, и правила о предвыборныхъ собраніяхъ входятъ въ новый избирательный законъ, но мы видимъ уже такого рода нововведеніе: прежде для закрытія собранія требовалось троекратное предупрежденіе, теперь—безъ всякаго. Мало того, даже помимо этого нововведенія чувствуется осязательная перемѣна. Такъ, на 15 сентября въ Соляномъ Городкѣ предполагалось первое кадетское собраніе: Всѣ требованія закона 4 марта были соблюдены: была оповѣщена полиція, были розданы повѣстки, устроитель выступалъ не какъ членъ партіи, а какъ частное лицо—и вопреки всему этому въ послѣдній моментъ оказалось, что собраніе не разрѣшено [1]). Изъ этого очевидно, какъ бюрократія намѣрена относиться ко всякаго рода предвыборнымъ собраніямъ сейчасъ. По приказу с.-петербургскаго градоначальника о предвыборныхъ собраніяхъ, изданному по полиціи 14 сентября, подготовительныя собранія избирателей могутъ быть закрыты въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда собраніе явно отклонится отъ предмета его занятій; 2) когда въ собраніи высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населеніе противъ другой; 3) когда въ собраніи производятся неразрѣшенные денежные сборы; 4) когда въ немъ оказываются лица, въ собраніи не допускаемыя, и лица эти не покинутъ собранія или не будутъ лично удалены и 5) когда нарушенъ порядокъ собранія мятежными возгласами либо заявленіями, восхваленіемъ либо оправданіемъ преступленій, возбужденіемъ къ насилію либо неповиновенію властямъ, или же распространеніемъ преступныхъ воззваній либо изданій и вслѣдствіе того собраніе приняло характеръ, угрожающій общественному спокойствію и безопасности. Можно себѣ представить, какъ будутъ проходить тѣ собранія, которыя будутъ разрѣшены,

---

[1]) „Товарищъ“, отъ 16 сентября.

если даже предупрежденія не требуется, чтобы по всякому такому поводу—исключительно по усмотрѣнію пристава—закрыть собраніе, не говоря уже о томъ, что на командируемыхъ на собранія чиновъ полиціи возлагается наблюденіе и за тѣмъ, чтобы число лицъ, допущенныхъ въ собраніе, соотвѣтствовало въ „техническомъ отношеніи" помѣщенію въ цѣляхъ... „охраненія безопасности собравшихся" [1]).

Не менѣе характерна та предупредительность, съ которой бюрократія собирается охранять собранія тѣхъ, для кого написанъ избирательный законъ. Опасаясь, какъ бы „нѣкоторые изъ *противо*правительственныхъ партій" не стали мѣшать дѣлать свое дѣло гг. участникамъ московскихъ земскихъ съѣздовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ издаетъ циркуляръ, въ которомъ предписываетъ губернаторамъ и градоначальникамъ строго слѣдить, чтобы эти элементы не нарушали „обезпеченіе порядка" при выборахъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ производства, охраняя отъ нихъ всѣми мѣрами учрежденія, въ которыхъ будутъ храниться избирательные списки, даже „при отсутствіи формальныхъ для сего данныхъ" налагать на виновныхъ соотвѣтствующія взысканія въ административномъ порядкѣ или смотря по обстоятельствамъ дѣла „возбуждать переписку по охранѣ" [2]).

Но давленіе не было бы еще такъ остро, если бы оно исходило исключительно изъ сферъ полицейскихъ. Давно извѣстно, что реакція—факторъ не чисто-политическій. Въ ней одинаково повинны и тѣ слои, которые въ началѣ примкнули къ движенію и лишь затѣмъ, выяснивъ себѣ положеніе вещей, повернули назадъ. Если это вѣрно вообще, то тѣмъ болѣе по отношенію къ данному моменту. Не далѣе, какъ 27 августа совѣтъ петербургскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ разослалъ всѣмъ членамъ общества циркуляръ, въ которомъ напоминаетъ имъ, что 1) согласно правиламъ внутренняго распорядка рабочіе могутъ остаться на фабрикахъ и заводахъ исключительно лишь въ рабочее время для исполненія возложенныхъ на нихъ договоромъ найма обязанностей, а потому никакія сборища и митинги, въ томъ числѣ и предвыборныя собранія, не могутъ производиться въ фабрично-заводскихъ помѣщеніяхъ; 2) что такія собранія воспрещены постановленіемъ градоначальника отъ 1-го марта с. г. 3) и что, если несмотря на принятыя заводской администраціей и полиціей мѣры, противозаконныя собранія на фабрикахъ и заводахъ будутъ продолжаться, то, помимо привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, означенныя предпріятія будутъ закрываться г. градоначальникомъ въ установленномъ закономъ порядкѣ [3]).

Роль отцовъ церкви въ качествѣ исполнителей этого рода предначертаній пользуется не меньшей извѣстностью. Такъ, преосвященный Михаилъ,

---

1) „Товарищъ", отъ 15 сентября.
2) „Товарищъ", отъ 28 августа.
3) „Товарищъ", отъ 2 сентября.

епископъ минскій и туровскій, еще въ прошлой предвыборной кампаніи разослалъ по епархіи рядъ циркуляровъ о томъ, чтобы священники не смѣли агитировать ни за кого, кромѣ кандидатовъ союза русскаго народа. Теперь епископъ подтвердилъ эти циркуляры, указавъ своимъ подчиненнымъ, что онъ теперь самъ сталъ во главѣ союзническаго комитета. Конечно, священникамъ, находящимся въ полной зависимости отъ преосвященнаго, ничего не осталось, какъ заняться агитаціей за союзъ русскаго народа. „Кіев. Вѣстн." напечаталъ аналогичный документъ, относящійся къ каневскому уѣзду. Одинъ изъ благочинныхъ этого уѣзда разсылалъ подвѣдомственнымъ священникамъ листки кіевскаго русскаго избирательнаго комитета съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ политическаго характера, касающихся лицъ, избранныхъ въ уполномоченные отъ волостей, и требовалъ, чтобы на слѣдующій послѣ выборовъ день каждый изъ нихъ отсылалъ ему этотъ листокъ обратно съ отвѣтами, секретнымъ образомъ, для передачи русскому избирательному комитету [1]).

Очевидно, говорить при такихъ условіяхъ о какой бы то ни было свободѣ агитаціи не придется. Какъ ни цѣнить значеніе даже будущей Думы, какъ политическаго центра,—не говоря уже о возбуждающей роли всякой избирательной кампаніи,—ждать съ этой стороны какого-либо воздѣйствія трудно по той простой причинѣ, что право собраній будетъ почти совсѣмъ упразднено. Вѣдь безгласность всегда была неизбѣжнымъ союзникомъ враговъ свободы. Пусть, теряя вѣру въ будущую Думу, широкіе слои населенія теряютъ тѣмъ самымъ вѣру въ самые легальные способы борьбы вообще,—бюрократіи до этого никакого дѣла нѣтъ, пока она осуществляетъ волю тѣхъ классовъ населенія, которые толкуютъ это явленіе, наоборотъ, какъ желаніе вернуться къ самодержавію, какъ прямое разочарованіе въ живыхъ устояхъ западно-европейскаго парламентаризма...

III.

Собственно говоря, уже въ партійныхъ кругахъ не замѣчается ни обновленія, ни особаго интереса къ результатамъ выборовъ, какой былъ въ прошлой кампаніи. Такъ же, какъ въ прошлой кампаніи партіи ищутъ тѣхъ, кого сенатъ еще не разъяснилъ, на тѣ же темы ведутся споры, въ тѣхъ же рамкахъ намѣчается группировка политическихъ партій. Но въ томъ-то и дѣло, что партійные руководители чувствуютъ себя какъ бы вождями безъ армій. Настоящее положеніе является характернымъ образчикомъ того, какъ безсильны руководящія ячейки, когда самыя массы, которыми они питаются, лишаются прежней эластичности.

Для того, чтобы убѣдиться, насколько это дѣйствительно такъ, при-

---

[1]) „Рѣчь", 25 августа.

смотритесь прежде всего къ тому, что дѣлается въ партійныхъ сферахъ. Вотъ ихъ характеристика: мы видимъ прежнюю идейную высоту въ полномъ смыслѣ, но въ то же время партійной дѣятельности мало.

Благодаря избирательному закону, перетасовавшему шансы разныхъ партій, съ одной стороны, общему пониженію настроенія—съ другой, казалось, въ руководящихъ общественныхъ кругахъ заговорятъ такъ, какъ говорили въ блаженной памяти дооктябрскіе дни, когда еще вѣрили, что свобода нужна одинаково и рабочему, и собственнику всякаго рода орудій производства, и крестьянину, и помѣщику, что врагъ пока что одинъ, а потому единственно, что въ данный моментъ необходимо,—это не разрывать силъ, которыя могутъ быть использованы въ общихъ интересахъ. Разумѣется, послѣ событій, свидѣтелями которыхъ мы являемся вотъ уже два года—съ октября 1905 г. по октябрь 1907 г.,—такъ разсуждать не станутъ даже бывшіе освобожденцы, въ свое время столько копій сломавшіе на этой почвѣ въ борьбѣ съ соціалъ-демократами, но, во всякомъ случаѣ, можно было опасаться, что на этотъ разъ все, что есть лѣваго въ странѣ, заговоритъ о „революціонномъ ядрѣ" для борьбы съ черносотенной опасностью еще утопичнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ. Тѣмъ больше основаній было опасаться, что кругъ вліянія союза русскаго народа сравнительно съ прошлой кампаніей, безъ сомнѣнія, расширится: къ нимъ то здѣсь, то тамъ примыкаютъ октябристы, эти рыцари печальнаго образа, у которыхъ еще во второй избирательной кампаніи хватало брезгливости для того, чтобы сторониться отъ гг. Пуришкевича и Крушевана.

Правда, петербургскій совѣтъ союза 17 октября опубликовалъ воззваніе, въ которомъ указывается, что онъ, „одинъ только" стоявшій всегда „на почвѣ великаго манифеста", на предстоящихъ выборахъ будетъ идти совершенно самостоятельно какъ на первой, такъ и на второй куріи. Но не то всюду и вездѣ. Прежде всего послѣднее время состоялся рядъ конференцій умѣренныхъ и правыхъ октябристовъ съ лидерами съѣзда русскаго народа, ставившихъ себѣ спеціальной задачей подготовить почву для соглашенія, да и въ самомъ Петербургѣ среди октябристовъ возникли сомнѣнія въ возможности успѣха по первой и второй городскимъ куріямъ при самостоятельномъ спискѣ, и нѣкоторые лидеры настаиваютъ на соглашеніяхъ съ ...„безпартійными" [1]). Но то, что въ Петербургѣ еще подъ вопросомъ, давно рѣшено провинціальными комитетами. Тамъ даже не союзники идутъ навстрѣчу октябристамъ, а наоборотъ. Союзники съ пѣною у рта накидываются на тѣхъ „тайныхъ" монархистовъ, которые „по недоразумѣнію" записались въ октябристы, доказывая, что этому „маскараду" пора положить конецъ. „Долой всякія недоразумѣнія! Карты на столъ!—вопитъ г. Грингмутъ.—Кто противъ конституціи, тотъ долженъ прямо на-

[1]) „Товарищъ" отъ 18 сентября.

звать себя монархистомъ и записаться въ ряды союза русскаго народа или одной изъ прочихъ организацій; когда онъ будетъ нашъ, и мы за него можемъ подавать голоса свои. А тотъ, кто за „конституцію“, тотъ никогда нашимъ не будетъ, ибо быть въ одно и то же время конституціоналистомъ и стоять за неограниченное царское самодержавіе невозможно“. Такъ встрѣчаютъ союзники гг. октябристовъ. И у гг. октябристовъ пока что лишь въ одномъ мѣстѣ хватило смѣлости обидѣться. Сплошь же и рядомъ они дѣлаютъ въ провинціи всевозможныя уступки для того, чтобы соглашеніе состоялось. Вмѣсто тѣхъ пышныхъ фразъ по адресу союза русскаго народа, какія находили октябристы въ своихъ словесныхъ запасахъ на собраніяхъ прежнихъ избирательныхъ кампаній, когда достаточно было явиться на нихъ сколько-нибудь приличному конституціоналисту для того, чтобы ихъ лидеры потеряли въ значительной степени свой авторитетъ, они теперь устами своего оффиціальнаго „Голоса Москвы“ оправдываются тѣмъ, что провинціальные комитеты будто бы въ большинствѣ случаевъ вступаютъ въ соглашеніе съ монархическими партіями другого типа, чѣмъ союзъ русскаго народа, тѣмъ самымъ не нарушая того постановленія, которое было сдѣлано по отношенію къ послѣднему раньше. Но во-первыхъ, постановленіе касалось союза русскаго народа, не какъ таковаго, а какъ представителя опредѣленныхъ политическихъ тенденцій, имѣющихъ одинаково мѣсто во всѣхъ монархическихъ партіяхъ, ставящихъ своей задачей возстановленіе во всей полнотѣ традиціоннаго россійскаго самодержавія, то, что въ своей основѣ отрицаютъ партіи, стоящія „на почвѣ великаго манифеста“; во-вторыхъ, дѣло не въ постановленіяхъ, какъ, вообще, не въ томъ, что партія говоритъ о себѣ, а въ томъ, что она дѣлаетъ. А дѣлаютъ октябристы пока что и на съѣздахъ [1]), и на выборахъ то же, что дѣлаютъ истинно-русскіе люди. Если же принять во вниманіе, что нѣтъ такой организаціи, которая при извѣстныхъ условіяхъ не могла бы, вопреки внутреннему безсилію, пріобрѣсти всѣ данныя для видимаго успѣха, то нельзя не сказать, что нынѣшняя черносотенная опасность значительно выше, чѣмъ въ прошлой кампаніи.

Тѣмъ не менѣе, если вы обратитесь къ лѣвымъ партіямъ, то вы почти никакой перемѣны не замѣчаете въ смыслѣ принципіальной постановки вопроса: такъ же, какъ въ прошлый разъ, каждая партія оберегаетъ свою самостоятельность, если же вступаетъ въ соглашеніе для общей борьбы съ этой черносотенной опасностью, то лишь въ узкихъ предѣлахъ и лишь въ технической формѣ.

Нѣкоторые элементы склонны до сихъ поръ наивысшую принципіальность видѣть въ бойкотистской тактикѣ. Но надо ли говорить о подобной „чистотѣ“, являющейся, какъ мы уже говорили въ августовской книжкѣ [2]),

[1]) Ср. общеземскіе съѣзды въ „Славянскомъ Базарѣ.“

[2]) „Послѣ роспуска“. Августъ. 1907 г.

оборотной стороной упадка настроенія? Да и сама жизнь уже отвѣтила на этотъ разъ, какъ и раньше, такъ какъ бойкотировали выборы одни соціалисты-революціонеры. Правда, какъ показали партійныя предвыборныя конференціи, бойкотировали Думу и часть большевиковъ-соціалъ-демократовъ, и передъ партіей сталъ вопросъ, какъ быть на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ идея бойкота встрѣтитъ сочувствіе среди большинства рабочихъ на данномъ предпріятіи—должно ли соціалъ-демократическое меньшинство подчиниться рѣшенію большинства и не участвовать въ выборахъ, или оно не должно считаться съ этимъ рѣшеніемъ? Но центральный комитетъ партіи, разбирая этотъ вопросъ, высказался противъ рѣшенія подчиненія большинству, принятаго петербургской общегородской соціалъ-демократической конференціей. Принимая во вниманіе, 1) что соціалъ-демократія, какъ политическая партія, не можетъ въ своихъ дѣйствіяхъ быть зависимой отъ рѣшенія другихъ политическихъ партій или внѣпартійныхъ; 2) что соціалъ-демократія всегда и вездѣ выступала, какъ единое цѣлое, сообразуясь только съ рѣшеніемъ своей партіи, центральный комитетъ постановилъ, что на тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ большинство выскажется за бойкотъ, члены партіи обязаны агитировать за то, чтобы меньшинство проводило выборы и участвовало въ нихъ, выпустивъ особую декларацію по этому вопросу [1]). При такихъ условіяхъ видѣть чистоту принципа въ проповѣди бойкота могутъ только соціалисты-революціонеры, да и то часть, такъ какъ изъ газетъ уже извѣстно, какой переполохъ въ ихъ рядахъ производитъ участіе въ выборахъ цѣлаго ряда „сочувствующихъ“ лицъ. Очевидно, сейчасъ, принципіальная выдержанность можетъ заключаться лишь въ одномъ—въ стремленіи не промѣнять золотую голову на копеечные иголки. Эту принципіальность—вопреки истерическимъ воплямъ гг. бойкотистовъ о той двусмысленности, какая будто бы царитъ въ партіяхъ—мы на самомъ дѣлѣ видимъ и сейчасъ.

Соціалъ-демократическая партія постановила на первой стадіи ни въ какія соглашенія не вступать, лишь въ случаѣ перебаллотировокъ блокируясь съ партіями лѣвѣе кадетовъ. Только на второй стадіи допускаются соглашенія и съ кадетами. Народные соціалисты остановились на слѣдующей формулѣ: 1) соглашеніе на первоначальныхъ выборахъ при прямой подачѣ голосовъ и на первой стадіи при многостепенныхъ выборахъ допускаются лишь съ соціалистическими партіями и трудовыми организаціями; 2) соглашенія на дальнѣйшихъ стадіяхъ и при перебаллотировкахъ, а также поддержка чужихъ кандидатовъ внѣ какихъ-либо соглашеній, допускаются по отношенію къ тѣмъ лишь партіямъ и организаціямъ, которыя не стоятъ правѣе конституціонно-демократической партіи. Эта резолюція отдаетъ идеей такъ называемаго „революціоннаго ядра“, которая легла въ основу феврал-

---

[1]) „Товарищъ“, отъ 13 сентября.

скаго лѣваго блока. Въ Москвѣ даже, по сообщенію „Русскихъ Вѣдомостей“, уже образовался лѣвый блокъ. Но во-первыхъ, лѣвый блокъ въ Москвѣ отнюдь не то, что лѣвый блокъ въ Петербургѣ, такъ какъ тамъ изъ лѣвыхъ партій сильна одна соціалъ-демократія; народные соціалисты же и трудовики отсутствуютъ. Во-вторыхъ, въ условіяхъ нынѣшней выборной кампаніи такіе блоки не имѣютъ той почвы подъ собой, какую они имѣли въ прошлый разъ. Рѣшили дѣйствовать самостоятельно, разумѣется, и кадеты.

Такимъ образомъ, идейнаго разброда сравнительно съ прошлымъ годомъ нѣтъ. Но тѣмъ рѣзче бросается въ глаза партійный индифферентизмъ. Отовсюду идутъ аналогичныя извѣстія. Еще недавно бакинскій корреспондентъ констатировалъ, что агитаціонныхъ проявленій не замѣчается ни въ одной изъ бакинскихъ партій, что даже кадеты, все же полулегальные дѣятели, обнаруживаютъ политическую апатію. То же писали изъ другихъ мѣстъ. „Избирательная кампанія въ третью Думу,— писали изъ Донской области,— ведется при небываломъ затишьи въ партіяхъ, какъ въ Новочеркаскѣ, такъ и въ Ростовѣ, Александровско-Грушевкѣ и по станицамъ“ [1]). Въ Одессѣ партіи опустили руки: „ни рабочая организація, ни к.-д. партія, ни еврейскія партіи пока не проявляютъ дѣятельности“ [2]). Тѣ же свѣдѣнія шли изъ Вологды, Елизаветграда, Бузулука, Борисова, Пензы, Бессарабіи. Партійныя группы бездѣйствуютъ—даже „до сего времени неутомимая партія народной свободы“,—какъ говорится въ одной изъ корреспонденцій,—не проявляетъ никакой дѣятельности, не ведетъ никакой агитаціи; партій какъ будто нѣтъ никакихъ—вотъ общій тонъ этихъ корреспонденцій. Если такъ было въ іюлѣ — августѣ, то не лучше обстоитъ дѣло теперь. Партіи даже не пытаются организовать собранія, развертывать свои лозунги, не пытаются вести борьбу за это завоеванное право.

IV.

Іудушки всѣхъ сортовъ торжествуютъ, забѣгая впередъ, чтобы повилять хвостомъ передъ тѣми, отъ кого зависитъ ихъ благополучіе. Никакихъ революціонеровъ не должно быть въ „парламентѣ“,—надрывается Меньшиковъ,—безусловно никакихъ. Онъ предлагаетъ ихъ немедленно лишать депутатскихъ полномочій и арестовывать, такъ какъ, разумѣется, это они будутъ лишь исключеніями. Еще бы!

Гг. бойкотисты склонны думать, что агитація бойкота никогда еще не имѣла такого успѣха, какъ въ эту кампанію. Если бы это дѣйствительно было такъ, то какъ ни оцѣнивать принципъ бойкота, нельзя не признать, что мы были бы свидѣтелями болѣе отрадной картины. Но въ томъ-то и

[1]) „Товарищъ“, отъ 15 іюля.

[2]) „Рѣчь“, отъ 17 іюля.

дѣло, что бойкотисты глубоко ошибаются, видя активное настроеніе тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, кромѣ апатіи. Разумѣется, нѣтъ правилъ безъ исключенія. Такъ, напр., объяснилъ несостоявшіеся выборы уполномоченныхъ владѣльцевъ „иныхъ, кромѣ земель, недвижимыхъ имуществъ“, назначенные на 3 сентября въ Бессарабіи корреспондентъ „Бессарабской Жизни“. „Характерно,—писалъ онъ,—что изъ тысячи избирателей, живущихъ въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстечкахъ, на предварительный съѣздъ не прибылъ ни одинъ человѣкъ. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Неужели тысяча человѣкъ этой искусственно созданной по волѣ бюрократіи куріи одинаково мыслятъ, одинаково понимаютъ безцѣльность своего участія въ выборахъ? Точно всѣ сговорились объявить протестъ бюрократіи по поводу выдуманнаго закона 3 іюля, по поводу искусственнаго расчлененія избирателей по категоріямъ, по рангамъ. Да, этотъ протестъ въ нашемъ небольшомъ муравейникѣ очень внушителенъ и можетъ хоть кого къ смущенію привести. Не нужно было никакой агитаціи бойкотистовъ, не нужно было никакого обмѣна мнѣній для того, чтобы цѣлая курія въ полномъ составѣ, какъ одинъ человѣкъ, устроила внушительную демонстрацію своей поголовной неявкой на выборы“ [1]). Значеніе этой демонстраціи, быть можетъ, тѣмъ реальнѣе, что это явленіе замѣчается, какъ передаетъ „Б. Ж.“, и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ. Но достаточно бѣглаго взгляда, чтобы увидѣть, насколько эти демонстраціи единичны, насколько, наоборотъ, въ основѣ абсентеизма, составляющаго столь характерную черту начавшейся избирательной кампаніи, лежитъ политическая апатія.

Я только что охарактеризовалъ съ этой стороны наши политическія партіи. Кажется, достаточно опустились онѣ сравнительно съ тѣмъ, что было въ первой или второй кампаніи. И вотъ даже съ этими остатками активности чувствуется разладъ у массоваго избирателя, даже эти еле-еле влачащія свое существованіе организаціи являются идеаломъ активности сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ на широкихъ дорогахъ. Вотъ образчики. Въ Саратовѣ иной разъ освѣдомится одинъ обыватель у другого: „какъ дѣло насчетъ выборовъ?“, тотъ обыкновенно отвѣтитъ: „а, право не знаю, кажется, кадеты чего-то хотятъ“, да на томъ и разойдутся.— Эс-эры рѣшили бойкотировать выборы,—сообщаютъ послѣднюю политическую новость.—Ну, что жъ!—рѣшаетъ обыватель,—по нынѣшнимъ временамъ это имъ равно ничего не стоитъ; очень просто.—Эс-деки принимаютъ участіе, не входя ни въ какіе блоки.—„Какіе тутъ блоки!“, машетъ рукой обыватель, вспоминая распредѣленіе числа выборщиковъ отъ разныхъ курій. И если онъ все-таки идетъ на избирательныя собранія, то во-первыхъ, довольно туго, и, во-вторыхъ, въ значительной своей части больше ради

---

[1]) „Товарищъ“, отъ 9 сентября.

любознательности: какъ, дескать, это у нихъ выйдетъ"[1])... Подготовительныя собранія, насколько и удается ихъ устраивать, представляютъ картину весьма жалкую, такъ какъ являются, главнымъ образомъ, лица, такъ сказать, профессіонально-политическаго склада. Массовый же избиратель блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Въ Шуѣ рядомъ съ выборами всюду шла... поголовная попойка. Предвыборныя собранія, хотя и были разрѣшены, не могли состояться, такъ какъ собиралось не больше 10 человѣкъ да и то подъ давленіемъ соціалъ-демократовъ, которые встрѣтили серьезное противодѣйствіе[2]). Въ Петербургѣ собранія представителей отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ, вопреки постановленію ц.-к. партіи— выяснили, что рабочіе въ огромномъ большинствѣ относятся крайне индифферентно къ выборамъ. Еще рельефнѣе данныя самой выборной процедуры. Достаточно заглянуть въ любой перечень несостоявшихся за день выборовъ, чтобы стало ясно, что это за индифферентизмъ. Вотъ, напр., 19 сентября: выборы не состоялись за неявкой избирателей въ 8 волостяхъ Полтавской губ.; отъ двухъ съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ Пензенской губ.; отъ 6 съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ Гродненской губ.; отъ 4 съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ Таврической губ.; въ 15 гминахъ Родомск. губ.; въ 4 волостяхъ Воронежской губ.; въ двухъ волостяхъ Курской губ.; въ 4 волостяхъ Балашовскаго уѣзда; въ 8 волостяхъ Владимірской губ.; отъ 4 съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ и священниковъ Тверской губ. За 16—17 сентября за неявкой избирателей: въ 2 вол. Ворон. губ.; въ 4 волостяхъ Гродненской губ.; въ 3 волостяхъ Курской губ.; въ нѣсколькихъ волостяхъ Полтавской губ.; въ 42 гминахъ Сувалкской губ.; въ 30 волостяхъ Черниговской губ.; въ одной волости Горбат. уѣзда; въ 4 волостяхъ Симбирской губ.; на 4 фабрикахъ Гродненской губ.; въ 18 заводахъ Ярославской губ.; на одномъ съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ Ломжинской губ., на цѣломъ рядѣ такихъ съѣздовъ Псковской губ.; на съѣздахъ настоятелей церквей двухъ уѣздовъ Симбирской губ.; въ 14 волостяхъ Тульской губ.; въ 2 волостяхъ белебеевск. уѣзда; въ 1 волости Бессарабской губ.; на 11 фабрикахъ Тульской губ.; отъ мелкихъ землевладѣльцевъ Тульской губ.; 7 уѣздовъ Костромской губ.; 3-хъ Радомской губ.; 9-ти Симбирской губ.; 2-хъ Владимірской губ.; 3-хъ Воронежской губ.; 13-ти Курской губ. и т. д.

Пассивность большая, не подлежащая сомнѣнію даже для соціалиста-революціонера, который потрудится подсчитать, сколько рядомъ съ этими неявками бойкотитскихъ выступленій въ принципіальномъ смыслѣ слова.

Однако, таково уже свойство іудушкиныхъ выводовъ, что даже факты, какъ будто наиболѣе обосновывающіе ихъ, на самомъ дѣлѣ служатъ къ

---

[1]) „Товарищъ", отъ 18 сентября.

[2]) Ibid., отъ 13 сентября.

наилучшему опроверженію ихъ. „Если и впредь къ послѣдующимъ выборамъ,—писало „Новое Время“, совѣтуя стереть съ лица парламента революціонеровъ,—избиратели будутъ относиться съ такимъ поразительнымъ равнодушіемъ, то выводъ изъ этого только можетъ быть самый печальный,—избиратели въ подавляющемъ большинствѣ не желаютъ, чтобы Государственная Дума существовала“. Не буду указывать въ отвѣтѣ на этотъ призывъ къ упраздненію Думы именемъ народа опытъ первыхъ двухъ избирательныхъ кампаній, когда, въ самомъ дѣлѣ, казалось, что молодой русскій конституціонализмъ есть нѣчто большее, чѣмъ простой листъ бумаги; на все то, что предшествовало этой апатіи, о чемъ, конечно, умалчиваетъ „Новое Время“. Я спрошу его, за кого же голосуютъ тѣ, кто идетъ на выборы сейчасъ? Оказывается, массовый избиратель проявляетъ не одинъ индифферентизмъ, какъ и его руководящіе центры. Онъ обладаетъ и другимъ свойствомъ, которое въ такой степени сохранили и партіи. Вопреки всей своей апатіи, избиратель, разъ онъ только принимаетъ участіе въ кампаніи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ голосуетъ за оппозицію: идейно онъ остался вѣренъ себѣ.

Возьмите ту самую Шую, о выборахъ въ которой мы выше говорили. Рядомъ съ выборами шла попойка на фабрикахъ, а все-таки, когда выборы, такъ или иначе, состоялись, то оказались избранными лѣвые, главнымъ образомъ, соціалъ-демократы. Возьмите выборы въ Петербургской губ. И рабочіе, и мелкіе землевладѣльцы проявили лѣвыя тенденціи. Результаты таковы: отъ мелкихъ землевладѣльцевъ избрано въ общей сложности 82 уполномоченныхъ, изъ которыхъ 44 конституціоналиста-демократа, 5 прогрессистовъ, примыкающихъ къ к.-д., 25 лѣвыхъ, 4 умѣренныхъ и 4 неопредѣленныхъ. Отъ рабочихъ, въ общей сложности, избранъ 41 уполномоченный, изъ нихъ 25 соціалъ-демократовъ, 13 лѣвыхъ, большинство которыхъ примыкаютъ къ соціалъ-демократамъ, и 3 безпартійныхъ. А въ то же время изъ 57 фабрично-заводскихъ предпріятій петербургскихъ пригородовъ на 28 фабрикахъ и заводахъ выборы не состоялись за неявкой избирателей. Изъ девяти же избирательныхъ съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ выборы могли состояться только въ четырехъ, такъ какъ остальные разстроились за неявкой избирателей.

И такъ вездѣ. У читателя, конечно, еще сохранились въ памяти тѣ термины, какими оффиціальное телеграфное агентство пыталось затушевать въ глазахъ общества истинный смыслъ первой и второй избирательной кампаній. Такъ какъ право констатированія родовъ и видовъ обывательской партійности принадлежитъ ему, то оно, сплошь и рядомъ, устраивало такое смѣшеніе языковъ, что совершенно невозможно было отличить, гдѣ кончается фантазія и гдѣ начинается дѣйствительность. Это то самое агентство, которое въ свое время объявило, что въ Бердичевѣ избрано

трое бундистовъ, изъ коихъ одинъ трудовикъ [1]). Если же такъ обстоитъ дѣло съ бундистами и трудовиками, то можно себѣ представить, съ какой долей критики слѣдуетъ относиться къ даннымъ, касающимся побѣды черносотенныхъ рыцарей. Какъ тогда, такъ и теперь остается тайной, кто, собственно, такіе эти „именующіе себя монархистами", особенно, если принять во вниманіе, что свобода выборовъ, у насъ практикуемая такъ своеобразно, прямо заставляетъ многихъ, по крайней мѣрѣ, до поры, до времени скрывать свою партійную окраску отъ недреманнаго ока.

Однако, чѣмъ дальше идутъ выборы, тѣмъ все болѣе и болѣе „Россіи" приходится мѣнять свой торжествующій тонъ на нѣсколько меланхолическій, какой у нея всегда является, когда ей начинаютъ мерещиться такъ называемыя побѣды кадетовъ. Каково бы ни было искусство телеграфнаго агентства, правительство не можетъ не видѣть, что въ подавляющемъ большинствѣ въ рабочіе и крестьянскіе уполномоченные проходятъ лѣвые, такъ что, если можно говорить объ абсентеизмѣ, какъ внѣшнемъ фактѣ, то отожествлять этотъ абсентеизмъ съ эволюціей крестьянина или рабочаго вправо можно только изъ чисто-корыстныхъ соображеній, ничего общаго съ истиной не имѣющихъ. Конечно, число лѣвыхъ уполномоченныхъ изъ крестьянъ еще не предрѣшаетъ окончательнаго результата, такъ какъ благодаря закону 3 іюня оно можетъ не оказать никакого вліянія. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ конечномъ счетѣ въ Думу попадетъ огромное большинство именно тѣхъ представителей деревни, которые ставятъ своей цѣлью борьбу со всѣмъ освободительнымъ движеніемъ и его послѣдствіями до конца, которые устраивали такъ открыто свои репетиціи въ московскомъ Славянскомъ Базарѣ. Но характерно все-таки настроеніе уполномоченныхъ само по себѣ: если можно сказать, что они желаютъ, чтобы Дума вовсе не существовала, то, очевидно, въ ихъ глазахъ есть Дума и Дума; Дума Аникиныхъ и Церетелли совсѣмъ не то, что Дума Бобринскихъ и Родзянко. Наше крестьянство противъ Думы Бобринскихъ и Родзянко, и въ этомъ смыслѣ „Новое Время" не ошибается, дѣлая свой „выводъ". Въ настоящее время кое-гдѣ уже начались и выборы выборщиковъ, и вотъ что намъ говорятъ данныя объ этихъ выборахъ (см. стр. 114):

Никакихъ революціонеревъ не должно быть въ парламентѣ! Очевидно, если мечта г. Меньшикова получитъ столь же скорое, сколь и милостивое осуществленіе, то все же немало крови прольется и за третью Думу, плодомъ какого избирательнаго закона она ни является. Таково уже существо всякаго общественнаго учрежденія въ Россіи: каковы бы ни были мѣры, съ помощью которыхъ власть стремится сдѣлать изъ него орудіе контръ-революціи, оно въ концѣ концовъ оказывается все-таки связаннымъ

---

[1]) См. „Образованіе". № 2. „Итоги избирательной кампаніи".

	Соц.-демокр.	Лѣвыхъ.	Кадетовъ.	Умѣренныхъ.	Правыхъ.	Монархистовъ.	Всего.
Архангельск. губ.:							
1. Отъ у. вол. сх. . . .	—	—	—	—	1	—	1
2. Отъ гор. изб. . . .	—	1	3	—	1	—	5
Московская губ.:							
1. Отъ рабочихъ . . .	9	—	—	—	—	—	9
2. Отъ вол. сх.	1	—	—	4	—	3	8
Екатерин. (кр. кур.) . .	—	1	—	—	—	—	1
Полтав. (раб. к.)	—	1	—	—	—	—	1

живыми нитями съ движеніемъ... Апатія и индифферентизмъ какъ со стороны руководящихъ центровъ, такъ и со стороны широкихъ массъ показываютъ только, что идти на эту жертву готовятся уже значительно болѣе ограниченные круги, чѣмъ передъ второй Думой, а тѣмъ болѣе передъ первой...

Но лучи, какіе свѣтили и свѣтятъ въ этихъ потемкахъ и готовымъ идти на жертву, и неготовымъ, остаются все тѣ же...

Л. Клейнбортъ.

Редакторъ-Издатель Ал. Острогорскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на

литературный и общественно-политическій журналъ

„ОБРАЗОВАНІЕ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами въ 25 листовъ,

при редакціонномъ участіи:

М. Арцыбашева, Л. Клейнборта, А. Луначарскаго и В. Львова.

Особое вниманіе обращено на развитіе публицистическаго отдѣла, на освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ текущей общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Въ художественномъ отдѣлѣ: **Н. Абрамовичъ, Л. Андреевъ, Л. Андрусонъ, М. Арцыбашевъ, К. Бальмонтъ, В. Башкинъ, Валерій Брюсовъ, И. Бунинъ, Л. Василевскій, А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Г. Галина, А. Гольдебаевъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, В. Дмитріева, О. Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, А. Каменскій, А. Крандіевская, Маркъ Криницкій, А. Купринъ, Б. Лазаревскій, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Наживинъ, А. Рославлевъ, И. Рукавишниковъ, А. Серафимовичъ, Скиталецъ, Н. Танъ, Е. Тарасовъ, Н. Тимковскій, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ** и др.

Въ научномъ отдѣлѣ: **С. Ашевскій, В. Базаровъ, П. Берлинъ, М. Берлацкій, А. Богдановъ, М. Боголѣповъ, Б. Веселовскій, В. Величкина, Н. Воробьевъ, Г. Гроссманъ, Д. Зайцевъ П. Звѣздичъ, А. Ершовъ, А. Ельницкій, И. Жилкинъ, Л. Клейнбортъ, А. Коллонтай, Е. Колтоновская, А. Лосицкій, І. Любарскій, А. Луначарскій, В. Львовъ, Л. Мартовъ, В. Мачинскій, П. Масловъ, П. Мижуевъ, А. Налимовъ, М. Ольминскій, В. Ольховскій, Е. Орловъ, П. Орловскій, П. Румянцевъ, Е. Смирновъ, И. Степановъ, П. Стрѣльскій, В. Сторожевъ, В. Тотоміанцъ, А. Чеботаревская, А. Яблоновскій** и др.

Въ ближайшихъ книжкахъ журнала будутъ напечатаны

слѣд. беллетристическія произведенія: Разсказъ **Леон. Андреева**, Милліоны. **М. Арцыбашева**, Тихій городъ. **В. Башкина**, Дѣло № 17. **С. Гусева-Оренбургскаго**, Люди. **А. Каменскаго**, Женщина. **А. Куприна**, Амнистія. **Н. Тана** и др.

Цѣна на годъ 7 рублей съ пересылкой, на полгода—3 руб. 50 к., на мѣсяцъ—60 коп., заграницу—9 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: **СПБ. Моховая, 33.** Въ Москвѣ при книжн. магаз. „Трудъ“, „Весна“ и у Н. Печковской, въ Кіевѣ у А. Соколовскаго, въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образованіе“ (Ришельевская) и „Трудъ“ (Дерибасовская).

Редакторъ-издатель *Ал. Острогорскій*

Тип. Б. М. Вольфа. Спб., Невскій, 126.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 047084493